
НИВА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ,
И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.
1879
ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ
НИВА
ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАВАЕМЫЙ
А. Ф. МАРКСОМЪ
На Большой Морской
д. Росмана. № 9
П. МАРКОВ
К. ВЕЙЕРМАНЪ

ОГЛАВЛЕНІЕ „НИВЫ“ ЗА 1879 ГОДЪ.

VII. Наука, новыя изобрѣтенія и технологія.

VIII. Архитектура и скульптура.

IX. Современность.

X. Парижскія Моды.

XI. Тиражъ выигрыш. Государств. Банка.

XII. Рисунки и портреты.

Дозволено цензурою 12 Декабря 1879 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ СПБ. Больш. Морская, № 9. Тип. В. Веллинга. Англійскій пр., № 10.

№ 1 — 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6–10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40).

Выданъ 1 Января 1879 г. Цѣна этого № „Нивы“ 20 к. съ перес. 20 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ЯНВАРЬ съ 22 рисунками и отдѣльный листъ съ 23 черт выкроекъ въ натуральную величину, съ 32 рис. рукодѣльныхъ работъ и разнообразныхъ иниціальныхъ буквъ.

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ

Въ скоромъ времени исполнится пятидесятилѣтіе со дня смерти нашего знаменитаго писателя А. С. Грибоѣдова. Желая, по возможности раньше сообщить объ немъ свѣдѣнія нашимъ читателямъ на случай чествованія дня этого юбилея, мы помѣщаемъ теперь же его портретъ и біографическій очеркъ. Уже появились многія предположенія, какъ ознаменовать этотъ день, (30-го Января настоящаго 1879 года) напр. повсемѣстной постановкой на сцену его безсмертнаго произведенія и т. п.

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ родился въ Москвѣ 4-го января 1793 года; онъ принадлежалъ къ старинному дворянскому роду и выросъ въ обстановкѣ богатаго помѣщичьяго быта. Отецъ Грибоѣдова, секундъ-маіоръ, Сергѣй Ивановичъ, повидимому, не отличался твердымъ характеромъ, не игралъ въ семействѣ главной роли, предоставивъ ее женѣ своей, Настасьѣ Федоровнѣ, урожденной тоже Грибоѣдовой. Она очень гордилась своей генеалогіей,

А. С. Грибоѣдовъ. Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

связями съ многи знатными семьями. Ес ственно. что она старалась дѣтямъ с имъ, то есть Александру Сергѣевичу и старшей сестрѣ его, Марьѣ Сергѣевнѣ, въ послѣдствіи г-жѣ Дурново. дать самое блестящее свѣтское воспитаніе. Она рано замѣтила необыкновенныя способности своего сына и мечтала объ его карьерѣ. Впрочемъ, г-жа Грибоѣдова не ограничилась только свѣтской дрессировкой своего сына; она позаботилась и о серьезномъ его образованіи. Первый изъ его воспитателей былъ иностранецъ, Петрозиліусъ — человѣкъ ученый и добросовѣстный. хотя и педантичный. Вслѣдъ за Петрозиліусомъ воспитаніемъ Александра Сергѣевича занялся г. Гонъ, долго имѣвшій сильное и благотворное вліяніе на своего воспитанника. Занятія Грибоѣдова шли очень успѣшно. Онъ зналъ основательно нѣсколько иностранныхъ языковъ, а также и языкъ латинскій. Кромѣ научныхъ занятій, Грибоѣдовъ рано принялся за изученіе музы-

ки и сдѣлался прекраснымъ піанистомъ. Этому много способствовало и то, что въ домѣ Грибоѣдова вообще любили музыку, часто по вечерамъ у нихъ бывали музыкальныя собранія. Впослѣдствіи же Александръ Сергѣевичъ вошелъ въ кружокъ русскихъ музыкантовъ, Алябьева, Верстовскаго и др. и закончилъ свое музыкальное образованіе подъ руководствомъ извѣстнаго петербургскаго профессора гармоніи, Іоганна Миллера.

Въ 1810 году Грибоѣдовъ поступилъ въ Московскій университетъ и здѣсь посѣщалъ лекціи лучшихъ тогдашнихъ профессоровъ, которые состояли изъ старыхъ европейскихъ знаменитостей, переселившихся на склонѣ лѣтъ въ Россію, и нѣсколькихъ молодыхъ и даровитыхъ русскихъ ученыхъ. Сближеніе съ профессорами, а въ особенности съ извѣстнымъ профессоромъ исторіи и эстетики, Буле, и весь складъ тогдашней студенческой жизни благотворно вліяли на Грибоѣдова. Кругъ его познаній расширился, всѣмъ его природнымъ дарованіямъ дана была возможность развиваться. Къ этому времени относятся и первыя литературныя попытки Александра Сергѣевича, встрѣченныя съ презрѣніемъ его матерью. Вообще она была недовольна сыномъ: онъ далеко не подходилъ подъ тотъ идеалъ изящнаго свѣтскаго молодого человѣка, какимъ она желала его видѣть. Игривый, нѣсколько саркастическій умъ, порывистый и страстный характеръ, кипучія молодыя силы—все это заставляло его выходить изъ тѣсныхъ рамокъ, отмѣренныхъ ему матерью. Дома онъ долженъ былъ постоянно стѣсняться, носить маску, казаться не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Онъ очень страдалъ отъ такого положенія и въ письмахъ къ своимъ друзьямъ горько жаловался, писалъ что „завидуетъ тому, у кого нѣтъ матери, предъ которой нужно казаться *основательнымъ*“, „приходитъ къ печальному убѣжденію, что истиннымъ художникомъ можетъ быть только человѣкъ безродный“. Вообще, отрываясь отъ своей умственной дѣятельности и сношеній съ людьми науки и невольно соприкасаясь съ жизнью того общества, которое окружало его съ дѣтства, Грибоѣдовъ рано сталъ замѣчать всѣ пороки, всѣ печальныя и комичныя стороны этого общества, и рано въ немъ стала созрѣвать мысль разоблачить закулисную сторону этой изящной жизни. Уже первые его литературные опыты носятъ на себѣ сатирическій отпечатокъ. Но эти опыты еще не представляютъ никакихъ художественныхъ достоинствъ, за исключеніемъ отчасти комедіи „Студентъ“, въ которой видна уже попытка серіознаго сатирическаго взгляда на общество. Къ сожалѣнію эта комедія утрачена и осталось извѣстнымъ только ея содержаніе.

Въ 1812 году, выйдя изъ университета, Грибоѣдовъ не могъ конечно оставаться равнодушнымъ свидѣтелемъ великихъ наступившихъ событій. Онъ поступилъ сначала въ сформированный графомъ Салтыковымъ гусарскій полкъ, а затѣмъ въ Иркутскій гусарскій, стоявшій тогда въ Литвѣ. Пребываніе Грибоѣдова въ этомъ полку было плохимъ временемъ его жизни. Слишкомъ юный для того, чтобы умѣть управлять собою (искуство, котораго впослѣдствіи онъ достигъ въ совершенствѣ), почувствовавшій себя въ первый разъ на свободѣ, внѣ домашней опеки, онъ чуть было не превратился въ головорѣза и кутилу. Онъ позволялъ себѣ самыя странныя продѣлки: въѣзжалъ верхомъ на лошади на балъ; въ католическомъ монастырѣ, во время литургіи, прогнавъ органиста, игралъ *Камаринскую* и т. д. Впрочемъ такая безумная жизнь скоро кончилась. Грибоѣдовъ сблизился съ княземъ Шаховскимъ, поддержавшимъ въ немъ стремленіе къ литературѣ, и Бѣгичевымъ, нравственныя достоинства котораго много способствовали его перерожденію. Около этого времени Грибоѣдовъ перевелъ французскую пьесу „Le secret du ménage“.

Въ 1815 году онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь писалъ для театра въ сотрудничествѣ съ Шаховскимъ, Хмѣльницкимъ и Жандромъ. Такимъ образомъ были составлены пьесы: „Своя семья“ и „Притворная невѣрность“, переведенная съ французскаго; но въ этихъ пьесахъ еще трудно предвидѣть творца „Горе отъ ума“. Въ 1816 году Грибоѣдовъ вышелъ въ отставку изъ военной службы, а въ 1817 поступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и затѣмъ опредѣленъ секретаремъ персидской миссіи. По пріѣздѣ въ Персію онъ занялся изученіемъ персидскаго языка и въ скоромъ времени совершенно съ нимъ ознакомился. Новая жизнь, новыя сношенія съ людьми, новыя занятія не отдаляли однако Грибоѣдова отъ литературы; напротивъ—мысль о большой серьезной комедіи не оставляла его и крѣпла. Онъ уже дѣлалъ первые наброски „Горя отъ ума“. Но много работать надъ комедіей было некогда. Вступивъ на дипломатическое поприще по сложившимся обстоятельствамъ и по усиленнымъ настояніямъ родныхъ, Грибоѣдовъ скоро всей душой отдался своему новому дѣлу. Онъ выказалъ себя и блестящимъ дипломатомъ, и горячимъ патріотомъ; гдѣ только возможно, онъ охранялъ интересы Россіи, охранялъ русскихъ подданныхъ, боролся съ персидскими властями и добивался возврата въ Россію плѣнныхъ жителей Кавказа, бѣжавшихъ въ Персію во время войны. Онъ долженъ былъ увертываться отъ интригъ другихъ дипломатовъ, а преимущественно англійскихъ, которые всѣми силами старались мѣшать дружескимъ сношеніямъ между Россіей и Персіей.

Для выясненія нравственнаго облика Грибоѣдова, который уже сложился въ это время, мы приведемъ отзывъ о немъ Пушкина, умѣвшаго хорошо понимать людей и безпристрастнаго въ своихъ сужденіяхъ: „Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 г. Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизбѣжные спутники человѣчества, все въ немъ было необыкновенно привлекательно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ непризнанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой-нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ „Московскомъ Телеграфѣ“. Впрочемъ, уваженіе наше къ славѣ происходитъ, можетъ быть, отъ самолюбія: въ составъ славы входитъ и нашъ голосъ“.

Другой изъ пріятелей Грибоѣдова, Бестужевъ (Марлинскій), говоритъ о немъ: „никто не похвалится его лестью, никто не дерзнетъ сказать, что слышалъ отъ него неправду. Онъ могъ самъ обманываться, но обманывать другихъ—никогда. Твердость, съ которой онъ обличалъ порочныя привычки лица, несмотря на знатность особы, показалась бы инымъ Катоновской суровостью, даже дерзостью“. Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ Грибоѣдовъ отличался еще однимъ качествомъ: онъ неутомимо работалъ надъ самимъ собою, надъ самоусовершенствованіемъ. „Власть человѣка надъ самимъ собою, говорилъ онъ, ограничена только физическою невозможностью, а во всемъ другомъ человѣкъ можетъ повелѣвать собою совершенно и даже сдѣлать изъ себя все—говорю это по опыту.“ И дѣйствительно всѣ, знавшіе Александра Сергѣевича, подтверждаютъ, что слова эти не были пустой похвальбою.

Проведя нѣсколько лѣтъ въ Персіи, Грибоѣдовъ наконецъ въ 1822 году переселился въ Тифлисъ и былъ назначенъ секретаремъ по иностранной части при Ермоловѣ какъ главнокомандующемъ въ Грузіи и на Кавказѣ. Здѣсь онъ отдохнулъ отъ тревожной и въ то же время чрезвычайно скучной и тоскливой для него жизни. Въ Тифлисѣ были окончены первыя 2 дѣйствія „Горя отъ ума“; но Грибоѣдовъ сознавалъ, что для окончанія своего произведенія онъ долженъ снова соприкоснуться съ выводимой имъ на сцену жизнью—долженъ вернуться на сѣверъ.

Въ 1823 году ему наконецъ удалось исполнить это желаніе. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія съ родины, проживъ въ совершенно иномъ обществѣ, онъ не могъ не поразиться тѣмъ, что его встрѣтило. Онъ глубоко скорбѣлъ душою, возмущался многимъ. Однимъ словомъ полный матеріалъ для сатирической комедіи былъ готовъ; время приспѣло осуществить давнишнюю идею. Грибоѣдовъ удалился въ тульскую деревню своего пріятеля, Бѣгичева, и тамъ, въ бесѣдкѣ, въ саду, докончилъ „Горе отъ ума“. Сначала онъ не хотѣлъ ни съ кѣмъ дѣлиться своимъ произведеніемъ, не предназначалъ его для сцены; но молва о „Горѣ отъ ума“ быстро разнеслась. Переписанная въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, комедія стала быстро распространяться по всей Россіи. Въ Петербургѣ она возбудила всеобщій восторгъ, въ Москвѣ ее немилосердно бранили, находя въ ней прямой пасквиль. Враги Грибоѣдова множились. О постановкѣ комедіи на сцену нечего было и думать. Возобновивъ сношенія съ старыми друзьями, блистая какъ въ интелигентномъ, такъ и въ чисто свѣтскомъ обществѣ, Грибоѣдовъ не могъ безъ ужаса подумать о возвращеніи на востокъ. Онъ не воспользовался даннымъ ему отпускомъ заграницу и продолжалъ жить въ Петербургѣ. Но вотъ срокъ отпуска истекъ; необходимо ѣхать въ Грузію. Скрѣпя сердце, въ іюнѣ 1825 года, покинулъ Александръ Сергѣевичъ своихъ друзей. Отправился сначала въ Кіевъ, потомъ все лѣто странствовалъ въ Крыму, гдѣ съ большимъ интересомъ занялся исторіей и археологіей Таврическаго полуострова. Наконецъ пришлось оставить Крымъ и спѣшить въ главную квартиру Кавказскаго корпуса. Здѣсь въ скоромъ времени его ожидалъ арестъ и высылка обратно въ Петербургъ, такъ какъ онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми декабристами. Онъ не боялся ничего, не зная за собою никакой вины; но во всякомъ случаѣ ему пришлось довольно долго просидѣть въ особомъ помѣщеніи при главномъ штабѣ. Въ іюнѣ 1826 года Грибоѣдова не только освободили, но даже дали ему слѣдующій чинъ, а черезъ нѣсколько времени онъ былъ опредѣленъ на службу къ Паскевичу. Это опредѣленіе устроила его мать вопреки его желанію и только все уже устроивши, вымолила согласіе сына. Во время персидской войны Грибоѣдовъ находился безотлучно при Паскевичѣ во всѣхъ важнѣйшихъ битвахъ и поражалъ своей неустрашимостью. Зная хорошо Персію, онъ былъ чрезвычайно полезенъ Паскевичу и даже явился главнымъ дѣятелемъ при заключеніи Туркманчайскаго договора, по которому присоединена къ Россіи Эриванская область и Персія обязана выплатить большую контрибуцію. Затѣмъ Грибоѣдовъ былъ посланъ въ Петербургъ съ оффиціальнымъ донесеніемъ о заключеніи договора. Это было въ

1828 году. Императоръ Николай Павловичъ милостиво принялъ посланца и щедро наградилъ его. Ему пожалованъ былъ чинъ статскаго совѣтника, орденъ св. Анны второй степени съ алмазами и 4 тысячи червонцевъ.

Въ апрѣлѣ того же 1828 года онъ былъ назначенъ полномочнымъ министромъ при дворѣ Персидскомъ. Отказываться отъ такого назначенія было невозможно и Грибоѣдову пришлось еще разъ отправиться въ Персію. Съ тяжелымъ сердцемъ уѣзжалъ онъ изъ Петербурга, его преслѣдовало мрачное предчувствіе. Онъ хорошо зналъ, что ѣдетъ къ врагамъ, которые не простятъ ему участія въ унизительномъ для Персіи договорѣ, которые мстительны и не пощадятъ его. Единственное, что спасало Грибоѣдова отъ тоски и мрачныхъ предчувствій, что освѣщало его нерадостную жизнь—была любовь къ молоденькой княжнѣ Нинѣ Чавчавадзе, охватившая всю его душу. Княжна Нина жила въ Тифлисѣ и туда спѣшилъ Грибоѣдовъ. Свидясь съ любимой дѣвушкой онъ сдѣлалъ ей предложеніе и получилъ согласіе. Но свадьбу пришлось отложить, такъ какъ женихъ разболѣлся сильной лихорадкой, во время которой невѣста не отходила отъ его постели. Только что стало ему лучше, какъ назначена была свадьба; но и подъ вѣнцомъ онъ долженъ былъ испытать сильный лихорадочный припадокъ.

Началось счастливѣйшее время въ жизни поэта. Сопровождаемый громаднымъ караваномъ, онъ отправился въ Персію. „Бросьте вашего Трапера и Куперову Prairie, писалъ онъ друзьямъ своимъ—мой романъ живой у васъ передъ глазами и во сто кратъ занимательнѣе; главное въ немъ лицо—другъ вашъ, неизмѣнный въ своихъ чувствахъ, но въ быту, въ родѣ жизни, въ различныхъ похожденіяхъ не похожъ на себя прежняго, на прошлогодняго, на вчерашняго даже; съ каждою луною со мной сбывается что-нибудь, о чемъ не думалъ, не гадалъ“.

Въ Тавридѣ Грибоѣдовъ оставилъ беременную жену свою и отправился на время въ Тегеранъ, но оттуда ему уже не суждено было вернуться—30 января 1829 года онъ былъ умерщвленъ во время нападенія разъяренной персидской черни на русское посольство, и обезображенное тѣло его едва можно было розыскать между убитыми.

Проѣзжая въ послѣдній разъ черезъ Эривань, Грибоѣдовъ сказалъ молодой женѣ своей: „Не оставляй костей моихъ въ Персіи: если я умру тамъ, похорони меня въ Тифлисѣ, въ монастырѣ св. Давида.“ Шестнадцатилѣтняя вдова исполнила это желаніе. Александръ Сергѣевичъ похороненъ на горѣ, у монастыря св. Давида. Съ восточной стороны монастырской церкви, подъ террасою, стоитъ красивый, бронзовый памятникъ на возвышенномъ пьедесталѣ; у подножія креста колѣнопреклоненная жена, обхватившая руками крестъ, рядомъ съ нею книга—„Горе отъ ума.“ На пьедесталѣ съ одной стороны, подъ портретомъ, надпись: „Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, родился 1793 года января 4 дня: убитъ въ Тегеранѣ 1829 года января 30 дня,“ съ другой стороны: „Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской: но для чего пережила тебя любовь моя?

„Горе отъ ума“ было единственнымъ вполнѣ законченнымъ произведеніемъ Грибоѣдова и оно одно дало ему громкую славу, обезсмертило его имя въ русской литературѣ. Въ первый разъ сыгранное уже послѣ смерти автора, въ 1831 году, напечатанное, да и то съ пропусками, въ 1833 году „Горе отъ ума“ разошлась по Россіи въ спискахъ, число которыхъ превышало 40 тысячъ. Комедія эта выучивалась наизусть молодымъ поколѣніемъ, чуть не каждый стихъ ея обратился въ поговорку. Такой громадный, неслыханный успѣхъ не могъ быть случайнымъ; онъ долженъ истекать изъ дѣйствительныхъ достоинствъ произведенія. „Горе отъ ума“ — созданіе одного изъ оригинальнѣйшихъ поэтическихъ талантовъ Россіи; оно далеко оставило за собою комедіи Фонъ-Визина, да и послѣ его появленія, и до нашего времени, въ русской литературѣ не было подобныхъ комедій. Московское общество первой четверти текущаго столѣтія, выведенное на сцену и осмѣянное Грибоѣдовымъ, измѣнилось, но „Горе отъ ума“ еще до сихъ поръ не утратило своего значенія, стихи, которыми оно написано, до сихъ поръ представляютъ живой языкъ; лица, въ немъ выведенныя, до сихъ поръ понятны. Нашъ знаменитый и, можно сказать, почти единственный художественный критикъ, Бѣлинскій, говоритъ, что „Горе отъ ума“ была первая русская комедія, въ которой нѣтъ ничего подражательнаго, нѣтъ ложныхъ мотивовъ и неестественныхъ красокъ, въ которой, и цѣль, и подробности, и сюжетъ, и характеры, и страсти, и дѣйствіе, и языкъ—все насквозь проникнуто глубокою, истинною дѣйствительностью. Вмѣстѣ съ „Евгеніемъ Онѣгинымъ“ Пушкина „Горе отъ ума“ было первымъ образцомъ поэтическаго изображенія русской дѣйствительности въ обширномъ значеніи слова. Въ этомъ отношеніи, оба эти произведенія положили собою основаніе послѣдующей литературѣ, были школою, изъ которой вышли и Лермонтовъ и Гоголь.

Изъ нападеній на „Горе отъ ума“ самыя серьёзныя сводились къ лицу главнаго героя комедіи, Чацкаго. Князь Вяземскій осуждалъ за него автора, говоря: „Чацкій похожъ на Стародума. Благородство правилъ его почтенно: но способность, съ которою онъ ex abrupto проповѣдуетъ на каждый попавшійся ему текстъ, нерѣдко утомительна. Слушающіе рѣчи его точно могутъ примѣнить къ себѣ названіе комедіи, говоря: горе отъ ума. Умъ, каковъ Чацкаго, не есть завидный ни для себя, ни для другихъ. Въ этомъ главный порокъ автора, что посреди глупцовъ разнаго свойства, вывелъ онъ одного умнаго человѣка, да и то бѣшенаго.“ Пушкинъ, говоря о „Горе отъ ума“, выразился: „Чацкій совсѣмъ не умный человѣкъ, но Грибоѣдовъ очень уменъ.“

Въ этихъ замѣчаніяхъ много справедливаго; дѣйствительно, Чацкій, какъ живое лицо, не выдерживаетъ критики, но ошибка заключается въ томъ, что его нельзя судить какъ лицо живое. Онъ выражаетъ собою мысли и чувства автора, и если эти мысли и чувства, монологи и рѣчи Чацкаго, обратившись въ пословицы, поговорки, эпиграфы и афоризмы, живы до сихъ поръ, не устарѣли, то уже однимъ этимъ вполнѣ оправдывается и узаконяется существованіе Чацкаго. Остальныя же лица комедіи, за исключеніемъ развѣ не совсѣмъ удавшейся Софьи, совершенно живы; это портреты, списанные авторомъ съ натуры, но въ то же время обладающіе полною цѣльностью типовъ.

Считаемъ далеко не безъинтереснымъ привести здѣсь нѣсколько словъ самого Грибоѣдова изъ письма его къ Катенину по поводу „Горе отъ ума.“ На обвиненіе въ томъ, что въ этой комедіи видно болѣе дарованія нежели искусства, Грибоѣдовъ замѣчаетъ, что это самая лестная похвала, какую можно сказать. „Искусство въ томъ только и состоитъ, пишетъ онъ,—чтобы поддѣлываться подъ дарованіе; а въ комъ болѣе вытверженнаго, пріобрѣтеннаго потомъ и содѣйствіемъ искусства угождать теоретикамъ, т. е. дѣлать глупости,—въ комъ, говорю я, болѣе способности удовлетворять школьнымъ требованіямъ, условіямъ, привычкамъ, бабушкинымъ преданіямъ, нежели собственной творческой силы,—тотъ, если художникъ, разбей свою палитру, и кисть, рѣзецъ или перо свое брось за окошко. Знаю, что всякое ремесло имѣетъ свои хитрости, но чѣмъ ихъ менѣе, тѣмъ спорѣе дѣло, и не лучше ли вовсе безъ хитростей? Nugae difficiles! Я какъ живу, такъ и пишу свободно.“

Безхитростное, свободное творчество—въ этомъ, дѣйствительно, заключается вся тайна геніальныхъ произведеній.

Грибоѣдовъ умеръ слишкомъ рано: обстоятельства его жизни, служебная дѣятельность, часто требовавшая всего его вниманія и всего времени, постоянно мѣшали его творчеству. Всѣ его литературныя произведенія до „Горя отъ Ума“ почти не выходили изъ уровня обыкновенной посредственности. „Горе отъ ума“ сразу сдѣлало его въ глазахъ почти всей Россіи великимъ писателемъ, отъ котораго современники ожидали въ будущемъ многихъ геніальныхъ твореній. Но еслибы Грибоѣдовъ и остался живъ, еслибы онъ прожилъ долгіе годы, то еще неизвѣстно, написалъ ли бы онъ что нибудь лучше „Горя отъ ума:“ на это даже и указываетъ то обстоятельство, что послѣднее его произведеніе, „Грузинская ночь,“ судя по оставшимся отрывкамъ, не представляетъ собою ничего необыкновеннаго. Напротивъ, легко можетъ статься, что „Горемъ отъ ума“ Грибоѣдовъ сказалъ все, что дано было ему сказать. Но развѣ не достаточно и этого *одного слова*, когда оно геніально и принесло творцу своему безсмертіе?!..

В. С.

Нечаянный плѣнникъ.

(Разсказъ русскаго художника).

„Я ужъ очень старъ и это было много лѣтъ тому назадъ.

Я жилъ въ Римѣ и занимался историческою живописью. Получилъ я любезное приглашеніе отъ одного нѣмецкаго принца погостить въ его виллѣ, миляхъ въ пятнадцати отъ Рима, на высотахъ древняго Тускулума, чтобы сдѣлать для его небольшой галлереи нѣсколько копій.

Невдалекѣ отъ виллы виднѣлись величественныя развалины загородныхъ домовъ Цицерона, Силлы, Лукулла, Руфина, и другихъ знаменитыхъ римлянъ, которые нѣкогда удалялись отъ трудовъ и заботъ сюда для отдыха и жили здѣсь въ полномъ спокойствіи, окруженные роскошью. Изъ бесѣдокъ, освѣжаемыхъ нагорнымъ вѣтеркомъ, взоръ блуждалъ по далекимъ романтическимъ окрестностямъ и воображеніе наполнялось историческими и поэтическими воспоминаніями. Прямо—Албанскія горы, Тиволи, нѣкогда любимый пріютъ Горація и Мецената, широкая, пустынная меланхолическая Кампанья, по которой извивается Тибръ, и храмъ св. Петра, ве-

Литературный альбомъ: Смерть Іоанна Грознаго. Трагедія графа А. К. Толстого (2-я сцена V акта). Оригинальная композиція Н. Гнѣдича, рис. самъ авторъ на деревѣ, грав. Пуцъ и Шюблеръ.

личаво поздымается, какъ памятникъ на могилѣ древняго Рима.

Нерѣдко сопутствовалъ я принцу въ его экскурсіяхъ среди классическихъ развалинъ, бывшихъ у насъ по сосѣдству. Поиски принца всегда увѣнчивались замѣчательнымъ успѣхомъ. Мы находили и отрывали иногда обломки превосходныхъ статуй и множество разныхъ предметовъ той роскоши, которая отличала древній Тускулумъ. Вилла принца была наполнена замѣчательнѣйшими антиками. Статуи, вазы, барельефы, саркофаги, много лѣтъ скрывавшіеся подъ землею, снова увидѣли свѣтъ, по милости неутомимаго высокаго изыскателя, отличавшагося любезностью и гостепріимствомъ.

Образъ жизни, который вело общество на этой виллѣ, отличался разнообразіемъ. Развлеченія и серьезныя занятія, шутки и горячіе споры поперемѣнно наполняли дни. Принужденія никакого—всякій проводилъ день, какъ и гдѣ ему хотѣлось. Къ вечеру только сходились мы обыкновенно къ столу, за которымъ также время летѣло непримѣтно.

Въ тотъ, памятный для меня, годъ, четвертаго ноября день былъ прекрасный. По первому звонку собрались мы къ столу, въ общую залу. Недоставало только духовника принца. Его подождали немного, но потомъ, приписавъ его отсутствіе случайно затянувшейся обыкновенной прогулкѣ, сѣли за столъ, недожидаясь его. Когда же и къ дессерту онъ не явился—о немъ начали безпокоиться. Не занемогъ ли онъ, бродя гдѣ нибудь по лѣсу, или, что еще хуже, не попался ли въ руки какой нибудь шайки негодяевъ, которые въ эти годы особенно были дерзки и многочисленны.

Невдалекѣ отъ виллы, отдѣленные небольшою только равниною, возвышались Абруццскія горы, надежное пристанище такихъ шаекъ. Незадолго передъ тѣмъ толковали о разныхъ ихъ продѣлкахъ въ окрестностяхъ виллы. Особенно повторялось имя предводителя одной изъ шаекъ—Барбоньи, который въ окрестностяхъ Тускулума просто сталъ наводить ужасъ.

Дерзость негодяевъ была также очень извѣстна: отъ нихъ и крѣпкія стѣны замка не могли считаться безопасною оградою. Пока не появлялись еще они во владѣніяхъ принца; но и разсказы о такихъ безпокойныхъ сосѣдяхъ были достаточны въ эту минуту, чтобы привести въ нѣкоторое безпокойство.

Безпокойство нашего общества возрасло съ наступленіемъ ночи. Принцъ разослалъ лѣсную стражу и служителей своихъ съ факелами, искать аббата. Мы всѣ еще толковали объ этомъ, когда вдругъ послышался шумъ въ корридорѣ нижняго этажа.

Обѣденная зала была вверху; оставшіеся слуги не выходили оттуда, пока мы сидѣли за столомъ. Въ эту минуту не было никого въ нижнемъ этажѣ, кромѣ домоправительницы, прачки и трехъ работниковъ. Услышавъ шумъ, я подумалъ, не возвратился ли кто изъ посланныхъ, и чтобъ скорѣе узнать что нибудь и успокоить принца и принцессу, вышелъ изъ-за стола. Лишь только спустился я на послѣднюю ступень лѣстницы, какъ увидѣлъ передъ собою человѣка въ необычной одеждѣ, вооруженнаго карабиномъ, съ кинжаломъ и пистолетами за поясомъ. Лице его выражало смѣсь дикости съ безпокойствомъ. Онъ бросился ко мнѣ, радостно вскрикнувъ, „Ecco il Principe!“ (это принцъ!).

Мнѣ оставалось только стараться сохранить хладнокровіе и присутствіе духа. Въ концѣ корридора, увидѣлъ я еще нѣсколько человѣкъ, также странно одѣтыхъ и вооруженныхъ, какъ и тотъ, который меня схватилъ. Они стерегли женщинъ и работниковъ. Негодяй, державшій меня за воротъ, нѣсколько разъ, нетерпѣливо повторялъ вопросъ—принцъ я, или нѣтъ. Ему видимо хотѣлось захватить самаго принца, и требовать потомъ большой выкупъ. Онъ разсердился, получая отъ меня неопредѣлительные отвѣты. Я чувствовалъ всю важность того, чтобы оставить его въ заблужденіи.

Вдругъ пришла мнѣ мысль, какъ избавиться изъ его когтей. У меня не было никакого оружія, но я былъ довольно силенъ. Другіе работники стояли въ отдаленіи. Быстрымъ движеніемъ могъ я вырваться и взбѣжать на лѣстницу, по которой одинъ онъ не отважился бы за мною гнаться. Задумано—сдѣлано; увидѣвъ, что шея моего противника была обнажена, я вцѣпился ему въ горло правой рукой, а лѣвою схватилъ руку, въ которой держалъ онъ карабинъ. Внезапность моего нападенія и сила, съ какою зажалъ я ему глотку, сдѣлали его неспособнымъ къ защитѣ. Онъ задыхался. Я уже чувствовалъ, что онъ выпускаетъ меня изъ рукъ, и готовъ былъ прыгнуть на лѣтницу, какъ кто-то еще схватилъ меня сзади.

Надобно было оставить мысль объ избавленіи. Освобожденный бандитъ съ яростью бросился на меня, и нѣсколько разъ ударилъ меня прикладомъ. Одинъ ударъ пришелся мнѣ въ лобъ; кровь полилась по моему лицу —я былъ оглушенъ. Пользуясь моею безчувственностью, онъ вынулъ изъ моего кармана часы и обобралъ у меня все, что могло имѣть какую нибудь цѣнность.

Когда я нѣсколько опомнился отъ удара, то услышалъ восклицаніе главнаго бандита: „Quell e il Principe; siamo contante; andimo!“ (Это принцъ: довольно, идемъ!) Тутъ окружила меня вся шайка, и потащила изъ дворца. Троихъ работниковъ разбойники также взяли съ собою.

Я былъ безъ шляпы. Кровь лилась ручьемъ изъ раны на лбу. Найдя въ карманѣ носовой платокъ, я обвязалъ имъ голову. Атаманъ велъ меня съ торжествомъ, считая за принца. Уже мы прошли довольно далеко, какъ одинъ изъ работниковъ вывелъ его изъ заблужденія. Бѣшенство его было ужасно. Возвращаться въ виллу и поправлять неудачу было уже поздно. Происшедшая тамъ суматоха вѣроятно заставила взять предосторожности. Онъ посмотрѣлъ на меня яростно, закричалъ, что я обманулъ его и лишилъ хорошаго „заработка“, и наконецъ объявилъ, чтобы я готовился къ смерти. Прочіе злились на меня тоже. Я зналъ, что у этихъ людей очень рѣдко смертный приговоръ бываетъ пустою угрозою. Работники увидѣли опасность, которой подвергли меня своимъ открытіемъ, и стали увѣрять атамана, что принцъ дастъ и за меня большой выкупъ. Это подѣйствовало. Что до меня касается, то, припоминая свои тогдашнія ощущенія, не могу сказать, чтобы эти угрозы слишкомъ испугали меня. Я не хвалюсь вовсе. Но безвыходность и невозможность предпринять что нибудь привели меня въ состояніе какой-то тупой покорности судьбѣ и равнодушію къ ужасу моего положенія.

На всѣ угрозы я отвѣчалъ: „Э! чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше!“ Такое отношеніе удивило атамана: надежда на полученіе большаго выкупа,—въ чемъ увѣряли работники—послужила мнѣ въ пользу. Онъ призадумался, поразгладились угрюмыя морщины на его лицѣ и далъ знакъ товарищамъ, которые ждали только приказанія, чтобъ стрѣлять въ меня.—„Не трогать его—впередъ!“ сказалъ онъ: „объ этомъ еще надобно подумать!“

Мы пошли быстро по большой Ламоларской дорогѣ, которая идетъ къ Рокка-Пріори. На половинѣ пути къ этому городку стоитъ уединенный трактиръ. Атаманъ оставилъ шайку въ разстояніи пистолетнаго выстрѣла а самъ осторожно пошелъ къ трактиру. Онъ осмотрѣлъ внимательно дверь, и поспѣшно воротясь къ намъ, подалъ знакъ своей командѣ, чтобы всѣ потихоньку приблизились. Въ послѣдствіи оказалось, что здѣсь былъ одинъ изъ тѣхъ гнусныхъ притоновъ, которые служатъ мѣстомъ тайныхъ сходокъ бандитовъ. Хозяинъ былъ соумышленникъ атамана, какъ вѣроятно и многихъ другихъ предводителей шаекъ. Въ случаѣ нахожденія въ трактирѣ патруля или жандармовъ, онъ ставилъ на две-

рахъ мѣломъ условный знакъ; когда же не было такого знака, разбойники могли быть спокойны.

Пройдя потомъ нѣсколько далѣе, мы повернули къ лѣсистымъ горамъ, которыми окруженъ Рокка-Пріори. Тутъ выдержали мы продолжительный и тяжелый походъ; надобно было колесить окольными путями; мы вскарабкались на крутую гору, покрытую густымъ лѣсомъ и когда пришли на вершину ея, мнѣ велѣно было сѣсть на землю. Едва исполнилъ я это, какъ по знаку атамана, разбойники обступили меня кругомъ, и своими широкими распахнутыми плащами составили родъ шатра, котораго опорами служили они сами. Атаманъ высѣкъ огня и зажегъ факелъ. Плащи распахнуты были для того, чтобъ не было видно издали огня. Какъ ни ужасно было мое положеніе, но видя вокругъ себя эту живую стѣну, разноцвѣтныя одежды разбойниковъ, ихъ сверкающее оружіе, переливы факельнаго огня на ихъ рѣзкихъ, суровыхъ лицахъ, я не могъ не замѣтить живописнаго эфекта зрѣлища, въ которомъ,—я живо помню—было нѣчто театральное.

Атаманъ принесъ чернильницу, подалъ мнѣ перо и бумагу и велѣлъ писать подъ его диктовку. Я повиновался и долженъ былъ изложить требованіе, чтобы Принцъ прислалъ за меня три тысячи талеровъ выкупа и что въ противномъ случаѣ смерть моя неизбѣжна.

Я зналъ, что у этихъ людей угрозы, въ подобныхъ случаяхъ, никогда не дѣлаются по пусту. Для нихъ единственное средство успѣха въ такихъ требованіяхъ именно въ томъ, чтобъ наказаніе слѣдовало немедленно за отказомъ. Между тѣмъ я видѣлъ, что требованіе было безумно и ни къ чему не могло повести.

Я сказалъ это атаману, ручаясь, что такая, ни съ чѣмъ несообразная, сумма, никогда не будетъ заплачена; увѣрялъ его, что я ни другъ, ни родственникъ принца, а просто живописецъ, исполняющій заказы его. Что въ видѣ выкупа я могу предложить только цѣну трудовъ своихъ, и что если этого недостаточно, то въ его власти моя жизнь, которою я дорожу очень мало.

Увидя, что рѣшительность и спокойствіе тона производятъ свое дѣйствіе на разбойниковъ, я сталъ еще болѣе настаивать на своемъ. Правда, когда я перестaлъ говорить, атаманъ схватился за кинжалъ; но потомъ вдругъ удержался, взялъ письмо, сложилъ его и грознымъ тономъ велѣлъ мнѣ написать адресъ къ принцу. Одинъ изъ работниковъ отправленъ былъ съ письмомъ въ Тускулумъ, и съ него взято обѣщаніе скоро возвратиться.

Тутъ всѣ стали укладываться спать, я велѣли мнѣ также ложиться. Они разостлали широкіе плащи свои на землю и расположились вокругъ меня. Одинъ остался въ нѣкоторомъ отдаленіи на караулѣ. Часовыхъ смѣняли чрезъ каждые два часа. Уже достаточно странности и дикости этого бивака, въ кругу такихъ ненадежныхъ сосѣдей, готовыхъ каждую минуту доказать свои права кинжаломъ—чтобъ лишить сна и покоя самаго храбраго человѣка. Но холодное ложе на голой землѣ, смоченной росою, еще болѣе безпокоило чѣмъ все это. Вѣтеръ, дувшій все время въ горахъ, со стороны отдаленнаго Средиземнаго моря, очень находилъ воздухъ. Наступила глубокая ночь. Я дрожалъ отъ холода и придумывалъ средство согрѣться. Подлѣ себя положилъ я одного изъ работниковъ, со мною вмѣстѣ попавшихся въ плѣнъ. Съ которой стороны начиналъ я зябнуть, тою поворачивался къ своему сосѣду, и отъ его мощнаго тѣла нѣсколько заимствовался тепломъ. Такимъ образомъ удалось мнѣ заснуть, и помню даже—довольно крѣпко.

Уже начинало свѣтать, когда разбудилъ меня голосъ атамана. Онъ велѣлъ мнѣ вставать и идти вслѣдъ за нимъ. Я повиновался. Когда я внимательнѣе взглянулъ на него, онъ мнѣ показался уже не такимъ суровымъ, какъ вчера. Онъ пособлялъ мнѣ даже карабкаться на крутизну, поросшую кустарникомъ. Ему по привычкѣ, ничего не значило ползти почти по отвѣснымъ тропинкамъ—для меня было это очень трудно. Наконецъ достигли мы вершины горы.

Здѣсь пробудились во мнѣ вдругъ инстинкты художника, и я забылъ на минуту горькую свою участь—я видѣлъ великолѣпный восходъ солнца среди Абруццскихъ горъ. На этихъ высотахъ Аннибалъ раскинулъ нѣкогда шатры свои, и показалъ великій Римъ своимъ воинамъ. Взоръ отсюда обнимаетъ огромное пространство. Внизу лежатъ холмы Тускулума съ его виллами и священными руинами, по обѣ стороны тянутся Сабинскія и Альбанскія горы, позади же Тускулума и Фраскати обширная Кампанья, съ рядами гробницъ, тамъ и сямъ пересѣкаемыми какимъ нибудь разрушеннымъ водопроводомъ, а посрединѣ вѣковѣчный городъ съ его куполами и башнями.

Представьте себѣ эту чудную картину подъ лучами утренняго солнца, когда взоръ, отъ величественныхъ лѣсовъ Абруццскихъ, перенесется на живописныя окрестности. Представьте себѣ дикую и пустынную мѣстность, скалы оживленныя людьми—и какими? Группами бандитовъ, съ ихъ живописною, разнообразною одеждою и вооруженіемъ; вы не станете удивляться, что восторгъ артиста пересилилъ во мнѣ на минуту всѣ другія чувства.

Бандиты съ насмѣшливымъ недоумѣніемъ наблюдали дѣйствіе, которое произвело на меня зрѣлище, для нихъ весьма обыкновенное. Пользуясь сдѣланнымъ тутъ приваломъ, вынулъ я тетрадку рисовальной бумаги, и сталъ набрасывать главныя черты ландшафта. Дикая и уединенная высота, на которой сидѣлъ я, отдѣлялась отъ Тускулума долиною, почти съ три версты шириною, но, при ясности атмосферы, это разстояніе казалось незначительнымъ. Занятая нами вершина горы была любимымъ мѣстомъ бандитовъ; она была прикрыта лѣсомъ, и давала всѣ удобства къ обозрѣнію самыхъ дальныхъ окрестностей; удобна была и по ея пустынности и отдаленности отъ человѣческаго жилья.

Занявшись рисованіемъ, я вдругъ пораженъ былъ близкимъ крикомъ птицъ и блеяніемъ, казалось, цѣлаго стада овецъ. Оглянулся вокругъ, но нигдѣ въ полѣ не замѣтилъ ни овецъ ни птицъ. Крики между тѣмъ продолжались и раздавались съ вершинъ деревъ. Вглядѣвшись внимательнѣе, увидѣлъ я на вершинахъ дубовъ, стоящихъ на самомъ гребнѣ горы, шестерыхъ разбойниковъ, которые оттуда обозрѣвали долину. Какъ коршуны, зорко глядѣли они въ глубину долины и подавали другъ другу разные условные знаки, и переговаривались между собою звуками, которые могли быть сочтены проѣзжающими и были чрезвычайно похожи на крики ястребовъ и воронъ, или блеяніе нагорнаго стада. Когда кончился этотъ осмотръ и странные переговоры, они слѣзли съ деревъ и возвратились къ намъ, своимъ плѣнникамъ. Троихъ изъ нихъ разставилъ атаманъ на часы на открытыхъ мѣстахъ горы, а самъ съ тремя, по видимому самыми довѣренными товарищами, остался стеречь насъ.

Я все еще держалъ свою тетрадку. Онъ захотѣлъ взглянуть на мой рисунокъ, и посмотрѣвъ его, сказалъ, что теперь вѣритъ словамъ моимъ, что я живописецъ. Мнѣ показалось, будто суровость его нѣсколько смягчается, и я рѣшился этимъ воспользоваться. Я думалъ всегда, что и у самыхъ гнусныхъ людей, что нибудь да есть хорошее, есть доступныя стороны,—только надобно умѣть затронуть эти стороны.

Дѣйствительно, въ характерѣ итальянскаго бродяги часто удивительная смѣсь. Часто черты несомнѣннаго добродушія пробиваются сквозь самую грубую дикую кору. Не всегда пускается онъ въ опасное ремесло по совершенной безнравственности; случается, что какая нибудь вспышка, преступленіе сгоряча, внезапные порывы страсти, столь обыкновенные при темпераментѣ

итальянца, приводятъ его къ необходимости бѣжать отъ правосудія. И пускается онъ на промыселъ въ горы, или какъ выражаются здѣсь: andare in campagna (отправляется въ поле).

Атаманъ сталъ дѣлать замѣчанія по поводу моихъ рисунковъ и я воспользовался случаемъ, чтобъ завести съ нимъ разговоръ. Я нашелъ въ немъ положительно пріятнаго собесѣдника, и мало по малу мы разговорились очень непринужденно. Замѣтивъ, что онъ самолюбивъ, я вздумалъ употребить это въ свою пользу: принялъ на себя видъ беззаботнаго простодушія и сказалъ ему, что какъ живописецъ, я привыкъ издавна распознавать характеры по чертамъ лица; что въ его лицѣ и осанкѣ я нахожу нѣчто, дающее о немъ высшее мнѣніе; что по всему я рѣшаюсь заключить, какъ не рожденъ онъ для ремесла, до котораго унизился; что онъ долженъ обладать талантами и достоинствами и способенъ къ лучшей и благороднѣйшей дѣятельности, и что, наконецъ, стоитъ ему только перемѣнить образъ жизни, чтобы тѣмъ же мужествомъ и тѣми же

Русскіе типы: Няня.
Рис. съ нат. Иванъ Рашевскій, грав. Мих. Рашевскій.

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь, будто на часахъ,
И медлятъ поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ
Глядишь въ забытые вороты
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствіе, заботы
Тѣснятъ твою всечасно грудь...

Пушкинъ.

Молодая Нубіянка. Рис. Р. Тиие, гравир. Бекеръ.

дарами неба, какія теперь дѣлаютъ его ужасомъ людей, возбуждать въ нихъ удивленіе и благодарность.

Я не ошибся: я пробудилъ въ немъ чувство. Онъ схватилъ меня за руку, сжалъ ее и заговорилъ въ сильномъ движеніи.

— Вы говорили сущую истину и сдѣлали обо мнѣ заключеніе самое справедливое.

Онъ замолчалъ на минуту; потомъ съ нѣкоторымъ усиліемъ сталъ говорить: „Я разскажу вамъ... вы услышите—меня угнали въ горы нестерпимыя притѣсненія, а не собственныя мои вины. Я старался быть хорошимъ человѣкомъ, а меня вытѣснили изъ общества“.

И разбойникъ началъ разсказывать мнѣ слѣдующее.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №). М. Перовъ.

Румынія и румыны.

Очерки и разсказы

Вс. В. Крестовскаго иллюстриров. **Н. Н. Каразинымъ.**

Какъ я искалъ въ Плоэштахъ квартиру. — Домъ Калуды Дмитріу. — Осада дома. — Румынскіе калараши. — На водку хозяину дома. — Румынка старушка и Наполеонъ III. — Русское стихотвореніе 1829 года. — Перекочевка въ гостинницу. Безпокойная ночь. — На улицахъ города.

I.

оѣздъ медленно подошелъ къ Плоэштской станціи...

Плоэшты порумынски значитъ „дождливые“, и справедливость этого названія, какъ нарочно, подтвердилась для насъ съ первой же минуты: не успѣли мы подъѣхать къ дебаркадеру, какъ прыснулъ крупный косой дождикъ, который хотя и скоро прошелъ, но въ теченіи дня все-таки раза три принимался барабанить по стекламъ и крышамъ довольно усерднымъ образомъ, освѣжая на нѣсколько минутъ раскаленную мостовую.

Мнѣ отвели квартиру въ домѣ нѣкоего Калуда Димитріу на „страда (улица) Уэлю.“ Адресъ былъ сообщенъ мнѣ нашимъ квартиргеромъ еще на станціи и растолкованъ румынскимъ чиновникомъ извощику, который и подвезъ меня къ деревянному двухэтажному домикѣ, примолвя, „аичь!“ (здѣсь). Я постучался у запертой калитки. Въ одномъ изъ окошекъ верхняго этажа показалась какая то пожилая женщина и скрылась въ тоже мгновеніе, захлопнувъ форточку. Жду, что вотъ сейчасъ меня впустятъ,—не тутъ-то было! Стучу второй разъ, стучу третій,—не отворяютъ, притаились такъ, что ни голоса, ни шороха, словно бы весь домъ вымеръ. Извощикъ спрыгиваетъ съ козелъ и начинаетъ усердно колотить въ калитку бичемъ и въ тоже время кричитъ что-то на верхъ. Напрасно: все то же мертвое молчаніе. Видя, что это не помогаетъ, онъ плюнулъ, выругался и жестомъ предложилъ мнѣ садиться въ свой фаэтонъ. Изъ словъ его я кое-какъ понялъ, что надо ѣхать въ полицію. Пріѣзжаемъ. Общее впечатлѣніе, производимое этою полиціей если и говоритъ въ пользу ея патріархальности, то ужъ никакъ не чистоплотности: первое, что попалось подъ ноги, это хрюкающіе поросята. Наслѣжонный полъ, съ комками уличной грязи, и закоптѣлыя стѣны, и какой-то особенный запахъ арестантской кутузки. Вхожу въ „присутственную“ комнату, гдѣ виситъ портретъ князя Карла подъ которымъ полицейскій чиновникъ, не безъ помощи кулаковъ, чинитъ патріархальное разбирательство нѣсколькимъ оборванцамъ съ синяками и ссадинами на физіономіяхъ. Увидѣвъ русскаго офицера, онъ вѣжливо пригласилъ меня сѣсть и кликнулъ секретаря, который, какъ оказалось, говоритъ по-русски и притомъ столь хорошо, правильно и чисто, что родиной его едва ли могла быть Румынія. Выслушавъ мою жалобу, онъ тотчасъ же распорядился отрядить со мною двухъ конныхъ каларашей, приказавъ имъ водворить меня на назначенной квартирѣ. Въ сопровожденіи этого эскорта, возвращаюсь я въ „страда Уэлю,“ но у калитки Калуда Димитріу—увы! начинается та же исторія, съ тою лишь разницей, что на этотъ разъ въ форточку уже никто не высовывался. Калараши немилосердно колотятъ въ калитку ножнами своихъ сабель, такъ что всѣ сосѣднія собаки подняли неистовый лай и изъ оконъ ближайшихъ домовъ уже стали выглядывать любопытныя физіономіи, а у Калуда Димитріу все-таки ни малѣйшихъ признаковъ жизни.— „Ну, думаю, не сладко мнѣ будетъ тутъ жить, коли и полиція ничего не можетъ подѣлать.“ Наконецъ, гляжу, одинъ каларашъ вскакиваетъ другому на спину, становится на плечи, цѣпляется за верхнюю перекладину воротъ и благополучно спрыгиваетъ во дворъ. Въ ту же минуту калитка передо мною растворяется. Подымаемся по деревянной лѣстницѣ, гдѣ на верхней открытой галлерейкѣ стоятъ три женщины—пожилая и двѣ среднихъ лѣтъ—и всѣ три, что называется, въ полномъ déshabillé,—въ сорочкахъ, юбкахъ и туфляхъ на босу ногу, но по видимому, такая легкость костюмовъ ни мало не смущаетъ ихъ въ присутствіи постороннихъ мужчинъ; онѣ съ яростію накидываются на двухъ каларашей и извощика, несущаго мой чемоданчикъ; громкіе, раздраженные голоса ихъ совершенно заглушаютъ доводы одного изъ каларашей, доказывающаго имъ, что водвореніе мое въ ихъ домѣ есть вещь совершенно законная, сдѣланная по распоряженію румынскихъ властей, о чемъ домохозяева и были предупреждены заблаговременно, какъ объяснилъ мнѣ предъ симъ секретарь полиціи. Пока идетъ вся эта перебранка, я остаюсь совершенно безучастнымъ, постороннимъ зрителемъ и терпѣливо жду, чѣмъ окончится дѣло. Вѣроятно убѣдившись, что съ бабами не сговоришь, каларашъ махнулъ рукою и растворилъ стеклянную дверь, приглашая меня войди въ комнату. Такимъ образомъ, водвореніе мое было совершено. Я далъ обоимъ каларашамъ сколько то мелочи на водку—и они тотчасъ же удалились. Но тутъ мои хозяйки вдругъ врываются въ мою комнату и живо, въ попыхахъ, словно бы на пожарѣ, начинаютъ вытаскивать изъ нея всѣ вещи, подушки, тюфяки, ковры, посуду, утварь, столъ и стулья, такъ что въ какія нибудь пять минутъ я очутился въ совершенно пустой горницѣ, на стѣнахъ которой осталось лишь нѣсколько литографированныхъ картинокъ. Хорошо еще, что въ это время подъѣхалъ на другомъ извощикѣ мой денщикъ съ вещами; теперь по крайней мѣрѣ, я могъ присѣсть на своемъ чемоданѣ. Минуту спустя на галлерейкѣ появился какой-то одѣтый довольно прилично, по европейски, мужчина, которому мои хозяйки, по видимому, стали жаловаться, крича, жестикулируя, и перебивая одна другую. Тотъ, не дослушавъ, цыкнулъ на нихъ внушительнымъ образомъ да еще ногою притопнулъ, такъ что онѣ сразу примолкли и даже исчезли куда-то, послѣ чего мужчина этотъ вошелъ ко мнѣ въ комнату, любезно протянулъ руку, отрекомендовался „господаремъ“ т. е. хозяиномъ дома и промолвилъ: „пуфтиме!“ (прошу покорно). „Слава богу, думаю, конецъ моимъ испытаніямъ!“ Надо было расплатиться съ извощиками, а мелочи у меня не оказалось. Вынимая полуимперіалъ и съ помощію „Военнаго переводчика“ *) стараюсь объяснить, что мнѣ нужно размѣнять деньги, но какъ на зло, въ „Военномъ переводчикѣ“ нѣтъ ровно ничего касательно этого предмета: ни фразы „размѣняйте мнѣ деньги,“ ни глагола „мѣнять“, „размѣнивать“ ни существительныхъ „мѣна“, „размѣнъ.“—„Вотъ тебѣ и польза отъ „Военнаго переводчика“ думаю себѣ: въ первый разъ пришлось къ нему прибѣгнуть, и сразу же такая осѣчка!“ Но къ счастію, нахожу въ немъ наконецъ слово „мѣняла“—„*зарафъ*.“ Произнося это слово и сопровождая его соотвѣтственными движеніями рукъ, мнѣ удалось наконецъ кое-какъ достичь, что хозяинъ понялъ чего мнѣ надо. Онъ разстегнулъ крахмаленную грудь своей рубашки досталъ изъ за пазухи замшевый кошелъ, висѣвшій на шейномъ шнурочкѣ вмѣстѣ съ крестикомъ и образками. Въ этомъ довольно полновѣсномъ кошелѣ у Калуда Димитріу хранились разныя золотыя и серебряныя монеты, крупныя и мелкія, такъ что онъ безъ затрудненія сейчасъ же размѣнялъ мнѣ мой червонецъ. Отдаю извощикамъ плату и прибавляю еще каждому на водку, какъ вдругъ—гляжу и собственнымъ глазамъ не вѣрю—мой хозяинъ тоже протягиваетъ мнѣ ладонь. Въ полномъ недоумѣніи я окинулъ его вопросительнымъ взглядомъ. Тогда онъ словами, совершенно мнѣ непонятными, но за то очень понятною интонаціею и еще болѣе краснорѣчивыми жестами начинаетъ мнѣ объяснять, что съ моей стороны будетъ очень любезно, если я и ему дамъ тоже на водку.

— Вамъ? переспрашиваю я и спѣшу заглянуть въ „Переводчикъ“, гдѣ—слава Богу—нахожу въ отдѣлѣ румынской грамматики требуемое слово.—Вамъ? Думитàле? повторяю я, боясь какъ бы не оскорбить его самою возможностію такого несообразнаго предположенія, ибо мнѣ все еще думалось не ошибаюсь ли я? точно ли онъ *этого* хочетъ или имѣетъ въ виду объяснить мнѣ нѣчто совсѣмъ иное, да только я жесты его понялъ превратнымъ образомъ.

*) Передъ началомъ похода въ штабы и части войскъ были розданы особыя карманныя книжки, подъ названіемъ „военный переводчикъ съ русскаго языка на турецкій, болгарскій и румынскій“ Книжка эта впрочемъ принесла мало пользы, такъ какъ „переводчикъ“ весьма не полонъ и блещетъ отсутствіемъ многихъ, самыхъ необходимыхъ словъ и выраженій. Видно что составленъ онъ былъ очень торопливо.

— Аша! міе, міе! **) утвердительно киваетъ онъ головою и тычетъ указательнымъ пальцемъ на свою грудь и на мои деньги.

— За что? Почему? Пентру чè? спрашиваю.

Мой Калуда Димитріу начинаетъ объяснять мнѣ что-то и я, судя опять-таки по интонаціи и жестамъ, прихожу къ заключенію, что смыслъ его рѣчи таковъ: если, дескать, вы извощикамъ даете на водку, то дайте и мнѣ, потому что они для васъ только извощики, а я вашъ хозяинъ, и при томъ же я оказалъ вамъ услугу—размѣнялъ ваши деньги.

Водвореніе на квартиру.

Признаюсь, я очень смутился, и не столько за свое недоумѣніе, оказавшееся совсѣмъ невпопадъ, сколько за самый смыслъ просьбы моего прилично одѣтаго хозяина — домовладѣльца.

Чувствуя, что невольно краснѣю, протянулъ я ему ладонь, на которой лежало нѣсколько серебряныхъ монетъ и жестомъ пригласилъ указать сколько именно желаетъ онъ получить. Это становилось даже любопытно и мнѣ теперь уже интересно было увидѣть насколько простреется наивное нахальство румына и сколько именно монетъ онъ себѣ отсчитаетъ. Калуда Димитріу оказался однако скромнымъ. Онъ взялъ у меня съ ладони только одинъ *леу* (франкъ: по франку же я далъ и извощикамъ), опустилъ его въ свой кошель и съ большимъ достоинствамъ, очень любезно протянулъ мнѣ въ знакъ благодарности свою руку.

— Ваше благородіе! Никакъ это онъ съ васъ на водку взялъ? въ полномъ недоумѣніи обратился ко мнѣ мой деньщикъ, по уходѣ хозяина.

— Да, на водку, подтвердилъ я:—а что?

— Да какъ же это?.. Вѣдь, по одёжѣ глядя, онъ *господинъ*, и опять же хозяинъ дому, — и вдругъ — на водку!.. Это, ваше благородіе, совсѣмъ даже не сообразно выходитъ.

И съ этой минуты мой деньщикъ восчувствовалъ къ Калуды Димитріу величайшее презрѣніе:—„воля ваша, а я, ваше благородіе, уважать ему не согласенъ!“

Первымъ дѣломъ—захотѣлось помыться съ дороги. Деньщикъ пошелъ отыскивать у хозяевъ какой нибудь кувшинъ да плошку и запропалъ что-то. Въ ожиданіи его я, отъ нечего дѣлать занялся разсматриваніемъ настѣнныхъ картинокъ. На одной написана въ гирляндовой каемкѣ какая-то греческая молитва, рядомъ съ нею, вышитый гарусомъ попугай на вѣткѣ, далѣе цѣлая коллекція фотографическихъ медальоновъ на одномъ листѣ, гдѣ изображены съ одной стороны румынскіе вожди парламентской оппозиціи, а съ другой — консерваторы; и тѣ и другіе, судя по портретамъ, почти ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга по внѣшности: тѣ же низкіе, плоскіе, маленькіе лбы, та же густая растительность на головѣ и на лицѣ, тѣ же распомаженные расчесанные усы и эспаньолки, и волосы à la Capoul, тотъ же плоскій отпечатокъ бульварно-парижскаго, парикмахерскаго шика въ выраженіи физіономій и—въ довершеніе тождества—почти всѣ окончанія фамилій на *эско*. Но вотъ двѣ любопытныя картинки, и обѣ русскаго происхожденія; на одной подписано: „Взятіе графомъ Дибичемъ Забалканскимъ Адріанополя.—Съ дозволенія цензора Снегирева 1829 года,“ а на другой: „Переходъ графа Дибича Забалканскаго 10-го іюля 1829 г. за Балканскія горы, почитавшіяся до сихъ поръ непреодолимымъ оплотомъ Европейской Турціи.“ Тутъ же подписаны и слѣдующіе стихи:

На брань призвалъ насъ Царь Державный,
И грудью мы впередъ пошли
Весельемъ былъ намъ путь сей славный,
Орла Россіи мы несли.
Мы съ нимъ Дунай перелетѣли,
Дунай волнами зашумѣлъ;
Повсюду клики загремѣли,
Орелъ къ востоку полетѣлъ!
И вотъ, въ пути, какъ великаны,
Возстали нѣдри дикихъ горъ.—
То грозный щитъ луны—Балканы;
Къ нимъ врагъ возвелъ надежный взоръ.
Взирай, Османъ, на ихъ вершины,
Не до небесъ твой крѣпкій щитъ!
Сіи высоки исполины,—
Орелъ превыше ихъ паритъ.
Гремятъ за ними громы брани,
Полки съ кремнистыхъ горъ идутъ;
А тамъ, еще отъ Эривани,
Знамена русскія несутъ.
Хвала тебѣ, нашъ Царь Державный,
Сіяй въ вѣнцѣ побѣды самъ!
Ты самъ повелъ насъ въ путь сей славный!
Ура Тебѣ!—ура вождямъ!

Какъ времена-то перемѣнчивы! Вотъ, вѣдь и громкіе стихи, но нѣтъ въ нихъ и намека на славянскую идею войны, на ту освободительную идею, которая и тогда, лежала въ основѣ нашего движенія на Балканскій полуостровъ, какъ лежитъ нынѣ; а вѣдь и тогда были тамъ тѣ же условія что и теперь—тѣ же болгары и сербы, тотъ же турецкій гнетъ и безправица и та же самая задача предлежала русской арміи, но видно сознаніе ея въ то время еще не проникало въ массу русскаго народа и войска, межъ тѣмъ какъ теперь каждый солдатъ знаетъ за что и за кого предстоитъ ему драться.

— Ваше благородіе! Тутъ, просто, жить нельзя! вскричалъ видимо раздосадованный деньщикъ, входя въ комнату съ кувшиномъ воды и глиняною лоханью:—Шутъ ихъ знаетъ, что они такое! Самъ хозяинъ въ трактиръ ушелъ, и бабы запершися внизу на замокъ и голосу не подаютъ. Что ни стучался къ нимъ,—не отзываются! Долженъ былъ на базаръ бѣжать, и ужъ еле-еле тамъ купилъ всю эту посудину, а воды набралъ съ городскаго фонтана.—такъ и несъ ее по улицѣ! Воля ваша, а только надо намъ куда ни на есть переѣхать.

Послѣдняя мысль, дѣйствительно, являлась лучшимъ изъ всего, что оставалось въ моемъ положеніи. Насильно милъ не будешь, и судя по началу, у этихъ квартирныхъ хозяевъ мнѣ, вѣроятно, предстоятъ ежеминутныя мелочныя непріятности. Пока что, я рѣшился взять нумеръ въ какой-нибудь гостинницѣ, но прежде всего занялся своимъ туалетомъ. Въ это время въ смежной горницѣ послышалось шарканье старческихъ шаговъ и кряхтѣнье. Черезъ минуту пріотворилась дверь и ко мнѣ вошла сгорбленная старушка, вся въ черномъ: на головѣ большой черный кашмировый платокъ, на плечахъ атласная, уже порыжѣлая отъ ветхости, ватная кацавейка, изъ подъ которой болталась черная ситцевая юбка. Въ Румыніи пожилыя женщины и старухи низшаго и средняго сословій носятъ исключительно черное *), очень походя своимъ костюмомъ на нашихъ богомолокъ, какихъ не въ рѣдкость случается встрѣчать по купеческимъ домамъ въ Москвѣ и въ провинціи. На желтомъ лицѣ этой старушки блуждала привѣтливая улыбка, а въ глазахъ сказывалось большое любопытство. Подходя ко мнѣ, она нѣсколько разъ кивнула головой, какъ бы здороваясь и, наконецъ, ласково огладила меня по плечу морщинистой, трясущеюся рукою.

— Майка а домнулуй, прошамкала она, указывая на себя, и изъ этой рекомендаціи я, при всемъ моемъ плохомъ знакомствѣ съ румынскимъ языкомъ, понялъ однако, что это значитъ мать хозяина.

— Русъ офицеръ?.. Капитанъ? бунъ, бунъ!.. харошъ! приговаривала она, продолжая меня оглаживать. Съ первыхъ словъ оказалось, что старуха немножко маракуетъ по-русски.

— Молода была, Росія жила... Одесса жила... бунъ, бунъ капитанъ...

— Вотъ ты, божья старушка, добрая,—и видать, что добрая, вмѣшался мой деньщикъ:—а тѣ бабы, словно вѣдьмы злющія! Не токма что изъ комнаты всю мебиль повытаскали, а и воды ковша добромъ недопроситься.

Старуха только рукой махнула—ужь и не говори, молъ,—и со вздохомъ безсильнаго сожалѣнія покачала головою. Видно было, что не она тутъ верховодитъ въ домѣ.

— Тà-то, злющій подстарокъ, какъ твоему сыну доводится? Теща, что-ли? продолжалъ деньщикъ.

— Сòкры, сòкры... Ашà, подтвердила понявшая вопросъ старушка.

— Такъ ты что-жь? Развѣ не голова въ дому? Ты бъ ее въ струнѣ содержала, чтобъ она экимъ манеровъ дерзить-то не смѣла бы.

Но этотъ послѣдній діалогъ, видимо, не былъ понятъ, потому что старуха вопросительно поглядывая то на меня, то на него, только головою поддакивала и добросердечно улыбалась. Послѣ этого она вышла изъ комнаты, но черезъ двѣ три минуты возвратилась снова, принеся какія-то свернутыя въ трубку бумаги. Оказалось, что это были нѣсколько плохихъ литографій, между которыми одна изображала покойнаго Государя Николая Павловича, а другая Наполеона III.

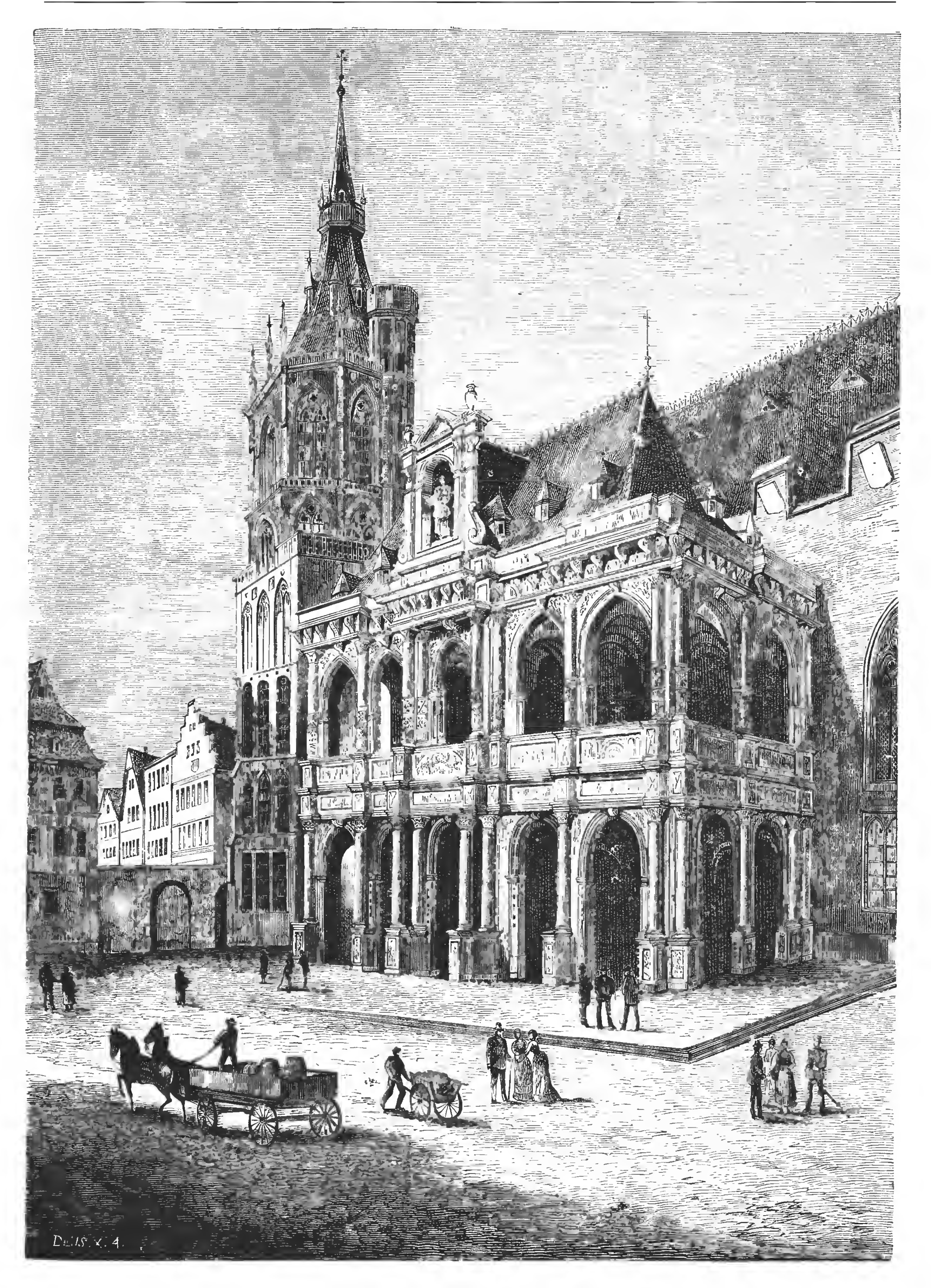
— Импэраторулъ Николай, пояснила она, показывая мнѣ портретъ и произнеся эти слова тономъ особеннаго почтенія:—Господарь а Росія... Знакòмъ?

**) Да—мнѣ, мнѣ!

*) Въ Болгаріи повсюду тоже самое.

Спускъ въ пропасть на веревкѣ въ ущелье Икононзо въ Колумбіи. (Южн. Америка). Рис. Ріу, грав. Лаплантъ.

Кельнская ратуша. Рис. Р. Штилеръ, грав. А. Дейсъ.

О, марѐ, марѐ Господарь!.. великій!.. Живъ Николай?

Признаюсь, я былъ нѣсколько удивленъ столь неожиданнымъ вопросомъ.

— Умеръ, говорю ей:—давно уже умеръ.

— Умеръ? какъ бы машинально повторила за мной удивленная этимъ извѣстіемъ старуха и перекрестилась, съ соболѣзнованіемъ покачавъ головою и пробормотавъ что-то по румынски—вѣроятно, молитву за душу покойнаго Государя.

— А кто импэраторулъ ынтру Рòсія? спросила она послѣ короткаго раздумья.

— Теперь-то? Теперь у насъ императоръ Александръ, сынъ Николая.

— Александеръ... Александеръ, нѣсколько разъ прошептала она, какъ бы про себя; видимо стараясь запомнить имя:—Александеръ марѐ... Сы дэ луй Думнезѐу! Сы дэ луй!.. *).

И послѣ этого вытащила портретъ Наполеона и ткнула въ него пальцемъ:

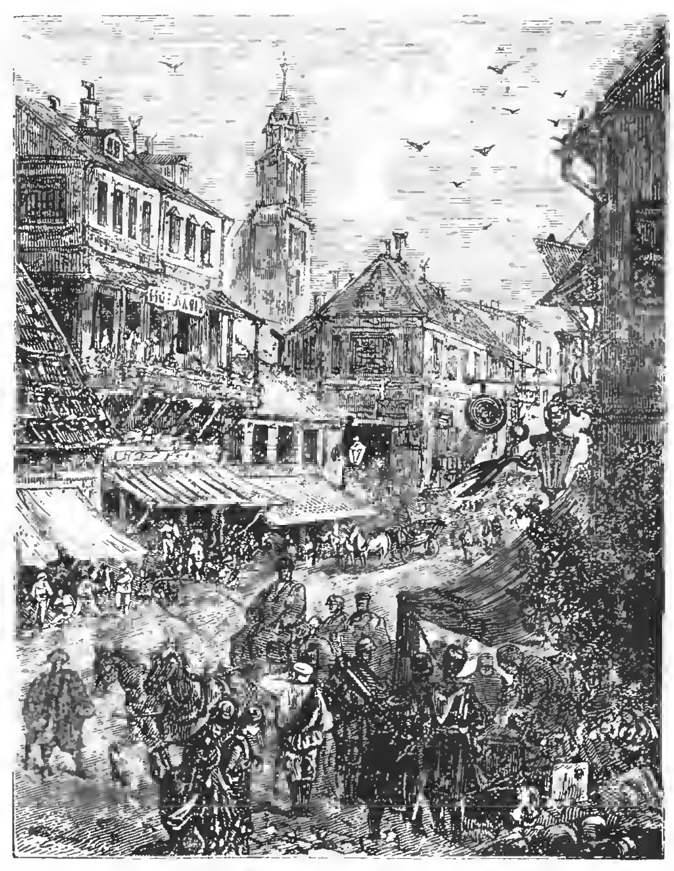
— Живъ?

— Нѣтъ, говорю:—умеръ, тоже умеръ.

Очевидно, и это было для старухи совершенною новостію, но послѣднее извѣстіе, кажись, уже не произвело на нее такого впечатлѣнія, какъ первое.

— Сы дэ луй Думнезѐу! Сы дэ луй! (Дай ему Господи!) пробормотали ея безцвѣтныя губы, и ужъ что хотѣла она выразить этимъ послѣднимъ „сы де луй“—Богъ ее знаетъ!

Какъ не похожа показалась мнѣ эта добрая старуха на трехъ остальныхъ моихъ хозяекъ! Въ этомъ дряхломъ существѣ, въ этомъ уцѣлѣвшемъ осколкѣ былыхъ временъ, не смотря на всю ограниченность его умственнаго и духовнаго кругозора, видимо сохранились совсѣмъ иныя чувства, помыслы, воспоминанія и сочувствія, чѣмъ тѣ, которыми жило позднѣйшее румынское поколѣніе и на которыхъ всецѣло воспиталось и живетъ нынѣшнее. У нынѣшнихъ, Наполеона-то, пожалуй, найдешь, и даже весьма и весьма не рѣдко, но Императора Николая, которому столь многимъ добрымъ обязана Молдо-Валахія, навѣрное ни у кого не встрѣтишь.

Улица въ Плоэштахъ.

Переодѣвшись, я тотчасъ же отправился на поиски гостиницы, куда можно бы было перебраться со своимъ незатѣйливымъ и немногосложнымъ походнымъ снарядомъ. Порядилъ „биржу“, какъ называютъ здѣсь парноконныхъ колясочныхъ извощиковъ, и съ помощію „Военнаго переводчика“ говорю ему: „традэ ла-челъ май бунъ а готѐлъ“, т. е. вези въ лучшую гостиницу. Повезъ. Трусить лѣнивою рысцою и самъ сидитъ на козлахъ какъ разваренный, еле возжи изъ рукъ не валятся: по сторонамъ глазѣетъ: въ одномъ мѣстѣ чуть не наѣхалъ на двухъ женщинъ и еще ихъ же обругалъ въ придачу: попадется на встрѣчу свинья, мальчишка или какой-нибудь подхалюзый жидокъ—возница мой непремѣнно наровитъ хлестнуть ихъ бичемъ; глупая утица черезъ дорогу шлепаетъ, переваливаясь съ боку на бокъ,—онъ и ту подхлестнулъ слегка. Только замѣчаю я, что извощикъ мой колеситъ безъ толку изъ переулка въ переулокъ, а гостиницы нѣтъ какъ нѣтъ. Я ему повторяю еще разъ чего собственно мнѣ надо.—„Штіу, штіу!“ (знаю, знаю!) отвѣчаетъ мотнувъ головою и все-таки продолжаетъ кружить по какимъ то пустырямъ да задворкамъ, межь садовъ и заборовъ. Прокружили мы съ нимъ такимъ образомъ болѣе получасу, пока, наконецъ, случайно не вывезъ онъ меня къ дому, гдѣ занялъ помѣщеніе Великій Князь Главнокомандующій. Здѣсь на тротуарахъ толпа горожанъ любопытно глядѣла на конвойныхъ казаковъ, на велико-княжескую прислугу и офицеровъ главной квартиры, то входившихъ въ ворота, то выходившихъ изъ нихъ на улицу. Встрѣтился я со знакомыми и разсказываю имъ свое критическое положеніе, а къ моимъ словамъ видимо прислушивается какой-то молодой жидокъ, безъ шапки.

— Звините, вамъ до готѐлю? вмѣшивается онъ въ разговоръ:—я факторъ, позволите!

И съ этими словами прыгъ на козлы, какъ былъ безъ шапки, и черезъ полторы—двѣ минуты возница мой остановился въ узенькомъ переулкѣ у воротъ гостиницы „Молдавія.“ Оказалось, что отъ этой „Молдавіи“ до моей квартиры у Калуда Димитріу и полуверсты не будетъ, а извощикъ колесилъ по закоулкамъ и окраинамъ города нарочно для того, чтобъ имѣть предлогъ содрать съ меня по больше. И дѣйствительно, едва я, сступя съ подножки, даю ему по таксѣ одинъ леу (франкъ), какъ онъ вломился въ претензію и нагло потребовалъ два цѣлковыхъ, доказывая, что онъ меня возилъ столько времени.

— Што изъ нимъ гаварить! Дайте ему уфъ шея! настойчиво рекомендовалъ мнѣ жидокъ-факторъ, но я, строго памятуя о внушенной намъ необходимости вѣжливаго обхожденія съ нашими союзниками—румынами, не послѣдовалъ его благоразумному совѣту и поднялся на верхъ.—Извощикъ неотступно слѣдуетъ за мною и тономъ несправедливо обиженнаго человѣка громко вопіетъ на всю гостиницу, требуя немедленной уплаты двухъ цѣлковыхъ. На этотъ шумъ вышелъ хозяинъ гостиницы, который, къ счастію, оказался говорящимъ немного по-французски. Выслушалъ онъ извощика, излагавшаго свою обиду съ притворнымъ, завывающимъ плачемъ и съ жалостливою гримасой на куксившемся лицѣ, выслушалъ за тѣмъ и мое объясненіе и чуть лишь узналъ, что мнѣ нужна комната, не по отводу, а за плату, какъ тотчасъ же предупредительно заявилъ мнѣ на счетъ извощика:

— Не безпокойтесь и не трудитесь платить ему; я это устрою, я его сейчасъ урезоню.

И за тѣмъ проболтавъ ему что-то по-румынски, направилъ его внизъ къ буфету. Извощикъ удалился безпрекословно.

Комната, указанная мнѣ подъ именемъ „лучшей“, блистала только отрицательными качествами: не длинна, не широка (шесть шаговъ вдоль и пять въ поперекъ), не свѣтла, не чиста, не удобна и вдобавокъ съ какимъ-то специфическимъ затхлымъ и кислымъ запахомъ. Все убранство ея состояло изъ деревянной кровати съ слежавшимся тюфякомъ весьма подозрительной опрятности, безъ бѣлья и подушекъ, за тѣмъ изъ ломбернаго стола и двухъ плетеныхъ стульевъ. Но все же это лучше, чѣмъ у Калуда Димитріу. Спрашиваю, какая цѣна этому номеру?

— Десять франковъ въ сутки, объявляетъ мнѣ хозяинъ съ самою любезною, предупредительною улыбкой.

Я такъ и ахнулъ. Вѣдь это 300 франковъ въ мѣсяцъ, а на наши кредитки около 120-ти рублей, за такую мерзость!

— Какъ угодно, но лучше и дешевле вы нигдѣ не найдете, —можете убѣдиться на опытѣ, вѣжливо, сухимъ тономъ заявилъ мнѣ хозяинъ.

Я попытался было объяснить ему, что такая цѣна еще куда бы ни шла, если бы мнѣ понадобилась комната только на одни сутки, но такъ какъ я располагаю остаться здѣсь все время пока Главная квартира будетъ находиться въ Плоэштахъ, то не безразсчетно было бы ему уступить ее и подешевле. Но хозяинъ уперся на своемъ.

— Pas un sou! (Ни одной копѣйки!) объявилъ онъ самымъ рѣшительнымъ, недопускающимъ возраженія тономъ, и затѣмъ, напустивъ на себя видъ благороднаго достоинства, прибавилъ: —не думайте, monsieur, чтобы я набавилъ вамъ хоть одинъ сантимъ; я румынъ и считалъ бы это безчестнымъ по отношенію къ нашимъ гостямъ и союзникамъ, къ доблестной и либеральной арміи освободителей.

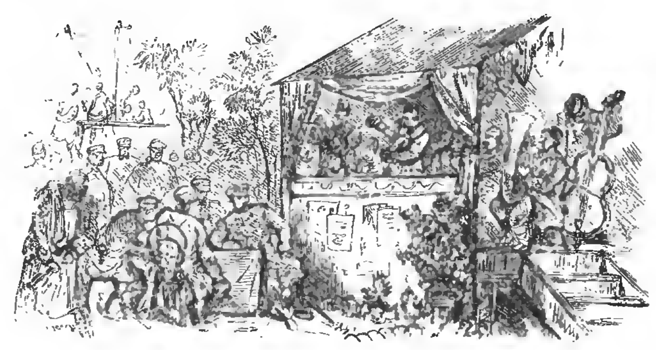
При послѣднихъ словахъ я невольно расхохотался.

Но—въ концѣ концовъ, пришлось согласиться и на 10 франковъ пока до прінсканія болѣе удобнаго и дешеваго помѣщенія, потому что комнаты по гостиницамъ разбирались въ этотъ день на расхватъ и офицерами, и чиновниками, и корреспондентами, и агентами: пока я переговаривался съ хозяиномъ, на стеклянной галлереѣ (она же и корридоръ) дожидалось уже трое алчущихъ и жаждущихъ пріюта. Надо было торопиться захватить что есть, буде не желаешь очутиться къ ночи съ чемоданами на улицѣ.

Пославъ еврейчика-фактора къ Калуда Димитріу за день-

*) Дай богъ ему, дай.

щикомъ и вещами, я спустился внизъ, во дворъ, половина котораго была занята огороженнымъ садикомъ, гдѣ помѣщалась въ особомъ свѣтломъ павильонѣ общая столовая. Здѣсь я встрѣтился съ однимъ знакомымъ. Ѣсть намъ обоимъ хотѣлось ужасно, потому что со вчерашняго вечера, отъ самаго боксу, у насъ во рту не было ни крошки хлѣба, ни глотка чаю.

Концертъ въ саду въ Плоэштахъ.

Мудреное дѣло разбирать порціонныя карточки, писанныя по-румынски и вдобавокъ безграмотно. Хоть убей, ничего не понимаемъ! Является на выручку кельнеръ, толстенькій приземистый нѣмецъ съ брюшкомъ, изъ швабскихъ уроженцевъ.

— Порцію телячьихъ котлетъ и порцію росбифу, а пока-поскорѣе по рюмки водкѣ и закусить что-нибудь.

Кельнеръ, съ грязной салфеткой въ рукѣ, виляя толстыми бедрами, бѣжитъ на кухню, но черезъ пять минутъ возвращается съ извиняющимся видомъ и, не безъ прискорбія объявляетъ, что нѣтъ ни котлетъ, ни росбифной говядины, потому что сегодня никакъ не ожидали столь достопочтенныхъ гостей, а за урядъ держать такіе продукты здѣсь не въ обычаѣ, потому что спросу на нихъ у мѣстной публики почти вовсе не существуетъ, на базаръ же посылать теперь—пройдетъ слишкомъ много времени.

— Что же у васъ есть, наконецъ?

— Все что прикажете; соблаговолите выбрать по карточкѣ.

Порѣшили на томъ, чтобы далъ чего самъ знаетъ, что есть изъ готоваго, только поскорѣе. Это даже было интересно попробовать національной румынской кухни.

Но вотъ, несетъ мальчикъ закуску. Что же это, однако?— Розовое варенье на блюдечкѣ, два стакана воды и двѣ рюмки вонючей сладкой мастики. Съ этимъ послѣднимъ напиткомъ мы уже ознакомились вчера на дорогѣ и изъ сего горькаго опыта узнали, что проглотить мастику безъ отвращенія не возможно—по крайней мѣрѣ, съ непривычки. Опять приходится взяться за кельнера и объяснять ему, чего намъ надобно. Ничего: повидимому, понялъ— и вотъ, нѣсколько времени спустя опять бѣжитъ мальчуганъ изъ буфета. Но послѣднее горше перваго! Подноситъ онъ вдругъ по рюмкѣ ванильнаго ликеру и двѣ шеколадинки на закуску. При нашемъ голодѣ—ей богу, это было очень досадно и потому понятно, что его послали къ чорту. Пришлося сѣсть за завтракъ безъ водки, ибо здѣсь о ней, по видимому, и понятія не имѣютъ.

— Нѣтъ ли хоть коньяку и куска сыра, по крайней мѣрѣ?

— Ja wohl, gädige Herren! есть и то и другое.

Слава Богу, наконецъ-то хоть что нибудь путное нашлось! Но что это за сыръ принесли намъ! Кельнеръ объяснилъ, что это самый лучшій здѣшній сыръ изъ овечьяго молока, называется *качкаваль* и производится въ мѣстечкѣ Пентилѣб, гдѣ находится „знаменитое" сыворотко-лѣчебное заведеніе. Съ виду онъ, однако, не особенно привлекателенъ: на кусокъ сѣраго мыла похоже. Впрочемъ, рѣшились попробовать, но—увы! это оказалось Богъ знаетъ что такое: вкусу никакого, замазку напоминаетъ. Ѣсть невозможно, а кромѣ качкавала, тутъ ни голландскаго, ни швейцарскаго сыра, ни пармезана и даже пресловутой „брынзы" молдавской не оказалось. Наконецъ, принесли намъ въ маленькихъ лоханочкахъ какую-то тепловатую жидкую, заправленную молокомъ или сметаной бурду, въ родѣ супа. Попробовали, Богъ ты мой! Кислятина такая, что весь ротъ свело. Оказалось, что это румынская *„чирба"*, приготовляемая... *на уксусъ*. Полулитръ уксуса на два литра кипяченой воды или бульона, какъ пояснилъ намъ кельнеръ. Приказали унести прочь и давать слѣдующее блюдо, которое—опять же по объясненію Кельнера—называется *„сармали"* и составляетъ одно изъ любимѣйшихъ кушаній румыновъ. Это тоже, что малороссійскіе „голубцы", т. е. фаршированная говядина съ рисомъ, плотно обернутая, вмѣсто капустныхъ, виноградными листьями, и хотя „сармали" тоже оказались со значительною примѣсью уксуса, но ѣсть ихъ, по крайней мѣрѣ, возможно, особенно съ голодухи. Впрочемъ, порціи были, что называется, весьма микроскопичны. Послѣ „сармали" подали намъ „яуртъ"— одно изъ наиболѣе любимыхъ лакомствъ румынскихъ гурмановъ. Это кусокъ сгущенныхъ сливокъ, доведенныхъ до значительно большей плотности чѣмъ обыкновенное коровье масло. Оно, пожалуй, и вкусно, но уже черезъ-чуръ жирно и приторно, такъ что его можно только попробовать ложечку, другую, но отнюдь не наѣдаться, какъ дѣлаютъ это румыны. На томъ нашъ завтракъ и кончился. Спросили счетъ, и вдругъ оказывается, что за все это удовольствіе, съ присовокупленіемъ бутылки пива, приходится платить 14 франковъ и 10 бань (сантимовъ), при чемъ наша рублевая бумажка принимается только за 2 фр. 50 сантимовъ. Дали ужъ всѣ 15, вмѣстѣ съ „на-водкой", чтобы зла на насъ не оставалось. Итакъ, считая на бумажки — шесть рублей, за скуднѣйшій и мерзѣйшій завтракъ, это и у Бореля съ Дюссо, даже прихотничая, пожалуй, дешевле обойдется! Судя по такому началу, „доблестной арміи либеральныхъ освободителей" придется-таки сильно пообчистить, если даже не совсѣмъ „освободить" свои карманы у ея „друзей и союзниковъ".

— Виноватъ, gnädiger Herr! какъ бы спохватясь и извиняясь обратился по расплатѣ ко мнѣ толстенькій кельнеръ:—съ васъ слѣдуетъ дополучить еще восемь франковъ.

— За что это? удивился я?

— За извощика, что привезъ васъ сюда; хозяинъ съ нимъ разсчитался и приказалъ мнѣ получить съ вашей милости.

— Нѣтъ сомнѣнія, домекнулся мой застольный товарищъ:— что этотъ „благородный другъ и союзникъ" далъ извощику не болѣе одного, а много-много если два франка и тотъ, конечно, остался этимъ вполнѣ доволенъ; остальное же „другъ и союзникъ" заблагоразсудилъ взыскать съ васъ въ собственную пользу.

Такое предположеніе, судя по всему, не заключало въ себѣ ничего невѣроятнаго. Я безпрекословно заплатилъ восемь франковъ, но наученный опытомъ, рѣшилъ себѣ избѣгать на будущее время предупредительныхъ услугъ и одолженій со стороны „друзей и союзниковъ".

II.

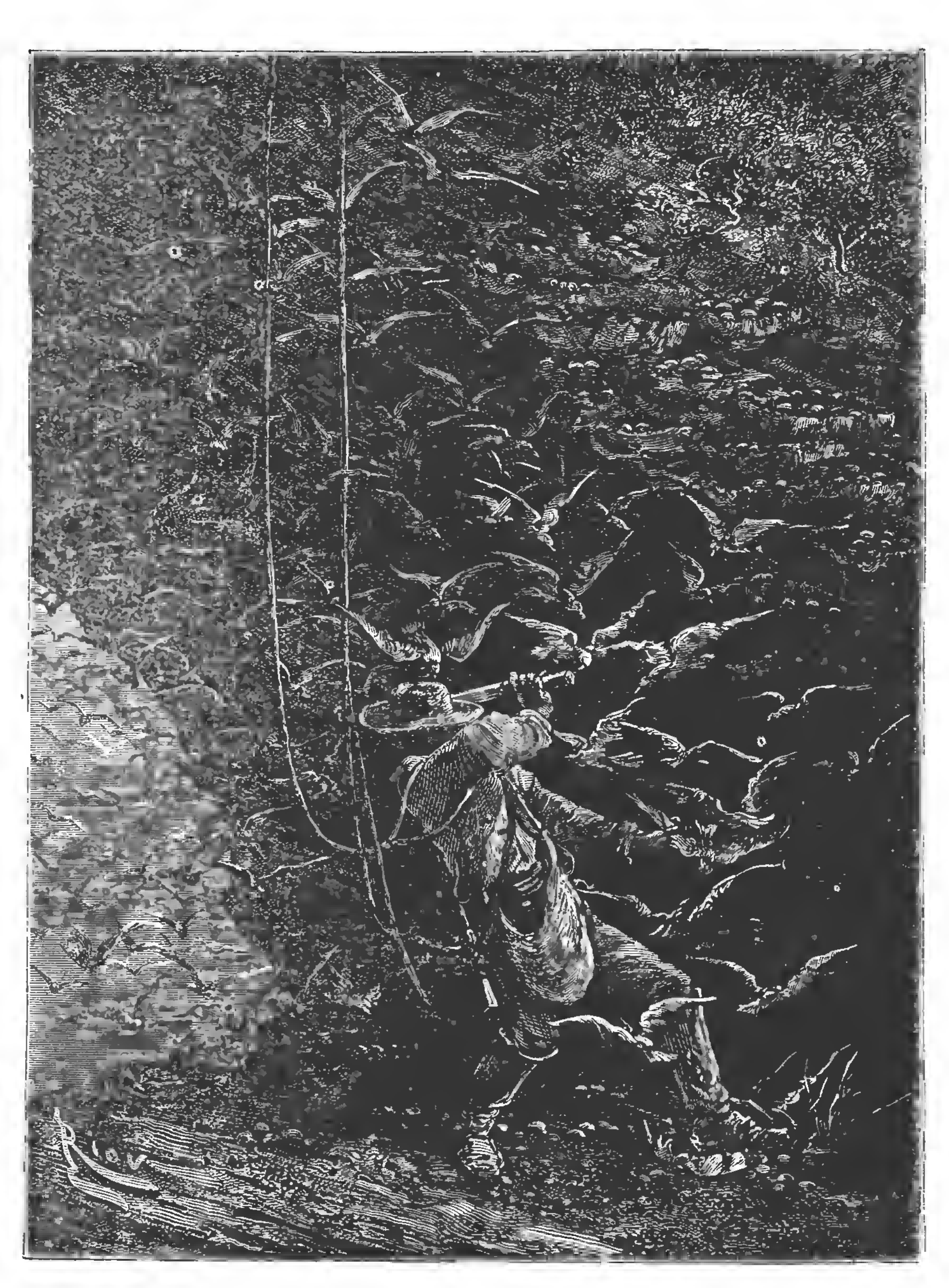

Однако въ первую же ночь я позналъ, что новое жилище мое не просто гостинничная квартира, но „квартира съ удовольствіемъ и развлеченіями". Едва улегся я спать, какъ на меня напала цѣлая армія насѣкомыхъ, между которыми подвизались и летучая кавалерія, и тяжелая инфантерія, задавшія мнѣ такое генеральное сраженіе, что я, при всей невзыскательности походнаго человѣка, рѣшился употребить на слѣдующую ночь противъ этой арміи взаимныхъ „друзей и союзниковъ" самыя радикальныя и безпощадныя мѣры, въ видѣ цѣлаго фунта персидской ромашки. На томъ и кончилось „удовольствіе" моей квартиры; но за то „развлеченія" ея неотступно преслѣдовали меня до такой степени, что послѣ нѣсколькихъ дней пытки пришлось просто бѣжать, и хорошо еще, что на мое счастіе нашелся свободный уголокъ въ квартирѣ у моихъ сослуживцевъ, на „страдѣ франчеза", гдѣ меня и пріютили. Представьте себѣ, что начиная съ пяти часовъ по полудни и до четырехъ ночи въ саду „Молдавіи" и ея сосѣднемъ садикѣ „Болгарской гостинницы" безъ устали и почти безъ перерыва раздаются взвизгиванія, свисты, пытье и завываніе то цыганской музыки, то нѣмецкихъ „арфистокъ", поощряемыя шумными „браво" и „bis" и неистовыми аплодисментами многочисленной и не совсѣмъ-то трезвой публики. Ни спать, ни работать! И это изо дня въ день, изъ ночи въ ночь,—непрерывно, назойливо и неизбѣжно, какъ нѣчто роковое. Господи! Какъ возблагодарилъ я Провидѣніе, когда наконецъ избавился отъ этого музыкальнаго Содома!

Городокъ, благодаря множеству садовъ и огороженныхъ пустырей, широко разметался по открытой равнинѣ, которая къ сѣверу, въ 87 километрахъ отъ Плоештовъ упирается въ Карпатскія горы, блистающія въ ясные дни своими снѣжными вершинами, которые очень хорошо видѣются изъ Плоештовъ. Городокъ производитъ какое-то смѣшанное—полуевропейское, полуазіатское впечатлѣніе; впрочемъ въ центральной части его сосредоточено нѣсколько небольшихъ домовъ очень изящной архитектуры. Лучшіе изъ этихъ домовъ тѣ, которые не носятъ индустріальнаго характера, а приспособлены къ удобному житью для одного семейства. При такихъ домикахъ всегда находится небольшой, но тѣнистый садикъ и нѣсколько цвѣточныхъ клумбъ, украшенныхъ зеркальными шарами изъ разноцвѣтнаго стекла. Эти шары, насаженные на тычины, повидимому, предпочитаются здѣсь всякимъ другимъ украшеніямъ, и румыны въ множествѣ натыкаютъ ихъ въ свои клумбы. Но истинную прелесть изящныхъ домиковъ составляютъ ихъ крылечки, уставленные душистыми цвѣтами, обвитыя ползучими розами, виноградными и иными вьющимися растеніями. Здѣсь въ теченіи всего лѣта проводятъ время обитатели и преимущественно обитательницы этихъ домиковъ; здѣсь онѣ принимаютъ визиты, пьютъ кофе, ѣдятъ „дульчацы" (сласти), курятъ верченныя папироски, иногда

занимаются рукодѣльемъ, по большею частію круглымъ бездѣльемъ. Для многихъ изъ насъ кажется просто удивительною эта способность румынскихъ дамъ не вставая сидѣть по нѣскольку часовъ сряду у раскрытаго окна, на крыльцѣ или на балконѣ, лѣниво глядѣть на улицу на проходящихъ и ровнехонько таки ничего не дѣлать—ни шить, ни вязать, ни читать; но не менѣе поразительна, по крайней мѣрѣ, на нашъ непривычный глазъ—и эта чрезвычайная, такъ сказать, откровенность и легкость ихъ костюма, который приличнѣе всего можно назвать спальнымъ déshabillé: бѣлая, прошитая кружевомъ кофта, такая же юбка и туфли, надѣтыя нерѣдко на босую ногу—вотъ и весь костюмъ румынской „кукбны“ (дамы), въ которомъ она проводитъ свой день на крылечкѣ, въ виду всей публики, нимало не стѣсняясь такою легкостію. Принаряжаются „кукбны“ только къ вечеру, когда онѣ выходятъ изъ дому, вмѣстѣ съ мужьями или знакомыми кавалерами, послушать цыганскую музыку въ публичномъ садикѣ той или другой гостинницы.

На улицахъ, между которыми лучшія „страда де-ля-Префектура“ и „страда Франчеза“ съ утра до ночи толчется не мало празднаго народа изъ низшихъ сословій, преимущественно предъ гостепріимными и широко раскрытыми дверями разныхъ „кырчумы“ (кабачковъ), заражающихъ окрестный воздухъ отвратительно-спиртуознымъ запахомъ ракіи и мастики. Но въ этихъ кучкахъ праздныхъ зѣвакъ нѣтъ того оживленія, которое, казалось бы, такъ должно быть свойственно южнымъ народамъ; тупо глазѣя на что нибудь, случайно обратившее на себя ихъ вниманіе, они стоятъ на мѣстѣ, словно пришибленные подавляющею апатіей, скукой и лѣнью, иногда только развѣ для разнообразія жестоко подерутся между собою и идутъ въ излюбленную свою „кырчуму“ запивать мировую, къ чему всегда присоединяется и полицейскій хожалый, являющійся на шумъ якобы для разбирательства. Юркость уличному движенію сообщаютъ только непосѣдливые, вездѣсущіе жиды, которые снуютъ туда-сюда, вынюхиваютъ, высматриваютъ и назойливо пристаютъ къ русскимъ офицерамъ съ разными предложеніями, въ качествѣ факторовъ, коммисіонеровъ, штучныхъ продавцевъ, ручныхъ торговцевъ и всевозможныхъ „гешефтс-махеровъ“. Здѣсь нѣтъ, какъ у насъ, правительственнаго запрета ни на пейсы, ни на традиціонный еврейскій костюмъ, и потому сыны Израиля зачастую встрѣчаются на улицахъ и базарахъ, такъ сказать, во всей своей неприкосновенности. Однимъ изъ любимѣйшихъ мѣстъ уличнаго сборища является небольшая площадка передъ такъ называемой „Примаріей“, гдѣ помѣщается пожарная команда (pompieri). Эту команду почти ежедневно выводятъ на площадку для ученья, но не пожарнаго или гимнастическаго, а для артиллерійскаго, причемъ каждый разъ выкатываютъ изъ сарая, называемаго „батеріа помпіерп“, двѣ старинныя пушки. При чемъ тутъ пушки и съ какой стати понадобилось для пожарныхъ артиллерійское ученье—ужь это Богъ вѣсть; но народъ очень любитъ глазѣть, какъ помпіеры, громко выкрикивая и отсчитывая каждый темпъ, обучаются старинным пріемамъ при орудіяхъ. Иногда улицы оживляются также очень своеобразнымъ шествіемъ на учебный плацъ гражданской гвардіи и резервистовъ. Представьте себѣ, самый пестрый сбродъ всевозможныхъ „цивильныхъ“ костюмовъ, отъ крестьянской рубахи до щегольской жокетки и фрака, сплошь обритыя лица и рядомъ физіономіи, украшенныя всевозможною растительностью, цилиндры, смушковыя шапочки, долгополыя шляпы, очки, пенсне и монокли, пестрые штаны и жилетки, лакированные сапоги и рядомъ босыя ноги, высокія и низенькія, толстыя и тощія фигуры этихъ гражданъ воиновъ, кое-какъ поставленныхъ въ ряды, безъ разбора и ранжира, вооруженныхъ тесаками и ружьями, и преважно шествующихъ по улицамъ не иначе какъ подъ звуки рожковъ и барабановъ, съ развернутымъ баталіоннымъ знаменемъ и пестрыми ротными значками, въ сопровожденіи досужей толпы и прыгающихъ между рядами мальчишекъ. Картина эта если и не воинственна, за то очень оригинальна. Впрочемъ съ прибытіемъ русскихъ войскъ, какъ слышно, румынскихъ гражданъ обуялъ очень воинственный духъ и потому они весьма охотно стали удѣлять разъ или два въ недѣлю по часу времени отъ своихъ домашнихъ занятій для бранныхъ упражненій на плацъ-парадѣ. Въ особенности сдѣлались воинственны разные газетчики, адвокаты, аптекаря и лавочники; что же касается до простыхъ ремесленниковъ, которымъ дорогъ каждый рабочій часъ, и до босоногихъ гражданъ, любящихъ проводить свой день у дверей кабачковъ въ пріятномъ бездѣльи, то воиновъ этихъ двухъ категорій,—какъ разсказываютъ здѣсь,—приходится загонять на сборный пунктъ, по большей части, съ помощію принудительныхъ мѣръ полицейскаго характера.

Нападеніе Гаупако на охотника въ ущельи Икононзо въ Колумбіи.
Рис. Ріу, грав. Лаплантъ.

Общественная жизнь въ Плоештахъ довольно развита. Трактирчики и кофейни въ Плоештахъ съ утра и до поздней ночи переполнены мѣстными чиновниками, щеголеватыми офицерами, докторами, адвокатами, депутатами и т. п.—вообще, людомъ средняго сословія, для котораго наивысшій интересъ представляетъ политика и политическое пустословіе. Всѣ они очень любятъ спорить, слушать и передавать всяческія политическія новости и сплетни, создавать самыя куріозныя политическія комбинаціи и планы. Любимѣйшее чтеніе этихъ господъ—или,

(Продолженіе на стр. 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24.)

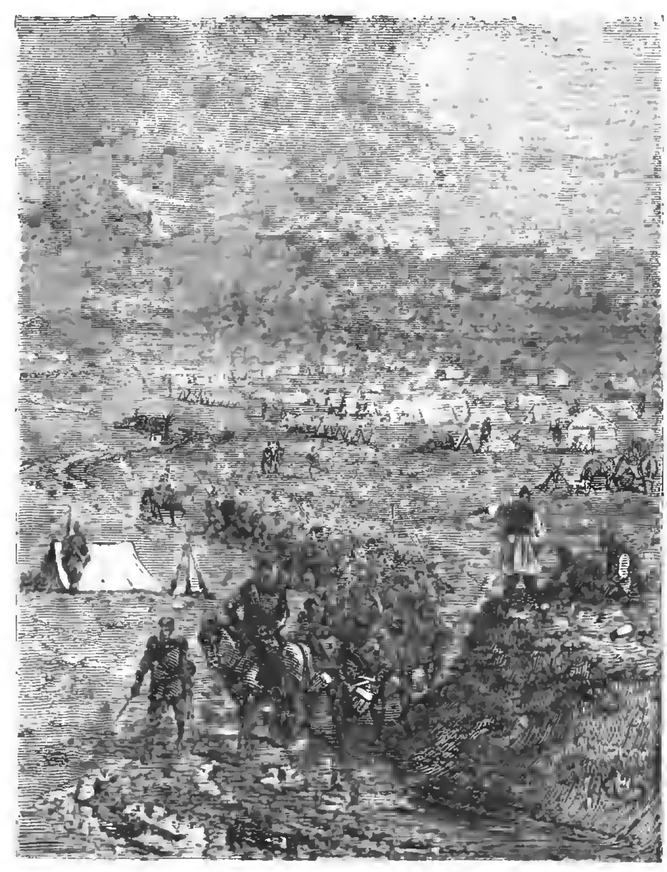
по крайней мѣрѣ, тѣхъ изъ нихъ, что понимаютъ по нѣмецки—вѣнская „Neue Freie Presse“, почти единственная распространенная здѣсь газета,—другой изъ заграничныхъ не увидишь ни въ одномъ ресторанѣ. Достаточно назвать ее, чтобы не опредѣлять далѣе направленіе мыслей, взглядовъ и сочувствій къ намъ ея многочисленныхъ румынскихъ читателей и почитателей. Изъ румынскихъ органовъ печати наиболѣе распространена въ Плоештахъ маленькая газета „Vestea“, форматомъ не болѣе нашего „Гражданина“. Печатается она въ Бухарестѣ очень четко, въ три столбца и заключаетъ въ себѣ на четырехъ страницахъ все что угодно, въ видѣ газетныхъ выжимковъ, отъ передовой статьи въ двадцать строкъ до фельетона какого-то г-на Леандру, и стоитъ 20 франковъ въ годъ,—цѣна, соотвѣтственно ничтожному объему газетки, далеко не маленькая. У мѣстныхъ болгаръ тоже есть свой органъ „Семидневный Новинаръ“, объемомъ и форматомъ не превышающій „Vestea“, и служащій интересамъ партіи, преданной Россіи и ратующей за свободу Болгаріи. Въ тѣхъ же кофейняхъ, вмѣстѣ съ политическимъ пустословіемъ идетъ публично жестокая игра въ кости и въ карты, до которыхъ румыны, судя по здѣшнимъ образчикамъ, большіе охотники. Шуллеровъ, при этомъ, конечно, пропасть, и все это алчно-пытливыми взглядами окидываетъ русскаго офицера, если тотъ случайно подойдетъ къ игорному столу; но наши пока не поддаются соблазну.

При двухъ-трехъ гостинницахъ здѣсь существуютъ внутренніе садики, съ буфетомъ, эстрадою для цыганъ-музыкантовъ и даже съ маленькой сценой для фарсовъ и шансонетокъ, которыя впрочемъ теперь не исполняются, за неимѣніемъ артистовъ. Садики эти очень напоминаютъ варшавскіе „огрудки“ съ какой-нибудь „Фреты“ или „Длугой улицы“, да и буфеты-то въ нихъ держатъ преимущественно поляки, и чуть ли не эмигранты;—по крайней мѣрѣ они хорошо объясняются по-польски, и это обстоятельство для многихъ изъ нашихъ офицеровъ, стоявшихъ въ Польшѣ и не понимающихъ румынскаго языка, служило большимъ подспорьемъ, а не будь здѣсь этихъ бѣглыхъ поляковъ,—плохо пришлось бы не одному голодному желудку. Они очень услужливы и, судя по наружности, никакой вражды къ намъ не питаютъ. Наибольшею популярностью между трактирными садиками пользуется „Молдавія“. Здѣсь подъ сѣнію бѣлыхъ акацій и цвѣтущихъ олеандровъ, за круглыми столиками, при звукахъ цыганскаго оркестрика, собиралось по вечерамъ чуть ли не все русское офицерство. Посѣщали порою „Молдавію“ и лица высокостоящія въ нашей военной іерархіи. Тутъ же бываетъ много мужчинъ и дамъ мѣстнаго румынскаго общества, которые впрочемъ держатся совершенно отдѣльно отъ русскихъ. Нѣкоторые мужчины иногда еще коекакъ сходились съ нами и вступали въ разговоры, но дамъ своихъ ревниво оберегаютъ отъ всякаго сближенія съ русскими, тщательно избѣгая приглашать послѣднихъ въ свои семейства. Наши, съ своей стороны, и не навязываются на знакомства, хотя многія румынскія дамы находили возможность къ тому помимо воли и вѣдома своихъ супруговъ. Русское общество проводитъ свободные вечера въ „Молдавіи“, разбившись на пріятельскіе кружки, за стаканомъ пива или бутылкою мѣстнаго вина. Иностранныхъ винъ въ Плоештахъ, за исключеніемъ поддѣльнаго австрійскаго шампанскаго, почти совсѣмъ не обрѣтается, а если и есть, то такого подозрительнаго качества, что нужна не малая рѣшимость ихъ попробовать. Но мѣстныя вина вообще не дурны, попадаются нерѣдко даже и очень хорошія; изъ среднихъ же сортовъ наиболѣе распивается „pelin“ (полынное),—виноградное бѣлое вино, нѣсколько горьковатое, вслѣдствіе подмѣси полыни, но довольно пріятное на вкусъ и стоющее недорого: ½ франка полбутылки. Къ сожалѣнію, здѣсь невозможно пить чаю: его окончательно не умѣютъ заваривать, а именно, щепоть чаю кладутъ въ кострюльку холодной воды и начинаютъ кипятить на плитѣ, а то и просто ставятъ въ печку, въ результатѣ чего получается мутно-желтоватая бурда неопредѣленнаго вкуса.

Въ „Молдавіи“ игралъ небольшой цыганскій оркестрикъ, подъ управленіемъ нѣкоего Добрыни Маринеско, который игралъ и во время обѣдовъ у Великаго Князя. Въ первый же вечеръ какъ появились здѣсь русскіе, этотъ Добрина, примѣняясь къ мѣстнымъ вкусамъ, сталъ-было поигрывать изъ „Анго“ и всякую другую оффенбаховскую дребедень, да еще вдобавокъ наигрывать весьма плохо. Нашимъ это не понравилось и они попросили его лучше сыграть что-нибудь мѣстное, народное. Цыгане заиграли свою „Садарому“, гдѣ въ началѣ чрезвычайно своеобразные тоскливые звуки, переходятъ потомъ въ бѣшено страстный темпъ пляски, съ аккомпаниментомъ соловьиныхъ высвистовъ на 24-хъ-дудочной свирѣли. Нашимъ это очень понравилось, такъ что они собрали между собою до десятка рублей и высыпали складчину изъ шапки музыкантамъ.

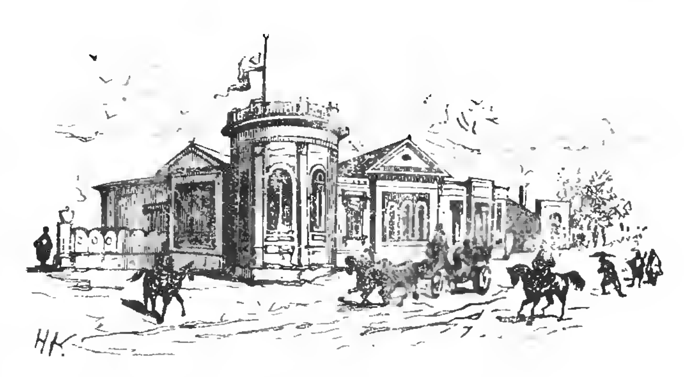
Русская скульптура: „любопытство“. Статуя А. Снигиревскаго, грав. Пуцъ.

Но такое щедрое поощреніе далеко не понравилось румынской публикѣ, которая не имѣетъ обыкновенія баловать цыганъ какими бы то ни было поощреніями, кромѣ рукоплесканій, и потому на нашихъ офицеровъ посыпались съ разныхъ концовъ ироническіе взгляды и улыбки. Съ того самаго вечера Добрина Маринеско со своимъ оркестрикомъ, въ угоду русскимъ офицерамъ, сталъ пѣть и играть исключительно румынскія піесы, между которыми пѣсни народныя носятъ характеръ рапсодій, и въ романсахъ нерѣдко попадаются очень милые и граціозные мотивы, какъ напримѣръ „Цара Романеска“ и „Копелица“. Румыны положительно не понимали, что это можетъ нравиться намъ „въ такой дикой, грубой, мужицкой музыкѣ“, и въ началѣ нерѣдко случалось такъ, что чуть лишь офицеры потребуютъ „Пѣсни Гайдука“ или „Дайну“, какъ румыни принимаются кричать „Angot! Angot!.. Barbe bleu!.. Belle Hélène!“... Но впослѣдствіи они примирились съ нами на одной пѣсенкѣ „Postillon“, и то потому лишь, что она вѣнскаго происхожденія. Вскорѣ звуки этого „Постильона“ до такой степени стали популярны, что отъ нихъ, просто, дѣваться было некуда въ Румыніи.

Лагерь подъ Плоэштами.

Среди румынской публики въ той же „Молдавіи“ засѣдало нерѣдко и румынское духовенство, между которымъ особенно характеренъ показался мнѣ одинъ молодой священникъ-франтъ: онъ былъ недуренъ собою и, кажись, не только сознаетъ это самъ, но и другимъ достаточно даетъ чувствовать,—такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по его изысканному костюму—коротенькой шелковой ряскѣ, *гриперловымъ* перчаткамъ, свѣтлымъ прюнелевымъ ботинкамъ, по завитымъ и распомаженнымъ усикамъ, по золотому пенсне на нахальномъ носу, по запаху очень сильныхъ духовъ „Chipre“, пропитавшихъ всю его особу и, наконецъ, по фатовато-изломанныхъ манерамъ, которымъ онъ старается придать изящную небрежность свѣтскаго денди. Попикъ этотъ, что называется, баловень дамъ: всегда окруженъ молодыми женщинами, за которыми слегка ухаживаетъ, какъ бы снисходительно позволяя имъ окружать себя предупредительнымъ вниманіемъ и любезностями. Впрочемъ, надо сказать, что этотъ служитель алтаря составляетъ довольно выдающееся явленіе между румынскими попами, которые, при полномъ религіозномъ индифферентизмѣ свѣтскаго общества, не только не пользуются въ немъ какимъ-либо авторитетомъ, но держатся, что называется, въ черномъ тѣлѣ; къ ихъ посредству прибѣгаютъ только за самыми необходимыми гражданско-духовными требами, какъ крестины и похороны, да еще въ тѣхъ случаяхъ, когда надо повѣнчать сомнительный бракъ или учинить разводъ супруговъ, что здѣсь дѣлается очень легко и быстро, а главное дешево; поэтому въ обществѣ, какъ увѣряютъ люди свѣдущіе, не въ рѣдкость можно встрѣтить дважды разведенныхъ дамъ, вышедшихъ замужъ въ третій разъ и какъ ни въ чемъ не бывало болтающихъ въ свѣтскихъ гостиныхъ съ обоими своими бывшими мужьями.

Домъ гдѣ жилъ В. К. Главнокомандующій

Верстахъ въ трехъ отъ Плоештовъ, среди великолѣпной рощи старорослыхъ дубовъ, пріютился маленькій монастырекъ Тымыдупрскій—„извбру Тымыдупре“, какъ называютъ его румыны. Здѣсь находится неистощимый ключъ, прекрасная вода котораго напоминаетъ вкусомъ и прозрачностью нашу невскую. Ключъ бьетъ изъ камня, и къ нему ежедневно стекаются изъ Плоештовъ сотни народа—отдохнуть подъ густолиственной сѣнью рощи, на роскошной муравѣ и отвѣдать воды, которая нѣкоторыми почитается даже цѣлебною. Люди зажиточные присылаютъ сюда осликовъ, навьюченныхъ боченками, и запасаются монастырскою водою на цѣлыя сутки для домашнихъ надобностей. Въ Румыніи, да и вообще на югѣ, при томительной духотѣ и палящемъ солнцѣ, хорошая холодная вода въ большомъ почетѣ и составляетъ предметъ необходимой потребности въ такой мѣрѣ, что особые продавцы разносятъ ее даже по улицамъ и продаютъ на стаканы: такимъ образомъ тымыдупрскій ключъ въ лѣтніе мѣсяцы служитъ источникомъ дохода для нѣсколькихъ десятковъ бѣдняковъ. Сюда же нерѣдко наѣзжаютъ и люди мѣстнаго свѣтскаго общества устраивать себѣ веселые пикники, а по ихъ примѣру стали ѣздить и наши офицеры, запасаясь обыкновенно какимъ нибудь комиссіонеромъ, который могъ служить переводчикомъ. Въ Тымыдупрѣ есть викарный архимандритъ или „старецъ“, какъ ихъ называютъ, отецъ Геласій, который знаменитъ чуть ли не на всю Румынію изобрѣтенною имъ „áной“, сирѣчь водою. „Ана отца Геласія“ извѣстна здѣсь въ каждой аптекѣ и, по словамъ изобрѣтателя,—„помогаетъ отъ всѣхъ недуговъ тѣлесныхъ и душевныхъ, а наипаче отъ разслабленія желудка“. Это чрезвычайно крѣпкій, отлично очищенный спиртъ съ легкимъ ароматическимъ букетомъ въ родѣ fleur d'orang'a, и отецъ Геласій—веселый и радушный хозяинъ—любитъ имъ немножко поковарствовать надъ своими новыми гостями. „Дульчацы“ въ здѣшнемъ гостепріимствѣ необходимѣйшій элементъ каждаго визита, и потому отецъ Геласій любезно преподноситъ своимъ гостямъ небольшой стаканъ „аны“, смѣшанной съ сахарнымъ порошкомъ—одинъ стаканъ на всѣхъ, да больше и не требуется. Гости, бесѣдуя черезъ переводчика съ хозяиномъ, смакуютъ маленькими деревянными ложечками его „дульчацъ“, замѣчательный тѣмъ, что крѣпость его при употребленіи вовсе не ощущается,—кажется, будто пробуешь очень пріятный и нѣжный шербетъ, но въ результатѣ незамѣтно опорожненнаго нѣсколькими человѣками стакана—всѣ привезенные съ собою для пикника напитки оказываются совершенно излишними. Гостепріимство свое тымыдупрскій „старецъ“ обыкновенно заканчиваетъ тѣмъ, что благословляетъ гостей монастырскимъ хлѣбомъ и даритъ каждому на память по деревянной обѣденной и чайной ложкѣ, собственной своей, весьма искусной, работы. Конечно, его отдариваютъ за это сообща серебрянымъ рублемъ а иногда и червонцемъ. Отецъ Геласій—67-ми-лѣтній, но еще бодрый старикъ—монахъ совсѣмъ стараго покроя, хорошо помнитъ графа Дибича, которому въ молодости своей однажды былъ лично представленъ, съ увлеченіемъ разсказываетъ о войнѣ 1828 года, гдѣ самъ принималъ участіе волонтеромъ, сохранивъ въ памяти имена и многихъ другихъ нашихъ генераловъ и офицеровъ того времени.—„А что, живъ ли капитанъ Антоповъ, мой большой пріятель? добродушно освѣдомлялся у насъ старецъ:—если живъ, то я полагаю, долженъ быть теперь большимъ генераломъ, потому что онъ былъ большой храбрости капитанъ,—о! весьма большой храбрости!“ Очень интересуясь нынѣшнею войною, отецъ Геласій заявляетъ съ видимою искренностью, что молится каждый день о ниспосланіи русскимъ побѣды и прибавляетъ: „пора, пора! давно уже пора вамъ было придти сюда!“ Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ: чуть только попадется въ здѣшнихъ мѣстахъ уцѣлѣвшій осколокъ стараго времени—будетъ-ли то отецъ Геласій, или „майка я домнулуй Калуда Димитріу“—сейчасъ передъ тобой встаетъ цѣльный человѣкъ, какъ будто совсѣмъ другаго міра, неимѣющій ничего общаго съ нынѣшнимъ „цивилизованнымъ“ румыномъ.

Въ нынѣшнихъ „цивилизованныхъ“ субъектахъ этой расы есть нѣчто отталкивающее, и это именно ихъ безпредѣльное фанфаронство, самомнѣніе, самонадѣянность, хвастовство и замѣчательная легкомысленность. Они всѣ безъ исключенія по-

читаютъ себя высшей рассой въ человѣчествѣ, прямыми потомками древнихъ римлянъ, преемственными носителями идей европейской цивилизаціи и свободы, много толкуютъ о „миссіи румынъ“, о своемъ важномъ международномъ и государственномъ значеніи для равновѣсія Европы—дескать, на чью сторону вѣсовъ будетъ брошенъ румынскій мечъ, тому и достанется побѣда; наши корреспонденты уже передавали знаменитое изрѣченіе одного изъ этихъ „носителей“—N'ayez pas peur—nous sommes aves vous!“.

Главная квартира Государя Наслѣдника Цесаревича.

Съ 1856 года очи боярской и буржуазной Румыніи отвернулись отъ Востока и всецѣло обратились на Западъ, ища и чая исключительно тамъ своихъ идеаловъ и своего спасенія. При этомъ румынское „интелигентное“ правительство и либеральный парламентъ прежде всего постарались изгнать изъ употребленія свою древнюю кириллицу и замѣнить ее латинскимъ алфавитомъ. Сообразно этому началу пошла радикальная ломка и почти во всѣхъ остальныхъ формахъ и порядкахъ самобытной жизни. Для современнаго “цивилизованнаго“ румына, необходимо воспитавшагося на вѣнской Ringstrasse или на парижскихъ бульварахъ, наивысшій соціальный и нравственный идеалъ, къ которому онъ стремится всею душою и всѣми помыслами, составляетъ Франція—и даже не Франція, а только Парижъ, но не нынѣшній республиканскій, а Наполеоновскій, Парижъ старой имперіи, со всѣмъ его режимомъ, со всѣмъ мишурнымъ блескомъ, нарядной внѣшностію и внутренней пустотой и гнилью разврата семейнаго и общественнаго, съ его широкою продажностію—отъ высшихъ сферъ администраціи до сокровенныхъ сферъ супружескаго алькова включительно,—съ его скаредностію и жадностію, безшабашнымъ стремленіемъ къ быстрой, хотя бы и темной наживѣ, съ легкомысленнымъ поверхностнымъ отношеніемъ къ всему на свѣтѣ, съ полнымъ индеферентизмомъ къ религіи, къ семейству, къ гражданскимъ обязанностямъ, съ его громкимъ, но пустымъ газетнымъ и парламентскимъ фразерствомъ и грошовымъ „либерализмомъ“. Оффенбаховщина и бульварность въ жизни, въ нравахъ, въ людяхъ, въ идеяхъ и стремленіяхъ—вотъ полное выраженіе современнаго „цивилизованнаго“ румына, который называетъ свой грязненькій, полуцыганскій, полужидовскій Бухарестъ не иначе какъ „маленькимъ Парижемъ“. Разница между оригиналомъ и копіей является только въ томъ, что оригиналъ, при всемъ его внутреннемъ безобразіи, все-таки казался грандіознымъ, а копія—грязненькая, пошленькая, мизерная... Въ довершеніе этой характеристики необходимо слѣдуетъ прибавить, что при всѣхъ стремленіяхъ къ парижскому идеалу, во внутренней сущности „цивилизованнаго“ румына и въ его домашнихъ непоказныхъ порядкахъ остается еще очень много азіатскаго и цыганскаго начала: жизнь подъ турецкимъ владычествомъ оставила-таки въ немъ не мало своихъ существенныхъ слѣдовъ. Отъ Наполеоновскаго Парижа онъ перенялъ только его внѣшній шикъ, да и то дурнаго разбора, и всѣ его гнилыя, нездоровыя стороны, утративъ въ тоже время все то хорошее, что лежало въ основахъ старосвѣтской, православной жизни его дѣдовъ и прадѣдовъ, и, въ довершеніе всего, окончательно разошелся со своимъ простымъ сельскимъ народомъ, разучившись понимать его внутренній складъ, поэзію, стремленія и нужды. Что же касается сельскаго народа, то его—слава Богу—еще не коснулись эти язвы; онъ представляетъ собою пока только сырой матерьялъ, изъ котораго могло бы выйдти нѣчто своеобразное и хорошее, но не иначе какъ при условіяхъ здороваго направленія и развитія мѣстной цивилизаціи.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Литературный альбомъ.

Послѣдняя сцена пятаго акта трагедіи гр. А. К. Толстаго **„Смерть Іоанна Грознаго“.**

„Смерть Іоанна Грознаго,“ трагедія, покойнаго поэта графа А. К. Толстого, всѣмъ извѣстна и имѣла въ свое время большой успѣхъ—изъ историческихъ хроникъ послѣ гоголевскаго періода нашей литературы это лучшая; мы не будемъ распространяться объ ея недостаткахъ—значительной искуственности, растянутости и т. п. Яркими, сильными чертами обрисованы въ ней лица Іоанна и Бориса,—одного умирающаго, болящаго, дряхлаго, но все грознаго владыки,—и другаго—хитраго, пронырливаго, полнаго жизни, правдами и неправдами стремящагося къ престолу царедворца.

Нашъ рисунокъ представляетъ послѣднюю картину пятаго акта,—моментъ смерти Іоанна. Подготовительный ходъ дѣйствія у Толстого расположенъ такъ: Царь, очень дурно чувствовавшій себя нѣсколько дней сряду, въ день смерти, восьмнадцатаго марта, прилегъ отдохнуть, и проснувшись, почувствовалъ себя гораздо бодрѣе. Вообразивъ, что это признакъ близкаго выздоровленія, онъ опять начинаетъ заговаривать о „заморской невѣстѣ“, англійской принцессѣ Гастингсъ, на которой еще прежде собирался жениться, разведясь со своею седьмой женою, Маріею Нагихъ. Съ цѣлью выбрать для нея подарки, онъ велитъ перенести себя въ залу, гдѣ разложены всевозможныя драгоцѣнности. Врачи предупреждаютъ: „Боже сохрани разсердить его чѣмъ нибудь сегодня.“—Для потѣхи царской бояре подготовляютъ хороводъ шутовъ со сковородами, гудками, волынками. Бѣльскій прячетъ ихъ въ сосѣдній покой и предупреждаетъ ихъ: „пятокъ не жалѣть, вертѣться передъ царемъ кубарями, и вбѣгать, когда крикнутъ: *люди!*“

И вотъ на сценѣ появляется Іоаннъ, блѣдный, изнуренный болѣзнью, но торжествующій мнимую побѣду надъ ней. Онъ говоритъ.

...Нельзя еще сегодня
Намъ видѣть королевина посла —
Пусть завтра къ намъ онъ, безъ меча и корда,
Откланяться придетъ,—въ опочивальнѣ
Мы примемъ запросто его.

А пока начинаетъ выбирать подарки: ожерелья, сѣдла, кольца для отсылки въ Англію. Подъ окномъ, на площади слышны народные крики.—„Что за крики тамъ?“ спрашиваетъ царь. Годуновъ отвѣчаетъ.

Народъ шумитъ, великій Государь,
И веселится о твоемъ здоровьѣ.

Іоаннъ. Пусть веселятся! Выкатить на площадь
Имъ сотню бочекъ меда и вина!

Понемногу шутъ отвлекаетъ вниманіе царя отъ бояръ, показывая ему новые шахматы, присланные въ подарокъ изъ Персіи. Іоаннъ заинтересовывается роскошной игрой, и, осмотрѣвъ ее, предлагаетъ партію Бѣльскому. Зажигаютъ свѣчи, такъ какъ короткій мартовскій день уже прошелъ; Іоаннъ подвигаетъ пѣшку и начинается игра. Шутъ, помѣстившійся у ногъ его, начинаетъ острить по поводу нарядныхъ фигуръ: „Точь въ точь твои бояре! Знаешь что? Живыхъ-то ты всѣхъ по-боку, а этихъ всѣхъ въ думу посади. Дѣла не хуже у нихъ пойдутъ и ѣсть они не просятъ“. Іоаннъ хохочетъ; разговоръ переходитъ на политическія событія послѣднихъ дней. Царь говоритъ: „На сеймѣ королю отказано въ пособьи! Достойно право смѣху: свои же люди, своему владыкѣ да денегъ не даютъ“. Бѣльскій, между тѣмъ, начинаетъ поддаваться, что вызываетъ со стороны Іоанна мысль: „Сдается намъ, мы не совсѣмъ еще играть забыли! Нашъ недугъ у насъ еще не вовсе отнялъ разумѣнье!“ Возвращается Борисъ и молча останавливается передъ Іоанномъ. Тотъ его сперва не замѣчаетъ, потомъ поднявъ голову спрашиваетъ:

Ты здѣсь? Ну, Что? Ты видѣлъ чародѣевъ?
Каковъ ихъ былъ отвѣтъ? Зачѣмъ молчишь ты?
Что-жь ты не говоришь?

Годуновъ. Гм., государь!

Іоаннъ. Что ты такъ смотришь на меня?
(Отодвигаясь отъ Годунова) Какъ смѣешь
Ты такъ смотрѣть?

Годуновъ. Великій государь!
Волхвы тебѣ велѣли отвѣчать.
Что ихъ наука достовѣрна.

Іоаннъ. Какъ?!

Годуновъ. Что ошибиться имъ нельзя, и что—
Кириллинъ день еще не миновалъ!

Іоаннъ *(встаетъ, шатаясь).* Не миновалъ?.. Кириллинъ день?..
Ты смѣешь...
Ты смѣешь мнѣ въ глаза... злодѣй!.. Ты... ты...
Я понялъ взглядъ твой!.. Ты меня убить...
Убить пришелъ!.. Измѣнникъ!.. Палачей!..
Өеодоръ, сынъ... Не вѣрь ему!.. Онъ воръ...
Не вѣрь ему... А!.. *(падаетъ навзничь).*

Бояре кидаются къ нему на помощь, и съ ужасомъ видятъ, что онъ отходитъ... Вбѣгаютъ врачи. „Духовника!“ шепчетъ умирающій.—„Бѣгите за попомъ!“ восклицаетъ Бѣльскій: „скорѣй бѣгите! Люди! Люди! Гей!“ И вдругъ на условный зовъ въ

палату вваливается толпа скомороховъ со свистомъ, пѣньемъ и пляской. „Ой жги, жги, жги! Тащи козла за рога!“ начинаютъ они свою пѣсню. На нихъ бросаются бояре: „Назадъ, назадъ, безбожники, назадъ! Царь умираетъ! Побойтесь Бога!“... Врачи объявляютъ о его смерти, и среди общаго переполоха. Годуновъ, отворивъ окно, кричитъ на площадь:

Москва!
Царь Іоаннъ Васильевичъ скончался!

Бояре въ паническомъ страхѣ толпятся передъ мертвымъ владыкой, пока Захарьинъ не замѣчаетъ имъ:

Во прахѣ ли предъ нами быть тому,
Предъ кѣмъ полвѣка мы лежали въ прахѣ?

Царя подинмаютъ, кладутъ на скамью, покрываютъ парчей, обставляютъ свѣчами. Въ открытое окно вмѣстѣ съ шумомъ толны, собравшейся въ Кремль, вносится гулъ похороннаго колокола, сперва одиночнаго, потомъ постепенно усиливающагося, сливающагося съ другими колоколами. Царевичъ Ѳедоръ плачетъ надъ тѣломъ отца, а Годуновъ тѣмъ временемъ самостоятельно распоряжается и вдовой царицей и ближними боярами, и царевичемъ Димитріемъ, въ силу данной ему царемъ Ѳедоромъ власти... Этимъ трагедія и заканчивается.

Въ этой эффектной сценѣ авторомъ сдѣлано значительное отступленіе отъ исторіи. Іоаннъ умеръ внезапно послѣ теплой ванны, собравшись играть въ шахматы, и умеръ, конечно, въ своей опочивальнѣ. Обрядъ пострижснія въ иночество былъ совершенъ надъ нимъ, когда онъ былъ уже почти въ безсознательномъ состояніи. Нарекли его Іоною. Предъ смертію онъ былъ чрезвычайно ласковъ и милостивъ къ окружающимъ, завѣщалъ любовное и мирное царенье. Но посреди христіанскихъ приготовленій къ смерти порою проявлялись дикіе, необузданные порывы его испорченной натуры.

Молодая Нубіянка.

Нубійцы нашего времени—бѣдное угнетенное племя, живущее въ жалкихъ мазанкахъ, часто построенныхъ не подалеку отъ какого нибудь величественнаго древняго сооруженія, свидѣтельствующаго, что Нубія не всегда была такой бѣдной и пустынной страной. Громадные колоссы высѣчены здѣсь въ скалахъ; множество храмовъ самой причудливой архитектуры разбросаны тамъ и сямъ среди всеобщаго запустѣнія. А между тѣмъ Нубійцы и нынѣ самое трудолюбивое смышленное и покорное племя, но по странной игрѣ судьбы никогда невыходившее изъ подъ гнета; въ древности они же несли великіе труды сооружая изъ камня громадныя пирамиды и постройки фараоновъ, но тамъ, при этихъ сооруженіяхъ, могло играть большую роль религіозное чувство и положеніе ихъ было конечно иное. Нынѣ они сооружаютъ длинные каналы, прорѣзывая ими цѣлыя перешейки, каналы, приносящіе пользу не имъ, а европейцамъ. Жизнь ихъ теперь—жизнь вѣчнаго труда и тяжелыхъ лишеній, хотя Нубіецъ довольствуется самымъ малымъ; пища его самая простая: молоко, финики, немного прѣснаго хлѣба и верблюжьяго мяса; одѣвается Нубіецъ въ грубыя ткани и лишь одинъ табакъ (который здѣсь и курятъ и жуютъ какъ мущины такъ и женщины) доставляетъ Нубійцу высшее наслажденіе. Переселиться въ Каиръ и тамъ выполнять трудныя обязанности водоноса или носильщика составляетъ для теперешняго Нубійца верхъ желаній. Конечно при такой забитости мужскаго населенія и положеніе женщины не можетъ представлять ничего утѣшительнаго и тамъ гдѣ прежде существовалъ культъ Изиды—богини-женщины, теперь оставлено лишь за женщиной право самаго грубаго и утомительнаго труда. Покорно и безропотно она выполняетъ всѣ домашнія работы, прядетъ шерстяныя и бумажныя ткани и мастеритъ разныя красивыя издѣлія изъ соломы и изъ листьевъ финиковой пальмы. Изъ этаго простаго, незатѣйливаго матерьяла она дѣлаетъ разныя корзиночки и ящички, часто придавая имъ форму древнихъ ѳивскихъ гробницъ и артистически раскрашивая ихъ въ цвѣта красный, голубой, черный и желтый. Здѣшнія женщины красивѣе мущинъ; симпатичное личико, стройный станъ, пропорціональность и красота формъ здѣсь не составляетъ рѣдкости; прибавьте къ этому чувственныя, полныя губы, огненные глаза, прелестные черные съ синимъ отливомъ волосы и—вотъ прекрасный типъ Нубійской дѣвушки. Этотъ типъ и изображенъ на нашемъ рисункѣ. Но такая красота является здѣсь удѣломъ лишь нѣжной юности; отъ лишеній, заботъ, а также и отъ климата, женщина здѣсь быстро старѣетъ и лишается всѣхъ прелестей, которыми ее такъ не надолго побаловала природа.

Ловля птицъ Гуапако въ Кордильерахъ.

Изумительное разнообразіе и богатство, какъ животнаго такъ и растительнаго царства Южной Америки часто увлекаютъ натуралистовъ въ глубь дѣвственныхъ, могучихъ лѣсовъ въ сырой таинственный мракъ ущелій и пещеръ Кордильеровъ чтобы видѣть чудеса и рѣдкости роскошной тропической природы. Особенно много трудностей предстоитъ любознательному орнитологу, чтобы поближе изучить громадное количество всевозможныхъ рѣдкихъ птицъ, водящихся въ Южной Америкѣ. На этотъ разъ мы намѣрены разсказать, какими трудностями и опасностями сопровождается ловля рѣдкой американской птицы—Гуапако, почти неизвѣстной въ европейскихъ зоологическихъ садахъ, музеяхъ и свивающей свои гнѣзда въ самыхъ неприступныхъ мѣстахъ горнаго кряжа Кордильеровъ. Гуапако или гуахаро, какъ ее называютъ въ Венецуелѣ, въ первый разъ была описана Гумбольдомъ въ началѣ настоящаго столѣтія. Знаменитый ученый нашелъ ее въ сталактитовой пещерѣ Карипѣ въ Новой Андалузіи и потому назвалъ ее Steatornis caripensis. Птица эта исключительно ночная и почти не покидаетъ днемъ свои неприступныя гнѣзда въ глубокихъ пещерахъ и разщелинахъ скалъ. Величиною она съ голубя и своимъ внѣшнимъ видомъ—длиннымъ клювомъ, формою головы и когтей, а также величиною глазъ напоминаетъ хищнаго полуночника; но за то рѣзко отличается отъ него родомъ пищи: гуапако питается исключительно сухими ароматическими плодами и растеніями. Цвѣтъ перьевъ гуапако бурый съ примѣсью бѣлыхъ полосъ и круглыхъ пятенъ. Туземцы относятся къ этой птицѣ не безъ нѣкоторой доли суевѣрнаго ужаса, разсказывая страшныя исторіи про обитаемыя ею пещеры, но эти разсказы не мѣшаютъ туземнымъ смѣльчакамъ спускаться въ пропасти и самыя глубокія ущелья, чтобы добыть нѣсколько экземпляровъ заколдованной, но ихъ понятію, птицы. Жиръ ея очень цѣнится, употребляется въ пищу и для лечебныхъ цѣлей. Этотъ жиръ, нагрѣтый, принимаетъ видъ тягучаго, прозрачнаго масла, безъ всякаго запаха и имѣющаго драгоцѣнное свойство—сохраняться болѣе года безъ всякой порчи. Какъ мы уже выше упомянули, ловля гуапако сопряжена съ большими трудностями и не обходится иногда безъ эпизодовъ драматическаго характера. Два такихъ эпизода представлены на прилагаемыхъ нами рисункахъ. Французскій путешественникъ Андре, бывшій свидѣтелемъ, какъ 8-го февраля 1876 года одинъ смѣлый охотникъ спустился съ моста Икононзо въ глубокую пропасть за ловлей гуапако, описываетъ эту рискованную охоту.

Когда все было готово къ спуску по данному сигналу, канатъ съ охотникомъ началъ медленно опускаться въ бездну. Жанъ (имя охотника) вскорѣ достигъ достаточной глубины, чтобы, осмотрѣвшись, замѣтить различіе каменной породы верхней части ущелья отъ нижней; верхніе пласты состояли исключительно изъ несчаника, нижніе же образовались изъ твердаго сланца, принимавшаго форму то стрѣльчатыхъ сводовъ, то величавыхъ причудливыхъ пиластровъ. Наконецъ, канатъ достигъ глубины 15 саженъ. Здѣсь взорамъ охотника представилась глубокая пещера, таинственное обиталище гуапако, которыхъ гнѣзда, слѣпленныя изъ затвердѣвшей черной глины покрывали собою кругомъ всѣ своды. Сажень пять ниже нависшая надъ горнымъ потокомъ Саманазъ, выдавалась большая масса песчаника, подъ которою находилась другая пещера почти такихъ же размѣровъ какъ и первая. Жанъ обшарилъ какъ ту такъ и другую и при этомъ добылъ одного живаго птенца и гнѣздо съ тремя яйцами. До сихъ поръ путешествіе было благополучно, но одно обстоятельство чуть не поставило смѣлаго охотника въ довольно опасное и затруднительное положеніе.

Дѣло въ томъ, что канатъ, огибая выступъ песчаника, образовалъ кривую линію, такъ что сверху видѣть дальнѣйшія дѣйствія Жана не было ни малѣйшей возможности: между тѣмъ въ самый моментъ спуска, гуапако, огромной стаей сдѣлали отчаянное нападеніе на нашего охотника съ остервенѣніемъ поражая его клювами и ногтями. Обороняясь одной рукой отъ этого полчища пернатыхъ, онъ кричалъ въ ужасѣ, чтобы его подняли на верхъ какъ можно скорѣе, но крикъ его не долеталъ по назначенію. Вверху ничего не было слышно и канатъ опускался по прежнему и ноги Жана уже погружались въ волны горнаго потока, бѣшено бѣгущаго по скалистому ложу и совершенно заглушавшаго своимъ шумомъ отчаянные крики охотника. Оставалось одно послѣднее средство: обрѣзать канатъ и броситься вплавь, рискуя быть разбитымъ о подводныя скалы, если не удастся выплыть въ какое либо безопасное мѣсто. Жанъ испустилъ пронзительный и долгій крикъ и уже поднялъ руку, чтобы приступить къ выполненію своего страшнаго плана. Но къ счастію, на этотъ разъ онъ былъ услышанъ. Двадцать дюжихъ, мускулистыхъ рукъ ухватились за канатъ и вытащили охотника на свѣтъ Божій при громкихъ рукоплесканіяхъ собравшихся зрителей.

Кельнская ратуша.

Ратуша въ Кельнѣ принадлежитъ къ величественнѣйшимъ зданіямъ этого стариннаго города и къ интереснѣйшимъ памятникамъ зодчества; нѣсколько столѣтій принимали участіе въ ея сооруженіи. Постройка ратуши начата въ XIV столѣтіи, на развалинахъ римской преторіи. Впродолженіи 1407 до 1313 г. на гордо возвышающемся зубчатомъ зданіи была возведена прекрасная готическая башня (представленная на немъ ри-

сункѣ), а въ 1569—71 г. къ зданію, въ которомъ преобладалъ готическій стиль, былъ пристроенъ богато украшенный рѣзьбой порталъ во вкусѣ возрожденія. Главное зданіе было одно время запущено, но въ послѣднее десятилѣтіе, оно снова и тщательно возстановлено подъ наблюденіемъ талантливаго Рамдорфа. Порталъ состоитъ изъ двухъ рядовъ арокъ, расположенныхъ одна надъ другою и образующихъ открытую галлерею; арки поддерживаются 16 колоннами, покрытыми лѣпною работою; колонны нижнихъ арокъ изъ мрамора. Между арками расположено: 12 головъ въ медальонахъ съ именами римскихъ императоровъ, которымъ Кельнъ обязанъ своимъ основаніемъ и развитіемъ, и три рельефныхъ изображенія, представляющихъ легендарнаго бургомистра Грина, борющагося со львомъ. Въ первомъ этажѣ зданія помѣщается вновь отдѣланный прекрасный *ганзейскій* залъ, съ богатыми массивными средневѣковыми украшеніями (около 14 саж. вышины и 5 саж. ширины), гдѣ въ 1362 г. былъ заключенъ ганзейскій союзъ между 77 нѣмецкими городами, а съ 1869 г. онъ служитъ мѣстомъ засѣданій высшаго городскаго совѣта. На южной стѣнѣ выбита превосходная каменная группа изъ 9 фигуръ. Въ готической башнѣ помѣщаются городская библіотека и архивъ. Восточный фасадъ ратуши, обращенный къ старому рынку, отдѣланъ заново, и украшенъ портретами 13 германскихъ князей въ медальонахъ и изображеніями Оттона I и Максимиліана I. Зданіе представляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ зодчества Кельна и послѣ знаменитаго собора лучшее изъ того что стоитъ осмотра.

„Любопытство“.

Одно изъ видныхъ мѣстъ между нашими молодыми скульпторами занимаетъ Александръ Васильевичъ Снигиревскій. Удачный выборъ сюжета, тщательная отдѣлка и живость движенія изображаемыхъ имъ лицъ—вотъ качества, которыми отличаются его произведенія.

А. В. Снигиревскій родился въ концѣ 1841 года въ С.-Петербургѣ. Кончивъ курсъ въ академіи художествъ и получивъ золотую медаль за статую „Прометей, прикованный къ стѣнѣ,“ Александръ Васильевичъ отправился для своего дальнѣйшаго образованія въ Римъ, гдѣ и пробылъ пять лѣтъ. Въ Римѣ онъ окончилъ цѣлый рядъ статуй и группъ; нѣкоторыя изъ нихъ были также на выставкахъ въ Римѣ.

Послѣ возвращенія Александра Васильевича изъ Рима въ 1875 году, на выставкѣ въ академіи художествъ были помѣщены слѣдующія его произведенія: „Слѣпой музыкантъ“, оконченное въ 1871 году и бывшее въ 1872 году на выставкѣ въ Римѣ; „Буря,“ одна изъ его лучшихъ группъ, купленная академіею, затѣмъ „Неаполитанецъ“ играющій въ boccetto (игра въ шары, весьма распространенная въ Италіи); „Негритянка, забавляющая ребенка“ и, наконецъ, статуя „Любопытство“, рисунокъ которой мы помѣщаемъ въ этомъ № Нивы“.

Въ 1876 году Александръ Васильевичъ былъ удостоенъ званія академика за статую „Орфей.“

Статуя „Любопытство“ представляетъ дѣвочку, роющуюся въ рисункахъ своего брата—художника. Лицо ея выражаетъ самую напряженную внимательность, она прислушивается не идетъ ли братъ, зная, что онъ будетъ бранить ее за безпорядокъ, произведенный ею въ его комнатѣ. Но она не могла побороть своего любопытства, у брата такія хорошенькія картинки! Все уже осмотрѣно ею, остается только одинъ портфель, и она тихо, осторожно, не переставая прислушиваться къ малѣйшему шуму, вынимаетъ изъ него рисунки.

Политическое обозрѣніе.

Новый годъ. Турція. Австрійская окупація.—Турецкій заемъ.—Авганистанъ.—Германія и Италія и прочія государства.—Китайское посольство.

Затронутый съ 1876 г. восточный вопросъ оставилъ, повидимому, наступившему 1879 году тяжелую, трудную задачу сведенія счетовъ... Какъ бы ни была выполнена эта задача, едва ли можно ожидать въ результатѣ установленія на долгое время прочныхъ международныхъ отношеній, прочнаго мира.

Приступая къ обзору положенія дѣлъ въ различныхъ государствахъ и странахъ, мы, естественно, обратимся прежде всего къ Балканскому полуострову. Порта показываетъ, какъ бы, серьезное намѣреніе выполнить, наконецъ, остававшіяся, до сихъ поръ, непримѣненными статьи Берлинскаго трактата. Ей предстоитъ заключеніе цѣлаго ряда конвенцій, соглашеній, договоровъ.

Порта занимается и греческимъ вопросомъ: недавно въ Константинополѣ собирался совѣтъ министровъ, засѣданіе котораго почти исключительно было посвящено этому вопросу. Бывшему кабинету были сообщены комисіею военнаго министерства три плана по греческому вопросу, въ которыхъ уступчивость Турціи не заходила далѣе предоставленія эллинскому королевству части территоріи на 200 километровъ менѣе той, которая присуждена ему Берлинскимъ трактатомъ. Предполагалось послать въ Аѳины Мухтара-пашу, съ цѣлью склонить эллинскій кабинетъ къ принятію плана. Въ послѣднемъ совѣтѣ министровъ, одобрившемъ этотъ планъ, отправка Мухтара-паши отклонена, а вмѣсто того рѣшено назначить комисію для непосредственнаго соглашенія съ греческою на счетъ опредѣленія границъ.

Что же касается столь долго ожидаемой турецко-австрійской конвенціи, то, по словамъ газеты „Bohemia“, конвенція эта предоставляетъ Австро-Венгіи право содержать гарнизонъ въ Ново-базарскомъ пашалыкѣ, гражданское же управленіе остается за Турціей, которая, сверхъ того, будетъ занимать своими войсками, совмѣстно съ Австріей, три пункта.

Здѣсь, кстати, сообщаемъ читателямъ слѣдующее извѣстіе, которое должно напомнить имъ то, что мы говорили уже относительно тѣхъ чувствъ, съ какими въ дѣйствительности, а не по увѣреніямъ подставныхъ депутатовъ, боснійскій народъ относится къ австрійской окупаціи: въ депешѣ, полученной изъ Сераева и помѣщенной 24 декабря, говорится, что къ тамошнимъ властямъ магометанскіе вожди инсургентовъ обратились съ угрожающими заявленіями; въ этихъ заявленіяхъ, они обѣщаютъ собрать до 40 тысячъ войска и овладѣть Серасвымъ.

Параллельно слухамъ о выступленіи нашихъ войскъ, ходятъ толки о совмѣстномъ европейскомъ занятіи Болгаріи и Румеліи. Впрочемъ, Болгарія, какъ говорятъ, исключается пока изъ этой комбинаціи и предметомъ заботъ великихъ державъ является прежде всего „Восточная Румелія“, гдѣ опасность борьбы между населеніями особенно велика и которую „русскіе, съ точки зрѣнія европейскихъ интересовъ (!), должны какъ можно скорѣе очистить“. При этомъ, замѣчается, однако, что послѣдняго не легко достигнуть, такъ какъ, на основаніи Берлинскаго трактата, русскіе вправѣ оставаться въ Румеліи и Болгаріи въ продолженіи 9-ти мѣсяцевъ со дня ратификаціи трактата и смѣшанный европейскій корпусъ можетъ вступить туда только въ маѣ настоящаго года.

По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, корпусъ этотъ долженъ будетъ состоять изъ войскъ не однѣхъ только державъ, непосредственно заинтересованныхъ въ восточномъ вопросѣ, а именно: Британіи, Австріи, Франціи, Германіи и Италіи. Починъ долженъ принадлежать Франціи и корпусъ будетъ подчиненъ французскому начальству. Вѣнская оффиціозная „Tremdenblaat“, передающая это свѣдѣніе, вполнѣ одобряетъ эту комбинацію.

Трудно сказать—какъ отнесутся нѣкоторыя, и безъ того, возбужденныя части турецкаго населенія къ этому новому виду окупаціи. Весьма можетъ быть, что она придастъ болѣе силы потухавшему уже, было, и недавно опять вспыхнувшему новымъ пламенемъ албанскому возстанію. Движеніе этой лиги приняло совершенно неожиданное направленіе. Намѣреніе Порты выполнить обязательства свои предъ Черногоріей и допустить австрійское занятіе Новобазарскаго пашалыка породило въ скутарійскихъ вождяхъ лиги мысль и рѣшеніе потребовать присоединенія Албаніи къ Италіи, къ нимъ примкнули и призрендскіе главари. Итальянское правительство предписало, однако, своимъ дипломатическимъ агентамъ и консуламъ не поощрять подобныхъ плановъ, по вмѣстѣ съ тѣмъ, говорятъ, что итальянскому повѣренному въ дѣлахъ въ Константинополѣ предписано дать Портѣ успокоительныя увѣренія относительно намѣренія Италіи на Албанію. Въ римскихъ дипломатическихъ сферахъ ходитъ слухъ, что Корти, уѣхавшій въ Константинополь, избралъ путь чрезъ Вѣну собственно для того, чтобы успокоить австрійскихъ государственныхъ людей относительно албанскаго вопроса.

Въ свѣдѣніяхъ о предполагающемся турецкомъ займѣ мы находимъ извѣстіе, что, будто бы, турецкое правительство, не добившись необходимой гарантіи у Британіи, намѣрено обратиться съ предложеніями къ нѣкоторымъ изъ великихъ державъ.

Достигнутые Британіей успѣхи въ Афганистанѣ, предали, можно сказать, почти совершенно эту страну въ ея руки. Ширъ-Али бѣжалъ, часть населенія объявила эмиромъ его сына, Якубъ-хана, который, если вѣрить британскимъ же источникамъ, началъ уже переговоры съ побѣдителями. Впрочемъ это уже опровергнуто.

Биконсфильдъ, безъ сомнѣнія, съумѣетъ воспользоваться этой побѣдой. Уже теперь, по нѣкоторымъ признакамъ, можно судить о томъ, что будетъ присоединено къ владѣніямъ Индійской императрицы. Генералъ Робертсъ, начальствующій отрядомъ, дѣйствующимъ въ Курумской долинѣ, объявилъ, по словамъ Международнаго Агентства, населенію той долины, что они—уже не подданные эмира, а должны считать себя причисленными къ составу подданныхъ „императрицы“. Съ другой стороны есть извѣстіе, исходящее изъ компетентнаго источника, что будутъ заняты: навсегда—Джелалабадъ, обладаніе которымъ обезпечатъ гарнизоны въ Даккѣ и другихъ пунктахъ, и Пишинъ и Хаджекскій перевалъ, и—„временно“—Кабулъ и Кандагаръ, который, впрочемъ, можетъ быть, смотря по обстоятельствамъ, останется во владѣніи Британіи. Пока еще не рѣшено, кто будетъ эмиромъ, но за то, повидимому,

рѣшено „*провести черту на Аму-Дарьѣ или гдѣ нибудь въ иномъ мѣстѣ, и всякое вмѣшательство со стороны Россіи во владѣнія, лежащія за этой чертой, разсматривать какъ casus belli*.

Сомнѣваемся, чтобы такое новое положеніе вещей послужило къ нашей пользѣ въ Средней Азіи.

Изъ Берлина сообщаютъ, что въ день Рождества съ наслѣднымъ принцемъ произошелъ слѣдующій случай: при возвращеніи принца съ прогулки, лошади понесли у дворца; вслѣдствіе быстраго поворота, экипажъ пошатнуло и принцъ, вмѣстѣ съ адъютантомъ, былъ выброшенъ, но къ счастью оба отдѣлались только легкимъ ушибомъ, безъ вреда здоровью.

Въ Италіи, вслѣдствіе отказа палаты депутатовъ вотировать довѣріе министерству графа Кайроли, это послѣднее подало въ отставку и замѣнено кабинетомъ Депретиса. Судъ надъ Пассаменте еще не начался; говорятъ, будто Кайроли просилъ короля замѣнить ожидающійся смертный приговоръ Пассаменте другимъ наказаніемъ, къ чему, по слухамъ, склоняется и Гумбертъ. Монкаси приговоренъ къ смерти и высшею инстанціею.

Въ Швейцаріи недавно поднятый вопросъ о возобновленіи смертной казни рѣшенъ утвердительно. Мѣра эта вынуждена увеличившимся въ послѣднее время числомъ преступленій.

Парижская „National" сообщаетъ о предстоящемъ замѣщеніи нынѣшняго военнаго министра, генерала Бюремъ, генераломъ Фарромъ, бывшимъ начальникомъ штаба генерала Федерба. Французскимъ правительствомъ назначена комисія для разработки вопроса объ установленіи мѣстнаго управленія въ колоніяхъ на одинаковыхъ основаніяхъ съ мѣстнымъ управленіемъ въ метрополіи. Тунисскій бей, не смотря на сопротивленіе французскаго консула, пытался завладѣть имѣніемъ французскаго подданнаго, графа Созн. Говорятъ, что бей желалъ, будто, этимъ—весьма оригинальнымъ способомъ—возбудить кризисъ и, тѣмъ заставить Францію окончательно высказать свои намѣренія относительно присоединенія Туниса или учрежденія протектората надъ нимъ. Ваддингтонъ готовитъ серьезныя мѣры, чтобы истребовать удовлетворенія отъ бея.

Послѣднія депеши передаютъ, что согласно постановленію военнаго суда въ Семендріи, разыскивается сынъ князя Александра Карагеоргіевича, князь Петръ Карагеоргіевичъ и шестеро другихъ лицъ, замышлявшихъ покушеніе на жизнь князя Милана. Правительство приглашаетъ сербскія и иностранныя власти оказать содѣйствіе въ розыскѣ этомъ.

Китайское посольство прибыло въ Петербургъ во вторникъ, 19-го декабря, въ 6 часовъ вечера по с.-петербургско-варшавской желѣзной дорогѣ. Никакой встрѣчи устроено не было. У вокзала ожидали экипажи для доставки посланника и его многочисленной свиты въ Европейскую гостинницу, гдѣ для нихъ были заготовлены аппартаменты. Были открыты императорскія комнаты, гдѣ до отбытія изъ вокзала провелъ нѣсколько минутъ посланникъ и нѣкоторые старшіе чины посольства. Посланнику на видъ около пятидесяти лѣтъ. По сановитости онъ рѣзко выдѣляется изъ среды прибывшихъ съ нимъ соотчичей, хотя большинство изъ нихъ, безспорно,—красивые люди. Всѣ они были облечены въ свои народные костюмы, безукоризненной чистоты. Посланникъ отличался отъ другихъ и большимъ изяществомъ наряда. Кромѣ общаго всѣмъ китайцамъ верхняго платья, на немъ была мѣховая кацавейка и круглая мѣховая шапка съ краснымъ шелковымъ донышкомъ и съ прикрѣпленнымъ къ ней павлиньимъ перомъ. Узкая, весьма старательно сплетенная косичка волосъ доходитъ почти до поясницы. Впрочемъ, у нѣкоторыхъ изъ китайскихъ гостей косы такія роскошныя, что имъ, навѣрное, позавидовала бы не одна изъ нашихъ дамъ-щеголихъ. На открытомъ кругломъ лицѣ посланника не трудно прочесть умное и нѣсколько насмѣшливое выраженіе. Внѣшность его также характерная. Нѣкоторые изъ членовъ посольства говорятъ по-французски, а есть такіе, которые говорятъ по-русски. Все посольство состоитъ изъ 38 лицъ.

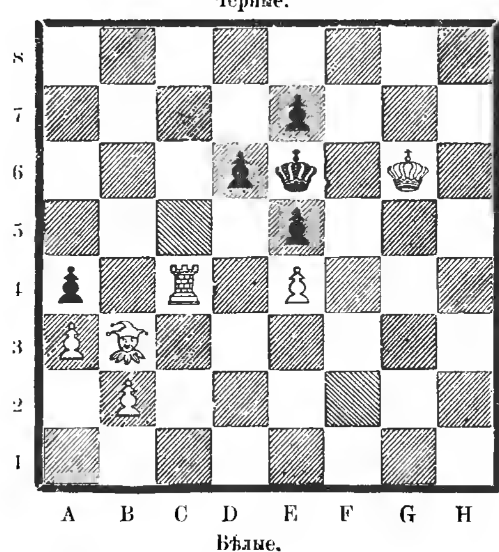
Личность посланника очень замѣчательная. Такъ какъ китайскіе вельможи не большіе охотники пускаться въ дальнія страны, то пекинскій дворъ обыкновенно избираетъ для посольства незначительныхъ чиновниковъ, прибавляетъ имъ лишній чинъ и посылаетъ въ званіи посланниковъ. У него тутъ и другая мысль—показать своему народу, что всѣ иностранцы не стоютъ того, чтобъ къ нимъ посылать первыхъ лицъ двора: всѣ иностранные государи не выше китайскихъ чиновниковъ средней руки. Мы слышали, говоритъ г. Васильевъ, серьезное увѣреніе одного богдохансваго родственника, что еслибъ корейскій король пріѣхалъ ко двору, такъ долженъ былъ бы сдѣлать и ему поклонъ, какъ низшій высшему.

Такъ и въ 1870 году, какъ пріѣзжало къ намъ китайское посольство подъ главенствомъ, вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ умершаго, Герлингема, второй посланникъ, китаецъ (собственно манчжуръ) Чжитанъ, былъ не болѣе, какъ столоначальникъ китайскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Не очень важныя лица и находящіеся уже нынѣ посланниками богдохана въ Америкѣ, Англіи или Берлинѣ. Между тѣмъ, Чунъхоу одна изъ выдающихся личностей; онъ сдѣлался извѣстенъ иностранцамъ уже, когда былъ инспекторомъ (дао-той) Тяньцзиньскаго Округа и завѣдывалъ сношеніями съ европейскими консулами, живущими въ приморскомъ Тяньцзинѣ. Потомъ, по случаю знаменитой тяньцзиньской рѣзни, его послали съ извиненіями въ Парижъ; но послѣ этого онъ, до своего назначенія посланникомъ, занималъ самый видный постъ въ имперіи—намѣстника Манчжуріи. Въ глазахъ нынѣшняго правительства, эта родина династіи считается самою главною провинціей изъ всѣхъ китайскихъ владѣній, почти отдѣльнымъ царствомъ, такъ какъ въ немъ и для него существуютъ даже нѣкоторыя отдѣльныя министерства. Трудно объяснить, почему выборъ правительства палъ на такое важное лицо, которое, для того, чтобъ быть посланнымъ въ Россію, было, можно сказать, даже по вызовѣ въ Пекинъ и сложеніи должности намѣстника, пониженно въ своемъ рангѣ, потому что двухочковое павлиное перо, званіе шефа и титулъ товарища министра не даютъ достаточнаго понятія о томъ, что это за лицо. Если онъ вызвался самъ, то пекинское правительство не могло сдѣлать лучшаго выбора. Для снаряженія посольства нужны деньги: китайскіе финансы теперь не въ блестящемъ положеніи (хотя, всетаки, лучше всѣхъ государствъ на свѣтѣ, потому что Китай только еще начинаетъ знакомиться съ долгами): Чоньхоу же, говорятъ, очень богатъ, у него множество банкирскихъ конторъ, въ которыхъ участвуютъ не одни чисто китайскія, но даже и англійскія фирмы; ему принадлежитъ большая доля въ китайской морской компаніи, которая имѣетъ свои пароходы для сообщенія Южнаго Китая моремъ съ Тяньцзиномъ.

Такимъ образомъ, касательно личности посланника, намъ можно почитать себя вполнѣ удовлетворенными.

Шахматная задача.

Черные.

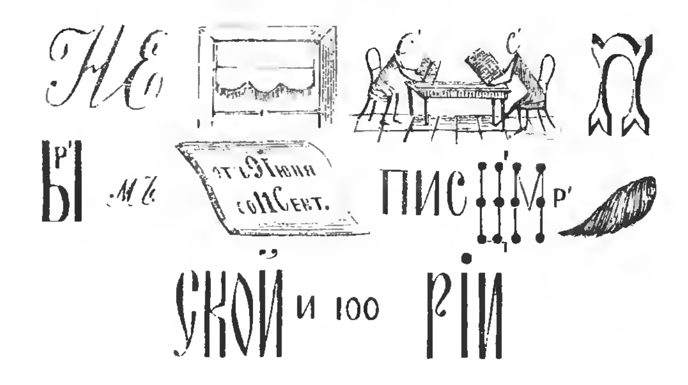
Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода

Рѣшеніе шахматной задачи помѣщенной въ № 52 1878 года.

Бѣлые.	Черные.
1) E 5—F 3 †	1) Кр. D 4 беретъ E 4
2) C 6—D 6	2) какъ угодно.
3) D 6—D 4 ††	

РЕБУСЪ

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Спб А Л Ваше «стихотвореньице», о которомъ «въ случаѣ его несовершенства» вы просите «извѣстить», напечатано быть не можетъ.

П Петрову Задача, присланная вами, будетъ помѣщена.

Кост о‹а, П. И Н Переводы всегда въ большомъ количествѣ имѣются въ запасѣ

№№№. Потрудитесь прислать стихотворенія о которыхъ говорите.

Г. А. М. Стих. ваше „Къ родинѣ“, только написано въ видѣ отдѣльныхъ строчекъ, но въ немъ нѣтъ размѣра. Вы совсѣмъ не знакомы съ стихосложеніемъ.

Д. Ласк—еву. Шахм. задача № 48 рѣшена вами вѣрно. Ваши будутъ помѣщены.

Г. Д. Д—ву. Прекрасныя мысли „на новый годъ“ но выражены неудовлетворительно.

Б. Ѳ. П—олу. Ваши „изумрудныя копи“ вы цѣните слишкомъ дорого Помѣщено не можетъ быть.

Смоленскъ, А. Бер—ву. Какое же мнѣніе высказать о вашихъ стихахъ?

Славна ночь въ срединѣ мая —
Тихо тихо все молчитъ,
Изрѣдка лишь пролетая
Птица хищная кричитъ...

Развѣ что «славна» если ужь писать, то съ удареньемъ на второмъ слогѣ и что «молчать громко» конечно нельзя.

Москва, К. Ш—ву. Стих. «Сиротѣ» рекомендуетъ ваши чувства—но писать такъ!

Родители твои
Во всей красѣ и силѣ
Давно угасли и
Въ холодной спятъ могилѣ.

Вы кажется увлеклись извѣстнымъ стих. Третьяковскаго:

Великая Екатерина о!
Поѣхала въ Царское Село.

Не будетъ помѣщено, присланное г. И. Х., Хлѣбная улица; изъ Весьегонска, г. М. М. Гри—ова; отъ подписч. № 18839; отъ подписч. Тур ; отъ г. А Жук ; отъ г. Алакр—аго, стихотв. „Грезы“, „Пѣснь крестьянина“, Странница“ воспом. (Валер. Л), „Шутка“ разсказъ съ натуры.

СОДЕРЖАНІЕ: **Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдевъ** (съ портр.) **В. С.** — **Нечаянный плѣнникъ.** (Разсказъ русскаго художника) **М. Перовъ.** — **Румынія и румыны** (очерки и разсказы **Вс. В. Крестовскаго,** съ 8-ю рис.)—**Литературный альбомъ «Смерть Іоанна Грознаго»** (съ рис.)—**Русскіе типы: Няня** **къ стихотворенію Пушкина** (съ рис.).—**Нубійская дѣвушка** (съ рис.)—**Ловля птицъ Гуапако въ Кордильерахъ** (съ 2 рис.) **Кельнская ратуша** (съ рис.)—**Любопытство** (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Шахматная задача.—Рѣшеніе шахматной задачи.—Ребусъ.—Почтовый ящикъ.—Объявленія —**При этомъ № прилагаются «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» за ЯНВАРЬ съ 22 рис. и отдѣльный листъ съ 23 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину, съ 32 рис. рукодѣльныхъ работъ и разнообразныхъ иницiальн. буквъ и Стѣнной Календарь на 1879 г. печат. двумя красками.**

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Ф. БЕРГЪ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою СПБ. 23 Декабря 1878 г. Тип. [illegible]

№ 2 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6–10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40).

Выданъ 8 Января 1879 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Константинъ Егоровичъ Маковскій.

Кто изъ любителей живописи, кто изъ безчисленныхъ посѣтителей академическихъ и другихъ выставокъ не знаетъ яркой, интересной, полной жизни „масляницы“, великолѣпнаго „перенесенія ковра“, кто не любовался этими прелестными деревенскими дѣтьми, граціозными женскими головками, многочисленными жанрами; кому не извѣстно, кѣмъ не любимо имя этого симпатичнаго, блестящаго и разнообразнаго художника нашего.

Одинъ изъ талантливѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ русскихъ жанристовъ и портретистовъ К. Е. Маковскій родился въ Москвѣ въ 1839 году. Нельзя не дать доли значенія даже и тому, что первые годы ребенка прошли не среди чухонской. блѣдной, туманной природы, не среди этой вѣчной, какой-то безпросвѣтной мглы, которою мы наслаждаемся въ нашей столицѣ, и которая несомнѣнно накладываетъ свои скучныя тѣни на всю дальнѣйшую жизнь человѣка. Отецъ художника человѣкъ весьма по своему времени замѣчательный, одинъ изъ основателей московскаго училища живописи и ваянія, человѣкъ съ большимъ вкусомъ и художественнымъ тактомъ, хотя это, такъ сказать, не входило въ кругъ его служебныхъ занятій—имѣлъ большое, рѣшительное вліяніе на избраніе ребенкомъ будущей карьеры. Именно въ этомъ, основанномъ его отцомъ, училищѣ живописи, 12 лѣтній мальчикъ и началъ посѣщать классы. Изъ профессоровъ его времени въ училищѣ укажемъ между другими на Скотти, Зарянко. Художникъ Тропининъ, не бывшій профессоромъ маленькаго художника, игралъ однако въ развитіи его таланта значительную роль.

К. Е. Маковскій, (профессоръ).
Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

На пятый годъ пребыванія К. Е. въ училищѣ, Москву посѣтилъ между прочимъ петербургскій художникъ Горавскій и, увидѣвъ этюды и рисунки 17-ти-лѣтняго юноши, заявилъ, что ему теперь въ Москвѣ дѣлать нечего, а скорѣе надо ѣхать въ Академію, въ Петербургъ. К. Е., посовѣтовавшись съ отцомъ, рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ и въ томъ же году вступилъ въ Академію Художествъ, гдѣ тотчасъ же за этюдъ, писанный имъ еще въ Москвѣ, получилъ уже малую серебряную медаль.

Первая программа его „Исцѣленіе слѣпыхъ" въ 1860 г. была уже замѣчена многими. Вторая въ слѣдующемъ 1861 г. „Харонъ, перевозящій души умершихъ" и третье „Смерть дѣтей Бориса Годунова", удостоенная второй золотой медали (принадлежащая Громову) довольно извѣстны.

Во время пребыванія въ Академіи, по поводу писанія этихъ программъ, произошло между молодымъ художникомъ и покойнымъ профессоромъ Басинымъ недоразумѣніе, имѣвшее неудобный для К. Е. исходъ, подробности котораго здѣсь излагать не мѣсто.

На первую золотую медаль между тѣмъ въ 1862 году задана была тема, которую всѣ программисты отказались выполнить, прося чтобы имъ дозволено было избрать свой сюжетъ. Совѣтъ Академіи отказалъ имъ въ этой просьбѣ и всѣ тринадцать человѣкъ программистовъ должны были выйдти изъ Академіи. Изъ роковаго числа тринадцати, ни одинъ, слѣдовательно, не былъ посланъ за границу на казенный счетъ. Не взирая на это, въ числѣ ихъ оказались впослѣдствіи такія имена, какъ Крамской, К. Е. Маковскій, Корзухинъ. Лемохъ, Песковъ (умершій), Журавлевъ были также изъ числа тринадцати.

Большинство вышедшихъ изъ Академіи образовало артель, членомъ которой былъ нѣкоторое время К. Е. Артель эта существовала болѣе 10 лѣтъ. Это была общая мастерская, въ которой принимались заказы на образа, портреты и т. п. Артель эта имѣла большое значеніе какъ подспорье и поддержка еще неустановившимъ свое имя и положеніе художникамъ. Понятно, что по минованіи надобности въ такой поддержкѣ, по мѣрѣ того какъ художники становились на ноги, артель эта года три тому назадъ распалась.

Первое время К. Е. обратился почти исключительно къ портретной живописи. Первый написанный имъ прекрасный, во весь ростъ, портретъ Государя Императора удостоился самаго милостиваго Высочайшаго одобренія и находится въ залѣ русскаго посольства въ Лондонѣ, для которой и былъ первоначально предназначенъ.

Второй большой работой, доставившей К. Е. особенно почетную извѣстность, былъ превосходный портретъ графа Муравьева-Амурскаго, писанный по желанію жителей города Иркутска и стоящій теперь въ залѣ Иркутскаго благороднаго собранія. Затѣмъ были имъ съ 1864—65 гг. писаны: портретъ генералъ-адъютанта Кауфмана (нынѣ въ залѣ военнаго министерства), великолѣпный портретъ графини Ржевусской съ дочерью, гдѣ прелесть и живость лицъ соперничаетъ съ блестящимъ выполненіемъ обстановки и костюмовъ. За это же время конечно было писано много жанровъ, которыхъ перечислить невозможно, такъ какъ вѣроятно и самъ авторъ затруднился бы сдѣлать это и наконецъ въ 1866 г. появилась его большая извѣстная „масляница" т. е. гулянье на Адмиралтейской площади подъ балаганами (собственность Государя Императора) за которую художникъ получилъ званіе профессора. Картина эта, можно сказать, сдѣлалась „историческою" такъ какъ самое гулянье, и балаганы переведены теперь, какъ извѣстно, уже на другое мѣсто.

Поѣздки заграницу, вскорѣ затѣмъ слѣдовавшіе одна за другой, имѣли конечно для развитія таланта нашего художника большое значеніе и принесли ему значительную пользу. Всемірная выставка 1867 г. затѣмъ посѣщеніе разныхъ странъ Европы, казалось какъ бы утвердили любовь нашего художника къ своему родному, ибо вскорѣ онъ съ особеннымъ жаромъ предался русскому жанру. Онъ дѣлалъ продолжительныя поѣздки въ Тамбовскую, Саратовскую, Тверскую губерніи и недавно жилъ въ Малороссіи. Плоды этихъ поѣздокъ частію всѣмъ извѣстны, частію въ недоконченномъ, необработанномъ видѣ во множествѣ хранятся въ портфеляхъ и интереснѣйшихъ альбомахъ художника. Здѣсь нельзя не упомянуть, что впечатлѣнія произведеній нашихъ знаменитыхъ писателей не могли не войти въ собраніе К. Е. также какъ и темы нашей исторіи. Тутъ есть его великолѣпные наброски „Мининъ", "выборъ невѣсты царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ" и друг. Замѣтимъ и превосходный, по нашему мнѣнію, акварельный набросокъ „Чичиковъ у Плюшкина" совершенно приближающійся къ тому представленію, которое составляется объ этихъ лицахъ.

Въ 1870 г. состоялась поѣздка К. Е. въ Капръ, куда медики совѣтовали ѣхать заболѣвшей супругѣ художника, также занимавшейся живописью. Первая супруга К. Е., скончавшаяся въ Капрѣ, оставила нѣсколько произведеній пастельными карандашами, на которыхъ лежитъ печать несомнѣннаго, живаго таланта.

Капръ съ его оригинальнымъ видомъ это яркое солнце, пестрая, своеобразная, еще не принявшая общаго наскучившаго европейско-городскаго оттѣнка, жизнь—въ высшей степени заинтересовали художника и на слѣдующій годъ онъ вновь поѣхалъ туда, проѣхалъ внутрь страны, посѣтилъ нѣкоторыя мѣста по Нилу и плодомъ этой поѣздки было, пріобрѣтшее громкую извѣстность, великолѣпное „перенесеніе ковра". Картина эта писана два раза съ значительными измѣненіями. Одна картина меньшаго размѣра принадлежитъ Наслѣднику Цесаревичу и другая большая составляетъ собственность Государя Императора.

Въ это же время писаны К. Е. для сэра Джорджа Эллiота, извѣстнаго богача, владѣльца громадныхъ каменноугольныхъ копей, сцены изъ Капрской жизни: „похороны" и „процессія обрѣзанія". Въ Лондонѣ же для г. Гринфельда „Предсказатель" и русская „жатва". У А. П. Голяшкина въ Москвѣ большая картина „жатва" и „кофейня въ Капрѣ". „Похороны въ деревнѣ" (у Солдатенкова) бывшая на Вѣнской выставкѣ и „дворикъ дервишей въ Капрѣ" (также у Солдат.).

У В. К. Николая Константиновича есть прекрасная картина К. Е. того же времени „Католическій проповѣдникъ", кромѣ того „крестьянка съ дѣтьми" (у Е. В. Николая Николаича Старшаго) „Русская дѣвушка" (у кн. Горчакова) „Русская красавица" (у Англійскаго посла въ Капрѣ, генерала Стентона) у Государыни Императрицы есть нѣсколько прекрасныхъ акварелей К. Е.

Если мы напомнимъ также весьма извѣстный „семейный портретъ" художника (находящійся у него же) затѣмъ большое полотно „Турки въ Болгаріи", множество акварелей, вывезенныхъ изъ Капра и изъ Россіи—то перечень будетъ на сколько возможно достаточный, ибо всего перечислить какъ мы говорили, нѣтъ возможности. „Турки въ Болгаріи" конечно видѣли всѣ петербуржцы, когда картина была выставлена въ пользу раненыхъ воиновъ въ зданіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Картина была потомъ на парижской выставкѣ и теперь находится въ Москвѣ у г. Матвѣева. Многія акварели К. Е. пріобрѣтены въ Парижѣ Гупилемъ, извѣстнымъ знатокомъ и торговцемъ картинами.

Въ настоящее время К. Е. занятъ исполненіемъ большой картины „Русалки", для чего принужденъ былъ ѣхать въ Парижъ, такъ какъ здѣсь не могло быть ни моделей, ни свѣта. Кромѣ того и другими новыми работами (называть которыхъ мы пока не станемъ, такъ какъ они не окончены) насколько ужасный петербургскій сумрачный день можетъ быть благосклоненъ къ художнику.

Читателямъ нашимъ уже извѣстно изъ объявленій, что при „Нивѣ" въ видѣ премій за 1879 будутъ выданы двѣ прекрасныя оригинальныя картины К. Е. изъ русской жизни: 1) **Мининъ на Кремлевской площади въ Нижнемъ, призывающій народъ къ пожертвованіямъ на государственныя нужды**" историческая картина изъ эпохи смутнаго времени Московскаго государства XVI в. и 2) „**Воскресный день въ малороссійской деревнѣ**", народная сцена. Какъ уже объяснено нами однажды (№ 52) картины такого различнаго содержанія предлагаются именно для того, чтобы показать различныя стороны дарованія нашего художника.

Нечаянный плѣнникъ.

(Разсказъ русскаго художника).

(Продолженіе).

Онъ родился въ деревнѣ Просседи. Отецъ его былъ довольно зажиточенъ и они жили спокойно, работая въ полѣ. Все шло хорошо, пока не присланъ былъ къ нимъ въ деревню новый чиновникъ по сборамъ повинностей. Этотъ человѣкъ былъ очень своеволенъ, любилъ во все вмѣшиваться, и при исполненіи своихъ обязанностей позволялъ себѣ разныя придирки и притѣсненія. Разсказчику было тогда всего осьмнадцать лѣтъ и его чувство справедливости было глубоко возмущено. Не совсѣмъ лишенный воспитанія, онъ, читая исторію, началъ судить о людяхъ и поступкахъ ихъ. Онъ почувствовалъ глубокую ненависть къ деревенскому деспоту. Тотъ съ своей стороны точно заподозрилъ въ чемъ-то семью и нерѣдко давалъ ей чувствовать злобу свою нападками и злоупотребленіями власти. Мальчикъ жаждалъ мести. Характеръ его, продолжалъ атаманъ свой разсказъ, былъ всегда силенъ и стоекъ; не долго думая, рѣшился онъ однимъ ударомъ избавить весь край отъ притѣснителя.

Съ такимъ умысломъ стоялъ онъ однажды, передъ разсвѣтомъ, за деревенской околицей. За пазухой былъ спрятанъ у него ножъ, „вотъ этотъ самый" (и тутъ вынулъ онъ широкій, отпущенный ножъ). Извѣстна была привычка сборщика шататься по закоулкамъ; онъ вѣчно все пронюхивалъ и рыскалъ какъ волкъ передъ зарею. Мальчикъ подкарауливалъ его, наконецъ напалъ на него съ бѣшенствомъ и крѣпко схватилъ. Тотъ былъ вооруженъ; однако, при нападеніи не успѣлъ

придти въ себя, какъ проворный, крѣпкій мальчикъ скрутилъ его безъ труда и нѣсколько разъ ударилъ его ножемъ. Удары были смертельны...

Увѣрясь, что онъ не встанетъ, убійца быстро побѣжалъ въ деревню, но—при самомъ входѣ въ нее столкнулся съ двумя полицейскими, которые начали съ нимъ говорить. и спросили. не встрѣчалъ ли онъ ихъ начальника. Принявъ на себя спокойный видъ, тотъ отвѣчалъ: нѣтъ! и они пошли своею дорогою. Чрезъ нѣсколько часовъ отыскали они тѣло и привезли въ Просседи. Тотчасъ пало на убійцу подозрѣніе; онъ былъ взятъ и заключенъ въ тюрьму. Тутъ просидѣлъ онъ нѣсколько недѣль. пока не велѣно было приступить къ судебному слѣдствію. Начался допросъ. а между тѣмъ нашлись свидѣтели, которые утверждали, что видѣли, какъ бѣжалъ убійца отъ окровавленнаго трупа. Убійцѣ присудили тридцать лѣтъ галеръ.

— Проклятый законъ! вскричалъ вдругъ бандитъ. блѣднѣя и задыхаясь отъ бѣшенства при воспоминаніи! Проклятое правительство и тысячу проклятій на этотъ судъ, который осудилъ меня такъ строго. Между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ терпятъ же и прикрываютъ такія убійства, которыя въ тысячу разъ хуже! Что же это за преступленіе, если оно внушено любовью къ справедливости и къ отечеству! И не точно ли тоже самое сдѣлалъ Брутъ, когда онъ за свободу и справедливость принесъ въ жертву Цезаря!

Въ такихъ безпорядочныхъ, отрывистыхъ восклицаніяхъ разбойника, который уподоблялъ себя одному изъ героевъ древности, было нѣчто натянутое и смѣшное. Онъ доказалъ конечно, что ему извѣстны хоть важнѣйшія черты его отечественной исторіи. Послѣ того онъ нѣсколько успокоился и продолжалъ разсказъ.

Въ цѣпяхъ повели его въ Чивитта-Векію *). Месть кипѣла въ его сердцѣ. Только полгода онъ былъ женатъ на страстно любимой имъ дѣвушкѣ. Жена его была уже беременна. Вся семья его была въ отчаяніи. Долго дѣлалъ убійца безуспѣшныя покушенія бѣжать. Наконецъ нашелъ обломокъ желѣза и спряталъ его. Съ помощію попавшагося ему въ руки заостреннаго кремня, удалось сдѣлать изъ этого родъ пилы. Только по ночамъ занимался онъ этимъ дѣломъ и когда оно было кончено, убійцѣ удалось распилить одно кольцо цѣпи. Удался затѣмъ и побѣгъ.

Нѣсколько недѣль бродилъ бѣглецъ въ горахъ, окружающихъ Просседи, и нашелъ наконецъ средство дать знать женѣ, гдѣ онъ находится. Она часто приходила къ нему. Когда онъ рѣшился начать собирать шайку (что довольно обычное было дѣло) она долго, съ жаромъ, отговаривала мужа. Видя, что ея уговоры не дѣйствуютъ, она согласилась наконецъ сама помогать ему, и принесла кинжалъ. Убійца вступилъ въ связи съ нѣкоторыми удальцами изъ сосѣднихъ деревень, о которыхъ зналъ, что они готовы идти въ горы, и ждутъ только случая. Вскорѣ всѣ они составили свой кругъ, достали себѣ оружія, и дали себѣ обѣтъ отмстить за всѣ оскорбленія, какія многія изъ нихъ претерпѣли. хотя иные шли просто чтобы ограбить. До сихъ поръ всѣ ихъ предпріятія удавались, и если бы не дали они маху, сочтя меня за принца, то хватили бы знатную сумму.

На этомъ закончилъ разбойникъ свой разсказъ. Ко мнѣ онъ началъ относиться между тѣмъ очень ласково и увѣрялъ меня, что уже совсѣмъ не сердился на меня за ту ошибку, въ которую я вовлекъ его. Ему хотѣлось даже, чтобы я провелъ нѣсколько времени съ ними. Онъ обѣщалъ показать мнѣ пещеры, въ которыхъ они живутъ, по ту сторону Велетри и куда скрываются въ промежуткахъ своихъ предпріятій. Тамъ, увѣрялъ онъ, ведутъ они жизнь самую веселую. пьютъ и наѣдаются до сыта; всего у нихъ вдоволь; спятъ на мягкомъ мху и у нихъ есть тамъ нѣсколько прехорошенькихъ дѣвушекъ, которыя имъ прислуживаютъ, и которыя могутъ мнѣ послужить отличными моделями.

Признаюсь, любопытство мое было очень возбуждено. Значитъ, это правда, всѣ эти исторіи о жизни шаекъ, исторіи, какихъ я наслушался и считалъ ихъ до сихъ поръ за пустыя выдумки. Я принялъ бы очень охотно его приглашеніе побывать въ этихъ пещерахъ, если бы считалъ себя въ безопасности въ такомъ сообществѣ. Положеніе мое стало казаться мнѣ не такъ тяжкимъ—благосклонность успѣлъ я снискать самаго атамана. Это давало мнѣ поводъ надѣяться, что онъ, за умѣренный выкупъ. дастъ мнѣ свободу. Но вскорѣ оказалось новое усложненіе. Пока атаманъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія посланныхъ съ предложеніемъ выкупа, часовой. на той сторонѣ горы. которая спускается въ долину Ламорарскую. прибѣжалъ къ намъ, сломя голову. „Намъ измѣнили!“ вскричалъ онъ. „Фраскатійская полиція открыла наши слѣды. Отрядъ карабинеровъ сію минуту сдѣлалъ привалъ передъ трактиромъ внизу горы“. Тутъ схватился онъ рукою за свой кинжалъ и поклялся, что если солдаты сдѣлаютъ хоть малѣйшее движеніе идти на гору, то мнѣ и товарищамъ моимъ живымъ не быть.

Атаманъ принялъ на себя опять прежній суровый видъ и подтвердилъ сказанное собратомъ его; но лишь только его товарищъ удалился къ своему посту, онъ обратился ко мнѣ уже съ болѣе мягкимъ видомъ и сказалъ: „Я, какъ атаманъ, долженъ потакать опаснымъ своимъ подчиненнымъ. У насъ таковъ законъ, что лучше умертвить плѣнниковъ, нежели дать ихъ вырвать изъ рукъ нашихъ. Однако не бойтесь. Въ случаѣ, если на насъ нападутъ, держитесь около меня. Бѣгите вмѣстѣ съ нами, и я отвѣчаю за вашу жизнь.“

Не много для меня было утѣшительнаго въ такомъ замѣчаніи. Мнѣ приходилось попасть между двухъ огней. Я даже не зналъ что для меня опаснѣе, въ случаѣ побѣга: карабины ли преслѣдователей или кинжалы преслѣдуемыхъ. Между тѣмъ я все молчалъ и старался казаться спокойнымъ.

Цѣлый часъ провелъ я между страхомъ и надеждой. Разбойники, прикрытые вѣтвистыми деревьями, наблюдали орлинымъ взоромъ за карабинерами въ долинѣ, какъ тѣ расхаживали порознь около трактира, подходили къ дверямъ, потомъ на нѣсколько минутъ исчезали, за тѣмъ опять являлись, осматривали свое оружіе, указывали вдаль по разнымъ направленіямъ и, повидимому, расспрашивали о путяхъ. Ни одно движеніе не укрылось отъ зоркихъ глазъ разбойниковъ. Наконецъ отлегло у насъ на душѣ. Карабинеры, позавтракавъ у трактира, взяли оружіе и потянулись вдоль по долинѣ къ большой дорогѣ, оставивъ горы за собою. „Я почти былъ увѣренъ“—сказалъ атаманъ: „что они не противъ насъ посланы. Имъ очень хорошо извѣстно, каково бываетъ въ такихъ случаяхъ плѣннымъ. которые попались въ наши руки. Наши законы въ этомъ отношеніи непреложны и нельзя не слѣдовать имъ для собственной безопасности. Если бы мы, хоть разъ, не исполнили этого, то навѣрное никогда болѣе не получили бы выкупу ни съ кого“.

Посланный къ принцу все еще не возвращался. Я вынулъ опять свою рисовальную тетрадку и думалъ уже приняться за новый ландшафтъ, какъ атаманъ, вдругъ, къ моему удивленію, досталъ изъ своей сумы листъ хорошей бумаги и. подавая мнѣ, сказалъ: „Вы живописецъ: срисуйте пожалуста меня. Листочки изъ вашего бумажника слишкомъ малы. Нельзя ли вотъ на этой большой бумагѣ?“ Я согласился и тѣмъ охотнѣе, что изученіе такой модели во всякомъ случаѣ было драгоцѣнно для живописца. Мнѣ пришло въ голову, что Сальваторъ Роза. въ юности своей, нарочно провелъ нѣкоторое время

*) Гавань въ Римской области, гдѣ стоятъ галеры, на которыя отправляютъ преступниковъ.

Смирительный домъ въ д. Синг-Сингъ (штатъ Нью-Іоркъ) I. Богослуженіе въ тюремной церкви. Съ фотогр. грав. Дейгъ

Изъ Каира въ Александрію I. На каналѣ Махмудіе. Съ фотогр. рис. Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскій.

Смирительный домъ въ д. Синг-Сингъ (штатъ Нью-Іоркъ) II. Сборъ въ столовой залѣ. Съ фотогр. грав. Дейгъ.

Изъ Каира въ Александрію. II. Входъ въ Александрійскій портъ. Съ фотогр. рис. Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскій.

между бандитами, чтобъ наполнить воображенiе свое образами этихъ дикихъ питомцевъ горъ. Съ такими мыслями, въ лучшемъ настроенiи, схватилъ я карандашъ свой. Мнѣ приходилось рисовать съ оригинала, какого лучше не могъ я представить. Заставивъ атамана нѣсколько разъ перемѣнить положенiе, наконецъ остановилъ я его на одномъ, какое мнѣ наиболѣе понравилось.

Представьте себѣ красиваго, крѣпкаго, стройнаго человѣка въ какой-то фантастической, расшитой одеждѣ, съ пистолетами и кинжалами за широкимъ поясомъ, съ обнаженною могучею шеею, которая небрежно обернута легкою косынкою; на груди звенятъ золотыя кольца—добыча отъ путешественниковъ,—ладонки и медали; шляпа украшена разноцвѣтными лентами, куртка съ короткими панталонами яркихъ цвѣтовъ и густо вышита шелкомъ. Ноги въ сандалiяхъ и ремняхъ. Вообразите себѣ этого человѣка, стоящаго на горѣ, между дикими скалами и раскидистыми дубами, стоящаго опершись на карабинъ, какъ бы въ размышленiи. А между тѣмъ въ дали, за нимъ чуть виднѣются мирные города и села, позорище его грабежей, съ отдаленною Кампаньею, которая неясно теряется въ голубой дали.

Разбойнику очень понравился мой рисунокъ. Онъ самъ собою любовался на бумагѣ. Едва кончилъ я свою работу, какъ воротился работникъ, посланный за выкупомъ. Онъ пришелъ въ Тускулумъ въ два часа по полуночи, и принесъ мнѣ письмо отъ принца, котораго засталъ уже въ постели. Произошло конечно то, чего я ожидалъ. Принцъ нашелъ требованiе слишкомъ неумѣреннымъ, но изъявилъ готовность выкупить меня за пять-сотъ скудiй. Не имѣя впрочемъ въ эту минуту свободныхъ денегъ, прислалъ онъ вексель на эту сумму, которую надлежало получить тому, кто приведетъ меня въ Римъ здравымъ и невредимымъ. Я подалъ атаману вексель, онъ, взявъ его, пожалъ плечами. „Къ чему намъ такiе векселя?“ сказалъ онъ: „кого можемъ мы послать съ вами въ Римъ, чтобы получать по немъ деньги? Мы люди всѣмъ извѣстные: примѣты наши описаны и прибиты на всѣхъ воротахъ кордегардiй и на дверяхъ церквей. Нѣтъ! нужно золото и серебро. Пусть заплатятъ за васъ столько же наличными деньгами, и—куда ни идетъ! вы получите свободу.“

Атаманъ подалъ мнѣ опять бумагу, чтобъ написать принцу о своемъ рѣшенiи. Когда я кончилъ письмо, и повернулъ листъ, оказалось, на другой страницѣ именно этого листа былъ нарисованъ портретъ, который кончилъ я только что передъ тѣмъ. Я хотѣлъ его оторвать и передать атаману.

— „Постойте!“ сказалъ онъ: „пусть и это идетъ въ Римъ: пускай видятъ и тамъ люди, каковъ я молодецъ! Можетъ быть, Принцъ и друзья его, по лицу моему, будутъ такого же добраго мнѣнiя обо мнѣ какъ и вы и пришлютъ побольше денегъ?“

Онъ сказалъ это, конечно, шутя, но въ этой странной выходкѣ была и доля тщеславiя. Даже и этотъ недовѣрчивый предводитель бандитовъ забылъ самую обыкновенную осторожность и разсудительность, когда дѣло шло о томъ, чтобъ заставить удивляться себѣ. Онъ и не подумалъ о томъ, что этотъ портретъ можетъ послужить къ его пагубѣ! А если подумалъ, то это была выходка отчаянной отваги и дерзости.

Письмо запечатали, надписали адресъ, и тотъ же работникъ пошелъ съ нимъ опять въ Тускулумъ. Было уже одиннадцать часовъ утра, а мы ничего еще не ѣли. Какъ ни былъ я озабоченъ своимъ положенiемъ, но это не помѣшало мнѣ чувствовать сильный голодъ, и я очень обрадовался, когда атаманъ сталъ также о томъ поговаривать. Изъ его словъ узналъ я, что занявшись грабежемъ въ Тускулумѣ, трое сутокъ уже провели они въ разсѣлинахъ горъ и въ лѣсахъ, и въ это время прiѣли весь запасъ, какой у нихъ былъ. Отдавъ меня подъ надзоръ одного изъ своихъ товарищей, на котораго, по видимому, вполнѣ полагался, собрался онъ самъ идти за съѣстными припасами и увѣрялъ меня, что не пройдетъ и двухъ часовъ, какъ онъ явится назадъ съ хорошимъ обѣдомъ. Откуда могъ онъ взять его, для меня было загадкою, хотя не подлежало никакому сомнѣнiю, что эти люди имѣли вездѣ въ окрестностяхъ тайныхъ друзей и лазутчиковъ.

Дѣйствительно, обитатели этихъ горъ и долинъ люди грубые и простые. Города и деревни въ лѣсахъ между Абруццами совершенно отдѣлены ото всего мiра, и почти подобны пещерамъ дикихъ. Удивительно бывало, когда встрѣтишь такiя глухiя, малоизвѣстныя и малопосѣщаемыя гнѣзда въ самомъ сердцѣ образованнѣйшихъ европейскихъ странъ, въ которыя съѣзжаются со всѣхъ концевъ свѣта! Въ этой странѣ разбойникъ шатался тогда вездѣ, и никто его не тревожилъ. Никто изъ горныхъ обитателей не ставилъ себѣ въ безчестiе тайно укрыть его, подать ему помощь. Но всего болѣе служили разбойникамъ пастухи, пасущiе стада по нагорнымъ полянамъ; ихъ посылали они въ долины и за выкупами, и за съѣстными припасами.

Пастухи въ Абруццахъ были также дики, какъ и страна, въ которой живутъ они. Одежда ихъ изъ черной или темной овчины, шляпы островерхiя, сандалiи грубаго сукна, перевязанныя по всей ногѣ ремнями, какъ и у разбойниковъ. Въ рукахъ носятъ они длинные шесты на которые опираются и всегда бываютъ сопровождаемы своимъ вѣрнымъ товарищемъ—собакою. Этотъ классъ людей чрезвычайно склоненъ къ распросамъ: ведя однообразную жизнь, какъ бы въ отдѣльномъ мiрѣ, они стараются оживить ее, вступая въ разговоръ съ мимоходящими.

Однако я отдалился отъ своего разсказа. Итакъ, меня оставили одного съ разбойникомъ, довѣреннымъ атамана. Это былъ очень еще молодой человѣкъ и отличался значительною физическою силой. Нѣкоторая дикость проявлялась иногда въ его лицѣ—оно и понятно при такомъ тревожномъ, отчаянномъ, безпутномъ родѣ жизни, какой онъ велъ. Однако въ чертахъ его было много сильной, мужественной красоты. Какъ артистъ я не могъ не любоваться имъ. Я замѣтилъ еще, что онъ какой-то задумчивый и даже—какъ ни странно—мечтательный; иногда по лицу его пробѣгало движенiе внутренней борьбы и нетерпѣнiя. Онъ сидѣлъ на землѣ, локтями упершись въ колѣна, а голову положивъ на сжатые кулаки; глаза его съ выраженiемъ мрачной и тревожной думы, устремлены были въ землю. Я старался сблизиться съ нимъ нѣсколько какъ и съ его атаманомъ. Его умственное развитiе было—казалось мнѣ—нѣсколько выше, чѣмъ у его товарищей. Я искалъ повода узнать что нибудь болѣе интимное о жизни такого страннаго человѣка. Посчастливилось же мнѣ заслужить довѣрiе атамана, почему, думалъ я, не попытаться и съ этимъ.

Заведя разговоръ издалека, я попробовалъ осторожно спросить, неужели не чувствуетъ онъ горя или раскаянiя, бросивъ семью свою и взявшись за такое опасное ремесло. „Я чувствую“—отвѣчалъ онъ: „только въ одномъ я раскаяваюсь.. да и жить то я вовсе не хочу—чего мнѣ ждать?“ Сказавъ это, сдавилъ онъ сжатыми кулаками виски свои, тяжело вздохнулъ, крѣпко стиснувъ зубы, и продолжалъ: „я силенъ—а вѣдь я нездоровый.—Здѣсь, внутри, что-то такъ душитъ меня: какъ будто раскаленное желѣзо прожигаетъ мнѣ сердце. Это было страшное дѣло... Ну да что говорить...“

Онъ принялъ опять прежнее положенiе, оперся головою на руки, и я услыхалъ, что онъ что-то началъ говорить про себя, услышалъ какiя-то отрывистыя восклицанiя въ родѣ брани и проклятiй. Я замолчалъ. Спустя нѣсколько времени, какъ бы ослабѣвъ отъ сильнаго внутренняго порыва, и вѣроятно вслѣдствiе усталости безпрерывныхъ переходовъ и тревогъ послѣдняго времени онъ задремалъ. Сначала онъ старался превозмочь сонъ,

но жаръ и глубокая тишина полудня превозмогли его; онъ упалъ въ траву и крѣпко заснулъ.

Былъ отличный случай уйти отъ разбойниковъ. Стражъ мой былъ совершенно въ моей власти. Могучія руки его обезсилены сномъ, высокая грудь выставлена для удара, карабинъ валялся въ травѣ, кинжалъ высунулся изъ кармана... Только двое его товарищей видны были въ отдаленіи, спиною обращенные къ намъ—все вниманіе ихъ было поглощено тѣмъ, что дѣлалось въ долинѣ. За небольшою полосою лѣса, у подошвы крутаго спуска, видѣлъ я городокъ Рокка Пріори. Стоило только поднять карабинъ, выхватить кинжалъ и ударить имъ въ сердце спящаго—все это могло быть дѣломъ одной минуты. Онъ бы умеръ безъ всякаго шума, и успѣлъ бы пробраться черезъ лѣсъ въ Рокка Пріори, прежде нежели побѣгъ мой сталъ бы извѣстенъ. Если бы даже и произошелъ шумъ, то разбойники не могли бы догнать меня, а можетъ быть, я успѣлъ бы уже быть внѣ выстрѣловъ.

И такъ, говорю, мнѣ представился случай бѣжать и отомстить—случай хотя не безопасный, но весьма соблазнительный. Быстро, какъ-то лихорадочно мысли проносились въ моей головѣ: „если бы моя попытка удалась, она повлекла бы за собою смерть моихъ товарищей по плѣну—рабочихъ, которые крѣпко спали и скоро ли ихъ разбудишь. Работникъ, ушедшій за выкупомъ, подвергся бы, можетъ быть, также мщенію разбойниковъ. Кромѣ того, обращеніе со мною атамана подавало мнѣ надежду... Въ сердцѣ шевелилось что то странное при воспоминаніи объ разговорѣ моемъ съ атаманомъ... Я превозмогъ наконецъ мучительныя чувства и старался успокоиться и рѣшился остаться.

Я взялъ опять свой рисовальный снарядъ, и началъ набрасывать прелестнѣйшій видъ, раскинувшійся предъ моими глазами. Былъ уже полдень, и все мирно покоилось, какъ и грозный бандитъ, который лежалъ въ растяжку на травѣ передо мною. Тишина полудня, царившая среди горъ и въ рощахъ, далеко внизу разсыпанные города, села и дачи также безмолвныя, все это успокоивало тревогу сердца. Даже долины, лежащія между горъ, имѣютъ какой-то особенный отпечатокъ уединенности. Только изрѣдка слышатся тамъ въ полдень звуки, прерывающіе всеобщую тишину. То или послышится посвистъ погонщика, который понукаетъ своего лѣнивца-мула тащиться по дорогѣ, извивающейся среди долины; или раздастся слабая, отдаленная трель пастушьей флейты изъ нагорнаго ущелья, или прозвякаютъ бубенчики осла, медленно выступающаго въ сопровожденіи босоногаго монаха, съ свѣтящеюся на солнцѣ лысою головою, которы везетъ съѣстные припасы въ монастырь свой.

М. Перовъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

Очерки и разсказы.

Вс. В. Крестовскаго иллюстрир. **Н. Н. Каразинымъ.**

(Продолженіе).

II.
На Дунаѣ.

Смѣна нашими войсками румынскихъ частей. Захватъ судовъ съ военною контрабандой.– Береговыя бомбардировки иперестрѣлки.—Князь Карлъ принимаетъ главное командованіе румынскою арміей.—Бомбардировка Виддина.) - Разливы рѣкъ.—Высарѣлъ сотника Князева.—Потопленіе нашихъ баржъ и парохода.—Канонада между Калафатомъ и Виддиномъ.—Князь Карлъ на батареѣ. Прорывъ турецкихъ пароходовъ.– Приключеніе съ казаками 30-го донскаго полка у Малороша.—Русскіе и турецкіе охотники.—Соглашеніе о совмѣстномъ дѣйствіи русской и румынской армій.—Приготовленія къ переправѣ на нижнемъ Дунаѣ.

III.

оворилъ уже я, что съ 8-го по 10-е мая русскія войска окончательно смѣнили на Дунаѣ румынскія части *), которыя вслѣдствіе этого отошли за рѣку Алуту (она же Ольта), въ Малую Валахію, гдѣ и занимаютъ все побережье—отъ Корабіи (выше устья Алуты) до Турну-Северина, сосредоточивая главныя свои силы у Калафата, противъ Виддина. Въ Калафатѣ уже заблаговременно было приступлено къ насыпкѣ и вооруженію прибрежныхъ батарей, а эти работы шли тамъ самымъ усиленнымъ образомъ; подобныя же батареи насыпались и усиливались, какъ русскими, такъ и румынами, на всѣхъ сколько-нибудь важныхъ пунктахъ лѣваго берега. Наша осадная артиллерія еще 7-го мая была уже на нѣкоторыхъ, но не на всѣхъ пунктахъ, доставлена къ берегамъ Дуная; впрочемъ, и то хорошо, потому что мы получили кое-гдѣ возможность безотлагательно заняться установкой мортиръ и тяжелыхъ орудій, вмѣсто полевыхъ, дѣйствовавшихъ до того времени. Мѣстечко Ольтеница, находящееся противъ Туртукая, и его окрестныя позиціи были окончательно заняты нашими войсками въ ночь съ 9-го на 10-е мая, безъ малѣйшей помѣхи со стороны Турокъ.

8-го мая части отряда, ввѣреннаго князю Манвелову, **) задержали у Корабій и Турну-Магурели два парохода и десять баржъ, плывшихъ подъ нейтральными флагами съ непріятельскимъ военнымъ грузомъ для Никополя. Турки съ того же числа начали ихъ обстрѣливать, что и продолжалось въ теченіи пяти дней, но суда не потерпѣли при этомъ существенныхъ поврежденій: разбиты только обѣ трубы на пароходахъ и одна баржа.

Съ 8-го же мая начались по всей линіи артиллерійскія и ружейныя перестрѣлки между обоими берегами Дуная, преимущественно же въ Турну-Магурели, Журжевѣ и Ольтеницѣ. Всѣ эти перестрѣлки каждый разъ затѣвались самими турками; мы же не всегда отвѣчали имъ, а если и приходилось открывать орудійный огонь, то не иначе какъ рѣдкій, разсчитанный, да и для ружейной стрѣльбы употреблялись только лучшіе стрѣлки. О результатахъ нашей стрѣльбы, за дальностью разстоянія судить, конечно, трудно, что же касается турокъ, то всѣ ихъ бомбардировки до тѣхъ поръ не наносили ни намъ, ни румынамъ ни малѣйшаго существеннаго вреда: убитыхъ не было а раненыхъ за все время только три человѣка, и то легко. На Нижнемъ-Дунаѣ, послѣ взрыва втораго монитора, господствовало полное затишье и совсѣмъ не замѣчалось присутствія турецкихъ войскъ, но противъ Калараша, Ольтеницы, Журжева и Турну-Магурели замѣчена у противника оживленная дѣятельность по устройству довольно сильныхъ батарей. Судя по извѣстіямъ, доходившимъ порою съ того берега, турки обнаруживали немалое смятеніе и потому старались укрѣпиться какъ можно скорѣе и сильнѣе.

Съ провозглашеніемъ румынами своей независимости, князь Карлъ 11-го мая вступилъ фактически въ отправленіе обязанностей главнокомандующаго румынской арміи, которая въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ ограничивалась покуда обороною побережья.

12-го мая батареи Калафата были уже окончательно вооружены и тотчасъ же начали обстрѣливаніе Виддинской крѣпости. Слѣдя съ батарей въ подзорную трубу, можно было видѣть, какъ цѣлые караваны и толпы жителей Виддина бѣжали частію въ Сербію, частію по шоссе въ Бѣлградчикъ. До 12-го числа противникъ безнаказанно обстрѣливалъ изъ Виддинскихъ укрѣпленій Калафатъ и береговыя саперныя работы; съ этого же дня и румыны стали наносить туркамъ нѣкоторыя поврежденія. 12-го и 13-го мая румынскія батареи, снаряженныя въ Излазѣ (онъ же Islasъ, нѣсколько выше устья Алуты), обстрѣливали Никополь. Съ этого же времени замѣчено, что турки разставили по всему дунайскому побрежью пикеты, приблизительно человѣкъ до 30-ти каждый, на разстояніи трехъ верстъ одинъ отъ другаго, и устроили между ними сообщеніе посредствомъ телеграфа и фальшфейеровъ. Ближайшіе резервы какъ было слышно, находились въ разстояніи отъ полуторы до двухъ верстъ за этими пикетами. Всѣ эти дни воды Дуная, Серета и Алуты продолжали сильно подвигаться, вслѣдствіе изобильныхъ дождей въ Карпатахъ. Это вызвало серьезныя опасенія перерыва въ сношеніяхъ почты и военныхъ транспортовъ.

14-го мая, около шести часовъ утра, съ румынской батареи

*) См. „Нивы“ № 1. нь

**) Начальникъ 8-й кавалерійской дивизіи.

у Карабіи и съ сосѣднихъ съ нею русскихъ постовъ былъ замѣченъ турецкій броненосецъ, подымавшійся вверхъ по Дунаю отъ Никополя. Румыны открыли по немъ огонь изъ двухъ 9-ти-фунтовыхъ орудій, стоявшихъ у самаго берега, влѣво отъ румынской еще невооруженной батареи, которую прикрывала цѣпь, составленная изъ румынскихъ стрѣлковъ и охотниковъ 8-го донского казачьяго полка, расположенныхъ по обѣ стороны бруствера въ особо вырытыхъ ложементахъ. Около семи часовъ утра раздался первый отвѣтный выстрѣлъ съ броненосца, который послѣдующими своими выстрѣлами произвелъ разрушенія въ зданіи гостинницы, построенной на берегу. Послѣ этого три гранаты упали у самой батареи, не причинивъ однако вреда ни людямъ, ни орудіямъ, и затѣмъ огонь съ броненосца направился уже исключительно на захваченныя нами 8-го мая суда, стоявшія у обрывистаго берега. Командиръ 8-го казачьяго полка, полковникъ Желтоножкинъ еще въ самомъ началѣ этой бомбардировки позволилъ сотнику Князеву отправиться на батарею, чтобы оказать помощь румынскимъ артиллеристамъ. Офицеръ, командовавшій батареею, охотно разрѣшилъ Князеву принять участіе въ руководствѣ огнемъ и первый же выстрѣлъ изъ орудія наведеннаго Князевымъ, былъ такъ удаченъ, что снарядъ разорвался на самой палубѣ. Броненосецъ сейчасъ же прекратилъ пальбу и быстро удалился вверхъ по Дунаю верстъ на шесть, гдѣ и остался на ночь, бросивъ якорь.

Черкесы.

На слѣдующій день (15-го), около 7½ часовъ утра, одинъ изъ румынскихъ пикетовъ далъ знать, что внизъ по Дунаю спускаются два непріятельскихъ броненосца. И дѣйствительно, они вскорѣ показались въ виду Карабіи и, ставъ уступомъ, открыли огонь. Сотникъ Князевъ и на этотъ разъ принялъ участіе въ дѣлѣ, вмѣстѣ съ 60-ю охочими казаками, которые расположились частію при орудіяхъ, частію въ цѣпи, но огонь изъ-за амбразуръ батареи, на которую успѣли уже поставить обѣ пушки, не имѣлъ такого успѣха, какъ наканунѣ. Въ 11 часовъ утра броненосцы прекратили пальбу и удалились вверхъ по Дунаю, опять остановясь въ шести верстахъ отъ Карабіи. Можно было предполагать, что противникъ отошелъ для того чтобы дать время пообѣдать своимъ людямъ, потому что спустя полтора часа оба броненосца снова появились у Карабіи и вытянувшись въ одну линію открыли усиленный огонь, какъ по батареѣ, такъ и въ особенности по судамъ. Румынская бататея отвѣчала имъ безостановочно, но къ сожалѣнію она была снабжена только дистанціонными гранатами, которыя не могли нанести бронямъ турецкихъ судовъ никакого существеннаго вреда, да и положеніе полевыхъ орудій за амбразурами батареи было не столь уже выгодно для мѣткой стрѣльбы, какъ наканунѣ, когда они стояли на самомъ гребнѣ высокаго обрывистаго берега. Вскорѣ на палубѣ одного изъ броненосцевъ показалась пѣхота, которая открыла огонь по нашему прикрытію, и это послужило началомъ обоюдной ружейной перепалки. Въ четыре часа пополудни правый броненосецъ рѣшительно направился къ нашему берегу и, обогнувъ островъ, расположился бокомъ между нимъ и нашими судами, въ разстояніи четырехсотъ шаговъ отъ послѣднихъ, и въ такомъ положеніи уже готовился прямо въ упоръ разстрѣливать тѣсно скученныя баржи. Огонь съ румынской батареи долженъ былъ прекратиться, потому что броненосецъ, приближаясь къ нашей сторонѣ на столь короткое разстояніе вышелъ изъ подъ линіи прицѣла и снаряды пускаемые въ него съ берега, какъ извѣстно уже, весьма высокаго и почти отвѣсно обрывистаго, постоянно давали значительный перелетъ. Видя, что броненосецъ легко могъ бы захватить наши баржи на буксиръ, такъ какъ онъ съ каждою минутой подходилъ къ намъ все ближе, сотникъ Князевъ съ казаками и двумя румынскими наводчиками на рукахъ выкатили орудія изъ-за амбразуръ и, установивъ ихъ на самомъ краю обрыва, открыли огонь по приближающемуся броненосцу. Въ то же время, при каждой попыткѣ противника открыть люки для стрѣльбы изъ орудій, въ эти отверстія тотчасъ же направлялся изъ нашей стрѣлковой цѣпи цѣлый рой пуль,—и люки мгновенно закрывались. Такимъ образомъ этому броненосцу и не удалось сдѣлать по баржамъ ни одного выстрѣла въ упоръ. Къ пяти часамъ пополудни противникъ, выпустивъ болѣе 60-ти снарядовъ, удалился отъ берега Карабіи, при чемъ одинъ изъ броненосцевъ направился вверхъ, а другой внизъ по Дунаю и оба остановились на разстояніи около десяти верстъ другъ отъ друга. Наши суда подверглись весьма чувствительнымъ поврежденіямъ: нѣкоторые снаряды пронизывали насквозь три, рядомъ стоявшія баржи, другіе пробили бортъ на пароходѣ, неиспортивъ впрочемъ машины, а одно рѣчное судно было совершенно избито гранатами, но между людьми не только убитыхъ или раненыхъ, но даже и слабо контуженныхъ не было.

На слѣдующій день можно было ожидать не только продолженія бомбардировки, но и не безъ основанія опасаться, что непріятелю удастся наконецъ увести на буксирѣ захваченныя суда; поэтому полковникъ Желтоножкинъ рѣшился потопить пароходъ и баржи, что и было исполнено въ ночь съ 15-го на 16-е мая *).

16-го мая часть Фламундскаго отряда **) переведена на новую позицію, съ которой гораздо удобнѣе можно, въ случаѣ надобности, подавать помощь отряду, охраняющему прибрежныя баттареи и сохраненный нами пароходъ. Въ этотъ день, противъ ожиданія, броненосцы не безпокоили отряда, расположеннаго въ Карабіи; ночью же мы безпрепятственно продолжали работы по расширенію нашихъ батарей и усиленію ихъ заслоновъ къ сторонѣ Никополя.

16-го же мая, въ теченіи цѣлаго часа происходила усиленная канонада между Калафатомъ и Виддиномъ. Въ этотъ день князь Карлъ, выѣхавшій изъ Бухареста еще 14-го числа, для инспекціи своихъ войскъ въ Малой Валахіи, впервые принялъ, такъ называемое, огненное крещеніе. По пріѣздѣ въ Калафатъ, онъ отправился на батарею Карла I, вооруженную тяжелыми русскими орудіями, и оставался на ней во все продолженіе канонады, при чемъ на одну только эту баттарею турки бросили до тридцати гранатъ ***). Румынскій огонь былъ очень удаченъ. По свидѣтельству самихъ турокъ ****), въ Виддинѣ много убитыхъ, разрушена военная паровая хлѣбопекарня и сильно пострадалъ военный госпиталь. Если послѣднее справедливо, то въ этомъ прискорбномъ обстоятельствѣ прежде всего виноваты сами же турки, выставлявшіе флаги Краснаго Полумѣсяца не столько надъ госпиталями, сколько надъ пороховыми погребами и иными военными складами. Дознанныя злоупотребленія санитарнымъ флагомъ поневолѣ заставляютъ подозрѣвать обманъ даже и тамъ, гдѣ его иногда вовсе не кроется.

17-го мая, около двухъ часовъ дня, большой турецкій броненосецъ, незамѣчавшійся дотолѣ въ приникопольскихъ водахъ Дуная, сталъ приближаться къ Фламундской позиціи по главному фарватеру, а не позади острова, какъ дѣлали до сихъ поръ въ этомъ мѣстѣ другіе броненосцы. Видя это движеніе, наши думали, что противникъ идетъ съ цѣлью забрать на буксиръ уцѣлѣвшія баржи, находившіяся вмѣстѣ со вторымъ изъ захваченныхъ пароходовъ подъ прикрытіемъ фламундскихъ батарей. Вслѣдствіе этого спѣшенныя части Вознесенскаго уланскаго и Астраханскаго драгунскаго полковъ тотчасъ же приготовились къ бою, но броненосецъ вскорѣ повернулъ по фарватеру и мирно прошелъ мимо нашихъ батарей въ разстояніи не далѣе двухсотъ саженъ. По мнѣнію морскаго офицера, лейтенанта Ломена, присутствовавшаго въ это время на одной изъ батарей, броненосецъ хотя и шелъ полнымъ ходомъ, но все-таки двигался противъ теченія крайне медленно. Имѣя въ виду волю главнокомандующаго—не начинать первыми огня безъ особенной надобности,—князь Манвеловъ приказалъ не стрѣлять. Броненосецъ, поднявшись до Никополя, сталъ на якорь у праваго берега. Опасенія за возможность попытки взять у насъ на буксиръ наши суда, внушили князю Манвелову мысль защитить ихъ болѣе солиднымъ образомъ отъ всякихъ покушеній. Съ этою цѣлью въ туже ночь у Фламунды былъ возведенъ новый ретраншементъ, а на пароходную машину и котлы положены мѣшки съ землею и самый пароходъ прикрытъ особою баржею со стороны, обращенной къ непріятелю.

На Нижнемъ Дунаѣ, у Сатунова, въ ночь съ 17-го на 18-е мая турецкіе охотники, въ числѣ до 15-ти человѣкъ, перебрались на нашъ берегъ, гдѣ на нихъ наткнулся разъѣздъ Ольвіопольскаго уланскаго полка; вслѣдствіе поднявшейся между ними перестрѣлки, на звукъ выстрѣловъ прибѣжали съ ближайшаго поста два взвода пѣхотинцевъ и тотчасъ же прогнали турокъ, поспѣшившихъ убраться въ свои лодки и отчалить отъ берега.

Наши охотники тоже предпринимали почти каждую ночь подобныя же экскурсіи на противную сторону, и это называлось у нихъ „пощупать непріятеля". Такія поѣздки служили для нихъ нѣкотораго рода развлеченіемъ среди томительнаго бездѣйствія въ ожиданіи общей переправы за Дунай, которая, судя по состоянію розлива, не могла состояться въ скоромъ времени. Уже съ 12-го мая движеніе по желѣзнымъ дорогамъ было крайне затруднено вслѣдствіе розливовъ, срывавшихъ мосты, а къ 18-му мая полотно между Барбошемъ и Браиловымъ такъ размыло и залило водою, что всякое движеніе по желѣз-

*) Другой изъ захваченныхъ нами пароходовъ намъ удалось сохранить; онъ оказывалъ намъ не мало услугъ при переправѣ и впослѣдствіи

**) Фламунда лежитъ противъ Никополя, нѣсколько ниже Турну-Магурелли.

***) По возвращеніи его въ Бухарестъ, представители румынской арміи и палаты поднесли князю Карлу золотую медаль „Virtuti militari", учрежденную въ Румыніи въ награду воинской доблести.

****) Телеграмма изъ Константинополя отъ 17-го (29-го) мая.

Маленькая любимица. Съ картины Г. Шперлинга, грав. Б. Паръ.

ному пути окончательно остановилось, да невозможно было направить и по грунтовымъ дорогамъ подходившія изъ Россіи войска и тяжести, такъ какъ вода въ рѣкѣ Серетѣ поднялась настолько, что пришлось развести нашъ пловучій мостъ. Едва лишь съ 19-го мая вода въ Дунаѣ пошла на убыль, но очень медленно. Однако благодаря начавшемуся спаду, неимовѣрными усиліями и трудами нашихъ войскъ сообщеніе по желѣзной дорогѣ было возстановлено уже 21-го мая.

18-го числа на линіи Дуная все было спокойно а на слѣдующій день усмотрѣно особенное движеніе въ Никополѣ, которое дало поводъ предполагать, что тамъ строятся новыя батареи. Броненосцы цѣлый день передвигались вверхъ и внизъ по Дунаю, не выходя однако изъ границъ береговой черты города; къ нимъ подвозились изъ Никополя на шлюпкахъ какіе-то предметы, и все это заставило нашихъ предполагать, что турки дѣлаютъ въ рѣкѣ минныя загражденія. Полковникъ Мацылевичъ *) выѣхалъ съ разъѣздомъ на самый конецъ Турновской гати, чтобы поближе разсмотрѣть, надъ чѣмъ именно работаютъ броненосцы, и былъ встрѣченъ выстрѣлами орудій изъ крѣпости; до этого же раза турки никогда не безпокоили нашихъ офицеровъ, неоднократно ѣздившихъ сюда для наблюденій. Съ наступленіемъ вечерней темноты, около этой гати и у фламундскихъ батарей появилось нѣсколько турецкихъ лодокъ, которыя пытались сдѣлать развѣдку, но это имъ не удалось: каждый разъ, что они пытались причалить, по нимъ открывался огонь изъ нашихъ секретовъ и разъѣздовъ, принуждавшій турокъ удаляться отъ берега. Въ Турну и на разныхъ другихъ пунктахъ Дунайскаго берега съ нѣкоторыхъ поръ замѣчались по ночамъ огневые сигналы, на которые получались такіе же отвѣты съ того берега; это заставило князя Манвелова принять мѣры для поимки таинственныхъ сигнальщиковъ.

меньше, но тоже очень помѣстительны и хорошей конструкціи.

Вода въ Дунаѣ сбыла на одинъ футъ, а въ теченіе 35-ти часовъ (съ 8-ми вечера 19-го до 8 утра 21-го мая) еще на четыре дюйма. Наблюденія уровня рѣки производились ежедневно. Турецкіе броненосцы подъ Никополемъ безпрерывно дымились; по всему замѣтно, что турки очень опасались за ихъ участь, съ тѣхъ поръ какъ узнали, что въ Турну и Фламундѣ появились русскіе моряки.

22-го мая противникъ открылъ на высокомъ гребнѣ противъ Фламундской позиціи новую батарею и въ 2½ часа пополудни сдѣлалъ съ нея пять пробныхъ выстрѣловъ изъ стальныхъ дальнобойныхъ орудій 4-хъ фунтоваго калибра. Гранаты падали около батареи № 2 и всѣ разрывались. Вслѣдъ за тѣмъ изъ амбразуръ нижняго бастіона крѣпостной ограды былъ открытъ артиллерійскій огонь по усиленному драгунскому разъѣзду (Астраханскаго полка), который приближался къ прибрежному лѣсу. Поводомъ къ движенію этого разъѣзда послужило слѣдующее обстоятельство:

Послѣ полудня, изъ прибрежнаго лѣска вышла группа людей, одѣтыхъ въ обыкновенное платье румынскихъ крестьянъ. Приблизясь къ стаду рогатаго скота, который пасся здѣсь подъ охраною двухъ мальчиковъ, эти люди внезапно схватили одного изъ нихъ и, отогнавъ восемь буйволовъ, поспѣшно удалились въ лѣсъ. Какъ только другой мальчикъ, успѣвшій убѣжать, далъ знать объ этомъ въ Турну, изъ нашего лагеря была выдвинута въ погоню часть дежурнаго эскадрона *). Подойдя на рысяхъ къ чертѣ разлива, разъѣздъ нашъ спѣшился, оставивъ коноводовъ въ укрытомъ мѣстѣ. Люди сняли съ себя все нижнее платье и, подвязавъ къ шеѣ патронташи, двинулись по водѣ къ лѣсу, въ сопровожденіи родственниковъ захваченнаго мальчика. Послѣ продолжительныхъ розысковъ, имъ удалось

У Гирсова и Матчина.

8-й казачій полкъ, выступившій еще 17-го мая изъ Карабіи къ переправамъ на Алутѣ, для соединенія съ Турну-Магурельскимъ отрядомъ, переправилъ 19-го числа всѣхъ лошадей и большую часть людей вплавь, а остальныхъ вмѣстѣ съ обозомъ на паромахъ. Переправа была чрезвычайно затруднительна, но совершена благополучно. Въ половинѣ пятаго часа по полудни полкъ въ составѣ 5½ сотенъ стоялъ уже на бивуакѣ у Турну, а полусотня осталась въ Карабіи для охраны судовъ, затопленныхъ нами въ этомъ пунктѣ, причемъ весьма важно было сберечь уцѣлѣвшую машину парохода, который могъ еще пригодиться намъ впослѣдствіи. Въ тотъ же день (19-го) лейтенантъ Ломенъ изслѣдовалъ устье Алуты и пришелъ къ заключенію, что теперь, во время розлива, судамъ почти невозможно входить въ эту рѣку изъ Дуная, такъ какъ фарватеръ въ устьѣ оказался мелкимъ, узкимъ и извилистымъ.

20-го мая турки возвели у Никополя новую батарею, расположивъ ее ниже и западнѣе центральнаго люнета. Лагерь, стоявшій, на виду, у насъ въ крѣпости близь этого люнета, снялся, и часть его спустилась въ городъ къ рѣкѣ, а другая—надо предполагать—размѣстилась внѣ сферы выстрѣловъ нашихъ турну-магурельскихъ батарей, на что указываетъ появленіе бѣлыхъ палатокъ на гребнѣ одного ущелья, къ югу отъ Никополя. По мнѣнію нашихъ моряковъ, посѣщавшихъ Турну, здѣсь представлялись условія, весьма удобныя для уничтоженія непріятельскихъ броненосцевъ при помощи паровыхъ миноносокъ; они же увѣряютъ, что доставка сюда миноносокъ черезъ Слатину **) не представляетъ особенныхъ трудностей. По указанію лейтенанта Ломена, во Фламундѣ приняты были нѣкоторыя дополнительныя мѣры для сохраненія въ цѣлости баржъ и парохода „Аннета." Моряки наши очень хвалили этотъ пароходъ и считали его значительно лучше затопленнаго въ Карабіи; не менѣе хороши были, по ихъ мнѣнію, и баржи, изъ которыхъ одна можетъ поднять за разъ тысячу человѣкъ; остальныя

*) Командиръ 8-го драгунскаго Астраханскаго полка.

**) До Слатины по желѣзной дорогѣ, а далѣе водою, внизъ по Алутѣ.

найти въ чащѣ лѣса трехъ буйволовъ, которые и были возвращены хозяевамъ; остальной же захваченный скотъ и мальчикъ увезены на турецкій берегъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ отчалила непріятельская лодка, найденъ большой кремневый пистолетъ. и эта находка служитъ указаніемъ, что переодѣтые люди были баши-бузуки. Во время розысковъ въ лѣсу, драгуны подверглись артиллерійскимъ выстрѣламъ изъ крѣпости, а когда они стали подходить къ берегу, то толпы пѣшихъ турокъ, спустившіяся къ Дунаю, открыли по нимъ бѣглый ружейный огонь; впрочемъ, гранатные осколки не задѣли у насъ ни одного человѣка, а ружейныя пули не долетали.

Въ теченіи пятнадцати дней, съ 8-го по 22-е мая, турки сдѣлали по Фламундѣ и Турну около 250-ти пушечныхъ выстрѣловъ, да около 75-ти по Карабіи, не причинивъ намъ ни малѣйшей потери въ людяхъ и лошадяхъ. 22-го же мая турки начали снова обстрѣливать Калафатъ; румыны отвѣчали имъ весьма энергически и мѣтко, послѣдствіемъ чего были пожары, вспыхнувшіе въ нѣсколькихъ мѣстахъ турецкаго расположенія въ городѣ.

23-го мая непріятель впервые сталъ бомбардировать Журжево. Огонь, открытый въ пять часовъ пополудни изъ рущукскаго форта Салканъ, продолжался вполнѣ безвредно до семи часовъ вечера, направляясь исключительно на Журжевскую гавань.

На слѣдующій день (24-го), въ пять часовъ утра, канонада со стороны Рущука возобновилась. Всего было выпущено турками до 50-ти снарядовъ, изъ которыхъ послѣдній пущенъ въ 8¼ утра, и за тѣмъ все умолкло—большинство снарядовъ разрывалось. На этотъ разъ противникъ стрѣлялъ съ двухъ фланговыхъ батарей, правѣе Рущука, изъ которыхъ одна была устроена на шесть орудій (калибръ 3,25), а другая, маскированная каменной стѣною, на четыре 6-ти дюймовыя мортиры. Въ Журжевѣ, на берегу Дуная, стоятъ каменныя казармы, гдѣ временно расположены кубанскіе казаки гулевой дивизіи. Въ эти ка-

*) 2-го эскадрона Астраханскаго драгунскаго полка маіора Рожнятовскаго.

зармы хватилъ одинъ снарядъ, который пробилъ стѣну и исковеркалъ вѣшалки и нары. По счастію, въ это время внутри казармы никого уже не было: за три минуты до влета гранаты, спавшіе люди были разбужены по тревогѣ и тотчасъ же бросились въ конюшню сѣдлать коней. Другой снарядъ лопнулъ у самой церкви, стоящей на берегу; три гранаты попали въ два иностранныя судна и разщепали имъ борты, кромѣ того, пострадали нѣсколько домовъ, но этимъ и ограничились всѣ поврежденія, нанесенныя намъ бомбардировкой,—потерь между людьми и лошадьми ни въ войскахъ, ни среди жителей не было. Еще со вчерашняго вечера, послѣ первой, такъ сказать, пробной бомбардировки, большинство журжевскихъ жителей въ ночь покинуло городъ, изъ котораго и весь день 24-го мая выбирались всѣ, кто имѣлъ лишь малѣйшую возможность уѣхать. Уже на утро большая часть домовъ была покинута, ворота и двери на запорѣ, ставни наглухо заколочены, лавки и магазины пусты, либо запечатаны,—повсюду тишина, уныніе и страхъ. Не унываютъ только наши солдаты на батареяхъ, да сестры милосердія, только что прибывшія въ Журжевскій госпиталь, въ ожиданіи работы. Мы не отвѣчали туркамъ, потому что батареи наши не совсѣмъ готовы, да и осадныя орудія, предназначенныя для Журжева, пока еще въ дорогѣ. Въ Журжевѣ и его окрестностяхъ расположены: 1-я бригада Кавказской казачьей дивизіи и 3-я стрѣлковая бригада; расположеніе этихъ частей довольно хорошо прикрыто отъ выстрѣловъ противника, за движеніями котораго наши люди слѣдятъ неусыпно. Изъ Журжева весь турецкій лагерь видѣнъ какъ на ладони; можно замѣтить простымъ глазомъ даже большую зеленую ставку паши, начальствующаго рущукскимъ отрядомъ, силы котораго, по свѣденіямъ, полученнымъ около 14-го мая, равнялись 30-ти тысячамъ человѣкъ. Весь этотъ корпусъ группировался въ шести особыхъ лагеряхъ, изъ которыхъ самый большой находился въ десяти верстахъ за городомъ. Съ Малорошской вышки, гдѣ у насъ расположенъ 30-й казачій, полковника Орлова полкъ *), еще 16-го мая было замѣчено появленіе вокругъ рущукскихъ укрѣпленій множества бѣлыхъ и зеленыхъ палатокъ; но страннымъ казалось то, что среди этихъ лагерей не проявлялось ни малѣйшаго движенія, ни малѣйшей жизни. Это, конечно, заставляло подозрѣвать обманъ со стороны турокъ, у которыхъ въ то время далеко еще не было подъ Рущукомъ въ наличности тридцати тысячъ. Надо думать, что силы ихъ прибывали постепенно, потому что въ послѣдующее время и вокругъ палатокъ съ каждымъ днемъ стало обнаруживаться все болѣе и болѣе жизни. Съ нашего берега ясно видна была также масса рѣчныхъ судовъ, сгруппированныхъ турками у Рущука. Вообще на Дунаѣ, по свѣденіямъ отъ 22-го мая, у турокъ плавали 12 мониторовъ и 9 канонерокъ. Бомбардировки 23-го и 24-го мая. были предприняты турками для того чтобы отвлечь наше вниманіе отъ производства работъ на обходной вѣтви желѣзной дороги, такъ какъ прежній путь, проходя открыто по самому берегу, лежитъ подъ нашими выстрѣлами.

Въ этотъ же день (24-го) турки опять открыли сильную бомбардировку изъ Виддина по румынскимъ батареямъ въ Калафатѣ, но сильная гроза, разразившаяся съ проливнымъ дождемъ надъ этими мѣстами, вынудила вскорѣ обѣ стороны прекратить канонаду. Дунай понизился еще на одинъ футъ.

25-го мая на всѣхъ прибрежныхъ военныхъ пунктахъ происходили небольшія перестрѣлки. Изъ Журжева, гдѣ наконецъ установили на батареяхъ осадныя орудія, была открыта канонада по Рущуку, на которую турки не отвѣчали, что невольно вызывало сомнѣніе въ успѣшности нашихъ выстрѣловъ. Во время этой канонады было замѣчено въ Рущукѣ движеніе значительныхъ массъ войска, направлявшихся изъ лагеря къ берегу, при чемъ поднялась у турецкихъ стрѣлковъ безвредная перестрѣлка съ казаками, по окончаніи которой часть турецкихъ войскъ удалилась изъ Рущука къ югу.

Въ Ольтеницѣ въ этотъ день (25-го) мы начали поправлять дамбу, размытую разливомъ. Турки, замѣтивъ эти работы, открыли изъ Туртукая огонь, при чемъ у насъ ранило одного рядоваго. Непріятельскія батареи противъ Ольтеницы расположены очень выгодно, за кустами, такъ что мы открыли ихъ только тогда, какъ противникъ сталъ уже ихъ вооружать. Наши охочіе казаки два раза на разсвѣтѣ ѣздили въ лодкахъ къ той сторонѣ разсматривать расположеніе противника и количество его судовъ. Турки оба раза открывали по нимъ огонь, при чемъ одна граната шлепнулась въ воду у самаго борта казачьей лодки. Вообще, въ это время наблюдательность противника стала весьма тщательна. Въ эту же ночь и турки ходили на развѣдку къ Ольтеницѣ, въ устье рѣки Арджиса, но были своевременно замѣчены на казачьемъ пикетѣ, который своимъ огнемъ выпудилъ ихъ уйдти, не достигнувъ цѣли развѣдки.

У Никополя въ этотъ день (25-го) непріятель продолжалъ воздвигать все новыя батареи, а у Калафата пытался высадить дессантъ, но эти попытки успѣшно были отбиты румынами.

26-го мая открыто нами существованіе тайной телеграфной корреспонденціи между Рущукомъ и Журжевымъ. Такъ какъ большая часть проволоки была погружена въ Дунай, то при высокой водѣ телеграфъ могъ дѣйствовать вполнѣ свободно, не опасаясь быть открытымъ; но съ началомъ спада водъ, въ разныхъ мѣстахъ рѣки стали обнаруживаться верхушки столбиковъ съ фарфоровыми болванками и проволокой. Капитаны Масловъ и Альбертовъ съ нѣсколькими охотниками подплыли ночью на ботѣ къ отмѣли и уничтожили на ней телеграфъ, перервавъ кромѣ того въ нѣсколькихъ мѣстахъ проволоку, которую бросили въ воду.

26-го мая противникъ у Туртукая началъ вооружать скрытно устроенную батарею; наши ольтеницкіе артиллеристы семью мѣткими выстрѣлами испортили на ней амбразуры и мерлоны и принудили турокъ удалить орудія. Затѣмъ непріятель открылъ огонь изъ другого укрѣпленія, съ котораго наши точно также принудили его не только убрать артиллерію, но и почти разрушили самое укрѣпленіе. По окончаніи пальбы съ нашихъ батарей, турки приступили было къ исправленію поврежденій, но наша артиллерія тремя картечными гранатами разогнала рабочихъ. У насъ при этой перестрѣлкѣ потерь не было.

Точно также и въ Рущукѣ мы разрушили въ этотъ день (26-го) два укрѣпленія, заставивъ убрать съ нихъ орудія и мѣшали возобновленію турецкихъ работъ.

На Нижнемъ Дунаѣ въ это время происходило слѣдующее:

28-го же мая турки изъ Рущука два раза открывали артиллерійскій огонь по нашимъ сапернымъ работамъ у Журжева: утромъ ихъ канонада длилась съ 8½ до 12 часовъ, а вечеромъ отъ 6-ти до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не стемнѣло. У насъ во все время этой пальбы саперныя работы не прекращались и потерь не было. При стрѣльбѣ по Малорошскому посту, нѣсколько гранатъ попали въ коновязи 30-го донского казачьяго полка, но какъ для людей, такъ и для лошадей это приключеніе обошлось вполнѣ благополучно, если не считать потери нѣсколькихъ пичныхъ древковъ, изщепленныхъ снарядомъ, разорвавшимся среди пичной пирамиды. Не обошлось и безъ комическаго приключенія: одна изъ гранатъ, при паденіи, запуталась въ штанахъ какого-то казака, разложенныхъ на землѣ для просушки и, обмотавшись ими, на глазахъ у всѣхъ,—къ общему удивленію—не разорвалась. Казакъ тутъ же осторожно высвободилъ концомъ пики необходимую принадлежность своего туалета, при общемъ смѣхѣ трунившихъ надъ нимъ товарищей. Послѣ этой стрѣльбы, командиръ полка, полковникъ Орловъ отвелъ свою часть на полверсты дальше отъ берега и съ тѣхъ поръ турки уже не безпокоили его казаковъ.

Казачій пикетъ.

Въ послѣдующіе дни на всемъ Дунаѣ происходили почти ежедневныя, но совершенно безвредныя перестрѣлки, которыя стали уже наводить на наши войска изрядную скуку.—„Одинъ только переводъ деньгамъ турецкимъ, а проку никакаго!“ неоднократно выражались въ разговорахъ солдаты и вывели изъ этого одно, далеко не безполезное для себя заключеніе, что видно много, очень много надо извести пороху и чугуну, для того чтобы вывести изъ строя одного человѣка и что поэтому стало быть артиллерійскій огонь вовсе не страшенъ.

(Продолженіе будетъ).

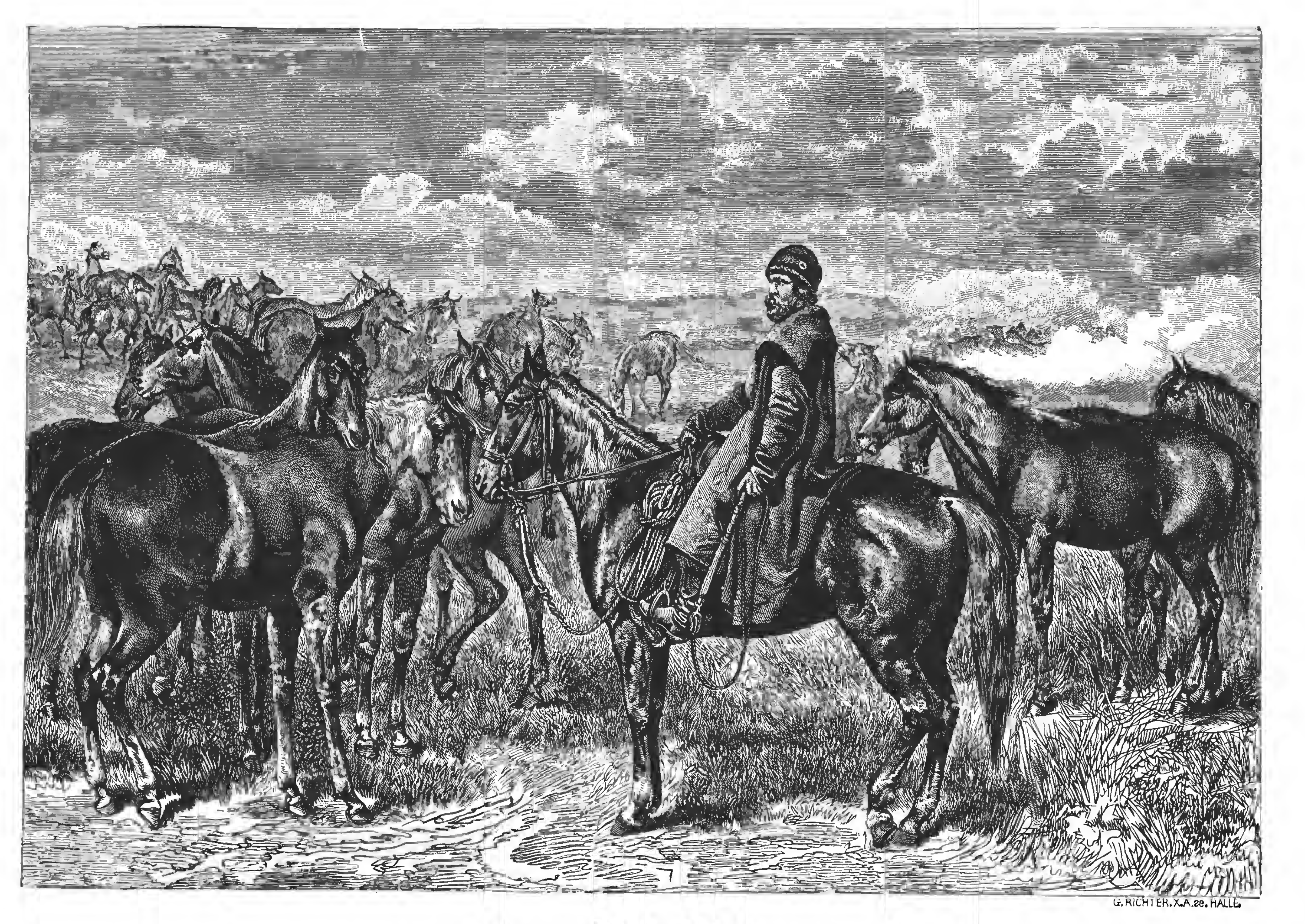
*) Изъ состава Кавказской казачьей дивизіи.

Изъ Александріи въ Каиръ *).

(Путевыя замѣтки).

Въ первыхъ числахъ марта мѣсяца винтовой фрегатъ „Свѣтлана“ подходилъ къ берегамъ Египта. До Александріи оставалось миль пятнадцать, а берегъ, котораго всѣ ждали съ напряженнымъ нетерпѣніемъ, все еще не открывался. Приближеніе къ незнакомой странѣ съ моря особенно возбуждаетъ любопытство и заставляетъ воображеніе разъиграться. Все, что

*) Эти интересныя замѣтки составлены однимъ изъ офицеровъ фрегата „Свѣтлана“, находившагося въ Средиземномъ морѣ съ 1875 до конца 1876 года подъ командою Е. И. В. Великаго Князя Алексія Александровича.

Донской степной табунъ. Рис. Ф. Колларцъ, грав. Г. Рихтеръ.

У потока въ Зенаро (Восточная Африка). Рис. Гартманъ, грав. К. Ярмарктъ.

раньше читано о странѣ и видѣно въ изображеніяхъ, тутъ оживляется въ памяти и воображеніе рисуетъ картину необыкновенно привлекательную, рѣдко согласную съ дѣйствительностью. Такъ было и со мною. Съ Египтомъ нераздѣльны были нѣкоторыя воспоминанія изъ „Тысячи и одной ночи": великолѣпные дворцы съ тѣнистыми садами и хрустальными фонтанами и другія картины богатой арабской фантазіи, какова же была дѣйствительность? Прежде всего открылся высокій входный маякъ, а вскорѣ сталъ показываться и самый городъ—рядъ некрасивыхъ бѣлыхъ домовъ, расположенныхъ на низменной песчаной косѣ. За домами червѣли многочисленныя мачты судовъ. Чѣмъ ближе мы подходили къ городу, тѣмъ видъ становился безотраднѣе. Песчаный, холмистый берегъ Африки ослѣплялъ глаза своею желтизною, которая отражалась и въ атмосферѣ. По этому берегу расположенъ цѣлый рядъ вѣтряныхъ мельницъ и незначительныхъ фортовъ. Александрія занимаетъ низменную косу, образующую съ берегомъ двѣ бухты. Западная изъ нихъ самая глубокая и служитъ военнымъ и торговымъ портомъ, который посѣщается преимущественно пароходами, такъ какъ берега Египта для парусныхъ судовъ не безопасны *). Только что мы отдали якорь на рейдѣ, какъ палубу фрегата наводнилъ самый пестрый людъ всевозможныхъ оттѣнковъ кожи: всѣ они говорили заразъ на самомъ странномъ смѣшеніи европейскихъ и африканскихъ нарѣчій, предлагая свои услуги, какъ-прачки, чичероне, поставщики провизіи и т. под. „Ты пойдешь до Каиры?" приставалъ ко мнѣ губастый негръ, стараясь выказать знаніе русскаго языка. „Мой мыть рубашка very well", объяснялъ какой-то арабъ навязывая письменныя рекомендаціи. Съ трудомъ отдѣлались мы отъ всѣхъ этихъ услужливыхъ людей.

Съ рейда Александрія представляетъ столь же мало привлекательнаго, какъ и съ моря. Около маяка находится дворецъ Хедива—обширное бѣлое зданіе европейской постройки съ куполообразною крышею и колоннами; къ нему примыкаетъ гаремъ и обширные пальмовые сады. Впрочемъ, Хедивъ живетъ здѣсь рѣдко, предпочитая свои вновь-отстроенные дворцы въ окрестностяхъ Каира. Далѣе виднѣются однообразныя зданія арсенала и портовыхъ учрежденій, отчасти скрытыя цѣлымъ лѣсомъ мачтъ и пароходныхъ трубъ.

Со времени прорытія Суэцскаго канала, Александрія сдѣлалась посредницей въ торговлѣ Европы съ Индіей и Китаемъ и обогатилась многочисленными торговыми конторами и агентствами. Съ этихъ же поръ значительно увеличился наплывъ сюда европейцевъ, преимущественно грековъ и англичанъ. Несмотря на свою торговую важность Александрійскій портъ еще не такъ давно представлялъ весьма значительныя неудобства, имѣя опасный входъ и будучи незащищенъ отъ западныхъ вѣтровъ. Съ 1871 года необходимыми улучшеніями порта занялась англійская компанія, для чего устроены каменоломни на берегу моря въ Observations Мексѣ; въ настоящее время уже сооружены два длинныхъ мола изъ огромныхъ гранитныхъ глыбъ, защищающіе портъ съ юга и запада. Кромѣ того городъ скоро украсится широкою каменною набережной. Это послѣднее улучшеніе крайне необходимо, такъ какъ теперь приходится высаживаться на очень первобытной и неудобной пристани. Вообще первое знакомство съ городомъ—самое невыгодное. Проникая въ грязныя, вемощеныя улицы, тщетно ожидаешь встрѣтить живописныя постройки, свойственныя восточному городу: дома не представляютъ никакихъ мѣстныхъ особенностей, а красивыхъ мечетей и фонтановъ здѣсь вовсе нѣтъ. Тѣмъ не менѣе европеецъ, еще незнакомый съ восточною жизнію, найдетъ много новаго и оригинальнаго въ населеніи и уличной жизни арабскихъ кварталовъ. Проникая далѣе, попадаешь неожиданно на красивыя и широкія улицы франкскаго квартала, который можетъ поспорить съ любымъ европейскимъ городомъ своими пятиэтажными домами, скверами и ресторанами. На одной изъ площадей возвышается конная статуя Мехмета-Али, который открылъ Египетъ европейцамъ.

Одного дня совершенно достаточно, чтобы ознакомиться съ достопримѣчательностями Александріи, побывать у обелиска, носящаго названіе „Иглы Клеопатры" **) и осмотрѣть одинокую колонну Помпея, указывающую мѣсто нѣкогда славнаго Серапеума. Она находится на южныхъ окраинахъ города, гдѣ начинаются теперь тѣнистыя рощи пальмъ и платановъ. Въ древности здѣсь расположена была самая богатая часть города, называвшаяся Брухіумъ, съ дворцомъ Птоломеевъ, музеемъ и другими зданіями, о которыхъ сохранилась одна молва. По каналу Махмудіэ расположены красивые загородные дома и сады, а нѣсколько далѣе виднѣется обширное озеро Марестисъ, которое вредно дѣйствуетъ на климатъ Александріи своими болотными испареніями; берега его такъ низменны, что озеро сливается съ горизонтомъ и кажется безпредѣльнымъ. Здѣсь знакомишься въ маломъ видѣ съ африканскою природой: ея песчаными равнинами, обширными озерами и оазисами пальмъ.

Еще лѣтъ двадцать тому назадъ, путешественнику, посѣщавшему Египетъ, приходилось отправляться въ Каиръ по каналу Махмудіэ, который впадаетъ въ западный рукавъ Нила у Атфэ *). Уже въ 1855 году выстроена была въ Египтѣ желѣзная дорога, первая на Востокѣ — и поѣздка въ Каиръ получила съ тѣхъ поръ тотъ стереотипный характеръ, который связанъ съ нынѣшнимъ способомъ передвиженія. Время путешественниковъ видимо приходитъ къ концу и смѣняется вѣкомъ туристовъ: уже строится желѣзная дорога до Ассуана, а чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ мы будемъ говорить о поѣздкѣ къ верховьямъ Нила, открытымъ послѣ столь настойчивыхъ усилій, какъ о сущей бездѣлицѣ.

Ознакомившись съ Александріей, я отправился съ утреннимъ поѣздомъ въ столицу Египта, рѣшившись извлечь изъ этого шестичасоваго переѣзда по возможности больше впечатлѣній касательно характера Дельты, самой плодородной мѣстности Египта. Сначала мы проѣзжали обширное озеро Мареотисъ, окаймленное безконечными несчаными пространствами. Трудно себѣ представить что-нибудь тоскливѣе этого пейзажа, оживляемаго только стаями пеликановъ, которые собираются на берегу озера. Но вскорѣ мѣстность стала оживляться: мы оставили за собою пустыню и теперь проѣзжали обработанныя пространства, расположенныя по каналу Махмудіэ. Въ мартѣ плантаціи, уже оплодотворенныя разлитіями Нила, представляютъ одинъ непрерывный садъ зелени. Здѣсь весна въ полномъ смыслѣ слова: живописныя группы финиковыхъ и кокосовыхъ пальмъ, банановъ и другихъ деревъ одѣлись свѣжею листвой. Молодые посѣвы риса, маиса и хлопчатника уже начинаютъ созрѣвать во второй разъ, въ воздухѣ распространяется благоуханіе отъ обширныхъ луговъ, засѣянныхъ клеверомъ. До апрѣля въ Нижнемъ Египтѣ еще преобладаютъ влажные сѣверные вѣтры, хотя по временамъ уже начинаетъ задувать палящій хамсинъ. Онъ приноситъ изъ пустыни цѣлыя тучи мелкаго песку, затемняющія воздухъ, который становится въ это время удушливымъ и даже жгучимъ. Чѣмъ болѣе мы углублялись въ области смежныя съ Дельтой, тѣмъ растительность становилась роскошнѣе. Мѣстность прорѣзывается частою сѣтью каналовъ, которые служатъ средствомъ орошенія полей и въ то же время водными сообщеніями: огромные косые паруса барокъ то и дѣло мелькаютъ изъ-за пальмъ и плантацій. Часто попадаются феллахскія деревни, расположенныя исключительно на возвышеніяхъ почвы. Во время разлитій Нила онѣ превращаются въ островки. Деревни эти очень похожи на жилища кротовъ: жалкія арабскія мазанки слѣплены изъ навоза и ила и имѣютъ цвѣтъ одинаковый съ почвою. Какъ-то странно видѣть человѣческія существа обитателями этихъ кучъ взрытаго ила. Много попадалось на пути новаго для европейца, на чемъ хотѣлось бы дольше остановить взоръ, но поѣздъ неумолимо мчалъ меня впередъ, оставляя въ головѣ какія-то неполныя отрывочныя картины и образы. Вотъ набожный арабъ совершаетъ вечернюю молитву среди поля, тамъ, гдѣ застало его заходящее солнце и, обратившись лицомъ къ Меккѣ, усердно кладетъ земные поклоны. Далѣе промелькнулъ на проселочной дорогѣ длинный караванъ верблюдовъ, нагруженныхъ огромными тюками хлопка. На нихъ возсѣдаютъ арабы, мѣрно раскачиваясь взадъ и впередъ. Этотъ столь исчерпанный сюжетъ изъ восточнаго жанра среди роскошной природы получаетъ новую прелесть и художественность. Проѣзжая деревни, виднѣются группы арабскихъ женщинъ съ кувшинами на головахъ; покрывала на лицахъ свѣшиваются у нихъ на подобіе хобота до самыхъ колѣнъ, оставляя открытыми одни глаза. Впрочемъ, на ношеніе этого безобразнаго покрывала обречены одни замужнія женщины, а молодыя феллашки ихъ не носятъ. Между послѣдними часто встрѣчаются красавицы съ черными выразительными глазами. На станціяхъ феллахскія дѣвушки обыкновенно толпятся у вагоновъ, наперерывъ предлагая пассажирамъ апельсины, сахарный тростникъ и прѣсную воду. Въ женскомъ костюмѣ здѣсь вообще преобладаетъ черный цвѣтъ, что повидимому не согласуется съ требованіями знойнаго климата. Не выражается ли какая-то вѣковая безотчетная грусть въ этомъ траурѣ цѣлаго народа? Мнѣ удалось на пути замѣтить нѣкоторыя особенности обработки полей, а именно искуственное орошеніе ихъ. Для этого устроены чрезъ небольшіе промежутки колодцы съ большимъ колесомъ, снабженнымъ кувшинами; къ приводу этого колеса запрягаютъ быковъ. Такимъ образомъ, приводя колесо въ движеніе, наполняется водою резервуаръ и многочисленные каналы, На нѣкоторыхъ плантаціяхъ встрѣчаются локомобили и усовершенствованныя земледѣльческія машины.

На пути въ Каиръ мы проѣзжали нѣсколько значительныхъ торговыхъ городовъ Нижняго Египта. Всѣ они большею частью обязаны своимъ значеніемъ каналамъ, для которыхъ служатъ

*) Приложенный нами видъ даетъ совершенно вѣрное понятіе о входѣ въ Александрійскій портъ. На первомъ планѣ мы видимъ одну изъ вышеупомянутыхъ своеобразныхъ мельницъ, а вдали, за группою пароходовъ — круглую башню входнаго маяка. Онъ стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда находился знаменитый Александрійскій маякъ, выстроенный Птоломеями и почитавшійся 7 чудомъ свѣта.

**) Это названіе присвоено также другому обелиску, лежавшему около упомянутаго нами и недавно увезенному въ Англію.

*) Необходимость удобныхъ сообщеній между Александріей и Каиромъ побудила Мехмета-Али къ проложенію этого канала; болѣе трехъ сотъ тысячъ рабочихъ было употреблено для выполненія такого гигантскаго предпріятія Съ тѣхъ поръ пассажирскіе пароходы стали ходить по каналу Махмудіэ, берега котораго представляютъ много прекрасныхъ видовъ. Вблизи Александріи они обстроены богатыми виллами: изящные дворцы и кіоски, полускрытые въ густой зелени садовъ, отражаются въ спокойныхъ водахъ канала. Далѣе ихъ смѣняютъ скромныя арабскія деревни, украшаемыя группами развѣсистыхъ пальмъ и сикоморъ, которыя такъ эфектно рисуются на золотистомъ фонѣ египетскаго неба. Прилагаемый рисунокъ даетъ нѣкоторое понятіе о красотѣ этихъ ландшафтовъ.

портами. Первымъ проѣзжали Дамантуръ, главный городъ земледѣльческой провинціи Бегера. За исключеніемъ нѣсколькихъ европейскихъ построекъ, городъ этотъ сохранилъ вполнѣ видъ обширной арабской деревни, украшенной минаретами двухъ, трехъ мечетей. При вступленіи въ самую Дельту расположенъ Кафръ-ель-Заятъ и близь него длинный мостъ чрезъ Нилъ — единственная крупная постройка на всемъ протяженіи желѣзной дороги. До построенія нынѣшняго моста мѣсто это ознаменовалось ужасной катастрофой, въ которой погибъ Ахметъ-паша, старшій братъ нынѣшняго Хедива. Въ Кафръ-ель-Заятѣ поѣздъ стоитъ четверть часа, что даетъ возможность довольно вкусно пообѣдать на станціи. За столомъ со мною рядомъ сидѣлъ негръ-джентльменъ, одинъ изъ новыхъ типовъ современнаго Египта. Дорожная жакетка, сшитая по послѣдней модѣ, на головѣ — обязательная здѣсь феска въ видѣ усѣченнаго конуса и, наконецъ, золотой пенсъ-нэ на носу—все на немъ было безукоризненно. Но въ этомъ модномъ костюмѣ лоснящаяся физіономія негра еще болѣе напоминала обезьяну, особенно когда онъ принялся уписывать съ жадностью появившіяся на его тарелкѣ кушанья, показывая рядъ бѣлыхъ зубовъ.

Къ вечеру мы проѣзжали значительный торговый городъ Тантахъ. Здѣсь три раза въ годъ бываютъ празднества въ честь одного магометанскаго угодника, который здѣсь погребенъ, причемъ стекаются сюда тысячи богомольцевъ. Наконецъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло, нашъ поѣздъ прибылъ въ Каиръ. На вокзалѣ я окруженъ былъ навязчивыми погонщиками ословъ, которые едва не захватили меня силою вмѣстѣ съ моимъ багажемъ; но тутъ оказались весьма дѣйствительными длинные хлысты полицейскихъ, быстро разогнавшіе толпу. Возсѣвъ на маленькаго, но прыткаго ослика и сопровождаемый гиканьемъ погонщика, я мелкою рысцою скоро достигъ гостинницы.

Ю. А.

Къ рисункамъ.

Смирительный домъ въ Сингъ-Сингѣ, въ штатѣ Нью-Іоркъ.

Теперь у насъ такъ много занимаются вопросомъ о тюремной реформѣ, что мы считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе читателей на уже испытанное тюремное устройство въ Америкѣ. Въ русскихъ тюрьмахъ слишкомъ мало занимаютъ заключенныхъ работою. Въ Италіи, Франціи и Германіи заработокъ заключенныхъ достигаетъ обыкновенно 2—3 милліоновъ рублей ежегодно, въ Россіи же такой заработокъ едва доходитъ до 150,000 руб. Исправленіе преступниковъ достигается успѣшно усиленнымъ трудомъ. У насъ не организованы громадныя силы, работа которыхъ могла бы покрыть весь расходъ, производимый государствомъ на содержаніе мѣстъ заключенія.

Въ графствѣ Вестминстеръ въ штатѣ Нью-Іоркъ, около городковъ Монг-Плезантъ и миннингсингъ (по индійски значитъ „мѣсто камней") находится мѣстность Сингъ-Сингъ съ 3,000 жителей, гдѣ кромѣ нѣсколькихъ церквей и высшихъ учебныхъ заведеній (академіи и женской семинаріи) находится одинъ изъ трехъ обширнѣйшихъ смирительныхъ домовъ штата Нью-Іоркъ. Это заведеніе одно изъ образцовыхъ и величайшихъ въ свѣтѣ; штатъ Нью-Іоркъ съ его милліоннымъ населеніемъ и значительнымъ пролетаріатомъ, а также сосѣдніе большіе города, доставляютъ громадный контингентъ арестантовъ. Смирительный домъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій: женскаго, которое помѣщается въ прекрасномъ зданіи греческаго стиля, и мужскаго, которое первоначально было устроено на 1000 отдѣльныхъ номеровъ; въ послѣднее же время оно значительно увеличено. Мужчины, частью въ одиночномъ заключеніи, частью же работаютъ въ общихъ мастерскихъ, въ разныхъ промышленныхъ организованныхъ здѣсь производствахъ.

Каждый заключенный имѣетъ свою отдѣльную спальню. Общія: церковь, столовая и рабочая комната. Часть арестантовъ работаетъ въ мраморныхъ ломкахъ, часть на желѣзнолитейномъ заводѣ; около 300 человѣкъ занимаются въ сапожныхъ мастерскихъ, 200 на шляпной фабрикѣ и почти столько же въ различныхъ другихъ мастерскихъ. Дисциплина между арестантами строго соблюдается, наказанія: клѣтка, темный карцеръ и плеть. Клѣтка состоитъ изъ ошейника съ висячимъ замкомъ; нѣсколько желѣзныхъ изогнутыхъ полосъ, расположенныхъ на разстояніи двухъ вершковъ и вышиною около девяти вершковъ, окружаютъ голову точно клѣткой. (На второмъ рисункѣ нѣсколько арестантовъ представлены съ такимъ головнымъ украшеніемъ). Каждый арестантъ обязанъ работать, занятіе назначается сообразно его способностямъ; изъ заработанныхъ денегъ ему выдаются карманныя деньги, остальное, за вычетомъ его содержанія, возвращается ему по истеченіи срока наказанія. Всѣ одѣты въ толстую полосатую одежду и получаютъ довольно грубую пищу. Обѣдъ изъ теплыхъ кушаньевъ, завтракъ и ужинъ; арестанты на свои деньги могутъ покупать хлѣбъ, молоко, чай, кофе и табакъ, но не спиртные напитки, и разъ въ мѣсяцъ могутъ писать къ роднымъ и принимать ихъ у себя. Завтракаютъ и обѣдаютъ въ общей залѣ, куда приводятся сторожами въ стройномъ порядкѣ, отдѣлами, какъ представлено на первомъ рисункѣ.

Столовая—большая комната, потолокъ которой поддерживается рядомъ желѣзныхъ столбовъ; въ ней 84 стола, каждый на 15 человѣкъ; каждый арестантъ получаетъ ножъ, вилку, ложку и жестяную кружку для питья; па каждыхъ двухъ человѣкъ полагается одна миска, которая стоитъ на столѣ, вмѣстѣ съ ломтемъ хлѣба, покрытая двумя оловянными тарелками. На завтракъ опредѣлено только 10, а на обѣдъ 15 минутъ; изъ столовой арестанты уходятъ по отдѣламъ колоннами, при выходѣ опускаютъ свой приборъ въ большой ящикъ. Послѣ обѣда они прогуливаются въ маленькихъ огороженныхъ дворикахъ. Во время ѣды, около 40 арестантовъ прислуживаютъ остальнымъ, накрываютъ на столъ, подаютъ кушанье, хлѣбъ, соль и т. п. Ужинъ, состоящій изъ кофе съ молокомъ и хлѣба, арестанты получаютъ возвращаясь на отдыхъ и ужинаютъ въ своихъ номерахъ. Разговоры во время работы и ѣды строго воспрещены. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ арестанты должны посѣщать церковь. Церковь съ сводчатымъ потолкомъ и стѣнами, окрашенными темно-желтой краской, имѣетъ непривѣтливый, сумрачный видъ. Арестанты въ церкви размѣщаются такъ, что лицомъ обращены къ южной сторонѣ, т. е. къ алтарю. На возвышеніи занимаетъ мѣсто духовное лицо, по правую и лѣвую сторону котораго размѣщаются директоры, а сторожа занимаютъ мѣста между скамейками и вдоль стѣнъ, па возвышенныхъ сидѣніяхъ. Напротивъ алтаря, въ концѣ, находится другое возвышеніе, гдѣ помѣщается органъ, на которомъ играетъ одинъ изъ арестантовъ: восемь другихъ поютъ во время службы. Все это, какъ видно на нашей картинкѣ, имѣетъ нѣсколько странный, однообразный, скучный характеръ, но конечно весьма обдуманно и систематично. Одиночное заключеніе и обязательное молчаніе для нѣкоторыхъ наказанныхъ—должны производить жестокое, удручающее впечатлѣніе на арестанта. О результатахъ этихъ послѣднихъ мѣръ и въ американской печати существуютъ самыя противуположныя мнѣнія. Многіе сильно возстаютъ противъ нихъ.

Маленькая любимица.

Лѣсъ и поле—дѣвочка ихъ такъ любитъ, она такъ привыкла быть всегда на чистомъ, свѣжемъ воздухѣ, эта деревенская красотка, которая только что разцвѣтаетъ и сама еще не знаетъ какъ будетъ кружить головы деревенской молодежи. Щеки ея горятъ свѣжимъ, нѣжнымъ румянцемъ юности, глазки такъ свѣтло, открыто смотрятъ. Зеленый лѣсъ и небо надъ нею и пѣсенка ея такъ свободно и звонко льется, раздаваясь далеко. Она набрала грибовъ и цвѣтовъ, а ея маленькая любимица—козочка не отстаетъ отъ нея нигдѣ и бѣгаетъ за нею какъ собачка. Это балованная козочка. Посмотрите, какъ дерзко она протягиваетъ головку и вырываетъ изъ рукъ колосья. Она знаетъ, что хоть разсыпь она все, что несетъ ея молоденькая хозяйка—и тогда ей не достанется а развѣ съ горячей лаской потреплютъ ея хорошенькую мордочку. Онѣ неразлучны и среди этой зелени и цвѣтовъ представляютъ такую прелестную группу, что нельзя не залюбоваться на нее и долго потомъ будетъ она носиться передъ встрѣтившимъ ее, какъ живое, граціозное видѣніе.

Донской степной табунъ.

Какъ извѣстно область донскаго войска, богатая своими естественными произведеніями, славится еще степнымъ коннозаводствомъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Многочисленность табуновъ чистокровныхъ, прекрасныхъ коней, имѣющихъ всесвѣтную извѣстность, мѣстной породы обусловливается какъ качествами здѣшней благодатной почвы такъ и тѣмъ, что область находится въ районѣ многихъ рѣкъ и рѣчекъ, на берегахъ которыхъ раскинуты пространныя, великолѣпныя пастбища.

Вполнѣ пользуясь выгоднымъ положеніемъ своего края, Донцы занимаются скотоводствомъ и коннозаводствомъ съ особеннымъ успѣхомъ; особенно развито коннозаводство; лошадь здѣсь стала другомъ казака, его ратнымъ товарищемъ, постояннымъ предметомъ его самой усердной заботливости и тщательнаго ухода. И этотъ конь дѣйствительно стоитъ вниманія и довѣрія къ нему человѣка. Его цѣнныя качества, безспорно даютъ ему одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ средѣ другихъ представителей породъ этого благороднаго животнаго. Донская степная лошадь, какъ казачья такъ и Калмыцкая, принадлежитъ къ первоначальному типу. Она не высока ростомъ, ея фигура особенно типична и оригинальна; голова широка и толста, шея довольно узка и длинна, грива жесткая и косматая, спина крѣпка, ноги сильны.

Сильное развитіе мускулатуры дѣлаетъ ее необыкновенно выносливой и неутомимой в никакая другая лошадь не выдержитъ столько тяжести по самому неудобному, гористому пути, какъ эта небольшая лошадка. Терпѣливая, выносящая голодъ и холодъ и всевозможныя лишенія, она дорогой товарищъ въ пути и въ дѣлѣ. Степная донская лошадь вообще отличается огневою

живостью движеній, непокорностью и даже злостью, но за то эта же лошадь, попавъ рано въ ѣзду въ искусныя руки и хорошо выдрессированная, дѣлается черезъ мѣсяцъ образцомъ послушанія и привязанности, сохраняя при этомъ вполнѣ всѣ вышеупомянутыя достоинства своего степнаго прототипа. Аллюръ такого коня хотя и не бываетъ строго правильнымъ, но быстръ и энергиченъ; пускаясь въ галопъ, онъ даетъ большой и широкій скачекъ и идетъ къ цѣли, не боясь никакихъ препятствій. Извѣстный гиппологъ Мердеръ въ отношеніи быстроты бѣга отдаетъ ему должную справедливость; по его замѣчанію лошадь можетъ пробѣжать шестиверстное разстояніе не болѣе какъ въ 9 минутъ, если только вѣсъ ея всадника не превышаетъ четырехъ пудовъ. Эта сила и неутомимость сохраняются у степной лошади очень долго, такъ что 20-ти и даже 30-ти лѣтнею она не перестаетъ оказывать еще самыя серьезныя услуги своему хозяину. Знатоки мѣстные отдаютъ предпочтеніе лошадямъ свѣтлой масти, но коннозаводчики вообще утверждаютъ напротивъ, что кони черной масти сильнѣе, и лучше переносятъ лишенія и болѣзни. Понятливость и смышленность донской лошади, превосходныя качества ея слуха и обонянія проявляются очень часто самымъ очевиднымъ образомъ. Уже издали она чуетъ приближеніе своего исконнаго врага—волка и принимаетъ всѣ мѣры для огражденія себя отъ грозящей опасности. Эти мѣры бываютъ такъ цѣлесообразны и разумны, что только развѣ слабые, больные или слишкомъ молодые кони становятся жертвами хищника. Въ случаѣ же нападенія на табунъ большой стаи волковъ, степные кони защищаются отчаяннымъ образомъ; бьютъ копытами, кусаются зубами и лишь въ случаѣ многочисленности непріятеля обращаются въ бѣгство.

Типъ донской степной лошади образовался во времена не очень давнія, а именно въ концѣ прошлаго столѣтія и началѣ настоящаго, когда развитіемъ и совершенствованіемъ этого типа такъ усердно занимались извѣстные казачьи атаманы Платовъ, Иловайскій и Мартыновъ, стараясь устроивать въ станицахъ конскіе заводы, скрещивая мѣстную породу коней съ лучшими породами Аравіи, Персіи и Западной Европы. Съ тѣхъ поръ донской казачій конь шелъ во всѣхъ главныхъ походахъ нашей арміи, оказывая ей громадныя услуги и еще недавно, въ только что окончившуюся, великую войну и особенно при переходѣ черезъ грозные Балканы снова блистательно выказалъ свои драгоцѣнныя свойства—необычайную силу и замѣчательную выносливость. Нельзя не упомянуть также, что и въ Франко-Прусскую войну знаменитые прусскіе уланы также были на нашихъ степныхъ коняхъ, предусмотрительно заранѣе еще пріобрѣтенныхъ германскимъ правительствомъ.

У потока въ Зенаро (Восточная Африка).

Въ верховьяхъ голубой рѣки Зенаро, (впадающей въ Нилъ), среди роскошной и разнообразной растительности, часто появляется неуклюжая, массивная фигура двурогаго носорога. Это малоподвижное животное приходитъ къ потоку утолить жажду, понѣжиться въ пріятной прохладѣ, поваляться въ мягкомъ береговомъ илѣ. Его появленіе здѣсь такъ обычно, что не производитъ никакого переполоха среди многочисленныхъ пернатыхъ обитателей этой прирѣчной мѣстности и даже самая громадная изъ здѣшнихъ водяныхъ птицъ—длинноносая *ачаша* встрѣчаетъ страшнаго и свирѣпаго пришельца совершенно равнодушно и подпускаетъ его къ себѣ на близкое разстояніе. Въ этой мѣстности носороги водятся въ большомъ количествѣ, но границы ихъ распространенія въ другихъ частяхъ Африки до сихъ поръ еще весьма мало извѣстны. Въ Европу двурогіе носороги привозились еще во времена римскаго владычества и даже Марціалъ упоминаетъ о двурогомъ носорогѣ, участвовавшемъ въ одной травлѣ дикихъ звѣрей, въ римскомъ циркѣ. По его словамъ двурогій носорогъ, спущенный противъ медвѣдя, поднялъ его на рога съ такою же легкостью, съ какою разъяренный быкъ подбрасываетъ преслѣдующихъ его собакъ. Это необычайно сильное и свирѣпое животное. Суданскіе арабы питаютъ къ нему какой-то суевѣрный ужасъ—у нихъ существуетъ повѣрье, что это оборотни колдуновъ или злыхъ духовъ. Часто спасаетъ человѣка отъ яростнаго преслѣдованія его неповоротливость и неуклюжесть. Дѣйствительно, при его фигурѣ быстрыя движенія немыслимы; съ тяжелымъ туловищемъ, съ короткой шеей и съ продолговатой головой онъ имѣетъ видъ какой-то безобразной массы, движущейся на короткихъ, толстыхъ, нескладныхъ цилиндрическихъ тумбахъ, съ едва замѣтными сочлененіями. Кожа его образуетъ родъ роговаго панцыря, изрытаго глубокими бороздами и складками, а кругомъ морды идутъ поперечныя морщины. Цвѣтъ кожи носорога измѣняется, тѣмъ болѣе что пыль, грязь, внѣшнія наслоенія дѣлаютъ кожу носорога темнѣе, чѣмъ она въ дѣйствительности. У двурогаго носорога передній рогъ довольно сильно заостренъ и всегда достигаетъ большей длины нежели задній. Длина же всего животнаго равняется 11 или 12 футамъ.

Образъ жизни и привычки у всѣхъ носороговъ почти одинаковы и двурогій носорогъ мало чѣмъ отличается въ этомъ отношеніи отъ другихъ представителей своей породы. Любимымъ его мѣстопребываніемъ служатъ сырыя болотистыя мѣста, камыши рѣкъ и лѣсныхъ озеръ. Частое купанье, а также валянье въ береговомъ илѣ составляютъ для него совершенную необходимость, такъ какъ мухи, слѣпни и комары постоянно его преслѣдуютъ и только въ водѣ или въ илѣ онъ находитъ временное успокоеніе отъ терзаній этихъ насѣкомыхъ. Освѣживъ себя влагой и набивъ свой объемистый желудокъ, носорогъ уходитъ въ чащу и забирается въ самую глубь ея, ломая и опрокидывая деревья, заграждающія ему дорогу. Здѣсь онъ выбираетъ себѣ уютное мѣстечко, около какого нибудь толстаго ствола и глубоко засыпаетъ, храпъ его слышится на далекое разстояніе. Вообще носорогъ не отличается большою сообразительностью и сытый довольно апатиченъ къ окружающему; блуждая всегда въ одиночку, онъ рѣдко избѣгаетъ мѣткой пули ловкаго охотника. Но бѣда привести его въ ярость неудачнымъ выстрѣломъ: раздраженный, онъ кидается впередъ, не смотря ни на какія препятствія: въ ярости уничтожаетъ все, что попадается ему на пути и если не встрѣтитъ человѣка, то вымѣщаетъ свой гнѣвъ на камняхъ, деревьяхъ или яростно роетъ землю, проводя въ ней глубокія борозды. Замѣчательно—почти постоянная спутница носорога—небольшая птичка, извѣстная подъ названіемъ *личинкоѣда*, которая оказываетъ ему весьма важную услугу, истребляя мучащихъ его насѣкомыхъ. Между огромнымъ, неуклюжимъ животнымъ и маленькой птичкой такимъ образомъ устанавливаются самыя дружественныя, тѣсныя отношенія; часто личинкоѣдъ довѣрчиво садится на спину или на шею носорога и такимъ образомъ слѣдуетъ за нимъ всюду, такъ что появленіе этой птички служитъ всегда вѣрнымъ признакомъ, что и убѣжище носорога не далеко. Въ Африкѣ охота на носорога считается очень прибыльной; всѣ части этого животнаго идутъ на потребу туземца: изъ роговъ онъ приготовляетъ себѣ чаши и оружіе, изъ кожи дѣлаетъ щиты, панцыри и домашнюю утварь; мясо служитъ ему вкусной и питательной пищей, а жиръ, костяной мозгъ и кровь считаются безцѣнными лѣкарствами, помогающими отъ разныхъ болѣзней.

Православный Сербскій храмъ въ Тріестѣ.

Сербскій храмъ, рисунокъ котораго помѣщенъ въ настоящемъ №, свидѣтельствуетъ о богатствѣ Тріестской Сербской колоніи, иждивеніемъ которой онъ построенъ. Стиль архитектуры этого храма византійскій, столь дорогой и уважаемый христіанами православно-восточнаго исповѣданія. Знаменитымъ прототипомъ этого стиля служитъ церковь Св. Софіи въ Константинополѣ.

Обряды и внутреннее устройство храмовъ у православныхъ сербовъ совершенно сходны съ нашими.

Римско-католики, видѣвшіе православно-восточное богослуженіе, не безъ удивленія замѣчаютъ, что вѣрные всѣ стоятъ на ногахъ въ храмѣ и что даже сильнымъ міра не дозволено сидѣть предъ алтаремъ Господнимъ. При этомъ, какъ на исключеніе, указывается на костыль, сохраняющійся въ Бѣлградскомъ соборѣ (въ Сербіи), служившій для опоры утомившемуся отъ молитвы князю Милану, извѣстному основателю династіи Обреновичей.

Городъ Тріестъ, расположенный при заливѣ Адріатическаго моря, принадлежалъ прежде Иллирійскому королевству, теперь же принадлежитъ Австріи. Онъ находится въ округѣ того же имени. Большая часть городовъ округа носятъ итальянскія названія. Тріестъ въ настоящее время первая морская гавань въ Австріи. Всѣ блестящія преимущества морской торговли перешли къ Тріесту отъ нѣкогда знаменитой въ торговомъ отношеніи Венеціи. Тріестъ представляетъ собою два соединенныхъ вмѣстѣ города: *старый* городъ, грязный, съ кривыми улицами и *новый* городъ, улицы котораго правильны и широки и дома новой архитектуры. Въ этой части города находится каѳедральный соборъ, въ которомъ покоится прахъ великаго антикварія *Винкельмана*, отца исторіи искусства, нашедшаго въ Тріестѣ недостойную своей славы смерть отъ ножа убійцы, думавшаго воспользоваться антикварскими сокровищами Винкельмана...

Въ Тріестѣ имѣютъ пребываніе два епископа: грековосточный и католическій.

Замѣтимъ, по поводу православныхъ храмовъ въ Австро-Венгріи и населенія, принадлежащаго къ православно-восточному вѣроисповѣданію,—что это православное населеніе составляютъ въ Австро-Венгріи болѣе 3,000,000, почти исключительно румынъ или сербовъ. Большая часть ихъ сосредоточена въ Венгріи; внѣ же Венгріи—православные живутъ въ двухъ епархіяхъ: въ Зарской (въ Далмаціи) и Черновицкой (въ Буковинѣ).

Политическое обозрѣніе.

Порта.—Великій визирь. Боснія. Гамбетта.—Тунисскій бей.—Афганистанъ.

Искренно или нѣтъ желаніе Порты удовлетворить, наконецъ, требованія Черногоріи, Греціи и Россіи, но — до сихъ поръ дѣло мало подвигается впередъ, не смотря на „добрыя намѣренія“, высказанныя—какъ мы говорили недавно—оттоман-

(Продолженіе на стр. 41, 42, 43 и 44).

скимъ правительствомъ. Изъ депешъ „Международнаго Агентства“ мы узнаемъ, что Порта „издастъ“ прокламацію къ албанцамъ, въ которой предпишетъ имъ не препятствовать уступкѣ Подгорицы и Спужа черногорцамъ, грозя, въ противномъ случаѣ, принудить ихъ къ тому оружіемъ. Мы не знаемъ издана ли уже эта прокламація, но намъ изъ тѣхъ же депешъ извѣстно, что жители Подгорицы телеграфировали султану, что находятся многія, утверждающія, что переговоры эти не увѣнчаются успѣхомъ. Для того ли, чтобы сдѣлать грековъ сговорчивѣе, или съ иною какою цѣлью — турецкія газеты напечатали на дняхъ извѣстіе, что въ Эпиръ отправлено 100 тысячъ ружей, для вооруженія мусульманъ, на случай возстанія грековъ. Наконецъ, сколько ни было толковъ о переговорахъ съ нами, имѣющихъ цѣлью ускорить заключеніе оконча-

Православный Сербскій храмъ въ Тріестѣ. Рис. Селльеръ, грав. Шапонъ.

они рѣшились не подчиняться постановленіямъ берлинскаго конгресса, въ чемъ онъ касается ихъ округа. Одновременно съ этимъ, меджлисъ Подгорицы приказалъ разрушить дома тѣхъ жителей Спужа, которые удалились въ Даниловградъ, для заявленія своего подчиненія черногорскому князю. Что же касается переговоровъ съ Греціей, то, по словамъ газеты „Presse“, тельнаго мирнаго договора, мы узнаемъ, что они только теперь начнутся, такъ какъ лишь отъ 2-го января н. с. сообщаютъ изъ Константинополя, что султанскимъ ирадэ Порта уполномочивается вести тѣ переговоры съ Россіей. Финансовый вопросъ въ Турціи все еще сохраняетъ свой острый характеръ. Закулисная сторона британской дѣятельности въ Тур-

ціи обнаруживается отъ времени до времени, и иногда самымъ неожиданнымъ образомъ: такъ, во время преній въ финансовой комиссіи, у британскаго комисара вырвалось весьма характеристическое признаніе; когда спросили его мнѣніе объ одной поправкѣ—онъ, съ живостью, отвѣтилъ: *„Я явился сюда не затѣмъ, чтобы обсуждать ваши предложенія, а собственно для того, чтобы узнать финансовое положеніе Турціи и сообразить—въ состояніи ли она продолжать войну“*. Французскій посланникъ Фурнье, принятый султаномъ въ особой аудіенціи—по вопросу о финансахъ Оттоманской имперіи, подробно изложилъ предъ его величествомъ свое мнѣніе относительно этого предмета, сказавъ между прочимъ: „Турція погибла, если вы не ввѣрите управленіе финансами европейцамъ. Только подъ этимъ условіемъ ваша страна можетъ существовать и оправиться отъ постигшихъ ее ударовъ судьбы“. Говорятъ, что султанъ былъ оскорбленъ и изумленъ этою откровенною рѣчью, такъ какъ для него нѣтъ ничего страшнѣе вмѣшательства иностранцевъ въ его дѣла. Сэръ Лэйардъ, въ свою очередь, совѣщался о томъ же вопросѣ съ новыми министрами. Онъ потребовалъ, чтобы управленіе финансами вообще и таможенными сборами въ особенности, было ввѣрено Британіи за гарантію, съ ея стороны, 25 милліоновъ ф. ст. турецкаго долга. Великій визирь потребовалъ гарантію въ 100 милліоновъ. Лэйардъ попросилъ дать ему время на размышленіе, но никто не ожидаетъ, чтобы британскій парламентъ согласился на подобную гарантію. Наконецъ и князь Лобановъ бесѣдовалъ съ Каратеодори-пашей о финансахъ Турціи. При этомъ вѣнская „Presse“ увѣряетъ, что русскій посланникъ, не принимая на себя никакихъ формальныхъ обязательствъ, далъ понять, что Россія охотно откажется отъ военнаго вознагражденія, выговореннаго въ С. Стефанскомъ трактатѣ, если султанъ согласится на присоединеніе „Восточной Румеліи къ Сѣверной Болгаріи“. Нѣтъ жертвъ, предъ которыми Россія остановилась бы для блага освобожденныхъ и освобождаемыхъ братій!..

Въ Герцеговинѣ и Босніи, съ 1-го января н. ст. начало свои дѣйствія новое правительство, которое завѣдуетъ, именемъ австрійскаго императора, юстиціей, всей внутренней администраціей и финансами. Между прочимъ, замѣтимъ, что въ рескриптѣ главой новаго правительства назначенъ герцогъ Виртембергскій и ни слова не сказано о султанѣ и верховной его власти.

Во Франціи, въ настоящую минуту, всѣ политическія партіи заняты приготовленіями къ сенатскимъ выборамъ. Судя по всѣмъ извѣстіямъ и оваціямъ, выпавшимъ на долю главы республиканской партіи—Гамбетты, во время недавняго путешествія по департаментамъ, есть вѣроятіе, что партіи этой удастся провести въ сенатъ наибольшее число своихъ представителей. Въ прошлый разъ мы, вкратцѣ, передавали о столкновеніи, возникшемъ между французскимъ правительствомъ и Тунисскимъ беемъ. Спѣшимъ, теперь, сообщить слѣдующія подробности этого дѣла. Беемъ былъ заключенъ съ французомъ, графомъ де-Санси, контрактъ объ устройствѣ въ Тунисѣ коннаго завода, въ обширныхъ размѣрахъ. Когда де-Санси уже устроилъ заводъ въ 60 лошадей, бей нарушилъ контрактъ, за что, въ свою очередь, первый отказался вести предпріятіе и потребовалъ, чтобы бей назначилъ слѣдствіе, которое доказало бы, что тунисское правительство не выполнило условій контракта. Бей не согласился на это требованіе и де-Санси обратился къ французскому генеральному консулу Рустану, который оффиціально потребовалъ слѣдствія—но и тутъ воспослѣдовалъ прежній отказъ. Вадингтонъ, съ которымъ консулъ снесся, препроводилъ въ Тунисъ ноту, въ которой настаивалъ на слѣдствіи; правительство бея не только отвѣчало категорическимъ отказомъ и на этотъ разъ, но, чрезъ нѣсколько дней, вознамѣрилось занять заводъ де-Санси силой, которая удалилась только послѣ того, что тунисскимъ офицерамъ было заявлено, что де-Санси и отрядъ (состоявшій изъ перваго драгомана и янычаръ) присланный консуломъ, намѣрены отражать всякое нападеніе, которое на нихъ будетъ сдѣлано. Изъ Парижа сообщаютъ, что въ Тунисъ уже посланъ ультиматумъ французскаго правительства по этому дѣлу и самое дѣло покончено съ обѣихъ сторонъ.

23-го декабря Монкаси былъ казненъ при стеченіи огромной толпы народа, среди котораго порядокъ нарушенъ не былъ. На дняхъ въ Парижѣ разнесся слухъ о томъ, что будто близь Барселоны появилась вооруженная банда въ 400 чел. Новѣйшія свѣдѣнія опровергаютъ это извѣстіе,—согласно имъ, въ провинціи Каталоніи господствуетъ полнѣйшее спокойствіе.

Корреспондентъ газеты „Times“ сообщаетъ изъ Джелалабада, что въ главной квартирѣ получены свѣдѣнія, будто бы на всемъ пространствѣ между Джелалабадомъ и Кабуломъ царствуетъ полная анархія. Этимъ свѣдѣніямъ вполнѣ довѣрять мы не можемъ, такъ какъ не разъ были обмануты ложными корреспондентскими и, даже, парламентскими сообщеніями.

Спеціальный корреспондентъ газеты „Daily News“ уже телеграфируетъ *изъ Пешауэра*, отъ 2-го января 1879 года: „Положеніе дѣлъ въ Хейберскомъ Перевалѣ между Джамрудомъ и Алимесджидомъ столь же неопредѣленно, какъ было мѣсяцъ назадъ. Въ теченіи послѣднихъ трехъ дней перевалъ былъ доступенъ только для обозовъ подъ сильнымъ конвоемъ. Телеграфная линія между Джамрудомъ и Алимесджидомъ, въ ночь на третьи сутки, была разрушена и телеграфная проволока снята на протяженіи пяти миль. Пока отказались отъ возстановленія этой линіи. *Поразительная неурядица, господствующая въ комисаріатѣ и среди обозовъ, а равно неизбѣжныя столкновенія между двумя дивизіями*, дѣйствующими независимо—медленно, но неизбѣжно, порождаютъ совершенно хаотическое положеніе дѣлъ. Въ главной квартирѣ отношенія между военнымъ и политическимъ элементами сдѣлались до крайности натянутыми. *Лихорадка, недостатокъ прикрытія и недостаточная экипировка* до того сократили одинъ изъ лучшихъ туземныхъ полковъ, что полкъ отосланъ назадъ. Изъ подъ Алимеджида полкъ тоже отосланъ назадъ, вслѣдствіе болѣзней. Будемъ ждать дальнѣйшихъ извѣстій.

Изъ Ташкента, отъ 28-го декабря сообщаютъ, что Эмиръ Афганистана, объявивъ народу въ Кабулѣ и сообщивъ англійскимъ генераламъ письменно, что онъ ѣдетъ въ Петербургъ, 1-го декабря выступилъ съ полковникомъ Разгоновымъ въ Мазари-Шерифъ, причемъ оставилъ Якуба-хана регентомъ. Якубъ-ханъ ежедневно доноситъ эмиру о ходѣ дѣлъ. Есть извѣстіе отъ 15-го декабря, изъ Хурума, о благополучномъ слѣдованіи эмира.

Разныя извѣстія.

Новый островъ. Капитанъ парохода „Лена“, г. Іогансенъ, проходя подъ 81° восточной долготы и 77°55' сѣверной широты, открылъ новый островъ, которому и далъ имя „Ensomhaden“ (Единство). Островъ этотъ, длиною около двухъ съ половиною миль, лежитъ на сѣверовостокъ отъ Новой Земли. Высшая точка острова на 100 футовъ отъ поверхности моря. Поверхность земли была свободна отъ снѣга, растительность бѣдна; но птицъ было множество. Море во всѣ стороны было свободно ото льдовъ; только на юговостокѣ были замѣтны мелкія льдины. Присутствіе животныхъ на островѣ позволяетъ заключать, что гольфстрѣмъ омываетъ западную сторону острова и, обогнувъ его, повидимому, круто поворачиваетъ на юговостокъ.

Въ Шотландіи формируются многочисленные комитеты для отправленія новой экспедиціи къ сѣверному полюсу подъ командою капитана Чэйна.

Къ характеристикѣ лондонскихъ обычаевъ и нравовъ. Въ Лондонскомъ институтѣ для глухонѣмыхъ происходила недавно весьма оригинальная сцена. Сорокъ воспитанниковъ этого института, молодые люди отъ 18 до 20 лѣтъ, собрали митингъ, чтобъ обсудить вопросъ: имѣетъ-ли Индійское правительство право объявить войну Ширъ-Али? Рѣчи произносились при помощи пальцевъ, и пренія были чрезвычайно оживленныя. Вопросъ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Тридцать три „пальца“ высказались за объявленіе войны, пять—противъ этого объявленія, и два—воздержались отъ подачи “голоса“.

Докторъ Купріяновъ представилъ кости великана, хранившіяся въ музеѣ общества русскихъ врачей и предназначенныя для отсылки въ Москву, на антропологическую выставку будущаго года. Скелетъ далеко неполный, всего только три кости: бедреная и двѣ берцовыя; другія части того же скелета сохраняются въ вѣнскомъ музеѣ. Разсчитавъ ростъ всего человѣка, по даннымъ костямъ, онъ долженъ былъ равняться 3 аршинамъ 10½ вершкамъ.

Лейтенантъ венгерскихъ гонведовъ Зубовичъ изобрѣлъ плавательный аппаратъ для лошадей, который недавно подвергался испытанію въ Парижѣ. Снарядъ этотъ состоитъ изъ каучуковаго широкаго двухсторонняго пояса, которымъ лошадь опоясывается поверхъ сѣдла; въ случаѣ надобности ѣздокъ надуваетъ аппаратъ посредствомъ приспособленной къ поясу трубки. Произведенные на рѣкѣ Сенѣ опыты вполнѣ удались и вызвали всеобщее одобреніе присутствовавшихъ.

Вѣсти о заразѣ.

Извѣстія о заразѣ, появившейся въ низовьяхъ Волги, распространились и взволновали въ самое короткое время Россію. Что эта за болѣзнь, еще неизвѣстно. Черная ли это смерть, обошедшая Русь при Симеонѣ Гордомъ, чума ли это, погостившая въ Москвѣ при императрицѣ Екатеринѣ, возвратный-ли тифъ, или пятнистый тифъ особаго вида, дѣло не въ названіяхъ. Не они пугаютъ воображеніе и тревожатъ жизнь, а самый фактъ той неумолимой болѣзни, которая въ высшей степени заразительна и безотвѣтно губитъ жертвы, попавшіяся къ ней въ руки.

Мѣстность, охваченная болѣзнью, низовье Волги. Впервые зараза появилась на большой дорогѣ между Царицыномъ и Астраханью, на перепутьи между Чернояромъ и Енотаевскомъ, въ селѣ *Ветлянскомъ*. Главный промыселъ жителей этого села

—рыбная ловля. Болѣзнь быстро перенеслась по ту сторону Волги, въ села *Удачное* и *Михайловское*, не имѣющихъ прямаго сообщенія съ первоначальнымъ мѣстомъ заразы, и по большой дорогѣ перекинулась на сѣверо-западъ, въ село *Старицкое*, лежащее лишь въ 100 верстахъ отъ Царицына и Сарепты.

Съ первымъ извѣстіемъ о появленіи заразы, управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ предписалъ принять астраханскому и саратовскому губернаторамъ энергическія мѣры разобщенія селеній карантиннымъ порядкомъ и послать врачей въ зараженныя мѣстности. Изъ Петербурга въ тотъ же день было командировано нѣсколько лицъ, для изслѣдованія свойствъ эпидеміи. Въ Царицынѣ образовался комитетъ здравія, въ которомъ мѣстные жители приняли самое дѣятельное участіе.

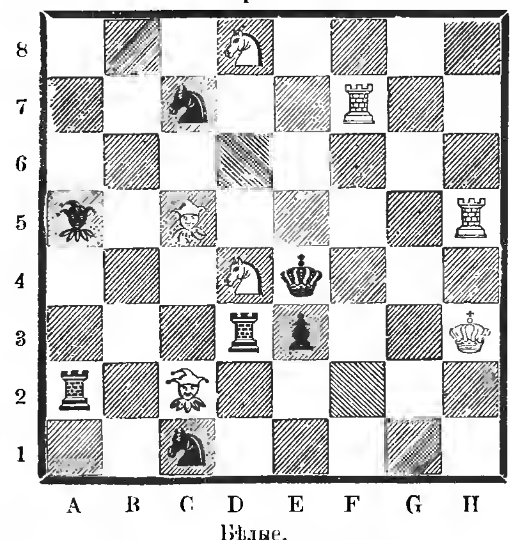
Правительство выступило на путь гласности въ отношеніи къ эпидеміи, результатомъ чего будетъ ревностное желаніе всѣхъ и каждаго споспѣшествовать дѣлу по мѣрѣ силъ своихъ.

Мѣстность, охваченная заразой, весьма велика и составляетъ нѣсколько сотъ квадратныхъ верстъ. Сравнительно съ этимъ райономъ, процентъ заболѣвшихъ не особенно великъ, но зато кто заболѣвалъ доселѣ, тотъ, за рѣдкими исключеніями, не выздоравливалъ.

Существуетъ мнѣніе, что эпидемію разноситъ вѣтеръ, птицы, рѣки, дождь, болѣе чѣмъ разносятъ ее люди и разные предметы, пересылаемые изъ зараженной мѣстности въ незараженныя. Все же мы думаемъ, что надлежащая охрана карантиномъ, неоднажды испытанная, есть дѣло весьма полезное. Къ сожалѣнію, судя по частымъ оффиціальнымъ опроверженіямъ и по невѣроятности нѣкоторыхъ сообщеній—газеты не съ должной осторожностью въ такомъ важномъ случаѣ, отнеслись къ получаемымъ извѣстіямъ. Часто корреспонденты пишутъ на основаніи слуховъ, непровѣренныхъ по торопливости и быть можетъ для усиленія интереса даже преувеличиваютъ дѣло.

Шахматная задача № 2.

Черные.

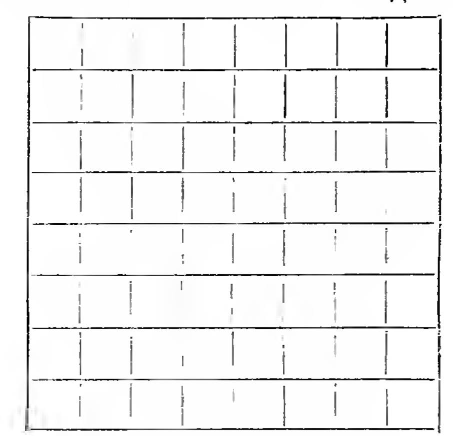
Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

Рѣшеніе шахматной задачи помѣщенной въ № 1 „Нивы".

Бѣлые.	
1) Ладья C 4—C 8 †	1) Кор. E 6—D 7 (или A 4 беретъ B 3 и тогда матъ въ 3 хода
2) Слонъ B 3—E 6 †	2) Кор. D 7 беретъ E 6.
3) Ладья C 8—D 8	3) D 6—D 5
4) E 4 беретъ D 5 и ††	

Математическая задача.

Этотъ квадратъ заключающій въ себѣ **64** клѣтки, надо разрѣзать на четыре части и изъ этихъ четырехъ частей составить прямоугольникъ, который бы заключалъ **65** клѣтокъ.

Рѣшеніе въ слѣдующемъ №.

РЕБУСЪ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Вл. С—у. Спб.

Лишь *вѣтеръ* докучно
Стучитъ подъ окномъ.

Развѣ вѣтеръ *стучитъ*.

К. Макс—ову Пет. стор. Вашъ этюдъ „Славильщики" не будетъ напечатанъ.

С. Покровское (Сарат. губ.) Л.

Но *волосъ* твой сочтенъ и ты Его созданье

Развѣ можно сосчитывать *одинъ* волосъ.

В. А. Даш—чу Кіевъ. Все можетъ быть помѣщено, что хорошо; а не видѣвши ничего, какъ же судить.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Ф. БЕРГЪ.**

Таблица тиража выигр. I займа. Этотъ листъ № 2-го уже былъ въ машинѣ 2-го января утромъ и таблица не могла быть помѣщена; поэтому она появится въ слѣд. 3 № „Нивы".

Дозволено цензурою СПБ. 4 Января 1879 г. № 10.

№ 3 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.)
Выданъ 15 Января 1879 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Всеволодъ Владиміровичъ Крестовскій.

Очень немногія имена пользуются у насъ такою популярностью, какъ имя нашего воина-писателя В. В. Крестовскаго. Причина этого лежитъ, какъ въ разнообразіи формъ его многочисленныхъ произведеній, удовлетворяющихъ обширный кругъ читателей, такъ и въ свойствахъ самаго его таланта — умѣнье живо схватить характеристическіе признаки даннаго предмета и поставить его ярко, крупно и выпукло, мастерство изложенія и захватывающій интересъ интриги, недостаткомъ которой грѣшатъ часто произведенія нашихъ беллетристовъ. Можно смѣло сказать, что такой „романъ интриги“ какъ „Петербургскія Трущобы“, будь онъ написанъ французскимъ авторомъ — доставилъ бы ему въ его отечествѣ цѣлое состояніе, хотя и у насъ онъ имѣлъ рѣдкій успѣхъ, разойдясь въ количествѣ болѣе 15 тысячъ экземпляровъ и недавно выйдя новымъ изданіемъ.

В. В. родился 11-го февраля 1840 года въ селѣ Березянкѣ (Кіевской губерніи, Таращанскаго уѣзда).

Здѣсь, въ имѣніи своей бабушки, среди деревенской природы и обстановки, всегда такъ благотворно отражающихся на дальнѣйшемъ развитіи ребенка, провелъ онъ свое дѣтство и получилъ первоначальное воспитаніе.

В. В. Крестовскій.
Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

Какъ по недостатку мѣста, такъ и по тому, что не имѣемъ цѣлію здѣсь представлять формулярный списокъ, мы кратко упомянемъ, что въ 1850 году 10-ти лѣтній В. В. привезенъ былъ въ Петербургъ и помѣщенъ въ 1-ю гимназію. Затѣмъ, кончивъ гимназическій курсъ въ 1857, онъ вступилъ въ Петербургскій университетъ. Не говоря о томъ, что еще въ гимназіи обнаруживались его литературныя наклонности (переводъ первыхъ пѣсенъ Энеиды и одъ Горація, впослѣдствіи напечатанный) съ 1858 года уже начинается самое дѣятельное участіе юнаго В. В. въ литературѣ. Его стихи и повѣсти стали появляться во всѣхъ тогдашнихъ журналахъ. Съ 1859 года онъ уже былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ „Русскаго Слова“, которое редактировалъ тогда извѣстный критикъ Аполлонъ Григорьевъ. Къ этому времени относятся луч-

шія его стихотворенія (изданныя впослѣдствіи въ 2 томахъ отдѣльно). Въ эти же года образовались его разнообразныя литературныя связи; нѣкоторыя, какъ напр. съ Ап. Григорьевымъ, покойнымъ Л. Меемъ и друг. самыя близкія и дружескія. Перечислять всѣ его разсказы и стихотворенія не было бы никакой возможности. Назовемъ повѣсти—„Не первый и не послѣдній" (Библ. для чтенія), „Бѣсенокъ" (Свѣточь), „Пчельникъ", „Сфинксъ" (Рус. Слово) и друг. Всѣ эти повѣсти носили на себѣ печать живаго и яркаго дарованія, въ чемъ не могли отказывать ему никогда даже его литературные противники.

Съ 1864—1867 годъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" печатался знаменитый романъ В. В. „Петербургскія Трущобы". Мы уже говорили выше, какимъ успѣхомъ пользовалось это произведеніе, въ такой степени всѣмъ извѣстное и о которомъ такъ много говорилось, что мы здѣсь объ немъ распространяться не будемъ. Хотя, это такъ сказать, спеціально „романъ интриги", тѣмъ не менѣе множество мастерскихъ сценъ, живость и наблюдательность автора въ успѣхѣ нашли себѣ полное признаніе.

Въ 1864—65 годахъ В. В. жилъ въ западномъ краѣ и совершилъ обширное путешествіе по Россіи (по Волгѣ, Каспійскому морю, Новороссійскому краю); плодомъ этихъ поѣздокъ были нѣсколько разсказовъ и очерковъ изъ жизни Западнаго края и извѣстное произведеніе „Сольгородъ", надѣлавшее много шуму и повѣдшее даже къ судебному разбирательству, причемъ прокуроръ отказался, однако, отъ обвиненія.

Въ сентябрѣ 1867 года произошелъ значительный и важный переломъ въ жизни и дѣятельности В. В. Онъ поступилъ въ военную службу, именно въ Ямбургскій уланскій полкъ, расположенный въ Западномъ краѣ.

Не позволяя себѣ (какъ дѣлали иные) входить въ частное обсужденіе этого шага, чисто личнаго свойства, нельзя не замѣтить, однако, какъ благотворно этотъ переходъ изъ замкнутыхъ кружковъ литературной среды въ болѣе широкую, разнообразную жизнь—какъ благотворно, говоримъ мы, — отразился этотъ переходъ на его талантѣ. Отъ „романа интриги" авторъ дѣлаетъ прямо большой шагъ впередъ и переходитъ къ роману политическому и историческому.

Только что затихавшія броженія въ обществѣ тѣхъ годовъ и мрачная эпоха польскаго возстанія нашли себѣ блестящее, мѣстами чрезвычайно мѣткое и типичное выраженіе въ двухъ романахъ В. В. „Панургово Стадо" и „Двѣ силы", вышедшихъ впослѣдствіи подъ однимъ общимъ названіемъ „Кровавый Пуфъ". Въ числѣ другихъ, болѣе общихъ, причинъ романъ этотъ несомнѣнно имѣлъ вліяніе въ свое время на измѣненіе колеблющагося общественнаго настроенія *).

Помимо всего этого, В. В. въ послѣднее время получилъ еще новое значеніе, какъ спеціально военный писатель. По желанію Августѣйшаго Шефа его полка, Великой Княгини (тогда Княжны) Маріи Александровны, В. В. приступилъ къ составленію исторіи Ямбургскаго полка, и выполнивъ этотъ трудъ блестящимъ образомъ, переведенъ былъ, по Высочайшему Повелѣнію въ 1874 году, въ Лейбъ Гвардіи Его Величества уланскій полкъ тѣмъ же чиномъ. Въ 1875 году, по личному порученію Государя Императора, занялся онъ исторіей полка Его Величества, которая и была имъ поднесена лично Государю Императору въ день полковаго праздника (13-го февраля 1876 года).

Въ томъ же 1876 году, съ началомъ мобилизаціи, В. В. получилъ командировку, небывалую въ прежнія войны—именно состоять оффиціальнымъ военнымъ корреспондентомъ при Главной Квартирѣ, гдѣ и пробылъ до возвращенія гвардіи изъ Санъ-Стефано, т. е. до августа 1878 года. Всѣмъ памятны, конечно, замѣчательныя, перепечатывавшіяся не только во всѣхъ русскихъ газетахъ, но иногда и иностранныхъ — его корреспонденціи съ мѣста дѣйствій. Онѣ, какъ извѣстно, появлялись въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" **) и составляли часть записокъ, веденныхъ В. В. въ Болгаріи. Записки эти заключаютъ въ себѣ такую массу матерьяла, что въ свое время не могли быть напечатаны вполнѣ. Часть разсказовъ и очерковъ изъ этихъ записокъ наши читатели находятъ теперь на страницахъ „Нивы" съ рисунками Н. Каразина ***). Помимо своихъ прямыхъ обязанностей В. В. былъ однимъ изъ редакторовъ органа дѣйствующей арміи, выходившаго подъ названіемъ „Военный Летучій Листокъ"—изданіе не имѣвшее примѣра въ исторіи прежнихъ войнъ. Кромѣ того былъ командированъ въ передовые отряды генераловъ Карцева и Скобелева для исполненія обязанностей ординарца. Онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ боевыхъ дѣлахъ, между прочимъ, въ славномъ переходѣ, считавшемся дотолѣ невозможностью, черезъ Трояновъ перевалъ. За отличія получилъ ордена: св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ, св. Станислава 2-й степени съ мечами и сербскій офицерскій крестъ Такова.

Нечаянный плѣнникъ.

(Разсказъ русскаго художника).

(Окончаніе).

Мой стражъ вдругъ проснулся, съ испугомъ оглядѣлся кругомъ—протирая глаза и увидѣвъ меня на прежнемъ мѣстѣ, съ какимъ то страннымъ выраженіемъ—не непріязненнымъ—качнулъ головой. Молча продолжалъ я рисовать возлѣ своего страннаго товарища. Наконецъ появился начальникъ шайки, и съ нимъ крестьянинъ, который гналъ мула, навьюченнаго очень большимъ, туго набитымъ мѣшкомъ. Сначала я подумалъ, не новое ли это насиліе, но довольное лице крестьянина меня разувѣрило и я обрадовался, услышавъ, что онъ именно привезъ обѣщанный обѣдъ. Разбойники собрались со всѣхъ сторонъ, какъ ястреба, подстерегшія свою добычу. Всѣ засуетились около мула, и начали вытаскивать, что было въ мѣшкѣ.

Прежде всего появился наружу огромнѣйшій окорокъ, котораго яркій цвѣтъ и свѣжесть достойны были бы кисти Теньера; за нимъ слѣдовалъ большой кругъ сыру, потомъ мѣшокъ съ жареными каштанами, боченокъ вина и нѣсколько караваевъ домашняго печенья хлѣба. Все поочередно разставлено было въ большомъ порядкѣ на травѣ; и атаманъ подалъ мнѣ свой ножъ, чтобъ я приступилъ къ обѣду. Мы усѣлись въ кружокъ и долго ничего не слышно было, кромѣ чавканья работающихъ челюстей и цѣженія изъ боченка вина въ кружку, которая безпрестанно обходила нашъ кругъ. Продолжительное воздержаніе, горный воздухъ и движеніе такъ возбудили во мнѣ апетитъ, что съ роду никогда обѣдъ не казался мнѣ такимъ вкуснымъ.

Время отъ времени кого нибудь однако высылали посмотрѣть, что дѣлается въ долинѣ. Но ничего опаснаго вблизи не было видно и мы безъ помѣхи окончили обѣдъ. Крестьянину дали почти тройную цѣну за припасы и онъ, въ восторгѣ отъ такихъ барышей, кланяясь и благодаря, погналъ назадъ своего мула. Обѣдъ хорошо подкрѣпилъ мои силы; хотя не зажила еще рана, которую получилъ я наканунѣ, но столько разнообразныхъ и странныхъ впечатлѣній заставляли меня забыть о ней. Впечатлѣнія эти помню просто приносили мнѣ удовольствіе. Все было живописно въ этихъ дикихъ грубыхъ людяхъ и въ ихъ притонѣ. Бивакъ ихъ, сторожевыя группы, полуденный отдыхъ на такой высотѣ, неприхотливый обѣдъ на травѣ между лѣсомъ и скалами, все давало пищу воображенію. Но не разсказать всего, что я ощущалъ когда наступилъ вечеръ!

Заходящее солнце исчезало за обширной Кампаньей, раскидывая золотистые лучи на угрюмыя лѣсистыя возвышенности. Покрытыя снѣгомъ вершины великолѣпно сверкали и сіяли въ отдаленіи. Блескъ этотъ представлялъ чудную противуположность съ другими вершинами, закрытыми широкою тѣнью, на которыхъ играли багровыя полосы съ фіолетовымъ оттѣнкомъ. Съ приближеніемъ вечера, туманъ поползъ по долинамъ и ущельямъ, вдругъ потемнѣвшимъ, и придалъ окрестности новый видъ угрюмый и таинственный. Это безпредѣльное уединеніе вокругъ, дикія горы съ ихъ скалами и уступами, по которымъ тамъ и сямъ разбросаны густые вѣтвистые дубы, пробковыя и великолѣпныя каштановыя деревья, а вблизи на первомъ планѣ, группы разбойниковъ, все это напоминало мнѣ дикое вдохновеніе Сальватора Розы.

Для препровожденія времени, предложилъ атаманъ

*) За это же время были окончены В. В. „Вѣкъ закона" романъ, печатавшійся въ „Русскомъ Мірѣ" и „Дѣды", историческій романъ изъ эпохи царствованія Императора Павла I, вышедшій потомъ отдѣльно.

**) Корреспонденціи эти, съ значительными дополненіями, въ скоромъ времени выйдутъ отдѣльно двумя объемистыми томами съ картами и планами.

***) Въ „Нивѣ", кромѣ того были помѣщены его: „Подъ каштанами Саксонскаго Сада" (1871 г. 1-е №№ нашего журнала), „На травкѣ" и „Кто лучше" (очерки кавалерійской жизни) и „Панъ Штепендовскій", разсказъ, имѣющій общественное а политическое значеніе.

своимъ товарищамъ, показать мнѣ бриллiанты и драгоцѣнные камни, говоря, что я, безъ сомнѣнiя, долженъ кое что понимать въ этихъ вещахъ и какъ нибудь да съумѣю оцѣнить ихъ. Онъ началъ со своихъ собственныхъ; другiе послѣдовали его примѣру, и въ нѣсколько минутъ черный плащъ, разложенный на лугу передо мною, заблисталъ драгоцѣнностями, которыя привели бы въ восторгъ какого нибудь любителя древностей, закладчика или молодую даму.

Нѣкоторыя изъ вещей, особливо древнiя каменья, были очень высокой цѣны и вѣроятно принадлежали весьма знатнымъ лицамъ. Тутъ я услышалъ, что обыкновенно сбываютъ добычу въ пограничныхъ городахъ, но что для такихъ дорогихъ вещей тамъ не находится покупщиковъ, потому, что эти города мало населены, небогаты и рѣдко посѣщаются иностранцами.

— Какъ бы расхватали у васъ эти вещи,—сказалъ я имъ,—въ Римѣ! Теперь такъ много тамъ богатыхъ иностранцевъ!

Надо было видѣть, какое впечатлѣнiе произвели эти слова на окружающихъ. Глаза у иныхъ алчно заблистали. Изъ шайки вызвался одинъ молодой бандитъ, пока всѣхъ менѣе извѣстный въ окрестностяхъ, и сталъ просить атамана, чтобы тотъ позволилъ ему на другой же день идти переодѣтымъ въ Римъ и постараться продать тамъ всѣ эти вещи; онъ обѣщалъ, ручался, отвѣчалъ жизнью, клялся словомъ бандита (клятва самая вѣрная между ними) черезъ два дня возвратиться, куда онъ ему назначитъ. Атаманъ, подумавъ, согласился и тутъ произошло необычайное явленiе: бандиты обступили его и всякiй торопился отдать ему тѣ изъ вещей своихъ, которыя назначались въ продажу и толковалъ ему, какую цѣну за нихъ надо требовать. Кругомъ начали торговаться, мѣняться и продавать драгоцѣнности другъ другу. Я видѣлъ самъ, какъ мои часы съ массивной золотой цѣпочкой и печатями перешли отъ одного бандита въ руки молодого разбойника-торговца, купившаго ихъ за шестьдесятъ скудiй. У меня тогда же родилась почему то надежда, что если прiѣду въ Римъ, то какимъ нибудь способомъ получу таки свои часы *).

Между тѣмъ уже совсѣмъ почти стемнѣло, а посланный въ Тускулумъ еще не возвращался. Мысль, и вторую ночь провести въ лѣсу, просто меня убивала: я уже былъ сытъ и впечатлѣнiями, и бесѣдами и пребыванiемъ у бандитовъ. Атаманъ опять разставилъ людей на часы по разнымъ постамъ.—Если посланный до ночи не воротится, сказалъ онъ, то придется перейти на другое мѣсто для ночлега.

Я опять остался одинъ съ молодымъ бандитомъ, который стерегъ меня: но лице его было все также мрачно. Онъ дико озирался вокругъ; изрѣдка появлялась на губахъ его какая-то судорожная усмѣшка. Такъ какъ мнѣ еще ночь было проводить здѣсь, я рѣшился узнать ближе, если можно, повѣсть этого уязвленнаго сердца. Я съ возможною осторожностью просилъ его, если это можно, разсказать, почему онъ попалъ сюда. Мнѣ начало казаться, что эти безпокойные люди не прочь попользоваться случаемъ облегчить себя откровенностью. Они словно рады были, что могли ввѣриться постороннему, неотягченному преступленiями, человѣку. Онъ сѣлъ возлѣ меня. Сказавъ, что онъ очень пораженъ былъ тѣмъ, что я не бѣжалъ, когда онъ спалъ и что передо мной ему скрывать нечего—также охотно какъ и атаманъ сталъ разсказывать.

Онъ былъ изъ города Фросиноне, близь самыхъ Абруццъ. Отецъ его былъ торговецъ, купилъ землю и старался дать ему хорошее по возможности воспитанiе, назначая его въ духовное званiе. Но онъ уже успѣлъ связаться съ разными гуляками и слышать не могъ о монашескомъ капишонѣ. Онъ велъ дурную, распутную жизнь. Тутъ произошла роковая встрѣча съ одной молодой дѣвушкой, которая пробудила въ сердцѣ его самую безумную страсть. То была шестнадцатилѣтняя красавица—дочка смотрителя замка Фросиноне. Ее держали строго и отдѣльно, не дозволяя слишкомъ сближаться съ мѣстными дѣвушками и она отличалась очень отъ всѣхъ въ этомъ захолустьѣ. Она была такая свѣженькая и нѣжная, такъ мало походила на смуглыхъ и грубыхъ женщинъ, какихъ привыкъ онъ видѣть!

Обыкновенно видѣлъ онъ дѣвушку только въ церкви. Съ гитарой онъ сталъ ходить по вечерамъ къ ней подъ окно, въ рощу и тихо игралъ страстныя мелодiи. Потомъ, узнавъ, что она ходитъ въ виноградникъ своего отца, неподалеку отъ города, сталъ являться туда и заводить съ нею разговоры. Повидимому, онъ понравился, но она была такъ молода и застѣнчива; притомъ же отецъ строго смотрѣлъ за нею. Его стало тревожить ухаживанье юноши, о которомъ онъ былъ самаго дурнаго мнѣнiя и для дочери своей желалъ не такой конечно партiи. Препятствiя приводили юношу въ бѣшенство. До этого случая, не прилагая большаго труда, онъ имѣлъ успѣхъ у женщинъ.

Наконецъ отецъ нашелъ дѣвушкѣ жениха, богатаго мызника изъ сосѣдняго города. Назначенъ былъ день свадьбы, и дѣлали уже всѣ приготовленiя. Случайно увидѣлъ юноша ее у окна, и ему показалось, что дѣвушка смотритъ очень печально и онъ рѣшилъ, что этой свадьбѣ не бывать. Разъ встрѣтилъ онъ жениха на рынкѣ, и не могъ удержаться. Между ними вышелъ горячiй споръ; юноша выхватилъ кинжалъ и вонзилъ мызнику въ сердце. Затѣмъ спрятался въ церкви и долго не смѣлъ выйти изъ этого убѣжища.

Въ это время атаманъ Беньола собиралъ шайку. Онъ зналъ убiйцу еще ребенкомъ; услышавъ о бѣдѣ, онъ пробрался тайкомъ къ нему въ церковь и предложилъ поступить къ нему. Тотъ согласился, тѣмъ болѣе что и прежде имѣлъ намѣренiе избрать этотъ родъ жизни. Онъ былъ знакомъ со многими удальцами изъ горъ, которые любили прокучивать награбленныя денежки въ городѣ, въ кругу мѣстной молодежи. И такъ, оставивъ свою засаду поздно вечеромъ, юноша явился на мѣсто сборища, далъ обычную клятву и сдѣлался членомъ шайки. Первое время въ отдаленныхъ, устроенныхъ въ видѣ жилья пещерахъ вели они всѣ жизнь самую дикую и развратную. Тутъ были и азартныя игры и грабежи и захваченныя насильно въ деревняхъ дѣвушки...

Жизнь эта увлекла юношу сначала, но потомъ мысль его обратилась опять къ воспоминанiямъ о Розеттѣ; одиночество давало время мечтать о милой дѣвушкѣ, и когда юношѣ случалось въ горахъ быть въ ночномъ караулѣ, то думая о ней онъ доходилъ просто до нервной лихорадки.

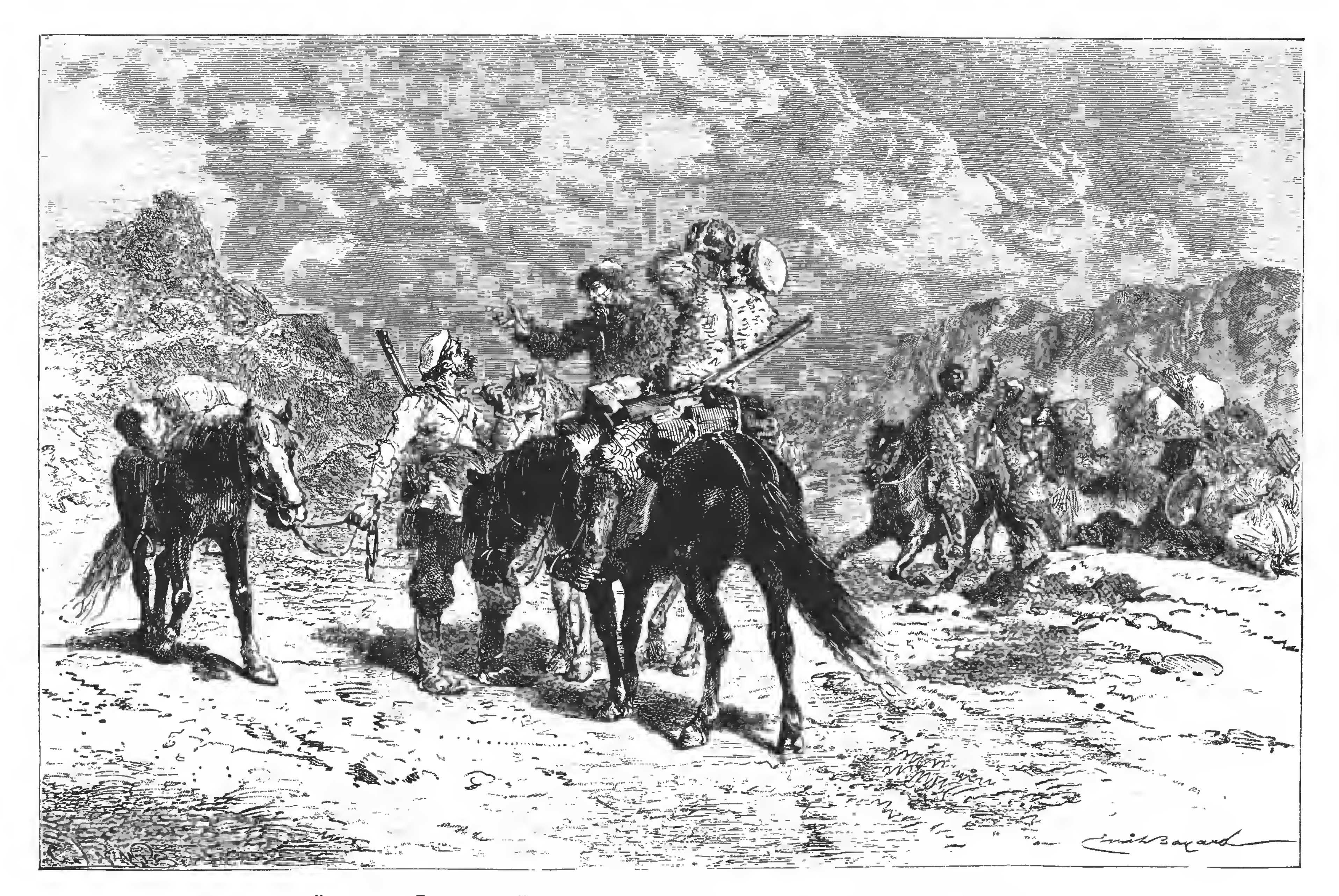
Шайка уговорилась залечь за камнями по дорогѣ между Террачиной и Неаполемъ и затѣмъ идти на добычу. День, два провели бандиты въ лѣсистыхъ горахъ, которыя возвышаются надъ Фросиноне. И вотъ онъ мучился и волновался, смотря сверху на городокъ; онъ видѣлъ жилище Розетты и рѣшился увидѣться съ нею, но къ чему? Она бы не согласилась покинуть отца и уйти въ горы на такую ужасную жизнь. Потомъ насмотрѣвшись на женщинъ, которыя принадлежали нѣкоторымъ изъ шайки, влюбленный не могъ и подумать безъ омерзѣнiя, чтобъ она—его Розета—стала ихъ подругою. Возвратиться къ прежней жизни было также невозможно: голова убiйцы была оцѣнена. За всѣмъ тѣмъ, онъ рѣшился увидѣть Розету. Самая опасность и безполезность предпрiятiя подстрекали отвагу юнаго бандита.

Недѣли три тому назадъ уговорилъ онъ атамана про-

*) По странному стеченiю обстоятельствъ я не обманулся въ надеждѣ. Разбойника задержали въ одномъ изъ предмѣстiй Рима. Что то подало полицiи подозрѣнiе. Когда же обыскали его и нашли всѣ драгоцѣнности, то немедленно арестовали. Я тогда уже впослѣдствiи обратился съ просьбою въ полицiю и получилъ таки свои часы.

Охота на Якка. Рис. Е. Баяръ. грав. Гильдебрандъ.

На границѣ Туркестана. Наши казаки на перегонѣ. Рис. Е. Баяръ. грав. Лаплантъ.

браться въ окрестности Фросиноне, подъ предлогомъ захватить тамъ нѣсколькихъ жителей побогаче, для выкупа. Однажды вечеромъ шайка расположилась невдалекѣ отъ виноградника, принадлежащаго отцу Розетты. Украдкою ушелъ влюбленный отъ своихъ товарищей и притаился въ томъ мѣстѣ, куда прежде дѣвушка нерѣдко приходила. Забилось у него сердце, когда между зеленью вѣтвей мелькнуло бѣлое платье! Это должна была быть Розета. Другія фросинонскія женщины рѣдко носили бѣлое платье. Тихонько, безъ шума, подошелъ онъ ближе; потомъ вдругъ раздвинулъ вѣтви. Розетта пронзительно вскрикнула. Бандитъ схватилъ ее въ объятія и заклиналъ ее молчать. Тутъ онъ высказалъ весь безумный пылъ своей страсти; сказалъ, что готовъ отказаться отъ своего настоящаго образа жизни, отдать судьбу свою въ ея руки, бѣжать съ нею куда нибудь, гдѣ бы только было имъ спокойно жить вмѣстѣ. Но что ни говорилъ, что ни дѣлалъ онъ, ничѣмъ не могъ ее успокоить. Она молча смотрѣла на него съ ужасомъ. Она старалась вырваться и плакала и стонала.

Вдругъ въ виноградникѣ появился атаманъ съ нѣсколькими товарищами. Бандиты нашли дѣвушку хорошею добычей и атаманъ приказалъ ее отвести въ горы. Юноша заговорилъ, что это его добыча, что уже давно онъ имѣетъ на нее права и даже упомянулъ о любви своей. Его сообщенія встрѣчены были хохотомъ. Новобранцу-бандиту заявили, что никто изъ шайки подъ клятвою не долженъ заводить связи съ горожанками и что по законамъ шайки добыча такого рода должна быть отдана тому, кому достанется по жребію. Любовь и ревность разрывали грудь юноши, но оставался выборъ между послушаніемъ и смертію: онъ передалъ дѣвушку атаману и всѣ отправились въ горы.

Она вся дрожала въ испугѣ и едва переступала, такъ что надобно было ее поддерживать. Влюбленному была нестерпима мысль, что товарищи его къ ней прикасались. Принявъ на себя видъ хладнокровія, онъ попросилъ, чтобъ ее ввѣрили именно ему, такъ какъ она болѣе къ нему привыкла. Атаманъ посмотрѣлъ на него насмѣшливо испытующимъ взглядомъ и согласился. Дѣвушка была почти безъ чувствъ. Голова ея покоилась на плечѣ юнаго бандита. Онъ чувствовалъ ея дыханіе на щекѣ своей, и оно казалось разжигало еще болѣе пламя въ его сердцѣ, кипѣвшемъ ревностью.

Шайка пришла къ подошвѣ горы; съ трудомъ взошелъ на гору юноша, но не хотѣлъ выпустить изъ рукъ драгоцѣнную ношу. Съ яростью помышлялъ онъ, что долженъ же будетъ вскорѣ отдать ее. Мысль что такое нѣжное, милое созданіе попадетъ во власть грубыхъ, наглыхъ бандитовъ, приводила его въ бѣшенство. Уже думалъ онъ даже кинжаломъ проложить себѣ путь и вынести ее съ торжествомъ на свободу. Но это была бы безполезная дерзость. Онъ задумалъ даже перегнать товарищей съ тѣмъ, что когда будетъ одинъ впереди, не представится ли случая бѣжать. Тщетно! Раздался приказъ атамана остановиться. Бѣдная дѣвушка полуоткрыла утомленные глазки, но не имѣла ни силъ, ни сознанія. Юноша положилъ Розетту на траву. Атаманъ бросилъ на него грозный, подозрительный взглядъ и приказалъ ему вмѣстѣ съ другими въ лѣсу поискать пастуха, котораго бы можно было послать къ отцу ея съ требованіемъ выкупа.

Молодой бандитъ видѣлъ опасность. Воспротивиться силою, значило бы кинуться на вѣрную смерть,—но оставить ее во власти атамана! Онъ вдругъ сталъ говорить со всѣмъ пыломъ страсти и отчаянія. Онъ напомнилъ атаману, что былъ первый кому она попала, что она его добыча, его собственность и что прежняя любовь къ ней должна быть уважена; она должна остаться невредимою. Онъ просилъ атамана дать слово не прикасаться къ ней. Иначе юноша отказывался отъ повиновенія. Весь отвѣтъ атамана состоялъ въ томъ, что онъ взвелъ курокъ карабина и по его знаку всѣ сдѣлали тоже. Они звѣрски смѣялись надъ безсильнымъ бѣшенствомъ влюбленнаго. Что было дѣлать? Товарищи принудили его за ними слѣдовать. Она осталась одна съ атаманомъ, почти безъ признаковъ жизни...

На этомъ мѣстѣ разсказа бандитъ остановился, задыхаясь. Крупныя капли пота выступили у него на лбу; онъ какъ-то затихъ. Грудь его высоко поднималась и опускалась. Успокоившись нѣсколько, онъ продолжалъ разсказъ:

Не долго искали пастуха—его нашли по близости. Съ быстротою серны пустился бѣжать юноша назадъ. стремясь поспѣть скорѣе на мѣсто. Еще идучи за пастухомъ оставилъ онъ товарищей далеко за собою; теперь онъ встрѣтилъ ихъ на половинѣ обратнаго пути. Онъ поспѣшилъ съ ними на мѣсто, гдѣ оставили атамана. Торжествующій видъ этого послѣдняго и горе и отчаяніе дѣвушки не оставляли сомнѣнія. Юноша однако пока сдержался.

Съ большимъ трудомъ и не иначе, какъ водя ея руку, можно было заставить ее начертить нѣсколько словъ, которыми она просила отца прислать триста скудій для выкупа. Письмо отправили съ пастухомъ. Когда онъ ушелъ, атаманъ сердито посмотрѣлъ на юношу и сказалъ:

— Ты подалъ примѣръ своевольства. Могло бы повредить дѣлу, еслибъ и такъ оставилъ это. Если бы судить тебя по законамъ нашимъ, слѣдовало бы раздробить тебѣ черепъ. Но тебя я давно знаю и не хочу губить. Я спасъ тебя отъ глупой страсти, которая бы тебя только разслабила. Что касается дѣвушки, то законы наши должны быть приведены въ исполненіе. Съ этими словами далъ онъ приказъ кинуть жребій.

Тутъ молодой бандитъ опять умолкъ; онъ дрожалъ отъ ярости. Мы долго сидѣли молча, пока онъ могъ снова продолжать.

Адъ кипѣлъ въ сердцѣ бандита. Онъ видѣлъ невозможность отмстить, и ушелъ; чувствовалъ, что по законамъ, которые всѣ взаимно обязались исполнять ненарушимо, справедливость была на сторонѣ атамана. Какъ помѣшанный бросился онъ на землю, рвалъ руками траву, колотился головою о дерево, скрежеталъ зубами отъ ярости и отчаянія. Когда же возвратился назадъ, несчастная лежала блѣдная, съ распущенными волосами и изорваннымъ платьемъ. Чувство глубокаго состраданія къ бѣдному ребенку смягчило на минуту изступленіе. Онъ отнесъ ее къ дереву и тихонько положилъ въ траву. Взявъ свою баклагу съ виномъ, поднесъ къ губамъ ея и пробовалъ немного влить ей въ ротъ. Въ какомъ положеніи была она—она, краса и гордость Фросиноне, которая недавно еще была такъ свѣжа, прелестна и счастлива!

Она была безъ чувствъ. Зубы ея были стиснуты, глаза неподвижно устремлены вверхъ, лице окаменѣло.

Атаманъ все еще подозрѣвавшій его, проницательнымъ взоромъ своимъ продолжилъ наблюдать. Потомъ приказалъ юношѣ идти на окраину лѣса, осмотрѣть окрестность, и подождать пастуха. Онъ долженъ былъ повиноваться. Въ эту минуту онъ ненавидѣлъ атамана какъ своего смертельнаго врага.

На пути сталъ онъ однако размышлять. Онъ подумалъ, что атаманъ только строго исполняетъ законы, которымъ поклялись всѣ въ вѣрности, что страсть, которая его ослѣпила, погубила бы его, еслибъ атаманъ не былъ такъ снисходителенъ, что удалилъ его, понявъ его чувства и не допустилъ никакой сумазбродной выходки. Онъ подумалъ, что всего этого нельзя судить съ обыкновенной точки зрѣнія. Мысли путались...

Наконецъ, пришелъ онъ къ подошвѣ горы. Мѣсто было безопасно. Не много прошло времени, какъ онъ

увидѣлъ въ отдаленіи, по равнинѣ идущаго обратно пастуха и побѣжалъ къ нему на встрѣчу. Дѣло было безуспѣшно. Отецъ найденъ нмъ въ величайшей горести. Прочитавъ письмо съ трепетомъ, онъ вдругъ какъ бы даже успокоился и отвѣчалъ, рыдая: „Я въ отчаяніи. Дочь моя обезчещена этими злодѣями; пусть отпустятъ ее или умертвятъ какъ хотятъ! Ибо ей въ тягость будетъ самой, несчастной, жизнь послѣ сообщества съ такими негодяями."

Бандитъ отшатнулся, въ ужасѣ. По законамъ шайки, смерть ея была неизбѣжна. Онъ сталъ думать, что если ужъ не могъ по праву, какъ мужъ, обладать ею, то въ правѣ будетъ по крайней мѣрѣ, сдѣлаться ея палачемъ.

Бандитъ опять пріостановился. Вотъ до какихъ ужасныхъ крайностей можетъ доходить паденіе человѣка когда онъ разрушитъ всѣ нравственныя преграды! Бандитъ продолжалъ свой дикій, ужасающій разсказъ.

Съ такою вѣстью вернулся пастухъ и атаманъ узналъ объ отказѣ. По знаку, всѣ послѣдовали за нимъ на нѣкоторое разстояніе отъ жертвы. Тамъ произнесенъ былъ смертный приговоръ. Готовъ былъ всякій исполнить приказаніе; но молодой бандитъ сталъ говорить, что въ этомъ случаѣ и справедливость, и состраданіе могутъ быть вполнѣ удовлетворены; что, какъ всѣ другіе, такъ и онъ очень далекъ отъ того, чтобъ охуждать непреклонный законъ, который необходимъ для предостереженія всѣхъ тѣхъ, которые вздумали бы отрекаться отъ уплаты выкупа, какъ-то сдѣлано съ нашею плѣнницею; но что если это уже необходимо, то жертва должна быть покрайней мѣрѣ предана смерти безъ жестокости. Наступаетъ ночь, она скоро уснетъ. Тогда будетъ время убить ее. Вотъ все чего онъ желаетъ въ уваженіе прежней любви своей къ ней: пусть дадутъ ему нанести ударъ! Онъ такъ же вѣрно, какъ и всякій другой, исполнитъ это—но мягче. Тутъ нѣкоторые заспорили, но атаманъ крикнулъ: „молчать!" Онъ сказалъ юношѣ, чтобъ тотъ отнесъ ее въ сторону, въ чащу лѣса и что онъ полагается на обѣщаніе товарища.

Юноша поспѣшилъ завладѣть своею добычею. Съ какимъ-то страннымъ, отчаяннымъ торжествомъ помышлялъ онъ, что наконецъ дѣвушка только въ его власти. Онъ отнесъ Розетту въ глубину лѣса. Она была въ томъ же состояніи безчувственности и онѣмѣнія. Наконецъ она заснула въ объятіяхъ того, кто обреченъ былъ быть ея убійцею. Долго боролся онъ съ самимъ собою, прежде нежели могъ рѣшиться нанести ударъ. Но что ея за жизнь будетъ если она и останется въ живыхъ? Вздрогнувъ отъ ужаса при этой мысли, онъ тихонько привсталъ, чтобъ не разбудить ея, схватилъ вдругъ свой кинжалъ и вонзилъ въ грудь. Глухой, болѣзненный лепетъ, ни малѣйшаго судорожнаго движенія... И всему конецъ...

Бандитъ перестать говорить. Я сидѣлъ, закрывъ глаза, онѣмѣвъ отъ ужаса и отвращенія. Я страдалъ отъ такого омерзительнаго сообщества, въ какое попалъ такъ странно. Конечно я зналъ, что попалъ къ преступникамъ и негодяямъ, но все же такія подробности тяжело поразили меня. Голосъ атамана заставилъ меня вздрогнуть: вы спите что ли? сказалъ онъ—время трогаться въ путь. Скоро ночь а посланный еще не воротился; пойдемъ-те, надо убраться съ этой горы. Тамъ, на краю, поставлю я часоваго, чтобъ онъ привелъ работника къ намъ.

Эта была очень тревожная вѣсть для меня. Ужасная, слышанная только что исторія жестоко потрясла меня. Я чувствовалъ утомленіе и какую-то дурноту и видъ этихъ мерзавцевъ сдѣлался для меня рѣшительно невыносимымъ; я забылъ всѣ свои художественныя соображенія.

Атаманъ собралъ между тѣмъ своихъ товарищей. Мы быстро спустились съ горы, въ тотъ лѣсъ, куда поутру съ такимъ трудомъ взлѣзали. Вскорѣ вышли мы на дороту, которая казалась очень бойкою. Бандиты шли съ большою осторожностью, держа ружья на перевѣсъ и оглядываясь недовѣрчиво и тревожно во всѣ стороны. Они боялись попасть въ руки городскаго патруля. Мы оставили Рокка Пріори за собою. По близости увидѣлъ я колодезь, и попросилъ позволенія напиться воды. Атаманъ самъ пошелъ и принесъ мнѣ воды въ своей шляпѣ.

Я немогъ понять для чего атаманъ повелъ насъ такъ далеко отъ вершины горы, гдѣ поставилъ стражу, чтобы дождаться возвращенія посланнаго. Казалось, и самъ онъ боялся опасности, какой подвергъ себя. Походка его была неровна и всѣ движенія показывали безпокойство. Едва успѣвалъ я за нимъ. Наконецъ, пройдя три часа безъ остановки, скорымъ маршемъ, стали мы опять всходить на гору—съ наружной оконечности того же лѣса—на верху которой провели весь тотъ день. Тутъ, къ большой моей радости, услышалъ я, что мы достигли мѣста почлега.

— „Вы вѣрно устали;"—сказалъ атаманъ: „но намъ было нужно осмотрѣть окрестность, чтобъ не было въ почи внезапнаго нападенія. Еслибъ столкнулись мы съ жандармами изъ Рокка Пріори, то вамъпришлось бы увидѣть славную драку."

Ночь была чудесная. Луна взошла на безоблачномъ небѣ и разливала ясный бѣлый свѣтъ на величавыя лѣсныя горы. Огоньки мелькали какъ земныя звѣзды, въ далекой темной котловинѣ долины, въ домикахъ и уединенныхъ хижинахъ пастуховъ. Утомленный усталостью и сильнымъ душевнымъ потрясеніемъ я упалъ въ траву, утѣшая себя надеждою на скорое освобожденіе. Атаманъ приказалъ своимъ товарищамъ принести сухаго моху, самъ своими руками сдѣлалъ мнѣ родъ тюфяка и подушекъ и далъ, свой широкій плащъ. Неожиданная внимательность со стороны такаго человѣка привела меня въ удивленіе и доставила мнѣ даже родъ удовольствія: ничего не можетъ быть поразительнѣе, какъ видѣть, въ самомъ вертепѣ всякой мерзости и преступленія, дружескую готовность къ услугѣ, такъ естественную въ обыкновенной жизни! Это все равно, что найти нѣжные цвѣтки и свѣжую зеленую траву на скалахъ подъ пепломъ вулкана. Прежде однако чѣмъ я заснулъ, атаманъ (который, казалось, возъимѣлъ большое ко мнѣ довѣріе), тихо завелъ со мною разговоръ. Онъ напомнилъ говоренное въ тотъ день поутру а потомъ примолвилъ, что его ремесло становится ему въ тягость, что онъ скопилъ себѣ порядочныя деньги и очень желалъ бы, возвратясь въ свѣтъ, вести мирную жизнь въ кругу семейства. Онъ расспрашивалъ меня нельзя ли выхлопатать ему паспортъ на проѣздъ въ Американскіе Соединенные Штаты. Я одобрилъ его намѣренія и обѣщалъ сдѣлать что могу. Мы распрощались, пожелавъ другъ другу спокойной ночи. Я растянулся на своемъ мшистомъ ложѣ, которое послѣ дневныхъ безпокойствъ, показалось мнѣ лучше пуховика и заснулъ, укрывшись чернымъ плащемъ бандита отъ сырости. Спалъ я крѣпко пока меня не разбудили. Было шесть часовъ утра, только что разсвѣтало. Мѣсто, гдѣ провели мы ночь, было довольно открыто и мы отправились выше на гору и въ глубину лѣса. Тутъ разложили огонь. Пока сверкало пламя, опять держали бандиты плащи свои вкругъ огня, чтобы его не было замѣтно. Когда же ничего не осталось, кромѣ горячей золы, они сѣли въ кружокъ. Я, увидѣлъ разложенные въ травѣ остатки окорока. Куски хлѣба и сыру и вчерашнее вино также были тутъ. Едва мы расположились завтракать, какъ опять услышалъ я съ вѣтвей деревъ овечье блеяные сторожевыхъ бандитовъ. Вскорѣ потомъ явились двое, пришедшихъ съ той лѣсистой вершины, на которой провели мы вечеръ. Когда они приблизились, мы узнали въ нихъ караульнаго и посланнаго. Атаманъ всталъ и пошелъ къ нимъ на встрѣчу. Онъ далъ знакъ

своему товарищу идти за нимъ. Нѣсколько времени поговорили они между собою; потомъ атаманъ скорыми шагами подошелъ ко мнѣ, и сказалъ: „вашъ выкупъ заплаченъ; вы свободны!"

Хотя я надѣялся на свое освобожденіе, но, не могу описать, въ какой восторгъ, помню, привело меня это извѣстіе. Я тотчасъ собрался идти. Атаманъ взялъ меня за руку, попросилъ позволенія писать ко мнѣ и напомнилъ тихонько о паспортѣ. Я отвѣчалъ, что надѣюсь оказать ему услугу и полагаюсь на честь его, что онъ возвратитъ мнѣ когда нибудь вексель принца въ пять сотъ скудій, такъ какъ эта сумма теперь заплачена. Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ—очевидно онъ забылъ объ этомъ—и тотчасъ подалъ мнѣ вексель, пожавъ мнѣ еще разъ руку. Мы разстались. Я ногъ подъ собой не чувствовалъ отъ радости спускаясь по каменистой, крутой горной тропинкѣ.

М. Перовъ.

Очерки и разсказы.

Вс. В. Крестовскаго иллюстриров. **Н. Н. Каразинымъ.**

(Продолженіе).

III.

На Дунаѣ.

Ночная переправа 10-го іюня у Галаца и ея трудности.—Прапорщикъ Сушковъ и поручикъ Эльснеръ.—Первая аттака и бой на буджакскихъ высотахъ.—Возобновленіе боя на Буджакѣ въ 7 часовъ утра.—Черкесскія звѣрства.—Окончаніе дѣла.—Наша боевая убыль.—Отличившіеся офицеры.—Пріѣздъ Государя Императора въ Галацъ и посѣщеніе раненыхъ въ мѣстномъ госпиталѣ.—Пріѣздъ Его Величества въ Браиловъ.—Сигналъ побѣды на Буджакѣ.—Отъѣздъ Государя Императора изъ Браилова.—Телеграмма къ графу Мольтке. Награды.—Встрѣча генерала Циммермана въ Мачинѣ.—Вступленіе въ Мачинъ лейбъ-бородинскаго полка.—Новыя звѣрства турокъ и протоколъ о нихъ.

IV.

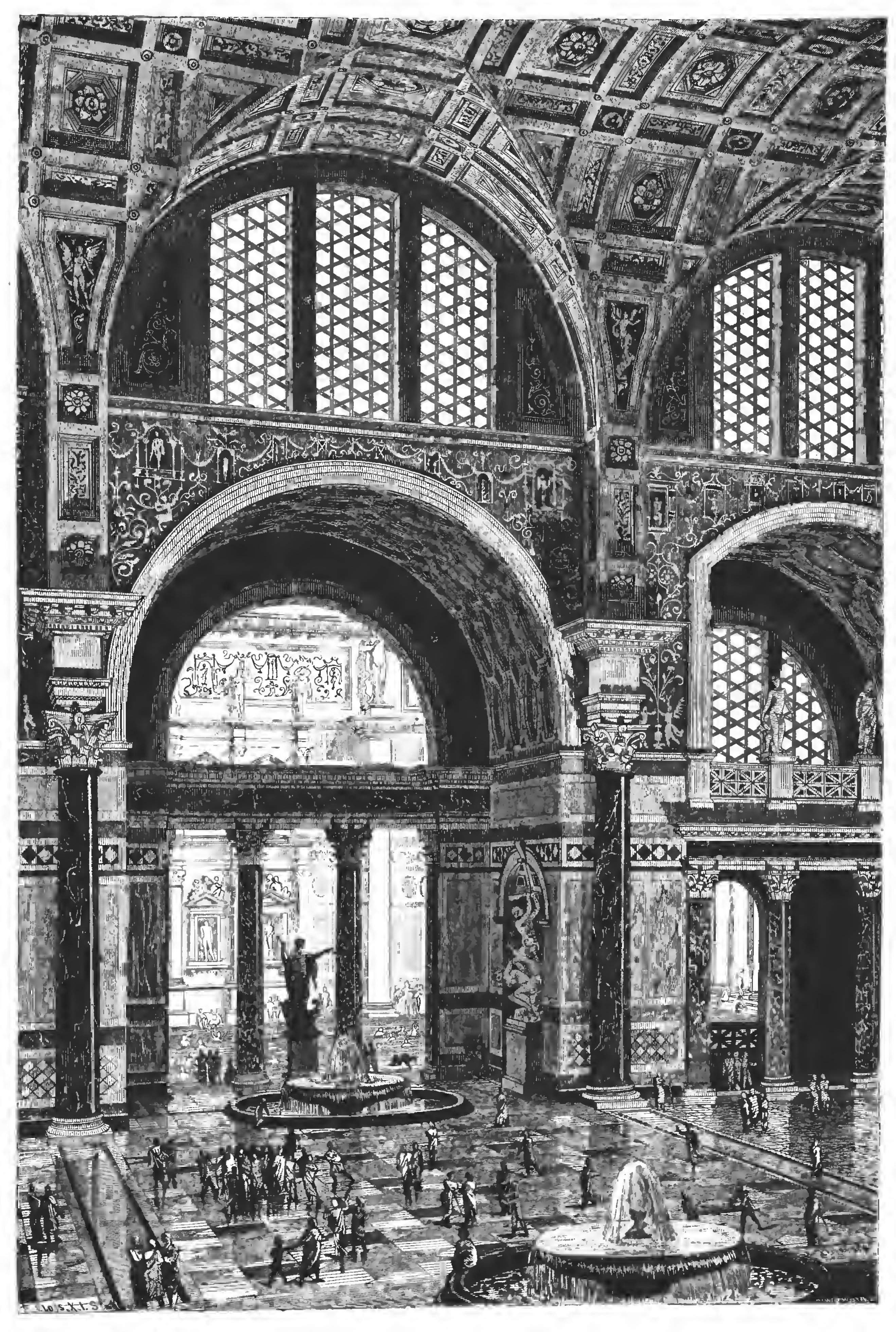

Говорили весьма различно о численности турецкихъ войскъ. По свѣдѣніямъ доставленнымъ изъ-за Дуная через шпіоновъ и бѣглецовъ, силы турокъ въ началѣ іюня на Нижнемъ Дунаѣ были не велики; впрочемъ, цифры въ этихъ свѣдѣніяхъ колебались между тремя и десятью тысячами. Гдѣ была правда,—предстояло узнать на собственномъ опытѣ. Наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія доставлялъ лейтенантъ Никоновъ, который подобралъ себѣ небольшую команду изъ некрасовцевъ, болгаръ и греческихъ матросовъ, съ которыми постоянно „пощупывалъ" тайно противный берегъ, и по свѣдѣніямъ этого офицера—турокъ противъ Галаца и Браилова было отъ трехъ до четырехъ тысячъ пѣхоты и конницы, при нѣсколькихъ орудіяхъ. Заручившись этими свѣдѣніями, генералъ-лейтенантъ Циммерманъ къ вечеру 9-го іюня отдалъ секретное приказаніе командиру 1-й бригады 18-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіору Жукову—сдѣлать въ ночь десантъ изъ Галаца на буджакскія высоты и занять ихъ. Къ семи часамъ вечера четыре орудія съ принадлежностями и небольшимъ прикрытіемъ были поставлены на плоты и отвалили отъ берега. Что касается пѣхоты, то для исполненія задуманнаго предпріятія было назначено только десять ротъ 69-го Рязанскаго и 70-го Ряжскаго полковъ, по пяти отъ каждаго, при чемъ людямъ велѣно было имѣть на себѣ четырехдневный запасъ сухарей. Посадка людей на суда происходила въ присутствіи генерала Циммермана, наблюдавшаго за правильностію ея исполненія. Баржи и лодки съ пѣхотой въ полной тишинѣ отплыли изъ Галаца въ двѣнадцатомъ часу ночи. Съ десантнымъ отрядомъ отправились генералъ-маіоръ Жуковъ, начальникъ штаба 18-й дивизіи полковникъ Михѣевъ и командиры обоихъ полковъ—Рязанскаго полковникъ Шульгинъ и Ряжскаго полковникъ Шелковниковъ. На веслахъ сидѣли 60 донскихъ казаковъ и часть пѣхотинцевъ, подъ руководствомъ нѣсколькихъ опытныхъ матросовъ.

Для наибольшаго обезпеченія успѣха этого предпріятія генералъ Циммерманъ приказалъ капитану 1-го ранга Рогулѣ выслать лейтенанта Дубасова съ канонеркой „Фульджеро" и двумя паровыми катерами на видъ Мачина, съ тою цѣлью, чтобы угрожая городу аттакой, удержать въ немъ часть турецкой артиллеріи и гарнизона, лишивъ ихъ такимъ образомъ возможности подать помощь аттакуемымъ, и съ такимъ разсчетомъ во времени, чтобы флотилія наша могла показаться въ виду Мачина на разсвѣтѣ, когда, какъ предполагалось, десантныя роты успѣютъ уже высадиться. Для руководства по исполненію флотиліей ея демонстраціи въ связи съ общей задачей предпріятія—былъ посланъ вмѣстѣ съ Дубасовымъ генеральнаго штаба подполковникъ Шуруповъ.

Надо замѣтить, что состояніе атмосферы не особенно благопріятствовало предпріятію: была чудная теплая ночь, на небѣ ни облачка, неподвижный воздухъ ясенъ и прозраченъ, какъ только можетъ онъ быть иными ночами на югѣ и—къ довершенію неудобства—яркая полная луна заливала весь Дунай и дальнія очертанія его береговъ серебристымъ свѣтомъ, такъ что каждая точка—случайный челнокъ или плывущая суковатая корча ясно чернѣлись на зеркально-гладкой поверхности рѣки. Лица, слѣдившіе съ галацкаго берега за ходомъ нашихъ лодокъ, отчетливо видѣли, какъ онѣ, переплывъ главное русло, подошли къ затопленной и покинутой жителями-турками деревушкѣ Заклый и вступили въ широкую область разлива и плавней которыя словно узкія черныя полосы острововъ, выступали изъ серебрянныхъ водъ рядами камышей и осоки. Видно было, какъ лодки медленно подвигались какъ бы зигзагами впередъ, все дальше и дальше по громадному разливу, то появляясь въ свѣтлыхъ полосахъ воды, то скрываясь въ камышахъ. Все пространство низменности, въ нѣсколько верстъ шириною, до самой подошвы Буджака, было сплошь затоплено. Всѣ мосты были сломаны, и дорога перекопана турками и залита розливомъ. Вскорѣ работа веслами оказалась безполезною: плывя по лугамъ и болотамъ, пришлось отпихиваться баграми и даже, мѣстами, тащить лодки волокомъ, на лямкахъ, по грудь въ водѣ, высвобождая ихъ изъ путъ камыша и кустарника. При этомъ нога глубоко уходила въ илистую почву, люди часто спотыкались, падали, попадали въ подводную трясину, откуда ихъ съ трудомъ надо было вытаскивать. Но этимъ еще не ограничивались невзгоды десантнаго отряда: турки, благодаря своимъ удивительно ловкимъ шпіонамъ, знали заранѣе о готовящейся переправѣ и потому, зорко наблюдая за нашими дѣйствіями, заблаговременно приготовились къ встрѣчѣ и усилили способы обороны; такъ, они во многихъ мѣстахъ перегородили плавни лозовымъ плетнемъ и особаго рода цѣпями, скрученными изъ фашинника, а ближайшіе подступы къ твердому берегу окружили фашинными и бревенчатыми бонами и даже рыболовными сѣтями; подъемъ же на возвышенность былъ изрытъ рядами стрѣлковыхъ ложементовъ, доставившихъ противнику оборону въ нѣсколько ярусовъ; кромѣ того, передовая стрѣлковая цѣпь укрыто засѣла въ самыхъ плавняхъ, и чуть только увидѣли турки приближеніе нашихъ лодокъ по затопленной луговой низинѣ, какъ тотчасъ же открыли по нимъ, еще съ дальнихъ разстояній, учащенный огонь, подъ которымъ нашимъ людямъ пришлось терпѣливо преодолѣвать всѣ эти мучительныя препятствія и капканы: они рвали сѣти, ломали плетни, рубили боны—все это требовало времени, усилій, и поминутно задерживало наступленіе. Наши молодые солдаты не выдержали и еще съ лодокъ открыли отвѣтный огонь. Многіе изъ нихъ нетерпѣливо соскакивали за бортъ и—шли впередъ, по грудь и даже по горло въ водѣ, перестрѣливаясь въ такомъ положеніи съ противникомъ. Все это дѣлалось съ замѣчательнымъ одушевленіемъ. Буджакская возвышенность вдается въ низину довольно узкимъ и длиннымъ мысомъ, и потому огибающее его теченіе разлива въ этомъ мѣстѣ довольно быстро: попавъ же въ самую быстрину, многія лодки, гдѣ гребцами сидѣли непривычные къ этому дѣлу пѣхотинцы, не могли выгрести; нѣкоторые изъ судовъ снесло теченіемъ далеко въ сторону отъ мѣста предполагавшейся высадки, а люди, шедшіе въ водѣ, едва могли держаться на ногахъ отъ ея напора. Но наконецъ и послѣднее препятствіе, явившееся въ видѣ прибрежнаго бона, было уничтожено—и наши люди очутились у цѣли. Это было ровно въ 3 часа ночи. Первыми выскочили на твердую почву непріятельскаго берега два молодыхъ офицера Рязанскаго полка: прапорщикъ Сушковъ и поручикъ Эльснеръ, котораго тутъ же ранило пулею. Двѣ рязанскія роты достигли берега ранѣе прочихъ и спѣшно высаживались подъ прикрытіемъ флангового огня остальныхъ своихъ ротъ, остававшихся еще въ лодкахъ. Ряжскія роты прибыли нѣсколько позднѣе.

По мѣрѣ выхода на берегъ люди собирались въ звѣнья и раскинувшись цѣпью, тотчасъ же бросились впередъ на ложементы. Безпорядочный огонь противника въ это самое время умолкъ-было на минуту: турки выждали и, подпустивъ нашихъ на полтораста шаговъ къ своимъ ложементамъ, вдругъ открыли

Древнія римскія бани, (термы). Ориг. рис. Тирша, грав. А. Клосъ.
(Изъ книги Фалька „Hellas und Rom“).

по нимъ огонь залпомъ, который впрочемъ сейчасъ же перешелъ у нихъ въ непрерывную бѣглую трескотню. Съ непривычки, прислушиваясь издали, на водѣ, къ звуку выстрѣловъ, казалось, будто это трещитъ въ кострѣ пылающій свѣжій ельникъ. Здѣсь турки впервые въ нынѣшнюю войну примѣнили къ дѣлу свою систему *обливанія* свинцовымъ дождемъ всего района мѣстности, занимаемой противникомъ. Но и обливаніе не устрашило молодцовъ-рязанцевъ: учащая шагъ, они продолжали наступать на ложементы. Здѣсь прыснули въ нихъ картечью два орудія—и это не остановило. Тогда турки дрогнули и перебѣжали за лощину—до слѣдующихъ ложементовъ. Межь тѣмъ мало по малу причаливали къ берегу и остальныя роты, которыя тотчасъ же выстраивались въ боевой порядокъ ротными колоннами. Силы были не равны, особенно же чувствовалось отсутствіе у насъ артиллеріи, въ которой была такая настоятельная надобность именно въ эту минуту, но которая не успѣла еще причалить. Не смотря на картечный огонь двухъ орудій, войска наши тотчасъ же двинулись въ поддержку двумъ передовымъ ротамъ, вслѣдъ за отступающимъ непріятелемъ. Наша аттака велась по обѣимъ сторонамъ холмистаго кряжа, въ направленіи на деревни Гарвино и Вакарени. Турки дрались очень стойко и два раза густыми колоннами устремлялись во встрѣчную штыковую аттаку, при чемъ наши одинъ разъ даже подались было назадъ, но будучи своевременно поддержаны резервомъ, тотчасъ же поправились и приняли въ штыки наступающаго противника. Аттаки турокъ могли бы быть гораздо удачнѣе, если бы они велись не столь скученными массами, представлявшими для нашихъ стрѣлковъ отличную цѣль, а главное, если бы турки болѣе соображали свой шагъ съ разстояніемъ до противника: ихъ колонны еще за нѣсколько сотъ шаговъ уже пускались бѣгомъ и потому утомлялись значительно ранѣе момента столкновенія, такъ что чѣмъ ближе подходили они къ нашимъ, тѣмъ болѣе укорачивался бѣгъ ихъ, переходя въ первный, колеблющійся, безпорядочный шагъ, лишенный достодолжной энергіи для удара; турки сходились съ нашими уже сильно запыхавшись и измаявшись бѣгомъ. Наши, напротивъ того, двигались на встрѣчу ровнымъ, спокойнымъ шагомъ и потому въ минуту штыковаго удара экономія физическихъ силъ давала перевѣсъ нашей сторонѣ, не смотря на то, что людей у насъ было чуть не на половину меньше чѣмъ у турокъ. Въ общемъ дѣло представляло рядъ непродолжительныхъ съ нашей стороны перестрѣлокъ и аттакъ перекатными цѣпями; въ результатѣ каждой аттаки, противникъ, выбиваемый изъ одной позиціи, перебѣгалъ на слѣдующую, чему очень помогалъ и самый характеръ мѣстности, представляющей кряжистую цѣпь холмовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга неглубокими сѣдловинами. Пытались было турки нѣсколько разъ пускать на нашу цѣпь черкесскую конницу, но всѣ аттаки послѣдней были успѣшно отражаемы залпами кучекъ. Однажды только налетѣли черкесы на два звѣна и окружили ихъ густою лавой, требуя сдачи; наши отбились огнемъ въ упоръ и штыками, и хотя нѣсколько человѣкъ пало подъ ударами шашекъ, за то не мало и черкесовъ съ ихъ конями было уложено вокругъ обѣихъ кучекъ.

Въ дунайскихъ камышахъ.

Роты Ряжскаго полка, прибывшія, какъ уже сказано, нѣсколько позднѣе рязанцевъ и высадившіяся въ другомъ мѣстѣ, очень удачно успѣли—именно благодаря пункту своей высадки, зайдти во флангъ и частію въ тылъ противнику, что и рѣшило его окончательное отступленіе. Такимъ образомъ наша пѣхота прошла съ непрерывнымъ боемъ около двѣнадцати верстъ и остановилась для крайне необходимаго отдыха за деревнею Гарвино. Выстрѣлы стихли и дѣло на нѣсколько времени прекратилось.

Въ то самое время, когда завязался первый бой на передовой возвышенности Буджака, наша демонстративная флотилія вошла въ Мачинскій рукавъ и показалась въ виду Мачина, лавируя на высотѣ заложенной 14-го мая караулки, около того мѣста, гдѣ былъ пущенъ ко дну броненосецъ „Хивзи-Рахманъ“. Турки открыли по ней канонаду изъ двухъ орудій, защищавшихъ городъ и выпустили около двадцати снарядовъ. „Фульджеро“ отвѣтилъ только четырьмя выстрѣлами своего полеваго 9-ти-фунтоваго орудія и то лишь для того собственно, чтобы, обнаруживъ у себя присутствіе артиллеріи, удержать турецкія орудія на мачинскихъ батареяхъ и тѣмъ лишить ихъ возможности присоединиться на помощь къ своимъ войскамъ, сражавшимся на буджакскомъ кряжѣ. Лавируя все время по рукаву отъ одного берега къ другому, лейтенанту Дубасову удалось избѣгнуть послѣдствій турецкаго огня, направляемаго на сей разъ вообще довольно мѣтко и когда около шести часовъ утра на нашихъ судахъ услышали, что перестрѣлка на Буджакѣ замолкла, Дубасовъ подалъ сигналъ къ отступленію и благополучно возвратился съ флотиліей въ Браиловъ.

Въ семь часовъ утра къ отступившимъ туркамъ подошли подкрѣпленія, и это дало имъ возможность тотчасъ же возобновить съ нами дѣло. Противникъ повелъ аттаку на правый флангъ нашего расположенія, гдѣ стояли 11-я линейная и 2-я стрѣлковая роты Ряжскаго полка, которыя, встрѣтивъ аттакующаго огнемъ, заставили его дать тылъ и тотчасъ же перешли въ наступленіе. Но увлекшись преслѣдованіемъ, роты эти не замѣтили, какъ противникъ, заманивая ихъ своимъ отступленіемъ все дальше и дальше, неожиданно навелъ ихъ подъ близкій огонь двухъ орудій. Наши уже хотѣли было броситься на батарею, какъ вдругъ замѣтили, что они охвачены и совершенно отрѣзаны отъ своихъ черкесскою конницей, въ количествѣ отъ 300 до 400 всадниковъ, внезапно налетѣвшихъ съ тылу изъ засады. Въ тоже время отступавшая доселѣ турецкая пѣхота вновь повернула фронтъ и пошла въ аттаку на обѣ роты. Остальныя части нашего отряда, видя критическое положеніе товарищей, тотчасъ же быстро двинулись впередъ—и горячій бой закипѣлъ по всей линіи. Одушевленіе и упорство съ обѣихъ сторонъ было равное: цѣпи сближались на 30 шаговъ, стрѣляли въ упоръ и бросались въ рукопашную. Ряжцы, составлявшіе правое крыло отряда, израсходовали уже всѣ свои резервы. 11-я и 2-я стрѣлковыя роты, отбиваясь отъ пѣхоты штыками, вынуждены были половину своего состава обратить противъ конницы, и эти послѣдніе взводы привели въ изумленіе турецкихъ кавалеристовъ: вмѣсто того, чтобы встрѣтить несущихся всадниковъ огнемъ кучекъ, они, давъ по нимъ залпъ, сами кинулись бѣгомъ въ аттаку на кавалерію. Отчаянная дерзость этого неожиданнаго маневра такъ изумила черкесовъ, что они, не выждавъ встрѣчнаго удара, разсыпались какъ рой шмелей и удрали... Такимъ образомъ, обѣ роты, освободившія сами себя отъ охватившаго ихъ кольца, примкнули къ остальнымъ своимъ подошедшимъ товарищамъ и продолжали фронтальный бой съ турецкою пѣхотой. Уже безъ малаго два часа длилось возобновившееся дѣло, а артиллерія наша, встрѣтившая въ плавняхъ массу препятствій, все еще не могла высадиться на твердый берегъ. Недостатокъ орудій живо давалъ себя чувствовать всѣмъ, до послѣдняго человѣка, и когда напоръ турецкой пѣхоты, поддержанный частою картечью, заставилъ нашихъ податься нѣсколько назадъ — въ рядахъ видѣли, какъ черкесы, въ трехстахъ шагахъ отъ фронта начали истязать и уродовать нашихъ раненыхъ. Одно звѣно, не замѣтившее отступленія товарищей, было въ мигъ окружено турками, но не хотѣло сдаться. Эта горсть храбрецовъ до послѣдняго человѣка была перестрѣляна въ упоръ, изрублена и обезглавлена. Схвативъ отрубленныя головы за волосы, турки швыряли ими, какъ мячиками, въ нашу сторону. Въ виду этихъ впервые воочію увидѣнныхъ злодѣйствъ, наши солдаты пришли въ такое ярое остервенѣніе, что нѣсколько ротъ, стоявшихъ ближе прочихъ къ мѣсту этой звѣрской потѣхи, сами, безъ всякой команды ринулись впередъ — и тутъ уже никому не было пощады. Напрасно отдѣльные люди кидали оружіе и на колѣняхъ кричали „аманъ“ — все живое ложилось подъ ударами штыковъ и прикладовъ. Остальныя роты, увидѣвъ неожиданный и столь стремительный натискъ своихъ товарищей, сейчасъ же примкнули къ нимъ и „на ура“ бросились на противника. Между тѣмъ черкесы, прогнанные встрѣчною аттакой нашихъ пѣхотинцевъ, успѣли снова собраться въ одной укрытой лощинѣ и съ гикомъ вынеслись изъ нея въ обхватъ нашего праваго фланга, гдѣ шла наиболѣе ожесточенная штыковая работа. Моментъ былъ критическій, но къ счастію, подполковникъ Акинфіевъ (Ряжскаго полка) успѣлъ вовремя замѣтить опасность и повернулъ въ сторону налетавшихъ черкесовъ часть храбрецовъ, которые, увлекшись личнымъ примѣромъ своего ближайшаго начальника, поручика Ермолова, вслѣдъ за встрѣчнымъ залпомъ, еще разъ бросились бѣгомъ въ аттаку на кавалерію. Черкесы были вторично отброшены. Въ это самое время прискакало на позицію первое наше орудіе, подъ командой капитана Липинскаго, и первая же его граната очень удачно лопнула посреди двухъ турецкихъ пушекъ. Услышавъ звукъ своего артиллерійскаго выстрѣла, вся наша линія привѣтствовала его дружнымъ „ура“ и уже безостановочно, не смотря на страшную жару и утомленіе, стала насѣдать на отступающихъ турокъ. Одновременно съ орудіемъ появились и двѣ свѣжія ряжскія роты, удачно высадившіяся противъ лѣваго фланга противника, что и дало намъ всѣ выгоды фланговаго обхода. Съ этого момента перевѣсъ боя окончательно склонился на нашу сторону. Артиллерійскій и ружейный огонь противника уже утратилъ прежнюю энергію, затѣмъ началъ мало по малу стихать и, наконецъ, въ одинадцатомъ часу утра совсѣмъ прекратился. Турки спѣшили уходить частію на Исакчу, частію же на Гирсово, мимо Мачина и вскорѣ скрылись изъ виду въ густыхъ облакахъ пыли. Часть нашего отряда по ихъ слѣдамъ

пошла къ Мачину и безъ выстрѣла заняла городъ, изъ котораго турецкое населеніе уже успѣло бѣжать еще наканунѣ, а запоздавшіе спѣшили теперь вслѣдъ за своими войсками. По показаніямъ плѣнныхъ, противъ насъ дрались 3,000 регулярныхъ пѣхотинцевъ и отъ 300 до 400 конныхъ черкесовъ, при двухъ орудіяхъ.

Буджакскій бой.

Генералъ Жуковъ остался на послѣдней взятой съ боя позиціи, между деревнями Гарвино и Вокарени, фронтомъ къ Мачину и здѣсь поздравилъ войска съ первою побѣдой. Бой съ часовымъ перерывомъ длился около восьми часовъ подъ убійственной жарою. Уже въ 7 часовъ утра термометръ въ Галацѣ показывалъ 25 градусовъ; въ 10 часовъ ртуть въ Реомюрѣ поднялась до 30-ти, а въ 10³ ₄ стояла уже на 41 градусѣ.

Не считая легко раненыхъ и контуженныхъ, которые самоотверженно возвращались въ бой тотчасъ же послѣ первой перевязки, наша потеря заключалась въ 134 человѣкахъ, выбывшихъ изъ строя, изъ коихъ убито 44, и болѣе или менѣе тяжело ранено 99.

Товарищи и солдаты собрали изувѣченныя тѣла убитыхъ, отыскали ихъ отсѣченныя и обезображенныя головы, съ отрубленными носами и ушами съ разорванными до скулъ ртами и похоронили ихъ въ одной братской могилѣ, надъ которою полковой священникъ отслужилъ панихиду. Нѣсколько въ сторонѣ была вырыта другая могила, гдѣ похоронили убитыхъ турокъ.

Генералъ-маіоръ Жуковъ, донося о дѣлѣ на Буджакскихъ высотахъ, рекомендуетъ полковниковъ Шульгина, Шелковникова и Михѣева, подполковника Акинфіева, капитана Клоченко и поручика Ермолова, какъ лицъ, которыя своею распорядительностію наиболѣе способствовали нашему успѣху.

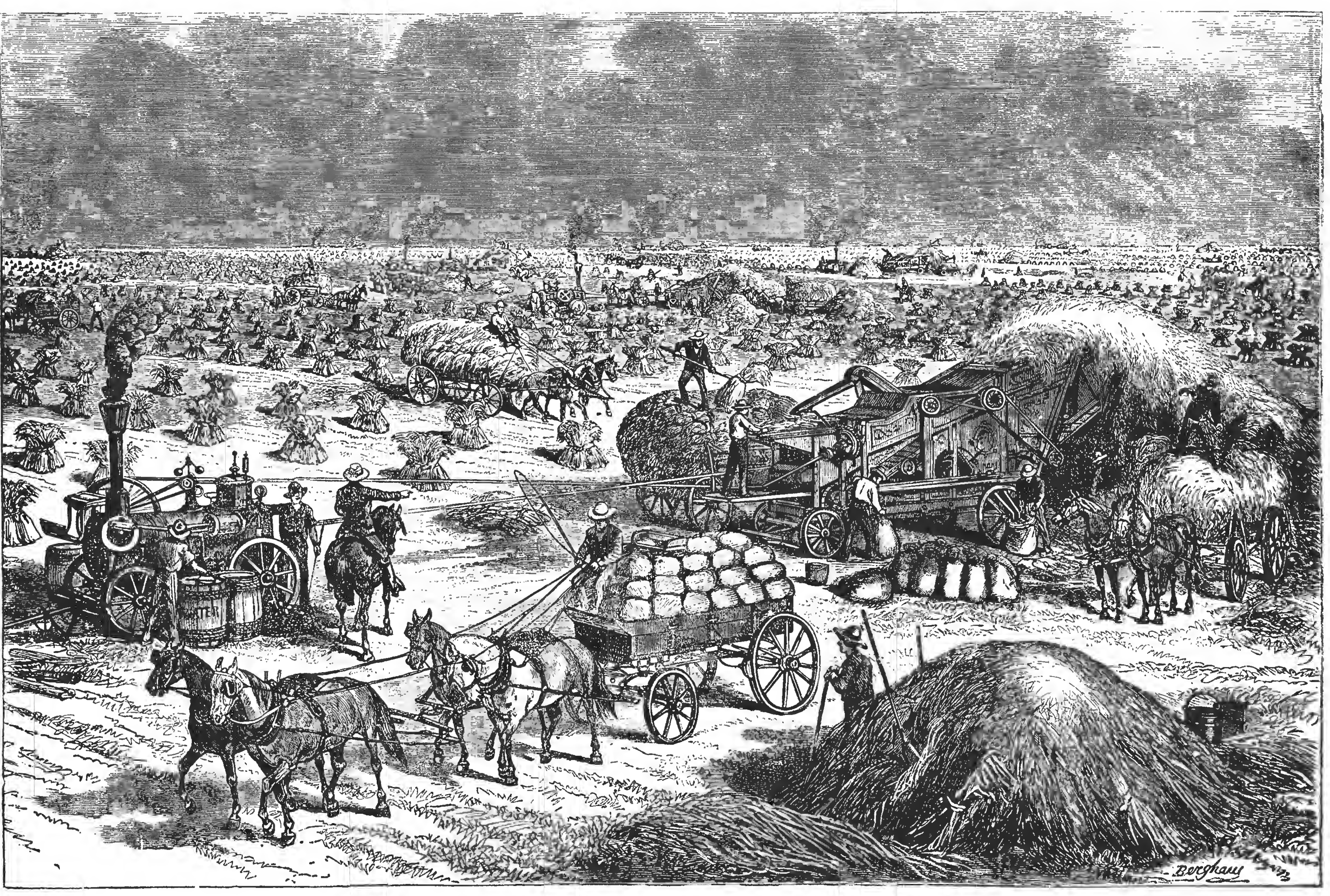
Государь Императоръ, въ десять часовъ вечера, 10-го іюня, выѣхалъ изъ Плоештовъ и въ три часа ночи прибылъ въ Браиловъ, откуда, послѣ кратковременной остановки, продолжалъ путь до Галаца. Его Величество сопровождали Государь Цесаревичъ и Великіе Князья Владиміръ, Алексѣй и Сергѣй Александровичи. Прибывъ въ Галацъ, Государь Императоръ прямо со станціи желѣзной дороги поѣхалъ въ мѣстный военно-временный госпиталь, куда въ это время подвозили и приносили съ дунайскаго берега раненыхъ. Здѣсь невольно поражали всѣхъ замѣчательная выносливость и терпѣніе русскаго солдата: во время переноски не было слышно не только жалобъ, но даже и стоновъ почти не раздавалось. Между этими страдальцами не мало нашлось раненыхъ штыками и шашками. Государь милостиво разговаривалъ съ ранеными и, узнавъ отъ нихъ, что первымъ вышелъ на непріятельскій берегъ поручикъ Эльснеръ, котораго также успѣли уже доставить въ госпиталь, подалъ ему руку и лично вручилъ Георгіевскій крестъ 4-й степени. Въ войскахъ нашей пѣхоты это была первая офицерская награда за нынѣшнюю кампанію. Тотъ же орденъ по волѣ Его Величества былъ пожалованъ генералъ-маіору Жукову и прапорщику Сушкову. Государь Императоръ обошелъ всѣ госпитальныя палаты, радостно привѣтствуемый ранеными солдатами, которымъ Его Величеству благоугодно было назначить сверхъ Георгіевскихъ крестовъ еще и денежныя пособія. Посѣтивъ лагерь 65-го пѣхотнаго Московскаго полка, Государь Императоръ въ семь часовъ утра (11-го числа) выѣхалъ изъ Галаца въ Браиловъ. Въ ожиданіи Высочайшаго пріѣзда, браиловскіе жители, большая часть которыхъ еще съ ночи наблюдали съ берега за вспышками огня сражавшихся, вышли теперь на встрѣчу Державному Гостю, въ праздничныхъ нарядахъ, съ букетами розъ и жасминовъ, съ лавровыми и миртовыми вѣнками. Около девяти часовъ утра Императорскій поѣздъ подошелъ къ Браиловской станціи, откуда Его Величество, встрѣченный Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ и его свитой, тотчасъ же направился въ открытой коляскѣ къ большому лагерю войскъ 14-го корпуса. Тамъ войска, въ полномъ боевомъ снаряженіи, съ четырехдневнымъ запасомъ сухарей, но безъ ранцевъ, уже были выстроены для напутственнаго молебствія, которое должно было совершать духовенство 14-го корпуса. Божественное служеніе среди открытаго поля началось тотчасъ же по прибытіи Его Величества въ лагерь. Знамена, окружавшія аналой, были окроплены святою водою. По окончаніи молебствія, войска были двинуты къ переправѣ. Вдали гремѣли боевые выстрѣлы, исходъ вторично начавшагося дѣла еще не былъ извѣстенъ, и потому всѣ надѣялись, что тотчасъ же по переправѣ вступятъ въ бой. Общее настроеніе войскъ было радостное, восторженное. Двинутые по мановенію Монарха, полки привѣтствовали изъявленіе Его Державной воли громкими, продолжительными криками „ура“ и проходили мимо Императора съ музыкой и веселыми пѣснями. Не смотря на 30-ти градусную жару, ротные плясуны, заломивъ шапки на затылокъ, съ „ложками“ и цвѣтами въ рукахъ, отбивали лихого трепака впереди своихъ фронтовъ. Это шествіе въ предполагаемый бой являлось истинно военнымъ торжественнымъ праздникомъ. Звонъ городскихъ колоколовъ, раскаты отдаленныхъ выстрѣловъ, трубы и барабаны, радостные клики, гудѣнье бубновъ, звяканіе металлическихъ тарелокъ, искусные соловьиные высвисты и множество скрещивавшихся въ воздухѣ широкихъ мотивовъ русскихъ пѣсенъ — все это сливалося вмѣстѣ и стояло однимъ свѣтлымъ, ликующимъ, непрерывнымъ гуломъ надъ громаднымъ пространствомъ лагернаго поля, и надъ городомъ, и внизу надъ Дунаемъ. Всѣ суда, наполнявшія Браиловскій портъ, разцвѣтились пестрыми флагами; на городскихъ улицахъ то же развѣвались флаги русскихъ, болгарскихъ, сербскихъ и румынскихъ національныхъ цвѣтовъ; окна и балконы красиво пестрѣли коврами, яркими тканями, цвѣточными гирляндами и роскошною комнатною зеленью, а подъ ними, на тротуарахъ и площадяхъ, въ ожиданіи проѣзда Государя, колыхалась и гудѣла говоромъ празднично настроенная толпа городскихъ жителей. Войска, спускавшіяся съ возвышенности мало по малу залили своими стройными массами всю низменную плоскость подгорнаго браиловскаго берега, у пристани и у понтоннаго моста, который какъ длинная, и ровно вытянутая лента, стройно перебросился чрезъ всю ширину рѣки вдаль, къ гечетскому берегу. За рѣкою, равно какъ и на самомъ мосту пока еще господствовала мертвая пустота, тишина — словомъ, полное отсутствіе жизни и движенія, которыя за то кипѣли внизу у пристани, какъ въ пчелиномъ ульѣ. Канонерка „Фульджеро“, на палубѣ которой виднѣлась высокая и мужественная фигура ея командира, лейтенанта Дубасова вмѣстѣ съ канонерками „Rondinica“ (Ласточка), „Румынія“, и съ пароходомъ „Стефанъ Великій“ — всѣ подъ русскими флагами, вытянулись у пристани, таща за собою на букспрѣ каждая по двѣ блиндированныя баржи, вооруженныя съ носа и съ кормы двумя орудіями. Кромѣ этихъ судовъ, тутъ же находились сорокъ гребныхъ лодокъ, на десять человѣкъ, кромѣ гребцовъ, каждая. Въ половинѣ девятаго началась посадка войскъ на суда. Предъ отправленіемъ ихъ, генералъ-лейтенантъ Циммерманъ сказалъ людямъ нѣсколько воодушевляющихъ словъ, на которыя со всѣхъ сторонъ раздались отвѣтные крики: „Постараемся! Невыдадимъ! Ляжемъ до послѣдняго, а не отступимъ!“

Въ десять часовъ на мостъ вступили первыя шесть обозныхъ повозокъ, за которыми вслѣдъ направились два баталіона; въ то же время три миноноски „Царевичъ“, „Ксенія“ и „Джигитъ“ направились въ Мачинскій рукавъ на развѣдку — не появились ли тамъ отъ Гирсова броненосцы, которые могли бы, спустяся далѣе внизъ, мѣшать нашей переправѣ. Въ случаѣ если бы броненосцы дѣйствительно тамъ оказались, наши миноноски должны были немедленно атаковать ихъ, во что бы то ни стало.

Великій Князь Главнокомандующій со своей свитой, спустясь верхомъ съ прибрежныхъ высотъ, остановился у входа на мостъ и, пропуская мимо себя войска, обратился къ нимъ съ краткою, энергически сказанною, напутственною рѣчью, въ отвѣтъ на которую зашумѣло могучее „ура“, подхваченное и горожанами, пестрò унизавшими карнизъ прибрежной возвышенности, и частями войскъ, — какъ тѣми, чтò уже сѣли на суда, такъ и тѣми, что кипѣли еще у пристани, и тамъ наверху, у лагернаго поля, и тѣми, что шли уже по мосту; откликнулись и люди съ сорока лодокъ, плывшихъ по Дунаю

Посѣщеніе узниковъ въ Римѣ. Картина профессора СПБ. Акад. Худож. В. П. Верещагина. Рис. на деревѣ Земцовъ, грав. Б. Пуцъ.

Наши конкурренты въ Европейской хлѣбной торговлѣ. Жатвенныя работы въ Сѣв. Америк. штатахъ. Рис. Бергаусъ.

вслѣдъ за миноносками,—отовсюду неслись эти восторженные клики. Отплывающіе солдаты махали бѣлыми шапками, а въ отвѣтъ имъ на высокомъ берегу женскіе батистовые платки привѣтно мелькали въ воздухѣ, ребятишки размахивали флагами, тысячи рукъ посылали во слѣдъ уходящимъ благословенія; болгарскія дѣвушки съ края обрыва кидали внизъ на головы тѣсно столпившихся солдатъ цвѣты, вѣнки и букеты... Передовые баталіоны, пущенные по мосту, уже приближались къ тому берегу, и легкій вѣтерокъ доносилъ оттуда высокія, звѣнящія нотки ротныхъ подголосковъ и стройные оркестровые звуки красиваго марша. Прорвало наконецъ роковую плотину,—и волна русскаго войска, столь долго скованнаго томительнымъ ожиданіемъ и бездѣйствіемъ, хлынула на ту сторону...

Въ три четверти одиннадцатаго часа пронеслось вѣщее, радостное слово „побѣда!", которое въ мигъ облетѣло весь городъ, лагерь и войска, толпившіяся у пристани: съ вышки наблюдательнаго поста замѣтили вдали на Буджакскихъ высотахъ дымъ большаго костра, что служило условнымъ сигналомъ, который долженъ былъ подать генералъ Жуковъ, въ случаѣ полной побѣды. Этотъ высоко поднимавшійся дымъ вызвалъ на Браиловскомъ берегу новые взрывы восторга. Сотни бипоклей жадно уставились въ даль, черезъ рѣку,—и сухой воздухъ былъ такъ чистъ и прозраченъ, что на разстояніи почти пятнадцати верстъ можно было ясно различить бѣловато-сѣрыя пятна нашихъ баталіоновъ, отдыхавшихъ на землѣ послѣ боя и даже отдѣльныя фигуры нѣсколькихъ офицеровъ около костра: размахомъ рукъ съ бѣтѣвшимися въ нихъ фуражками они описывали большіе круги и подавали условные знаки, какъ бы призывая остальныхъ ротныхъ товарищей поскорѣе идти туда, къ нимъ и раздѣлить вмѣстѣ радость первой побѣды *).

Вѣсть о побѣдѣ.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Охота на якка.

Дикій яккъ, свѣдѣнія о которомъ уже были въ „Нивѣ" (стр. 493—1872 года)—великолѣпное животное внушительнаго, грознаго вида. Самецъ достигаетъ 11 футовъ длины, не считая хвоста (3 фут.), украшеннаго волокнистой шерстью, ростъ же, до горба, доходитъ до 6-ти футовъ, а вѣсъ—отъ 560 до 600 килограммовъ. Все тѣло его покрыто густой, черной, жесткой шерстью, имѣющей у самцевъ, извѣстнаго возраста, темно-коричневый цвѣтъ на бокахъ и спинѣ. На мордѣ эта шерсть сѣраго цвѣта. Шерсть молодыхъ особей мягче, и, притомъ, вдоль спины, оттѣняется серебристой полосой; у нихъ оконечности рогъ обращены назадъ, съ годами они заворачиваются внутрь загиба, а основаніе ихъ покрывается кожицей грязно-сѣроватаго оттѣнка. Охота на якка на столько же опасна, сколько привлекательна; когда животное ранено — оно бросается на охотника, которому въ это время необходимо наибольшее хладнокровіе: пуля лучшаго карабина не всегда пробиваетъ черепъ и проникаетъ въ мозгъ, объемъ котораго, впрочемъ, незначителенъ сравнительно съ объемомъ громадной головы якка. Надо имѣть въ виду, что выстрѣлъ, направленный, такъ сказать, въ массу всего тѣла этого животнаго, рѣдко бываетъ смертеленъ; поэтому охотникъ, если и цѣлится мѣтко— не всегда можетъ быть увѣренъ въ томъ, что убьетъ якка и, даже, что выйдетъ побѣдителемъ изъ борьбы. Правда, однако, что ему помогаютъ въ этомъ случаѣ тупость и нерѣшительность животнаго. Будь этотъ звѣрь умнѣе—охота на него представляла бы столько же опасности, сколько и охота на тигра. Его можетъ доканать только количество пуль — и, вслѣдствіе того, необходимо приготовить для него нѣсколько зарядовъ. Мы говоримъ здѣсь о старыхъ животныхъ: всѣ остальные обращаются въ бѣгство при первомъ выстрѣлѣ. Случается, впрочемъ, что и старый яккъ, будучи раненъ, бѣжитъ, но тогда необходимо пускать за нимъ собакъ, которые ловятъ его за хвостъ и ноги и принуждаютъ остановиться: разъяренное животное бросается на собакъ, совершенно забывая объ охотникѣ. Еще легче охотиться на одиночныхъ якковъ и даже на цѣлое стадо, верхомъ.

Вообще, какъ разсказываютъ охотники, къ якку легче подойти на разстояніе ружейнаго выстрѣла, чѣмъ ко всякому другому дикому животному. Онъ обыкновенно подпускаетъ къ себѣ почти на триста шаговъ и подпускаетъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда уже издали замѣтилъ приближающагося: уставившись на него, животное машетъ хвостомъ изъ стороны въ сторону, или бьетъ имъ себя по спинѣ, выражая этимъ свой гнѣвъ. Если охотникъ продолжаетъ подходить—яккъ обращается въ бѣгство, останавливаясь отъ времени до времени, чтобы взглянуть на охотника. Раненый — онъ бѣжитъ нѣсколько часовъ сряду. Въ горахъ къ нему можно подойти очень близко— шаговъ на 50.

Приведемъ здѣсь разсказъ одного путешественника, много разъ охотившагося на якка. „....Лошади наши, говоритъ онъ, устали до того, что намъ пришлось вести охоту пѣшкомъ. Вооружившись скорострѣльными карабинами, я и мои спутники отправились рано утромъ по свѣжему слѣду. Обыкновенно, легко, простымъ глазомъ, за нѣсколько верстъ уже, можно видѣть темную массивную фигуру животнаго; правда, что иногда не трудно, издали, смѣшать его съ какой нибудь оторвавшейся частью скалы или гранитной грудой. Но направленію отъ рѣки Шуіа, въ особенности въ Баянъ-Кара-Улѣ и по берегамъ Мурь-Узу, животное это стало попадаться намъ такъ часто, что, невдалекѣ отъ нашей палатки можно было видѣть множество особей и, даже, цѣлыя стада его, пасшимися совершенно спокойно. Въ этихъ случаяхъ,—желая поближе добраться къ якку, остававшемуся неподвижнымъ въ открытой мѣстности, я опускался на колѣни и немного приподнявъ надъ головой карабинъ, тихо ползъ впередъ; издали вилка (подставка) карабина имѣла подобіе роговъ, а моя жакетка изъ оленьей шерсти дополняла иллюзію, позволявшую мнѣ приближаться къ якку на 200, а иногда и на 150 шаговъ. Здѣсь я останавливался, укрѣплялъ карабинъ его на вилкѣ и, оставаясь на колѣняхъ, стрѣлялъ. Животное бросалось бѣжать, но я продолжалъ стрѣльбу на 600 и болѣе шаговъ. Если то былъ старый яккъ, то онъ, по обыкновенію, кидался на меня, рогами впередъ, и тутъ-то обнаруживалась вся тупость животнаго, о которой я говорилъ выше: вмѣсто того, чтобы или продолжать свое нападеніе, или же, наоборотъ, спасаться бѣгствомъ, яккъ, послѣ нѣсколькихъ прыжковъ, останавливался: раненый новой пулей, онъ снова дѣлалъ нѣсколько скачковъ и снова останавливался; сцена эта повторялась до тѣхъ поръ, пока животное, получивъ съ десятокъ пуль (и даже больше), падало мертвымъ; за все время, онъ не приблизился ко мнѣ и на сто шаговъ.

Оренбургскіе казаки на перегонѣ.

Ни одна армія въ мірѣ не обладаетъ въ такой степени способностью приноравливаться къ обстановкѣ мѣста дѣйствія, какъ наши вообще и казачьи войска въ особенности.

Нашъ солдатъ быстро привыкаетъ и къ климату и къ мельчайшимъ особенностямъ боевой жизни на чужой сторонѣ—онъ, такъ сказать, удобно и легко акклиматизируется на всякомъ пунктѣ земнаго шара, куда только ни толкнетъ его судьба и царская воля; онъ быстро выучивается мѣстному языку, легко понимаетъ туземца и тотъ его понимаетъ отлично; во всякомъ положеніи онъ скоро находитъ хорошія стороны и пользуется ими. Полезное онъ перенимаетъ даже у врага и отдаетъ ему должную справедливость,—онъ добродушно относится къ побѣжденнымъ, сходится съ ними часто на дружескую ногу и всегда и всюду по своемъ уходѣ оставляетъ по себѣ добрую память.

Никогда ряды нашей арміи не опустошались подъ вліяніемъ мѣстныхъ, вредныхъ и непривычныхъ условій, такъ сильно, какъ опустошались, таяли ряды англійскихъ войскъ въ Индіи— какъ гибли французы въ Египтѣ и даже благословенной Сиріи. Если болѣзни и свирѣпствовали въ рядахъ нашихъ войскъ, то въ тоже время еще сильнѣе страдало и мѣстное населеніе— значитъ тутъ не было мѣста разности привычекъ, а вліяли совсѣмъ другія причины, болѣе общія, одинаково дѣйствующія и на туземцевъ и на пришельцевъ.

Нашъ солдатъ, разъ уже ознакомившись со страной и условіями ея жизни, становится хозяиномъ этой страны, сильнымъ борцемъ со всѣми мѣстными невзгодами и лишеніями. Его манера, его образъ жизни, даже самый костюмъ, все принимаетъ какой-то особый, мѣстный колоритъ, по которому опытный взглядъ тотчасъ же замѣтитъ и различитъ, напримѣръ, туркестанца отъ кавказца, степняка отъ горца.

Тѣже самые батальоны, составленные изъ людей центральныхъ нашихъ губерній, попавъ въ разныя условія боевой жизни, настолько усваивали себѣ мѣстный характеръ, что это принималось даже во вниманіе, и не безполезно, опытными вождями (Ермоловъ никогда не мѣшалъ батальоны, привыкшіе къ горамъ, съ батальонами равнинъ).

*) Прекрасные „документальные" разсказы В. В. объ этихъ славныхъ дѣлахъ нашихъ войскъ, въ первый разъ въ полнотѣ и стройности возстановляютъ событія, послѣ тѣхъ отрывочныхъ и торопливыхъ свѣдѣній, помѣщавшихся въ газетахъ, гдѣ сообщалось иногда напр. что пули „издавали искры" и гдѣ иногда перепутывались части войскъ и имена начальниковъ.

Особенно рѣзко эта благая способность нашихъ войскъ выразилась, какъ я уже сказалъ, въ казакахъ; примѣромъ тому могутъ служить кубанскіе и терскіе сотни—гдѣ трудно отличить даже казака отъ мѣстнаго джигита. Казакъ малороссъ умѣлъ понять въ чемъ суть: онъ усвоилъ себѣ всѣ хорошіе боевые качества черкеса—его костюмъ, его посадку, его умѣніе владѣть оружіемъ, понялъ безполезность своей традиціонной пики и бросилъ ее безъ патріотическаго сожалѣнія; сперва былъ битъ врагомъ-учителемъ, пока былъ самъ ученикъ а потомъ и самъ сталъ бить врага, а обладая при этомъ и лучшими нравственными качествами—сталъ его бить хронически.

Казаку-оренбуржцу нечего было перенимать добраго боеваго у своего противника киргиза; неуклюжій халатъ, безобразное неловкое сѣдло, допотопное оружіе—все это далеко не представляло собою ничего соблазнительнаго, все это и оставлено безъ подражанія, но за то у врага номада онъ нашелъ и перенялъ другія превосходныя качества, качества походныя, умѣнье переносить жаръ и жажду, совершать безконечно длинные и въ тоже время быстрые перегоны, приспособить и выдрессировать коня для подобной цѣли да и самому приспособить себя, свою голову, грудь и желудокъ и оренбургскій казакъ отлично разработалъ и осилилъ эту нелегкую задачу.

Все что теперь подъ силу номаду, все подъ силу и оренбургскому казаку—кони и того и другого равны по своимъ способностямъ... Верблюдъ, необходимый спутникъ и другъ номада въ его походахъ—сталъ также спутникомъ и другомъ казака. Оренбуржецъ оцѣнилъ и понялъ способности корабля пустыни, онъ съумѣлъ справиться съ этимъ горбатымъ вьюконосцемъ, также ловко управляетъ имъ, вьючитъ и развьючиваетъ и верблюдъ если и замѣчаетъ разницу въ обращеніи, то во всякомъ случаѣ эта разница въ пользу казака, отношенія котораго къ животнымъ все таки болѣе человѣчны, чѣмъ отношенія номада, варварски обращающагося не только съ верблюдомъ, но даже съ своею боевою лошадью.

На нашемъ рисункѣ представлена группа оренбургскихъ казаковъ на перегонѣ—сдѣлали легонькій привальчикъ, врагъ не далеко, потому привалъ слегка, на сторожѣ.

Посмотрите какъ свободно, непринужденно расположилась вся эта живая группа, какою умѣлостью, спокойствіемъ и увѣренностью дышитъ каждая фигура, всѣ они точно какъ дома, посреди этихъ чуждыхъ песковъ, подъ страшными, палящими лучами почти тропическаго солнца... А очень можетъ быть что и году еще не прошло, когда они прибыли сюда изъ какого-нибудь Новотроицка, а то и еще сѣвернѣе, гдѣ имъ приходилось не переноситься, въ перегонку съ вѣтромъ, по степямъ, легкими кавалерійскими партіями, а терпѣливо тащиться съ тяжелыми обозами по скучнымъ большакамъ-дорогамъ, не выдерживать этихъ сорокаградусныхъ жаровъ, поминутно грозящихъ солнечными ударами, а справляться съ сорокаградусными морозами, отъ которыхъ, по мѣстному выраженію, „въ кочерыжку гнетъ и душа стынетъ".

Римскія термы.

Термы, какъ извѣстно, переняты римлянами у грековъ, заимствовавшихъ ихъ на Востокѣ. У первыхъ, однако, онѣ вошли въ обычай, относительно, въ позднѣйшія времена. Суровые воины и граждане первыхъ вѣковъ не знали иныхъ бань, кромѣ простыхъ купалень—lavcntino—устроенныхъ на родномъ Тибрѣ, безъ всякихъ затѣй, изобрѣтенныхъ впослѣдствіи. Съ теченіемъ времени, появляются balnea—особыя купаленныя комнаты, съ ваннами и другими приспособленіями, въ домахъ частныхъ лицъ; наряду съ ними возникаютъ и общія balnea, открытыя для всѣхъ, съ опредѣленною платою за входъ. Скопленіе богатствъ, повышеніе культуры, утонченность нравовъ отразились на этихъ balnea,—мало по малу, совершенно утративъ свой исключительно гигіеническій характеръ, и онѣ, изъ простыхъ купаленъ, превратились въ роскошное мѣсто удовольствій, извѣстное, именно, подъ названіемъ термъ. Согласно нѣкоторымъ историкамъ этотъ типъ бань впервые появился въ Римѣ при Помпеѣ. Термы до такой степени вошли во вкусы тогдашнихъ римлянъ, что пріобрѣли значеніе важнаго общественнаго учрежденія и часто служили богатымъ честолюбцамъ средствомъ для пріобрѣтенія необходимой имъ популярности въ народѣ, въ угоду которому строили новыя термы. Такъ, Агриппа, въ бытность эдиломъ, выстроилъ 170 новыхъ купаленъ, а свои собственныя термы оставилъ по завѣщанію народу. Римскіе императоры старались превзойдти одинъ другого роскошью, изяществомъ и размѣрами созидавшихся ими термъ. Знаменитыя термы Нерона, содержавшія въ себѣ 1200 мраморныхъ ваннъ и славившіяся богатствомъ и вкусомъ отдѣлки, далеко, въ этомъ отношеніи, были оставлены позади термами Каракаллы и Домиціана. Послѣднія, по свидѣтельству современныхъ писателей, заключали 2000 ваннъ. Особенной славой пользовались, обыкновенно, бани этого рода, строившіяся вольноотпущенниками — „выскочками" тѣхъ временъ. Объ одномъ „homonovus" разсказываютъ, что, силясь затмить всѣ существовавшія при немъ термы, онъ велѣлъ выстроить свои изъ самаго драгоцѣннаго мрамора. Изъ офиціальныхъ свѣдѣній IV-го столѣтія, видно, что въ эту эпоху въ Римѣ было 856 общественныхъ бальнеологическихъ учрежденій и 1350 бассейновъ, не считая частныхъ бань.

Термы состояли изъ нѣсколькихъ отдѣленій. Первымъ была особая комната, въ которой оставались рабы сопровождавшіе въ баню своихъ господъ и оберегавшіе въ той комнатѣ одежды послѣднихъ; затѣмъ, слѣдовало нѣсколько залъ, гдѣ посѣтители, обыкновенно, бесѣдовали до купанья, библіотека, ресторанъ, магазины, преимущественно, предметовъ роскоши, далѣе —гимнастическое отдѣленіе, заключавшее въ себѣ особый залъ для игры въ мячъ, залы, приспособленныя для метанія, особое мѣсто, приспособленное для бѣга на пари. Термы открывались около 10-ти часовъ утра (что возвѣщалось звонкомъ) и закрывались съ заходомъ солнца. Обычай мыться въ банѣ при вечернемъ освѣщеніи—происхожденія позднѣйшаго. Большинство римлянъ посѣщало баню до обѣда. Купаться болѣе одного раза въ день считалось тогда черезчуръ большою изнѣженностью. Самая процедура мытья въ термахъ была довольно сложная, (во многомъ напоминающая нашу баню). Какъ кажется, римляне, предъ мытьемъ, обыкновенно, занимались гимнастикой. Раздѣвшись въ apoditerium'ѣ (игравшемъ, вѣроятно, роль нашего предбанника), римлянинъ переходилъ въ cella tepidaria —комнату, наполненную разогрѣтымъ воздухомъ; здѣсь онъ помѣщался на одну изъ мраморныхъ (и всегда чрезвычайно изящно отдѣланныхъ) скамей, возвышавшихся, подобно ступенямъ, одна надъ другой, и ожидалъ, пока горячая атмосфера возбуждала обильную испарину, затѣмъ, послѣ того, какъ тѣло его было сильно вытерто, онъ вступалъ въ cella caldaria, гдѣ принималъ теплую ванну; отсюда, онъ шелъ въ frigidarium, въ которомъ находился бассейнъ съ холодной водой. Въ большихъ термахъ, этотъ бассейнъ, приспособленный для плаванія, былъ часто въ нѣсколько сотъ футъ длины и въ половину той мѣры ширины. Въ unctorium'ѣ происходило натираніе маслами, затѣмъ вытираніе. Кромѣ перечисленныхъ нами отдѣленій, въ термахъ находилось еще одно, называвшееся laconicum: назначеніе его было одинаково съ cella tepidaria, но, съ тою разницей, что моющагося, по появленіи испарины, обливали холодной водой. Это отдѣленіе, впрочемъ, было скорѣе лѣчебнымъ.

Великолѣпныя зданія термъ, которыми римляне украшали свой великій городъ и, вообще, города, принадлежавшіе къ ихъ владѣніямъ,—давно лежатъ въ развалинахъ, но „римская баня", въ своихъ существенныхъ чертахъ, распространилась по всей Европѣ. Приложенный рисунокъ изображаетъ внутренность великолѣпной римской бани, наполненной народомъ. Рисунокъ этотъ взятъ изъ превосходной книги Фалька „Hellas und Rom", первый выпускъ которой недавно вышелъ *).

Посѣщеніе узника семействомъ.

(Картина В. И. Верещагина).

Неизбѣжно большею частью бывая въ Италіи—наши художники очень нерѣдко берутъ сюжетомъ для своихъ картинъ разныя сцены итальянской жизни и на нашихъ выставкахъ постоянно фигурируютъ красивыя картинки, изображающія разныхъ дѣвушекъ у колодца, оборванныхъ лазарони, уличныхъ музыкантовъ, босоногихъ монаховъ и другіе типы, которые повсюду встрѣчаются въ Италіи. Но при обиліи подобныхъ картинокъ легкаго жанра, рѣдко встрѣчаются произведенія, въ которыхъ бы художникъ познакомилъ насъ съ явленіями общественной и семейной жизни итальянскаго народа; съ его радостями и страданіями, съ его прошлымъ и настоящимъ. Конечно, подобные сюжеты не легко схватываются и нужно обладать недюжиннымъ дарованіемъ, чтобы прочувствовать и воспроизвести что либо такое вполнѣ художественно. Къ подобнаго рода серьезному, глубоко обдуманному и прочувствованному жанру принадлежитъ безспорно и прилагаемая нами въ гравюрѣ картина В. И. Верещагина „Посѣщеніе узника семействомъ". Художникъ знакомитъ зрителя съ внутренностью одной изъ мрачныхъ и грязныхъ римскихъ тюремъ. Кто этотъ узникъ съ блѣднымъ страдальческимъ лицемъ, закованный въ цѣпи? Преступникъ ли обыкновенный, бандитъ или заключенный по инымъ соображеніямъ. Ему дано разрѣшеніе видѣться съ семействомъ— съ женой и дѣтьми. Но и это свиданіе не приноситъ съ собой утѣшенія; оно, напротивъ, повидимому, растравляетъ только старыя раны и мрачный взглядъ, бросаемый узникомъ на жену и дѣтей, выражаетъ глубокую скорбь и безъисходное страданіе. Задумчиво смотритъ онъ — передъ нимъ снова воскресаютъ картины прошлаго, смѣняемыя ужасомъ его настоящаго заключенія. Онъ чувствуетъ, что на вѣки разбита его жизнь, на вѣки разбито счастье. Напрасно жена пробуетъ его утѣшить, заронить въ сердце его искру надежды и энергіи; она сама плохо вѣритъ въ возможность возврата прежняго и слова утѣшенія замираютъ на ея устахъ. Нѣмая сцена эта прекрасно схвачена и передана художникомъ. Фигуры дѣтей не менѣе удачны: старшаго мальчика съ огненнымъ, энергическимъ взглядомъ, сверкающимъ гнѣвомъ за страданія отца и беззаботнаго малютки, весело играющаго и любующагося цѣпями, не сознавая ихъ ужасающаго значенія.

*) Въ одномъ изъ ближайшихъ №№ „Нивы" мы еще будемъ говорить объ этомъ изданіи и помѣстимъ еще одинъ рисунокъ.

Вдали, въ полумракѣ видны фигуры другихъ узниковъ, кажется свыкшихся съ неволей и относящихся къ ней равнодушнѣе. Одинъ спитъ, а другой забавляется съ котенкомъ и повидимому ихъ не тревожатъ ни воспоминанія прошлаго, ни ужасы безконечнаго заключенія или далекой ссылки.

Картина „Посѣщеніе узника семьей“ писана В. П. Верещагинымъ, во время пребыванія его въ Римѣ и теперь находится у г. Солдатенкова въ Москвѣ.

Василій Петровичъ Верещагинъ (однофамилецъ извѣстнаго В. В. Верещагина), родился въ Перми въ 1835 году. Переселившись въ Петербургъ и начавъ посѣщать классы Академіи Художествъ, онъ, благодаря руководству профессора А. Маркова, занимался такъ успѣшно, что въ 1860 году уже удостоенъ 2-й золотой медали за картину „Олимпійскія игры“, а въ слѣдующемъ году былъ возведенъ въ званіе классного художника. Въ тоже время онъ получилъ и 1-ю золотую медаль за картину, писанную имъ по программѣ: „Великая Княгиня Софія Витовтовна на свадьбѣ Великаго Князя Василія Темнаго“. Въ 1863 году онъ отправился на казенный счетъ за границу и провелъ годъ въ Парижѣ и пять лѣтъ въ Италіи. Въ это время В. П. Верещагинъ написалъ рядъ этюдовъ изъ итальянской жизни; большія картины: „Мать Пророка Самуила, молящаяся о дарованіи ей сына“, „Св. Григорій Великій, проклинающій нарушеніе „обѣта безсребрія“, „Помпеянка“ и нѣсколько прекрасныхъ акварелей, между которыми особенно замѣчательна представляющая церковную процессію въ Рокка-ди-Папа. За эти работы онъ былъ удостоенъ Академіей званія штатнаго профессора живописи и всецѣло предался преподаванію любимаго имъ искусства. Въ послѣдніе годы произведеній его появилось немного, но среди нихъ есть нѣсколько весьма замѣчательныхъ. Такъ, въ 1872 году онъ написалъ для дворца Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича двѣ картины большаго размѣра на холстѣ особаго приготовленія, на подобіе знаменитыхъ обоевъ гоббеленовой фабрики, взявъ для нихъ сюжеты изъ нашихъ народныхъ миѳическихъ сказаній. Первая изъ нихъ — „Илья Муромецъ на пиру у Владиміра Красна Солнышка“, а вторая — „Бой Добрыни Никитича съ Змѣемъ Горынычемъ“. Въ послѣднее время В. П. Верещагину была поручена стѣнная живопись въ храмѣ Спасителя, въ Москвѣ, и какъ слышно эти работы займутъ видное мѣсто среди другихъ произведеній нашего художника, по строгости стиля и по талантливости выполненія.

Наши конкурренты въ хлѣбной торговлѣ.

Еще относительно недавно, каждый народъ, каждое государство, въ дѣлѣ продовольствованія, стремились поставить себя въ независимое положеніе отъ другихъ странъ. Нечего и говорить, что эти ненормальныя стремленія, шедшія въ разрѣзъ съ экономическимъ закономъ, часто, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, тяжко отзывались на странѣ. Примѣры многочисленны, но приводить ихъ мы не станемъ: полагаемъ, что можно и безъ нихъ, съ достаточною ясностью представить себѣ положеніе страны, пораженной неурожаемъ и ожидающей спасенія своего отъ запоздалаго подвоза хлѣба, купленнаго за двойную цѣну въ какомъ нибудь далекомъ краю. Но экономическое сближеніе народовъ, въ наше время, безчисленныя сѣти желѣзныхъ дорогъ, телеграфныхъ линій, морское паровое сообщеніе сдѣлали свое дѣло—и нынѣ міровые запасы хлѣбныхъ продуктовъ, болѣе или менѣе равномѣрно распредѣляются между народами. Страны, богатыя хлѣбомъ, снабжаютъ имъ тѣ государства, которыя производятъ его въ недостаточномъ количествѣ. Снабженіе это происходитъ съ такою правильностію, что извѣстны среднія статистическія цифры, колебаніе которыхъ составляетъ незначительныя уклоненія отъ установившихся нормъ.

Въ нашемъ очеркѣ мы ограничимся европейскимъ хлѣбнымъ рынкомъ: коснувшись тѣхъ отношеній, въ которыхъ, по производству хлѣба и потребности въ немъ, различныя европейскія государства стоятъ другъ къ другу и къ нѣкоторымъ странамъ прочихъ частей свѣта—постараемся, главнымъ образомъ, указать мѣсто, принадлежащее на хлѣбномъ рынкѣ Россіи.

Государства Европы, по отношенію своему къ производству и торговлѣ хлѣбомъ, распадаются на *двѣ группы*: одну составляютъ тѣ изъ нихъ, которыя, производя хлѣбъ съ избыткомъ, отпускаютъ его за границу, другую же группу—страны, съ недостаточнымъ внутреннимъ производствомъ хлѣба и которыя вслѣдствіе того, постоянно пріобрѣтаютъ его на иноземныхъ рынкахъ. Къ первой категоріи принадлежатъ Россія, Австро-Венгрія, Дунайскія княжества и Данія, ко второй—вся остальная Европа.

Бросимъ, сначала, взглядъ на нуждающихся, ознакомимъ читателей съ размѣрами (въ среднихъ цифрахъ) ихъ потребности, а, затѣмъ, перейдемъ къ государствамъ-поставщикамъ, опредѣливъ долю каждаго вообще, и Россіи въ особенности, въ этой грандіозной „поставкѣ“.

Въ ряду странъ, живущихъ чужимъ хлѣбомъ, первое мѣсто принадлежитъ *Великобританіи*. Широко раскинувшись по чужимъ морямъ и океанамъ, эта всесвѣтная, колоссально-богатая держава бѣднѣе многихъ мелкихъ государствъ по внутреннему производству хлѣбныхъ продуктовъ. Средній годовой урожай хлѣба въ Британіи опредѣляется, въ настоящее время, штутгардтскимъ профессоромъ Спаллартомъ-Нейманомъ въ 56 милліоновъ четвертей (13,3 милліона пшеницы, 14,2 милліона ячменя, 29,4 милліона овса и 0,28 ржи). Согласно выводу, сдѣланному однимъ британскимъ спеціалистомъ-статистикомъ—изъ 33-хъ милліоннаго населенія Соединеннаго Королевства, едва-ли только не половина (18 милліоновъ) питается туземнымъ хлѣбомъ, остальная же часть населенія (15 милліоновъ)—привознымъ. По изслѣдованіямъ Кэрда—Британія потребляетъ около 88 милліоновъ пудовъ собственныхъ хлѣбныхъ продуктовъ, цѣнностью на 2.590 милліоновъ франковъ и 33 милліона иностраннаго хлѣба, на сумму 1,313 милліоновъ франковъ. Ввозъ хлѣба туда началъ развиваться, какъ извѣстно, съ отмѣной, въ концѣ 1840-хъ годовъ, запретительныхъ „хлѣбныхъ законовъ“ (corn low). Слѣдующія числовыя данныя показываютъ — въ какой значительной прогрессіи этотъ ввозъ возрасталъ: въ 1853—1858 годахъ доставлено 100 милліоновъ пудовъ, на сумму до 20-ти фунтовъ стерлинговъ; въ десятилѣтіе съ 1859 до 1860 г. 173 милліона пудовъ, на сумму около 30 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, въ слѣдующіе, затѣмъ, пять лѣтъ, съ 1869 по 1873—164 милліона пудовъ, въ 1874—1877 гг.—331 милліонъ пудовъ, на сумму 54 милліона фунтовъ стерлинговъ, и въ 1877 г.—на сумму болѣе 62 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ.

Франція находится въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Хотя и она такъ же потребляетъ значительное количество привознаго хлѣба, но вмѣстѣ съ тѣмъ, хлѣбное производство постепенно увеличивается и она, даже, отъ времени до времени, отпускаетъ хлѣбъ за границу. Сообразно съ этимъ, мы не встрѣчаемся здѣсь съ тѣми громадными цифрами иностраннаго ввоза, которыя мы видѣли въ Британіи. Среднимъ числомъ, избытокъ доставки хлѣба во Францію за время съ 1867 по 1876 г., простирается до 9,500,000 четвертей. Въ послѣднее 25-тилѣтіе привозъ хлѣба въ Марсель съ 1,500,000 четвертей увеличился до 4-хъ милліоновъ, а въ 1868 г. доходилъ до 6-ти милліоновъ четвертей. На возрастающій успѣхъ внутренняго производства указываютъ такіе факты, какъ удвоившееся, въ теченіе нынѣшняго столѣтія, количество сбора хлѣба (съ 62 милліоновъ четвертей оно дошло до 115 милліоновъ) и увеличившіеся размѣры отпуска за границу (преимущественно въ ту же Британію, достигавшаго до 20-ти и даже до 36-ти милліоновъ пудовъ, хотя, конечно, перевѣсъ, все-таки, оставался и остается на сторонѣ ввоза.

Германія, производящая болѣе 120 милліоновъ четвертей, ежегодно покупаетъ значительное количество иностраннаго хлѣба. Потребляя большую часть туземнаго и привознаго, она, извѣстную долю его, затѣмъ, сама продаетъ въ Британію, въ Голландію. Не такъ давно Германія довольствовалась туземнымъ хлѣбомъ и отпускала гораздо болѣе, чѣмъ получала. Но, затѣмъ, мы видимъ обратное движеніе: ввозъ все болѣе и болѣе увеличивается, вывозъ же—сокращается. Такъ, съ 1830-хъ годовъ избытокъ вывоза—до 3-хъ милліоновъ четвертей—уменьшился, въ 1860-хъ годахъ, до 800 тысячъ четвертей; наоборотъ, привозъ, который, за время съ 1867 до 1874 годовъ, превышалъ отпускъ на 3,500,000 четвертей — въ теченіе 1873 — 1877 гг. превысилъ вывозъ на 64 милліона пудовъ въ годъ, а въ 1877 г. избытокъ этотъ дошелъ до 93-хъ милліоновъ пудовъ.

Италія, согласно свѣдѣніямъ за послѣдніе годы, производитъ до 50-ти милліоновъ четвертей хлѣбныхъ продуктовъ, которыхъ, однако, ей не достаточно. Впрочемъ, хотя она и принадлежитъ къ категоріи странъ, постоянно восполняющихъ количество собственнаго хлѣба привознымъ, но она покупаетъ, сравнительно, немного, если судить, напримѣръ, по 1875 году, когда она пріобрѣла его всего 15 милліоновъ пудовъ, на сумму 75-ти милліоновъ франковъ.

Наконецъ—*Бельгія* производитъ около 11-ти милліоновъ четвертей и покупаетъ, приблизительно, 32 милліона пудовъ хлѣбныхъ продуктовъ; Голландія къ своимъ 5½ милліонамъ четвертей ежегодно прикупаетъ до 1½ милліона четвертей хлѣба; Швейцарія, производящая около 3-хъ милліоновъ четвертей хлѣба, съ конца 1860-хъ годовъ постепенно усиливаетъ свое требованіе, которое въ 1872—1876 гг. равнялось болѣе 16-ти милліонамъ пудовъ ежегодно; Норвегія покупаетъ, почти постоянно, на 32—50 милліоновъ франковъ; Португалія—на 6 милліоновъ, Греція—приблизительно до 20-ти милліоновъ франковъ. Мы видимъ, что ⅓ Европы нуждается въ хлѣбѣ, приблизительно на сумму въ 2,300 милліоновъ франковъ. Выше сказано уже, что это количество хлѣбныхъ продуктовъ доставляютъ, изъ числа европейскихъ государствъ, кромѣ Россіи, еще Австро-Венгрія, Придунайскія княжества и Данія (отчасти и Франція). Но сверхъ этихъ европейскихъ соперниковъ на хлѣбномъ рынкѣ, наше отечество имѣетъ еще соперниковъ другихъ—внѣ европейскихъ, какъ Остъ-Индію, Чили, Канаду, Австралійскія колоніи, Египетъ, Тунисъ и, наконецъ, самаго значительнаго—Соединенные Штаты Сѣверной Америки.

Наиболѣе серьезнымъ европейскими конкуррентомъ нашимъ является Австро-Венгрія. Измѣряя силы этого противника цифрами, находимъ, что средняя производительность хлѣбныхъ продуктовъ, въ 1869—1876 гг., равнялась въ Австро-Венгріи

(Продолженіе на стр. 61, 62, 63 и 64).

слишкомъ 82 милліонамъ четвертей (въ Австріи—43,7 милліоновъ, въ Венгріи—37 мил. и въ Хорватіи и Славоніи—1,6 мил.). Обороты по ввозу и вывозу хлѣба въ Австро-Венгріи, въ 1871—1877 гг., обнимаютъ громадную цифру въ 489 мил. пудовъ хлѣба, на сумму 2.300 милліоновъ франковъ. Главными странами для австрійскаго сбыта служатъ Британія. Швейцарія, Франція. Бельгія и Германія. Съ 1871 г., Австрія значительно развила отпускъ муки: въ 4-хъ лѣтіе съ 1873 по 1877 годъ вывозъ этихъ продуктовъ увеличился съ 18-ти до 87-ми которой равняется 10-ти мил. четвертей, отпускала въ 1865—1873 гг. болѣе 1.200.000 четв., въ 1874, 1875. 1876 гг. уменьшила свой вывозъ до 600 тысячъ четвертей.

По мнѣнію спеціалистовъ, остиндской пшеницѣ, въ будущемъ. суждено играть весьма важную роль на европейскихъ рынкахъ и съ успѣхомъ соперничать съ пшеницей американской и русской.

Какъ бы то ни было, но самый солидный нашъ соперникъ и конкурентъ—Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты. Аме-

С.-Петербургскій Императорскій Эрмитажъ. Серебрянная Греческая ваза. Рис. Селье, грав. Тома.

мил. франковъ. Что касается Придунайскихъ княжествъ, экономическое преуспѣяніе которыхъ мы искренно привѣтствуемъ, то для насъ, собственно, онѣ не могутъ считаться опасными соперниками. Производя (согласно Нейману) отъ 38 до 42 мил. четвертей хлѣба (Болгарія, Боснія и Герцеговина—около 18½ мил., Румынія—приблизительно то же количество, Сербія—до 2,4 мил.), княжества отпускаютъ свой хлѣбъ въ Турцію, Британію, Францію. Въ 1876 г. количество вывоза опредѣлялось въ 6½, 7 мил. четвертей.—Данія. средняя производительность рикапцы, какъ извѣстно, умѣютъ взяться за дѣло и едва ли кто можетъ сравниться съ ними въ искусствѣ развить его съ поражающею быстротою.

Въ десятилѣтіе съ 1840—1850 гг. производство хлѣбныхъ продуктовъ возросло съ 77 мил. четв. до 115 мил., въ слѣдующее десятилѣтіе—до 168 мил., а въ пятилѣтіе 1870—1875 гг. до 259 мил., въ 1877 же году—оно достигло 277 мил. Цѣнность всего хлѣбнаго производства равняется 5-ти милліардамъ франковъ. Что касается вывоза, то въ концѣ прошлаго и въ нача-

лѣ нынѣшняго столѣтія, онъ былъ довольно ограниченъ. Молодое государство только что выступало на путь свободной, самостоятельной жизни. Въ 1741 г. Соединенные Штаты отпустили всего 600 т. четвертей кукурузы и пшеницы, въ 1800 г. 340 четв. кукурузы, нѣсколько болѣе 4½ т. четв. пшеницы и 653 т. бочекъ пшеничной муки, въ 1810 г.—77 слишкомъ тысячъ четв. кукурузы и пшеницы и около 800 т. бочекъ пшеничной муки. Велика разница съ нынѣшнимъ отпускомъ американцевъ, усилившихъ свой вывозъ, въ особенности, съ конца 1860-хъ и начала 1870-хъ гг.: въ 1868 г. они отпустили до 7 мил. четв., а въ 1873—1874—уже 23 мил. четв., и цифра эта, съ тѣхъ поръ, представляетъ постоянную, такъ сказать, норму вывоза. Такое быстрое развитіе хлѣбной торговли Соединенныхъ Штатовъ объясняется, главнымъ образомъ, съ одной стороны, удобствомъ путей сообщенія, соединяющихъ производительные центры съ складами и портами а съ другой — техническими и торгово-промышленными учрежденіями этого предпріимчиваго народа. Какъ на одинъ изъ наиболѣе *замѣчательныхъ образцовъ подобныхъ промышленныхъ учрежденій — укажемъ на „ферму Дарлаймпль“*, полевыя работы которой изображены на нашемъ рисункѣ.

Ферма Дарлаймпль расположена къ западу отъ Фарго, станціи Тихо-океанской желѣзной дороги и занимаетъ 100 тысячъ акровъ земли. Весь процессъ посѣва, жатвы и сбора хлѣба производится, конечно, машинами и, притомъ, въ слѣдующихъ размѣрахъ: въ концѣ марта и началѣ апрѣля 1878 года было засѣяно пшеницей 13 тысячъ акровъ (въ 1879 г. предположено засѣять 20 тысячъ), жатва начата 25-го іюля и окончена въ теченіе 10 дней. „На цѣлыя мили кругомъ, разсказываетъ очевидецъ, глазу представлялись только одни массы желтѣвшихъ на солнцѣ сноповъ“. Это громадное количество хлѣба было засѣяно и снято при помощи 400 рабочихъ, 500 лошадей и муловъ, 80 сѣялокъ, 160 плуговъ, 200 стальныхъ боронъ, 15-ти цилиндрическихъ молотилокъ и 80-ти жатвенныхъ машинъ. Чтобы дать понятіе о быстротѣ работы на фермѣ, скажемъ, что въ теченіи минуты связывается (проволокою) 1000 сноповъ. Кромѣ всѣхъ этихъ машинъ, ферма обладаетъ еще одною, новоизобрѣтенною, такъ называемою „header“ (буквально: сниматель головъ): она подвозится лошадьми на поле, засѣянное пшеницей и тутъ ножами снимаетъ колосья, оставляя въ неприкосновенности стебли, служащія для удобренія.

Намъ остается теперь разсмотрѣть—*съ какими средствами выступаетъ наше отечество на борьбу со своими конкурентами* на международномъ хлѣбномъ рынкѣ, кого изъ этихъ конкурентовъ побѣждаетъ и съ кѣмъ изъ нихъ приходится снова ему считаться. Средства Россіи велики—согласно новѣйшимъ исчисленіямъ наше отечество производитъ, среднимъ числомъ, въ годъ около 330 мильоновъ четвертей, причемъ: Европейская Россія, съ привислинскимъ краемъ, доставляетъ 300 милл., Финляндія—болѣе 3-хъ милл., Кавказъ—свыше 10-ти и Сибирь съ Туркестаномъ—болѣе 13-ти мил. Торговля Россіи получила свое нынѣшнее развитіе, съ сооруженіемъ значительной сѣти желѣзныхъ дорогъ, расширеніемъ пароходнаго сообщенія и усиленіемъ промышленнаго движенія у насъ. Назадъ тому столѣтіе—отечество наше вывозило до 900 т. четв. хлѣба на сумму 2½ мил. рублей, въ 1793—1795 гг. мы отпустили только 403 т., преимущественно во Францію. Съ начала нынѣшняго столѣтія отпускъ хлѣба увеличивается: въ 1804—1814 гг. онъ равняется 1¼ мил. четв., въ 1814—1825 гг.—уже 2 милл., въ концѣ 1830-хъ гг. и въ 1840-хъ гг. 3 милл., въ теченіе 1850-хъ гг. онъ колебался между 5-ю и 9-ю милл., но, съ 1860-хъ гг., размѣры нашего вывоза быстро возрастаютъ съ 9-ти милл. (въ 1861—1865 гг.) до 14-ти милл. четв. (1865—1870 гг.), а въ 1870 г. онъ уже достигаетъ 21-го милл. четв., въ 1871—23 милл., 1874—27-ти милл., къ 1877—36 милл. и въ теченіи первыхъ 8-ми мѣсяцевъ 1878 г.—29-ти милл. четв., т. е. на 10 милл. четв. болѣе, чѣмъ въ соотвѣтствующій періодъ времени въ 1877 г. Хлѣбомъ нашимъ мы снабжаемъ, главнымъ образомъ, Британію, а также Францію, Германію, Италію, Голландію, Грецію, Норвегію, Швецію. Въ первой изъ этихъ странъ, мы сталкиваемся съ значительнымъ американскимъ привозомъ. Любопытно прослѣдить ходъ этой борьбы.

До половины 1860-хъ гг. главнымъ поставщикомъ Британіи были Соед.-Шт., на долю которыхъ приходилось 35% общаго количества доставки туда хлѣбныхъ продуктовъ, въ 1867 и 1868 гг. перевѣсъ оказался на сторонѣ Россіи, уступившей Америкѣ первенство въ 1869 и 1870 гг.: въ 1871 и 1872 гг. мы снова ввезли больше, чѣмъ Штаты, а именно, въ 1871 г.—48 мил. пудовъ пшеницы, тогда какъ американцы—только 40 мил. Къ сожалѣнію, въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, побѣда осталась за Сѣв.-Шт. изъ 452 мил. пудовъ, ввезенныхъ въ Британію въ 1875, 1876, 1877 гг. разными странами, Штаты доставили 198 мил., а Россія—91 мил., т. е. менѣе, чѣмъ вдвое. Во Францію, Россія, соперничая преимущественно съ Придунайскими княжествами и Остъ-Индіей—этимъ будущимъ нашимъ серьезнымъ конкурентомъ, подавляетъ ихъ, доставляя въ Марсель (Главный Франц. хлѣбн. рынокъ) половину всего иностраннаго ввоза. Въ Италіи мы успѣшно конкурируемъ сравнительно незначительной доставкой хлѣба къ Турціи и Франціи, что же касается Германіи, то здѣсь съ нами соперничаетъ Австро-Венгрія, которая, хотя и имѣла нѣкоторый перевѣсъ въ 1876 г., но едва ли можетъ выдержать серьезную борьбу съ нашимъ привозомъ, равняющимся, по средней сложности, почти 40% всей доставки иноземнаго хлѣба въ Германію.

Музей Императорскаго Эрмитажа. Греческая ваза.

Извѣстно, какая масса вещей открыта была при раскопкахъ въ южной Россіи. Сокровища найденныя въ гробницахъ нашихъ предковъ, чрезвычайно замѣчательны какъ по ихъ высокой цѣнности, такъ и по изяществу работъ преимущественно греческихъ —эпохи наибольшаго процвѣтанія искусствъ. Драгоцѣнныя вещи, украшенія, найденныя при раскопкахъ, находятся въ музеѣ нашего Эрмитажа, замѣчательнаго не менѣе Неаполитанскаго, постоянно пополняемаго предметами, находимыми въ Геркуланумѣ и Помпеѣ.

Ваза, рисунокъ которой помѣщенъ въ настоящемъ № „Нивы“ найдена въ 1863 г. на сѣверо-востокъ отъ Никополя (Екатеринославской губерніи), на правомъ берегу Днѣпра подъ громадною насыпью кургана. Строеніе самыхъ гробницъ и характеръ предметовъ, которые найдены подъ курганами совершенно соотвѣтствуютъ Геродотову описанію похоронъ скиѳскихъ владыкъ.

Къ сожалѣнію, говорится въ докладѣ предсѣдателя нашей археологической комиссіи, Гр. С. Г. Строганова, главная гробница или собственно царская гробница найдена уже совсѣмъ въ опустошенномъ видѣ.

Въ подземномъ корридорѣ, который далъ возможность ворамъ проникнуть во внутренность гробницъ, найдены нѣкоторыя весьма замѣчательныя похоронныя принадлежности; по нимъ можно судить, какія цѣнныя сокровища расхищены изъ этихъ гробницъ. Съ четырехъ сторонъ царской гробницы расположены четыре усыпальницы, ускользнувшія отъ вниманія похитителей. Въ одномъ изъ этихъ покоевъ найдены были мужской и женскій скелеты. Женскій скелетъ былъ положенъ въ деревянный саркофагъ пестро-расписанный, какъ можно судить по уцѣлѣвшимъ остаткамъ красокъ. Близь скелета лежали повидимому шейныя, ручныя и головныя украшенія, клочья богатой одежды и бронзовое зеркало. На мужскомъ скелетѣ было только одно украшеніе—бронзовые браслеты; близь него лежалъ колчанъ стрѣлъ и ножъ съ костяною ручкою. Около этихъ двухъ скелетовъ найдена эта серебряная ваза.

Ваза имѣетъ въ вышину около ¾ аршина и около 9 вершковъ ширины. Она вся изъ серебра; основаніе, наружная поверхность и всѣ украшенія вызолочены. Она имѣетъ видъ греческой амфоры и предназначена, конечно, для напитковъ. Горлышко вазы и три отверстія въ основаніи ея закрываются мелкими ситечками; древніе охлаждали вино, забивая эти отверстія снѣгомъ. Прямо внизу видна художественно сдѣланная голова крылатаго коня, окруженнаго ореоломъ лучей; ниже ея расположены львиныя головы. Вся ваза украшена изящнымъ рисункомъ пальмовыхъ вѣтвей, цвѣтовъ и листьевъ, перемѣшанныхъ съ птицами; у самаго горлышка вазы двѣ прекрасныя группы, изображающія ланей, растерзываемыхъ грифонами.

Только легкій фризъ обходитъ вазу кругомъ надъ группами животныхъ и лиственными украшеніями. Каждая подробность, каждая фигура выдѣланы чрезвычайно тщательно и густо вызолочены. Работа замѣчательна въ высшей степени.

Къ высокому интересу, который представляетъ такой рѣдкій предметъ, и замѣчательная отдѣлка, показывающая блестящій талантъ художника, произведшаго такую вещь въ IV-мъ вѣкѣ до Рождества Христова — присоединяется еще интересъ видѣть, какіе предметы употребляли древніе скиѳы, входившіе въ сношеніе съ аѳинянами и пріобрѣтавшіе отъ нихъ предметы роскоши. Удивительно въ какой степени мало скиѳы того времени отличались въ одеждѣ напримѣръ отъ нашего теперешняго простонародія: тотъ же типъ, та же манера носить волосы въ кружокъ; тотъ же костюмъ—родъ поддевки, опоясанной кушакомъ и шаравары засунутые въ высокіе сапоги.

На вазѣ есть еще одинъ весьма интересный рисунокъ. Нѣсколько лицъ (числомъ восемь) заняты дрессировкою дикихъ степныхъ лошадей; два коня распустивъ хвостъ и гриву, несутся на свободѣ; двухъ другихъ преслѣдуютъ, закидывая на нихъ петлю; на шею трехъ остальныхъ уже накинуты петли и они бьются, падая на землю; одинъ конь уже укрощенъ. Не трудно по всей группѣ догадаться, что это именно то, что дѣлается теперь въ нашихъ степныхъ табунахъ.

Политическое обозрѣніе.

Руссько-Турецкій трактатъ. Албанская лига. Выборъ князя Болгаріи. Еще объ эмирѣ.

Когда мы сообщаемъ о переговорахъ, происходящихъ между Портой, съ одной стороны и Россіей, Черногоріей и Греціей, съ другой,—то, каждый разъ, принуждены, до сихъ поръ, по-

вторятъ одно и то же: ожидается, на дняхъ, окончательное соглашеніе и подписаніе трактата. Такъ и теперь, въ депешахъ Международнаго Агентства мы читаемъ извѣстіе изъ Константинополя, отъ 29-го декабря (10-го января), согласно которому: „Подписаніе окончательнаго турецко-русскаго мирнаго договора слѣдуетъ ожидать не позже, какъ въ теченіи будущей недѣли“, затѣмъ, далѣе, другая депеша отъ 30-го декабря (11-го января) передаетъ: „Между комисаромъ представителемъ Черногоріи заключено соглашеніе на счетъ очищенія занятыхъ территорій“. Будемъ вѣрить сообщеніямъ этимъ—впредь до дальнѣйшихъ свѣдѣній. Впрочемъ—„подписаніе“ договора и выполненіе его—далеко не одно и тоже. Если, положимъ, даже, соглашеніе между Турціей и Черногоріей и составляетъ совершившійся фактъ, то что же предпримутъ правительства обѣихъ сторонъ въ виду извѣстія слѣдующаго рода, сообщеннаго изъ Рагузы, отъ 29-го декабря: именитые жители Албаніи, сказано въ этой депешѣ, заявили губернатору Скутари, что они будутъ, съ оружіемъ въ рукахъ противиться передачѣ Подгорицы Черногоріи? Мы уже высказывали нѣкоторыя предположенія относительно того, что „албанское сопротивленіе“, подобно родонскому „возстанію“, могло бы быть однимъ изъ британо-турецкихъ пріемовъ къ которому Джемскій кабинетъ и Порта прибѣгли для того, чтобы воспрепятствовать выполненію Берлинскаго трактата. Недавно, въ одной изъ корреспонденцій изъ Албаніи, мы нашли подтвержденіе нашей мысли. Какъ „албанская лига“ ни относилась свирѣпо къ австрійской оккупаціи вообще, и къ занятію австро-венгерскими войсками Новаго-Базара, въ особенности—теперь, когда Порта, судя по всѣмъ свѣдѣніямъ, согласилась на это занятіе—„лига“, то же „положила гнѣвъ на милость“. Вотъ что пишутъ, изъ Новаго-Базара, въ „Политическую Корреспонденцію“: предводители лиги Абдулъ-Эфенди и Мудинъ-Эфенди созвали въ Новомъ-Базарѣ сходку для обсужденія положенія, которое должны занять албанцы въ случаѣ вступленія австрійскихъ войскъ въ Новобазарскій округъ. Главнымъ ораторомъ этой сходки былъ Курацъ-ходжа, *извѣстный фанатикъ и агитаторъ, который, тѣмъ не менѣе, не сказалъ ни одного слова въ пользу сопротивленія.* Совѣщаніе продолжалось нѣсколько часовъ и окончилось принятіемъ слѣдующихъ резолюцій: 1) собраніе постановляетъ не препятствовать переходу цесарскихъ войскъ чрезъ границу санджака, 2) населенію округа должно быть объявлено, что оно можетъ, по прежнему, свободно продолжать торговыя и другія сношенія съ жителями Босніи 3) Приштинскій вали Назифъ-Паша долженъ быть извѣщенъ о томъ, что албанцы не имѣютъ никакого повода противиться Европѣ и что, поэтому, *оно не стали бы участвовать въ защитѣ округа*: если бы Порта рѣшилась на такую защиту (въ этой оговоркѣ можно видѣть необходимость показать Европѣ, своего рода, „независимость“ лиги). 4) обо всѣхъ этихъ рѣшеніяхъ должно быть сообщено главнокомандующему австро-венгерскими войсками.

Мы только что упомянули о родонскомъ возстаніи. Возвращаемся, кстати, къ нему, чтобы передать здѣсь нѣсколько словъ, взятыхъ нами изъ „Journal de St. Peterbourg“, по этому предмету. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ эта газета: „По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, заслуживающимъ вѣры, *въ Родонѣ открытъ источникъ подложныхъ просьбъ, съ которыми обращались къ европейской комисіи* по родонскимъ дѣламъ и въ которыхъ изложены *жалобы на дѣйствія русской арміи.* Одинъ изъ поддѣлывателей, представившихъ болѣе ста подобныхъ просьбъ, *оказывается турецкій чиновникъ.*

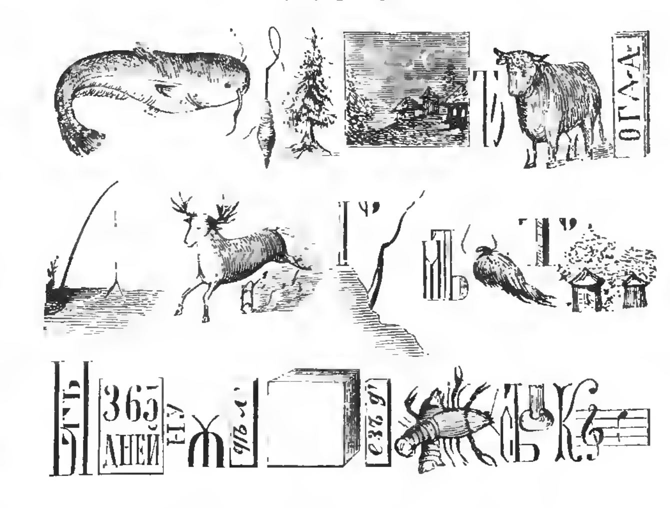
Финансовая комисія получила отъ Порты часть бюджетной смѣты, въ которой обыкновенные расходы показаны въ размѣры 20-ти милліоновъ турецкихъ ливровъ. Въ скоромъ времени, будетъ передана смѣта чрезвычайныхъ расходовъ. Въ Портѣ вновь преобладаетъ мнѣніе, что невозможно будетъ совершить заемъ безъ помощи Британіи, такъ какъ необходимо, чтобы британское правительство или гарантировало его, или настояло на томъ, чтобы управленіе турецкими финансами и контроль находились съ рукахъ европейцевъ.

Газетѣ „Times“ сообщаютъ изъ Вѣны, что такъ какъ приближается время *избранія болгарскаго князя*, то увеличивается число кандидатуръ на это званіе. Въ настоящее время называютъ имя князя Алеко-Вагоридеса, въ пользу котораго агитируютъ, какъ говорятъ, магометане и греки. Хотя князь Вагоридесъ и принадлежитъ къ одной изъ греческихъ фамилій фонара, тѣмъ не менѣе онъ претендуетъ на болгарское происхожденіе и когда впервые говорили о Болгаріи, какъ объ автономномъ и полунезависимомъ государствѣ, Вагоридесъ былъ выставленъ однимъ изъ кандидатовъ. Такъ какъ онъ въ родствѣ со всѣми главными греческими семействами, находящимися на турецкой службѣ и такъ какъ онъ самъ занималъ различные высокіе посты, изъ которыхъ послѣднимъ былъ постъ посланника въ Вѣнѣ, то не было бы ничего удивительнаго, еслибы со стороны Порты и константинопольскихъ грековъ сдѣлана была попытка выставить князя Вагоридеса контркандидатомъ противъ тѣхъ, кто считается русскими кандидатами. „Times“ полагаетъ, при этомъ, что хотя Порта и могла бы имѣть вліяніе на подачу голосовъ со стороны магометамъ въ болгарскомъ собраніи и хотя греческое вліяніе могло бы проявиться на берегу Чернаго моря, въ Варнѣ и въ нѣкоторыхъ придунайскихъ городахъ,—однако, болгарское собраніе, будто бы, находится подъ исключительнымъ русскимъ вліяніемъ и изберетъ того, кого желаетъ Россія. Собраніе, какъ сообщаетъ „Times“, выбрано не прямою подачею голосовъ населеніемъ, а посредствомъ второстепенныхъ выборовъ. Говорятъ, прибавляетъ газета, будто принцъ Баттенбергъ — кандидатъ, выставленный въ настоящее время Россіей, но нѣкоторые утверждаютъ, что есть другой кандидатъ, имѣющійся въ запасѣ. Первымъ дѣломъ собранія будетъ утвержденіе „устава“ для Болгаріи. По словамъ „Times“, проектъ устава, составленный княземъ Дундуковымъ-Корсаковымъ, одобренъ въ Петербургѣ. Говорятъ, что этотъ уставъ — копія съ сербскаго статута, но, въ этомъ можно сомнѣваться уже потому, что этотъ послѣдній очень близко подходитъ къ всеобщей подачѣ голосовъ и къ прямымъ выборамъ, а это было бы въ полномъ противорѣчіи съ принципомъ, принятымъ для нынѣшняго болгарскаго собранія. „Агентству Рейтера“ телеграфируютъ, отъ 30-го декабря, изъ Софіи: число членовъ болгарскаго собранія, которое созывается, на 18-е января, въ Тырновъ, будетъ—290. Экзархъ болгарскій, какъ слышно, будетъ присутствовать только въ качествѣ епископа Ловчинскаго, сохраняя свое званіе экзарха всѣхъ болгаръ. Турецкій муфтій будетъ также членомъ собранія ex officio.

Увидимъ—что будетъ предпринято лордомъ Биконсфильдомъ по поводу собранія болгарскаго князя, если, конечно, заранѣе не послѣдовало съ нимъ соглашенія объ этомъ.

На ряду съ обнародываемыми изъ британскаго лагеря извѣстіями о побѣдахъ британскаго оружія въ Авганистанѣ, появляются и такого рода депеши—даже оффиціальныя: „Вслѣдствіе слуховъ объ опасности со стороны племени мангалдовъ, *генералъ Робертсъ намѣренъ возвратиться* въ направленіи къ Хуруму и сосредоточить далеко разбросанныя войска“. Изъ Калькутты же сообщаютъ, что *племя мавуавизирисовъ произвело вторженіе въ британскую территорію* и сожгло мѣстечко Танкъ, послѣ чего удалилось въ горы. Для преслѣдованія ихъ посланъ отрядъ кавалеріи, успѣвшій отрѣзать часть племени. Въ Дерэ-Измаилъ-Ханъ отправлены подкрѣпленія, *чтобы предупредить новое вторженіе*, котораго можно опасаться, въ виду усилій муллъ изъ Кабула возбудить окрестное населеніе.

РЕБУСЪ.

Рѣшеніе ребуса помѣщеннаго въ „Нивѣ“ № 1.

Нестора считаютъ первымъ лѣтописцемъ русской исторіи.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

А. Ск—цову. Ваши стихи, по часто странные.

Плыву я въ ладьѣ одиноко...
Друзья мои въ небѣ высоко
Блистаютъ надъ моей головой.

Очень оригинальные у васъ друзья.

...Страдальцу непонятно
Отзвучье этихъ струнъ,
Въ груди его зарокоталъ невнятно
Мученія перунъ...

Образъ новый и поэтическій...

Спб. Лерм—у.

Погляжу я въ зеркало
На лице свое—
Эхъ какъ исковеркало
Времячко его!

или

Наступаетъ новый годъ
Сердце такъ и бьется—
Какъ то денежный разсчетъ
Кончить мнѣ придется?

Все это конечно очень жаль. Но ваши стихотворенія, относящіяся или къ денежнымъ вашимъ затрудненіямъ или къ сожалѣніямъ объ утраченной вами красотѣ лица—мы думаемъ другихъ мало заинтересуютъ.

А. Т. Спб. Изм. полкъ. Ваши сообщенія, что вамъ

Минуло четверть вѣка—
То голова, то грудь болитъ...

не имѣютъ общаго интереса. Ребусы не будутъ помѣщены.

1-й заемъ 1864 года 28-й тиражъ 2-го января 1879 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
42	13	500	5670	15	500	10272	45	500	15595	35	500
133	46	500	5686	28	1000	10314	20	500	15617	47	500
176	18	1000	5689	45	500	10393	47	75000	15659	8	500
245	43	500	5752	50	5000	10439	18	500	15662	10	500
306	5	1000	5589	47	500	10572	5	500	15702	20	25000
330	49	5000	5792	5	500	10600	42	500	15756	8	500
420	8	500	5856	33	500	10701	49	500	15899	27	500
509	5	500	5932	39	500	10872	38	500	15946	31	500
575	50	500	5972	46	500	10967	15	500	16054	14	500
596	12	500	6169	27	500	10969	45	500	16068	49	500
921	8	500	6269	35	1000	10971	6	5000	16165	47	500
953	21	500	6406	12	1000	11026	47	500	16181	27	500
986	12	500	6425	40	500	11102	22	500	16234	38	500
1004	36	500	6477	50	500	11213	44	500	16254	32	500
1016	8	500	6478	35	500	11264	28	500	16258	21	500
1061	1	500	6614	48	500	11286	37	500	16260	15	8000
1332	11	500	6640	22	500	11403	49	500	16280	13	500
1417	12	500	6703	49	500	11434	17	500	16288	22	500
1742	4	500	6836	30	500	11501	44	500	16301	19	500
1749	28	500	6908	2	500	11502	11	500	16384	42	1000
1822	24	5000	6966	17	500	11615	4	500	16467	2	500
1850	41	1000	6966	49	500	11621	18	500	16630	30	500
1917	1	500	6993	13	500	11709	9	500	16643	33	500
1938	14	500	7072	16	500	11749	7	500	16651	7	500
1967	18	500	7174	23	500	11739	7	500	16709	49	500
2017	9	500	7179	7	500	11784	43	500	16756	45	500
2108	23	500	7194	20	40000	11817	44	500	16928	9	500
2148	35	500	7195	18	1000	11849	48	500	19991	50	500
2235	31	500	7213	44	500	12057	45	500	17023	47	500
2253	4	500	7303	42	500	12202	22	500	17137	7	500
2491	4	500	7306	32	500	12553	1	500	17437	2	500
2497	13	500	7353	6	500	12596	16	500	17557	3	500
2506	44	500	7493	1	500	12650	3	500	17585	4	500
2549	43	500	7527	4	500	12688	35	500	17599	11	500
2558	42	500	7629	18	1000	12741	32	500	17726	31	500
2648	39	1000	7636	35	500	12752	44	1000	17734	8	500
2743	7	500	7719	26	500	12789	9	500	17751	13	500
2752	14	8000	7721	39	500	12804	31	500	17780	39	500
2778	9	1000	7750	14	1000	12925	16	500	17796	7	500
2779	37	500	8020	17	500	12935	38	500	17806	12	500
2794	23	500	8055	14	500	13009	49	500	17949	3	500
2822	21	500	8086	7	500	13081	8	500	17988	37	500
2885	23	500	8086	37	500	13225	13	500	17993	46	500
2936	18	500	8148	41	1000	13268	2	500	18019	3	500
3120	18	5000	8214	10	500	13279	7	500	18035	31	500
3237	19	500	8245	23	500	13284	12	500	18058	16	500
3252	32	500	8405	14	500	13420	17	500	18105	12	500
3265	11	500	8496	27	500	13482	20	500	18302	20	500
3295	13	500	8503	5	500	13512	10	500	18323	12	500
3353	10	1000	8520	48	500	13552	17	500	18425	12	500
3384	10	1000	8585	46	500	13577	32	10000	18463	20	500
3412	31	500	8613	27	500	13585	31	500	18527	48	500
3439	12	500	8728	5	500	13783	12	500	18574	11	500
3448	42	500	8826	41	500	13783	35	500	18666	21	1000
3686	9	500	8926	27	200000	13752	42	500	18778	44	500
3732	42	500	8964	30	500	13759	38	500	18881	19	500
3767	5	500	8993	33	500	13788	19	500	18921	24	500
3836	25	500	9092	1	500	13907	11	500	19041	13	500
4083	13	5000	9120	30	500	14101	38	500	19080	16	500
4357	4	500	9163	36	500	14122	9	1000	19118	4	500
4364	46	1000	9423	19	500	14122	46	500	19136	41	500
4484	19	500	9478	19	500	14210	39	500	19160	44	8000
4498	34	500	9377	2	1000	14504	44	500	19235	37	500
4586	24	500	9411	41	500	14634	15	500	19267	5	500
4619	14	500	9503	8	500	14661	42	500	19270	30	500
4657	43	500	9599	40	1000	14668	36	500	19295	29	500
4793	13	500	9724	40	500	14911	15	500	19368	19	500
4963	13	500	9804	47	500	15083	21	5000	19501	7	500
5137	45	5000	9928	49	500	15157	23	500	10540	27	500
5138	47	500	10057	46	8000	15199	17	500	19574	39	500
5362	10	500	10098	39	500	15263	22	500	19707	45	500
5363	48	500	10130	30	500	15420	38	500	19727	22	8000
5415	46	500	10160	47	500	15485	31	500	19905	30	500
5494	47	500	10217	32	500	15492	44	500	19929	9	500
5632	26	5000	10227	48	500	15558	14	500	19954	44	500

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

118, 246, 825, 2022, 2184, 2647, 2960, 3073, 3154, 3155, 3587, 3704, 3833, 5966, 4377, 4509, 4559, 5150, 5824, 5828, 5995, 6129, 6,749, 6831, 7334, 7599, 7869, 8369, 8500, 9344, 9632. 9950, 10174, 10251, 10814, 11382, 12034, 12154, 12192, 12287, 12367, 13006, 13083, 13552, 14320, 14401, 14514, 14524, 15114, 15398, 15803, 15935, 16025, 16341, 16802, 16962, 17015, 17471, 18273, 18477, 19042, 19506.

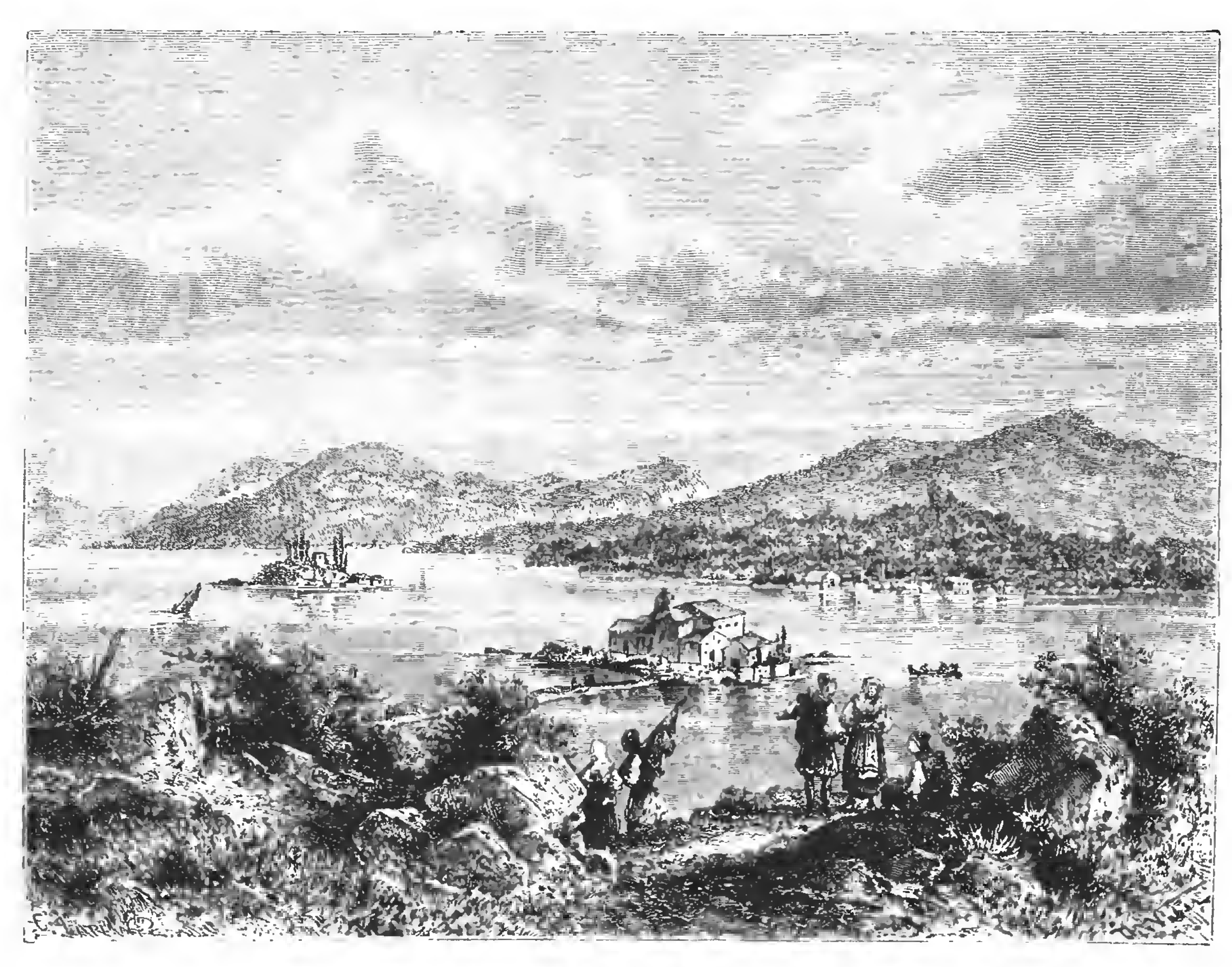
Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Ф. БЕРГЪ.**

Дозволено цензурою СПБ. 11 Января 1879 г. Тип. Беллинга Англ. пр. № 10

№ 4 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.) Выданъ 22 Января 1879 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ персе. 20 к.

Проливъ Корфу. Рис. Т. Веберъ, грав. Лаплантъ.

Кто такой?

(Картинка съ натуры).

Въ концѣ Августа, около девяти часовъ вечера, когда жители села Гурьева, приготовлялись ко сну, сельскій староста вдругъ услыхалъ тревожный говоръ на улицѣ и выглянулъ въ окно. Спустя минуту къ нему подбѣжала баба и объявила:

— Знаешь, что я тебѣ скажу, Парамонъ Степанычъ? Сейчасъ на барскомъ гумнѣ турку поймали.

— Вотъ тебѣ на! Какимъ манеромъ?

— Да идемъ это мы, стало быть, съ работы... у инарала пшеницу молотили... а онъ—нехристь, сидитъ у житнаго двора: чорный такой, глазищи страшные... азіятскіе... и домовой его знаетъ, зачѣмъ онъ зашелъ туда...

— Это онъ, должно быть, далъ тягу изъ города: потому ихъ возили съ войны—все туда... Гдѣ же онъ теперь?

— Въ волостномъ правленіи. Инаральскіе работники повели его въ чижовку...

— Та-акъ! А не видать при немъ орудія... ружья...

— Нѣтъ, не видать этого. Къ примѣру, за плечами у него виситъ небольшая сумка; можетъ быть, въ ней что нибудь спрятано. Ты бы, Парамонъ Степанычъ, съѣздилъ къ старшинѣ, заявилъ: молъ, такъ и такъ... потому бусурманъ-отъ не съ добромъ приходилъ, а надо полагать, хотѣлъ поджигать одонья...

— Обыкновенно не съ добромъ, отыскивая свой кафтанъ и шапку, замѣтилъ староста и обратился къ своимъ домочадцамъ, стоявшимъ въ кучѣ, среди избы: смотрите, осторожнѣй, какъ не можно, будьте... Окна закройте, двери заприте и огонь потушите,.. Вихорь ихъ знаетъ?.. Какъ бы не набѣжали еще... онъ, навѣрное, не одинъ ушелъ изъ города.

Было уже совсѣмъ темно, когда староста подошелъ къ волостному правленію, на крыльцѣ котораго, охраняемый караульными, сидѣлъ пойманный незнакомецъ. Въ толпѣ народа, сбѣжавшагося смотрѣть турку, происходилъ такого рода разговоръ:

— У этихъ, значитъ, турокъ вотъ какое положеніе: по капиталу, стало быть... у кого какой капиталъ, у того столько и женъ...

— У нихъ ежели таперича жена супротивничаетъ, либо вздумаетъ бѣжать къ другому, сейчасъ голову долой! Они братецъ ты мой, страсть тверды насчетъ баловства...

— Что у васъ тутъ такое случилось? протискиваясь сквозь толпу, спросилъ староста.

— Да вотъ, Парамонъ Степанычъ, гостечка поймали... Чей такой, откуда—не сказываетъ... молчитъ, ровно бы пень... Образиной похожъ на турку.

— Вы бы его проклятаго обыскали перва на-перво— а то, чего добраго, выхватитъ ножъ да и пойдетъ пырять кого попало. А ты и гляди на него..

— Долго ли до грѣха, послышались голоса.

— Что же, вы докладывали инаральскому управителю-то?

— Какъ-же... мы въ тужъ минуту ему сказывали, какъ поймали.

— Онъ послалъ верховаго за старшиной, а турку велѣлъ покелева посадить въ чижовку... Не замай, говоритъ, понюхаетъ русскаго духу. Мы и привели его, дружка милаго, сюда. Да вотъ ждемъ писаря, у него ключъ отъ волостной...

— Ну-ко, посвѣтите, какой онъ такой? Нѣтъ ли у кого спички? сказалъ староста.

Кто-то зажегъ спичку, но она погасла. Другой не оказалось. Староста взошелъ на крыльцо и обратился къ пойманному, ставъ отъ него на почтительномъ разстояніи:

— Вы что же, почтенный, сами откуда будете? Турокъ не издавалъ ни звука.

— Парамонъ Степанычъ. Что ты его спрашиваешь? Онъ ничего не понимаетъ... Давеча Федосей заговорилъ съ нимъ по турецки, и то все молчитъ...

— Ну-ко, Федосей, спроси у него что нибудь.

При всеобщемъ хохотѣ изъ толпы выдвинулся высокій мужикъ и, дернувъ турка за сапогъ, проговорилъ:

— Халды балды... курмы дарбы!..

Раздался оглушительный смѣхъ народа.

— А вы вотъ что, ребята, заговорилъ тотъ-же Федосей: шутки-то въ сторону... Вишь, онъ и потурецки ничего не понимаетъ: ужъ не бродяга ли?

— Чего добраго, малый! Должно, притворяется. Парамонъ Степанычъ, потребуй-ко у него пачпортъ... оно складнѣй будетъ... Нонѣ тоже розыскиваютъ права... Ты не гляди, что онъ смахиваетъ на турку: не промышляетъ ли онъ насчетъ чужихъ лошадей? Вонъ въ Грачевкѣ на дняхъ обули мерина въ лапти да и увели.

— Охъ, и не говори лучше! отъ этихъ, братецъ мой, лошеводовъ, просто житья нѣтъ! Въ деревнѣ Селезняхъ, подо Мценскомъ, на самую Миколу, городскіе мѣщане чужаго барана пропили. Взяли, нарядили его мужикомъ, надѣли шапку, все—какъ слѣдствуетъ, да и повели. среди бѣла дня, на заднихъ погахъ въ кабакъ, а сами уговариваютъ его, чтобы онъ не упирался... дескать, не пригоже...

— Постой, ребята! Вонъ Захаръ Мосеичъ идетъ... онъ разберетъ всѣ дѣла.

Народъ разступился чтобы дать дорогу писарю. Вскорѣ незнакомца со связанными руками привели въ волостное правленіе. Это былъ атлетическаго тѣлосложенія мужчина, лѣтъ 35, съ загорѣлымъ лицемъ, обрамленнымъ широкой, черной бородой, съ ястребинымъ носомъ и карими смѣющимися глазами. На головѣ у него былъ смятый, порыжѣвшій цилиндръ, изъ подъ котораго падали на лобъ длинныя пряди волосъ. За спиной на ремняхъ висѣла кожаная сумка.

Держа въ рукѣ свѣчку, писарь съ крайнимъ изумленіемъ разсматривалъ пойманнаго и, видимо, терялся въ догадкахъ относительно его званія и рода занятій. Тѣмъ не менѣе смятый цилиндръ незнакомца, его затасканный пиджакъ, узенькія брюки съ лампасами, цвѣтная рубашка съ перламутровыми запонками и охотничьи сапоги вполнѣ убѣдили писаря, что это былъ не турокъ, такъ что онъ обратился къ мужикамъ съ строгимъ выговоромъ:

— Что же это вы съ ума сошли? Кричите на все село, что турку поймали. Нешто такіе турки-то бываютъ? Развѣ вы ослѣпли?

— Мы, Захаръ Мосеичъ, сумлявались насчетъ поличья, оправдывались мужики: словно-бы поличье у него бусурманское; опять же насчетъ одѣянія: гляди, какая на немъ шляпа-то? а камзолъ-то? Только отъ долговъ... бѣгать.

Волостное правленіе огласилось веселымъ смѣхомъ.

— Вся причина, ничего съ нами не гутаритъ...

— Между прочимъ, позвольте узнать, вы кто такіе? отнесся писарь къ незнакомцу.

Наступило торжественное молчаніе. Крестьяне съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли на пойманнаго, ожидая, что наконецъ онъ разрѣшитъ ихъ сомнѣнія; но загадочный незнакомецъ не отвѣчалъ ни слова; только по лицу его скользила легкая, едва замѣтная усмѣшка.

— Въ такомъ разѣ, продолжалъ писарь, позвольте вашъ пачпортъ... потому намъ велѣно удостовѣряться касательно подозрительныхъ личностей... съ насъ весьма строго взыскиваютъ...

Незнакомецъ молчалъ.

— Послушайте, милостивый государь! Что жъ вы не отвѣчаете?

— Ужъ онъ не нѣмой ли? Замѣтилъ кто-то...

— Нѣмой или нѣтъ, подхватилъ писарь, а если не предъявляетъ своего пачпорта, то мы обязаны задержать... у насъ есть на то инструкція...

— Вѣстимо дѣло, что на него глядѣть? раздались голоса: коли не сказываетъ кто такой, надо посадить въ кутузку! Что жъ съ нимъ прохлаждаться... а завтра отправить въ городъ.

— Староста! бери у нихъ сумку! скомандовалъ писарь.

Староста нерѣшительно приблизился къ пойманному и, глядя на писаря, вполголоса проговорилъ:

— Какъ-бы, Захаръ Мосеичъ, опосля не сталъ на насъ жаловаться? Скажетъ: обобрали...

— Обираютъ на большой дорогѣ, воскликнулъ писарь, а здѣсь присутственное мѣсто... а еще начальникъ! Не знаешь порядковъ!

— Я это такъ, къ слову сказалъ, произнесъ староста, снимая съ незнакомца сумку.

— Эй! Сторожъ! Посмотри, нѣтъ ли чего въ карманахъ...

— Вотъ спички! объявилъ сторожъ.

— Давай сюда! мы и спички къ дѣлу приложимъ: почему что со спичками ходить по барскому гумну воспрещено. Ихъ превосходительство объ этомъ неоднократно заявляли.

— А вотъ иголки!

— Давай и ихъ сюда! Иголками тоже нельзя шутить по нонѣшнему времени. Нешто вы не знаете, что дѣлаютъ съ иголками лошеводы? Они закатываютъ ихъ въ хлѣбъ и бросаютъ собакамъ, а послѣ принимаются за лошадей... Ну, все что ль?

— Кажись, все, отвѣчалъ сторожъ.

— Ну-ко, мусью, указывая на дверь въ тесовой перегородкѣ, сказалъ писарь: позвольте васъ попросить вотъ сюда. Завтрашній день волостной судъ допытается, кто вы такіе. Сторожъ! Посвѣти имъ! Адью! Заключилъ писарь, кивая головою пойманному, который направился въ тѣсную, мрачную комнату, безъ оконъ и безъ мебели, слывшую подъ названіемъ „чижовки.“

— Обнаковенно, шатущій человѣкъ, коли нѣтъ пачпорта, разсуждали мужики, выходя изъ волостнаго правленія: пускай его посидитъ въ кутузкѣ, пообдумается... Не шатайся безъ дѣла! Нонѣ вездѣ можно хлѣбъ заработать, а не ежели займаться пустыми дѣлами...

— И оказія, братецъ ты мой, какъ это мы проштрафились! назвали его туркой... писарь-то вонъ что говоритъ!..

— Что жъ онъ говоритъ? Онъ самъ не угадалъ, кто такой... Можетъ, это агличанъ или французъ... а то, и въ правду, бродяга...

— Вотъ завтра все узнаемъ.

На другой день, часовъ въ восемь утра, въ волостномъ правленіи открылось судебное засѣданіе. За столомъ сидѣли: старшина съ цѣпью на груди, писарь, управляющій имѣніемъ генерала Аносова и мелкопомѣстный Гурьевскій помѣщикъ Сверчковъ; у оконъ, на скамьѣ помѣщались трое крестьянъ „старичковъ“ приглашенныхъ старшиною въ качествѣ судей. На столѣ разложены были вещи пойманнаго: опорожненная сумка, иголки, спички, складное зеркало, портсигаръ, нѣсколько запечатанныхъ пакетовъ безъ адреса, исключая одного, на которомъ было написано: „его превосходительству, генералу отъ инфантеріи, Егору Герасимовичу Аносову“ и до двадцати экземпляровъ „краткой всеобщей исторіи—Замышляева, руководство для низшихъ учебныхъ заведеній.“

— Прикажете выводить? сказалъ старшина генеральскому управляющему.

— Нѣтъ, погодите! дѣлая жестъ рукой, отвѣчалъ послѣдній: намъ съ Николаемъ Петровичемъ нужно сговориться насчетъ вопросныхъ пунктовъ. Значитъ, вы спросите его пофранцузски? обратился управляющій къ Сверчкову.

— Вѣдь я только и знаю парлэ, мерси и бонъ-журъ, замѣтилъ Сверчковъ.

— Что за важность! По крайней мѣрѣ можно будетъ узнать, кто онъ такой... Я самъ знаю только двѣ, три фразы поанглійски: спикъ ю рёшанъ, исъ ю инглишъ, больше ничего... Пожалуй еще—ифъ ю плизъ... Знаете ли что, Николай Петровичъ? Мнѣ сдается, что онъ шпіонъ...

— А мнѣ кажется, подхватилъ Сверчковъ, что онъ ни больше, ни меньше, какъ пропагандистъ... Вы знаете, что теперь пишутъ въ газетахъ-то?..

— Согласенъ! съ дипломатическимъ глубокомысліемъ произнесъ управляющій: почему вы однако такъ думаете?

— Да книги, Савелій Вуколычъ... книги... эти, наконецъ, пакеты...

— Понимаю! именно, книги... Но вѣдь въ нихъ, кажется, ничего предосудительнаго нѣтъ... Это „краткая всеобщая исторія.“

— Да! краткая всеобщая исторія!.. А прочтите-ко!..

— Понимаю, понимаю... Ну-те ко, господинъ старшина, прикажите этого господина ввести сюда! откидываясь на спинку стула, заключилъ управляющій.

— Позвольте, Савелій Вуколычъ! возразилъ вдругъ старшина: вы сумляваетесь насчетъ книгъ... это доподлинно: надыть все развѣдать, какъ бы опосля не пришлось отвѣчать...

— Вотъ въ томъ то и дѣло! въ одинъ голосъ замѣтили управляющій и Сверчковъ.

— Такъ нѣ перва-на-перво надыть потолковать съ судьями, а то у насъ выйдетъ борона!.. сами, чай, знаете...

Старшина крякнулъ, положилъ обѣ руки на столъ и обратился къ „старичкамъ:“

— Вотъ что, господа судьи: вчерашняго числа, стало быть, поймали неизвѣстнаго человѣка... Онъ ходитъ съ книжками... Вотъ какое дѣло!..

— Это, къ примѣру, въ родѣ грека! перебилъ одинъ изъ старичковъ: когда Севастополь разбивали, тоже греки ходили съ книжками...

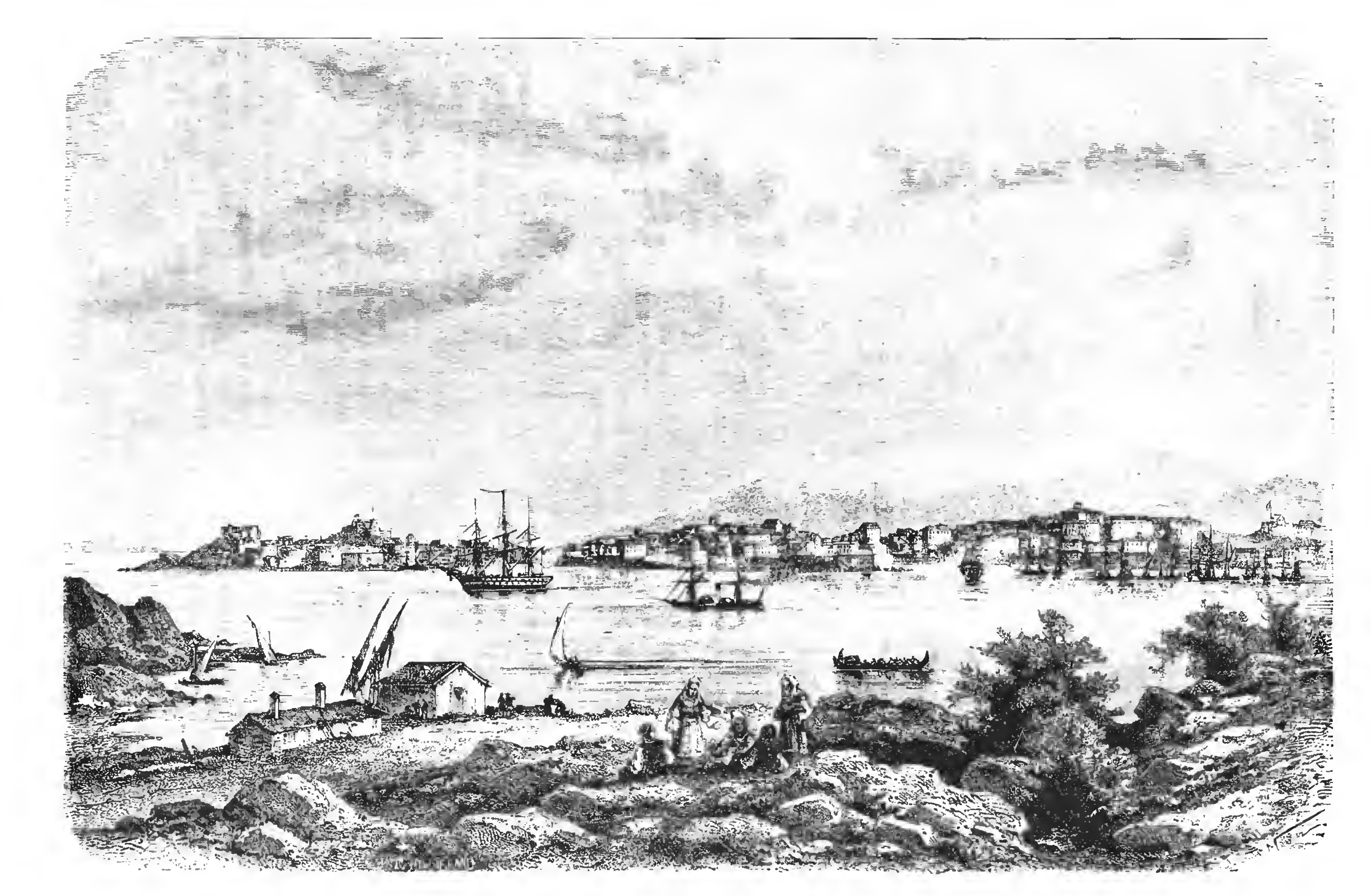
— Намъ ничего покелева неизвѣстно, продолжалъ старшина: грекъ ли это, французъ ли, русскій ли... Вся причина, у него книги... вотъ какая статья... Теперече вамъ надо рѣшить: какія такія книги?

— Это точно, Фетисъ Игнатычъ, проговорилъ другой старичекъ: тогда, какъ это Севастополь бунтовала, одинъ грекъ, али армянинъ продавалъ у насъ на селѣ книжки да и зашелъ переночевать къ Андрюхѣ Косорылому. Андрюха, братецъ ты мой, зналъ грамотѣ, разговорился съ грекомъ, али, будемъ говорить, съ армяниномъ, насчетъ писанія. Только поутру грекъ пошелъ, а Косорылый взялъ да и priталъ одну книгу. Что-жъ ты думаешь? Книга-то оказалась дорогая. Вокругъ Михайлова дня, какъ пришло время платить подати, онъ и продалъ ее купцу за пять цалковыхъ...

— Должно, божественная, замѣтилъ третій судья.

— Я не объ томъ говорю! воскликнулъ старшина, поправляя на себѣ цѣпь: бываютъ книжки настоящія, а то фальшивыя, у которыхъ, примѣрно, рука начальническая не подписана... Теперь вотъ эти книжки; на нихъ написана „всеобчая исторія“, а какъ станешь читать, глядь—тамъ совсѣмъ другое...

— Когда такое дѣло, подхватилъ одинъ изъ судей:

Видъ города Корфу. Рис. Т Веберъ. грав. Лаплантъ.

Вечеръ въ богатомъ персидскомъ домѣ. Рис. К. Делоръ, (изъ альбома де-Меля), грав. Гильдебрандъ.

отправить его куда слѣдуетъ и шабашъ! Оно и безъ хлопотъ! А то поди тамъ отвѣчай за него...

— Про то я и говорю! Эй, сторожъ! введи-ко сюда этого господина, сказалъ старшина.

Въ передней комнатѣ загремѣлъ желѣзный засовъ и черезъ минуту въ залъ засѣданія вошелъ незнакомецъ съ взъерошенными волосами и опухшими глазами. Управляющій предложилъ старшинѣ начать допросъ.

— Вчера вечеромъ, заговорилъ послѣдній, наши крестьяне изловили васъ на гумнѣ ихъ превосходительства (старшина почему-то указалъ рукой на управляющаго). Когда, къ примѣру, васъ стали распрашивать, кто вы такіе, откудова и зачѣмъ зашли па гумно, вы ничего не отвѣчали... Волостной писарь потребовалъ у васъ пачпортъ, вы его приказанія не исполнили. Таперича, что вы скажете въ свое оправданіе?

— Мнѣ оправдываться не въ чемъ, вдругъ воскликнулъ незнакомецъ: напротивъ, я долженъ спросить васъ, на какомъ основаніи вы меня арестовали?

— Вотъ оказія-то, малый! качая головами дивились старички: онъ понашенски говоритъ... вотъ тебѣ и турка!..

— Позвольте, милостивый государь, спросить, отнеся управляющій къ подсудимому: за кого вы насъ принимаете? вы вчера взбаломутили все село! Не угодно-ли вамъ сейчасъ же предъявить вашъ пачпортъ,—не то я доложу его превосходительству, а онъ сообщитъ о васъ куда слѣдуетъ...

Незнакомецъ молча вынулъ изъ боковаго кармана своего пиджака паспортъ и подалъ его управляющему, который, просмотрѣвъ документъ, объявилъ:

— Тутъ сказано, что вы отставной приходскій учитель Замышляевъ, сынъ тамбовскаго канцелярскаго чиновника... Но вотъ вопросъ: можетъ быть вы взяли этотъ паспортъ у кого нибудь другаго? Развѣ мало теперь проживающихъ подъ чужимъ именемъ?..

— Въ такомъ случаѣ вамъ нужно будетъ снестись съ Тамбовской дирекціей училищъ, откуда мнѣ выдано это свидѣтельство.

— И снесемся, милостивый государь, д-да! А вы какъ бы думали? Между тѣмъ вы посидите въ чижовкѣ... на хлѣбѣ да на водѣ!.. Вы полагаете, что можно безнаказанно морочить? Нынче не тѣ времена!.. Вчера вы произвели, можно сказать, цѣлое возмущеніе въ нашемъ селѣ! Позвольте васъ прежде всего спросить: какимъ образомъ вы очутились на гумнѣ его превосходительства, да еще со спичками?

— Спички находились при мнѣ потому, что я курю, сказалъ учитель: а что касается вашего гумна, то я попалъ туда совершенно случайно: мнѣ показали черезъ него дорогу къ вашему генералу, котораго я желалъ видѣть...

— По какому это дѣлу вы шли къ генералу?

— Не угодно ли вамъ вскрыть вотъ этотъ пакетъ.

Управляющій распечаталъ пакетъ и во всеуслышаніе прочиталъ слѣдующее:

Ваше Превосходительство!

Податель сего, братъ покойнаго педагога, преподавателя классической гимназіи, коллежскаго совѣтника Замышляева, оставшись безъ должности, находится въ крайне стѣсненномъ положеніи и проситъ, въ лицѣ ученаго и собрата Особу Вашу оказать ему посильную Вашего превосходительства помощь. При чемъ имѣетъ честь повергнуть и труды.

Вашего Превосходительства почтительнѣйшій слуга
Замышляевъ.

— Ба! воскликнулъ Сверчковъ: не вы ли это вчера были въ моемъ домѣ?

— Да, я заходилъ къ одному здѣшнему помѣщику, но не засталъ его дома, отвѣчалъ учитель: его супруга меня приняла...

— Ну, такъ и есть! Теперь я понимаю все... Вчера, около восьми часовъ вечера, только что я возвратился домой изъ гостей, жена мнѣ и говоритъ: „приходилъ какой-то странникъ въ измятомъ цилиндрѣ и заношенномъ пиджакѣ“.

— Что-жь ты его не оставила переночевать? говорю: можетъ быть это какой-нибудь писатель или вообще образованный человѣкъ; а она мнѣ отвѣчаетъ: „Что у тебя, другъ мой, за манера — принимать въ домъ всякихъ шарлатановъ? Не то онъ писатель, а не то изъ бура болота“... Я, признаться, посердился на жену. У насъ, говорю, мой другъ, заведеніе такое: непремѣнно гнать человѣка въ три шеи. Только передъ ужиномъ горничная намъ объявляетъ, что въ генеральскомъ гумнѣ поймали турку... А сегодня думаю себѣ: дай пройду въ волостное правленіе—что тамъ такое?..

— Скажите пожалуйста, перебилъ управляющій, потрясая пакетомъ въ воздухѣ и обращаясь къ учителю: съ чего это вамъ пришла фантазія морочить нашихъ крестьянъ? почему вы на всѣ ихъ распросы ничего не отвѣчали.

— Дѣло, видите-ли, вотъ въ чемъ, съ усмѣшкой заговорилъ учитель: вчерашній день, проходя по гумну, я вдругъ услыхалъ позади себя разговоръ крестьянъ: „смотри, милый! Чей такой? а вѣдь это турка!“ Не было никакого сомнѣнія, что мужики называли туркой меня, у котораго не было ни чалмы, ни фески. Меня это очень заинтересовало и я рѣшился поддерживать заблужденіе мужиковъ. Они начали меня распрашивать, кто я такой. Я подумалъ: попробую не отвѣчать—что изъ этого выйдетъ? И вотъ, какъ изволите видѣть, вышла не особенно пріятная для меня исторія...

— Воля ваша! воскликнулъ управляющій: тутъ что нибудь да не такъ...

Наступило продолжительное молчаніе, во время котораго старшина, управляющій и Сверчковъ оживленно перешептывались между собою, искоса поглядывая на подсудимаго, который наконецъ объявилъ:

— Напрасно вы, господа, безпокоитесь... Право, напрасно!.. Что я дѣйствительно отставной приходскій учитель—это подтверждаетъ мой аттестатъ; относительно же настоящей моей профессіи или, такъ сказать, спеціальности, я могу вамъ сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія: съ тѣхъ поръ, какъ я лишился должности, я постоянно жилъ въ Петербургѣ, гдѣ скончался мой братъ, извѣстный педагогъ и гдѣ я, для поддержанія своего существованія, обращался съ просьбою о вспомоществованіи къ высокопоставленнымъ лицамъ, напримѣръ: къ княгинѣ Зарѣцкой, барону Кнопфу, графинѣ Прокуловой, строителю желѣзныхъ дорогъ Трегубову и многимъ другимъ. Не скажу, чтобы такой способъ пропитанія былъ не унизителенъ для меня, но что же дѣлать? Вы, можетъ быть, знаете, какъ трудно въ нашей Сѣверной Пальмирѣ получить какую нибудь должность человѣку безъ всякихъ протекцій?.. Нынѣшнимъ лѣтомъ я вздумалъ отправиться на свою родину, и кстати поискать себѣ мѣста хоть гдѣ нибудь на желѣзной дорогѣ. Мѣста я себѣ не нашелъ... А такъ какъ я въ настоящее время нахожусь въ крайне бѣдственномъ положеніи, то вы позволите мнѣ обратиться къ вашему генералу съ просьбою о вспомоществованіи?

— Генерала нѣтъ дома! онъ уѣхалъ въ Москву, сухо отвѣчалъ управляющій и обратился къ старшинѣ: теперь вы, Фетисъ Игнатычъ, можете безъ меня производить дознаніе... Вамъ уже извѣстны занятія этого господина; вамъ остается обратить должное вниманіе на книги... д-да!.. то есть, не заключается ли въ нихъ чего нибудь этакаго...

— Зловреднаго! подхватилъ Сверчковъ, вставая съ мѣста.

— Это, стало быть, какъ же? спросилъ старшина, съ

недоумѣніемъ глядя на управляющаго и Сверчкова: эти книжки надыть прочитать?

— Не худо было бы, глубокомысленно замѣтилъ управляющій,—тоже вставая: впрочемъ, это дѣло ваше... только смотрите, какъ бы за нихъ не пришлось отвѣчать.

— Да вѣдь ихъ, Савелій Вуколычъ, развѣ скоро прочитаешь? Ихъ, чай, въ два дня не одолѣешь...

— Это ужъ ваше дѣло! До свиданія!

Управляющій и Сверчковъ оставили волостное правленіе.

Старшина, пошептавъ съ писаремъ, обратился къ „старичкамъ“:

— Господа судьи! Какъ же мы порѣшимъ? Куда этого барина придѣлимъ? Вотъ у нихъ книжки, значить... А какія такія книжки, что въ нихъ написано—неизвѣстно! Мы люди темные, ничего не знаемъ... А вонъ слышали, что управитель-то говоритъ? Какъ бы не пришлось за нихъ отвѣчать... вонъ что!

— Съ чего же это мы будемъ отвѣчать? возразилъ одинъ изъ судей: Господь съ нимъ совсѣмъ! Когда такое дѣло, отправить его куда слѣдствуетъ и ладно! Мы ничего не знаемъ, да вишь, что говорятъ люди грамотные?

— Вѣстимо дѣло; надо слушать умныхъ людей, подхватили остальные судьи.

— Такъ вотъ, милостивый государь, сказалъ старшина учителю: мы васъ никакъ не могимъ отпустить... сами изволите видѣть... вся причина—нельзя!.. отвѣтъ дашь... передъ Богомъ!..

— Дѣлайте, что хотите! проговорилъ учитель.

— Эй, сторожъ! сбѣгай за подводой, да приведи двухъ провожатыхъ! снимая съ себя цѣпь, объявилъ старшина.

Вскорѣ у крыльца волостнаго правленія очутилась подвода, въ которую посадили учителя.

Писарь давалъ наставленія провожатымъ:

— Эй, Ермолай! ты сядь съ нимъ рядомъ, а ты, Егоръ, сзади иди... да смотрите, какъ бы не удралъ...

— Не бойсь, отвѣчали мужики: у насъ не вывернется.

Телѣга тронулась въ городъ.

Н. Успенскій.

Очерки и разсказы.

Вс. В. Крестовскаго иллюстрир. **Н. Н. Каразинымъ.**

(Продолженіе).

IV.

Главная переправа.

Тайный выѣздъ Великаго Князя изъ Плоештовъ.—Рекогносцировка дунайскихъ береговъ, произведенная лично Главнокомандующимъ.—Никополь или Систово?—Окончательный выборъ пункта переправы.—Заготовка матеріаловъ для моста.—Неожиданная задержка понтоновъ и остановка движенія арміи.—Пребываніе Государя Императора на Гранавскомъ курганѣ.—Телеграфная корреспонденція между Гранавскимъ курганомъ и Зимницею, во время переправы 15-го іюня.—Общій результатъ демонстративныхъ дѣйствій противъ Никополя.

V.

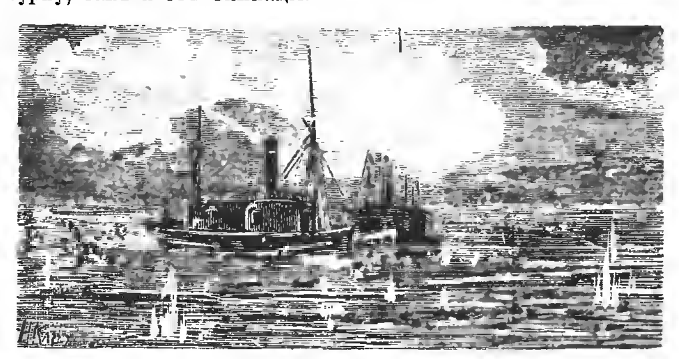
Въ тотъ же періодъ времени, съ 8-го по 12-е іюня, когда капитанъ Новиковъ трудился надъ загражденіемъ средняго Дуная, Главнокомандующій, такъ сказать, исчезъ изъ Плоештовъ. Отъѣздъ въ сопровожденіи только трехъ лицъ — Великаго Князя Николая Николаевича Младшаго, начальника штаба и его помощника, генерала Левицкаго, — совершился 9-го числа такъ скрытно и неожиданно, что въ первое время никто и не подозрѣвалъ объ отсутствіи Главнокомандующаго. Думали, что Великій князь не совсѣмъ здоровъ и потому не показывается изъ своей комнаты, а когда отсутствіе это было наконецъ замѣчено, то рѣшительно никто въ главной квартирѣ не зналъ куда, когда и зачѣмъ онъ поѣхалъ. Между тѣмъ употреблено это время на личную рекогносцировку Дуная отъ Зимницы до Турну. Еще до открытія кампаніи, соображая стратегическіе планы движенія за Дунай, Главнокомандующій намѣтилъ Зимницу—Систово, какъ самый желательный, т. е. наиболѣе выгодный въ военномъ отношеніи пунктъ переправы. Но предварительныя рекогносцировки зимницкихъ окрестностей, глубоко затопленныхъ разливомъ, заставили отказаться отъ мысли о переправѣ въ этомъ мѣстѣ. Тогда поневолѣ пришлось остановиться на Никополѣ, сообразно чему и были своевременно сдѣланы всѣ необходимыя распоряженія о передвиженіяхъ войскъ и матеріаловъ въ данномъ направленіи. Но личная рекогносцировка убѣдила Великаго Князя въ весьма значительныхъ трудностяхъ и опасностяхъ, съ какими неизбѣжно будетъ сопряжена никопольская переправа: достаточно сказать, что въ началѣ мая, когда прибыли на побережье наши передовыя войска, у Никополя существовали только два отдѣльныя укрѣпленія, а къ началу іюня ихъ выросло у насъ на глазахъ и подъ нашимъ огнемъ уже тринадцать! По осмотрѣ зимницкихъ окрестностей, Великій Князь удостовѣрился, что уровень воды уже понизился, хотя и не до желательной степени, но все же на столько, что переправа могла бы тутъ состояться, и потому остановилъ окончательный свой выборъ на этомъ пунктѣ. Турки, кажется, и не подозрѣвали, что русскій Главнокомандующій самъ осматривалъ берега;—по крайней мѣрѣ, такъ можно думать потому, что они ни разу не открывали огня по небольшой группѣ лицъ, сопровождавшихъ Великаго князя при этихъ осмотрахъ. Впрочемъ, были приняты мѣры, чтобы противникъ ни коимъ образомъ, ни прямымъ, ни кружнымъ (телеграфнымъ) путемъ не могъ узнать объ этой рекогносцировкѣ и на основаніи ея вывести свои заключенія о пунктѣ готовящейся переправы; съ этою цѣлью всякое сообщеніе между берегами было окончательно прервано и посты наши зорко наблюдали, чтобы нигдѣ не могло появиться какихъ-либо дневныхъ и ночныхъ сигналовъ, а особые посты, выставленные по всѣмъ румынскимъ дорогамъ, ведущимъ къ побережью, обязаны были не пропускать никого изъ частныхъ людей ни въ ту, ни въ другую сторону.

Сообразно своему окончательному выбору, Великій Князь сдѣлалъ всѣ надлежащія распоряженія о передвиженіяхъ и сосредоточеніи войскъ, такимъ образомъ, чтобы до самой послѣдней минуты никто и нигдѣ не могъ догадаться о дѣйствительномъ пунктѣ переправы.

По кромѣ этихъ распоряженій, надо было заблаговременно позаботиться о заготовкѣ матеріаловъ, для устройства моста на среднемъ Дунаѣ. Съ этою цѣлью, какъ извѣстно, были построены въ Галацѣ понтоны, а въ Слатинѣ—плоты и всѣ прочія принадлежности. Понтоны изъ Галаца въ Слатину пришлось перевозить по желѣзной дорогѣ и, по доставкѣ на мѣсто, всѣ мостовыя принадлежности были спущены въ Алуту. Для человѣка, незнакомаго съ мѣстною гидрографіею, естественно можетъ представиться вопросъ: почему же непремѣнно въ Алуту, а не въ какую либо другую рѣку, ниже Никополя, что избавило бы насъ отъ необходимости проводить плоты и понтоны мимо никопольскихъ укрѣпленій? — Но въ томъ-то и дѣло, что между Арджисомъ и Алутою нѣтъ въ Румыніи ни одной сплавной рѣки; заготовка же мостовыхъ принадлежностей на Арджисѣ потребовала бы поднятія ихъ буксиромъ вверхъ до Систова, мимо Рущука, укрѣпленія котораго значительно сильнѣе никопольскихъ: стало быть, въ послѣднемъ случаѣ, кромѣ большей опасности отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, потребовалось бы и несравненно болѣе времени на самую операцію провода. Какъ оказалось потомъ, между турками укоренилось убѣжденіе, что мы едва ли отважимся на рискъ большой переправы, Все это, въ извѣстной степени, облегчило намъ ея подготовку. Надо было только какъ можно долѣе держать противника въ полномъ невѣдѣніи, сбивать его съ толку, и съ этою цѣлью 12-го іюня, согласно распоряженію Великаго Князя, была начата усиленная бомбардировка Рущука, гдѣ, впрочемъ, и на этотъ разъ турки первые завязали съ нами артиллерійскую перестрѣлку. Съ нашей стороны было сдѣлано предвареніе рущукскаго коменданта объ имѣющей начаться усиленной бомбардировкѣ, для того чтобы дать жителямъ время убраться изъ города заблаговременно. Турки, съ своей стороны, за двое сутокъ (12-го и 13-го числа) выпустили массу снарядовъ, какъ изъ Рущука, такъ и изъ Туртукая, и успѣли нанести значительный вредъ строеніямъ въ Журжевѣ и Ольтеницѣ, которыя, впрочемъ, давно уже были оставлены жителями; но наши войска въ первый день не понесли ровно никакой потери, а 13-го іюня былъ раненъ пулею въ шею находившійся въ Ольтеницѣ генералъ-маіоръ Эрнротъ, командующій 11-ю пѣхотною дивизіею.

13-го іюня, главная квартира Великаго Князя, двинутая за

нѣсколько дней до сего частію въ Александрію, частію въ Слатину, перешла въ село Драчу (на рѣкѣ Кацмалуй), куда на слѣдующій день была переведена и Императорская квартира. Драча находится почти на одинаковомъ разстояніи, какъ отъ Турну, такъ и отъ Зимницы.

Турецкій мониторъ.

13-го же числа вечеромъ начаты усиленныя демонстративныя дѣйствія артиллеріи и противъ Никополя, гдѣ общій ходъ нашихъ операцій заключался послѣдовательно въ слѣдующемъ:

Дабы еще болѣе утвердить противника въ его заблужденіи относительно вполнѣ рѣшенной переправы въ семъ пунктѣ, Великій Князь приказалъ возводить противъ Никополя сильныя батареи и вооружать ихъ осадными орудіями. Съ этою цѣлью на прибрежной позиціи у города Турну и селенія Магурелли было сооружено восемь осадныхъ батарей, вооруженіе коихъ происходило тотчасъ же по прибытіи транспортовъ осадной артиллеріи изъ города Слатины, такъ что подвозъ на батареи всего имущества производился на тѣхъ же волахъ, которые доставляли транспорты къ Турну.

Съ шести и до девяти часовъ утра 1-й дивизіонъ 3-й батареи 5-й артиллерійской бригады, подъ личнымъ начальствомъ командира батареи, подполковника Ильинскаго, вмѣстѣ съ вооружающеюся 24-хъ-фунтовою батареею № 7-й, тутъ же расположенною, выдерживали въ теченіи трехъ часовъ жестокій перекрестный огонь монитора и пяти непріятельскихъ батарей, расположенныхъ на командующихъ высотахъ, и производили стрѣльбу съ твердостью и спокойствіемъ. Мѣткость ихъ выстрѣловъ была замѣчательна, а быстрая установка 24-хъ-фунтовыхъ орудій на летучія платформы, постепенно замѣняемыя настильными, и постепенное, въ полномъ порядкѣ, вступленіе въ бой подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ, — здѣсь же, на мѣстѣ боя, обратили на храбрыхъ молодцовъ-артиллеристовъ вниманіе ихъ товарищей и стороннихъ свидѣтелей. 11-го іюня, въ три часа дня, мониторъ, стоявшій на якорѣ у Никополя, поднялъ пары и направился къ Фламундѣ.

При движеніи его внизъ, наши батареи молчали, вслѣдствіе особо отданнаго по этому поводу приказанія. Мониторъ, какъ оказалось впослѣдствіи, вышелъ съ намѣреніемъ аттаковать наши паровыя шлюпки, оставленныя при Фламундѣ капитаномъ 1-го ранга Новиковымъ; но огонь фламундской батареи № 1-го помѣшалъ его намѣренію и далъ время нашимъ шлюпкамъ аттаковать въ упоръ его самого, при чемъ онъ выпустилъ по батареѣ три снаряда, въ то время какъ турецкія прибрежныя батареи произвели по ней и по шлюпкамъ до тридцати выстрѣловъ. Рѣшимость мичмана Нилова и три снаряда съ батареи № 1, попавшіе въ мониторъ, а также и огонь дивизіона 15-й конной батареи, заставили его уйдти вверхъ, къ Никополю. Не менѣе удачные выстрѣлы сдѣланы и съ батареи № 2-го. У селенія Магурелли мониторъ былъ встрѣченъ огнемъ съ батарей № 3-го и № 4-го, что и вынудило его подняться значительно выше, къ Корабіи, но здѣсь попали въ него еще два снаряда, вслѣдствіе чего ему пришлось снова спуститься внизъ и втянуться скрытно въ устье рѣки Осмы. 12-го іюня *другой мониторъ, шедшій отъ Рущука, былъ также встрѣченъ огнемъ всѣхъ осадныхъ батарей и, пройдя вверхъ, съ значительными поврежденіями, тоже втянулся въ устье Осмы и сталъ рядомъ съ первымъ.* Здѣсь капитанъ Новиковъ, съ полковникомъ Струковымъ, хотѣли было взять ихъ ночью на абордажъ, но оказалось, что оба монитора ограждены бонами; поэтому означенные офицеры распорядились выставить на нашемъ берегу двѣ мортиры, которыя, должно быть, своими снарядами привели оба, уже пострадавшіе монитора въ окончательную негодность и такимъ образомъ довершили близь Никополя обезсиленіе броненосной флотиліи на Дунаѣ, начатое столь счастливо въ Браиловѣ.

13-го іюня съ батареи № 2-го было произведено по турецкимъ прибрежнымъ батареямъ 36 выстрѣловъ, изъ которыхъ 23 были вполнѣ удачны и заставили турокъ увезти свои орудія.

14-го іюня, въ шесть часовъ утра, непріятель открылъ огонь по вооружавшимся батареямъ нашего праваго фланга, расположеннымъ при устьѣ рѣки Ольты (она же Алута). Батареи № 5-го и 9-ти-фунтовая полевая не замедлили отвѣтомъ, да и магурельскія батареи также открыли огонь по турецкимъ укрѣпленіямъ, а наша № 3-й двѣнадцатью своими выстрѣлами прогнала съ позиціи непріятельскую полевую батарею, которая, окопавшись на возвышенномъ и командующемъ надъ нами берегу, производила сильный огонь по нашимъ укрѣпленіямъ праваго фланга, съ дистанціи въ 2,300 саженъ. Къ тремъ часамъ пополудни непріятель однако же замолкъ. Съ фламундскихъ укрѣпленій въ этотъ же разъ было сдѣлано нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ по противолежащимъ турецкимъ батареямъ, что и вынудило ихъ замолкнуть на цѣлый день. Нѣсколько бомбъ, пущенныхъ непріятелемъ въ Турну, произвели въ городѣ небольшой пожаръ, вскорѣ потушенный усиліями мѣстной пожарной команды.

Мѣсто пребыванія для Государя Императора и для себя, на 14-е и 15-е іюня, — Великій Князь избралъ какъ разъ позади Фламунды, на Гранавскомъ курганѣ (Magura de la Granavi), который былъ соединенъ съ Зимницкимъ военнымъ телеграфомъ, дабы Его Величество безостановочно могъ получать извѣстія о ходѣ переправы.

Такимъ образомъ, благодаря искусному сосредоточенію войскъ, демонстративнымъ дѣйствіямъ фламундскихъ и турну-магурельскихъ батарей и этому пребыванію обѣихъ главныхъ квартиръ на Гранавскомъ курганѣ, — никому и въ голову не приходило, чтобы переправа могла быть гдѣ либо, кромѣ Фламунды. Вся совокупность распоряженій видимо была направлена къ этому пункту. Одного только никто не зналъ, а именно — движенія отряда свиты Его Величества генералъ-маіора Драгомирова къ Зимницѣ. Это обнаружилось лишь 15-го іюня утромъ, когда переправа уже была совершившимся фактомъ.

Утромъ 14-го іюня, въ мѣстечкѣ Бею, генералъ Драгомировъ собралъ къ себѣ начальниковъ всѣхъ отдѣльныхъ частей ввѣреннаго ему отряда и офицеровъ Волынскаго пѣхотнаго полка. Предваривъ о строжайшемъ соблюденіи ввѣренной имъ военной тайны, онъ объявилъ, что въ эту же ночь будетъ переправа, для прикрытія наводки моста, причемъ сначала отправится на понтонахъ три стрѣлковыя волынскія роты и первые два батальона Волынскаго же полка.

— Всѣ вы, господа, говорилъ генералъ — должны безусловно подчиняться офицерамъ, завѣдующимъ переправою. На суднѣ соблюдается полная тишина. Во время слѣдованія на понтонахъ никоимъ образомъ не отвѣчать на непріятельскій огонь. Помощи раненымъ не подавать, намятуя о томъ, что каждое лишнее, неловкое движеніе можетъ опрокинуть понтонъ. Крѣпко внушите людямъ, что въ дѣлѣ у насъ сигналовъ нѣтъ, —слушай приказаніе командировъ; береги пулю—не выпускай ее даромъ, стрѣляй навѣрняка, иди впередъ—коли! Побьешь турка—не говори, что побѣдилъ его, пока не кончится война; помни, что „конецъ вѣнчаетъ дѣло.“ Затѣмъ, по высадкѣ на берегъ, прошу руководствоваться моимъ сегодняшнимъ приказомъ. Что же касается плана аттаки, то его укажутъ вамъ обстоятельства и мѣстность. А теперь, господа, отъ души желаю вамъ полнаго успѣха! На насъ возложено Государемъ великое дѣло, — постараемся же выполнить его съ достоинствомъ!

При послѣднихъ словахъ, у М. И. Драгомирова навернулись на глазахъ слезы,—онъ зналъ, что нѣкоторыхъ изъ офицеровъ, съ которыми такъ душевно сжился въ мирные дни своего командованія дивизію, видитъ въ послѣдній разъ....

Отрядъ пообѣдалъ раньше обыкновеннаго и, взявъ съ собою четырехдневный запасъ сухарей, да по фунту вареннаго мяса на человѣка, двинулся изъ Бею къ Зимницѣ. Этотъ переходъ около 30-ти верстъ. Въ началѣ шестаго часа пополудни отрядъ былъ уже на мѣстѣ и остановился на равнинѣ, не доходя нѣсколько Зимницы, такимъ образомъ, чтобы строенія и сады мѣстечка скрывали его отъ наблюденій противника съ того берега.

Въ шесть часовъ пополудни, командиръ Волынскаго полка, полковникъ Родіоновъ, собравъ къ себѣ всѣхъ своихъ батальонныхъ и ротныхъ командировъ, объявилъ, что въ десять часовъ вечера, безъ особаго сигнала, роты собираются и слѣдуютъ къ мѣсту посадки, а разсаживаться будутъ сначала три стрѣлковыя роты, потомъ 2-й батальонъ и наконецъ 1-й батальонъ. Эти части составятъ первый рейсъ. По высадкѣ на противный берегъ, 3-я стрѣлковая рота немедленно разсыпается въ цѣпь, перпендикулярно къ Дунаю и фронтомъ на востокъ, къ Рущуку, 2-я стрѣлковая—паралельно Дунаю, фронтомъ на югъ, къ Тырнову и, наконецъ, 1-я стрѣлковая рота—тоже перпендикулярно къ Дунаю, но фронтомъ на западъ, къ Систову. Затѣмъ, роты 2-го батальона размѣщаются: 1-я за 2-й стрѣлковой, 2-я за 3-й стрѣлковой, 3-я за 1-й стрѣлковой и 4-я за 1-й ротой своего батальона. Ротамъ 1-го батальона расположиться въ томъ же самомъ порядкѣ за ротами 2-го батальона, составляя на первое время ихъ резервы. Это расположеніе покоемъ (П) должно было оградить со всѣхъ сторонъ мѣсто высадки послѣдующихъ эшелоновъ отъ покушеній непріятеля.

Въ ожиданіи часа посадки, десантный отрядъ расположился на отдыхъ за мѣстечкомъ, въ своемъ укрытомъ расположеніи.

Прежде чѣмъ начать переправу, необходимо было исполнить не мало предварительныхъ работъ. Десантному отряду предшествовали всѣ четыре понтонные парка, 23-й донской полкъ

Литературный альбомъ. Типы Лермонтова. Бэла. („Герой нашего времени"). Рис. Девисъ, грав. Жопаръ.

и уральская казачья сотня, которые и должны были заняться этими работами. Но приступить къ нимъ можно было не раньше, какъ совсѣмъ уже стемнѣетъ,—иначе мы рисковали бы преждевременно раскрыть противнику наше предпріятіе; поэтому къ спуску понтоновъ, вязкѣ плотовъ и паромовъ было приступлено только въ девять часовъ вечера. Мосты черезъ ближайшіе къ Зимницѣ протокъ и затонъ, были наведены еще наканунѣ, въ дождливую, туманную ночь съ 13-го на 14-е іюня, при чемъ наименьшій мостъ сооруженъ на козлахъ, а другой, до 30-ти саженъ длиною на парусинныхъ понтонахъ. Такимъ образомъ, еще утромъ 14-го числа уже былъ устроенъ удобопроходимый путь по всему лѣвому низменному берегу. Всѣ эти работы совершались въ полной тишинѣ; ни громкаго говора, ни громыханья громоздкихъ матеріальныхъ приспособленій. Вечеромъ 14-го числа, подошедшая къ берегу артиллерія 14-й и 9-й артиллерійскихъ бригадъ ожидала очереди спуститься на топкую низменность, чтобы у самаго берега Дуная, на отмели, прикрыть предстоявшую переправу. Установка ея на позиціи тоже относилась къ числу предварительныхъ мѣръ.

До наступленія темноты, командиръ 8-го корпуса, генералъ-лейтенантъ Радецкій, вмѣстѣ съ генераломъ Драгомировымъ и самымъ ограниченнымъ числомъ начальствующихъ лицъ и штаба, осмотрѣли съ довольно возвышеннаго берега, на которомъ стоитъ Зимница, всю впереди лежащую мѣстность. Прямо подъ обрывистымъ спускомъ протекаетъ, въ видѣ неширокой рѣчки, одинъ изъ дунайскихъ протоковъ, начинающійся нѣсколько выше Зимницы и впадающій въ главное русло у Журжева. Черезъ этотъ протокъ существуетъ у Зимницы деревянный мостъ, къ которому ведетъ неудобный спускъ, нѣсколько разработанный теперь нашими саперами. Пыль, какъ въ самомъ мѣстечкѣ, такъ и въ особенности на „томъ спускѣ, просто ужасающая, невозможная: при движеніи нѣсколькихъ человѣкъ, а тѣмъ болѣе повозокъ, она сейчасъ же подымается густымъ облакомъ, такъ что въ пяти шагахъ предъ собою уже ничего невозможно разглядѣть. Тотчасъ же за мостомъ начинается широко раскинувшееся пространство топкой низменности, пересѣкаемое нѣсколькими затонами и лужами различной, по болѣе или менѣе значительной величины. Черезъ низменность дорога идетъ къ пристани по земляной дамбѣ, но теперь она была сильно размыта и мѣстами даже разрушена водою, такъ что воспользоваться ею для нашихъ цѣлей не представилось никакой возможности. Южная окраина низменности отдѣляется новымъ протокомъ гораздо шире перваго, отъ двухъ отмелей, носящихъ названіе острововъ: Чингиневъ (ближайшій къ Зимницѣ и лежащій противъ нея) и Адда (находящійся ниже по теченію), за которыми по ту сторону уже идетъ главное русло Дуная. Вся эта низменность совершенно гола и песчана: ни одного дерева, ни одного кустика, даже травы сколько нибудь высокой не видно; только на Чингиневѣ растетъ высокій кустарникъ, уже могущій назваться молодымъ лѣскомъ, а поверхность Адда кое-гдѣ покрыта мелкимъ кривымъ кустарникомъ. Предварительная рекогносцировка этихъ острововъ показала, что оба они весьма болотисты и потому не представляютъ возможности быть заняты пѣхотою. Но далѣе, къ востоку, на низменной части лѣваго берега, замѣтенъ небольшой лѣсокъ, подбѣгающій къ самому берегу главнаго русла. Изъ-подъ этого лѣска и будетъ производить ночью посадка. За островомъ Адда глазъ хватаетъ уже на турецкій берегъ. Онъ представляется въ видѣ невысокихъ, но отвѣсныхъ обрывовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они кажутся какъ будто утесами, но мѣстные жители сказываютъ, что каменныхъ глыбъ на томъ берегу мало, почва же глинистая, глубоко изрытая водомоинами. Обрывы эти стоятъ надъ самою водой, отражающей ихъ темно-желтыя и красноватыя очертанія. Далѣе, въ глубь страны, берегъ начинаетъ постепенно возвышаться террасами и отдѣльными кряжами, одинъ выше другаго, тянущимися параллельно рѣкѣ. Эти возвышенности, окутанныя прозрачно-лиловою дымкой воздуха, кудрявятся желтоватою зеленью виноградниковъ и темными очерками садовъ, наполненныхъ пирамидальными тополями, раскидистыми орѣховыми и иными фруктовыми деревьями. Самыя же дальнія изъ возвышенностей, заканчивающія своими очертаніями картину противоположнаго берега, совершенно голы. Еще далѣе къ востоку кряжи перемѣшиваются съ отдѣльными круглыми холмами, но повсюду эти разнохарактерныя возвышенности, каждая отдѣльно и всѣ вмѣстѣ, представляютъ рядъ великолѣпныхъ оборонительныхъ позицій, которыя легко можно защищать шагъ за шагомъ. Если взять глазомъ на ту сторону, чуть-чуть правѣе Зимницы, то замѣтно, что тамъ, среди темной зелени и красноватаго фона горныхъ склоновъ, что-то пестрѣетъ и бѣлѣется какъ бы отдѣльными группами пятнышекъ, надъ которыми тамъ и сямъ торчатъ вертикально бѣлыя же черточки минаретовъ, да куполы двухъ церквей, и на бѣлой жести, покрывающей ихъ верхушки, ослѣпительно сверкаютъ искры солнца. Это городъ Систово (по-болгарски Свиштовъ), террасами расположившійся на сѣверномъ склонѣ кряжистыхъ высотъ праваго берега. Отъ Зимницы до Систова, по прямой математической линіи, будетъ версты три слишкомъ, но ясный, прозрачный воздухъ до такой степени оптически обманчиво приближаетъ всю массу противнаго берега, что на глазъ сдается, будто до Систова верста, не болѣе. Надъ самымъ Систовомъ съ южной стороны господствуетъ высокій горный кряжъ, и на него-то генералъ Драгомировъ указалъ теперь всѣмъ сопровождавшимъ его отдѣльнымъ начальникамъ, какъ на главную и конечную цѣль предстоявшей аттаки: овладѣвъ этимъ кряжемъ, мы овладѣемъ не только Систовымъ, но и всею окрестною страною.

Чтобы хорошо разглядѣть съ румынскаго берега самое мѣсто высадки, надо либо перебираться по гати въ лѣсокъ, либо выйти изъ Зимницы версты на двѣ къ востоку, по журжевской дорогѣ и, не доходя деревушки Зимничале, бросить взглядъ, вооруженный биноклемъ, на противный берегъ, который противъ этого пункта ничѣмъ не заслоняется. Тамъ, саженъ на 600 ниже восточной оконечности Адда, между береговыхъ обрывовъ, замѣтна небольшая лощина, образуемая устьемъ ручья Текиръдере. Крутые склоны возвышенностей, спадающіе въ нее, покрыты молодымъ лѣскомъ и кудрявымъ кустарникомъ. Тамъ—сказываютъ—есть турецкая караулка и водяная мельница, только ихъ за растительностію не видать отсюда. Эта-то лощинка и будетъ мѣстомъ высадки.

Подъ вечеръ небо начало хмуриться, и вѣтеръ, налетавшій порывами, сталъ свѣжѣть и крѣпчать все болѣе. Можно было опасаться къ ночи значительнаго волненія на Дунаѣ.

Десантный отрядъ былъ распредѣленъ на шесть рейсовъ: первые два—изъ одиннадцати ротъ регулярной пѣхоты, сотни пластуновъ, 60-ти казаковъ и восьми горныхъ орудій каждый; послѣдующіе—такой же силы, т. е. на 2,250 человѣкъ пѣхоты, но вмѣсто горныхъ, по шести полевыхъ орудій въ каждомъ.

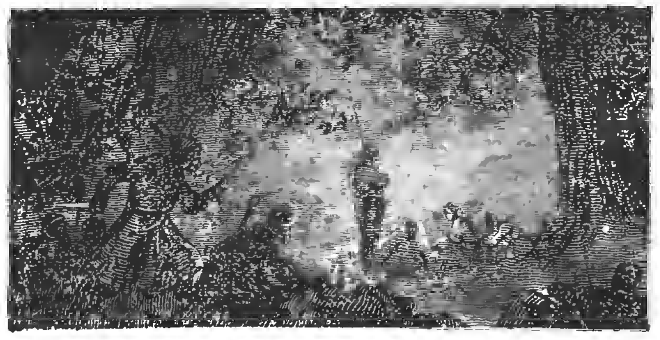
Въ девять часовъ вечера приступили къ спуску 208 понтоновъ на воду и подвели ихъ по поперечному протоку къ такъ называемой австрійской таможнѣ. Этотъ пунктъ, находящійся на берегу большой песчаной отмели, у южной оконечности дамбы, обозначенъ высокою мачтой, на которой до войны, во время навигаціи, обыкновенно развѣвался австрійскій флагъ; прежде тутъ стояла баржа, служившая пристанью для австрійскихъ пароходовъ. Въ этомъ мѣстѣ должны были сѣсть на понтоны войска перваго рейса; для остальныхъ же рейсовъ посадка предназначалась нѣсколько ниже, какъ уже сказано, изъ-подъ лѣска. Понтонные батальоны распредѣлены для работъ слѣдующимъ образомъ: 3-й, 4-й и 5-й батальоны—на полуторныхъ понтонахъ, поднимающихъ кромѣ гребцовъ отъ 30 до 45 человѣкъ, для перевозки пѣхоты, а 6-й—на понтонныхъ паромахъ, исключительно для артиллеріи и казаковъ. На случай появленія непріятельскихъ мониторовъ и для прикрытія переправы; одновременно со спускомъ понтоновъ были выставлены пять 9-ти-фунтовыхъ батарей, расположившихся по обѣимъ сторонамъ пункта посадки, а именно: три батареи (24 орудія) 14-й артиллерійской бригады—у австрійской таможни, примыкая къ ней своимъ правымъ флангомъ, и двѣ батареи (16 орудій) 9-й артиллерійской бригады—на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, примыкая своимъ правымъ флангомъ къ оконечности лѣска. Вся эта артиллерія была выдвинута къ самой чертѣ берега и для ея прикрытія назначенъ 35-й пѣхотный Брянскій полкъ, съ частью стрѣлковъ: одинъ батальонъ у австрійской таможни и два на островѣ. Въ десятомъ часу вечера въ Систовѣ было замѣтно много огней, а слѣва, изъ вардорскаго турецкаго лагеря довольно хорошо доносились по водѣ звуки музыки, нѣсколько напоминавшей маршъ Черномора въ „Русланѣ“; въ одиннадцатомъ часу музыка прекратилась, а вскорѣ послѣ этого стали гаснуть, исчезая одинъ за другимъ, и огоньки въ Систовѣ.

Въ полночь, на берегу низменности, близъ австрійской таможни, сосредоточились войска первыхъ трехъ эшелоновъ десанта. Всѣ приготовленія и подходъ войскъ были совершены въ полной тишинѣ. Запрещено было даже курить, чтобы свѣтящимися точками папиросъ и трубокъ не привлечь вниманіе противника. Турецкій берегъ, погруженный въ мертвое молчаніе, смутно обозначался темною массой въ легкомъ ночномъ туманѣ. Смутный призракъ луны изрѣдка неясно просвѣчивалъ бѣлесоватымъ пятномъ среди клубившихся облаковъ. Всплески волнъ, вздымаемыхъ расходившимся вѣтромъ, съ легкимъ шумомъ плавно били въ берега, и этотъ шумъ помогъ скрыть громыханіе приближавшейся артиллеріи. На той сторонѣ—ни огонька, ни звука. Турки, казалось, спали, не подозрѣвая близкой опасности.

Генералъ Рихтеръ лично распоряжался посадкой. Правильно, тихо и безъ малѣйшей суеты сѣли на понтоны люди перваго рейса, подъ начальствомъ полковника Родіонова и, перекрестясь, отвалили отъ берега. Это было ровно въ часъ ночи. Генералъ Драгомировъ въ послѣднюю минуту еще разъ предупредилъ людей, что отступленія нѣтъ, развѣ въ Дунай, а потому—такъ или иначе, но нужно идти впередъ: впереди—побѣда, позади—во всякомъ случаѣ погибель, если и не отъ пули, то въ водѣ. Онъ тихо послалъ вслѣдъ отплывающимъ свое благословеніе. Въ небольшой группѣ лицъ, окружавшихъ его, находились Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій и молодой Скобелевъ, котораго, безъ всякаго особаго назначенія, прикомандировали къ генералу Драгомирову. При первомъ рейсѣ отправился начальникъ 1-й бригады 14-й пѣхотной ди-

визіи, генералъ-маіоръ Іолшинъ, старый кавказецъ боевыхъ временъ, бывшій нѣкогда командиромъ славнаго Мингрельскаго гренадерскаго полка, мундиръ котораго оставленъ ему въ награду за подвиги его части, совершенные во время его командованія. Понтонъ, на которомъ находился генералъ Іолшинъ, съ капитаномъ генеральнаго штаба Мальцевымъ и прусскимъ маіоромъ Лигницемъ, плылъ впереди, указывая остальнымъ дорогу. Этимъ передовымъ понтономъ начальствовалъ капитанъ Трентовіусъ. На ближайшихъ за нимъ понтонахъ находились пластуны, потомъ волынскіе стрѣлки и, наконецъ, остальныя роты 2-го батальона. Рейсъ замыкался паромами съ казаками и артиллеріею 2-й горной батареи.

Вѣтеръ разыгрывался все болѣе и болѣе, волненіе на серединѣ рѣки значительно увеличилось, такъ что усилія гребцовъ становились почти напрасными. Къ тому же луна, окончательно заволокнувшаяся густыми тучами, уже не давала и того скуднаго отсвѣта, который во время посадки еще проникалъ сквозь туманъ облаковъ. Турецкій берегъ, закутавшись мглою, совершенно исчезъ изъ глазъ, и на водѣ стала такая темнота, что судамъ десанта почти невозможно было слѣдить другъ за другомъ. Усилившееся волненіе вскорѣ разорвало линію понтоновъ, разбросало ихъ по рѣкѣ и, раньше срока, прибило одни изъ нихъ къ берегамъ выше назначеннаго мѣста высадки, а другіе, числомъ пять, сильнымъ теченіемъ, не позволявшимъ пристать къ берегу, понесло на версту ниже устья Текиръ-дере, котораго за темнотою почти и невозможно было разглядѣть. Тѣмъ не менѣе, часть передовыхъ понтоновъ, державшихся кучнѣе другъ къ другу, успѣли пристать къ лощинѣ. Первыми высадились генералъ Іолшинъ съ Мальцевымъ и Лигницемъ, горсть 3-й стрѣлковой роты волынцевъ со своимъ командиромъ, капитаномъ Фокомъ, и часть пластуновъ. Послѣдніе тотчасъ же, какъ кошки незамѣтно крадучись, подползли къ дремавшему турецкому пикету и безъ шума покончили съ нимъ въ ту же минуту. Но часовой, стоявшій на посту у караулки, замѣтилъ наконецъ подозрительное присутствіе на берегу постороннихъ людей и далъ по нимъ выстрѣлъ. Въ ту же минуту послышались встревоженные голоса и возгласы турокъ на мельницѣ... Галдятъ что-то, поднялась бѣготня, суматоха, раздалось еще два-три безпорядочныхъ выстрѣла—и пошла пальба, сначала рѣдкая, потомъ все чаще и чаще... Влѣво, на выдающемся возвышенномъ береговомъ пунктѣ, версты на три ниже устья ручья, ярко вспыхнула большимъ пламенемъ смоляная сигнальная вѣха... Издалека, съ восточной стороны, отъ села Вардина уже доносятся звуки сигнальныхъ рожковъ въ турецкомъ лагерѣ.

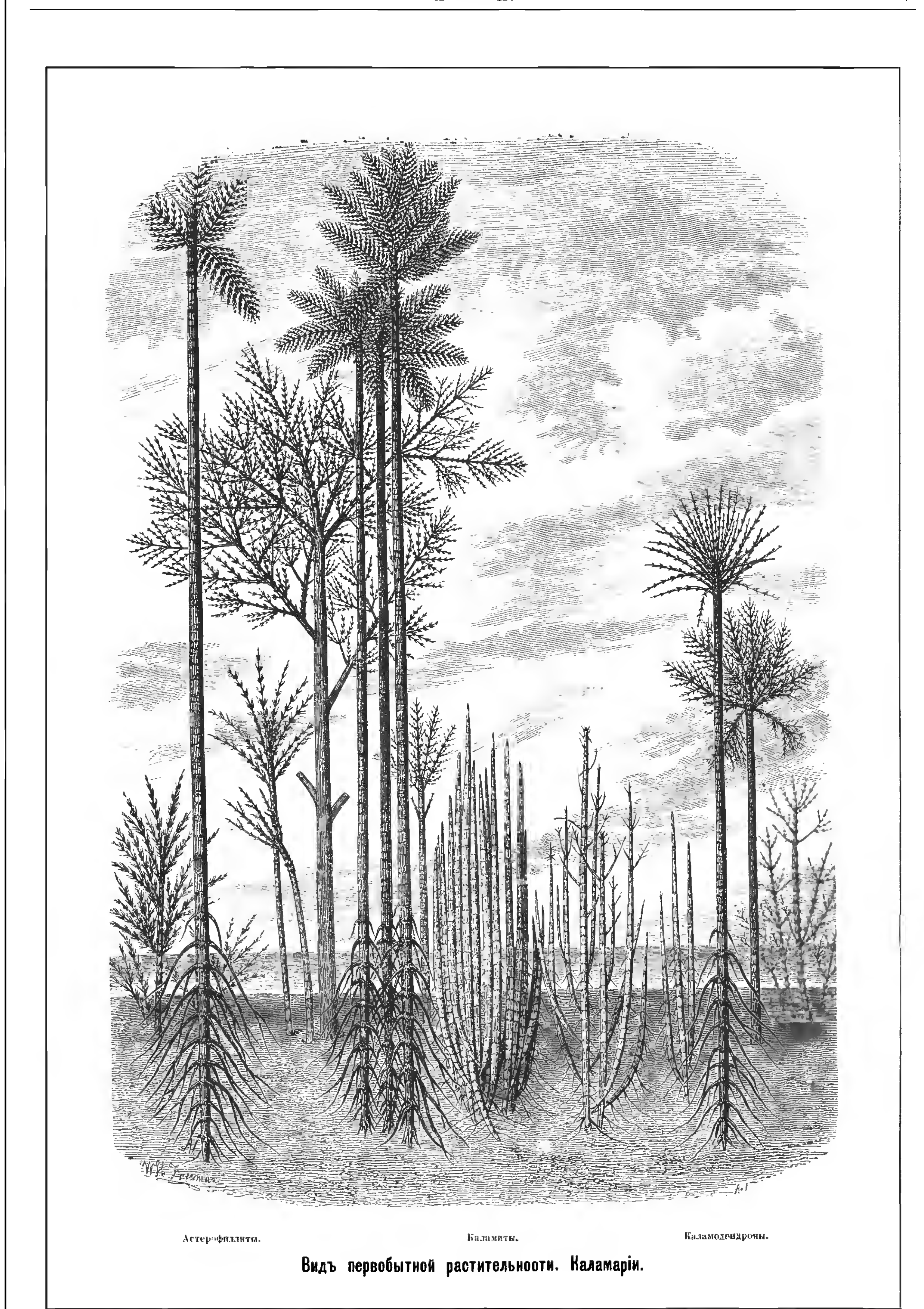

Пластуны у турецкаго пикета.

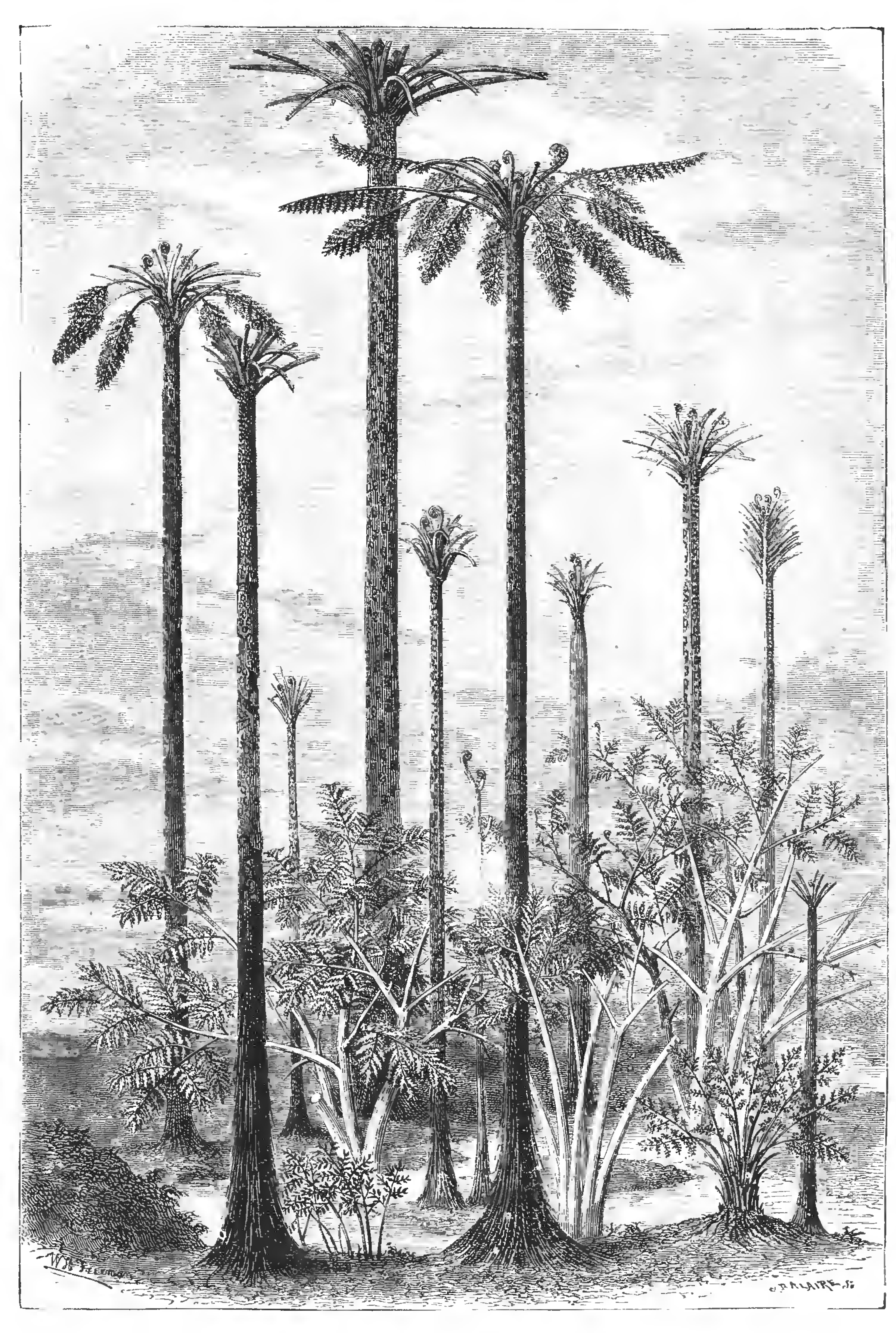
Поднялась общая тревога.

Первые изъ приставшихъ кое-какъ къ берегу, разрозненные понтоны, какъ уже сказано, очутились въ трехъ пунктахъ: выше устья ручья, въ самомъ устьѣ и значительно ниже его. Остальныя суда въ это время еще усѣевали собою тамъ и сямъ поверхность рѣки. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ правильная высадка по нумерамъ понтоновъ и цѣльными ротами, какъ предполагалъ было въ своей инструкціи генералъ Рихтеръ, окончательно не могла состояться. Высадившіеся люди въ первый моментъ поневолѣ растянулись болѣе чѣмъ на двѣ версты на непріятельскомъ берегу и сбились въ отдѣльныя, разобщенныя между собою кучки на трехъ вышесказанныхъ пунктахъ. Такимъ образомъ, съ первой же минуты, вмѣсто правильныхъ ротъ, образовалось то, что генералъ Драгомировъ чрезвычайно удачно и мѣтко назвалъ потомъ „боевыми товариществами“ или „боевою артелью“. Кто гдѣ высаживался, благодаря случаю, тотъ тамъ и дрался, примазываясь къ ближайшей кучкѣ своихъ и не спрашивая какой они роты; старались только поскорѣе добраться, такъ сказать, до ядра своихъ силъ, въ устье ручья, связаться тамъ въ одинъ общій клубокъ, чтобы потомъ уже дѣйствовать, по возможности, сообразно плану предначертанной аттаки. Это чрезвычайно важное и въ высшей степени пригодное въ такія минуты боевое качество было привито генераломъ Драгомировымъ къ людямъ своей дивизіи еще въ воспитательное время ихъ мирной подготовки. Главное дѣло, чтобы люди и младшіе начальники — разъ, что имъ заранѣе ясно указана общая, главная цѣль — не терялись и дѣлали что нужно, но собственной иниціативѣ, при всякихъ неожиданныхъ обстоятельствахъ и при какой бы ни было обстановкѣ. Въ данномъ случаѣ—хорошая выработка этого качества пригодилась какъ нельзя болѣе. Генералъ Іолшинъ, высадивъ горсть людей, бывшихъ съ нимъ на одномъ понтонѣ, приказалъ имъ—на первое время, пока не выяснятся на сколько нибудь обстоятельства—залечь въ топи устья и отвѣчать выдержаннымъ, разсчетливымъ огнемъ на безпорядочные выстрѣлы турокъ, которыхъ ближайшая позиція находилась шагахъ въ двухстахъ отъ берега. Люди съ понтоновъ, прибитыхъ къ берегу выше и ниже устья, шли на выстрѣлы, пробираясь поодиночкѣ, зачастую въ водѣ по колѣно, вдоль обрывистыхъ кручъ, мѣстами нависшихъ прямо надъ рѣкою, безъ малѣйшей тропинки у своего основанія. Такимъ образомъ первоначальная горсть стрѣлковъ въ устьѣ ручья мало-по-малу росла, и вновь прибывавшіе люди тотчасъ же усиливали съ обоихъ концовъ звенья нашей ничтожной въ началѣ цѣпи.

Но, все-таки, десантъ, благодаря уже указаннымъ неожиданнымъ случайностямъ, былъ замедленъ на первомъ же рейсѣ. Роты не могли сразу собраться въ одно мѣсто, вслѣдствіе чего, по недостаточности силъ, не могло состояться и предварительное движеніе на три стороны впередъ, покоемъ, какъ было предположено. Оно хотя и состоялось, но уже значительно позже, съ прибытіемъ послѣдующихъ рейсовъ; первыя же разрозненныя кучки десанта смогли только удержаться на берегу до разсвѣта—и то уже слава Богу! Между тѣмъ невольное промедленіе въ высадкѣ дало туркамъ возможность быстро собраться по тревогѣ и усѣять стрѣлками прибрежныя позиціи на кручахъ, по обѣ стороны устья. Тогда по нашей горсти, залегшей въ топи этого устья и по поверхности Дуная былъ открытъ усиленный ружейный огонь. Звуки турецкихъ выстрѣловъ раздавались мелкою непрерывною дробью. Въ это время на облачномъ горизонтѣ смутно засѣрѣлъ первый просвѣтъ утренней зари. Темная поверхность рѣки стала мало-по-малу свѣтлѣть, а вмѣстѣ съ тѣмъ начали проясняться и очертанія противоположнаго берега. Это былъ первый моментъ борьбы ночной тьмы съ утреннимъ свѣтомъ, когда въ природѣ только начинаютъ неясно и нѣсколько фантастически вырисовываться общія очертанія наиболѣе крупныхъ предметовъ. Но уже и при этомъ смутномъ освѣщеніи, на бѣлесоватой поверхности рѣки сдѣлались замѣтны черныя точки и черточки отдѣльныхъ понтоновъ. Чуть только они выяснились, какъ въ небѣ вспыхнула точно молнія и вслѣдъ за тѣмъ гулко прокатился по водѣ красивый звукъ перваго артиллерійскаго выстрѣла. Это была турецкая пушка—и граната, направленная съ батареи, прикрывавшей городъ Систово, шлепнулась въ воду среди понтоновъ, поднявъ цѣлый фонтанъ брызговъ. Вмѣстѣ съ этимъ и ружейный огонь противника, по мѣрѣ того какъ цѣли очерчивались все болѣе и яснѣе, становился сильнѣе и мѣтче. Къ первому орудію вскорѣ присоединились и три другія, съ батареи, находившейся на восточныхъ высотахъ, близъ вардарскаго лагеря. Такимъ образомъ огонь сдѣлался перекрестнымъ—и на нашихъ понтонахъ люди стали нести довольно чувствительныя потери. Какъ только второй и третій выстрѣлы систовской батареи позволили опредѣлить мѣсто ея нахожденія, мы тотчасъ же направили на нее огонь трехъ 9-ти-фунтовыхъ батарей 14-й артиллерійской бригады, стоявшихъ на позиціи у австрійской таможни. Но не смотря на то, что сначала 24, а потомъ 36 орудій боролись противъ одного, которымъ была вооружена систовская батарея, имъ удалось заставить его замолчать только по прошествіи слишкомъ девяти часовъ съ начала канонады. Этою батареею, какъ оказалось потомъ изъ разсказовъ систовскихъ жителей, командовалъ англійскій офицеръ—и надо отдать ему полную справедливость: изъ одного орудія онъ ухитрялся бить и по понтонамъ, и по нашимъ прибрежнымъ орудіямъ, и по войскамъ, скопившимся на берегу, въ ожиданіи переправы. При этомъ замѣчательна та быстрота, съ какою его наводчики успѣвали направлять орудіе отъ понтоновъ къ берегу и обратно. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что углы возвышенія хорошо были опредѣлены съ первыхъ же выстрѣловъ. Но что значитъ земляное закрытіе!—въ то время какъ болѣе половины выстрѣловъ систовской пушки не пропадали даромъ,—огонь нашихъ орудій, выпустившихъ каждое до 30-ти снарядовъ и стрѣлявшихъ на 1,100 саженъ, огонь—надо замѣтить—чрезвычайно мѣтко направлявшійся въ брустверъ систовской батареи, долго не могъ ничего сдѣлать. Пришлось усилить артиллерію праваго фланга еще одною 9-ти фунтовою батареею 9-й артиллерійской бригады, которая расположилась правѣе, т. е. западнѣе австрійской таможни, и когда такимъ образомъ противъ систовской батареи сосредоточились 36 сильныхъ, дальнобойныхъ орудій,—огонь ихъ заставилъ, наконецъ, но и то лишь послѣ полудня, замолчать турецкую пушченку. И добро бы, стрѣляли наши плохо, не умѣли бы брать вѣрнаго прицѣла,—но нѣтъ, этого сказать нельзя, и даже иностранцы свидѣтельствуютъ противное. Гранаты наши ловко впивались въ систовскую батарею, подымая на ней грязно-желтыя облака земляной пыли а турецкіе снаряды все таки продолжали удачно рваться между войсками, стоявшими на зимницкой низменности и шлепаться въ воду среди плывущихъ понтоновъ. Вслѣдъ за систовской батареей, какъ сказано уже, открыла огонь и

Видъ первобытной растительнооти. Каламаріи.

Пекоптериды Невроптериды.

Видъ первобытной растительности. Филинацеи.

другая батарея, у вардарскаго лагеря, состоявшая изъ трехъ дальнобойныхъ орудій, огонь которыхъ съ разстоянія въ 1,500 саженъ направлялся на понтоны и на лѣвый флангъ нашего расположенія; имъ отвѣчали двѣ 9-ти-фунтовыя батареи 9-й артиллерійской бригады, расположенныя на восточной окраинѣ лѣска.

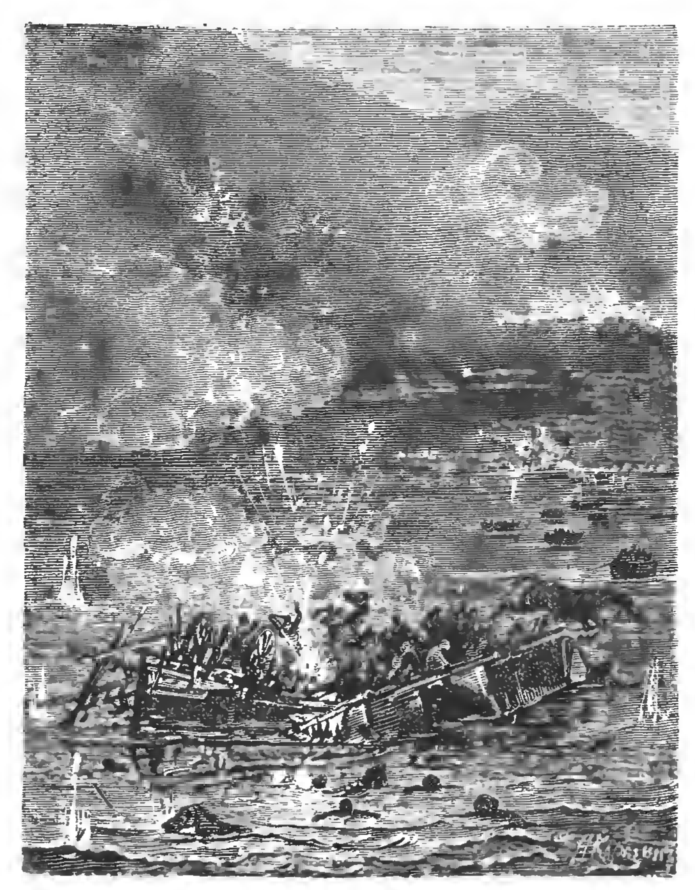

Понтонъ мертвецовъ

Еще на первомъ рейсѣ, происходившемъ, можно сказать, въ наилучшихъ условіяхъ относительно турецкаго огня, оказались уже весьма серьозныя потери; а съ разсвѣтомъ нѣсколько понтоновъ положительно изрѣшетило пулями, такъ что два изъ нихъ затонули вмѣстѣ съ бывшими на нихъ людьми, въ глубинѣ Дуная. Не мало доставалось и людямъ. Съ пункта посадки было видно, какъ на какомъ-нибудь понтонѣ, случайно избранномъ преимущественною цѣлью того или другаго отдѣленія турецкихъ стрѣлковъ, начинали падать наши солдаты. При разсвѣтѣ, все болѣе и болѣе вступавшемъ въ свои права, это въ особенности было замѣтно по штыкамъ. Частоколъ ихъ бодро и прямо торчитъ надъ головами сидящихъ людей, но вотъ, случайно попадаетъ понтонъ подъ сосредоточенный огонь — и штыки начинаютъ все болѣе склоняться книзу, рѣдѣть, падать; вмѣстѣ съ ними склоняются и падаютъ люди—то ничкомъ во внутрь понтона, то на-взничь, опрокидываясь въ воду—и вотъ на понтонѣ пусто... виднѣются только сидящія фигурки какихъ нибудь двухъ-трехъ гребцовъ, но и тѣ, одна за другою, никнутъ и падаютъ внизъ; вмѣстѣ съ ними валятся въ воду весла.—Все это происходитъ въ теченіи одной, или много двухъ минутъ—и быстрое теченіе свободно подхватываетъ и несетъ куда-то внизъ по Дунаю понтонъ, издырявленный пулями и наполненный тѣлами убитыхъ и раненыхъ... Плыветъ онъ, все болѣе и болѣе погружаясь въ воду, которая струями вливается въ него сквозь пробоины,—плыветъ, лавируя по волѣ прихотливаго теченія и, наконецъ, тихо тонетъ, тонетъ, исчезаетъ—и на поверхности рѣки не остается никакихъ слѣдовъ только-что совершившейся катастрофы. Такъ, между прочимъ, погибъ въ первомъ же рейсѣ и 1-й взводъ 2-й горной батареи, съ командиромъ ея, подполковникомъ Стрѣльбицкимъ, штабсъ-капитаномъ Кобіевымъ, подпоручикомъ Тюрбертомъ *) и девятнадцатью нижними чинами этой батареи. Переправа горной артиллеріи, вообще заслуживаетъ болѣе подробнаго описанія:

На каждомъ паромѣ, устроенномъ на двухъ соединенныхъ понтонахъ, было размѣщено по два орудія, по девяти коней и по 26-ти человѣкъ прислуги. Впереди шелъ 1-й взводъ, со Стрѣльбицкимъ, Кобіевымъ и Тюрбертомъ, за нимъ 2-й взводъ съ поручикомъ Гофмейстеромъ, далѣе паромъ съ 3-мъ взводомъ поручика Яковлева и, наконецъ, 4-й взводъ, подъ командою поручика Лихачева, который, послѣ смерти Стрѣльбицкаго и Кобіева, остался старшимъ офицеромъ во 2-й горной батареѣ. Теченіе стало сносить первые три парома къ отмели острова Ада, такъ что 2-й и 3-й взводы совсѣмъ-было сѣли на мель, а первый плотъ всячески старался отпихнуться съ мелководья и потому нѣсколько замѣшкался. Четвертый паромъ, гдѣ находился Лихачевъ, видя эту опасность, своевременно взялъ должное направленіе и такимъ образомъ опередилъ остальные. Парому 1-го взвода удалось сдвинуться съ мели ранѣе двухъ другихъ, и онъ уже направился вслѣдъ за Лихачевымъ, какъ вдругъ попалъ подъ сосредоточенный ружейный огонь турокъ. Нѣсколько пуль попали въ лошадей, что произвело сильный переполохъ на паромѣ: кони стали биться, брыкаться, взвиваться на дыбы, а пули между тѣмъ сыпались на паромъ, какъ вода изъ садовой лейки. Оба желѣзные понтона, поддерживавшіе настланный поперегъ ихъ плотъ, въ минуту были продырявлены пулями и быстро стали наполняться водою. Не смотря на это, надежда добраться до турецкаго берега не была еще потеряна; гребцы напрягали отчаянныя усилія, чтобы добраться до него поскорѣе, но тутъ, на бѣду, хватила въ край плота снарядовская граната, и трескъ ея разрыва произвелъ окончательный переполохъ между лошадьми: онѣ шарахнулись къ противоположному борту парома и чрезъ это сильно накренили его въ одну сторону, что при понтонахъ, уже наполненныхъ водою, было вполнѣ естественно; орудія и вьюки снарядовъ повалились туда же; видно было, что на паромѣ произошла какая-то каша; однѣ лошади падали со всѣхъ четырехъ ногъ, другія, взвившись на дыбы, стали кидаться за бортъ,—плотъ накренился еще болѣе и, осыпаемый пулями, въ ту же минуту пошелъ ко дну. Видно было, какъ нѣсколько человѣкъ старались спасаться вплавь, иные хватались за какіе-то обломки, а поверхность рѣки, то и дѣло, рябилась фонтанчиками и снопиками брызговъ отъ шлепавшихъ въ нее пуль... Нѣсколько мгновеній спустя, ни 1-го взвода, ни парома уже несуществовало....

Между тѣмъ, 4-й взводъ, благополучно пройдя мимо сѣвшихъ на мель плотовъ, былъ уже не далѣе, какъ въ сорока саженяхъ отъ берега; но тутъ съ карниза ближайшаго обрыва на него посыпались пули, одна изъ которыхъ хватила въ ногу вьючную ящичную лошадь. Та стала биться и сорвалась задними ногами въ воду; остальныя лошади съ перепугу затопотали на мѣстѣ, сбившись въ кучу, и это уже угрожало 4-му взводу тою же участью, какая постигла первый паромъ, какъ вдругъ нѣсколько артиллеристовъ успѣли ухватить сорвавшуюся лошадь подъ уздцы и за хвостъ, и такимъ образомъ втащили ее на плотъ. Но въ ту же минуту новая пуля хватила ее въ ухо и свалила съ ногъ въ ужасныхъ конвульсіяхъ. Пришлось самимъ сейчасъ же придушить несчастное животное, такъ какъ только съ помощью этого средства возможно было кое-какъ успокоить суматоху, поднявшуюся между конями. Среди такой-то кутерьмы, не ранѣе какъ полчаса спустя послѣ обрыва лошади въ воду, удалось четвертому понтону подойдти близко къ берегу; только высадиться сразу неудалось, по причинѣ мелководья. Пришлось орудія и ящики перетаскивать на рукахъ; но усилія одной команды 4-го взвода были недостаточны, чтобы втащить ихъ съ берега на высоту, и потому поручикъ Лихачевъ самъ вскарабкался на утесъ и кликнулъ сверху нѣсколько волынскихъ солдатъ на помощь. Общими

Гибель парома 1-го взвода.

усиліями удалось, наконецъ, вытянуть обѣ пушки на возвышенность, и появленіе этихъ орудій пришлось какъ нельзя болѣе кстати: турки густою цѣпью сильно насѣдали на нашихъ съ гребня смежной, командующей высоты, такъ что принудили даже рѣдкую цѣпь волынцевъ податься нѣсколько назадъ. Первая граната, пущенная нашимъ горнымъ орудіемъ съ разстоянія въ 200 саженъ, въ высшей степени удачно разорвалась среди турецкихъ рядовъ и сразу заставила ихъ пріостановиться.

(Продолженіе будетъ).

*) Лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады подпоручикъ. Тюрбертъ былъ временно прикомандированъ ко 2-й горной батареѣ, изъ состава гвардейскаго конвоя Императорской квартиры.

Къ рисункамъ.

Вечеръ въ богатомъ персидскомъ домѣ.

Русскіе приглашены на вечеръ къ богатому персіянину въ Шахрудѣ. Раздается рѣзкая, нѣсколько однообразная, мелодія оригинальныхъ мѣстныхъ инструментовъ: музыка все быстрѣе и одушевленнѣе, красивый маленькій плясунъ все живѣе и легче несется по ковру. Закутанныя женщины, толпясь, выглядываютъ на гостей изъ дверей своей половины. Молодой офицеръ у стола съ любопытствомъ поглядываетъ на нихъ...

Таково содержаніе картинки. Персіянки въ своихъ гаремахъ ведутъ жизнь очень замкнутую; плясать, появляться открытыми передъ чужими онѣ не могутъ — это позоръ для порядочной женщины. Поэтому пляшутъ мальчики—„батчи" особенно обучаемые и часто очень искусные въ пляскахъ. Единственно доступное удовольствіе женщины — это прогулка безъ мужскаго контроля „по мѣстамъ благочестія".

Приглашенные должны пройти сперва внутренній дворикъ съ садикомъ, затѣмъ подняться по каменной лѣстницѣ на кирпичную площадку крыши дома. Справа родъ залы съ тремя тяжелыми занавѣсами, составляющими ея переднюю стѣнку и сзади глухая сѣрая стѣна миніатюрной гостиной. Эта гостиная служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и спальнею для пріѣзжихъ гостей. Глянцемъ блестятъ ея алебастровыя стѣны, съ десяткомъ маленькихъ нишъ, каминомъ и рѣзными дверьми, съ отверстіемъ вверху вмѣсто окна. Ниши уставлены стеклянными блюдечками и стаканчиками для шербета, чайниками, миніатюрными кофейными чашками, подносиками и узорными подсвѣчниками. На устланномъ превосходнымъ хорасанскимъ ковромъ полу стоятъ кальяны съ серебряными и хрустальными резервуарами. По стѣнамъ мѣдные большіе бра съ стеариновыми свѣчами. Подъ этимъ верхнимъ жильемъ женская половина, недоступная для посторонняго. Для русскихъ поставлены стулья и столикъ — знакъ особой вѣжливости и вниманія. Самъ Хаджи-ага сидѣвшій на уступѣ пола на толстомъ коврѣ, радушно привѣтствовалъ гостей. Передъ чаемъ взрослый сынъ Хаджи подавалъ на мѣдной тарелочкѣ сладкія лепешки. Затѣмъ началось питье чаю изъ маленькихъ чашечекъ и пошелъ разговоръ—хозяинъ кое какъ говорилъ по русски.

Островъ и городъ Корфу.

Самый сѣверный изъ Іоническихъ острововъ, Корфу, лежитъ близъ Кефалоніи и принадлежитъ нынѣ Греціи; онъ имѣетъ для нея весьма важное стратегическое значеніе, какъ укрѣпленный пунктъ и какъ обладающій обширными и глубокими бухтами, въ которыхъ могутъ помѣститься значительныя морскія силы. По своей обширности (64 версты длиины, 40 в. ширины и 1,606 в. въ окружности) по густотѣ своего населенія (73,000 жит.) Корфу рѣзко отличается отъ другихъ острововъ Іоническаго архипелага, а по богатству и разнообразію своихъ естественныхъ произведеній онъ всегда слылъ за одинъ изъ самыхъ благословенныхъ и плодоносныхъ уголковъ земнаго шара. Такъ одного оливковаго масла добывается здѣсь и вывозится до 200,000 боченковъ; другіе продукты острова состоятъ изъ маиса, апельсиновъ, померанцевъ, фигъ, меду, шелку и льна. Винодѣліе теперь здѣсь въ упадкѣ, но преданія древности могутъ служить указаніемъ, что оно упало здѣсь отъ дурнаго ухода за виноградомъ и что при улучшеніи этого ухода здѣшнее вино можетъ снова пріобрѣсть свою прежнюю классическую извѣстность. Судьба іоническаго архипелага была неразрывно связана съ судьбою другихъ греческихъ республикъ, которыя то становились свободными, то подпадали подъ власть чужеземцевъ. Такимъ образомъ и Корфу, то пріобрѣталъ временно свободу, то дѣлался владѣніемъ сильнаго тогда Коринѳа, пока не былъ покоренъ окончательно, сначала Македоніей, а потомъ Римомъ (въ 229 г. до Р. Х.). Въ 11 вѣкѣ его два раза захватывали норманны, а въ 1386 году имъ овладѣла Венеція, сильно его укрѣпившая и державшая въ своей власти до 1797 года. Венеціанскіе nobili распоряжались такъ жестоко и самовластно съ бѣдными островитянами, что послѣдніе были очень рады, когда французы освободили ихъ отъ долгаго и ненавистнаго ига. Въ 1799 году подъ стѣнами Корфу внезапно появился союзный русско-турецкій флотъ подъ предводительствомъ адмираловъ Ушакова и Хадыкъ Бея и овладѣлъ островомъ. Тогда же, по желанію Императора Павла I была образована такъ называемая республика семи соединенныхъ острововъ, подъ верховнымъ владычествомъ Порты и подъ покровительствомъ Россіи. Весь этотъ періодъ времени до 1867 года на Іоническихъ островахъ не прекращались безпорядки и борьба партій, пока по Тильзитскому договору они опять не были уступлены Франціи. Между тѣмъ Англія, пользуясь смутнымъ и тревожнымъ состояніемъ континентальной Европы, мало по малу захватывала въ Іоническомъ архипелагѣ островъ за островомъ, такъ что впослѣдствіи во власти Франціи оставался одинъ лишь Корфу, но и онъ по рѣшенію вѣнскаго конгресса и по особому договору 1815 года былъ уступленъ Англіи. Но и сорокавосьмилѣтнее управленіе англичанъ все-таки не могло подавить народнаго влеченія жителей Корфу къ возсоединенію съ родною Греціей. Волненія не прекращались и, поддерживаемые постоянно *гетеріями* или тайными обществами, вынудили, наконецъ, англичанъ отказаться отъ своей незаконной добычи и уступить Іоническіе острова греческому королевству. 26-го мая 1864 года удалился изъ Корфу англійскій лордъ-коммиссаръ, увозя съ собою войско, артиллерію и флотъ, а 8-го іюня корфіоты уже встрѣчали короля Георга и привѣтствовали его съ единодушнымъ восторгомъ.

Городъ Корфу лежитъ на восточномъ берегу острова, раскинутый на узкой полосѣ земли, съ трехъ сторонъ окруженный моремъ и, кромѣ того, сжатый, какъ тѣсной рамкой, стѣнами своихъ грозныхъ укрѣплепій.

Населеніе его простирается до 15,000 и состоитъ, конечно, большею частью изъ греческаго элемента, но кромѣ грековъ здѣсь живетъ много итальянцевъ, албанцевъ и представителей другихъ народностей.

Внутренность города представляетъ довольно невзрачную и безпорядочную картину: повсюду виднѣются кривыя, узкія улицы, плохо мощенныя или совсѣмъ безъ мостовой, идущія то внизъ, то вверхъ уступами, такъ что по нѣкоторымъ изъ нихъ проѣхать въ экипажѣ нѣтъ никакой возможности.

Лучшее зданіе въ городѣ, это безспорно Palazzo Reale, т. е. королевскій дворецъ, выстроенный изъ бѣлаго мальтійскаго камня, въ три этажа съ красивыми боковыми павильонами. Прекрасная широкая, мраморная лѣстница ведетъ въ средній этажъ, въ которомъ между прочими комнатами помѣщается тронная зала. Въ одномъ изъ угловъ послѣдней стоитъ позолоченное кресло, которое нѣкогда занималъ лордъ-коммиссаръ Англіи во время торжественныхъ собраній. Нынѣшнее королевское семейство посѣщаетъ дворецъ довольно рѣдко, а больше проводитъ лѣтніе, душные мѣсяцы въ своей виллѣ Mon repos, находящейся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города и съ терассы которой открывается прелестный видъ на море и на дальнія горы. На дорогѣ въ эту уединенную виллу лежитъ небольшой монастырь Платитера, гдѣ въ фамильномъ склепѣ покоится прахъ знаменитаго государственнаго мужа и великаго патріота графа ди-Каподистріа, посвятившаго всю свою жизнь дѣлу освобожденія и обновленія горячо любимой имъ родины.

Н. Б.

„Бэла" (герой нашего времени) М. Ю. Лермонтова.

Исторія бѣдной черкесской княжны, какъ извѣстно, составляетъ первую главу знаменитаго романа М. Ю. Лермонтова „Герой нашего времени". Предназначивъ повидимому Бэлу, Максима Максимыча, Грушницкаго и многихъ другихъ служить какъ бы второстепенными лицами при нѣсколько надуманной и теперь потерявшей свое прежнее значеніе личности героя романа, поэтъ часто отвлекается отъ этого. Могучій, блестящій талантъ невольно заводитъ его въ сторону отъ его задачи, и являются эти всѣмъ извѣстныя эпизоды „Тамань", „Максимъ Максимычъ", „Бэла", „Фаталистъ" — которыя помимо отдѣльнаго смысла самаго романа навсегда останутся гордостью нашей литературы.

Разсказъ, какъ извѣстно, мастерски перемѣшанъ и связанъ съ превосходнымъ эпизодомъ кражи коня у джигита Казбича, на котораго братъ Бэлы вымѣнялъ свою сестру, похитивъ ее для Печорина.

— Какъ она пляшетъ, какъ поетъ, соблазняетъ Казбича Азаматъ, нѣтъ такой жены и у турецкаго Падишаха!...

— Григорій Александрычъ ей каждый день дарилъ что нибудь, разсказываетъ Максимъ Максимычъ. Первые дни она молча, гордо отталкивала подарки. Когда онъ настаивалъ, чтобы она его поцѣловала, она только повторяла: „паджаласта не нада!" наконецъ заплакала. „Я твоя плѣнница, твоя раба! Ты можешь меня принудить..."

И Печоринъ не выдержалъ. Онъ явился однажды къ ней и объявилъ, что она свободна, что онъ ошибся, думая, что она его полюбитъ.

— Ты здѣсь полная хозяйка, говорилъ онъ, я уѣду—только вспомни обо мнѣ когда нибудь и прости меня...

— Стоя за дверью, говорилъ Максимъ Максимычъ, я смотрѣлъ—мнѣ стало жаль: такая смертная блѣдность покрыла это милое личико. Едва онъ дотронулся до двери, чтобы уходить, какъ она вдругъ вскочила, зарыдала и бросилась ему на шею... Я, стоя за дверью не то чтобъ заплакалъ, а такъ — глупость... Да, прибавилъ капитанъ, потомъ, теребя усы, мнѣ стало досадно, что ни одна женщина такъ меня не любила... Григорій Александрычъ наряжалъ ее какъ куколку, холилъ и лелѣялъ и такъ она похорошѣла, что чудо! Съ лица и рукъ загаръ сошелъ, румянецъ разъигрался на щекахъ... А глаза какіе! Такъ и сверкали какъ два угли! Ужъ какая, бывало, веселая и все надо мной, проказница, подшучивала... Богъ ей прости!...

Казбичъ, которому не удалось похитить Бэлу, смертельно ранитъ ее. Трогательный разсказъ о смерти бѣдной княжны заканчиваетъ мастерской эпизодъ.

— Около десяти часовъ она пришла въ себя, разсказываетъ капитанъ, мы сидѣли у постели. Только что открыла глаза, начала звать Печорина. Я здѣсь, моя джанечка (милочка), сказалъ онъ и взялъ ее за руку.

— Я умру, тихонько сказала она.

Мы начали ее утѣшать, говорили, что лекарь обѣщаетъ вылечить. Она покачала головкой и отвернулась къ стѣнѣ. Не хотѣлось ей умирать!..

Ночью начала бредить; голова горѣла, по всему тѣлу пробѣгала дрожь лихорадки. Она говорила несвязно объ отцѣ и братѣ; просилась въ горы, домой... Потомъ говорила о немъ, о Печоринѣ, тихо упрекала его въ томъ, что онъ разлюбилъ свою джанечку...

Онъ слушалъ ее молча, опустивъ низко голову на руки... Къ утру бредъ прошелъ; съ часъ она лежала неподвижная, блѣдная и въ такой слабости, что едва можно было замѣтить, что она дышетъ; потомъ ей стало лучше и она начала говорить и какъ вы думаете о чемъ? Эдакая мысль придетъ, вѣдь, только умирающему!.. Начала печалиться о томъ, что она не христіанка и что на томъ свѣтѣ душа ея не встрѣтится съ душою Григорія Александровича и что иная женщина будетъ въ раю его подругой. Мнѣ пришло на мысль окрестить ее передъ смертью: я это предложилъ; она посмотрѣла на меня въ нерѣшимости и долго не могла слова вымолвить; наконецъ отвѣчала, что умретъ въ той вѣрѣ, въ которой родилась. Такъ прошелъ цѣлый день. Какъ она перемѣнилась въ этотъ день! Блѣдныя щеки впали, глаза сдѣлались большіе, большіе; губы горѣли. Она чувствовала внутренній жаръ, какъ будто въ груди у ней было раскаленное желѣзо.

Передъ утромъ стала она чувствовать тоску смерти, начала метаться, сбила перевязку, кровь потекла... Когда перевязали рану, она на минуту успокоилась и стала просить Печорина, чтобы онъ ее поцѣловалъ. Онъ сталъ на колѣни возлѣ кровати, приподнялъ ея головку съ подушекъ и прижалъ свои губы къ ея похолодѣвшимъ губамъ; она крѣпко обвила его шею дрожащими руками, будто въ этомъ поцѣлуѣ хотѣла передать ему свою душу. Нѣтъ, она хорошо сдѣлала что умерла!...

Признаться, меня вотъ что печалитъ, прибавляетъ трогательно добродушный Максимъ Максимычъ, что она передъ смертью ни разу не вспомнила обо мнѣ; а, кажется, я вотъ какъ отецъ любилъ ее... Ну—да Богъ ее проститъ! И вправду молвить—что же я такое, чтобъ обо мнѣ вспоминать передъ смертью!...

„Рано утромъ мы ее похоронили за крѣпостью, у рѣчки, возлѣ того мѣста, гдѣ она въ послѣдній разъ сидѣла; кругомъ ея могилки теперь разрослись кусты бѣлой акаціи и бузины. Я хотѣлъ было поставить крестъ, заключаетъ капитанъ, да, знаете, неловко: все-таки она была нехристіанка...“

Мы какъ можно сжатѣе напомнили только нѣкоторыя черты этого превосходнаго эпизода, но думаемъ, что онъ достаточно и безъ того извѣстенъ нашимъ читателямъ. На нашемъ рисункѣ прелестное личико княжны какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ граціозному представленію, которое составляется по прочтеніи разсказа.

Видъ города Эривани. Рис. Фердинандъ, грав. Гильберандъ.

Первобытная растительность.

Перенесясь воображеніемъ въ прошлое нашей планеты, мы должны были бы забыть ту внѣшность ея, къ которой мы такъ привыкли. Картина должна представиться грандіозная, но совсѣмъ иная. Нѣтъ многолюдныхъ, цвѣтущихъ городовъ съ ихъ шумной суетой. Вмѣсто богатыхъ нашенъ и садовъ, вмѣсто цѣлыхъ цвѣтущихъ мѣстностей, обработанныхъ человѣкомъ, заселенныхъ имъ, прорѣзанныхъ рельсами желѣзныхъ путей и телеграфными линіями по всѣмъ направленіямъ,—безконечные дикіе непроходимые лѣса и болота. Но и эти дѣвственные лѣса постепенно измѣняли свой видъ—формы этихъ „великановъ“ первобытнаго царства совершенно необычны для нашего глаза. Въ эпоху, отдаленную отъ насъ на цѣлыя тысячелѣтія, поверхность земли походила на колоссальную теплицу, среди которой было разбросано множество болотистыхъ пространствъ, наполненныхъ порослями; здѣсь скоплялась теплая вода, образовывавшаяся изъ густой атмосферы, тяжело и низко налегшей на землю. Постоянные разливы, или скорѣе, потопы, сгоняли съ поверхности въ глубь тѣхъ водъ растительные остатки, покрывавшіе почву. Эти явленія способствовали чрезмѣрному развитію могучей и причудливой растительности, совершенно несхожей съ нашей и по органическому строенію своему гораздо ниже нашей. Какъ царство животное началось огромнымъ развитіемъ и распространеніемъ преимущественно моллюсковъ, рыбъ и плавающихъ гадовъ прежде обитателей суши—ползающихъ гадовъ, птицъ, млекопитающихъ,—и первобытная флора представляется намъ въ видѣ различныхъ громадныхъ хвощей, папоротниковъ, плавуновъ и голосѣмянныхъ (гимноспермы), прежде достиженія высшаго типа сосудосѣмянныхъ (агнюспермы), снабженныхъ уже правильными цвѣтами и органомъ, предназначеннымъ для развитія зародыша.

Это—эпоха образованія залежей ископаемаго, каменнаго угля. Растительность этой эпохи бѣднѣе растительности нашего времени по численности и относительному совершенству типовъ, но, съ другой стороны, она была выше по силѣ и плодовитости растеній, принадлежавшихъ, правда, къ классамъ низшимъ, но которые, совершенствомъ организаціи своей, превосходили формы, относящіяся нынѣ къ тѣмъ же низшимъ классамъ. Причудливость и, часто, слишкомъ рѣзкое различіе первобытныхъ растеній отъ растеній намъ современныхъ, долго служили препятствіемъ, не допускавшимъ ихъ точнаго опредѣленія и классификаціи. Бюффонъ видѣлъ въ нихъ папоротники, принесенные морскими теченіями изъ Индіи, другіе изслѣдователи считали ихъ бамбукомъ, пальмой, или же кактусовыми изъ породъ индійской смоковницы; породы мареновидныя смѣшивались съ кольчатыми. Только изысканія Шлотгейма, Штернберга, въ недавнее время, Адольфа Броньяра, и терпѣливыя изслѣдованія цѣлаго поколѣнія ученыхъ (Гейницъ, Геннертъ, Корда, Виннея, Шимпера и друг.)—пролили, наконецъ, свѣтъ въ этотъ хаосъ. Теперь уже это начинаетъ разъясняться; явилась возможность возстановить видъ ископаемой растительности въ ея цѣломъ, сгруппировать ее и возсоздать пейзажъ этихъ отдаленныхъ временъ. Далѣе всѣхъ другихъ подвинулся на этомъ пути молодой французскій ученый Грандъ'Эри. Долго работалъ онъ въ глубинѣ подземныхъ галлерей и шахтъ, подвергая тщательному изслѣдованію слои, стебли, карбонизовавшіеся на мѣстѣ; онъ открылъ множество неизвѣстныхъ до него особей и поставилъ на прочную почву дальнѣйшія изысканія въ этой отрасли науки.—Грандъ'Эри, возсоздавая первобытные пейзажи, классифицируетъ растенія по группамъ; это распредѣленіе не произвольное, напротивъ—оно совершенно соотвѣтствуетъ породамъ; изысканія молодаго ученаго доказали, что извѣстныя растительныя сочетанія, такъ сказать, господствовали, одно за другимъ, поочередно, складывая и накопляя остатки свои въ каменноугольныхъ слояхъ. При посредствѣ своего метода Грандъ'Эри возсоздалъ цѣльныя изображенія, каламаріевъ, папоротниковъ, лепидодендроновъ, сигилларіевъ и, наконецъ, гимноспермовъ (голосѣмянныхъ), а въ числѣ ихъ—кордаитъ. На первой нашей картинкѣ изображены различные виды растеній типа каламаріевъ, т. е. такихъ, которыя имѣли желобчатые, бороздчатые стебли, снаружи суставчатые, внутри пустые. Надо замѣтить, однако, что растенія, сгруппированныя подъ однимъ общимъ наименованіемъ каламаріевъ, имѣютъ только одно внѣшнее сходство. Грандъ'Эри указалъ, насколько онѣ, вопреки этому поверхностному сходству, различаются между собою. Каламиты, изображенныя въ серединѣ гравюры, имѣли видъ обнаженно-цилиндрической колонны, почти всег-

(Продолженіе на стр. 81, 82, 83 и 84).

да безъ боковыхъ отростковъ и вѣтвей. Астерофиллиты составляютъ отдѣльное семейство, имѣющее сродство съ типомъ другихъ исчезнувшихъ водяныхъ растеній, какъ sphenophyllum и annularia, пловучія листья которыхъ имѣли форму развернутыхъ, расправленныхъ розетокъ. Астерофиллиты, съ своимъ покрываломъ изъ узкихъ листьевъ и кольчатыми сучьями вокругъ главнаго стебля, напоминаютъ лиственницу и, въ особенности одно японское дерево, называемое sciadopitys. Это, несомнѣнно, лишь весьма отдаленная аналогія, но она указываетъ намъ на изящество древняго типа. По мнѣнію Гранд-Эри, астерофиллиты были растенія съ слабымъ стеблемъ, гнувшимся подъ тяжестью листьевъ, увѣнчивавшихъ ихъ вершину. Каламодендроны, которыхъ Гранд'Эри первый отличилъ отъ астерофиллитовъ, какъ онъ полагаетъ, принадлежали къ числу болѣе крѣпкихъ, солидныхъ растеній и походили на колонны, оканчивавшіяся, на верху, вѣтвистыми сучьями, покрытыми кольчатыми листьями; онѣ, повидимому, относились къ виду голосѣмянныхъ, тогда какъ астерофиллиты—къ тайнобрачнымъ сосудистымъ, болѣе совершеннымъ по организаціи.

Второй рисунокъ вводитъ насъ въ среду совершенно иной растительной группы, именно группы, образовавшей, въ сосѣдствѣ съ водами, или же на болотистой почвѣ,—семейство папоротниковъ. Нѣкоторыя изъ этихъ растеній достигали огромной высоты, онѣ были древообразны и ихъ стволъ, поддерживавшійся у основанія множествомъ расползавшихся кореньевъ, заканчивался, на своей вершинѣ, пукомъ большой листвы, весьма изящной формы. Листва эта и стволы были сначала разсмотрѣны Гранд'Эри отдѣльно одно отъ другого и, затѣмъ, уже соединены имъ въ одно цѣлое, возсоздающее предъ нами первобытный типъ. Первыя извѣстны подъ родовымъ названіемъ пекоптерій, сходствуя съ растмараттіей,—исключительно тропической въ наше время; стволъ, называемый колоптеріемъ,—былъ, снаружи, обыкновенно, усѣянъ щитками, правильно расположенными. Другіе виды папоротника, столь же распространенные, менѣе высоки; ихъ листья выходили изъ луковичнаго корня и достигали громаднаго развѣтвленія. Эти папоротники извѣстны, съ давнихъ поръ, подъ именемъ невроптеріевъ и одонтоптеріевъ; листья, разсмотрѣнныя отдѣльно, получили названіе олакоптеріевъ, а корни—медуллоза. Невроптериды сравниваютъ съ папоротниками нашего времени, принадлежащими къ мараттіямъ и далеко не достигающими размѣровъ своего первообраза.

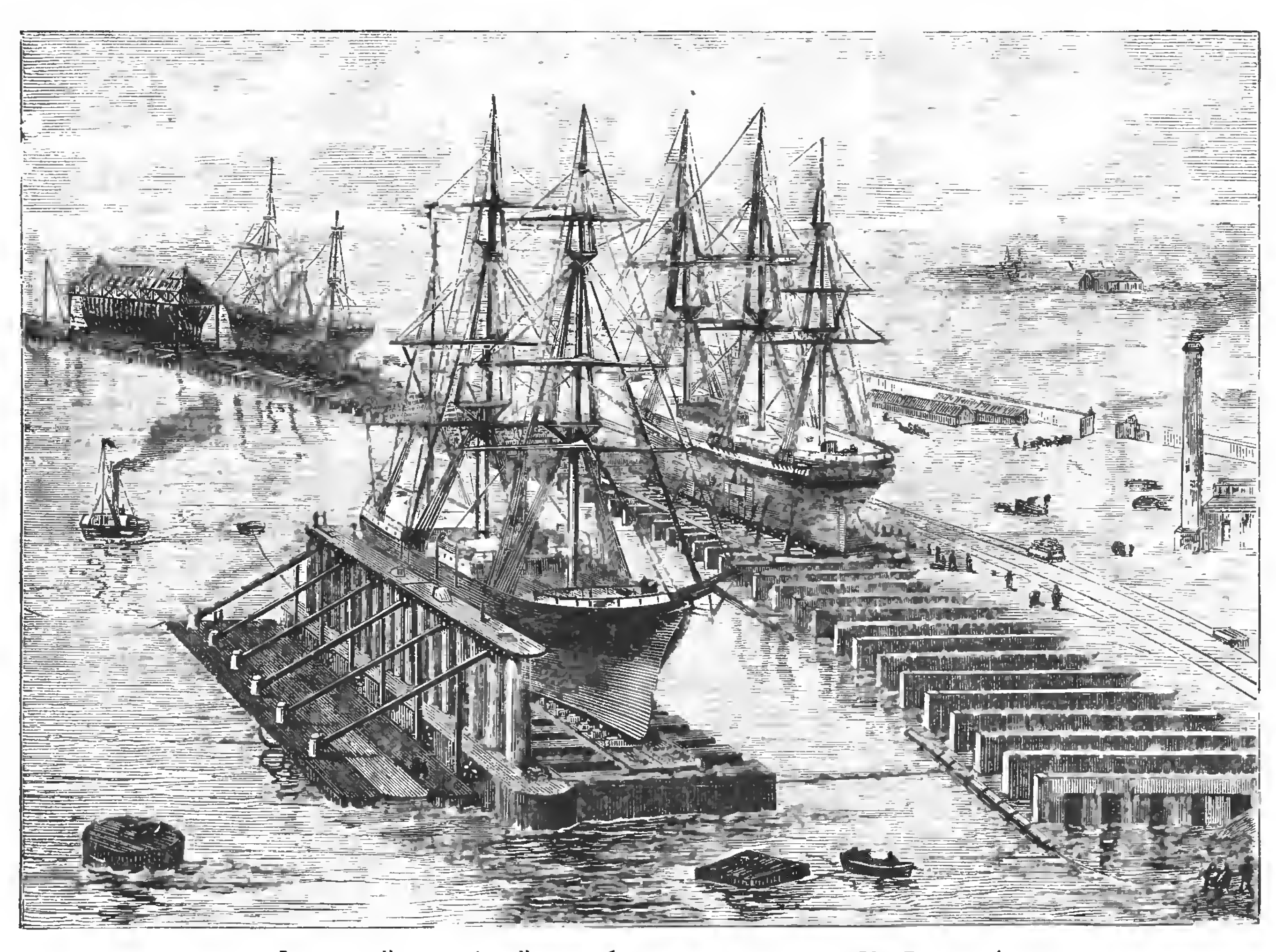
Эривань.

Эривань (по персидски Ревань, по армянски Эреванъ) главный городъ бывшей армянской, а нынѣ Эриванской губерніи занимаетъ высокій, лѣвый берегъ, быстрой и шумной горной рѣки Занчи. Начинаясь на высокомъ холмѣ, городъ спускается амфитеатромъ все ниже и ниже и оканчивается крѣпостью. Дома жителей лѣпятся одинъ надъ другимъ и построенные изъ глины и дикаго камня, съ плоскими кровлями представляютъ собою какую-то безформенную, сѣрую массу и только высокіе минареты да зелень садовъ нѣсколько оживляютъ эту однообразную картину. По зато окрестные виды здѣсь прелестны; и стоитъ лишь обернуться чтобы увидѣть вдали, грозныя очертанія съ одной стороны Алагеза, а съ другой Арарата, отстоящаго отсюда на разстояніи 50 верстъ. Видъ этихъ двухъ горъ дѣйствительно очень грандіозенъ и не удивительно что ихъ такъ восторженно воспѣлъ нашъ поэтъ-воинъ Д. В. Давыдовъ въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи:

Арагъ шумитъ, Аратъ гремитъ,
Арату вторитъ ключъ нагорный
И Алагезъ, нахмурясь, спитъ
И тонетъ въ влагѣ долъ узорный
И вѣетъ съ дремлющихъ садовъ
Зефиръ восточнымъ ароматомъ
И межъ сребристыхъ облаковъ
Луна плыветъ надъ Араратомъ.

Но при входѣ въ городъ самое сильное поэтическое чувство должно исчезнуть при видѣ этой каменистой или песчаной почвы не производящей никакой растительности безъ непрерывнаго, искуственнаго орошенія. Благодаря только этому орошенію здѣсь существуютъ сады, огороды и небольшія пашни и садоводство составляетъ одно изъ главныхъ занятій немногочисленнаго городскаго населенія не превышающаго 7,000 душъ.

Начало Эривани теряется въ историческомъ мракѣ, который нисколько не разсѣялся отъ разныхъ хитроумныхъ догадокъ армянскихъ историковъ. Такъ, основателемъ города по ихъ мнѣнію былъ Ной, которому эта мѣстность очень полюбилась по выходѣ изъ ковчега. По другимъ, нелегендарнымъ источникамъ Эривань основанъ въ 103 году по Р. Х. армянскимъ царемъ Ардашемъ II и во времена бѣдствій и превратностей,

Доки въ Николаевѣ. (Херс. губ.) Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

испытанныхъ армянскимъ царствомъ, городъ сталъ предметомъ раздора между Турками и Персами. Такъ въ 1582 году Эриванью овладѣли Турки и построили здѣсь небольшую крѣпость, которой остатки еще существуютъ и до нынѣ и мечеть, обращенную въ 1827 году въ православную церковь Покрова Пресвятыя Богородицы. Въ 1604 г. Эривань снова захватили Персы и оградили крѣпостью; но, по смерти Абасса Великаго, Турки опять овладѣли городомъ и лишь въ 1535 году принуждены были возвратить его шаху Сефи. Послѣ еще многихъ переходовъ изъ рукъ Персовъ въ руки Турокъ и обратно Эривань въ 1828 году по Туркменчайскому договору была присоединена къ Россіи.

Одинъ изъ главнѣйшихъ историческихъ памятниковъ Эривани—это персидская крѣпость, заключающая въ себѣ дворецъ Сердаря, съ трехъ сторонъ окруженная рвомъ и упирающаяся двумя довольно высокими стѣнами въ лѣвый скалистый берегъ Занги. На правомъ берегу рѣки возвышается высокій холмъ, называемый Ираклiевою горою по имени Грузинскаго царя Ираклія, осаждавшаго Эривань въ концѣ прошлаго столѣтія. Дворецъ Эриванскаго Сердаря состоитъ изъ трехъ отдѣленій, имѣвшихъ въ старину различное назначеніе. Повсюду еще сохранились остатки персидской живописи напоминающей наши мпоическія народныя сказанія о разныхъ силачахъ и богатыряхъ съ тою разницей, что всѣ персидскіе герои изображены съ громадными, падающими чуть не до пять бородами и что ихъ подвиги, исключительно состоятъ въ избіеніи невѣрныхъ или въ охотѣ на хищныхъ звѣрей и преимущественно тигровъ. Изъ оконъ дворца видъ прелестный, такъ какъ это зданіе построено вровень съ обрывистымъ, скалистымъ берегомъ Занги. Другія достопримѣчательности Эривани — его многочисленные ея водопроводы и каравал саран. Въ послѣднихъ можно встрѣтить почти всѣхъ представителей дальняго востока въ ихъ яркихъ и разнообразныхъ костюмахъ. Поклонники пророка чувствуютъ здѣсь себя какъ дома; торгуютъ, занимаются ремеслами, готовятъ кушанье, брѣютъ голову—однимъ словомъ и дѣлаютъ что имъ вздумается, нисколько не стѣсняясь прохожими. Здѣсь же вы можете познакомиться съ мѣстнымъ виноградомъ, сливами, дулями, дынями, такъ какъ все это продается за безцѣнокъ или отвѣдать здѣшняго вина, которое хотя и значительно уступаетъ кахетинскому, но довольно пріятно на вкусъ.

При восточныхъ привычкахъ и наклонностяхъ жителей Эривани, физіономія города Азіатская. Улицы распланировываются подъ прямыми углами, но при этомъ существуетъ еще множество такихъ кривыхъ и узкихъ закоулковъ, которые доступны лишь пѣшеходу или всаднику. Въ послѣдніе годы устроено въ Эривани два городскихъ сада и приняты мѣры къ лучшему освѣщенію города. Водопроводы составляютъ здѣсь цѣлую сѣть, разносящую воду по всему городу, почти во дворъ каждаго дома. Кромѣ того устроены бассейны и фонтаны на каждой площади и при каждой мечети. У послѣднихъ всегда видны толпы правовѣрныхъ, совершающихъ здѣсь свои частыя, обычныя омовенія и остающихся притомъ равнодушными ко всевозможной грязи.

Николаевскій пловучій и перемѣщающій докъ

Доки бываютъ постоянные и пловучіе. Подъ именемъ *постояннаго дока* разумѣется глухой каналъ, вырытый на берегу и имѣющій одинъ входъ со стороны рейда или гавани. Во входномъ отверстіи его устраиваются ворота, герметически разобщающія каналы съ рейдомъ или гаванью. Эти доки служатъ для постройки и починки судовъ и существуютъ, на примѣръ, въ Кронштадтѣ со временъ Петра Великаго. Пользуются ими слѣдующимъ образомъ: посредствомъ шлюза наполняютъ докъ водою и открываютъ ворота: затѣмъ вводятъ корабль въ докъ, устанавливаютъ его такъ, чтобы впослѣдствіи киль его сѣлъ на особыя подставки и готовятъ подпоры; наконецъ закрываютъ ворота, изъ канала или дока до суха выкачиваютъ воду и тогда корабль садится на подпоры. Въ мѣстахъ, гдѣ бываютъ высокіе приливы, корабли вводятся въ докъ во время прилива, а во время отлива вода выпускается изъ дока посредствомъ шлюза, что избавляетъ отъ расходовъ на выкачку воды.

Кромѣ вышеописанныхъ, постоянныхъ доковъ имѣются еще *пловучіе*, которые служатъ не только для починки, но и для перевода вновь построенныхъ глубокосидящихъ судовъ чрезъ мелководья. Таковы, например, доки, перевозящія большіе военные корабли изъ Невы въ Кронштадтъ, чрезъ Невскій баръ. Въ существенныхъ своихъ чертахъ такой докъ ничто иное, какъ три узкихъ, высокихъ пустыхъ, закупоренныхъ ящика взаимно и прочно связанныхъ, изъ которыхъ нижній, служащій основаніемъ, положенъ на воду плашмя, а другіе поставлены стоймя на двухъ противоположныхъ сторонахъ нижняго ящика. Такимъ образомъ, если на подобный докъ мы взглянули бы спереди или сзади, то онъ имѣлъ бы для насъ видъ обращенной буквы *п*. Чтобы поднять корабль на такой докъ, пустоты послѣдняго наполняютъ водою до тѣхъ поръ, пока верхняя грань нижняго (горизонтальнаго) ящика не удалится отъ поверхности воды на величину осадки поднимаемаго корабля. Тогда вводятъ корабль въ средину дока (т. е. устанавливаютъ его между боковыми ящиками), укрѣпляютъ и выкачиваютъ воду изъ ящиковъ: докъ при этомъ постепенно выплываетъ, а вмѣстѣ съ нимъ выходитъ изъ воды и корабль.

Николаевскій докъ, изображенный на рисункѣ въ этомъ № „Нивы“, представляетъ собою одинъ изъ совершеннѣйшихъ видовъ пловучаго дока. Онъ изобрѣтенъ г. Кларкомъ и выстроенъ для Николаевскаго порта въ Мильуолѣ, на заводѣ Кларка, Стэнфильда и К°. Доки Кларка отличаются отъ всѣхъ другихъ пловучихъ доковъ тѣмъ, что, не только быстро поднимаютъ суда, но могутъ передавать самыя большія изъ нихъ на берегъ и обратно, взявъ съ берега судно, могутъ перенести его по назначенію и тамъ спустить на воду. Чтобы представить себѣ устройство Кларковскаго или Николаевскаго дока въ общихъ чертахъ, вообразите рѣдкій гребень, положенный горизонтально и имѣющій пустотѣлые широкіе зубцы, именуемые понтонами; а на черенкѣ гребня—большой и пустой ящикъ, установленный вертикально. При наполненіи водою понтоновъ (зубцовъ) и вертикальнаго ящика, докъ будетъ погружаться; а слѣдовательно, если на понтоны поставить корабль и затѣмъ изъ частей дока выкачать воду, то послѣдній будетъ всплывать вмѣстѣ съ кораблемъ. Понятно, что отъ тяжести корабля, подобный докъ долженъ наклоняться набокъ—опрокидываться—во время выхода изъ воды, потому что вертикальный ящикъ у него имѣется съ одной только стороны. Для противодѣйствія опрокидывающему вліянію тяжести корабля, г. Кларкъ устроилъ при вертикальномъ ящикѣ, со стороны, противоположной понтонамъ (зубьямъ),—*плотъ противовѣсъ*, показанный на рисункѣ. Этотъ *плотъ-противовѣсъ*, посредствомъ особыхъ механическихъ приспособленій, всегда остается горизонтальнымъ и, по мѣрѣ погруженія дока, поднимается вдоль его вертикальнаго ящика.

Чтобы принять корабль съ берега или передать его на берегъ поступаютъ такъ: вдоль берега устраивается рядъ свайныхъ выступовъ, взаимно удаленныхъ на величину, равную ширинѣ доковыхъ понтоновъ (зубьевъ); затѣмъ подводятъ докъ съ кораблемъ къ берегу такъ, чтобы свайные выступы наполнили пустоты между понтонами и осторожно наполняютъ докъ водою; послѣдній погружается и корабль садится на свайные выступы; послѣ этого отводятъ докъ отъ берега и вновь выкачиваютъ изъ него воду. Для принятія корабля съ берега на докъ поступаютъ обратно. Свайные выступы бываютъ постоянные и чѣмъ больше ихъ, тѣмъ большее число судовъ можно поставить на берегу для исправленій, осмотра или окраски подводной части. Николаевскій докъ поднимаетъ суда до 4,000 тоннъ водоизмѣщенія и исполняетъ эту работу, приблизительно въ полтора часа времени. Онъ былъ заказанъ для Чернаго моря преимущественно по той причинѣ, что большая ширина круглыхъ судовъ (поповокъ) дѣлаетъ негодными для нихъ обыкновенные плавучіе доки, потому что у нихъ входъ непревышаетъ 80 футъ, а діаметръ поповокъ 100 и 120 футъ.

Е. Березинъ.

Политическое обозрѣніе.

Миръ или переговоры — Комиссія Восточной Румеліи. — Кризисъ Англіи. — Государственный совѣтъ во Франціи

Съ напряженнымъ вниманіемъ ожидаемъ мы извѣстія, какого либо, наконецъ, рѣшительнаго извѣстія—быть ли миру, или вновь потянутся безконечные, томительные „переговоры“. И вотъ—приходитъ, на дняхъ, депеша, сообщающая (отъ 15-го января н. с.), что „сегодняшнее совѣщаніе между турецкими и русскими уполномоченными будетъ, какъ полагаютъ, послѣднее, что Порта считаетъ подписаніе мирнаго договора предстоящимъ въ столь скоромъ времени, что уже назначила Салами-Пашу начальникомъ турецкихъ войскъ, которыя должны занять Адріанополь“. Затѣмъ сообщается, что наши власти дѣлаютъ уже распоряженія относительно перевозки русскихъ войскъ. Но—отъ 18-го января—новая депеша: „*Порта требуетъ измѣненія пограничной линіи со стороны Добруджи!*“ Что значитъ эта неопредѣленная (до времени, какъ обыкновенно бываетъ) дипломатическая фраза? Какими границами соприкасается нынѣ Оттоманская имперія съ Румынской, теперь, Добруджей? Обѣихъ этихъ странъ касается только одна область—Черное море. Такъ не въ томъ ли дѣло, чтобы Портѣ уступить какой либо пунктъ на Добруджинскомъ берегу этого моря? Для чего? Вѣроятно для стоянки флота... Не правдоподобнѣе ли предположеніе, что пунктъ этотъ можетъ превратиться въ другой Кипръ?

Въ Константинополѣ положеніе сводится къ тому, что пока Хайреддинъ и Каратеодори-Паша пользуются большимъ довѣріемъ султана и могутъ, по справедливости, считаться главами настоящаго кабинета. Но это не мѣшаетъ и другому лицу въ

министерствѣ пользоваться почти такимъ же вліяніемъ. Лицо это—министръ юстиціи Саидъ-Паша (котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ бывшимъ гофмаршаломъ и морскимъ министромъ). Въ случаѣ паденія нынѣшняго великаго визиря, преемникомъ его, говорятъ (Nat. Zeit.), дѣлается Саидъ-Паша. Впрочемъ, паденіе Хайреддина еще не считаютъ близкимъ, не смотря на всѣ затрудненія и интриги, съ которыми ему приходится бороться. Бывшій великій визирь Савфетъ-Паша назначенъ, какъ извѣстно, посланникомъ въ Парижъ; но, по слухамъ, онъ не охотно принялъ этотъ постъ. Вскорѣ послѣ назначенія его, великому визирю пришла мысль удалить изъ Константинополя и Мегмеда-Рушди-Пашу. Неизвѣстно—прочили ли его тоже сначала на дипломатическій постъ, но, потомъ, зашла рѣчь о назначеніи его генералъ-губернаторомъ въ Бруссу. Хайреддинъ-паша лично отправился въ Бебекъ, гдѣ живетъ Рушди, чтобы уговорить его согласиться на это назначеніе; но—всѣ его убѣжденія были тщетны. Мегмедъ-Рушди отказался, ссылаясь на плохое здоровье свое. Въ числѣ высшихъ сановниковъ, остающихся нынѣ не у дѣлъ, слѣдуетъ еще назвать Сервера-Пашу, занимавшаго въ послѣдній разъ должность министра Юстиціи. хотя, собственно, онъ спеціалистъ по иностраннымъ дѣламъ. Уже нѣсколько разъ ходили слухи о назначеніи его комисаромъ Порты въ Подгорицу, въ надеждѣ, что ему удастся сладить съ арнаутами, по—помня участь Мегмеда-Али-Паши, Серверъ положительно отказался отъ этого лестнаго порученія. Теперъ поговариваютъ объ отправленіи его посланникомъ въ Вѣну. Министръ Финансовъ Зугди-Паша заявилъ, что намѣревается оставить свой постъ, если совѣтъ министровъ не приступитъ немедленно къ обсужденію предложеній, имѣющихъ цѣлью создать новые источники дохода въ размѣрѣ 3-хъ милліоновъ турецкихъ ливровъ въ годъ, а также если по прежнему будутъ затягиваться формальные переговоры съ иностранными державами о введеніи новыхъ таможенныхъ тарифовъ.

Въ „Politische Correspondenz“ сообщаютъ нѣкоторыя подробности о дѣятельности комисіи по организаціи Восточной Румеліи: проектъ органическаго статута для этой провинціи содержитъ въ себѣ 14 главъ, изъ которыхъ до сихъ поръ разработаны окончательно лишь двѣ. Согласно дополнительнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ газ. „Times“, въ засѣданіи 8-го января, комисія окончила обсужденіе третьей главы статута, касающейся обязанностей генералъ-губернатора. Полагаютъ, что всѣ работы будутъ окончены не прежде 1-го мая. Послѣ этого статутъ будетъ представленъ на утвержденіе султана и державъ, подписавшихъ берлинскій трактатъ. Пока это не будетъ выполнено, турецкій генералъ-губернаторъ, по мнѣнію Россіи, не можетъ вступить въ должность. Разногласія, существовавшія прежде въ средѣ комисіи, въ настоящее время исчезли и между членами ея, какъ говорятъ, установились самыя дружелюбныя отношенія. Эту перемѣну приписываютъ примирительному образу дѣйствій перваго русскаго уполномоченнаго. Что касается кандидатовъ на самую должность румелійскаго генералъ-губернатора, то ходили слухи, будто на эту должность прочатъ Рустема-пашу, бывшаго посланника Порты при С.-Петербургскомъ дворѣ, и въ настоящее время занимающаго постъ губернатора Ливана.

Увидимъ,—каково „пройдетъ“ примѣненіе всѣхъ этихъ статутовъ на дѣлѣ. Пока, истинное настроеніе Румеліи хорошо всѣмъ извѣстно. Телеграфъ принесъ свѣдѣніе о новомъ теченіи въ этомъ броженіи; въ Восточной Румеліи, какъ передаетъ депеша, идетъ агитація противъ возстановленія турецкаго владычества послѣ выступленія русскихъ войскъ: комитетъ дѣйствія принялъ лозунгомъ: „генералъ-губернаторъ изъ европейцевъ или война!“. въ скоромъ времени предполагается подать великимъ державамъ петицію о назначеніи европейскаго генералъ-губернатора.

Британія переживаетъ, въ настоящее время, серьезный финансовый кризисъ: одни банки за другими прекращаютъ платежи, многія фабрики сокращаютъ производство, уменьшаютъ заработную плату, массы рабочихъ остаются безъ работы — бѣдствіе велико. Что еще заставитъ Биконсфильдъ испытывать страну, ввѣрившую ему свою судьбу.

Во Франціи проектируется преобразованіе государственнаго совѣта, которое, по проекту Дюфора, должно состоять въ томъ, чтобы въ каждомъ изъ четырехъ отдѣленій совѣта было прибавлено по два новыхъ члена. Измѣненіе это имѣетъ цѣлью нейтрализовать реакціонный духъ, господствовавшій, до сихъ поръ, въ этомъ учрежденіи. Президентомъ сената избранъ Мартель.

Въ пятницу, 12-го января, происходило бракосочетаніе ея императорскаго высочества великой княжны Анастасіи Михаиловны съ его королевскимъ высочествомъ наслѣднымъ великимъ герцогомъ Фридрихомъ Мекленбургъ-Шверинскимъ.

Къ 12½ часамъ, въ залахъ Зимняго дворца собрались всѣ лица, коимъ было назначено по высочайше утвержденному для бракосочетанія церемоніалу. Караулы въ этотъ день были выставлены: въ Николаевскомъ залѣ—отъ кавалергардскаго полка, въ Фельдмаршальскомъ и Гербовомъ—отъ частей гвардіи, коихъ шефомъ состоитъ родитель августѣйшей невѣсты, отъ л.-гв. конногренадерскаго полка и отъ 2-й батареи гвардейской конно-артиллерійской бригады, а въ Пикетной комнатѣ—отъ 8-го гренадерскаго московскаго великаго герцога Фридриха Мекленбургскаго полка.

Ровно въ часъ начался высочайшій выходъ изъ внутреннихъ покоевъ въ придворный соборъ, причемъ, Государь Императоръ изволилъ шествовать подъ руку съ великою герцогинею Мекленбургъ-Шверинскою, великій герцогъ съ Государынею Цесаревною, а августѣйшая невѣста со своимъ высокопарѣченнымъ женихомъ.

По окончаніи вѣнчанія и принесенія высоко-бракосочетавшимися благодаренія Государю Императору, ихъ королевскимъ высочествамъ и ихъ императорскимъ высочествамъ великому князю Михаилу Николаевичу и великой княгинѣ Ольгѣ Ѳеодоровнѣ—Государь Императоръ, съ ихъ королевскимъ высочествами и со всею императорскою фамиліею, изволилъ перейти изъ собора въ Александровскій залъ, гдѣ устроенъ былъ алтарь, роскошно изукрашенный экзотическими растеніями. Здѣсь, передъ алтаремъ, совершено было бракосочетаніе по обряду евангелическо-лютеранской церкви мекленбургъ-шверинскимъ суперъ-интендентомъ, въ сослуженіи съ мѣстнымъ лютеранскимъ духовенствомъ.

По совершеніи обряда, Государь Императоръ и высочайшія особы изволили прослѣдовать обратно во внутренніе покои.

Въ 5 часовъ, въ Николаевскомъ залѣ происходилъ высочайшій обѣдъ а вечеромъ, въ Георгіевскомъ залѣ, балъ.

Возвышеніе налоговъ.

Въ послѣднее время приняты важныя мѣры по возвышенію гербоваго сбора, установленію новыхъ правилъ производства и торговли водочными издѣліями, установленію сбора съ пассажирскихъ билетовъ багажа и грузовъ большой скорости, на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ, возвышенію пошлины съ застрахованія имуществъ отъ огня.

Сборъ съ пассажирскихъ билетовъ установляется съ 1-го и 2-го классовъ по 25% а съ 3-го класса по 15%. Грузы в пассажирскій багажъ подлежатъ взиманію казеннаго сбора въ размѣрѣ 25% съ провозной платы. Пошлина съ застрахованія имуществъ отъ огня исчисляется по той суммѣ, въ которой имущество страхуется съ каждой 1000 р. въ годъ 75 копѣекъ а въ мѣсяцъ по 6¼ коп. Съ каждой полной или неполной сотни руб. въ годъ по 7½ коп. а въ мѣсяцъ по ¾ коп. Этому сбору не подлежитъ обязательное земское страхованіе и перестрахованіе вообще. Что касается гербоваго сбора, то онъ установленъ въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Росписаніе разборовъ гербовой бумаги.

Вексельной.

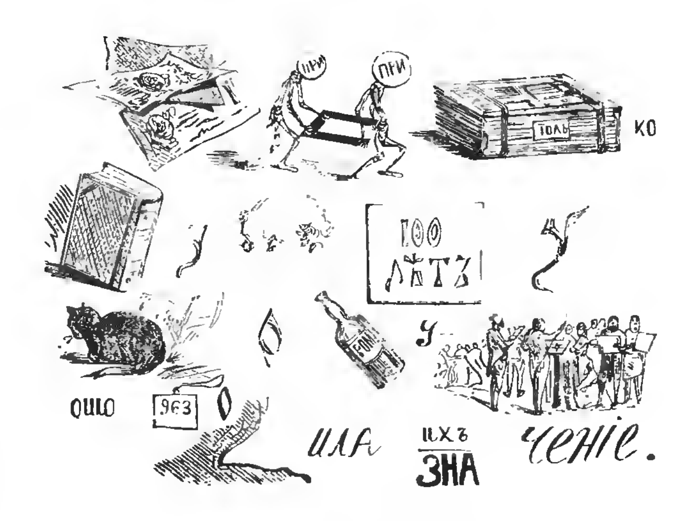
Разборъ бумаги	Сумма	Цѣна листа. Руб.	К.
1	До 50 руб.	—	5
2	Свыше 50 до 100 р	—	10
3	» 100 » 200 »	—	25
4	» 200 » 300 »	—	35
5	» 300 » 400 »	—	45
6	» 400 » 500 »	—	60
7	» 500 » 600 »	—	65
8	» 600 » 700 »	—	75
9	» 700 » 800 »	—	85
10	» 800 » 900 »	—	95
11	» 900 » 1,000 »	1	—
12	» 1,000 » 1,500	1	60
13	» 1,500 » 2,000 »	2	10
14	» 2,000 » 3,200 »	3	10
15	» 3,200 » 4,000 »	4	30
16	» 4,000 » 6,400 »	5	65
17	» 6,400 » 8,000 »	7	50
18	» 8,000 » 10,000 »	9	50
19	» 10,000 » 12,000	11	50
20	» 12,000 » 15,000 »	13	—
21	» 15,000 » 20,000 »	17	50
22	» 20,000 » 25,000 »	23	—
23	» 25,000 » 30,000 »	28	—
24	» 30,000 » 40,000 »	35	—
25	» 40,000 » 50,000 »	45	—

Актовой.

Разборъ бумаги	Сумма	Цѣна листа. Руб.	К.
1	Отъ 50 до 300 р.	1	—
2	Свыше 300 » 900 »	2	50
3	» 900 » 1,500 »	4	30
4	» 1,500 » 2,000 »	5	65
5	» 2,000 » 3,000 »	8	75
6	» 3,000 » 4,500 »	12	50
7	» 4,500 » 6,000 »	16	25
8	» 6,000 » 7,500 »	22	—
9	» 7,500 » 9,000 »	25	—
10	» 9,000 » 10,000 »	29	—
11	» 10,000 » 12,000 »	32	50
12	» 12,000 » 13,000 »	38	—
13	» 13,000 » 15,000 »	42	—
14	» 15,000 » 18,000 »	50	—
15	» 18,900 » 21,000 »	57	—
16	» 21,000 » 30,000 »	82	—
17	» 30,000 » 15,000 »	125	—
18	» 35,000 » 60,000 »	169	—
19	» 60,000 » 90,000 »	250	—
20	» 90,000 » 120,000 »	332	—
21	» 120,000 » 150,000 »	115	—
22	» 150,000 » 225,000 »	625	—
23	» 225,000 » 300,000 »	825	—

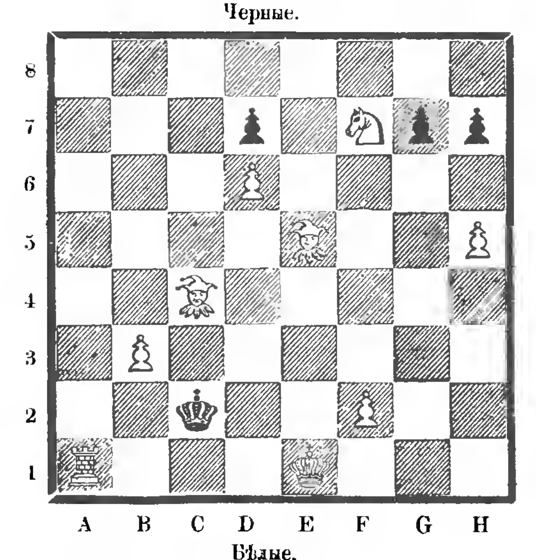
Гербовому сбору подлежатъ: Всѣ документы вмѣсто 40 к.—въ 60 к. счеты и пр. вмѣсто 5 к —въ 10 к.

РЕБУСЪ.

Шахматная задача № 3.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Рѣшеніе шахматной задачи № 2.

Бѣлые.	Черные.
1) Конь D 4—F 5	1) Какъ угодно.
2) Конь даетъ матъ.	

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Не будутъ напечатаны стихи:

1) „Затишье". В. Н. 2) „Мое воспоминаніе" А. Н Бу скаго. 3) „Ночь" А Кр—ва 4) „Два періода" Е. Ді—вой. 5) „Встрѣча новаго года" А Дуб—каго. 6) Муцій Сцеволѣ." поэма А. Пов—скаго. 7) „Несчастье насъ постигло" М. Квен—скаго. 8) „Зачѣмъ, когда передо мной сіяетъ" Р. Юр—о.

Р R

Какъ сосенка станъ мой былъ строенъ
Вился кольцомъ волоса,
Ротъ правиленъ, руки изящны
И ночи темнѣе глаза...

Вы, значитъ, были очень красивы. Но стихи неудачны. Природа не даетъ всего одному.

Спб. А. П—ну. Что же печатать неудачные ребусы.

Москва ул. Бас. С. Л. Если авторъ стихотвореній дѣйствительно такого возраста, то, согласитесь, странно встрѣтить у такой юной особы безпрестанныя обращенія „къ нему" и сообщенья о „страданіяхъ" и о томъ, что „счастья въ жизни нѣтъ". Стихи не могутъ быть помѣщены.

Москва П. Кап—ну. Весьма благодарны вамъ за лестное мнѣніе о нашемъ журналѣ и желаніе способствовать посильно его успѣху. Вы пишете:

Когда то я *любимымъ* былъ тобою,
Когда-то я и самъ любилъ тебя;
Но ты давно разсталася со мною,
Въ душѣ своей другого полюбя и т. д.

Мы боимся, что вы ошибаетесь, полагая, что такія строфы могутъ способствовать успѣху журнала.

Ив. А. Хот—ицову. Если вы посылаете марку, то нужно прилагать адресъ а не ссылаться, что вы его сообщили отъ 5-го числа прошлаго мѣсяца. Получается такъ много, что нельзя хранить и помнить всѣ адресы, по поводу каждаго стихотворенія или ребуса.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Ф. БЕРГЪ.**

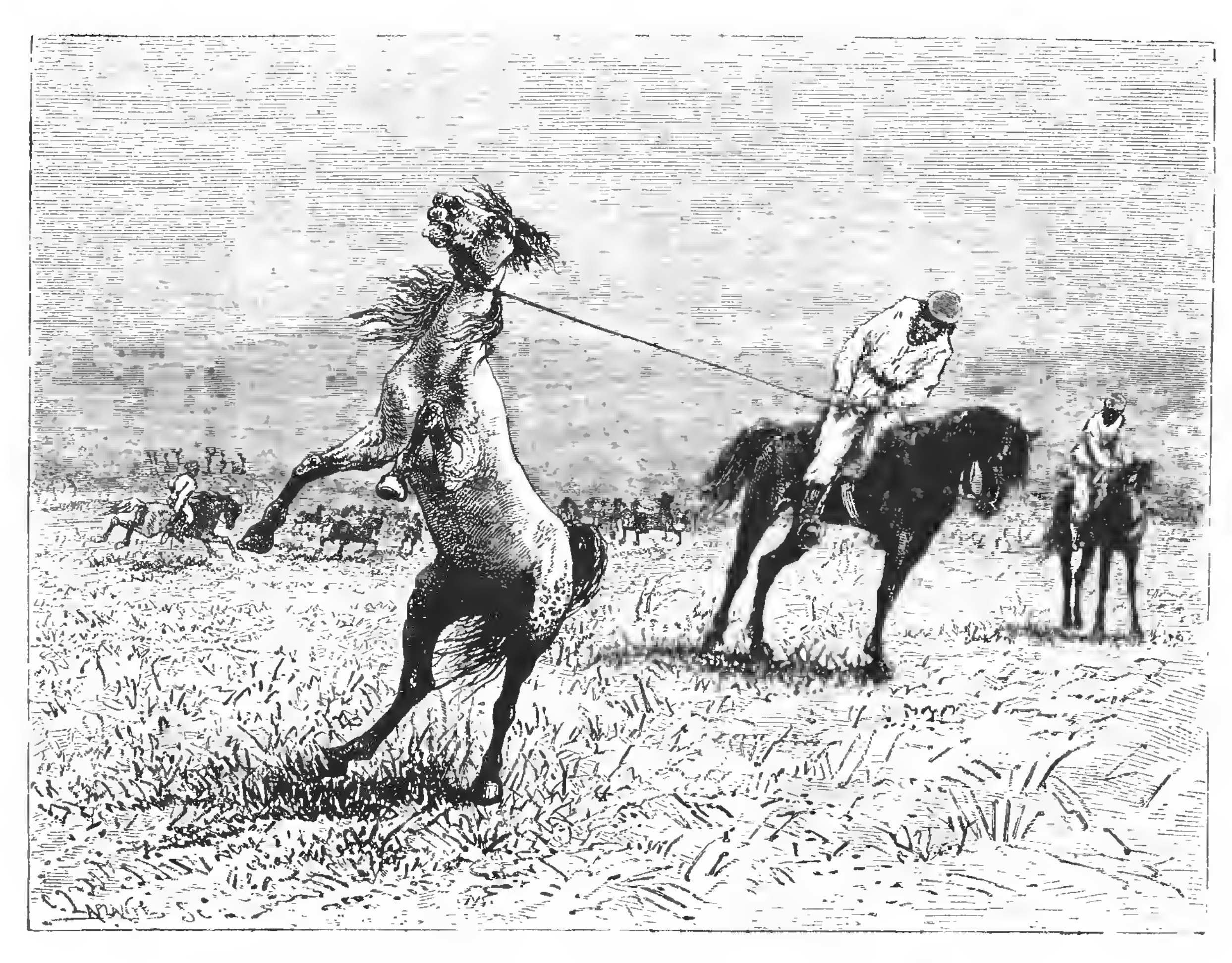
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою СПБ. 18 Января 1879 г.

№ 5 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40).
Выданъ 29 Января 1879 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ пересл. 20 к.

Ловля степныхъ лошадей на Дону. Рис. Делоръ, грав. Лаплантъ.

Плѣнный турокъ.

(Очеркъ)

Въ одно ненастное утро, въ половинѣ сентября прошлаго года, пассажирскій поѣздъ изъ Курска прибылъ къ платформѣ Московскаго вокзала. Съ этимъ поѣздомъ, приходящимъ въ Москву въ 8 час. утра, пріѣзжаетъ не особенно много пассажировъ привиллегированнаго класса, особенно изъ отдаленныхъ мѣстъ, потому что онъ, въ сравненіи съ курьерскимъ и почтовымъ, идетъ гораздо тише и имѣетъ весьма длинныя остановки на станціяхъ. Если вы и увидите въ пассажирскомъ поѣздѣ кого либо во 2, а особенно въ 1 классѣ, то навѣрное можно сказать, что этотъ пассажиръ ѣдетъ изъ какой либо близь лежащей мѣстности въ Москву по дѣлу и воспользовался этимъ поѣздомъ только благодаря его удобному, раннему приходу въ Москву. Большинство же пассажировъ этого поѣзда принадлежитъ къ такъ называемому сѣрому народу и совершаетъ свое путешествіе въ 3-мъ классѣ, да и то потому что нѣтъ четвертаго класса.

Изъ одного вагона 3 класса, гдѣ помѣщалась публика *по чище*, вышла на платформу особа женскаго пола, тепло укутанная и въ платкѣ на головѣ. Особа эта представляла собою типъ купчихи средней руки, на видъ ей было лѣтъ 40 съ небольшимъ, она была не много выше средняго женскаго роста, весьма полная, лицомъ румяна и довольно красива, глаза сѣрые и казались весьма невелики, вслѣдствіе полноты лица; что называется король-баба. Въ рукахъ у нея были довольно большой сакъ-вояжъ и узелъ.

— Сударыня, позвольте вещи, я вынесу на извощика, подскочилъ ловкій молодой артельщикъ, протягивая руки къ багажу путешественницы.

— Не надо,—сама не барыня, руки не отвалятся, проговорила она, продолжая идти.

— Что же вамъ самимъ безпокоиться!

— Отцѣпись, окаянный, сказано сама донесу, энергично воскликнула купчиха и вошла въ вокзалъ 2 класса.

— Кавалеръ, обратилась она къ сторожу, какіе тутъ по близости номера есть, подешевле?

— А вотъ тутъ на углу южные номера, очень хорошіе, отвѣтилъ тотъ.

— Да спокойно ли тамъ, ты видишь я одна, женщина, да простоять то мнѣ всего одну ночь, а завтра и домой.

— Будьте покойны, тишина и порядокъ тамъ завсегда, потому самъ хозяинъ завѣдуетъ.

По указанію сторожа, купчиха поручила служителю южныхъ номеровъ свой багажъ и сама отправилась за нимъ слѣдомъ.

Теперь прошу позволенія читателей представить имъ новую обитательницу южныхъ номеровъ.

Марфа Степановна Густолѣсова, вдова, купчиха города С., имѣетъ свой домъ и двѣ лавки, которыя отдаетъ внаймы; прошло уже девять лѣтъ какъ она овдовѣла и послѣ смерти своего сожителя, Никанора Потапыча, прекратила заведенную имъ торговлю панскими товарами, лавки сдала внаймы, также и большой домъ, а сама поселилась въ маленькомъ флигелѣ съ особымъ дворомъ и огородомъ и жила только вдвоемъ со старухою кухаркою. Кромѣ весьма хорошаго для уѣздной купчихи дохода съ большого дома и лавокъ, Марфа Степановна, по увѣренію сосѣдей, имѣла и порядочныя деньжонки. Она, что называется, жила въ свое удовольствіе и была вполнѣ довольна своимъ положеніемъ, но прошлою весною съ нею случилось небольшое происшествіе, имѣвшее большое вліяніе на ея жизнь и весьма сильно ее озаботившее. Это происшествіе и было причиною пріѣзда ея въ Москву, гдѣ она была всего раза два еще при жизни покойнаго Никанора Потапыча.

Достаточно поторговавшись и поспоривши, Марфа Степановна заняла номеръ и обратилась къ прикащику съ вопросомъ:

— А что, молодецъ, не знаешь ли ты здѣсь батюшку отца Василія?

— А въ какомъ они приходѣ? спросилъ прикащикъ.

— Не знаю, голубчикъ, не знаю. Знаю только отецъ Василій Ивановичъ, кажись Свѣтовидовъ, его прозвище. Онъ, видишь ли, былъ у насъ въ С. священникомъ у Покрова, ну, старъ сталъ, приходъ передалъ затю, а самъ-то онъ вдовый, переѣхалъ вотъ въ Москву къ племяннику, племянникъ у него тутъ не то попъ, не то дьяконъ и въ хорошемъ какомъ-то приходѣ, богатомъ, домъ у него свой, а съ дома-то одного дохода получаетъ никакъ тысячи четыре въ годъ.

— Вамъ бы у зятя-то спросить его адресъ, замѣтилъ прикащикъ.

— То-то и есть, милый человѣкъ, что зятя то его отъ насъ изъ города перевели, отвѣчала Марфа Степановна, потому и узнать то не у кого. Былъ у насъ какъ-то слухъ, что нашъ отецъ Василій у племянника то своего въ раннихъ батюшкахъ ходитъ.

— Вамъ самое лучшее узнать это въ адресномъ столѣ, посовѣтовалъ прикащикъ.

— Это гдѣ же будетъ?

— Въ канцеляріи у оберъ-полиціймейстера.

— Что ты! пойду я туда! въ полицію-то? воскликнула Густолѣсова. А мнѣ вотъ одинъ старичокъ въ вагонѣ совѣтовалъ въ концысторію ихнюю сходить,—тамъ, говоритъ, вамъ все это разскажутъ.

— Можетъ быть, что и въ консисторіи узнаете, отвѣтилъ прикащикъ.

Читатели, можетъ быть, затрудняются понять названіе „ранній батюшка". Обыкновенно при каждой церкви есть священникъ, настоятель храма; въ нѣкоторыхъ приходахъ побогаче, священники нанимаютъ на свой счетъ какого нибудь безмѣстнаго священника въ помощь себѣ—эти наемные священники обыкновенно исполняютъ требы у бѣдныхъ прихожанъ, служатъ вечерни, заутрени и раннія обѣдни и вотъ потому-то они и носятъ особое названіе „раннихъ батюшекъ". Эти ранніе батюшки обыкновенно бываютъ очень стары, большею частью изъ тѣхъ, которые за дряхлостью передали свои приходы и остались за штатомъ.

Добравшись до консисторіи, Марфа Степановна обратилась къ одному изъ писцовъ, постоянно выбѣгающихъ изъ канцеляріи въ сѣни и на дворъ покурить и посмотрѣть, не навернется ли какой нибудь проситель за справкою.

— Мнѣ, батюшка, вотъ нужно узнать, гдѣ живетъ отецъ Василій? обратилась Густолѣсова.

— А кто онъ такой: попъ или дьяконъ?

— Священникъ, батюшка, Василій Ивановичъ Свѣтовидовъ, онъ тутъ въ Москвѣ у племянника своего въ раннихъ батюшкахъ.

— Ну, если не знаете въ какомъ приходѣ,—трудно будетъ найдти.

— Похлопочи, голубчикъ, я ужe буду тебѣ благодарна, проговорила Густолѣсова.

— Можно-съ, только хлопотъ-то очень много: меньше рубля этого сдѣлать нельзя.

— Что ты ополоумѣлъ что-ли! воскликнула Гостолѣсова. Рубль! шутка сказать! Да, что у васъ въ Москвѣ рубли-то на улицѣ валяются штоли? Мнѣ, вонъ, прикащикъ въ номерахъ говорилъ, что въ полиціи, въ какомъ-то вишь столѣ такъ все это за семитку сдѣлаютъ, да только я по такимъ то мѣстамъ ходить непривычна. А ты—рубль!

— Ну, извольте за полтинникъ ужь для васъ постараюсь, проговорилъ писецъ, видя, что купчиха знаетъ настоящій путь отыскать адресъ.

— Ни за что! хочешь три гривенника, только чтобы мнѣ въ полицію не идти, продолжала Густолѣсова. Да скоро ли ты это сдѣлаешь?

— Завтра утромъ все исполню.

— А развѣ сейчасъ нельзя?

— Никакъ невозможно, потому теперь присутствіе.

— Ну, смотри же, завтра я приду, проговорила Густолѣсова, вручая въ видѣ задатка 15 коп. Ишь, ты! говорила она про себя, идя по дорогѣ въ южные номера; приказная строка! рубль! ишь что захотѣлъ! радъ, стрикулистъ эдакій, пріѣзжаго человѣка облапошить! ну, да я, вѣдь, не таковская! меня не обманешь!

На другой день рано утромъ консисторскій писецъ получилъ изъ адреснаго стола адресъ ранняго батюшки и, по приходѣ Густолѣсовой, вручилъ ей и получилъ условленную остальную плату. Оказалось, что отецъ Василій жилъ въ центрѣ города, въ домѣ своего племянника-священника, у котораго онъ ходилъ въ раннихъ батюшкахъ.

Получивъ адресъ, Марфа Степановна прямо отправилась отыскивать своего ранняго батюшку, такъ какъ она думала всего прожить въ Москвѣ одни сутки, а между тѣмъ у нея вчерашній день уже пропалъ даромъ.

Отыскала она отца Василія весьма скоро и хотя они уже лѣтъ восемь не видались, но тотъ ее тотчасъ узналъ. Послѣ первыхъ привѣтствій, она разсказала ему свое дѣло и тотъ ей отвѣтилъ:

— Трудное ваше дѣло, матушка, мой совѣтъ вамъ тутъ не поможетъ, а я вотъ что скажу вамъ матушка: у моего племянника есть зять въ докторахъ, умнѣйшій господинъ, онъ недавно съ войны вернулся: регалій сколько имѣетъ—такъ вотъ вамъ бы съ нимъ посовѣтоваться.

— Да какъ же, батюшка, вѣдь я его не знаю, возразила Густолѣсова.

— Это мы устроимъ, я вотъ пойду къ внучкѣ, супругѣ его,—они, вѣдь, тутъ живутъ у отца, попрошу ее,—она это устроитъ. По моему, онъ вамъ можетъ помочь, потому онъ тамъ на войнѣ о всѣхъ этихъ туркахъ вполнѣ сталъ извѣстенъ. Повѣрите ли, матушка, что онъ тамъ рукъ да ногъ пообрѣзалъ!

— Что вы, батюшка! какъ же я такъ прямо къ такому человѣку и пойду съ своей нуждой?

— Ничего, матушка, Петръ Ивановичъ предобрѣйшій человѣкъ, вотъ сами увидите.

„Ранній батюшка“ отправился къ своей внучкѣ и разсказалъ ей, что одна пріѣзжая знакомая его купчиха имѣетъ надобность посовѣтоваться съ ея супругомъ.

— Петръ Ивановичъ, обратилась она къ мужу, входя въ кабинетъ, прими, пожалуйста, одну купчиху пріѣзжую, посовѣтоваться ей съ тобою надо.

— Перестань, пожалуйста, какая тамъ купчиха, ты, вѣдь, знаешь, что я на дому больныхъ не принимаю.

— Ну, пожалуйста, прими, ранній батюшка очень проситъ.

Докторъ согласился и минутъ черезъ десять Марфа Степановна явилась къ нему въ кабинетъ. При видѣ ея, пышащей здоровьемъ, фигуры, докторъ нѣсколько изумился, думая какого это рода ея болѣзни.

— Мое почтеніе. Садитесь, пожалуйста, проговорилъ докторъ, предлагая стулъ Густолѣсовой.

Марфа Степановна молча сѣла.

— Ну-съ, чѣмъ вы страдаете?

— Охъ, батюшка, у меня серьезное дѣло.

— Сдѣлайте одолженіе, разскажите, проговорилъ докторъ.

— Я, батюшка, вамъ все какъ на исповѣди разскажу, потому что вашъ ранній батюшка много мнѣ наговорилъ про васъ, что вы мнѣ поможете.

— Будьте такъ добры разскажите, проговорилъ докторъ, приготовляясь слушать.

— Изволите ли видѣть, батюшка, послѣ покойника Никанора Потапыча я вотъ уже десятый годъ вдовѣю; по милости покойника я владѣю послѣ него вотчиною и двумя лавками и живу въ достаткѣ. Такимъ образомъ дѣло шло до нынѣшней весны. Послѣ того какъ царь, значитъ, не приказалъ солдатамъ бить этихъ турокъ а берите ихъ, говоритъ, живьемъ; ну и пошли у насъ слухи, что къ намъ привезутъ турокъ. Народъ разное толкуетъ про нихъ, потому видѣть ихъ никому не приводилось. Только немного спустя, нашъ голова и проситъ насъ всѣхъ въ думу, значитъ, чтобы мы—вотчинники собрались. Ну, требуетъ, надо идти. Пошла и я. Вотъ, говоритъ голова, господа вотчинники, привезутъ къ намъ плѣненныхъ турокъ, такъ ужь надо ихъ по домамъ разобрать, потому казармъ у насъ нѣтъ и держать ихъ негдѣ. Я ему и говорю: Иванъ Кузьмичъ, освободи ты меня отъ этихъ турокъ, мое дѣло женское, гдѣ мнѣ ихъ укараулить, да и боюсь я ихъ, проклятыхъ. Нѣтъ, говоритъ, Марфа Степановна,—это голова то, значитъ, мнѣ,—никакъ невозможно и на вашу долю двое придется, а караулить ихъ не ваше дѣло,—они и такъ не уйдутъ; а вы ужъ ихъ возьмите и поприкармливайте, потому они плѣненные. Ну, вижу, дѣлать нечего. Прихожу домой и разсказываю Матренѣ, кухаркѣ моей,—давно ужъ она у меня, еще при покойникѣ годовъ 10 жила,—такъ и такъ, говорю, турокъ двоихъ намъ дадутъ, кормить велятъ. Какъ она, значитъ, взъѣстся на меня, нѣтъ имъ, говоритъ, нехристямъ ничего, у меня говоритъ имъ и посуды то нѣтъ, вонъ развѣ, говоритъ, у барбоски черепокъ взять.

— Да, позвольте, перебилъ ее докторъ, теряя терпѣніе, вы мнѣ собственно скажите чѣмъ вы больны?

— Ничѣмъ, батюшка; Богъ милостивъ—грѣхамъ терпитъ!

— Да вѣдь вы за совѣтомъ ко мнѣ обратились?

— Такъ точно, отецъ родной; ранній батюшка это мнѣ указалъ на васъ, потому, говоритъ, умнѣйшій человѣкъ и въ вашемъ дѣлѣ можетъ присовѣтовать.

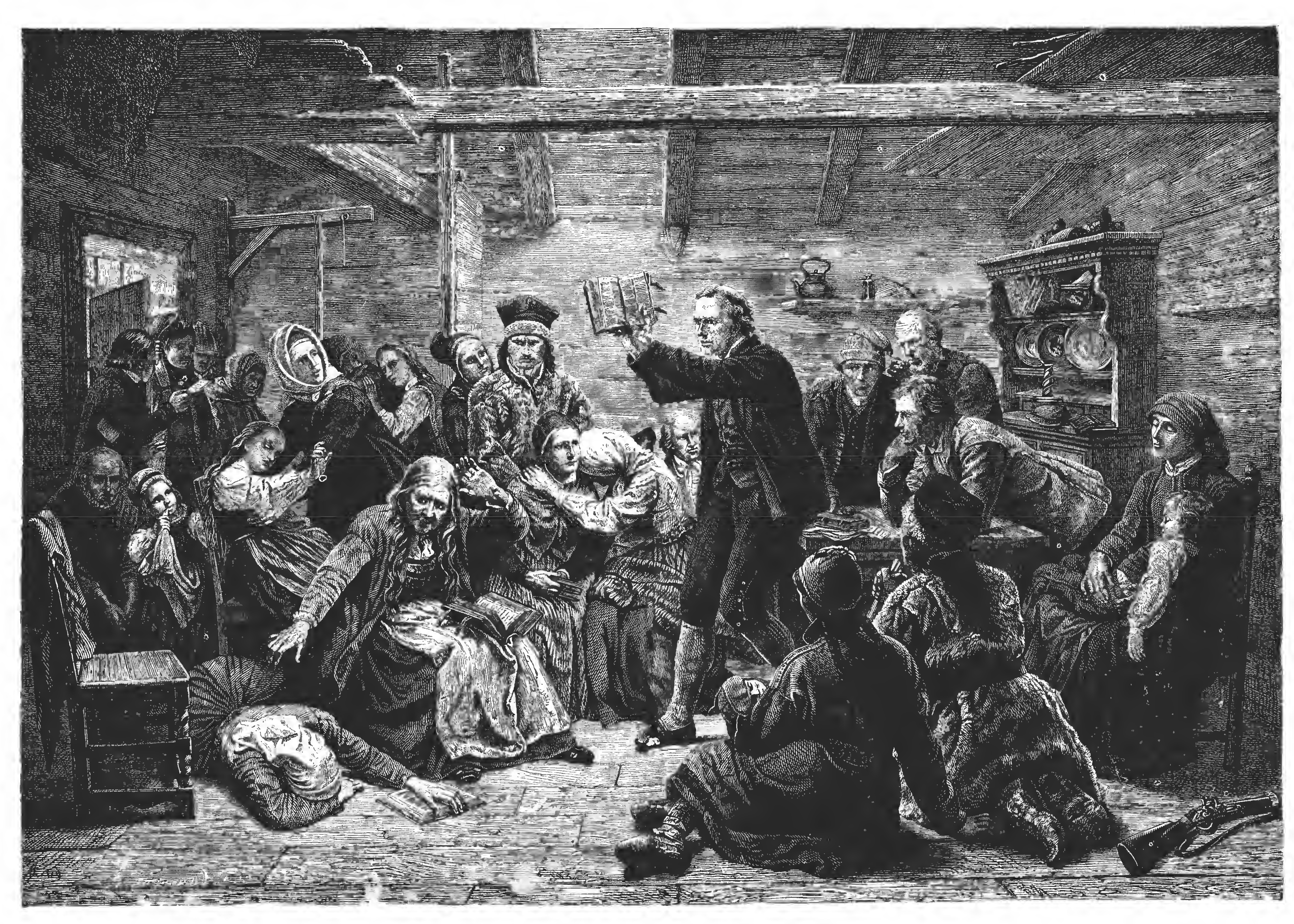
— Такъ вы, слѣдовательно ничѣмъ не больны?

— Нѣтъ, батюшка, слава Богу здорова.

Докторъ заинтересовался своею собесѣдницею и хотя видѣлъ, что для его спеціальности здѣсь нѣтъ дѣла, но ему захотѣлось узнать до конца исторію.

— Смотрю, батюшка, продолжала Марфа Степановна, на другой день къ вечеру полицейскій нашъ Прохорычъ ведетъ ко мнѣ двухъ какихъ-то; вотъ, говоритъ, Марфа Степановна, на постой къ вамъ привелъ. Кто же такіе будутъ, спрашиваю. Турки, говоритъ. Посмотрѣла я на нихъ, да такъ и ахнула; съ виду то совсѣмъ какъ люди, вотъ какъ мы съ вами, только черные такіе, особенно одинъ. Ну, дѣлать нечего, приняла ихъ въ домъ. Матрена, хоти и ругалась, все таки собрала имъ поужинать, потому видитъ, что они не ѣвши, худые такіе, страсть! Стали они жить у меня въ холодной горницѣ, что около кухни. Говорить они по нашему совсѣмъ не умѣютъ и не понимаютъ, что имъ ни говори, ужъ кажется какъ понятно скажешь, кажись трехлѣтній ребенокъ и то пойметъ, а они ничего-то не понимаютъ. Одинъ то изъ нихъ, такъ лѣтъ подъ сорокъ будетъ, худой, высокій, черный, глаза маленькіе, эдакіе злые, ну просто и образа то человѣческаго на немъ нѣтъ, смотритъ все изъ подлобья, точно вотъ тебя бѣжать хочетъ. А другой то молодой, лѣтъ 25 ему, много покрасивѣе будетъ стараго, глаза то большіе, ясные, только что вотъ не говорятъ, и носъ то большой съ горбиной, ну просто что твой нашъ молодецъ, только смуглѣе будетъ.

Живутъ они у меня такъ уже съ мѣсяцъ. Старый все волкомъ смотритъ, а помоложе такъ вотъ въ глаза и глядитъ, таково ласково, точно вотъ собака Жучка,

Фанатики-сектанты на Сѣверѣ. Картина А. Тидеманда, грав. Клосъ.

только что не говорятъ—глаза то у него. Ведутъ они себя тихо, спокойно, только между собою наединѣ все по своему что то бормочутъ, молодой все посмѣивается, а старый ворчитъ, точно ругаетъ его зачто. Думаю я, что они мой хлѣбъ-соль ѣдятъ, дай, думаю, я имъ какую ни на есть работу дамъ. Стала это я имъ толковать,—ничего не понимаютъ, повела ихъ на огородъ, показала какъ гряды окапывать, дала имъ по лопатѣ. Смотрю старшій то такою лѣниво берется, все то у него не спорится а у молодаго такъ и горитъ. Послѣ того старый все больше на дворѣ или въ огородѣ копается, но все у него дѣло плохо идетъ, а молодой то и на дворѣ и въ огородѣ и по дому кое что сдѣлаетъ, такъ вотъ и смотритъ гдѣ бы что помочь, угодить мнѣ. Ну, конечно наше дѣло женское, сердце же у меня доброе. Стала я съ нимъ по-ласковѣе да и товарищъ то его все больше на дворѣ а молодой все около меня старается какую ни на есть работу справить. Извѣстно какъ трудно нашей сестрѣ при своей вотчинѣ да безъ мущины управиться. И такъ я тебѣ скажу, батюшка, молодой этотъ турокъ понравился мнѣ, просто обошелъ меня своею угодливостью, да и понятливъ сталъ, шельмецъ. Всякую это работу мущинскую около дома, или что, произошелъ просто на удивленье. Все это шло такъ хорошо, только вотъ съ недѣлю назадъ прослышали мы, что, значитъ, война прикончилась и что всѣхъ турокъ этихъ погонятъ опять подъ турецкаго султана. Очень ужъ я огорчилась этимъ, какъ, думаю, опять я останусь одна одинешенька, безъ этого Селима опять у насъ запустѣнье пойдетъ! Ну пусть бы стараго взяли! чортъ съ нимъ!

Думала я думала и рѣшилась пойдти къ нашему исправнику. Собралась это съ духомъ, — потому смерть не люблю по такимъ мѣстамъ ходить,—а все же, вѣдь, нужда все это разузнать. Прихожу. Разсказала все какъ слѣдуетъ.

— Что же вамъ угодно? спрашиваетъ исправникъ.

— Да вотъ, говорю, нельзя ли какъ нибудь, ваше благородіе, оставить мнѣ этого самаго турку для домашняго обихода, очень ужъ надо. Я бы, говорю, все вашей милости какъ слѣдуетъ...

— Вѣдь у насъ, говоритъ, двое? Какого же вы хотите оставить? спрашиваетъ а самъ посмѣивается.

— Что вы, говорю, извѣстно Селима, помоложе. Накой шутъ мнѣ другого то.

— Нѣтъ, говоритъ исправникъ, этого я никакъ немогу, у меня, говоритъ, всѣ турки на перечетѣ и я долженъ передъ губернаторомъ въ нихъ отсчитаться.

Такъ ни съ чѣмъ и пошла. Дорогою, идя домой, и раздумалась я: какъ это такъ? неужели ужъ и одного то турку оставить нельзя! не можетъ этого быть! Поѣду думаю въ Москву, есть у меня тамъ знакомый отецъ Василій, въ раннихъ батюшкахъ ходитъ, посовѣтуюсь съ нимъ. Вотъ онъ то меня и послалъ къ вашей милости. Присовѣтуйте мнѣ—какъ бы это устроить.

— Вы слѣдовательно желаете, чтобы этотъ турокъ у васъ остался? спросилъ докторъ.

— Да, батюшка, очень ужъ онъ для домашняго то обихода мнѣ нуженъ, потому очень способенъ ко всякой работѣ, а наше дѣло женское, какъ при своей вотчинѣ да безъ мущины жить. Не мало я помаялась то послѣ покойника,—онъ хотя и старъ былъ, а все мущина.

— Я бы вамъ совѣтовалъ сходить къ губернатору, сегодня у него кстати пріемный день, вы разскажите ему все подробно...

— И онъ мнѣ позволитъ оставить Селима?

— Да, онъ можетъ это сдѣлать.

— Спасибо вамъ, батюшка; а ужъ отъ него то позвольте къ вамъ зайти, разсказать, что онъ мнѣ скажетъ; вы ужъ мнѣ растолкуете слова его а то я, пожалуй, не такъ пойму.

— Сдѣлайте одолженіе, проговорилъ докторъ, заинтересованный исходомъ страннаго ходатайства Густолѣсовой.

Часа черезъ два Марфа Степановна опять сидѣла въ кабинетѣ доктора.

— Пришла это я, батюшка, въ канцелярію, подходитъ ко мнѣ чиновникъ и спрашиваетъ: что угодно? я по вашимъ словамъ ему отвѣчаю, что имѣю дѣло до самаго князя а онъ говоритъ: изложите вашу просьбу, иначе нельзя. Я ему все разсказала и онъ и еще другіе тутъ подошли строцкіе все посмѣиваются, а потомъ говорятъ, что губернаторъ сегодня не принимаетъ. Я вижу, что это одни надсмѣшки, плюнула и пошла да, спасибо, тамъ ундеръ одинъ распросилъ меня и посовѣтовалъ мнѣ.

— Что же такое?

— Да видите ли, батюшка, ундеръ то говорилъ, что не только исправникъ и самъ губернаторъ не могутъ оставить ни одного турку, а всѣхъ должны счетомъ отправить куда то въ Одесу; туда, видите ли, пріѣдетъ самъ ихъ набольшій генералъ Османъ, приметъ всѣхъ турокъ счетомъ; потомъ ихъ будутъ вязать цѣпью и за море отправлять. Я ужъ тутъ и на обманъ пустилась, говорю: вѣдь онъ, турокъ то этотъ, такой плохонькой, его и въ счетъ то принять нельзя, объ немъ никто и не спроситъ. Никакъ, говоритъ ундеръ, не возможно, какой ни на есть паршивый, а все у него нумеръ свой есть и сдать его непремѣнно надо. А вотъ, говоритъ, если вы хотите оставить этаго турка, такъ окрестите его въ нашу вѣру и тогда, говоритъ, Османъ его взять не можетъ. Вотъ вы какъ скажете, батюшка; вы на счетъ турокъ то этихъ все знаете, — можетъ тогда Османъ его взять и за море отправить или нѣтъ?

— Думаю что не возьметъ, отвѣтилъ докторъ. Вы, значитъ, рѣшились его крестить?

— Не знаю, отецъ родной, на что и рѣшиться. Пойду вотъ къ раннему батюшкѣ посовѣтоваться не будетъ ли грѣха для моей души, что я хочу турку крестить. Пожалуй вѣдь это грѣхъ большой? Вотъ, что отецъ Василій присовѣтуетъ, а ужъ больно бы хорошо мнѣ для обихода этого турку имѣть! закончила Густолѣсова и отправилась къ раннему батюшкѣ. О. Василій рѣшилъ, что турку крестить грѣха нѣтъ никакого. Марфа Степановна въ большой радости поѣхала домой, но представьте ея горе: по пріѣздѣ домой она узнала, что еще въ день ея отъѣзда, вечеромъ, всѣ турки были отправлены въ Одессу.

Такимъ образомъ поѣздка въ Москву, расходы и всѣ хлопоты Марфы Степановны пропали даромъ и она лишилась удовольствія имѣть турку, хотя плохенькаго, для своего домашняго обихода.

А. Л—цкій.

Очерки и разсказы.

Вс. В. Крестовскаго иллюстриров. **Н. Н. Каразинымъ.**

(Продолженіе).

VI.

Систовские болгаре

(Очеркъ).

I.

16-го іюня обѣ главныя квартиры перешли въ Зимницу. Для Государя Императора избранъ былъ деревянный двухъ-этажный домъ, съ тѣнистымъ садомъ, въ западномъ концѣ мѣстечка, надъ высокимъ обрывистымъ берегомъ, съ котораго открывается дивный видъ на Систово и на всю окрестную ширь Дуная. Императорская свита помѣстилась въ палаткахъ, подъ деревьями, расположившись по обѣ стороны проѣзда, ведущаго отъ деревянныхъ воротъ къ крыльцу квартиры Его Величества. Обѣденный столъ раскинутъ тутъ же, подъ густою тѣнью высокихъ старорослыхъ деревьевъ. У воротъ стояли часо-

вые гвардейской конвойной роты, отличившейся при штурмѣ восточныхъ высотъ праваго берега. Великій Князь Главнокомандующій помѣстился со штабомъ въ другомъ концѣ, на

Главная квартира Государя Императора.

бивуакѣ. Зимница ликовала. Чуть только прослышали въ тылу о состоявшейся переправѣ, какъ тотчасъ же налетѣли сюда всевозможные іудеи, эллины, румыны, армяне и иные западные и восточные человѣки, алчущіе и жаждущіе русскаго золота, въ замѣнъ своихъ товаровъ и продуктовъ, подъ часъ болѣе чѣмъ сомнительнаго качества. Маркитантъ Брофтъ, разбившій свою палатку на какомъ-то заднемъ дворѣ, между двумя-тремя повозками, торговалъ великолѣпно и дралъ за все про все немилосердно, такъ что если сказать „въ три дорога“, то это будетъ очень умѣренно. Кабачки и лавченки растутъ, какъ грибы послѣ дождя. Въ двухъ сѣверныхъ трактирщикахъ, биткомъ набитыхъ проходящимъ офицерствомъ, цыганская музыка съ утра и до утра наигрываетъ „Постиліона“ и „Конелицу“; агенты Грегера, Горвица и Когана заняли подъ себя одно изъ лучшихъ помѣщеній и щеголяли по улицамъ въ бѣлыхъ офицерскихъ фуражкахъ съ кокардами, въ длинныхъ ботфортахъ съ огромными настежными шпорами и съ нагайками черезъ плечо, а нѣкоторые понавѣшали на себя даже револьверы и шашки. Умора, да и только! Однимъ словомъ, въ Зимницѣ весело. Да и какъ не радоваться? Переправа—эта завѣтная и томительная мечта всей дѣйствующей арміи, наконецъ совершилась и, говоря относительно, обошлась намъ очень дешево. Многіе и даже весьма компетентные люди, разсчитывали положить здѣсь тысячъ тридцать народу, а вмѣсто того мы не потеряли и тысячи. Массы войскъ придвинулись теперь къ Зимницѣ и бивуакировали вокругъ мѣстечка, въ ожиданіи своей очереди къ переправѣ; другія массы всѣхъ родовъ оружія наполняли улицы, ведущія къ спуску и всю низменность, вплоть до понтоннаго моста. Въ лагеряхъ подъ вечеръ раздаются звуки пѣсень и музыки. Такова-то была физіономія Зимницы, этого сѣвернаго румынскаго мѣстечка, стоящаго на ровной плоскости и утопающаго въ глубокой и густой, чисто первобытной пыли, которая слѣпитъ глаза и въ нѣсколько мгновеній покрываетъ въѣдающимся слоемъ все платье.

16-го іюня, послѣ полудня, Государь Императоръ спустился къ Зимницкой пристани. Здѣсь ожидалъ Его Величество военный катеръ съ гребцами 1-го гвардейскаго экипажа, поднявшими весла вверхъ, для отданія чести, и съ ихъ командиромъ и лейтенантомъ Полтавцевымъ на рулѣ. Въ этомъ катерѣ Государь переѣхалъ Дунай при восторженныхъ крикахъ „ура“ съ обоихъ береговъ, усѣянныхъ толпами народа и высадился близь мѣста переправы, на болгарскомъ берегу. Здѣсь Его Величество объѣхалъ войска десанта, всю 14-ю и 35-ю дивизіи, на самомъ мѣстѣ боя, и милостиво благодарилъ ихъ за доблестно исполненное дѣло; благодарилъ также и гвардейскую роту, которой приказалъ возвратиться на лѣвый берегъ, въ конвой Императорской квартиры. Тутъ же послѣдовала и раздача наградъ высшимъ чинамъ 14-й дивизіи. Государь Императоръ лично надѣлъ на генерала Драгомирова крестъ св. Георгія 3-й степени и вручилъ таковые же кресты генералъ-маіорамъ Іолшину и Петрушевскому и командиру Волынскаго полка полковнику Родіонову; ранѣе этихъ лицъ получили тотъ же крестъ 3-й степени: начальникъ штаба дѣйствующей арміи генералъ-адъютантъ Непокойчицкій, генералъ-лейтенантъ Радецкій, начальникъ 3-й саперной бригады генералъ-маіоръ Рихтеръ и 4-й степени Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій, который, по отъѣздѣ Драгомирова на болгарскую сторону, оставался все время на берегу острова Адда, при генералѣ Рихтерѣ и, въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, исполнялъ порученія по посадкѣ войскъ на понтоны, до отплытія послѣдняго эшелона 14-й дивизіи, вмѣстѣ съ которымъ переправился также и Его Высочество.

Осмотрѣвъ и поблагодаривъ войска, Государь Императоръ отправился въ Систово, гдѣ былъ встрѣченъ съ восторгомъ всѣмъ городскимъ духовенствомъ и христіанскимъ населеніемъ. Приложившись ко кресту, Его Величество отправился въ городской соборъ, гдѣ прослушалъ литію съ многолѣтіемъ. На мраморномъ помостѣ этого собора, предъ царскими дверями, вдѣлана была плита съ рельефнымъ изображеніемъ русскаго двуглаваго орла; другой такой же орелъ изображенъ на фронтонѣ хоровъ *). Обстановка православнаго храма, характеръ письма иконъ, рѣзьба иконостаса и служеніе на томъ же самомъ церковно-славянскомъ языкѣ—все это такъ напоминало Россію, и въ особенности нѣкоторыя наши монастырскія стародавнія церкви, все это казалось такъ близко, вѣяло роднымъ, знакомымъ, точно бы мы вдругъ очутились у себя дома, въ родной русской землѣ... И дѣйствительно, можно сказать, что въ нравственномъ смыслѣ мы были дома, среди населенія, встрѣчавшаго насъ съ восторгомъ, какъ братъ брата послѣ долгой разлуки. Изъ собора Его Величество проѣхалъ по главной улицѣ города. Женщины усыпали путь Государя цвѣтами, населеніе бросалось къ Его ногамъ, цѣловало Его руки и одежду: тысячи устъ посылали Ему привѣтъ и благословеніе. Вечеромъ Его Величество, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ, возвратились въ Зимницу.

17-го іюня, въ три часа пополудни, было отслужено торжественное молебствіе по случаю благополучной переправы и побѣды надъ турками. Мѣстомъ служенія былъ избранъ высокій древній курганъ, на берегу Дуная, близь Зимницы и какъ разъ напротивъ Систова. Служило все военное духовенство 12-го корпуса и болгарскихъ дружинъ, въ числѣ одиннадцати священниковъ и одного болгарскаго архимандрита, отца Амфилогія. Войска стояли вокругъ въ батальонныхъ ротныхъ колоннахъ. Ровно въ три часа по полудни къ мѣсту служенія прибылъ Государь Императоръ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ и другими, находящимися здѣсь членами Царствующаго Дома. Объѣхавъ фронтъ восторженно его встрѣтившихъ войскъ, Государь взошелъ на курганъ и сталъ на разостланномъ коврѣ, приказавъ начинать молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Хоръ пѣвчихъ составленъ былъ изъ офицеровъ 12-го корпуса. Во время чтенія Апостола, Его Величество изволилъ подойти къ благочинному 12-й пѣхотной дивизіи, о. Иванову, и приказалъ ему—послѣ многолѣтія Царствующему Дому возгласить „вѣчную память“ воинамъ, павшимъ въ дѣлѣ при переправѣ. Съ глубокимъ смиреніемъ Державный Вождь русскаго народа, первый изъ всѣхъ молящихся, опустился на колѣни и со слезами вознесъ горячую молитву объ упокоеніи душъ Своихъ доблестно павшихъ воиновъ. Болѣе тридцати тысячъ собранныхъ здѣсь войскъ, всею массою, послѣдовали примѣру своего Монарха. По окончаніи молебна и окропленіи св. водою стоявшихъ впереди, предъ курганомъ, гвардейцевъ конвойной роты, предназначенныхъ въ числѣ девяти человѣкъ къ награжденію знаками отличія военнаго ордена, началась и самая раздача крестовъ. Великій Князь Главнокомандующій лично вызывалъ по списку къ Особѣ Его Величества каждаго изъ удостоенныхъ — и Государь собственноручно вручилъ каждому его награду и, сказавъ по нѣскольку милостивыхъ словъ благодарности за храбрость и молодечество, каждаго удостоилъ поцѣлуемъ. Когда кресты были розданы, Его Величество приказалъ солдатамъ, удостоеннымъ воинской награды, взойдти на курганъ и изволилъ скомандовать всѣмъ войскамъ: „Новымъ Георгіевскимъ кавалерамъ честь отдать: батальоны—на плечо!“ При этомъ Государь приложилъ руку къ козырьку и вмѣстѣ со всею массою войскъ провозгласилъ „ура“ кавалерамъ, а затѣмъ обнялъ и поцѣловалъ Главнокомандующаго; когда же наконецъ крики умолкли, Его Величество, возвысивъ голосъ, сказалъ: „Жалѣю, что не могу видѣть и лично благодарить и наградить храбрецовъ, которые на томъ берегу“ и, обратясь къ одному изъ членовъ Своей свиты, присовокупилъ: „Поѣзжай на ту сторону и скажи тѣмъ храбрецамъ, что мы здѣсь горячо молимся за ихъ павшихъ товарищей“. Войскамъ же 12-го корпуса Его Величество изволилъ выразить Свою увѣренность въ томъ, что и они, когда придетъ очередь, исполнятъ свой долгъ также, какъ и ихъ товарищи. По отъѣздѣ Государя Императора, части, присутствовавшія при молебствіи, съ музыкою разошлись по своимъ бивуакамъ.

Къ наводкѣ моста между румынскимъ и болгарскимъ берегами было приступлено 16-го іюня. Доставка мостовыхъ матеріаловъ и принадлежностей къ Зимницѣ можетъ быть также отнесена къ числу смѣлыхъ подвиговъ. Всѣ деревянные плоты, понтоны, настилка и проч. еще ранѣе были собраны въ устьѣ Алуты. Спускъ ихъ въ Дунай и проводъ внизъ по рѣкѣ до мѣста назначенія могъ быть исполненъ не иначе какъ подъ огнемъ никопольскихъ укрѣпленій. Это опасное предпріятіе было исполнено въ три ночи: на 15-е, 16-е и 17-е іюня. Первый транспортъ, состоявшій изъ ста деревянныхъ понтоновъ, провелъ капитанъ 1-го ранга Новосильскій, слѣдуя самъ въ аріергардѣ, на послѣднемъ понтонѣ; головной же понтонъ, на которомъ находились начальникъ инженеровъ арміи, генералъ-маіоръ Деппъ, со знаменемъ 5-го сапернаго батальона въ рукахъ, и командиръ этого батальона, полковникъ Семишевскій, велъ лейтенантъ Ломанъ. Непріятель, замѣтилъ это движеніе уже тогда, когда мимо Никополя проходилъ хвостъ отряда, но ружейный и артиллерійскій огонь его не нанесъ ни малѣйшаго вреда ни людямъ, ни понтонамъ, которые въ пол-

*) Впослѣдствіи, подобные же орлы намъ приходилось встрѣчать во множествѣ церквей Болгаріи. Одно изъ двухъ: или турки не заглядывали въ православные храмы иначе, какъ съ цѣлью грабежа, или же не придавали этому символу политическаго значенія.

номъ составѣ пришли къ Фламундѣ, откуда въ слѣдующую ночь прибыли къ Зимницѣ, подъ личнымъ начальствомъ Великаго Князя Алексѣя Александровича. Въ ночь съ 15-го на 16-е іюня также смѣло прошелъ и второй транспортъ, состоявшій изъ 50-ти понтоновъ и 34-хъ плотовъ, подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Зубова, который шелъ на головномъ, а его помощникъ, лейтенантъ Макаровъ—на заднемъ понтонѣ; на плотахъ же находились мичманъ Ивановскій и прапорщикъ Мощинскій. Движеніе это было открыто непріятелемъ въ половинѣ третьяго часа ночи и преслѣдовалось огнемъ со всѣхъ Никопольскихъ батарей, при чемъ одинъ изъ мѣстныхъ лоцмановъ-румыновъ, будучи раненъ, выскочилъ на берегъ, и его примѣру послѣдовали, уже безъ всякой причины, кромѣ страха, прочіе лоцманы-румыны съ пяти ближайшихъ плотовъ. Оставшіеся на плотахъ саперы, по своей малочисленности и незнакомству съ русломъ и силою теченія рѣки, не могли справиться одни съ шестью плотами; но не теряя присутствія духа и соображенія, они причалили къ берегу, подъ сильнымъ огнемъ связали два плота вмѣстѣ и, войдя на нихъ въ линію, спокойно продолжали плыть по назначенію. Остальные четыре плота отнесло теченіемъ къ турецкому берегу, но они на слѣдующій же день были молодецки уведены оттуда, подъ огнемъ, тремя охотниками—казакомъ и артиллеристами. Наконецъ, въ ночь съ 16-го на 17-е іюня были спущены мимо Никополя остальные 30 плотовъ. Зимницкій мостъ долженъ былъ быть готовъ 18-го іюня, но страшная буря, поднявшаяся на Дунаѣ въ ночь съ 17-го 18-е, разорвала его, при чемъ потонуло 26 понтоновъ. Какъ только утихла непогода, понтонеры тотчасъ же, еще рѣтивѣе, принялись за работу и къ утру 20-го числа мостъ былъ уже вполнѣ оконченъ. Съ этого дня пошло уже безостановочное сообщеніе между обоими берегами и потому во избѣжаніе задержекъ и встрѣчныхъ столкновеній на узкой настилкѣ, назначены были часы для правильнаго движенія въ ту и другую сторону, по краямъ моста выставлены сигнальные шесты и часовые, учреждены офицерскія дежурства; все полотно моста, равно какъ и всѣ остальные мосты на протокахъ и затонахъ освѣщены фонарями; кавалерія и пѣхота проходятъ по настилкѣ не иначе какъ разомкнутыми рядами, а артиллерія и обозы на широкихъ дистанціяхъ. Но такъ какъ необходимая регуляція движенія служитъ въ тоже время и его задержкою, то признано необходимымъ приступить къ устройству втораго Систово-Зимницкаго моста (по теченію выше перваго), съ тѣмъ, чтобы по одному изъ нихъ совершалось только обратное движеніе.

Городъ Систово,—по болгарски Свиштовъ, а по русски, стало быть, Свищовъ—*) считается однимъ изъ наиболѣе торговыхъ городовъ Болгаріи и одною изъ лучшихъ пристаней на Дунаѣ. Онъ лежитъ на возвышенномъ берегу, высшая точка котораго въ данной мѣстности равняется слишкомъ 900 футамъ. Это—небольшой городокъ, красиво скученный амфитеатромъ на береговыхъ склонахъ и частію на самомъ берегу, у пристани, населенный на половину турками, на половину болгарами, причемъ общее количество населенія не превосходитъ восьми или десяти тысячъ **). Дома зажиточныхъ людей, и преимущественно болгаръ окружены высокими глухими каменными стѣнами, такъ что каждый дворъ является своего рода замкнутымъ укрѣпленіемъ, во внутрь котораго пробраться довольно таки трудно, если хозяинъ не заблагоразсудитъ добровольно растворить предъ входящимъ гостемъ свои прочныя, окованныя желѣзомъ, дубовыя ворота, устройство которыхъ очень напоминаетъ наши русскія ворота, съ перекладинами, увѣнчанныя, въ видѣ гребня, небольшимъ навѣсцемъ. Если бы пришлось брать Систово штурмомъ, то каждый изъ подобныхъ домовъ могъ бы послужить обороняющемуся прекраснымъ редюитомъ. Улицы узки, извилисты и, за исключеніемъ главной, названной нынѣ „Александровскою", очень однообразны, такъ какъ въ большой части изъ нихъ по бокамъ тянутся только глухіе, высокіе каменные заборы; изрѣдка развѣ выдвинется гдѣ нибудь балкончикъ, устроенный, по восточному, фонарикомъ, съ широкими окошечками, закрытыми частою деревянною рѣшеткою. Это—навѣрное мусульманскій покинутый домъ, и балкончикъ его принадлежитъ именно гаремной половинѣ, на что указываетъ необходимая ея принадлежность, т. е. рѣшотки. Впрочемъ, и многіе болгарскіе дома строятся по этому же образцу, при чемъ верхніе этажи одинъ за другимъ выдвигаются надъ нижними своими верандами и фонариками на разстояніе около аршина каждый. Типъ такихъ построекъ, крытыхъ черепицею или гонтомъ, очень красивъ и своеобразенъ. Въ нижней торговой части города, называемой „Агенція", дома и лавки почти сплошь европейскаго, но самаго неуклюжаго и скучнаго характера, въ родѣ того, какимъ у насъ отличаются казенные хлѣбные магазины. Всѣ они выстроены вновь послѣ пожара 1870 года, въ верхнемъ же городѣ, носящемъ названіе „Чука", каждый домикъ непремѣнно окруженъ цвѣтникомъ и фруктовымъ садикомъ. съ рѣшетчатымъ винограднымъ навѣсомъ и непремѣнно съ цистерною, колодцемъ или фонтаномъ, что̀ придаетъ внутренней сторонѣ этихъ камненностѣнныхъ дворовъ очень милый, уютный и даже поэтическій характеръ. Городскихъ площадей не существуетъ, а есть только небольшія, неправильной формы площади, обсаженныя бѣлой акаціей или каштанами и непремѣнно снабженныя въ одномъ изъ своихъ уголковъ общественною цистерной, которая представляется въ видѣ фронтона, облицованнаго плитнякомъ или мраморомъ, гдѣ въ верхней части изображены вязью, не рѣдко позолоченною, какія-то благочестивыя турецкія или болгарскія надписи и изрѣченія. Здѣсь обыкновенно собираются кучки женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей съ кувшинами и металлическими ведрами. Это нѣчто въ родѣ ихъ клуба или фойе, гдѣ сообщаются другъ дружкѣ всѣ городскія и иныя новости, слухи и ведутся дружескія, оживленныя бесѣды. Мѣстность, на которой расположенъ городъ, въ придунайской своей части изрыта глубокими водомоинами и оврагами, прорѣзывающими ее въ нѣсколькихъ мѣстахъ и въ разныхъ направленіяхъ; на самой высокой надбрежной скалѣ высятся каменныя развалины и укрѣпленія. Въ настоящее время тамъ кто-то изъ болгаръ водрузилъ высокій шестъ съ русскимъ національнымъ флагомъ. Время основанія Систова въ точности не извѣстно, но относится ко временамъ Римской имперіи, чему и до селѣ служитъ свидѣтелемъ въ западномъ концѣ города самый характеръ постройки древнихъ укрѣпленій, разрушенныхъ турками во время ихъ нашествія на эти страны. Съ 1790 года Систовъ получаетъ европейскую извѣстность, какъ мѣсто заключенія австрійско-турецкаго мирнаго трактата, опредѣлившаго нынѣшнія границы между этими двумя государствами. Съ этого же времени начинается и эпоха враждебнаго раздѣленія интересовъ въ восточной политикѣ между Австріей и Россіей. Въ нашу войну съ Турціей, въ 1809 году, турки ожидали здѣсь переправы русской арміи и потому укрѣпили городъ, но въ слѣдующемъ 1810 году генералъ-маіоръ Сен-При сжегъ городъ и разрушилъ его укрѣпленія, но въ 1820 году Систовъ является уже вновь обстроеннымъ и укрѣпленнымъ. Въ войну 1828—29 годовъ жители Систова, тѣснимые турками, бѣжали въ Зимницу и на сѣверъ отъ нея, гдѣ и основали городъ Александрію—бывшее мѣстопребываніе обѣихъ нашихъ главныхъ квартиръ. Русскія батареи, построенныя на лѣвомъ берегу Дуная генераломъ Хрулевымъ, заставили въ февралѣ 1854 года турецкія канонерки отойдти отъ Систова вверхъ по Дунаю и укрыться въ рѣкѣ Осмѣ. за Никополемъ. Въ нынѣшнюю войну турки, полагая, что мѣстность вокругъ Систова положительно неприступна, оставили его почти безъ всякой защиты: весь гарнизонъ города состоялъ только изъ двухъ таборовъ; тѣ же три-четыре табора, съ которыми мы имѣли дѣло на восточныхъ возвышенностяхъ Текиръ-дере, не входили въ составъ мѣстной береговой защиты. Они были направлены изъ Рущука въ Никополь, для усиленія тамошняго гарнизона, въ виду ожидаемой переправы у Фламунды и Турну, такъ что—какъ говорятъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые турецкіе плѣнные и мѣстные жители—если бы мы вздумали переправляться здѣсь сутками раньше, или сутками позже, то пожалуй не встрѣтили бы и вовсе никакого отпора.

Въ Систовѣ находятся четыре православныя церкви св. Дмитрія, св. Петра, Преображенская и Покровская. Двѣ изъ нихъ имѣютъ куполы и колокольни, на которыя, впрочемъ, колокола повѣшены только со дня нашего прихода въ городъ, а до тѣхъ поръ долгое время хранились въ церковныхъ склепахъ, такъ какъ турки не позволяли звонить православнымъ христіанамъ. Эта привилегія дана была только совратившимся, при агитаціи извѣстнаго Цанкова, въ римское католичество. Мѣстное населеніе свято чтитъ свои храмы, какъ завѣтный символъ ихъ народности и единенія съ православной Россіей, а потому удѣляетъ значительную часть своихъ доходовъ на поддержаніе ихъ благолѣпія и на развитіе народнаго образованія. Въ Систовѣ есть публичная библіотека („читалиште"), шесть начальныхъ училищъ, изъ коихъ три для дѣвочекъ, одно среднее четырехклассное учебное заведеніе и высшее болгарское училище, насчитывающее до полутораста учениковъ и ученицъ; учительскій же персоналъ низшихъ учебныхъ заведеній состоитъ изъ 13-ти учителей и 7-ми „учителекъ" (наставницъ). Между мѣстными болгарами, благодаря непрерывнымъ международнымъ сношеніямъ, есть очень много лицъ, прекрасно владѣющихъ языками русскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ, турецкимъ, сербскимъ и румынскимъ. Да и кромѣ того, болгарскій языкъ, самъ по себѣ, на столько близокъ къ нашему, что мы не встрѣчаемъ ни малѣйшихъ затрудненій въ сношеніяхъ съ жителями. Такъ какъ Систовъ городъ торговый, то въ немъ живетъ очень много зажиточныхъ купцовъ и промышленниковъ; послѣдніе промышляютъ преимущественно рыбными ловлями въ Дунаѣ и обширномъ Систовскомъ озерѣ, лежащемъ въ низменности, западнѣе города, и сливающимся въ каждый разливъ съ водами Дуная. Привозные товары на мѣстномъ рынкѣ нынѣ преимущественно австрійскаго происхожденія, до восточной же войны 1853—56 годовъ, когда Россія обладала Дунайскимъ устьемъ, здѣсь сильно и небезвыгодно соперничали съ австрійскими произведеніями товары русскіе, и надо думать, что съ возвращеніемъ къ намъ румынской Бессарабіи русское торговое вліяніе возстановится на придунайскихъ болгарскихъ рынкахъ.

Турецкое населеніе Систова не ожидало столь быстраго

*) У насъ почему то усвоилось румынское и австрійское произношеніе имени этого города.

**) Въ Систовѣ считается 2,000 домовъ болгарскихъ, до 100 валашскихъ, 1,530 турецкихъ и 160 цыганскихъ.

Любитель пѣвчихъ птицъ. Ориг. рисунокъ Н. Богданова, грав. Б. Пуцъ--Шюблеръ.

вступленія русскихъ въ Болгарію и еще менѣе думало, что переправа совершится именно у ихъ города. Турки вообще плохо вѣрили въ возможность скорой переправы въ какомъ бы то ни было пунктѣ и были увѣрены, что дѣло долго еще протянется въ артиллерійскихъ перестрѣлкахъ между обоими берегами, а тамъ—Аллахъ дастъ—вмѣшается „Инглизъ“ и все обойдется благополучно. Такова была увѣренность, которую они высказывали повсюду, а болѣе всего въ цирульняхъ (онѣ же и кофейни) во время сладкаго кейфа и дружеской бесѣды за урчащимъ „наргиле“ *). Но въ то же время по Систову ходили и мрачные для болгаръ слухи, распускаемые изъ-подъ руки турецкими же чиновниками. Вѣрно ли, нѣтъ ли, но здѣсь ходили положительные толки, что турецкіе аскеры и черкесы изъ нѣкоторыхъ окрестныхъ селеній готовятся къ поваловому избіенію систовскихъ христіанъ, какъ измѣнниковъ „падишаху“, осмѣливающихся сочувствовать замысламъ „москова“. Увѣряютъ, что уже были составлены два проскрипціонные списка: въ одномъ находились имена лицъ, обреченныхъ на убіеніе, а въ другомъ — имена женщинъ и дѣвушекъ, которыхъ турки предполагали увести на продажу въ Малую Азію. Замѣчательно, однако, вотъ что: турецкое населеніе стало почти поголовно выбираться изъ Систова въ глубь страны еще съ 13-го на 14-е іюня, болѣе чѣмъ за сутки до нашей переправы. Это невольно наводитъ на сомнѣніе, что день и мѣсто ея едва ли составляли непроницаемую тайну для турокъ, если не предположить въ нихъ инстинктъ крысъ или черныхъ тараканов, которые, какъ увѣряютъ, заблаговременно покидаютъ жилье въ предчувствіи

Грабежъ систовскихъ домовъ.

скораго пожара или наводненія. Все, что было цѣннаго, бѣглецы забрали съ собою, остались только матрацы, лишняя домашняя утварь да разныя книжки (преимущественно въ мечетяхъ), которыя, къ сожалѣнію, были изодраны въ клочья и истреблены болгарами, ранѣе чѣмъ русскія власти подумали положить запрещеніе на мечетное имущество. По выѣздѣ изъ города турецкихъ властей и жителей, здѣсь, на нѣкоторое время, наступило царство полной анархіи; въ рабочемъ и вообще недостаточномъ классѣ христіанскаго населенія разыгрались дурные инстинкты, которые повлекли этихъ людей на грабежъ оставленнаго имущества и раззореніе турецкихъ жилищъ. Когда мы вступили въ городъ, то уже нашли значительную часть турецкихъ кварталовъ чуть не въ полномъ разрушеніи: двери, рамы и стекла оконъ были либо выбиты и исковерканы, либо унесены кѣмъ-то на собственную потребу; утварь — въ черепкахъ, кладовыя — что называется, шиворотъ на выворотъ; подушки, тюфяки, матрацы, обыкновенно набиваемые здѣсь кусочками ваты, овечьей волною и лоскутьями — изодраны въ клочья, при чемъ все содержимое ихъ, вмѣстѣ съ разною ветошью и рваными книжками и рукописями, устилало большую часть дворовъ и полы всѣхъ горницъ. Болгары все отыскивали —нѣтъ ли въ этихъ тюфякахъ забытыхъ или оставленныхъ въ попыхахъ турецкихъ денегъ, но большинство предавалось раззоренію только ради самаго раззоренія, изъ чувства мести, чтобы и слѣда турецкаго здѣсь болѣе не оставалось. Это возмездіе съ общегуманной точки зрѣнія, конечно, очень дурно, но оно понятно: больно много ужъ накипѣло на душѣ у этихъ людей за вѣковыя насилія надъ ними и за безправицу. Впрочемъ, съ момента вступленія нашихъ войскъ, всѣ эти безобразія тотчасъ же прекратились: къ случайно уцѣлѣвшимъ мечетямъ приставлены военные караулы, раззоренныя же—очищены и обращены подъ склады и госпитали, такъ что уже 17-го числа надъ нѣсколькими минаретами развѣвались флаги „Краснаго Креста“, равно какъ и цѣлый рядъ домовъ въ турецкомъ кварталѣ былъ наскоро приведенъ въ кое-какой порядокъ и предназначенъ подъ помѣщеніе одного изъ военно-временныхъ госпиталей. Нашими властями, былъ сейчасъ же учрежденъ городской совѣтъ изъ мѣстнаго соборнаго протоіерея и нѣсколькихъ выборныхъ гражданъ, которые, въ свой чередъ, немедленно организовали гражданскую полицейскую стражу, въ помощь нашей военной полиціи — и полный порядокъ въ городѣ возстановился уже на слѣдующее утро. Улицы, впрочемъ, постоянно были переполнены проходящими войсками, а съ 20-го числа ихъ загромоздили интендантскіе транспорты и войсковые обозы, такъ что движеніе становилось подъ часъ крайне затруднительнымъ. Съ ранняго утра и до поздней ночи въ городѣ кипѣла самая бойкая торговля, преимущественно мѣстными продуктами: виноградныиъ виномъ, табакомъ и хлѣбомъ; повсюду пооткрывалось множество мелкихъ лавченокъ, которыя ютились въ каждой двери, въ каждомъ проходѣ, чуть не въ каждомъ окнѣ и подъ навѣсами на уличныхъ площадяхъ. Въ болгарскихъ „питательницахъ“ прямо въ раскрытыхъ широкихъ окнахъ варилась въ мѣдныхъ луженыхъ котлахъ „чорба“ съ горлодерной „паприкой“ *), безъ которой здѣсь почти не обходится ни одно кушанье, упрѣвалъ жирный пловъ съ бараниной, жарились на угольяхъ колбасы и рыба, распространяя въ воздухѣ невыносимо смрадный чадъ сала и постнаго масла, тутъ же рядомъ продавались разные рахатъ-лакумы, холвы и прочія восточныя сласти, вино и ракія, деготь и сапоги, и галантерейныя вещи—и все это находило себѣ массу покупателей между солдатами. Какіе-то предпріимчивые нѣмцы и французы сейчасъ же пооткрывали „рестораны“ для офицеровъ, гдѣ, конечно, за все про все драли съ послѣднихъ сколько вздумается и гдѣ завизжали неизмѣннаго „Пастильона“ скрипки и „нуп“ румынско-цыганскаго оркестрика. Агенты Грегера и Коми, и здѣсь, конечно, заняли подъ себя одно изъ лучшихъ помѣщеній, и надъ однимъ изъ нихъ выкинули даже свой собственный, особенный флагъ,—словомъ, Систово зажилъ вдругъ самою кипучею, лихорадочною жизнію. Но все же въ этомъ отношеніи здѣсь далеко не было такого безобразія, какъ въ Зимницѣ, гдѣ разная международная саранча сейчасъ же образовала самую безшабашную ярмарку со всѣми ея „прелестями“, и гдѣ всѣ гостинницы и вообще свободныя помѣщенія въ обывательскихъ домахъ до такой степени переполнились вдругъ извѣстнаго рода женщинами, что нерѣдко больнымъ офицерамъ или сестрамъ милосердія, слѣдующимъ къ арміи, приходилось ночевать подъ открытымъ небомъ.

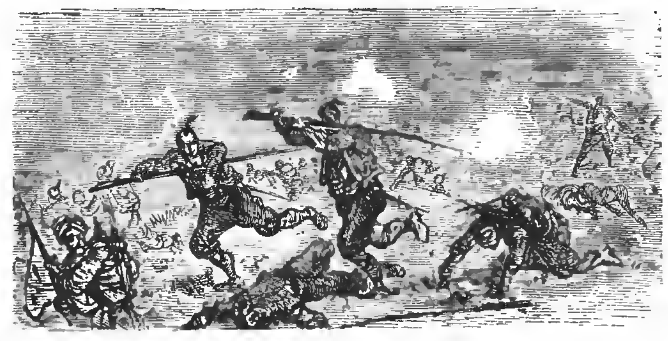
Чуть лишь переѣдешь въ Систово, какъ уже чувствуешь, что „цивилизованная“ Европа осталась позади, за Дунаемъ и что ты попалъ вдругъ въ коловоротъ чего-то до нельзя своеобразнаго, невиданнаго, что здѣсь уже начинается Азія или „Туречтина“, какъ называютъ солдаты. Это чувствуется во всемъ —въ пестромъ обиходѣ жизни, совершающейся открыто на главной улицѣ, въ характерѣ костюмовъ, построекъ, жилищъ, въ этихъ стройныхъ бѣлыхъ минаретахъ... Зимница, сколь она ни безобразна сама по себѣ—все же таки „Европа“; въ улицахъ ея задыхаются отъ пыли, но эти улицы достаточно широки и разбиты правильно, на кварталы; здѣсь же пыли нѣтъ, много воды въ цистернахъ, но эти стѣны каменныхъ заборовъ и эти до невозможности узкія улицы, переулки и закоулки представляютъ такой лабиринтъ, что въ немъ съ непривычки, какъ говорится, чортъ ногу сломитъ; людямъ же и подавно можно сломать, потому что мостовыя здѣсь, за исключеніемъ опять таки главной улицы, представляютъ нерѣдко груды развороченнаго булыжника и плитняка, по которому ходи и гляди подъ ноги въ оба глаза. Однимъ словомъ, тамъ Европа, здѣсь—Азія, но ея наружность и весь этотъ, такъ сказать, первобытный и наивно откровенный житейскій уличный обиходъ до такой степени своеобразенъ и новъ для насъ, что невольно привлекаетъ къ себѣ и любопытство и сочувствіе, именно своею новизной и оригинальностью. Маломальски зажиточныя болгарки всѣ эти дни ходятъ въ своихъ лучшихъ нарядахъ, словно бы въ великій праздникъ; ихъ волосы заплетены въ двѣ косы, спущенныя на спину и соединенныя концами какою нибудь лентою, прячутся подъ легкій головной платочекъ, общій для дѣвушекъ и женщинъ, съ тою лишь разницею, что у послѣднихъ онъ преимущественно чернаго цвѣта; дѣвушки же, кромѣ того, иногда украшаютъ волосы живыми цвѣтами; ихъ таліи стянуты широкими узорчато расшитыми поясами, которые застегиваются спереди двумя большими, рельефно орнаментированными и выпуклыми бляхами изъ кованнаго серебра; ихъ плечи покрыты щегольски сшитыми, короткими душегрѣйками, отороченными гагачьимъ пухомъ или какимъ либо цѣннымъ мѣхомъ, въ родѣ соболя, красной лисицы и т. п. Эти душегрѣйки по большей части шьются изъ шелковыхъ матерій яркихъ цвѣтовъ: желтаго, пунсоваго, зеленаго и лиловаго; бѣлыя тонкія сорочки прошиты на воротѣ и рукавахъ разноцвѣтнымъ узорочьемъ и очень напоминаютъ наши русскія малороссійскія вышивки на подобныхъ же сорочкахъ; на шеѣ у дѣвушекъ—бусы, кораньки или ожерелья изъ серебряныхъ и золотыхъ старыхъ дукатовъ—шерстяныя юбки—по щиколку,

Болгарки.

*) Родъ кальяна, но меньшихъ размѣровъ.

*) Красный стручковый перецъ.

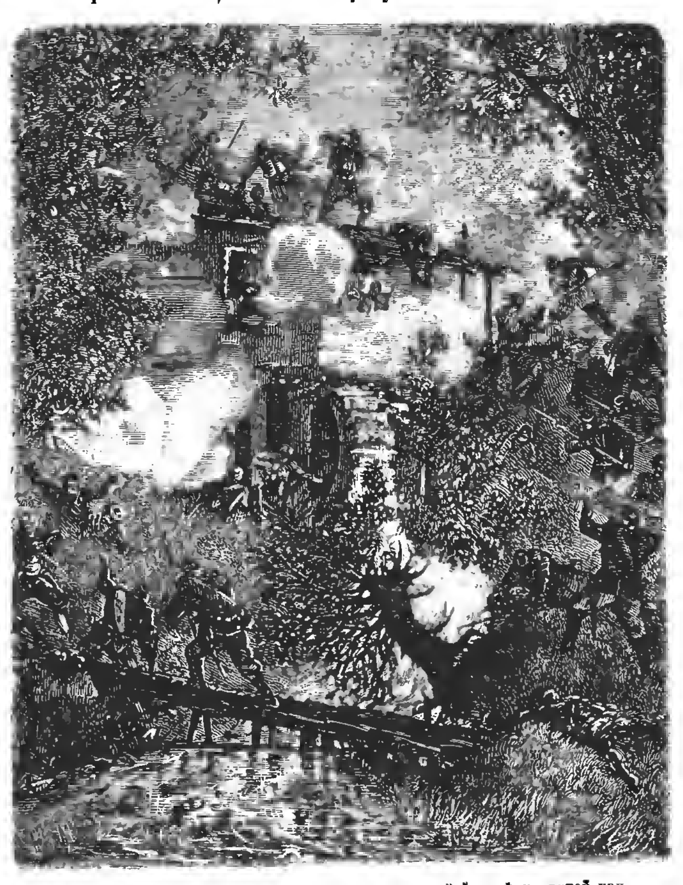
нога обута въ узорчатый чулокъ и узенькую туфлю. Но на сколько миловидна болгарка въ своемъ народномъ нарядѣ, на столько же она проигрываетъ, чуть лишь вздумаетъ пощеголять въ европейскомъ модномъ костюмѣ: тутъ уже все на ней выходитъ какъ-то аляповато, нескладно, не граціозно—просто горничная средней руки изъ чиновничьяго семейства. Мужской народный нарядъ состоитъ изъ невысокой барашковой шапки, суконной темнокоричневой или темнолиловой куртки широко открытой спереди и прошитой по швамъ, на спинѣ и рукавахъ черными тесьмами и снурками, очень широкія въ шагу и узкія въ обтяжку за колѣномъ, суконныя, одинаковаго цвѣта съ курткой шаровары, также фигурно расшитыя спереди, по гусарски, черными тесьмами; шаровары эти напускаются небольшимъ раструбомъ на подъемъ ступни, обутой въ башмакъ, а грудь и животъ стянуты широкимъ краснымъ или зеленымъ шерстянымъ поясомъ, за которымъ, въ настоящее время, не рѣдко торчитъ кривой ятаганъ или пара кремневыхъ пистолей. Пожилые и зажиточные люди къ этому костюму прибавляютъ суконный, широкій и отороченный лисьимъ мѣхомъ кафтанъ, кончающійся нѣсколько ниже колѣна и покроемъ своимъ нѣсколько напоминающій рясу. Наиболѣе зажиточные купцы и такъ называемая „интеллигенція“, по большей части носятъ европейскій костюмъ, но къ нимъ онъ присталъ точно такъ же, какъ и парижскія моды къ ихъ женщинамъ, и если модницы болгарскія походятъ на горничныхъ, то модники сильно смахиваютъ на закорузлыхъ лакеевъ. Вообще этотъ народъ уже теперь кажется намъ настолько цѣлостнымъ и своеобразнымъ, что каждое поползновеніе въ немъ на общеевропейскій банальный шошибъ звучитъ какимъ-то рѣзкимъ, фальшивымъ диссонансомъ. „Учительки“ здѣшнія въ этомъ отношеніи гораздо чутче „интеллигентныхъ“ мужчинъ: онѣ носятъ очень скромный народный костюмъ и всячески стараются въ своихъ маленькихъ школкахъ поддерживать и развивать духъ православія и народности. Типъ болгарской учительки—совсѣмъ особенный. Это почти исключительно дѣвушки-сироты, посвятившія себя учительскому дѣлу, какъ бы по нѣкоему священному обѣту для нихъ учительство—богоугодное дѣло. Воспитаніе свое и нѣкоторые начатки общаго образованія получили онѣ либо въ городскихъ училищахъ, либо же въ женскихъ монастыряхъ, (и въ послѣднихъ—преимущественно); всѣ онѣ пламенныя патріотки, живыя хранительницы народной поэзіи, пѣсень, сказокъ, историческихъ болгарскихъ легендъ и нерѣдко сами слагаютъ стихи и пѣсни, которыя потомъ изъ устъ въ уста расходятся по всей Болгаріи. Онѣ очень религіозны и православіе является для нихъ не только вѣрою души, но и святымъ народнымъ знаменемъ. О безупречной чистотѣ ихъ жизни нечего и говорить, тѣмъ болѣе что здѣсь *) общественная и семейная нравственность стоитъ на очень высокой степени, что производитъ поразительный контрастъ съ лѣвымъ берегомъ Дуная **). Поэтому „учительки“ повсюду пользуются большимъ и вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ. Дай Богъ, чтобы это такъ сохранилось и на будущее время въ жизни болгарскаго народа.

Стрѣльба назадъ бѣгущихъ турокъ.

Нѣсколько дней, проведенныхъ мною въ Систовѣ, мнѣ довелось прожить въ домѣ зажиточнаго купца Вылка Поварджіева, торгующаго въ нижнемъ городѣ желѣзомъ. Но въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ находится только его лавка, а самъ онъ съ семействомъ живетъ въ собственномъ домѣ, на главной, нынѣ Александровской улицѣ, не далеко отъ городскаго собора. Въ это же время доводилось мнѣ бывать въ гостяхъ и у другихъ болгаръ—въ одномъ домѣ на имянинахъ, въ другомъ на свадьбѣ—и если я изображу обстановку и бытъ моего хозяина, то это будутъ черты болѣе или менѣе общія и для всѣхъ мѣстныхъ жителей этой категоріи *).

Домъ Вылки Боварджіева стоитъ во дворѣ, обнесенномъ высокою каменною стѣною, какъ и большая часть болгарскихъ домовъ въ Систовѣ **), Каменный фундаментъ представляетъ собою первый этажъ, нѣсколько углубленный въ землю. Въ это

Эпизодъ Систовской переправы: аттака мельницы 3-й стрѣлк. ротой кап. Фока, Волынскаго полка.

помѣщеніе ведетъ одна только дверь со ступеньками внизъ; оконъ нѣтъ, и для того, чтобы въ нижнемъ помѣщеніи въ жаркое лѣтнее время поддерживалась постоянная прохлада, свѣтъ проникаетъ сюда только чрезъ раскрытую дубовую, массивную дверь. Это подвальное помѣщеніе служитъ кладовою и изъ него же особый люкъ ведетъ въ подземный погребъ, гдѣ хранятся вина, живность и разные запасы. Въ подвальномъ помѣщеніи, равно какъ и во всемъ остальномъ дому, всегда поддерживается замѣчательная чистота и опрятность (тоже самое и во дворѣ съ очень изящнымъ садикомъ). Тутъ обыкновенно и проводитъ свое время семейство въ знойную пору, удаляясь изъ садика, когда солнце начинаетъ пропекать даже и сквозь навѣсъ виноградной бесѣдки. Тутъ женщины занимаются разными домашними работами и рукодѣльями: вяжутъ узорчатые чулки, вышиваютъ шелками и золотою битью платки, полотенца, бархатныя и шелковыя женскія курточки-арнаутки. Въ полдень возвращается изъ лавки хозяинъ, и тогда семья съ молитвой приступаетъ къ обѣду, который подается въ подвальномъ же помѣщеніи. Для обѣда всѣ собираются въ тѣсный кружокъ, присѣвъ на корточки, или поджавъ подъ себя скрещенныя ноги, на разостланной по земляному полу широкой цыновкѣ. Разсаживаются они такимъ образомъ вокругъ очень низенькаго (не болѣе какъ на четверть отъ пола) круглаго стола, называемаго *„маса“* или *„низка софра“* ***), который весь заставляется разными кушаньями; между послѣдними болгарскій борщъ—*„чорба“*, или лимонный супъ изъ курицы съ рисомъ, пилавъ, жареная баранина, или баранье рагу съ лукомъ и паприкой—играютъ главнѣйшую и рѣдко измѣняемую роль. Хлебаютъ, по большей части, изъ общей миски, или же накладываютъ себѣ кушанья на особыя тарелки, которыя во время ѣды держатъ въ лѣвой рукѣ, либо на колѣняхъ. Прислуга—кухарка и парень—принеся кушанье, садится тутъ же, за одинъ столъ съ хозяевами, и ѣстъ вмѣстѣ. Все это очень патріархально, да иначе и нельзя, потому что, при отсутствіи

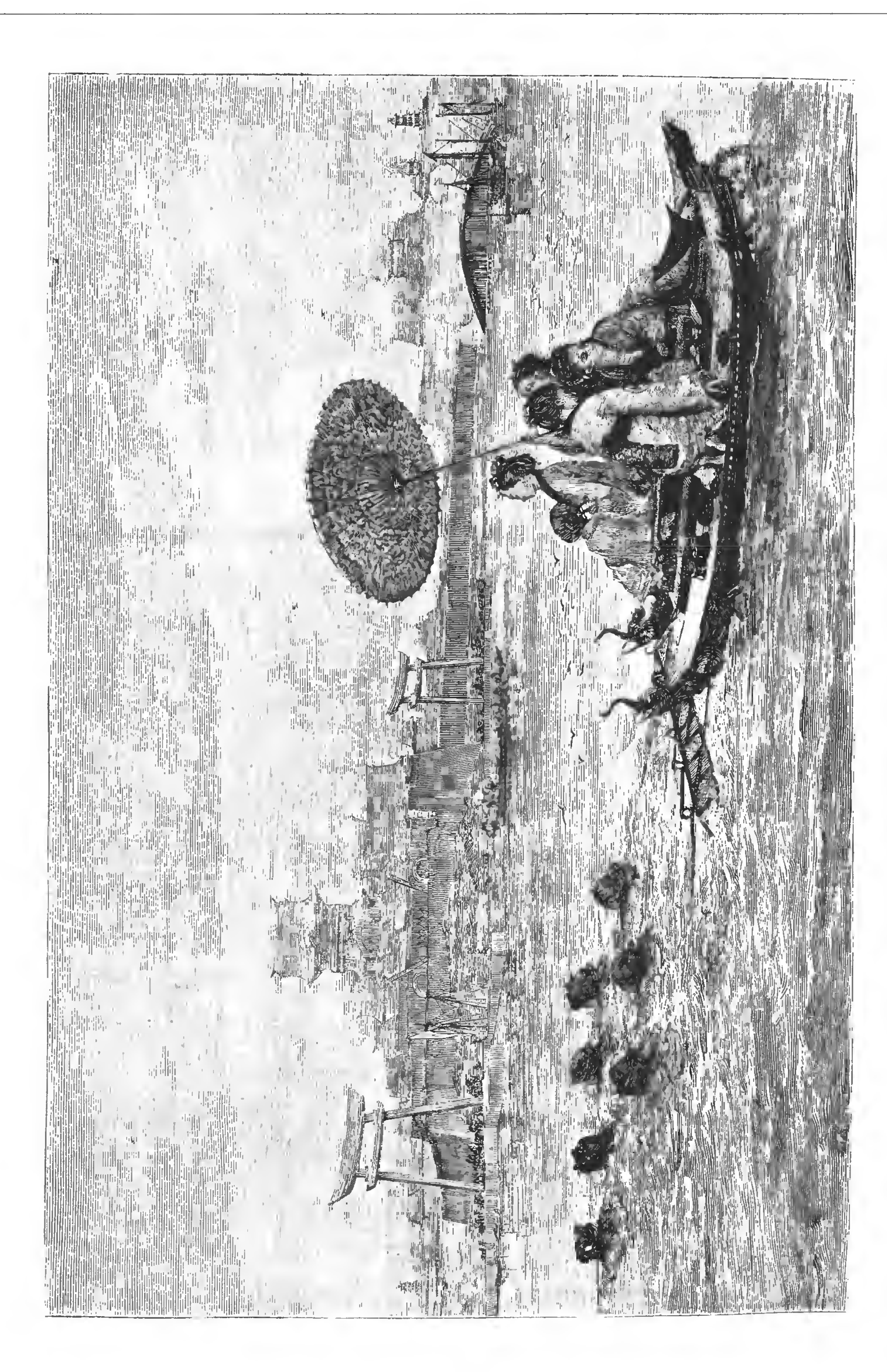
*) Какъ и во всей вообще Болгаріи.

**) Въ Систовѣ, между прочимъ, въ первые же дни по переходѣ войскъ за Дунай появилось нѣсколько румынскихъ извѣстнаго рода женщинъ. Городской совѣтъ тотчасъ же выпроводилъ ихъ обратно въ Зимницу, мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ, что въ нашемъ-де городѣ испоконъ вѣку такой мерзости не водилось. Это, если хотите, черезъ-чуръ уже пуристически. Супружеская измѣна здѣсь просто неслыханное дѣло и нарушившій законъ не нашелъ бы себѣ мѣста въ обществѣ: на него всѣ смотрѣли бы какъ на потерявшаго честь и достоинство, опозореннаго человѣка, а въ простомъ народѣ незыблемая вѣра въ дѣвическую нравственность доходитъ до такой степени, что во многихъ мѣстностяхъ дѣвушкамъ до выхода замужъ не въ обычаѣ ходить на исповѣдь и къ причастію. Когда я однажды, удивленный этимъ обстоятельствомъ, спросилъ одну почтенную мать семейства, почему это такъ?—она мнѣ отвѣчала о своей 16-ти-лѣтней дочери: ей пока еще не въ чомъ каяться, она чиста, она — *ангелъ*“. Можно представить себѣ, какимъ ужаснымъ, невыносимымъ оскорбленіемъ, при такомъ-то взглядѣ, являлись для болгаръ эти вѣчныя насилованія турками ихъ женщинъ.

*) Тѣ же черты какъ вприглядѣлся я впослѣдствіи, суть общія и для всей Болгаріи.

**) Въ другихъ городахъ, далѣе въ глубь страны, этотъ характеръ построекъ является уже не столь исключительнымъ.

***) Первое названіе румынскаго, а второе турецкаго происхожденія. У румынъ (кромѣ высшаго сословія) и у турокъ ѣдятъ за обѣдомъ и ужиномъ на точно такихъ же столикахъ,—обычай заимствованный, очевидно, съ Востока.

Японскій паромъ. Рис. Гильдебрандъ, грав. В. Пуцъ.

На русско-азіатской границѣ: стрѣльба въ цѣль. Рис. Ликсъ, грав. Лапландъ.

кастъ и сословій, здѣсь всѣ равны между собою, всѣ болгары и „божьи дѣти" и всѣ—турецкая раія; да и кромѣ того, въ общественномъ быту, уживчивые и почтительные къ старшимъ въ своемъ племени, болгары вообще горды и самолюбивы; по этому они считаютъ даже унизительнымъ для себя быть въ услуженіи у другихъ; пойдти въ услуженіе къ чужимъ людямъ можетъ заставить болгарина только крайняя нужда, и хозяева, понимая и щадя самолюбіе прислуги, стараются сдѣлать для нея зависимое ея положеніе какъ можно безобиднѣе, принимая прислугу какъ бы въ члены своего собственнаго семейства. По этой же причинѣ и нищихъ между ними въ обыкновенное мирное время очень мало *); если болгарское дитя остается сиротою, безъ отца и матери, то какой-нибудь зажиточный болгаринъ беретъ его въ свою семью на воспитаніе, для того только, чтобы нищенство не позорило ихъ племени, и вотъ изъ этихъ-то сиротъ, по большей части и выходитъ семейная прислуга: это какъ бы младшіе и побочные члены семьи, на которыхъ возлагается извѣстный родъ домашней работы **). По окончаніи обѣда, опять-таки не иначе какъ съ молитвою, наступаетъ общій кратковременный отдыхъ, послѣ котораго хозяинъ снова уходитъ въ свою лавку, а женщины принимаются либо за рукодѣлье, либо ухаживаютъ въ садикѣ за цвѣтами, виноградомъ и плодовыми деревцами, либо же усаживаются съ ручною работой въ тѣни, на коврѣ и слушаютъ чтеніе книжки или газеты, читаемой кѣмъ либо изъ членовъ семьи. Подъ вечеръ, т. е. часа въ четыре или въ пять, къ нимъ являются гости—по большей части женщины, иногда съ дѣтьми, и тогда вся семья переходитъ въ верхнюю половину дома; тамъ же, гдѣ верхняго этажа нѣтъ—пріемъ происходитъ въ особой парадной комнатѣ. Во всѣхъ вообще болгарскихъ домахъ—будутъ ли они одно- или многоэтажные—съ крыльца вы поднимаетесь въ просторную, свѣтлую прихожую, гдѣ какъ хозяева, такъ и гости, снимаютъ съ себя башмаки и туфли; это обыкновеніе, впрочемъ, не простирается на мужчинъ, носящихъ сапоги, которые, прежде чѣмъ войдти, всегда надо тщательно обтереть съ подошвы объ особую стельку, положенную предъ входною дверью. Изъ прихожей нѣсколько дверей ведутъ въ особыя комнаты, которыя не всегда имѣютъ внутреннее сообщеніе между собою, такъ что изъ одной комнаты въ другую надо проходить чрезъ прихожую. Въ боковыхъ горницахъ помѣщаются отдѣльно члены семейства, но спальное помѣщеніе мужа съ женою всегда общее для обоихъ, и это, такъ сказать, святая святыхъ, куда нѣтъ входа не только для постороннихъ, но и члены семьи не имѣютъ на него права безъ предваренія голосомъ или стукомъ въ дверь. Одна или двѣ сообщающіяся между собою комнаты, служатъ параднымъ мѣстомъ пріема для гостей.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Ловля степной лошади арканомъ.

Въ юго-восточной части земли войска-Донскаго находится ровная однообразная степь, заселенная калмыками и извѣстная подъ названіемъ калмыцкаго округа. Большая часть калмыковъ кочуетъ: перешедшіе въ христіанство становятся осѣдлыми и образуютъ небольшія селенія. Главное занятіе калмыковъ—разведеніе конскихъ табуновъ. Только немногія лошади держатся дома и кормятся сѣномъ и ячменемъ; большинство живетъ табунами въ степи и вынуждено само отыскивать себѣ кормъ, даже и зимою. Въ табунѣ бываетъ отъ 1000 до 2000 лошадей.

Если хотятъ объѣздить взрослую лошадь, калмыки ловятъ ее длиннымъ арканомъ. Это крѣпкая веревка, плетеная изъ волоса, длиною около четырехъ саженъ, оканчивающаяся на одномъ изъ концовъ подвижнымъ кольцомъ изъ березоваго дерева; другой конецъ обматывается вокругъ правой ноги и самыя отчаянные прыжки пойманной лошади, не могутъ заставить калмыка выпустить веревку. Прежде всего калмыки скачутъ по степи, распустивши арканъ, чтобы его расправить, такъ какъ обыкновенно они свертываютъ его кольцомъ и прицѣпляютъ къ сѣдлу. Намѣтивши лошадь, калмыкъ съ удивительною ловкостью забрасываетъ арканъ на ея шею, въ это время товарищъ его сходитъ съ своей лошади и начинаетъ тихоько тянуть къ себѣ веревку. При приближеніи калмыка, пойманная лошадь начинаетъ ржать и прыгать и наконецъ бросается на землю; тотчасъ къ ней подбѣгаетъ еще два человѣка, одинъ изъ нихъ сжимаетъ ей ноздри заверткой, а другой стреноживаетъ ее, въ такомъ положеніи она не можетъ двигаться. Тогда начинаютъ ее зануздывать и сѣдлать и одинъ изъ калмыковъ садится верхомъ, затѣмъ лошадь развязываютъ. Ошеломленная, она въ началѣ не шевелится, потомъ вдругъ вскакиваетъ и почувствовавъ сѣдока мчится какъ бѣшенная. Два ѣздока скачутъ за нею и бьютъ ее веревками, калмыкъ сидящій на ней нещадно стегаетъ ее кнутомъ, чтобъ она не бросилась на землю. Если она подымается на дыбы, удары учащаются; если же она опрокинется, сѣдокъ всегда бываетъ убитъ и почти каждый годъ нѣсколько калмыковъ погибаетъ подобнымъ образомъ.

Послѣ четверти часа такой скачки лошадь возвращается, но уже укрощенная; затѣмъ ее спутываютъ и даютъ очень не много сѣна; на другой день ѣзда опять возобновляется и послѣ двухъ—трехъ дней ѣзды лошадь становится совершенно покорною.

Фанатики-сектанты на сѣверѣ.

(Очеркъ).

На крайнемъ холодномъ сѣверѣ нашемъ религіозныя секты также распространены, какъ и въ другихъ мѣстахъ нашего отечества; увлеченія этихъ сектъ также пламенны какъ увлеченія жителей Юга, какъ увлеченія американскихъ многочисленныхъ сектъ, часто принимавшихъ самыя странныя дикія формы. Кромѣ нашихъ раскольниковъ разселенныхъ по всему сѣверу, въ Финляндіи есть еще мистическія протестантскія секты. На нашей сѣверной норвежской границѣ, въ 1825 году произошло нѣкоторое замѣшательство. Правительству нашему было въ то время, конечно, не до такихъ вопросовъ, какъ исправленіе границы на Торнео. И обширный треугольникъ русской земли съ береговымъ основаніемъ болѣе 100 верстъ длиною, съ незамерзающими бухтами, верфями и пристанями, принадлежавшими Соловецкому монастырю, съ православными деревнями и богатыми покосами—отошелъ къ Норвегіи.

Протестантское духовенство, конечно, не замедлило воспользоваться такимъ случаемъ, когда прирѣзанный къ Норвегіи край образовалъ особое губернаторство, и тамъ возникли портовые города—были построены немедленно обширные протестантскіе храмы съ прекрасными помѣщеніями для духовенства, которое начало свою пропаганду между православными лопарями и русскими.

Занялись пропагандою и разные мѣстные сектанты.

Когда въ 1871 году Вел. Князь Алексѣй Александровичъ, путешествовавшій тогда по сѣверу, вышелъ на берегъ на русской границѣ, встрѣченъ былъ мѣстнымъ духовенствомъ съ хоругвями и колокольнымъ звономъ, то толпа лопарей, также встрѣчавшихъ Великаго Князя, наивно дивилась грандіозной обстановкѣ, въ которой видѣли Царскаго сына ибо, судя по малому вліянію нашему въ томъ краѣ, считали Россію страною бѣдною и слабою. Великій Князь и сопровождавшіе его, по словамъ контръ-адмирала (нынѣ министра путей сообщенія) К. Н. Посьета, были поражены смиреннымъ видомъ крошечной, древней, пограничной русской церкви Бориса и Глѣба, служившей единственнымъ мѣстомъ молитвы на всемъ обширномъ побережьѣ. Напротивъ ея высился гордо протестантскій храмъ по ту сторону границы. Въ церковкѣ, имѣвшей три сажени въ длину и всего сажень въ вышину, едва могъ помѣститься священникъ въ своихъ скудныхъ ризахъ, Великій Князь и двое изъ сопровождавшихъ его лицъ. Почтенный священнослужитель удостоился принять сына своего Государя въ покрытой олеными шкурами юртѣ, ибо пріѣзжалъ сюда для исполненія требъ за 400 верстъ на оленяхъ *).

Превосходная картина Тидемана переноситъ насъ на эту отдаленную окраину и рисуетъ въ высшей степени знакомыя каждому Петербуржцу чухонскіе типы. Между ними есть и лопари. Собравшаяся толпа, подъ вліяніемъ пламенныхъ словъ проповѣдника, находится въ состояніи крайняго возбужденія.

Проповѣдникъ указываетъ на Библію, словами которой подтверждаетъ свои объясненія, и, повидимому, то, что онъ имъ говоритъ, производитъ потрясающее впечатлѣніе. Одни стоятъ недвижно въ состояніи какого-то оцѣпенѣнія; одна женщина, найдя въ своей библіи цитируемое мѣсто о наказаніи за грѣхи и страшныхъ загробныхъ мукахъ, въ отчаяніи распростерлась на полу. Около нея старуха торжествуетъ, находя подтвержденіе своимъ мыслямъ; молодая дѣвушка за нею, по видимому, почти безъ чувствъ падаетъ на руки матери.... Всякій, кто внимательно вглядится въ картину, замѣтитъ это полное жизни, разнообразіе впечатлѣній, производимыхъ словомъ проповѣдника; выбранная сцена дала художнику возможность высказать во всемъ блескѣ живость и умѣнье схватывать выраженія лицъ.

Адольфъ Тидеманъ, по происхожденію Норвежецъ, родился въ городкѣ Менденѣ, и получилъ свое образованіе въ Копенгагенѣ: затѣмъ былъ въ Дюссельдорфѣ, Мюнхенѣ, и, позднѣе, долгое время жилъ въ Италіи. Его картины—жанры изъ норвежской народной жизни, полны глубокаго чувства и выраженія, и отличаются замѣчательнымъ мастерствомъ исполненія.

*) Теперь, конечно, это иначе: турецкая рѣзня и истребленіе породили массу бѣдняковъ, лишившихся послѣдняго куска хлѣба; но и то это рѣдкость, когда болгаринъ рѣшится на улицѣ протянуть руку за милостыней; если и просятъ, то больше несчастныя женщины, вдовы зарѣзанныхъ мужей, бѣжавшихъ сюда изъ-за Балканъ съ малыми ребятами.

**) Въ тѣхъ же домахъ, гдѣ прислуги нѣтъ, ея обязанности исполняются членами семейства, преимущественно младшими.

*) Близъ древней церковки этой построена теперь новая обширная церковь.

Любитель пѣвчихъ птицъ.

(Картина Н. Богданова),

Выставленая въ настоящее время въ залахъ общества поощренія художниковъ картина Богданова представляетъ пріятное явленіе среди произведеній нашихъ молодыхъ жанристовъ. На этомъ небольшомъ полотнѣ представляется всѣмъ знакомый типъ отставнаго чиновника, сохранившаго до старости большую любовь къ мирнымъ занятіямъ и особенно къ воспитанію птичекъ и обученію ихъ разнымъ вокальнымъ хитростямъ. Видно, что старичекъ увлеченъ не на шутку успѣхами въ пѣніи своего ученика—чижика—видно, что онъ серьезно относится къ дѣлу его музыкальнаго образованія и что звуки какъ его собственнаго свиста такъ и затѣйливыя варьяціи птички на его любимыя темы доставляютъ ему невыразимое наслажденіе. Вообще вся фигура этого посвистывающаго старичка вполнѣ жизненна и правдива и при несомнѣнной талантливости нашъ молодой художникъ можетъ смѣло надѣяться на успѣхъ своихъ будущихъ произведеній.

Японскій паромъ.

(Поѣздка на праздникъ мертвыхъ).

Нѣсколько молодыхъ знатныхъ японокъ изъ окрестныхъ дачъ въ Нагасаки ѣдутъ на праздникъ мертвыхъ на кладбища, которыя вдали тонутъ въ цвѣтахъ и зелени. Каждое семейство имѣетъ тамъ свою отдѣльную ограду. Поразителенъ эффектъ этотъ въ Нагасаки: городъ простирается у подошвы горъ, на низкихъ, каменистыхъ террасахъ. Надъ нимъ расположены въ видѣ широкихъ уступовъ образующихъ превосходные амфитеатры, кладбища съ восточной стороны города, между садами и рощами. На равнинѣ—городъ живыхъ съ длинными и широкими улицами, съ деревянными домиками, съ шумящей толпой. Вверху—молчаливый некрополь съ гранитными стѣнами, съ столѣтними деревьями, съ вѣковѣчною торжественною тишиной. Множество надгробныхъ камней на террасахъ, окутанные голубоватымъ туманомъ дали, кажутся тѣнями умершихъ, витающихъ среди гробницъ надъ суетою шумнаго города.

„Праздникъ мертвыхъ", на который заранѣе ѣдутъ съ загородной дачи эти граціозныя дамы на своемъ оригинальномъ бамбуковомъ плоту, переправляемомъ молодыми сильными прислужницами,—бываетъ разъ въ годъ въ концѣ августа и продолжается три ночи къ ряду. Въ первый вечеръ освѣщаютъ разноцвѣтными бумажными фонарями гробницы тѣхъ, которые умерли въ продолженіи минувшаго года. Вторую и третью ночь освѣщаются всѣ безъ исключенія гробницы и населеніе Нагасаки размѣщается среди камней, на скамьяхъ и пируютъ и веселятся. Взрывы смѣха, веселые разговоры, ракеты, пускаемыя отъ времени до времени, не напоминаютъ ничего мрачнаго, не напоминаютъ о вѣчномъ покоѣ смерти.

Европейцы, случающіеся въ Нагасаки, переѣзжаютъ на палубы судовъ, стоящихъ въ гавани, чтобы издали полюбоваться волшебною картиной холмовъ, сверкающихъ разноцвѣтными огнями. На третью ночь, часовъ около двухъ, длинная вереница огней спускается къ водамъ залива а на кладбищахъ снова воцаряется мракъ и безмолвіе. Души умершихъ должны успѣть усѣсться въ лодки и исчезнуть до разсвѣта. Для нихъ плетутъ тысячи соломенныхъ челноковъ, въ которые кладутъ плоды, мелкія монеты и разноцвѣтные фонари. Эти челноки спускаются на воду и предъ-утренній вѣтерокъ разноситъ ихъ по заливу; отъ фонарей они скоро вспыхиваютъ. Объятая пламенемъ флотилія отражаетъ во всѣхъ направленіяхъ зарево огней. Скоро послѣдній челнокъ идетъ ко дну, послѣдняя душа посылаетъ свое прощаніе землѣ и съ восходомъ солнца не остается и слѣдовъ „праздника мертвыхъ"!

Молодыя особы ожидаютъ встрѣчь и веселья на этомъ праздникѣ. Гладко зачесанные ихъ обыкновенно волнистые, густые, распущенные волосы, сходятся въ толстую косу, перехваченную бантомъ почти у ногъ и теряются въ складкахъ широкихъ, пышныхъ шелковыхъ одеждъ. Высокій бамбуковый зонтикъ защищаетъ отъ палящихъ лучей нѣжное личико и легкій вѣеръ навѣваетъ на него прохладу.

Стрѣльба въ цѣль.

(На русско-азіатской границѣ).

На этой картинкѣ изображены русскіе офицеры нашей экспедиціи, присутствующіе при стрѣльбѣ, въ которой упражняются пограничные монголы, вообще весьма хорошо владѣющіе оружіемъ.

Всѣ средне-азіатскія племена, всѣ народности, ведущіе кочующую жизнь, или осѣдлую рѣдко разстаются съ ружьемъ.

Монголы, напримѣръ, настолько любятъ упражненіе въ стрѣльбѣ, что „въ свободное отъ занятій время", развлекаются стрѣльбою въ цѣль; даже въ пути, останавливаясь для отдыха, они, какъ разсказываютъ очевидцы, тотчасъ же, наскоро устраиваютъ мишень и предаются любимому дѣлу. Г. Пржевальскій, въ своихъ путешествіяхъ по Монголіи, иногда дарилъ туземцамъ, въ помощи которыхъ нуждался, ружья европейской конструкціи и нерѣдко присутствовалъ при упражненіяхъ монголовъ въ прицѣльной стрѣльбѣ—какъ-то читатели могутъ видѣть на нашемъ рисункѣ. Но, гораздо болѣе грозное значеніе имѣетъ ружье въ рукахъ разбойника и грабителя—туркмена. Различныя племена этой народности занимаютъ всю южную и восточную часть закаспійскихъ степей, сосредоточиваясь наиболѣе густо по сѣверной границѣ Персіи и Авганистана и западной границы Хивы и Бухары. Народъ этотъ, по преимуществу, кочевой и только въ Хивѣ и частью въ Бухарѣ, въ составѣ населенія нѣкоторыхъ городовъ попадаются іомуды и кара-туркмены. На каспійскомъ берегу попадаются туркмены изъ племени чоударъ, живущіе рыбной ловлей, но всѣ остальные занимаются скотоводствомъ и—главное—грабежемъ. Типъ туркменовъ, вслѣдствіе смѣшенія съ персами, утратилъ татарскія черты и сдѣлался гораздо правильнѣе. Это по большей части, рослые, сильные, стройные люди, съ продолговатымъ, сухощавымъ лицомъ, украшеннымъ небольшой бородкой и быстрыми, черными глазами. Костюмъ ихъ состоитъ изъ длиннаго, темнаго халата, туго перетянутаго широкимъ поясомъ, барашковой папахи и мягкихъ сафьяновыхъ саногъ съ острыми, загнутыми вверхъ концами. Они вооружены шашками и гладкоствольной двустволкой; къ поясу же прицѣплено нѣсколько узкихъ ремешковъ для привязыванія головъ убитыхъ непріятелей. Набѣги этихъ хищниковъ—(всегда неожиданные и быстрые, благодаря, отчасти, и ихъ великолѣпнымъ лошадямъ, славящимся во всей Азіи) можно назвать постоянной опустошительной эпидеміей, отъ которой страшно страдаютъ всѣ сѣверныя провинціи Персіи.

П. М. Строевъ, основатель Археографической коммиссіи.

Наука признала уже какъ несомнѣнный фактъ, что безъ изданія документовъ историческихъ, изученіе исторіи и законодательства не можетъ имѣть ни надлежащаго направленія, ни успѣшности. Въ средѣ учрежденій по преобразованію различныхъ частей государственнаго управленія, писалъ А. С. Норовъ къ Головину, безъ знанія историческаго хода дѣла, законодательныя мѣры были бы лишены твердой основы". Основана была, вслѣдствіе этихъ соображеній, Археографическая коммиссія и принято за правило предпосылать проэктамъ преобразованій историческія соображенія. Самые живые государственные вопросы приводятся такимъ образомъ въ самую тѣсную связь съ трудами такой коммисіи. Несомнѣнно поэтому, что человѣкъ, положившій начало такому учрежденію, оказалъ особенныя и отличныя услуги государству. Человѣкъ этотъ былъ нашъ извѣстный археографъ П. М. Строевъ.

П. М. Строевъ принадлежитъ къ самымъ выдающимся дѣятелямъ русской науки, какъ основатель въ Россіи археографіи и какъ человѣкъ, указавшій тотъ путь, по которому должна слѣдовать эта отрасль знанія какъ основаніе исторической науки. Недавно вышедшая его біографія подъ заглавіемъ „жизнь и труды П. М. Строева", составленная съ горячей любовью къ дѣлу, почтеніемъ къ памяти покойнаго ученаго, и рѣдкимъ умѣньемъ пользоваться тѣмъ разнообразнымъ матерьяломъ, который представился біографу, рисуетъ передъ нами преисполненную трудовъ и испытаній жизнь этого подвижника науки съ полнотою и яркостью. Русская публика конечно отнесется съ должнымъ вниманіемъ къ труду Н. П. Барсукова, уже извѣстнаго изданіемъ „Дневника Храповицкаго". Мы съ своей стороны желаемъ только воспользоваться появленіемъ этого почтеннаго труда чтобы напомнить обществу объ замѣчательномъ русскомъ ученомъ.

П. М. Строевъ родился въ 1796 году, въ Москвѣ, воспитаніе получилъ въ московскомъ пансіонѣ Виллерса, потомъ въ московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ.

Въ 1814 году, будучи еще студентомъ, Строевъ издалъ учебникъ „Краткую Россійскую Исторію", выдержавшую въ непродолжительное время два изданія; вслѣдъ затѣмъ онъ со своими историческими статьями выступаетъ въ „Сынѣ Отечества", издававшемся Гречемъ и въ своемъ журналѣ „Современный наблюдатель Россійской словесности". Статьи въ этихъ журналахъ обратили на Строева вниманіе Государственнаго Канцлера графа Николая Петровича Румянцева, который предложилъ ему занять должность главнаго смотрителя въ Коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, въ изданіяхъ которой Строевъ и принималъ живѣйшее и непосредственное участіе. Въ 1817 году государственный канцлеръ возложилъ на Строева порученіе осмотрѣть и описать монастырскія библіотеки московской епархіи; результатомъ этого порученія было между прочимъ открытіе древнѣйшихъ памятниковъ русской письменности, какъ напр. Сборника Святославова 1073 г. Въ тоже время Строевъ вмѣстѣ съ другимъ извѣстнымъ ученымъ Калайдовичемъ приготовилъ изданіе судебника царя Іоанна IV Грознаго, напечатаннаго въ 1819 году вмѣстѣ съ законами Великаго Князя Іоанна Васильевича. Въ 1819 году Строевъ издалъ еще одинъ замѣчательный памятникъ, найденный во время описи монастырскихъ книгохранилищъ—*Софійскій временникъ.*

Въ 1823 году Строевъ былъ избранъ въ члены Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, по какому

поводу въ засѣданіи 14 іюня произнесъ свою знаменитую рѣчь „о средствахъ, удобнѣйшихъ къ открытію памятниковъ Отечественной Исторіи и объ успѣшнѣйшемъ способѣ обработывать ихъ", въ которой онъ изложилъ основныя начала, на коихъ должна развиваться археологическая наука въ Россіи. Главною цѣлью избравшаго его общества онъ полагалъ собираніе, сохраненіе отъ уничтоженія и приведеніе въ извѣстность историческихъ памятниковъ, для чего предложилъ назначить *археологическую экспедицію* для объѣзда всѣхъ возможныхъ книгохранилищъ въ Россіи и описанія находящихся въ нихъ древностей. Къ сожалѣнію, Общество не оцѣнило сдѣланнаго ему предложенія и отказало Строеву въ осуществленіи его мысли, приведенной въ исполненіе только гораздо позже въ 1828 году, по предложенію Императорской Академіи Наукъ, съ Высочайшаго соизволенія и какъ преданіе гласитъ, по просвѣщенному предстательству Великой Княгини Маріи Павловны, прочитавшей рѣчь Строева въ Сѣверномъ Архивѣ и выразившей полное сочувствіе этой благой мысли.

Въ 1823 г. Строевъ былъ избранъ членомъ корреспондентомъ Императорской Академіи наукъ, а въ 1824 году Академіей приведено въ исполненіе предпріятіе Строева, которое онъ считалъ самымъ важнымъ въ своей жизни, именно археографическое *путешествіе по Россіи съ цѣлью описанія по монастырскимъ и др. библіотекамъ древнихъ книгъ и рукописей.* Археографическая экспедиція была раздѣлена на три поѣздки, по естественному и историческому расположенію областей Россіи, на сѣверную, среднюю и западную; на совершеніе этихъ поѣздокъ полагалось шесть или семь лѣтъ, и ассигновалось десять тысячъ рублей ежегодно. Начальникомъ экспедиціи былъ назначенъ Строевъ; помощниками, по его выбору, сперва два чиновника Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ а потомъ Я. И. Бередниковъ; результаты этой экспедиціи превзошли всѣ ожиданія Строева. Къ 1834 году Строевъ представилъ въ Академію отчетъ о дѣятельности Археографической экспедиціи, объѣхавшей Сѣверо-востокъ и часть Средней Россіи, и просилъ о продолженіи экспедиціи, для осмотра оставшихся областей, но въ это время именно 28-го декабря 1834 г. получилъ бумагу, упразднявшую поѣздки экспедиціи и передававшую ее въ другія руки.

Вслѣдствіе нѣкоторыхъ непріятностей Строевъ вскорѣ оставилъ Археографическую Коммиссію и переселился въ Москву. Государемъ Императоромъ была ему назначена за его путешествіе пенсія въ 2,000 руб. Тѣмъ не менѣе онъ не переставалъ принимать участіе въ изданіяхъ коммиссіи. Дальнѣйшія подробности объ этомъ замѣчательномъ ученомъ читатели могутъ найти въ любопытной, прекрасно составленной книгѣ Н. П. Барсукова которая между прочимъ обратила на себя вниманіе и въ европейской ученой литературѣ.

Въ 1864 году исполнилось пятидесятилѣтіе ученой дѣятельности П. М. Строева и двадцатипятилѣтіе вступленія въ Археографическую коммиссію. По поводу предстоявшаго празднованія юбилея дѣятельности Строева, А. С. Норовъ обратился къ Министру Народнаго Просвѣщенія съ слѣдующими словами: „Строева по справедливости можно назвать вмѣстѣ съ К. Ѳ. Калайдовичемъ основателями у насъ Археографіи, какъ науки и Археографическая коммиссія обязана ему своимъ началомъ; совершенное имъ Археографическое путешествіе въ 1830—34 годахъ было у насъ первое..."; Тотъ же А. С. Норовъ по тому же случаю писалъ Головнину: „Не смотря на скромное, повидимому, поприще на которомъ дѣйствовалъ Строевъ, заслуга, принесенная имъ не только наукѣ, но и государству—огромна".

П. М. Строевъ, умеръ въ 1876 г. на восьмидесятомъ году жизни.

Павелъ Михайловичъ Строевъ. Съ фотогр. грав. Вейерманъ.

Казнь змѣями.

(Очеркъ).

Предъ нами интересный разсказъ одного французскаго матроса, выброшеннаго бурей на берегъ Новой Гвинеи. Ужасный случай, имъ сообщаемый, рисуетъ отчасти нравы дикарей отдаленной малоизвѣстной страны. Новая Гвинея — наибольшій изъ западно-австралійскихъ острововъ, къ сѣверу отъ материка Австраліи, отъ котораго отдѣленъ страшнымъ для мореплавателей Торресовымъ проливомъ; проливъ Дампьера отдѣляетъ его, съ юго-востока, отъ Новой Британіи. Занимая довольно значительное пространство, около 12-ти тысячъ квадратныхъ миль (108 тысячъ квадратныхъ километровъ), онъ тянется отъ 10° южной широты почти до самаго экватора и лежитъ между 130° и 148°,30′ восточной долготы. Замѣтимъ здѣсь, что вообще наши свѣдѣнія объ островѣ довольно еще скудны до сихъ поръ, такъ какъ европейцы, преимущественно знакомые съ берегами, мало и рѣдко еще проникали въ глубь страны. На сколько извѣстно, середина острова—сплошная горная возвышенность, значительнѣйшіе пункты которой достигаютъ 8-ми, 12-ти (Оуэнъ-Стэнлэ) и 17-ти тысячъ футъ. Покатости горъ покрыты, по большей части, могучимъ лѣсомъ, безъ кустарника. Островъ богатъ маленькими рѣчками. Сѣверный берегъ болѣе благопріятенъ для моряковъ, такъ какъ они только на немъ находятъ удобныя гавани; южный—гористъ, скалы его неприступны и негостепріимны. Новая Гвинея—благословенная страна: ей улыбается вѣчно ясное небо, море шлетъ ей свое умѣряющее климатъ дыханіе, а разнообразная флора украсила ее роскошною гирляндою тропическихъ растеній; флора эта, дѣйствительно, представляетъ богатое разнообразіе: густые лѣса пальмъ, мускатныхъ, хлѣбныхъ, померанцовыхъ, лимонныхъ, бамбуковыхъ, коричныхъ и многихъ другихъ, покрываютъ берега и взбираются на горные отроги. Внутренность острова, какъ предполагаютъ, скрываетъ безчисленныя сокровища для торговли и науки. Не бѣднѣе островъ и фауной, начиная съ земноводныхъ — страшныхъ змѣй и кончая самыми красивыми на земномъ шарѣ представителями пернатаго царства, какъ напримѣръ, райская птица и т. п. Но—Новая Гвинея не можетъ похвастаться численностью населенія: тамъ насчитывается не болѣе 1/2 милліона жителей—и это на пространствѣ, едва ли не превышающемъ пространство Франціи!

Коренное туземное населеніе составляютъ дикіе—папуасы, или австралійскіе негры, принадлежащіе къ темноцвѣтному семейству малаіо-австралійской рассы. Они крѣпко сложены и не такъ гибки и малы ростомъ, какъ другіе австралійцы; маленькіе, темные глаза, загнутый носъ, толстыя губы, большой ротъ и необыкновенно бѣлые зубы—вотъ отличительныя черты ихъ типа. Внутреннюю часть восточной половины острова населяетъ, преимущественно, племя гарафуровъ, или альфуросовъ, на сѣверномъ же побережьи поселились малайцы съ Молуккскихъ острововъ. Одежда мужчинъ состоитъ изъ обернутаго вокругъ бедръ куска тонкой матеріи, вытканной изъ волоконъ кокосовой пальмы; костюмъ женщины тотъ же, но съ тою разницей, что онѣ употребляютъ шерстяную матерію. Главное занятіе, главный способъ добыванія пищи—охота и рыбная ловля, при чемъ оружіемъ имъ служатъ стрѣлы, пращи, дубины и копья. Есть, впрочемъ, нѣчто похожее на зачатки торговли: китайцы, отъ времени до времени, пристаютъ къ сѣверному берегу, и, привозя желѣзныя издѣлія, ткани (по большей части краснаго и голубаго цвѣтовъ, любимыхъ туземцами) и разную посуду; вывозятъ черепаху, райскую птицу, мѣстный

(Продолженіе на стр. 101, 102, 103, и 104).

Въ Новой Гвинеѣ. Казнь змѣями. Рисов. Лери грав. Кастелли.

мелкій жемчугъ и корицу. Европейцы, по странной случайности, мало еще эксплоатируютъ край: въ новѣйшее время, какъ слышно, голландцы начали посѣщать островъ болѣе другихъ. Живутъ туземцы, по большей части, въ свайныхъ постройкахъ, довольно прочно сооруженныхъ.

Новая Гвинея извѣстна европейцамъ уже около трехъ столѣтій. Португальцы, между 1512 и 1536 гг., открыли западную часть острова, въ 1528 г. его посѣтилъ испанецъ Сааведра. Сначала островъ былъ названъ „островомъ золота", но вскорѣ затѣмъ, ему было дано названіе Новой Гвинеи, вслѣдствіе сходства его обитателей съ неграми этой части Африки. Послѣ португальцевъ другіе мореплаватели открыли прочія части побережья. Дампьеръ нашелъ проливъ, отдѣляющій Новую Гвинею отъ Новой Британіи и объѣхалъ весь сѣверный берегъ ея. Въ 1792 г. Макъ-Клюэръ изслѣдовалъ заливъ, носящій его имя, а въ 1802—Флиндерсъ—берега по Торресову проливу, открытому въ 1606 г. испанцемъ Торресомъ. Въ 1828 году голландское правительство соорудило, въ видахъ торговыхъ, въ заливѣ Тритона маленькую крѣпостцу Дубусъ.

Теперь, по возможности кратко, ознакомимъ читателей съ случаемъ, очевидцемъ и участникомъ котораго въ 20-хъ годахъ былъ морякъ-французъ. Разсказчика, молодаго лейтенанта торговаго корабля „Надежда", мы застаемъ въ Мельбурнѣ, въ Австраліи, откуда корабль, нагруженный скотомъ и предназначенными для мѣны съ дикарями яркими индѣйскими тканями, трубками, разною мелочью, въ родѣ свистковъ, куколъ и т. д., готовился отплыть къ Луизіадскимъ островамъ.

„Оставивъ Мельбурнъ въ мартѣ, говоритъ онъ, и пройдя вдоль береговъ Австраліи до залива Мортона, мы поплыли къ сѣверу, направившись, не смотря на противные вѣтры, къ юго-восточному мысу Новой Гвинеи. Нашимъ намѣреніемъ было обогнуть этотъ мысъ, такъ какъ Луизіадскіе острова находятся къ востоку отъ него и—мы старались увеличить ходъ корабля, чтобы успѣть достичь какого нибудь порта до наступленія экваторіальныхъ равноденственныхъ бурь. До берега оставалось не болѣе 150 лье, когда, внезапно, барометръ упалъ и какъ бы подалъ сигналъ: тотчасъ же страшный вѣтеръ будто взрылъ все море. Наши паруса превратились въ лохмотья. Тѣмъ не менѣе мы продолжали путь, войдя въ рифы; но на другой день буря разыгралась съ такою силою, что намъ пришлось убрать остатки парусовъ и лечь въ дрейфъ. Громадныя волны затопляли палубу, ломая все въ дребезги и унося съ собой скотъ. Къ вечеру ураганъ сдѣлался еще ужаснѣе: невозможно уже было управлять кораблемъ, который трещалъ по всѣмъ направленіямъ и дрожалъ, какъ живое существо. Никогда ночь не казалась мнѣ длиннѣе... Наконецъ, насталъ день, вѣтеръ нѣсколько стихъ, мы ободрились. Осмотрѣвъ поврежденія—довольно значительныя, и употребивъ три дня на ихъ исправленія, мы, на четвертый, снова подняли паруса и, на седьмой—увидали горы Оуэнъ-Стэнлэ, оканчивающіяся юго-восточнымъ мысомъ. „Надежда", въ эту минуту, находилась по западную сторону мыса, т. е. внѣ линіи пути. Наступала ночь и вѣтеръ вновь становился крѣпче; но, къ счастью, онъ дулъ съ юга и, такимъ образомъ, былъ попутнымъ. Убавивъ паруса, капитанъ направилъ путь къ востоку, въ той надеждѣ, что на слѣдующее утро мы уже будемъ только въ 5-ти лье отъ мыса. Въ продолженіи всей ночи вѣтеръ постоянно усиливался и когда разсвѣло—море имѣло ужасающій видъ, а мы очутились у какихъ-то маленькихъ островковъ, сосѣдство которыхъ, въ такую бурю, было крайне опасно. Кое-какъ выйдя въ открытое море, мы подверглись другой опасности — ураганъ и теченіе несли насъ къ берегамъ Новой Гвинеи. Къ ночи мы находились въ полу-лье отъ рифовой отмели, на которую вѣтеръ могъ каждую минуту бросить нашъ фрегатъ. Послѣ ужина я вышелъ на палубу. Въ первый разъ въ жизни я видѣлъ такую морскую бурю. Волны, казавшіяся во мракѣ какими-то движущимися черными горами, одна за другою обрушивались на несчастный корабль, какъ бы силясь потопить его. Вѣтеръ свистѣлъ и гудѣлъ между снастями, поминутно зловѣщій трескъ раздавался во всемъ корпусѣ и, казалось, будто онъ стонетъ, какъ стонутъ смертельно раненые люди. Вмѣстѣ съ тѣмъ, страшный холодъ пронизалъ насъ всѣхъ до самыхъ костей. Мракъ сдѣлался непроницаемъ. Море—море бушевало вокругъ и влекло къ гибели... Дѣйствительно—въ эту ночь „Надежда" разбилась о подводный рифъ и изъ всего экипажа уцѣлѣли только разсказчикъ и четыре матроса, выброшенные на негостепріимный берегъ Новой Гвинеи. Можетъ быть матросамъ этимъ лучше было утонуть съ прочими товарищами, чѣмъ попасть въ руки папуасовъ, которые ихъ предали болѣе ужасной смерти, какъ мы сейчасъ увидимъ. На утро слѣдующаго дня, полумертвые отъ холода, мокрые, голодные, лейтенантъ и матросы были схвачены дикарями, связаны и уведены въ глубь острова, на нѣсколько лье отъ берега. Путь лежалъ по одному изъ горныхъ отроговъ Оуэнъ-Стэнлэ, о которомъ мы говорили выше; по бокамъ тропинки вверхъ и въ стороны разстилался безконечный тропическій лѣсъ. Ни конца ему, ни начала... Все тихо кругомъ и только гортанные звуки разговора папуасовъ нарушали эту подавляющую измученныхъ плѣнныхъ тишину. Вотъ, однако,—показался просвѣтъ, что-то журчитъ. Слышенъ еще какой-то говоръ, людское движеніе: то было небольшое селеніе папуасовъ —5 или 6 свайныхъ домовъ на берегу маленькой рѣчки. Плѣнниковъ привели въ эту прогалину и ихъ окружила толпа дикарей—черные, съ злыми, блестящими темными глазами, отвратительными толстыми губами, они напоминали тѣхъ демоновъ, которыхъ рисуетъ напуганное дѣтское воображеніе. Съ безцеремонностью дѣтей природы, они подходили къ бѣлымъ, разсматривали ихъ безъ малѣйшаго стѣсненія, трогали, потомъ, отойдя на нѣкоторое разстояніе, уродливыми прыжками, гортанными криками выражали другъ другу, вѣроятно, свое удовольствіе добычѣ и предстоящему торжеству. Агонія несчастныхъ матросовъ продолжалась недолго—ихъ участь была рѣшена. Вскорѣ состоялось что-то въ родѣ совѣта стариковъ папуасовъ—жителей деревеньки, разсказываетъ лейтенантъ. Небольшая группа ихъ усѣлась подъ деревомъ и о чемъ-то толковала, остальная стоя держалась почтительно поодаль. Затѣмъ снова раздались громкіе крики. Къ намъ подошли, подняли насъ и повлекли—идти сами мы не были въ состояніи—въ сторону узкой тропинкой. Чрезъ часъ ходьбы все „общество" остановилось предъ болѣе густою частью лѣса. Здѣсь дикари наши начали принимать какія-то предосторожности—нѣкоторые стали шумѣть трещотками, другіе принялись кричать, бить дубинами о деревья. Наконецъ, вступили въ чащу. Привязавъ здѣсь матросовъ къ деревьямъ, папуасы тотчасъ же отдалились. Сначала я думалъ, что ихъ хотятъ уморить голодомъ, но—иллюзія скоро разсѣялась: я услыхалъ нечеловѣческій крикъ одного изъ товарищей по несчастію и увидѣлъ зрѣлище, одно воспоминаніе о которомъ до сихъ поръ леденитъ кровь мою—онъ судорожно бился въ холодныхъ черныхъ кольцахъ страшной, огромной змѣи; еле замолкъ этотъ крикъ—за нимъ послѣдовали другой и третій, полные смертельнаго, безъисходнаго отчаянія—змѣи обвили двухъ другихъ матросовъ... Остальное я помню какъ во снѣ". Молодого лейтенанта пощадили съ неизвѣстными ему цѣлями, когда ночью, связанному, ему удалось освободиться и уйти отъ дикарей и послѣ долгихъ скитаній попасть на голландскій корабль...

На приложенной картинкѣ читатель можетъ видѣть эту ужасную сцену, которую, къ счастью своему, не досмотрѣлъ разсказчикъ.

Политическое обозрѣніе.

Мѣры по поводу чумы въ Европѣ.—Русско-турецкое соглашеніе.—Избраніе князя Болгаріи.—Рѣчь Дундукова-Корсакова.—Новый президентъ республики.

Страшное и мы убѣждены преувеличенное, извѣстіе о *чумѣ въ Россіи* пронеслось по всей Европѣ, которая начала дѣятельно „вооружаться" противъ неожиданнаго врага. Въ Вѣнѣ, 12-го (24-го) января состоялась подъ предсѣдательствомъ министра-президента князя Ауэршперга, конференція изъ представителей министерствъ торговли, финансовъ, иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, а также и венгерскаго и германскаго правительствъ и трехъ докторовъ—спеціалистовъ. Конференція эта сдѣлала слѣдующія постановленія: 1) Германскому и австро-венгерскому правительствамъ слѣдуетъ, въ скорѣйшемъ времени, изслѣдовать эпидемію, установить наблюденіе за ея ходомъ и доставлять правительствамъ отчеты, которыми необходимо обмѣниваться. Къ врачамъ слѣдуетъ прикомандировать лицъ, владѣющихъ русскимъ языкомъ; ходатайствовать предъ русскимъ правительствомъ объ оказаніи посланнымъ для изслѣдованія эпидеміи лицамъ офиціальной поддержки. Пригласить румынское правительство принять участіе въ отправкѣ врачебнаго персонала. 2) Представителямъ въ Россіи названныхъ государствъ предписать, чтобы они доносили, чрезъ каждые пять дней, о каждомъ явленіи, заслуживающемъ вниманія. 3) *Запрещеніе ввоза предметовъ изъ Россіи*, объявленное въ 1878 г. австрійскимъ и венгерскимъ правительствами, должно быть сохранено въ силѣ и введено также въ Германіи, вопросъ о степени распространенія этого запрещенія будетъ рѣшенъ на дальнѣйшемъ совѣщаніи. 4) Ѣдущіе изъ Россіи должны быть допускаемы въ предѣлы Германіи и Австро-Венгріи только въ такомъ случаѣ, если они снабжены паспортами и удостовѣреніемъ властей о томъ, что въ теченіе 20-ти дней до выдачи удостовѣренія не находились въ губерніяхъ, которыя считаются зараженными и если не существуетъ никакихъ опасеній по отношенію къ времени, протекшему со дня выдачи удостовѣренія. 5) Вещи лицъ, ѣдущихъ изъ подозрѣваемыхъ губерній, должны быть подвергаемы дезинфекціи; въ случаѣ, еслибы обстоятельства приняли болѣе неблагопріятный характеръ, слѣдуетъ сдѣлать распоряженіе о всеобщемъ санитарно-полицейскомъ досмотрѣ лицъ и вещей, особенно на главныхъ пограничныхъ станціяхъ и, сообразно этому,—движеніе изъ Россіи должно быть (по отношенію къ лицамъ) ограничено опредѣленными станціями. 6) Пассажирскіе вагоны, заходящіе на русскія пограничныя станціи, должны быть, послѣ каждой поѣздки, тщательно очищаемы и провѣтриваемы; необходимо строгое наблюденіе за соблюденіемъ чистоты вообще, на стан-

ціяхъ и въ вагонахъ. 7) На случай, еслибы опасность подошла ближе—слѣдуетъ имѣть въ виду полное прекращеніе движенія черезъ границу, съ учрежденіемъ карантиновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ комисія рѣшила не допускать ввоза слѣдующихъ предметовъ и товаровъ: нечистаго носильнаго и постельнаго бѣлья, поношенаго платья, тряпья, мѣховъ, шкуръ, кожъ, пузырей, кишекъ, волоса, щетины, перьевъ, икры, рыбы и сарептскаго бальзама. Шерсть, бумажныя деньги и письма рѣшено, предъ пропускомъ чрезъ границу, подвергать дезинфекціи а суда, идущія изъ русскихъ гаваней—санитарному досмотру. На другой день, въ палатѣ депутатовъ австрійскаго рейхсрата былъ сдѣланъ правительству запросъ о чумѣ, на который министръ-президентъ далъ нѣсколько успокоительныхъ увѣреній. Изъ Берлина сообщаютъ, что для обсужденія того-же вопроса, тамъ образована особая комисія изъ представителей имперскаго канцлерства, министерствъ иностранныхъ дѣлъ и прусскаго военнаго а также представителей вѣдомства желѣзныхъ дорогъ и представителей министерства по дѣламъ медицинскаго вѣдомства, внутреннимъ, торговымъ и финансовымъ.

То, что мы предвидѣли, до сихъ поръ вполнѣ оправдывается: ожидавшееся *со дня на день* извѣстіе о заключеніи окончательной конвенціи между Турціей и Россіей еще не пришло и еще не приходитъ... Черногоріи каждый день турецкіе уполномоченные передаютъ Спужъ, Жаблякъ и Подгорицу, но еще—пока не передали: что же касается переговоровъ съ Греціей, то они совсѣмъ пріостановились: Порта предписала своему представителю въ Аѳинахъ выразить удивленіе по поводу того, что греческіе комисары по установленію греко-турецкой границы выѣхали прежде, чѣмъ Порта объявила о днѣ собранія комисіи; одновременно съ этимъ, Порта приказала преградить корвету „Ольга“, на которомъ ѣхали греческіе комисары, доступъ въ Артскій заливъ; вслѣдствіе того греческіе комисары высадились въ Вонецѣ, откуда они отправились сухимъ путемъ въ деревню Амину; въ Аѳинахъ этотъ образъ дѣйствій произвелъ тягостное впечатлѣніе, въ немъ усматриваютъ новое намѣреніе затянуть переговоры. Вотъ—какъ пока стоитъ дѣло переговоровъ, вытекающее изъ Берлинскаго трактата. Съ другой стороны, британскій посланникъ продолжаетъ работать надъ осуществленіемъ плановъ своего правительства, онъ недавно потребовалъ, чтобы завѣдываніе финансами, морскимъ и военнымъ министерствами было передано европейцамъ, чтобы Порта приняла на службу британскихъ чиновниковъ а также —сократила бы флотъ и—тогда ей будутъ даны деньги.

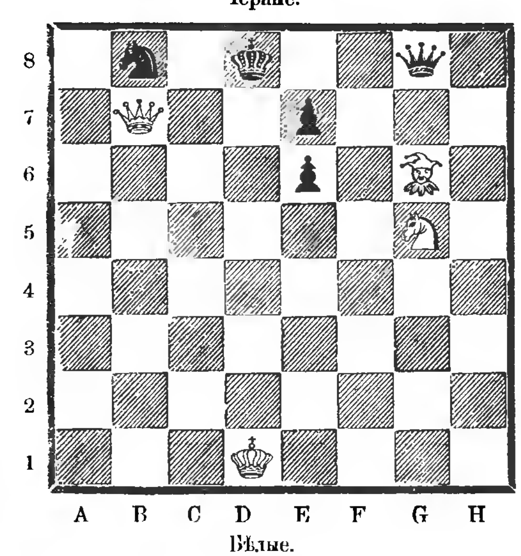
На дняхъ—болгары приступаютъ къ избранію своего князя. По словамъ вѣнскихъ газетъ, къ князю Дундукову-Корсакову являлась недавно депутація отъ богатѣйшихъ и значительнѣйшихъ округовъ Болгаріи и Румеліи. На вопросъ ея—основательны ли слухи, будто онъ выступаетъ кандидатомъ на болгарскій престолъ, князь отвѣтилъ, что, по зрѣломъ размышленіи, онъ пришелъ къ убѣжденію, что было бы гораздо лучше, еслибы болгарскимъ княземъ сдѣлался не русскій, а который нибудь изъ иностранныхъ принцевъ. На этомъ основаніи онъ рѣшился отказаться отъ чести быть избраннымъ, о чемъ уже и заявилъ офиціально русскому правительству, которое вполнѣ согласилось съ его взглядами на этотъ вопросъ. Отвѣтъ этотъ, говорятъ, опечалилъ делегацію, ораторы которой употребили величайшія усилія, дабы убѣдить князя Дундукова перемѣнить свое рѣшеніе; но онъ остался непреклоненъ, прибавивъ, что болгарскій народъ не долженъ видѣть въ этомъ какого либо признака охлажденія къ нему Россіи или его самого. „Вы скоро убѣдитесь, сказалъ при этомъ, князь, что будущность и счастіе Болгаріи остаются намъ попрежнему дороги. Поэтому вы не должны отчаяваться въ близкомъ осуществленіи вашихъ желаній.“ По поводу выступленія русскихъ войскъ, императорскій комисаръ сказалъ слѣдующее: „сначала выступитъ главный корпусъ нашей арміи, а 50 т. останутся здѣсь еще на полгода. Мы уже почти создали вашу національную армію и снабдили ее хорошимъ оружіемъ, пушками и всѣмъ необходимымъ. Наши лучшіе организаторы трудятся надъ приведеніемъ ея въ такое положеніе, которое позволило бы ей быть надежною защитою вашей страны. *Эти испытанные офицеры останутся съ вами* для довершенія начатаго дѣла, по выступленіи нашихъ войскъ. Впослѣдствіи мы дополнимъ устроенныя нами постоянныя сообщенія съ вашей страной. Отнынѣ Болгарія сдѣлалась, въ нѣкоторомъ родѣ, русскимъ передовымъ постомъ на Балканскомъ полуостровѣ; предоставьте Россіи заботу о томъ, чтобы постъ этотъ постоянно укрѣплялся и развивался въ силѣ на пользу всѣхъ южно-славянскихъ племенъ. Русская армія доказала, что она непобѣдима; то же самое докажетъ и русская дипломатія. Прощайте, господа. Я сказалъ вамъ достаточно, чтобы вы могли оживить надежды вашихъ соотечественниковъ и поддержать въ нихъ твердость и терпѣніе“. Нѣтъ сомнѣнія, что мы, русскіе, имѣемъ полное основаніе и должны говорить этимъ языкомъ съ болгарами, хотя и не можемъ утверждать съ полною достовѣрностью, что корреспонденты вѣнскихъ газетъ передали содержаніе рѣчи князя Дондукова безошибочно.

Во Франціи *важная новость*: маршалъ Макъ-Магонъ подалъ въ отставку и президентомъ французской республики избранъ Жюль Греви. Портретъ и біографическія свѣдѣнія о новомъ президентѣ будутъ въ возможно скоромъ времени на страницахъ „Нивы“.

Считаемъ не лишнимъ передать здѣсь нашимъ читателямъ, въ видѣ слуха, требующаго подтвержденія—извѣстіе о томъ, будто 30 членовъ сербской скупштины внесли на разсмотрѣніе представительства сербскаго народа предложеніе обратиться съ ходатайствомъ къ русскому правительству о присоединеніи къ Сербіи вошедшаго въ составъ Болгаріи Виддинскаго округа...

Шахматная задача № 4.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

Рѣшеніе шахматной задачи № 3.

Бѣлые.	Черные
1) Конь F 7—H 6	1) G 7 беретъ H 6
2) Слонъ C 4—G 8	2) Король C 2—D 3.
3) Слонъ G 8—H 7 и матъ.	

Рѣшеніе ребуса помѣщеннаго въ № 3: Сомнительно, чтобы когда удалось грекамъ устроить выгодную сдѣлку безъ драки съ турками.

РЕБУСЪ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Царское. просп. А. П. П—ову.
Между вѣтвями зеленыхъ кустовъ
Въ мракѣ *свѣтъ* лунный *тѣснился* (!)
Яркою съ звѣзднаго неба луной
Гибкій *твой станъ* освѣтился и т. д.

Странно—отчего луна для освѣщенія избрала именно только „станъ“?

М. А. Ф—ову. „Какъ-то разъ мимоходомъ, разсказываете вы, муза шепнула мнѣ прилагаемые стихи. Кое-кто похвалилъ — помѣстите!“ Но что такое она нашептываетъ вамъ?

Есть душа во мнѣ,
Не уродъ собой,
Сердца теплаго,
Ума добраго,
И не воръ то я
Не разбойничекъ
До чужого я
Не охотничекъ.

Казалось бы чего лучше. Не тутъ-то было!

А вотъ выпала жъ
Доля горькая—
Поѣдомъ ѣдятъ
Власти мудрыя,
Прочь бѣгутъ меня
И красавицы.

Странно—что за причина...

Архангельскъ. Алекс—рову.
Передо мной
Лежитъ Двина и цѣлый рой
И шкунъ и лодокъ и *всего*
Стоитъ у береговъ рядами.

Чего это—*всего?*

Москва. А. Е. С.
Много *время* пройдетъ,
По несчастье мое
Не пройдетъ никогда.

Вы повидимому полагаете что это поэзія.

Гжатскъ. Н. Спир—ову.
Мнѣ грезятся твои *прелестненькіе* глазки...

Это очень мило. Или:

За голосъ твой чудесный
Кинжалъ отдать готовъ...

Но почему же именно „кинжалъ“?

Керчь. N. N.
...Взошла луна
Луча два три съ нея скатилось...
Лучи сребристые луны
Какъ молодые шалуны
Они другъ друга догоняютъ...

Молодые шалуны—очень игриво!

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Ф. БЕРГЪ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЗАГАДОЧНЫЯ КАРТИНКИ
съ русскими подписями.

Образчикъ

ГДѢ СКРЫВАЕТСЯ АМУРЪ?

(Для отгадки нужно обратить вниманіе на переднюю часть лица—лобъ, носъ, подбородокъ и часть шеи между воротничками.

Полная коллекція состоитъ изъ 48 занумерованныхъ картинокъ. Цѣна всей коллекціи въ футлярѣ 1 р. 50 к., каждая картинка отдѣльно по 3—4 коп.

Продаются: **въ Петербургѣ**: въ книжныхъ магазинахъ Фену, Попова, Плотникова, Витепажа, Исакова, и др., а также во всѣхъ писчебумажныхъ лавкахъ; **въ Москвѣ**: въ книжномъ магазинѣ Салаева; **въ Варшавѣ**—въ книжн. маг. Попова (бывш. Черкесова); **въ Кіевѣ**—въ Южно-русскомъ книжномъ магазинѣ **въ Харьковѣ**—въ книжномъ маг. Юзефовича; **въ Одессѣ**—у Бѣлаго; **въ Гродно**—у Окорокова; **въ Псковѣ**—у Вольфрама; **въ Вяткѣ**—у Красовскаго и Клобукова; **въ Перми**—у Петровской; **въ Тифлиссѣ**—у Вартанова; **въ Нижнемъ-Новгородѣ**—въ „Дѣтскомъ музеумѣ; **въ Казанк**—у Дубровина; **въ Ростовѣ-на-Дону**—у Прѣснова; **въ Орлѣ**—у Сафонова и Шемаева.

Всѣмъ продавцамъ дѣлается значительная уступка. № 14 1

ПЕРВЫЙ И ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ РОССІИ, ДЕШЕВЫЙ
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.
ОТКРЫТА ПОДПИКА НА

ВСЕНАУЧНЫЙ (ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ) СЛОВАРЬ,

ДЛЯ СПРАВОКЪ ПО ВСѢМЪ ОТРАСЛЯМЪ ЗНАНІЯ
ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
В. КЛЮШНИКОВА. № 11 2—1

2 тома, болѣе **100** *печатныхъ листовъ*, около **2000** *страницъ* убористой печати (петитъ) около **100,000** *словъ*.

Подписная цѣна 5 руб., съ пересылкой **6 руб**, Въ отдѣльной продажѣ словарь будетъ стоить **6 руб.**, съ пересылкой **7 руб. 50 коп.**

Первый томъ *(буквы А.—К.)* высылается подписчикамъ немедленно по полученіи подписныхъ денегъ.

Второй томъ, котораго отпечатано уже *20 листовъ (буквы Л., М., Н., О.)* выйдется по окончаніи печатанія въ мартѣ 1879 г. *Желающіе получить и отпечатанные 20 листовъ II тома немедленно*, высылаютъ сверхъ подписныхъ **6 руб**, еще **50 коп.**, т. е. 6 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ Въ С.-Петербургѣ, у издателя Христіана Карловича Небе. Невскій пр. д. № 75 кв. 2. Издатель **Х. К. Небе.**

МАЛЬЦЪ-ЭКСТРАКТНОЕ ПИВО ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИКА ІОГАННА ГОФФА.

33 бут. 10 р. 80 к. 70 бут. 21 р. 15 к.

Мальцъ-экстрактный грудной шоколадъ 1 фунтъ—1 р. 90 к. $5^1/_2$ ф.—9 р. 50 к.

Мальцъ-экстрактныхъ грудныхъ конфектъ $5^1/_2$ мѣшк. 2 р. 50 к. 11 мѣшк.—5 р. кромѣ пересылки.

Сгущенный мальцъ-экстрактъ. 1 флак. 1 р, 11 фл. 10 р. Главный складъ для всей Россіи на углу Невскаго и Николаевской ул., д. № 71,2. Въ С.-Петербургѣ.

№ 9 1—1

САМЫЙ ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ПО ЦѢНѢ И СОДЕРЖАНІЮ
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„СВѢТЪ“

Содержаніе: романы, повѣсти, стихотворенія, критика, журнальное обозрѣніе, популярныя статьи по философіи и наукамъ, научныя новости, общественная жизнь, художественныя приложенія и преміи.

Цѣна въ годъ	Безъ доставки.	Съ доставкою.
Въ С.-Петербургѣ . .	4 р.	4 р. 50 к.
» друг. городахъ . .		5 » — »

Желающіе получать преміи не согнутыми платятъ 1 руб. Адресъ редакціи: Спб., университетъ, кв. 21. № 12 3—1

КАРТИНЫ

по священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта, изданія Металхромотипіи Ракочій Сидорскій и К°, одобренныя учебнымъ комитетомъ Святѣйшаго Синода ПРЕИМУЩЕСТВЕННО предъ всѣми другими изданіями картинъ по Закону Божію, вышли въ свѣтъ ИСПРАВЛЕННЫЯ и ДОПОЛНЕННЫЯ согласно указаніямъ сказаннаго Комитета, ВТОРЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ, въ форматѣ, наиболѣе подходящемъ для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ и дома. Размѣръ каждой гравюры-картины 10—15 дюймовъ безъ полей, т. е. вдвое больше по размѣру картинъ, находящихся въ продажѣ другихъ изданій (Шрейбера, Шнорра и пр.). Гравюры-картины отпечатаны въ цвѣтныхъ тонахъ съ бликами на плотной александрійской бумагѣ. Картины составлены согласно съ программами всѣхъ начальныхъ школъ и младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и обнимая такимъ образомъ собою всю священную исторію В. и Н. Завѣта, служатъ лучшимъ пособіемъ при объясненіи молитвъ, символа вѣры, заповѣдей и богослуженія

Цѣна полной коллекціи съ двунадесятыми праздниками въ 50 картинъ.

На плотной Александрійской бумагѣ въ цвѣтныхъ тонахъ.	7 р.	
» » » » раскрашен. акварелью.	13 »	
Наклееныхъ на толстой папкѣ съ метал. кольцами . на	5	дороже
Тоже покрытыхъ лакомъ . . . . на	8 »	»
12 картинъ двунадесятыхъ праздниковъ 10—15 д. безъ полей, сдѣланныхъ масляными красками на толстой бумагѣ	3 »	

Къ вышесказаннымъ картинамъ составлено и вышло въ свѣтъ „Руководство“ изъ 2-хъ частей: 1) Разсказы священной исторіи ветхаго завѣта, 2) разсказы священной исторіи новаго завѣта—цѣна за обѣ части 50 к. и 3) приложенія къ разсказамъ изъ священной исторіи ветхаго и новаго завѣта—цѣна 60 к.—О содержаніи и педагогическихъ пріемахъ названнаго „Руководства“, сдѣланъ компетентный отзывъ въ церковномъ вѣстникѣ № 35 1878 г. По обилію фактическихъ основаній и полнотѣ разъясненій каждаго факта исторіи съ научно-богословскихъ требованій «Руководство это можетъ служить весьма важнымъ подспорьемъ для гг. законоучителей при преподаваніи Закона Божія въ сельскихъ школахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ.

За картины нужно прилагать пересылочныхъ—за 9 фунт. при выпискѣ картинъ безъ папки и за 24 ф. при выпискѣ картинъ, наклеенныхъ на папку, за 3 ф. при выпискѣ картинъ 12 праздниковъ и 25 к. за пересылку руководства въ 3 частяхъ.

Желающіе пріобрѣсти эти картины и книги благоволятъ высылать свои требованія въ С.-Петербургъ, Троицкій пер., д. № 27, въ заведеніе товарищества «Металхромотипіи» издателю **И. П. Сидорскому.** № 13 1—1

ПАТЕНТОВАННЫЙ КОПИРОВАЛЬНО-МНОЖИТЕЛЬНЫЙ АППАРАТЪ,

Помощью котораго получается въ кратчайшее время 50 и болѣе отчетливо и ясно отпечатанныхъ копій какого угодно текста или рисунка. Цѣна 19 руб., съ пересылкою 21 руб. За каждую прилагаемую краску взимается: за красную 3 р., а за фіолетовую 4 р.

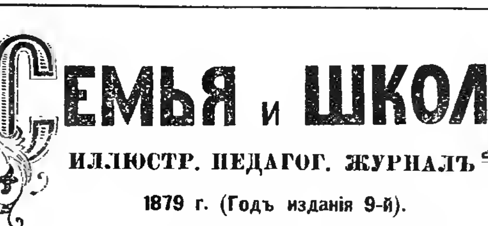
СЛОВОЛИТНОЕ, МАШИННОЕ, ГАЛЬВАНОПЛАСТИЧЕСКОЕ, СТЕРЕОТИПНОЕ и ГРАВИРОВАЛЬНОЕ мои заведенія, по обширности своей превосходящія подобныя заведенія за границей, снабжены громаднымъ запасомъ шрифтовъ украшеній, политипажей и машинъ, что даетъ мнѣ возможность устроить любую типографію въ нѣсколько дней.

Оптовая и розничная продажа типографскихъ и литографскихъ красокъ, бронзы, массы, оливу, и пр. принадлежностей.

ПОСТОЯННАЯ ВЫСТАВКА типографскихъ, литографскихъ, переплетныхъ, бумагообрѣзательныхъ, токарныхъ и другихъ инструментальныхъ машинъ и локомобилей.

ИСИДОРЪ ГОЛЬДБЕРГЪ.

С.-Петербургъ. Средн. Мѣщанск., собств. д., № 20. № 10 2 1

ИЛЛЮСТР. ПЕДАГОГ. ЖУРНАЛЪ

1879 г. (Годъ изданія 9-й).

Отд. I. **Семейное чтеніе** (для дѣтскаго чтенія) 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. **10 р.**

Отд. II. **«Воспитаніе и обученіе съ педагогическою хроникою»**. 10 книгъ и 40 номеровъ въ годъ. Подп. ц. съ перес. **5. р.**

Подписная цѣна на оба отдѣла съ перес. 12 р. въ годъ.

Подписка адресуется: Въ СПБ., въ контору журнала «Семья и Школа» (Васильевск. остр., 15 л., д. № 20). № 244 10—9

„ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ“, бывшій „ДѢТСКІЙ САДЪ“.

выходитъ ежемѣсячно въ 1879 году при тѣхъ же сотрудникахъ въ объемѣ отъ 5—6 листовъ большаго формата съ приложеніемъ для дѣтей старшаго и младшаго возраста, для послѣдняго съ рисунками. Цѣна 4 р. 50 к., съ перес. и доставкой 5 р.

№ 7 3—2 Издатель **А. Поповъ**, редакторъ **Н. Бѣлозерская.**

ТЕЛЕГРАФЪ

самая дешевая
ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ, ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА.

Подписная цѣна: съ доставкою на домъ въ Петербургѣ и съ пересылкою иногороднымъ: на годъ—**6** р., на полгода—**3** р. **50** к., на 3 мѣсяца **2** руб.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ, на Большой Конюшенной, д. № 15, квар. № 22. № 8 3—2

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ.

Садовое заведеніе въ Ригѣ, имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что

Каталоги сѣменамъ и пр. на 1879 г. изданы и разосланы всѣмъ постояннымъ покупателямъ этой фирмы.

Прочимъ же лицамъ, желающимъ получить таковые, посылаются каталоги также безплатно, смотря по желанію на языкахъ русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ, или же иллюстрированное изданіе съ 250 политипажами, на одномъ русскомъ языкѣ. № 4 4—3

Дозволено цензурою СПБ. 25 Января 1879 г.

Тип. Беллинга. Лит. № 10.

№ 6 — 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.) Выданъ 5 Февраля 1879 г. К ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40). Цѣна этого № „Нивы“ 20 к. съ персс. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ФЕВРАЛЬ съ 27 рис. и отдѣльный листъ выкроекъ съ 24 рис. рукодѣльныхъ работъ и съ 24 чертеж. выкроекъ.

И. Н. Крамской.

Среди произведеній нашихъ молодыхъ портретистовъ, бывшихъ на Парижской всемірной выставкѣ, портреты И. Н. Крамскаго особенно выдѣлялись жизненной правдой изображенія. Установилось уже самое лестное мнѣніе о высоко-художественномъ выполненіи портретовъ гр. Л. Н. Толстого, Д. В. Григоровича, Шишкина и мнѣнія эти раздѣлялись и иностранной художественной критикой, которая прямо заявляла, что по силѣ выраженія нашъ молодой художникъ можетъ смѣло выдержать сравненіе съ лучшими современными портретистами запада.

Иванъ Николаевичъ Крамской родился 27-го мая 1837 года въ городѣ Острогожскѣ Воронежской губерніи и получивъ тамъ же начальное образованіе, 17-ти лѣтъ оставилъ родину и въ сообществѣ съ однимъ харьковскимъ фотографомъ цѣлые три года путешествовалъ по Россіи, помогая ему въ качествѣ ретушера, пока не попалъ въ Петербургъ и не поступилъ здѣсь въ 1857 г. въ ученики Академіи Художествъ. Наклонность къ живописи проявилась у нашего художника довольно рано; еще ребенкомъ онъ срисовывалъ все, что попадалось ему на глаза, но ни указаній, ни совѣтовъ спрашивать ему было не у кого. Отца онъ лишился рано, братья его не могли быть ему полезны въ этомъ отношеніи— одинъ изъ нихъ былъ чиновникомъ, а другой былъ занятъ преподаваніемъ въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ. Путешествіе съ фотографомъ конечно очень мало подвинуло впередъ его художественное развитіе и неудивительно, что при поступленіи въ Академію, подъ руководство профессора А. М. Маркова юный художникъ не умѣлъ еще владѣть ни карандашемъ, ни масляными красками. Но послѣ недолгаго пребыванія въ Академіи уже начали появляться его работы на выставкахъ; такъ въ 1860 и 1861 годахъ было имъ выставлено четыре рисунка, портреты съ натуры Венига, Чистякова, Корзухина и Крейтана и

Иванъ Николаевичъ Крамской. Рис. Тегацо, грав. Пуцъ.

этюды масляными красками „Смертельно раненый Ленскій“, удостоившійся 2-й серебряной медали и „Молитва Моисея по переходѣ черезъ Чермное море“. На выставкѣ же 1863 года онъ получилъ вторую золотую медаль за картину: „Моисей источаетъ воду изъ скалы“ и выставилъ подмалевокъ „Походъ Олега на Царьградъ“. Но и среди такихъ успѣховъ И. Н. все таки почелъ за лучшее покинуть Академію вмѣстѣ со многими изъ своихъ товарищей и скорѣе отказаться отъ большой золотой медали и отъ поѣздки за границу. чѣмъ писать на нежеланную тему, предложенную со стороны. Уже говоря о К. Е. Маковскомъ, (Нива № 2) мы упоминали, что тогда всѣ програмисты отказались отъ темы. Со времени выхода изъ Академіи нашъ художникъ начинаетъ вести самостоятельную жизнь, работать и пробивать себѣ трудную дорогу къ художественной репутаціи. Въ эту переходную эпоху своей жизни онъ сдѣлалъ рисунокъ (въ половину картины) съ извѣстнаго произведенія Н. Н. Ге „Тайная вечеря“, находящійся нынѣ въ публичномъ Московскомъ музеѣ, куда картина перешла вмѣстѣ со всею галлереею Прянишникова. Въ то же время юный художникъ, по просьбѣ своего прежняго наставника, профессора Маркова, принялся дѣлать рисунки и картоны для купола храма Спасителя въ Москвѣ. а черезъ годъ по выходѣ изъ Академіи началъ выполнять ихъ въ самомъ куполѣ и продолжалъ эту работу до ея окончанія въ 1866 г. Кромѣ этого труда И. Н. выполнилъ множество частныхъ заказовъ: писалъ портреты съ натуры и съ фотографіи, писалъ образа и эти необходимыя ему работы, выполняемые имъ съ полною добросовѣстностью, и положили основаніе его первоначальной извѣстности. Такъ между произведеніями этого періода слѣдуетъ отмѣтить: портретъ князя Васильчикова. бывшаго Кіевскаго генералъ-губернатора и его супруги съ натуры; а затѣмъ портретъ графа Д. А. Толстого, Министра Народнаго Просвѣщенія, и М. Б. Тулинова. Послѣдніе три были на выставкѣ 1869 года. Съ 1870 года матерьяльныя средства нашего художника начинаютъ значительно улучшаться и онъ наконецъ увидѣлъ возможность брать лишь такіе заказы, которые не пасиловали бы его таланта, а напротивъ помогали бы его развитію и совершенствованію. Къ этому же времени относится выполненіе имъ нѣсколькихъ картинъ, которыя были тогда же выставлены, а именно: „Майская ночь или утопленница (содержаніе взято изъ повѣсти Гоголя) „охотникъ на тягѣ“ пріобрѣтенная Государемъ Императоромъ и „Христось въ пустынѣ“, удостоенная медали на послѣдней парижской всемірной выставкѣ. Портретовъ же Иванъ Николаевичъ написалъ въ послѣдніи десять лѣтъ такое множество, что перечисленіе ихъ было бы весьма затруднительно, а потому мы отмѣтимъ лишь тѣ, которые или появлялись на выставкахъ или хотя и не были на нихъ, но извѣстны какъ лучшія произведенія нашего художника. Портретъ Н. И. Второва, Графа О. П. Литке (для Имп. Академіи Наукъ); пейзажиста Барона М. К. Клодта, скульптора Антокольскаго; Гр. А. П. Бобринскаго бывш. министра путей сообщенія; Гр. С. Строгонова, И. А. Гончарова, Я. П. Полонскаго, прекрасный портретъ Д. В. Григоровича; А. С. Суворина; П. Мельникова (Андрея Печерскаго): Кн. Д. А. Оболенскаго; Н. А. Некрасова и друг. Кромѣ того въ разное время были написаны портреты, попадавшіе на наши выставки: генерала Сухозанета, бывшаго военнаго министра: Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго (для Воспитальнаго Дома) Т. Г. Шевченки и великолѣпный портретъ нашего знаменитаго писателя Гр. Л. Н. Толстого (1873 г,) А. С. Грибоѣдова, А. В. Кольцова и самого художника. Изъ этюдовъ недавняго времени болѣе или менѣе удавшихся, можно указать на слѣдующіе: „Оскорбленный еврейскій мальчикъ“, „Пасѣчникъ“ „Кузница“ „Лѣсникъ“ „Созерцатель“ (бывшій на выставкѣ 1878 года). Кромѣ того И. Н. выполнилъ гравюры: портретъ Петра Великаго (1876) и Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича (1878). а также большіе масляными красками портреты Наслѣдника Цесаревича и В. К. Сергія Александровича. Помимо всѣхъ этихъ многочисленныхъ работъ нашъ трудолюбивый художникъ, по заказу В. А. Дашкова, выполнилъ до сотни портретовъ карандашемъ, разныхъ русскихъ дѣятелей для его московской коллекціи; среди столь обширной дѣятельности Н. И. еще находилъ время помѣщать въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ свои замѣтки по вопросамъ, касающимся столь горячо любимаго имъ искусства.

Въ непогоду.

(Очерки изъ жизни Полѣсья).

Конечно не доводилось вамъ блуждать въ глухомъ незнакомомъ лѣсу въ зимнюю вьюгу? Блуждать одному, безъ запаса пищи, безъ малѣйшей надежды на людскую помощь, съ однимъ только сознаніемъ, что впереди лежатъ еще цѣлыя версты лѣсныхъ дебрей?.... Жутко становится человѣку въ такомъ положеніи! Куда ни глянешь—вездѣ деревья и деревья, стройныя, высокія, съ нависшими хлопьями снѣгу на вѣтвяхъ, и уходятъ-то они отъ вашего взора все дальше и дальше—въ черную глубь, которой, кажись, и конца-то нѣтъ. Кругомъ и надъ вами стоитъ глухой шумъ и гулъ злящейся вьюги, перебѣгающей съ трескомъ по верхушкамъ деревъ, съ которыхъ падаютъ цѣлыя глыбы снѣгу и засыпаютъ васъ. О признакахъ дороги уже и говорить нечего: ихъ нѣтъ. Повсюду только видны сугробы снѣгу, изъ которыхъ торчатъ корявыя и причудливо изогнутыя сѣдыя вѣтви кустовъ, словно растопыренные пальцы окоченѣвшей старухи. По мѣрѣ того, какъ вы подвигаетесь впередъ по этимъ снѣжнымъ сугробамъ и съ величайшимъ трудомъ взрываете ногами снѣгъ, силы ваши все слабѣютъ и слабѣютъ; притупляется и чувство самосохраненія, взамѣнъ котораго ясно выступаетъ сознаніе круглой безпомощности, ничтожества предъ этими лѣсными гигантами-деревьями, гордо стоящими въ снѣжной пустынѣ лицомъ къ лицу съ мятелью и только сердито, со скриномъ качающимися отъ дыханія холодной бури. Вѣки начинаютъ слипаться, въ ушахъ—звонъ, во всемъ тѣлѣ разливается какая то опасная истома, и мысль—также какъ и рой кружащихся передъ вами снѣжинокъ—какъ-то расползается, силясь напрасно захватить сразу нѣсколько предметовъ. совершенно разнородныхъ и не идущихъ ко всей печальной обстановкѣ; васъ такъ и тянетъ прислониться къ какому нибудь дереву или броситься въ пушистый сугробъ и сладко, сладко заснуть подъ гулъ лѣса—заснуть, что бы больше не просыпаться...... И вотъ, вы уже готовы, сдѣлали шагъ къ дереву, прислонились къ его холодной поверхности, задремали; межь тѣмъ въ ушахъ все звучитъ послѣднее слово вашей мысли—„непросыпаться, непросыпаться“. Въ это время, по разогрѣтому трудной ходьбою тѣлу, начинаетъ пробѣгать легкая дрожь все чаще и чаще, и холодъ вступаетъ въ свои права. Съ нимъ пробуждается и сознаніе опасности: простое слово—непросыпаться—какими-то неуловимыми путями переходитъ въ мысли въ ясное представленіе смерти—холодной, страшной, медленной.

Первое, за что ухватишься въ такую минуту, это—огонь.

Наломать сучьевъ, которые въ стужу и ломаются легко—дѣло одной минуты. Еще нѣсколько минутъ—и изъ громадной кучи валежника, сквозь черное облако дыма, то тамъ, то здѣсь скользили уже тоненькія струйки огня, съ трескомъ вырываясь наружу и постепенно сливаясь въ одно пламя, которое такъ пріятно и грѣло и жгло лицо.

Межь тѣмъ. короткій зимній день клонился къ вечеру; въ лѣсу, темнѣетъ раньше, чѣмъ на полѣ. Утихала и мятель, все рѣже проносясь съ гуломъ по лѣсу; только морозъ къ ночи крѣпчалъ и въ лѣсу, по временамъ, слышался гулъ, словно ружейнаго выстрѣла; это—лопались „лѣсныя лысины,“ *) невыдерживая холода.

Натаскавъ про запасъ валежнику, и усѣвшись около жарко пылавшаго костра, сталъ я обдумывать выходъ изъ своего положенія. соображать. какъ можетъ быть далеко до деревни, изъ которой я вышелъ утромъ, и чѣмъ я буду питаться. Припомнилось мнѣ, что я когда то видѣлъ планъ Линковичскаго бора. въ которомъ теперь заблудился. благодаря мятели и увлеченію слѣдомъ лося. Вспомнилъ и то. что со стороны сѣвера стволы деревъ покрыты мхомъ: значитъ, оріентироваться можно—на юговосточной сторонѣ лѣса есть крестьянскіе поселки. Но до нихъ, по моему соображенію, было верстъ тридцать; а до той деревни, изъ которой я вышелъ поутру много. много верстъ 15-ть.—но дѣло въ томъ, что

*) Лысиной—называютъ голое, непокрытое снѣгомъ мѣсто въ лѣсу.

я никакъ не могъ опредѣлить направленіе, въ которомъ была эта деревня. Волей неволей, приходилось держаться юговостока, такъ какъ въ этомъ направленіи, хотя бы и на третьи сутки, я все таки найду людей, теплое помѣщеніе, кусокъ хлѣба и возможность добраться къ себѣ домой.

Среди такихъ-то размышленій, у ярко пылающаго костра, я провелъ первую ночь въ глухомъ Линковичскомъ бору. Само собою разумѣется, что я ни одной минуты не спалъ, опасаясь замерзнуть. То и дѣло бросалъ я сучья въ огонь, поворачиваясь къ нему то бокомъ, то спиною, для равномѣрнаго распредѣленія тепла. Осмотрѣлъ свое ружье, пороховницу.... даже сосчиталъ пистоны. Въ ягдташѣ оказался ломоть хлѣба съ солью, взятый для собаки—я съѣлъ его съ жадностію и нетерпѣливо сталъ дожидаться утра, которое, какъ на зло, казалось мнѣ, никогда не наступитъ.

Но вотъ, мало-по-малу, засѣрѣлъ разсвѣтъ—тихо было такъ, что ни одна вѣтка не шелохнулась; сквозь древесныя вѣтви еще кое-гдѣ виднѣются звѣздочки, но они уже чуть мерцаютъ. Далеко, далеко въ лѣсу крикнула какая-то птица, слетѣвшая на „утренній жиръ“ *)—и все замолкло.

Пора и въ дорогу.

Надѣвъ на себя ягдташъ и вскинувъ за плечо двухстволку, я уже сталъ разсматривать деревья—съ которой стороны у нихъ мохъ—какъ вдругъ до слуха моего донесся неясный звукъ, похожій на людской голосъ.

— Слава тебѣ Господи! вырвалось у меня невольно и я, сколько было мочи, закричалъ въ отвѣтъ: „сюда! сюда!“, и затѣмъ сталъ прислушиваться.

Но ухо не уловило и ползвука: кругомъ мертвая тишь.

Я подумалъ, что меня не услыхали, снялъ съ плеча ружье и сдѣлалъ выстрѣлъ вверхъ.

Раздался трескъ выстрѣла, и эхо на тысячу ладовъ зарокотало по лѣсу. По мѣрѣ того какъ стихали эти отголоски, я снова сталъ прислушиваться,

Теперь, думалось мнѣ, услышатъ меня навѣрно.

Снова мертвая тишина.

Я попробовалъ закричать, но и на это ни звука въ отвѣтъ.

Что дѣлать! Идти по тому направленію, откуда послышался голосъ—я не могъ потому, что въ радости хорошенько не замѣтилъ съ какой стороны онъ донесся до меня. Идти по тому направленію, которое я избралъ ночью—нехватало духу, рѣшимости; да и скоро ли человѣкъ отрѣшается отъ блеснувшей ему надежды?

Постоявъ еще не много, прислушиваясь и зарядивъ ружье, я, съ болью въ сердцѣ и съ меньшею увѣренностію, тронулся въ дорогу, если ходьба въ снѣгу по колѣно и притомъ въ лѣсу, можетъ называться дорогою.

Но неуспѣлъ я сдѣлать и 200-300 шаговъ, какъ вправо отъ меня послышался тотъ же человѣческій голосъ, и теперь, какъ показалось мнѣ, кто-то пѣлъ: покрайней мѣрѣ слышались звуки протяжные, не похожіе на крикъ или говоръ.

Я свернулъ на голосъ и быстро зашагалъ по снѣгу. Пѣсня слышалась все громче, но словъ нельзя было разобрать; она напоминала знакомый мотивъ, но я никакъ не могъ вспомнить, хотя твердо былъ убѣжденъ, что знаю ее. Раздался и стукъ топора.

— Ну и прекрасно, подумалъ я, обрадовавшись:—рубитъ дрова: я съ нимъ доберусь до деревни.

Шагахъ во ста впереди себя я увидѣлъ *полѣщука*, рослаго старика, который что-то рубилъ.

— Дѣдушка! А дѣдушка! окликнулъ я его:—изъ какого села?

Старикъ пересталъ рубить, приложилъ къ глазамъ лѣвую руку щиткомъ, посмотрѣлъ на меня: потомъ отнялъ руку, перекрестился и вдругъ запѣлъ громко: „Со святыми упокой Христе Боже“— у меня сердце упало. И самъ ужъ не знаю: подходить ли къ старику, вернуться ли назадъ, уйти ли отъ него или еще разъ окликнуть. Въ первую минуту, я даже схватилъ съ плеча ружье и взвелъ курки, да такъ и застылъ съ нимъ на мѣстѣ, держа на изготовку. Хотѣлъ ли я только напугать старика—я ужь, право, теперь и самъ не знаю.

Дѣдъ, окончивъ свое мрачное пѣніе, принялся снова рубить.

— Дѣдъ!.. А, дѣдъ! окликнулъ я его снова невѣрнымъ голосомъ:—скажи, какъ пройдти въ Багримовичи.

Дѣдъ пересталъ рубить, всадилъ топоръ въ дерево и сталъ подходить ко мнѣ. Какой у него видъ! Весь въ лохмотьяхъ, сѣдой, длинноволосый, но крѣпкій и бодрый; замѣчательнѣе всего были глаза, которые мрачно свѣтились съ страшнымъ выраженіемъ. Черезъ плечо, на длинномъ полотенцѣ, у него висѣла какая-то колодка, въ родѣ корытца.

Недоходя шаговъ пяти до меня, онъ остановился, и что-то зашепталъ. Я повторилъ вопросъ—далеко ли до Багримовичей и какъ пройдти?

Дѣдъ присѣлъ на снѣгу, захлопалъ въ ладоши, словно обрадовавшееся дитя и, посмѣиваясь, отозвался:

— А трунку (гробикъ) зробишь, панычу, то у Багримовичи заведу? И не много помолчавъ, добавилъ:—исти хочешь, панычу?.. Ходьмо до моей хатки; затѣмъ поднялся, повернулся отъ меня и, на ходу перекрестившись, снова запѣлъ „со святыми упокой.“

Ясно, это съумасшедшій, но онъ зналъ куда идти—этого было достаточно; я пошелъ за нимъ.

Идя за старикомъ, я нѣсколько разъ останавливался въ раздумьи:—а что какъ онъ убьетъ меня въ припадкѣ? Но исключительность положенія заставляла меня идти впередъ.

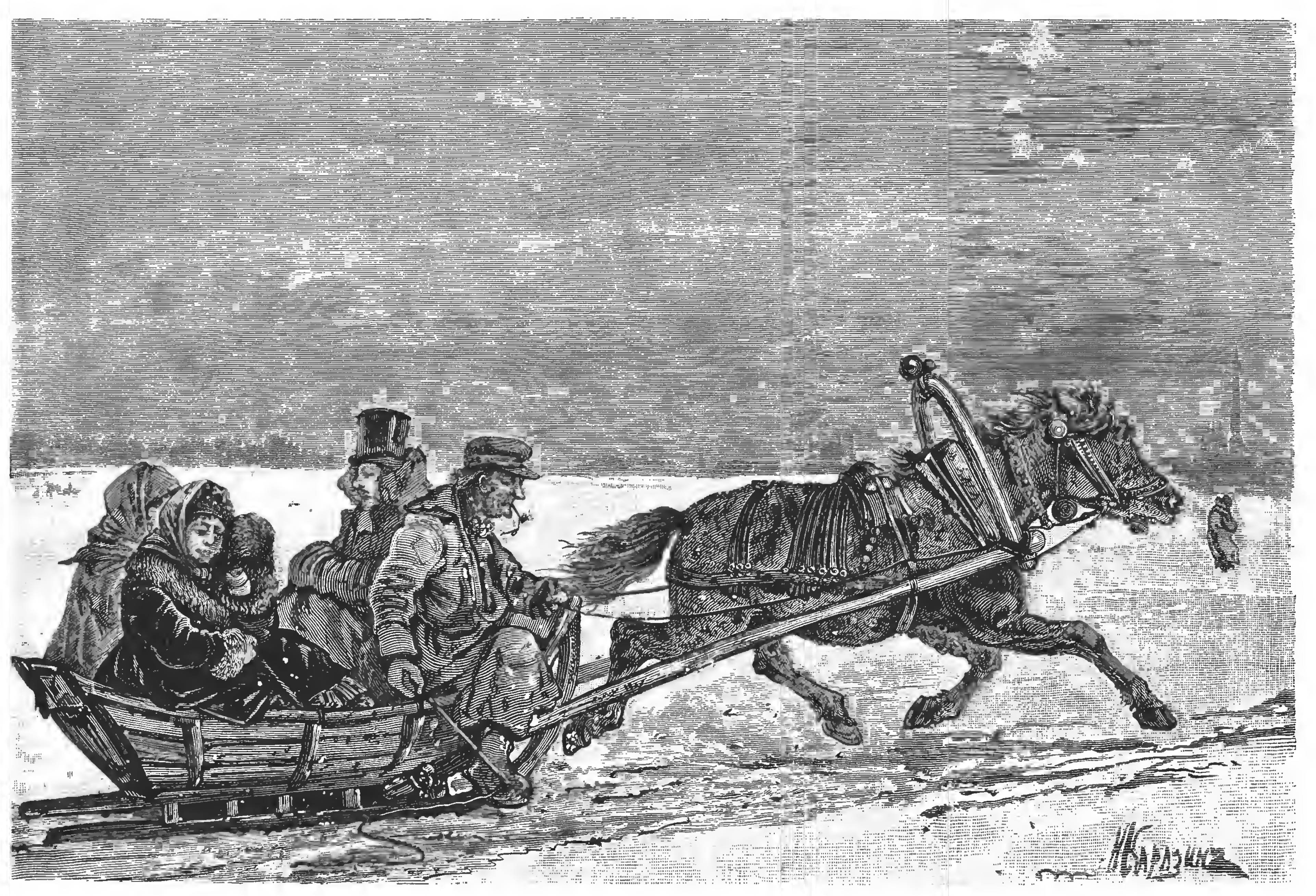
Старикъ вошелъ въ сторожку, которая была построена изъ бревенъ и имѣла двери. Немного погодя, онъ вышелъ оттуда, подалъ мнѣ краюшку черстваго хлѣба и деревянную кружку съ квасомъ. Это еще болѣе убѣдило меня, что старикъ, дѣйствительно, знаетъ какую нибудь деревню или что кто нибудь его посѣщаетъ. Такъ или иначе, но представлялась возможность вернуться въ общество людей и я рѣшился жить со старикомъ до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не отправится въ деревню за хлѣбомъ или его не принесутъ ему.

Пока я управлялся съ краюхой хлѣба и кружкой квасу, мой домохозяинъ сбѣгалъ въ лѣсъ, принесъ оттуда колоду съ аршинъ длиною и положилъ ее около меня; принесъ топоръ, досталъ изъ своей будки плотничье долото и все это положилъ около меня, а самъ усѣлся у дверей своей сторожки, и, покачиваясь изъ стороны въ сторону, снова затянулъ „со святыми упокой“.

Очевидно, вручая мнѣ долото и топоръ, дѣдъ требовалъ отъ меня, что бы я смастерилъ ему гробикъ. Волей не волей приходилось приняться за дѣло гробовщика, тѣмъ болѣе, что для безопасности не лишнее было имѣть въ своихъ рукахъ топоръ; да и безъ работы на холоду оставаться было невозможно и я принялся обтесывать колоду. Дѣдъ присѣлъ въ снѣгу около меня и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за каждымъ взмахомъ топора и посмѣивался приговаривая: „трунка, трунка будзець, трунка“.

На Полѣсьи, въ деревняхъ вездѣ практикуется способъ приготовленія гробовъ изъ колодъ. Тамъ каждый можетъ быть гробовщикомъ и приготовленіе такого гроба весьма просто, въ особенности для дѣтей. Срубятъ колоду желаемой толщины, расколятъ ее пополамъ, выдолбятъ обѣ половинки корытцемъ—вотъ и гробъ для ребенка. Да и самый способъ переноски покойниковъ-младенцевъ на кладбище не менѣе оригиналенъ; привяжетъ полѣшукъ къ концамъ такой колодки веревку, перекинетъ эту веревку черезъ плечо, сядетъ верхомъ на свою кобыленку безъ шапки, перекрестится—и пошелъ

*) Жиръ—кормъ.

Масляница въ С.-Петербургѣ. По Невѣ на чухонскихъ санкахъ. Ориг. рис. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Городъ Бѣлевъ (Тульской губ.). Съ фотогр. грав. Б. Пуцъ.

трусить на кладбище. Лѣтомъ, въ рабочую пору, такъ даже и гробика не дѣлають, а обворачивають трупъ малютки въ холстинку, или кладуть просто въ бочонокъ и такимъ же порядкомъ доставляють на кладбище.

Зная это, я былъ увѣренъ, что угожу своему странному заказчику работою, которая спорилась въ рукахъ у меня.

Разщепивъ колодку пополамъ, я уже принялся выдалбливать углубленія, какъ услышалъ за собою скрипъ шаговъ и обернулся. Къ намъ подходила старушка, въ коротенькомъ, рваномъ тулупчикѣ и что-то несла въ узелкѣ. Подойдя поближе, она посмотрѣла на старика, потомъ на меня и закачала укоризненно головой.

— Ой панычу, панычу! И не соромно вамъ трунки робиць, заговорила она, и не давая мнѣ отвѣтить, тутъ же, накинулась на старика, который весь какъ-то съежился и не смотрѣлъ на бабу.

— А ты жъ Сцепанѣ, Бога не боишься!.. И што это, ты тольки робишь!.. У селѣ маленькія дзетки мруць!.. Хоць бы ты пожалѣу ихъ анельскія душки!.. и пошла, и пошла.

У старика показались слезы; а къ концу монолога онъ ревѣлъ какъ ребенокъ и, всхлипывая, твердилъ: „я не буду большъ робиць.“ Это смягчило старуху и она, усѣвшись, принялась развязывать узелокъ, доставая оттуда хлѣбъ и вареный картофель. Я воспользовался удобной минутой и разсказалъ ей какъ попалъ къ этому старику и почему занимался такою работой.

Старуха слушала меня молча и когда я кончилъ, замотала головой и замахала руками:

— Ни, панычу, ни! у село вамъ ходзиць тцеперь не можно, и безъ того маленькія дзѣтки мруць... Нехай Богъ хавае и крыѣ насъ!.. Ни, ни, не можно!..

— Вотъ тебѣ и разъ, подумалъ я, но сообразилъ, что я могу просто пойдти за этой бабой и, слѣдовательно, доберусь же до деревни. Не высказывая своего рѣшенія, я все таки попробовалъ разувѣрить старуху. Но какъ ни старался я, а баба осталась при своемъ убѣжденіи, что съ появленіемъ моимъ въ деревнѣ, тамъ всѣ дѣти должны умереть; „такъ стары людзи кажуць“ говорила она.

— Такъ что же мнѣ дѣлать, спросилъ я ее.

— Треба, кабъ попъ васъ отчитау, святой вадзицей папапу, объяснила старуха.

— А безъ попа нельзя.

— Ни, ни! Не можна! Дзицячая смерць якъ учепитца до каго, то вона крѣпко, крѣпко тримаетца: тильки попъ и може ее атагнаць... ни адзинъ знахарь ничого не наробиць, заключила многозначительно бабка:—а есть и такая дзицячая смерць, што и попъ ничего не порадзицъ... вонъ въ маво Сцепана такая, указала она на старика, жадно ѣвшаго картофель.

— Ну, а къ тебѣ, бабко, не пристанетъ эта смерть? Вѣдь, вотъ и ты же ходишь къ старику.

— До бабъ вона не пристае... не милуетца зъ ними, объяснила она:—да бабы трунъ не робяць, могилъ не капають.

Посидѣвъ еще не много, старуха стала собираться; поднялся и я, вскинулъ за плечо ружье и пошелъ за нею, немного отставая. Деревня, какъ оказывалось, была верстахъ въ четырехъ или пяти, довольно большая, дворовъ во сто, если не болѣе. Въ ней была и церковь, жилъ и священникъ Багримовичскаго прихода.

Уже виднѣлся церковный куполъ, когда старуха остановилась на дорогѣ и дождавшись моего приближенія къ ней, спросила:

— А вы, панычу, куда теперь пойдзеце?

— Какъ куда? Извѣстно въ деревню.

— А ни, ни, нехай Богъ крыѣ! Ни можно, ни можно, мой паночку, а ни якъ не можно! васъ не пусцяць у село. Лучшъ идзице задворками просто до попа, дай покайцеся ему, нахай васъ винъ отчитае, а сама-то стала на дорогѣ да и растопырила руки, желая удержать меня.

Приходилось сказать, что я пойду къ священнику отчитываться—тогда только пустила она меня.

У самой деревни таже процедура. Стала у входа, машетъ руками да кричитъ что есть мочи: „не можна, не можна! Дзицячая смерць иде!“ Схватила даже дручекъ какой-то и машетъ имъ у самого лица. На крикъ изъ ближнихъ хатъ выскочило нѣсколько бабъ и мужиковъ и подошли къ намъ. Баба моя съ жаромъ принялась разсказывать имъ какъ я дѣлалъ гробъ и что я „дзицячая смерць.“ Бабы благимъ матомъ завыли, загалдѣли мужики и въ нѣсколько минутъ цѣлая толпа народу запрудила улицу.

Что тутъ будешь дѣлать! Силой не пробьешься: остается одно — идти по задворамъ къ священнику, тотъ-то ужъ навѣрно выручитъ. Я объявилъ собравшейся громадѣ, что желаю пройдти къ попу и пусть кто нибудь сведетъ меня, въ противномъ случаѣ я проберусь через деревню ночью.

Ни кто не рѣшался проводить меня по задворкамъ, опасаясь, вѣроятно, что бы къ нему не пристала „дѣтская смерть.“ Въ толпѣ зашумѣли снова, послышалось имя какого-то Никифора, послали за нимъ. Никифоръ незамедлилъ явиться. Это былъ маленькій старичекъ: онъ все шепталъ молитву,—въ деревнѣ слылъ за „Божьяго человѣка“—ему и поручили проводить меня по за деревней къ поповскому дому. Побрелъ я за своимъ провожатымъ, который то и дѣло вязнулъ въ снѣгу и падалъ. Разъ хотѣлъ я помочь ему встать, но старикъ лежа въ снѣгу, такъ жалобно сталъ просить меня что бы я его не трогалъ руками, что я отошелъ въ сторону и дождался его. Уже почти вечерѣло, когда доплелся я до конца деревни, гдѣ былъ погостъ и не подалеку отъ него домъ священника.

Отецъ Иванъ разсмѣялся, когда я разсказалъ ему какъ попалъ на „дѣтскую смерть.“ За чаемъ и ужиномъ онъ мнѣ разсказалъ исторію Степана, что въ лѣсу. Степанъ, оказывалось, былъ зажиточный мужикъ, только у него, какъ на грѣхъ, все умирали дѣти; бралъ онъ и чужихъ и тѣ умирали; вотъ старикъ и тронулся. А такъ какъ въ Полѣсьи существуетъ повѣрье о дѣтской смерти, то вся деревня и рѣшила выселить Степана въ лѣсъ—тогда и моръ прекратится.

— И что же, прекратился, спросилъ я.

— Какое прекратился. Каждую зиму къ намъ жалуетъ скарлатина. А въ крестьянскомъ быту, извѣстно, не берегутся, заражаются, ну и мрутъ дѣти, даже и взрослые, объяснилъ мнѣ отецъ Иванъ:—мужики же думають, что это Степанъ виноватъ: онъ, вишь, все гробики дѣлаетъ, а они, де, не могутъ пустые стоять... Разъ даже, года два тому назадъ, хотѣли покончить со Степаномъ, убить его: насилу я остановилъ ихъ. Привозилъ его къ себѣ на домъ, при всѣхъ давалъ ему держать на рукахъ своихъ дѣтей, поставилъ у себя въ домѣ пустой гробикъ—ничего не помогло, не разубѣдилъ; только отмѣнили свое рѣшеніе убить его, потому что я пристращалъ становымъ да тюрьмой. Ужь очень темный народъ, заключилъ со вздохомъ отецъ Иванъ.

— И теперь скарлатина у васъ, въ деревнѣ? полюбопытствовалъ я.

— Да, и теперь... и сильная такая—кого ни зацѣпитъ, такъ и свалитъ... Убьютъ старика...

Проѣзжая лѣтомъ черезъ деревню, я завернулъ къ священнику, и, между прочимъ, спросилъ про Степана.

— Убили, батюшка, убили, отвѣтилъ онъ:—только кто—не знаю. Былъ и слѣдователь, да толку не вышло: всѣ въ одинъ голосъ, знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ, человѣкъ былъ тронутый—можетъ самъ себя покончилъ. Да и убили-то вскорѣ послѣ вашего отъѣзда...

М. Волотовскій.

Очерки и разсказы.

Вс. В. Крестовскаго иллюстрир. **Н. Н. Каразинымъ.**

(Продолженіе).

VII.
Систовскіе болгары

II.

остинныя“ комнаты въ болгарскомъ домѣ всегда достаточно свѣтлы и содержатся въ замѣчательной, можно сказать, голландско-педантической чистотѣ, такъ что лица, носящія башмаки или туфли, входятъ сюда не иначе какъ въ чулкахъ и такъ остаются во все время своего тамъ пребыванія. Въ одной изъ такихъ комнатъ наружная стѣна нерѣдко представляетъ собою сплошной рядъ стеклянныхъ рамъ, какъ бы одно большое, широкое окно; а иногда, вмѣсто этого, въ такихъ комнатахъ имѣется либо четырехугольный, либо полукруглый свѣтлый балконъ-фонарикъ, обставленный по стѣнѣ широкою отоманкой съ подушками. Вообще, въ пріемныхъ комнатахъ, одна или двѣ стѣны заняты сплошь большимъ широкимъ и низкимъ восточнымъ диваномъ, съ подушками вмѣсто спинки *); на обивку этой мебели идутъ ковры или очень красивыя восточныя ткани, нерѣдко составляются мозаически великолѣпнымъ узоромъ изъ разноцвѣтныхъ суконъ, расшитыхъ шелками, въ видѣ фантастическихъ цвѣтовъ и арабесокъ. Предъ диванами въ нѣкоторыхъ домахъ помѣщаются низенькіе восточные столики, въ родѣ круглыхъ или многогранныхъ табуретовъ, сплошь инкрустированные перламутромъ, черепахой, слоновой костью черным, орѣховымъ и палисандровымъ деревомъ, чрезвычайно красивой и изящной работы. Эти вышитыя столовыя скатерти, покрышки дивановъ и столики составляютъ истинное изящество и роскошь восточнаго убранства комнатъ, и какъ непріятно рѣжетъ глазъ, когда рядомъ съ подобными предметами встрѣчаешь иногда въ той же горницѣ гнутые вѣнскіе стулья, ломберные и гостиные столы и тому подобныя вещи общеевропейскаго, цивилизованно-пошлаго образца. Они вяжутся съ оригинальной стороной обстановки точно также, какъ и европейскій костюмъ съ болгариномъ и болгаркой. Нерѣдко приходится встрѣчать въ одной изъ парадныхъ комнатъ двуспальную кровать, убранную очень пышно стеганымъ шелковымъ одѣяломъ и подушками въ кисейныхъ или батистовыхъ, прошитыхъ кружевомъ наволочкахъ; но на такой кровати никто никогда не спитъ и даже на нее не садятся, а стоитъ она здѣсь только для виду, какъ символъ семейнаго начала въ дому. Начисто выструганный, некрашенный полъ сплошь покрытъ большими, очень изящной работы тростниковыми цыновками, а предъ диванами положены пестроцвѣтные ковры, которые иногда вѣшаются и вдоль стѣнъ, надъ кроватью и отоманками; стѣны же всегда начисто выбѣлены и иногда разрисованы, въ родѣ обоевъ, по трафарету, синей, розовой или зеленой краской; потолки деревянные, изъ дуба, сосны или орѣха, и нерѣдко украшенные великолѣпною, изящною рѣзьбою; среди потолка—рѣзная деревянная розетка, съ которой спускается восточный разноцвѣтный фонарикъ, украшенный шелковыми кистями, или же зеркальный стеклянный шаръ; на столахъ—букеты розъ и иныхъ живыхъ цвѣтовъ, въ фарфоровыхъ вазочкахъ вѣнскаго издѣлія, на стѣнѣ—„огледало“ т. е. зеркало, а въ правой отъ входа, либо въ передней стѣнѣ устроена небольшая ниша, запирающаяся въ родѣ шкафчика: это—кіотъ, гдѣ хранятся фамильные, наслѣдственные образа, и непремѣнно образъ того святаго угодника, покровительству котораго хозяинъ поручилъ свою семейную жизнь при вступленіи въ бракъ, и каждый болгаринъ непремѣнно празднуетъ день этого своего святаго, служитъ ему молебенъ у себя въ дому и дѣлаетъ пожертвованія на церковь, на школу, на народное дѣло, на бѣдныхъ и убогихъ, призрѣваемыхъ его приходомъ. Въ этихъ же кіотахъ у большей части болгаръ запрятаны и портреты Государя Императора, или покойнаго Государя Николая Павловича—„нашего истиннаго царя, его же чаемъ и ему же служить желаемъ“, какъ объясняютъ болгары.

— Ужь будто ли такъ? спросилъ я однажды по этому поводу моего хозяина, который довольно порядочно изъясняется по-русски и вообще человѣкъ весьма не глупый.

— Не сомнѣвайтесь; непремѣнно такъ! подтвердилъ онъ;—и знаете ли почему? Потому что если намъ нельзя быть самими собою, самостоятельнымъ и сильнымъ царствомъ болгарскимъ, какимъ оно было при царѣ Симеонѣ, то лучше же быть подъ рукою русскаго православнаго царя, чѣмъ подъ рукою султана, или—не дай того Боже!—мадьярскаго шваба.

— Но отчего же, спросилъ я:—во многихъ домахъ мнѣ приходилось встрѣчать портретъ Франца Іосифа? Стало быть, боязнь швабскаго владычества если и существуетъ, то далеко не во всѣхъ?

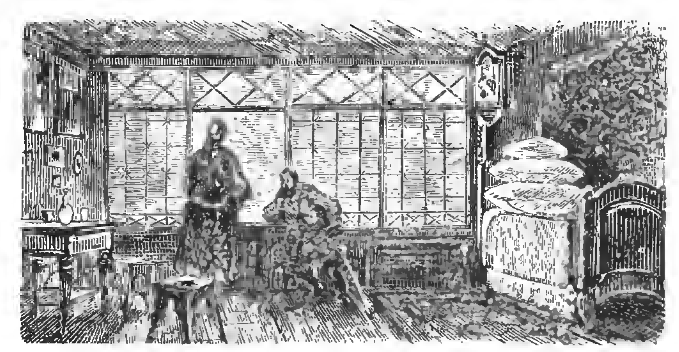
Мой хозяинъ только ухмыльнулся на это.

— Портреты-то есть, это правда, сказалъ онъ:—но замѣтили ли вы вотъ что: гдѣ виситъ портретъ императора австрійскаго, тамъ непремѣнно открыто, рядомъ же съ нимъ повѣшенъ и портретъ Императора Всероссійскаго; тамъ же нерѣдко вы встрѣтите и Вильгельма, и Викторію, и Георга греческаго, и Наполеона, и кого угодно. По чему это такъ? Въ этомъ-то и задача! Не даромъ насъ болгаръ хитрыми называютъ! Это все единственно для того, чтобы имѣть законный предлогъ выставить въявѣ изображеніе вашего и нашего царя ибо повторяю вамъ, мы втайнѣ привыкли почитать его *нашимъ*. Нагрянутъ вдругъ заптіи, а то и самъ каймакамъ, по какому-либо дѣлу. Увидятъ они у меня портретъ русскаго императора—вотъ я и пропалъ! Сейчасъ обвиненіе въ политической неблагонадежности, арестъ, вымогательства, бакшиши—и не дай ты Боже! А увидятъ его у меня рядомъ съ Францомъ-Іосифомъ,—и ничего сказать невозможно: всѣхъ, молъ, ровно обожаю. И вы обратите вниманіе: гдѣ не выставлено изображеніе царя Александра, тамъ вы навѣрное не найдете ни Франца-Іосифа, ни султана, ни кого-либо прочаго; въ этихъ семействахъ, значитъ, царь Никола или царь Александръ запрятанъ подъ образа въ кіотѣ и только изрѣдка показывается матерью дѣтямъ: „смотрите, вотъ нашъ истинный, законный, православный царь болгарскій, вотъ каковъ онъ! смотрите и знайте его, да не проболтайтесь малымъ турчатамъ, и никому не болтайте!..“ Да, господине, такъ-то и мнѣ самому нѣкогда моя мать говорила, такъ и я до нынѣ говорилъ моему сыну. Царь—это знамя, символъ, это вѣковое, готовое понятіе. Мой мальчишка изъ житейскаго обихода, изъ самой жизни знаетъ, что царь есть, существуетъ, что безъ царя нельзя, только то горе, что надъ болгарами царь теперь злой, иновѣрный, султаномъ называется; а есть тамъ гдѣ-то на сѣверѣ другой царь—православный, воистину законный владыка, который придетъ и отвоюетъ болгарскій народъ изъ-подъ ига. И въ это каждый болгарченокъ долженъ вѣрить, знать, и чаять этого, и для того молиться, учиться, работать пока его родина не станетъ свободною. Это тотъ же символъ вѣры. Такъ-то, господине!“

Та же идея о прошломъ величіи родины, о ея порабощеніи, о чаяніи ея свободы проходитъ и во многихъ картинахъ, украшающихъ стѣны домовъ болгарскихъ. Это все, почти исключительно, довольно плохія литографіи, съ подписями въ родѣ слѣдующей: „Царь Симеонъ влазя въ Царьградъ“, или „Царь Симеонъ излазя изъ Царьграда“; но одна изъ подобныхъ картинокъ, наиболѣе распространенная, заслуживаетъ подробнаго описанія, какъ чуть ли не самая характерная. Называется она, какъ гласитъ подпись,—„*Болгарія*“ и раздѣляется на четыре клѣтки. Въ первой клѣткѣ изображена царица въ коронѣ и порфирѣ, съ крестомъ и пальмовою вѣтвью въ правой и со щитомъ въ лѣвой рукѣ. На щитѣ изображенъ левъ, стоящій на дыбахъ, и во львѣ надпись: „*крѣпител Болгаріи*“. Надпись подъ картиною, подъ словомъ „*Болгарія*“: „Виждь исторію Раичъ, ч. I, стр. 97 и т. д. и исторію г. Раковскаго и Зонаръ, т. 2, стр. 78“. Надпись надъ первою клѣткою: „Свѣтъ тьма отлагаетъ“ и подъ клѣткою: „Болгарія отъ 5 до 14½ вѣкъ,—превосходна же отъ 8 до 13—всѣмъ блгарамъ и грькамъ державна“. Во второй клѣткѣ изображены два обнаженные турка надъ поверженною на собственный щитъ женщиной—Болгаріей; мечъ и копье ея попраны турками, корона во прахѣ; одинъ турокъ замахнулся на нее палицей и хочетъ размозжить ей голову, а другой тянетъ цѣпь, охватывающую горло Болгаріи; за этимъ послѣднимъ туркомъ видны двѣ фигуры: священникъ, въ коемъ вписано „*духовна властъ*“ и гражданинъ, въ коемъ „*цивилна властъ*“: общая подпись подъ этою клѣткой: „Ахъ! храбри славянски синове! Гдѣ сте? да видите, бѣдна мати коль угнетенна, немилостивно побіенна, побіенна отъ народъ, отъ народъ съ правіе звѣрско (Гласъ 14½ вѣкъ)“. Въ третьей клѣткѣ женщина, драпированная вокругъ пояса порфирой, съ цѣпью, охватывающею шею, грудь и ноги, прикована къ сухому дереву: подлѣ нея на землѣ болгарскій щитъ и корона, надъ которою надпись: „*кроня доломежаная*“. Надпись подъ клѣткой: „Ахъ! жалостна мати! тежко мене вързана, слези проливающе, отъ двѣ очи сущо двѣ бистри рѣки, а пре-

*) У бѣдняковъ и сельчанъ, въ глиняныхъ мазанкахъ, внутри горницы, а также и съ какой либо стороны наружнаго, шалашеобразно крытаго входа, эти диваны дѣлаются изъ земли, поверхъ которой накладывается толстый слой битой глины, и здѣсь уже они покрываются либо цыновкою, кошмою, либо домодѣльными коврами.

тежко синовімъ безъ мати! (16, 17. 18, 19 вѣкъ)". Въ четвертой клѣткѣ: „женщина, тоже драпированная порфирой и окованная цѣпями, обращаетъ лицо къ нѣсколькимъ одѣтымъ въ европейскій костюмъ господамъ, съ горбатыми носами и указываетъ имъ рукою на замокъ съ высокою башнею, на скалѣ стоящій. Подпись надъ клѣткой: „Виждь гюлханскій-тъ хаты хумаюнъ 1856, 6/18 февр." и подпись внизу картинки: „О ты, народе! погледай тамо на дны стари дворови; тамо ся прадѣди обитовали, старообракована мати свидючи, свидючи подъ все солнце; чиви есте питомци тѣхъ дворовѣ? Ищите си наслѣдство! (Гласъ 19 вѣкъ)".

Парадная комната въ болгарскомъ богатомъ домѣ.

Вся эта четырехклѣточная картинка отличается нѣсколько наивнымъ простодушіемъ, но потому-то именно она и можетъ, съ ея „прежалостными" подписями дѣйствовать трогательнымъ образомъ на сердце и западать въ душу простого, непосредственнаго человѣка-болгарина, наглядно напоминая ему славное прошлое, тяжкое настоящее и взывая, не безъ укора, къ свѣтлому будущему. Изъ остальныхъ литографированныхъ картинокъ, какія очень часто доводится встрѣчать и въ Систовѣ, и въ Румыніи, наиболѣе распространена исторія въ лицахъ Максимиліана, императора мексиканскаго: его пріѣздъ въ Мексику, революція противъ него, арестъ, судъ, послѣдняя ночь Максимиліана и, наконецъ, его разстрѣляніе. Эти послѣднія картинки—вѣнскаго происхожденія и, между прочимъ, указываютъ собою откуда направляется въ послѣдніе годы даже и въ подобныхъ мелочахъ, торгово-промышленное теченіе въ придунайскія земли. По этому поводу я тоже спросилъ однажды у Вылка Паварджіева: почему это въ Румыніи и въ Болгаріи такое сочувствіе къ австрійскому эрц-герцогу Максимиліану?—„Особеннаго сочувствія нѣтъ никакого, отвѣчалъ онъ: а навезли сюда какъ-то изъ Австріи множество этихъ картинокъ и продавали дешево; кто хотѣлъ украшать свои стѣны, тотъ и покупалъ, за неимѣніемъ другого; исторія, конечно, очень трогательная, и потому, быть можетъ, швабы и разсчитывали отчасти привлечь ею наше сочувствіе къ Габсбургскому дому".

Въ каждомъ домѣ здѣсь непремѣнно найдется нѣсколько болгарскихъ брошюрокъ и книгъ учебнаго и политическаго содержанія, изданныхъ въ Одессѣ или въ Бухарестѣ; тутъ можно встрѣтить и сборникъ народной болгарской поэзіи и историческія сочиненія Ранча, Раковскаго, Соловейкова; нерѣдко попадаются и русскія книжки, но выборомъ послѣднихъ руководитъ чистая случайность,—такъ, рядомъ съ какою нибудь рыночною книженкой вдругъ очутится одинъ изъ разрозненныхъ томовъ Пушкина или Лермонтова; но все таки въ этомъ видно стремленіе къ ознакомленію съ нашею литературой. Изящныя искуства здѣсь не процвѣтаютъ: въ городѣ нѣтъ ни артистовъ, ни художниковъ, и на все Систово существуетъ одно только фортепіано, выписанное изъ Румыніи для дочери какого-то богатаго купца, учившейся въ какомъ-то бухарестскомъ пансіонѣ. Болгарки очень искусныя рукодѣльницы и этого рода ихъ произведенія нерѣдко отличаются очень изящнымъ и своеобразнымъ вкусомъ, но онѣ не занимаются, подобно барышнямъ общецивилизованнаго пошиба, ни рисованіемъ, ни музыкою. хотя очень любятъ пѣніе и поютъ исключительно свои народныя пѣсни. Въ настоящую минуту не только здѣсь, но—говорятъ—и по всей Болгаріи распѣвается и старыми, и малыми слѣдующая пѣсня:

Шумъ и Марица окрвавѐнна.
Плàчи вдовица люто ранѐнна.
Напредъ да ходимъ, вòйницы мили.
Дунàвъ да бродимъ съ сички сили!
Маршъ, маршъ съ генерàла нашъ!
Разъ, два, три! Маршъ войницы!
Юнáка дòнскы *) намъ ѐ водитель,
Съ пренбрецъ левски **) вождь побѣдитель.
Виждте, деснòти, генерала нашъ!
Чуйте—запоймы Николаевъ маршъ!
Маршъ, маршъ! съ генерала нашъ!
Разъ, два, три! Маршъ войницы! и т. д.

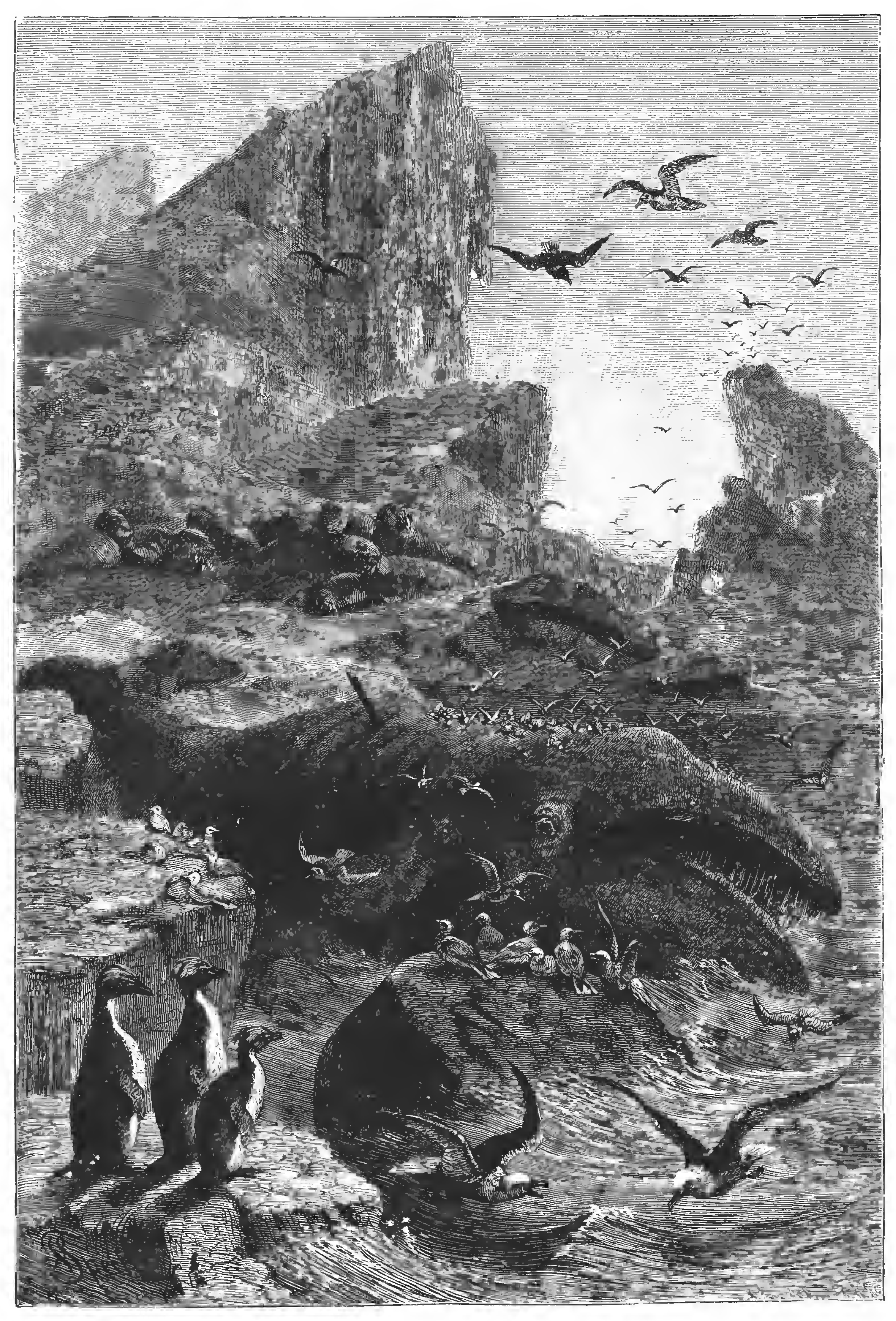
*) Донской витязь.
*) Со знаменемъ львинымъ.

Эта пѣсня, по ея современному значенію—нѣчто въ родѣ болгарской „Марсельезы", и нашъ лейбъ-казачій оркестръ уже сдѣлалъ изъ нея маршъ, звуки котораго раздаются на Царевицкомъ бивуакѣ, къ особенному удовольствію толпы болгарскихъ слушателей.

Вслѣдствіе правительственныхъ стѣсненій, общественная жизнь и дѣятельность болгаръ не могла имѣть достаточно широкаго круга и развитія; поэтому болгаринъ поневолѣ уходитъ либо въ коммерческое дѣло (преимущественно тамъ, гдѣ существуетъ консульскій надзоръ, съ которымъ турки должны считаться и церемониться), либо замыкается въ свое семейство, всецѣло посвящая ему свои неустанныя, скромныя заботы. Быть можетъ, по этому семейный бытъ болгаръ замѣчательно строгъ и патріархаленъ: обязанности и отношенія членовъ семьи соблюдаются у нихъ, по степенямъ почтенія, съ неуклонною точностію. Отецъ является безусловнымъ вождемъ и главою семьи; мужъ—точно также глава своей жены, которая считаетъ себя нравственно обязанною исполнять его волю, сообразовать свои желанія и вкусы съ желаніями и вкусами мужа и является во всемъ его первою, ближайшею помощницею. Между тѣмъ надъ женою никогда не тяготѣетъ рука суроваго мужа и здѣсь даже и понятія не имѣютъ о томъ, что у насъ извѣстно подъ характерными словами „самодуръ", „самодурство". Напротивъ, отношенія мужа къ женѣ преисполнены тихой мягкости и деликатности, такъ что свое подчиненное положеніе жена несетъ не изъ страха, не изъ боязни кулака, а на основаніи общихъ примѣровъ и глубоко вкоренившагося извѣчнаго обычая, да и самый внутренній складъ, самая натура болгарки не перечитъ этому, и потому то болгарскія женщины отличаются своимъ цѣломудріемъ и супружескою вѣрностью. Здѣсь скорѣе можно услышать о паденіи дѣвушки, увлекшейся романическою любовью (хотя это и величайшая рѣдкость), но о паденіи замужней женщины—никогда. Балканская и преимущественно болгарская славянщина—чуть ли не единственный уголокъ во всей Европѣ, гдѣ семейная нравственность сохранилась въ такой неприкосновенной чистотѣ, и это потому, что общеевропейская цивилизація еще не успѣла внести сюда своихъ благъ и своего растлѣнія.

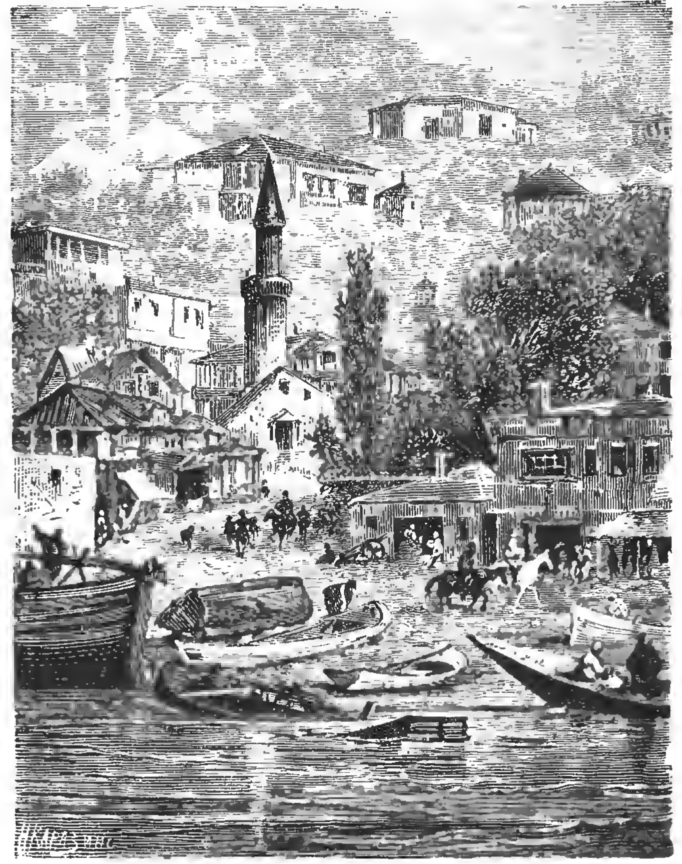
Замѣчателенъ тактъ и умѣніе болгарскихъ дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ держать себя съ посторонними мужчинами. Встрѣчаясь съ чужимъ человѣкомъ гдѣ бы то ни было, въ обществѣ или наединѣ, болгарка ведетъ себя совершенно одинаково—просто и довѣрчиво; она радушно протянетъ свою руку, будетъ разговаривать безъ всякаго смущенія или застѣнчивости, какъ съ добрымъ другомъ, съ хорошимъ знакомымъ, но все это такъ, что никому и въ голову не придетъ сказать ей нескромное слово, сдѣлать двусмысленный намекъ а тѣмъ болѣе, какъ говорится, ноухаживать за нею. Здѣсь между обоими полами существуетъ то, что всего вѣрнѣе можно назвать *человѣческими* отношеніями, въ хорошемъ. серьознемъ значеніи этого понятія. И опять-таки, какой поразительный контрастъ съ лѣвымъ, румынскимъ берегомъ Дуная! Я уже писалъ однажды, что красота румынскихъ женщинъ, за рѣдкими исключеніями, носитъ на себѣ преимущественно животный оттѣнокъ, безъ всякаго одухотворенія и разумности въ выраженіи глазъ, улыбки и вообще физіономіи. Здѣсь же—совсѣмъ не то. Болгарки стройны, нѣсколько сухощавы, и лица ихъ исполнены смысла и чувства. Нерѣдко въ складѣ ихъ привѣтливой улыбки и въ выраженіи прекрасныхъ глазъ просвѣчиваетъ нѣчто больное, тоскливое, какъ будто глубоко схороненное и сжатое въ душѣ горе. Она говоритъ съ вами, по видимому, весело, мило, непринужденно, но нѣтъ-нѣтъ—и вдругъ проскользнетъ на мгновенье въ глазахъ это щемящее страданіе, словно бы мимолетное воспоминаніе души о чемъ-то роковомъ, ужасномъ. Я увѣренъ, что тотъ, кто порою серьезно вглядывался и наблюдалъ эти лица—будетъ вполнѣ согласенъ со мною.

Не смотря на многовѣковое давленіе магометанства, а можетъ быть именно вслѣдствіе этого давленія, болгары городскіе и сельскіе сохранили въ чистотѣ не только православную вѣру, но и религіозные обычаи своихъ предковъ. Они какъ бы инстинктивно чуютъ, что православная вѣра—это ихъ знамя. камень спасенія, ковчегъ, въ которомъ до дня воскресенія изъ рабства должна сохраниться ихъ народность отъ смѣшенія и поглощенія ея мусульманскимъ началомъ. На сколько на лѣвомъ берегу румынское „общество" пропиталось индиферентизмомъ къ своей православной вѣрѣ, на столько же здѣсь то, что составляетъ „общество", держится за эту вѣру, какъ за самый прочный оплотъ свой. Старанія г. Цанкова, который изъ патріотическаго усердія. чтобы болгарамъ было полегче жить подъ туркомъ, задумалъ было обратить ихъ въ католичество, имѣли самый ничтожный успѣхъ: нѣсколько „цивилизованныхъ" горожанъ, воспитывавшихся въ Парижѣ или въ Вѣнѣ, да нѣсколько сельскихъ общинъ, которымъ турки за измѣну вѣрѣ отцовъ дозволили построить костелы съ высокими колокольнями и повѣсить на нихъ колокола—вотъ и весь результатъ усилій г. Цанкова. Масса народа осталась совершенно чужда этой затѣи и предпочла лучше оставаться подъ невыносимымъ гнетомъ, чѣмъ покупать себѣ льготы подобною цѣною. Между религіозными обычаями болгаръ самый главный—это хожденіе ко святымъ мѣстамъ: въ Іерусалимъ и на

На Охотскомъ морѣ. Китъ выброшенный на берегъ. Рис. Ф. Шпехтъ, грав. О. Ротъ.

Аѳонскую гору. Странникъ, побывавшій въ первомъ изъ этихъ мѣстъ и принесшій о томъ свидѣтельство отъ Іерусалимскаго

Видъ Систова.

патріарха, получаетъ въ обществѣ почетное имя „*хаджи*“, которымъ болгаринъ дорожитъ едва ли не болѣе всякаго титула. Званіе хаджи переходитъ иногда въ потомство и обращается въ прозвище, въ фамилію. Болгары въ особенности чествуютъ праздники: Вознесенія Господня, Успѣнія и Рождества Пресвятой Богородицы и дни святыхъ: Архангела Михаила, Николая Чудотворца, Кирилла и Меѳодія первоучителей славянскихъ, Аѳанасія (марта 18-го), Іоанна Крестителя и Іоанна Рыльскаго; св. Дмитрія (26-го октября) и въ особенности чтимаго св. Георгія Побѣдоносца. Въ эти дни у болгаръ совершаются въ домахъ молебны, устраиваются столы, дѣлаются пожертвованія на бѣдныхъ и на церковь, болгарки заходятъ къ знакомымъ и сосѣдямъ поздравить съ праздникомъ и приносятъ въ даръ другъ дружкѣ пшеничные короваи, медъ, вареные бобы и иныя лакомства, украшенныя, смотря по времени года, либо живыми цвѣтами, либо же пучечками сушеныхъ ароматическихъ травъ. Кромѣ того, каждый изъ ремесленныхъ классовъ имѣетъ своего особаго покровителя изъ числа св. угодниковъ, день котораго они празднуютъ общественными угощеніями,—такъ напримѣръ, врачи и аптекаря—св. Пантелеймона Цѣлителя, изображеніе коего нерѣдко помѣщается и вывѣскахъ аптекъ, учителя—св. Кирилла и Меѳодія, плотники и бочары—св. Іосифа обручника и т. п., а въ день св. Ѳедора Тирона каждый молодой болгаринъ непремѣнно наскакиваетъ свою верховую лошадь, считая этого святого покровителемъ лошадей и думая, что скачка въ этотъ день дастъ лошади крѣпость и здоровье. По окончаніи же полевыхъ работъ, послѣ сбора фруктовъ и винограда, болгары—преимущественно сельчане—устраиваютъ особый праздникъ, называемый „за Божé име“. Для этого священникъ и общины назначаютъ день, къ которому каждый изъ хозяевъ жертвуетъ, смотря по состоянію: куръ, барановъ, масло, сыръ и прочее; все это сносится на церковный дворъ. Мужчины варятъ и жарятъ пожертвованную живность, а женщины въ это же самое время занимаются по домамъ приготовленіемъ разныхъ другихъ кушаній, между которыми главное—„*коливо*“—вареная свѣжая пшеница, обливаемая либо медовою сытою, либо топленымъ масломъ, какъ кому по вкусу. Все наготовленное сносится также на церковный дворъ, гдѣ послѣ обѣдни священникъ съ молитвою окропляетъ св. водою яства и питія, а по исполненіи этого, начинается общественный пиръ, раздача бѣднымъ и главное священнослужителямъ съ причтомъ, въ пользу которыхъ идутъ и всѣ кожи и перья пожертвованныхъ животныхъ.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Масляница. На чухонскихъ саняхъ.

Житель Петербурга конечно не можетъ себѣ и представить масляницы безъ множества чухонцевъ, наѣзжающихъ изъ окрестностей на своихъ бойкихъ лошадкахъ и въ характерныхъ маленькихъ саночкахъ, ежегодно въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ. Катанье „на чухонцѣ“ издавна было одною изъ необходимостей входившихъ въ репертуаръ увеселеній петербургскаго чиновничества. Горячая лошадка шибко перебираетъ бойкими ногами, кидая въ стороны комья мягкаго снѣгу и по гладкому льду Невы легко скользятъ саночки. А тамъ пріѣдутъ домой съ изщипанными морозомъ лицами, веселые разсказы объ встрѣчахъ съ катающимися знакомыми, о балаганахъ и блины, о которыхъ мечтаютъ конечно эти катающіеся и которые, въ достаточно привлекательной обстановкѣ другихъ праздничныхъ яствъ, ждутъ дома.

Городъ Бѣлевъ.

Бѣлевъ, одинъ изъ лучшихъ уѣздныхъ городовъ Тульской губерніи, лежитъ на лѣвомъ возвышенномъ берегу рѣки Оки въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ послѣднюю впадаютъ двѣ рѣчки: *Бѣлевка* давшая городу названіе и *Вырка*. Обѣ эти рѣчки представляютъ теперь глубокое, но почти совсѣмъ сухое русло, тогда какъ Ока, скудная водою лѣтомъ, весною разливается болѣе нежели на пять верстъ и покрываетъ передъ городомъ всю равнину праваго побережья.

Въ лѣтописяхъ Бѣлевъ упоминается въ первый разъ въ 1407 году хотя онъ существовалъ уже гораздо раньше и искони принадлежалъ Черниговскому Княженію составляя впослѣдствіи удѣлъ князей Одоевскихъ. Въ XV же вѣкѣ здѣсь возникло независимое отъ литвы Бѣлевское удѣльное Княжество, князья и народъ котораго были всегда преданы Москвѣ какъ оплоту православія отъ посягательствъ Уніи; а въ 1494 г. по мирному договору Іоанна III съ Литвою Бѣлевъ окончательно отошелъ къ Россіи, сохраняя впрочемъ свою автономію какъ удѣлъ князей Бѣлевскихъ. Въ XVI вѣкѣ Бѣлевъ нѣсколько разъ опустошался татарами; самостоятельность его видимо угасала, такъ что въ слѣдующемъ столѣтіи а именно въ 1565 году Іоаннъ Грозный смѣло могъ объявить Бѣлевъ своимъ и даже заточить послѣдняго князя Бѣлевскаго въ Вологдѣ. Въ 1566 году царь посѣтилъ городъ вмѣстѣ съ своими опричниками и вѣроятно чувствуя, что не правъ, отнявъ у князей Бѣлевскихъ исконнее ихъ достояніе, онъ повелѣлъ давать въ мѣстный Спасскій монастырь по три пуда и по семи гривенокъ (гривенка равняется фунту) на всѣ дневныя службы по Бѣлевскимъ князьямъ, а игумену съ братіей приказалъ поминать ихъ во всѣ дни“ а на ихъ памяти о представленіи, какъ говорится въ грамотѣ, кормы строити и служити по нихъ соборне. „Послѣднюю кровавую память для Бѣлева оставилъ по себѣ 1618 годъ, когда въ бытность Королевича Владислава подъ Москвою на городъ напалъ воевода Чаплинскій, но встрѣченный отчаяннымъ сопротивленіемъ долженъ былъ отступить съ урономъ. Въ 1777 году Бѣлевъ сдѣлался уѣзднымъ городомъ Тульскаго намѣстничества, переименованнаго въ 1797 г. въ губернію. Изъ другихъ послѣдующихъ событій, замѣчательныхъ въ жизни этого тихаго городка, нельзя не упомянуть о кончинѣ здѣсь 4 мая 1826 года Императрицы Елизаветы Алексѣевны на пути изъ Таганрога, и о страшномъ пожарѣ 1801, года истребившемъ до 480 домовъ и разрушившемъ многія древнія постройки.

Прекрасная городская библіотека, устроена въ 1858 г. въ память нашего незабвеннаго поэта В. А. Жуковскаго, родившагося, какъ извѣстно, въ трехъ верстахъ отъ Бѣлева въ селѣ Мишенскомъ. Въ самомъ же городѣ на красивомъ и высокомъ берегу Оки до сихъ поръ существуетъ домъ, въ которомъ поэтъ провелъ первые годы своей юности.

По древности основанія замѣчательны въ Бѣлевѣ еще монастыри: мужской спасопреображенскій, основанный въ 1525 году удѣльнымъ княземъ Іоаномъ Васильевичемъ и крестовоздвиженскій женскій, несомнѣнно существовавшій уже въ концѣ XVII столѣтія.

По части ремеслъ Бѣлевъ въ половинѣ и послѣдней четверти прошлаго столѣтія славился производствомъ ножей, которые по свидѣтельству здѣшнихъ старожиловъ могли перерубить ружейный стволъ. Къ сожалѣнію приготовлявшій ихъ Михаилъ Вязьмитинъ унесъ съ собою въ могилу свой секретъ особой закалки метала, который онъ, какъ говоритъ преданіе, перенялъ у горцевъ Кавказа, гдѣ былъ долгое время маркитантомъ.

Въ Бѣлевѣ цѣлый годъ вьются веревки, бичева и трутцы, идущіе на зашивку кулей и бунтовъ. Вязкой же бунтовъ и зашивкой кулей занимаются особые рабочіе спеціалисты по этому дѣлу.

Другое мѣстное производство, которое болѣе и болѣе полу-

часть здѣсь широкое развитіе—это плетеніе кружевъ, имѣющихъ довольно обширный сбытъ въ обѣихъ нашихъ столицахъ. Приготовленіе кружевъ составляетъ здѣсь домашнее занятіе большей части небогатыхъ горожанокъ и доставляетъ имъ отъ 20 до 30 коп. въ день, что считается здѣсь хорошимъ заработкомъ. Впрочемъ производство кружевъ быстро развивается и въ другихъ городахъ тульской губерніи и такая конкурренція конечно можетъ повліять невыгодно на шатбое и условное благосостояніе бѣлевской кружевницы.

На Охотскомъ морѣ.

(Китъ, выброшенный на берегъ).

Какъ только покажутся первые признаки весны, китобои Тихаго океана спѣшатъ на крайній сѣверъ, на свой опасный промыселъ.

Лѣтъ двадцать тому назадъ американцы открыли мѣста, изобилующія китами, такими, какіе до сихъ поръ попадались только въ водахъ, омывающихъ Шпицбергенъ. Часть китобойнаго флота направляется въ Охотское море, а остальныя суда идутъ черезъ Берииговъ проливъ на крайній сѣверъ.

Судно идетъ быстро и свободно лишь нѣсколько недѣль. Только что поровняется оно съ необитаемыми Алеутскими островами, какъ окружающая природа совершенно измѣняется и оно входитъ въ преддверіе полярныхъ странъ.

Не смотря на то, что уже половина мая мѣсяца, зима продолжаетъ здѣсь еще бороться съ наступающею весною, воздухъ холоденъ, пасмуренъ, вѣтеръ гулко завываетъ, горизонтъ закрытъ. На морѣ нѣтъ маяка, который могъ бы предостеречь отъ мелей и подводныхъ скалъ, окружающихъ со всѣхъ сторонъ наши мертвые острова. Ужасныя бури, къ счастью обыкновенно недолго продолжающіяся, воздымаютъ темныя волны Берингова пролива и съ силой бросаются на судно, какъ будто желая испытать крѣпость его и отвагу матросовъ: иногда идетъ снѣгъ и въ такомъ огромномъ количествѣ, что матросы принуждены постоянно сгребать его лопатами съ палубы, на которой образуются цѣлыя снѣговыя горы.

Повѣетъ теплый, благодатный вѣтерокъ, но не надолго! Черезъ минуту его смѣняетъ сильный, холодный какъ ледъ и рѣжущій лицо несчастнымъ матросамъ вѣтеръ. Часто случается, что наступаетъ вдругъ полная тишь, или „штиль", но морскому выраженію, съ постоянными на цѣлые дни туманами, до того густыми, что кругомъ ничего не видно—съ трудомъ можно различить очертанія рей и мачтъ. Подчасъ же канаты, снасти, паруса и всѣ деревянные снаряды на суднѣ покрываются толстой ледяной корой, которую приходится разбивать обухомъ и ледяная кора съ шумомъ падаетъ и разбивается въ дребезги на палубѣ.

Судно подвигается впередъ по направленію къ сѣверо-востоку. Скоро появляются первыя льдины, скученныя ихъ массы неясно виднѣются въ туманѣ.

Идти на парусахъ должно чрезвычайно осторожно и внимательно. Изъ-за тумана только видно на 40—50 шаговъ впередъ, и рискуешь сбиться съ дороги. Командиръ судна постоянно на сторожѣ. Часто слышится его громкій голосъ, коротко отдающій приказанія. Маленькія льдинки причудливыхъ формъ врѣзываются съ шумомъ въ острый носъ корабля и отскакивая отъ него, съ глухимъ звукомъ разсыпаются въ стороны.

Но вотъ наступаетъ ночь. Какая удивительная картина. Верхніе слои воздуха мало по малу начинаютъ проясняться, только внизу, на морѣ, подымается туманъ, образуя длинныя облака, которыя, какъ привидѣнія, тихо носятся и исчезаютъ, разстилаясь по водѣ... Небосклонъ все больше и больше свѣтлѣетъ: красно-желтые лучи свѣта то стоятъ неподвижно въ небѣ, то странно-таинственно мерцаютъ, то потухаютъ, то разгораются и разсыпаются цѣлымъ снопомъ искръ, занимая собою весь небесный сводъ и отражаясь тысячами бриллiантовъ въ льдинахъ и снѣгахъ. Это сѣверное сіяніе.

Кругомъ царствуетъ невозмутимая тишь, только издали слышится дребезжащій, пронзительный ревъ, или, лучше сказать, лай: это моржи забрались гдѣ-то на льдины, и расположившись на нихъ начали свой рѣзкій концертъ.

При тихой погодѣ можно часто видѣть неуклюжихъ животныхъ съ ихъ странной физіономіей, почти человѣческими глазами, перебирающимися очень проворно съ льдины на льдину. Любопытные тюлени ныряютъ съ смѣшною важностью или играютъ; иногда случается видѣть и царя льдовъ, сѣвернаго медвѣдя, который идетъ по печальнымъ снѣжнымъ полянамъ, осматривая свои обширныя владѣнія.

Чѣмъ дальше подвигаешься на сѣверо-востокъ, тѣмъ обширнѣе становятся снѣжныя поляны и ледяныя глыбы. Судно тихо скользитъ на поверхности водъ, пока его не остановитъ какая нибудь громадная ледяная гора. Погода становится лучше, начинаетъ понемногу проясняться, туманъ мало по малу разсѣевается и открывается прекрасная картина: на востокѣ вдали рисуются на ясномъ небѣ силуэты горъ, покрытыхъ снѣгомъ: это Сибирь; на сѣверѣ и на югѣ необозримой скатертью раскинулись снѣжныя поляны, чистая бѣлизна которыхъ просто ослѣпляетъ.

Въ концѣ мая, массы льда начинаютъ таять. Китоловы уже ожидаютъ появленія кита. Флотъ собирается въ полномъ составѣ и крейсируетъ вокругъ Наваринскаго мыса ожидая ледохода. Капитаны посѣщаютъ другъ друга, бесѣдуютъ о предстоящей охотѣ, а если погода благопріятна, то пускаются иногда въ открытое море, на легкихъ ботикахъ, которые проворно снуютъ между льдинами.

Льды почти совсѣмъ растаяли. Тихо, съ опущенными парусами идетъ судно, ударяясь иногда объ ихъ остатки. Стоящіе на мачтахъ часовые, въ такъ называемыхъ аистовыхъ гнѣздахъ, зорко наблюдаютъ, возвѣщая по временамъ о томъ, что они увидѣли съ своихъ обсерваторій.

Далеко на горизонтѣ стоятъ черные клубы дыма: это китоловы, которымъ уже удалась охота, вывариваютъ ворвань.

Невдалекѣ послышался тяжелый сапъ и вслѣдъ затѣмъ взлетѣли на воздухъ двѣ сильныя струи воды: это китъ. Нѣсколько разъ появляется на поверхности моря его огромная голова и чудовище, взмахнувъ своимъ исполинскимъ хвостомъ, стремительно бросается въ глубину водъ.

На суднѣ каждый держится какъ можно тише и наблюдаетъ за направленіемъ добычи. Китъ чрезвычайно остороженъ и зорокъ и легко можетъ быть испуганъ малѣйшимъ шумомъ.

По данному знаку, нѣсколько человѣкъ изъ экипажа спускаютъ въ воду 4 ботика. Нѣсколько времени на суднѣ суматоха: раздаются приказанія, шлепанье канатовъ, пока наконецъ ботики по намазаннымъ жиромъ блокамъ скользнутъ въ воду. Въ одно мгновеніе вскакиваютъ въ нихъ китоловы, по шести въ каждый, захвативъ съ собою нужные имъ снаряды: канаты, топоры, гарпуны и проч. Ботики тихо, едва слышно пускаются въ свой опасный путь.

Десять минутъ спустя китъ опять появляется на поверхности воды. Онъ замѣтилъ своего врага и яростно ударяетъ хвостомъ по водѣ.

На носу ботика стоитъ гарпунщикъ, главное лицо въ китовой охотѣ; онъ держитъ наготовѣ свое страшное оружіе. Это гарпунъ или острога, большой заостренный крюкъ, привязанный къ толстому канату, задній конецъ котораго прикрѣпленъ къ носу лодки. Только что китъ хочетъ нырнуть въ глубину, какъ гарпунщикъ со всей силой бросаетъ острогу; ударъ разсчитанъ вѣрно: желѣзо вонзается въ спину животнаго. Въ бѣшенствѣ отъ боли оно мечется изъ стороны въ сторону, бьетъ, съ ожесточеніемъ, хвостомъ по водѣ и наконецъ стремительно бросается въ глубину, таща за собою лодку и заставляя ее продѣлывать поневолѣ тѣже эволюціи по водѣ, какіе онъ самъ дѣлаетъ подъ водой.

Ботикъ часто рискуетъ опрокинуться совершенно—все зависитъ отъ ловкости и умѣнья гребцовъ. Остальныя лодки спѣшатъ на помощь и ожидаютъ появленія кита, чтобы покончить съ нимъ. Онъ не замедлитъ вынырнуть на поверхность воды. Въ ту же минуту нѣсколько ловкихъ ударовъ острогой заставляютъ его скрыться опять въ воду. Черезъ нѣсколько минутъ онъ выплываетъ, но уже въ послѣдній разъ. Вода обагряется вокругъ него кровью: онъ уже мертвъ. Счастливая охота продолжалась не болѣе часу и увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

Ловля китовъ дѣло далеко не шуточное и подчасъ очень опасное. Однако можно сказать, что сѣверные киты болѣе пугливы и менѣе опасны, чѣмъ ихъ остальныхъ собратья, хотя и между ними попадаются хитрые и злые, которые превосходно сознаютъ свое могущество и безсиліе своего врага—человѣка. Самые опытные китоловы, не смотря на ихъ удивительную ловкость, часто остаются побѣжденными въ борьбѣ съ разъяреннымъ животнымъ, въ особенности, если дѣло происходитъ во время ледохода.

Случается иногда, впрочемъ рѣдко, что раненый китъ, съ гарпуномъ въ тѣлѣ спасается бѣгствомъ отъ своихъ гонителей и нѣсколько дней спустя попадается другимъ китоловамъ, которыхъ и становится добычей или выбрасывается бурей на берегъ изнеможенный и обезсиленный и тамъ погибаетъ, какъ изображено на нашемъ рисункѣ.

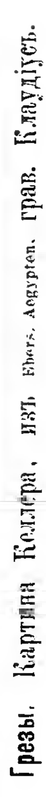
Нѣсколько дней еще флотъ остается въ полярныхъ странахъ. Въ концѣ іюня киты очень рѣдко попадаются и китоловамъ тутъ ужь больше нечего дѣлать. Они пускаются въ обратный путь.

Грёзы.

(Изъ книги „Египетъ въ картинахъ и описаніяхъ Г. Эберса").

Однимъ изъ самыхъ яркихъ признаковъ глубокаго интереса къ искусству и широкаго развитія искусства на западѣ, до которого намъ еще очень далеко, служатъ многочисленныя роскошныя изданія; на нихъ затрачиваются огромные капиталы и конечно такія затраты не могли бы быть производимы безъ надежды на то, что читающая публика на столько интересуется искусствомъ, что окупитъ такія грандіозныя издержки.

Передъ нами книга, изданная въ Штутгартѣ, у Эд. Гальбергеръ, которой не всѣ выпуски еще появились въ свѣтъ: „Aegypten in Bild und Wort". Трудно представить себѣ такое полное соединеніе всѣхъ условій, при которыхъ книга совершенно выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ изданій. Лучшіе художники Германіи—Макартъ, Генцъ, Келлеръ, Фидлеръ, Тадема, Шморанцъ и друг. работали на мѣстѣ, по порученію дирекціи изданія. Текстъ принадлежитъ знаменитому египтологу и блестящему современно-

Грезы. Картина Келлера, изъ Ebers, Aegypten. грав. Клаудіусъ.

Римскій форумъ (Forum romanum). (Изъ книги „Hellas und Rom“.)

му романисту Георгу Эберсу. Отъ древней Александріи до истоковъ Стараго Нила, отъ великихъ пирамидъ и Мемфисскихъ храмовъ наше воображеніе переносится съ предмета на предметъ въ этой интересной странѣ. Чего только не видѣли берега великаго Нила! Какихъ событій театромъ не была эта земля. Она и теперь, сохранивъ во многомъ прежнюю оригинальность и пестроту жизни, привлекаетъ художника своею живописною красотою. Тутъ происходили важнѣйшія событія въ жизни сыновъ Израиля, здѣсь царили великолѣпные Фараоны, здѣсь нашелъ въ дѣтствѣ убѣжище Спаситель міра, Божественный Искупитель. Старая жизнь прошла—но объ ней говорятъ эти безчисленные важные сфинксы, величественные пирамиды и обелиски и она возстановляется въ превосходныхъ картинахъ мастерскимъ рѣзцомъ художника. Какъ прелестно это юное личико на нашей картинкѣ. Красавица гарема грезитъ и ея милая головка склоняется въ томной лѣни.

Римскій форумъ.

(Очеркъ).

Форумомъ, въ Римскихъ городахъ, называлась, вообще, площадь, на которую собирался народъ для рѣшеній общихъ дѣлъ и вопросовъ (преимущественно въ древности, во времена царей и республики), вмѣстѣ съ тѣмъ,—площадь эта обыкновенно служила и центромъ торговаго движенія въ городѣ. Здѣсь-то и разыгралась большая часть историческихъ сценъ изъ жизни великаго народа древности. Forum Romanum—какъ бы скрижаль исторіи вѣчнаго города, съ этимъ названіемъ связано много трагическихъ воспоминаній. Но—не всегда онъ былъ такъ великолѣпенъ, какъ его видитъ теперь читатель на прилагаемомъ рисункѣ. Въ древнѣйшій періодъ мѣстность, гдѣ онъ впослѣдствіи возникъ, періодически заливалась Тибромъ. Рѣка эта, пробираясь рукавами между холмовъ, на которыхъ расположенъ Римъ, производилъ столько текучихъ, а лѣтомъ—стоячихъ водъ, что сообщеніе между Палатиномъ и Авентиномъ приходилось содержать на паромахъ или лодкахъ. Мало по малу рукава Тибра превратились въ небольшія озера и болота, не допускавшія обработки земли и своимъ гніеніемъ заражавшія воздухъ. Еще въ баснословную эпоху Ромула горожане, стараясь избавиться отъ этого источника повальныхъ болѣзней, сыпали въ болото землю, всякій соръ и т. д.; но—ничего не помогало: весеннія воды Тибра, въ другое же время года ручьи, стекавшіе съ горъ, поддерживали скопленіе гніющей жидкости, въ которую обращалась здѣсь вода. Луцій Тарквиній построилъ первый подземный отводный каналъ (cloaca maxima) для спуска этой стоячей жидкости. Онъ сохранился и до сихъ поръ во всей своей цѣлости: туннель канала, въ 13 футовъ вышины и 9 ширины, столь искусно сложенъ изъ громадныхъ каменныхъ плитъ, безъ цемента, что и нынѣ ни одинъ камень не вышелъ изъ своего мѣста. Другой каналъ былъ выстроенъ для осушенія долины между холмами Авентинскимъ и Палатинскимъ,—онъ и въ наши дни принимаетъ въ себя воды ручья Маранна, которыя до сооруженія канала, превращали эту низменность въ болото. На отвоеванной, такимъ образомъ, отъ стоячихъ водъ части земли и именно между холмами Капитолійскимъ и Палатинскимъ, въ верхней части города, былъ устроенъ *форумъ*. Вокругъ площади шли деревянные навѣсы, за которыми помѣщались лавки и различныя ремесленныя заведенія; тутъ же, между прочимъ, находились и школы.

Съ восточной стороны, къ форуму примыкалъ comitium, мѣсто общественнаго судопроизводства и другихъ проявленій общественной дѣятельности; народъ, сходившійся сюда, какъ сказано выше, для обсужденія важныхъ дѣлъ, въ comitium'ѣ по куріямъ подавалъ свои голоса. Въ сѣверной части возвышалось зданіе сената; въ южной—алтарь и храмъ Весты. Простой, будничный, можно сказать, видъ имѣлъ тогдашній форумъ, какъ бы гармонируя съ суровой простотой тогдашней жизни римлянъ. Патріархальное устройство семьи, земледѣліе, какъ основа благосостоянія, военныя упражненія, строгость нравовъ и полное отсутствіе роскоши одежды, состоявшей въ короткой туникѣ и тогѣ (которая набрасывалась, преимущественно, по выходѣ изъ дома, при посѣщеніи собраній и на форумѣ)—вотъ главныя черты быта небогатаго еще тогда населенія. Но, скоро Римъ вступаетъ на тотъ путь побѣдъ и завоеваній, которыми отмѣчено его тріумфальное шествіе въ исторіи. Предводительствующіе классы богатѣютъ и угнетаютъ рабовъ. Начинается внутренняя борьба и форумъ дѣлается нерѣдко сценой различныхъ эпизодовъ этой распри. Частымъ поводомъ къ вспышкамъ междоусобицы подавалъ, между прочимъ, жестокій законъ о должникахъ и заимодавцахъ, которымъ первые отдавались въ рабство, въ случаѣ неплатежа. Понятно, что скорѣе въ это положеніе могъ попасть неимущій плебей, чѣмъ богатый патрицій. Патриціи безжалостно пользовались своимъ правомъ. Вотъ напр. въ какомъ родѣ были эти сцены. Къ Риму подступаютъ Вольски. Народъ собрался и тужитъ на форумѣ. Общая опасность заглушила, на время, внутреннюю рознь. Вдругъ,—въ народное собраніе является старикъ, изнеможенный, въ рубищѣ: съ громкимъ воплемъ взываетъ онъ къ народу обнажаетъ и показываетъ ему свое изъязвленное тѣло: въ 20-ти походахъ. со славою, сражался онъ за отечество, какъ центуріонъ (сотникъ) водилъ воиновъ къ побѣдамъ, а теперь, на старости лѣтъ, попавъ съ сыновьями своими за долги въ рабство. день и ночь не знаетъ отдыха и изнываетъ подъ ударами плетей. Видъ старика. его рѣчь привлекаютъ къ нему сочувствіе народа, грозный крикъ негодованія раздается въ толпѣ противъ ростовщиковъ-мучителей. Народъ заколыхался какъ море и неистово требуетъ уничтоженія законовъ о долгахъ. Хотя популярному полководцу Манію Валерію и удалось успокоить народъ, повести войско на непріятеля и побѣдить его, но миръ и спокойствіе возстановились не на долго. Валерій не могъ добиться обѣщанныхъ предъ походомъ облегченій народу и новый взрывъ повелъ къ учрежденію знаменитыхъ трибуновъ, избираемыхъ народомъ. Не всегда избраніе и этихъ защитниковъ народныхъ правъ происходили мирно. Однажды одинъ изъ нихъ, Публилій, предложилъ. чтобы трибуны избирались особымъ способомъ, самими трибами (части на которыя было раздѣлено все населеніе Рима еще при Сервіи Тулліи). Въ тотъ день когда это предложеніе было внесено на разсмотрѣніе въ народное собраніе, множество патрицiевъ, въ особенности молодежь, оставили обыкновенныя свои мѣста въ комиціи и перешли. вмѣстѣ со своими кліентами. въ ту часть собранія, которую занимали плебеи. Различныя трибы располагали особымъ отдѣленіями, разграниченными посредствомъ натянутыхъ веревокъ. Патриціи вознамѣрились помѣститься въ промежутки между отдѣленіями. Плебеямъ это не понравилось. Поднялась ссора, перешедшая въ рукопашную схватку. За криками нельзя было разслышать что говорилось. На слѣдующій, торговый день, когда опять собрались въ городъ поселяне, тоже предложеніе разсматривалось въ собраніи какъ бы совершенно новое и только въ третьемъ собраніи можно было приступить къ „баллотировкѣ“ и повѣркѣ голосовъ. Учрежденіе трибуната исчезаетъ на время, замѣненное децемвирами, составителями письменнаго кодекса законовъ. Насилія и несправедливости одного изъ нихъ, Аппія-Клавдія, подали поводъ къ кровавой сценѣ на форумѣ. Печальная исторія эта слишкомъ хорошо извѣстна и мы не будемъ здѣсь повторять ее—мы говоримъ о Виргиніи, дочерью котораго свирѣпый Аппій хотѣлъ завладѣть, пользуясь однимъ неопредѣленнымъ постановленіемъ закона. Виргиній, какъ мы знаемъ, собственноручно убилъ свою дочь, предпочитая видѣть ее мертвою, чѣмъ обезчещенною.

Но мало по малу Римъ расширяетъ свои владѣнія. становится царственнымъ городомъ почти всего извѣстнаго тогда міра. Если прежній форумъ служилъ какъ бы выраженіемъ и прежняго суроваго, бѣднаго Рима—теперь онъ становится олицетвореніемъ его безмѣрнаго могущества и богатства. На нашемъ рисункѣ Forum Romanum изображенъ въ пору своего полнаго великолѣпія. Слѣва возвышается храмъ Діоскуровъ, далѣе вытянулась базилика Юліи, за ней виднѣются храмы Юпитера Капитолійскаго, Юпитера Громовержца, Сатурна, тріумфальная арка Тиверія, въ срединѣ—храмы Веспасіана и Конкордіи. ораторская трибуна и колоссальная статуя Домиціана; справа храмъ Юноны и видны ростры храма Цезаря. Вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно измѣнилась за это время и жизнь римлянъ. Это уже давно были не прежніе полу-земледѣльцы, полу-воины, жившіе обыденною, патріархальною жизнью, посвященною служенію благу и величію отчизны. Нѣтъ—большинство, масса, не отличалась уже прежними гражданскими доблестями. Несмѣтныя богатства стекавшіяся въ вѣчный городъ, военная слава, покрывшая его знамена и не покидавшая ихъ—измѣнили строй жизни. Всякій теперь стремился обладать на свою долю частью этихъ богатствъ, частью этой славы и всякій стремился къ этой личной цѣли. Узкій эгоизмъ занялъ мѣсто прежнихъ доблестей стараго Римлянина и превратилъ его въ честолюбиваго сибарита и эпикурейца. Онъ живетъ роскошно. Зайдемъ въ его домъ, перестунимъ порогъ, на которомъ видимъ мозаичное изображеніе собаки съ надписью „cave canem!“ (берегись собаки!). Вся меблировка—столы, стулья, диваны, мозаичные полы, ковры, скульптурныя произведенія поражаютъ разнообразіемъ и изяществомъ формъ. Въ спальняхъ уже рѣдко приходится видѣть ложе, изсѣченное въ стѣнѣ, какъ это было въ древности,—римляне того времени предпочитаютъ красивыя кровати изъ дорогаго дерева съ слоновою костью, или бронзовыя и даже изъ литаго серебра, а мѣсто прежняго тюфяка—звѣриной кожи—завели пышные пуховики, объемистыя подушки, шитыя одѣяла и домъ наполненъ художественными произведеніями.

Чума въ 1771 году.

Съ 1770 по 1771 годъ, въ эпоху русско-турецкой войны, моровая язва разразилась въ Дунайскихъ княжествахъ и прошла въ самое сердце Россіи. Послѣ паденія турецкой крѣпости Хотинъ, зараза чумы сообщилась русскому войску; до того въ

русской арміи царили лагерныя болѣзни самаго опаснаго характера, преимущественно перемежающаяся лихорадка, диссентерія и пятнистый тифъ. „Съ половины января 1770 года, такъ гласитъ отчетъ русскаго полеваго врача доктора Ореуса, по возвращеніи русской арміи на зимнія квартиры въ Яссахъ, врачи въ военныхъ госпиталяхъ замѣтили весьма многочисленные случаи пятнистаго тифа. У нѣкоторыхъ больныхъ на седьмой или восьмой день появлялся на верхней части бедра доброкачественный нарывъ. Постепенно солдаты, страдавшіе другими болѣзнями, тоже заражались пятнистымъ тифомъ, у нихъ тоже появлялись нарывы, но уже не доброкачественные, а убивавшіе въ очень короткій срокъ. Наконецъ у раненныхъ стали появляться быстро убивавшіе ихъ карбункулы. Тѣ изъ врачей, которые были свидѣтелями появленія болѣзни, назвали ее „Febris maligna epidemica“ (эпидемическая губительная лихорадка), другіе же „чумой“. *Только въ апрѣлѣ мѣсяцѣ была она всѣми признана за чуму.* Главнокомандующій въ Молдавіи, генералъ фонъ Штофельнъ (который позднѣе самъ сталъ жертвою своей неустрашимой заботливости о больныхъ и погибъ отъ чумы), поручилъ энергическому врачу, доктору Ореусу, принять мѣры для предотвращенія заразы. Докторъ Ореусъ нашелъ, что въ Яссахъ, *благодаря отсутствію всякихъ мѣръ предосторожности*, погибла половина жителей и половина русскаго гарнизона. Только въ концѣ іюня мѣсяца 1770 года удалось Ореусу совладать съ чумой. Въ короткое время чума съ военнаго театра перешла въ сосѣднія страны, преимущественно въ Трансильванію, Польшу и Россію. *Въ Трансильваніи точно также пятнистый тифъ развивался на ряду съ чумою*, но чума тамъ была не особенно сильна, потому что было всего лишь 1.645 случаевъ заболѣванія и изъ нихъ 1,204 смертныхъ случая, 73 проц.

Гораздо сильнѣе было распространеніе чумы въ Польшѣ. *Польскіе фурманы и торговцы-евреи, привлеченные на театръ войны стремленіемъ къ наживѣ, были проводниками заразы.* Всего сильнѣе пострадали въ 1770 году южныя воеводства и число жертвъ, погибшихъ въ Польшѣ отъ чумы въ 1770 году опредѣляется въ 310,000.

Въ другомъ направленіи чума проникла изъ Дунайскихъ княжествъ въ 1770 г. въ Малороссію. Въ Кіевѣ изъ немногихъ оставшихся жителей большинство разбѣжалось; унесла чума 4,000. Съ такою же силой былъ опустошенъ ею въ слѣдующемъ году городъ Нѣжинъ. Въ немъ погибло 10.000 человѣкъ.

Въ Москвѣ, съ 230,000 жителей, уже въ ноябрѣ 1770 г. появились опасныя болѣзни, какъ, напримѣръ, пятнистый тифъ. Вскорѣ затѣмъ главный врачъ докторъ Шафонскій открылъ въ подвѣдомственныхъ ему госпиталяхъ случаи, въ которыхъ онъ рѣшительно призналъ чуму. Другіе опровергали это мнѣніе, потому что всѣ мѣстечки между Сѣвскомъ, въ Орловской губерніи, ближайшемъ мѣстѣ, гдѣ была чума (въ 315 верстахъ на югъ отъ Москвы), были свободны отъ заразы. Еще въ мартѣ мѣсяцѣ 1771 г. зараза, свирѣпствовавшая въ Москвѣ, была объяснена императрицѣ Екатеринѣ, какъ „родъ нервной горячки съ пятнами“. Но уже въ лютую зиму 1770—71 гг. чума очень распространилась въ Москвѣ, хотя докторъ Геккеръ говоритъ, что было всего лишь 130 случаевъ заболѣванія чумой, да и тѣ были скрыты. Напротивъ того, докторъ Блумъ сообщаетъ, что дворянство задавало роскошные пиры въ то время, какъ народъ страдалъ отъ голода и чумы. 9-го марта 1771 г. проявились на императорской суконной фабрикѣ рѣшительные случаи чумы. Приступили немедленно къ очищенію фабрики; но уже нѣсколько рабочихъ разбѣжались, а другіе попрятались, отчего по показаніямъ докторовъ Шафонскаго и Тагельскаго произошло большинство заболѣваній. *Но большинство московскихъ врачей все еще продолжало отрицать существованіе чумы въ Москвѣ* до тѣхъ поръ, пока докторъ Ореусъ, прибывшій изъ арміи въ Москву, 18-го марта, не подтвердилъ этого рѣшительно. При этомъ извѣстіи три четверти жителей, преимущественно дворянство, обратилось въ бѣгство, и въ томъ числѣ генералъ-губернаторъ Салтыковъ и еще другіе сановники. Стали принимать строжайшія мѣры предосторожности, но тѣмъ усерднѣе скрывали зло отъ народа.

Въ апрѣлѣ умерло уже 778 человѣкъ; ясная погода въ маѣ, и въ іюнѣ произвела затишье, но въ іюлѣ смертность усилилась до 1,708, въ августѣ до 7,268, въ сентябрѣ достигаетъ она при 600—1.000 ежедневно умиравшихъ, страшной цифры 21,401!!! Свирѣпствующая зараза, а еще болѣе лихоимство низшей полиціи, которая предоставляла больнымъ на выборъ отправляться въ госпитали или откупаться отъ госпиталя, произвели возстаніе, которое было главнымъ образомъ направлено противъ врачей и противъ духовныхъ. Митрополитъ Амвросій Каменскій вышелъ съ увѣщаніемъ къ бушующей черни и былъ звѣрски умерщвленъ ею. Тогда генералъ-лейтенантъ Еропкинъ картечью разогналъ бунтовщиковъ. Чтобы положить конецъ этимъ ужасамъ, императрица Екатерина послала въ Москву знаменитаго графа Г. Г. Орлова.

Онъ выѣхалъ изъ Петербурга 21 сентября Въ Москвѣ между тѣмъ ежедневно умирало уже 800 человѣкъ *): Докторъ Тоде, врачъ петербургскаго сената, сопровождалъ его. Вскорѣ доктору Тоде поручено было расправляться съ эпидеміей онъ принялся за это съ великимъ и безкорыстнымъ рвеніемъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ уже стало замѣтно ослабленіе болѣзни (17,561 умершихъ); въ ноябрѣ (5,258 умершихъ) еще замѣтнѣе, а въ декабрѣ еще замѣтнѣе (805 умершихъ). Съ 9-го января, когда барометръ стоялъ на небывалой высотѣ, зараза вполнѣ прекратилась. При всеобщемъ очищеніи столицы найдены тысячи скрытыхъ труповъ. Общее число похищенныхъ чумой доходило слишкомъ до 52,000, тогда какъ средняя годовая смертность въ Москвѣ равнялась тогда 7,000. Изъ высшихъ сословій погибли немногіе, въ томъ числѣ 1 врачъ; изъ хирурговъ же умерло четверо, 16 фельдшеровъ и 150 священниковъ.

Въ воспитательный домъ, обставленный строгимъ карантиномъ, чума не проникла. Не менѣе, чѣмъ сама Москва, пострадали и ея окрестности, съ которыми приходилось поддерживать сношенія, чтобы доставлять съѣстные припасы. Даже въ самый Петербургъ были занесены зародыши чумы, но уничтожены, благодаря мѣрамъ предосторожности, принятымъ докторомъ Ореусомъ.

Политическое обозрѣніе.

Новый президентъ Французской республики.—Партіи во Франціи.—На Балканскомъ полуостровѣ.—Афганистанъ.—Еще по поводу чумы.

Во Франціи произошелъ актъ большой важности — президентъ республики, маршалъ Макъ-Магонъ, отказался отъ своего высокаго поста, предоставивъ странѣ избрать другого, на мѣсто его. Какъ ни поразительно могло намъ показаться это извѣстіе, лаконически переданное телеграфомъ — самый фактъ не можетъ считаться неожиданнымъ, такъ какъ „отреченіе“ герцога Маджентскаго имѣетъ свою исторію. Дѣло произошло слѣдующимъ образомъ.

Въ числѣ лицъ занимающихъ судейскія (магистратура) и административныя должности а также и должности военныя— находится не мало людей, принадлежащихъ по своимъ убѣжденіямъ и служебной карьерѣ къ партіямъ прежняго режима. Крайняя лѣвая въ Палатѣ Депутатовъ потребовала отъ министерства Дюфора безусловнаго увольненія всѣхъ этихъ лицъ и замѣны ихъ несомнѣнными республиканцами. Правительство согласившись на смѣщеніе нѣкоторыхъ изъ служащихъ, отказалось удовлетворить требованіе крайней стороны вполнѣ. Дюфоръ прямо заявилъ, что онъ не намѣренъ устраивать гоненія на второстепенныхъ чиновниковъ, что напротивъ намѣренъ уважать заслуженныхъ лицъ, какихъ бы политическихъ убѣжденій они ни были и устранитъ лишь тѣхъ, чьи происки открыто направлены противъ республики и что наконецъ, ему необходимы явныя, письменныя доказательства виновности ихъ. Такой отвѣтъ президента совѣта министровъ едва не повелъ за собой паденія министерства, которое удержалось на мѣстѣ благодаря только поддержкѣ, оказанной ему большинствомъ—довольно впрочемъ слабымъ—остальной республиканской партіи въ палатѣ. Затѣмъ Дюфоръ представилъ маршалу Макъ-Магону декреты—одни о перемѣнахъ въ личномъ составѣ гражданской администраціи, другіе—о перемѣнахъ въ средѣ высшаго военнаго персонала. Замѣтимъ здѣсь, что республиканцы главнымъ образомъ имѣли въ виду армію и мѣтили именно противъ корпусныхъ командировъ, враждебно относящихся къ республикѣ. При этомъ республиканцы ссылались на законъ, который требуетъ, чтобы пребываніе одного и того же лица въ должности корпуснаго командира было ограничено за исключеніемъ нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, извѣстнымъ числомъ лѣтъ. Большинство корпусныхъ командировъ уже перешло за этотъ срокъ и по буквѣ закона они должны бы были быть смѣнены. И дѣйствительно на дняхъ изъ нихъ отставлено четверо, въ томъ числѣ и генералъ Бурбаки; но другіе, и между прочимъ герцогъ Омальскій, командующій корпусомъ въ Греноблѣ, оставлены въ занимаемыхъ ими должностяхъ. Объ удаленіи этихъ-то лицъ, особенно антипатичныхъ республиканцамъ и шла рѣчь. Когда Дюфоръ, какъ мы сказали выше, представилъ маршалу декреты объ увольненіи гражданскихъ чиновниковъ и о перемѣнахъ въ личномъ составѣ военнаго персонала, маршалъ подписавъ первые, отказался скрѣпить своею подписью вторые, объявивъ, что на это онъ согласиться не можетъ, не желая дезорганизировать армію, „отвѣтственность въ чемъ предоставляетъ другимъ“. Эта фраза герцога Маджентскаго, нѣкоторымъ образомъ уже намекала на готовность его къ выходу въ отставку. Противная сторона въ этомъ отношеніи высказалась, впрочемъ, еще яснѣе и не далѣе какъ въ тотъ же самый день: вечеромъ, когда министры по поводу отказа маршала подписать декретъ о высшихъ военныхъ чинахъ, совѣщались въ бюро съ президентами и вліятельными членами большинства палаты, делегаты большинства заявили, что хотя и не желаютъ низвергать

*) Любопытныя подробности о чумѣ 1771 г. въ первый разъ появились въ Р. Арх. 1873 г. ч. I въ статьѣ А. И. Барсукова „жизнеописаніе гр. Г. Г. Орлова“.

маршала, но приняли бы его отставку; вмѣстѣ съ тѣмъ делегаты просили министровъ обратиться къ маршалу съ новыми настояніями, чтобъ добиться подписанія декрета. Министры съ своей стороны объявили, что въ случаѣ новаго отказа выйдутъ въ отставку. Но и послѣдовавшее затѣмъ объясненіе Дюфора съ Макъ-Магономъ не имѣло успѣха; послѣдній остался непреклоненъ въ своемъ рѣшеніи и 18-го января онъ обратился къ президентамъ сената и палаты депутатовъ съ письмомъ, въ которомъ было сказано: „Находясь въ разногласіи съ министрами, не имѣя возможности составить новый кабинетъ и не желая принимать мѣры, которыя компрометировали бы счастіе страны и хорошую организацію арміи, я возвращаю палатамъ ввѣренныя мнѣ полномочія.“ Въ собраніи бюро лѣвой стороны Гамбетта предложилъ кандитатуру президента палаты депутатовъ Греви, которая была единогласно принята; въ собравшемся въ 4 часа 30 минутъ по полудни, конгрессѣ изъ числа 713 голосовъ—563 поданы были за Греви, который—при громѣ рукоплесканій и крикахъ „да здравствуетъ республика!“—и избранъ президентомъ республики на 7 лѣтъ. Маршалъ Макъ-Магонъ, однимъ изъ первыхъ, поздравилъ новаго президента. На мѣсто же Греви. палата депутатовъ, большинствомъ 314 голосовъ, избрала Гамбетту. Что же касается Дюфора, то онъ заявилъ уже въ совѣтѣ министровъ о своемъ неизмѣнномъ рѣшеніи выйти въ отставку. Нѣтъ ни одного голоса, который не отдавалъ бы справедливости Маршалу Макъ-Магону, выказавшему, въ критическую минуту, то достоинство, которое вполнѣ характеризуетъ этого безупречнаго человѣка.

Почти всѣ представители иностранныхъ государствъ утверждаютъ, по словамъ „Nazional Zeitung“, что правительства ихъ признаютъ новаго президента.

Въ непродолжительномъ времени, журналъ нашъ сообщитъ подробныя біографическія свѣдѣнія о Греви, въ настоящую минуту мы скажемъ только, что онъ родился въ 1817 г., получилъ юридическое образованіе въ Парижскомъ университетѣ и вскорѣ пріобрѣлъ громкую извѣстность, какъ адвокатъ. Республиканецъ но убѣжденіямъ, онъ принималъ участіе въ революціи 1830 и 1848 гг. Послѣ переворота 1851 г., онъ удалился съ политической арены, на которую снова выступилъ въ 1868 г. и до паденія имперіи игралъ важную роль въ рядахъ оппозиціи; избранный въ 1871 г. въ президенты собранія, онъ, послѣ отставки Тьера, уступилъ этотъ постъ Бюффе, но затѣмъ. республиканское большинство снова возвратило ему его.

Съ Балканскаго полуострова мы еще не имѣемъ извѣстій о заключеніи окончательнаго трактата нашего съ Портой. Согласно частнымъ свѣдѣніямъ, требующимъ подтвержденія — Спужъ и Жаблякъ сданы черногорцамъ и ожидается, въ самомъ непродолжительномъ времени, сдача Подгорицы.

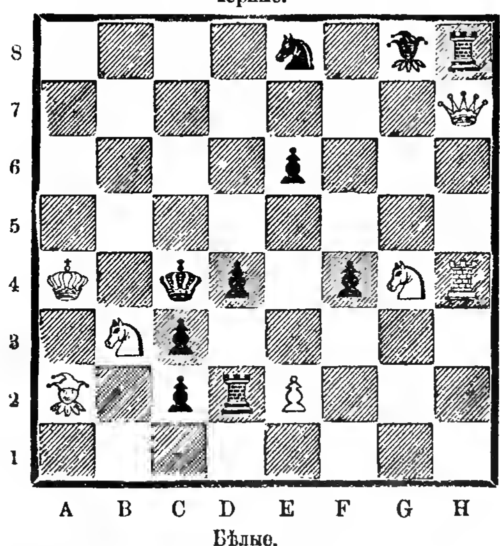
Съ Авганскаго театра войны, британскія депеши сообщаютъ, будто Эмиръ Ширъ-Али входитъ въ соглашеніе своими побѣдителями и изъявляетъ согласіе на территоріальныя уступки.

Въ Южной Африкѣ, британскія войска начинаютъ компанію противъ одного изъ туземныхъ королей Сетавайо.

Кругъ государствъ, принимающихъ карантинныя и, вообще, охранительныя мѣры противъ насъ, въ виду чумы, увеличивается: къ числу этихъ государствъ теперь надо отнести Румынію, Сербію, Италію, Бельгію и друг.

Шахматная задача № 5.

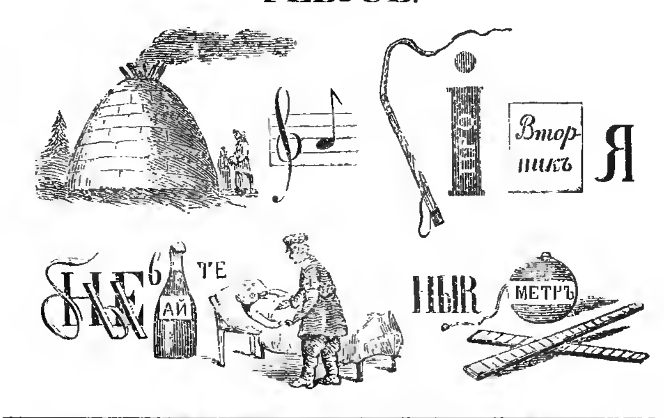
Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

РЕБУСЪ.

СОДЕРЖАНІЕ: **И. Н. Крамской** (съ портр.)—**Въ непогоду.** (Очерки изъ жизни Полѣсья) **М. Волотоеснаго** —**Очерки и разсказы Сист·вск·е болгары** (съ 2 рис.) (продолженіе) **Вс. В. Крестовскаго.—Масляница. На чухонскихъ саняхъ** (съ рис.) **Городъ Бѣлевъ** (съ рис.)—**На Охотскомъ морѣ** (съ рис.)—**Грезы** (съ рис.)—**Римскій форумъ** (очеркъ) (съ рис.)—**Чума въ 1771 году.**—Политическое обозрѣніе — Шахматная задача – Ребусъ.– Объявленія. **При этомъ № прилагаются «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» за ФЕВРАЛЬ съ 27 рис. и отдѣльн. листъ выкроекъ съ 24 рис. рукодѣльн. работъ и съ 24 чертеж. выкроекъ.**

Издатель **А. Ф Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

Дозволено цензурою СПБ. 1 Февраля 1879 г.

 № 10.

ЛИТЕРАТУРЫ

№ 7 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.)
Выданъ 12 Февраля 1879 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ персе. 20 к.

Бандуристъ-малороссъ.

Ѣдущій на югъ Россіи и переступившій рубежъ, напр., Орловской губерніи, уже не встрѣчаетъ деревень по велико-русскому обычаю выстроенныхъ плотно, домъ къ дому. Деревеньки, состоятъ изъ кучекъ хатъ, разбросанныхъ въ живописномъ безпорядкѣ. На горизонтѣ чернѣютъ мельницы съ живописно-уродливыми крыльями, которыхъ не встрѣтишь въ Великороссіи. Часто встрѣчаются впряженные волы,—все говоритъ, что здѣсь уже царство степи, кочеваго чумачества, простора и той оригинальной могучей поэзіи, которую такъ понималъ и мастерски изображалъ нашъ великій Гоголь.

Бандуристъ-малороссъ. Рис. Баръ, грав. Гюбель.

Малороссъ менѣе общителенъ, чѣмъ великороссъ. Но онъ доступнѣе поэзіи, что уже видно изъ малороссійскаго эпоса, по сравненію его съ великорусскимъ. Какъ всѣ жители юга, малороссъ склоненъ къ молчаливому меланхолическому созерцанію. Онъ медленъ, не суетливъ даже какъ будто угрюмъ. Прелестнѣйшихъ народныхъ мелодій въ Малороссіи—бездна, поэтическихъ сказаній тоже. Вотъ, при свѣтѣ ясной луны, обливающей бѣлые маленькіе домики, потонувшіе въ зелени, своимъ трепетнымъ свѣтомъ, на заваликѣ сидитъ старикъ въ

своей характерной свиткѣ и разсказываетъ внучатамъ про дѣла минувшихъ дней. И слушаютъ старика внучата, притаивъ дыханіе—такъ хорошо и интересно онъ ведетъ разсказъ; а иногда на завалинкѣ, какъ изображаетъ нашъ рисунокъ, сидитъ старикъ-бандуристъ и услаждаетъ слухъ своей молодой публики. Бандура въ Малороссіи также привилась какъ у насъ въ Великороссіи балалайка. Страстные бандуристы, впрочемъ, и поляки. У нихъ этотъ инструментъ тоже національный.

Устройство бандуры, какъ извѣстно, сходно съ устройствомъ балалайки. Число струнъ на бандурѣ неограничено. Иные инструменты этого рода имѣютъ отъ 8 до 24 и болѣе струнъ. Корпусъ бандуры имѣетъ отверстіе, клинокъ и лады. Объемъ же звуковъ простирается до 3-хъ и болѣе октавъ.

Волчья засада.

(Изъ разсказовъ стараго лѣсничаго).

Въ этомъ году зима была холодная, снѣжная, метелистая... Снѣгъ выпалъ рано и живо позагонялъ деревенскія стада въ хлѣва да въ крытые дворы, подъ крестьянскіе запоры, а въ концѣ ноября такіе закрутили морозы, что Боже упаси! Дня не проходило, чтобы не слыхать было о новомъ замерзшемъ человѣкѣ: то лѣсника нашли окоченѣвшаго въ лѣсу, то баба не добрела полуверсты до деревни да тутъ у околицы и застыла... Сонный ямщикъ обратный заснулъ въ недобрый часъ въ санкахъ, не совладѣлъ съ морозомъ его нагольный полушубокъ, да что полушубокъ! Изъ Спасскаго села пріѣзжали, сказывали, самъ становой замерзъ въ шубѣ енотовой, въ кибиткѣ крытой, съ имянинъ, говорятъ, ѣхалъ отъ помѣщика одного, маіора Крутоносова...

Намело сугробы саженные, вплоть до крышъ избяныхъ, словно норы ходы къ окнамъ подѣлали мужики, стоговъ не видать за снѣгомъ, на выгонахъ; ни проѣзда нѣтъ настоящаго, ни работы какой вольной, сиди знай на печи да отсиживайся.

Плохо мужику въ такую, черезъ чуръ уже студеную да снѣжную зиму, а волку еще того хуже; этому звѣрю просто матъ приходитъ, голодное время—ни поживы какой на пути, ни скотинки не бродитъ неосторожно за околицей, собаки и тѣ по дворамъ прячутся... Бродятъ волки въ такое время стаями, злющіе-презлющіе, бѣда имъ попасться на встрѣчу... Страха не знаетъ отощалое брюхо, —ни колокольчика не боится, ни кнута, ни окрика грознаго... стрѣльбы звѣрь такой не боится, все равно молъ околѣвать, отъ пули или отъ голоду. И хитрятъ то же волки, голодъ ихъ учитъ уму разуму,—такіе сообща тонкіе маневры устраиваютъ, любому генералу въ пору:—и засады, и обходныя движенія, и фальшивыя аттаки, демонстраціи, все въ ходу...

Истые охотники любятъ ѣздить на волковъ въ такое время, опасно хотя, да занятно очень, есть послѣ чѣмъ похвастаться...

Вотъ именно въ эту зиму въ концѣ декабря, на праздникахъ, пришлось мнѣ ѣхать въ городъ, на своей парочкѣ, въ легкихъ санкахъ и было насъ всего двое: я да кучеръ мой, мужичекъ сосѣдней деревни Филатъ Ершовъ. А надо сказать, что разсчитывалъ я выбраться на шоссейный трактъ, верстъ семнадцать отсюда, еще засвѣтло, да засидѣлись мы послѣ обѣда у отца благочиннаго, въ селѣ—вистикъ сыграли робберовъ восемь съ открытымъ козырькомъ, ну время то и ушло...

Ужь какъ торопилъ меня Филатъ Ершовъ, мой возница... Уже онъ спозаранку и напоилъ коней и овса засыпалъ, запрегъ даже безъ моего приказанія—и очень сердился на меня... Я слышалъ какъ онъ ворчалъ за перегородкою:

— И что такое за модель у господъ, чтобы завсегда по ночамъ шляться—нѣтъ чтобы по божески, за свѣтло... Эвона — уже девятый часъ никакъ кукушка выкрикнула.

— А полагаю я, произнесъ тоже отецъ Павелъ, хозяинъ,—полагаю я, что много резонистѣе будетъ, если вы отложите, государь мой, попеченіе на счетъ обратнаго ко граду уѣздному путешествія, и подъ кровомъ моимъ на нощь сію главу свою преклоните.

Любилъ батюшка цвѣтистый языкъ, онъ и проповѣди то чуть не на стихи перекладывалъ.

— А что же переночуйте у насъ, вмѣшалась тутъ и матушка попадья—я вамъ на диванчикѣ перинку велю постлать, а ежели на счетъ клоповъ, такъ мы простыньками кругомъ подтыкаемъ, не проберутся...

— Оно точно, что паразита сего зловреднаго въ утвари сей въ изобиліи обрѣтается. Обѣщалъ мнѣ аптекарь зелья антидотнаго, однако...

— Откладать что-ли?! показалась въ дверяхъ суровая, бородатая физіономія Филата Ершова.

Но мнѣ необходимо было завтра къ полудню быть въ городѣ и ночевать у гостепріимнаго отца благочиннаго никакъ, по разсчету, не приходилось.

— Опасно ѣхать будетъ Свищовскимъ боромъ, а еще того опаснѣе „горѣлыми“ перелѣсками, разглаживая бороду, замѣтилъ отецъ Павелъ.

— Третьяго дня бабу одну съ двумя ребятами волки тамъ съѣли, мужикъ-то убегъ, спасъ его какъ-то Господь милостивый, а бабу съѣли, сожрали проклятые, глубоко вздохнула попадья.

— У меня ружье съ собою, матушка, сказалъ я, да и револьверъ въ карманѣ, въ полушубкѣ меня не скоро съѣдятъ.

— Пуще всего охранитъ васъ, государь, Божье милосердіе,—оно сильнѣе всякаго человѣческаго оружія, и стрѣляюща, и колюща, и посѣкающа... Ну-съ прошу—рябиновой стаканчикъ на дорожку... Мать попадья приспособь на столѣ подходящую дѣлу сему напутственную трапезу...

— А я уже чалаго отложилъ—я уже... снова появился суровый Филатъ.

— Отложилъ такъ опять закладывай, началъ уже было я слегка сердиться.

— Нѣтъ я къ тому, что темно...

— Нѣтъ свѣтло: смотри какъ луна свѣтитъ, просто какъ днемъ, хоть газеты читай...

— Да теперь-то свѣтитъ, а тамъ пожалуй перестанетъ; всяко бываетъ... дорога здѣсь тоже...

Но Филатъ, увидѣвъ какъ я торопливо проглотилъ „посошокъ“, сталъ натягивать въ рукава тулупчикъ, поспѣшилъ къ санямъ и черезъ минуты двѣ мы оба уже сидѣли въ саняхъ, напутствуемые добрыми пожеланіями отца благочиннаго и его почтенной супруги...

Было половина десятаго. Какая чудная, ясная, морозная, тихая ночь! Полная луна, обрамленная тройнымъ кольцомъ серебристаго тумана, положительно заливала фосфорическимъ свѣтомъ всѣ окрестности... тускло мерцали красноватые огоньки въ глубокихъ снѣговыхъ амбразурахъ избяныхъ оконъ, на длинной улицѣ села не было видно ни одного живаго существа, собаки только хриплымъ лаемъ и визгливымъ подвываніемъ провожали насъ изъ подворотень... Снѣгъ скрипѣлъ и высвистывалъ подъ полозьями саней, озябшіе кони бѣжали крупною рысью и скоро миновали послѣднюю курную избушку, послѣдній заваленный снѣгомъ, полуразвалившійся сарайчикъ на выгонѣ. Передъ нашими глазами разстилалась теперь только гладкая, усыпанная сверкающими алмазами равнина, по ней чуть замѣтная дорога, обсаженная еловыми вѣтками, а далеко впереди черною полосою, сливаясь съ горизонтомъ, тянулся свищевскій боръ... Этимъ боромъ надо было проѣхать верстъ девять, затѣмъ версты четыре знаменитыми „го-

рѣлыми“ перелѣсками, а тамъ уже, за овражкомъ, видны и телеграфные столбы большаго шоссейнаго тракта, на выѣздѣ котораго стоялъ, когда-то жившій бойкою торговою жизнью, нынѣ обанкрутившійся *„черезъ эту самую чугунку проклятую“*—постоялый дворъ хорошаго пріятеля моего Данилы Яковлевича Орефьева.

Къ этому двору я разсчитывалъ подъѣхать задолго до разсвѣта и напиться тамъ горячаго чаю, грѣясь передъ пузатымъ, трехведернымъ, позеленѣвшимъ, словно паровозъ пыхтящимъ. настоящимъ ямщичьимъ самоваромъ.

— Одначе пощипываетъ! замѣтилъ мой возница.—Эй вы, голуби, трогай!..

— Да покрѣпче стало, отвѣтилъ я изъ своего медвѣжьяго воротника.

— Я теперича у Кондрата поповскаго топоръ взялъ.

— Это зачѣмъ?

— Потому звѣрье... волки эти самые... ружье то, баринъ, заряжено?

— Еще бы!..

— То-то. Надысь сказывали, лошадей водилъ я поить, такъ мимо кузницы шелъ. Тамъ вотъ, сказывали, подходила ихъ сила прошлою ночью... Выли, выли около мельницы... Къ Савелью рябому пара на дворъ затесалась, чуть было жеребца его не съѣли... Вѣдь эка смѣлость, подумаешь...

— Бываетъ.

— Говорятъ днемъ онъ, значитъ за свѣтло, повеликатнѣе будетъ... эдакъ словно смирнѣе.

— Днемъ ничего.

— То-то я и говорю *днемъ*...

Филатъ не безъ намѣренія подчеркнулъ слово „днемъ“, я это понялъ и промолчалъ.

— Эхъ ты зарывайся!

Филатъ Ершовъ вытянулъ кнутомъ пристяжную, провалившуюся на бѣгу въ сугробъ чуть не по самую хомутину.

Свищевскій боръ... его пустая, мелкорослая опушка а за нею сплошные массы высокихъ елей и сосенъ,—выросталъ передъ нашими глазами... пристяжная жалась къ оглоблѣ. Обѣ лошади бѣжали хотя и бойко, но какъ то осторожнѣе, пофыркивая, словно ихъ пугала эта мертвая тишина, этотъ таинственный мракъ, заиндивѣвшаго, неподвижнаго, вѣковаго лѣса.

Какъ красивы, какъ величественны были эти столѣтнія ели, внизу мшисто черные, вверху словно выкованные изъ матоваго серебра, эти, покрытые сплошь инеемъ, хитрымъ кружевомъ сплеталась мелкая поросль—эти запудренные снѣгомъ косматыя груды сухого валежника, эти полянки и прогалинки обрамленныя густою тѣнью, испещренные мелкими узорами заячьихъ слѣдковъ... Лѣсное эхо дружно подхватывало и маленькій звонъ поддужнаго колокольчика и веселое подзваниваніе бубенчиковъ—и храпъ коней, скрипъ полозьевъ и ободрительные восклицанія Филата Ершева, сопровождаемыя на этотъ разъ самымъ угрожающимъ, разбойничьимъ посвистомъ.

Мы подавались впередъ ходко и уже больше половины лѣсной дороги оставалось за нами... Пока шло все благополучно...

Дорога пересѣкала довольно просторную поляну... я видѣлъ какъ поляна эта, залитая луннымъ свѣтомъ, сквозила между деревьями... Кони замедляли шагъ и весьма подозрительно поводили ушами..

— Ну-ну-небось! чаго упираешься... голуби!.. пощелкивалъ кнутъ моего возницы.

Но голуби—положительно не охотно шли впередъ, а пугливый, еще молодой чалый, тотъ совсѣмъ лѣзъ въ сани своимъ широкимъ крупомъ и щекотливо поджималъ хвостъ отъ ударовъ ослабшаго валька.

На полянѣ, полукругомъ поперегъ дороги лежало нѣсколько темныхъ тѣлъ, рѣзко выдѣлявшихся на ярко освѣщенномъ снѣгу... Это были волки—я насчиталъ ихъ штукъ до девяти. Филатъ увѣрялъ меня послѣ, что было гораздо болѣе.

— Назадъ что-ли? шепнулъ Филатъ Ершовъ.

— Боже упаси! отвѣтилъ я, тоже почему-то шепотомъ и поспѣшилъ высвободить изъ чехла мою двустволку.

Коренникъ у меня былъ добрый конь, старый и въ волчьихъ угонкахъ бывалый, только на пристяжнаго чалаго была плоха надежда... Я уже было подумывалъ не отцѣпить ли постромки на всякій случай, а то могло бы случиться худо: пугливая лошадь легко могла сбить сани съ дороги, затащить въ невылазной сугробъ и тогда раздѣлывайся какъ знаешь съ голодною, бѣшеною волчьею ватагою...

Но не успѣлъ я привести въ исполненіе задуманное, какъ дикое вытье справа и слѣва, позади насъ, заставило лошадей энергично рвануться впередъ и мы понеслись во всю скачь, казалось едва не раздавивъ тѣлъ двухъ волковъ, что лежали на самой дорогѣ... Звѣри отскочили, щелкнули челюстями, уныло взвыли и присоединились къ преслѣдователямъ. Безъ кнута, натянувъ возжи какъ струны, мы скакали со скоростью, которой позавидовалъ бы, пожалуй, экстренный курьерскій поѣздъ; холодный, морозный воздухъ рѣзалъ какъ ножами открытое лицо; духъ захватывало, комья снѣга, мелкая снѣжная пыль, порошила глаза; заиндивѣвшія вѣтви деревьевъ, сложенные мѣстами дровяныя саженки, толстые мшистые стволы, молодая поросль—все это мелькало по сторонамъ; жалобный вой все усиливался и усиливался, особенно при въѣздѣ въ горѣлые перелѣски; тамъ шли почти сплошные болотины, любимые волчьи гнѣздовья.

Стрѣлять было пока безполезно да и не разсчетливо: зарядить ружье вновь при такой бѣшеной скачкѣ, застывающими отъ невыносимаго холода пальцами, не было никакой возможности—и я рѣшилъ беречь заряды до крайняго, вполнѣ критическаго момента... Этотъ моментъ скоро и наступилъ.

Большой матерой волчище, вдругъ поравнялся съ санями, подскакнулъ къ мордѣ коренника и повисъ, уцѣпившись зубами за правый гужъ, но тутъ же и оборвался, прямо подъ ноги моего „старика“ который смялъ его и ударилъ своими кованными копытами. Я слышалъ позади жалобный визгъ и шумъ драки изъ за тощаго мяса погибшаго собрата другой волкъ чуть чуть не хватилъ за ногу Филата, тотъ махнулъ топоромъ, выронилъ свое оружіе изъ рукъ и чуть чуть самъ не кувыркнулся съ размаха, еслибы я его во время не прихватилъ за воротникъ полушубка.

— Владычица небесная—выручи! взмолился мой возница и тутъ же выругался...

Волки наскакивали вплотную, подпрыгивая сзади выше спинки саней, подвертывались подъ лошадей, наконецъ, словно условившись, разомъ кинулись впередъ и... я хватилъ изъ обоихъ стволовъ, хватилъ не цѣлясь, разсчитывая болѣе на огонь и звукъ выстрѣловъ, чѣмъ на дѣйствіе зарядовъ.

Моментально наступила мертвая тишина... мы отдѣлились саженъ на сто отъ голодной. остервѣнившейся стаи, я было вздохнулъ покойнѣе, думая, что преслѣдованіе окончилось, но не прошло и двадцати секундъ, какъ снова начался отвратительный концертъ, снова по бокамъ саней заскакали тощія, поджарыя волчьи фигуры съ высунутыми языками съ искрящимися глазами. съ оскаленными, острыми, на показъ выставленными клыками...

Не болѣе версты осталось ѣхать перелѣсками; тамъ въ открытомъ полѣ звѣри можетъ быть не будутъ насѣдать такъ упорно... Я бросилъ безполезную двустволку на дно саней и вынулъ револьверъ.

— Уноси Владычица милостивая „Прасковея заступница, Флора и Лавра“ эхъ вы, грабятъ!.. Ого-го-го-го!..

Неожиданная встрѣча. (Къ разсказу „Волчья засада“). Ориг. рис. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Рабочіе-торфяники въ Литвѣ, переходящіе торфяное болото. Рис. Арнульдъ, грав. Дейсъ.

Митрофаній угодникъ—Засима и Саватій страстотерпцы... не хуже волковъ выть на всѣ лады мой Филатъ Ершевъ, выкладывая всѣ свѣдѣнія свои по исторіи отцевъ церкви.

Но не унималось волчье рвеніе; я вынужденъ былъ уже открыть канонаду изо всѣхъ шести стволовъ моего револьвера.

Однако мы все таки успѣли выскочить изъ перелѣсковъ на открытое мѣсто.

Надежда и на этотъ разъ насъ обманула... И на открытомъ мѣстѣ волчья стая неслась, охватывая насъ широкимъ полукругомъ.

— Еслибы теперича Данило Арефьевъ догадался, да воротища бы поотворилъ, оно ладно было бы—а то... проговорилъ Филатъ и еще за версту, завидѣвъ только вдалекѣ черный силуэтъ постоялаго двора, заоралъ:

— Ворота, ворота—черти, лѣшіе... ворота... дьяволлы!,.

Близость жилья и уюта наэлектризовала усталыхъ коней, они подхватили съ новою энергіею.

Чердачное окошечко, подъ самымъ конькомъ постоялаго двора освѣтилось краснымъ огнемъ, оттуда грянулъ выстрѣлъ... Нѣсколько голосовъ, заорали благимъ матомъ.

Мы съ размаха влетѣли въ распахнутыя настежь ворота, которыя тотчасъ же и затворились за нами, визжа на желѣзныхъ петляхъ.

— А я еще издалека слышу палятъ, опять тоже вой, голоса подаютъ, уже сдогадался въ чемъ дѣло-то, да и вышелъ поджидать... Вѣдь экая *ихъ* ноньче силища! весело говорилъ Данило Яковлевичъ, помогая мнѣ выбраться изъ саней... эге, да разотри-ко рыло снѣгомъ, экъ его тебѣ обморозило... три скорѣе, а то раздуетъ... а я бабамъ велю самоварчикъ ставить... тетка Анисья!..

На постояломъ дворѣ, собралось десятка полтора крестьянскихъ возовъ съ дровами, въ избѣ стояла духота отъ кислаго запаха прѣлыхъ полушубковъ, капустныхъ щей, печенаго хлѣба и прочаго неудобовдыхаемаго, но все это мнѣ показалось раемъ, подъ впечатлѣніемъ только что испытанныхъ ощущеній...

Волчья гонка прекратилась не болѣе какъ во ста саженяхъ отъ жилья и то только потому, что звѣри почуяли народъ, совершенно случайно здѣсь собравшійся: не будь обоза, голодные звѣри рискнули-бы на атаку постоялаго двора, разъ уже выдержавшаго правильную, цѣлую ночь продолжавшуюся, осаду... объ этой осадѣ Данило Арефьевъ не можетъ вспомнить безъ озлобленія...

— Какого они мнѣ пса тогда, окаянные сожрали, Цыгана, помнишь, косматаго? то есть такая была собака, такая собака умнѣющая! Что человѣкъ—право!

Н. Каразинъ.

Очерки и разсказы.

Вс. В. Крестовскаго иллюстриров. **Н. Н. Каразинымъ.**

VIII.

Систовскіе болгары

Очеркъ.

(Окончаніе).

Вообще Систовскіе болгары очень гостепріимны;—это, впрочемъ, общая славянская черта. Наша хозяйка, каждое утро, какъ только мы съ двумя товарищами просыпались, говорила намъ чрезъ затворенную дверь „добыръ день!“ и присылала съ деньщикомъ подносъ, на которомъ неизмѣнно красовались три букетика свѣжихъ цвѣтовъ, три стакана чистой холодной воды и столько же хрустальныхъ блюдцевъ съ вареньемъ; каждый разъ варенье было все разное: то молодые грецкіе орѣхи въ меду, то сливы, вишни, розовые лепестки и т. п. Угощеніе турецкимъ кофе, въ миніатюрныхъ чашечкахъ, входило также въ неизбѣжный обиходъ, и притомъ по нѣскольку разъ на день. Вылкъ Поварджіевъ хотѣлъ было, чтобы мы у него каждый день и обѣдали, и ужинали и для этого измѣнилъ даже свой обычай ѣсть за низенькой масой, приказавъ накрывать столъ въ парадной комнатѣ по европейски. Первые два дня не было никакой возможности отговориться отъ этого, но потомъ мы кое-какъ, разными дипломатическими путями отдѣлались, не желая стѣснять и вводить въ лишніе расходы своихъ добрыхъ хозяевъ. Я упомянулъ, что мнѣ пришлось быть на болгарской свадьбѣ. Женился одинъ бравый молодой человѣкъ, который, обрадовавшись приходу русскихъ, торопился сыграть свою свадьбу до наступленія Петровскаго поста, съ тѣмъ чтобы, поживъ немножко съ женою, опредѣлиться въ болгарское ополченіе. Свадьба передъ боемъ, со всѣми его роковыми случайностями—явленіе не совсѣмъ обычное; но тутъ оправданіемъ ея служила сильная взаимная любовь молодыхъ людей. Не идти въ ополченіе такому молодому стыдно, а пойдешь—быть можетъ и убьютъ, такъ дай же хоть передъ смертью минуту взаимнаго счастья! Мои хозяева были въ числѣ почетныхъ гостей, а вмѣстѣ съ ними родители жениха и намъ сдѣлали приглашеніе. Въ свадебныхъ обрядахъ болгаръ есть много своеобразныхъ и въ тоже время общеславянскихъ чертъ. Вылкъ Поварджіевъ, съ женою—и даже не столько онъ, сколько его жена (причемъ самъ онъ служилъ переводчикомъ) разсказывали мнѣ весь послѣдовательный ходъ этихъ обрядовъ, что я тотчасъ же и записалъ на свѣжую память.

Молодой, или, какъ здѣсь называютъ—юнакъ-болгаринъ наглядываетъ себѣ невѣсту всегда самъ, но женится на ней не иначе какъ съ согласія своихъ родителей, причемъ сватовство составляетъ очень тонкую, дипломатическую процедуру и идетъ большею частію черезъ посредство друзей жениховыхъ отца и матери. Когда родители невѣсты согласны на бракъ, тогда уже въ ихъ домъ открыто и, такъ сказать, оффиціально засылаются сваты, которые, въ заключеніе сговора, условливаются объ имуществѣ и приданомъ, имѣющемъ поступить въ собственность жениха отъ родителей невѣсты. При этомъ сговорѣ иногда присутствуетъ и женихъ, но не иначе, какъ безмолвнымъ зрителемъ и слушателемъ, словно бы его тутъ и нѣтъ, Но тутъ обычай налагаетъ на него не совсѣмъ-то пріятный искусъ: со дня сговора и до минуты отправленія подъ вѣнецъ онъ не можетъ видѣть свою невѣсту, и обязанъ во все это время задаривать ея родню, а также лично заботиться о подвѣнечномъ нарядѣ своей избранной. Если вѣнчаніе приходится на воскресный день, то въ четвергъ въ домѣ у невѣсты, равно какъ и у жениха (если онъ живетъ съ родителями) собираются дѣвушки просѣевать муку для свадебнаго коровая. Это просѣеваніе совершается сквозь три сита, положенныя одно на другое, причемъ у невѣсты въ верхнее сито кладется обручальное кольцо жениха, а у сего послѣдняго—кольцо невѣсты и онъ, по окончаніи работы, обязанъ одарить разными бездѣлушками сѣяльщицъ. На слѣдующій день, т. е. въ пятницу, тѣ же дѣвицы вновь собираются у жениха и у невѣсты, чтобы печь свадебные короваи,—обрядъ, во время котораго у жениха играетъ музыка, состоящая изъ двухъ дудокъ или свирѣлей, узенькой продолговатой скрипицы, бубна и особаго инструмента съ двумя дудками, сдѣланнаго въ родѣ волынки, изъ козьей кожи и называемаго *„гайда.“* Надо, впрочемъ, сознаться, что сочетаніе звуковъ, производимое совокупностью этихъ инструментовъ, далеко не гармонично. Когда жениховы короваи испечены, наибольшій изъ нихъ дѣвицы намазываютъ медомъ и ставятъ это на покрытый салфеткою столъ, въ лучшей горницѣ дома; на коровай утверждаютъ стаканъ съ виномъ, куда опускается кольцо невѣсты. Разъ, что это сдѣлано, дѣвицы сплетаются вокругъ стола хороводомъ и начинаютъ плясать *„кало“*, въ родѣ румынскаго *„джока“* и извѣстной нашей малорусской свадебной пляски. По окончаніи „кало“, дѣвица-дружка снимаетъ стаканъ, вынимаетъ изъ него кольцо и вручаетъ послѣднее жениху а вино выплескиваетъ на четыре стороны. Весь этотъ обрядъ называется *„медевикъ“* или *„меденица“*,—отъ меда, которымъ намазывается коровай,—и пока все это происходитъ у жениха, въ домѣ невѣсты ея родные тоже занимаются хлѣбопеченіемъ и приготовленіемъ медевика, но музыка при этомъ отсутствуетъ и самый обрядъ съ кольцомъ и выплескиваніемъ вина не совершается. Впрочемъ, въ городахъ, гдѣ не такъ строго исполняется искусъ разлуки

брачущихся до момента вѣнчанія, женихъ, справивъ у себя медевикъ, отправляется въ сопровожденіи дѣвицъ и музыки въ домъ невѣсты, гдѣ и совершается описанный выше обрядъ во всѣхъ его подробностяхъ. На канунѣ свадьбы къ жениху собираются мужчины, приглашенные на свадьбу и тутъ, въ ихъ присутствіи совершается бритье бородъ у жениха, посаженнаго отца, шаферовъ и прочихъ почетныхъ лицъ. За тѣмъ, является посаженная мать невѣсты съ подругами послѣдней, для торжественнаго пріема и перенесенія подвѣнечнаго наряда и прочихъ вещей, назначенныхъ въ подарокъ невѣстѣ и ея родственникамъ. Вещи эти кладутся въ корыта или на подносы; при перенесеніи же ихъ по улицамъ—впереди идетъ музыка, за нею шафера съ подвѣнечнымъ нарядомъ, а по сторонамъ ихъ остальные юнаки съ прочими подарками и, наконецъ, гости и толпа любопытныхъ. Когда эта процессія подходитъ къ цѣли своего шествія, мать выводитъ за ворота невѣсту, окруженную частію оставшихся съ нею подругъ, встрѣчаетъ гостей и вводитъ ихъ во дворъ, гдѣ уже приготовленъ столъ, съ разложенными на немъ рукодѣліями невѣсты, предназначенными въ подарокъ жениху. Вокругъ этого стола составляется „коло" изъ юнаковъ и дѣвушекъ, а шафера въ это время чествуютъ гостей виномъ, послѣ чего процессія тѣмъ же порядкомъ возвращается къ жениху съ подарками невѣсты. Въ утро дня, назначеннаго для свадьбы, шафера и юнаки съ музыкою отправляются сначала за посаженнымъ отцомъ, потомъ за посаженною матерью и приводятъ ихъ въ домъ невѣсты, куда вслѣдъ за этимъ является и женихъ. Посаженные родители уже приготовили, по обычаю, цвѣтную шелковую ткань или платки, полагаемые при вѣнчаніи подъ ноги молодыхъ и полотенце, которымъ они обязаны связать руки брачущихся въ церкви. При этомъ же посаженные родители собираютъ съ родственниковъ той и другой стороны „бакшишъ", въ пользу молодыхъ—какой нибудь пустякъ серебряною, а иногда, смотря по состоянію, и золотою монетою, такъ сказать, молодымъ на разживу. По окончаніи этого сбора, всѣ присутствующіе сопровождаютъ въ церковь жениха съ невѣстою, которые идутъ впереди, взявши другъ друга за руки. Голова невѣсты покрывается при этомъ особымъ уборомъ, изъ массы очень тонкихъ полосокъ позолоченной и посеребренной латуни. Этотъ уборъ длинными, блестящими нитями ниспадаетъ на плеча, закрывая собою все лицо невѣсты отъ постороннихъ взоровъ. Самый обрядъ вѣнчанія совершается, конечно, какъ и у насъ, съ тою, впрочемъ, особенностію, что когда клиръ запоетъ „Ісаія ликуй" и молодыхъ поведутъ вокругъ аналоя,—на нихъ вдругъ начинаютъ бросать со всѣхъ сторонъ орѣхи, пряники, конфекты и подсолнухи—„чтобы полно и сладко жилося." Ребятишки при этомъ гурьбой, на перерывъ другъ передъ дружкой, бросаются впередъ—подбирать эти лакомства, и тутъ уже идетъ ихъ веселый шумъ и гамъ, пока молодые не станутъ опять па свое мѣсто. По выходѣ новобрачныхъ изъ церкви, болгары любятъ сопровождать ихъ шествіе, кромѣ музыки, еще выстрѣлами изъ ружей и пистолетовъ. Но такъ какъ имѣть оружіе имъ вообще запрещено, то на это каждый разъ испрашивалось, разумѣется за приличный бакшишъ, разрѣшеніе каймакама и тогда знакомые турки снабжали ихъ на этотъ случай своимъ оружіемъ. Впрочемъ, въ настоящій разъ дѣло обошлось безъ выстрѣловъ, чтобы не произвести ложной тревоги въ войскахъ. Процессія отправляется въ домъ къ жениху, гдѣ молодые люди изъ числа родственниковъ и близкихъ знакомыхъ новобрачной требуютъ за нее выкупъ съ мужа—самый незначительный, конечно, только для вида. Начинаются общія поздравленія и угощенія; молодыхъ сажаютъ за парадный столъ на первое мѣсто, подъ образами, и при этомъ они должны нѣсколько времени подержать у себя на рукахъ двухъ младенцевъ: молодой—мальчика, молодая—дѣвочку. Передъ обѣдомъ родственники новобрачной удаляются домой, чтобы приготовить сдачу ея приданаго и потому еще что обѣдать имъ у молодаго въ первый день свадьбы считается не въ обычаѣ. Послѣ обѣда начинаются танцы, для чего всѣ приглашенные молодые люди и дѣвушки выходятъ па дворъ, куда допускаются и посторонніе зрители. Молодая не танцуетъ; она, въ своемъ блестящемъ головномъ уборѣ, откидываемомъ послѣ вѣнца на затылокъ, выходитъ время отъ времени на балконъ или на открытую галлерейку только за тѣмъ, чтобы поглядѣть благосклоннымъ окомъ на танцы. За тѣмъ шафера и гости отправляются на короткое время къ отцу новобрачной, за ея приданымъ. Во время выдачи вещей съ рукъ на руки, дѣвушка—сестра или ближайшая родственница молодой (тоже дѣвушка) начинаетъ въ шутку требовать выкупъ и назначаетъ цѣну каждой вещи; шафера торгуются, съ разными веселыми прибаутками, и кончаютъ тѣмъ, что предлагаютъ продавщицѣ взять и ее съ собою. Вечеромъ у молодого приготовляется большой ужинъ, на который приглашаются и родственники новобрачной, кромѣ ея родителей и во время стола одна изъ ея старшихъ родственницъ раздаетъ всѣмъ присутствующимъ подарки—платки, утиральники, шарфики и т. п. Каждый, получающій подарокъ кладетъ на подносъ нѣсколько денегъ—отдариваетъ. Молодые при этомъ не присутствуютъ. По окончаніи ужина, всѣ приглашенные и родственники новобрачной расходятся по домамъ а посаженные отецъ и мать вводятъ молодыхъ въ брачную спальню. Этимъ и кончаются свадебные обряды. Но нельзя не замѣтить одного предразсудочнаго повѣрья: суббота почему-то считается у болгаръ *мертвымъ днемъ* и вслѣдствіе этого молодая чета въ ночь подъ первую субботу своей супружеской жизни не ночуетъ у себя дома, а отправляется па ночлегъ къ кому нибудь изъ близкихъ родственниковъ, потому что если первая суббота застанетъ ихъ въ собственномъ домѣ, то они скоро умрутъ *).

Народные обычаи, какъ напримѣръ, святочныя гаданія и коляда подъ хозяйскими окнами—точно такія же какъ и у насъ. Ужины подъ Рождество, подъ Новый годъ и въ крещенскій сочельникъ празднуются также, какъ у малороссіянъ, съ кутьею и взваромъ **), но съ тою лишь особенностію, что садясь за семейный столъ, глава семьи обкуриваетъ ладаномъ иконы, кушанья и всѣхъ присутствующихъ. Праздникъ Ивана-Купалы извѣстенъ здѣсь подъ именемъ „Пинеруда" (красная бабочка). Въ этотъ день молодыя сельскія дѣвушки наряжаются въ листья болотныхъ травъ, и выходятъ въ поле искать мотыльковъ, распѣвая при этомъ особую обрядовую пѣсню, а къ вечеру дѣлаютъ изъ глины куклу безъ головы и кидаютъ ее въ рѣку, въ воспоминаніе обезглавленія Іоанна Крестителя.

Похоронная процессія

Видѣлъ я здѣсь также и похороны. Однажды сидѣли мы въ саду и вдругъ слышимъ па улицѣ какіе-то странные смѣшанные звуки,—не то вой, не то пѣніе, но очень дикое, нестройное: дѣтскіе голоса крикливо тянутъ одну безконечную ноту, а голоса нѣсколькихъ взрослыхъ людей гнусливо, въ носъ, выводятъ какія-то рулады. Изъ любопытства мы вышли на улицу, смотримъ—похороны. Впереди процессіи несутъ крестъ и рипиды, за тѣмъ идутъ пѣвчіе—мальчики и дьячки, потомъ священники въ бѣлыхъ шерстяныхъ ризахъ, съ нашитыми на нихъ черными крестами и коймами и наконецъ—покойникъ, окруженный толпою родныхъ и знакомыхъ. Здѣсь хоронятъ безъ гробовъ. Умершаго кладутъ на носилки въ родѣ кровати, покрываютъ церковною пеленою и несутъ на кладбище, гдѣ трупъ съ помощію тяжей опускается на доскѣ въ яму. На этотъ разъ хоронили молодую дѣвушку. Она была одѣта въ бѣлое платье и обвита, поверхъ савана, живыми цвѣтами а на груди ея лежала іерусалимская булла, обыкновенно добываемая у ходжей, которымъ и возвращается послѣ похоронъ. Мы пошли въ слѣдъ за процессіею на кладбище. Здѣсь, предъ опусканіемъ тѣла въ могилу, священнику подали сосудъ, наполненный смѣсью вина и деревяннаго масла. Этою жидкостію онъ облилъ крестообразно покойницу и яму. Когда могильщики, въ присутствіи родныхъ и провожатыхъ, закопали ее—священникъ окурилъ могилу ладономъ, а одинъ изъ родственниковъ окропилъ ее краснымъ виномъ и поставилъ въ головахъ

*) Если умираетъ перворожденный ребенокъ, то родители въ день его погребенія тоже не ночуютъ дома, для того чтобы не умирали и другія, будущія ихъ дѣти.

**) Похлебка въ родѣ компота изъ сушеныхъ грушъ, сливъ и изюма.

жестяной шкафчикъ, похожій съ виду и на часовеньку и на фонарикъ. Въ этотъ шкафчикъ помѣстили небольшую икону, наложили угольевъ, среди которыхъ воткнули восковую свѣчу и посыпали все это ладономъ. За тѣмъ послѣдовала раздача ломтиками пшеничныхъ караваевъ, за упокой души, послѣ чего родные и провожавшіе удалились съ молитвою и общимъ поклономъ могилѣ.

Одно изъ болгарскихъ кладбищъ въ Систовѣ находится на восточной окраинѣ города, рядомъ съ турецкимъ, отъ котораго отдѣляется высокою глинобитною стѣною. Намъ не разъ доводилось слышать и читать о поэтической красотѣ и тихой прелести турецкихъ кладбищъ. Не знаю, какъ будетъ дальше, но то, что мы видѣли здѣсь, производитъ самое прозаическое и при томъ безотрадное впечатлѣніе *). Турецкое кладбище занимаетъ собою плоскость въ нѣсколько десятинъ земли, ничѣмъ не огороженной; надъ могилами вкривь и вкось, во множествѣ торчатъ самые грубые, нетесанные осколки плитняковъ, замѣняющихъ памятники. Ни цвѣтника, ни деревца, ни кустика, ни малѣйшаго украшенія надъ могилами, даже и надписей не видно. Одна лишь голь и запустѣніе повсюду. Но положительно дурно вотъ что: зарывая своихъ мертвецовъ, турки оставляютъ въ могилѣ, надъ головою покойника небольшое отверстіе, для того, чтобы въ день общаго воскресенія онъ могъ услышать трубу Азраила а то, если не сдѣлать отверстія,—гласъ трубный не дойдетъ до слуха усопшаго, который рискуетъ такимъ образомъ не попасть въ магометовъ рай и не наслаждаться гуріями пророка. Но до того времени пока Азраилъ не вострубитъ—турецкія кладбища, благодаря этимъ отдушинамъ, служатъ главнѣйшимъ источникамъ заразы, свирѣпствующей въ Турціи несравненно чаще, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ.

Маркитантская повозка.

Къ рисункамъ.

Добываніе торфа въ Литвѣ.

Красивъ плодородный уголокъ русской Литвы, прилегающій, у Эйдкунена, къ границѣ Пруссіи. Его безконечно расходящаяся во всѣ стороны зеленая скатерть, мѣстами золотится полями пшеницы, мѣстами же оттѣнена обширными темными массами еловыхъ и березовыхъ лѣсовъ; но мѣстность къ сѣверу представляетъ рѣзкій контрастъ съ этимъ веселымъ ландшафтомъ: тамъ пустынное царство топей и болотъ. Однако если тѣ тучныя пажити и поля даютъ хлѣбъ населенію, то и болота, и между ними самое значительное, Паллюфское—тоже приносятъ большую пользу населенію: дѣло въ томъ, что большая часть ихъ богата торфомъ. Съ другой стороны топи эти чрезвычайно опасны для людей незнакомыхъ съ ними—мягкій обманчивый грунтъ поглотилъ безслѣдно не мало довѣрчивыхъ и неопытныхъ жертвъ, пускавшихся безъ проводниковъ по Паллюфу и не знавшихъ ни дороги, ни тѣхъ пунктовъ твердой почвы, которые извѣстны только мѣстному жителю. Въ топяхъ попадаются пространства, въ которыхъ подъ влажнымъ болотистымъ иломъ скрывается твердый грунтъ—и тутъ, именно, выгребается торфъ. По этимъ-то мѣстамъ бѣдняки крестьяне носятъ домой въ мѣшкахъ собранный и высушенный торфъ. Добыватели этого болотнаго продукта ходятъ здѣсь, обыкновенно, на особаго рода ходуляхъ прикрѣпленныхъ къ обуви; ходули иногда бываютъ длиной $1\frac{3}{4}$ арш. и всегда снабжены деревянными, въ родѣ тѣхъ что бываютъ на конькахъ, башмаками, съ запятками и ремнями для привязыванія къ ногамъ; а для того чтобы возможно было подняться на эти высокія ходули, къ нимъ на половинѣ ихъ высоты придѣланы кожаныя петли, въ которыя сначала и вставляютъ ногу; тѣже петли служатъ и для слѣзанія съ ходулей. Мужчины, женщины, дѣвушки одинаково занимаются выгребаніемъ торфа и—какъ изображено на нашемъ рисункѣ—легко и свободно, съ изумительною ловкостью, проносятъ до дома свою тяжелую добычу, состоящую нерѣдко изъ нѣсколькихъ мѣшковъ; ловкость эта тѣмъ болѣе изумительна, что они притомъ ходятъ безъ всякой опоры, въ видѣ какихъ нибудь костылей, шестовъ, или длинныхъ палокъ, какія, напримѣръ, употребляютъ литвины охотники въ болотахъ или пастухи въ болотистыхъ мѣстностяхъ Южной Франціи.

Вѣнскій императорскій арсеналъ.

Вѣнскій (артиллерійскій) арсеналъ расположенъ передъ Бельведеромъ, близь самой станціи Раабской желѣзной дороги. Это—одно изъ самыхъ изящныхъ и вмѣстѣ грандіозныхъ зданій Австрійской столицы, и по роду архитектуры принадлежитъ красивому ново-романскому стилю. Чтобы имѣть понятіе о размѣрахъ его достаточно знать, что оно занимаетъ площадь въ 253 прусскихъ моргеновъ. Возвышаясь на 22 сажени надъ поверхностью Дуная, арсеналъ образуетъ колоссальный четырехугольникъ, въ 363 сажени длины и 253 сажени ширины, главный фасадъ котораго обращенъ къ городу. Громадные размѣры зданія, при изяществѣ архитектурной отдѣлки потребовали не мало времени на возведеніе его, и дѣйствительно: постройка началась съ 1849 г., и закончена только въ 1855 г., а внутренняя отдѣлка оружейнаго музея была готова не прежде 1864 г., (расходы на возведеніе зданія, не считая художественной части, обошлись въ 16 милліоновъ марокъ). Работы были поручены пяти архитекторамъ: изъ нихъ, ванъ-деръ-Нюллю и Слокардсбургу принадлежитъ выполненіе работъ по возведенію фасадовъ и мастерскихъ, Гацчену — музея, Фёрстеру—оружейнаго завода и Рёснеру—капеллы. Все зданіе арсенала состоитъ, какъ это видно на нашемъ рисункѣ, изъ шестнадцати отдѣльныхъ, но связанныхъ между собою, корпусовъ. Среднія и боковыя постройки предназначены для помѣщенія офицеровъ, солдатъ и канцелярій; ихъ нижніе этажи снабжены бойницами для пушекъ; зданія, расположенныя между угловыми постройками, служатъ казармами и украшены зубцами, въ своей части, обращенной къ открытому полю; примыкающая къ заднему фасаду капелла также обнесена казармой. Посѣтитель, войдя въ главные ворота (см. рисунокъ), видитъ прямо предъ собой оружейный музей, выстроенный въ богатомъ ново-романскомъ стилѣ. Въ самый музей проникаютъ чрезъ украшенныя двѣнадцатью, роскошной отдѣлки, колоннами сѣни, которыя носятъ названіе „залы полководцевъ“; въ залѣ этой выставлены бюсты знаменитѣйшихъ австрійскихъ военачальниковъ. Противъ входа въ сѣни расположенъ главный порталъ, за нимъ, по лѣстницѣ, подымаются въ первый этажъ и въ куполовидную залу, сводъ который поддерживается четырьмя большими пилястрами, и—предъ зрителемъ открытъ музей. Этотъ музей, по богатству, изяществу и качеству коллекцій, принадлежитъ къ наиболѣе интересному изъ всего, достопримѣчательнаго въ Вѣнѣ. Стѣны, вдоль главной лѣстницы, заняты превосходными фресками Карла Раля и во всѣхъ залахъ, промежутки, оставленные свободными — скульптурой и трофеями. украшены сценами подвиговъ австрійской арміи, картинами кисти С. Блааза. За музеемъ находятся оружейный заводъ, большая машинная кузница и мастерскія, влѣво — другая, меньшихъ размѣровъ, кузница, машинная слесарня, сѣдельная и шорная мастерскія; смазочная, пріемочный отдѣлъ, вправо—столярная мастерская, сзади машинныхъ мастерскихъ расположены: репараціонная мастерская, дровяное депо и большая литейная. Впрочемъ, въ мастерскія публика не допускается. Цѣль, имѣвшаяся въ виду при сооруженіи этого громаднаго арсенала, по размѣрамъ своимъ похожаго болѣе на крѣпость, и заключавшаяся въ томъ, чтобы собрать воедино все, относящееся въ фабрикаціи оружія, или касающееся исторіи его—эта цѣль, осуществлена самымъ удачнымъ образомъ.

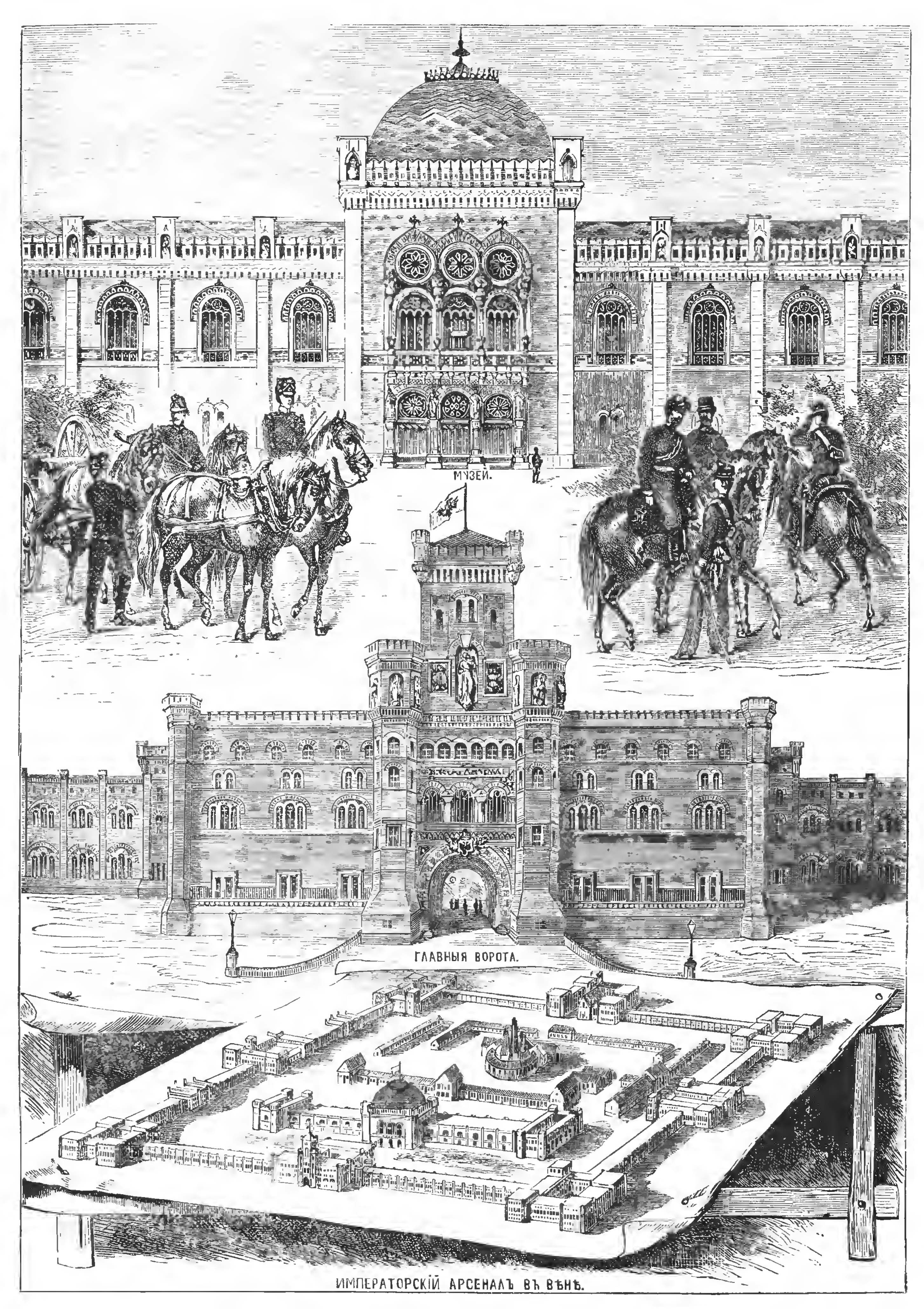
Бѣгство во Египетъ.

(Картина Макса Фюрста).

Бѣгство во Египетъ святаго семейства—это трогательное событіе младенческаго періода земной жизни Христа Спасителя часто избиралось художниками темою для картинъ. Картина, рисунокъ которой помѣщается въ настоящемъ № нашего журнала, принадлежитъ кисти талантливаго Мюнхенскаго живописца Макса Фюрста, несомнѣнно по строгости и вмѣстѣ красотѣ стиля, одному изъ лучшихъ современныхъ представителей религіозной живописи.

Максъ Фюрстъ родился 15 октября 1846 года въ Траунштейнѣ, гдѣ отецъ его былъ кистеромъ мѣстной приходской церкви. Художественныя стремленія проявились у мальчика съ ранняго возраста, но родители постоянно отклоняли его отъ пустаго, по ихъ мнѣнію, занятія живописью и, желая сдѣлать изъ него

*) То же самое рѣшительно повсюду, за исключеніемъ знаменитаго Скутарійскаго кладбища, которое дѣйствительно прелестно своими мраморными мавзолеями, и памятниками, въ видѣ стоячихъ плитъ и столбиковъ, увѣнчанныхъ изваянными чалмами, самыхъ разнообразныхъ рисунковъ: но еще болѣе прелестно это кладбище своимъ лѣсомъ высокихъ темныхъ кипарисовъ. Во всѣхъ же вообще городахъ Турціи не малое число мусульманскихъ кладбищъ находится въ самыхъ людныхъ городскихъ центрахъ, около многочисленныхъ мечетей, что еще болѣе распространяетъ заразу въ воздухѣ и безъ того уже грязныхъ, нечистоплотныхъ городишекъ.

Вѣнскій императорскій арсеналъ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

ремесленника, отдали въ ученье къ золотыхъ дѣлъ мастеру. Но и занимаясь ремесломъ Фюрстъ непокидалъ любимаго искусства и усердно посѣщалъ мѣстную рисовальную школу, гдѣ вскорѣ обратилъ на себя общее вниманіе своими талантливыми рисунками а преимущественно копіями перомъ съ гравюръ извѣстныхъ художниковъ. Дарованіе мальчика такъ было очевидно, что сами родители, наконецъ, убѣдясь въ немъ, болѣе не противились призванію сына и согласились на его поступленіе въ Мюнхенскую Академію Художествъ. Очутившись одинокимъ, въ чуждомъ, большомъ городѣ, безъ средствъ и безъ покровителей, Максъ Фюрстъ не упалъ духомъ и продолжалъ работать прилежно. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ лишеній, тревогъ, и самаго упорнаго труда и ему, наконецъ, улыбнулось счастіе: Академія признала его достойнымъ очередной, годовой преміи за картину, написанную имъ на тему: „Моисей защищаетъ, у колодца, дочерей Іофора отъ оскорбленій пастуховъ." Эта первая большая картина молодаго художника была продана въ Лондонѣ. Большую часть 1872 года Фюрстъ провелъ въ Римѣ, но заболѣвъ лихорадкой во время своихъ художественныхъ экскурсій по Кампаньѣ, онъ долженъ былъ вернуться на родину. Здѣсь онъ всецѣло предался религіозной живописи и написалъ громадное количество запрестольныхъ образовъ, служащихъ нынѣ украшеніемъ многихъ церквей Баваріи, гдѣ имя его пользуется большою извѣстностью.

Кампо-Санто въ Генуѣ.

Всѣмъ извѣстно, насколько признается въ Италіи культъ умершихъ, онъ не понизился и съ замѣчаемымъ въ наше время ослабленіемъ прежняго фанатизма. Культъ этотъ нашелъ себѣ прекрасное выраженіе въ создаваемыхъ итальянскими художниками надгробныхъ памятникахъ, въ итальянскихъ кладбищахъ. Особенность кладбищъ въ Италіи, по крайней мѣрѣ, наиболѣе замѣчательныхъ, состоитъ не только въ изящной роскоши монументовъ, но и въ цѣльности и гармоніи общаго плана этихъ „послѣднихъ убѣжищъ". Образцомъ ихъ можетъ служить изображенное на прилагаемомъ рисункѣ Кампо-Санто въ Генуѣ. Оно расположено въ разстояніи получасовой ѣзды отъ города, къ востоку отъ него, въ долинѣ Бизаньо, близь деревни Стальено. Кампо-Санто чрезвычайно богато роскошными монументами, изъ которыхъ замѣчательнѣйшимъ считается монументъ маркиза Тальякорно. Даже французы—столь ревниво охраняющіе „превосходство" всего своего —соглашаются въ томъ, что пользующійся всемірной извѣстностью парижскій „Пэръ-Лашезъ", по художественности въ цѣломъ, уступаетъ пальму первенства генуэзскому кладбищу. Служа, такъ сказать, сокровищницей великихъ національныхъ воспоминаній, заключая въ своей оградѣ скульптурныя произведенія, достойныя лучшаго мѣста въ музеяхъ, Пэръ-Лашезъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишенъ единства въ планѣ и общаго характера и не производитъ сильнаго впечатлѣнія. Впрочемъ и Итальянскія кладбища—Милана, Брешіи, и самой Генуи и другихъ городовъ не чужды своего рода недостатковъ, вычурности нѣкоторыхъ монументовъ и украшеній, или чаще, неумѣстности эпитафій. Но эти мелочи исчезаютъ подъ впечатлѣніемъ общаго; душа охвачена тою торжественностью, которую итальянцы сумѣли придать мѣсту упокоенія переходящихъ въ міръ иной „гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія"...

Новый президентъ Французской республики Жюль Греви.

Франсуа-Поль-Жюль Греви родился въ Монъ-су-Водри (Mont-sous-Vaudry), въ департаментѣ Юры, 15-го августа 1813 года. Проведя годы своего дѣтства и первые годы юношества въ маленькомъ городкѣ Полиньи, расположенномъ у подножья Юрскаго хребта, онъ окончилъ начальный курсъ ученія въ лицеѣ этого города и, затѣмъ, въ 1830 г., поселился въ Парижѣ, вступивъ въ число слушателей юридическихъ наукъ тамошняго университета. Нѣкоторые біографы говорятъ, что Греви, примкнувъ къ революціонному движенію въ іюлѣ 1830 г., участвовалъ въ штурмѣ такъ называемыхъ Вавилонскихъ казармъ, въ которыхъ храбро защищались швейцарцы, но другіе опровергаютъ этотъ фактъ, утверждая, что 17-ти лѣтній Греви прибылъ въ столицу, когда уже казарма была взята и самая революція кончена. Принятый по окончаніи курса въ число парижскихъ адвокатовъ, онъ вскорѣ пріобрѣлъ громкую извѣстность въ качествѣ защитника лицъ вообще республиканской партіи, подвергавшихся судебнымъ преслѣдованіямъ. Общее вниманіе обратила на себя его рѣчь, произнесенная въ маѣ 1839 года, въ защиту двухъ сообщниковъ Барбеса (обвинявшагося въ убіеніи капитана Друино). Въ 1848 году онъ былъ назначенъ комисаромъ временнаго правительства въ департаментѣ Юры; на этомъ трудномъ постѣ онъ выказалъ много умѣренности, благоразумія и вмѣстѣ твердости, оставаясь въ сторонѣ отъ всякихъ столкновеній, происходившихъ между партіями, тщательно стараясь не вмѣшиваться въ ихъ споры. Благодаря этому такту и вообще своимъ качествамъ, какъ политическаго дѣятеля и какъ человѣка, онъ пріобрѣлъ здѣсь, въ своемъ родномъ департаментѣ, общее расположеніе и почти всѣ избирательные голоса: онъ былъ избранъ—первымъ по числу голосовъ изъ восьми представителей департамента—членомъ учредительнаго собранія, получивъ почти 70 тысячъ голосовъ (по другимъ 65 тысячъ съ небольшимъ). Новые его товарищи—члены собранія—встрѣтили его съ большимъ сочувствіемъ и уваженіемъ и вскорѣ онъ былъ назначенъ сначала членомъ комитета юстиціи, а затѣмъ вице-президентомъ собранія. На трибунѣ Греви высказался какъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ ораторовъ демократической партіи. Сохраняя вполнѣ независимое положеніе, держась далеко отъ соціалистовъ, онъ подавалъ большею частью голосъ съ крайней лѣвой стороной. Особенную извѣстность онъ пріобрѣлъ своимъ знаменитымъ предложеніемъ (amendement Grevy) относительно президентской власти; онъ внесъ слѣдующую редакцію 41, 43 и 45 статей конст.: „ст. 41. Національное собраніе поручаетъ исполнительную власть одному изъ гражданъ, получающему званіе президента совѣта министровъ; ст. 43. Президентъ совѣта министровъ избирается національнымъ собраніемъ посредствомъ закрытой подачи голосовъ, причемъ для избранія требуется абсолютное большинство голосовъ; ст. 45. Президентъ избирается на неопредѣленное время и можетъ быть во всякое время увольняемъ". Это предложеніе Греви было однако отвергнуто, въ засѣданіи 7-го октября 1846 года, большинствомъ 643 голосовъ противъ 158. Послѣ избранія 10-го декабря 1848 года принца Луи-Наполеона Бонапарте президентомъ французской республики, Греви оказывалъ постоянную и упорную оппозицію правительству перваго и между прочимъ высказывался противъ римской экспедиціи, пересмотра конституціи, новыхъ законовъ о печати и о правѣ сходокъ и ассоціацій и т. д. Избранный вновь въ національное собраніе своимъ департаментомъ, онъ остался вѣренъ демократической партіи, являясь однимъ изъ главныхъ противниковъ и роялистской коалиціи, и политики принца Бонапарте, виды и цѣли которой онъ ясно понималъ. Послѣ государственнаго переворота 2-го декабря 1851 года, Греви сошелъ съ политической арены и возвратился къ дѣятельности адвоката. Въ 1868 году онъ былъ избранъ старшиной парижскихъ адвокатовъ и въ томъ же году на частныхъ дополнительныхъ выборахъ въ департаментѣ Юры, избранъ членомъ національнаго собранія большинствомъ 22,428 голосовъ изъ 32,718 вотировавшихъ, а на общихъ выборахъ слѣдующаго 1869 года—большинствомъ 16-ти тысячъ голосовъ изъ 18-ти тысячъ. Съ 1852 года это былъ первый примѣръ такого полнаго пораженія правительства въ сельскихъ избирательныхъ округахъ. Послѣ созванія въ 1871 году въ Бордо національнаго собранія, Греви, опять избранный своимъ департаментомъ членомъ собранія, былъ съ самаго начала провозглашенъ громаднымъ большинствомъ голосовъ президентомъ собранія. Съ честью и всѣми партіями признаваемымъ безпристрастіемъ занималъ онъ этотъ почетный и трудный постъ до тѣхъ поръ, пока консервативной коалиціи, низвергнувшей Тьера, не удалось замѣнить его въ должности президента палаты депутатовъ консерваторомъ Бюффе; но послѣ побѣды республиканцевъ въ палатѣ, Греви снова былъ приглашенъ занять „курульское кресло" президента собранія, чтобы теперь перемѣнить его на постъ президента Французской республики.

Георгъ Гейнрихъ Льюисъ.

Недавно Англія лишилась одного изъ лучшихъ своихъ представителей въ области науки и литературы—Георга Гейнриха Льюиса, скончавшагося 18 Ноября прошлаго года на 72 году отъ рожденія. Вся жизнь этого человѣка была посвящена научнымъ и литературнымъ занятіямъ—постоянному изысканію истины и стремленію обобщить эту истину и сдѣлать ее для всѣхъ доступной, ясной и понятной. „Наши усилія, наша страсть, наши надежды, говоритъ онъ въ предисловіи къ своей исторіи философіи, имѣютъ предметомъ истину, а не высшренія возврѣнія,—намъ нужно дѣйствительное знаніе, а не притязаніе на знаніе. Если мы не въ состояніи достигнуть до извѣстныхъ высотъ, то намъ лучше признаться, что эти высоты не досягаемы, а не обманывать себя и другихъ звонкими фразами." Замѣчательно, что этотъ оригинальный умъ выработалъ такое отношеніе къ наукѣ вполнѣ самостоятельно и выбился на дорогу знанія изъ сферы совершенно ей несоотвѣтственной и чуждой.

Георгъ Гейнрихъ Льюисъ родился въ Лондонѣ въ 1817 году и получилъ воспитаніе частью дома, а частью въ Гринвичѣ, началъ свое поприще въ качествѣ прикащика одного богатаго русскаго негоціанта, но вскорѣ торговыя занятія ему опротивѣли и онъ, бросивъ ихъ всецѣло, посвятилъ себя наукѣ и литературѣ. Совершивъ довольно продолжительное путешествіе по Германіи, Льюисъ въ 1839 году возвратился на родину и съ этого времени начинается его плодовитая дѣятельность какъ литератора и какъ ученаго, одареннаго рѣдкимъ, критическимъ, чисто философскимъ умомъ и талантомъ живаго, увлекательнаго изложенія своихъ мыслей. Дарованіе его было такъ разнообразно, что онъ, занимаясь изслѣдованіемъ самыхъ абстрактныхъ философскихъ вопросовъ, въ тоже время писалъ романы, изъ которыхъ нѣкоторые до сихъ поръ пользуются въ Англіи большою популярностью. (Какъ напр. Ranthorpe). Въ 1856 г.,

появилось его извѣстное сочиненіе: „жизнь Гете“ надѣлавшее много шуму, особенно въ Германіи, гдѣ критика сначала возстала съ озлобленіемъ противъ Льюиса, но потомъ отдала ему должную справедливость какъ честному, правдивому изслѣдователю, старавшемуся всѣми силами представить великаго Германскаго писателя со всѣми его высокими достоинствами, со всѣми его недостатками и слабостями. Затѣмъ идетъ рядъ талантливыхъ произведеній самаго разнообразнаго характера: какъ-то: „исторія философіи въ біографіяхъ“, „физіологія обыденной жизни“ „Аристотель“ „Огюстъ Контъ и позитивная философія“ „Жизнь Робеспьера“ „актеры и сценическое искусство“ „Вопросы о жизни и духѣ“ и множество статей, разбросанныхъ по разнымъ сборникамъ и періодическимъ изданіямъ. Кромѣ того Льюисъ написалъ трагедію „Благородное сердце“, а въ послѣднее время спеціально работалъ по физіологіи нервовъ и его труды по этому предмету были столь замѣчательны и оригинальны, что обратили на себя вниманіе многихъ лучшихъ физіологовъ нашего времени. На поприще журналиста Льюисъ выступилъ въ 1849 году, основавъ журналъ Leader, ставшій въ скоромъ времени главнымъ органомъ оппозиціи а потомъ Fortnightly Review, выходящій съ 1866 года подъ редакціей Морлея и пользующійся въ Англіи репутаціей строго-научнаго журнала. Въ заключеніе можно замѣтить, что всѣ капитальныя произведенія Льюиса переведены на русскій языкъ и многія изъ нихъ выдержали у насъ по нѣскольку изданій.

Туманныя пятна и скопленія звѣздъ.

Уже съ давнихъ поръ, съ помощію менѣе совершенныхъ зрительныхъ трубъ, удавалось астрономамъ замѣчать на сводѣ небесномъ свѣтлыя мѣста, въ видѣ пара или облака, которыя невидимы невооруженному глазу и даже неясно различаются посредствомъ телескопа. Эти свѣтлыя точки наука назвала туманными пятнами и подраздѣлила на классы по ихъ объему и силѣ свѣта. На южной сторонѣ небеснаго свода есть одно только мѣсто, которое и невооруженному глазу представляется собраніемъ туманныхъ пятенъ и неясныхъ скопленій звѣздъ, и извѣстно подъ названіемъ „большой магеллановской тучи.“ Съ 1612г., когда Симонъ Маріусъ нашелъ первое туманное пятно, постепенныя наблюденія открыли до 3000 туманныхъ пятенъ и скопленій звѣздъ, а множество отдѣльныхъ пятенъ были изслѣдованы такъ тщательно, что даже выведена теорія ихъ распредѣленія на небѣ, которую однако еще оспариваютъ, такъ какъ предметъ этотъ недостаточно изслѣдованъ. Распространеніе пятенъ на небѣ чрезвычайно, младшій Гершель нашелъ 152 квадратныхъ градуса неба покрытаго ими, и высказываетъ мнѣніе, что количество этой нѣжной туманной матеріи въ мірѣ, превосходитъ всякое воображеніе. Что касается ея распредѣленія на небѣ, то больше всего ея находится на 180 градусѣ, затѣмъ меньше на 80 и менѣе всего на 300. Было предположеніе, что подъ прямымъ угломъ къ звѣздному млечному пути находится такой же путь изъ туманныхъ пятенъ, но предположеніе это встрѣтило много возраженій. Въ отношеніи вида, протяженія и формы проявленія, туманныя пятна чрезвычайно различествуютъ между собою, такъ что ихъ подраздѣлили на одиночныя, спиральныя, кольцеобразныя, планетныя, двойныя и т. д. Вслѣдствіе усовершенствованія зрительныхъ трубъ и употребленія гигантскихъ телескоповъ, множество туманныхъ пятенъ причислили къ такъ называемымъ скопленіямъ звѣздъ, т. е. сдѣлалось извѣстнымъ, что онѣ состоятъ частью изъ плотныхъ, а частью изъ прозрачныхъ свѣтящихся тѣлъ и звѣздъ, расположенныхъ одна возлѣ другой или одна за другой, какъ представлено на 1 рисункѣ. Прочіе рисунки наглядно представляютъ различныя формы туманныхъ пятенъ. Рисунки 2 а и 2 b, представляютъ такія точно пятна на созвѣздіи Большой Медвѣдицы, первое по наблюденіямъ Гершеля, а второе по позднѣйшимъ наблюденіямъ Росса. На созвѣздіи Аргусъ на южной сторонѣ неба находится замѣчательное туманное пятно неправильной формы, покрывающее 4/7 небеснаго градуса и окружающее звѣзду, которая съ 1685 г. представляетъ различныя измѣненія въ своемъ блескѣ и объемѣ. Сперва это была звѣзда второй величины, затѣмъ она постепенно увеличивалась и послѣ нѣсколькихъ измѣненій своего свѣта въ 1843 г. достигла блеска Сиріуса; затѣмъ блескъ ея сталъ уменьшаться, въ 1850 г. былъ красновато желтый, въ 1858 г. матовый, какъ будто передъ угасаніемъ, а въ 1865 г. невооруженнымъ глазомъ, его уже нельзя было видѣть. Посредствомъ спектральнаго анализа, пришли къ заключенію, что туманныя пятна нужно признать самою первою формою образованія міра. Гигантскіе телескопы, астрономическія фотографіи и спектральный анализъ дали возможность астрономамъ достаточно изслѣдовать сущность туманныхъ пятенъ и звѣздныхъ скопленій. При спектроскопическомъ изслѣдованіи пятенъ Оріона, Гуписъ нашелъ спектръ изъ трехъ свѣтлыхъ линій,—что доказываетъ происхожденіе свѣта отъ горящаго газа. Постоянное усовершенствованіе зрительныхъ трубъ, приведетъ конечно къ открытію еще большаго числа туманныхъ пятенъ.

Платежи звонкою монетою въ Соединенныхъ Штатахъ.

1-е января 1879 года было праздничнымъ днемъ для американской торговли, такъ какъ 1-го января были возобновлены платежи звонкою монетою. Въ Нью-Іоркѣ это великое событіе было возвѣщено пушечными выстрѣлами. Всѣ банки украсились флагами; примѣру ихъ послѣдовали: таможня, казначейство, Clearing House, хлѣбная и хлопчато-бумажная биржа, словомъ весь дѣловой кварталъ. Вездѣ золотыя и серебряныя монеты обмѣнивались аль-пари на кредитные билеты; gold room, золотая биржа, открытая съ 1862 года, была закрыта, и по этому поводу американцы были столь же счастливы, какъ римляне Августовскаго вѣка по случаю закрытія храма Януса. По словамъ одной бостонской газеты, 1-го января послѣдовало возвращеніе *золотаго вѣка*. Давно уже можно было предвидѣть такой экономическій результатъ. Бумажныя деньги, или—какъ ихъ называютъ—greenbacks, потому что у нихъ зеленая спинка, въ послѣдніе мѣсяцы пользовались почти одинаковымъ курсомъ съ золотомъ. 11-го іюня 1864 года, въ самый неблагопріятный моментъ междоусобной войны, на нью-іоркской биржѣ курсъ на золото доходилъ до 287 долларовъ, т. е. за 100 дол. золотомъ платилось 287 дол. кредитными билетами, Въ 1867 году онъ составлялъ 140, въ 1873 году—114, въ 1877 году 106, а въ концѣ года даже 102. Наконецъ, въ 1878 году онъ приблизился незамѣтно къ аль-пари. Въ настоящее время онъ стоитъ аль-пари не въ силу декрета, не потому, что конгрессъ сдѣлалъ недавно распоряженіе о возобновленіи платежей звонкою монетою съ 1-го января 1879 года, а вслѣдствіе финансовыхъ условій Соединенныхъ Штатовъ. Торговля и промышленность повинуются естественнымъ законамъ, столь же непреложнымъ какъ законы физики и химіи. Бумажныя деньги съ большею легкостью обращаются, чѣмъ металлическія и въ настоящее время ихъ даже предпочитаютъ металлу, и не будетъ ничего невѣроятнаго, если на нихъ установится премія. Какія же экономическія условія позволили Соединеннымъ Штатамъ возобновить платежи звонкою монетою? Условія эти разнообразны и перечисленіе ихъ не лишено интереса. Во-первыхъ, вывозная торговля Соединенныхъ Штатовъ постоянно увеличивалась въ послѣднія десять лѣтъ и въ настоящее время достигла изумительныхъ размѣровъ. Въ 1877—78 году вывозъ американскихъ товаровъ превысилъ ввозъ на 1.500 милліоновъ франковъ. Вслѣдствіе этого не только вся означенная сумма звонкой монеты вернулась въ страну, но и внезапно прекратился вывозъ золота и серебра въ слиткахъ, который ежегодно достигалъ нѣсколько сотъ милліоновъ франковъ. Торговый балансъ, благопріятный для вывоза, и изобиліе слитковъ не составляютъ еще истинныхъ доказательствъ матеріальнаго преуспѣянія народа. Если народъ не трудится, если онъ не пользуется внѣшнимъ и внутреннимъ миромъ, то ему приходится бороться съ торговыми и финансовыми кризисами. Къ чему слитки когда они скрываются? Деньги получаютъ истинное значеніе лишь въ томъ случаѣ; когда онѣ находятся въ обращеніи. Долларъ внѣ обращенія не стоитъ и копѣйки, находящейся въ обращеніи. Въ Соединенныхъ же Штатахъ всѣ работаютъ и деньги обращаются съ необычайною быстротою. Громадный перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ происходитъ отъ умѣнья пользоваться настоящими земледѣльческими, горными, лѣсными и морскими производительными силами. Онъ происходитъ также и отъ крайне энергическаго промышленнаго движенія, которое началось только десять лѣтъ тому назадъ и вызвано было покровительственною и даже запретительною системою Соединенныхъ Штатовъ. Въ настоящее же время оно наводитъ Европу на самыя серьезныя размышленія. Великобританія, снабжавшая до сихъ поръ весь міръ своими мануфактурными издѣліями, начинаетъ приходить въ волненіе отъ неожиданнаго развитія промышленности и торговли Соединенныхъ Штатовъ. Оно объясняется главнымъ образомъ лучшимъ техническимъ воспитаніемъ американскаго рабочаго и серьезными гарантіями, которыя предоставляетъ изобрѣтателямъ существующая въ Соединенныхъ Штатахъ система выдачи привилегій. Оно объясняется все большимъ и большимъ распространеніемъ машинъ во всѣхъ мастерскихъ, во всѣхъ мануфактурахъ. Машина работаетъ лучше, скорѣе и правильнѣе человѣка: въ одно и то же время и за ту же плату она замѣняетъ трехъ-четырехъ рабочихъ. Къ приведеннымъ выше причинамъ слѣдуетъ также присоединить покровительственную и даже запретительную систему, усвоенную американцами со времени междоусобной войны. Благодаря таможеннымъ тарифамъ, устраняющимъ всякую иностранную конкурренцію, ихъ промышленность развивалась какъ въ теплицѣ; въ настоящее время она пріобрѣла собственныя крылья и угрожаетъ промышленности всѣхъ другихъ народовъ, особенно европейскихъ. Въ силу навигаціоннаго акта Кромвель создалъ британскій флотъ, низвергнувшій батавскій и сдѣлавшійся первымъ въ мірѣ. Тоже можетъ случиться и съ американскою промышленностію по отношенію къ европейской. Мы видимъ, что Англія теперь

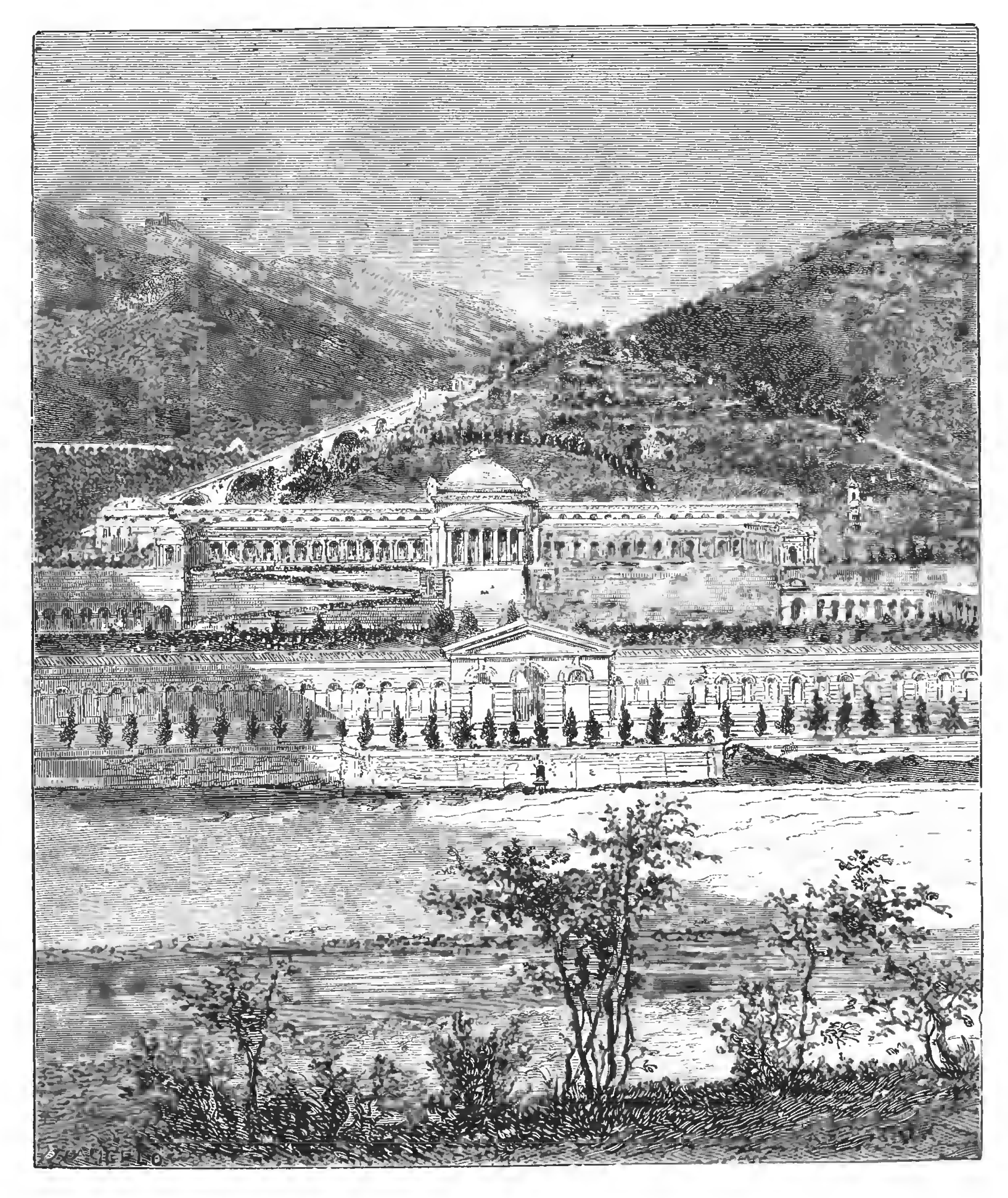

Бѣгство во Египетъ. Съ картины М. Фюрста, грав. Бренд'Амуръ.

уже прiискиваетъ въ центральной Африкѣ новые рынки для манчестерскихъ бумажныхъ тканей, для шеффильдской стали, для бирмингамскихъ металлическихъ издѣлій, такъ какъ понимаетъ, что рынокъ Соединенныхъ Штатовъ закрытъ для нея навсегда.

Предохранительныя мѣры противъ чумы.

Такое заглавіе дано вышедшей на дняхъ брошюрѣ проф. медицинской академіи *Чудновскаго*, написанной имъ вслѣдствіе сдѣланнаго ему предсѣдателемъ общества русскихъ врачей *С. П. Боткинымъ* предложенія—„составить планъ лѣченія чумы“. Господствующее въ обществѣ мнѣніе о чрезвычайной заразительности чумы, быстротѣ ея дѣйствія, кончающагося смертью, несуществованіи вѣрныхъ противъ нея лѣкарствъ и полной неизвѣстности надежныхъ средствъ предохраненія отъ заболѣванія этою болѣзнью, послужило г. Чудновскому основаніемъ къ тому, чтобы при исполненіи порученія предсѣдателя общ. русскихъ врачей—составить планъ лѣченія чумы, изложить для неспеціалистовъ медицинской науки тѣ причины, которыя обусловливаютъ грозное дѣйствіе чумы, а также и тѣ, которыя ослабляютъ и уничтожаютъ въ корнѣ эту болѣзнь.

Кладбище (Кампо-Санто) въ Генуѣ.

Раскрывая тѣ и другія причины, г. Чудновскій уясняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и понятіе о самой болѣзни. Если въ настоящее время многія стороны дѣйствія чумы кажутся для неспеціалиста медицинской науки неясными, различныя явленія этой болѣзни—безпричинными, темными, а самые ея припадки представляются какъ бы вдругъ являющимися и неподдающимися никакимъ средствамъ, то всѣ эти ошибочныя представленія, какъ видно изъ брошюры, составляютъ не что иное, какъ послѣдствіе извѣстнаго пробѣла въ массѣ нашихъ знаній и недостатка свѣдѣній, касательно сохраненія собственнаго здоровья. Напротивъ, для тѣхъ людей, у которыхъ не существуетъ этого пробѣла въ знаніяхъ, чума, а равно тифъ, холера и друг. подобныя болѣзни, перестали быть загадкою; что же касается до способовъ противодѣйствія этимъ болѣзнямъ, то они тоже извѣстны спеціалистамъ медицинской науки, и если эти способы не осуществились до настоящаго времени, то причина этому лежитъ отнюдь не въ нихъ самихъ, а въ условіяхъ, при которыхъ ведетъ свою жизнь современное общество.

Г. профессоръ очерчиваетъ въ своей брошюрѣ тѣсную связь человѣческаго организма съ обстановкою его жизни, т. е. съ окружающею его средою, выясняетъ ихъ взаимное дѣйствіе другъ на друга и указываетъ на извѣстное соединеніе, или группировку различныхъ условій обыденной жизни, при которыхъ эт. условія могутъ подготовлять организмъ къ воспріятію болѣзней. Идя такимъ путемъ, г. Чудновскій мало по малу выясняетъ явленія, наблюдаемыя при дѣйствіи чумы, и она начинаетъ терять передъ читателемъ свою таинственность, а вмѣстѣ съ этимъ становятся ясными и способы, противодѣйствующіе ея развитію и ужасающему дѣйствію на человѣческій организмъ.

„Наше тѣло, говоритъ г. Чудновскій, имѣетъ двѣ способности: 1) разрушать ядовитое вещество *(вводимое въ организмъ)*, если оно разрушимо, и 2) выводить его изъ себя какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно разрушимо, такъ и въ тѣхъ, когда оно неразрушимо.“ Для краткости и общепонятности г. Чудновскій называетъ эти способности *„охранительными силами нашего тѣла.“*

„Разрушеніе ядовъ бываетъ полное и неполное. Въ первомъ случаѣ, въ тѣлѣ и его выдѣленіяхъ не находятъ и слѣдовъ яда; во второмъ же находятъ такія видоизмѣненія его, которыя часто уже безвредны для тѣла. Какими силами производится такое разрушеніе и видоизмѣненіе ихъ—въ точности сказать трудно, хотя можно считать доказаннымъ, что окисленіе ихъ *(соединеніе съ воздухомъ кислорода)* играетъ самую главную роль; поэтому чистый воздухъ способствуетъ разрушенію яда, недостатокъ же его—замедлитъ такое разрушеніе.

Для того, чтобы наше тѣло противостояло вреднымъ дѣйствіямъ, выходящимъ изъ окружающей его среды, необходимъ главнымъ образомъ постоянный притокъ свѣжаго чистаго воздуха, незамедляющаяся смѣна одной чистой его струи другою такою же чистою, т. е. *провѣтриваніе нашихъ жилищъ*.

„Но, къ сожалѣнію, у насъ изъ *провѣтриванія создалось*, замѣчаетъ г. Чудновскій, *средство къ отравленію своего воздуха, къ отравленію себя*“.

Поясняя это, г. Чудновскій говоритъ: „Намъ думается, что достаточно отворять форточки, вставить въ дымовыя трубы вентиляторы, топить печи—и все сдѣлано. О томъ же, *откуда вводится „чистый“ воздухъ—мы уже и подумать не хотимъ*. Намъ все равно, открывать ли форточку на чистую улицу или къ помойной ямѣ. Мы не заботимся о томъ, что черныя лѣстницы, выходящія на грязный дворъ, блестящія парадныя лѣстницы съ подвальнымъ тѣснымъ и грязнымъ помѣщеніемъ швейцара, наши отхожія мѣста, хотя бы и съ водяными затворами (ватерклозеты), наши „людскія“, часто содержимыя отвратительно-грязно, даже наши дѣтскія съ просушивающимися пеленками, кучей грязнаго бѣлья гдѣ нибудь подъ кроваткой, *и съ отсутствіемъ форточекъ „во избѣжаніе простуды дѣтей“*—все это устроено, расположено и содержится такимъ образомъ, что *затопите печь въ любой комнатѣ и—потянетъ воздухъ отовсюду*: изъ грязнаго двора, отхожаго мѣста, водосточной раковины, изъ дурно содержимаго внутренняго темнаго корридора, заваленнаго всякимъ неблаговиднымъ и неблаговоннымъ хламомъ и грязнымъ бѣльемъ. Чѣмъ сильнѣе тяга въ топящейся печи, тѣмъ больше мы введемъ въ наше жилье испорченнаго воздуха. Неужели же это—цѣль вентиляціи? Мало того: *мы не знаемъ, что стѣны, потолки и полы проницаемы для воздуха*, что чѣмъ эта проницаемость лучше, тѣмъ жилье здоровѣе. Мы же не только уменьшаемъ эту проницаемость масляными красками снаружи и внутри, глянцовитыми обоями и прочими украшеніями, но еще допускаемъ возможность введенія въ свое помѣщеніе испорченнаго и ядовитаго воздуха изъ сосѣднихъ квартиръ, лавокъ, конюшенъ, подваловъ, изъ гнилой почвы. Чѣмъ сильнѣе топка, то-есть одно изъ лучшихъ средствъ къ провѣтриванію, и чѣмъ менѣе мы будемъ открывать форточки на чистую улицу, тѣмъ больше поступитъ испорченнаго воздуха въ наше жилье *).

„Чего же мы достигаемъ такого рода вентиляціей? Вотъ чего: въ то время когда зимою у насъ на улицахъ воздухъ чище, сравнительно съ остальными временами года, въ нашихъ квартирахъ онъ болѣе отравленъ, чѣмъ въ незимніе мѣсяцы! Не правы ли мы были, сказавши, что вентиляція имѣетъ и свои дурныя, а въ данномъ случаѣ и опасныя стороны: опасность эта тѣмъ серьёзнѣе, что не имѣетъ страшнаго, предостерегающаго вида. Мы, положимъ, не удивимся, если къ намъ отъ нижнихъ жильцевъ, изъ подвальнаго этажа, или изъ расположенной рядомъ съ нашей квартиры проникаетъ запахъ табачнаго дыма, щей, цикорія, сапожнаго товара, конюшни. Но тотчасъ же растеряемся, если въ нашей квартирѣ, расположенной въ прекрасномъ бель-этажѣ, обставленной „гигіенично“, явится случай, а иногда цѣлая домашняя эпидемія оспы, тифа, и проч.; мы теряемся въ догадкахъ, начинаемъ толковать и о самопроизвольномъ зарожденіи тифа, о спорадичности его, о занесеніи докторомъ, прислугой, и т. д., смотря по силѣ фантазіи. И если при этомъ окажется запахъ на черной лѣстницѣ, или разрывъ нечистотной трубы—мы успокоиваемся: „вотъ причина домашней эпидеміи“; задѣлываемъ трубу, наливаемъ ждановской жидкости, и думаемъ, что мы приняли „мѣры“, а о проницаемости стѣнъ и не думаемъ, въ подвальные этажи своего или сосѣдняго дома и не заглянемъ.

„Другая прекрасная вещь—*дезинфекція* имѣетъ, къ сожалѣнію, не менѣе дурныхъ сторонъ. Узнавши, что нѣкоторыя вещества, *при извѣстныхъ условіяхъ*, способны прекратить гніеніе, мы уже и рады избавить себя отъ скучныхъ и дорогихъ заботъ о содержаніи себя въ чистотѣ. Разставимъ тарелки съ марганцовымъ кали, бросимъ въ наполненное нечистотами мѣсто горсть желѣзнаго купороса, кое гдѣ посыплемъ карболовымъ порошкомъ, пожалуй попульверизируемъ растворомъ салициловой кислоты—дурной запахъ исчезъ и—мы успокоились. Между тѣмъ гніеніе продолжается, только въ нѣсколько меньшей степени и безъ запаха, а остальныя всѣ условія остаются прежними. Развѣ цѣль дезинфекціи заключается въ томъ, чтобы окружать себя большей нечистотой, только маскируя ее дезинфектирующими средствами?

„Стало быть, не въ дезинфекціи наше спасеніе, а въ такомъ содержаніи себя, которое не требовало бы употребленія дезинфектирующихъ средствъ. Врагъ замаскированный всегда опаснѣе открытаго, хотя на первый взглядъ и страшнаго, врага.

Послѣ ознакомленія съ жизненными явленіями въ организмѣ, при дѣйствіи на него окружающей его среды, и съ условіями, способствующими наполненію нашихъ жилищъ вредными для жизни газами и міазмами, остается привести тѣ мѣста брошюры г. Чудновскаго, гдѣ онъ переходитъ къ *объясненію многихъ загадочныхъ явленій при заболѣваніи чумою:*

„Если человѣкъ „привыкъ“ употреблять табакъ, морфій, мышьякъ, и проч., начавши съ небольшихъ порцій, то онъ можетъ дойти до поразительныхъ иногда размѣровъ, не обнаруживая ничего бросающагося въ глаза. Но если мы дадимъ покурить человѣку, никогда не курившему, насъ удивитъ сила табаку. Если мы дадимъ такую большую порцію морфія, мышьяка, какую принимаетъ привычный человѣкъ, другому, не употреблявшему этихъ ядовъ—мы его можемъ отравить насмерть.

„Если человѣкъ родился въ болотной мѣстности, то, *при благопріятныхъ условіяхъ*, онъ можетъ, въ продолженіи всей своей жизни, оставаться въ этой мѣстности совершенно здоровымъ. Но если человѣкъ пріѣхалъ въ эту мѣстность изъ такого города, въ которомъ нѣтъ условій для развитія болотнаго яда, то *при благопріятныхъ обстоятельствахъ* онъ можетъ оставаться неопредѣленное время здоровымъ, хотя и будетъ имѣть больше шансовъ заболѣть припадками „лихорадки“, чѣмъ туземецъ.

„Для такого заболѣванія, однако же, всегда нужна какая нибудь причина: разстройство желудка, вслѣдствіе неумѣреннаго пріема хорошей пищи, или вслѣдствіе употребленія въ пищу непривычнаго продукта, дурно проведенная ночь, быстрое охлажденіе тѣла, полученіе раны, утомленіе, нравственное потрясеніе, гнѣвъ. Иногда же причина до такой степени незначительна, что можетъ совершенно ускользать отъ вниманія. Самое поучительное въ этихъ случаяхъ то, что лихорадочный приступъ является, не смотря на то, что этотъ же человѣкъ уже давно живетъ въ болотной мѣстности, почти тотчасъ же послѣ „предрасполагавшей его причины“, *какъ будто въ него ядъ поступилъ тотчасъ послѣ вспышки гнѣва, а прежде обходилъ его.*

Между тѣмъ докт. Святловскій (Р. Пр.) не соглашается съ положеніями автора брошюры.

„Вопросъ о способахъ распространенія чумы говоритъ онъ не рѣшенъ еще съ достовѣрностью. Безпристрастная оцѣнка имѣющихся свидѣтельствъ, кажется, говоритъ за то, что чума болѣзнь скорѣе міазматически-контагіозная, чѣмъ чисто контагіозная (прилипчивая)“.

„Лавеpанъ, въ своемъ „Ученіи о войсковыхъ болѣзняхъ и эпидеміяхъ“, говоритъ слѣдующее: „Часто цѣлыя общества людей, болѣе или менѣе многочисленныя, предохраняли себя отъ чумной заразы посредствомъ уединенія. Подобное благотворное вліяніе карантина сказывалось даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда люди находились среди эпидемическихъ очаговъ чумы. Фактъ этотъ доказываетъ, что въ мѣстахъ, гдѣ свирѣпствуетъ чума, самый воздухъ не бываетъ зараженъ и что собственно передача черезъ соприкосновеніе играетъ при этомъ важную роль“.

„Для примѣра достаточно указать на изоляцію (карантинъ) московскаго воспитательнаго дома въ чуму 1770 г., кавалерійской школы въ Гизехѣ въ 1835 г., политехнической школы въ Каирѣ и множество другихъ случаевъ.

„Наконецъ знаменитый Гризингеръ прямо считаетъ чуму болѣзнью контагіозной (прилипчивой). Понятіе о прилипчивости

*) Слѣдуетъ замѣтить, что во время топки печи, совершаемой при затворенной форточкѣ, тяга будетъ идти черезъ полъ или потолокъ, обыкновенно болѣе проницаемые, нежели стѣны, оклеенныя обоями. Такимъ образомъ въ комнату будетъ поступать воздухъ изъ жилищъ нижнихъ и верхнихъ этажей. Этимъ путемъ въ роскошный бель-этажъ могутъ пройти міазмы изъ подвальныхъ этажей или чердаковъ. Не лишнее еще будетъ обратить вниманіе на то, что комната, жарко натопленная, но плотно закупоренная обоями, обусловливаетъ поступленіе въ нее изъ подъ пола и потолка воздуха съ *болѣе холодною температурою*. Это поступленіе основано на той же самой причинѣ, которая приводится для объясненія происхожденія вѣтра, т. е. на законѣ: что если два находящіеся одинъ послѣ другаго слоя воздуха окажутся неравной температуры, то тотчасъ же начинается движеніе болѣе холодной среды въ теплую, которое и продолжается до возстановленія равновѣсія температуръ въ обоихъ слояхъ.

вовсе не требуетъ, чтобы обращеніе съ больнымъ каждый разъ непремѣнно сопровождалось передачею болѣзни, довольно и того, что такая передача можетъ имѣть мѣсто", а эта возможность доказывается относительно чумы несомнѣннымъ образомъ цѣлой серіей обстоятельствъ, приводить которыя въ данномъ случаѣ считаемъ излишнимъ.

Чему учатъ насъ камни.

Очерки изъ первобытной исторіи земнаго шара.

I.

Что въ рѣкахъ камни и валуны часто накопляются массами, образующими длинныя отмели и цѣлые острова—фактъ давно извѣстный. На Дунаѣ встрѣчаются рѣчные острова не меньше какого нибудь нѣмецкаго княжества. Въ другихъ рѣкахъ массы валуновъ скопляются въ устьѣ, заграждая путь кораблямъ, которые могутъ войдти въ рѣку только во время прилива, какъ напримѣръ это встрѣчается на португальскомъ побережьѣ и почти во всѣхъ африканскихъ рѣкахъ.

Только въ позднѣйшее время было обращено вниманіе на вопросъ, откуда происходятъ въ рѣкахъ валуны и тина? Береговая почва Верхняго Рейна обязана своей знаменитой плодородностью наносамъ, заносимымъ изъ Швейцаріи. Въ нихъ нихъ находятъ остатки крошечныхъ животныхъ, изъ которыхъ состоитъ вершина Фаульгорна, между тѣмъ какъ въ нижнихъ слояхъ этого наноса покоятся кости допотопныхъ слоновъ, носороговъ, львовъ, колосальныхъ оленей и т. п. Какимъ же образомъ попали сюда эти первобытныя, уже вымершія породы животныхъ? Отвѣтъ на это могутъ дать только камни. Послушаемъ, что они сообщатъ намъ.

Извѣстно что горные ручьи наполнены большими и малыми каменными глыбами и каменными обломками. Ниже по теченію эти камни становятся меньше и являются въ округленномъ видѣ, еще дальше въ видѣ хряща и песка и, наконецъ, въ видѣ тонкой тины. Именно, когда камень скатывается, сталкиваясь при этомъ съ другими каменьями, то онъ обтирается, округляется и стертыя части образуютъ тонкую тину, питающую деревья и растенія, если корни послѣднихъ всасываютъ ихъ въ себя въ этомъ растворенномъ видѣ. Рѣчные камни слѣдовательно происходятъ съ горъ, которыя на столько же уменьшаются въ своемъ объемѣ, на сколько высокая вода, дожди и снѣга отнимаютъ отъ нихъ валуновъ. Какую громадную массу камней уносятъ ручьи, можно судить по глубокимъ разрывамъ въ горахъ—горнымъ ущельямъ. И такъ, горы не неподвижны. Исчислено количество носящихся земляныхъ частицъ, которыя уносятся теченіемъ рѣкъ и часто дѣлаютъ ихъ воду негодной къ употребленію. Такимъ образомъ мы видимъ, что рѣчные острова, песчаныя и иловыя мели суть ничто иное, какъ привалъ странствующихъ горъ. Если въ теченіи тысячелѣтій такія вещества будутъ приноситься въ море и найдутъ въ немъ соотвѣтствующія мѣста, гдѣ будутъ накопляться и сжиматься своей собственной массой, то море должно будетъ обмелѣть а сплотившійся илъ подняться со временемъ изъ моря въ видѣ твердой земли. Насъ пугаетъ такое превращеніе, потому что мы привыкли считать горы за самую твердую, неподвижную часть земной коры а вдругъ видимъ что онѣ движутся, путешествуютъ вокругъ свѣта, заграждаютъ наши гавани иломъ и песками.

Осмотримся еще болѣе. Во многихъ странахъ земледѣльцу стоитъ большаго труда удалять съ своего поля всѣхъ цвѣтовъ и видовъ камни, находимые иногда въ такомъ количествѣ, что ихъ бываетъ достаточно для мощенія дорогъ. Далеко кругомъ нѣтъ никакой рѣки или горы, откуда бы могли происходить эти камни. Крестьянинъ не спрашиваетъ объ ихъ происхожденіи, и только подсмѣивается надъ ученымъ, который ихъ старательно сбираетъ для изслѣдованія ихъ родины. Но онъ по опыту знаетъ, что роя колодезь, онъ обыкновенно найдетъ болѣе или менѣе толстый слой чернозема, потомъ пласты глины и наконецъ слой круглыхъ валуновъ, подъ которыми надѣется уже добыть воду. Откуда же взялись валуны и глина? Развѣ здѣсь, такъ высоко надъ рѣчной равниной, находился морской бассейнъ и въ немъ осѣдала глина, а пестрые валуны приносились въ море ручьями? „Никогда не было здѣсь моря, а между тѣмъ поверхность поля носитъ на себѣ слѣды существованія морского бассейна!" говоритъ естествоиспытатель. Онъ знаетъ еще болѣе: онъ знаетъ горы, откуда перенесенъ каждый камень, и часто горы эти находятся очень далеко. Какъ занесены были камни на далекое поле или море?

Естествоиспытатели изслѣдовали такъ называемую сѣверогерманскую равнину и нашли, что широкое кольцо большихъ и малыхъ камней идетъ полу-кругомъ отъ Голландіи черезъ Ганноверъ, Маркъ-Бранденбургъ, Силезію, Польшу и Россію до Урала. Мѣстами камни лежатъ въ такомъ множествѣ, что изъ нихъ строили церкви и мѣстами дороги. Случалось вырывать въ поляхъ камни величиной съ маленькій домикъ; знаменитая граненая чаша передъ Берлинскимъ музеемъ сдѣлана изъ одного изъ такихъ камней, найденныхъ у Фюрстенвальда. Но что удивительно въ этихъ камняхъ, это то, что они происходятъ не изъ Германіи а изъ Норвегіи, Швеціи и Финляндіи. Можно даже опредѣлить тѣ долины по скалистымъ берегамъ которыхъ они совершили это чудесное путешествіе въ Бреславль, Берлинъ, Лейпцигъ и т. д. Въ привислянской равнинѣ изслѣдователь съ точностью опредѣлитъ, какія изъ каменныхъ глыбъ обломки Карпатовъ, и какія занесены сюда съ сѣверныхъ скалъ. Поэтому камни, разсказывающіе намъ о первобытныхъ временахъ, называются „наносными" камнями. Но для того чтобы понимать языкъ этихъ каменныхъ повѣствователей, изслѣдователю надо было наблюдать и объяснить много явленій.

Около ста лѣтъ тому назадъ знаменитый шведскій физикъ Цельзій замѣтилъ, что море у скалистыхъ береговъ его отечества стало ниже, чѣмъ было прежде, что легко можно было видѣть по обмелѣвшимъ берегамъ. Изъ этого онъ заключилъ, что Балтійское море уменьшается. Такое важное для судоходства и рыболовства Швеціи соображеніе было представлено рейхстагу. Дворянское и бюргерское сословія заявили, что ничего въ этомъ дѣлѣ не понимаютъ, духовенство же увидѣло въ заявленіи Цельзія ересь, привлекло на свою сторону крестьянъ и дворянъ и убѣждало ихъ объявить ученаго еретикомъ. Тѣмъ это дѣло и кончилось для Швеціи. Но иностранные ученые, какъ напримѣръ Леопольдъ Бухъ, также изслѣдовали берега Швеціи и были вполнѣ согласны съ мнѣніемъ Цельзія. Тогда правительство снарядило ученую экспедицію, съ цѣлью объѣздить берега, поставить вездѣ знаки и наблюдать за осѣданіемъ моря. Изъ этихъ наблюденій дѣйствительно оказалось, что въ теченіи столѣтія берега Швеціи и Норвегіи возвысились отъ трехъ до четырехъ футовъ, то есть, что не море осѣдаетъ а земля подымается. Позднѣе англичанинъ Латель открылъ на высотѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ старинныя береговыя линіи, покрытыя морскими раковинами; даже, при вырытіи одного канала во внутренности страны, была найдена древняя рыбачья лодка и, на 50 футовъ глубины въ пескѣ, деревянная хижина, доказательство что море достигало до тѣхъ мѣстъ.

Итакъ, фактъ былъ доказанъ. Вскорѣ нашли также на берегахъ Италіи, Египта, Сиріи, Южной и Сѣверной Америки, Гренландіи, Нѣмецкаго моря, и т. д. слѣды возвышеній и осѣданій, какія должны были тамъ часто повторяться. На высотѣ 7—900 футовъ собирали остатки раковинъ, породы которыхъ и теперь еще живутъ въ моряхъ. На хребтахъ англійскихъ горъ находили скелеты морскихъ животныхъ, также и теперь живущихъ въ моряхъ. Какъ попали они на вершины горъ? Не стояли ли послѣднія нѣкогда подъ водой? Неужели цѣлыя земли и цѣлыя части свѣта подвержены такимъ колебаніямъ и перемѣнамъ? Въ Гренландіи кладбища и дома древнихъ поселенцевъ стоятъ подъ водой; въ Александріи баня Клеопатры затоплена морской водой; сирійскія гавани занесены пескомъ, такъ что флотъ крестоносцевъ не могъ бы теперь найти въ нихъ пристанища. Въ илистыхъ болотахъ устья Везера, во время отлива, открыты были стѣны древнихъ построекъ, которыя теперь слѣдовательно стоятъ подъ водой. И такъ берега также подвижны и они также обречены на вѣчное странствіе!

Самымъ очевиднымъ доказательствомъ подъема и осѣданія морскихъ береговъ служатъ намъ древніе римскіе постройки въ Пуццуоли, близъ Неаполя. Тамъ на морскомъ днѣ видны не только мозаичные полы древнихъ храмовъ, но еще на берегу видны три колонны въ 40 футовъ вышины—остатки храма Сераписа. Онѣ высѣчены изъ *одного* куска и не много наклонены къ морю, также какъ и берегъ, который обыкновенно залитъ водой. Такъ какъ римляне, конечно, не строили храма въ морѣ, то надо заключить, что берегъ осѣлъ. При внимательномъ разсматриваніи этихъ колонъ видно, что на высотѣ 12 футовъ онѣ гладки и не имѣютъ поврежденій, но далѣе поверхность ихъ на 9 футовъ высоты источена раковинами, скорлупки которыхъ въ настоящее время еще находятъ въ углубленіяхъ. Такъ какъ эта раковина-каменоточецъ живетъ только на поверхности моря, то колонны должны были по крайней мѣрѣ на 12 футовъ глубины стоять подъ водой. Затѣмъ земля опять поднималась до тѣхъ поръ, пока колонны, какъ въ настоящее время, не вышли гладкой частью на 12 футовъ высоты надъ моремъ, изъ чего слѣдуетъ, что подыманіе осѣданіе берега доходитъ до 21 футовъ. Когда открыли храмъ въ 1749 г. изъ подъ груды вулканическаго песку и изверженій Везувія, видны были только вершины колонъ, такъ что сперва надо было откопать всѣ эти груды, чтобы открыть полъ храма. Эти каменныя груды шли отъ Мари до виллы Цицерона, и осѣдали должно быть очень медленно, потому что мѣстами находятъ цѣлыя кучи остатковъ такихъ раковинъ, породы которыхъ и въ наше время находятся въ моряхъ и которыя живутъ только на поверхности воды. Во всякомъ случаѣ на эти измѣненія почвы имѣли вліяніе изверженія Везувія въ 1198 и 1558 г. При первомъ изверженіи вещества извергнутыя Везу-

кіемъ, такъ высоко легли на морское дно, что закрыли нижнюю часть колоннъ, между тѣмъ какъ верхнюю ихъ часть точили раковины; впослѣдствіи берегъ сталъ опять постепенно подниматься, такъ что въ 1538 г. образовалась Монте-Нуово.

Съ тѣхъ поръ почти во всѣхъ берегахъ были найдены такія измѣненія земной поверхности. Въ южной Италіи по временамъ дѣлались въ землѣ разщелины, въ которые проваливались виноградные и оливковые сады, даже цѣлые городки и деревни. Въ Лиссабонѣ провалилась плотина Тахо вмѣстѣ съ людьми искавшими на ней спасенія; на Миссисипи (въ 1812 году) большое пространство земли превратилось въ озеро, въ Бенгаліи (въ 1763 г.) 12 квадр. миль, на Индѣ почти 20 квадр. миль, а въ другомъ мѣстѣ 400 квадр. миль провалились съ полями, крѣпостями и деревнями; все что теперь осталось отъ нихъ, это подымающаяся изъ воды верхушка одной крѣпостной башни, точно также какъ въ нижнемъ Египтѣ можно видѣть въ мелкихъ озерахъ остатки деревень и даже пирамидъ. На Андахъ въ Южной Америкѣ, также какъ и на берегахъ норвежскихъ заливовъ можно видѣть 4—8 береговыхъ линій, лежащихъ ступенями одна надъ другой съ ихъ раковинами-камнетесами и другими остатками морскихъ животныхъ. Въ Чили (въ 1822 г.) пространство земли въ 4700 квадр. миль поднялось на 3 фута, и такъ какъ на высотѣ 12,000 футовъ находятъ каменный уголь, а на высотахъ Гималая лежатъ круглые камни и раковины, то высочайшія на землѣ горы должны были нѣкогда быть морскимъ дномъ. Въ одномъ потонувшемъ лѣсу на Голштинскомъ берегу открыта была даже древняя гробница доказывающая, что лѣсъ стоялъ нѣкогда надъ моремъ. У восточныхъ береговъ Англіи видны въ морѣ большіе потонувшіе лѣса, у западныхъ береговъ Франціи — развалины строеній, принадлежащихъ XIV столѣтію и подводное древнее русло рѣки.

И такъ, камни ясно говорятъ намъ о измѣнчивости земли. Горы возвышаются и опускаются; отрывающіяся отъ нихъ глыбы наполняютъ морскіе бассейны, дно которыхъ, когда вода съ нихъ сойдетъ, является въ видѣ массы раковинъ, покрытыхъ плодороднымъ иломъ, но также и песчаными холмами и пространствами, усѣянными камнями. Венгрія и Богемія были такими внутренними морями, до того времени когда ихъ вода вытекла въ Эльбу и Дунай; долина верхняго Рейна была морскимъ дномъ, прежде чѣмъ вода Майна—Рейна еще не было тогда—ища выхода, пробилась сквозь горную разщелину, которую она мало по малу размыла и расширила.

Послушаемъ что еще разскажутъ намъ камни о временахъ глубокой древности. Извѣстно, что всѣ кругло обточенные камни лежали въ водѣ и перекатывались ею съ мѣста на мѣсто. Тамъ гдѣ горныя рѣки впадаютъ въ моря, онѣ несутъ съ собой эти камни и тину и возвышаютъ ими дно морей. Рѣчныя долины Дуная суть дно сбѣжавшихъ водяныхъ бассейновъ, которые лежали ступенями одинъ подъ другимъ. Тамъ гдѣ рѣка пробивалась черезъ преграждавшія ей путь скалы, остались, какъ слѣды ея борьбы, водовороты, быстрины, омуты, которые на Дунаѣ встрѣчаются до желѣзныхъ воротъ у Сербской границы. Тоже самое мы видимъ на Канадскихъ озерахъ, соединяющихся одно съ другимъ черезъ разщелины скалъ. Послѣдній изъ этихъ каналовъ — Ніагара, которая все глубже и глубже пробивается въ горы, причемъ разумѣется отступаетъ и черезъ 20,000 лѣтъ исчезнетъ водопадъ. Тысячи озеръ близь береговъ Гудсонова залива и въ Финляндіи стремятся еще прорыть себѣ русло. Эльба уже окончила эту работу: она нѣкогда протекала по той возвышенности, окраина которой называется Саксонской Швейцаріей и у Пирны образовала водопадъ. Только мало по малу проложила она себѣ такое русло, что спокойно несетъ теперь свои воды у подошвы горъ. Водопадъ ея пропалъ. Теперь глубокую рѣчную долину пересѣкаетъ полоса песчаника.

Посмотримъ на пустыни. Онѣ покрыты пескомъ и камнями, такъ что ихъ можно бы представить себѣ глубокими склонами. Но это не такъ. Сахара, напр. есть плоская возвышенность, склоняющаяся отъ востока къ западу и отъ сѣвера къ югу и пересѣкаемая многочисленными цѣпями пустынныхъ, темныхъ скалъ, между которыми лежатъ такъ называемые оазисы. Въ нихъ находятъ круглые каменья, раковины, большія соляныя озера и соляныя залежи. Такъ какъ послѣднія образуются только въ морѣ, то соль, песчаныя дюны и валуны доказываютъ, что Сахара нѣкогда была моремъ, а ея утесы — подводными скалами. И такъ, мы имѣемъ передъ глазами дно сбѣжавшаго моря, раздѣлявшаго когда-то чернокожую расу отъ свѣтлокожей, что слѣдуетъ отнести къ тому времени, когда Средиземное море было низменнымъ материкомъ заключавшимъ въ себѣ нѣсколько внутреннихъ озеръ. Въ то время какъ дно Сахарскаго моря поднималось, вода вытекала, низкій материкъ Средиземнаго моря опускался, горная цѣпь между Африкой и Испаніей прорвалась у Гибралтара, между Азіей и Европой у Константинополя и вотъ Атлантическій и Полярный океаны ворвались въ эти отверстія и создали Средиземное море. Вслѣдствіе такого образованія, оно и по сіе время мелко и только мѣста бывшихъ озеръ имѣютъ настоящую морскую глубину. По такимъ же причинамъ, на всю Верхнюю Аравію и Верхнюю Персію— обѣ возвышенныя почти на 4,000 футовъ, на китайскую степь Гоби, почти такаго же возвышенія или еще больше,—слѣдуетъ смотрѣть какъ на дно древнихъ морей. Сюда же относится вся Западная Сибирь, а Каспійское море, Аральское, Байкальское и др. озера—это остатки тѣхъ морей, такъ какъ вода въ нихъ соленая и кромѣ морскихъ раковинъ они обитаемы тюленями.

(Окончаніе въ слѣд. №.)

Президентъ французской республики **Жюль Греви.**
Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

(Продолженіе на стр. 137, 138, 139 и 140.)

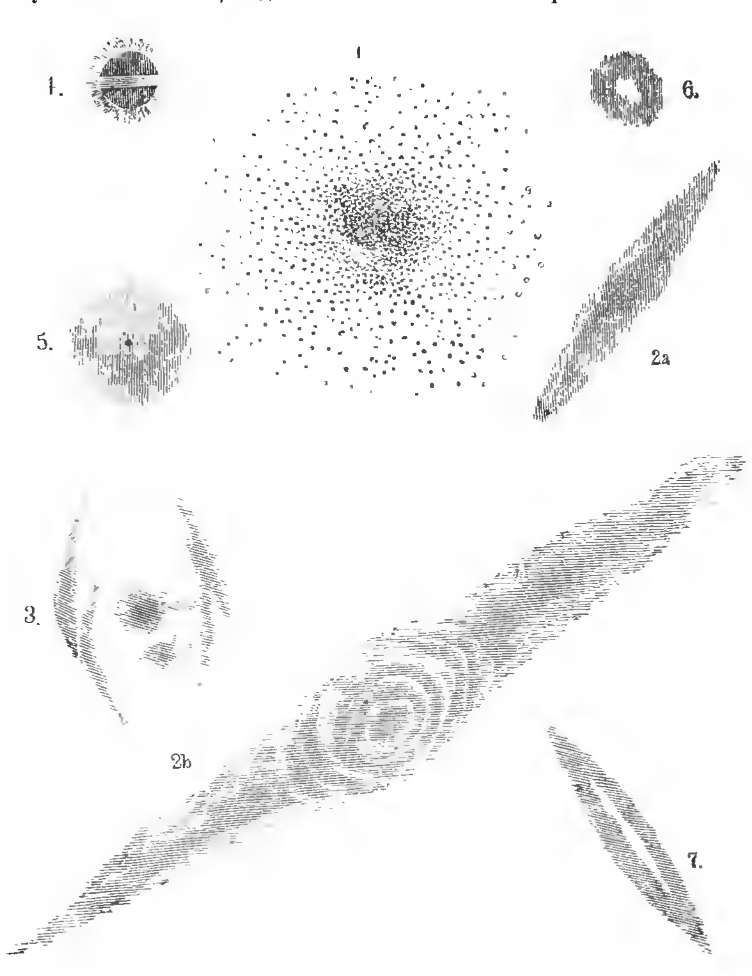
Политическое обозрѣніе.

Миръ съ Турціей.—Греція.—Наши отношенія къ Румыніи.—Событія во Франціи.—Ширъ-Али.—О чумѣ на Волгѣ.

Долго ожидавшаяся вѣсть пришла, наконецъ—27-го января (8-го февраля) миръ нашъ съ Турціей — почти черезъ годъ послѣ С. Стефанскаго — заключенъ — вечеромъ того дня онъ подписанъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ и турецкими уполномоченными, Каратеодори и Али Пашами. Хотя, намъ и извѣстно, что въ общемъ этотъ окончательный договоръ подтверждаетъ силу статей С. Стефанскаго, не отвергнутыхъ Берлинскимъ конгрессомъ, но все же, до офиціальнаго обнародованія трактата 27-го января, мы остаемся въ невѣденіи дѣйствительныхъ условій. Въ этомъ отношеніи, мы должны ограничиться теперь нѣкоторыми слухами, сообщаемыми изъ различныхъ источниковъ. Такъ, въ депешѣ международнаго агентства передаютъ только, что наши войска начинаютъ выступленіе на другой же день подписанія мирнаго договора уполномоченными. Далѣе, за нѣсколько времени предъ тѣмъ, „Politishe Correspondenz" передавала, что достигнуто было соглашеніе по слѣдующимъ пунктамъ: 1) военная контрибуція уплачивается бумажными рублями, по опредѣленному курсу (и составитъ, такимъ образомъ, 170 милліоновъ на серебро), 2) вознагражденіе за содержаніе турецкихъ плѣнныхъ въ Россіи считается по день заключенія Берлинскаго трактата, а не по день дѣйствительнаго ихъ возвращенія (въ виду того, что Россія, по заявленію турецкихъ уполномоченныхъ, медлила ихъ возвращеніемъ, съ цѣлью оказать давленіе на Турецкое правительство), 3) Россія отказывается отъ своего требованія, чтобы Турція *формально дала обѣщаніе* выполнить Берлинскій трактатъ, но вмѣсто того Турція должна подписать слѣдующее заявленіе: „Берлинскій трактатъ служитъ замѣною тѣмъ статьямъ С. Стефанскаго договора, которыя были уничтожены", и 4) очищеніе Өракіи русскими войсками должно произойдти не позже шести недѣль со дня подписанія договора. На дняхъ, конечно, мы будемъ имѣть возможность провѣрить эти свѣдѣнія. Вмѣстѣ съ извѣстіемъ о заключеніи мира съ нами, телеграфъ передалъ извѣстіе и о томъ, что Турція свела счеты свои и съ Черногоріей: 26-го января (7-го февраля) черногорцамъ сдана Подгорица, а они, въ свою очередь, очистили турецкія позиціи, занившіяся ими до сихъ поръ.

Гдѣ же эти рѣшительные, огненные турецкіе патріоты, объявившіе, что не отдадутъ Подгорицы, буйные патріоты, изъ страха которыхъ Порта такъ долго не рѣшалась сдавать крѣпость? Какъ кстати они появились тогда и какъ кстати исчезли теперь!

Генрихъ Льюисъ. Съ фот. грав. К. Вейерманъ.

Туманныя пятна и звѣзды.
1) Звѣздное облако Гершеля. 2) Туманное пятно Большого Льва Гершеля. 3) Такое же пятно Россе. 4) Двойное пятно въ созвѣздіи Близнецовъ Россе. 5) Звѣздное пятно Гершеля. 6) Кольцеобразное пятно Гершеля. 7) Кольцеобразное пятно въ Андромедѣ.

Передававшіяся одно время большею частью газетъ слухи о конвенціи между Турціей и Австріей по поводу занятія Новобазарскаго санджака оказались, какъ часто бываетъ,—преждевременными. Переговоры объ этой конвенціи только возобновились на дняхъ. Вѣроятно — потянутся прежніе фазисы разочарованій и надеждъ на успѣшный исходъ ихъ, въ настоящую минуту пока „полагаютъ", что вопросъ разрѣшится успѣшно, что достаточно будетъ для того трехъ засѣданій, которыя должны продолжиться три недѣли, чтобы дать возможность къ обмѣну мнѣній между константинопольскимъ и вѣнскимъ кабинетами. Вопросъ о турецко-греческой границѣ не подвигается къ рѣшенію своему. Единственнымъ достойнымъ фактомъ въ этомъ отношеніи можно считать высказываемое Франціей намѣреніе поддерживать претензіи Греціи, что дѣлается, однако, въ крайне мягкомъ и умѣренномъ тонѣ, въ видахъ болѣе успѣшнаго парализованія британскаго вліянія.

Есть факты, говорящіе въ пользу предположенія, что, въ настоящую минуту, французское вліяніе является рѣшительно преобладающимъ въ Аѳинахъ, а также начинаетъ пріобрѣтать болѣе почвы и въ Константинополѣ. National Zeitung замѣчаетъ, что къ вопросу о возникающемъ соперничествѣ между Британіей и Франціей присоединился, за послѣднее время, вопросъ о законности государственно-конституированной албанской національности „Безъ сомнѣнія, говоритъ газета албанскій вопросъ является, такъ сказать пока еще въ туманѣ, не позволяющемъ ясно разсмотрѣть его очертанія, но онъ можетъ ежеминутно получить большую опредѣленность. Получаемыя изъ Албаніи извѣстія передаютъ объ усиленіи національнаго движенія въ Албаніи, дальнѣйшее развитіе котораго поставитъ ее лицомъ къ лицу и съ Турціей, и съ Греціей. Въ случаѣ такого усложненія внутреннихъ дѣлъ Турціи, усложненія — къ вѣроятности котораго мы относимся съ сомнѣніемъ — ей опасаться нечего; за нее хлопочутъ другія государства, которыя, какъ мы видѣли уже, въ случаѣ нужды помогаютъ ей и оружіемъ и деньгами. Правда, Биконсфильдъ послѣ войны уже не хотѣлъ оказывать Портѣ финансовой помощи, находя, что дѣла идутъ для управляемаго имъ отечества хорошо и безъ денежныхъ тратъ, но за то теперь помощь эта идетъ изъ Франціи. Вотъ что передаютъ по этому поводу.

Компанія французскихъ капиталистовъ, во главѣ которыхъ стоитъ Токвилль, представили финансовый проектъ, согласно которому предлагается турецкому правительству заемъ въ 150 милліоновъ франковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выгодная для турецкихъ кредиторовъ сдѣла-

ка, состоящая въ обезпеченіи погашенія турецкаго долга таможенными сборами; турецкія таможни должны будутъ состоять подъ управленіемъ европейцевъ, а таможенныя пошлины увеличены на 2 процента. Какъ слышно, этотъ проектъ поддерживается французскимъ посланникомъ Фурнье, между тѣмъ какъ британцы относятся къ нему не съ особеннымъ сочувствіемъ. Порта же съ своей стороны высказываетъ желаніе принять проектъ и потому Токвилль уѣхалъ въ Парижъ 29-го января для дальнѣйшихъ переговоровъ. Въ этомъ быть можетъ дѣйствительно проглядываетъ антагонизмъ британцевъ и французовъ...

Антагонизмъ между нами и румынами пріобрѣлъ острый характеръ и едва не дошелъ до кровопролитія. Дѣло произошло слѣдующимъ образомъ. При разграниченіи новыхъ румынскихъ владѣній и Болгаріи, румыны заявили претензію на овладѣніе однимъ отдѣльно расположеннымъ (у границы) укрѣпленіемъ Силистріи, фортомъ Арабъ-Табіэ и когда въ этомъ имъ было отказано, то *генералъ Ангелеску подступилъ къ нему съ отрядомъ и занялъ его*. Нашъ министръ-резидентъ въ Бухарестѣ передалъ румынскому правительству ноту, которою оно приглашается вывести свои войска изъ форта. Согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ Румынія, отклонивъ „предложеніе“ объявила, что въ вопросѣ объ Арабъ-Табіи рѣшилась подчиниться только рѣшенію европейскихъ державъ и не очищать форта добровольно.

Перемѣна президента французской республики отозвалась, конечно и на персоналѣ всего высшаго правительства. Президентъ совѣта министровъ Дюфоръ подалъ въ отставку, за нимъ послѣдовали и нѣкоторые члены кабинета.

Ширъ-Али отказался отъ намѣренія ѣхать въ Петербургъ... Якубъ-ханъ, постоянно доносящій своему отцу о ходѣ дѣлъ въ Авганистанѣ, сообщилъ ему, что горцы тревожатъ британскія войска постоянными нападеніями.

На сцену вновь *выступаетъ Шлезвигскій вопросъ*. По слухамъ Германія соглашается возвратить Даніи часть этой провинціи.

— — —

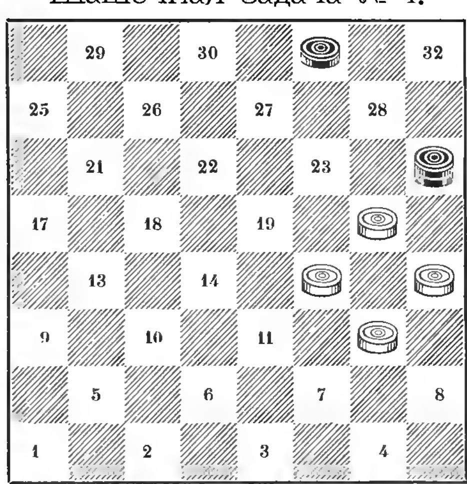
Что касается хода чумы на Волгѣ, то 31 января напр. только два смертныхъ случая въ селеніи Каменномъ-Ярѣ, находящемся въ предѣлахъ карантиннаго оцѣпленія, происшедшихъ отъ сомнительной болѣзни. Въ остальныхъ пунктахъ всей зараженной мѣстности больныхъ и умершихъ уже нѣтъ. Въ Каменный-Яръ командированъ врачъ для немедленнаго изслѣдованія свойства болѣзни, отъ которой умерли тамъ сказанные два лица. Ему же поручено разобщить больныхъ, если таковые окажутся въ селеніи, отъ здоровыхъ, оцѣпить дома, а затѣмъ и самое село. Туда командируется и другой врачъ и направлены изъ Астрахани дезинфекціонныя средства и одинъ дезинфекторъ. Послѣ окончательной выработки санитарныхъ и дезинфекціонныхъ правилъ и разрѣшенія другихъ существенныхъ вопросовъ, касающихся устройства кордонной и карантинной линій, обезпеченія войскъ довольствіемъ, пріобрѣтенія кибитокъ для помѣщенія ихъ въ степи, охраненія желѣзныхъ дорогъ и Волги, торговли рыбою и ея перевозки, что поглощаетъ массу времени, но безъ чего никакія мѣры внутри края не достигнутъ цѣли, примутся и другія мѣры.

Генералъ-адъютантъ графъ Лорисъ-Меликовъ въ званіи временнаго генералъ-губернатора Астраханской и сосѣднихъ губерній, уже прибылъ намѣсто.

Ему предоставляется полное право принимать всѣ признаваемыя имъ нужными мѣры относительно учрежденія карантиновъ, оцѣпленія отдѣльныхъ поселеній и цѣлыхъ мѣстностей, прекращенія почтоваго, торговаго и всякаго иного движенія или собранія и направленія таковаго движенія иными путями.

При графѣ состоятъ: совѣщательно-санитарная коммисія, и чины военнаго и гражданскаго вѣдомствъ.

Шашечная задача № 1.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и выиграютъ. Какими ходами?

Шашечная игра — самая популярная игра въ Россіи. Люди во всѣхъ возрастахъ, образованные и неграмотные въ нее играютъ. До сихъ поръ ни въ одномъ русскомъ журналѣ не бывали шашечныя задачи.

Многіе изъ нашихъ подписчиковъ просили насъ о помѣщеніи такихъ въ нашемъ журналѣ и такъ какъ мы считаемъ нашею обязанностью исполнять, по возможности, желанія публики, то читатели найдутъ въ сегодняшнемъ номерѣ *первую шашечную задачу*.

Рѣшеніе шахматной задачи № 4.

Бѣлые.	Черные.
1) G 6—E 8 2) Ферзь B 7—C 8 † †	1) Король D 8—E 8
или	
1) G 6—E 8 2) Конь G 5—E 6 † †	1) Ферзь G 8—E 8
или	
1) G 6—E 8 2) Ферзь B 7—B 8 † †	1) Ферзь G 8—G 5

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

Вышла въ свѣтъ и весьма полезна для дѣтей

ИГРА ИСТОРИЧЕСКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ

подъ названіемъ:

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ЕВРОПѢ

СЪ НАУЧНОЮ ЦѢЛЬЮ.

Цѣна игры въ коробкѣ **1 р съ пересылкою,** выписывающимъ 10 экземпл. и болѣе—15% уступки. Адресоваться въ **губ. г. Владиміръ** къ издателю **А. Е. Ковалевскому.** Игра эта, появившись въ домѣ, способна замѣнить съ пользою. разныя другія безполезныя игры. Она занятна и для взрослыхъ, а дѣти, занимаясь ею въ часы досуга, пріобрѣтаютъ незамѣтно много географическихъ и другихъ свѣдѣній.

1-го февраля вышелъ 2-й номеръ журнала

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

Въ немъ помѣщены: оконч. романа «**Дитя несчастія**».—**Ксавье-де-Монтепена** и «**Заговоръ королевы**», ром. **Энсворта.**

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

ПРОГРАММА:

Въ журналѣ помѣщаются исключительно переводные романы.

Годовое изданіе состоитъ изъ 12-ти книгъ отъ 20-ти до 30-ти печатныхъ листовъ каждая Срокъ выхода **ежемѣсячный.**

Въ концѣ года, подписчикамъ на «Библіотеку для чтенія» будетъ выдана, въ видѣ преміи, 13-я книжка, отъ 30-ти до 40 печатныхъ листовъ, которая будетъ заключать въ себѣ одинъ, вполнѣ законченный романъ.

Условія подписки на годъ.		
Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки . .	8 руб.	
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ. . .	8 »	50 к.
Съ пересылкою иногороднымъ.	9 »	— »

Редакція допускаетъ слѣдующую разсрочку подписныхъ денегъ: при подпискѣ 5 руб. и къ 1-му мая остальныя.

Для гг служащихъ допускается разсрочка помѣсячно чрезъ гг. казначеевъ. Просятъ обращаться прямо въ редакцію.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для городскихъ подписчиковъ: **въ С.-Петербургѣ,** въ книжныхъ магазинахъ Исакова, Бортневскаго и друг. Въ **Москвѣ,** при книжныхъ магазинахъ Соловьева и Живарева.

Гг. иногородные адресуютъ свои требованія **непосредственно** въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Библіотека для чтенія». **Шпалерная ул., д. № 42.**

Подписывающихся съ разсрочкою просятъ обращаться въ редакцію.

Въ 3-й номеръ войдутъ: 1) Оконч. ром. «**Заговоръ королевы**» и 2) «**Враги женщинъ**», ром. **Захеръ-Мазоха.**

Въ слѣдующихъ №№ редакція предполагаетъ помѣстить. между прочими романами, слѣдующіе: «Морской король», истор, ром. Георга Борна, «Призракъ», истор. ром, Бульвера Литтона, и др. № 35 5—1

ВЪ ГЛАВНОМЪ ДЕПО ОЛЕОГРАФИЧЕСКИХЪ КАРТИНЪ:

ДЛЯ ПРИСУТСТВЕННЫХЪ МѢСТЪ И ШКОЛЪ,

ПОРТРЕТЫ Е. И. В. ГОСУДАРЯ АЛЕКСАНДРА II.

19¾—14½ верш.	въ рамѣ съ короною и листами	по 21 упаков.	23 руб.
13½—10 „		„ 10½ „	12 „
10½—8 „		„ 4 „	5 „
5—3½ „		100 штукъ за 15 р., 50 шт. 8 р., 25 шт. 5 р.	

Образа (отъ 3—2 до 41—24 верш. величины), **религіозн. картины** (копіи Рафаэля, Мурилло и друг. знамен. художн.), головки, портреты, пейзажи, животныя, цвѣты, фрукты и сцены.

Писанныя картины (оригиналы и копіи) очень дешево. **Фабрика рамъ** и волоч. орѣхов. и черн. **Багетовъ,** вставленіе въ рамы **премій** и друг. картинъ всяк. рода. **Э. Г. Дезлеръ.**

Угловой магазинъ (Гороховой и Мойки) у Краснаго моста. № 20 3—1

1879 г. (Годъ изданія 9-й).

Отд. I. **Семейное чтеніе** (для дѣтскаго чтенія) 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. **10 р.**

Отд. II. **«Воспитаніе и обученіе съ педагогическою хроникою».** 10 книгъ и 40 номеровъ въ годъ. Подп. ц. съ перес. **5. р.**

Подписная цѣна на оба отдѣла съ перес. 12 р. въ годъ.

Подписка адресуется: Въ СПБ., въ контору журнала «Семья и Школа» (Васильевск. остр., 15 л.. д. № 8). № 22 5—1

Ж. Ш.

Ж. Шансовъ, имѣетъ честь представить почтеннѣйшей публикѣ форму готическихъ буквъ для мѣтки бѣлья съ несмываемою краскою, безъ всякой подготовки. Цѣна шемпеля 50 к. за строку, буквы по 10 к., коронки 20 к., пункты по 3 к. Краска для мѣтки бѣлья № 1-й 50 к., № 2-й 60 к. **Продажа оптомъ и въ розницу.**

НЕОБХОДИМЫЕ ПРИ КАЖДОМЪ ПИСМЕННОМЪ СТОЛѢ

передвижные штемпеля чрезвычайно удобные для печатанія бланокъ, визитныхъ карточекъ, мѣсяца, числа, года и пр. и пр. и проч. Краска разныхъ цвѣтовъ и подушки для печатанія на бумагѣ. Приборы ящиковъ съ буквами разныхъ величинъ по 3, 5. 8, 12, 15, 20, 25, и дороже. **Невскій пр., подъ Думою, Серебряный рядъ № 14 въ СПБ. и въ Москвѣ, Петровка домъ Перевощикова.** За пересылку прилагаютъ 10% сверхъ цѣны. **Ж Шансонъ.** № 28. 1—1

ПЕРВЫЙ И ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ РОССІИ, ДЕШЕВЫЙ

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

ВСЕНАУЧНЫЙ (ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ) СЛОВАРЬ,

ДЛЯ СПРАВОКЪ ПО ВСѢМЪ ОТРАСЛЯМЪ ЗНАНІЯ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

В. КЛЮШНИКОВА.

2 тома, болѣе **100** *печатныхъ листовъ,* около **2000** *страницъ* убористой печати (петитъ) около **100,000** *словъ.*

Подписная цѣна 5 руб., съ пересылкой **6 руб,** Въ отдѣльной продажѣ словарь будетъ стоить **6 руб.,** съ пересылкой **7 руб. 50 коп.**

Первый томъ *(буквы А.—К)* высылается подписчикамъ немедленно по полученіи подписныхъ денегъ.

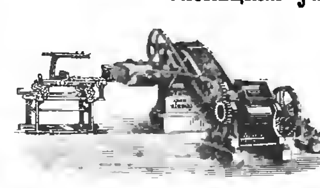
Второй томъ, котораго отпечатано уже *20 листовъ (буквы Л., М., Н., О.)* выйдетъ по окончаніи печатанія въ мартѣ 1879 г. *Желающіе получить и отпечатанные 20 листовъ II тома немедленно,* высылаютъ, сверхъ подписныхъ **6 руб.** еще **50 коп.,** т. е. 6 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ С.-Петербургѣ, у издателя Христіана Карловича **Небе** Маріинскій рынокъ холщовая линія № 10, кладовая писчебумажной фабрики.

№ 11 2—1 Издатель **Х. К. Небе.**

Л. ШЛИКЭЙЗЕНЪ инженеръ въ Москвѣ.

Мясницкая ул. домъ Сытова.

рекомендуетъ **патентованныя машины для приготовленія торфа, кирпича и мѣшалки для извести и цемента,** механическаго завода К. Шликэйзена въ Берлинѣ. Составляетъ планы торфяныхъ и кирпичныхъ заводовъ кольцеобразныхъ известково-и кирпиче-обжигательныхъ печей и принимаетъ на себя постройку цѣлыхъ заводовъ. Иллюстрированные каталоги по востребованію. № 21 3—1

20-го января вышла и разослана подписчикамъ 1-я книжка журнала

IV-й годъ. **„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ“.** 1879 г.

СОДЕРЖАНІЕ: I. **М. Ф. Владимірскаго-Буданова,** Народное образованіе въ кіевскомъ учебномъ округѣ.—II. **П. В. Коховскаго,** Современная школа во Франціи.—III. Утомленіе дѣтей умственною работою.—IV. **Педагогическая хроника:** Объ улучшеніи народноучительскаго персонала.—Помощь народнымъ школамъ.—Народная аудиторія.—Курсы для взрослыхъ.—Воскресно-ремесленныя училища.—V. **Свѣдѣнія о народномъ образованіи:** въ возсоединенной части Бессарабіи; въ Петербургской, Харьковской, Тверской, Новгородской и Тульской губерніяхъ.—Народное образованіе въ Швеціи.—VI **Библіографія:** 24 рецензіи.—VII. **Обзоръ періодическихъ изданій:** изданія общества любителей древней письменности за 1877 и 1878 годы.—VIII. **Мнѣнія и отзывы:** Отчетъ г. Сентъ-Илера о педагогическомъ отдѣлѣ парижской выставки.—IX- **Вниманію земскихъ управъ: Мижуевъ,** Къ вопросу объ устройствѣ народныхъ училищъ (письмо къ редактору).—X. **Разныя извѣстія.**

Подписка на «Педагогическій Музей» *(12 книгъ, 60 листовъ, не считая* **приложеній)** принимается въ главной конторѣ редакціи *при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“* (Невскій, д. № 60). **Цѣна на годъ безъ доставки 5 р. 50 к., на полгода 3 р. 50 к.; съ пересылкою 6 р. и 4 р.** Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: 2 р. при подпискѣ, 2 р. въ концѣ марта и 2 р. 1-го іюля. Народные учители и школы пользуются уступкою на оба означенные срока въ размѣрѣ 1 рубля.

№ 23 1—1

ДЕПО КАРТИНЪ

ХРИСТІАНА МАНТКЕ (бывшій Булла).

Казанская ул. д. № 3 Галлерея, (4-ый магазинъ отъ Казанскаго сквера). Вновь получено въ большомъ выборѣ

Картины печатанныя масляными красками.

величина $6^5/_8$ $8^5/_8$ по 75 коп., къ онымъ рамки по 1 рублю.

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ:

Заказы на портреты масляными красками съ натуры, съ фотографіи и по фотографіи.

Казанская, д. № 3, Галлерея.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ

№ 18. НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, У ПОЛИЦЕЙСКАГО МОСТА, № 18.

Покупаетъ и продаетъ всякаго рода процентныя бумаги, золото, серебро и заграничныя деньги.

Выдаетъ наивысшія ссуды по низшему проценту подъ всѣ котированныя на биржѣ цѣнныя бумаги

Принимаетъ на себя выкупъ заложенныхъ въ банкахъ и другихъ мѣстахъ бумагъ и увеличиваетъ ссуды.

Выдаетъ переводы и аккредитивы заграницу по биржев. курсу.

Выдаетъ справки о помѣщеніи капиталовъ въ вѣрнѣйшихъ процентныхъ бумагахъ.

Мѣняетъ срочные купоны безплатно.

Принимаетъ вклады и платитъ:

по текущимъ счетамъ	5%
на 3 мѣсяца	6%
отъ 6 до 12 мѣсяцевъ	7%

СТРАХУЕТЪ билеты обоихъ внутреннихъ займовъ по **50 КОП.**

ДЛЯ ГГ. ИНОГОРОДНЫХЪ ПО 60 КОП.

БИРЖЕВЫЯ порученія мѣстныя и провинціальныя исполняются въ точности и купленныя бумаги остаться заложенными въ конторѣ. № 36. 1—1

ВЪ „MAGASIN ÈTRANGER“
Иностран. магаз. Б. Морская, д. № 30.

ДЛЯ ХОЗЯЕКЪ

!!! НОВОСТЬ !!!
АМЕРИКАНСКАЯ, МЕХАНИЧЕСКАЯ

!ЧУДО-ПРАЧКА!

Это уютная, прочная, устройства самаго несложнаго, машинка для стирки бѣлья, кладъ въ каждомъ хозяйствѣ, – она не портитъ, а предохраняетъ бѣлье отъ порчи; дѣлаетъ большую экономію времени и труда и что требовало сильныхъ рукъ и трехдневныхъ трудовъ, можно легко сдѣлать въ одинъ день. Самый неопытный, даже дитя, можетъ ею дѣйствовать, и ни одна домашняя вещь не вознаградитъ такъ щедро покупателя, не принесетъ какую громадную пользу и такой лихвенный процентъ, какъ предлагаемая испытанная американская прачешная машина. Ц. 16 р. иногородн. съ перес. 20 р., въ Азіатскую Россію 22 р.

механическія
!! ВЫЖИМАЛКИ !!
необходимость во всякомъ хозяйствѣ, сохраняютъ бѣлье, превосходны для батиста, кружевъ и занавѣсей и такъ ускоряютъ сушку, что можно гладить сейчасъ послѣ стирки; цѣна 22 руб., за пересылку чрезъ транспорт. контору платится по доставкѣ въ городахъ, гдѣ находится отд. трансп. конт

!!!СКОРОВАРКИ!!!
въ нѣсколько минутъ вскипятить воду, молоко, сливки. Цѣна 2 р. 50 к., серебряныя 5 р., съ пересылкою иногороднымъ 3 р. и 5 р. 50 к.

!!! МАШИНКИ !!!
рубить мясо въ нѣсколько минутъ въ самыя мелкія волокна. Цѣна 7 р. 50 к. и дороже.

АМЕРИКАНСКІЕ КАРМАННЫЕ ВѢСЫ
съ цифрами безъ гирь, которыми можно мгновенно провѣрить всякій вѣсъ до 12 и 20 фунтовъ. Цѣна 2 р. и 2 р. 50 к., иногородн. съ пересылк. 2 р. 50 к. и 3 р. вѣсы для кухни съ чашкой и тоже безъ гирь до 12 фунт. цѣна 2 р. 25 к. иногор. съ перес. 3 р. 50 к.

!!! МАШИНКИ !!!
сбивать яйца или сливки въ нѣсколько минутъ. Ц. 1 р. 50 к., иногор. съ перес. 2 р.

!!!НОВОСТЬ ИЗЪ АМЕРИКИ!!!
Ковшики изъ кокосоваго орѣха съ ручкою. Ц. 75 коп., иногор. съ пересылк. 1 р. 25 к.

МЕХАНИЧЕСКІЕ
!!!ПРОБОЧНИКИ!!!
которыми можно вытащить безъ малѣйшаго труда самыя тугія пробки. Ц 1 р. 50 к. 2 р. 50 к. и 3 р., иног. съ пер. 2, 3, и 3 р. 50 к.

!!НОЖИ для ХЛѢБА!!
Цѣна 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 75 к.

НОЖИ ДЛЯ САРДИНОКЪ
которыми всякіе жестянки разрѣзываются какъ бумага, не портятъ консервы и сохраняется въ цѣлости масло, цѣна 75 коп. и 1 р. иногородн. съ пер. 1 25 и 1 р 50 к.

ВСЕОБЩІЙ ИНСТРУМЕНТЪ,
содержащій болѣе 12-ти разныхъ домашнихъ инструментовъ, к. т.: молотокъ, отвертка, клещи, ключъ для винтовъ и пр. Цѣна 4 р. 50 к. иногор. съ перес. 5 р.

!!! ВѢЧНЫЯ ТОЧИЛА !!!
на которыхъ можно точить ножи столовые, всякіе инструменты, ножницы, топоры и пр. Цѣна 40 к. Иногороднымъ съ перес. 1 р.

!!! НОВОСТЬ !
Розетки для свѣчей съ которыми свѣчи стеариновыя и восковыя, не капаютъ, даже если совершенно наклонены, или на ходу. Цѣна 1 р. 50 к. за дюжину. Иногородн. съ перес. 2 руб.

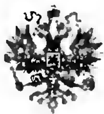
ПАРИЖСКІЯ МЫШЕЛОВКИ,
которыми можно выловить мышей до послѣдней. Цѣна 25 коп. штука, для иногородн. съ перес. за 2 штуки 1 р.

ПОРОШОКЪ для МѢДИ
чиститъ скоро и отлично мѣдные самовары, мельхіоръ и проч. предметы изъ полированныхъ металловъ. Цѣна 20 к. для иногор. съ пер 3 пачки 1 р.

ОТЪ ХОЛОДНЫХЪ НОГЪ
парижскія войлочныя туфли, цѣна 2 р. 50 и 3 р. 50 к. и вышитыя шолкомъ 4 р. иногородн съ пересылкой 3 р. 4 и 4 р. 50.

!!! СТЕЛЬКИ !!!
входящія въ самую узкую обувь; цѣна 50 коп. 1 р. и 1 р. 25 коп. иногордн. съ пересылкою 1 р. 1 р. 50 к. 1 р. 75 коп.

По громадной разнообразности товаровъ и постоянно мѣняющихся новостей управленіе магазина прейсъ-курантовъ составить не можетъ. Требованія иногородныхъ съ приложеными деньгами исполняются немедленно. Адресовать: въ «MAGASIN ÈTRANGER», иностранный магазинъ, въ Большой Морской, домъ № 30, въ С.-Петербургѣ.

КАВКАЗСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ

ВОДЫ.

ЕССЕНТУКСКІЯ ЛЕПЕШКИ И СОЛЬ.

Изъ воды ИСТОЧНИКА № 17 въ Ессентукахъ, который пріобрѣлъ столь заслуженую славу и употребляется съ зам[illegible] тельнымъ успѣхомъ для леченія при катаррахъ дыхательныхъ путей, желудка, кишекъ, и проч.

Выпаривается на мѣстѣ—въ Ессентукахъ — СОЛЬ, которая будучи распущена въ обыкновенной прокипяченой водѣ [illegible] грана на 1 фунтъ воды) можетъ служить суррогатомъ для натуральной воды этого источника.

Изъ этой же соли приготовляются ЕССЕНТУКСКІЯ ЛЕПЕШКИ, содержащія гораздо болѣе щелочей чѣмъ лепешки Виш[illegible] Принятыя послѣ обѣда въ количествѣ 1—3, онѣ помогаютъ пищеваренію, уничтожаютъ изжогу, кислую отрыжку, тяжест[illegible] желудкѣ и способствуютъ болѣе свободному испражненію на низъ.—Лепешки Ессентукскія слѣдуетъ имѣть всегда при [illegible] людямъ страдающимъ изжогою и труднымъ пищевареніемъ. — Вообще послѣ сытнаго кушанья весьма полезно съѣсть [illegible] четыре лепешки для облегченія желудка.

Для дѣтей, страдающихъ затрудненнымъ пищевареніемъ, весьма полезно послѣ завтрака и обѣда скушать по одной лепеш[illegible].

Выпарка солей и приготовленіе лепешекъ—производятся подъ контролемъ Правительства:

ЦѢНА: коробочка Ессентукскихъ лепешекъ 30 коп.; флаконъ соли 1/2 фун. 2 руб. 50 к.; 1/4 фун. 1 руб. 25 коп.

Воды, лепешки и соль можно получать въ магазинахъ аптекарскихъ матеріяловъ и въ аптекахъ. № 34. 2—1

Билліардная фабрика. А. Фрейберга въ С.-Петербургѣ.

Переведена: Троицкій проспектъ въ собственный домъ № 13,

Билліарды отъ 225 до 1000 руб. и дороже, шары, кіи и всѣ къ билліарду и билліардной игрѣ принадлежности. № 284 12—4

ПРИ РЕДАКЦІИ «ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННАГО ВѢСТНИКА»

№ 19 1—1

ОТДѢЛЪ

СПРАВОКЪ И ИСПОЛНЕНІЯ ПОРУЧЕНІЙ

ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ.

Ни съ однимъ городомъ Имперіи не нуждаются въ посредничествѣ лица всѣхъ положеній, какъ съ **С.-Петербургомъ.** Здѣсь центръ высшихъ правительственныхъ учрежденій всѣхъ вѣдомствъ: Синодъ, Сенатъ, Министерства, Главный Штабъ, Цензурные комитеты, Земскій Отдѣлъ, Высшія учебныя заведенія, Главное Управленіе военно-учебныхъ заведеній, коммиссіи женскихъ курсовъ: Педагогическихъ, Врачебныхъ, Высшихъ университетскихъ и проч.

Частныя учрежденія и предпріятія имѣютъ тутъ главныя правленія и конторы.

Не всѣ могутъ ѣздить въ С.-Петербургъ, проживать здѣсь, по дѣламъ, неизвѣстное время. Въ этомъ сознаніи посвящаемъ дѣятельность свою **для иногородныхъ**—доставлять отъ правительственныхъ управленій, частныхъ учрежденій и лицъ закономъ невоспрещенныя, доступныя справки, свѣдѣнія, указанія, адресы, и т. п. Главные отдѣлы занятій:

По административнымъ и судебнымъ дѣламъ. Объ опредѣленіи, повышеніи по службѣ, полученіи—пенсій, пособій; времени слушанія и рѣшенія дѣлъ, производящихся по нимъ исполненіямъ и разсчетамъ; совершеніи актовъ на переходъ разнаго рода имуществъ купчихъ, дарственныхъ, духовныхъ завѣщаній и пр.

Для учащихся и воспитателей. Высылка программъ и другихъ нужныхъ свѣдѣній о казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ; руководствъ и учебныхъ пособій, требующихся въ томъ или другомъ заведеніи; разъясненіе подробностей по вопросамъ поступленія въ избранное заведеніе, срока въ немъ ученія, стоимости содержанія, правъ, соединенныхъ съ дипломомъ или свидѣтельствомъ при выбытіи изъ заведенія. Увѣдомленіе, по порученіямъ, объ успѣхахъ и нуждахъ воспитанника во время его ученія.

Большинство, изъ всѣхъ учебныхъ заведеній, знаетъ одни только гимназіи,—военныя и министерства народнаго просвѣщенія, которыя вынуждены чрезъ это отказывать ежегодно тысячамъ дѣтей по одному недостатку помѣщенія. Задача наша удовлетворять, чтобы приготовленные ученики и ученицы не упускали своего возраста и поступали въ существующія другихъ наименованій учебныя заведенія,-свойственныя семейному ихъ положенію и еще болѣе самымъ дарованіямъ учащихся.

По библіографіи и книжной торговлѣ. Интересующіеся движеніемъ литературы избраннаго отдѣла наукъ, завѣдывающіе народными школами, частными и правительственными учебными заведеніями могутъ выписывать изданія нѣмъ бы и отъ кого публикуемы бы не были.

Желающему получить лучшее сочиненіе укажется и вышлется именно то, что въ данную минуту и въ средѣ спеціалистовъ считается дѣйствительно лучшимъ. Тѣ, кто войдетъ въ постоянныя съ нами сношенія, могутъ имѣть, въ опредѣленные напередъ сроки, извѣстія о появленіи особенно выдающихся изданій назначеннаго отдѣла.

По сношеніямъ съ редакціями и типографіями. Печатаніе сочиненій, помѣщеніе статей и корреспонденцій въ журналахъ и газетахъ. Развитіе въ продажѣ отпечатанныхъ изданій Передача во всѣ газеты и журналы объявленій для припечатанія и разсылки приложеніями, по цѣнамъ редакцій. Передача подписной цѣны на полученіе газетъ и журналовъ.

Не обѣщаемъ больше того, что можемъ сдѣлать, и даемъ сознательное слово въ одномъ: *кто желаетъ быть въ связи* съ С.-Петербургомъ, кто вѣритъ въ добросовѣстность нашего предложенія, тотъ можетъ быть и увѣреннымъ, что принимаемое порученіе исполнится со всею готовностію и зависящимъ удовлетвореніемъ. Входящій въ сношенія, *сидя у себя дома*, получитъ отвѣтъ, указанія, нужныя данныя и можетъ разсчесть: какихъ бы это стоило ему издержекъ на поѣздку самому въ С.-Петербургъ и пребываніе здѣсь въ теченіи неопредѣленнаго времени.

УСЛОВІЯ По невозможности предвидѣть и опредѣлить съ точностью всѣхъ условій, ставимъ: къ требованіямъ прилагать, за несложныя справки,—3 руб. Выполненіе, которое соединено съ значительными разъѣздами, перепискою съ мѣстами и лицами, также установленіе постоянныхъ сношеній обусловливается напередъ взаимнымъ сношеніемъ и соглашеніемъ.

Подробная программа помѣщена во 2-мъ изданіи «Русскаго Календаря» Суворина. Письма и всѣ порученія адресуются: **Въ Петербургъ, Павлу Егоровичу Горбунову, въ контору редакціи «Церковно-Общественнаго Вѣстника», Конно Гвардейская, 59.**

Вышла февральская книжка

„СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ“.

СОДЕРЖАНІЕ: Пятнадцатилѣтній капитанъ, **Жюля Верна**, (окончаніе). Двоюродная племянница, **Робинсона.** Тайный бракъ и его послѣдствія, **герцога де-Помара.** Сынъ Коралін, **Альбера Дельпи.** Мармадюковъ секретъ, **Уильки Коллинза.** Наслѣдница въ Старомъ Собакинѣ, **Бретъ-Гарта.**

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ **большаго формата**, выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца и составляющихъ въ годъ около **пяти тысячъ** страницъ, **десять рублей пятьдесятъ коп.**, съ доставкою въ С. Петербургѣ—**одиннадцать руб.**; для иногородныхъ подписчиковъ—**двѣнадцать.**

Подписка принимается **исключительно** на имя издательницы Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ редакціи «Собранія Романовъ», въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С. Петербургѣ.

Подписка продолжается. Выдаются всѣ вышедшія книги съ № 1-го

При редакціи открыта книжная торговля; высылаются всѣ книги, публикованныя въ газетахъ, и принимается подписка на всѣ періодическія изданія. № 265 1

! НОВОСТЬ !

ИЗЯЩНЫЙ АППАРАТЪ

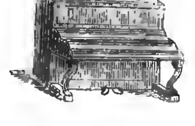
для [illegible] наго копированія рисунковъ, фотографій, акварелей и пр. безъ малѣйшей подготовки. Особенно полезенъ для дѣтей. Цѣна (съ приложеніемъ **Новаго способа умноженія** посредствомъ сложенія) 1 р. съ перес. 2 р. Адр.: въ Бюро объявленій, Невскій пр. № 4 I. Зегиель въ С.-Петербургѣ. № 26 6—1

„СЧЕТОВОДСТВО АККУРАТНОЙ ХОЗЯЙКИ“, съ листами для прачки. **Ѳ. В. Езерскаго.** Ц. 15 к., на годъ 12 тетр. 1 р. 50 к., 50 тетр., 5 р., 100 тетр. 9 р. съ перес. Складъ въ „Фирмѣ Счетоводъ“ СПБ. Невскій пр. д. №. 27. № 29 1—1

В. Ф. ШИЛЛЕРЪ.

Б. Морская, д. № 17, и Васил. остр., 8-я линія, въ собственномъ домѣ, № 27. Большой выборъ роялей американской конструкціи, какъ и піанино, изящной,

НОВОЙ МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦІИ,

съ полнымъ тономъ и держащія особенно хорошо строй. № 27 1—1

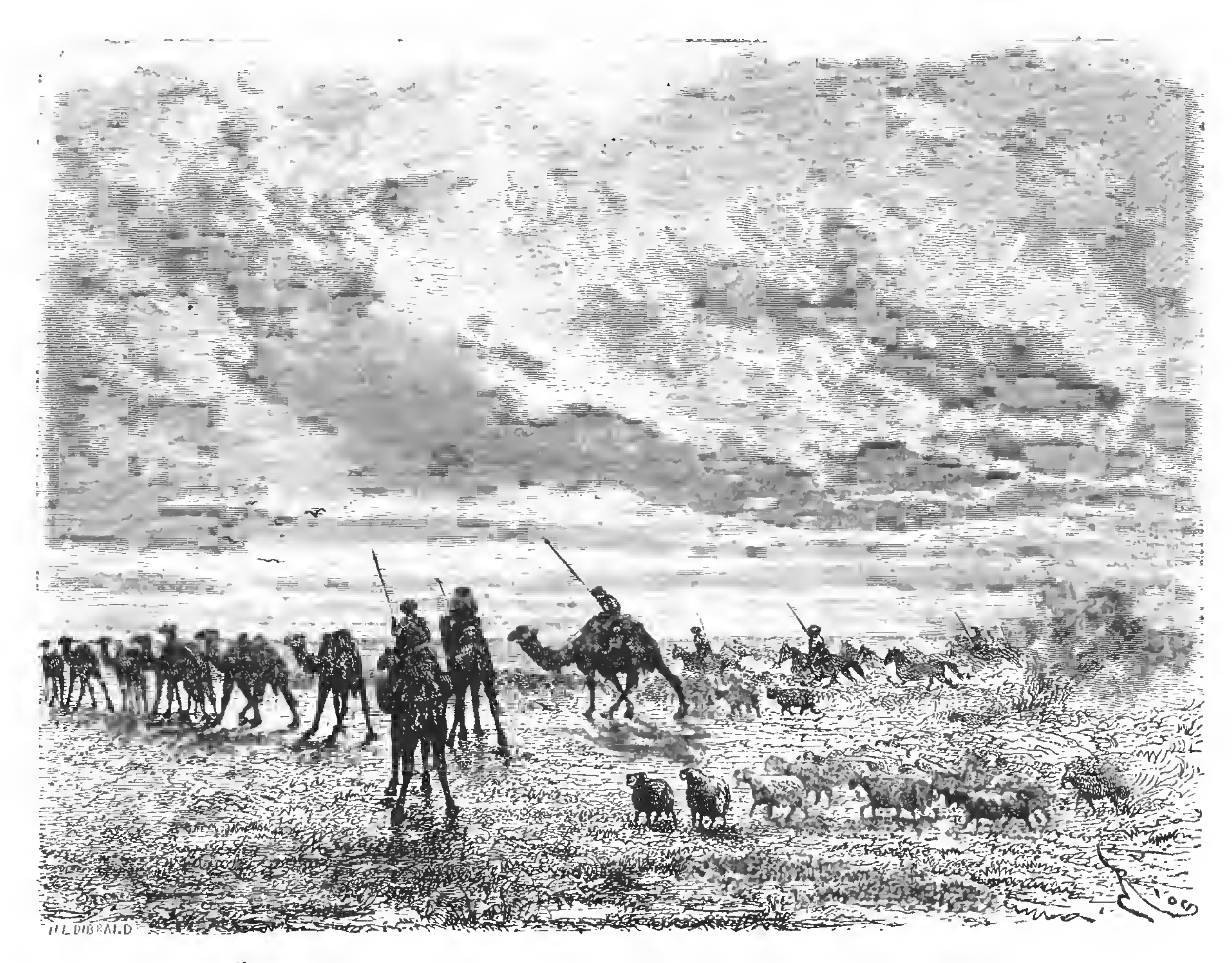
При этомъ № для гг. иногородн. подписч. прилагается объявленіе отъ чайнаго магазина Ольги Корещенко въ Москвѣ.

Дозволено цензурою СПБ. 7 Февраля 1879 г. Тип. В[illegible] Адм. № 10.

№ 8 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.) Выданъ 19 Февраля 1879 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн, рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Киргизская степь. Стада въ пути. Рис. Ріу, грав. Гильдебрандъ.

Въ Киргизской степи.

Широко, на 40,000 кв. геогр. миль раскинулась киргизская степь, и стелется она однообразная, безлѣсная, безводная отъ нашихъ границъ до самой Китайской Джунгаріи и кокаискаго ханства. Мѣстность ровная, съ самой скудною растительностью, едва оттѣненная на горизонтѣ чуть замѣтными холмами. Кругомъ полное безмолвіе; отсутствіе всякаго жилья и лишь изрѣдка у счастливо открытаго источника разбросаны юрты кочеваго киргиза—единственнаго обитателя этой степи. Первое существо, которое встрѣтишь, приближаясь къ подобному кочевью—это верблюдъ, пасущійся, повидимому, на совершенно безплодныхъ степяхъ и робко убѣгающій отъ всякаго непохожаго на киргиза. Отбѣжавъ, онъ еще долго поворачиваетъ голову за проѣзжими и когда совсѣмъ успокоится—медленно побредетъ въ степь, неловко ступая своими неуклюжими мозолистыми ногами. Еще ближе къ кочевью пасутся стада барановъ а далѣе лошади и рогатый скотъ. Тутъ же гарцуютъ на маленькихъ лошадкахъ странные всадники, съ монгольскимъ типомъ лица, въ уродливыхъ мѣховыхъ шапкахъ, съ коротко-подобранными въ стременa ногами и съ толстыми длинными нагайками въ рукахъ. Это киргизы—вѣчно кочующій народъ и съ 1864 года фактически вошедшій въ составъ русскаго государства. Слово „Киргизъ“ значитъ „бродяга“, „скиталецъ“ и лучше всего характеризуетъ ихъ первоначальное происхожденіе а исторія этого племени по большой части разсказываетъ о постоянной враждѣ родовъ между собою и набѣгахъ ради наживы на чужія кочевья—доказываетъ слабость ихъ племенной и нравственной связи. Впрочемъ теперешніе киргизы вообще народъ добрый, смѣлый съ соплеменниками и относящійся очень боязливо къ русской власти. Русскаго генералъ-губернатора они называютъ обыкновенно Джеримъ-Падишахъ т. е. полу-царь или намѣстникъ. Жизнь каждаго Киргиза обусловливается всегда размѣрами его стадъ и табуновъ—эти стада исключительно доставляютъ ему и пищу, и одежду и деньги. Немудрено что даже при встрѣчѣ другъ съ другомъ киргизы прежде всего спрашиваютъ о благополучіи стада и ихъ обычное привѣтствіе это: Малъ джалъ аманмы? т. е. каково состояніе твоего скота и души? Богатство киргиза обыкновенно выражается числомъ его лошадей и овецъ, и вся жизнь его посвящена вопросу сохраненія и размноженія этого живаго капитала. Потребность же находить для скота хорошія пастбища и удобныя зимовья заставляетъ его постоянно перекочевывать съ одного мѣста на другое со всѣмъ своимъ скарбомъ, со всѣми чадами и домочадцами и даже чаще всего цѣлымъ родомъ. Чтобы дать понятіе о размѣрахъ этихъ перекочевокъ можно лишь указать на богатыхъ киргизовъ, кочующихъ на рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ, доходящихъ въ срединѣ лѣта до самаго Троицка, такъ что втеченіе года ихъ стада проходятъ путь болѣе чѣмъ въ 2000 верстъ.

Егоръ Егорычъ.

(Разсказъ изъ боевой жизни въ Азіатской Турціи)

Я пріѣхалъ въ Башъ-Кадыкларъ въ одинъ изъ жаркихъ іюльскихъ дней часовъ около четырехъ пополудни. Это была авангардная позиція, обезпечивавшая лѣвый флангъ Александропольскаго отряда и переправу черезъ Арпачай.

Явившись куда слѣдуетъ и получивъ назначеніе состоять въ 5-й ротѣ №-го полка, я отправился разыскивать своего новаго ротнаго командира.

— Гдѣ палатка командира 5-й роты? обратился я къ кучкѣ лежавшихъ подъ навѣсомъ солдатъ.

— Пожалуйте, ваше благородіе,—вонъ Егоръ Егорычъ сами сидятъ... отвѣчалъ одинъ изъ солдатъ и указалъ на открытую офицерскую палатку, въ которой сидѣлъ сгорбленный старичекъ въ шлафрокѣ, въ ночной фескѣ и съ огромнѣйшею трубкою въ зубахъ.

Я уже проходилъ мимо этой палатки и мнѣ казалось, что сидѣвшій въ ней старичекъ либо маркитантъ, либо вообще кто-нибудь изъ людей не принадлежащихъ къ строю, — и каково-же было мое изумленіе, когда я узналъ, что это ближайшій мой начальникъ, подъ командой котораго пройдетъ мой первый боевой дебютъ.

Фигура моего новаго ротнаго командира напоминала тѣхъ отставныхъ военныхъ старичковъ, съ подстриженными сѣдыми усиками и съ слегка трясущейся головой, которыхъ такъ часто встрѣчаемъ мы при выходахъ изъ маленькихъ петербургскихъ ресторановъ. Такіе старички живутъ большею частію на окраинахъ города, иногда въ собственныхъ деревянныхъ домикахъ и чувствуютъ необходимѣйшую потребность заходить каждый день въ ресторанъ, имѣющій для нихъ значеніе клуба, чтобы выпить тамъ вина и поговорить съ хорошими людьми о разныхъ пріятныхъ предметахъ, какъ-то: о происшествіяхъ въ городѣ, о судебныхъ процессахъ, о цѣнахъ на продукты, объ успѣхахъ оставшихся на службѣ товарищей и преимущественно о политикѣ.

Не знаю почему, я всегда чувствовалъ симпатію къ такимъ людямъ: въ звукѣ ихъ старческаго дребезжащаго и всегда добродушнаго голоса я усматривалъ полное отсутствіе фальши и мнѣ слышалось вѣяніе чего-то давно прошедшаго, счастливой поры моего дѣтства.

Фигура моего новаго ротнаго командира произвела на меня пріятное впечатлѣніе, и я весело зашелъ къ нему въ палатку, какъ къ своему старому знакомому.

— Честь имѣю явиться, г-нъ капитанъ,—я прикомандированъ къ вашей ротѣ...

Старичекъ немножко вздрогнулъ, вѣроятно, не ожидая, что проходящій мимо чужой офицеръ зайдетъ къ нему въ палатку.

— Душевно радъ... прошу покорно садиться... Такъ это значитъ вы къ намъ прикомандированы?

— Точно такъ-съ и назначенъ къ вамъ въ роту.

— А васъ зовутъ какъ,—позвольте спросить?

— Моя фамилія Молдовъ.

— Да Богъ съ ней—съ фамиліей,—вы скажите, какъ ваше имя и отчество?

— Алексѣй Петровичъ.

— Очень радъ, Алексѣй Петровичъ... Вы тутъ и помѣщайтесь у меня въ палаткѣ... Кровати нѣтъ у васъ?

— Нѣтъ. Я полагалъ, что ее тяжело будетъ возить на вьюкѣ.

— Помилуйте! у насъ фургоны есть,—все есть... Сейчасъ вамъ кровать сколотятъ. Егоръ Егорычъ крикнулъ деньщика и сталъ распоряжаться на счетъ кровати. Минутъ на пять я остался въ палаткѣ одинъ. Меня еще раньше поразилъ мирный видъ лагеря, мимо котораго мнѣ пришлось проѣзжать: нигдѣ не было даже намека на то, что здѣсь гремятъ боевые выстрѣлы и проливается кровь, такъ все казалось спокойнымъ и невозмутимымъ. Внутренность маленькаго жилища капитана поразила меня своимъ комфортомъ, котораго я никакъ не ожидалъ найдти на бивуакѣ: кровать, столъ и нѣсколько складныхъ стульевъ составляли меблировку; столъ былъ покрытъ скатертью и на немъ стоялъ довольно объемистый походный погребецъ, табачница съ рожей показывающей языкъ, портфель съ бумагами, чернильница, песочница и нѣсколько разныхъ бездѣлушекъ; въ углу палатки стояли два большихъ бисерныхъ чубука, двѣ пары сапогъ надѣтыхъ на колодки и дубовая съ украшеніями палка; на верхнихъ снуркахъ висѣли два вышитыя полотенца и между ними образъ въ серебряной оправѣ. Еще было нѣсколько разныхъ вещей, въ большомъ порядкѣ развѣшенныхъ и разставленныхъ. Видна была заботливая рука хозяина.

Скоро капитанъ вернулся и съ очень веселымъ видомъ объявилъ мнѣ, что кровать къ вечеру будетъ устроена и что теперь, съ дороги, необходимо выпить водки.

Цѣлый вечеръ болтали мы о разныхъ вещахъ, вовсе не относившихся къ войнѣ. Ходили гулять по лагерю. Я видѣлъ, что хозяйство Егора Егорыча не ограничивается его маленькой палаткой, а занимаетъ цѣлый районъ: на походной собственной телѣгѣ лежали раз-

ныя вещи и на нихъ примостились спать принадлежащія капитану куры, которыя тутъ-же и неслись; къ колесу была привязана коза, называемая Машкой, которую каждый день доили для Егоръ Егорыча, страдавшаго, какъ я потомъ узналъ, какой-то странной болѣзнью, противъ которой докторъ прописалъ не пить до 12-ти часовъ дня водки и пить вмѣсто чая козье молоко и про которую Егоръ Егорычъ разсказывалъ очень много, но очень непонятно.

— „Да что-же это?—боевой бивуакъ или мирный лагерь?... Ужъ не сонъ-ли это? Гдѣ это я нахожусь, что не слышу ни полъ-слова о войнѣ, тогда какъ въ Петербургѣ мнѣ прожужжали ею уши? Но я скоро почувствовалъ, что это былъ не сонъ: я ясно увидѣлъ армію, выросшую и воспитавшуюся въ боевой жизни. „Чего тутъ хлопотать? разсуждалъ почтенный Егоръ Егорычъ,—дѣло—такъ дѣло, а нѣтъ дѣла, такъ живи себѣ каждый, какъ кому нравится. Безпокойство только кровь портитъ, а пользы отъ него никакой нѣтъ.

Я впослѣдствіи узналъ, что Егоръ Егорычъ не любилъ разговаривать о войнѣ. Однажды, когда я спросилъ его: „скоро-ли предполагается дѣло?“ онъ отвѣтилъ довольно сухо: „а Христосъ его вѣдаетъ,—это только одни штабы знаютъ; а нашему брату прикажутъ идти, такъ и пойдемъ... Этакъ все воевать да про войну думать, такъ и съ ума пожалуй сойдешь.“

Часамъ къ одиннадцати ночи все кругомъ успокоилось. Егоръ Егорычъ вышелъ изъ палатки для подробнаго осмотра козы, куръ, вьючной лошади и разныхъ другихъ вещей, что продѣлывалось каждый вечеръ на сонъ грядущій,—потомъ вернулся въ палатку и началъ перебирать всѣ находившіяся въ ней вещи: снялъ полотенце, расправилъ его и снова повѣсилъ на то-же самое мѣсто; пощупалъ рукой стоявшіе въ углу чубуки и одинъ изъ нихъ поднесъ зачѣмъ-то къ свѣту, но потомъ опять поставилъ въ уголъ; два раза снималъ образокъ и опять вѣшалъ его; потомъ отперъ погребецъ и перебравъ все тамъ находившееся, снова уложилъ въ прежнемъ порядкѣ, при чемъ особенно долго разсматривалъ адресы на лежавшихъ на днѣ старыхъ письмахъ и при этомъ что-то пошепталъ, качнувъ раза три головой. Обернувшись ко мнѣ, онъ замѣтилъ, что я еще не сплю и мнѣ показалось, что онъ вздрогнулъ.

Наконецъ Егоръ Егорычъ кончилъ переборку вещей и приказалъ деньщику выгнать изъ палатки мухъ, при чемъ самъ дѣятельно помогалъ, приговаривая: „ступайте къ туркамъ!“ потомъ порылся еще гдѣ-то и наконецъ легъ спать, приказавъ деньщику напоить козу.

Я гораздо раньше улегся на кровати, наскоро сбитой изъ досокъ и намощенной соломой. Долго я не могъ заснуть,—все какія-то мысли лѣзли въ голову, одна другой хуже, содержаніе которыхъ заключалось приблизительно въ томъ, что въ дѣйствующей арміи совсѣмъ нѣтъ того, что я ожидалъ встрѣтить.

Уже все смолкло на бивуакѣ; слышны были только одни шаги часоваго да покашливанья больныхъ грудью солдатъ. Природа тоже молчала,—только камыши слегка покачивались у ручья и нѣжно шумѣли, что представлялось полусонному воображенію взмахомъ крыльевъ какой-то большой черной птицы и сонный мозгъ старался разрѣшить: орелъ-ли это—вѣстникъ побѣды или воронъ—вѣстникъ смерти? Охваченная такимъ сномъ душа моя была неспокойна и сердце сжималось и болѣло, какъ будто чувствуя одиночество или вѣянье пустыни, въ которомъ много поэзіи, но поэзіи грустной, мрачной, неудовлетворяющей. Наконецъ, все это слилось въ какой-то гулъ, въ которомъ слышался раскатистый громъ орудій, трескъ ружейныхъ выстрѣловъ, команды, сигналы, стоны раненыхъ, шумъ колесъ и лошадиный храпъ... Я вижу во снѣ густыя массы турокъ, насѣдающихъ на нашу цѣпь и, наконецъ, ясно слышу тревогу...

Это было утро 27-го іюля.

Барабаны гремѣли по всей линіи; все неслось опрометью и становилось въ ружье. Я спрыгнулъ съ постели и началъ быстро одѣваться. Мой деньщикъ, не привыкшій къ тревогамъ, какъ нарочно подавалъ не на ту ногу сапоги и вмѣсто моихъ вещей хваталъ вещи Егоръ Егорыча. Я былъ въ такомъ волненіи, что забылъ совсѣмъ о моемъ капитанѣ и когда вспомнилъ о немъ, то замѣтилъ, что его уже въ палаткѣ не было. Я, что есть духу, побѣжалъ къ ротѣ, но меня остановилъ капитанскій деньщикъ и очень ловко сунулъ въ задній карманъ моего мундира двѣ бѣлыя галеты, предназначавшіяся къ чаю. „Егоръ Егоровичъ приказали!“ сказалъ онъ скороговоркой. Прибѣжавъ къ ротѣ, я увидѣлъ тамъ Егоръ Егорыча и не узналъ его; „тотъ-ли это Егоръ Егорычъ, что вчера выгонялъ мухъ изъ палатки и перебиралъ вещи?—нѣтъ, положительно не тотъ!—тотъ былъ сгорбленный старичекъ, чудакъ, большой любитель куръ и козьяго молока; а этотъ стройный, смотритъ молодцомъ, лихо держится лѣвой рукой за шашку, говоритъ съ солдатами немного, но въ каждомъ словѣ значеніе... Такъ вотъ оно что! подумалъ я.

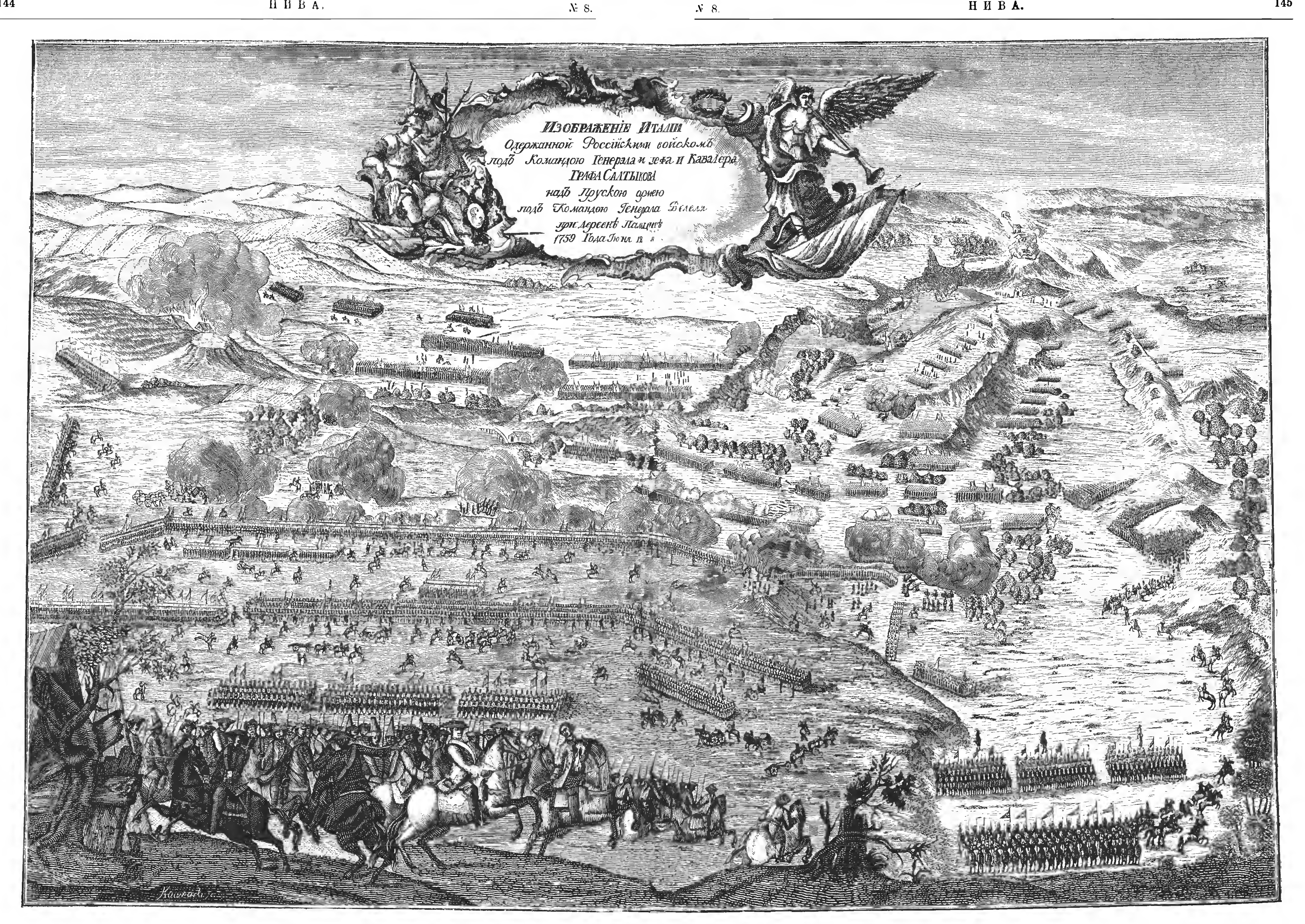
— Полкъ впередъ! послышалась команда полковаго командира, и я увидѣлъ вовсе не того командира полка, къ которому вчера являлся: тотъ показался мнѣ толстымъ добрякомъ, котораго я засталъ раскладывающимъ пасьянсъ на маленькомъ ломберномъ столикѣ, а этотъ смотритъ спокойнымъ и невозмутимымъ вождемъ—человѣкомъ, присутствіе котораго полкъ, такъ сказать, чувствуетъ и поддерживается духомъ начальника.

„Э-ге-ге! подумалъ я,—такъ вотъ они— герои...

Но еще большее впечатлѣніе произвелъ на меня генералъ Девель. Я увидѣлъ его только тогда, когда пули стали уже пронизывать ряды и каждый стонъ раненаго поражалъ мои нервы. Я теперь только сообразилъ, что всѣ наши передвиженія производились по отрывочнымъ и какъ-то лѣниво произносимымъ словамъ этого человѣка, спокойно стоящаго и какъ будто скучающаго подъ пулями; но самое главное то, что я самъ сталъ чувствовать себя легко и спокойно: все, что поражало мои нервы было подавлено, уничтожено этимъ удивительнымъ окружавшимъ меня спокойствіемъ.

Для обезпеченія лѣваго фланга были высланы влѣво отъ Кизиль-Тапы двѣ роты подъ командою Егоръ Егорыча. Онъ расположилъ ихъ скрытно въ маленькой лощинѣ, выставивъ впередъ на пригорокъ небольшую стрѣлковую цѣпь. Любопытство разбирало меня, и я отправился наверхъ, къ цѣпи, чтобы видѣть, что дѣлается впереди. Выстрѣлы гремѣли по всей линіи. Массы турецкой кавалеріи, какъ черныя тучи, ползущія по землѣ, подавались въ это время назадъ, отстрѣливаясь и собираясь въ порядокъ, чтобы снова атаковать. Одна атака была уже отражена залпами ротъ, занимавшихъ ночной постъ на Кизиль-Тапѣ и быстро прибывшими подкрѣпленіями.

Все поле было затянуто дымомъ и хотя трудно было разсмотрѣть, но я все таки видѣлъ, какъ черныя массы кавалеріи повернули впередъ и стали къ намъ быстро приближаться. Уже я слышу конскій топотъ и пронзительный визгъ турецкихъ всадниковъ: кавалерія несется прямо на нашу цѣпь. Какъ всякій неопытный офицеръ, я теперь только схватился и сталъ думать о томъ, что въ этомъ случаѣ нужно предпринять, какія приказанія нужно отдать цѣпи, которая находилась въ это время подъ моей командой. Я инстинктивно обернулся назадъ и увидѣлъ тутъ-же Егоръ Егорыча. Капитанъ стоялъ въ истинно величественной позѣ, которую навѣрное бы укралъ художникъ: лѣвая рука его закрывала отъ солнца глаза, правая сжимала рукоять обнаженной шашки; глаза горѣли страстью, которой я никакъ въ немъ не подозрѣвалъ и были устремлены на непріятеля. Вдругъ шашка блеснула въ воздухѣ, и по этому условному знаку

Факсимиле (точная копія) со старинной гравюры на мѣди XVII вѣка. Битва при Пальцигѣ 12 Іюля 1759 г. Грав. Кошаскій.

обѣ роты, лежавшія въ оврагѣ, въ одинъ мигъ очутились на бугрѣ. Раздалось три залпа и когда дымъ разсѣялся, то я уже кавалеріи турецкой не видѣлъ,—видѣлъ только валявшіеся трупы лошадей да раненыхъ и убитыхъ турецкихъ всадниковъ.

Капитанъ, какъ оказалось впослѣдствіи, нарочно заманилъ турокъ маленькой цѣпью, которую легко было атаковать на доступномъ для кавалеріи бугрѣ; а скрытыя въ оврагѣ двѣ роты спеціально предназначались для залповъ.

Черезъ полъ-часа стрѣльба прекратилась совсѣмъ. Роты спустились внизъ, оставивъ ту-же цѣпь на бугрѣ. Я продолжалъ стоять на верху и наблюдать за непріятелемъ, который уже совсѣмъ скрылся.

— Алексѣй Петровичъ! раздался добродушный голосъ изъ оврага:—чего вы тамъ стоите? ужъ все кончилось; пожалуйте закусить.

Здѣсь только я очнулся отъ впечатлѣній боя и посмотрѣлъ внизъ. Тамъ увидѣлъ я мирно отдыхающаго капитана и стоящаго передъ нимъ на колѣняхъ деньщика съ какимъ-то узелкомъ, наполненнымъ закусками.

Я весело побѣжалъ внизъ, почувствовавъ конецъ боя и сопряженное съ первымъ боевымъ дебютомъ почти дѣтски-радостное настроеніе духа. Капитанъ шутилъ съ легко ранеными двумя солдатами и угощалъ ихъ водкой.

— До свадьбы заживетъ, говорилъ капитанъ,—а если и нѣтъ, то за такихъ молодцовъ „всякая" выйдетъ. Раненые пили водку и улыбались.

Я думалъ, что капитанъ заговоритъ о только что совершенномъ подвигѣ, но ни чуть не бывало,—онъ преспокойно ѣлъ курицу и былъ уже совершенно такимъ, какъ я его видѣлъ вчера.

— Эхъ, Алексѣй Петровичъ! вотъ бѣда-то, батюшка, въ чемъ: форельки нѣтъ въ этихъ мѣстахъ... пріѣхали-бы вы мѣсяцомъ раньше, я бы васъ такой форелькой попотчивалъ, какой ни въ Питерѣ, ни въ Москвѣ, да пожалуй что и нигдѣ не найдете. Да вотъ, можетъ быть, Богъ приведетъ у Аракса стоять... Ты смотри, Галыгинъ, не зѣвай... Что у насъ сѣти въ порядкѣ?

— Вчерась маркитантъ привезъ новую, отвѣчалъ деньщикъ.

— Ну, вотъ,—не все-же здѣсь будемъ стоять,—когда нибудь и рыбки свѣженькой наловимъ. А форель-то здѣсь важная, Алексѣй Петровичъ,—какъ разварятъ, знаете, ее, да съ картофелью, да съ лучкомъ, да съ перчикомъ,—объяденіе просто!... А ту, которая получше, да побольше жиркомъ подернута, ту можно привялить на солнцѣ; на балыкъ, батюшка, смотрѣть не захотите, какъ покушаете вяленой форели.

Меня просто досада разбирала: какъ это человѣкъ можетъ въ такую торжественную минуту толковать о какой-то форели. Я рѣшился заговорить первый о сегодняшней стычкѣ.

— Однако, турокъ свалили порядочно, сказалъ я.

— А не знаю, батюшка, я не смотрѣлъ... фельдфебель сосчитаетъ и доложитъ, на случай, если спроситъ начальство.

— Залпы-то какіе были,—прелесть!

— Что вы, батюшка, отвѣчалъ капитанъ сухимъ тономъ,—я хотѣлъ дать пять залповъ, да развѣ можно съ этакими тюленями...

Егоръ Егорычъ былъ совершенно чистосердечно недоволенъ своими дѣйствіями. Это было, можно сказать, упрямство. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ человѣкъ въ этомъ случаѣ очень капризный: онъ имѣлъ, напримѣръ, Георгіевскій крестъ за то, что первымъ вскочилъ въ одно изъ укрѣпленій Карса въ прошлую войну, но всякій разъ говорилъ, что носитъ крестъ даромъ, ибо могъ занять это укрѣпленіе получасомъ раньше, „и чортъ его знаетъ, отчего это такъ вышло"!

Все утихло и войска заняли прежнія позиціи. Капитанъ опять надѣлъ шлафрокъ и ермолку и мы усѣлись за борщъ, отлично приготовленный Галыгинымъ. Егоръ Егорычъ былъ похожъ въ это время вовсе не на героя, а скорѣе на какого нибудь отставнаго чиновника, вышедшаго въ домашнемъ костюмѣ на улицу посидѣть на скамеечкѣ, нарочно для этого устроенной у воротъ его маленькаго деревяннаго домика. „Дѣло—такъ дѣло, говаривалъ обыкновенно капитанъ,—а нѣтъ дѣла, такъ о чемъ же тутъ хлопотать!" И дѣйствительно, внѣ дѣла капитанъ хлопоталъ только о своемъ домашнемъ комфортѣ и преимущественно на счетъ желудка.

Однако добрый Егоръ Егорычъ ничуть не подозрѣвалъ, что его солдаты, какъ мнѣ казалось, не особенно любили: отдаваясь всецѣло домашней жизни, онъ нисколько не входилъ въ нужды солдатъ и даже не зналъ ихъ по фамиліямъ; а для солдата крайне оскорбительно, если начальство, напримѣръ, не знаетъ, что его зовутъ Ивановымъ и что онъ по поведенію лучше Петрова и когда Ивановъ знаетъ, что если имъ обоимъ прійдется въ чемъ нибудь провиниться, то ихъ вздуютъ огуломъ, не разбирая кто изъ нихъ заслуживаетъ снисхожденія.

Мнѣ было даже досадно видѣть, что любимцемъ капитана былъ не фельдфебель и не унтеръ-офицеръ, а какой-то сомнительной нравственности рядовой, родомъ изъ приволжскихъ губерній, который отлично умѣлъ закидывать съ Галыгинымъ сѣти и ловить для Егора Егорыча форель. Тихо и мирно жили мы съ Егоромъ Егорычемъ до 6-го августа. Пришлось одинъ разъ побывать въ ночномъ посту на Кизилъ-Тапѣ, а остальное время только ѣли да разговаривали. Съѣздили раза два на Курюкдарьинскій базаръ покупать закуски и десертъ. Нужно было видѣть, съ какимъ увлеченіемъ расхаживалъ капитанъ по базару и дѣлалъ закупки.

— Алексѣй Петровичъ! Алексѣй Петровичъ! да взгляните же батюшка: вѣдь этого вы не найдете нигдѣ! восхищался онъ, увидѣвъ, напримѣръ, консервы съ тономъ (маринованная рыба, очень любимая турками), и когда я отвѣчалъ, что этимъ очень хорошо закусывать водку, онъ изображалъ на лицѣ серьезность и съ значительнымъ видомъ говорилъ: „да, да! вѣрно, вѣрно!.. ей Богу правда"...

Между тѣмъ въ лагерѣ происходили перемѣны. Въ концѣ іюля стала прибывать вызванная на Кавказъ 40-я пѣхотная дивизія и войска нѣсколько оживились, ожидая чего-то новаго. Въ отрядѣ разнесся слухъ, что противъ турокъ готовятся энергическія дѣйствія и что въ штабѣ всѣ такого мнѣнія, что первымъ не мѣшало бы попробовать генералу Тергукасову, счастливая звѣзда котораго, быть можетъ, и здѣсь не оставитъ его и что если ему повезетъ противъ Измаила, то Мухтара разбить будетъ вдвое легче. Эти слухи отчасти подтверждались отсылкой подкрѣпленій генералу Тергукасову изъ отряда, расположеннаго при развалинахъ г. Ани, который въ свою очередь пополнялся смѣненными 40-й дивизіей башкадыкларскими войсками. Въ концѣ іюля и въ началѣ августа три полка 39-й дивизіи, Бакинскій, Дербентскій и Кубинскій отправились одинъ за другимъ въ Эриванскій отрядъ,—и всѣ съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ждали извѣстій отъ генерала Тергукасова, въ распоряженіи котораго находилось уже до двадцати пяти батальоновъ.

Между тѣмъ турки не зѣвали: лазутчики донесли, что Мухтаръ знаетъ о всѣхъ нашихъ передвиженіяхъ, не взирая на то, что онѣ производились съ сохраненіемъ полнѣйшей тишины и преимущественно въ ночное время и всѣ въ одинъ голосъ утверждали, что Мухтаръ намѣренъ послать Измаилу значительныя подкрѣпленія. Чтобъ воспрепятствовать этому, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ рѣшился произвести ложную атаку на Аладжинскія высоты; а чтобъ извлечь изъ нея другую выгоду, приказано было лѣвой башкадыкларской колоннѣ подъ командой генерала Девеля занять, если окажется возможнымъ, высоту Инахтанасси, сильно укрѣ-

пленную и вооруженную горными орудіями, съ занятіемъ которой можно было дѣйствовать по передовымъ Аладжинскимъ позиціямъ.

Наступленіе было произведено 6-го августа по всей линіи. Правымъ флангомъ командовалъ генералъ Комаровъ, а всѣмъ лѣвымъ крыломъ генералъ Девель. Войска генерала Девеля выступили съ 5-го на 6-е ночью и были раздѣлены на три колонны; изъ нихъ лѣвая, въ которой находился №-й полкъ, была направлена къ селенію Джала съ цѣлью обойти Инахтапасси. Войска лѣвой колонны вступили въ дѣло часовъ въ семь утра, открывъ артиллерійскій огонь по Инахтапасси и вмѣстѣ съ тѣмъ отражая сильные натиски турецкой кавалеріи.

Въ №-мъ полку водилось обыкновеніе ставить въ голову полка всѣ батальоны поочередно; 6-го какъ разъ пришлась очередь 2-му батальону, а такъ какъ 5-я рота шла впереди, то насъ съ Егоромъ Егорычемъ послали въ цѣпь, и мы первые вошли въ сферу огня. Опять пришлось имѣть дѣло съ кавалеріей, которая сначала завязала съ нами перестрѣлку. Гранаты, пускаемыя съ Инахтапасси ложились относительно насъ нѣсколько съ боку; какъ теперь слышу ихъ пронзительное жужжанье и вижу какъ онѣ шлепаются и взрываютъ кремнистую почву, звеня осколками мимо нашихъ ушей. На пули въ это время не обращаешь вниманія; развѣ только стонъ раненаго сосѣда напоминаетъ о нихъ и тогда начинаешь прислушиваться, какъ онѣ свистятъ на разные голоса и видишь, какъ проводятъ онѣ черточки по землѣ и какъ-то не хочется вѣрить, что стой я на одинъ шагъ правѣе—я былъ бы уже раненъ, а можетъ быть и убитъ... Не чувство страха, а какая-то тяжелая тоска наполняетъ въ это время душу... но вотъ тронулись, побѣжали впередъ—и все какъ рукой сняло: тоску смѣняетъ другое чувство, чувство восторга при видѣ преимущества надъ врагомъ, хотя бы этого преимущества въ сущности даже и не было и тогда положительно не вѣрится, что находишься въ опасности... Идти подъ пулями впередъ несравненно легче чѣмъ стоять въ огнѣ, а особенно когда стоишь долго и не видишь этому конца. Бывали случаи, что солдаты сами, безъ приказанія, кидались на непріятельское укрѣпленіе и занимали его. Я остался на правомъ флангѣ цѣпи и разошелся съ Егоромъ Егорычемъ, который въ бою не обращалъ на меня ровно никакого вниманія и былъ непривѣтливъ въ такой степени, что мнѣ это показалось нѣсколько страннымъ. Я рѣшился догнать Егора Егорыча въ то время, когда онъ ходилъ вдоль цѣпи, чтобы просить его указать мнѣ какую нибудь цѣль, назначить дѣло; но Егоръ Егорычъ только махнулъ рукой.

— Не мѣшайтесь, пожалуйста: ваше дѣло теперь присматриваться... не послѣдняя перестрѣлка,—дойдетъ очередь и до васъ; а теперь вы только солдата засуетите.

Я понималъ, что Егоръ Егорычъ былъ правъ, н мнѣ все таки было обидно и я хотѣлъ что-то возразить; но онъ не слушалъ меня и продолжалъ ходить по цѣпи успокоивая солдатъ.

— Ишь вѣдь какіе! и чего горячку пороть? словно впервые пришлось... Первое дѣло: старики молодежь придерживай, чтобъ зря не стрѣляли. Капитана провожалъ старый унтеръ-офицеръ, ходившій за жолонера, который тоже вставлялъ свои замѣчанія и я замѣтилъ, что Егоръ Егорычъ относился къ нему съ уваженіемъ, какъ къ настоящему боевому товарищу.

— На восемьсотъ мало будетъ, Егоръ Егорычъ... этта зря только пули пущать... говорилъ старый унтеръ-офицеръ съ видомъ знатока.

— Да, да! вѣрно, вѣрно!.. Ей Богу правда, Фроловичъ... отвѣчалъ Егоръ Егорычъ и тотчасъ же приказывалъ подымать прицѣлы на девятьсотъ шаговъ.

— А я, Егоръ Егорычъ. па лѣвый хвланокъ схожу... сказалъ унтеръ-офицеръ.

— Сходи, Иванъ Фроловичъ, сходи; да тамъ потихоньку плечо подай,—вишь они какъ завалили...

Фроловичъ отправлялся на лѣвый флангъ и тихо, не суетясь, водворялъ тамъ порядокъ.

— Перейди, молодцы, тихонько; никто не бѣгай... вотъ такъ, вотъ такъ!.. да смотри, если „онъ“, значитъ, полѣзетъ на васъ, сразу прицѣлы поставь на пятьдесятъ и жди... первое дѣло жди... Подпусти его что ни на есть поближе...

— Иванъ Фроловичъ! ужь „онъ“ сбирается, скоро на насъ пустится!..

— Лежи, лежи смирно! нишкни! я скажу, когда стрѣлять.

Солдаты вѣрили старику и слушались его: онъ не разъ уже ими руководилъ и я потомъ увидѣлъ, что въ этомъ унтеръ-офицерѣ Егоръ Егорычъ имѣлъ лучшаго помощника.

— Пали, молодцы! пали! командовалъ Фроловичъ, подпустивъ кавалерію шаговъ на сто.

То же самое продѣлывалъ въ серединѣ цѣпи Егоръ Егорычъ, а на другомъ флангѣ фельдфебель.

Меня крайне бѣсило мое бездѣйствіе и я замѣтилъ, что Егоръ Егорычъ слѣдилъ за мной, кидая украдкой на меня взгляды.

— Да вы идите, вы идите... теперь я вижу, что и вы можете... я вѣдь только такъ сказалъ... обратился вдругъ ко мнѣ Егоръ Егорычъ и мнѣ показалось, что онъ былъ въ это время взволнованъ.

— Куда идти? спросилъ я въ недоумѣніи.

— На правый флангъ идите, Алексѣй Петровичъ: теперь я вижу, что мнѣ можно быть спокойнымъ, когда вы будете тамъ.

Я понялъ все: старику понравилось, что я стоялъ довольно небрежно подъ пулями, раздосадованный его замѣчаніемъ и онъ очень былъ радъ, что могъ загладить нанесенную мнѣ непріятность. Я отлично понималъ, что моя роль, какъ офицера мало знакомаго съ боемъ, кромѣ личнаго примѣра заключалась развѣ только въ самомъ осторожномъ отданіи приказаній солдатамъ, изъ которыхъ каждый былъ вдесятеро меня опытнѣе. Я не скрываю, что я былъ горячъ и мою горячность съумѣлъ такъ ловко обдать холоднымъ словомъ этотъ простой человѣкъ, казавшійся внѣ дѣла довольно ограниченнымъ малымъ и чудакомъ.

Не успѣлъ я дойти до праваго фланга роты, какъ въ серединѣ цѣпи разыгралась слѣдующая сцена: подъѣхалъ на минутку къ нашей ротѣ батальонный командиръ, чтобы разсмотрѣть въ бинокль расположеніе непріятеля. Онъ никогда не мѣшался въ распоряженія Егора Егорыча, исключая впрочемъ тѣхъ случаевъ, когда необходимо было согласовать дѣйствія нѣсколькихъ ротъ. Подъѣхавъ къ цѣпи, онъ даже не замѣтилъ Егора Егорыча, какъ вдругъ старикъ подошелъ къ маіору и довольно хладнокровно сказалъ:

— Мнѣ, Петръ Ѳедоровичъ, на часокъ нужно уйти отсюда...

— Что вы говорите? переспросилъ маіоръ, не отрывая глазъ отъ бинокля.

— Уйти отсюда хочу.

— Христосъ съ вами! опомнитесь! что вы за вздоръ несете...

Старикъ не говоря ни слова, повернулся къ нему бокомъ, и маіоръ съ ужасомъ увидѣлъ, что весь рукавъ Егора Егорыча былъ въ крови. Онъ былъ раненъ выше локтя съ раздробленіемъ кости.

— Господи! да вы бы такъ и сказали... сказалъ маіоръ и сталъ просить Егора Егорыча поскорѣе отправиться на перевязочный пунктъ.

Я видѣлъ какъ старикъ поплелся назадъ и сразу сообразилъ что онъ раненъ. Огорченный его несчастіемъ я все таки былъ въ восторгѣ, что командую въ бою ротой. Я зорко слѣдилъ за каждымъ солдатомъ, стараясь

ободрить его словомъ. если представится надобность. но надобности не представлялось: рота такъ стойко держалась подъ огнемъ и встрѣчала натиски кавалеріи, что мнѣ только приходилось удивляться тому дѣйствительно замѣчательному боевому обученію, которое съумѣлъ преподать своей ротѣ Егоръ Егорычъ.

Маіоръ. командовавшій нашимъ батальономъ. все вертѣлся около моей роты, чего при Егорѣ Егорычѣ не бывало никогда; онъ очевидно считалъ меня неопытнымъ и былъ на сторожѣ. Иванъ Фроловичъ, явившійся нежданно ко мнѣ, безъ всякой церемоніи дернулъ меня за руку и втащилъ въ средину кучки. когда черкесы атаковали нашу цѣпь.

Словомъ. при самомъ страстномъ желаніи командовать ротой, я командовалъ ею только номинально. Однако въ слѣдующихъ бояхъ я возымѣлъ о себѣ болѣе высокое мнѣніе, хотя до Егора Егорыча было далеко.

Къ полудню бой сталъ умолкать. а къ вечеру мы уже были въ своемъ лагерѣ.

Оставивъ роту я пустился бѣгомъ къ палаткѣ Егора Егорыча. Грустная картина представилась моимъ глазамъ: Егоръ Егорычъ лежалъ на кровати, блѣдный какъ мертвецъ, и размахивая здоровой рукой, что-то неистово кричалъ. Два полковыхъ врача стояли у его изголовья.

— Ни за что! ни за что!. Это вы напрасно думаете. что я отсюда уѣду... не нужно мнѣ и докторовъ, когда такъ....

— Но вѣдь вы же опасно ранены; за вами нуженъ уходъ; вамъ покой нуженъ... послѣ опять пріѣдете... сказалъ одинъ изъ докторовъ.

— Коли лѣнь лечить, такъ не приходите,—я не прошу... Слышишь, Галыгинъ,—не зови ко мнѣ больше докторовъ, я и самъ вылечусь...

Оба доктора пожали плечами и вышли изъ палатки. Старикъ замѣтилъ меня.

— Алексѣй Петровичъ! голубчикъ ты мой! ну что? какъ? я ужь соскучился безъ васъ... Вамъ покушать надо... это мы сейчасъ все устроимъ. Галыгинъ! Галыгинъ! подай тамъ все что осталось...

Я просилъ его ради Бога не безпокоиться и спросилъ о здоровьѣ.

— Ничего,—ѣлъ сегодня, отвѣчалъ Егоръ Егорычъ.

Черезъ четверть часа пришелъ къ Егору Егорычу командиръ полка въ сопровожденіи тѣхъ же докторовъ.

— Ну что? какъ вы себя чувствуете? спросилъ полковникъ съ участіемъ.

— Ничего... слава Богу... поправляюсь... засуетился Егоръ Егорычъ, очень нелюбившій разговаривать съ начальствомъ.

— Гмм... сказалъ командиръ полка: поправляться-то здѣсь не совсѣмъ удобно. Вамъ нужно отправиться въ госпиталь.

— И вы меня гоните, полковникъ?.. конечно. я уже въ полку человѣкъ ненужный... сказалъ съ грустью старикъ.

— Помилуйте, Егоръ Егорычъ,—я желаю вамъ всего лучшаго; я хочу чтобъ вы поскорѣй поправились и вернулись въ полкъ здоровымъ...

— Да вы мнѣ приказываете или только такъ говорите?

— Положительно приказываю.

— Слушаю-съ, г. полковникъ, отвѣчалъ Егоръ Егорычъ, нахмурившись.

Противъ дисциплины онъ не шелъ никогда.

Пожавъ нехотя протянутую руку командира полка. Егоръ Егорычъ приказалъ Галыгину укладывать вещи. а самъ все время ворчалъ.

— Вотъ, Алексѣй Петровичъ,—вы сами видѣли. какъ со мной несправедливы... Что имъ стоитъ обидѣть человѣка...

Я ничего не возражалъ, зная что это будетъ безполезно; но я не могъ понять, отчего старику такъ не хотѣлось уѣзжать изъ полка.

Когда все было уложено и Егора Егорыча вынесли на носилкахъ изъ палатки, солдаты обступили носилки.

— Прощайте, братцы! не поминайте лихомъ... Былъ я можетъ быть для васъ и не отцемъ, да за то же рядышкомъ съ вами и дрался. какъ самый простой вашъ товарищъ... и еслибъ не приказъ начальства, не уѣхалъ бы я отъ васъ, а здѣсь бы... здѣсь бы и померъ... обратился онъ къ солдатамъ и голосъ его дрожалъ и нижняя губа какъ-то старчески отвисла и шевелилась и здѣсь въ первый разъ замѣтилъ я слезы. катившіяся по его блѣдному морщинистому лицу.

Долго стоялъ я въ раздумьѣ, глядя вслѣдъ лазаретному фургону, увозившему Егора Егорыча. „Чего искалъ этотъ человѣкъ въ жизни? откуда выработался въ немъ такой характеръ? Было ли въ его жизни хоть что нибудь дорогое въ сторонѣ отъ арміи?“—Вопросы, которые до сихъ поръ остаются для меня загадкой.

Н. Бутовскій.

Чему учатъ насъ камни.

Очерки изъ первобытной исторіи земнаго шара.

(Окончаніе).

II.

Какъ земля не похожа теперь на то, чѣмъ она была въ тѣ первобытныя времена, объ которыхъ разсказываютъ намъ камни! Азія состояла изъ острововъ; Западная Азія, Сѣверная Африка и Европа составляли длинную полосу острововъ, достигавшихъ до Америки и раздѣлявшихъ нынѣшній Атлантическій океанъ на нѣсколько бассейновъ. Англія была соединена съ Франціей и Испаніей, Италія и Швейцарія были покрыты водою, надъ сѣверной Германіей разстилалось полярное море. И такъ позднѣйшія образованія Европы—это Альпы, потомъ Гарцъ; Фихтель, Ризенъ, Эрцъ и рейнскія Сланцовыя горы старѣе; къ нимъ прилѣплялись караловыя животныя, и рядъ волкановъ прорѣзалъ узкій островъ Европы отъ Алена и Оверна (во Франціи) до Балканъ: несомнѣнными признаками ихъ существованія остались горячіе источники, лежащіе по этой линіи: нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались знамениты своими цѣлебными свойствами и привлекаютъ тысячи больныхъ. ищущихъ въ нихъ облегченія своихъ недуговъ.

Эти разсказы камней кажутся до такой степени баснословными, что прежде чѣмъ дать имъ полную вѣру, поищемъ еще другихъ свидѣтелей. Съ этой цѣлью предпримемъ путешествіе къ „глетчерамъ“, этимъ ледянымъ потокамъ, происхожденіе и свойства которыхъ такъ долго оставались загадкой для ученыхъ. Но мы не станемъ изслѣдовать льда а обратимъ наше вниманіе на громадную массу камней, которые глетчеры уносятъ своимъ теченіемъ, толкаютъ передъ собой, наваливаютъ по сторонамъ гигантскими валами. Эти послѣдніе достигаютъ иногда болѣе 200 футовъ высоты, среди нихъ попадаются каменныя глыбы величиною съ маленькій домъ, мѣстами они бываютъ такъ стары, что поросли лѣсомъ и на нихъ настроили деревень. Цюрихъ стоитъ на такихъ каменныхъ валахъ.

Глетчеры текутъ въ глубокихъ скалистыхъ долинахъ и берутъ свое начало на высочайшихъ склонахъ. Съ этихъ высотъ и ихъ склоновъ ежегодно отрываются большіе и маленькіе куски камней, которые падаютъ на ледъ глетчеровъ и остаются лежать на немъ. Но такъ какъ глетчеръ медленно спускается далѣе, то несетъ камни съ собой до того мѣста, гдѣ онъ самъ таетъ. Поэтому съ теченіемъ времени камни эти нагромождаются полукругомъ, сообразно съ видомъ оконечности глетчера, валами, называемыми лицевыми или конечными моренами. Но, скользя по стѣнамъ скалъ, глетчеръ и отъ нихъ отрываетъ куски камней и эти боковыя морены ложатся по обѣимъ сторонамъ ледянаго потока, образуя точно каменныя набережныя; наконецъ, онъ гладко стираетъ на своемъ пути стѣны скалъ. отполировываетъ ихъ. Такъ какъ эти камни не катятся а уносятся, то они сохраняютъ свою угловатую и остроконечную форму, такъ что ихъ съ перваго взгляда можно отличить отъ камней перваго вида. Въ полярномъ кругу глетчеры проникаютъ до моря и даже въ море, а если бываютъ оторваны послѣднимъ, то уплываютъ дальше въ видѣ ледяныхъ горъ, пока не попадутъ въ теплую полосу воды, гдѣ они таютъ, и

Психея. Картина Д. Бейшлагъ, грав. Гехтъ.

тогда, конечно, роняютъ въ море несомые ими камни. Но камни и растертая земля примерзаютъ также къ нижней поверхности или подошвѣ глетчера, какъ это было наблюдаемо въ перевернувшихся глетчерахъ, нижняя сторона которыхъ оказалась вверху. Еще въ настоящее время тысячи глетчеровъ плаваютъ по Гренландскому морю до Новой Земли, гдѣ они таютъ, роняя свой каменный грузъ на дно моря. Эти камни образовали уже возвышенія, извѣстныя какъ мѣста стоянки трески, куда она собирается мильонными стаями.

Если примѣнить эти факты къ наноснымъ камнямъ южной Германіи, которые по большей части имѣютъ угловатую и зубчатую форму, то станетъ ясно, что они не прикатились сюда съ водой, а были принесены на то мѣсто, гдѣ лежатъ по сіе время. Такъ какъ они происходятъ изъ Швеціи и Финляндіи, то и должны были быть принесены оттуда. Это могло произойти только посредствомъ пловучихъ ледяныхъ горъ. Слѣдовательно тогда глечеры должны были достигать до моря и дѣйствительно, многочисленные фьорды, то есть узкіе, на подобіе рѣкъ, морскіе заливы суть—не что иное какъ потонувшія долины глетчеровъ, въ концѣ которыхъ еще находятъ морены, а за ними вода опять становится глубже. Также гладко отполированныя поверхности тѣхъ долинъ доказываютъ, что по нимъ шелъ глетчеръ; даже, такія отполированныя стѣны скалъ встрѣчаются только на сторонахъ, обращенныхъ къ сѣверу и востоку, тамъ, слѣдовательно, откуда должны были скатиться глетчеры. Слѣдовательно на мѣсто теперешняго финскаго залива и Петербурга разливалось полярное море, покрывавшее сѣверную Россію и сѣверную Германію, такъ что ледяныя горы доплывали до теперешней Саксоніи и Силезіи, до Ахена и Люттиха, гдѣ разбивались о скалистые берега, таяли и роняли принесенные ими камни. Вотъ почему эти страны изобилуютъ песчаными пространствами и песчаными холмами, появившимися наружу, когда поднялось все морское дно. Только такимъ образомъ можно себѣ объяснить какъ съ сѣвера могли попасть камни въ нынѣшнюю Германію.

И такъ, по камнямъ мы узнаемъ о тѣхъ первобытныхъ временахъ когда Германія состояла изъ отдѣльныхъ острововъ, выдававшихся изъ воды въ видѣ небольшихъ возвышенностей; когда Карпаты, Судеты, Рудныя, Сосновыя горы и Богемскій лѣсъ, въ видѣ узкихъ косъ, раздѣляли два большихъ моря, изъ которыхъ южное достигало до Швейцаріи и у Женевы и Ліона, посредствомъ канала, соединялось съ теплымъ южнымъ моремъ. Такъ какъ въ различныхъ каменныхъ слояхъ, осѣдающихъ въ теченіе долгихъ періодовъ времени въ моряхъ, находятъ остатки растеній и животныхъ, то свѣдущіе изслѣдователи въ состояніи воспроизвести ландшафты тѣхъ странъ съ ихъ лѣсами и животными, рѣками, озерами и горами. Существуютъ карты, обозначающія распредѣленіе европейскаго материка въ различные періоды образованія земли. Камни, послѣдовательный порядокъ которыхъ можетъ быть съ точностью опредѣленъ по ихъ составнымъ частямъ и окаменѣлости, разсказываютъ намъ, что напр. въ предпослѣднемъ періодѣ мѣста, гдѣ теперь Лондонъ, Парижъ, Гамбургъ, Лейпцигъ, Берлинъ, Варшава, Копенгагенъ, Кёнигсбергъ, Петербургъ, Краковъ, и т. д., были еще морскимъ дномъ. Точно также и остальныя части свѣта имѣли совершенно другой видъ, такъ какъ между Восточной Африкой и Южной Азіей находилась цѣлая часть свѣта, которая утонула и объемъ которой видѣнъ еще по островамъ—бывшимъ высокимъ горнымъ хребтамъ старой земли. Мы ничего не знали бы обо всемъ этомъ, не будь у насъ возможности обращаться съ нашими пытливыми вопросами къ нѣмымъ камнямъ: тѣ даютъ намъ точнѣйшія свѣдѣнія на столько, на сколько намъ доступенъ ихъ языкъ.

Камни древнихъ египетскихъ и ассирійскихъ дворцовъ въ своихъ изображеніяхъ показываютъ намъ какая была наружность тогдашнихъ народовъ, какъ они одѣвались, какое у нихъ было оружіе, домашняя обстановка, какія они знали ремесла, на какомъ языкѣ говорили. Камни глетчеровъ поучаютъ насъ о послѣднемъ великомъ періодѣ нашего прошлаго, о такъ называемомъ ледяномъ періодѣ, когда въ Средней Европѣ жили люди, походившіе на теперешнихъ Лапландцевъ.

Если находятъ морены на разстояніи нѣсколькихъ часовъ и нѣсколькихъ миль отъ глетчера, то значитъ послѣдній нѣкогда доходилъ до тѣхъ мѣстъ; если ихъ находятъ въ озерахъ, то это значитъ что прежде туда доходилъ глетчеръ. До сихъ поръ, напримѣръ, въ Гардскомъ озерѣ живутъ рыбы Адріатическаго моря; слѣдовательно нѣкогда сѣверная часть Италіи была покрыта моремъ, что доказывается и многими другими признаками. Если же въ концѣ озера находятся подъ водой морены, то это служитъ доказательствомъ того, что первоначально озеро составляло фьордъ, или заливъ. Гдѣ на горныхъ скалахъ видны отшлифованныя гладкія поверхности, тамъ значитъ нѣкогда протекали глетчеры. Если на англійскихъ горахъ находятся такія поверхности, то значитъ тамъ существовали глетчеры. Если на вершинахъ находятъ остатки раковинъ и морскихъ животныхъ, значитъ гора была нѣкогда морскимъ дномъ.

Тамъ, гдѣ находятъ наносные камни—были прежде глетчеры; гдѣ при раскопкахъ находятъ оленій мохъ и другія растенія глубокаго сѣвера, тамъ долженъ былъ господствовать полярный климатъ. Швейцарія носитъ ясные слѣды семи могучихъ глетчеровъ, которые доходили до Баваріи и Швабіи и до долины По и имѣя 4000 футовъ вышины, наполняли долину между Альпами и Юрой. Швеція походила тогда на теперешнюю Гренландію, и большая часть сѣверной Америки была дномъ ледяного океана, такъ какъ наносные камни доходятъ до устья Огіо, а Центральная и Южная Америка была покрыта моремъ, которое распространялось до теперешней Сахары. Всѣ возвышенности древней Европы и Америки постепенно обратившіяся въ горы, были окованы льдомъ, потому что и Шварцвальдъ напр. имѣетъ отшлифованныя поверхности и наносные камни.

Изучая слѣдъ глетчера по песку, мергелевой глинѣ и валунамъ, можно прослѣдить не только пути древнихъ глетчеровъ до самого мѣста ихъ происхожденія, но даже доказать, что вся средняя Европа была покрыта глетчерами. Швеція, Англія и Шотландія лежали тогда на 1000 футовъ глубины подъ водою, и потомъ они поднялись на такую высоту, что носили на себѣ глетчеры. Въ глинистыхъ слояхъ, осаждающихся въ морѣ, находятъ наносные камни, а въ шведскихъ озерахъ до сихъ поръ попадаются морскія раковинныя животныя. Кромѣ того въ этихъ глинистыхъ слояхъ лежатъ остатки растеній и кости гигантскихъ, давно вымершихъ животныхъ, но также и человѣческія кости и костяныя и кремневыя орудія, сдѣланныя посредствомъ кремневыхъ ножей. Тонкія болота и густой кустарникъ окаймляли внутреннюю часть этихъ первобытныхъ острововъ; ихъ покрывали лиственные и хвойные лѣса, обитаемые длинношерстыми носорогами, слонами съ гривами, колоссальными гіенами, львами и первобытными медвѣдями. Особенно часто встрѣчаются оленьи рога, изъ которыхъ первобытные жители дѣлали свои орудія. Въ рѣкахъ жили тюлени, въ равнинахъ паслись антилопы, олени, буйволы, лоси и лошади; въ лѣсной чащѣ бродили тигры, львы и россомахи, на горахъ сурки, серны, каменные бараны и лемминги. Человѣкъ для своего жилища прорывалъ пещеры, охотился на этихъ колоссальныхъ животныхъ, мозгъ которыхъ служилъ для него лакомствомъ. Свѣдѣнія обо всемъ этомъ даютъ намъ пещеры и камни.

Это было время такъ называемаго ледяваго періода, который около 30,00 лѣтъ тому назадъ уступилъ умѣренному климату. Можетъ быть эта перемѣна произошла вслѣдствіе направленія Гольфштрёма въ Европу, когда выступившія земли, какъ сѣверная Германія, Россія и западная Сибирь отодвинули Ледовитый океанъ къ его теперешнимъ границамъ. Всего тщательнѣе изучены швейцарскія морены, которыя иногда были находимы случайно, такъ какъ съ теченіемъ времени онѣ превратились въ поросшіе травой и лѣсомъ холмы футовъ во 100 и 200 вышины. Въ Лимматскомъ округѣ открыто шесть такихъ валовъ, съ камнями величиною отъ 12 до 160,000 кубическихъ футовъ, имѣющими, слѣдовательно, слишкомъ 150,000 центнеровъ вѣсу, тогда какъ гранитная глыба, служащая, пьедесталомъ для памятника Петра Великаго, въ Петербургѣ, вѣситъ всего 30,000 центнеровъ. Наука обладаетъ достаточными доказательствами того, что эти каменныя глыбы могли быть принесены только глетчерами, когда такъ называемую плоскую Швейцарію покрывала ледяная масса въ нѣсколько тысячъ футовъ вышины и что въ Швейцаріи, равно какъ въ Швеціи и Англіи, было два ледяныхъ періода. Тогда на островныхъ горахъ Швейцаріи были еще сѣверныя растенія и животныя, водившіяся также и въ древней Сициліи, какъ напр. малорослая береза и ива; у подошвы горъ—тополь, дубъ, орѣшникъ, ель, горный клёнъ, букъ, липа, вязъ, буковое дерево, верескъ, камышъ, и т. п. Этими растеніями питались вышеупомянутыя гигантскія животныя, изъ которыхъ носороги въ Каништадтѣ близъ Штудгарта, а слоны около Майнца и Цюриха, должны были, повидимому, жить стадами, такъ какъ тамъ въ известковыхъ пещерахъ и ущельяхъ находили много костей этихъ животныхъ и выгнутыхъ наружу клыковъ мамонта. Какъ ни удивительно все это, но ледяной періодъ не долженъ казаться чѣмъ нибудь сказочнымъ: стоитъ только температурѣ Швейцаріи понизиться на 4—5 градусовъ, и глетчеры пріобрѣли бы прежнее протяженіе, для чего, конечно, каждому глетчеру понадобилось бы около 1000 лѣтъ. Швеція въ теченіи 100 лѣтъ возвышается на 2½—3 фута; слѣдовательно для того, чтобы достигнуть теперешней высоты 4000 футовъ, надо было 133,000 лѣтъ; чтобы опуститься на 1400 футовъ нуженъ былъ періодъ времени въ 56,000 лѣтъ, такъ что этой землѣ должно быть не менѣе какъ 200,000 лѣтъ.

Этими грандіозными цифрами мы заключаемъ нашу статью, такъ какъ достаточно этого чтобы видѣть какіе неожиданные выводы умѣетъ извлекать наука отъ изслѣдованія свойствъ, области распространенія и породы камней.

Къ рисункамъ.

Битва при Пальцигѣ въ 1759 году и ея причины.

(Историческій очеркъ).

„Изображеніе баталіи, одержанной Россійскимъ войскомъ подъ Командою Генерала-Аншефа и Кавалера графа Салтыкова надъ Прусскою арміею подъ командою Генерала Веделя при деревнѣ Пальцигѣ 1759 Года Іюня 12 дня“. Этимъ курьезнымъ заглавіемъ, не чуждымъ и орѳографическихъ и историческихъ неточностей, обозначена побѣда, одержанная нашею арміею надъ отрядомъ прусскихъ войскъ въ 1759 году во время знаменитой семилѣтней войны. Побѣда эта замѣчательна тѣмъ, что относится къ эпохѣ, когда созидалось величіе нынѣшней прусской монархіи и полагалось основаніе могуществу дома Гогенцоллерновъ.

Фридрихъ II слѣдовалъ твердо этому положенію,—то есть что надобно увеличивать свое могущество. Онъ и достигъ этого, благодаря особымъ счастливо сложившимся для него обстоятельствамъ. Въ 1740 году, когда внукъ Фридриха I вступилъ на престолъ, довелось хлопотать объ утвержденіи въ наслѣдственныхъ правахъ также Маріи Терезіи, дочери императора Карла IV, владѣтеля австрійскихъ земель. Говоримъ: хлопотать, потому что Маріи Терезіи не удалось безспорно вступить въ пользованіе отцовскимъ наслѣдствомъ. Явилось много претендентовъ на австрійскія земли. Между противниками оказался и молодой король прусскій. Этотъ послѣдній просилъ долю въ наслѣдствѣ, какъ прочіе союзники дочери Карла IV, ибо не находился ни въ какомъ родствѣ съ австрійскимъ владѣтельнымъ домомъ, но хотѣлъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Маріи Терезіи, оттянуть отъ ея владѣній какой-нибудь богатый кусочекъ. Выборъ его палъ на Силезію. Окруженная со всѣхъ сторонъ врагами (противъ нея была почти вся Европа), юная дочь Карла IV, хоть и скрѣпя сердце, поступилась прусскому королю Силезіею. Но когда обстоятельства Маріи Терезіи измѣнились къ лучшему и она окрѣпла на отцовскомъ престолѣ, Марія Терезія вспомнила объ утратѣ, сдѣланной ею въ угоду Пруссіи и рѣшилась возвратить утраченное. Зная силу и энергію своего противника, молодая императрица обезпечила себя союзами съ Россіей и Франціей и начала съ Пруссіей знаменитую семилѣтнюю войну 1756—1763. Въ эту войну довелось Фридриху II расплачиваться за охоту къ лакомымъ кусочкамъ. Къ чести Фридриха II надобно сказать, что онъ дѣйствовалъ какъ истинный герой въ этой войнѣ. Все же, не смотря на мужество и безспорный стратегическій геній, ему не удалось бы устоять въ неравномъ спорѣ, еслибы не умерла русская императрица Елисавета. Фридриху не только не удалось бы увеличить своихъ владѣній соотвѣтственно съ поставленнымъ имъ себѣ идеаломъ королевскаго достоинства, но едва ли бы удалось ему усидѣть и на отцовскомъ мѣстѣ. Къ этой-то войнѣ и относится баталія при Пальцигѣ.

Битва была при Пальцигѣ или Каѣ, какъ называютъ ее нѣмцы, на границѣ Бранденбурга, въ юго-восточномъ его углу. Самъ Фридрихъ, принявшій правиломъ въ эту войну дѣйствовать на счетъ непріятелей, находился съ главными силами въ Силезіи и Саксоніи противъ австрійцевъ; Бранденбургъ же защищался графомъ Дона, который имѣлъ въ виду наблюдать за русскими и въ тоже время прикрывать Померанію противъ шведовъ. Компанію 1759 года открыли русскіе, двинувшись съ зимнихъ квартиръ къ Одеру, съ тѣмъ чтобы въ соединеніи съ австрійцами нанести прусскому королю возможно сильный ударъ. Графъ Дона отъ Штральзунда съ береговъ Балтійскаго моря бросился на встрѣчу русскимъ, но при слабости своихъ силъ ничего сдѣлать не могъ, кромѣ того что сжегъ нѣсколько небольшихъ запасныхъ магазиновъ. Недовольный его дѣйствіями *скоропостижный* король (такъ звали Фридриха II враги за быстроту и неожиданность его распоряженій) послалъ на его мѣсто генерала Веделя, давъ ему самыя широкія права и снабдивъ приказаніемъ бить русскихъ вездѣ гдѣ ихъ ни встрѣтитъ. Повинуясь этимъ приказаніямъ новый диктаторъ поспѣшилъ на встрѣчу русскимъ, нашелъ ихъ у Пальцига, гдѣ и произошла битва, изображенная на рисункѣ. Въ донесеніи Салтыкова императрицѣ такъ говорилось объ этой битвѣ: „Непріятель, новоротясь вдругъ своимъ лѣвымъ крыломъ на правое наше устремился и пушечная пальба наижесточайшимъ образомъ началась, которая безпрерывно болѣе часа продолжалась. Непріятель между тѣмъ, сближаясь въ обыкновенную свою дистанцію, изъ мелкаго ружья пальбу началъ и напотважнѣйше на правое крыло наступалъ, но съ такою храбростію и мужествомъ встрѣченъ, что по наисильнѣйшемъ съ обѣихъ сторонъ огнѣ назадъ отбитъ. Однако, имѣя онъ съ своей стороны во многихъ мѣстахъ удобные перелѣски, перемѣняясь новыми людьми, вновь наисильнѣйшія атаки дѣлалъ и тако по троекратномъ праваго крыла атакованіи, но всегда съ равною храбростью и мужествомъ отбитіи къ лѣвому флангу устремился, гдѣ также двоекратно напотчаяннѣйшимъ образомъ аттаковалъ, а часть кавалеріи его къ деревнѣ Никенъ марширована съ тѣмъ, чтобъ сквозь оную въ лѣвый флангъ арміи ворваться, но генералъ Тотлебенъ, ... увидя непріятельское намѣреніе, оную деревню зажегъ и тѣмъ его замыслъ уничтожилъ. Такимъ предупрежденіемъ, жесточайшимъ дѣйствіемъ по воинственныхъ разнаго рода орудіевъ, ... также храбростію солдатъ, оный (непріятель) совсѣмъ въ бѣгство приведенъ“. По нѣмецкимъ свѣдѣніямъ, подъ Каемъ пруссаки были совершенно разбиты, потерявъ болѣе 5,000 челов. Эта побѣда, хотя и важная, имѣетъ значеніе не столько сама по себѣ какъ потому, что была прелюдіею къ ожесточенной Кунерсдорфской битвѣ, въ которой Фридрихъ II потерпѣлъ такое пораженіе, какого не испытывалъ въ теченіи семилѣтней своей борьбы съ союзниками. Послѣ Кунерсдорфа Фридрихъ считалъ себя погибшимъ и дѣйствительно бы погибъ, если бы у союзниковъ побольше было единодушія и не умерла потомъ императрица русская Елизавета. Послѣ Кунерсдорфской битвы Фридрихъ II такъ писалъ къ министру своему Финкенштейну въ Берлинъ: „Платье мое пробито пулями, подо мною убито было двѣ лошади. Изъ 40,000 арміи у меня не осталось въ настоящее время и 3,000 человѣкъ. Все погибло. Я не переживу этого несчастія; спасайте королевскую фамилію и прощайте на всегда!“

Несчастіе это случилось слѣдующимъ образомъ: получивъ извѣстіе о пораженіи Веделя подъ Пальцигомъ, скоропостижный король бросился самъ за Салтыковымъ, который между тѣмъ успѣлъ соединиться съ 20,000 отрядомъ австрійцевъ и занялъ крѣпкую позицію у деревни Кунерсдорфъ, неподалеку отъ Франкфурта на Одерѣ. Фридрихъ бѣшено атаковалъ позиціи союзниковъ 1-го (11-го) августа 1759 г. и пришелъ къ результатамъ, о которыхъ выше сказано. Мѣра несчастій Фридриха II еще не окончилась Кунерсдорфскимъ пораженіемъ. Въ концѣ года онъ, не смотря на истощенное положеніе своихъ силъ, вздумалъ выкинуть смѣлый кундштюкъ противъ австрійцевъ и хотѣлъ взять ихъ живьемъ въ плѣнъ, для чего послалъ въ тылъ имъ 13,000 корпусъ. Этотъ корпусъ оказался вынужденнымъ положить самъ оружіе предъ непріятелемъ. Силы короля-героя истощались и повидимому не было ему спасенія, но помимо его воли и предвидѣнія, судьба готовила ему облегченіе. Русской императрицѣ оставалось жить только годъ, а послѣ этой императрицы вступалъ на русскій престолъ другъ и почитатель Фридриха II, который и повернулъ все къ выгодѣ Пруссіи.

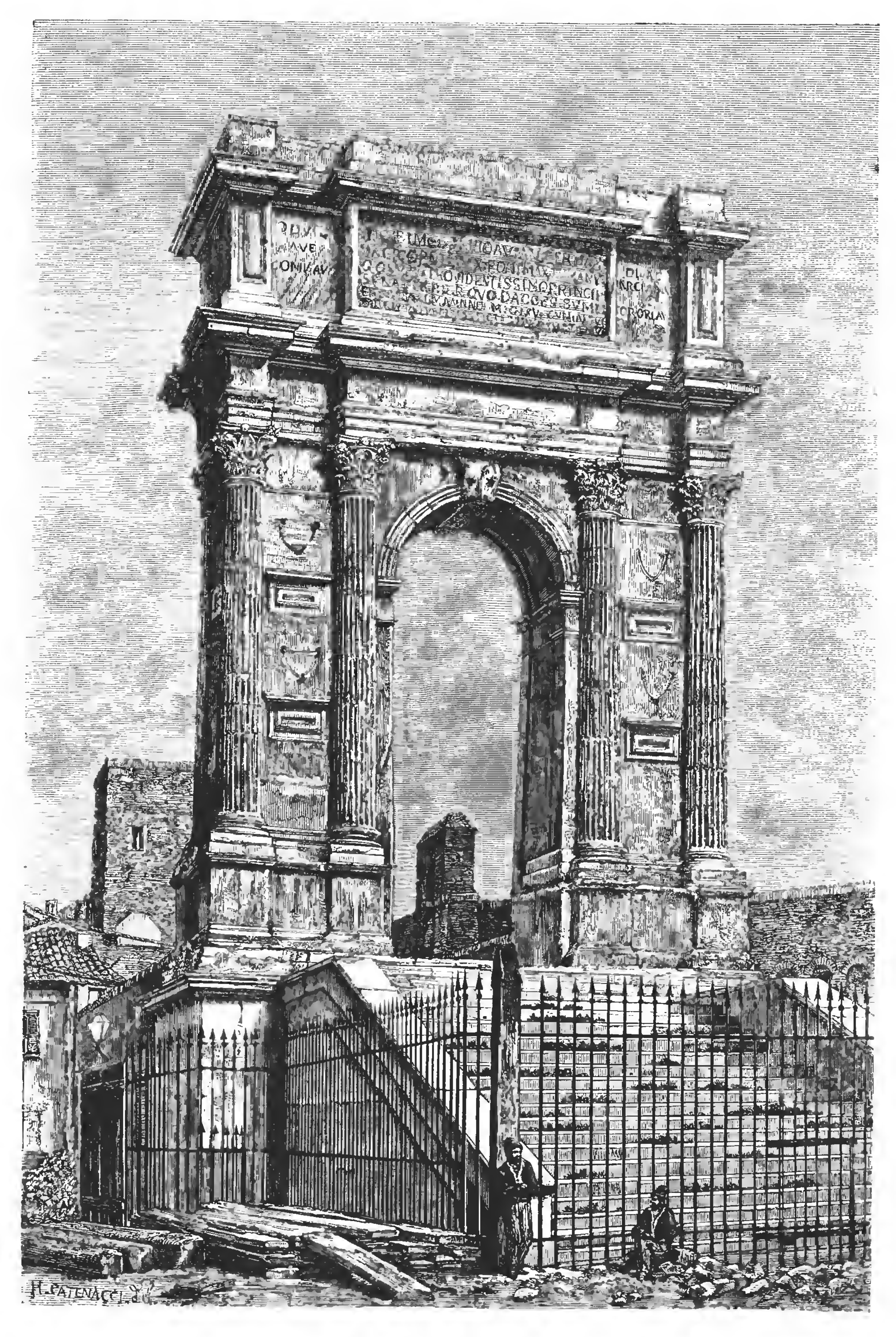
Русскій главнокомандующій, выигравшій двѣ битвы у пруссаковъ въ 1759 году, графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ до назначенія своего въ армію противъ Фридриха II, никакой важной должности въ дѣйствующихъ войскахъ прежде не занималъ и нигдѣ ничѣмъ не отличался. Это былъ маленькій, сѣденькій старичокъ, простой чрезвычайно въ образѣ жизни и обходительный. Какъ русскимъ такъ и иностранцамъ въ голову не приходило, чтобъ онъ могъ бороться противъ столь знаменитой арміи и противъ ея знаменитаго короля, которые удивляли свѣтъ своими побѣдами. При прибытіи своемъ въ армію онъ показался ей „сущею курочкой“, какъ выразился одинъ современникъ. Но какъ видно у этой курочки были на случай орлиные клювъ и когти. Что не воспользовался Петръ Семеновичъ своею Кунерсдорфскою побѣдою какъ слѣдовало бы ею воспользоваться, это зависѣло частію отъ самаго характера коалиціи, по правиламъ которой ему надобно было дѣйствовать, частію же отъ причинъ дипломатическихъ, выходившихъ за предѣлы вѣдѣнія и власти главнокомандующаго.

Въ заключеніе надобно сказать, что въ оглавленіи баталіи, помѣщенномъ на картинѣ, вкрались двѣ ошибки: битва у Пальцига была 12-го іюля а не іюня, какъ сказано въ оглавленіи, и командиръ съ прусской стороны при Пальцигѣ былъ генералъ Ведель, а не Велель.

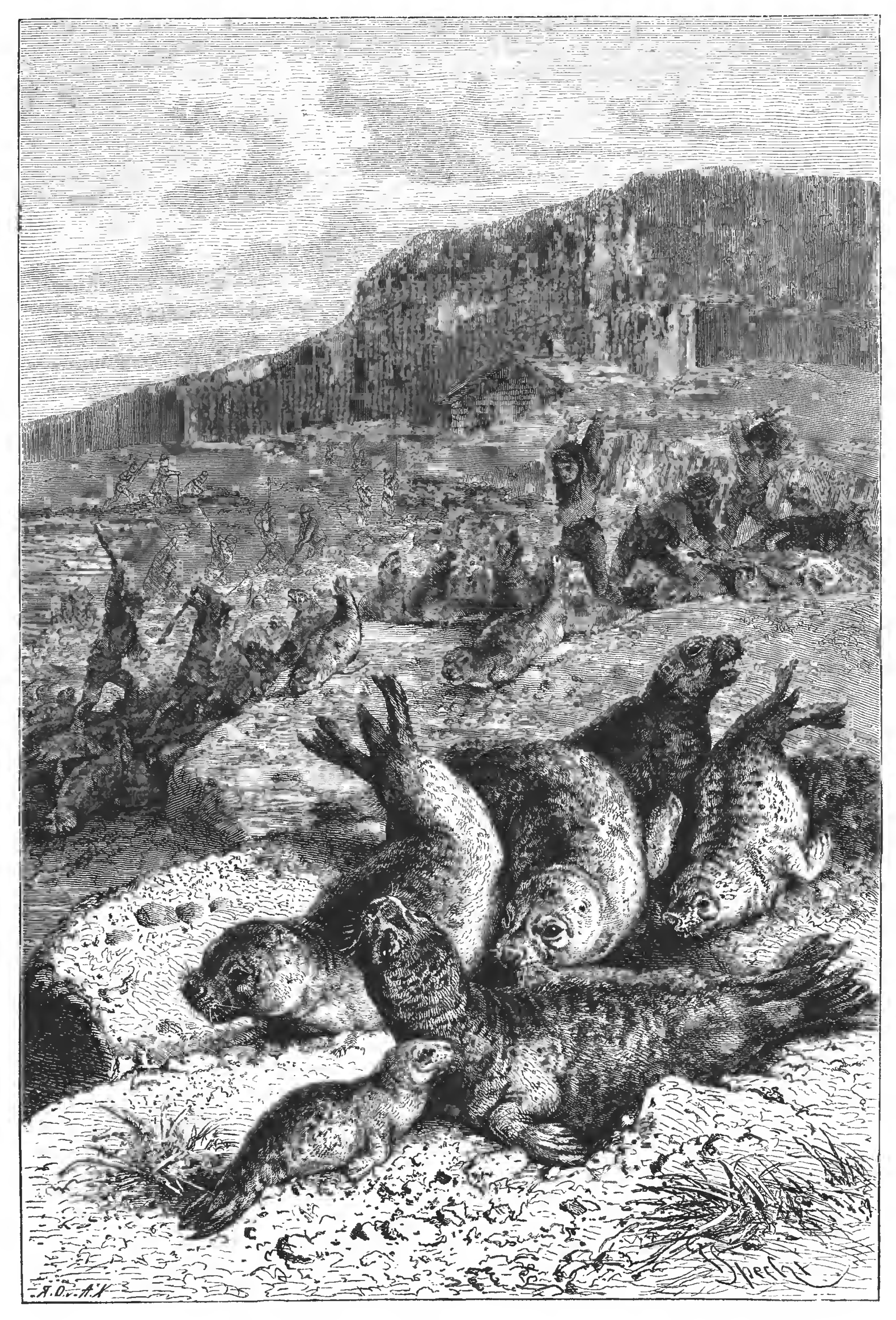
Психея.

(Картина Бейшлага).

Извѣстная сказка объ Амурѣ и Психеѣ, разсказанная Апулеемъ, сдѣлалась любимой темой поэтовъ и художниковъ. Прекрасная царская дочь возбудила зависть богини красоты Венеры, которая приказала амуру поразить сердце царской дочери любовью къ кому либо изъ смертныхъ, но амуръ, исполняя порученіе, не могъ устоять противъ красоты этой смертной и самъ влюбился въ нее. Царь, желавшій выдать свою дочь въ замужество, обратился къ оракулу Аполлона, который далъ отвѣтъ, что Психею, облекши въ траурныя одежды, слѣдуетъ возвести на вершину горы и оставить, ибо ей предназначено быть супругой чудовища. Наставленіе оракула было исполнено и Психея была оставлена на вершинѣ горы. Когда она тамъ стояла, погруженная въ свои мечты и думы (моментъ изображенный на прилагаемой картинкѣ) легкій вѣтерокъ перенесъ ее въ цвѣтущую долину и роскошный чертогъ, куда каждую полночь прилеталъ къ ней Амуръ. Но она никогда не видала лица своего возлюбленнаго, и желая посмотрѣть не обнимаетъ ли она дѣйствительно чудовище, однажды ночью, когда онъ заснулъ, она съ свѣтильникомъ наклонилась къ его ложу и увидала бога чудной красоты. Капля горячаго масла изъ свѣтильника упала на его плечо; амуръ улетѣлъ и Психея

Арка Траяна въ Анконѣ. Рис. Катенацци, грав. Бертрандъ.

Тюленья охота на островѣ Прибыловомъ, въ Беринговомъ заливѣ близь Аляски. Рис. Шпехтъ, грав. О. Ротъ.

въ тревогѣ и горѣ стала искать его, блуждая по всему свѣту и наконецъ попала въ невольницы къ Венерѣ, которая дурно съ нею обращается. Наконецъ Юпитеръ, даровавъ безсмертіе Психеѣ, соединяетъ ее съ Амуромъ, тронутый ихъ любовью. Художникъ писавшій картину, начертавшій этотъ воздушный юный образъ такъ тонко и изящно—Робертъ Бейшлагъ родившійся въ 1838 году. Онъ получилъ первоначальное художественное образованіе въ Мюнхенѣ, затѣмъ продолжалъ его въ Парижѣ; теперь живетъ постоянно въ Германіи и занимаетъ почетное мѣсто среди художниковъ своей родины.

Арка Траяна въ Анконѣ.

При вступленіи на престолъ Траяна послѣ смерти Нервы, положеніе всей Италіи, исключая конечно Рима, было далеко не завидное. Это средоточіе государства, котораго всѣ жители считались римскими гражданами, это истинное отечество римской народности было отдано въ жертву безплодія и запустѣнія тогда какъ чужія, захваченныя провинціи пользовались цвѣтущимъ состояніемъ.

Императоръ Траянъ прежде всего обративъ вниманіе на пути сообщенія, приказалъ исправить Аппіеву дорогу, проходившую черезъ понтійскія болота, вредныя тогда какъ и нынѣ своими испареніями. Исправленіе такого важнаго пути было великимъ дѣломъ Траяна въ глазахъ всѣхъ его современниковъ и на одной изъ многочисленныхъ арокъ, посвященныхъ имени Императора, сохранился до сихъ поръ барельефъ представляющій Аппіеву дорогу въ образѣ женщины, опирающейся на колесо и умоляющей Цезаря о помощи. Кромѣ того Траянъ провелъ еще три совершенно новыя дороги по побережью Тосканскаго и Адріатическаго моря. Но постройка дорогъ не могла бы принести особенной пользы если бы онѣ не примыкали къ важнымъ гаванямъ, въ которыхъ средняя Италія уже давно чувствовала крайнюю необходимость. Остія—этотъ единственный портъ Рима, возстановленный Августомъ и потомъ Клавдіемъ, постепенно засорялся. Траянъ очистилъ его и далъ ему имя portus Trajanus и кромѣ того снабдилъ Римъ еще другою гаванью Centumcellae (нынѣшняя Чивита-Веккія). Гавань Анконы (города объ исторіи и настоящемъ положеніи котораго было говорено въ особой статьѣ, помѣщенной въ 51 № Нивы прошлаго года) имѣетъ тоже громадное значеніе въ развитіи торговаго могущества Рима на берегахъ Адріатики. Еще и нынѣ великолѣпная арка возвышается здѣсь на молѣ и служитъ грандіознымъ памятникомъ Траяну, какъ основателю анконской гавани. Эта арка, воздвигнутая въ 115 г. по Р. Х. по почину Сената и римскаго народа, не имѣетъ себѣ подобной въ другихъ второстепенныхъ городахъ Италіи, хотя теперь Сарацины значительно обезобразили, снявъ и похитивъ ея бронзовыя украшенія и конныя статуи. Къ устройству гавани и молы приступлено было въ довольно смутное время войны съ Иллиріей, когда являлась необходимость найти для флота удобную и безопасную гавань вблизи театра военныхъ дѣйствій. Анкона удовлетворяла вполнѣ стратегическимъ планамъ Императора и посѣтивъ ее въ 99 г. (по Р. Х.) онъ велѣлъ приступить къ работамъ для устройства здѣсь морской станціи. Постройка арки была поручена знаменитому строителю того времени Аполлодору. По весьма удачной мысли этого зодчаго арка была воздвигнута на высокомъ фундаментѣ и какъ бы господствовала надъ лежащимъ у ногъ ея моремъ и надъ сосѣдними странами, враждебными Риму: Иллиріей, Далмаціей и землею Даковъ. Верхняя часть арки украшалась конной статуей Императора и фигурами его жены Плотины и сестры Марціаны. Бронзовыя гирлянды блестѣли нѣкогда на бѣломъ мраморѣ, вывезенномъ изъ Греціи, а на аркѣ виднѣлась обычная надпись, объяснявшая происхожденіе памятника. Отъ статуй, когда то прекрасныхъ, сохранились одни обломки, изъ которыхъ нѣкоторые хранятся до сихъ поръ въ городскомъ музеѣ Анконы. Арка же, какъ драгоцѣнный памятникъ древности, теперь окружена рѣшеткой и на площадку, лежащую на уровнѣ второй базы колоннъ, ведетъ мраморная лѣстница въ двѣнадцать ступеней. Заботясь о сохраненіи этой древней арки, новая Италія какъ бы продолжаетъ оказывать Траяну ту дань уваженія и благодарности какими пользовался онъ въ классической Италіи. Благодаря трудамъ и попеченіямъ этого Императора, Италія пріобрѣла силу и богатства всего міра и въ свою очередь давала всему тогдашнему міру единство, спокойствіе и твердое управленіе..

Личность Траяна, какъ Императора и какъ человѣка, замѣчательна и по свидѣтельству самихъ его современниковъ, это царствованіе было одной изъ самыхъ блестящихъ эпохъ римской исторіи. Его громкія побѣды и военные подвиги въ странахъ варваровъ (особенно въ Дакіи) надолго обезопасили Римъ отъ ихъ нападеній; честь римскаго оружія, поколебленная при Домиціанѣ, была блистательно возстановлена; Венгрія и Трансильванія преобразовались въ римскія провинціи и несмотря на то что Траянъ уже 50 лѣтъ отъ роду началъ свои побѣдоносныя войны, онъ все-таки успѣлъ смирить исконнихъ враговъ Рима—Германцевъ, Даковъ и Парфянъ. Въ отношеніи же внутренняго управленія государствомъ онъ слѣдовалъ примѣру Августа и старался по возможности быть доступнымъ, бережливымъ и милосердымъ. Послѣ пятнадцатилѣтняго обязательнаго боготворенія Домиціана, Римлянамъ наконецъ было *дозволено* смотрѣть на своего Императора не какъ на Божество, но какъ на простаго смертнаго и даже открытое его порицаніе не считалось болѣе святотатствомъ и наказывалось на основаніи общихъ законовъ. Траянъ, подобно Августу, старался постоянно поддерживать преданія республики, ревностно охраняя даже и отжившія формы. Онъ не боялся представителей знати какъ соперниковъ своей власти, а напротивъ того старался возвышать людей достойныхъ и награждать ихъ почетными отличіями. Такъ, когда Сенатъ предложилъ воздвигнуть статую извѣстному народному благотворителю Лицинію Суру, устроившему на свой счетъ публичную гимназію, то Траянъ первый одобрилъ и поддержалъ это предложеніе. Императоръ относился такъ спокойно къ воспоминаніямъ прежняго буйнаго Рима, что на монетахъ сохранилъ изображенія древнихъ царей и даже девизы и надписи республики. Не увеличивая налоговъ, не вводя никакихъ отяготительныхъ для народа финансовыхъ мѣръ, Траянъ одною бережливостью покрывалъ громадные расходы на армію и на народныя празднества, которыя были тогда потребностью и въ его время отличались особымъ великолѣпіемъ; такъ послѣ втораго побѣдоноснаго похода въ Дакію празднества продолжались цѣлыхъ 123 дня, во время которыхъ принимали участіе въ кровавыхъ зрѣлищахъ амфитеатра 10.000 дикихъ звѣрей и столько же гладіаторовъ. Крупныя суммы, употреблялись на благотворительныя дѣла и болѣе 5000 дѣтей недостаточныхъ родителей и сиротъ воспитывались на казенный счетъ. Императоръ безпощадно каралъ преступную, жадную къ наживѣ—администрацію и если проконсулы могли легко и безнаказанно грабить при Домиціанѣ, то при Траянѣ они отдавались подъ судъ за принятіе самаго незначительнаго подарка. Провинціи могли наконецъ вздохнуть свободно. Благосостояніе выражалось въ сооруженіи пышныхъ общественныхъ зданій: термъ, театровъ, водопроводовъ и пр. „Твои предшественники, говоритъ Плиній Траяну въ своемъ панегирикѣ брали все и ничего не давали и все таки казна ихъ была пуста, какъ будто бы они ничего не брали и все отдавали; ты же на оборотъ раздаешь все что имѣешь, ни отъ кого ничего не берешь и все таки казна твоя переполнена.“ Неожиданная вѣсть о смерти Цезаря, умершаго въ Силиціи въ 117 году по Р. Х. послѣ 19 лѣтняго счастливаго царствованія, была встрѣчена народомъ съ величайшею скорбью и съ тяжелымъ предчувствіемъ новыхъ, грядущихъ бѣдствій.

Одно мрачное, кровавое пятно есть на памяти Траяна—это постоянныя гоненія и преслѣдованія христіанъ, уже тогда весьма многочисленныхъ во всѣхъ провинціяхъ римской имперіи. Настойчивый Цезарь хотѣлъ во что бы то ни стало поддержать расшатанную въ самыхъ основахъ древнюю религію, но сила событій брала свое и не смотря на суровые декреты и жестокія казни, число послѣдователей ученія Спасителя увеличивалось все болѣе и болѣе, такъ что подъ конецъ царствованія Траяна, борьба становилась почти невозможной.

Тюленья охота близь Аляски.

Острова Св. Павла и Св. Георгія, а также двѣ необитаемыя, лишенныя всякой растительности скалы, названныя Бобровымъ и Моржевымъ островами, составляютъ группу, извѣстную подъ именемъ Тюленьихъ острововъ Аляски. Всѣ эти острова перешли отъ насъ во владѣніе Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Въ прежнее время на островѣ Св. Павла въ изобиліи водились выдры, которые теперь почти совершенно перевелись. Напротивъ тюлени и моржи постоянно и большими стадами водятся на островѣ. Ихъ странный, унылый и рѣзкій крикъ замѣняетъ тамъ маякъ и въ туманные дни, когда трудно оріентироваться—служитъ предостереженіемъ и указаніемъ въ какомъ положеніи находится корабль относительно берега.

Невысокій островъ Св. Павла, имѣетъ въ длину около 15 миль, въ ширину 4 мили. Весь онъ состоитъ изъ неправильныхъ холмовъ, а потухшій волканъ въ центрѣ острова, возвышающійся на 1000 футовъ надъ моремъ, имѣетъ весьма живописный видъ. Здѣсь, конечно, лѣто коротко, но зелень роскошна и даже скалы покрыты разноцвѣтнымъ мохомъ и лишаями. На юго-западномъ берегу, на уступахъ волкана раскинута деревушка, изъ которой открывается видъ на Берииговъ проливъ и на островъ. Сорокъ избъ наполовину врытыхъ въ землю, сложены изъ бревенъ, китоваго уса и дерна; жителей въ деревушкѣ 250 человѣкъ, совершенно довольныхъ своею жизнію. На самой высокой терасѣ построена русскими деревянная церковь, съ краснымъ куполомъ и бѣлымъ крестомъ. Кромѣ того на островѣ находятся два деревянныхъ склада, соляной домъ и сарай, гдѣ помѣщаются нѣсколько коровъ, овецъ и козъ. Два дома для американскихъ чиновниковъ и купцовъ дополняютъ поселеніе. Разъ въ недѣлю, женщины въ сопровожденіи дѣтей ходятъ на озеро стирать бѣлье, при чемъ не упускаютъ случая поболтать о разныхъ привидѣніяхъ и поразсказать деревенскія новости. Въ промежуткахъ между дѣломъ онѣ пьютъ чай, который составляетъ любимый и необходимый напитокъ каждаго семейства на островѣ.

Болѣе отважные и ловкіе рыбаки отправляются въ открытое

море на охоту за выдрой; тѣ же, которые не отваживаются пускаться въ легкихъ челнокахъ въ море, охотятся на моржей или китовъ, если послѣдніе подплываютъ къ острову.

Въ началѣ лѣта, когда наступитъ время охоты, охотники раздѣляются на нѣсколько партій, каждая располагается въ 6 кожаныхъ байдаркахъ. Въ назначенный день и часъ, всѣ охотники собираются въ заливѣ, куда приходитъ священникъ, который благословляетъ воду, совершаетъ молебствіе, крестясь садятся отплывающіе въ легкіе байдарки и трогаются въ путь. Часто случается, что многіе изъ отплывшихъ уже болѣе не возвращаются.

Болѣе серьезное значеніе для жителей островововъ Св. Павла и Св. Георгія имѣетъ охота на тюленей; она составляетъ здѣсь источникъ благосостоянія. Въ началѣ мая, нѣсколько старыхъ тюленей приплываютъ къ бухтѣ и выбираютъ мѣсто для остальнаго стада. Затѣмъ въ концѣ мая появляется уже все стадо, а въ половинѣ іюня, послѣ нарожденія маленькихъ, начинается ловля тюленей. Съ этой цѣлью, охотники отправляются осторожно въ бухту, стараются посредствомъ цѣпи отдѣлить стадо отъ воды и загнать его далѣе въ глубину острова—и гонять до тѣхъ поръ, пока тюлени достигнутъ соляного дома, гдѣ старыхъ тюленей убиваютъ а остальное стадо уходитъ опять въ бухту. Такимъ образомъ охотники избѣгаютъ хлопотъ по переноскѣ животныхъ къ тому мѣсту, на которомъ ихъ убиваютъ. Однако нужно заботиться, чтобы животныя не очень разгорячились, потому что шкуры ихъ тогда становятся негодными къ приготовленію, такъ какъ шерсть съ нихъ выпадаетъ сейчасъ по убіеніи. Убитые тюлени кладутся рядами. Тогда начинаютъ снимать шкуры и приготовлять ихъ для выдѣлки. Шкуры складываются въ большіе чаны, шерстью внизъ; —сверху же посыпаются толстымъ слоемъ соли. Въ такомъ видѣ ихъ не трогаютъ 40 дней, затѣмъ вынимаютъ изъ чановъ, встряхиваютъ, солятъ еще не много, свертываютъ и товаръ готовъ къ отправленію. Опытные мастера могутъ обработать въ день до 100 тюленей, по среднимъ числомъ ихъ приготовляютъ обыкновенно по 40 штукъ въ день.

Въ ноябрѣ еще разъ начинается охота на тюленей, изъ мяса которыхъ приготовляютъ солонину, въ прокъ. Чай, сахаръ и муку вымѣниваютъ у купцовъ на тюленьи шкуры.

Проработавъ лѣто, впродолженіе зимы охотникъ отдыхаетъ. Днемъ онъ сидитъ у горящаго очага и спитъ или отправляется съ ружьемъ на охоту за синей лисицей, которая водится на островѣ въ большомъ количествѣ.

На самомъ высокомъ мѣстѣ острова Св. Павла стоитъ деревянный почти сгнившій крестъ, въ память о погибшихъ смѣльчакахъ, которые разъ отправились въ байдаркахъ на островъ Св. Георгія, находящійся на разстояніи 35 миль. Съ тѣхъ поръ никто не отваживается болѣе посѣщать этотъ островъ.

Пабло де-Сарасате.

Со времени великаго Паганини, едва ли кто изъ артистовъ-скрипачей возбуждалъ тотъ восторгъ, тотъ энтузіазмъ, который охватываетъ слушателей молодаго испанца-виртуоза Пабло де-Сарасате. У насъ онъ появился уже послѣ обширныхъ артистическихъ путешествій по Европѣ и за океаномъ—путешествій, которыя были для него рядомъ музыкальныхъ тріумфовъ. Почти все время съ 1869 г. Сарасате провелъ въ этихъ артистическихъ объѣздахъ различныхъ странъ, начавъ съ Америки, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ и постепенно, затѣмъ, посѣтивъ Британію, Бельгію, Голландію, Швецію, Норвегію, Данію, Германію. Всюду имѣлъ онъ громадный, давно уже невиданный успѣхъ. Знаменитый виртуозъ—еще молодой человѣкъ, онъ родился въ 1846 г., въ Сарагоссѣ и еще мальчикомъ участвовалъ въ концертахъ. Музыкальное образованіе свое онъ получилъ въ Парижѣ, откуда по окончаніи тотчасъ возвратился въ Мадридъ. Здѣсь между прочимъ, играя однажды въ присутствіи королевы Изабелы, онъ получилъ отъ нея въ подарокъ скрипку Страдиваріуса, высоко цѣнимую знатоками.

Блескъ техническаго совершенства игры Сарасате равняется съ вдохновеннымъ выполненіемъ—въ этомъ отношеніи всѣ компетентные судьи дѣла вполнѣ согласны между собою: они единогласно возводятъ его на высоту артистическаго феномена. Считаемъ нелишнимъ привести здѣсь отзывъ одного изъ знатоковъ (S. P. Z.). Проводя параллель между Паганини и Сарасате и отвергая сходство между ними, рецензентъ говоритъ, что первый былъ основателемъ такъ называемой „виртуозной школы", которая въ ущербъ истинно музыкальнымъ цѣлямъ, отдавала преимущество вовсе не музыкальнымъ, чисто механическимъ фокусамъ, въ родѣ выполненія цѣлой пьесы на одной струнѣ и т. п. „У Сарасате, продолжаетъ рецензетъ,—техника сама по себѣ не есть цѣль. У него она только средство осуществленія благородной задачи—передать при помощи тоновъ, эстетическія вѣчно прекрасныя музыкальныя мысли и этимъ онъ стоитъ даже выше Паганини. Собственно *звукъ* у Паганини отличался такою мощью, что въ этомъ отношеніи никто и до сихъ поръ не можетъ сравниться съ нимъ. Въ немъ было что-то демоническое. Сарасате—глубоко чувствующій человѣкъ, одаренный пламенной артистической душой, нѣжную мольбу которой онъ умѣетъ выражать на языкѣ, полномъ необъяснимой прелести. У него звукъ не столько могучъ, сколько очарователенъ, обворожителенъ; мы знакомы съ игрой всѣхъ замѣчательнѣйшихъ скрипачей, начиная съ Паганини и до знаменитостей послѣдняго времени, но—можемъ сказать, что такого чарующаго тона не слыхали. Листа, какъ извѣстно, прозвали „Паганини фортепьяно", по нашему мнѣнію Сарасате можно назвать „Шопеномъ скрипки": мы находимъ большую аналогію между его фразировкой, его кантиленами и столь законченнымъ стилемъ Шопена, хотя этому послѣднему не достаетъ силы Сарасате".

Августъ Гамлинъ.

Меръ города Бангора, въ штатѣ Мэнъ, Соед. Шт.

Мы русскіе не особенно избалованы вниманіемъ, любезностью и сочувствіемъ иностранцевъ во время нашего пребыванія за-границей въ особенности съ патріотическою цѣлью. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ Америка; но и въ этой странѣ всемогущаго доллара, гдѣ все цѣнится на звонкую монету, мы не можетъ похвастаться прочными связями, основанными на общности интересовъ а потому всякое выраженіе добрыхъ чувствъ и симпатій къ нашему дѣлу должно особенно цѣниться нами. Изъ писемъ нашихъ моряковъ, помѣщавшихся въ русскихъ газетахъ о пребываніи „Цимбріи" въ Америкѣ, читатели, конечно, знакомы уже съ Мр-мъ Гамлиномъ. Меръ города Бангора, Августъ Гамлинъ, заслуживаетъ упоминанія и признательности. Онъ первый изъ офиціальныхъ представителей ближайшаго къ стоянкѣ „Cimbria" города прислалъ русскимъ морякамъ, прибывшимъ въ Бангоръ 3-го мая, офиціальное „добро пожаловать", и первый предоставилъ себя и свое время въ распоряженіе русскихъ. За все время пребыванія „Cimbria" въ бухтѣ Гарботъ, Августъ Гамлинъ, такъ сказать, пропагандировалъ въ штатѣ Мэнъ, симпатіи къ русской націи и русскимъ морякамъ и всюду, куда бы они ни направлялись въ городахъ штата, сопровождалъ ихъ, оказывая всевозможныя услуги; и это, при его вліяніи въ штатѣ, приносило русскимъ громадную пользу. Тѣ оваціи, какими наши моряки пользовались въ Бангорѣ, Портлендѣ, Августѣ и другихъ городахъ, они отчасти обязаны этому почтенному человѣку. Наконецъ, когда „Cimbria" уже прибыла въ Филадельфію, и русскіе перебрались на свои суда, М-ръ Гамлинъ не оставлялъ своихъ друзей,—они и тамъ получали приглашенія на различныя праздества въ городахъ штата Мэнъ. Августъ Гамлинъ также посѣтилъ ихъ въ Филадельфіи, гдѣ присутствовалъ на церемоніи спуска крейсера „Забіяка". Такіе, сердечно и безкорыстно относящіеся къ русскимъ, люди достойны нашего вниманія и признательности. Такіе люди не должны быть забыты и надѣемся, что русское общество не будетъ на насъ въ претензіи, что мы помѣщаемъ портретъ этого достойнаго представителя населенія города Бангора (на рѣкѣ Пенобскотъ, въ 60 миляхъ отъ остр. Дезеръ, гдѣ находится бухта Гарборъ—отъ этого города начинается желѣзная дорога въ Бостонъ и далѣе).

Мистеръ Гамлинъ—докторъ по профессіи, въ чинѣ подполковника арміи, въ междоусобную войну былъ медицинскимъ инспекторомъ сѣверной арміи и въ настоящее время второй разъ къ ряду выбранъ меромъ города Бангора, гдѣ пользуется общимъ почетомъ и уваженіемъ. Дядя его, сенаторъ и предсѣдатель комитета иностранныхъ дѣлъ, былъ одно время вице-президентомъ Соединенныхъ Штатовъ.

Микрококки и бактеріи.

Ровно сорокъ лѣтъ тому назадъ профессоръ Люттихскаго университета, Шваннъ, открылъ, что тѣло животныхъ состоитъ изъ безчисленнаго множества микроскопическихъ пузырьковъ, такъ называемыхъ животныхъ клѣточекъ.

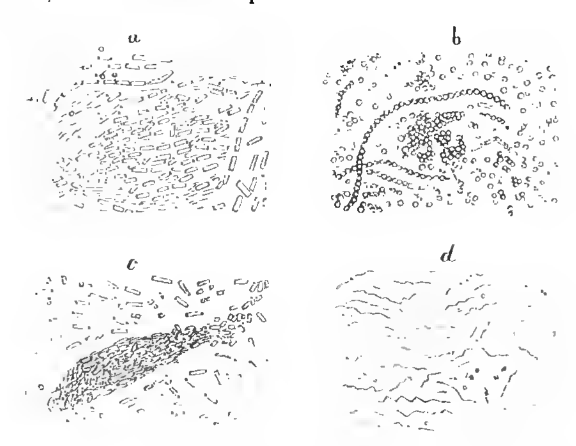
Благодаря этому открытію возникла новая наука о клѣточкахъ и въ настоящее время всѣ ученые, занимавшіеся этимъ предметомъ, пришли къ заключенію, что клѣточка—основаніе всѣхъ жизненныхъ функцій не только въ организмѣ животныхъ, но и въ организмѣ растеній и человѣка.

Кромѣ того ученые, въ томъ числѣ и знаменитый врачъ Рудольфъ Вирховъ, убѣдились, что эти клѣточки причина многихъ болѣзней. Они нашли при помощи усовершенствованныхъ микроскоповъ, что зародыши извѣстныхъ грибовъ проникаютъ въ человѣческое тѣло, гдѣ они съ необычайной быстротой размножаются, разлагаютъ соки въ тканяхъ и, если не принять мѣры къ ихъ уничтоженію, вызываютъ разныя болѣзни и нерѣдко даже смерть.

Эти виды грибовъ, составляющихъ переходъ отъ животныхъ къ растеніямъ, находятся въ громадномъ количествѣ во всей природѣ; они тысячами и десятками тысячъ переходятъ въ наше тѣло при вдыханіи воздуха, съ пищей и съ водой, которую мы пьемъ; въ большинствѣ случаевъ они, разумѣется, безвредны, такъ какъ только нѣкоторые изъ нихъ, а именно микрококки и бактеріи способны плодиться въ животномъ организмѣ.

Микрококки (рис. 1в) маленькія, весьма подвижныя, круглыя ткани; діаметръ ихъ равняется 1/1000—3/1000 миллиметра.

Бактеріи (рис. 1a) имѣютъ продолговатый видъ; онѣ больше микрококкъ, длина ихъ равняется 1 или 2 миллиметрамъ, а ширина $^1/_{700}$—$^1/_{350}$ миллиметра.

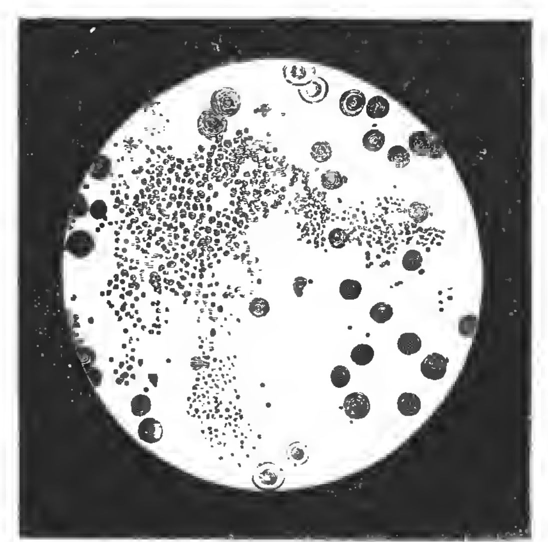
Фиг. 1. Разные виды бактерій и микрококкъ (увелич. въ 700 разъ).

Бактеріи и микрококки нерѣдко образуютъ студенистыя кучки, называемыя „Zoogloea" (рис. 1c.). Въ этихъ кучкахъ онѣ частью находятся въ покоѣ, частью же вращаются и въ извѣстное время покидаютъ свою студенистую оболочку. При этомъ наблюдали, что бактеріи, освободившись отъ своей оболочки, превращаются въ спиральныхъ змѣекъ (рис. 1d), весьма быстро передвигающихся. Обыкновенно бактеріи переносятся съ одного мѣста на другое сыростью, въ особенности же испаряющеюся водою. Въ легкости передвиженія бактерій нетрудно убѣдиться, стоитъ только покрыть стаканъ, наполненный жидкостью, содержащей бактеріи, стекломъ; черезъ нѣсколько времени нижняя поверхность стекла покроется парами, въ которыхъ при помощи микроскопа можно найти зародыши бактерій.

Рисунокъ 2-й представляетъ каплю гніющей овечьей крови. Мы видимъ въ ней множество маленькихъ круглыхъ клѣточекъ различной формы и величины—это микрококки разлагающія кровяные шарики.

Большинство врачей согласно съ тѣмъ, что заразительность эпидемическихъ болѣзней основывается на перенесеніи такихъ микрококкъ и бактерій въ человѣческій организмъ посредствомъ воздуха и воды.

Участіе бактерій при нѣкоторыхъ болѣзняхъ доказано уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Такъ, напримѣръ, извѣстно уже давно, что ихъ можно найти въ экскрементахъ чахоточныхъ. Кромѣ того покойный берлинскій профессоръ Траубе убѣдился, что бактеріи размножаются въ огромномъ количествѣ въ мочевомъ пузырѣ, изъ котораго онѣ проникаютъ въ почки и производятъ въ нихъ воспаленіе. На рисункѣ 3 мы видимъ капли мочи заболѣвшаго катарромъ мочеваго пузыря. Мы можемъ найти въ ней кучки бектарій и микрококкъ, клѣточки, оторвавшіяся отъ стѣнки мочеваго пузыря и частицы гнойной матеріи.

Фиг. 2. Кровь, предающаяся разложенію (увел. въ 700 разъ).

Въ желудкѣ и кишкахъ у нѣкоторыхъ больныхъ находили чирья, изъ которыхъ бактеріи проникали даже въ кровеносные и лимфатическіе сосуды. Весьма важную роль играютъ бактеріи при зараженіи крови. Онѣ переходятъ изъ окружающаго воздуха въ раны, производятъ въ нихъ нагноеніе и проникаютъ въ тѣло, гдѣ онѣ, наплодившись миллiардами, заражаютъ кровь. Судя по многимъ наблюденіямъ весьма вѣроятно, что и опасный дифтеритъ не что иное, какъ послѣдствіе перенесенія и сильнаго размноженія бактерій, чѣмъ и объясняется быстрое развитіе и часто, къ несчастью, печальный исходъ этой болѣзни.

До мельчайшихъ подробностей и съ замѣчательною точностью изслѣдовано развитіе бактерій при сибирской язвѣ, которою нерѣдко заражаются и люди отъ животныхъ.

Чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли вызываются болѣзненныя явленія открытыми посредствомъ микроскопа зародышами, животнымъ прививаютъ частицу болѣзнетворной матеріи: если животное заболѣетъ и въ немъ найдутъ такія же бактеріи, только въ большемъ числѣ, то это и будетъ неопровержимымъ доказательствомъ, что именно бактеріи причина данной болѣзни. Докторъ Кохъ въ Вальштейнѣ какъ нельзя лучше доказалъ это. Но предвидя, что эта какъ и всякая новая теорія будетъ встрѣчена съ недовѣріемъ, онъ, соединивъ свой микроскопъ съ фотографическимъ аппаратомъ, сдѣлалъ снимки съ зачатковъ болѣзни въ различныхъ стадіяхъ ихъ развитія прямо съ натуры.

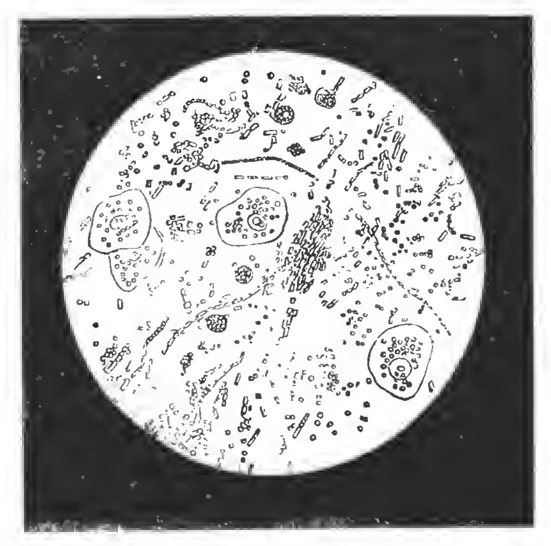
Рисунокъ 4 одинъ изъ такихъ снимковъ, сдѣланный Кохомъ. На немъ изображена кровь животнаго, околѣвшаго отъ сибирской язвы. Мы видимъ тутъ, какъ бактеріи разрушаютъ кровяные шарики, между которыми онѣ расположены.

Присутствіе бактерій при возвратномъ тифѣ тоже не подлежитъ сомнѣнію, а именно бактерій, извѣстныхъ подъ названіемъ „спирохэты", которые наполняютъ всѣ кровеносные сосуды больнаго. Несомнѣнно то, что дурная пища не мало способствуетъ развитію этихъ паразитовъ. Врачъ Обермейеръ, въ Берлинѣ, нашелъ въ крови у больныхъ тифомъ множество такихъ имѣющихъ спиральную форму паразитовъ, которые вились какъ змѣйки между кровяными шариками (Рис. 5).

Не вполнѣ еще доказано, но весьма вѣроятно, что тѣже микрококки и бактеріи причина кори, скарлатины и оспы, болѣзней, которыя, какъ извѣстно, переходятъ непосредственно отъ одного человѣка къ другому.

У другой группы болѣзней здоровый человѣкъ не заражается непосредственно больнымъ; весьма возможно, что въ такихъ случаяхъ возникновеніе заразы обусловливается климатическими особенностями данной мѣстности, такъ какъ заразительныя міазмы развиваются только при извѣстной температурѣ и уже затѣмъ проникаютъ посредствомъ воздуха въ человѣческій организмъ. Къ такого рода болѣзнямъ принадлежатъ: брюшной тифъ, желтая лихорадка, чума и перемежающаяся лихорадка.

Что касается до средствъ для борьбы съ опасными бактеріями, то медицина можетъ быть довольна тѣми результатами, которыхъ она достигла въ такой короткій періодъ. Въ карболовой и салициловой кислотахъ она нашла специфическія средства для уничтоженія микрококкъ и бактерій. Благотворное дѣйствіе этихъ медикаментовъ при дифтеритѣ, зараженіи крови, тифѣ, чахоткѣ и другихъ имъ подобныхъ болѣзняхъ, по всей вѣроятности основывается на умерщвленіи бактерій. При зараженіи крови оно даже не подлежитъ сомнѣнію. Англійскій хирургъ Листеръ первый посовѣтовалъ употреблять карболовую кислоту для уничтоженія вредныхъ паразитовъ и только при такомъ свободномъ отъ міазмовъ воздухѣ перевязывать раны. Благодаря такой предосторожности многіе изъ нашихъ героевъ излечились отъ ранъ, полученныхъ въ прошлогоднюю турецкую войну, въ противномъ же случаѣ предстояла бы имъ смерть отъ зараженія крови.

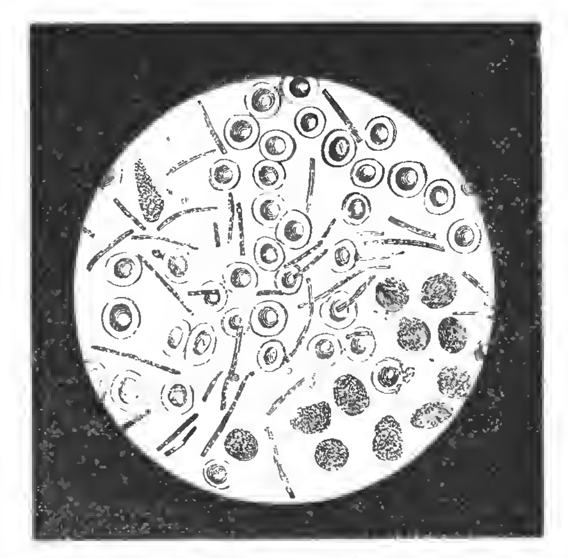

Фиг. 3. Гніющія части при катаррѣ легкихъ (увелич. въ 700 разъ).

Еще важнѣе все болѣе и болѣе распространяющееся ученіе объ общественной гигіенѣ, цѣль которой—изслѣдовать тѣ усло-

(Продолженіе на стр. 157, 158, 159, 160).

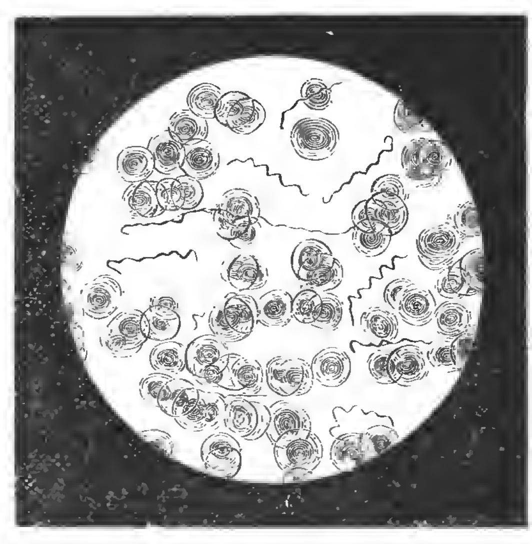
вія, при которыхъ появленіе болѣзней, въ особенности эпидемическихъ, дѣлается возможнымъ и какими мѣрами можно устранить эти условія. Очищеніе воздуха и почвы, устройство здоровыхъ жилыхъ помѣщеній, канализація городовъ, строгій

Фиг. 4. При воспаленіи селезенки (увелич. въ 700 разъ).

надзоръ за доброкачественностью жизненныхъ припасовъ — вотъ задача общественной гигіены. Все это будетъ способствовать къ устраненію вредныхъ міазмовъ и никакая эпидемическая болѣзнь не будетъ тогда такъ страшна: не имѣя посредствующихъ элементовъ для распространенія заразы, она исчезнетъ также быстро, какъ и пришла.

Гигіена у насъ въ Россіи имѣетъ особенно важное значеніе: находясь въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ турецкими владѣніями въ

Фиг. 5. При возвратномъ тифѣ (увелич. въ 700 разъ).

Азіи, въ которыхъ постоянно свирѣпствуютъ разныя повальныя болѣзни, мы всегда должны заботиться о томъ, чтобы такія опасныя гостьи, какъ напримѣръ чума, которая теперь снова проникла къ намъ, не находили почвы для своего распространенія.

Политическое обозрѣніе.

Высочайшій манифестъ о мирѣ съ Турціей. Условія мира. Положеніе дѣлъ въ Македоніи. Война британцевъ съ зулусами. Грэви и Гамбетта. Желтая лихорадка въ Америкѣ.

Въ Правительственномъ Вѣстникѣ напечатанъ Высочайшій манифестъ о заключеніи и утвержденіи окончательнаго мира нашего съ Турціей. Что же касается самыхъ условій, то о нихъ передаютъ слѣдующее: турецко-русское соглашеніе заключается въ трехъ документахъ: 1) въ мирномъ договорѣ, 2) нотѣ Русскаго правительства къ Портѣ и 3) протоколѣ; главнѣйшія постановленія договора, состоящаго изъ 12-ти статей, опредѣляютъ, что: берлинскій трактатъ признается замѣняющимъ тѣ условія с. стефанскаго договора, которыя обсуждались на берлинскомъ конгрессѣ; тѣ же пункты с. стефанскаго трактата, которыхъ не коснулся конгрессъ, разрѣшаются постановленіями настоящаго договора: военное вознагражденіе опредѣляется въ 802,500,000 франковъ; способъ уплаты и гарантіи, обезпечивающія эту уплату, будутъ предметомъ особаго, дальнѣйшаго соглашенія. Сумма въ 26,500,000 франковъ назначается для вознагражденія русскимъ, проживающимъ въ Турціи и пострадавшимъ вслѣдствіе войны; требованія вознагражденія со стороны пострадавшихъ могутъ быть предъявляемы только по истеченіи года; уплата за содержаніе военноплѣнныхъ должна быть произведена въ семилѣтній срокъ и распредѣляется на 21 взносъ; жители областей, уступленныхъ Россіи, могутъ продать свою поземельную собственность и выселиться изъ страны, для чего имъ предоставляется трехлѣтній срокъ; за всѣ проступки, совершенные до заключенія настоящаго мирнаго договора, объявляется полная амнистія; прежніе торговые договоры и конвенціи съ Россіей снова вступаютъ въ силу; обмѣнъ ратификацій мирнаго договора долженъ, по возможности, быть произведенъ въ двухнедѣльный срокъ. Въ нотѣ, съ которой князь Лобановъ-Ростовскій обратился къ Портѣ, говорится, что выступленіе русскихъ войскъ изъ турецкихъ владѣній начнется немедленно послѣ обмѣна ратификацій и окончится, самымъ позднимъ срокомъ, въ 35 дней. По словамъ иностранныхъ газетъ, тотчасъ же послѣ подписанія мирнаго договора, князь Лобановъ-Ростовскій объявилъ, что очищеніе русскими войсками Адріанополя и его окрестностей, не взирая на выговоренный 35-ти дневный срокъ, начнется немедленно. Къ этому прибавляютъ, что, дѣйствительно, уже 9-го февраля нами были сдѣланы необходимыя приготовленія къ выступленію изъ этого города, куда въ тотъ же день долженъ былъ отправиться Реуфъ-Паша.

Россія выполнила, сдѣлала все, что могла, не щадя себя, для блага единокровныхъ народовъ, во главѣ которыхъ поставлена самой исторіей, сдѣлала все—не смотря на всевозможныя препятствія, которыя ей были поставлены и врагами, и „друзьями“; но—завершился ли кругъ событій, начало которыхъ мы видимъ въ искрѣ, вспыхнувшей въ 1875 году въ Невесиньи—это другой вопросъ... Достаточно заглянуть въ „восточную Румелію“, въ „Македонію“, чтобы не вполнѣ довѣрять будущему. Недавно, въ послѣднюю изъ этихъ двухъ провинцій отправился британскій консулъ Пэльгревъ для освидѣтельствованія, по порученію своего правительства, тѣхъ злодѣяній и безчинствъ, которыя совершены тамъ турками. Его докладъ ужасенъ—снова массы труповъ, пожарища, развалины, запустѣніе на мѣстѣ цвѣтущихъ деревень. Когда же это окончится!? Будетъ ли снова лордъ Биконсфильдъ опровергать донесенія—на этотъ разъ уже собственнаго чиновника? Но, можетъ быть, теперь палата встрѣтитъ эти опроверженія своего премьера не съ прежними сочувствіями и, даже, не съ прежнимъ слѣпымъ довѣріемъ. Вообще, есть основаніе предполагать, что планы смѣлаго премьера потеряли прежнюю репутацію солидности въ глазахъ страны. Странный (хотя по британскимъ источникамъ и быстрый), ходъ военныхъ событій въ Авганистанѣ, непонятныя побѣды съ непонятными результатами ихъ, мало прибавили славы британскому оружію. Но еще меньше прославилось это оружіе на югѣ Африки. Въ свое время мы сообщили читателю о начинающейся тамъ войнѣ Британіи съ маленькимъ королевствомъ зулусовъ. Извѣстно, что Британія высылаетъ свои арміи только противъ такихъ страшныхъ и могущественныхъ соперниковъ, какъ Ашантіи, Абиссинія, Авганистанъ и, теперь Зулусы, предпочитая съ врагомъ иного рода вести иную войну, какую вела съ нами въ 1877—1878 гг. Постараемся объяснить происхожденіе нынѣшней кафрской войны. Причины ея слѣдуетъ искать въ несправедливомъ присоединеніи къ британскимъ владѣніямъ двухъ, принадлежавшихъ Голландіи, маленькихъ республикъ. Обѣ онѣ возникли вслѣдствіе начавшагося въ концѣ тридцатыхъ годовъ значительнаго переселенія бывшихъ голландскихъ крестьянъ на мысъ Доброй Надежды. Голландскіе поселенцы не могли ужиться подъ британскимъ господствомъ. Имъ не нравилась военно-бюрократическая система и стремленія, направленныя—отдадимъ справедливость британцамъ—къ измѣненію рабскихъ отношеній туземцевъ къ голландскимъ землевладѣльцамъ. Чтобы избавиться отъ реформъ, голландцы (преимущественно фермеры и скотоводы) ушли съ своими многочисленными стадами и черными пастухами на сѣверъ и поселились на свободной территоріи, которую они частью отвоевали, частью купили у кафровъ. Здѣсь на тучныхъ лугахъ, у подножія восточнаго горнаго кряжа, на Оранжевой рѣкѣ, впадающей въ Атлантическій океанъ, переселенцы эти, въ числѣ приблизительно 100 тысячъ бѣлыхъ, образовали двѣ республики: республику Оранжевой рѣки и Трансваальскую, которыя начали быстро процвѣтать, благодаря умной политикѣ относительно туземцевъ и неутомимому трудолюбію. Британцы, конечно, задумали сдѣлать изъ этой богатой области (площадь которой по величинѣ равняется Венгріи) рынокъ для сбыта своихъ продуктовъ. Они начали съ того, что заняли мѣстность, расположенную позади принадлежащаго республикамъ порта Наталя. Необходимый предлогъ былъ изобрѣтенъ немедленно: голландцы порабощаютъ кафровъ (кафровъ порабощать нельзя, но славянъ—можно), или, напротивъ, они не умѣютъ обуздывать ихъ и удерживать отъ вторженія въ британскія владѣнія. Кончилось, какъ и слѣдовало ожидать, тѣмъ, что Британія два года тому назадъ торжествен-

но присоединила къ себѣ обѣ республики. Голландцы подчинились неохотно и ходили слухи, что они вступили въ заговоръ съ племенемъ Зулу. Это побудило британцевъ объявить войну главному вождю племени, Сетавайо и занять его владѣнія. „Война" началась съ нѣсколькихъ незначительныхъ отдѣльныхъ стычекъ, въ которыхъ геройскіе солдаты королевы Викторіи покрыли себя неувядаемыми лаврами, всюду побѣждая полуодѣтыхъ воиновъ Сетавайо; но вотъ послѣдовало нѣчто въ родѣ генеральнаго сраженія и — побѣдители потерпѣли не слыханное пораженіе. Битва произошла 22-го января н. с., близь (въ 10-ти миляхъ) Роркской отмели. Расположенному здѣсь британскому отряду, состоявшему изъ 5-ти ротъ 1-го полка, одной роты 2-го, 104 ч. конницы и 800 ч. туземцевъ, при 2-хъ орудіяхъ, было поручено охранять лагерь; зулусы напали въ значительныхъ силахъ. Британцы потерпѣли страшный уронъ, потерявъ, согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, до 60 офицеровъ, 500 европейскихъ и около 70 туземныхъ солдатъ и оставивъ въ рукахъ непріятеля знамя, двѣ пушки, значительный транспортъ провіанта (60 тысячъ фунтовъ), заключавшійся въ 102 повозкахъ, при 1000 волахъ, 400 штукъ бомбъ и картечи, 1000 ружей, 250 тысячъ патроновъ. Британское правительство спѣшитъ отправить подкрѣпленія.

Новый персоналъ французскаго правительства занятъ въ настоящую минуту своимъ installation. Греви недавно въѣхалъ въ ограду теперешняго своего жилища—Елисейскаго дворца, помѣщаясь съ женой и дочерью въ маленькой кареткѣ въ одну лошадь. Гамбетта занялъ великолѣпную квартиру президента палаты депутатовъ.

Въ Южныхъ Штатахъ Сѣверной Америки страшно свирѣпствуетъ желтая лихорадка, опустошая цѣлые города, въ которыхъ, какъ пишутъ, вымираетъ чуть ли не сплошь и поголовно все населеніе, при появленіи губительной эпидеміи.

Пабло Сарасате. Съ фотогр. грав, Вейерманъ.

Разныя извѣстія.

Отопленіе городовъ паромъ. Мы сообщали уже о появившейся въ Америкѣ мысли отоплять дома цѣлыхъ улицъ и кварталовъ посредствомъ пара, доставляемаго, подобно водѣ и газу, изъ одного центральнаго учрежденія. Мысль эта приводится теперь въ исполненіе въ американскомъ городѣ Детруа, въ штатѣ Мичиганъ. Тамъ образовалось общество, нанявшее на нѣсколько лѣтъ особое зданіе, предназначенное для помѣщенія въ немъ пятнадцати громадныхъ котловъ, которые должны снабжать паромъ весь городъ. Общество уже получило разрѣшеніе проложить въ землѣ нужныя ему трубы и приступило къ работамъ по ихъ укладкѣ; трубы будутъ на первый разъ проложены на протяженіи двухъ миль. На первоначальныя работы ассигновано 50,000 доларовъ, и кромѣ того уплачено 30,000 доларовъ изобрѣтателю системы за право ею воспользоваться.

Географія сердца. Подъ этимъ заглавіемъ газета „Figaro" сообщаетъ интересныя свѣдѣнія объ инструментѣ, изобрѣтенномъ для графической передачи біенія сердца. Инструментъ этотъ изобрѣтенъ г. Марэ. Онъ называется сфигмографъ и состоитъ изъ трехъ частей: капсюля, пружины и острія. Капсюль ставится на сердце; пружина повинуется малѣйшимъ движеніямъ послѣдняго, а остріе записываетъ эти движенія на полосѣ бумаги въ формѣ волнообразныхъ линій. Больной какъ бы самъ диктуетъ врачу свой діагнозъ.

Выслушивая при помощи своего снаряда сердца людей и животныхъ и сравнивая полученныя имъ записи, г. Марэ составилъ нѣчто въ родѣ географическаго атласа сердца. Тутъ есть линіи, изображающія лихорадку лошади, аневризмъ тюленя, трепетанія сердца утки, гипертрофію попугая; рядомъ съ этимъ помѣщены всевозможныя патологическія явленія въ сердцѣ человѣка. Каждая болѣзнь выражается особымъ зигзагомъ, каждая неправильность въ отправленіяхъ сердца имѣетъ свою особую линію. Повидимому недалеко то время, когда въ сердцѣ дѣйствительно можно будетъ читать какъ въ книгѣ.

Средство противъ эпилепсіи. Средство это старинное. Его велѣла сохранять въ великогерцогскомъ архивѣ великая герцогиня Мекленбургъ-Шверинская. Приготовлялось оно издавна по стариннымъ рецептамъ и выдавалось герцогинею желающимъ паціентамъ безвозмездно. Въ настоящее время проф. *Гимли* въ Килѣ химически изслѣдовалъ это до сихъ поръ покрытое глубокою тайною средство. Состоитъ оно, по анализу профессора, изъ 91,23 частей порошка изъ корня піона, 8,77 частей углекислой извести. Этой смѣси употребляется 24 порошка на 1 стаканъ ландышевой воды. Спросъ на это лекарство, оказывающееся во многихъ случаяхъ дѣйствительнымъ, въ послѣднее время сдѣлался столь великъ, что великая герцогиня нашлась вынужденною передать право продажи этого средства Шверинской придворной аптекѣ.

Выздоровленіе посредствомъ ужаленія пчелами. Кто могъ бы подумать, что ужаленіе пчелы заключаетъ въ себѣ цѣлительную силу противъ нѣкоторыхъ болѣзней, напримѣръ, противъ хромоты, подагры и т. д. Это испыталъ на себѣ недавно одинъ изъ германскихъ пивоваровъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ былъ одержимъ подагрою до такой степени, что цѣлую недѣлю лежалъ въ постели. Но, послѣ 7-ми пчелиныхъ ужаленій, онъ поздоровѣлъ и пользуется здоровьемъ до сихъ поръ. Другое подтвержденіе цѣлительной силы ужаленія пчелами представляетъ мѣсяца два тому назадъ сдѣланный опытъ въ Рентенбахѣ (въ Верхнемъ Пфальцѣ). У собственника одной изъ тамошнихъ гостинницъ, г. Гирля, жила дѣвочка 8 или 9-ти лѣтъ отъ роду, совершенно хромая, такъ что не могла стоять на ногахъ. Всѣ средства для излеченія бѣднаго ребенка были безуспѣшны. Но вотъ, по совѣту одного врача, прибѣгли къ пчелиному жалу. Припустили пчелъ укусить ноги дѣвушки два, три, четыре и болѣе разъ. И что же? Уже послѣ перваго ужаленія дѣвочкѣ стало лучше; а послѣ нѣсколькихъ ужаленій здоровье ребенка стало поправляться все быстрѣе и быстрѣе, такъ что въ настоящее время онъ можетъ уже не только безъ посторонней помощи стоять на ногахъ, но и бѣгать вмѣстѣ съ другими дѣтьми, такъ что можно разсчитывать на совершенное выздоровленіе дѣвочки.

Августъ Гамлинъ. Меръ города Бангора.

Ариѳмогрифъ.

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. Фруктъ.

4. 7. 2. 1. Названіе дерева.
3. 4. 3. 8. 1. Женское имя.
1. 8. 1. 8. 1. 6. 9. Плодъ.
6. 2. 4. 7. 8. 9. Головная боль.
2. 7. 8. 1. 4. 5. Принадлежность ученика.
3. 4. 5. Названіе дерева.
2. 4. 7. 6. 9. Русскій бархатъ.

Рѣшеніе ариѳмогрифа въ слѣд. №.

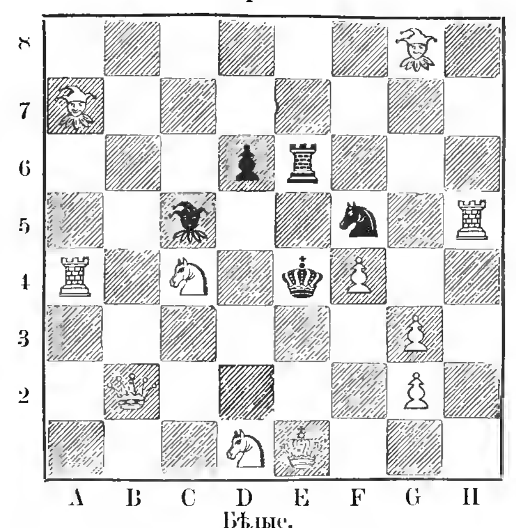
РЕБУСЪ.

Рѣшеніе ребуса въ слѣдующемъ №.

Шахматная задача № 6.

Черные.

A B C D E F G H

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ 2 хода.

Рѣшеніе шахматной задачи въ слѣдующемъ №.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

вЪ „MAGASIN ETRANGER“
Іностранномъ магазинѣ, Б. Морс., д. № 30.
!!! ПАРИЖСКІЯ !!!

ИГРУШКИ!

Громадный выборъ самыхъ крелестиыхъ парижскихъ игрушекъ и ироизведевій лерфѣйшихъ игрушечиыхъ фабрикъ и мастерскихъ свѣта.

громадный выборъ общественныхъ
!!! ИГРЪ !!!
развивающихъ ловкость, мгновенвое соображеніе и расторопность, также приготовляющихъ къ различнымъ наукамъ и дающихъ поводъ къ обученію въ разговорахъ, между прочимъ коробки для работы, цѣна 1 р. 50 к. съ перес. 2 р. кардонеи: Deqnalcoпaпie переводвыя картинки, цѣна 1 р. 50 к. съ перес. 2 р. серія: „дѣльная забава“ состовщая изъ серіи около 103 №№ вышиванья, плетенья, выкалыванія, рисованья живописи, постройки и много другихъ, для мальчиковъ и дѣвочекъ, цѣва 3 р., иногор. съ перес. 3 р. 50 к. и 4 р.

АМЕРИКАНСКІЯ ЛОШАДКИ
художественной работы, отличающівся не только необыкиовеиной красотой формъ, но еще удивительной прочностью. Вышвва 1 арш. и выше.

!!! ВЕЛОСИПЕДЫ !!!
для всякаго возраста, отъ самыхъ маленькихъ до настоящихъ америкаисиихъ, велосиподы скоробѣжки, на которыхъ можно съѣздить 30 верстъ въ часъ, цѣна 75 р. иногор. перес. по траисп. конторѣ, укладка 5 р., за провозъ можно уплатить ио полученіи. Комнатные велосипеды для двоихъ, мальчика и дѣвочки, очевь красивые велосипеды лошадьми и кабріолетами

!!! АВТОМАТЫ !!!
чудной конструкціи, куклы, звѣрьки, собачки, особонно замѣчательно: концертъ обезьянъ, цѣно 250 р., чудесной конструкціи клѣтка, въ ней двѣ райскія птицы, поющія какъ нѣжиый соловей, цѣна 300 р., павлинъ ходящій и распускающій перья, цѣна 50 р., иног. съ пер 55 руб., ваяда удивительная кукла, плавающая руками и ногами, ц. 10 руб., иногор. съ перес. 13 р., утки и лебеди, дѣйствующія ножками, цѣна 5 р, иног. съ пер. 6 р., экипажи и лошадии съ заводомъ !!Автоматы съ музыкой!!! отъ 25 р. до 300 р.

!!! ПАРИЖСКІЯ КУКЛЫ !!!
съ подвижными членами отличной работы, цѣна отъ 5 р. до 20 р. неодѣтыя, одѣтыя маленькія отъ 75 к. до 60 р. куклы съ приданымъ отъ 5 р. до 75 р и 100 р.

!!! ВѢЧНЫЯ КУКЛЫ !!!
необыкновенной красоты, которыя никогда не бьются, тоже съ подвижн. членами, ц. отъ 5 до 20 р. неодѣтыя, отъ 12 до 40 р. одѣтыя.

!!! МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ !!!
Вѣнскія **шарманки** очень пріятнаго тона, по которымъ можно танцовать, а потому замѣняющія тапера, ц. 20, 25, 30 до 75 р. за укладку отъ 1 до 3 р., пересылка по разстоянію.

! МЕТАЛОФОНЫ !
музыка изъ стальныхъ пластинокъ для не музыкальныхъ лицъ, на нихъ можно сыграть легко всякіе мотивы удареніемъ молоточка и нхъ нѣжные и пріятные звуки составляють самое пріятное развлеченіе даже незнающимъ музыку, цѣна 2 р. 50 к., 3, 5, 7 и 12 р. съ перес. иногор. 3 р. 50 к., 4, 6, 8 р. 50 к. и 14 р.

!!! ВѢНСКІЯ ГАРМОНІИ !!!
особенно хорошаго тона цѣна отъ 6 до 12 р.

!! ВОЛШЕБНАЯ ЛЕПЕШКА !!!
или вальдгорнъ въ жилетномъ карманѣ, новый инструментъ, состоящій изъ 2-хъ деревянныхъ чашечекъ и издающій, посредствомъ голоса, звуки охотничьей трубы и на ней каждый, умѣющій пѣть, можетъ трубить всякія оперы и аріи, ц. 1 р. 50 к., иног. съ пер. 2 р.

!!! искусный соловей !!!
свистокъ, подражающій пѣнію птицъ: соловья, канарейки и проч., на немъ можно учить птицъ, цѣна 50 к., иногор. съ перес. 1 р.

!!! ЗАМѢЧАТЕЛЬНО !!!
парижскія дѣтскія швейныя машинки, счастіе дѣвочекъ всякаго возраста, полезный и пріятный подарокъ, ц. 5 р, иног. съ пер. 6 р.

ВНОВЬ ПОЛУЧЕНЫ
!!! СТАНОСКОПЫ !!!
увеличивающіе въ 150 разъ; въ нихъ видны тайны природы въ ея безконечныхъ подробностяхъ. Ихъ можно употребить для всякихъ изслѣдованій медицины и пр. они составляютъ необходимость въ каждомъ домѣ; въ нихъ видны трихины, всякія инфузоріи и вообще міръ невидимыхъ. Цѣна 75 к., иног. съ пер. 1 р.

!!! НОВОСТЬ !!!
Американскій пневматическій танцоръ, дѣйствующій посредствомъ воздуха.

Составленіе прейсъ-курантовъ, по громадной разнообразности предметовъ, управленіе магазина не нашло возможнымъ. Заказы иногородныхъ исполняются крайне добросовѣстно и немедленно. Адресовать: въ «MAGASIN ETRANGER», иностранный магазинъ, по Большой Морской, домъ № 30 въ С.-Петербургѣ.

КАВКАЗСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ

ВОДЫ.

ЕССЕНТУКСКІЯ ЛЕПЕШКИ И СОЛЬ.

Изъ воды ИСТОЧНИКА № 17 въ Ессентукахъ, который пріобрѣлъ столь заслуженую славу и употребляется съ замѣчательнымъ успѣхомъ для леченія при катаррахъ дыхательныхъ путей, желудка, кишекъ, и проч.

Выпаривается на мѣстѣ—въ Ессентукахъ — СОЛЬ, которая будучи распущена въ обыкновенной прокипяченой водѣ (7 грана на 1 фунтъ воды) можетъ служить суррогатомъ для натуральной воды этого источника.

Изъ этой же соли приготовляются ЕССЕНТУКСКІЯ ЛЕПЕШКИ, содержащія гораздо болѣе щелочей чѣмъ лепешки Виши.- Принятыя послѣ обѣда въ количествѣ 1—3, онѣ помогаютъ пищеваренію, уничтожаютъ изжогу, кислую отрыжку, тяжесть в желудкѣ и способствуютъ болѣе свободному испражненію на низъ.—Лепешки Ессентукскія слѣдуетъ имѣть всегда при себ людямъ страдающимъ изжогою и труднымъ пищевареніемъ. — Вообще послѣ сытнаго кушанья весьма полезно съѣсть тр четыре лепешки для облегченія желудка.

Для дѣтей, страдающихъ затрудненнымъ пищевареніемъ, весьма полезно послѣ завтрака и обѣда скушать по одной лепешкѣ
Выпарка солей и приготовленіе лепешекъ—производятся подъ контролемъ Правительства:
ЦѢНА: коробочка Ессентукскихъ лепешекъ 30 коп.; флаконъ соли ½ фун. 2 руб. 50 к; ¼ фун. 1 руб. 25 коп.
Воды, лепешки и соль можно получать въ магазинахъ аптекарскихъ матеріаловъ и въ аптекахъ. № 34. 2—

Билліардная фабрика. **А. Фрейберга въ С.-Петербургѣ.**

Переведена: Измайловскій полкъ, Троицкій проспектъ въ собственный домъ № 13,
Билліарды отъ 225 до 1000 руб. и дороже, шары, кіи и всѣ къ билліарду и билліардной игрѣ принадлежности. № 284 12—

М. МОРГЕНШТЕРНЪ.

Большая Морская д. Лауфферта № 27.

ДЕПО АМЕРИКАНСКИХЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ

всѣхъ системъ, какъ-то: Зингера, Гауе, Гровера и Векера, Виллера и Вильсона и друг для семействъ и мастерскихъ 45 руб.

Большой выборъ ручныхъ машинъ всѣхъ системъ: Зингера, Гауе, Гровера и Бекера, Гамильтонъ, Линкольнъ, Вашингтонъ, Литле, Ванцеръ, Экспресъ и проч. от 15 рублей.

Спеціальныя машины для портныхъ, сапожниковъ, сѣдельниковъ, каретниковъ и проч

Вязательныя машины новѣйшихъ и лучшихъ конструкцій.

Письменная гарантія отъ 2 до 6-ти лѣтъ. Обученіе въ помѣщеніи или на дому бе платно; починка машинъ всѣхъ системъ; большой выборъ швейныхъ принадлежносте какъ то: иголокъ, катушекъ, нитокъ, шолку и проч. по самымъ дешевымъ цѣнамъ.

Для Гг иногородныхъ покупателей принимаю ручательство за хорошую доставк машинъ, за упаковку ничего не считается. № 40 1—

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ.
Садовое заведеніе въ Ригѣ, имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что
Каталоги сѣменамъ и пр. на 1879 г. изданы и разосланы всѣмъ постояннымъ покупателямъ этой фирмы.
Прочимъ же лицамъ, желающимъ получить таковые, посылаются каталоги также безплатно, смотря по заявленію на язы кахъ русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ. или же иллюстрированное изданіе съ 240 политипажами, на одномъ ру скомъ языкѣ. № 4 4—4

ПАТЕНТОВАННЫЙ КОПИРОВАЛЬНО-МНОЖИТЕЛЬНЫЙ АППАРАТЪ,

Помощью котораго получается въ кратчайшее время 50 и болѣе отчетливо и ясно отпечатанныхъ копій какого угодн текста или рисунка. Цѣна 19 руб., съ пересылкою 21 руб. За каждую прилагаемую краску взимается: за красную 3 р а за фіолетовую 4 р.

СЛОВОЛИТНОЕ, МАШИННОЕ, ГАЛЬВАНОПЛАСТИЧЕСКОЕ, СТЕРЕОТИПНОЕ и ГРАВИРОВАЛЬНОЕ мои заведенія, п обширности своей превосходящія подобныя заведенія за границей, снабжены громаднымъ запасомъ шрифтовъ украшеній политипажей и машинъ, что даетъ мнѣ возможность устроить любую типографію въ нѣсколько дней.
Оптовая и розничная продажа типографскихъ и литографскихъ красокъ, бронзы, массы, олифы, и пр. принадлежностей
ПОСТОЯННАЯ ВЫСТАВКА типографскихъ, литографскихъ, переплетныхъ, бумагообрѣзательныхъ, токарныхъ и другихъ инструментальныхъ машинъ и локомобилей.

ИСИДОРЪ ГОЛЬДБЕРГЪ.

С.-Петербургъ. Средн. Мѣщанск., собств. д., № 20. № 10 2—2

Въ небольшомъ количествѣ экз. находится въ продажѣ книга: безъ заглавія и ложное счастіе, повѣсти съ приложеніем скопческихъ и хлыстовскихъ обрядовъ; молитвъ:

СОНЪ БОГОРОДИЦЫ

(безъ пропусковъ) ангелу хранителю; о изгнаніи болѣзней лихорадочнымъ; о двѣнадцати пятницахъ; заговоровъ: вылечива ніе кликушъ, идущихъ на судъ, отъ зубной боли, на любовь дѣвицы, на любовь мужчины; скопческій паспортъ съ прило женіемъ стиховъ: хлыстовъ, скопцовъ, бѣгуновъ, духоборцевъ и проч Спб. Ц. 1 р. 50 к, съ перес. 1 р. 75 к
Адр.: книгопродавцу М. Николаеву, Б. Садовая, д. 12, въ С.-Петербургѣ.

ПЕРВЫЙ И ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ РОССІИ, ДЕШЕВЫЙ
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.
ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

ВСЕНАУЧНЫЙ (ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ) СЛОВАРЬ,

ДЛЯ СПРАВОКЪ ПО ВСѢМЪ ОТРАСЛЯМЪ ЗНАНІЯ
ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
В. КЛЮШНИКОВА.

2 тома, болѣе **100** *печатныхъ листовъ*, около **2000** *страницъ* убористой печати (петитъ) около **100,000** *словъ*.

Подписная цѣна 5 руб., съ пересылкой **6 руб**, Въ отдѣльной продажѣ словарь будетъ стоить **6 руб.**, съ пересылкой **7 руб. 50 коп.**

Первый томъ *(буквы А.—К.)* высылается подписчикамъ немедленно по полученіи подписныхъ денегъ.

Второй томъ, котораго отпечатано уже *20 листовъ (буквы Л., М., Н., О.)* выйдетъ по окончаніи печатанія въ мартѣ 1879 г. *Желающіе получить и отпечатанные 20 листовъ II тома немедленно,* высылаютъ, сверхъ подписныхъ **6 руб.** еще **50 коп.**, т. е. 6 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ **С.-Петербургѣ**, у издателя Христіана Карловича Небе. Маріинскій рынокъ холщовая линія № 10, кладовая писчебумажной фабрики.

№ 11 2—2 Издатель Х. К. Небе.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЕТСЯ
ИЗДАНІЯ Р. Ф.

МАЛОРОССІЙСКІЕ И РУССКІЕ

УЗОРЫ

въ красивомъ и прочномъ футлярѣ. Цѣна за 10 большихъ листовъ 1 р. 75 к. съ футляромъ. Складъ изданія „книжн магаз. для иногородныхъ. Невскій, 44, пересылка по почтѣ изъ склада безплатно. № 38 2—2

Дозволено цензурою СПБ. 15 Февраля 1879 г. № 10.

№ 9 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНIЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.)
Выданъ 26 Февраля 1879 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) к разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

М. Д. Каменская.

Марья Даниловна Каменская, талантливая пѣвица русской Императорской оперы въ С.-Петербургѣ, только въ январѣ 1874 г. появилась на сценѣ и дебютировала въ роли Вани въ оперѣ Глинки „Жизнь за Царя“. Хотя сравненіе съ только что оставившей тогда русскую сцену Лавровской и могло быть невыгодно для молодой дебютантки, тѣмъ не менѣе она имѣла значительный успѣхъ, и въ сентябрѣ того же 1874 г. была приглашена на сцену. Ровность и изящество исполненія, свѣжій, молодой и красивый голосъ — чистый во всѣхъ регистрахъ меццо-сопрано, симпатичная наружность—все это обратило къ пѣвицѣ сочувствіе публики, которымъ она продолжаетъ пользоваться и досель.

Воспитывалась М. Д. въ Маріинскомъ институтѣ и получила музыкальное образованіе въ Петербургской Консерваторіи въ классѣ г-жи Ниссенъ-Саломанъ. Сейчасъ мы сказали, что молодая дебютантка выступила впервые въ операхъ Глинки и что сравненіе съ только что

Пѣвица Русск. Импер. оперы въ СПБ. М. Д. Каменская.
Рис. Таганци, грав. Пуцъ.

оставившей передъ нею сцену высоко-талантливой Лавровской, создавшей свои извѣстныя роли Вани въ „Жизни за Царя“ и Ратмира въ „Русланѣ“, могло бы быть для нея невыгодно. Этотъ милый образъ мальчика—героя, воспитаннаго въ строгой, благочестивой русской семьѣ, полнаго нѣжности, привязанности къ семьѣ, землѣ и вмѣстѣ самоотверженія — образъ, который мы привыкли видѣть въ превосходномъ исполненіи г-жи Лавровской, конечно уже не повторился. Точно также эта юношеская страсть, полная огня и жизни, эта восточная нѣга звуковъ—все къ чему мы привыкли въ роли юнаго Ратмира—Лавровской, придававшей такую высоту и значительность прелестнымъ звукамъ нашего знаменитаго маэстро съ перваго же такта, какъ на пиру она встаетъ съ кубкомъ въ рукахъ—все это также, конечно, не повторилось. Но благодаря прекрасному исполненію нашихъ артистовъ, публика уже полюбила эту чудную оперу, свыклась съ нею, не смотря на недостатокъ

въ ней движенія, фантастическую тему и нѣкоторую отрывочность. Публика уже благодарна вообще за хорошее исполненіе, хотя бы не отличающееся такими особенностями, которыхъ можно ожидать только отъ первоклассныхъ артистовъ.

Роли Фидесъ въ „Пророкѣ“ Мейербера, Зибеля въ „Фаустѣ“ Гуно и Амнерисъ въ „Аидѣ“ исполняемые г-жей Каменской съ постояннымъ успѣхомъ, достаточно извѣстны посѣтителямъ русской оперы, чтобы объ нихъ здѣсь распространяться.

Изъ Гафиза.

Встрепенись, взмахни крылами,
Торжествуй, о сердце, пой —
Что опутано сѣтями
Ты у розы огневой!
Что ты въ сѣти къ ней попалось
А не въ сѣти къ мудрецамъ,
Что не имъ внимать досталось
Дивнымъ пѣснямъ и слезамъ.

И хоть слезъ съ твоей любовью
Ты моря предъ ней прольешь,
И изъ ранъ горячей кровью
Все по каплѣ изойдешь —
Вѣрь что въ мірѣ не бываетъ
Смерти выше и свѣтлѣй:
Ты умрешь, какъ умираетъ
Вдохновенный соловей!

Ап. Майковъ.

Бѣлый невольникъ.

(Разсказъ. Изъ исторіи искусства въ Нидерландахъ).

Феликса Лилля.

I.

Былъ чудесный осенній день 1621 года. Въ этотъ день въ бѣдномъ полуразвалившемся домикѣ, близь городской стѣны Гаарлема, состоялась чрезвычайно оригинальная сдѣлка.

Товаръ—былъ тринадцатилѣтній мальчикъ—сирота Адріанъ Брауверъ. Грязный, оборванный, худой, блѣдный и болѣзненный — какое-то воплощенное страданіе стояло передъ покупщикомъ и продавцемъ. Послѣдняя была мачиха ребенка, очень непріятная, съ злымъ лицомъ старуха, которая кое какъ, съ грѣхомъ пополамъ, перебивалась—лѣтомъ продажей капусты съ своего крошечнаго огородика, а зимой плетеньемъ кружевъ.

Покупатель былъ человѣкъ лѣтъ сорока, длинный, блѣдный и худощавый съ угрюмымъ лицомъ, изъ котораго лукаво глядѣли блестящіе, безпокойные глаза. По одеждѣ его можно было принять и за простаго горожанина и за дворянина. На самомъ же дѣлѣ онъ былъ ни то ни другое — это былъ одинъ изъ славнѣйшихъ художниковъ своего времени, Францъ Гальсъ, извѣстный портретистъ и жанристъ—извѣстный также своею скупостью, эгоизмомъ и дурнымъ характеромъ.

Случайно во время своихъ прогулокъ за городскимъ валомъ, наткнулся онъ на маленькій домикъ старухи Брауверъ, когда услыхалъ жалобные, сердце раздирающіе дѣтскіе крики. Онъ приблизился и увидѣлъ, что старуха розгами сѣчетъ своего пасынка. Хозяйка и старухи-сосѣдки кричали, что это уже не первый разъ, что озорникъ опять провинился, опять испачкалъ и изчертилъ стѣны дома углемъ. Тутъ она пріостановилась сѣчь ребенка и показала розгами на бѣлую стѣну, на которой художникъ увидѣлъ набросанный углемъ и краснымъ карандашемъ рисунокъ. Рисунокъ изображалъ съ поразительнымъ сходствомъ хозяйку Брауверъ и ея двухъ сосѣдокъ во всемъ ихъ безобразіи. Обѣ изображенныя сосѣдки стояли тутъ же, бранились и подстрекали, говоря, что его надо еще не такъ высѣчь и что такого негодяя нельзя щадить.

Онѣ выкрикивали такъ громко свои причитанія, что художникъ за угломъ слышалъ все отъ слова до слова. Онъ съ любопытствомъ подошелъ поближе взглянуть на злополучныя фрески. Онъ взглянулъ и остановился пораженный необычайнымъ талантомъ рисовавшаго—съ такою силою и характерностью сдѣланъ былъ рисунокъ на глиняной стѣнѣ ребенкомъ, казавшимся идіотомъ.

— Остановитесь добрая женщина! Что вы дѣлаете, началъ Гальсъ, придавая добродушное выраженіе своему угрюмому лицу—вы такъ можете совсѣмъ заколотить его на смерть.

— Да вамъ то что, господинъ, за дѣло? злобно крикнула та. Что же, лучше было бы если бы я его такъ и бросила безъ призора — онъ и такъ ни на что не годенъ; цѣлый день только пачкаетъ мнѣ стѣны углемъ...

— Я бы взялся васъ освободить отъ такой заботы добрая женщина. Отдайте-ка вы мнѣ вашего мальчика. Я объ немъ позабочусь.

— Такъ? А кто вы такой будете?

— Я Францъ Гальсъ, живописецъ.

— А зачѣмъ вамъ понадобился такой негодяй? Для прислуги?

— Я еще и самъ не знаю. Можетъ быть пригодится. Пусть хоть натираетъ краски.

— Кто же мнѣ будетъ полоть капусту и горохъ?

— Вы сами тогда будете имѣть больше времени— теперь вамъ сколько, я думаю, возни съ однимъ сѣченьемъ.

— Это пожалуй правда—но я столько съ нимъ билась и не даромъ же мнѣ его отдать.

— Ну, а за сколько бы вы отдали?

— Пятнадцать гульденовъ дадите?

— Много, нѣтъ, это много, возразилъ скупой Гальсъ и сдѣлалъ видъ, что хочетъ уходить. Десять гульденовъ еще куда не идетъ и то такъ изъ сострадавья: да и того не стоитъ.

— Ну пусть будетъ такъ! сказала старуха, давайте десять гульденовъ и пусть этотъ негодяй убирается. Отсчитывайте денежки, господинъ, и хоть сейчасъ его съ собой и берите.

Художникъ кивнулъ утвердительно. Онъ вошелъ вслѣдъ за хозяйкой и ея сосѣдками въ домикъ и положилъ на столъ десять блестящихъ гульденовъ.

— Ну, значитъ дѣло кончено, сказалъ онъ, мальчишка мой!

— Въ первый разъ этотъ негодяй принесъ мнѣ хоть какую нибудь пользу, ворчала старуха, разсматривая гульдены. Я теперь по крайней мѣрѣ хоть дойную корову куплю и поправлю дѣлишки.

Сосѣдки завистливо поздравляли съ счастіемъ старую огородницу и никому не пришло въ голову, что продали—человѣка.

— Ну, идемъ Адріанъ! сказалъ живописецъ, теперь ужъ ты не будешь полоть горохъ и капусту—кисти тебѣ въ руки и краски. Идемъ, идемъ!

Мгновенная радость освѣтила печальное дѣтское личико, но тотчасъ же и потухла—это было такое для него непривычное выраженіе. Не прощаясь съ своею жестокою мачихою и ея сосѣдками, по милости которыхъ его столько сѣкли, съ облегченнымъ сердцемъ побѣжалъ онъ за художникомъ по шумнымъ, оживленнымъ улицамъ Гаарлема.

II.

Францъ Гальсъ жилъ въ своемъ большомъ городскомъ домѣ близь собора. Онъ былъ холостъ и хозяйство его вела старуха-родственница. Живописецъ былъ уже человѣкъ богатый, когда Адріанъ Брауверъ поступилъ къ нему. Гальсъ имѣлъ обширную, прекрасную, роскошно отдѣланную мастерскую, гдѣ могъ прилично принять высокихъ любителей и богатыхъ покровителей искуствъ, которые его посѣщали весьма часто. Въ особой залѣ помѣщались его ученики, и ихъ у него было не мало. Это были молодые талантливые люди изъ лучшихъ фамилій, которые по призванію предались изученію искусства. Нидерландская школа живописи была тогда въ апогеѣ своего процвѣтанія и Францъ Гальсъ считался однимъ изъ лучшихъ профессоровъ.

Запуганнаго и дикаго Адріана художникъ не помѣстилъ въ число своихъ учениковъ, которые бы были, можетъ быть, недовольны такимъ товарищемъ. Онъ не сдѣлалъ его также и слугою или растирателемъ красокъ, какъ говорилъ старухѣ. Онъ отвелъ ему маленькую комнатку подъ крышей, далъ необходимое платье, столъ и понемногу началъ съ нимъ правильныя занятія черченіемъ и рисованіемъ. Невѣжественный мальчикъ, едва умѣвшій читать и писать, въ искусствѣ былъ истинный геній, который быстро и инстинктивно схватывалъ на лету что нужно и быстро шелъ дальше. Гальсъ своимъ художественнымъ чутьемъ отлично понялъ это и задумалъ на этомъ построить обширную спекуляцію. Онъ хочетъ утилизировать этотъ геній! Адріанъ будетъ его невольникомъ. Постепенно подсказывая и подталкивая Адріана, онъ довелъ его до того, что тотъ сталъ истиннымъ мастеромъ своего дѣла.

И вотъ начали появляться въ продажѣ прелестныя небольшія картинки, которыя чрезвычайно быстро получили извѣстность и быстро раскупались знатоками въ Амстердамѣ, Антверпенѣ и другихъ городахъ. Съ такою поразительною силою, правдою и оригинальностью никогда еще не бывали исполняемы жанры. Но замѣчательно, въ картинахъ совершенно не было стороны идеальной, сюжетъ былъ всегда грубъ и непріятенъ, хотя исполненіе поражало необычайнымъ мастерствомъ —впрочемъ это и нравилось въ Нидерландахъ въ то грубое время. Особенную извѣстность получили небольшія картинки, соединенныя по пяти на одномъ полотнѣ, названныя „пять чувствъ“ и „двѣнадцать мѣсяцевъ“, превосходно изображавшія аллегорическія грубо-комическія сцены. Крупныя суммы, которыя въ другое время показались бы невѣроятными, были заплачены за эти картинки, пущенныя въ продажу Францемъ Гальсомъ и помѣченныя никому неизвѣстнымъ именемъ Адріана Брауверa.

Гаарлемскіе художники и продавцы художественныхъ произведеній терялись въ догадкахъ—любопытство было возбуждено. Но Гальсъ счелъ за лучшее оставить тайну свою при себѣ. Конечно, не могъ же онъ сказать: „Брауверъ—идіотъ, котораго я купилъ за десять гульденовъ и какъ невольника заставляю на себя работать“—это вызвало бы противъ него негодованіе.

Онъ самъ какъ-то незамѣтно освоился съ мыслью, что Брауверъ его законная собственность, его рабъ, котораго способности онъ имѣетъ полное право утилизировать въ свою пользу. Онъ же давалъ ему уголъ, пріютъ, пропитаніе—ему, этому выброшенному на улицу идіоту. Несчастный юноша считалъ съ своей стороны обязанностью всѣ свободныя минуты, которыя ему оставались отъ чтенія, письма и уроковъ, посвящать непремѣнно работѣ самой усердной, чтобы только угодить облагодѣтельствовавшему его господину. Онъ содержался совершенно какъ заключенный. Онъ никого не зналъ кромѣ Гальса, его старухи-родственницы, завѣдывавшей домомъ и старой безобразной служанки, которыхъ онъ не одинъ разъ уже изображалъ въ своихъ картинкахъ. Его комнатка тщательно запиралась, когда онъ работалъ. Несчастному юношѣ дозволялось одно развлеченіе—прогулка по вечерамъ въ тѣнистомъ саду за домомъ, саду, окруженномъ высокими стѣнами, гдѣ онъ могъ хоть подышать свѣжимъ воздухомъ. Изрѣдка и то уже когда стемнѣетъ, бралъ профессоръ его съ собою на прогулку, но не изъ состраданія, а просто желая доставить возможность молодому художнику дѣлать наблюденія для его будущихъ работъ.

Не взирая на все это Адріанъ, особенно первое время, вовсе не былъ недоволенъ своей неволей. Его уже не сѣкли какъ прежде ежедневно, онъ не несъ на себѣ опротивѣвшихъ ему работъ по дому и огороду. Живопись была его страстью и онъ могъ теперь рисовать съ утра до ночи да еще кромѣ того хозяинъ ласкалъ его и хвалилъ если работа была удачна.

И все же въ Францѣ Гальсѣ была хорошая черта—черта честнаго художника: онъ не подписывалъ своимъ именемъ произведеній своего необыкновеннаго ученика. Адріанъ Брауверъ помѣчалъ каждую свою картину полнымъ своимъ именемъ и даже на первой его картинкѣ, когда еще онъ не умѣлъ и писать хорошенько—самъ Гальсъ подписалъ именно его фамилію и подпись эту Адріанъ потомъ копировалъ. Конечно и разница рисунка и манеры профессора и его ученика были такъ велики, что нельзя было и рѣшиться на такой подлогъ—это было бы всѣми замѣчено.

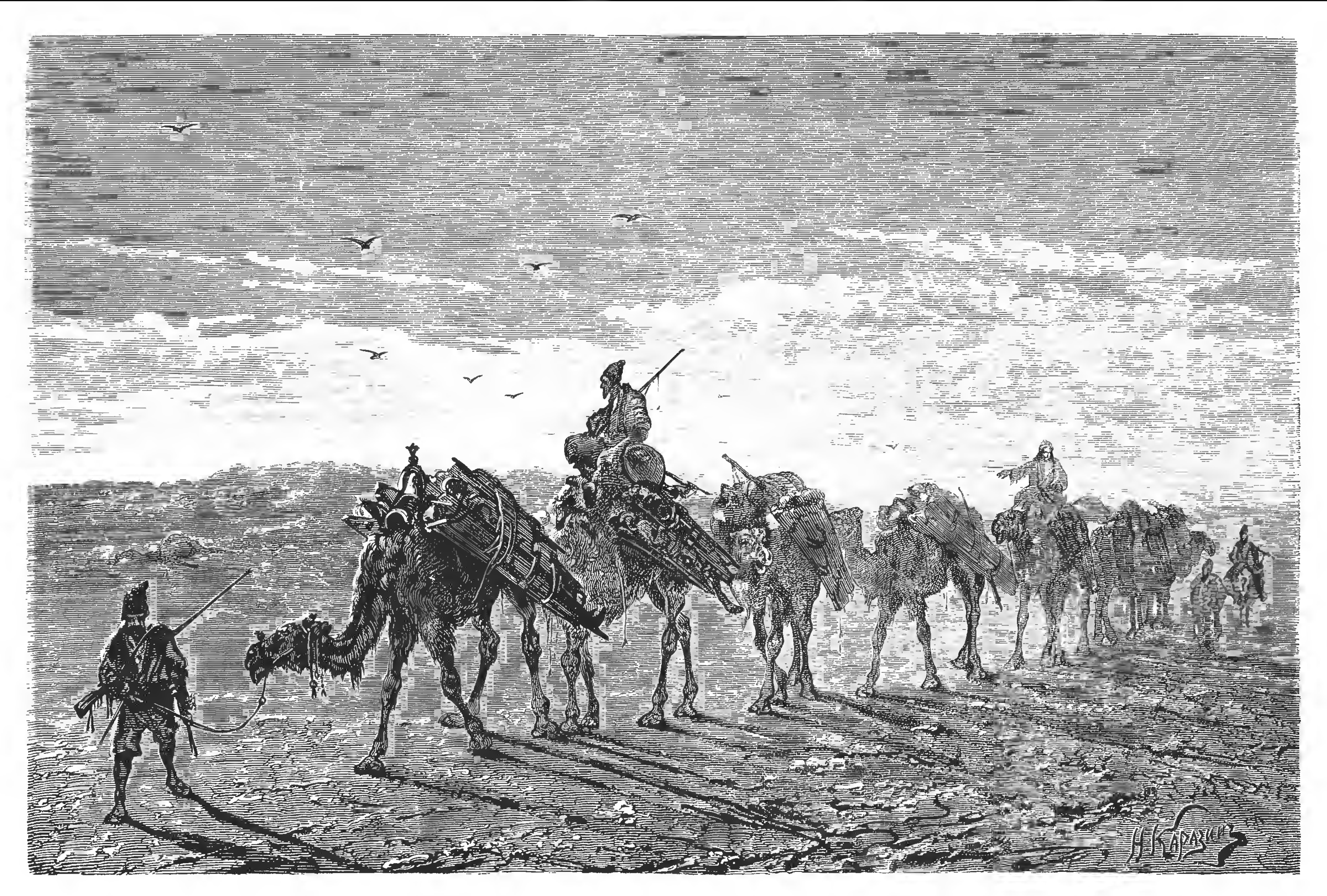
Такимъ образомъ прошло пять лѣтъ: имя Адріана Браувера стало знаменито, его картинки на расхватъ раскупались и ихъ искали всѣ знатоки и любители. Съ каждымъ годомъ Гальсъ повышалъ цѣну на произведенія своего „раба“ и значительно увеличилъ свое состояніе. Въ Гаарлемѣ несчастный, заброшенный мальчикъ былъ извѣстенъ только бѣднымъ людямъ предмѣстья, которые разумѣется и понятія не имѣли о томъ, что дѣлалось въ искусствѣ. Мачиха Адріана также не знала, что продала за десять гульденовъ настоящій кладъ, который теперь обогащаетъ другаго. Въ высшихъ кругахъ общества также никто не подозрѣвалъ настоящаго положенія дѣла, пока не появился въ Гаарлемѣ одинъ, едва вышедшій изъ отрочества, юноша и не открылъ тайны.

Это былъ, знаменитый впослѣдствіи, *Адріанъ ванъ-Остадъ*, родившійся въ Любекѣ, хотя родители его были нидерландцы. Ему было шестнадцать лѣтъ когда онъ пріѣхалъ въ Гаарлемъ; онъ жилъ у своихъ родныхъ и поступилъ ученикомъ къ Францу Гальсу. Живой, пылкій юноша не имѣлъ въ своемъ характерѣ и тѣни голландской флегмы и во все что ни дѣлалъ вносилъ свою живость и веселость. За это угрюмый профессоръ терпѣть его не могъ и не разъ покушался отказать такому шумному, неудобному ученику.

До молодыхъ людей дошло смутное свѣдѣніе отъ старухи-служанки, что въ задней части дома, подъ крышей, въ горенкѣ, живетъ какой-то странный ученикъ, почти въ заключеніи. Это сильно возбудило любопытство Остада и онъ далъ себѣ слово, во что бы то ни стало, увидѣть таинственнаго узника. Терпѣливо и искусно взялся онъ за дѣло. Сперва высматривалъ онъ ходъ на чердакъ, потомъ досталъ и ключъ, замѣтивъ гдѣ кладетъ его служанка.

Однажды, послѣ обѣда, когда Гальсъ вышелъ изъ дому а домоправительница и служанка спали крѣпкимъ сномъ, Остадъ взбѣжалъ по лѣстницѣ. Онъ вдругъ отперъ дверь и появился на порогѣ комнаты таинственнаго художника.

Два Адріана стояли, оба пораженные, другъ противъ друга: восьмнадцатилѣтній, блѣдный, робкій и боязливый Брауверъ въ бѣдномъ затасканномъ платьѣ представлялъ самую рѣзкую противоположность съ шестнадцатилѣтнимъ, полнымъ жизни, свѣжести, веселья, пре-

Откуда заносится къ намъ чума. Караванъ мертвыхъ, идущій въ Багдадъ. Ориг. рис. Н. Каразина. грав. М. Рашевскій.

Литературный альбомъ: „Метель“ графа Л. Н. Толстаго. Ориг. рис. Н. Каразина, грав. Шмидтъ.

лестнымъ Остадомъ, одѣтымъ какъ юный королевскій пажъ.

Брауверъ не зналъ что и дѣлать въ присутствіи этого блестящаго юноши; онъ былъ такъ пораженъ и смущенъ, что посѣтителю стоило большихъ трудовъ вызвать его на разговоръ. Когда же узникъ сказалъ, кто онъ такой—Остадъ громко вскрикнулъ отъ негодованія и началъ горячо бранить Гальса, называя его разбойникомъ и душепродавцемъ. Брауверъ былъ перепуганъ и совсѣмъ растерялся.

— Слушай меня другъ! говорилъ Остадъ, бѣги отсюда. Что за срамъ жить какъ невольнику въ этой тюрьмѣ! Ты—великій художникъ! Ты прославился давно! И ты живешь хуже собаки въ этой норѣ а мессиръ Гальсъ обогащается на твой счетъ! Твой геній ему цѣлое состояніе доставилъ! цѣлыя тысячи!

— Состояніе! въ изумленіи повторилъ Брауверъ, тысячи! Это должно быть ужасно много!

Бѣдный Брауверъ отиралъ холодный потъ, выступившій у него на лбу отъ всего этого. Во всю его жизнь не было у него въ рукахъ ни одного гульдена. ни одпаго золотаго дуката. Ему бѣжать? Но куда же? Онъ такъ боялся этаго великаго шумнаго міра, далекаго и незнакомаго ему. Онъ тамъ будетъ совсѣмъ беззащитенъ. Впервые почувствовалъ онъ все униженіе и оскорбленіе своего рабства—онъ припомнилъ слова немногихъ книгъ, которыя ему удалось прочесть, живя здѣсь. И прежде еще у него мелькала смутная мысль, что его эксплуатируютъ. Въ самомъ дѣлѣ не довольно ли уже Гальсъ получилъ за то, что за десять гульденовъ избавилъ его отъ страданій и побоевъ мачихи?

Остадъ между тѣмъ сказалъ ему, что онъ долженъ бѣжать не только изъ дому, но и изъ Гаарлема, чтобы Гальсъ не могъ его розыскивать и преслѣдовать. Въ дѣтской своей неопытности онъ и въ самомъ дѣлѣ думалъ, что Гальсъ имѣетъ власть и право держать у себя этого купленнаго бѣлаго невольника.

— Ты долженъ бѣжать въ Амстердамъ! воскликнулъ юноша. Тамъ ты заработаешь много денегъ—тебя ждутъ богатство и слава. Чего ты колеблешься. Передъ тобою великій Божій міръ со всѣми его радостями. Только мужественно рѣшись бросить эту собачью конуру! Вотъ ключъ; сегодня вечеромъ отвори тихонько дверь, какъ на колокольнѣ пробьетъ девять. Самое лучшее время—Гальсъ ужинаетъ тогда... Если ты встрѣтишь старую дуру эту, служанку—толкни ее хорошенько и бѣги. Я тебя подожду за угломъ и позабочусь гдѣ пріютить тебя на ночь. Рано утромъ иди въ Амстердамъ; ты будешь тамъ часу въ 9-мъ утра. Возьми на дорогу деньги—тутъ нѣсколько гульденовъ—у меня больше нѣтъ.

Брауверъ съ разгорѣвшимися глазами слушалъ своего новаго друга и сердечно благодарилъ его. Наконецъ передъ нимъ золотая свобода, будущность, почести, богатство и счастіе! Странно, что раньше никто не навелъ его на мысль о побѣгѣ. Теперь онъ самъ дивился, какъ привыкъ къ своимъ цѣпямъ. Остадъ, чтобы не попасться кому нибудь на лѣстницѣ, убѣжалъ, умоляя плѣнника не колебаться. Часа два спустя самъ Гальсъ зашелъ въ коморку своего ученика, посмотрѣть что онъ дѣлаетъ, и замѣтивъ что онъ работалъ мало, выразилъ ему свое неудовольствіе. Брауверъ смолчалъ и профессоръ ушелъ. И вотъ потянулись долгіе, томительные часы. Сумерки сгущались и вскорѣ послышалось съ башни девять ударовъ колокола.

Брауверъ тихо отперъ дверь своей темницы и быстро спустился по лѣстницѣ, пробѣжалъ широкія сѣни—никто не попался ему на дорогѣ. Едва переводя духъ, остановился онъ среди темной улицы. Онъ свободенъ! Онъ свободенъ!

Вѣрный другъ его Остадъ, выйдя изъ за угла. схватилъ его за руку и привелъ въ таверну на набережной, гдѣ онъ и пробылъ до 4-хъ часовъ утра а восходящее солнце озарило его уже на дорогѣ въ Амстердамъ.

Въ 9 часовъ утра Гальсъ узналъ о побѣгѣ своего невольника. Чуть въ обморокъ не упалъ онъ отъ бѣшенства. Онъ не имѣлъ никакихъ подозрѣній относительно Остада а этотъ послѣдній сидѣлъ и занимался какъ ни въ чемъ не бывало, съ самымъ невиннымъ видомъ.

III.

Въ то самое время какъ Францъ Гальсъ въ бѣшенствѣ рвалъ свой парикъ, Адріанъ Брауверъ входилъ въ Амстердамъ. Въ первое мгновеніе онъ былъ ошеломленъ съ непривычки шумнымъ движеніемъ, кипѣвшимъ на улицахъ великолѣпнаго торговаго города.

По сравненію съ этимъ городомъ, Гаарлемъ былъ тихой деревушкой. Его толкали въ толпѣ, стремящейся и хлопочущей на своей вѣчной службѣ Мамонѣ; никто не обращалъ вниманія на бѣднаго юношу. Безпомощный и растерявшійся, онъ бродилъ по городу, пока не попалъ на главную улицу, гдѣ было просторнѣе и гдѣ онъ вздохнулъ свободнѣе и оглядѣлся. Съ чувствомъ артиста любовался онъ на великолѣпныя зданія, на лавки съ разнообразнымъ роскошнымъ товаромъ, на блестящія раззолоченныя колымаги съ красивыми дамами, особенно на пеструю толпу. двигавшуюся такъ оживленно по улицамъ. Все это показалось ему какимъ то волшебствомъ. Его вниманіе было привлечено между прочимъ, странно разодѣтымъ шарлатаномъ-докторомъ, который, стоя на импровизированномъ возвышеніи. громко предлагалъ прохожимъ свои сомнительныя лекарства. Образы эти вереницей проходили въ его воображеніи и рѣзко запоминались... Онъ пошелъ дальше. Вдругъ взглядъ его упалъ на широкое окно лавки съ картинами. Посреди выставленныхъ картинъ, на видномъ мѣстѣ, красовались два превосходные жанра, которыя Адріанъ, съ бьющимся сердцемъ, тотчасъ узналъ. Годъ назадъ онъ рисовалъ ихъ для Франца Гальса. Первымъ движеніемъ его было—зайти въ лавку и спросить о цѣнѣ этихъ двухъ жанровъ, узнать такъ-ли цѣнятъ въ Амстердамѣ его произведенія какъ говорилъ другъ его Остадъ. Робко, въ волненіи, вошелъ онъ въ богатую лавку.

— Что тебѣ здѣсь надо, оборвышъ? грубо спросилъ его какой-то господинъ внушительнаго вида, убирайся отсюда!

— Я бы хотѣлъ спросить только, сколько стоятъ эти двѣ маленькія картинки, что посрединѣ, спросилъ запинаясь отъ смущенія, Адріанъ.

— Похожъ ты на покупателя—нечего сказать.

— Это я... т. е. я, прерывающимся голосомъ продолжалъ Адріанъ.

— Пошелъ вонъ, грубіянъ!

— Да вѣдь это я...

— Вонъ!

Торговецъ схватилъ Адріана за шиворотъ и вытолкалъ за дверь. Но юноша уцѣпился за ручку двери и крикнулъ:

— Я Адріанъ Брауверъ!

Но вмѣсто отвѣта торговецъ погрозилъ ему кулакомъ и ушелъ въ лавку.

Преслѣдуемый криками уличныхъ мальчишекъ, Адріанъ оставилъ несчастное для него мѣсто. И такъ, его произведенія считались мастерскими, а его самаго творца ихъ, выталкиваютъ за дверь! Это слишкомъ! Онъ почувствовалъ себя такимъ несчастнымъ, что хоть въ воду броситься!

Онъ пошелъ впередъ, погруженный въ мрачныя мысли, не обращая вниманія на встрѣчныхъ, которые какъ-то странно смотрѣли на него—такъ ему казалось по крайней мѣрѣ.

Не принимали ли его за пьянаго?

А солнце кругомъ такъ ярко и весело свѣтило; веселая шумная городская жизнь такъ, казалось, счастливо кипѣла кругомъ а въ его бѣдномъ сердцѣ было такъ темно и печально! Вдругъ онъ услыхалъ нѣжную, прелестную мелодію—звуки чудной музыки, которой онъ никогда не слыхалъ въ жизни. Онъ оглянулся и увидѣлъ, что стоитъ передъ порталомъ величественнаго храма; трепетно вступилъ онъ въ храмъ и помѣстился въ темномъ уголкѣ близь органа. Онъ боялся, чтобы его и отсюда не выгнали вонъ. Но никто его не замѣтилъ, въ церкви было мало народа—всѣ благоговѣйно слушали чудесную то нѣжную, то величавую музыку. Замѣчательный органистъ — виртуозъ готовился къ завтрашнему богослуженію. Музыка! это даръ неба сердцамъ страждущимъ и печальнымъ. Бѣдный юноша, закрывъ лицо руками, плакалъ горькими слезами, пока сердце его не успокоилось. Надъ нимъ раздавались могучіе звуки праздничнаго и торжественнаго хорала. Цѣлый часъ продолжался хоралъ—вотъ уже и заключительные звуки. Слушатели вышли изъ церкви и съ ними Адріанъ. Онъ почувствовалъ удивительное утѣшеніе и облегченіе и его великое горе понемногу утихло.

Между тѣмъ наступилъ часъ обѣда и Адріанъ подумывалъ уже не зайти ли въ дешевую гостиницу утолить голодъ. Благодаря милому Остаду у него было въ карманѣ нѣсколько гульденовъ. Но онъ не смѣлъ войти на главной улицѣ ни въ одну изъ этихъ великолѣпныхъ гостиницъ, боясь чтобы опять его не прогнали и повернулъ въ глухой переулокъ.

Минутъ черезъ десять ходьбы онъ достигъ набережной, на которой увидѣлъ ряды маленькихъ, привѣтливыхъ домиковъ. Между ними была небольшая, странная, покрытая стѣнною живописью, пестрыми эмблемами и исписанная пословицами, гостинница.

Это была извѣстная тогда гостинница „Веселье живописцевъ“ стараго добраго Ванъ-Зоомерена, который когда-то самъ исписалъ не мало холста, но потомъ, по доброй волѣ и сердечному влеченію, завелъ гостинницу. Всѣ эти рисунки и пестрыя эмблемы по стѣнамъ были его произведенія. Адріанъ остановился и на сердцѣ почему то у него стало веселѣе. Вотъ гдѣ бы хорошо пріютиться!

Передъ дверьми стоялъ самъ добрый хозяинъ Ванъ-Зоомеренъ съ толстымъ брюхомъ и жирнымъ лоснящимся лицомъ, сіяющимъ довольствомъ и привѣтливостью.

— Ну юноша! Чего ты тутъ стоишь и глазѣешь на мои безсмертныя произведенія, сказалъ онъ громкимъ, веселымъ голосомъ, ты не изъ славнаго ли цеха живописцевъ?

— Да, господинъ, я живописецъ, тихо отвѣтилъ Адріанъ.

— Ну братъ кажется ты своей кистью и палитрой не много заработалъ, замѣтилъ Зоомеренъ, окинувъ его костюмъ бѣглымъ взглядомъ. Да, да, времена туги! А все же зайди, да садись-ка за столъ—коли въ карманѣ пусто—не бѣда! Я дешевый хозяинъ!

— Деньги у меня есть и я заплачу за обѣдъ.

— Тѣмъ лучше! Милости просимъ!

Онъ привелъ юношу въ столовую, усадилъ за столъ, вокругъ котораго уже собралось человѣкъ шесть изъ цеха амстердамскихъ живописцевъ. Подали отличный обѣдъ, которымъ Адріанъ молча занялся, прислушиваясь къ разговорамъ окружающихъ.

Никто имъ не интересовался и не спросилъ его имени. Послѣ обѣда, съ своей кружкой пива, сѣлъ онъ къ окну, на которомъ лежалъ кусокъ мѣлу. И этимъ мѣломъ онъ началъ набрасывать рисунокъ на столовой доскѣ. Съ удивительной вѣрностью и свойственной ему исключительной манерой схватывать типичныя черты, онъ изобразилъ фигуру поразившаго его доктора-шарлатана. Когда черезъ полчаса рисунокъ былъ почти оконченъ и хозяинъ, проходя мимо, взглянулъ на него, то, выпучивъ глаза отъ удивленія, знаками сталъ подзывать къ себѣ посѣтителей. И посѣтители были въ изумленіи.

— Однако, пробормоталъ Зоомеренъ, у этого мальчика таланту больше, чѣмъ у всѣхъ насъ вмѣстѣ...

Адріанъ въ эту минуту сдѣлалъ послѣдній „ударъ“ мѣломъ.

— Чудесно! чудесно! въ восторгѣ воскликнулъ хозяинъ, вы, молодой господинъ, великій художникъ! Кто вы?

— Адріанъ Брауверъ.

Ванъ-Зоомеренъ снялъ свой бѣлый колпачекъ и низко поклонился. Въ комнатѣ воцарилось молчаніе.

— Такъ это вы тотъ таинственный геній, котораго произведенія уже нѣсколько лѣтъ приводятъ въ восторгъ всю страну! сказалъ онъ оправившись отъ перваго впечатлѣнія, но какъ же это можетъ быть—вы такъ молоды и такъ бѣдно одѣты! Высокія цѣны на ваши произведенія сдѣлали вамъ конечно огромное состояніе. Вы могли бы жить какъ Рубенсъ! Также великолѣпно какъ этотъ царь художниковъ! Но этотъ рисунокъ лучшій вашъ аттестатъ—кромѣ васъ никому такъ не сдѣлать!

— Я Адріанъ Брауверъ... Всѣ тѣ картинки, которыя Гальсъ продавалъ за моей подписью—рисовалъ я, а онъ бралъ себѣ деньги. Онъ купилъ меня за десять гульденовъ... я принадлежалъ ему.

Въ короткихъ словахъ разсказалъ онъ свою необыкновенную исторію. Негодованіе слушателей было безгранично, а Зоомеренъ поклялся, что такого негодяя, какъ Гальсъ, онъ не пуститъ въ свою гостиницу.

И съ сіяющимъ лицомъ, въ экстазѣ онъ крикнулъ женѣ:

— Гедда! Принеси лучшей мальвазіи—благословеніе Божіе на домъ моемъ! Великій мастеръ—Адріанъ Брауверъ—мой гость сегодня. Впредь вы здѣсь хозяинъ и распорядитель мессиръ Брауверъ! Все къ вашимъ услугамъ—и домъ и дворъ, и кухня, и погребъ и моя маленькая мастерская съ пріемною!..

— Ванъ-Зоомеренъ, сказалъ юноша, на глазахъ котораго блестѣли слезы радости, вы славный человѣкъ и не похожи на тѣхъ, кого я до сихъ поръ встрѣчалъ. Принимаю ваше доброе предложеніе и въ вашей мастерской напишу еще лучшія картинки чѣмъ въ Гаарлемѣ.

И вотъ Адріанъ Брауверъ поселился у Зоомерена, въ тихой улицѣ, спокойный и счастливый.

Зоомеренъ пригласилъ нѣсколькихъ друзей-живописцевъ къ себѣ вечеромъ и они всѣ пришли очень охотно, желая познакомиться съ знаменитымъ Брауверомъ. Сюда же пришелъ и толстый купецъ, наканунѣ его выгнавшій и извинился и далъ полный кошелекъ золота за его картинки.

Въ домѣ Ванъ-Зоомерена Брауверъ прожилъ нѣсколько лѣтъ и написалъ тѣ мастерскія произведенія, которыя занимаютъ и теперь въ картинныхъ галереяхъ почетнѣйшія мѣста, на ряду съ произведеніями величайшихъ художниковъ и возбуждаютъ восторгъ знатоковъ живописи. Его картины продавались по очень высокой цѣнѣ и онъ могъ бы устроить себѣ солидное положеніе. Но не могъ этого сдѣлать. Долгіе годы заключенія, одиночества и несчастія наложили на него свою печать. Наступила реакція, нервы его были потрясены. Все что онъ легко заработывалъ, онъ также легко разбрасывалъ въ обществѣ гулякъ-товарищей. Ванъ-Остадъ, не могшій ужиться съ Гальсомъ въ Гаарлемѣ, скоро переѣхалъ въ Амстердамъ и принялъ дѣятельное участіе въ кутежахъ, но какъ человѣкъ крѣпкаго здоровья могъ вынести больше и на него это не дѣйствовало такъ какъ на великаго художника Адріана Браувера, умершаго всего 23 лѣтъ отъ роду.

Пер. **Н. Боевъ.**

Къ рисункамъ

Откуда идетъ къ намъ чума.

Персы-шіиты ѣздятъ на богомолье не въ Мекку, какъ сунниты, а въ Кербелу, городъ Багдадскаго округа на востокъ отъ Евфрата въ пустынѣ, потому что тамъ находится священная гробница Имама Хуссейна. У шіитовъ есть религіозный обычай хоронить своихъ близкихъ и родныхъ непремѣнно по близости священной гробницы. Такимъ образомъ они стараются трупы родственниковъ, какъ бы это ни было далеко, непремѣнно доставить въ Кербелу. Но чтобы не пришлось везти только одинъ, два трупа — ждутъ обыкновенно когда наберется ихъ много, напр. хоть до ста труповъ. Какъ составится это число, трупы, тѣмъ временемъ уже зарытые въ землю, снова вырываютъ оттуда, иногда въ состояніи полнаго разложенія, увязываютъ ихъ по два вмѣстѣ въ доски и покровы и кладутъ въ видѣ вьюковъ на верблюдовъ. Затѣмъ цѣлый караванъ верблюдовъ нагруженныхъ такой ужасной ношей, идетъ въ Кербелу, гдѣ погребеніе труповъ начинаютъ производить вновь и часто самымъ небрежнымъ образомъ. Образовались около Кербелы такимъ образомъ огромныя кладбища, гдѣ трупы чуть не лежатъ наружу, ибо земли накидывается очень немного. Лошади путешественниковъ, проходя по кладбищамъ, нерѣдко проваливаются въ эти ямы. Понятно, что такимъ способомъ не только весь Багдадскій округъ, но значительная часть страны, прилегающей къ округу, отравляется этимъ страшнымъ источникомъ тифознаго зараженія. Той же участи подвержены и всѣ тѣ мѣста, по которымъ проходятъ эти мрачные караваны мертвецовъ. Если идетъ такой караванъ, то верстъ уже за 6 въ окружности путникъ слышитъ отвратительный запахъ разложенія. По сообщеніямъ свѣдущихъ врачей, чума 1863 года, въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ опустошавшая Курдистанъ, шла изъ Кербелы и Багдада. Позже нѣсколько разъ свирѣпствовала чума на берегахъ Каспійскаго моря и нѣтъ ничего удивительнаго, что она перенесена на судахъ черезъ море къ Астрахани и верховьямъ Волги, гдѣ, какъ теперь оказывается, есть множество и мѣстныхъ условій для развитія заразы.

„Метель.“

Разсказъ гр. Л. Н. Толстаго 1856 г.

„Въ седьмомъ часу вечера выѣхалъ я со станціи. Было уже темно, когда я, закутавшись въ шубу и полость, усѣлся въ сани. Хотя снѣгу не было сверху, надъ головой не видноѣлось ни одной звѣздочки и небо казалось чрезвычайно низкимъ и чернымъ, сравнительно съ чистой, снѣжной равниной, разстилавшейся впереди насъ“.

Такъ начинается одинъ изъ лучшихъ и извѣстнѣйшихъ разсказовъ нашего знаменитаго современника-писателя гр. Л. Н. Толстого. Разсказъ этотъ былъ написанъ вѣроятно вскорѣ по возвращеніи автора изъ Крыма, гдѣ онъ былъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ великой эпопеѣ геройской защиты многострадальнаго Севастополя; напечатанъ же былъ въ III кн. „Современника“ 1856 г. Въ этомъ превосходномъ разсказѣ постепенное усиленіе грозной снѣжной бури, типы ямщиковъ въ особенности замѣчательно тонко набросанный типъ „совѣтчика“, грезы начинающаго „застывать“ человѣка, утро послѣ метели, пріѣздъ на станцію—все дышетъ такою силой, такъ полно и закончено, русская жизнь такъ ярко и просто рисуется своими знакомыми всѣмъ намъ, какъ будто сѣроватыми и вмѣстѣ величавыми, чертами. Эти мелкіе разсказы нашего писателя, которыхъ высокое достоинство, намъ кажется, недостаточно оцѣнено—дышутъ особенною свѣжестью и прелестью.

Художникъ на нашей картинкѣ избралъ тотъ моментъ когда передняя гусевая тройка выбивается уже изъ силъ и ямщикъ чуть не уговариваетъ ѣхать назадъ. Ничего кругомъ не видно кромѣ крутящейся снѣжной метели...

„...Сзади насъ послышались колокольчики нѣсколькихъ троекъ, которыя шибко догоняли насъ.

— Колоколъ курьерскій, сказалъ мой ямщикъ, одинъ такой на всей станціи есть.

„И дѣйствительно колокольчикъ передовой тройки, звукъ котораго уже ясно доносился по вѣтру, былъ чрезвычайно хорошъ: чистый, звучный, басистый и дребезжащій не много. Какъ я потомъ узналъ, это было охотницкое заведеніе: три колокольчика—одинъ большой въ серединѣ, съ малиновымъ звономъ, какъ называется, и два маленькіе, подобранные въ терцію. Звукъ этой терціи и дребезжащей квинты, отзывавшейся въ воздухѣ, былъ необыкновенно поразителенъ и странно хорошъ въ этой пустынной, снѣжной степи.

— Почта бѣжитъ, сказалъ мой ямщикъ, когда передняя изъ троекъ поравнялась съ нами.—А что дорога? Проѣхать можно? крикнулъ онъ заднему изъ ямщиковъ; но тотъ только крикнулъ на лошадей и не отвѣчалъ ему. Звукъ колокольчиковъ быстро замеръ по вѣтру, какъ только почта миновала насъ. Должно быть моему ямщику стало стыдно.

— А то поѣдемте баринъ! сказалъ онъ мнѣ:—люди проѣхали —теперь же ихъ слѣдовъ свѣжій.

Мы повернули снова противъ вѣтра и потащились впередъ по глубокому снѣгу. Я смотрѣлъ съ боку на дорогу, чтобы не сбиться съ слѣда, проложеннаго санями. Версты двѣ слѣдъ былъ виденъ ясно; потомъ замѣтна стала только маленькая неровность подъ полозьями—слѣдъ ли это или просто наметенный слой снѣга? Третій верстовой столбъ мы еще видѣли но четвертаго никакъ не могли найти; какъ и прежде, ѣздили и противъ вѣтра и по вѣтру, и вправо и влѣво и наконецъ дошли до того, что ямщикъ говорилъ, что мы сбились вправо, я говорилъ что влѣво, а Алешка доказывалъ, что мы вовсе ѣдемъ назадъ. Снова мы нѣсколько разъ останавливались, ямщикъ выпрастывалъ свои большія ноги и лазилъ искать дорогу; но все тщетно. Я тоже пошелъ было разъ посмотрѣть, не дорога ли то, что мнѣ мерещилось; но едва я съ трудомъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ противъ вѣтра, какъ убѣдился что вездѣ были одинаковые, однообразные, бѣлые слои снѣга и дорога мнѣ виднѣлась только въ воображеніи—какъ уже не видалъ саней... Я закричалъ: „ямщикъ! Алешка!“ но голосъ мой—я чувствовалъ, какъ вѣтеръ подхватывалъ прямо изо рта и уносилъ въ одно мгновеніе куда то прочь отъ меня. Я пошелъ прямо, гдѣ были сани—саней не было, направо—тоже нѣтъ. Мнѣ совѣстно вспомнить какимъ громкимъ, пронзительнымъ, даже немного отчаяннымъ голосомъ я закричалъ еще разъ; „ямщикъ“, тогда какъ онъ былъ въ двухъ шагахъ отъ меня. Его черная фигура, съ кнутикомъ и съ огромной свихнувшейся на бокъ шапкой, вдругъ выросла передо мной. Онъ провелъ меня къ санямъ.

— Еще спасибо—тёпло, сказалъ онъ:—а морозомъ хватитъ—бѣда.... Господи—батюшка!...

Мы привели только эпизодъ изъ этого прекраснаго разсказа, къ которому отсылаемъ даже читавшихъ его—вновь испытать разъ уже полученное удовольствіе.

Венеціанская дама XVI вѣка.

Между многоразличными модами различныхъ временъ и народовъ, по мнѣнію всѣхъ эстетиковъ и художниковъ, моды XVI вѣка наиболѣе изящны и богаты, наиболѣе живописны. Стоитъ только видѣть картины Тиціана и его учениковъ, стоитъ посмотрѣть великія произведенія Поля Веронеза, въ которыхъ знаменитый художникъ съ такою яркостью, силою кисти и свѣжестью красокъ изобразилъ намъ жизнь своего времени съ ея радостной, пиршественной, торжественной стороны. Стоитъ видѣть это, чтобы рѣшить на сколько утонченнѣе, богаче, изящнѣе и живописнѣе было одѣяніе того времени сравнительно съ теперешнимъ. Нашъ рисунокъ представляетъ въ богатомъ костюмѣ того времени молодую венеціанку конца шестнадцатаго столѣтія. Тщательно разчесанные и подобранные волосы открываютъ это молодое, прекрасное лицо, не отнимая его настоящаго выраженія и богатый, покрытый дорогими кружевами и шитьемъ воротникъ даетъ какъ бы изящный фонъ для хорошенькой головки и прелестной, украшенной только жемчужнымъ ожерельемъ, открытой шеи. Богатое парчевое платье вырѣзано очень низко. Вырѣзъ, воротникъ и воротъ усѣяны пуговицами и аграфами изъ драгоцѣнныхъ камней: длинная, тяжелая жемчужная нить виситъ на груди. Руки, украшенныя дорогими, тонкой работы, перстнями, ласкаютъ маленькую, лохматую комнатную собачку. Смотришь на картинку и возстаетъ въ воображеніи тогдашняя Венеція, гордая, богатая, могущественная владычица Адріатики, повелительница торговли, которая повергала сокровища Востока къ ся стопамъ. Удивительно, какое богатство, сила и жизнь могли соединяться въ одномъ городѣ, гдѣ благосостояніе и роскошь или рука объ руку съ искусствомъ и чувствомъ изящнаго и все это создало этотъ политически-могучій городъ, у котораго были вѣнчанные должники, городъ, красовавшійся величаво своими роскошными храмами и дворцами, которымъ досёлѣ дивятся, наполнявшій эти дворцы великими произведеніями искусства, теперь расхищенными, развезенными по всей Европѣ. Въ этомъ прекрасномъ женскомъ портретѣ видишь Венецію во всемъ ея блескѣ, ея искусство и роскошь какъ бы воплощенныя въ этомъ образѣ.

Олени, засыпанные обваломъ.

Угрюмыя снѣжныя горы. Пугливое стадо оленей бродитъ, озираясь, по камнямъ; кругомъ дикая природа...

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумятъ и пѣнятся валы
И по скаламъ кричатъ орлы,
И ропщетъ боръ,
И блещутъ средь волнистой мглы
Вершины горъ...
Оттоль сорвался вдругъ обвалъ
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ...

Венеціанская дама XVI вѣка. Со старинной картины, грав. Г. Рау.

Невольно вспоминаются эти чудныя строфы нашего Пушкина при взглядѣ на картинку. Страшная мощь грозной, снѣжной зимы! Кто только бывалъ въ горахъ, тотъ знаетъ какое грозное явленіе—паденіе съ высоты снѣжной вершины обвала. Раздается ужасный грохотъ, отдающійся по всѣмъ ущельямъ тысячекратнымъ эхомъ. Страшные перекаты все ближе и ближе и несчастный путникъ или цѣлое стадо, или цѣлый караванъ и отрядъ, или цѣлое поселеніе—погибаютъ, засыпанные холодною снѣжною массою и затѣмъ воцаряется ужасное, гробовое молчаніе...

На нашей картинкѣ цѣлое стадо оленей застигнуто такой лавиной. Нѣкоторые уже совсѣмъ засыпаны снѣгомъ, другіе стараются еще выбиться съ отчаянными усиліями. Ужасъ смерти въ цѣпенѣющихъ глазахъ бѣдныхъ животныхъ и нѣтъ имъ никакого спасенія. Холодная, ужасная масса завтра замерзнетъ и не останется слѣда отъ погибшаго стада.

Наслѣдный князь Черногорскій Даніилъ.

На основаніи С.-Стефанскаго договора, затѣмъ Берлинскаго трактата, послѣдовало наконецъ признаніе политической независимости Черногорскаго княжества. Для насъ, русскихъ, эта дипломатическая формальность имѣла лишь смыслъ освященія твердо установленнаго самою исторіей факта; въ сознаніи русскаго народа этотъ фактъ существовалъ всегда, всегда считался несомнѣннымъ и нынѣ утвержденъ державною рукою Царя-Освободителя. Развѣ черногорскіе орлы подчинялись когда-либо иноземцу, платили они ему дань, склоняли они предъ нимъ свою смѣлую голову? Нѣтъ—если нѣкогда широко и вольно разлившееся, было славянское море давно уже теперь сдавлено въ своихъ берегахъ, перегорожено шлюзами и насыпями, сработанными насильственной вражьей рукой—надъ этимъ моремъ, видимъ мы, отъ вѣка, одиноко и величаво стоитъ свободная Черная Гора! Съ горькою печалью смотритъ она съ своей неприступной выси, на повергенныя въ неволю братскія племена... Гора умѣла отстаивать свою свободу. Чудный видъ, въ тѣ дни борьбы на жизнь и на смерть принимала она, покрытая сверкающею бронею ханжаровъ своихъ геройскихъ сыновъ. Врагамъ не давалось пощады. Мало кто изъ нихъ возвращался. И какъ будто еще величавѣе, еще неприступнѣе и грознѣе казалась потомъ свободная черногорская скала!..

Исторія черногорцевъ—поучительный примѣръ для славянъ: послѣ римскаго періода, она представляетъ лѣтопись славнаго прошлаго свободнаго, независимаго народа и длинный списокъ правителей, владыкъ и князей, высоко державшихъ знамя своей страны. Во времена римлянъ, нынѣшняя Черногорія входила въ составъ Илиріи, южная часть которой—теперешнее „Скадарское блато" (Скутарійское озеро) и прилегающая къ нему мѣстность—называлась aget Libeatis. Главнымъ городомъ здѣсь была Dioclea (родина римскаго императора Діоклетіана): и теперь еще видны ея развалины—„Дукла", „Дуке"—лежащія при впаденіи р. Зеты въ р. Морачу, выше Подгорицы. Въ IX, X и XII столѣтіяхъ, Діоклея составляла уже, вмѣстѣ съ Травуніей и Заклумомъ (Герцеговина) значительное сербское государство, управлявшееся великими жупанами рашскими. Знаменитѣйшій изъ нихъ—Неманя, основатель сербской народной королевской фамиліи. При Неманичахъ изъ области „Зеты" (равнина, орошаемая рр. Зетой, Морачей и Рыбницей) былъ образованъ особый удѣлъ, обнимавшій собою Подгорицу, Скадоръ, Баръ, Улцинъ (Дульциньо), Лѣшъ и Драчъ (Дураццо), удѣлъ этотъ, подъ наименованіемъ „Дѣдины", управлялся самостоятельно наслѣдниками сербскаго престола (Милютинъ, Урошъ Дечанскій, царь Душанъ Сильный) и другими важными лицами съ столицею въ Скадрѣ. По прекращеніи въ 1367 г. династіи Неманичей, тогдашній правитель Зеты, родственникъ угасшаго дома, Бальша-Зетянинъ, съумѣвшій прочно утвердиться въ области, отдѣлился отъ королевства и сдѣлался самостоятельнымъ владѣтелемъ Зеты и окрестныхъ приморскихъ странъ. За нимъ слѣдуетъ рядъ его потомковъ, такихъ же независимыхъ государей, какъ и онъ: Стратиміръ Бальшевъ, Діурадъ Бальшевъ (1373), Бальша II (1379), Діурадъ Стратиміровъ (1385) и Бальша III (1405—1421). Затѣмъ, когда этотъ родъ пресѣкся, то сербы-зетяне избрали правителемъ боковаго родственника той же фамиліи—Степана Црноевича, пріобрѣвшаго популярность въ народѣ своею храбростью въ бояхъ съ распространявшимися уже тогда турками. Изъ этой династіи управляли Зетой: Степанъ Црноевичъ (1428—1471), Иванъ Степановъ (1471—1490) и Діурадъ Ивановъ (1490—1515). На этомъ князѣ (послѣднемъ изъ дома Црноевичей) обрывается, на время, рядъ первыхъ свѣтскихъ государей Черногоріи, мѣсто которыхъ заступаютъ духовные владыки, правившіе княжествомъ въ продолженіи болѣе 3-хъ столѣтій. Причиной такого переворота послужила, какъ ни страннымъ это можетъ показаться—любовь. Діурадъ женился на дочери венеціанскаго дожа. Слишкомъ рѣзокъ былъ для изнѣженной красавицы переходъ отъ утонченной жизни въ роскошныхъ дворцахъ великолѣпнаго города къ суровой жизни въ горахъ, она не могла перенести ея и—князь Діурадъ оставилъ родныя скалы и послѣдовалъ за страстно любимой женой въ Венецію, передавъ управленіе княжествомъ митрополиту. Съ 1516 до 1697 г. идетъ рядъ духовныхъ владыкъ, избиравшихся не изъ одного какого-либо дома, но изъ различныхъ семействъ. Первымъ правилъ митрополитъ Вавилъ, далѣе видимъ Руфима II изъ Нѣгуша, послѣднимъ былъ Савва I (изъ Цетинья); но съ 1697 г. народная скупщина выбираетъ владыкъ исключительно изъ знатнаго и славнаго въ исторіи борьбы съ турками дома Петровичей-Нѣгушей, и нынѣ царствующаго въ Черногоріи. Домъ этотъ далъ странѣ слѣдующихъ владыкъ-митрополитовъ: Даніилъ I-й, Савва II-й, Василій III-й, Петръ I-й (святой) и Петръ II. Послѣ смерти въ 1851 г. владыки Петра II-го, возстановлена, по желанію черногорскаго народа и съ одобренія Императора Николая Павловича, власть свѣтскихъ государей и на престолъ вступилъ князь Даніилъ I, царствовавшій съ 1851 до 1860 года, когда Е. С. наслѣдовалъ Е. С. князь Николай I. Выше уже сказано, что Россія признавала князей черногорскихъ независимыми самостоятельными государями (отчасти признавала и Австрія), но для достоинства Черногорскаго княжества необходимо было, чтобы и всѣ остальныя европейскія державы приняли его въ „семью" свою. Князь Николай оказалъ своей странѣ эту важную услугу и имя его навсегда останется связаннымъ съ воспоминаніемъ о немъ. Сынъ его—Даніилъ Николаевичъ—первый наслѣдникъ престола, признаннаго уже всей Европой, независимаго княжества Черногорскаго. Юный князь родился 17-го іюня 1871 г., въ Цетиньи. Воспріемникомъ его былъ Е. И. В. Государь Александръ Николаевичъ (Е. В. представлялъ флигель-адъютантъ полковникъ Толстой). Мы прилагаемъ здѣсь портретъ князя Даніила, рѣзанный съ послѣдней фотографіи, снятой въ Неаполѣ, во время пребыванія его тамъ съ матерью, княгиней Миленой. По отзывамъ всѣхъ, имѣвшихъ случай близко видѣть царственнаго ребенка—это уже маленькій юнакъ, умѣющій смѣло глядѣть въ лицо опасности. Дѣйствительно, во время недавней войны, онъ часто посѣщалъ и сопровождалъ князя Николая на поляхъ битвъ въ Герцеговинѣ и Албаніи и замѣчательно, что когда начиналась кампанія, кн. Даніилъ просилъ своего отца дозволить ему сдѣлать первый выстрѣлъ изъ пушки (въ Бѣлопавличахъ, въ Даниловградѣ) по непріятельскому лагерю и такимъ образомъ своею рукою начать военныя дѣйствія. Онъ постоянно носитъ одинъ черногорскій костюмъ и, согласно народному обычаю, всегда выходитъ вооруженнымъ. Но, помимо выказанной имъ смѣлости и храбрости—этихъ качествъ, свойственныхъ ему какъ истому черногорцу, ребенокъ этотъ—богато-одаренная натура, природныя способности котораго подаютъ блестящія надежды. Не смотря на юный возрастъ, онъ уже началъ свое образованіе на отечественномъ сербскомъ языкѣ, свободно объясняется въ то же время на французскомъ и итальянскомъ. О великодушномъ сердцѣ этого князя-отрока можно судить уже потому, что говорятъ, именно онъ упросилъ своего отца пощадить вождя Пейко-Павловича, смерти котораго требовали многіе черногорцы послѣ неудачи славянскаго оружія въ дѣлѣ подъ Крстацомъ (противъ Сулеймана-паши), неудачи, которую приписывали тогда этому знаменитому герцеговинскому вождю.

Самый длинный мостъ на свѣтѣ.

Мысль объ устройствѣ громаднаго моста черезъ рѣку Тей, около Дунди, съ цѣлью соединить южную часть Шотландіи съ сѣверной, давно уже занимала многихъ мѣстныхъ капиталистовъ, но трудность ея выполненія, а также необычайность требующагося при этомъ капитала заставляли постоянно отказываться отъ задуманнаго предпріятія. Наконецъ въ 1871 году образовалось акціонерное общество съ капиталомъ въ 35,000 фунтовъ стерлинговъ, то есть болѣе чѣмъ въ три милліона рублей, а извѣстный инженеръ де-Бергю составилъ грандіозный планъ и энергически приступилъ къ работамъ. Ранняя смерть его въ 1874 году однако чуть не разстроила всего предпріятія, если бы не оказала поддержки знаменитая фирма Гопкинса, Гилькса и Ко, которая и достроила мостъ въ 1877 году.

Мостъ этотъ расположенъ около самаго устья рѣки, въ томъ мѣстѣ, гдѣ ширина разлива достигаетъ до 1,500 саженъ, такъ что онъ по всей справедливости можетъ назваться самымъ длиннѣйшимъ мостомъ въ свѣтѣ. Кромѣ того онъ замѣчательно высокъ, такъ какъ строители, желая дать полный просторъ для прохода многочисленныхъ плывущихъ по рѣкѣ судовъ, подняли среднюю часть мостоваго полотна на 13 саженъ выше уровня воды, укрѣпивъ весь мостъ на 85 высокихъ желѣзныхъ подпорахъ или столбахъ. Укрѣпленіе этихъ массивныхъ столбовъ, поддерживающихъ все гигантское сооруженіе, производилось посредствомъ особаго рода громадныхъ желѣзныхъ цилиндровъ, погружавшихся на самое дно рѣки и въ которыхъ работы производились съ помощью сжатаго воздуха. Когда же грунтъ достаточно углублялся, то цилиндры опускались еще ниже и наконецъ закладывались камнемъ. На этихъ то, такъ называемыхъ кессонахъ воздвигались уже всѣ необходимыя и каменныя и желѣзныя сооруженія. Поперечныя же связи, изъ которыхъ нѣкоторыя вѣсили до 13,000 пудовъ, доставлялись на мѣсто работъ на особаго рода плотахъ и потомъ посредствомъ гидравлическихъ машинъ подымались на данную высоту и тамъ закрѣплялись.

Какъ самая кладка фундамента такъ и укрѣпленіе желѣз-

ныхъ столбовъ или подпоръ требовало громадныхъ, почти невѣроятныхъ усилій, сильныя бури неоднократно портили работы и даже иногда разрушали ихъ окончательно, при чемъ не обходилось и безъ гибели людей. Но наконецъ трудъ и энергія превозмогли силу стихій и красивый, легкій, чрезвычайно прочный мостъ соединяетъ теперь искони разъединенные природою берега и бурныя волны уже не въ силахъ поколебать ни одного изъ его незыблемыхъ основаній.

Встрѣча съ Гориллой.

Горилла принадлежитъ къ семейству обезьянъ стараго свѣта, извѣстныхъ въ наукѣ подъ названіемъ узконосыхъ (Catarrhinae). Въ виду этому принадлежатъ самыя большія и наиболѣе подходящія по наружности къ человѣку обезьяны.

Горилла преимущественно водится въ лѣсахъ, гдѣ предпочитаетъ наиболѣе густыя чащи, но, по словамъ Брэма, встрѣчается также и въ долинахъ, покрытыхъ лѣсистыми холмами. Пищей ему служатъ орѣхи, мягкіе, молодые листья масляной пальмы, фрукты пряничнаго дерева. До сихъ поръ это свирѣпое животное такъ рѣдко попадалось въ руки человѣка—да и къ тому же, въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ, почти всегда мертвымъ уже—что о его образѣ жизни и нравахъ извѣстно немного. Къ тому же—оно опредѣлено съ точностью еще, относительно, очень недавно, прежде же его смѣшивали съ шимпанзе, принадлежащимъ къ одному съ нимъ роду.

Древніе Кареагеняне снарядили однажды флотъ, съ цѣлью основать колоніи въ западной Африкѣ. Около 30-ти тысячъ ч. отправились изъ Кареагена на 60-ти большихъ корабляхъ, съ большимъ запасомъ продовольствія и всего, необходимаго для поселенія. Ганнонъ, начальствовавшій этимъ флотомъ, сообщилъ разультаты своего путешествія въ небольшомъ, но общеизвѣстномъ сочиненіи „Periplus Hannonis". Въ разсказѣ его мы находимъ, между прочимъ, слѣдующее мѣсто: „...Пройдя огненные потоки, мы прибыли на третій день въ заливъ, названный Южнымъ Рогомъ; въ глубинѣ его находится островъ съ озеромъ, въ срединѣ котораго возвышается другой островъ, гдѣ живутъ *дикіе люди*, покрытые длинными волосами; толмачи называютъ ихъ *Гориллами*. Мужчинъ намъ не удалось поймать, они уходили отъ нашихъ преслѣдованій, перепрыгивая черезъ пропасти и защищаясь обломками скалъ. Мы настигли трехъ женщинъ, самокъ, но не могли увезти ихъ съ собой—онѣ кусались и царапались, по этому пришлось убить ихъ. Мы сняли съ нихъ шкуры, которыя отослали въ Кареагенъ". Плиній говоритъ, что впослѣдствіи шкуры эти сохранялись въ храмѣ Юноны. Миссіонеръ Севэджъ, открывшій, въ 1847 г., на р. Габунѣ (въ Западной Африкѣ) громадную обезьяну, назвалъ этого неизвѣстнаго до той поры лѣсовика историческимъ именемъ горилла Открытіе Севэджа подтвердили ходившіе за 2 т. лѣтъ назадъ слухи о томъ, что есть лѣса, обитаемые сатирами или дикими людьми.

Выше мы замѣтили, что вообще, свѣдѣнія объ этой свирѣпой обезьянѣ скудны; наиболѣе подробностей о ней мы находимъ у дю-Шалью, много путешествовавшаго по Африкѣ. По его словамъ, горилла живетъ въ уединенныхъ и самыхъ темныхъ мѣстахъ глухихъ африканскихъ лѣсовъ, или въ глубокихъ долинахъ. Повидимому, любимымъ мѣстопребываніемъ его служатъ плоскія возвышенности, заросшія большими лѣсами, онъ ведетъ жизнь бродяжническую и рѣдко проводитъ два дня на одномъ мѣстѣ. Къ скитальчеству его отчасти побуждаетъ трудность находить любимую пищу его. Хотя чудовищные клыки его могли бы давать ему возможность раздирать всякое пойманное животное, но онъ питается исключительно растительной пищей. „Я, говоритъ дю-Шалью, вскрывалъ желудки гориллъ, которыхъ мнѣ удавалось убить и ни разу не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ ягодъ, ананасовыхъ листьевъ и другихъ растительныхъ веществъ.

Нѣкоторые естествоиспытатели утверждаютъ, что горилла можетъ держаться и ходить на однѣхъ заднихъ оконечностяхъ съ извѣстною скоростью и гораздо дольше, чѣмъ шимпанзе и другія обезьяны: когда онъ стоитъ на ногахъ, колѣни его сгибаются. „Старыя гориллы, говоритъ далѣе дю-Шалью, тоже робки. Мнѣ случалось охотиться цѣлый день и не настигнуть животное,—я замѣчалъ, что оно тщательно избѣгало меня. Но если случай поблагопріятствовалъ охотнику или онъ настигъ животное хитростью, то оно уже не отступаетъ передъ нимъ. Въ подобныхъ случаяхъ я никогда не видалъ, чтобы горилла обращался въ бѣгство. Испытанный охотникъ считаетъ правиломъ не стрѣлять до послѣдней возможности. Опытъ показалъ, что горилла мгновенно бросается на промахнувшагося стрѣлка. Ни одинъ человѣкъ не въ состояніи выдержать его нападенія. Однимъ ударомъ своей огромной руки съ большими ногтями, онъ разбиваетъ грудь охотника, раздробляетъ черепъ. Никакая ловкость, никакое искусство тутъ уже не послужатъ къ спасенію. Снова заряжать поздно, бѣжать—безполезно. Иной разъ негръ, которому страхъ придавалъ безумное мужество, вступалъ при такихъ обстоятельствахъ въ борьбу съ гориллой, стараясь защититься своимъ разряженнымъ ружьемъ, но онъ успѣвалъ нанести ему только одинъ безуспѣшный ударъ; въ слѣдующій моментъ длинная рука протягивалась и опускалась, съ страшной силой разбивая ружье и черепъ негра. (Изображеніе подобной борьбы читатель можетъ видѣть на нашемъ рисункѣ).

Приведемъ здѣсь разсказъ другаго путешественника, весьма живо передающаго эпизодъ встрѣчи съ страшной обезьяной. „Темныя и непроходимыя чащи, въ которыхъ живетъ горилла, почти не позволяютъ охотнику по причинѣ сучьевъ и шиповъ, сдѣлать малѣйшее движеніе; онъ долженъ стоять и ожидать приближенія яростнаго животнаго. Горилла подходитъ небольшими шагами, часто останавливается, издавая свой адскій ревъ и бьетъ себя лапами по груди; иногда онъ останавливается на долго, даже садится, устремивъ бѣшеный взглядъ на противника; затѣмъ, поднявшись снова, идетъ, переваливаясь: короткія ноги съ трудомъ поддерживаютъ тѣло въ прямомъ положеніи; чтобы сохранить равновѣсіе, животное двигаетъ руками; толстое брюхо, круглая, бычачья, съ поднявшимся гребнемъ волосъ голова, сзади почти лежащая на затылкѣ, большія мускулистыя руки и широкая грудь придаютъ этой развалистой походкѣ и фигурѣ невыразимо ужасный видъ. Впалые сѣрые глаза горятъ страшнымъ блескомъ, ярость искажаетъ уродливыя черты, оскаленный ротъ, съ тонкими, точно разрѣзанными губами, показываетъ огромные, могучіе клыки... Охотникъ стоитъ въ трепетномъ ожиданіи, наблюдая за врагомъ, съ ружьемъ въ рукѣ, съ ужасомъ чувствуя приближеніе минуты, когда надо будетъ выстрѣлить. Наконецъ—мгновенно, почти машинально, подымается ружье—страшный мигъ—ужасъ захватываетъ дыханіе, курокъ спускается! Выстрѣливъ въ бегемота, негръ тотчасъ же идетъ впередъ къ животному, но тутъ онъ стоитъ неподвижно, потому что въ случаѣ промаха, ему придется биться лицомъ къ лицу, въ надеждѣ, что какой нибудь неожиданный случай спасетъ его отъ убійственнаго удара. Къ счастью для него, горилла быстро умираетъ отъ раны въ грудь, куда чаще всего мѣтятъ охотники (обыкновенно стрѣляя на разстояніи 14—18 ф.)—обезьяна падаетъ ничкомъ, простирая длинныя, могучія руки, испуская съ послѣднимъ вздохомъ предсмертное хрипѣніе, похожее на ревъ и на стонъ, и которое возвѣщаетъ спасеніе охотнику".

Жители внутреннихъ странъ охотно употребляютъ въ пищу мясо гориллы, не смотря на его темный цвѣтъ и жесткость. Кожа животнаго также толста и плотна какъ бычачья.

Газовый аппаратъ Альфа.

Многіе изъ нашихъ читателей живущихъ въ глуши, въ деревняхъ и маленькихъ городкахъ, гдѣ нѣтъ газовыхъ заводовъ, особенно лица, имѣющія какія нибудь промышленныя заведенія—могутъ сожалѣть о невозможности имѣть газовое освѣщеніе. Хотя есть лампы, дающія свѣтъ нѣсколько подходящій къ газовому, но противъ нихъ слишкомъ многое можно сказать и это дѣло еще далеко неразработанное. Угольный газъ, хотя онъ стоитъ не дорого и не представляетъ затрудненій при добываніи, нельзя собирать въ небольшихъ количествахъ, ибо для этого надо имѣть довольно сложный и дорого стоющій аппаратъ. Сверхъ того добываніе угольнаго газа требуетъ значительныхъ усилій и спеціальныхъ рабочихъ, которые были бы исключительно только этимъ заняты. Въ этихъ случаяхъ добываніе воздушнаго газа наиболѣе цѣлесообразно. Подъ воздушнымъ газомъ мы разумѣемъ атмосферическій воздухъ насыщенный въ такой степени парами сгораемыхъ жидкостей, что даетъ самое яркое пламя.

Лучшій изъ доселѣ употребляющихся аппаратовъ для добыванія воздушнаго газа—такъ называемый газовый аппаратъ Альфа. Въ прошломъ году на Парижской всемірной выставкѣ, на выставкахъ машинъ въ Кенигсбергѣ, Бреславлѣ и Гамбургѣ его приводили въ движеніе и результаты получались самые удовлетворительные. Газъ, добываемый посредствомъ этого аппарата—атмосферный воздухъ, насыщенный парами газолина, жидкаго вещества, которое при извѣстной температурѣ легко обращается въ пары. Аппаратъ состоитъ изъ четырехъ главныхъ частей: во первыхъ особаго механизма (родъ часовъ), чтобы измѣрять степень насыщенія воздуха парами, во вторыхъ—каморы, которая постепенно наполняется этимъ насыщеннымъ парами воздухомъ, въ третьихъ элеватора, который поддерживаетъ равномѣрность притока насыщеннаго воздуха и въ четвертыхъ изъ газометра, который регулируетъ выходъ газа въ горѣлку. Аппаратъ приводится въ движеніе гирями, которыя посредствомъ каната и подъемнаго блока дѣйствуютъ на барабанъ, а этотъ, послѣдній системой зубчатыхъ колесъ приводитъ въ движеніе внутренній механизмъ газоваго аппарата.

Аппаратъ Альфа даетъ ровный и яркій свѣтъ, стоитъ очень недорого и для управленія имъ не требуетъ никакихъ спеціальныхъ знаній. Извѣстное количество газолина наливается разъ на двѣ на три недѣли, затѣмъ вертятъ рукоятку, чтобы поднять гири, которыя медленно опускаясь, приводятъ въ движеніе аппаратъ, а этотъ аппаратъ и вырабатываетъ газъ, насыщая воздухъ паромъ газолина.

Эти аппараты, очень недорогіе, дѣлаются самой различной ве-

личины—силою свѣта отъ четырехъ до 1000 свѣчей въ очень удобной для помѣщенія формѣ. Аппаратъ въ 60 свѣчей занимаетъ пространства не болѣе 1 квадр. метра. Вредныя или непріятныя испаренія не выдѣляются наружу. Главный складъ этихъ аппаратовъ въ Германіи у Бронса и сына въ Эмденѣ.

Смѣсь.

Водяныя капли. Изъ безчисленнаго множества существъ, открываемыхъ намъ микроскопомъ, остановимся на одной породѣ, которая покажетъ намъ все разнообразіе скрытой отъ нашихъ

Олени, засыпанные обваломъ. Рис. Вольфъ, грав. Б. Пуцъ.

глазъ микроскопической жизни. Извѣстно, какая кипучая жизнь скрыта въ одной водяной каплѣ. Разсмотримъ ее при помощи микроскопа, при чемъ обратимъ исключительное вниманіе на одинъ родъ организмовъ, въ высшей степени интересный и разнообразный.

Въ какой нибудь канавѣ возьмемъ стебель гнилой травы или камыша, на поверхности котораго замѣтенъ коричневый тинистый налётъ. Каплю этой тины положимъ на маленькую стеклянную пластинку и эту каплю прикроемъ другой такой же пластинкой, которая не толще почтовой бумаги и не больше почтовой марки. Положимъ этотъ препаратъ подъ микроскопъ, посредствомъ маленькаго зеркала заставимъ идущій съ голубаго неба свѣтъ рефлектировать снизу на водяную каплю, и сверху, черезъ окуляръ, соединенный предварительно съ въ сто разъ увеличивающимъ стекломъ, посмотримъ на мелко раздѣлившіяся частицы пѣны.

Если ловъ былъ удаченъ, то вмѣсто мнимой тины мы увидимъ сотни маленькихъ удивительныхъ существъ, похожихъ частію на маленькія палочки, частію на хорошенькіе крошечные кораблики. Точно лодочки плаваютъ они въ каплѣ воды, которая была помѣщена на стеклянную пластинку, то взадъ, то впередъ, но всегда, однакоже по направленію долевой оси. При встрѣчѣ съ какимъ нибудь препятствіемъ, они съ неоп-

санной граціей сворачиваютъ въ сторону. Какой нибудь отдѣльный индивидуумъ то подымется, то опустится въ водяномъ слоѣ, глубина котораго можетъ равняться острію ножа, то плавно движется въ водѣ или остается на нѣсколько секундъ совсѣмъ неподвижнымъ, такъ что позволяетъ ясно разглядѣть свои формы.

Съ перваго взгляда всякій причислитъ эти созданія, вслѣдствіе ихъ подвижности, къ животнымъ, но, такъ какъ химическое изслѣдованіе показываетъ, что внутренность ихъ содержитъ хлорофилъ—то зеленое красящее вещество, которое сообчѣмъ содержимое клѣтки, окрашенное въ коричнево-зеленый цвѣтъ и усѣянное тамъ и сямъ желтоватыми крапинами, не было бы совершенно уничтожено. Для произведенія этой операціи, мы кладемъ нѣкоторое количество упомянутой тины въ фарфоровую чашечку, наливаемъ туда селитряной кислоты и исподоволь кипятимъ ее надъ огнемъ спиртовой лампы. Селитряная кислота разрушаетъ всѣ органическія вещества, не причиняя вреда кремневому панцырю. Какъ скоро, вслѣдствіе этого, тина сдѣлается безцвѣтной, мы прекращаемъ кипяченіе, подливаемъ чистой дистиллированной воды въ нашу чашечку и

Наслѣдный князь Черногорскій Даніилъ. Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

щаетъ зеленый цвѣтъ листьямъ и растеніямъ, — ихъ приходится отнести къ растеніямъ. По другимъ причинамъ, изъясненіе которыхъ здѣсь завело бы насъ слишкомъ далеко, существа эти причисляются къ водорослямъ, растеніямъ, не имѣющимъ различія между стеблемъ, корнемъ и листьями, состоящимъ изъ одной только жизненной клѣточки и, кромѣ того, обладающимъ характеристическимъ качествомъ окружать себя твердымъ панцыремъ, состоящимъ изъ кремневой кислоты.

Такъ какъ этотъ кремневый панцырь прозраченъ какъ стекло, то его нельзя было бы хорошенько разглядѣть, прежде оставляемъ ее въ покоѣ. Черезъ нѣсколько времени въ ней образовывается тонкій осадокъ, частицу котораго мы кладемъ подъ микроскопъ. Это кремневые панцыри и теперь можно подробно изучить ихъ форму.

Но прежде чѣмъ разсматривать чудесное строеніе панцыря, обратимся къ охраняемому имъ живому растенію, и прежде всего къ его удивительному размноженію. Именно, упомянутый панцырь состоитъ изъ двухъ половинъ, соединенныхъ между собою тонкимъ швомъ, который образуется по большей части изъ мягкой клѣтчатки и обусловливаетъ раздѣленіе обѣихъ ча-

шекъ, заключающихъ въ себѣ клѣточку. Во время расположенія, масса содержимаго клѣтки увеличивается, эластическій швъ между чашками подается и во внутренней сторонѣ образуются двѣ новыя чашечныя половины, по величинѣ и всѣмъ подробностямъ своихъ частей вполнѣ соотвѣтствующія двумъ первымъ половинамъ. Какъ скоро окончено образованіе чашекъ, единичное существо становится двойнымъ, и каждое изъ нихъ имѣетъ по новой и старой чашкѣ. Только нѣжная стекловидная слизь связываетъ обоихъ близнецовъ, но и она расходится, и оба существа раздѣляются. для того, чтобы через короткое время повторить тотъ же самый процессъ. За небольшими исключеніями, размноженіе одноклѣтчатыхъ водорослей, обладающихъ кремневымъ панцыремъ, происходитъ точно такимъ же вышеописаннымъ образомъ, и такъ какъ процессъ этотъ имѣетъ величайшее сходство съ разщепленіемъ одного индивидуума на двое, то эти водоросли называютъ соотвѣтственнымъ греческимъ словомъ „діатомы“.

Кремневая кислота, потребная для образованія двухъ новыхъ чашекъ, растворена въ водѣ, но на шесть или восемь тысячъ морской или рѣчной воды приходится всего одна часть кремневой кислоты. Слѣдовательно діатома должна извлечь себѣ столько кремневой кислоты, сколько ея необходимо для образованія двухъ новыхъ чашеобразныхъ половинъ, постепенно ввести въ свой организмъ количество воды, равняющееся по меньшей мѣрѣ шести или восьмитысячной части вѣса стараго панцыря. Какъ это происходитъ, какимъ образомъ капельная клѣточка превращаетъ въ твердое состояніе находящуюся въ водѣ въ растворенномъ видѣ кремневую кислоту, объ этомъ пока еще ничего не извѣстно: для нашего познанія діатома представляетъ не менѣе мудреную загадку. чѣмъ солнечная система въ необъятномъ міровомъ пространствѣ.

Такъ какъ діатомы вскорѣ послѣ своего рожденія уже получаютъ способность раздѣляться, то размноженіе ихъ доходитъ до невѣроятнаго. По исчисленію, исключающему всѣ неблагопріятныя случайности, потомство одной діатомы въ двадцатомъ поколѣніи уже достигаетъ до полу-милліона, что совершается въ короткій промежутокъ времени, не превышающій сорока часовъ. Впрочемъ, относительно земнаго шара это громадное размноженіе значитъ очень немного, потому что для произведенія, напримѣръ, одного кубическаго миллиметра полировальнаго сланца, состоящаго изъ маленькихъ кругообразныхъ діатомъ, по Эренбергу, должно было послужить потомство приблизительно пятидесяти милліоновъ индивидуумовъ.

Діатомы плодятся не только въ прѣсныхъ водахъ, но и въ морѣ и почти вездѣ, гдѣ есть достаточно сырости. Во всѣхъ частяхъ свѣта, куда только проникали смѣлые изслѣдователи, были находимы діатомы, изъ которыхъ до сихъ поръ опредѣлено слишкомъ двѣ тысячи видовъ и разновидностей; даже въ слояхъ земной коры, доисторическаго періода, попадается много кремневыхъ панцырей. Діатомы, взятыя нами для нашего перваго наблюденія, находились на сгнившей травѣ и уже это мѣстопребываніе указываетъ на родъ ихъ питанія. Вода въ рѣкахъ и моряхъ изо дня въ день принимаетъ въ себя разложившіяся органическія вещества; ими то живутъ и діатомы, точно также какъ колоссы первобытныхъ лѣсовъ. Растеніе строитъ свой организмъ изъ веществъ, которыя не могутъ прямо служить пищей животнымъ, и передаетъ ихъ этимъ послѣднимъ, такъ какъ въ растительныхъ частицахъ животное находитъ то, что годится ему для питанія. Если намъ посчастливится, то мы можемъ наблюдать подъ микроскопомъ, какъ крошечное растеніе съѣдается самымъ крошечнымъ изъ крошечныхъ животныхъ.

Если бы намъ попалась такъ называемая Амоба, состоящая изъ одной капельки оживленной тины, мы увидѣли бы какъ по временамъ прозрачная масса прелпваетъ къ діатомѣ, обволакиваетъ ее и втягиваетъ ее въ себя. Тотчасъ же діатома начинаетъ блѣднѣть; въ короткое время живая капелька тины вбираетъ въ себя окрашенное содержимое водоросли, и насытясь, снова вытекаетъ изъ опустошеннаго кремневаго панцыря. Пространство, на которомъ все это происходитъ, не больше самой крошечной булавочной головки, но отношеніе Амобы къ діатомѣ то же самое какъ отношеніе слона къ сочнымъ листьямъ тропическихъ растеній: вся разница только въ размѣрахъ.

Недостатокъ силы въ этихъ крошечныхъ твореніяхъ замѣняется удивительной способностью размноженія. Величайшее изъ всѣхъ животныхъ—китъ, а между тѣмъ его жизнь косвеннымъ образомъ зависитъ отъ діатомъ. Китъ питается маленькими мягкотѣлыми животными, раками и рыбами, но преимущественно такъ называемымъ китовымъ кушаньемъ, маленькимъ улиткообразнымъ морскимъ животнымъ, мясистый покровъ котораго не отдѣляетъ, однако, известковой оболочки. Моря далекаго сѣвера буквально наполнены этими маленькими созданіями. Тамъ гдѣ ихъ очень много вода окрашивается въ коричневый цвѣтъ. Гренландскіе китоловы называютъ ее черной водой и радуются когда ее завидятъ, но опыту зная, что тутъ найдутъ кита. Темная окраска воды происходитъ. по изслѣдованіямъ Роберта Броунса, отъ и миріадъ діатомъ, служащихъ пищею животному, которое въ свою очередь служитъ насущнымъ хлѣбомъ гигантскому млекопитающему. Величайшее животное и самое крошечное растеніе представляютъ, кажется, самую рѣзкую противуположность, а между тѣмъ громадное чудовище связано съ маленькимъ хорошенькимъ растеніемъ, которое трудолюбиво собираетъ для удовлетворенія большихъ потребностей кита, разсѣевающіеся атомы отживающихъ организмовъ. Такъ малѣйшія вещи получаютъ важное значеніе, какъ только намъ удастся открыть связь, въ какой онѣ находятся съ остальной природой.

Мы говорили выше о чудесахъ кремневаго панцыря, окружающаго діатому. Дѣйствительно, по законченности формы въ возможно малой величинѣ—это своего рода чудо. Посмотримъ, при сильномъ увеличеніи, на кораблеобразную водоросль (Pleurosigma angulatum), панцырь которой похожъ на красиво нарисованный параграфный знакъ; мы увидимъ множество тонкихъ пересѣкающихъ другъ друга полосъ, а промежутки между ними имѣютъ видъ правильныхъ шестиугольниковъ. Такъ какъ длина этой водоросли около тридцатой части линіи и на ней насчитываются сотни такихъ полосъ, то можно судить какъ невообразима ихъ тонина, которая возбуждаетъ такое же удивленіе, какъ математическая правильность ихъ расположенія. Къ сожалѣнію невозможно хотя бы даже приблизительно описать словами богатство формъ діатомъ; скажемъ только одно, что и въ нихъ, точно также какъ въ видимомъ нами растительномъ мірѣ, царитъ красота. И такъ, микроскопическій міръ въ каплѣ воды показываетъ намъ, что идея красоты проникаетъ все мірозданіе, что въ ней заключена таинственная сила, вліяніе которой мы всѣ чувствуемъ, но объяснить которую не удалось до сихъ поръ ни одному изъ величайшихъ ученыхъ.

Война будущаго. Можно, полагаемъ, смѣло сказать, что въ наше прогрессивно-гуманное время война, по количеству человѣческихъ жертвъ и расходовъ—превосходитъ войны прежнихъ временъ. Вотъ цифры того, во что обошлись народныя столкновенія за послѣднія 25 лѣтъ: Крымская война—750,000 чел., Итальянская (1859 г.)—45,000 ч.. Шлезвигъ-Голштинская 3,000 чел., Прусско-Итальяно-Австрійская—45,000 ч., Мексиканская экспедиція—65,000 ч., Франко-прусская (Франція—155,000 ч.. Германія—60,000 ч.)—215,000 ч., Турецко-сербская—25,000 ч.. Турецко-русская—600,000 ч., Американская—800,000 ч. Вмѣстѣ съ тѣмъ, войны эти стоили: Крымская—8,500,000,000 франковъ, Итальянская—1.500.000.000 фр.. Американская—35,000,000,000 франк.. Шлезвигъ-голштинская—175,000,000 ф., Прусско-австрійская—1.650,000,000 фр., Мексиканская экспедиція—1,000,000,000 франк., Франко-прусская—12,500,000,000 фр., Турецко-русская—6,250,000,000 фр. Читая почти ежедневно извѣстія объ изобрѣтеніи новыхъ орудій разрушенія, невольно задаешься вопросомъ—до чего же доведутъ эти изобрѣтенія? Развѣ только до того, что сдѣлаютъ невозможною войну, по крайней мѣрѣ—какъ она ведется теперь. И, можетъ быть, одинъ изъ иностранныхъ сатирическихъ журналовъ не ошибается, предсказывая что нынѣшнія битвы замѣнятся своего рода „научными“ ратоборствами. Чтобы дать читателямъ понятіе объ этомъ новомъ видѣ войны, приводимъ изъ этого сатирическаго журнала шуточную реляцію главнокомандующаго арміею одной изъ враждующихъ сторонъ въ этой „войнѣ будущаго“, какого-то фантастическаго Ньютона Драйасдеста, доносящаго (изъ главной квартиры, находящейся въ 2 тысячахъ миляхъ отъ театра войны), слѣдующія подробности о сраженіи:

„Мы только что одержали побѣду надъ непріятелемъ. Въ извѣщеніи. сію минуту полученномъ мною, чрезъ посредство телефона. сказано: планъ генералъ-химика удался отлично. Непріятель. убѣдившись, что нижній слой воздуха надъ его позиціями лишенъ нами всѣхъ элементовъ, при которыхъ возможно дыханіе, попытался переместиться въ болѣе удобную атмосферу. За нимъ немедленно погналась на воздушныхъ шарахъ наша кавалерія, сидя, вмѣсто лошадей, на новоизобрѣтенныхъ электрическихъ элеваторахъ. Когда генералъ-математикъ непріятельской арміи разъяснилъ и доказалъ ей, что мы превосходимъ ее количествомъ на 1,06 процентовъ, то она сдалась добровольно. Мы завладѣли ея научною библіотекою и небольшимъ количествомъ боевыхъ припасовъ. Приказы передавались съ точностью, посредствомъ фонографовъ. Считаю нужнымъ прибавить. что первая наша попытка завладѣть позиціей непріятеля не удалась вслѣдствіе того, что у нихъ введенъ въ употребленіе микрофонъ: хотя всѣ предосторожности для избѣжанія шума были приняты, но—одинъ солдатъ чихнулъ въ то время, когда наша армія находилась во ста миляхъ отъ непріятельской позиціи и этотъ звукъ, усиленный микрофономъ. выдалъ наше присутствіе.

Въ заключеніе главнокомандующій прилагаетъ счетъ расходовъ по оконченной кампаніи, длившейся около 5-ти дней:

Жалованье научнымъ лицамъ	20,473	ф. ст.
„ боевымъ офицерамъ	72	„ „
Истрачено на пищу	186	„ „
Боевые припасы	40,012	„ „
Химическіе продукты	120,000	„ „
Жалованье солдатамъ	10,000	„ „
Итого	190,743	ф. ст.

Тайны игорнаго дома въ Монако. Подъ заглавіемъ „Тайный союзъ двойнаго пуля“ въ вѣнской газетѣ напечатано письмо, присланное на имя ея редакціи изъ единственнаго укромнаго европейскаго уголка, въ которомъ до сихъ поръ еще гнѣздится рулетка, изъ итальянскаго города Монако. Разсказанная въ письмѣ этомъ исторія находится въ нѣкоторой связи съ закулисною подкладкою дѣятельности нѣкоторыхъ вѣнскихъ общественныхъ кружковъ, такъ какъ начало ея непосредственно исходитъ изъ ихъ среды; а въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ эта таинственная исторія, по выраженію „Tagblatt“, приняла зловѣщую окраску современнаго реализма, съ его всесокрушающими спутниками: динамитомъ, адскими машинами и петардами. Суть дѣла въ томъ, что дирекціею игорнаго дома въ Монако было получено письмо изъ Вѣны, въ которомъ она предупреждалась, что все ея заведеніе взлетитъ къ небесамъ. „Не картою будетъ взорванъ вашъ банкъ“, сказано въ этомъ зловѣщемъ посланіи, а „динамитомъ!“. Пора покончить съ позорнымъ гнѣздомъ разврата, скорби и нищеты! Авторъ письма объявляетъ далѣе, что онъ инженеръ и изобрѣлъ такую машину, передъ которою даже адское изобрѣтеніе изверга Томаса чистѣйшій пустякъ! „Въ короткое время“, говоритъ далѣе анонимный авторъ предостереженія, „я проигралъ въ вашей рулеткѣ три тысячи гульденовъ. Такой проигрышъ мнѣ не по силамъ; если вы не замедлите возмѣстить мнѣ его, то банкъ вашъ спасенъ, въ противномъ случаѣ, все ваше достояніе, и всѣ ваши крупье исчезнутъ съ лица земли. Никакія предосторожности не спасутъ васъ“. Въ заключеніе, дирекція рулетки приглашается „почтить автора письма отвѣтомъ“, адресуя его подъ извѣстными литерами въ Вѣну, въ тамошній почтамтъ до востребованія. „Въ постскриптумѣ повторяется угроза, заканчивающаяся зловѣщею фразою: „одно изъ двухъ: или 3,000 гульденовъ, или все взлетитъ на воздухъ!“. Письмо это, на первыхъ порахъ, произвело въ Монако потрясающую сенсацію, дирекція перепугалась, но испугъ ея вскорѣ улегся, когда, по внимательномъ прочтеніи посланія, она должна была убѣдиться, что безграмотность его и орѳографическія ошибки, переполнявшія каждую его строку, ясно свидѣтельствовали, что авторъ его не инженеръ, не человѣкъ мало-мальски образованный а какой-либо мелкій плутъ изъ низшаго слоя приходимцевъ. Администрація игорнаго дома препроводила письмо къ начальнику вѣнской полиціи; о послѣдствіяхъ этой мѣры пока еще не имѣется свѣдѣній, но что содержавшаяся въ немъ угроза была мошенническою продѣлкою, видно изъ того, что данный въ письмѣ срокъ на раздумье давно уже прошелъ, а рулетка все еще здравствуетъ. Полицейскіе агенты неотступно дежурили въ вѣнскомъ почтамтѣ, но никто не являлся туда ни за какимъ письмомъ изъ Монако. Кореспондентъ „Tagblatt“ полагаетъ, что вся эта исторія была не болѣе какъ мистификація; но тѣмъ не менѣе связываетъ ее съ существованіемъ такъ называемаго „кружка двойнаго пуля“, ассоціаціи задорныхъ игроковъ, успѣвшей проставить не мало денегъ на № 00, рѣдко выпадающемъ на долю счастливцевъ, но представляющемъ для игроковъ тотъ непреодолимый соблазнъ, что возвращаетъ имъ ихъ ставку, возросшею въ 36 разъ!

Ручныя ласточки. Недавно намъ привелось наблюдать ласточку, говоритъ Торлеръ, которая сдѣлалась совершенно ручною. Еще неоперившаяся, она была вынута изъ гнѣзда. Ее мы кормили мухами, которыхъ она уничтожала чрезвычайно много. Попытки кормить ласточекъ, подобно цыплятамъ, яйцами, не удавались, и отъ этого корма онѣ скоро умирали. Это замѣчается, впрочемъ, со всѣми маленькими птичками.

Чтобы приручить ласточку, нужно помнить, что въ этомъ маленькомъ воздушномъ созданьицѣ скрывается непреодолимое стремленіе къ свободѣ. Вотъ почему не нужно ее запирать въ клѣтку; надо ей устроить въ ящикѣ мягкое помѣщеніе на подобіе гнѣзда. Ласточка скоро привыкаетъ къ людямъ и понимаетъ когда произносятъ нѣжно и ласково ея имя. Когда же она оперится, то прежде нужно заставить ее испытать свои крылья. Надо чтобы она полетала по комнатѣ, и потомъ на дворѣ. Она уже знаетъ свой домъ и логовище и постоянно возвращается въ гнѣздышко назадъ. Охотно она дозволяетъ себя кормить и радуетъ своей веселостью и довѣрчивостью. Приручивъ ласточку, можно звать ее въ отворенное окно и она прилетитъ. Она оставляетъ веселый кругъ своихъ воздушныхъ подругъ и садится на подставленную руку или на плечо. Она очень любитъ когда ее гладятъ, охотно заползаетъ въ рукавъ и тамъ засыпаетъ. Если же ее сердятъ, т. е. если ей подставляютъ палецъ безъ мухи или сильно качаютъ, то она сердится и кусается. Когда играютъ на фортепіано, она совершенно спокойно сидитъ на декѣ, быстро поворачивая свою умную головку то вправо, то влѣво. Однако не высидитъ долго въ комнатѣ; снова улетаетъ она на свободу, но вернется при первомъ зовѣ. Вечеромъ она аккуратно отыскиваетъ свое сидѣнье, а утромъ до тѣхъ поръ не улетаетъ, пока ее не покормятъ. Другія ласточки однако клюютъ ручную пташку, какъ бы сердясь, въ особенности если передъ тѣмъ люди ее много ласкали. Иногда даже ее товарки просто преслѣдовали.

Осенью ласточка отлетаетъ, но ея память не настолько развита чтобы на будущій годъ она вспомнила о человѣкѣ-воспитателѣ.

15-го февраля, въ три четверти восьмаго часа утра, Его Императорское Высочество Великій Князь Вячеславъ Константиновичъ, *) послѣ кратковременной и тяжкой болѣзни, скончался отъ туберкулезнаго воспаленія мозговыхъ оболочекъ.

Политическія и внутреннія извѣстія.

Первое собраніе представителей Болгаріи.—Государственный уставъ.—Англичане о соединеніи Болгаріи.—Генералъ Черняевъ.—Дѣла въ Египтѣ.—Убійство князя Кропоткина.—Ходъ чумы на Волгѣ.

11-го (23-го) февраля открыто княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ въ Тырновѣ первое собраніе болгарскихъ представителей, приступающихъ къ разсмотрѣнію государственнаго устава. Проектъ состоитъ изъ 22 главъ, раздѣленныхъ на 170 статей; къ нему приложены правила о выборѣ князя. Управлять страной будетъ національное собраніе, но въ исключительныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, избраніе князя, упраздненіе престола, отчужденіе или пріобрѣтеніе территоріи, во всѣхъ этихъ случаяхъ должно быть созываемо особое чрезвычайное національное собраніе. Права личности, собственности и жилища объявляются неприкосновенными, суды будутъ независимыми, печать—свободною, право петицій и общія начала управленія—тѣ же, что въ странахъ съ либеральными конституціями. Престолъ—наслѣдственъ, совершеннолѣтіе наслѣдника престола опредѣляется въ 18 лѣтъ. На содержаніе двора ассигнуется 1 милліонъ франковъ. Военная служба и народное обученіе обязательны. Личность членовъ національнаго собранія неприкосновенна, за пять дней до открытія сессіи и такое же время по окончаніи ея, исключая случаевъ уголовнаго преступленія. Болгарія раздѣляется на пять избирательныхъ округовъ (Софія, Тырновъ, Виддинъ, Рущукъ и Варна), которые въ свою очередь, подраздѣляются, всѣ вмѣстѣ, еще на 31 уѣздъ. Составъ собранія слѣдующій: 11 епископовъ, 1 муфтій, 1 раввинъ, 2 члена верховнаго суда, 5 президентовъ апелляціонныхъ судовъ, 31 президентъ окружныхъ судовъ, 3 президента административныхъ судовъ, 2 президента торговыхъ судовъ, 31 президентъ окружныхъ совѣтовъ и 31 президентъ административныхъ совѣтовъ уѣздныхъ городовъ. Выборныхъ членовъ 93, въ томъ числѣ 16 отъ Софіи, 18 отъ Тырнова, 24 отъ Виддина, 14 отъ Рущука и 20 отъ Варны, общее же число членовъ національнаго собранія простирается до 231. Быть можетъ, присутствіе въ выборномъ собраніи элемента административнаго и притомъ, въ столь значительныхъ размѣрахъ сочтено необходимымъ, въ виду неподготовленности населенія къ несуществовавшей дотолѣ въ краѣ общественно-государственной дѣятельности. Опытъ, несомнѣнно, укажетъ непригодность или пригодность такого состава. Но, какъ слышно, турецкій коммисаръ протестовалъ противъ подобнаго состава собранія, на томъ основаніи, что его нельзя считать представителемъ болгарскаго народа, какимъ онъ долженъ быть по смыслу Берлинскаго трактата.

Если комисаръ этотъ, повидимому вѣрный истолкователь взглядовъ своего правительства, не сомнѣвается въ прочности порядка, импровизированнаго берлинскимъ конгрессомъ, съ другой стороны—замѣчаются симптомы, и весьма серьезные, того, что, мало по малу, этотъ порядокъ начинаетъ, какъ бы утрачивать поддержку тамъ, откуда шли его корни и основы. Всякому, конечно, извѣстно значеніе газеты „Times“, беспрекословно вторящей преобладающему, въ данную минуту, направленію британской политики. Вотъ что говоритъ эта газета, въ своей послѣдней руководящей статьѣ, по поводу Болгаріи и болгаръ: „Британія не можетъ обойтись грубо и насильственно съ стремленіемъ болгаръ къ объединенію. *Ни одинъ разумный человѣкъ не можетъ считать неизмѣннымъ порядокъ, установленный Берлинскимъ трактатомъ на Балканскомъ полуостровѣ.* Это—не окончательный результатъ а не болѣе какъ соглашеніе, бывшее необходимымъ для достиженія мира, что и составляло главную цѣль державъ, совѣщавшихся въ Берлинѣ. Значительное число болгаръ располагаетъ нынѣ полною независимостью и судьба ихъ въ ихъ собственныхъ рукахъ. Какъ бы основательны ни были стремленія къ соединенію Болгаріи и Восточной Румеліи—болгары являются не первымъ народомъ, которому приходилось ждать, терпѣливо покоряясь европейскимъ трактатамъ, пока не дѣлалось возможною разумная уступка ихъ желаніямъ. Они поступятъ разумно, если начнутъ съ уваженія къ возвѣщенной волѣ Европы. За ихъ преніями будутъ слѣдить сочувственно и съ полною готовностью содѣйствовать ихъ національнымъ интересамъ. *Отъ нихъ не требу-*

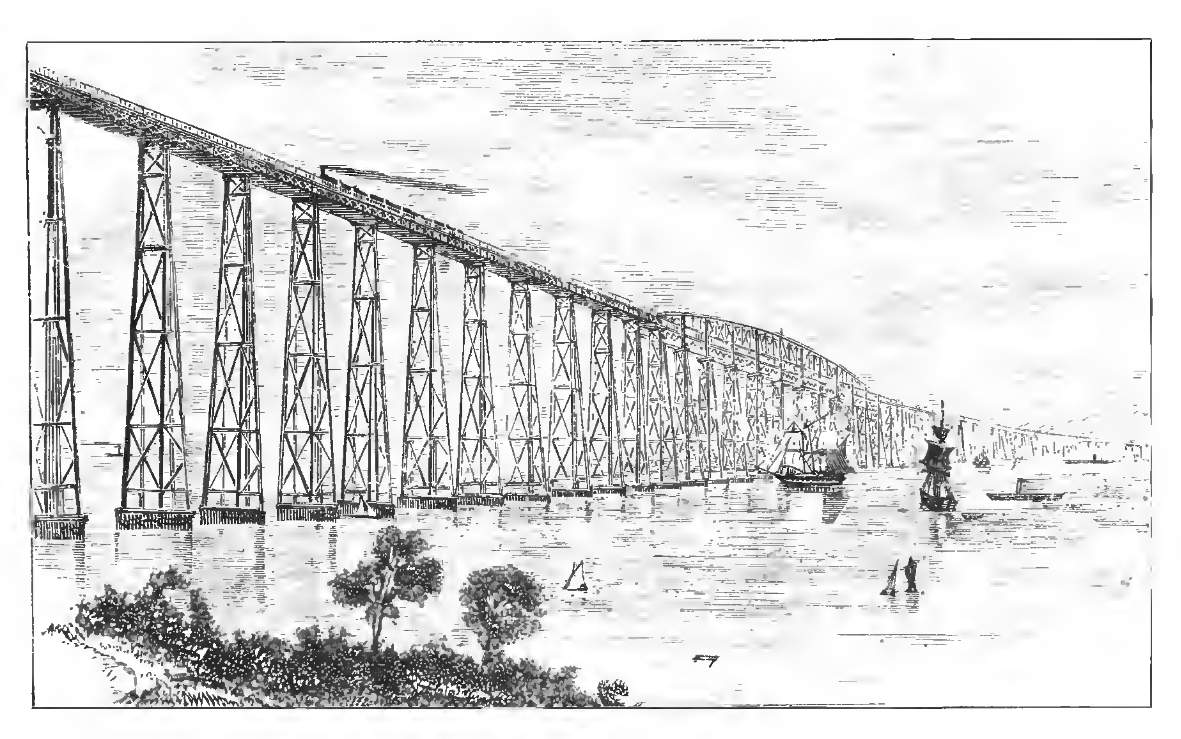
*) Сынъ Е. И. В. В. К. Константина Николаевича род. 1 іюля 1862 г.

ютъ ничего, кромѣ разумнаго терпѣнія"... Мы привели эту выдержку, какъ нѣчто, могущее служить указаніемъ того, что нынѣ въ авторитетныхъ сферахъ Британіи какъ бы признается принципъ необходимости соединенія Болгаріи во-едино, безъ указанія, однако, времени осуществленія этого идеала болгарскаго народа.

Пессимисты, конечно, могутъ видѣть въ словахъ органа Сити одно лишь намѣреніе обманчивыми надеждами успокоить волненіе по сю и по ту сторону Балканъ... Но, въ „Daily News" мы находимъ другое важное и интересное указаніе. Есть нѣкоторые признаки, пишутъ этой газетѣ изъ Константинополя, заставляющіе предполагать, что *между Британіею и Россіей*, если не состоялось уже, то, по крайней мѣрѣ, *обсуждается соглашеніе, имѣющее цѣлью устранить нѣкоторыя наиболѣе серьезныя затрудненія, встрѣтившіяся въ дѣлѣ разрѣшенія вопроса о Южной Болгаріи*. Между прочимъ, постановленіе Берлинскаго трактата о занятіи турецкими гарнизонами Балканъ считается однимъ изъ британскихъ дипломатическихъ агентовъ невыполнимымъ. Быть можетъ, въ настоящее время происходятъ переговоры, имѣющіе цѣлью подготовить совокупное дѣйствіе Британіи и Россіи. Болгарскій комитетъ въ Филиппополѣ рѣшилъ отправить всѣмъ государямъ Европы депутацію, которая изложила бы предъ ними всѣ причины недовольства болгарскаго населенія и заявила бы имъ, что миръ въ этихъ мѣстахъ до тѣхъ поръ не будетъ возстановленъ, пока турки не очистятъ южную Болгарію, также, какъ они очистили сѣвер-

власть котораго, при этомъ, въ нѣкоторой степени ограничена. Вотъ буквальное содержаніе депеши: „такъ какъ кабинетъ министровъ отказался утвердить обязательства, возложенныя на него туземными министрами, до пріѣзда британскаго уполномоченнаго, г. Риверса Уильсона, относительно уплаты недоданнаго жалованья и не согласился, по недостатку денежныхъ средствъ, на сумму, потребованную на содержаніе двора, то *хедивъ*, огорченный рѣшеніемъ и *желая возвратить себѣ власть*, при поддержкѣ одного заграничнаго агента, *взбунтовалъ отставныхъ офицеровъ*"...

Новое гнусное злодѣйство, новое убійство изъ-за угла! На этотъ разъ жертвою его сдѣлался генералъ князь Крапоткинъ. Вотъ подробности этого возмутительнаго преступленія. Вечеромъ 9-го февраля, въ пятницу, князь присутствовалъ на балѣ въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ и въ началѣ 12-го часа отправился въ своей каретѣ домой. По обыкновенію онъ сидѣлъ въ правомъ углу кареты, спустивъ стекло лѣваго окна. Экипажъ, ѣхавшій крупной рысью, повернулъ съ Старо-Московской улицы къ Вознесенскому скверу, около котораго находится домъ губернатора; но здѣсь, по показанію кучера, откуда-то появился впереди ихъ извозчичій фаэтонъ съ тремя сѣдоками, а такъ какъ въ этомъ мѣстѣ улица не широка, то кучеру губернаторской кареты пришлось волею-неволею сдерживать лошадей, чтобы не наѣхать на фаэтонъ. Карета была освѣщена фонарями настолько, что снаружи была

Мостъ чрезъ р. Тей. (Самый длинный желѣзный мостъ на свѣтѣ.) Съ фотогр. грав. Рашевскій.

ную. Однако, по совѣту русскихъ властей, мысль объ отправкѣ этой депутаціи была оставлена и *болгарамъ было сообщено, что дѣло ихъ въ настоящее время ближе къ благополучному исходу, чѣмъ было за многіе мѣсяцы предъ тѣмъ*. Въ Софіи, какъ сообщаютъ, всѣ убѣждены въ томъ, что найденъ способъ разрѣшить существовавшія до сихъ поръ затрудненія, но, до времени, онъ составляетъ еще тайну немногихъ посвященныхъ. Сами турки тоже полагаютъ, что между Британіей и Россіей идутъ переговоры о какой-то сдѣлкѣ и очень раздражены этимъ. Вообще полагаютъ, что возбуждающее теперь такъ много толковъ соглашеніе Британіи съ Россіей касается созванія дополнительнаго конгресса для обсужденія вопросовъ, неразрѣшенныхъ въ Берлинѣ или же для пересмотра нѣкоторыхъ статей Берлинскаго трактата или, наконецъ, для обсужденія тѣхъ мѣръ, которыя должны быть приняты послѣ того, какъ русскіе очистятъ Адріанополь и южную Болгарію.

Много толковъ породила, равнымъ образомъ, поѣздка генерала Черняева на Балканскій полуостровъ. Агентство „Гавасъ" сообщило въ парижскія газеты, будто М. Г., изъ Софіи отправился въ Тырновъ для принятія начальства надъ болгарскою милиціей и что его, будто, назначатъ военнымъ министромъ будущаго болгарскаго княжескаго правительства.

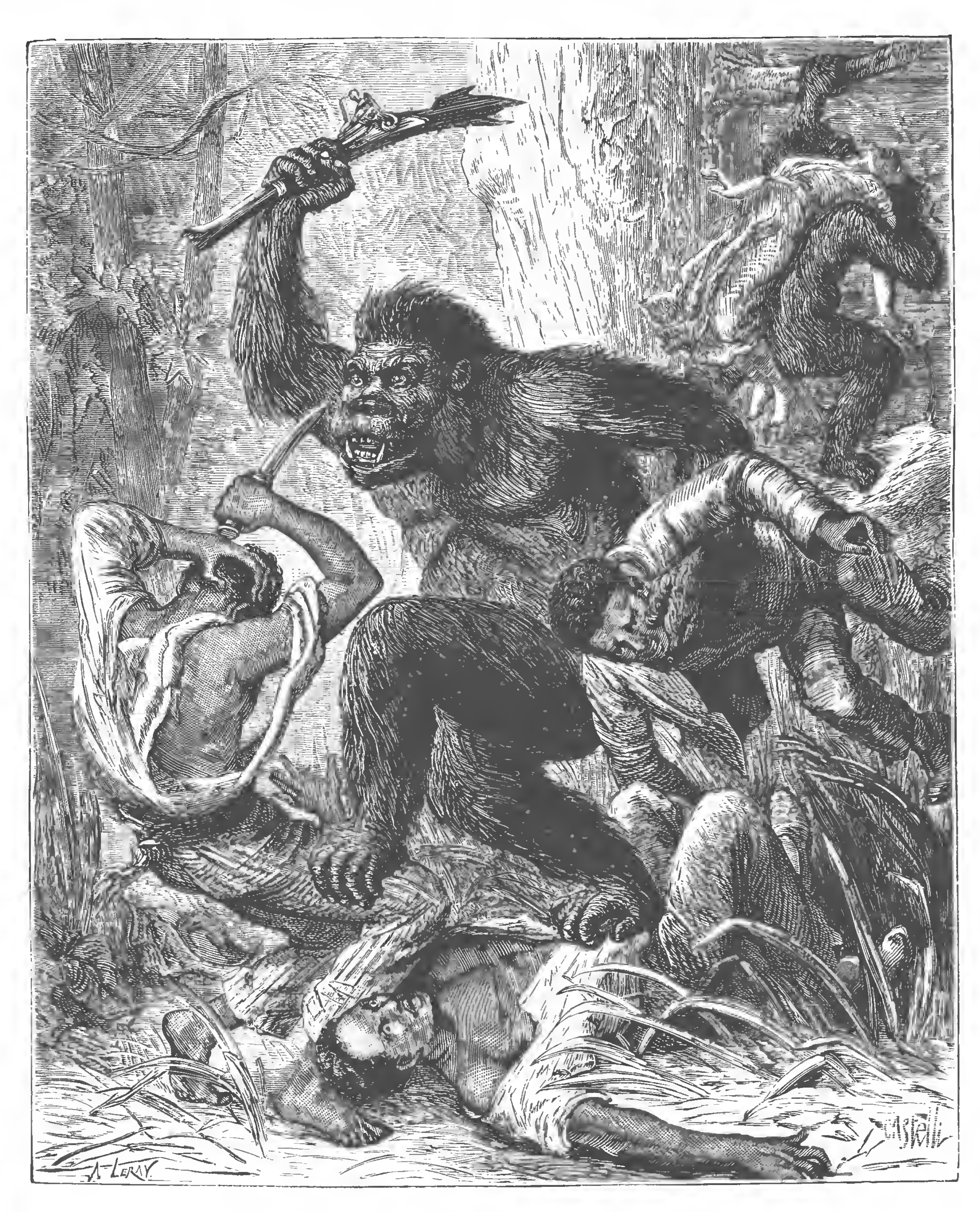
Въ Парижѣ, между прочимъ, получена депеша другаго рода изъ Каира. Читателямъ конечно извѣстно, что разстроенные финансы Египта приводятся въ порядокъ особымъ министерствомъ, образованнымъ изъ уполномоченныхъ европейскихъ державъ (Британіи, Франціи) по соглашенію съ хедивомъ,

отчетливо видна вся внутренность ея... Когда она поравнялась съ послѣднимъ фонаремъ сквера, раздался выстрѣлъ—князь почувствовалъ, что онъ раненъ. Обливаясь кровью, онъ высунулся и крикнулъ кучеру: „я убитъ". Тотъ погналъ лошадей и черезъ минуту они въѣжали въ ворота своего дома. Изъ кареты князя Крапоткина уже вынесли на рукахъ пять человѣкъ, такъ какъ онъ не могъ идти самъ. Первыми его словами было приказаніе послать за священникомъ и за профессоромъ хирургіи Грубе. На вопросъ своей старушки матери, онъ отвѣчалъ, что легко раненъ и просилъ домашнихъ не безпокоиться. Немедленно были приглашены всѣ лучшіе врачи университета, которые нашли, что выстрѣлъ былъ произведенъ сверху внизъ (полагаютъ, что убійца, притаившись за фонарнымъ столбомъ, взобрался на кучу льда, убраннаго съ мостовой и стрѣлялъ оттуда), изъ револьвера системы Смитъ и Вессонъ, пулею въ 12 миллиметровъ калибра, которая пробивъ шубу и лѣвый эполетъ, раздробила въ мелкіе кусочки лѣвую ключицу и засѣла около третьяго позвонка, отчасти повредивъ его, почему у больнаго сдѣлался параличъ нижнихъ конечностей, вскорѣ дошедшій уже до полости живота. Осмотрѣвъ въ подробности рану, профессоръ Грубе вынулъ изъ нея семь осколковъ ключицы, но пулю извлечь оказалось невозможнымъ. Послѣ операціи князь слабымъ голосомъ произнесъ: „Хорошо умереть на полѣ чести, но умереть отъ руки убійцы крайне грустно"; затѣмъ онъ закрылъ глаза и уже болѣе ничего не говорилъ, впавъ въ какое-то тихое оцѣпенѣніе. Поводомъ къ отвратительному злодѣянію считаютъ месть за политическаго преступника Ѳомина

(Продолженіе на стр. 177, 178, 179, 180).

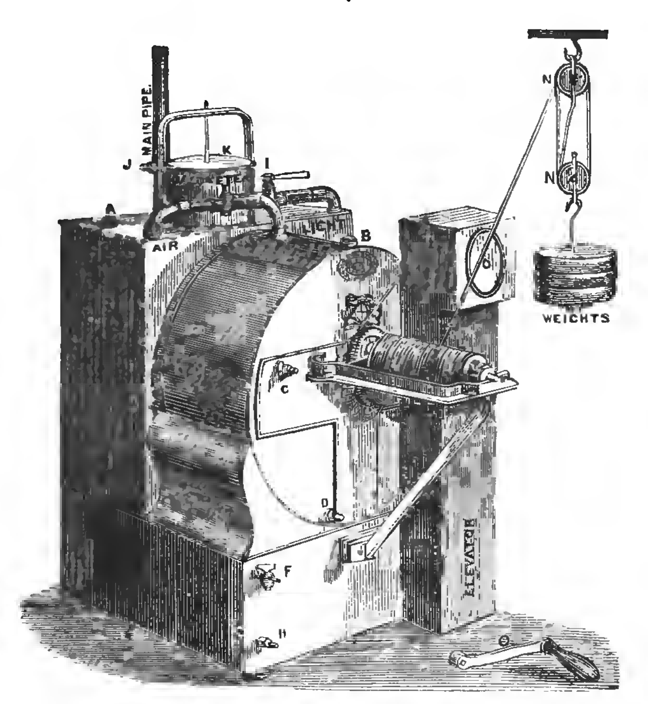
(онъ убилъ жандарма, конвоировавшаго одного политическаго преступника), которому утромъ того дня объявлено о преданіи его военному суду. Убійца не розысканъ еще. Кучеръ другой, ѣхавшей сзади, карсты выстрѣла не слышалъ, но видѣлъ только перебѣгавшаго улицу небольшаго роста человѣка. Предполагаютъ, что это одинъ изъ соучастниковъ преступленія Фомина. 15-го февраля въ 6 ч. 10 м. утра князь Крапоткинъ скончался.

Что касается шествія чумы, которая такъ многихъ напугала, то теперь очевидно, кажется для самыхъ сомнѣвающихся, что дѣло не имѣетъ того значенія, какое ему придали. Телеграммы графа Лорисъ-Меликова, новаго генералъ-губернатора, посланнаго съ такими обширными полномочіями на Волгу, самаго успокоивающаго и даже, если позволительно выразиться, нѣсколько „недоумѣвающаго“ свойства. Но подобнаго тому что было на дняхъ съ исторіей появленія чумы въ перепуганномъ Петербургѣ—не бывало еще. Исторія о дворникѣ заболѣвшемъ чумою, что засвидѣтельствовано знаменитымъ Боткинымъ—къ общему удивленію разрѣшилась 14-го февраля двумя весьма внушительными протоколами, подписанными десятью медиками и градоначальникомъ. Протоколы эти удостовѣряли что профессоръ *ошибся*, что у дворника признаки болѣзни не имѣющей ничего общаго съ чумою. Теперь г. Боткинъ во всѣхъ газетахъ уже напечаталъ свое объясненіе.

Бой съ Гориллой. Рис. Костелли, грав. Лурей.

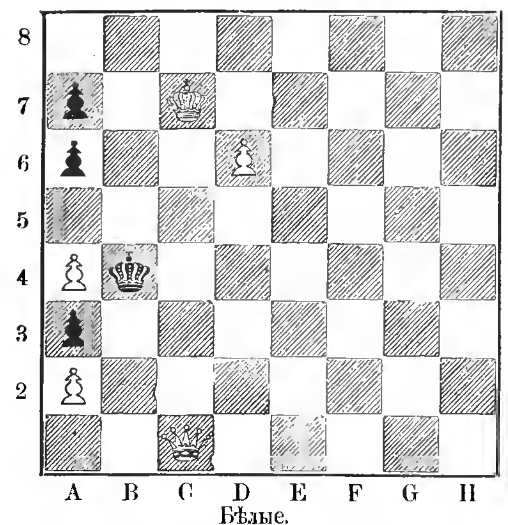
Новое изобрѣтеніе.

Газовый аппаратъ Альфа.

Шахматная задача № 7.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ 3 хода.

Рѣшеніе шахматной задачи № 6.

Бѣлые.	Черные.
1) Ферзь В 2—В 5	1) куда угодно.
2) Конь С 4—Е 4 и ††	

Ариѳметическая задача.

Умеръ старикъ у котораго осталось три наслѣдника.

Согласно завѣщанію надо было раздѣлить оставшіяся наличныя деньги слѣдующимъ образомъ:

1-му четвертую часть всей суммы и еще 300 рублей.

2-му третью часть остатка и 400 рублей.

3-му половину остатка и 600 руб.

Оставшіеся еще 300 руб, назначены были въ пользу бѣдныхъ.

Какъ великъ былъ капиталъ? И сколько получилъ каждый?

Рѣшеніе ребуса № 8.

„Дорога милостыня во время скудости“.

Рѣшеніе шашечной задачи № 1.

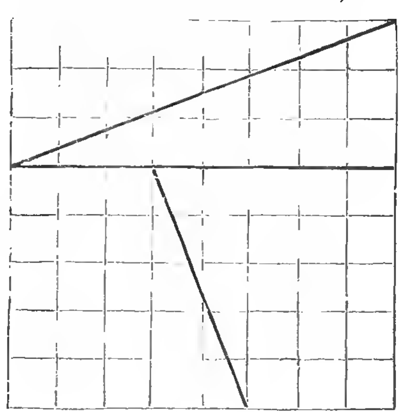
Бѣлые.	Черные.
1) 20—23	Дамка 24 бьетъ 15
2) 23—28	31 бьетъ на 24
3) 12—15	Дамка бьетъ на 20
4) 16 бьетъ на 23 и выигрываетъ.	

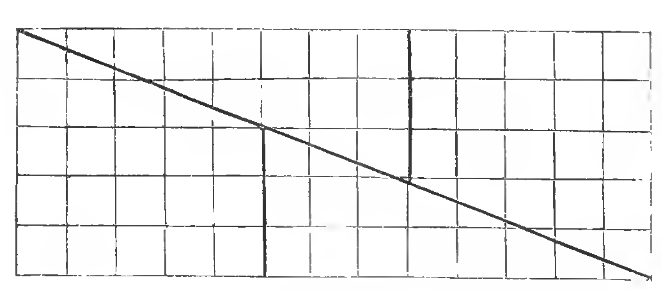
Рѣшеніе ариѳмогрифа № 8.

Апельсинъ.

Рѣшеніе задачи въ № 2.

(Съ 64 клѣтокъ сдѣлать 65).

Итого 65 клѣтокъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Могилевъ. Гр. С—це. Ваше „произведеніе, состоящее изъ двухъ куплетовъ стиховъ“, не могло быть одобрено.

Оренбургъ. Бус—ву. Согласно просьбѣ вашей напечатать „что нибудь“ изъ присланнаго вами—здѣсь приводится начало вашей „зимы“.

О какъ прелестна ты
Своею красотой!
Какіе чудные виды
Ты дѣлаешь собой!

Х—ву и Бѣл—ву. Разгадки ваши совершенно вѣрны

Спб. Н Сер—хову. Вы ошибаетесь. Дѣло вовсе не въ томъ, чтобы стихи были подешевле. Ваше и въ исправленномъ видѣ неудовлетворительно. Судите сами.

Побѣду празднуетъ Россія
И торжествуетъ *Тотлебенъ (!..)*.

Измаилъ Кр—ту. Стихотвореніе не пріобрѣтаетъ интереса только оттого, что прислано „изъ вновь пріобретеннаго уголка Россіи“.

Ливны Сну—дину. Кромѣ совершенно невозможной формы ваши стихи „русскіе добровольцы“ возмутительны по самому содержанію. Вѣроятно такіе добровольцы бывали, но что же изъ этого?

Николаевъ А. Лим—скому.

Вслѣдъ за дѣтками жена
Вышла *изъ крыльца...*

То есть какже это?

Москва Сер—жу. Разгадки ваши совершенно вѣрны.

Владиміръ С. Рыс—ну.

Подъ курганомъ лежитъ
Украины пѣвецъ... (?)

Херсонъ. В. Д—ву. Вы говорите, что пишете стихи „единственно чтобы взвѣсить свой талантъ на вѣсахъ ума“. Взвѣшивайте его какъ нибудь иначе.

Спб. Почт—стеру. Вы просите тѣ стихи, которые не понравятся намъ въ вашихъ „воспоминаніяхъ объ Испаніи“—обозначить точками. Но тогда все пришлось бы составить изъ точекъ

Вязьма Н Ваше *сочиненіе* „офицеръ-двоеженецъ, потомъ обезглавленный“ напечатанъ нигдѣ не можетъ быть.

Харьковъ. Том—лину. Присланное вами не подходитъ къ программѣ журнала.

Спб. Н. Н—у. Ваше „Плохое житье“—плохо.

Д. Лугосельская. Л. Дед—ю. Въ вашемъ „потокѣ“ лучшіе стихи безспорно заключительные.

О вѣчное воды движенье
Неустающей говоръ жизни!
Творецъ! я слабое творенье—
Хоть каплю на меня ты брызни!

Москва С. Р—скому. Экземпляръ журнала не будетъ высланъ вамъ. Стихи не помѣщены.

Рачки В. Свер—скому. Повѣсть изъ испанскаго быта переведенная съ польскаго—это довольно сложно. Помѣщено быть неможетъ. Вообще въ переводахъ со стороны нѣтъ необходимости.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Ф. Бергъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П.Бургѣ. Б. Морская, д. № 9.

МИЛЬТОНЪ
ПОТЕРЯННЫЙ и ВОЗВРАЩЕННЫЙ
РАЙ.

Съ картинами ГУСТАВА ДОРЭ.

Переводъ А. Шульговской

ИЗДАНІЕ IN FOLIO.

Съ подстрочнымъ Англійск. текстомъ.

ЦѢНА:

въ прост. каленкор. перепл. 25 р.
съ перес, въ ящикѣ . . . 30 р.
въ красивомъ полшагр. п. съ зол. обр. въ футлярѣ . . . 30 р.
съ перес. въ ящикѣ . . . 35 р.

Изданіе *классическихъ авторовъ* въ роскошномъ видѣ есть дань уваженія къ ихъ безсмертнымъ именамъ. Такая роскошно изданная книга, служа украшеніемъ салона, постоянно возобновляетъ въ памяти прекрасныя, не утратившія своей прелести въ теченіи вѣковъ, страницы.

Предпринимая это изданіе, Издатель не жалѣлъ ни труда ни времени, чтобы придать знаменитому творенію *Мильтона*, соединенному съ превосходными рисунками Густава Дорэ, то изящество и роскошь, какую имѣютъ подобныя изданія за границей.

Цѣна этого изданія, по сравненію съ подобными роскошными, заграничными изданіями, очень дешева.

Для **подарковъ** это изданіе, по своему *красивому* и очень *богатому переплету*, исполненному по рис. *И. Панова*, будетъ весьма *удобно*.

МУЗЕЙ ЛЕНТА ПАССАЖЪ 2-я ГАЛЛЕРЕЯ.

Ежедневно открытъ отъ 10 ч. утра до 10 ч. веч.

НОВОСТЬ! НОВОСТЬ! НОВОСТЬ!

На короткое время. Чрезвычайно интересное искусство

ЖИВОЙ ПРОЗРАЧНЫЙ ТУРОКЪ!

Электрическое освѣщеніе системы РЕНЬЕ и СЕРРЕНЯ.

ГАЗОВЫЙ ДВИГАТЕЛЬ

Новѣйшій фонографъ, Музыкальный букетъ и видящихъ 1,000 разнообразныхъ предметовъ всякаго рода.

НОВАЯ ГАЛЛЕРЕЯ. Дама съ бородой, **Миссъ Зенона Пастрана.** и т. д.

№ 52 1—1

Корнеты-а-пистонъ отъ 18 р. до 120 р. школы по 1 р. 50 к., 4 р. и 5 р.— **Сирипии** отъ 2 р. 50 к. до 300 р. школы по 3 р. и 4 р.—**Гитары** отъ 3 р. 50 к. до 100 р, школы по 2 р. и 3 р.—**Флейты** отъ 3 р. до 75 р. школы по 1 р. 50 к и 3 р.— **Кларнеты** отъ 6 р. до 60 р. школа 4 р.—**Нѣмецк. концертино** отъ 2 р. 50 к. до 30 р. школа 75 к. **Англійск. концертино** отъ 30 р. до 160 р. школа 3 р.—**Гармонифлюты и гармоніумъ** отъ Биссона изъ Парижа.—**Музыкальные ящики** отъ 6 р. до 160 р. **Цитры** отъ 14 р. до 100 р., школа 2 р., **шарманки** отъ 10 р. до 50 р. **Гармоніи** больше 100 сортовъ и ноты къ нимъ и всѣ другіе музыкальные инструменты принадлежности къ нимъ и струны рекомендуетъ № 31 6—2

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

ЮЛІЯ ГЕНРИХА ЦИММЕРМАНА

по Большой Морской ул., д. № 42, въ С.-Петербургѣ.

Подробный прейсъ-курантъ посылается по требованію безплатно.

ИЛЛЮСТР. ПЕДАГОГ. ЖУРНАЛЪ

1879 г. (Годъ изданія 9-й).

Отд. I. **Семейное чтеніе** (для дѣтскаго чтенія) 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. **10 р.**

Отд. II. **«Воспитаніе и обученіе съ педагогическою хроникою».** 10 книгъ и 40 номеровъ въ годъ. Подп. ц. съ перес. **5. р.**

Подписная цѣна на оба отдѣла съ перес. 12 р. въ годъ.

Подписка адресуется: Въ СПБ., въ контору журнала «Семья и Школа» (Васильевск остр., 15 л., д. № 8). № 22 5—3

МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ 1 РУБ.

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ

Безъ пересылки

и **СГУЩЕННОЕ МОЛОКО НЕСТЛЕ.** 75 К.

ГЛАВНОЕ ДЕПО для оптовой и розничной продажи въ С.-Петербургѣ у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ въ зданіи Воспитательнаго дома по Казанской ул. № 3.** Магазинъ № 7, а также у **Штоль и Шмидтъ**—въ **Спб. Химической Лабораторіи,**—въ **Русскомъ Обществѣ Торговли Аптекарскими Товарами** и во всѣхъ москательныхъ торговляхъ и аптекахъ Россійской имперіи.

Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель*

Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ Александра Венцеля ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи

№ 51 26—I **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія).**

ВЪ ГЛАВНОМЪ ДЕПО ОЛЕОГРАФИЧЕСКИХЪ КАРТИНЪ:

ДЛЯ ПРИСУТСТВЕННЫХЪ МѢСТЪ И ШКОЛЪ,

ПОРТРЕТЫ Е. И. В. ГОСУДАРЯ АЛЕКСАНДРА II.

19¾—14½ верш.	въ рамѣ съ короною и листами	по 21 упаков. 23 руб.
13½—10 „		„ 10½ „ 12 „
10½—8 „		„ 4 „ 5 „
5—3½ „		100 штукъ за 15 р., 50 шт. 8 р., 25 шт. 5 р.

Образа (отъ 3—2 до 41—24 верш. величины), **религіозн. картины** (копіи Рафаэля, Мурильо и друг. знамен. художн.), головки, портреты, пейзажи, животныя, цвѣты, фрукты и сцены.

Писанныя картины (оригиналы и копіи) очень дешево. **Фабрика рамъ** к волоч. орѣхов. и черн. **Багетовъ,** вставленіе въ рамы **премій** и друг. картинъ всяк. рода. **Э. Г. Дезлеръ.**

Угловой магазинъ (Гороховой и Мойки) у Краснаго моста. № 20 3—3

1-го февраля вышелъ 2-й номеръ журнала

Библіотека для чтенія.

Въ немъ помѣщены: оконч. романа **«Дитя несчастія».—Ксанье-де-Монтепена и «Заговоръ королевы»,** ром. **Энсворта.**

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

ПРОГРАММА:

Въ журналѣ помѣщаются исключительно переводные романы.

Годовое изданіе состоитъ изъ 12-ти книгъ отъ 20-ти до 30-ти печатныхъ листовъ каждая. Срокъ выхода **ежемѣсячный.**

Въ концѣ года, подписчикамъ на «Библіотеку для чтенія» будетъ выдана, въ видѣ преміи, 13-я книжка, отъ 30-ти до 40 печатныхъ листовъ, которая будетъ заключать въ себѣ одинъ, вполнѣ законченный романъ.

Условія подписки на годъ.		
Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки . .	8 руб.	
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ. . .	8 »	50 к
Съ пересылкою иногороднымъ.	9 »	— »

Редакція допускаетъ слѣдующую разсрочку подписныхъ денегъ: при подпискѣ 5 руб. и къ 1-му мая остальныя.

Для гг. служащихъ допускается разсрочка помѣсячно чрезъ гг. казначеевъ. Просятъ обращаться прямо въ редакцію.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для городскихъ подписчиковъ: въ **С.-Петербургѣ,** въ книжныхъ магазинахъ Исакова, Бортневскаго и друг. Въ **Москвѣ,** при книжныхъ магазинахъ Соловьева и Живарева.

Гг. иногородные адресуютъ свои требованія **непосредственно** въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Библіотека для чтенія», **Шпалерная ул., д. № 42.**

Подписывающихся съ разсрочкою просятъ обращаться въ редакцію.

Въ 3-й номеръ войдутъ: 1) Оконч. ром. **«Заговоръ королевы»** и 2) **«Враги женщинъ»** ром. **Захеръ-Мазоха.**

Въ слѣдующихъ №№ редакція предполагаетъ помѣстить, между прочими романами, слѣдующіе: **«Морской король»,** истор, ром. **Георга Борна,** **«Призракъ»,** истор. ром, **Бульвера Литтона,** и др. № 35 5—2

Съ 1879 года издается въ Москвѣ ежемѣсячный музыкальный журналъ

„ЛИРА“.

Въ каждомъ нумерѣ помѣщается: 1) Салонныя піесы въ **2** (иногда въ 4 руки). 2) Танцы; 3) Романсы и по временамъ дуэты фортепьяно съ скрипкой, флейтой и др.

Цѣна годовому изданію (12 тетрадей, до 300 страницъ).

Съ пересылкой и доставкой . . . . **6 р.**
безъ пересылки и доставки . . . . **5 »**

Адресъ: Москва, въ контору редакціи «Лира».

Пріемъ **объявленій исключительно въ центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ,** бол. Дмитровка, д. Вучумова

№ 15 Издатель **Д. Майсфельдъ.**

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ.

Садовое заведеніе въ Ригѣ, имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что **Каталоги сѣменамъ** и пр. на **1879 г.** изданы и разосланы всѣмъ постояннымъ покупателямъ этой фирмы.

Прочимъ же лицамъ, желающимъ получить таковые, посылаются каталоги также безплатно, смотря по заявленію на языкахъ русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ, или же иллюстрированное изданіе съ 240 политипажами, на одномъ русскомъ языкѣ. № 4 4—4

При этомъ № для гг. иногор. подписч. прилаг. объявленія 1) отъ книжн. маг. Земскаго въ Москвѣ. 2) отъ чайн. маг. К. Е. Кисилева въ Москвѣ (за исключ. Московск.)

Дозволено цензурою СПБ. 22 Февраля 1879 г. Тип. Веллинга. Англ. пр. № 10.

№ 10 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40).

Выданъ 5 Марта 1879 г. Цѣна этого № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАРТЪ съ 23 рисунками и отдѣльный листъ съ 22 чертеж. выкроекъ и съ 43 рис. для выпилки изъ дерева.

Китайская почта. Рис. Э. Баяръ, грав. Пичонъ.

Китайская почта.

Запряжка лошадей въ китайскую коробку, изображенную на нашемъ рисункѣ, проста и быстра, потому можетъ быть и держится безъ измѣненія чуть-ли не съ царствованія перваго китайскаго богдыхана, выведшаго народъ изъ полудикаго состоянія. Способъ запряжки таковъ: къ оглоблямъ повозки, привязываются веревки, къ нимъ перекладина, которая кладется на сѣдла поперегъ лошадей и „готово.“ Для большаго будто бы облегченія и быстроты ѣзды, припрягается впереди еще пара лошадей. Впрочемъ, правильнѣе сказать, припрягается пара всадниковъ, держащихъ въ рукахъ, привязанныя къ той же перекладинѣ, веревки. Понятно насколько велика ихъ помощь! Мчится четверка во весь духъ, нисколько не заботясь, каково сидѣть пассажиру почти на оси въ этомъ безрессорномъ кузовѣ и что будетъ съ нимъ, если какъ нибудь распряжется случайно эта не хитрая запряжка... Конечно, такая запряжка и возможна только въ степи, гдѣ не встрѣчается возвышенностей.

Для распряжки же стоитъ только соскочить съ лошади, и повозка быстро наклонится напередъ, ударившись о-земь концами оглобель, т. е. приметъ такое же положеніе, какъ наши деревенскія одноколки, когда онѣ стоятъ не запряженными. Такая быстрая распряжка даетъ хорошій толчекъ пассажиру въ повозкѣ, который, если не поддержится во время, можетъ вылетѣть изъ нея.

Кузовъ повозки довольно легокъ: онъ обтянутъ съ боковъ синимъ сукномъ, а верхъ его покрытъ смоленой парусиной. Внутри кузова имѣется для пассажировъ скамейка. Входъ въ кузовъ спереди, гдѣ раздвигаются занавѣски, а въ задней части его есть отверстіе, задѣланное прозрачной роговой пластинкой, сквозь которую пассажиръ и можетъ любоваться природой. (На приложенномъ рисункѣ повозка имѣетъ это отверстіе спереди, а входъ сзади). Оси у всѣхъ повозокъ деревянныя, какъ у нашихъ крестьянскихъ телѣгъ, довольно длинныя, такъ что колеса отстоятъ отъ кузова аршина на полтора. Ободья колесъ обдѣланы желѣзомъ. Лошади небольшаго роста, очень выносливы и неутомимы. Возница-всадникъ самъ не уступаетъ имъ въ этомъ отношеніи. Одежда его состоитъ изъ халата съ 4 полами, чтобы удобнѣе было садиться въ сѣдло, сверху халата короткая куртка, подбитая кожей; у таліи шелковый поясъ, къ которому привѣшены на желтыхъ лентахъ: огниво, кисетъ, трубка въ футлярѣ и опахало. На ногахъ у него надѣты короткіе до колѣнъ панталоны, такъ что ниже колѣна, нога совсѣмъ голая; сапоги съ короткими, но широкими голенищами, служащими карманомъ для провизіи, на головѣ шляпа съ широкими полями и заостреннымъ верхомъ.

Путешествіе черезъ Монгольскую степь, отъ русскихъ владѣній къ китайскимъ, напр. отъ Кяхты до Калгана, представляетъ скучную, почти однообразную картину на протяженіи 1400 верстъ. Приходится ѣхать не по устроенному тракту, а прямо безъ всякой дороги, то песками, то тощей травой, растущей кое-гдѣ на солончаковой почвѣ и только на окраинахъ степи является растительность. Селеній не встрѣчается: на мѣстахъ станцій, расположенныхъ у колодцевъ, находятся лишь однѣ войлочныя юрты кочевниковъ.

Ближе собственно къ Китаю, гдѣ появляются уже города, путешественникъ можетъ найти и гостинницы, на вертикальныхъ вывѣскахъ которыхъ аршинными крючками возвѣщается: „Гостинница хорошихъ общественныхъ отношеній, даетъ помѣщеніе пріѣзжающимъ, беретъ на себя всякія дѣла, ручаясь въ ихъ успѣхѣ“, или же: „Гостинница вознагражденной добродѣтели; въ ней продаютъ все по дешевой цѣнѣ, а покупаютъ по дорогой“. И вотъ здѣсь только, можетъ быть, отдохнетъ путешественникъ послѣ утомительной ѣзды въ китайскомъ кузовѣ.

Очерки и разсказы.

Вс. В. Крестовскаго иллюстрир. **Н. Н. Каразинымъ.**

IX.

Подъ Плевной.

Плѣнные турки въ русскомъ лагерѣ.

(Разсказъ).

Плѣнный паша.—Поляки и Англичане на турецкой службѣ.—Измаилъ-Хакки-паша.—Поэтъ и музыкантъ—капитанъ Али.—Османъ-паша въ Плевнѣ.—Турецкій военачальникъ передъ Государемъ Императоромъ.—Турецкій революціонеръ.—Французскій коммунаръ на турецкой службѣ.

Въ день 13-го октября въ Боготѣ, который и безъ того всегда достаточно оживленъ, сказывалось нѣчто особенно одушевленное. Всѣ летучіе рестораны были переполнены посѣтителями, такъ какъ за маркитантскими столами сходятся люди изъ разныхъ мѣстъ, штабовъ, отрядовъ, управленій и учрежденій, и стало быть сюда стекаются источники всевозможныхъ новостей, слуховъ, боевыхъ и тыловыхъ разсказовъ. На этотъ разъ предметомъ общихъ разспросовъ и разговоровъ служило вчерашнее Горно-Дубнякское дѣло генерала Гурко. На бивуакѣ конвойнаго баталіона велѣно было приготовить мѣсто для плѣнныхъ турецкихъ солдатъ, прибытія которыхъ ожидалось сегодня къ ночи или завтра утромъ. Для горно-дубнякскаго паши Ахмета-Хивзи была приготовлена особая киргизская юрта, а для офицеровъ палатки и соломенные шалаши по дворѣ, занимаемомъ комендантскимъ управленіемъ.

Въ сумерки вдругъ раздались голоса: „Везутъ! везутъ!.. Плѣннаго пашу везутъ!“ и все, что было въ маркитантскихъ палаткахъ и на ближайшихъ бивуакахъ, разомъ высыпало на улицу, къ воротамъ двора, занимаемаго Его Высочествомъ Главнокомандующимъ.

Дѣйствительно, отъ западнаго конца деревни приближался небольшой эскортъ гвардейскихъ уланъ Его Величества, съ пиками, взятыми на перевѣсъ черезъ сѣдло. Впереди ѣхалъ командиръ эскорта, поручикъ Дыковъ, а за нимъ верхомъ двое всадниковъ въ красныхъ фескахъ, горно-дубнякскій паша и его начальникъ штаба, а позади ихъ шагалъ молодой турокъ—какъ оказалось потомъ, слуга паши, слегка раненый въ руку.

Ахметъ-Хивзи-паша, одѣтый въ короткое теплое пальто изъ верблюжьяго сукна песчано-желтаго цвѣта, сидѣлъ на конѣ, что называется, молодцомъ, сохраняя гордую и полную достоинства осанку. Красная феска его была сдвинута на затылокъ. На видъ это довольно плотно сложенный, средняго роста мужчина, лѣтъ около пятидесяти, съ весьма пріятными чертами лица, обрамленнаго русою бородою съ просѣдью. Типъ этого лица скорѣе славянскій, или вообще сѣверно-европейскій, но никакъ не турецкій, хотя паша и увѣряетъ, что онъ кровный и исконный турокъ. Манеры его плавны, даже довольно изящны и при общей ихъ скромности исполнены достоинства. Вообще, паша этотъ съ перваго же взгляда производитъ впечатлѣніе никакъ не отталкивающаго свойства и невольно возбуждаетъ участіе къ своему положенію военно-плѣннаго. Что же касается до начальника его штаба, закутаннаго въ какую-то лисью шубейку полуженскаго покроя, то это—маленькая, черняўвенькая, тщедушная личность, обращающая на себя вниманіе только своимъ положительно еврейскимъ типомъ, хотя по увѣренію всѣхъ, знающихъ его, онъ оказывается прирожденнымъ османлисомъ. Паша Ахметъ-Хивзи не говоритъ ни на какомъ языкѣ, кромѣ турецкаго. Онъ былъ очень любезно принятъ комендантомъ главной квартиры, проводившимъ пашу въ отведенную для него юрту; слугѣ же его было немедленно оказано медицинское пособіе. На слѣдующее утро, 14-го числа, паша былъ представленъ Его Величеству для необходимаго допроса, который шелъ чрезъ посредство состоящаго при Главнокомандующемъ драгомана Н. Д. Макѣева. Въ числѣ его показаній, наиболѣе заслуживало

вниманія то, что начиная съ 25-го августа, разные турецкіе транспорты все время проходили въ Плевну партіями различной величины и послѣдній изъ нихъ, въ 260 повозокъ, прошелъ въ самый день боя подъ Горнымъ Дубнякомъ, 12-го октября рано утромъ. Но къ показаніямъ такого рода позволительно относиться съ нѣкоторою критическою осторожностію, въ виду того, что каждому плѣнному почти всегда, болѣе или менѣе, свойственно преувеличить предъ врагомъ силы и средства своей стороны, прибавивъ къ этому иногда и нѣкоторую долю самохвальства, что въ данномъ случаѣ, напримѣръ, замѣтно относительно *постояннаго* и *безпрепятственнаго* подвоза транспортовъ, какъ будто у насъ за Видомъ не было ни одного кавалериста, или всѣ до одного были слѣпы.

17-го октября въ главную квартиру привезли новыхъ плѣнниковъ, сдавшихся генералу Гурко наканунѣ, въ Телишѣ. Это были Измаилъ-Хаки-паша, съ начальникомъ его штаба и нѣсколько старшихъ офицеровъ, между которыми находятся трое англичанъ, одинъ французъ и одинъ полякъ, въ чинѣ маіора. Послѣдній состоялъ на дѣйствительной службѣ въ султанской арміи а французско-подданный житель Перы, Лорандо, и бывшій капитанъ англійской, нынѣ же полковникъ турецкой службы Купъ (Coope) поступили на время войны волонтерами. Мистеръ Купъ надѣлъ было на себя повязку „Краснаго полумѣсяца“ и потребовалъ, чтобы его освободили на основаніи Женевской конвенціи, не считая за военно-плѣннаго; но онъ былъ уличенъ самими же турками, которые заявили, что мистеръ Купъ вовсе не врачъ и не санитаръ, а волонтеръ-полковникъ, дравшійся противъ насъ какъ и прочіе. Такимъ образомъ увертка съ повязкою „Краснаго полумѣсяца“ не послужила ни къ чему мистеру Купу, который впрочемъ, будучи уличенъ, продолжалъ наперекоръ всѣмъ свидѣтельствамъ настаивать, что турки врутъ, врутъ всѣ поголовно, изъ ненависти къ нему, какъ къ христіанину и англичанину. Послѣдній аргументъ особенно хорошъ со стороны добровольнаго ратоборца ислама. Взятые вмѣстѣ съ нимъ двое молодыхъ людей, тоже съ нарукавными повязками „Краснаго полумѣсяца“, дѣйствительно оказались врачами или если и не вполнѣ врачами, то все же людьми, умѣющими промывать раны, накладывать пластыри и повязки. Для удостовѣренія въ ихъ искусствѣ, имъ было предложено сдѣлать въ боготскомъ лазаретѣ, въ присутствіи нашихъ врачей, нѣсколько перевязокъ раненымъ туркамъ,—и этотъ экзаменъ далъ удовлетворительные результаты, вслѣдствіе чего молодые люди, гг. Вечель и Дугласъ, какъ служащіе дѣлу человѣколюбія, были оставлены на свободѣ, при главной квартирѣ, для пользованія раненыхъ турецкихъ плѣнныхъ. 18-го октября оба они были представлены Великому Князю и удостоились ежедневнаго приглашенія къ завтракамъ и обѣдамъ Его Высочества. Они были настолько добросовѣстны, что подтвердили, какъ очевидцы, о тѣхъ неистовыхъ истязаніяхъ, которымъ подверглись со стороны турокъ наши раненые лейбъ-егеря подъ Телишемъ 12-го октября и не отказались скрѣпить свои показанія собственноручными подписями. Впрочемъ, сами турки высказываютъ у насъ не особенно лестное мнѣніе на счетъ патентованныхъ „друзей Турціи“, а паша Ахметъ-Хивзи высказался прямо, что если бы не „друзья-англичане“, то у Турціи никогда не дошло бы дѣло до войны съ Россіей, такъ какъ все здравомыслящее было еще до войны на сторонѣ возможныхъ уступокъ русскимъ требованіямъ, которыя, по словамъ того же паши, были только требованіями справедливости и человѣколюбія; англичане же, прибавилъ онъ, только потому и „друзья“ намъ, что стерегутъ ближайшимъ образомъ, какъ бы захватить себѣ изъ турецкаго наслѣдства львиную долю *).

*) Кипрская конвенція краснорѣчиво подтвердила мнѣніе умнаго турка

Когда 15-го октября пріѣхалъ въ Боготъ изъ Порадима Государь Императоръ, то Его Величеству между прочимъ былъ представленъ паша Ахметъ-Хивзи, удостоившійся нѣсколькихъ вопросовъ со стороны Государя. По окончаніи представленія, онъ, согласно турецкому обычаю, приблизился къ стремени Царственнаго владыки и почтительно коснулся края одежды Его Величества. Но еще ранѣе этого, послѣ аудіенціи у Великаго Князя, онъ высказалъ непритворное свое удивленіе, что „братъ русскаго Падишаха“ не только говорилъ съ нимъ такъ просто и ласково, но даже пригласилъ его сѣсть въ своемъ присутствіи.

— Что же васъ такъ удивляетъ въ этомъ? спросили его чрезъ драгомана:—Особы нашего Царскаго Дома всегда и со всѣми держатъ себя просто и вѣжливо.

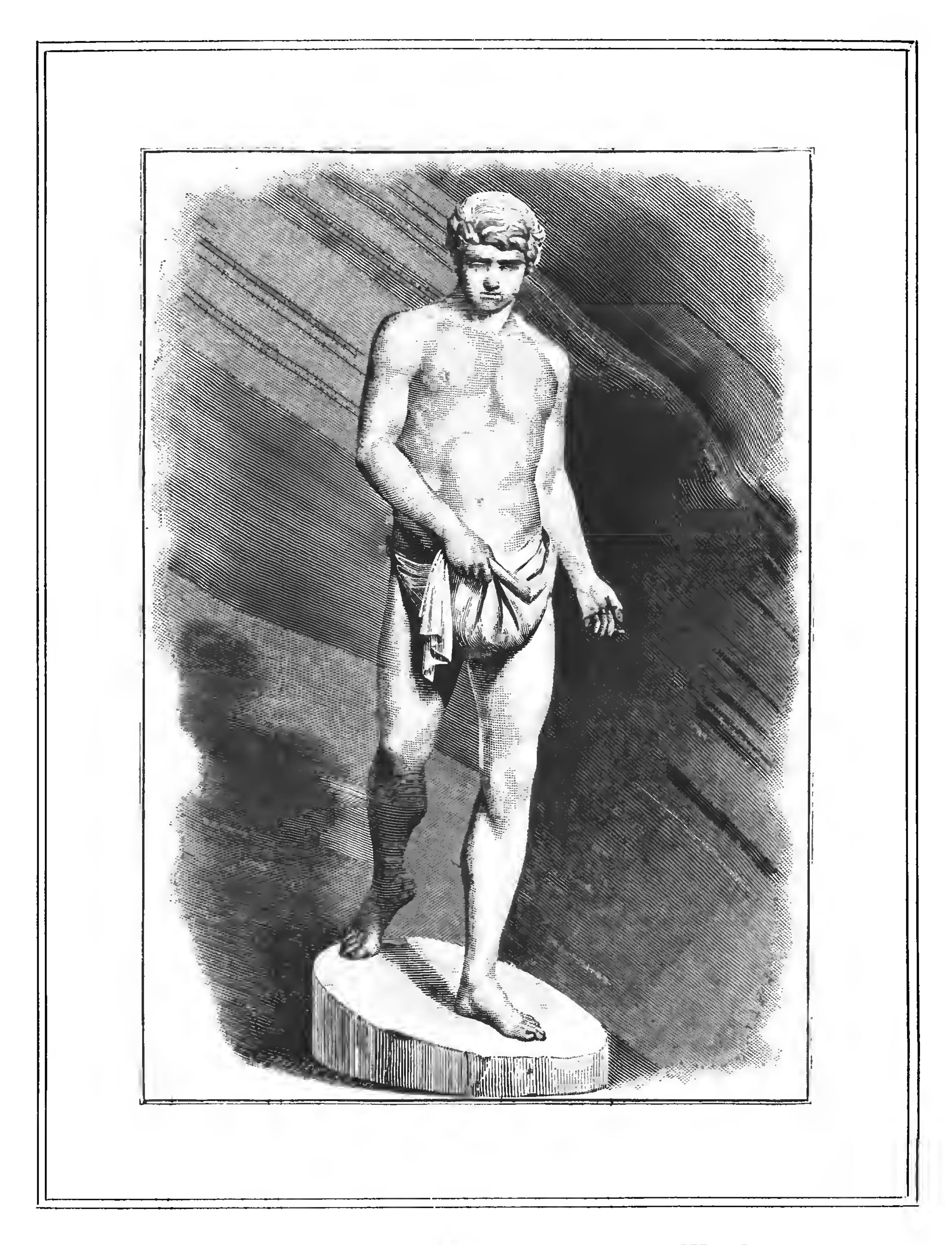
— Какъ не удивляться! возразилъ паша:—какъ не удивляться!.. Да знаете ли вы, что у насъ въ Турціи не только на братьевъ падишаха, но и на сердарь-экрема (военнаго министра) никто даже изъ самыхъ старшихъ пашей не смѣетъ глазъ поднять! Каждый паша во время пріема у сердарь-экрема, подойдя къ нему для поклона, долженъ, не поворачиваясь назадъ, отпятиться къ дверямъ и оттуда уже отвѣчать на вопросы, стоя, съ почтительно потупленною головою; а если сердарь-экремъ будетъ столь несказанно-милостивъ, что пригласитъ пашу садиться, то паша долженъ присѣсть не иначе какъ у двери, на самый кончикъ стула или табурета.

Во время своего пребыванія въ Боготѣ Ахметъ-Хивзи неоднократно вступалъ съ Н. Д. Макѣевымъ, говорящимъ по турецки какъ истый турокъ, въ откровенные разговоры, при чемъ однажды, на вопросъ: откуда это у турокъ берется такое множество якобы „египетскихъ“ войскъ, которыхъ хедивъ, по количеству его вооруженныхъ силъ, даже не въ состояніи выставить? Паша отвѣчалъ хотя нѣсколько уклончиво, но все же довольно прозрачно, приблизительно, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

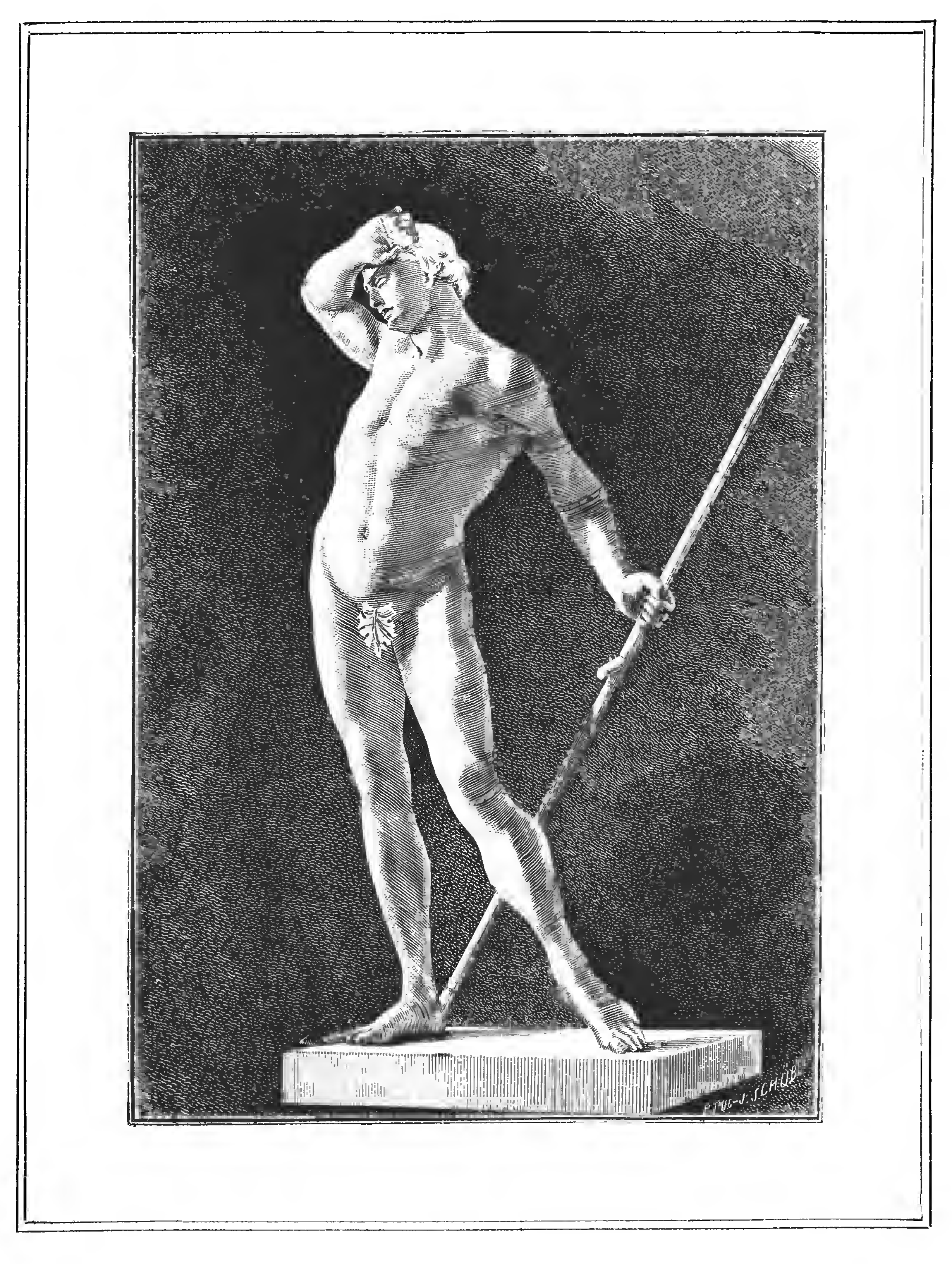
— Откуда они, мы не знаемъ... Это не наше дѣло... Знаемъ только, что ихъ привозятъ откуда-то въ Портъ-Саидъ и другія мѣста на пароходахъ какихъ-то частныхъ компаній; въ Египтѣ они получаютъ оружіе, обмундированіе и красные фесы, а затѣмъ ихъ перевозятъ въ Стамбулъ. Они по нашему не говорятъ, мы тоже не понимаемъ по ихнему, и потому не могу я сказать доподлинно, откуда они берутся. Мусульманскій міръ великъ, прибавилъ Ахметъ-Хивзи со вздохомъ и двусмысленною улыбкой:—и въ этомъ мірѣ, во имя пророка, тоже не мало найдется своихъ добровольцевъ... не меньше чѣмъ было вашихъ въ Сербіи... А почемъ знать, кому нибудь и гдѣ нибудь, можетъ быть, и не безвыгодно избавиться отъ нѣсколькихъ тысячъ отчаянныхъ головъ, всегда готовыхъ на возстаніе.

На кого именно намекалъ почтенный паша—догадаться, конечно, было не трудно.

Телишевскій его сотоварищъ, лива (бригадный генералъ) Измаилъ-Хакки—человѣкъ совсѣмъ другаго сорта. Маленькая, толстенькая фигурка съ брюшкомъ, что называется, карапузикъ, съ заплывшими глазками, красными одутловатыми щеками и вздернутыми къ верху усами, — таковъ начальникъ Телишевскаго гарнизона. Онъ тоже пожилыхъ лѣтъ, но крайне не солиденъ,—вѣчно улыбается, часто смѣется, иногда даже безъ всякаго къ тому повода, любитъ хорошо и много поѣсть, мягко и много поспать, а еще болѣе выпить, не смотря на запрещеніе корана и, кажется, очень и очень доволенъ своею судьбою, что наконецъ-то попалъ въ плѣнъ къ русскимъ. Не въ обиду ему будь сказано,—это какая-то смѣсь Фальстафа съ гоголевскимъ помѣщикомъ Пѣтухомъ, на чисто турецкой закваскѣ. Онъ не только понимаетъ, но и говоритъ по французски, вслѣдствіе чего считался въ Стамбулѣ „европейски“ образованнымъ человѣкомъ и, въ качествѣ таковаго, занималъ почти

Русская скульптура въ Императорской Академіи Художествъ въ СПБ. „Сѣятель".
Статуя В. П. Крейтана. рис. на деревѣ А. Кившенко. грав. П. Шиблеръ.

Русская скульптура въ Императорской Академіи Художествъ въ СПБ. „Отдыхающій косарь“.
Статуя М. П. Попова. рис. на деревѣ А. Кившенко. грав. Пупъ-Шиблеръ.

исключительно „штатскія", но разумѣется, не безвыгодныя должности по гражданской администраціи и чуть ли не по таможенной части.

Когда, при сдачѣ Телишевскаго гарнизона, онъ подъѣхалъ верхомъ къ генералу Гурко, держа у фески свою пухленькую, коротконалую и растопыренную ладонь, на лицѣ его, къ удивленію всѣхъ, сіяла самая пріятная улыбка, вовсе не соотвѣтствовавшая ни обстоятельствамъ минуты, ни его личному положенію.

— Сколько у васъ орудій? сухо и даже нѣсколько сурово спросилъ генералъ Гурко.

— Три, excellence, отвѣчалъ паша, все съ тою же банальною улыбкой, опять приложивъ ладонь къ фескѣ.

— Сколько у васъ таборовъ?

— Семь, excellence!

— Вы немедленно отправитесь въ Горный Дубнякъ.

— Avec plaisir, excellence!

— Вотъ офицеръ, который васъ будетъ сопровождать.

— Merci excellence!

И въ послѣдній разъ приложивъ къ фескѣ растопыренную ладонь, паша отъѣхалъ отъ генерала все съ тою же удивительною улыбкой.

Надо сознаться, впечатлѣніе онъ дѣлаетъ совсѣмъ не военное.

Когда сдавшимся въ Телишѣ была предложена свобода, то громадное большинство ихъ, въ томъ числѣ и самъ лива Измаилъ-Хаки со многими офицерами, предпочли остаться у насъ въ плѣну. Судя по этому, не сладка, должно быть, турецкая военная служба, да и „дымъ отечества" тоже, надо думать, не особенно имъ „сладокъ и пріятенъ." Какъ бы, кажись, не воспользоваться свободой, если говорятъ—ступай себѣ на всѣ четыре стороны, и даже не связываютъ при этомъ честнымъ словомъ не подымать болѣе противъ насъ оружія!? Во всякомъ случаѣ, этотъ фактъ добровольнаго предпочтенія плѣна свободѣ, плѣна, сопряженнаго съ отправкою въ дальній, чуждый, невѣдомый и враждебный край,—служитъ однимъ изъ яркихъ признаковъ внутренняго разложенія Турціи даже среди ея мусульманскаго элемента. Это значитъ, что даже и мусульмане не вѣрятъ въ нее больше, какъ въ государственную силу.

Плѣнные офицеры, все время что они находились въ Боготѣ, получали пищу отъ стола Великаго Князя и вообще ихъ старались содержать, по возможности, удобно. Если имъ приходилось спать въ палаткахъ, испытывая сырость и ночной холодъ, то и сами мы помѣщались не лучше: Великій Князь Главнокомандующій жилъ въ такой же юртѣ, какъ и его плѣнные паши и, стало быть, ни турки, ни ихъ друзья добровольцы-англичане не могли быть на насъ въ претензіи за нѣкоторыя неудобства, которыя имъ приходилось испытывать: a la guerre comme à la guerre! Англичане, впрочемъ, кажись, не особенно сѣтовали, такъ какъ у насъ имъ было несравненно лучше, чѣмъ у турокъ. Мистера Куна вмѣстѣ съ пашами, польскимъ маіоромъ и французскимъ волонтеромъ дня черезъ два-три отправили въ Россію, а господа Вечель съ Дугласомъ и нѣсколько турецкихъ офицеровъ, еще недѣли двѣ, если не больше, оставались въ Боготѣ. Не малое развлеченіе нашимъ боготскимъ конюхамъ, деньщикамъ и солдатамъ ежедневно доставляли эти два джентельмена. Каждое утро, возставъ отъ сна и умывшись, они выходили изъ своей палатки на воздухъ, въ шерстяныхъ фуфайкахъ и такихъ же нижнихъ панталонахъ, плотно облегавшихъ ихъ благородныя формы, становились одинъ противъ другаго въ гимнастическихъ позахъ и, по командѣ, подаваемой другъ другу, съ увлеченіемъ принимались продѣлывать разныя гимнастическія штуки: прыжки, выгибы, кувырканія, вскакиванія одинъ другому на плечи и т. п.—словомъ, всѣ фокусы, какіе въ любомъ циркѣ изображаютъ ученые клоуны. И надо отдать имъ справедливость: они продѣлывали всѣ эти хитрыя, головоломныя штуки съ искусствомъ и ловкостью истинныхъ клоуновъ, ни мало не смущаясь толпой окружавшихъ ихъ зрителей, которые каждое утро сходились поглазѣть на эту „камедь" и, что называется, животики надрывали со смѣху. Эти гимнастическія упражненія были причиною того, что почти во всемъ офицерскомъ населеніи Богота сложилось убѣжденіе, пущенное, первоначально какъ слухъ, кѣмъ-то изъ служащихъ въ комендантскомъ управленіи, что господа Вечель и Дугласъ собственно не медики, а бывшіе клоуны константинопольскаго цирка, которые въ началѣ войны были завербованы членами мѣстнаго англійскаго комитета въ общество „красной луны", подучились кое-какъ дѣлать перевязки и затѣмъ, въ качествѣ фельдшеровъ отправлены къ Осману въ Плевну, куда впрочемъ не попали, а остались въ Телишѣ. Такъ ли это, или не такъ, но во всякомъ случаѣ, оба они замѣчательные мастера въ клоунскомъ искусствѣ.

Между плѣнными турецкими офицерами нашелся одинъ особенно милый человѣкъ, котораго нельзя было не полюбить, и дѣйствительно, его полюбили всѣ, кто приходилъ съ нимъ въ какое-либо соотношеніе. Это былъ почтенный старичекъ лѣтъ подъ семьдесятъ, съ чрезвычайно благодушнымъ выраженіемъ лица, въ которомъ просвѣчивалъ умъ, но такой безхитростный, беззлобный, какъ бы совершенно дѣтскій. Звали его Али-эфенди и носилъ онъ скромный чинъ „колъ-гасы" т. е. капитана. Я часто навѣщалъ его, вмѣстѣ съ Н. Д. Макѣевымъ или съ ротмистромъ Чайковскимъ, который отлично говоритъ по турецки, бывши самъ нѣкогда маіоромъ турецкой службы *). Войдешь, бывало, согнувшись въ три погибели, въ его шалашикъ—Али-эфенди такъ и просіяетъ. Скучно ему, бѣднягѣ, сидитъ себѣ деньденьской на коврикѣ, поджавъ подъ себя ноги, и слова сказать ему не съ кѣмъ, такъ какъ двое товарищей его большую часть сутокъ проводятъ въ непробудномъ снѣ, а онъ между тѣмъ человѣкъ общительный, живой, поболтать любитъ—ну, и радъ случаю. Сейчасъ отдастъ „селямъ", приложивъ руку ко лбу, ко груди и къ губамъ—дескать, разумъ, сердце и уста—все благоухаетъ почтеніемъ и привѣтствіемъ входящему съ миромъ. Взяли его, несчастнаго, въ одномъ форменномъ мундирчикѣ; ни укрыться, ни одѣться чѣмъ нибудь теплымъ—ничего этого нѣтъ у него, а ночи сырыя да холодныя.

— Али-эфенди, гдѣ же твой багажъ, барашекъ ты бѣдный? еще въ первый нашъ визитъ спросилъ его Н. Д. Макѣевъ.

— Былъ багажъ, былъ, мой паша: хоть и не большой, но былъ; фуфайка теплая была, кожушокъ, одѣяльцо байковое—все это было... было, мой паша, было... и табакъ былъ, а теперь нѣтъ ничего... исчезло... Иншаллахъ!.. (божья воля!)

— Куда же и какъ это могло исчезнуть?..

— Иншалахъ, мой паша!.. Стыдно сказать, какъ и когда это было... стыдно, совѣстно...

— Неужели изъ нашихъ кто нибудь покорыстовался! спросилъ я чрезъ посредство Николая Дмитріевича, самъ покраснѣвъ отъ одной мысли возможности чего либо подобнаго.

— О, нѣтъ, нѣтъ! рѣшительно возразилъ старикъ:—нѣтъ, мой паша! Передай этому цвѣтущему и достопочтенному моему гостю (т. е. мнѣ), что я и ни одной минуты не мыслилъ ничего дурнаго на русскаго аскера... Нѣтъ, русскій аскеръ—честный аскеръ, равно какъ и турецкій аскеръ—тоже честный аскеръ; но, къ стыду

*) Ротмистръ 2-го лейбъ-уланскаго Курляндскаго полка Чайковскій—сынъ бывшаго польскаго эмигранта М. Чайковскаго (Садыкъ-паши) который сформировалъ въ Добруджѣ турецкую казачью бригаду. Раскаявшись, онъ просилъ у Государя помилованія, которое и получилъ, вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ возвратиться въ Россію. М. Чайковскій извѣстенъ и въ нашей литературѣ.

и несчастію, у насъ есть воры; это—черкесы. Я—божьею волею—капитанъ артиллеріи и во время боя находился на батареѣ при моихъ орудіяхъ, гдѣ и оставался до конца дѣла... Тутъ лива Измаилъ-Хаки собралъ къ себѣ на совѣтъ офицеровъ, что надо, молъ, сдаваться, какъ быть? А въ это самое время черкесы, прослышавъ, что дѣло идетъ о сдачѣ, пустились шарить по нашимъ землянкамъ и шатрамъ и, пока мы совѣщались у Измаила-Хаки, эти негодяи все, какъ есть все, пограбили у насъ, даже изранивъ при этомъ кинжалами многихъ изъ нашихъ слугъ, и удрали... удрали вонъ изъ Телиша... Но, мы уже здѣсь, въ Боготѣ, слышали, что они получили достойное возмездіе отъ уланъ гвардіи вашего падишаха.

Мы, общими усиліями, кое-какъ справили для бѣднаго старичка-капитана теплую фуфайку, шерстяные чулки, коврикъ да одѣяло, а кромѣ того подарили ему фунта три табаку и нѣсколько пачекъ папиросныхъ бумажекъ. И надо было видѣть, какъ онъ обрадовался, какъ былъ тронутъ до слезъ, и какъ искренно благодарилъ за всѣ эти бездѣлицы, которыя однако, въ его положеніи, являлись вещами самой первой важности.

— О, благодарю, благодарю васъ! восклицалъ онъ, нервно пожимая всѣмъ намъ руки:—чудеса право!.. Мои враги—мои лучшіе друзья! Развѣ не чудеса это?!.. Подданные моего падишаха, мои боевые сотоварищи меня ограбили, а непріятели вдругъ снабжаютъ меня, бѣднаго старика, всѣмъ необходимымъ!.. Друзья—враги, враги—друзья! Дивныя вещи показуетъ намъ воля Аллаха! Дивныя вещи!.. И зачѣмъ, право, эта война между нами!?. Зачѣмъ она?.. Міръ божій великъ и пространенъ, и всѣмъ, всѣмъ-то есть въ немъ достаточно мѣста, не только человѣку, но и послѣдней маленькой букашкѣ, что ползаетъ, почти невидимая глазу, на нѣжномъ лепесткѣ розы—всѣмъ есть мѣсто, пріютъ и предназначеніе, а мы, люди, разумныя существа—мы, между тѣмъ, воюемъ, убиваемъ другъ друга... Какая великая несправедливость! Какое ужасное зло и заблужденіе!.. Зачѣмъ все это?

Почтенному капитану возразили на это, что нашъ Государь не хотѣлъ войны, что онъ до самаго ея объявленія изъявлялъ уступчивость до послѣдней мѣры и предѣла, отстаивая для христіанскихъ подданныхъ султана лишь ту скромную свободу существованія, какою, по его же, Али, словамъ, пользуется всякая микроскопическая букашка на лепесткѣ розы. И этой-то скудной доли свободы не хотѣли имъ дать въ Стамбулѣ, а когда букашки вздумали протестовать, то изъ Стамбула послали войска съ разными Шевкетами убивать ихъ, жечь и грабить.

Старичекъ грустно вздохнулъ и поникъ головою.

— Что до меня, проговорилъ онъ въ грустномъ раздумьи:—то я никого не убивалъ и не грабилъ... Грабежъ и убійство—это не мое дѣло. Мой міръ иной. Мой міръ—поэзія и музыка... Риѳмы и звуки, звуки и риѳмы—вотъ мой міръ, господа!.. Другого я не знаю.

— О, да ты поэтъ, Али-ефенди! съ удивленіемъ воскликнулъ я.

— Да, поэтъ, а еще болѣе музыкантъ, отвѣчалъ онъ съ тихою улыбкой, когда ему перевели смыслъ моего восклицанія.

Оказалось, что нашъ старикъ—артистъ и композиторъ, что онъ умѣетъ играть на кларнетѣ, скрыпкѣ и фортепіано, и написалъ на своемъ вѣку не мало музыкальныхъ піесъ, молитвъ, романсовъ и маршей, за одинъ изъ которыхъ даже удостоился почетнаго отзыва со стороны покойнаго султана Абдулъ-Азиса. И онъ старчески разбитымъ голосомъ началъ намъ напѣвать мотивъ этого послѣдняго марша а потомъ началъ декламировать какое-то стихотвореніе. Затѣмъ оказалось, что ему знакома отчасти и европейская музыка—нѣкоторыя произведенія Моцарта, Листа, Россини, Доницетти, Верди и прочихъ, преимущественно итальянскихъ композиторовъ.—„Но отдавая всю дань достойнаго поклоненія ихъ талантамъ, говорилъ старичекъ:—я не мечталъ о подражаніи ихъ образцамъ. Напротивъ, я мечталъ о воспроизведеніи нашей собственной, народной турецкой музыки, въ которой есть, повѣрьте мнѣ, свои красоты и достоинства, которыхъ впрочемъ Европа не знаетъ, да и знать не хочетъ... Силы мои, конечно, слабы, музыкальное образованіе далеко недостаточно—я самоучка,—но я чувствую сердцемъ, душою моею, что онѣ есть, эти красоты и не сомнѣваюсь, что, когда нибудь другой человѣкъ, несравненно болѣе меня сильный талантомъ, объяснитъ ихъ образованному міру, заставитъ понять и полюбить ихъ... Каждый народъ имѣетъ свою поэзію и музыку, и каждый народъ можетъ ими сказать міру что нибудь новое, а потому каждый народъ заслуживаетъ вниманія къ своей поэзіи и музыкѣ со стороны другихъ, болѣе образованныхъ народовъ.

Говоря это, нашъ старичекъ совсѣмъ какъ будто преобразился. Куда дѣвалась хилость и сгорбленность. Голова поднялась на плечахъ, жестъ получилъ вдругъ размашистость, голосъ окрѣпъ, зазвучалъ силою вѣры и убѣжденія, старческій взглядъ прояснѣлъ и загорѣлся, внутренняя мысль озарила собою каждый мускулъ лица, видно было, что онъ попалъ наконецъ въ свою настоящую стихію, какъ рыба въ воду, что въ этой стихіи ему просторно, привольно, что въ ней онъ *свой*, знающій и понимающій все что надо... Однимъ словомъ, въ немъ вдругъ пробудился поэтъ, сказалась чуткая артистическая натура. И какое удовольствіе бывало для него слушать музыку, когда оркестры лейбъ-казачьяго полка или 5-го саперного батальона играли на дворѣ во время завтраковъ и обѣдовъ у Великаго Князя!

Одинъ изъ насъ добылъ ему, кажется, у казачьяго капельмейстера, тетрадь чистой нотной бумаги и при этомъ подарилъ карандашъ и свирѣль. Старикъ былъ въ восторгѣ. Теперь онъ могъ писать свои ноты, сочинять новыя молитвы и марши, а для развлеченія играть на дудочкѣ.

— Али-эфенди, ты такъ чистъ и молодъ душою; скажи, пожалуйста, который тебѣ годъ? спросили его однажды.

— О, вѣкъ мой дологъ подъ солнцемъ! Милостію Аллаха, уже скоро семьдесять.

— А сколько лѣтъ на службѣ?

— Пятьдесятъ первый. Отъ самой юности и до сей минуты я служилъ моимъ Падишахамъ (да будутъ благословенны ихъ имена!) ни разу не выходя въ отставку.

— И все въ военной службѣ?

— Все въ военной. Какой путь былъ указанъ мнѣ въ юности моимъ отцомъ (который тоже былъ воинъ), тѣмъ я и продолжалъ шествовать, не уклоняясь на другія житейскія дороги.

— Но отчего же на тебѣ такой маленькій чинъ? Ты всего только „колъ-агасы“, капитанъ по нашему?

Старичекъ пожалъ плечами.

— Увы! я съ молоду никогда не былъ красивъ собою! слегка вздохнулъ онъ съ добродушной улыбкой.

— Развѣ красота такое необходимое условіе для служебной карьеры? изумились мы.

— А то какъ же иначе? возразилъ онъ.—Если бы родитель мой былъ богатъ и знатенъ, если бы онъ былъ пашею,—ну, тогда другое дѣло: своими заслугами и состояніемъ онъ и мнѣ проложилъ бы быстрый путь къ чинамъ и почестямъ. А для тѣхъ, кто лишенъ богатства и знатности, почти единственный путь къ повышеніямъ—красота въ ранней цвѣтущей юности. Если на молодаго красавца удостоитъ бросить благосклонный взоръ кто нибудь изъ высшихъ сановниковъ—судьба его обезпечена; но я—повторяю—никогда не былъ красивъ собою... Иншаллахъ!.. На все Божья воля!.. И потому я не ропщу на свою низменную долю,—значитъ, мнѣ такъ предназначено!

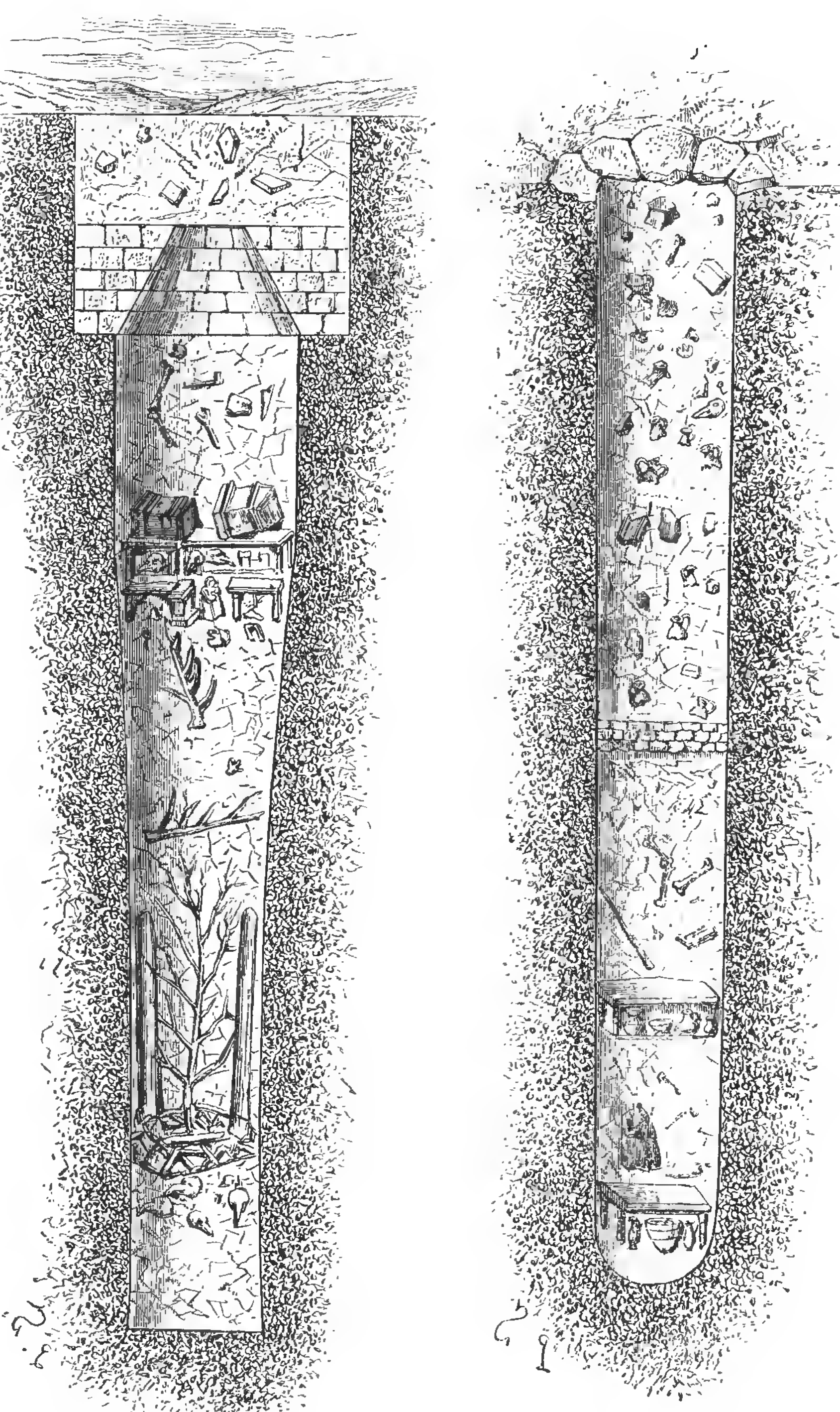
На прощанье, передъ отправленіемъ въ Россію, Али-эфенди записалъ себѣ наши имена на память.

— Друзья—враги, враги—друзья! Могу ли я позабыть такое чудесное обстоятельство! говорилъ онъ растроганнымъ голосомъ, прощаясь.

Гдѣ-то онъ теперь? возвратился ли по добру по здорову въ отечество, или гдѣ нибудь въ Россіи сложилъ старыя кости, унося съ собою въ могилу свои риѳмы и звуки, свои гимны и марши?..

Изъ всѣхъ нашихъ плѣнниковъ самый знаменитый, безспорно, былъ Османъ-паша. Когда турецкій парламентеръ объявилъ о сдачѣ плевненскаго главнокомандующаго со всею его арміею и о томъ, что самъ Османъ-паша, будучи раненъ въ ногу, не можетъ выѣхать лично для переговоровъ, то генералъ Ганецкій отправилъ къ нему генерала Струкова.

А. П. Струковъ нашелъ турецкаго военачальника въ убогой горенкѣ шоссейной караулки. Османъ былъ блѣденъ, но — повидимому спокоенъ. Медикъ Хасибъ-бей накладывалъ ему въ это время повязку на раненую лѣвую ногу. Наружность Османа съ перваго же взгляда произвела на насъ довольно пріятное впечатлѣніе. На видъ ему лѣтъ за сорокъ, и если вообразить себѣ вмѣстѣ съ этимъ сильную физически натуру, при среднемъ ростѣ и нѣкоторой дородности стана, характерный изгибъ бровей, небольшіе каріе глаза съ очень умнымъ, но тихимъ выраженіемъ, широкое здоровое лицо съ нѣсколько выдающимися верхними скулами, обрамленное небольшою темною бородою,—это, приблизительно, будетъ портретъ Османа. Получивъ отъ турецкаго военачальника изъявленіе полной покорности волѣ нашего Августѣйшаго Главнокомандующаго, Струковъ тотчасъ же послалъ за генераломъ Ганецкимъ, который и пріѣхалъ къ Осману спустя около получаса. Свиданіе побѣдителя съ побѣжденнымъ было немногословно и непродолжительно. Генералъ Ганецкій выразилъ похвалу его воинскимъ доблестямъ и предложилъ сдѣлать распоряженіе, чтобы турецкія войска немедленно слагали оружіе, что было исполнено войсками съ явною неохотою и медлительностію. Вскорѣ подъѣхали къ караулкѣ генералы Скобелевы—отецъ и сынъ—командированные сюда Великимъ Княземъ, чтобы принять въ свое распоряженіе городъ и сдавшуюся армію, и познакомились со знаменитымъ плѣнникомъ. М. Д. Скобелевъ сказалъ нѣсколько любезностей Осману, который не остался въ долгу, отвѣтивъ молодому генералу тѣмъ же и, послѣ бесѣды, длившейся около получаса, простились, а генералъ Струковъ предложилъ Осману, которому тѣмъ временемъ кончили перевязку, отправляться въ Плевну, предполагая, что Великій Князь поѣдетъ изъ города къ Виду по шоссе и такимъ образомъ турецкій главнокомандующій встрѣтится Его Высочеству на дорогѣ. Къ караулкѣ подкатила собственная коляска Османа, запряженная блѣдно-булаными конями въ англійскихъ шорахъ, съ чалмоносным, красиво одѣтымъ кучеромъ - арнаутомъ на козлахъ. Любопытныя толпы русскихъ и турокъ, перемѣшавшись между собою, плотно окружали домикъ и коляску. Турецкіе офицеры на рукахъ вынесли изъ горенки своего раненаго предводителя и заботливо усадили его въ экипажъ. Врачъ Хасибъ-бей почтительно помѣстился противъ наши, на переднемъ сидѣньѣ. Османъ отдалъ прощальный поклонъ окружавшей его толпѣ соратниковъ, арнаутъ щелкнулъ бичемъ—и ретивые кони красиво тронулись съ мѣста. Впереди шелъ конвойный взводъ румынскихъ калярашей, а позади взводъ нашихъ Бугскихъ уланъ, подъ командой корнета Бакунина. Турецкая свита Османа, въ составѣ

Погребальные колодцы Галло-Римской эпохи, открытые въ Вандеѣ (во Франціи). Рис. Селье.

Счастливая мать. Картина Павла Мартина, грав. Бренд амуръ.

всего его штаба, слѣдовала верхами вокругъ коляски. Здѣсь въ особенности выдавался красивымъ костюмомъ одинъ изъ пашей, гарцовавшій нѣсколько впереди прочихъ на кровномъ сѣромъ арабскомъ жеребцѣ, уборъ котораго разукрашенъ былъ золотыми бляхами, бирюзой и пунсовыми шелковыми кистями. За этимъ пашею, тоже на хорошей лошади, слѣдовалъ мальчикъ-нукеръ, разряженный еще роскошнѣе, чѣмъ его господинъ и привлекавшій на себя общіе взоры своею замѣчательною чисто женственною красотою. Позади многочисленной группы турецкаго штаба тянулись на славныхъ крѣпкихъ лошакахъ офицерскіе вьючные багажи, негры, феллахи, арнауты, аскеры и всякая прислуга. Всѣмъ этимъ пестрымъ кортежемъ командовалъ румынскій полковникъ Полизо. Увидя впереди себя конныхъ калярашей, Османъ нѣсколько поморщился и скромно заявилъ Струкову, что такъ какъ онъ сдался русскимъ, то ему было бы гораздо пріятнѣе, если бы его конвоировали только русскіе. Струковъ отвѣчалъ, что такое распоряженіе зависѣло не отъ него, но что впрочемъ позади въ эскортѣ слѣдуютъ русскіе уланы. Повидимому, сообщеніе о русскихъ уланахъ помирило нѣсколько Османа съ необходимостью слѣдовать подъ непріятнымъ ему румынскимъ конвоемъ. Кортежъ этотъ прошелъ по шоссе уже порядочное разстояніе, какъ вдругъ надъ Видомъ загремѣло побѣдно-радостное „ура" нашей арміи. То нашъ Главнокомандующій поздравлялъ войска съ побѣдой. Коляску Османа, со всѣмъ его штабомъ повернули назадъ и повезли на встрѣчу Великому Князю, который и повстрѣчалъ своего плѣнника на половинѣ пути отъ Видскаго моста къ Плевнѣ. Коляска остановилась и паша, поддерживаемый Хасибъ-беемъ, привсталъ въ ней на одной ногѣ, опираясь на кузовъ. Великій Князь благосклонно протянулъ Осману руку и въ лестныхъ выраженіяхъ отдалъ ему дань похвалы за славную оборону Плевны. Паша молча кланялся и благодарилъ обычнымъ на востокѣ жестомъ. Въ это время подъѣхалъ князь Карлъ Румынскій и вмѣстѣ съ Его Высочествомъ отправился далѣе по дорогѣ въ городъ. Османа повезли туда же и помѣстили въ одномъ изъ удобныхъ болгарскихъ домовъ, гдѣ онъ провелъ ночь вмѣстѣ со своимъ врачемъ и прислугою.

На слѣдующій день, 29-го ноября, знаменитый плѣнникъ былъ представленъ въ Плевнѣ же Его Императорскому Величеству во время завтрака. Поддерживая подъ руки, Османа ввели въ комнату, гдѣ присутствовалъ Государь Императоръ.

Его Величество, подойдя къ плѣннику, обратился къ нему, при посредствѣ Н. Д. Макѣева, со слѣдующими словами:

— Что васъ побудило прорываться?

— Какъ солдатъ, дорожащій своимъ честнымъ именемъ, я во всякомъ случаѣ считалъ своимъ долгомъ сдѣлать эту попытку; я не могъ, не имѣлъ права поступить иначе... Попытка не удалась, но мое несчастіе смягчается для меня лично тѣмъ, что неудача эта доставила мнѣ счастіе быть представленнымъ Вашему Величеству.

— Отдаю полную дань уваженія вашей доблестной храбрости, хотя она и была направлена противъ Моей арміи.

— Ваше Императорское Величество, почтительно склоняясь, отвѣчалъ Османъ:—я исполнилъ лишь мой воинскій долгъ и надѣялся, что тѣмъ самымъ заслужу не только признательность моего отечества, но и милостивое вниманіе Вашего Величества и уваженіе Вашей арміи.

— Знали ли вы что нибудь о взятіи Врацы, Правца, Этрополя, о занятіи нами Орханіэ?

— Государь, я не зналъ ничего. Начиная съ несчастнаго для насъ дѣла при Горномъ Дубнякѣ, въ теченіи сорока пяти дней никакая вѣсть извнѣ не проникала въ Плевну.

— Много ли у васъ оставалось продовольствія?

— Только на пять дней, и наканунѣ моей попытки оно было роздано на руки людямъ.

— Въ знакъ уваженія къ вашей храбрости, Я возвращаю вамъ вашу саблю, которую вы можете носить и у насъ въ Россіи, гдѣ—надѣюсь—вы не будете имѣть причинъ къ какому бы то ни было недовольству.

Выѣздъ плѣннаго Османъ-паши изъ Плевны.

Османъ съ видимымъ чувствомъ признательности глубоко поклонился Государю и вышелъ, поддерживаемый Н. Д. Макѣевымъ и корнетомъ лейбъ-казачьяго полка, княземъ Дедашкеліани.

На другой день, 30-го ноября, въ Боготѣ, близь столоваго шатра Великаго Князя была приготовлена для Османа паши особая юрта, а рядомъ съ нею разбитъ холщевой шатеръ для личной прислуги турецкаго главнокомандующаго. У юрты былъ выставленъ почетный караулъ—взводъ отъ 63-го пѣхотнаго Угличскаго полка (16-й дивизіи), при чемъ народъ былъ подобранъ молодецъ къ молодцу, красавецъ къ красавцу. Однако же прибытіе Османа, ожидаемое къ полудню, замедлилось, по случаю, какъ оказалось потомъ, діагнозы его раны, производившейся въ Плевнѣ. Наконецъ, около пяти часовъ дня, въ виду Богота показался довольно длинный и пестрый поѣздъ всадниковъ. Тутъ были и румынскіе калараши, и бугскіе уланы со своими красно-бѣлыми значками. За каларашами ѣхала коляска а за нею тянулась верхами длинная вереница пашей, штабныхъ лицъ, адъютантовъ, штабъ и оберъ-офицеровъ плевненской арміи, оцѣпленныхъ нашими уланами. То привезли Османа и большую часть его офицеровъ. Конвойные сказывали, что во время слѣдованія по плевно-ловчинскому шоссе, они обогнали большую партію плѣнныхъ турокъ, составлявшихъ гарнизонъ Кришинской позиціи. Османъ выглянулъ изъ-подъ надвинутаго фордека своей коляски, но не привѣтствовалъ эту партію ни единымъ словомъ, равно какъ и она совершенно молча разошлась со своимъ главнокомандующимъ. Османъ-паша былъ встрѣченъ предъ своею юртою походнымъ гофмаршаломъ Его Высочества генералъ-лейтенантомъ Галлемъ и комендантомъ главной квартиры, а

почетный караулъ отдалъ ему воинскую почесть съ барабаннымъ боемъ, какъ фельдмаршалу. Около шести часовъ вечера, Великій Князь, возвратясь отъ Государя Императора изъ Порадима, предъ обѣдомъ навѣстилъ на короткое время Османа, желая освѣдомиться удобно ли онъ помѣстился. Впрочемъ, для знаменитаго плѣнника не было недостатка во всѣхъ возможныхъ въ нашемъ положеніи удобствахъ. 4-го декабря утромъ его увезли въ Россію въ очень удобномъ и покойномъ экипажѣ, принадлежащемъ обществу „краснаго креста“. Съ нимъ отправился адъютантъ Его Высочества капитанъ Бибиковъ.

Изъ числа плѣнныхъ офицеровъ, одинъ остался въ Плевнѣ, у комендантa города и всего района турецкихъ укрѣпленій, генералъ-маіора Скобелева 2-го. Это былъ пожилой Юнусъ-бей, начальникъ Кришинской турецкой позиціи. раненый въ послѣднемъ бою пулею въ руку. М. Д. Скобелевъ взялъ его подъ особое свое покровительство, какъ личнаго своего противника и, помѣстивъ его у себя въ квартирѣ, окружилъ вчерашняго врага всевозможнымъ уходомъ и заботливымъ попеченіемъ. Нашъ „бѣлый генералъ“ сказывалъ, что въ послѣдніе дни предъ паденіемъ Плевны, онъ и Юнусъ-бей на столько присмотрѣлись другъ къ другу изъ траншей, что исподоволь научились еще издали узнавать одинъ другаго. и такимъ образомъ, когда Юнусъ очутился въ плѣну, то узналъ Скобелева съ разу. Оба противника, пожавъ другъ другу руки, встрѣтились между собою, какъ старые и хорошіе знакомые. М. Д. Скобелевъ отзывается съ большою похвалой и уваженіемъ о личной храбрости и хладнокровномъ мужествѣ Юнусъ-бея.

Изъ числа другихъ боготскихъ плѣнниковъ, взятыхъ вмѣстѣ съ Османомъ, моя память въ особенности останавливается на слѣдующихъ трехъ субъектахъ.

Первый изъ нихъ—Гуссейнъ-Вассфи-паша—извѣстенъ въ Портѣ какъ „красный“. Это человѣкъ лѣтъ сорока, съ типическимъ полуармянскимъ. полутурецкимъ лицомъ, которое, благодаря большимъ, красивымъ глазамъ, производитъ довольно пріятное впечатлѣніе. Онъ очень бойко владѣетъ французскимъ языкомъ и въ разговорѣ успѣваетъ проявлять свою многостороннюю начитанность. Гуссейнъ-Вассфи былъ журналистомъ. Разойдясь съ Портою и сераскеріатомъ во взглядахъ на систему управленія и вообще на турецкіе порядки, онъ долженъ былъ выдти въ отставку и уѣхалъ въ Женеву, гдѣ провелъ около десяти лѣтъ, издавая на турецкомъ языкѣ газету „Ныкилябъ“, что значитъ „Реформа“,—въ турецкомъ смыслѣ газету крайне революціонную, потому что въ ней главнѣе всего обличались закулисныя и подпольныя продѣлки „серальской камарильи“, какъ выразился Гуссейнъ-Вассфи. Онъ называетъ себя „свободнымъ мыслителемъ“ (un libre penseur) и говоритъ, что ему все равно, какое будетъ въ Турціи правительство: деспотическое, конституціонное или республиканское, лишь бы не было „серальской камарильи“ и безобразныхъ нынѣшнихъ порядковъ. Проживая въ Женевѣ, онъ нерѣдко сталкивался и съ нашими эмигрантами; сказываетъ, что знавалъ Бакунина, Нечаева, Утина и прочихъ. Но—если только паша не политикуетъ—русскіе революціонеры не особенно понравились ему, революціонеру турецкому, главнѣйшимъ образомъ потому, что займутъ деньги и не только не отдаютъ, но даже и не узнаютъ въ лицо при встрѣчѣ на улицѣ. Послѣдняя война снова вызвала Гуссейнъ-Вассфи-пашу на военное поприще, которое нынѣ пока окончилось для него съ паденіемъ Плевны.

Но былъ у насъ въ Боготѣ и еще одинъ революціонеръ, только этотъ уже дѣйствительно „красный“, потому что онъ революціонеръ не турецкій а парижскій, которому удалось бѣжать изъ Франціи послѣ майскихъ дней 1871 года. Это—Оливье Пенъ,—какъ извѣстно, одинъ изъ самыхъ рьяныхъ и безшабашныхъ дѣятелей послѣдней парижской коммуны, личный секретарь Рошфора, бѣжавшій изъ тюрьмы и заочно приговоренный за это къ смертной казни. „Во имя гуманности, цивилизаціи и свободы“, записался онъ предъ войною въ ряды турецкой арміи, „для борьбы съ варварскимъ московскимъ деспотизмомъ“, состоялъ тамъ въ офицерскомъ рангѣ и, будучи корреспондентомъ какой-то газеты, находился въ качествѣ чуть ли не ординарца или адъютанта при извѣстномъ палачѣ Шефкетъ-пашѣ. попалъ отъ Шефкета въ Плевну и раздѣлилъ тамъ участь ея защитниковъ. Удивительно, право, вяжется у подобныхъ французиковъ борьба съ варварскимъ московскимъ деспотизмомъ и служба турецкому правительству именно ради сей пресловутой борьбы—гуманность, цивилизація, свобода и Шефкетъ-паша, съ его „болгарскими ужасами“, которые въ маѣ 1876 года привели въ ужась даже англичанъ, патентованныхъ друзей Турціи. Какъ корреспонденту и французскому подданному, въ Боготѣ ему предложили, что его препроводятъ до Петербурга и тамъ передадутъ съ рукъ на руки во французское посольство, доставивъ ему тѣмъ самымъ свободу и возможность возвратиться на родину. Коммунаръ поблѣднѣлъ и не на шутку перетрусилъ, а въ особенности, когда узналъ, что въ Боготѣ находится полковникъ Гальяръ, французскій военный агентъ. Онъ умолялъ не оказывать ему этой любезности, краснорѣчиво увѣряя, что предпочитаетъ горечь русскаго плѣна всѣмъ сладостямъ французской свободы и что наконецъ онъ имѣетъ право—законнѣйшее право считаться военноплѣннымъ, такъ какъ дѣйствительно числился на службѣ въ турецкой арміи и потому проситъ, какъ особенной милости, не дарить ему свободу, если съ нею сопряжено знакомство съ французскимъ посольствомъ въ Петербургѣ.

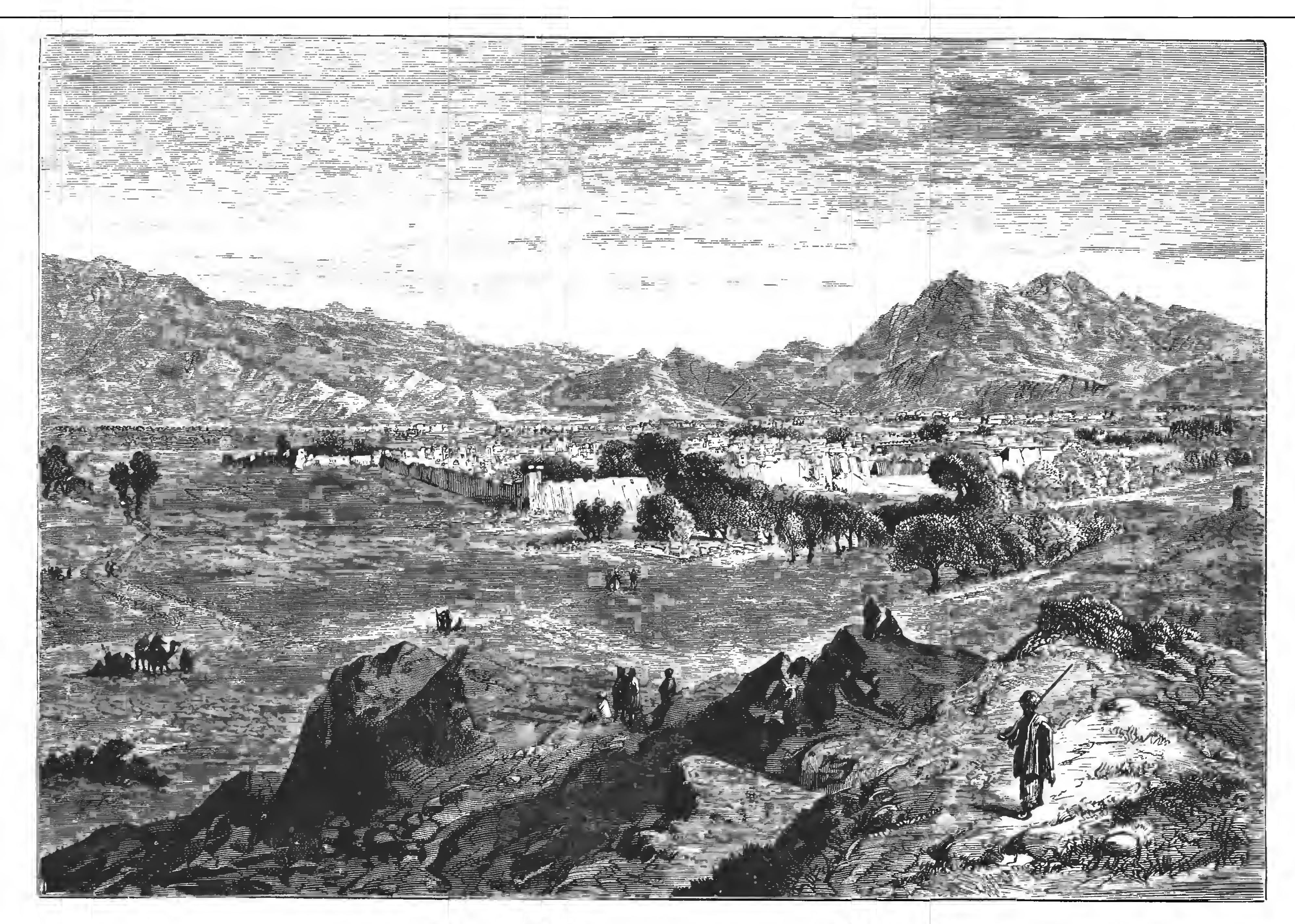
Третья небезъинтересная личность—нѣкто маіоръ Сулейманъ-Ага-Дурзіевъ. Исторія его какая-то странная и запутанная. Родомъ онъ изъ Водины, близь Салоникъ и служилъ смолоду въ военной службѣ. Однажды довелось ему оказать покровительство христіанамъ въ ущербъ турку, и это навлекло на него гоненія сильныхъ турецкаго міра, такъ что онъ наконецъ долженъ былъ бѣжать изъ Турціи. Нашъ тогдашній консулъ въ Битоліи М. А. Хитрово доставилъ ему возможность добраться въ Россію, гдѣ Сулейманъ-Ага поступилъ въ военную службу на Кавказѣ и, состоя по армейской кавалеріи, числился при штабѣ кавказской арміи. Въ теченіи четырехлѣтней службы. Дурзіевъ весьма порядочно выучился русскому языку, такъ что свободно можетъ не только говорить. но и писать по-русски. По прошествіи четырехъ лѣтъ, отпросился онъ въ отпускъ, въ Турцію, для устройства своихъ семейныхъ дѣлъ, и тутъ уже—не то задержанъ, не то самъ добровольно остался, только дѣло въ томъ, что въ началѣ войны ему было поручено сформировать сотню волонтеровъ, въ которой, между прочимъ находились и четверо христіанъ-болгаръ. Съ этою сотнею Дурзіевъ явился въ Плевну а изъ Плевны—въ Боготъ, въ качествѣ военноплѣннаго. Онъ довольно уже пожилой (лѣтъ за пятьдесятъ). но еще бодрый и видный собою мужчина и, кажется, очень доволенъ, что опять отправляется въ Россію. Но пройдоха онъ, должно быть, не малый.

Въ траншеѣ подъ Плевной.

Рыбачка на Рейнѣ. Съ картины Шитценбергера, грав. Б. Клеммеръ.

Афганская война: Городъ Джеллалабадъ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Со взятіемъ Плевны кончилась для солдата и офицера каторжная жизнь въ траншеяхъ, подъ пулями днемъ и ночью, въ вѣчномъ ожиданіи внезапнаго нападенія, что однако же еще не составляло главнѣйшаго неудобства этого рода существованія. Проливные дожди, шедшіе, бывало, по нѣскольку сутокъ сряду, а потомъ вьюги да морозы вотъ—что донимало болѣе всего на бивуакахъ, а въ особенности въ траншеяхъ. Дожди обращали наши ложементы и траншеи въ сточныя канавы, гдѣ вода стояла чуть не по колѣна, такъ что постоянно нужно было отводить ее посредствомъ особыхъ канавокъ въ лощины. О грязи при этомъ нечего и говорить: мѣсиво было такое, что люди съ трудомъ вытаскивали изъ него ноги. А какъ пошли первыя вьюги да морозы, сначала казалось, будто это и лучше, отъ грязи и лужъ, по крайней мѣрѣ, избавиться, но увы! утѣшенію такого рода не суждено было быть продолжительнымъ... Ночью заколодитъ морозъ, замететъ такая снѣжная вьюга, что даже костровъ развести не возможно, а на другой день къ полудню все это опять распустило, и пошла та же, давно уже знакомая грязь да слякоть. Но эта каторжная жизнь кончилась лишь для того, чтобы смѣниться вскорѣ еще болѣе тяжкими трудами, лишеніями и невзгодами на балканскихъ высяхъ которыя однако же, не взирая ни на что, преодолѣло ни съ чѣмъ не сравнимое мужество и терпѣніе русскаго воина.

Къ рисункамъ.

Русская скульптура.

„Сѣятель", статуя В. П. Крейтана и „Отдыхающій косарь" статуя М. П. Попова.

При томъ индеферентизмѣ, съ какимъ бо́льшая часть нашего общества относится къ дѣлу развитія роднаго искусства, на долю скульптуры выпадаетъ самая горькая участь; ее почти не замѣчаютъ на нашихъ художественныхъ выставкахъ: къ ней относятся холодно, апатично и эта холодность конечно не можетъ не дѣйствовать на нашихъ скульпторовъ вреднымъ образомъ. Сами художники заражаются этой апатіей, не вѣря въ силу и живучесть самой скульптуры и вотъ являются вмѣсто серьезныхъ, смѣлыхъ произведеній, мелочи, милыя и граціозныя, но все же недостойныя ни искусства, ни таланта. Что у насъ скульптура въ загонѣ, и это доказывается нашими новыми общественными зданіями, въ украшеніяхъ которыхъ рѣдко участвуетъ скульптура и даже ниши ихъ, предназначенныя какъ будто для статуй, на вѣки остаются пустыми. Вообще зодчество у насъ мало пользуется услугами ваянія, а если и пользуется, то не всегда удачно. Замѣчательно, что во всѣхъ нашихъ столичныхъ театрахъ скульптура почти отсутствуетъ и считается совершенно излишней, тогда какъ напримѣръ, при постройкѣ зданія большой оперы въ Парижѣ, лучшіе французскіе скульпторы принимали въ ней живѣйшее участіе и украсили ее далеко не дюжинными произведеніями. Что только такимъ путемъ предоставленія скульптурѣ широкаго участія въ зодчествѣ, можно способствовать ея процвѣтанію и совершенствованію, доказываетъ тотъ блестящій періодъ русскаго ваянія, когда приступлено было къ возведенію разныхъ грандіозныхъ зданій въ обѣихъ нашихъ столицахъ: соборовъ, многочисленныхъ памятниковъ, тріумфальныхъ арокъ, эрмитажа и многихъ другихъ, въ украшеніи которыхъ отечественная скульптура играла такую видную и широкую роль. Нужно сказать, что до вступленія на престолъ Императора Николая Павловича, большаго знатока и любителя изящныхъ искусствъ, постоянно и ревностно старавшагося объ украшеніи обѣихъ столицъ грандіозными зданіями, скульптура была въ совершенномъ застоѣ и пробавлялась разными академическими фигурами, не въ силахъ будучи произвести ничего болѣе смѣлаго и оригинальнаго. Многіе въ этомъ обвиняютъ Академію Художествъ, но вѣдь кому же какъ не этой Академіи русская скульптура обязана своимъ возникновеніемъ и подготовкой къ будущимъ успѣхамъ. До Академіи у насъ не существовало и скульптуры. Въ древней Руси это было мастерство часто талантливое но служило исключительно для украшенія храмовъ. Скульптурныя произведенія этого времени были грубы и часто безобразны. По учрежденіи Святѣйшаго Синода ихъ начали уничтожать и скульптура, ограничившись однимъ орнаментнымъ украшеніемъ, стала мало по малу „мірскимъ" искусствомъ.

Съ возникновеніемъ Академіи Художествъ у насъ появились и настоящіе скульпторы-художники, получившіе окончательное образованіе заграницей. Такъ уже въ первый столѣтній період отъ 1740 до 1837 года у насъ появились три замѣчательныхъ скульптора такъ называемой „натуральной школы", Ѳ. И. Шубинъ (1740—1805), М. Г. Крыловъ (ум. въ 1846 г.) и Б. И. Орловскій (1792—1837). Эти художники, строго классическіе по техникѣ и правильности лѣпки, въ тоже время старались привить и современность и народность въ своихъ немногочисленныхъ по цѣнныхъ для русскаго искусства произведеніяхъ. Такъ Шубинъ оставилъ лишь нѣсколько статуй и бюстовъ и изъ нихъ послѣдній—замѣчательный бюстъ Императрицы Екатерины II; Крыловъ—ученикъ знаменитаго Кановы, подавалъ большія надежды, но вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ оставилъ потомству лишь свою прекрасную, проникнутую чисто народнымъ характеромъ, статую „Боецъ". Что же касается Орловскаго, то онъ, постоянно ободряемый вниманіемъ Императора Николая Павловича и совѣтами своего маститаго наставника Торвальдсена, работалъ много и неутомимо и среди его многочисленныхъ работъ особенно заслуживаютъ вниманія группы: „Судъ Париса" и „Фавнъ и Вакханка". Упомянувъ о трехъ главныхъ представителяхъ натуральной школы, нельзя пройти молчаніемъ и дѣятельность скульпторовъ противуположнаго направленія. Это были: Козловскій, Щедринъ, Мартосъ, Демутъ, Малиновскій, Гордѣевъ и Прокофьевъ, державшіеся строго классическаго стиля и считавшіеся въ свое время хранителями преданій древней Эллады. Но скоро отжившее поколѣніе скульпторовъ смѣнилось цѣлой фалангой новыхъ талантовъ; явились такіе замѣчательные художники какъ Рамазановъ, Ставассеръ, Гальбергъ, Витали, Пименовъ, Логановскій, Теребеневъ, баронъ Клодтъ и много другихъ, дарованіямъ которыхъ открывалось широкое поприще во всѣхъ грандіозныхъ постройкахъ минувшаго царствованія и работами которыхъ украшались наши столицы. Кто не знаетъ знаменитыхъ группъ Пименова „Преображеніе" и „Воскресеніе" въ Исаакіевскомъ соборѣ; кто не любовался на внѣшней сторонѣ этого собора прекрасными барельефами Витали; кто не видалъ высокохудожественныхъ коней Клодта, громадныхъ каріатидъ Эрмитажа, работы Теребенева и кому незнакомы талантливыя работы С. И. Иванова и Ставассера въ Исаакіевскомъ соборѣ и замѣчательные барельефы Рамазанова, барона Клодта и Логановскаго на наружной сторонѣ храма Спасителя въ Москвѣ.

Нашъ очеркъ хода и развитія отечественной скульптуры по необходимости весьма сжатъ, но думаемъ, что выражено достаточно то условіе, безъ котораго немыслимо процвѣтаніе ваятельнаго искусства. Условіе это—предоставленіе ему широкаго и постояннаго участія въ произведеніяхъ нашего зодчества. Внѣ этого условія скульптура неизбѣжно должна клониться къ упадку и во время застоя грандіозныхъ работъ пробавляться лишь разными академическими фигурами, ради полученія медалей и т. п. Доказательствомъ тому можетъ служить неуспѣхъ нашихъ скульптурныхъ работъ на Парижской всемірной выставкѣ 1867 года, когда, по единодушному приговору художественной иностранной критики, вся представленная нами скульптура, за исключеніемъ лишь работы Каменскаго „Вдова" и небольшихъ произведеній Либериха, поголовно осуждалась, какъ страдающая отсутствіемъ всякой оригинальности и въ которой видна лишь академическая условность и холодное мастерство. Со времени этого жестокаго приговора прошло лишь съ небольшимъ одиннадцать лѣтъ, но наша скульптура въ это сравнительно короткое время сдѣлала такіе значительные успѣхи, что могла представить на послѣднюю Парижскую выставку произведенія замѣчательныя, вызвавшія единодушное одобреніе. Дѣйствительно, современная наша скульптура не бѣдна талантами; мы высоко цѣнимъ работы М. А. Чижова, Н. А. Лаверецкаго, Антокольскаго, Снегиревскаго, но все таки думаемъ, что только при большемъ сочувствіи къ нимъ общества и при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, эти даровитые художники могутъ сдѣлать нашу отечественную скульптуру—искусствомъ полнымъ жизненнаго значенія.

Для нагляднаго ознакомленія нашихъ читателей съ произведеніями русской скульптуры въ разныхъ періодахъ ея развитія, мы помѣщаемъ въ настоящемъ нумерѣ „Нивы" снимки съ двухъ статуй, бывшихъ на академической выставкѣ 1862 года и удостоенныхъ 2-й золотой медали *). Первая изъ нихъ „Сѣятель" работы В. П. Крейтана замѣчательно проста по идеѣ и высоко художественна по выполненію. Василій Петровичъ Крейтанъ родился въ 1832 г., былъ ученикомъ барона П. К. Клодта и въ красотѣ лѣпки явился достойнымъ его преемникомъ; 2-ю серебряную медаль онъ получилъ за барельефъ „Потопъ" бывшій на выставкѣ 1858 года; въ 1861 году онъ выставилъ прекрасную статую „Муцій Сцевола" а въ 1864 году возведенъ въ званіе класснаго художника. Другая статуя „Отдыхающій косарь", произведеніе Михаила Петровича Попова, современнаго намъ скульптора и академика. Это красивая фигура молодаго косаря, одной рукой держащаго древко косы, а другою отирающаго капли пота, вызванные усиленной работой и зноемъ лѣтняго дня. М. П. Поповъ былъ возведенъ въ академики въ 1872 году за мраморныя статуи: „Кокетка" и „Неаполитанскій рыбакъ, играющій на мандолинѣ". Другія его болѣе извѣстныя

*) Снимки съ другихъ статуй еще будутъ помѣщаться въ дальнѣйшихъ №№ „Нивы".

работы появлялись на художественныхъ выставкахъ съ 1873 по 1875 годъ. То были: статуя „Малоросейская дѣвушка“, „Группа нищихъ“ (изъ мрамора), четыре времени года въ видѣ четырехъ мраморныхъ бюстовъ въ натуральную величину, сдѣланныхъ по заказу Громова и кромѣ того нѣсколько небольшихъ произведенiй изъ мрамора и терракотты.

Погребальные колодцы Галло-римской эпохи, открытые въ Вандеѣ (во Францiи).

Къ числу важнѣйшихъ археологическихъ открытiй, сдѣланныхъ въ недавнее время въ различныхъ странахъ, слѣдуетъ отнести такъ называемые „погребальные колодцы“ или „погребальныя шахты“, найденные ученымъ аббатомъ Бодри во Францiи, въ округѣ Дю-Бернардъ, въ Вандеѣ. Слѣды этихъ странныхъ памятниковъ обнаружились при производствѣ инженерами земляныхъ работъ въ пустынной мѣстности Труссе-Пуаля. Аббатъ Бодри, священникъ одного изъ сосѣднихъ съ этою мѣстностью приходовъ, поспѣшилъ, изъ любознательности, на мѣсто производившихся работъ, и распорядился произвесть тщательныя и методическiя раскопки—именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ инженеры замѣтили на поверхности земли круглое, очевидно искусственно сдѣланное, отверзтiе. Лишь только раскопщики достигли глубины 4½ саженъ, какъ встрѣтили послѣдовательный рядъ перекрестно лежащихъ другъ на другѣ слоевъ земли. Слои были наложены съ такою правильностью, что нельзя было сомнѣваться, что они образованы искусственно. Во многихъ изъ этихъ слоевъ находились хрупкiе, полуразрушившiеся предметы, составляющiе священную погребальную утварь, свойственную галло-романской расѣ. Судя по положенiю этихъ предметовъ, на различныхъ глубинахъ погребальныхъ колодцевъ, нужно думать, что они были спущены сквозь отверзтiе, составляющее верхнюю часть каждаго колодца. Въ одномъ изъ колодцевъ, въ числѣ другихъ предметовъ нашли погребальную урну. Затѣмъ, Бодри отыскалъ около ближайшихъ къ мѣсту первоначальной раскопки селенiй другiе подобные же колодцы. Послѣ этого г. Бодри съ полною достовѣрностью предположилъ, что въ древнюю эпоху въ этой части Вандеи существовало кладбище, по всѣмъ предположенiямъ, Галло-римское; число колодцевъ этого кладбища простирается до 22-хъ. Погребались въ нихъ не трупы умершихъ, а, по обыкновенiю древнихъ, пепелъ этихъ труповъ, оставшiйся послѣ сожженiя и заключенный въ урны. И дѣйствительно, послѣ тщательныхъ поисковъ, въ каждомъ изъ колодцевъ были найдены погребальныя урны и вазы (простой, первобытной формы), наполненныя пепломъ, смѣшаннымъ съ остатками обожженныхъ костей. Послѣдовательные слои или этажи каждаго колодца образованы изъ сцѣпленныхъ между собою массъ мелкаго камня, черепковъ разбитыхъ вазъ, устричныхъ раковинъ, костей животныхъ, различныхъ слоевъ глины и т. д. Затѣмъ, болѣе глубокiе слои содержатъ въ себѣ домашнюю утварь, носящую галло-римскiй отпечатокъ, принадлежности туалета, свойственнаго тоже галло-римлянамъ, также орудiе и медали, которыя знатоки древностей относятъ къ эпохѣ императора Авреліана или даже къ эпохѣ предшествовавшей христiанству.

Нашъ рисунокъ представляетъ два изъ сейчасъ описанныхъ погребальныхъ колодцевъ Галло-римской эпохи. Читатель видитъ, что это большiя вертикальныя углубленiя.

Предметы, содержащiеся въ различныхъ слояхъ, образующихъ этажи колодцевъ, весьма разнообразны. Тутъ можно найдти и головы животныхъ и сосуды, служившiе, конечно, для напитковъ и возлiянiй въ память умершихъ, разныя принадлежности первобытной утвари, вещи въ родѣ игрушекъ, часто даже посаженныя деревья, (какъ читатель видитъ на рисункѣ одного изъ колодцевъ, въ нижней его части; лѣвый рисунокъ). Въ высшей степени замѣчательно, что во всѣхъ этихъ углубленiяхъ находятъ множество *маленькихъ каменныхъ фигуръ*, представляющихъ женщину въ сидячемъ положенiи, закрытую покрываломъ и держащую на колѣняхъ младенца. Извѣстный французскiй ученый Жюль Кишера утверждаетъ,—съ чѣмъ соглашается и аббатъ Бодри,—что эти каменныя фигурки поразительно напоминаютъ собою малыя деревянныя почернѣлыя отъ времени фигуры Богоматери, въ обилiи находимыя во Францiи, относящiяся къ XII вѣку, и извѣстныя подъ именемъ „Чорныхъ дѣвъ“ (Vierges noires). Жюль Кишера думаетъ этимъ путемъ разрѣшить издавна въ высшей степени интересующiй французскихъ археологовъ вопросъ о *происхожденiи во Францiи значительнаго числа церквей, носящихъ названiе Notre Dame* (соборовъ Богоматери). Преданiе говоритъ, что соборы построены были въ старину именно на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ чудеснымъ образомъ были обрѣтены статуетки Богоматери. Замѣтимъ здѣсь кстати, что статуетки эти были находимы преимущественно въ землѣ гдѣ была древняя Галлiя.

Нужно, во всякомъ случаѣ, сказать, что способы погребенiя остатковъ умершихъ въ колодцеобразныхъ углубленiяхъ, измѣряющихся 4-мя, 6-ю, 7-ю и болѣе саженями свидѣтельствуютъ о глубокой древности этого способа погребенiя. Этотъ способъ погребенiя получилъ свое начало на Востокѣ. Египтяне и Финикiяне вырывали для своихъ умершихъ такiе же колодцеобразныя углубленiя.

Рыбачка на Рейнѣ.

По широкому Рейну плыветъ одинокая лодочка. Эта могучая красавица своими сильными руками легко управляется весломъ, въ дали на берегу видиѣется рыбачья хижина. Молодое лицо ея обвѣваетъ свѣжiй вѣтеръ родной рѣки. Она торопится съ добычей домой.

Поэтъ Гейне часто говоритъ о родномъ своемъ Рейнѣ и рейнскихъ рыбакахъ. Есть его два очень извѣстныя, прелестныя стихотворенiя. „Мы сидѣли вдвоемъ у рыбачьей хижины, говоритъ поэтъ, и смотрѣли на волны. Вечернiя облака бѣжали въ голубой выси. Мы говорили о буряхъ и волненiяхъ, и людяхъ погибшихъ въ волнахъ, говорили о морякахъ, которыхъ радости и горе между небомъ и волнами, говорили о дальнихъ странахъ, странахъ далекаго сѣвера и юга... На Гангѣ все блещетъ и благоухаетъ теперь, гигантскiя деревья покрыты цвѣтомъ и тихiе, красивые люди преклоняются предъ лотосомъ... И дѣвушки слушали молча—задумчиво сидѣли онѣ кругомъ... „Красавица-рыбачка! говоритъ онъ въ слѣдующемъ стихотворенiи, причаль свой челнокъ къ берегу. Иди сюда, садись, мы поговоримъ, дай мнѣ свою руку. Положи свою молодую головку мнѣ на грудь и не бойся. Вѣдь ты же каждый день такъ смѣло носишься по дикимъ волнамъ. Мое сердце—тоже море. Въ немъ также часты грозныя бури и оно также богато, какъ и глубокое море, многоцѣнными перлами.“

Счастливая мать.

Прекрасная картина Павла Мартина передаетъ чрезвычайно вѣрно, это милое, полное сердечной радости и материнской гордости выраженiе на лицѣ молодой женщины. Веселый, здоровый ребенокъ силится ручонкой достать поразившую его своимъ блескомъ сережку; малютка непремѣнно хочетъ ее достать, пусть хоть будетъ больно мамѣ. Картина не нуждается въ особыхъ коментарiяхъ, такъ она выразительна и удачна.

Джелалабадъ.

Съ холма Типеръ-Шиль, названнаго такъ англичанами, которые защищались въ этой мѣстности въ продолженiи зимы 1841—1842 г., видъ города Джелалабада именно таковъ какъ представлено на нашемъ рисункѣ. Городъ имѣетъ видъ неправильнаго четыреугольника, окруженъ невысокимъ валомъ, около двухъ верстъ въ окружности. Городскiя стѣны выведены изъ земли и глины, безъ башенъ, амбразуръ, безъ крытыхъ путей и безъ всякихъ внѣшнихъ укрѣпленiй; постройка такъ несовершенна, что стѣны въ сущности совершенно безполезны. Въ городѣ триста домовъ, окруженныхъ заборами, садами, воздѣланными полями и мечетями,—что представляетъ рядъ естественныхъ загражденiй, довольно дѣйствительныхъ. Большая часть домовъ сложена изъ глины съ деревянными крышами. Въ сторонѣ, въ разстоянiи двухсотъ саженъ отъ городской стѣны, находятся развалины стѣнъ древняго города.

На нашемъ рисункѣ представленъ только новый городъ. Онъ имѣетъ видъ параллелограма, съ двумя главными улицами, пересѣкающимися въ центрѣ. Въ стѣнахъ нѣсколько воротъ. Восточные ворота названы Пешаверскими, такъ какъ они выходятъ на дорогу къ городу Пешаверу; ведущiе къ Кабулу, западные ворота названы Кабульскими. Затѣмъ ворота „Филькана“, ведущiе въ „Слоновый кварталъ“ и южные ворота, „Жатисъ“ получившiе свое названiе отъ индiйской касты, переселившейся изъ Пенджаба въ Джелалабадъ. На главной улицѣ, идущей отъ востока къ западу, базаръ.

20 декабря, минувшаго 1878 года, дивизiя генерала Броуна вступила въ Джелалабадъ въ боевомъ порядкѣ, съ развернутыми знаменами. Часть дивизiи заняла старый кварталъ, прочiе расположились лагеремъ около города, приготовляясь встрѣтить, по англiйскому обычаю, праздникъ Рождества.

Политическое обозрѣнiе.

Въ предшествовавшемъ нашемъ обозрѣнiи мы говорили объ открытiи болгарскаго представительнаго собранiя. Рѣчь князя Дондукова-Корсакова, какъ сообщаетъ корреспондентъ одной изъ нашихъ газетъ, встрѣчена была съ горячимъ сочувствiемъ. Русскiй комиссаръ обратился къ болгарскимъ депутатамъ съ приглашенiемъ обработать и дополнить представленный имъ проектъ конституцiи, по ихъ собственному усмотрѣнiю. „Въ силу данныхъ мнѣ Высочайшихъ полномочiй, сказалъ, между прочимъ, князь, я представляю на ваше обсужденiе проектъ устава, опредѣляющаго права будущаго князя и болгарскаго народа въ дѣлѣ управленiя страною. Я увѣренъ, что одушевленные чувствами святаго долга, любовью къ дорогой родинѣ, вы вполнѣ оцѣните все величiе вашей задачи. Предлагаемый на обсужденiе ваше проектъ есть

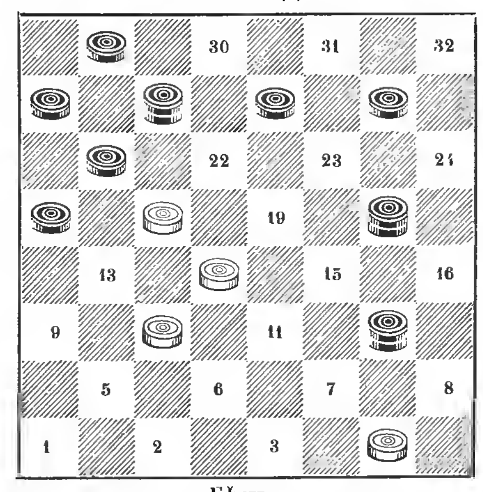
не болѣе какъ программа для облегченія трудовъ вашихъ; онъ не долженъ ни стѣснять, ни связывать вашихъ убѣжденій. Съ полною свободою и независимостью мнѣній да выскажется каждый изъ васъ по совѣсти и убѣжденію, памятуя, что въ вашихъ рукахъ счастіе и будущая судьба отечества.

Предъ открытіемъ собранія отслужено было молебствіе въ бывшей главной мечети Тырнова—древнемъ болгарскомъ соборѣ 40 мучениковъ, вновь передѣланномъ, при русскомъ управленіи, въ православный храмъ. Въ 5 часовъ пополудни, послѣ торжества открытія, князь Дондуковъ-Корсаковъ далъ банкетъ болгарскимъ депутатамъ и комисарамъ великихъ державъ. Тостъ за здравіе и многолѣтіе Государя Императора возбудилъ необычайный взрывъ энтузіазма. Долго не смолкали восторженные клики и русское „ура“. Болгары обнимались, братались съ русскими. Князя Дондукова подняли на руки и понесли по залѣ. Болѣе 30-ти тысячъ изъ окрестностей Тырнова собрались въ этотъ день въ древней столицѣ Болгаріи. Сессія, какъ предполагаютъ, будетъ продолжаться шесть недѣль, (проектъ устава уже сообщенъ нами читателямъ въ общихъ чертахъ). На первыхъ же порахъ, болгары выказали много политическаго такта. На засѣданіи было, между прочимъ нѣсколькими горячими патріотами предложено протестовать противъ постановленія берлинскаго конгреса, раздѣлившаго Болгарію на двѣ половины. Депутаты нашли болѣе приличнымъ совѣщаться объ этомъ вопросѣ частнымъ образомъ и потому, для обсужденія его, вышли изъ зданія собранія и здѣсь, внѣ стѣнъ его приняли предложеніе объ отправленіи къ великимъ державамъ депутаціи съ ходатайствомъ о присоединеніи Румеліи къ Болгарскому княжеству, въ то же время отклонивъ, огромнымъ большинствомъ, требованіе крайнихъ, желавшихъ, чтобы только что собранные депутаты постановили или разойтись немедленно, или начать сессію при условіи участія въ ней румелійскихъ депутатовъ.

Въ настоящее время, Тырново служитъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, политическимъ барометромъ и здѣсь можно изучать секреты, недоступные для глазъ въ столицахъ къ сѣверу отъ Дуная. Въ интересахъ русской политики необходимо, чтобы миръ царствовалъ въ ближайшемъ будущемъ въ Европейской Турціи, между тѣмъ, какъ вѣнская политика стремится утилизировать дальнѣйшіе порядки, могущіе возникнуть въ этихъ провинціяхъ, для распространенія боснійской оккупаціи вплоть до Салоникъ.

Мы уже не разъ обращали вниманіе нашихъ читателей на поднятый теперь вопросъ объ отмѣнѣ статей Берлинскаго трактата, относящихся къ турецкимъ гарнизонамъ въ Балканахъ, причемъ указывали и на признаки нѣкоторой перемѣны въ направленіи политики Биконсфильда въ отношеніи Россіи. Весьма важный симптомъ такого поворота въ британской политикѣ можно видѣть и въ отъѣздѣ сэра Лэйарда изъ Константинополя, какъ говорятъ—для того, чтобы не возвращаться на свой постъ, который будетъ ввѣренъ другому лицу, менѣе благопріятствующему Портѣ. Увѣряютъ, будто британскій министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Сольсбери, написалъ Лэйарду письмо, исполненное упрековъ, между прочимъ въ томъ, что онъ своей политикой отвратилъ отъ Британіи симпатіи восточныхъ христіанъ. Странно! Не значитъ ли это укорять вѣрнаго слугу за точно выполненныя приказанія? Какъ бы то ни было, однако, „вѣрнаго слугу“, повидимому, отзываютъ, или по крайней мѣрѣ онъ уѣзжаетъ на неопредѣленное время. Вмѣстѣ съ тѣмъ, „Times“ печатаетъ одну сочувственную Россіи статью за другою... Къ намъ, на мѣсто явно недоброжелательнаго всему русскому, лорда Лофтуса, ѣдетъ членъ либеральной партіи, партіи виговъ, т. е. элемента менѣе враждебнаго для васъ въ Британіи, лордъ Дофферейнъ, съ самыми дружелюбными намѣреніями... Мы, конечно, съумѣемъ оцѣнить всю эту дружбу по достоинству.

Шашечная задача № 2.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и выиграютъ. Какими ходами?

Издатель **А. Ф. Марксъ**. Редакторъ **Ф. Бергъ**.

Дозволено цензурою СПБ. 1 Марта 1879 г. Тип. Веллинга Англ. пр. № 10.

№ 11 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн, рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40).

Выданъ 12 Марта 1879 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ пересы. 20 к.

Генрихъ Кипертъ.

Въ области науки землевѣденія и картографіи имя Киперта пользуется громадною, всемірною извѣстностью. Генрихъ Кипертъ родился въ Берлинѣ 31 іюля 1818 года и тамъ же получилъ университетское образованіе. Первыми трудами, давшими ему извѣстность, были: атласъ Греціи и греческихъ колоній, изданный имъ въ 1846 году, при содѣйствіи знаменитаго Риттера, его наставника и друга, и карта Палестины, приложенная къ путешествію по Святой Землѣ Робинзона и Смита. Въ это же время онъ занялся спеціально изученіемъ Малой Азіи, которое дополнилъ, посѣтивъ изучаемыя мѣстности и проведя здѣсь цѣлые два года (1841 и 1842). Какъ результатъ этаго путешествія появилась его знаменитая карта Малой Азіи, обратившая на себя вниманіе всего ученаго міра и до

Географъ Генрихъ Кипертъ. Рис. К. Кольбъ, грав. Михайловъ.

сихъ поръ не утратившая своего высокаго достоинства. Въ то же время было написано имъ историко-географическое объясненіе войнъ между восточной имперіей и персидскими царями династіи Сассанидовъ, удостоенное Парижскимъ институтомъ высшей награды. Въ 1846 году Кипертъ получилъ въ свое завѣдываніе техническія работы учениковъ Географической школы въ Веймарѣ и подъ его наблюденіемъ былъ изданъ цѣлый рядъ превосходныхъ картъ и атласовъ и между прочими: атласъ библейскій, стѣнная карта древней Греціи, историко-географическій атласъ древняго міра и карта окрестностей Рима. По возвращеніи въ 1852 году въ Берлинъ, Кипертъ былъ тотчасъ же сдѣланъ членомъ берлинской акамедіи наукъ а съ 1854 года началъ читать лекціи въ берлинскомъ университетѣ, сначала въ качествѣ приватнаго преподавателя, потомъ экстраординар-

наго и наконецъ ординарнаго профессора. Свою профессорскую дѣятельность онъ продолжалъ до 1865 года пока не былъ приглашенъ для занятія виднаго поста въ берлинскомъ статистическомъ бюро и для составленія оффиціальной карты Пруссіи. Среди этой трудной и кропотливой работы ученый географъ успѣвалъ еще издавать и другіе картографическіе труды, изъ которыхъ особенно замѣчательны: стѣнная карта древней Италіи, стѣнная карта римской имперіи, новый атласъ земной коры въ 40 листахъ; атласъ Средней Азіи для книги Риттера; множество отдѣльныхъ картъ разныхъ провинцій Турціи, Мексики и центральной Америки; карта Европы и спеціальная карта Германіи и 8 картъ для сочиненія Лепсіуса о памятникахъ Египта. Кромѣ того имъ самимъ или подъ его наблюденіемъ издано множество учебныхъ атласовъ и глобусовъ разной величины, которые употребляются до сихъ поръ не только во всей Германіи, но и у насъ въ Россіи. Среди такихъ многочисленныхъ картографическихъ изданій неутомимый Кипертъ еще помѣщаетъ много монографій по разнымъ географическимъ и историческимъ вопросамъ въ отчетахъ Берлинской Академіи и поддерживаетъ постоянныя сношенія со многими Академіями и географическими обществами, въ которыхъ онъ состоитъ или членомъ или корреспондентомъ. Труды его давнымъ давно извѣстны за предѣлами Германіи; его „Atlas antiquus" изданъ на всевозможныхъ европейскихъ языкахъ, а составленныя имъ карты Кавказа, Арменіи и Курдистана, Эльзаса и Лотарингіи не мало принесли пользы разнымъ стратегическимъ и политическимъ планамъ. Такъ еще въ недавнее время, приступая къ оккупаціи Босніи и Герцеговины, Австрійцы пользовались картами Киперта, иногда болѣе довѣряя точному и добросовѣстному ученому чѣмъ работамъ своего собственнаго штаба.

Денница.

Луна—опальная съ дворомъ съ своимъ царица
Идетъ изъ терема прохладою дохнуть...
Но вотъ—бѣжитъ Разсвѣтъ, царю готовя путь—
Царица дрогнула... лишь свѣтлая Денница,
Царевна юная, краса-отроковица
Средь звѣздъ блѣднѣющихъ не меркнешь ты предъ нимъ...
Что грозный царь тебѣ?... Отвергнутая имъ
Царица скорбная пусть ждетъ минуты сладкой
Супруга издали увидѣть хоть украдкой
И скрыться въ теремѣ, опять къ слезамъ своимъ...
Но ты—о чистая! тебѣ какое дѣло!
Свѣтясь веселіемъ безпечныхъ дѣтскихъ лѣтъ,
Идешь за матерью опальною во слѣдъ,
На грознаго отца оглядываясь смѣло...

Ап. Майковъ.

Очерки и разсказы.

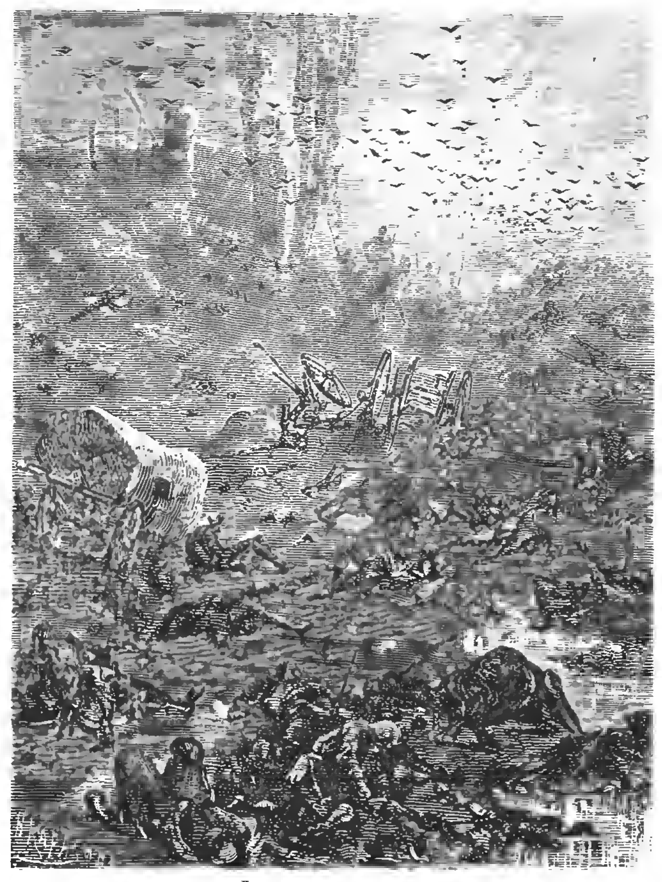
Вс. В. Крестовскаго иллюстрир. **Н. Н. Каразинымъ.**

X.

Отъ Балканъ до Адріанополя.

Дорога крови и смерти.—Небывалое побоище.—Жидовскій гешефтъ.—Германлы.—Гвардейскія войска въ Адріанополѣ.—Пріѣздъ Великаго Князя.—Встрѣча.—Адріанопольскій конакъ.

Утромъ 12-го января нашъ отрядъ выступилъ изъ Хаскіоя въ мѣстечко Германлы. Дорога между этими двумя пунктами, на протяженіи 35-ти верстъ была полна невыразимыхъ ужасовъ: она вся покрыта трупами людей и животныхъ, поломанными возами, разметанными пожитками, домашнею рухлядью и съѣстными припасами. Масса женскихъ и дѣтскихъ труповъ, между которыми узнаешь и болгаръ и турокъ. И устилаютъ они дорогу въ столь близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи, что зачастую нашимъ лошадямъ невозможно было лавировать между ними, выискивая свободное мѣстечко для прохода—и конское копыто поневолѣ наступаетъ на что-то рыхлое, склизкое... Лучше и не глядѣть подъ ноги! А каково же тутъ идти пѣхотѣ!.. По сторонамъ дороги—тоже самое. Вездѣ и повсюду—полверсты направо, полверсты налѣво—непрерывнымъ рядомъ тянутся эти слѣды крови, смерти и разрушенія. Всю дорогу мы, всѣ до послѣдняго, испытывали чувство тошноты и омерзѣнія, такъ что въ этотъ день, когда пришли наконецъ въ Германлы, никто изъ насъ почти и не дотронулся до пищи—противно было.

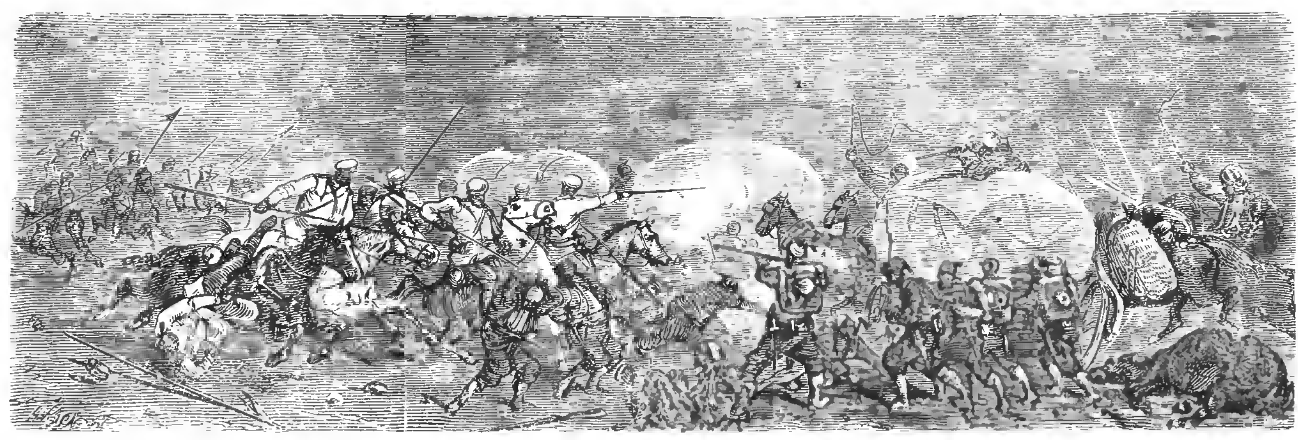
Дорога крови и смерти.

Здѣсь происходило великое, одно изъ единственнѣйшихъ въ человѣческой исторіи, междоусобное побоище, къ довершенію котораго способствовалъ рѣдкій въ этихъ странахъ лютый морозъ. Вотъ какъ было это дѣло:

Когда авангардъ главныхъ силъ нашей арміи, подъ начальствомъ Скобелева 2-го, занялъ Германлы, къ нему пришло изъ главной квартиры извѣстіе, что часть арміи Сулеймана-паши идетъ на Хаскіой. Одновременно съ этимъ извѣстіемъ, въ ночь съ 7-го на 8-е января, генералу Скобелеву донесли его передовые разъѣзды, что по шоссе отъ Хаскіоя тянутся какіе-то громадные обозы, подъ головнымъ прикрытіемъ нѣсколькихъ таборовъ пѣхоты изъ разбитой генераломъ Гурко арміи Сулеймана. Желая развѣдать, что это такое, Скобелевъ на встрѣчу имъ послалъ полковника Панютина съ Угличскимъ полкомъ, 11-мъ стрѣлковымъ батальономъ, двумя орудіями и двумя сотнями казаковъ, приказавъ этому отряду произвести усиленную рекогносцировку по направленію къ деревнѣ Деврали, лежащей на шоссе, въ полпути между Хаскіоемъ и Германлы, и—если окажется возможнымъ—то разбить войска и скопища вооруженныхъ жителей. Отрядъ выступилъ въ указанномъ ему направленіи, какъ вдругъ, на одномъ изъ подъемовъ, при довольно крутомъ поворотѣ дороги, изъ-за гребня холма раздался ружейный выстрѣлъ, который былъ на столько случайно удаченъ, что пуля,

просвиставъ мимо казаковъ, освѣщавшихъ впереди мѣстность, повалила угличскаго унтеръ-офицера, шедшаго въ авангардѣ. Вслѣдъ за этимъ начальнымъ выстрѣломъ, турки открыли огонь по нашему авангарду, остановившемуся на минуту, въ недоумѣніи—что это значитъ? Тутъ полковникъ Папютинъ направилъ два угличскіе батальона на высоты влѣво а 11-й стрѣлковый батальонъ по долинѣ вправо отъ шоссе; орудія стали прямо на дорогѣ, казаки разбились по сотнѣ на оба фланга—и перестрѣлка завязалась. Турки, подвергаясь съ фронта артиллерійскому огню, были очень удачно атакованы съ обоихъ своихъ фланговъ и побѣжали. Между тѣмъ обозы, шедшіе подъ ихъ прикрытіемъ, въ количествѣ слишкомъ двадцати тысячъ повозокъ и растянувшіеся по всей дорогѣ болѣе чѣмъ на 20 верстъ, хотя и слѣдовали въ двѣ а мѣстами и въ три повозки рядомъ. Обозы эти, съ началомъ дѣла пришли въ крайнее замѣшательство, причемъ переднія повозки, подъ дѣйствіемъ гранатнаго огня, поспѣшно повернули назадъ, увлекая за собою послѣдующія; тогда какъ заднія, ничего еще не зная о случившемся, продолжали идти впередъ, и такимъ образомъ между тѣми и другими произошло столкновеніе. Напирали съ обѣихъ сторонъ—одни отъ невѣдѣнія, другіе—стараясь поскорѣе выбраться изъ-подъ выстрѣловъ. Вслѣдствіе этого произошла, что называется, каша. Повозки сталкивались, трещали, ломались, опрокидывались и вообще загромоздили дорогу, такъ что ни взадъ, ни впередъ нельзя уже было двинуться. Общая паника увеличила это смятеніе и довела его до крайнихъ предѣловъ. Аскеры и вооруженные жители, бывшіе впереди, побросавъ свои повозки, толпами повалили назадъ, на встрѣчу другимъ толпамъ, гдѣ пробираться въ общей кашѣ было крайне трудно и тогда они, обезумѣвъ отъ страха, пустились пролагать себѣ дорогу оружіемъ и сворачивать въ канавы громоздкія повозки, нагруженныя дѣтьми и женщинами; мужья, отцы и братья этихъ послѣднихъ стали защищаться—раздались выстрѣлы уже срѣди обоза—и пошла жестокая взаимная перепалка между своими. Къ этому присоединился и грабежъ аскеровъ, черкесовъ и баши-бузуковъ, тоже слѣдовавшихъ съ обозомъ. Надо сказать, еще, что при обозѣ находилось до трехъ тысячъ болгаръ, изъ коихъ большая часть возвращалась домой, въ Филиппопольскій округъ изъ Адріанополя, куда ихъ сгоняли для земляныхъ работъ надъ укрѣпленіями. Аскеры, конвоировавшіе обозъ, встрѣчая на пути болгарскія партіи, задерживали ихъ и вели съ собою назадъ, къ Адріанополю, руководствуясь въ этомъ случаѣ приказаніемъ Сулеймана-паши, отданнымъ на основаніи приказа Порты о сформированіи новой арміи „защитниковъ отечества“, безъ различія національности и вѣроисповѣданія. Многимъ изъ этихъ болгаръ успѣли уже въ самомъ обозѣ раздать оружіе и нѣкоторая часть ихъ, около сотни, при самомъ началѣ дѣла, открыто перебѣжала на нашу сторону, пристроясь къ стрѣлковому батальону, а остальные, когда между турками пошла взаимная рѣзня и перепалка, кинулись гвоздить ихъ прикладами, кирками, мотыгами, лопатами, топорами и подколѣнными ножами. Эти орудія наносили ужасныя, зіяющія раны. Побоище, на протяженіи всей дороги длилось нѣсколько часовъ сряду, подъ покровомъ вечерней тьмы, что еще болѣе усиливало панику, и во время его было совершено не мало вопіющихъ звѣрствъ. Если турки, за всѣ ихъ злодѣянія, были достойны кары Божьей, то она разразилась надъ ними именно здѣсь, на этой ужасной дорогѣ крови, смерти и разрушенія.

Во время нашего слѣдованія по этому пути, по сторонамъ его бродили цѣлыя стада разныхъ домашнихъ животныхъ: буйволовъ, быковъ, воловъ, коровъ, муловъ, осликовъ, козъ и барановъ; большая часть этого скота уже передохла отъ голода и мороза, который свирѣпствовалъ тутъ нѣсколько дней тому назадъ до такой степени, что жертвами его въ двѣ-три ночи стали массы бѣглецовъ, кромѣ тѣхъ, что пали жертвами междоусобнаго побоища. 12-го января сдѣлалась вдругъ оттепель—и всѣ эти трупы оттаяли. По краямъ шоссе проведены канавки, точно также наполненныя трупами, между которыми, журча, быстро пробираются ручьи, спадающіе въ рѣчки. Уцѣлѣвшій скотъ припадаетъ къ нимъ, чтобы утолить жажду, или уныло пощипываетъ сухую травку, выглядывающую изъ-подъ снѣга. Нашелся однако охотникъ поживиться и этою скотинкой! Настигаемъ мы по дорогѣ гуртъ, который гонятъ съ хворостинами въ рукахъ три-четыре солдата 10-го стрѣлковаго батальона.

Нападеніе на турецкій обозъ

— Что это за гуртъ вы гоните? спросилъ одинъ изъ старшихъ офицеровъ.

— Батальонный, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ одинъ изъ солдатиковъ.

— Да неужтожъ у васъ въ батальонѣ столько скота? Тутъ и на дивизію хватитъ!

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, тутъ батальоннаго скота самая малость—двѣнадцать головъ всего, а все прочее—это, значитъ, кампанскій.

— Какой такой кампанскій?

— А вонъ, изволите видѣть, агентъ рыщетъ по полю—это все евойный.

Мы обратили взглядъ въ томъ направленіи, куда указывалъ солдатъ и увидѣли, что по полю, на поджаромъ конькѣ, дѣйствительно рыщетъ ловчинскій „гасшпидинъ агентъ“ знаменитой компаніи Грегера, съ нагайкой въ рукахъ, и загоняетъ въ свой гуртъ наиболѣе надежную скотину.

— Онъ намъ приказалъ гнать, ваше высокоблагородіе, продолжалъ солдатикъ:—сказываетъ, быдто отъ начальства приказано. Вамъ, говоритъ, все равно гнать-то, за одно уже, что мой, что батальонный, а я вамъ, говоритъ, за то по храпку на брата дамъ.

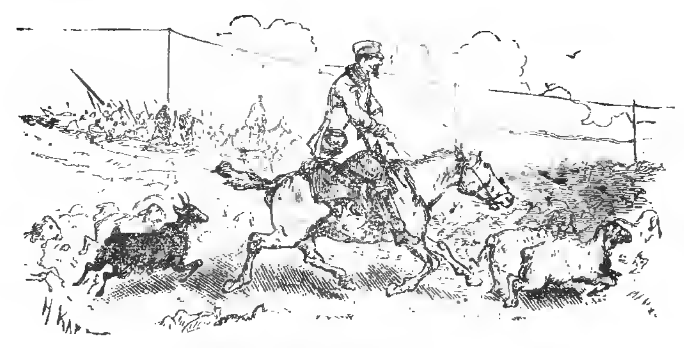
— Да куда же онъ гонитъ такую гибель? спросилъ я.

— Сказываетъ, въ Адринополь на поставку. Одна-

Крестины. Картина М. Кеммерера, грав. М. Валети.

че-жь онъ ево и въ вольныя руки сбываетъ: утресь, этта, какъ изъ городу выходить, такъ онъ грекамъ тамъ, что-ли, аль другимъ какимъ, восемь штукъ продалъ; съ кого по желтицѣ взялъ, а съ кого и по двѣ. Не дурной „гешефтъ" выдумалъ!

Еврей догоняющій турецкія стада.

Германлы—небольшое мѣстечко, прислонившееся къ горѣ такимъ образомъ, что среди холмовъ, окружающихъ его и съ запада и съ юга, замѣтишь строенія не раньше, какъ подойдешь къ мѣстечку версты на двѣ, если еще не ближе. Холмы, лежащіе по направленію къ дорогамъ Хаскіойской и Адріанопольской, были изрыты ложементами и траншеями, устроенными здѣсь генераломъ Струковымъ, при первоначальномъ занятіи этого мѣстечка, въ ожиданіи встрѣчи съ отступающими отъ Филиппополя войсками Сулеймана, или съ возможностію какого либо наступленія отъ Адріанополя. Укрѣпленія эти занимали довольно значительное пространство на вершинахъ, и надо сказать, что устроены они были съ замѣчательною быстротою, ночью, въ пять—шесть часовъ времени.

Въ мѣстечкѣ существуютъ развалины какой-то очень древней постройки изъ мрамора, вѣроятно, дворца или храма. Въ этихъ развалинахъ замѣчательны окна изъ сплошныхъ мраморныхъ плитъ, по которымъ очень красиво разбѣгаются прорѣзныя насквозь узорчатыя арабески, сквозь которыя и проникаетъ свѣтъ во внутренность зданія. Почти рядомъ съ этими развалинами стоитъ древняя, красивая, уютныхъ размѣровъ мечеть, въ мавританскомъ стилѣ, съ открытыми галлереями, фонтанами и намогильными памятниками.

Самое мѣстечко очень бѣдно постройками, ничтожно по своей промышленной дѣятельности, а въ настоящее время оно отвратительно, благодаря массамъ всякой падали, валяющейся и въ огородахъ, и во дворахъ, и на улицахъ. Въ болгарскомъ населеніи замѣтны были какъ бы нѣкоторая пугливость и недоумѣніе,—оно какъ будто не сообразило и не рѣшило еще кого и чего ему держаться—турокъ ли, русскихъ ли—и что будетъ, если турки вдругъ возвратятся?!.

Подъ вечеръ въ Германлы пріѣхали генералы Гурко и Скобелевъ 1-й съ подполковникамъ Сухомлиновымъ и тутъ мы впервые узнали подробности о кавалерійскомъ дѣлѣ 5-го января, гдѣ нашъ 30-й казачій полкъ отбилъ 40 орудій у отступавшей арміи Сулеймана.

Ночлегъ въ Германлы памятенъ намъ еще и потому, что у насъ пропали сводные батальоны 11-го и 12-го пѣхотныхъ полковъ, подъ начальствомъ маіора Федотова, входившіе въ составъ нашего отряда. Произошло это потому, что въ дѣйствительности не оказалось тѣхъ мѣстъ ночлега, какія были имъ назначены по картѣ, такъ какъ селеній такихъ наименованій вовсе не существуетъ. И въ этомъ повинна не одна наша русская карта, но и карты австрійскаго генеральнаго штаба, и даже Каница. Чтобъ отыскать потерявшіеся батальоны, пришлось разослать казачьи разъѣзды, которые и открыли ихъ, уже на другія сутки, въ такихъ селеніяхъ, какія вовсе не обозначены на картахъ.

13-го января утромъ нашъ отрядъ выступилъ изъ Германлы по дорогѣ на городъ Мустафа-паша – мѣсто послѣдняго нашего ночлега предъ Адріанополемъ. Шоссе съ двумя рядами телеграфныхъ столбовъ все время идетъ почти параллельно желѣзной дорогѣ. Въ воздухѣ носятся стаи воронъ, отовсюду слетающихся къ мѣстностямъ, покрытымъ трупами; бездомныя, одичалыя собаки понуро пробираются сторонкой по полямъ туда же. Не скоро дождаться имъ вновь такого изобильнаго пира, да и спасибо имъ за это, такъ какъ доселѣ они являются единственными нашими дезинфекторами. Общій видъ долины Марицы очень напоминаетъ наши западно-русскіе виды, какихъ не мало можно встрѣтить мѣстами въ Гродненской губерніи. Мѣстное же болгарское населеніе по характеру своихъ костюмовъ очень приближается къ туркамъ; многіе мужчины носятъ даже черную или темносинюю чалму вмѣсто бараньей шапки. Намъ попадалось на встрѣчу много болгаръ, возвращавшихся цѣлыми партіями съ земляныхъ работъ, на которыя ихъ насильно сгоняли изъ Софійскаго, Филиппопольскаго, Сливненскаго и другихъ забалканскихъ округовъ для возведенія укрѣпленій вокругъ Адріанополя и на оборонительной константинопольской линіи между озеромъ Деркосъ и мѣстечкомъ Буюкъ-Чекменджи. Много шло по дорогѣ и турокъ, которые относились къ намъ съ полною довѣрчивостью, очевидно, зная, что мы имъ ничего дурнаго не сдѣлаемъ. Но въ тоже время эти самые турки не упускали случая продѣлывать разныя жестокости надъ встрѣчными болгарами, которые въ свой чередъ платили имъ тѣмъ же. По обѣимъ сторонамъ нашего пути виднѣлись вдали дымы пожаровъ болгарскихъ и турецкихъ селеній и поминутно, то тамъ то сямъ, раздавались ружейные выстрѣлы: турки охотились на болгаръ, болгары на турокъ, а между тѣмъ шальныя пули нерѣдко свистали и между рядами нашей колонны, но къ счастію, все обошлось благополучно, никто у насъ небылъ ни убитъ, ни раненъ,—одну только лошадь, какъ слышно, слегка задѣло за ухо. Въ нынѣшній переходъ дорога производила на насъ уже менѣе отвратительное впечатлѣніе: труповъ людскихъ нѣсколько поубавилось на ней да и чувство уже притупляется... Все же здѣсь явилась возможность выбрать для привала мѣсто не среди труповъ и мы стали при дорогѣ, пройдя лежащее на половинѣ перехода селеніе Эбндже, гдѣ сошлись съ 1-ю бригадою 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, шедшею въ авангардѣ гвардіи по одной дорогѣ съ нашимъ отрядомъ. Командиръ этой бригады Его Высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій нѣкоторое время слѣдовалъ вмѣстѣ съ генераломъ Карцевымъ, а на привалѣ прислалъ офицера съ извѣщеніемъ, что къ нему сейчасъ прибѣжали болгары, умоляя защитить ихъ, такъ какъ турки и черкесы творятъ въ сосѣднихъ селеніяхъ разныя жестокости. Генералъ Карцевъ сейчасъ же направилъ туда полусотню казаковъ съ хорунжимъ Грошевымъ (сыномъ войсковаго старшины Грошева), и спустя часъ, полный порядокъ въ этихъ селеніяхъ былъ уже водворенъ, шайки грабителей прогнаны и разсѣяны. Поднявшись съ привала, мы вскорѣ вступили въ равнину, наполненную перелѣсками молодаго дубняка и бука, среди которыхъ проходитъ желѣзная дорога. Здѣсь обогналъ насъ поѣздъ, увозившій впередъ генерала Гурко. Преображенскіе солдаты, шедшіе вмѣстѣ съ нами, даже обрадовались, впервые услыша „въ Туреччинѣ" грохотъ поѣзда и свистъ локомотива. По рядамъ пошли восклицанія, смѣхъ и веселый говоръ.

— Ишь ты, братцы, и чугунка вдругъ явилась! Совсѣмъ, какъ у насъ въ Рассеѣ... Да и мѣста-то тутъ на наши русскія похожи.

— И есть въ Рассеѣ! Потому эту самую чугунку Рассея взяла! Теперь она наша!.. Заслужили!

Знакомые, но давно не слышанные звуки, сопровождающіе движеніе поѣзда, видимо оживили и развесели-

ли весь отрядъ; въ какой-то ротѣ пѣсельники грянули даже бойкую плясовую пѣсню—и общій шагъ колонны сдѣлался бойче, размашистѣе.

Мустафа-паша прячется весь въ садахъ и присутствіе города узнается издали лишь по нѣсколькимъ минаретамъ, которые высятся наряду со множествомъ стройныхъ пирамидальныхъ тополей. Не доходя города, на протяженіи трехъ-четырехъ верстъ, по обѣимъ сторонамъ дороги раскинуты богатыя тутовыя плантаціи. Низенькія деревья всѣ коротко подстрижены и разсажены длинными правильными рядами, словно бы въ грядкахъ. Ихъ ежегодно подстригаютъ затѣмъ, чтобы ростъ дерева шелъ не въ стволъ, а въ вѣтви, чрезъ что доставляется большее количество корма шелковичнымъ червямъ, и потому видъ обнаженныхъ пока деревцовъ напоминаетъ болѣе наши лозняки, чѣмъ привольно ростущія у насъ на югѣ шелковицы. Среди этихъ плантацій мы нагнали громадный обозъ турецкихъ эмигрантовъ изъ Систова, Ловчи и прочихъ городовъ и селъ придунайской болгаріи. На вопросъ—куда и зачѣмъ они идутъ?—старшины ихъ отвѣчали, что и сами не знаютъ куда, но идутъ впередъ, потому что такъ приказано начальствомъ, что ихъ теперь гонятъ на югъ даже насильно.

Въ городъ ведетъ большой каменный мостъ черезъ Марицу и это, кажись, единственная достопримѣчательность Мустафа-паши, грязнаго и бѣднаго, какъ и всѣ вообще турецкіе городишки. Здѣсь, на желѣзно-дорожной станціи, Преображенскій полкъ посадили на поѣздъ и отправили въ Адріанополь. Нашъ отрядъ, пройдя часть города, расположился во дворахъ предмѣстія, гдѣ и для насъ былъ отведенъ ночлегъ въ зажиточномъ болгарскомъ домѣ, съ широкими стеклянными галлереями, на самомъ берегу Марицы, струи который омываютъ стѣны каменнаго забора этого дома.

14-го января, въ семь часовъ утра, мы выступили на Адріанополь. Утро было туманное, сиверкое; шелъ не то мелкій дождикъ, не то изморозь моросила. Дорога, хотя и покрытая грязью, все же была несравненно чище, чѣмъ та, по которой мы шли отъ Іени-Магале до Мустафа-паши: на ней менѣе валялось брошеннаго тряпья и рухляди, да и человѣческихъ труповъ попалось не болѣе тридцати—преимущественно женскихъ, погибшихъ отъ мороза или отъ тифа; изъ мужчинъ же валялись только убитые да зарѣзанные болгары.

Начиная отъ Іени-Магале, нашъ отрядъ совершалъ свое движеніе одновременно съ 1-ю бригадою 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, съ которою поэтому намъ ежедневно приходилось встрѣчаться то на привалахъ, то на ночлегахъ. На этотъ разъ мы стали на привалъ тоже по сосѣдству, близь одного высокаго древняго кургана, на вершинѣ котораго мы нашли много маленькихъ очень красивыхъ раковинъ.

— Который это батальонъ? спросилъ я знакомыхъ семеновскихъ офицеровъ, указавъ на часть Семеновскаго полка, ставшую на склонѣ ближайшаго пригорка.

— Какъ батальонъ? возразили мнѣ:—тутъ у насъ весь полкъ на лицо; остальное все бредетъ сзади, по всей дорогѣ отъ Филиппополя. Если бы три-четыре дня отдыха—успѣли бы подтянуться, а безъ того и сами не знаемъ, когда все это соберется...

Дѣйствительно, на долю гвардейскихъ войскъ, въ особенности пѣхоты, въ нынѣшнюю войну выпали страшные труды и лишенія. Послѣ продолжительныхъ балканскихъ бивуаковъ при Арабъ-конакѣ, пѣхота эта до самаго Адріанополя, въ самую тяжкую пору года шла усиленными маршами, почти безъ дневокъ, безъ обозовъ, безъ всякихъ эвакуаціоныхъ госпитальныхъ средствъ. Что дѣлать!—Необходимо было жертвовать всѣмъ ради быстроты, съ которою соединялось достиженіе главнѣйшихъ цѣлей и плановъ всей кампаніи. Пообносилась и пообтрепалась гвардія страшно,—не менѣе, если даже не больше, чѣмъ армія. Множество людей шло безъ сапогъ, обернувъ ноги въ палатки, въ опанки, въ постолы, въ бараньи или бычачьи шкуры, либо въ какое нибудь тряпье изъ валявшейся при дорогѣ турецкой рухляди; шинели на людяхъ были въ дырьяхъ, вслѣдствіе прожоговъ на почевкахъ, или отъ соприкосновенія съ терновыми иглами—при движеніяхъ во время боя чрезъ поля, поросшія терномъ; а что до головныхъ уборовъ, то тутъ рядомъ съ истрепанными форменными фуражками, были турецкія фески и болгарскія смушковыя шапки, и черкескія папахи, и шапочки изъ верблюжьяго сукна, выкроенные въ родѣ гарибальдіекъ, и шерстяные платки, обмотанные въ видѣ чалмы или надѣтые по бабьи. Лица людей носили слѣды физическаго изнуренія; ихъ, что называется, подвело и сильно подтянуло. Края придорожныхъ канавокъ были унизаны отсталыми, заболѣвшими или свалившимися отъ изнуренія; одни изъ нихъ подлаживали на себя размотавшуюся обувь, другіе отдыхали, тяжело дыша и провожая мутнымъ взглядомъ проходящія части, третьи стонали и дрожали въ лихорадочномъ ознобѣ, четвертые спали тяжелымъ, мертвымъ сномъ. Не разъ можно было видѣть, какъ идетъ человѣкъ, шатаясь отъ усталости, словно пьяный, но все еще старается крѣпиться, чувствуя, что бодрость и силы все болѣе и болѣе оставляютъ его; глаза смотрятъ какъ-то безсмысленно, тяжелѣющія вѣки слипаются, шагъ становится вялѣе, медлительнѣе... Нѣтъ силъ бороться съ искушеніемъ сна, къ которому неодолимо влечетъ физическая потребность и вотъ отбивается несчастный отъ рядовъ, отходитъ къ канавкѣ, падаетъ въ изнеможеніи на мокрую грязную землю и въ то же мгновеніе засыпаетъ, какъ убитый. Но тѣмъ не менѣе, достаточно было взглянуть въ совокупности на любую роту, на любой взводъ, чтобы убѣдиться, что духъ этихъ людей не сломятъ никакіе труды, лишенія и невзгоды. Гвардейскій солдатъ въ своихъ почтенныхъ лохмотьяхъ былъ тотъ же, что и въ блестящемъ мундирѣ на великолѣпныхъ парадахъ мирнаго времени. Теперь только въ немъ ясно сказывалось сознаніе, что эти лохмотья суть результатъ его геройскаго поведенія въ теченіе всей кампаніи, едва ли не труднѣйшей изъ войнъ новѣйшаго періода исторіи.

— Эхъ, вы!.. Воинство! Словно калики-перехожіе! подбодряетъ какой-то ундеръ свое размотавшееся на счетъ обуви капральство.

— Что-жь что калики? Это ничего! лишь бы опять поскорѣй до *его* добраться! отвѣчаютъ солдаты, подразумѣвая подъ словомъ *его*—непріятеля.—Коли нужно, и босикомъ пойдемъ! Это безъ сумленія!

Вотъ позади одного изъ Семеновскихъ батальоновъ усталый барабанщикъ присѣлъ по дамски на маленькаго ослика и ѣдетъ-себѣ, посасывая трубочку-носогрѣйку а рядомъ бравый, высокій дѣтина, въ опанкахъ и красной фескѣ (своя-то фуражка, надо быть, служить отказалась), заложивъ ружье за спину, гонитъ хворостиной штуки двѣ-три порціонныхъ воловъ и нѣсколькихъ барановъ.

— А что, братцы, кабы васъ въ эдакомъ-то видѣ на Гороховой питерскіе повстрѣчали? ласково шутитъ мимоходомъ одинъ изъ офицеровъ.

Солдаты оглядываютъ свои опанки, ослика, хворостину и добродушно смѣются.

— Любопытно было бы, ваше благородіе.

Вотъ попадаются на встрѣчу „братушки“, между которыми большинство составляютъ босоногія женщины и дѣти въ самомъ жалкомъ, нищенскомъ видѣ. Это все возвращающіеся назадъ лѣтніе бѣглецы изъ Казанлыкскаго, Эскизагрскаго и Карловскаго округовъ.

— Гей, тетки! Чàкай!.. Зимай по галаганчику!.. Подѣлитесь промежъ себя, Христа ради.

И тѣ же самые безсапожные солдаты братски надѣляютъ бѣглецовъ своими мѣдными копѣйками.

Вотъ проходитъ одна изъ батарей 1-й гвардейской артиллерійской бригады. На одномъ изъ лафетовъ сидитъ дѣвочка лѣтъ пяти, закутанная въ одѣяло, которое очень заботливо поправляетъ около нея идущій рядомъ солдатъ.

— Гдѣ Богъ послалъ вамъ? спрашиваютъ его.

— Анадысь на шасе (шоссе) подобрали, ваше благородіе... Турецкое, значитъ, дитё... Помирала совсѣмъ— одначе вотъ ничего, выходили.

— Стало быть, батарейная дочка будетъ?

— Такъ точно, ваше благородіе! весело осклабляется солдатикъ:—въ Питеръ вернемся—въ пріютъ отдадимъ, а потомъ, дастъ Богъ, замужъ выдадимъ.

Мы вступили въ Адріанополь въ двѣнадцатомъ часу дня, когда улицы были уже переполнены народомъ, въ ожиданіи прибытія Великаго Князя Главнокомандующаго и помѣстились въ отведенномъ намъ домѣ нѣкоего Хаджи-Шари-бея, домѣ, которымъ, за отсутствіемъ хозяина завѣдывалъ грекъ Алеко-Алекилярось, говорившій довольно порядочно по французски. Этотъ Алекилярось между прочимъ разсказалъ намъ, что 7-го января было сообщено по телеграфу изъ Порты въ Адріанополь, чтобы всѣмъ гражданскимъ и военнымъ управленіямъ, забравъ что можно изъ дѣлъ, военныхъ запасовъ и оружія, немедленно поспѣшить въ Стамбулъ а городъ оставить русскимъ. Вслѣдствіе этого бѣжало все, что лишь могло или успѣло. Но въ силу самаго послѣдняго, такъ сказать, прощальнаго распоряженія адріанопольскихъ властей, въ городѣ было оставлено пятьсотъ молодыхъ охотниковъ изъ черкесовъ и разнаго турецкаго бездомнаго сброда, которые должны были, при первомъ извѣстіи о приближеніи русскихъ къ окрестностямъ Адріанополя, зажечь городъ и, насколько успѣютъ, перерѣзать христіанскихъ жителей, безъ различія народностей. Спасло христіанъ только внезапное появленіе кавалеріи генерала Струкова, 8-го января, послѣ полудня, вслѣдствіе чего оставленныя пять сотень охотниковъ тотчасъ же удрали. Но въ городѣ все же осталось еще достаточное число разныхъ бродягъ, бѣглыхъ и разсѣявшихся солдатъ изъ разныхъ отрядовъ и баши-бузуковъ, которые бродятъ по окрестностямъ да по городскимъ базарамъ, прося милостыню, а гдѣ можно, то и поворовываютъ, не прочь, конечно, при удобномъ случаѣ и пограбить. Оттого-то христіанское населеніе и радо такъ приходу русскихъ, въ надеждѣ, что русскіе водворятъ у нихъ порядокъ, обезпечатъ жизнь и имущество. За невозможностію вывезти массы оружія и снарядовъ, сложенныхъ въ арсеналѣ стараго сераля, одного изъ старѣйшихъ и монументальныхъ зданій Адріанополя, турецкія власти, предъ выѣздомъ своимъ изъ города, взорвали сераль на воздухъ. Орудія тоже не всѣ успѣли они увезти съ собою: шесть осадныхъ пушекъ и цѣлый понтонный паркъ остались на желѣзнодорожной станціи, 27 армстронговыхъ орудій затоплено въ Марицѣ и изъ нихъ четыре орудія уже вытащены нашими солдатами.

Всѣ эти подробности узнали мы отъ нашего Алекиляроса, который, какъ и всѣ греки вообще, удивительно падокъ на всякія новости, умѣетъ узнать и пронюхать все что угодно и изображаетъ собою какое-то ходячее всевѣдѣніе.

Въ ожиданіи пріѣзда Великаго Князя мы переодѣлись и верхами отправились на станцію желѣзной дороги, которая расположена верстахъ въ четырехъ за городомъ. Здѣсь былъ выставленъ почетный караулъ отъ Преображенскаго полка. Глядимъ и просто глазамъ не вѣримъ: тѣ ли это солдаты?—Дѣйствительно, къ удивленію нашему, молодецкая рота предстала не только въ бодромъ, но относительно говоря даже въ щеголеватомъ видѣ. Вотъ что значитъ одни лишь сутки отдыха! Люди пообчистились, помылись, побрились а главное выспались въ мѣру. Говорятъ, будто солдатики, предназначенные въ почетный караулъ, снарядилися сами, позаимствовавшись товарищъ отъ товарища, кто сапогами, кто шинелью, кто форменной фуражкой, кое-чѣмъ изъ аммуниціи—и вышло ничего себѣ, все какъ слѣдуетъ, по формѣ, словно бы вчерашнихъ „каликъ перехожихъ" (какъ сами они себя въ шутку окрестили), и во вѣки не бывало! До прихода поѣзда еще оставалось около часу времени, которымъ мы и воспользовались для обозрѣнія ближайшей окрестности. Вокругъ станціи, какъ и вездѣ въ мірѣ, возникъ маленькій барачный городокъ: гостинницы, таверны, лавченки. Одна изъ послѣднихъ, около которой стояла порядочная кучка мужчинъ въ европейскихъ костюмахъ и красныхъ фескахъ, остановила на себѣ болѣе прочихъ наше вниманіе. На ея открытомъ прилавкѣ было выставлено до полудюжины мѣдныхъ тумбочекъ, имѣвшихъ видъ усѣченныхъ конусовъ. Господа, стоявшіе у прилавка подавали хозяину свои фески, а тотъ напяливалъ ихъ на тумбочки и покрывалъ мѣдными же кострюльками, форма и размѣры которыхъ соотвѣтствовали тумбочкамъ. Кострюльки предъ этою операціей нагрѣвались на особой раскаленной чугунной плитѣ, и чуть лишь феска, напяленная на тумбочку, покрывалась кострюлькой, изъ-подъ послѣдней начиналъ куриться паръ, а черезъ минуту владѣлецъ фески получалъ свой выпаренный и выглаженный головной уборъ въ совершенно свѣжемъ, обновленномъ видѣ, и все это удовольствіе стоило не болѣе одного піастра ($5^1/_2$ коп.). Оказалось, что всѣ эти господа, служащіе при желѣзной дорогѣ, и прихорашиваются для встрѣчи Великаго Князя. Впослѣдствіи не мало подобныхъ же лавченокъ встрѣчали мы и въ самомъ городѣ, гдѣ около нихъ постоянно торчатъ кучки мужчинъ, въ ожиданіи обновленія своихъ фесокъ. Здѣсь же, не по далеку отъ вокзала увидѣли мы и орудія, и понтонный паркъ, о которыхъ повѣдалъ намъ Алеко Асекилярось. Дѣйствительно орудія замѣчательныя и совсѣмъ новенькія, англійской работы и очень изящной отдѣлки; жаль только, что безъ затворовъ, которые увезены въ Константинополь. Тутъ же брошено множество разнаряженныхъ орудійныхъ передковъ и полевыхъ лафетовъ, тоже совершенно новенькихъ, какъ съ иголочки, если можно такъ выразиться. Самыя же пушки и снаряды увезены адріанопольскими властями. Въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ станціонныхъ зданій въ открытомъ полѣ возвышается шестисторонній редутъ. Что за великолѣпная постройка!.. Это цѣлый фортъ, на 12 орудій, съ трехъ-ярусною обороной, съ каменною обшивкой эскарпа, съ отличными траверсами и блиндированными помѣщеніями для гарнизона и все это такъ хорошо приспособлено одно къ другому, такъ соображено съ условіями мѣстности, такъ прочно построено и даже изящно отдѣлано (просто, хоть на выставку!), что этотъ редутъ нельзя не признать изящнѣйшимъ образцомъ сооруженій такого рода. И это укрѣпленіе, какъ и всѣ прочіе—сказываютъ—было насыпано болгарскими руками,—разумѣется изъ-подъ неволи, по принужденію —только теперь, за нѣсколько дней до нашего прихода. Нельзя не отдать туркамъ полную справедливость въ отличномъ и толковомъ умѣніи возводить полевыя фортификаціонныя постройки и хорошо, что они покинули ихъ безъ обороны, а то, вѣроятно, много и много пришлось бы намъ еще потрудиться надъ этими фортами.

Во второмъ часу по полудни подошелъ къ станціи Великокняжескій поѣздъ, и Его Высочество, выйдя изъ вагона, направился къ ротѣ почетнаго караула. Можно было замѣтить, что бодрый молодецкій видъ людей даже пріятно удивилъ Главнокомандующаго, который къ тому же, давно не видѣлъ гвардіи, ушедшей въ забалканскій походъ вскорѣ послѣ взятія Телиша.

— Спасибо, преображенцы! Вы дошли до Адріанополя, какъ словно на парадъ! весело привѣтствовалъ ихъ Великій Князь и, отпустивъ почетный караулъ, напра-

Вакханка. Статуя К. Дауша. Съ фотогр. грав. Бренд'Амуръ.

вился верхомъ къ городу. Мы примкнули къ свитѣ вмѣстѣ съ офицерами лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Величества и Гродненскаго гусарскаго полковъ, тоже выѣхавшихъ верхами для встрѣчи Главнокомандующаго, у котораго такимъ образомъ составилась огромная свита. Шоссейная дорога шла мимо обширныхъ тутовыхъ плантацій и садовъ, наполненныхъ громадными чинарами, орѣховыми деревьями и тополями. Вступивъ въ городское предмѣстіе, мы вскорѣ прослѣдовали по двумъ большимъ каменнымъ мостамъ,—съ кіосками посерединѣ,—изъ которыхъ одинъ распростерся надъ рѣкой Ардой, а другой надъ Марицей. Разливъ былъ въ полной силѣ, и обѣ рѣки, выступившія изъ береговъ подъ самыя стѣны набережныхъ построекъ, шумно и быстро катили свои мутныя волны. При спускѣ со втораго моста, возвышалась арка, сплошь оплетенная миртовыми вѣтвями и украшенная преимущественно греческими флагами; голубыя и бѣлыя полосы посерединѣ ея, подъ зеленымъ крестомъ выставленъ былъ литографированный портретъ Государя Императора, а по бокамъ его начертаны голубою краскою на бѣлыхъ лентахъ привѣтственныя надписи по гречески. Великаго Князя встрѣчало все городское духовенство, въ облаченіи, съ крестами и городская депутація отъ мусульманскихъ и христіанскихъ жителей, съ хлѣбомъ-солью. Послѣ привѣтственной рѣчи, крестный ходъ и депутаты, повернули въ городъ, предшествуя русскому Главнокомандующему и его свитѣ, позади которой слѣдовали кареты второстепенныхъ лицъ турецкаго посольства, пріѣхавшаго изъ Казанлыка вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ. На дверцахъ каждой кареты была нарисована роза—знакъ того, что это экипажъ придворный. Впрочемъ, сами послы Серверъ и Намыкъ, остались еще позади въ дорогѣ, и должны были пріѣхать въ Адріанополь только 16-го января, вмѣстѣ съ походнымъ гофмаршаломъ нашей главной квартиры генералъ-лейтенантомъ Галломъ. Сдѣлано это было затѣмъ, что Великій Князь не желалъ подвергать престарѣлыхъ нашей неудобствамъ быстрыхъ и длинныхъ переходовъ, какими слѣдовалъ Самъ отъ Казанлыка до Семенли-Тырнова.

На Балканахъ.

Толпы народа, скорѣе изъ любопытства, чѣмъ отъ радости, наполняли улицы и площади; иногда нѣкоторыя кучки тамъ и сямъ привѣтствовали появленіе кортежа криками, но вообще эта встрѣча далеко уже не была столь задушевна, неудержимо восторженна, какъ Систовская и Тырновская,—быть можетъ, потому, что здѣсь большинство населенія не болгарское. Можно сказать безошибочно, что привѣтственные крики раздавались только въ кучкахъ болгаръ и иногда армянъ; греки же, хотя и выставили арку (болѣе, кажись, для доказательства, что это городъ греческій), но встрѣчали молча, равнодушно, также какъ и турки. Вообще, въ большинствѣ населенія видимо проявлялась какая-то недовѣрчивая сдержанность,—дескать, посмотримъ напередъ, чѣмъ-то еще все это кончится—и чувство такого рода, насколько я могъ замѣтить, положительно преобладало. Главная улица изъ конца въ конецъ прорѣзываетъ весь Адріанополь, дѣлая одинъ лишь небольшой двухколѣнчатый загибъ около турецкаго кладбища, переполненнаго высокими темными кипарисами и мраморными памятниками, которые наши солдаты очень характерно прозвали болванками. Начиная отъ этого кладбища, городъ уже принимаетъ преимущественно торговый, промышленный характеръ. Здѣсь на каждомъ шагу лавки, лавочки, лавченки, здѣсь же и главный крытый базаръ и кромѣ того множество кабачковъ, кофеенъ и трактирчиковъ, между которыми красуется „Страннопріимница Ѳракія", и во всѣхъ этихъ заведеніяхъ открыто идетъ жесточайшая игра въ домино, карты и кости, при чемъ главный контингентъ игроковъ составляютъ греки и армяне, которые вообще являются преобладающимъ элементомъ городскаго населенія.

Наконецъ, кортежъ Великаго Князя вступилъ въ обширный дворъ адріанопольскаго конака. Этотъ послѣдній представляетъ изъ себя довольно мрачное зданіе, благодаря своему запущенному, грязному виду. Ворота и главный подъѣздъ были украшены разными флагами, между которыми замѣчались и русскіе государственные цвѣта. Деревянная внутренняя лѣстница сплошь была устлана краснымъ сукномъ и „гарнирована" по бокамъ, въ видѣ непрерывной гирлянды, пучками миртовъ и кипарисными вѣтками. Эта лѣстница упирается непосредственно въ широкія стекольчатыя двери, ведущія въ какое-то полутемное, сараеобразное помѣщеніе—не то зала, не то громадный широкій корридоръ, проходящій вдоль всего верхняго этажа и освѣщенный только съ одного конца широкимъ окошкомъ съ нѣсколькими выбитыми стеклами. Здѣсь по угламъ стояло два-три небольшіе дивана съ подломанными ножками, нѣкогда крытые бархатомъ, нынѣ совершенно выцвѣтшимъ, потертымъ и пооборвавшимся. Этотъ сарай, какъ говорятъ, служилъ для адріанопольскихъ вали пара ціою пріемною залой. Въ немъ, какъ въ самой большой комнатѣ конака, была потомъ устроена столовая главной квартиры. Изъ сарая нѣсколько дверей, прикрытыхъ вмѣсто портьеръ какими-то грязными стеганными суконными одѣялами темно-каштановаго цвѣта, ведутъ въ отдѣльные кабинеты и гостинныя, изъ которыхъ самая парадная являетъ удивительную смѣсь роскоши и неряшества: великолѣпный коверъ во весь полъ и стѣны, кое-какъ закрашенныя охрой: на высокихъ окнахъ роскошнѣйшія длинныя драпировки изъ тяжелой узорчатой шелковой матеріи, а посерединѣ комнаты маленькая переносная печка изъ листоваго желѣза, какія у насъ употребляются въ рабочихъ баракахъ, съ колѣнчатою желѣзною трубою, обмазанною глиной; на потолкѣ трещины и копоть, по угламъ паутина, мебель крытая дорогимъ штофомъ, и при этомъ, вмѣсто портьеръ—все такія же грязныя одѣяла, какъ и въ сарайной пріемной залѣ.

По всему этому видно, что адріанопольскіе вали на счетъ чистоты, опрятности и изящнаго вкуса были вовсе не притязательны, а Великому Князю по неволѣ пришлось довольствоваться тѣмъ, что они оставили намъ по себѣ во временное наслѣдство. Но при насъ, по крайней мѣрѣ, хоть тщательно вымели соръ, паутину и пыль, изобильно накопившіяся въ конакѣ за послѣднее время турецкаго господства.

(Окончаніе въ слѣд. №.)

Къ рисункамъ.

Крестины временъ директоріи.

(Картина Кеммерера).

Послѣ террора въ первую революцію во Франціи конституціею III года (1795) установлена высшая правительственная власть — директорія. Начала она свою дѣятельность 26-го окт. 1795 г., ниспровергнута 9-го ноября 1799 г. Бонапар-

томъ. О нравахъ того времени и семейной жизни есть много любопытныхъ свидѣтельствъ. Общество принялось съ какою-то необузданностью порывать всѣ связи соціальныя. Переворотъ въ обществѣ, обогатившій новыхъ лицъ, разорилъ прежнихъ богачей. Все какъ бы стремилось наслаждаться и пользоваться жизнью, которая такъ мало цѣнилась во время революціи. Число гражданскихъ браковъ, при легкости ихъ заключенія, возрасло до громадной цифры. Устроены были особыя бюро для заявленій желающихъ вступить въ бракъ и даже издавался журналъ съ спеціальною цѣлью извѣщать о желающихъ сочетаться бракомъ, о ихъ положеніи, имуществѣ и наружности. Страсть къ танцамъ овладѣла всѣмъ Парижемъ. Съ какою легкостью браки совершались, съ такою же легкостью и расторгались. На гуляньяхъ, случалось, встрѣчались уже въ новомъ бракѣ разошедшіеся только вчера. Матери отказывались кормить грудью дѣтей и замѣняли себя козами. На умершихъ обращалось мало вниманія и ихъ хоронили такъ небрежно, что даже директорія оффиціально ставила на видъ „варварскую беззаботность и достойную сожалѣнія холодность, съ которыми общество относилось къ останкамъ самыхъ близкихъ и дорогихъ лицъ". Религіозное все бросалось какъ ненужное...

Но среди этой оргіи, разумѣется, было много и истиннаго чувства религіозности и семейственности и было много семей сохранившихся и въ это время. Такую семью мы видимъ на картинѣ Кеммерера.

Прекрасая историческо - бытовая картина талантливаго художника, полная характерности и жизни, рисуетъ передъ нами парижскую сцену—семейную сцену временъ директоріи. Эти изысканные, блестящіе и для насъ теперь такіе странные костюмы. Эти большія широкія шляпы, высокіе тѣсные галстухи. Это крестины—выходъ изъ церкви всей процессіи. Какія довольныя лица—очевидно счастливая чета. Кромѣ того это люди изъ общества, то что называется „des gens très comme il faut". Крестный отецъ—самый модный щеголь. Его манеры такъ изысканны, галстухъ такъ высокъ и шляпа такъ модно сдвинута на бекрень; костюмъ его безукоризненъ. Кормилица въ высокомъ нормандскомъ головномъ уборѣ, гордая прелестнымъ ребенкомъ и тѣмъ что служитъ средоточіемъ всего шествія и обращаетъ на себя общее вниманіе, весело выступаетъ посрединѣ. Въ народъ и мальчишекъ, собравшихся посмотрѣть на крестины за чугунной рѣшеткой церкви, бросаютъ мелкія деньги. Крестная мать, граціозная и кокетливая крестная мать, наклоняется надъ крохотнымъ, розовымъ личикомъ, покоющимся среди бѣлоснѣжвыхъ кружевъ и полотна.

Вакханка.

(Статуя К. Даута).

Намъ, отдѣленнымъ болѣе чѣмъ двухтысячнымъ періодомъ лѣтъ отъ вѣка Перикла, какимъ-то сказочнымъ Эдемомъ представляется древняя Греція. Роскошнымъ, фантастическимъ сномъ мелькаютъ передъ нами картины ея постепеннаго процвѣтанія и упадка, и нѣтъ во всей исторіи человѣчества другихъ, болѣе великихъ картинъ. Римъ, владыка полусвѣта, принужденъ склониться передъ непобѣдимой по красотѣ и изяществу отчизной Гомера, Сократа, Фидія, Апеллеса, Александра. Съ понятіемъ „Греція" соединяется тотчасъ понятіе о высшей земной красотѣ; тамъ, говоря словами поэта—

Созданы для любви, наслажденій и нѣгъ
Рощей пальмовыхъ темные своды,—
Чудесами искусствъ увѣнчалъ человѣкъ
Вѣковѣчныя дива природы;
Вдохновеннымъ напѣвамъ слѣпаго пѣвца
Вторятъ струны чарующей лиры,
Возникаютъ подъ творческимъ взмахомъ рѣзца
Въ красотѣ первобытной кумиры...

Традиціи, воспринятыя нами отъ Эллады, свѣжи до сихъ поръ и едва ли когда устарѣютъ; наслѣдство оставленное ею до того богато, что даже отдаленные наши потомки не исчерпаютъ его. Глубочайшее пониманіе формы и самое реальное изученіе ея, привело грековъ къ такимъ созданіямъ, какъ Книдская и Милосская Афродита, Лаокоонъ, Фронтоны Парѳенона. Они останутся вѣчнымъ образцомъ недосягаемой, *идеально* воплощенной реальности. Условія современной жизни до того не подходятъ къ требованіямъ скульптуры, что ваятели по неволѣ должны обращаться къ давно минувшей эпохѣ, эпохѣ—которая давала живые образцы для пластики. Отсюда и односторонность скульптуры: ея вѣчно обнаженныя, просвѣчивающіяся сквозь одежды, или совсѣмъ обнаженныя формы. Скульптура несравненно поэтому дальше отъ насъ, чѣмъ живопись. Со стороны техники, XIX вѣкъ сдѣлалъ удивительный шагъ впередъ: мраморъ передаетъ поразительно бархатъ, кружева, мягкость кожи. Но все же истинно изящными произведеніями являются только тѣ, образцы которыхъ заимствованы у Греціи. Возьмите хоть прилагаемую въ этомъ № „Вакханку". Сколько грацін, красоты и жизненности во всей фигурѣ. Нужды нѣтъ, что это намъ не родное, что мы нигдѣ, никогда такихъ жрицъ языческаго культа не видали и не увидимъ,—насъ трогаетъ и подкупаетъ *красота, изящество*. Въ этой вакханкѣ „окрыленной пляской без роздыху" словно олицетворяется Эллада,—вѣчно юная, вѣчно прекрасная, веселая, полная силъ, въ быстрой пляскѣ несущаяся все впередъ и впередъ, манящая за собою всѣхъ, не желающая знать, помнить и размышлять о смерти, поставившая своимъ девизомъ лучшее изъ того что дала намъ природа—жизнь...

Батюшка вернулся!

(Деревенская сцена).

Старичка священника вызвали въ городъ по дѣлу. Городъ недалеко. Съ нимъ кстати поѣхала и „матушка", надѣла на себя какую-то допотопную шляпку и шаль—прикупить кое чего для дому на базарѣ, повидаться съ своими, потолковать и посудачить за вечернимъ чайкомъ съ другими матушками—какое платье было на преображенской попадьи дочкѣ и какъ отбился отъ рукъ совсѣмъ сынъ соборнаго протодьякона, и какой новый колоколъ привезли въ Спасское, и какъ сборы трудны а жизнь все дороже. Живутъ они въ городѣ и денекъ, и другой и третій—и уже старушка „матушка" все „искупила" и начинаетъ скучать и безпокоиться: все ли у нея благополучно дома „безъ хозяйскаго глаза", а дѣлать нечего—батюшку все оттягиваютъ. Все онъ ходитъ въ консисторію и къ нему забѣгаютъ какіе то чиновники. Но вотъ наконецъ старичекъ на четвертый день утромъ объявляетъ, что все кончено и въ жаркій солнечный день, усердно помолившись, забираются они въ свою одноколку и вѣрный старый гнѣдко, чуя домашній овесъ, бойко потряхивая ушами, везетъ старичковъ усердно, въ жаркій день по пыльной дорогѣ домой. У околицы ихъ еще издали завидѣла цѣлая толпа ребятишекъ—они знаютъ что „матушка" добрав и всѣ кидаются отворить отводъ, въ чаяніи пряничка или кренделька, которыя и попадаютъ въ маленькія рученки.

Островъ и городъ Занте.

Занте самый южный изъ острововъ Іоническаго архипелага, особенно отличается между ними живописностью своего мѣстоположенія и богатствомъ естественныхъ произведеній, такъ что названіе данное ему итальянцами il fiore di Levante, т. е. цвѣтъ Леванта, въ данномъ случаѣ не слишкомъ изысканная метафора. Уже въ древности онъ слылъ прелестнымъ островомъ, обаятельнымъ по климату и красотамъ природы: Ѳеокритъ восторженно отзывается объ немъ въ одной изъ своихъ идиллій, а Гомеръ причисляетъ его къ владѣніямъ своего героя Одиссея. Во время Пелопонезскихъ войнъ, жители Занте или по древнему названію Гиріи или Закантоса, принимали въ нихъ не малое участіе, защищая преимущественно интересы Аѳинъ. Захваченный Римлянами Занте былъ присоединенъ ими къ Эпиру, потомъ онъ перешелъ во владѣніе восточныхъ римскихъ императоровъ, а въ XIII вѣкѣ—неаполитанскихъ королей; въ XIV столѣтіи его захватили Венеціанцы, владѣвшіе тогда Іоническими островами до появленія здѣсь французовъ въ 1797 году, черезъ два года въ свою очередь вытѣсненныхъ русскими. Затѣмъ Занте составлялъ часть Іонической республики подъ протекторатомъ Англіи, а въ 1863 году былъ присоединенъ вмѣстѣ съ нею къ Греческому королевству. Выполнивъ свое завѣтное желаніе—быть присоединеннымъ къ единоплеменной и единовѣрной имъ Греціи, Зантіоты перестали волноваться политическими страстями и всецѣло предались въ широкихъ размѣрахъ развитому здѣсь земледѣлію и обширной торговлѣ богатыми продуктами своего острова. Жителей на Занте до 45,000, большею частью грековъ по происхожденію, православныхъ по религіи. Это населеніе въ высшей степени трудолюбивое, смѣтливое и очень искусное въ приготовленіи ковровъ, шелковыхъ тканей и ликеровъ. Кромѣ Грековъ здѣсь живетъ еще до 2,000 евреевъ и много католиковъ разныхъ національностей.

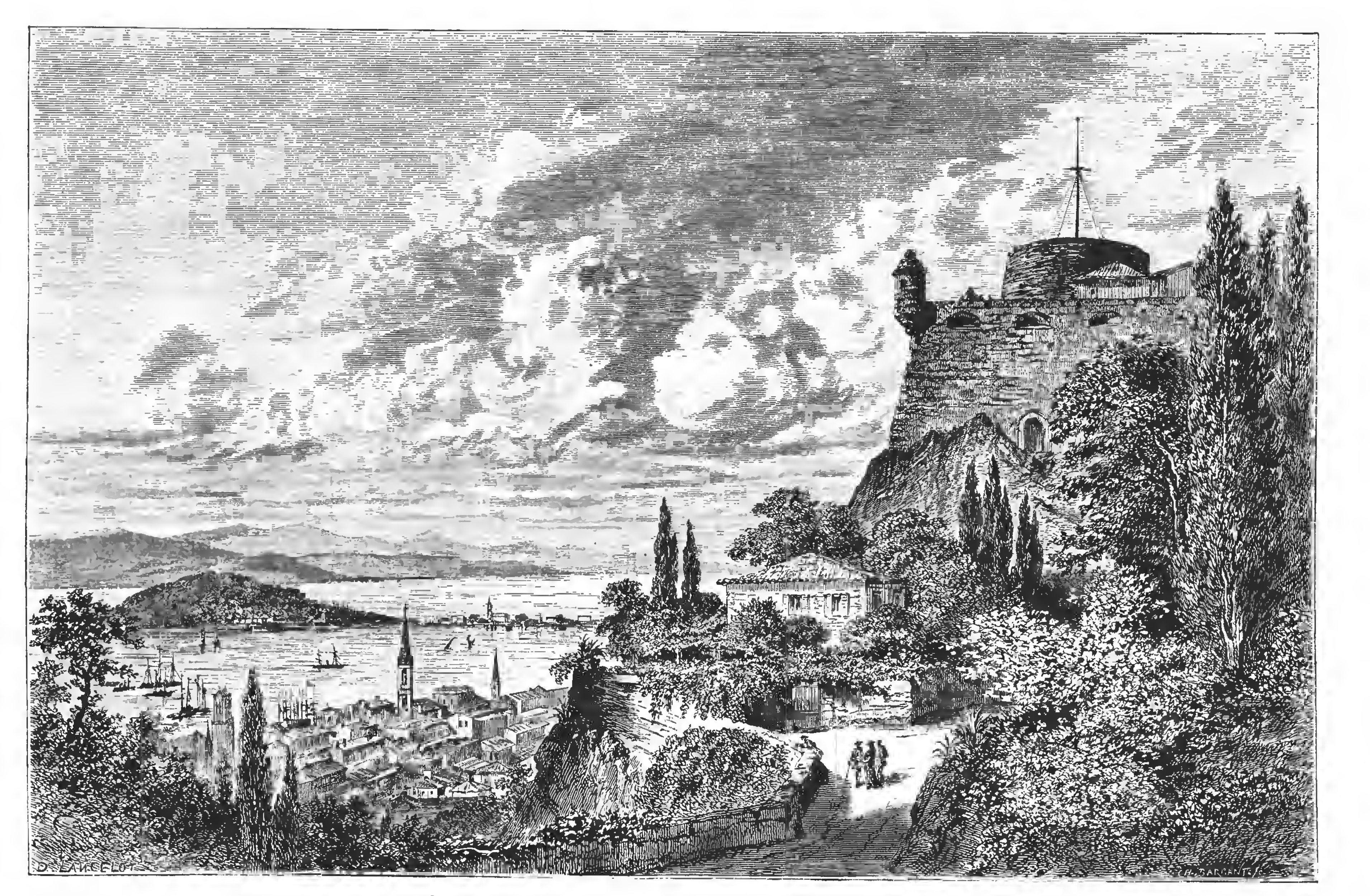
Островъ Занте представляетъ довольно низменную поверхность, на которой расположены полукругомъ высокіе холмы, покрытые богатою растительностью; здѣсь растутъ оливы, лавровыя и миртовыя деревья и все пространство покрыто роскошными нашнями и только западная часть острова, преимущественно гористая, болѣе пустынна и менѣе обработана.

Главный городъ острова, Занте, расположенъ амфитеатромъ на восточномъ его берегу и особенно живописенъ, если смотрѣть на него съ моря или съ верхней платформы стараго массивнаго укрѣпленія, изображеннаго на нашемъ рисункѣ.

Этотъ замокъ, построенный венеціанцами на высокомъ холмѣ, господствующемъ надъ городомъ, обнесенъ англичанами обширной, невысокой оградой, заключающей въ себѣ нѣсколько домовъ, предназначенныхъ для помѣщенія гарнизона. По холмамъ, лежащимъ на одной линіи съ укрѣпленіемъ, разбросаны тамъ и сямъ красивые лѣтніе домики здѣшнихъ зажиточныхъ негоціантовъ, которые въ жаркое время года переселяются въ нихъ изъ душнаго города. Занте обладаетъ хотя небольшою, но весьма удобною гаванью; пространство же, гдѣ

Батюшка вернулся! Ориг. рис. И. Зейцова, грав. В. Пуцъ.

Островъ и городъ Занте. Рис. Лансело. грав. Барбанъ.

пристають корабли и выгружають свои товары, огибается прекрасной, широкой набережной. Что заслуживаетъ здѣсь большаго вниманія — это роскошныя и богатыя церкви, какъ католическія такъ и православныя. Колокольни стоятъ здѣсь всегда отдѣльно отъ храма, такъ какъ во время часто бывающихъ здѣсь землетрясеній колокола могутъ легко сорваться и, пробивъ своды храма, произвести всеобщее его разрушеніе. Особенно памятны два ужасныхъ землетрясенія, одно бывшее въ 1514 году, а другое въ 1840 г., причинившія страшныя опустошенія на всемъ островѣ. Этими частыми колебаніями вулканической почвы можетъ быть отчасти объяснено полнѣйшее отсутствіе здѣсь античныхъ древностей, кромѣ разныхъ мелкихъ обломковъ и базъ колоннъ да небольшихъ плитъ съ надписями, вдѣланныхъ въ стѣну какой нибудь капеллы или храма и такимъ образомъ сохранившихся для потомства. Одна природа чудная, обаятельная, осталась здѣсь такой же, какой была въ классической Элладѣ и немудрено что Байронъ, уроженецъ туманнаго и холоднаго Альбіона, такъ восторгался островами Греціи и посвящалъ имъ самыя восторженныя строфы:

Прелестный край! тамъ цѣлый годъ
Весна роскошная цвѣтетъ;
Тамъ группы свѣтлыхъ острововъ
Видны съ далекихъ береговъ —
Волнуетъ душу, манитъ взглядъ
Приманкой нѣги и отрадъ...

Король Зулусовъ Сетевайо и его владѣнія.

Зулусы—одна изъ двухъ главныхъ народностей Кафрскаго племени, населяющаго, какъ извѣстно, по юго-восточной оконечности Африки все пространство, начиная отъ границы Капской провинціи и до залива Делагоа. Съ этой частью материка европейцы знакомы уже издавна, еще съ XV-го столѣтія; но вначалѣ знакомство это было, такъ сказать, кратковременное. Открывшіе ее въ 1497 году португальцы не основались тамъ, не сдѣлали никакихъ попытокъ колонизаціи. Первый опытъ европейскаго поселенія относится ко второй половинѣ прошлаго столѣтія, именно къ 1760 г. и былъ сдѣланъ нѣсколькими голландскими негоціантами. Но они остались тамъ не надолго и съ тѣхъ поръ, до 20-хъ годовъ нашего столѣтія о европейцахъ мало было слышно. Въ 1823 г., британскій морской офицеръ, Фэруэлль, основалъ небольшую торговую станцію. въ мѣстности названной впослѣдствіи Дёрбенъ. Эта станція и послужила началомъ расширившейся въ скоромъ времени и нынѣ значительной Натальской колоніи, принадлежащей британской коронѣ и граничащей съ страною зулусовъ. Колонія Наталь, занимающая нынѣ площадь въ 12,750 квадратныхъ миль, находится, собственно, на территоріи этого племени, которое составляетъ значительный контингентъ ея населенія—зулусовъ насчитываютъ тамъ до 300 тысячъ человѣкъ. Свободное зулусское королевство расположено къ сѣверу и, начинаясь непосредственно у предѣловъ Наталя, именно у р. Гауджелы, заканчивается заливомъ Делагоа.

Почти вся территорія представляетъ пересѣченную мѣстность—это рядъ долинъ, окруженныхъ расходящимися по всѣмъ направленіямъ горами, между отрогами которыхъ серебристыми лентами вьются, тамъ и сямъ, рѣки, горные потоки.

Какъ ни ничтожно можетъ казаться намъ это „темнокожее“ государство, британцы, однако, придаютъ ему значеніе. характеризуя его слѣдующимъ образомъ: „Королевство зулусовъ нельзя, конечно, назвать очень большимъ, говорятъ они, но его неограниченно-деспотическое устройство, своеобразная военная система и, ко всему этому, рѣшительный характеръ повелителя, дѣлаютъ это королевство однимъ изъ самыхъ могущественныхъ Африканскихъ туземныхъ государствъ, стоящимъ въ этомъ отношеніи, быть можетъ, выше королевства Ашантісвъ и даже императора Ѳеодора Абиссинскаго, когда онъ бросилъ перчатку Британской имперіи.“

Насколько извѣстно—королевство, по крайней мѣрѣ въ его нынѣшнемъ видѣ, въ нынѣшней его организаціи, происхожденія относительно недавняго. Основателемъ „могущества“ его и теперешней „династіи“ считался король Чака, царствовавшій отъ 1810 до 1828 г. Это былъ, такъ сказать, кафрскій Наполеонъ. Сплотивъ свободное зулусское племя въ крѣпкое цѣлое, онъ скрѣпилъ его военною организаціей, и очистилъ побережье Индійскаго океана отъ всего сопротивлявшагося его власти. Ему наслѣдовалъ его братъ Дингаанъ—воинственный король, дѣлавшій частые набѣги въ предѣлы зарождавшейся тогда Натальской колоніи; но эти походы окончились гибелью его. Въ 1837 году началось переселеніе сюда изъ Капа голландскихъ колонистовъ. Оно продолжалось до 1838 г. Въ этомъ году Дингаанъ, хитростью и обѣщаніями, завлекъ къ себѣ ихъ главу, Питера Ретифа съ небольшой партіей эмигрантовъ и всѣхъ вѣроломно умертвилъ. Это обстоятельство послужило поводомъ къ ожесточенной войнѣ, въ которой Дингаанъ былъ убитъ. Послѣ Дингаана голландцы провозгласили королемъ его брата, уже немолодаго тогда и отличавшагося значительной толщиной, Умпанду, отца нынѣшняго владѣтеля, Сетевайо. Положеніе этого послѣдняго при дворѣ отца было непрочно. Между ними не существовало хорошихъ отношеній. Сетевайо, какъ старшій сынъ и самый способный и храбрый, естественно разсчитывалъ быть преемникомъ своего отца. Но, по этой самой причинѣ, онъ былъ предметомъ ревнивaго надзора со стороны Умпанды и имѣлъ основаніе предполагать, что власть передается одному изъ братьевъ. Надо отдать справедливость юному дикарю—не смотря на всѣ притѣсненія, онъ не послѣдовалъ часто практикующемуся у дикихъ народовъ обычаю, т. е. не свергнулъ отца и оставался покорнымъ подданнымъ, терпѣливо ожидая исхода въ продолженіи тридцати двухъ лѣтъ. Однако, натянутое положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ относительно братьевъ, приводило къ частымъ ссорамъ. Нѣсколько младшихъ братьевъ Сетевайо, опасаясь чтобы онъ не расчистилъ себѣ путь къ власти избіеніемъ ихъ, бѣжали съ толпой приверженцевъ въ Наталь, искать британскаго покровительства. Сетевайо со своими сторонниками пустился за ними въ погоню и въ кровопролитномъ сраженіи пятеро изъ братьевъ его были убиты. У Умпанды оставалось еще два сына и онъ отослалъ ихъ для безопасности въ Наталь. Обстоятельство это поселило нѣкоторую горечь въ отношеніяхъ Сетевайо съ властями британской колоніи. Хотя, въ 1856 г., онъ, съ согласія губернатора Наталя, и былъ провозглашенъ наслѣдникомъ престола, но никакъ не могъ успокоиться, зная о пребываніи своихъ двухъ братьевъ въ Наталѣ и неоднократно обращался съ просьбами о выдачѣ ихъ ему—просьбы эти оставлялись каждый разъ безъ удовлетворенія. Въ 1873 г., по смерти отца своего, онъ прислалъ къ властямъ Наталя посланцевъ, съ извѣщеніемъ о кончинѣ отца и просьбою, изложенною тогда въ смиренныхъ выраженіяхъ, о признаніи его королемъ. На это тогда же было изъявлено согласіе, но съ извѣстными условіями, при которыхъ британское правительство обѣщало свой нравственный протекторатъ. Для выполненія формальностей признанія новаго короля, въ страну зулусовъ былъ отправленъ, въ сопровожденіи конвоя британскихъ войскъ, сэръ Теофилъ Шенстонъ.

Отъ этого комисара губернатора Натальской провинціи мы узнаемъ и нѣкоторыя черты характера Сетевайо. Шенстонъ былъ очень пріятно пораженъ поведеніемъ преемника Умпанды и утверждаетъ, что этотъ послѣдній несравненно выше всѣхъ туземныхъ начальниковъ, съ которыми ему приходилось вступать въ соглашеніе. Сетевайо показался Шенстону энергическимъ, способнымъ и вмѣстѣ открытымъ, прямодушнымъ человѣкомъ. Онъ быстро схватывалъ сущность всего, что ему говорили. Изъ разсказовъ британскаго уполномоченнаго видно, что Сетевайо скорѣе молчаливъ, нежели словоохотливъ и пренебрегаетъ лишними словами, вообще тѣмъ, что ему кажется недостаточно серьезнымъ или нейдущимъ къ дѣлу: на одномъ изъ своихъ свиданій съ Шенстономъ, происходившемъ въ совѣтѣ туземныхъ старшихъ, новый король замѣтилъ послѣднимъ, когда они наговорили много неосновательнаго:

— Замолчите! вы точно вѣтеръ, который ничего не говоритъ, когда дуетъ. Развѣ вы не понимаете, чего хотятъ отъ насъ? и затѣмъ, ясно изложивъ требованія Шенстона, доказалъ имъ разумность ихъ.

Сетевайо въ настоящее время человѣкъ полный силъ и энергіи, какимъ былъ всегда. Подобно отцу своему, королю Умпанду, онъ толстъ до такой степени, что въ парадный экипажъ его сажаютъ на рукахъ; тоже самое происходитъ, когда ему приходится выходить изъ экипажа.

Зулусы—воинственное племя и военная организація, основанная на принципѣ общей службы, какъ нельзя болѣе подходитъ къ характеру этого народа. Каждый зулусъ считается воиномъ съ 15-тилѣтняго возраста и служитъ всю жизнь. Армія раздѣлена на 12 корпусовъ, различныхъ по своей численности. корпусъ состоитъ изъ нѣсколькихъ полковъ, численность которыхъ колеблется между 400 и 2000 солдатъ, которыми командуютъ начальники, носящіе туземное названіе „индуна“. У Сетевайо насчитываютъ 33 полка, всего отъ 40 до 50 тыс. чел. Особенность системы заключается въ самомъ порядкѣ формированія арміи, заключающемся въ томъ, что молодые полки отдѣлены отъ полковъ боевыхъ, опытныхъ въ своемъ дѣлѣ и лишь постепенно пріобрѣтаютъ свое мѣсто въ ряду этихъ послѣднихъ; затѣмъ, ни одинъ солдатъ не имѣетъ права вступить въ бракъ безъ разрѣшенія своего государя, который, обыкновенно, женитъ сразу цѣлый полкъ. Отсюда два рода полковъ: неженатые и женатые, отличающіеся другъ отъ друга внѣшними признаками—первые носятъ длинные волосы и имѣютъ черные щиты, вторые же брѣютъ маковку и снабжены бѣлыми щитами. Вооруженіе солдатъ состоитъ, какъ мы только что сказали, изъ щитовъ двухъ цвѣтовъ, дротиковъ и скорострѣльныхъ ружей. Войска подраздѣляются на гвардію „тульваня“ (5 полковъ) и армію.

Въ обмундированіи—на которое расходуется весьма мало, соотвѣтственно жаркому климату — значительную роль играетъ головной уборъ, посредствомъ котораго отличается офицеръ отъ рядоваго и привиллегированная тульваня отъ армейскаго полка. Солдатъ тульвани носитъ вокругъ головы повязку изъ змѣиной кожи съ двумя большими перьями (кафрскаго зяблика) по обѣимъ сторонамъ головы, затылокъ украшенъ пучкомъ страусовыхъ перьевъ; темя—длиннымъ журавлинымъ перомъ, около ушей висятъ клочья шерсти обезьяны, а на груди и спинѣ—хвостъ бѣлой коровы. Сверхъ того солдаты королевской

гвардіи отличаются украшеніями и для бедръ, состоящими изъ обезьяньихъ или иныхъ шкуръ. Нумераціи полковъ у зулусовъ не существуетъ и они обозначаютъ ихъ именами горъ, рѣкъ, млекопитающихъ, птицъ или пресмыкающихся и т. д., у нѣкоторыхъ же есть почетные титлы, такъ напримѣръ: „полкъ усмирителей“, „щетинистыхъ“, „осторожныхъ“, „бурныхъ“, „неукротимыхъ“ и т. п. Ежегодно армія собирается для упражненій, впродолженіе которыхъ размѣщается въ устроенныхъ въ странѣ особыхъ военныхъ помѣщеніяхъ — крааляхъ; главный или королевскій краалъ расположенъ близъ соединенія Черной и Бѣлой Умволози. Дисциплина чрезвычайно строга, наказывая смертью всякое проявленіе трусости. Впрочемъ, по словамъ людей, знакомыхъ со страной, ея нравами и обычаями, у солдатъ есть другой поводъ быть храбрыми: говорятъ, что женщина этого воинственнаго племени прежде всего требуетъ отъ мужчины храбрости въ сраженіи, иначе она не выйдетъ за него замужъ, если даже онъ получитъ на то разрѣшеніе короля; судить же о его мужествѣ она имѣетъ полную возможность, такъ какъ на ея обязанности лежитъ доставленіе солдатамъ провіанта, почему она постоянно сопровождаетъ войска.

Обращаясь къ причинамъ только что возгорѣвшейся между Британіей и зулусами войны, мы найдемъ ихъ опять таки въ общихъ принципахъ все захватывающей британской политики. Извѣстно еще и по недавнимъ примѣрамъ, насколько британцы умѣютъ создавать ближайшіе поводы къ войнѣ, имъ необходимой. Въ обнародованномъ недавно сборникѣ (Синяя книга) правительственной переписки, выясняющей ходъ событій въ Южной Африкѣ, указаны случаи, въ которыхъ неправы, будто бы, зулусы, мы находимъ и прямое указаніе на неправоту британцевъ въ отношеніи зулусовъ.

Многое, въ этой перепискѣ, говоритъ намъ о преднамѣренныхъ задираніяхъ, преднамѣренномъ нарушеніи британцами границъ зулусской территоріи. Натальскія власти, напримѣръ, обращаются къ центральному правительству съ лицемѣрною жалобой на скопленіе значительныхъ отрядовъ Сетевайо близъ британскихъ предѣловъ: но мы, тутъ же, узнаемъ, что король, съ своей стороны, жалуется Натальскому намѣстнику, сэру Генри Бульверу, на угрожающее положеніе, принятое британскими войсками и высказываетъ подозрѣніе, что намѣстникъ скрываетъ отъ него отвѣтъ, полученный изъ за моря, относительно спорной границы, желая, такимъ образомъ, выиграть время и напасть въ расплохъ. Далѣе, происходитъ случай прямаго нарушенія британскими инженерами пограничныхъ правилъ. Сетевайо до сихъ поръ не выказывалъ враждебности къ Британіи. Какъ умный человѣкъ и прозорливый правитель, онъ всегда былъ остороженъ съ сосѣдомъ, могущество котораго хорошо понимаетъ. Ясно, что онъ никогда бы повода не далъ, не менѣе ясно, что поводъ этотъ созданъ. Отъ короля потребовано удовлетвореніе за „нарушеніе неприкосновенности британской территоріи“. На посланный Сетевайо ультиматумъ, онъ далъ отвѣтъ, полный гордаго достоинства, отвѣтъ, который сдѣлалъ бы честь не одному темнокожему вождю дикарей въ глухомъ углу Африки... „Я скорѣе бросилъ бы мое царство, отказался бы отъ всего, ушелъ бы въ горы, питался бы кореньями, чѣмъ согласился бы на позоръ, котораго отъ меня требуютъ!..“ написалъ онъ своимъ притѣснителямъ.

Непріязненныя дѣйствія начались, въ концѣ декабря нашего стиля, переходомъ британскихъ войскъ чрезъ пограничную рѣку Туджелу и рядомъ незначительныхъ стычекъ. На первыхъ порахъ, эти встрѣчи оканчивались благопріятно для оружія королевы Викторіи. Но Сетевайо ждалъ удобнаго случая и онъ скоро представился ему. Губернаторъ Наталя, лордъ Гельмсфордъ, вступилъ въ предѣлы зулусскаго королевства и желая обезпечить свои сообщенія съ Наталемъ, оставилъ на Роркъ-Дрёфтѣ—плотинѣ на р. Туджелѣ—небольшой отрядъ въ 80 ч., подъ начальствомъ офицеровъ Уарда и Бромгида и, для той же цѣли, приказалъ отряду полковника Пуллена, состоявшему изъ 104 ч. кавалеріи, 6-ти ротъ пѣхоты, при двухъ орудіяхъ и нѣсколькихъ сотъ туземныхъ солдатъ британской службы, расположиться лагеремъ на зулусскомъ берегу, въ 10-ти миляхъ отъ Роркской плотины. Здѣсь то, Сетевайо выказалъ замѣчательныя способности тактика, дѣйствуя, именно, на тылъ войскъ лорда Гельмсфорда. Отдѣливъ часть своей арміи, онъ послалъ ее атаковать Роркскую плотину, главную же массу своихъ силъ двинулъ на болѣе значительный отрядъ Пуллена (по другимъ, тутъ командовалъ Денфордъ). Если первый отрядъ Сетевайо и не имѣлъ удачи, за то второй (отъ 15-ти до 20-ти тысячъ чел., согласно британскимъ свѣдѣніямъ), нанесъ британцамъ неслыханное пораженіе, (о которомъ мы уже сообщали читателямъ въ свое время, въ политическомъ обозрѣніи нашего журнала). Вотъ какъ передаетъ о ходѣ сраженія уцѣлѣвшій очевидецъ его, маіоръ Юнгъ. „Британскій лагерь, говоритъ онъ, находился въ долинѣ, окруженной широкимъ кольцомъ холмовъ. Арьергардъ нашъ только что окончилъ обычный утренній разъѣздъ, разсѣдлывалъ лошадей, когда на холмахъ были замѣчены развѣдчики зулусовъ. Наступавшіе немедленно открыли огонь по лагерю. Полковникъ Пулленъ послалъ, съ своей стороны, застрѣльщиковъ на встрѣчу къ зулусамъ, численность которыхъ была неизвѣстна ему. Полагали, что ихъ немного. Видя, однако же, что къ зулусамъ подошли большія подкрѣпленія, Пулленъ приказалъ вернуть своихъ застрѣльщиковъ и поспѣшно привести лагерь въ оборонительное положеніе. Вслѣдъ за этимъ, армія зулусовъ быстро подступила, правильными батальонами, построенными въ восемь рядовъ каждый, но была остановлена сильнымъ огнемъ, на разстояніи полета дротика. Они прекратили стрѣльбу и принялись метать дротики; британцы же, напротивъ, поддерживали оживленный огонь, положившій много непріятелей на мѣстѣ, но которымъ они не могли остановить ихъ наступленіе. Убитыхъ зулусовъ замѣняли новые. Во время этой схватки съ британскимъ арьергардомъ, войска Сетевайо выполнили двойной фланговый маневръ, посредствомъ котораго армія ихъ, расположенная подковой, сомкнулась обоими концами и окружила британскій лагерь. Тогда только обнаружилась ошибка: при лагерѣ не было устроено вагенбурга, что и послужило причиной несчастнаго для британцевъ исхода сраженія, истративъ всѣ патроны, не могли возобновить запаса ихъ, такъ какъ зулусы овладѣли телѣгами съ аммуниціей. Началась ужасная бойня: стрѣлять британцы не могли; зулусы буквально давили ихъ массой, кололи ихъ на мѣстахъ. Они отбивались штыками, но и это не помогло имъ—непріятели подставляли трупы убитыхъ товарищей на штыки. Два часа спустя послѣ того, какъ первые зулусскіе застрѣльщики показались на холмахъ, въ лагерѣ уже не было въ живыхъ ни одного бѣлаго. Капитанъ Смитъ заколотъ при заклепкѣ орудія; полковникъ Пулленъ палъ тоже.

Зулусамъ досталось 102 повозки, 1000 воловъ, двѣ пушки, 400 бомбъ и ядеръ, 1000 ружей, 250 тысячъ патроновъ, 60 тысячъ фунтовъ провіанта и знамена 24-го полка. Юнгъ, раненый нѣсколько дней предъ тѣмъ, лежалъ въ телѣгѣ и только благодаря быстротѣ лошади, ему удалось ускакать, не смотря на дѣятельное преслѣдованіе непріятеля. Лордъ Гельмсфордъ, узнавъ о нападеніи на отрядъ Пуллена, вернулся назадъ, но нашелъ уже лагерь во власти зулусовъ. Извѣстіе это, понятно, произвело самое гнетущее впечатлѣніе въ Наталѣ и во всей Британіи, откуда, по слухамъ, отправлены уже войска. Остается ожидать дальнѣйшихъ свѣдѣній, которыя читатели, своевременно, будутъ находить въ нашемъ политическомъ отдѣлѣ.

Политическое обозрѣніе.

Отвѣтъ Порты на ноту кн. Лобанова.—Австрійскіе агенты.—Объ отмѣнѣ статей Берлинскаго трактата.—Англія.—Испанія.—Египетъ.—Въ Авганистанѣ.

Съ заключеніемъ окончательнаго мира съ Турціей, Россія еще, конечно, не свела съ нею счетовъ. Мы уже сообщали читателямъ о проектѣ финансовой комбинаціи Порты съ французскою компаніей, во главѣ которой стоитъ маркизъ Токвилль. Сколько извѣстно, въ основаніе этого проекта входитъ обезпеченіе новаго займа частью государственныхъ доходовъ, но такъ какъ доходы эти въ нѣкоторой степени, должны служить гарантіей уплаты намъ военной контрибуціи, то князь Лобановъ-Ростовскій обратился по этому поводу къ министру иностранныхъ дѣлъ Каратеодори-Пашѣ, съ особой нотой, гдѣ, указываетъ, между прочимъ, что лучшимъ средствомъ какъ для улучшенія финансовъ страны, такъ и гарантированія интересовъ кредиторовъ оттоманской имперіи, было бы образованіе, согласно 18-му протоколу Берлинскаго конгресса, особой международной комисіи.

Вотъ что отвѣтило на это турецкое правительство:

1) Турція никогда не отказывалась отъ своего права располагать по собственному усмотрѣнію доходами государства и не принимала на себя никакого обязательства подобнаго рода по отношенію къ Россіи.

2) Кредиторы Турціи, ссуды которыхъ не обезпечены залогами, не могутъ не оказаться удовлетворенными финансовою сдѣлкой, имѣющей цѣлью въ значительной степени уменьшить долгъ Турціи, освободить часть доходовъ, которые были прежде заложены, и, вообще, улучшить положеніе ея кредиторовъ.

3) Болгарская дань, по мысли европейскихъ державъ, всегда была предназначена именно на удовлетвореніе владѣльцевъ турецкихъ бумагъ, при томъ изъ седьмого протокола берлинскаго конгресса видно, что такое же назначеніе имѣлось въ виду и относительно иныхъ уплатъ, возложенныхъ на обязанность другихъ княжествъ.

4) Назначеніе британскимъ и французскимъ правительствами четырехъ членовъ въ комиссію по завѣдыванію косвенными налогами не имѣетъ никакого политическаго характера и не имѣетъ иной цѣли, кромѣ внушенія полнаго довѣрія владѣльцамъ турецкихъ долговыхъ обязательствъ.

5) Въ учрежденіи международной комиссіи, предусмотрѣнной восемнадцатымъ протоколомъ берлинскаго конгресса, не представляется надобности, въ виду состоявшагося между Турціею и ея кредиторами соглашенія, коротко и ясно, что намъ придется потратить въ этомъ вопросѣ бездну энергіи и терпѣнія!

Въ то самое время, какъ въ Тырновѣ торжественно открывается прологъ политической жизни болгарскаго народа и оттуда далеко разносятся сочувственные намъ возгласы—въ мѣстностяхъ, сопредѣльныхъ съ освобожденной нашимъ мечемъ землей происходитъ нѣчто странное...

Въ Македоніи и другихъ мѣстахъ на югъ отъ Балканъ, разсѣяны многочисленные австрійскіе агенты, стремящіеся создать такое положеніе дѣлъ, которое повело бы къ австрійской оккупаціи территоріи между Новымъ Базаромъ и Эгейскимъ моремъ. Русскіе очень хорошо знаютъ объ этихъ проискахъ, а потому употребляютъ всѣ усилія, чтобы успокоить болгаръ относительно раздѣла ихъ территоріи, полагая, что всякія дальнѣйшія волненія привели бы нынѣ только къ расширенію австрійскаго вліянія на югъ отъ Дуная. Болгары знаютъ объ этомъ тайномъ соперничествѣ. Въ настоящее время, Тырново служитъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, политическимъ барометромъ и здѣсь можно изучать секреты, недоступные для глазъ въ столицахъ къ сѣверу отъ Дуная. Въ интересахъ русской политики необходимо, чтобы миръ царствовалъ въ ближайшемъ будущемъ въ Европейской Турціи, между тѣмъ, какъ вѣнская политика стремится утилизировать дальнѣйшіе порядки, могущіе возникнуть въ этихъ провинціяхъ, для распространенія боснійской оккупаціи вплоть до Салоникъ. Болгарская радикальная партія будетъ дѣйствовать на руку австрійцамъ (т. е., вѣроятно, помимо воли и желанія своего) если бы ей удалось помѣшать безпрепятственному ходу сессіи и продлить настоящее тревожное и неопредѣленное положеніе дѣлъ въ странѣ. По этой причинѣ, русско-болгарская административная партія и партія „юно-консервативная“ дѣйствуютъ сообща, съ цѣлью убѣдить депутатовъ продолжать свое дѣло, въ то время какъ депутація, отправленная къ европейскимъ державамъ, вручитъ просьбу относительно объединенія обѣихъ Болгарій. Если европейскія правительства согласятся на отмѣну постановленія берлинскаго конгресса о турецкихъ балканскихъ гарнизонахъ, то умѣренной партіи возможно будетъ сдерживать собраніе и населеніе Румеліи будетъ настолько удовлетворено (?), что не станетъ производить безпорядковъ, клонящихся къ соединенію съ Болгаріей (?). Положеніе дѣлъ очень измѣнилось со времени подписанія берлинскаго трактата и дѣлаетъ нынѣ возможной уступку въ отношеніи балканскихъ гарнизоновъ, безъ опасенія, чтобы это могло уязвить самолюбіе самыхъ щекотливыхъ членовъ берлинскаго конгресса...

„Дѣйствительно, многое измѣняется изъ всего, что „предопредѣлено“ конгрессомъ. Это, напримѣръ, видно изъ слѣдующихъ разъясненій, данныхъ на дняхъ графомъ Андраши въ австрійской делегаціи, сказавъ, относительно Новаго Базара, что *дѣло идетъ уже не объ оккупаціи*, а только о правѣ содержать гарнизоны въ отдѣльныхъ пунктахъ, при сохраненіи турецкаго господства. Объ отказѣ отъ этого права нѣтъ рѣчи, но правительство въ настоящее время не имѣетъ повода ускорять осуществленіе этого права, путемъ дружественнаго соглашенія съ Турціею.

„Россія, прибавилъ графъ Андраши:—пригласила державы дать коммиссіямъ, занятымъ опредѣленіемъ границъ, подробныя инструкціи по вопросу о границахъ; вопросъ же о пересмотрѣ берлинскаго трактата не былъ возбуждаемъ ни съ какой стороны, да не былъ бы и принятъ ни одною изъ сторонъ. По вопросу объ Арабъ-Табіи имѣется въ виду постановить окончательное рѣшеніе при посредствѣ конференціи пословъ, о чемъ еще ведутся переговоры. Положительнаго предложенія насчетъ отмѣны ограниченія, въ силу котораго губернаторъ Восточной Румеліи долженъ быть непремѣнно христіаниномъ, дѣлаемо не было. Болгары требуютъ для себя склоновъ Балканъ для обезпеченія оборонительной позиціи; это предоставлено разсмотрѣнію коммиссіи по установленію границъ. Вопросъ о созывѣ конференціи въ Берлинѣ не былъ возбуждаемъ ни съ какой стороны“.

Мы уже не разъ обращали вниманіе нашихъ читателей на поднятый теперь вопросъ объ отмѣнѣ статей Берлинскаго трактата, относящихся къ турецкимъ гарнизонамъ въ Балканахъ, причемъ указывали и на признаки нѣкоторой перемѣны въ направленіи политики Биконсфильда въ отношеніи Россіи. Весьма важный симптомъ такого поворота въ британской политикѣ можно видѣть и въ отъѣздѣ сэра Лэйарда изъ Константинополя, какъ говорятъ—для того, чтобы не возвращаться на свой постъ, который будетъ ввѣренъ другому лицу, менѣе благопріятствующему Портѣ. Увѣряютъ, будто британскій министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Сольсбери, написалъ Лэйарду письмо, исполненное упрековъ, между прочимъ въ томъ, что онъ своей политикой отвратилъ отъ Британіи симпатіи восточныхъ христіанъ. Странно! Не значитъ ли это укорять вѣрнаго слугу за точно выполненныя приказанія? Какъ бы то ни было, однако, „вѣрнаго слугу“, повидимому, отзываютъ, или по крайней мѣрѣ онъ уѣзжаетъ на неопредѣленное время. Вмѣстѣ съ тѣмъ, „Times“ печатаетъ одну сочувственную Россіи статью за другою... Къ намъ, на мѣсто явно недоброжелательнаго всему русскому, лорда Лофтуса, акредитованъ членъ либеральной партіи, партіи виговъ, т. е. элемента менѣе враждебнаго для насъ въ Британіи, лордъ Дофферейнъ, съ самыми дружелюбными намѣреніями... Мы, конечно, съумѣемъ оцѣнить всю эту дружбу по достоинству.

А дружба съ нашей стороны едва ли была бы излишнею въ настоящее время Биконсфильду. До сихъ поръ еще съ Авганистаномъ онъ не покончилъ, между тѣмъ, въ Африкѣ дѣло идетъ нехорошо для Британіи. Война съ Сетевайо осложнилась непріязнью съ голландской Трансваальской республикой, безцеремонно присоединенной къ владѣніямъ Англіи 2 года тому назадъ. Трансваальцы находятся въ сношеніяхъ съ зулусскимъ вождемъ—это доказано перехваченной перепиской. Приводятъ даже разсказъ о томъ, что боэры возвратили зулусамъ скотъ, отбитый у нихъ однимъ британскимъ отрядомъ. Они требуютъ возстановленія независимости своей. Британцы очень недовольны южно-африканскими голландцами. Въ Индіи тоже несовсѣмъ благополучно. Вице-король давно уже пріостановившій свободу печати, теперь требуетъ, чтобы нѣкоторые изъ туземныхъ владѣтелей сократили численность своихъ войскъ! Нельзя не видѣть въ этомъ весьма серьезныхъ признаковъ...

Въ Испаніи послѣдовала перемѣна министерства: кабинетъ Кановаса-дель-Кастильо, не соглашавшійся на ассигнованіе новыхъ довольно крупныхъ кредитовъ, замѣненъ кабинетомъ Мартинеца-Кампоса, внесшаго предложенія объ этихъ ассигнованіяхъ.

Изъ Рима сообщаютъ, что Пассаменте признанъ дѣйствовавшимъ въ полномъ разсудкѣ (адвокатъ настаивалъ на разстройствѣ умственныхъ способностей) и приговоренъ судомъ къ смертной казни.

Въ Южной Африкѣ. Побѣдитель Англичанъ, Сетевайо, король Зулусовъ.
Грав. К. Вейерманъ.

(Продолженіе на стр. 213, 214, 215, 216).

У хедива вышло нѣчто въ родѣ дѣйствительнаго бунта. 400 отставныхъ вооруженныхъ офицеровъ ворвались въ правительственное зданіе, требуя уплаты жалованья и пенсіоновъ. въ которомъ европейское министерство, подъ предсѣдательствомъ Нубаръ-паши, имъ отказывало; при этомъ они нанесли раны и оскорбленія нѣсколькимъ лицамъ, въ томъ числѣ самому хедиву, пытавшемуся усмирить ихъ. Къ Александріи посланы британскій и французскій крейсеры. Все это событіе еще не выяснилось вполнѣ.

Ширъ-Али скончался. Изъ Авганистана приходятъ довольно разнорѣчивыя свѣдѣнія: по однимъ источникамъ, Якубъ-ханъ, наслѣдуя своему отцу, входитъ въ мирные переговоры съ британцами; согласно другимъ источникамъ—онъ высказалъ твердое намѣреніе подчиниться совѣту Россіи, или же, если она не дастъ этого совѣта—продолжать войну, въ которой онъ надѣется добиться успѣха.

Въ Южной Африкѣ. Главное поселеніе Зулусовъ, мѣстопребываніе короля Сетевайо. Грав. Рашевскій.

Смѣсь.

Плотоядныя растенія. Чарльзъ Дарвинъ, въ своемъ сочиненіи о насѣкомоядныхъ растеніяхъ указалъ на семейство росянковыхъ (Droseraccae), которое обладаетъ удивительною способностью залавливать и поглощать животныя вещества. Происходитъ этотъ процессъ слѣдующимъ образомъ. У обыкновенной круглолистной росянки (Drosera rotundifolia) верхняя сторона листа снабжена множествомъ тоненькихъ волосковъ, называемыхъ Дарвиномъ щупальцами. На концахъ ихъ помѣщаются желѣзки, которыя выдѣляютъ очень липкую жидкость и чрезвычайно чувствительны. Какъ только насѣкомое пристаетъ къ липкому выдѣленію желѣзокъ, онѣ тотчасъ же посылаютъ двигательный импульсъ къ основанію своихъ щупальцевъ. Затѣмъ щупальце быстро наклоняется къ тому мѣсту, откуда исходитъ импульсъ и—жертва поймана. Дарвинъ находитъ, что это явленіе какъ бы указываетъ на способность растеній *чувствовать*. Далѣе онъ разсказываетъ: „если насѣкомое пристанетъ только къ небольшому числу желѣзокъ наружныхъ щупальцевъ, то эти послѣднія вскорѣ наклоняются и *передвигаютъ* добычу къ непосредственно слѣдующимъ за ними внутреннимъ щупальцамъ; эти опять къ слѣдующимъ и т. д., пока насѣкомое, *перекатываясь*, не достигаетъ, наконецъ, самаго центра листа. Потомъ, черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, щупальцы наклоняются и орошаютъ добычу своимъ выдѣленіемъ точно также, какъ это бываетъ, когда насѣкомое само сразу сядетъ на дискъ листа". Дарвинъ утверждаетъ, что листъ Droserae обладаетъ способностью настоящаго пищеваренія и выдѣляетъ желудочный сокъ (пепсинъ), совершенно подобный желудочному соку животныхъ.

Факты, указанные Чарльзомъ Дарвиномъ, были провѣрены множествомъ опытовъ; но все же, на основаніи ихъ, біологи еще не могли прійти къ полному убѣжденію въ томъ, дѣйствительно ли такъ называемыя „насѣкомоядныя" растенія *питаются* животными веществами. Но въ настоящее время вопросъ этотъ, какъ кажется, разрѣшенъ сыномъ Дарвина—Фрэнсисомъ. 12 іюня прошлаго года онъ пересадилъ въ тарелки, наполненныя мохомъ, двѣсти экземпляровъ Drosera rotundifolia и каждую тарелку раздѣлилъ на двѣ равныя части низенькимъ деревяннымъ заборчикомъ. Растенія, находившіяся въ одной половинѣ тарелки, получали животную пищу(каждый листъ получалъ въ извѣстные промежутки времени одну или двѣ порціи жареной говядины вѣсомъ въ 1/15 грана), растенія, находившіяся въ другой половинѣ—не питались ничѣмъ. Всѣ тарелки были покрыты мелкой металлической сѣткой, черезъ которую не могло пробраться никакое насѣкомое. Уже въ половинѣ іюля внѣшній видъ растеній измѣнился—питаемыя мясомъ получили яркозеленую окраску, стали толще, мясистѣе; количество цвѣтовыхъ ножекъ у нихъ увеличилось въ нѣсколько разъ. 7-го августа отношеніе „сытыхъ" растеній къ „голоднымъ" было какъ 149,1 къ 100. Въ половинѣ августа число листьевъ у сытыхъ росянокъ было (на трехъ тарелкахъ) 256, а у голодныхъ—187. Въ началѣ сентября, когда у росянокъ созрѣли сѣмена, оказалось, что вѣсъ сѣмянъ сытыхъ росянокъ относится къ вѣсу голодныхъ какъ 379,7 къ 100.

Фрэнсисъ Дарвинъ еще не окончилъ свои опыты съ Drosera rotundifolia. На основаніи урожая изслѣдуемыхъ имъ растеній въ тарелкахъ онъ желаетъ выяснить: *исключительно* ли Drosera питается животными веществами а что она питается ими *по преимуществу*—это онъ признаетъ теперь за неопровержимую истину. И такъ—растенія питаются какъ животныя. Листья Drosera ничто иное какъ органы хватанія и настоящаго пищеваренія. Наконецъ, изумительныя росянки умѣютъ даже отличать годную пищу отъ негодной и питаются исключительно азотистыми веществами. Но Ф. Дарвинъ на этомъ не останавливается; въ своей лекціи, прочитанной имъ въ Лондонскомъ институтѣ 11-го прошлаго марта (см. "Natur" — The analogies of plant andanimal life"), онъ окончательно сближаетъ „плотоядныя" растенія съ животны-

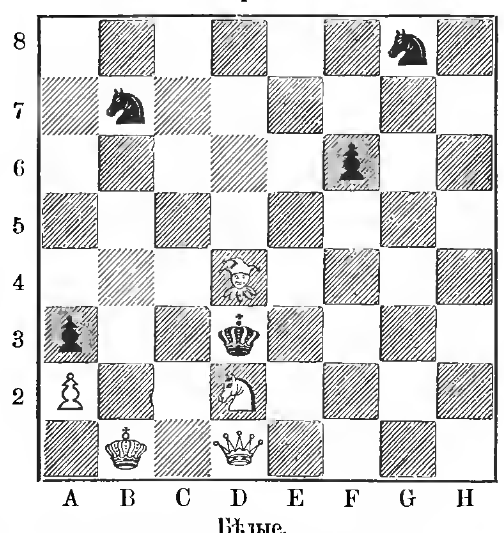
ми. Распространяясь объ аналогіяхъ, существующихъ между растительною и животною жизнью, онъ увѣряетъ между прочимъ, что растенія выказываютъ даже материнскую заботливость о судьбѣ своего потомства. Такъ, напримѣръ, зародышъ боба окружается обширными запасами провіанта, въ видѣ мясистыхъ сѣмядолей, которыя служатъ ему не только питаніемъ, но и защитой отъ разныхъ враговъ растительнаго же царства. Вообще у растеній замѣчается непреодолимое стремленіе къ поддержанію своего вида. Наконецъ, растенія *самостоятельно движутся*! Ф. Дарвинъ указываетъ на водяную Vallisneria, мужскіе цвѣтки которой, достигнувъ поверхности воды, плывутъ къ женскимъ. У растеній, какъ и у животныхъ, существуютъ нервы, обладающіе необыкновенной чуткостью; есть у нихъ также „память или привычка" (memory or habit). Онѣ спятъ и просыпаются, а во снѣ иногда *грезятъ*. Да—грезятъ: Ф. Дарвинъ сидѣлъ какъ-то ночью въ теплицѣ и вдругъ одинъ изъ листьевъ чувствительнаго растенія, безъ всякой внѣшней причины, быстро развернулся, а затѣмъ медленно пришелъ опять въ свое прежнее положеніе. Тоже самое наблюдалъ и другой ученый—Миллардэ.

Таковы изслѣдованія и выводы біолога, пользующагося значительнымъ авторитетомъ въ Западной Европѣ. Очень можетъ быть, что эти выводы и черезчуръ поспѣшны; но во всякомъ случаѣ они интересны въ высшей степени—самая волшебная, фантастическая сказка превращается въ дѣйствительность! Міръ растеній оживаетъ, движется, страдаетъ, наслаждается, любитъ и ненавидитъ, и предается мечтаніямъ. Онъ заговоритъ скоро и, устами своихъ наблюдателей, быть можетъ повѣдаетъ намъ великія тайны.

На настоящей выставкѣ въ Академіи наукъ общее вниманіе привлекаетъ **превосходная большая картина К. Е. Маковскаго „Русалки"**. Впечатлѣнія лунной ночи, призрачности, вереница русалокъ, сливающихся съ туманомъ—переданы съ тѣмъ искусствомъ, которое мы привыкли видѣть въ произведеніяхъ высоко даровитаго художника, автора, между прочимъ, двухъ премій „Нивы" на нынѣшній 1879 годъ.

Шахматная задача № 8

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ 3 хода.

РЕБУСЪ.

Рѣшеніе ариѳметической задачи № 9 „Нивы".

Капиталъ . . . . 4,800 р.
Каждый получилъ . . . . 1,500 р.

Вѣрныя рѣшенія прислалы отъ: Ф. Э. Спб.; Н. Посохина въ Москвѣ; Щекутева Спб; О. Жиаотова Спб. А. Иванова, Ковно; Ю. Соловьева Новгородъ; С. Протопопова Москва.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Не будутъ напечатаны стихи: 1) Ал—вой „На смерть Некрасова" и „К. Н. Бест. Рюмину" 2) П. Бори—ова „Н. А. А." 3) М. Пер—ва Спб. 4) А. Р. „Буря". 5) Кременчугъ Кл-скаго 6) Бур—та „Святое дѣло" 7) В. Масл—ва „Весна". 8) Ѳ. Шап на „Къ ней". 9) С. Н. Мельн- ва „Дума" и „Варяжская пѣсна". 10) Вякт Г. „Старый домъ" 11) А. Бой-ка „Первая любовь" 12) В. Смир—ва „Осень". 13) Н. Абрамова „Шуя". 14) Г. Над—она „По слѣдамъ Діогена". в друг. 15) Ка цкаго „Таганрогъ" 16) Z. C. W. въ Казани. 17) N. N „Въ деревушкѣ". 18) И. Н Зе—ва „Рисунокъ" 19) Жук—скаго „Близость весны" 20) С. К С. „Задача" 21) В. Моск скаго „Письмо къ Вѣрѣ". 22) К. Т. „Черныя очи". 23) И. Аа-ва „Къ другу". 24) Г. Сарат-ому— „На отъѣздъ". 25) Н. Кле—ва въ Владимірѣ „Дѣтское удовольствіе" 26) Бор—викова „Весна и зима". 27) М Пер—ва, 28) Машк—а „Пѣсня" 29) Юрк—у „Кіевъ". 30) Я К. „Побѣгъ", 31) „Пропащій". 32) П. И. К—а „Быль", „Встрѣча", „Нужда" *и друг*. 33) А Мор—фа „Осенью". 34) Л. Е. Вас—ева „Вѣтеръ". 35) М. Лео—ва «Похороны нищей», «Бывшій богачъ». 36) Н Сер—хова «романъ». 37) А. Иаа—а «Соловей». 38) И. Кус—а «Преданіе». 39) Г. Р. «Исповѣдь ссыльнаго». 40) А. С—р-ъ «Пирамида», «Ночное» и друг. 41) Р. С. Черк—ва «Плевна и Осман», «Рущукъ».

2-й заемъ 1866 года. 26-й тиражъ 1-го марта 1879 года

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
2	40	25000	4922	3	5000	10195	30	500	14418	47	500
55	15	500	4965	45	8000	10274	33	500	14455	32	500
108	11	500	5044	12	500	10277	48	500	14522	46	500
150	35	500	5118	47	500	10560	22	500	14526	49	500
202	6	500	5177	32	500	10810	13	500	14788	30	500
226	7	500	5213	49	500	10827	50	500	14898	44	500
273	14	500	5231	29	1000	10840	40	500	14909	13	500
458	19	500	5377	25	500	10874	27	500	15061	24	500
503	41	500	5588	41	1000	10931	7	500	15326	5	500
575	50	1000	5641	47	500	10936	36	500	15399	30	500
577	50	1000	5832	27	500	11019	44	5000	15459	50	500
676	28	500	5904	23	500	11142	41	8000	15496	24	500
897	20	500	5993	50	500	11203	17	500	15512	48	500
931	49	500	6223	28	500	11210	21	500	15592	26	1000
950	13	500	6266	9	500	11231	24	500	15682	31	1000
971	1	500	6275	16	500	11312	17	500	15771	47	1000
987	42	500	6297	8	500	11366	49	500	15857	26	500
1054	17	500	6303	41	500	11399	48	500	15991	42	500
1098	20	500	6349	8	8000	11412	23	40000	16243	4	500
1129	11	500	6400	49	500	11480	26	500	16316	14	5000
1132	23	500	6419	44	500	11572	34	500	16376	7	500
1178	26	500	6533	3	500	11698	17	500	16419	22	500
1244	30	500	6594	6	500	11720	44	8000	16505	22	500
1305	14	500	6736	42	500	11815	32	500	16533	4	500
1359	32	500	6756	7	500	11831	23	500	16575	39	500
1429	43	500	6870	36	500	11850	7	500	16595	36	1000
1445	49	500	6882	15	500	11936	50	500	16625	25	500
1508	43	75000	6913	9	500	11960	20	500	16689	11	500
1519	8	500	6959	37	500	12037	39	500	16719	3	5000
1550	48	500	7085	35	1000	12078	32	1000	16762	18	500
1571	17	500	7144	36	500	12099	44	500	16779	4	10000
1657	36	1000	7234	22	500	12135	48	500	16794	35	500
1753	42	500	7379	33	500	12168	31	500	16828	39	500
1954	8	1000	7487	16	500	12197	32	1000	16881	14	500
1972	32	500	7603	2	10000	12228	31	1000	17048	33	500
2015	35	500	7618	24	500	12276	41	500	17071	36	500
2100	11	500	7622	11	500	12406	6	8000	17096	23	500
2160	12	500	7767	43	500	12525	6	500	17163	30	500
2173	35	500	7876	5	500	12584	31	500	17189	15	5000
2174	18	500	7908	30	500	12662	14	500	17221	47	500
2446	8	500	8021	14	500	12686	24	500	17223	41	500
2575	28	500	8055	33	500	12688	2	500	17357	37	500
2735	46	500	8213	35	500	12717	23	500	17398	7	500
2767	47	500	8300	16	500	12777	11	500	17558	48	500
2799	42	500	8363	22	500	12822	43	500	17562	43	500
2894	2	500	8537	49	500	12826	36	5000	17659	33	500
2968	10	500	8556	43	500	12898	44	200000	17686	23	500
3022	38	500	8602	5	500	12986	30	500	17693	22	500
3106	30	500	8612	36	500	13111	35	500	17886	1	500
3226	36	500	8620	16	500	13134	24	500	18004	47	500
3228	7	500	8678	38	500	13243	47	500	18050	42	500
3230	11	500	8705	41	500	13268	27	500	18258	20	500
3241	46	500	8838	13	500	13282	41	500	18271	20	500
3276	12	1000	8906	42	500	13296	23	500	18340	5	1000
3378	24	500	8943	6	500	13366	29	1000	18475	44	500
3388	32	500	8964	22	500	13382	22	500	18507	28	500
3634	49	500	9016	43	500	13396	22	500	18595	48	500
3642	49	500	9078	41	500	13409	48	500	18728	3	500
3650	48	500	9097	12	500	13521	8	500	18743	36	500
3790	49	500	9107	19	500	13597	26	500	18795	24	500
3850	49	500	9116	29	500	13637	24	500	18807	31	500
4062	11	500	9199	23	500	13693	48	500	18841	32	500
4167	25	500	9315	33	500	13751	2	500	18858	23	500
4237	19	500	9487	31	500	13786	28	500	18946	26	1000
4327	41	500	9541	1	500	13839	19	500	19072	50	1000
4336	37	500	9561	26	500	13853	30	10000	19100	23	500
4379	18	500	9581	35	500	13901	26	500	19231	27	500
4411	39	500	9585	17	500	13969	3	500	19420	37	500
4444	11	500	9595	9	500	14113	49	500	19461	39	500
4513	39	500	9642	35	500	14121	42	5000	19572	44	500
4535	42	500	9644	4	500	14138	32	500	19710	33	500
4654	6	500	9828	29	500	14184	9	500	19720	35	500
4847	31	500	9870	20	500	14188	48	5000	19799	20	500
4848	34	500	10088	32	500	14243	13	500	19830	44	500
4884	39	500	10092	28	1000	14371	46	500	19847	43	500

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

132, 810, 900, 1203, 1609, 2277, 2566, 2610, 2628, 2958, 3132, 3182, 3236, 3927, 4130, 4144, 4203, 4331, 5530, 6075, 6233, 6865, 6998, 8213, 8596, 8727, 8943, 9137, 9143, 9829, 10836, 10918, 11039, 11704, 12187, 12659, 12702, 12716, 12770, 13812, 13841, 13980, 14020, 14563, 14980, 15467, 15711, 16300, 17318, 17338, 17356, 17374, 17546, 17860, 18002, 18214, 19237, 19464.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТЪ НАСТОЯТЕЛЯ

Іерусалимскаго подворья въ Москвѣ и уполномоченнаго патріарха Іерусалимскаго архимандрита Св. Гроба Господня Никодима.

Бѣдственное положеніе православной Іерусалимской патріархіи и св. мѣстъ Палестины не безъизвѣстно всякому, посѣтившему въ послѣднее время эти св. мѣста. Лишившись церковнаго недвижимаго имущества въ Румыніи, матерь православныхъ церквей, церковь Іерусалимская, находится нынѣ въ страшно-бѣдственномъ положеніи, не амѣя ни откуда помощи, къ радости враговъ православія, которые аъ лицѣ иноаѣрной пропаганды рыщутъ по Палестинѣ, поглощая въ свои сѣти православное населеніе и стремясь въ то же время аырвать изъ рукъ православныхъ принадлежащую имъ святыню.

При такомъ страшно-бѣдстаенномъ положеніи Іерусалимской церкви, къ вамъ православные сыны Богоспасаемой и Богомъ аозвеличенной Россіи, прибѣгаю съ смиреннѣйшею и всепокорнѣйшею просьбой отъ лица Св. матери, церкви Іерусалимской, отъ Св. Сіона и Гроба Господня: поддержите, Россіяне, Св. матерь православныхъ церквей и всемірную христіанскую святыню Гроба Господня, ввѣренную ея управленію; не допустите погибнуть православію въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ родился и пострадалъ Спаситель міра Господь нашъ Іисусъ Христосъ.

Всякое ваше пожертвованіе будетъ принято съ благодарностью, а имена жертвоаателей и сродниковъ ихъ будутъ аѣчно поминаемы предъ Живоноснымъ Гробомъ Господнимъ и Страстною Голгоѳой, а также ао асѣхъ святыхъ мѣстахъ Іерусалима и асей Палестины.

Пожертвованія просятъ адресовать: въ Москву, на Старо-Іерусалимское подворье, что у Арбатскихъ воротъ, архимандриту Св. Гроба Господня Никодиму, который вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ нужнымъ присовокупить, что аъ Россіи, кромѣ него, другихъ сборщиковъ на имя Св. Гроба Господня и св. мѣстъ Палестины въ Россіи не находится и никто, кромѣ его, о. Никодима, патріархомъ Іерусалимскимъ на это не уполномоченъ.

Архимандритъ Св. Гроба Господня **Никодимъ**

При этомъ № для гг. иногор. подписч. (за исключ. Московск.) прилаг. объявленіе отъ кн. маг. Д. И Прѣснова въ Москвѣ.

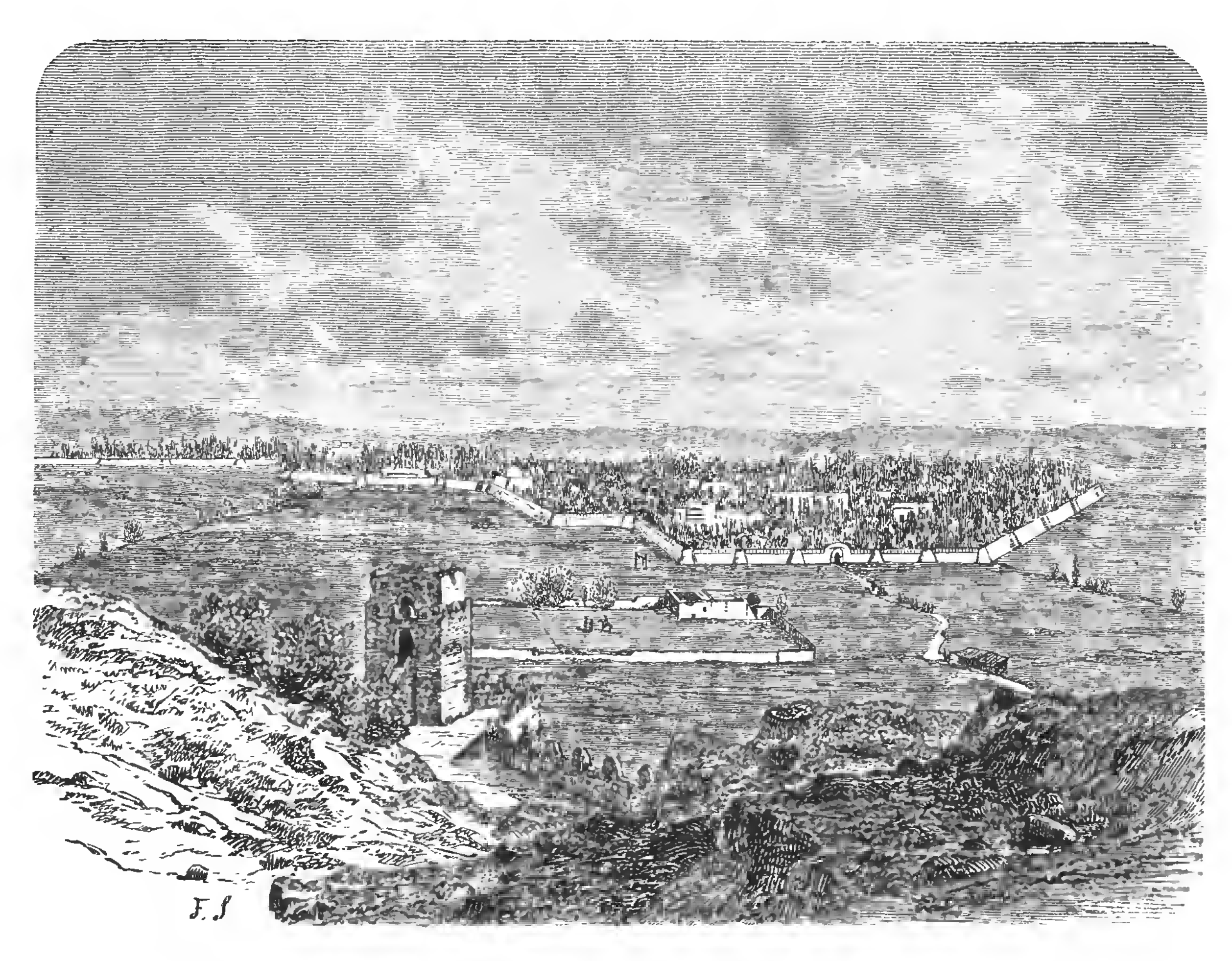
Дозволено цензурою СПБ. 8 Марта 1879 г. Тип. Веллинга Англ. пр. № 10.

№ 12 — 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6–10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40).

Выданъ 19 Марта 1879 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Видъ города Яркенда въ Кашгарѣ (Восточн. Туркестанъ). По рисунку Шепмена, грав. Шредеръ.

Наша среднеазіатская граница. Кашгаръ.

Не далеко еще отъ насъ то время, когда средняя Азія, съ ея ханствами, была почти совершенно невѣдомымъ для европейца краемъ,—краемъ, какъ бы отдѣленнымъ отъ Европы какою-то очарованной стѣной, за грозный рубежъ которой мало кому удавалось заглянуть. Но все таинственное влечетъ къ себѣ съ непреодолимой силой. И вотъ—мы видимъ, что туда, въ эти отдаленныя страны, идутъ смѣлые путешественники, какъ Марко-Поло, іезуитъ Гёзъ и друг. Многіе изъ нихъ сложили тамъ головы свои, иные же возвратились и принесли съ собою различныя свѣдѣнія. Въ массѣ такъ наз. образованной публики, эти свѣдѣнія или рѣдко кому были извѣстны, или давно уже позабыты. Ходили туда и войной. Между прочимъ и—мы. Но одиночные путники, эти пилигримы науки, оказались счастливѣе: до послѣдняго времени почти ни одинъ походъ не имѣлъ удачи—вспомнимъ наши хивинскіе походы: при Петрѣ Великомъ, Бековича-Черкасскаго, затѣмъ, въ прошедшее царствованіе—Перовскаго; вспомнимъ Авганскій походъ британцевъ въ 1839—1842 гг. и т. д. Среднеазіатская стѣна продолжала неподвижно стоять, охраняя доступъ въ завѣтный край. Наконецъ, недавно мы пробили брешь, повалили преграду—и предъ нами открылась вся невиданная дотолѣ страна...

Теперь—изслѣдованію проложенъ широкій, торный путь и оно идетъ безостановочно. Мы воспользовались добытымъ матерьяломъ, чтобы ознакомить читателей съ тою частью Средней Азіи, о которой, до сихъ поръ, мы знали менѣе, чѣмъ о другихъ т. е. съ Кашгаромъ.

Въ 1877 году, въ самый разгаръ поднятой нами исторической борьбы, всецѣло, сердцемъ и умомъ, прикованные къ театру этой войны, мы едва обратили вниманіе на трагедію, разыгравшуюся тогда близь нашей крайней восточной границы. Трагедія эта впишется въ историческую хронику подъ заголовкомъ: „Паденіе Кашгарскаго ханства.“

Хотя ханство это только что рушилось, но исторія его возникновенія, существовавшая въ немъ форма правленія, черты его строя, наконецъ самыя условія и порядокъ жизни населенія—все это, взятое вмѣстѣ, слагается въ одинъ характерный типъ среднеазіатскихъ государствъ, „процвѣтающихъ“ и нынѣ. Кашгаръ же представляетъ для насъ еще особый интересъ, не только какъ страна, служащая новой точкой соприкосновенія съ китайцами, но и какъ страна, на которую уже обратила свое вниманіе дружественная намъ Британія *)...

Кашгаръ, или какъ нѣкоторые называютъ его, Восточный Туркестанъ—область, раскинувшаяся отъ Сибири до Кашмира, отъ Памирской возвышенности до прежней границы Китайской имперіи (съ 1877 г., какъ извѣстно, бывшее ханство составляетъ часть этой имперіи) характеръ страны преимущественно гористый. Отроги Тянь-Шаня, Карандага, Памира, Мусдача, Куэнь-Луня, охватывая страну и перерѣзывая ее по всѣмъ направленіямъ, мѣстами разступаются, обрамляя живописныя долины.

Но доступъ къ этимъ долинамъ, по большей части, идетъ чрезъ тѣ горы, пролегая узкими и обрывистыми ущельями, часто возвышающимися на нѣсколько тысячъ ф. надъ уровнемъ моря. Чтобы имѣть понятіе о трудностяхъ, съ которыми сопряженъ переходъ чрезъ ущелья эти, мы приведемъ здѣсь разсказъ одного изъ членовъ британскаго посольства, отправленнаго къ Якубъ-Хану, не за долгое время до его паденія. Посольству предстояло перебраться чрезъ Санджунское ущелье (на югъ Кашгара), на высотѣ 6 т. футовъ. „Дорога, говоритъ онъ, была необыкновенно трудна. То, напримѣръ, приходилось намъ пробираться до такой степени тѣсной разсѣлиной, что мѣста было только одному якку (посольство ѣхало и везло свои багажи на яккахъ, мулахъ и пони), то мы натыкались на громадныя каменныя преграды, покрытыя ослѣпительно бѣлой пеленой снѣга и представлявшія собою родъ стѣны въ 3 т. ф. вышины. Со всѣхъ сторонъ насъ окружали профили горныхъ пиковъ, отчетливо рисовавшихся на яркой лазури небесъ: въ воздухѣ рѣяли, своими большими, широкими крыльями, огромные орлы... На разстояніи приблизительно 1,500 ф., подъемъ шелъ почти отвѣсно; по снѣгу вилась тропинка, но такая скользкая, что едва можно было идти по ней. Достигнувъ, наконецъ, послѣ неимовѣрныхъ усилій, вершины дефилея, мы увидѣли тамъ новое препятствія—предъ нами лежалъ длинный и узкій ледяной островъ, шаговъ во сто.“ По распоряженію посланника впередъ были высланы люди, которые подѣлали во льду зарубки и набросали на нихъ ковры, одѣяла, мѣха. „Но, продолжаетъ разсказчикъ, не смотря даже и на эти мѣры, переходъ здѣсь обошелся не безъ приключеній. Никогда не забуду тѣхъ страшныхъ усилій, которыя дѣлали наши бѣдные мулы, стараясь сохранить равновѣсіе на этой импровизированной тропѣ. Многіе изъ нихъ оборвались и разшиблись до смерти; одинъ мулъ сорвался въ пропасть и пролетѣлъ, по крайней мѣрѣ, четыреста метровъ: нѣсколько разъ перевернувшись на лету и ударявшись о встрѣчныя скалы, онъ былъ остановленъ, въ своемъ паденіи, небольшой снѣжной площадкой. Съ жалостью слѣдили мы за несчастнымъ животнымъ, вполнѣ убѣжденные, что оно было мертво уже за долго до той минуты, когда попало на площадку; какъ вдругъ—видимъ, что мулъ поднялся, отряхнулся и вскорѣ присоединился къ своимъ товарищамъ. (Эпизодъ этотъ читатели могутъ видѣть на приложенномъ рисункѣ, изображающимъ переходъ посольства чрезъ Санджунское ущелье). Къ 4 часамъ „островъ“ былъ пройденъ. Пошелъ снѣгъ, стало темнѣть и намъ пришлось поспѣшно продолжать путь, чтобъ поздняя пора не застала насъ въ горахъ. Спускъ по эту сторону былъ еще болѣе крутъ, чѣмъ подъемъ. Тропинка, по которой мы слѣдовали тутъ, была усѣяна падалью. Наши якки и мулы боялись двигаться впередъ, внизъ и гдѣ только находили болѣе или менѣе прочную точку опоры, останавливались, загромождая дорогу. Наконецъ, то пробираясь ползкомъ, то скатываясь, работая руками и ногами, пролагая себѣ путь сквозь наши скучившіяся вьючныя животныя—мы, къ 1 часу ночи, добрались до мѣста.“

Въ дальнѣйшемъ своемъ пути, разсказчику приходилось подыматься и выше. Въ Кашгарѣ возвышенности въ 10, 15, 16 тысячъ ф. и болѣе—не рѣдкость. Богатъ ими, между прочимъ, Памиръ—это горное, пологое къ востоку и обрывистое къ западу, плато, повсюду перерѣзанное отрогами, доступнѣйшія возвышенности котораго Ахташъ достигаетъ 12-ти тысячъ футъ надъ уровнемъ моря, Незаташъ 14 тысячъ футъ слишкомъ. Непрерывно за Памиромъ, къ сѣверу, востоку, югу, тянутся другіе горные хребты. Со всѣхъ сторонъ, горизонтъ загроможденъ ихъ массивной цѣпью, съ рядами рѣзко обозначенныхъ пиковъ. Грандіозное зрѣлище представляютъ эти громады, глядящія изъ голубой выси своими бѣлоснѣжными вершинами, на зеленѣющія тамъ, внизу, у подножія, плодородныя равнины, тучныя пажити. По словамъ очевидцевъ, Хотанъ, мѣстности между Каргаликомъ, Яркандомъ, Яни-Гиссаромъ, Кашгаромъ густо населены, плодородны и хорошо обработаны. Вся страна здѣсь имѣетъ очень оживленный видъ: деревни, окруженныя полями, смѣняются небольшими поселками, а дальше,—на сколько глазъ можетъ охватить развернувшійся предъ нимъ безконечный ландшафтъ долинъ. разбросаны отдѣльныя жилища, прячущіяся въ густой зелени садовъ, тамъ и сямъ бѣлѣютъ мечети... И деревни эти, и поселки, и уединенные дома наглядно указываютъ на довольство жителей, какъ удобствомъ и относительною обширностью хозяйственныхъ построекъ, такъ и обиліемъ запасовъ различныхъ мѣстныхъ продуктовъ, а также богатствомъ скота. Но есть еще другія, обширныя плодородныя пространства, остающіяся необработанными за недостаткомъ рукъ.

Путешественникъ встрѣчаетъ иногда и картины, менѣе веселящія взоръ. Вотъ изумрудно-бархатистую скатерть луговъ и пажитей скрыла за собой угрюмая, желтовато-сѣрая цѣпь песчаныхъ холмовъ. Они—словно остатки дна когда-то существовавшаго здѣсь озера, можетъ быть моря. Пустынно, безлюдно. На Западъ, по направленію къ Памиру, тянутся солончаки. Къ востоку, за большимъ ауломъ Кохъ-Робатъ, мѣстность становится скалистою и до самаго Ак-су идутъ необозримыя пространства жонглей, наполненныхъ, по словамъ туземцевъ, хищными звѣрями, тиграми и друг.

Вотъ, однако, миновала унылая пустыня и снова все привѣтливо кругомъ, все снова говоритъ о довольствѣ, о богатствѣ. Страна, дѣйствительно, чрезвычайно богата хлѣбными продуктами и скотомъ; европейцы, посѣтившіе край въ 1874—1875 гг., удивлялись необыкновенному изобилію и дешевизнѣ того и другаго. Мѣра пшеничной муки въ 80 фунтовъ продавалась, напримѣръ, на европейскія деньги, за 2 франка 50 сантимовъ, мѣра маиса въ 40 ф. стоила 60 сантимовъ; за хорошо откормленнаго барана платили въ Аксу 2 франка 50 сантимовъ, въ Яркандѣ—40 и 60 сантимовъ! Населеніе, почти всюду, гдѣ оно ни встрѣчается, обладаетъ огромнымъ количествомъ лошадей, ословъ, быковъ. Лошади мѣстной породы крѣпки и выносливы —лучшими считаются изъ калмыцкихъ табуновъ, у Карашара; низкая средняя цѣна ихъ—отъ 100 до 115 франковъ указываетъ, сама по себѣ на изобиліе и въ этомъ отношеніи. Верблюды—преимущественно изъ породы двугорбыхъ. Это—сильныя животныя, свободно подымающія значительныя тяжести и легко переносящія какъ сильный холодъ, такъ и высокую температуру. Наиболѣе цѣнятся хотанскіе верблюды. Въ большомъ употребленіи, какъ вьючное животное, и ослы. Вообще богатство вьючнымъ скотомъ бросается въ глаза на каждомъ шагу: въ пути рѣдко можно встрѣтить туземца—пѣшехода. Въ числѣ перевозочныхъ средствъ не послѣднюю роль играютъ также и арбы. Кормъ скота состоитъ, обыкновенно, изъ маиса, рубленой соломы, медунки (люцерны)—свѣжей или высушеной, смотря по сезону. Мануфактурная дѣятельность населенія (дунгане какъ ядро, коканцы, киргизы, китайцы) ограничивается, преимущественно, фабрикаціей шелковыхъ и хлопчато-бумажныхъ матерій и производствомъ войлочныхъ издѣлій. Хотанскій шелкъ сырецъ довольно грубъ и невысокаго качества; причину относятъ какъ къ существующему первобытному способу обработки, такъ и къ тому, что онъ мало вывозится, служа, большею частью, только спросу туземцевъ. „Если бы, за-

*) См. Политическое обозрѣніе въ № 48 нашего журнала за прошлый, 1878 годъ.

мѣчаетъ одинъ британецъ путешественникъ, установились правильныя торговыя сношенія между Хотаномъ и британскою Индіей, то продуктъ этотъ быстро возвысился бы въ своихъ достоинствахъ, какъ это напримѣръ, произошло съ Кашмирскимъ шелкомъ". Что касается хлопчато-бумажныхъ фабрикатовъ—они, въ значительномъ количествѣ, вывозятся за Тянь-Шань, въ Бадохшанъ и русскій Туркестанъ. Издѣлія изъ войлока—ковры и проч. т. п. приготовляются, главнымъ образомъ, въ Кашгарѣ и прилежащихъ мѣстностяхъ.

Главные города края, Яркандъ и Кашгаръ—довольно значительные торговые центры. Первый расположенъ, подъ 38° 25′ сѣверной широты и 77° 12′ восточной долготы среди цвѣтущей и населенной долины, возвышающейся на 3,800 ф. надъ уровнемъ моря. Это—обыкновенный типъ средне-азіатскихъ городовъ, вѣроятно, мало измѣнившій свою физіономію со времени Марко-Поло. Весь затонувшій въ зелени густо разросшихся садовъ, состоящій, почти сплошь, изъ глиняныхъ построекъ, Яркандъ дѣлится на новый и старый городъ. Старая часть обнесена толстой глиняной стѣной, въ 25—30 ф. вышины, ведутъ въ нее четверо главныхъ воротъ, кромѣ нѣсколькихъ меньшихъ. Новая часть (Янги-Шааръ) лежитъ немного выше стараго города и тамъ, еще недавно, при Якубъ-Бекѣ, жилъ его губернаторъ, со всей своей свитой. Строгость и требовательность восточнаго этикета извѣстны каждому. Вотъ, напримѣръ, съ соблюденіемъ какого церемоніала происходитъ у яркандскаго губернатора пріемъ иностранныхъ посланниковъ и другихъ почетныхъ гостей. У перваго входа, снаружи, стояла, обыкновенно, многочисленная стража; затѣмъ, въ ближайшей комнатѣ, или залѣ, посѣтителей ожидалъ какой либо важный мѣстный сановникъ, высказывавшій привѣтствіе, заключавшее въ себѣ вопросъ о здоровьѣ—на что ему слѣдовало отвѣчать, согласно установленной формулѣ: „по вашей милости, чувствую себя прекрасно;" при этомъ выполнялся обычный селямъ—поклонъ, сопровождающійся прикосновеніемъ руки къ сердцу. Затѣмъ, гости проходили, послѣдовательно, три двора, вдоль стѣнъ которыхъ—какъ это можно видѣть на нашемъ рисункѣ—сидѣли на корточкахъ вооруженные тѣлохранители и свита—въ чалмахъ и чогахъ, т. е. толстыхъ стеганыхъ халатахъ, стянутыхъ у таліи поясомъ. Самъ губернаторъ находился, по обыкновенію, на третьемъ дворѣ, помѣщаясь на противоположномъ отъ входа концѣ: при появленіи почетныхъ посѣтителей, онъ вставалъ и шелъ медленно впередъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы сдѣлать лишь нѣсколько шаговъ навстрѣчу прибывшимъ, которые, въ это время, успѣвали пройдти почти все пространство. Собственно, пріемъ продолжался не болѣе ¼ часа или 20-ти минутъ и состоялъ въ обмѣнѣ высокопарныхъ любезностей, передачѣ подарковъ губернаторовъ, (онъ отсылалъ свои дары на квартиру гостей) и угощенія, предлагавшемся этимъ послѣднимъ.

Улицы Ярканда постоянно оживлены шумной, пестрой толпой, яркимъ узоромъ движущейся по всѣмъ направленіямъ. Нерѣдко попадаются и женщины, привыкшія, еще при первомъ китайскомъ владычествѣ до Якубъ-Бека, къ большой свободѣ, нѣсколько стѣсненной строгимъ эмиромъ. Костюмъ „Яркандскихъ дамъ" довольно оригиналенъ. По словамъ г. Чэпмена, сопровождавшаго, въ 1874 г., британскаго посланника къ эмиру, г. Форсита—яркандки зимой носятъ на головѣ нѣчто въ родѣ плоской, большой мерлушковой шапки (онѣ называютъ ее тюрбаномъ), крытой сверху мѣхомъ выдры и окруженной, обшитой шелковой или бумажной матеріей; сзади этого головнаго убора, на спину, ниспадаетъ бѣлая муслиновая фата, иногда сбирающаяся на плеча, въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣняющая чадру. Волосы обыкновенно заплетены въ двѣ косы, у иныхъ же распущены локонами. Платье женщины длинное и широкое, но безъ складокъ, причемъ, какъ увѣряетъ разсказчикъ, у замужнихъ на груди прошиты горизонтальныя петлицы, которыя и считаются видимымъ признакомъ, отличающимъ ихъ отъ дѣвушекъ. Поверхъ этого платье носится другое, изъ толстой бумажной матеріи и на ватѣ; оно бываетъ всевозможныхъ цвѣтовъ, начиная съ самыхъ скромныхъ и до самыхъ яркихъ, причемъ петлицы—непремѣнно, оттѣнка рѣзко отдѣляющагося отъ общаго тона. Преобладающіе цвѣта—сѣрый, шоколадный, темно-зеленый, голубой. По праздничнымъ днямъ, обыкновенно, надѣваются платья изъ Хотанскаго или Андиджанскаго шелка, покрытыя рисунками à la chinoise, на чрезвычайно яркомъ фонѣ и украшенныя богатыми бордюрами и подкладкой; нижняя одежда, въ простые дни, бѣлая—тогда бываетъ тоже разныхъ цвѣтовъ. Костюмъ заканчивается красными, изящно отдѣланными сапожками. Дѣти, въ праздники, одѣты съ подобною же роскошью. У лицъ высшихъ классовъ платье, чаще всего—шелковое, подбитое дорогимъ мѣхомъ. Яркандки, повинуясь своеобразнымъ условіямъ туземной моды, соединяютъ краской брови; въ ходу фальшивыя косы и румяна. Лѣтомъ—одежда, сохраняя тотъ-же характеръ въ общемъ—менѣе сложная и болѣе легкая. Женщины, по большей части, красивы.

Послѣ боя.

Отчалилъ нашъ корабль... Душа моя полна
Воспоминаньями о боѣ;
Въ синѣющей дали Балкановъ цѣпь видна...
Вы тамъ—родимые герои!

Прощайте, удальцы! товарищи вамъ шлютъ
Привѣтъ послѣдній со слезами;
Заутра солнышко освѣтитъ вашъ пріютъ,
Но море ляжетъ между нами.

Прощай Болгарія! Мы не увидимъ вновь
Долинъ твоихъ теперь намъ милыхъ:
Тамъ столько родиной оплаканныхъ сыновъ
Въ сырыхъ покоятся могилахъ!

Прощайте же друзья—герои тѣхъ побѣдъ,
Что славой грозной Русь вѣнчали.
Товарищи! мы ей передадимъ привѣтъ
Что вы предъ смертью завѣщали...

Далеко насъ корабль отъ васъ уноситъ прочь,
Средь пѣны, брызгъ волны и шума.
Виситъ туманная надъ Чернымъ Моремъ ночь,
Гнететъ томительная дума.

Къ тебѣ, родная Русь, неслася ихъ мечта—
Средь вьюги горъ и въ шумѣ битвы.
Тебѣ святая кровь, что ими пролита,
Тебѣ предсмертныя молитвы!

Н. Бутовскій.

Очерки и разсказы

Вс. В. Крестовскаго.

(Окончаніе)

Санъ-Стефано.

XI.

Послѣдніе дни въ Санъ-Стефано Великаго Князя Главнокомандующаго.

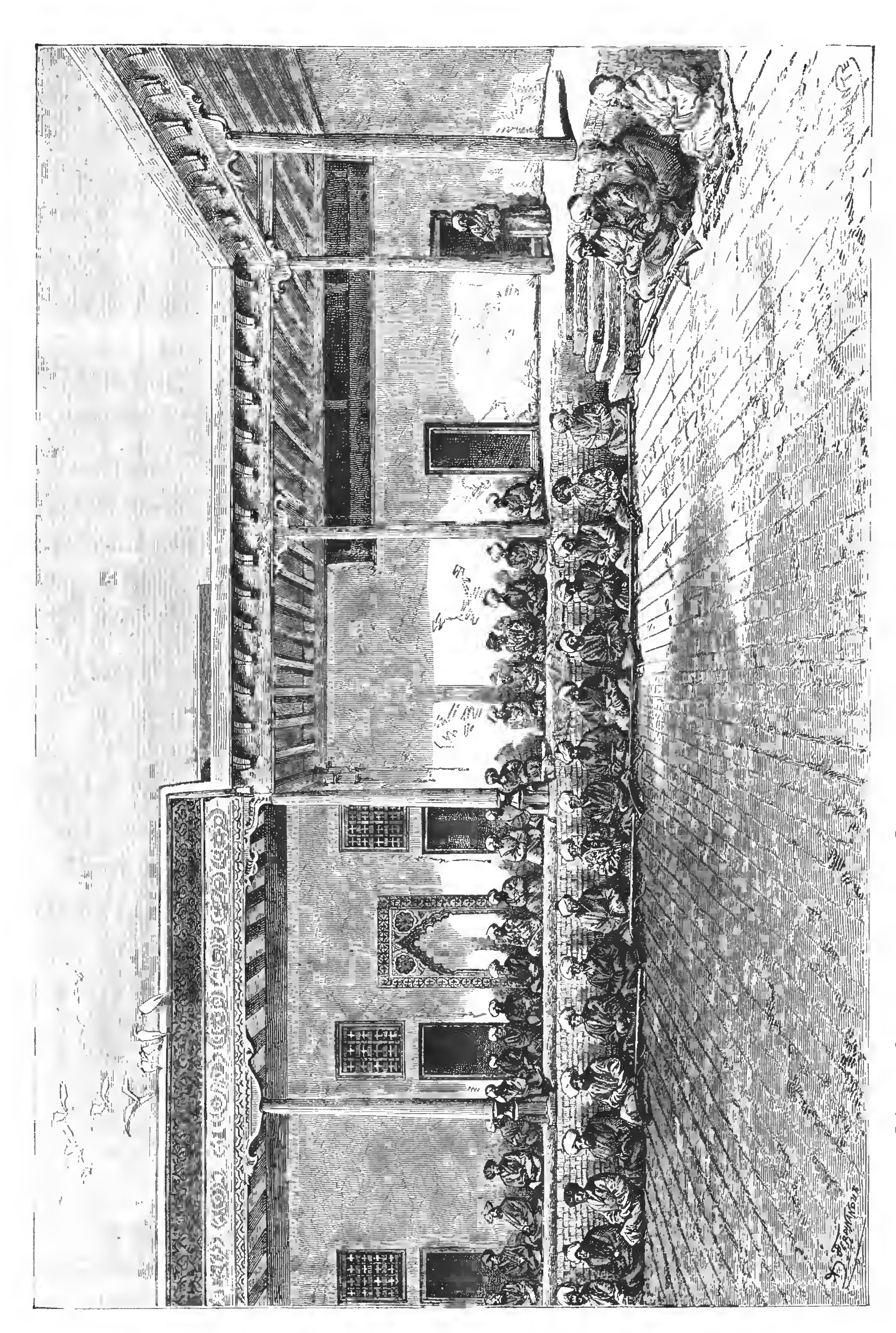
Слухи объ отъѣздѣ В. К.—Два концерта въ пользу турецкихъ бѣженцовъ.—Свѣтлое Христово Воскресенье въ С. Стефано.—Болгарская депутація.—Прощаніе Великаго Князя съ войсками.—Отъѣздъ Великаго Князя.

Еще въ первыхъ числахъ апрѣля 1878 года между русскимъ населеніемъ Санъ-Стефано стали ходить слухи, что Великій Князь въ непродолжительномъ времени оставитъ постъ главнокомандующаго дѣйствующею арміей, потому что чувствуетъ возвращеніе признаковъ той самой болѣзни, какою страдалъ еще въ Кишиневѣ. Говорили, что на мѣсто Его Высочества назначается генералъ-адъютантъ Тотлебенъ, а на мѣсто генерала Непокойчицкаго—князь Имеретинскій.

Великій Князь за послѣднее время часто бывалъ въ Константинополѣ, имѣя пребываніе на Императорской яхтѣ „Ливадія", съ борта которой иногда съѣзжалъ на берегъ, для посѣщеній русскаго посольства и для прогулокъ въ окрестностяхъ города. При этомъ каждый разъ Его Высочество оказывалъ вниманіе и матеріальную помощь тысячамъ турецкихъ бѣглецовъ, лишенныхъ пристанища и средствъ къ существованію. Ради помощи этимъ несчастнымъ, въ Константинополѣ было устроено два концерта, 11-го и 13-го апрѣля, исполненныхъ въ залѣ военной школы, въ Панкальди. На первомъ изъ нихъ обѣщалъ быть Султанъ и потому въ концертную залу собралось все высшее общество Перы и Стамбула. Русскихъ было немного, потому что афиши объ этомъ музыкальномъ празднествѣ не были заблаговременно и въ достаточномъ числѣ распространены въ Санъ-Стефано, были только тѣ, кто случайно успѣлъ узнать о концертѣ. Программа была уже исполнена почти на половину, а Султанъ все еще не показывался, какъ вдругъ въ залѣ появился, въ сопровожденіи нѣ-

Переходъ черезъ горы Санжу. По акварели Тепмана, рис. Ріу, грав. Меоль.

Пріемъ у Яркандскаго губернатора. Видъ наружнаго двора. Съ фотогр. рис. Фердинандъ грав. Лаплантъ.

сколькихъ турецкихъ сановниковъ, Намыкъ-паша и объявилъ во всеуслышаніе, что Его Величество Падишахъ, по причинѣ нездоровья, не можетъ пріѣхать, но поручилъ ему, Намыку, благодарить его именемъ всѣхъ присутствующихъ, за сочувствіе и помощь несчастнымъ бѣглецамъ. Всѣ прибывшіе сановники, вмѣстѣ съ Намыкомъ, размѣстились на покрытыхъ краснымъ сукномъ ступеняхъ трона, который былъ нарочно приготовленъ здѣсь для султана.

Узнавъ о второмъ концертѣ, который готовился на 13-е число, Великій Князь разрѣшилъ всѣмъ желающимъ офицерамъ присутствовать на немъ въ военной формѣ и самъ лично пожертвовалъ за свой билетъ около шести тысячъ франковъ. Не смотря на довольно высокую цѣну 27 франковъ за билетъ, что на наши кредитки составляетъ по нынѣшнему курсу болѣе десяти рублей, концертная зала была полна преимущественно нашимъ офицерствомъ. Фасадъ и дворъ военной школы были иллюминованы разноцвѣтными фонарями и лампіонами. Этотъ дворъ былъ переполненъ толпами любопытнаго простонародія, ради котораго тутъ же игралъ въ антрактахъ оркестръ турецкой военной музыки. Великій князь на концертѣ не присутствовалъ, хотя турки почему-то были увѣрены, что онъ непремѣнно будетъ. Распорядители концерта старались выказывать въ отношеніи русскихъ особенную любезность, за исключеніемъ впрочемъ одного лишь Фуада-паши, который все время угрюмо держался въ сторонѣ и усиленно кидалъ на нашихъ офицеровъ взгляды исполненные ненависти, видимо стараясь, чтобы это было замѣчено ими. Но такое поведеніе этого паши если и смущало кого-либо, то никакъ не офицеровъ, а самихъ распорядителей концерта *).

15-го апрѣля русскій пароходъ „Цесаревна" привезъ въ Санъ-Стефано генералъ-адъютанта Тотлебена съ княземъ Имеретинскимъ, которые въ тотъ же день присутствовали на обѣдѣ у Его Высочества. Это былъ канунъ Пасхи. Къ нашимъ войскамъ еще за нѣсколько дней особый пароходъ привезъ изъ Одессы массу куличей, пасокъ, красныхъ яицъ, окороковъ и прочаго, чтобы солдаты могли разговѣться на чужбинѣ также же, какъ и у себя на родинѣ. Заутреня совершалась полковыми священниками на мѣстахъ бивуачнаго расположенія войскъ, подъ открытымъ небомъ. Ночь была ясна, тепла и столь тиха, что свѣчи не гасли на воздухѣ и горѣли ровнымъ пламенемъ. Санъ-Стефано было переполнено народомъ, нарочно пришедшимъ изъ Константинополя и окрестныхъ деревень, причисленныхъ къ мѣстному приходу. Сюда же, въ ожиданіи заутрени, собралась масса русскаго офицерства верхами и въ экипажахъ. Всѣ дома мѣстечка были иллюминованы цвѣтными фонарями, свѣчами и шкаликами, и убраны надъ входами и по стѣнамъ гирляндами лавровъ и миртовъ. Суда стоявшія на рейдѣ тоже подняли цвѣтные фонари и флаги, а русскіе военные пароходы все время жгли цѣлые ряды бенгальскихъ огней и фальшфейеровъ, вслѣдствіе чего видъ на море, при чудномъ лунномъ освѣщеніи, былъ необыкновенно эффектенъ. Незадолго до заутрени, Савфетъ-паша, прибывшій въ Санъ-Стефано, былъ представленъ Великимъ Княземъ генералу Тотлебену, какъ новому главнокомандующему русской дѣйствующей арміи.

Минутъ за пять до полуночи, Его Высочество пришелъ въ санъ-стефанскую греческую церковь, а ровно въ полночь изъ дверей ея двинулся крестный ходъ, обошедшій вокругъ храма. Вся площадь, ближайшія улицы и морской берегъ были усѣяны мигающими звѣздочками разомъ зажегшихся свѣчекъ: толпы молящихся солдатъ и народа густо наполняли всю мѣстность прилегающую къ церкви. Адъютанты и ординарцы Великаго Князя несли въ процессіи походные образа Его Высочества, а одинъ лейбъ-казакъ шелъ впереди съ великокняжескою хоругвію. Божественную службу совершало русское и греческое духовенство; на обоихъ клиросахъ пѣли два хора—одинъ изъ русскихъ любителей, другой—изъ походныхъ пѣвчихъ придворной капеллы. На внутренней церковной галлереѣ стояли русскія дамы и сестры милосердія и весь храмъ, залитый свѣтомъ, былъ переполненъ офицерами въ парадной походной формѣ. Служба продолжалась менѣе двухъ часовъ, послѣ чего всѣ присутствующіе были приглашены разговляться въ столовую залу Великаго Князя.

16-го, въ самый день свѣтлаго праздника, прибыла въ Санъ-Стефано болгарская депутація, въ числѣ болѣе семидесяти человѣкъ, отъ всѣхъ важнѣйшихъ городовъ и мѣстечекъ болгарскаго края. Во главѣ этой депутаціи находился митрополитъ Софійскій, прибывшій сюда для поднесенія благодарственныхъ адресовъ отъ болгарскаго народа Великому Князю и, чрезъ посредство Его Высочества, Государю Императору. Эти адресы покрыты, каждый, болѣе чѣмъ двумя стами тысячъ подписей, и тотъ, который представляется на Высочайшее имя заключаетъ въ себѣ горячую благодарность всего народа за освобожденіе и мольбу о дальнѣйшемъ покровительствѣ. Между прочимъ, въ немъ выражена мысль, что по древнему болгарскому обычаю, христіанинъ, спасенный отъ бѣды и напасти, подносилъ своему избавителю наперстный крестъ, въ знакъ благодарности и духовнаго христіанскаго братства, а потому, возобновляя этотъ священный обычай, болгарскій народъ смиренно проситъ Его Величество принять и возложить на себя его народное подношеніе—золотой крестъ, водруженный на серебряномъ полумѣсяцѣ, въ память избавленія Болгаріи отъ ига турецкаго. Этотъ крестъ сдѣланъ чрезвычайно изящно и виситъ на трехцвѣтной лентѣ національныхъ болгарскихъ цвѣтовъ, продѣтой въ золотую пряжку, на которой изображено: внизу *1393 годъ* (годъ паденія царства болгарскаго) и вверху—*1878 года 19-го февраля*. На оборотной сторонѣ креста надпись: *Освободителю Царю—болгарскій народъ*. Въ томъ же адресѣ испрашивается Высочайшее разрѣшеніе носить подобные же кресты всѣмъ русскимъ людямъ, потрудившимся въ пользу Болгаріи, какъ знакъ воспоминанія о великой войнѣ за правое дѣло и свободу братьевъ.

Въ тотъ же день (16-го), около семи часовъ вечера послѣдовало приказаніе, что всѣ части санъ-стефанскаго отряда, совмѣстно съ нѣкоторыми другими изъ ближайше расположенныхъ войскъ, имѣютъ участвовать завтрашній день (17-го) въ парадѣ, назначаемомъ въ 11 часовъ утра, на полѣ между Санъ-Стефано и чифтликомъ Ай-Мама.

17-го апрѣля Его Высочество изволилъ принимать у себя въ саду всѣхъ лицъ штаба, отдѣловъ и управленій дѣйствующей арміи, при чемъ въ теплыхъ и трогательныхъ выраженіяхъ выразилъ имъ благодарность за 18-ти мѣсячную усердную службу, съ пожеланіемъ продолжать ихъ труды столь же ревностно и при новомъ главнокомандующемъ. Непосредственно затѣмъ Его Высочество изволилъ присутствовать на церемоніи освященія и врученія знаменъ, пожалованныхъ за боевыя отличія 14-му и 15-му стрѣлковымъ батальонамъ. Эта церемонія происходила на площади передъ домомъ, занимаемымъ Великимъ Княземъ.

По окончаніи торжества Августѣйшій Главнокомандующій, въ сопровожденіи свиты, отправился на смотръ войскъ, собранныхъ на обширномъ полѣ. Въ свитѣ присутствовали генералъ-адъютанты Тотлебенъ и князь Имеретинскій, а также германскій посолъ князь Рейсъ. Объѣзжая шагомъ фронтъ войскъ, выстроенныхъ колоннами въ четыре линіи, Великій Князь останавли-

*) Фуадъ-паша, будучи назначенъ на должность константинопольскаго коменданта, успѣлъ, вмѣстѣ съ пашею Мехмедомъ-Али, въ самое короткое время соорудить вокругъ столицы линію траншей, редутовъ и люнетовъ.

вался предъ частями, удостоенными отличiй за боевые подвиги и объявлялъ имъ объ этой Высочайшей милости. Послѣ объѣзда войскъ, Его Высочество вызвалъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, до батальонныхъ командировъ включительно, и въ лицѣ ихъ поблагодарилъ войска за лихую боевую службу, въ трогательныхъ выраженiяхъ выразилъ сожалѣнiе, что болѣзнь вынуждаетъ его разстаться съ ними и заключилъ надеждою, что если имъ придется сразиться съ новымъ врагомъ, то они покажутъ себя такими же молодцами, какъ и въ минувшую кампанiю. Послѣ этого войска прошли церемонiальнымъ маршемъ и были распущены по домамъ, а въ пять часовъ пополудни Его Высочество, въ сопровожденiи громадной толпы офицеровъ всѣхъ чиновъ, отправился на пристань, гдѣ еще разъ распростился съ ними при кликахъ войскъ, построившихся вдоль набережной. отъѣхалъ на паровомъ катерѣ на пароходъ „Ливадiя“, который тутъ же снялся съ якоря и отправился въ Константинополь. Сдѣлавъ прощальный визитъ султану, Великiй Князь на другой день отплылъ въ Россiю.

Исчисляемъ результаты боевыхъ призовъ, взятыхъ нашими войсками на Балканскомъ полуостровѣ, въ теченiи минувшей кампанiи, подъ главнымъ командованiемъ Его Высочества:

Въ плѣнъ взято 15 пашей, 113,000 штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ, отбито 606 орудiй разныхъ калибровъ, 9,600 палатокъ и 140,200 ружей различныхъ англiйскихъ системъ, 24,000 лошадей, 13,000 пикъ и до 200,000 прочаго оружiя.

КОНЕЦЪ.

„Налётъ“.

Русская быль XVI вѣка.

— Ты чего тутъ сиднемъ сидишь, ровно сычъ какой, обо всемъ бѣломъ свѣтѣ позабылъ?.. Аль въ жидовскую вѣру перешелъ, либо съ Татарвой снюхался?.. Ужь не къ Ляхамъ ли перебѣжать затѣялъ?

Такъ говорилъ, входя въ просторную новую избу, средняго роста плотный дѣтина, съ очень внушительнаго размѣра кулаками и самымъ беззаботнымъ выраженiемъ круглаго румянаго лица, опушеннаго темной бородкой. Одежда вошедшаго состояла изъ суконнаго охабня, распахнутаго на груди, изъ шелковой рубахи отороченной позументомъ, съ широкимъ кушакомъ отдѣланнымъ серебромъ и изъ поярковой шапки, сдвинутой на одно ухо. Въ сапоги изъ зеленаго сафьяна съ пестрымъ узоромъ и загнутыми концами засунуты были суконные порты, а изъ-за одного сапога торчалъ конецъ остраго засапожника *); кромѣ того на немъ было понавѣшано всякое оружiе: за спиной пищаль, съ боку мечь, за поясомъ кинжалъ да топоръ а въ рукахъ онъ держалъ тяжелый ослопъ. Безъ оружiя въ то время никто бы не отважился отойти за нѣсколько саженъ отъ своего жилья, не рискуя увидать изъ-за куста либо звѣря, либо лихаго татарина.

Сбросивъ съ себя тяжелую пищаль и ослопъ, вошедшiй продолжалъ говорить: „Эхъ голова, ты видно все съ той дѣвчонкой хороводишься... Около бабьей тѣлогрѣи трешься. Не гоже это братъ Ксенофонтъ“...

Тотъ къ кому относились такiе рѣзкiе упреки былъ молодой парень лѣтъ 19-ти, съ симпатичной наружностью, еще безбородый, высокiй, статный и очень красивый; но въ эту минуту выраженiе его большихъ карихъ глазъ было самое печальное и вся поза облокотившагося на подоконницу юноши носила на себѣ оттѣнокъ скуки и безнадежности; одѣтъ онъ былъ въ бѣлую холщевую рубаху, крашенинные порты и сапоги изъ грубой сырой кожи безъ всякихъ украшенiй.

— Убирайся ты къ чертямъ, со всѣми дѣвчонками!.. Тебѣ въ пору съ ними ватажиться, а у меня и въ разумѣ того не бывало!.. съ досадой возразилъ Ксенофонтъ.

— Врешь, друже!.. меня не проведешь!.. Не съ проету кличка мнѣ Сердцевѣдъ!.. Чую я твою кручинушку... Одному дивлюсь, что изъ такого могучаго, отважнаго звѣролова, какимъ ты былъ прежде, нонѣ ты бабой сталъ...

— Отстань ты Христа ради!.. оборвалъ его Ксенофонтъ вставая и, чтобы замять разговоръ, спросилъ:

— Куда это ты срядился?.. Ай на ловы?..

— А вотъ повѣдаю... Ну ты, братенька, не серчай на мои рѣчи, а давай поздравствуемся, и Сердцевѣдъ, обнявъ Ксенофонта, дружелюбно съ нимъ разцѣловался.

— Перво на перво... началъ онъ.—Нѣтъ, постой! въ глоткѣ пересохло... дай-ка чего ни есть перекусить, да не найдешь ли у тетки Матрены чего выпить? Добрая чара зелена вина люба мнѣ пуще золота и красной дѣвки... А второе, будетъ вотъ что: пока ты тутъ нылъ, у насъ въ Сеньковскомъ гаю семейка зубастыхъ рысей завелась...

— Ой ли?.. встрепенулся Ксенофонтъ, въ которомъ заговорила страсть охотника.

— Право слово!.. Срядились мы это на ловы съ Митькой Лядащимъ, съ Петрухой, да съ Куцымъ...

— Изловили что-ль?.. нетерпѣливо спросилъ Ксенофонтъ.

Сердцевѣдъ рукой махнулъ. „Какой-те изловили! Самецъ-отъ рысiй Петруху зѣло подралъ... Ино со спины всю шкуру спустилъ, а самка-то рысиха борзыхъ моихъ перекусала... а бить ее было неспособно, не ровно и пса расшибешь... Такъ и ушла къ лѣшему“...

Ксенофонтъ презрительно усмѣхнулся:

— Эхъ вы горевые ловцы!.. только звѣрье вамъ пугать!.. Не знаю за что васъ бояринъ хлѣбомъ кормитъ... А еще тебя въ набольшiе поставилъ и особливо жалуетъ...

— Ладно!.. погляжу я какъ-то ты будешь ловить... Я вѣдь за тобой пришелъ... Закусимъ и въ гай!..

Ксенофонтъ не возражая полѣзъ въ печку, вытащилъ горшокъ, налилъ въ чашку похлебки, положилъ на столъ каравай и досталъ изъ подполья жбанъ браги, да сулею вина.

— Гдѣ-жь тетка Матрена? спросилъ Сердцевѣдъ, усаживаясь за столъ и принимаясь за ѣду.

— Къ крестницѣ пошла... Ну-ка разскажи, какъ ты живешь-можешь?.. Какъ съ боярскими холопьями ладишь?

Веселое, смѣющееся лицо Сердцевѣда внезапно измѣнилось: онъ нахмурился и тяжело вздохнулъ.

— Эхъ, друже!.. Не ладно мнѣ живется! Закабалился я къ боярину, а прошло недѣли четыре и жизнь мнѣ стала не мила! Не то чтобъ онъ меня обижалъ... нѣтъ!.. по нраву я ему пришелся и ловчимъ набольшимъ онъ меня поставилъ, и серебра и одежи надавалъ, и сытъ я и пьянъ по горло!.. А все на душѣ у меня тоска словно змѣй сосетъ!.. Къ добрымъ людямъ глазъ не показывай: всѣ корятъ что съ разбойницкимъ атаманомъ связался... Такъ бы и убѣгъ, да боязно: изъимаетъ меня да хоромами пожалуетъ—двумя столбами съ перекладиной кленовою, да съ петелькой шелковою.

— Самъ виноватъ! сказалъ Ксенофонтъ. Говорилъ я тогда: ей, не закабаливайся—спокаешься! воля дороже!

— Спокаялся-то я это вѣрно, да что прошло того не воротишь... попала пташка въ западню, какъ ни бейся, не вырвешься!.. Только и забываю горе за виномъ, да на звѣроловствѣ... Ну, а ты какъ?..

Ксенофонтъ молчалъ.

— Да что жь ты взаправду?.. я тебѣ али лихой ворогъ, что ты отъ меня таишься? вспыхнулъ Сердцевѣдъ.

*) Ножъ, который тогда носили за сапогомъ.

— Молвить-то нечего... дѣло мое впередъ не идетъ и назадъ не пятится... Подступиться-то къ ней трудно: вмѣсто ласки, не попробовать бы кнута... ты знаешь что бояре на это щедры... замялся Ксенофонтъ.

— Полно врать: бабье вездѣ одинаково, что холопка, что боярышня—за любовь не осерчаютъ... Ты чего носъ —отъ повѣсилъ?.. Ты смѣлѣй подступайся, ободрялъ его Сердцевѣдъ.

— Брось ты объ этомъ толковать... вотъ про рысь-то потолкуемъ: ты взаправду за мной зашелъ?..

— Вѣдь говорю что за тобой: бояринъ прислалъ, больно ты ему полюбился, какъ упустили мы рысей, такъ онъ и молвилъ: кабы-де Ксенофонтъ, не дали бы маху... потому, звѣроловъ онъ отмѣнный!.. Идемъ-же...

— Не охотно мнѣ съ нимъ, возжаться, передъ людьми и передъ Богомъ зазорно... И дернулъ же меня сатана въ ту пору медвѣдя побороть да ему на глаза попасть, нерѣшительно проговорилъ Ксенофонтъ.

Пришла его тетка, маленькая да сморщенная, но подвижная и шустрая старуха. Она какъ-то не ласково, словно съ сожалѣніемъ поздоровалась съ гостемъ и убравъ со стола остатки кушанья спросила:

— Ты куда, Ксенофонтъ собираешься?

— Въ Удолье, отвѣчалъ за него Сердцевѣдъ.

— Въ трущобу-то поганую!.. и старуха съ досадой плюнула! Самъ-отъ ты Ванька безпутный тамъ закабалился да и Ксенофонта въ пагубу тянешь!..

Сердцевѣдъ понурилъ голову и не возражая сталъ надѣвать свои доспѣхи. Ксенофонтъ также не обращая вниманія на воркотню тетки, одѣлся, взялъ свое оружіе и вышелъ съ товарищемъ изъ избы, которая стояла почти на краю селенія, такъ что они вскорѣ очутились въ густомъ и таинственномъ лѣсу, гдѣ на нихъ повѣяло свѣжей прохладой и охватило смолистымъ ароматомъ сосны; пріятели вспомнили свои былыя потѣхи въ этомъ волшебномъ, кишащемъ звѣремъ, бору и всѣ ихъ мрачныя думы отлетѣли... Опять весело и бодро шагали они, прислушиваясь, всматриваясь въ чащу и держа оружіе на готовѣ.

Это происходило въ 1533 году въ началѣ іюня. Не далеко отъ Зарайска, Рязанской губерніи, была тогда деревня Покровка, отъ которой теперь не осталось и слѣда, кромѣ нѣсколькихъ кургановъ. Въ ту пору жители этой деревни были вольные хлѣбопашцы и трудъ ихъ щедро вознаграждала тучная плодоносная почва: кромѣ того крестьяне промышляли пчеловодствомъ, лѣснымъ издѣліемъ, да звѣринымъ ловомъ; къ числу самыхъ искусныхъ ловцевъ принадлежалъ Ксенофонтъ Семеновъ Коряга.

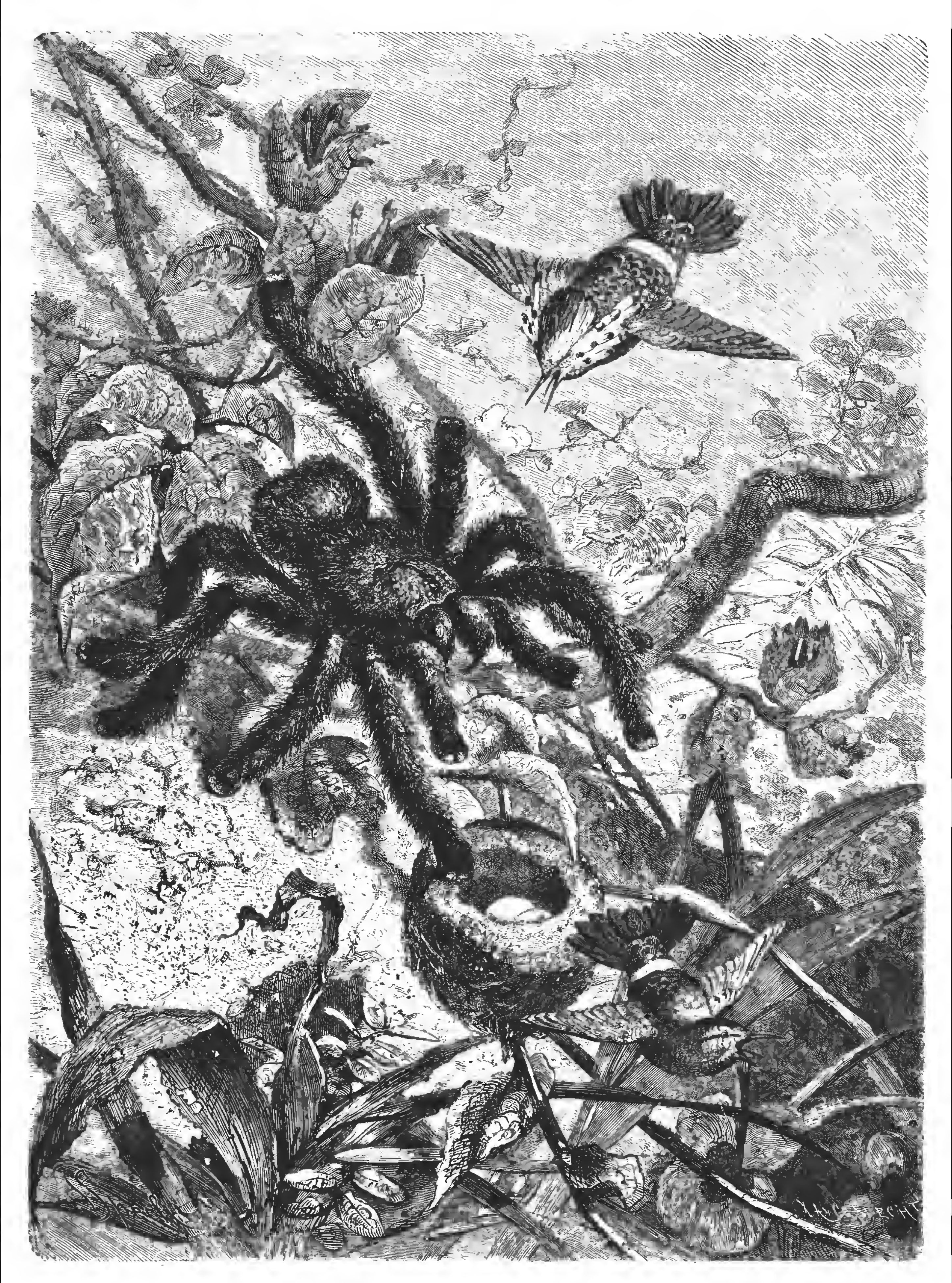
Отецъ его былъ страстнымъ и отважнымъ звѣроловомъ и таскалъ по лѣсамъ маленькаго Ксенофонта, который съ дѣтства втянулся въ вольную, бродячую жизнь охотника. Ему было не болѣе 10 лѣтъ когда и мать его и отецъ умерли почти одновременно отъ одной изъ тѣхъ эпидемій, которыя заносили къ намъ неопрятныя орды татарскія. Полъ-деревни тогда вымерло, а Ксенофонта пріютила его тетка, оставшаяся одна изъ всей своей семьи въ живыхъ. Ксенофонтъ платилъ теткѣ своимъ трудомъ, то есть онъ для нея пахалъ да сѣялъ, а въ гулевое время занимался охотой, мѣняя дичь и звѣриныя шкуры на одежду, оружіе и припасы для себя, то есть пули, зеліе, фитили, не забывая и предметы домашней роскоши: горшки, чашки, узорчатыя ложки, котлы и пр.

Яркандская женщина. Рис. Декоръ, грав. Лапланть.

Иванъ Ѳедоровъ, по прозвищу Сердцевѣдъ, былъ двоюродный братъ Ксенофонта; съ дѣтства онъ почти постоянно жилъ у дяди и вмѣстѣ съ нимъ бѣгалъ по лѣсамъ; когда же дядя умеръ, Иванъ всю свою любовь сосредоточилъ на Ксенофонтѣ, который былъ нѣсколькими годами моложе его. Не смотря на тѣсную дружбу, молодые люди были совершенно различнаго характера; Ксенофонтъ не любилъ гульбы, праздной жизни и вина, а Иванъ Сердцевѣдъ напротивъ былъ общительный, веселый и удалой парень. Ему казалось тѣсно въ деревенскомъ быту, онъ все рвался на ратное поле, но случая такого не было, гдѣ онъ могъ вполнѣ развернуть свою удаль и онъ попалъ на кривую дорогу, вообразивъ что идетъ по пути къ счастью. Въ 10 верстахъ отъ Покровки была богатая усадьба князя Малмышева, одинокаго, брюзгливаго старика, не имѣвшаго ни семьи ни близкихъ родныхъ. Проживъ почти полвѣка въ своей усадьбѣ, называемой Удольемъ, князь Малмышевъ умеръ и имѣнье его, охраняемое вѣрнымъ ключникомъ, съ годъ оставалось безъ хозяина. Но вотъ, совсѣмъ неожиданно, на огромное наслѣдство Малмышева явился претендентъ, какой-то дальній его сродникъ. Какими документами онъ доказалъ свое право на наслѣдство, о томъ никто ничего не зналъ положительнаго, но въ Удолье онъ пріѣхалъ съ грамотой отъ Московскаго Великаго Князя Василья Іоановича III, вслѣдствіе чего ему безпрекословно была выдана и казна князя Малмышева и всѣ его угодья а въ томъ числѣ и Удолье съ его старинными хоромами, переполненными всякимъ добромъ.

Иная жизнь въ Удольѣ пошла при новомъ владѣльцѣ Юрiѣ Леонтьевичѣ Обрываевѣ: вся тихая и суровая обстановка, заведенная при старикѣ князѣ, преобразовалась въ шумныя, веселыя потѣхи.

Юрій Леонтьевичъ кликнулъ кличь, не желаетъ ли кто изъ удальцовъ поступить къ нему на службу псарями, ловчими и звѣроловами, такъ какъ самъ онъ былъ страстный охотникъ и всѣ дни проводилъ рыская по лѣсамъ да полямъ своей вотчины, а по ночамъ пировалъ со своими товарищами, при чемъ вино и медъ лились рѣкой и вся челядь вмѣстѣ съ боярами пила да гуляла безъ устали.

Паукъ-птицеловъ. Рис. и грав. Ф. Шпехтъ.

Иванъ Сердцевѣдъ зарился на такое привольное житье и закабалился къ боярину Обрываеву.

Крѣпостное право на Руси было введено Борисомъ Годуновымъ въ концѣ XVI столѣтія, но въ описываемую нами эпоху крестьяне были свободны и имѣли право переходить отъ одного владѣльца къ другому. Для удержанія крестьянъ отъ частыхъ и разорительныхъ перебѣжекъ, бояре придумали средство, одобренное Правительствомъ. Это была добровольная кабала одного лица или цѣлой семьи а часто закабаливали себя и со всѣмъ потомствомъ. Это было своего рода рабство, продажа совершаемая главой семьи; иногда отцы закабаливали непокорныхъ дѣтей, мужъ продавалъ жену, или же самъ отъ дурнаго житья уходилъ въ кабалу къ другому владѣльцу.

Такъ поступилъ и Иванъ Сердцевѣдъ, закабаливъ себя не на всю жизнь а только на два года, за три серебряныхъ рубля, да кромѣ того одежи и харчей сколько потребно. Онъ надѣялся попировать, да въ волю нагуляться у Обрываева, но такъ какъ душа Сердцевѣда была не совсѣмъ закалена отъ упрековъ совѣсти, то онъ скоро раскаялся въ томъ, что попалъ въ эту шайку безсовѣстныхъ и отчаянныхъ негодяевъ.

Юрій Леонтьевичъ былъ человѣкъ деспотическаго характера и кромѣ того имѣлъ самыя порочныя наклонности; при неожиданно полученномъ огромномъ богатствѣ, онъ далъ полную волю своему дикому произволу и скоро въ округѣ заслужилъ такую худую славу, что всякій избѣгалъ сношеній съ нимъ и трепеталъ при встрѣчѣ съ Удольскимъ бояриномъ.

Первое его знакомство съ сосѣдними помѣщиками ознаменовалось дерзкимъ оскорбленіемъ. Онъ разослалъ къ нимъ гонцевъ съ приглашеніемъ на пиръ а когда всѣ собрались, то онъ выгналъ ихъ съ безчестьемъ и велѣлъ, выпустивъ собакъ, что на медвѣдей ходили, травить ими перепуганныхъ бояръ, едва успѣвшихъ ускакать живыми отъ такого угощенія. Нѣкоторые изъ обиженныхъ затѣяли было съ Обрываевымъ тяжбу, но это имъ дорого обошлось.

Продѣлка Юрія Леонтьевича сошла ему безнаказанно; къ приказнымъ да думнымъ подъячимъ въѣхали въ ворота обозы съ дарами да кормомъ изъ Удолья, а Обрываевъ, собравъ свою кабальную челядь началъ дѣлать набѣги на вотчины челобитчиковъ, гдѣ пограбилъ, гдѣ попалилъ, а гдѣ дѣвокъ—красавицъ пополонилъ... Послѣ такой жестокой отместки, сосѣди присмирѣли.

Страхъ и общая ненависть окружили Удолье несокрушимой оградой. Юрій Леонтьевичъ Обрываевъ сталъ пугаломъ для женщинъ и дѣтей, мужчины проклинали его, но никто не осмѣливался ему противиться.

Иванъ Сердцевѣдъ не участвовалъ въ продѣлкахъ боярина; его занятія состояли исключительно въ звѣроловствѣ, но живя подъ одной кровлей съ безшабашной ватагой челяди, готовой на всевозможныя преступленія, ему часто случалось присутствовать при ужасныхъ оргіяхъ, гдѣ раздавались и наглыя пѣсни пьяныхъ негодяевъ и вопли опозоренныхъ женщинъ да избитыхъ отцевъ и мужей. Руки чесались у Сердцевѣда заступиться за несчастныхъ, а между тѣмъ онъ зналъ, что пособить не можетъ—приходилось молчать да каяться, что закабалилъ себя въ такія руки.

Сердцевѣдъ затосковалъ; въ деревню Покровку ему и глазъ нельзя было показать безъ того, чтобъ на него со всѣхъ сторонъ не посыпались упреки и брань.

Какъ-то разъ онъ уговорилъ Ксенофонта принять участіе въ боярской охотѣ и, не предчувствуя бѣды. Ксенофонтъ пошелъ съ нимъ больше изъ любопытства.

II.

Село Удолье было расположено на гладкомъ и обширномъ полѣ, что доказывало и самое его названіе такъ какъ „удолье“ означаетъ долину, окруженную лѣсомъ. Усадьба стояла въ полуверстѣ отъ села: съ одной стороны вдали виднѣлось озеро, съ другой рѣка; берега были покрыты густымъ лѣсомъ, отвсюду загораживавшимъ горизонтъ, словно зелено-голубоватымъ туманомъ, сливаясь въ безграничномъ пространствѣ съ вечерней зарей или лѣтней звѣздной ночью.

Когда Ксенофонтъ пришелъ въ первый разъ въ Удолье, бояринъ Обрываевъ сбирался на ловы. У никогда не видавшаго боярской пышности, Ксенофонта зарябило въ глазахъ отъ пестрой ватаги псарей, великолѣпныхъ аргамаковъ, огромныхъ лохматыхъ псовъ и отъ блеска оружія, особенно цѣнимаго охотниками.

— Эхъ, гоже съ такими псами, да на такихъ жеребцахъ въ гаю рыскать!,. подумалъ Ксенофонтъ.

Иванъ Сердцевѣдъ представилъ его боярину и сказалъ что онъ отмѣнный звѣроловъ.

— Ладно.. попытаемъ твою удаль... бери доспѣхи какіе нужно для боя съ косматымъ.. сказалъ Обрываевъ.

— Не надо мнѣ иныхъ доспѣховъ, кромѣ добраго ножа: хаживалъ я на косматаго одинъ на одинъ... похрабрился Ксенофонтъ.

— Смотри дѣтина!.. Коли поборешь. полну шапку алтынъ накидаю тебѣ, а коли совралъ... пеняй на себя!.. и Юрій Леонтьевичъ велѣлъ дать Ксенофонту ножъ.

Началась облава; медвѣдя подняли и потравили, когда же онъ вышелъ на поляну, Обрываевъ крикнулъ псарямъ: не замай дѣтина поборется, а вы всѣ отойдите и псовъ отзовите...

Это была жестокая проба Ксенофонтовой удали: боролся онъ въ гаю, когда никто того не видалъ, но тутъ, при многочисленныхъ свидѣтеляхъ, ему стало неловко и боязно... Однако пятиться было не возможно и Ксенофонтъ, перекрестясь да прошептавъ молитву, пошелъ на страшнаго противника. Космачъ почуялъ, что попалъ на настоящаго ловца. Онъ потоптался на одномъ мѣстѣ, подралъ лапами землю, словно точилъ когти, потомъ дико взревѣлъ и ставъ на дыбы, пошелъ на врага. Ксенофонтъ стоялъ какъ окаменѣлый, не спуская глазъ съ приближавшагося царя лѣсовъ...

Вотъ ужъ горячій паръ звѣриной пасти коснулся лица охотника: онъ взмахнулъ рукою и по самую рукоять вонзилъ ножъ въ брюхо медвѣдя. Однимъ ловкимъ скачкомъ Ксенофонтъ избѣжалъ опасности отъ могучихъ когтей звѣря, который заметался, покатился на землю и сталъ корчиться въ предсмертной агоніи...

Бояринъ Обрываевъ былъ въ восторгѣ.

— Подставляй шапку!.. крикнулъ онъ Ксенофонту, но Ксенофонтъ спокойно отвѣчалъ:

— Спасибо, бояринъ! не за что мнѣ твои алтыны брать. А вотъ подари мнѣ тотъ ножъ, что у косматаго въ брюхѣ торчитъ...

— Изволь молодецъ!.. вижу я что ты звѣроловъ настоящій и до деньги не алчный... Ты бы шелъ ко мнѣ на службу, въ годы... Что запросишь, всего бы я тебѣ далъ и ничего бы не пожалѣлъ...

Хоть слово—кабала и не было упомянуто хитрымъ бояриномъ, но Ксенофонтъ хорошо понялъ что значило „идти въ годы,“ по этому онъ рѣшительно отвѣчалъ:

— Нѣтъ бояринъ!.. ни за серебро, ни за злато я свою волюшку не продамъ!..

— Инъ будь по твоему, коли воли тебѣ жалко... Ходи ко мнѣ почаще, гость ты мнѣ завсегда желанный... сказалъ Юрій Леонтьевичъ, перемѣнивъ тонъ, когда замѣтилъ что напалъ не на зауряднаго шелопая, а на человѣка съ совѣстью и самостоятельнаго.

Однако Обрываевъ не оставилъ своего намѣренія завладѣть ловкимъ охотникомъ; если Ксенофонтъ былъ упрямъ, то и бояринъ не менѣе его хотѣлъ поставить на своемъ. Нѣсколько разъ онъ присылалъ за Ксенофонтомъ и онъ, хоть неохотно, а являлся на зовъ: наконецъ ему наскучило то что сначала такъ понравилось: вся эта ватага, крикъ, гамъ по лѣсу, безпоря-

дочное, сумазбродное рысканье на коняхъ, только распугивало звѣря и Ксенофонтъ досадовалъ, что его завѣтные, укромные тайники, куда онъ привыкъ съ дѣтства ходить одинъ, иногда проводя цѣлые дни въ наблюденіи за семьей какого нибудь звѣрка или просто любуясь таинственнымъ великолѣпіемъ лѣса, теперь безцѣльно топчутъ боярскіе аргамаки и оглашаютъ пьянымъ гикомъ боярскіе холопья, кабальная голь-перекатная.

Стояло жаркое и сухое лѣто. Солнце, обогнувъ горизонтъ и накаливъ воздухъ своими лучами, склонялось къ западу, обливая всю природу желтымъ, тусклымъ свѣтомъ; лѣса издали казались подернутыми дымомъ а въ воздухѣ чувствовался запахъ гари: это горѣли болота, которыя всегда, разъ зажженные неосторожнымъ путникомъ или пастухомъ, горятъ до самой осени. Было такъ душно, что растительность поблекла, люди и животныя ходили понуривъ голову, только и отдыхая, когда солнце, спрятавъ за горизонтъ свой пылавшій дискъ, уступало мѣсто прохладѣ росистой ночи.

Народъ приписывалъ эти необычайные жары и засуху проявленію Божьяго гнѣва *), да кромѣ того, распространились зловѣщіе слухи о нашествіи Крымцевъ.

Въ Удольѣ никто не обращалъ вниманія на эти печальныя предзнаменованія: бояринъ Обрываевъ былъ достаточно богатъ, чтобы въ случаѣ неурожая, прокормить свою многочисленную челядь, которая проводила и дни и ночи за пирами, надѣясь на свою силу и оружіе, въ случаѣ нападенія, по этому никакихъ предосторожностей не предпринимали, а старинныя стѣны да рвы, окружавшія усадьбу князя Малмышева, отъ времени обсыпались да развалились. Былъ уже вечеръ, когда Иванъ Сердцевѣдъ и Ксенофонтъ пришли въ Удолье, обширный боярскій дворъ представлялъ оживленную, блестящую картину: богато одѣтые псари выводили изъ конюшенъ и сѣдлали прекрасныхъ коней; выпускали изъ хлѣвовъ собакъ, готовили оружіе и пробовали охотничьи рога. Возгласы, ржаніе, лай, звуки роговъ и свистъ наполняли окружные лѣса шумомъ, да гамомъ, которые далеко разносили вѣсть о предстоящей ловчей потѣхѣ ночью, при свѣтѣ смолистыхъ факеловъ, такъ какъ охотиться днемъ, по удушливой жарѣ было не удобно.

Вскорѣ на крыльцо вышелъ бояринъ Юрій Леонтьевичъ и замѣтивъ Ксенофонта усмѣхнулся.

— На силу-то ты пожаловалъ, молодецъ!.. Попытай-ка свое счастье; не затравишь ли рысь...

— Попытаю!.. возразилъ Ксенофонтъ и подумалъ:

— Тебѣ опять хочется меня на потѣху заманить... и передъ нимъ явился призракъ ужаснаго звѣря, готоваго задавить почти безоружнаго удальца, пока этотъ безчувственный, жестокій бояринъ съ любопытствомъ ждалъ какъ потѣшнаго зрѣлища, что вотъ медвѣдь изломаетъ, изувѣчитъ человѣка, а когда отъ него останется одна окровавленная масса, онъ приказалъ бы своимъ холопьямъ бросить трупъ куда нибудь въ оврагъ. Злоба вспыхнула въ сердцѣ Ксенофонта, но онъ безъ возраженія послѣдовалъ за ватагой псарей.

Таинственная тишь лѣсной ночи превратилась въ какую-то дикую, волшебную сцену: багровый свѣтъ факеловъ, крикъ, топотъ и звукъ роговъ, спугивали птицъ съ вѣтвей деревъ; онѣ кружились надъ огнемъ и какъ ослѣпленныя ударялись объ охотниковъ, падая съ опаленными крыльями; звѣри, ошеломленные огнемъ и шумомъ, выскакивали изъ чащи и кидались подъ ноги лошадей, которые храпѣли и поднимались на дыбы. Въ этомъ хаосѣ разумѣется трудно было попасть въ звѣря, да пьяные псари болѣе потѣшались, чѣмъ искали добычи. Ксенофонтъ ѣхалъ верхомъ на одномъ изъ боярскихъ коней: онъ удалился отъ общей ватаги и задумчиво слѣдилъ глазами за мелькавшими огненными полосами, по темной древесной листвѣ. Бояринъ Обрываевъ, уставъ отъ быстрой ѣзды, остановился подъ густымъ, развѣсистымъ дубомъ; онъ снялъ шапку и обтиралъ потъ со лба: Ксенофонтъ былъ отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ, когда поднявъ глаза нечаянно замѣтилъ на одномъ изъ дубовыхъ суковъ что-то особенное. Съ навыкомъ опытнаго охотника, онъ тотчасъ догадался, что боярину грозитъ страшная опасность. „Берегись!“ крикнулъ онъ, забывъ свою ненависть; но не успѣлъ онъ сказать чего надо было беречься, какъ крупный рысь соскочилъ съ дерева прямо на лошадь боярина и вцѣпился въ нее когтями да зубами. Съ быстротой молніи Ксенофонтъ подскочилъ къ лошади, уже сбросившей своего сѣдока и ударомъ меча разсѣкъ голову рысю, успѣвъ при томъ лѣвой рукою схватить за удила дрожавшую и бившуюся отъ страха лошадь боярина. На зовъ Обрываева собрались его псари и окружили издыхавшаго хищнаго звѣря, съ завистью слушая разсказъ боярина о ловкости и находчивости Ксенофонта. Этимъ эпизодомъ завершилась охота; рыся привязали къ двумъ лошадямъ и обратное шествіе съ факелами направилось къ хоромамъ Удолья, гдѣ до утра шло пьянство и веселье, но Ксенофонтъ вина не пилъ и забравшись на душистое сѣно гдѣ-то въ клѣти, крѣпко заснулъ, намѣреваясь утромъ уйдти въ свою деревню. Однако проходя по двору довольно рано, онъ былъ остановленъ Сердцевѣдомъ, который еще только шелъ спать послѣ безсонной, веселой ночи.

— Ту куда? спросилъ онъ у пріятеля и узнавъ что онъ собирался домой, сказалъ: „тебя не велѣно пускать, бояринъ съ тобой хочетъ перемолвиться“.

— Я еще не въ кабалѣ, что меня не выпускаютъ!.. вспыльчиво отвѣчалъ Ксенофонтъ.

— Все едино что кабальный... у боярина Обрываева руки длинныя, захочетъ, такъ со дна моря вытащитъ, отъ него не схоронишься друже!..

Съ этими словами Сердцевѣдъ скрылся въ дверяхъ пристройки, гдѣ жила боярская челядь.

Съ досадой пришлось Ксенофонту ждать пробужденія боярина Юрія Леонтьевича. Наконецъ его позвали въ хоромы и Обрываевъ опять сталъ уговаривать его идти къ нему въ ловчіе псари. Ксенофонтъ отказался подъ предлогомъ, что у него на рукахъ старуха тетка. Обрываевъ покраснѣлъ и гнѣвно сказалъ:

— Слушай, дѣтина!.. Еще никто меня не ослушивался и никому я не кланялся... Вотъ тебѣ мое послѣднее слово: иди, пока честью тебя зову, а не пойдешь—не пеняй!.. Да не задумай отъ меня утаиться!.. Я и на томъ свѣтѣ тебя найду... Даю тебѣ три дня на раздумье: погадай со своей старухой.

Ксенофонтъ съ ужасомъ глядѣлъ на зловѣщую фигуру боярина. Обрываевъ былъ средняго роста, плотный, мускулистый, лѣтъ 40, съ рыжеватыми волосами и бородой; красное лицо ясно доказывало его пристрастіе къ крѣпкому меду и вину; неопредѣленнаго цвѣта заплывшіе глаза выражали беззаботность и удаль, но при случаѣ умѣли сверкать злобой и упрямствомъ; такъ и теперь въ этихъ измѣнчивыхъ глазахъ Ксенофонтъ прочелъ свой приговоръ. Выходя изъ боярскихъ хоромъ онъ столкнулся съ любимымъ холопомъ Обрываева, по прозвищу Лукошко, малымъ лѣтъ 30 съ самой отвратительной наружностью, готоваго на всякія низости и пороки негодяя. „Что братъ, попался?.. Не суйся впередъ, не лѣзь къ боярамъ на глаза... Какъ бы изъ чести то да подъ кнутъ не угодить тебѣ“... прошипѣлъ завистливый холопъ; но Ксенофонтъ прошелъ мимо его безъ возраженій, не желая вступать въ споръ, который непремѣнно кончился бы дракой. Не весело было на душѣ молодаго охотника, когда шелъ онъ лѣсной тропой по направленію къ деревнѣ Покровкѣ; ему предстояло два исхода изъ затруднительнаго положенія: или

*) Лѣтописцы упоминаютъ о сильныхъ жарахъ и засухѣ въ 1533 году, угрожавшихъ народу голодомъ.

Въ Балканахъ. Прощаніе. Ориг. рис. профессора Зверина, грав. И. Снацкій.

Пойманный амуръ. Картина К. Броша, съ фотогр. Гупиля, грав. **Ивановъ.**

поступить въ ненавистную кабалу къ Обрываеву или немедленно покинуть родную сторону и бѣжать куда глаза глядятъ, подъ покровительство другого боярина, на столько сильнаго, чтобы не боялся владѣльца Удолья, а такого не легко было найти.

— Что-жь я ему на пагубу дамся?.. Вѣдь онъ и такъ ужь медвѣдемъ было затравилъ... Попадись-ко въ кабалу-то, не минуешь и кнута, какъ Лукошко стращаетъ... размышлялъ Ксенофонтъ.—Нѣтъ!.. Не хочу!.. убѣгу въ Глѣбово... авось не узнаютъ... а тамъ житье не такое какъ въ Удольѣ, тамъ я какъ у Христа за пазухой буду!.. и принявъ такое рѣшеніе, Ксенофонтъ ободрился, быстро шагая къ своей избенкѣ, въ которой ему жалко было покинуть старуху-тетку, но другого средства не было.

(Продолженіе будетъ)

Катастрофа въ Сегединѣ.

Всѣ политическія дѣла въ Венгріи отодвинулись на задній планъ передъ громадною катастрофою, постигшею городъ Сегединъ, послѣ Пешта лучшій изъ городовъ Венгріи, съ 70 тысячнымъ населеніемъ. Онъ сдѣлался жертвою наводненія, послѣдовавшаго вслѣдствіе разлива рѣки Тейссы.

Страшный ураганъ—вихрь, поднявшійся съ вечера 12, почти по всей Австро-Венгріи, довершилъ гибель города. По общему заключенію, со времени разрушенія Лиссабона (1 ноября 1755 г.), пострадавшаго не столько отъ землетрясенія, сколько отъ прибоя разъяренныхъ морскихъ волнъ, ни на одинъ городъ въ Европѣ не обрушивалось несчастія, подобнаго тому, какое поразило Сегединъ.

На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находится теперь Сегединъ, окруженный на протяженіи 60 кв. миль плодороднѣйшими во всей Венгріи хлѣбными полями, въ древнія времена—былъ водный бассейнъ, называвшійся „Паннонейскимъ моремъ“, волны котораго омывали подошвы Карпатовъ, Альпъ и нѣкоторыхъ отроговъ Балканскихъ горъ. Дунай, недалеко уйдя отъ своихъ истоковъ, вливался въ это море, равно какъ и горный потокъ Тейссъ. Многочисленные притоки, которые въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій образовались отъ этихъ двухъ рѣкъ по разнымъ направленіямъ, не существовали въ древности, и вся эта водяная масса, поддерживаемая изливавшимися въ все горными потоками, представляла собою дѣйствительно сплошное море, которое посредствомъ дунайскаго рукава, начинавшагося у такъ называемыхъ нынѣ „Желѣзныхъ Воротъ“, соединялась съ Чернымъ моремъ.

Городъ Сегединъ расположенъ на правомъ берегу р. Тейссы. Кромѣ того, непосредственно передъ городомъ, съ восточной стороны его, въ р. Тейссъ вливается рѣка Маросъ, вытекающая изъ Трансильванскихъ Карпатовъ. По обоимъ берегамъ этихъ двухъ рѣкъ, на довольно значительномъ протяженіи, устроены были плотины и насыпи; самый городъ сверхъ того, былъ защищенъ насыпями двухъ желѣзныхъ дорогъ, скрещивающихся къ юго-востоку отъ Сегедина. Между одною дорогой и рѣкою Тейссомъ съ сѣвера, прилегаетъ къ городу помѣстье князя Паллавичини, обнимающее собою 60,000 десятинъ земли. По ту сторону дороги, тамъ гдѣ она, образуя дугу, снова подбѣгаетъ къ рѣкѣ, лежитъ деревенька Альфіо. Эта деревенька была первою жертвою наводненія, еще за пять дней до гибели Сегедина: р. Тейссъ въ этомъ мѣстѣ, т. е. собственно въ тылу города, пробила плотину и, ворвавшись съ этой стороны, затопила весь треугольникъ, находящійся между желѣзными дорогами.

„Эту опасность, говоритъ одинъ корреспондентъ, предвидѣли впрочемъ и прежде, и для предотвращенія оной была устроена Перморская плотина, проходившая отъ д. Альфіо, къ сѣверо-востоку. Эта плотина, главная защита города, какъ оказалось теперь, издавна не поправлялась какъ слѣдуетъ—и не устояла. Говорятъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ ее прорвало, не было даже поставлено сторожа.“

Прорвавъ Перморскую плотину, вода ворвалась въ вышеупомянутый треугольникъ. Такъ какъ мѣстность здѣсь исключительно плоская, и кромѣ того, большая часть треугольника занята озеромъ (Бѣлое), то естественно, что нахлынувшая вода не только не остановилась, но найдя еще себѣ подмогу въ водныхъ запасахъ озера, ринулась съ удвоенною силою на первую преграду, представившуюся на пути ея въ видѣ насыпей желѣзныхъ дорогъ. Ближайшія на этомъ пути и вмѣстѣ слабѣйшія плотины были прорваны. Здѣсь опять разсказываютъ, что инженеръ, которому были ввѣрены эти плотины, ручался, что онѣ удержатся, если ему дадутъ 150 рабочихъ. Послали къ коммиссару правительственному, тотъ спалъ въ это время и распорядился, чтобы его не будить. Опоздали нѣсколькими часами и плотина рушилась. Единственною надеждою спасенія для города оставалась Алфельдская плотина. За день до катастрофы, полагали даже, что положеніе дѣлъ относительно улучшилось. Между тѣмъ, въ томъ пунктѣ, гдѣ скрещиваются обѣ вышеупомянутыя дороги, надъ рѣкою была устроена наскоро огромная насыпь, и такимъ образомъ затопленная мѣстность приняла видъ громаднаго озера, волны котораго ударяли въ Алфельдскую плотину, позади коей городъ находился еще въ безопасности. Инженерами сдѣлана была попытка прорвать плотину ниже города, съ цѣлью дать просторъ водному теченію по направленію къ главному руслу Тейссы. Въ началѣ эта попытка не удалась, а когда позднѣе плотину прорвало, то было уже поздно. Ураганъ, поднявшійся въ ночь на 12 марта, придалъ двойную силу водѣ—и она залила улицы города...

Разсказываютъ, что умѣющихъ и опытныхъ землекоповъ было мало. Никто не позаботился привезти рабочихъ изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей. Сгоняли насильно городскихъ жителей работать на плотины. Сколько разъ, по словамъ очевидцевъ, несчастные, чувствуя, что подъ ногами у нихъ обрывается земля, сбѣгали съ насыпей, но тутъ ихъ встрѣчали солдаты и ружейными прикладами ворочали назадъ. Императоръ телеграфировалъ генералу Пульцу, командовавшему войсками въ Сегединѣ: „Спасти городъ во что бы то ни стало!“. Министры телеграфировали коммисарамъ: „Укрѣпляйте насыпи!“. Но ни людей, ни денегъ, не было, и спасти было нельзя!

Свинцовыя, грозовыя тучи висѣли надъ городомъ съ 11 марта. На этомъ, вновь импровизированномъ морѣ, бушевала безостановочно страшная буря. Ночью, на 12 число, уже не оставалось никакой надежды на спасеніе города. Населеніемъ овладѣла паника. Улицы наполнились народомъ. На плотинахъ нѣкоторые смѣльчаки-солдаты, при свѣтѣ факеловъ, продолжали бороться съ напоромъ волнъ, все еще укрѣпляли плотину, таская мѣшки съ пескомъ, камни и проч., но уже во многихъ мѣстахъ вода взяла верхъ. Все слабѣе и слабѣе раздавались крики команды, все чаще и чаще рабочіе, а за ними и сторожа, бросались съ отчаяніемъ въ бѣгство... Не помогали болѣе и угрозы солдатъ не одними прикладами уже, но и штыками...

Въ 2 часа ночи, на 12-е, Алфельдская плотина рушилась. Не прошло и получаса, какъ уже вода затопила ближнія границы города, площадь передъ ратушей, почту, телеграфъ, больницу съ 150 больныхъ, воспитательный домъ, цитадель—и въ 3 ч. пополуночи, болѣе двухъ третей города уже было подъ водою!

Въ полдень того дня виднѣлись уже только однѣ башни и крыши. Нѣкоторые дома, напримѣръ ратуша, стоятъ на 4 фута подъ водою. Дома рушатся цѣлыми рядами, цѣлыми улицами. Подъ конецъ, изъ всего города, имѣвшаго нѣсколько тысячъ домовъ, осталось нѣсколько десятковъ. Погибшихъ людей уже теперь насчитываются сотнями. Трупы плаваютъ по улицамъ. Положеніе жителей ужасное: большая часть не досчитывается своихъ близкихъ, почти всѣ потеряли все свое имущество; къ довершенію всего, голодъ, потому что запасы всѣ потонули, среди этого потопа и *воды нѣтъ для питья.* Но этого мало: нашлись и такіе люди, которые захотѣли воспользоваться общимъ смятеніемъ для своихъ корыстныхъ цѣлей и—подожгли нѣкоторыя дома, фабрики, заводы! Другіе занялись грабежемъ! Ужасныя сцены происходятъ до сихъ поръ по бывшимъ улицамъ Сегедина. Напримѣръ, горитъ домъ, жители молятъ о помощи людей, плавающихъ въ спасательныхъ лодкахъ: тѣ не слушаютъ, не внимаютъ воплямъ и горящій домъ—рушится въ воду! Другой примѣръ. Нѣкто, забравъ всѣ свои пожитки въ лодку, преспокойно отправился въ путь, не обращая никакого вниманія на мольбы 30 погибавшихъ женщинъ. Къ счастію, на эту сцену появилась другая лодка—и спасла несчастныхъ.

Министръ финансовъ Сапари отправился на мѣсто несчастія, взявъ съ собою 200.000 фл. Императоръ прислалъ 10.000 фл. Но что тутъ могутъ сдѣлать сотни тысячъ, гдѣ уже теперь погребены милліоны. Одна гибель хлѣбнаго урожая за нынѣшній годъ оцѣнивается въ 10 милліоновъ, убытокъ государству отъ неплатежа податей въ 2 милліона, приблизительная оцѣнка потерь, понесенныхъ городомъ—въ 8 милл., не считая неминуемыхъ банкротствъ и, наконецъ, потери частныхъ имуществъ! Вы себѣ представить не можете, до какой степени всѣ возбуждены въ Пештѣ. Мадьяры говорятъ, что „потеря генеральнаго сраженія не была бы имъ такъ чувствительна, какъ эта сегединская катастрофа“.

Къ рисункамъ.

Паукъ птицеловъ.

Подъ тропиками, и растенія и животныя развиваются быстрѣе и часто достигаютъ громадныхъ размѣровъ; въ новомъ и старомъ свѣтѣ подъ тропиками есть гигантскіе пауки, величиною болѣе двухъ дюймовъ, а съ своими вытянутыми, толстыми и покры-

тыми густыми волосами ногами, занимають пространство болѣе семи дюймовъ. Это такъ называемые пауки-птицеловы или пауки давители, изъ породы Mygale, нѣсколько видовъ которыхъ преимущественно водится въ жаркихъ странахъ Америки и по теченію рѣки Амазонки, и которые производятъ страшныя опустошенія между животными низшаго разряда. Большею частію они живутъ въ каменныхъ стѣнахъ, въ крышахъ домовъ, въ подземныхъ ходахъ и подъ камнями; нѣкоторые же виды живутъ на деревьяхъ и въ кустарникахъ и ткутъ передъ трещинами, углубленіями и скважинами деревьевъ крѣпкія и прочныя сѣти, для поимки маленькихъ птичекъ и разныхъ насѣкомыхъ. Самый сильный изъ пауковъ-давителей, живущихъ на деревьяхъ, это такъ называемый паукъ-птицеловъ. Mygale avicularia, ужасные клещи котораго достаточно сильны, чтобы убить маленькую птичку. Настоящій паукъ птицеловъ очень подвиженъ; во время преслѣдованія добычи или же когда онъ самъ становится предметомъ преслѣдованія, паукъ можетъ очень ловко бѣгать и прыгать и ему очень легко спугнуть маленькую птичку изъ гнѣзда и схватить. какъ это и случилось съ сидящей колибри, представленной на рисункѣ, на помощь которой съ крикомъ поспѣшаетъ самецъ. Нѣкоторые естествоиспытатели утверждаютъ, что укушеніе паука птицелова опасно. Индійцы, живущіе по теченію рѣки Амазонки, вовсе этому не вѣрятъ, и не чувствуютъ, подобно европейцамъ, отвращенія къ этимъ противнымъ животнымъ. Англійскій естествоиспытатель Батесъ, жившій 14 лѣтъ на р. Амазонкѣ, встрѣтилъ разъ толпу дѣтей, которые забавлялись тѣмъ, что тащили за собою перевязаннаго ниткой паука птицелова. Нѣсколько экземпляровъ, привезенныхъ въ Европу, и содержавшихся въ заключеніи, оказывались вовсе не вредными для большихъ животныхъ.

Пойманный амуръ.

(Картина Брохарта).

„Отъ маленькаго бога Амура не могли защищаться даже сами веселые боги греческаго Олимпа: и они даже невольно подчинялись его вліянію. Что касается насъ, смертныхъ, то у насъ дѣлается иначе. Мы охотно подчиняемся этому богу—розовому, милому ребенку, но есть другая прекрасная половина человѣческаго рода, которая по возможности всѣми. зависящими отъ нея средствами борется противъ маленькаго божка. Средства эти разнообразны. Притворное равнодушіе, маленькія колкости, поддѣльная холодность, хитрость—все это очень дѣйствительное оружіе. Эта хорошенькая, смуглая брюнетка на нашей картинѣ поймала таки амура очень серьезно. Колчанъ и стрѣлы его валяются на землѣ и личико амура выглядываетъ изъ за рѣшетки съ просящимъ, умоляющимъ выраженіемъ. Онъ клянется красавицѣ что впредь никогда не будетъ ее тревожить и не будетъ посылать въ ея сердце свои мѣткія стрѣлки. Она колеблется, ей жаль малютку, но все еще сомнѣвается—правду ли онъ говоритъ и не обманываетъ ли ее. Она непремѣнно сейчасъ ему повѣритъ, выпуститъ его и онъ, звонко смѣясь, схватитъ свой лукъ и легкая стрѣлка опять полетитъ въ красавицу.“

Это послужило темой французскому живописцу Брохарту, съ картины котораго и сдѣланъ рисунокъ, помѣщенный въ этомъ № „Нивы.“

Въ Балканахъ. Прощаніе.

Первые выстрѣлы зарокотали по горамъ... Знамя смерти вѣяло уже надъ Герцеговиной и удалые юнаки уже шли. разбивая турецкія кулы... Сердца забились тревожно за свои семьи и за жизнь свою...

Увидѣлъ удальцовъ въ первый разъ въ горахъ молодой Станко и загорѣлось въ немъ сердце. И стыдно стало ему, что онъ бродитъ по горамъ съ своимъ стадомъ, когда другіе молодцы бьются за родину и кликомъ грознымъ оглашаютъ родимыя горы. Приходитъ онъ къ ущелью, гдѣ юнаки сидѣли кругомъ огня и покуривали трубки. Огонь ярко освѣщалъ суровыя, мужественныя лица и сверкалъ на оружіи. На соломѣ воины лежали какъ попало и задумчиво сидѣлъ знаменитый вождь Пейко Павловичъ и молча, не двигаясь, глянулъ на пришельца. На головѣ его надвинута была старая шапочка, изъ-за широкаго затасканнаго пояса торчали пистолеты и рукоятка заслуженнаго ханджара. Золотыя петли и шитье на его груди поистерлись сильно, но какъ царь глядѣлъ въ этой потертой одеждѣ удалой юнакъ. И съ глубокимъ уваженіемъ обратился къ нему Станко: „Хочу, говоритъ, биться. хочу за своихъ голову сложить“.

Пейко еще разъ глянулъ на него.

— Ладно, иди съ нами, только и сказалъ неразговорчивый вождь и на заявленіе Станко, что онъ пойдетъ. хлѣба возьметъ да ханджаръ отцовскій—головой кивнулъ.

И пошелъ Станко собираться и погналъ стадо домой, да на дорогѣ встрѣтилъ очень сильное препятствіе. На мостикѣ передъ своимъ домомъ повстрѣчалъ онъ молоденькую Милу и заходило сердце Станко и защемила грусть—какъ онъ ее. бѣдную, оставитъ? А ну какъ не вернется и не женится ему тогда на ней и какъ онъ ей скажетъ, что рѣшилъ идти къ юнакамъ? А она опустила большие, тихіе глаза и застыдилась и не знаетъ идти ли ужъ впередъ или тутъ остаться. Присѣлъ Станко на перекладину моста и загородилъ ей дорогу. Поглядѣлъ онъ кругомъ и Мила тутъ его дорогая, и горы родныя, и козы такъ тихо разлеглись кругомъ и домикъ вдали—такъ все мирно и дорого сердцу, а тамъ кровь, выстрѣлы, ужасы, лишенія, грозныя битвы... Защемило сердце у Станко, а дѣлать нечего—сказано, дѣло поконченное и какъ же юнаку, какъ дѣвушкѣ, сидѣть сиднемъ дома, когда свои всѣ тамъ бьются съ турецкими злодѣями и свою родину защищаютъ. И вотъ съ мучительнымъ чувствомъ, низко опустивъ голову, опершись на длинное ружье, говоритъ Станко Милѣ о своемъ неизмѣнномъ рѣшеніи. И сколько же слезъ прольется изъ большихъ глазъ Милы, сколько безсонныхъ ночей проведетъ она, поджидая своего милаго, что ушелъ въ горы!..

Новая торпедоносная лодка Эрресгофа.

Недавно, для британскаго флота, по заказу лордовъ казначейства, сооружена на Бристольскомъ заводѣ инженерной компаніи Эрресгофъ, новая торпедоносная лодка, отличающаяся весьма важными достоинствами, какъ читатель увидитъ ниже. Судно это 59 фут. 6 дюймовъ длины и 7 фут. 6 дюймовъ ширины, имѣетъ прочную обшивку изъ дерева и стали и приводится въ движеніе аппаратомъ, дѣйствующимъ посредствомъ сгущеннаго пара, самый же котелъ состоитъ изъ свернутой, 2-хъ дюймовой въ діаметрѣ, желѣзной трубки, которая, если ее выгнуть, достигаетъ почти до 300 футъ длины. Винтъ помѣщается подъ самой серединой судна, руль находится тоже подъ килемъ, а колесо, управляющее имъ, расположено на палубѣ, гдѣ его прикрываетъ маленькая башенка. Однимъ изъ условій правительственнаго контракта съ судостроителями требовалась, между прочимъ, настолько крѣпкая обшивка, чтобы спускъ лодки съ корабля происходилъ безъ малѣйшаго препятствія или сотрясеній. На нашей картинкѣ читатели могутъ видѣть произведенную въ Дентфордѣ пробу этого маленькаго и опаснаго для непріятеля судна,—оно удерживается въ воздухѣ при помощи толстой цѣпи, прикрѣпленной къ большому подъемному крану. Вполнѣ снаряженная и приготовленная для дѣйствія торпедоноска вѣситъ около восьми тоннъ. При испытаніи присутствовали первый лордъ адмиралтейства, адмиралы Гудъ, Уэльсэ, морской контролеръ, сэръ Гаустонъ Стюартъ и главный строитель, м-ръ Барнабэ. Испытаніе удалось вполнѣ. Когда лодку спустили на воду, то паръ показался пять минутъ послѣ того, что былъ разведенъ огонь; затѣмъ была показана легкость, съ которою она можетъ быть управляема, т. е. приводима въ движеніе, поворачиваема и останавливаема: такъ, напримѣръ, остановленная на полномъ ходу, лодка подвинулась впередъ лишь на треть своей длины и немедленно же, повернувъ, продолжала идти въ противоположномъ направленіи, почти съ прежней быстротой; далѣе, снова на полномъ ходу, лодка сдѣлала нѣсколько круговъ, діаметръ которыхъ равнялся приблизительно 118 фут. Гарантированная скорость ея хода равняется 16-ти узламъ (при грузѣ въ два тонна угля). Британскіе моряки считаютъ эту торпедоноску важнымъ пріобрѣтеніемъ для своего флота.

Американское орудіе системы Паллизера.

Читатель видитъ на прилагаемомъ рисункѣ двѣ нарѣзныя пушки Паллизера, преимущественно употребляющіяся въ войскахъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Оба эти орудія, одно 12-ти, другое 10-ти дюймовое, отлиты на южно-бостонскомъ желѣзномъ заводѣ, въ Бостонѣ. Особенность системы Паллизера заключается въ томъ, что она отрицаетъ полезность стали для большихъ орудій. Въ Британіи, однако, сталь не изгнана до сихъ поръ. Но въ настоящее время, впрочемъ, взглядъ уже измѣняется, какъ видно изъ того, что британская артиллерія снабжена тысячью пятью стами 64-хъ и 80-ти фунтовыхъ орудій Паллизера, хотя большихъ пушекъ его системы еще. пока, не введено въ употребленіе. Орудія эти имѣютъ два, вставленныя одинъ въ другой, ствола изъ приготовленнаго особымъ способомъ желѣза. 4 года тому назадъ въ Америкѣ было произведено сравнительное испытаніе стальныхъ орудій и желѣзныхъ пушекъ Паллизера, изъ числа пяти (частью 9-ти, частью 8-ми дюймовыхъ) подвергнутыхъ пробѣ пушекъ, одна стальная, 8-ми дюймовая, разорвалась съ страшной силой—ее разнесло на 40 частей. Обстоятельство это рѣшило тогда же вопросъ въ пользу пушекъ Паллизера. которыми нынѣ и вооружены американскіе форты и флотъ.

Русскіе типы. Мѣняла.

Кому незнакомъ типъ этого тихаго, дѣловаго, спокойнаго человѣка, съ сухимъ, рѣзкимъ и холоднымъ выраженіемъ, всегда безбородаго. лица. Мѣняльное дѣло у насъ почти всецѣло перешло въ его руки, въ руки особой секты раскольничьей, такъ называемыхъ „бѣлыхъ голубей“, извѣстныхъ своею страстью къ стяжанію, замѣнившею имъ другія. Эта замѣчательная секта, изъ всѣхъ самая вредная, распространители которой у насъ всегда подвергались строгой карѣ закона. Ихъ ссылали—однажды, во время войны съ Англичанами, на Аландскіе острова, въ

Кексгольмъ—въ крѣпость, многихъ разослали по кавказскимъ крѣпостямъ. До того времени „бѣлые голуби" были поселены на Кавказѣ вмѣстѣ съ молоканами и другими сектаторами, гдѣ занимались булочнымъ мастерствомъ и торговлей краснымъ товаромъ. Многіе ушли въ Болгарію и Румынію и устроились тамъ, занимаясь извознымъ промысломъ.

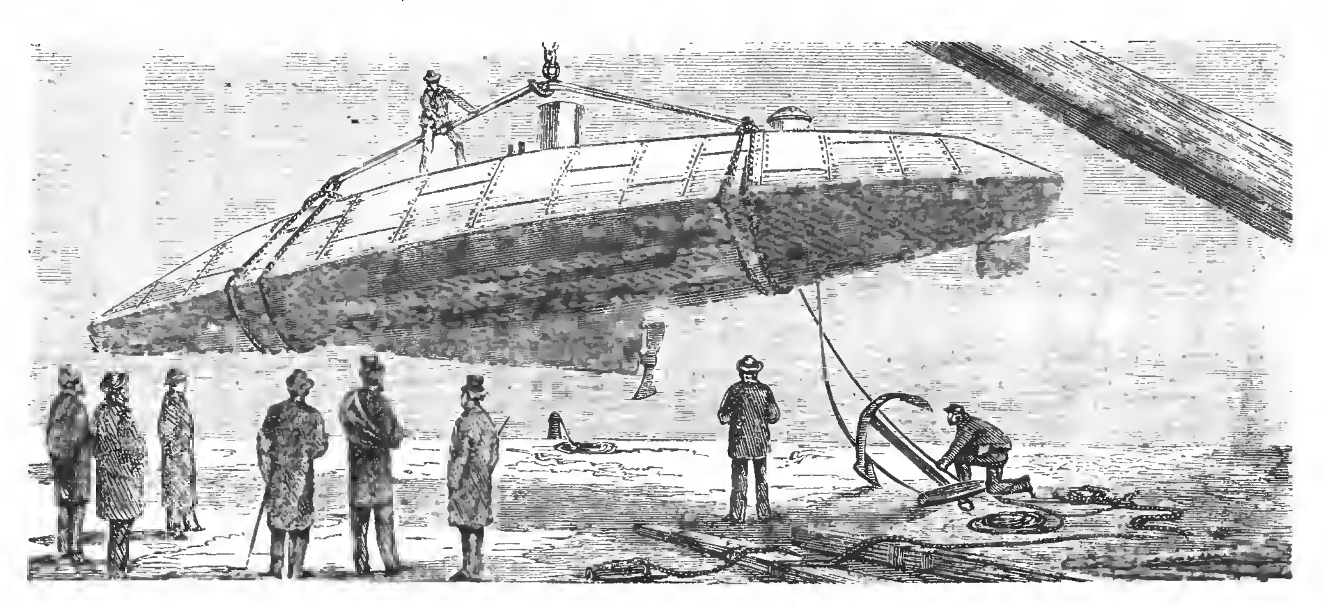
У „бѣлыхъ голубей" былъ и свой „богъ", дѣйствовавшій въ серединѣ XVIII вѣка, извѣстный Кондратій Селивановъ. Человѣкъ несомнѣнно убѣжденный и сильный, побуждаемый искреннимъ отвращеніемъ къ грѣховному житію секты, въ которой онъ былъ—секты „хлыстовъ", онъ ударился въ другую крайность и уродство. Вышелъ онъ съ Дона и съ разными приключеніями и опасностями отъ своихъ бывшихъ единотолковъ, затѣмъ его преслѣдователей, шелъ, пользуясь вездѣ успѣхомъ и производя сильное впечатлѣніе—на Тулу и Тамбовъ, гдѣ и былъ пойманъ властями. Селивановъ былъ пытанъ и перевезенъ въ Тамбовъ, и здѣсь на площади битъ кнутомъ. Окровавленную

Александра I былъ онъ въ 1802 г. отданъ на поручительство.

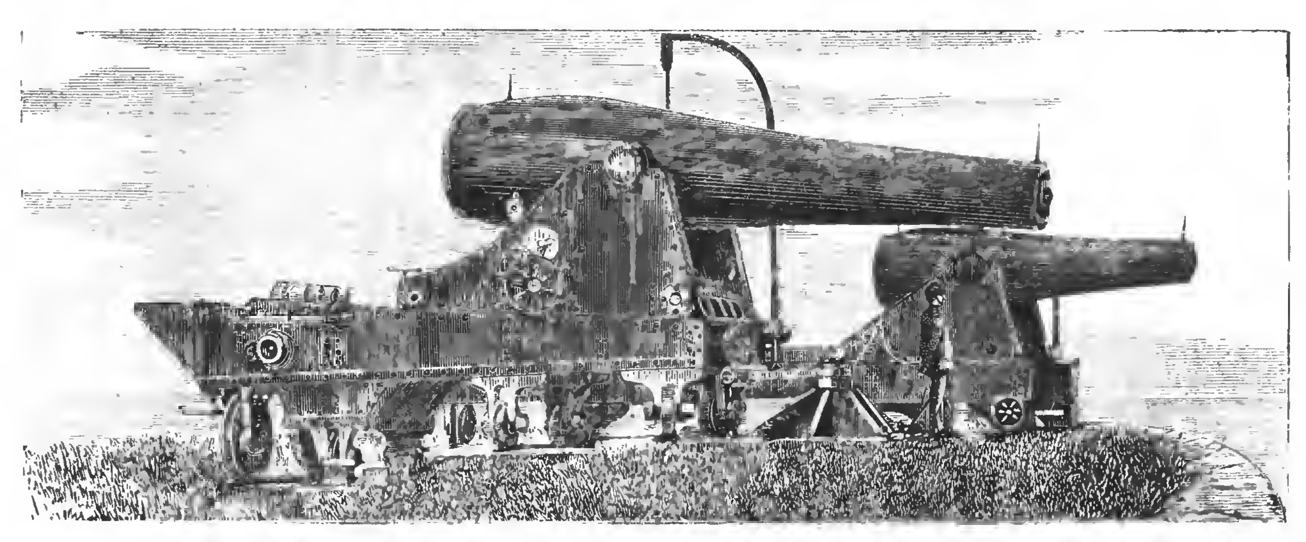
Послѣ этого 18 лѣтъ прожилъ онъ на свободѣ, окруженный почестями послѣдователей и уваженіемъ, которое всѣмъ внушала его безупречная жизнь, глубокая старость и обаятельный умъ; хотя неграмотный, онъ проповѣдывалъ мало, говорилъ нескладно, тихимъ голосомъ. Помѣщенъ онъ былъ въ Москвѣ прекрасно въ домѣ богача Солодовникова. Сотни людей являлись къ нему на поклоненіе.

Но въ 1820 году правительство, въ виду крайне вредной дѣятельности секты, рѣшилось пресѣчь зло. Селиванова подъ строгой тайной увезли въ Спасо-Евфиміевъ монастырь, въ Суздалѣ и тамъ въ 1832 году онъ и умеръ. Смерти его, впрочемъ, не вѣрили его послѣдователи и считали скрывающимся въ Иркутскѣ. Съ Иркутской горы по мнѣнію „бѣлыхъ голубей" придетъ ихъ батюшко богъ. „Ждутъ его всяко времячко по сулу-глаголу небесному, обогрѣть сердце ихъ нутренно".

При всей вредоносности дѣйствій секты—слѣдованіе обра-

Новая торпедоносная лодка Эрресгофа. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Американское орудіе системы Паллизера. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

рубашку его выпросили себѣ послѣдователи его ученія и хранили какъ святыню. Скованнаго отправили его въ Сибирь, въ Иркутскъ, откуда хотѣли выкупить его приверженцы, но онъ бѣжать самъ не захотѣлъ, найдя этотъ способъ недостойнымъ.

Съ восшествіемъ на престолъ Императора Павла I между членами этой секты началось сильное волненіе, вслѣдствіе чего рѣшено было Селиванова перевезти въ Петербургъ и посадить въ домъ умалишенныхъ; въ царствованіе же Императора

дамъ православной церкви и усердіе къ ней съ давнихъ временъ считается у нихъ обязательнымъ. „Бѣлые голуби" собираются на свои моленія въ тѣже праздничные дни, которые установлены православною церковью. Нынѣ сущность этого ученія кореннымъ образомъ измѣняется, фанатизмъ слабѣетъ и сама секта уже видоизмѣнилась, а потому и прежнее отношеніе къ ней власти также перемѣнилось и преслѣдуются только „распространители" въ прежнемъ вредномъ смыслѣ.

Старое и новое о лунѣ.

Кленнъ, въ Кельнѣ, сообщаетъ „Кельнская газета",—задался подробнымъ изученіемъ лунныхъ ландшафтовъ, исходя изъ той точки зрѣнія, что въ настоящее время можетъ имѣть научное значеніе возможно глубокое проникновеніе въ малѣйшія подробности видимой лунной поверхности. Онъ нашелъ, что для такихъ его наблюденій способствуетъ воздухъ надъ Рейнской страной, бывающій очень часто необыкновенно спокойнымъ и яснымъ, и при помощи чрезвычайно сильной зрительной трубы ему удалось глубоко проникнуть въ особенности луннаго міра. Оказалось, по его наблюденіямъ, что луна носитъ на себѣ многочисленные слѣды того, что нѣкогда она была покрыта водой, что доказывается видомъ долинъ, такъ и видомъ террасъ, подобнымъ тѣмъ, какія обозначаютъ на землѣ

(Продолженіе на стр. 233, 234, 235 и 236).

бывшіе морскіе берега. На лунѣ видны также глубоко врѣзанные, узкіе, имѣющіе видъ рѣкъ овраги, вьющіеся по равнинамъ и большія, глубоко прорытыя лощины, похожія на тѣ, что были прорыты дикими водами въ Альпахъ. Но великихъ водяныхъ массъ на лунѣ теперь не было замѣчено; по всей вѣроятности ихъ давно впитала въ себя твердая масса луны. Извѣстно, что подобное этому происходитъ на землѣ, гдѣ со времени прежнихъ геологическихъ эпохъ количество воды несомнѣнно уменьшилось.

Вопросъ о существованіи морей на лунѣ, еще неразработанъ. Сѣрыя, темныя плоскости представляются вооруженному глазу, многочисленными холмами и кратерами, но не морями. Возникаетъ однако соображеніе—эти плоскости не дно ли прежде существовавшихъ на лунѣ морей. Если въ настоящее время на лунѣ нѣтъ морей, то моря могли существовать нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ, точно также какъ на поверхности земли, должно было быть прежде болѣе воды, чѣмъ теперь. Замѣчательно, что сѣрыя плоскости находятся на вдавленныхъ мѣстахъ луны, и кажется состоятъ они изъ рыхлаго грунта и каменистаго. На нѣкоторыхъ изъ этихъ плоскостей, замѣтны какъ будто бы берега исчезнувшихъ рѣкъ, и весьма можетъ быть, что прежде плоскости эти были покрыты водою. Вулканообразныя возвышенности на лунѣ, ближе къ краямъ этихъ сѣрыхъ плоскостей, также какъ и волканы на землѣ, которые расположены всегда неподалеку морскихъ береговъ. Внутри этихъ сѣрыхъ плоскостей бываютъ часто замѣтны темныя пятна, неправильной формы; ближайшія наблюденія. показываютъ, что величина пятенъ мѣняется и иногда онѣ совсѣмъ исчезаютъ; это доказываетъ, что на лунѣ доселѣ происходятъ различныя, загадочныя для насъ измѣненія. Нѣкоторыя изъ плоскостей, наблюдаемыя при продолжительномъ солнечномъ освѣщеніи, принимаютъ явственно зеленый цвѣтъ, что даетъ поводъ предполагать даже существованіе растительности. Наблюденія показываютъ, что воздухъ на лунѣ менѣе плотенъ, нежели на землѣ, а иногда его вовсе не бываетъ, что исключаетъ возможность существованія людей на лунѣ. Однако на днѣ кратеровъ и въ углубленныхъ плоскостяхъ достаточно воздуха для растительности. Лунные туманы поднимаются на такую высоту, что закрываютъ даже небольшія отверстія кратеровъ и отличаются отъ нашихъ тумановъ тѣмъ, что очень медленно расходятся и часто остаются на одномъ мѣстѣ по мѣсяцамъ и даже по цѣлымъ годамъ. Это было одною изъ причинъ, почему о существованіи ихъ долго не догадывались. Чаще всего, туманы лежатъ въ глубинахъ кратеровъ. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ кратеръ, подъ названіемъ Плато; онъ имѣетъ въ поперечникѣ 13 миль, безъ центральной горы, и во время полнолунія видѣнъ въ обыкновенную подзорную трубу, какъ овальное, темное пятно. Гористый валъ, окружающій эту плоскость очень узокъ, но имѣетъ много остроконечныхъ вершинъ. Внутри плоскостей часто показываются полосы свѣта и въ такое время когда на плоскость не могли проникнуть солнечные лучи. Когда солнце поднимается надъ кратеромъ, на окружающей его плоской поверхности замѣчаются свѣтлыя точки, которыя при ближайшемъ наблюденіи оказываются небольшими кратерами съ крутыми обрывистыми свѣтлыми стѣнами; нѣкоторые изъ этихъ кратеровъ, бываютъ иногда видны, иногда пропадаютъ изъ виду, иногда какъ бы покрыты завѣсой тумана. Плоскость, когда солнце восходитъ, принимаетъ сѣрый цвѣтъ, затѣмъ становится свѣтлѣе; во время полнолунія—стальнаго цвѣта, а въ лунную ночь опять становится свѣтлосѣрою. Это измѣненіе красокъ замѣчательно—вообще на лунѣ бываютъ явленія, которымъ мы не можемъ найти подходящихъ на землѣ, и должны признать справедливыми слова Медлера, который сказалъ, что луна вовсе не копія земли. Во время полнолунія замѣтно много свѣтящихся полосъ, перерѣзывающихъ лунную поверхность. Болѣе значительныя полосы выходятъ изъ огромнаго кратера, находящагося на южной сторонѣ луны, извѣстнаго подъ именемъ Тихо. Насмитъ и Карпентеръ думаютъ что свѣтлыя полосы—это трещины въ лунной поверхности, наполненныя лавообразнымъ веществомъ. Для доказательства этого положенія употребляли стеклянный шаръ, который наполняли водою, герметически его закупоривали и погружали въ теплую воду. При нагрѣваніи, растяженіе воды въ шарѣ было больше растяженія самаго шара, и вслѣдствіе сильнаго напора на стѣнки шара, онъ лопался въ одномъ мѣстѣ, изъ котораго трещины шли въ различныхъ направленіяхъ. Несомнѣнно, что подобнымъ образомъ произошли трещины на лунѣ; наблюденія даже послѣдняго времени указываютъ на недавнее образованіе небольшихъ трещинъ. Прежде эти трещины принимали за лунныя рѣки по сходству ихъ очертаній и изгибовъ съ рѣками на землѣ.

Русскіе типы. Мѣняла.
Ориг. рис. И. Попова грав. Рашевскій.

Первыя явленія волканическаго свойства на лунѣ открыты извѣстнымъ Шмидтомъ въ Афинахъ въ 1866 году Лорманъ и Медлеръ съ 1822 до 1832 г. наблюдали кратеръ названный ими Линнъ, имѣющій въ поперечникѣ 30000 футовъ. 16 октября 1866 года Шмидтъ, къ великому своему удивленію, вмѣсто упомянутаго кратера нашелъ только свѣтлое расплывшееся пятно и съ большимъ трудомъ, употребляя очень сильные телескопы, въ этомъ пятнѣ замѣтилъ темную точку, которая походила на кратеръ, имѣющій въ поперечникѣ 2500 футовъ. Изъ этого ясно, что на лунѣ произошелъ какой-то сильный переворотъ. Шмидтъ, дѣлая различныя предположенія, пришелъ къ заключенію, что кратеръ былъ наполненъ лавообразной массой, которая пошла черезъ края и постепенно покрыла склоны кратера. Въ тоже время посреди прежняго кратера образовался новый, на подобіе нашихъ волкановъ. Въ послѣднее время, вокругъ кратера образовалась гора въ 400 футовъ вышины. Это явленіе по грандіозности своей превосходитъ всѣ изверженія Везувія и Этны и доказываетъ возможность различныхъ огромныхъ переворотовъ на лунѣ.

Мѣстность, въ которой возникъ новый кратеръ—по срединѣ луны; это широкая, сѣрая равнина, перерѣзанная съ южной стороны нѣсколькими рядами невысокихъ холмовъ. которые ярко блестятъ во время полнолунія. Съ прошлаго столѣтія мѣстность эту наблюдали извѣстнѣйшіе астрономы и существуетъ нѣсколько картъ, совершенно согласныхъ между собою,

на которыхъ замѣтны малѣйшіе кратеры. 19 мая 1877 г. неподалеку отъ упомянутыхъ холмовъ, докторъ Клейнъ открылъ большой кратеръ, въ поперечникѣ имѣющій отъ 10 до 12 тысячъ футовъ, и говоритъ что ни онъ ни другіе изслѣдователи не видѣли прежде этого кратера. Дальнѣйшія наблюденія показали, что насыпь его незначительна, что онъ имѣетъ видъ воронки а къ югу идетъ корытообразное углубленіе, заканчивающееся небольшимъ, но очень глубокимъ кратеромъ. Иногда кратеръ бываетъ покрытъ туманомъ. Почва вокругъ кратера неровная и вся въ разщелинахъ и къ сѣверу, длиною въ нѣсколько миль, тянутся двѣ узкія и глубокія трещины. Клейнъ открылъ кромѣ того къ западу отъ кратера обширную долину, похожую фигурой на Рейнскую между Бингеномъ и Кобленцомъ; долина эта окружена высокими скалистыми стѣнами и раньше 19-го мая 1877 года никѣмъ еще не была видима а на ея мѣстѣ были только низкіе холмы. Это доказываетъ, что въ этомъ мѣстѣ луны совершился какой нибудь переворотъ. Существуютъ указанія на различныя недавнія измѣненія и въ другихъ частяхъ луны. Живутъ ли вообще мыслящія существа, свидѣтели этихъ катастрофъ на лунѣ, мы не знаемъ, но съ достовѣрностью можемъ утверждать, что созданій подобныхъ по строенію человѣку—на лунѣ не существуетъ. Недостатокъ воздуха не есть единственная причина невозможности жить тамъ людямъ, къ этому присоединяются еще и крайне рѣзкіе перемѣны температуры. Холодъ нашихъ полярныхъ ночей и жара нашихъ солнцемъ сожженныхъ пустынь кажутся умѣренными въ сравненіи съ ужаснѣйшимъ холодомъ и непомѣрными жарами, царствующими на лунѣ. Каждая точка луны накаляется лучами солнца, среднимъ числомъ въ продолженіи 354 часовъ, и при недостаткѣ воды на лунѣ, эти лучи дѣйствуютъ гораздо сильнѣе чѣмъ въ нашихъ пустыняхъ. Основываясь на результатахъ, къ которымъ пришелъ лордъ Россе, наблюдавшій луну въ очень сильный телескопъ, можно сказать, что въ экваторіальныхъ областяхъ луны, подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, температура доходитъ до 200° Цельсія. Послѣ же захожденія солнца для этихъ областей луны начинается долгая ночь, и поверхность охлаждается въ такой степени, о какой мы не можемъ составить себѣ и понятія. Холодъ ночи на лунѣ достигаетъ до 100° Ц., у насъ же на землѣ, холодъ и въ полярныхъ странахъ не превышаетъ никогда 50°. Эти безпрерывныя, правильныя смѣны холода и жара, должны вызывать неизбѣжныя измѣненія на лунѣ. Вслѣдствіе сильнаго растяженія во время жары и сжимаемости во время холода, каменныя массы съ теченіемъ времени распадаются и вершины горъ обваливаются. Давно извѣстныя цѣпи горъ на лунѣ, вѣроятно отъ этихъ причинъ уже распались и теперь совершенно исчезли. Горы, находящіяся въ полярныхъ странахъ луны, замѣчательны тѣмъ, что вершины ихъ вѣчно освѣщены солнцемъ а у оснований вѣчная ночь; горы эти ясно видны, когда луна появляется узкимъ серпомъ, и блескъ ихъ очень силенъ. На сторонѣ луны обращенной къ землѣ, никогда не бываетъ совершенно темно; если она не освѣщается солнцемъ, то взамѣнъ этого она освѣщается землею, свѣтъ которой въ 13 разъ сильнѣе свѣта луны. Если бы человѣкъ помѣстился на части луны, обращенной къ землѣ, то во время полночи на лунѣ, земля казалась бы ему большимъ свѣтящимся кругомъ. Простымъ глазомъ онъ могъ бы различить контуры материковъ и морей а также свѣтлыя облака носящіяся въ воздухѣ. По мѣрѣ обращенія земли вокругъ своей оси, постепенно всѣ части поверхности земли прошли бы передъ его глазами и послѣ семикратнаго обращенія, земля изъ полнаго круга приняла бы видъ полумѣсяца, наблюдателю была бы видна только послѣдняя четверть земли, а ночь на лунѣ въ это время кончилась бы.

Восходящему дню на лунѣ не предшествуетъ утренняя заря; но солнце какъ бы окруженное прозрачной атмосферой вдругъ появляется на горизонтѣ, и въ продолженіи часа уже окончательно восходитъ. Небо на землѣ кажется намъ голубымъ сводомъ, наблюдателю, который бы былъ на лунѣ, оно представлялось бы совершенно чернымъ а болѣе яркія звѣзды могли бы быть имъ видимы только съ появленіемъ солнца. Части поверхности земли освѣщенныя солнцемъ, представились бы съ луны ослѣпительно блестящими, тѣже, которыя не освѣщаются прямо лучами солнца, погруженными въ совершеннѣйшій мракъ. Если наблюдатель снова взглянулъ бы на черный небесный сводъ, то онъ увидѣлъ бы, какъ земля принимаетъ видъ узкаго серпа по мѣрѣ того, какъ солнце къ ней приближается. Въ извѣстное время солнце должно очутиться позади земли, вслѣдствіе чего произошло бы передъ глазами воображаемаго наблюдателя величественное зрѣлище *солнечнаго затмѣнія.* Чаще всего это бываетъ въ то время, когда мы наблюдаемъ лунное затмѣніе на землѣ. Трудно передать словами видъ, который должно имѣть солнечное затмѣніе на лунѣ; только кисть художника, и то до извѣстной степени могла бы его воспроизвести. Прошло бы много времени, пока солнце не скрылось бы за горизонтомъ и установилось полное затмѣніе; земля въ то время должна казаться свѣтлымъ полукругомъ, усѣяннымъ звѣздами.

Съ достовѣрностію можно утверждать, что почва на лунѣ, мѣстами, отъ дѣйствія солнечныхъ лучей нагрѣвается до такой степени, что въ состояніи расплавить олово; въ тоже время мѣста, находящіяся въ тѣни, остаются совершенно холодными. Вслѣдствіе этого происходитъ растяженіе и сжиманіе каменныхъ массъ, которыя должны лопаться, но это конечно не сопровождается трескомъ. Новѣйшіе ученые утверждаютъ, что на лунѣ царитъ гробовая тишина. Нѣтъ ни растеній, ни птицъ, ни вообще животныхъ. Но можетъ быть есть тамъ существа, которыя могли постепенно принаровиться къ условіямъ лунной природы. Этотъ вопросъ не можетъ разрѣшить никто. Въ самые сильные телескопы видны на лунѣ только предметы величиною съ церковь св. Петра въ Римѣ или египетскія пирамиды. При очень благопріятныхъ условіяхъ бываютъ замѣтны маленькія точки, сущности которыхъ разгадать нельзя. Со временемъ подробности изслѣдованія меньшихъ предметовъ на лунѣ зависятъ отъ усовершенствованія зрительныхъ аппаратовъ. Во всякомъ случаѣ наблюденія должны производиться въ такой странѣ, гдѣ воздухъ прозрачнѣе. Въ средней и сѣверной Европѣ бываетъ много туманныхъ дней; а при неспокойномъ состояніи воздуха въ телескопъ ничего не видно. Небо юга, въ особенности Аравіи, Персіи и Египта представляетъ болѣе всего удобствъ для наблюденій; замѣчательно, что именно здѣсь, нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ, мудрецы древности впервые обратили полныя ожиданій и вопросовъ взоры къ звѣздамъ небеснымъ.

Библіографія.

Стихотворенія Н. А. Некрасова. Спб. 1879. Новое изданіе стиховъ Н. А. Некрасова вышедшее изъ типографіи Стасюлевича весьма изящно и роскошно, съ прекраснымъ портретомъ, факсимилe и со всѣми принадлежностями современной книги. Основнымъ текстомъ для этого посмертнаго изданія послужило изданіе 1873 года. Теперь появилось уже все, что поэтъ самъ допустилъ въ полное собраніе своихъ стихотвореній, ибо, какъ извѣстно, его личное мнѣніе было то, что не слѣдуетъ печатать всего и откапывать все, даже самыя плохія попытки поэта, которыя ничего не прибавляютъ къ характеристикѣ его таланта, кромѣ того что онъ писалъ иногда весьма плохіе стихи. Это соображеніе не мѣшало бы имѣть, кажется, и другимъ издателямъ посмертныхъ сборниковъ. Имя и стихи поэта „мести и печали" слишкомъ извѣстны и слишкомъ много у него почитателей, чтобы еще желать успѣха книгѣ. Онъ несомнѣненъ. Въ „Нивѣ" былъ уже высказанъ въ свое время взглядъ на значеніе произведеній этого, весьма значительной силы, поэта.

Энциклопедическій всенаучный словарь. 2 тома, изд. Х. К. Небе, подъ ред. В. Клюшникова *). Словари у насъ не очень ладятся—словари Березина, Толля, Краевскаго, Старчевскаго, или ограничились немногими буквами или во всякомъ случаѣ не доводились до конца. Мы совсѣмъ не имѣли на русскомъ языкѣ подручнаго всенаучнаго словаря, въ родѣ сокращеннаго изданія Мейера. Теперь недостатокъ этотъ пополненъ прекраснымъ изданіемъ Х. К. Небе, весьма добросовѣстно и удачно составленнымъ подъ редакціею извѣстнаго писателя В. Клюшникова, имя котораго уже конечно говоритъ за изданіе. Первый томъ вышелъ а втораго значительная часть листовъ уже раздается желающимъ изъ подписавшихся, которые вносятъ весьма недорогую плату—за два толстыхъ тома, около 120 листовъ мелкой печати—всего 5 рублей. Нельзя не поблагодарить почтеннаго издателя за такую въ высшей степени своевременную, полезную и прекрасно составленную книгу.

*) Складъ изданія у Х. К. Небе, Маріинскій рынокъ, Холщевая линія, № 10.

Игра съ огнемъ. Въ Новомъ Свѣтѣ. Романъ кн. Н. А. Урусова. Спб. 1879. Многіе наши соотечественники, увлеченные какими-то совершенно невѣрными а часто и довольно безсвязными представленіями о жизни за океаномъ „въ странѣ свободы" великой республикѣ янки — несутся туда съ мечтами о свободномъ трудѣ и наживѣ и встрѣчаютъ самый суровый отпоръ, самую безсовѣстную эксплоатацію. Выходитъ, что всѣ мѣста удобныя для наживы уже заняты, обо всѣхъ уже подумали практическіе янки и не имѣли вѣжливости оставить хоть маленькое мѣстечко на случай пріѣзда заатлантическихъ друзей. Очень рѣдкіе изъ пріѣзжихъ выплываютъ и то съ ничтожными результатами въ этомъ кипучемъ, опасномъ омутѣ, который называется американской городской жизнью—большинство погибаетъ, не имѣя ни характера, ни силы для борьбы, ни привычки вращаться въ такой закаленной, алчной средѣ.

Но есть еще сортъ путешественниковъ въ Америку—людей со средствами—эти уже неизвѣстно чего ищутъ. Если тутъ есть цѣли изученія это конечно другое дѣло, но бросаться въ грубыя, неизящныя и дорогія удовольствія тамошней жизни часто только жалкія подражанія Европейскимъ—по меньшей мѣрѣ непонятно. Какъ иногда дорого платятся за знакомство съ этой жизнью такіе искатели приключеній можно видѣть изъ любопыт-

наго хотя и не вездѣ гладкаго и умѣлаго, романа кн. Урусова. Откинувъ все приклеенное для интереса разсказа — безотрадное впечатлѣніе этой лихорадочной среды на человѣка, привыкшаго совсѣмъ къ другому—передано вѣрно и разсказчику нельзя никакъ отказать въ дарованіи хотя, повторяемъ, передъ напечатаніемъ, произведенію не повредилъ бы внимательный пересмотръ. Многіе недурные эпизоды требовали бы только нѣкоторыхъ, по нашему мнѣнію, исправленій чтобы книга несомнѣнно интересная, какъ „романъ интриги“ значительно выиграла.

Политическое обозрѣніе.

Англія.—Занятіе турками Балканъ.—По вопросу о военной контрибуціи.—Предполагаемая поѣздка королевы Викторіи въ Италію.

Недавно, говоря по поводу слуховъ о внезапномъ приливѣ „дружелюбія“ къ намъ британскаго правительства, мы позволили себѣ усомниться въ возможности чего либо подобнаго, замѣтивъ при этомъ, что съумѣемъ оцѣнить по достоинству эту „дружбу“. Не долго пришлось намъ ждать пріятельской услуги. Министерство Биконсфильда, прекрасно сознавая всю непрочность созданнаго въ Берлинѣ для обѣихъ разъединенныхъ Болгарій положенія, ожидая что вслѣдъ за уходомъ русскихъ войскъ изъ Восточной Румеліи, тамъ начнется новая эра кровопролитія, зная, что все, что нынѣ тамъ происходитъ и что должно произойти вытекаетъ изъ глубоко-естественныхъ причинъ, что иначе и быть не можетъ, иначе и не будетъ—министерство это старается теперь свалить вину на Россію. Министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Салисбэри, обратился къ бывшему британскому посланнику въ Петербургѣ, лорду Лофтусу, съ „конфиденціальной“ нотой (очень скоро сдѣлавшейся извѣстной во всей Европѣ), въ каждой строкѣ которой сквозитъ это желаніе. Лордъ Салисбэри обвиняетъ русскихъ членовъ болгарской демаркаціонной коммисіи въ систематической оппозиціи, обвиняетъ русскую администрацію въ Болгаріи и Румеліи въ томъ, что обѣ отрасли этой администраціи, составляя въ сущности одно цѣлое, подготовляютъ болгаръ и румелійцевъ къ борьбѣ за соединеніе обѣихъ частей, наконецъ, обвиняетъ въ томъ, что русскіе сформировали въ Румеліи туземную боевую силу, находящуюся, будто бы, подъ начальствомъ русскихъ офицеровъ и способную оказать сопротивленіе возстановленію турецкой власти. Нашъ канцлеръ, въ своемъ отвѣтѣ, въ опроверженіе обвиненій лондонскаго кабинета, излагаетъ, что управленіе Восточной Румеліей поручено было генералъ-лейтенанту Столыпину на правахъ генералъ-губернатора, съ самостоятельнымъ кругомъ дѣйствій, Императорскій же главный коммисаръ въ Болгаріи, князь Дондуковъ-Корсаковъ, вовсе не вмѣшивался въ административныя дѣла Восточной Румеліи. Что же касается сформированія милиціи въ Восточной Румеліи и Болгаріи, то къ тому естественно было приступлено подъ единоличнымъ руководствомъ русскаго главнокомандующаго, но замѣщеніе офицерскихъ ваканcій произведено было различнымъ способомъ. Въ то время какъ въ Болгаріи командованіе милиціей предоставлено было русскимъ офицерамъ, въ восточно-румелійской милиціи должности офицеровъ поручены были, по большей части. болгарамъ. Въ заключеніи своей ноты, князь Горчаковъ указываетъ, что не эти вопросы содержатъ въ себѣ, какъ полагаетъ маркизъ Салисбэри, опасность для спокойствія Восточной Румеліи. *Тревожнымъ является вопросъ о занятіи Балканскихъ проходовъ турецкими войсками*, такъ какъ населеніе области возстаетъ противъ такого занятія. *Болгары же, напротивъ того, прониклись идеей избрать себѣ въ князья будущаго генералъ-губернатора Румеліи и такимъ образомъ, осуществить соединеніе обѣихъ Болгарій.*

При существующей натянутости отношеній въ Европѣ, часто бываетъ весьма нетрудно уловить истинное, дѣйствительное настроеніе того или другаго изъ государствъ. Въ этомъ смыслѣ весьма характеристиченъ тотъ фактъ, что нота лорда Салисбэри появилась не въ оффиціальномъ текстѣ, а въ видѣ частнаго, газетнаго сообщенія въ „Политической Корреспонденціи“, органѣ нынѣшняго вѣнскаго кабинета: *графу Андраши понадобилось разглашеніе этой ноты въ отвѣтъ на газетныя заявленія о прекращеніи непріязненныхъ отношеній между Британіей и Россіей...* На этихъ дняхъ британскіе министры завѣрили въ палатѣ общинъ точность (за незначительными исключеніями) сообщеннаго текста этого дипломатическаго документа.

А между тѣмъ въ одной турецкой деревнѣ въ Османъ-Базарскомъ округѣ произошли безпорядки, выяснившіе, что въ средѣ турецкаго населенія сдѣланы были *приготовленія къ общему возстанію.* Мусульмане получили оружіе отъ турецкихъ властей. Русскіе предупредили вспышку этого общаго возстанія и посланныя изъ Тырнова и Елены войска уже возвращены въ мѣста своего расположенія. Желательно было бы ошибиться въ тѣхъ страшныхъ ожиданіяхъ, которыя сулитъ близкое будущее... Но на ряду съ дѣйствительной опасностью, обыкновенно, какъ извѣстно, ходятъ всякаго рода тревожные слухи, часто не имѣющіе ни малѣйшаго характера вѣроятія; распускаются же они не всегда безъ цѣли, такъ, въ настоящую минуту, графу Андраши приписываютъ происхожденіе слуха о томъ, будто между Сербіей и Черногоріей, при посредничествѣ Россіи, состоялся союзъ, съ цѣлью возбужденія нынѣшнею весною возстанія, съ одной стороны, въ Босніи и Герцеговинѣ, а съ другой—въ Македоніи; военные снаряды перевезены уже массами изъ Бургаса, чрезъ Плевну, въ Сербію, Слухъ этотъ, какъ говорятъ, необходимъ австрійскому министру для того, чтобы напугать венгерскій и австрійскій сеймы. Понятно—будутъ послушнѣе выполнять требованія австро-венгерскаго канцлера.

Князь Лобановъ-Ростовскій обратился къ Портѣ съ вторичной нотой по предмету военной контрибуціи. Совѣтъ турецкихъ министровъ постановилъ обождать отвѣтомъ на нее до тѣхъ поръ, пока переговоры относительно проектовъ преобразованія турецкихъ финансовъ приведутъ къ болѣе опредѣленнымъ результатамъ. Греціи предложены территоріальныя уступки относительно въ болѣе широкихъ размѣрахъ.

Британская королева собирается посѣтить Италію. Она ѣдетъ въ сопровожденіи принцессы Беатрисы и нѣсколькихъ приближенныхъ лицъ. Внесенному княземъ Бисмаркомъ проекту дисциплинарнаго закона нанесенъ рѣшительный ударъ Ласкеромъ, который находилъ, въ своей рѣчи, что проектъ идетъ въ разрѣзъ съ конституціей и законами. Канцлеръ отвѣчалъ, что, можетъ быть, настанетъ время, когда оппозиція иначе взглянетъ на вещи и сама попроситъ правительство возобновить его предложеніе; онъ не ласкалъ себя надеждой видѣть проектъ вполнѣ принятымъ парламентомъ, ограничившись только намѣреніемъ обратить вниманіе на оскорбительныя выраженія, которымъ какъ онъ, такъ и товарищи его часто подвергались. Если палата согласна будетъ принять на себя починъ реформы, то правительство не замедлитъ протянуть ей руку помощи.

Разныя извѣстія.

Рисунки А. Иванова. Вышелъ первый выпускъ „Изображеній изъ священной исторіи“, оставленныхъ эскизовъ Александра Иванова; изданіе это напечатано въ Берлинѣ и съ годъ тому назадъ мы извѣщали о немъ. Архитекторъ Сергѣй Андреевичъ Ивановъ ум. 10-го февр. 1877 г. въ Римѣ и назначилъ германскій археологическій институтъ въ Римѣ единственнымъ своимъ наслѣдникомъ, съ обязанностью издать оставшіяся композиціи изъ Ветхаго и Новаго завѣта его брата, извѣстнаго художника Александра Андреевича Иванова (родив. 1806, умер. 1858). Дирекція института сдѣлала все возможное. чтобы исполнить эту обязанность, придавая ему наиважнѣйшее значеніе, именно въ смыслѣ завѣщателя. „Выпуская въ свѣтъ первую тетрадь изъ всего этого собранія, говорятъ издатели, институтъ убѣжденъ, что изданіе это будетъ имѣть значеніе не только въ отечествѣ художника, гдѣ имя А. А. Иванова на устахъ всякаго, но и найдетъ внѣ Россіи самый симпатичный пріемъ; по глубинѣ содержанія, по силѣ выраженія, Иванова можно сравнить съ самыми замѣчательными мастерами нашего вѣка. Кромѣ всего этого, композиціи его, не смотря на ихъ художественную цѣнность, еще въ другомъ отношеніи возбудятъ самый живой интересъ, ибо онѣ проникнуты духомъ совершенно самобытнымъ, неимѣющимъ ничего общаго съ произведеніями нѣмецкихъ, французскихъ и итальянскихъ художниковъ.

Цѣна каждой тетради 80 марокъ *). Подписка принимается у г-дъ Ашеръ и Ком., въ Берлинѣ, 5 Unter den Linden. Эскизы дѣйствительно оригинальны и совсѣмъ не напоминаютъ собою тѣхъ картинъ изъ священной исторіи, которыхъ всегда такъ много.

Одна изъ лондонскихъ конторъ для пріема и печатанія объявленій составила любопытную статистику суммъ, издерживаемыхъ за границею на объявленія разнаго рода.

Знаменитыя за границею пилюли профессора Голловэя (Holloway) были въ первый разъ рекомендованы вниманію публики въ объявленіи, появившемся въ 1837 году. Въ 1842 году объявленія о нихъ стоили уже 6,000 рублей; въ 1845 году на объявленія было израсходовано 120,000 рублей; въ 1851 году—240,000, въ 1855 году—360,000, въ 1878 году—480,000 рублей. Изъ громаднаго капитала, составленнаго изобрѣтателемъ путемъ этихъ объявленій, онъ удѣлилъ на благотворительныя учрежденія приблизительно семь милліоновъ рублей. Магазинъ платья Moses and Son въ Лондонѣ уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ ежегодно тратитъ на объявленія 120.000 руб. сер.; такую же сумму расходуетъ каждый годъ докторъ Роуландъ на объявленія о „макассарскомъ маслѣ“. Фирма Heaf and Sons тратитъ въ годъ на объявленія о постельномъ бѣльѣ 72,000 руб-

*) Около 40 рублей.

лей сер.; портной Никольсъ—60,000 руб. Наибольшіе расходы въ этомъ отношеніи производятся однако въ Америкѣ. Гембольдъ, извѣстный нью-іоркскій оптовый торговецъ различными медикаментами и химическими веществами, еженедѣльно расходуетъ 24,000 руб. сер. на свои объявленія, которыя за то появляются въ трехъ тысячахъ различныхъ газетъ. Одинъ разъ онъ заплатилъ 9,000 р. сер. за одно особенно большое и затѣйливое объявленіе, а въ день полученія въ Нью-Іоркѣ извѣстія о паденіи Ричмонда, Гембольдъ предложилъ редакціи „Герольда“ 12,000 р. за полную страницу газеты; ему было отказано за совершеннымъ отсутствіемъ свободнаго мѣста. Само собою подразумѣвается, что такіе расходы на объявленія находятся въ прямомъ соотношеніи съ получаемыми чрезъ нихъ выгодами. Такъ, состояніе профессора Голловэя оцѣнивается въ двадцать четыре милліона руб. сер.

Голодъ и зараза въ Бразиліи. Бразильскій корреспондентъ „New-York- Herald“ сообщаетъ слѣдующій драматическій разсказъ о цѣломъ рядѣ ужасныхъ бѣдствій, посѣтившихъ Бразилію съ марта мѣсяца 1877 года.

Ареной этихъ бѣдствій послужила мѣстность, извѣстная подъ названіемъ Сертао, простирающаяся къ югу за береговой цѣпью горъ до самаго округа Ріо. Она доходитъ до моря, по сосѣдству съ Форталезой, на сѣверномъ бразильскомъ берегу, въ 350 миляхъ на востокъ отъ устьевъ Амазонской рѣки. Всего больше пострадала, повидимому, приморская провинція Цеара. Населеніе въ этой провинціи равнялось 900,000 въ концѣ 1876 года, а въ концѣ прошлаго года уменьшилось до 400,000, и продолжаетъ быть поражаемо заразой. Въ другихъ частяхъ Сертао корреспондентъ опредѣляетъ число „умершихъ отъ голода и болѣзней, связанныхъ съ нимъ, въ 300,000. Дождливое время длится обыкновенно отъ января до іюня; но въ 1877 г. засуха наступила очень рано, и уже въ мартѣ мѣсяцѣ этого года населеніе стало умирать отъ голода. Дѣла шли все хуже и хуже и началось настоящее переселеніе извнутри страны къ прибрежью. Тысячи погибали на пути. Около 150,000 переселенцевъ расположились одно время бивуакомъ возлѣ Форталезы, населеніе которой не превышаетъ 25,000. Слишкомъ 200 человѣкъ въ день умирало среди этихъ переселенцевъ въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ. Затѣмъ, появились злокачественныя лихорадки, холера, желтая горячка и, наконецъ, оспа. Слишкомъ 1,000 человѣкъ умерло въ декабрѣ мѣсяцѣ. Наконецъ, показалась какая-то таинственная пятнистая болѣзнь, отъ которой люди умираютъ въ нѣсколько часовъ.

По извѣстіямъ изъ Нью-Йорка, отъ 15 февраля, именитые граждане Нью-Йорка избрали комитетъ для созванія *публичнаго митинга*, на разсмотрѣніе котораго могъ бы быть формально представленъ *проектъ устройства въ 1881 году всемірной выставки.*

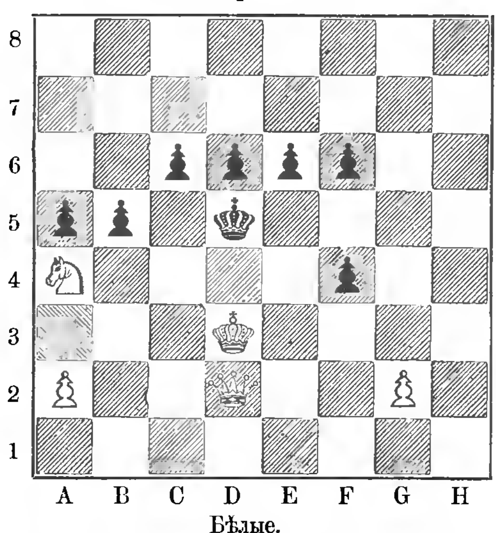
13-го сего марта, въ часъ пополудни, Шефъ Жандармовъ, генералъ-адъютантъ Дрентельнъ проѣзжалъ въ каретѣ по Лебяжьему шоссе, вдоль Лѣтняго сада, слѣдуя отъ своей квартиры къ Зимнему Дворцу, въ засѣданіе Комитета Министровъ. На срединѣ шоссе съ каретою поровнялся, съ лѣвой стороны, молодой человѣкъ верхомъ и продолжалъ нѣкоторое, впрочемъ очень короткое время, держаться рядомъ съ каретою, затѣмъ, давъ нѣсколько болѣе ходу лошади, всадникъ быстро обернулся и выстрѣлилъ изъ револьвера по направленію сидѣвшаго въ каретѣ генералъ-адъютанта Дрентельна. Пуля попала въ правое переднее окно кареты и прошла наискось въ окно правой же дверцы на вылетъ, разбивъ стекла въ обоихъ окнахъ. Генералъ-адъютантъ Дрентельнъ остался, благодаря Бога, невредимъ и, сохраняя полное спокойствіе духа, приказалъ кучеру гнать лошадей слѣдомъ за скакавшимъ злоумышленникомъ. Не смотря на быстроту скакавшаго, преслѣдовавшіе не упускали изъ виду всадника до угла Набережной и Гагаринской улицы, въ которую онъ повернулъ. Направясь туда же, и затѣмъ далѣе, генералъ-адъютантъ Дрентельнъ встрѣтилъ уже на углу Воскресенской и Захарьевской улицъ городоваго, который держалъ въ поводу лошадь злодѣя. Изъ словъ городоваго оказалось, что злоумышленникъ упалъ съ лошади, бросилъ ее и скрылся на извощикѣ. Весьма понятно, что преслѣдованіе въ каретѣ всадника, быстро скакавшаго, не могло быть вполнѣ удачно, и потому городовой, поймавшій оставленную лошадь, не имѣя никакого понятія о случившемся, не преслѣдовалъ скрывшагося злоумышленника. Къ розыскамъ приступлено было немедленно.

Ариѳметическая задача.

Семья состоитъ изъ отца, матери и 5 дѣтей. Дѣти каждый на 13 мѣсяцевъ старше одинъ другаго, мать вдвое старше чѣмъ всѣ дѣти вмѣстѣ, отецъ на 10 лѣтъ старше матери. Сколько лѣтъ каждому отдѣльно, если всѣмъ вмѣстѣ 100 лѣтъ?

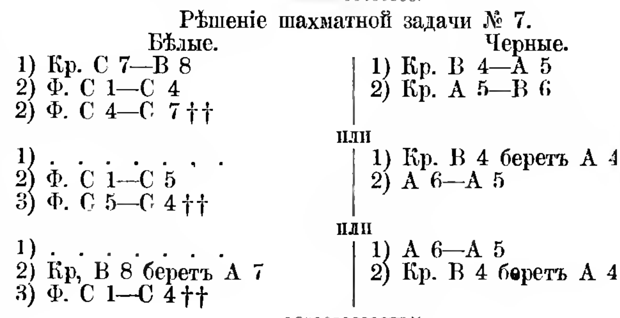
Шахматная задача № 9.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Рѣшеніе шахматной задачи № 7.

Бѣлые.	Черные.
1) Кр. С 7—В 8	1) Кр. В 4—А 5
2) Ф. С 1—С 4	2) Кр. А 5—В 6
2) Ф. С 4—С 7 ††	
или	
1)	1) Кр. В 4 беретъ А 4
2) Ф. С 1—С 5	2) А 6—А 5
3) Ф. С 5—С 4 ††	
или	
1)	1) А 6—А 5
2) Кр, В 8 беретъ А 7	2) Кр. В 4 беретъ А 4
3) Ф. С 1—С 4 ††	

РЕБУСЪ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Спб. Вл. С—у. Въ прежнемъ видѣ ваше стихотвореніе возбуждало въ читателѣ нѣкоторую веселость, въ исправленномъ же видѣ оно потеряло и это достоинство.

Курскъ А. О. Н—цному.

Возмутительно мила
Съ ангельской красою
Вно-ъ ты сердце мнѣ *важила*
Страстною *тоскою* (?)...

Какая странная должна быть особа! Такъ *возмутительно (!)* мила, что возбуждаетъ *тоску.*

Калуга М. У—сному. Не будетъ помѣщено.

Спб П. Ман—ву.

Когда *надъ шумнымъ водопадомъ*
Близъ самой бездны, на краю,
Блуждая въ безднѣ мрачимъ взглядомъ
Я въ *бурю ярую* стою....

Вы для прогулокъ выбираете довольно неудобное время и мѣсто. Интересно, гдѣ именно вы, петербургскій житель, находите *бездны* и *шумные водопады.*

Учителю Д. Ѳ. Г—у.

Людъ бездомный
Голову *повесилъ*
И ужъ *реже* солнце блещетъ...

Подчеркнутыя слова пишутъ черезъ *ѣ.*

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П.Бургѣ. Б. Морская, д. № 9.

МИЛЬТОНЪ
ПОТЕРЯННЫЙ и ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.
Съ картинами **ГУСТАВА ДОРЭ.**

Переводъ А. Шульговской
Изданіе in folio.
Съ подстрочнымъ англійск. текстомъ.
ЦѢНА:
въ прост. каленкор. перепл. 25 р.
съ перес. въ ящикѣ . . 30 р.
въ красивомъ полшагр. п. съ зол. обр. въ футлярѣ . . 30 р.
съ перес. въ ящикѣ . . . 35 р.

Изданіе *классическихъ авторовъ* въ роскошномъ видѣ есть дань уваженія къ ихъ безсмертнымъ именамъ. Такая роскошно изданная книга, служа украшеніемъ салона, постоянно возобновляетъ въ памяти прекрасныя, не утратившія своей прелести въ теченіи вѣковъ, страницы.

Предпринимая это изданіе, Издатель не жалѣлъ ни труда ни времени, чтобы придать знаменитому творенію *Мильтона*, соединенному съ превосходными рисунками Густава Дорэ, то изящество и роскошь, какую имѣютъ подобныя изданія за границей.

Цѣна этого изданія, по сравненію съ подобными роскошными, заграничными изданіями, очень дешева.

Для **подарковъ** на Пасху это изданіе, по своему *красивому* и очень *богатому переплету*, исполненному по рис. *И. Панова*, будетъ весьма *удобно*.

Вышла въ свѣтъ и продается въ Конторѣ Редакціи „Нивы" и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы.

ВЪ КАМЫШАХЪ
ПОВѢСТЬ
Н. Н. Каразина.
Съ 39 рисунками автора
Второе изданіе
большой томъ in 8—всего 304 стр.
С.-Петербургъ 1879 г.
Изданіе **А. Ф. Маркса.**
по Б. Морской, д. № 9.
Цѣна **2** руб, съ пересылкой **2** руб. **30** к.
Подписчики „Нивы" за пересылку не платятъ.

Повѣсть эта яркими красками рисуетъ жизнь Туркестанскаго края; достоинства ея достаточно доказываются уже тѣмъ, что повѣсть эта переведена на нѣмецкій, французскій и англійскій языки. Нынѣ вышедшее второе изданіе заключаетъ въ себѣ 39 рисунковъ: она гораздо богаче и лучше, чѣмъ уже распроданное первое изданіе этой повѣсти.
№ 41 2—2 Изд. „Нивы" А. Ф. Марксъ.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ
№ 18. НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, У ПОЛИЦЕЙСКАГО МОСТА, № 18.

Покупаетъ и продаетъ всякаго рода процентныя бумаги, золото, серебро, и заграничныя деньги.
Выдаетъ наивысшія ссуды по низшему проценту подъ всѣ котированныя на биржѣ цѣнныя бумаги.
Принимаетъ на себя выкупъ заложенныхъ въ банкахъ и другихъ мѣстахъ бумагъ и увеличиваетъ ссуды
Выдаетъ переводы и аккредитивы заграницу по биржев. курсу.
Выдаетъ справки о помѣщеніи капиталовъ въ вѣрнѣйшихъ процентныхъ бумагахъ.
Мѣняетъ срочные купоны безплатно.
Принимаетъ вклады и платитъ:

по текущимъ счетамъ 5%
на 3 мѣсяца 6%
отъ 6 до 12 мѣсяцевъ 7%

СТРАХУЕТЪ билеты обоихъ внутреннихъ займовъ по **50 КОП.**
ДЛЯ ГГ. ИНОГОРОДНЫХЪ ПО 60 КОП.
БИРЖЕВЫЯ порученія мѣстныя и провинціальныя исполняются въ точности купленныя бумаги остаться заложенными въ конторѣ. № 36. 5—4

НИЛЬСОНЪ ЭКСТРЕ-ДЕ-ТУАЛЕТЪ.

Уничтожаетъ съ лица пятна, загаръ, угри, прыщи, веснушки, желтизну, пропадаютъ и морщины и лицу придаетъ бѣлизну, мягкость и нѣжность, и можетъ быть употребляемъ съ пользою для втиранія шеи и рукъ. Секретъ этого состава пріобрѣтенъ заграницею и разрѣшенъ с.-петербургскимъ медицинскимъ начальствомъ, онъ превосходитъ всѣ до сихъ поръ извѣстныя косметическія средства и продается въ С.-Петербургѣ—въ магазинахъ гостиннаго двора: у Рузанова, Саблунова, Ушанова, Нарикова, Сафронова; въ пассажѣ № 44; на Невскомъ, у казанскаго собора, магазинъ № 25; Владимірская улица, въ химической лабораторіи: д. № 7; въ Москвѣ—магазинъ «Городъ Парижъ», Дарваисъ, Газетная улица, д. Шевалье, Ниглинскій проѣздъ, д. Молчанова, магазинъ Маріяни, на Тверской, магазинъ Невияя, д. Мятлева и у Гермитта, д. Ольсуфьева, по Никольской улицѣ, въ проѣздѣ д. Третьякова, въ химической лабораторіи Козлова. Цѣна флакону 3 р. 25 к., а съ пересылкою 4 р., полъ-флакона 1 р. 75 к., съ пересылкою 2 р. 50 к. Продается пудра „Нильсонъ" коробка 50 к. Складъ въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая, д. № 12, кв. № 10. 3—2

ДѢЛА НАШИ СЪ ТУРКАМИ
(историческо военный очеркъ).
Цѣна 30 к. Иногородные высылаютъ четыре 8-ми копѣечныя почтовыя марки въ простомъ письмѣ, на Захарьевскую ул., д. № 31, кв. № 22, на имя П. Я. Бугайскаго.

Изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ,
Большая Морская, д. № 9.

„НИВА"
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ
1878 ГОДА.

Большой томъ, болѣе 1,000 страницъ текста и 600 художественно выполненныхъ гравюръ, около 20 повѣстей, разсказовъ и до 200 популярно-научныхъ статей по естествознанію, зоологіи, астрономіи и пр., вмѣстѣ съ двумя оригинальными акварельными преміями—картины Алексѣя **Кившенко:**
1) **Бояринъ Борисъ Годуновъ и кудесники, предсказывающіе ему престолъ.**
2) **Царь Борисъ Годуновъ и его дѣти: Ксенія и Ѳеодоръ.**

ЦѢНА ЭТОГО ГРОМАДНАГО ТОМА:

Брошюр. . 4 р. — к.	Въ прост. перепл. 4 р. 75 к.	Въ каленк. перепл. . 5 р. 60 к.
Съ перес. 5 „ 50 „	Съ перес. 6 „ 25 „	Съ перес. . 7 „ — „

ВЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „НИВА"
продается иллюстрированный журналъ „Нива" 1875 и 1876 года.
ЦѢНА КАЖДОМУ ТОМУ, Т. Е. ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ, СЪ ПРЕМІЯМИ

Брошюрованному	Въ простомъ перепл.	Въ каленкор. перепл.
Безъ перес. 4 р. —	Безъ перес. . 4 р. 75	Безъ перес. 5 р. 50
съ перес. . 5 р. 50	съ перес. . . 6 р. 25	съ перес. . 7 р. —

Пріобрѣтающіе оба тома разомъ получаютъ 25% уступки (но только съ книги, а не съ переплета или съ пересылки).

Каждый томъ „Нивы" заключаетъ въ себѣ 20—25 повѣстей, нѣсколько большихъ романовъ, до 200 статей по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, современной жизни и проч. и до 700 художественно выполненныхъ рисунковъ. Помѣщенныя въ каждомъ томѣ повѣсти въ отдѣльной продажѣ стоили бы болѣе 20 рублей. Каждый покупатель тома „Нивы" имѣетъ право на полученіе всѣхъ къ нему приложенныхъ безплатныхъ премій. Приложенія къ „Нивѣ" 1875 года 2 картины 1) **Смерть Юлія Цезаря**, картина профессора Пилоти 2) **Мадонна Севильская**, картина Севастіана Мурильо,—Приложенія къ „Нивѣ" 1876 года; **Спящая Красавица**, картина Э. Велэ, печатана масляными красками въ 20 тонахъ. № 186

Изданія А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.
Большая Морская, д. № 9.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ, романъ въ 2-хъ част. *Н. Каразина съ 20 рисунками автора*, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ знакомитъ читателя съ Туркестанскимъ краемъ и переведенъ на нѣм. и англ. языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 30 к. Для подписч. „Нивы" на 1879 г.: 1 р. 80 к. съ перес. 2 р.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ, историч. повѣсть *Вс. С. Соловьева*. Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи и въ развитіи своемъ представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ 20 рисунками художника *И. С. Панова*, и гравиров. лучшими мастерами. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к., для подп. „Нивы" 1879 г. 1 р. 80 к., съ перес. 2 р.

СТОЛЫПИНСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ.

Сѣрно-соляные источники (въ 16 унц. 139 гр. безводныхъ солей, въ томъ числѣ сравнительно много брома); **желѣзистые источники** (въ 16 унц. 0,5579 гр. двууглекислой закиси желѣза); **минеральная грязь** (тождественная по анализу проф. Шмидта съ гапсальскими морскими грязями). **Настоящій степной кумысъ.**— **Лечебный сезонъ** съ 25-го мая по 1-е августа. **Главныя болѣзни:** ревматизмъ, золотуха, сифилисъ, накожныя болѣзни, болѣзни костей и суставовъ, увеличеніе печени и селезенки, геморой, невральгіи, параличи, хроническія женскія болѣзни, малокровіе и зависящія отъ него страданія —Заведеніе находится въ Самарской губ., въ 50 верст. отъ рѣки Волги. **Сообщеніе:** по желѣзной дорогѣ до Саратова или Сызрани, затѣмъ на пароходѣ до пристани с. Балакова (10 ч.); переѣздъ изъ Балакова на воды въ удобныхъ тарантасахъ. Весь **расходъ** больнаго за меблированную квартиру съ самоваромъ и прислугою, за право посѣщенія вокзала и танцовальныхъ вечеровъ, за музыку, газеты, библіотеку, питье минеральной воды, леченіе ежедневными сѣрными ваннами и обѣдъ—составляетъ вмѣстѣ, смотря по величинѣ и удобству квартиры, отъ 100 до 150 р. за 6-недѣльный курсъ. За полученіемъ болѣе подробныхъ свѣдѣній можно обращаться къ доктору мед. К. В. Ивенсену (Саратовъ, Дворянская ул.) № 82.

ЛЕЧЕБНЫЙ СЕЗОНЪ 1879 ГОДА ПРОДОЛЖАЕТСЯ съ 26-го мая по 20-е августа.

СТАРОРУССКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ.

Находятся въ городѣ Старой Руссѣ, Новгородской Губ., около двухъ градусовъ южнѣе Петербурга, хотя въ ровной, но сухой мѣстности, воздухъ весьма здоровый и чистый, средняя температура дня во время сезона приблизительно 15°; дачи отдаются со всею обстановкою, кромѣ бѣлья, отъ 50 до 300 р. за лѣто; жизнь дешевая—представляетъ, слѣдовательно, всѣ благопріятныя условія для лечебнаго и дачнаго мѣстопребыванія. Для развлеченія публики въ заведеніи минеральныхъ водъ имѣются: библіотека, газеты, три раза въ недѣлю театръ, два раза танцовальные вечера, ежедневно оркестръ музыки, тиръ, кегля и гимнастика для дѣтей. Въ вокзалѣ водъ находятся ресторанъ и нумера для пріѣзжихъ. Прямое сообщеніе по Николаевской, и новгородско-старорусской желѣзнымъ дорогамъ; поѣздъ изъ Петербурга отходитъ въ 10 час. вечера, изъ Москвы въ 8 ч. 30 м. утра. Желѣзисто-минеральная грязь и воды старорусскія, тождественны съ франценсбадскою грязью и съ крейцнахскими водами. и какъ самыя сильныя бромо-іодо-солепощелочныя въ Россіи, употребляются съ испытанною пользою: во всѣхъ болѣзняхъ золотушнаго свойства, англійской болѣзни, ревматизмѣ, подагрѣ, въ различныхъ параличахъ, воспаленіи суставовъ и надкостной плевы, костоѣдѣ, въ хроническихъ женскихъ болѣзняхъ, нервной слабости, наложныхъ сыпяхъ, хронич. язвахъ. въ катарральныхъ процессахъ, геморроѣ, во вторичномъ и третичномъ сифилисѣ. Кромѣ ваннъ соленощелочныхъ и грязныхъ, устроены еще хвойныя и паровыя, равно леченіе **настоящимъ** кумысомъ и всѣми заграничными минеральными водами. Плата за ванны: соленощелочной 50 к., солено-хвойной 60 к., прѣсно-хвойной 60 к., минеральной грязи 70 к., паровая ванна 50 к., души 25 к., холодное купанье въ озерѣ въ минеральной водѣ за сезонъ 3 р.· дѣти до четырехлѣтняго возраста, купающіяся въ дѣтскихъ переносныхъ ваннахъ, платятъ половину. Каждое купающееся лицо съ 14-лѣтняго возраста платитъ: за питье воды изъ старорусск. источниковъ, на содержаніе оркестра, за право читать газеты и на покрытіе расходовъ, дѣлаемыхъ собственно для пріѣзжающихъ, за одиночный билетъ въ сезонъ 4 р. за семейный 10 р.

Подробныя свѣдѣнія относительно болѣзни, и пребываніи въ Руссѣ можно получать по вторникамъ и субботамъ, отъ 11 до 12 ч, до 10 апрѣля Владимірская, № 16. кварт. № 6. № 74 1—1

Директоръ и докторъ Старорусскихъ минеральныхъ водъ **А. РОХЕЛЬ.**

въ „**MAGASIN ETRANGER**“ Иностранномъ магазинѣ, Б. Морс., д. № 30.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ПАСХАЛЬНЫХЪ ЯИЦЪ.

Самые прекрасные изъ граненаго хрусталя играющіе во всѣ краски какъ настоящіе брилліанты; ц. 75 к., 1 р. и 1 р. 50 коп. иногородн. съ перес. 1 р. 25 к., 1 р. 50 к. и 2 р. Яйца съ игрушками всякой величины отъ 5 р. до 30 р.; особенно красивыя куклы съ приданымъ въ большихъ яйцахъ цѣною отъ 15 р. до 25 р. с. шт. Яйца съ игрушками и пустые велич. до 11 вершк., ширин. 7 вершк. изящной отдѣлки. Яйца съ флаконами рабоч. несесерами изъ хрусталя, дерева, кокос. орѣха и проч. ц. отъ 50 к. до 4 руб. 50 к. и бронзовые отъ 3 р. до 25 р. Иногор. выписывающимъ только яицъ на 5 р. и больше пересылка безплатная.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ САМЫХЪ ИЗЯЩНЫХЪ

!!! ПАРИЖСКИХЪ ИГРУШЕКЪ !!!

изъ резины, артистической отдѣлки. Рекомендуемыя резиновыя игрушки такой тщательной и отличной работы, что превосходятъ многіе изъ другихъ матеріаловъ, притомъ прочнѣе всѣхъ другихъ; куклы въ росвошномъ туалетѣ отъ 10 р. и дороже; ц. маленькимъ куколкамъ 30 к., 50 к., 1 р., 2 р., 3 р., 4 р., до 12 р. Солдатики 3 р. и 5 р. до 10 р. за дюжину. Кавалерія отъ 1 р. до 3 р. штука. Собачки, барашки и проч. животн. отъ 75 коп. за штуку; бѣлыя некрашенныя игрушки изъ резины для маленькихъ дѣтей, облегчающіе прорѣзываніе зубовъ, отъ 50 к. до 1 р. шт. Иногор. выписывающіе на 10 р. и болѣе однихъ резиновыхъ игрушекъ пересылка безплатно; адресовать:

въ «MAGASIN ETRANGER», Иностранный магазинъ, по Большой Морской, домъ № 30, въ С.-Петербургѣ.

№ 7. Владимірская № 7.

Депо С.-Петербургскихъ Химическихъ Лабораторій и заграничныхъ фабрикъ.

ВЫСТАВКА

ПОДАРКОВЪ КЪ ПАСХѢ.

Самыя разнообразныя яйца изъ бронзы, перломутра, дерева и т. д. съ сюрпризами отъ 10 коп.

НОВОСТЬ: Яйца съ свѣтящими цвѣтами отъ 1 руб. 25 коп.

НОВОСТЬ: красныя яйца изъ высшаго сорта мыла съ разными рисунками отъ 15 коп.

Яйца изъ глицериноваго мыла отъ 5 к.

БЕЗВРЕДНЫЯ краски для яицъ разныхъ цвѣтовъ флаконъ 10 коп.

Убранныя цвѣтами корзинки, шкатулки и коробки съ мыломъ, духами, помадой и т. д. отъ 50 коп.

Китайскія ящики для перчатокъ и платковъ, пудреницы, пепельницы и т. д.

Вазы, флаконы, туалетныя гарнитуры и проч.

Полный складъ благовонныхъ и косметическихъ товаровъ извѣстнѣйшихъ заграничныхъ фабрикъ и С.-Петербургскихъ Химическихъ Лабораторій по прейсъ-куранту.

Заказы Г.г. иногородныхъ исполняютъ немедленно. № 77. 1—1.

№ 7. Владимірская № 7.

МОЗОЛИ ВЫНИМАЮ.

въ нѣсколько минутъ, съ корнями, посредствомъ состава, безъ боли, и не употребляя металлическихъ инструментовъ, Невскій пр., д. **№ 52**, кв. № 10. № 79 1—1.

Въ книжномъ магазинѣ **А. И. Бортневскаго,** изъ Спб. уг. Троицкаго и Графскаго пер. находятся склады слѣдующихъ изданій:

Петербургская Драматургія (статьи и пьесы). Два нумера по 20 коп. съ пер. 25 к. за нумеръ.

Беллерофонтъ, Принцъ Коринеская (дѣйствіе въ древней Греціи (320 стр.). Цѣна 1 р. 40 к. пер. за 1 ф.

Домашній театръ А. Гротова: № 1 Разсѣянные, № 2 Дачный аппетитъ, № 3 Братецъ и Сестрица, по 30 коп. съ пер. 35 к. за пьесу.

Микроскопическое изданіе пѣсенъ, по 10 к. съ пер. 15 к.

До одного рубля можно высылать *марками.* Требованія исполняются съ первою почтою. № 68 1—1

РУССКІЕ УЗОРЫ

Книжками отъ № 1-го до № 5-го каждая въ 10 страницъ по 25 к. за экз. для иногородныхъ съ пересылкою 1 лотъ по 33 к. за екз.

УЗОРЫ ДЛЯ КАНВОВЫХЪ РАБОТЪ.

Книжками отъ № 21 до № 25 каждая въ 10 страницъ по 45 коп. за экз. для иногородныхъ съ пересылкою за 1 лотъ по 53 коп. за екз.

Состоящіе изъ разныхъ букетовъ, гирляндъ, ландшафтовъ, звѣрей и пр., для всѣхъ возможныхъ вышивокъ и къ онымъ узорамъ рекомендуетъ лучшую берлинскую шерсть, во всѣхъ цвѣтахъ и тѣняхъ по 3 р. 50 к. за фунтъ.

Каждый нумеръ имѣетъ другіе рисунки и потребуется до ½ фунта шерсти; можно получить въ магазинѣ Рукодѣлій по Перинной линіи № 20 въ С.-Петербургѣ.

№ 72 1—1 **А. А. Бетцъ.**

P. S Для удобства, гг. иногородные при требованіи менѣе одного рубля могутъ выслать въ простомъ письмѣ, почтовыми марками до 8 коп. достоинства.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ НОВОЕ—ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНІЕ:

СТИХОТВОРЕНІЯ Н. А. НЕКРАСОВА

съ портретомъ, факсимиле, біографіею, приложеніями. примѣчаніями и т. д. Спб. 1879. Тип. Стасюлевича. Т. I: LXXXII и 318; т. II: 417; т. III: 404; т. IV: 131 и CCX. Біографія въ первомъ томѣ, составлена А. М. Скабичевскимъ; примѣчанія, въ четвертомъ томѣ, были приготовлены отчасти самимъ поэтомъ и дополнены С. И. Пономаревымъ.

Четыре тома, на обыкнов. бумагѣ **7** руб. въ обверткѣ, съ пересылкою **8** руб.

На веленевой бумагѣ: **12** руб. въ переплетѣ; съ пересылкою **14** руб.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: Книжный магазинъ Типографіи М. Стасюлевича, въ Спб. Вас. Остр. 2-я лин. 7.—Книгопродавцамъ и учебнымъ заведеніямъ обычная уступка. № 58 3—2

УЗОРЫ

МАЛОРОССІЙСКІЕ И РУССКІЕ

ИЗДАНІЕ В. Ф.

10 большихъ листовъ въ красивомъ и прочномъ футлярѣ, продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ цѣна 1 р. 75 к. безъ пересылки. Складъ „Книжнаго Магазина для Иногородныхъ“ Невскій пр., № 44, противъ Гостинаго. № 78.

Въ книжномъ магазинѣ Карла Риккера въ С.-Петербургѣ, Невскій просп., д. № 14.

ПРОДАЮТСЯ

СОЧИНЕНІЯ ЭД. РЕГЕЛЯ.

Директора Императорскаго Ботаническаго Сада.

Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ. Ч. I-я, изд. 4-е, съ 234 политипажами, цѣна 2 р., съ перес. 2 р 50 к.

Однолѣтнія и двухлѣтнія цвѣтущія растенія. Изд. 2-е, ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Земляника, ея содержаніе въ нашемъ климатѣ и описаніе годныхъ для нашего климата сортовъ. Изд. 3-е, ц. 40 к., съ перес. 55 к.

Русская дендрологія 4 выпуска. Ц. 2 р. 40 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Смородина, ея разведеніе и содержаніе. Изд. 2-е, ц. 30 к., съ пер. 35 к.

Малина, ея разведеніе и содержаніе. Цѣна 15 к., съ пер. 20 к.

Популярное наставленіе къ русскому плодоводству или руководство къ уходу за яблонями, грушами, вишнями и сливами въ климатѣ средней Россіи, ц. 50 к. съ пер. 65 к.

Общія правила разбивки садовъ. Цѣна 50 к., съ перес. 65 к. № 76.

КАВКАЗСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ.

ЛЕЧЕБНЫЙ СЕЗОНЪ 1879 ГОДА

начинается въ ПЯТИГОРСКѢ—1 Мая; въ ЕССЕНТУКАХЪ—10 Мая; въ ЖЕЛѢЗНОВОДСКѢ 12 Мая; въ КИСЛОВОДСКѢ—10 Іюня.—Леченіе продолжается въ ПЯТИГОРСКѢ—до 1-го Октября, въ ЕССЕНТУКАХЪ и въ ЖЕЛѢЗНОВОДСКѢ до 15-го. въ КИСЛОВОДСКѢ—до 20 Сентября.

Въ ПЯТИГОРСКѢ находятся многочисленные сѣрные ключи, разнообразные по своему содержанію и дѣйствію, температурою отъ 24° до 37° Реомюра.- Въ ЖЕЛѢЗНОВОДСКѢ, 14 верстъ отъ Пятигорска, желѣзистые—холодные и горячіе, температурою отъ 13° до 41° Реомюра.—Въ ЕССЕНТУКАХЪ, 15 верстъ отъ Пятигорска, источники: соляно-щелочной (№ 17), іодисто-щелочный (№ 6), желѣзисто-щелочной (№ 18), щелочно-соляной (№ 4) и сѣрно-щелочные; температура источниковъ отъ 7°—11° Реомюра.—Въ 20 верстахъ отъ Ессентуковъ, въ КИСЛОВОДСКѢ, извѣстный Нарзанъ, имѣющій 11° Реомюра и содержащій громадное количество углекислаго газа.—

Кавказскія Минеральныя воды дѣйствуютъ съ большимъ успѣхомъ при излеченіи послѣдствій раненія и добытыхъ при боевой жизни простуды, ослабленія организма, а также составляютъ прекрасное укрѣпляющее средство послѣ тифа и другихъ тяжкихъ болѣзней.

Проѣздъ на воды весьма удобный: желѣзными дорогами до Ростова на Дону, а оттуда по Ростово-Владикавказской желѣзной дорогѣ всего 20 часовъ ѣзды до станціи «Минеральныя воды», откуда по шоссе, (20 верстъ) до Пятигорска.

Между станціею «Минеральныя воды» и Пятигорскомъ, а также между Пятигорскомъ и соединенными съ нимъ посредствомъ шоссе прочими группами водъ (Ессентуки, Желѣзноводскъ и Кисловодскъ)ходятъ срочные дилижансы и другіе почтовые экипажи.

На всѣхъ группахъ играетъ музыка; имѣются: гостинницы, рестораны, аптеки, телеграфныя станціи, почтовыя отдѣленія, почтовыя станціи и читальни; а въ Пятигорскѣ снабженная лучшими новременными изданіями и новыми книгами библіотека.

Разлитыя въ бутылки **Ессентукскія воды, Нарзанъ** и **Горькая соль** для внутренняго употребленія и **лепешки** приготовляемыя изъ воды источника № 17 въ Ессентукахъ, а также **соль** для ваннъ можно имѣть во всѣхъ магазинахъ аптекарскихъ матерьяловъ и во всѣхъ аптекахъ.

За справками и необходимыми свѣдѣніями слѣдуетъ обращаться: Пятигорскъ, въ Контрагентство Кавказскихъ Минеральныхъ водъ.—

Обращающіеся письменно прилагаютъ на отвѣтъ марку; спрашивающіе по телеграфу платятъ за отвѣтъ

Контрагентство Кавказскихъ Минеральныхъ водъ.—

При этомъ № для гг. иногородныхъ подписчиковъ прилагаются: 1) прейсъ-курантъ сельско-хозяйственныхъ машинъ фирмы ЛИЛЬПОПЪ, РАУ и ЛЕВЕНШТЕЙНЪ 2) два объявленія отъ гг. КУКШЪ, ЛИТКЕ и ГРЕТГЕРЪ о фабричныхъ принадлежностяхъ

Дозволено цензурою СПБ. 15 Марта 1879 г. Тип. Веллинга Англ. пр. № 10.

№ 13 — 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 26 Марта 1879 г.

Фельдмаршалъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій.

25 февраля въ Женевѣ внезапно скончался на 65-мъ году генералъ-адъютантъ, генералъ-фельдмаршалъ, членъ государственнаго совѣта Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій.

Фамилія князей Барятинскихъ — принадлежитъ къ однимъ изъ древнѣйшихъ фамилій Россіи и происходитъ отъ св. Благовѣрнаго князя Михаила Всеволодовича Черниговскаго, замученнаго по повелѣнію Батыя въ Ордѣ 20 сентября 1246 года.

Родоначальникомъ семейства князей Барятинскихъ былъ князь Александръ Андреевичъ Мезецкій-Барятинскій, принявшій это послѣднее названіе по владѣнію Барятинскою волостью. Дѣдъ почившаго генералъ-фельдмаршала, князь Иванъ Сергѣевичъ былъ женатъ на принцессѣ Екатеринѣ Петровнѣ Гольштейнъ-Бекской и долгое время былъ посланникомъ въ Парижѣ (съ 1773—1785 г.) отецъ же его Иванъ, послѣ службы своей, сначала въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ посланникомъ въ Мюнхенѣ, по возвращеніи въ

Фельдмаршалъ Князь А. И. Барятинскій. Рис. Бухбиндеръ, грав. Б. Пуцъ.

отечество вполнѣ предался сельскому хозяйству и славился какъ одинъ изъ извѣстныхъ агрономовъ своего времени. Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій родился въ 1814 году отъ второй жены князя Ивана Ивановича, урожденной графини Келлеръ. Воспитаніе свое получилъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и поступилъ на службу юнкеромъ въ кавалергардскій полкъ.

Произведенный корнетомъ въ 1833 году въ лейбъ-кирасирскій Ея Величества полкъ, въ 1835 году Александръ Ивановичъ былъ командированъ въ отдѣльный Кавказскій корпусъ, для участвованія въ экспедиціи противъ горцевъ.

Здѣсь князь вступилъ впервые на землю, прославившую впослѣдствіи его имя, на землю, на которой столько времени уже длилась славная борьба русскаго воинства, борьба, предѣлъ которой суждено было положить князю спустя двадцать четыре года.

Первые шаги на военномъ поприщѣ онъ сдѣлалъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта

Вельяминова, присоединившись къ экспедиціи за Кубань. Участвуя во всѣхъ бывшихъ во время экспедиціи перестрѣлкахъ, онъ находился въ сраженіи при Чемокозеколайскомъ ущельѣ и начальствуя сотней казаковъ и двумя орудіями, получилъ приказаніе вытѣснить изъ него Шатухайцевъ. Молодой князь, не обращая вниманія на численность врага, бросился въ пики и непріятель былъ опрокинутъ и разсѣянъ съ большою потерею. Раненый въ этомъ дѣлѣ пулею въ правый бокъ, князь вернулся въ Петербургъ, гдѣ и былъ пожалованъ за отличіе золотою саблею съ надписью „за храбрость".

Въ 1836 году произведенный въ поручики, Александръ Ивановичъ былъ назначенъ состоять при Государѣ Наслѣдникѣ Цесаревичѣ (нынѣ царствующемъ Государѣ Императорѣ) и два года спустя переведенъ въ лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ. Находясь въ свитѣ Наслѣдника, отправился за границу и посѣтивъ Пруссію, Германію, Австрію, Италію, Голландію и Англію и получивъ нѣсколько иностранныхъ орденовъ, въ 1839 году вернулся въ Петербургъ, когда и былъ произведенъ за отличіе по службѣ въ штабъ ротмистры. Сопутствуя въ 1840 г. Государю Наслѣднику въ званіи его адъютанта въ путешествіи его Высочества по Пруссіи, Германіи и Саксоніи, онъ вслѣдъ затѣмъ былъ произведенъ въ ротмистры и полковники.

Въ 1845 году князь былъ отправленъ вторично въ отдѣльный Кавказскій корпусъ для участвованія въ экспедиціи противъ горцевъ. Находясь въ главномъ отрядѣ, подъ личнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта князя Воронцова полковникъ князь Барятинскій при штурмѣ Андійскихъ высотъ, воодушевлялъ постоянно солдатъ своимъ примѣромъ и находясь впереди отряда, былъ раненъ пулею въ правую ногу на вылетъ, но несмотря на рану, не отлучался отъ отряда а продолжалъ кампанію, участвуя при штурмѣ 22 заваловъ, въ занятіи Дарго и наконецъ въ движеніи всего отряда при постоянномъ боѣ со скопищами Шамиля на позицію у Шаухъ-Берда. Удостоенный за примѣрное отличіе и мужество орденомъ св. Георгія 4-й степ. Князь Барятинскій возвратился въ Петербургъ и въ началѣ 1846 года получилъ отпускъ за границу для излеченія ранъ. Но и здѣсь предпріимчивая натура князя не могла оставаться въ бездѣйствіи: по прибытіи въ Варшаву онъ былъ командированъ генералъ-фельдмаршаломъ съ четырьмя сотнями казаковъ въ Краковъ противъ краковскихъ мятежниковъ. Порученіе было имъ исполнено съ неимовѣрною быстротою и чрезвычайно удачно, за что онъ по ходатайству графа Паскевича-Эриванскаго и награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени. Въ февралѣ 1847 года князь Барятинскій назначенъ флигель-адъютантомъ и командиромъ егерскаго генералъ-адъютанта князя Чернышева полка и тотчасъ по вступленіи въ эту должность произвелъ весьма удачный набѣгъ на чеченцевъ, за что по окончаніи экспедиціи и былъ ему пожалованъ орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. Въ 1848 году князь Александръ Ивановичъ, командуя авангардомъ въ отрядѣ генералъ-лейтенанта князя Аргутинскаго-Долгорукаго, разбилъ горцевъ при рѣкѣ Гергебилькѣ и принудилъ ихъ отступить съ значительною потерею. Послѣдствіемъ этого блестящаго дѣла, доставившаго полковнику Барятинскому чинъ генералъ-майора, было совершенное пораженіе горцевъ при аулѣ Гергебилѣ. Въ 1850 году Барятинскій былъ назначенъ командиромъ кавказской резервной гренадерской бригады, а потомъ командующимъ 20-ю пѣхотною дивизіею и начальникомъ лѣваго фланга кавказской линіи. Разбивъ совершенно въ 1851 году на рѣкахъ Тевтонѣ и Бассѣ значительное скопище горцевъ, князь получилъ орденъ Анны 1-й степ., и былъ произведенъ въ чинъ генералъ-лейтенанта. Зимняя экспедиція 1852 года была не менѣе удачна. Не смотря на то что Шамиль двинулъ впередъ значительныя толпы непокорныхъ чеченцевъ и что самъ Шамиль принималъ участіе въ боѣ, князь взялъ штурмомъ Автуръ и перейдя въ Малую Чечню занялъ и аулъ Ханъ-Кале. Званіе генералъ-адъютанта было наградою князя за эти дѣла. Назначенный въ 1853 году начальникомъ штаба кавказской арміи, князь за дѣло 24 іюля 1854 года при Кюрукъ-Дарѣ получилъ св. Георгія 3-й степени, въ 1855 г. былъ вызванъ въ Петербургъ, состоять при Его Императорскомъ Величествѣ а въ 1856 году былъ сдѣланъ командиромъ гвардейскаго резервнаго корпуса. Вслѣдъ затѣмъ, удостоенный за отличную службу ордена Бѣлаго Орла, князь Александръ Ивановичъ въ томъ же году назначенъ главнокомандующимъ Кавказскимъ корпусомъ и намѣстникомъ Кавказа, получивъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя чинъ генерала-отъ-инфантеріи.

Съ этимъ назначеніемъ князя ходъ военныхъ дѣйствій на лѣвомъ крылѣ Кавказской линіи принялъ такой оборотъ, что смѣло можно было ожидать скораго замиренія всей восточной части Кавказа.

Паденіе всѣхъ оплотовъ Шамиля было послѣдствіемъ извѣстнаго нападенія на долину Андійскую съ фронта и фланговъ, и послѣ же объѣзда всего края и всей линіи съ наступленіемъ достопамятнаго дня 25 августа 1859 года князь велѣлъ идти на укрѣпленный аулъ Гунибъ и взятіемъ въ плѣнъ Шамиля положилъ предѣлъ долголѣтней кровопролитной борьбѣ. Пользовавшійся неограниченнымъ довѣріемъ Государя Императора, съумѣвшій привлечь на Кавказъ громадныя военныя силы и неограниченныя денежныя средства, соединившій всемогущество съ блескомъ, энергіею въ общественномъ дѣлѣ съ роскошью частной жизни, связавшій личныя черты своего характера съ пользою службы, князь Александръ Ивановичъ далъ совершенно иное направленіе кавказской войнѣ. Умѣнье же выбирать себѣ помощниковъ, награждать ихъ и отдавать должное ихъ заслугамъ, дало ему возможность выполнить то что другимъ было не подъ силу.

Послѣ стольких трудовъ и усилій, послѣ стольких важныхъ заслугъ престолу и отечеству, не только заботливостью о развитіи благосостоянія края и неусыпнымъ попеченіемъ о благоустроенности войска, но и личными подвигами на полѣ брани —князь Александръ Ивановичъ Барятинскій прибылъ въ Петербургъ и отправился въ продолжительный заграничный отпускъ, а въ 1862 году, согласно прошенію, Высочайше уволенъ отъ должности намѣстника Кавказскаго и главнокомандующаго кавказскою арміею.

Со времени назначенія своего главнокомандующимъ, князь Александръ Ивановичъ получалъ слѣдующія награды и отличія: въ 1858 году онъ былъ назначенъ шефомъ Кабардинскаго, своего имени, полка, въ апрѣлѣ 1859 года пожалованъ кавалеромъ ордена св. Владиміра 1 степени, въ августѣ св. Георгія 2 степ. въ сентябрѣ того же года орденомъ св. Андрея Первозваннаго и наконецъ въ декабрѣ произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы: въ январѣ же 1860 года назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Вообще блескъ его времени на Кавказѣ оказалъ громадную пользу Россіи какъ въ военномъ отношеніи такъ и тѣмъ, что привлекъ умы населенія имперіи, послѣ неудачной севастопольской кампаніи. Съ этого времени, хотя князь и не занималъ выдающихся должностей и мѣстъ, но благодаря своему чуткому русскому сердцу и неустанной энергіи, по свидѣтельству лицъ близко его знавшихъ, постоянно продолжалъ быть значительнымъ лицемъ въ нашей государственной и общественной жизни. Съ его смертію Россія потеряла многое.

Послѣдніе годы своей жизни князь проводилъ большею частью въ Высочайше пожалованномъ ему имѣніи Скерневицахъ, недалеко отъ Варшавы.

Кромѣ своего высокаго военнаго положенія, покойный князь Александръ Ивановичъ былъ почетнымъ членомъ Императорской военной академіи и академіи наукъ.

„Налётъ".

Русская быль XVI вѣка.

(Продолженіе.)

III.

Верстахъ въ 15-ти отъ Удолья, на другой сторонѣ рѣки стояло село Глѣбово съ усадьбой, принадлежавшей боярину Никанору Саввичу Снѣшневу, вдовцу подъ 60 лѣтъ, жившему въ своихъ старинныхъ хоромахъ съ двумя сыновьями и дочерью. Старшій сынъ Никита былъ женатъ, а второй, лѣтъ 20, Маркелъ, еще гулялъ на вольной-волюшкѣ, хотя старикъ Снѣшневъ и поговаривалъ порой, любовно глядя на сына:

— Эхъ, какъ выросъ дѣтина-то!.. Пора, пора его женить, не вѣкъ ему по лѣсамъ на коняхъ рыскать...

Обыкновенно Маркелъ отмалчивался. Наконецъ старикъ сталъ настойчивѣе и Маркелъ объяснилъ ему, что коли желаетъ-де ему счастья, сваталъ бы дочь сосѣдняго боярина Тимофея Кузмича Колчанова, Ульяну Тимофеевну.

Снѣшневъ не прочь былъ породниться съ Колчановымъ, считая его равнымъ по роду и мѣсту.

Отрядили сватовъ и поломавшись не много для исполненія обычая, Колчановъ согласился.

Частымъ березничкомъ шелъ Ксенофонтъ по дорогѣ въ Глѣбово: лицо его было чисто вымыто, волоса гладко расчесаны, одежда особенно тщательно оправлена и даже оружіе на славу вычищено; видно было что онъ радостно и весело снаряжался въ путь а теперь, когда Глѣбово показалось изъ-за рѣдѣвшаго лѣса, Ксенофонтъ остановился словно въ нерѣшимости и сѣвъ на обвалившееся дерево, вздохнулъ глядя на боярскія хоромы, окутанныя садами да огородами; молодой человѣкъ

припомнилъ случай, познакомившій его съ боярской семьей.

Мѣсяца два тому, еще по веснѣ, шелъ онъ мимо Глѣбова и увидалъ, что по полю скачетъ молодой бояринъ, обучая еще не ѣзжалаго жеребца, который и на дыбы взвивается и брыкается. Ксенофонтъ остановился изъ любопытства; нѣсколько времени шла борьба всадника съ конемъ, но вотъ конь сдѣлалъ неожиданный скачекъ и всадникъ не усидѣлъ... къ несчастью нога его попала въ стремя и зацѣпилась, конь помчался, волоча за собою сѣдока... вотъ онъ близко отъ лѣсу, гдѣ всаднику грозитъ неминучая погибель между частыми деревьями... Онъ выбился изъ силъ и выронилъ узду, за которую держался одною рукою... Поводъ размахнутый конемъ подхваченъ Ксенофонтомъ; обмотавъ его вокругъ сильной руки, онъ хватается другою за толстое дерево и не смотря на всѣ усилія, конь не въ состояніи своротить дерево и оборвать тугой ремень... Маркелъ высвободилъ ногу и обратился къ своему избавителю: „Спасибо, молодецъ... кабы не ты... пропала бъ моя удалая головушка“... И не смотря на отнѣкиванья Ксенофонта, молодой бояринъ повелъ его въ хоромы, гдѣ разсказалъ отцу о случившемся. Узнавъ объ опасности, угрожавшей сыну, Спѣшневъ перепугался: „Вотъ не даромъ я тороплю тебя жениться... авось жена домой заманитъ... не сдобровать тебѣ съ конями да на звѣроловствѣ!“...

Пришелъ и Никита Никанорычъ съ женой, прибѣжала и боярышня Спѣшнева Евгенія, прекрасная дѣвушка лѣтъ 15, веселая, рѣзвая, румяная и нарядная, любимая дочка-балованица. Евгенія цѣлый день какъ птичка заливалась звонкими пѣснями, да гуляла съ своими сѣнными дѣвушками, иногда ходила и въ рощу, по ландыши, по ягоды и по грибы. Ксенофонтъ повадился ходить за рѣку къ селу Глѣбову въ частый березничекъ и часто встрѣчалъ Евгешу; вмѣсто звѣрья, ловилъ для нея птичекъ, сбиралъ лѣсные цвѣтики, да землянику... Сѣнныя дѣвки полюбили красиваго, ласковаго парня и заводили съ нимъ игры да шутки, а Евгеша сначала краснѣла и стыдилась, но вскорѣ освоилась съ молодымъ звѣроловомъ и свободно съ нимъ бесѣдовала. Ни она, ни сѣнныя дѣвки не разсказывали объ этихъ встрѣчахъ въ лѣсу, изъ опасенія что старухи няни да мамы найдутъ ихъ игры съ молодцомъ непригожими и зазорными.

Такъ прошло недѣль шесть. Ксенофонтъ полюбилъ боярышню пуще души: никогда до той поры онъ не видывалъ такой красавицы, а если и видалъ, то не обращалъ вниманія: видно холодно было тогда его сердце, а теперь пришла пора любви и наполнила его жизнь радостью, тревогами и наконецъ привела его въ печальное, безнадежное уныніе!..

Онъ понималъ, что его и Евгенію раздѣляла непреодолимая преграда—она боярышня...

И вотъ онъ загрустилъ и рѣшился не ходить въ Глѣбово!.. Однако сама судьба заставила его тамъ искать убѣжища. Когда онъ разсказалъ Маркелу о намѣреніи Обрываева закабалить его, Маркелъ сказалъ что не отпуститъ его и снова Ксенофонтъ, ежедневно видаясь съ Евгеніей, терялъ разсудокъ и предавался необузданной страсти, не имѣя никакой цѣли и надежды...

Между тѣмъ свадьба Маркела приближалась.

Еще за недѣлю и въ Глѣбовѣ и въ вотчинѣ невѣсты селѣ Успенскомъ наѣхали сродники бояре съ своими семействами и многочисленной челядью.

Съ утра, назначеннаго для брачнаго обряда дня, въ хоромахъ боярина Спѣшнева убрали пріемный покой: по срединѣ поставили столъ, покрытый браной скатертью, на которой лежали хлѣбъ и соль на серебряныхъ блюдахъ; по обѣ стороны стола стояли двѣ скамьи съ постланными на нихъ собольими мѣхами; одна скамья предназначалась для Маркела, а другая для Ульяны.

Въ шестомъ часу утра *) пріѣхалъ поѣздъ невѣсты и выйдя изъ колымагъ, поѣзжане вошли въ хоромы по порядку. Впереди шли сродники невѣсты и почетные провожатые, за ними несли коровай обсыпанный деньгами; потомъ двѣ свахи и боярыня, замѣнявшая женихову мать, вели Ульяну, покрытую длинной и плотной фатой съ головы до самыхъ ногъ; шествіе завершалось боярышнями и сѣнными дѣвушками, пѣвшими свадебныя пѣсни.

Невѣсту посадили на лѣвую скамью, а возлѣ нея, за неимѣніемъ меньшой сестры, сѣла Евгенія; а провожатые усѣлись кругомъ покоя на лавкахъ, устланныхъ коврами да червчатымъ сукномъ.

По зову явился женихъ со своимъ дружкомъ и сѣлъ на правую скамью. Попъ отецъ Савелій началъ читать молитвы, а свахи и посаженная мать стали расчесывать волосы Ульянѣ и Маркелу, намазывая имъ головы медомъ. Между тѣмъ зажгли богоявленскія свѣчи и надѣвъ на нихъ обручальныя кольца, обвернули соболями и дали въ руки жениха съ невѣстою, на которую надѣли кику бабью и снова накрыли фатою.

Затѣмъ брачущихся обсыпали хмѣлемъ; жениховъ поддружье, разрѣзавъ корован, разносилъ всѣмъ присутствовавшимъ, а невѣстинъ поддружье обносилъ гостей дарами, шитыми шелками да золотомъ ширинками, да ручниками, да полотенцами.

Тутъ же подали Маркелу сулею съ виномъ, которую онъ долженъ былъ при вѣнчаніи разбить объ полъ.

Послѣ всѣхъ этихъ обрядовъ отправились въ церковь, неся передъ брачущимися корован да свѣчи.

Вѣнчаніе совершилось. Изъ церкви, поздравивъ, молодыхъ повели обратно въ хоромы и, усадивъ за столъ, подали жареную курицу, но они не должны были ее починать до конца пира а послать съ дружкою въ спальный покой. Во время трапезы сродники и гости пили медъ да вино, приговаривая что „горько“ и требуя „подсластить“, то есть чтобы молодые цѣловались. Наконецъ всѣ провожатые сильно упились а боярыни, не уступавшія мужьямъ въ истребленіи крѣпкаго меда, пошатываясь повели молодыхъ въ опочивальню, гдѣ ихъ встрѣтила посаженая мать въ двухъ шубахъ, одна внизъ шерстью а другая къ верху и съ шелковой плеткой въ рукахъ. Молодыхъ снова обсыпали хмѣлемъ да деньгами и велѣли имъ съѣсть жареную курицу. Постель была постлана на 27 ржаныхъ снопахъ; около постели стояла бочка полная пшеницы, а сверху лежали пироги и были воткнуты вѣнчальныя свѣчи.

Наконецъ гости угомонились и все въ хоромахъ погрузилось въ мракъ и сонъ. Только Ксенофонтъ, вмѣсто дружки, который валялся безъ памяти пьяный, всю ночь долженъ былъ сторожить съ обнаженною саблею, дверь въ опочивальню, чтобы туда не забрался домовикъ и другая нечисть.

На утро молодыхъ водили въ баню и кормили кашею... Послѣ исполненія всѣхъ свадебныхъ обрядовъ, пиръ продолжался нѣсколько дней, безъ остановки.

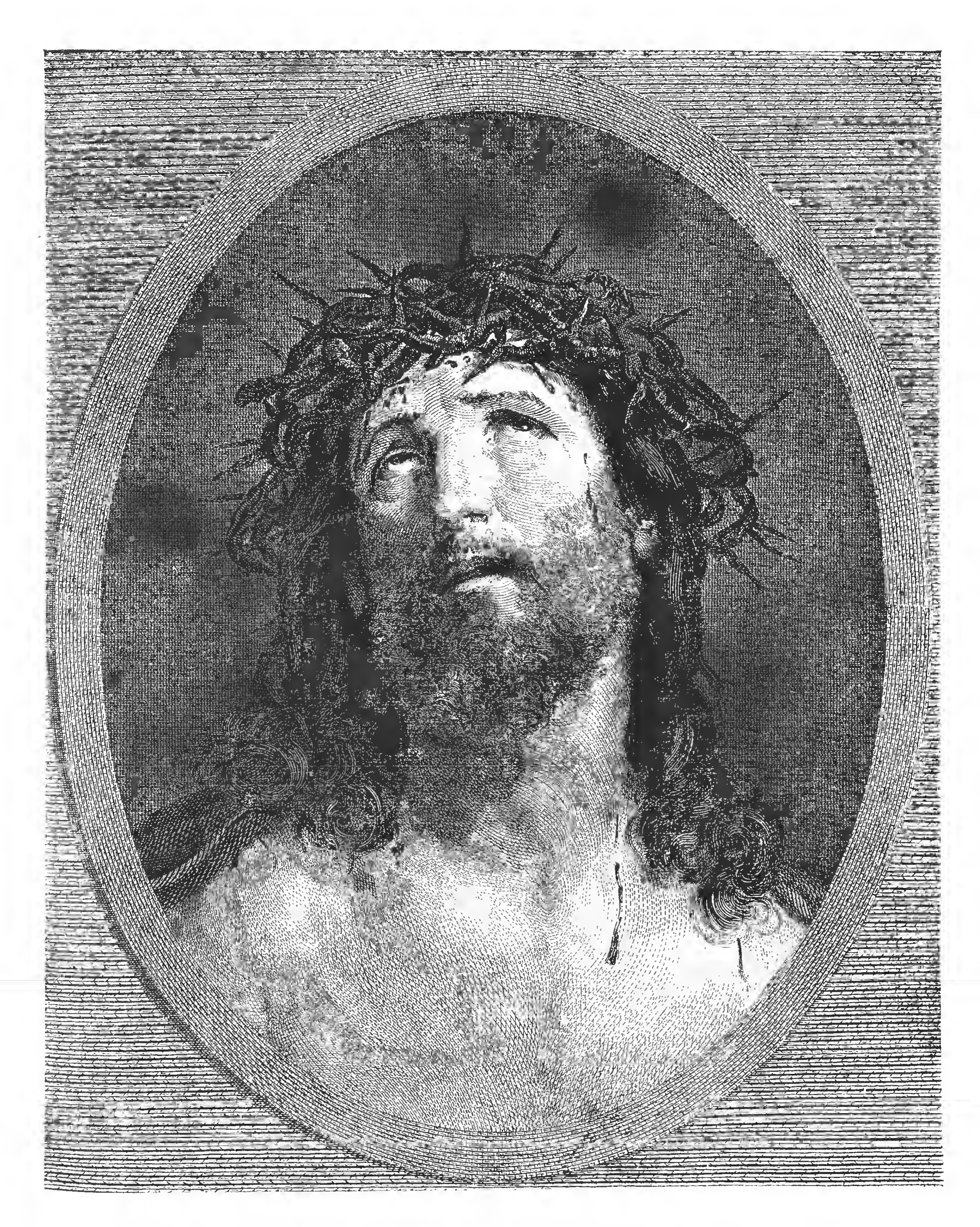
При этомъ повальномъ пьянствѣ, при неприличныхъ шуткахъ гостей надъ молодыми, Евгеніи нечего было дѣлать, развѣ сидѣть запершись въ своей свѣтелкѣ, либо гулять въ рощѣ и саду, но стояла такая жара, что только и можно было выходить вечеромъ. Разъ, въ прохладныя сумерки, сидѣла Евгеша на берегу пруда одна; она только что выкупалась и распустивъ по плечамъ мокрые волосы, походила на русалку, вынырнувшую изъ воды, чтобы подманивать добрыхъ молодцевъ.

Лѣниво и медленно надѣвала прекрасная дѣвушка свою одежду; сперва надѣла рубашку съ длинными рукавами, собранными на рукахъ мелкими складками, подпоясавъ рубашку шелковымъ поясомъ, боярышня надѣла широкую распашницу безъ рукавовъ, изъ лазоревой

*) По нашимъ часамъ въ десятомъ утра, такъ какъ въ старину время считалось отъ восхода солнца.

Храмъ Спасителя въ Москвѣ. Ориг. рис. Н. Иванова, рѣзалъ Н. Энгбергъ.

Терновый вѣнецъ. (Ecce homo). Картина Гвидо Рени. Факсимиле старинной гравюры на мѣди.

камки съ серебрянымъ кружевомъ; шею опутала ожерельемъ изъ нѣсколькихъ рядовъ жемчуга съ золотыми бляхами, а на ноги обула черешки червчатые татарскіе съ загнутыми концами. Окончивъ свой нарядъ, Евгеша нагнулась надъ прозрачнымъ зеркаломъ спокойной воды пруда и полюбовалась на свое изображеніе... а въ кустахъ черемухи любовался ею невидимый свидѣтель ея дѣвичьихъ уборовъ—Ксенофонтъ, искавшій случая поговорить съ Евгеніей... Вѣтка хрустнула, боярышня оглянулась и вскрикнула.

— Никакъ ты смотрѣлъ?..

— Не бойся, боярышня!.. Я подошелъ только вотъ... отвѣчалъ Ксенофонтъ.

Вспыхнувшая на лицѣ дѣвушки стыдливая краска исчезла, сдвинутыя брови разгладились, на губахъ сердито сложенныхъ, снова появилась веселая улыбка.

Ксенофонтъ подошелъ къ ней.

— Ночь скоро, а ты одна... Избави Боже бояринъ Обрываевъ тебя увидитъ... сказалъ онъ.

— Эко пугало!.. Что мнѣ его бояться... авось не укуситъ... и Евгеша звонко засмѣялась. — Ты чего тутъ, аль какую красавицу высматриваешь?.. продолжала она.

Ксенофонтъ ободрился и подойдя еще ближе отвѣчалъ:

— И впрямь высматривалъ?..

— Кого же?.. и боярышня все смѣялась, поддразнивая молодца.

— Да что тутъ... тебя боярышня!..

— На что я тебѣ?.. Въ гулючки играть что ли?.. немного смутившись сказала Евгенія и вскочивъ забѣжала за кустъ черемухи.—Вотъ я и схоронилась... ищи меня... Гулю, гулю баба... задорный смѣхъ рѣзвой дѣвушки прокатился дробнымъ эхомъ въ рощѣ.

Вся бодрость и надежда на объясненіе рушились. Ксенофонтъ убѣдился, что боярышня играетъ и онъ печально склонилъ голову.

— Эхъ, Евгенія Никаноровна!.. Грѣхъ тебѣ издѣваться... кабы знала ты мое горе...

— Ну сказывай... что за горе у такаго лихаго звѣролова?

— Вотъ какое горе: полюбилась мнѣ боярская дочка-красавица, пуще души... Жизнь бы за нее положилъ, только бы полюбила меня, приголубила бы... Да не бывать тому... Не полюбитъ бездомнаго сироту мужика, красавица-боярышня, не приголубитъ ласковымъ словомъ... не поцѣлуетъ... кудрей не расчешетъ...

— А можетъ и полюбитъ, можетъ и приголубитъ, да поцѣлуетъ!.. полу-шутя, полу серьезно сказала она.

— Ой ли?.. радость то какую ты молвила... съ восторгомъ началъ было Ксенофонтъ.

— Да ты погоди!.. Я про того сироту медвѣжонка, что ты изъ лѣсу-то принесъ... Ужь такой ли онъ пригожій, да ласковый... и боярышня, заливаясь серебристымъ хохотомъ, побѣжала къ хоромамъ... А Ксенофонтъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ и стыдно ему было и досадно, и слезы подступали къ глазамъ. „Нѣтъ, не житье мнѣ въ Глѣбовѣ... бѣжать и отсюда приходится... Тоска меня одолѣла... я думалъ она хоть пожалѣетъ, а она вонъ на смѣхъ поднимаетъ“... Всю ночь Ксенофонтъ пролежалъ на берегу пруда, а по утру не простясь съ Маркеломъ, ушелъ въ лѣсъ и не помня самъ себя, побрелъ назадъ къ деревнѣ Покровкѣ.

Не доходя до своей избы, онъ встрѣтился съ мальчикомъ лѣтъ 12, который вмѣстѣ съ другими ребятами пасъ въ Удольѣ боярскихъ телятъ.

— Это ты Васюха?,. Зачѣмъ тутъ путаешься? Аль теляты разбѣжались? спросилъ Ксенофонтъ.

— Нѣтъ, ничего... а прислалъ меня Сердцевѣдъ тебя провѣдать... отвѣчалъ маленькій пастухъ.

— Сердцевѣдъ?.. Живъ-ли, здравъ ли онъ?...

— Живъ-то онъ живъ... да на цѣпь его бояринъ приковалъ, коли-де Ксенофонтъ не придетъ, уморю-де тебя какъ волка на цѣпи...

Ксенофонтъ ужаснулся: изъ-за него долженъ былъ погибнуть его другъ и братъ. „Нѣтъ, пускай пропадаю я, а не онъ за меня!“... сказалъ онъ и пошелъ въ Удолье.

IV.

Обрываевъ принялъ Ксенофонта ласково, ни словомъ не попрекнувъ за промедленіе. Сердцевѣда освободили и съ радости затѣяли пирушку, гдѣ насильно влили въ ротъ новаго кабальнаго цѣлый ковшъ вина, отъ котораго онъ съ непривычки свалился какъ снопъ.

На другой день была назначена охота съ кречетами. Не смотря на удушливую жару, предвѣщавшую бурю либо грозу, Обрываевъ съ своими ловчими и псарями, выѣхалъ съ боярскаго двора; какъ у боярина такъ и у самыхъ искусныхъ ловчихъ сидѣли на лѣвомъ плечѣ бѣлые кречета въ шапочкахъ на головѣ и со связанными лапками. Подъѣхавъ къ болоту, спугнули стаю дикихъ утокъ, лебедей и другихъ птицъ; спущенные кречета взвились высоко, окинули жаднымъ окомъ обильную дичь и стремительно пустились на воздушную охоту. Охотники скакали, не выпуская кречетовъ изъ виду; Обрываевъ особенно дорожилъ своимъ кречетомъ, за котораго заплатилъ татарскому князьку мѣру жемчуга, да золотую цѣпь съ яхонтами. Боярскій кречетъ и Ксенофонтовъ полетѣли къ рѣкѣ за стаей лебедей, а другіе кречета понеслись за утками въ противуположную сторону. Такимъ образомъ охота раздѣлилась и вскорѣ Обрываевъ съ Ксенофонтомъ потеряли изъ виду товарищей. Лебеди неслись къ рѣкѣ, сначала быстро, а потомъ стали уставать и тяжело опустились въ рѣку; кречета налетѣли на одного лебедя и гнѣвно стали другъ у друга оспаривать добычу, причемъ постепенно удалялись отъ берега и направлялись къ другой сторонѣ рѣки.

— Плохая шутка-то!... вѣдь эдакъ мы ихъ потеряемъ... волновался Обрываевъ.

— Я знаю бродъ черезъ рѣку... смѣлѣй бояринъ за мной!.. крикнулъ Ксенофонтъ и бросился на конѣ въ воду. Обрываевъ послѣдовалъ за нимъ и благополучно выбрался на тропу, по которой Ксенофонтъ такъ часто хаживалъ въ Глѣбово.

Кречеты, бросивъ добычу, продолжали драться между собою; купленный у татарина оказался сильнѣйшимъ, въ чемъ убѣдился его противникъ и старался спастись быстротой полета. Обрываевъ и Ксенофонтъ скакали по лѣсу, боясь потерять птицъ изъ виду и въ пылу охоты не помнили долго ли ѣхали, далеко ли отъѣхали. Но вотъ бояриновъ кречетъ догналъ противника и началась драка на смерть: напрасно охотники кликали кречетовъ, кричали, махали шапками и даже сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, чтобы спугнуть бойцовъ, которые кружились надъ поляной, осыпая другъ друга ударами клювовъ, когтей и крыльевъ. Наконецъ, побѣжденный упалъ на землю, а побѣдитель гордо усѣлся на вершину дерева, откуда не хотѣлъ спуститься на зовъ Обрываева, къ которому еще не привыкъ.

— Постой, бояринъ, я влѣзу на дерево и изъимаю его... предложилъ Ксенофонтъ, но только что упрямая птица замѣтила намѣреніе охотника, какъ взмахнула крыльями и полетѣла прямо къ селу Глѣбову.

Посылая проклятія и кречету и продавшему его татарскому князьку, Обрываевъ помчался въ догонку и Ксенофонтъ долженъ былъ за нимъ слѣдовать, хоть ему очень было не по душѣ явиться въ Глѣбово съ „разбойницкимъ атаманомъ“, какъ звали въ округѣ боярина Обрываева. Въ погонѣ за бѣглецомъ они и не замѣтили, что собралась гроза и внезапно въ лѣсу такъ стемнѣло, что не только птицу—не видно было и всадника за нѣсколько шаговъ.

— Чортъ побери!.. Кречетъ улетѣлъ а мы запутались въ этомъ проклятомъ гаю... да еще гроза налетѣла... Не гоже тутъ ночевать... сказалъ бояринъ.

Ксенофонтъ не хотѣлъ сказать что близко жилье и и предпочелъ укрыться подъ густыя вѣтви огромной ели. Тогда еще не знали, какъ опасно оставаться именно въ лѣсу во время грозы и становиться подъ дерево. Всадники спѣшились, привязали коней и сѣли на мшистую возвышенность у ствола ели, распустившей надъ ними вѣтви въ видѣ шатра.

Величественное зрѣлище представлялъ густой лѣсъ при синеватомъ отблескѣ молніи, прорѣзывавшей темную массу тучъ: вдали рокоталъ громъ, глухо отдаваясь, словно изъ-подъ земли. Крупныя капли дождя падали на трепетную листву, издавая какой-то свинцовый звукъ. Между ударами грома наставало минутное затишье, и звѣри, и птицы притаились въ ожиданіи бури.

Рванулся первый натискъ вѣтра и боръ загудѣлъ, застоналъ, замахалъ вѣтвями какъ будто руками; затрещали старыя деревья, подломленныя бурею и въ своемъ паденіи ломали молодыя деревца какъ щепки. Вотъ раздался оглушительный ударъ, отъ котораго даже земля заколыхалась, кони жалобно заржали, а сидѣвшіе подъ деревомъ охотники инстинктивно прижались другъ къ другу, при чемъ Ксенофонтъ бормоталъ молитвы, а Обрываевъ непривычною рукой творилъ крестное знаменіе. Молнія, зелено-синими змѣями извиваясь между елей, зажгла нѣсколько изъ нихъ и боръ озарился красноватымъ пламенемъ, жадно пожиравшимъ сухія, смолистыя иглы вѣтвей, съ трескомъ сыпавшихся огненнымъ дождемъ на сырой мохъ. Дождь, котораго такъ томительно ждала вся природа, ограничился немногими каплями, но буря бушевала до полуночи, раскаты грома не прерывались, молніи смѣнялись одна другою. Наконецъ вѣтеръ сталъ униматься, громъ стихая, удалялся, молніи рѣже мелькали и вотъ надъ головами охотниковъ мелькнула звѣздочка, пугливо мигая между клочьями разорванной тучи...

Послышался топотъ коня и прямо къ ели, гдѣ притаились охотники, подъѣхалъ всадникъ, также какъ и они застигнутый бурею.

— Кто тутъ? окликнулъ онъ и Ксенофонтъ узналъ голосъ Маркела Спѣшнева.

— Не называй меня по имени а скажи что я изъ Рязани, дьякъ приказный Софронъ Ивановъ Крюкъ, шепнулъ Ксенофонту бояринъ Обрываевъ.

Дѣлать было нечего, приходилось лгать и Ксенофонтъ объяснилъ Маркелу, что вотъ-де приказный дьякъ Софронъ Ивановъ Крюкъ изъ Рязани ѣхалъ да заблудился. Маркелъ, не подозрѣвая обмана, радушно пригласилъ путниковъ къ себѣ въ усадьбу.

Скверно было на душѣ Ксенофонта. Невольно попавъ въ самое непріятное положеніе, онъ не смѣлъ ослушаться боярина и вынужденъ былъ вводить въ заблужденіе своихъ друзей, да кромѣ того онъ боялся, что Обрываевъ могъ задумать какое нибудь нечестное дѣло, побывавъ въ семьѣ сосѣда, гдѣ были три молодыхъ, красивыхъ женщины, то есть жена Никиты Спѣшнева, молодая Ульяна и боярышня Евгенія.

Охотниковъ встрѣтила семья Спѣшнева, перепуганная грозою и отсутствіемъ Маркела. Никто еще не спалъ, не смотря на позднее время; передъ иконами теплились восковыя свѣчи и вѣроятно вся семья молилась, пока грохоталъ громъ и сверкали молніи.

Ульяна не обращая вниманія на посторонняго гостя, кинулась къ Маркелу. Молодая была прекрасна въ бѣлой распашницѣ, какъ собралась спать и въ повязочкѣ, безъ фаты... Обрываевъ впился въ нее жадными взорами; замѣтивъ этого толстаго и краснолицаго боярина, жена Никиты Спѣшнева дернула за полу своего свекра и шепнула: прикажи батюшка Ульянѣ идти въ опочивальню.

Старый бояринъ поспѣшилъ выслать женщинъ изъ покоя, но было уже поздно: „разбойницкій атаманъ" уже спросилъ у Ксенофонта чья это баба?.. и многозначительно сопнулъ въ свои щетинистые усы, что означало новую затѣю, засѣвшую въ его буйную головушку.

Гостю подали меду и каравай, но онъ отказался отъ того и другаго: поздно бояре честные, уходился я зѣло въ вашемъ гаю, положили бъ меня спать, а на утро, коли милости вашей угодно, выпью я меду за здравіе и благополучіе хозяевъ да хозяекъ...

Обрываева отвели въ покои, всегда готовые для пріема гостей и скоро всѣ въ Глѣбовѣ спокойно спали, но не спалъ Ксенофонтъ...

— Эхъ—ма!.. завелъ я волка въ овчарню! Затѣетъ онъ какую нибудь измѣну... думалъ парень, ворочаясь съ боку на бокъ...

На утро думнаго дьяка угостили на славу и бояринъ Спѣшневъ очень просилъ его похлопотать объ одной тяжбѣ его, которая давно тянулась изъ за участка земли съ однимъ торговымъ гостемъ Рязанскимъ.

Обрываевъ ловко разыгрывая роль дьяка Крюка, такъ успѣшно устроившаго его собственное дѣло о наслѣдствѣ князя Малмышева, сказалъ между прочимъ:

— Наслышаны мы, что по обычаю земли Русскія, боярынямъ подобаетъ гостей медомъ подчивать...

— Эй снохи!.. выходите, подчуйте дорогаго гостя, крикнулъ старый бояринъ Спѣшневъ, порядочно выпившій меду.

Снохи не смѣли ослушаться: онѣ нарядились, набѣлились да нарумянились и вышли съ серебряными блюдами въ рукахъ; одна несла меду большую чару, а другая вина. По обычаю обѣ стали возлѣ двери и низко поклонились гостю, который долженъ былъ поклониться хозяйкамъ въ ноги и испить подносимое, послѣ того какъ хозяйки обмокнутъ губы въ вино и медъ. Послѣ того надо было трижды поцѣловаться; молодыя женщины не хотѣли было исполнить этого послѣдняго обычая, но бояринъ Спѣшневъ строго на нихъ прикрикнулъ.

Обрываевъ крѣпко расцѣловалъ Ульяну и успѣлъ ей шепнуть: „красавица!.. заполонила ты мое сердце..."

Ульянѣ было и досадно и смѣшно, что такой красноносый старикъ лѣзетъ цѣловаться, да еще льстивыя рѣчи говоритъ.

Изъ присутствовавшихъ никто ничего не замѣтилъ: бояринъ Спѣшневъ и старшій сынъ его Никита были выпивши, а Маркелъ разговаривалъ съ Ксенофонтомъ, сѣдлавшимъ коней для обратнаго пути.

Ксенофонтъ не могъ выдать тайну Обрываева, но предупредилъ Маркела, чтобъ онъ былъ остороженъ:

— Гляди за боярынями да за боярышней: татары не далече кочевятся... Молвятъ, что и къ намъ пожалуютъ.

Дѣйствительно ходили слухи о татарскомъ набѣгѣ и многіе принимали мѣры къ оборонѣ.

Дорогой изъ Глѣбова въ Удолье Обрываевъ сказалъ:

— А вѣдь пригожа зѣло!..

— Про кого ты это молвишь бояринъ? спросилъ Ксенофонтъ.

— Да про бабу-то Маркелову: ровно яблочко наливное!.. и бояринъ прищелкнулъ языкомъ.

— Экой грѣховодникъ! слава те Господи, что Евгенію-то ему не показали, подумалъ Ксенофонтъ.

Прошло нѣсколько дней; Обрываевъ не поминалъ про Ульяну и Ксенофонтъ началъ надѣяться, что онъ забылъ свою затѣю; но вотъ онъ встрѣтилъ Лукошко, который шелъ къ воротамъ и что-то сердито ворчалъ себѣ подъ носъ:

— Чортъ знаетъ что это у бояръ за охота до чужихъ бабъ!.. То ли дѣло дѣвку сцапать!..

— Про какую ты бабу городишь? спросилъ Ксенофонтъ, помирившійся съ Лукошкомъ.

— Да вотъ въ селѣ Глѣбовѣ боярыня молодая, Ульяной прозывается: полюбилась она нашему-то соколу, ну и велѣлъ мнѣ ее выкрасть!.. Легкое ли дѣло!.. Еще побьютъ: въ Глѣбовѣ-то бояре удалые, да и челяди не

мало... Это вѣдь не плоше того какъ ты на космача ходить... разсказалъ Лукошко, приведя въ ужасъ Ксенофонта, который тотчасъ рѣшился идти вмѣсто Лукошки въ Глѣбово.

Онъ явился къ Обрываеву и доложилъ, что слышалъ де отъ Лукошки о приказѣ изъимать Глѣбовскую боярыню.

— А хоть бы и такъ... тебѣ-то что? сердито возразилъ Обрываевъ.

— Да вотъ что доложу я твоей боярской милости! Лукошко и на языкъ и на хмѣльное слабъ, да и мѣста того не знаетъ, а мнѣ въ Глѣбовѣ всѣ ходы и выходы вѣдомы, такъ я это дѣло-то почище Лукошки могу состроить... Прикажи мнѣ идти... предложилъ Ксенофонтъ, стараясь придать своему лицу выраженіе холопской преданности, которую такъ умѣлъ изображать Лукошко.

Обрываевъ пристально посмотрѣлъ на Ксенофонта и убѣдился, что онъ говоритъ безъ хитрости.

— Ладно! сказалъ онъ. Смотри не прозѣвай бабу-то, я за это дѣло тебѣ любаго аргамака дамъ.

Ксенофонтъ обѣщалъ дней черезъ пять выкрасть Ульяну и просилъ дать ему на помогу Ивана Сердцевѣда. А коли черезъ пять дёнъ я не ворочусь и слуху не подамъ, иди меня выручать: не равно и на цѣпь за такое дѣло могу попасть!.. говорилъ Ксенофонтъ, прощаясь съ бояриномъ.

Почти бѣгомъ пустились Ксенофонтъ и Сердцевѣдъ въ село Глѣбово: не говоря никому ни слова, они вызвали Маркела и повѣдали ему ту опасность, которая угрожала его женѣ.

Маркелъ совсѣмъ растерялся: ему пришли на память разсказы о расправѣ Обрываева съ челобитчиками.

— Что дѣлать?.. Бѣжать съ Ульяшей приходится, говорилъ онъ въ сильномъ волненіи.

— За чѣмъ бѣжать! возразилъ Ксенофонтъ. Этого окояннаго поучить надобно, чтобы впередъ на чужихъ бабъ не зарился. Коли хочешь моего разума послушать, собери сосѣдей, челядь свою вооружи всякимъ дрекольемъ, да какъ придетъ волкъ овцу красть, мы встрѣтимъ его пищалями да рогатинами...

— Лихо ты выдумалъ! Зададимъ мы имъ жару!.. одобрилъ Сердцевѣдъ, но Маркелъ съ недовѣріемъ покачалъ головой.

— Сосѣди не пойдутъ, они боятся Обрываева...

— Да вѣдь онъ страшенъ на одного, а коли всѣ то соберутся, такъ и потягаться съ нимъ можно, ободрялъ Ксенофонтъ упавшаго духомъ Маркела.

— Развѣ вотъ что!.. Наканунѣ Успеньева дня мои имянины: день постный и пиръ задавать не можно, такъ въ самый Успеньевъ день, соберу я гостей поболѣ и мужиковъ окольныхъ угощу да и повѣдаю имъ: хотятъ-де лиходѣи мнѣ безчестье учинить... соображалъ Маркелъ.

— Это гоже... зѣло гоже!.. воскликнулъ Сердцевѣдъ. „Успеньевъ день, ровно черезъ пять дёнъ будетъ и нашъ Юрій Леонтьевичъ, придетъ выручать насъ съ Ксенофонтомъ!..

Такъ и рѣшено было сдѣлать: въ Успеньевъ день наѣхали гости сосѣди; цѣлый день пировали, а за ужиномъ Маркелъ повѣдалъ имъ свое горе, не называя Обрываева. Гости пришли въ негодованіе и побожились, что будутъ защищать честь сосѣда.

Однако ночь прошла спокойно. На слѣдующій день Маркелъ раздалъ своей челяди и пріѣхавшей съ гостями, все что могло служить оружіемъ; что касается до бояръ, то они по тогдашнему обычаю никогда изъ дома не выѣзжали безъ оружія. Гости, подкрѣпляясь виномъ да медомъ, были въ самомъ воинственномъ настроеніи, но хоть они и выспрашивали Маркела кто-де твой лиходѣй? Маркелъ благоразумно отмалчивался, зная что при имени „Обрываева разбойницкаго атамана“ на храбрецовъ могла напасть внезапная паника.

По всѣмъ направленіямъ были разставлены стражники, а попу отцу Савелію было поручено при первой тревогѣ ударить въ набатъ, при чемъ мужики изъ Глѣбовской слободы должны были собраться въ усадьбу съ дрекольемъ, да рычагами. День прошелъ въ напрасныхъ ожиданіяхъ; боярыни и боярышни, запертыя въ Евгеніевой свѣтлицѣ, стали просить мужей и отцевъ ѣхать по домамъ, но бояре рѣшились подождать еще сутки. Ночь съ 16 на 17 августа была тихая и ясная, мѣсяцъ обливалъ всѣ предметы мягкимъ, привѣтливымъ блескомъ; неисчислимыя звѣзды сверкали на темной лазури. Многіе изъ боярской челяди ушли на покой, не слушаясь приказаній стоять на готовѣ, только Ксенофонтъ да Сердцевѣдъ бдительно сторожили и сидя на холмѣ, всматривались въ темный боръ, по направленію къ Удолью. Было близко къ полуночи когдѣ изъ лѣсу выѣхали два всадника и тихо приблизились къ боярской усадьбѣ. Было такъ свѣтло, что Ксенофонтъ разсмотрѣлъ буланаго аргамака и фигуру боярина Обрываева, а Сердцевѣдъ шепнулъ: „Вонъ Лукошко на сивомъ жеребцѣ...“ Постоявъ на одномъ мѣстѣ и вѣроятно посовѣтовавшись съ своимъ наперстникомъ, Обрываевъ свиснулъ и изъ лѣса стали выѣзжать всадники... Время терять было опасно и Ксенофонтъ поползъ въ густой травѣ къ усадьбѣ, пославъ товарища на село съ приказаніемъ ударить въ набатный колоколъ. Бояре задремавшіе было отъ скуки ожиданія, встрепенулись и похватали оружіе, челядинцы высыпали изъ сараевъ да клѣтей; черезъ минуту вся площадка передъ усадьбою запестрѣла всадниками и пѣшими. Набатный колоколъ дробно зазвонилъ тревогу и поселяне посыпали изъ своихъ воротъ на улицу, откуда, собравшись толпою, повалили къ боярскимъ хоромамъ.

— Анафема!.. Задави ихъ черти!.. да они знать допытались у Ксенофонта-то и приготовили отпоръ! воскликнулъ Обрываевъ.

— Я вѣдь докладывалъ твоей милости, что Глѣбовскіе бояре не такія мокрыя куры, какъ съ коими мы расправлялись... Сердечные!.. небойсь Ксенофонта да Ваньку вспороли, а то и петлю на шею да на осины вздѣли!.. тужилъ Лукошко.

— Молчи песъ!.. Не смущай моихъ молодцовъ!.. Пришли такъ не ворочаться-же съ пустыми руками. Гей! лихіе товарищи... За мной! крикнулъ Обрываевъ и вся его ватага около 50 хорошо вооруженныхъ, отчаянныхъ удальцовъ помчалась на безпорядочную толпу Глѣбовскихъ защитниковъ...

Въ эту минуту раздался рѣзкій звукъ рога и всадникъ на покрытой пѣною лошади влетѣлъ въ средину борцевъ.. „Стой!..“ крикнулъ онъ зычнымъ голосомъ...

Всадники, осадили коней. „Кто ты и чего тебѣ надобно?“ гнѣвно воскликнулъ Обрываевъ.

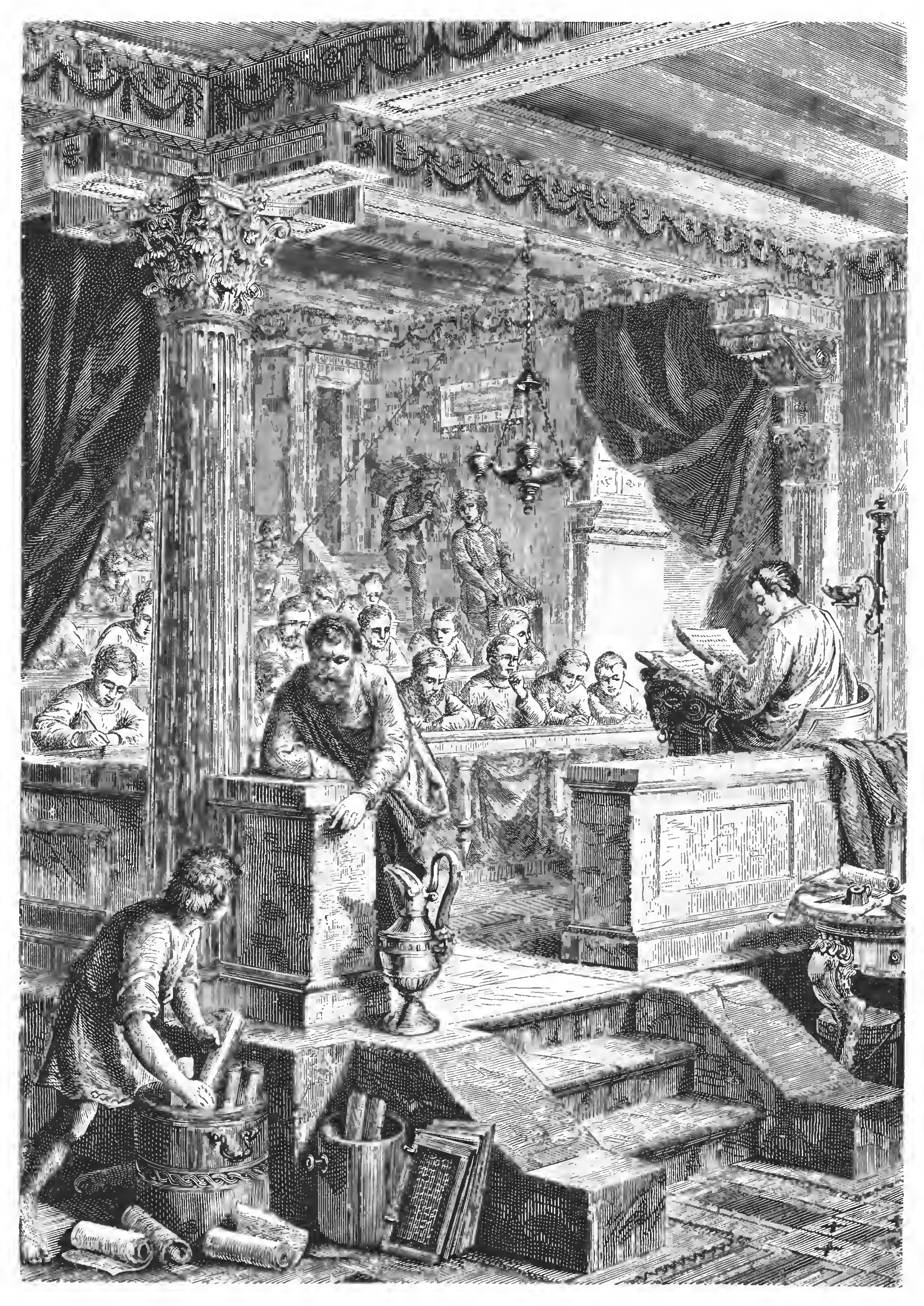
— Вы тутъ затѣваете драки промежь себя!.. братъ съ братомъ рѣжетесь!.. Единовѣрные дѣти одной земли Русскія какъ дикіе звѣри грызетесь... а подъ Рязанью нехристи Татарва поганая нашихъ бьетъ, да полонитъ... Собирайтесь на защиту... Татарва сюда идетъ!..“

Тотчасъ враги смѣшались во единую рать и за минуту занесшіе другъ на друга мечи, плотно соединились въ дружный строй, вручивъ боярину Обрываеву команду надъ небольшимъ отрядомъ...

Послышался топотъ коней и лѣсъ огласился дикимъ воинственнымъ кличемъ, столь знакомый тогда всякому Русскому.

Это былъ налётъ татарской шайки человѣкъ съ сотню, разсыпавшейся въ окружности Рязани, гдѣ стояла главная сила враговъ, нежданно явившихся подъ стѣнами города, выжигая посады, пригородныя слободы, да села.

(Окончаніе въ слѣд. №.)

Книжное дѣло въ древнемъ Римѣ. Диктовка книгъ переписчинамъ. Рис. Мерте грав. М. Рашевскій.

Конецъ Земли.

Планета, которую мы называемъ землей, тоже что родъ человѣческій, на ней обитающій. Покой—для земли, какъ и для человѣка, означаетъ здоровье. Когда человѣкъ впервые чувствуетъ существованіе своего желудка, то у него, по всей вѣроятности, плохо пищевареніе. Чувствуетъ онъ зубъ, у него зубная боль, если нога или рука обращаютъ на себя его вниманіе—это обыкновенный признакъ ревматизма. Земля подобна огромному животному организму. Она живетъ: жидкость, поддерживающая ея существованіе, обращается въ ней, каждая часть ея полна жизни, у ней инстинктъ и воля, даже мельчайшіе атомы ея чувствуютъ что-то въ родѣ симпатіи и антипатіи—они привлекаютъ и отталкиваютъ другъ друга. Каждый минералъ можетъ превратить громадное количество субстанцій въ вещество ему подобное, какъ и въ насъ претворяется пища въ кровь. Горы—дыхательные органы земнаго шара; а металлы—болѣзненные продукты, почему они обыкновенно и отличаются при плавкѣ такимъ отвратительнымъ запахомъ. Страданья земли возбуждаются расширеніемъ газовъ и даютъ знать о себѣ человѣку гуломъ въ волкавахъ и глухимъ стенаньемъ, сопровождающимъ землетрясенія. Эти явленія происходятъ отъ усиливающагося центральнаго жара земной планеты. Земная кора ничто иное, какъ стѣнка котла, которая колеблется отъ давленія пара.

Прежде чѣмъ перейти къ болѣзнямъ и смерти земли, необходимо сказать нѣсколько словъ о толщинѣ земной коры въ сравненіи съ ея жидкою массой. Извѣстно, что температура земной коры постоянна приблизительно для каждыхъ пятидесяти футовъ, а въ каждыхъ слѣдующихъ пятидесяти футахъ въ глубину температура увеличивается на одинъ градусъ по Фаренгейту. Безъ сомнѣнія, было бы доказано, что это возвышеніе температуры происходитъ въ геометрической пропорціи, еслибъ была возможность проникнуть дальше въ глубь земной коры, тогда нашли бы, можетъ быть, даже, что земная кора тоньше чѣмъ думаютъ. Положимъ, что теперешнее воззрѣніе правильно, но и въ такомъ случаѣ увеличеніе температуры было бы слѣдующее: на 7,209 ф. глубины кипитъ вода, при 25,200 ф. расплавляется свинецъ, при 33,600 ф. краснокалильный жаръ, при 102,000 ф. плавится чугунъ, а при 480,000 ф.—температура способная превратить въ жидкость платину, фарфоръ и самыя трудноплавкія извѣстныя намъ вещества. Извѣстно однако, что діаметръ земнаго экватора равняется приблизительно 14,850,000 метрамъ, слѣдовательно сравненіе земной коры со стѣнкою котла не преувеличено.

Разсмотримъ теперь нѣкоторыя болѣзни, которымъ подвергалась въ новѣйшее время земная кора, и на основаніи ихъ, постараемся вывесть—что ожидаетъ нашу планету въ сравнительно близкомъ будущемъ, т. е. близкомъ потому, что въ такихъ счисленіяхъ и тысячелѣтія можно назвать „близкимъ будущимъ". Вспомнимъ страшныя наводненія, которыя опустошали значительную часть Франціи, Англіи и Венгріи, землетрясеніе, превратившее Порторико въ развалины и рядъ землетрясеній, бывшихъ на атлантическомъ берегу между Сѣверной Каролиной и Вашингтономъ. Почти ежегодно грозитъ Везувій изверженіемъ и недавнія незначительныя сотрясенія земли въ прирейнской области и въ Вестфаленѣ не на шутку перепугали мѣстныхъ жителей: прибавимъ къ этому страшное наводненіе бывшее въ Сегединѣ въ Венгріи недавно.

Большія волненія внутри земли можно почти всегда предвидѣть, благодаря измѣненію температуры въ глубокихъ каменноугольныхъ копяхъ. Барометръ тамъ необыкновенно понижается и даже съ предохранительной лампой трудно избѣжать взрывовъ. Въ первыхъ числахъ декабря 1875 года было три взрыва въ Великобританіи, а вскорѣ потомъ новый взрывъ въ Барнслеѣ, при чемъ погибло 180 человѣкъ, на другой же сторонѣ земнаго шара произошелъ взрывъ въ Волксгаррѣ въ Пенсильваніи. Всѣ эти явленія въ связи между собой. Изверженіямъ Везувія всегда предшествуютъ такія явленія, а передъ землетрясеніями понижается температура и происходятъ подземныя колебанія, которыя, при помощи особаго аппарата, не трудно наблюдать въ глубокихъ каменноугольныхъ копяхъ Англіи и Бельгіи.

Но никогда прежде не было столько зловѣщихъ явленій, какъ именно теперь. Они предвѣщаютъ подавляющія катастрофы, взрывы, ужасающіе размѣры которыхъ могутъ превзойти всякое описаніе. Ученые предвидятъ катастрофу—но ихъ мнѣнія о ея размѣрахъ весьма различны. Профессоръ Пальміери наблюдаетъ Везувій на самой его вершинѣ и онъ можетъ, какъ Плиній младшій, стать жертвой своей любознательности. Робертъ Малле изучаетъ волнообразныя подземныя колебанія при помощи недавно изобрѣтеннаго инструмента, состоящаго изъ ряда магнитовъ, въ одной изъ глубочайшихъ копей въ Бельгіи, гдѣ онъ дѣлаетъ свои наблюденія при 102 градусахъ Фаренгейта, въ атмосферѣ, насыщенной газами, углекислотой и парами. Вудъ, Форстеръ, Ллойдъ и другіе знаменитые англійскіе горные инженеры дѣлаютъ такія же наблюденія въ каменноугольныхъ залежахъ въ Дергамѣ, въ Англіи и всѣ они согласны въ томъ, что земная кора подвержена теперь сильнѣйшему давленію, вслѣдствіе непонятнаго расширенія подземныхъ газовъ. Весьма важное указаніе на то, что можетъ случиться, дѣлаетъ астрономическое явленіе, замѣченное лѣтомъ 1875 года. Свѣтъ одной изъ звѣздъ увеличился внезапно по крайней мѣрѣ во сто разъ. Подобный же взрывъ можетъ произойти и съ земной корой, на которой мы обитаемъ. Онъ принесъ бы смерть какъ землѣ, такъ и ея обитателямъ. И это не было бы случаемъ, не имѣющимъ примѣра въ нашей солнечной системѣ. Между Марсомъ и Юпитеромъ двигалась нѣкогда большая планета, пережившая, вѣроятно, подобно нашей землѣ, всѣ жизненныя стадіи, пока ее не разорвало вслѣдствіе внезапнаго расширенія газовъ. Остатки ея—четыре астероида; Церера, Паллада, Юнона и Веста—четыре кладбища человѣческой расы, несомнѣнно, болѣе одаренной, чѣмъ наша.

Подобная же гибель нашей земли весьма вѣроятна. Съ рѣдкимъ единодушіемъ утверждаютъ многіе знаменитые ученые, что земля и ея жители уже давно достигли апогея своего развитія, что они находятся въ настоящее время въ періодѣ, долженствующемъ кончиться или медленнымъ распаденіемъ, или мгновенною смертью. Послѣднее предположеніе вѣроятнѣе.

Намъ мало извѣстно о происхожденіи метеоровъ, но мы знаемъ, что они—осколки планетъ подобныхъ нашей, вращавшихся вокругъ солнца. Однако намъ достовѣрно извѣстно, что милліоны и десятки милліоновъ такихъ осколковъ падаютъ ежедневно на солнце. Сообразивъ что лучи огненнаго кольца, окружающаго солнце, равняются 2,100,000 верстамъ, и что въ кольцѣ этомъ самые твердые металлы превращаются въ газы, мы невольно должны убѣдиться, что такой жаръ скоро поглотитъ всю метеорную и планетную субстанцію нашей солнечной системы, и придетъ время когда всѣ планеты образуютъ одно цѣлое съ солнцемъ, которое въ видѣ холоднаго чернаго шара будетъ вращаться въ безконечномъ пространствѣ.

Эта гипотеза о кончинѣ міра принадлежитъ знаменитому французскому ученому, Виктору Герольту (Herault). Она ужасна, но построена на строго научныхъ данныхъ. Сырая, нездоровая погода будетъ вѣроятно, началомъ этой катастрофы, затѣмъ разразится гроза, отъ которой все небо будетъ какъ бы въ огнѣ. Земля будетъ колебаться, послышится глухой стонъ. Вода и центральный огонь сольются сквозь трещины земной коры. Земля будетъ подобна гигантскому котлу, въ которомъ открыли всѣ клапаны. Послѣдовалъ бы, вѣроятно, взрывъ и все было бы поглощено бушующими волнами океана.

Къ рисункамъ.

Книжная торговля въ древнемъ Римѣ.

Значительное развитіе книжной торговли составляетъ одно изъ замѣчательныхъ явленій древней жизни. До послѣднихъ дней Римской республики книжная торговля производилась въ незначительныхъ размѣрахъ. При Юліѣ Цезарѣ, который самъ былъ замѣчательный писатель и еще болѣе при его преемникѣ, высокообразованномъ Октавіи Августѣ, книжная торговля чрезвычайно развилась и стала самостоятельнымъ дѣломъ, которымъ занялись многія лица, не только въ Римѣ, но и въ провинціяхъ. Причина этого лежала частью въ томъ значеніи, которое пріобрѣла литература съ установленіемъ имперіи, частью богатая и живая литературная жизнь, развившаяся подъ покровительствомъ Цезарей. Покровительство это несомнѣнно благотворно дѣйствовало на писателей. Времена Августа—самая блестящая эпоха римской поэзіи. Поэты и прозаики, и многочисленные диллетанты соревновали на этомъ поприщѣ. Необходимымъ послѣдствіемъ расширенія литературнаго интереса было устройство публичныхъ библіотекъ, въ которыхъ хранились богатыя собранія латинскихъ и греческихъ книгъ, ими могъ пользоваться всякій безплатно. Первая такая библіотека была основана Польо, при Августѣ открылось еще двѣ, а послѣдующіе государи, въ особенности Веспасіанъ и Траянъ, такъ ревностно занимались устройствомъ новыхъ библіотекъ, что въ IV вѣкѣ по Рожд. Христовѣ, насчитывалось въ Римѣ уже до двадцати восьми библіотекъ.

Примѣру, поданному Императорами, послѣдовало и высшее общество. Со временъ Августа, считалось необходимымъ имѣть у себя въ домѣ богатое собраніе книгъ, хотя нѣкоторые изъ владѣльцевъ были лишены надлежащаго образованія. Иные смотрѣли на библіотеку какъ на необходимую мебель и предметъ моды и роскоши, тѣмъ не менѣе однако каждый изъ знатныхъ Римлянъ заботился собрать побольше книгъ.

Понятно, что какъ только усилился спросъ на внутреннюю и заграничную литературу, а также и на книги легкаго чтенія, нашлись лица, которыя, для удовлетворенія этой въ значительной мѣрѣ искусственной потребности, образовали общество книгопродавцевъ *librarii* или *bibliopolae*. Мѣстомъ продажи

книгъ въ Римѣ было *Argiletum* и *Vicus sandalarius*, т. е. сапожная улица. На дверяхъ лавки прибивалось объявленіе о вновь изданныхъ книгахъ, а иногда выставлялись и самыя книги. Этотъ первобытный способъ литературныхъ объявленій вполнѣ достигалъ цѣли. Книжные магазины были мѣстомъ сборища писателей или людей интересующихся вообще литературой.

Наружный видъ древнихъ книгъ не имѣлъ ничего общаго съ видомъ и форматомъ книгъ, введеннымъ съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія. Античныя книги были родъ свертка тонкаго египетскаго папируса; приготовленіемъ папируса занималось въ Римѣ нѣсколько фабрикъ. Впослѣдствіи приготовленіе папируса очень усовершенствовалось, такъ что его выдѣлывалось 8 различныхъ сортовъ, изъ которыхъ послѣдній—называемый *emporetica*, не годился для письма и употреблялся какъ оберточная бумага. Употреблялся и пергаментъ, хотя и въ незначительномъ количествѣ, по причинѣ его дороговизны.

Писали обыкновенно на одной сторонѣ бумаги—на оборотной чистой сторонѣ писали тогда, когда книга выходила уже изъ употребленія: большею частью такая, въ половину исписанная макулатура служила мальчикамъ въ школахъ для ихъ письменныхъ упражненій.

Послѣдній листъ книги или вѣрнѣе сказать послѣдняя полоса (книга составлялась обыкновенно изъ множества узкихъ папирусныхъ полосъ, приклеенныхъ одна къ другой) прикрѣплялась къ пустому цилиндру изъ тростника, вокругъ котораго обертывалась самая книга. Въ цилиндръ продѣвалась палочка, гораздо длиннѣе самаго свертка; концы ея оканчивались золотыми пуговками или пуговками изъ слоновой кости. Когда края свертка старательно были обрѣзаны, заглажены и закрашены черной краской, для предохраненія отъ порчи, свертокъ вкладывался въ папку изъ пергамента, которая окрашивалась красною или желтою краской. Заглавіе книги помѣщалось въ началѣ и концѣ текста, кромѣ того, написанное яркою красною краскою на узкой полоскѣ изъ пергамента, свѣшивалось съ верхняго края свертка. Въ заключеніе нужно замѣтить, что въ древней книжной торговлѣ попадались даже иллюстрированныя книги, такъ напримѣръ въ сочиненіяхъ естествоиспытателя Плинія о ботаникѣ нарисованы растенія; часто даже портретъ автора помѣщался на первой страницѣ свертка.

Торговля книгами въ древности велась на чисто коммерческихъ началахъ. Книгопродавецъ переписывалъ рѣдко книги самъ. Обыкновенно, смотря по объему своего дѣла и по спросу той или другой литературной новости, онъ держалъ извѣстное число рабовъ, которые писали подъ диктовку. Какъ бы ни казался несовершеннымъ этотъ способъ распространенія книгъ, тѣмъ не менѣе переписчики, вслѣдствіе долгаго упражненія, пріобрѣтали огромный навыкъ и достигали необыкновенныхъ результатовъ. Трудами рабовъ, рынокъ постоянно снабжался новыми произведеніями литературы скоро и въ большомъ количествѣ. Конечно такое торопливое производство было въ ущербъ точности изложенія. Главнымъ недостаткомъ древнихъ книгъ была неправильность и неразборчивость текста, который писался безъ раздѣленія словъ и часто съ сокращеніями. По этому писатели, которые хотѣли оказать услугу своимъ друзьямъ, просматривали написанное и исправляли ошибки.

Распространеніе изданія зависѣло конечно отъ качествъ сочиненія и извѣстности автора. Произведенія, писанныя на извѣстные случаи издавались обыкновенно авторами на свой счетъ въ количествѣ 1000 экземпляровъ. Нужно думать, что произведенія корифеевъ литературы издавались книгопродавцами гораздо въ большемъ количествѣ. Хорошія книги приносили выгоду. Общество живо интересовалось новыми произведеніями извѣстныхъ писателей и поэтовъ. Литературныя извѣстности пользовались уваженіемъ, ихъ произведенія читались въ школахъ и семейныхъ кружкахъ вездѣ, куда только проникали римское образованіе и нравы. Стихи Виргилія, во всѣхъ слояхъ общества имѣли многочисленныхъ почитателей, они были основаніемъ и главнымъ предметомъ изученія въ латинскихъ школахъ; когда же поэтъ пріѣхалъ изъ Неаполя, гдѣ онъ проводилъ послѣдвіе годы жизни, въ Римъ, то долженъ былъ укрыться отъ бурныхъ привѣтствій толпы. Не меньшею извѣстностью пользовались Проперцій, Горацій и Овидій. Проперцій вовсе не преувеличивалъ когда утверждалъ, что слава его имени проникли до далекаго Борисѳена (Днѣпра). Извѣстное предсказаніе Горація, что его узнаютъ отдаленнѣйшіе народы—исполнилось въ точности. Овидій могъ сказать про себя, что его произведенія будутъ читаться всѣмъ свѣтомъ, а историкъ Ливій начиналъ свои книги гордымъ изреченіемъ: „Я пріобрѣлъ довольно славы, но продолжаю свое дѣло, такъ какъ безпокойный духъ мой требуетъ пищи."

Громадная производительность книгъ не могла не повліять на ихъ стоимость; но сравнительно съ блестящей внѣшностію. цѣна ихъ была относительно не велика. Изданіе конечно обходилось вдвое дороже, чѣмъ въ настоящее время. По указанію сатирика Марціала, первая его книга (слишкомъ 700 стиховъ) роскошно изданная, „отполированная пемзой и раскрашенная пурпуромъ" стоила 5 динаровъ—1 р. 45 коп.. таже книга „въ дешевомъ изданіи" какъ выражается Марціалъ, обращаясь къ похитителю своего произведенія. „отъ 6—10 сестерцій" т. е. 45—67 к. Другая книга, того же автора „Ксенія" (274 стиха и 127 заглавій) продавалась торговцемъ Трифономъ по 4 сестерціи—30 коп., хотя, какъ увѣряетъ самъ Марціалъ, она могла продаваться съ пользою и по 2 сестерціи—15 коп.

Въ какомъ отношеніи писатели древности находились къ книгопродавцамъ? Мнѣнія объ этомъ раздѣляются. Съ одной стороны утверждаютъ, что писатели извлекали пользу отъ своихъ произведеній. Ссылаются на сатирика Марціала, который въ одномъ изъ своихъ стихотвореній говоритъ, что оканчиваетъ книгу, потому, что ему нужны деньги, а въ другомъ мѣстѣ извѣщаетъ своихъ друзей, которые хотѣли получить отъ него въ подарокъ его эпиграммы, что они могутъ купить ихъ у книгопродавца. На первый взглядъ непонятно, почему Марціалъ —человѣкъ практическій, и постоянно нуждающійся въ деньгахъ, не извлекалъ выгодъ отъ продажи своихъ произведеній, что приносило громадный барышъ торговцамъ. За исключеніемъ немногихъ случаевъ, однако извѣстно, что литературныя занятія не приносили достаточной выгоды. Причина этого заключалась въ томъ, что въ тѣ давно прошедшія столѣтія было неустановлено понятіе о литературной собственности, и ни авторъ, ни торговецъ не находились подъ защитой закона, который бы препятствовалъ похитителю присвоивать себѣ и обращать въ свою пользу произведенія. Эти неопредѣленныя отношенія порождали бѣдность среди писателей, въ особенности поэтовъ. Самые талантливые изъ поэтовъ, если они не имѣли своего состоянія, находились въ зависимости отъ расположенія и щедрости богатыхъ и знатныхъ.

Рядомъ съ книжной торговлей не маловажное мѣсто занимала и *періодическая пресса* въ древнемъ Римѣ. Благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ, дознано, что періодическая пресса, возникла также при римскихъ императорахъ. Процвѣтала памфлетная литература и стихи на извѣстные случаи; издавались въ Римѣ и двѣ газеты: „Acta senatus" и „Acta diurna publica populi romani". Первая изъ нихъ была начата до убіенія Цезаря, а вторая—была имъ лично основана. Офиціальный римскій ежедневный листокъ, по содержанію былъ вполнѣ политическою газетою, какъ они издавались въ прошломъ столѣтіи. Acta diurna publica распространялась по всей обширной римской имперіи тѣмъ же способомъ, какъ и книги. Всѣ государи признавали за этой газетой важное политическое значеніе, доказательствомъ чему служитъ то, что всѣ они покровительствовали этому изданію.

Мы говорили уже, что торговля книгами была очень развита. Даже въ *laden* стояли роскошно украшенные футляры съ книгами.

Намъ извѣстны нѣкоторыя издательскія фирмы Рима, напримѣръ братья Софіасъ, Атректусъ, Трифонъ и Помпоній Аттикъ. Этотъ послѣдній велъ обширное дѣло и въ его богатомъ домѣ помѣщалась цѣлая толпа людей, состоящихъ при книжномъ дѣлѣ: переписчики, начетчики, корректоры, переплетчики и т. п., съ помощью которыхъ онъ въ короткое время могъ выпустить въ продажу тысячи экземпляровъ книги. Мѣсто нашего печатанія занимала тогда переписка; понятно сколько рукъ опытныхъ и умѣлыхъ нужно было для этого. Письму и обучались обыкновенно рабы, такъ называемые „librarii". Такіе писцы сотнями иногда располагались въ залѣ и писали подъ диктовку, какъ это и изображено на нашей картинкѣ—работа шла очень быстро. Эти продиктованныя книги потомъ просматривались корректорами, затѣмъ поступали въ переплетную и въ прочной, часто роскошной, папкѣ становились на полки книжныхъ лавокъ или по почтѣ въ тысячахъ экземпляровъ разносились по далекимъ провинціямъ великой имперіи.

Ecce homo (Се человѣкъ).

(Гвидо Рени).

Гвидо Рени, авторъ знаменитой картины, снимокъ съ которой здѣсь помѣщенъ, одинъ изъ числа самыхъ яркихъ талантовъ начала XVII вѣка, равно прославившійся и какъ живописецъ, и какъ граверъ. По происхожденію своему онъ былъ сынъ посредственнаго итальянскаго музыканта, жившаго въ Кальвенцано, близъ Болоньи. Почувствовавъ съ раннихъ лѣтъ любовь къ живописи, онъ поступилъ въ ученики къ Діонису Кальварету, и поработавъ нѣкоторое время въ его мастерской, перешелъ къ тогдашней знаменитости—Карраччи. Блестящій талантъ юнаго художника скоро сталъ столь опаснымъ конкурентомъ для своихъ учителей, что тѣ предложили ему оставить занятія подъ ихъ руководствомъ. Съ этихъ поръ начинается самостоятельная дѣятельность Рени. Пріѣхавъ въ Римъ, онъ накидываетъ массу композицій, пишетъ фрески, плафоны, и наконецъ получаетъ заказъ—расписать въ Неаполѣ часовню св. Януарія. Но здѣсь ему совсѣмъ не повезло: неаполитанскіе художники, не желавшіе видѣть въ семьѣ своей совершенно чуждаго имъ члена, принудили его удалиться, прежде чѣмъ работа была окончена — и Гвидо Рени возвращается въ родную Болонью. Въ Болоньѣ развитіе его таланта достигло высшей точки: со всѣхъ сторонъ засыпанный заказами, онъ успѣвалъ выполнять удивительно художественно всѣ свои работы, и вскорѣ снискалъ славу перваго итальянскаго живописца. У него появились ученики. изъ которыхъ особенно выдѣлились Кантарини и Джіованни-Андреа-Сирани. Иныя работы его стали достигать геніальной высоты, таковы

Окрестности Храма Спасителя въ Москвѣ. Ориг. рис. П. Иванова, грав. И. Энгбергъ.

Путь поэтовъ (Viale dei poeti) въ рощѣ Ла Пинета, близъ Равенны. Рис. Тайлоръ, грав. Лаплантъ.

были—Распятый Христосъ, Мадонна-делла-Пьета, Марія Магдалина, Mater dolorosa, Аврора, Фортуна.—Къ несчастію, конецъ жизни Гвидо Рени былъ очень печаленъ: онъ пристрастился къ картамъ, проигралъ все свое состояніе, сталъ исполнять заказы кое-какъ, потерялъ и свою репутацію и друзей, и умеръ въ жалкой нищетѣ 18-го августа 1642 года.

Во всѣхъ галлереяхъ Европы есть картины Рени, и всюду онѣ пользуются одинаковымъ почетомъ. Лучшія его произведенія сосредоточены въ Римѣ; въ Мюнхенѣ стоитъ его извѣстное „Вознесеніе", въ Луврѣ (Парижъ)—Похищеніе Елены. Петербургскій Императорскій Эрмитажъ также обладаетъ нѣсколькими его картинами, преимущественно библейскихъ сюжетовъ. Прилагаемый рисунокъ, изображающій Бичуемаго Іисуса, отличается обычными достоинствами Гвидо Рени—превосходнымъ контуромъ и экспрессіею.

Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ.

Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ—одно изъ замѣчательнѣйшихъ архитектурныхъ произведеній новаго времени, кромѣ своихъ художественныхъ достоинствъ, имѣетъ для насъ русскихъ еще важное народное и историческое значеніе. Извѣстно, что мысль соорудить величественный храмъ въ память изгнанія изъ русскихъ предѣловъ полчищъ Наполеона, всецѣло принадлежитъ императору Александру первому, смиренно относившему свое одолѣніе надъ врагомъ лишь безпредѣльной милости Всевышняго и желавшему чтобы этотъ храмъ по грандіозности и великолѣпію былъ достоинъ великихъ событій, въ память которыхъ воздвигался. Среди многочисленныхъ проектовъ представленныхъ на усмотрѣніе Государя, особеннаго его вниманія удостоился замѣчательный проектъ молодаго художника Витберга. Витбергъ, проникнись высокимъ значеніемъ предполагаемаго, задумалъ воздвигнуть такой храмъ, въ которомъ каждая отдѣльная часть выражала бы особую, мистическую идею. „Я понималъ, говоритъ Витбергъ въ своихъ запискахъ, что этотъ храмъ долженъ быть величественъ и колоссаленъ, перевысить наконецъ славу храма Петра въ Римѣ, но тоже помнилъ, что и выполнивъ сіи условія, онъ еще будетъ далекъ отъ цѣли своей. Надлежало, чтобы каждый камень его и всѣ вмѣстѣ были говорящими идеями религіи Христа, основанными на всей ея чистотѣ". Задавшись этой высокой мыслью, Витбергъ, до того мало знакомый съ архитектурой, ревностно принялся за ея изученіе, какъ со стороны технической такъ и исторической и среди этихъ долгихъ, уединенныхъ занятій онъ все болѣе и болѣе уяснялъ себѣ всѣ требованія и подробности предполагаемаго храма и вполнѣ обработанный его проектъ наконецъ удостоился одобренія и утвержденія Государя. Вотъ въ общихъ чертахъ устройство храма, задуманнаго Витбергомъ и всѣ части котораго должны были имѣть тѣсную связь съ его мистическими идеями; такъ какъ человѣкъ состоитъ главнымъ образомъ изъ трехъ началъ: тѣла, души и духа, то эту тройственность предполагалось выразить и въ устройствѣ новаго храма. Подобно тому и въ жизни Спасителя художникъ выбралъ три главные момента: Воплощеніе, Преображеніе и Воскресеніе и эти три момента пытался выразить тремя храмами, имѣющими между собою неразрывную связь и составляющими одно цѣлое. Мѣсто для храма Витбергъ указалъ первоначально въ Кремлѣ, между Москворѣцкой башней и Тайницкими воротами, но потомъ измѣнилъ свое намѣреніе и избралъ для постройки Воробьевы горы. Въ горѣ онъ предполагалъ построить нижній храмъ—храмъ Воплощенія, имѣющій форму параллелограма, освѣщенный лишь съ одной стороны и оканчивающійся мрачными катакомбами. Здѣсь предназначалось похоронить тѣла погибшихъ и павшихъ въ 1812 году. Нижній храмъ соединялся со вторымъ храмомъ—храмомъ Духа, который долженъ былъ находиться на поверхности горы и потому былъ открытъ со всѣхъ сторонъ. Этотъ храмъ имѣлъ очертаніе креста; внутри царилъ полусвѣтъ, мистически изображая собою, по объясненію самаго Витберга, нашу жизнь—смѣшеніе свѣта и тьмы, добра и зла. Изъ втораго храма внутренняя лѣстница вела въ третій храмъ—храмъ духовный, круглый по формѣ, освѣщенный множествомъ оконъ и потому свѣтлый и радостный. Главная лѣстница въ 50 саж. ширины шла черезъ пять огромныхъ уступовъ, украшенныхъ фигурами христіанскихъ добродѣтелей къ нижнему храму; отъ нижняго храма лѣстница дѣлилась на двое и вела къ среднему храму. Согласно условіямъ мѣстности, къ нижнему храму примыкала длинная (въ 300 саж.) колоннада, составлявшая какъбы бокъ горы и на стѣнахъ которой предполагалось изобразить всѣ замѣчательныя событія отечественной войны 1812 г. На вершинѣ колоннады предположено было воздвигнуть два обелиска въ 50 саженъ высоты каждый. Все колоссальное сооруженіе завершалось 5-ю главами, причемъ главный куполъ имѣлъ 25 саженъ въ діаметрѣ. Вообще размѣры храма должны были поражать своею громадностью; такъ высота храма предполагалась въ 110 саженъ, считая отъ подошвы горы; отъ вершины же горы до креста 80 саженъ и еслибы проектъ былъ выполненъ, то воздвиглось бы огромнѣйшее въ мірѣ зданіе, превышающее болѣе чѣмъ на 40 саж. величайшую изъ египетскихъ пирамидъ. Но къ сожалѣнію проектъ Витберга вскорѣ былъ отнесенъ къ числу несбыточныхъ и невыполнимыхъ. Предварительныя работы, начавшіяся со времени закладки, т. е. съ 12-го октября 1817 года были неудачны и медленны, что заставило наконецъ Государя повелѣніемъ 16-го апрѣля 1827 года закрыть назначенную для постройки коммисію и учредить такъ называемый „искусственный" комитетъ для повѣрки дѣйствій и изысканія способовъ и средствъ для окончанія храма. „Искусственный" комитетъ, составленный изъ опытныхъ архитекторовъ, отнесся недовѣрчиво къ проекту Витберга и далъ заключеніе, что на избранномъ мѣстѣ строить столь огромное зданіе нельзя, такъ какъ его фундаментъ по необходимости долженъ касаться песчанаго слоя, подъ которымъ цѣлая система родниковъ и что подобная почва не выдержитъ тяжести и должна будетъ постепенно осѣдать. Такое авторитетное мнѣніе Искусственнаго Комитета нанесло рѣшительный ударъ проекту Витберга и былъ утвержденъ новый проектъ извѣстнаго архитектора Тона; мѣсто постройки храма Спасителя избрано самимъ Государемъ въ недалекомъ разстояніи отъ Кремля, на берегу Москвы-рѣки, гдѣ находился до того времени Алексѣевскій дѣвичій монастырь. Здѣсь и совершилась торжественная закладка 10-го сентября 1839 года.

Общій характеръ архитектуры новаго храма Христа Спасителя напоминаетъ собою древнія русскія церкви, но византійскій стиль здѣсь нѣсколько видоизмѣненъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ того требовала красота и легкость формы. Основаніе храма представляетъ квадратъ, имѣющій съ каждой стороны порталъ, т. е. выступъ и образующій такимъ образомъ равноконечный крестъ. Все зданіе увѣнчано пятью главами, причемъ діаметръ средней изъ нихъ равняется 12 саженямъ. Круглая стѣна этой главы лежитъ на осьмигранномъ подножіи, имѣющемъ въ поперечникѣ 14 саженъ, и украшенномъ вѣнцомъ, состоящимъ изъ ряда красивыхъ колонокъ, соединенныхъ арками, въ которыхъ черезъ одну находятся окна. Все же зданіе освѣщается 16 окнами изъ главнаго купола и 36-ю подъ хорами, причемъ всѣ онѣ имѣютъ однообразную, узкую, сверху закругленную форму. Внѣшняя часть храма украшена двойнымъ рядомъ горельефовъ, исполненныхъ изъ русскаго протопоповскаго мрамора нашими извѣстными скульпторами Рамазановымъ, Логановскимъ, барономъ Клодтомъ, трудившимися надъ ними съ 1843 по 1863 годъ. Выборъ же сюжетовъ для этихъ горельефовъ по Высочайшей волѣ былъ предоставленъ покойному митрополиту Филарету. Всѣ входныя двери числомъ 12 выполнены изъ бронзы и украшающія ихъ изображенія святыхъ отлиты по моделямъ нашего замѣчательнаго скульптора покойнаго графа Толстого. Паперти крылецъ очень эффектно выдѣляются изъ общаго, такъ какъ онѣ сдѣланы изъ финляндскаго мелко-зернистаго гранита темнокраснаго цвѣта, которымъ облицованъ и наружный цоколь всего храма.

Въ 1849 году оконченъ былъ колоссальный сводъ большаго купола, а въ 1858 году наружные лѣса были сняты окончательно и храмъ могъ явиться во всей своей красотѣ и во всей грандіозности своихъ размѣровъ, такъ какъ послѣдніе дѣйствительно грандіозны. Напомнимъ только читателямъ, что высота храма 48½ саж., пространство занимаемое имъ равняется 1,500 кв. саженямъ и они легко могутъ себѣ представить то сильное впечатлѣніе, которое производитъ на зрителя внѣшній видъ храма. Но это впечатлѣніе еще болѣе усилится если мы войдемъ внутрь; здѣсь четыре колоссальныхъ столба поддерживаютъ средній большой куполъ и четыре малыхъ. Отъ расположенія этихъ столбовъ и портиковъ образовались двойныя стѣны, что дало возможность устроить, по обычаю древнихъ христіанскихъ церквей, довольно широкій корридоръ вокругъ всего храма, а надъ корридоромъ помѣстить обширные хоры. Вся внутренняя облицовка храма выполнена изъ двухъ сортовъ русскихъ камней, а именно лабредора и шокшинскаго порфира и пяти сортовъ разноцвѣтныхъ итальянскихъ мраморовъ. Но замѣчательная мозаика какъ стѣнъ такъ и пола, при всѣхъ своихъ достоинствахъ не можетъ отвлечь зрителя отъ другихъ красотъ храма, красотъ данныхъ ему художественнымъ творчествомъ. Дѣйствительно, здѣсь религіозная живопись выполнена лучшими нашими художниками и среди множества прекрасныхъ произведеній встрѣчаются образцовыя, истинные перлы русскаго искусства... Къ послѣднимъ можно причислить и живопись пр. Маркова въ главномъ куполѣ храма, изображающая Господа Саваоѳа, Ветхаго Деньми, Сѣдящаго, Благословляющаго и Сынъ Божій въ лонѣ Его во образѣ Младенца, а въ персяхъ Духъ Святый въ видѣ голубя. Болѣе пяти лѣтъ было употреблено художникомъ на выполненіе этого колоссальнаго произведенія, которое вышло вполнѣ прекраснымъ, со всею строгостью и чистотою классическаго рисунка, не смотря на трудности задачи—изобразить на вогнутой поверхности громаднаго купола фигуры во всѣхъ своихъ частяхъ совершенно правильныя и пропорціональныя. Кромѣ Маркова въ куполѣ (по поясу) работалъ Басинъ, а въ парусахъ—Бруни. Что же касается до образовъ, то ихъ предположено въ храмѣ Спасителя 216 и въ ихъ выполненіи приняли участіе лучшіе наши художники, между которыми встрѣчаются такія имена какъ Нефъ, Шаминъ, В. Е. Маковскій, В. П. Верещагинъ, Сѣдовъ, Семирадскій, Тюринъ и много другихъ. Въ заключеніе можно порадоваться, что внутренняя от-

дѣлка храма Спасителя почти окончена и что въ 1880 году предполагается его освященіе. Къ этому времени около храма снесутся многіе дома, заграждающіе его своею безобразною внѣшностью; по рѣкѣ предполагается устроить изящную набережную и конечно всѣ эти мѣры необходимы, такъ какъ сосѣдніе домишки и запущенный берегъ мало гармонируютъ съ красотою и грандіозностью новаго храма нашей древней столицы.

Путь поэтовъ и гробница Данта въ Равеннѣ.

По прямому направленію отъ площади Маджоре, въ Равеннѣ, идетъ улица „Via Dante", упирающаяся въ древній монастырь и церковь св. Франциска. Здѣсь нѣкогда стоялъ домъ, въ которомъ жилъ (съ 1317 до 1321 г., т. е. до смерти своей) великій поэтъ, творецъ „Божественной комедіи" приглашенный въ Равенну тогдашнимъ владѣтелемъ, Гвидо да Полента. Въ настоящее время, тутъ возвышается монументъ, воздвигнутый поэту гораздо позднѣе смерти его.

Въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій прахъ Данте, какъ оказалось въ послѣднее время, былъ похищенъ. Разскажемъ вкратцѣ эту странную и мало извѣстную исторію. Могила поэта находилась,—мы это уже сказали выше—въ монастырѣ С. Франческо. Въ 1480 г. здѣсь понадобилось сдѣлать нѣкоторыя исправленія, вслѣдствіе чего гробницу перенесли въ монастырь братьевъ миноровъ. Чрезъ три года послѣ того, Бембо, (отецъ извѣстнаго кардинала), управлявшій Равенной отъ имени Венеціанской республики, пожелалъ украсить могилу Данте, заказалъ памятникъ лучшему венеціанскому скульптору, извѣстному Пьетро Ломбарди. Знаменитый скульпторъ соорудилъ монументъ въ благородномъ и строгомъ стилѣ. Это—какъ можно видѣть на нашемъ рисункѣ—узкая, четырехугольная капелла; самая гробница высѣчена изъ мрамора и покрыта прекрасными скульптурными украшеніями. Бембо велѣлъ награвировать на ней шесть латинскихъ стиховъ, продиктованныхъ, предъ смертью, самимъ поэтомъ, желавшимъ, чтобы они служили ему эпитафіей. Надъ саркофагомъ Ломбарди помѣстилъ бюстъ Данте, котораго изобразилъ въ лавровомъ вѣнкѣ. Въ 1692 г.—монументъ реставрированъ, въ томъ же стилѣ, папскимъ легатомъ Корси. Монахи миноры затѣяли съ нимъ процессъ, на томъ основаніи, что имъ однимъ только принадлежали право и обязанность охраненія памятника и праха поэта. Легатъ послалъ въ монастырь сбировъ и реставрація произведена силой. Въ 1780 г. новыя работы, предпринятыя кардиналомъ Гонзагою—на этотъ разъ, произведена цѣлая перестройка: монументъ скрытъ подъ небольшимъ квадратнымъ храмомъ, который увѣнчанъ куполомъ, по угламъ сводовъ вставлены медальоны съ барельефными портретами друзей Данте.

Наступилъ юбилей великаго поэта. Во время подготовительныхъ работъ къ торжеству, въ почвѣ показалась вода; пришлось, у сосѣдней капеллы Распони поставить насосъ; здѣсь находилась давно уже замурованная дверь, которую теперь, для дѣйствія инструмента потребовалось выломать. При первыхъ же ударахъ, сдѣланныхъ въ эту дверь рабочими, показался уголъ ящика; находку вынули, открыли и—нашли въ ней скелетъ. Къ крышкѣ была приклеена бумага, на которой чьей-то рукой было написано по латини „кости Данта". Такимъ образомъ—прахъ Данта не покоился въ великолѣпномъ мавзолеѣ, сооруженномъ Бембо и болѣе двухъ столѣтій человѣчество преклонялось предъ пустымъ мавзолеемъ.

Слухъ о странномъ открытіи быстро разнесся въ городѣ и во всей Италіи. Тотчасъ же телеграфировали во Флоренцію, обратились къ фамиліи Торриджани, обладающей оригинальнымъ слѣпкомъ съ лица поэта, сдѣланнымъ нѣсколько минутъ послѣ смерти его; открываютъ гробницу въ самомъ монументѣ—она пуста и только нѣсколько обломковъ костей свидѣтельствуютъ о совершенномъ похищеніи. Вотъ какъ произошло оно. Останки поэта были довѣрены княземъ Гвидо-да-Полента монахамъ минорамъ (Францисканскаго ордена) и съ этой минуты они считали ихъ своимъ достояніемъ. Начиная съ 1396 года флорентинцы не перестаютъ требовать возврата имъ праха того, кто сказалъ въ одномъ изъ своихъ лирическихъ стихотвореній: „Неблагодарная родина, ты не увидишь моихъ костей!" Требованіе было настойчиво повторено въ 1429 г., а позднѣе Микель-Анджело предлагалъ гонфалоньеру Флоренціи соорудить памятникъ творцу „Божественной комедіи". Папа оказался на сторонѣ флорентинцевъ, легатъ былъ всесиленъ въ Равеннѣ—монахи перепугались и вотъ, однажды ночью—одинъ изъ секретарей ордена, по имени Санти, пробиваетъ стѣну монумента и уноситъ кости въ тайникъ монастыря.

Воспоминаніе о Данте тѣсно связано съ Равеннскимъ лѣсомъ—Ла-Пинета—который тянется отъ самыхъ воротъ города вплоть до моря. Поэтъ воспѣвалъ его въ своихъ стихотвореніяхъ—онъ въ прекрасномъ мѣстѣ XXVIII строфы „Божеств. Комед." (Чистилище) изобразилъ эффектъ восходящаго солнца въ этомъ лѣсу. Существуетъ преданіе, что Данте, около 1319 года, пригласилъ въ Равенну Джіотто, и что оба, окруженные учениками и другими поэтами, любили посѣщать самую густую чащу, у берега канала, которая теперь носитъ названіе „пути поэтовъ" (viale dei poeti). Ла-Пинета не походитъ на дремучій лѣсъ какого нибудь глухаго угла Апениновъ, онъ мало гармонируетъ съ трагическимъ обликомъ Данта Алигьери—стволы высокихъ, широко раскинувшихся деревьевъ тонутъ въ густой гравѣ, все молчитъ кругомъ и только волны голубой Адріатики своимъ прибоемъ нарушаютъ тишину, навѣвающую воспоминанія о великомъ страдальцѣ—поэтѣ Италіи...

Вновь открытая большая сталактитовая пещера близь г. Лурай, въ Виргиніи.

До сихъ поръ Адельсбергскую пещеру въ Краинѣ и Мамонтовую въ Кентуки считали самыми обширными сталактитовыми пещерами, какія только могутъ быть въ известковыхъ формаціяхъ; но въ прошломъ году въ штатѣ Виргинія, въ Сѣверной Америкѣ, близь городка Лурай открыли въ Гавксгильской долинѣ новую сталактитовую пещеру, которая размѣрами, красотой и величіемъ значительно превосходитъ всѣ до сихъ поръ извѣстныя пещеры такого рода. Она состоитъ изъ длиннаго ряда гротовъ и проходовъ, тянущихся крестообразно и имѣющихъ въ длину по одному направленію 14, а по другому 11 англійскихъ миль. Эти пещеры идутъ то въ видѣ гигантскихъ коррпдоровъ и галлерей, надъ которыми высятся могучіе куполы, то въ видѣ залъ, потолокъ и стѣны которыхъ покрыты исполинскими сталактитами самой причудливой формы; между тѣмъ какъ съ грунта пещеры поднимаются также прекрасные сталактиты самаго разнообразнаго вида. Стѣны съ блестящими сталактитами и переливающеюся разными цвѣтами кристальною массою кажутся мраморно бѣлыми, зеркальными и ярко сверкаютъ. Подземныя моря и три глубокія подземныя рѣки пересѣкаютъ пещеру; рѣки во всю ихъ длину судоходны, кромѣ одной, которая, протекая на протяженіи 10 англійскихъ миль, теряется подъ конецъ въ узкой разсѣлинѣ, куда ни одинъ челнокъ, ни одна лодка не могутъ протѣсниться. Входъ въ пещеру, вышиною въ 2 квадратныхъ метра, съ лѣстницей около 30 ступеней, въ одинъ проходъ въ 6 футовъ вышины и 3 фута ширины; массивный утесъ образуетъ натуральный полъ. По этому полу идутъ, черезъ рампу почти въ 10 футовъ высоты, въ огромный залъ (см. рисунокъ въ этомъ № „Нивы") почти въ 100 квадратныхъ футовъ, а высотою въ 40 футовъ съ точно такимъ же поломъ и потолкомъ изъ гладкаго бѣлаго известковаго камня; съ потолка свѣшиваются огромныя сталактитовыя массы, между тѣмъ какъ стѣны покрыты самыми оригинальными сталактитовыми образованіями со всевозможными переливами красокъ. Отсюда въ разныя стороны расходятся проходы и отрасли пещеры, въ которой можно встрѣтить всѣ чудеса подземнаго міра; здѣсь моря, водопады, пропасти, холмы, рѣки.

Самое красивое и живописное мѣсто гигантской пещеры такъ называемый „Павильонъ или Бальный залъ" (см. рисунокъ этого № „Нивы"), гротъ слишкомъ во сто футовъ въ діаметрѣ. Здѣсь положенъ досчатый полъ съ цѣлью устройства баловъ во время зимняго сезона. Первый балъ состоялся въ пятницу 27-го декабря 1878 г. и продолжался съ 11 часовъ до обѣда и послѣ обѣда до 4 часовъ. Эффектъ искусственнаго освѣщенія посредствомъ люстры и свѣчъ, дѣйствительно представлялъ нѣчто волшебное. Интересная особенность пещеры „слоновые источники"—натуральный бассейнъ со стѣнами изъ горнаго хрусталя; далѣе: „гротъ Оберона", „покрывало Титана", „Большіе каскады", „Долина смерти", „Залъ исполиновъ", „Элизіумъ" и много др. мѣстъ. Замѣчателенъ древній и крѣпкій сталактитовый составъ этой пещеры. Чудный звонъ раздается при ударѣ въ стѣны. Прибавимъ еще, что въ одномъ изъ гротовъ пещеры нашли нѣсколько человѣческихъ мумій, совершенно схожихъ съ египетскими и заключенныхъ въ каменныхъ гробахъ.

Лурайская пещера въ настоящее время изслѣдуется научнымъ образомъ и изслѣдованія эти обѣщаютъ дать въ высшей степени замѣчательные результаты, такъ какъ, очевидно, до сихъ поръ вся пещера еще не извѣстна.

Политическое обозрѣніе.

Финансы Порты.—Греція.—Поѣздка графа Шувалова.—Египетъ.—Франція.

Порта, какъ извѣстно, въ настоящее время преимущественно занята приведеніемъ въ порядокъ своихъ финансовъ, но, до сихъ поръ, ей не удалось еще сдѣлать въ этой сферѣ что либо—не говоримъ, радикальное, но—и сколько нибудь солидное. Проектъ финансовой сдѣлки при посредствѣ британскаго правительства не привелъ ни къ чему, подобная же судьба постигла и грандіозное предложеніе французскаго общества банкировъ, съ маркизомъ де-Токвиллемъ во главѣ. Главное затрудненіе, мѣшавшее осуществленію этого проекта, заключалось, по слухамъ, въ предложенномъ Токвиллемъ учрежденіи комисіи. Хотя полномочія этой комисіи предполагалось ограничить однимъ лишь финансовымъ контролемъ, предложеніе это, въ самомъ уже началѣ, очень не понравилось Портѣ. Она

опасалась, чтобы это не повело къ установленію международной финансовой опеки, которая была предложена первымъ итальянскимъ уполномоченнымъ на Берлинскомъ конгрессѣ и принята всѣми державами за исключеніемъ Турціи. Замѣчательно, что проекту Токвилля придавали иные не одно только значеніе исключительно финансовой сдѣлки. Одновременно съ извѣстіемъ о переговорахъ разнесся слухъ о предстоящемъ занятіи острова Родоса французскими войсками. Этого уже было достаточно, чтобы создать предположеніе объ уступкѣ этого острова Франціи въ видѣ гарантіи, обезпечивающей заемъ по проекту французскихъ банкировъ. Слухъ этотъ не подтвердился. Теперь сообщаютъ изъ Константинополя, что Порта, въ виду неудавшагося соглашенія, одобрила, говорятъ, другой проектъ, въ силу котораго, на будущее время, всѣ платежи въ казну должны производиться на четыре пятыхъ звонкой монетой и на одну пятую бумажными деньгами по курсу 4 процентовъ. При этомъ поступающія каимэ будутъ уничтожаться (сожигаться). Насколько эта мѣра, едва ли заключающая въ себѣ значительные элементы успѣха, можетъ оказаться плодотворною въ такомъ сложномъ дѣлѣ, какъ турецкіе финансы — представляется весьма сомнительнымъ. Да и долго-ли она будетъ примѣняться?..

Не лучше идутъ у Порты и дѣла съ Греціей. Недавно въ засѣданіи греко-турецкой комисіи, греческіе комисары въ Превезѣ заявили, что они не согласятся на установленіе демаркаціонной линіи, кромѣ той, о которой упомянуто въ тринадцатомъ протоколѣ по Берлинскому трактату. 7-го марта комисары эти сѣли въ Превезѣ на пароходъ, чтобы возвратиться въ Аѳины.

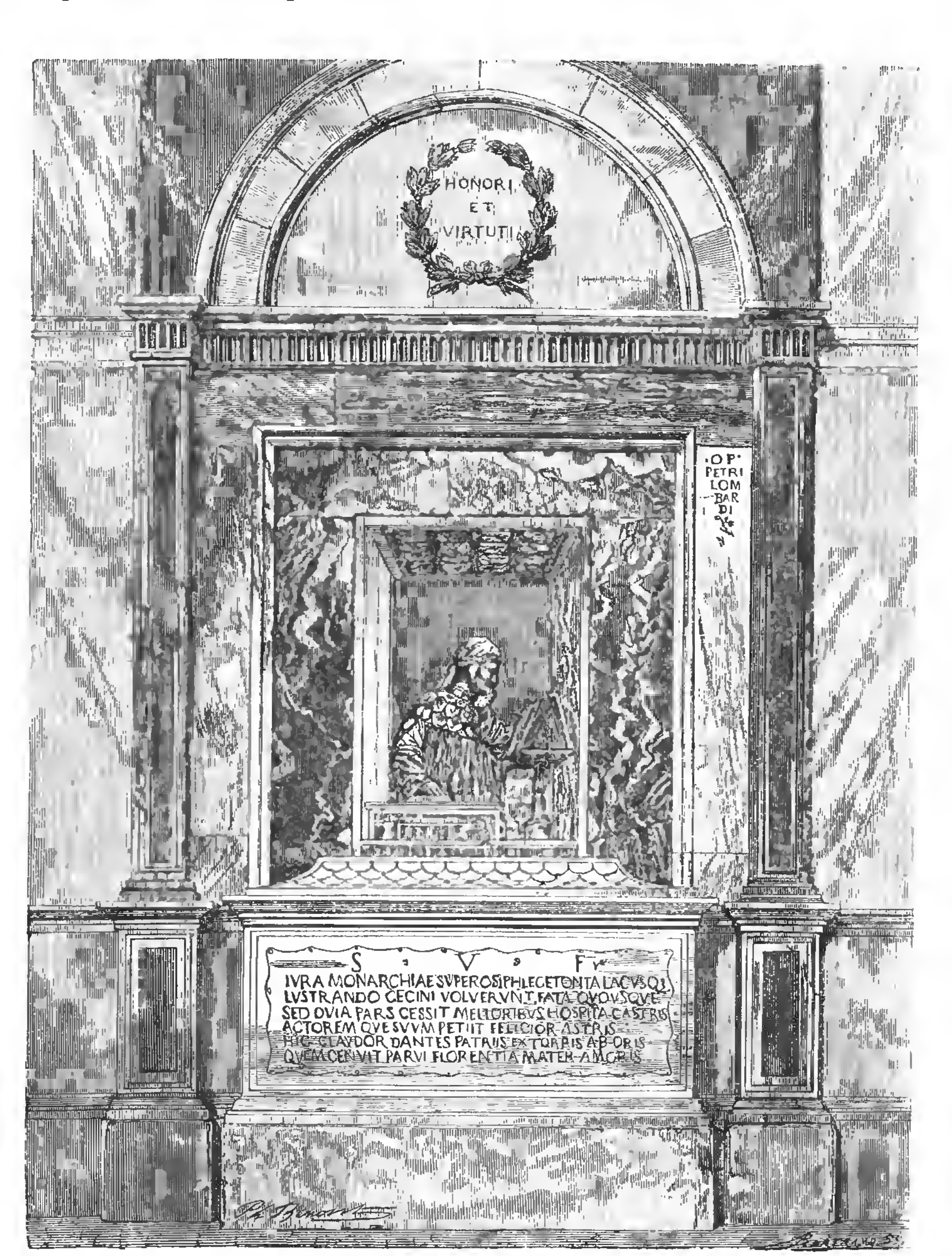
Что и кто поддержитъ турецкое правительство въ его усиліяхъ, съ одной стороны, удержать въ предѣлахъ Оттоманской имперіи тѣ земли, которыя требуетъ Греція, а съ другой—унизать Балканы своими гарнизонами? Франція въ лицѣ своего константинопольскаго посланника Фурнье, до сихъ поръ твердо стоитъ за греческія притязанія, а Британія...

Иностранныя газеты много толкуютъ теперь о поѣздкѣ графа Шувалова изъ Лондона въ Петербургъ, хотя при первомъ извѣстіи объ этой поѣздкѣ и говорили, что графъ ѣдетъ въ Россію по собственнымъ дѣламъ на нѣсколько дней, но въ настоящую минуту поѣздку эту объясняютъ тѣмъ, что разногласіе между Британіей и Россіей касательно будущаго устройства Балканскаго полуострова, выразившееся въ недавнихъ нотахъ маркиза Салисбэри и князя Лобанова, еще не устранено. Время окончательнаго очищенія русскими войсками Балканскаго полуострова приближается, а разграниченіе Болгаріи и Восточной Румеліи еще не произведено, вопросъ о занятіи турками балканскихъ проходовъ и нѣкоторые другіе вопросы еще не рѣшены. Въ виду всего этого полагаютъ, что нашъ посланникъ при С.-Джэмскомъ дворѣ поѣхалъ въ Петербургъ, съ цѣлью установить соглашеніе между обоими правительствами при посредствѣ Германіи. Одновременное же пребываніе въ Петербургѣ и графа Шувалова и лорда Дефферина толкуется какъ основательный признакъ сближенія Британіи и Россіи въ восточномъ вопросѣ. Быть можетъ, нѣтъ большаго риска надѣяться, при этомъ, на то, что въ Румеліи, безъ нарушенія Берлинскаго трактата, будетъ создано такое положеніе дѣлъ, которое обезпечитъ судьбу христіанскаго населенія этой провинціи, по выступленіи оттуда русскихъ войскъ.

Вопросъ объ Арабъ-Табіи все еще остается нерѣшеннымъ, но есть основаніе предполагать, что онъ будетъ рѣшенъ въ пользу румынъ. Въ протоколахъ конгресса признана необходимость обезпечить за Румыніею владѣніе предмостнымъ укрѣпленіемъ на правомъ берегу Дуная, а это возможно только при предоставленіи ей Арабъ-Табіи.

Египетскій министерскій кризисъ пришелъ къ окончанію. Хедивъ уступилъ настояніямъ своихъ британскихъ и французскихъ совѣтниковъ и рѣшился оставить во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ Ріаза-Пашу, котораго высоко цѣнятъ въ Британіи и во Франціи за его характеръ и за его честность. Вицекороль хотѣлъ сдѣлать Ріаза-пашу министромъ иностранныхъ дѣлъ, а важный портфель министра внутреннихъ дѣлъ намѣревался отдать одной изъ своихъ креатуръ. Но противъ этого энергично протестовали какъ Риверсъ Вильсонъ, такъ и Блиньеръ, и хедивъ, какъ сообщаютъ изъ Каира отъ 19-го числа, въ концѣ концовъ вынужденъ былъ уступить.

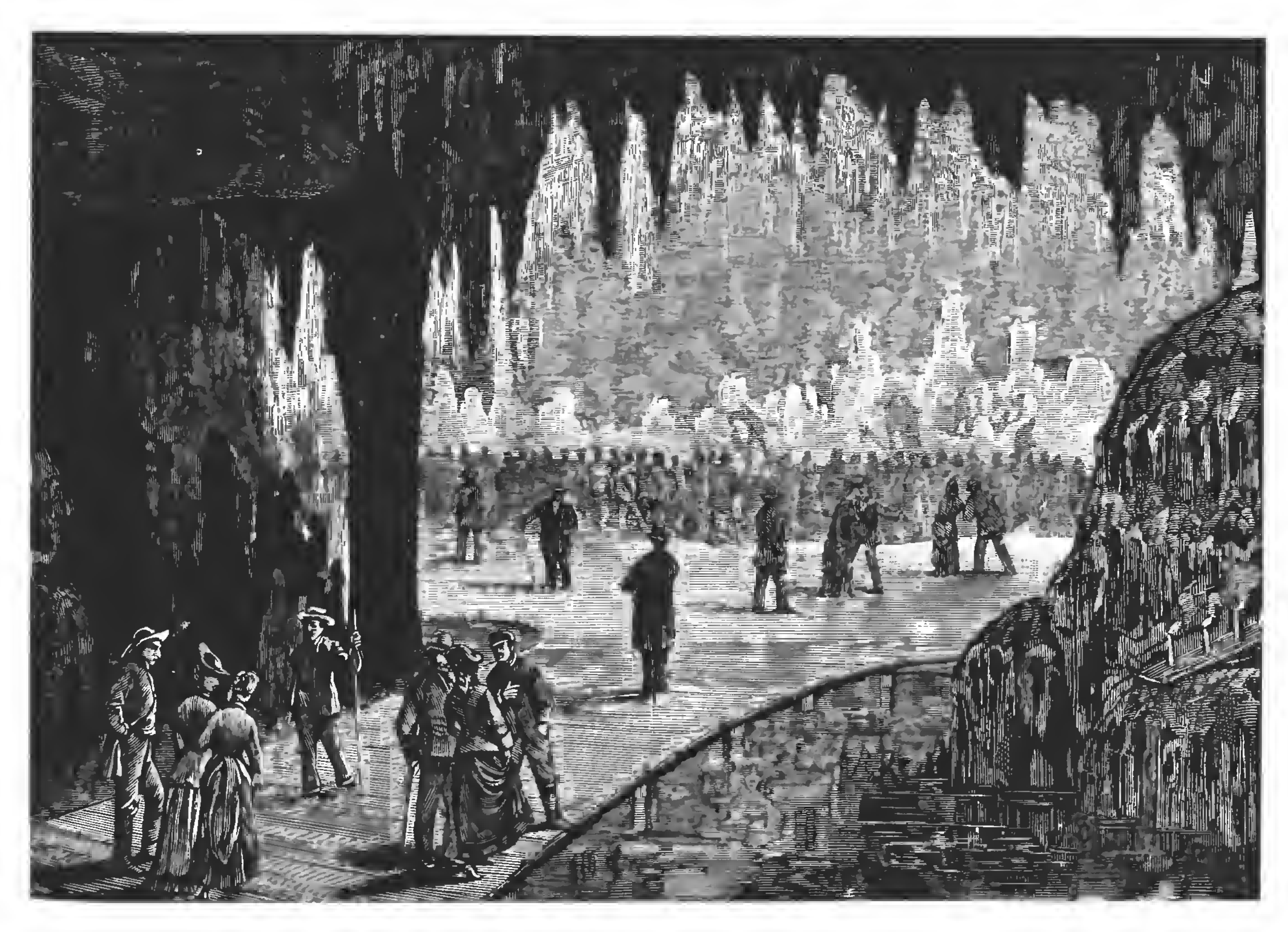
Во Франціи ожидается министерскій кризисъ. Изъ состава нынѣшняго кабинета уже вышелъ министръ внутреннихъ дѣлъ де-Марсэръ, довольно продолжительное время занимавшій этотъ постъ. Причиной такой частной перемѣны послужило обнаруженіе нѣкоторыхъ превышеній власти въ Парижской префектурѣ; министру было сдѣлано нѣсколько рѣзкихъ замѣчаній въ палатѣ депутатовъ, и онъ въ засѣданіи же объявилъ о своемъ рѣшеніи выйдти изъ кабинета. Но это было какъ бы только прелюдіей къ нынѣшнему, колеблющемуся положенію министерства Ваддингтона. Въ палатѣ былъ поднятъ вопросъ о преданіи суду кабинетовъ, послѣдовательно управлявшихъ страной при Макъ-Магонѣ—Бреля и Рошбуэ, обвинявшихся депутатами въ стремленіи нарушить конституцію и совершить государственный переворотъ. Министерство Ваддингтона высказалось противъ преданія суду и, сдѣлавъ изъ этого вопроса—вопросъ кабинета, провело свое предложеніе при большинствѣ всего только нѣсколькихъ голосовъ.

Гробница Данта въ Равеннѣ. Рис. Бенуа грав. Бертранъ.

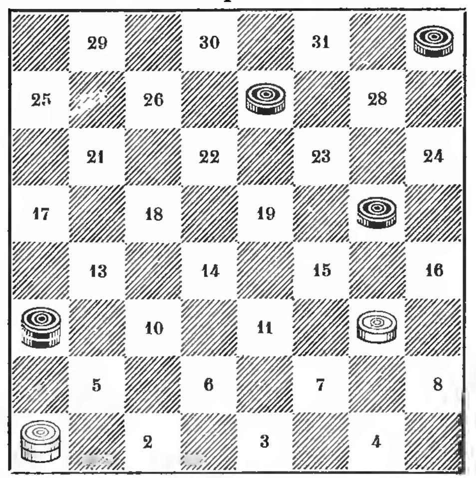
(Продолженіе на стр. 257, 258, 259 и 260).

Вновь открытая пещера близь г. Лурай, въ Виргиніи (Сѣв. Америка). I. Органный залъ.

Вновь открытая пещера близь г. Лурай въ Виргиніи (Сѣв. Америка.) II. Павильонъ.

Шашечная задача № 3.

Черныя начинаютъ и запираютъ обѣ бѣлыя. Какими ходами?

Ариѳметическая задача.

Гимназиста спросили, въ какой онъ гимназіи, въ какомъ классѣ и сколько учениковъ въ ихъ классѣ. Онъ отвѣчалъ: число учениковъ, будучи сложено съ числомъ недѣль въ году и раздѣлено на число мѣсяцевъ въ году, дастъ № класса; удвоенная сумма числа учениковъ вмѣстѣ съ удвоеннымъ номеромъ класса дастъ число недѣль въ году; если же изъ половины числа учениковъ вычесть нумеръ класса, то получится нумеръ гимназіи. Сколько учениковъ, какой классъ, и какая гимназія?

Рѣшеніе шашечной задачи № 2.

Бѣлыя.	Черныя.
1) съ 10 на 13.	1) съ 17 на 10 и 19
2) „ 4 „ 8	2) „ 21 „ 14
3) „ 8 „ 15, 22, 31, 24, 11, 21 и 30	3) „ 25 „ 21
4) „ 30 „ 17	4) „ 29 „ 26
5) „ 17 „ 30	

Вѣрное рѣшеніе этой задачи прислано отъ г.г. Врычэва СПБ.; А. А. Ц—кова, СПБ., Бѣлоногова въ Москвѣ, С. въ Москвѣ Ильнина, А. Лашева ст. Волосово, Антонова Ново-Александровскъ, В. М. Г. Б., Н. Нѣмова въ Москвѣ, В. Смирнова СПБ., В. Ботова въ Кіевѣ и С. Чарр.... въ Царицынѣ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Рэдакторъ **Ф. Бергъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою СПБ. 22 Марта 1879 г. 10.

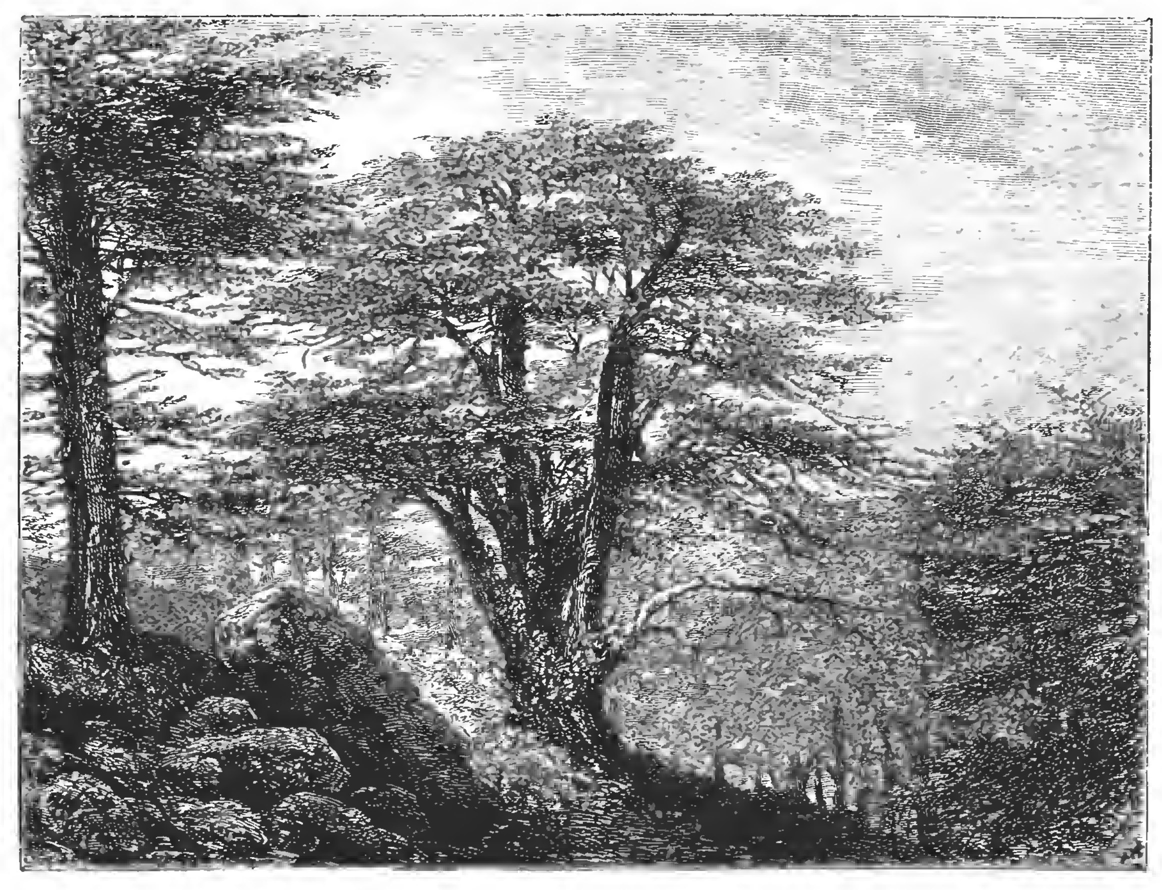

№ 14 — 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40).

Выданъ 2 Апрѣля 1879 г. Цѣна этого № „Нивы“ 20 к. съ пересыл. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АПРѢЛЬ съ 22 рисунками и отдѣльный листъ съ 26 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величин. и съ 24 рис. для обществ. игръ, выпилки изъ дерева и рукодѣлій.

Одинъ изъ величайшихъ кедровъ Ливана.

Кедровый лѣсъ на Ливанѣ.

Гора Ливанъ, какъ извѣстно, отдѣляющая Святую землю отъ Сиріи, еще во времена библейскія славилась своими громадными кедровыми лѣсами до сихъ поръ покрывающими ея голые, скалистые скаты. Здѣсь на высотѣ 6000 футовъ надъ поверхностью моря кедровыя деревья достигаютъ до 100 футовъ вышины и отъ 24 до 30 фут. объема и своей яркой, вѣчно-зеленой листвой рѣзко выдѣляются среди окружающей ихъ дикой и пустынной природы. Съ невольнымъ почтеніемъ вступаетъ путникъ подъ эти высокіе своды зелени, сплетенные изъ громадныхъ, расположенныхъ ярусами, вѣтвей, сквозь которыя, не проникаетъ ни одинъ лучъ солнца: здѣсь всегда царствуетъ мракъ и глубокая, торжественная тишина а тысячелѣтніе гиганты растительнаго царства стоятъ какъ бы въ оцѣпенѣніи, какъ бы въ раздумьѣ о прожитомъ ими цѣломъ рядѣ вѣковъ. Эти громадныя, съ растрескавшеюся отъ старости корой, деревья могутъ служить намъ дѣйствительно памятниками самой отдаленной эпохи жизни человѣчества; уже въ библейскихъ сказаніяхъ о кедрѣ упоминается очень часто, то въ поэтическихъ сравненіяхъ для выраженія идеи долговѣчности, красоты и стройности, то какъ о цѣнномъ, роскошномъ строительномъ матерьялѣ, служившемъ главнымъ образомъ Соломону при постройкѣ его знаменитаго храма. Кромѣ того кедръ имѣлъ у Израильтянъ и религіозное значеніе и входилъ въ число очистительныхъ жертвъ, приносимыхъ прокаженными по ихъ выздоровленіи. Греки, Римляне и другіе народы древности также высоко цѣнили качества кедра—прочность и вмѣстѣ съ тѣмъ легкость и мягкость его древесины; такъ еще во времена Плинія въ Утикѣ существовалъ знаменитый храмъ Аполлона, брусы котораго были выточены изъ нумидійскаго кедра и сохранялись неповрежденными въ продолженіи 1178 лѣтъ. Крыша на храмѣ Діаны въ Эфесѣ также была сдѣлана изъ кедроваго дерева и египетскіе и сирійскіе цари употребляли его даже для постройки своего флота. Кромѣ того масло и смола, добываемыя изъ кедра, считались въ древности въ высшей степени цѣлебными и лекарство этого рода было въ большомъ употребленіи. Нынѣ суевѣрными почитателями кедра остались одни Арабы, которые до сихъ поръ видятъ въ немъ какое то высшее, сверхъестественное существо, превращенное въ дерево. Между тѣмъ турки а отчасти и сирійскіе христіане не особенно церемонятся съ самыми древними кедрами и безжалостно рубятъ ихъ, не обращая вниманія ни на запреты правительства, ни на угрозы маронитскихъ митрополитовъ, живущихъ на самомъ Ливанѣ и много разъ старавшихся прекратить истребленіе кедровыхъ лѣсовъ даже страхомъ отлученія отъ церкви. Кромѣ того частыя опустошенія производятъ здѣсь бури и пожары, такъ что число гигантскихъ кедровыхъ деревъ, представителей глубокой древности, постоянно уменьшается и недалеко то время, когда объ нихъ останется одно воспоминаніе, облеченное въ форму какого нибудь причудливаго, фантастическаго преданія бродячаго араба.

„Налётъ“.

Русская быль XVI вѣка.

(Окончаніе.)

V.

При Великомъ князѣ Васильѣ Іоанновичѣ III, татары населявшіе Крымскій полуостровъ измѣнили свои миролюбивыя отношенія къ Руси. Помогавъ ей, при Іоаннѣ III, уничтожить Золотую Орду и изгнать потомковъ раззорителей русской земли Монголовъ—они впослѣдствіи замѣнили ихъ собою и нерѣдко приводили Московское государство въ опасное положеніе.

Хищный, алчущій добычи нравъ Крымцевъ не могъ ужиться съ осѣдлостью и трудолюбіемъ: въ нихъ еще сохранились воспоминанія о минувшемъ величіи и могуществѣ ихъ предковъ; безпокойство понуждало потомковъ возвратить потерянную силу а по привычкѣ и руки чесались пограбить да отвести душу въ удалыхъ набѣгахъ на сосѣднія земли Литвы да Руси.

Однако хитрая, пронырливая Литва умѣла выгораживать себя отъ раззорительныхъ посѣщеній этихъ дикарей сосѣдей, богатыми подарками и льстивыми рѣчами, при чемъ всѣми силами старалась поссорить ихъ съ Москвою и направить на нее раззорительные набѣги. Ханъ Менгли-Гирей, вѣрный союзникъ Москвы при разгромленіи Сарая, сталъ старъ и не смотря на расположеніе къ Руси, не могъ остановить своихъ буйныхъ подданныхъ, которые не спрашивая его согласія отъѣзжали на добычу большими шайками. Василій III съ своей стороны, подражая Литвѣ, пытался задобрить и задарить Крымцевъ, но видно его подарки были не такъ велики или послы не такъ медорѣчивы какъ Литовскіе паны—Крымскіе князьки хоть и брали подарки, а все таки продолжали раззорять русскія границы. Впрочемъ имъ не удавалось грабить безнаказанно, напротивъ они часто платились за безчинство и измѣну жестокими пораженіями.

Первый неожиданный татарскій налётъ на русскія земли при Василіѣ III былъ произведенъ въ 1507 году во время войны Москвы съ Литвою. Лѣтомъ этого года, подзадориваемые литовскими послами, Крымцы большой ратью двинулись на Украину, гдѣ дойдя до Бѣлевскихъ, Козельскихъ и Одоевскихъ земель, встрѣтились съ московскими воеводами и 9-го августа, разбитые на Окѣ, обратились въ бѣгство. Послѣ такого урока, татары, не осмѣливаясь нападать открыто, рѣшились дѣйствовать хитростью и послали къ Великому Князю Василію грамоту съ предложеніемъ мира, при чемъ требовали, чтобы онъ прислалъ имъ „поминки“, то есть подарки и такую же дань, какую платилъ имъ Іоаннъ III. Поминки Василій Іоановичъ имъ послалъ, но дань платить отказался; раздраженные Крымцы, чтобы чѣмъ нибудь насолить Москвѣ, ругали и позорили ея пословъ, Василья Морозова да Заболоцкаго, вслѣдствіе чего Великій Князь вмѣсто именитыхъ бояръ сталъ посылать въ Крымъ простыхъ дворянъ, что тогда считалось безчестьемъ. Нѣсколько лѣтъ прошли спокойно: русскіе стали забывать о своихъ безпокойныхъ сосѣдяхъ, какъ вдругъ въ маѣ 1512 года, татары снова ворвались въ Украинскія земли, при чемъ особенно пострадали окрестности Бѣлева, Алексина, Воротынска и Одоевска. Въ іюнѣ татары повторили свой налетъ и шайка одного изъ царевичей Ахметъ-Гирея дошла было до Рязани, но узнавъ о близости русскихъ воеводъ, возвратилась въ Крымъ. Въ октябрѣ того же года братъ Ахмета, Бурнашъ-Гирей снова явился подъ Рязанью, раззорилъ ея окрестности и ушелъ обратно съ большой добычею.

Весной 1515 года послѣдовала смерть хана Менгли-Гирея, ему наслѣдовалъ его сынъ Мегметъ-Гирей, который послалъ въ Москву просить подарковъ и уступки пограничныхъ городовъ: Брянска, Путивля, Почега, Рыльска, Карачева и другихъ.

Великій Князь Василій Іоанновичъ отправилъ посла боярина Мамонова съ поздравленіемъ къ Мегметъ-Гирею со вступленіемъ на ханскій престолъ, разумѣется при этомъ были посланы и „поминки“; не смотря на это ханскій сынъ, царевичъ Батырь, въ 1516 году набѣгалъ на Рязань. Хотя Мегметъ-Гирей и писалъ грамоту съ извиненіемъ къ Великому Князю, сваливая вину на сына, однако эти разбойничьи налеты не прекратились: лѣтомъ слѣдующаго 1517 года около 20 тыс. крымскихъ татаръ напали и пограбили Тульскія да Путивльскія земли, но встрѣченные воеводами—князьями Воротынскимъ, Одоевскимъ, да Василіемъ Шемячичемъ, были разбиты и въ Крымъ воротилось не болѣе 5,000 хищниковъ.

Однако крымцы не только не угомонились, а вмѣсто набѣговъ, затѣяли такое же нашествіе на русскую землю, какъ это было въ 1480 году при Іоаннѣ III. Предлогомъ къ войнѣ было то, что царствовавшій въ Казани ханъ Мегметъ-Аминь умеръ въ 1518 году и на

ханство представилось нѣсколько претендентовъ. Москвѣ хотѣлось посадить на Казанское ханство одного изъ преданныхъ ей царевичей, а Крымъ имѣлъ въ виду своихъ приверженцевъ. Наконецъ Москвѣ удалось утвердить владѣтелемъ Казани крымскаго недруга царевича Шигъ-Алея, но онъ вскорѣ возстановилъ противъ себя казанцевъ и когда братъ крымскаго хана Саибъ-Гирей подступилъ къ Казани, жители приняли его съ радостью, а Шигъ-Алей долженъ былъ бѣжать въ Москву. Подъ предлогомъ защиты правъ Саибъ-Гирея, весною 1521 года крымцы двинулись на Русь съ огромнымъ войскомъ; братъ Великаго Князя Андрей съ бояриномъ Дмитріемъ Бѣльскимъ попытались было загородить дорогу татарамъ, но были разбиты.

Подобно всесокрушающему урагану, татары быстро двинулись далѣе, все побивая и раззоряя на своемъ пути и почти достигли до Москвы, а въ то же время Саибъ-Гирей, опустошивъ Новгородскія и Владимірскія земли, соединилъ свои рати съ крымскими. Василій Іоанновичъ уѣхалъ изъ Москвы въ Волокъ собирать войска и Москва подверглась большой опасности, не имѣя ни войска, ни пороху, ни другихъ припасовъ. Толпы татаръ подбѣгали къ самымъ стѣнамъ и опустошали окрестности; особенно пострадали села: Островъ, Воробьево и монастырь Николы-на-Угрѣшѣ. Отъ скопленія въ Москвѣ окрестныхъ жителей при сильныхъ жарахъ (въ концѣ іюня) появилась чума.

Начальствовавшій Москвою, перешедшій въ православіе, царевичъ Петръ съ боярами рѣшился начать переговоры о мирѣ. Крымцы приняли предложеніе и потребовали, чтобы Василій Іоанновичъ обязался платить имъ ежегодную дань. Москва принуждена была согласиться и дала грамату; послѣ того татары ушли, дорогой пытались взять Рязань, но были отбиты; они привели съ собой въ Крымъ много плѣнныхъ и привезли богатую добычу. Разохотившись, они на весну хотѣли опять идти на Москву, потому что Василій Іоанновичъ дани имъ не прислалъ.

Къ счастью для Руси, Ногайскіе татары напали на Крымъ, убили Мегметъ-Гирея и произвели въ Крыму страшныя опустошенія. Новый Крымскій ханъ, братъ убитаго, Сайдатъ-Гирей съ большими усиліями сталъ поправлять свое ханство; онъ было потребовалъ отъ Москвы дани, но роли перемѣнились и Василій Іоанновичъ гордо отказалъ, потому что выданная имъ грамата, черезъ царевича Петра *), была еще при осадѣ Разани отбита вмѣстѣ съ Татарскимъ обозомъ, рязанскимъ воеводою Хабаромъ. Въ 1523 году началась война между Москвой и Казанью и продолжалась до 1527 г.; Крымцы въ это время успѣли оправиться отъ Ногайскаго раззоренія и думая что Москва, занятая войною съ Казанью, не въ силахъ отразить ихъ набѣга, подъ начальствомъ ханскаго племянника Исламъ-Гирея, дошли до рѣки Оки.

Московское войско было выслано къ нимъ на встрѣчу и не допустивъ до переправы, разбило вражескія полчища, а Исламъ-Гирей убѣжалъ. Бывшіе въ ту пору ханскіе послы, по повелѣнію Великаго Князя, потоплены въ рѣкѣ Москвѣ.

Наконецъ въ 1531 году война съ Казанью кончилась усмиреніемъ послѣдней; а крымцы предприняли еще свой послѣдній, въ княженіе Василія III, налётъ въ то время, когда происходитъ нашъ разсказъ—именно въ августѣ 1533 года и въ самый Успеньевъ день явились возлѣ Рязани.

Остроконечныя шапки и крючковатыя копья татарскихъ всадниковъ да ихъ малорослыя, но неутомимыя лошади, въ безпорядкѣ выѣзжали изъ лѣснаго сумрака. При видѣ неожиданной встрѣчи, хищники придержали коней и стали сбираться въ плотную кучку.

Ихъ было больше чѣмъ русскихъ, однако ни Обрываевъ со своей удалой челядью, ни бояре Спѣшневы со своими пособниками ни на минуту не колебались. Ксенофонтъ и Сердцевѣдъ даже обрадовались возможности вступить въ бой съ погаными разбойниками, губителями земли Русскія.

Ксенофонтъ смѣло выѣхалъ впередъ и снявъ шеломъ, перекрестился на крестъ сельскаго храма, блестѣвшій подъ лучами мѣсяца, потомъ обращаясь къ товарищамъ, сказалъ:

— Други мои!.. не посрамимъ православной вѣры передъ бусурманами... Положимъ животъ за родную землю!.. Съ богомъ, впередъ!.. и прицѣлившись изъ своей пищали, пустилъ мѣткую пулю въ начальника разбойнической шайки...

Татаринъ свалился съ коня, товарищи его съ злобными криками бросились на русскихъ; они были встрѣчены такимъ градомъ ударовъ мечей и сабель, что должны были отступить. Обрываевъ съ челядью бросился ихъ догонять, но изъ лѣсу высыпали новыя подкрѣпленія татаръ. Видя, что Обрываевъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, рубится съ отчаяннымъ мужествомъ, Ксенофонтъ собралъ глѣбовскую челядь и кинулся выручать боярина.

Не смотря на превышающее число татаръ, глѣбовцы и особенно Обрываевъ съ Сердцевѣдомъ да Ксефонтомъ, ободряя другихъ, бились такъ храбро, что часа черезъ полтора, побѣда осталась на ихъ сторонѣ. Татары, потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми да оставивъ раненыхъ десятка два, разсыпались и къ разсвѣту ихъ не было и духу вокругъ Глѣбова.

Русскимъ не дешево обошлась эта побѣда; Никита Спѣшневъ былъ раненъ, Иванъ Сердцевѣдъ былъ убитъ, да еще 18 человѣкъ изъ глѣбовскихъ защитниковъ; а изъ Обрываевской челяди оказалось ранеными и убитыми около 30 человѣкъ. На утро, когда Спѣшневы и Обрываевъ были заняты погребеніемъ убитыхъ да лѣченіемъ раненыхъ, внезапно загремѣли бранныя трубы и рожки; снова Обрываевъ и Спѣшневъ схватились за оружіе, думая что идутъ новыя татарскія шайки; вдругъ на поляну изъ-за лѣса выѣхали русскіе всадники и вышли ратные люди со знаменемъ Великаго Князя Московскаго.

Это была высланная изъ Москвы рать подъ начальствомъ князя Дмитрія Палецкаго.

Узнавъ о нападеніи татаръ, Палецкій не рѣшился идти далѣе, а остановился, чтобы собрать свѣдѣнія о положеніи и количествѣ враговъ: плѣнные татары находившіеся въ Глѣбовѣ разсказали, что ханскіе племянники Исламъ-Гирей и Сафа-Гирей напали 15-го августа на Рязань и выжгли ея пригороды, послѣ чего они уѣхали изъ общаго войска на добычу, а гдѣ теперь ихъ полки, того не вѣдаютъ.

Князь Палецкій послалъ небольшой отрядъ для развѣдки и поимки „языковъ“, то есть шпіоновъ; Ксенофонтъ отправился съ отрядомъ и увидалъ по дорогѣ къ Рязани печальную картину опустошенія; вездѣ побывали татарскіе хищники и оставили послѣ себя обгорѣлыя избы и перебитыхъ да замученныхъ жителей. Сердце Ксенофонта обливалось кровью за своихъ земляковъ: онъ далъ себѣ зарокъ биться съ погаными грабителями и, если угодно Господу, положить свою голову за Русь и Москву.

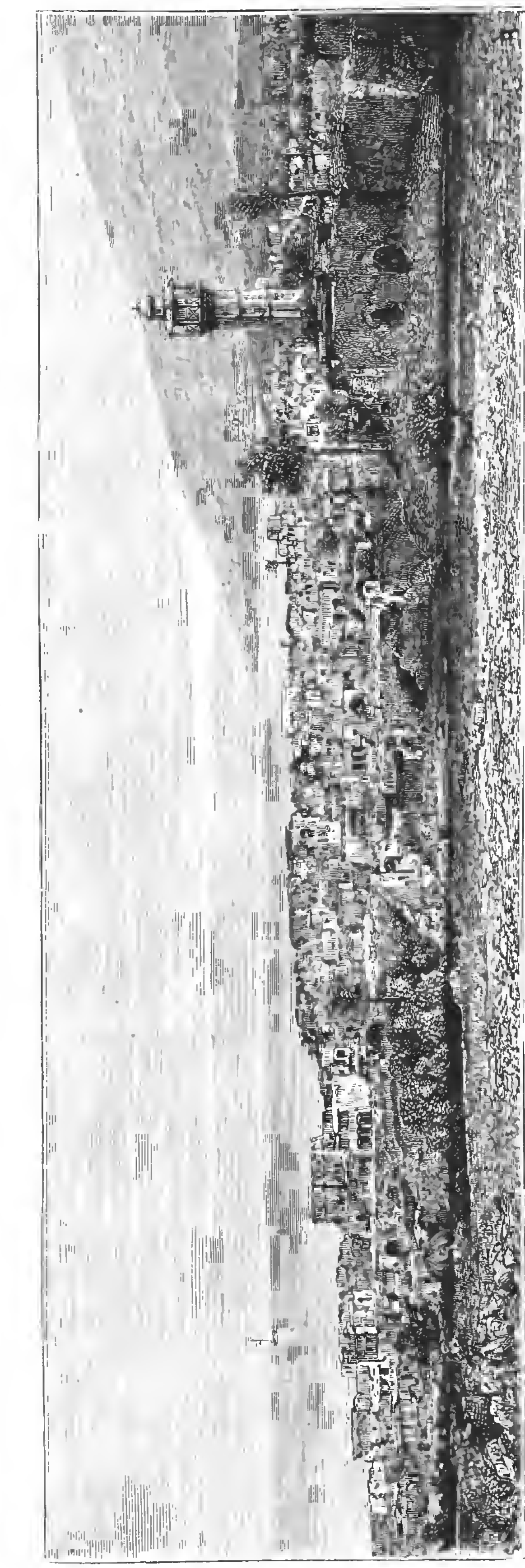
— Доколѣ татарва не будетъ изгнана за предѣлы земли Русскія, дотолѣ не вложу я въ ножны своего меча, поклялся онъ.

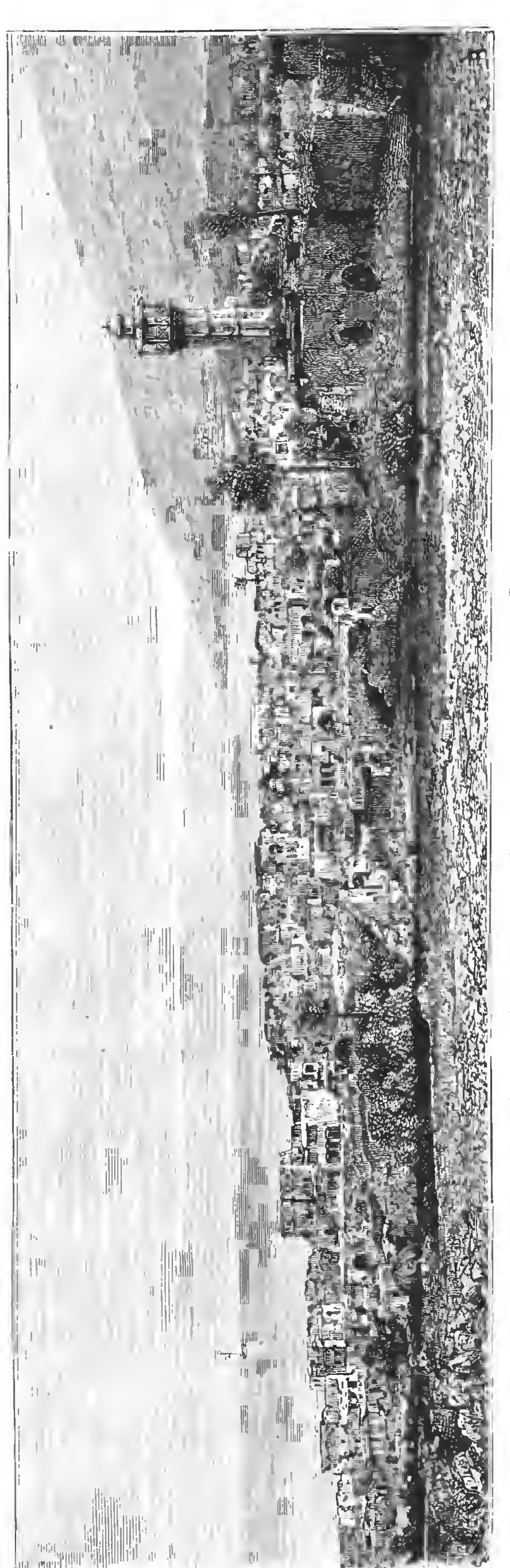
Имъ удалось поймать отсталыхъ татаръ и привести ихъ къ Палецкому, который тотчасъ приказалъ ратнымъ людямъ сряжаться въ путь.

Бояринъ Обрываевъ, Маркелъ Спѣшневъ и Ксено-

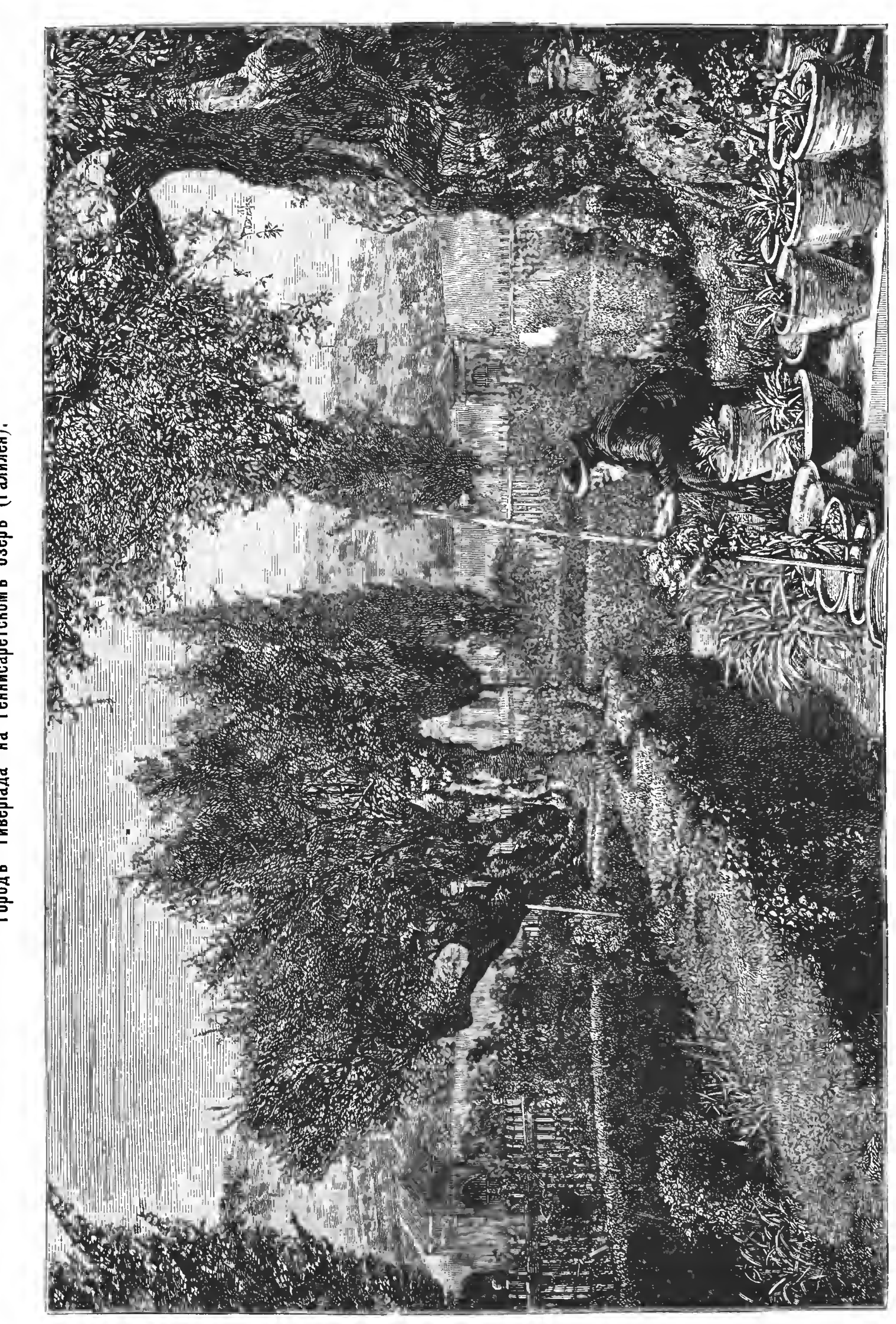
*) Настоящее имя Царевича было „Кадайкулъ-Ибрагимовъ“, но попавъ въ плѣнъ въ 1506 году онъ крестился и былъ принятъ на Московскую службу подъ именемъ Петра.

Видъ Виѳлеема.

Городъ Тиверіада на Геннисаретскомъ озерѣ (Галилея).

Іерусалимъ. Садъ Геѳсиманскій въ наше время.

фонтъ предложили князю свои услуги вмѣстѣ съ полусотней удальцевъ изъ обрываевской и глѣбовской челяди Палецкій съ удовольствіемъ принялъ ихъ въ число охочихъ, назначивъ на слѣдующій день съ зарею выступленіе.

Въ августѣ, ночи становятся довольно темными, особенно когда небо заволокутъ тучи: такъ было и въ послѣднюю ночь, когда Ксенофонтъ шелъ изъ покоя князя къ боярскимъ дворамъ.

Вдругъ онъ услыхалъ, что его кличутъ: сердце его забилось—онъ узналъ голосъ Евгеніи.

— Чего тебѣ, боярышня? спросилъ онъ.

— Иди къ пруду... и я приду... мнѣ надо тебѣ слово молвить!.. тихо сказала Евгенія.

Ксенофонтъ колебался: „Зачѣмъ я пойду? опять на издѣвки"?.. проговорилъ онъ, но Евгенія уже исчезла. Постоявъ въ раздумьѣ, Ксенофонтъ не вытерпѣлъ и отправился на свиданіе.

Было такъ темно, что онъ тогда только разглядѣлъ боярышню, когда былъ отъ нея въ двухъ шагахъ.

— Вотъ и я!.. Что ты мнѣ хотѣла молвить?..

Евгенія молчала. Ксенофонтъ сѣлъ возлѣ нея на траву и ждалъ... черезъ нѣсколько минутъ онъ услыхалъ всхлипыванье и вздохи.

— Никакъ ты плачешь?.. Не по мнѣ ли тужишь? спросилъ Ксенофонтъ и напускная холодность его поддалась неугасшей любви.

— По тебѣ... шептала Евгенія. Не ходи, ради Господа, на войну... На кого ты меня покидаешь?.. Одинъ братъ хвораетъ, другой уйдетъ... Сердце мое чуетъ, что не увижу я васъ... Пропадете вы оба, либо я безъ васъ сгибну!..

— Родная моя! Свѣтикъ мой... Не тужи! не надрывай ты моего сердца... Не могу я остаться: я зарокъ передъ Богомъ далъ... уговаривалъ ее Ксенофонтъ, цѣлуя ея руки и распущенныя по плечамъ косы. Евгенія склонилась на его плечо и слезы градомъ катились изъ ея чудесныхъ глазъ.

Какъ ни уговаривала она, какъ ни просила, а Ксенофонтъ твердо выдержалъ борьбу любви съ долгомъ чести. „Прощай!.. сказалъ онъ вставая.—Господь милостивъ! Какъ побьемъ поганыхъ, я ворочусь, тогда"... онъ не договорилъ, но крѣпко обнявъ боярышню, быстро пошелъ къ усадьбѣ.

VI.

Палецкій напрасно искалъ случая вступить въ бой съ Крымцами, которые при видѣ московской рати, исчезали какъ видѣнія. Князь выходилъ изъ себя, но догнать враговъ было невозможно въ лѣсистой мѣстности, гдѣ они прятались.

Наконецъ это безуспѣшное преслѣдованіе утомило бы и коней и ратниковъ; князь Палецкій приказалъ остановиться и сталъ на отдыхъ возлѣ большаго лѣса *) причемъ вызвалъ охочихъ, чтобы ѣхать на развѣдки: между охочими пошелъ и Ксенофонтъ. Проѣхавъ нѣсколько времени, они убѣдились, что на коняхъ труднѣе пробираться сквозь чащу, гдѣ не бывали ни топоръ, ни пила. Отправивъ лошадей обратно съ однимъ изъ товарищей, они пошли прокладывать себѣ путь по слѣдамъ, оставленнымъ татарами: сломанная вѣтка, стоптанный кустъ, или зацѣпившійся за сучокъ лоскутъ одежды—все служило имъ путеводными признаками. Пройдя версты двѣ, они услыхали шумъ, ржаніе коней и пѣсни: тутъ они стали подвигаться еще осторожнѣе и наконецъ сквозь рѣдѣвшія деревья увидѣли довольно большую прогалину, на которой хищники расположились станомъ: лошади паслись въ серединѣ, а кругомъ стояли сторожевые; далѣе, образуя обширный кругъ, лежали кучи всякаго награбленнаго добра; во многихъ мѣстахъ у разложенныхъ костровъ кошевые варили въ котлахъ пищу, а другіе сидя и лежа чинили да чистили оружіе, разговаривали и пѣли, потягивая изъ мѣховъ запретные напитки и были почти всѣ пьяны. Развѣдчики насчитали болѣе 3,000 ратниковъ и обойдя далеко кругомъ, осмотрѣли мѣстность, послѣ чего возвратились въ свой станъ и донесли князю Палецкому о своихъ наблюденіяхъ.

Воевода собралъ совѣтъ и молвилъ такъ:

— Други мои!.. Татарва схоронилась въ гаю и не вѣдаетъ того, что мы близко... Поганые пьютъ да гуляютъ, да радуются отъ пролитія крови христіанской... Сберемтесь да ударимъ на нихъ врасплохъ!.. зададимъ имъ послѣ пира добрую мыльню *).

— Коли милости твоей угодно меня выслушать, княже, я бы такую мыльню придумалъ, что и безъ бою можно бы всѣхъ этихъ разбойниковъ запарить, выйдя впередъ предложилъ Ксенофонтъ.

— Добрый совѣтъ всегда мнѣ угоденъ; повѣдай-ка какого ты хочешь имъ пару поддать? спросилъ князь.

— Чтобъ пару поддать надобно мыльню жарко истопить, княже!.. Вотъ бы намъ зажечь боръ, вѣтеръ дюжій и прямо на татарву, лихо раздулъ бы огонь, къ тому же сушь стоитъ такая, что и трава и мохъ вспыхнутъ сразу. Татарва всполошится и побѣжитъ, а тамъ поперегъ пути рѣка, надо стать на другомъ берегу, да какъ они станутъ переправляться, тутъ ихъ, какъ зайцевъ, хоть палкой бей... постараться, такъ ни единъ не убѣжитъ! объяснялъ Ксенофонтъ.

Воевода нѣсколько минутъ размышлялъ.

— Выдумка твоя хитра и можно ее попытать! Коли удастся, крови нашей меньше прольется, да и воры не ускользнутъ, рѣшилъ князь Палецкій и сдѣлалъ распоряженіе о приведеніи плана въ исполненіе.

До полуночи пировали крымцы, не предвидя бѣды. Наконецъ опьянѣвшіе разбойники крѣпко заснули и весь ихъ станъ погрузился во тьму и безмолвіе; только слышался храпъ людей, да фырканье коней, мирно пасущихся на полянѣ... Но вотъ боръ словно встрепенулся и загудѣлъ отъ сильнаго порыва вѣтра, потянуло дымнымъ запахомъ и небо слегка заалѣло, ночныя птицы испуганно взвились надъ вершинами деревъ и стали кружиться съ пронзительными криками. Лошади перестали жевать и, насторожившись уши, безпокойно забѣгали на своихъ арканахъ... а крымцы все еще спали и золотые сны перенесли ихъ въ родныя безпредѣльныя кочевыя степи, въ кибитки, гдѣ ихъ ждали съ добычею жены и дѣти...

Ратники Палецкаго дѣятельно трудились надъ собираніемъ сушняка, валежника и всего что могло легко воспламениться. На большомъ пространствѣ полукругомъ наложенныя кучи хворосту обсыпали сѣрой, да порохомъ и ждали условленнаго сигнала, чтобы запалить лѣсъ въ сотнѣ мѣстахъ. Оставивъ небольшой отрядъ для поджога, князь Палецкій съ главными силами, обойдя татарскій станъ, перешелъ черезъ рѣку и на далекомъ протяженіи по берегу разставивъ своихъ ратныхъ людей, сталъ ждать начала пожара.

Ксенофонтъ, распоряжавшійся приготовленіями, давъ время княжеской рати на обходъ и переправу—подалъ условленный знакъ, по которому загорѣлись фитили и приложенныя къ кучамъ горючаго матерьяла, произвели ужасный лѣсной пожаръ. Раздуваемое вѣтромъ пламя, охватило кучи и при продолжительности стоявшихъ передъ этимъ жаровъ, смолистыя деревья загорѣлись какъ щепки...

Огонь бѣжалъ по травѣ, по стволамъ да сучьямъ и скоро изъ отдѣльныхъ костровъ образовалось огромное, сплошное море всепожирающаго пламени; языками и столбами вздымалось оно къ небу, разсыпаясь красными да желтыми искрами, перебрасывая головни, подхвачен-

*) По лѣтописи это было въ 10 верстахъ отъ „Николы-Зарайскаго.

*) Мыльня—баня.

ныя вѣтромъ, застилая клубами дыма весь горизонтъ. Невыразимый ни перомъ ни словомъ шумъ, схожій съ ревомъ бурнаго моря, распространился по лѣсу; звѣри съ ужасомъ бросались изъ своихъ норъ, птицы взлетали и падали въ огонь.

Ночь смѣнилась яркимъ свѣтомъ зарева и звѣзды померкли. Ксенофонтъ собралъ своихъ товарищей и сказалъ: „Теперь намъ тутъ работы нѣту; идемъ и попытаемся пробраться къ воеводѣ за рѣку."

Какъ не крѣпко спали пьяные хищники, однако ржаніе и топотъ метавшихся коней разбудилъ сторожевыхъ; лѣниво потягиваясь, поднялся одинъ татаринъ, протеръ глаза и съ изумленіемъ взглянулъ на небо, покрытое красноватымъ свѣтомъ, не похожимъ на зарю; отдаленный трескъ и гулъ подтвердилъ мелькнувшую передъ нимъ страшную мысль. „Огонь!.. Огонь!.." крикнулъ онъ и бросился расталкивать товарищей.

Поднялось смятеніе и татары, вскакивая съ просонья, не скоро могли собраться съ мыслями; они бѣгали, хватали оружіе, сталкиваясь, окликали другъ друга и ловили срывавшихся съ аркановъ коней: не разбирая чьи они, вскакивали на нихъ безъ сѣдла и пускали ихъ безъ цѣли, надѣясь на инстинктъ животныхъ, спасающихся отъ опасности.

Никто не думалъ о добычѣ; бросивъ все, въ поспѣшномъ бѣгствѣ искали только одного—рѣки, чтобы поставить ее между собой и гнавшимся за ними пламенемъ... Наконецъ смрадный запахъ смѣнился свѣжей струей воздуха, предвѣщавшей близость воды... Вотъ ужъ сквозь кусты бѣлѣетъ туманъ и стелется надъ рѣкою... еще, еще—послѣднее усиліе и измученные быстрой скачкой лошади со всадниками прыгаютъ съ берега, погружаясь въ прохладныя, живительныя волны, направляясь вплавь къ спасительному пристанищу, откуда они безопасно могутъ оглянуться на ужасное зрѣлище пожара!..

Но вотъ мстители внезапно встаютъ изъ за кустовъ и мѣткими выстрѣлами встрѣчаютъ смятеннаго, потерявшаго мужество и находчивость врага... Началась страшная бойня...

Самая незначительная часть татарскихъ наѣздниковъ спаслась тѣмъ, что пустила лошадей по теченію рѣки, которая отнесла ихъ далеко отъ мѣста пораженія. Остальные погибли, запрудивъ рѣку трупами коней и людей.

Выдумка Ксенофонта дала блестящіе результаты и князь Палецкій сказалъ ему спасибо: онъ поспѣшилъ отвести свою рать отъ рѣки, гдѣ предстояла опасность при сильномъ вѣтрѣ, отъ перекинутой головни, подвергнуться той же участи какъ и татары. Однако пожаръ не пошелъ далѣе, а ограничился уничтоженіемъ пространства версты на три, продолжая горѣть, тлѣться и чадить долго послѣ того, какъ ратники Палецкаго удалились къ Рязани.

Между тѣмъ Москва готовилась къ осадѣ; Великій князь Василій Іоанновичъ, призвавъ къ себѣ братьевъ Андрея да Юрія, сталъ сбирать войско, намѣреваясь лично идти на лютыхъ враговъ, противъ которыхъ послалъ впередъ часть рати на защиту Рязани. Въ тотъ самый день когда татары сожгли и разграбили окрестности Рязани, то есть 15 августа, князь оповѣстилъ подмосковныхъ жителей, чтобы собирались въ Москву, а самъ отправился въ село Коломенское, гдѣ былъ главный сборный пунктъ войскъ.

Черезъ недѣлю, когда все уже было готово къ выступленію въ походъ, получили извѣстіе объ отступленіи татаръ отъ Рязани, послѣ чего Великокняжескій походъ становился ненужнымъ; на мѣсто военныхъ дѣйствій была послана довольно сильная рать подъ началомъ князя Ивана Овчины—Телепнева Оболенскаго. Встрѣтивъ Палецкаго, и узнавъ подробности о происходившихъ передъ тѣмъ сраженіяхъ, Оболенскій пустился въ быструю погоню за татарами.

Тутъ Ксенофонтъ разстался съ Обрываевымъ, который со своей челядью поступилъ въ полкъ Оболенскаго а Ксенофонтъ остался при Палецкомъ.

Сначала счастье улыбнулось Оболенскому; догнавъ большую рать татаръ, онъ разбилъ ихъ и обратилъ въ бѣгство; но когда его войско преслѣдовало бѣглецовъ, то наткнулось на огромное полчище крымцевъ и не приготовившись, принуждено было вступить въ бой. Князь Оболенскій сдѣлалъ большую ошибку: первый его натискъ былъ такъ удаченъ, что татары смутились и не зная, что русскихъ гораздо меньше чѣмъ ихъ, были готовы бѣжать, но вмѣсто того, чтобы воспользоваться растройствомъ врага, Оболенскій далъ ему время поправиться и замѣтить малочисленность русскихъ. Крымцы бросились съ ожесточеніемъ и разрѣзали войска Оболенскаго на двое; не смотря на отчаянное мужество, московскіе ратники принуждены были отступить, оставивъ на полѣ битвы значительную часть рати. Въ этой сѣчѣ бояринъ Обрываевъ дрался съ необыкновеннной храбростью, но окруженный огромной толпой татаръ, былъ убитъ, вмѣстѣ со всей своей челядью.

Князь Палецкій подоспѣлъ на помощь Оболенскому; они, собравъ остатки рати, погнались за Крымцами, но было поздно: они успѣли уже перейдти за предѣлы Московскихъ земель. Однако потери Крымцевъ были такъ значительны, что въ княженье Василія III, они не возобновляли своихъ набѣговъ.

Не найдя между ратниками Оболенскаго ни Обрываева, ни его челядинцевъ, Ксенофонтъ, при распросахъ о нихъ, узналъ что они были окружены, хотя никто не могъ сказать достовѣрно убитъ ли самъ Обрываевъ, раненъ ли, или взятъ въ плѣнъ, Ксенофонтъ отправился на мѣсто битвы и долго искалъ его между трупами; наконецъ на небольшомъ холмѣ, онъ увидалъ груду тѣлъ и подойдя ближе наткнулся на голову Лукошко, вѣроятно однимъ взмахомъ кривой татарской сабли снесенную съ плечь. За нѣсколько шаговъ отъ Лукошковой головы, лежалъ безжизненный трупъ, въ которомъ Ксенофонтъ узналъ удалаго боярина Обрываева, такой геройской смертью искупившаго всѣ свои прежнія преступленія.

При помощи ратниковъ Палецкаго, Ксенофонтъ зарылъ трупы Обрываева и его товарищей и исполнивъ этотъ печальный долгъ, подумалъ:

— И сильный и слабый—всѣ пришли къ одному предѣлу... Ни боярство, ни злато да серебро не избавили его отъ смерти... Кому-то его сокровища достанутся? Кабала моя кончилась, я опять вольная птица... и пора мнѣ на родное гнѣздо!..

Война съ Крымцами окончилась и Палецкій отпустилъ охочихъ людей, въ томъ числѣ и Ксенофонта.

Ратники потянулись въ обратный путь къ Москвѣ и скоро въ окружности Рязани, такъ пострадавшей въ послѣднее время, стало опять спокойно и безлюдно, только выжженныя села, разоренныя усадьбы, да вытоптанныя поля свидѣтельствовали о происходившихъ битвахъ. Жители, уцѣлѣвшіе отъ смерти и полона, возвращались на свои пепелища, чтобы вновь обстроиться, завести хозяйство и, забывъ о минувшемъ погромѣ, со свойственной русскимъ безпечностью ждать новыхъ налетовъ неугомоннаго врага, не предпринимая никакихъ мѣръ для защиты и охраны...

Ясный, осенній день. Небо безоблачно, воздухъ чистъ и прозраченъ, кругомъ тишь и какое-то торжественное спокойствіе, полное грусти при раставаньи съ лѣтней отрадой земли, при неизбѣжномъ и скоромъ оцѣпенѣніи природы... Перелетныя птицы улетѣли, послѣдніе листы падаютъ на пожелтѣвшую траву; серебряные клочья паутины носятся при легкомъ вѣтрѣ и цѣпляясь за оголенные сучья, тянутся липкими нитями, опутывая ими пробирающагося по узкой тропѣ всадника.

Полная тревогъ, усталости и лишеній боевая жизнь

оставила на лицѣ Ксенофонта глубокіе слѣды. Свѣжая румяная кожа пожелтѣла и огрубѣла, полныя щеки осунулись и опушились бородой, губы пересохли и сложились въ легкія морщинки, брови сдвинулись, а между ними прорѣзалась складка на смугломъ челѣ; глаза какъ будто ушли въ глубь, увеличились и приняли выраженіе печальной думы, словно въ нихъ на всегда оставили свои отраженія тѣ картины ужаса и смерти, которыя не забываются ни въ тихой домашней жизни, ни въ суетѣ общества, ни въ нуждѣ. ни въ роскоши... И за круговой чашей и за поцѣлуями любви и въ сновидѣньи и на яву, внезапно встаютъ призраки съ ужасными ранами, съ искаженными лицами, окровавленные, умирающіе въ судорогахъ... и сонъ бѣжитъ при этомъ воспоминаніи, счастье отравлено, кубокъ выпадаетъ изъ дрогнувшей руки...

Чѣмъ ближе подвигался Ксенофонтъ къ цѣли своего пути, тѣмъ безпокойнѣе вглядывался онъ въ синеватую даль, ревниво закрывавшую отъ него будущность.

Что ждетъ его въ Глѣбовѣ?.. Какъ встрѣтитъ его Евгенія?.. Не отвернется ли не осмѣетъ ли она его вѣрную любовь, не оттолкнетъ ли, руку твердо державшую мечь и трепещущую теперь, когда близко свиданіе, такъ жадно и нетерпѣливо ожидаемое имъ.

Лѣсъ рѣдѣетъ, открывается знакомая поляна, вонъ прудъ какъ зеркало сверкаетъ при лучахъ солнца... Гдѣ же усадьба, гдѣ церковь, бѣлѣвшаяся между вербами, да ветлами?.. Гдѣ ряды приземистыхъ избъ села Глѣбова?.. Не заблудился ли онъ? Не страшное ли это видѣніе?.. Кругомъ пустырь, безлюдныя, печальныя развалины и свѣжія насыпи, еще не заросшія травой!..

Въ нѣмомъ оцѣпенѣніи стоялъ Ксенофонтъ.

— Пропадете вы оба... либо я безъ васъ сгибну!.. зазвенѣли у него въ ушахъ прощальныя слова боярышни.

Нѣтъ, онъ все еще надѣется: быть можетъ она бѣжала, но у кого распросить?.. Вонъ что то шевелится на грудѣ обгорѣлыхъ бревенъ; это старый боярскій ключникъ, сѣдой, въ рубищѣ, съ безумнымъ взглядомъ тусклыхъ очей.

На распросы Ксенофонта, котораго онъ не узналъ, старикъ объяснилъ, что приходила-де татарва окаянная, да Удольскіе холопья, всѣхъ побили, поплѣнили, а усадьбу. церковь и село выжгли. Куда дѣвалась Евгенія и вся семья бояръ Спѣшневыхъ старый безумецъ не могъ разсказать, онъ ничего не помнилъ...

Долго сидѣлъ Ксенофонтъ на свѣжихъ могилкахъ гдѣ зарыли убитыхъ; онъ не плакалъ и не роптадъ на свою судьбу: онъ столько видѣлъ умиравшихъ, что смерть не казалась ему окончаніемъ бытія, а развѣ переходомъ отъ краткой жизни къ иному... „Все на землѣ тлѣнь и разрушеніе... Только тамъ все неизмѣнно, гдѣ нѣсть ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, а жизнь безконечная!..“ молвилъ Ксенофонтъ, устремивъ глаза въ безпредѣльную синеву небесъ... Онъ остался одинокъ на Божьемъ свѣтѣ...

В. Политковскій.

Іерусалимъ во времена Христа Спасителя.

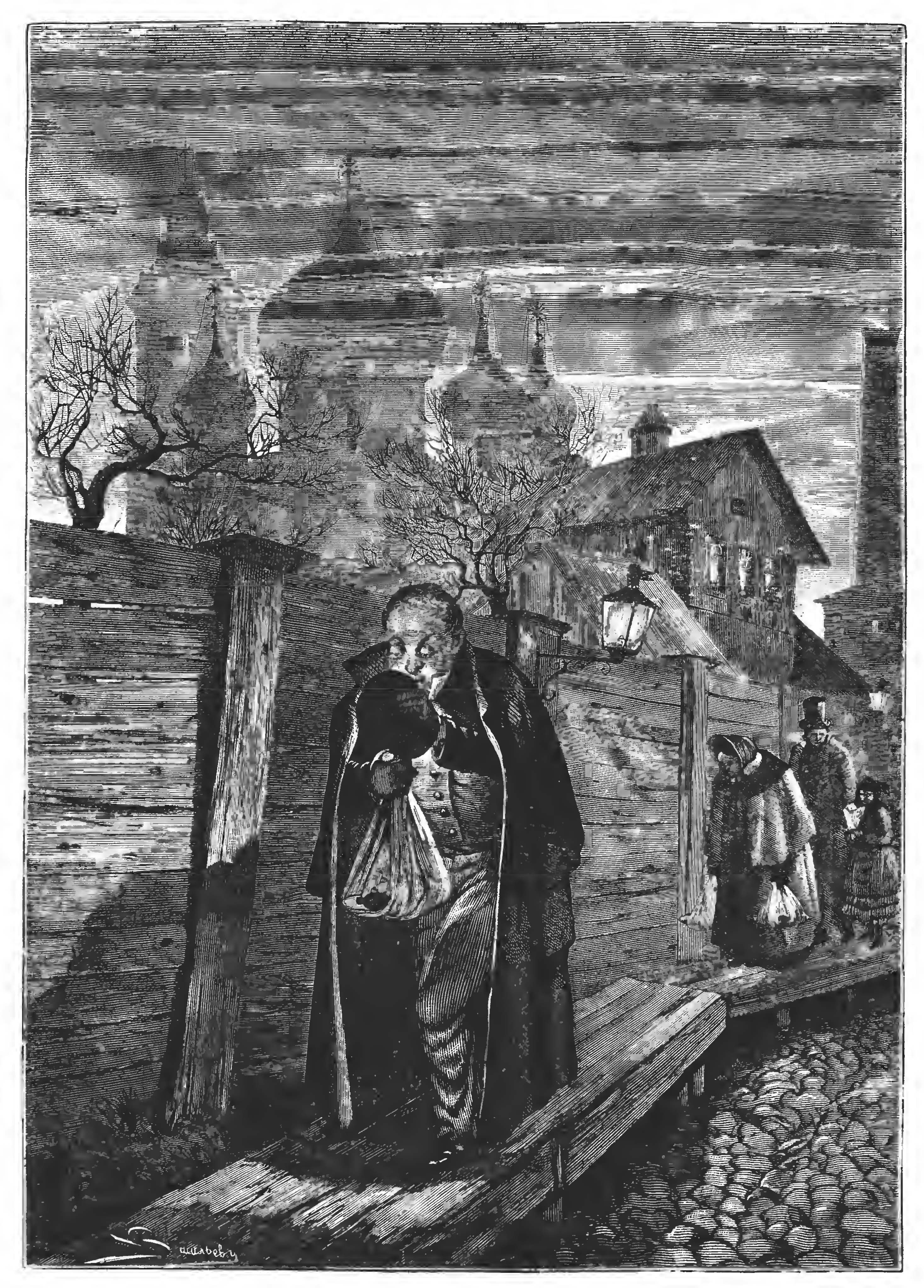
Іерусалимъ въ то время былъ расположенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ и нынѣ, въ 6-ти миляхъ отъ берега Средиземнаго моря, возвышаясь на 2,800 фут. надъ его поверхностью; обнесенный высокой, сложенной изъ каменныхъ плитъ стѣной (въ которую вели 12 воротъ и по фасамъ которой выступали 74 башни), городъ состоялъ изъ четырехъ главныхъ частей: *Сіона*, верхняго города, лежавшаго въ юго-западномъ направленіи, *Акры*, нижняго города, расположеннаго къ сѣверо-западу, *Моріи*, гдѣ находился знаменитый іерусалимскій храмъ и которая составляла юго-восточную часть и *Безееы*, новаго города, занимавшаго все пространство на сѣверо-востокѣ. Важнѣйшимъ въ стратегическомъ отношеніи пунктомъ считалась цитадель „Антонія“, грозно высившаяся въ восточномъ углу Акры, къ сѣверо-западу отъ горы Моріи. Здѣсь помѣщался римскій гарнизонъ. Плоскіе дома, сооруженные изъ известковаго камня, придавали Іерусалиму отчасти видъ нынѣшнихъ восточныхъ городовъ. Во дворѣ каждаго дома обыкновенно была устроена особая цистерна, куда скоплялась дождевая вода. Среди всей массы построекъ узкими полутемными корридорами, шли, то подымаясь въ гору, то сбѣгая внизъ, извилистыя улицы. Древнѣйшія части Акра, Сіонъ, Морія, были богаты роскошными зданіями. Въ первой находился замокъ Ирода, дворецъ князей рода Гасмонера, государственный архивъ. домъ синедріона, т. е. высшаго совѣта, театръ и рядъ дворцовъ патриціанскихъ фамилій. Въ Сіонѣ расположено было, между прочимъ, зданіе, гдѣ хранились документы по всякаго рода частнымъ сдѣлкамъ и тамъ же возвышался новый дворецъ Ирода—великолѣпное зданіе, украшенное рѣзными бронзовыми колоннами, и окруженное садами, гдѣ группы вѣтвистыхъ деревьевъ задумчиво смотрѣлись въ зеркало широкихъ бассейновъ, и тысячи ручьевъ искристыми змѣйками вились по зеленому ковру лужаекъ—Іосифъ Флавій говоритъ объ этомъ дворцѣ, какъ о чудѣ роскоши и искусства. Новый городъ—Безееа, повидимому, въ эпоху Спасителя былъ населенъ преимущественно ремесленниками и купцами. Здѣсь сосредоточивалась торговля шерстяными матеріалами, вообще, платьемъ и, кромѣ того, мясомъ, сыромъ и т. д., а также находились мастерскія и лавки металлическихъ издѣлій. По собственно рынки, со всей своей базарной суетней, раскидывались всегда у городскихъ воротъ. Синагогъ въ древнемъ Іерусалимѣ насчитывалось до 460, что не трудно допустить, такъ какъ въ этомъ числѣ понимается множество небольшихъ молельныхъ домовъ, притомъ же въ городѣ было, по крайней мѣрѣ, 100 тысячъ постоянныхъ жителей и не менѣе трехсотъ—собиралось по большимъ праздникамъ.

Храмъ увѣнчивалъ окруженную мощными стѣнами вершину холма Моріи. Первой оградой ему служилъ, такъ называвшійся „дворъ язычниковъ“—это былъ правильный четырехугольникъ (въ 1 стадію съ каждой стороны), съ высокими стѣнами, вдоль которыхъ, внутри двора, шли колоннады. У главныхъ воротъ (ихъ было восемь), отворявшихся на востокъ и носившихъ названіе „воротъ Сусанны“, находился рынокъ, гдѣ продавались жертвенныя животныя, елей, мука и соль; тутъ же были разставлены столики мѣнялъ, торговавшихъ монетой, которою вносился налогъ въ пользу храма. Посреди двора, вымощеннаго разноцвѣтнымъ камнемъ, возвышалась четырехугольная, нѣсколько продолговатая терраса, поддерживавшая, какъ бы въ видѣ пьедестала, самое зданіе храма; ее окружала каменная балюстрада, украшенная колоннами, съ греческими и латинскими надписями, воспрещавшими язычникамъ входъ въ святыню. Съ восточной стороны поднимались 14 ступеней къ узкому крыльцу, а отсюда пять ступеней вели къ изящному порталу, по бокамъ котораго утверждены были двѣ колонны, каждая въ 12 локтей обхвата, дверь—богато изукрашена серебромъ и золотомъ; за порталомъ былъ расположенъ „дворъ женщинъ“, служившій собственно открытымъ ходомъ въ предназначенныя для нихъ галлереи; въ западной части этого двора, обнесеннаго тоже колоннадой, 15 полукруглыхъ ступеней вели къ такъ называемымъ „Никаноровымъ воротамъ“, громадныя литыя (изъ коринескаго чугуна) створы которыхъ открывали входъ во второй дворъ. Этотъ послѣдній раздѣлялся низенькой рѣшеткой, на двѣ неравныя части: первая, меньшая, предназначалась для молящихся, не принадлежавшихъ къ сословіямъ левитовъ, и, потому называлась „дворомъ Израиля“, другая же часть носила названіе „двора священнослужителей“. Въ концѣ его возвышался жертвенный алтарь (пирамидальной формы, въ 15 локтей вышины); а близъ него были разставлены сосуды для воды и столы изъ кедроваго дерева, мрамора и серебра; отсюда 12 ступеней вели, наконецъ, къ террасѣ, на которой покоился самый храмъ; сооруженный изъ бѣлаго мрамора, онъ состоялъ изъ трехъ отдѣленій: большихъ, выложенныхъ раззолоченными кедровыми плитами, сѣней. изъ „Святая“ и изъ „Святая Святыхъ“. Въ „Святая“ вступали чрезъ обитыя золотомъ двери, надъ которыми висѣла громадная золотая виноградная лоза (эмблема Іерусалима) и спускался, въ видѣ завѣсы, драгоцѣнный, тонкой работы, коверъ. Здѣсь находились золотой седьмисвѣщникъ, столъ изъ того же метала для хлѣбовъ предложенія и алтарь для куреній ладономъ. Изъ „Святая“ вела другая, также завѣшанная дорогимъ ковромъ, дверь въ темную „Святая Святыхъ“.

Эта завѣса, подобно предшествующей, выткана была въ четыре древне-священныхъ цвѣта: темноголубой, пурпуровый, оранжевый и бѣлый, служившихъ изображеніемъ четырехъ главныхъ элементовъ, изъ которыхъ, согласно тогдашнимъ понятіямъ, состоялъ міръ. „Святая Святыхъ“ была совершенно пуста, въ нее имѣлъ доступъ только первосвященникъ, входившій туда лишь одинъ разъ въ году, въ день главнаго праздника.

Храмъ сооруженъ былъ Иродомъ и, по словамъ современниковъ, производилъ необыкновенное впечатлѣніе роскоши и изящества.

Много величія придавала зданію гигантская колоннада, охватывавшая дворъ язычниковъ. Нельзя, однако, не замѣтить при

Свѣтлое Христово Воскресеніе. Возвращеніе домой отъ заутрени. Ориг. рис. Васильева, грав. Пуцъ-Шиблеръ.

этомъ, что храмъ, представляя смѣшеніе разнородныхъ стилей, не вполнѣ удовлетворилъ бы современному идеалу архитектурной красоты.

Выше мы уже говорили, что древній Іерусалимъ своимъ внѣшнимъ видомъ напоминалъ общій типъ нынѣшнихъ городовъ Востока. Дѣйствительно—если мы перенесемъ въ своемъ воображеніи священный камень мусульманъ—„каабу“ изъ Мекки въ Каиръ, а проживающихъ въ столицѣ египетскаго вице-королевства „франковъ“ примемъ за древнихъ римлянъ и грековъ, войска низама за римскій гарнизонъ, пашу—за императорскаго намѣстника, то предъ нашими глазами будетъ возстановленъ, „реставрированъ“ въ своихъ существенныхъ чертахъ. Іерусалимъ эпохи Христа. На улицахъ мы увидѣли бы то же смѣшеніе разнородныхъ типовъ, ту же пеструю толпу, въ шумномъ говорѣ которой слышали бы тѣ же гортанные, семитическіе звуки, взору нашему представились бы яркіе костюмы, пышность рядомъ съ тою же неопрятностію и грязью, тѣ же закутанныя женщины, тѣ же тянущіеся медленною поступью караваны муловъ и верблюдовъ, наконецъ—въ длинноволосомъ, полусумасшедшемъ, полувдохновенномъ уличномъ предсказателѣ мы узнали бы облик бродячаго дервиша. Идемъ дальше и встрѣчаемъ опять знакомые типы и сцены, слышимъ знакомые звуки—вонъ, тамъ, въ кружкѣ, который образовала толпа зѣвакъ, застыла въ сладострастной позѣ уличная танцовщица... гудитъ однообразная, полная какого-то сдержаннаго огня, восточная музыка... неподалеку сидитъ неподвижно слѣпой нищій... голодныя собаки сбились въ кучку надъ падалью...

Въ Каирѣ на молитву сзываютъ монотонные напѣвы муллъ, здѣсь—трубы священнослужителей, своими протяжными призывами, возвѣщаютъ народу о началѣ и окончаніи шабаша, о наступающихъ праздникахъ.

Господствующимъ языкомъ былъ арамейскій, который отъ древне-еврейскаго отличается такъ же, какъ, напримѣръ, голландскій отъ верхне-нѣмецкаго; въ стѣнахъ іудейской столицы раздавалась и другая рѣчь—чаще всего греческій языкъ, нѣсколько рѣже латинскій, звучное нарѣчіе арабовъ, появлявшихся здѣсь изъ своей пустыни, лежащей между р. Іорданомъ и Краснымъ моремъ, слышался рѣзкій говоръ императорскихъ солдатъ набранныхъ изъ ѳракійцевъ, галловъ, германцевъ.

Евреи носили одежду широкую, ниспадавшую внизъ складками; костюмъ женщинъ, обыкновенно, рознился отъ мужскаго богатствомъ матеріи, и пестротою рисунка и украшеніями. Законъ, однако, воспрещалъ носить смѣшанныя ткани, напримѣръ, изъ шерсти и льна и т. д. Одежда людей достаточныхъ классовъ состояла изъ полотняной рубахи, туники, опоясанной кушакомъ, и наброшеннаго на нее плаща, называвшагося „фильма“; головнымъ уборомъ служилъ тюрбанъ, обувью—сандаліи и башмаки, въ родѣ нынѣшнихъ туфель. Пестрые, яркіе цвѣта были въ большомъ ходу, но бѣлый считался наиболѣе элегантнымъ. При траурѣ носили черный и, вообще, темные оттѣнки. Въ дорогу надѣвался, обыкновенно, бурнусъ съ капюшономъ. Шелковыя матеріи получались изъ Александріи, игравшей роль Лондона тѣхъ временъ, но, такъ какъ матеріи тѣ обходились слишкомъ дорого, то, въ будничные дни, онѣ замѣнялись египетскою тканью, окрашенною въ сирійскую пурпуровую или темно-голубую краску. Борода носилась длинная, но волоса, на головѣ, согласно римской модѣ, стриглись коротко, исключеніе составляли назареяне: они носили волосы длинные, завитые, напомаженные благовонными маслами и посыпанные мелкимъ золотымъ порошкомъ. Тогдашній дэнди всюду показывался не иначе какъ нарумяненнымъ и раздушеннымъ. Женщины носили цѣпочки, кольца, и серебряные и золотые браслеты на рукахъ и лодыжкахъ ногъ, волосы заплетали въ длинныя косы, причемъ богатыя дамы украшали голову діадемами или маленькими коронками, изображавшими, чаще всего, въ миніатюрномъ видѣ, іудейскую святыню—іерусалимскій храмъ; вѣки начерневы, какъ у нынѣшнихъ арабскихъ и турецкихъ женщинъ, лицо покрыто румянами.

Улицы древняго Іерусалима всегда были полны оживленія, среди котораго многое придавало имъ свой особый колоритъ мѣста и времени. Въ одной изъ нихъ попадается фигура въ траурномъ костюмѣ: голова посыпана пепломъ, одежда разодрана, ноги обнажены; далѣе—преступникъ, молящій о пощадѣ, о прощеніи, тоже съ непокрытой головой, привѣшеннымъ къ шеѣ мечемъ, босой, онъ медленно движется, окруженный стражей: гладатаи объявляющіе о цѣнѣ на припасы, о вновь прибывшихъ товарахъ: сквозь толпу пробирается вереница верблюдовъ, тяжело навьюченныхъ стеклянными произведеніями и сукнами, изъ Финикіи ѣдутъ купцы, торговцы на ослахъ, проѣзжаетъ на богато убранномъ мулѣ благородный: рѣже встрѣчается всадникъ на конѣ, по большей части это или римскій воинъ мѣстнаго гарнизона, или вольный сынъ сирійскихъ степей, иногда же—посланецъ изъ дальней Пареіи, присланный сюда тамошнимъ царемъ для секретныхъ переговоровъ съ тайными врагами римскаго владычества. Въ одномъ мѣстѣ образовалось скопище—смотрятъ на схваченнаго зилота: это—наполовину разбойники, наполовину патріоты, бродящіе шайками по сосѣднимъ горамъ: вонъ—уличные мальчишки преслѣдуютъ самаритянина, онъ выдалъ себя своимъ выговоромъ, за нимъ бѣгутъ, кричатъ вслѣдъ, что онъ хотѣлъ осквернить храмъ присутствіемъ своимъ. Внезапно раздается другой крикъ: быстро проносится по улицѣ какой-то безумный, громко и отрывисто возвѣщая „горе Іерусалиму“. Повсюду шумъ, движеніе, гулъ отъ человѣческихъ голосовъ, игра семитическихъ лицъ, своеобразная жестикуляція.

Вдругъ—все смолкаетъ, жмется къ домамъ, къ стѣнкѣ, скрывается въ ближайшія улицы: послышался звукъ военной трубы—и стройными рядами, вступаетъ отрядъ императорскихъ войскъ: мѣрнымъ шагомъ идетъ онъ въ городъ на смѣну гарнизона. Во главѣ легковооруженный авангардъ, за нимъ—группа начальниковъ, окруженная всадниками, далѣе—римскіе орлы, трубачи, тяжелая пѣхота, съ центуріонами впереди, а потомъ, опять, арьергардъ изъ всадниковъ и отряда легкой пѣхоты. Молча и безстрастно, лишь грозно сверкая на солнцѣ шлемами и оружіемъ, прошелъ отрядъ и только на лицѣ главнаго начальника, ѣдущаго въ небольшомъ пространствѣ между орлами и главной массой пѣхоты, промелькнула улыбка презрѣнія при взглядѣ на притихшую толпу евреевъ: въ его отечествѣ ему говорили, что эти варвары приносятъ въ своихъ обрядахъ человѣческія жертвы, молятся ослиной головѣ! Отрядъ скрылся—уже не слыхать больше бряцанья оружія и—снова хлынула въ улицу пестрая восточная толпа. Присматриваясь къ ней поближе, различаемъ евреевъ изъ колоній Греціи, Малой Азіи и Италіи, смуглыхъ киренейцевъ изъ Африки, уроженцевъ далекой Галліи, Испаніи; знакомые раскланиваются другъ съ другомъ и при этомъ плебеи падаютъ ницъ предъ высшими: равные обмѣниваются цвѣтистыми привѣтствіями, ученыхъ величаютъ титуломъ „равви“.

Солнце склоняется уже къ западу, съ вершины горы Моріи доносятся звуки священныхъ трубъ—въ храмѣ происходитъ церемонія вечерняго жертвоприношенія и народъ совершаетъ третью дневную молитву; тотъ, кто не успѣваетъ подняться въ самый храмъ—творитъ молитву на улицѣ, обратясь къ святилищу лицомъ; большинство при этомъ, обыкновенно, стоитъ, произнося слова тихимъ голосомъ, но фарисеи, которыхъ мы уже издали узнаемъ по широкой голубой бахромѣ, нашитой на ихъ верхнее платье, по молитвенному ремню, навязанному на лобъ и руку, и аффектированной походкѣ—тѣ молятся громко, съ напускнымъ паѳосомъ, въ театральныхъ позахъ.

Вдругъ раздаются иные, менѣе торжественные звуки—веселые звуки арфъ, флейтъ, маленькихъ барабановъ—шумно и мелькая факелами проходитъ мимо свадебный кортежъ: впереди идетъ женихъ, голова котораго украшена роскошнымъ вѣнкомъ, за нимъ—его друзья и родственники а далѣе—невѣста вся закутанная и окруженная подругами, которыя ручными лампами освѣщаютъ ей путь. Еврейскіе законы допускали многоженство, но разрѣшеніемъ этимъ пользовались, преимущественно только богатые и знатные.

При въѣздѣ особъ царской или княжескихъ фамилій, на улицахъ разстилали ковры, одежды, бросали цвѣты, народъ, при звукахъ музыки, выходилъ съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ, провозглашалъ въ честь прибывшихъ „осанна“; попадавшіеся на встрѣчу всадники сходили съ лошадей, падали ницъ. Особеннымъ блескомъ отличались, повидимому, процессіи, въ которыхъ первосвященникъ слѣдовалъ, для отправленія праздничной службы, въ храмъ. Полное облаченіе его, необыкновенно богатое въ этихъ случаяхъ, состояло изъ длиннаго, бѣлаго нижняго платья, темно-коричневой, обшитой золотыми колокольчиками, верхней одежды, на груди былъ привѣшенъ „эссинъ“—четырехугольный карманъ, осыпанный драгоцѣнными каменьями, и содержавшій въ себѣ „уримъ и туммимъ“—два камня, служившіе при церемоніи пророчествъ, на головѣ первосвященника, поверхъ бѣлаго, перевитаго голубой матеріей тюрбана, красовалась корона. Его, обыкновенно, сопровождало множество священниковъ и левитовъ, въ бѣлыхъ тюрбанахъ и такихъ же одеждахъ, опоясанныхъ трехцвѣтными шарфами: въ процессіи, сколько извѣстно, принимала участіе и музыка изъ капеллы храма. Священники составляли благородное сословіе еврейскаго народа. Никто изъ непринадлежавшихъ къ нѣкоторымъ фамиліямъ колѣна Левіина, къ потомству Аарона, не могъ быть священникомъ: званія же первосвященника могъ достигать только тотъ, кто происходилъ изъ рода Іоарaба; но и тутъ еще было ограниченіе: не могли быть посвящаемы имѣвшіе какіе либо физическіе недостатки, или имѣвшіе дурную славу. На обязанности священнослужителей лежало куреніе ѳиміамомъ въ храмѣ, содержаніе въ чистотѣ седьмисвѣщника и наполненіе его лампъ елеемъ, возложеніе хлѣбовъ предложенія, поддержаніе вѣчнаго огня на жертвенномъ алтарѣ и, во время службы всѣ необходимыя приготовленія для жертвоприношенія; къ кругу обязанностей ихъ относились еще нѣкоторыя другія, касавшіяся частью медицинской сферы, какъ напр. изслѣдованіе прокаженныхъ, частью сферы права, напримѣръ постановленіе рѣшеній въ важнѣйшихъ процессахъ. Священнослужитель долженъ былъ старательно избѣгать всего, что, согласно Моисееву закону, могло осквернить его: въ особенности же онъ долженъ былъ владѣть собой, не поддаваться страстямъ, сдерживать порывы ихъ, между прочимъ, не выказывать чрезмѣрной печали по умершимъ, избѣгать дотрогиваться до нихъ и во время своей очередной недѣли служенія въ храмѣ воздерживаться отъ всякихъ разгорячающихъ напитковъ. Ему разрѣ-

шалось вступать въ бракъ и даже съ дѣвицей, не принадлежавшей къ колѣну, Левіину но, съ условіемъ, чтобы она пользовалась хорошей репутаціей.

Первосвященникъ, (на древне-еврейскомъ языкѣ „Когенъ Хаггадоль"), въ дни праздника всепрощенія, предстательствовалъ предъ Господомъ за еврейскій народъ, пророчествовалъ по „уриму и туммину", и, въ большіе праздники, непосредственно участвовалъ въ жертвоприношеніяхъ. Ему принадлежало главное наблюденіе за сокровищницей храма, за службой а также и предсѣдательствованіе въ синедріонѣ. Какъ духовный глава евреевъ (туземныхъ и иностранныхъ) онъ пользовался, обыкновенно, большимъ уваженіемъ и вліяніемъ, которое, однако со времени Христа Спасителя замѣтно ослабло.

Масса свѣтскаго еврейскаго населенія древняго Іерусалима распадалась на ремесленниковъ, мастеровъ, земледѣльцевъ, рабовъ и ученыхъ. Законъ Моисея относился не съ особеннымъ сочувствіемъ къ торговлѣ и у древнихъ евреевъ она никогда не достигала значительной степени процвѣтанія: даже въ эпоху, о которой мы говоримъ, т. е. во время наибольшаго развитія торговли тамъ—ввозъ, состоявшій, преимущественно, изъ предметовъ роскоши и отпускъ, главнымъ образомъ, хлѣба, сѣмянъ, скота, сосредоточивались въ рукахъ иностранцевъ, болѣе всего финикіянъ, но въ мелочномъ торгѣ, въ склонности къ барышничанію уже и тогда сказывался національный, свойственный этому народу, духъ. Ходившіе по домамъ разносчики похожи на тѣхъ, которыхъ мы теперь видимъ въ Каирѣ, и мѣнялы, сидѣвшіе у воротъ „Сусанны"—на каирскихъ „зарафовъ". Занятіе ремесломъ не считалось у евреевъ, какъ у грековъ, недостойнымъ свободнаго человѣка—напротивъ того нерѣдко даже сами ученые, пользовавшіеся столь почетнымъ положеніемъ, избирали себѣ какое либо мастерство. Господствовавшій въ этомъ отношеніи взглядъ характеризуется бывшей тогда въ большомъ ходу пословицей „тотъ, кто своего сына не обучаетъ ремеслу—готовитъ его въ разбойники". Мы видимъ въ древнемъ Іерусалимѣ ювелировъ, литейщиковъ и кузнецовъ, каменотесовъ, горшечниковъ, плотниковъ и столяровъ, ткачей, суконщиковъ (къ цеху которыхъ принадлежалъ, между прочимъ, Апостолъ Павелъ) далѣе красильщиковъ, цирульниковъ, коробочниковъ и т. д. Нѣкоторыя ремесла, какъ напр. одинъ изъ видовъ цирульниковъ—„завиватели волосъ" не пользовались особеннымъ почетомъ. Ремесла, приближавшіяся къ искусству, не могли развиться у евреевъ—у нихъ почти не было ни скульпторовъ, ни художниковъ. Ихъ дворцы, самый храмъ—твореніе рукъ финикійскихъ художниковъ—литейщиковъ и рѣзчиковъ. Во времена Христа, изувѣрство фарисеевъ не допускало изображеній одушевленныхъ созданій, почему тогдашній Іерусалимъ рѣзко отличался отъ богатыхъ статуями и другими украшеніями городовъ Италіи и Греціи. Архитектура общественныхъ зданій напоминала греческій стиль, съ примѣсью формъ финикійскаго и египетскаго стилей.

Въ музыкѣ прежде всего замѣтно отсутствіе того, что составляетъ главную ея прелесть, ея сущность—отсутствіе гармоніи; ограничиваясь простыми, довольно однообразными и нестройными мелодіями, она много напоминаетъ ту, которую мы слышимъ теперь на востокѣ: изъ инструментовъ же предпочитались арфы, кимвалы, флейты, трубы, литавры. На театрѣ Ирода играли преимущественно иностранцы, но, въ описываемую нами эпоху представлялись и еврейскія пантомимы.

По святымъ мѣстамъ.

Эпопеи священной
Древній міръ здѣсь развертъ:
Свитокъ сей неизмѣнный
Начерталъ Божій перстъ.
На Израиль съ завѣтомъ
Здѣсь сошла Божья сѣнь:
Возсіялъ здѣсь разсвѣтомъ
Человѣчества день.

Край святой Палестины,
Край чудесъ искони!
Горы, дебри, равнины,
Дни и ночи твои,
Внѣшній міръ, миръ подсудный,
Все, что было, что есть, —
Все поэзіи чудной
Благодатная вѣсть!

Виѳлеемъ.

Виѳлеемъ—мѣсто Рожденія Христа Спасителя—маленькій городокъ въ Палестинѣ, расположенный на возвышенности, среди прекрасной, плодородной мѣстности, въ 2-хъ часахъ разстоянія къ югу отъ Іерусалима. Въ древности городъ этотъ, принадлежавшій, собственно, роду Давида (царь Давидъ родился здѣсь) украшенъ и укрѣпленъ царями Іудейскими. Первые христіане соорудили на мѣстѣ Рожденія Спасителя часовню, въ которую, во всѣ времена, постоянно стекались вѣрующіе. Императоръ Адріанъ, желая устранить христіанъ, велѣлъ поставить здѣсь статую Адониса, но, по приказанію матери Константина Великаго, Елены, идолъ былъ уничтоженъ и на мѣстѣ его выстроенъ обширный христіанскій храмъ. Нынѣшній Виѳлеемъ, „Бейтъ-эль-Гамъ", или „Бейтъ-Лахмъ"—принадлежащій къ Дамасскому пашалыку, Іерусалимскаго санджаката, представляется глазамъ путешественника въ видѣ небольшой, безпорядочной группы плоскихъ хижинъ и домовъ, расположенныхъ на зеленѣющихъ холмахъ, среди группы садовъ. Жители (до 2-хъ тысячъ человѣкъ), состоящіе, преимущественно, изъ христіанъ-армянъ, католиковъ, грековъ-православныхъ (часть населенія составляютъ турки и арабы), занимаются, главнымъ образомъ, продажей оливковъ и выдѣлкой священныхъ предметовъ изъ дерева, перламутра и финиковой пальмы. Гротъ, гдѣ, согласно преданію, родился Спаситель, находится на вершинѣ холма, отстоящаго не болѣе какъ на сто шаговъ къ сѣверу отъ города; нынѣ здѣсь расположенъ обнесенный высокими стѣнами монастырь, въ которомъ живутъ католическіе, армянскіе и греческіе монахи и гдѣ для паломниковъ устроена особая гостиница. Храмъ св. Маріи, имѣющій округлую форму, раздѣленъ стѣнами на три отдѣльныя церкви. Самый большой придѣлъ, украшенный четырьмя рядами мраморныхъ колоннъ коринѳскаго ордена, составляетъ собственность армянъ; второй — принадлежитъ грекамъ, третій, наконецъ, латинянамъ. Отъ каждой изъ этихъ отдѣльныхъ внутреннихъ церквей ведетъ особый ходъ въ священную пещеру, расположенную подъ главнымъ алтаремъ; пещера вся выложена дорогимъ мраморомъ и ярко освѣщена 32 богатыми лампадами различныхъ формъ—особенно изящна лампада, пожертвованная французскимъ королемъ Людовикомъ XIII. Серебряная звѣзда, вдѣланная въ мраморный полъ, указываетъ мѣсто Рождества Христа Спасителя и положенія Его въ ясли. Въ нишѣ стоитъ алтарь изъ бѣлаго мрамора—именно тамъ, гдѣ, по преданію, волхвы преклонились предъ Божественнымъ Младенцемъ. По стѣнамъ, на колоннахъ, на алтарѣ—всюду развѣшаны и разставлены иконы и драгоцѣнныя приношенія христіанскихъ государей. Вся пещера имѣетъ не болѣе 37-ми футовъ длины, 11 ф. ширины и 9 ф. вышины. Другой гротъ носитъ названіе грота св. Іеронима, который, какъ полагаютъ, похороненъ тамъ рядомъ съ извѣстнымъ историкомъ церкви,

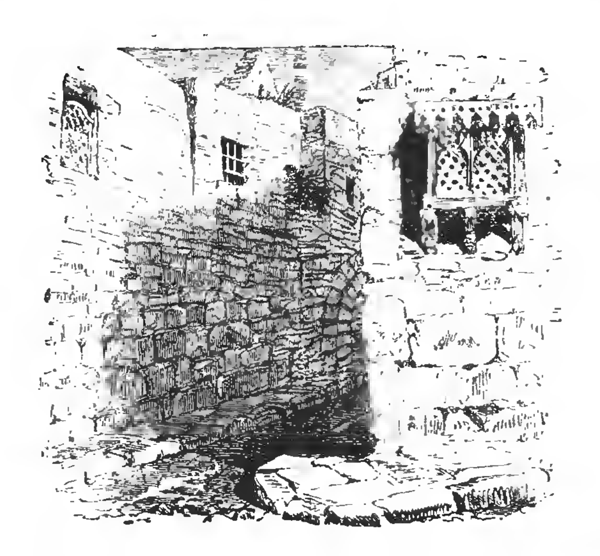

Рис. 2) Мѣсто, съ котораго Симонъ Киренеянинъ поддерживалъ крестъ.

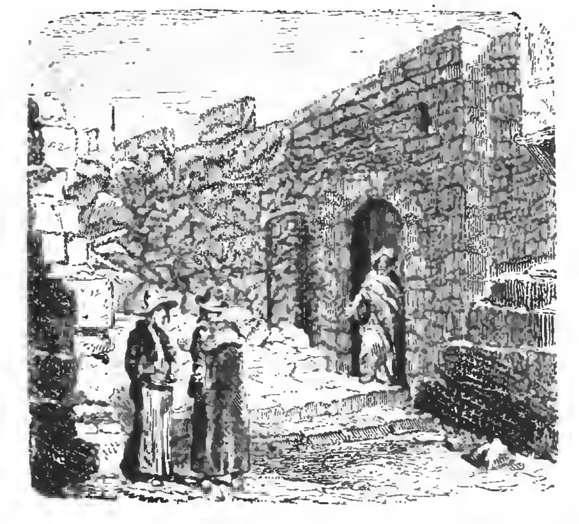

Рис. 3) Стѣны древняго Іерусалима.

Эвзебомъ. Съ плоской крыши монастыря открывается прекрасный видъ на Мертвое море и Іорданъ. Но кромѣ Св. Пещеры, Виѳлеемъ богатъ другими библейскими и евангелическими воспоминаніями. Шагахъ въ 200 отъ города находится гротъ

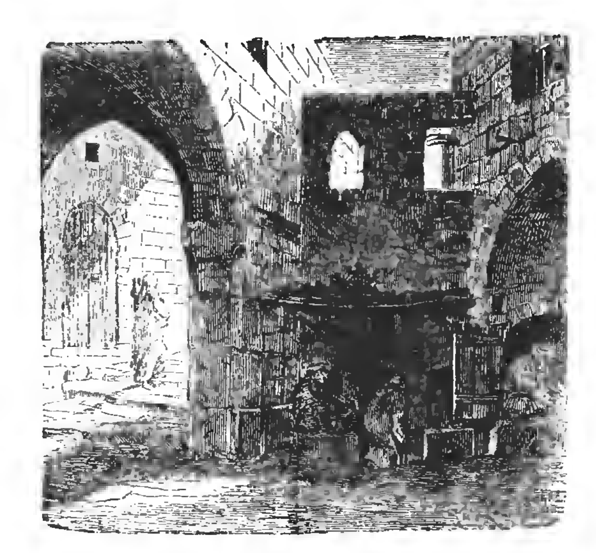

Рис. 4) Врата судилища.

Рис. 6) Католическая капелла въ храмѣ Воскресенія.

Рис. 8) Камень помазанія.

(мѣловаго образованія), въ которомъ Богоматерь нашла убѣжище предъ бѣгствомъ во Египетъ.

По дорогѣ въ Іерусалимъ путешественникъ видитъ, между прочимъ, источникъ, протекающій среди огромныхъ гранитныхъ глыбъ—здѣсь волхвы, послѣ своего свиданія съ Иродомъ, вновь узрѣли путеводную звѣзду. Влѣво отъ той же дороги, въ 1/4 часа разстоянія отъ Виѳлеема, показываютъ могилу Рахили, матери Іосифа и Веньямина. Мусульмане, также считающіе это мѣсто священнымъ, соорудили здѣсь маленькую купо-

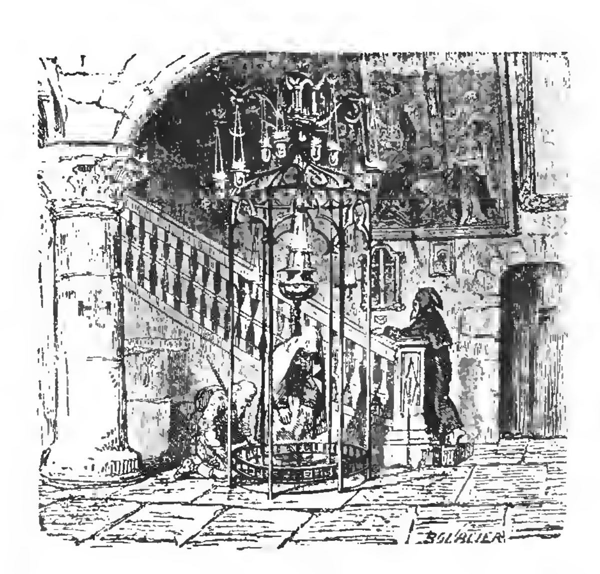

Рис. 5) Святилище храма.

Рис. 7) Греческая часовня въ храмѣ Воскресенія.

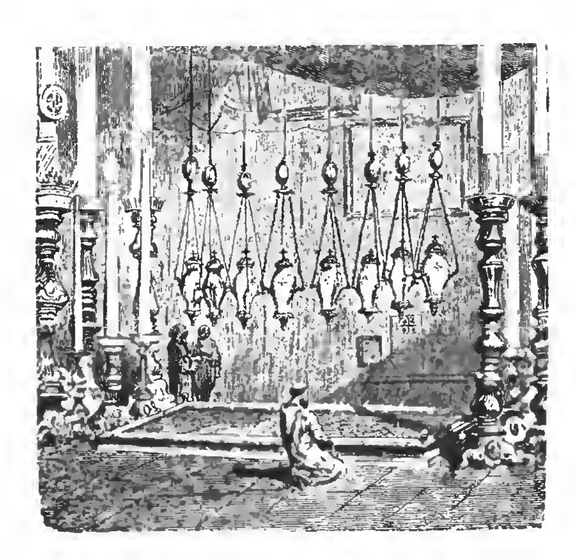
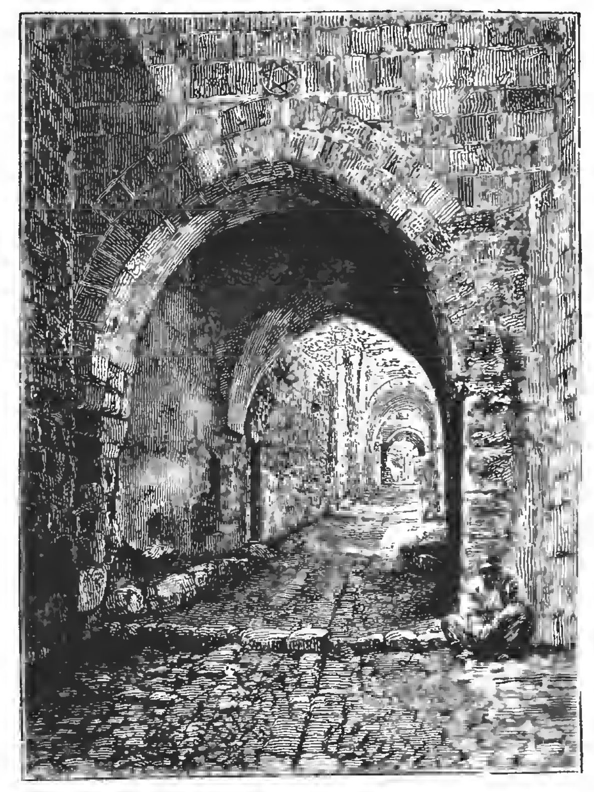

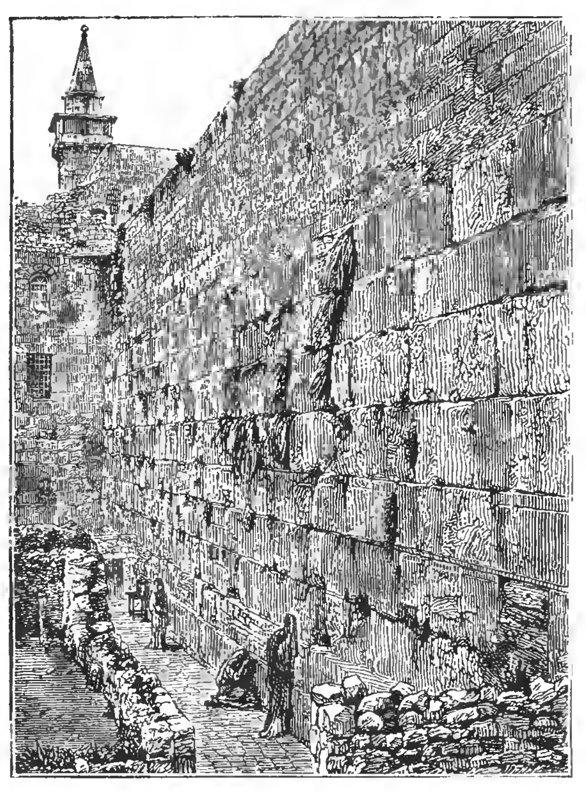
Рис. 9) Внутренній видъ Гроба Господня.

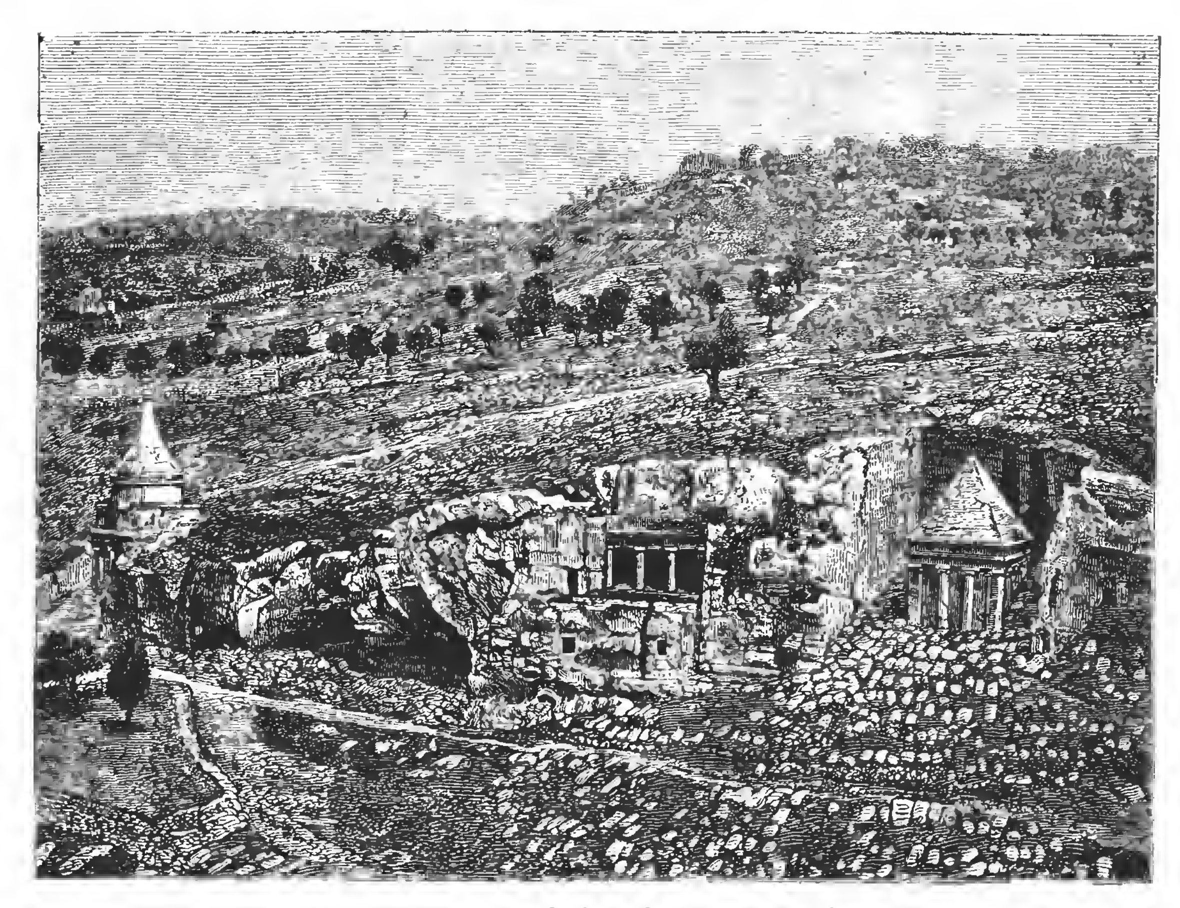
лообразную мечеть, въ которую воспрещенъ доступъ христіанамъ. Далѣе, къ юго-востоку отъ города простирается луговая долина, съ разбросанными на ней купами дубовъ и терпентинныхъ деревьевъ—здѣсь Ангелы возвѣстили пастухамъ о Рождествѣ Христовомъ. Самое мѣсто обнесено стѣной и обсажено

масличными деревьями; посрединѣ устроенъ—какъ предполагаютъ, царицей Еленой—гротъ, въ который спускается около 20-ти ступеней. Внутри—стѣны и полъ сохранили и понынѣ нѣкоторые слѣды прежнихъ великолѣпныхъ украшеній. По преданію—

ные между собой каналами. Замѣтимъ, что вообще окружающая Виѳлеемъ страна богата водой и потому чрезвычайно плодородна и въ изобиліи доставляетъ хлѣбъ, фиги виноградъ, оливки.

Рис. 1) Улица въ Іерусалимѣ.

Рис. 10) Стѣна скорби.

Іосафатова долина. Гробницы Авессалома и Захаріи.

тутъ же Авраамъ соорудилъ Господу алтарь, а Іаковъ жилъ послѣ своего возвращенія изъ Месопотаміи; на окрестныхъ поляхъ Давидъ, еще отрокомъ, пасъ стада своего отца. На Хевронской дорогѣ, въ $1^1/_2$ часахъ отъ Виѳлеема, въ скалистой мѣстности, лежатъ три большіе пруда Соломона, соединен-

Здѣсь кстати прибавимъ—есть данныя, что наука находитъ слѣдъ той чудесной звѣзды, которая указывала волхвамъ путь къ пещерѣ Виѳлеемской. По сближенію чиселъ, установленныхъ по даннымъ евангелистовъ, эта звѣзда появилась именно въ тотъ моментъ, когда послѣдовало соединеніе трехъ боль-

ныхъ планетъ: Юпитера, Сатурна и Марса въ созвѣздіи Рыбъ и на сводѣ небесномъ блистала дивнымъ свѣтомъ.

Знаменитый астрономъ Кеплеръ вычислилъ, что это очень рѣдкое астрономическое явленіе—соединеніе трехъ планетъ въ зодіакѣ Рыбъ—всегда совпадало съ какимъ нибудь важнымъ происшествіемъ и что оно именно произошло въ декабрѣ мѣсяцѣ того года, когда родился Спаситель. По счисленіямъ раввиновъ звѣзда эта явилась также на небѣ и въ ту эпоху когда Моисей освободилъ народъ Божій отъ рабства египетскаго; евреи также, въ виду повторенія необычайнаго явленія, ждали рожденія Мессіи. Вотъ почему ложный мессія, появившійся нѣсколько лѣтъ спустя по смерти Христа Спасителя, принялъ названіе „Bar Cocheba" т. е. сына Звѣзды и велѣлъ выбить на своихъ монетахъ звѣзду съ шестью лучами.

Тиверіада.

Тиверіада (въ Галилеѣ), съ которою соединено столько воспоминаній земной жизни Спасителя, на южномъ берегу Геннисаретскаго озера (называемаго, иногда Тиверіадскимъ), служила, во времена Христа Спасителя, резиденціей намѣстника Ирода, Антипы. Этотъ послѣдній и назвалъ городъ Тиверіадой, въ честь римскаго императора Тиверія. Разрушенная во время іудейской войны, Тиверіада вновь обстроилась и, затѣмъ, послѣ паденія царства, была извѣстна, въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, своею еврейской академіей. Въ эпоху крестовыхъ походовъ Тиверіада считалась крестоносцами однимъ изъ надежнѣйшихъ оплотовъ ихъ противъ сарацинъ, а Танкредъ сдѣлалъ ее, въ началѣ XII столѣтія, столицей образованнаго имъ княжества. 4-го іюля 1187 г., неподалеку отсюда, крестоносцы были разбиты Саладиномъ и пораженіе это тяжко отозвалось на Тиверіадѣ—она была снова разрушена. Въ 1837 году она потерпѣла бѣдствіе землетрясенія и нынѣ насчитываетъ едва 2 тысячи жителей.

Садъ Гевсиманскій.

Садъ Гевсиманскій, близъ Іерусалима—это мѣсто, видъ котораго наполняетъ душу христіанина величайшимъ чувствомъ скорби, съ которымъ соединено одно изъ трогательнѣйшихъ воспоминаній земной жизни Искупителя, теперь совсѣмъ преображено католиками. На нашемъ рисункѣ можно видѣть этотъ невмѣстный съ такими воспоминаніями современный паркъ съ подстриженными аллеями и горшками цвѣтовъ.

Крестный путь на Голгоѳу.

18 столѣтій протекло со дня, въ который Божественный Искупитель нашъ запечатлѣлъ кровью Своей великое ученіе, озарившее человѣчество свѣтомъ истины, открывшее ему иной, новый міръ. 18 столѣтій прошло съ того страшнаго и великаго дня, кровавыя событія котораго такъ живо, такъ ярко представляются нашей мысли, исполняя умъ и сердце глубокою печалью и, вмѣстѣ, безконечнымъ, безграничнымъ чувствомъ любви къ Искупившему... Но чтобы еще яснѣе и во всемъ ея страшномъ величіи востановить въ воображеніи трагическую эпопею страданій Богочеловѣка, надо быть на мѣстѣ, надо шагъ за шагомъ прослѣдить этотъ скорбный путь, который привелъ Господа нашего къ Голгоѳѣ.

Путь этотъ начинается въ восточной части города. Здѣсь тянется длинная, узкая, пустынная улица (рис. 1), какъ бы сдавленная между высокими стѣнами — остатками римскихъ зданій: башни Антонія, дворца Пилата, тутъ же видѣнъ фундаментъ лѣстницы, по которой подымался Христосъ Спаситель. Перенесенная императоромъ Константиномъ въ Римъ, лѣстница—Scala Santa—была помѣщена близъ церкви св. Іоанна Латеранскаго: ея 28 мраморныхъ ступеней давно были бы истерты колѣнями вѣрующихъ, если бы не были обиты толстыми орѣховыми досками, возобновленными уже нѣсколько разъ. Отсюда, пройдя подъ аркадой, понесъ Искупитель крестъ Свой. Подъ палящими лучами солнца, въ пыли, среди ликующей толпы изувѣровъ идетъ Онъ, изнемогая подъ тяжкой ношей. Ему надо сдѣлать около 1400 шаговъ. Край одежды Его влачится по землѣ, одежда придавлена древомъ креста, проводящаго глубокую борозду по дорогѣ. Божественный Страдалецъ падаетъ, по Его Лику изъ-подъ терноваго вѣнца струится кровь... Симонъ Киренеянинъ принимаетъ крестъ съ плеча Спасителя. Мѣсто это (рис. 2) и теперь сохранилось въ томъ видѣ, въ какомъ оно изображено на нашемъ рисункѣ. Христосъ слѣдуетъ далѣе, достигаетъ дома одной бѣдной женщины (Св. Вероника—vera iconica—истинный образъ), она, кускомъ холста, отираетъ Божественный Ликъ—и Ликъ отпечатлѣвается на холстѣ. Шествіе проходитъ подъ темнымъ сводомъ, по каменной лѣстницѣ (рис. 3), развалившіеся уступы которой цѣлы и по нынѣ, затѣмъ оно достигаетъ вратъ (рис. 4) судилища, находившихся, сколько извѣстно, въ концѣ города. Наконецъ—вотъ Голгоѳа. Мѣсто, гдѣ завершились страсти Господа нашего Іисуса Христа, почти все теперь находится подъ зданіемъ храма Воскресенія. Въ минуту восхожденія на вершину горы, Спаситель снова опустился на землю. Здѣсь съ Него сняли одежды, которыя римскіе воины раздѣлили между собой. Небольшая капелла внутри храма (рис. 5) напоминаетъ объ этомъ святотатствѣ. Проникнемъ въ Святилище. Справа лѣстница ведетъ въ высокій, состоящій изъ двухъ строеній придѣлъ. Первая часть придѣла принадлежитъ католикамъ (рис. 6). Христосъ тутъ былъ возложенъ на древо креста и пока молотъ вбивалъ гвозди въ длани Его и ноги, сбѣжавшійся со всѣхъ сторонъ народъ кричалъ Ему: „Спасись же, если Ты, во истину, Царь Іудейскій!"... Другая половина придѣла принадлежитъ грекамъ (рис. 7), купившимъ святилище въ 1660 году за 7 тысячъ цехиновъ; здѣсь былъ утвержденъ крестъ и здѣсь—въ девятомъ часу вечера, когда мракъ спустился уже въ долину—воскликнулъ Онъ: „Эли, Эли, лама савахѳани!" Жажда мучила Его, Онъ спросилъ пить. Ему подали губку, омоченную въ уксусѣ. Вскорѣ, затѣмъ, Спаситель произнесъ: „Отче, въ руцѣ Твои предаю Духъ Мой" и опустилъ главу. „Разверзлись камни!"... У подножія алтаря и теперь остался одинъ изъ разверзшихся камней (см. опять рис. 5), трещина эта (она прикрыта золотой плитой) идетъ—въ противность всѣмъ геологическимъ законамъ—перпендикулярно его наслоенію и, такимъ образомъ, невозможно оспаривать сверхъестественнаго происхожденія ея. На нашемъ рисункѣ видно это мѣсто, огороженное рѣшеткой и увѣшанное лампадами вѣрующихъ. Внизу, тоже почти у самаго входа въ базилику, помѣщенъ камень помазанія (см. рис. 8), сверху накрытый красной мраморной доской, онъ окруженъ серебряными и золотыми лампадами и большими паникадилами. Направимся далѣе, къ срединѣ храма—это путь, которымъ перенесено было, для погребенія, Тѣло Христа Спасителя. Подъ главнымъ, разсѣвшимся сводомъ возвышается небольшая мраморная часовня, украшенная куполами луковидной формы и состоящая изъ двухъ маленькихъ отдѣленій (рис. 9): здѣсь Св. Гробъ. Въ первомъ, ближайшемъ, отдѣленіи находится „камень Ангела"—наименованіе это поясняетъ намъ, что тутъ явился женамъ мѵроносицамъ Небесный посланецъ, возвѣстившій о Воскресеніи Христа. Но мы, нагибаясь, проходимъ въ низенькую дверь и въ тѣсной, узенькой кельѣ—преклоняемся предъ мраморной доской, подъ которой скрыта величайшая святыня христіанства—Гробъ Господень. Внутренность часовни благоухаетъ ароматомъ цвѣтовъ и залита огнями отъ спускающихся съ потолка драгоцѣннѣйшихъ лампадъ, отъ восковыхъ свѣчей, свѣтъ которыхъ разсыпается безчисленными лучами на серебрѣ и золотѣ богато оправленныхъ иконъ.

Нынѣшній Іерусалимъ—сокровищница великихъ, для всего христіанства, воспоминаній. Но что же осталось отъ гонителей? Что же говоритъ намъ теперь о нихъ прошломъ, гдѣ же найдти, въ наши дни, ихъ слѣды въ самомъ средоточіи давно исчезнувшаго царства іудейскаго? „Дщери Іерусалима, не плачьте обо Мнѣ, но плачьте о себѣ самихъ, о дѣтяхъ вашихъ!" произнесъ Христосъ Спаситель, обратившись къ женщинамъ, обливавшимся слезами при видѣ страданій Его. И теперь „дѣти этихъ дщерей плачутъ" о судьбѣ постигшей ихъ народъ, который не съумѣлъ понять „Пришедшаго спасти и обновить". Плачъ этотъ превратился у нынѣшнихъ евреевъ, живущихъ въ Іерусалимѣ, въ обрядъ. Тамъ, среди узкихъ, темныхъ переулковъ, среди бѣдныхъ, полуразвалившихся плоскихъ домовъ, среди сточныхъ ямъ и грудъ камней, высится стѣна, потемнѣвшая отъ времени, покрытая мхомъ и зарослями—это единственный слѣдъ, единственный остатокъ нѣкогда великолѣпнаго Іерусалимскаго храма. Теперь она носитъ названіе „стѣны скорби" (см. рис. 10). Сюда каждую пятницу собираются евреи—мужчины и женщины и громко рыдаютъ они здѣсь по исчезнувшемъ величіи Сіона, громко рыдаютъ они, припадая къ безжизненному, холодному, безотвѣтному камню стѣны.

А надъ Іерусалимомъ, высоко въ голубомъ небѣ, сіяетъ торжественнымъ и кроткимъ сіяніемъ, священная эмблема Искупившаго, эмблема всепрощенія и любви.

Іосафатова долина.

Іудейскій царь Іосафатъ, наслѣдовавшій въ 928 г. до Р. Х. своему отцу, Азѣ, нанесъ рѣшительное пораженіе моавитянамъ и арабамъ въ долинѣ, расположенной между Кедронскимъ источникомъ, Масличнымъ Садомъ и Іерусалимомъ. Долина, въ честь этой побѣды, называется съ тѣхъ поръ „Іосафатовою". Многіе изъ толкователей Священнаго Писанія, основываясь на 2 ст. Іоиля, предполагали, что эта долина должна служить мѣстомъ Послѣдняго Страшнаго Суда, такъ какъ пророкъ говоритъ, что онъ будетъ происходить въ Іосафатовой долинѣ. Но ошибка эта произошла отъ смѣшенія названія долины съ двумя словами, образовавшими слово Іосафатъ: Іегова (Господь Богъ) и „сехафатъ" (судъ)—что и означаетъ Божій Судъ.

Небесный огонь въ Іерусалимѣ.

(Сцена при возжженіи свѣтильниковъ въ храмѣ Гроба Господня).

Въ Іерусалимѣ, въ храмѣ Гроба Господня, круглый годъ горятъ неугасимыя лампады. Въ Великую субботу, при громадномъ стеченіи народа, лампады эти тушатъ, но онѣ скоро возжигаются сами собою. Вѣрующіе говорятъ, что это „свѣтъ святой", „огонь небесный"—и каждый спѣшитъ зажечь свѣчу свою этимъ свѣтомъ и потомъ хранитъ ее какъ святыню.

Что же это за чудесное явленіе? Какія существуютъ о немъ преданія? Что говорятъ о немъ очевидцы?

Преданія о святомъ свѣтѣ, возжигающемся надъ Гробомъ

Господнимъ въ Великую субботу, теряются въ глубокой древности. Полагаютъ, что древнѣйшее преданіе о подобномъ явленіи относится къ концу втораго вѣка. Затѣмъ, въ концѣ девятаго столѣтія, монахъ Бернардъ уже положительно говоритъ о святомъ огнѣ.

„Въ великую субботу“, пишетъ онъ, „наканунѣ Пасхи, на утреннемъ церковномъ служеніи, во храмѣ Гроба Господня, по пропѣтіи *Киріе елейсонъ*, Ангелъ нисходитъ и возжигаетъ лампады, висящія надъ Гробомъ Господнимъ. Патріархъ передаетъ этотъ огонь епископу и наконецъ всему народу, дабы всякій могъ засвѣтить этотъ огонь въ своемъ домѣ“.

Папа Урбанъ II на Клермонтскомъ соборѣ говорилъ народу между прочимъ слѣдующее: „По истинѣ въ этомъ храмѣ (Гроба Господня) опочиваетъ Богъ. въ этомъ храмѣ Онъ за насъ умеръ и былъ погребенъ. Доселѣ не перестаетъ Онъ тамъ являть свои чудеса, ибо во дни Святыхъ Страстей Своихъ, когда всѣ огни погашены надъ Гробомъ Его и во храмѣ, внезапно погашенныя лампады возжигаются. Чье сердце, сколь бы оно ни было окаменѣвшимъ, не смягчится таковымъ явленіемъ?

Современные историки крестовыхъ походовъ пишутъ о томъ же. Наконецъ передъ нами два подробныхъ разсказа, относящихся къ самому началу двѣнадцатаго столѣтія. Это разсказы очевидцевъ: Фулхерія де Шартра (1101 года) и русскаго игумена Даніила. посѣтившаго Святую Землю въ 1113—1115 годахъ. Съ этими любопытными разсказами мы и желаемъ познакомить читателей.

Фулхерій говоритъ, что ежегодно въ Великую Субботу несмѣтная толпа народа собирается въ храмъ Гроба Господня и весь день проводитъ въ молитвѣ, ожидая огня небеснаго. Въ 1101 году, когда Фулхерій присутствовалъ въ храмѣ, огонь небесный очень долго не появлялся. Всѣ ожиданія и усиленныя, горячія молитвы были тщетны. Въ исходѣ девятаго часа Патріархъ взялъ ключи, отперъ двери Гроба Господня и вошелъ туда. Но лампады не зажигались и онъ повергся передъ Святымъ Гробомъ, со слезами моля Бога ниспослать всегда сходившій огонь. Время проходило; огонь не появлялся. Народъ былъ погруженъ въ тяжелое уныніе—стоналъ и плакалъ. Среди рыданій раздавалось пѣніе „Киріе элейсонъ“. Всѣ думали, что это по грѣхамъ собравшихся Господь не посылаетъ Святаго огня и рѣшали въ сердцѣ своемъ исправиться. Враги, по внушеніямъ патріарха, подходили другъ къ другу и примирялись. Наконецъ нѣкоторые изъ присутствовавшихъ стали говорить, что быть можетъ по волѣ Божіей уже никогда не будетъ съ этого времени сходить огонь, такъ какъ прежде чудо это было необходимо въ виду малочисленности христіанъ и злобы язычниковъ, которые немедленно умертвили бы всѣхъ, еслибы святой огонь не сошелъ съ неба. Теперь же для христіанъ нѣтъ уже большой опасности а потому нѣтъ и необходимости въ этомъ чудѣ. Однако такія рѣчи мало успокоивали и велико было смущеніе собравшагося народа.

Наступила ночь. Патріархъ приказалъ всѣмъ выйти изъ храма и разойтись по домамъ или гостинницамъ, для того чтобы на святомъ мѣстѣ не могло остаться, въ комъ либо изъ мущинъ или женщинъ, гнусной скверны, противной Богу или Его святому Дому. Народъ разошелся. Церковь была погружена въ глубокій мракъ—не свѣтилась ни одна лампада, ни свѣча. На разсвѣтѣ снова отовсюду сталъ стекаться народъ, снова вошелъ патріархъ въ Гробъ Господень и вышелъ оттуда со скорбію—святой огонь не возжигался. Тогда клиръ и большая часть народа, Король Балдуинъ и приближенные его, совершили босыми ногами ходъ къ храму Господню (то есть къ Омаровой мечети, построенной на мѣстѣ храма Соломонова и обращенной крестоносцами въ церковь). Здѣсь они снова молились, нѣкоторые доходили до изступленія: терзали себѣ лицо и вырывали волосы, и когда всѣ вернулись къ храму Гроба, Господня патріарху и окружающимъ его было возвѣщено: „что святой огонь, по благости Божіей, уже низшелъ съ неба въ одну изъ лампадъ передъ самымъ Гробомъ Господнимъ и что стоящіе по близости видѣли черезъ оконное отверстіе красноватое его сверканіе“. Услышавъ это, патріархъ радостно поспѣшилъ туда и, отперши дверь Гроба ключами. бывшими у него въ рукахъ увидалъ, что въ лампадѣ дѣйствительно сверкаетъ огонь. Восторженный, онъ упалъ на колѣни, возблагодарилъ Бога, а потомъ зажегъ восковую свѣчу и, выйдя изъ часовни, объявилъ всѣмъ о случившемся. „Услышавъ это, говоритъ Фульхерій, мы вознесли хвалы всемогущему Господу. и очень многіе изъ насъ съ радостію поспѣшили туда, желая видѣть новое чудо. Наконецъ и король и другіе послѣдовали за нами; и когда мы вошли въ церковь, увидѣли тотчасъ, что огонь, о которомъ было сказано, божественною силою возжигается въ другихъ лампадахъ, а народъ толпами стоитъ при каждой зажженной лампадѣ со своими восковыми свѣчами и зажигая или уже зажегши ихъ, прославляетъ Бога гласомъ радованія. Тогда съ сердечною радостью указывая на это, одинъ другому говорилъ: „вотъ, вотъ лампада начинаетъ уже засвѣчиваться“; а другой отвѣчалъ ему: „вотъ и я вижу другую, въ ней уже сверкаетъ пламя; отъ нея то я зажгу свою свѣчу, а ты свою зажигай здѣсь“. Иной говорилъ: „постоимъ возлѣ этой лампады и подождемъ немного, пока явится въ ней огонь. Развѣ не видите, что прочія лампады уже зажглись; и посмотри, какъ показывается дымъ надъ этою лампадою, вотъ сейчасъ покажется и пламя“...

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Фульхерія, во время Страстной недѣли въ Іерусалимѣ находился игуменъ Даніилъ и въ своемъ „Путешествіи по Святой Землѣ“ описалъ тоже явленіе. Даніилъ обратился къ Балдуину. прося разрѣшить ему „поставити кандило свое надъ Гробомъ Господнимъ за вся князи наша и за всю Рускую землю, за вся христіане Рускыя земли“. Балдуинъ, вообще относившійся къ нему весьма милостиво, дозволилъ ему это и онъ тотчасъ же отправился на торгъ, купилъ большую стеклянную лампаду, влилъ въ нее масло и, въ сопровожденіи ключаря, вошелъ въ Гробъ Господень, гдѣ и поставилъ свою лампаду.

Въ Великую субботу къ шести часамъ собралось безчисленное множество людей изъ Вавилона (Каира) изъ Египта, изъ Антіохіи и изо всѣхъ странъ. Тѣснота была великая и въ церкви и около нея, такъ что многіе просто задыхались. Всѣ стояли съ незажженными свѣчами, ожидая когда откроются церковныя двери. Мало по малу на эту безчисленную толпу стало находить молитвенное вдохновеніе и скоро раздались вопли и полились слезы. Самъ Балдуинъ стоялъ со страхомъ и смиреніемъ и источникъ слезъ проливался изъ очей его. Онъ пришелъ къ Гробу Господню босой. Даніилъ стоялъ высоко надъ самыми дверьми Гроба, такъ что могъ все видѣть. Всѣ три двери, ведущія въ гробъ, были закрыты и запечатаны царскою печатью. Два раза епископъ съ діаконами выходилъ изъ большаго алтаря, приближался къ Гробу и, видя что въ немъ темно, возвращался обратно. Народъ молился. Вдругъ отъ Востока надвинулось облако, остановилось надъ непокрытымъ верхомъ церкви. Дождь оросилъ Гробъ Господень и всѣхъ стоящихъ и вмѣстѣ съ этимъ заблисталъ святой свѣтъ во Гробѣ. И тогда пришелъ епископъ съ четырьмя дьяконами, распечаталъ двери Гроба Господня, взялъ свѣчу у Балдуина и, войдя въ гробъ. зажегъ ее отъ святого свѣта; свѣча эта была передана Балдуину. Близь стоящіе зажгли отъ нея свои свѣчи. передавая свѣтъ другъ другу и скоро вся церковь озарилась безчисленными огнями.

„Свѣтъ же святый, говоритъ Даніилъ, нѣсть яко огнь земный, но инако, свѣтится изрядно пламень той его яко киноварь. И тако вси людіе стоять съ свѣщами, горящими и вопіють же вси непрестанно съ радостію великою зѣло и съ весселіемъ, видѣвше свѣтъ святый Божій. Иже бо кто не видѣвъ тоя радости въ той день, то не иметь вѣры сказующему о всемъ томъ видѣніи; обаче вѣрніи добріи человѣци велми вѣруютъ и въ сласть послушаютъ сказанія сего о святыни сей и о мѣстахъ сихъ святыхъ: вѣрный бо въ малѣ и во мнозѣ есть вѣренъ, а злу человѣку истина крива есть. Мнѣ же худому Богъ послухъ есть и святый Гробъ Господень и вся дружина моя Рускыи сынове, и приключилася тогда Ноугородци и Кіяне: Сѣдеславъ Иванковичь, Горославъ Михалковичь, Кашкича два и иніи мнозѣ, иже свѣдають о мнѣ и о сказаніи“ *).

Таковы древніе разсказы о нисхожденіи огня небеснаго въ Іерусалимѣ. Но есть и разсказы новѣйшіе—А. С. Норова напр. помѣщенный въ его „Путешествіи по Святой Землѣ въ 1835 г.“.

„Мы достигли часовни Гроба Господня, говоритъ А. С. Норовъ, среди чуднаго зрѣлища народа, волнующагося или нависшаго со всѣхъ аркадъ и карнизовъ. Въ часовню Гроба Господня вошли за митрополитомъ только одинъ изъ греческихъ епископовъ, архіерей армянскій (недавно получившій на это право), русскій консулъ, прибывшій изъ Яфы, и мы трое русскихъ путешественниковъ. За нами затворились двери. Никогда не угасающія лампады надъ Гробомъ Господнимъ были уже потушены; одно слабое освѣщеніе проходило къ намъ изъ храма сквозь небольшія боковыя отверстія часовни. Эта минута торжественна: волненіе въ храмѣ утихло; все исполнилось ожиданія. Мы стояли въ придѣлѣ Ангела, передъ отваленнымъ отъ вертепа камнемъ; одинъ только митрополитъ вошелъ въ вертепъ Гроба Господня.

Я уже сказалъ. что входъ туда не имѣетъ дверей. Я видѣлъ. какъ престарѣлый митрополитъ, склонясь предъ низкимъ входомъ, вошелъ въ вертепъ и повергся передъ Святымъ Гробомъ, на которомъ ничего не стояло и который былъ совершенно обнаженъ. Не прошло минуты, какъ мракъ озарился свѣтомъ и митрополитъ вышелъ къ намъ съ пылающимъ пукомъ свѣчей“,

Разсуждая объ этомъ явленіи, Норовъ говоритъ, что нѣкоторые католическіе писатели увѣряютъ, будто спрятанный заранѣе въ пещерѣ Гроба Господня арабъ-христіанинъ зажигаетъ лампаду при вступленіи туда митрополита. „Но если бы что либо подобное могло быть, прибавляетъ онъ,—то конечно бы я, частный путешественникъ, не былъ бы допущенъ въ святилище“.

---

*) О нисхожденіи небеснаго огня въ Іерусалимѣ упоминается также въ путешествіяхъ: іеродіакона Зосимы (1420 г.), Коробейникова и Грекова (1582 г.), Арсенія Суханова (1652 г.)

Возвращеніе отъ заутрени въ ночь на Свѣтлое Воскресенье.

(Къ рисунку г. Васильева).

Обычная картина, повторяющаяся во всѣхъ уголкахъ нашего отечества въ ночь на Свѣтлое Воскресенье. Съ довольными, свѣтлыми лицами, плетутся по домамъ всѣхъ сортовъ и сословій жители, при чемъ многіе собственноручно тащатъ въ завязанныхъ платкахъ освященный куличъ, пасху и яйца. Востокъ уже бѣлѣетъ, ночь стала короче къ апрѣлю, весеннимъ воздухомъ попахиваетъ все чаще и чаще, послѣ зимы какъ-то легче дышется. Въ эту ночь всегда какъ-то явственно чувствуется близость весны, обновленія, оживленія природы: оттого и лица такъ свѣжи, довольны... Кто не знаетъ какъ весна живитъ человѣка, какъ манитъ его вдаль, какъ заставляетъ забывать многое, что отняла у него зима... А тутъ еще этотъ веселый трезвонъ, да не одной или двухъ церквей, а сорока сороковъ — какъ въ Москвѣ напримѣръ... Какъ не поддаться общему чудному впечатлѣнію, не ощутить себя празднично, легко и весело...

Политическое обозрѣніе.

Восточная Румелія.—Волненіе въ Македоніи.—Уменьшеніе состава турецкой арміи.—Королева Викторія и ея поѣздка въ Италію.

Въ настоящую минуту много говорятъ о благопріятномъ исходѣ переговоровъ между Британіей и Россіей относительно тѣхъ мѣръ, которыя должны быть приняты въ Восточвой Румеліи по выступленіи изъ нея русскихъ. Уже давно ходилъ слухъ о проектѣ смѣшаннаго европейскаго занятія этой провинціи и хотя положительнаго на этотъ счетъ еще ничего не извѣстно, повидимому, однако, вопросъ объ проектѣ скоро долженъ выступить на первый планъ. Россія, какъ передаютъ, разослала по этому предмету циркуляръ, съ изложеніемъ предложенія; а Британія, бывшая противницей его во время константинопольской конференціи, на этотъ разъ согласилась войдти въ переговоры. Увѣряютъ даже, будто проектъ уже одобренъ всѣми державами, взявшимися, за исключеніемъ Германіи и Франціи, выполнить его сообща. Какъ бы то ни было—можно сказать почти съ несомнѣнною достовѣрностью, что вопросъ объ оккупаціи, въ такомъ видѣ, составляетъ предметъ обсужденія и сношеній государствъ, тѣмъ болѣе, что Европа (конечно,—не вся) приходитъ къ убѣжденію, что необходимо предпринять что либо для утвержденія порядка на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ Македоніи продолжаются безпокойства. Здѣсь, кстати, разскажемъ въ двухъ словахъ, внѣшнюю, такъ сказать, исторію этого возстанія. Начало его относится къ августу 1878 г. Въ Софіи, въ то время, былъ организованъ центральный комитетъ, куда стекались довольно значительныя суммы изъ различныхъ мѣстныхъ комитетовъ въ Болгаріи, Румеліи и Македоніи. Предводителемъ военныхъ силъ возстанія былъ избранъ нѣкто Калмыковъ, а начальниками отдѣльныхъ отрядовъ сербы Панте Вельковичъ и Срешковичъ, черногорецъ Петро Божковичъ. Мѣрославъ Губмайеръ, извѣстный еще со времени герцеговинскаго возстанія, полякъ Вуйковичъ и болгары: Дѣдо Илья, Анастасъ Хаджи Коста, Трзія и многіе другіе. Вуйковичъ былъ разбитъ со своею четою, при Разлогѣ, и взятъ въ плѣнъ, единства у другихъ оказалось мало. движеніе пріостановилось и предводители были разосланы русскими властями по различнымъ мѣстностямъ, по большей части Придунайской Болгаріи, одинъ только Губмайръ, который, отчасти, можетъ считаться австрійскимъ подданнымъ, остался нетронутымъ и проживалъ свободно въ Васильевѣ-Градѣ. Хотя комитетъ въ Софіи и былъ распущенъ, но всѣ ожидали возобновленія дѣйствій съ наступленіемъ весны, въ мартѣ или въ апрѣлѣ. Ожиданія оправдались. Софійскій инсурекціонный комитетъ превращенъ въ благотворительный комитетъ, въ Васильевѣ - Градѣ учреждено временное македонское правительство, въ которомъ представителями центральнаго комитета состоятъ епископъ Озрадскій и членъ Софійскаго комитета Стамбуловъ; во всѣхъ мѣстностяхъ Македоніи, Румеліи и Болгаріи, гдѣ только населеніе говоритъ на болгарскомъ языкѣ, образуются мѣстные комитеты подъ названіемъ „Единство", повсюду разсылаются

(Продолженіе на стр. 277, 278, 279 и 280).

Сцена у Гроба Господня при возжженіи свѣтильниковъ. въ Іерусалимѣ.

агенты для сбора пожертвованій и для доставки ихъ въ Софію. Калмыковъ, бѣжавшій изъ мѣста временнаго водворенія своего, прибылъ, какъ слышно, въ лагерь инсургентовъ близь Кюстендиля, а Губмайръ, согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, уже двинулся во главѣ одного, довольно значительнаго отряда инсургентовъ (переправившагося чрезъ границу Македоніи на западъ отъ Кюстендиля) въ долину Кривой Рѣки, въ округа Эгри-Паланка и Карашаво, съ цѣлью поднять возстаніе въ этихъ мѣстностяхъ.

Большинство болгарскаго національнаго собранія рѣшило окончить обсужденіе болгарскаго уложенія еще до наступленія (греческаго) праздника Пасхи. Къ македонскимъ депутатамъ, намѣревавшимся уѣхать отсюда 2-го апрѣля, обратились съ приглашеніемъ отложить ихъ отъѣздъ до избранія князя, которое, предполагаютъ—состоится между 15-мъ и 20-мъ апрѣля. Экзархъ согласился предоставить болгарамъ въ Добруджѣ особое церковное управленіе.

Порта замышляетъ значительное уменьшеніе своей арміи и, для осуществленія этого намѣренія, полагаетъ начать съ распущенія резервнаго ландвера (мустегафизъ), входящаго въ со-

Къ портрету.

Есть сердцу нашему, есть красота родная
Сынъ Сѣвера призналъ своей любви законъ:
Любовью чистою таинственно сгарая,
Кумиръ божественный лелѣетъ свято онъ.

Красавицъ сѣверныхъ онъ любитъ безмятежность,
Чело ихъ, чуждое язвительныхъ страстей,
И свѣжесть ихъ лица и плечь ихъ бѣлоснѣжность,
И пламень голубой ихъ дѣвственныхъ очей.

Онъ любитъ этотъ взглядъ, въ которомъ нѣтъ обмана,
Улыбку свѣжихъ устъ, въ которыхъ лести нѣтъ,
Величье стройное ихъ царственнаго стана
И чистой прелести ненарушимый цвѣтъ.

Онъ любитъ ихъ рѣчей и ласкъ неторопливость
И въ шумѣ свѣтскихъ игръ примѣтныя едва,
Но сердцу внятныя: чувствительности живость
И чувства полныя, немногія слова...

Кн. П. А. Вяземскій *).

*) Въ настоящее время готовится роскошное изданіе стихотвореній покойнаго поэта, котораго портретъ и подробная біографія помѣщены въ „Нивѣ“ прошлаго года № 49.

ставъ арміи, сосредоточенной близъ Константинополя: съ этою цѣлью министерство финансовъ заключило съ оттоманскимъ банкомъ краткосрочный заемъ въ 165 тысячъ турецкихъ лиръ. Общее число турецкихъ войскъ, находящихся еще подъ ружьемъ въ разныхъ частяхъ имперіи, доходитъ до 200 тысячъ, изъ нихъ предполагается распустить сначала около 40 тысячъ, а, затѣмъ, если переговоры съ Австро-Венгріей кончатся миролюбиво, то будетъ приступлено и къ дальнѣйшему уменьшенію арміи. Но дѣло въ томъ, что эти переговоры до сихъ поръ мало обѣщаютъ хорошаго для Порты. Ходитъ слухъ, будто Вѣнскій кабинетъ далъ срокъ Портѣ до 1-го мая для соглашенія по вопросу о занятіи Новаго-Базара. По истеченіи этого срока, Австрія признаетъ себя въ правѣ дѣйствовать какъ ей заблагоразсудится и займетъ Новый-Базаръ, какъ она заняла Герцеговину и Боснію. Вдобавокъ, поговариваютъ снова о возможности министерскаго кризиса въ Константинополѣ, такъ какъ положеніе Хейреддина-Паши снова шатко. Вѣроятнѣе всего, что удачный заемъ упрочитъ за нимъ постъ великаго визиря.

Королева Викторія выѣхала уже и, на дняхъ была въ Парижѣ. Начавшіеся, было, переговоры между британо-индійскимъ правительствомъ и Якубъ-ханомъ прерваны новымъ Кашгарскимъ эмиромъ и британскія войска направляются на Кабулъ. *Для характеристики настроенія общественнаго мнѣнія индусовъ* замѣтимъ, что Бенгальская газета „Шошъ-Прокошъ“ подверглась предостереженію за статью, въ которой британское правительство упрекается въ жадности и намѣреніи подчинить себѣ Авганистанъ, подобно тому, какъ это было сдѣлано съ индійскими государствами...

Германское правительство предполагаетъ образовать изъ Эльзаса и Лотарингіи особое намѣстничество; о томъ, въ какомъ видѣ предположеніе это будетъ, по слухамъ, приведено въ исполненіе, мы поговоримъ впослѣдствіи, а теперь закончимъ наше обозрѣніе извѣстіемъ о томъ, что король Гумбертъ даровалъ Пассаменте жизнь, замѣнивъ смертную казнь пожизненными каторжными работами.

Новое изобрѣтеніе.

Лица, живущія въ глухихъ мѣстахъ, откуда за всякими пустяками надо посылать въ городъ или дѣлать большой запасъ, особенно могутъ оцѣнить изобрѣтеніе, подобное тому, изображеніе котораго здѣсь помѣщается. Это—чернильница Якобсона. Внутри

Чернильница Якобсона.

ея помѣщена чернильная масса, на которую при надобности нужно только налить очень немного воды—и прекраснѣйшія чернила готовы. Массы этой хватитъ лѣтъ на 5 самаго прилежнаго, ежедневнаго употребленія. Можно пріобрѣсти чернила фіолетоваго, пунцоваго или чернаго цвѣта и иныя; чернильницы самыхъ разнообразныхъ и красивыхъ формъ. Особенное удобство —это помѣщеніе для пера послѣ писанія, помѣщеніе изъ котораго перо вынимается совершенно вытертымъ, чистымъ и какъ бы совершенно новымъ.

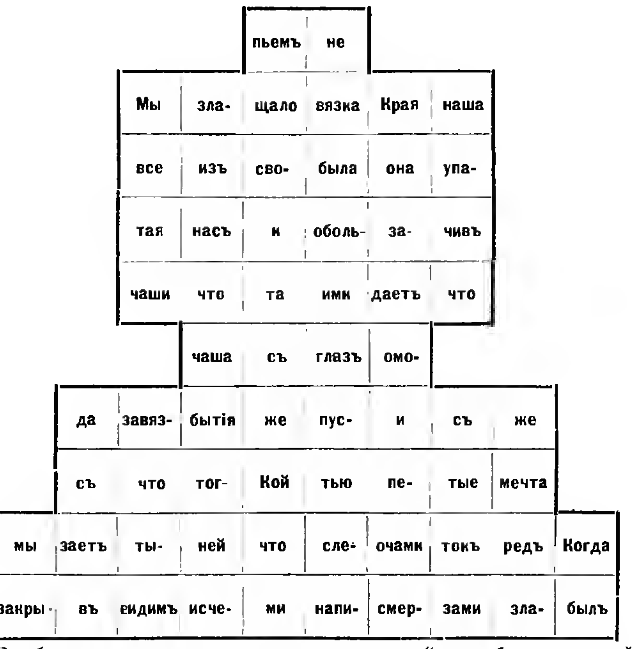
Ариѳметическая задача.

Пудовикъ (40 ф.) разбился на такія четыре части, посредствомъ которыхъ можно взвѣшивать одинъ фунтъ, два, три и т. д. до 40 фунтовъ. Какъ велики именно эти части?

Задача.

Отецъ оставилъ своимъ четыремъ сыновьямъ и дочери землю, границы которой имѣютъ очертаніе квадрата, пространствомъ въ 64 □ десятины. Отецъ желалъ, чтобы землю раздѣлили дѣти его слѣдующимъ образомъ: дочери слѣдовало отдѣлить четвертую часть всей земли, т. е. 16 □ десят., остальные 48 □ десят. сыновьямъ, съ условіемъ, однако, чтобы эти части не только походили одна на другую по *величинѣ* и по *очертанію*, но чтобы кромѣ того части троихъ сыновей, граничили бы съ полемъ сестры съ двухъ сторонъ. Требуется начертить планъ такого раздѣла.

Ходъ коня.—Задача № 1.

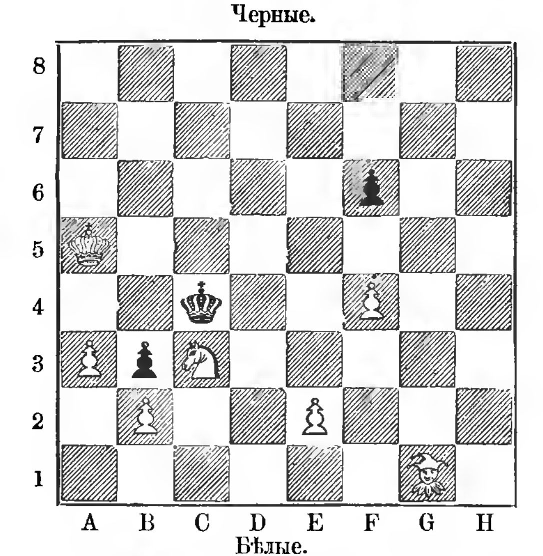
				пьемъ	не				
		Мы	зла-	щало	вязка	Края	наша		
		все	изъ	сво-	была	она	упа-		
		тая	насъ	и	оболь-	за-	чивъ		
		чаши	что	та	ими	даетъ	что		
			чаша	съ	глазъ	омо-			
	да	завяз-	бытія	же	пус-	и	съ	же	
	съ	что	тог-	Кой	тью	пе-	тые	мечта	
мы	заетъ	ты-	ней	что	сле-	очами	токъ	редъ	Когда
закры-	въ	еидимъ	исче-	ми	напи-	смер-	зами	зла-	былъ

На будущее время, задачи „ходъ коня“ мы будемъ помѣщать, для большей сложности не только въ шахматномъ квадратѣ, но и въ фигурахъ, имѣющихъ различныя очертанія.

Шахматная задача № 10.

Ю. Грюнберга.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ въ 3 хода.

Рѣшеніе ариѳметической задачи. въ № 12

1-му ребенку	5	лѣтъ	9	мѣсяцевъ	6	дней
2	„	4	года	8	„	6	„
3	„	3	„	7	„	6	„
4	„	2	„	6	„	6	„
5	„	1	„	5	„	6	„

18 лѣтъ
Матери 36 „
Отцу 46 „
100 лѣтъ

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: по 24 марта 1879 г. СПБ. отъ гг. Макнамари, О. Логиновой, А. М. Р., С. К—въ, М. В—з—ъ, А. А., В. Сергѣевичъ, Пески 7 ул., Г. Богданова, П. Ф. Э., Б. и С. Матюкевича, Ф. Федорова, П. Ф. Михѣева, Н. Нов—ова, П. П. Халяева, А. Экенберга, В. А. Пашутина, Е. Д., А. Т. Сабакина, Ф. Жукова, Я. Филипова, Гимназиста-классика, Теполова, Верховцева, Р. Е. Г., М. А. П., А. К. Дутк—го, Е. По икарпова, М. Городецкаго, Я. С. Гольдблатъ, К. А. Лянина, Н. Сергѣева. **Москва:** отъ гг. Александрова, Н. Посохина, Н. Чувѣлева, П. Трубецкаго, Носкова. Я. В. Зимина, Э. Келвва, П. П. Королева, Н. А. Жукова, Н. Кротова, Н. Жуковой, М. Шліома, Свящ. Г. Скворцова, С. Пашкова, Н. В. У., Н. Нѣмова, С. Любомудрова, Н. Черкасова, Емельянова, Максимова, А. Н. К., Свѣшникова, А. Зе...щ...а, Сапѣгина, Сѣ—р—ова, Полетаева, **г. Ковно:** г. Иванова, Мультянскаго, **ст. Лисино:** г. Пилигина.—**г. Островъ:** отъ учениковъ: А. Пержхайло, П. Боккура, Н. Кристмана, А Яковлева, Н. Ларіонова.

Рѣшеніе шахматной задачи въ № 5.

Бѣлые.	Черные.
1) Е 2 — Е 4.	1) Какъ угодно.
2) Конь даетъ матъ.	

Рѣшеніе шахматной задачи № 8.

Бѣлые.	Черные.
1) D 4—A 1	1) Какъ угодно.
2) Ферзь D 1—F 3†	2) Король D 3—D 2
3) A 1—C 3††	

РЕБУСЪ.

Рѣшеніе ребусовъ.

Въ № 2. Девять вѣковъ тому назадъ, еще при Олегѣ, русскіе близко такъ были возлѣ Константинополя, какъ въ эту войну.

Въ № 4. Деньги принесутъ покой только тому человѣку, которому хорошо знакома сила ихъ назначенія.

Въ № 5. Бѣдному и грошъ дорогъ.

Въ № 6. Чума — бичъ Провидѣнія: не забывайте санитарныя мѣры.

Въ № 11. Лихая жена хуже чумы.

Въ № 12. Бѣдность не порокъ, но хуже порока.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Гжатсиъ. Н. М—мову. Не можетъ быть помѣщено.

Москва. И. Х. Относительно „произведеній вашего сердца, которыя вы сочиняете по капризу непокорнаго ума" не можемъ исполнить вашего желанія и „даромъ".

Кострома. Р. Е. Спб. Вл. См. Не будетъ помѣщено.

Г-ну А. В—илину. Не одинъ разъ случалось уже что, подобно вамъ, доставляютъ чужое, уже напечатанное, за свое, вѣроятно въ разсчетѣ, что не можетъ редакторъ знать всѣхъ стиховъ какія были и выдастъ вознагражденіе. Мы знаемъ случай когда одинъ получилъ деньги за стихи покойнаго Никитина. Стихи принесенные вами принадлежатъ двумъ современнымъ поэтамъ хотя, дѣйствительно, маловзвѣстнымъ.

NN. Вы пишете безъимянныя письма, но этому мы вамъ и не отвѣчаемъ. Всего что вы упоминаете нельзя помѣстить вдругъ, по размѣру журнала: все будетъ въ теченіи года.

Бахмутъ. Г. Федо—ову. Мы нисколько не сомнѣваемся что у васъ есть еще много стиховъ и что вы ихъ можете прислать. Но судя по присланному—это будетъ лишній почтовый расходъ.

Москва. Н. Н. М—нову. Вамъ придется дать отвѣтъ также неудовлетворительный Вы напр. говорите:

Льютъ цвѣты благоуханье
Въ свѣжій воздухъ, къ небесамъ
Человѣкъ въ очарованьи
Самъ прольетъ Творцу созданья
Здѣсь молитвы фиміамъ.

У васъ все льется и проливается, даже *фиміамъ*, то есть дымъ, который литься уже никакъ не можетъ.

Спб. Ш—бинъ.

Когда весной такъ чудно *зеленѣетъ*
Весь Божій міръ....

Не весь же однако *зеленѣетъ*...

А. Ш. „Какъ видите правописанія въ моихъ стихотвореніяхъ нѣтъ, пишете вы, потому прошу поправить". Дѣйствительно нѣтъ и другого ничего тоже нѣтъ. Что касается сотрудничества, то безъ „правописанія" оно будетъ все таки неудобно.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

При этомъ № для гг. городскихъ подписчиковъ прилагается приглашеніе къ пожертвованію отъ Косинской Свято-Николаевской церкви.

Дозволено цензурою СПБ. 28 Марта 1879 г. Типографія А. Маркса, ... № 10.

№ 15 — 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6-10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.)
Выданъ 9 Апрѣля 1879 г. И ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Яркандскіе купцы. Рис. Мате, грав. Бертранъ.

Наша среднеазіатская граница. Кашгаръ.

(Окончаніе *).

Изъ общаго гула на улицахъ часто выдѣляются громкіе выкрики разносчиковъ, торговцевъ; одни изъ нихъ катятъ предъ собой тачки, установленныя всевозможною мелочью, другіе на лоткахъ предлагаютъ различныя мѣстныя произведенія, а также фрукты, печенья, продавцы рыбы разносятъ свой товаръ, обыкновенно какъ это дѣлаютъ въ Индіи,—въ корзинахъ, которыя поддерживаются продѣтыми сквозь ихъ ушки гибкими жердями, набрасываемыми на плеча торговца въ видѣ коромысла, такимъ же образомъ разносятъ и воду, продавасмую въ ведрахъ на улицахъ; иногда одно большое ведро несутъ двое. Собственно серьезная, солидная торговля сосредоточивается въ устроенныхъ для того, особыхъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга, базарахъ. Главный изъ нихъ состоитъ изъ большаго двора, внутри котораго расположено болѣе 20-ти помѣщеній, предназначенныхъ для товаровъ. Одинъ изъ европейскихъ путешественниковъ послѣдняго времени, замѣтилъ слѣдующую особенность въ самой, такъ сказать процедурѣ торговли. „Въ то время, разсказываетъ онъ, когда мы находились въ лавкѣ одного суконщика, объяснившаго намъ, съ большой охотой, устройство своихъ вѣсовъ, туда вошелъ какой-то туземецъ: онъ немедленно же вмѣшался въ разговоръ и началъ давать намъ—хотя его и не просили—подробнѣйшія разъясненія. Новоприбывшій оказался „посредникомъ“ между продавцемъ и покупателемъ—„совершенно своеобразная, свойственная странѣ, профессія“ говоритъ авторъ, но вѣроятно этотъ посредникъ просто понадобился, такъ какъ авторъ иностранецъ.

По словамъ того же путешественника, въ характерѣ народа онъ замѣчалъ много веселости и добродушія. Между прочимъ, разсказчикъ присутствовалъ при одной туземной игрѣ, носящей названіе „оглакъ“. Вотъ что онъ передаетъ о ней. Къ мѣсту, назначенному для игры собираются всадники. На землю бросаютъ зарѣзанную обезглавленную козу и участвующіе въ состязаніи на всемъ скаку стараются поднять ее, не падая съ лошади. Вотъ несутся они, одинъ за другимъ, держась одной рукой за сѣдло и одной ногой въ стремени и стараясь свободной рукой схватить добычу. Вокругъ послѣдней, обыкновенно толчется шумная толпа зрителей, громко выражающая порицаніе или одобреніе. Наконецъ—одинъ изъ удальцовъ успѣлъ подхватить козу. Онъ быстро оправился въ сѣдлѣ и помчался дальше. За нимъ гонятся остальные; онъ увертывается отъ нихъ. Его нагнали, и уже двое или трое хватаютъ изъ его рукъ козу, но—крѣпко притиснувъ ее ногой къ сѣдлу, онъ отбивается отъ соперниковъ и продолжаетъ скакать. Группа участниковъ состязанія долго носится такимъ образомъ, пока не разсѣется по всему полю. Въ этомъ случаѣ, добыча принадлежитъ первому, кто ее поднялъ. Но, часто, игра опять возобновляется—снова со всѣхъ сторонъ слетаются всадники къ одному пункту—побѣдителю и силятся отнять козу. Иные протянувшись къ добычѣ кажется, какъ будто висятъ на воздухѣ, обнаруживая необыкновенную ловкость и, вмѣстѣ, своего рода грацію. Вотъ, вотъ—кажется одинъ уже упалъ, но одно легкое почти незамѣтное движеніе, и—онъ снова твердо сидитъ въ сѣдлѣ, точно приросъ къ лошади. Иногда, преслѣдуемый, видя что ему не уйти отъ противниковъ, съ силой бросаетъ свой призъ подъ ноги скачущихъ за нимъ лошадей, чтобы заставить которую нибудь упасть. Игра эта, представляющая не мало опасности, оканчивается признаніемъ побѣды за тѣмъ, кому удастся удержать козу дольше всѣхъ“.

Приблизительно, въ 7-ми дняхъ пути отъ Ярканда, главный административный центръ края, бывшая столица низверженнаго эмира Якубъ-бека, Кашгаръ. Городъ этотъ меньше Ярканда (3 мили въ окружности). Какъ и всѣ города тамъ, онъ выстроенъ также преимущественно изъ глины и обнесенъ широкой глиняной стѣной; вдоль стѣны, на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, большія четырехугольныя башни. Кашгаръ расположенъ на рѣкѣ Кизилъ-су (Красная рѣка), обходящей его, съ сѣвера и юга, двумя рукавами, чрезъ которые построено два прочныхъ деревянныхъ моста. Неподалеку отъ нынѣшняго города, видны развалины древняго Кашгара. Къ какой эпохѣ относятся эти величественныя сооруженія—трудно опредѣлительно сказать, такъ какъ свѣдѣнія объ этомъ весьма сбивчивы, между 500 и 2000 л. до нашего столѣтія. Судя по развалинамъ, можно предполагать, что городъ былъ очень великъ и окруженъ громадными укрѣпленіями. Если вѣрить мѣстной легендѣ, Тамерланъ тщетно осаждалъ его впродолженіи цѣлаго года, не будучи въ состояніи пробить толстыя стѣны. Городъ сдался только тогда, когда были отведены воды Кизила. По осажденные успѣли, при помощи хитрости, спастись отъ гнѣва завоевателя: увидѣвъ, что дальнѣйшая оборона невозможна, они привязали къ верблюду огромный барабанъ; животное, таская его за собою по опустѣвшимъ улицамъ производило страшный шумъ, заставившій монголовъ предположить, что къ защитникамъ осажденнаго города прибыли подкрѣпленія съ южной стороны. Только тогда, когда верблюдъ, изнеможенный отъ голода, остановился и перестать шумѣть барабаномъ, монголы рѣшились вступить въ крѣпость, но—тамъ уже никого не было, жители, обманувъ непріятеля, бѣжали всѣ до единаго. Таково народное преданіе о паденіи древняго Кашгара.

Якубъ-бекъ жилъ не въ самомъ городѣ, а въ особой цитадели, называвшейся, (какъ и въ Яркандѣ) Янги-Шааромъ—видъ ея изображенъ на приложенномъ рисункѣ. Якубъ-бекъ былъ человѣкъ несомнѣнно замѣчательный. Онъ родился, въ 1820 г., въ простой, но почтенной семьѣ. Отецъ его, весьма уважаемый согражданами человѣкъ, переселился изъ Персіи въ Коканъ, гдѣ занималъ скромную должность кази, въ маленькомъ городкѣ Пишкентѣ. Якубъ, какъ старшій сынъ, былъ предназначенъ отцомъ къ духовной карьерѣ и отданъ на воспитаніе мѣстнымъ мулламъ, но пылкій, смѣлый, предпріимчивый обладавшій значительной физической силой, молодой человѣкъ, хотя и усвоилъ себѣ основательное знаніе корана и проникся мусульманскимъ фанатизмомъ — предпочелъ, однако, карьеру военную. 25-ти лѣтъ отъ роду, онъ уже командовалъ отрядомъ въ 500 ч. Въ 1847 году ему было поручено защищать противъ русскихъ крѣпостцу Акъ-Мушидъ на Аму-Дарьѣ, но которую онъ вынужденъ былъ сдать, уже въ 1857 году. Послѣдующія событія въ Кашгарѣ выдвигаютъ его на болѣе широкую сцену. Нѣкогда страна эта находилась подъ властью династіи среднеазіатскихъ хановъ Коджей. Китайцы, овладѣвъ Кашгаромъ въ 1765 г., безпрепятственно, въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, господствовали надъ мѣстнымъ населеніемъ, состоявшимъ, по большей части, изъ магометанъ-дунганъ и управлялись съ ними жестоко. Въ 1859 году дунгане внезапно возмутились, перерѣзали множество буддистовъ, выгнали китайскихъ правителей и организовали свое собственное управленіе. Народъ былъ, по преданію, вѣренъ фамиліи Коджей, и старшій изъ живыхъ представителей этого рода, потомокъ Тамерлана, Бузургъ-ханъ, рѣшился возвратить себѣ престолъ и владѣнія своихъ предковъ. Въ 1865 году, вознамѣрившись вторгнуться въ Кашгаръ, еще продолжавшій бороться съ китайцами, Бузургъ предложилъ Якубу взять на себя предводительство надъ небольшимъ отрядомъ, который ему удалось собрать для своей экспедиціи. Эта „армія“ насчитывала въ своихъ рядахъ только человѣкъ 70, но поддержанная общимъ сочувствіемъ дунганъ, быстро возросла въ числѣ и дѣйствовала потомъ побѣдоносно. Едва только Бузургъ появился въ Кашгарѣ, народъ немедленно же призналъ его своимъ властителемъ. Однако, чтобы окончательно упрочиться въ Кашгарѣ, Бузургу надо было окончательно сломить китайскихъ буддистовъ. Это было возложено на Якубъ-бека. Облеченный высшей военной властью, онъ объявилъ себя аталыкомъ-гази, т. е. защитникомъ вѣры и вѣрующихъ, увеличилъ свое войско, быстро покончилъ съ буддистами, затѣмъ снискалъ расположеніе дунганъ, что было довольно трудно ему, какъ коканцу и даже ввелъ обязательную воинскую повинность въ странѣ. Въ концѣ концовъ онъ уже сталъ сильнѣе своего повелителя, Бузургъ-хана и объявилъ себя, въ концѣ 1865 г., эмиромъ Кашгара. Бузургъ бѣжалъ. Но тяжела была Якубъ-хану „шапка Коджей“ Съ неимовѣрной быстротой и замѣчательной военной удачей поборовъ враговъ на поляхъ битвъ, онъ, во все время своего 12-ти лѣтняго управленія страной, былъ вынужденъ продолжать борьбу съ внутренними врагами—значительнѣйшею частью населенія—дунганами, видѣвшими въ немъ узурпатора и съ буддистами - китайцами, помнившими его суровую расправу; вмѣстѣ съ тѣмъ ему приходилось быть постоянно на сторожѣ и относительно двухъ громадныхъ имперій, сдавливавшихъ, такъ сказать, небольшое его владѣніе—Китайской Имперіи и Россіи. Съ одной стороны онъ хорошо зналъ, что китайцы воспользуются первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы возвратить себѣ потерянную провинцію, съ другой — русскія войска, русская власть стояли на границѣ и тамъ падало одно ханство за другимъ. Неутомимый, энергичный, одаренный замѣчательнымъ умомъ, Якубъ самъ входилъ во все, все держалъ въ своей сильной рукѣ, стремясь организовать какъ могъ, со своими небольшими средствами, государство. Но, къ несчастію этого человѣка, все, что его окружало, было гораздо ниже его, никто изъ близко стоявшихъ къ нему не могъ быть ему помощникомъ. Онъ могъ полагаться на преданность очень немногихъ лицъ и часто долженъ былъ поручать разныя должности своимъ врагамъ—буддистамъ, такъ какъ прибывшіе съ нимъ коканцы не отличались административными способностями.

Мы уже сказали выше, что онъ жилъ не въ городѣ, а за городской чертой, въ цитадели и одно это уже указываетъ, какъ онъ ожидалъ ежедневно опасности для себя. Единственная его сила, на которую онъ опирался, была сила нравственнаго порядка, громадный авторитетъ, пріобрѣтенный имъ въ среднеазіатскомъ мусульманскомъ мірѣ, который смотрѣлъ на него какъ на своего вождя, но—въ его собственномъ государствѣ исламъ не былъ силенъ въ народѣ, въ которомъ китайское владычество развило, въ извѣстной степени, религіозный индифферентизмъ. Въ своей внѣшней политикѣ Якубъ-ханъ созна-

*) См. Нива № 12.

валъ, что ему выгоднѣе дружить съ Россіей, чѣмъ ссориться съ нею, но, въ то же время, онъ не желалъ подпускать ее близко и поэтому употреблялъ всѣ усилія, чтобы русскіе не знали ни настоящей его силы, ни слабыхъ сторонъ его. Успѣхи китайцевъ, однако, доказали, что силенъ онъ не былъ, не смотря на всю выказанную имъ неутомимость и энергію въ устройствѣ ханства. Въ августѣ 1876 г. китайская армія, численностью въ 60 тыс. человѣкъ, начала кампанію взятіемъ Урумзи. Въ сентябрѣ они аттаковали Манасъ; Дунганы держались стойко, но китайцы, хитростью выманивъ ихъ изъ города, избили всѣхъ, подвергнувъ жесточайшимъ мученіямъ. Якубъ-ханъ поспѣшилъ на встрѣчу имъ. Встрѣча главныхъ силъ произошла въ началѣ 1877 года. Якубъ былъ разбитъ на голову, 20 тыс. войска его погибло въ сраженіи, остальные перешли на сторону непріятеля, самъ Якубъ, съ небольшимъ отрядомъ, отступилъ къ Карку и вскорѣ умеръ: одни говорятъ—отъ горячки, другіе—что онъ былъ казненъ, или, просто, убитъ вдругъ появившимся сыномъ низвергнутаго имъ Бузургъ-хана.

Въ своемъ сочиненіи о Якубъ-ханѣ, Боульджеръ утверждаетъ, между прочимъ, что большинство китайскихъ войскъ, участвовавшихъ въ послѣднихъ кампаніяхъ, вооружено и обучено согласно новѣйшимъ требованіямъ военнаго дѣла. Если такъ—то ихъ быстрыя побѣды въ Кашгарѣ становятся понятными. Уже по нашему рисунку № 8 читатель можетъ судить о первобытныхъ пріемахъ и вооруженіи бывшей кашгарской арміи. Армія эта состояла изъ трехъ частей—артиллеріи, „тайфурчей“ и пѣхоты. Кавалеріи, въ собственномъ смыслѣ, не существовало, т. е. не было особаго войска, обученнаго правильной кавалерійской службѣ и имѣющаго свое спеціальное назначеніе. Обыкновенная пѣхота была на лошадяхъ, но въ сраженіи сходила съ коней и принималась за свое первобытное оружіе. Артиллерія была незначительна и въ ней, преимущественно служили индусы и авганцы. Изъ нихъ нѣкоторые прежде находились въ рядахъ британо-индійской арміи или въ войскахъ магараджи Кашмирскаго. Одни бѣжали послѣ возстанія 1857 г., другіе прельстились возможностью сдѣлать здѣсь карьеру. Въ половинѣ 70-хъ годовъ начальникомъ артиллеріи у Якубъ-хана былъ пенджабскій уроженецъ Нубби-Букшъ. Переплетчикъ по ремеслу, онъ въ 40-хъ годахъ былъ завербованъ въ британо-индійскія войска, съ которыми принималъ участіе въ кампаніи 1848—1849 гг. Послуживъ нѣкоторое время подъ начальствомъ британскихъ офицеровъ, онъ оставилъ Индію и отправился искать счастія въ Среднюю Азію. Прибывъ въ Яркандъ, онъ былъ задержанъ китайцами, тогдашними обладателями восточнаго Туркестана, но, послѣ 3-хъ мѣсячнаго заключенія, успѣлъ бѣжать въ Коканъ. Здѣсь онъ сошелся съ Якубъ-бекомъ, за которымъ и послѣдовалъ, въ 1865 г., въ Кашгаръ. Войска, находившіеся подъ его начальствомъ, состояли изъ одного, относительно недурно обученнаго полка, нѣсколькихъ полевыхъ орудій, которыя, на маневрахъ, ставились въ интервалахъ между ротами; его же отряду принадлежали еще два полка, изъ которыхъ одинъ былъ обученъ по турецкой системѣ, а другой—по русской. Пѣхота, по словамъ г-на Чэпмена, подраздѣлялась, въ свою очередь, на двѣ части—на джигитовъ и сарбазовъ. Джигиты—пѣхота, посаженная, какъ мы сказали выше, на лошадей, которыя навьючены всѣмъ, необходимымъ для солдата. Въ сраженіи, пѣхотинецъ слѣзалъ и стрѣлялъ, лошадь же оставалась позади его. Сарбазы были, повидимому, нѣчто въ родѣ настоящей пѣхоты. Они, къ тому же, были и лучше вооружены и дисциплинированы. Пѣхота состояла изъ небольшихъ боевыхъ единицъ—въ 200 ч., 250 ч., 500 чел., причемъ снабжена была ружьями всевозможныхъ конструкцій, видовъ, фасоновъ и системъ: тутъ были и фитильныя, и старыя охотничьи европейскія, и ружья кашгарской фабрики и довольно удачно воспроизведенныя въ мастерскихъ Кашгара, Ярканда и Аксу, ружья лучшей конструкціи. Войска часто упражнялись въ стрѣльбѣ въ цѣль. У воротъ каждаго почти города, для гарнизоновъ были постоянно устроены мишени, къ которымъ солдаты выводились по крайней мѣрѣ четыре раза въ недѣлю. „Тайфурчи“ называлась у эмира часть его войскъ, обученная по старой китайской методѣ и въ нее, по большей части, были завербованы дунгане и кашгарскіе китайцы. Вооруженіе ихъ состояло изъ (приблизительно около 2-хъ метроваго) ружья, поддерживавшагося особой подставкой. Нѣкоторыя изъ этихъ допотопныхъ орудій были фитильныя, другія же—кремневыя. Заряжались онѣ пулей въ полторы и до трехъ унцій вѣсомъ. При каждой подобной фузеѣ находились 4 солдата, подъ командой одного унтеръ-офицера, двое изъ нихъ, во время выстрѣла, держали ружье на своихъ плечахъ (см. рисунокъ); било оно довольно далеко—шаговъ на 200, или 250. Британское посольство 1874 года присутствовало на маневрахъ этихъ тайфурчей—ихъ было около 1,200 человѣкъ, раздѣленныхъ на роты, по 10 тайфу каждая и снабженныхъ значками. На тѣхъ же маневрахъ участвовалъ еще особый родъ войска, солдаты котораго назывались „тиграми“: вооруженные маленькими фитильными ружьями и большими щитами, покрытыми вычурными рисунками, они, составляли отрядъ стрѣлковъ. Маневрировали эти солдаты довольно отчетливо и быстро, формируя линіи, колонны, перемѣняя фронтъ, съ частою пальбой. Ими начальствовалъ китайскій офицеръ, который командовалъ при посредствѣ особыхъ сигналовъ, подававшихся имъ флагами или барабаномъ. „Тигры“, согласно древней „устрашительной“ тактикѣ китайцевъ, сопровождали свои упражненія разными жестами, гримасами и коверканьями. Кромѣ того, на смотру участвовали также и калмыки, вооруженные луками и стрѣлами. Главное командованіе войсками сосредоточивалось въ рукахъ эмира. Іерархія была основана на десятичномъ исчисленіи, т. е. низшій начальникъ командовалъ 10-ю, далѣе шелъ пятидесятникъ, сотенный командиръ, надъ минъ-баши, или начальникомъ тысячи, стоялъ лашкаръ-баши, командиръ болѣе значительнаго отряда.

Улицы Кашгара—тотъ же калейдоскопъ яркихъ костюмовъ и нарядовъ, какъ въ Яркандѣ, какъ во всякомъ восточномъ городѣ вообще. Его базары, между прочимъ, переполнены товарами, привезенными изъ русскихъ предѣловъ. Кашгаръ—значительный торговый центръ, находящійся въ сношеніяхъ съ русскимъ Туркестаномъ и Кульджой. По улицамъ и на площадяхъ города, нерѣдко можно видѣть извѣстный восточный типъ—дервишей—этихъ нищихъ, фокусниковъ, поэтовъ и музыкантовъ. Они по большей части даютъ народу нѣчто въ родѣ публичныхъ духовныхъ концертовъ, сопровождаемыхъ плясками. Надо, однако, замѣтить, что дервишъ, играющій столь важную роль среди темныхъ, фанатизированныхъ массъ Востока, здѣсь, въ Кашгарѣ, гдѣ, подъ вліяніемъ китайскаго владычества, фанатизмъ сильно ослабѣлъ, далеко не пользуется такимъ значеніемъ.

Приключеніе моего доктора.

(Разсказъ).

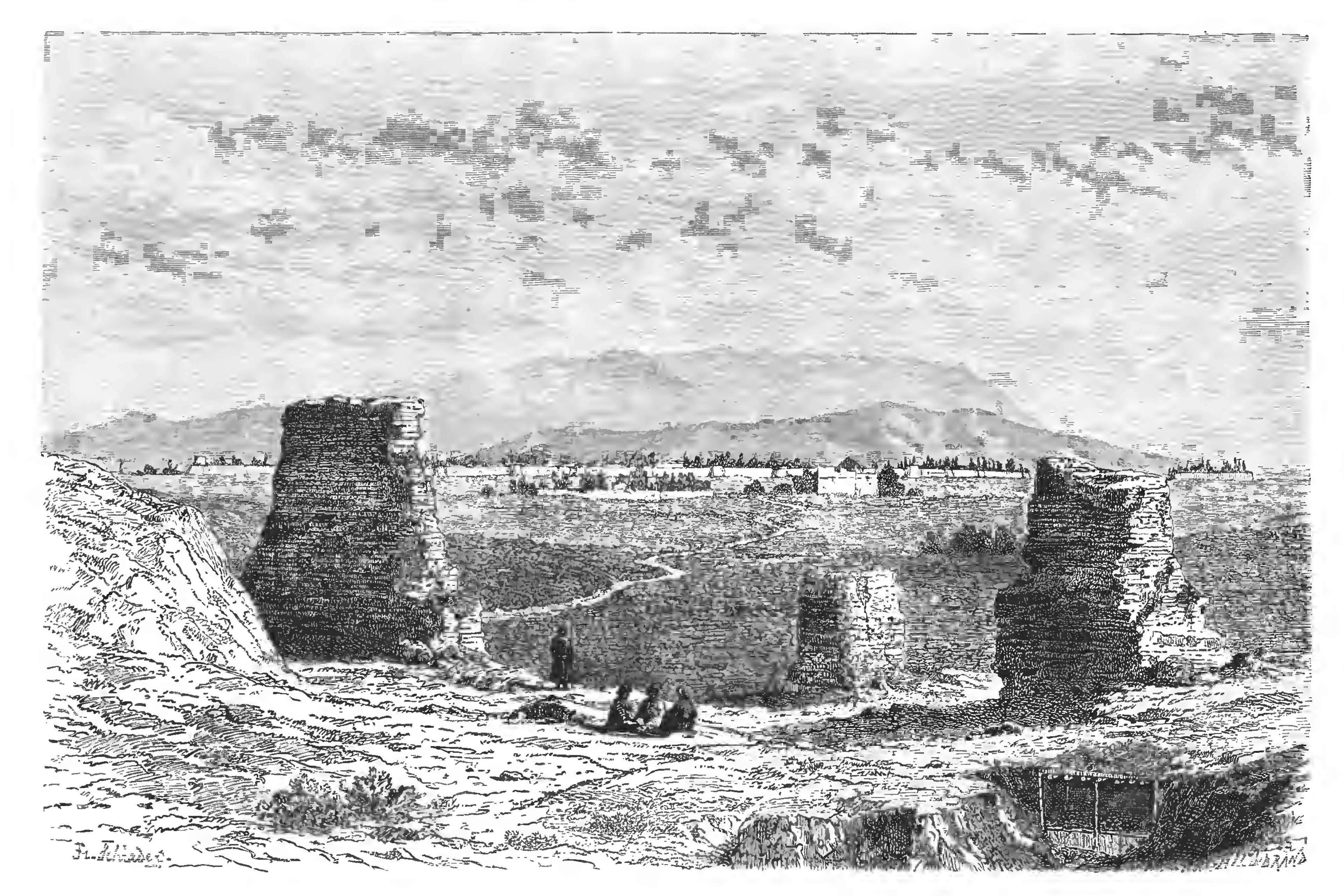
Сѣрый петербургскій день, съ оттепелью и грязью, глядѣлъ въ запыленныя окна. Я лежалъ у себя на диванѣ, ногами къ печкѣ, и никакъ не могъ согрѣться. Я лежалъ такъ съ самаго утра или, вѣрнѣе, съ безсонной ночи, не находя въ себѣ силы встать и приняться за какую нибудь работу. Мнѣ казалось, что я весь разбитъ, изломанъ, что во мнѣ нѣтъ живаго мѣста. Такое состояніе продолжалось уже съ недѣлю, и я начиналъ терять всякое терпѣніе. Я послалъ за докторомъ, ждалъ его съ минуты на минуту и теперь прислушивался—не позвонитъ ли онъ. Меня раздражало это ожиданіе, раздражали тихіе звуки рояля, доносившіеся изъ сосѣдней квартиры. Меня приводилъ въ волненіе каждый едва слышный шорохъ на лѣстницѣ. Но вотъ наконецъ шаги: ближе, ближе: вотъ они у самой двери въ мою квартиру. Звонокъ. Это докторъ!

Я хотѣлъ приподняться и идти ему на встрѣчу: но драпировка моей комнаты уже зашевелилась и самъ онъ былъ предо мною.

Я люблю моего доктора: это именно такой человѣкъ, какой нуженъ всякому больному, и въ особенности больному нервному. Самъ онъ здоровъ какъ быкъ. Огромнаго роста, широкоплечій, крѣпко сложенный, но не толстый, съ спокойно улыбающимся лицомъ, съ мягкими манерами и пріятнымъ, задушевнымъ басомъ. Ему еще нѣтъ и сорока лѣтъ. Онъ нѣмецъ, родился въ Россіи, не знаменитъ; но вѣчно доволенъ своей судьбою. А главное, у него есть одно достоинство—онъ не вѣритъ медицинѣ, то есть не вѣритъ алопатическимъ средствамъ и никогда ихъ не прописываетъ. Его средства—гигіена, лѣтомъ минеральныя воды и—круглый годъ—успокоивающія, ободряющія бесѣды съ паціентами. Онъ никогда не запугиваетъ своихъ больныхъ подобно инымъ нашимъ знаменитостямъ.

— Что такое съ вами любезный другъ? заговорилъ докторъ пожимая мнѣ руку и въ то же время очень ловко щупая мнѣ пульсъ;—вы написали мнѣ такую отчаянную записку, что я полетѣлъ къ вамъ какъ угорѣлый.

— Да ничего особеннаго, отвѣчалъ я,—или, вѣрнѣе всего, вотъ что: я цѣлую недѣлю не сплю, голова кружится, слабость одолѣваетъ, лихорадочное состояніе...

Видъ современнаго Кашгара и развалинъ древняго. Рис. Шравенъ грав. Гильдебрандъ.

Упражненія въ стрѣльбѣ Тайфурчей (Дунгане и Кашгарскіе китайцы). Рис. Делоръ, грав. Барбанъ.

— Вздоръ, лихорадки нѣтъ, перебилъ меня докторъ снова беря мою руку.—Языкъ?.. Апетитъ?

— Ѣмъ какъ и всегда, то есть съ большимъ апетитомъ.

— Ну такъ все это вздоръ! Нервы шалятъ и только.

Онъ взглянулъ на часы.

— Нѣтъ, право другой разъ не буду вѣрить вашимъ запискамъ. Я чаю не успѣлъ напиться. Давайте скорѣе чаю и будемъ бесѣдовать,—у меня цѣлый часъ свободный.

Я велѣлъ принести чай и завтракъ и вдругъ почувствовалъ себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Нервы придумали новую шалость: они успокоились.

— А вотъ вы мнѣ что скажите, началъ докторъ, усаживаясь въ кресло и закуривая сигару. (Это былъ одинъ изъ его немногихъ недостатковъ: онъ цѣлый день, съ утра до вечера, курилъ сигары весьма сомнительнаго достоинства).

— Вотъ вы мнѣ что скажите: чѣмъ вы занимались эту недѣлю?

— Да почти ничѣмъ. Я именно нахожусь въ такомъ состояніи, что у меня всякая работа изъ рукъ валится.

— Это то и плохо, что вы себя скверно ведете. Врагъ вашъ—нервы; слѣдовательно нужно съ ними бороться, а не допускать ихъ побороть себя.

Онъ наклонился къ столу и взялъ съ него листъ бумаги.

— Это что такое? съ изумленіемъ крикнулъ онъ,—что за каракули.

— А это вотъ вчера вечеромъ собрались у меня нѣсколько знакомыхъ и устроили спиритическій сеансъ. Между нами былъ одинъ медіумъ и произошло нѣсколько очень интересныхъ и странныхъ явленій.

— Да, вотъ оно что! проговорилъ докторъ серьезно разсматривая бумагу и потомъ переводя глаза на меня. Вотъ вы какое лекарство придумали для своихъ нервовъ! Очень понятно, что послѣ такого безумнаго вечера вы на себя не похожи. Прописываю вамъ слѣдующій рецептъ: никогда больше и ни при какихъ обстоятельствахъ не заниматься этимъ дурацкимъ спиритизмомъ.

— Пожалуй вы и правы, что мнѣ не слѣдуетъ имъ заниматься, сказалъ я.—Я самъ чувствую, что это на меня вредно вліяетъ; но зачѣмъ вы употребили слово „дурацкій“? Дурацкаго во всякомъ случаѣ тутъ ничего нѣтъ, потому что я вамъ повторяю и даю слово, что былъ свидѣтелемъ весьма интересныхъ явленій, предъ которыми нельзя не остановиться. Даю слово и въ томъ, что тутъ не было никакого шарлатанства, фокусничества и никакихъ шутокъ...

— Да, да, заговорилъ докторъ,—не вы первый меня увѣряете въ этомъ. Только желалъ бы я знать, почему это *я* никогда не могъ подмѣтить ничего интереснаго? Сколько разъ участвовалъ въ этихъ сеансахъ, сколько разъ меня ни сводили съ медіумами, очень сильными и вполнѣ добросовѣстными, какъ мнѣ ихъ рекомендовали —и хоть бы разъ, ну хоть бы разъ! Вертится и подплясываетъ столикъ, на бумагѣ выходитъ какая-то безсмыслица—и ровно ничего больше! И замѣтьте, что до моего прихода чудеса творятся, а только что я войду—всему конецъ. Уйду, и опять потомъ мнѣ разсказываютъ: столъ самъ собою поднимался чуть не до потолка, вещи сами собою летали по комнатѣ, за ноги всѣхъ подергивало. Разумные отвѣты получались на задуманное... Ахъ, все это больные нервы, нервы—и ничего больше!

— Ну, да у васъ на все и про все одно объясненіе—нервы.

— А то чѣмъ же объяснить прикажете, кромѣ нервъ и разстроеннаго воображенія?

— Однако послушайте, скажите по совѣсти, вы человѣкъ серьезный,—неужели всю жизнь вамъ ни разу не случилось остановиться предъ чѣмъ нибудь страннымъ, поразительнымъ, необъяснимымъ?

Докторъ помолчалъ нѣсколько мгновеній и потомъ поднялъ на меня свои спокойные, блѣдно-голубые глаза.

— Я очень хорошо и твердо знаю, медленно проговорилъ онъ,—что на свѣтѣ нѣтъ ничего такого, чего нельзя было бы объяснить самымъ естественнымъ и простымъ образомъ. Только очень часто мы, вслѣдствіе своей недогадливости, не умѣемъ найти истиннаго пути для объясненія. Но вѣдь это еще ровно ничего не доказываетъ. Вотъ у меня у самаго былъ въ жизни случай, и даже очень недавно, который поставилъ меня въ тупикъ и я до сихъ поръ не могу найти ему объясненія... но это меня все же не смущаетъ: рано или поздно объясненіе найдется.

— Какой случай, что такое? разскажите пожалуйста! заинтересовавшись тѣмъ, что бы такое странное могло случиться съ моимъ *каменнымъ* докторомъ, спросилъ я.

— Разсказать? хорошо, пожалуй разскажу: только дайте впередъ чаю напиться.

Онъ взялъ принесенный ему стаканъ, нарѣзалъ себѣ хлѣба и мяса, сдѣлалъ бутерброды, отложилъ сигару и началъ завтракать съ видимымъ удовольствіемъ. Онъ аккуратно и не торопясь тщательно разжевывалъ каждый кусочекъ и запивалъ его глоткомъ чаю. И все это священнодѣйствіе происходило такъ долго, что я началъ терять терпѣніе.

— Да что же вы, докторъ, разскажите!

Мм! промычалъ онъ продолжая жевать и дѣлая мнѣ отрицательные знаки рукою.

— Вѣдь вы знаете, что меня невозможно прерывать, когда я занятъ ѣдою! наконецъ проговорилъ онъ, выпивъ послѣдній глотокъ чаю.—Вотъ теперь садитесь и слушайте... Вамъ должно быть извѣстно, что уже четыре мѣсяца какъ я живу въ новомъ домѣ, въ своемъ собственномъ домѣ?

— Конечно извѣстно, отвѣчалъ я.

— Домъ этотъ я получилъ въ наслѣдство отъ моего двоюроднаго дяди. Я никогда не думалъ быть его наслѣдникомъ. Я очень мало зналъ старика, почти съ нимъ не видался. Да и старикъ то былъ плохъ—хмурый такой, нелюдимый. Дожилъ онъ лѣтъ почти до восьмидесяти и вдругъ умеръ. А когда умеръ, то оказалось, что онъ не позаботился о завѣщаніи. Кромѣ меня родственниковъ у него не нашлось—такъ домъ его мнѣ и достался. Домъ небольшой, но хорошій и доходный, такъ что я очень благодаренъ моему дядюшкѣ и даже полюбилъ его послѣ смерти.

Четыре мѣсяца тому назадъ—да, вчера было ровно четыре мѣсяца—я переѣхалъ въ новый мой домъ, въ квартиру, которую прежде, испоконъ вѣковъ, занималъ дядя. Она мнѣ всегда нравилась, и я рѣшился только почистить ее немного, да перемѣнить обои. Ну, перевезъ я свою мебель; но три комнаты такъ и остались, какъ были при дядѣ. Не тронутъ въ томъ числѣ и его кабинетъ, который я теперь сдѣлалъ своимъ кабинетомъ... Между прочимъ наслѣдствомъ мнѣ достался и старый камердинеръ дяди, Прохоръ—старикъ еще довольно бодрый, честный и совершенно не пьющій. Зналъ я его давно, зналъ что онъ какъ кошка привыкъ къ мѣсту и рѣшился его оставить—онъ и теперь у меня.

— Ну, вотъ переѣхали мы, то есть я, жена и дѣти. Живемъ день, другой, третій: хлопотъ и у меня и у жены по горло: но мы довольны: свой домъ!—это вѣдь пріятная вещь и похлопотать можно. Первыя двѣ ночи проспалъ я какъ убитый; на третью не могъ заснуть долго, только лежалъ ворочаясь съ одного боку на другой. Утромъ вставать рано надо: консиліумъ, а не спится да и только!

Въ углу горитъ маленькая лампочка—у насъ всегда въ спальнѣ эта маленькая лампочка: жена темноты не любитъ. Все видно, все тихо, жена такъ сладко, крѣпко спитъ, что глядя на нее мнѣ еще досаднѣе становится.

Наконецъ я не выдержалъ — рѣшился попробовать послѣднее средство, которое мнѣ очень часто удавалось. Между прочимъ и вамъ рекомендую это средство: если не спится—возмите и съѣшьте что нибудь, просто хоть маленькій кусочекъ хлѣба. Заставьте немного поработать желудокъ; и вашей безсонницѣ конецъ,—отлично заснете. Ну, вотъ всталъ я, зажегъ свѣчку и иду въ столовую къ буфету; только вдругъ слышу въ кабинетѣ какъ будто шаги; прислушиваюсь—точно: шаги! Кто бы это могъ быть?.. вотъ будто старческій кашель. Должно быть Прохоръ, думаю; подошелъ къ кабинету, отворилъ дверь... какая то фигура.

„Прохоръ!" крикнулъ я—нѣтъ отвѣта. Поставилъ свѣчу на столикъ,—комната освѣтилась и вижу я, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, нагнувшись надъ старымъ письменномъ столомъ, стоитъ — мой покойный дядя! Его фигура!..

Я даже плюнулъ. Протеръ глаза, смотрю:—онъ да и только!..

— Послушайте, вы шутите со мною, докторъ?!

— Я... нѣтъ не шучу, быстро прервалъ онъ меня.

Я взглянулъ на него и дѣйствительно убѣдился, что онъ не шутитъ; въ лицѣ его выражалась серьезное изумленіе.

— Не шучу! повторилъ онъ.

— Что же вы сдѣлали? спросилъ я.

— Да ужь конечно не закричалъ и не убѣжалъ, а спокойно сѣлъ въ кресло и сталъ думать, что такое со мною дѣлается. Что это было не во снѣ—я зналъ; но какая странная галлюсинація!.. нервы мои... но я вотъ всѣхъ васъ, господа, лѣчу отъ нервъ, а самъ не знаю что это такое! Сижу я въ въ креслѣ, раздумываю, а галлюсинація моя стоитъ передо мною и все яснѣе и яснѣе я ее вижу: живой, человѣкъ! видъ реальности изумительный!.. Вотъ онъ еще ближе наклонился къ столу, перебираетъ мои бумаги. Вотъ отворяетъ ящики —понимаете—я слышу какъ онъ ихъ отворяетъ! Затѣмъ отъ стола подошелъ къ книжному шкафу, повернулся ко мнѣ совсѣмъ лицомъ. Лицо дяди, нѣтъ никакого сомнѣнія, не можетъ быть другой человѣкъ такъ похожъ на него! Вотъ на мнѣ остановились глаза его —и вдругъ, не знаю какимъ образомъ, свѣчка моя погасла. Я ощупалъ на столикѣ коробку со спичками, зажегъ... Ни кого нѣтъ, я одинъ въ комнатѣ. И замѣтьте что я сидѣлъ у самой двери а въ кабинетѣ всего одна дверь, мимо меня никто не прошелъ.

— Ну такъ о чемъ же вы еще говорите, докторъ? сказалъ я,—еслибы со мною былъ подобный случай, такъ онъ на всю жизнь поразилъ бы меня...

— Во первыхъ, не перебивайте, замѣтилъ мнѣ докторъ,—мое странное приключеніе только еще начинается: а, во вторыхъ, я долженъ вамъ замѣтить, что оно на меня никакъ, ровно никакъ не подѣйствовало. Я рѣшилъ, что болѣнъ, что это галюсинація, и что немедленно же мнѣ слѣдуетъ начать хорошенько наблюдать за собою.

Фигура покойнаго дяди меня не смущала, а смущало то, что я, здоровый, крѣпкій человѣкъ, никогда не знавшій, что такое значитъ болѣзнь и нервное разстройство,—я былъ способенъ къ галюсинаціи! Эта мысль была для меня такъ невѣроятна, что я даже забылъ поѣсть и, не заходя къ буфету, отправился въ спальню. Я затушилъ свѣчу, легъ и, вообразите, въ ту же минуту заснулъ.

Утромъ проснулся какъ и всегда, то есть, бодрый, здоровый и нѣсколько голодный. До обѣда былъ въ разъѣздахъ, вечеромъ съ женою въ оперѣ. Конечно ни ей и никому не говорилъ я о своей галюсинаціи. Вернувшись изъ театра, мы скоро легли спать. Я спалъ отлично, только среди ночи, часу въ четвертомъ, будитъ меня жена. Смотрю—она на себя не похожа: глаза дикіе какіе-то, сама вся трясется.

— Вставай, говоритъ, ради Бога посмотри, что у насъ дѣлается!

— Что такое?

— Кто то ходитъ, я проснулась, слышу шаги, будто старикъ въ туфляхъ, подумала что Прохоръ, только вдругъ... вотъ наша дверь тихонько, тихонько отворяется и въ спальню входитъ...

— Кто? дядя? невольно спросилъ я.

— Да, да! едва слышно проговорила она и зарыдала.

Я зажегъ свѣчку, всячески постарался ее успокоить, доказалъ ей, что это театръ ее разстроилъ, а мы слушали „Роберта" такъ немудрено, что ей привидѣніе почудилось. Мои слова, и въ особенности предположеніе относительно „Роберта" ее успокоили и она наконецъ заснула. Но я невольно задумался: кто же это насъ дурачитъ? Ужь не Прохоръ ли? Конечно, если вчера у меня могла быть галюсинація—такъ отчего же сегодня не быть ей и у жены моей, конечно и „Робертъ" могъ играть тутъ роль; но если предположить, что это не случайное совпаденіе нашихъ двухъ галюсинацій, что въ домѣ есть какая-то бродящая фигура, то конечно, кто это иной можетъ быть, какъ не Прохоръ. Кто его знаетъ—пожалуй у него даже есть и цѣль какая нибудь пугать весь домъ призракомъ покойнаго хозяина. Но какъ бы то ни было, нужно постараться положить предѣлъ этимъ нелѣпостямъ!

Убѣдясь, что жена заснула, я рѣшился идти къ Прохору. Онъ спалъ въ маленькой комнаткѣ возлѣ прихожей. Осторожно ступая мягкими туфлями, я подобрался къ его двери и сталъ прислушиваться. Слышу—старикъ не спитъ, говоритъ самъ съ собою; нѣтъ, не говоритъ а молится и причитываетъ что то. Я зажегъ свѣчу, бывшую у меня въ рукахъ, и вошелъ къ нему. Онъ, дѣйствительно, не спитъ, сидитъ на постели, всклоченный, страшный, скорчившись въ три погибели, дрожитъ весь, лицо все въ слезахъ и крестится, крестится такъ быстро, какъ любая монахиня. Увидя меня, онъ поднялся съ кровати и проговорилъ запинаясь:

— Ахъ, это вы, сударь, а я было думалъ *они* опять.

— Кто *они*? что такое? говори.

Но Прохоръ молчалъ и вдругъ повалился мнѣ въ ноги.

— Батюшка, Эдуардъ Иванычъ, ради Создателя поищите вы табакерочку! силушки моей не хватаетъ, поищите, можетъ она гдѣ и отыщется...

„Вотъ тебѣ разъ!.. съ ума спятилъ старикъ!" подумалъ я.

— Что ты, Прохоръ, что съ тобой? какая табакерка? говори по человѣчески.

Онъ поднялся на ноги, но все продолжалъ дрожать.

— Да баринова, дядюшкина табакерка.—не найдется она, такъ мнѣ что же... мнѣ помирать надо! Силъ моихъ не хватаетъ, кажную ночь *они* за ней приходятъ и съ меня требуютъ, а я, Господи! да кабы я зналъ гдѣ она, проклятая!.. Въ трехъ церквахъ за душеньку ихъ панихиды служилъ, ежедневно поминаю, да нѣтъ, не успокоиваются!..

Совсѣмъ сошелъ съ ума старикъ! Но меня разбирало все же невольное любопытство. Я присѣлъ на стулъ и слушалъ.

— Да вы то, батюшка, Эдуардъ Иванычъ, продолжалъ Прохоръ,—неужели вы то ничего не замѣчаете?

— Ничего не замѣчаю, что же мнѣ замѣчать то?

— Да какъ *они* ходятъ.

— Они, они! дядя что ли?

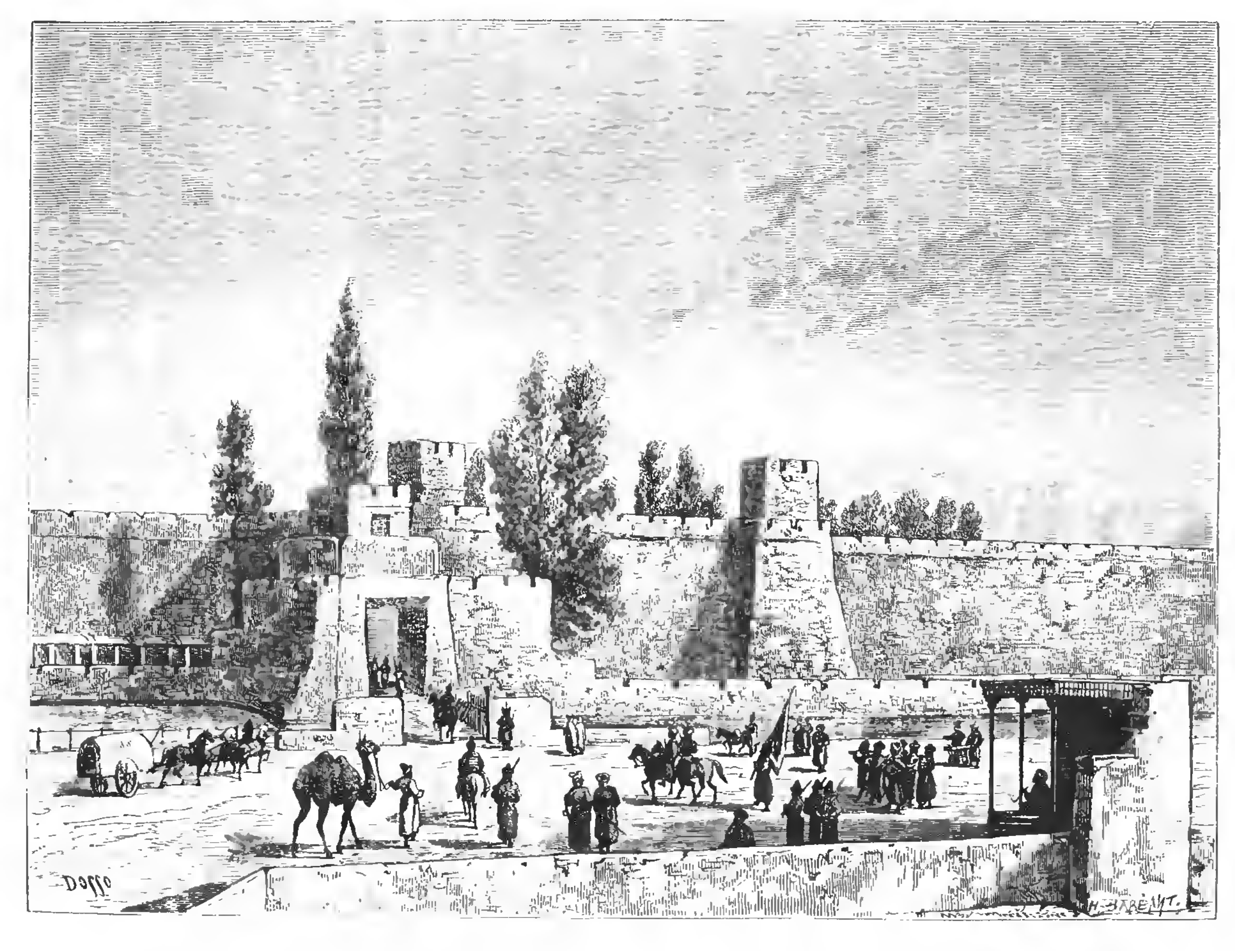
— А то кто же? извѣстно старый баринъ... Я вотъ все васъ, да супругу вашу не хотѣлъ тревожить—молчалъ, а ужъ теперь не могу, ужъ все скажу... какъ тамъ знаете!

Онъ развелъ руками, присѣлъ на самый кончикъ кровати и понуривъ голову сталъ разсказывать:

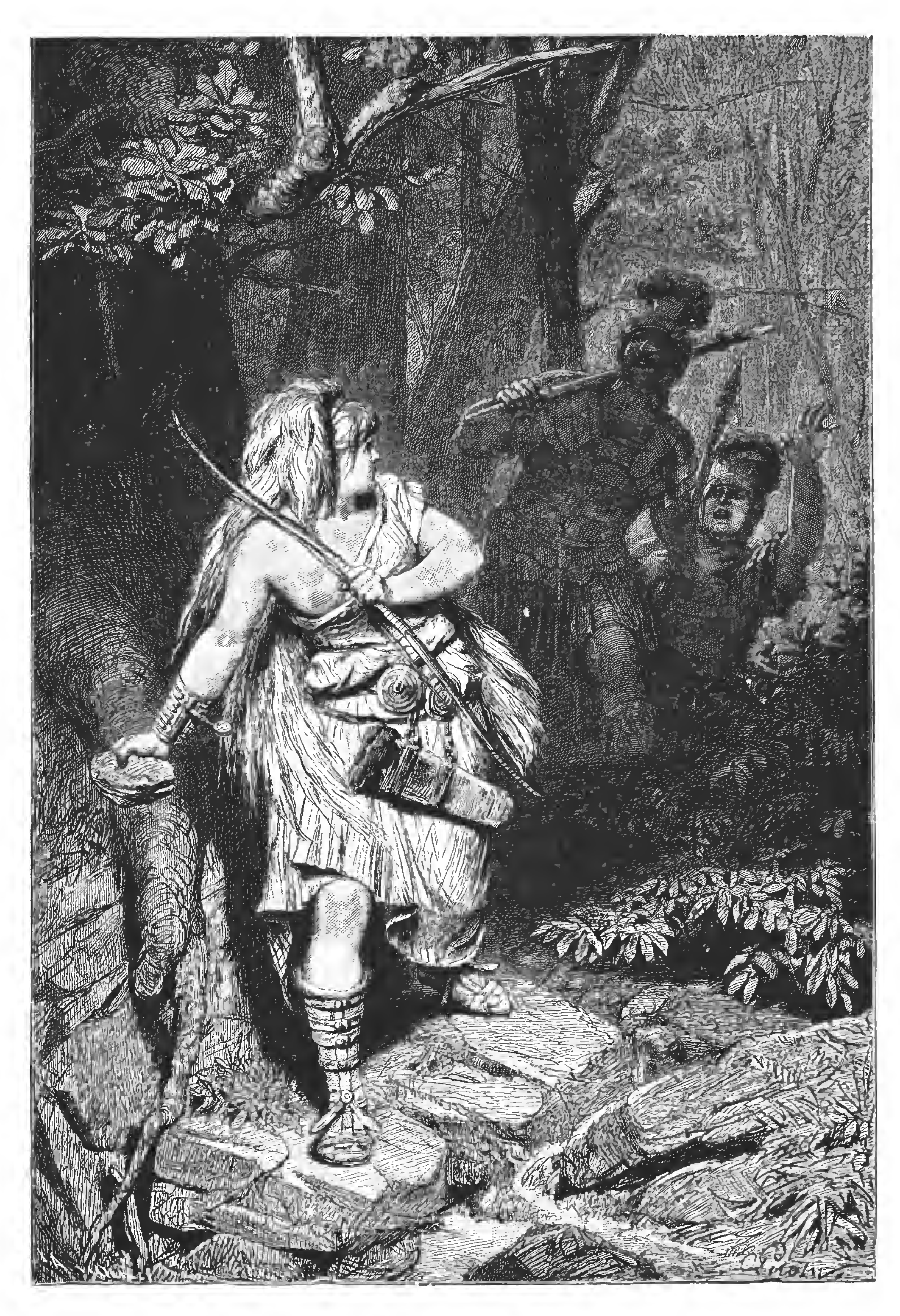
— Вдругъ эта самая табакерка то и пропала,—за

Дервиши-музыканты въ Кашгарѣ. Рис. Делоръ, грав, Лаплантъ.

Ворота Янгишара (Новый городъ) близь Кашгара. Рис. Доссо, грав. Барбанъ.

Преслѣдованіе. Картина профессора Пилоти, грав. О. Ротъ.

день до ихней смерти. Цѣльныя сутки я искалъ ее и не нашелъ, а они пришли домой къ обѣду и спрашиваютъ: гдѣ табакерка?

„Нѣту, говорю, Карлъ Карлычъ, табакерки; нѣту да и только, все перерылъ, все перешарилъ—и въ кабинетѣ, и въ спальнѣ, и въ гостинной; каждую вещь раза по три осматривалъ,—нѣту табакерки.“

Вотъ они и осердились, и закричали, да такъ закричали, что прежде такъ никогда на меня и не крикивали: „Чтобъ была табакерка, знать ничего не хочу, вынь да положь мнѣ табакерку:

Ну, такъ осердившись и за столъ сѣли. Подаю я кушанье, вижу—сидятъ они красные, даже глаза налились кровью. Наложили себѣ жаркого, взяли было ножъ съ вилкой, да вдругъ и опустили.

„Прохоръ говорятъ,—мнѣ дурно.“ Я къ нимъ сейчасъ. Приподнялись они со стула и шатаются. Отвелъ это я ихъ въ спальню, раздѣлъ. Дышатъ тяжело.

„Прохоръ, говорятъ,—гдѣ табакерка, давай мнѣ табакерку?“

Да вдругъ и упали навзничь. Такъ и скончались... не успѣлъ я оглянуться...

— Ну да, ударъ, я знаю, проговорилъ я.

— Ударъ, извѣстное дѣло—ударъ! да тутъ не ударъ, а табакерка. Съ табакеркой то, батюшка, что намъ теперь дѣлать?.. Какъ въ гробу лежали, ничего, все было тихо, а вотъ потомъ, съ девятаго дня, оно и началось... кажную ночь, и до васъ, и въ эти дни теперь, кажную ночь такъ ужъ я и знаю—приходятъ и шумятъ... Вечоръ ко мнѣ стучались; слышалъ, своими ушами слышалъ, вотъ провалиться мнѣ на семъ мѣстѣ,—стучатъ и шепчутъ такъ тихо, да внятно: „Прохоръ, гдѣ моя табакерка?“ А нынче такъ и дверь отворили, и грозно такъ говорятъ мнѣ. „Найди мою табакерку, найди, не то не успокоюсь.“

Прохоръ замолчалъ и еще больше поникъ головою. Признаюсь, я сидѣлъ нѣсколько смущенный этимъ дикимъ разсказомъ. До сей минуты я не замѣчалъ въ Прохорѣ ничего особеннаго и всегда зналъ его за старика здороваго и разсудительнаго; при томъ же хотя и не могу конечно вѣрить этимъ выходцамъ изъ могилъ, ищущимъ своихъ табакерокъ, но тутъ было надъ чѣмъ задуматься. Смотря на смущеніе Прохора, на его ужасъ и отчаяніе, я начиналъ убѣждаться, что это не онъ играетъ со мной глупую шутку,—онъ самъ жертва этой шутки. Но въ такомъ случаѣ кто же? Конечно завтра утромъ нужно изслѣдовать всю квартиру, нужно узнать кто это забирается къ намъ по ночамъ и разыгрываетъ роль дяди. Нужно накрыть этого негодяя и проучить его хорошенько. Прохоръ знаетъ всѣхъ въ домѣ, онъ самъ долженъ помочь мнѣ. Я сталъ его разспрашивать. Онъ посмотрѣлъ на меня съ видомъ изумленія и даже насмѣшливо улыбнулся.

— Такъ это вы что же, Эдуардъ Иванычъ, никакъ думаете, что не они ходятъ?

— А то что же я другое буду думать! *онъ* то, *онъ*, конечно ходитъ, да этотъ *онъ* не покойный дядя—и я изловлю его!

Прохоръ безнадежно махнулъ рукою.

— Изловите! какже! прошепталъ онъ.—А вотъ табакерку бы найти, Господи, гдѣ бы найти табакерку!

Я увидѣлъ, что со старикомъ разговаривать больше нечего. Къ тому же мнѣ и спать хотѣлось—и я ушелъ отъ него.

На другой день я изслѣдовалъ все, что могъ, и ничего не нашелъ. Изъ прежней прислуги дяди у меня оставался только Прохоръ. Съ нами переѣхали: кухарка, горничная, няня да кучеръ. Кучеръ спитъ внизу, кухарка у себя въ кухнѣ. На ночь обѣ наружныя двери постоянно запираются на ключъ. Няня въ дѣтской и намъ изъ спальни слышно каждое ея движеніе, а горничная, хоть и бойкая дѣвчонка, но разыграть роль покойника не можетъ.

Я сталъ наблюдать за Прохоромъ. Весь день онъ былъ совершенно спокоенъ, признаковъ безумія въ немъ не замѣчалось, только къ вечеру онъ становился грустенъ.

Жена моя снова заговорила о своемъ ночномъ видѣніи и объявила мнѣ, что хотя она и не можетъ вѣрить всѣмъ этимъ глупостямъ, но если я ничего не открою, и если еще повторится прошлая ночь, такъ она положительно выѣдетъ изъ этого дома.

— Я никогда не была трусихой, сказала она;—но здѣсь, съ самаго нашего переѣзда, мнѣ такъ тяжело, такъ страшно, что я выразить тебѣ не умѣю; я не знаю что со мною дѣлается.

— Да, въ этомъ домѣ пожалуй, что нибудь и не ладно! отвѣтилъ я,—только конечно ужъ дѣло не въ привидѣніи. Покойный дядя дѣлать намъ визиты не можетъ, но Богъ его знаетъ—пожалуй онъ оставилъ въ этой квартирѣ какое нибудь вредное химическое вещество... Я только не могу себѣ представить, что бы это было такое?!. Только мы, очевидно, нездоровы... Если у трехъ человѣкъ въ домѣ такія странныя галюсинаціи —то это должно же имѣть свою причину. Во всякомъ случаѣ подождемъ еще, посмотримъ, что будетъ—и если кто нибудь вздумалъ шутить съ нами, то я этого шутника поймаю. Я сегодня засну послѣ обѣда, а всю ночь буду сторожить.

Вечеромъ я отлично выспался. Около двѣнадцати часовъ всѣ лампы и свѣчи были потушены, жена долго не спала, но наконецъ заснула, а я остался сторожить лежа на кровати и чутко прислушивался. Такъ я и пролежалъ всю ночь, ничего особеннаго не видя и не слыша. Утромъ, уже на разсвѣтѣ, заснулъ. Прохоръ тоже объявилъ мнѣ, что провелъ ночь спокойно.

— Ну и хорошо, сказалъ я,—видно покойникъ догадался, что его караулятъ; теперь не вернется, а жалко—ужъ я бы проучилъ его!

Прохоръ сталъ быстро креститься и что-то бормоча себѣ подъ носъ, вышелъ изъ комнаты. Я догадался, что онъ ворчитъ на меня, находя что я кощунствую...

Я слушалъ доктора невольно заинтересованный и возбужденный. Конечно подобныхъ разсказовъ я уже много наслышался въ жизни. Въ особенности почтенныя старушки не разъ клялись мнѣ всѣми святыми, что слышали изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ и не такія еще чудеса. Но, признаюсь, подобныя интересныя исторіи я всегда пропускалъ мимо ушей и именно потому, что ни разу мнѣ не пришлось ихъ слышать отъ самихъ очевидцевъ. Все сверхъестественное, невѣроятное и таинственное, что разсказывалось, обыкновенно случалось съ какой нибудь тетушкой, или кузиной, или матерью, или дядей, а тутъ предо мной сидитъ мой докторъ и разсказываетъ мнѣ приключеніе въ его домѣ и котораго онъ самъ былъ очевидцемъ! Я зналъ моего доктора и всѣ его знали за человѣка спокойнаго, здороваго, съ изумительно крѣпкими нервами, и за убѣжденнаго матерьялиста.

— Ну, такъ значитъ вашъ дядя наконецъ успокоился, а то, пожалуй, въ послѣднюю ночь какъ являлся—отыскалъ свою табакерку и унесъ ее съ собою?

— Нѣтъ, вы слушайте дальше—я еще не кончилъ. Весь этотъ вздоръ дѣйствительно прекратился у насъ по ночамъ. Прошла недѣля, жена ободрилась, Прохоръ тоже, я самъ чувствовалъ себя какъ нельзя лучше:—безсоница моя прошла, нервы были спокойны какъ и всегда. Я готовъ былъ забыть объ этой глупой исторіи, даже очень желалъ забыть про нее; но любопытство меня мучило. Кто это могъ съиграть съ нами такую ловкую шутку? Приходилось опять остановиться на одномъ, что Прохоръ отличный актеръ, что онъ тогда въ кабинетѣ съумѣлъ предо мною съежиться и показаться мнѣ маленькимъ, толстымъ старикомъ, что онъ великолѣпно

разыгралъ предо мною сцену ужаса и отчаянья. Но зачѣмъ ему все это нужно? Въ этомъ то и состояла вся загадка и это выводило меня изъ терпѣнія.

Но какъ бы то ни было, прошла недѣля. 6-го ноября утромъ, часу въ двѣнадцатомъ, я шелъ пѣшкомъ по Конно-гвардейскому бульвару. Я вспомнилъ, что мнѣ нужно остричься и намѣревался зайти въ парикмахерскую Ложье, у Николаевскаго моста. Погода была прелестная—вы помните, какое у насъ было начало октября въ этомъ году: снѣгъ, морозецъ, солнце такъ и искрится. Я былъ въ самомъ лучшемъ настроеніи духа. На бульварѣ по обыкновенію встрѣчалось не много прохожихъ; но когда я перешелъ на тротуаръ, ко дворцу, то замѣтилъ, что вокругъ меня гораздо больше движенія. Я уже подошелъ почти къ самому углу дворцовой рѣшетки, какъ вдругъ меня кто-то дернулъ за рукавъ. Я обернулся и приросъ къ мѣсту: предо мной покойный дядя! Даю вамъ слово—я не испугался; но съ безконечнымъ изумленіемъ всматривался въ его фигуру. Онъ стоялъ рядомъ со мною и держалъ меня за рукавъ, я чувствовалъ его прикосновеніе, весь онъ былъ озаренъ яркимъ солнцемъ. На полъ-аршина отъ лица моего было его лицо. Я хотя и рѣдко въ послѣднее время видѣлся съ дядей, но лицо его однако помню въ мельчайшихъ подробностяхъ. Мнѣ знакомы были всѣ эти морщинки, эти рѣдкіе, совсѣмъ свѣтлые бакенбарды и возлѣ носа съ правой стороны хорошо памятная родинка. Я не могъ не узнать его толстаго, обрюзгшаго и краснаго лица съ добродушной улыбкой, съ заплывшими, нѣсколько слезящимися глазами, наконецъ его неизмѣнной шапки изъ морскаго котика съ козырькомъ и знакомой мнѣ старой бекешки съ бобровымъ воротникомъ. Эту бекешку я очень хорошо зналъ, уже потому, что она досталась мнѣ въ числѣ наслѣдства: я самъ съ прочими вещами продалъ ее и вотъ теперь все это было предо мною.

— Я хотѣлъ говорить, но изумленіе лишило меня способности произнести слово. А дядя все держалъ меня за рукавъ; только я замѣтилъ, что добродушная улыбка исчезла съ лица его; онъ вдругъ насупился, губы его дрогнули и явственно, совершенно явственно я услышалъ его голосъ. Онъ сказалъ мнѣ по нѣмецки, какъ и всегда говорилъ со мною: „Eduard, finde mir meine Tabaksdose, finde um Gottes willen! dann wirst du glücklich sein“.

— До сей минуты я не могъ шевельнуться; но когда услышалъ его знакомый голосъ, когда услышалъ опять про эту табакерку—я сразу вышелъ изъ оцѣпенѣнія. Невозможно допустить, чтобы это была галюсинація; но что же все это наконецъ значитъ? Откуда берется этотъ двойникъ покойнаго дяди? Кто этотъ человѣкъ меня преслѣдующій? И вѣдь вотъ онъ тутъ, я долженъ его схватить—и тогда наконецъ мы увидимъ, въ чемъ дѣло.

— А между тѣмъ, проговоривъ свою фразу и еще разъ дернувъ меня за рукавъ, онъ пошелъ предо мною. Я бросился за нимъ, еще шагъ—и я схвачу его; но вотъ онъ завертываетъ за уголъ... я спѣшу—завертываю тоже—предо мною никого нѣтъ!

— Я остановился и оглядѣлся во всѣ стороны; даже ступилъ шагъ назадъ, глянулъ по направленію къ бульвару—нѣтъ вблизи знакомой фигуры! Да онъ и не могъ проскользнуть мимо меня—я бы видѣлъ. А впереди, предо мною, идутъ и ѣдутъ, но я былъ твердо увѣренъ, что если бы онъ взялъ извощика, то я бы не могъ пропустить его—вѣдь все это происходило втеченіи какихъ нибудь двухъ, трехъ мгновеній. Былъ ли это актеръ, умѣющій что угодно дѣлать изъ своей физіономіи? въ такомъ случаѣ конечно онъ могъ бы измѣнить сразу и лицо и фигуру, но вѣдь остались бы бекеша, шапка—а ничего подобнаго не было передо мною. Да и наконецъ—лицо! есть же предѣлъ всякому искусству—а я утверждаю, что узналъ лицо дяди въ мельчайшихъ подробностяхъ. Я постоялъ нѣсколько минутъ, вѣроятно представляя для прохожихъ изъ себя самаго нѣчто загадочное и дикое, а затѣмъ смущенный и весьма недовольный собою пошелъ къ Ложье. Опять я боленъ, опять галюсинаціи!.. Но вѣдь смыслю же я что нибудь въ этомъ дѣлѣ, вѣдь не даромъ же учился, читалъ, наблюдалъ—вѣдь я уже почти пятнадцать лѣтъ практикую! Я сталъ дѣлать надъ собою наблюденія и не смотря на все мое желаніе найти въ себѣ болѣзненные признаки—не могъ ничего найти. Я былъ совсѣмъ здоровъ, даже мало того—и встрѣча то на меня не Богъ знаетъ какъ подѣйствовала, я скоро оправился, осталась только досада. Вернулся домой. Меня встрѣтилъ Прохоръ.

— Батюшка, Эдуардъ Иванычъ, таинственно шепнулъ онъ мнѣ,—утромъ еще хотѣлъ доложить вамъ: вѣдь *они* опять ходятъ; опять *ее*, проклятую, ищутъ!

— Я ничего ему не отвѣтилъ и поспѣшилъ къ женѣ, которая все утро была дома.

— Скажи пожалуйста, уходилъ куда нибудь Прохоръ? спросилъ я.

— Нѣтъ, онъ все время былъ здѣсь.

— Да ты навѣрно это знаешь?

— Навѣрно, потому что мы только сейчасъ передъ твоимъ приходомъ кончили убирать гостинную; посмотри какъ я тамъ развѣсила картины и все уставила! Прохоръ все время былъ со мною, вбивалъ гвозди...

— Я Богъ знаетъ что бы далъ, если бы мнѣ сказали, что старикъ выходилъ изъ дому. Но вотъ онъ все время былъ дома, значитъ его подозрѣвать нечего. Послѣ обѣда я оказался на столько малодушнымъ, что призвалъ его и сказалъ:

— Давай вмѣстѣ искать табакерку, можетъ быть она гдѣ нибудь и найдется. Съ какой комнаты начать?

— Да съ кабинета, конечно, вѣдь они когда были дома, такъ всегда сиживали въ кабинетѣ.

Стали мы шарить всюду; открывали всѣ ящики, перерыли столъ, бюро, шкафы—нигдѣ нѣтъ никакой табакерки. Изъ книжнаго шкафа выбрали даже всѣ книги. Прохоръ дошелъ до сумасшествія: онъ бралъ каждую книгу и встряхивалъ, будто бы табакерка могла выпасть изъ листовъ ея. Табакерка конечно изъ книгъ не выпадала; но выпадало другое: иногда двадцати пяти рублевая бумажка, иногда пяти рублевая и такимъ образомъ къ наслѣдству, полученному мною отъ дяди, прибавилось еще нѣсколько сотъ рублей. Старикъ видно любилъ иногда отложить деньги на какой нибудь непредвидѣнный случай, а потомъ самъ и забывалъ въ какую книгу положилъ ихъ.

Перешаривши все, вытряхнувъ всѣ коврики, осмотрѣвъ на шкафу, за шкафомъ, по всѣмъ угламъ, мы все же не нашли табакерки. Наконецъ я остановился передъ старымъ кресломъ: я вспомнилъ, что всегда заставалъ дядю на этомъ креслѣ и Прохоръ подтвердилъ, что покойный часто на немъ сиживалъ.

— Подавай сюда кресло, сказалъ я ставя свѣчу на полъ;—давай, оглядимъ его со всѣхъ сторонъ.

— Да что же тутъ оглядывать то, Эдуардъ Иванычъ, шепталъ Прохоръ;—я и самъ думалъ сначала, не завалилась ли она какъ нибудь за сидѣнье, только вотъ, смотрите, гдѣ же тутъ ей быть,—я ужъ все ошарилъ.

Я со всѣхъ сторонъ осматривалъ тяжелое кресло, положилъ его бокомъ на полъ, осторожно ощупывая снаружи—и вдругъ у меня подъ пальцами оказалось что то выпуклое и твердое.

— А это что жъ такое? сказалъ я, указывая Прохору.

Онъ тоже ощупалъ и потомъ крикнулъ не своимъ голосомъ:

— Создатели, да вѣдь никакъ это она! какъ же она туда попала?.. и я то, олухъ, сколько разъ возился съ этимъ кресломъ, все внутри шарилъ, а снаружи то и не догадался ощупать. Одно можно полагать, что это

я самъ же ее какъ ни на есть, сунувъ руку то, и запихнулъ подалѣй, а она сюда и вывалилась...

Я взялъ перочинный ножикъ, подпоролъ матерію—и на полъ вывалилась табакерка.

— Она, она и есть! повторялъ совсѣмъ обезумѣвшій отъ радости Прохоръ, вертя ее въ рукахъ и разглядывая.

Но вдругъ я замѣтилъ какъ дрогнула его рука и его всего передернуло.

— Что съ тобой? спросилъ я.

— Да какъ же... вотъ она нашлась, а дальше то, батюшка, что же будетъ? какія страсти, прости Господи! Ну вотъ она нашлась... такъ вѣдь они теперь должны прійти за нею?!.

Все распродано! Картина проф. Кретшмера, грав. О. Ротъ.

— Давай мнѣ ее сюда, сказалъ я.

Онъ подалъ. Это была самая обыкновенная табакерка изъ papier maché, обложенная по крышкѣ тонкой инкрустаціей. Я помнилъ эту табакерку,—дядя съ ней никогда не разставался.

— Ну, вотъ, слава Богу, нашли! говорилъ съ сіяющимъ лицомъ старикъ, ставя свѣчку на столъ.

— Да, конечно, улыбаясь сказалъ я,—вѣдь ты говоришь, что онъ отъ тебя ее требуетъ,—ну вотъ ты и отдай ему ее!

Старикъ затрясся какъ будто его била самая отчаянная лихорадка.

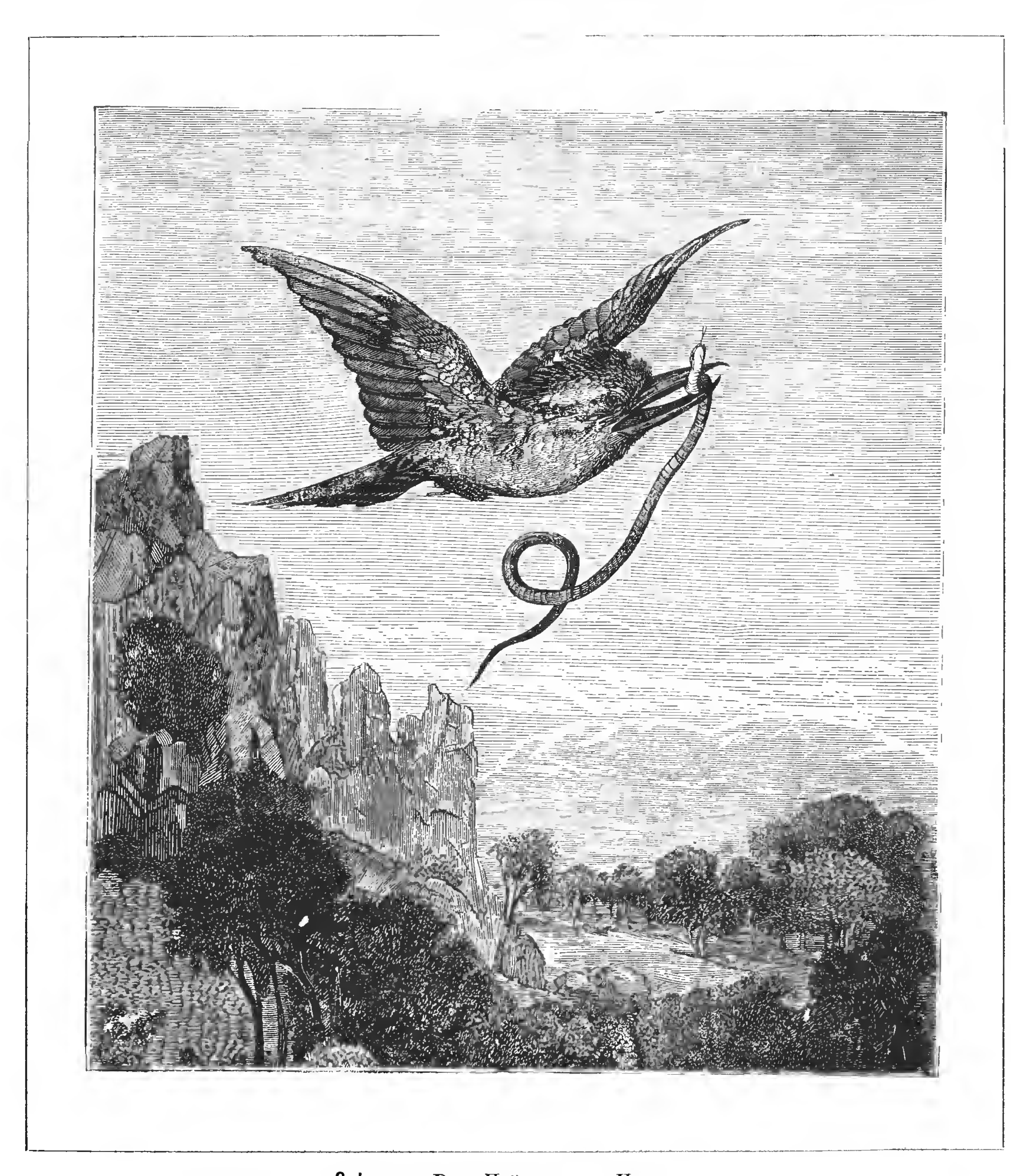
— Нѣтъ, сударь, нѣтъ, Эдуардъ Иванычъ, меня ужъ избавьте... ужъ какъ знаете, а я, коли такъ, сейчасъ

же бѣгу изъ дому и до завтрашняго утра не вернусь... ужъ какъ угодно, потомъ хоть прогоните меня, а ужъ сегодня ночевать дома не буду... Они сегодня безпремѣнно придутъ за нею, такъ ужъ я... нѣтъ... нѣтъ ужъ!..

Онъ замахалъ руками и почти бѣгомъ бросился изъ комнаты.

Съ табакеркой въ рукѣ я пошелъ за нимъ; но онъ Онъ бы ее взялъ у меня, а завтра разсказалъ бы мнѣ, что покойникъ приходилъ за нею и получилъ ее. Нѣтъ, онъ дѣйствительно перепугался и убѣжалъ. Табакерка—вотъ она! что же мнѣ теперь дѣлать?

Я стоялъ спокойно передъ письменнымъ столомъ и разглядывалъ все старую табакерку. Я открылъ ее, понюхалъ табакъ, въ который для аромата былъ положенъ

Змѣевикъ. Рис. Пайнъ, грав. Ивановъ.

только все сильнѣе и сильнѣе махалъ мнѣ руками, прошелъ въ свою коморку и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ оттуда въ шинели и шапкѣ. Я смѣялся глядя на него и крѣпко держалъ табакерку. Но скоро смѣхъ мой прошелъ, мнѣ стало опять досадно. Если ему такъ нужна была эта табакерка (т. е. не дядѣ, а Прохору конечно), то онъ былъ бы радъ случаю получить ее. цвѣтокъ жасмина. Этотъ кустикъ жасмина и теперь стоялъ у насъ въ столовой. Я былъ совершенно спокоенъ, а между тѣмъ невѣдомо для меня самого шалили мои нервы и подзадоривали воображеніе,—иначе не пришла бы мнѣ въ голову нелѣпая мысль: я рѣшился сѣсть за столъ, положить передъ собою табакерку, запереть дверь въ кабинетъ на ключь и ждать, что бу-

детъ. Жены не было дома,—она уѣхала къ знакомымъ, дѣти въ дѣтской, кругомъ тихо.

Я раскрылъ книгу и сталъ читать. Наискосокъ отъ стола, въ углу комнаты надъ каминомъ, помѣщалось большое зеркало въ нѣсколько наклоненномъ положеніи. И столъ, и я, и все, что было за мною отражалось въ этомъ зеркалѣ. Прошло четверть часа, прошло полъ часа—я все читалъ и по временамъ невольно взглядывалъ въ зеркало. И вотъ мнѣ вдругъ почудилось, что я что то вижу; я всмотрѣлся—за мной фигура дяди! Даже въ зеркалѣ довольно ясно отражается лицо его. Нѣсколько мгновеній я не могъ пошевельнуться; но наконецъ всталъ, обернулся,—предо мною ничего нѣтъ. Взглянулъ на столъ—нѣтъ и табакерки!

Можетъ быть я сронилъ ее. Но ни на полу, ни во всей комнатѣ ея не было. Она пропала.

Съ тѣхъ поръ прошло четыре мѣсяца почти. Табакерка такъ и исчезла; дядя больше не является. Все у насъ въ домѣ спокойно. У меня, у жены и у Прохора прекратились галюсинаціи.

Докторъ замолчалъ. Я глядѣлъ на него во всѣ глаза, желая прочесть на лицѣ его что это—сказку онъ мнѣ разсказалъ, или дѣйствительно бывшее съ нимъ странное приключеніе.

Онъ отгадалъ мои мысли.

— Я сейчасъ долженъ спѣшить съ визитами, сказалъ онъ,—а вамъ совѣтую встряхнуться да съѣздить къ моей женѣ. Она и Прохоръ разскажутъ вамъ все, что знаютъ объ этомъ дѣлѣ, а въ томъ, что я не шутилъ съ вами положитесь на мое слово. Хоть я и имѣлъ въ виду дать новый толчекъ вашимъ нервамъ и заставить васъ встрепенуться, но все же не позволилъ себѣ ничего прибавить въ моемъ разсказѣ.

— Какъ же вы отговариваете меня отъ спиритическихъ сеансовъ, а сами разсказали мнѣ такую таинственную исторію?

— Ахъ, это совсѣмъ другое, сказалъ докторъ,—вы прослушали фантастическій разсказъ, которымъ, кажется, заинтересовались, а это не могло дурно на васъ отразиться. Вонъ, смотрите,—у васъ и лицо теперь совсѣмъ другое, да и по вашимъ быстрымъ движеніямъ я вижу, что даже слабость прошла, вѣдь такъ?

— Да, это правда, я теперь гораздо себя лучше чувствую, отвѣтилъ я.—Но постойте, вѣдь вы все начали съ того, что на свѣтѣ нѣтъ ничего сверхъестественнаго и необъяснимаго—и тутъ же разсказали мнѣ чуть ли не самую невѣроятную сказку, какую я когда либо слышалъ, и разсказали ее какъ свидѣтель, какъ дѣйствующее лицо! Да вѣдь послѣ того, что было съ вами вы должны сдѣлаться самымъ ярымъ спиритомъ.

— Ничуть не бывало! отвѣтилъ докторъ,—я сказалъ вамъ только, что бываютъ вещи, которымъ мы сразу не можемъ найти объясненія, и что многіе подобные случаи могутъ самымъ развращающимъ образомъ дѣйствовать на человѣка, развивать въ немъ суевѣріе. Но я не изъ такихъ людей, я твердо стою на своей почвѣ. Если у меня нѣтъ сообразительности, если я не умѣю догадаться въ чемъ тутъ штука, то это можетъ только доказывать, ну хоть мою умственную несостоятельность; но нисколько не служитъ доказательствомъ существованія всякаго вздора.

Докторъ протянулъ мнѣ руку, другою захватилъ свою шляпу и направился къ выходу.

— Постойте, остановилъ я его,—неужели ваше приключеніе дѣйствительно не навело васъ на какую нибудь серьезную мысль? вы сами такъ убѣдительно и наглядно доказали что тутъ не могло быть никакого обмана и мистификаціи, что предъ вами было во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ лицо вашего покойнаго дяди, наконецъ вы сами говорите, что никогда не страдали ни галюсинаціями, ни разстройствомъ нервъ; да и я знаю васъ за необыкновенно здороваго человѣка...

— Такъ что же? вы хотите, чтобы я повѣрилъ въ выходцевъ изъ могилъ, что ли?! Да, я здоровъ, но значитъ у меня было какое нибудь временное разстройство. Оно, по счастію, прошло безслѣдно и если это такъ, если все объяснить можно не какой нибудь ловкой мистификаціей, а состояніемъ моего организма, какимъ нибудь болѣзненнымъ припадкомъ, которымъ одновременно со мною страдали и моя жена и Прохоръ, такъ мнѣ, за неимѣніемъ достаточныхъ физіологическихъ свѣдѣній по этому предмету, конечно остается только одно: не думать объ этомъ дурацкомъ приключеніи, что я и дѣлаю, и весьма даже сожалѣю что и вамъ то разсказалъ его. Но ужъ очень мнѣ хотѣлось развлечь васъ.

— Однако послушайте, разсудительный докторъ, сказалъ я,—если подобная штука васъ не смутила, то, помяните мое слово,—съ вами еще случится такая вещь, которая наконецъ и васъ прохватитъ!

Онъ засмѣялся.

— Ну, это ужъ совсѣмъ невѣроятно! А вотъ вы, если не научитесь справляться съ своими нервами, такъ пропадете!

Мы еще разъ пожали другъ другу руки и докторъ уѣхалъ.

Вс. Соловьевъ.

Къ рисункамъ

Въ Тевтобургскомъ лѣсу. Преслѣдованіе.

Отчаянная борьба римской Имперіи съ разными германскими племенами, постоянно вторгавшимися въ ея исконныя границы, полна высокаго историческаго интереса. Это была борьба на жизнь и на смерть древняго міра съ новымъ, борьба окончившаяся, какъ извѣстно, такъ называемымъ великимъ переселеніемъ народовъ и окончательнымъ паденіемъ западной римской имперіи. Германцы, выросшіе въ Римѣ снова дѣлались его отъявленными врагами лишь только входили въ зрѣлый возрастъ и начинали сознавать нравственную связь съ роднымъ племенемъ. Такимъ же образомъ былъ воспитанъ въ Римѣ и знаменитый Арминій или Германъ—побѣдитель Варра въ Тевтобургскомъ лѣсу. Этотъ Арминій, сынъ князя Херусковъ Сигимера, родился въ 18 году до Р. Х. а получилъ воспитаніе въ Римѣ, былъ опредѣленъ въ войско Августа, но и здѣсь, въ санѣ римскаго легіонера, онъ остался вѣренъ богамъ и преданіямъ своей родины и горѣлъ желаніемъ отомстить римлянамъ за ея угнетеніе и неволю. Случаи къ такому мщенію вскорѣ представился. Главное начальство надъ римскими войсками, охранявшими новыя пріобрѣтенія за Рейномъ, было поручено Августомъ проконсулу Квинтилію Вару, человѣку гордому, свирѣпому и большому лихоимцу, бывшему до того правителемъ Сиріи. Съ слабыми силами самонадѣянный Варъ задумалъ вторгнуться во внутрь страны и однимъ ударомъ подавить мятежъ въ самомъ его средоточіи. Тщетно вѣрный Сегестъ, вождь Каттовъ, пытался остановить Вара, извѣщая его о громадности заговора и о распространеніи заговора между всѣми племенами, населявшими страну отъ Рейна до Эльбы. Варъ не слушалъ никакихъ совѣтовъ и войско его шло все далѣе и далѣе, въ глубь страны и наконецъ послѣ одного труднаго перехода очутилось въ дебряхъ Тевтобургскаго лѣса, простиравшагося близъ нынѣшняго города Детмольда, причемъ узнало, что всѣ окрестныя возвышенности заняты Германцами. Попавъ въ такую ловушку, римлянамъ не оставалось ничего болѣе какъ биться отчаянно, биться до послѣдняго человѣка. Жестокая рѣзня или лучше сказать бойня римскихъ легіоновъ продолжалась цѣлыя три дня и окончилась совершеннымъ ихъ истребленіемъ и погибелью самого предводителя Варра. Тевтобургское пораженіе произвело въ Римѣ страшную панику; отчаяніе было всеобщее и даже самъ Августъ, всегда столь сдержанный и спокойный, не выдержалъ и рыдая безпрестанно повторялъ „О Варъ, Варъ отдай мнѣ мои легіоны!“

Но Тевтобургская побѣда при всей своей важности имѣла для Германцевъ болѣе нравственное значеніе; она подняла ихъ духъ, возвысила ихъ мужество, явно доказавъ, что и римляне могутъ быть побѣждаемы. Послѣ этого разгрома, Римляне въ свою очередь старались какъ можно скорѣе возстановить честь своего оружія, тѣмъ болѣе, что этому благопріятствовали внутреннія междоусобія и раздоры нѣкоторыхъ Германскихъ племенъ и ихъ предводителей. Такъ Арминій враждовалъ съ Сегестомъ и стѣснилъ его окончательно, но послѣдній призвалъ

на помощь римлянъ, которые освободивъ его, увезли въ Римъ множество плѣнныхъ и между ними за побѣдной колесницей Германика шла и прекрасная Туснельда, супруга Арминія, печаль которой, по словамъ Тацита была глубока, но безмолвна, безъ слезъ и жалобъ. Въ слѣдующемъ году Германикъ предпринялъ четвертый походъ въ Германію и хотя успѣлъ одержать нѣсколько важныхъ побѣдъ надъ Арминіемъ, но экспедиція не принесла желаемой пользы, такъ какъ окончилась отступленіемъ Римлянъ и кромѣ того совершеннымъ ихъ пораженіемъ на морѣ.

Лучшимъ историкомъ вѣковой борьбы Рима съ Германцами является Тацитъ, сознающійся что, считая до Траяна, эта борьба тянется цѣлыя 210 лѣтъ; что она отняла у Римскаго народа пять консульскихъ армій кромѣ трехъ легіоновъ Вара и что конецъ ея трудно предвидѣть. Тацитъ уже тогда видѣлъ всю опасность положенія Рима и отдавая полную справедливость мужеству, стойкости и другимъ добродѣтелямъ Германцевъ, трепеталъ за участь Имперіи. „Пусть пребываетъ, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія о Германіи, и продолжается у этихъ народовъ взаимная ненависть, когда при стѣснительныхъ судьбахъ Имперіи счастіе не можетъ намъ дать ничего больше какъ несогласіе враговъ.“

Содержаніе прекрасной картины знаменитаго Пилоти, рисунокъ которой здѣсь помѣщенъ, взято именно изъ этой эпохи послѣдней, кровавой борьбы Рима съ Германскими племенами. Здѣсь представлена Германская дѣвушка, бѣгущая съ поля битвы послѣ пораженія ея племени и преслѣдуемая римскими легіонерами. Но и въ этомъ отчаянномъ бѣгствѣ она не перестаетъ быть героиней, достойной соплеменницей мужественной Туснельды; спокойно и безстрашно, на краю гибели, истративъ всѣ стрѣлы своего колчана, она смѣло обороняется каменьями, предпочитая смерть постыдному плѣну.

Картина, какъ мы уже сказали, принадлежитъ знаменитому Пилоти. Большой снимокъ съ другой его картины „Смерть Юлія Цезаря“ былъ приложенъ въ видѣ преміи къ „Нивѣ“. 1865 г.

Все распродано!

У такой миловидной маленькой торговки и дѣло идетъ хорошо. Кто пройдетъ мимо, когда взглянетъ на это свѣжее, дѣтское, ласковое личико и кто не остановится и не купитъ у нея десятокъ румяныхъ яблоковъ, которые она съ такою забавною серьезностью продаетъ. И маленькая плутовка смутно догадывается что она хорошенькая и строитъ на этомъ свои маленькіе коммерческіе разсчеты. „Все распродано“, говоритъ она съ лукавой и веселой улыбкой позвякивая деньгами. Это дѣвочка дѣловая и смышленая, помощь семьѣ и матери, которая любитъ ее и гордится ею, потому что не бываетъ такого яснаго личика и веселаго взгляда у дѣтей нелюбимыхъ и въ семьяхъ не отличающихся ладомъ и складомъ.

Выразительная картина Кретшмера, съ которой снятъ этотъ рисунокъ, пользуется большою извѣстностью въ Германіи и отличается всѣми достоинствами, присущими таланту этого художника.

Змѣевикъ.

Птица эта водится въ Австраліи и находится въ постоянной и упорной борьбѣ съ пресмыкающимися. Она слишкомъ мала, чтобы нападать на большихъ змѣй и преслѣдуетъ только ящерицъ, лягушекъ, жабъ и маленькихъ змѣекъ; но истребляетъ ихъ въ значительномъ количествѣ. Обладая чрезвычайно острымъ зрѣніемъ, змѣевикъ, сидя на высокой скалѣ, видитъ на далекомъ разстояніи малѣйшее движеніе пресмыкающагося и тотчасъ же бросается на него съ быстротою молніи. Впрочемъ побѣда надъ змѣями дается ему нелегко и птицѣ приходится зачастую выдержать ожесточенную борьбу, прежде чѣмъ удастся хорошо позавтракать. Змѣя, высоко поднявъ голову и сверкая огненными глазами, наблюдаетъ каждое движеніе своего врага, а змѣевикъ кружится въ воздухѣ и старается ложною атакою обмануть ея бдительность; то отлетаетъ въ сторону, то опять кидается на свою жертву и продолжаетъ эти эволюціи до тѣхъ поръ, пока ловкимъ маневромъ не схватитъ наконецъ змѣю въ когти. Тогда, поднявшись съ добычей на значительную высоту, онъ зоркими глазами высматриваетъ скалу или какую нибудь плоскую, каменистую возвышенность и сбрасываетъ туда змѣю, которая разбивается о камни и уже тогда пожирается птицею, успѣвающей достигнуть земли почти въ тотъ же моментъ, какъ и ея добыча. Если охота за пресмыкающимися иной разъ не удачна, то змѣевикъ, мучимый голодомъ, преслѣдуетъ и небольшихъ птицъ; но, замѣтивъ во время охоты ползущую змѣю, тотчасъ же бросаетъ преслѣдованіе пернатыхъ и открываетъ дѣйствія противъ пресмыкающагося.

Змѣевикъ кричитъ сильнымъ, но далеко не благозвучнымъ голосомъ. Австралійцы называютъ его также „смѣющимся осломъ“, по сходству его крика съ крикомъ осла. Утромъ и вечеромъ собираются эти птицы въ группы, по 5 или 6 штукъ и устраиваютъ въ Австралійскихъ пустыняхъ концерты, о благозвучности которыхъ слышавшіе ихъ не отзываются съ одобреніемъ. Есть мнѣніе, что змѣиный ядъ не оказываетъ никакого дѣйствія на змѣевика.

Болгарское народное собраніе.

Много тревожныхъ и знаменательныхъ дней пережила Болгарія въ послѣдніе три года, но, въ ряду ихъ—какъ бы на рубежѣ между борьбой за свободу и новой самостоятельной жизнью—свѣтлымъ днемъ стоитъ 10-го февраля 1879 года. Позади его—точно уходящія, послѣ грозы, тучи—мракъ миновавшей неволи и вѣковыхъ страданій, впереди—ясный горизонтъ великаго будущаго. Въ этотъ день—открытія болгарскаго народнаго собранія, въ Тырновѣ совершился актъ высокаго политическаго значенія—это былъ первый день свободнаго существованія новаго славянскаго государства. Съ самаго ранняго утра грохотъ барабановъ возвѣстилъ депутатамъ о томъ, чтобы они собрались въ конакъ—нѣкогда мѣстопребываніе турецкаго паши, а нынѣ—зданіе свободнаго собранія представителей болгарскаго народа.

Это каменный, довольно обширный домъ, въ которомъ помѣщаются правительственныя учрежденія. Для того, чтобы приспособить его къ публичнымъ засѣданіямъ понадобилось не мало времени. Сломаны корридоры и образованы двѣ залы—верхняя и нижняя; собственно для собранія предназначена первая изъ нихъ, отличающаяся вкусомъ въ убранствѣ. Двѣ параллельныя колоннады отдѣляютъ мѣста депутатовъ отъ мѣстъ, предназначенныхъ для публики; колонны убраны національными (цвѣта: бѣлый, зеленый и красный) и русскими флагами; въ глубинѣ возвышается невысокая эстрада для президента и высшихъ правительственныхъ лицъ; стѣна, къ которой примыкаетъ эстрада, декорирована княжеской порфирой,—надъ ней вьется Андреевская лента, по бокамъ спускаются Георгіевскія, къ срединѣ порфиры прикрѣпленъ портретъ Государя Императора. Подъ самымъ портретомъ помѣщается президентскій столъ, впереди, правѣе—столъ для уполномоченнаго императорскаго комиссара, позади его другой, для его секретаря и лѣвѣе—два стола для представителей печати. Для ораторовъ устроена трибуна. Полъ зала обитъ сѣрымъ сукномъ а столы—синимъ. Послушаемъ живую рѣчь очевидца, бывшаго въ этотъ день въ Тырновѣ, присутствовавшаго на торжествѣ, видѣвшаго лично всѣхъ участниковъ. Къ 9-ти часамъ, разсказываетъ онъ, во дворъ конака прибыли войска для парада и депутаты. Солдаты глядѣли бодро, молодцовато, держали себя вольно и непринужденно, въ нихъ нисколько не было замѣтно робости, присущей нашимъ рекрутамъ; депутатамъ были розданы банты въ петлицы изъ національныхъ цвѣтовъ. Публика допускалась въ зданіе собранія по особымъ билетамъ и густая толпа ея группировалась около конака. Въ половинѣ десятаго народные представители были приглашены въ залу, къ своимъ мѣстамъ. Общій видъ ихъ производилъ впечатлѣніе нѣкоторой пестроты: изящные фраки, солидные сюртуки, поношенные пиджаки, черныя рясы, расшитые костюмы воеводъ, бѣлыя суконныя куртки и шаровары поселянъ виддинскаго округа—все это перемѣшалось между собою; бѣдныхъ, богатыхъ не было—были представители народа, ввѣрившаго имъ устройство своего будущаго. Они, повидимому, понимали высоту миссіи: ни шума, ни говора среди нихъ—они хранили сосредоточенность, глубокое молчаніе. Въ мѣстахъ же для публики все было въ движеніи. Въ скучившейся массѣ приглашенныхъ замелькали тамъ и сямъ свѣтлыя пятна дамскихъ костюмовъ, заблестѣли офицерскіе мундиры, одинъ за другимъ начали появляться члены дипломатическаго корпуса. Вотъ и турецкій. Порта поняла, что природному оттоману не совсѣмъ было бы ловко присутствовать на подобномъ торжествѣ и потому назначила армянина Пертефа-эффенди, между прочимъ очень хорошо говорящаго по болгарски. Британскимъ делегатомъ назначенъ—консулъ Пельгревъ, Франція прислала Шефера, Германія—барона Брюнинга, Австро-Венгрія—Цвиденека-фонъ-Цвиденгорста, а Италія—кавалера Брунензи. Въ десять часовъ въ залу вошелъ экзархъ Анѳимъ, привѣтствованный общимъ поклономъ. Но—вотъ на улицѣ движеніе, клики. Это—князь Дундуковъ-Корсаковъ. Императорскій комиссаръ подъѣхалъ на бѣломъ конѣ, имѣя впереди себя взводъ болгарской кавалеріи; сойдя съ коня, онъ приблизился къ конаку, сопровождаемый блестящей свитой и встрѣченный радостными восклицаніями толпы. При входѣ его въ залу, всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ. Князь прямо подошелъ къ экзарху со словами: „Благослови меня, владыко“, и, затѣмъ, поднялся на эстраду. Воцарилось полное, совершенное безмолвіе. На лицахъ написано было желаніе скорѣе услышать давно ожидаемое слово... Князь началъ свою рѣчь. При выраженіи „княжество“ по залѣ пронесся какой-то звукъ, похожій на вздохъ, вырвавшійся, будто, изъ освободившейся груди. „Турецкое управленіе замѣнено нынѣ народнымъ“ торжественно раздалось въ залѣ. Будто электрическая искра пробѣжала въ толпѣ болгаръ, они оживились, глаза наполнились слезами, сотни рукъ совершали крестное знаменіе... Когда князь кончилъ—надъ зданіемъ взвился болгарскій государственный флагъ: на ярко-красномъ полѣ золотой левъ, стоящій на лунѣ. Протоколъ собранія первый подписалъ императорскій комиссаръ, далѣе слѣдовали подписи делегатовъ (оттоманскій отказался) а за ними подписывались депутаты. За этой формальностью открылось шествіе въ древній Тырновскій соборъ Сорока Мучениковъ. Обращенный пятьсотъ лѣтъ тому назадъ въ мечеть, онъ снова освященъ въ прошломъ го-

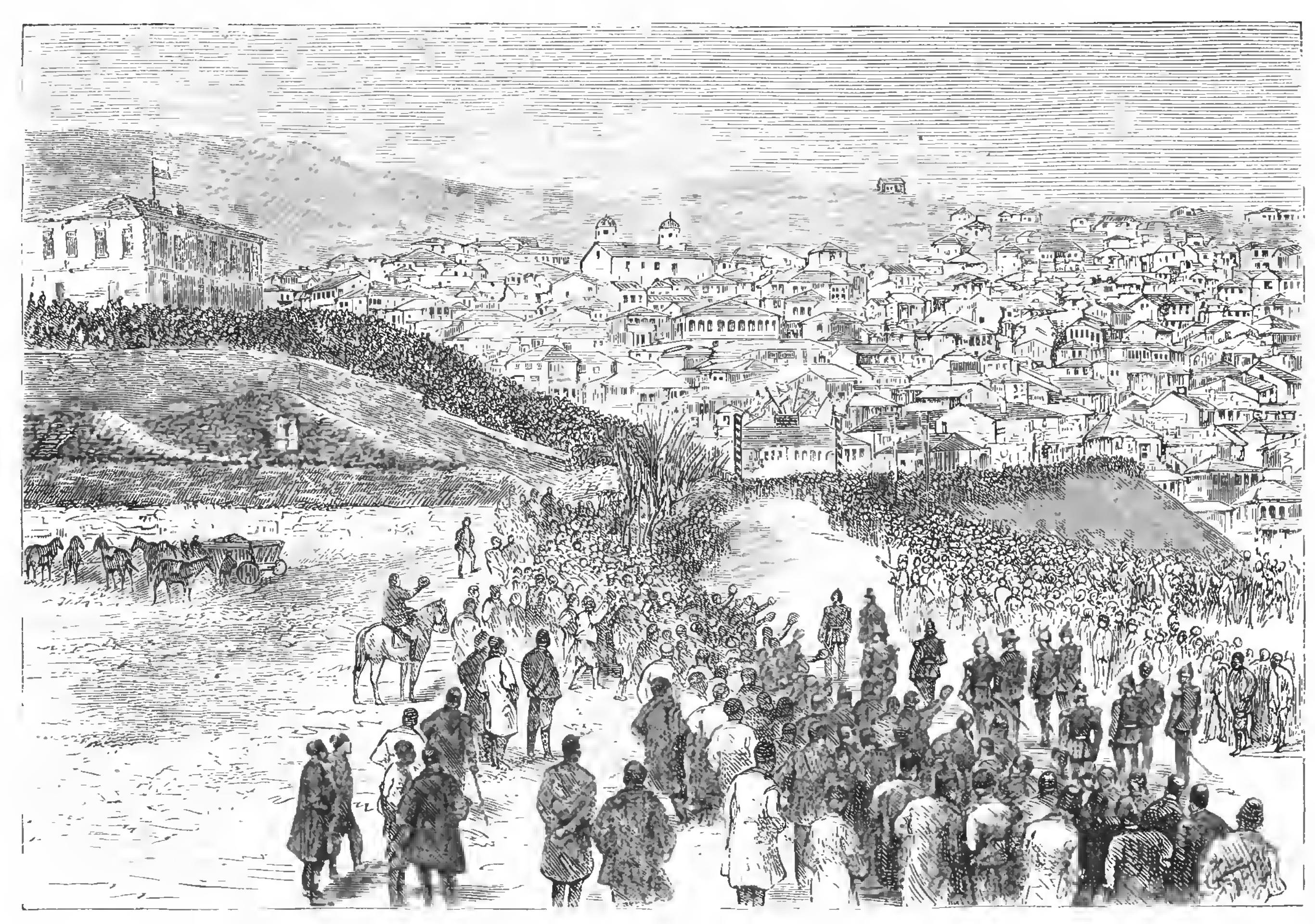
ду; теперь онъ переданъ военному вѣдомству и будетъ служить соборомъ болгарскаго земскаго войска. Шествіе открывалъ взводъ болгарской кавалеріи на донскихъ лошадяхъ, за нимъ слѣдовалъ оркестръ Бессарабскаго пѣхотнаго полка, во все время пути игравшій болгарскій маршъ, далѣе шли представители торговли и ремеслъ, со значками своихъ цеховъ, служащіе въ различныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, депутаты отъ обществъ и члены собранія, первоклассное духовенство и, наконецъ, императорскій комисаръ, предшествуемый государственнымъ болгарскимъ знаменемъ и окруженный членами дипломатическаго корпуса, въ ихъ раззолоченныхъ мундирахъ и высшими военными и гражданскими чинами. Въ концѣ шествія ѣхалъ конный взводъ и двигалась громадная толпа жителей. Войска, разставленныя шпалерами, отдавали воинскую честь съ барабаннымъ боемъ. Молебствіе было совершено высшимъ духовенствомъ. Послѣ молебствія князь-комисаръ предложилъ участникамъ торжества завтракъ, а вечеромъ „городъ былъ иллюминованъ“. Долго и весело гудѣли въ эту ночь залитыя потѣшными огнями улицы Тырнова, привѣтствуя давно жданную свободу.

Библіографія.

Откуда пошла русская земля и какъ стала быть. Изд. М. Вольфа. 1878. Спб.

Прекрасное изданіе г. Вольфа, заглавіе котораго мы выше выписали, вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію—представить въ беллетристической формѣ важнѣйшія событія нашей отечественной исторіи. Надо замѣтить, что планъ этого изданія задуманъ покойнымъ А. Разинымъ, писателемъ весьма талантливымъ, которому конечно и принадлежатъ наиболѣе удачные разсказы въ этомъ изданіи; къ сожалѣнію не обозначено въ оглавленіи которые принадлежатъ ему именно и которые г. Ланину, докончившему этотъ трудъ согласно плану А. Е. Разина. Основныя требованія исторической повѣсти удержаны, но они не въ ущербъ строго исторической вѣрности—это, по выраженію издателя, „не болѣе какъ рамка, скрашивающая картину и во многихъ случаяхъ даже уясняющая (рамка?) внутренній смыслъ событій“ и проч.

Такъ какъ нынче въ модѣ историческая беллетристика и такъ какъ внѣшняя сторона изданія и рисунки, исполненные извѣстнымъ художникомъ г. Дмитріевымъ-Оренбургскимъ почти не оставляютъ ничего желать и прибавивъ къ этому дешевизну изданія—мы конечно не ошибемся, если предскажемъ значительный успѣхъ такой полезной книгѣ.

Открытіе болгарскаго народнаго собранія кн. Дундуковымъ–Корсаковымъ въ г. Тырновѣ. По рис. Gr. грав. Рашевскій.

Политическое обозрѣніе.

Смѣшанное занятіе Румеліи. Народное болгарское собраніе. Вопросъ Эльзасъ-Лотарингскій. Въ Африкѣ.

Мы уже обращали вниманіе нашихъ читателей на выдавшійся въ настоящую минуту вопросъ о смѣшанномъ занятіи „Румеліи“. Повидимому, достовѣрнымъ пока считаютъ только то, что Британія и Австрія примутъ въ немъ участіе, Франція же и Германія желаютъ воздержаться отъ этого шага; затѣмъ—всѣ державы, исключая Британіи, склонны устранить Турцію отъ участія въ оккупаціи. Что же касается Россіи, то противъ участія ея ссылаются на то, что, разъ выступивъ изъ Восточной Румеліи, русскія войска не могутъ возвратиться туда безъ предварительнаго измѣненія берлинскаго договора. Итальянское правительство еще не приняло, какъ слышно, никакого рѣшенія насчетъ участія въ занятіи. „Libertà“ говоритъ, что вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ лишь послѣ опредѣленія подробностей организаціи смѣшаннаго корпуса и начальствованія надъ нимъ. По извѣстіямъ изъ Константинополя, послапники продолжаютъ настаивать передъ Портой на планѣ смѣшаннаго занятія Восточной Румеліи, въ особенности опираясь на то, что такимъ способомъ эта провинція можетъ быть упрочена за Турціей безъ всякихъ новыхъ усложненій. Но великій визирь предложилъ державамъ контръ-проектъ, состоящій въ томъ, чтобы военное занятіе было предоставлено турецкимъ регулярнымъ войскамъ, европейскія же державы назначатъ губернатора, который будетъ управлять провинціей

(Продолженіе на стр. 297, 298, 299, и 300.)

подъ наблюденіемъ филиппопольской международной коммиссіи. Если планъ этотъ не будетъ принятъ, то великій визирь рѣшился настоять на томъ, чтобы турецкія регулярныя войска участвовали въ занятіи и составляли большую часть оккупаціоннаго корпуса. Сверхъ того Порта потребуетъ, чтобы контингентъ, выставленный каждой державой, не превышалъ 2,500 человѣкъ.

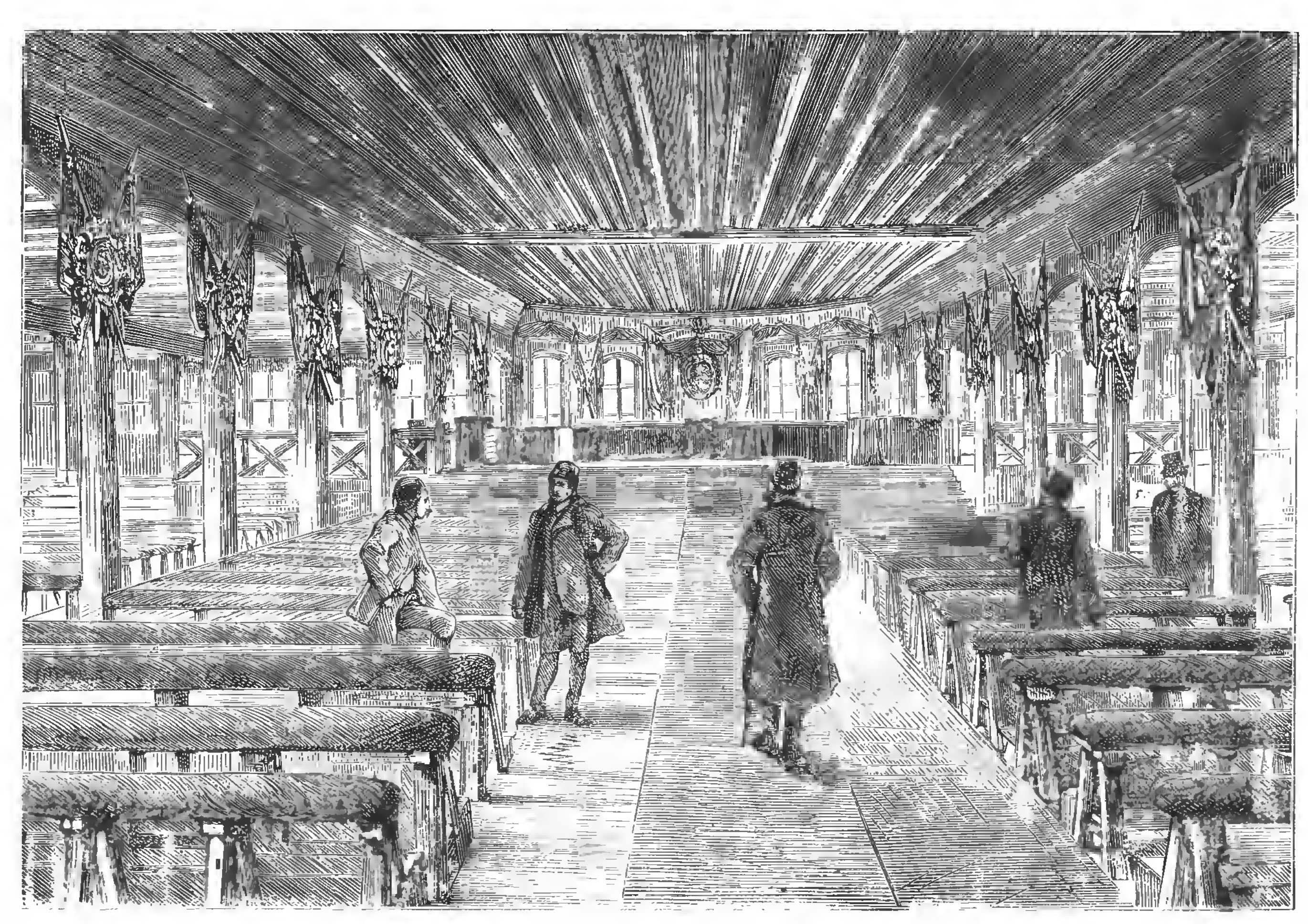
Между тѣмъ, планъ смѣшаннаго занятія Восточной Румеліи какъ кажется не совсѣмъ пріятенъ болгарамъ, которые задаются вопросомъ—откуда ихъ разоренная провинція возьметъ денегъ на содержаніе 10—14 тысячъ иностранныхъ солдатъ. Филиппопольская газета „Марица" старается доказать, что для поддержанія спокойствія въ странѣ достаточно національной милиціи и что магометанскимъ гражданамъ не угрожаетъ никакой опасности. А для своей милиціи Восточная Румелія могла бы поставить хорошій контингентъ—матеріалъ уже готовъ. Болгарская *молодежь въ Восточной Румеліи продолжаетъ дѣятельно обучаться военному дѣлу.* Около 70,000 восточно-румелійскихъ болгаръ уже вооружены хорошими скорострѣльными винтовками. Въ отчетахъ присланныхъ британскому министру иностранныхъ дѣлъ маркизу Салисбэри, настаивается на необходимости *занятія Восточной Румеліи*, для предупрежденія возможности возстанія, достаточно сильнымъ корпусомъ европейскихъ войскъ.

Относительно петиціи болгарскихъ депутатовъ къ европейскимъ державамъ извѣстно, что она не имѣетъ вполнѣ офиціальнаго характера, хотя уже 30 марта была скрѣплена подписью 175-ти представителей Княжества. Въ петиціи обстоятельно указываются многоразличныя затрудненія, которыя должны возникнуть въ случаѣ занятія турецкими войсками Балканскихъ горныхъ проходовъ. Затрудненія эти представить могутъ серьезное препятствіе естественному развитію благосостоянія какъ Болгарскаго княжества, такъ и Восточной Румеліи. *Коммисія, обсуждавшая проектъ болгарскаго уложенія, предлагаетъ избрать Софію столицей княжества.* Оказывается возможнымъ соединить этотъ городъ рельсовымъ путемъ съ мѣстечкомъ Ломъ-Паланкою, лежащимъ на берегу Дуная, нѣсколько ниже Виддина. Когда эта желѣзная дорога будетъ построена, то Софія очевидно станетъ торговымъ и административнымъ центромъ Болгарскаго Княжества.

Изъ Тырнова телеграфируютъ отъ 1-го апрѣля: „Въ одномъ изъ предстоящихъ засѣданій народному собранію будетъ сообщено требованіе значительной суммы на сооруженіе княжескаго конака въ Софіи. Въ Тырновѣ будущій князь присягнетъ въ вѣрности конституціи и затѣмъ въ сопровожденіи всѣхъ членовъ національнаго собранія отправится въ Софію.

Въ нашемъ прошломъ обозрѣніи мы коснулись возбужденнаго нынѣ въ Германіи вопроса административнаго обособленія Эльзасъ-Лотарингіи. Вотъ что передаютъ по поводу этого предмета. Эльзасскіе автономисты представили имперскому канцлеру предложеніе, въ которомъ просятъ его объ учрежденіи самостоятельнаго правительства для Эльзаса и Лотарингіи, центръ котораго долженъ находиться въ Страсбургѣ. О способахъ осуществленія такого нововведенія еще неизвѣстно ничего положительнаго, такъ какъ внесшіе предложеніе не выяснили этого, почему приходится ожидать разъясненія дѣла изъ преній въ рейхстагѣ. „Эльзасская Газета", впрочемъ, слѣдующимъ образомъ говоритъ о стремленіяхъ эльзасъ-лотарингцевъ: „они требуютъ, чтобы страна управлялась самостоятельнымъ правительствомъ, которое имѣло бы притомъ и свое мѣстопребываніе въ самой провинціи. Формулѣ, которую они употребили въ данномъ случаѣ, намѣрены придать нѣсколько общій характеръ, для того, чтобы, не вдаваясь въ разъединяющія частности, сохранить принципъ, относительно котораго всѣ могутъ быть безусловно согласны. Самостоятельное правительство, засѣдающее въ Страсбургѣ, должно совмѣщать въ себѣ законодательную и исполнительную власти. Оно является для гражданъ и управленіемъ, и представительствомъ. Требуютъ, чтобы руководящая власть находилась не въ Берлинѣ, а у насъ, чтобы законодательная власть была расширена, т. е. получила бы право иниціативы. Скажемъ здѣсь, кстати, что, насколько можно судить по отзывамъ и частнымъ свѣдѣніямъ изъ Эльзасъ-Лотарингіи—нѣмецкое вліяніе довольно значительно уже проникло въ массу населенія".

Если вѣрить британскимъ источникамъ, то Сетевайо ищетъ мира у своего могущественнаго непріятеля. Въ особомъ приложеніи къ офиціальной „Gazette" напечатана помѣченная 1-мъ марта телеграмма британскаго агента на границѣ страны зулусовъ. Въ телеграммѣ этой онъ сообщаетъ о прибытіи посланцевъ отъ Сетевайо. „Люди эти, пишетъ британскій агентъ, заявляютъ, что Сетевайо никогда не желалъ войны съ Англіею и даже старался исполнить требованія сэра Бартля Фрера, когда враждебныя дѣйствія уже начались. Король зулусовъ никогда не имѣлъ намѣренія аттаковать англичанъ. Бой подъ Изандулой произошелъ вслѣдствіе аттаки англійской кавалеріи на форпосты зулусовъ. По случаю этого боя, генералъ, коман-

Залъ Болгарскаго народнаго собранія въ Тырновѣ. По рис. Gr. грав. Рашевскій.

довавшій зулуесскими войсками, смѣщенъ съ должности за то, что не воспрепятствовалъ солдатамъ принять участіе въ сраженіи. Въ заключеніе Сетевайо проситъ пріостановить военныя дѣйствія и возобновить переговоры.

Разныя извѣстія.

Китайская дипломатія стремится стать вполнѣ на европейскую ногу. „Шипну“ (ежедневный указатель), выходящій въ Шанхаѣ, обнародовалъ декретъ обѣихъ императрицъ-регентшъ о систематической и новой организаціи представительства Китая за границей. На основаніи этого, Китай впредь будетъ имѣть постоянныхъ пословъ въ Европѣ и назначаетъ въ различныя страны консуловъ, генеральныхъ консуловъ и проч. Мѣсячное содержаніе чрезвычайнаго посланника опредѣляется въ 4,200 фл., посланника въ 3,600 фл., министра-резидента въ 3,000 до 2.400 фл., chargé d'affaires или генеральнаго консула въ 1,800 фл., консула въ 1,500 фл., вице-консула въ 1,200 фл., посольскаго доктора въ 600 фл. Содержаніе будетъ выдаваться черезъ шанхайскую таможню. Кромѣ того государство принимаетъ на свой счетъ расходы на квартиру, пріемы и дипломатическіе обѣды пословъ, а также на экипажи и лошадей своихъ пословъ. Каждый посланникъ долженъ въ важныхъ случаяхъ телеграфировать непосредственно къ императрицамъ-регентшамъ. Срокъ миссіи каждаго посла опредѣленъ на три года, послѣ чего онъ отзывается обратно и замѣняется другимъ лицомъ.

Изъ Нью-Іорка сообщаютъ что м-ръ Эддисонъ произвелъ весьма удачный опытъ надъ изобрѣтеннымъ имъ освѣтительнымъ аппаратомъ „раскаленнымъ свѣтомъ“, освѣтивъ имъ свою лабораторію и мастерскую. Помѣщеніе было освѣщено 14 новыми лампами, равняющихся каждая по силѣ свѣта отъ 18 до 20 свѣчей; горятъ онѣ бѣлымъ свѣтомъ, гораздо болѣе яркимъ, чѣмъ свѣтъ угля и распространяя вдвое болѣе лучей, чѣмъ пламя газа. Для дѣйствія употребляется обыкновенная машина Грамма въ 23 лошадиныя силы. Эддисонъ говоритъ, что онъ можетъ снабжать уже теперь освѣщеніемъ частныя жилища за половину цѣны сравнительно съ стоимостью газа, но что онъ разсчитываетъ еще усовершенствовать свои лампы и экономію двигателя. Онъ открылъ новый сплавъ платины съ иридіумомъ, съ помощью котораго на каждую лошадиную силу можно увеличить количество лампъ по крайней мѣрѣ на 50%. Еще недавно получены были извѣстія не совсѣмъ удовлетворительныя объ изобрѣтеніи Эддисона. Говорили, что неожиданныя затрудненія мѣшаютъ выдать патентъ нѣсколько таинственному открытію „раскаленнаго свѣта“, и что горѣлка распространяетъ такой жаръ, что она плавится раньше, чѣмъ предохранительный регуляторъ успѣетъ оказать свое вліяніе. Это затрудненіе, повидимому, обойдено, такъ какъ удалось одновременно поддерживать свѣтъ въ нѣсколькихъ лампахъ; это доказываетъ, что найденъ способъ разобщать пламя удовлетворительнымъ образомъ. Горѣлки сдѣланы изъ сплава платины съ иридіумомъ. Послѣдній металлъ обыкновенно встрѣчается вмѣстѣ съ первымъ, и какъ мы полагаемъ чрезвычайно обиленъ. Но такъ какъ онъ до сихъ поръ не имѣлъ спеціальнаго назначенія, то не особенно старались извлекать его. Извѣстные опыты электрическаго освѣщенія въ Лондонѣ, хотя удовлетворительные въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, имѣли неудобство дороговизны и вовсе не предназначались для частнаго употребленія. Изобрѣтеніе же Эддисона, по его мнѣнію, имѣетъ то преимущество, что оно доставляетъ освѣщеніе вдвое дешевле газа.

Мистрисъ Локвудъ, извѣстная американская законовѣдка, допущена рѣшеніемъ верховнаго суда Соединенныхъ Штатовъ къ адвокатской практикѣ. Американскія газеты предсказываютъ, что разъ ей удалось добиться этого, ничто уже болѣе не мѣшаетъ ей сдѣлаться когда нибудь предсѣдательницею суда.

Въ нынѣшнее лѣто начнутся вновь работы по буренію артезіанскаго колодца въ Крыму, около станціи Айбары. Работы эти опредѣлено продолжать до той поры, пока буръ не упрется въ гранитъ, почему нынѣ и изготовляются необходимые инструменты. Достигнутая до прекращенія буренія глубина чрезвычайно замедляла ходъ работъ, такъ какъ въ послѣднее время по 14½ часовъ требовалось только на одно поднятіе и спусканіе буроваго снаряда. Она превосходила глубину извѣстнаго Вестфальскаго колодца въ Нейзальцверкѣ, т. е. 2144 фута. Работы, начавшіяся въ 1869 г., обошлись до 1878 г. въ 135,000 р., а пока все не удалось дойти до ожидаемаго водоноснаго пласта.

Есть извѣстіе о примѣненіи эдиссоновскаго микрофона для поимки воровъ. Какой-то купецъ въ Калькуттѣ, замѣтивъ быстрое уменьшеніе своего запаса масла, прикрѣпилъ къ одной изъ бочекъ съ масломъ микрофонъ, проволока отъ котораго была въ его спальнѣ. Ночью онъ явно услышалъ, какъ стали переливать масло изъ бочки. Онъ поспѣшилъ въ кладовую и схватилъ вора.

Ширъ-Али неохотно оставилъ Кабулъ, чтобы отправиться въ Россію; вѣроятно онъ предчувствовалъ, что не увидитъ болѣе своей столицы. Поэтому, онъ взялъ съ собою все семейство и всѣ сокровища, чтобы спасти ихъ отъ Якубъ-хана, которому не довѣрялъ. Въ Балкѣ онъ составилъ духовное завѣщаніе, копію котораго отослалъ въ государственный совѣтъ въ Кабулѣ, а оригиналъ оставилъ при себѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выразилъ желаніе, чтобъ въ случаѣ его смерти, его тѣло было перевезено въ селеніе Казерджіяхъ, отстоящее на одинъ часъ пути отъ Хената, и погребено тамъ рядомъ съ могилою святаго Ходжи-Абдуллаха Ансари,—гдѣ также покоится и его отецъ Достъ-Могамедъ. Изъ своего состоянія онъ завѣщалъ семь лакъ рупій (1 лакъ рупій равняется около 70,000 руб.) на богоугодныя заведенія. Замѣчательно также, что между афганцами уже съ давняго времени существуетъ пророчество, что вскорѣ по возстановленіи индійскаго императорскаго престола, ихъ страна еще разъ подпадетъ подъ господство Индіи.

Ариѳметическая задача.

1) **Въ одномъ семействѣ**—если сложить цифры изъ которыхъ состоитъ годъ рожденія матери а также сына или дочери, то во всѣхъ трехъ случаяхъ сложенія суммы должны выйти одинаковыми (напр. если бы мать родилась въ 1853 г. то сумма цифръ была бы 1+8+5+3=17).

2) Сумма цифръ года въ которомъ родился отецъ, за вычетомъ 1, равняется числу лѣтъ отъ рожденья его сына.

3) Разница лѣтъ отца и матери ровна числу лѣтъ отъ рожденья дочери.

4) Лѣта отца, за вычетомъ 1, ровняются ¾ сложенныхъ вмѣстѣ суммъ, указанныхъ въ первомъ вопросѣ.

5) Наконецъ всѣ вмѣстѣ имѣютъ 106 лѣтъ.

Требуется знать: въ какомъ году каждый изъ членовъ этаго семейства родился и сколько лѣтъ каждому въ настоящемъ году.

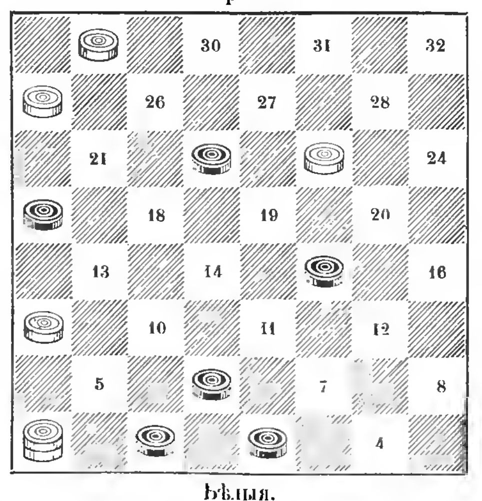
Задача. Ходъ короля въ шахматной игрѣ *).

доро	же	ныхъ	полу	чей	лю	хо	тятъ
лодъ	хо	зной	дня	лу	ди	мѣть	и
и	тож	нич	дятъ	прохо	ди	лю	души
во	ля	ной	одна	за	химъ	и	что
не	ихъ	тол	тятся	дру	глу	души	же
намъ	так	пою	на	гою	момъ	шу	въ
гимъ	вол	же	ны	съ	и	нихъ	волнъ
дру	за	одинъ	вол	пле	сномъ	нѣй	холод

*) Для неиграющихъ въ шахматы, объясняемъ, что король можетъ ходить по всѣмъ 8 направленіямъ шахматной доски, но не дальше какъ на сосѣднюю клѣтку. Рѣшеніе этой задачи—стихотвореніе знаменитаго русскаго поэта.

Шашечная задача № 4.

Черныя.

Бѣлыя.

Черныя начинаютъ, выигрываютъ, и запираютъ 2 простыя и одну дамку. Какими ходами?

Рѣшеніе шахматной задачи въ № 9.

Бѣлые.	Черные.
1) Ферзь D 2—D 1	1) B 5—A 4
2) Ферзь D 1—A 4	2) Какъ угодно.
3) Ферзь A 4—A 5, C 4. D 4 ††	

РЕБУСЪ.

Рѣшеніе ребуса будетъ въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Спб. П. Л—бергу. Это стих. Гейне переведено очень хорошо два раза и въ третьемъ переводѣ нѣтъ необходимости.

Воронье, Е. К—кову «Посейдонъ» Гейне превосходно переведенъ Фетомъ а друг. стих. Михайловымъ и Плещеевымъ.

Каменская ст. И. И—ву. Рѣшенія ваши правильны.

Ц. С. NN. Въ переводахъ со стороны нѣтъ необходимости.

Г. Владиміръ N. То, что вы предлагаете относительно рисунковъ всегда дѣлалось въ „Нивѣ“ и безъ того.

Москва. Евг. Д. К—чу. Статьи по математикѣ не въ программѣ журнала „Нива“.

Ж—ому. Что за цѣль переписывать чужіе стихи и выдавать за свои?

Кобеляки В. Г. Губ—ву. Въ переводахъ и переводчикахъ, большею частью хорошихъ, редакціи не имѣютъ въ Петербургѣ недостатка.

Не будутъ помѣщены стихи: 1) Е. Мих—ъ (Спб. Вас. остр.) 2) М. Пон—рева (Москва Срѣт.) 3) И. Д Кад—ому (Орелъ) 4) И. И. Мир—ва (Скопинъ). 5) Золот—ва (Николаевъ). 6) Н. Н. (Тамбовъ) 7) Лип—га (Одесса). 8) Ж—ской (Вас. Остр) 9) Лев—цкаго (Лиговка) 10) Гал—ткн (Одесса) 11) А. Вав—лина (Мохов.) 12) В. Смирн. (Спб) 13) Бурновц—го (Ямболь) 14) Марч—ва (Остеръ) 15) Сыц—нко (Витебскъ). 16) Зубк—аго (Симферополь) 17) Селив—ва (Екатеринбургъ). 18) Е. Р. (Спб.) 19) Калаш—ва (Веретея) 20) Оск. П—та (Москва). 21) А. Бак—лина (Лебедянь). 22) Кв. Род—ва (Москва), Ѳ. Ѳ. Ѳ., А. Мол—а (Симбирскъ), г. Верх—ва (Сызрань).

Опечатка.

Въ объявленіи **объ энциклопедическомъ словарѣ**, помѣщенномъ въ № 8 „Нивы“, по ошибкѣ наборщика, напечатано имя издателя **Христіанъ Карловичъ Небе**, тогда какъ слѣдовало напечатать: **Христіанъ Конрадовичъ Небе.** Вслѣдствіе этого издатель словаря **Христіанъ Конрадовичъ Небе** покорнѣйше проситъ всѣхъ лицъ, адресовавшихъ свои требованія на энциклопедическій словарь на имя Христіана Карловича—сообщить въ Денежную Экспедицію С.-Петербургскаго Почтамта о выдачѣ денежныхъ пакетовъ ему, Христіану Конрадовичу Небе, безъ чего означенная Экспедиція не выдаетъ ему этихъ пакетовъ, какъ адресованныхъ, по ошибкѣ, не на его имя.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Вышла въ свѣтъ и продается въ Конторѣ Редакціи „Нивы" и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы.

ВЪ КАМЫШАХЪ

ПОВѢСТЬ

Н. Н. Каразина.

Съ 39 рисунками автора

Второе изданіе

большой томъ in 8—всего 304 стр.

С.-Петербургъ 1879 г.

Изданіе **А. Ф. Маркса.**

по Б. Морской, д. № 9.

Цѣна 2 руб, съ пересылкой 2 руб. 30 к.

Подписчики „Нивы" за пересылку не платятъ.

Повѣсть эта яркими красками рисуетъ жизнь Туркестанскаго края; достоинства ея достаточно доказываются уже тѣмъ, что повѣсть эта переведена на нѣмецкій, французскій и англійскій языки. Нынѣ вышедшее второе изданіе заключаетъ въ себѣ 39 рисунковъ: она гораздо богаче и лучше, чѣмъ уже распроданное первое изданіе этой повѣсти.

№ 41 2—2 Изд. „Нивы" А. Ф. Марксъ.

НАТУРАЛЬНЫЯ

КРЫМСКІЯ И КАВКАЗСКІЯ ВИНА,

ОДОБРЕННЫЯ ДОКТОРСКИМИ ОТЗЫВАМИ

ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ.

ТОРГОВЛЯ КРЫМСКИМИ ВИНАМИ НАХОДИТСЯ

14. Малая Морская 14. № 105

ТРЕХЪ-СОШНЫЙ ПЛУГЪ.

52 руб. съ доставкою до границы.

Пашетъ разомъ три борозды, силъ требуетъ не болѣе каждаго другаго плуга, не ведется а работаетъ самостоятельно и пашетъ ежедневно полторы десятины.

Морицъ Вейлъ младш. Машин. фабрика въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

Moritz Weil jun. Frankfurt a M. Seilerstrasse № 21.

2—1 № 104 Heiligkreuzgasse № 12.

ВНОВЬ ОТКРЫТОЕ

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДЕПО

резиновыхъ издѣлій и готовой кожаной обуви механической фабрики

Л. ЦІОЛКОВСКІЙ и Комп.

АДМИРАЛТЕЙСКАЯ ПЛОЩАДЬ, № 10.

РЕКОМЕНДУЕТЪ:

Резиновые пальто отъ 12 р., шерстяные пропитанные резиною, отличающіеся прочностью отъ 25 р., карманные, вѣсомъ 1/2 фунта, удобно помѣщающіеся въ боковомъ карманѣ отъ 25 рублей.

Резиновыя фуражки отъ 1 р., **резиновыя скатерти, подтяжки, подвязки, пажи, подмышники, портсигары, папиросницы, спичечницы, запонки, броши, медальоны, серьги, цѣпочки** изъ жженой резины.

Дорожные предметы, какъ: **матрацы, подушки, ванны** и **ведра складныя, санъ-вояжи, сумки, портфели, нессесеры, фляги, стаканы, зубныя щетки, губки, умывальники** изъ неломкаго матеріала, **горшки складные, палки, хлысты, зонтики** резиновые. **Галоши 1-го** разбора по фабричнымъ цѣнамъ. **Резиновыя игрушки. Хирургическіе и медицинскіе инструменты и пособія.**

Пріемъ заказовъ на техническія издѣлія Россійско-Американской резиновой мануфактуры, по фабричному прейсъ-куранту.

НОВОСТЬ! Резиновыя мѣшки для предохраненія мѣховой и шерстяной одежи отъ моли.

ПОДПИСКА НА СБОРНИКЪ ВОЕННЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Первые два тома вышли и высылаются подписчикамъ немедленно. Третій томъ вмѣстѣ съ альбомомъ Соколова и портретною галлереею выйдетъ во второй половинѣ Апрѣля. Одновременно выйдетъ и четвертый томъ. Всѣ новые подписчики получаютъ альбомъ Соколова и портреты.

Цѣна на первую серію первыхъ трехъ томовъ сборника 12 руб.; иногородные прилагаютъ пересыльныя за 18 фунтовъ. Подписная цѣна на вторую серію т. е. на 4, 5 и 6 томы 10 р. и пересыльныя за 15 фунтовъ. Для подписчиковъ второй серіи даровая премія при выходѣ III тома въ Сентябрѣ будетъ заключаться въ трехъ аквареляхъ.

Цѣна за обѣ серіи 22 р.; и пересыльныя за 33 фунта. Можно подписываться съ разсрочкою, а именно: теперь внести 8 р. и вѣсовые за 11 ф.; въ концѣ Апрѣля 7 р. и пересылочные за 12 ф.; въ концѣ Мая 4 р. и пересылочныхъ за 5 ф.; и въ Августѣ 3 р. вѣсовыя за 5 фунтовъ.

Важное примѣчаніе: по выходѣ третьяго тома во второй половинѣ Апрѣля подписная цѣна на первую серію будетъ возвышена.

Редакторъ-издатель Кн. **В. Мещерскій.**

Скрипки отъ 2 р. 50 к. до 300 р. школы по 3 р. и 4 р.—**Флейты** отъ 3 р. до 75 р. школы по 1 р. 50 к и 3 р.—**Кларнеты** отъ 6 р. до 60 р. школа 4 р.—**Нѣмецк. концертино** отъ 2 р. 50 к. до 30 р. школа 75 к. **Англійск. концертино** отъ 30 р. до 160 р. школа 3 р.—**Гармонифлюты и гармоніумъ** отъ Виссона изъ Парижа.—**Музыкальные ящики** отъ 6 р. до 160 р. **Цитры** отъ 14 р. до 100 р., школы 2 р., **Корнеты-а-пистонъ** отъ 18 р. до 120 р. школы по 1 р. 50 к., 4 р. и 5 р.—**Гитары** отъ 3 р. 50 к. до 100 р, школы по 2 р. и 3 р.—**шарманки** отъ 10 р. до 50 р. **Гармоніи** больше 100 сортовъ и ноты къ нимъ и всѣ другіе музыкальные инструменты принадлежности къ нимъ и струны рекомендуетъ № 31 6—4

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

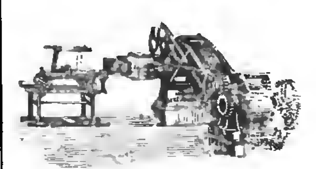
ЮЛІЯ ГЕНРИХА ЦИММЕРМАНА

по Большой Морской ул., д. № 42, въ С.-Петербургѣ.

Подробный прейсъ-курантъ посылается по требованію безплатно.

Людвигъ Феодоровичъ ШЛИКЕЙЗЕНЪ инженеръ.

Москва, Мясницкая, д. Сытова.

Рекомендуетъ **ПАТЕНТОВАННЫЯ ТОРФЯНЫЯ МАШИНЫ** наибольшей производительности, механическаго завода **К. Шликейзенъ** въ **Берлинѣ** старѣйшаго и знаменитѣйшаго по этой отрасли, и беретъ на себя изготовленіе плановъ и смѣтъ на устройство цѣлыхъ торфяныхъ производствъ.

Эти торфяныя машины снабжены патентованнымъ приспособленіемъ для измельченія корней и всѣ работающія части сдѣланы изъ стали.

Иллюстрированные каталоги и отзывы объ этихъ торфяныхъ и кирпичедѣлательныхъ машинахъ по востребованію высылаются безплатно. № 94 3—2

ВЕНЦЕЛЬ. МОЛОЧНАЯ МУКА ГЕНРИХА НЕСТЛЕ

МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ 1 РУБ.

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ

и **СГУЩЕННОЕ МОЛОКО НЕСТЛЕ.** Безъ пересылки 75 К.

ГЛАВНОЕ ДЕПО для оптовой и розничной продажи въ С.-Петербургѣ у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ** въ зданіи **Воспитательнаго дома по Казанской ул. № 3**, Магазинъ № 7, а также у **Штоль и Шмидтъ**—въ **Спб. Химической Лабораторіи**,—въ **Русскомъ Обществѣ Торговли Аптекарскими Товарами** и во всѣхъ москательныхъ торговляхъ и аптекахъ Россійской имперіи.

Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель*

Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится **СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ** и **ПОДПИСЬ Александра Венцеля ЕДИНСТВЕННАГО** агента моего для всей Россіи.

№ 51 26—3 **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ** въ Веве (Швейцарія).

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

БАСНИ И. А. КРЫЛОВА,

ИЗДАННЫЯ П. А. ЕГОРОВЫМЪ,

СЪ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ И. С ПАНОВА,

№ 84 въ 16 д. листа ц. 50 коп.; въ 8 д. листа ц. 1 рубль. 1—1

БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

№ 100 2—2

	Съ доставкой въ Петербургѣ. р.	к.	Съ пересылкою иногороднымъ. р.	к.
На 9 мѣсяцевъ	14	—	15	—
» 8 »	12	—	13	50
» 7 »	10	50	11	50
» 6 »	9	—	10	—
» 3 »	4	50	5	—
» 1 »	1	50	1	75

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ, въ С.-Петербургѣ, по Большой Конюшенной, д. № 15, кв. № 22.—Въ Москвѣ, у Н. А. Мейеръ, на Моросейкѣ, д. Леонова.

ТЕЛЕГРАФЪ

САМАЯ ДЕШЕВАЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ,

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА.

Подписная цѣна съ доставкою на домъ въ Петербургѣ и съ пересылкою иногороднымъ: на 9 мѣсяцевъ—4 р. 75 к., на полгода—3 р. 50 к., на 3 мѣсяца 2 р.

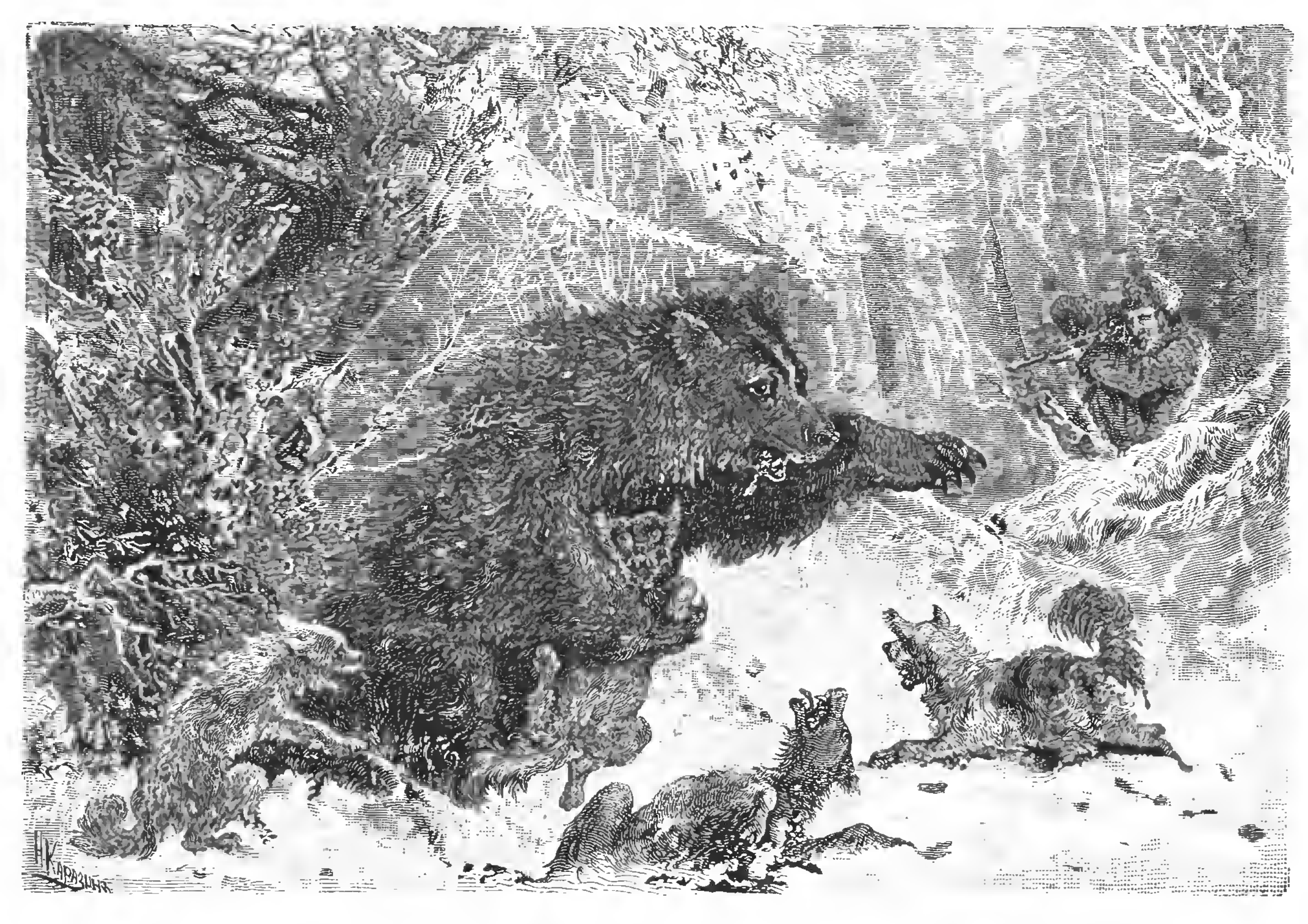
Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ въ Большой Конюшенной, д. № 15, кв. № 22. Въ Москвѣ, у Н. А Мейеръ, на Моросейкѣ, въ д. Леонова.

Дозволено цензурою СПБ. 5 Апрѣля 1879 г. Тип. Зеллина Англ. пр. № 10.

№ 16 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.)
Выданъ 16 Апрѣля 1879 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Охота на медвѣдя съ „лайками“. Ориг. рис. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Медвѣжья охота.

Въ числѣ многоразличныхъ способовъ медвѣжьей охоты, практикующихся на нашемъ сѣверѣ, нѣкоторые отличаются своею первобытностью и не всѣмъ извѣстны. Такъ какъ медвѣдь, великій охотникъ до дичи, похищаетъ ее въ большомъ количествѣ на „слопахъ" т. е. петляхъ, и случается, обираетъ начисто всѣхъ попавшихся рябчиковъ, то охотникамъ является уже необходимость принять мѣры противъ похитителя. Ставятъ на тропѣ тяжелый медвѣжій капканъ, настораживаютъ самострѣлъ, а всего чаще подстерегаютъ на лабазахъ, устроенныхъ близь медвѣжьей тропы и бьютъ его жеребьями (неправильными кусками свинца) изъ широкодульныхъ ружей. Вообще сѣверные охотники—зыряне не любятъ и боятся охоты на медвѣдя, избѣгая съ нимъ встрѣчи. На нихъ охотятся преимущественно крестьяне-великоруссы. Зырянинъ одинъ не рѣшится напасть на медвѣдя, а собираетъ еще нѣсколькихъ человѣкъ съ ружьями и рогатинами. Сперва заваливаютъ берлогу корнями, и затѣмъ стрѣляютъ туда на удачу сквозь снѣгъ до тѣхъ поръ, пока не станетъ слышно въ берлогѣ рева. Одинъ изъ употребительныхъ способовъ—взять съ собой нѣсколько бойкихъ, пріученныхъ къ тому собаченокъ—такъ называемыхъ „лаекъ". Тутъ охотникъ не подвергается даже большой опасности: какъ бы медвѣдь ни вертѣлся, собаки непремѣнно въ него вцѣпятся; тогда онъ долженъ присѣсть на корточки и въ этомъ положеніи отбиваться передними лапами отъ собакъ, нападающихъ на него со всѣхъ сторонъ. Въ это время охотникъ, зарядивши ружье, во второй разъ успѣетъ хорошенько взять звѣря на цѣль, и сдѣлать вѣрный выстрѣлъ. Если этотъ выстрѣлъ не повалитъ медвѣдя, то въ ярости онъ бросается на охотника; но тутъ собаки схватываютъ его за незащищенную часть тѣла, медвѣдь метнется въ ту сторону—а съ другой въ него уже вцѣпилась другая собака. Нечего дѣлать, надобно опять ему присѣсть: а охотникъ между тѣмъ снова зарядилъ ружье и мѣтитъ въ него третьею пулей. Если же выйдетъ такой рѣдкій случай, что и третья пуля не попадетъ, тогда возня съ медвѣдемъ еще продлится, но хорошія собаки ни въ какомъ случаѣ отъ него не отставутъ. Этотъ способъ охоты изображенъ нашимъ талантливымъ художникомъ на прилагаемомъ рисункѣ. Осаду медвѣдя въ берлогѣ сѣверные промышленники дѣлаютъ еще и другимъ способомъ: нарубаютъ нѣсколько вершинъ съ елей и пихтъ, длиною аршина въ два, и подходятъ къ медвѣжьей берлогѣ; смотрятъ по древеснымъ сучьямъ надъ берлогою гдѣ толще слой инея, т. е. гдѣ намерзло отъ дыханія медвѣдя, въ отверстіе берлоги. Заслышавъ близкое царапанье звѣря, втыкаютъ въ это мѣсто вершинку. толстымъ концомъ (комлемъ) впередъ: такъ какъ вѣтви ели растутъ вверхъ, то медвѣдь легко втаскиваетъ вершинку къ себѣ. Вслѣдъ за первою вершинкою втыкается другая, третья и т. д. Звѣрь, озлобясь, ревётъ, все втаскиваетъ къ себѣ. но вытолкнуть въ тоже отверстіе хвою не можетъ. такъ какъ этому мѣшаютъ, цѣпляясь, вѣтви. Медвѣдь, прижатый къ одной сторонѣ, начинаетъ страшно ревѣть. По реву опредѣляютъ мѣсто его нахожденія и стрѣляютъ въ упоръ. Такое разстрѣливанье, разумѣется, дѣлаетъ шкуру никуда не годною; однако не разъ случалось, что слабо раненный звѣрь, притаившійся въ углу берлоги, гдѣ пули его не хватали, когда разрывали берлогу, вырывался изъ своего логовища и доставалось охотникамъ.

Стихотворенія.

I.

Незримыя слезы.

(Изъ Т. Кёрнера).

Улыбаясь, проснулась ты рано,—
Солнце блещетъ, ярка синева,
Пчелы громко гудятъ межъ цвѣтами,
Вся въ росинкахъ жемчужныхъ трава...

А вѣдь вплоть до разсвѣта—ты знаешь?
Ночь дышала свирѣпой грозой,
И на землю унылое небо
Проливало слезу за слезой...

А съ инымъ тоже въ мірѣ бываетъ:
Онъ проплачетъ всю ночь на пролётъ,
Днемъ же веселъ—и думаютъ люди,
Что онъ счастливъ, не знаетъ невзгодъ!

II.

Ребенокъ.

(Изъ Фр. Геббеля).

Умерла... Но лежитъ какъ живая
Вся въ цвѣтахъ, среди зелени, мать,—
А дитя на цвѣты загляделось,
Глазъ не можетъ отъ нихъ оторвать.

Въ волосахъ у покойницы розы,
Иммортели, кругомъ резеда...
Ни въ лугахъ, ни въ лѣсу не встрѣчалъ онъ
Этихъ дивныхъ цвѣтовъ никогда.

И своимъ голоскомъ серебристымъ
Неотступно такъ молитъ дитя:
„Подари, дорогая, родная,
„Ты одинъ мнѣ цвѣточекъ хотя!"

Нѣтъ отвѣта, увы—и малютка
Прошепталъ про себя: „спитъ она
„Очень крѣпко, за то какъ проснется
„Дать цвѣтовъ непремѣнно должна"...

И неслышной походкою, тихо
Онъ ушелъ,—ея бѣдный птенецъ—
Но къ дверямъ подходилъ все и слушалъ,
Не проснулась ли мать наконецъ.

П. Быковъ.

Тайна на берегу моря.

(Разсказъ В. Киля).

I.

Въ очень еще юномъ возрастѣ я осталась совершенно одинокою и никому не было дѣла до меня и до образа моей жизни. Я не имѣла ни братьевъ, ни сестеръ, мои родители умерли, когда я была еще малюткой. Тетка усыновила меня и, какъ родная мать, была ко мнѣ ласкова и добра. Имѣть съ ней дѣло было пріятно во всѣхъ отношеніяхъ; но одинъ ея поступокъ заставилъ меня промѣнять прекрасную мою родину на уединеніе Берлинской гостинницы, гдѣ я чувствовала себя совершенно одинокою, брошенною на произволъ судьбы. Я потребовала помѣщеніе и меня привели—я подробно помню каждую мелочь—въ большую уютную комнату съ прекрасною софою и покойными креслами. Хотя погода была и не холодна, но въ каминѣ горѣлъ яркій огонь. Я поставила стулъ къ окошку и отдалась моимъ мыслямъ. Мимо проходили тысячи людей. Никогда я не видѣла такого количества экипажей разнаго рода. Шумная живая рѣка людей текла мимо меня—это живо меня заинтересовало. Трудно представить себѣ, не видѣвъ, такое постоянное движеніе, такую безпрестанную смѣну самыхъ разнородныхъ лицъ! Подумать только, что каждый имѣетъ свою жизнь, свои огорченія, надежды и опасенія! По лицамъ однихъ видно, что жизнь ихъ полна заботъ, другіе кажется, безпечно торопятся идти по пути жизни, наконецъ третьи близки какъ будто къ смерти.. Хотите открыть ваше сердце для любви къ людямъ, идите и наблюдайте озабоченное, дѣятельное уличное движеніе! Мнѣ, покрайнѣй мѣрѣ, мои личныя заботы и испытанія показались въ то время такими ничтожными. У меня было хорошее здоровье, дѣятельный и живой умъ, кой-какія познанія и наружность, которая, какъ мнѣ говорило зеркало, съ честью могла выдержать критику.

Я не героиня этой повѣсти читатель; но, позволь мнѣ прежде всего разсказать кое что о себѣ лично, и мнѣ будетъ легче продолжать эту странную исторію.

Я носила имя Маріанны Эверсъ. По смерти моихъ родителей была я усыновлена единственною изъ всѣхъ оставшихся въ живыхъ родственниковъ—сестрою моего отца, также Эверсъ. Она никогда не была красавицей; это была богатая свѣтская дама и, какъ бездѣтная,

всегда желала имѣть кого-нибудь, кому бы послѣ смерти могла оставить свое состояніе. Она была вдова и, хотя находилось много претендентовъ на ея руку, но выйти замужъ во второй разъ она не пожелала.

Мнѣ дали образованіе въ одномъ изъ лучшихъ пансіоновъ и уже 17-ти лѣтъ я сдѣлалась для моей тетки возможной собесѣдницей. Три года мы прожили совершенно дружно и вдругъ произошелъ нашъ первый раздоръ. Поводомъ къ ссорѣ послужило мое замужество. Теперь я вижу, что была не права и, вернись опять это время, я поступила бы иначе. У меня были два „поклонника“: одинъ—молодой гвардейскій капитанъ—Бруно Ронъ, другой—старый баронъ фонъ-Вильтенъ. Разумѣется, мнѣ нравился Бруно. Мы были уже почти помолвлены, какъ моя тетка начала настаивать, чтобы я прекратила съ нимъ отношенія и приняла бы предложеніе барона, ея стараго друга. Я не хотѣла объ этомъ и слышать и, конечно, не promѣняла бы Бруно и на владѣтельнаго принца. Вслѣдствіе этого мы горячо поспорили и тетка въ минуту сильнаго возбужденія попрекнула меня оказанными ею благодѣяніями. Теперь я знаю, что она не думала объ этомъ серьозно и что она любила меня, какъ собственную дочь; но гордость моя была тогда оскорблена, запальчивость ослѣпляла меня и я вообразила, что ей уже непріятно стало держать меня дольше. И я ее покинула. Никогда не забыть мнѣ выраженія ея лица, когда, часъ спустя послѣ нашей ссоры, я вошла къ ней въ комнату.

На мнѣ было дорожное платье, я положила немного денегъ въ кошелекъ, уложила мои сундуки и была готова пуститься въ дорогу. Я не знала, куда поѣду, и не безпокоилась объ этомъ.

— Маріанна, дитя мое, куда ты?

— Я покидаю васъ, тетя. Вы попрекнули меня благодѣяніями, которыя мнѣ оказали; я не хочу больше пользоваться ими!

— Ты не должна меня покидать, проговорила она поспѣшно, что скажетъ свѣтъ?

Это рѣшило вопросъ. Если бы она сказала, что мой отъѣздъ ее огорчаетъ или, что я не должна покидать ее, потому что она меня любитъ—моя гордость исчезла бы; но „что скажетъ свѣтъ“ о томъ, что Маріанна Эверсъ не хочетъ больше зависѣть отъ благодѣяній, это нисколько меня не трогало. „Скажите свѣту то, что вы сказали мнѣ сегодня утромъ“, отвѣчала я, „тогда никто не удивится, что я предпочитаю сама о себѣ заботиться“.

— Что-же ты будешь дѣлать? спросила она сердито.

— Найму себѣ квартиру, пока не найду мѣста гувернантки или компаньонки; и не хочу больше никогда ѣсть хлѣбъ въ вашемъ домѣ.

— Какъ угодно! былъ холодный и нѣсколько презрительный отвѣтъ. И мы разлучились.

Какъ это было несправедливо съ моей стороны, какъ я была горда и высокомѣрна! Съ тѣхъ поръ я столько выстрадала... Пославъ за каретой, я велѣла уложить мои сундуки и, когда слуга спросилъ куда ѣхать, я въ замѣшательствѣ посмотрѣла на него и буквально не знала мѣста, гдѣ бы могла найти пристанище. Я назвала ему большую гостинницу. Кучеръ влѣзъ на козлы и въ двѣ минуты я покинула родной домъ; но была слишкомъ горда, чтобы проливать слезы при послѣднемъ на него взглядѣ.

Въ гостинницѣ я нашла всѣ удобства, все что только могла пожелать. Я устала наконецъ смотрѣть въ окно на дѣятельную толпу; начинало уже смеркаться, я отошла отъ окна и сѣла къ столу, гдѣ лежали газеты. Разсѣянно просматривала я ихъ; мысли мои были заняты теткой и старымъ роднымъ домомъ; какъ вдругъ я вспомнила объ объявленіяхъ и очень усердно принялась ихъ отыскивать.

Вотъ, думала я, путь, которымъ я могу найти себѣ мѣсто; мнѣ надо постоянно справляться по этимъ объявленіямъ.

На первой страницѣ не было ничего интереснаго; на второй же попалось объявленіе, которое остановило мое вниманіе. Я прочитала: „Ищутъ даму въ компаньонки къ молодой особѣ, живущей въ деревнѣ; компаньонка должна быть образована и съ хорошими манерами. Мѣсто чрезвычайно тихое и уединенное; пусть являются только тѣ, которыя ведутъ самый тихій образъ жизни. Жалованье хорошее. Личныя объясненія принимаетъ стряпчій Энгельманъ, Широкая улица № 92, между 11 и 12 часами дня съ будущей среды“.

— Какъ разъ то, что мнѣ надо, подумала я, только бы получить мѣсто! Слѣдующій день былъ среда; я рѣшилась отправиться и попробовать.

На утро я заботливо одѣлась и въ 11 часовъ была уже въ Широкой улицѣ, въ домѣ № 92.

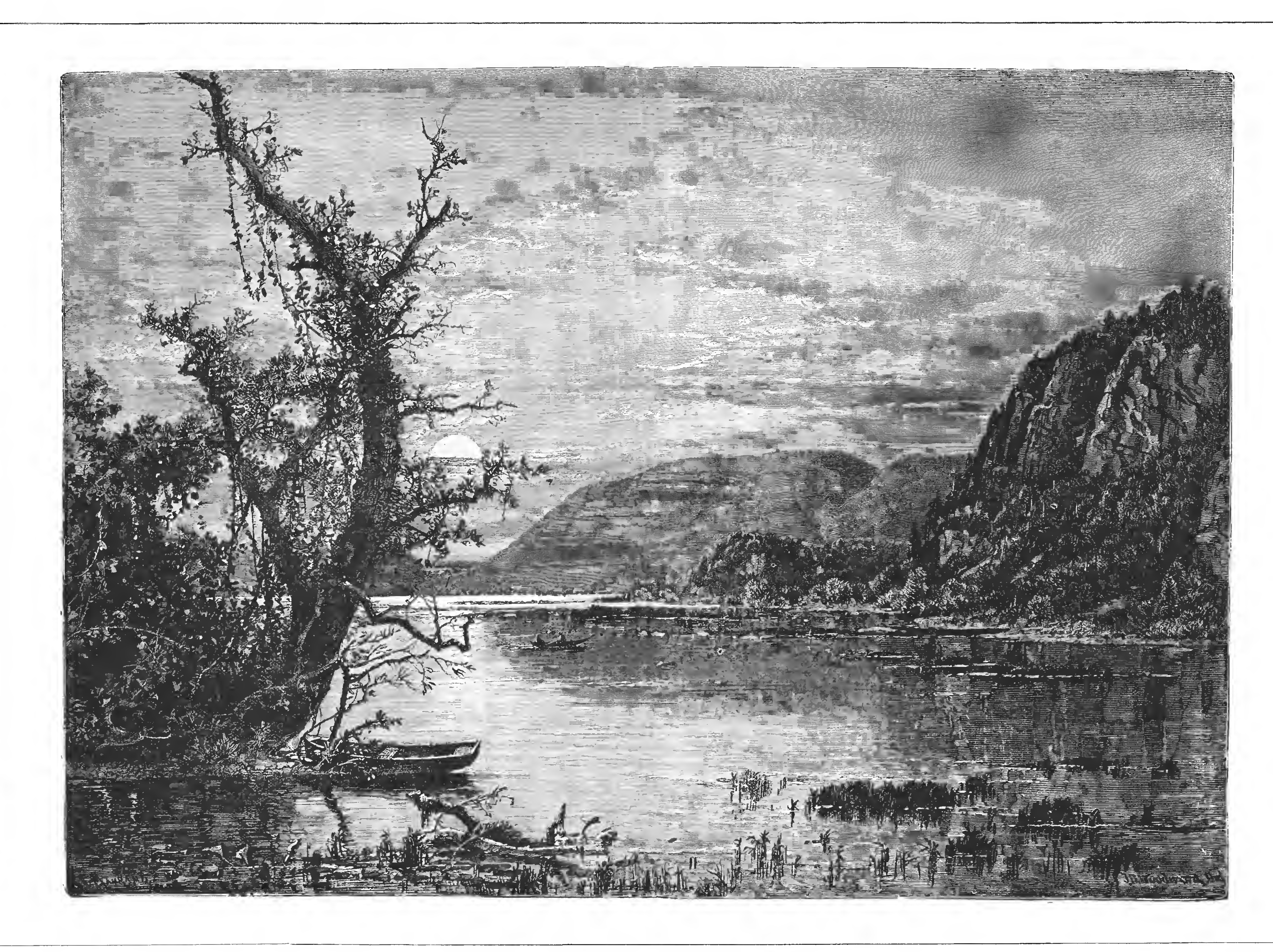
Тамъ къ моему удивленію я увидѣла уже много дамъ, которыя, очевидно, пришли по тому же объявленію. Мы собрались всѣ въ непривѣтливой передней комнатѣ. Соломенная подстилка на полу, большой дубовый столъ, покрытый зеленою шерстяною скатертью, на которомъ лежали нѣсколько запыленныхъ томовъ свода законовъ, нѣсколько стульевъ, которымъ полировка была, кажется, совершенно незнакома, и зеленая стора—составляли все убранство комнаты. Мы всѣ сидѣли нѣкоторое время молча, въ ожиданіи. Сцена была занимательная! Всѣхъ дамъ было пятнадцать; иныя выглядѣли очень скучно и сердито, другія—были веселы и полны надежды. Долгіе годы бѣдствій похитили блескъ этихъ лицъ. Всѣ онѣ, казалось, составили безмолвный заговоръ наблюдать и слѣдить за мною и только спустя нѣкоторое время я сообразила, что платье на мнѣ было слишкомъ элегантно для той цѣли, которой я хотѣла здѣсь достигнуть. Шуршащій шелкъ и великолѣпный бархатъ были какъ то не у мѣста въ такой комнатѣ и множество глазъ, остановившихся на мнѣ, казалось спрашивали съ удивленіемъ: что привело меня сюда? Созерцаніе это было вдругъ прервано приходомъ секретаря, который объявилъ, что г-нъ стряпчій готовъ насъ принять. Послѣ нѣкотораго совѣщанія постановили, что мы будемъ представляться одна за другою и какъ разъ въ томъ порядкѣ, въ которомъ мы сидѣли. Затѣмъ, когда этотъ пунктъ—которому всѣ дамы, какъ казалось, придавали большое значеніе—былъ разрѣшенъ, одна изъ дамъ, сидѣвшая первою, оставила насъ съ самодовольною улыбкою, очевидно, не сомнѣваясь, что она то и будетъ избранною. Не знаю какіе переговоры вели между собою г-нъ Энгельманъ и мои предшественницы; но наконецъ очередь дошла и до меня. Съ лихорадочной дрожью, между надеждой и страхомъ, вошла я къ стряпчему и увидѣла старика съ хитрымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ добродушнымъ лицомъ и проницательными, ясными глазами, которые вѣчно останутся у меня въ памяти и передъ которыми невозможно было сказать неправду. Они пронизывали насквозь и, казалось, угадывали каждую мысль, каждое чувство. Когда я вошла, стряпчій поклонился. Я сказала, что пришла по объявленію—онъ откинулся на спинку стула, съ скучающимъ видомъ.

— Я откровенно заявлю, сказалъ онъ что ни съ одной изъ дамъ, которыхъ видѣлъ до сихъ поръ, я не могъ покончить.

— Конечно—иначе не дошла бы очередь до меня, отвѣтила я.

Онъ усмѣхнулся и взглянулъ на меня своими ясными глазами. „Нечего говорить“, продолжалъ онъ, „что я уговариваюсь съ вами отъ лица одной моей уважаемой кліентки, имя которой не называю по разнымъ причинамъ. Мѣсто очень тихое, занятія легкія; но вы будете жить очень уединенно.

— Смѣю-ли я спросить объ условіяхъ?

Лунная ночь на рѣкѣ. Рис. И. Вудвортъ, грав. Моранъ.

— Ихъ немного, отвѣчалъ онъ. „Ищутъ компаньонку для молодой дамы, одиноко живущей въ имѣніи на восточномъ берегу моря.“

— Что это больная? помѣшанная?

— Ни то, ни другое! былъ короткій отвѣтъ. Старая экономка, бывшая кормилица молодой дамы, ведетъ все хозяйство. Есть еще трое слугъ, которымъ нечего больше дѣлать, какъ устраивать свою жизнь, какъ можно пріятнѣе и занимательнѣе.

— Все это очень странно, проговорила я въ задумчивости.

— Почему? почти сердито спросилъ стряпчій.

— Молодыя дамы не имѣютъ обыкновенія жить такъ уединенно.

— Это совсѣмъ исключительный случай, сказалъ онъ серьозно, и съ нимъ связаны совершенно особенныя обстоятельства. Впрочемъ я могу васъ увѣрить, что молодая дама не только въ высшей степени прилична, но и принадлежитъ къ знатной дворянской семьѣ. За это я могу поручиться. Отъ васъ зависитъ теперь принять это мѣсто или нѣтъ... Судя по вашимъ манерамъ, вы, я думаю, принадлежите тоже къ благородной семьѣ?

Я поклонилась и онъ продолжалъ: „жалованье дадутъ выгодное, обязанности, какъ уже сказано, не трудныя; но я долженъ предупредить васъ, что нельзя представить себѣ жизнь скучнѣе тамошней. Домъ стоитъ совершенно особнякомъ и ничье посѣщеніе не разнообразитъ эту мрачность. Вы тоже ни въ какомъ случаѣ не будете имѣть общества.“

— Есть-ли тамъ хоть рояль? перебила я.

— Не знаю: но если рояля нѣтъ, вы можете получить инструментъ отсюда. Я имѣю полномочія исполнять каждое ваше желаніе. Мнѣ поручили предложить вамъ 600 талеровъ въ годъ; но если этого недостаточно, требуйте больше.

— Вполнѣ достаточно, отвѣчала я, у меня деньги не на первомъ планѣ.

— Имѣете вы какія-либо рекомендаціи? Не были-ли вы уже на подобномъ мѣстѣ?

— Никогда, отвѣчала я, смѣясь при одной мысли, что племянницѣ г-жи Эверсъ нужна еще рекомендація. Будетъ лучше, если я поговорю съ вами откровенно, продолжала я, я покинула родной домъ, потому что серьозно поссорилась съ моей теткой, которая усыновила меня. Теперь я хочу работать, самой содержать себя и если вы поручите мнѣ какія-нибудь обязанности, онѣ будутъ выполнены добросовѣстно.

Стряпчій удивленно оглядѣлъ меня. Я бы просилъ васъ довѣриться мнѣ—разсказать вашу исторію и сообщить ваше имя, сказалъ онъ.

— Хорошо, возразила я,—но съ однимъ условіемъ: вы дадите мнѣ слово не выдать меня и не назвать моего настоящаго имени вашей кліенткѣ. Послѣднее не будетъ даже необходимо, какъ вы сами сейчасъ убѣдитесь.

— Даю вамъ слово, сказалъ онъ. И тогда я разсказала ему кто я такая. Какъ я и думала, онъ хорошо зналъ имя моей тетки. Такъ какъ мнѣ не хотѣлось бы, что бы были извѣстны мое мѣстопребываніе и родство мое съ г-жею Эверсъ, сказала я, то я назовусь именемъ моей матери—Линденъ, которое принадлежитъ по праву и мнѣ. И такъ меня зовутъ Маріанною Линденъ.

Онъ поклонился, надо сказать, съ гораздо большимъ уваженіемъ передъ Маріанною Эверсъ, чѣмъ сперва передъ безъимянной гувернанткою.

— Вы когда нибудь одумаетесь и вернетесь въ свой домъ, а теперь посѣщеніе восточнаго берега будетъ для васъ, полагаю, пріятною перемѣной.

— Я никогда не вернусь къ теткѣ, сказала я на это (я знала, что Бруно могъ жениться, по обстоятельствамъ, развѣ черезъ два, три года).—Когда же должна я отправиться въ путь?

— Какъ можно скорѣе. Дама, которая занимала это мѣсто въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ, къ сожалѣнію умерла недѣлю тому назадъ. Пріѣхала она сюда по дѣламъ и умерла внезапно въ гостинницѣ, въ которой остановилась. Впрочемъ она давно страдала порокомъ сердца, но не хотѣла покидать молодой дамы, состоящей подъ моей опекой. Лицо стряпчаго приняло при этомъ серьезное, озабоченное выраженіе.

— Есть тутъ какая-то тайна, подумала я,—очень хочется узнать въ чемъ она.

— Вы еще не назвали мнѣ ни мѣста, ни фамиліи дамы, спросила я.

— Слѣдуетъ ѣхать по желѣзной дорогѣ до Кенигсберга, а потомъ на почтовыхъ или въ каретѣ до Альтгаузена.

— А фамилія дамы?

— О, сказалъ онъ,—ее тамъ никто не знаетъ. Г-жа Гейнъ, экономка моей кліентки, ведетъ всѣ дѣла и всего лучше освѣдомьтесь объ этомъ у нея... Смѣю ли я однако посовѣтовать вамъ кое что, въ видахъ вашей же пользы?

— Пожалуйста, если желаете, отвѣтила я, улыбаясь церемонности его обращенія со мною.

— Я долженъ обратить ваше вниманіе, что вамъ не слѣдуетъ спрашивать о чемъ нибудь касающемся до Альтгаузена; здѣсь маленькая тайна, которую слѣдуетъ покамѣстъ сохранять; но тутъ не кроется ничего преступнаго или позорнаго. Удовлетворено ли теперь ваше любопытство?

— Совершенно, сказала я, когда же могу я занять это мѣсто?

— Какъ только будетъ для васъ возможно, хоть завтра. Дама совершенно одна. Ваши издержки будутъ оплачены и, если вы мнѣ позволите, я дамъ вамъ чекъ, который покроетъ необходимыя затраты.

Чтобы не имѣть хлопотъ, я попросила сумму денегъ, которая хватила бы на мои путевыя издержки. Онъ далъ бы и больше; но я увѣрила его, что этого достаточно.

— Если вы черезъ нѣкоторое время будете имѣть необходимость въ чемъ нибудь для комфорта моей опекаемой, проговорилъ онъ, когда я собиралась уходить,—вспомните, что стоитъ только написать мнѣ. Деньги не играютъ здѣсь никакой роли, будьте по этому возможно свободны въ своихъ требованіяхъ.

Онъ искренно пожалъ на прощанье мнѣ руку и я возвратилась въ гостинницу, взволнованная всѣми этими новыми и неожиданными событіями въ моей жизни. За два дня передъ тѣмъ я была изнѣженною племянницею и вѣроятною наслѣдницею богатой тетки; теперь я оплаченная компаньонка какой-то таинственной дамы, которая живетъ уединенно на восточномъ берегу моря и, кажется, не носитъ другаго имени, какъ только „опекаемая“.

Я отлично знала, что хитрый старый стряпчій въ тотъ же вечеръ пойдетъ подъ какимъ нибудь предлогомъ къ моей теткѣ, чтобы провѣрить мой разсказъ и меня это забавляло.

— Ну, теперь въ Альтгаузенъ съ его тайнами! говорила я, весело взбираясь по лѣстницѣ въ свою маленькую комнатку.

Прошлая жизнь начинала мнѣ казаться менѣе интересной, чѣмъ настоящая. Я написала Бруно и разсказала ему о моихъ подвигахъ; но отнесла письмо это на почту, покидая уже Берлинъ, чтобы Бруно не имѣлъ возможности отговаривать меня отъ моего рѣшенія. Если бы тетя пришла въ то время сама и пообѣщала бы мнѣ любовь и богатство, то и она не сбила бы меня съ намѣченной мною дороги!

Въ теченіи дня я сдѣлала нѣкоторыя необходимыя покупки; мои же платья были слишкомъ элегантны и цѣнны для настоящаго положенія; поэтому я купи-

ла простенькій гардеробъ, который не обращалъ бы на себя ничьего вниманія. Въ четвергъ утромъ я отправилась въ мое далекое путешествіе, въ восточную Пруссію. Былъ полдень, когда показался Кенигсбергъ. Я отправилась въ одну изъ лучшихъ гостинницъ и, такъ какъ почта въ Альтгаузенъ не ходила, то я наняла карету и, сообразно инструкціи стряпчаго, не дѣлала никакихъ вопросовъ, хотя и часто покушалась. Послѣ долгой и скучной ѣзды пріѣхали мы въ деревню, откуда уже явственно былъ слышенъ шумъ береговыхъ волнъ. Кучеръ спросилъ куда ѣхать. Я приказала остановиться передъ господскимъ домомъ. Онъ удивленно посмотрѣлъ на меня, задумчиво влѣзъ опять на козлы и черезъ четверть часа я стояла уже передъ дверью барскаго дома Альтгаузена.

Стряпчій былъ правъ, говоря что мѣстность была скучная; не было кругомъ ни одного человѣческаго жилья; ни чириканье птицъ, ни дѣтскіе голоса, ни деревья, ни цвѣты не оживляли мѣстность. Большой домъ неправильной архитектуры былъ выстроенъ изъ стараго зеленаго камня и не имѣлъ характера никакаго особеннаго стиля. Онъ былъ своеобразенъ и живописенъ; но, Боже мой, какъ могъ хоть кто нибудь, если любитъ этотъ прекрасный міръ, избрать такое мѣсто для постройки дома! Видъ кругомъ не лишенъ былъ нѣкоторой величественной красоты; фасадъ дома стоялъ надъ моремъ, а за нимъ было, должно быть, болото. Шумъ волнъ—вотъ единственный звукъ, который нарушалъ эту полнѣйшую, неописуемую тишину. Я позвонила и почти испугалась звука колокольчика. Черезъ двѣ минуты престарѣлый слуга отворилъ дверь. Онъ казалось не былъ удивленъ моимъ пріѣздомъ и поклонился мнѣ очень почтительно.

— Вы изъ Берлина, не правда ли? сказалъ онъ полувопросительно.

— Да, отвѣчала я, значитъ меня ждутъ?

— Пожалуйте, я только заплачу кучеру.

Я послѣдовала за моимъ проводникомъ. Пройдя длинную и красивую переднюю, онъ открылъ дверь и ввелъ меня въ залъ съ великолѣпною обстановкою и роялемъ, что меня нѣкоторымъ образомъ ободрило. Слуга между тѣмъ исчезъ и вернулся черезъ нѣсколько минутъ съ представительной пожилой женщиной въ черномъ платьѣ и въ ослѣпительной бѣлизны чепчикѣ. Она держала въ рукахъ распечатанное письмо и сказала почтительно поклонившись: „Г-нъ Энгельманъ писалъ мнѣ, чтобы все было приготовлено къ вашему пріѣзду.

— Благодарю васъ, сказала я, мнѣ бы хотѣлось пройти въ свою комнату и пронести туда мой багажъ.

— Я приказала развести у васъ огонь; здѣсь всегда такъ холодно; я тоже думала, что вы, отдохнувъ, захотите и подкрѣпиться и приготовила вамъ чай.

— Вы очень добры, возразила я съ благодарностью, я устала и продрогла. Когда я увижу вашу госпожу, не знаю какъ по имени?..

— Можетъ быть сегодня же вечеромъ, былъ осторожный отвѣтъ, или, если вы хотите сегодня отдохнуть, то завтра утромъ. Когда моя госпожа пожелаетъ съ вами повидаться, я доложу вамъ объ этомъ.

— Еще разъ благодарю васъ, сказала я, часа два отдыха совершенно возстановятъ мои силы.

— Позвольте вамъ показать вашу комнату, mademoiselle Линденъ, догадалась наконецъ экономка, заглянувъ при этомъ въ письмо, такъ ли назвала меня по имени.

Если внѣшность дома поразила меня, то не менѣе была я поражена внутреннимъ комфортомъ, здѣсь—на необитаемомъ морскомъ берегу! Комната моя была обставлена съ большою роскошью и находилась во второмъ этажѣ. Она была такъ свѣтла и привѣтлива, что когда я вошла, мнѣ показалось, что она улыбается. Въ каминѣ горѣлъ огонь и передъ нимъ стоялъ столъ, уставленный чайнымъ приборомъ и закрытыми блюдами.

— Я думала, что послѣ дороги вы предпочтете что нибудь питательнѣй. Если вамъ что нибудь потребуется, пожалуйста позвоните; вамъ будетъ прислуживать моя племянница.

Экономка ушла и я могла свободно осмотрѣться; кресла были такъ заманчиво удобны, въ маленькомъ чайникѣ шумно кипѣла вода, а дымящіяся кушанья казалось, говорили: „приди и ѣшь меня“! Мое помѣщеніе было снабжено всѣми удобствами; здѣсь стояли всевозможные шкапы и шифоньерки. Я распаковала сундуки, разложила мои вещи по разнымъ ящикамъ и тогда уже, выбравъ одну изъ книгъ, привезенныхъ мною, приступила къ моему одинокому, но очень заманчивому завтраку.

Казалось во всемъ домѣ не было ни малѣйшаго шума; слышно было только какъ изрѣдка отворяли и затворяли двери да вдалекѣ шумѣло море. Трудно было побѣдить странное ощущеніе—какъ будто я была заключенною государственною преступницею. Мнѣ не хотѣлось однако покинуть эту комнату безъ всякаго къ тому повода; моя книга, кромѣ того, была интересна и я усердно читала ее, только изрѣдка раздумывая о своемъ необычайномъ положеніи. Казалось, меня окружала тайна. Нельзя было не найти страннымъ, что хозяйка дома не пожелала еще меня увидѣть. Раздумывая и мечтая, я, уставъ отъ впечатлѣній дня, впала наконецъ въ глубокій сонъ. Не знаю, сколько времени онъ продолжался; я проснулась только, когда услышала голосъ экономки: „бѣдная барышня, вы до смерти устали; позвольте помочь вамъ раздѣться. Госпожу нашу вы увидите завтра“.

Когда я проснулась на слѣдующій день, первымъ чувствомъ моимъ было сильнѣйшее любопытство. Надо-же мнѣ было наконецъ увидѣть даму, компаньонкой которой я буду! Кто она такая и зачѣмъ живетъ здѣсь такъ одиноко—это было единственнымъ предметомъ моихъ размышленій.

Послѣ завтрака я, съ любопытствомъ и отчасти не безъ страха, пошла вслѣдъ за домоправительницей въ комнату, гдѣ помѣщалась таинственная дама.

— Я укажу вамъ дорогу, M-lle Линденъ, госпожа занимаетъ всегда эту комнату и очень рѣдко выходитъ. Я замѣтила, что, экономка употребляетъ всегда слово „госпожа“ и подумала: „она не хочетъ называть ее по имени“.

Если дама любила тишину и уединеніе, то во всякомъ случаѣ сдѣлала очень хорошо, избравъ для своего жилья именно эту комнату; ее выбрать могъ, развѣ, какой нибудь мизантропъ. Комната была уединенная и дойти до нее можно было только черезъ длинный корридоръ. На дверяхъ тяжелыя драпри, толстый и мягкій коверъ совершенно заглушалъ шаги, а изъ окна ничего не было видно, кромѣ волнъ безконечнаго моря. Здѣсь жить—значило жить внѣ Божьяго міра. Экономка тихо постучала у двери и чей-то голосъ равнодушнымъ и медленнымъ тономъ произнесъ; „войдите!“ Я вошла одна и была поражена страннымъ зрѣлищемъ. У глубокаго угловаго окна, какія можно видѣть только въ старинныхъ англійскихъ замкахъ, полулежала въ подушкахъ молодая дѣвушка съ темными огневыми глазами, устремленными на шумное, дикое море. Унылый взоръ говорилъ лучше словъ. Она казалась почти ребенкомъ и тѣмъ трогательнѣе было это глубоко-грустное выраженіе ея лица.

— Что тамъ такое? спросила она, не поворачивая головы.

Я отвѣтила: „это я—Маріанна Линденъ; мнѣ сказали, что вы желаете говорить со мною“.

— Прошу извиненія, промолвила она и, какъ будто испуганная, привстала съ своего кресла. Я думала, что это опять меня пришли безпокоить съ обѣдомъ.

— Я бы не потревожила васъ; но мнѣ передали, что вамъ угодно говорить со мною.

— Да, сказала она и опять прислонилась къ подушкамъ, впавъ въ прежнее настроеніе.—Надѣюсь, вы меня извините; но я совершенно о васъ забыла.

Я не могла не улыбнуться такой замѣчательной откровенности. Во всякомъ случаѣ, значитъ, я имѣла дѣло не съ свѣтскою дамою.

— Чему вы улыбаетесь? спросила она.

— Я подумала, что на вашемъ мѣстѣ я бы выказала болѣе любопытства, если бы въ этомъ уединеніи въ первый разъ увидѣла свою компаньонку.

— А вамъ было развѣ любопытно меня увидѣть? спросили она, указывая мнѣ рукою на стулъ.

— Конечно, отвѣчала я.

— Мнѣ бы хотѣлось знать, что вы обо мнѣ думаете теперь, когда меня увидѣли.

— Если вы меня спросите объ этомъ черезъ годъ, можетъ быть, я буду въ состояніи отвѣтить, сказала я.

— Черезъ годъ! О эти безконечные, безконечные годы! сказала она со вздохомъ, какъ бы хотѣла я, чтобы они ужъ прошли или и совсѣмъ для меня не начинались!

Я посмотрѣла на нее съ нѣкоторымъ удивленіемъ и была очень рада, что она не настаивала больше на томъ, чтобы я высказала мое о ней мнѣніе, потому что трудно бы было отвѣтить откровенно. Она была высокаго роста и очень стройна; врядъ-ли ей было больше 18 лѣтъ. У ней были чудныя красивыя руки, контуръ шеи и плечъ былъ замѣчательно граціозенъ. Прекрасные глаза были темны и обладали какимъ-то своеобразнымъ блескомъ, а блѣдныя вѣки были опущены длинными черными рѣсницами, которыя придавали лицу особенное, весьма оригинальное выраженіе. Цѣлая масса волосъ, цвѣта воронова крыла, падала на плечи, но волосы были убраны съ такимъ отсутствіемъ вкуса, что почти обезображивали голову. Лицо могло бы быть замѣчательно красиво если бы не было такъ блѣдно и вяло; въ немъ не видно было никакаго выраженія или чувства. Контуръ ея граціозной фигуры также портился ея платьемъ. Я видѣла передъ собою молодую дѣвушку, развивающуюся въ женщину, которая потеряла уже дѣтскую миловидность и не достигла еще красоты женщины. Особенно обратила на себя мое вниманіе музыкальность ея голоса, который по моему мнѣнію былъ прелестенъ. Пока я ее разсматривала, она опять впала въ апатію и, казалось, не имѣла никакаго желанія возобновлять разговора.

— Могу ли я что нибудь сдѣлать для васъ? спросила я, не нужно ли мнѣ читать вамъ?

— Нѣтъ, благодарю васъ, я никогда не читаю.

— Я вижу здѣсь рояль... Не хотите-ли, я буду вамъ играть или пѣть?

— Я ничего не понимаю въ музыкѣ, отвѣчала она.

— Если вы рисуете, то мы можемъ начать эскизъ.

— Я во всю жизнь не дотрогивалась до карандаша, сказала она печально. Вамъ не слѣдуетъ такъ ясно говорить глазами; я читаю въ нихъ вопросъ: что же я собственно умѣю и чѣмъ занимаюсь?

— Боюсь, что я подумала почти нѣчто подобное, отвѣчала я, нѣсколько смущенная.

— Откровенно сказать вамъ, проговорила она, я не пользуюсь совсѣмъ жизнью—сердце мое разбито.

— М-lle Линденъ! продолжала она возбужденно, не лучше ли будетъ, если мы поймемъ другъ друга скорѣе? Я скажу все. Вы присланы сюда компаньонкой противъ моей воли; мнѣ не надо никакой компаньонки! Я очень несчастна, у меня въ жизни нѣтъ никакой цѣли и ничто не можетъ мнѣ ее дать. Я бы давно умерла, если бы сердце мое не черпало горькаго удовлетворенія въ такомъ жалкомъ существованіи. Не пробуйте меня развлечь; оставьте все такъ, какъ есть; скучайте, если можете, меньше—требуйте все, что нужно; но только оставьте меня одну, какъ будто бы я мертвая. Я очень хотѣла бы умереть; тогда по крайней мѣрѣ я можетъ быть не мучилась бы!

(Продолженіе будетъ).

Очерки
Южнаго Полѣсья.

I.

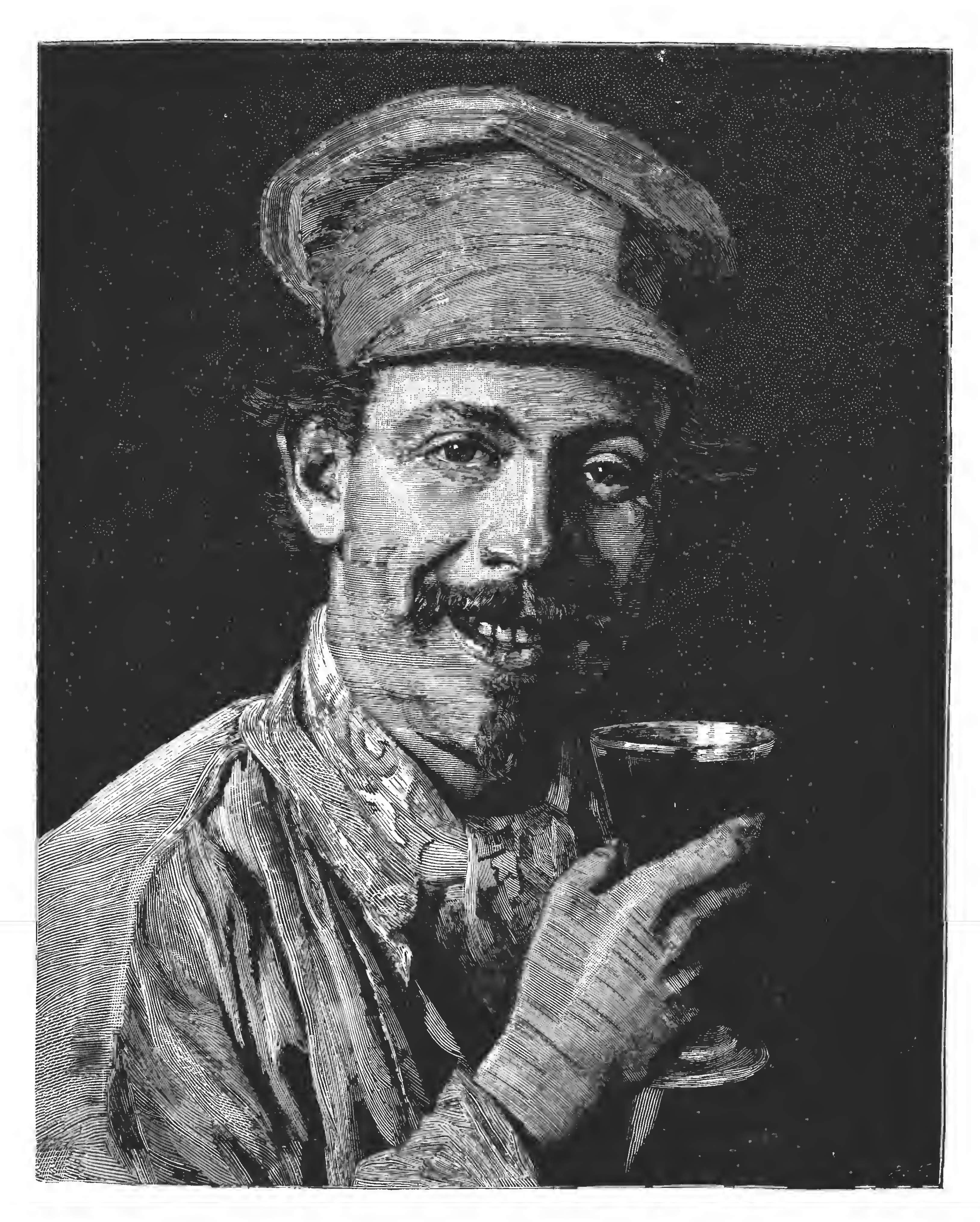
Съ давнихъ временъ вся сѣверная половина Волынской губерніи, начиная отъ Галиціи до пограничной линіи съ Днѣпромъ, носитъ названіе *южнаго*, или *Малаго Полѣсья.* Страна эта, какъ и Полѣсье сѣверное, Заприпятинское, покрыта сплошною массой первобытныхъ, дремучихъ лѣсовъ, растущихъ на тонкой болотистой почвѣ. Здѣсь, на протяженіи 30-ти слишкомъ тысячъ квадратныхъ верстъ, среди гробовой тишины глухихъ и гигантскихъ темныхъ дебрей льются или ручейки—притоки Горыня, Стыря и Случа-рѣки — или сквозь высокій „очерётъ“ блестятъ поверхности озерковъ, сливающихся среди болотныхъ трясинъ, надъ высокимъ камышемъ которыхъ носятся цѣлыя тучи „рыбалокъ“ и разной птицы болотной. А по узенькимъ дорожкамъ и тропинкамъ, извивающимся среди этихъ лѣсовъ и трясинъ, можно пробраться въ глубь страны верстъ на сто и болѣе, не встрѣтивъ на пути жилья, не услыхавъ звука рѣчи человѣческой,—изрѣдка, на песчаныхъ буграхъ этихъ трясинъ, среди лѣсу попадется деревенька въ 10—20 дворовъ, полуразваленныхъ, или недостроенныхъ, напоминающихъ свайныя постройки. Да и въ этихъ деревенькахъ какъ-то пусто: попадется два, три человѣчка маленькихъ, слабыхъ, прикрытыхъ отъ наготы какими-то лохмотьями—вотъ и все; остальное населеніе въ лѣсу на работѣ.

Встарь, по сказанію лѣтописца Нестора, въ предѣлахъ Малаго Полѣсья обитали Бужане, Дулебы и Лутичи—славянскія племена, которыя впослѣдствіи стали называть себя однимъ общимъ именемъ Волынянъ. Здѣсь же кочевало долгое время и одно неславянское племя Обри, „чинившее великое насиліе дулебскимъ женамъ.“ Обри эти, говоритъ лѣтописецъ, были „тѣломъ велици и умомъ горди, за что и потребиша я Богъ, и помроша вси, и не осташа отъ ихъ ни единъ Обринъ.“ Не менѣе чѣмъ эти дикіе Обри, древнимъ Волынянамъ постоянно надоѣдали ихъ сосѣди, и въ особенности важные Древляне, жившіе на правомъ побережьи Днѣпра. Разъ даже, если вѣрить польскимъ историкамъ Длугошу и Сестренцевичу *), въ южное Полѣсье нагрянули Волгаре, грозные выходцы съ береговъ Волги, поселившіеся у западнаго Буга, при устьяхъ рѣки Гучьвы, и построившіе здѣсь свой городъ Волгинъ, или Волынь, вслѣдствіе чего будто и окрестная страна приняла это названіе. Впрочемъ, это была не первая и не послѣдняя бѣда для Полѣшуковъ. Уже въ одно только болѣе близкое къ намъ время, не взирая на топи и лѣсныя дебри, въ XIII столѣтіи два раза доходили до нихъ татары, въ XIV—Литовцы и татары и въ XVII столѣтіи въ четвертый разъ набѣгали въ Полѣсье татарскія полчища. Но хуже всего стало жить бѣднымъ Полѣшукамъ съ того времени, когда въ краѣ начали появляться іезуиты и распространяться унія. Это время было самое трудное, самое несносное. Въ XVI и XVII столѣт., какъ извѣстно, въ Польшѣ королевская власть не имѣла уже значенія; гордое панство, сдѣлавшись всесильнымъ, страшно самоуправничало и попирало ногами все, что только было ниже ихъ по положенію и богатству. Ко всему этому религіозный фанатизмъ, разжигаемый іезуитами, принялъ такое развитіе, какое не могло быть терпимо православнымъ населеніемъ страны. Іезуиты, по словамъ извѣстнаго польскаго писателя Трентовскаго, выжгли, „вывинтили“ здравый разумъ изъ панскихъ головъ до самаго дна, и паны начали сдавать въ аренду жидамъ церкви и своихъ „холоповъ-схизматиковъ, предоставляя жидамъ полное право казнить смертью, чѣмъ жиды всегда охотно пользовались, изобрѣтая самыя ужасныя истязанія и мучительныя казни. Украйна, Волынь стонали подъ несноснымъ жидовско-панскимъ гнетомъ. Повсюду было разставляемо „кварцяное войско“, душившее населеніе не хуже „жидовъ-арендарей.“

Наконецъ, и для Полѣсья насталъ ясный солнечный день—послѣдній раздѣлъ Польши.

Въ общихъ чертахъ такая-то судьба выпала на долю этой страны, богатой лѣсами и водой, богатой еще и безчисленными памятниками болѣе глубокой старины чѣмъ та, о которой мы только что говорили. Чтобы еще болѣе убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить начальныя событія изъ нашей древней исторіи отъ временъ Рюрика до св. Владиміра и, въ осо-

*) O Rossiy Zachodnie, 1600 r. Siestrińcewicz.

За ваше здоровье! Картина Генриха Плёма, грав. Паннемакеръ сынъ.

бенности, времена княжескихъ междоусобицъ изъ за удѣловъ, —не малая часть всѣхъ этихъ событій совершилась на земляхъ Малаго Полѣсья. Здѣсь былъ нѣкогда сосредоточенъ цвѣтъ образованности. Такъ, напримѣръ, слава острогскихъ училищъ была такъ велика, что даже поэты того времени спѣшили воспѣть ихъ. Пекасидъ въ своихъ стихахъ говорилъ объ этихъ школахъ:

O dignum Ostrogie tam clavum nomina factum,
Tentis principibus, queis Russia vasta superbit,
Digna Sycelides Nymphae et Xibethrides undae,
Jam video Lauros, Helicon quas educat et fer
Ostrogianus apex petit ardua sede Minerva *).

Въ этихъ школахъ долгое время воспитывались князья южнаго Полѣсья: Острожскіе, Чарторыйскіе, Заславскіе, Вишневецкіе, Збаражскіе, Четвертынскіе, Сангушки, Корецкіе, Дубровицкіе, Воронецкіе, Любецкіе, Соколинскіе, Масальскіе, Ружинскіе, Боромельскіе, Курцевичи, Острожецкіе, Крокотки, Сенскіе, Порицкіе, Козики, Яблоновскіе и другіе.

Въ Острогѣ же и долѣе прочихъ городовъ Полѣсья сохранялось православіе (до половины XVII вѣка) личными достоинствами князей Острожскихъ, потомками Туровскихъ князей, твердо отстаивавшихъ свою родную вѣру. И только второй сынъ знаменитаго ревнителя грекороссійской церкви, князя Константина II—Іоаннъ, благодаря іезуитамъ и женѣ своей Матильдѣ Сангушко, совратился въ католицизмъ, принявъ имя Януша.

Уцѣлѣли еще о сю пору въ Острогѣ развалины замка и храма Богоявленія, священники котораго „за упорство въ схизмѣ были преданы проклятію и изгнаны, а сама церковь оставлена совамъ и воробьямъ въ жилище" *). Въ этой церкви, какъ гласитъ народное преданіе, вѣнчался съ Мариною Мнишекъ Дмитрій Самозванецъ, который и воспитывался на Полѣсьи, въ мѣстечкѣ Гощѣ, въ училищѣ польскихъ аріанъ, состоявшихъ подъ особымъ покровительствомъ князей Гойскихъ **). Старики Острожане, разсказывая о развалинахъ этого княжескаго замка, указываютъ и на мѣсто, по которому тянулся длинный деревянный мостъ къ городу ***), и по которому встарь ѣздили князья въ свой замокъ. На этомъ мосту, какъ гласитъ народная память и львовская лѣтопись, въ 1636 году разыгралась кровавая драма. Въ этомъ году, въ день Свѣтлаго Христ. Воскресенія, дочь Острожскаго Князя Александра Константиновича, Анна-Алоизія, „добрая но слабодушная, ходившая во власяницѣ и босикомъ", совращенная гощанскими іезуитами въ католицизмъ, приказала перенести изъ Богоявленской церкви въ кляшторъ іезуитовъ прахъ своего отца. Но какъ ни тайно отдано было это приказаніе, какъ ни старались іезуиты распространить молву, что князь при кончинѣ принялъ католицизмъ, народъ не вѣрилъ этому и рѣшился отмстить за оскверненіе останковъ своего любимаго князя. На разсвѣтѣ дня Свѣтлаго Воскресенія—острожане, по вѣковому обычаю, толпились на мосту у замка, вблизи храма. Тутъ лежали грудами пасхи, тамъ—кучи крашенокъ для всенароднаго освященія и привѣта. Всѣ ожидали благодатнаго возгласа „Христосъ воскресе"; но тутъ же слышенъ былъ порою и громкій ропотъ народа, недовольнаго княжною.

Въ это время Анна-Алоизія ѣхала по мосту изъ іезуитскаго костела.

Народъ заступилъ княжнѣ дорогу, и на приказаніе слугъ посторониться съ пасхами, толпа острожанъ выразила явное и грубое непослушаніе. Княжна, въ пылу гнѣва, приказала кучеру ударить по лошадямъ и промчалась сквозь гудѣвшую толпу, по пасхальнымъ хлѣбамъ; народъ едва не сбросилъ ее въ оврагъ и закидалъ крашеными яйцами. Отбиваясь кое какъ съ помощью слугъ, княжна съ подбитыми глазами примчалась въ замокъ, куда хлынула за ней и разъяренная толпа и, только благодаря открытому изъ замка ружейному огню, княжна уцѣлѣла.

Еще изъ городовъ Полѣсья, замѣчательныхъ по старинѣ своей, можно указать на Луцкъ, который, до пришествія варяговъ, былъ извѣстенъ подъ именемъ Лутеска; на Владиміръ (древній Людоміръ), съ развалинами церквей Успенія и св. Василія Обыденнаго, сооруженной въ одинъ день воинами Владиміра св. въ 993-мъ году въ память побѣды надъ хорватами; на м—ко Коростень, извѣстное осадой св. Ольги; Дубно съ замкомъ князей Любомірскихъ; м—ко Межирѣчье съ свято-троицкою церковью, бывшею долгое время подъ монастыремъ Conventus Medecerensis ordinis Franciscani. М—ко Краевъ съ развалинами казнохранительницы князей Острожскихъ; м—ко Ляховцы съ очень древнимъ замкомъ, на фронтонѣ воротъ котораго еще виднѣется надпись:

„Lechopotis greco ia*"
„Lachow ob granilcem pol*"
„Lachowa ob morem rutin*"

Въ этомъ замкѣ, по преданію въ 1787 году, польскій король Станиславъ Понятовскій имѣлъ неоффиціальное свиданіе съ императрицею Екатериною II, результатомъ котораго была извѣстная встрѣча въ Каневѣ. Около этого мѣстечка народъ указываетъ еще на одно мѣсто, называемое „Окипъ", на которомъ торчатъ одни пни. Здѣсь, говорятъ, казацкій загонъ, изловившій въ окрестностяхъ много ляховъ, жидовъ и ксендзовъ, впрягъ ихъ въ сохи и вспахавъ это огромное мѣсто, засѣялъ жолудями, изъ которыхъ выросъ отличный дубовый лѣсъ, истребленный только недавно панами, не могшими равнодушно вспомнить о такомъ фактѣ.

Изъ деревень—укажемъ на Слущь-Черноборскій. Здѣсь, въ 1598 году, еврей Пейсахъ, арендовавшій это имѣніе отъ пана Лысаковскаго, держалъ въ церкви овецъ, коровъ съ телятами, козъ и *казнилъ* до 80-ти человѣкъ православныхъ крестьянъ.

Впрочемъ, что и говорить о тѣхъ временахъ! Достаточно вспомнить только, что творилось на нашихъ глазахъ, въ шестидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, чтобы составить понятіе о томъ положеніи, въ какомъ было и Малое Полѣсье.

II.

Всякій кто хоть одинъ разъ проѣзжалъ по Малому Полѣсью, невольно поражался почвенными богатствами края, которыя здѣсь раскиданы повсюду, на протяженіи ста тысячъ квадратныхъ верстъ, и лежатъ наружу, нетронутыя человѣческой рукою. Не говоря уже о изобиліи въ лѣсахъ всякой дичи, въ торфяныхъ болотахъ и озерахъ несмѣтнаго количества рыбы, здѣсь одно пространство Житомірскаго, Овручскаго и Новградволынскаго уѣздовъ, принадлежа къ территоріи плутоническихъ породъ, можетъ доставить столько гранита, кварца. сіэнита и шифера, что изъ него, по вычисленію одного знатока, можно построить половину большихъ столичныхъ городовъ Европы, а изъ мѣстной каолинистой, или фарфоровой глины надѣлать посуды для всѣхъ жителей этихъ столицъ. Изъ кварцоваго же сланца, залегающаго у одной только деревни Куманьщины, можно построить печи для всѣхъ русскихъ фабрикъ, которыя простояли бы полстолѣтія безъ всякаго ремонта, какъ и печи куманьщинскихъ хозяекъ. Желѣзной руды тутъ столько, что ея хватитъ на двѣсти лѣтъ для всѣхъ потребностей края.

И представьте себѣ, обо всѣхъ этихъ богатствахъ мѣстное населеніе и понятія не имѣетъ! Деревенскія бабы стираютъ свое бѣлье на шиферныхъ доскахъ, бѣлятъ дома и печки каолинистой глиной, называя ее „мѣлкомъ", а мѣстная интеллигенція удивляется красивому камню, изъ котораго построенъ Овручскій храмъ св. Василія и дѣлаетъ догадки, что этотъ камень привезенъ „изъ-за моря", а межъ тѣмъ огромныя залежи этого камня—кварцита лежатъ тутъ же, подъ ногами, и обнаженія его видны по берегамъ рѣки Уборты, около деревень Лопатичь, Озерянъ, Олевска и Пущанъ, изъ которыхъ деревня Озеряны построена вся на кварцитовомъ базисѣ какъ на каменномъ полу, такъ что дома этой деревни походятъ на ящики, разбросанные по гладкому большому столу.

А въ лѣсахъ и по берегамъ Мало-Полѣсскихъ рѣкъ сколько нетронутыхъ богатствъ! На всемъ протяженіи Ирша, на цѣлыя десятки верстъ громоздятся грозныя скалы Гиперита; на Тетеревѣ, среди прибрежныхъ нагроможденій гранитныхъ глыбъ, подымаются на 20 и болѣе саженъ обрывистые выступы этого камня самыхъ фантастическихъ формъ; въ лѣсахъ Трояновскомъ и Денешовчскомъ, въ надъ-Ужанскихъ обрывахъ лежитъ на сотни тысячъ дорогаго сіэнита; въ Збранкахъ валяется столько шифернаго камня, что одинъ только этотъ камень озолотилъ бы всѣхъ полѣшуковъ, ходящихъ теперь словно скряга среди несмѣтныхъ богатствъ, въ заплатахъ и рубищахъ.

И грустно и тяжело говорить о томъ закорузломъ невѣжествѣ, о томъ полномъ равнодушіи, съ какимъ относятся мои земляки къ минеральнымъ богатствамъ своей родины. Если, при случаѣ, вы и заговорите съ ними на эту тему, то васъ прослушаютъ они или молча, недовѣрчиво улыбаясь, или со вздохомъ скажутъ, что „одинъ, де, ничего не подѣлаешь, когда масса не сознаетъ еще потребности во всемъ этомъ". Не знаю какъ на чей взглядъ, но на мой это неправда. По моему, примѣръ двухъ-трехъ человѣкъ, которые съ энергіей и знаніемъ дѣла примутся за разработку минеральныхъ богатствъ Полѣсья,—этотъ примѣръ, говорю—несомнѣнно подѣйствуетъ на остальную, пробудитъ въ ней дѣятельность на этомъ поприщѣ и обогатитъ, разовьетъ страну, которая теперь считается дикою, непроизводительною. Правда, Малое Полѣсье находится не въ благопріятныхъ условіяхъ для землепашества—оно имѣетъ только до 118 тысячъ десятинъ пашни, урожай которой еле прокармливаетъ тѣ 15 душъ населенія, какое здѣсь приходится на квадратную версту,—но сколько же здѣсь другихъ средствъ къ жизни, сколько самой широкой и благодарной дѣятельности для человѣка предпріимчиваго, не такого какъ полѣшукъ, который говоритъ, что „если Богъ дасць, то и въ оконьце подасць". Для полѣшука въ его странѣ только и есть, что *лѣсъ* и *вода*; въ нихъ всѣ его промыслы, да и тѣ еще практикуются самыми первобытными способами. Полѣшукъ въ одномъ только мастеръ, это—настрѣлять „проклятыхъ качокъ"*), наловить вьюновъ, пискарей и другой рыбы, за которою онъ

*) Pelicalides „De bello Ostrogiano ad Piantkos cum Nissoviis libri IV, Cracov, 1600.
**) Брошюра „Nowe Ateny" по Домбровскому.
***) „Вѣстн. Европы", мартъ, 1866 года, стр. 54.
****) Существовалъ до 1826 г.

*) Качки—утки.

готовъ лѣзть въ самую недоступную трясину, исколесить десятокъ верстъ среди темныхъ лѣсовъ и очерёта. Очень ужь онъ любитъ рыбу и въ особенности съ „Божьими онучами“ *), которыя радъ бы ѣсть и каждый день, а не въ одинъ только день Вознесенія. До такой степени любы полѣшуку эти „Божьи онучи“, что онъ даже сложилъ объ нихъ народную пословицу: „не давай мни, Боже, грошенять кучи, давай мни тыльки свои онучи“.

Изобиліе здѣсь рыбы, какъ напримѣръ, въ водахъ озера Тульмы, Святца, Шацкаго и Лицемѣра, приводитъ въ изумленіе человѣка, незнакомаго съ Малымъ Полѣсьемъ и его водами. Въ одной только за-Случской части Ровенскаго уѣзда, на едва приступныхъ трясинахъ за рѣкою Колыжною, занимающихъ площадь въ 1,500 кв. верстъ съ пятью маленькими деревушками, окруженными дремучимъ лѣсомъ,—только въ однихъ этихъ тоняхъ, бываетъ, ловится за разъ столько вьюновъ и ментузовъ, что можно прокормить пять тысячъ человѣкъ въ теченіи круглаго года. А въ сѣверныхъ частяхъ Владимірскаго уѣзда, а между Стырью и Стоходомъ, гдѣ Лютица образуетъ глубокія трясины, а въ озерѣ Тургѣ, Перемутѣ, Бѣломъ, въ рѣкахъ Жерди, Полквѣ, Миловичкѣ—что рыбы! Я не говорю уже о Западной части Овручскаго уѣзда, лежащей по рѣкамъ Уберти и Пергѣ, гдѣ на протяженіи 200верстъ нѣтъ и жилья, а только трясины кишащія рыбой, за которой развѣ какой-нибудь отчаянный полѣшукъ полѣзетъ въ эти болота.

Но при такомъ изобиліи рыбы, въ Маломъ-Полѣсьи не развитъ и рыбный промыселъ. Не развита здѣсь и правильная лѣсопромышленность, находящаяся цѣликомъ въ еврейскихъ рукахъ, нещадно опустошающихъ первобытныя дебри Полѣсья, безразсудно превращая ихъ въ дешевую клепку, смолу и поташъ. Между тѣмъ качество и порода деревъ Полѣсья заслуживаетъ лучшей участи. Развѣ дубъ, кленъ, березу, липу, ольху, грабъ, илимъ, ясень, дикую грушу, яблонь и черешню—можно употреблять только на клепку и поташъ?

Не менѣе равнодушное отношеніе проявляется у полѣшука къ себѣ самому, къ своей хатѣ и худобѣ, на которыхъ явственно отражается его лѣнь. Спросишь бывало какую нибудь семью, замѣчая, что она уже нѣсколько дней валяется на печкѣ:

— Что жь это, вы, ничего не дѣлаете?

— А свято, пане, отвѣтятъ улыбаясь и ворочаясь на другой бокъ.

— А вчера?

— И учарась свято было.

— А третьяго дни?

— И тогдысь свято.

— Да какое же это свято? изумляетесь вы, зная, что нѣтъ никакихъ праздниковъ.

— Якъ какое, Пане! Звисно, свято: „у Бога що динь, то й свято“ ма будь и сего дни якій-сь святый есць?..

И вотъ такихъ-то „святъ“ у полѣшука въ году—немного менѣе 200 дней, и онъ празднуетъ всѣхъ святыхъ, незная иногда даже какъ ихъ зовутъ. По своимъ понятіямъ онъ готовъ лучше ничего не дѣлать, чѣмъ заняться какой либо другой работой, кромѣ необходимой для пропитанія; это убѣжденіе выражается у полѣшука даже въ насмѣшливой поговоркѣ: „—куме, куды идешь?—Болото палити.—Не буди воно горити. —А мини що! абы щось робити“ или „Чертя свята не знае, усе болото копае“, „Богъ со святомъ, а чертя зъ работой лизѣ“.

М. Волотовскій.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Ночь на рѣкѣ.

Кто не бывалъ на нашихъ великихъ сѣверныхъ рѣкахъ, тѣ не вѣрятъ разсказамъ о величественной, грандіозной природѣ по берегамъ этихъ рѣкъ. Вѣковые Вычегодскіе лѣса, смотрящіеся въ быстрыя волны, раскиданы по высокимъ, обрывистымъ берегамъ. Лѣто недолгое, но чудное. Зелень рѣчныхъ пожень такъ ярка и свѣжа, сосны такъ могучи и раскидисты, здоровый смолистый воздухъ сильной струею тянетъ надъ волнами и. какъ бы замѣтно, вливаетъ здоровье и свѣжесть въ грудь. А ночь—какая чудная, ясная, торжественная ночь! Луна глядится полная и свѣжая въ ясную бить рѣки; она прорѣзываетъ ярко могучія вѣтви старой полузасохшей сосны, озаряетъ легкій туманъ, который залегъ въ береговыхъ лощинахъ. Деревья кажутся выше, обрывы круче и таинственнѣе въ невѣрномъ мерцаніи ночи. Тишина безпредѣльная. Тамъ вдали гдѣ-то сверкнулъ рыбачій огонекъ, вонъ отъ берега тонкою линіею отдѣлилась неслышно рыбачья лодочка—„душегубка“. Ловкое, привычное весло только круги даетъ, не пѣнитъ, не мутитъ воду—не пугаетъ рыбы. Въ ночной тиши ставятъ заводи, загораживаютъ рѣку заборьемъ съ кувшинами—плетенками, въ которые утромъ нападетъ крупная рыба. Но что это пронеслось, какой знакомый протяжный звукъ торжественно раздался надъ рѣкой? То колоколъ отдаленной лѣсной церковки бьетъ полночь. Вонъ крестъ сверкаетъ подъ лунным лучемъ между деревьями. Опять все тихо и въ душу проливаетъ эта пустынная, торжественная тишина какое-то глубокое успокоеніе. Чувствуешь что погрузился на дно какой-то иной жизни, далекой отъ нетерпѣнія, лихорадочной разорванности и ненужной торопливости уличной жизни, точно перенесся въ какое-то сказочное царство:—то царство лунной ночи въ лѣсной пустынѣ...

Встаетъ сѣдой туманъ ночной **)
И тонутъ въ немъ верхи деревъ
И кущи темныя кустовъ,
И пятна тихихъ деревень.
И все, что видѣлъ въ ясный день,
Все принимаетъ видъ иной:
Весь яркой озаренъ луной,
Окуталъ все туманъ сѣдой.
Сдается мнѣ, не узнаю
Пустыню тихую мою—
Тѣнями ночи создана
Иная дикая страна...
Огромнѣй кажутся кусты,
Угрюмѣй, круче берега,
И смутно-бѣлы, какъ снѣга
Ночные сѣверной зимы,
Въ глубокихъ логахъ залегли
Клубы тумановъ. Поползли
Они болотами вдали,
Какъ грозовыя облака.
Какъ тихо! Лѣсомъ вѣковымъ
Иди иль берегомъ крутымъ—
Нигдѣ ни крика, ни звонка,
Лишь переборами рѣка
Всю ночь шумитъ...

*) Божьи онучи—польскіе волѣсники, растеніе получившее и свое названіе отъ слова Полѣсье.

**) Н. Боевъ. Стихотв. Спб. 1864.

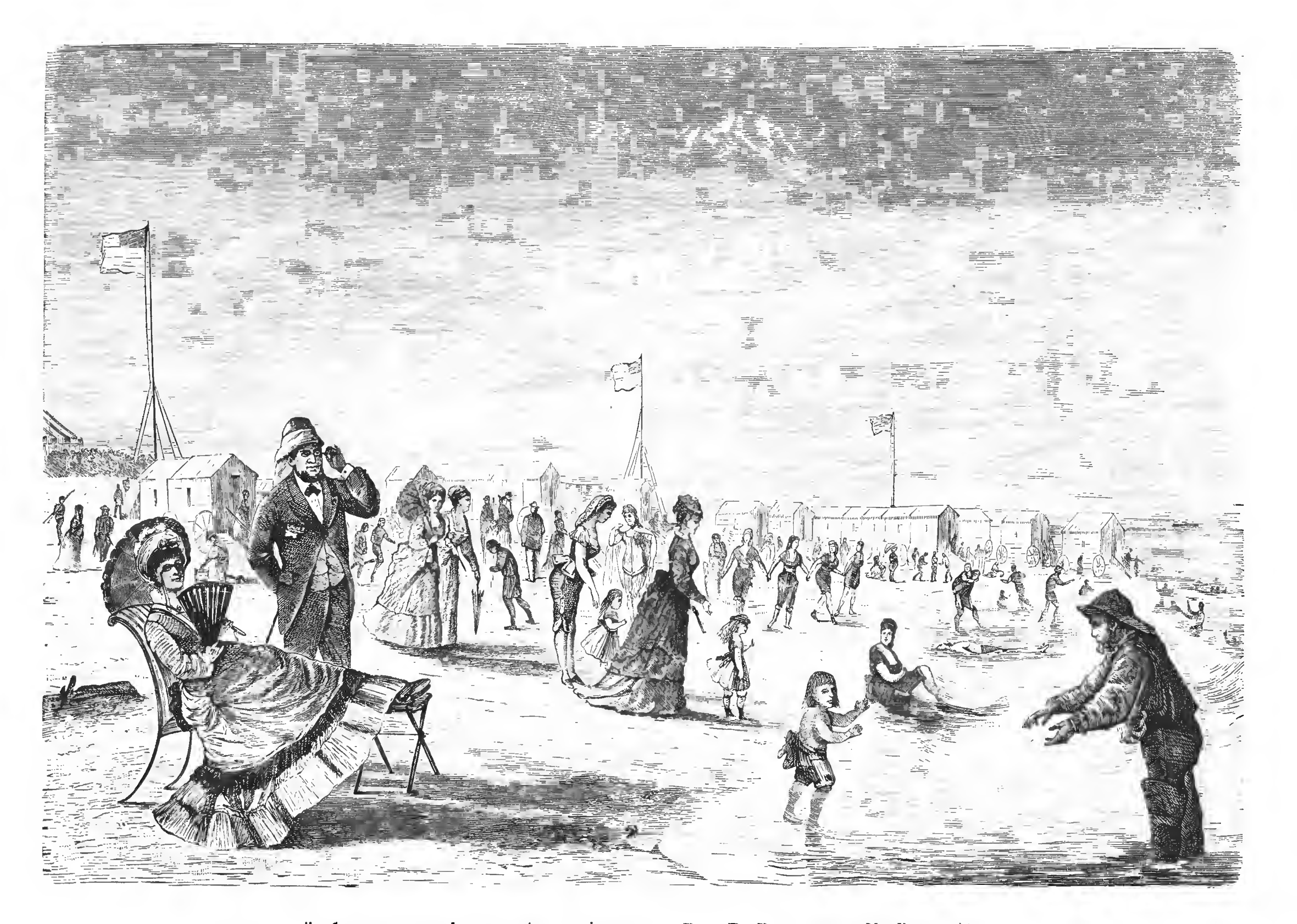
„За ваше здоровье“.

(Картина Плёма).

На картинѣ Плёма изображенъ очень удачно типъ парижскаго блузника, веселаго, безпечнаго малаго съ вѣчной улыбкой и съ вѣчной шуткой на устахъ. Этотъ типъ исключительно вырабатывается вѣчно шумной, вѣчно тревожной жизнью всесвѣтнаго города. До меланхоліи и до отчаянія парижанинъ доходитъ конечно, но если блузникъ завернетъ въ какой-нибудь погребокъ и выпиваетъ тамъ нѣсколько стакановъ вина, какъ о томъ свидѣтельствуетъ таже картина Плёма, то онъ дѣлаетъ это не съ цѣлью заглушить глубокое разочарованіе жизнью или чтобы, какъ говорится у насъ „залить горе“, а напротивъ чтобы запастись еще большимъ одушевленіемъ и настроеніемъ духа и дѣйствительно, выпивъ, онъ дѣлается только еще болѣе общителенъ и болтливъ; хмѣль его не выражается ни буйствомъ, ни грубостью какъ часто у насъ, и если его рѣчь дѣлается все громче и громче, то на это никто не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія. Дѣло въ томъ, что здѣсь подъ самой грубой блузой вы все таки видите передъ собой человѣка, который если по недосугу мало читаетъ, то за то много видитъ и много слышитъ и который даже помимо своей собственной воли испытываетъ на себѣ неотразимое вліяніе такъ называемой „цивилизаціи“. Это вліяніе не только дѣйствуетъ на измѣненіе его нравовъ и привычекъ, но часто отражается и на его работѣ, заставляя его отступать отъ избитой колеи и проявлять въ ней самостоятельность и художественный вкусъ, однимъ словомъ артистичность. Послѣднее качество давно признано всѣми за многими французскими произведеніями и въ этомъ отношеніи они одерживаютъ постоянную побѣду на всѣхъ международныхъ состязаніяхъ. Французскій рабочій знаетъ себѣ цѣну и сознаетъ свои силы, но всегда отдаетъ полную справедливость трудамъ и усиліямъ и другихъ народовъ и встрѣчая у себя, въ Парижѣ, чужеземца, привѣтливо протягиваетъ ему руку и наполнивъ свой стаканъ виномъ говоритъ ему съ веселой улыбкой: „За ваше здоровье!“ И странно представить себѣ, на какія ужасныя вещи способенъ этотъ же французскій рабочій...

На берегу Океана. Американскія морскія купанья.

Почти тропическія жары въ Америкѣ на берегу Атлантическаго океана, заставляютъ множество состоятельныхъ жителей восточныхъ и внутреннихъ Штатовъ, съѣзжаться въ лѣтнее время въ береговые города освѣжиться и подкрѣпиться морскими купаньями. Поэтому на сѣверо-американскомъ берегу находится очень много мѣстъ, приспособленныхъ для такихъ купаній; въ общей сложности отъ залива Пенобскотъ до бухты Св. Августина ихъ насчитывается до тысячи. Уже на островѣ

На берегу океана. Американскія морскія купанья. Рис. П. Вейсъ, грав. М. Рашевскій.

Неожиданная зима. Съ акварели Тейха, грав. М. Рашевскій.

Лонгъ-Исландъ близъ Нью-Іорка насчитывается не одна дюжина такихъ купаній даже для самыхъ бѣдныхъ классовъ общества. Устройство такихъ морскихъ купаній, составляетъ истинную спеціальность американцевъ, которые въ высшей степени комфортабельно приспособляютъ ихъ для съѣзда многочисленной публики во всѣхъ отношеніяхъ. Устройство такихъ купалень всюду одно и тоже, съ тою только разницею, что въ мѣстахъ болѣе модныхъ—больше роскоши. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ плоскаго берега, куда не достигаетъ приливъ, тянется рядъ деревянныхъ построекъ, предназначенныхъ для кофеенъ, ресторановъ, музыкальныхъ павильоновъ, билліардныхъ, читаленъ и т. п. Тутъ же рядомъ стоятъ обычныя купальни на колесахъ, для раздѣванья и одѣванья, которыя, смотря по приливу и отливу, перевозятся сторожами съ мѣста на мѣсто. Повыше береговаго ската, находятся устроенные, со всевозможнымъ комфортомъ и роскошью, гостинницы и пансіоны, гдѣ квартиранты имѣютъ уютныя помѣщенія и прекрасную прислугу. Время проводится въ пріятномъ ничего недѣланіи. Тутъ, по возможности разговариваютъ, любезничаютъ, кокетничаютъ, играютъ и танцуютъ, дѣлаютъ тоже что и на нѣкоторыхъ купаньяхъ въ Европѣ. Утверждаютъ, что морскія купанья—самыя удобныя мѣста для заключенія браковъ. Молодые и свободные люди, выбираютъ между купающимися въ кокетливыхъ и изящныхъ костюмахъ красавицами—будущихъ женъ. Какъ на Евро[illegible]ихъ купаньяхъ, напр. въ Остенде, мущины не отдѣлены отъ женщ[illegible]ъ—оба пола купаются вмѣстѣ. Нашъ рисунокъ изображаетъ именно одно изъ американскихъ морскихъ купаній.

Нечаянная зима.

Кто ѣздилъ ранней весной, когда снѣгъ уже почти сталъ, по замерзшимъ суглинистымъ колеямъ большихъ дорогъ нашей необъятной родины, тотъ знаетъ, что это за мученіе; тарантасъ къ утру, подъ заморозки, приходится бросать, такъ какъ на одной ужасной колеѣ колесо разлетѣлось, и вамъ даютъ то, что на русскомъ дорожномъ языкѣ называется кибиткой. Это всероссійское четырехколесное орудіе пытки, замѣчательное тѣмъ, что можетъ быть построено безъ одного желѣзнаго гвоздя. Сверху привязывается волчекъ, крытый рогожей, въ дыры которой вы можете любоваться природой; но вы торопитесь, вамъ некогда хлопотать объ удобствахъ, заваливаетесь на сѣно, поднимаете повыше воротникъ, и, что изумительнѣе всего, погружаетесь въ какое-то полубезсознательное, тревожное состояніе, въ которомъ вы чувствуете близкія соотношенія вашей головы съ разными частями кибитки—состояніе, которое было бы натяжкой назвать сномъ. Вы приходите въ себя, съ удивленіемъ чувствуя, что лицо ваше залѣпляетъ чѣмъ то холоднымъ и мокрымъ; чувствуете, что по вашему лицу и за воротникъ струятся далеко не поэтическіе ручейки. Вы открываете глаза и съ изумленіемъ видите, что кругомъ, сверху, со всѣхъ сторонъ, крутятся мягкіе хлопья снѣгу. Да, снѣгу! когда о зимѣ вы уже успѣли позабыть—наступаетъ нечаянная весенняя зима, зима-обыденка.

По замерзшей, твердой какъ камень, землѣ носится и крутится настоящая зимняя поземка. На колеса намоталось снѣгу, усталыя лошади едва волочатъ ноги и, чтобы легче было, ямщикъ слѣзъ съ облучка и идетъ около, понукая и покрикивая на лошадей.

— Далеко ли до станціи?

— Восемь верстъ.

И вы съ ужасомъ думаете, что еще часъ надо тащиться такимъ мучительнымъ образомъ. Воротникъ вашей шубы, рукава, кожа, которою прикрыты ноги—все занесено чуть не цѣлыми сугробами снѣгу, который крутится и падаетъ съ новою силою, и вы опять погружаетесь въ тяжелое тревожное полузабытье. Это полузабытье, этотъ „телѣжный сонъ“, если можно такъ выразиться, великое спасенье и сокращеніе времени въ нашихъ безконечныхъ путяхъ. Непривычному человѣку, со стороны, и не представить себѣ, и не повѣрить при какихъ условіяхъ можетъ спать обтерпѣвшійся русскій дорожный человѣкъ.

И просыпается путникъ именно тогда, когда, казалось бы, заспуть удобнѣй, когда прекращаются мучительные дорожные толчки, т. е. когда кибитка остановится у станціоннаго подъѣзда. Но это совершенно понятно. Съ крылечка тянетъ запахомъ щей и самоварнымъ паромъ, огоньки такъ привѣтливо горятъ въ оконцахъ, что тутъ не до сна подъ снѣгомъ, на холодѣ.

Высокопреосвященный Иннокентій

митрополитъ Московскій и Коломенскій.

Іерархъ, украшавшій съ 5 января 1868 года кафедру святителя Петра, высокопреосвященный Иннокентій, 31 минувшаго марта скончался въ Москвѣ на 82 году жизни.

Онъ родился 28 августа 1797 г., въ Ангинскомъ Ильинскомъ приходѣ, Верхоленскаго уѣзда (въ Восточной Сибири), гдѣ отецъ его былъ пономаремъ. Шести лѣтъ, будущій іерархъ потерялъ отца и уже сиротою поступилъ въ семинарію. Тамъ мальчику Ивану Попову дали какъ водится новую фамилію—Веніаминовъ—по имени иркутскаго епископа Веніамина. Уже съ новымъ прозваніемъ, двадцати лѣтъ отъ роду, Іоаннъ (Веніаминовъ) окончилъ семилѣтній курсъ и рукоположенъ въ діакона, а черезъ четыре года, въ санъ священника къ Иркутской Благовѣщенской церкви. Здѣсь, въ своемъ приходѣ отецъ Іоаннъ Веніаминовъ сталъ по воскреснымъ днямъ, передъ литургіею, преподавать дѣтямъ катихизисъ. Затѣмъ, черезъ три года, на вызовъ преосвященнаго Михаила, задумавшаго послать проповѣдниковъ христіанства на Алеутскіе острова, первый заявилъ желаніе—и прибывъ на островъ Уналашку, провелъ здѣсь 10 лѣтъ, изучая языкъ туземцевъ и проповѣдуя имъ истины евангелія. Самъ своими руками устроивъ себѣ жилище, ревностный проповѣдникъ, переходя отъ топора и заступа къ перу, дѣтямъ составилъ азбуку алеутскаго языка и на него перевелъ евангеліе отъ Матѳея и необходимое собраніе молитвъ. Время тяжкихъ трудовъ не пропало даромъ, новый апостолъ покорилъ Христу души дикарей всей купы сосѣднихъ острововъ, построилъ первый храмъ христіанскій, завелъ училища для образованія своей юной паствы, и въ рѣдкія минуты отдыха составилъ обширное описаніе Алеутскихъ острововъ.

Всѣ эти труды, какъ ни почтенны они, были у отца Веніаминова только побужденіемъ къ новымъ, не менѣе сложнымъ. Переѣхавъ въ Ситху (главное мѣсто управленія бывшей американской колоніи) апостолъ алеутовъ, занялся языкомъ новой паствы, колошей, и у нихъ опять выполнялъ трудную обязанность миссіонера-проповѣдника въ теченіе пяти лѣтъ, изучилъ языкъ и первый познакомилъ съ нимъ ученый свѣтъ. Эту заслугу наукѣ оказалъ онъ прибывъ въ Петербургъ осенью 1869 года, чтобы испросить средства для продолженія дѣятельности миссіи. Въ столицѣ узналъ его митрополитъ Филаретъ (Московскій), произвелъ въ санъ протоіерея и исходатайствовалъ у Св. Синода назначеніе въ начальники американской миссіи. Въ то же время, когда дѣла ревностнаго проповѣдника-филолога неожиданно для него устроивались наилучшимъ образомъ, получилъ онъ письмо о кончинѣ супруги своей въ Иркутскѣ, и тогда же по убѣжденію своего покровителя (митрополита Филарета) принялъ постриженіе, съ нареченіемъ Иннокентіемъ—именемъ святаго перваго епископа Иркутскаго. Митрополитъ Филаретъ, здѣсь, на Троицкомъ же подворьѣ, скоро возвелъ Иннокентія въ санъ архимандрита, а въ началѣ 1840 г. новый архимандритъ рукоположенъ въ санъ епископа—новоучрежденной епархіи Камчатской, Курильской и Алеутской. Пребываніе іерарху назначено въ Новоархангельскѣ, на островѣ Ситхѣ, куда весною онъ и отправился. Съ назначеніемъ преосвященному Иннокентію викарія, онъ перемѣнилъ резиденцію, избравъ мѣстомъ новыхъ апостольскихъ трудовъ далекій Якутскій край. Тамъ принялся опять неутомимый архіерей за изученіе языка якутъ, число которыхъ доходитъ до 250,000. При помощи протоіерея Веніамина (впослѣдствіи своего преемника на каѳедрѣ) перевелъ на якутскій языкъ евангеліе, литургію и молитвы. Въ настоящее же царствованіе обратилъ дѣятельность на Амурскій край, насаждая христіанство между монгольскими племенами. Въ продолженіи своей миссіонерской дѣятельности, преосвященный Иннокентій составилъ литературные труды: „Населеніе русскихъ владѣній въ Америкѣ,“ „состояніе православной церкви въ Америкѣ“ и нѣсколько изданій, на монгольскомъ, алеутскомъ, колошскомъ и якутскомъ языкахъ, „Начатковъ христіанскаго ученія“. Его брошюра „Указаніе пути въ царствіе небесное,“ переведенная на всѣ инородческіе языки отдаленнѣйшей Сибири, выдержала болѣе 15 изданій на русскомъ языкѣ и извѣстна всей грамотной Россіи. Назначенный съ 5 января 1868 года на каѳедру московскаго митрополита, преосвященный Иннокентій не переставалъ заботиться о нуждахъ нашихъ миссій. Въ званіи члена св. синода, митрополитъ Иннокентій отличался мудрою простотою, свѣтлымъ пониманіемъ вещей, христіански-человѣческимъ отношеніемъ къ личности. Въ послѣдніе годы старецъ-архипастырь, потерявшій зрѣніе, неустанно занимался слушаніемъ дѣлъ и бумагъ, хотя не разъ просилъ себѣ увольненія отъ дѣлъ. Въ прошломъ году онъ былъ вызываемъ изъ Москвы для присутствованія въ святѣйшемъ синодѣ, согласился прибыть въ Петербургъ, гдѣ онъ надѣялся быть особенно полезнымъ по дѣламъ синода о лучшемъ устройствѣ состоянія нашей миссіи въ Японіи и Іерусалимѣ, но болѣзнь заставила его въ нынѣшнемъ году отказаться отъ своего намѣренія быть въ синодѣ. Въ послѣднее время митрополитъ Иннокентій уже не могъ ходить, но за нѣсколько минутъ до своей кончины, прощаясь съ родными и митрополичьей свитой, онъ благословилъ всѣхъ и утромъ 31-го марта тихо скончался. 5-го апрѣля, въ четвергъ, происходило погребеніе. Выносъ послѣдовалъ послѣ отпѣванія въ Чудовомъ монастырѣ въ 1-мъ часу пополудни, при печальномъ звонѣ всѣхъ московскихъ колоколовъ. Кипарисный гробъ, покрытый фіолетовой архіерейской мантіей, былъ подъ парчевымъ балдахиномъ вынесенъ изъ церкви архимандритами. Двѣсти пятьдесятъ духовныхъ особъ въ бѣлыхъ ризахъ слѣдовали попарно за гробомъ. Впереди несли пятьдесятъ хоругвей, блещущихъ золотомъ. Погребальная колесница, запряженная шестью конями, слѣдовала за гробомъ. Безчисленныя толпы народа замыкали печальное шествіе.

Деревья великаны (Камедное дерево).

Отдаленность Австраліи, трудности сопряженныя съ изслѣдованіемъ этой намъ еще мало знакомой, а мѣстами даже вовсе неизвѣстной части свѣта и наконецъ близость Африки и до сихъ поръ еще представляющей обширное поле для изслѣдованія всевозможнымъ ученымъ и путешественникамъ—все это было причиной скудости свѣдѣній объ этой части свѣта. Только въ послѣднее время мы стали чаще получать извѣстія о природѣ, житьѣ-бытьѣ и т. п. изъ Австраліи, благодаря увеличивающейся съ каждымъ годомъ колонизаціи ея европейцами. Австралія представляется какимъ-то сказочнымъ міромъ, не имѣющимъ ничего общаго съ болѣе изслѣдованными частями свѣта: флора, фауна и даже ея обитатели рѣзко отличаются отъ флоры, фауны и обитателей другихъ странъ. Свѣдѣнія, имѣющіяся теперь, изслѣдованія и наблюденія, производящіяся въ послѣднее время, не отнимаютъ все таки фантастическаго, отчасти характера, въ которомъ намъ это представляется, но еще болѣе усиливаютъ его.

Между многими достопримѣчательностями Австраліи гигантское дерево Eucalyptus globulus, Камедное дерево, занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ.

Когда лѣтъ около 28 тому назадъ въ Европу пришло первое извѣстіе о нѣкоторыхъ породахъ калифорнійскихъ деревьевъ (Sequoia gigantea), имѣющаго болѣе 300 футовъ вышины и объемъ которыхъ у основанія равняется 90 футамъ, то многіе этому не вѣрили, считали такія данныя невозможными, преувеличенными. Теперь же оказывается, что названный нами Eucalyptus globulus, родина котораго Австралія, еще выше, чѣмъ великаны калифорнійской флоры. Его вышина равняется 400 футамъ, а объемъ 96 футамъ.

Камедное дерево извѣстно въ Европѣ всего какихъ нибудь 15 лѣтъ, но успѣло уже сдѣлаться однимъ изъ самыхъ любимыхъ и полезныхъ растеній въ юго-западной Европѣ. Въ Португаліи, напримѣръ, можно почти повсемѣстно встрѣтить его. Оно получило такую популярность благодаря нѣкоторымъ своимъ полезнымъ особенностямъ.

Оно извлекаетъ, напримѣръ, вслѣдствіе баснословной своей величины, громадное количество воды изъ почвы; вѣсъ этой извлекаемой воды въ десять разъ больше чѣмъ вѣсъ всего дерева. Лишенная воды почва пропитывается снова водяными парами, находящимися въ воздухѣ, эти пары въ свою очередь всасываются деревомъ и т. д. Изъ всего этого видно, что близь этихъ деревьевъ не можетъ образоваться стоячей воды—разсадника всякаго рода міазмъ, способствующихъ развитію болѣзней.

Не только южная Европа, но и островъ Куба, Капская область, Египетъ и многія другія страны испытали уже благотворное дѣйствіе камедниковъ. Извѣстный французскій ученый ШарльНоденъ говоритъ, что благодаря разведенію этихъ австралійскихъ деревьевъ многія мѣстности въ Алжирѣ, въ которыхъ дотолѣ свирѣпствовали лихорадки, сдѣлались вполнѣ здоровыми.

Такому оздоровленію цѣлыхъ мѣстностей не мало способствуетъ и другая особенность камедниковъ — дерево издаетъ сильный смолистый запахъ, происходящій отъ какого-то летучаго масла, которое содержится въ прозрачныхъ желѣзкахъ на поверхности коры и въ особенности въ листьяхъ. Это летучее масло оздоровляетъ воздухъ.

Въ Коимбрѣ съ хорошимъ успѣхомъ замѣняли хининъ свѣжими листьями и корой камедника. Кромѣ того это дерево, отлично сохраняющееся, представляетъ превосходный строительный матеріалъ.

Замѣчательна разница между молодымъ и старымъ камедникомъ; она такъ велика, что человѣкъ, мало знакомый съ этимъ деревомъ, можетъ счесть ихъ за разные виды растеній.

Яйцеобразные, стоящіе другъ противъ друга, бѣлые съ синеватымъ оттѣнкомъ листья молодаго дерева и сочный четыреугольный стволъ его съ возрастомъ вполнѣ измѣняются. Листья уже не располагаются другъ противъ друга, не имѣютъ яйцеобразной формы и превращаются въ темнозеленые серпообразные, похожіе на кожу; длина такихъ листьевъ достигаетъ фута; стволъ становится стройнымъ и гладкимъ. Камедникъ можно держать и въ комнатахъ (въ особенности въ которыхъ собирается много народу), какъ-то: въ училищахъ, больницахъ и т. п. они для очищенія воздуха чрезвычайно полезны.

Покушеніе на жизнь Государя Императора.

Всякія событія дня для каждаго русскаго отступаютъ на второй планъ въ виду ужаснаго покушенія, вѣсть о которомъ уже облетѣла всю Россію. Слова негодованія, какъ бы они ни были сильны, блѣднѣютъ передъ возмутительнымъ фактомъ безумнаго умысла. Всякое выраженіе радости было бы слабо предъ глубокимъ значеніемъ самаго событія и передъ одушевленіемъ, которое было выказано безчисленной народной массой, собравшейся 2 Апрѣля около дворца при первой вѣсти о чудесномъ избавленіи Государя отъ угрожавшей ему опасности.

Вотъ подробности, какія собраны по настоящее время.

Въ выпущенномъ, 2-го апрѣля, прибавленіи къ „Правительственному Вѣстнику" появилось слѣдующее

Правительственное сообщеніе.

„Сегодня, въ 9-мъ часу утра, въ то время, когда Государь Императоръ изволилъ, по обычаю, прогуливаться въ мѣстности, окружающей Зимній дворецъ, на тротуарѣ, прилегающемъ къ зданію штаба с.-петербургскаго военнаго округа, на встрѣчу Его Императорскому Величеству съ противоположной стороны зданія вышелъ человѣкъ, весьма прилично одѣтый, въ форменной гражданской съ кокардою фуражкѣ. Подойдя ближе къ Государю Императору, человѣкъ этотъ вынулъ изъ кармана пальто револьверъ, выстрѣлилъ въ Его Величество и вслѣдъ за этимъ сдѣлалъ еще нѣсколько выстрѣловъ. Проходившие вблизи люди, а равно и городовые немедленно бросились на злоумышленника и схватили его, причемъ неизвѣстный успѣлъ дать еще одинъ выстрѣлъ, которымъ легко ранилъ въ щеку одного изъ окружившихъ его людей.

„Божіе Провидѣніе сохранило невредимо драгоцѣнные для Россіи дни Августѣйшаго нашего Государя. Злодѣй арестованъ. Разслѣдованіе начато."

Вѣсть о покушеніи на жизнь Государя, переходя изъ устъ въ уста, привлекла массу народа на площадь передъ дворцомъ. Вся обширная площадка, между зданіемъ адмиралтейства и дворцомъ, была запружена массами народа, которыя криками „ура," бросаніемъ вверхъ шапокъ и пѣніемъ народнаго гимна выражали свою радость, по поводу счастливаго избавленія Государя отъ грозившей Ему опасности.

Послѣ литургіи, въ малой церкви Зимняго Дворца было совершено благодарственное молебствіе. По окончаніи молебна Его Величество изволилъ войти въ Бѣлую залу, гдѣ всѣ съѣхавшіеся уже были собраны. При вступленіи въ залу, Государь Императоръ былъ встрѣченъ громкими, восторженными и долго неумолкавшими восклицаніями. Вслѣдъ затѣмъ Государь изволилъ произнести слѣдующія слова:

„Я глубоко тронутъ и сердечно благодарю за чувства преданности, выказанныя вами. Сожалѣю, что поводомъ къ этому послужилъ столь грустный случай. Богу угодно было въ третій разъ избавить Меня отъ вѣрной смерти и сердце Мое преисполнено благодарности за Его милости ко Мнѣ. Да поможетъ Онъ Мнѣ продолжать служить Россіи и видѣть ее счастливою и развивающеюся мирно, какъ Я того желалъ бы. Благодарю васъ еще разъ".

Въ $3^{1}/_{2}$ часа пополудни Его Величество изволилъ прибыть въ Казанскій соборъ. Громадная народная толпа, поджидавшая прибытія Государя у собора, встрѣтила Его съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. Послѣ краткаго молебствія Его Величество изволилъ возвратиться во дворецъ по Невскому, провожаемый на всемъ протяженіи неумолкаемымъ „ура" несмѣтныхъ массъ, покрывшихъ густыми шпалерами все пространство отъ Казанскаго собора вплоть до Зимняго дворца.

Политическія и внутреннія извѣстія.

Болгарское народное собраніе.—Египетъ.—Англія въ Индіи.—Франція.—Безпорядки въ Ростовѣ на Дону.

Занятія болгарскаго національнаго собранія быстро подвигаются впередъ и и въ настоящую минуту уже разработанъ, въ главныхъ чертахъ, церковный вопросъ. Собраніе отвергло предложеніе о включеніи въ уложеніе статьи, имѣющей цѣлью воспрепятствованіе прозелитизму; отвергнуто также и предложеніе объ учрежденіи національной церкви; положено сохранить Болгарскую церковь въ томъ видѣ, въ какомъ она находилась во время турецкаго господства и принято постановленіе о признаніи Болгарскаго экзарха отъ Порты. Отклоненіе проекта закона, направленнаго противъ прозелитизма едва-ли можетъ внушать какія-либо опасенія намъ, дорожащимъ единеніемъ съ болгарскимъ народомъ: религіозная уступчивость болгаръ въ продолженіи столькихъ вѣковъ всесторонняго гнета служитъ для насъ лучшею порукою въ томъ, что единеніе это будетъ сохранено твердо и на будущія времена и не поддастся вліянію какихъ бы то ни было религіозно-политическихъ пропагандъ.

Что касается „Восточной Румеліи", то, согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, Порта заявила, что дала бы согласіе на смѣшанную оккупацію этой провинціи, еслибы проектъ устройства ея былъ немедленно приведенъ въ дѣйствіе, и новая администрація дѣйствовала бы при участіи назначеннаго Портой губернатора, подъ контролемъ международной комисіи.

По вопросу о греко-турецкой границѣ турецкое правительство предложило новый проектъ соглашенія, на основаніи кото-

раго Грецiи дѣлаются уступки въ Θессалiи (Арта, Ларриса, Воло и Аграфа), болѣе значительныя, чѣмъ тѣ, которыя требуются условiями Берлинскаго трактата, въ Эпирѣ же пограничная линiя должна быть сокращена, вслѣдствiе исключенiя Янины и Превезы.

Кризисъ въ Египтѣ не только не прекратился, но вступилъ въ новый фазисъ. Хедивъ передалъ представителямъ иностранныхъ державъ свой проектъ финансоваго преобразованiя, рѣшительно высказавшись о необходимости—для успѣха проекта—удаленiя европейскихъ министровъ. Отъ словъ вице-король тотчасъ же приступилъ и къ дѣлу, уволивъ министровъ Вильсона (со стороны Британiи) и Блиньера (со стороны Францiи), а также и президента совѣта—Магомета-Тевфика и учредивъ новое министерство изъ туземцевъ; въ обнародованномъ 8-го апрѣля оффицiальномъ заявленiи сказано, что это министерство будетъ отвѣтственно предъ совѣтомъ делегатовъ, который будетъ облеченъ полномочiями по образцу европейскихъ палатъ. Вильсонъ и Блиньеръ, однако, отказываются выйдти въ отставку безъ разрѣшенiя своихъ правительствъ. Британское, хотя еще и не высказалось по этому поводу (8-го апрѣля министры совѣщались относительно мѣръ въ виду египетскихъ событiй), но—изъ словъ офицiознаго „Morning Post“ можно, конечно отчасти только, дозволить себѣ нѣкоторыя „предположенiя“. Газета, высказываясь противъ прямаго вмѣшательства въ дѣла Египта, совѣтуетъ обратиться къ султану съ ходатайствомъ *о смѣщенiи хедива.*

Конечно, скоро опредѣлится положенiе, которое займутъ въ томъ случаѣ заинтересованныя государства и, можетъ быть, объяснится—что, именно, придало хедиву ту смѣлость, которую онъ обнаружилъ въ своихъ послѣднихъ дѣйствiяхъ, идущихъ въ разрѣзъ съ желанiями могущественныхъ опекуновъ его.

Британское правительство начинаетъ умѣрять свою воинственность. Оно не хочетъ рѣшительныхъ мѣръ какъ въ Египтѣ, такъ и въ новомъ столкновенiи съ Бирманскимъ Императоромъ. Изъ Рангуна сообщаютъ, что индо-британское правительство обнародовало проектъ, въ которомъ заявляется о намѣренiи держаться къ Бирманской Имперiи въ строго-оборонительномъ положенiи. Правительство хочетъ избѣгать разрыва и объявить войну Императору только въ томъ случаѣ, если будетъ вынуждено къ тому безусловно враждебными дѣйствiями бирманцевъ. Это произвело весьма дурное впечатлѣнiе на туземцевъ, которые видятъ какъ бы сознанiе британцевъ въ невозможности бороться съ властителемъ Бирмы. А между тѣмъ, властитель этотъ (имя его—Дзебо) издалъ прокламацiю, въ которой призываетъ подъ знамена всѣхъ своихъ подданныхъ, способныхъ носить оружiе. Въ Рангунъ прибылъ изъ Бенгалiи 22-й индiйскiй пѣхотный полкъ, присланный для усиленiя войскъ въ британскомъ Индо-Китаѣ. Скоро уже годъ, что Биконсфильдъ разсылаетъ британскiя войска изъ страны въ страну, изъ одной части свѣта въ другую. Въ Капскую колонiю уже прибыла часть войскъ, отправленныхъ туда въ помощь британскимъ отрядамъ, дѣйствующимъ противъ Сетевайо. Къ какимъ результатамъ привели переговоры, начатые зулусскимъ властителемъ—еще пока не извѣстно.

Во Францiи общественное вниманiе было привлечено такими крупными событiями внутренней политической жизни какъ дополнительные выборы для замѣщенiя 21 вакантнаго депутатскаго мѣста и поднятыми въ палатахъ вопросами: объ устраненiи влiянiя клерикаловъ на народное образованiе и перемѣщенiи засѣданiй палатъ изъ Версаля въ Парижъ. На дополнительныхъ выборахъ побѣда вновь склонилась на сторону республиканцевъ, хотя и не съ прежнимъ блескомъ: изъ 21-го мѣста имъ досталось 11; пренiя по поводу возвращенiя палатъ въ Парижъ отложены.

7-го Марта напечатано слѣдующее правительственное сообщенiе: 2-го сего апрѣля, около 6 часовъ вечера, въ городѣ Ростовѣ-на-Дону произошли безпорядки. Изъ полученныхъ по сему предмету телеграммъ отъ прибывшаго въ Ростовъ екатеринославскаго губернатора, а также и отъ другихъ офицiальныхъ лицъ оказывается, что буйство толпы приняло столь широкiе размѣры, что мѣстныя полицейскiя средства оказались недостаточными и потребовалось прибѣгнуть къ воинской силѣ.

Вызванные изъ Новочеркаска 160 казаковъ и военная команда изъ Таганрога и мѣстная полицiя прекратили буйство, такъ что къ 4 часамъ утра 3-го апрѣля порядокъ въ городѣ былъ возстановленъ. Буйствующею толпою разбиты квартиры полицiймейстера, пристава и исправника, причемъ въ первыхъ двухъ все уничтожено и расхищено; въ полицейскомъ управленiи и въ двухъ полицейскихъ частяхъ всѣ текущiя дѣла уничтожены, а вещественныя доказательства расхищены. Тотчасъ было приступлено къ разслѣдованiю дѣла, и приняты мѣры къ охраненiю спокойствiя въ городѣ и къ предупрежденiю возникновенiя безпорядковъ.

По полученiи донесенiя о происшедшихъ безпорядкахъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, 4-го сего апрѣля, командированъ въ Ростовъ-на-Дону директоръ департамента полицiи исполнительной, тайный совѣтникъ Косаговскiй.

Высокопреосвящ. Иннокентiй митрополитъ Московскiй и Коломенскiй † 31 Марта 1879 г.
Рис. съ фотогр. Швейцеръ, грав. О. Ротъ.

Указъ Правительствующему Сенату.

Событiя послѣдняго времени съ очевидностiю указываютъ на существованiе въ Россiи если не многочисленной, то упорной въ преступныхъ заблужденiяхъ своихъ шайки злоумышленниковъ, стремящейся подорвать всѣ основы государственнаго и общественнаго быта. Не ограничиваясь распространенiемъ путемъ печати, въ разсылаемыхъ тайно прокламацiяхъ, самыхъ возмутительныхъ ученiй, клонящихся къ ниспроверженiю догматовъ религiи, союза семейственнаго и правъ собственности, злодѣи эти неоднократно покушались на жизнь высшихъ сановниковъ Имперiи и другихъ лицъ, облеченныхъ правительственною властью. Наконецъ рядъ злодѣйствъ завершился преступнымъ покушенiемъ на Цареубiйство.

Такiя злодѣянiя и отсутствiе всякаго раскаянiя въ тѣхъ изъ злоумышленниковъ, которые до настоящаго времени были обнаружены, обратили вниманiе Наше на необходимость прибѣгнуть къ исключительнымъ временнымъ мѣрамъ, какъ для примѣрнаго наказанiя виновныхъ, такъ и для предоставленiя лицамъ, облеченнымъ правительственною властью, особыхъ правъ, въ видахъ охраненiя порядка.

Съ этою цѣлью Мы признали за благо:

1. Назначить временныхъ генералъ-губернаторовъ въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ, съ особыми чрезвычайными правами, означенными въ нижеслѣдующихъ статьяхъ. Тѣ же права предоставить временно генералъ-губернаторамъ въ Москвѣ, Кiевѣ и Варшавѣ.

2. Генералъ-губернаторамъ с.-петербургскому, харьковскому и одесскому подчинить губернiи С.-Петербургскую, Харьковскую и Херсонскую. Независимо отъ этого, какъ симъ генералъ-губернаторамъ, такъ равно и генералъ-губернаторамъ кiевскому

(Продолженiе на стр. 317, 318, 319 и 320).

и московскому подчинить нѣкоторыя мѣстности изъ смежныхъ губерній, которыя будутъ указаны впослѣдствіи.

3. Во всѣхъ названныхъ мѣстностяхъ подчинить генералъ-губернаторамъ всѣ мѣстныя гражданскія управленія въ томъ размѣрѣ, въ какомъ, на основаніи 46 ст. положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время, подчиняются главнокомандующему арміею губерніи и области, объявленныя на военномъ положеніи, а также учебныя заведенія всѣхъ вѣдомствъ, по предметамъ, относящимся до охраненія порядка и общественнаго спокойствія.

4. Предоставить генералъ-губернаторамъ лицъ гражданскаго вѣдомства, въ подвѣдомственныхъ имъ мѣстностяхъ, предавать военному суду, съ примѣненіемъ къ нимъ наказаній, установленныхъ для военнаго времени, независимо отъ случаевъ, упомянутыхъ въ указѣ Нашемъ отъ 9-го августа минувшаго года, и за другіе виды преступленій государственныхъ или противъ порядка управленія, а равно и за совершеніе другихъ преступленій, общими уголовными законами предусмотрѣнныхъ, когда они признаютъ это необходимымъ, въ видахъ огражденія общественнаго порядка и спокойствія. По дѣламъ сего рода присвоить генералъ-губернаторамъ права, предоставленныя ст. 1.234, 1,238 и 1,241 XXIV свод. военн. пост 1869 года главнокомандующему въ военное время

5. Указанный порядокъ примѣнить ко всѣмъ дѣламъ, по коимъ не послѣдовало донынѣ преданія обвиняемыхъ суду.

6. Предоставить генералъ-губернаторамъ право: а) высылать административнымъ порядкомъ изъ ввѣренныхъ ихъ управленію мѣстностей всѣхъ тѣхъ лицъ, дальнѣйшее пребываніе которыхъ въ тѣхъ мѣстностяхъ они признаютъ вреднымъ; б) подвергать личному задержанію, по непосредственному своему усмотрѣнію, всѣхъ лицъ, не смотря на званіе и состояніе, въ тѣхъ случаяхъ, когда они признаютъ это необходимымъ; в) пріостанавливать или вовсе воспрещать изданіе журналовъ и газетъ, направленіе которыхъ будетъ ими признаваемо вреднымъ, и г) вообще принимать тѣ мѣры, которыя по мѣстнымъ обстоятельствамъ они признаютъ необходимыми для охраненія спокойствія во ввѣренномъ имъ краѣ.

Правительствующій Сенатъ къ исполненію сего не оставитъ сдѣлать надлежащее распоряженіе.

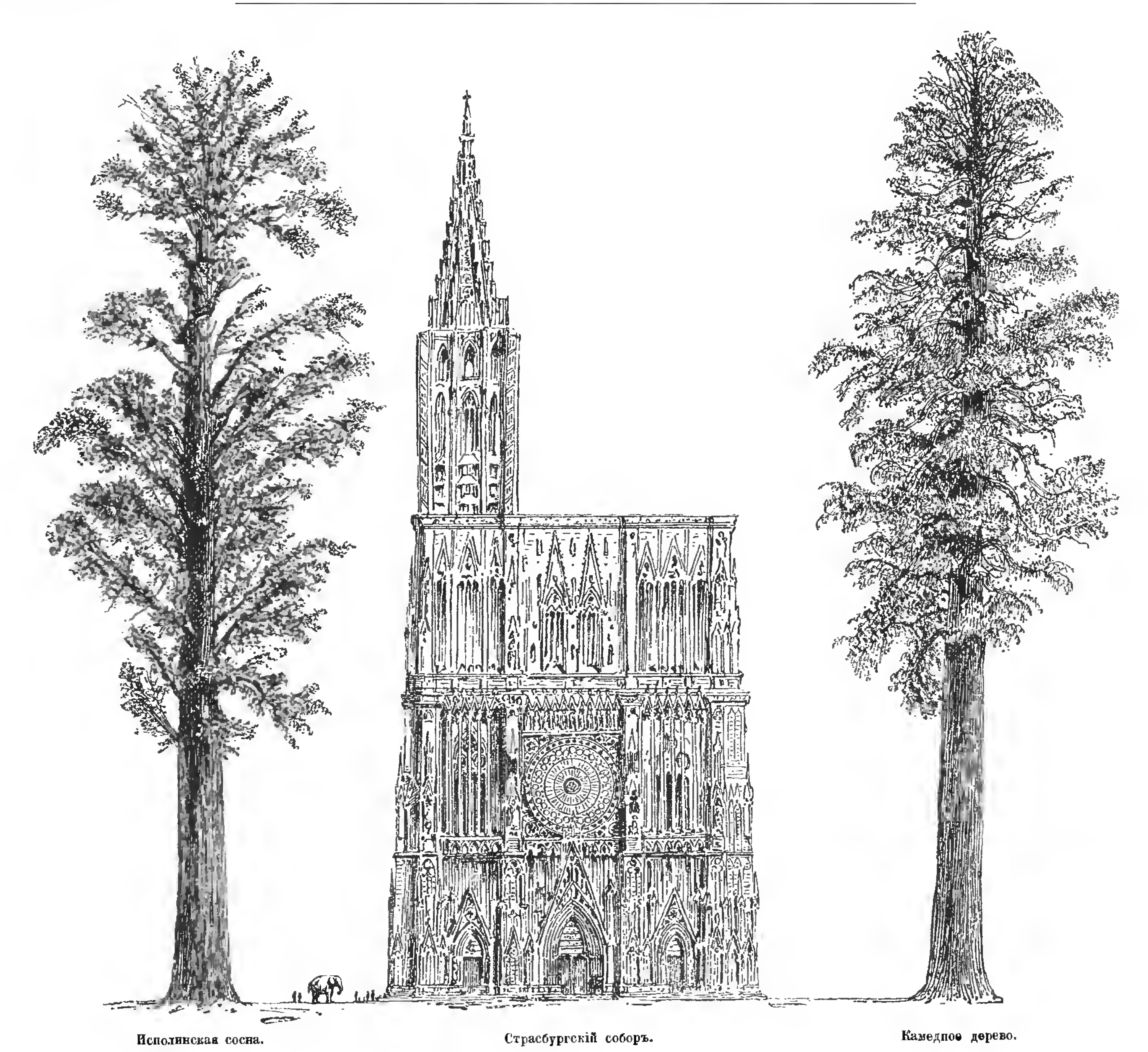
На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ.“

Въ С.-Петербургѣ.
5-го Апрѣля 1879 года.

Правительственное распоряженіе.

Назначены: на основаніи Высочайшаго указа, даннаго правительствующему сенату 5-го сего апрѣля, временными генералъ-губернаторами: главнокомандующій дѣйствующею арміею, генералъ-адъютантъ, инженеръ-генералъ *Тотлебенъ* — одесскимъ, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта и временно въ должности главнокомандующаго бывшею дѣйствующею арміею; генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи графъ *Лорисъ-Меликовъ* — харьковскимъ, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта; помощникъ его императорскаго высочества главнокомандующаго войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи *Гурко* — с.-петербургскимъ, съ оставленіемъ въ настоящей должности и въ званіи генералъ-адъютанта.

Исполинская сосна. Страсбургскій соборъ. Камедное дерево.

Деревья-гиганты.

Разныя извѣстія.

Новая художественная выставка въ С.-Петербургѣ. Извѣстный жителямъ Петербурга содержатель эстампнаго и художественнаго магазина г. *Фельтенъ*, фирма существующая въ нашей столицѣ уже болѣе пятидесяти лѣтъ, устраиваетъ въ скоромъ времени въ Академіи Наукъ на Вас. Островѣ выставку оригинальныхъ картинъ современныхъ художниковъ. Между прочими будутъ выставлены работы Александровскаго, Бейшлага, Боденмюллера, Брандта, Бренделя, Бугеро, Добигни, Фербекговена, Вотье, Грицнера, Дрé, Дефреггера, Жерома, Зимлера, Кауфмана, Лагоріо, Габріэля Макса, Харламова и пр. и пр. Плата за входъ 30 коп. Продолжаться будетъ выставка до 15 мая.

Новыя газеты. Въ Америкѣ издаются двѣ новыя газеты: одна называется „Носовой платокъ,“ и печатается на полотнѣ, причемъ читатель по прочтеніи можетъ употреблять и вмѣсто вещи, названіе которой она носитъ; другая называется „Кашне“ и печатается золотомъ на шелку,—вполнѣ замѣняя шейные платки и галстуки.

Въ скоромъ времени, какъ сообщаютъ, будутъ издаваться газеты „помочи“ и „подвязки.“

Новый Робинсонъ Крузоэ — женщина. Одна изъ калифорнскихъ газетъ сообщаетъ весьма интересныя данныя объ индіанкѣ, найденной на одномъ изъ необитаемыхъ островковъ южнаго берега Калифорніи. Найдена она была партіей рыболововъ, занесенныхъ теченіемъ и бурей на этотъ островъ. Жилище ея было устроено изъ вѣтвей и сучьевъ въ видѣ трехгранной призмы съ плоской крышей. Одежда ея состояла изъ шкуръ морской выдры и доходила до ступней, голова ничѣмъ не покрывалась, почему волоса отъ дождя и солнца выцвѣли и приняли какой-то желтовато-грязный оттѣнокъ.

На островѣ было найдено большое количество дикихъ собакъ, изъ которыхъ нѣкоторыя приручились къ ней, признавая ее какъ бы своей повелительницей. Пища ея состояла преимущественно изъ растенія, называемаго калифорнцами palo santo и изъ корней coreomite. Все это запивалось водой и смачивалось жиромъ выдры и другихъ прибрежныхъ животныхъ. Орудія для ловли рыбы и охоты были самыхъ незамысловатыхъ и безхитростныхъ формъ. На видъ ей было около 50 лѣтъ, но несмотря на это—это была статная, здоровая женщина и гораздо красивѣе и съ болѣе правильными чертами лица чѣмъ всѣ ближайшіе индѣйцы. По всей вѣроятности она принадлежала къ болѣе сѣвернымъ индѣйскимъ племенамъ, потому что не понимала ни одного изъ окружныхъ индѣйскихъ нарѣчій, хотя сама лепетала очень скоро и видимо не затрудняясь на языкѣ схожемъ съ индѣйскимъ. Передъ каждымъ, кто подходилъ къ ней, она низко наклонялась, выказывая радость и привѣтливо при этомъ улыбаясь. Изъ объясненій знаками можно было понять, что она пробыла на островѣ до 18 лѣтъ. 7 недѣль послѣ пріѣзда на континентъ она умерла вслѣдствіе воспаленія въ желудкѣ, отъ неумѣреннаго употребленія фруктовъ. Платье и орудія ее были посланы въ Римъ въ Музеумъ.

Евреи массами эмигрируютъ въ Палестину. По крайней мѣрѣ это утверждаетъ „Union“, и англійскіе государственные люди заняты разсмотрѣніемъ проекта, предложеннаго имъ нѣсколькими финансовыми людьми еврейскаго происхожденія; они предлагаютъ ни болѣе ни менѣе, какъ купить обѣтованную землю у обнищавшихъ турокъ; сумма уплаты опредѣлена, она дѣлится на акціи, что даетъ и христіанамъ возможность участвовать въ предпріятіи; главное затрудненіе для осуществленія этого плана будто бы заключается въ нежеланіи со стороны турокъ разставаться съ мечетью Омара въ Іерусалимѣ! Конечно, это уже не первый разъ, какъ возникаетъ эта басня о современномъ переселеніи народовъ.

Именные списки ростовщиковъ въ нѣкоторыхъ пештскихъ газетахъ почти ежедневно появляются. Это продолжается уже три недѣли. Каждый день приводится 10, 12 и до 20 именъ, но списокъ еще не истощенъ. Что болѣе всего производитъ впечатлѣніе, это то, что въ числѣ этомъ фигурируетъ множество адвокатовъ. Третья часть всѣхъ означенныхъ лицъ—доктора правъ и практикующіе адвокаты. Каждый день приводится по крайней мѣрѣ по одному женскому имени. Остальные ростовщики—частныя лица, купцы, портные, мелкіе чиновники, слуги, даже упомянутъ одинъ извозчикъ. Отъ времени до времени тотъ или другой изъ ростовщиковъ заявляетъ протестъ, но большинство молчитъ.

Ариѳметическая задача.

Три крестьянина имѣли по равному числу головъ скота—лошадей, коровъ и овецъ. Всѣ трое вмѣстѣ имѣли лошадей вдвое меньше, чѣмъ коровъ, а коровъ втрое меньше чѣмъ овецъ. У перваго и втораго количество лошадей было поровну, а у третьяго было вчетверо меньше чѣмъ у обоихъ первыхъ вмѣстѣ; у втораго и третьяго было по равному числу коровъ, а у перваго вчетверо меньше чѣмъ у втораго и третьяго вмѣстѣ, но за то у перваго было двумя больше овецъ чѣмъ у втораго. Сколько было всего лошадей, коровъ и овецъ и сколько ихъ имѣлъ каждый крестьянинъ?

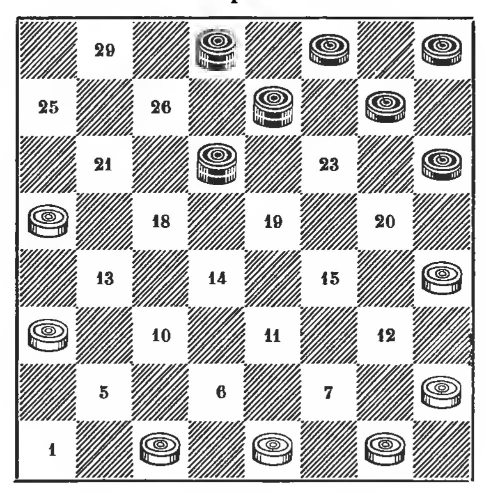
Рѣшеніе ариѳметической задачи въ № 13 „Нивы.“

4-я гимназія, 6-й классъ, 20 учениковъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы до 6 го Апрѣля. С.-Петербургъ, отъ гг. А. П. Тарачкова, С. К. Алек—кина, Д. Славина, Ф. Тэт., А. П. Жупахина, А Сб—ва, Шишкина, Ѳ. А. Елецкаго, А. О. О. Логиновой, Уткина, В. Фохтъ, С. Чиркова, Гимназиста-Классика А. Т. С., N. N, С. Уколова, А. Груздева, Я. Гольдблатъ, С. Матвѣева, А. Крылова, Н. Ра—сова, Матюшива; **Москва:** отъ гг. П. В., А. Газсадкина, И. Рыбнва, С. Протонопова, С. Шестакова, П. Крынина, А. З...щ...ъ, А. Бойкова, С. Ощенкова, Свящ. Г. Скворцова, А. Егоровой, Энгене, В. Ѳ. Сѣ—р—ва, С. Соколова, Ergo, С. Мазурина, М. С...въ, К. Розенблатъ, М. Левченкова, А. Емельянова, Г. Е., Н. Жукова; ст. **Тосна:** отъ гг. Рум...ва; ст **Медвѣдево:** М. Лейцингера; **Сумы:** отъ Ф. Гейдъ, Н. Сагоаскаго; **Минскъ:** отъ В. Вейсберемъ; **Козловъ:** отъ Илоаайскаго; **Ковно:** Полубинскаго: **Ярославль:** отъ А. Вахрамѣева, В—ева; **Тула:** отъ Виноградова, Я. Чистякова; **Вязьма;** отъ В. Б....ва; **Пенза:** А. В. М.; **Щучинъ:** Зусьмановича; **Кіевъ:** В. Медовщикова; **Липецкъ:** П—женскаго; **Елисаветградъ:** С. Припутенко; **Гатчино:** Зехова; ст. **Русса:** Ѳедорова; **Калуга:** Л—ва; **Тыкоцинъ:** Чапницкаго; **Варшава:** Бургартъ; **Ломжа:** Новинскаго.

Шашечная задача № 5.

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и выигрываютъ. Какими ходами?

Рѣшеніе шашечной задачи № 3.

Черныя.	Бѣлыя.
съ 32 на 28	съ 1 на 32
„ 20 „ 15	„ 12 „ 19
„ 27 „ 23	„ 19 „ 28
„ 9 „ 31	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы до 6-го апрѣля. С.-Петербургъ, отъ гг.: Ив. Ир—кова, И. Харчева, А. Лейневицъ, А. Евреинова, А. Овечкина, В. Смирнова, К. А. Липина, И. С. Шепелева, А. Н. Нельгренъ, Ярцева, А. Свищева; **Москва:** отъ гг.: М. С—ва, В. Колейникова, М. Политова, В. Зѣвакина, К. Ф. Розенблатъ, М. А. Ковырева, Эигепе, М. Левченкова, А. Емельянова, Ч Новаго, Н. А. Жукова. П. Лобанова, К. В.; **ст. Ново-Александровскъ,** отъ г. Антонова; ст. **Медвѣдево,** отъ г. Лейцингера—**Сумы,** отъ ф.-Гейдъ—**Кузнецкъ:** П. Митропольскаго, Д. Кочетова;—ст. **Кожанка,** Яновскаго; **Брянскъ:** И. Маевскаго.—**Ковно:** С. Полубинскаго.—**Бѣлый:** Вейденбаумъ.—**Кіевъ:** В. Вотова.—**Ярославль:** А. Вахрамѣева;—**Козловъ:** М. Иловайскаго; **Сызрань:** П. Смирнова.—**Пенза:** Чередина;—**Юрьевъ:** Отъ Старичка;—**Луцкъ:** отъ И. Мычникова;—**Кронштадтъ:** отъ гг. Ротиевича-Каванскаго и Пуговкина;—**Минскъ:** В. Вейсбремъ.

Рѣшеніе задачи ходъ коня № 1.

				2	65				
		1	52	37	30	15	66		
		34	3	16	51	64	31		
		53	38	33	36	29	14		
		4	35	50	17	32	63		
			54	39	28	13			
	45	40	5	18	49	62	27	22	
	6	55	44	41	26	23	12	61	
46	43	8	57	48	19	10	59	24	21
7	56	47	42	9	58	25	20	11	60

Чаша жизни.

М. Лермонтова.

Мы пьемъ изъ чаши бытія
Съ закрытыми очами,
Златые омочивъ края
Своими же слезами.

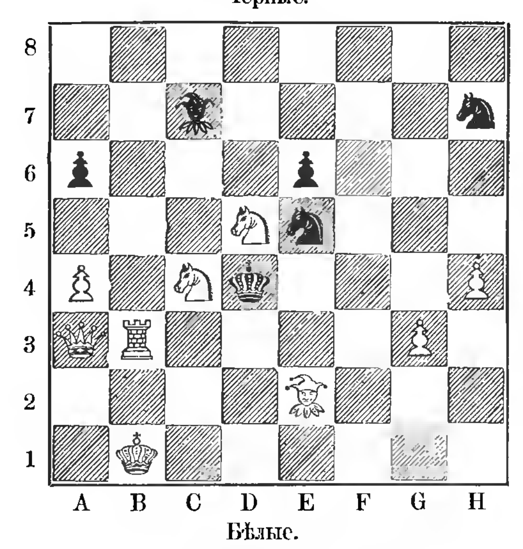
Когда-же передъ смертью съ глазъ
Завязка упадаетъ
И все, что обольщало насъ,
Съ завязкой исчезаетъ.

Тогда мы видимъ, что пуста
Была златая чаша,
Что въ ней напитокъ былъ,—мечта
И что она—не наша!

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислано отъ гг. А. А. Набокова въ Москвѣ; А. Г. Максимова, А. Тихомірова и А. Макарова въ СПБ; М. Кнопфъ во Владимірѣ; А. Пи—въ въ Орлѣ; Н. Кашинцева въ Рыбинскѣ; Е. Россолимо въ Осѣ; N. R. въ Одессѣ; Н. Л. Доссе въ Алексину; Е. М. Макарова въ Ростовѣ н/Д; П. Вик—въ СПБ.

Шахматная задача № 11

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ въ 4 хода.

РЕБУСЪ.

Рѣшеніе ребуса будетъ помѣщено въ одномъ изъ слѣдующихъ №№.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Спб. Серп—хову. Маленькій „очеркъ ребуса", который вы сообщаете, можетъ быть кому нибудь и интересенъ, но напечатанъ быть не можетъ.

Домвшкему учителю А. Ив—нову.

Смугла лицомъ, черна глазами
Но *вся пленительна* душой...
или:
Кудри *смольныя*, кудри черныя
Газсыпаетесь такъ плепительно и т. п.

Кудрей *смольныхъ* нѣтъ. Какъ домашнему учителю вамъ быть можетъ пригодится вѣденіе, что слово „плѣнительный"—всегда пишется черезъ ѣ.

Спб. Ник. Григ. Мал—кову.

Я видѣлъ мать...
Ее сгубилъ мгновенный блескъ
Гусара - молодца
Холодныхъ фразъ шипучій трескъ,
Любви притворныя слова...

Довольно. Хорошенькаго понемножку.

Не будутъ напечатаны стихи; 1) М. Арх—скаго „Акростихи". 2) Г. Серг—ва „Кн. ней". 3) А. Рог—лина „Бездомная" 4) М. Бур—ва „Сестрѣ", „Вечеръ". 5) Гимнъ С. „Современному человѣку" и друг. 6) А. В. Ш„ „Лѣто въ деревнѣ" 7) Л. Б—ва „Душевное страданье". 8) Н. П—ва „Вдохновеніе" и друг. 9) Кн. Н. М—аго „Купцы въ деревнѣ". 10) Бѣл—сова „Аня". 11) А. Гол—бова „Желанія". 12) А. Кач-нова „Сонъ". 13) А. Вечер—аго „Голубка". 14) А. Ряз—ва „Въ мятель". 15) Ф Шощ—на „Тяжелая дума". 16) В. Ком на „Ермакъ".

ОПЕЧАТКИ.

Въ № 15 „Нивы" 1879 года на стр. 295 на 35 строкѣ напечатано **1867** года а слѣдуетъ **1875** г. Въ шашечной задачѣ № 4 помѣщено: черные внизу, а бѣлые на верху; слѣдуетъ:—черные на верху, а бѣлые внизу.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

Вышла въ свѣтъ и продается въ Конторѣ Редакціи „Нивы“ и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы.

ВЪ КАМЫШАХЪ

ПОВѢСТЬ

Н. Н. Каразина.

Съ 39 рисунками автора

Второе изданіе

большой томъ in 8—всего 304 стр.

С.-Петербургъ 1879 г.

Изданіе **А. Ф. Маркса.**

по Б. Морской, д. № 9.

Цѣна **2 руб**, съ пересылкой **2 руб. 30 к.**

Подписчики „Нивы“ за пересылку не платятъ.

Повѣсть эта яркими красками рисуетъ жизнь Туркестанскаго края; достоинства ея достаточно доказываются уже тѣмъ, что повѣсть эта переведена на нѣмецкій, французскій и англійскій языки. Нынѣ вышедшее второе изданіе заключаетъ въ себѣ 39 рисунковъ: она гораздо богаче и лучше, чѣмъ уже распроданное первое изданіе этой повѣсти.

№ 41 2—2 Изд. „Нивы“ **А. Ф. Марксъ.**

Вышла изъ печати и поступила въ продажу у книгопродавца-издателя **А. Ф. Девріена**, Спб., Вас. Остр., больш. пр., № 8, новая книга:

„ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО КЪ ВЕДЕНІЮ МОЛОЧНАГО ХОЗЯЙСТВА“

К. Петерсена. Перев. со 2-го нѣмецк. изд. П. Костычева. Съ 26-ю политип. въ текстѣ. **Цѣна 1 р. 25 к.**

(Эта книга представляетъ І-й томъ „**Сельско-хозяйственной библіотеки**“, на І-ю серію которой принимается подписка. Подписная цѣна за серію, состоящую изъ 6-ти томовъ, съ пересылкою **6 руб.**

Гг. иногородные адресующія свои требованія прямо къ вышеозначенному издателю, за пересылку не платятъ № 116 1

НОВѢЙШІЯ МОЛОТИЛКИ

по системѣ **ВЕЙЛА**,

СЪ ЧИСТИЛЬЩИКОМЪ И БЕЗЪ ОНАГО.

дешевле всѣхъ прежнихъ конструкцій.

Одноконныя до 4-хъ конныхъ и ручныя съ новѣйшими значительными улучшеніями, предлагаетъ на нынѣшній сезонъ по **чрезвычайно дешевымъ цѣнамъ** и на самыхъ выгодныхъ условіяхъ платежа.

Доставка франкирована на всякую станцію желѣзныхъ дорогъ.

Ищутъ агентовъ. Торговцамъ дѣлаютъ уступки.

Морицъ Вейль младш. Машинно-строительный заводчикъ въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

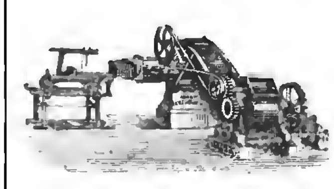
Первый вводитель штифтовой молотилки.

Moriz Weil jun. **Maschin.-Fabrikant Frankfurt a. M,** Heiligkreuzg. 12, 14, 16 & 16a Landwirthschafts-Vereinshalle.

№ 30 10—2

Людвигъ Феодоровичъ ШЛИКЕЙЗЕНЪ инженеръ.

Москва, Мясницкая, д. Сытова.

Рекомендуетъ **ПАТЕНТОВАННЫЯ ТОРФЯНЫЯ МАШИНЫ** наибольшей производительности, механическаго завода **К. Шликейзенъ** въ **Берлинѣ** старѣйшаго и знаменитѣйшаго по этой отрасли, и беретъ на себя изготовленіе плановъ и смѣтъ на устройство цѣлыхъ торфяныхъ производствъ.

Эти торфяныя машины снабжены **патентованнымъ** приспособленіемъ для измельченія корней и всѣ работающія части сдѣланы изъ стали.

Иллюстрированные каталоги и отзывы объ этихъ торфяныхъ и кирпичедѣлательныхъ машинахъ по востребованію высылаются безплатно. № 94 3—3

НОВЫЯ КНИГИ М. ЦЕБРИКОВОЙ. № 110 2—1

ПЕРВЫЕ ТРИ ГОДА ЖИЗНИ РЕБЕНКА.

Этюдъ опытной психологіи **Бернара Пэре** переводъ съ французскаго съ приложеніемъ статьи **Бэна «Воспитаніе какъ наука»** Цѣна 1 р. 50 к.

СКАЗКА ПРО ТРЕХЪ МУЖИКОВЪ И БАБУ ВѢДУНЬЮ.

Для дѣтей старшаго возраста Цѣна 40 к.

Продаются у всѣхъ книгопродавцевъ. Складъ изданія въ редакціи журнала „**Воспитаніе и Обученіе**“ бывшій „**Дѣтскій Садъ**“ Екатерингофскій просп., д. № 51 кв. № 4. Гг. подписчики журнала по желанію или ничего не платятъ за пересылку или пользуясь 20% уступки, прилагаютъ за пересылку и упаковку за 1 ф., 35 к. за слѣдующіе по почтовой таксѣ, училищамъ и земскимъ управамъ выписывающимъ сказку прямо изъ редакціи дѣлается значительная уступка по соглашенію.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ И БИБЛІОТЕКИ СЕМЕННИКОВЫХЪ

1) Вас. остр., Средн. пр. № 21. 2) 1-я рота Измайловскаго полка № 4.

Гг. иногородныхъ просятъ обращаться по 1-му адресу.

НОВОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ.

Регуляторъ часовъ съ компасомъ, служащій для повѣрки часовъ во всякой мѣстности. Три инструмента въ одномъ—угломѣръ, компасъ и часы, вполнѣ замѣняющій послѣдніе въ солнечное время.—Полезенъ каждому.—Съ наставленіемъ.—Привилегированъ.—Цѣна съ перес. 2 руб. съ агатомъ 3 р., большій съ агатомъ 4 р., такой же посеребренный 5 р.—Адресъ: въ г. Вытегру, Олонец. губ., Іосифу Андреевичу Милевскому,

ГАЛЬМАНИНЪ.

Послѣ многочисленныхъ опытовъ, мнѣ удалось составить счастливую смѣсь (Гальманинъ), предотвращающую совершенно прѣніе частей тѣла, въ особенности же прѣніе ножныхъ пальцевъ. Въ короткое время средство это сдѣлалось извѣстнымъ во всемъ краѣ. **Въ составъ его входятъ средства совершенно безвредныя; онъ не задерживаетъ потъ, но поглощаетъ его, образуя мелкіе микроскопическіе кристаллы**; эти-то качества и даютъ ему преимущество надъ средствами до сихъ поръ употребляемыми въ Германіи и Франціи.

Гальманинъ своимъ дѣйствіемъ, осушая части тѣла, прѣніе ихъ дѣлаетъ невозможнымъ; по сему лицамъ, принужденнымъ много ходить, средство мною изобрѣтенное можетъ оказать величайшую услугу. Довольно натереть Гальманиномъ разъ въ нѣсколько дней прѣющія части, помощью ваты, полотна или кисточки, чтобъ избѣгнуть тѣхъ непріятныхъ послѣдствій, какимъ бываютъ подвержены лица, принужденныя долго ходить въ лѣтніе, жаркіе дни.

Ручаясь вполнѣ за дѣйствительность изобрѣтеннаго мною Гальманина что подтверждаютъ многочисленные опыты варшавскихъ врачей, **смѣю обратить вниманіе публики, дабы она остерегалась подлоговъ и покупала Гальманинъ только въ коробочкахъ, снабженныхъ моею фирмою.**

СВИДѢТЕЛЬСТВА.

Изобрѣтенный господиномъ владѣльцемъ аптеки, магистромъ фармаціи Карпинскимъ Гальманинъ, отличается преимущественно своимъ совершенно хорошимъ вліяніемъ противъ прѣнія ножныхъ пальцевъ и вполнѣ достигаетъ своей цѣли.

Докторъ *Халубинскій*, б. профессоръ терапевтической клиники въ Варшавѣ.

Докторъ *Глищинскій*, б. профессоръ гинекологіи въ Варшавѣ.

Докторъ *Коницъ*.

Симъ удостовѣряю, что въ моей практикѣ очень часто употребляю Гальманинъ (Galmanin) порошокъ, изобрѣтенія г. магистра фармаціи, Викентія Карпинскаго, служащій къ предупрежденію прѣнія между пальцами ногъ, совершенною пользою; поэтому рекомендую его лицамъ, принужденнымъ много ходить, если при этомъ ноги ихъ подвергаются потѣнію.

Профессоръ хирургич. клиники императорскаго варш. универс.. докторъ *Гиритовтъ*.

Склады Гальманина находятся во всѣхъ аптекахъ, а также у дрогистовъ въ значительнѣйшихъ городахъ Европы. Главное депо въ моей аптекѣ въ Варшавѣ. Большая коробочка Гальманина 50 к.; меньшая коробочка 30 к.

В. Карпинскій.

Магистръ фармаціи, владѣл. аптеки въ Варшавѣ,, ул. Електоральная № 25 (новый).

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1879 ГОДУ ЖУРНАЛА

Библіотека для чтенія.

ГОДЪ ПЯТЫЙ

ПРОГРАММА:

Въ журналѣ помѣщаются исключительно романы, повѣсти и разсказы въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Каждый номеръ журнала будетъ содержать въ себѣ, *по возможности*, одинъ законченный романъ, или часть его и небольшую повѣсть или разсказъ.

Годовое изданіе состоитъ изъ 12-ти книгъ отъ 20-ти до 30-ти печатныхъ листовъ каждая. Срокъ выхода **ежемѣсячный.**

Въ концѣ года, подписчикамъ на «Библіотеку для чтенія» будетъ выдана, въ видѣ преміи, 13-я книжка, отъ 30-ти до 40 печатныхъ листовъ, которая будетъ заключать въ себѣ одинъ, вполнѣ законченный романъ.

Условія подписки на годъ.	Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки . .	8 руб.	
	Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ. . .	8 »	50 к.
	Съ пересылкою иногороднымъ	9 »	— »

Редакція допускаетъ слѣдующую разсрочку подписныхъ денегъ: при подпискѣ 5 руб. и къ 1-му мая остальныя.

Для гг. служащихъ допускается разсрочка помѣсячно чрезъ гг. казначеевъ. Просятъ обращаться прямо въ редакцію.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для городскихъ подписчиковъ:—Въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи въ книжномъ магазинѣ Исакова и въ другихъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ Соловьева—Страстной бульв., д. Алексѣева и Живарева—Бол. Дмитровка, д. Благороднаго Собранія.

Гг. иногородные адресуютъ свои требованія **непосредственно** въ С.-Петербургъ въ редакцію журнала «Библіотека для чтенія», **Шпалерная ул., д. № 42.**

Подписывающіяся съ разсрочкой просятъ обращаться: иногородныхъ *исключительно* въ редакцію, а городскихъ—въ книжный магазинъ Вортневскаго, *уголъ Троицкаго и Графскаго пер.*

Въ теченіи 1879 года въ журналѣ помѣщаются слѣдующіе романы: **«Дитя несчастія»** ром. Ксавье-де-Монтепена, **«Заговоръ Королевы»** ром. Энсвортъ; **«Враги женщинъ»**—Захеръ Мазоха, **«Уличная пѣвица»**—Поля Соньера, **«Призракъ»**—Бульвера Литтона, **«Камера № 7.»**—Закона, **«Питнерское преступленіе»**—Жакальо, **«Почему?»**—Г. Шаветта.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

№ 115 Подписавшіеся получаютъ всѣ №№ начиная съ № 1-го 1—1

Произведенія разсмотрѣны и разрѣшены Спб. Врачебнымъ Комитетомъ.

КРАСОТА И СОХРАНЕНІЕ КОЖИ.

Вода де Лисъ де Нинонъ придаетъ кожѣ бѣлизну и прозрачность, предохраняетъ ее отъ загара, красноты, прыщей и пр. Необходима зимою противъ накожныхъ трещинъ и для освѣженія кожи разгоряченной газомъ и дурнымъ воздухомъ, лѣтомъ оно лучшее средство отъ загара и воспаленія вызваннаго пылью и солнцемъ. Цѣна большаго флакона 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 руб.

Кремъ де Лисъ де Нинонъ имѣетъ тѣ же свойства какъ вода де Нинонъ и рекомендуется преимущественно лицамъ, употребляющимъ Кольдъ Кремъ, котораго онъ превышаетъ качествомъ. Цѣна за банку 1 р. съ пересылкою 1 р. 50 к.

Пудра де Нинонъ Необходимое дополненіе къ Водѣ или Кремъ де Лисъ де Нинонъ и замѣняющіе всѣ другія пудры.

Цѣна за коробку. . , ... — р. 75 съ перес. 1 р.

» » » съ пуховкою . 1 » — » 1 » 25 к.

ВЪ ПРОДАЖѢ:

На **Невскомъ просп.** въ Депо С.-Петербургской Химической Лабораторіи, домъ Католической церкви, № 32, маг. 3. и у **Аничкова моста**, домъ № 66.

На **Вознесенскомъ проспектѣ, уголъ Казанской ул., № 54/18**, домъ Шредера.

Оптовая продажа и отправка почтовая въ Конторѣ С.-Петерб. Химич. Лабораторіи, по **Екатерининскому каналу, у Вознесенскаго моста**, № 80.—Описаніе и способъ употребленія высылается по желанію безплатно.

Дозволено цензурою СПБ. 12 Апрѣля 1879 г.

Тип. Бёллинга Англ. пр. № 10.

№ 17 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40).

Выданъ 23 Апрѣля 1879 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ персе. 20 к.

Н. Г. Рубинштейнъ.

Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ безспорно принадлежитъ къ нашимъ выдающимся музыкальнымъ знаменитостямъ и давно пользуется вполнѣ заслуженною славою замѣчательнаго музыканта и дирижера. Николай Григорьевичъ, младшій братъ Антона Григорьевича, извѣстнаго нашего композитора, (котораго портретъ и біографія уже были помѣщены въ „Нивѣ“) родился въ 1835 году, въ Москвѣ и еще ребенкомъ началъ учиться музыкѣ сначала подъ руководствомъ матери, а потомъ Гебеля. Съ семи лѣтъ онъ уже началъ давать концерты, вмѣстѣ съ братомъ, какъ въ Россіи такъ и за границей. Окончивъ своё научное образованіе въ Московскомъ университетѣ, по Юридическому факультету, онъ поступилъ на службу, но вскорѣ вышелъ въ отставку и принялъ на себя обязанности учителя музыки въ Николаевскомъ институтѣ. Въ 1860 году Николай Григорьевичъ сталъ во главѣ Московскаго отдѣленія Русскаго музыкальнаго общества, а въ 1866 году сдѣланъ директоромъ Консерваторіи, которой оказалъ неоцѣненныя услуги своими знаніями и опытностью. Его музыкальныя дарованія особенно извѣстны въ Москвѣ, въ которой онъ въ продолженіи болѣе 25-ти лѣтъ подвизается и какъ превосходный исполнитель и замѣчательно талантливый дирижеръ. Въ послѣднее время Николаю Григорьевичу удалось проявить свои высокія музыкальныя способности и на международномъ турнирѣ всѣхъ знаній и талантовъ—на парижской всемірной выставкѣ. Въ зданіи Трокадеро дано было четыре русскихъ концерта, исполненныхъ подъ управленіемъ Н. Г. Рубинштейна и возбудившихъ живѣйшее вниманіе и неподдѣльный восторгъ иностранцевъ. Сначала всѣхъ концертовъ назначено было только три, но желавшихъ попасть на третій концертъ было такъ много, что распорядители вынуждены были устроить еще четвертый, сборъ съ котораго предоставлялся въ пользу рабочихъ. Особенно сильное впечатлѣніе про-

Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ. Рис. Бухбиндеръ, грав. Пуць.

извели на парижанъ нѣкоторые отрывки изъ „Жизни за Царя“ и произведенія нашей религіозной музыки. Такъ „Херувимская“ Бортнянскаго была повторена на одномъ концертѣ два раза и исполнена по требованію публики еще на другомъ. Труды Н. Г. Рубинштейна въ устройствѣ этихъ знаменательныхъ для насъ концертовъ конечно не будутъ забыты въ исторіи русскаго музыкальнаго искусства, которому онъ служитъ до сихъ поръ такъ честно и преданно, вмѣстѣ съ своимъ высокоталантливымъ братомъ.

Передъ своей поѣздкой въ Парижъ Н. Г. совершилъ поѣздку по Россіи, давая концерты съ филантропическою цѣлью. Тридцать тысячъ, собранныя имъ съ этихъ концертовъ были пожертвованы въ пользу Краснаго Креста. Особымъ успѣхомъ въ Москвѣ пользуются концерты Русскаго Музыкальнаго Общества, которыми дирижируетъ Н. Г. Они походятъ скорѣе на какія-то музыкальныя торжества, на которыя въ большомъ количествѣ собирается самая избранная публика. Программы этихъ концертовъ всегда отличаются новизною и исполнены художественнаго интереса.

Петербургъ въ 1762 г.

Очеркъ Г. П. Данилевскаго.

Петербургъ въ 1762 году былъ въ зимніе мѣсяцы — грязный, а въ лѣтніе — пыльный, малоосвѣщенный, до крайности разбросанный и на двѣ трети бревенчатый, чухонско-нѣмецкій городокъ. Жителей въ немъ тогда считалось съ небольшимъ сто тысячъ. Воды его были безъ набережныхъ, съ навозными плотинами и деревянными мостами; ухабы зимой по улицамъ чуть не по поясъ человѣка. Вмѣсто улицъ, вдоль линій Васильевскаго острова, шли какъ въ Венеціи каналы съ разводными мостами на перекресткахъ проспектовъ. Кучи навоза и всякой брошенной дряни загромождали тротуары и углы перекрестковъ, валялись и, испуская вредныя испаренія, тлѣли на площадяхъ. Соръ, грязь и мертвечину съ улицъ и площадей очищали колодники. Бездомныя, одичалыя собаки, наводя страхъ на пѣшихъ и конныхъ, бродили стаями по городу, бѣсились и кусали людей. Отъ нищихъ, калѣкъ и всякихъ попрошаекъ не было проходу.

Покойная Государыня Елисавета Петровна, страдала безсонницами. Она то и дѣло мѣняла свои опочивальни. Въ девять часовъ вечера никто ужь не смѣлъ ѣздить мимо оконъ ея временнаго, деревяннаго зимняго дворца, бывшаго на Мойкѣ у Полицейскаго моста.*) Въ девять часовъ смолкалъ весь Петербургъ. Раздавался по городу только безконечный лай цѣпныхъ и праздношатающихся собакъ, да оклики на стѣнахъ адмиралтейства и крѣпости часовыхъ, которыхъ, для безопасности, иной разъ ставили и на перекресткахъ. Всѣ помнили еще недавнее время, когда петербургскія улицы, изъ-за поджигателей, грабителей, воровъ и всякихъ непотребныхъ людей, на ночь на глухо запирались рогатками, такъ какъ назначаемыя для обхода по городу „пристойныя партіи фузилеровъ и драгунъ“ оказывались недостаточными. Еще въ присутствіи государыни дѣло городскаго благоприличія шло кое какъ. Во время же ея отъѣздовъ въ Москву,—а она тамъ живала по полугоду и болѣе, — улицы Петербурга приходили въ окончательное запустѣніе и поростали травой. Городскія австеріи, гдѣ Петръ I по праздникамъ любилъ чинно выпивать, среди матросовъ и шкиперовъ, чарку тминной водки, обращались въ притоны буйства и дикаго разгула.

Въ грязь по Петербургу не было прохода. Городскихъ извощиковъ состояло въ то время весьма не много. Петръ III завелъ съ нихъ сборъ по два рубля въ годъ и далъ имъ особенныя кожанныя бляхи. Люди средняго сословія въ тѣ поры болѣе ходили пѣшкомъ. Богатые и знатные, особенно гвардейскіе офицеры, ѣздили въ своихъ экипажахъ или верхомъ. Модные щеголи и щеголихи, то и дѣло давили пѣшеходовъ. Разъ они чуть не до смерти смяли фельдмаршала Миниха. За то досталось и каретамъ: уличные мальчишки, на Гороховой, Луговой (т. е. Морской) и даже по Невскому, несмотря на объявленія полиціи, пускали бумажныхъ змѣевъ и тѣмъ пугали и бѣсили рѣзвыхъ вельможныхъ рысаковъ. Генералъ-полицмейстеръ Корфъ, съ скакавшими у его кареты адъютантами, не поспѣвалъ являться туда, гдѣ оказывались безпорядки. Нерѣдко, среди бѣла дня, на рынкахъ или у новаго, оканчиваемаго постройкой зимняго дворца, между неубранныхъ еще хибарокъ, избушекъ, шалашей и всякихъ сарайчиковъ, раздавались отчаянные крики подравшейся черни: „караулъ! грабятъ, рѣжутъ!“

Невская Перспектива въ полдень покрывалась гуляющими. Шли статскіе щеголи, въ черныхъ бархатныхъ кафтанахъ, лосинныхъ панталонахъ и ботфортахъ выше колѣнъ, либо въ розовыхъ и желтыхъ, шелковыхъ фракахъ, съ огромными лорнетами, а когда было холодно съ куньими и собольими муфтами. Щеголихи, съ затянутыми, въ видѣ осъ, тальями, несли на головахъ хитро-устроенныя прически, на манеръ рыцарскихъ замковъ, цвѣточныхъ корзинъ, китайскихъ бесѣдокъ и кораблей. Но и на этой „первостатейной“ улицѣ не обходилось безъ непріятностей. У кофейной Мура или у магазина модъ госпожи Токе, не обращая вниманія на разряженныхъ въ пухъ и прахъ прохожихъ, лежалъ растянувшись по тротуару, избитый въ кровь и съ разорванными портами, мертвецки пьяный матросъ. Верховой конногвардеецъ, съ громкою бранью и съ обезображеннымъ отъ злобы лицомъ, у чьего-то дома, стегалъ арапникомъ чужаго напудреннаго и важнаго кучера за то, что тотъ не свернулъ раззолоченной, съ кожаными занавѣсками, кареты, и тѣмъ помѣшалъ ему проскакать въ догонку за какою-то умчавшейся красавицей.

Въ срединѣ великаго поста, въ 1762 г., прошелъ слухъ о появленіи на Фонтанкѣ, въ деревнѣ Матисовкѣ, близъ нынѣшней Коломны, цѣлой шайки вооруженныхъ грабителей. Петръ III вышелъ изъ себя.—„О-го го! tausend Teufel!—сказалъ онъ генералъ-полиціймейстеру Корфу:—пора опять приняться за висѣлицы! Дѣдъ мой Петръ зналъ это лучше всякаго изъ насъ... Напишу: „approbatur,—Peter“, и конечно,—увидите... o, ja!..„ Висѣлицъ, однако, не поставили. Безпорядки длились и къ нимъ привыкали, какъ къ чему-то, безъ чего нельзя было обойтись и ужиться. На всякій уличный переполохъ, какъ на театръ, въ сосѣднихъ домахъ поднимались окончины, и нарядныя дамы выглядывали оттуда, слѣдя съ любопытствомъ, изъ-за модныхъ вѣеровъ, чѣмъ кончится казусъ.

Частныя зданія на Невскомъ, со стороны адмиралтейства, тогда начинались лишь отъ Полицейскаго моста, Отсюда, вплоть до Аничкова, по правой и лѣвой сторонамъ проспекта, было немногимъ болѣе десятка домовъ, да и то на половину деревянныхъ. Домовладѣльцы на главныхъ улицахъ были большею частью иностранцы или инородцы. У разъѣздной площадки временнаго зимняго дворца, выходившаго на Мойку, на Невскій и Луговую, нынѣ Морскую, былъ домъ купца Дюбиссона, съ надписью на вывѣскѣ: „Продажа гамбурскихъ канареекъ и попугаевъ.“ Въ Кирпичномъ переулкѣ, наискось противъ нынѣшняго ресторана Дюссо, былъ домъ банкира Кнутсена. На углу Гороховой и Луговой—домъ красильщика Краузе; у Синяго моста—вывѣска шорника Матьяса Заккова. Не много далѣе, по Мойкѣ—цвѣточный магазинъ Вольфа, съ надписью: „Изрядныя ананасныя планты.“—Еще далѣе по Вознесенскому про-

*) На рисункѣ въ этомъ № „Нивы“ (стр. 325) изображенъ Невскій проспектъ того времени отъ Аничкова дворца. Ко дворцу можно было подплывать каналомъ во внутрь двора съ Фонтанки. Аничковъ мостъ былъ деревянный; по проспекту въ два ряда шли аллеи. Противъ Аничкова дворца было открытое мѣсто, на которомъ видны строительные матеріалы и проѣзжаютъ тогдашнія высокія, цугомъ, придворныя кареты.

спекту—дома: Пильшау, Рашке, Зушке, Хабасова и Клуга. У Вознесенскаго моста, на берегу Глухой рѣчки—нынѣ Екатерининскій каналъ—заведеніе оконнаго мастера Отто Фукса.

Придворные сады—Лѣтній, Итальянскаго дворца на Литейной, въ Екатерингофѣ и на цвѣточныхъ променадахъ Царицына Луга—были открыты для публики. Но въ нихъ не пускали матросовъ, ливрейныхъ лакеевъ, женщинъ съ платками на головахъ, мужчинъ въ сапогахъ, а не въ башмакахъ, и вообще,—какъ тогда говорили въ газетахъ и въ публикаціяхъ полиціи,—„подлаго народа.“—Требовались модныя и красивыя одежды. По указу императрицы Елисаветы, ставили клейма на фалды господъ, являвшихся ко двору въ старыхъ или вышедшихъ изъ моды „несообразныхъ кафтанахъ.“ Послѣ самой императрицы осталось пятнадцать тысячъ почти новыхъ платьевъ, нѣсколько тысячъ башмаковъ и два сундука чулковъ и лентъ. Мясныя, зеленныя и рыбныя лавки, кабаки и постоялые дворы невозбранно распространяли запахъ грязи и всякаго сора, валявшихся въ нихъ и возлѣ нихъ. Утонченная Европа и дикая, неумытая Азія уживались здѣсь рядомъ другъ съ другомъ.

Болотныя лихорадки, повальныя горячки, оспа, скарлатина и корь не покидали Петербурга. Врачей въ то время было мало, и тѣ брали непомѣрно дорого. Модные врачи Монсій и Фузадье брали, не стѣсняясь, по пятнадцати червонцевъ за визитъ. Обученіе дѣтей сплошь было въ рукахъ невообразимыхъ проходимцевъ. Нѣкая иностранная фамилія „шляхетнаго и честнаго рода“ печатала о себѣ въ тогдашнихъ газетахъ, что она „учитъ дѣвицъ, по понятію каждой, языкамъ, шитью, экономіи, танцамъ, а притомъ и чтенію вѣдомостей.“—Другая, иноземная же особа, а именно, нѣкоторая г-жа Ренуардъ (адресъ: Милліонная, въ домѣ портнаго Экка) публиковала, что обучаетъ дѣвицъ языкамъ, ариѳметикѣ, географіи, исторіи—„а также и писать.“—Въ казенные и домашніе учители нерѣдко попадали забираемые по понедѣльникамъ со съѣзжей уличные „шататели“ и „пьянчужки“, замѣшанные иногда въ дебошахъ, кончавшихся смертоубійствомъ.

Благородныя дѣвицы перенимали другъ у друга тайны, какъ затягивать получше таліи, какъ дѣлать реверансы и налѣпливать на лицо мушки. Въ косметическихъ лавкахъ продавались особыя красивыя коробочки, съ черными мушками. При наймѣ женской прислуги, спрашивали тогда: „на хозяйскихъ ли румянахъ и бѣлилахъ?“ Знатные и богатые люди заботились о составленіи библіотекъ изъ французскихъ книгъ, въ которыя, впрочемъ, не многіе изъ нихъ заглядывали. Мужчины учились у мужчинъ, какъ надѣть круглую вощанковую, или трехугольную пуховую шляпу; какъ открыть табакерку, оправлять на манжетахъ алансоны и пуандешпаны, нюхать табакъ и вынимать и встряхивать цвѣтной, пропитанный духами á la Reine, фуляровый платокъ. Парикмахеры на Морской и на Невскомъ завивали букли и заплетали и пудрили косы русскимъ петиметрамъ, назначавшимъ другъ другу вечернія свиданія въ невышедшемъ еще изъ моды, со временъ Лестока, трактирѣ савояра Берляра и Иберкампфа, въ гербергахъ, погребахъ Гантовера, Ретса и въ вольныхъ домахъ, австеріяхъ Винклерши, Шмидши, Кохши и другихъ.

Государыня Елисавета Петровна ѣздила запросто на вечеринки къ вельможамъ. Въ сосѣдней же комнатѣ, со временъ еще ея дѣвичества, на разостланномъ тюфячкѣ, для охраны ея, спалъ на полу старичокъ, любимый ея камердинеръ, впослѣдствіи генералъ-аншефъ Василій Ивановичъ Чулковъ.

Ко двору Елисаветы Петровны, для ловли въ ея аппартаментахъ мышей, особыми указами выписывались изъ Казани умѣлые и „пристойнаго“ вида сибирскіе коты, а изъ-за границы мартышки „столь малыя, чтобы входили въ индѣйскій кокосовый орѣхъ“. Костромская помѣщица Анна Ватазина, письменно предлагала государынѣ, коли произведутъ ея мужа въ коллежскіе ассесоры, поднести въ даръ четырехъ собакъ: Еполита, Женету, Маркиза и Жулію. Въ молодости Елисавета, цесаревной, писала нѣжные мадригалы:

„Я не въ своей мочи огнь утушить,
„Сердцемъ болѣю, да чѣмъ пособить?“

При Елисаветѣ, по улицамъ, было видно болѣе мирныхъ статскихъ. При Петрѣ III Петербургъ сталъ наполняться разнокалиберными военными.

На дворцовомъ плацу, чуть не ежедневно, производились шумные, съ криками виватъ, маршировками и всякими муштрованіями вахтпарады. По улицамъ озабоченно и торопливо скакали адъютанты, сновали пѣшіе и конные вѣстовые. Петровскіе широкіе и длинные кафтаны гвардіи и арміи замѣнились куцыми и узкими мундирами, на манеръ прусскихъ. Исконный зеленый цвѣтъ кафтановъ и красный—воротниковъ и камзоловъ разрѣшено замѣнять, по произволу командировъ полковъ, оранжевымъ, голубымъ, лиловымъ, канареечнаго цвѣта и всякимъ. Петръ III ввелъ еще аксельбанты и эспонтоны, трости у офицеровъ и урядниковъ. Онъ же отмѣнилъ ношеніе на вахтпарады, за капралами и унтеръ-офицерами, слугами ихъ ружей и алебардъ.

Въ началѣ великаго поста, Петръ Ѳедоровичъ издалъ повелѣніе: всѣмъ сановникамъ и вельможамъ, носившимъ титулы командировъ взводовъ, батальоновъ и полковъ быть неотлучно на ученьяхъ, во главѣ своихъ частей. Это приказаніе привело всѣхъ въ неописанный конфузъ. Публика съ изумленіемъ увидѣла по улицамъ, марширующихъ по щиколку въ грязи, передъ своими батальонами и взводами, генералъ-фельдмаршаловъ: графовъ Александра Ивановича Шувалова и изнѣженнаго сибарита Алексѣя Разумовскаго, дядю государя принца Жоржа и больнаго одышкой, въ бархатныхъ штиблетахъ, на опухшихъ подагрическихъ ногахъ князя Никиту Юрьевича Трубецкаго. Гетманъ Разумовскій даже нанялъ особаго голштинскаго офицера для уроковъ новой муштровки. Придворные и статскіе чины были не менѣе озадачены. Парикмахера своего Брессана государь назначилъ въ директоры фабрики гобеленей и произвелъ въ камергеры; ямщика же, какого-то Патрикѣева, въ титулярные совѣтники.

Предъ пасхой Петръ III писалъ къ своему другу королю Фридриху, что, не остерегаясь ничего и никого, онъ предаетъ себя на волю Божію и въ охрану своему народу и безъ провожатыхъ по Петербургу ходитъ пѣшкомъ. Супруга Государя Екатерина была окружена иною сферой. Она не отрывалась отъ книгъ, много читала, поддерживала переписку съ учеными и умными людьми.

Тайна на берегу моря.

Разсказъ В. Киля.

(Продолженіе).

Я увидѣла, что имѣю дѣло съ существомъ совершенно разстроеннымъ и разбитымъ. Что съ нею случилось?

— Вы много страдали? спросила я.

— Конечно! сказала она совершенно спокойно.

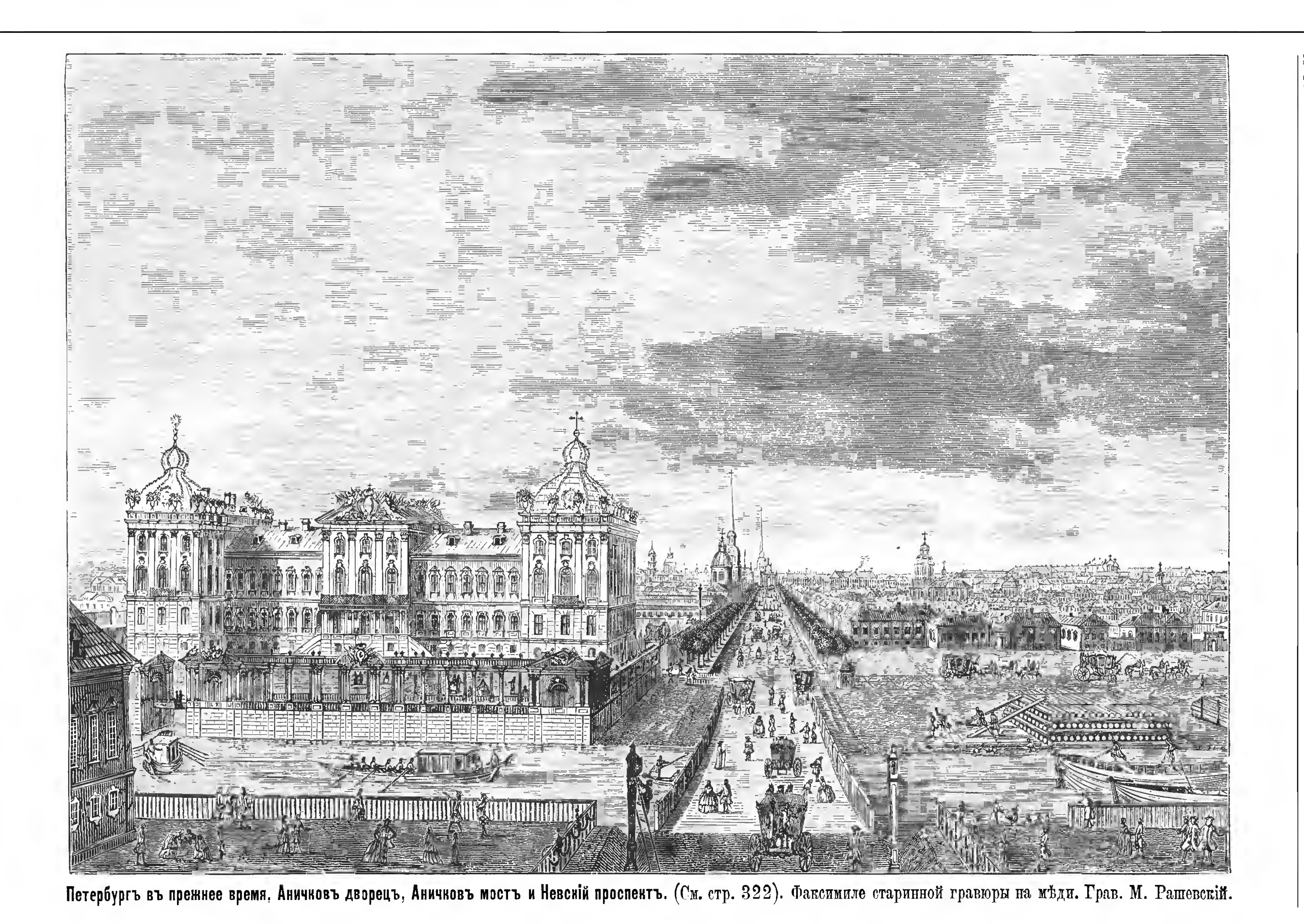
— Поняла ли я васъ? Вы не хотите, что бы я была съ вами и помогала вамъ въ вашихъ занятіяхъ или развлекала васъ?

— Нѣтъ! отвѣчала она, и не пробуйте. Мы ежедневно будемъ обѣдать вмѣстѣ; остальное время вы свободны.

— Въ такомъ случаѣ я должна найти себѣ что ни-

Августѣйшія дѣти Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича В. В. К. К. Николай, Георгій и Ксенія.
Рис. Тегаццо, грав. Пуцъ-Шиблеръ.

Петербургъ въ прежнее время. Аничковъ дворецъ, Аничковъ мостъ и Невскій проспектъ. (См. стр. 322). Факсимиле старинной гравюры на мѣди. Грав. М. Рашевскій.

будь другое, возразила я, компаньонкой я едва ли такъ могу быть.

— Постарайтесь какъ нибудь развлечься, сказала серьозно молодая дѣвушка, все что нужно вы найдете въ домѣ и всѣ будутъ рады вамъ служить.

Она подошла къ окну. Я увидѣла что разговоръ оконченъ, поднялась и сказала: „во всякомъ случаѣ, когда случится во мнѣ надобность, я буду очень рада". Я ушла къ себѣ, а она снова приняла свое равнодушное положеніе и задумчивые глаза ея опять устремились на волнующееся море. Я почувствовала себя вдругъ очень одинокою, когда опять вошла въ свою комнату. Книги и музыка доставляли много развлеченія; но человѣческое сердце требуетъ большаго и, хотя въ этомъ роскошномъ домѣ все было въ моемъ распоряженіи и я могла пользоваться рѣшительно всѣмъ, я все таки чувствовала себя одинокою. Я была бы счастлива, если бы въ домѣ было хоть дитя, съ которымъ я могла бы поболтать и ручки котораго я могла бы подержать въ своихъ рукахъ.

Что за исторія могла быть у этой бѣдной молодой дѣвушки? У меня не выходили изъ памяти эти глубоко-грустныя черты лица. Что могло отнять у нея любовь къ жизни, надежду на будущее? Не изъ любопытства желала я все это узнать; мнѣ очень хотѣлось попробовать вывести молодую дѣвушку на свѣтъ изъ такого жалкаго прозябанія и хоть чѣмъ нибудь развлечь ее. Я ясно видѣла, что для этого не было другаго средства, какъ придумать что нибудь, что могло бы пробудить ея сердце къ жизни и сколько нибудь разсѣять ее.

Одна жилая комната въ домѣ мнѣ особенно понравилась и я выбрала ее для себя. Изъ окна былъ виденъ берегъ моря и синія волны. На право отъ окна я поставила рабочій столикъ и перенесла сюда всѣ мои книги и ноты. Я уже знала немного по итальянски и собиралась продолжать занятія этимъ языкомъ. Съ моими любимыми думами и книгами я надѣялась провести время и полезно, и пріятно. Но дни проходили медленно, не смотря на то, что я постоянно и усердно предавалась занятіямъ. Не выходило у меня изъ головы блѣдное личико и грустные большіе глаза, вѣчно устремленные на волнующееся безконечное море....

Экономка очевидно, боялась, что я начну дѣлать какія нибудь замѣчанія на счетъ ея молодой госпожи, но такъ какъ я конечно ихъ не дѣлала, то скоро завладѣла ея сердцемъ.

Когда въ этомъ безмолвномъ тихомъ домѣ раздались первые звуки рояля—я просто испугалась. Я играла самые меланхолическіе вальсы, самые бѣшеные веселые танцы: но ни бравурные, ни грустные звуки не вызвали молодую дѣвушку изъ ея мрачнаго уединенія. Съ любопытствомъ ожидала я наступленія обѣденнаго часа. Мой туалетъ былъ такъ тщателенъ, какъ будто я шла въ большое общество. Въ столовой все было приготовлено съ самой внимательной заботливостью и слуга зорко смотрѣлъ за сервировкой. Къ моему большому удивленію хозяйка дома и къ обѣду не перемѣнила своего наряда. За столомъ, кромѣ обычныхъ вѣжливостей, не велось никакого разговора. Я рѣшилась спокойно выжидать и смотрѣть. Такимъ образомъ шли, надо признаться довольно скучно, наши дни. Видѣть молодую хозяйку можно было только за обѣденномъ столомъ. Она никуда не ходила, не ѣздила гулять, никогда не читала и вѣчно смотрѣла только въ окно на дикое, волнующееся море.

„Долго-ли это будетъ такъ продолжаться?" думала я, „какъ она можетъ переносить это такъ долго! Что это за тайна, которая наконецъ можетъ убить ее?" Никогда я не слышала ея имени; всѣ говорили просто „госпожа."

Никто не пріѣзжалъ, не приходило никакихъ писемъ. Разъ только, недѣль черезъ шесть, пріѣхалъ старичій Энгельманъ и имѣлъ разговоръ съ экономкой, который продолжался, впрочемъ, не болѣе нѣсколькихъ минутъ.

Покой, раннее вставанье и свѣжій воздухъ принесли мнѣ несомнѣнную пользу: на сердцѣ стало легче, мысли мои просвѣтлѣли и единственною заботою моею было стать чѣмъ нибудь полезной блѣдному, несчастному существу, которое просто умирало, не смотря на свои молодые годы. Однажды я отправилась погулять на берегъ моря. Воздухъ былъ чистый и здоровый. Я возвратилась домой съ облегченнымъ сердцемъ, блестящими глазами и пылающими щеками. Передѣваясь къ обѣду, я невольно замѣтила въ зеркалѣ, что лицо мое было особенно свѣжо и выглядѣло особенно весело. Экономка, которая совѣтовалась иногда со мною въ маловажныхъ дѣлахъ, зайдя ко мнѣ въ комнату, была совершенно поражена.

— О, m-lle Линденъ! сказала она, все на свѣтѣ я отдала бы, чтобы увидѣть нашу госпожу хоть когда нибудь такою здоровою и сіяющею, какъ вы теперь! Глаза доброй женщины наполнились слезами.

Въ первый разъ еще старушка упомянула о своей госпожѣ и я тотчасъ же воспользовалась этимъ случаемъ. „Я была бы счастлива," сказала я, „еслибы могла подѣлиться съ вашей госпожею моимъ здоровьемъ и силою; дѣйствительно, если она будетъ продолжать вести такую жизнь, она совсѣмъ убьетъ себя."

— Вы думаете? сказала бѣдная женщина, но что же дѣлать, если она сама такъ хочетъ! Никто не можетъ отвлечь ее отъ этого! Я все перепробовала, но уговорить ее невозможно.

— Я хотѣла-бы, въ видахъ ея-же пользы, узнать о ней побольше, сказала я. Тогда быть можетъ, можно бы было помочь.

— Я разсказала-бы вамъ все, сказала добрая женщина, кладя мнѣ руку на плечо, но не смѣю. Она взяла съ насъ клятву, что мы никогда не откроемъ ея тайны, никогда не скажемъ, кто она и не произнесемъ ея имени. Мы должны считать ее какъ будто умершею. Я дала клятву, барышня, и не могу ее нарушить; но если бы вы могли овладѣть ея довѣріемъ и если бы она разсказала вамъ свою исторію, для нея было-бы легче.

— Я попробую, сказала я, странно подумать, что она цѣлый день ничего больше не дѣлаетъ, какъ только смотритъ на печальное море. Я рѣшилась начать приступъ еще въ тотъ же вечеръ. Послѣ обѣда она встала, чтобы идти по обыкновенію въ свою комнату. Я пошла за ней и спросила: могу-ли я просить васъ объ одной большой услугѣ?

— Да, сказала она, слабо и грустно улыбнувшись, чего вы желаете?

— Обѣщаете-ли вы исполнить мою просьбу? это въ вашей власти.

— Хорошо, обѣщаю вамъ это, сказала она разсѣянно, въ чемъ дѣло?

— Я выучила недавно одну пѣсенку, которая вамъ по всей вѣроятности понравится. Будьте добры, проведите только одинъ часъ въ залѣ и я вамъ спою эту пѣсенку.

Она, казалось, немного смутилась отъ такой просьбы и, какъ будто, искала предлога отказаться. „Бога ради, не отказывайте мнѣ въ этомъ," вскричала я, я уже заранѣе радовалась..."

— Если вы непремѣнно хотите этого, но увѣряю васъ, m-lle Линденъ, я ровно ничего не понимаю въ музыкѣ. Обрадованная ея согласіемъ, я повела ее въ мою комнату. Мое помѣщеніе, съ тѣхъ поръ какъ я его заняла, совершенно потеряло прежній видъ. Я поставила столикъ со цвѣтами и наполнила его моими любимыми растеніями: ноты, рисунки и книги, разбросанныя вокругъ, придавали комнатѣ очень привѣтливый видъ. Я замѣтила, какъ хозяйка дома удивилась, когда вошла ко мнѣ.

— Ахъ, m-lle Линденъ, какъ ваша комната уютна и привѣтлива!

— Да, сказала я, я люблю радость во всѣхъ ея прояв-

леніяхъ; по моему мнѣнію это большая добродѣтель и всѣ тѣ, которые изгоняютъ радость изъ своей жизни, на мой взглядъ совсѣмъ неправы.

Она взглянула на меня нѣсколько удивленно.

— Какъ можетъ радоваться тотъ, у кого тяжелое и горькое горе? сказала она.

— Очень легко, возразила я, стоитъ сдѣлать энергическое усиліе. Только слабѣйшіе изъ слабыхъ тратятъ жизнь на безмолвныя жалобы.

— У васъ странныя идеи! сказала она спокойно; но я замѣтила, что слова мои произвели дѣйствіе и вниманіе ея было уже возбуждено.

Я поставила спокойное бархатное кресло къ окну, гдѣ она могла бы вдыхать ароматный воздухъ, а сама подошла къ роялю, попросила слушать и начала. Никогда не могла я исполнять эту пѣсенку безъ слезъ! Это была старая шотландская народная пѣсня, каждое слово, каждая нота которой были полны нѣги и грусти. Текстъ пѣсни отлично подходилъ къ блѣдной, спокойной слушательницѣ, которая молча сидѣла около меня.

— Пожалуйста, спойте еще разъ, сказала она вдругъ, когда я кончила.

Грустная, чудная мелодія своеобразно звучала въ большой комнатѣ и отдавалась слабымъ эхомъ въ пространствѣ. Я встала изъ-за рояля и спросила, какъ ей понравилось пѣніе. Какъ-же я обрадовалась, когда замѣтила, что горькое, убитое выраженіе пропало съ ея лица! Она, казалось, ожила: губы, всегда неподвижныя и холодныя, нервно задрожали; крупныя слезы наполнили ея большіе неподвижные глаза, руки были крѣпко сжаты. Она смотрѣла на море и на небо, но взглядъ былъ уже не тотъ, какъ часъ тому назадъ.

И такъ моя маленькая простая пѣсенка нашла-таки дорогу къ холодному и, какъ казалось, мертвому сердцу; она пробудила воспоминанія, дремавшія въ глубинѣ души—такъ по крайнѣй мѣрѣ я объяснила себѣ ея слезы. Я полюбила ее именно вслѣдствіе этихъ слезъ,—у этой отчужденной отъ міра, меланхолической дѣвушки было сердце. Какъ только она замѣтила, что я за ней наблюдаю, я направилась опять къ роялю. Старыя народныя пѣсни были всегда моей любимой музыкой и я спѣла еще одну нѣмецкую народную балладу. Оканчивая послѣдній пассажъ и совершенно поглощенная моимъ занятіемъ, я была поражена легкимъ болѣзненнымъ крикомъ:

— Вы больше не хотите пѣть, m-lle Линденъ?

— Я боюсь, не утомила ли васъ, отвѣчала я, а вы сами никогда не поете?

— Нѣтъ, я никогда не пробовала и ничего не понимаю въ музыкѣ.

— Очень жаль, возразила я, у васъ такой звучный голосъ—по моему мнѣнію вы должны пѣть прелестно.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы точно думаете? сказала она. Внезапный свѣтъ озарилъ ея блѣдное прекрасное лицо.

— Я убѣждена. Хотите попробовать? Я буду вамъ аккомпанировать.

— О, нѣтъ, нѣтъ! воскликнула она испуганно, особенно теперь... Какую бы мнѣ это могло принести пользу?

— Это доставило-бы вамъ и другимъ большое удовольствіе.

— Другимъ! сказала она, нѣтъ. Я умерла для свѣта; я живу только чтобы думать и ненавидѣть. И лицо ея опять приняло неподвижное, равнодушное выраженіе.

— Покойной ночи, m-lle Линденъ! сказала она, въ первый разъ протягивая мнѣ руку.

— Покойной ночи! отвѣчала я, не сердитесь, пожалуйста, на меня и не сочтите за пустое любопытство, но мнѣ хочется спросить васъ объ одномъ.

— Говорите! сказала она равнодушно.

— Такъ непріятно и невѣжливо не называть васъ по имени. Будьте добры, скажите, съ какимъ именемъ я могу къ вамъ обращаться?

— Мое имя! воскликнула она болѣзненно, о, я ненавижу его, не хочу никогда его слышать. Никто не долженъ его знать.

— Знаете-ли, сказала я послѣ нѣкотораго молчанія, что, когда я думаю о васъ, такой одинокой и вѣчно смотрящей на море, мнѣ всегда приходитъ на умъ „Ручей“ Ленау.

— Кто это Ленау? спросила она.

— Вы никогда не читали Ленау, воскликнула я съ удивленіемъ, посидите еще здѣсь нѣсколько минутъ, я принесу его стихотворенія и прочту вамъ. Обрадовавшись при мысли хоть чѣмъ нибудь возбудить ея интересъ, я поспѣшила принести книгу.

— Вы позволите прочесть вамъ это небольшое стихотвореніе?

Она кивнула головой въ знакъ согласія. Я читала. Она внимательно слушала. И какъ живо представляла я себѣ все это, когда звучныя, прекрасныя слова слетали съ моихъ губъ:

Несчастныхъ вѣчно нѣтъ людей.
Заря ночную тьму смѣняетъ....
Вглядись въ несущійся ручей—
Волна бѣжитъ и исчезаетъ.

Бѣжитъ волна. Гляди туда!
Еще-ль не вынести лишенья?
Страдальцу свѣтлая вода
Мечту навѣетъ утѣшенья.

Гляди же пристальнѣй въ ручей,
Гляди, какъ волны въ даль несутся,—
Покуда слезы изъ очей
Потокомъ быстрымъ не польются,

Пока забвенье не придетъ.
Надеждой сердце не забьется
И духъ твой скорбный не пойметъ,
Что счастье скоро вновь вернется!

Я окончила чтеніе. Она взяла у меня изъ рукъ книгу и еще разъ, къ моему удивленію, вслухъ, сама прочла эти стихи. Никогда не забуду я съ какимъ увлеченіемъ повторяла она послѣднія слова.

— Поэтъ, должно быть, зналъ меня, онъ узналъ мое сердце, сказала она наконецъ.

— Онъ давно умеръ, отвѣчала я, но если вы не читали его стиховъ, вамъ предстоитъ впереди бóльшее удовольствіе. Не хотите-ли я буду читать вамъ иногда его стихотворенія.

— Да, m-lle Линденъ, если будете такъ добры, согласилась она.

Я достигла уже многаго. Она наконецъ чѣмъ нибудь заинтересовалась. Если на душу ея еще вліяютъ стихи и музыка, должна исчезнуть и безнадежность и грусть.

— Вы еще не дали отвѣта на мою просьбу, сказала я улыбаясь, какъ ваше имя?

— Я ненавижу и презираю свое имя, не могу выносить его. Называйте меня, какъ звала меня моя мать— Бланшъ.

— Съ удовольствіемъ, сказала я, теперь я пожелаю вамъ доброй ночи, m-lle Бланшъ!

Ея глаза засвѣтились мягкимъ и нѣжнымъ блескомъ: „О, какъ хорошо прозвучало это имя! сказала она, покойной ночи, m-lle Линденъ! Но не называйте меня m-lle, а просто Бланшъ.

На слѣдующій день я прочитала ей лучшія стихотворенія Ленау. Вскорѣ послѣ завтрака, я вошла въ ея комнату, боясь, что она впала опять въ свое равнодушное состояніе и опять забыла обо всемъ на свѣтѣ; но при моемъ входѣ она, какъ будто обрадовалась, и улыбнулась, чего прежде никогда не случалось.

— Простите мнѣ, Бланшъ, но я не могу читать Ленау въ этой мрачной и пустой комнатѣ, изъ которой только и видны волны. Намъ бы слѣдовало читать на солнцѣ, въ саду, гдѣ цвѣты и деревья; но, сада у насъ нѣтъ—пойдемте въ мою комнату: она все таки веселѣе. Вы, Бланшъ, покуда я буду читать, сядете около моихъ цвѣтовъ.

Къ удивленію она не возражала. Было гораздо удобнѣе не держать ее въ ея уединенной комнатѣ, откуда она постоянно смотрѣла на море; я посадила ее къ цвѣтамъ, поставила ей подъ ноги скамейку и начала чтеніе.

Когда она слушала чудныя слова поэта, черты лица ея измѣнились снова... Равнодушное и неподвижное выраженіе исчезло, губы шевелились и дрожали при каждомъ измѣненіи чувства, прекрасные глаза пробуждались къ жизни. Все лицо выражало вниманіе и оживленіе.

Я читала два часа безъ перерыва и видѣла, что она слушаетъ съ пониманіемъ и чувствомъ, что стихи ей нравились все болѣе и болѣе. Когда я устала читать, мнѣ не хотѣлось позволить ей опять уединиться и я старалась уговорить ее походить со мною по берегу моря.

— Милая m-lle Линденъ, знаете-ли вы, съ которыхъ поръ я уже не выходила изъ дома?

— Навѣрное не съ тѣхъ поръ, какъ я къ вамъ пріѣхала, отвѣчала я, но это еще не причина, что бы вы не вышли погулять и сегодня. Какъ чистъ и свѣжъ воздухъ!.. Пойдемте, Бланшъ!

— Но, сказала она нерѣшительно, не встрѣтимъ-ли мы кого нибудь?

— Нѣтъ, возразила я смѣясь, вы должны лучше знать Альтгаузенъ, чѣмъ я, а задаете такіе вопросы. Я не встрѣчала здѣсь еще ни одного человѣческаго существа.

— Можетъ быть я и пойду съ вами, промолвила она, все еще не рѣшаясь, мнѣ бы хотѣлось посмотрѣть, какъ бьются волны о берегъ.

— Мнѣ кажется вы должны знать, Бланшъ, каждую волну съ ея приливами и отливами, замѣтила я, вы такъ долго на нихъ смотрѣли.

При этихъ словахъ болѣзненное выраженіе лица опять къ ней возвратилось; но я, не давая ей времени впасть въ ея обычное настроеніе, принесла ей платокъ и шляпу и мы вышли на свѣжій, утренній воздухъ. Мы направились къ берегу. Это былъ одинъ изъ тѣхъ дней, когда море бываетъ особенно прекрасно. Не такъ спокойно, чтобы казаться монотоннымъ и не бурно, не мрачно. Каждая волна, казалось, имѣла свою особую жизнь, цвѣтъ моря былъ темносиній, а пѣна чудно бѣлѣлась какъ снѣгъ. Солнце освѣщало поверхность воды, а лазурное небо было кой-гдѣ подернуто бѣловатыми легкими прозрачными облачками. Свѣжій воздухъ тотчасъ благодѣтельно подѣйствовалъ на Бланшъ— румянецъ покрылъ ея щеки. Я едва ее узнавала. Мы усѣлись на берегъ и стали наблюдать за теченіемъ волнъ. Мнѣ удалось разсмѣшить Бланшъ однимъ разсказомъ. Она улыбнулась, потомъ разсмѣялась. Въ первый разъ я услышала ея смѣхъ и музыкальный звукъ его мнѣ очень понравился.

— Ужасно жаль, что вы не хотите учиться пѣнію. Я увѣрена, что у васъ талантъ къ музыкѣ.

— Къ чему мнѣ это! отвѣчала она и веселость ея быстро исчезла.

— Не намѣрены же вы на всю жизнь погребстись въ этихъ мрачныхъ стѣнахъ?

— Да, возразила она, я никогда отсюда не уѣду. Я хочу здѣсь жить и умереть.

— Въ такомъ случаѣ, сказала я, вы не можете порадовать кого нибудь своими музыкальными способностями; но это скрасило бы вашу жизнь. Признайтесь откровенно, развѣ въ послѣдніе дни, когда мы проводили время въ такихъ пріятныхъ занятіяхъ, вы не были счастливѣе, чѣмъ когда сидя въ библіотекѣ, глядѣли утомленными глазами на море?

— Да, m-lle Линденъ, сказала Бланшъ, я была счастливѣе; но не въ этомъ цѣль моей жизни. Я удалилась, чтобы скрыться отъ свѣта совсѣмъ, до самой моей смерти.

— Въ такомъ случаѣ вы поступаете несправедливо, сказала я, не знаю вашего горя, но какъ бы велико оно ни было, боритесь съ нимъ, не позволяйте ему господствовать надъ вами.

— Представьте себѣ, m-lle Линденъ, что вы узнали, что самый близкій, дорогой и единственный вашъ родственникъ желаетъ вамъ смерти, потому что вы ему мѣшаете... Скажите, чтобы вы сдѣлали?

— Все: но не рѣшилась бы только умереть ему въ угоду, сказала я смѣясь.

— Пойдемте домой, сказала она, внезапно вставая, какъ бы съ неудовольствіемъ, я устала.

Я пожалѣла, что не могла продолжить разговора; но увидѣла, что мало по малу пріобрѣтаю надъ ней вліяніе. Никогда не забыть мнѣ благодарнаго взгляда старой экономки, когда мы вернулись домой.

— Вы позволите мнѣ взять вашего Ленау, m-lle Линденъ? спросила Бланшъ.

— Съ удовольствіемъ, возразила я, но, если позволите, я напишу вамъ списокъ книгъ, какъ докторъ прописываетъ лекарства. Слишкомъ много поэзіи не приноситъ пользы, а вы, какъ кажется, вообще не очень-то много читали?

— Нѣтъ, отвѣчала она, слегка краснѣя, мнѣ стыдно, я знаю такъ мало...

— Завидую вамъ, сказала я, я бы многое дала, если бы мнѣ предстояло такое же какъ вамъ удовольствіе. О какія есть книги, какія художественныя произведенія! Они сдѣлаютъ изъ васъ совсѣмъ другую. Вотъ вамъ прежде всего.

И я принесла ей книгу, которая у меня тогда случилась—произведеніе знаменитаго англійскаго юмориста. Войдя часа черезъ два въ ея комнату, я услышала смѣхъ Бланшъ. Во время обѣда она весело болтала о прочитанномъ. Много разъ видѣла я, что нашъ серьезный слуга былъ въ большой опасности уронить стаканы и тарелки—такъ удивленъ онъ былъ перемѣной, происшедшей въ его молодой госпожѣ.

III.

Наконецъ я довела Бланшъ до того, что она стала заниматься и музыкой. Я была ея учительницей и разучивая съ нею гаммы, была поражена ея полнымъ, прекраснымъ альтовымъ голосомъ. Съ небольшимъ прилежаніемъ, настойчивостью и терпѣніемъ голосъ у ней долженъ былъ выработаться прекрасный.

— У васъ чудный талантъ, Бланшъ, отчего вы не пробовали пѣть раньше?

— Я пѣла, когда еще мать моя была жива, отвѣчала она, она учила меня разнымъ маленькимъ итальянскимъ пѣснямъ.

— Вы говорите по итальянски? спросила я удивленно.

— Да... немного...

— Тѣмъ лучше для пѣнія! сказала я.

Мы занимались съ ней больше часу и я радовалась каждой нотѣ, которая слетала съ ея губъ. Когда она кончила, я сказала: „Бланшъ, вашъ голосъ такъ хорошъ, что вы покорите музыкальный міръ, если только будете продолжать заниматься“. Она стояла нѣсколько минутъ молча, углубленная въ свои размышленія.

— Думаете ли вы, что я могу понравиться такимъ пѣніемъ, то есть пріобрѣсти... чью-нибудь любовь, напримѣръ?

— Полагаю, кто васъ прослушаетъ, захочетъ ближе съ вами познакомиться и полюбитъ васъ.

— Въ такомъ случаѣ—хочу учиться. У меня есть цѣль, заключила она.

Съ этихъ поръ она занималась съ удовольствіемъ и терпѣніемъ. Съ ея прекрасною наружностью и чудными глазами она напоминала мнѣ часто святую Цецилію, когда сидѣла вдохновенно за роялью. Успѣхи она дѣлала чрезвычайно быстрые. Ежедневно по нѣскольку часовъ она проводила за роялью; неподвижность и апатія исчезли безслѣдно.

Радостная встрѣча. Рис. К. Эквалъ, грав. О. Ротъ.

Такъ прошло три мѣсяца. Однажды вечеромъ она играла старинныя народныя пѣсни и вдругъ запѣла ту пѣсню, которую я пропѣла ей, когда въ первый разъ попросила ее зайти въ мою комнату. Въ голосѣ пѣвицы звучала такая неодолимая грусть, что я невольно поддалась ея вліянію и слезы выступили у меня на глазахъ. Когда она кончила, то, повернувшись въ мою сторону, увидѣла, что я плачу.

— Это мое пѣніе васъ такъ грустно настроило, m-lle Линденъ? спросила она.

— Нѣтъ, Бланшъ, возразила я, оно сдѣлало меня счастливою и растрогало.

— Ахъ, вздохнула она, я могу значитъ пѣть. Еслибы я могла еще быть красивѣй или по крайней мѣрѣ выглядѣла бы пріятнѣе—я бы была рада.

— Почему вы думаете, что вы некрасивы? спросила я съ удивленіемъ.

— Я знаю, я нехороша, отвѣтила она, я—некрасивое, смуглое, маленькое созданье... и знаю это.

Я отвѣчала ей, улыбаясь: „если бы вы изволили, то я сказала бы вамъ правду, какъ и на счетъ вашего пѣнія. Если бы вы лучше одѣвались и лучше убирали ваши прекрасные черные волосы—вы были бы очень хорошенькой.

— О, m-lle Линденъ! воскликнула она и ея щеки зарумянились, неужели правда?

— Это мое убѣжденіе! отвѣчала я, не хотите ли пройти въ мою комнату? Поглядитесь въ зеркало и вы согласитесь, что я сказала правду.

Я повела ее къ себѣ, попросила снять безвкусное, дурно сшитое черное платье и нарядила ее въ мое новое изящное, которое еще ни разу не было надѣвано. Волосы ея подняла я со лба и убрала ихъ; ея бѣлая шея, прекрасныя плечи и округленныя руки много выиграли. Казалось, скорѣе это была дочь знойной Испаніи, это не была холодная, спокойная красота нашей родины; полныя розовыя губки потеряли свое меланхолическое выраженіе и были теперь гораздо ласковѣе и жизненнѣе. Изъ ящика съ моими драгоцѣнностями я вынула нитку жемчуга и вплела ее въ черные, какъ вороново крыло, волосы Бланшъ. Любуясь на свое произведеніе, я была въ искреннемъ восторгѣ.

— Ну, Бланшъ, сказала я, посмотритесь теперь въ зеркало и скажите мнѣ, знаете ли вы эту даму?

Молодая дѣвушка остановилась передъ зеркаломъ, какъ очарованная.

— Неужели это я, m-lle Линденъ? спросила она, дѣвушка эта прекрасна, а я была такая гадкая и смуглая.

— Въ первый же день, какъ васъ увидѣла, я поняла, что вы въ нѣсколько дней можете превратиться въ очаровательную женщину, сказала я; вы должны только поручить мнѣ одѣвать и наряжать васъ. Позволите вы мнѣ это.

— Дѣлайте что хотите, m-lle Линденъ, только скажите мнѣ правду, настолько ли я красива, можно ли меня полюбить...

— Да, да! сказала я нѣжно, въ первый разъ цѣлуя Бланшъ въ ея свѣжія щечки.

Она, казалось, совершенно растерялась отъ удивленія и благодарности.

— Я вамъ очень благодарна, m-lle Линденъ; я счастливѣе, чѣмъ могу это выразить, потому что теперь ужъ не такая глупая и некрасивая.

Когда мы сошли внизъ къ обѣду, то я боялась, чтобы экономка не потеряла разсудка отъ радости.

На слѣдующій день я написала лучшей модисткѣ Кенигсберга и заставила привезти для Бланшъ все необходимое. Не могу рѣшить, какъ великъ былъ счетъ; но черезъ четыре недѣли трудно было повѣрить, что прелестная дѣвушка, одѣтая въ тяжелый роскошный шелкъ, была тѣмъ несчастнымъ, грустнымъ созданіемъ, которое я знала за годъ передъ тѣмъ. Она сдѣлалась любезнѣе, манеры замѣтно улучшились, а апатія ея, казалось, исчезла на вѣки.

(Продолженіе будетъ).

Очерки
Южнаго Полѣсья.

(Окончаніе).

Заговоривъ о пословицахъ полѣшука, въ которыхъ отражается весь умственный его кругозоръ, я приведу только тѣ, которыя болѣе рельефно обрисовываютъ полѣшука. Такъ, напримѣръ, на свою православную вѣру онъ смотритъ какъ на путь, ближайшій къ небесной жизни, къ *царству*, и сулитъ это царство только тому, кто умираетъ за вѣру—„хто за виру вмирае, той соби царство мае“. Затѣмъ, все остальное, неправославное, полѣшукъ низводитъ на самую низкую ступень —„жидъ, ляхъ, татаринъ, собака—усе вира однака“. Понятіе о Богѣ и Государѣ выражается въ пословицѣ „Богъ—батько, а царь—дядько“. О святыхъ угодникахъ говорятъ—„черезъ слугъ до пана, а черезъ вгодникивъ до Бога“

Въ область вѣры, конечно, входитъ и понятіе о темной, злой силѣ; въ ней полѣшукъ различаетъ чорта отъ бѣса—„чертя черное, а бисъ—рябенькій“, затѣмъ идетъ: „хапко, дидко, той, бурая баба“ и другіе. Все это силы такія, которымъ нужно угождать—хотя иногда и допускается, что чортъ по своей глупости попадается въ рыболовныя сѣти, гдѣ подвергается глумленію и насилію людей, которые его душатъ, зная заранѣе, что это—чортъ, а не рыба; чортъ пищитъ, заявляетъ, что это онъ—„Пусти, я чортъ!“, а ему съ насмѣшкой отвѣчаютъ: „дармо що чертъ: паны съ булкой съѣдзяць!“

Въ связи съ чертями находится и цѣлый сонмъ вѣдьмъ, вѣдьмаковъ, вѣдуновъ, лѣсовиковъ, чародѣевъ, чаровницъ, дѣтской смерти, упырей и другой „поганьщины“, которую полѣшукъ не можетъ равнодушно вспомнить и непремѣнно три раза сплюнетъ. Вся эта погань промежь себя—„родичи-кревны“, и всего болѣе запугиваетъ воображеніе полѣшука.

Смерть и будущая жизнь—полѣшуку совсѣмъ не страшны: „не смерць горе, а страшне велике море“, которое ему прійдется переплыть къ Богу, которому „будзець вольно и звязаушп у рай укинуць“, или помѣстить въ „пекло“, о которомъ говорится—„хочь у пекло, абы цепло, бо якъ ускочишь у рай, то й абъ дровахъ дбай“. Подобный взглядъ на „пекло“ выработался у народа, вѣроятно, подъ вліяніемъ климатическихъ условій Полѣсья, гдѣ измѣненія температуры весною бываютъ весьма часты и чувствительны. Здѣсь не въ рѣдкость, что термометръ въ одинъ день до полудня показываетъ 8 градусовъ холода, съ полудня повышается до 6, 7-ми градусовъ тепла, а къ вечеру снова падаетъ до 8, 10° мороза. Точно также и другое представленіе объ адѣ—„не пекло кепьско, а злэ пекельне курево“—позаимствовано у мѣстной природы, когда лѣтомъ на цѣлыя десятки верстъ стелется густой бѣлый дымъ (курево) отъ горящихъ торфяныхъ болотъ и душитъ своею нестерпимо вонючею гарью.

Свои невзгоды, связанныя съ пребываніемъ въ болотистой, нездоровой мѣстности, полѣшукъ переноситъ удивительно стойко. Такъ, напримѣръ, на колтунъ (plica polonica) въ Радомысльскомъ, Овручскомъ, Ровенскомъ, Луцкомъ, Ковельскомъ и Владимірскомъ уѣздахъ смотрятъ не какъ на болѣзнь, а какъ на неудобство, говоря, что „ковтунъ не хвороба, а тильки неудоба“. И здѣсь, какъ и въ Полѣсьѣ сѣверномъ, при всякой головной боли „запускаютъ колтунъ“, т. е. не стригутъ волосъ и намазываютъ ихъ медомъ; это смазываніе считается необходимымъ—„мажь ковтунъ медкомъ, то іонъ уцѣче вокномъ“, но, къ сожалѣнію, подобный колтунъ, вызванный искусственно, не покидаетъ иногда и всю жизнь полѣшука, который таскаетъ на головѣ своей цѣлую копну слежавшихся волосъ, иногда въ 20-ть и болѣе фунтовъ вѣсу; въ особенности великія охотницы „запускать колтунъ“ старыя бабы, у которыхъ онъ достигаетъ поразительныхъ размѣровъ, спускаясь за спиною ниже пояса и образуя цѣлую гору.

На зобъ въ Овручскомъ уѣздѣ,—гдѣ онъ болѣе всего развитъ въ деревняхъ Городцѣ и Куликахъ,—и не жалуются—„що то за зобець, коли можна жваць хлѣбець.“ Отъ болѣзни этой, приписываемой употребленію родниковой воды, никто не лечится, говоря: „нечекай зобець, пакуль можна жваць хлѣбець,“ и жеваніе это, дѣйствительно, не смотря на объемистый зобъ, продолжается у больнаго лѣтъ тридцать и сорокъ безъ малѣйшаго затрудненія.

Но за то „трясьци“—лихорадки—полѣшукъ боится, считая эту болѣзнь дьявольскимъ навожденіемъ. Поэтому, купаясь напримѣръ, онъ всегда обращается къ чорту—„чертекъ, чертёкъ, не ломай маихъ костокъ; ты зъ вады, а я у воду.“ Про-

тивъ лихорадки, которая въ Маломъ Полѣсьи не покидаетъ больнаго иногда удивительно долгое время—3—4 года—въ народѣ обращается цѣлая масса всевозможныхъ средствъ. Отъ нея лечатъ пауками, испугомъ, зельемъ, наговоромъ, окачиваніемъ холодной водою, голодомъ, турецкимъ перцемъ, даже шпанскими мушками; составляются сильныя и поистинѣ конскія микстуры изъ полыни, чемерицы, стручковаго перцу и камфоры съ прибавленіемъ спирту и постнаго масла; наконецъ, просто съѣдается невозможное количество свѣжей полыни и лозовой коры. А сколько „знахарей" и „знахарокъ" существуетъ леченіемъ лихорадокъ — это явствуетъ изъ одной поговорки: „хто вмѣе трясцю лечиць, той маѣ чѣмъ вѣкъ пражиць;" впрочемъ, это относится только къ практикѣ знахарей, такъ какъ полѣшукъ ни за что не пойдетъ къ „пану-дохтуру" и умирая даже будетъ увѣрять доктора, что совершенно здоровъ. О медикахъ здѣсь говорятъ: „що це за дохтуръ-панъ, коли винъ пытае минѣ: що балиць? Отъ, кажу, колибъ винъ свае око взяу на палець, та всунуу въ тыѣ мѣйсцѣ, пабачuу мае нутру, тай сказау минѣ, що тамъ не гарно.... Отъ, былобъ другое дэѣло." Знахари въ этомъ случаѣ употребляютъ особый пріемъ: они никогда не спросятъ явившагося къ нимъ за совѣтомъ больнаго, что у него болитъ, а ставятъ вопросъ всегда такъ: „що це тоби, человиче?" Чи отъ витру, чи отъ злого нароку хворосць припала?" ну, и больной, начиная разсказывать отъ чего ему приключилась болѣзнь, незамѣтно для себя выскажется, что у него болитъ; тогда знахарь, не слушая дальнѣйшихъ объясненій, съ апломбомъ перебиваетъ больнаго: „знаю цэ, знаю, що тоби болиць!" у тебя говоритъ, болитъ то и то, болитъ и это: ничего, будешь здоровъ, а больной приходитъ просто въ удивленіе отъ познаній знахаря и славитъ его гдѣ только можетъ.

Изъ другихъ болѣзней, никогда не покидающихъ Полѣсья, можно указать на тифъ—„огневая хворосць," на скарлатину—„дзицячая смерць," на оспу, корь и дифтеритъ, которыя здѣсь носятъ названія „осицы, шкори и горлянки," и отъ которыхъ ежегодно гибнетъ много народу, въ особенности—дѣтей.

III.

Въ маломъ Полѣсьи, какъ и за Припятью, когда вешнія воды спадутъ и кругомъ зазеленѣетъ, все, сидѣвшее до тѣхъ поръ по душнымъ хатенкамъ, просыпается и вылазитъ въ поле на работу, перебираясь на какой нибудь островокъ, отстоящій на 15—20 верстъ отъ постояннаго жилья. Въ это время забирается съ собою въ поле все: и „жинка" съ цѣлымъ арсеналомъ кочергъ, рогачей, горшковъ, чугуновъ; и ребятишки, не въ рѣдкость, совершенно нагія и отъ радости „переселенія" неистово визжащія;—и домашняя худоба—„волы и тощая кляченка, которая, чуя близкое приволье, идетъ какъ-то бодрѣе и даже пробуетъ лягаться, когда на нее лаетъ „сѣрко"—песъ дворовый. Впереди всего этого медленно выступаетъ самъ „господарь" съ косою, граблями, вилами и неизмѣнною „рушницей—самопаломъ," перевязанный по всѣмъ направленіямъ „лычкомъ и веревочками," но, тѣмъ не менѣе, смертоноснымъ оружіемъ для „проклятыхъ качокъ." Шествіе всегда замыкается старшимъ въ семьѣ сыномъ или „паробкомъ," который присматриваетъ за волами, влекущими соху, борону, мѣшки съ сѣменами и печной арсеналъ хозяйки. Онъ же правитъ и лошадью, которая тащитъ „колымагу" съ мѣшочками соли, крупы, лукомъ, хлѣбомъ и другой провизіей, въ число которой попали кудахтающія въ мѣшкѣ куры, визжащіе поросята и связанная хрюкающая свинья—всѣ очень недовольныя своимъ положеніемъ; это очень сердитъ лохматаго пса сѣрку, любящаго во всемъ благочиніе, тишину и недопускающаго никакихъ заявленій неудовольствія. Тутъ же на возу, на одномъ изъ мѣшковъ возсѣдаетъ привязанный и мяукающій котъ, взятый съ собою въ поле Богъ знаетъ для какой потребы; онъ то, кажется, главнымъ образомъ и безпокоитъ сѣркины нервы. Кругомъ воза бѣгаютъ, дерутся и кричатъ ребятишки, бьютъ по мѣшку съ поросятами, дергаютъ за хвостъ то кошку, то свинью, когда она начинаетъ умолкать—„хай и вона спивае," и радуются переселенію.

Но вотъ, мало-по-малу, пристали ребятишки и позалѣзли на возъ; утихъ вокальный концертъ „доморощенныхъ пѣвцовъ"— и среди глухой лѣсной дороги водворилась невозмутимая тишина, нарушаемая изрѣдка стукомъ колесъ, перекатывающихся по корнямъ древеснымъ, да слышатся мѣрные, глухіе удары лошадиныхъ копытъ о почву дороги.... И сѣрко присталъ; онъ высунулъ языкъ опустилъ мохнатый хвостъ и бѣжитъ мѣрной рысцой за „колымагой переселенія," да искоса, съ завистью поглядываетъ на ребятишекъ, недогадывающихся пригласить его въ компанію къ себѣ на возъ.... Близокъ и конецъ путешествію...

На выѣздѣ изъ лѣса, вдали виднѣется уже зеленый островокъ, окруженный блестящей поверхностію воды, изъ которой торчитъ во множествѣ и старый камышъ, и зеленые поросли молодаго....

Какъ только ребятишки завидѣли эту „обѣтованную землю, въ ту же минуту поднялся прежній гамъ: сѣрко залаялъ, котъ замяукалъ, запѣла и щетинистая пѣвица и ея поросята, оглашая лѣсъ жалобной руладой, которой сталъ вторить кудахтаньемъ и пѣтухъ, гдѣ то тамъ сидящій въ мѣшкѣ... Кончается лѣсъ, и съ такой музыкой въѣзжаетъ весь поѣздъ на островокъ, избранный для лѣтняго жилья и полевыхъ работъ.

Здѣсь, среди роскошной травы, пока хозяинъ самъ ломаетъ „очеретъ" для шалаша, а „гаспадыня" разбираетъ свои доспѣхи, „хлопець" или „паробокъ" строитъ „заворъ" для скотины, а ребятишки бѣгаютъ кругомъ, катаясь въ высокой травѣ и пристаютъ къ матери съ вопросомъ: скоро-ли дастъ она имъ юшку съ рыбой.

Спустя часъ, два времени, когда уже готовъ такъ называемый „палацъ" *), построенъ „заваръ" и отпущены на волю волы съ лошадью, надъ островкомъ тихо вьется сизый дымокъ; это „рыбная юшка" варится въ земляной печкѣ, кое-какъ уцѣлѣвшей съ прошлаго лѣта и теперь наскоро поправленной.

Эти переселенія на острова въ Полѣсьи совершаются подъ вліяніемъ необходимости увеличить годовой посѣвъ, недостаточный для прокормленія семьи, и мѣста для этихъ посѣвовъ избираются самопроизвольно, на какой нибудь лѣсной полянѣ или на болотномъ острову, на которые владѣльцы никогда не претендуютъ. Подобная система хозяйства является здѣсь всегда выгодною: не уродитъ около деревни, на песчаномъ полѣ, вслѣдствіе засухи, за то уродитъ на острову такъ, что ржаные и пшеничные колосья въ ростъ человѣческій и выше, а сборъ жатвы даетъ самъ 8 и 9-ть.

И какая роскошь на этихъ островахъ! Не нужно быть и полѣшукомъ, рьянымъ водяникомъ и лѣсовикомъ—чтобы полюбить жизнь среди этой пышной, благоухающей растительности, среди этихъ гигантскихъ дебрей и безбрежныхъ водъ съ миріадами рыбы и несмѣтными стаями разной птицы.

Управившись съ запашкой и посѣвомъ на острову, полѣшукъ во все лѣто, за исключеніемъ времени жатвы и сѣнокоса, предается рыболовству, охотѣ и отчасти занимается приготовленіемъ для себя и на продажу разныхъ хозяйственныхъ вещей изъ дерева. Большая часть этихъ вещей сбывается на мѣстечковыхъ базарахъ евреямъ за самую ничтожную цѣну или промѣнивается на соль, табакъ, серпы и косы самаго плохаго качества, но дающихъ торговцу-еврею 50 и 60% барыша при условіяхъ такого сбыта. Немало этихъ деревянныхъ издѣлій попадаетъ за безцѣнокъ въ руки „жидковъ-шинкарей" за водку, которая самымъ безцеремоннымъ образомъ приправляется для крѣпости даже „тютюномъ" и въ такомъ видѣ поступаетъ въ продажу подъ именемъ „старой горилки". Къ нимъ же въ руки попадаютъ и кожи съ убитыхъ животныхъ, и хлѣбъ съ поля, и медъ съ пасѣки; бабы туда же тащутъ „кудельку", яйца, холстъ, грибы, ягоды,—однимъ словомъ, къ жидамъ сносится все, словно въ бездонную кладовую, изъ которой продаютъ уже они, назначая цѣны по усмотрѣнію.

Продажа евреямъ сельскихъ продуктовъ производится полѣшуками безо всякой мѣры, вѣса или счета, а просто на глазъ, придерживаясь народной пословицы: „коли мужикъ взнае хфунтъ, панъ—бунтъ, а жидя—грунтъ, тогда добра не будзе", и жидки, набившіе глазъ и руку, пользуются этимъ какъ нельзя лучше. По осени въ глухихъ мѣстахъ, изъ которыхъ жители рѣдко и нехотя ѣздятъ въ селенія и мѣстечки, шныряютъ юркіе жидки съ солью, табакомъ, спичками и разной сомнительной „галантереей", сбывая ее за свѣжіе медъ, масло, яйца, просо, гречиху, картофель, лукъ, полотно и домашнюю птицу. Въ это же время въ Полѣсье наѣзжаютъ и „Борисовцы" съ образами, писанными масляной краской на деревянныхъ дощечкахъ **). Образа Борисовцевъ почему-то предпочитаются суздальскому письму и охотно покупаются; въ особенности много расходится такъ называемаго „Іордана"—изображенія Іоанна крестителя, надъ которымъ написанъ крестъ съ двумя пиками по бокамъ и надписью „Іорданъ".

Въ Маломъ Полѣсьи, подъ вліяніемъ преобладающаго малороссійскаго элемента, народъ содержитъ свои хаты опрятнѣе чѣмъ въ Полѣсьи Заприпятинскомъ, гдѣ нерѣдко попадаются деревни съ курными избами; и одѣваются здѣсь нѣсколько щеголеватѣе. Такъ называемая „аблаухица"—безобразный колпакъ съ откинутыми ушами на подобіе ослиныхъ—встрѣчается весьма рѣдко, и замѣняется повсемѣстно малороссійской смушковой шапкою. Лапти также не въ ходу,—вездѣ „чоботы" смазные; въ остальномъ костюмъ схожъ съ малороссійскимъ: тѣже шаровары, шириною въ „Черное море", свита, кирея ***), кожухъ и рубаха съ прорѣхой на груди, только съ откладнымъ воротникомъ безъ узора; въ женскомъ нарядѣ тѣже „ляховки" ****), плахты, запаски, кирсеты и свитки; тѣже монисто и образки, тѣже и „чоботцы" только изъ черной смазной кожи. Впрочемъ ходить босикомъ и здѣсь, какъ и въ Малороссіи, считается для женщины щегольствомъ; особенно зимою; про такую женщину обыкновенно говорятъ: „отъ це чупурна", т. е. щеголиха. Но за то дѣти въ Маломъ Полѣсьи, если не ходятъ полунагими, то всегда одѣты точно въ чужое платье, потому что дѣтскую одежду всегда составляетъ старое платье родителей, чуть-чуть подрѣзанное съ низу; въ такомъ костюмѣ они пребываютъ до 15—16 лѣтъ, путаясь въ отцовской свитѣ и сапогахъ, падая или цѣпляясь чуть ли не на каждомъ шагу

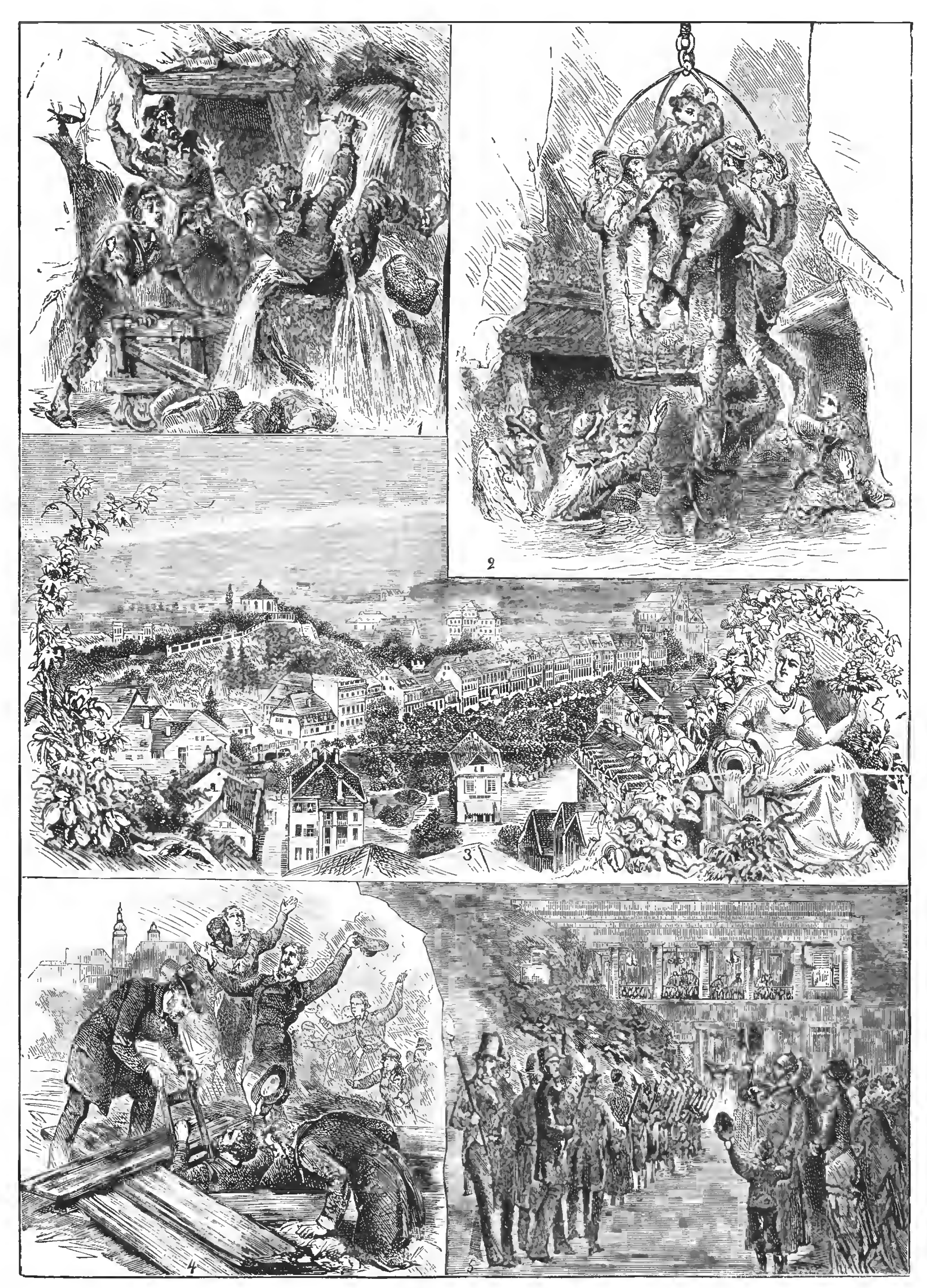
---

*) Шалашъ изъ камыша, въ шутку называемый «палацомъ».

**) Борисовцами называются южно-руссы, живущіе въ с. Борисовкѣ, Курской губерніи, и занимающіеся иконописью.

***) Кирея—длинная свита съ капюшономъ.

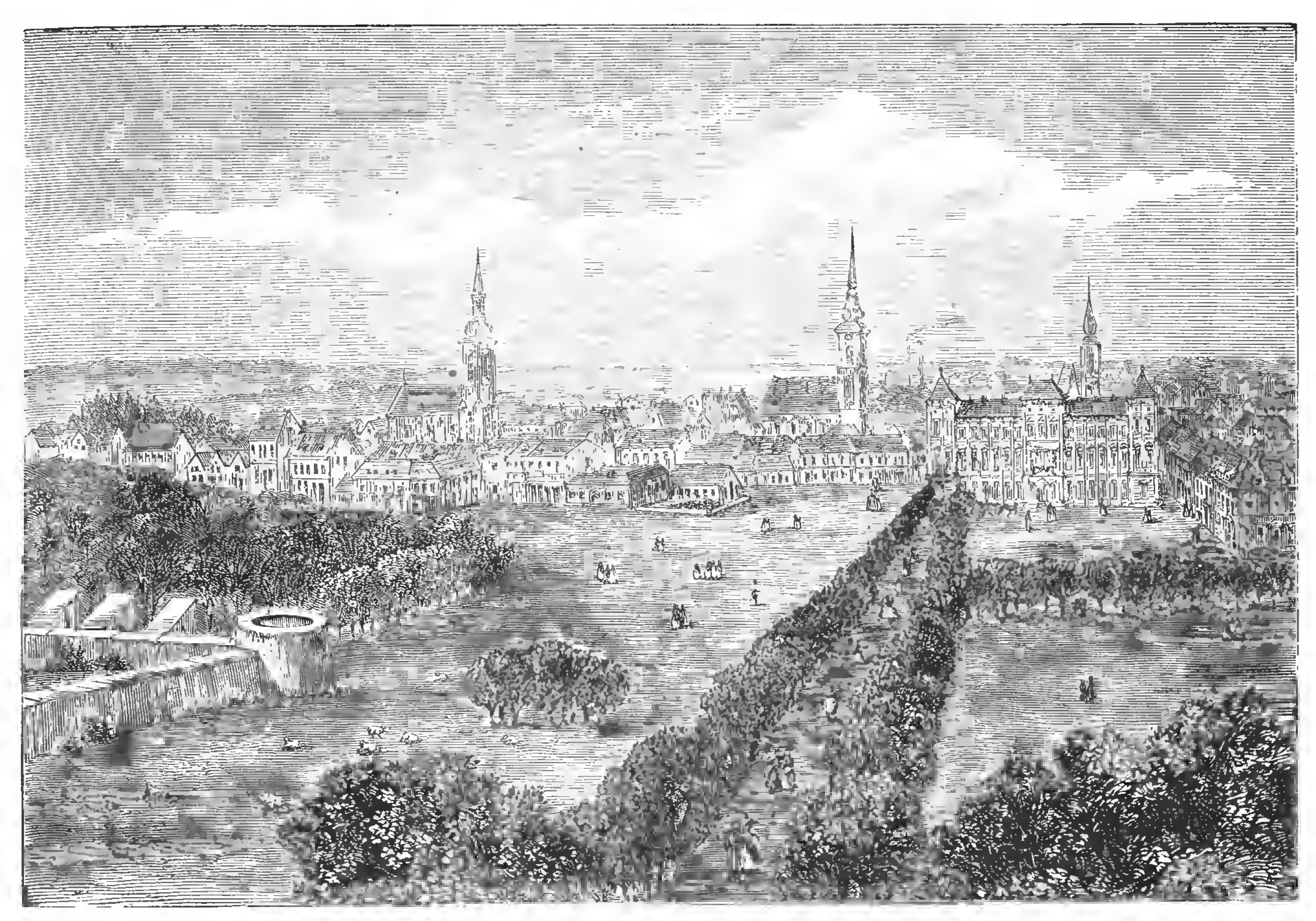
****) Рубахи съ вышитымъ подоломъ.

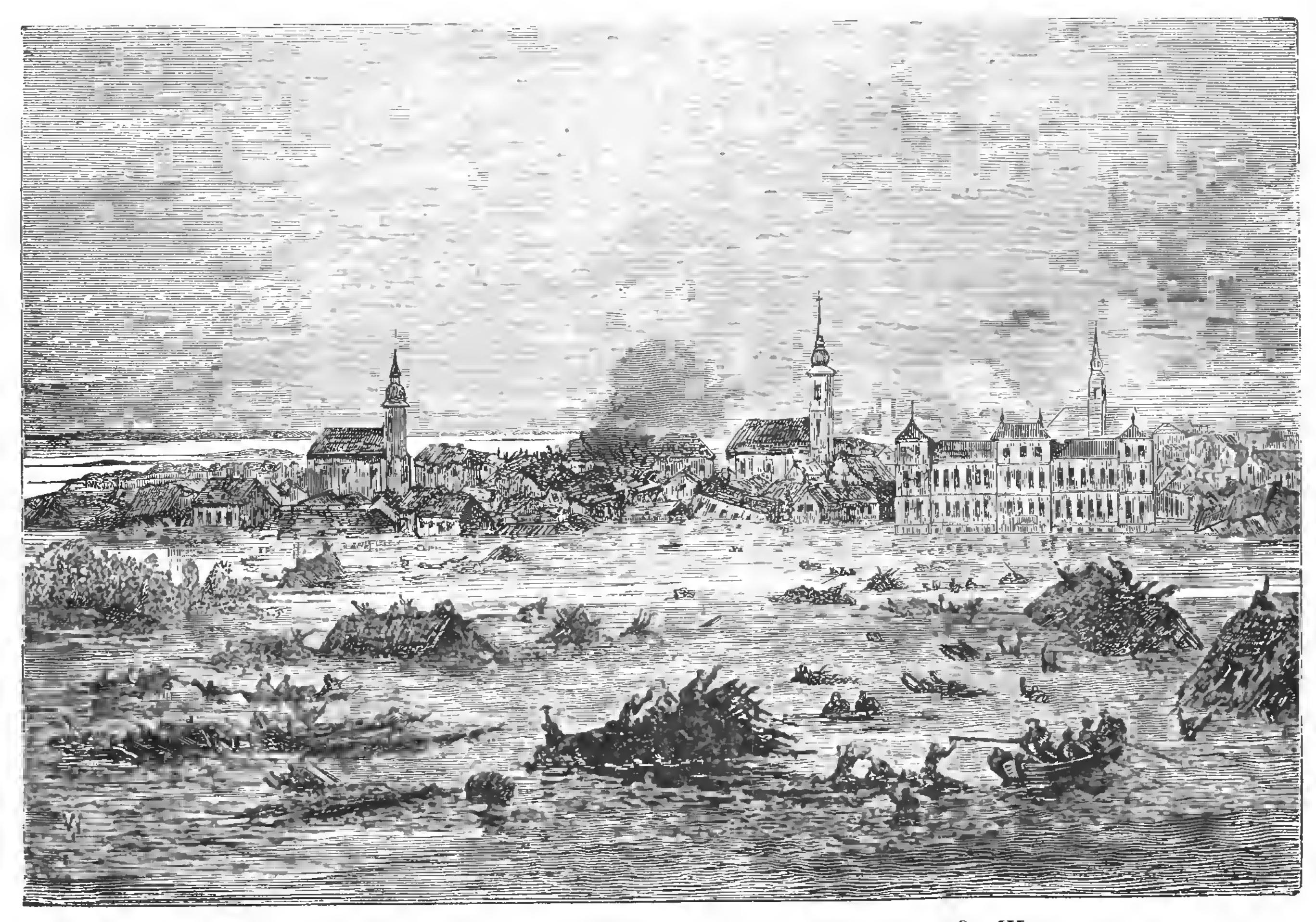
Теплицкая катастрофа.

1) Прорывъ воды въ Оссегской каменноугольной шахтѣ. 2) Опасность и спасеніе рабочихъ. 3) Городъ Теплицъ со стороны Кёнигсгее. 4) Нахожденіе новаго горячаго источника въ Теплицѣ. 5) Торжественное шествіе съ факелами.

Рис. Ф. Колларцъ, грав. М. Рашевскій.

Видъ г. Сегедина передъ наводненіемъ. По рисунку L. N. грав. М. Рашевскій.

Видъ г. Сегедина во время наводненія. По рис. L. N., грав. Э. Шмидтъ.

и возбуждая общій смѣхъ. Въ воскресные дни и праздники, какъ и вездѣ, народъ въ Полѣсьи одѣвается конечно чище чѣмъ въ будни, при чемъ, въ силу установившагося обычая, требуется, чтобы ко дню Свѣтлаго Воскресенія была непремѣнно хотя старая, но бѣлая рубашка, а ко дню Рождества—рубаха новая. „Къ Вылыко-дню кошуля хочь стара, абы била, а къ Роздву—хоть сира, абы нова“ говорятъ полѣшуки и строго соблюдаютъ этотъ обычай, къ чему энергично побуждаютъ своихъ мужей бабы, помня вѣроятно народную легенду о томъ, когда Господь спрашивалъ полѣшука и его бабу, отчего они не надѣли въ день Его Воскресенія бѣлыхъ сорочекъ и наказалъ ихъ за это тѣмъ, что они въ день Свѣтлаго Воскресенія уходили всегда въ лѣсъ и тамъ, въ сообществѣ звѣрей, проводили все время праздниковъ.

Заговоривъ о движимости—нарядѣ полѣшука, стоящемъ дорого-дорого рублей 20—30-ть, въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о цѣнности остальнаго достатка. Хата здѣсь цѣнится рублей 25-ть, пара воловъ и лошадь—70—80 рублей, хозяйственные инструменты и домашнія животныя—рублей 20, и запасъ семянъ для посѣва—рублей 30. Итого, слѣдовательно, весь достатокъ полѣшука простирается до 200 рублей—и тутъ же раскиданы богатства и въ нѣдрахъ мало-полѣской почвы и нетронутые совсѣмъ снаружи.

М. Волотовскій.

Стихотворенія.

(Изъ Ленау).

Вечеръ.

I.

Ужъ не грѣетъ солнце нивы
И къ концу приходитъ день;
Вѣтви въ прудъ склоняютъ ивы,
Далеко бросая тѣнь.

***

Снова всѣ страданья живы,
Что принесъ прощальный мигъ;
Зашептались грустно ивы
И колышется тростникъ.

***

Въ горѣ жизни молчаливо
Свѣтишь, другъ, ты мнѣ всегда,
Какъ и тамъ, сквозь эти ивы,
Свѣтитъ дальняя звѣзда.

II.

Тѣни деревьевъ таинственнѣй стали.
Въ полѣ нѣмая царитъ тишина,
Трепетно звѣзды во мглѣ заблистали,
Въ темной осокѣ чуть шепчетъ волна.

***

Сердца тревогу невольно смиряютъ
Тишь и прохлада природы ночной,
Въ душу, какъ звѣзды сквозь мглу, проникаютъ,
Новыя грезы одна за другой...

О. Л—тъ.

Къ рисункамъ.

Радостная встрѣча.

Долгіе томительные дни, безсонныя ночи. Слушаетъ она какъ тикаетъ маятникъ часовъ, какъ тихо дышетъ во снѣ ея дитя. И все думаетъ объ немъ; въ головѣ молодой женщины неотступно носятся воспоминанія недавняго прошлаго—какъ началось и какъ устроилось ея счастье и какъ хорошо они жили, когда вдругъ обязанности службы заставили ея молодаго мужа ѣхать далеко, въ чужія страны, черезъ безконечное, опасное волнующееся море.

Какъ она, бѣдная, плакала тогда и какъ глядя на нее плакалъ и ея крошка! Она видѣла долго какъ онъ махалъ съ корабля ей бѣлымъ платкомъ; вотъ все дальше и дальше, корабль все меньше и слился наконецъ съ линіей сѣрой волнующейся дали. Чего она не передумала въ его отсутствіи! И вотъ только вчера разнеслась радостная для всѣхъ береговыхъ деревенекъ вѣсть, что корабль ждутъ завтра. Она безпрестанно выбѣгала на берегъ, глядя не идетъ ли онъ и не видно ли на горизонтѣ точки и безпрестанно ей кажется, что та или другая волна и есть именно смутно виднѣющаяся точка корабля. Но вотъ дѣйствительно показывается вдали корабль, весь берегъ оглашается радостными криками. Ближе, ближе! Вотъ она видитъ его, онъ машетъ платкомъ, она поднимаетъ надъ головой своего ребенка, который тоже протягиваетъ рученки къ отцу; радость увидѣть его, такъ сильно любимаго и нетерпѣливо ждапнаго, заставляетъ ее забыть какія она томительныя переживала недѣли, заставляетъ ее забыть все на свѣтѣ.

Тёплицкая катастрофа.

Тёплицъ (въ Богеміи), знаменитый своими цѣлебными теплыми источниками и лежащій въ прелестной долинѣ, у подножія горъ—Рудныхъ и Средняго Богемскаго хребта—пріобрѣлъ въ новѣйшее время новую извѣстность какъ промышленный пунктъ, такъ какъ въ окрестностяхъ его открыто и разработывается много каменноугольныхъ копей. Но эти-то копи и послужили причиной катастрофы, надѣлавшей недавно много шума. Вотъ что произошло. 10-го февраля (н. с.), въ одной изъ шахтъ (такъ называемой „Дёллингеровой“), расположенной у Оссегга, рабочіе докопались до источника, стѣнка шахты не выдержала напора воды и эта послѣдняя ринулась съ такою силою, что быстро наполнила подземный корридоръ; останавливать ее не было ни времени, ни возможности—рабочимъ надо было только думать о спасеніи. Не всѣмъ, однако, это удалось—болѣе двадцати человѣкъ утонуло. Несчастіе это возбудило, конечно, всеобщій ужасъ, но перепуганный Тёплицъ не предчувствовалъ другаго бѣдствія, которое могло имѣть роковыя послѣдствія для самаго существованія города. Три дня спустя обрушилось и это несчастіе надъ Тёплицемъ: 13-го февраля, въ городской купальнѣ внезапно исчезъ главный источникъ: изсякъ, исчезъ безслѣдно! Трудно представить панику, охватившую все населеніе. Мѣстность, пользовавшаяся своею бальнеологическою славой еще съ XII-го столѣтія—оказалась на краю раззоренія. Не откройся вновь, не появись вновь на поверхности цѣлебная, теплая вода—и все накопленное съ давнихъ поръ въ Тёплицѣ имущество, все устроенное, заведенное заботливою рукою мѣстныхъ жителей—все это теряло почти всякую цѣнность; уже теперь дома и другія зданія казались всполошившемуся населенію просто какими то безполезными бездѣлушками. Днемъ и ночью толпа осаждала сберегательную кассу, требуя возврата вкладовъ. Требованія эти дошли почти до милліона.

Бѣдствіе, постигшее Тёплицъ, возбудило участіе всего міра, что вполнѣ понятно: со всѣхъ концовъ свѣта съѣзжаются сюда ищущіе и находящіе облегченіе и изцѣленіе отъ различныхъ болѣзней! Количество посѣтителей этихъ достигало въ послѣднее время 10—20 тысячъ человѣкъ въ сезонъ. Въ числѣ лечившихся можно указать на Германскаго императора и многихъ другихъ нѣмецкихъ и иностранныхъ государей. Императоръ Вильгельмъ выдержалъ лечебный сезонъ предшествовавшимъ лѣтомъ въ Тёплицѣ, гдѣ его посѣтилъ австрійскій дворъ.

Теперь же, предъ Тёплицемъ была только перспектива разрушенія и запустѣнія. Наука, однако, пришла на помощь и—принесла спасеніе.

Собравшіеся въ Тёплицъ геологи—Лаубе, Вольфъ, Зигмундъ, Зунъ, Сигмонди и другіе—осмотрѣвъ и изслѣдовавъ грунтъ, объявили, что такъ какъ Оссегская копь лежитъ на болѣе возвышенномъ мѣстѣ, а шахты ея спускаются къ городу, то, или гдѣ нибудь произошло ослабленіе напора воды, или же завалило одинъ изъ размножившихся источниковъ, и потому необходимо, близъ мѣста исчезнувшаго источника, проложить скважину, пробить каменный слой—и на глубинѣ 15—20 метровъ обнаружится вновь теплый источникъ; еслибы—при этомъ замѣтили ученые спеціалисты—оказалось, что вода силою собственнаго напора, не можетъ подняться до поверхности, то въ этомъ ей помогутъ насосы.

Быстро, хотя и съ затаеннымъ страхомъ, приступили къ работѣ. Городской совѣтъ, желая хотя сколько нибудь успокоить жителей, ежедневно обнародывалъ особыя сообщенія, въ которыхъ излагались заключенія геологовъ, подававшія надежду на хорошій исходъ дѣла.

Работы, начатыя 22-го февраля (н. с.), продолжались, затѣмъ, подъ руководствомъ приглашеннаго изъ Вѣны геолога Вольфа. Динамитъ дѣлалъ свое дѣло, быстро ведя къ цѣли. Чѣмъ болѣе углублялись въ почву, тѣмъ болѣе замѣчалось теплоты въ пробиваемомъ каменномъ пластѣ, наконецъ, 3-го марта, показался паръ, открылась трещина, а подъ нею вода. Это и былъ теплый источникъ!

Молніей разнеслась радостная вѣсть. Населеніе пришло въ неописанный восторгъ. Старые и малые обнимались на улицахъ, плакали отъ радости, бросались на колѣни съ благодарственною молитвою къ Богу! Замѣтимъ здѣсь, что во всѣ предшествовавшія дни—дни испытанія, посланнаго Тёплицу, шла въ храмахъ постоянная служба, теперь же настала минута благодаренія. Всюду разосланы были депеши и устроилось великолѣпное шествіе съ факелами. Напоръ воды становился сильнѣе и сильнѣе, но мѣрѣ углубленія работъ въ шахты и отнынѣ Тёплицъ снова владѣетъ своимъ знаменитымъ источникомъ, температура и составъ котораго нисколько не измѣнились. Коммисія, завѣдующая источниками и работами по возста-

новленію временно-скрывшагося и такъ быстро вновь найденнаго теплаго источника, недавно опубликовала особое извѣщеніе, въ которомъ сообщила о результатахъ работъ. Изъ этихъ свѣдѣній, между прочимъ, видно, что признано необходимымъ произвесть нѣкоторое углубленіе и утвержденіе стѣнъ самой шахты источника и что теченіе воды происходитъ съ силою 50-ти кубовъ въ минуту или 3-хъ тысячъ въ часъ.

Гибель Сегедина.

(Разсказъ очевидца).

— Неужели страшное извѣстіе вѣрно? неужели возможно, чтобы несчастіе это дѣйствительно произошло? мысленно спрашивалъ я себя, пускаясь въ путь къ мѣсту бѣдствія—разрушенному Сегедину. Вопросъ этотъ неотступно преслѣдовалъ меня, пока, наконецъ, я не увидѣлъ собственными глазами бездомныхъ бѣглецовъ, въ одну ночь лишившихся всего. Только самая очевидность заставила меня новѣрить, заставила сказать себѣ, „да, это дѣйствительно произошло!“ Ужасенъ кровавый бой войны, но онъ идетъ съ открытымъ лицомъ, онъ разитъ открыто; во сто кратъ ужаснѣе, страшнѣе смерть, что подкрадывается въ тихій, ночной часъ и уноситъ въ темную пучину и мать, и беззащитное дитя! Катастрофа, столь быстро разразившаяся надъ Сегединомъ, подготовлялась, повидимому, уже съ давнихъ поръ: городъ лежитъ непосредственно у слiянія рр. Тиссы и Мароша и, притомъ, ниже точки сліянія; отъ этого ему постоянно грозитъ опасность подвергнуться наводненію, весьма возможному подъ вліяніемъ напора колоссальной массы воды. Если, съ одной стороны, въ продолженіи долгаго времени, Тисса имѣла видъ спокойной рѣки, мирно катившей свои волны въ красивыхъ берегахъ, обрамляющихъ ее, то, съ другой стороны, были и такіе случаи, которые ясно указывали на опасность.

Произведенное, вслѣдствіе урегулированія Тиссы, съуженіе самаго канала рѣки, имѣло своимъ послѣдствіемъ постоянно увеличивающееся возвышеніе уровня воды. Быть можетъ обстоятельство это имѣло бы гораздо менѣе значенія, еслибы регулированіе было произведено въ направленіи, идущемъ отъ устья къ истоку, а не наоборотъ и если бы, при впаденіи въ Дунай, Тисса могла относить всю массу воды на болѣе далекое разстояніе. Но Дунай чрезвычайно узокъ у „Желѣзныхъ Воротъ“ (близь Орсавы), отчего сильно напирающій потокъ Тиссы скопляется здѣсь и запружаетъ сосѣдніе притоки, а производящіяся у Вѣны и Песта работы но регулированію повышаютъ, къ тому же, уровень воды. Сегединъ защищенъ нѣсколькими плотинами: во первыхъ—Бактерской плотиной и западной частью плотины Альфельдской желѣзной дороги, затѣмъ Мочкасской и восточной частью плотины той же желѣзной дороги и далѣе—Зевенигацерской плотиной. Осуществленію же проектированной правительственною комисіею новой плотины помѣшало противодѣйствіе нѣкоторой части населенія, вполнѣ вѣрившаго въ безопасность разливовъ родной рѣки. Когда, въ ночь съ 5-го на 6-е марта, катастрофа началась прорывомъ Пескорской плотины, то, не смотря на явную опасность, не были приняты никакія мѣры предосторожности. Только—военныя власти, въ лицѣ фельдмаршалъ-лейтенанта Пульца и генерала Греллера сдѣлали по войскамъ соотвѣтствующія распоряженія на случай ожидавшагося новаго прорыва. Дѣйствительно, 8-го марта потокъ, прорвавъ Зевенигацерскую плотину и затопивъ м. Альгіо (выше Сегедина) и Тане (у самаго города), излился чрезъ полотно Альфельдской желѣзной дороги и Мочкасскую плотину. Теперь Сегединъ былъ прикрытъ только одной оборонительной линіей: Бактерской плотиной и западной частью Альфельдской плотины. Первая была достаточно прочна, но — вторая требовала соединенія всѣхъ усилій защитниковъ города. Фельдмаршалъ-лейтенантъ Пульцъ, устроивъ свою главную квартиру въ самомъ опасномъ пунктѣ —на станціи Альфельдской желѣзной дороги, руководилъ всѣми работами храбрыхъ солдатъ своихъ, которые гораздо лучше выполняли возложенную на нихъ обязанность, чѣмъ сами жители города, находившагося въ столь великой опасности. Уже 8-го или, лучше сказать,—только 8-го марта начались работы, имѣвшія цѣлью преградить, прочной стѣной, туннель государственной желѣзной дороги подъ Альфельдской плотиной. Дѣло это являлось дѣломъ первостепенной важности, такъ какъ этимъ путемъ вода могла излиться въ городъ. Удивительно—какъ можно было откладывать столь необходимую мѣру до самой рѣшительной минуты? Въ тотъ же день, въ который уровень разлива уже стоялъ выше уровня Тиссы, были, съ цѣлью отвести часть наводненія, сдѣланы искусственные прорывы въ двухъ рукавахъ этой рѣки: въ томъ, который идетъ между Сегединомъ и Танэ и въ другомъ, протекающемъ къ западу отъ города, у моста Матвѣя. Вмѣстѣ съ тѣмъ шли усиленныя и чрезвычайно трудныя работы по загражденію Альфельдской плотины: здѣсь происходила неустанная борьба съ стихіей, ежеминутно опрокидывала и смывала она то, что было возведено ежеминутно приходилось начинать снова! Боролись и надѣялись и—можно положительно сказать — доблестные солдаты Пульца и Греллера одержали бы побѣду, катастрофа была бы отвращена этою первою оборонительною линіею, если бы, 11-го марта, на помощь наводненію не подоспѣла буря, съ сокрушающею силою погнавшая волны на слабый оплотъ. Около 9-ти часовъ утра въ городѣ распространился слухъ о томъ, что вода прорвала плотину; трудно передать ужасъ, овладѣвшій населеніемъ. Власти, кое-какъ и на короткое время, успѣли возстановить нѣкоторое спокойствіе и порядокъ. Но—то было лишь кажущееся, наружное спокойствіе, полное сдержаннаго отчаянія и страха. Тревогу возбудило извѣстіе, что вода, перелившись чрезъ плотину, образовала по эту сторону довольно значительный прудъ. Пока, однако, еще стоялъ послѣдній оплотъ, надежда тысячей людей, но—онъ удержался лишь на нѣсколько часовъ, отсрочивъ только на краткій мигъ судьбу, ожидавшую несчастный городъ! Наконецъ, вскорѣ послѣ полуночи, потокъ, прорвавшись въ 500 шагахъ къ востоку отъ станціи Альфельдской желѣзной дороги, направился, съ необыкновенною силою, по прямому направленію къ городу—участь Сегедина была рѣшена.

Первая тревога жителей, какъ выше сказано, была устранена, къ тому же было извѣстно, что правительственный комисаръ отправилъ въ Пештъ депешу, въ которой извѣщалъ, что считаетъ дѣло спасенія Сегедина обезпеченнымъ; все это успокоило большинство населенія и—быстро наступившая катастрофа нашла почти весь городъ объятымъ глубокимъ сномъ; сигналы замѣшкались, и, когда проснувшіеся жители бросились на улицы—они нашли ихъ уже затопленными. Газъ потухъ, такъ какъ газовый заводъ залило съ самаго же начала. Счастливы были тѣ, кто жилъ въ большихъ, массивныхъ домахъ, доставившихъ имъ хотя нѣкоторое убѣжище и защиту отъ наводненія, счастливы были и тѣ, жилища которыхъ находились въ болѣе возвышенной части города, или вдоль плотины р. Тиссы. Но—немного было такихъ. Въ широкораскинувшихся и глубоко лежащихъ предмѣстьяхъ какіе нибудь 1/4 часа спустя послѣ появленія первыхъ волнъ—послышался зловѣщій шумъ и трескъ разрушавшихся домовъ, пронзительные крики о помощи... Предмѣстье Рона, верхнее и нижнее предмѣстья были наводнены на всемъ своемъ пространствѣ; одна часть жителей ихъ нашла убѣжище на станціи государственной желѣзной дороги, другая—на станціи Альфельдской желѣзной дороги, наконецъ небольшое число спасавшихся—въ обширномъ зданіи одного кирпичнаго завода; въ огромной, недавно выстроенной реальной школѣ собралось до 5-ти тысячъ человѣкъ. Другіе бросились въ синагогу, въ церковь св. Рона, въ госпиталь, но большинство должно было отказаться отъ самой мысли искать спасенія въ бѣгствѣ—такъ быстро неслись безжалостныя волны! Послѣднимъ средствомъ имъ остались ненадежныя крыши ихъ домовъ и садовыя деревья, куда нѣкоторые успѣли втащить и прикрѣпить стулья. Многіе растерялись до того, что спасали ничтожнѣйшіе предметы—одна женщина, напримѣръ, пробѣжала нѣсколько миль, унося отъ преслѣдовавшихъ ее волнъ два горшка цвѣтовъ!

Нельзя найдти словъ, чтобы передать ужасныя сцены, которыми сопровождалось бѣдствіе. Одинъ богатый адвокатъ, помѣстивъ семейство свое на крышѣ своего дома, самъ занялся на дворѣ устройствомъ подмостковъ изъ столовъ и разной другой мебели и вещей, но быстро прибывавшая вода не дала ему времени окончить дѣла: несчастный, успѣвъ только кликнуть послѣднее „прости“, исчезъ въ волнахъ. Чиновникъ, служившій въ правленіи Альфельдской желѣзной дороги, влѣзъ на дерево, держа въ рукахъ своего ребенка, прошла ночь, пришелъ слѣдующій день—помощи нѣтъ; ребенокъ сорвался изъ затекшихся рукъ и утонулъ; отца вскорѣ спасли, но это былъ уже почти сумасшедшій отъ горя и страха!

Но, въ эти минуты всеобщаго отчаянія, боролись еще съ стихіей, жертвуя собой, люди, имена которыхъ останутся навсегда памятными въ отечествѣ. Всѣхъ назвать невозможно—всѣ, отъ генерала до простаго солдата, вели себя какъ герои; назовемъ, между прочимъ, подполковника Гейслера, братьевъ Кепде, Нерклена, начальника Пештской вольной пожарной команды Цумбаха (съ его подчиненными), извѣстнаго наѣздника Зубовича, лейтенантовъ піонеровъ Массича и Кирку, которые съ своими 150 солдатами спасли болѣе 7 тысячъ человѣкъ. Но сколько погибло и спасаемыхъ и спасающихъ—до сихъ поръ еще съ точностью не опредѣлено! Утренняя заря освѣтила ужасную картину опустошенія — опустошенія, небывалаго со времени гибели Геркуланума и Помпеи, со времени землетрясенія въ Лиссабонѣ! Сегединъ, состоявшій изъ 10-ти тысячъ домовъ, былъ почти окончательно разрушенъ, населеніе въ 72 тысячи человѣкъ, почти окончательно, совершенно разорено.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Когда измученный долгою смутою и безначаліемъ народъ русскій собралъ послѣднія силы и, предводимый княземъ Пожарскимъ и Мининымъ, побѣдилъ и изгналъ враговъ своихъ—было рѣшено царское избраніе. Разосланы были грамоты по городамъ съ приглашеніемъ прислать властей и выборныхъ въ Москву. Писалось въ этихъ грамотахъ, что Москва отъ Польскихъ и Литовскихъ людей очищена, церкви Божіи въ прежнюю лѣпоту облеклись и Божіе имя славится въ нихъ по преж-

нему; но безъ Государя Московскому государству стоять нельзя—будетъ оно въ конецъ раззорено, а потому пускай съѣдутся всѣ „лучшіе, крѣпкіе и разумные“ люди для земскаго совѣта и для избранія, предварительно въ своихъ городахъ *договорившись накрѣпко* и „взявъ у всякихъ людей о государскомъ избраніи полные договоры.“

Когда съѣхалось достаточное число властей и выборныхъ, то назначенъ былъ трехдневный постъ, послѣ котораго начались соборы. На соборахъ рѣшили: „Литовскаго и Шведскаго Короля и ихъ дѣтей и иныхъ нѣмецкихъ вѣръ и нѣкоторыхъ государствъ иноязычныхъ нехристіанской вѣры Греческаго закона на Владимірское и Московское государство не избирать, и Маринки и сына ея на государство не хотѣть, потому что Польскаго и Нѣмецкаго короля видѣли на себѣ неправду и крестное преступленіе и мирное нарушеніе: Литовскій король Московское государство раззорилъ, а Шведскій король великій Новгородъ взялъ обманомъ!!“ Оставалось, слѣдовательно, избрать своего, русскаго человѣка. Начались козни и волненія: всякій выставлялъ своего, многіе и сами для себя добивались престола, подкупали и засылали; образовались стороны; но ни одна изъ нихъ не могла осилить другую. Но вотъ, во время одного изъ соборовъ, какой-то дворянинъ изъ Галича принесъ письменное мнѣніе, въ которомъ говорилось, что ближе всѣхъ по родству съ прежними царями Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ, и что его слѣдуетъ избрать на царство. Соборъ заволновался: „кто принесъ такую грамоту? откуда?“ Среди этой сумятицы выходитъ донской атаманъ и тоже подаетъ письменное мнѣніе. „Что это ты подалъ, атаманъ?“ спрашиваетъ его князь Пожарскій. „О природномъ царѣ Михайлѣ Ѳедоровичѣ!“ отвѣчаетъ атаманъ. Собраніе смолкло; всѣхъ какъ-то странно поразило это одинаковое мнѣніе, поданное дворяниномъ и атаманомъ—и Михаилъ Ѳедоровичъ былъ провозглашенъ царемъ, провозглашенъ неожиданно и невольно.

Сегединское наводненіе. На дубахъ въ рощѣ близь г. Сегедина.
По рисунку очевидца, грав. М Рашевскій.

Но еще не всѣ выборные были въ Москвѣ и окончательное рѣшеніе отложили на двѣ недѣли, до 21 Февраля 1613 года. Между тѣмъ разослали всюду гонцовъ—узнавать о желаніи народа. Гонцы вернулись и объявили, что народъ желаетъ Михаила. 21 февраля, въ первое Воскресенье великаго поста, былъ послѣдній соборъ. Каждый долженъ былъ подать письменное мнѣніе. По сличеніи этихъ писемъ оказалось, что всѣ онѣ одинаковы, всѣ называютъ одного человѣка—Михаила Ѳедоровича.

Тогда архіепископъ Рязанскій Ѳеодоритъ, Новоспасскій архимандритъ Іосифъ, извѣстный келарь Авраамій Палицынъ и бояринъ Василій Морозовъ вышли на Лобное мѣсто и спросили у народа, наполнявшаго Красную площадь: кого онъ желаетъ царемъ? „Михаила Ѳедоровича Романова!“ какъ одинъ человѣкъ, крикнула вся площадь.

Михаилу Ѳедоровичу было въ то время шестнадцать лѣтъ; онъ жилъ съ матерью своею, Марѳой, въ Костромѣ въ Ипатьевскомъ монастырѣ, а отецъ его, митрополитъ Филаретъ находился въ Польшѣ, въ плѣну у короля Сигизмунда.

Провозгласивъ царемъ Михаила, соборъ избралъ многихъ челобитчиковъ и поручилъ имъ немедля ѣхать къ нему и увѣдомить его объ избраніи. Послы эти выѣхали изъ Москвы 2-го марта и прибыли въ Кострому 13-го къ вечеру, Тотчасъ же они дали знать Михаилу о своемъ пріѣздѣ и онъ отвѣчалъ, что приметъ ихъ на другой день.

14-го числа, поднявши иконы, и въ сопровожденіи Костромскаго воеводы и всѣхъ горожанъ, послы пошли съ крестнымъ ходомъ въ Ипатьевскій монастырь. Михаилъ съ матерью встрѣтили образа за монастыремъ; но когда послы объявили имъ зачѣмъ присланы, то Михаилъ отвѣчалъ „съ великимъ гнѣвомъ и плачемъ,“ что Государемъ быть не хочетъ. Мать его, Марѳа, прибавила, что она не благословляетъ сына на царство; долго оба не хотѣли войти въ соборную церковь—послы едва ихъ упросили. Въ церкви, когда послы передали грамоты отъ собора и произнесли свою рѣчь, Марѳа стала говорить, что у сына ея и въ мысляхъ нѣтъ на такихъ преславныхъ и великихъ государствахъ быть государемъ; онъ не въ совершенныхъ лѣтахъ, а всякихъ чиновъ люди Московскаго Государства по грѣхамъ измалодушествовались, не вѣрно служили прежнимъ государямъ: измѣнили Годунову, убили Лжедмитрія, свергли съ престола и выдали полякамъ Шуйскаго. „Видя такія прежнимъ государямъ крестопреступленія, говорила Марѳа,—позоръ, убійства и поруганія, какъ быть на Московскомъ государствѣ и прирожденному государю государемъ? Да и потому еще нельзя: Московское государство отъ польскихъ и литовскихъ людей и непостоянствомъ русскихъ людей раззорилось до конца, прежнія сокровища царскія литовскіе люди вывезли; дворцовыя села и прочія имѣнія розданы и опустошены; служилые люди бѣдны; и кому повелитъ Богъ быть царемъ, то чѣмъ ему служилыхъ людей жаловать, свои государевы обиходы полнить и противъ своихъ недруговъ стоять?..“ Наконецъ и Марѳа и Михаилъ указали еще на важное препятствіе: митрополитъ Филаретъ теперь у короля въ Литвѣ „въ большомъ утѣсненіи,“ а когда король узнаетъ, что сынъ его избранъ царемъ Московскимъ, то сейчасъ же велитъ сдѣлать отцу какое нибудь зло. „А мнѣ безъ благословенія отца моего на Московскомъ государствѣ никакъ быть нельзя!“ прибавилъ Михаилъ.

Послы стали плакать и бить челомъ Михаилу, чтобъ онъ не презрилъ соборнаго моленія. Они говорили, что избранъ онъ по Божьему изволенію, избранъ единогласно всей землей русской. Съ прежними государями—Годуновымъ, Гришкой Отрепьевымъ

(Продолженіе на стр. 337, 338, 339 и 340).

и Шуйскимъ ему себя ровнять нечего—тѣ были цари неистинные и избранные не народной волей.

Послы убѣждали, кланялись и плакали съ третьяго часу по полудни до девятаго и, наконецъ, видя непреклонность Михаила и матери его, стали грозить имъ, что Богъ взыщетъ на нихъ раззореніе государства. Михаилъ и Марѳа поколебались и объявили, что полагаются во всемъ на волю Божію. Марѳа благословила сына, Михаилъ принялъ отъ архіепископа посохъ, допустилъ всѣхъ къ рукѣ и сказалъ, что скоро будетъ въ Москвѣ.

Но въѣхать въ Москву новоизбранному царю пришлось не раньше какъ черезъ полтора мѣсяца—сначала за разлитіемъ рѣкъ и порчей дорогъ, а потомъ вслѣдствіе того, что въ Москвѣ еще не все было готово для его пріема. Наконецъ 2-го мая поднялась вся Москва отъ мала до велика и вышла за городъ на встрѣчу государю. Радость народная выражалась громкими, несмолкавшими кликами. Молодой царь, въ сопровожденіи матери своей, направился къ Успенскому собору, гдѣ слушалъ молебенъ, а затѣмъ всѣ подходили къ его рукѣ и поздравляли его на царствѣ. 11-го іюля происходило царское вѣнчаніе Михаила Ѳедоровича.

Близкіе къ новому царю люди, на основаніи недавняго прошлаго, должны были очень страшиться за его безопасность; вокругъ государя, всѣ сознавали, что только въ прочной, законной и справедливой власти заключалось спасеніе народа и государства. Времена смуть, шатанія и безначалія миновали.

Политическое обозрѣніе.

Болгарское народное собраніе.—Восточная Румелія.—Отношенія Англіи и Франціи по египетскому вопросу.

По извѣстіямъ изъ Тырнова, меньшинство болгарскаго народнаго собранія начинаетъ опять настаивать на необходимости сообщенія великимъ державамъ офиціальнаго меморандума въ пользу присоединенія Восточной Румеліи къ Болгарскому княжеству. Вмѣстѣ съ тѣмъ идетъ агитація противъ немедленнаго избранія князя. Панболгарская партія требуетъ, чтобы избраніе это было отложено, по крайней мѣрѣ, до возсоединенія съ Восточной Румеліей. Однако, большинство собранія держится болѣе умѣренной программы и желаетъ какъ можно скорѣе закончить дѣло организаціи государственнаго строя Болгарскаго княжества. Комисія изъ 15-ти членовъ, назначенная для предварительнаго обсужденія проекта болгарскаго уложенія, выработала уже докладъ, состоящій, какъ передаютъ, изъ пяти отдѣловъ, обнимающихъ органическіе законы касательно территоріи княжества, государственной религіи, прерогативъ болгарскаго князя и министровъ, общихъ гражданскихъ правъ и, наконецъ,—народнаго представительства. Скажемъ здѣсь, кстати, что большинство этой коммисіи расположено въ настоящее время сдѣлать отчасти уступку въ вопросѣ о личномъ бюджетѣ князя; на первыя десять лѣтъ коммисія предполагаетъ ассигновать для личныхъ расходовъ князя 750 тысячъ франковъ въ годъ, постройку же дворца предположено возложить на общегосударственный бюджетъ княжества. Многіе депутаты требуютъ, чтобы мѣстопребываніемъ экзарха былъ назначенъ Тырновъ; изъ болгарской милиціи будетъ отдѣленъ отрядъ изъ 100 человѣкъ, который составитъ княжескій конвой.

Что касается Восточной Румеліи, то, повидимому, проектъ смѣшаннаго занятія потерпѣлъ окончательную неудачу. Согласно же новѣйшимъ свѣдѣніямъ, между Британіей и Россіей по вопросамъ, относящимся къ этой провинціи, достигнуто соглашеніе, удовлетворительное для всѣхъ, кого вопросъ этотъ касается. Генералъ-Губернаторъ Румеліи, наконецъ, найденъ и назначенъ Портой, съ одобренія Британіи и Россіи, лицо это—Алеко-Паша, христіанское же имя его—князь Вогоридесъ. Вотъ—краткія свѣдѣнія о немъ. Алеко-Паша—болгаринъ по происхожденію и состоитъ въ родствѣ со многими вліятельными греческими семействами въ Константинополѣ. Его отецъ, родители котораго были болгаре отъ окрестностей Казанскаго прохода въ Балканахъ, въ молодыхъ еще годахъ прибылъ въ столицу турецкой имперіи; получивъ образованіе въ военной школѣ, онъ, затѣмъ, достигъ довольно высокаго положенія въ турецкой служебной іерархіи, а когда островъ Самосъ былъ объявленъ автономнымъ княжествомъ, султанъ назначилъ его княземъ этаго острова и поэтому-то отецъ нынѣшняго Алеко-Паши, съ тѣхъ поръ, сталъ извѣстенъ подъ именемъ князя Вогоридеса. Такъ какъ въ то время не было самостоятельной болгарской церкви и отношенія между греками и славянами не имѣли того явно-враждебнаго характера, какой они приняли впослѣдствіи, то на Вогоридеса смотрѣли скорѣе какъ на грека, чѣмъ какъ на славянина. Алеко получилъ основательное образованіе, знакомъ какъ съ восточными, такъ и съ европейскими языками, провелъ нѣсколько лѣтъ, изучая науки, въ Берлинѣ и, затѣмъ, лѣтъ семь или восемь служилъ секретаремъ турецкаго посольства въ Лондонѣ, а позднѣе занималъ различныя важныя должности на турецкой службѣ и недавно еще былъ посланникомъ въ Вѣнѣ. Онъ пользуется репутаціей человѣка вполнѣ честнаго и прямодушнаго. По извѣстіямъ изъ британскихъ источниковъ, назначенію Алеко-Паши противятся французскіе члены международной комисіи, желающіе, будто-бы, чтобы на этотъ постъ былъ избранъ французъ.

Правду-ли, въ этомъ случаѣ, говорятъ „британскіе источники“—мы не знаемъ, и, скорѣе, склонны видѣть тутъ преувеличеніе, которое, быть можетъ, должно намъ объяснить от-

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. Рис. Шарлери, грав. Паннемакеръ.

части не совсѣмъ дружественнымъ чувствомъ британцевъ къ французамъ. Въ свое время мы приводили нашимъ читателямъ свѣдѣнія, указывавшія на нѣкоторое соперничество между тѣми и другими въ Константинополѣ. Въ настоящее время соперничество это обнаружилось въ Египтѣ и гораздо яснѣе. Британское и французское вліянія сошлись тамъ лицомъ къ лицу. Дѣло въ томъ, что капиталы обѣихъ странъ помѣщены въ египетскихъ бумагахъ, не дающихъ нынѣ, какъ извѣстно, никакихъ процентовъ. Представители обоихъ государствъ, соперничая въ Каирѣ и осиливая попеременно другъ друга, старались прежде всего, въ минуты своего преобладанія, обезпечить, сколько возможно, финансовые интересы своихъ соотечественниковъ. Кончилось тѣмъ,—мы уже это знаемъ—что хедивъ снова взялъ въ руки завѣдываніе финансами своего государства, поддерживаемый въ этомъ сочувствіемъ своихъ подданныхъ. О намѣреніи обратиться къ султану съ требованіемъ низложенія Измаила-Паши уже болѣе не говорится. Оно оставлено теперь. Портѣ и безъ того не мало дѣла. Одно, впрочемъ, наконецъ, совершено. Мы говоримъ о Ново-Базарской конвенціи. Вслѣдствіе энергическаго вмѣшательства германскаго посланника графа Гацфельда и британскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Малета предъ султаномъ, его величество издалъ ирадэ, которымъ повелѣно подписать эту конвенцію.

Разныя извѣстія.

Большія стачки въ Англіи продолжаются. Рабочіе на машиностроительныхъ заводахъ, не желающіе допускать пониженіе рабочей платы на 7 процентовъ, устроили въ субботу демонстрацію въ Гайдъ-паркѣ, въ которой собралось до 10,000 человѣкъ, преимущественно членовъ лондонскихъ ремесленныхъ обществъ, несмотря на сильную снѣжную бурю. Демонстранты собрались на набережной Темзы и оттуда въ стройномъ порядкѣ, съ знаменами и хорами музыки отправились въ Гайдъ-паркъ, гдѣ состоялся митингъ, подъ предсѣдательствомъ Бернета, секретаря союза машиностроителей. Въ принятыхъ резолюціяхъ предполагаемое пониженіе платы признается несправедливымъ и выражается рѣшеніе сопротивляться ему до послѣдней крайности.

Количество устрицъ, вывозимыхъ въ Англію изъ Америки, достигаетъ слѣдующихъ почтенныхъ цифръ: среднимъ числомъ въ день грузится на суда отъ 1.200 до 1,500 бочекъ. Около-же 7 декабря, къ рождественскимъ торгамъ, это число достигало до 2,600 бочекъ, вмѣстимостью отъ 31 до 36 галлоновъ.

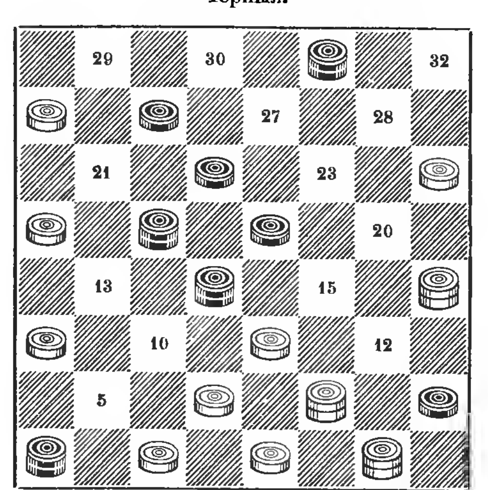
Невозможное сдѣлалось возможнымъ. Парижанинъ получилъ телеграмму (сообщаетъ „Фигаро") за 20,000 верстъ часомъ ранѣе, чѣмъ она отправлена. Эта телеграмма была отправлена изъ Іокогамы 22 февраля, въ 10 часовъ утра, по мѣстному японскому меридіану, а получена въ Парижѣ того-же 22 февраля, въ 9 часовъ утра, по парижскому времени.

Въ субботу, 14-го апрѣля, происходилъ въ первый разъ опытъ электрическаго освѣщенія, по системѣ г. Яблочкова, площади Александринскаго театра. Еще издали, съ противуположныхъ концовъ Невскаго, видны были блестящія точки двухъ передовыхъ фонарей новаго освѣщенія. Вокругъ сквера, прилегающаго къ памятнику Екатерины, разставлено 8 бѣлыхъ матовыхъ фонарей; локомобиль помѣщается въ особенной будочкѣ. Опытъ удался блистательно: площадь была наводнена яркимъ, ровнымъ свѣтомъ. Фасады публичной библіотеки и флигеля Аничковскаго дворца выходящаго на уголъ Невскаго освѣщались до малѣйшихъ деталей, какъ во время самыхъ большихъ иллюминацій. Читать можно было совершенно свободно, даже помѣщаясь на тротуарѣ Невскаго. Эффекту нѣсколько мѣшалъ газъ, оставленный горѣть во всѣхъ фонаряхъ сквера и площади.

Во Франціи бываютъ скачки лошадей, въ Англіи—происходятъ даже собачьи скачки, въ Америкѣ-же скачутъ женщины. Повидимому, этотъ родъ скачекъ теперь въ большой модѣ, если вѣрить очень любопытнымъ сообщеніямъ американскаго корреспондента „Крестовой Газеты:" „Какую-бы газету вы ни развернули въ Нью-Іоркѣ, вы постоянно увидите бѣгуновъ и въ особенности женщинъ-бѣгуновъ. Одна женщина, г-жа Андерсонъ, разрѣшила задачу: пробѣжать 2.000 англійскихъ миль, по милѣ въ четверть часа; дѣвица Уильсонъ приняла участіе въ скачкѣ, съ намѣреніемъ сдѣлать 2,700 миль въ столько-же четвертей часа, а дѣвица Людвиль дошла до цифры 3,600. Интересно было-бы увидѣть, въ какомъ-нибудь манежѣ, артистку этого рода въ то время, когда она будетъ доканчивать свою задачу! Манежъ или циркъ открытъ днемъ и ночью. Единственно, что за входъ взимается плата, потому что, въ концѣ концовъ, скачки предпринимаются ради денежной выгоды. Зрителей масса, въ особенности много такихъ, которые держатъ пари. На аренѣ видна несчастная артистка. Поддерживаемая съ двухъ сторонъ, она едва въ состояніи волочить свои окровавленныя ноги, лице ея блѣдно, какъ у мертвеца, потъ струится по лицу. Потухшій взоръ не имѣетъ въ себѣ ничего человѣческаго. Это уже не женщина, почти не человѣческое созданіе. Это тупое существо, утратившее волю и даръ слова; это существо заставляютъ, однако, бѣгать и съ нимъ обходятся жестоко, чтобы дать предлогъ выиграть сотни долларовъ заинтересованнымъ игрокамъ. Это тѣло не сознаетъ уже само себя, оно покоряется безъ сопротивленія силѣ влеченія. Ноги двигаются, какъ маятникъ у часовъ, огонь души потухъ, а публика рукоплещетъ этому наэлектризованному тѣлу и жадно ловитъ его движенія, высчитывая путь, который пробѣжало это тѣло. Это ужасно, позорно, безчеловѣчно! Но пока у насъ есть только Общества покровительства однимъ животнымъ."

Шашечная задача № 6.

Черныя.

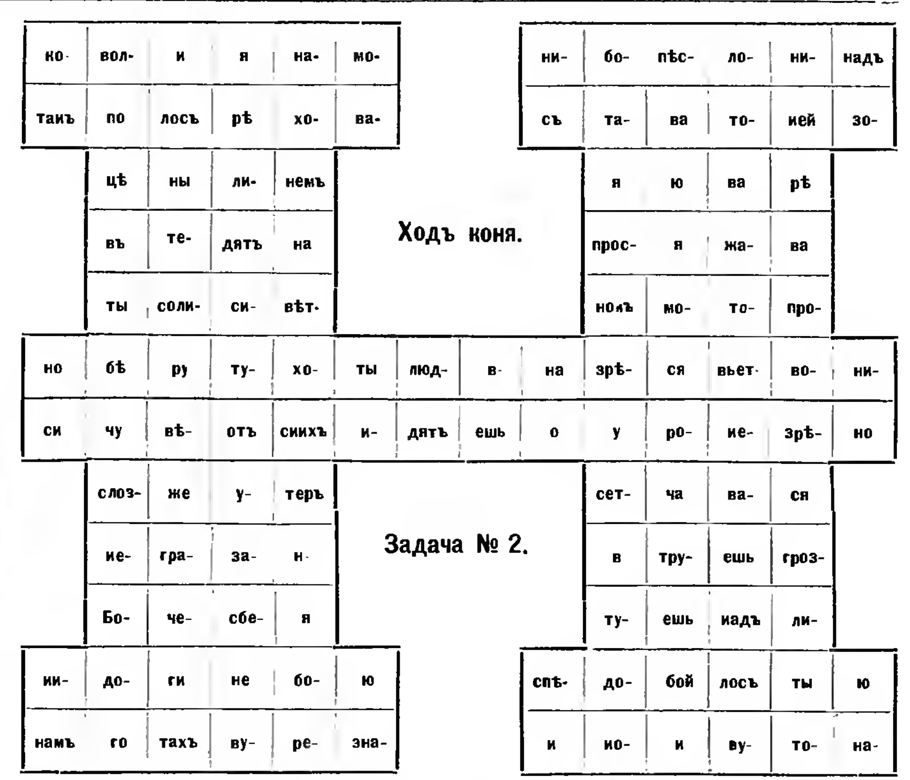

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ всѣхъ восемь черныхъ. Какими ходами?

Рѣшеніе ребуса въ № 14-мъ „Нива".

Не далеко можетъ быть то время когда Турція вычеркнется изъ числа государствъ Европы.

ПРИМѢЧАНІЕ: Въ 4-хъ клѣткахъ вмѣсто слоговъ помѣщены только слѣдующія въ слогѣ буквы

Рѣшеніе шашечной задачи № 4.

Черныя.	Бѣлыя.
Съ 15 на 19	Съ 23 на 14
„ 6 „ 10	„ 14 „ 5
„ 3 „ 7	„ 29 „ 26
„ 22 „ 29	„ 25 „ 21
„ 17 „ 26	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: Спб.: отъ гг. А. Петрова, А. К., П. Харчева, Г. Безроднаго, А. Максимова, К., В. Во ословской, Пибова. Ф. Генканга, **Москва:** отъ гг. Н. Максимова, М Политова, В. Зѣвакина, П. Ф. В., П. Уткина, ст. **Боровъ:** отъ Г. М. Бибатнискаго, ст. **Ново-Александровскъ:** отъ г. Антонова, **Ржевъ:** отъ Г. Матвѣева.

Рѣшеніе задачи ходъ короля въ № 15 „Нивы".

41	42	44	45	48	49	51	52
40	39	43	46	47	50	54	53
38	22	21	20	19	18	17	55
36	37	23	5	6	16	56	57
35	34	24	4	7	15	59	58
33	26	25	3	8	14	13	60
31	32	27	2	9	12	61	62
30	29	28	1	10	11	64	63

Волны и люди.

Лермонтова.

Волны катятся одна за другою
Съ плескомъ и шумомъ глухимъ;
Люди проходятъ ничтожной толпою
Также одинъ за другимъ.

Волнамъ ихъ неволя и холодъ дороже
Знойныхъ полудня лучей;
Люди хотятъ имѣть души .. и что же?
Души въ нихъ—волнъ холоднѣй!

Ариѳметическая задача.

Нѣкто оставилъ завѣщаніе, въ которомъ распредѣлилъ свой капиталъ слѣдующимъ образомъ:

Половину капитала опредѣлилъ своей женѣ и $1/3$ оставшагося дочери; $1/4$ слѣдующаго остатка своему сыну. Изъ оставшихся затѣмъ денегъ $1/10$ долю завѣщалъ своей сестрѣ и $1/9$ часть изъ оставшагося затѣмъ своему брату.

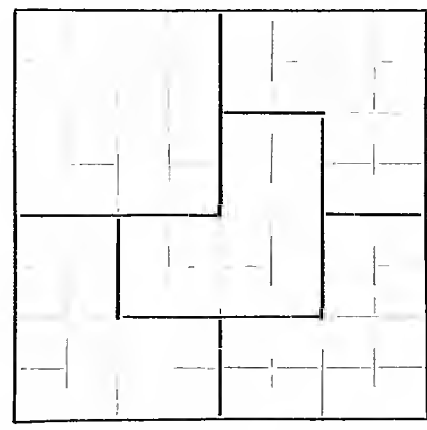
Наконецъ послѣдній остатокъ онъ завѣщалъ раздѣлить между 10-ю благотворительными учрежденіями такимъ образомъ, чтобы каждое послѣдующее учрежденіе получило на 40 рублей менѣе предъидущаго. Какъ великъ былъ капиталъ и сколько получилъ каждый, если послѣднему изъ получателей досталось 820 рублей?

Рѣшеніе ариѳметической задачи въ № 14-мъ „Нива".

Пудовикъ разбился на четыре части, имѣющія вѣсу въ 1, 3, 9 и 27 фунтовъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ 73 лицъ, имена, которыхъ мы по неимѣнію мѣста печатать не можемъ.

Рѣшеніе задачи въ № 14-мъ „Нива".

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: Спб: отъ гг. П. Ц., И. Бочарникова, А Орлова, Н. Ра—сова, А. Тихомірова, А. Максимова, С. Нейсаховича, А. Эвенберга, Алексѣева, Ратина, А. Тубанова, Макнамара, А Тарачкова; **Москва:** отъ гг. И. Чижова, А. Стальнаго, Федорова, Я. Шокины, А. Набокова, А. Вѣлоногова, П. Крынина, В. Зѣвакина; **Юрьевъ:** отъ Старичка; **Варшава:** Бухгартъ; **Одесса:** Россолима; **Тамбовъ:** В. Ильинскаго; **Орелъ:** С. Патковскаго; **Харьковъ:** Даревскаго; **Рыбинскъ:** отъ гг. Каюпщева, А. Ветошина, **Николаевъ:** А. Пр—на, **Венеаъ:** Я Зиновьева; **Симферополь:** отъ г. Шостакъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Славянскъ И. Пивоварову. Задача будетъ помѣщена.

Не будутъ напечатаны стихи: Ѳ. Рун-ва „о русской тройкѣ". 2) Дорм. Конст. „Весна". 3) П. Тари-цкаго. „прощаніе съ могилой". 4) Ник—на „Дѣятелю". 5) Г. Памф—лова „Пѣтухи" Поэма 6) Повалиш—на «Клядъ». 7) Серг. Каз—ица «Памяти Некрасова». 8) Д. Дав-ва „Сонъ", „Поэту". 9) Краге „Потеря мѣста». 10) Бойл—рна „Море бушуетъ". 11) ММ. «Эхъ зачѣмъ таиться». 12) Поралѣевскаго „Весна". 13) Лоренца К—лю «Картинка», „Къ ней". 14) Л. Разум—скаго „Сбылися юности мечты". 15) Сокол—ва «Крестьянка» 16) Слуцкъ Панкр—ва «Старый герой», „Туча". 17) Гр—на „Ожиданіе весны". 18) Спб. Тихом—ва «Звуки» 19) Буру—опова „Передъ битвой" 20) Изюмъ. К—ва „Зимняя ночь" 21) Н. Лева-скаго «На память ей». 22) Говяд-ина «Музыка». 23) Дарбо-дова «Русскій воинъ», «Къ генералу Скобелеву» 24) Мух—на «Наблюденіе». 25) Бог—ва «Богатѣйшій князь». 26) Филип ва «Мечты старушки». 27) Смир—ва «Морозная ночь». 28) Л. П. Л. «Луна и погода». 29) Б. Д. К «Сонъ» 30) П. Н-а «Изъ альбома». 31) Пун—ина «Освобожденіе славянъ» и другія.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Флейты отъ 3 р. до 75 р. школы по 1 р. 50 к и 3 р.— **Кларнеты** отъ 6 р. до 60 р. школа 4 р.— **Нѣмецк. концертино** отъ 2 р. 50 к. до 30 р. школа 75 к. **Англійск. концертино** отъ 30 р. до 160 р. школа 3 р.— **Гармонифлюты и гармоніумъ** отъ Виссона изъ Парижа.— **Музыкальные ящики** отъ 6 р. до 160 р. **Цитры** отъ 14 р. до 100 р., школа 2 р., **Корнеты-а-пистонъ** отъ 18 р до 120 р. школы по 1 р. 50 к., 4 р. и 5 р.— **Гитары** отъ 3 р. 50 к. до 100 р, школы по 2 р. и 3 р. **Скрипки** отъ 2 р. 50 к. до 300 р. школы по 3 р. и 4 р.—**шарманки** отъ 10 р. до 50 р. **Гармоніи** больше 100 сортовъ и ноты къ нимъ и всѣ другіе музыкальные инструменты, принадлежности къ нимъ и струны рекомендуетъ № 31 6—6

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ
ЮЛІЯ ГЕНРИХА ЦИММЕРМАНА
по Большой Морской ул., д. № 42, въ С.-Петербургѣ.
Подробный прейсъ-курантъ посылается по требованію безплатно.

Вышла въ свѣтъ и продается въ Конторѣ Редакціи „Нивы" и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы.

ВЪ КАМЫШАХЪ

ПОВѢСТЬ
Н. Н. Каразина.
Съ 39 рисунками автора
Второе изданіе
большой томъ in 8—всего 304 стр.
С.-Петербургъ 1879 г.
Изданіе **А. Ф. Маркса.**
по Б. Морской, д. № 9.
Цѣна **2** руб, съ пересылкой **2 руб. 30 к.**
Подписчики „Нивы" за пересылку не платятъ.

Повѣсть эта яркими красками рисуетъ жизнь Туркестанскаго края; достоинства ея достаточно доказываются уже тѣмъ, что повѣсть эта переведена на нѣмецкій, французскій и англійскій языки. Нынѣ вышедшее второе изданіе заключаетъ въ себѣ 39 рисунковъ: она гораздо богаче и лучше, чѣмъ уже распроданное первое изданіе этой повѣсти.

№ 41 2—2 Изд. „Нивы" **А. Ф. Марксъ.**

№ 118. СОХРАНЕНІЕ 3—1

ПРОТИВЪ МОЛИ.

Единственное радикальное средство сохранить шубы и прочія мѣховыя и шерстяныя вещи противъ моли, есть нами вновь изобрѣтенные герметическіе резиновые мѣшки. Продаются по рѣшительнымъ умѣреннымъ цѣнамъ въ

СКЛАДѢ РЕЗИНОВЫХЪ ТОВАРОВЪ,

ТОВАРИЩЕСТВА РУССКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНУФАКТУРЫ
КОНСТАНТИНА МАЛЬМА,
Большая Морская, д. № 36.
Возлѣ магазина Штанге. По воскресеньямъ складъ закрытъ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
удостоенная на **Парижской Всемірной выставкѣ 1878 года Большой Серебряной Медали**
Съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія

АНТИ-ЭПИДЕМИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

Феноль для очищенія воздуха въ комнатахъ.
Карболовый уксусъ для туалета и куренія въ комнатахъ.
Карболовый элексиръ, карболовое мыло.
Жидкость для уничтоженія зловонія и міазмъ въ разныхъ сосудахъ, помойныхъ ямахъ и проч.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІИ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названіе фирмъ близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петерб. Химич. Лабораторіи и копирующіе наружный видъ произведеній ея.
Обращать при покупкѣ вниманіе на точность фирмы
«С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ».
ЕДИНСТВЕННЫЕ магазины въ **С.-ПЕТЕРБУРГѢ.**
Невскій проспектъ, домъ **№ 32,** Католической церкви.
Невскій проспектъ, домъ **№ 66,** у Аничкина моста.
Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской ул., д. № 18—54.
Депо на Васил. островѣ, 1-я линія, № 4, въ Рижскомъ магазинѣ.
Кромѣ вышеозначенныхъ магазиновъ, **всѣ** прочіе имѣющіе **вывѣски сходные** съ вывѣскою С.-Петерб. Химич. Лабораторіи, **не принадлежатъ ей.** № 117. 1—1

ХИМИЧЕСКАЯ ЖИДКОСТЬ
ОТЪ МОЛИ
превосходное средство для сбереженія мѣховыхъ и шерстяныхъ вещей, ковровъ, мебели и пр.
ЦѢНА ЗА ФЛАКОНЪ 25 КОП.
Заказы гг. иногороднихъ, не менѣе 6 флаконовъ, исполняются немедленно.
Депо С.-Петерб. Химич. Лабор. и заграничныхъ фабрикъ.
№ 7. ВЛАДИМІРСКАЯ № 7.
№ 119—1.

КУССИНО-КАСТОРОВОЕ МАСЛО.

вѣрнѣйшее средство отъ ленточной глисты, приготовляетъ спеціально аптека магистра фармаціи Карпинскаго въ Варшавѣ Электоральная ул., № 35. Цѣна одного пріема, съ объясненіемъ употребленія 3. рубля. съ пересылкою по почтѣ 3 рубля 50 к.

В. Карпинскій.

НОВЫЯ КНИГИ М. ЦЕБРИКОВОЙ. № 110 2—2

ПЕРВЫЕ ТРИ ГОДА ЖИЗНИ РЕБЕНКА.

Этюдъ опытной психологіи **Бернара Пэре** переводъ съ французскаго съ приложеніемъ статьи **Бэна «Воспитаніе какъ наука»** Цѣна 1 р. 50 к.

СКАЗКА ПРО ТРЕХЪ МУЖИКОВЪ И БАБУ ВѢДУНЬЮ.

Для дѣтей старшаго возраста Цѣна 40 к.

Продаются у всѣхъ книгопродавцевъ. Складъ изданія въ редакціи журнала **„Воспитаніе и Обученіе"** бывшій **„Дѣтскій Садъ"** Екатерингофскій просп., д. № 51 кв. № 4. Гг. подписчики журнала по желанію или ничего не платятъ за пересылку или пользуясь 20% уступки, прилагаютъ за пересылку и упаковку за 1 ф., 35 к. за слѣдующіе по почтовой таксѣ, училищамъ и земскимъ управамъ выписывающимъ сказку прямо изъ редакціи дѣлается значительная уступка по соглашенію.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ И БИБЛІОТЕКИ СЕМЕННИКОВЫХЪ
1) Вас. остр., Средн. пр. № 21. 2) 1-я рота Измайловскаго полка № 4.
Гг. иногороднихъ просятъ обращаться по 1-му адресу.

ВЕНЦЕЛЬ. МОЛОЧНАЯ МУКА. ГЕНРИХА НЕСТЛЕ

МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ
и **СГУЩЕННОЕ МОЛОКО НЕСТЛЕ.**

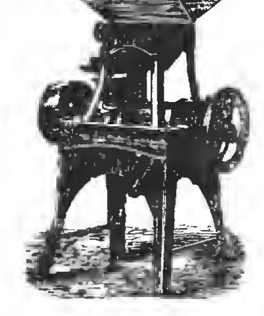
1 РУБ. **75 К.** Безъ пересылки

ГЛАВНОЕ ДЕПО для оптовой и розничной продажи въ С.-Петербургѣ у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ** въ зданіи **Воспитательнаго дома по Казанской ул. № 3,** Магазинъ № 7, а также у **Штоль и Шмидтъ** —въ **Спб. Химической Лабораторіи,**—въ **Русскомъ Обществѣ Торговли Аптекарскими Товарами** и во всѣхъ москательныхъ торговляхъ и аптекахъ Россійской имперіи.

Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель*

☞ **Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ Александра Венцеля ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.**

№ 51 26—4 **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ** въ Веве (Швейцарія).

СКЛАДЪ.

Новыхъ-Американскихъ мельницъ, ручныя и съ коннымъ приводомъ.
Насосы Бриджепортскіе.
Пульзометры и разные другіе насосы и пожарные трубы.
Молотилки и разныя другія сельскохозяйственныя орудія.
Токарные станки, кирпичедѣлательные машины и пр. и пр.
Депо машинъ **Эд. ФЛУГЪ.**
Вознесенскій пр. № 11.
Прейсъ-куранты по востребованію безплатно.
№ 120—1.

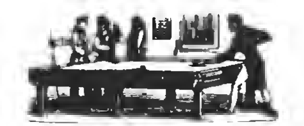

И. Э. МИЛЬКЪ

бол. Морской
№ 39
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

ДЕСЯТИЧНЫЕ ВѢСЫ.

Умывальники, ватерклозеты, ванны, купальныя души, биде, насосы, садовая мебель, дѣтскія коляски, желѣзныя кровати, аппараты для стирки бѣлья, мясорубки, вѣнскіе спиртовые кофейники, мельницы для кофе и перца, утюги, ножи, ножницы, пробочники, желѣзн. эмалир. кухони. посуда и разные предметы для хозяйства и для кухни.
№ 113

Билліардная фабрика. **А. Фрейберга въ С.-Петербургѣ.**

Переведена: Измайловскій полкъ, Троицкій проспектъ въ собственный домъ № 13,
Билліарды отъ 225 до 1000 руб. и дороже; шары, кіи и всѣ къ билліарду и билліардной игрѣ принадлежности. № 284 12—10

№ 18 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6–10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40). Цѣна этого № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

Выданъ 30 Апрѣля 1879 г.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАЙ съ 22 рисунками и отдѣльный листъ съ 25 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величин., съ 23 рис. рукод. раб. и множество буквъ для мѣтки бѣлья.

Князь Болгарскій Александръ I.

17-го апрѣля было знаменательнымъ днемъ для освобожденной Болгаріи. Въ этотъ день въ Тырновѣ, по окончаніи молебна по случаю дня рожденія Государя Императора, князь Дундуковъ-Корсаковъ открылъ засѣданіе народнаго собранія въ Тырновѣ и предложилъ приступить къ избранію князя.

Единогласно избранъ принцъ Баттенбергскій подъ именемъ Александра I. Цѣлый день городъ ликовалъ. Народъ толпою въ нѣсколько тысячъ съ пѣніемъ національныхъ пѣсенъ и съ музыкой, на рукахъ вынесъ князя Дундукова-Корсакова изъ его квартиры въ народное собраніе, которое восторженно благодарило русскаго комисара за его управленіе; на обратномъ пути народъ выпрягъ лошадей изъ коляски, на рукахъ увезъ князя Дундукова съ супругою за городъ, гдѣ на полѣ

Александръ I Князь Болгарскій.

собрались тысячи народа изъ Тырнова и изъ окрестностей. Воодушевленіе было всеобщее. Русскіе и болгары обнимались на улицахъ. Раздавались крики: „да здравствуетъ царь Александръ, да здравствуетъ князь Александръ, да здравствуетъ Россія, да здравствуетъ Болгарія!“

17-го же апрѣля въ среду, въ Берлинѣ, принцъ получилъ извѣстіе объ избраніи его княземъ, на обѣдѣ, данномъ русскимъ посломъ г. Убри, по случаю дня рожденія Государя Императора. На обѣдѣ, кромѣ принца, присутствовалъ почти весь дипломатическій корпусъ и прусскіе министры. Новоизбранный князь тутъ же принялъ поздравленія. Вечеромъ у князя былъ пріемъ, на которомъ присутствовали офицеры гвардейскаго драгунскаго полка; пили и за здоровье Александра I, князя Болгарскаго.

Александръ-Іосифъ принцъ Баттенбергскій родился 5-го апрѣля 1857 года, онъ второй сынъ принца Александра Гессенскаго, родившійся отъ морганатическаго брака

его съ дочерью бывшаго польскаго военнаго министра графа Гауке; принцъ Александръ Гессенскій познакомился съ ней во время нахожденія своего на русской службѣ и при вступленіи въ бракъ она получила титулъ принцессы Баттенбергской, по имени города, отошедшаго отъ Гессена къ Пруссіи въ войну 1866 г.

Отецъ молодаго принца какъ извѣстно зять Императора Всероссійскаго и находится съ Нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Принцъ Александръ Гессенскій началъ свою военную карьеру въ русской арміи и до сихъ поръ состоитъ шефомъ 8-го уланскаго полка. Затѣмъ онъ вступилъ въ Австрійскую службу, участвовалъ въ итальянской кампаніи 1859 г. и получилъ чинъ генерала отъ кавалеріи. Онъ и понынѣ числится на австрійской службѣ въ качествѣ шефа драгунскаго полка, а въ германской арміи состоитъ шефомъ великогерцогскаго Гессенскаго 2-го пѣхотнаго № 116 полка. Всѣмъ извѣстна его дѣятельность во время прусско-австрійской войны 1866 г., когда онъ, по порученію Императора Австрійскаго принялъ начальство надъ союзными войсками.

Князь Александръ Баттенбергъ евангелическаго вѣроисповѣданія. Онъ началъ свое образованіе въ Саксонскомъ кадетскомъ корпусѣ и оттуда поступилъ въ 1875 г. въ чинѣ подпоручика въ Гессенскій лейбъ-драгунскій № 24 полкъ. Въ 1877 году, когда ему исполнилось 20 лѣтъ, принцъ, съ разрѣшенія Германскаго Императора, участвовалъ въ нашей кампаніи въ Турціи. Онъ былъ причисленъ къ тому же самому 8-му русскому уланскому полку, шефомъ котораго былъ его отецъ. Онъ сопровождалъ генерала Гурко при первомъ его переходѣ за Балканы. Во время осады Плевны принцъ Александръ состоялъ въ штабѣ князя Карла Румынскаго въ качествѣ его ординарца и имѣлъ случаи не разъ выказать свои военныя познанія и личную храбрость. За свои военныя отличія онъ получилъ Георгіевскій крестъ. Прекрасная, открытая, благородная наружность и радушное, пріятное обращеніе пробуждаютъ къ нему невольно личную симпатію. Темно-каштановые волосы и темные глаза напоминаютъ о славянскомъ его, по матери, происхожденіи, которое должно конечно закрѣпить его сердечныя связи съ страною, избравшею его своимъ правителемъ такъ единодушно.

Его военные таланты и познанія признавались, знавшими его, безусловно. Благодаря службѣ и связямъ своего отца, принадлежащаго какъ русской такъ и австрійской арміи, въ Вѣнѣ какъ и въ Петербургѣ новый князь пользуется всѣми симпатіями. Кромѣ того и въ Англіи имя его достаточно извѣстно по его старшему брату принцу Людвигу, состоящему на службѣ въ англійскомъ королевскомъ флотѣ. При Лондонскомъ дворѣ, по скончавшейся недавно герцогинѣ Алисѣ, онъ также состоитъ членомъ семьи. По родственнымъ отношеніямъ принца съ Германскимъ дворомъ онъ и тамъ конечно имѣетъ на своей сторонѣ всѣ добрыя желанія.

Достаточно перечислить все это, чтобы видѣть, что избраніе такого принца при настоящихъ политическихъ усложненіяхъ представляетъ множество шансовъ къ мирному и успѣшному продолженію, начатаго Русскимъ Императоромъ, великаго дѣла на Востокѣ.

Стихотвореніе.

Юноша у потока.

(Изъ Шиллера).

У глубокаго потока
Онъ вѣнки свои сплеталъ,
Но они упали въ волны
И унесъ ихъ шумный валъ.
Какъ потокъ неудержимый
Быстро дни мои текутъ
Какъ цвѣтовъ благоуханье
Годы юности пройдутъ.

* * *

Отчего-жь въ расцвѣтѣ жизни
Такъ мрачна душа моя?
Вѣдь надежды полны люди
Лишь украсятся поля.
Но когда все оживаетъ
И привѣтъ свой шлетъ веснѣ,
Снова злой тоски мученье
Пробуждается во мнѣ.

* * *

И къ чему мнѣ эта радость
Что прекрасный май сулитъ?
Къ *ней* лишь—близкой и далекой—
Грёза тайная летитъ!
Простираю страстно руки
Я за милой тѣнью вдаль,
Но ова неуловима—
И томитъ меня печаль.

* * *

Гордый замокъ, дорогая,
Ты покинь, сойди въ село!
Я душистыми цвѣтами
Обовью твое чело.
Слышишь ты ручья журчанье?
Въ рощѣ пѣсни соловья?
И лачугу въ рай блаженный
Превратитъ любовь моя!

О. Л—тъ.

Тайна на берегу моря.

Разсказъ В. Киля.

(Продолженіе).

Въ одинъ прекрасный весенній вечеръ сидѣли мы на берегу моря. Я думала о Бруно и о моей тетушкѣ. Давно я собиралась разсказать Бланшъ мою исторію, полагая, что это будетъ ей интересно. Я любила уже ее такъ, что не желала имѣть отъ нея тайны. Я разсказала ей все и она приняла во мнѣ большое участіе.

— Надѣюсь, вы не потому мнѣ разсказали это, что собираетесь меня покинуть, сказала она вдругъ испуганно.

— Нѣтъ, я не имѣю такого намѣренія, возразила я, мнѣ только не хотѣлось имѣть отъ васъ тайнъ, я была рада поговорить съ вами откроненно.

Она вдругъ подняла голову и посмотрѣла на меня пытливымъ взоромъ: я бы многое дала, чтобы повѣрить вамъ мою странную исторію и спросить вашего совѣта.

— Вы можете это сдѣлать, сказала я, мою тайну вы знаете, а ваша также хорошо сохранится и у меня.

— Я дала себѣ клятву, что умру для міра, сказала она, ни одинъ человѣческій интересъ, ни одно чувство не должно было наполнять мое сердце и я едва понимаю, какъ удалось вамъ хотя медленно, но такъ возвратить мнѣ опять любовь къ жизни. Я ужь не могу возвратиться къ прошлому, не могу, какъ дѣлала, бывало, въ эти два года, запереться въ моей комнатѣ и думать о смерти. Всѣ мои мысли перемѣнились; я не чувствую больше безнадежности. Мнѣ хочется жить, но тяжелыя обстоятельства связываютъ меня такимъ желѣзнымъ кольцомъ. Кажется нѣтъ такой несчастной какъ я! Она опустила голову на руки и въ прекрасныхъ глазахъ показалась прежнее выраженіе, которое меня такъ пугало.

— Вы были ко мнѣ такъ добры, m-lle Линденъ, продолжала она, какъ родная сестра. Вамъ не покажется безумнымъ, если я перемѣню свою жизнь?

— Конечно, нѣтъ! сказала я, я бы охотно помогла вамъ, но не могу ничего посовѣтовать, пока не узнаю вашу тайну.

Она отвѣчала серьезно: „я никогда не принимала чужаго имени, m-lle Линденъ, я не нуждалась въ этомъ. Меня зовутъ Бланшъ фонъ-Деннеръ. Я единственная дочь покойнаго барона Флооръ и жена Адальберта фонъ-Деннеръ.

— Какъ, воскликнула я, вы замужемъ?

— Да, три года, отвѣчала она, мнѣ было тогда едва 16 лѣтъ. Съ тѣхъ поръ я не видѣла моего мужа. Я старалась его возненавидѣть; но не могла...

— Я знаю его, сказала я, я часто видѣла его въ Берлинѣ.

— Вы знаете моего мужа? Его вы видѣли? воскликнула она, вскочивъ съ мѣста.

— Да, отвѣчала я, мы встрѣчались на выставкахъ и на двухъ или трехъ балахъ. Это одинъ изъ самыхъ красивыхъ мущинъ, которыхъ я встрѣчала.

Она бросилась ко мнѣ и покрыла мое лицо поцѣлуями.

— Вы цѣлуете меня, потому что я его видѣла? спросила я улыбаясь.

— Да, сказала она, зардѣвшись, я такъ любила его, не смотря на то, что была еще такъ молода. За одно его ласковое слово я бы охотно умерла.

— Но, Бланшъ, сказала я, вспомнивъ объ одной берлинской сплетнѣ, я слышала фонъ-Деннеръ увлекался прекрасною Беллингъ, которою весь Берлинъ бредилъ нѣсколько лѣтъ назадъ!

— О, эта золотокудрая Габріэль! Чего я только не вытерпѣла изъ-за нея! Вы тоже ее видѣли?

— Да, отвѣчала я, какъ-то разъ вечеромъ въ оперѣ. Какъ теперь помню! Тетушка моя, которая выѣзжаетъ повсюду и знаетъ весь свѣтъ, указала мнѣ ее.

— Конечно, она прекрасна? спросила Бланшъ грустнымъ тономъ, Маріанна, скажите мнѣ откровенно: она гораздо красивѣе чѣмъ... чѣмъ вы говорили передъ этимъ обо мнѣ?

— О, нѣтъ, право же нѣтъ! отвѣчала я. Если вы будете беречь свое здоровье, то черезъ годъ будете гораздо красивѣе Габріэли Беллингъ.

Бланшъ вздохнула и продолжала: „я разскажу вамъ исторію мою. Отецъ мой, баронъ фонъ-Флооръ былъ очень странный человѣкъ. Онъ занималъ важное мѣсто и его считали обыкновенно холостякомъ. О семействѣ моей матери я ничего не знаю. Гдѣ и какимъ образомъ познакомился съ ней мой отецъ, мнѣ неизвѣстно и до сихъ поръ. Знаю только, что мать моя была итальянка и происходила изъ хорошей и образованной, хотя и бѣдной семьи. Отецъ повѣнчался съ ней въ маленькой неаполитанской церкви—я сама видѣла копію съ брачнаго контракта. Имя моей матери—Бланшъ Фалерни. Бракъ этотъ держали въ тайнѣ и ни друзья, ни знакомые отца о немъ не знали. Мнѣ неизвѣстно, что думала объ этомъ моя мать; но она никогда не пріѣзжала въ Германію и никогда не видѣла нашего помѣстья. Я забыла сказать, что вскорѣ послѣ свадьбы отецъ купилъ прелестную маленькую виллу въ живописныхъ окрестностяхъ Комо. Я тамъ родилась и жила до десятилѣтняго возраста вмѣстѣ съ матерью. Отца мы видѣли очень рѣдко; лѣто онъ проводилъ у насъ и опять возвращался въ Германію.

— Отецъ говорилъ моей матери, что холодный климатъ Германіи будетъ ей вреденъ; но это былъ только предлогъ, чтобы никогда не возить ее туда. Я знала настоящую причину. Мой отецъ былъ очень гордъ. Увлеченный внезапной, сильной страстью—я не могу назвать это любовью—женился онъ на прелестной молодой дѣвушкѣ—моей матери и жалѣлъ объ этомъ до конца своей жизни. Ему была дана возможность выбирать жену среди высшаго общества Германіи, а онъ женился, только увлеченный чудной красотою бѣдной итальянки, къ которой скоро охладѣлъ.

Наша вилла была очень уединенна. О, Маріанна, вся моя жизнь была такая одинокая! По желанію моего отца, матушка избѣгала знакомствъ; мы жили вдали отъ всѣхъ. Наша прислуга состояла изъ итальянцевъ, было только одно исключеніе—госпожа Гейнъ—ключница, которую вы знаете. Когда я родилась, мой отецъ прислалъ ее къ намъ и съ тѣхъ поръ она не покидала меня. Наша жизнь была чрезвычайно монотонна, только пріѣзды отца вносили въ нее нѣкоторое разнообразіе.

О, какъ горячо любила я мою матушку! Когда я вспоминаю или говорю о ней, сердце у меня сжимается. Какъ иначе сложилась бы моя жизнь, еслибъ она не умерла! Никто не любилъ и не заботился обо мнѣ, пока я не узнала васъ.

Нѣжный станъ дѣвушки содрогался отъ тяжкихъ вздоховъ—я была тронута ея горемъ.

— Не разсказывайте дальше, баронесса, эти воспоминанія разстраиваютъ васъ, сказала я.

— Я хочу разсказать все, возразила она, но если вы меня любите Маріанна, то называйте меня Бланшъ, какъ прежде, еслибъ вы только знали, какой насмѣшкой звучитъ мнѣ этотъ титулъ „баронесса."

— Я не буду больше звать васъ такъ, если это вамъ непріятно, отвѣчала я, улыбаясь при мысли, что многія дамы отдали бы все за титулъ, который даже услышать боялась Бланшъ.

— Не знаю, раскаявалась ли моя матушка въ своемъ замужествѣ. Я никогда не слышала жалобъ отъ нея, но ея милое лицо было всегда такъ печально—она была очень несчастна. По цѣлымъ днямъ сидѣла она задумчивая и не отводила глазъ отъ блиставшаго на солнцѣ озера. Я обыкновенно садилась къ ней на колѣни и была счастлива, когда могла прислониться головой къ ея груди. Она часто обнимала меня, цѣловала и ея слезы орошали мое лицо. Мнѣ страшно подумать, какъ бѣдная мать страдала. Горе убивало ее; она умерла отъ горя. Она похоронена на чудномъ берегу озера Комо, гдѣ только вѣтеръ и шумящія волны пѣли надъ нею похоронную пѣснь.... Я никогда не забуду, что мой отецъ разъ привезъ изъ Германіи портретъ, который онъ нечаянно, въ забывчивости положилъ на столъ. Мать увидѣла портретъ и спросила чей онъ. „Это портретъ моего племянника, Адальберта фонъ-Деннеръ", отвѣчалъ отецъ. Я помню, что онъ взялъ меня тогда за подбородокъ и полусмѣясь сказалъ: - Если бы ты была мальчикомъ, то Адальбертъ никогда не сдѣлался бы владѣльцемъ Флорбаха, а теперь это весьма вѣроятно. Матушка ничего не возразила на это; но ей было больно слышать эти слова. Она взяла меня на руки и горячо цѣлуя меня, сказала:—Еслибъ ты была мальчикъ, дорогая моя, то онъ увезъ бы меня къ себѣ на родину.

Къ великой моей радости отецъ позабылъ у насъ этотъ портретъ, сдѣлавшійся для меня источникомъ наслажденій. Я совсѣмъ не знала дѣтей; немногія жившія въ сосѣднихъ виллахъ, были съ нами незнакомы и портретъ сдѣлался моимъ неразлучнымъ спутникомъ. Адальбертъ былъ молодой человѣкъ или, вѣрнѣе, мальчикъ лѣтъ пятнадцати. Лицо его было очень красиво,—прямодушное и откровенное, благородное, задумчивое выраженіе. Большіе, голубые глаза и русые волоса такъ отличали его отъ тѣхъ смуглыхъ дѣтей, которыхъ я привыкла видѣть, что такой мальчикъ казался мнѣ самымъ красивымъ на свѣтѣ. Портретъ еще у меня—я покажу его вамъ. Я бесѣдовала съ нимъ, какъ будто онъ былъ живой. Однажды я поставила его на стулъ и, какъ дѣлаютъ дѣти, разсказывала ему объ озерѣ.

— Бланшъ, воскликнула въ изумленіи моя мать, съ кѣмъ ты разговариваешь?

— Съ Адальбертомъ фонъ-Деннеръ, мама, отвѣчала я.

— Что хочешь ты этимъ сказать? спросила она и поспѣшила ко мнѣ, въ дѣтскую. Она улыбнулась, увидѣвъ портретъ на стулѣ.

— Я часто говорю съ нимъ, только онъ не отвѣчаетъ мнѣ, этотъ портретъ, сказала я.

— Желала бы я, чтобы ты меньше смотрѣла на него, сказала мать. Я предчувствую что-то роковое, когда вижу, что ты цѣлуешь этотъ портретъ. Не отдашь-ли ты его мнѣ?

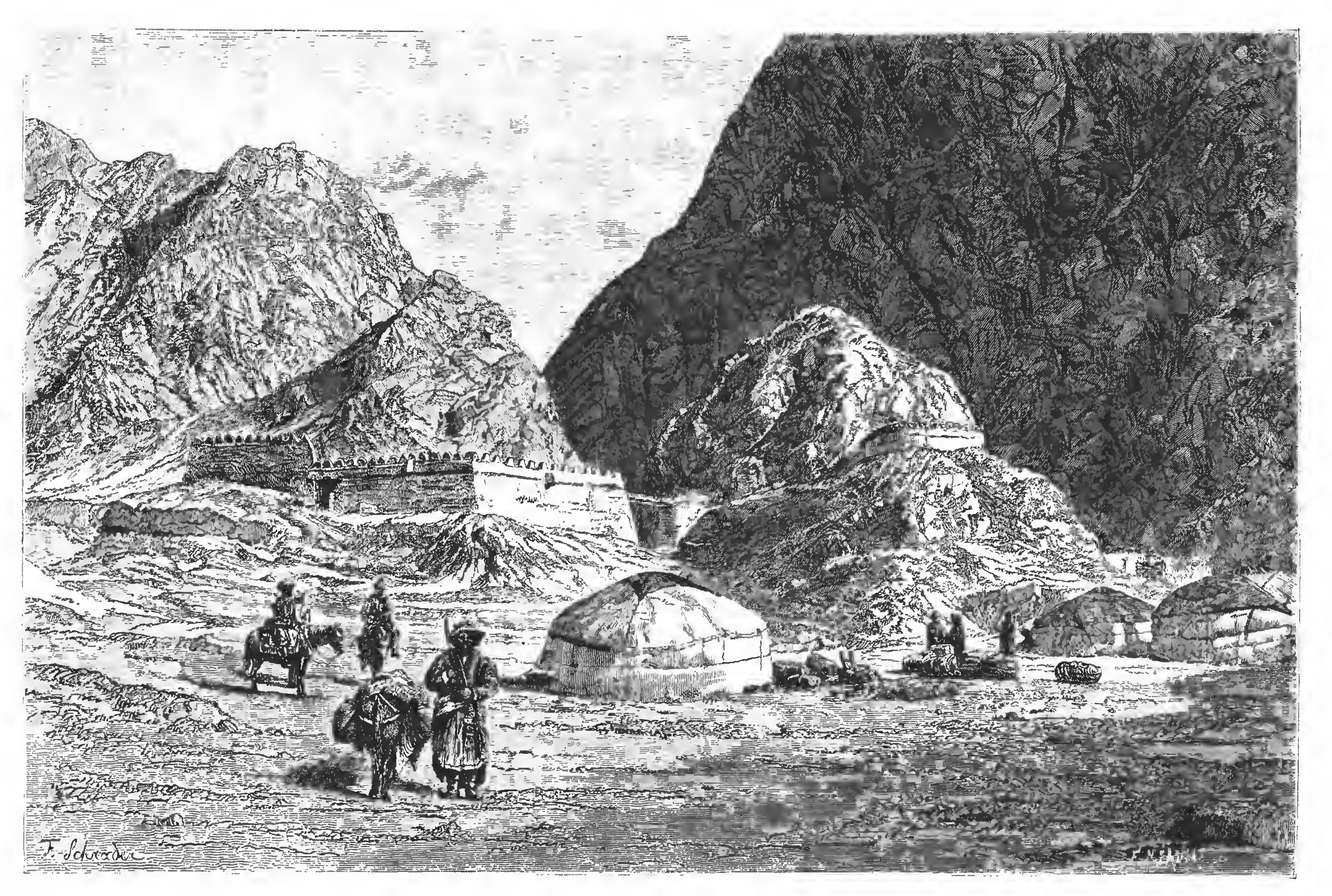
— Оставь его у меня, мама, милая.

Она не возражала больше. Но какъ вѣрны были предчувствія моей матери.

О Маріанна, разсказать о ея смерти свыше силъ моихъ! Я лежала въ ея объятіяхъ—послѣднее дыханіе

Пѣснь въ честь любви. Рис. Е. Пробстъ, грав. А. Шааръ.

Русско-Кашгарская граница. Передовыя укрѣпленія на Каравалѣ. Рис. Шрадеръ, грав. Мёоль.

ея коснулось моихъ губъ. Отчего не умерла и я съ нею, было бы лучше для меня. Ребенокъ безъ материнскихъ ласкъ самое несчастное существо на свѣтѣ.

Настала для меня новая жизнь. Послѣ похоронъ моей матери отпустили прислугу и госпожа Гейнъ увезла меня въ Германію. Но и здѣсь скрывали единственную дочь барона Флоора, — свѣтъ не долженъ былъ узнать, что онъ былъ женатъ. Маленькое мое хозяйство было скоро приведено въ порядокъ. Госпожа Гейнъ осталась ключницей, братъ ея былъ лакеемъ и пригласили еще гувернантку для меня. Бѣдная m-lle Блумбергъ! Скучно проводила она жизнь у насъ. Она уже умерла и я должна говорить только о свѣтлыхъ сторонахъ ея характера. У нея ихъ было много, но я никогда не могла заставить себя полюбить ее. Это была педантка, ея странности и заботы объ этикетѣ не могли внушить мнѣ любовь къ ней. Такъ прошло пять монотонныхъ лѣтъ. Я удивляюсь, какъ я не умерла отъ слезъ. День и ночь тосковала я и призывала маму.

Я любила только госпожу Гейнъ и портретъ. Я не оставила дѣтской привычки бесѣдовать съ нимъ. Я разсказывала ему о моемъ горѣ и о тоскѣ по матушкѣ. Такимъ скучнымъ образомъ, безъ разнообразія и измѣненій дожила я до шестнадцати лѣтъ—одиноко, грустно, безъ удовольствій, думая только о родинѣ моей въ Комо и о матери, которую я тамъ потеряла.

Однажды утромъ поднялась у насъ суматоха: пришло извѣстіе, что мой отецъ опасно заболѣлъ и желаетъ видѣть меня. M-lle Блумбергъ провожала меня. Мы отправились по желѣзной дорогѣ въ Берлинъ; на станціи ожидала насъ карета. Боязливо вступила я въ домъ моего отца. Все было такъ изящно и великолѣпно! До тѣхъ поръ я не видѣла ничего подобнаго. Насъ ввели въ большую гостинную, гдѣ ожидала ключница. Не знаю, что подумали лакеи о такомъ позднемъ появленіи дочери, но они были очень почтительны и называли меня баронессой фонъ Флоръ. Въ то время, какъ мы сидѣли въ мучительномъ ожиданіи, распахнулась дверь и вошелъ молодой человѣкъ. То былъ Адальбертъ фонъ Деннеръ! Мнѣ казалось, что портретъ получилъ жизнь и стоитъ предо мной. Я совсѣмъ забыла, что я была здѣсь чужая и незнакома ему. Сколько разъ цѣловала я въ часы одиночества эти голубые глаза и русые кудри! Лицо его не измѣнилось, взглядъ его, который я такъ хорошо знала, былъ исполненъ прямодушія и благородства. Мнѣ казалось, что я неожиданно встрѣтила стараго, дорогаго друга. Я схватила его за руку и сказала: „Ты Адальбертъ фонъ Деннеръ, я узнаю тебя."

Онъ улыбнулся и, наклонившись ко мнѣ сказалъ: Гдѣ же ты видѣла меня? я не знаю тебя.

— Я тебя тоже никогда не видѣла, но твой портретъ давно у меня. Когда я была ребенкомъ, я глядѣла на него, какъ на живаго и говорила съ нимъ.

— Когда ты была ребенкомъ? сказалъ онъ смѣясь. Сколько же лѣтъ тебѣ теперь?

— Мнѣ уже шестнадцать лѣтъ, отвѣтила я почти сердясь, что онъ считаетъ меня маленькою.

— Но, милое дитя, хотя ты и знаешь меня такъ хорошо, я все же не имѣю ни малѣйшаго понятія о томъ, кто ты и зачѣмъ ты сюда пришла.

— Я пришла къ отцу, возразила я, онъ боленъ и хотѣлъ видѣть меня, меня зовутъ Бланшъ фонъ Флоръ.

Онъ отступилъ въ изумленіи, лицо его и губы покрылись смертельной блѣдностью, казалось, что онъ теряетъ сознаніе.

— Ты думаешь, сказалъ онъ, что баронъ-фонъ Флоръ твой отецъ?

— Да.

Нашъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ красивой дамы высокаго роста. Ея надменное лицо и великолѣпно шуршавшее платье внушали мнѣ робость. Она была тоже блѣдна и губы ея дрожали. И она испугалась, увидѣвъ меня. Она подошла къ молодому человѣку и, положивъ руку на его плечо, сказала: о, Адальбертъ, бѣдный мальчикъ, я съ трудомъ переношу все это!

— Матушка, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, не сводя глазъ съ меня, знала-ли ты это.

— Никогда, до послѣдней минуты, твой дядя только что прислалъ за мной и сообщилъ мнѣ все. О, Адальбертъ, сердце мое изнываетъ, всѣ мои надежды, всѣ мои планы рушились.

— Это не такъ важно, сказалъ онъ нетерпѣливо. Но зачѣмъ скрывали эту дѣвочку? Зачѣмъ подавали мнѣ надежды, не имѣвшія основанія? Мой дядя могъ дѣлать, что онъ хотѣлъ, но онъ не долженъ былъ обманывать меня.

Дама сказала ему что-то на ухо, но онъ отвѣтилъ ей съ твердостью: нѣтъ матушка, пусть право будетъ неприкосновенно. Бланшъ моя кузина; я долженъ покориться судьбѣ. Онъ обратился ко мнѣ и сказалъ: Бланшъ, это твоя тетка, фонъ Деннеръ.

Она холодно коснулась губами моей щеки—я думала, сердце мое разорвется. Ни одного привѣтливаго слова бѣдной, осиротѣвшей дѣвочкѣ, которая, казалось, была всѣмъ помѣхой. Зачѣмъ не лежала я въ могилѣ съ моей матерью на тѣнистомъ берегу озера Комо! Фонъ Деннеръ сказала m-lle Блумбергъ еще нѣсколько словъ. Меня отослали перемѣнить дорожное платье и повели къ отцу.

IV.

— Я думаю, продолжала Бланшъ, что если я и сто лѣтъ проживу, то не забуду ни одного мгновенія, проведеннаго мною въ отцовскомъ домѣ, такъ все живо въ моей памяти.

Когда я вошла въ комнату, сейчасъ же замѣтила кровать, съ бархатными тяжелыми занавѣсами. Воздухъ былъ пропитанъ какими-то духами и благодаря толстому ковру шаги не были слышны. Все было устроено съ величайшей роскошью и комфортомъ. Баронесса фонъ Деннеръ подошла ко мнѣ и подвела меня къ моему отцу. Но какъ измѣнился мой гордый, красивый отецъ. На лицѣ уже было видно приближеніе смерти; боронесса нагнулась къ нему.

— Вальтеръ, твоя дочь здѣсь.

— Бланшъ, пробормоталъ онъ, бѣдная сиротка, дитя мое, какъ несправедливо поступалъ я съ тобою! Взгляни на меня—да у тебя глаза твоей матери! О Боже, да будетъ она счастливѣе!

Адальбертъ стоялъ на колѣняхъ по другую сторону моего отца.

— Адальбертъ, сказалъ отецъ и къ тебѣ я былъ несправедливъ. Я воспитывалъ тебя, какъ моего наслѣдника, между тѣмъ у меня родная дочь. Я объясню тебѣ. Восемнадцать лѣтъ тому назадъ я познакомился съ матерью этой дѣвушки. Она была красавица и я влюбился. У нея былъ дѣйствительно благородный характеръ, но она была бѣдна и незнатнаго происхожденія. Я тайно обвѣнчался съ нею въ Неаполѣ. Никто кромѣ камердинера моего, Готфрида, не зналъ объ этомъ. Ты спросишь, почему я скрывалъ свою женитьбу? Я былъ неправъ. Меня удерживала гордость—упрямая, непоколебимая. Я долго считался однимъ изъ лучшихъ жениховъ Германіи. Всѣ мои знакомые ожидали, что я сдѣлаю блестящую партію, а я стыдился объяснить — то было малодушное, низкое чувство—что я женился на бѣдной дѣвушкѣ, приданымъ которой были только ея красота и добродѣтели.

Вѣрно никогда я не испытаю такого горя, какое испытала тогда. Отецъ, который лежалъ при смерти предо мной, стыдился моей матери, а она умерла съ горя по немъ! Отецъ продолжалъ: „прости меня, Бланшъ,

дитя мое, мои слова огорчают тебя, но я долженъ говорить теперь всю правду—я стыдился своей женитьбы и не хотѣлъ, чтобы она сдѣлалась извѣстной. Еслибъ у меня былъ сынъ, я объявилъ бы о немъ; но родилась дочь. Съ каждымъ днемъ я все больше и больше сталъ чуждаться жены и дочери. Наконецъ умерла жена, умерла безъ жалобъ, и я велѣлъ дочери пріѣхать. Я хотѣлъ объявить открыто о своей женитьбѣ, но такъ долго откладывалъ исполненіе этого намѣренія, что съ каждымъ днемъ все меньше хотѣлось мнѣ сдѣлать это. Ты былъ одной изъ главныхъ причинъ, Адальбертъ, потому-что, воспитавъ тебя, какъ моего наслѣдника, я не могъ помириться съ мыслью, лишить тебя надежды. Я любилъ тебя какъ роднаго сына.

Адальбертъ поцѣловалъ моего отца въ лобъ и нѣжно сказалъ: по любви и привязанности—я твой сынъ.

— Я не рѣшался сказать тебѣ, что бѣдная, маленькая дѣвочка устранитъ тебя отъ наслѣдства, сказалъ мой отецъ, но и не могу умереть, не сдѣлавъ ничего. Я отправилъ Бланшъ въ восточную Пруссію, въ старинное родовое помѣстье, скучную усадьбу на берегу Балтійскаго моря, построенную мизантропомъ, однимъ изъ восточно-прусской линіи рода Флоръ. Я велѣлъ все устроить въ домѣ, какъ было прилично для моей дочери и наслѣдницы. Я поручилъ присмотръ за усадьбой вѣрной служанкѣ, заботившейся о малюткѣ съ самаго дня ея рожденія и пригласилъ гувернантку, которая бы могла хорошо воспитать маленькую Бланшъ. Мнѣ слѣдовало сдѣлать для нея гораздо больше, но увы—только теперь я сознаю свои ошибки и легкомысліе. Я подавлялъ въ себѣ любовь, которую часто чувствовалъ къ моему ребенку. Теперь я горько раскаиваюсь.

— Вы можете теперь все исправить, сказалъ Адальбертъ.

— Но, дорогой мой, сказалъ онъ, я могу сдѣлать это только въ ущербъ тебѣ, и я обязанъ это сдѣлать. Мое состояніе, которое, какъ тебѣ извѣстно, очень велико, должно достаться Бланшъ.

— Такъ и должно быть по справедливости, сказалъ Адальбертъ и вы не можете поступить иначе.

— Да благословитъ тебя Богъ за эти слова, сказалъ мой отецъ. Что сталось со всѣми твоими надеждами?

— Я долженъ отказаться отъ нихъ, дядя, очень просто, возразилъ тотъ.

— Нѣтъ, сказалъ мой отецъ съ жаромъ, у меня есть планъ; если ты послѣдуешь ему, надежды твои могутъ исполниться. Это мое желаніе, моя мольба, послѣдняя моя мольба къ тебѣ, кого я любилъ, какъ роднаго сына. Исполни ее и это облегчитъ мой смертный часъ, успокоитъ мою совѣсть, сдѣлаетъ меня счастливымъ. Адальбертъ, исполнишь-ли ты послѣднее мое желаніе?

— Охотно, дядя, если буду въ силахъ; въ чемъ ваше желаніе?

— Обѣщай мнѣ, что ты женишься на ней, сказалъ мой отецъ. Тогда все было бы хорошо.

Адальбертъ поблѣднѣлъ, взоръ его блуждалъ; съ озабоченнымъ видомъ слѣдилъ за нимъ мой отецъ.

— Я знаю, сказалъ онъ, ты любишь Габріэль фонъ Беллингъ, но вѣрь мнѣ, Адальбертъ, она только кокетничаетъ съ тобой; она уже больше года, какъ помолвлена съ русскимъ княземъ. Только за принца или князя вышла бы она, тамъ для тебя нѣтъ надежды. Моя маленькая Бланшъ будетъ тебѣ, если она похожа на свою мать, чудною женою.

Но Адальбертъ не отвѣчалъ и мать его слѣдила за нимъ тревожно. „Рѣшайся, сказала она наконецъ, ты осчастливишь дядю и твои надежды исполнятся.

— Дядя, сказалъ Адальбертъ слабымъ, хриплымъ голосомъ. Увѣрены ли вы вполнѣ въ томъ, что говорили о Габріэли?

— Вполнѣ увѣренъ, отвѣчалъ мой отецъ. Шесть мѣсяцевъ тому назадъ я подписалъ брачный контрактъ. Я былъ однимъ изъ главныхъ свидѣтелей, все было уже приготовлено къ свадьбѣ, но ее отложили до конца нынѣшняго года по случаю смерти матери князя.

— И все это время мнѣ казалось, что она особенно мила со мной; сказалъ Адальбертъ. Вы не предостерегли меня раньше?

— Только съ тѣхъ поръ какъ я боленъ, узналъ я о твоей тайнѣ. Габріэль прекрасна, я согласенъ, но никогда я не могъ бы допустить, что ты полюбишь эту кокетку.

Адальбертъ закрылъ лицо руками и отецъ, который, казалось, все больше слабѣлъ, произнесъ:

— Ты не откажешь исполнить мою послѣднюю просьбу, Адальбертъ, не откажешь мнѣ, который никогда, ни въ чемъ тебѣ не отказывалъ?

— Нѣтъ, дядя, не откажу, сказалъ Адальбертъ, я женюсь на Бланшъ.

— Благодарю тебя, дорогой сынъ, сказалъ мой отецъ. Но исполни еще одну просьбу. Обѣщай мнѣ, что я увижу исполненіе моего сердечнаго желанія. Пусть обвѣнчаютъ васъ здѣсь завтра же.

— Такъ скоро? воскликнулъ Адальбертъ.

— Да, я умру тогда спокойно, я буду знать, что дочь моя въ надежныхъ рукахъ. Ты будешь ласковъ къ ней, ради меня и взамѣнъ моей несправедливости къ ея матери.

— Я буду добръ къ ней, отвѣчалъ торжественно Адальбертъ.

Голова моя кружилась. Смѣшанное чувство счастья и негодованія отъ такого распоряженія моей судьбой, душили меня. Я смутно помню, что баронесса обняла меня и назвала дочерью—m-lle Блумбергъ увела меня изъ комнаты. Прошло нѣсколько часовъ. Измученная я упала и заснула. Проснувшись я стала думать. Я въ домѣ моего отца, онъ при смерти, а я была невѣстой Адальберта фонъ-Деннера.

— Маріанна, сказала Бланшъ послѣ нѣкотораго молчанія, вы будете смѣяться если вамъ разсказать, какъ горячо я любила Адальберта! Вы подумаете, что я была слишкомъ молода, чтобы понять даже это слово „любовь“. О нѣтъ! Хотя я была еще почти ребенкомъ, но сердце мое уже знало, что такое любовь. Я никогда никого не любила кромѣ моей матери; послѣ нея дороже всего былъ мнѣ портретъ. Адальбертъ не былъ для меня чужимъ, вѣдь всю мою жизнь знала и любила я только его. Съ той минуты, когда я впервые увидѣла его и говорила съ нимъ, мое сердце принадлежало ему и въ ту минуту я охотно умерла бы за него, такъ я любила его! Два чувства волновали меня тогда: забота о моемъ отцѣ и страстная, невыразимая любовь къ Адальберту. Вы не повѣрите, какъ я цѣловала свою руку, къ которой онъ прикоснулся губами, какъ старалась предупреждать всѣ его желанія.

Никто изъ людей въ домѣ не зналъ о томъ, что должно было совершиться на слѣдующее утро въ комнатѣ моего отца. M-lle Блумбергъ была слишкомъ изумлена, чтобы разсказывать объ этомъ. Бѣдняжка, она могла только произнести: „Бланшъ, Бланшъ, неужели вы выходите замужъ?“

При вѣнчаніи мой отецъ былъ еще блѣднѣе и слабѣе, чѣмъ въ предыдущій день. Онъ лежалъ высоко среди бѣлоснѣжныхъ подушекъ, и его камердинеръ Готфридъ, бывшій свидѣтелемъ при вѣнчаніи моей матери, стоялъ позади его. Баронесса стояла рядомъ со мною.

Насъ обвѣнчали и золотое кольцо заблистало на моемъ пальцѣ. Моя свекровь поцѣловала меня. Адальбертъ поцѣловалъ меня въ лобъ въ первый и послѣдній разъ въ жизни. Въ эту минуту мнѣ хотѣлось умереть — но умереть на груди моего мужа. Бѣдный мой отецъ слабо улыбался, онъ прожилъ еще день, но уже не видѣлъ заката солнца.

Я не могу выразить вамъ, Маріанна, что я почувствовала, когда m-lle Блумбергъ назвала меня баронессою фонъ-Деннеръ; мнѣ казалось, что я слышу это во снѣ. До похоронъ моего отца я оставалась въ своихъ комнатахъ. Вечеромъ, послѣ грустной церемоніи отправилась я въ гостинную. Окна были завѣшаны и передъ однимъ изъ нихъ стояла обтянутая дорогимъ бархатомъ кушетка. Въ изнеможеніи легла я. Я задремала и услышала, какъ сквозь сонъ, голоса. То были Адальбертъ и его мать, говорившіе обо мнѣ. Еслибы я проснулась, то я предупредила бы ихъ, что я здѣсь и судьба моя сложилась бы иначе.

— О мама, говорилъ Адальбертъ, къ чему мнѣ теперь богатство! Лучше быть бѣднымъ, но свободнымъ.

— Разумѣется это тебѣ въ тягость, сказала его мать, но подумай какъ много значитъ богатство и что оно еще можетъ дать тебѣ. Твой отецъ умеръ съ горя о потерѣ своего прекраснаго помѣстья, ты можешь купить его теперь.

— Но подумай какою цѣною, возразилъ Адальбертъ.

— Бланшъ еще разовьется, говорила моя свекровь, она еще почти ребенокъ. Я думаю, она будетъ красивая женщина: на твоемъ мѣстѣ я отдала бы ее на два или на три года въ пансіонъ.

— Она добра, сказалъ онъ раздражительно, но это такой некрасивый, черный ребенокъ, О, какая разница— моя бѣлокурая Габріэль! Я охотно отказался бы теперь и отъ богатства, чтобы быть свободнымъ!

— Бѣдный мой, сказала съ нѣжностью мать, я согласна съ тобой и мнѣ жаль тебя. Ты могъ бы сдѣлать отличную партію. Мнѣ хотѣлось бы узнать, кто была ея мать? Я думаю какая нибудь мѣщанка. Но я надѣюсь, что она будетъ въ отца а не въ жалкую мать свою, сказала она презрительно.

Эти слова привели меня въ сознаніе. Я быстро вскочила съ кушетки и подошла къ ней. Кровь кипѣла и лицо мое горѣло. Въ эту минуту я ненавидѣла Адальберта. Я отдаю имъ однако справедливость: я никогда болѣе не видѣла такихъ испуганныхъ и пристыженныхъ людей.

— Смѣйтесь, да, смѣйтесь надо мной, воскликнула я, я не красива и черна, и не воспитана, и въ тягость вамъ. только если вамъ жизнь дорога, не смѣйте такъ говорить о моей матери!

— Бланшъ, сказала баронесса, ты не должна была подслушивать.

— Я не подслушиваю. Я пришла сюда и заснула и ваши жестокія, позорящія мою мать слова разбудили меня.

— Она сошла съума, сказала свекровь моя язвительно и надменно.

— Нѣтъ, я не сошла съума, отвѣтила я пылко, выслушайте меня и вы убѣдитесь. Адальбертъ, обратилась я къ мужу, дрожа всѣмъ тѣломъ, я не буду тебѣ въ тягость. Моя мать вышла замужъ за дворянина, она любила его и умерла съ разбитымъ сердцемъ. И я любила дворянина, я и теперь еще люблю его—о Адальбертъ. я, несчастная, такъ люблю того, который меня ненавидитъ! Я покину его и никогда больше не хочу видѣть его. Возьми всѣ мои деньги, онѣ мнѣ не нужны; вѣдь только изъ за нихъ ты взялъ меня. Я не хочу ихъ видѣть, не хочу слышать о нихъ, я уйду и умру.

— Бланшъ, ты говоришь необдуманно, сказала моя свекровь.

— Баронесса фонъ-Деннеръ, отвѣтила я дрожащимъ голосомъ, вы оскорбили мою умершую мать, не говорите никогда больше со мной ни одного слова. Что мнѣ нужно сказать, я говорю вашему сыну, а не вамъ.

И знаете Маріанна, эта гордая свѣтская женщина боялась меня въ ту минуту.

— Можешь ли ты жить съ такой невоспитанной фуріей, Адальбертъ, сказала она.

— Успокойтесь, матушка, возразилъ мой мужъ, пусть Бланшъ скажетъ, чего она желаетъ.

— Очень немногаго, былъ мой отвѣтъ, мое желаніе— никогда больше не встрѣчаться съ вами, я не буду мѣшать вамъ. Если бы самоубійство не было противно христіанскому ученію, я умерла бы и дала бы тебѣ свободу, но такъ какъ это невозможно—то жизнь моя будетъ истиннымъ подобіемъ смерти. Съ этой минуты я отказываюсь отъ тебя. отъ твоего имени. Я оставлю себѣ то, что и отецъ далъ бы мнѣ. Я вернусь въ восточную Пруссію и уже не выѣду больше изъ своего дома у моря. Имени мнѣ не нужно, я ненавижу теперь твое имя.

— Но, что скажетъ свѣтъ? замѣтилъ онъ.

— Свѣтъ меня не знаетъ, возразила я, горько смѣясь, можетъ быть и поговорятъ, что есть какая-то „черная“, некрасивая дочь барона Флора, но никто не повѣритъ. И если бы даже весь свѣтъ зналъ меня, я все же не отказалась бы отъ своего намѣренія.

— Въ такомъ случаѣ напрасно будетъ уговаривать тебя измѣнить твое рѣшеніе, сказалъ онъ.

— Совершенно напрасно, отвѣчала я, съ этой минуты всѣ наши переговоры кончены. О нѣкоторыхъ дѣлахъ, которыя еще должны быть улажены, твой адвокатъ можетъ переговорить съ единственной подругой моей, m-lle Блумбергъ.

— Да будетъ такъ, сказала баронесса фонъ-Деннеръ, твоя жена говоритъ какъ опытный дѣловой человѣкъ, можно подумать, что она уже давно обдумала это дѣло.

— Несчастія требуютъ скорыхъ рѣшеній! сказала я спокойно. Я покидаю тебя теперь, Адальбертъ, и уѣду сегодня же съ m-lle Блумбергъ. Мнѣ не нужно просить тебя не дѣлать попытокъ увидѣть меня,—ты ихъ, я знаю, не сдѣлаешь. Самое пріятное извѣстіе, которое ты, можетъ быть, получишь обо мнѣ, будетъ извѣстіе о моей смерти. Надѣюсь, ты скоро получишь его.

— Бланшъ, Бланшъ! воскликнулъ онъ, ты ошибаешься!

— Нѣтъ, отвѣтила я. Я лишняя, я могу понять это. Прощай!

— Бланшъ, сказалъ онъ неожиданно, когда я направилась къ двери, не говорила ли ты мнѣ, что ты меня любишь?

— Я любила тебя, сказала я спокойно, я любила тебя всю мою жизнь, теперь я постараюсь возненавидѣть тебя и если это мнѣ не удастся—умру.

Съ тѣхъ поръ я не видѣла ихъ. Слѣдующею же ночью я пріѣхала сюда. Я сдѣлалась ко всему равнодушна. Я не читала, не занималась, ничто не интересовало меня. Три года показались мнѣ вѣчностью и все думала я о своемъ несчастіи. Я получила три письма отъ Адальберта, и отослала ихъ назадъ нераспечатанными. Его адвокатъ прислалъ мнѣ письмо отъ баронессы фонъ-Деннеръ, и его отослала я нераспечатавъ.

M-lle Блумбергъ умерла въ Кенигсбергѣ, когда была тамъ по своимъ дѣламъ. Тогда пріѣхали вы, Маріанна, и я полюбила васъ отъ всего сердца. Мало по малу съумѣли вы возбудить интересъ къ жизни во мнѣ и я убѣдилась, что и для меня еще могутъ быть какія нибудь меня интересующія вещи. Я уединилась, хотѣла умереть, но какъ видите, Маріанна, сердце мое растаяло...

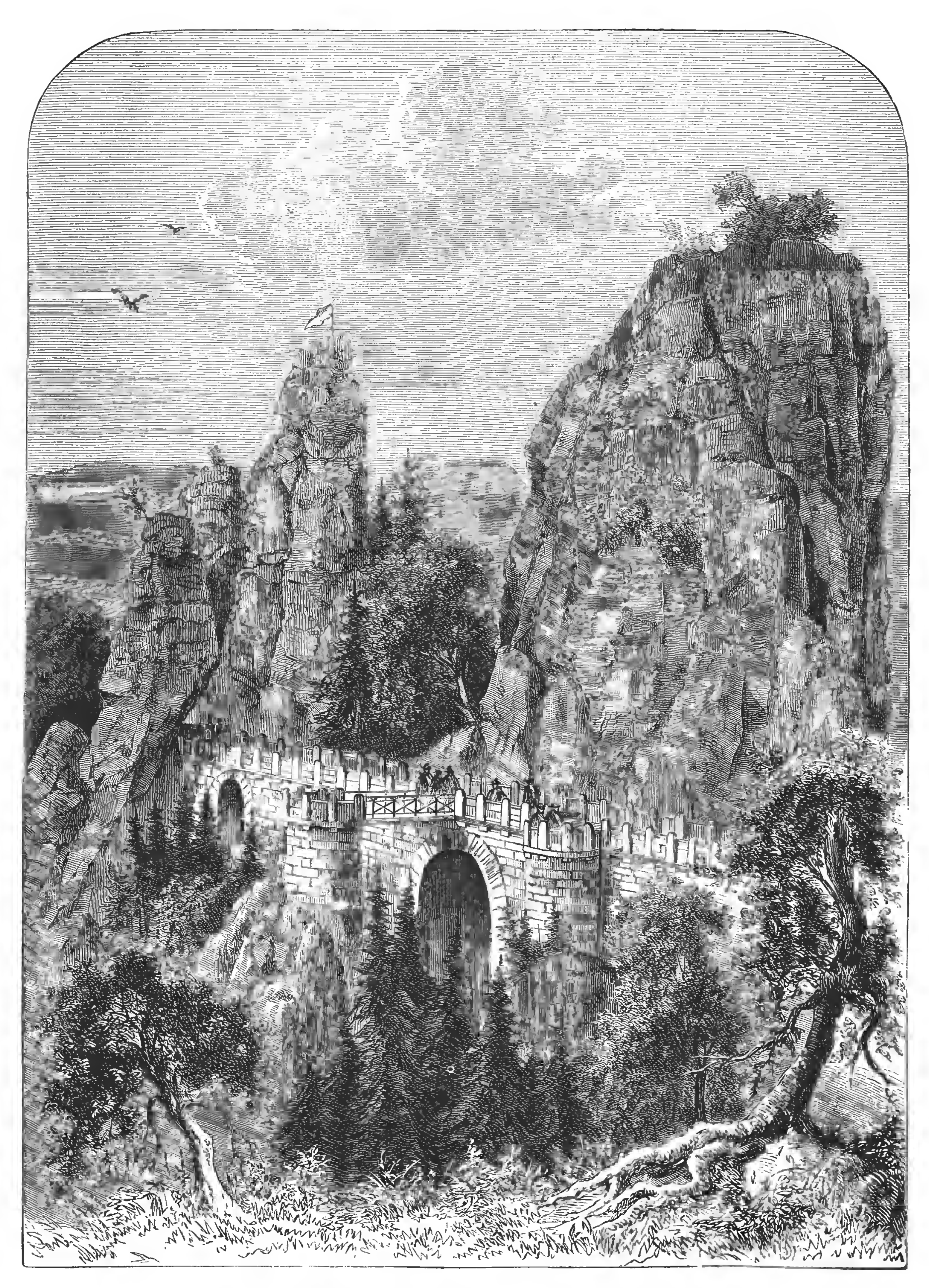
— Это самая необыкновенная исторія, какую мнѣ приходилось слышать, отвѣчала я.

— Мой мужъ не узналъ бы меня теперь.

— Безъ всякаго сомнѣнія, если онъ васъ называлъ тогда некрасивой, черной дѣвочкой, отвѣчала я, я желала бы,чтобы онъ увидѣлъ васъ теперь или услышалъ ваше пѣніе.

— Мнѣ кажется, я была дѣйствительно тогда некрасива.

(Окончаніе въ слѣд. №)

Саксонская Швейцарія. Бастейскій мостъ. Съ фотогр. грав. Пейне.

Маленькіе строители.

Можно съ достовѣрностью сказать, что значительная часть известковыхъ наслоеній нашей земли образовалась, изъ животныхъ тѣлъ. Иногда это можно доказать только продолжительными научными изысканіями, но существуютъ большія известковыя массы, происхожденіе которыхъ ясно съ перваго взгляда. Это *коралловые рифы*.

Строители этихъ рифовъ—полипы, и именно самая красивая порода этихъ удивительныхъ существъ, рѣдчайшія виды которыхъ (не строющіе, однако, рифовъ) красивые кораллы,—употребляются какъ драгоцѣнное украшеніе. Одинъ изъ наибольшихъ видовъ этой породы, какъ напр. прелестнаго цвѣта морской анемонъ—знакомъ, вѣроятно, многимъ посѣтителямъ морскихъ купаній и акваріумовъ.

Тѣло маленькихъ строителей, о которыхъ мы хотимъ говорить, образуетъ, такъ сказать, мѣшокъ, отъ верхняго, усаженнаго клещами, края котораго идетъ внутрь другой мѣшокъ поменьше, служащій ртомъ и желудкомъ животнаго и соединяющійся съ наружнымъ мѣшкомъ нѣсколькими вертикальными перегородками. Какъ напр. человѣкъ извлекаетъ изъ своей пищи матеріалъ для укрѣпленія и развитія своего скелета, такъ и полипы обладаютъ способностью отдѣлять растворенную въ морской водѣ углекислую известь и отлагать ее на внутреннихъ стѣнкахъ перегородокъ, и вокругъ нижней части туловища, что представляетъ опору и защиту ихъ нѣжному тѣлу. Когда животное умираетъ—эта известковая оболочка, это чашеобразное тѣло животнаго остается; замѣтныя на ней тонкія, идущія къ центру пластинки обозначаютъ мѣста бывшихъ внутреннихъ стѣнокъ. Такой видъ представляетъ намъ каждая изъ безчисленныхъ поръ или ячеекъ каралловой вѣтви. Полипы исчезли, но тѣла ихъ, такъ сказать муміи ихъ, остались.

Разныя породы полиповъ, придаютъ своимъ жилищамъ различную форму и расположеніе, вслѣдствіе чего и рифы получаютъ разнообразныя формы. Такъ, архитектура домовъ и планировка улицъ, опредѣляютъ характеръ города. Иные рифы подобныхъ образованій представляются въ видѣ цѣлыхъ ярусовъ съ крѣпкими коротк[о]ствольными развѣтвленіями, другіе раздѣляются на части и нѣжны, какъ мохъ, иные имѣютъ видъ обрывковъ, или состоятъ изъ грибообразныхъ, плоскихъ и шаровидныхъ кусковъ, поверхность которыхъ усѣяна едва замѣтными норами и какъ бы причудливой формы рѣзьбою. Много есть еще видовъ и каждый изъ нихъ—чудо изящества. Въ этихъ тѣсно сплоченныхъ постройкахъ, въ безчисленномъ множествѣ, живутъ полипы; новыя поколѣнія поселяются въ своемъ гнѣздѣ, увеличиваютъ его и окружаютъ новыми пристройками, такимъ образомъ рифъ растетъ и распространяется, и сверху кажется полнымъ жизни, внутри же это твердый мертвый камень.

Эти маленькіе строители находятся не во всѣхъ моряхъ; какъ вообще всякія живыя существа они зависятъ отъ извѣстныхъ условій жизни: они только могутъ жить на глубинѣ не менѣе 100 футовъ, имъ нужна чистая морская вода съ нормальнымъ солянымъ содержаніемъ и температура по меньшей мѣрѣ въ девятнадцать или двадцать градусовъ тепла, по Цельзію. Отъ этихъ условій зависитъ образованіе, форма и географическое распространеніе каралловыхъ сооруженій.

Неглубокія, береговыя пространства не орошаемыя прѣсною водою рѣкъ, въ особенности острова, поэтому самая удобная почва для существованія полиповъ. Съ теченіемъ времени, начинаясь непосредственно отъ земли, возникаетъ великолѣпный *береговой рифъ*, и остается на вѣки пока не произойдетъ какихъ общихъ существенныхъ переворотовъ въ этой части берега. Извѣстно, что кора нашей земли постоянно подвергается медленнымъ колебаніямъ, послѣдствія которыхъ могутъ быть видны развѣ по истеченіи вѣковъ. Цѣлыя страны, такимъ образомъ едва замѣтно подымаются и опускаются, выростаютъ изъ моря, или скрываются подъ волнами. Если, напримѣръ, берегъ, гдѣ находится островъ съ коралловымъ рифомъ, опустится, то полипы, попавшіе на слишкомъ большую глубину, вымираютъ, между тѣмъ какъ вверху новыя поколѣнія бодро продолжаютъ свои сооруженія вверхъ и въ стороны. Такимъ образомъ водное пространство между погружающимся островомъ и полипами увеличивается, и образуется наконецъ, валъ или собственно такъ называемый *валовой рифъ*. Если, продолжая погружаться, островъ совершенно исчезнетъ подъ волнами моря, рифъ тѣмъ не менѣе по прежнему все ростетъ вверхъ и наружу, и наконецъ обнимаетъ собой цѣлый бассейнъ. Такъ возникаетъ *лагунный рифъ*—надгробный памятникъ затонувшаго острова. Съ наружной стороны—рифъ ростетъ быстрѣе; онъ идетъ изъ большой глубины, отвѣсно, какъ стѣна, а къ внутренней сторонѣ постепенно опадаетъ. Противъ токовъ прѣсной воды у устьевъ ручьевъ и рѣкъ, развитіе полиповъ пріостанавливается и образуются прогалины; внутреннее пространство бассейна, окруженное рифомъ, такимъ образомъ защищено отъ волненій и иногда эти тихія воды служатъ вѣрнымъ пристанищемъ для кораблей.

Если же берегъ не опускается, а напротивъ, подымается изъ воды, то, естественно, вмѣстѣ съ нимъ выступаютъ наружу и рифы, и воздымаются тогда высоко среди суши, иногда на большомъ разстояніи отъ моря. Напримѣръ, Юрскія горы не что иное какъ древніе рифы разныхъ величинъ и формъ. Воображеніе переноситъ невольно за цѣлыя тысячелѣтія: тутъ было дно моря. Это великіе памятники минувшаго, дивныя письмена великой книги природы. Они указываютъ, что нѣкогда въ этой полосѣ земли былъ тропическій климатъ, повѣствуютъ о сѣдой древности, когда здѣсь шумѣли волны, бушевали приливы, повѣствуютъ о безчисленныхъ поколѣніяхъ живыхъ существъ, причудливыя формы которыхъ еще можно угадать по ихъ уцѣлѣвшимъ останкамъ.

Конечно эти рифы не могли сохранить первоначальной художественной формы отдѣльныхъ ярусовъ. И рифъ еще строющійся, наполненный кипучею жизнью полиповъ во внутреннихъ и нижнихъ частяхъ, затвердѣваетъ сплошною массою, на поверхности которой раскидываются поселенія трудолюбивыхъ маленькихъ работниковъ. Когда постройка доведена до поверхности моря, тотчасъ начинаютъ дѣйствовать силы ее уничтожающія.

Внезапные отливы и дожди уничтожаютъ маленькихъ обитателей рифовъ, не выносящихъ воздуха и прѣсной воды. Волны бьются въ рифы, разрушаютъ болѣе слабыя части, отрываютъ иногда цѣлые ярусы; неугомонный прибой овладѣваетъ ими, раздробляетъ ихъ и заноситъ оторванные части и мелкій коралловый песокъ въ углубленія и впадины, которыя наполняются еще и остатками безчисленныхъ морскихъ животныхъ, живущихъ и умирающихъ въ скважинахъ и углубленіяхъ рифа. Неутомимые полипы снова задѣлываютъ и пополняютъ поврежденія и, наконецъ, море сбиваетъ все въ безформенную каменную массу. Уничтожено старое, а новое выростаетъ на немъ съ страшной силой. Но и это новое наслоеніе станетъ потомъ добычею волнъ, а обломки все наслояются и наслояются. Масса ростетъ и начинаетъ возвышаться надъ морской поверхностью; она образуетъ низкіе острова, иногда разсѣянные по одному, иногда соединенные рядами какъ ожерелье. Дожди, горячіе солнечные лучи вывѣтриваютъ и разрыхляютъ эту поверхность; вѣтры и птицы заносятъ сюда сѣмена растеній; морскіе приливы заносятъ цѣлыя растенія и плоды. И мало по малу обнаженная почва покрывается радующей глазъ зеленью—пройдутъ годы и на берегу гордо зашелеститъ своею великолѣпною вершиною кокосовая пальма, хорошо защищенный плодъ который безъ вреда переноситъ далекія морскія путешествія. Чудной силой случая, который играетъ такую роль въ природѣ, попадаютъ сюда, быть можетъ и нѣкоторыя животныя; вскорѣ тамъ развивается замкнутая животная жизнь, недостатокъ видовъ часто замѣняется необычайнымъ количествомъ особей. И наконецъ вѣчно идущій, вѣчно странствующій человѣкъ находитъ себѣ здѣсь новое отечество. Такъ было на тихоокеанскихъ островахъ.

Строющіе рифы полипы исключительно находятся въ тропическихъ моряхъ, приблизительно между 25 град. южной и 30 град. сѣверной широты, но эти общія границы измѣняются сообразно теплымъ или холоднымъ морскимъ теченіямъ. Кромѣ того, на слишкомъ большихъ глубинахъ, въ мѣстахъ, гдѣ рѣки вливаютъ въ море прѣсную воду и ослабляютъ въ ней соляное содержаніе—кораллы не водятся. Атлантическій океанъ сравнительно бѣденъ ими. Въ Чермномъ морѣ и около Вестъиндскихъ острововъ водятся они въ особенно большомъ количествѣ; на Флоридскихъ и Багамскихъ берегахъ, у лежащихъ довольно далеко на сѣверъ Бермудскихъ острововъ, въ теплой соленой водѣ Гольфстрема—полипы благоденствуютъ. Настоящая же ихъ родина—Индійскій океанъ; на его неизмѣримомъ пространствѣ, они возводятъ колоссальныя постройки. Сотни острововъ этаго океана—ихъ работа. Новая Каледонія опоясана рифовымъ валомъ, въ 100 миль длины и мѣстами болѣе мили ширины; на сѣверо-востокѣ Австраліи, въ разстояніи десяти, двѣнадцати миль отъ берега, въ такъ называемомъ коралловомъ морѣ тянется другой великій рифовый валъ, слишкомъ въ двѣсти миль длины.

Однако, дѣятельность маленькихъ трудолюбивыхъ созданій можетъ имѣть и очень непріятную сторону. Есть основанія опасаться, что полипы напр. застроятъ проходъ, отдѣляющій Новую Гвинею отъ Австраліи; еще важнѣйшія послѣдствія, могутъ произойти отъ образованія рифовъ въ Флоридскомъ проливѣ. Медленно ростутъ рифы, можетъ быть, не болѣе какъ на полвершка въ годъ, но прочно выростающая громадная плотина со временемъ можетъ преградить путь водамъ Гольфштрема и они въ концѣ концовъ должны будутъ принять другое направленіе. Между тѣмъ Гольфштремъ служитъ для Европы не только резервуаромъ теплыхъ водъ, онъ задерживаетъ напоръ страшно холодныхъ, загроможденныхъ ледяными массами полярныхъ теченій; если онъ перемѣнитъ свое направленіе, сѣверовосточная Европа вскорѣ станетъ въ такія же суровыя условія въ какихъ находятся подъ соотвѣтствующей широтой страны сѣверовосточной Америки и Гренландія.

Но какъ попадаетъ известь въ море, чѣмъ пополняется ма-

теріялъ. въ такомъ громадномъ количествѣ истрачиваемый полипами на ихъ постройки?

Пополненіе это производится круговоротомъ водъ. На морской поверхности постоянно испаряются огромныя водяныя массы; онѣ уносятся вѣтрами, сгущаются въ облака и въ твердомъ, или въ жидкомъ водѣ снова возвращаются на землю. Влага проникаетъ въ землю, просачивается черезъ тончайшіе поры камней и растворяетъ различныя составныя части почвы. Въ безчисленныхъ источникахъ прибавляется вода и они снова выходятъ наружу, соединяются съ ручьями и рѣками и, наконецъ, достигаютъ моря, теченія котораго распредѣляютъ воду повсюду. Вода, проникнувъ въ почву, непрерывно разлагаетъ ее, расширяетъ разщелины, полыя пространства внутри земли, прорываетъ пропасти и долины, образуетъ горы, и такимъ образомъ приводитъ къ постепенному разрушенію и распаденію все твердое, что выступаетъ надъ поверхностью океана. Доказано, что нѣкоторыя рѣки въ теченіи восьми тысячъ лѣтъ доставляютъ въ море такое количество растворенныхъ почвенныхъ частей, которое равняется всему вѣсу изливаемой въ море этими рѣками воды въ теченіи года. То же самое конечно и во всѣхъ другихъ рѣкахъ. Легко представить себѣ какія происходятъ вслѣдствіе этого значительныя измѣненія. Приблизительное исчисленіе показываетъ, что если бы изъ моря внезапно выступила вся находящаяся въ немъ въ растворенномъ видѣ известь, то она составила бы массу въ нѣсколько миль вышины и ширины и въ 2,000 миль длины.

Еслибы постоянный приливъ растворенныхъ веществъ въ морѣ не уравновѣшивался и эти вещества не отвердѣли бы, то морская вода превратилась бы, наконецъ, въ необитаемый для живыхъ существъ щелокъ. Многія внутреннія моря, въ которыхъ дѣйствуетъ только приливъ, а отливъ затрудненъ, хотя посредствомъ испаренія и теряютъ часть своей воды и сохраняютъ находящіяся въ нихъ въ растворенномъ видѣ минеральныя части—неизбѣжно мелѣютъ. Моря эти или близки къ такой участи, или уже пришли къ ней, какъ напр. Мертвое море. Неизбѣжно та же участь должна бы была постигнуть и океанъ, если бы не противодѣйствовала, вмѣстѣ съ другими уравновѣшивающими причинами, постоянная дѣятельность животныхъ и растеній. Въ весьма значительной степени содѣйствуютъ сохраненію этаго равновѣсія между прочимъ строители рифовъ—полипы.

Непрерывно дѣйствуютъ силы, которыя въ теченіи кратковременной человѣческой жизни почти не замѣтны. Въ теченіи же тысячелѣтій онѣ производятъ громадную работу и безконечно разнообразными средствами измѣняютъ формы существующаго—вѣчно разрушаютъ и вѣчно творятъ.

Къ рисункамъ.

Передовыя укрѣпленія Каравала.

Къ сѣверу отъ Кашгара, по направленію къ горному хребту Карандагъ, лежитъ укрѣпленіе Каравалъ. Оно состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ редутовъ, расположенныхъ на скалахъ, господствующихъ надъ котловиной. При Эмирѣ Магометъ-Якубъ-Бекѣ здѣсь находился очень незначительный гарнизонъ—но словамъ очевидцевъ, мѣстность такова, что и небольшое число защитниковъ могли бы оказать серьезное сопротивленіе въ десятеро сильнѣйшему непріятелю и успѣшно остановить его движеніе. Прямо противъ форта стоитъ зеленѣющая купа ивъ и тополей, носящая въ странѣ названіе „Мазаръ-Сугатъ-Каравалъ“, т. е. святыня передоваго охраннаго укрѣпленія Каравала. Тутъ, какъ гласитъ преданіе, одинъ изъ царей, ревнителей ислама, во время похода, когда солдаты его изнемогали отъ жажды, ударилъ мечемъ о скалу и—изъ нея брызнулъ потокъ холодной и чистой какъ хрусталь воды.

Мѣсто это дикое, глубокое и прилегающія мѣстности носятъ такой же пустынный, безотрадный характеръ. На нѣкоторомъ разстояніи тянутся ряды песчаныхъ и каменистыхъ холмовъ, возвышающихся на выжженной солнцемъ почвѣ. Вслѣдствіе отсутствія дождей, (которые бываютъ здѣсь очень рѣдко) скопляющіяся массы песку лежатъ почти неподвижно, достигая значительной высоты. И только вѣтеръ, разгуливающій здѣсь съ неудержимой свободой, нѣсколько сдерживаетъ ростъ этихъ песчаныхъ наносовъ, придаетъ имъ своеобразныя формы. На одномъ пути отсюда находится горный проходъ Тангишаръ. имѣющій всего отъ десяти и до тридцати футъ ширины и образованный двумя отвѣсными скалистыми стѣнами горнаго порога. Но—за этимъ ущельемъ, природа становится уже иная. Предъ глазами путешественника разстилается пастбище—долина, въ восемь или десять миль ширины и двадцать миль длины, на сѣверной ея окраинѣ идутъ высокіе холмы, отдѣляющіе ее отъ другой горной долины, болѣе возвышенной, служащей лѣтнимъ мѣстопребываніемъ кочующихъ здѣсь киргизъ.

Пѣснь въ честь любви.

(Сцена изъ итальянской жизни XV вѣка).

Италія временъ возрожденія значительно опередила всѣ другія націи тогдашней Европы, утонченностью своихъ обычаевъ и образа жизни. Нигдѣ въ это время стремленіе къ изяществу и роскоши не достигало такихъ размѣровъ какъ въ итальянскихъ государствахъ; нигдѣ мода не была столь изыскана и обязательна и со времени паденія антчинаго Рима ни въ одной странѣ не обращалось такого серьезнаго вниманія на костюмъ, наружность, бѣлизну кожи, волосы и одежду, какъ въ Италіи XIV и XV вѣковъ. Здѣсь дамы цѣлый день иногда проводили на солнцѣ, чтобы добыть себѣ столь цѣнимые тогда бѣлокурые волосы (capelli biondissimi per forka di sole) такъ какъ по ихъ убѣжденію лучи солнца, дѣйствуя на волосы безпрерывно, дѣлали наконецъ ихъ бѣлокурыми. Другою подобною же прихотью этой эпохи было чрезвычайное пристрастіе Итальянцевъ къ духамъ, благовоннымъ масламъ, которыми они опрыскивали даже муловъ и лошадей во время торжественныхъ праздниковъ и процессій. Такъ знаменитый Пьетро Аретино благодаритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Флорентійскаго Герцога Козьму I за присылку ему надушенныхъ денегъ. Въ половинѣ XVI вѣка въ Италіи же Джіованни делла Каза издалъ руководство вѣжливости и галантности „Il galateo“ долго служившее кодексомъ приличій для всей Европы. Подобному широкому развитію общественной жизни Италіи XIV и XV вѣковъ не мало способствовало и то обстоятельство, что здѣсь женщины получали весьма солидное, почти мужское образованіе и между ними часто встрѣчались ученыя, богато одаренныя талантами. Такою была знаменитая Витторія ди-Колонна, удивлявшая всѣхъ современниковъ своими обширными познаніями въ классическихъ языкахъ и другихъ наукахъ. Среди другихъ знаній, обязательныхъ для итальянской дамы того времени, первое мѣсто занимала музыка. Италія уже тогда была самой музыкальной страной въ Европѣ и въ этомъ отношеніи особенно славилась Венеція. Знатоками и цѣнителями музыки являлись такія лица какъ знаменитый художникъ Леонардо-да-Винчи и не менѣе знаменитый Папа Левъ X, который одному изъ лучшихъ музыкантовъ того времени Джіованни Маріо далъ графское достоинство и помѣстье. Въ 1480 году, во Франціи образовалось даже цѣлое музыкальное общество, состоявшее отъ 15 членовъ. Особенно была въ модѣ игра на лютнѣ. Во множествѣ портретовъ и картинъ того времени изображены отдѣльныя лица, иногда нѣсколько лицъ и даже ангелы, играющіе на струнныхъ инструментахъ. Въ эту эпоху въ Падуѣ жилъ извѣстный артистъ на лютнѣ Антоній Рота (ум. въ 1549 г.) который давалъ своимъ современникамъ уроки за дорогую цѣну и оставилъ цѣлую школу своего инструмента. При обиліи исполнителей и разнообразіи струнныхъ инструментовъ, музыкальное наслажденіе дѣлалось доступнымъ всѣмъ классамъ общества; итальянцы того времени любили уединяться въ свои виллы и тамъ средп чудныхъ садовъ погружаясь въ сладкіе звуки музыкальной мелодіи, забывать и ужасъ кровавой мести и жестокихъ междоусобныхъ войнъ и всѣ превратности тогдашней бурной и безпокойной жизни.

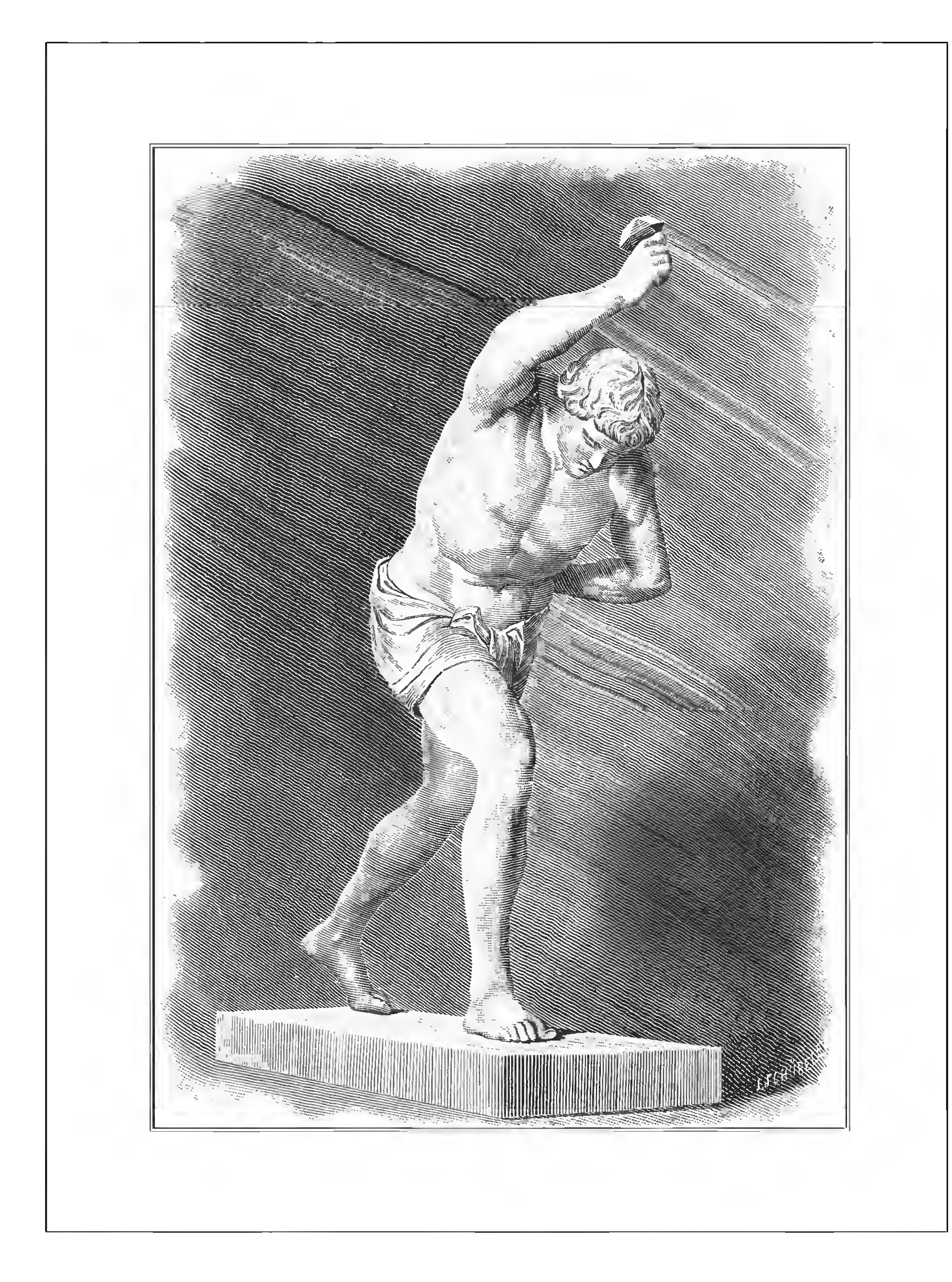
Вотъ на рисункѣ знатный, изящный артистъ того времени и двѣ прелестныя юныя слушательницы. Въ тѣни роскошныхъ аллей раздаются нѣжные, стройные звуки „пѣсни въ честь любви.“ Одна изъ слушательницъ подняла мечтательно прелестные глаза и подъ звуки Богъ знаетъ гдѣ носится мечта ея. Другая, моложе, застѣнчиво опустила бѣлокурую головку и въ душѣ ея

...Пробуждаютъ тающіе звуки
Какую-то неясную печаль,
Какія то несознанныя муки....

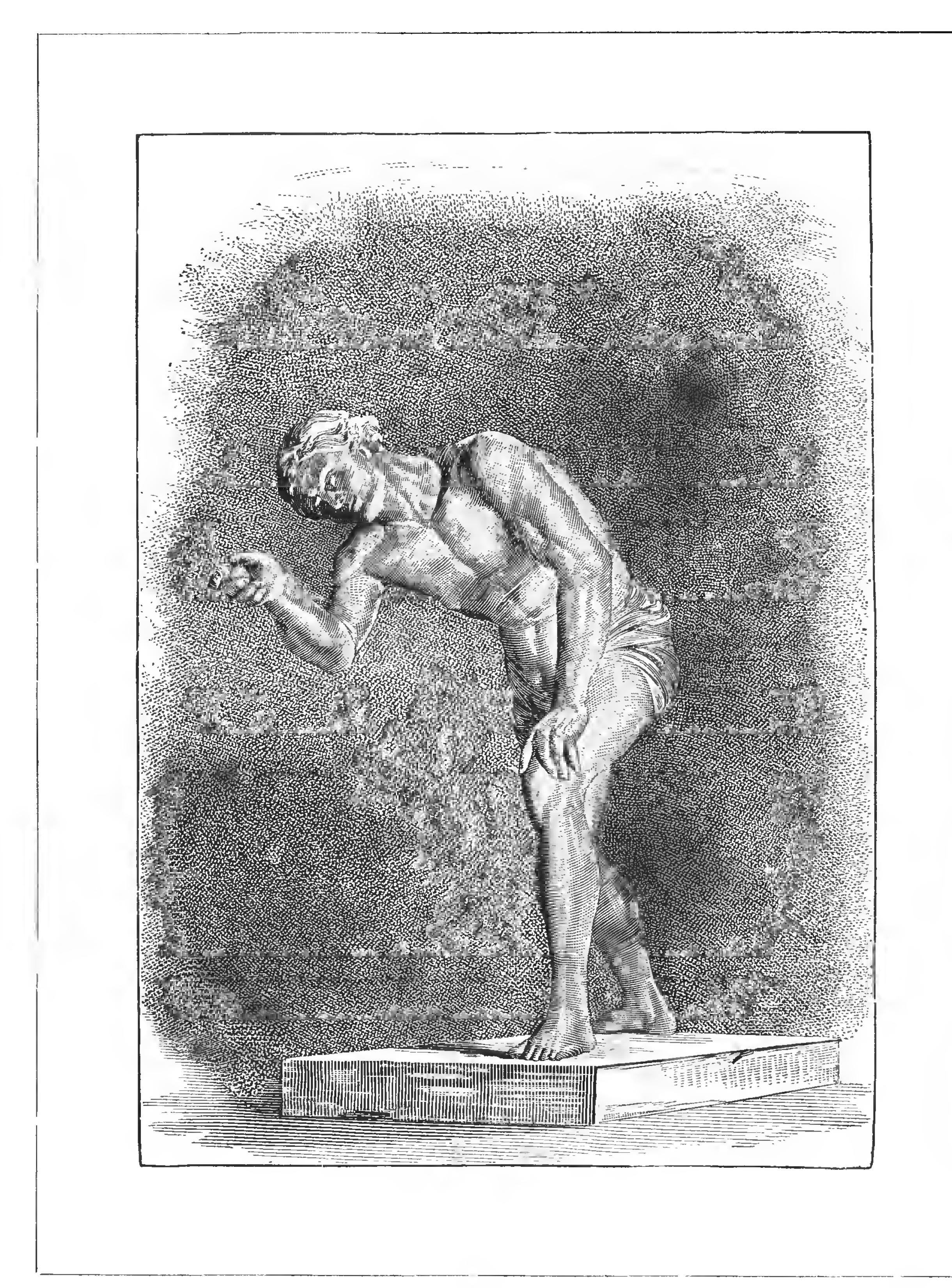
Горный кряжъ Бастей въ Саксонской Швейцаріи.

Подъ именемъ Саксонской Швейцаріи извѣстна живописная, гористая, богатая источниками и вѣковыми лѣсами мѣстность, простирающаяся отъ Либталя на цѣлыя 5 миль до самыхъ границъ Богеміи. Здѣсь, среди горъ, извивается Эльба и подобно Рейну, славящемуся красотами своихъ береговъ отъ Бингена до Бонна представляетъ рядъ великолѣпныхъ видовъ, начиная отъ Лейтмерица и кончая Пирной. Скалы саксонской Швейцаріи состоятъ преимущественно изъ плитняка и ихъ очертанія представляютъ то подобіе столбиковъ, то четыреугольныхъ призмъ. И въ долинахъ и въ оврагахъ, въ разщелинахъ постоянно замѣтно то вліяніе, какое имѣла вода въ разныхъ своихъ видахъ т. е. въ формѣ дождя, снѣга и атмосферной влаги, на образованіе подобныхъ причудливыхъ очертаній. Нѣкоторые же изъ этихъ подмоченныхъ водою и вывѣтренныхъ атмосферой скалъ-башенокъ до того тонки и непрочны, что съ трудомъ можно себѣ представить, какъ онѣ могутъ до сихъ поръ держаться на такой громадной высотѣ и не рухнутъ отъ перваго порыва вѣтра. Иногда между этими зубчатыми скалами въ трещинахъ и ущельяхъ виднѣются деревья, хотя тамъ не замѣтно ни клочка земли, которая могла бы давать имъ питаніе.

Горный кряжъ Бастей находится на самомъ берегу Эльбы, возвышаясь надъ нимъ на 500 футовъ и развѣтвляется на многія

Русская скульптура въ Императорской Академіи художествъ въ СПБ. „Игра въ Свайку".
Статуя Александра Вас. Логановскаго. Рис. на деревѣ А. Кившенко, грав. Шюблеръ.

Русская скульптура въ Императорской Академіи Художествъ въ СПБ. „Игра въ бабки“.
Статуя Ник. Степ. Пименова. Рис. на деревѣ А. Кившенко, грав. Пуцъ.

отрасли. Формой онъ походитъ на какое то громадное, фантастическое укрѣпленіе, отчего вѣроятно и произошло его названіе. (Bastei значитъ бастіонъ, укрѣпленіе). Лѣтомъ здѣсь открывается гостинница, гдѣ путешественники могутъ подкрѣпить свои силы послѣ утомительнаго хожденія по горамъ, скрыться отъ ненастья, а также добыть себѣ проводника для дальнѣйшихъ восхожденій. Здѣсь же въ скалѣ устроена башня (Aussichtsthurm), на которую ведетъ 70 ступеней и съ вершины которой открывается очаровательный видъ на Эльбу на всемъ ея протяженіи до самаго Визена и на краяхъ рядъ живописныхъ возвышенностей окрещенныхъ разными замысловатыми именами: Бернштейнъ, Кенигштейнъ, Лиліенштейнъ, Купельбергъ, Шнебергъ и т. д. У подножія Бастей перекинутъ черезъ Эльбу каменный мостъ, изображенный на прилагаемомъ нами рисункѣ. Этотъ мостъ имѣетъ семь арокъ и на одной изъ нихъ надпись золотыми буквами свидѣтельствуетъ, что мостъ сооруженъ въ 1850 и 1851 годахъ по повелѣнію Фридриха-Августа, Короля Саксонскаго. Неподалеку отсюда видна скала, посвященная извѣстному нѣмецкому писателю Тидге и на которой красуется лаконическая надпись: на память Тидге, пѣвца Ураніи.

Русская скульптура.

„Игра въ бабки", статуя Н. С. Пименова, „Игра въ свайку", статуя А. В. Логановскаго.

Въ томъ сжатомъ очеркѣ исторіи русской скульптуры, который былъ помѣщенъ въ 10 № нашего журнала за нынѣшній годъ, мы имѣли возможность лишь вскользь упомянуть о значеніи и трудахъ такихъ замѣчательныхъ русскихъ скульпторовъ, каковы были Н. С. Пименовъ и А. В. Логановскій. Теперь прилагая снимки съ извѣстныхъ статуй: „Бабочника" и „Играющаго въ свайку" мы считаемъ долгомъ сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія объ ихъ заслугахъ отечественному искусству. Статуи: „Бабочникъ" и „Играющій въ свайку" въ первый разъ появились на выставкѣ 1836 года и встрѣчены были общимъ восторгомъ; особенно всѣмъ нравилась статуя Пименова. „Играющій въ свайку" Логановскаго—юноша стройный, цвѣтущій здоровьемъ и силой, ведетъ игру легко, безъ всякаго напряженія, увѣренный въ мѣткости своего удара. „Бабочникъ" Пименова болѣе мужественъ и обладаетъ болѣе развитой и крѣпкой мускулатурой; игра заставляетъ его принять болѣе напряженное положеніе и выборъ этого положенія очень удаченъ. „Бабочникъ" представленъ въ тотъ моментъ, когда прищуривъ глазъ, присѣвъ и нагнувшись, цѣлится въ разставленный рядъ костей; въ лицѣ видно увлеченіе игрой, а во всей фигурѣ чисто-русская удаль и ловкость. Пушкинъ, обозрѣвая выставку, особенно любовался статуей Пименова. „Слава Богу, сказалъ онъ при этомъ, наконецъ и скульптура въ Россіи явилась народная" и тутъ же импровизировалъ извѣстное четверостишіе:

Юноша трижды шагнулъ, наклонился, рукой о колѣно
Бодро оперся, другою же поднялъ мѣткую кость,
Вотъ ужъ прицѣлился... прочь! раздайся, народъ любопытный,
Врозь разступись: не мѣшай русской удалой игрѣ.

Статуя А. В. Логановскаго хотя и слабѣе по исполненію, тѣмъ не менѣе составляетъ прекрасный панданъ статуѣ Пименова. Среди художниковъ существуетъ преданіе, что Логановскій два раза лѣпилъ свою статую и что первоначальная была удачнѣе второй. Благодушный художникъ не задумался передѣлать статую съ тою цѣлью, чтобы она болѣе подходила къ статуѣ Пименова, хотя самъ сознавалъ, что нѣкоторыя ея части при этой передѣлкѣ вышли менѣе удачно. А. С. Пушкинъ не оставилъ безъ привѣта и Логановскаго и его статуя удостоилась также слѣдующаго экспромпта:

„Юноша полный красы, напряженья, усилія чуждый
Строенъ, легокъ и могучъ—тѣшится быстрой игрой.
Вотъ и товарищъ тебѣ, Дискоболъ. Онъ достоинъ, клянуся,
Дружно обнявшись съ тобой, послѣ игры отдыхать.

Обѣ статуи, по приказанію Государя были отлиты изъ чугуна въ мартѣ 1838 года и поставлены въ Царскомъ Селѣ, на постаментахъ средняго крыльца Александровскаго дворца у колоннады.

Такъ удачно началась художественная карьера молодыхъ скульпторовъ; извѣстность ихъ уже была обезпечена съ выставки 1836 года; познакомимся же съ ихъ прошлымъ, предшествовавшимъ выставкѣ и прослѣдимъ ихъ художественную дѣятельность до самой ихъ смерти.

Николай Степановичъ Пименовъ былъ сынъ профессора скульптуры, обладавшаго недюжиннымъ талантомъ для своего времени. Родился онъ 24-го ноября 1812 года, а 12 лѣтъ отъ роду поступилъ въ Академію и вскорѣ попалъ въ число учениковъ талантливаго Гальберга. Впродолженіе девятилѣтняго пребыванія въ Академіи Пименовъ успѣлъ выказать свои большія способности и получить всѣ обычныя академическія награды и между прочимъ вторую золотую медаль за выполненіе выпускной программы—барельефа: „Гекторъ въ ложницѣ Елены упрекаетъ Париса въ бездѣйствіи". Большой же золотой медали онъ удостоился за описанную нами статую „Бабочникъ", дававшей ему право отправиться на казенный счетъ въ Италію, что онъ и сдѣлалъ въ іюлѣ 1837 года. Но еще до этой поѣздки молодой художникъ выполнилъ для постановки въ Орлѣ колоссальный бронзовый бюстъ генералъ-маіора Бахтина, основателя Орловскаго корпуса. Во время семилѣтняго пребыванія въ Римѣ Пименовъ произвелъ много статуй и эскизовъ, но особенно замѣчательными его произведеніями этого періода были: памятникъ Нелидову, „Мальчикъ, кормящій птичку" и „Нищій". Послѣдняя статуя доставила Пименову званіе академика и была имъ повторена для разныхъ лицъ четыре раза. Женившись на итальянкѣ и желая продлить свое пребываніе въ Италіи, Н. С. принялъ на себя обязанности пріемщика мраморовъ для Исаакіевскаго собора и для этой цѣли переѣхалъ во Флоренцію. Здѣсь онъ занялся окончаніемъ начатыхъ въ Римѣ статуй и проектированіемъ пяти аллегорическихъ группъ, предполагавшихся для украшенія строившагося тогда постояннаго моста черезъ Неву. На мѣстѣ, гдѣ нынѣ часовня, предполагалось поставить громадную группу, задуманную самимъ Государемъ „Торжество надъ водою". Проектъ этотъ не былъ выполненъ, а впослѣдствіи и самая мысль объ его осуществленіи была окончательно оставлена. Въ 1851 году Пименовъ прибылъ въ Петербургъ и получилъ тотчасъ же заказъ для Исаакіевскаго собора—двѣ колоссальныя группы Воскресенія и Преображенія, предназначенныя для верхняго украшенія боковыхъ иконостасовъ. Эти группы самыя извѣстныя изъ произведеній Пименова и отличаются высокими достоинствами и за ихъ выполненіе художникъ былъ признанъ профессоромъ единогласно, всѣмъ академическимъ ареопагомъ. Въ 1859 году Пименовъ украсилъ, по порученію купеческаго общества, залу здѣшней биржи бюстомъ Императора Николая I, а въ 1861 году поставилъ на мѣсто другой бюстъ покойнаго Императора въ одной изъ залъ Эрмитажа. Съ осени 1861 года Пименовъ началъ хворать, а 5-го декабря 1864 года упорная болѣзнь уложила его въ могилу. Кромѣ произведеній уже оконченныхъ, послѣ него осталось множество проектовъ и эскизовъ, которые онъ творилъ легко и свободно. благодаря своей плодовитой и неистощимой изобрѣтательности и богатству фантазіи. Такъ онъ проектировалъ, но не успѣлъ выполнить памятники Паскевичу, Воронцову и адмиралу Лазареву и выполнилъ множество хотя и мелкихъ, но весьма талантливыхъ работъ самаго разнообразнаго характера: лѣпилъ бюсты покойнаго императора, формы для медалей и жетоновъ, разные орнаменты, статуэтки въ память полковыхъ юбилеевъ и выполнялъ фигуры для украшенія носовой части нашихъ военныхъ кораблей. Однимъ изъ грандіозныхъ его проектовъ былъ задуманный имъ для Москвы „фонтанъ богатырей". По его проекту этотъ фонтанъ долженъ былъ состоять изъ соединенія трехъ группъ: Яна Усмовца, Горыни и Дубыни поражающихъ трехглавыхъ чудовищъ. Выполнена изъ гипса лишь одна группа Яна Усмовца съ быкомъ а все прочее кануло въ Лету. Кромѣ того Пименова до самой смерти мучила мысль о созданіи достойнаго памятника столь горячо любимому имъ поэту—Пушкину; но и эта мысль воплотилась лишь въ рисункахъ и эскизахъ и не пошла далѣе.

Александръ Васильевичъ Логановскій, сынъ священника, родился въ 1812 году 22-го марта. Въ Академію онъ поступилъ въ 1821 году и былъ однимъ изъ любимыхъ учениковъ В. И. Демута-Малиновскаго. Въ 1833 году за выполненіе барельефной программы „Гекторъ упрекаетъ Париса, встрѣчая его у Елены" удостоился золотой медали 2-го достоинства; въ томъ же году онъ былъ выпущенъ изъ Академіи съ чиномъ 14-го класса. Въ 1836 году получилъ большую золотую медаль за свою статую „играющій въ свайку" и отправленъ въ Италію. Въ Римѣ Логановскій изваялъ изъ мрамора, по заказу Государя Наслѣдника, статую Аббадоны и послѣ нѣсколькихъ второстепенныхъ работъ принялся за большую группу: „Кіевскій юноша и рѣка Днѣпръ", но и она осталась исполненной только въ гипсѣ. Позднѣйшія его работы вскорѣ составили его художественную репутацію; то были большіе барельефы: „Избіеніе младенцевъ" и „Явленіе ангеловъ пастухамъ" для Исаакіевскаго собора. За эти замѣчательныя работы Логановскій въ 1844 году возведенъ въ званіе академика, а за участіе его въ постройкѣ Новокремлевскаго дворца пожалованъ золотою медалью на голубой лентѣ. Еще болѣе таланта и плодовитости выказалъ Логановскій при выполненіи колоссальныхъ барельефовъ на наружной сторонѣ храма Спасителя въ Москвѣ. За эти оцѣненныя по достоинству работы, онъ въ 1850 году былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени, а въ 1859 году произведенъ въ профессоры. Въ Москвѣ же онъ выполнилъ изъ мрамора прекрасный бюстъ графа А. А. Закревскаго. Логановскій скончался въ 1855 году ноября 18-го, оставивъ по себѣ память талантливаго художника и добраго, радушнаго и высоко честнаго человѣка.

Длиннохвостый панцырникъ.

Животное это имѣетъ въ длину нѣсколько болѣе трехъ футовъ (почти два приходятся только на хвостъ), при ростѣ, достигающемъ $5^{1}/_{2}$ дюймовъ; у молодыхъ животныхъ этой породы хвостъ, относительно, еще больше, равняясь почти двумъ длинамъ всего тѣла; нѣкоторая пропорціональность уста-

навливается лишь съ возрастомъ. Тѣло панцырника цилиндрической формы; довольно толсто и вытянуто, заканчиваясь съ одной стороны короткой шеей и головой, а съ другой—хвостомъ. Чешуя покрываетъ всю спину, бока и хвостъ, нижняя сторона котораго защищена щетиной. Морда же совершенно открыта. Самыя чешуйки чрезвычайно тверды и заострены; всего больше ихъ на срединѣ спины, на головѣ, бокахъ, ногахъ, на оконечности хвоста, на крестцѣ и спинѣ онѣ образуютъ одиннадцать продольныхъ рядовъ; при этомъ, спинныя имѣютъ плоскую форму, а расположенныя на бокахъ—напоминаютъ острія ланцета; за каждымъ плечомъ находится по одной очень большой чешуѣ. Обыкновенно, средній рядъ, расположенный на головѣ, состоитъ изъ девяти чешуекъ; рядъ идущій далѣе, вдоль туловища—изъ четырнадцати, на хвостѣ же отъ сорока двухъ—до сорока четырехъ чешуекъ. Общій цвѣтъ всей чешуйной массы по большей части, темнокоричневый, переходящій въ красноватый; отдѣльныя чешуи, снизу темнокоричневыя, а по краямъ—желтоваты, щетина—чернаго цвѣта.

Подробныя обстоятельныя свѣдѣнія объ образѣ жизни этого животнаго мы находимъ только у одного Дэмаршэ: „Въ лѣсахъ Гвинеи, говоритъ онъ, водится четвероногое животное, которое негры называютъ „Квоггело"; начиная отъ головы и до конца хвоста оно покрыто чешуями, имѣющими видъ листьевъ артишока, но нѣсколько болѣе заостреными. Чешуи эти, расположенныя близко одна къ другой, достаточно остры и тверды, чтобы защитить животное отъ когтей и зубовъ какаго-либо инаго нападающаго звѣря. Одинъ изъ самыхъ злѣйшихъ враговъ ихъ—леопардъ; повсюду преслѣдуя это кроткое, безобидное животное и легко его догоняя, страшный хищникъ, однако, не всегда осиливаетъ свою жертву: послѣдняя тотчасъ же свертывается клубомъ, подгибая, вмѣстѣ съ тѣмъ, хвостъ подъ животъ и подставляя врагу своему однѣ колючія чешуи; леопардъ, часто, сильно наколовшись, съ ревомъ отскакиваетъ и бросаетъ охоту. Негры гораздо опаснѣе для бѣднаго животнаго. Они убиваютъ его палками, продаютъ шкуру и ѣдятъ мясо, которое очень бѣло и нѣжно, что можно допустить, если только безусловно вѣрить, что животное питается исключительно муравьями, которыхъ ловитъ своимъ длиннымъ, липкимъ языкомъ.

Наводненіе въ Москвѣ 8 и 9 апрѣля.

Москву постигло великое несчастіе. Воды Москвы-рѣки выступили изъ береговъ 8-го апрѣля, а 9-го апрѣля залили всѣ низменныя мѣстности, разлились по прилегающимъ къ набережной улицамъ и по нижней части Александровскаго сада. На набережной залило подвалы и нижніе этажи многихъ домовъ, причемъ подвалы извѣстнаго Кокоревскаго Подворья также пострадали. Вся мѣстность, называемая Бабьимъ-Городкомъ, Татарская улица съ переулками, мѣстность за дѣвичьимъ монастыремъ—все было залито. Сообщеніе на многихъ улицахъ производилось на лодкахъ, которыхъ, однако, было очень мало, такъ что многіе жители Дорогомилова и мѣстности, прилегающей къ Обводному каналу, спасшіеся на чердакахъ, оставались цѣлый день безъ пищи. Часть рѣшетки набережной сломана. 10-го апрѣля рѣка, въ предѣлахъ набережной, вошла въ берега. Низменныя мѣстности оставались залитыми, хотя вода сбыла значительно. Сообщеніе на лошадяхъ возобновилось; теперь вода все убываетъ. Погода нѣсколько дней стояла теплая, лѣтняя; 11-го было даже жарко.

11-го апрѣля, по Замоскворѣчью еще ѣздили на лодкахъ. Убытки отъ наводненія считаютъ милліонами. Часть Александровскаго сада, въ которомъ предполагалось устройство мануфактурной выставки, была залита водою. Кругомъ зданія морскаго отдѣла политехнической выставки, вода страшно бушевала. Глубина воды въ зданіи доходила до полуторы сажени. Къ утру 8 числа вода начала выступать изъ береговъ, разсказываетъ корреспондентъ Пет. Л., къ утру же 9 числа, она залила на громадномъ пространствѣ мѣстность съ 500 жилыми зданіями. Вся почти Дорогомиловская слобода, находящаяся за Бородинскимъ мостомъ, была въ водѣ: 76 домовъ она залила, большею частію, подъ самыя крыши; жители перебрались на чердаки и на крыши, черезъ улицу неслись въ переулки цѣлыя рѣки—глубина воды доходила до 4 аршинъ; сообщеніе съ уѣздомъ въ этой сторонѣ было прервано; вопль жителей былъ ужасенъ. Нашли двѣ три обывательскія лодки, и перевощики эти, пользуясь удобнымъ случаемъ, брали за перевозъ чрезъ улицу по рублю съ человѣка. Въ 11 часовъ 9-го числа, по срединѣ Дорогомиловской улицы, поднялся громадный столбъ принятый жителями за дымъ пожара; ужасъ еще усилился, по соображеніи, что пожарной командѣ въ улицу пробраться было невозможно; вскорѣ объяснилось, что то пыль поднялась отъ обрушившагося каменнаго дома Макарова, стоявшаго на углу переулка, по которому шумѣлъ глубокій потокъ воды. Отвалился цѣлый уголъ и все, что было въ немъ, поплыло по водѣ: тутъ плыли сундуки съ имуществомъ, гардеробъ, иконы и кровать съ периною; кое что изъ этого добра спасено было однимъ смѣльчакомъ—трактирщикомъ. Вслѣдъ затѣмъ, плывшая вдоль залитой улицы лодка съ 8-ю пассажирами, быстрымъ теченіемъ воды была снесена въ переулокъ и тамъ опрокинулась; одинъ изъ сидѣвшихъ въ ней зацѣпился одеждой за конецъ дождевой трубы и повисъ на ней, другіе плыли дальше, нѣкоторые ухватились за заборы, другихъ прибило къ стоящей среди переулка снесенной водою телегѣ, а двухъ не нашли. Подоспѣла лодка и спасла несчастныхъ. Не прошло и часа времени, какъ изъ дома Степановой, что на Бережкахъ, дали знать, что въ погребѣ дома задохлись два человѣка. Полицейскіе поспѣшили туда на лодкахъ, но нашли, что погребъ залитъ водой и доступа къ нему не было. На нашемъ рисункѣ (стр. 357) и изображенъ этотъ печальный эпизодъ ужасной борьбы слабыхъ силъ человѣка съ бушующей стихіей.

Причиной гибели въ нѣсколькихъ погребахъ жертвъ наводненія былъ спертый въ подвалахъ воздухъ; погреба тѣ были со всѣхъ сторонъ окружены водою, такъ что пустое пространство ихъ наполнилось землянымъ газомъ, неимѣвшимъ другаго выхода изъ затопленной мѣстности.

Слобода Дорогомиловская находилась въ безвыходномъ положеніи болѣе двухъ сутокъ и только 10-го числа вода пошла быстро на убыль, а къ вечеру сообщеніе по большой улицѣ началось на лошадяхъ.

Ужасную картину представляла мѣстность въ луговой долинѣ за Дѣвичьимъ монастыремъ, занятая жилищемъ огородниковъ и нѣсколькими фабриками. Отъ домиковъ огородниковъ видны были только однѣ макушки и около нихъ высокіе стога сѣна и навоза, на которыхъ спасался ихъ домашній скотъ. Въ этихъ избушкахъ люди находились на крышахъ и на чердакахъ, имѣя сообщеніе на лодкахъ. Дома причта церкви Тихвинской были залиты; жившіе около церкви, въ будкѣ, городовые, нашли себѣ убѣжище на колокольнѣ; чѣмъ питались они—не извѣстно. Съ самаго утра, 9-го числа, и до вечера, на колокольнѣ той раздавался звонъ набата, призывавшаго на помощь, и только въ 5 часовъ пополудни, къ церкви прибыло нѣсколько лодокъ съ крестьянами изъ села Воробьева, которые, по просьбѣ духовенства, перевезли на плотахъ стоявшій на возвышенности по шею въ водѣ домашній скотъ и поставили его на паперть залитой водою церкви. Фабрики на этой луговинѣ казались плавающими въ водѣ.

Ниже за Крымскимъ мостомъ, по правой сторонѣ Москвы-рѣки, въ районѣ Якиманской части, было затоплено 10 улицъ и переулковъ; вся мѣстность Пятницкой части, за исключеніемъ Кузнецкой улицы и части Пятницкой улицы, была въ водѣ, много домовъ въ районѣ Серпуховской части также были залиты, въ томъ числѣ находились всѣ „кожевники", гдѣ вода бурнымъ потокомъ неслась въ разныя стороны по переулкамъ и улицамъ. Громадныя фабрики: Емельянова и Рошфоръ, двѣ фабрики Циндля, Фиргана, Пухова и Шлейхтерманн были залиты; водочный и винокуренные заводы Гревсмюля подверглись той-же участи; нижніе этажи домовъ были подъ водою и жители спасались на чердакахъ.

Рѣчка Яуза вздулась такъ, что затопила мѣстность отъ Устинскаго моста до Высокаго, затопила сахарный заводъ Боткиныхъ и вода подмочила много сахарнаго товара; отъ Покровскаго моста, влѣво, залила Лаврентьевскую улицу, а вправо, на всемъ пространствѣ земли Сазикова, залила всѣ жилыя постройки, вобралась въ домъ Жуковыхъ и подмочила много товаровъ, снесла нѣсколько красиленъ, раззорила жилища огородниковъ.

Несчастій съ людьми, за исключеніемъ Дорогомиловской слободы, *нигдѣ не было*; купалось много, много оттого и захворало. Что касается до понесенныхъ отъ наводненія убытковъ, то о нихъ собираются еще свѣдѣнія, а убытки, надо считать, на милліоны; въ однихъ только складахъ бывшаго дома Кокорева, что у Москворѣцкаго моста, отъ подмоченныхъ товаровъ показано убытку на 200 т. рублей.

По рѣкѣ плыли съ верховьевъ на плотахъ лошади, цѣлыя избы, сараи и люди; на одномъ стогѣ соломы вмѣстѣ съ поломъ плылъ мужичекъ на пространствѣ болѣе 50 верстъ.

Но болѣе всего пострадали лѣсопромышленники: почти весь приготовленный къ сплаву лѣсъ, а также и погоны дровъ, приготовленные къ сплаву въ Москвѣ, на берегахъ рѣчекъ подняло и унесло въ Москву-рѣку. Лѣсомъ и дровами этими покрыты теперь всѣ берега Москвы-рѣки на далекомъ пространствѣ; кромѣ того, много расхищено его жителями прибрежныхъ селеній и самой Москвы. Дворы, подвалы и чердаки переполнены этими матеріалами въ Даниловской слободѣ; крестьяне села Воробьева возили съ рѣки лѣсъ въ поля и зарывали его въ ямы; примѣру ихъ слѣдовали и другіе.

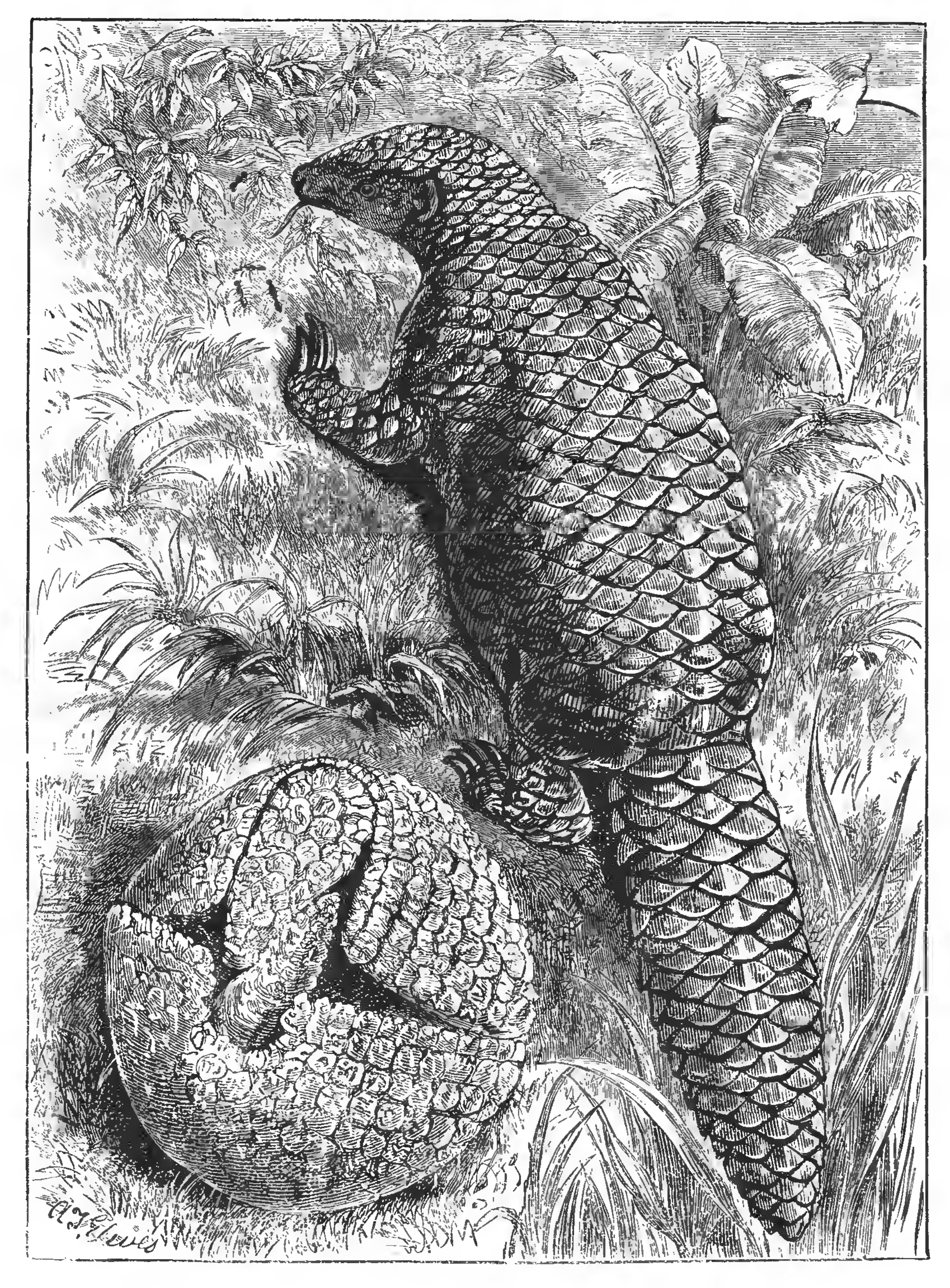
Наводненіе съ 9 ч. веч. 9 апрѣля, какъ сказано, стало ослабѣвать; вода садилась медленно. Къ утру 10 числа она упала на аршинъ и затѣмъ быстро пошла на убыль, такъ что, къ 1 часу дня, переѣздъ на лодкахъ чрезъ улицу Дорогомиловской слободы прекратился; къ 3 часу дня, набережная Москвы-рѣки, по обѣимъ сторонамъ Каменнаго моста и до Устинскаго, уже освободилась отъ воды.

Политическія и внутреннія извѣстія.

Избраніе князя Болгаріи.—Арнауты въ Сербіи.—Лейярдъ снова въ Константинополѣ.—Франція.—Австрія.—Пожаръ въ Оренбургѣ.

Наконецъ вопросъ, столь интересовавшій политическій міръ, разрѣшенъ—Болгарія избрала себѣ князя. 16-го апрѣля собраніе закрыло сессію свою, по совершеніи послѣдней формальности подписанія депутатами устава. На другой день предстояло избраніе князя. Это могло, однако, встрѣтить нѣкоторыя затрудненія, такъ какъ одна фракція, составлявшая повидимому, незначительное меньшинство, желала отложить выборы до тѣхъ поръ, пока не будетъ въ точности опредѣлена южная граница Болгаріи. Единственно вполнѣ серьезною кандидатурою представлялось кандидатура принца Александра Баттенбергскаго (сына отъ морганатическаго брака Принца Александра Гессенскаго, зятя Е. В. Государя Императора, съ графинею Гауке, которой былъ пожалованъ титулъ принцессы Баттенбергской).

Подъ конецъ, британскій коммисаръ поддерживалъ кандидатуру датскаго принца Вольдемара, но сторонниковъ оказалось очень мало. Что касается принца Баттенбергскаго, то онъ изъявилъ готовность вступить на болгарскій престолъ, но лишь при условіи избранія значительнымъ большинствомъ. 17-го—князь Дондуковъ-Корсаковъ открылъ засѣданіе избирательнаго собранія и пригласилъ приступить къ выбору князя Болгаріи и—послѣдовало единогласное избраніе принца Баттенбергскаго, подъ именемъ Александра I. Выше въ статьѣ о принцѣ Баттенбергѣ читатели найдутъ объ его избраніи нѣкоторыя подробности.

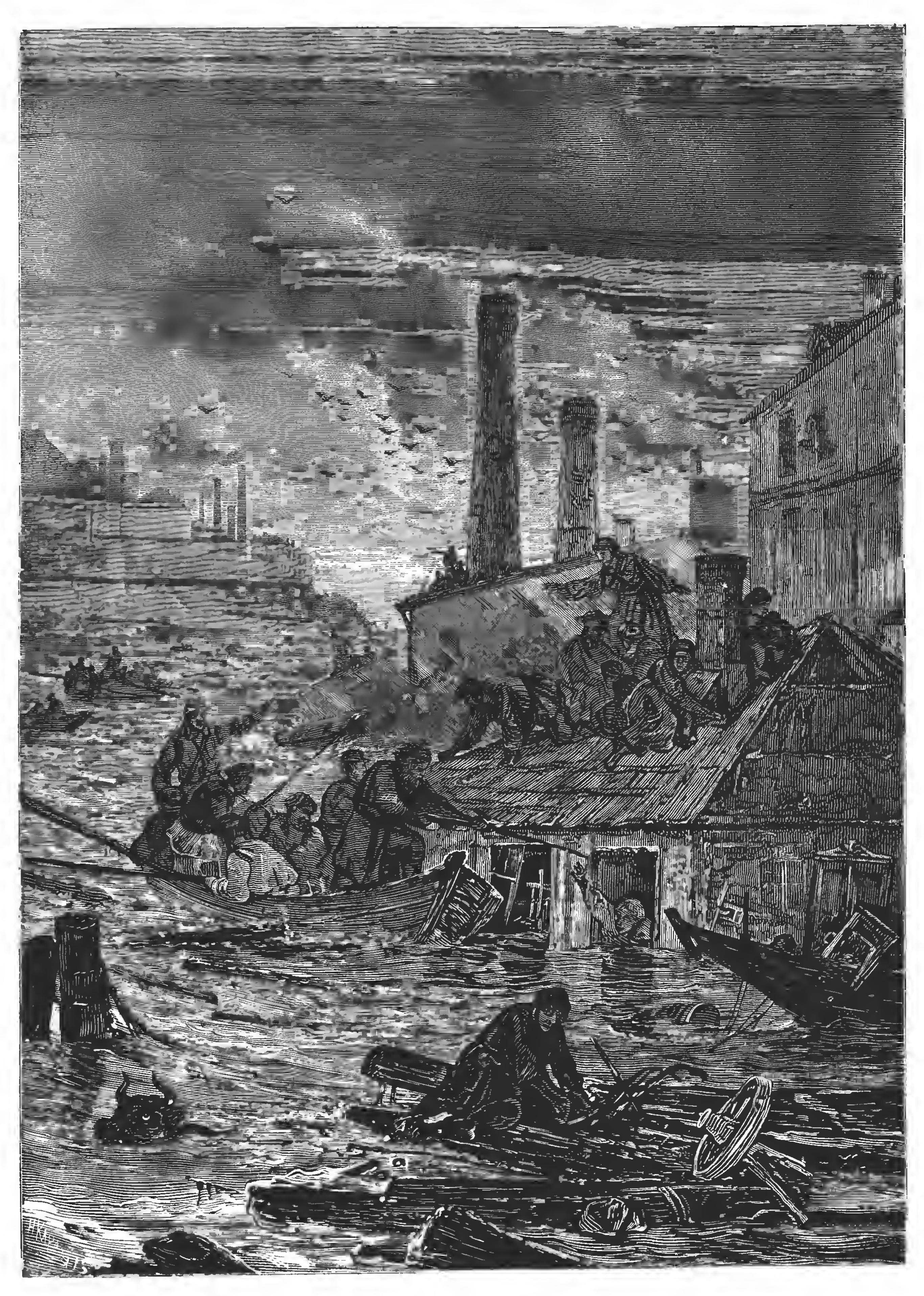

Длиннохвостый панцырникъ. Рис. Елюсъ, грав. Уэль.

Добавимъ къ этому еще одно весьма важное извѣстіе—по слухамъ, болгарская милиція состоитъ, впродолженіе временнаго положенія, подъ начальствомъ русскихъ офицеровъ—державы согласились съ этимъ требованіемъ Россіи.

На дняхъ телеграфъ принесъ извѣстіе о томъ, что арнауты вторглись въ предѣлы Сербіи. Вотъ объясненіе этого событія. Вслѣдствіе расширенія сербскаго княжества, оно, придвинувшись къ албанской границѣ, пріобрѣло незавидныхъ со-

(Продолженіе на стр. 357, 358, 359 и 360.)

Наводненіе въ Москвѣ. Подъемъ воды въ Дорогомиловской слободѣ.
По наброску очевидца рис. Н. Каразинъ, грав. Э. Шмидтъ.

сѣдей въ лицѣ воинственнаго арнаутскаго народа. Уже съ перваго времени сосѣдство это дало себя почувствовать — не проходило почти дня, въ который не прорвалась бы, или не разгуливала на границѣ сербской какая нибудь шайка арнаутовъ, убивая сербовъ, разрушая и опустошая все, что попадалось подъ руку, на пути. Репрессивныя мѣры, предпринимавшіеся сербскими властями, не вели ни къ чему—за всякую арнаутскую голову, мстительные хищники отплачивали головою серба, а иногда и болѣе, чѣмъ одною. Нѣсколько баталіоновъ народнаго войска, поставленныхъ для охраны границы, не въ состояніи предупредить вторженій, такъ какъ войники, прибывшіе изъ дальнихъ округовъ, совсѣмъ не знакомы съ мѣстностью, порученною ихъ оборонѣ, тогда какъ арнауты знаютъ ее въ совершенствѣ и всегда умѣютъ проскользнуть мимо стражи. Недавно, въ Топличскій округъ (съ главнымъ городомъ Куршумліе) ворвалась уже не шайка, а до трехъ тысячъ человѣкъ. Сербы, однако, сумѣли отразить и прогнать ихъ назадъ, за пограничную черту. Вопросъ въ томъ—прекратятся-ли эти набѣги или Сербскому правительству придется, въ этой части княжества, держать постоянно и жителей, и войска на готовѣ. Княжеское правительство сдѣлало надлежащія представленія Портѣ, но будетъ ли это имѣть желаемыя послѣдствія?

Едва-ли, отвѣтимъ мы, и въ особенности, если правда, что въ Константинополь снова возвращается прежній посланникъ Британской королевы сэръ Лэйардъ—безпощадный врагъ славянъ и ихъ „представленій" и вѣрный истолкователь плановъ и намѣреній Лорда Биконсфильда. Чтобы ни говорили, но нынѣшній премьеръ все еще твердо стоитъ у власти: на дняхъ Рэйлендсомъ было внесено въ палату предложеніе, выражающее торійскому министерству сожалѣніе по поводу громаднаго увеличенія расходовъ, но предложеніе это отвергнуто 303 голосами противъ 230-ти. Оно было отвергнуто, не смотря на то, что партіи торіевъ грозитъ распаденіе. Дѣло въ томъ, что изъ этой партіи вышелъ одинъ изъ главныхъ столповъ ея—Лордъ Дерби, желающій, какъ говорятъ, образовать свою особую фракцію, нѣчто среднее между консерваторами и либералами. Нельзя не замѣтить, что первые много теряютъ съ удаленіемъ столь значительнаго сторонника.

Во Франціи въ депутаты избранъ осужденный за участіе въ возстаніи коммунаровъ, извѣстный Бланки. Согласно конституціи, онъ не имѣетъ права быть депутатомъ, и едва-ли палата утвердитъ это избраніе. Въ настоящую минуту раздаются уже голоса, требующіе помилованія.

Въ Вѣнѣ происходило торжество празднованія серебряной свадьбы императора и императрицы. 15-го апрѣля торжество это завершилось праздничнымъ шествіемъ. Въ галлереяхъ императорской палатки стояли государственные сановники и другія высшія лица военныя и гражданскія, а въ самой палаткѣ—члены императорской фамиліи. Въ 11 часовъ появились ихъ величества. Бургомистръ произнесъ рѣчь, на которую императоръ отвѣчалъ въ милостивыхъ выраженіяхъ, и затѣмъ прошла торжественная процессія, послѣ выполненія народнаго гимна.

Пожаръ въ Оренбургѣ. *) 16-го апрѣля, съ 10 часовъ вечера, при сильной бурѣ и вѣтрѣ городъ Оренбургъ горѣлъ—не было никакихъ средствъ спасти горящія части города. Пожаръ быстро переносился съ однаго пункта на другой; былъ вѣтеръ и буря. Бѣдствіе было страшное. 17-го апрѣля пожаръ продолжался, при страшной бурѣ, день и ночь. Утромъ продолжали догорать дома на всемъ пространствѣ пожарища. Буря утихла. Обгорѣла одна церковь, сгорѣли: двѣ церкви, окружный штабъ, артиллерійскія казармы, городская дума, инженерное управленіе, гостинный дворъ, телеграфная станція, учительскій институтъ, казенная и контрольная палаты, военно-окружный судъ и лучшія части города. Казенныя суммы и большая часть дѣлъ спасены. Понесенные народонаселеніемъ убытки громадны. Найдено нѣсколько обгорѣвшихъ труповъ. Болѣе половины населенія осталось безъ крова и хлѣба. Погорѣвшіе размѣщены были въ баракахъ за городомъ и въ лѣтнемъ помѣщеніи военной гимназіи. О доставленіи печенаго хлѣба телеграфировали самарскому губернатору и дали знать по окрестнымъ станицамъ. Части пожарной команды, по требованію губернатора, прибыли изъ Самары; организованъ комитетъ для помощи бѣдствующимъ, но масса нуждающихся столь велика, что мѣстныя средства были далеко недостаточны. Стало поступать множество пожертвованій для раздачи въ пособіе отъ частныхъ лицъ. При пожарѣ, вслѣдствіе принятыхъ мѣръ, не было случаевъ грабежа и насилія. Въ числѣ пострадавшихъ весьма много должностныхъ лицъ всѣхъ вѣдомствъ.

Получивъ свѣдѣнія о постигшемъ гор. Оренбургъ бѣдствіи, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ отпустилъ 10,000 руб., для выдачи, на первый случай, наиболѣе пострадавшимъ отъ пожара жителямъ.

Дѣйствія правительства.

I.

Именной Высочайшій указъ, данный правительствующему сенату:

1879 года апрѣля 11. «Признавъ необходимымъ дѣло о совершенномъ 2 сего апрѣля покушеніи на жизнь Нашу направить къ суду въ порядкѣ, установленномъ ст. 1.074 т. XV ч. II уст. угол. судопр. (изд. 1876 года), мы повелѣваемъ учредить съ указанною цѣлью и въ опредѣленномъ приведенною статьею составѣ верховный уголовный судъ, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя департамента законовъ государственнаго совѣта, нашего статсъ-секретаря, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя **Урусова**.

Правительствующій сенатъ не оставитъ сдѣлать надлежащее къ исполненію сего распоряженіе.»

II.

ВСЕМІРНЫЙ ПОЧТОВЫЙ СОЮЗЪ.

Заключенъ между Россіею, Германіею, Аргентинскою республикою, Австро-Венгріею, Бельгіею, Бразиліею, Даніею и датскими колоніями, Египтомъ, Испаніею, и испанскими колоніями, Соединенными Штатами Сѣверной Америки, Франціею и французскими колоніями, Великобританіею и разными англійскими колоніями, Британскою Индіею, Канадою, Греціею, Италіею, Японіею, Люксембургомъ, Мексикою, Черногоріею, Норвегіею, Нидерландами и нидерландскими колоніями, Перу, Персіею, Португаліею и португальскими колоніями, Румыніею, Сербіею, Сальвадоромъ, Швеціею, Швейцаріею и Турціею,—почтовый союзъ.

Постановленія конвенціи распространяются на закрытыя и открытыя письма, печатныя произведенія всякаго рода, дѣловыя бумаги и образчики товаровъ, происходящіе изъ одной изъ странъ Союза и адресованные въ другую изъ этихъ странъ. Постановленія распространяются также, при пересылкѣ въ предѣлахъ Союза, на обмѣнъ предметовъ, между странами Союза.

Различныя союзныя почтовыя управленія могутъ обмѣниваться между собою, чрезъ посредство одиаго или нѣсколькихъ изъ нихъ, какъ закрытыми пакетами, такъ и корреспонденціею, пересылаемою открыто.

Корреспонденція, обмѣниваемая какъ открыто, такъ и въ закрытыхъ пакетахъ, между двумя союзными почтовыми вѣдомствами, чрезъ посредство одиаго или нѣсколькихъ другихъ союзныхъ вѣдомствъ, подлежитъ, въ пользу каждой страны, чрезъ которую производится пересылка или которая участвуетъ въ оной, слѣдующимъ платежамъ, а именно:

I. За сухопутную пересылку 2 франка (60 к), за килограммъ (2 ф. 42 зол.) закрытыхъ и открытыхъ писемъ и 25 сантимовъ (7 к.) за килограммъ другихъ предметовъ.

II. За морскую пересылку 15 франковъ за килограммъ закрытыхъ и открытыхъ писемъ и 1 франкъ за килограммъ другихъ предметовъ.

Во всякомъ случаѣ:

1) Тамъ, гдѣ транзитъ уже нынѣ даровой или гдѣ онъ производится на болѣе выгодныхъ условіяхъ, сіи постановленія остаются въ своей силѣ, за исключеніемъ случая, предусмотрѣннаго ниже, въ параграфѣ 3-мъ.

2) Тамъ, гдѣ плата за морской транзитъ до сего времени взимается въ размѣрѣ 6 франковъ 50 сантимовъ за килограммъ закрытыхъ и открытыхъ писемъ, эта плата уменьшается до 5 франковъ.

3) Всякая пересылка моремъ на протяженіи не болѣе 300 морскихъ миль производится безплатно въ томъ случаѣ, когда заинтересованное почтовое управленіе уже имѣетъ право на вознагражденіе за сухопутный транзитъ постъ-пакетовъ или корреспонденцій, пользующихся этою морскою пересылкою; въ противномъ случаѣ за сію послѣднюю уплачивается 2 франка за килограммъ закрытыхъ и открытыхъ писемъ и 25 сантимовъ за килограммъ другихъ предметовъ.

Освобождаются отъ всякихъ платежей за транзитъ, сухопутный или морской, корреспонденція, пересылаемая отъ одного почтоваго вѣдомства къ другому, досылаемая, возвращаемая и невыданная, росписки въ полученіи корреспонденціи, почтовые трансферты, или увѣдомленія о выпускѣ ихъ, и всякіе другіе документы, касающіеся почтовой службы.

Таксы за пересылку почтовыхъ отправленій въ предѣлахъ Союза, съ доставкою ихъ на домъ адресатамъ въ тѣхъ союзныхъ странахъ, гдѣ доставка на домъ уже существуетъ или будетъ установлена, взимаются въ слѣдующемъ размѣрѣ:

1. За закрытыя письма 25 сантимовъ (7 копѣекъ) когда они франкированы и въ двойномъ размѣрѣ, когда они не франкированы.

2. За открытыя письма по 10 сантимовъ (4 коп.) за каждое письмо.

3. За печатныя произведенія всякаго рода, дѣловыя бумаги и образчики товаровъ—по 5 сантимовъ (2 коп.) съ каждаго предмета или пачки, имѣющихъ отдѣльный адресъ, съ тѣмъ, чтобы такой предметъ или пачка не заключали въ себѣ письма или чего либо рукописнаго, имѣющаго характеръ текущей и личной переписки, и были задѣланы такъ, чтобы удобно было провѣрить вложеніе.

Плата за дѣловыя бумаги не можетъ быть менѣе 25 сантимовъ (7 к.) за каждое отправленіе, а плата за образчики товаровъ не можетъ быть менѣе 10 сантимовъ (4 к.) за каждое отправленіе.

Сверхъ таксы и наименьшаго ея размѣра, взимается:

За всякое отправленіе, за морскую пересылку котораго производится плата.

За всякій предметъ, пересылаемый чрезъ посредство чуждыхъ Союзу почтовыхъ управленій, или чрезъ посредство чрезвычайныхъ союзныхъ почтовыхъ сообщеній, ведущихъ къ особымъ издержкамъ,—дополнительную плату соразмѣрно этимъ издержкамъ.

Въ *случаѣ недостаточнаго франкированія*, корреспонденція всякаго рода *оплачивается* получателемъ *въ двойномъ размѣрѣ* не достающей до полнаго франкированія суммы.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНІЕ.

Въ Правит. Вѣстникѣ № 88 напечатанъ отчетъ о судебномъ засѣданіи 13-го апрѣля, с.-петербургскаго военно-окружнаго суда, по дѣлу объ отставномъ подпоручикѣ 86-го пѣхотнаго вильманстрандскаго полка, Владимірѣ Дмитріевѣ Дубровинѣ, преданномъ военно-окружному суду Его ИМАЕРАТОРСКИМЪ Высочествомъ Главнокомандующимъ войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа.

Ровно въ 11 часовъ утра судъ открылъ засѣданіе, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя суда, генералъ-лейтенанта Дебоа.

Обстоятельства дѣла, какъ они изложены въ обвинительномъ актѣ, заключаются въ слѣдующемъ:

16-го декабря 1878 г. въ г. Старой-Русѣ, адъютантомъ новгородскаго губернскаго жандармскаго управленія штабсъ-капитаномъ Романовскимъ былъ составленъ протоколъ о томъ, что прибывъ того числа въ 2½ часа пополудни, въ сопровожденіи депутата съ военной стороны маіора 86-го пѣхотнаго вильманстрандскаго полка Бычковскаго, въ квартиру подпоручика того же полка Дубровина, для производства у него обыска, онъ не успѣлъ объявить ему о цѣли своего посѣщенія, какъ подпоручикъ Дубровинъ, выхвативъ изъ сундука револьверъ, произвелъ по немъ выстрѣлъ, направивъ дуло револьвера прямо въ него, но не причинилъ ему вреда, потому что онъ успѣлъ оттолкнуть револьверъ и пуля ударилась въ потолокъ комнаты. Въ происшедшей затѣмъ борьбѣ между нимъ и Дубровинымъ, послѣдній пытался еще стрѣлять, но находившіеся до того времени въ коридорѣ жандармскіе унтеръ-офицеры Филиповъ, Кухтовъ и Алексѣевъ подоспѣли къ нему на помощь и общими усиліями имъ удалось отнять у Дубровина револьверъ. Тогда подпоручикъ Дубровинъ бросился въ слѣдующую комнату и схвативъ со шкафа кинжалъ, началъ имъ защищаться, причемъ ранилъ довольно опасно въ обѣ руки унтеръ-офицера Филипова, и только послѣ долгой борьбы былъ обезоруженъ.

При обыскѣ подпоручика Дубровина, у него отобрано и приложено къ дѣлу: изъ оружія: кинжалъ, литой чугунный кастетъ, складной охотничій ножъ, подъ ручкою котораго имѣется печатная надпись: съ одной стороны: «трудись», а съ другой: «защищайся», револьверъ системы Смита и Вессона и одиннадцать боевыхъ патроновъ, изъ которыхъ пять было вынуто изъ револьвера, и изъ бумагъ—тетрадь, озаглавленная: «Замѣтки русскихъ офицеровъ-террористовъ за 1878 годъ» и содержащая въ себѣ рядъ наставленій по части употребленія оружія, ядовъ, поддѣлки паспортовъ и печатей, взрывчатыхъ составовъ.»

---

*) Въ слѣдующемъ № «Нивы» будутъ помѣщены виды г. Оренбурга.

другихъ средствъ, необходимыхъ, какъ это сказано въ началѣ замѣтокъ, для веденія публичныхъ демонстрацій, вооруженнаго сопротивленія полицейскимъ властямъ и вообще для всѣхъ тѣхъ дѣйствій, къ которымъ приходится прибѣгать соціалистамъ-революціонерамъ для реализаціи идей бунтарства. Замѣтки эти, въ связи съ свойствомъ и количествомъ найденнаго у Дубровина оружія, показаніемъ вольноопредѣляющагося Лабойко, въ которомъ онъ прямо называетъ Дубровина революціонеромъ, и всѣми остальными обстоятельствами дѣла, вполнѣ устанавливаютъ принадлежность Дубровина къ соціально-революціонному кружку въ Россіи.

Самъ обвиняемый во время всего производства о немъ слѣдствія отказался дать какія либо объясненія. Производившіе наблюденіе въ состояніи здоровья Дубровина спеціалисты-психіатры, врачъ Литвиновъ и докторъ Дюковъ, нашли, что обвиняемый не страдалъ душевнымъ разстройствомъ и въ настоящее время психически здоровъ.

Отставной подпоручикъ Владиміръ Дмитріевъ Дубровинъ, 24 лѣтъ, сынъ кандидата коммерціи, Петербургской губерніи, въ службу вступилъ на правахъ вольноопредѣляющагося 30-го іюня 1876 года, произведенъ въ прапорщики 6-го іюля 1877 года, подпоручикомъ съ 20-го марта 1878 года, уволенъ отъ службы Высочайшимъ приказомъ 30 го декабря.

По окончаніи допроса свидѣтелей, исправляющій должность военнаго прокурора заявилъ, что онъ находитъ необходимымъ, чтобы подсудимый, выведенный изъ залы суда за буйство, былъ введенъ въ залу засѣданія для объявленія ему того, что происходило въ его отсутствіе. По приказанію предсѣдателя, дежурный офицеръ отправился къ подсудимому для исполненія означеннаго заявленія и возвратясь доложилъ суду, что подсудимый успокоился, но на троекратно предложенный ему вопросъ: не желаетъ ли онъ войдти въ залу засѣданія для слушанія дѣла?—ничего не отвѣчалъ. Вслѣдствіе этого судъ продолжалъ разсмотрѣніе дѣла въ отсутствіи подсудимаго.

И. д. военнаго прокурора, въ рѣчи своей, указавъ на важное значеніе преступленій такого рода, какое совершено подсудимымъ Дубровинымъ, и разобравъ обстоятельства настоящаго дѣла, полагалъ, что преступленіе подсудимаго принадлежитъ къ преступнымъ дѣяніямъ, предусмотрѣннымъ въ Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату 9-го августа 1878 года и объявленномъ въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 10-го того же августа № 226, за которыя полагается наказаніе по 279 ст. воин. уст. о наказаніяхъ. Судъ постановилъ: отставнаго подпоручика Владиміра Дубровина, лишивъ правъ состоянія, подвергнуть смертной казни чрезъ повѣшеніе.

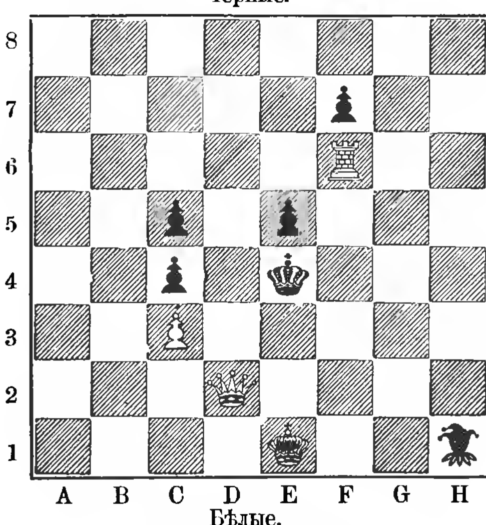
Апрѣля 20-го дня, онъ, Владиміръ Дубровинъ, въ 10 часовъ утра, былъ привезенъ, въ сопровожденіи конвоя, на мѣсто казни, на бастіонъ лѣваго полуконтгарда Іоанновскаго равелина с.-петербургской крѣпости, гдѣ, по прочтеніи во всеуслышаніе означеннаго приговора, въ 10 час. 10 минутъ утра, передъ строемъ присутствовавшихъ войскъ, подвергнутъ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Послѣ чего тѣло казненнаго, по медицинскомъ освидѣтельствованіи, предано погребенію.

Выставка г. Фельтена.

Въ предъидущемъ 17 № „Нивы“ мы уже извѣщали читателей, что извѣстный жителямъ Петербурга, содержатель эстампнаго и художественнаго магазина, г. Фельтенъ устроилъ въ Академіи Наукъ, на Вас. Островѣ, выставку оригинальныхъ картинъ современныхъ художниковъ. Имена Бейшлага, Макарта, Бранта, Вербекговена, Вотье, Габріэля Макса и друг. уже говорятъ сами за себя. Изъ русскихъ есть картины Лагоріо, Мещерскаго, Александровскаго, Харламова. Выставка эта, заключающая въ себѣ весьма замѣчательныя вещи, производитъ самое пріятное впечатлѣніе и нельзя не посовѣтовать всякому любителю искусства непремѣнно посѣтить ее. „Женская фигура“ Макарта, морскіе виды Дюккера, прелестныя „Купальщицы“ Бугеро, „Восходъ луны“ Дузетта, „У водопоя“ Жерома, „Св. Цецилія“ Дюбюфа, разнообразный, пестрый, полный жизни „Базаръ въ Константинополѣ“ Пазини, чудесныя женскія головки Боденмюллера и много другихъ произведеній, заслуживающихъ вниманія, оставляютъ самое полное впечатлѣніе и наслажденіе художественное. Выставка размѣщена прекрасно, съ большимъ знаніемъ дѣла.

Шахматная задача № 12

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ въ 3 хода.

Ариѳметическая задача.

Число, состоящее изъ трехъ цифръ, будетъ на 99 больше, если поставить цифры въ обратномъ порядкѣ. Если отнять первую цифру слѣва и поставить ее съ права, то число увеличится на 189. Если же отнять послѣднюю цифру справа и приставить ее съ лѣвой стороны, то образовавшаяся цифра будетъ относиться къ первоначальному числу какъ 4: 3. Какое именно это будетъ число?

Задача слоговъ.

Ю. Грюнберга.

Изъ нижеслѣдующихъ 30 слоговъ, составить 10 словъ, которыхъ начальныя буквы, читая ихъ сверху внизъ, составятъ имя знаменитаго русскаго писателя, а послѣднія буквы словъ, читая ихъ снизу вверхъ, составятъ названіе одного изъ его произведеній.

ал, бит, ву, ге, гин, де, ди, е, жье, зем, зи, зунд, зур, і, ир, ка. мен, мѣрж, но, о, о, пе, ру, се, скій, сре, тра, ты, у, я.

1) Знатная литовская фамилія 18-го столѣтія.
2) Русское имя.
3) Городъ въ малой Азіи.
4) Оружіе.
5) Городъ Кутаисской губерніи.
6) Предметъ дамскаго туалета.
7) Названіе моря.
8) Городъ Люблинской губерніи.
9) Названіе Еврейскаго царства.
10) Городъ Пермской губерніи.

РЕБУСЪ.

Рѣшеніе ариѳметической задачи въ № 15 „Нивы“.

Отецъ 1833 = 46 лѣтъ	1 + 8 + 3 + 3 (— 1)		=14 л. сына.	
Мать 1838 = 41 „	1 + 8 + 3 + 8 = 20	60	46—41=5 л. дочери.	
Сынъ 1865 = 14 „	1 + 8 + 6 + 5 = 20			
Дочь 1874 = 5 „	1 + 8 + 7 + 4 = 20			
106				

$$\text{и } 46-1=\frac{60\times 3}{4}=45;\ \frac{45}{60}=\frac{3}{4}$$

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: С.-Петербургъ, отъ гг.: Н. Карѣева, Крюковой, Шмидта, А. Бартельсена, К. Р—каго, Нахманова, Бенедикса, Галактіонова; **Москва:** отъ гг. В..каго, Соколова, В. Сѣр—ова; **Подольскъ—А.** Молчанова; **Ревель**—Луксенгеръ; **Варшава**—Бургартъ; **Вязники**—А. Мухина; **Тверь**—К. Миролюбова; **Кіевъ**—В. Ботова; **Луцкъ**—П. Мычнина; **Сумы**—И. Саговскаго; **Одоевъ**—П. Архангельскаго; **Кашинъ**—Я. Домашина; **Воронежъ**—Бухонова.

Рѣшеніе ариѳметической задачи въ № 16 „Нивы“.

Всего было 5 лошадей, 10 коровъ, 30 овецъ.

1-й крестьянинъ имѣлъ	2 лошади,	2 коровы,	11 овецъ.
2-й „ „	2 „	4 „	9 „
3-й „ „	1 „	4 „	10 „

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: Спб., отъ гг.: Говоркова, Корнѣева, Свѣткова, Назарова, Гиленича, Жупахина, Шишкина, Александровой, Люлю, Леодима, № 3346, Боч—кова, Жеребцова, Гевнича, Сабакина, С—скаго, В—овой, Невевае-Хватаева, Олышева, Скворцова, Липина, Максимова, Деммени, Петрова, Океля, Водовозова, Крылова, Ѳомина, Тимофѣева, А. Екенберга; **Москва,** отъ гг.: Иванова, Жукова, Ощепкова, Якобсъ, Добычина, Рассадина, Трубецкаго, Рахманова, Лебедева, Румянцева, Уткина, Нѣмова, Звѣвакина; **Нарва**—отъ г. Шеманова; **Рыбинскъ**—отъ г. Наумова.

Рѣшеніе шашечной задачи № 5.

Бѣлыя.	Черныя.
съ 9 на 13	съ 22 на 9
„ 17 „ 21	„ 30 „ 17
„ 3 „ 6	„ 17 „ 3
„ 2 „ 5	„ 9 „ 2
„ 4 „ 7	„ 3 „ 12
„ 8 „ 15	„ 2 „ 20
„ 16 „ 30	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: С.-Петербургъ, отъ гг.: А. Лейневицъ, П. Колесова, Ф. Максимова, А. Петрова, А. Евреинова, В. Вышеславцева, В. Мяк—го, П. Лобанова, А. Нельгрена, Картаева; **Москва,** отъ гг. В. Колесникова, В. С—ва, М. Полигова, Д. Морозова, А. Бѣлоногова, Г. С—ва, В. Звягина; **зав. Выкса,** отъ г. В. Гвоздкова.

Рѣшеніе ребуса въ № 15 „Нивы.“

Упадокъ промышленности и бѣдность рабочаго народа въ Англіи суть послѣдствія политики Дизраэли.

Призывъ къ пожертвованіямъ въ пользу погорѣльцевъ г. Оренбурга.

На основаніи Высочайшаго разрѣшенія, объявленнаго въ № 88 „Правит. Вѣстника“, при конторѣ редакціи журнала „Нива“ открытъ пріемъ денежныхъ пожертвованій въ пользу пострадавшихъ отъ пожара въ г. Оренбургѣ. Фамиліи жертвователей, съ обозначеніемъ высланныхъ ими суммъ, будутъ немедленно помѣщаться въ ближайшихъ №№ „Нивы“.

Издатель **А. Марксъ.**

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою СПБ. 26 Апрѣля 1879 г. Издатель А. Ф. Марксъ въ СПБ. [illegible] № 10.

X годъ. № 19

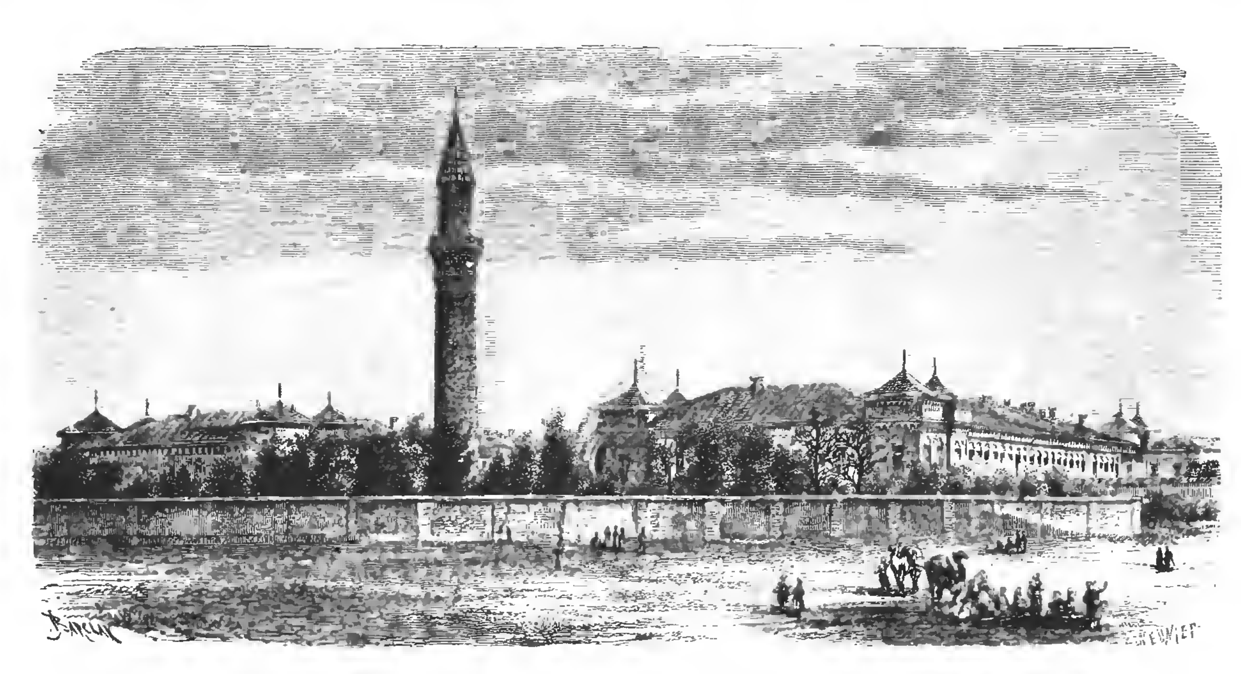
Годъ X. 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 моди. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40).
Выданъ 7 Мая. 1879 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Пожаръ въ Оренбургѣ.

Надъ Оренбургомъ разразилось великое несчастіе. 16-го апрѣля, при сильной бурѣ и вѣтрѣ городъ съ 10 часовъ утра началъ горѣть; не было никакихъ средствъ спасти горящія части. Пожаръ быстро переносился изъ однаго пункта въ другой, вѣтеръ и буря не утихали. Бѣдствіе было страшное.

Пожаръ продолжался, говорится въ оффиціальной телеграммѣ, при страшной бурѣ, день и ночь. Утромъ 17-го продолжали догорать дома на всемъ пространствѣ пожарища. Обгорѣла одна церковь, сгорѣли: двѣ церкви, окружный штабъ артиллерійскія казармы, городская дума, инженерное управленіе, гостинный дворъ, телеграфная станія, учительскій институтъ, казенная и контрольная палаты, военно-окружный судъ и лучшія части города. Казенныя суммы и большая часть дѣлъ спасены. Понесенные народонаселеніемъ убытки

Домъ губернатора и мечеть въ Оренбургѣ. Рис. Барклай, грав. Мѣнье.

громадины. Найдены обгорѣвшіе трупы. Болѣе половины населенія осталось безъ крова и хлѣба. Погорѣвшіе размѣщались въ баракахъ за городомъ и въ лѣтнемъ помѣщеніи военной гимназіи. О доставленіи печенаго хлѣба телеграфировали самарскому губернатору и распорядились по окрестнымъ станицамъ. Части пожарной команды прибыли изъ Самары; организованъ комитетъ для помощи бѣдствующимъ, но масса нуждающихся велика и мѣстныя средства далеко недостаточны. Въ числѣ пострадавшихъ находится весьма много должностныхъ лицъ всѣхъ вѣдомствъ. Получивъ свѣдѣніе о постигшемъ городъ Оренбургъ бѣдствіи, министръ внутреннихъ дѣлъ отпустилъ 10,000 руб., для выдачи, на первый случай, наиболѣе пострадавшимъ отъ пожара жителямъ. Высочайше разрѣшенъ повсемѣстный сборъ въ пользу пострадавшихъ.

На томъ мѣстѣ гдѣ нынѣ Оренбургъ, въ старину было расположено кочевье Ногайскаго хана Басмана, называвшееся Иктюбе. Закладка Оренбурга состоялась въ 1743 году и въ то же время онъ становится средоточіемъ всего мѣстнаго края и главнымъ городомъ образованной, по указу Императрицы Елисаветы Петровны въ 1744 году, Оренбургской губерніи. Въ 1782 году, вслѣдствіе переименованія Оренбургской губерніи въ Уфимское намѣстничество, Оренбургъ сталъ „областнымъ“, а въ 1796 году, по преобразованіи Уфимскаго намѣстничества снова въ Оренбургскую губернію, опять сдѣлался губернскимъ городомъ. Въ 1802 году управленіе губерніи перенесено въ Уфу и Оренбургъ считался уѣзднымъ городомъ до 1865 года, т. е. до времени раздѣленія Уфимской губерніи на двѣ: Уфимскую и Оренбургскую. Нынѣ число жителей въ Оренбургѣ простирается до 36,000, кромѣ значительнаго числа квартирующихъ здѣсь войскъ и учащейся молодежи.

Внѣшній видъ Оренбурга до пожара производилъ пріятное впечатлѣніе; широкая и красивая Николаевская улица застроена была многими зданіями очень изящной архитектуры; здѣсь красуется домъ генералъ-губернатора, военная прогимназія, гражданская гимназія, общественное собраніе. Въ самомъ центрѣ города расположена довольно обширная площадь, украшенная фонтаномъ и двумя скверами. Изъ хорошихъ улицъ еще выдѣлялись: Неплюевская, Уральская и Троицкая, всѣ вымощенныя щебнемъ. Въ концѣ Николаевской улицы, на самомъ берегу Урала, возвышается пирамидальный гранитный памятникъ, воздвигнутый жителями въ честь Императора Александра Перваго, освободившаго городъ отъ воинскаго постоя: бывшей эспланады крѣпости, отдѣлявшей послѣднюю отъ предмѣстій, давно уже не существуетъ; съ 1863 года, т. е. со времени срытія валовъ, все это пространство быстро застроилось и сдѣлалось совершенно неузнаваемымъ. Къ немалому удобству города слѣдуетъ отнести и устройство здѣсь водопровода, трубы котораго проложены были на разстояніи семи верстъ отъ обширнаго водоподъемнаго зданія.

Изъ православныхъ храмовъ, которыхъ въ Оренбургѣ болѣе 15-ти, нѣкоторые достойны особеннаго вниманія; такъ церковь св. Троицы, первоначально деревянная, была освящена въ 1774 году во время осады города Пугачевымъ. Въ 1783 г. она была сломана и замѣнена каменной, но черезъ 4 года сгорѣла и возобновлена уже въ 1801 году. Церковь Оренбургскаго драгунскаго полка во имя Апостоловъ Петра и Павла, возникла въ 1800 году изъ недостроенной армянской церкви и потому вопреки уставу православной церкви, алтарь ея обращенъ не на востокъ, а на юго-востокъ. Въ этой церкви хранятся военные трофеи оренбургскихъ войскъ, состоящіе изъ 33 знаменъ отнятыхъ у Коканцевъ и Бухарцевъ при взятіи Акъ-Мечети и Ташкента. Введенскій соборъ, построенный на берегу рѣки Урала въ 1756 году, въ 1859 году, при открытіи въ Оренбургѣ архіерейской каѳедры, переименованъ въ каѳедральный.Оренбургъ предполагалось украсить новымъ изящнымъ соборомъ, планъ котораго былъ уже утвержденъ. Кромѣ православныхъ храмовъ въ Оренбургѣ находится 1 католическая церковь, 1 протестантская, 3 мечети и 2 раскольничьи молельни.

Физіогномія города значительно разнообразилась отъ постояннаго пребыванія здѣсь разноплеменныхъ инородцевъ: на улицахъ безпрестанно встрѣчались то Киргизъ, то Бухарецъ, то Татаринъ въ своихъ своеобразныхъ костюмахъ; тутъ же тянулись длинныя вереницы тяжело нагруженныхъ верблюдовъ или съ ловкостью умѣлаго всадника гарцовала на конѣ татарка, закутанная съ головы до ногъ въ свой широкій халатъ. Этотъ же преобладающій среднеазіатскій элементъ замѣчался здѣсь и на рынкахъ, такъ какъ Оренбургъ, съ самаго своего основанія служилъ главнымъ пунктомъ для мѣновой и оптовой торговли между Россіей и Средней Азіей. Эта торговля ежегодно возрастала въ значительномъ размѣрѣ и сюда скоплялись почти всѣ товары Бухары, Хивы, Ташкента и Киргизскихъ степей. Значительность торговыхъ оборотовъ можетъ быть выражена сравненіемъ цифры привоза и вывоза за послѣдніе десять лѣтъ, при чемъ оказывается, что привозъ доходилъ до 7 милліоновъ, а отпускъ до 3-хъ милліоновъ рублей. Открытіемъ же желѣзнодорожнаго пути и соединеніемъ Оренбурга съ Самарой, этой торговлѣ открылась громадная, блестящая будущность. Здѣсь въ 1825 году было открыто Неплюевское военное училище, основанное съ цѣлью сближенія азіатцевъ съ русскими и эта прекрасная цѣль, хотя медленно но достигалась, такъ какъ туземцы уже не питали прежняго глубокаго отвращенія и предубѣжденія къ русскому воспитанію и охотно отдавали своихъ дѣтей въ училище. Въ 1870 году въ Оренбургѣ открыто безплатное ремесленное училище, которое уже въ немногіе года успѣло заявить себя какъ учрежденіе весьма полезное и вполнѣ соотвѣтствующее потребностямъ края. Кромѣ того въ Оренбургѣ было еще нѣсколько учебныхъ заведеній какъ казенныхъ такъ и частныхъ и число всѣхъ учащихся по статистическимъ даннымъ 1878 г. простиралось до 3000 человѣкъ обоего пола.

Трудно исчислить убытки нанесенные нашему несчастному городу такимъ громаднымъ пожаромъ. Мѣсто очень населенное, богатое, торговое. Причина будто бы неосторожность—но трудно, до разслѣдованія, сказать что нибудь достовѣрное. Оренбургъ болѣе чѣмъ административный центръ. Основанный для наблюденія за бродячими шайками хищныхъ инородцевъ, этотъ *слуховой* (Ohren-burg) и дозорный постъ получилъ то большое значеніе, на которое выше нами указано.

Тайна на берегу моря.

Разсказъ В. Киля.

(Окончаніе.)

Мы сидѣли молча. Плескъ волнъ былъ аккомпаниментомъ къ романическому разсказу Бланшъ. Я задумалась. Внезапная мысль пришла мнѣ въ голову и я тотчасъ же сообщила ее. „Бланшъ, сказала я, я придумала прекрасное окончаніе къ вашей исторіи, еслибъ вы только послушались меня“.

— Неужели? сказала она смѣясь, Что же такое? Вы всю жизнь хотите провести со мной?

— Нѣтъ, сказала я, въ мой планъ входятъ только любовь и счастье, которое должно завершиться веселою свадьбой, если вы только захотите подавить свою гордость.

— Скажите какой вашъ планъ, Маріанна, я такъ много страдала—гордость моя смирилась.

— Вы вышли замужъ шестнадцати или семнадцати лѣтъ, сказала я. Вы были тогда простой, мало развитой дѣвочкой—съ тѣхъ поръ прошло четыре года, и теперь вы (я говорю безъ лести) красавица. Вы много читали и многому научились.

— Но къ чему вы говорите объ этомъ?

— Все это важно для моего плана, отвѣчала я. Если бы фонъ-Деннеръ увидѣлъ васъ теперь, онъ влюбился бы въ васъ — но теперь онъ еще не долженъ видѣть васъ. Отдайте себя въ полное мое распоряженіе, хоть вамъ и двадцать одинъ годъ. Я помирюсь съ моей теткой и вы будете посѣщать насъ въ Берлинѣ. Ничто не можетъ быть легче, представить васъ фонъ-Деннеру въ качествѣ моей кузины, и если это не приведетъ васъ къ счастью, то я не хочу больше вѣрить въ Провидѣніе.

— Неужели вы думаете, что онъ можетъ полюбить меня? сказала она, прелестно краснѣя.

— Я увѣрена въ томъ, былъ мой отвѣтъ. А научились ли вы ненавидѣть мужа въ теченіи всего долгаго вашего затворничества?

— О нѣтъ, сказала она кротко, я люблю—мой портретъ, моего Адальберта, хотя я и не люблю сына баронессы фонъ-Деннеръ.

— На будущей недѣлѣ мы отправимся въ Парижъ, сказала я.

— Въ Парижъ, Маріанна? воскликнула она. Такъ скоро! Вы изумляете меня.

— Да, въ Парижъ, Бланшъ, отвѣчала я, и я скажу вамъ почему. Вы должны согласиться посвятить шесть мѣсяцевъ дальнѣйшему образованію, чтобы съ успѣхомъ

вступить въ свѣтъ. Это необходимо. Нужно знать тысячи мелочей, чтобы явиться въ свѣтъ, который строго соблюдаетъ этикетъ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ фонъ-Деннеръ увидѣлъ прелестную, образованную свѣтскую даму вмѣсто смуглой, некрасивой дѣвочки. Вы должны учиться танцовать и продолжать брать уроки пѣнія.

— О, какъ я охотно сдѣлаю все это, Маріанна, воскликнула она смѣясь, если поѣдете вы со мной.

— Да, я поѣду, сказала я.

— Но что станемъ мы дѣлать послѣ шестимѣсячнаго пребыванія въ Парижѣ? спросила она.

— Еслибъ мы могли уговорить тетю сопровождать насъ, то поѣздка въ Швейцарію и Италію была бы лучше всего. Это принесло-бы больше пользы, чѣмъ чтеніе и ученье.

— О, это было-бы прекрасно! воскликнула она, но мы не поѣдемъ въ Комо. Мнѣ будетъ тяжело увидѣть озеро.

— Нѣтъ, туда не нужно ѣхать, отвѣчала я, но пора домой; госпожа Гейнъ вѣрно уже безпокоится.

Мы вернулись. Въ тотъ же вечеръ, написала я письмо теткѣ и смиренно просила ее простить меня. Чтобы исполнить мой планъ, я была согласна на все, кромѣ брака съ барономъ фонъ Вильтеномъ. Я писала ей, что пріѣду дня на два въ Берлинъ, если она желаетъ видѣть меня. Она была очень обрадована и дала тотчасъ свое согласіе на мой бракъ съ Бруно. Я рѣшила, что Бланшъ поступитъ въ пансіонъ Дюпленъ. Тамъ принимали только не многихъ дамъ высшаго общества.

Трудно описать радость тетки при нашей встрѣчѣ. Бланшъ была со мной и съ ея позволенія я разсказала тетѣ ея исторію. Она была очень заинтересована, потому что была знакома съ Деннерами.

— Маріанна, сказала она, это самая необыкновенная исторія, какую мнѣ приходилось слышать. Кто могъ-бы подумать, что у красиваго, меланхолическаго Деннера такая прелестная молодая жена?

— Онъ меланхоличенъ? спросила я съ живостью.

— Да, и не безъ причины. Говорятъ, онъ любилъ княгиню.

— Она теперь въ Берлинѣ? спросила я.

— Да, ея мужъ при русскомъ посольствѣ и она играетъ первую роль въ берлинскомъ обществѣ, отвѣчала она, но Бланшъ гораздо милѣе ея.

Тетя очень хлопотала найти въ Парижѣ пансіонъ, въ которомъ Бланшъ могла бы заниматься. Но я ставила пансіонъ Дюпленъ такъ высоко, что мы, поблагодаривъ тетю за ея любезность, отправились въ Парижъ. Шесть мѣсяцевъ посвятила Бланшъ занятіямъ. Успѣхи ея превзошли всѣ ожиданія. Она стала замѣчательной красавицей и милой свѣтской женщиной. Я гордилась ею. Тетя присоединилась къ намъ и мы отправились путешествовать. Бланшъ увлекалась всѣмъ—природой и искусствомъ. Мы были такъ довольны и счастливы, что отложили день отъѣзда до октября и пріѣхали въ Берлинъ только въ началѣ зимняго сезона.

V.

Зимній сезонъ въ Берлинѣ еще никогда не начинался такими блестящими балами, какъ въ томъ году, о которомъ я разсказываю—годъ, рѣшившій и мою судьбу, и судьбу моихъ друзей. Тетя очень заботилась, чтобы балы, которые она намѣревалась дать, были какъ можно элегантнѣе. Ея великолѣпная квартира была роскошно отдѣлана за-ново.

Вся аристократія была въ городѣ. Намъ предстояли многіе балы и особенно блестящій оперный сезонъ. Ожидали молодую, извѣстную примадонну. О ней ходило много разсказовъ, говорили, что она дочь венгерскаго генерала, посвятившая себя сценѣ изъ любви къ искусству. У моей тети была ложа, и тутъ Бланшъ должна была, по моему плану, увидѣть снова своего мужа. Она была такая нервная, что я не рискнула ее допустить до встрѣчи съ нимъ въ обществѣ. Она сейчасъ же бы выдала себя. Мы узнали, что Адальбертъ фонъ-Деннеръ живетъ въ своемъ домѣ въ сообществѣ матери. Тетя долго совѣтовалась со мною какое платье надѣнетъ Бланшъ въ оперу. Все высшее общество должно было быть на первомъ дебютѣ пѣвицы и я не сомнѣвалась, что мы встрѣтимъ баронессу фонъ-Деннеръ и ея сына.

Наконецъ вопросъ о туалетѣ былъ рѣшенъ и никогда еще Бланшъ не была такъ прелестна, какъ въ тотъ вечеръ. На ней не было брилліантовъ, только жемчугъ. Маленькая діадема красовалась въ пышныхъ, черныхъ волнистыхъ волосахъ ея. Драгоцѣнное ожерелье блестѣло на прелестной бѣлой шейкѣ. На груди былъ букетъ изъ камелій. Тетя была поражена, увидѣвъ ее.

— Дорогая моя, сказала она, какъ вы прелестны. Сколько надежды, какъ блестятъ глаза!

Мы пришли въ театръ къ самому началу представленія. Бланшъ была въ первый разъ въ оперѣ и я знала, что она, при своей любви къ музыкѣ, будетъ восхищена. Въ первое мгновеніе ее поразило невиданное еще ею зрѣлище. Богатые наряды, блескъ драгоцѣнныхъ камней, сдержанно шумящая толпа, все это, казалось, произвело на нее сильное впечатлѣніе. Я зорко наблюдала. Первыя десять минутъ публика поглощала все ея вниманіе.

Затѣмъ ее приковала сцена. Пѣвица для перваго дебюта выбрала Лючію. Въ ту минуту, когда Лючія пѣла въ первой сценѣ, я замѣтила, что Бланшъ покраснѣла и губы ея задрожали; казалось, она была тронута судьбой несчастной дѣвушки. На глазахъ ея показались слезы. Она не замѣчала, какое впечатлѣніе производила на всѣхъ ея собственная красота. А между тѣмъ она съ примадонной раздѣляла вниманіе публики. Нѣсколько времени спустя появилась въ ложѣ видная дама, въ которой я тотчасъ признала фонъ-Деннеръ; а за нею шелъ высокій, очень красивый мужчина. То былъ Адальбертъ фонъ-Деннеръ. Онъ окинулъ театръ бѣглымъ взглядомъ и обратилъ все свое вниманіе затѣмъ на сцену. Его мать заговорила съ нимъ и указала на знакомую даму. Дамой очевидно очень интересовались—это была красавица съ роскошными бѣлокурыми волосами.

— Кто эта дама? спросила я тетю.

— Княгиня Шольская, урожденная Габріэль фонъ Беллингъ, отвѣчала она.

Наконецъ то я увидѣла „бѣлокурую“ Габріэль, невольно омрачившую жизнь Бланшъ. Адальбертъ нечаянно взглянулъ на нашу ложу. Я замѣтила его изумленіе; казалось, онъ не могъ отвести глазъ отъ Бланшъ. Я видѣла, какъ онъ что-то сказалъ своей матери и какъ та внимательно посмотрѣла въ нашу ложу. Они очевидно не догадывались, что это та „некрасивая, смуглая дѣвочка,“ отъ которой они нѣкогда отвернулись. Теперь, казалось мнѣ, настало время предостеречь мою подругу.

— Бланшъ, сказала я, смотрите на сцену и будьте спокойнѣе, мнѣ нужно кое-что сообщить вамъ. Перенесете ли вы новость, которая васъ взволнуетъ? Не забывайте, вы не должны выказывать ни малѣйшаго волненія.

— Перенесу, сказала она просто.

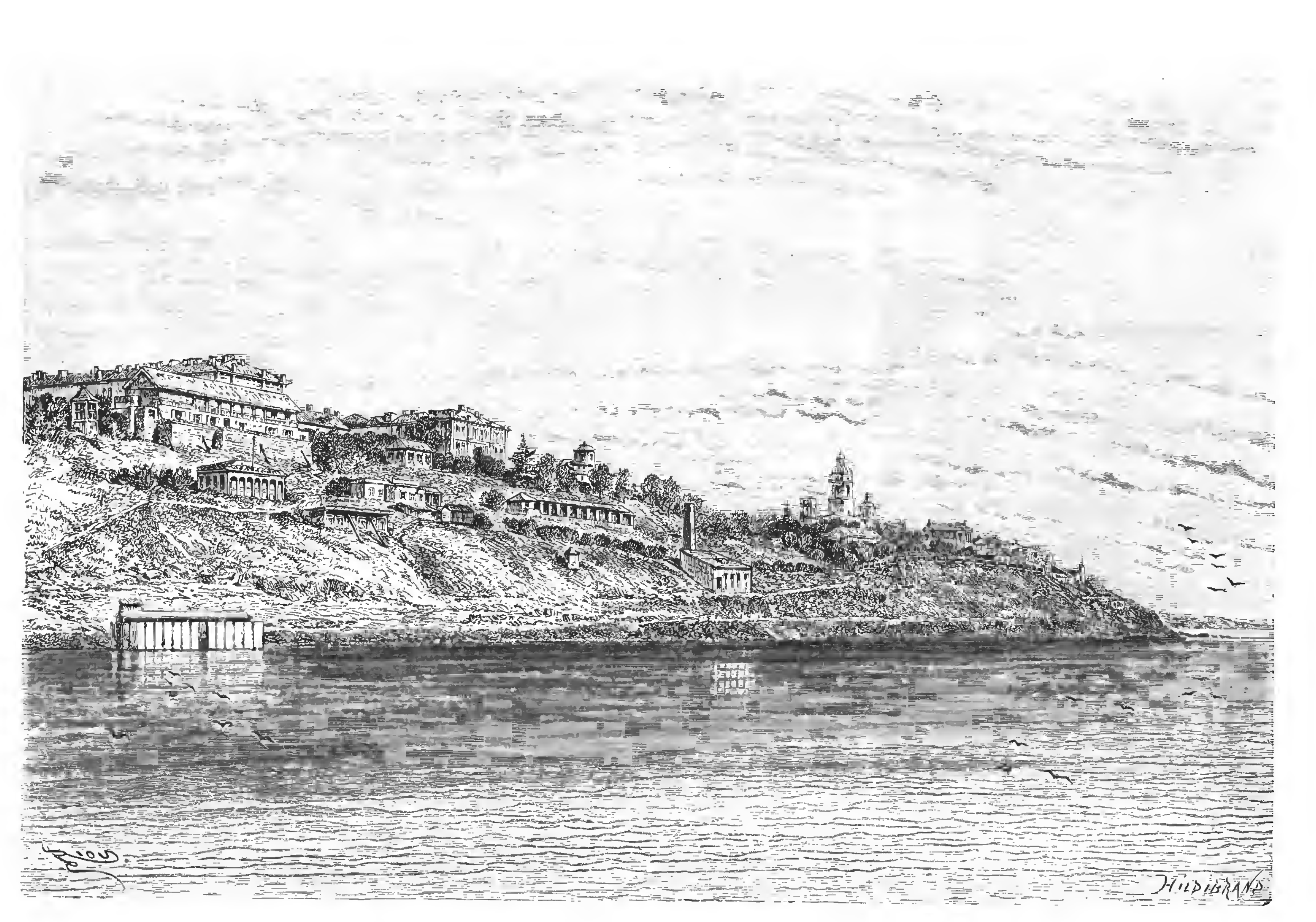
— Адальбертъ здѣсь, сказала я, глядя на нее.

Я хорошо сдѣлала, что предупредила ее. Она поблѣднѣла.

— Скройте лицо въ вашемъ букетѣ, Бланшъ, посовѣтовала я ей.

Когда она подняла свое вспыхнувшее лицо черезъ нѣсколько минутъ, я была тронута его милымъ, нѣжнымъ выраженіемъ.

— Гдѣ онъ, нельзя-ли мнѣ взглянуть на него, Маріанна? спросила она какимъ то дѣтскимъ, дрожащимъ голосомъ.

Видъ г. Оренбурга до пожара, со стороны рѣки Урала. Съ фотогр. рис. Рiу, грав. Гильдебрандъ.

Близъ Оренбурга. Киргизское кочевье въ степи. Рис. Фердинандъ, грав. Лаплантъ.

— Да, отвѣчала я смѣясь, если вы будете умны и спокойны. Помните, Бланшъ, вы не должны измѣнить себѣ.

— Да, помню, отвѣчала она. Взгляните на меня, Маріанна, я уже кажется не дрожу?

Я указала ей Адальберта, она поднесла къ глазамъ бинокль. Поглядѣвъ двѣ или три минуты, она обратилась ко мнѣ.

— Я боюсь, что упаду въ обморокъ. Поѣдемте домой.

Я съ безпокойствомъ посмотрѣла на нее, но зная силу ея воли, сказала:

— Первое волненіе прошло, постарайтесь успокоиться!

Черезъ нѣсколько минутъ, казалось, Бланшъ оправилась.

— Хотите уѣхать или останемся? спросила я.

— Я останусь; я только вдругъ смутилась. Онъ все еще такъ похожъ на свой портретъ. Онъ кажется только старше и такой грустный! Все тоже открытое, благородное лицо!

Я видѣла, какъ Адальбертъ всталъ и, зная, что онъ хорошо знакомъ съ тетей, какъ и со всѣмъ свѣтскимъ обществомъ, считала весьма возможнымъ, что онъ прійдетъ въ нашу ложу.

— Бланшъ, сказала я, крѣпитесь. Вы знаете, все зависитъ отъ вашего самообладанія. Вашъ мужъ идетъ, кажется, въ нашу ложу. Онъ захочетъ познакомиться съ вами. Въ силахъ ли вы вынести такое испытаніе?

— Да, сказала она, оправляясь, я владѣю теперь собой.

Въ слѣдующую минуту Адальбертъ фонъ-Деннеръ уже стоялъ передъ тетей. Послѣ короткаго привѣтствія онъ что-то тихо сказалъ ей и она насъ познакомила.

— Кажется, m-lle Эверсъ, сказалъ онъ съ улыбкой, которая очень шла къ нему, я васъ уже гдѣ-то видѣлъ?

— Да, я встрѣчала васъ.

Онъ взглянулъ на Бланшъ, какъ бы желая спросить зовутъ ли и ее Эверсъ, потому что моя тетушка назвала насъ, по разсѣянности, обѣихъ своими племянницами.

Бланшъ немного отвернулась отъ него. Блестящіе, чудные глаза ея были опущены и длинныя, темныя рѣсницы оттѣняли вспыхнувшія щеки. Никогда еще не видѣла я ее такою прелестною. Адальбертъ, казалось, былъ очарованъ. Онъ занялъ пустое кресло между нами и заговорилъ объ оперѣ. На одно его выраженіе Бланшъ замѣтила, что она въ первый разъ слышитъ оперу. Онъ изумился, но тетушка сказала, что ея племянница жила до сихъ поръ въ полномъ уединеніи. Робость Бланшъ понемногу исчезла и послѣ очень приличнаго и тонкаго комплимента, который какъ бы невольно сказалъ ей Адальбертъ, она взглянула на него; этотъ взглядъ чуть было не выдалъ ее. Онъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Онъ остался въ нашей ложѣ до конца представленія, не пропуская ни одного слова, произносимаго ею и наконецъ всталъ, испросивъ позволенія навѣстить насъ. Онъ пришелъ на другое утро и, казалось, любовался Бланшъ въ ея утреннемъ костюмѣ еще больше, чѣмъ въ театрѣ. Онъ сидѣлъ довольно долго и какъ будто не въ силахъ былъ уйти. Онъ просилъ ее пѣть. Ея милый, звучный съ оттѣнкомъ меланхоліи голосъ окончательно плѣнилъ его. Она спѣла пѣсню, которая однажды такъ растрогала меня.

— Благодарю васъ, сказалъ ей Адальбертъ, когда она кончила, я буду слышать эту пѣсню даже во снѣ.

Она покраснѣла и тихонько улыбнулась.

Затѣмъ спросилъ, будемъ ли мы на балу у фонъ-Бергеновъ. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ простился, выразивъ надежду встрѣтить насъ тамъ. Онъ надѣялся встрѣтить и меня! Это меня забавляло. Ему было бы кажется рѣшительно все равно, если бы я вмѣсто бала у фонъ-Бергена очутилась на сѣверномъ полюсѣ, такъ мало обращался онъ ко мнѣ въ присутствіи Бланшъ.

Тетя говорила, что мы навѣрно встрѣтимъ на этомъ балу княгиню Шольскую, такъ какъ она очень дружна съ фонъ-Бергенами.

— Теперь я увижу, сказала мнѣ Бланшъ, дѣйствительно ли онъ ее любитъ. Если любитъ, тогда я вернусь въ свое уединеніе и откажусь отъ всякихъ надеждъ.

Тетушка прилагала старанія одѣть Бланшъ какъ можно лучше. Ея бѣлое атласное платье было покрыто кружевами и свѣжими бутонами розъ. На головѣ вѣнокъ изъ розъ и рѣдкіе бриліанты; я видѣла—она боялась немного предстоящей встрѣчи съ бѣлокурою Габріэль.

Балъ былъ очень удаченъ. Бланшъ признана всѣми царицею бала. Когда мы вошли въ залъ, Адальбертъ немедленно всталъ и подошелъ къ намъ. Онъ представилъ насъ своей матери, которая была очень любезна съ Бланшъ. Баронесса фонъ-Деннеръ представила насъ княгинѣ Шольской; мы нѣсколько времени разговаривали и трудно было бы найти двухъ болѣе красивыхъ женщинъ, менѣе похожихъ другъ на друга, чѣмъ онѣ. Бланшъ превосходила свою соперницу; въ ней было что-то наивно величественное, рѣзко отличавшееся отъ безпокойной нервности бѣлокурой кокетки. Адальбертъ подошелъ къ намъ и я видѣла съ какимъ вниманіемъ онъ смотрѣлъ на обѣихъ. Затѣмъ онъ предложилъ свою руку Бланшъ и, къ моему удовольствію, уже не подходилъ къ княгинѣ.

Не проходило почти дня, чтобы Адальбертъ не былъ у насъ. Мы встрѣчались въ обществѣ, на гуляньѣ, а вечеромъ въ оперѣ или гдѣ нибудь на балу. Не было сомнѣнія: *онъ влюбился въ свою жену.*

Разъ утромъ Бланшъ стояла въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ и говорила съ тетей. Я рисовала и Адальбертъ, глядя на мой рисунокъ, заговорилъ со мной о Бланшъ. „Какой чудный профиль у вашей кузины". сказалъ онъ.

— Да, это правда, сказала я, но красота еще не лучшее ея качество.

Онъ вздохнулъ.

— Вы, кажется, очень грустны сегодня, фонъ-Деннеръ, замѣтила я.

— Да, былъ отвѣтъ. Знаете ли, въ лицѣ вашей кузины есть для меня что-то удивительно знакомое и я не могу припомнить, что именно.

Онъ говорилъ только о Бланшъ, о ея красотѣ, о ея голосѣ, граціи и т. п.

Зима прошла быстро, сезонъ окончился. Иногда, казалось, Бланшъ теряетъ терпѣніе.

— Какъ думаете вы, Маріанна, сказала она мнѣ однажды, онъ долженъ же узнать меня?

— Посмотримъ сначала, какъ онъ выйдетъ изъ своего положенія, отвѣчала я. Не забудьте, онъ думаетъ, что его жена въ восточной Пруссіи.

Мои сомнѣнія скоро разсѣялись. Однажды утромъ Бланшъ и я были однѣ дома и намъ доложили о немъ. Я замѣтила тутъ, какъ онъ похудѣлъ и поблѣднѣлъ. Я не могла себѣ объяснить этой перемѣны и его волненія, пока онъ, отвѣчая разсѣянно на одно изъ моихъ замѣчаній, не заявилъ, что уѣзжаетъ въ Италію.

— Въ Италію? спросила я съ удивленіемъ.

— Да, отвѣчалъ онъ, я долго страдалъ, пора уѣхать.

Я взглянула на Бланшъ. Она была очень блѣдна и дрожала.

— Когда вы ѣдете? спросила я.

— Сегодня, ночью, завтра, не знаю когда... M-lle Эверсъ, я долженъ вамъ открыться. Нѣтъ, воскликнулъ онъ, когда Бланшъ хотѣла оставить насъ, останьтесь и выслушайте меня—можетъ быть въ послѣдній разъ.

Она осталась. Въ продолженіи всего его разсказа она держала меня за руку. Онъ не сводилъ глазъ съ ея прекраснаго, поблѣднѣвшаго лица.

— Я долженъ во всемъ открыться, началъ онъ, но не смѣю говорить о чувствѣ, давшемъ поводъ къ такой

исповѣди. Я былъ слѣпъ и не въ своемъ умѣ, и всю жизнь буду раскаяваться въ непростительномъ легкомысліи. Въ послѣднее время, продолжалъ онъ обращаясь къ Бланшъ, я жилъ только въ вашемъ присутствіи. Я забылъ объ оковахъ, которыхъ снять мнѣ нельзя и отъ которыхъ меня избавитъ развѣ только смерть. Моя исторія коротка, позвольте мнѣ разсказать ее.

Мой отецъ умеръ, когда я былъ еще ребенкомъ. Я узналъ уже потомъ—онъ умеръ съ горя, совершенно раззоренный. Послѣднія слова его были ко мнѣ, съ просьбой вернуть родовыя помѣстья. Имѣя эту цѣль въ виду, воспитала меня мать. У меня былъ сановный дядя, баронъ Флоръ. Его великолѣпному дому не доставало хозяйки и всѣ давно рѣшили, что онъ никогда не женится. Мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, когда онъ взялъ меня къ себѣ и я былъ объявленъ его наслѣдникомъ. Меня воспитывали среди величайшей роскоши, всѣ мои прихоти исполнялись, словомъ, дядя любилъ меня какъ сына. Мнѣ было всего двадцать лѣтъ, когда встрѣтилъ я Габріэль Беллингъ; она была тогда очень хороша—я безумно влюбился въ нее. Это не было то, что называется „любовь“, а пылкое увлеченіе неопытнаго мальчика. Я признался ей въ своей любви. Она не дала мнѣ никакого отвѣта; она назвала меня легкомысленнымъ, но была такъ ласкова...

Но тутъ дядя заболѣлъ. Матушку и меня немедленно же вызвали и мы все время были при больномъ. Однажды, казалось, ему было хуже и я, усталый послѣ безсонной ночи, которую просидѣлъ въ креслѣ возлѣ него, пошелъ въ гостинную отдохнуть. Тамъ я увидѣлъ молоденькую дѣвушку съ пожилой дамой. Когда я вошелъ въ комнату, дѣвушка бросилась ко мнѣ на встрѣчу, какъ будто уже давно знала меня и схватила меня за руку. Бѣдная, бѣдная маленькая Бланшъ!

Я спросилъ кто она, и каково же было мое изумленіе, я узналъ, что это Бланшъ фонъ-Флоръ—дочь моего дяди. Тутъ вышла и моя мать; она только что узнала о тайномъ бракѣ дяди. Это извѣстіе поразило ее еще больше, чѣмъ меня. Я не завистливъ, не честолюбивъ, но разумѣется, удивился, что меня такъ странно обманывали и давали надежды, которыя не могли осуществиться.

Дядя подозвалъ насъ всѣхъ къ постели. Страшно и вспомнить эту сцену! Онъ упрашивалъ меня жениться на его дочери, шестнадцатилѣтнемъ ребенкѣ. Онъ такъ упрашивалъ меня! Я не могъ отказать. Насъ обвѣнчали въ его присутствіи въ день его смерти—бѣдная, бѣдная маленькая Бланшъ!

Онъ глубоко вздохнулъ и продолжалъ: еслибъ мнѣ дали время подумать, я скорѣе отказался бы отъ состоянія дяди, чѣмъ купить его такою цѣною, но дядя такъ просилъ меня—это, онъ увѣрялъ, облегчитъ ему смерть, въ то же время онъ сообщилъ мнѣ, что Габріэль, такъ жестоко игравшая мной, уже помолвлена и что онъ самъ былъ при этомъ свидѣтелемъ. Тутъ мнѣ уже было все равно. Черезъ нѣсколько дней матушка имѣла со мной серьезный разговоръ.

Мы говорили съ полчаса въ гостиной о дѣлахъ, а потомъ разговоръ, къ сожалѣнію, коснулся жены. Я отозвался объ ней нетерпѣливо, но безъ всякаго злаго умысла; въ сущности я полюбилъ эту бѣдную, покинутую дѣвочку, которая такъ обожала еще мой портретъ. Матушка выразилась неосторожно и необдуманно о матери этой дѣвочки — и вдругъ — она, Бланшъ, стояла передъ нами! Она заснула въ гостиной и слышала потомъ весь нашъ разговоръ. Бланшъ обнаружила тутъ большой характеръ. Она гнѣвно заявила, что не хочетъ больше видѣть меня и въ тотъ же день уѣхала въ свое помѣстье. Она никогда не проститъ меня, я искалъ сближенія съ ней, но письма мои возвращались нераспечатанными. Я ничего больше не могу сдѣлать съ этимъ.

Тутъ я встрѣтилъ васъ, m-lle Эверсъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Бланшъ, простите меня, если я вамъ скажу, что теперь только я понялъ, что такое любовь. Я люблю васъ! Въ путешествіи постараюсь я заглушить это несчастное чувство—я могу пожертвовать жизнью, но не честью. Я открылъ теперь вамъ все, я, который оживалъ только въ вашемъ присутствіи. Теперь вы знаете, почему я уѣзжаю.

Онъ закрылъ лицо рукою.—Нѣсколько мгновеній мы молчали. Бланшъ горько плакала.

— На кого была похожа ваша бѣдная, маленькая кузина? спросила я.

— Она была небольшаго роста, очень смугла, отвѣчалъ онъ, я ее мало помню.

— Была она похожа на вашего отца или имѣла, можетъ быть, нѣкоторое сходство со мной или съ моей кузиной? спросила я.

— Нѣтъ, сказалъ онъ улыбаясь; я знаю только,—у нея были большіе, черные глаза.

— А можетъ быть, фонъ Деннеръ, тихо сказала Бланшъ робко и краснѣя, вы со временемъ и полюбите вашу жену?

— Да, отвѣчалъ онъ, грустно глядя на нее, но боюсь—любовь и надежда совсѣмъ исчезли для меня въ этомъ мірѣ.

Она подошла къ нему. Глаза ея блестѣли, губы дрожали.

— Полюбили-бы вы ее, сказала она нѣжно, еслибъ она пришла къ вамъ и сказала: Адальбертъ, забудь, ради покойнаго моего отца, прошедшее.

Онъ растерянно взглянулъ на нее.

— Еслибъ она пришла къ вамъ, продолжала Бланшъ, и сказала: я была тогда злая дѣвочка, но любила тебя и не могла перенести презрительныхъ словъ о моей матери, но теперь я взрослая женщина и все еще люблю тебя и забыла прошлое?

Онъ хотѣлъ что то сказать, но не могъ произнести ни слова. Лицо его поблѣднѣло такъ сильно, что я стала бояться за него.

— Кто вы, что меня такъ искушаете? сказалъ онъ наконецъ, почти мрачно.

Я? Бланшъ—твоя жена, рыдая вскрикнула она.

Съ выраженіемъ, котораго я никогда не забуду, всталъ онъ и подошелъ къ ней. Въ слѣдующее мгновеніе ея прелестное, покрытое слезами лицо покоилось на его груди. Я оставила ихъ и вернулась только часа черезъ два.

— Какъ мнѣ благодарить васъ, m-lle Эверсъ? сказалъ Адальбертъ, бросаясь мнѣ на встрѣчу. Жена разсказала мнѣ все, что вы сдѣлали. Вамъ я обязанъ своимъ счастьемъ. Какъ мнѣ благодарить васъ?

О что за веселый былъ день! Адальбертъ настоялъ, чтобы послали за его матерью; ея изумленію не было предѣловъ.

— Невозможно! Эта красавица! Эта граціозная, прелестная женщина—наша маленькая, наша злая Бланшъ!

Адальбертъ долго не могъ опомниться отъ счастья и отъ изумленія. Я должна была разсказывать ему малѣйшія подробности моего пребыванія въ замкѣ на берегу моря.

Не менѣе былъ изумленъ и нотаріусъ Энгельманъ, когда узналъ обо всемъ.

Кажется, онъ даже не много сердился, что мы такъ обманули его и что онъ ничего не зналъ о нашемъ пребываніи въ Берлинѣ.

Теперь я не знаю болѣе счастливой женщины, чѣмъ Бланшъ. Прелестная, образованная, обожаемая мужемъ, всѣми уважаемая—ничто не омрачаетъ ея счастья.

Что касается до меня, то если читатель сколько нибудь заинтересованъ моею судьбою—я уже нѣсколько лѣтъ за-мужемъ за Бруно Рономъ.

Мы часто видимся съ Деннерами. И рѣдко обходится безъ разсказовъ о счастливо разрѣшившейся теперь—*тайнѣ на берегу моря!*

Къ рисункамъ.

Игра тритоновъ съ нереидами.

Въ древнѣйшихъ греческихъ миѳахъ Тритонъ является олицетвореніемъ бушующаго, бурнаго моря; позднѣе же этотъ миѳъ принимаетъ болѣе индивидуальный обликъ и превращается въ могущественнаго исполина, сына божественной Амфитриты, живущаго въ золотомъ дворцѣ на днѣ моря. Впослѣдствіи поэты и художники пошли еще далѣе въ развитіи миѳа и сдѣлали изъ него понятіе собирательное, населили тритонами всѣ воды и составляли преимущественно изъ нихъ ту блестящую свиту, которая обыкновенно окружаетъ морскія божества на барельефахъ и памятникахъ. На этихъ же произведеніяхъ древняго искусства часто встрѣчаются и нереиды, т. е. морскія нимфы, то убѣгающія отъ тритоновъ, то вступающія съ ними въ шутливую борьбу. Изображенія такаго поединка страшныхъ чудовищъ съ морскими красавицами бывали полны античной прелести. Игра эта представлена и на картинѣ извѣстнаго германскаго художника Зимма.

Профессоръ Эдуардъ Энгбертсъ (нынѣ директоръ императорской картинной галлереи въ Вѣнѣ—Бельведера) принадлежитъ къ тѣмъ рѣдкимъ талантамъ, которыхъ произведенія имѣютъ не одно только личное значеніе—это одинъ изъ талантовъ, сила которыхъ образуетъ цѣлыя школы. Значительное число выдающихся молодыхъ художниковъ подчиняются невольно вліянію, которое на нихъ имѣетъ особенно блестящая сторона Энгбертса. Къ болѣе молодымъ изъ его учениковъ должно отнести Зимма, котораго послѣднее произведеніе „Игра Нереидъ съ Тритонами“ обратило на себя вниманіе цѣнителей. Картина отличается прекрасной композиціей и колоритомъ. Послѣ занятій у профессора Энгбертса, Зиммъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Римѣ; тамъ и была написана имъ картина, рисунокъ которой помѣщается въ этомъ № „Нивы“.

Сосѣдки.

Прекрасная картина Брюлова изображаетъ сцену на деревенской улицѣ, когда, послѣ вечеренъ, по окончаніи работъ, бабы-сосѣдки соберутся „посудачить“ и переворочать всю деревенскую незатѣйливую политику. Есть тутъ и такія, которыя все и всѣхъ знаютъ и кромѣ того еще умѣютъ интересно и бойко разсказать. Все то онѣ переговорятъ. Тутъ и разсказы про только что пришедшую странницу, что во Святой землѣ была и какой Аринкѣ тулупъ новый и платокъ мужъ купилъ, и какъ на сходъ скликали и становой что говорилъ и Иванъ Соловой зачѣмъ въ городъ ходилъ, и какой свекоръ сердитый у Малашки и какъ скотинка все болѣетъ и какія средства Кузнечиха-знахарка совѣтовала, да солдатъ прохожій—и вылечились коровы. Поди ты! Говорятъ и о полевыхъ работахъ и какъ слухи идутъ о черной смерти, сколько людей она валитъ и говорятъ что дома де-жгутъ и деньги за нихъ даютъ. Домъ-отъ какъ сожгутъ—въ новый то черной смерти войти не мочно. И все тораторятъ сосѣдки пока не настанетъ время собирать ранній деревенскій ужинъ, пока не потемнѣетъ синее небо и не выступятъ яркія, частыя звѣздочки, и не потянетъ свѣжестью вечерней, запахомъ конопли и гречихи съ поля...

Татары-нищіе.

Типъ изображенный на нашемъ рисункѣ очень, конечно, знакомъ уроженцамъ нашихъ Волжскихъ губерній, гдѣ татары совершенно освоились и если нельзя сказать что они обрусились—ибо весьма небольшое число ихъ приняло православіе—то сдѣлались вполнѣ мирными гражданами, занимающимися ремеслами, промыслами, розничною торговлею, и ужь нисколько не напоминаютъ грозныхъ и воинственныхъ предковъ своихъ, сподвижниковъ Чингисъ-Хана и Батыя, кровавой памяти для нашего отечества.

Между татарами, вообще трезвыми, честными и смышлеными — нищенство представляетъ явленіе не частое. Развѣ приводитъ въ бѣдственное положеніе семью, какъ въ настоящемъ случаѣ, несчастіе, обрушившееся на главу семейства—слѣпота, болѣзнь или пожаръ и т. п.

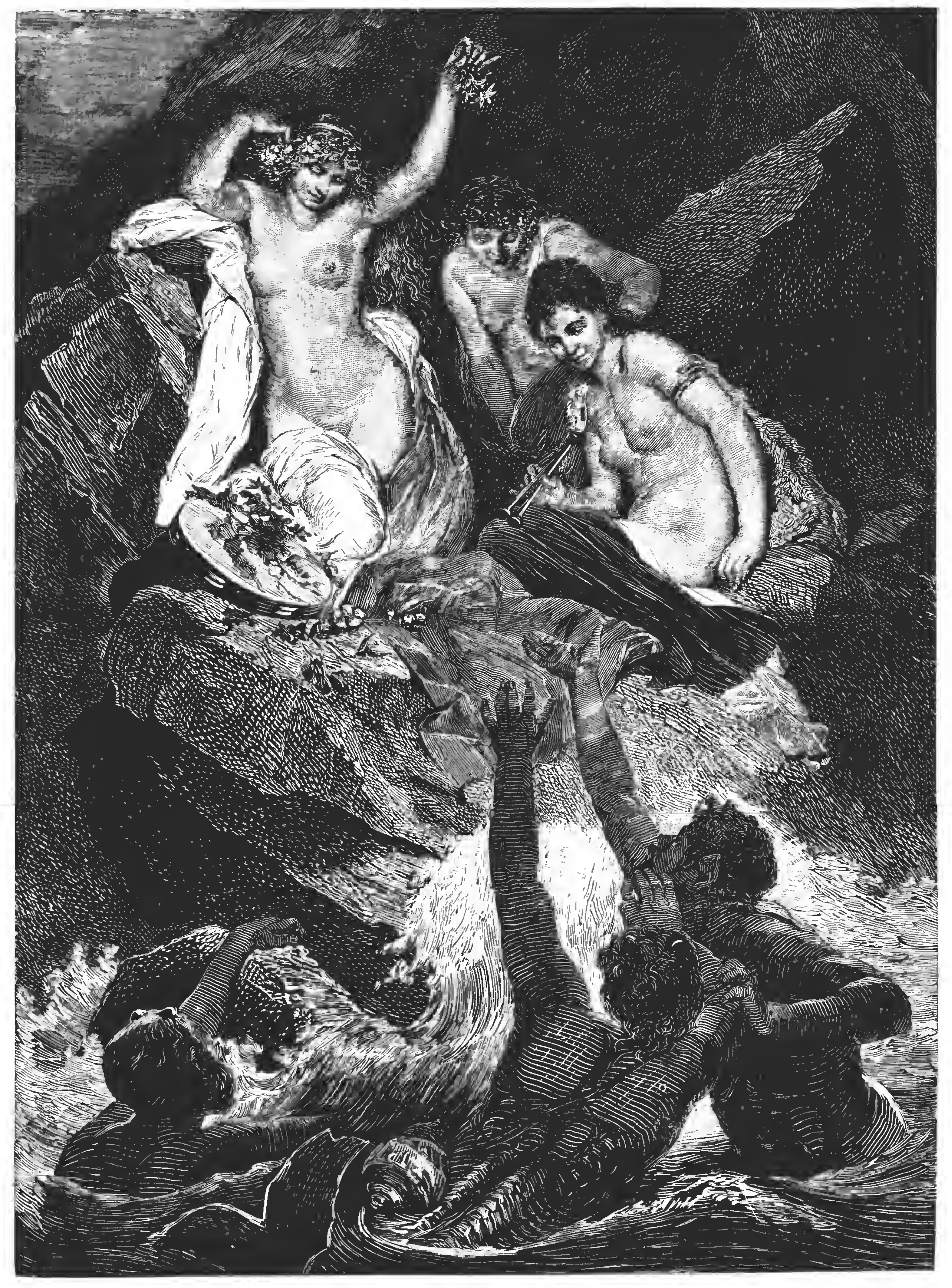
Борьба съ татарами на Руси была трудная и долгая. Орды ихъ предковъ, владычествовавшихъ у насъ, начали подчиняться Россіи только съ XVI вѣка, а кончилось это подчиненіе едва въ XVIII вѣкѣ. И татары живутъ теперь въ мѣстахъ, въ которыхъ и прежде обитали, въ губерніяхъ Казанской, Самарской, Симбирской, Саратовской, Вятской, Пензенской, Тамбовской и друг. Кромѣ того колоніи татаръ, возникшія еще въ XVI, XVII в. изъ переселенцевъ, подчиненныхъ или взятыхъ въ плѣнъ, въ губерніяхъ Витебской, Гродненской и Подольской. Почти всѣ магометане и говорятъ турскимъ языкомъ но на многихъ различныхъ нарѣчіяхъ. Самые многочисленные—Казанскіе татары, потомки Кипчакской орды.

Городъ Оренбургъ до пожара. Каравансарай въ Оренбургѣ. Рис. Барклай, грав. Брабанъ.

Индійцы. Скальпированіе.

Едва ли найдется на Божьемъ свѣтѣ другая народность, кромѣ индійцевъ С. Америки, относительно которой существовало бы болѣе смутныхъ, и вмѣстѣ, противорѣчивыхъ понятій. Если вѣрить инымъ сентиментальнымъ писателямъ—индіецъ является образцомъ рыцарства, если же безусловно положиться на увѣренія американскаго скуоттера, піонера, съ каждымъ годомъ все далѣе и далѣе углубляющагося въ свободныя земли краснокожихъ—эти послѣдніе—хуже звѣря, ниже животнаго. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что ошибаются и романическіе друзья индѣйцевъ и ихъ практическіе враги. Первые, быть можетъ, слишкомъ мало знакомы съ ними, а послѣдніе слишкомъ пристрастны. Съ давнихъ поръ, съ первыхъ шаговъ европейцевъ въ С. Америкѣ, идетъ тамъ неустанно безпощадная борьба между „цивилизаторами“ и дикими, свободными сынами пустыни. Излишне, конечно, говорить о томъ, что побѣда должна была склоняться постоянно въ пользу пришельцевъ изъ-за великаго моря, вооруженныхъ всѣми ужасными орудіями истребленія, изобрѣтенными „цивилизаціей“, дѣйствующихъ по плану, по системѣ противъ бѣдныхъ, наивныхъ дѣтей природы, противупо-

Игра тритоновъ съ нереидами. Картина Зимма, грав. А. Пааръ.

ставляющихъ врагу только разъединенныя силы отдѣльныхъ племенъ, только личное мужество и воинственную отвагу. Насколько гуманно европейцы относились (и относятся) къ этому защитнику единственнаго своего достоянія—своихъ родныхъ степей, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго: въ 1704 г., въ Массачуссетѣ, цивилизаторами назначена была особая „премія" за каждый индійскій скальпъ. Современные американцы мало чѣмъ отличаются отъ своихъ предковъ, въ способахъ борьбы съ индійцами. Нерѣдко однако и индійцы жестоко отмщаютъ имъ—извѣстна судьба, постигшая, года три тому назадъ, генерала Кестера, погибшаго, почти со всѣмъ своимъ отрядомъ, въ экспедиціи, предпринятой противъ индійскаго племени Черныхъ Горъ.

Первобытныхъ обитателей обширныхъ степей и Скалистыхъ Горъ уже не много, но ихъ еще мало касалась суровая рука цивилизующихъ истребителей и потому здѣсь еще сохранились въ чистотѣ родовые признаки исчезающаго народа. Цвѣтъ кожи у представителей первобытныхъ племенъ бурый или мѣднокрасный, часто бронзовый, волосы черны, гладки и, по обыкновенію, длинны, черты лица выразительны и рѣзки, лобъ довольно низокъ, скулы выдаются, носъ, по большей части, съ горбиной правильной формы. Индіецъ сложенъ крѣпко и красиво. Религія его величаво проста—высочайшимъ, могущественнѣйшимъ существомъ считаетъ онъ Великаго Духа, которому противупоставляетъ злаго духа. Какъ и всякій народъ, находящійся еще въ первобытномъ состояніи, индійцы слѣпо подчиняются цѣлому кругу суевѣрныхъ понятій, которымъ соотвѣтствуетъ своеобразная система обрядовъ, имѣющихъ, конечно, полурелигіозный характеръ и значеніе.

У иныхъ племенъ въ обычаѣ сожигать своихъ мертвецовъ, другія—кладутъ ихъ на деревья. Одно индѣйское племя, въ Орегонѣ, складываетъ мертвыхъ въ особопостроенныя хижины, а Сіу и нѣкоторые другіе—привѣшиваютъ ихъ, въ челнокахъ, къ деревьямъ. Женщина у индійца, конечно, не болѣе, какъ работница и служанка своего мужа и господина, главное занятіе котораго—война и охота. Индіецъ, съ юныхъ лѣтъ уже, подготовляетъ себя къ суровой жизни воина и охотника—по достиженіи юношескаго возраста онъ постится и пріучаетъ себя къ лишеніямъ и истязаніямъ. Индіецъ, по своему, красивъ и величественъ въ боевомъ одѣяніи. Костюмъ его—рубаха, леггины и мокасины; все это, обыкновенно, сдѣлано изъ дубленой оленьей кожи и покрыто различными украшеніями. Рубашка, по большей части, сшивается изъ пяти шкуръ—изъ каждой вырѣзываются только лучшія части: одна для спины, двѣ для передней стороны и двѣ для рукавовъ. По швамъ идетъ мелко рѣзанная бахрома. Рубашка увѣшана скальпами, медвѣжьими когтями, зубами барсовъ и проч. Леггины—это камаши со швомъ на наружной сторонѣ ноги; завязываясь на колѣняхъ ремнями и закрывая всю ногу до бедръ, они защищаютъ ее отъ колючихъ вьющихся растеній. Непосредственно подъ ними надѣты мокасины, родъ сапоговъ изъ оленьей кожи, какъ сказано выше. Спереди, до колѣна, сдѣланъ стянутый очень крѣпко шовъ. Вооруженіе индійца состоитъ изъ томагаука, палицы, ружья и скальпировальнаго ножа, но, кромѣ того, въ этомъ арсеналѣ, (въ которомъ главное—два послѣднихъ оружія), важность имѣетъ также и калюметъ — глиняная трубка, играющая значительную роль во всѣхъ военныхъ и мирныхъ торжествахъ. Куреніе этой трубки обставлено особой церемоніей. Ее набиваютъ и благоговѣйно кладутъ уголекъ на табакъ; принявшій въ руки чубукъ, сначала приподнимаетъ его къ небу для испрошенія милости и покровительства Великаго Духа, затѣмъ наклоняетъ два раза для отвращенія вліянія злаго духа и, наконецъ, вращаетъ нѣсколько разъ въ воздухѣ, въ горизонтальномъ направленіи, для умиротворенія воздушныхъ духовъ. Только послѣ этихъ приготовленій, главный вождь затягивается два раза, выпуская первую струю дыма къ небу, а вторую—вокругъ себя, по землѣ. Его примѣру слѣдуютъ присутствующіе, за симъ уже начинается совѣщаніе. Калюметъ—одинъ изъ священнѣйшихъ предметовъ у индійцевъ; обыкновенно калюметъ тонкой рѣзьбы чубукъ, украшенъ бусами, перьями орла и попугая, птичьими клювами и медвѣжьими когтями. Чужеземецъ, дотронувшійся, съ разрѣшенія индійца, до этой святыни, можетъ считать себя въ безопасности. Томагаукъ—боевой топоръ, чаще всего обоюдуострый съ острымъ шипомъ по серединѣ; въ битвѣ, онъ служитъ не только рубящимъ оружіемъ, но и метательнымъ; палица—большая, тяжелая дубина, усаженная острыми зубьями. Въ настоящее время, индійцы, по большей части, заимствовали у цивилизованныхъ враговъ своихъ ружья, и отлично стрѣляютъ. Впрочемъ, лучшими ружьями владѣютъ дружественныя американцамъ племена; дикія же и враждебныя рѣдко имѣютъ возможность добыть хорошія винтовки. Можетъ быть, вслѣдствіе этаго обстоятельства, индіецъ предпочитаетъ дѣйствовать на близкомъ разстояніи, онъ любитъ подкрасться и напасть въ расплохъ. „Трудно передать эту ловкость подкрадыванія индійца, говоритъ одинъ путешественникъ,—надо это видѣть; уставившись въ преслѣдуемаго врага или животное, онъ скользитъ быстро и безъ шума, какъ змѣя, или, останавливаясь у древеснаго ствола, притаится тамъ неподвижно, не шелохнувшись, не дрогнувъ ни однимъ мускуломъ, а затѣмъ незамѣтно пробираясь въ кустахъ, между деревьями, прыжкомъ барса внезапно достигаетъ цѣли." Страшный скальпировальный ножъ состоитъ изъ превосходнаго, тонкаго, остраго клинка длиною дюйма съ четыре. Скальпированіе—цѣлое искусство у краснокожихъ, выполняющихъ это ужасное дѣло съ необычайною ловкостью: обыкновенно, послѣ битвы, индіецъ бросается на побѣжденнаго врага (онъ одинаково скальпируетъ и американцевъ, и индійцевъ враждебныхъ племенъ), надрѣзываетъ кожу на головѣ его и, затѣмъ, схвативъ за волосы, сильнымъ движеніемъ, сразу сдираетъ ее (рисунокъ въ этомъ № Нивы). При этомъ, онъ не разбираетъ—умерла или жива еще его жертва; ужаснымъ, кровавымъ трофеемъ индіецъ украшаетъ поясъ, леггины, или верхнее платье, иногда развѣшиваетъ снаружи и внутри своего жилища—вигвама. Скальпированію посвящена особая пляска. Пляска вообще—обрядъ у индійцевъ, сопровождающій самые разнородные случаи ихъ жизни: они пляшутъ на похоронахъ, при заклинаніяхъ, отправляясь на охоту, на войну, при свадьбѣ, заключеніи міра, въ знакъ благодарности Великому Духу, наконецъ, танцуютъ скальпировальную пляску (послѣ удачнаго похода) и проч. Самую пляску трудно передать словами, говоритъ Герштекеръ. Она состоитъ изъ прыжковъ, въ которыхъ менѣе всего участвуютъ ноги, отскакивающія отъ земли обѣ вмѣстѣ. Все тѣло нагибается, внезапно приподнимается и снова, всею тяжестью, опускается къ землѣ; пляшущіе, обыкновенно, размахиваютъ оружіемъ, по временамъ, раздается рѣзкій, оглушительный боевой крикъ, а затѣмъ,—снова однообразный, безмолвный топотъ; возбужденіе прогрессивно возрастаетъ, движенія становятся все живѣе и живѣе. А посрединѣ этого бѣснующагося, страшнаго круга расписанныхъ демоновъ, стоятъ такія же краснокожія „скау," индіянки, размахивая окровавленными скальпами. Ужасная операція скальпированія и изображена на нашемъ рисункѣ.

Стихотвореніе.

Вечеръ.

1.

Алыми браздами
Облачныя тѣни
Стелятъ небеса,
Словно на просторѣ
Розовыя въ морѣ
Вѣютъ паруса.

2.

Съ солнечнымъ закатомъ
Залитъ жаркимъ златомъ
Рдѣющій утесъ:
Запылали горы,
Искрятся узоры
Радужныхъ полосъ.

3.

У прибрежныхъ зданій
Засверкали стекла
Въ огненныхъ стѣнахъ.
День златокудрявый
Тонетъ, величавый,
Въ пурпурныхъ водахъ...

К. В.

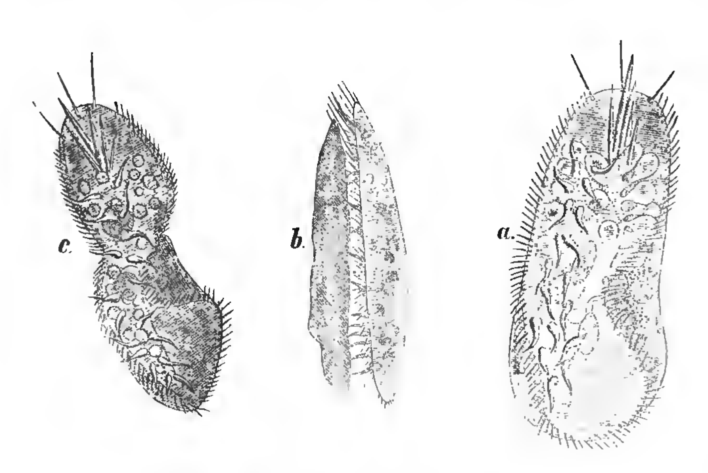
Численное равновѣсіе животныхъ въ борьбѣ за существованіе.

Статья Алекс. Фед. Брандта.

Способностью размножаться обладаютъ всѣ безъ исключенія животные виды. Когда животная особь умираетъ, послѣ нея остается болѣе или менѣе многочисленное потомство, принадлежащее къ одному, двумъ или даже многимъ поколѣніямъ. Что касается степени плодовитости различныхъ животныхъ, то она измѣряется числомъ потомковъ, нарождающихся въ единицу времени, и зависитъ отъ весьма разнообразныхъ условій. Не стану исчислять всѣхъ этихъ условій, а позволю себѣ указать лишь на нѣкоторыя изъ нихъ, въ томъ числѣ прежде всего на условія питанія животнаго. Для сформированія приплода,—все равно, является ли онъ въ видѣ яицъ, отпрысковъ (почекъ) или живыхъ дѣтенышей,—требуется, конечно, соотвѣтственное количество строительнаго матеріала, который въ свою очердь есть ни что иное, какъ сбереженіе вещества материнскимъ организмомъ, т. е. *извѣстный избытокъ при питаніи матери*. Ясно, что этотъ избытокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и плодовитость, при прочихъ равныхъ условіяхъ должны быть тѣмъ значительнѣе, чѣмъ обильнѣе питаніе. По этому-то одомашненныя четвероногія и птицы, получая вдоволь корма, плодовитѣе дикихъ. Такъ, наши домашнія куры въ теченіе года

кладутъ до 150 и даже до 200 яицъ, между тѣмъ какъ дикіе ихъ родичи, водящіеся въ Остъ-Индіи *банкивскія куры*, кладутъ ихъ только отъ восьми до двѣнадцати. Далѣе изъ числа дикихъ животныхъ плодовитѣе тѣ, которымъ легче ловить или пріискивать себѣ добычу, т. е. овладѣвающія ею съ меньшею тратою мышечной силы и времени. Впрочемъ и при очень сходныхъ условіяхъ добыванія пищи, количество матеріала, сберегаемаго на приплодъ, можетъ быть и неодинаковымъ. Такъ особенно разительное вліяніе на плодовитость оказываетъ величина животнаго вида. Дѣло въ томъ, что у животнаго крупнаго истрачивается на передвиженіе тѣла, т. е. на приведеніе въ дѣйствіе мышцъ и костей и ихъ питаніе относительно больше питательныхъ матеріаловъ, нежели у животнаго мелкаго: таково уже устройство организма, что на основаніи простыхъ механическихъ разсчетовъ костно-мышечная система, по мѣрѣ увеличенія животнаго, получаетъ все большее и большее преобладаніе надъ остальными органами. Поглощая же у крупныхъ животныхъ большій процентъ пріобрѣтаемаго имъ питательнаго матеріала, костно-мышечная система сокращаетъ тѣмъ самымъ тотъ избытокъ вещества, который является у всякаго животнаго подъ видомъ приплода. Впрочемъ этотъ законъ обратнаго соотношенія между величиною и плодовитостью справедливъ и для животныхъ не имѣющихъ ни скелета, ни мышцъ, потому что чѣмъ бы ни совершалось движеніе, мышцами ли, всею ли массою сократительнаго тѣла или колебаніями тончайшихъ нитевидныхъ отростковъ (рѣсницъ), на него все же затрачивается питательное вещество, подобно тому какъ въ паровой машинѣ затрачивается топливо и затрата эта тѣмъ больше, чѣмъ крупнѣе животное. Цѣлесообразность и необходимость нашего закона до нельзя очевидна. Единичный экземпляръ кита ежедневно поглощаетъ сотни и тысячи извѣстныхъ мелкихъ рыбъ и мягкотѣлыхъ. Тѣ и другія, поэтому, *должны быть* несравненно многочисленнѣе или, что тоже самое, несравненно плодовитѣе китовъ. Это, правда, только отдѣльный примѣръ, но нѣчто подобное повторяется во всемъ животномъ царствѣ: всюду и вездѣ крупные виды пожираютъ болѣе мелкіе, которые и должны существовать въ большемъ числѣ. Объ этомъ я упомянулъ тутъ впрочемъ лишь мимоходомъ.

Затронутый мною законъ обратнаго соотношенія между величиною и плодовитостью блестящимъ образомъ подтверждается на пр. на инфузоріяхъ, существахъ микроскопическихъ, большею частью вовсе не видимыхъ простымъ глазомъ. Недавно умершему знаменитому берлинскому ученому *Эренбергу* мы обязаны рядомъ любопытныхъ наблюденій надъ воспроизводительною способностью этихъ животныхъ. Слѣдя подъ микроскопомъ за изолированнымъ въ каплѣ воды экземпляромъ очень обыкновенной инфузоріи *стилонихіи* (Stylonychia mytilus), (Рис. 1) онъ видѣлъ какъ животное въ теченіе первыхъ двад-

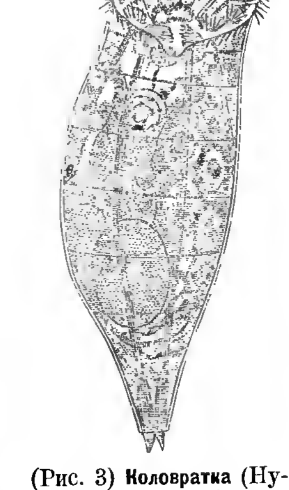
(Рис. 1) **Инфузорія** (Stylonychia mytilus).
a—снизу; *b* сбоку; *c*—въ моментъ поперечнаго дѣленія.

цати четырехъ часовъ раздѣлилось поперечной бороздой и распалось на двѣ особи и какъ вслѣдъ за тѣмъ одна изъ этихъ особей, выросши до нормальной величины, въ свою очередь раздѣлилась на двѣ. Затѣмъ послѣ двадцатичетырехчасоваго отдыха, въ теченіи уже третьихъ сутокъ, прежнія три особи очень дѣятельно продолжали размножаться дѣленіемъ, такъ что число ихъ достигало уже двѣнадцати. Такимъ образомъ доказано, что въ теченіи однѣхъ сутокъ число инфузорій можетъ утроиться и учетвериться. Предполагая, что утроеніе или учетвереніе продолжается равномѣрно въ теченіе десяти дней, мы получаемъ въ замѣнъ первоначальнаго единичнаго экземпляра ихъ уже около 1,000,000. У другаго рода инфузорій, *нарамецій* (Paramecium Aurelia, Рис. 2) изъ одного же экземпляра, послѣдовательнымъ дѣленіемъ, тотъ же милліонъ потомковъ можетъ произойти еще быстрѣе, именно въ неполные семь дней. Впрочемъ и это еще далеко не максимумъ быстроты размноженія, ибо существуютъ инфузоріи, у которыхъ изъ одной только особи въ 24 часа происходитъ ихъ 100,—200 и даже болѣе. Къ тому же надо замѣтить, что всѣ эти цифры относятся къ размноженію однимъ только дѣленіемъ, у инфузорій же, рядомъ съ дѣленіемъ, происходитъ также размноженіе при посредствѣ яицъ; яицъ же этихъ много.

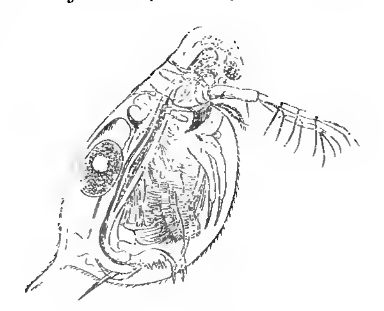

(Рис 2) **Инфузорія** (Paramecium Aurelia).
a—животное, начинающее дѣлиться.

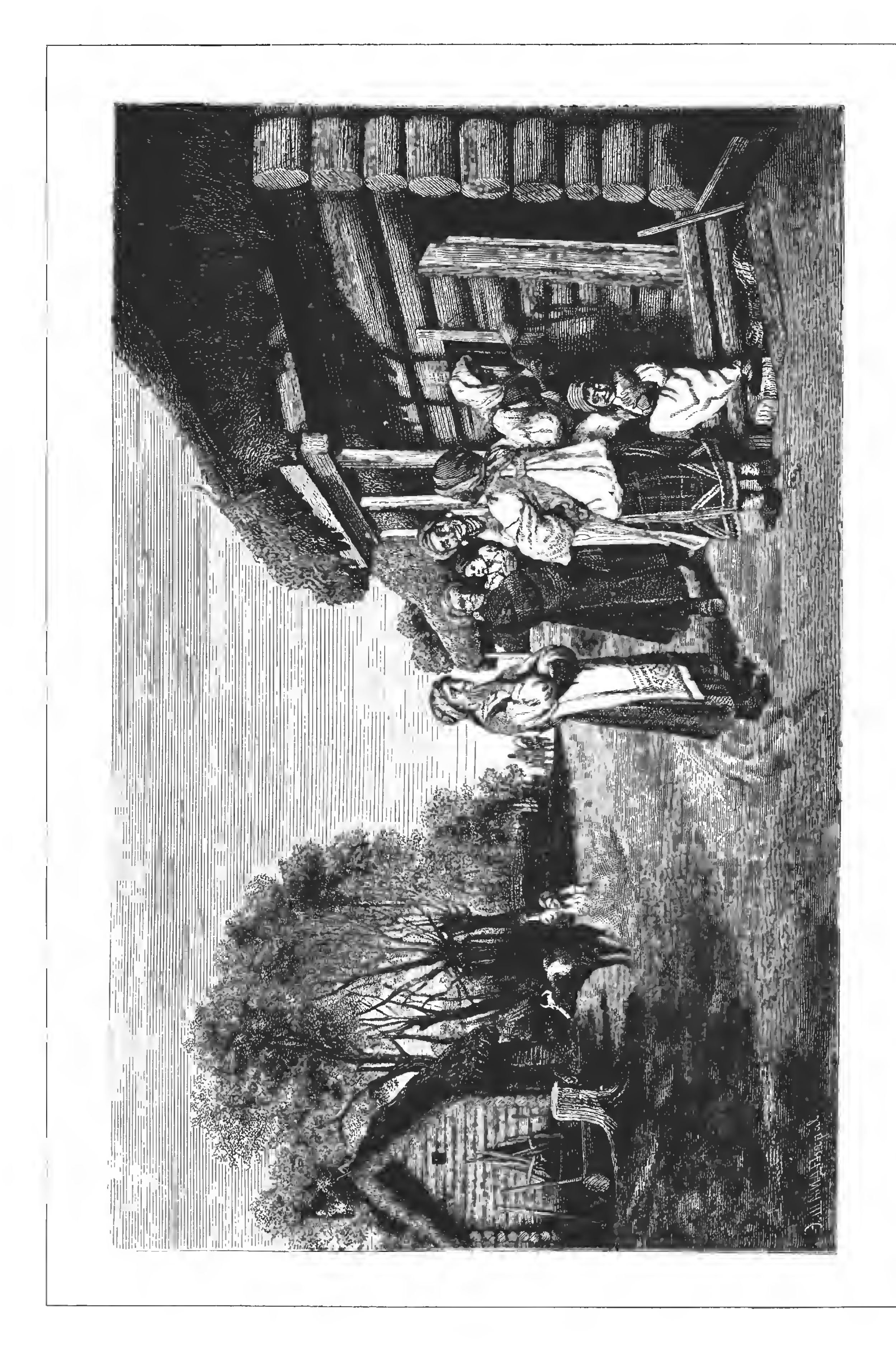
Мѣриломъ того, какъ быстро можетъ увеличиваться число животныхъ особей при посредствѣ яицъ, могутъ послужить наблюденія того же *Эренберга* надъ *гидатиной* (Hydatina senta, Рис. 3) однимъ изъ представителей класса коловратокъ. Коловратки, — замѣчу мимоходомъ, — причислялись прежде къ инфузоріямъ, съ которыми однако не имѣютъ ничего общаго, кромѣ ничтожной, микроскопической или почти микроскопической величины; нынѣ ихъ относятъ обыкновенно къ червямъ. Часа два или три спустя послѣ рожденія на свѣтъ, молодая гидатина успѣла подрости уже на столько, что стала производить первыя яйца, а въ теченіи двадцатичетырехъ часовъ, — прослѣдилъ нашъ ученый — изъ двухъ первоначально плававшихъ въ препаратѣ животныхъ, чрезъ размноженіе яйцами, произошло ихъ уже 8. Предполагая дальнѣйшее правильное размноженіе, считая ежедневно по 4 яйца на каждое животное, мы получили бы черезъ 10 дней отъ одной только матери 1,048,576 индивидуумовъ, а на слѣдующій одиннадцатый день уже болѣе 4,000,000, на двѣнадцатый уже 16,000,000 и т. д. Другія наблюденія указываютъ на возможность произведенія однимъ недѣлимымъ даже по восьми и десяти яицъ въ сутки, что приводило бы, по разсчету, число потомковъ одной матки къ милліону не черезъ 10, а уже черезъ 6 или 7 дней. — Поразительная плодовитость замѣчается и у низшихъ ракообразныхъ, на пр. изъ группы *водяныхъ блохъ* или *дафнидъ* (Рис. 4). Въ лѣтнюю пору у нихъ обыкновенно существуютъ однѣ только самки, яйца которыхъ не нуждаются въ оплодотвореніи, для развитія въ нихъ зародыша. Интересно, что зрѣлыя яйца накопляются подъ спиннымъ щитомъ матери, въ особой полости съ питательною жидкостью, на счетъ которой они еще продолжаютъ расти когда въ нихъ уже развиваются дѣтеныши. У новорожденныхъ дафнидъ, едва достигшихъ и половинной величины взрослыхъ, спинной щитъ уже бываетъ наполненъ яйцами: а двое сутокъ спустя изъ подъ него уже выплываютъ дѣтеныши, уступая свое мѣсто новой серіи яицъ. По прошествіи такаго же промежутка времени и эти яйца превращаются въ дѣтенышей и въ свою очередь замѣщаются новымъ, третьимъ выводкомъ яицъ и т. д. Такъ уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія ученый *Рамдоръ*, описываетъ этотъ способъ размноженія. Имъ разсчитано, при очень умѣренныхъ предположеніяхъ, что единичная особь, приступающая къ производству яицъ съ начала мая, къ концу іюня будетъ имѣть 1,291,370,075 потомковъ, изъ числа которыхъ громадное большинство находится въ жи-

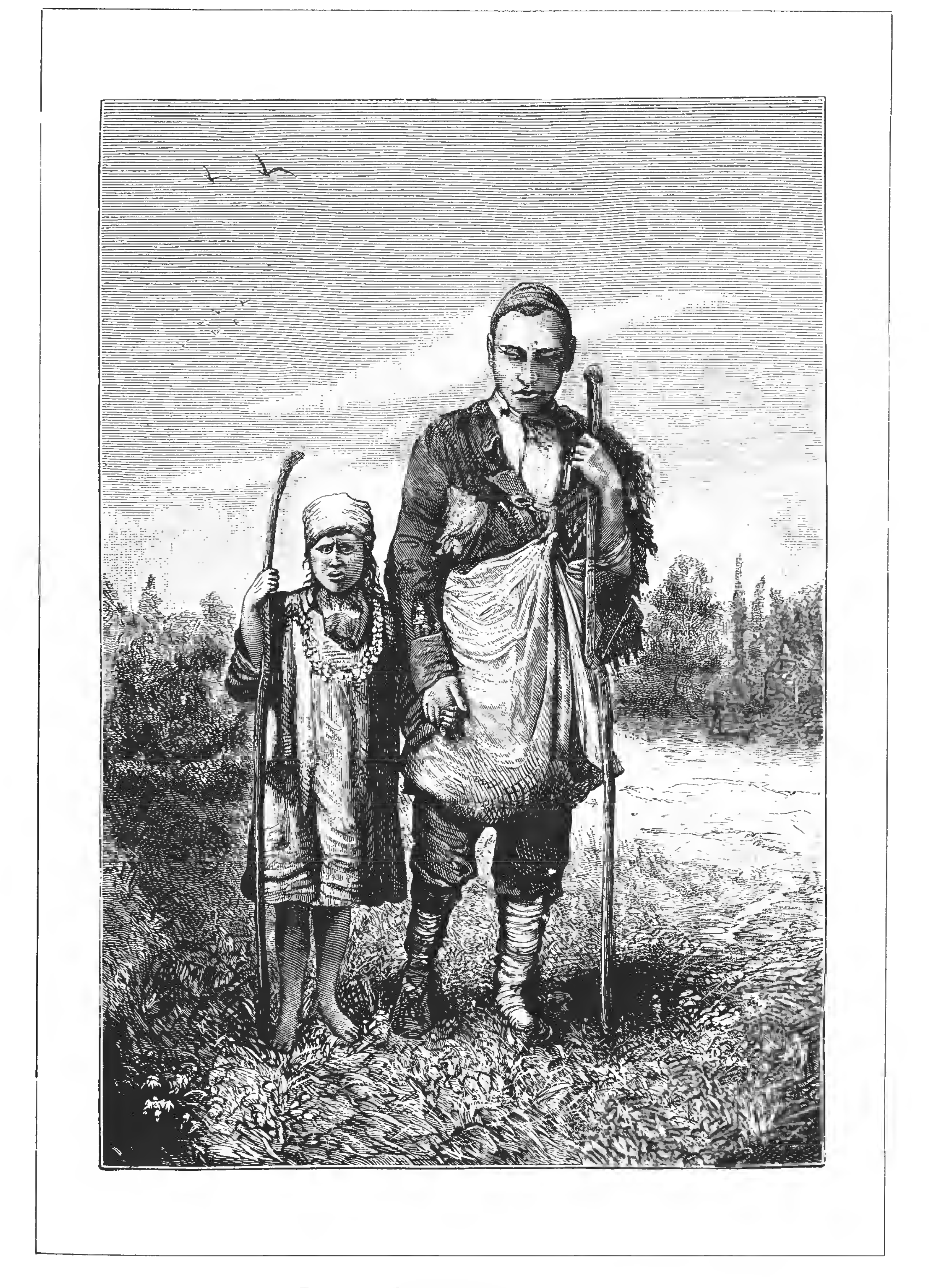
(Рис. 3) **Коловратка** (Hydatina senta).

(Рис. 4) **Дафнія** или **водяная блоха** (Daphnia pulex).

Сосѣдки. Картина П. А. Брюлова, грав. Э. Шмидтъ.

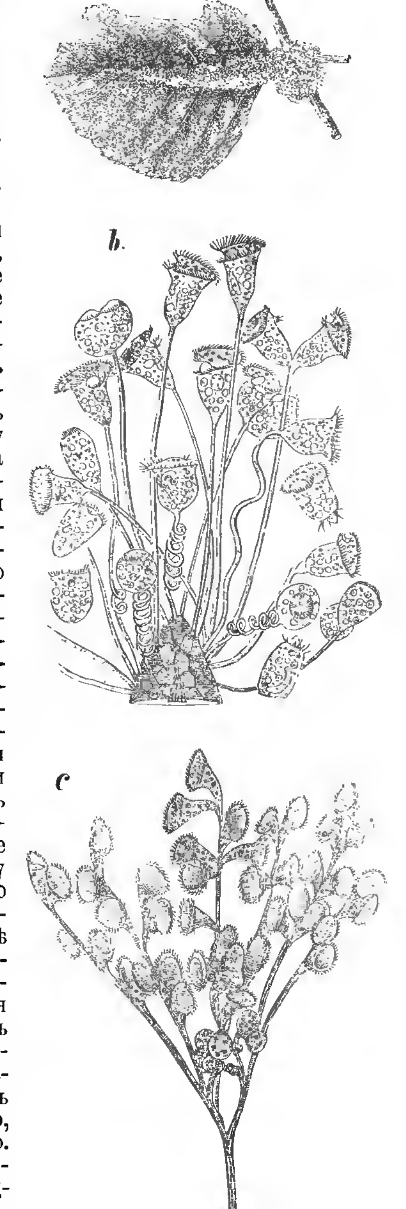
Татары-нищіе. Рис. Эбаръ, грав. Б. Пуцъ.

выхъ и обѣщаетъ въ ближайшіе мѣсяцы еще болѣе обильное потомство. Послѣ этого понятно, откуда берется безсчетное число дафнидъ, населяющее лѣтомъ наши пруды, озера и рѣки.

Между млекопитающими своею чрезвычайною плодовитостью обращаетъ на себя особенное вниманіе кроликъ. По разсчету *Пеннанта* отъ одной пары кроликовъ въ теченіи четырехъ лѣтъ можетъ произойти колоссальная цифра 1,274,840 потомковъ. Въ основаніе этого разсчета положено, что каждая самка приноситъ семь разъ въ годъ по восьми дѣтенышей—положеніе нисколько не преувеличенное.

Приведенные примѣры показываютъ, какими громадными цифрами оперируетъ природа въ дѣлѣ плодовитости животныхъ. Конечно, примѣры эти относятся къ животнымъ особенно плодовитымъ *); однако и у наименѣе плодовитыхъ стремленіе къ численному увеличенію выражается весьма крупными цифрами. Для того, чтобы заявленіе это не осталось голословнымъ, возьмемъ опять примѣръ. Самое непроизводительное сухопутное животное, — оно же и самое крупное—слонъ. Тѣмъ не менѣе и для него *Дарвиномъ* сдѣланъ слѣдующій разсчетъ. Предположимъ, что каждая самка въ періодъ наибольшей силы, а именно отъ тридцати до девяноста лѣтъ, производитъ всего лишь три дѣтеныша и тогда потомство одной пары слоновъ черезъ 500 лѣтъ составляло бы не менѣе 15,000,000 особей. Такъ какъ крайняя продолжительность жизни слона равняется нѣсколькимъ столѣтіямъ, то все это многочисленное потомство могло бы находиться одновременно въ живыхъ. Изъ этого примѣра уже ясно проистекаетъ, что потомство какаго бы то ни было, даже самаго неплодовитаго животнаго, увеличиваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію въ быстро возрастающей прогрессіи, раньше или позже, въ промежутки времени ничтожные сравнительно съ давностью существованія земной коры, могло бы достичь колоссальныхъ цифръ. Разсчитывая потомство пары слоновъ не за 500, а за цѣлую тысячу лѣтъ, мы, пришли бы къ такому громадному числу особей, которое не могло бы умѣститься бокъ о бокъ на поверхности всѣхъ пяти частей свѣта, взятыхъ вмѣстѣ **). Но слоновъ не одна, а цѣлые милліоны паръ; далѣе кромѣ слоновъ извѣстно еще нѣсколько сотъ тысячъ другихъ, болѣе плодовитыхъ животныхъ видовъ. Если уже каждый изъ нихъ, взятый порознь, одинъ быстрѣе, другой медленнѣе, стремится переполнить нашу планету, то что же послѣ этого сказать о всей совокупности животнаго міра? Ясно, что фактическое приращеніе числа особей животныхъ не можетъ соотвѣтствовать тѣмъ разсчетамъ, которые я привелъ какъ мѣрило плодовитости, иначе уже давнымъ-давно море и суша переполнились бы окончательно животными. Присматриваясь къ обитателямъ нашихъ лѣсовъ, полей, морей и озеръ, мы не замѣчаемъ рѣзкой перемѣны въ числѣ животныхъ особей; между тѣмъ какъ въ виду плодовитости животныхъ, такія перемѣны были бы вполнѣ неизбѣжны. Дальнѣйшія размышленія легко покажутъ, что въ *общемъ цѣломъ* даже вовсе не происходитъ приращенія числа особей, что каждому животному виду въ природѣ отведено опредѣленное число мѣстъ, по замѣщеніи которыхъ дальнѣйшаго приращенія особей уже не происходитъ или, выражаясь ученымъ слогомъ, для каждаго вида поддерживается извѣстный численный status quo, извѣстная неизмѣнная норма. Правда, частныя колебанія въ числѣ особей бываютъ, но это лишь временныя и мѣстныя явленія и вскорѣ стушевываются, причемъ нарушенное равновѣсіе возстанавливается. Причины этаго численнаго самоуравниванія въ животномъ царствѣ весьма разнообразны, но тѣмъ не менѣе легко группируются въ общую картину условій, съ которыми всѣ безъ исключенія животныя ведутъ борьбу за существованіе. Этимъ численымъ самоуравниваніемъ животныхъ въ борьбѣ за существованіе мы и займемся.

Изъ числа инфузорій,—я опять къ нимъ возвращаюсь,—самыми красивыми могутъ считаться такъ называемыя *сувойки* или *вортицеллины* (Рис. 5). Представьте себѣ крошечный колокольчикъ на длинномъ стебелькѣ. Край колокольчика усаженъ бахромою нитевидныхъ отростковъ, т. наз. мерцательныхъ рѣсницъ. Рѣсницы эти, будучи безпрерывно въ движеніи, производятъ въ водѣ круговоротъ, которымъ пригоняется пища къ ротовому отверстію животнаго. Стебелекъ вортицеллинъ въ сильной степени сократителенъ, такъ что при малѣйшемъ раздраженіи животнаго, а часто и безъ видимой внѣшней причины, мгновенно укорачивается, свертываясь спиралью на подобіе пробочника, а вслѣдъ затѣмъ вновь выпрямляется. Конецъ его, противоположный колокольчику, прикрѣпляется къ подводному предмету. Позднею осенью и зимою,—вортицеллины животныя по преимуществу зимнія,—вытащенныя изъ подъ ледяной коры прудовъ и болотъ хворостъ, листья, раковины и т. п. сплошь да рядомъ бываютъ покрыты непрерывнымъ слоемъ какъ бы плѣсени, которая при микроскопическомъ изслѣдованіи и оказывается состоящею изъ однѣхъ только вортицеллинъ. Въ большинствѣ случаевъ находимыя сувойки не съ простымъ, а съ развѣтвленнымъ на свободномъ концѣ стебелькомъ, при чемъ каждая вѣточка оканчивается отдѣльнымъ колокольчикомъ, и тогда передъ нами не одно простое животное, а цѣлая колонія въ видѣ кустика. Весь онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ одному только зародышу. Изъ зародыша этаго происходитъ первоначально лишь единичное животное, состоящее изъ колокольчика и ножки,—и потомъ только, путемъ послѣдовательнаго продольнаго разщепленія колокольчика, и образуется цѣлый кустикъ, иногда изъ сотенъ особей. Самый процессъ разщепленія можетъ быть прослѣженъ усидчивымъ наблюдателемъ непосредственно подъ микроскопомъ во всѣхъ его фазисахъ. Для насъ важна та быстрота, съ которою совершается превращеніе простой вортицеллины въ цѣлый кустикъ. Черезъ три часа кустикъ этотъ уже представляетъ не менѣе восьми, а въ иныхъ случаяхъ черезъ шесть часовъ уже 64 особи. Въ послѣдствіи процессъ разщепленія, правда, все болѣе и болѣе замедляется, но тѣмъ не менѣе общая сумма особей, происходящихъ повторительнымъ дѣленіемъ изъ первоначальной единичной, въ теченіи сутокъ иногда превышаетъ цифру 200. Эта громадная сама по себѣ плодовитость сувоекъ усиливается еще и тѣмъ, что сверхъ размноженія дѣленіемъ, онѣ производятъ еще и много яицъ. При подобной плодовитости понятно, что потомство одного или нѣсколькихъ зародышей, занесенныхъ (вмѣстѣ съ водою или же въ сухомъ видѣ съ пылью) въ комнатный акварій, въ состояніи въ какіе нибудь два, три дня покрыть сплошнымъ слоемъ сувоекъ всѣ растенія и прочіе подводные предметы. Мнѣ самому удавалось уже нѣсколько разъ наблюдать въ своемъ небольшомъ акваріѣ подобное быстрое и обильное развитіе сувоекъ. Однако всякій разъ богатая вегетація вортицеллинъ оказывалась недолговѣчною: достигнувъ наибольшаго развитія, она опять исчезала съ быстротою, подобной ея появленію. Доискаться причинъ этого явленія было не трудно. По мѣрѣ своего численнаго увеличенія, животныя стали все болѣе и болѣе тѣснить другъ друга; къ тому же запасъ пищи, раздѣляясь между быстро возрастающимъ числомъ особей, истощался и наконецъ голодъ ставилъ предѣлъ дальнѣйшему размноженію. Кромѣ того сувойки, подобно всякому другому животному, имѣютъ и своихъ враговъ. Сюда относятся хищныя инфузоріи, поднимающіяся вверхъ по стебелькамъ вортицеллинъ и поѣдающія ихъ колокольчики. По мѣрѣ численнаго увеличенія вортицеллинъ увеличивается и нажива, а вслѣдствіе этого и плодовитость ихъ враговъ. Послѣдніе все въ большемъ и большемъ числѣ истребляютъ беззащитныхъ жертвъ, объѣденные стебельки которыхъ дѣлаются добычею появляющихся во множествѣ микроскопическихъ нитевидныхъ червей и высасываются опутывающими ихъ плесневыми нитями. Отъ всего несмѣтнаго количества вортицеллинъ спасаются въ концѣ концовъ лишь единичные зародыши, которые, при наступленіи вновь благопріятныхъ для нихъ усло-

(Рис. 5) **Сувойки** (Vorticella).
a — мертвый листъ, усаженный сувойками; *b*— одиночныя животныя; *c*—колонія сувоекъ.

*] Для нихъ-то по преимуществу и сдѣланы подобные разсчеты.

**) Въ самомъ дѣлѣ, число потомковъ первой пары, равняющееся по прошествіи 500 лѣтъ 7,000,000 паръ, черезъ ближайшія 500 лѣтъ должно бы возрасти до 15,000,000 × 7,000,000 т. е. 105,000.000,000,000 штукъ, между тѣмъ какъ пространство суши всего земнаго шара равняется приблизительно лишь 32,000,000,000,000 квадратныхъ саженъ.

ній, въ состояніи дать начало многочисленнымъ новымъ колоніямъ особей. Что разыгралось на нашихъ глазахъ въ маломъ видѣ въ акваріѣ, тоже самое разыгрывается и въ каждой лужѣ, въ болотѣ, прудѣ или озерѣ: вездѣ вортицеллинами ведется одна и таже жестокая борьба за существованіе, въ которой и гибнетъ весь громадный излишекъ вновь нарождающихся особей.

Остановимся теперь на другомъ примѣрѣ, а именно жизненномъ циклѣ одного изъ мучительныхъ кишечныхъ паразитовъ человѣка, *лентеца* (Botthiocephalus latus, Рис. 6). Во всѣхъ членикахъ, отдѣляющихся отъ этой ленточной глисты въ теченіи одного только года, заключается по меньшей мѣрѣ около милліона зародышей. Если предположить, что всѣ эти зародыши достигаютъ своего природнаго назначенія, т. е. развиваются въ лентецовъ, то отъ одного только человѣка раньше года все петербургское народонаселеніе должно бы было заразиться лентецомъ, а при быстротѣ достиженія молодыми лентецами зрѣлости, пожалуй, уже на второй годъ всѣ безъ исключенія люди, числомъ болѣе одного милліарда, могли бы страдать лентецомъ. Къ счастію для человѣчества такого зараженія въ дѣйствительности не происходитъ; мало того, медицинская статистика до сихъ поръ даже вовсе умалчиваетъ о какомъ бы то ни было замѣтномъ ежегодномъ приращеніи больныхъ, одержимыхъ лентецомъ. Къ тому же область распространенія лентеца по прежнему остается ограниченною, хотя казалось, онъ могъ бы водиться повсемѣстно на земномъ шарѣ, ибо температурныя и прочія условія въ кишечномъ каналѣ человѣка во всѣхъ географическихъ широтахъ одни и тѣже. На дѣлѣ же лентецъ съ достовѣрностью найденъ покуда въ одной лишь Европѣ, и то не вездѣ. Уже давно замѣчено, что онъ встрѣчается почти только въ странахъ и мѣстностяхъ, обилующихъ прѣсною водою, озерами и рѣками. На первомъ планѣ стоятъ западные кантоны Швейцаріи и смежные съ ними департаменты Франціи, т. ч. на пр. въ Женевѣ, по свидѣтельству *Одье*, безъ малаго четвертая часть жителей страдаетъ лентецомъ. Сравнительно очень часто онъ попадается и въ нашихъ сѣверныхъ и сѣверозападныхъ губерніяхъ, а также въ Швеціи и царствѣ Польскомъ. Дѣло въ томъ, что зародыши лентеца вылупляются изъ скорлупы яйца не иначе, какъ въ водѣ, въ которой и плаваютъ подъ видомъ микроскопическихъ шариковъ, усаженныхъ со всѣхъ сторонъ лучеобразно расходящимися мерцательными рѣсницами. Петербургскому врачу доктору *Конху* впервые удалось заражать, ради опыта, собакъ лентецами онъ поилъ ихъ водою съ подобными зародышами. Его опыты наводятъ на размышленія о шансахъ къ дальнѣйшему развитію того милліона зародышей, который производится ежегодно лентецомъ, положимъ, въ нашей столицѣ. Громадное большинство члениковъ, отдѣляющихся отъ тѣла лентеца, попадаютъ конечно, въ латрины и оттуда вывозятся или прямо на поля или же на заводы для приготовленія искусственнаго удобренія, и такимъ образомъ заключающіеся въ нихъ зародыши гибнутъ. Дальнѣйшее развитіе возможно лишь для зародышей тѣхъ немногихъ члениковъ, которые случайно попадаютъ въ Неву. Плавая въ ней свободно, и эти немногіе счастливцы, при микроскопической своей величинѣ, чрезвычайно легко теряются въ массѣ водъ и уносятся въ море, или же дѣлаются добычею мелкихъ рыбокъ и другихъ животныхъ. Но предположимъ, что зародышу случайно удалось попасть въ водопроводную трубу или же быть зачерпнутымъ ведромъ, *и этимъ* дальнѣйшее существованіе его еще далеко не обезпечено. На самомъ дѣлѣ, наибольшее количество потребляемой городскими жителями воды идетъ на поливку улицъ, въ бани, прачечныя, на пойло лошадямъ и т. д., а въ домашнемъ обиходѣ на мытье половъ, посуды и различныя другія надобности, и лишь самая незначительная доля ея предназначается для человѣческаго желудка. Обратимъ далѣе вниманіе на то, что зародышъ лентеца отъ кипяченія и подогрѣванія умираетъ, а потому для дальнѣйшаго своего развитія долженъ попасть въ желудокъ не изъ самовара или суповой миски, а непремѣнно въ сырой водѣ. Положимъ, что зародышу, при своихъ странствованіяхъ, удалось взбѣгнуть всѣхъ многочисленныхъ, грозившихъ ему на каждомъ шагу опасностей, и благополучно забраться въ нашъ желудокъ; но тутъ ожидаютъ его новыя опасности. Въ чемъ онѣ состоятъ, мы, правда, въ точности не знаемъ, но что такія условія, препятствующія размноженію лентеца, существуютъ— доказываютъ опыты *Кноха*. Дѣло въ томъ, что иногда приходится поить одну и туже собаку по нѣскольку разъ, черезъ извѣстные промежутки времени, и давать ей при этомъ не по одному, а по множеству зародышей пока, наконецъ, привьется одинъ изъ нихъ къ кишечному каналу и разрастется въ ленточную глисту. Быть можетъ собака, въ отличіе отъ человѣка, менѣе воспріимчива къ лентецамъ. Возможно, что возраженіе это отчасти и справедливо, ибо собаки сами по себѣ, на сколько до сихъ поръ извѣстно, гораздо рѣже человѣка бываютъ заражены лентецомъ. Но вотъ опыты и надъ человѣкомъ Въ 1868 году, во время моего пребыванія за границею, профессоръ *Лейкартъ* давалъ выпить съ водою множество зародышей всѣмъ служившимъ при его лабораторіи и работавшимъ въ ней, въ томъ числѣ и четверымъ молодымъ русскимъ зоологамъ; а между тѣмъ ни одинъ изъ насъ не заразился паразитомъ. Вѣроятно, сплошь да рядомъ зародышамъ, попавшимъ во внутрь пищеварительныхъ органовъ, не удается добраться до кишечныхъ стѣнокъ, гдѣ имъ необходимо укрѣпиться, и тогда они уносятся вмѣстѣ съ окружающею ихъ пищевою кашицею. Какъ бы то нибыло, всѣми приведенными мною фактами и соображеніями достаточно поясняется, почему это число лентецовъ не представляетъ годъ отъ году замѣтнаго приращенія, а остается приблизительно in statu quo. Несмотря на то, что каждымъ экземпляромъ этого паразита производится, нерѣдко по нѣскольку лѣтъ сряду, примѣрно, по милліону зародышей, въ среднемъ выводѣ за все время какой нибудь одинъ достигаетъ указываемаго ему природою назначенія, всѣ же остальные не выдерживаютъ борьбы за существованіе, которую они ведутъ безсознательно съ внѣшними невзгодами. Ясно, что еслибъ плодовитость лентеца уменьшилась процентовъ, положимъ, на десять или на двадцать, то на столько же процентовъ уменьшились бы и шансы отдѣльныхъ зародышей къ полному развитію, и тогда лентецы, очевидно, стали бы вымирать. И такъ данная норма плодовитости ничто иное, какъ вѣрно разсчитанный противовѣсъ тѣмъ условіямъ, противъ которыхъ это животное ведетъ борьбу за существованіе.

(Рис. 6) **Лентецъ широкій** (Bothriocephalus latus).

a — отрѣзки лентеца, въ естественную величину. (Самые крупные экземпляры длиною свыше $3^1/_2$ саж.) *b* — микроскопическій зародышъ.

Я уже указалъ на низшихъ ракообразныхъ изъ группы дафнидъ, по поводу громадной ихъ плодовитости, ведущей въ теченіи одного лѣта къ чрезвычайному численному увеличенію. Однако, любая рыбка ежедневно пожираетъ множество этихъ животныхъ; да кромѣ того они подвергаются преслѣдованію также извѣстныхъ насѣкомыхъ и другихъ мелкихъ хищниковъ. Поэтому *фактическое разможеніе* дафнидъ отнюдь не можетъ соотвѣтствовать ихъ плодовитости, т. е. *теоретической способности къ размноженію*. Это одно; другое же, еще болѣе вѣское обстоятельство, полагающее предѣлъ баснословному ихъ размноженію— осеннее пониженіе температуры: наступаетъ осенняя пора, и самый способъ размноженія дафнидъ измѣняется. Изъ рождающихся подъ осень недѣлимыхъ часть представляетъ собою настоящихъ самцовъ, чѣмъ значительно сокращается число особей, производящихъ потомство. Къ тому же вновь нарождающіяся самки уже не производятъ на свѣтъ *живыхъ дѣтенышей* а кладутъ *яйца*, именуемыя *зимними*, въ противоположность *лѣтнимъ*, которыя развиваются еще въ тѣлѣ матери. Зимнія яйца гораздо крупнѣе, требуютъ для своего образованія больше и матеріала и времени, а потому и число ихъ у каждой самки бываетъ лишь незначительно. Яйца эти подъ видомъ многочисленныхъ бурыхъ или черныхъ тѣлецъ, отчасти плаваютъ на поверхности воды, отчасти садятся и на дно. Позднею осенью частымъ сачкомъ если провести по поверхности болота или пруда, можно выловить ихъ во множествѣ. Этими то яйцами только и обезпечивается прочное существованіе дафнидъ, ибо сами дафниды къ зимѣ вымираютъ, а изъ яицъ ихъ весною вылупляется новое живородящее поколѣніе. И такъ природа ежегодно регулируетъ число дафнидъ; лѣтомъ предоставляетъ значительный просторъ ихъ размноженію, а на зиму не только пріостанавливаетъ его, но и истребляетъ все безсчетное количество народившихся особей, заботясь при этомъ лишь

о томъ, чтобы самое племя не вымерло. Средство, которымъ пользуется при этомъ численномъ уравненіи, природа—просто пониженіе температуры. Доказывается это и тѣмъ наблюденіемъ, что въ комнатномъ акваріѣ удается поддерживать безполое размноженіе дафнидъ и зимою.

(Продолженіе будетъ).

Библіографія.

„Въ пороховомъ дыму“, романъ въ 3-хъ частяхъ, Каразина, 1878. Спб.

„Въ камышахъ“. романъ. Спб. 1878. изд. А. Маркса.

Навсегда памятными въ исторіи славянства останутся знаменательные 1875 и 1876 года—года пробужденія славянскаго духа, года, въ которые блеснула первая искра, загорѣлось первое пламя великаго пожара, охватившаго европейскій востокъ. Послѣдующія событія, какъ бы нѣсколько ослабили въ насъ воспоминаніе о томъ, что тогда происходило. Но, если, дѣйствительно, мы много прожили за время нашей войны съ турками, то, съ другой стороны, геройское возстаніе герцеговинцевъ и турецко-сербская война—эти прелюдіи великой борьбы, разыгравшейся на Балканскомъ полуостровѣ—заставили насъ слишкомъ много перечувствовать и едва ли что нибудь можетъ изгладить всѣ впечатлѣнія, такъ глубоко волновавшія насъ. Вотъ почему и нынѣ еще далеко не утратило живаго интереса все, что даетъ намъ литература по отношенію къ этому времени, въ какой бы формѣ то ни было, въ формѣ ли безъискусственныхъ мемуаровъ, или въ болѣе художественной, беллетристической формѣ; вотъ почему мы не можемъ обойдти молчаніемъ появившійся на дняхъ романъ талантливаго разсказчика-художника Каразина „Въ пороховомъ дыму“. Это—рядъ живыхъ сценъ, которыя, напоминая намъ самихъ насъ въ тѣ лихорадочные дни, жертвовавшихъ свою лепту въ пользу славянъ, насъ, становившихся въ ряды ихъ, переносятъ, затѣмъ, воображеніе на самое мѣсто дѣйствія, въ ущелья Черногоріи и Герцеговины, въ цвѣтущія равнины Сербіи, гдѣ столбомъ стоялъ „пороховой дымъ“... Особый интересъ разсказу придаетъ романическій эпизодъ, являющійся здѣсь какъ бы связующимъ звеномъ событій, возстановляемыхъ предъ читателемъ и придающій имъ особую яркость подъ окраской субъективныхъ впечатлѣній героя, переданныхъ авторомъ съ замѣчательною правдою и художественностью.

Но намъ еще болѣе нравится другое произведеніе того же автора — небольшой его разсказъ „Въ камышахъ“, служащій новой иллюстраціей далекой нашей восточной окраины. Здѣсь г. Каразинъ будто у себя дома, въ краю, съ которымъ сроднился. И какъ онъ умѣетъ описывать этотъ край, какъ умѣетъ перенести васъ въ эти далекія, далекія мѣста, въ эти безпредѣльныя степи!.. Васъ самихъ жжетъ и ослѣпляетъ это солнце, это не герой находящагося передъ вами разсказа встрѣтился съ „джулъ-барсомъ“, это вы, вы сами похолодѣли отъ ужаса при видѣ маленькихъ, острыхъ, свирѣпыхъ глазъ нервно припавшаго къ землѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ тигра... И здѣсь, среди степей, камышей, киргизовъ, барсовъ, на канвѣ тихой будничной жизни пограничнаго русскаго городка-укрѣпленія разыгрывается романъ, романъ простой и грустный, но полный глубокаго трагизма и внутренняго, и внѣшняго. По цѣльности самаго плана разсказа, жизненности лицъ и художественной прелести описаній—„Въ камышахъ“ принадлежитъ, по нашему мнѣнію, къ лучшимъ произведеніямъ талантливаго автора.

Политическое обозрѣніе.

Политика Англіи. Графъ Шуваловъ въ Вѣнѣ. Болгарія. Германскій парламентъ. Гарибальди въ Римѣ.

Для лорда Биконсфильда настало время, когда блестящая медаль, которою онъ ослѣплялъ глаза послушныхъ его волѣ соотечественниковъ, начинаетъ поворачиваться своей обратной стороной. Членъ парламента Райлендсъ, прочитавшій на этой сторонѣ цифру крупныхъ расходовъ, въ которые обходятся странѣ военныя предпріятія премьера, никакъ и не могъ убѣдить, или лучше сказать, не могъ заставить товарищей выразить порицаніе торійскому министерству, но едва ли слова его заглохнутъ въ массѣ населенія, едва ли онѣ не найдутъ въ обществѣ отголоска и сторонниковъ, число которыхъ, вѣроятно, будетъ увеличиваться съ каждымъ днемъ. Оно должно усиливаться тѣмъ болѣе, что расходы эти, возрастая прогрессивно, не привели по крайней мѣрѣ, ни къ какимъ солиднымъ результатамъ. Нельзя же, дѣйствительно, утверждать, чтобы Британія пожала серьезные лавры и въ Авганистанѣ и, тѣмъ еще менѣе, въ Южной Африкѣ. Если даже правда, что, согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ изъ британскаго источника, Якубъ-Ханъ приступаетъ къ переговорамъ съ британцами, то, каковы бы ни были условія мира, мы позволимъ себѣ думать, что Биконсфильдъ доставитъ своей странѣ плохаго союзника въ лицѣ новаго Афганскаго государя, и чѣмъ тяжелѣе будутъ эти условія для побѣжденнаго, тѣмъ съ меньшею искренностью будутъ онѣ приняты, тѣмъ слабѣйшею гарантіею будутъ онѣ служить Британіи въ будущемъ противъ призрака, страшнаго ей... Что же касается войны съ зулусами,—тамъ ужъ о военныхъ успѣхахъ, кажется, нечего и говорить. Зулусы нанесли своимъ притѣснителямъ послѣдовательно три новыхъ пораженія, два въ открытой мѣстности, третье, недавно,—отбивъ нападеніе, произведенное войсками королевы Викторіи на станъ однаго изъ главныхъ вождей храбраго зулусскаго народа. Столь прославленное движеніе главнокомандующаго, лорда Чельмсфорда, имѣвшее цѣлью освобожденіе отряда полковника Пирсона, запертаго въ Экоу, завершилось отступленіемъ британскихъ войскъ, послѣ чего пунктъ этотъ былъ занятъ зулусами же. Весьма характерно то обстоятельство, что британскія газеты подчеркивали, съ оттѣнкомъ хвастливости, извѣстіе, что „ войска королевы все таки остались въ предѣлахъ территоріи зулусовъ.“ Положеніе дѣлъ усложнилось движеніемъ боэровъ, желающихъ возстановить самостоятельность своей Трансваальской республики, столь грубо угнетаемой государствомъ, покровительствующимъ свободѣ—у всѣхъ другихъ странъ и народовъ.

Нашъ посланникъ при дворѣ этаго „свободолюбиваго“ государства, графъ Шуваловъ, посѣтилъ недавно Вѣну. Предпринимая свою поѣздку, онъ, какъ передаютъ, имѣлъ въ виду достиженіе двоякой цѣли. Съ одной стороны онъ желалъ добиться постановленія о томъ, что турецкія войска могутъ быть призываемы въ Восточную Румелію только по *единогласному* рѣшенію международной комисіи. съ другой — онъ хлопоталъ о формальномъ продленіи времени очищенія Балканскаго полуострова русскими войсками до 3-го августа. Первый изъ этихъ пунктовъ былъ, будто бы, принятъ въ Вѣнѣ съ тою оговоркою, чтобы Турціи было предоставлено занятіе балканскихъ проходовъ. На это условіе графъ Шуваловъ не согласился, объявивъ, что Россія скорѣе согласится на то, чтобы въ коммисіи даже и принципіальные вопросы рѣшались простымъ большинствомъ голосовъ. Но графъ Андраши отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ на предложеніе о продленіи до 3-го августа времени присутствія русскихъ войскъ на Балканскомъ полуостровѣ; при этомъ онъ замѣтилъ, что *нѣтъ никакаго основанія опасаться давленія со стороны державъ, въ случаѣ если Россія, начавъ очищеніе полуострова 3-го мая, нѣсколько замедлитъ окончаніемъ этого дѣла, вслѣдствіе какихъ либо естественныхъ затрудненій*; однако, срокъ, опредѣленный Берлинскимъ трактатомъ, долженъ быть сохраненъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ Россія, имѣя возможность сослаться на уступку, сдѣланную державами, можетъ оттянуть самое выступленіе до 3-го августа. Во время этихъ переговоровъ, какъ сообщаютъ далѣе, заходила также рѣчь о занятіи Ихтимана и Бургаса турецкими войсками. Графъ Шуваловъ говорилъ, что Турція, въ силу Берлинскаго трактата, имѣетъ неоспоримое право занять эти пункты, такъ что если Россія желаетъ добиться, чтобы Турція временно отказалась отъ пользованія этимъ правомъ, то должна постараться заключить особое соглашеніе съ Константинополемъ. Такъ и было поступлено и переговоры объ этомъ предметѣ продолжаются и теперь, потому что Турція не соглашается отказаться отъ занятія Ихтимана и Бургаса.

Болгарское собраніе отложило свою сессію до прибытія избраннаго князя. Ходятъ слухи, что Александръ I намѣревается оставить на пять лѣтъ всѣхъ русскихъ чиновниковъ на занимаемыхъ ими должностяхъ, съ сохраненіемъ получаемыхъ ими содержаній. Хотя и было сообщено, что князь Дондуковъ-Корсаковъ уже замѣнилъ ихъ болгарскими чиновниками, но нѣкоторыя иностранныя газеты выражаютъ сомнѣніе, замѣчая, что едва ли императорскій комисаръ могъ найдти такъ быстро между болгарами подходящихъ людей.

Германскій имперскій парламентъ приступилъ къ обсужденію законопроектовъ о таможенномъ тарифѣ. Князь Бисмаркъ указалъ на потребность въ таможенной реформѣ, чтобы сдѣлать Имперію независимою въ финансовомъ отношеніи и устранить матрикулярные взносы. По словамъ канцлера, правительство не желаетъ болѣе высокихъ доходовъ, чѣмъ какія нужны для удовлетворенія имперскихъ расходовъ, но хочетъ, чтобы необходимое было сдѣлано въ такой формѣ, въ какой бремя оказалось бы наиболѣе легкимъ. Этаго можно всего лучше достигнуть посредствомъ косвенныхъ налоговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, канцлеръ указалъ недостатки существовавшихъ до сихъ поръ способовъ обложенія и неравномѣрность обложенія движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ. Въ этомъ, по его мнѣнію, простая главная причина регрессивнаго хода сельскаго хозяйства, обложеннаго слишкомъ тяжело сравнительно съ ввозомъ извнѣ. Дальнѣйшимъ упрекомъ нынѣшнему положенію дѣлъ служитъ, по словамъ князя, недостаточность охраны промышленности,

(Продолженіе на стр. 377, 378, 379 и 380.)

Индіецъ, снимающій скальпъ съ головы врага. Рис. Кастели, грав. Леруа.

по отношенію къ иностраннымъ государствамъ. „Германія, сказалъ канцлеръ, есть складочное мѣсто для избытка заграничной промышленности и обстоятельства повелѣваютъ намъ, въ нѣкоторой степени, закрыть ворота. Германскій народъ требуетъ увѣренности въ своей экономической будущности“.

Гарибальди недавно прибылъ въ Римъ. На дняхъ ему представлялась депутація тріестскаго общества „не освобожденной Италіи“. Генералъ принялъ депутацію самымъ радушнымъ образомъ и высказалъ горячую симпатію къ итальянскому населенію Истріи. „Тотъ. кто не сочувствуетъ „не-освобожденной Италіи“—не итальянецъ“, сказалъ онъ при этомъ. Самъ онъ намѣренъ посвятить себя дѣлу освобожденія ея и открываетъ подписку на пріобрѣтеніе милліона скорострѣльныхъ винтовокъ новаго образца. Замѣтимъ, что мысль объ этомъ освобожденіи чрезвычайно популярна во всей Италіи, все населеніе считаетъ Тріестскій округъ, Тріестъ и Истрію частями своего отечества.

Смѣсь.

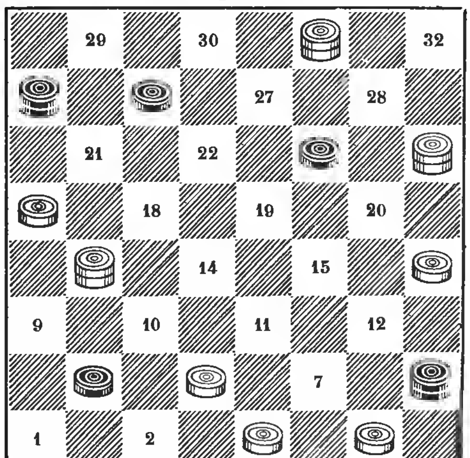
Экспедиція А. Ф. Брандта въ Карскую область. Вновь присоединенная къ Россіи Карская область, при турецкомъ владычествѣ мало доступная, изслѣдована весьма недостаточно. Между тѣмъ сама собою представляется ясною необходимость намъ узнать. такъ сказать, какими богатствами и какими произведеніями отличается эта страна. Починъ изслѣдованій зоологическихъ въ нашей новой области приняла на себя Академія Наукъ. Она снаряжаетъ нынѣшнимъ лѣтомъ на четыре мѣсяца экспедицію, причемъ имѣетъ въ виду главнѣйшимъ образомъ изслѣдованіе фауны озеръ Чалдыръ-Геля, Хозапинъ-Геля и друг. расположенныхъ на весьма различныхъ высотахъ. Кромѣ составленія коллекціи рыбъ, что важно было бы и въ экономическомъ отношеніи, командированному зоологу предстоитъ задача добыть съ разныхъ глубинъ усовершенствованными снарядами и низшихъ животныхъ, что, какъ извѣстно изъ бывшихъ примѣровъ, часто ведетъ къ неожиданнымъ и любопытнѣйшимъ ученымъ открытіямъ. Кромѣ того въ замкнутыхъ горныхъ долинахъ Арменіи образовались, вслѣдствіе изолированія, совершенно особые неизвѣстные виды нелетающихъ насѣкомыхъ, которые и пополнятъ коллекціи музея Академіи, замѣтнымъ вкладомъ.

Трудность сообщенія по области обусловливаетъ приготовленіе особыхъ свинчивающихся лодокъ. которыя будутъ перевозиться на лошадяхъ. Драги, канаты, ящики съ жестянками, спиртъ и проч. запасаютъ въ достаточномъ количествѣ.

Исполненіе экспедиціи возложено на хранителя зоологическаго музея, молодого, но уже извѣстнаго, нашего ученаго, доктора Александра Федоровича Брандта, автора между прочимъ ряда статей *„о равновѣсіи животныхъ“*, помѣщаемыхъ въ текущихъ №№ „Нивы“ и обратившей на себя въ прошломъ году вниманіе ученыхъ. статьи (переведенной на нѣмецкій, французскій и англійскій языки) *объ эласмотеріи*, найденномъ на Волгѣ. (была помѣщена также въ „Нивѣ“ 1878 года).

Шашечная задача № 7.

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ всѣхъ черныхъ. Какими ходами?

Алгебраическая задача.

На запросъ отъ интендантства коменданту одной осажденной крѣпости, послѣдній отвѣтилъ слѣдующей телеграммой: мой гарнизонъ имѣетъ еще запасъ хлѣба на 11 дней, если я сегодня получу подкрѣпленіе въ 200 человѣкъ, то каждый долженъ будетъ получать ежедневно на $^1/_4$ ф. хлѣба меньше, для того чтобы запасъ хватилъ на вышесказанное число дней. Но если бы откомандировано было сегодня изъ моего гарнизона 300 чел., то каждый изъ оставшихся могъ бы получать на $^1/_4$ фун. больше и запасу стало бы на 12 дней. Какъ великъ былъ гарнизонъ и сколько каждый получалъ?

Задача. Ходъ короля.

сни	уны	о	бле	нья	бурь	не	мни
то	нья	зло	не	мни	по	по	рев
нья	де	пом	по	мни	не	но	будь
па	ни	не	грозъ	слезъ	сти	за	сло
дней	сти	но	свѣ	у	не	ви	го
про	дни	бви	тило	во	и	бла	путь
ног	лю	надъ	сно	всхо	бо	мы	ли
да	нами	ла	дило	и	дро	свер	ша

Рѣшеніе ариѳметической задачи въ № 17 „Нивы“.

Капиталъ	50.000 р.
Жена получила	25.000 р.
Дочь.	8.333 1/3 „
Сынъ	4.166 2/3 „
Сестра	1.250 „
Братъ	1.250 „
10 Благотворительныхъ учрежд. .	10.000 „

Вѣрныя рѣшенія этой здачи присланы: Спб, отъ гг.: А: Спарро, Sonza, Логунова, Киріевскаго, Н Карвѣева, И. Мамонтова, В. Петрова, А. Орлова, Н. Ханова, Рудольфа, Маткевича, Черепанова, Н. Логинова; **Москва**, отъ гг.: П. Семенова, И. Садоваго, В. Румянцева, Крынина, И. Елина, А. Вѣлокурова, А. Зобова, В. Мордашева, А. Кочеткова, Г. Рябинина, М. Паиина, Н. Евдокимова, С. Пашкова, А. Устинова, Н. Полева, Д. Соколова; **Ржевъ**: А. Шпилька, Н. Чамова, И. Ушакова; **Петергофъ**—А. Демина, **Вильна**—Н. Львова. **Кронштадтъ**—Жданова, ст. **Медвѣдева** — Лейциигеръ, **Игуменъ**—Розенгауза; **Могилевъ**—Ландау; **Граево**—Айвенштадтъ.

Рѣшеніе шашечной задачи № 6.

Бѣлыя.	Черныя.
съ 6 на 10	съ 14 на 5
„ 9 „ 13	„ 18 „ 9
„ 17 „ 21	„ 26 „ 17
„ 11 „ 14	„ 19 „ 10
„ 7 „ 18	„ 22 „ 13
„ 24 „ 28	„ 31 „ 24
„ 2 „ 6	„ 24 „ 2
„ 16 „ 12	„ 8 „ 15
„ 4 „ 11	„ 15 „ 6
„ 25 „ 29	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: С.-Петербургъ, отъ гг.: Раструбова, П. Голубова, К. Линина, Л. Лейневица, Однидова, И. Харчева, И. Гайдукевича, П. Колесова, Мак—го, В. Смирнова, Геннинга; **Москвѣ**: отъ гг. А. Внунова, Г. Сы—ова, П. Лобанова, Е. Слѣпышева, В. Зѣвакина, В. Соловьева, М. Политова, **Ржевъ**: отъ гг. А. Шпилька, Матвѣева, **Кронштадтъ**, отъ г. Дмитріева, **Ново-Александровскъ**: А. Танѣева; **Ломжа**: отъ г. Головина; **Игуменъ**: отъ г. Ровенгауза; **Елисаветградъ**; отъ г. Тарко-Любига; **Брянскъ**: отъ г. Маевскаго.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Орелъ А. Ш—еръ. Вы пишете другу, уѣхавшему въ Сѣв. Америку:

...Тамъ широкое раздолье
Для безкорыстнаго добра
Ты тамъ, гдѣ можно быть счастливымъ,
Гдѣ честность общимъ достояньемъ (!)
Гдѣ правды лучь ужь возсіялъ и проч.

Стихотвореніе не годится, но не въ томъ дѣло. Тутъ есть еще другой смыслъ, весьма печальный. Вообразивъ, что въ Америкѣ есть всѣ прелести, вами воспѣваемыя, несчастные, часто честные и энергическіе люди идутъ, туда (русскихъ въ Америкѣ нѣсколько тысячъ) и находятъ сильный отпоръ, наглый обманъ, голодъ и отчаяніе или съ непомѣрными трудами достигаютъ наконецъ такихъ ничтожныхъ результатовъ, какихъ дома достигли бы съ гораздо меньшими усиліями. Это ложное представленіе объ жизни за океаномъ многихъ погубило безвозвратно.

Спб. П. В. Кар—дашеву. Вы пишете:

Въ красу природы погружаясь,
Не понимаю многихъ книгъ...

Охотно вамъ вѣримъ, но зачѣмъ же такое обстоятельство доводить до свѣденія публики?

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

въ „MAGASIN ETRANGER“
Иностранномъ магазинѣ, Б. Морс., д. №. 30.

!!! ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ !!!

Самыхъ превосходныхъ англійскихъ

РЫБОЛОВНЫХЪ

принадлежностей. Самыя отличныя складныя англійскія удилища цѣна отъ 5 р. до 75 р., рекомендуется особенно сортъ въ 10 р. Лѣсы англійскія патентованныя шелковыя, плетеныя, ц. за мот. 30 арш. 3 р., около 60 арш. 6 р., мот. въ 120 арш. 12 р. Лѣсы волосяныя безъ узла въ той же цѣнѣ. Лѣсы изъ японскаго сыраго шелка за мотокъ 1 р. Лѣсы изъ небѣленой пеньки плетеныя тонкія удивительно крѣпкія, цѣна за мотокъ около 30 арш. 1 р. 50 к., 60 арш. 3 р., 120 арш. 6 р. крученой мот. 25, 50 и 75 коп., поплавки въ 15, 25, 50, 75 к. и 1 р. изъ окрашеннаго пробочнаго дерева. Крючки на шелковой жилкѣ ц. за дюж. 75 к., всякой величины до 1-го номера, иногор. съ перес. 1 р. на двойной крученой шелковой жилкѣ 1 р. 50 к. Мушки за дюж. 50 к., лучшія англійскія на шелковой жилкѣ за пачку ½ дюж. 75 к. иногородн. съ перес. 1 р. Искустныя приманки рыбъ, жучки всякіе, пчелки, стрекозы, божьи коровки и пр. 75 к. шт. Рыбки металлическія серебряныя съ одной, золоченые съ другой стороны, 3-хъ величинъ, ц. 2 р. 50 к., 3 и 4 рубля. Хваленые т. н. «каледоніанъ» рыбки изъ особенной массы цѣна 3 р., Крючки на струнѣ двойные и тройные цѣна за дюжину 2 руб. 50 коп. на проволокѣ двойные ц. 75 коп. Особенный снарядъ сост изъ 4-хъ крючковъ для щукъ, ц. 1 руб Блесны въ вид. ложки для щукъ 75 к. 1 р. и 1 р. 50 к.; кромѣ того много другихъ предметовъ необходимыхъ для рыбной ловли. Управленіе магазина считаетъ нужнымъ прибавить, что всѣ рыболовныя принадлежности изъ первѣйшихъ фабрикъ Англіи, самое лучшее что только производитсн. Выписыв. однихъ рыбол. принад. на 10 р. и больше имѣютъ перес. безплатно.

!!! ДОРОЖНЫЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ !!!

Саквояжи отличной Вѣнской работы саквояжи съ приборами мужскіе и дамскіе, дорожныя сумки, замшевыя ташки для золота, особеннаго, очень практичнаго устройства. Маленькіе несесеры для туалета, корзинки для провизіи, фляжки обшитыя въ кожу и оплетеные, складные кубки мет. и кожан. и плоскіе карманные стаканы. Ремни дорожные всякихъ цѣнъ, отъ 75 к. до 3 р., также особ. новаго устройства, кот. можно носить черезъ плечо, или можно связывать палки, зонтики и саквояжи; ц. 75 к. и двойные 1 р. 50 к.

!! АМЕРИКАНСКІЕ ПЛЕДЫ !!

самаго превосходнаго достоинства покрывала для ногъ, стельки изъ самаго нѣжнаго войлока входящія во всякую обувь предохраняютъ отъ простуды. Дорожныя мягкія фуражки готовыя и на заказъ.

!! НОСИЛКИ ДЛЯ БОЛЬНЫХЪ !

!! ДОРОЖНАЯ ПОСТЕЛЬ !!

соединяющая сидѣнья въ вагонѣ такъ что можно удобно спать.

!!! ДОРОЖНЫЯ ПЕРЬЯ !!!

пишущія черн. безъ чернилъ, слѣдуетъ только помочить въ какую нибудь жидкость: воду, вино и пр. ц. 50 к. иног. съ перес. 75 к.

!!! АНИЛИНОВЫЯ КАРАНДАШИ !!!

которыми написанное помочить, тогда выйдетъ какъ написано чернилами, и можно снимать копіи; ц. 50 к. иног. съ пер. 75 к.

!!! ПОРТМОНЕ ВЪ ВИДѢ ПУШКИ !!!

изъ метала, серебряныя и новаго серебра съ тремя отдѣленіями, для грив. пятіалт. и двугрив., такъ что не нужно искать ц. 1 р. и 2 р., иног. 1 р. 50 к. и 2 р. 50 к.

!!! НОВОСТЬ !!!

портмоне chemin de fer съ отдѣленіями для всякой монеты ц. 5 р.

!!! ИНДІЙСКАЯ ВИСЯЧАЯ ПОСТЕЛЬ !!!

хамаки изъ кокосовыхъ волоконъ; цѣна 8 и 10 руб.; иногор. съ перес. 10 и 12 р. изъ пеньковой бичевки большой прочности отъ 5 до 8 р. иног. съ перес. 6 и 9 р.

!!! ГИМНАСТИКА !!!

состоящая изъ 4-хъ штукъ: трапецъ, кольцы, лѣстница и репки; цѣна 10 руб. изъ 8 штукъ 20 руб. иног. съ перес. 13 и 25 р.

!!! ВЕЛОСИПЕДЫ !!!

для взрослыхъ и для дѣтей; цѣна отъ 12 до 75 руб. и дороже.

!!! ПАЛАТКИ !!!

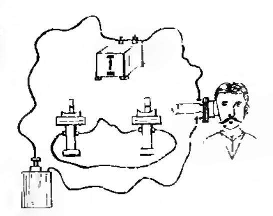
Складныя въ небольшой пачкѣ ц. 2 ар. въ квадратѣ 15 р., 3 ар. въ кв. 25 р. 4 ар. въ кв. 35 р. съ непромокаемой крышей, зубов. прибор. 30, 50 и 75 р. принимаются заказы, иног. съ пер. 3, 5, 10 р. и дороже.

Цѣны крайнедешевыя; иногороднымъ высылается немедленно; адресоваться:

въ «MAGASIN ETRANGER», Иностранный магазинъ по Большой Морской, домъ № 30, въ С.-Петербургѣ.

МУЗЕЙ ЛЕНТА ВЪ ПАССАЖѢ. № 138

Только 25 коп! До закрытія по 13-е мая. Только 25 коп.

Атмосферная водоподъемная машина и атмосферно-ртутно подъемный-аппаратъ, дѣйствующіе свободно безъ насосовъ, клапановъ и паровъ (это весьма выгодное изобрѣтеніе можетъ быть уступлено не дорого желающимъ), а также проектъ, составленный **Т. Лентомъ** о весьма выгодномъ пути сообщенія отъ С.-Петербурга до Нью-Іорка, предначертанный на большой географической картѣ, свободно висящая уморительная деревянная голова, живой прозрачный турокъ. Превосходно улучшенные: фонографъ, микрофонъ и телефонъ и интересныя группы, музыкальный букетъ и болѣе 1,000 разнообразныхъ рѣдкостей и т. д.

Особая галлерея: дама съ бородою, миссъ Зенона Пастрана.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

№ 100 РУССКИХЪ и ИНОСТРАННЫХЪ ФАБРИКАНТОВЪ № 100

ГОСТИННЫЙ ДВОРЪ, МАЛАЯ СУРОВСКАЯ ЛИНІЯ.

только что вышли изъ фабрикъ и поступили въ продажу въ самомъ разнообразномъ выборѣ послѣднія мануфактурныя издѣлія, отъ самыхъ простыхъ и не дорогихъ до самыхъ изящныхъ и цѣнныхъ.

НОВОСТИ

ЛѢТНЯГО СЕЗОНА

Образцовыя произведенія первѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ фабрикъ въ новѣйшихъ рисункахъ.

Ткани шерстяныя, пеньковыя, смѣшанныя съ шелкомъ и безъ онаго: сисильенъ, фулярдинъ, бежъ, гренадинъ, экрю, фантази, гладкіе полосатые и клѣтчатые: кашемиръ черный и всѣхъ модныхъ цвѣтовъ, оксфордъ, зефиръ, кретонъ, перкаль, туаль экрю и проч. Полотно суровое и цвѣтное для платьевъ, каламянка, пике, бриліантинъ, манчестеръ и новѣйшие костюмы (a'disposition).

ДАМСКОЕ И МУЖСКОЕ БѢЛЬЕ,

приготовленное въ собственныхъ мастерскихъ. Полотна для бѣлья и простынь, столовое бѣлье. МОХНАТЫЯ и обыкновенныя полотенца, фильдекосовые и бумажные, цвѣтные и бѣлые чулки и носки, батистовые и полотняные платки.

Полный выборъ бѣлья для гг. ВОЕННЫХЪ Пледы, байковыя и пикейныя одѣяла, шелковыя, шерстяныя и бумажныя фуфайки и кальсоны.

Цѣны на всѣ товары назначены фабричныя.

Требованія гг. иногородныхъ исполняются безотлагательно, но не менѣе какъ на сумму 50 р.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ 2-е ИСПРАВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПРАКТИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА ГОРОДСКИХЪ, ЗАГОРОДНЫХЪ и СЕЛЬСКИХЪ ЗДАНІЙ,

приспособленная къ простому изученію всевозможныхъ сооруженій въ современномъ вкусѣ, **фасадовъ и плановъ**. Служитъ образцами какъ для **архитекторовъ, инженеровъ и подрядчиковъ**, такъ и для каждаго, желающаго построить зданіе прочно, красиво и выгодно. **Съ приложеніемъ** разсчета на количество матеріаловъ и рабочихъ на каждое зданіе; такъ что каждый можетъ обойтись безъ помощи архитектора и подрядчика. Сост. Н. ЖЕЛТУХИНЪ при участіи друг. инженеровъ и архитекторовъ на **44 лист**, печатанныхъ разными краск. на александрин. бум. **съ 200 рис. 2-е изд. М. 1878 г.** Цѣна въ папкѣ 8 р., въ коленк. перепл. 10 р. съ перес.

Первое изданіе разошлось въ нѣсколько мѣсяцевъ. Изданіе посвящается общественнымъ дѣятелямъ, городскимъ и земскимъ управамъ.

ПРОДАЕТСЯ въ конторѣ издателя-книгопродавца **А. Д. СТУПИНА**, въ МОСКВѢ, Никольская улица, домъ Заиконоспасскаго монастыря. № 131—2.

ВЫШЛА МАЙСКАЯ КНИЖКА

«СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ».

СОДЕРЖАНІЕ: Розасъ, **Густава Эмара**.—Замогильная месть, **Бернара Дерона**.—Двоюродная племянница, **Ф. Робинсона**. (окончаніе). Ученый господинъ.

Кромѣ романа, оконченнаго въ этой книги, въ нынѣшнемъ году окончено еще три романа: **ПЯТНАДЦАТИЛѢТНІЙ КАПИТАНЪ**, Жюля Верна: **СЫНЪ КОРАЛИИ**, Альбера Дельпи: **ТАЙНЫЙ БРАКЪ**, герцога де-Помара.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ большаго формата, выходящихъ въ началѣ мѣсяца и составляющихъ въ годъ около **пяти тысячъ** страницъ, безъ доставки — **десять руб. пятьдесятъ коп.**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ—**одиннадцать рублей**: для иногородныхъ подписчиковъ—**двѣнадцать**. руб.

Подписка принимается **исключительно** на имя издательницы Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ редакціи журнала „Собраніе Романовъ“, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается. Выдаются всѣ вышедшія книги съ № 1.

При редакціи открыта книжная торговля, высылаются всѣ книги, публикованныя въ газетахъ, и принимается подписка на всѣ періодическія изданія.

Каталоги высылаются безплатно. № 135

С-Петербургская Химическая Лабораторія съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.

Жидкость отъ моли, самое вѣрное средство для сбереженія на лѣто шубъ, ковровъ и проч.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ: 1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви **№ 32. 2) Невскій проспектъ**, у Аничкина моста д. № 66. **3) Вознесенскій проспектъ**, уголъ Казанской улицы, д. Шредера № 18—54.

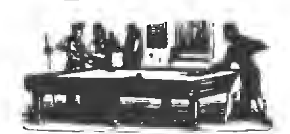
Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, похожія на вывѣски С.-Петерб. Химич. Лабораторіи и выдающія себя за ея Депо (на Владимірской и проч.) ей не принадлежатъ.

Предостереженіе противъ подражаній,

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Обращать вниманіе при покупкѣ на точность фирмы: **«С.-Петербургская Химическая Лабораторія».**

Билліардная фабрика.

А. Фрейберга въ С.-Петербургѣ.

Переведена: Измайловскій полкъ, Троицкій проспектъ, въ собственный домъ № 13,

Билліарды отъ 225 до 1000 руб. и дороже; шары, кіи и всѣ къ билліарду и билліардной игрѣ принадлежности. № 284 12—11

Дозволено цензурою СПБ. 4 Мая 1879 г. Издатель А. Ф. Марксъ въ СПБ. Тип. [illegible] № 10.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40).

Выданъ 14 Мая 1879 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ.

Нашъ извѣстный писатель Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ родился въ 1831 году и дѣтство провелъ въ Калужской губерніи, въ имѣніи своихъ родителей. Воспитывался онъ сначала въ Калужской гимназіи, а затѣмъ поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета. По окончаніи курса К. Н. Леонтьевъ служилъ военнымъ врачемъ въ Крыму во время Крымской кампаніи. Затѣмъ вышелъ въ отставку и занимался нѣсколько лѣтъ частной медицинской практикой, а въ 1863 году поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Былъ сначала секретаремъ на островѣ Критѣ, потомъ управлялъ Адріанопольскимъ консульствомъ. затѣмъ былъ назначенъ вице-консуломъ въ Тульчѣ (на Дунаѣ) и, наконецъ, консуломъ въ Янинѣ и Салоникахъ.

Въ 1873 году К. Н. Леонтьевъ по болѣзни вышелъ въ отставку и съ тѣхъ поръ живетъ по большей части въ своемъ имѣніи, въ Калужской губерніи.

К. Н. Леонтьевъ. Рис. Тегаццо, грав. Пущъ.

Литературную свою дѣятельность К. Н. Леонтьевъ началъ романомъ „Подлипки“, помѣщеннымъ въ „Отечественныхъ запискахъ“ 1861 года и нѣсколькими критическими статьями, появлявшимися въ томъ же журналѣ. Затѣмъ былъ напечатанъ новый романъ его „Въ своемъ краю“ („Отечественныя Записки“ 1863 г.) и повѣсть „Ай-Бурунъ“ („Отечественныя записки“ 1866 г.).

Эти первыя произведенія К. Н. Леонтьева, не смотря на нѣкоторые, да и то чисто внѣшніе недостатки, уже отличались большой оригинальностью, а многіе эпизоды несомнѣнно указывали на замѣчательный талантъ автора. Съ 1866 г. наступилъ перерывъ въ литературной дѣятельности К. Н. Леонтьева и она возобновилась только въ началѣ 70-хъ годовъ, т. е. около того времени, когда онъ оставилъ службу.

Живя на Востокѣ и имѣя возможность близко и всесторонне по-

знакомиться съ жизнью какъ турокъ, такъ и христіанъ, подвластныхъ Турціи, К. Н. Леонтьевъ вернулся въ Россію съ огромнымъ запасомъ воспоминаній и матеріаловъ. Разработкой этихъ матеріаловъ и воспоминаній является цѣлый рядъ разсказовъ и повѣстей „Изъ жизни христіанъ въ Турціи“, печатавшихся въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и затѣмъ вышедшихъ въ отдѣльномъ изданіи. Но капитальнымъ произведеніемъ К. Н. Леонтьева должно признать „Воспоминанія Одиссея Полихроніадеса, загорскаго грека“ и продолженіе ихъ—„Камень Сизифа“.

Время и обстоятельства развиваютъ въ средѣ нашихъ читателей очень большія требованія, обращенныя къ современнымъ беллетристамъ. Окружающая насъ жизнь полна глубокаго интереса и значенія, но ея явленія, по большей части еще не сложившіяся въ опредѣленную форму, не легко поддаются анализу и требуютъ для своего воспроизведенія такихъ силъ художественнаго таланта, какихъ весьма немного въ нашей литературѣ.

Для цѣлаго ряда писателей, далеко не лишенныхъ дарованія, но не имѣющихъ возможности надлежащимъ образомъ освѣтить туманъ переходнаго времени, въ которомъ мы живемъ, представляется два исхода. Они должны обратить свои силы или на изображеніе пережитаго обществомъ времени, уже ставшаго достояніемъ исторіи, или находить еще нетронутые уголки жизни, еще незнакомыя намъ картины нравовъ и быта тѣхъ слоевъ общества, а также и различныхъ племенъ, съ которыми мы начинаемъ приходить въ соприкосновеніе.

Какія произведенія изъ современной жизни, изъ жизни насъ окружающей, обратили и обращаютъ на себя въ послѣднее время всеобщее вниманіе? Только произведенія графа Толстого и Достоевскаго, двухъ нашихъ талантливѣйшихъ писателей. Остальныя попытки въ этомъ родѣ проходятъ болѣе или менѣе незамѣченными, возбуждаютъ интересъ весьма слабый, такъ какъ задача оказывается почти всегда не по силамъ исполнителей, и въ ихъ произведеніяхъ звучатъ ложь и дѣланность, далекія отъ трудно уловляемой дѣйствительности. Между тѣмъ, мы можемъ указать на нѣсколько художественныхъ твореній, встрѣченныхъ положительнымъ успѣхомъ и читающихся съ большимъ интересомъ. Эти творенія: „Пугачевцы“ графа Саліаса, „За Волгой“, „Въ лѣсахъ“ и „На горахъ“—Мельникова, „Соборяне“, Лѣскова. Ихъ успѣхъ обусловился далеко не однимъ только талантомъ авторовъ, а главнымъ образомъ именно отдаленностью отъ явленій современной жизни окружающаго насъ общества. Графъ Саліасъ заглянулъ въ историческое прошлое и освѣтилъ одну изъ его интереснѣйшихъ эпохъ; Мельниковъ нарисовалъ рядъ картинъ изъ жизни заволжскихъ купцовъ-старообрядцевъ, а Лѣсковъ вывелъ живые типы духовенства—оба нашли именно тѣ уголки жизни, которые до сихъ поръ никто изъ писателей не разработывалъ надлежащимъ образомъ, съ которыми были знакомы весьма немногіе читатели. Успѣхъ „Пугачевцевъ“, „За Волгой“ и „Соборянъ“ ясно указываетъ на то, что именно нужно большей части публики, и въ данномъ случаѣ ея требованія вполнѣ справедливы. Ей надоѣли безцвѣтные романы и повѣсти, сотни разъ на всѣ лады повторенныя исторіи счастливой или несчастливой любви, разыгранныя деревянными куклами; ей надоѣли тенденціозныя бредни всевозможныхъ окрасокъ. Ей нужно знакомство съ тѣмъ, чего она еще не знаетъ: она со вниманіемъ и любопытствомъ слушаетъ талантливый разсказъ о дѣлахъ давно минувшихъ, слушаетъ также и наблюдательнаго путешественника, принесшаго вѣсти о другихъ людяхъ, о другой жизни и интересахъ...

Внѣшнія событія даютъ теперь возможность новыхъ наблюденій и новыхъ разсказовъ. Наше проникновеніе въ Азію выводитъ на сцену жизнь при совершенно новыхъ условіяхъ; тутъ является такое разнообразіе самыхъ живыхъ и оригинальныхъ красокъ, что недостатокъ—только въ художникахъ, а не въ матеріалѣ. Въ послѣднее время наши взоры невольно обращаются еще въ одну новую сторону. Событія послѣднихъ двухъ лѣтъ приковываютъ наше вниманіе къ славянскимъ землямъ, къ турецкимъ провинціямъ, къ жизни христіанъ подъ владычествомъ Турціи, къ сценамъ, происходившимъ такъ недавно и происходящимъ до сихъ поръ въ самыхъ невѣроятныхъ для нашего времени условіяхъ. Талантливый разсказъ обо всемъ этомъ не можетъ не остановить на себѣ вниманія—и такой именно разсказъ представляютъ „Воспоминанія Одиссея Полихроніадеса, загорскаго грека“. Авторъ говоритъ отъ лица своего героя, Одиссея, и такъ вошелъ въ его роль, съумѣлъ придать разсказу такой колоритъ, что вы совершенно видите передъ собою настоящаго загорскаго грека, съ его понятіями и міровоззрѣніемъ, со всѣми особенностями его языка и слога. Рядъ живыхъ лицъ проходитъ въ полной, художественно очерченной картинѣ янинской жизни. Нравы, обычаи, воззрѣнія, всѣ ежедневныя мелочи находятъ себѣ мѣсто въ разсказѣ Одиссея Полихроніадеса. Далекая отъ насъ и въ послѣднее время особенно имѣющая право на наше вниманіе жизнь ярко выступаетъ подъ перомъ талантливаго писателя, который долго и добросовѣстно изучалъ ее. Читатель сразу понимаетъ и чувствуетъ, что здѣсь нѣтъ ничего выдуманнаго, что можно вполнѣ довѣриться свидѣтельствамъ автора. Полная объективность и пониманіе чужой жизни составляютъ огромное достоинство въ подобномъ разсказѣ и признакъ большаго таланта. Единственный недостатокъ автора, на который должно указать, заключается въ томъ, что онъ иногда какъ бы подавленъ изобиліемъ матерьяла, хранящагося въ его памяти. Отсюда происходитъ масса вводныхъ эпизодовъ, постоянно интересныхъ, но все же мѣшающихъ цѣльности повѣствованія и на долго прерывающихъ движеніе основной темы.

Въ заключеніе необходимо указать на статью К. Н. Леонтьева „Византизмъ и Славянство“, напечатанную въ „Чтеніяхъ Исторіи и Древностей“ и затѣмъ вышедшую отдѣльной брошюрой. Въ статьѣ этой встрѣчаются чрезвычайно оригинальныя и замѣчательныя мысли. Въ ней авторъ, между прочимъ, предлагаетъ научное средство для опредѣленія возраста и близости паденія государствъ и приходитъ ко многимъ выводамъ, съ которыми, конечно, можно не соглашаться, но которые нельзя не назвать замѣчательными.

Вс. Соловьевъ.

При своемъ дѣлѣ.

Очерки.

Н. В. Успенскаго.

I.

Въ одинъ погожій августовскій день по торной проселочной дорогѣ, пролегавшей среди скошенныхъ нивъ и луговъ, шли два молодыхъ человѣка въ казинетовыхъ сюртукахъ и нанковыхъ панталонахъ, запущенныхъ въ дырявые сапоги, съ посохами въ рукахъ и сумками за плечами. За ними вдали, переступая съ ноги на ногу и держа подъ мышкой туго набитый холстинный мѣшокъ, плелся дородный юноша лѣтъ 18, въ бѣлой льняной рубахѣ, ватной фуражкѣ съ разорваннымъ козырькомъ, и въ заплатанныхъ триковыхъ, далеко не достигавшихъ до порыжѣвшихъ опорковъ, надѣтыхъ на босу ногу.

Всѣ три путника были дѣти причетника села Полтева, которое скрывалось въ лощинѣ, за ближайшей березовой рощей. Молодые люди находились еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ разлуки съ своими родителями, которые, по заведенному изстари обычаю, провожали ихъ за версту отъ села до двухъ ивовыхъ кустовъ, служившихъ границей между двумя приходами—Полтевскимъ и Басовскимъ.

Не смотря на недавнюю разлуку съ родными, шедшіе впереди семинаристы имѣли бодрый и самоувѣренный видъ; они вели между собою оживленную бесѣду о профессорахъ семинаріи, духовной академіи, казенномъ содержаніи и т. п. Ясно было видно, что родина въ весьма значительной степени потеряла для нихъ свое обаяніе, такъ какъ всѣ ихъ помыслы сосредоточивались на блестящей духовной карьерѣ въ образѣ „владыки,“ ректора и по меньшей мѣрѣ профессора семинаріи.

Старшій изъ братьевъ, Петръ Бирюковъ, былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ богословія и въ средѣ своихъ товарищей пользовался громкой извѣстностью краснорѣчиваго проповѣдника. Другой братъ, Веніаминъ, находился въ философскомъ классѣ и хотя уступалъ своему брату, богослову, въ успѣхахъ по наукамъ, за то превосходилъ его своимъ примѣрнымъ поведеніемъ и прилежаніемъ, вслѣдствіе чего удостоенъ былъ семинарскимъ инспекторомъ званія „старшаго.“ Оба брата, какъ образцовые ученики, пользовались казеннымъ содержаніемъ и предназначались начальствомъ въ духовную академію.

Шедшій позади юноша, Прохоръ Бирюковъ, составлялъ совершенную противуположность своимъ старшимъ братьямъ. Между тѣмъ какъ они быстро неслись по пути семинарской культуры, мечтая о высшихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы, Прохоръ, во все время пребыванія своего въ духовномъ училищѣ, упорно

отстаивалъ свое первобытное состояніе, записывая дни, часы и минуты приближенія каникулъ и въ своихъ слезныхъ письмахъ къ родителямъ, сравнивая школу съ преисподней, кромѣшнымъ адомъ и каторгой. Ничто не возбуждало въ немъ такого ужаса и отвращенія какъ семинарскія науки и учителя, и наоборотъ, онъ считалъ себя совершенно счастливымъ, когда гостилъ въ родительскомъ домѣ, помогалъ отцу пахать землю, косить рожь и овесъ, ѣздилъ въ ночное съ крестьянскими парнями, между которыми у него было много задушевныхъ пріятелей: съ ними онъ дѣлилъ свое горе и радость, посѣщалъ дѣвичьи „посидѣнки,“ хороводы, катанья съ горъ, завиванія вѣнковъ и т. п. Прохоръ не разъ умолялъ своего отца выключить его изъ училища и на всегда оставить дома въ качествѣ батрака. Но причетникъ и его старшіе сыновья обзывали его дуракомъ и по окончаніи каникулъ насильно гнали его въ школу. Въ день отправленія изъ роднаго села, мальчикъ прятался на чердакѣ, въ соломенныхъ ометахъ, сараяхъ, овинахъ и глубокихъ оврагахъ; онъ неоднократно дезертировалъ изъ храма просвѣщенія и выражалъ свой протестъ противъ безчеловѣчнаго насилія рѣшительнымъ намѣреніемъ наложить на себя руки, но все было тщетно; всѣ его попытки сдѣлаться пахаремъ разбивались о несокрушимую волю отца и убѣдительные доводы братьевъ, что онъ во чтобы то ни стало долженъ выйти въ *люди.*“ Не взирая на его лѣнь и отвращеніе къ буреѣ, богословъ съ философомъ перетаскивали его изъ класса въ классъ, какъ говорится, на буксирѣ: они поочередно просиживали съ нимъ ночи, объясняя какіе нибудь греческіе глаголы, тексты изъ библіи или переводя Корнелія Непота. Богословъ употреблялъ все свое ораторское искусство, доказывая Прохору, что онъ „долженъ спѣшить на гласъ, призывающій его въ мысленный Египетъ для изведенія оттуда людей въ обѣтованную землю“ и что ему неизбѣжно нужно готовиться быть неугасаемымъ свѣтильникомъ вѣры, указующимъ путь въ горній „Іерусалимъ.“

Всѣми неправдами старшимъ братьямъ удалось довести Прохора до риторики или пятаго класса. Но тутъ лѣнтяй обнаружилъ вдругъ такое закоренѣлое упорство, что надобно было прибѣгнуть къ содѣйствію семинарскаго начальства; ритора сажали въ карцерь, лишали гулянья во время рекреацій, становили на колѣни во всѣхъ классахъ, подвергали одиночному заключенію, но и эти мѣры оказались не дѣйствительнѣе прежнихъ. Наконецъ, въ послѣднее пребываніе Прохора въ селѣ Полтевѣ, его мать, тайкомъ отъ мужа и своихъ сыновей, обратилась за совѣтомъ ко всѣмъ извѣстнымъ знахарямъ и ворожеямъ своего уѣзда. Результатомъ ея совѣщаній съ вѣдунами было то, что въ продолженіе всего каникулярнаго времени Прохоръ пилъ росной ладанъ.... Но этого мало: когда онъ, утомленный полевою работою, спалъ богатырскимъ сномъ, причетница читала надъ нимъ заговоры отъ колдовства и молитвы объ изгнаніи злыхъ духовъ и денныхъ полуденныхъ, ночныхъ и полуночныхъ, утреннихъ и вечернихъ, часовыхъ и минутныхъ.“ Одинъ изъ заговоровъ начинался такъ: „повелѣваю тебѣ злому, проклятому, нечистому, омерзенному духу идти въ Аравію....“ Спавшій Прохоръ ни мало не подозрѣвалъ, что нѣжно любимая имъ мать считаетъ его „избраннымъ сосудомъ діавола.“

Въ настоящее время, по окончаніи каникулъ, братья возвращались въ семинарію. Богослову съ философомъ не малаго труда стоило уговорить Прохора совершить означенное путешествіе. Тѣмъ не менѣе послѣ напутственнаго молебна риторъ категорически заявилъ отцу, что хотя онъ и отправится въ ненавистную для него семинарію, но учиться не станетъ и при первомъ удобномъ случаѣ возвратится восвояси.

— Эге! вдругъ воскликнулъ богословъ, оглянувшись назадъ: гдѣ жъ нашъ Прохоръ-то?

— Онъ сѣлъ, замѣтилъ Веніаминъ.

Дѣйствительно, въ полуверстѣ отъ путниковъ, на пригоркѣ, виднѣлась фигура сидѣвшаго Прохора.

Семинаристы направились къ своему брату и вскорѣ очутились подлѣ него.

— Ты что же это дѣлаешь? заговорилъ Петръ, опершись на посохъ: докуда ты будешь продѣлывать фокусы!

Прохоръ не говорилъ ни слова и угрюмо смотрѣлъ сторону.

— Пойдемъ Прохоръ! ласково произнесъ Веніаминъ: не ужели тебѣ не жаль бѣдныхъ родителей?

— Наконецъ подумай, сказалъ богословъ: на кого ты надѣешься?

— Это ужъ мое дѣло... не ваша печаль... говорилъ риторъ.

— Какъ не наша печаль? Чужой ты намъ что ли? Перешедши въ риторику, сдѣлавъ весьма важный шагъ въ жизни, неужели ты рѣшился быть пастухомъ?

Прохоръ молчалъ.

— Такъ ты не пойдешь съ нами?

— Не пойду...

— Гмм... въ такомъ случаѣ надо принять радикальныя мѣры, обратился богословъ къ Веніамину: пойдемъ въ деревню, позовемъ мужиковъ на помощь... Дѣло-то будетъ лучше!

— Важная штука! презрительно отозвался Прохоръ: по мнѣ хоть цѣлую барщину сзывайте... я ничего не боюсь!...

— Прохоръ, опомнись! говорилъ Веніаминъ, котораго старшій братъ тянулъ за рукавъ, порываясь въ деревню: Что ты дѣлаешь? Вѣдь ты отца съ матерью живыми въ гробъ вколотишь!...

— А еще риторъ! подхватилъ Петръ: нѣтъ ни малѣйшаго благородства... Пойдемъ! Что жъ прикажешь съ нимъ дѣлать.

Вблизи стояла деревня Житовка, куда отправились старшіе братья звать мужиковъ на помощь. Они подошли къ крайней избѣ и постучались въ маленькое закопченое окошко. Спустя минуту на улицу вышелъ небольшаго роста кривой мужикъ въ одной рубахѣ и, отвѣсивъ семинаристамъ поклонъ, заговорилъ:

— Добраго здоровья, Ильичи! Аль въ школу собрались,—сумочки-то надѣли?

— Въ школу, Миронычъ.

— То-то давеча гляжу въ окно, думаю: должно, отгостили наши гостечки... Небойсь, теперь маменька ваша объ васъ сокрушается—страсть!

— Разумѣется... материнское сердце... А мы къ тебѣ, Миронычъ: помоги намъ, пожалуйста....

— Насчетъ чего?

— Вотъ видишь ли, началъ богословъ: пошли мы въ семинарію, отошли отъ села около двухъ верстъ, вдругъ нашъ Прохоръ запировалъ; не хочетъ идти да и только... сѣлъ на канавѣ и сидитъ...

— Вотъ оказія-то, торопливо обдергивая рубаху и почесывая бока локтемъ, промолвилъ Миронъ: съ чего-жъ это онъ такъ?

— Да не хочу, говоритъ, идти, что хотите со мной дѣлайте! А ты знаешь, Миронычъ, какъ прискорбно будетъ отцу съ матерью, если они узнаютъ про эту исторію.

— Что толковать! убиваться будутъ, сердечные, вокакъ!

— Сдѣлай одолженіе, помоги намъ доправить его хоть до города, а тамъ онъ по неволѣ пойдетъ: тамъ чужая сторона... а то мы боимся, онъ вернется домой.

— Какъ-же это быть? возразилъ мужикъ, понуривъ голову: я бы это съ моимъ удовольствомъ, да теперь всѣ лошади-то въ полѣ—вонъ какое дѣло! кое сходить за ними, кое-что... опять же и телѣга не собрана.

— Намъ не нужна лошадь! Ты самъ пойдемъ съ нами, поведемъ его подъ руки.

Мужикъ разсмѣялся.

— А ну-ко онъ упрется? вѣдь его, пожалуй, не дотащишь, сказалъ онъ.

Въ кабинетѣ любителя рѣдкостей. Картина профессора СПБ. Акад. Худ. **В. И. Якоби.** Фотогр. Лаптева, грав. Э. Шмидтъ.

Отказъ отъ жениха. Ориг. рис. А. Земцова. Грав. Пуцъ-Шиблеръ.

Въ это время къ семинаристамъ подошелъ другой мужикъ въ дырявомъ кафтанѣ нараспашку и произнесъ, снимая шляпу:

— Здорово живете, Ильичи! Аль въ училищу собрались.

— Тутъ, братецъ ты мой, оказія случилась, подхватилъ Миронычъ: они вотъ совсѣмъ собрались въ дорогу и съ родителями, стало быть попрощавались... Отошли отъ двора версты двѣ, а ихъ братъ Прохоръ взялъ да сѣлъ.... Не пойду, говоритъ.... ха-ха-ха...

— Чудородъ, право слово! Ужъ и дите зародилось... въ кого только это дите?.. ха-ха-ха...

— Знамо, небойсь, учиться не хочется, замѣтилъ Миронычъ.

— Кому-жъ хочется... подтвердилъ мужикъ въ кафтанѣ: вѣдь она, учеба-то, сушитъ человѣка... Я такъ думаю: Прохору Ильичу пахать легче, чѣмъ учиться.... вишь, какой онъ у васъ доплый на крестьянскую работу... россейскій парень, что говорить!

— Вотъ Ильичи просятъ помочь имъ довести его до города... Пойдемъ, погутаримъ съ нимъ, можетъ, онъ честью пойдетъ...

Оба мужика затрясли головами и засмѣялись.

— Не зымь, я съ нимъ поговорю, сказалъ мужикъ въ кафтанѣ: онъ меня послухаетъ... Пойдемте! безъ науки вашему брату тоже нельзя....

Семинаристы и мужики отправились въ поле, гдѣ сидѣлъ Прохоръ. Дорогой крестьяне продолжали дивиться выходкѣ дьячкова сына и обмѣнивались между собою не совсѣмъ лестными для него замѣчаніями. Подошедши къ нему, первымъ заговорилъ мужикъ въ кафтанѣ:

— Все ли здоровъ себѣ, Прохоръ Ильичъ?

— Помаленьку, сурово произнесъ риторъ.

Мужики стояли въ почтительномъ разстояніи отъ упрямца и недоумѣвали передъ трудностію задачи, которую предстояло имъ выполнить. Прохоръ медленно обвелъ ихъ глазами и спросилъ:

— Вы что-жь, ребята, пришли сюда, по какому дѣлу?

— Мы такъ, Прохоръ Ильичъ, къ примѣру... Твои братцы обиждаются, что ты не идешь съ ними въ училищу...

Прохоръ всталъ и выпрямился во весь ростъ. Мужики попятились назадъ.

— Хорошо! началъ риторъ: спрашивается, что имъ отъ меня нужно?

— Постой, Прохоръ Ильичъ, подхватилъ мужикъ въ кафтанѣ: дай мнѣ тебѣ сказать: что они тебѣ доводятся?.. братья аль нѣтъ?

— Братья... Что изъ этого?

— А коли братья, такъ они тебѣ, стало быть желаютъ добра! Вонъ какая исторія...

— Теперь дай мнѣ сказать, возразилъ Прохоръ: вы люди посторонніе...

— Такъ точно...

— Теперь разсудите насъ по божьему... то есть, одно слово, по душѣ... Я теперь не хочу учиться, кто будетъ за меня отвѣчать? вѣдь не они? Пускай я буду неучъ—это дѣло мое.

— Нѣтъ, Прохоръ Ильичъ, тебѣ безъ науки никакъ нельзя...

— Какъ такъ нельзя? Тебѣ можно, а мнѣ нельзя?

— Да вѣдь я мужикъ, а ты поповичъ...

— Что-жь изъ этого? Развѣ я не такой же человѣкъ, какъ ты?

— Такой же, только ты изъ духовнаго званія... потому тебѣ слѣдуетъ идти въ попы...

— А ежели я не хочу идти въ попы?

— Мало ли что!.. твоя часть такая!.. можетъ, тебѣ Господь пошлетъ, алхиреемъ будешь...

— А почему же это моя часть, а не твоя?

— Этого я не могу сказать...

— Не можешь, а суешься учить другихъ? Я вотъ въ мужики хочу, что ты со мной сдѣлаешь?

— Хорошаго нисколько, Прохоръ Ильичъ...

— Дуракъ дурацкое и несетъ! замѣтилъ богословъ.

— Ну какъ же ты смѣшилъ мужицкую жизнь съ поповской? сказалъ Миронычъ: грѣхъ тебѣ, Прохоръ Ильичъ, такъ говорить... Пойдешь ты въ мужики, тебя тѣ же попы доймутъ...

— Пускай! Съ меня нечего будетъ взять...

— Нѣтъ, я вотъ какъ скажу, продолжалъ Миронъ: я бы, то есть, на твоемъ мѣстѣ всякую муку принялъ, только бы въ попы попасть...

— И въ правду ты говоришь? возразилъ Прохоръ: взгляни на Бога,.. Пойдешь въ попы?..

Миронъ сконфузился и покраснѣлъ.

— Съ чего же не пойти? проговорилъ онъ.

— Не вы ли насмѣхаетесь надъ нашимъ званіемъ? какъ вы насъ величаете?.. Вспомни-ка... упрекалъ Прохоръ.

— Да что съ нимъ толковать! вдругъ воскликнулъ богословъ: ребята, подсобите, пожалуйста...

— Нѣтъ, Петръ Ильичъ, не тронь его! сказалъ Миронычъ: зачѣмъ силкомъ тащить? Не неволь его... Дай ему образумиться. Вѣдь и такъ сказать, лошадь задергаешь возжами, и та упрется... Не хорошо, Прохоръ Ильичъ! до чего ты себя довелъ... а—а?.. Ишь, что выдумалъ! Землю пахать... нешто это игрушка? Ты какъ выучишься, языкомъ полалакаешь, глядь—тебѣ пирогъ али блинъ... придешь къ мужику онъ тебѣ курицу либо хлѣбъ; а будешь мужикомъ, съ тебя будутъ брать.

— Я вижу, съ вами пива не сваришь, проговорилъ Прохоръ и пошелъ въ сторону, по пашнѣ.

— Нѣтъ, должно, съ нимъ, малый, ничего не подѣлаешь, почесывая въ затылкѣ, сказалъ мужикъ въ кафтанѣ: ему, знать, плохо что нибудь сдѣлано... Какъ же быть, Ильичи? Намъ пора на работу... а на счетъ вашего братца Миронычъ правду сказалъ: лучше не неволъте его... какъ бы, избави Богъ, грѣха не было... Такъ-то! Можетъ, одумается, самъ придетъ въ училищу.

Вскорѣ Прохоръ скрылся въ оврагѣ. Богословъ съ философомъ отправились въ семинарію, а мужики въ свою Житовку.

II.

Черезъ часъ Прохоръ былъ уже на родной усадьбѣ. Онъ шелъ по заросшей травою межѣ, мимо коноплянниковъ, надъ которыми цѣлыми тучами носились воробьи, оглашая воздухъ громкимъ щебетаньемъ; по временамъ изъ-за ближайшей ветлы или полуразвалившагося сарая стремительно появлялся ястребъ; тамъ и сямъ раздавались крикливые голоса бабъ, бравшихъ коноплю; на гумнѣ пономаря гулко работали цѣпы.

— Жена! посмотри-ко... таинственно проговорилъ пономарь, указывая цѣпомъ на шедшаго Прохора: вѣдь это Прошка опять убѣжалъ...

— Охъ, родимые! возопила пономариха, горизонтально прикладывая ко лбу ладонь: убѣжалъ и есть! Я своими глазами видѣла, какъ онъ съ братьями пошелъ въ семинарію... Бѣги скорѣй, скажи дьячку...

Пономарь со всѣхъ ногъ бросился въ свою хибару, гдѣ извѣстилъ о бѣгствѣ ритора свою тещу, затѣмъ, надѣвая на ходу подрясникъ, устремился къ дому дьячка.

Отецъ Прохора сидѣлъ у растворенннаго окна и, при помощи связанныхъ нитками очковъ, читалъ большую церковную книгу.

— Илья Дмитричъ! сказать тебѣ новость? подошедши къ окну, объявилъ пономарь.

Дьячекъ снялъ съ своего носа очки, положилъ ихъ на подоконникъ и спросилъ:

— Какую новость?

— Твой Прохоръ-то воротился...

— Какъ воротился?

— Ей же ей! сію минуту я видѣлъ его на огородѣ.

Не успѣлъ Илья Дмитричъ приподняться со скамьи, какъ въ избу вошелъ Прохоръ и повалился отцу въ ноги.

— Батюшка, прости меня! сквозь слезы проговорилъ онъ.

Сидѣвшая на сундукѣ мать Прохора всплеснула ру-

ками и заголосила на всю избу. Изъ-за досчатой перегородки выбѣжала дѣвушка лѣтъ 16 и умоляющимъ голосомъ воскликнула:

— Кормилецъ-тятенька! не бей Прошу...

Этотъ возгласъ какъ будто напомнилъ причетнику о его родительскихъ правахъ; онъ быстро зашагалъ въ уголъ, гдѣ красовалась дубовая, суковатая палка. Къ счастію, жена и дочь крѣпко схватили его за руку.

— Кровопійца! сжимая кулаки, кричалъ Илья Дмитричъ: что ты со мной дѣлаешь? анаѳема! Безпутная голова! докуда ты будешь меня мучить?

— Тятенька! взмолился Прохоръ, обнимая ноги отца: отдай ты меня куда нибудь въ батраки, мнѣ легче будетъ...

— Прочь съ глазъ моихъ, оглашенный! Видано ли гдѣ, чтобы риторъ жилъ въ батракахъ? Подайте мнѣ ослопину, убью его до смерти...

— Не кричи, Илья Дмитричъ, вступилась причетница: вонъ смотри, сколько народу собралось подъ окнами... ахъ, срамъ какой! И попадья вышла на крыльцо, и отецъ Павелъ, и зять ихній. Угомонись, пожалуйста! Авось еще будетъ время... Какъ бы за буйство твое не донесли на тебя благочинному... а ты еще хотѣлъ подавать прошеніе во дьяконы...

Илья Дмитричъ присмирѣлъ и удалился за перегородку, откуда отдалъ приказаніе сыну сводить лошадей на водопой. Риторъ поднялся и, переваливаясь съ боку на бокъ, вышелъ изъ избы.

— Парашка! отыщи мнѣ перо и чернилицу! крикнулъ причетникъ дочери.

Онъ усѣлся у окна, выходившаго на дворъ и, зарядивъ посъ табакомъ, принялся писать письмо своимъ старшимъ сыновьямъ: „Прелюбезнѣйшіе мои дѣти, спѣшу извѣстить васъ о неизреченномъ моемъ горѣ. Буйный Прошка паки возвратился вспять, чѣмъ повергъ меня въ прелютое огорченіе. Пишу вамъ сіе письмо и орошаю оное преобильными слезами. Кромѣ васъ, присные мои, кому повѣмъ печаль мою и кого призову въ рыданіи? Научите, ради Бога, что мнѣ дѣлать? Я уже становлюсь хилъ и ветхъ деньми. Правда, я не старъ годами, но презѣльно старъ бѣдами. Да не возглаголютъ уста мои, сколь много претерпѣлъ я отъ одного непокорнаго и суемудраго Прошки; а по сему бываю часто боленъ: кто узнаѐтъ погоду по облакамъ, а я узнаю оную по бокамъ. Мнѣ уже не подъ силу мучиться съ Прошкой, коего причуды и крайнее упрямство вельми наскучили. Все сіе вкупѣ понуждаетъ меня выключить его изъ семинаріи и опредѣлить къ мѣсту. Прошу васъ навести справки въ консисторіи или какомъ либо другомъ присутственномъ мѣстѣ, нѣтъ ли вакантнаго мѣста, хотя бы на первое время безъ жалованья“.

Пока причетникъ сочинялъ письмо, „орошая оное преобильными слезами“, Прохоръ успѣлъ приготовить для лошадей кормъ и сводить ихъ на водопой, къ колодцу, гдѣ онъ встрѣтилъ одного изъ своихъ пріятелей, крестьянскаго парня, который долго дивился внезапному появленію ритора въ Полтевѣ, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что онъ отправился въ семинарію и долженъ возратиться на родину не ранѣе святокъ.

— Ну, что же, отецъ то билъ? спрашивалъ парень.

— Нѣтъ... всего одну оплеуху поднесъ...

— Ну, это еще ничего.

— Да ты самъ суди: какое ему дѣло, что я не хочу учиться? Много-ль мнѣ нужно? Кабы у меня было десятинъ пять земли, да я не промѣнялъ бы свою жизнь на барскую... выстроилъ бы себѣ мазанку... Завелъ пару лошадей... Чего отъ Бога хотѣть?

— Вѣстимо дѣло! подтвердилъ парень: ну а накакой дѣвкѣ ты женился бы, на поповской или на крестьянской?

— Ужь это мое дѣло...

— А я знаю!

— Ну-ко отгадай!

— На старостиной Акулькѣ...

— Вѣрно... этакой крали исходи весь бѣлый свѣтъ, не сыщешь.

— Ужь и дѣвка! Дай Богъ помереть... Чистый потретъ...

— Вотъ какая красота—жизни не пожалѣлъ бы. Прохоръ затрясъ головою и прибавилъ: видно, не судьба моя... Кабы она меня полюбила, я бы ни на что не посмотрѣлъ! Разъ балакалъ я съ ней, она и говоритъ: ты, Прошка, лучше и не думай объ этомъ: я мужичка, а ты кутейникъ... Ищи себѣ помимо меня... Легче бы она меня ножомъ пырнула...

— Ахъ, провалиться ей! сказалъ парень.

— Такъ и не согласилась, влѣзая на лошадь, заключилъ Прохоръ и поѣхалъ домой.

Спустя недѣлю, Илья Дмитричъ получилъ отъ богослова отвѣтъ на свое письмо: „Дражайшіе родители, какъ можно скорѣе везите Прохора въ Д... Вчера я видѣлся съ секретаремъ однаго присутственнаго мѣста, у котораго я хочу взять кондицію. и просилъ его о мѣстѣ для Прохора. Онъ сказалъ что у нихъ открылось вакантное мѣсто регистратора или журналиста. Должность эта не требуетъ не только никакихъ научныхъ свѣдѣній, но и ни малѣйшаго умственнаго напряженія, словомъ, подходящая для Прохора, для котораго, какъ извѣстно, составить два связныхъ предложенія гораздо труднѣе, нежели обмолотить двѣ копны ржи; должность эта заключается въ надписываніи на пакетахъ адресовъ. Представляя такимъ образомъ собою идеалъ гражданской дѣятельности, она привлекаетъ къ себѣ массу конкуррентовъ и въ настоящее время на нее очень много кандидатовъ; а потому торопитесь воспользоваться случаемъ. Не забудьте захватить съ собою для секретаря какой нибудь живности, домъ его помѣщается на Дергаловкѣ, близь острога. Секретарь принимаетъ просителей отъ четырехъ часовъ пополудни. Я забылъ сказать, что на первый разъ Прохоръ будетъ получать десять рублей въ мѣсяцъ“.

— Десять рублей въ мѣсяцъ! воздѣвъ руки воскликнулъ причетникъ, да вѣдь такое жалованье получаютъ окончившіе курсъ богословія сельскіе учителя. Пресвятая владычица! Ну, Прохоръ, что ты теперь скажешь?

Взоры причетника сверкали гнѣвомъ; риторъ поторопился отвѣтить:

— Мнѣ только учиться трудно.... а служить я не прочь....

— То-то! Я ужъ думалъ, ты опять запируешь!.. Ступай, сейчасъ подмазывай телегу... завтра, съ Божьей помощью, мы попадемъ въ губернію какъ разъ къ вечернямъ... Жена! приготовь намъ на дорогу провизіи, да поймай пару поросятъ для секретаря... провались онъ со всѣмъ, лишь бы пристроилъ Буслая...

— Илья Дмитричъ, объявила мать Прохора, глядя въ окно: вонъ идетъ поповъ зять, не позвать ли его—спросить, что это за должность такая? Можетъ быть, она Прошѣ не подъ силу...

— Этакому жердяю, прости Господи, не подъ силу писать адресы? Что ты, съ ума что-ль спятила? Ты слышишь, что объ этой должности пишетъ Петръ: не требующая, говоритъ размышленія...

— Все таки лучше бы спросить... покрайности, я была бы спокойна... вѣдь поповъ зять-то былъ чиновникомъ, онъ все разскажетъ...

— По мнѣ какъ угодно... а есть водка?..

— Найду! сказала причетница и, высунувшись изъ окна, закричала: Родіонъ Моисеичъ! зайдите къ намъ.

Вскорѣ въ избу вошелъ приземистый мужчина, лѣтъ 40, съ небритой бородой, въ полинялолъ вицмундирѣ и солдатскихъ сапогахъ, держа въ рукѣ удочки. Онъ снялъ фуражку съ кокардой и хриплымъ голосомъ спросилъ:

— Что прикажете?

— У насъ сегодня, Родіонъ Моисеичъ, радость, сказалъ хозяинъ, нюхая табакъ: жена! давай скорѣй водки... Сію минуту, сударь мой, получили отъ старшаго сына письмо, въ коемъ онъ увѣдомляетъ насъ, что для Про-

хора нашлось преотличное мѣсто съ жалованьемъ—десять рублей въ мѣсяцъ...

— Ай-ай-ай-! произнесъ чиновникъ, становя въ уголъ удочки: каковъ Прохоръ Ильичъ! Его не хватай голой рукой... Позвольте однако: какъ же семинарія-то?

— Ужъ семинарію теперь по боку! вы знаете, каковы мои достатки... Охо-хо-хо... А чего стоитъ въ настоящее время содержаніе въ губерніи? Вамъ нечего сказывать...

— Понимаю.... Какое же мѣсто предлагаютъ Прохору Ильичу?

— А вотъ не угодно-ли прочитать...

Чиновникъ сѣлъ къ столу и принялся читать письмо. По мѣрѣ того, какъ онъ углублялся въ содержаніе письма, мускулы его лица оживлялись все болѣе и болѣе: онъ глубокомысленно хмурился, внезапно поднималъ брови, вытягивалъ губы, попеременно прищуривалъ глаза и т. д. Наконецъ, возвращая письмо онъ объявилъ:

— Да! Штука великолѣпная!..

— Ну те ко, поздравимъ Прохора съ радостію, сказалъ хозяинъ, указывая на водку: прошу покорнѣйше...

— Знаете ли вы, Илья Дмитричъ, какая это должность? воскликнулъ чиновникъ, закидывая одну ногу на другую.

— Извольте говорить, произнесъ причетникъ и заложилъ руки за спину.

Гость осушилъ рюмку и, разламывая крендель, продолжалъ:

— Ежели бы теперь не мой послужной списокъ, я бы съ величайшимъ удовольствіемъ занялъ это мѣсто... а почему, я вамъ скажу? Потому что благородная должность...

— Благородная? переспросила мать Прохора.

— Чрезвычайно благородная! И чѣмъ собственно она хороша? Во первыхъ, дѣла почти никакого, во вторыхъ...

Чиновникъ покрутилъ пальцемъ передъ своимъ лбомъ.

— Вотъ этого ужъ ничего не надо!.. мозговъ не требуется...

Гость осушилъ вторую рюмку.

— Не требуется?

— Ни капли... разсудку никакого! То есть, словомъ сказать, ничего не надо... Дѣло все въ томъ, чтобы принять и отправить почту да не перепутать адресы: вмѣсто, напримѣръ, Калуги не адресовать въ Одессу или Тобольскъ...

— Ужъ это ополоумѣть надо! взглянувъ на стоявшаго у печки Прохора, сказалъ дьячекъ:

— Никакого разсудку не надо! Вѣрно вамъ говорю!...

— Слышишь, Прохоръ? отнесся Илья Дмитричъ къ сыну: если ты и на этомъ мѣстѣ не удержишься, тогда не показывайся мнѣ на глаза... въ солдаты отдамъ!

— Батюшка вашъ справедливо говоритъ, замѣтилъ ритору чиновникъ: такихъ должностей, какъ ваша, нынче ищутъ даже дворянскія дѣти.... Вся причина, разсудку не требуется... Это главное...

— Первое дѣло!

— Ни на одну іоту...

— Вотъ что дорого!..

— Прохоръ Ильичъ человѣкъ молодой... Ему надо всѣ силы употреблять выбиваться въ люди...

— Я самъ постоянно твержу: надо же ему быть когда нибудь человѣкомъ...

При закатѣ солнца причетникъ съ сыномъ отправились въ путь.

III.

Въ губернскомъ городѣ З.... каждый праздникъ, на толкучемъ рынкѣ, въ Охотномъ ряду, на сѣнной площади, среди разнокалиберной толпы народа неизмѣнно появлялась коренастая фигура пожилаго чиновника, который въ весьма рѣдкихъ случаяхъ покупалъ что нибудь, такъ какъ былъ скупъ и руководился правиломъ никогда не имѣть при себѣ денегъ. Несмотря на то, безъ его вѣдома и даже прямого вмѣшательства не совершалось почти ни одной значительной покупки и продажи. Какъ скоро торговля начинала принимать патетическій характеръ, при чемъ всевозможныя завѣренія, божба и ругательства оглашали воздухъ, чиновникъ воодушевлялся не менѣе самихъ торгующихся и немедленно протискивался въ толпу; онъ громко кричалъ, неистово размахивалъ руками, снималъ свой теплый засаленный картузъ, крестился на церковь и приводилъ въ изумленіе всѣхъ зрителей своими обширными свѣдѣніями по части „окомелковъ,“ „горбылей,“ „подсѣда,“ „припоя“ и т. п. Въ концѣ концовъ поздравивъ одного съ деньгами, другаго съ покупкой, чиновникъ, совершенно довольный собою, переходилъ къ другимъ группамъ народа, раскланиваясь на пути съ своими знакомыми.

— Аль самоваръ себѣ купила? спрашивалъ онъ женщину въ ветхомъ капотѣ.

— Точно такъ. Поглядите, дорого дала?

— Ты бы за мной зашла, я-бъ тебѣ выбралъ.

— Некогда! Сестра въ Воронежъ ушла, а тутъ, какъ на грѣхъ, свадьба завязалась... А знаете ли что? вѣдь я вамъ нашла невѣсту.,.

— Ну, тебя совсѣмъ! моя невѣста въ люлькѣ качается... Добраго здоровья! говорилъ чиновникъ соборному дьякону, за которымъ шелъ цѣлый обозъ съ дровами:—швырковыя?

— Швырковыя... къ пиленымъ додору пѣтъ, всѣ нарасхватъ...

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ чиновникъ спрашивалъ:

— Сегодня владыка служитъ за рѣкой?

— У Хопра...

— Что жъ не дали еще отцу Пимену скуфью?

— Не слыхать...

— А новую люстру не привезли?

— Н-н-нѣ-ѣ-тъ! уже издали отвѣчалъ дьяконъ.

— Что ты толкаешься, любезный?..

— А ты чего орешь?

— Ну, ну! Смотри, какъ бы въ часть не отправили... поумнѣй тебя въ оглобляхъ видали!..

— Тетка! возьми башмаки... поминать будешь! забудешь, когда надѣла...

— Господинъ! купите картинки... на починѣ дешево продамъ...

— У тебя нѣтъ „Предсказанія преподобнаго Варлаама о снѣгѣ и мразѣ въ петровскій постъ?“

— Этого нѣту, все распродано... А вотъ не угодно-ли „Поученіе противъ пьянства“ или „О страсѣ божіемъ, како ходити въ церковь.“

— Б-б-а! Какими судьбами? столкнувшись лицемъ къ лицу съ сельскимъ батюшкой въ нанковой рясѣ и рыжей шляпѣ возглашаетъ чиновникъ.

— Да вчера съ женою прибылъ. Она пошла къ роднымъ, а я сюда, на торгъ... Ситцу купилъ, да кое чего по дому. Теперь думаю пройти на конную, посмотрѣть жеребчика...

— Безъ меня не купите...

— Да я думалъ къ вамъ зайти на квартиру, а жена говоритъ: ты его и такъ встрѣтишь на конной; я и поторопился сюда, потому прямо съ конной-то мнѣ хотѣлось забѣжать въ консисторію—освѣдомиться, нельзя ли мнѣ посѣять яровое въ прежнемъ селѣ, откуда я переведенъ, а также и въ новомъ, гдѣ я служу...

— Насчетъ яроваго такого закона нѣтъ, отецъ Власій...

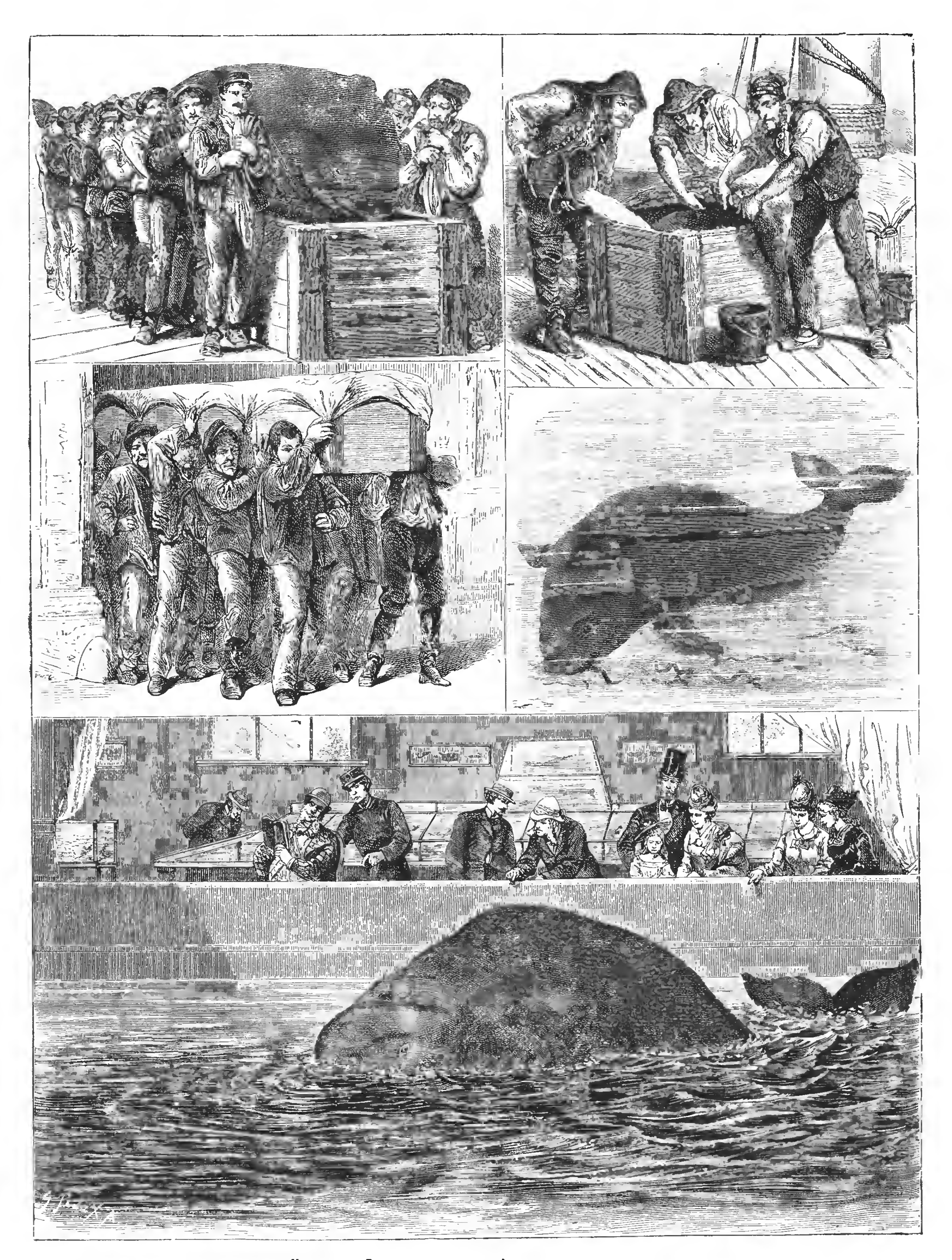
— Нѣтъ?

— И не бывало...

— Ну, нельзя ли по человѣчески...

— По человѣчески можетъ сдѣлать одинъ владыка... и то сомнительно...

Чиновникъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ не кто иной, какъ сынъ Полтевскаго причетника, Прохоръ Ильичъ Бирюковъ, занимавшій должность регистратора въ контрольной палатѣ. Несмотря на свою продолжительную службу, онъ рѣшительно не могъ свыкнуться съ бюрократической сферой и по складу своихъ воззрѣній скорѣе походилъ

Китъ въ Лондонскомъ акваріумѣ и его переноска.

1) Укладка кита въ ящикъ. 2) Наполненіе ящика морской водой. 3) Перенесеніе въ акваріумъ. 4) Китъ, питающійся морскими украми. 5) Китъ въ бассейнѣ акваріума.

Грав. А. Рау

на купца, прасола или дворника, нежели на чиновника. Для него было гораздо пріятнѣе прогуляться на конную площадь, посмотрѣть лошадей и завести съ цыганами бесѣду о „ладахъ,“ „бабкахъ,“ „кострецахъ,“ нежели посѣтить чиновничье общество, гдѣ обычными темами разговора были—награды, повышенія, ордена, прибавки и т. д. Какъ ни увѣряли его родные и знакомые, что онъ „вышелъ въ люди,“ сталъ „на благородную ногу“ и какъ онъ самъ ни старался убѣдить себя, что онъ долженъ тянуть чиновничью лямку до гробовой доски, если не представится какой нибудь счастливый случай, въ родѣ женитьбы на богатой купчихѣ или помѣщицѣ, его безпрестанно угнетала убійственная скука, заставлявшая его употреблять все свободное отъ служебныхъ занятій время на безцѣльныя прогулки по городу и на бесѣды съ купцами, дворниками, мужиками, попами о такихъ предметахъ, которые не имѣли никакого отношенія къ его служебной дѣятельности.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Численное равновѣсіе животныхъ въ борьбѣ за существованіе.

Статья Алекс. Фед. Брандта.

(Продолженіе).

Выступающая въ данномъ случаѣ столь рѣзко борьба между стремленіемъ животнаго къ безпредѣльному размноженію и температурными невзгодами могла бы быть пояснена еще на длиннѣйшемъ рядѣ другихъ примѣровъ, заимствованныхъ изъ любаго класса животныхъ. На самомъ дѣлѣ, сколько особей и сколько яицъ гибнетъ отъ морозовъ и быстрыхъ измѣненій температуры! Въ умѣренномъ и холодномъ поясахъ у громаднаго большинства животныхъ на зиму прекращается произведеніе потомства; (Извѣстно, что многія животныя подвержены даже зимней спячкѣ). На глубинѣ водъ, гдѣ температура не опускается ниже точки замерзанія, условія къ размноженію, разумѣется, не такъ невыгодны, какъ на сушѣ, а потому и понятно, что нѣкоторыя низшія животныя продолжаютъ размножаться и зимою, или же, какъ вортицеллины, даже предпочтительно плодятся въ это время года. Изъ высшихъ животныхъ иныя рыбы, напр. сиги, мечутъ икру зимою. Впрочемъ, замѣчу мимоходомъ, въ видѣ рѣдкаго исключенія встрѣчаются и наземныя животныя, размножающіяся даже въ нашемъ суровомъ климатѣ зимою. Сюда относится гнѣздящійся въ хвойныхъ лѣсахъ *клестъ* (Рис. 7), который не стѣсняется временами года и выводитъ птенцовъ въ дуплѣ дерева даже среди зимы, въ январѣ мѣсяцѣ, и медвѣдица, приносящая медвѣжатъ зачастую уже въ февралѣ.

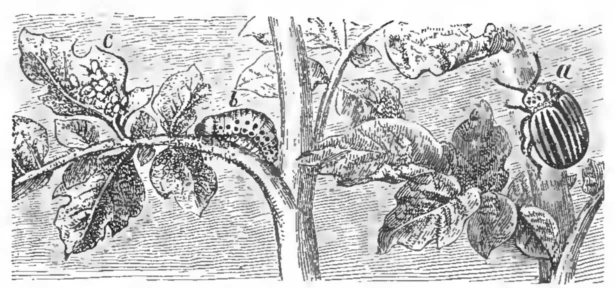
(Рис. 7) **Клёстъ** (Loxia taeniоptera).

Обильный матеріалъ для примѣровъ численнаго самоуравненія природы представляютъ вредныя насѣкомыя. Вотъ примѣръ. Лѣтомъ 1873 г. въ окрестностяхъ Петербурга, вслѣдствіе неизвѣстныхъ намъ причинъ, появились на ивахъ въ необыкновенномъ числѣ гусеницы одного шелкопряда (рис. 8) Казалось бы, съ тѣхъ поръ число этихъ бабочекъ должно было увеличиться; тѣмъ не менѣе уже на слѣдующее лѣто не было болѣе замѣтно никакого увеличенія. Этотъ отрицательный фактъ не трудно объяснить. Количество подходящей пищи — ивовыхъ листьевъ, въ данныхъ мѣстностяхъ ограничено; такъ что уже въ первое лѣто бабочки гибли большими массами отъ недостатка въ пищѣ. На слѣдующій годъ ивовая листва не только не могла быть обильнѣе обыкновеннаго, а напротивъ того, должна была оскудѣть, потому что самыя деревья пострадали отъ гусеницъ.

(Рис 8) **Шелкопрядъ ивовый** (Bombyx salicis).

Наибольшій просторъ при размноженіи выпадаетъ на долю тѣхъ насѣкомыхъ, которыя питаются растеніями, воздѣлываемыми человѣкомъ въ большихъ количествахъ. Какъ извѣстно, въ послѣднее время не мало тревоги причиняетъ сельскимъ хозяевамъ *колорадскій* или *картофельный жукъ* (Doryphora decemlineata).(Рис. 9) Во многихъ мѣстностяхъ сѣверной

(Рис 9) **Картофельный** или **колорадскій жукъ** (Chrysomela [Leptinotarsa] decemlineata).

a—взрослое насѣкомое; b—личинка; c—яички.

Америки картофельныя поля въ конецъ опустошены этимъ жукомъ и, несмотря на запрещеніе ввоза въ Европу американскаго картофеля, грозный хищникъ уже появился на Рейнѣ близь Мюльгаузена и даже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ восточной Пруссіи. Разсчитано, что потомство одной самки въ теченіи мѣсяца можетъ возрасти до 700 и 1200 особей, а къ серединѣ лѣта умножиться уже свыше 500,000; но цифра эта относится лишь ко второму поколѣнію, за которымъ слѣдуетъ еще третье числомъ до 22,000,000 особей! *) Обильная пища благопріятствуетъ подобному размноженію. Однако природа, пріурочивъ насѣкомое къ опредѣленному растенію, тѣмъ самымъ предначертала и крайній предѣлъ прогрессивному его размноженію. Съ наступленіемъ того момента, когда картофельныя поля будутъ на столько опустошены, что болѣе не въ состояніи прокармливать прожорливыхъ жуковъ, природа приговорила бы послѣднихъ къ голодной смерти **). Появись колорадскій жукъ въ Европѣ въ прошломъ столѣтіи,—когда воздѣлываніе картофеля прививалось лишь съ трудомъ, отчасти даже, а именно въ Пруссіи при *Фридрихѣ Великомъ*, вводилось силою оружія,—сельскіе хозяева, безъ дальнѣйшаго размышленія, довѣрились бы врачующей силѣ природы. Въ настоящее же время они, конечно, уже не могутъ встрѣтить опустошителя сложа руки; какимъ бы ни былъ картофель плохимъ питательнымъ матеріаломъ для человѣка: худо ли, хорошо ли, но онъ прокармливаетъ множество людей, въ особенности въ безплодныхъ странахъ, какъ напр. Ирландія: къ тому же онъ пріобрѣлъ громадное значеніе и въ сельскохозяйственной техникѣ при винокурени, крахмальномъ производствѣ и какъ кормъ скота. Воздѣлываніемъ одного опредѣленнаго растенія, картофеля, въ чрезмѣрныхъ массахъ, человѣкъ нарушилъ общее природное равновѣсіе организмовъ, поддерживаемое ихъ взаимною борьбою за существованіе и поощрилъ своего собственнаго же врага въ его естественномъ стремленіи къ размноженію; а потому волею-неволею долженъ принять на себя и послѣдствія своихъ дѣйствій и изощряться въ средствахъ къ искусственному его укрощенію ***). Сказанное только что о колорадскомъ жукѣ, въ одинаковой степени справедливо также и для *филлоксеры* (Рис. 10), этого новѣйшаго бича винодѣловъ, равно какъ и для другихъ насѣкомыхъ, вредящихъ сельскому хозяйству и садоводству.

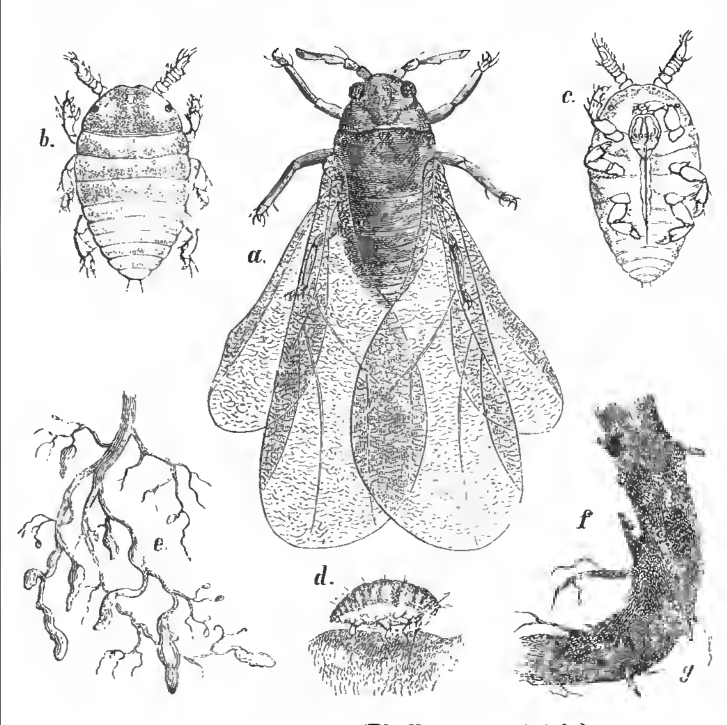
Перехожу теперь прямо къ животнымъ позвоночнымъ,—и,

*) Въ основаніе этого разсчета положены мною среднія цифры, а именно принято, что число несомыхъ каждою самкою яицъ равняется 950, и рождающіяся особи на половину самцы и на половину самки.

**) Спаслись бы только единичныя екземпляры или ихъ яйца, предотвращающіе полное угасаніе вида. Спасеніе ограниченнаго числа особей при общей гибели обезпечивается еще и тѣмъ, что въ крайнемъ случаѣ колорадскій жукъ переходитъ на другія растенія изъ семейства картофельныхъ, а также на капусту,

***) Къ великому счастью, человѣкъ при этомъ не остается безъ существенныхъ союзниковъ. Такъ ему оказываетъ особенную помощь муха Lydella Doryphorae, которая кладетъ свои яйца во внутрь личинокъ картофельнаго жука. Вылупляющіяся изъ нихъ червячки выѣдаютъ внутренность личинокъ. Усиленное размноженіе картофельнаго жука само собою вызываетъ усиленное размноженіе и его паразита.

чтобы не искать далеко, предлагаю приглядѣться къ нашимъ уличнымъ птицамъ. Изъ нихъ воробей животное очень плодовитое. Несется онъ по меньшей мѣрѣ по три раза въ лѣто, начиная уже съ самой ранней весны, и кладетъ обыкновенно по пяти или шести, въ исключительныхъ случаяхъ даже по семи и восьми яицъ. Въ двѣ недѣли птенцы выкрмлены: а уже

(Рис. 10) **Филоксера** (Phylloxera vastatrix).

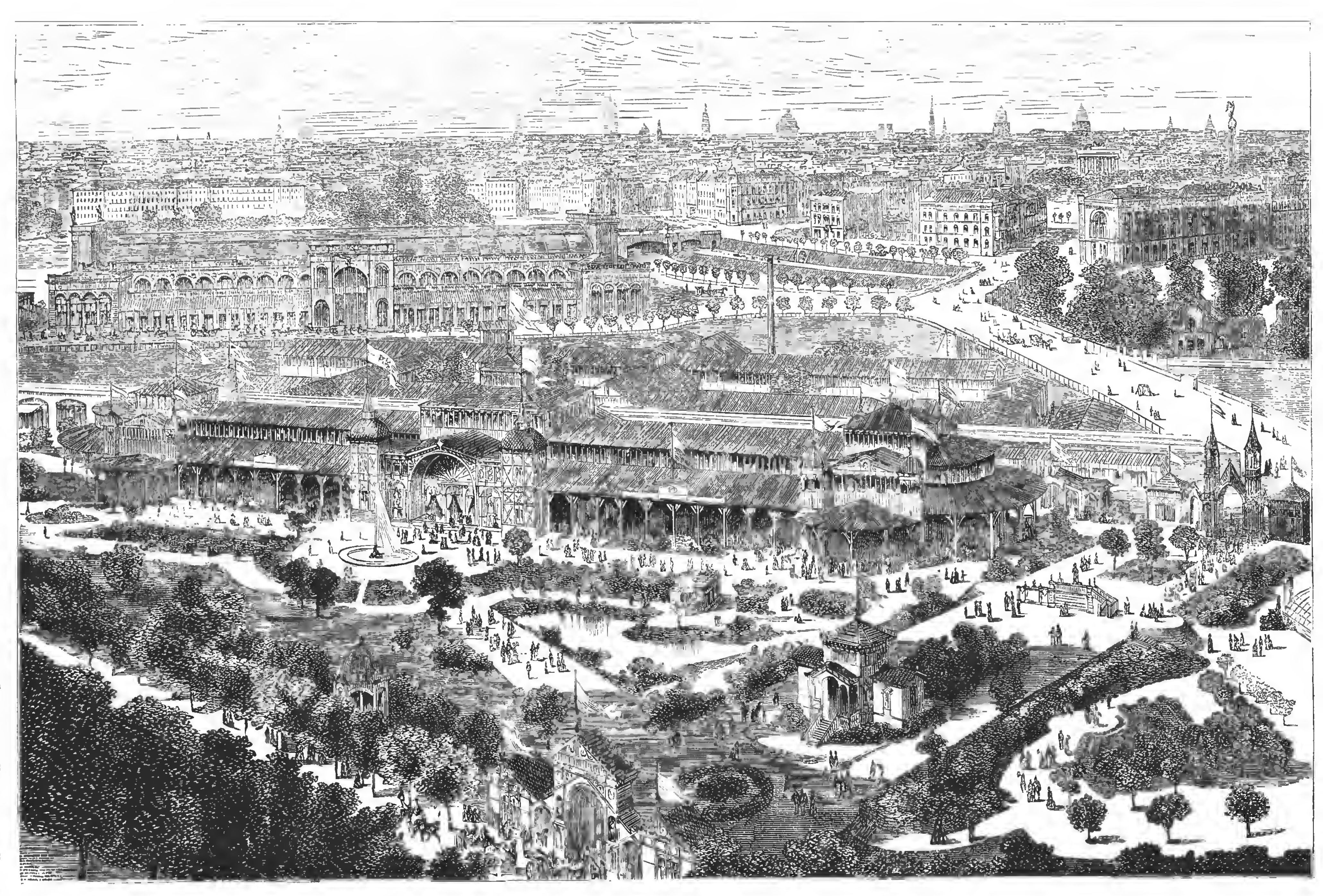
a—насѣкомое крылатое; b, c. d,—насѣкомое безкрылое, живущее на корняхъ лозы, (b—сверху, c—снизу, d - сбоку); e — причиненныя филоксерами болѣзненныя утолщенія на корняхъ лозы; f — корень съ зимующими на немъ филлоксерами. Рисунки a, b, c, d, сильно увеличены.

недѣлю спустя по оставленіи ими гнѣзда, родители приступаютъ къ его обновленію, а еще черезъ недѣлю уже опять сидятъ на яйцахъ. Такъ дѣло идетъ во все лѣто, вплоть до сентября. Другая, столь же обыкновенная наша уличная птица, голубь, въ большинствѣ случаевъ кладетъ, правда, лишь по два яйца, но зато гнѣздится по три раза въ лѣтнее полугодіе. Такимъ образомъ въ теченіи однаго года отъ каждой пары голубей, должны бы получиться *четыре* пары, а отъ каждой пары воробьевъ по крайней мѣрѣ *восемь* паръ. Уже на слѣдующій годъ и дѣтеныши, на равнѣ съ своими родителями, производятъ потомство; а потому къ концу втораго года могли бы получиться всего на всего, вмѣсто первоначальныхъ паръ, 60 паръ воробьевъ и 12 паръ голубей. Однако, каждый видитъ, что число уличныхъ птицъ за послѣдніе два года не увеличилось однѣхъ въ двѣнадцать, другихъ же въ шестьдесятъ разъ; даже въ пять и десять лѣтъ мы не замѣчаемъ никакой прибыли въ этихъ птицахъ. Это намъ не только *такъ кажется*, но иначе и быть не можетъ. Въ теченіи всей своей жизни наши уличныя птицы подвергаются разнымъ невзгодамъ. Такъ иныя изъ нихъ дѣлаются добычею кошекъ, множество гнѣздъ съ яйцами и молодыми опустошаются воронами и галками, раззоряются при перестройкѣ домовъ и при пожарахъ. Многіе изъ воробьевъ и голубей умираютъ отъ болѣзней, нѣкоторые отъ старости, многіе перемерзаютъ въ суровыя зимы. Впрочемъ, всѣ эти невзгоды, сами по себѣ, могли бы развѣ только *замедлить* значительное размноженіе особей, а не воспрепятствовать ему окончательно; главную же причину, обусловливающую численный status quo для уличныхъ птицъ, слѣдуетъ искать въ количественномъ постоянствѣ пищи. Дѣло въ томъ, что птицы эти, какъ извѣстно, живутъ, кромѣ случайныхъ подаяній человѣка, главнымъ образомъ тѣми, отчасти свѣжими, отчасти полупереваренными зернами овса, которыя разбрасываются лошадьми. На сколько годъ отъ году число лошадей въ нашей столицѣ остается приблизительно постояннымъ, увеличиваясь лишь исподоволь пропорціонально расширенію города, на столько и количество разбрасываемаго ими овса должно оставаться одинаковымъ. Если это такъ, то и число птицъ, питающихся этими зернами, не можетъ перейти за извѣстную норму; количество корма служитъ благонадежнымъ мѣриломъ числа прокармливаемыхъ особей. Отсюда проистекаетъ, что весь рождающійся ежегодно избытокъ воробьевъ и голубей обреченъ на гибель. Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что всякое уменьшеніе числа лошадей въ Петербургѣ неизбѣжно должно быть сопряжено съ уменьшеніемъ и уличныхъ птицъ. Вотъ почему, общая конская повинность, вызванная недавними кровавыми событіями у подножія Балканъ, не могла не отозваться на пернатыхъ, мирно расхаживающихъ по нашимъ мостовымъ. Временное уменьшеніе пищи неминуемо влечетъ за собою усиленіе борьбы за существованіе между отдѣльными особями, при чемъ наибольшіе шансы одержать верхъ, какъ и всегда, остаются на сторонѣ особей, обладающихъ болѣе крѣпкимъ сложеніемъ, а потому легче переносящихъ болѣзни, холодъ и голодъ, одаренныхъ болѣе быстрымъ полетомъ и болѣе зоркимъ глазомъ для укрытія себя отъ враговъ и усматриванія пищи.

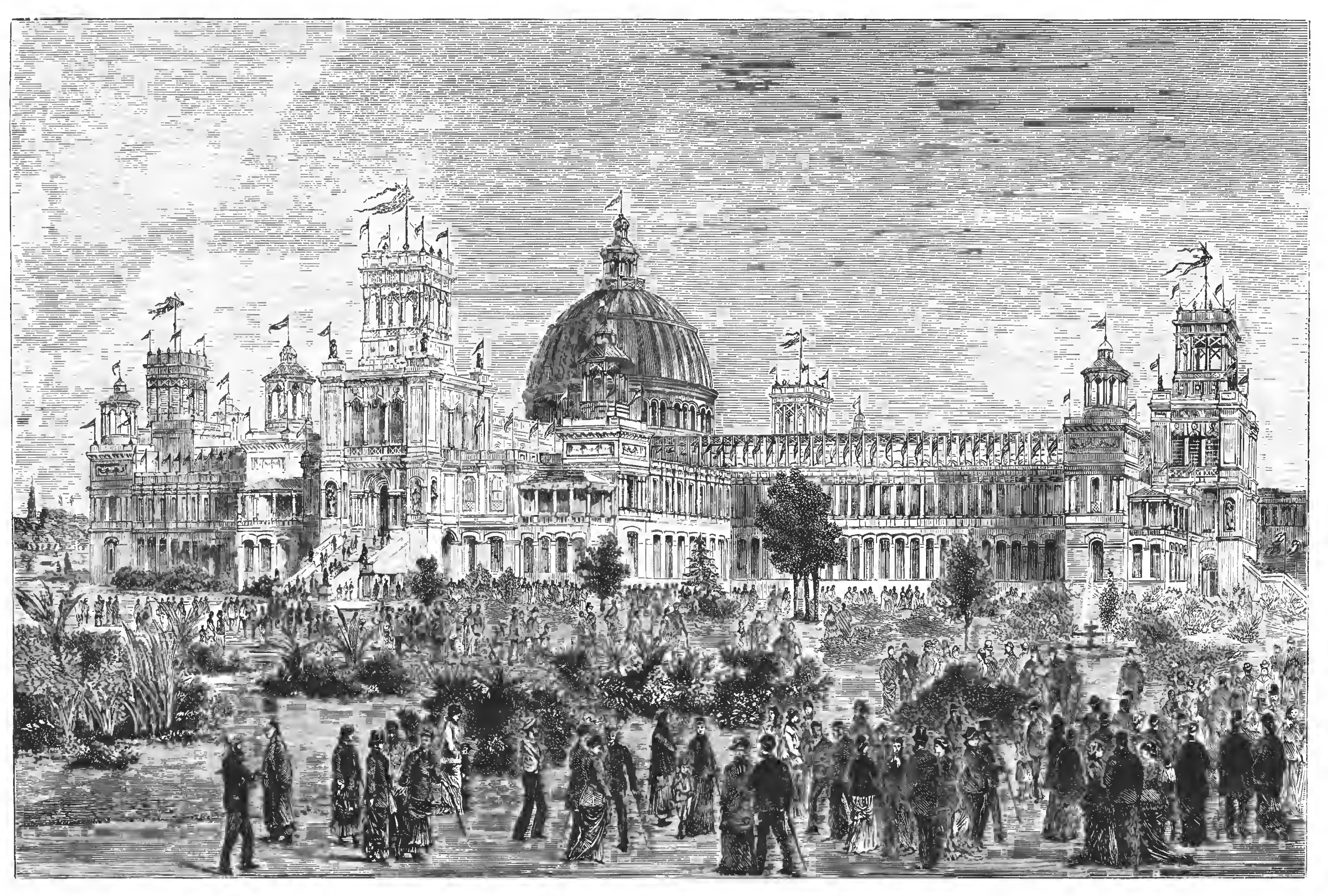
Въ противоположность голубямъ, воробьямъ и другимъ птицамъ, живущимъ у насъ круглый годъ—птицы перелетныя, казалось бы, поставлены въ исключительно выгодныя для размноженія условія. На самомъ дѣлѣ, въ лѣтнюю пору даже въ нашемъ поясѣ о недостаткѣ въ пищѣ почти не можетъ быть и рѣчи; на зиму же эти птицы улетаютъ „въ дальній край за сине море", гдѣ зима благопріятнѣе нашей весны и недостатка въ пищѣ подавно не бываетъ. Однако на повѣрку эти якобы исключительно выгодныя для размноженія условія оказываются невѣрными. Какими *большими* стаями собираются осенью наши ласточки и другія пташки, для совершенія сообща далекаго полета въ сѣверную Африку и сосѣднія страны, а какими *малыми* стаями возвращаются онѣ весною къ мѣстамъ гнѣздованія! По свидѣтельству орнитолога *В. Θ. Руссова*, едва возвращается одна, много двѣ пятыхъ всѣхъ отлетѣвшихъ птицъ. А остальныя? Онѣ отчасти не выдержали трудностей двухъ громадныхъ перелетовъ въ изнеможеніи отстали отъ своихъ спутницъ или сбились съ пути во время бури, или разшиблись до смерти о телеграфныя проволоки и другія препятствія или же, наконецъ, сдѣлались достояніемъ хищныхъ птицъ и итальянскихъ охотниковъ, не щадящихъ ни ласточки, ни соловья; отчасти онѣ погибли также на мѣстѣ зимней стоянки отъ болѣзней, преслѣдованій враговъ, несчастныхъ случаевъ. И такъ, понятно, и у перелетныхъ птицъ стремленіе къ размноженію парализируется въ борьбѣ за существованіе.

Въ дарвинистской литературѣ часто приводится слѣдующій наглядный примѣръ взаимнаго противудѣйствія плодовитости животныхъ и борьбы за существованіе. Бывало мореплаватели высадятъ на необитаемый островъ тропическаго океана пару козъ или свиней. Приставашіе впослѣдствіи къ тому же острову люди, уже по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ встрѣчали на немъ самое многочисленное потомство названныхъ животныхъ. Среди роскошнѣйшей растительности, при полномъ отсутствіи враговъ и четвероногихъ конкуррентовъ на пищу, козы или свиньи стали полными хозяевами острова: борьба за существованіе для нихъ замѣнилась, повидимому, полнымъ миромъ. Однако миръ этотъ оказался не прочнымъ, лишь кратковременнымъ перемиріемъ. Корень возобновленія борьбы крылся въ немъ самомъ, а именно въ связанномъ съ нимъ безпрепятственномъ численномъ приращеніи животныхъ: приращеніе это достигало уже такихъ размѣровъ, что сильно пострадала растительность острова и уже замѣчался недостатокъ въ пищѣ. Козы, какъ извѣстно, охотно поѣдаютъ кору и подростки деревъ, задерживая такимъ образомъ самое обновленіе растительности, (въ значительной степени по ихъ винѣ многія мѣстности Италіи и въ особенности Греціи превращены въ безлѣсныя и безводныя пустыни.) Свиньи въ свою очередь имѣютъ привычку разрывать землю и этимъ самымъ точно также вредятъ возрожденію растительности. Поэтому понятно, что уже по прошествіи относительно короткаго времени цвѣтущая растительность острова подверглась сильному опустошенію. Подъ вліяніемъ этаго и птицамъ, и насѣкомымъ, и другимъ обитателямъ острова, питающимся растеніями, угрожала гибель. Естественное равновѣсіе организмовъ, нарушенное, т. сказать, незаконнымъ, чрезмѣрнымъ расплoженіемъ козъ или свиней, очевидно, въ концѣ концовъ возстановилось бы насильственно самою природою, при посредствѣ голодной смерти всѣхъ опустошителей и послѣдующаго медленнаго обновленія растительнаго и животнаго міра. Однако въ данномъ случаѣ эти крайнія послѣдствія были предотвращены мореплавателями тѣмъ, что они вовремя успѣли высадить на островъ пару собакъ. Эти животныя отъ голода волею не волею превратились, согласно первоначальной своей природѣ, въ страшныхъ хищниковъ и стали опустошать стада козъ или свиней. Окруженныя самой обильной мясной пищей, собаки такъ сильно размножались, что наконецъ и ихъ многочисленное потомство должно было страдать отъ недостатка въ пищѣ и вновь сократиться. Это сокращеніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока не установилось извѣстнаго численнаго соотношенія между собаками съ одной и козами или свиньями съ другой стороны. Вопреки стремленію животныхъ къ размноженію, это соотношеніе и поддерживается борьбою за существованіе, въ которой противники, подъ вліяніемъ опыта и упражненія, стали изощрять все болѣе и болѣе свою силу и ловкость. Тѣмъ временемъ численное ограниченіе травоядныхъ животныхъ не могло не отозваться благодѣтельно на растительности и вмѣстѣ съ тѣмъ и остальныхъ животныхъ острова, которыя, послѣ временнаго опустошенія, вскорѣ опять оправились.

И такъ, присущее всѣмъ безъ исключенія животнымъ, даже самымъ неплодовитымъ, стремленіе къ безконечному размноженію встрѣчаетъ отпоръ въ борьбѣ за существованіе и ведетъ лишь къ поддержанію численнаго status quo. Разобранные примѣры показываютъ, что только при соблюденіи этаго status quo и воз-

Общій видъ промышленной выставки въ Берлинѣ, открытой 1-го Мая 1879 г. (съ птичьяго полета). Рис. и грав. Э. Шмидтъ.

Главное зданіе международной выставки въ Сиднеѣ. (Австралія). По рисунку Gr. грав. М. Рашевскій.

можно общее равновѣсіе въ животномъ мірѣ, столь необходимое по причинѣ прямаго и косвеннаго сцѣпленія межъ собою всѣхъ животныхъ, изъ которыхъ существованіе или гибель одного неразрывно связано съ существованіемъ или гибелью другаго. Условія же, противъ которыхъ тщетно борется стремленіе животныхъ къ численному увеличенію, кромѣ естественной смерти, суть различныя метеорологическія явленія, причиняющія преждевременную смерть или болѣзненное состояніе, нападеніе враговъ и т. д.; главнымъ же подобнымъ условіемъ долженъ считаться ограниченный извѣстными предѣлами запасъ пищи. Вслѣдствіе этихъ то условій изглаживаются происходящія постоянно волнообразныя увеличенія числа животныхъ особей.

Однако, - неужели нигдѣ и никогда не происходитъ и не происходило численнаго прогресса въ животномъ царствѣ? вѣдь современная фауна нашей планеты, очевидно, не появилась же сразу въ полномъ комплектѣ особей. Какимъ бы образомъ ни возникъ любой животный видъ, внезапно ли, путемъ ли постепеннаго перерожденія прежде существовавшаго, онъ долженъ былъ возникнуть первоначально въ самомъ ограниченномъ числѣ недѣлимыхъ на опредѣленной точкѣ земли и распространиться отсюда концентрически, все болѣе и болѣе размножаясь. Это едва-ли оспоримо, и прямо доказываетъ, что численное равновѣсіе животныхъ не можетъ считаться явленіемъ безусловнымъ. Явленіе это справедливо лишь для опредѣленныхъ промежутковъ времени, доступныхъ нашему непосредственному наблюденію, а не распространяется на долгія геологическія эпохи. Но чѣмъ же объясняется подобное несогласіе? Внѣшнія условія жизни въ теченіи долгихъ геологическихъ періодовъ измѣняются постоянно, хотя и крайне медленно. Измѣненіе этихъ условій, какъ показываетъ изученіе окаменѣлостей, отражалось вполнѣ на растительности земнаго шара. Растительность не оставалась неизмѣнной, а послѣдовательно развивалась по числу какъ видовъ, такъ и экземпляровъ. Но животныя, какъ мы увидимъ еще далѣе, питаются прямо или косвенно растеніями, а потому рядомъ съ прогрессивнымъ развитіемъ растительности идетъ и общій численный прогрессъ и въ животномъ мірѣ, прогрессъ, правда, крайне медленный въ сравненіи съ тѣми промежутками времени, которыя входятъ въ разсчетъ жизни отдѣльнаго человѣка и человѣческаго общества. Далѣе нельзя не принять также во вниманіе доказанный палеонтологіей фактъ, что новые виды съ ихъ болѣе или менѣе многочисленными особями развивались сплошь да рядомъ лишь по мѣрѣ вымиранія другихъ видовъ, постепенно заступая ихъ мѣсто въ природѣ. Къ тому же весьма возможно, даже вѣроятно, что при появленіи новыхъ животныхъ формъ нерѣдко нарушалось временно, на ограниченныхъ пунктахъ земнаго шара и общее гармоническое равновѣсіе организмовъ; подобно тому какъ нарушается оно и въ настоящее время при, такъ сказать, эпидемическомъ развитіи насѣкомыхъ или водвореніи козъ на необитаемомъ островѣ, и что равновѣсіе это лишь въ послѣдствіи возстанавливалось въ борьбѣ за существованіе, вслѣдствіе переселенія или возникновенія вновь другихъ видовъ, враждебныхъ раньше появившимся. Такъ, мы легко могли бы себѣ представить, что появленію большихъ хищниковъ: льва, тигра предшествовало непомѣрное, гибельное для растительности численное развитіе антилопъ и другихъ травоядныхъ животныхъ. Примѣръ этотъ, конечно, фиктивный, но тѣмъ не менѣе вполнѣ возможный. Впрочемъ какъ бы то ни было, прогрессивное развитіе животной жизни на нашей планетѣ во всѣ геологическія эпохи, не противорѣчитъ закону численнаго status quo въ окружающемъ насъ животномъ мірѣ. Развитіе это должно было происходить не иначе, какъ при соблюденіи гармонической равномѣрности т. е. извѣстнаго численнаго соотношенія между животными особями. Таково прямое требованіе нашего разума, ибо безграничное размноженіе какаго бы то ни было отдѣльнаго вида, какъ показываютъ приведенныя мною наблюденія, повело бы къ его же гибели и къ опустошенію окружающей природы.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Любитель рѣдкостей.

(Картина В. И. Якоби).

Картина профессора В. И. Якоби „Любитель рѣдкостей" появлялась на весенней выставкѣ 1877 года въ Академіи Художествъ, а нынѣ находится у г. Гамбургера. Это произведеніе нашего талантливаго художника особенно замѣчательно какъ по тщательной, прекрасной отдѣлкѣ аксесуаровъ, весьма разнообразныхъ по самому сюжету картины, такъ и по эффектному освѣщенію. Человѣческія же фигуры съ перваго взгляда кажущіяся отдѣланными менѣе старательно, при болѣе пристальномъ ихъ разсматриваніи оказываются вполнѣ удовлетворяющими художественной задачѣ. Такъ фигура стараго антикварія поставлена спиною къ зрителю, но тѣмъ не менѣе она достаточно выражаетъ то чувство удивленія и любопытства, которыя овладѣли старикомъ при видѣ вошедшей въ его уединенный кабинетъ прелестной, роскошно одѣтой дамы, удивленія тѣмъ болѣе понятнаго, что проникшій въ тоже время изъ растворенныхъ дверей въ комнату солнечный лучъ облекаетъ ее въ какой-то фантастическій ореолъ яркаго, блестящаго свѣта. Тутъ же видны для зрителя и „вещественныя доказательства" того переполоха, который произвело неожиданное посѣщеніе; небрежно брошенныя сокровища, за минуту передъ тѣмъ всецѣло поглощавшія вниманіе старика и опрокинутая чашка съ молокомъ, предназначеннымъ для чистки потемнѣвшихъ отъ времени рѣдкостей. Самъ антикварій, поднявшись съ кресла, глядитъ во всѣ глаза на стоящую передъ нимъ красавицу и какъ видно съ нетерпѣніемъ ждетъ объясненія ея неожиданнаго визита. Но и красавица, какъ кажется, стѣсняется, въ нѣмомъ удивленіи отъ всего окружающаго; этотъ богатый, обширный кабинетъ, съ верху до низу украшенный старыми, почернѣвшими отъ времени картинами, древнимъ оружіемъ, утварью и множествомъ другихъ произведеній роскоши и искусства, разставленныхъ на массивныхъ шкапахъ и рѣзныхъ этажеркахъ, произвелъ какъ видно на нее странное впечатлѣніе и кажется ей какой-то таинственной лабораторіей доктора Фауста. Этотъ моментъ обоюднаго удивленія и замѣшательства схваченъ художникомъ очень удачно и представленъ жизненно и правдиво.

Въ скоромъ времени мы надѣемся дать мѣсто въ нашемъ журналѣ еще нѣсколькимъ снимкамъ съ картинъ В. И. Якоби и кромѣ того помѣстить портретъ и по возможности полныя свѣдѣнія о жизни этого талантливаго представителя нашей исторической живописи.

Отказъ отъ жениха.

(Къ рисунку И. Земцова).

Исторія самая обычная. Выбрала дѣвушка себѣ суженаго, да не милостивы, спѣсивы родные батюшка и матушка. Задумали выдать дочку за богатаго гуртовщика. И всѣмъ бы хорошъ и богатствомъ и пригожествомъ, да молодое сердце свое говоритъ, само выбираетъ. Помнитъ оно кудри русыя, рѣчи сладкія, въ ясныя звѣздныя ночи, помнитъ оно какъ радостно билось тогда подъ звукъ этихъ рѣчей и боится какъ бы въ самомъ дѣлѣ не выдали за немилаго. Среди нашихъ свадебныхъ пѣсенъ есть замѣчательно хорошо выражающія эти душевныя смятенія, эти глухія драмы, часто не имѣющія даже внѣшняго проявленія и силою воли подавленныя въ самомъ зародышѣ. Самое горькое: нѣтъ ужь совѣта и согласья съ любимыми, ро́дными.

Вснули вѣтры по полю
Грянули весла да по морю!
Іролились слезы Катерины:
Съ кѣмъ то мнѣ думу думати?
Думу думать съ роднымъ батюшкой
Думу думать съ родной матушкой:
Та мнѣ дума ни вѣрна, ни крѣпка,
Тѣ словеса не понравилися...

Но вотъ наступаетъ развязка драмы: „матушка, что въ полѣ пыльно?" съ глубокой тревогой спрашиваетъ дѣвушка въ другой трогательной, превосходной пѣснѣ. Мать ее успокоиваетъ:

«Матушка на дворъ гости ѣдутъ?
Дитятко не бойся, не выдамъ,
Свѣтъ мое милое, не бойся не выдамъ,
Матушка въ нову горницу идутъ?
Дитятко не бойся не выдамъ.
Матушка образъ со стѣны снимаютъ
Сударыня, образъ со стѣны снимаютъ?
Дитятко, Господь Богъ съ тобою,
Родимое, Господь Богъ съ тобою...

Но тутъ наболѣвшее сердце не выдерживаетъ и все молчавшая дѣвушка наконецъ въ послѣднюю минуту заявляетъ пораженнымъ роднымъ, свахѣ и сватьямъ, что не пойдетъ замужъ за того, кого ей прочатъ.

Этотъ мотивъ и разработанъ нашимъ художникомъ. Угощеніе уже началось, дѣло почти слажено и разнообразныя впечатлѣнія, которыя производитъ этотъ отказъ на разныхъ лицъ, участниковъ сцены, выражены весьма удачно.

Китъ въ Лондонскомъ Вестминстерскомъ акваріумѣ.

Кому не извѣстно, кому не понятно, — что главный предметъ честолюбія всякаго директора любаго, болѣе или менѣе значительнаго, акваріума состоитъ въ томъ, чтобы обогатить свою коллекцію представителемъ той могучей породы морскихъ животныхъ, которыя, имѣя только внѣшній видъ рыбы, въ сущности являются теплокровными млекопитающими. Мы, конечно, говоримъ о китообразныхъ, о китѣ. Директоръ большаго Лондонскаго Вестминстерскаго акваріума, Фарини, уже съ давнихъ поръ хлопоталъ о пріобрѣтеніи живаго кита и ему, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, удалось добыть одинъ молодой экземпляръ, но животное околѣло вслѣдствіе сильной простуды. Но, Фарини, не смотря на первую неудачу, не отказался отъ осуществленія своей мысли и обратился, съ этой цѣлью, къ извѣстному китолову Купу, изловившему и поставившему

125 китовъ, изъ которыхъ многіе были пріобрѣтены различными акваріумами. Кунъ и на этотъ разъ поддержалъ славу своего искусства и поймалъ въ предпринятой, подъ его руководствомъ, экспедиціи не только молодаго кита, изображеннаго на нашемъ рисункѣ, но и еще двухъ другихъ, купленныхъ Манчестерскимъ и Блакпульскимъ акваріумами. Поимка и доставка произведены были слѣдующимъ способомъ: у Лабрадора, во время прилива, киты были окружены цѣпью лодокъ и загнаны на берегъ, гдѣ и оставлены до начала отлива. Затѣмъ, обезсиленныя животныя были уложены въ особые ящики (см. рисунокъ 1), въ которыхъ и привезены, на нанятомъ для того суднѣ, въ Квебекъ, а отсюда пароходъ доставилъ ихъ въ Ливерпуль. Перевозка совершена подъ спеціальнымъ наблюденіемъ Куна и четырехъ его помощниковъ, главнымъ образомъ заботившихся о томъ, чтобы въ ящикахъ было достаточно морской воды (см. рисунокъ 2). Изъ Ливерпуля китъ, предназначенный для Вестминстерскаго акваріума, довезенъ до Лондона (въ своемъ ящикѣ) въ открытомъ багажномъ вагонѣ, со станціи онъ доставленъ въ особомъ экипажѣ къ акваріуму, а здѣсь 20 матросовъ перенесли ящикъ на плечахъ къ бассейну, приготовленному для давно-желаннаго обитателя (см. рисунокъ 3). Съ громкимъ крикомъ „ура" спустили животное въ бассейнъ и оно исчезло въ глубинѣ. Наступила минута тревожнаго, безмолвнаго ожиданія... но, вотъ китъ поднялся на поверхность, брызнулъ высокою струей, потянулся, какъ бы расправляя свои члены, и началъ весело плавать. Покружившись въ родной стихіи, онъ, вскорѣ, почувствовалъ, вѣроятно, голодъ, который и утолилъ пущенными къ нему морскими угрями (см. рисунокъ 4). Съ тѣхъ поръ, онъ продолжаетъ также весело и свободно плавать въ своемъ бассейнѣ и привлекать ежедневно не мало любопытныхъ посѣтителей, впервые видящихъ вблизи громадное животное.

Берлинская промышленная выставка.

Недавно въ средѣ берлинскаго политехническаго общества возникла мысль устроить въ Берлинѣ промышленную выставку, на подобіе той, которая, тѣмъ же обществомъ, съ успѣхомъ была въ 1819 года. Душою предпріятія явился г. Кюнеманъ, принимавшій дѣятельное участіе въ выставкѣ 1874 года. По составленіи имъ плана и проектовъ, на собраніи 28-го января 1878 года, было рѣшено открыть выставку въ 1879 году и, для выполненія всѣхъ предположенныхъ работъ по устройству, избралъ особый центральный комитетъ. Дѣло быстро было двинуто впередъ. Въ февралѣ уже комитетъ обратился къ берлинскимъ промышленникамъ съ приглашеніемъ участвовать въ предпріятіи, и опредѣливъ размѣръ фонда (въ 500 тысячъ марокъ) приступилъ затѣмъ къ разрѣшенію вопросовъ о мѣстѣ для выставки и о самомъ зданіи. Министръ торговли предложилъ распорядителямъ, безплатно, принадлежащее казнѣ пространство, расположенное близъ станціи Лермерской желѣзной дороги, прямо противъ казармъ уланскаго полка. Вся площадь выставки распадается на двѣ части: одна изъ нихъ почти квадратной формы, занята зданіями, а другая, въ видѣ трехугольника, оставлена свободной; украшенная цвѣтниками, террасами, искуственными прудами и каскадами, эта часть предназначена для гулянья публики, которая тутъ же находитъ и рестораны, кафе, а также и крытыя колоннады, защищающія ее отъ дождя, въ случаѣ ненастья. Входомъ служатъ два большихъ изящныхъ портала. Зданіе выставки, занимающее площадь въ 25 тысячъ квадратныхъ метровъ, состоитъ, собственно, изъ трехъ главныхъ корпусовъ: передней и средней залъ и машинной залы, а затѣмъ идутъ, такъ сказать, второстепенныя постройки—зало, расположенное между среднею и машинною, павильонъ музыкальныхъ инструментовъ, выходящій на открытый дворъ, обнесенный боковыми колоннадами. Эти зданія тянутся параллельно желѣзно-дорожной станціи, а въ перпендикулярномъ направленіи къ ней расположены еще три боковыя залы, перерѣзывающія среднюю въ центрѣ и у оконечностей: справа отъ боковыхъ залъ помѣщается каретное отдѣленіе, а частью къ главной, частью къ машинной примыкаютъ, кромѣ того, различные павильоны и залы, предназначенные для выставки садовыхъ продуктовъ и хозяйственныхъ предметовъ. Роскошные, богато отдѣланные порталы, о которыхъ говорено выше, содержатъ въ себѣ помѣщеніе для кассы, привратника, и для полицейскаго чиновника. Одинъ изъ порталовъ ведетъ прямо къ корпусу построекъ, главный входъ которыхъ находится въ срединѣ передней залы, его уже издали можно узнать по открытому предъ нимъ мѣсту и по формѣ его крыши. Въ боковыхъ нишахъ этаго портала поставлены статуи — эмблемы ремеслъ и искуствъ. Сквозь высокій, имѣющій форму тріумфальной арки, входъ, посѣтители проникаютъ внутрь передней залы, по сторонамъ которой возвышаются двѣ башни, служащія — одна для гардероба, другая — помѣщеніемъ для инженеровъ. Главная зала имѣетъ 170 метровъ въ длину и 28 въ ширину, средняя — занимаетъ пространство въ 154 метра въ длину и 15 метровъ въ ширину; машинная же, по устройству своему, отличается отъ другихъ тѣмъ, что въ ней стѣны поддерживаются деревянными подпорами. Садъ, разбитый по замѣчательно-составленному плану, оживленъ различными красивыми постройками. Ресторанъ, большая, просторная зала котораго заканчивается террасой, окруженъ изящными верандами; а въ одномъ мѣстѣ, вдоль ограды расположены пивныя и колбасныя, видъ и обстановка которыхъ знакомитъ иностранца съ одной изъ оригинальныхъ сторонъ берлинской жизни.

Международная выставка въ Сиднеѣ.

„Впередъ Австралія!"—вотъ девизъ изображенный въ гербѣ Англійскихъ колоній Новаго Южнаго Валлиса. И дѣйствительно девизъ этотъ имѣетъ значеніе на этомъ берегу Тихаго Океана, обитатели котораго могутъ съ гордостью вспомнить свой недолгій историческій путь.

26 января 1788 г. первые европейцы высадились въ портѣ Джаксонѣ и донынѣ празднуется этотъ памятный день въ Новомъ Южномъ Валлисѣ. Торжество основанія колоній при первомъ губернаторѣ Артурѣ-Филиппѣ совершилось уже 7-го февраля 1788 года. Этотъ былъ только рабочіе дома для преступниковъ среди дѣвственныхъ лѣсовъ австралійскихъ; тяжело было и безрадостно житье первыхъ піонеровъ и ихъ стражей—отряда солдатъ расположенныхъ въ новой колоніи. Только развѣ съ голодомъ не приходилось вести борьбу первымъ поселенцамъ; вообще же вплоть до 1809 года исторія Южнаго Новаго Валлиса—это хроника непрерывныхъ лишеній, несчастій и преступленій. Только съ 1 января 1810 года, когда вступилъ въ управленіе колоніей новый губернаторъ Лахланъ-Макеръ, началась новая, блестящая эра для колоніи, которая этому именно человѣку обязана была своимъ богатствомъ и процвѣтаніемъ. Въ 1849 году снято было съ Новаго Валлиса позорное имя „колоніи преступниковъ" и введено новое управленіе. Между тѣмъ въ колонію въ теченіи этаго времени выслано было изъ Англіи до 100 тыс. преступниковъ. Но сдѣлано было не одно только освобожденіе отъ позорнаго имени: съ этого года всѣ высланные туда считались гражданами, могшими предаваться мирнымъ занятіямъ. Теперь уже неисправимые преступники конечно давно вымерли и самая память о нихъ понемногу исчезла. На сотни миль въ глубь страны тянулись великолѣпныя преріи, съ густою травою, на которыхъ стали пастись стада поселенцевъ. Стада все увеличивались, надо было находить новыя пастбища, углубляясь такимъ образомъ во внутрь страны.

Торговыя монополіи Остъ-индской компаніи рушились и гордо и свободно понесся англійскій, съ австралійскимъ гербомъ, флагъ по морямъ и показался во всѣхъ гаваняхъ. Сотни тысячъ пріѣзжихъ и торговыхъ людей перебывали въ Новомъ Валлисѣ. Торговля скотомъ привлекла въ страну громадные капиталы; все болѣе и болѣе, вмѣстѣ съ тѣмъ развивалось земледѣліе. Оказались въ почвѣ золотыя жилы. Золотая лихорадка охватила сначала всю страну; но опомнившись отъ перваго припадка этой опасной болѣзни, тысячи рукъ тѣмъ прилежнѣе обратились къ обработкѣ богатой почвы. Съ невѣроятною быстротою развилась промышленная дѣятельность и сила пара давно уже тамъ помогаетъ человѣку въ его трудахъ и работахъ. Вѣрная своему девизу колонія гигантскими шагами двигалась впередъ. Торговля и промыслы развились уже на столько, что выраженіемъ такаго развитія можетъ быть новая выставка международная, которую Новый Валлисъ предполагаетъ открыть въ сентябрѣ настоящаго года въ Сиднеѣ. Тутъ народы Стараго Свѣта могутъ сравнить произведенія молодой колоніи съ своими.

Въ лучшей части города въ такъ наз. „основномъ поселеніи" располагаютъ зданія выставки. Подъ выставку пойдетъ ботаническій садъ, часть набережной и даже стоящіе на якорѣ корабли. Вслѣдствіе обваловъ земли на берегу сперва встрѣтились было нѣкоторыя затрудненія въ постройкѣ, въ перевозкѣ строительныхъ матеріаловъ и предметовъ предназначенныхъ къ выставкѣ. Но эти неудобства теперь устранены укрѣпленіемъ грунта, главный фасадъ выставки обращенъ къ сѣверо-востоку противъ улицъ Макера и площади Бурка.

Городъ Сидней, гордо именующійся „Царемъ Юга" весьма живописно раскинутъ на южной сторонѣ, опоясанной скалистыми горами гавани порта Джаксонъ. Главная часть города подымается по террасообразной возвышенности между Дарлингскою гаванью и заливомъ Зумулу. Дома, улицы, прекрасно въ послѣднее время обстроенныя, тянутся и подымаются одни надъ другими широкимъ полукругомъ. Красивые форты Макера и Девиса охраняютъ входъ въ гавань, а третій фортъ Филиппа построенъ надъ городомъ на скалахъ.

Прямыя, широкія улицы, англійскій характеръ каменныхъ построекъ напоминаетъ города Англіи. Главная улица Георга, идущая съ сѣвера на югъ, длиною до двухъ верстъ и можетъ, поспорить съ любою изъ главныхъ улицъ европейскихъ столицъ. Кромѣ того Сидней построенъ не съ тѣмъ скучнымъ однообразіемъ, какимъ вообще отличаются вновь строенные города. Издали большіе въ нѣсколько этажей дома и сады кажутся устроенными на крышахъ ниже ихъ на террасахъ расположенныхъ домовъ и садовъ.

Въ городѣ много очень хорошихъ зданій; дворецъ губернатора, университетъ, почта, крытый рынокъ, нѣсколько храмовъ, два театра, учебныя заведенія—отличаются прекрасной

архитектурой. Общее населеніе Сиднея простирается до 135 т. жителей и движеніе по улицамъ далеко не уступаетъ любому изъ наиболѣе оживленныхъ, извѣстныхъ, приморскихъ городовъ. Флаги, мачты и трубы кораблей и пароходовъ всевозможныхъ странъ наполняютъ во множествѣ гавань. Тутъ есть и лѣсные матеріалы Ботанибея и каменный уголь Ньюкастля, пальмовое масло островов Фиджи, яица и масло Воллогонга, чай, кофе и сахаръ для Брисбона, или всякіе припасы и товары для Рокгаматона и другихъ мѣстъ и городовъ Новаго Валлиса. Многочисленные мелкіе пароходы поддерживаютъ сообщеніе между пригородами и собственно городомъ и съ Параматтой, лежащей на берегу въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія: также съ Бенритомъ и Пиктономъ. Громадные склады и магазины товаровъ окаймляютъ набережную. Мѣстами для публичныхъ гуляній городъ также богатъ. Такъ наз. Гайдпаркъ усаженъ прекрасными деревьями и широкой тѣнистой аллеей врѣзывается въ главную улицу города, которой часть составляетъ Ботаническій садъ. Этотъ послѣдній—великолѣпный паркъ, усаженный гигантскими камедниками (о которыхъ недавно была помѣщена подробная статья и рисунки въ № 16 Нивы) тутъ же прелестныя группы кустовъ и цвѣтники. Здѣсь растутъ на воздухѣ пальмы, древовидные папоротники рядомъ съ хвойными деревьями суроваго сѣвера и волны моря бьютъ въ высокіе скалистые, почти отвѣсные берега.

Многіе старые города Европы по виду уступаютъ молодому „Царю Юга“, глядящемуся въ свѣтлыя волны Тихаго Океана.

Морская змѣя.

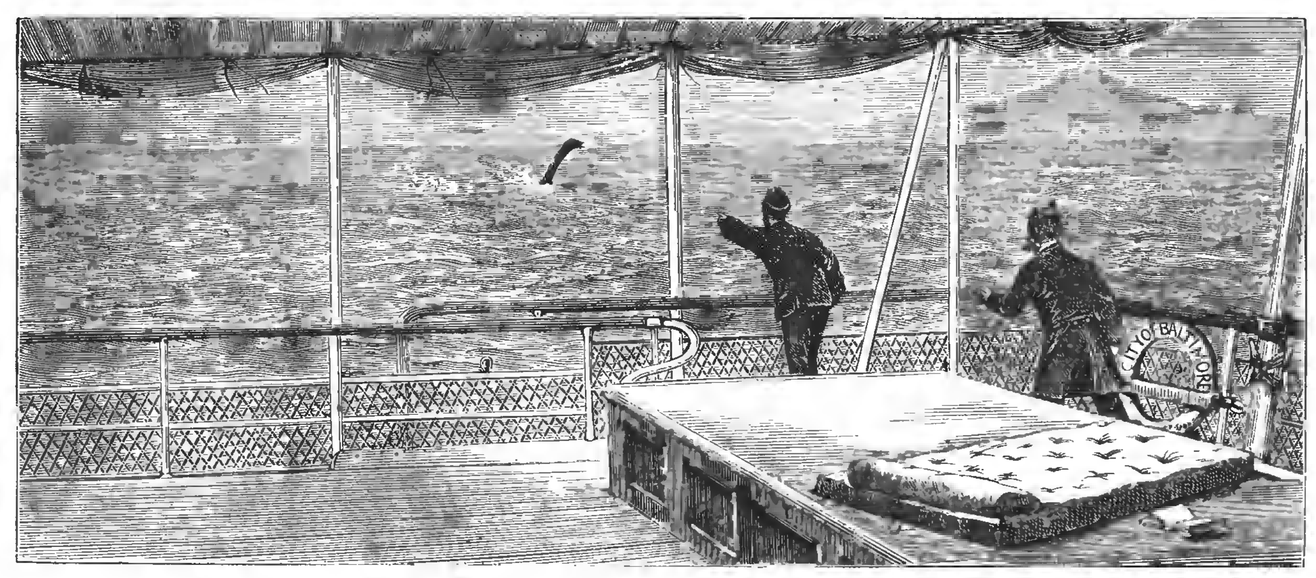
Въ 10 № „Нивы“ за 1877 годъ была помѣщена статья, сообщавшая все pro и contra относительно чудовищнаго животнаго, о существованіи котораго такъ много различныхъ разсказовъ и предположеній.

Зоологи до сихъ поръ сомнѣваются въ дѣйствительности морской змѣи, не имѣя передъ собою настоящаго экземпляра такаго животнаго, но тѣмъ не менѣе свидѣтельства мореходовъ не перестаютъ подтверждать мнѣніе о дѣйствительномъ его существованіи. Одинъ журналъ даже иронически замѣчаетъ, что извѣстія о чудовищной морской змѣѣ появляются періодически къ лѣту, когда истощается матеріалъ, которымъ можно заинтересовать читателя. Нельзя отрицать, что въ исторію морской змѣи вкралось много преувеличеннаго. Въ соленой водѣ обитаютъ однако довольно большія змѣи (напр. Hidrophis въ Индійскомъ морѣ) но конечно далеко не тѣхъ размѣровъ, какія приписываютъ имъ разсказы.

На этотъ разъ, оставляя на отвѣтственности корреспондента англійскаго журнала „Graphic“ разсказъ, сообщаемый имъ, приводимъ его здѣсь вполнѣ, съ рисункомъ „Graphic'а“. Видѣлъ змѣю эту маіоръ британо-индійской службы Сеніоръ. Вотъ какъ передаетъ онъ объ этомъ случаѣ:

„Въ концѣ января текущаго года, говоритъ онъ, корабль „Городъ Балтиморъ“, на которомъ я находился, плылъ подъ 12° 28′ широты и 43° 52′ долготы у береговъ Адена. 28-го, когда мы находились въ этомъ пунктѣ, около 10 часовъ утра, я, съ кормы, увидѣлъ, вправо отъ судна, на разстояніи, приблизительно, трехъ четвертей мили, что-то длинное, черное, то выскакивавшее на поверхность воды, то падавшее обратно въ воду съ плескомъ и шумомъ, ясно доносившимся до меня; этотъ черный предметъ быстро приближался къ намъ. Когда онъ былъ уже не далѣе полумили, я узналъ „морскую змѣю“. На мой крикъ тотчасъ же прибѣжали врачъ экипажа, докторъ Голлъ и миссъ Гринфильдъ, одна изъ пассажирокъ корабля. Въ эту минуту чудовище находилось отъ насъ не болѣе, какъ на 500 ярдовъ, ему было не легко нагнать пароходъ, шедшій со скоростью десяти узловъ, по направленію къ западу. Приблизившись къ слѣду, который судно оставляло за собой на водѣ, змѣя поплыла въ сторону и исчезла въ освѣщенныхъ солнцемъ волнахъ. Движенія ея были столь быстры, что я не успѣвалъ уловить ее въ стекло телескопа, поэтому мнѣ не удалось разсмотрѣть и вполнѣ удостовѣриться—покрыта ли змѣя чешуей; когда она была на разстояніи 500 ярдовъ, мнѣ показалось, что чешуй у нея нѣтъ, но, я не могу, однако, сказать что либо положительное въ этомъ отношеніи. Голова и шея, около двухъ футовъ въ діаметрѣ, подымались надъ водною поверхностью на 20 или 30 футовъ, чудовищная змѣя широко открывала пасть и, затѣмъ, снова закрывала ее, когда опускалась, чтобы нырнуть, почти немедленно, вслѣдъ затѣмъ, появляясь наружу, уже въ нѣсколькихъ стахъ ярдовъ впереди. Туловища вовсе не было видно, оно, вѣроятно, находилось на извѣстной глубинѣ, такъ какъ волненія поверхъ змѣи было слишкомъ мало, за исключеніемъ всплесковъ близь шеи и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нея. Форма головы нѣсколько напоминала стереотипное, всѣмъ извѣстное изображеніе миѳическаго дракона, а морда имѣла сходство съ мордой бульдога. Движеніе чудовища состояло въ томъ, что, подиявъ голову довольно высоко, оно, затѣмъ, падало, какъ падаетъ большое бревно, брошенное съ силой; при этомъ всплески воды образовывали нѣчто въ родѣ крыльевъ по обѣимъ сторонамъ его“.

Это сообщеніе маіора Сеніора подписано докторомъ Голломъ и миссъ Гринфильдъ, бывшими вмѣстѣ съ нимъ очевидцами появленія змѣи. Г. Сеніоръ выразилъ готовность отвѣчать на предлагаемые вопросы и сообщилъ адресъ: Rosebank villa, Southfield Road, Cotham, Bristol.

Морская змѣя, встрѣченная пароходомъ „городъ Бальтиморъ.“ По рисунку Graphic, грав. М. Рашевскій.

Особыя мѣста для избѣжанія морской болѣзни.

Обстоятельство, останавливающее многихъ предпринимать морское путешествіе это—одна изъ непріятнѣйшихъ болѣзней, называемая „морскою“. Сперва, только что отчалитъ пароходъ и понесется по волнамъ, пассажиры весело разговариваютъ, составляютъ оживленныя группы; смотрятъ на море, на синее небо, завтракаютъ и палуба кишитъ пестрою толпою. Но проходитъ нѣсколько времени и лица начинаютъ блѣднѣть и вытягиваться, чувство тоскливой и мучительной дурноты чувствуется все сильнѣе. Палуба пустѣетъ, всѣ сходятъ въ каюты, но тамъ еще хуже—и начинаются тѣ непріятныя сцены, съ которыми знакомъ каждый совершавшій морскія путешествія.

Морская болѣзнь—нѣчто необъяснимое, чего ни одинъ врачь ни одинъ ученый не могъ пока опредѣлить точно и предложить противъ нея какое нибудь радикальное средство. Причина болѣзни—это качка корабля. Много было проэктовъ и предположеній какъ бы устранить дѣйствіе качки. Устраивали висячую огромную каюту, подвѣшенную внутри корабля на гигантскихъ желѣзныхъ крючьяхъ. Но это устройство оказалось непрактичнымъ. Дѣлали двойной корабль, но это оказалось еще неудобнѣе. Тогда пришли къ мысли сдѣлать наружные подвѣсы, подобные изображенному на рисункѣ въ этомъ № „Нивы“, на толстыхъ цѣпяхъ. Правда на такомъ подвѣсѣ не можетъ помѣститься много пассажировъ, но опыты дали въ Америкѣ удовлетворительные результаты и кто помѣстится на такомъ подвѣсѣ—тотъ избавляется отъ непріятной болѣзни.

(Продолженіе на стр. 397, 398, 399 и 400).

Политическія и внутреннія извѣстія.

Румелійскій вопросъ. Вогоридесъ. Лейярдъ. Якубъ-Ханъ. Пожары въ Уральскѣ, Ирбитѣ и Оренбургѣ.

Восточно-Румелійскій вопросъ, повидимому, уже близокъ къ окончанію. Генералъ-адъютантъ Обручевъ отправленъ къ Султану, послѣ свиданія съ которымъ объѣхалъ главные города провинціи, съ цѣлью внушить населенію необходимость строгаго подчиненія постановленіямъ Берлинскаго трактата. Трактатъ этотъ, какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, измѣненъ, благодаря усиліямъ русскаго правительства, въ своихъ существенныхъ чертахъ, причемъ достигнуто главное, а именно—устранено присутствіе въ провинціи турецкихъ войскъ. Предложенія, сдѣланныя нашему правительству чрезъ посредство лорда Дофферина, состояли первоначально изъ слѣдующихъ четырехъ пунктовъ: 1) продленіе еще на годъ полномочій международной коммисіи, 2) назначеніе Алеко-Паши генералъ-губернаторомъ на пять лѣтъ, 3) предоставленіе международной коммисіи уполномочивать простымъ большинствомъ голосовъ генералъ-губернатора къ призыву турецкихъ войскъ въ соединеніе обѣихъ Болгарій считаемыя неизбѣжными, но его постарались только отдалить, въ той надеждѣ, вѣроятно, что время сдѣлало бы свое—т. е. разъединило бы насъ съ болгарами, чтобы болгары не получили изъ нашихъ же рукъ и Румелію въ придачу ко всему, что нами сдѣлано для нихъ.

По словамъ одной нѣмецкой газеты, Алеко-Паша просилъ, чтобы въ султанскомъ фирманѣ о назначеніи его на должность генералъ-губернатора, онъ былъ названъ княземъ Александромъ, или же княземъ Александромъ Вогоридесомъ. Просьбу свою Алеко-Паша объяснилъ неумѣстностью раздражать изъ за мелочей народное чувство восточно-румелійскихъ болгаръ, которые и безъ того относятся весьма непріятно къ постановленному Европой возвращенію ихъ подъ верховную власть султана. Уже это одно, повидимому, незначительное обстоятельство, ясно указываетъ на то, что сдѣлала восточная война для болгаръ: давно ли принимается во вниманіе „народное чувство“ недавнихъ рабовъ?

Если понятно нетерпѣливое желаніе болгарскаго народа слиться воедино,

Особыя мѣста для избѣжанія морской болѣзни.

предѣлы провинціи, 4) временное занятіе нѣсколькихъ балканскихъ горныхъ проходовъ, Ихтимана, Бургаса и Бургасскаго порта.

Теперь уже мы знаемъ, что Россія съумѣла выдти изъ затруднительнаго положенія, созданнаго этими предложеніями, съумѣла выйдти съ честью для себя и пользой для „Румеліи.“ Мы видимъ, далѣе, что правительство наше обезпечило и будущее болгаръ. Дѣло въ томъ, что, какъ утверждаютъ—Россія, незадолго до Берлинскаго конгресса, согласилась на образованіе изъ южной Болгаріи самостоятельной провинціи, только съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Софійскій округъ былъ присоединенъ къ Болгарскому княжеству. Россія настояла на этомъ. Поэтому, когда начальникъ британскихъ инженеровъ, сэръ Линторъ Симонсъ, прикомандированный къ британскимъ уполномоченнымъ въ качествѣ эксперта по военной части, въ частномъ разговорѣ съ лордомъ Биконсфильдомъ, указалъ на то, *что уступка Софійскаго округа Болгарскому княжеству можетъ, впослѣдствіи, значительно облегчить для этого княжества присоединеніе и всей „Восточной Румеліи“*—британскій премьеръ отвѣтилъ, что это хорошо извѣстно ему, но, что въ настоящемъ случаѣ необходимо принести въ жертву нѣкоторые интересы другимъ. Въ этомъ отвѣтѣ можно видѣть только одно— — не менѣе также понятна, полагаемъ, и неудача, которую потерпѣли въ Британіи уполномоченные румелійскаго населенія, д-ръ Яковлевъ и Иванъ Гешовъ, отправившіеся хлопотать у великихъ державъ о содѣйствіи присоединенію провинціи къ княжеству. Въ Лондонѣ либералы наговорили имъ много любезностей и, выказавъ платоническое участіе, не сдѣлали положительно ничего. Уполномоченные отправились въ Парижъ, гдѣ ихъ конечно, ожидаетъ то же самое. Князь Дондуковъ-Корсаковъ, приглашенный въ Ливадію, возвратился въ Болгарію, а молодой князь Александръ I находится, въ настоящую минуту въ Ливадіи. Онъ, на дняхъ, проѣхалъ Одессу, гдѣ ему оказана въ высшей степени сочувственная встрѣча. Въ Ливадіи же приметъ князь болгарскую депутацію.

Сэръ Лэйардъ вернулся недавно въ Константинополь и вступилъ вновь въ должность британскаго посланника при Портѣ. Что намѣренъ онъ сдѣлать для Греціи, и какой вредъ причинить славянамъ—пока еще неизвѣстно. Между тѣмъ, Сербія, вѣроятно, будетъ въ выигрышѣ отъ нарушенія ея предѣловъ арнаутами. Желая оградить себя на будущее время отъ возможности повторенія чего либо подобнаго, она просила объ установленіи горной границы, что равносильно извѣстному

увеличенію ея территоріи; увѣряютъ, что нѣкоторыя великія державы поручили своимъ делегатамъ удовлетворить этому ходатайству и, такимъ образомъ, полагаютъ, что Претнацъ отданъ будетъ сербскому княжеству.

Изъ Лондона телеграфируютъ, что Якубъ-Ханъ принялъ всѣ мирныя условія, состоящія въ слѣдующемъ: передвиженіе кандагарской границы до Ходжекалфама со включеніемъ Ходжерскаго перевала и Пшинской долины, уступка Хурумской долины до Шатургардана и Хайберскаго перевала до Лагора. Маіоръ Каваньяри возвратится съ эмиромъ въ Кабулъ, въ качествѣ британскаго посланника; Британіи предоставляется право имѣть своего агента въ Кандагарѣ. Якубъ-Ханъ былъ принятъ въ британскомъ лагерѣ съ чрезвычайными почестями. Маіоръ Каваньяри, съ почетной стражей изъ 50-ти гусаръ и 50-ти колонновожатыхъ, выѣхалъ впередъ, на встрѣчу, на разстояніи 9-ти километровъ; войска были выстроены шпалерами почти на 4 километра. Во главѣ ихъ, сэръ Самюэль Броунъ встрѣтилъ эмира, съ своимъ штабомъ. Якубъ-ханъ, какъ передаютъ очевидцы—молодой, статный человѣкъ, въ типѣ и манерахъ котораго много европейскаго. Въ свитѣ его находились Мустафа, Додъ и другіе члены его фамиліи. Ему, кажется, очень понравились оказанныя почести. Каваньяри вручилъ новому эмиру Авганистана собственноручное письмо вице-короля, въ которомъ онъ признается „фактическимъ" повелителемъ страны. Мы не будемъ спѣшить радоваться вмѣстѣ съ нашими друзьями британцами „окончанію" кампаніи. Надо нѣсколько подождать, такъ какъ увѣряютъ, что Якубъ-ханъ поторопился принять предложенныя ему условія, въ виду того, что въ массѣ населенія господствуетъ сильное раздраженіе противъ „побѣдителей", и желаніе продолжать войну, а въ особенности въ виду того, что такимъ настроеніемъ воспользовался братъ эмира, Эюбъ-ханъ, собравшій вокругъ себя сторонниковъ войны...

Новыя несчастія. 29-го апрѣля, въ 2 ч. дня, при сильной бурѣ, пожаръ истребилъ значительную часть города Уральска. Никакія усилія пожарной команды и массы жителей не могли остановить огня. Пожаръ продолжался два дня и привести въ извѣстность число погорѣвшихъ нѣтъ возможности. Телеграфная станція сгорѣла и потому оффиціальная телеграмма была послана эстафетой до первой станціи желѣзной дороги.

Въ Оренбургѣ въ теченіи апрѣля не было ни капли дождя; была жестокая сушь и вседневные, порывистые ураганы. Послѣ пожара 16-го апрѣля, истребившаго болѣе половины города, 26-го апрѣля, при сильномъ ураганѣ, случился второй пожаръ въ городѣ, быстро прекращенный энергіею пожарныхъ и военныхъ командъ. 30-го апрѣля, въ 10 часовъ утра, при страшномъ порывистомъ ураганѣ, загорѣлся казачій форштатъ съ мелкими скученными домиками и съ массою навѣсовъ, крытыхъ соломой; не смотря на всѣ усилія, почти половина форштата сгорѣла, но количество сгорѣвшихъ домовъ не приведено еще въ извѣстность. Убытокъ считаютъ на 22 милліона.

Пожаръ въ Ирбитѣ продолжался пять часовъ, сгорѣло жилыхъ домовъ 158, въ томъ числѣ женская прогимназія. Погорѣльцы размѣщены въ уцѣлѣвшихъ домахъ. Убытка 210.000. О причинѣ пожара, которую относятъ опять къ неосторожности, не было еще точныхъ свѣдѣній. Ужели это все только неосторожность... Затѣмъ былъ еще одинъ пожаръ въ томъ же городѣ, истребившіе бѣднѣйшіе кварталы. Надо надѣяться, что причины будутъ наконецъ разслѣдованы. О *несомнѣнности* поджоговъ есть уже телеграммы.

Задача слоговъ.

Ю. Грюнберга.

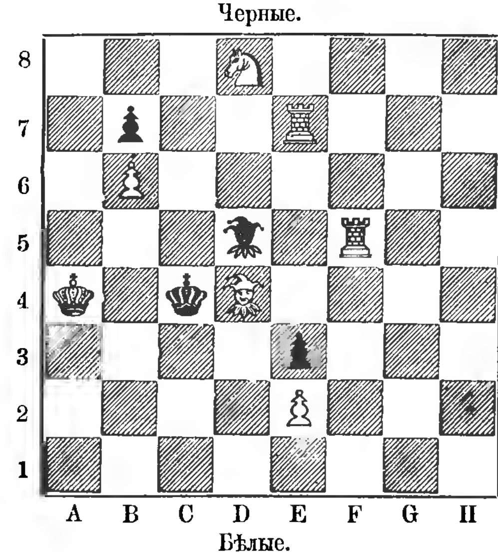
Изъ нижеслѣдующихъ 49 слоговъ составить 16 словъ, которыхъ начальныя буквы, читая ихъ сверху внизъ, составятъ фамилію знаменитаго композитора и названіе одного изъ его произведеній, а послѣднія буквы словъ, составятъ фамилію русскаго генерала и названіе мѣста, въ битвѣ при которомъ онъ отличился.

а, а, а, а, бел, вец, ге, гі, дрі, дуз, е, евск, жар, за, зла, зу, и, ин, ков, кун, ла, ле, лу, мо, на, нас, нау, ни, ор, ри, рос, сау, си, ско, сос, сти, сто, тавр, тел, ти, то, тут, уст, уш, цен, чс, чіо, ян, яч.

1) Городъ Терской области.
2) Германскій поэтъ.
3) Названіе учебнаго заведенія.
4) Названіе одного герцогства.
5) Страна въ Азіи.
6) Главный городъ острова и мѣсторожденіе одного историческаго лица.
7) Городъ Радомской губерніи.
8) Собственное имя одной бывшей королевы.
9) Названіе одного изъ Африканскихъ племенъ.
10) Аппаратъ употребляющійся при тушеніи пожаровъ.
11) Городъ Уфимской губерніи.
12) Названіе моря.
13) Одно изъ чудовищъ греческой миѳологіи.
14) Знаменитый греческій философъ.
15) Извѣстный композиторъ.
16) Имя одного изъ богатырей.

Шахматная задача № 13.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ въ 3 хода.

Рѣшеніе ходъ коня, задача № 2.

19	38	41	24	21	36			5	52	55	10	7	50
40	25	20	37	42	23			54	11	6	51	56	9
	18	39	22	35					4	53	8	49	
	33	26	43	16					47	12	57	2	
	102	17	34	29					60	3	48	71	
32	27	30	105	44	15	88	119	46	13	74	61	58	1
101	106	103	28	89	118	45	14	87	120	59	72	75	70
	31	116	99	104					73	68	85	62	
	100	107	90	117					86	121	76	69	
	115	94	111	98					67	80	63	84	
93	108	113	96	91	110			79	122	65	82	77	124
114	95	92	109	112	97			66	81	78	123	64	83

Нива моя, нива,
Нива золотая!

Зрѣешь ты на солнцѣ,
Колосъ наливая.

По тебѣ отъ вѣтру,
Словно въ синемъ морѣ,

Волны такъ и ходятъ,
Ходятъ на просторѣ;

Надъ тобою съ пѣсней
Жаворонокъ вьется,

Надъ тобой и туча
Грозно пронесется.

Зрѣешь ты и спѣешь,
Колосъ наливая,

О людскихъ заботахъ
Ничего не зная.

Унеси ты, вѣтеръ,
Тучу градовую,

Сбереги намъ, Боже,
Ниву трудовую!..

Жадовская.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: Спб, отъ гг.: Ольхиной; П. Иванова, И. Звина, М. Васильева, Н. С., А. Спарро, Кирѣевскаго, Н. Карнѣева, Черепанова, П. Логинова, Н. Филиппова, В. Эммануэль, Керенскаго, А. Евневичъ, Керенскаго; **Москва**, отъ гг.: С. Насакина, Е. Веревинковой, Ханъ-Аговой, М. Кусакова, Н. Бѣлинкина, М. Бѣловерова, Л. Набокова, П. Коновалова, Ю. Жадовской, В. Зѣвакина; **Ковно**—А. Савинскаго; ст. **Мэдвѣдево**—Лейцингеръ; **Игуменъ**—отъ г. Розенгауза; **Владиміръ**—В Сперанскаго; **Ушачь**—В Горанскаго; **Томашевъ**—Н. Голубинцева; **Кіевъ**—В. Сы—гова; **Н Новгородъ**—Кирша; **Переславль**—А. Ершова; с. **Завидово**—Н. Буйволова; **Одесса**—Стамерова, Россолимо; **Калуга**—Извѣкова; **Петрозаводскъ**—А. Алексѣева.

Рѣшеніе задачи слоговъ въ № 18 „Нивы."

Островскій — тяжелые дни

Огинскій
Семен
Трапезунд
Ружье
Озургеты
Вуал
Средиземное
Казимѣрж
Іудея
Ирбит

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ 106 лицъ, имена которыхъ мы, по неимѣнію мѣста, печатать не можемъ.

Рѣшеніе шахматной задачи № 10.

Бѣлые.	Черные.
1) G 1 — A 7	1) F 6 — F 5
2) A 5 — B 6	2) C 4 — D 4
3) B 6 — B 5 ††	

Рѣшеніе ариѳметической задачи въ № 18 „Нивы“.

Искомое число 243.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: С.-Петербургъ, отъ гг.: А. Крылова, М. Иванова, В. Петрова, И. Ильина, И. Мамонтова, Н. Кихтина, А. Воронова, Ковякина, В. Эммануеля, Г. Назарова, Зборовскаго, Н. Никитина, Н, Филиппова. Трофимова; **Москва, отъ гг.:** В. Румянцева, Свѣтлова, С. Ощепкова, Олантовскаго, Еремѣева, Н. Полева, С. Варанова, Н. Елина, Богданова, Сарафанова, Поскока; **Ревель**—Зек—евъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Москва. Подписчику № 822. „Проклятіе пѣвца“ Уланда, есть уже два прекрасные перевода, очень извѣстные; зачѣмъ же третій.

Славянскъ. И. А. Пивоварову. Задача будетъ помѣщена въ одномъ изъ ближ. №№.

Оренбургъ. П. Аф—еву Вы владѣете отчасти стихомъ. Но стихотворенія неудачны.

Спб. А. Арт—еау. Ваша „безнадежная любовь“ не удовлетворительна.

Ковно. Аль-ману

Хочу я непремѣнно
Хоть что нибудь насать.

Пишите, но почтовые расходы излишни.

Сижу и смотрю
На будущность свою...
Или шпагу въ грудь
Я себѣ воткну!!

Воткните. Но зачѣмъ хотите объ этомъ печатать?

Спб. П. Кр—ву. Вы спрашиваете: можете ли вы писать стихи и есть ли у васъ чувство. Судя по присланному, стихи очень плохіе вы писать можете, но какъ же знать чувствуете ли вы при этомъ что нибудь.

Спб. В Ла—ъ. Хотя ваше стихотвореніе, по вашимъ словамъ, многими „одобрено“, но не можетъ быть помѣщено

Въ пользу погорѣльцевъ города Оренбурга

въ редакцію журнала „Нива“ поступило: отъ А. Ф. Маркса въ СПБ. 50 р., А. Д. 25 р., и отъ NN. 2 р.; всего 77 руб.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою СПБ. 11 Мая 1879 г. Издатель А. Ф. Марксъ въ СПБ. [illegible] Апт. пер. № 10.

X годъ — годъ X

№ 21 — 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6–10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40).

Выданъ 21 Мая 1879 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Лученье рыбы. Ориг. рисунокъ А. Кившенко, грав. Пуцъ.

„Лученье" рыбы.

(Рисунокъ Кившенко).

Вода пошла изъ береговъ и заливаетъ окрестности съ покосами, курьями, большими и маленькими логами, ручьями и рѣчками. Русскіе разливы велики—нынѣшнею весною уже показали они себя на Москвѣ-рѣкѣ, на Волгѣ, на Двинѣ и Уралѣ. Огромное сплошное водное пространство синѣетъ во всѣ стороны, куда ни посмотришь. Мелкіе кустарники по луговинамъ. лѣса по доламъ и низамъ—все покрывается разливомъ. А по береговымъ окраинамъ—обвалы. Подмоетъ берегъ и страшная масса, иногда въ нѣсколько тысячъ пудовъ, рушится съ ужаснымъ шумомъ, унося иногда съ собою и избушку, давно чернѣвшую и косившуюся надъ береговымъ обрывомъ. И закипитъ вода и огромный валъ мчится отъ берега до самой средины рѣки. Глухіе удары, словно подводные пушечные выстрѣлы, раздаются въ весенніе разливы — то береговые обвалы.

Весело бросается рыба на свѣжую весеннюю воду и разбродится по всему ея широкому приволью. Тутъ ловятъ ее во множествѣ въ заплёты такъ называемыми „кужами". Еще съ осени приготовляютъ по склонамъ рѣчекъ и ручьевъ, въ логахъ и полояхъ, въ плоскодонныхъ оврагахъ, долочкахъ и перевалахъ, но всѣхъ извѣстныхъ ходовыхъ мѣстахъ, особаго рода огороды изъ тонкихъ прутьевъ въ переплетъ. Это и есть заплеты. Они располагаются въ формѣ ломанной линіи, въ каждомъ изломѣ которой оставляется опредѣленной величины окошко или воротце. Какъ только разольется вода и начнется ходъ рыбы, въ ворота заплетовъ становятся „кужи", особаго рода плетеная сѣть съ горломъ, натянутая на ветляномъ остовѣ въ формѣ кувшина, въ ту и другую сторону. Съ которой бы стороны рыба ни шла, она непремѣнно должна попасть въ кужу. Замѣчательно, что щуки дѣлаютъ иногда попытки перескочить черезъ запоръ, что часто имъ и удается. Сѣверные рыболовы разсказываютъ о необыкновенной смѣтливости леща въ данномъ случаѣ. Онъ подрывается подъ дранки и если запоръ сдѣланъ мережкою, то лещъ подбивается плашмя, потомъ становится на ребро; сѣть подымается и рыба стремительно уходитъ.

Осенью другое дѣло. Воды стали низки, почи черныя, холодныя и тихія. Начинаютъ ловить—днемъ мережками, вершами, а ночью выѣзжаютъ съ лучемъ и бьютъ рыбу острогою. Въ черную ночь издали линія едва мерцающей рѣки обозначается мелькающими тамъ и сямъ огоньками. То ѣздятъ „лучевики" воткнувъ смоленую лучину на носу лодокъ. Вода свѣтится краснымъ огнемъ насквозь, лодка тихо скользитъ надъ сонной. холодной рѣкой и лучевикъ, завидѣвъ неподвижно стоящую въ озаренной водѣ, спящую рыбу, ловкимъ ударомъ остроги бьетъ ее и выхватываетъ въ лодку. Это „лученье" и изображено на рисункѣ настоящаго № „Нивы".

При своемъ дѣлѣ.

Очерки.

Н. В. Успенскаго.

(Окончаніе.)

Скука одолѣвала Бирюкова особенно въ лѣтнее время, когда воображеніе рисовало ему широкія поля волнующейся ржи, безоблочное небо, лѣса, рѣчку, скромный домикъ его отца, которому онъ когда-то помогалъ работать и съ которымъ отъ снятой недѣли вплоть до Покрова онъ спалъ на вольномъ воздухѣ, въ сараѣ; все это тѣмъ тяжелѣе было вспомнить Бирюкову, что по милости своей должности онъ принужденъ былъ цѣлое лѣто дышать городскою пылью и міазмами, вращаясь среди накаленныхъ солнцемъ каменныхъ зданій, грязныхъ „ресторацій" кабаковъ, харчевень, прахожень, навозныхъ дворовъ и площадей; ему казалось, что самый бѣдный мужичекъ, пашущій свою ниву, несравненно счастливѣе его; онъ дышетъ свѣжимъ воздухомъ, надъ нимъ рѣютъ поющіе жаворонки, а главное, онъ не испытываетъ той ужасающей скуки, которая, съ тѣхъ поръ какъ Бирюковъ сталъ „на благородную ногу," ни на минуту не даетъ ему покоя. Какъ бы то ни было, но въ продолженіе своей десятилѣтней службы, Прохоръ Ильичъ успѣлъ въ весьма значительной степени освоиться съ интересами губернской жизни, не имѣвшими однако ничего общаго съ его преуспѣяніемъ на служебномъ поприщѣ. Онъ не пропускалъ ни одной свадебной или похоронной процессіи, ни одной иллюминаціи, ни одного пожара и кулачнаго боя; въ недѣлю православія онъ долгомъ считалъ присутствовать на „проклятіи," а въ чистый четвергъ на омовеніи ногъ и непремѣнно помѣщался съ пѣвчими на хорахъ, благодаря знакомству съ регентомъ, который разрѣшалъ ему даже подтягивать во время исполненія „тебѣ Бога хвалимъ." Бирюковъ первымъ являлся на хлѣбной площади, гдѣ долженъ былъ совершиться обрядъ наказанія преступника, такъ какъ онъ заблаговременно справлялся въ острогѣ, въ которомъ часу будетъ происходить ѣзда по городу съ преступникомъ, по какимъ именно улицамъ и когда начнется самая „церемонія..." Едва ли кто зналъ такъ обстоятельно, какъ Прохоръ Ильичъ, когда привезутъ новый колоколъ къ Фролу-Лавру, сколько беретъ приданаго частный приставъ Жигаловъ и вслѣдствіе какихъ побудительныхъ причинъ зарѣзался купецъ Поддубенкинъ. Не мудрено, что Бирюкова всегда встрѣчали съ распростертыми объятіями, въ какой бы домъ или купеческую лавку онъ не приходилъ; его разсказы о городскихъ событіяхъ и приключеніяхъ были тѣмъ интереснѣе, что онъ сообщалъ имъ, какъ говорится, извѣстное освѣщеніе. Извѣстивъ, напримѣръ собесѣдника о недавно помолвленной за богатаго купца дѣвицѣ Горохищенской, онъ прибавлялъ:

— Спору нѣтъ, что у жениха три каменныхъ дома, но вѣдь онъ ужъ дышетъ на ладонъ... Спрашивается,— къ чему-жъ тутъ богатство?

— За то если умретъ, все ей достанется, замѣчалъ слушатель.

— Это не извѣстно, Панфилъ Ермолаичъ: а можетъ быть онъ ее пережинетъ... Вы слыхали притчу о евангельскомъ богачѣ? Раззорю, говоритъ, житницы... а что ему на это было сказано?

— Дѣйствительно... вся сія кому будетъ?...

— Я вамъ укажу примѣръ: вы знаете Цыплакову? Тоже вышла за богача, а что изъ ней стало? Словно тѣнь бродитъ... однѣ салазки торчатъ...

Само собою разумѣется, что интересамъ сельской жизни, къ которой были направлены всѣ симпатіи Прохора Ильича, онъ всегда отдавалъ преимущество передъ губернскимъ. Поэтому и самый кругъ его знакомыхъ состоялъ главнымъ образомъ изъ сельскихъ дворниковъ, приказчиковъ, лакеевъ и мужиковъ. Знакомство это Бирюковъ тщательно поддерживалъ и велъ съ сельскими жителями обширную корреспонденцію. Онъ пользовался такимъ довѣріемъ своихъ знакомыхъ и родственниковъ, которое сдѣлало бы честь любому адвокату. Изъ разныхъ селъ, деревень и даже уѣздныхъ городовъ онъ получалъ письма съ просьбами высватать жениха или невѣсту, взыскать долгъ, купить домъ, лошадь, тарантасъ и т. п. Прохоръ Ильичъ не только умѣлъ дешево купить вещь. но и потрафить вкусу своихъ довѣрителей: онъ до тонкости зналъ, какія шпалеры или картины идутъ для сельскаго трактира, кабака и постоялаго двора; какой ситецъ къ лицу дочери управляющаго и вдовой попадьѣ; какая шапка подъ стать пономарю или дьякону. Нѣкоторые, зная житейскую опытность Бирюкова, обращались къ нему за совѣтами по поводу семейныхъ неурядицъ, въ которыхъ онъ игралъ роль миротворца. Однажды онъ писалъ своему пріятелю—цѣловальнику: говорилъ я со многими почтенными людьми о твоихъ дѣлахъ; никто не одобряетъ твоего поступка съ зятемъ. Лучше ублаготвори его приданымъ, не срами себя и людей. Въ писаніи сказано: ухлѣби врага твоего. Отно-

сительно нетрезвой жизни твоего старшаго сына ты пишешь, что ѣздилъ съ нимъ въ скитъ. Это дѣло доброе; однако на всякій случай посылаю тебѣ извлеченіе изъ сочиненія Тихона преподобнаго „о пьянствѣ“, а также „повѣсть о хмѣльномъ питіи“ и совѣтую тебѣ повѣсить оныя надъ его кроватью.“

Въ виду постояннаго оживленія, которымъ отличаются губернскіе постоялые дворы отъ прочихъ обывательскихъ домовъ, Прохоръ Ильичъ квартировалъ „на Ново-московскомъ подворьѣ,“ гдѣ онъ всегда находилъ обильный запасъ новостей и гдѣ, въ силу своей дружбы съ хозяиномъ, съ которымъ успѣлъ давно покумиться, былъ совершенно своимъ человѣкомъ: онъ смѣло распекалъ дворника, кухарку и коридорнаго, закликалъ проѣзжихъ, отводилъ имъ комнаты, не оставляя ни одного изъ нихъ безъ подробныхъ распросовъ о цѣли поѣздки, мѣстожительствѣ и семейныхъ обстоятельствахъ.

Квартира Бирюкова помѣщалась въ одной изъ надворныхъ построекъ и состояла изъ двухъ комнатъ, увѣшенныхъ множествомъ картинъ духовнаго содержанія, портретами схимниковъ, затворниковъ, юродивыхъ, видами монастырей, пещеръ, афонскихъ горъ, стараго іерусалима и образами въ тяжеловѣсныхъ кіотахъ, передъ которыми висѣли разноцвѣтныя лампады, зажигавшіяся передъ наступленіемъ каждаго праздника. Всѣ картины и лампады были пріобрѣтены Бирюковымъ по случаю и каждая имѣла свою исторію: одна была принесена изъ Соловецкой обители родственникомъ Прохора Ильича, заштатнымъ дьякономъ, умершимъ отъ запоя; другая подарена была мелкопомѣстной барыней отцу Бирюкова въ благодарность за излѣченіе ее отъ ревматизма какими-то кабалистическими записками, которыя паціентка проглатывала натощакъ, стоя лицомъ къ востоку; третья взята была у чиновника Долгошеина за долгъ и т. д.

Между картинами особеннаго вниманія заслуживало „изображеніе сердца человѣческаго, какъ жилища сатаны и какъ храма Божія.“ Въ первомъ случаѣ полость сердца уподоблялась звѣринцу или скотному двору, вмѣщая въ себѣ разныхъ животныхъ, олицетворявшихъ собою семь смертныхъ грѣховъ; во второмъ случаѣ, когда грѣшникъ чистосердечно раскаявался, означенныя животныя, подъ предводительствомъ сатаны, удалялись изъ сердца и на ихъ мѣстѣ появлялась церковная утварь. Рядомъ съ этой картиной висѣло „похвальное слово розгѣ,“ начинавшееся такъ:

Розга разумъ въ главу вгоняетъ,
Всякимъ убо добротамъ научаетъ.
Малымъ березовая розга къ умиленію.
А старымъ жезлъ дубовый къ подкрѣпленію.

Надъ двухспальной кроватью, покрытою ситцевымъ одѣяломъ, сшитымъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, висѣли печатныя извлеченія изъ Четьи-Минеи и произведеній духовныхъ проповѣдниковъ: „молитвенная пѣснь души, стремящейся отъ земной тлѣнности къ небесамъ,“ „молитва объ изгнаніи бѣса изъ человѣка и скота“ и „разсужденіе о злой и доброй женѣ.“ „Добрая жена, говорилось въ послѣднемъ произведеніи, сердцемъ кроткая, духомъ мудрая, въ бесѣдѣ стыдливая. Недоумѣваетъ языкъ хвалить оную по достоянію.“ Нравственный обликъ злой жены былъ очерченъ въ „разсужденіи“ такими мрачными штрихами, что въ сравненіи съ нею могла показаться кроткой голубицей даже сама лэди Макбетъ. „Всякаго зла злѣе злая жена. Она есть сѣть, дьяволомъ сотворенна, сатанинъ праздникъ, жидовская гостинница, змѣиное логовище, смрадный колодезь, неречесъ и пр.

Томимый скукой Бирюковъ иногда запиралъ свою квартиру на замокъ и занималъ въ подворьи своего хозяина пустой нумеръ, смежный съ большой комнатой, куда съ наступленіемъ вечера стекалась разношерстная толпа небогатаго люда, извѣстнаго подъ названіемъ „почевальщиковъ,“ которые вмѣстѣ съ разсвѣтомъ отправлялись на цѣлый день въ городъ, заплативъ за ночлегъ по пяти копѣекъ съ персоны. Въ этой большой комнатѣ, носившей громкое названіе „общей залы,“ далеко за полночь не прекращались оживленные разговоры. Лежа на кровати, Прохоръ Ильичъ вслушивался въ нихъ и время отъ времени дѣлалъ свои замѣчанія.

— Какой у насъ случай былъ на дняхъ, разсказывалъ кто-то: городской голова, милліонеръ, взялъ да и повѣсился... Вотъ наша жизнь, вотъ наша зависть! Впрочемъ шесть поповъ хоронили...

— А что-жъ что шесть поповъ? возражалъ Бирюковъ изъ за тонкой перегородки, не достигавшей потолка: вѣдь все равно, его не поминали...

— Какъ же такъ?

— Очень просто... въ панихидѣ говорится—помяни всѣхъ православныхъ христіанъ, а не то, что примѣрно раба такого-то... И обѣдня идетъ не по немъ, и панихида не по немъ...

— А я полагалъ, его отпѣвали чередомъ...

— Какъ бы не такъ...

— Ну, какъ поживаетъ Лопуховъ? спрашивалъ своего знакомаго другой почевальщикъ.

— Не могу сказать, знаю только, что его жена подписала свое имѣніе Деброву.

— Чего жъ смотрѣлъ Лопуховъ?

— Онъ призывалъ ее къ мировому. Не знаю, чѣмъ эта исторія кончилась.

— Дѣло о Лопуховыхъ перешло на мировой съѣздъ, внезапно объявлялъ Прохоръ Ильичъ, повертываясь на кровати, которая издавала громкій трескъ.

— Кто это тамъ говоритъ? слышался шепотъ.

— Это здѣшній жилецъ, хозяйскій кумъ.

На минуту воцарялось безмолвіе, затѣмъ бесѣда продолжалась снова. Одинъ причетникъ разсказывалъ другому:

— Въ прошлое воскресенье нашъ протопопъ говорилъ проповѣдь изъ текста: азъ уснухъ, спахъ и востахъ... Девять вѣковъ, говоритъ, наше отечество оглашается христіанскимъ ученіемъ, а нашъ народъ до сихъ поръ вѣритъ въ лѣсныхъ, домовыхъ и водяныхъ...

— Неужели нѣтъ домовыхъ? спрашивалъ собесѣдникъ.

Вслѣдъ за этимъ возгорался такой ожесточенный диспутъ между всѣми почевальщиками, что Бирюковъ не выдерживалъ и самолично являлся въ общую залу. Стоя у двери и держась за перекладину, онъ провозглашалъ:

— Ежели у чистыхъ духовъ есть свое чиноначаліе, то почему же не допустить его и у злыхъ духовъ?

— Позвольте узнать ваше имя—отчество? громко спрашивалъ одинъ изъ прасоловъ, лежавшихъ на полу подъ шубами.

— Прохоръ Ильичъ...

— Стало быть, Прохоръ Ильичъ, надо говорить такъ: у меня теперича есть братъ. Съ нимъ дѣлается, какъ-бы вамъ сказать, въ родѣ трясенія. Нѣкоторые говорятъ, что у него скопленіе кровей и совѣтуютъ отправить его въ мозговую лѣчебницу: а я думаю, въ емъ нечистая сила...

— Вы съѣздите, посовѣтуйтесь съ оптинскими старцами, таинственно замѣчаетъ Бирюковъ, искоса глядя на прасола.

— Съ старцами?

— Непремѣнно!..

— Покорнѣйше благодаримъ... Пожалуй, это будетъ ему пользительнѣй.

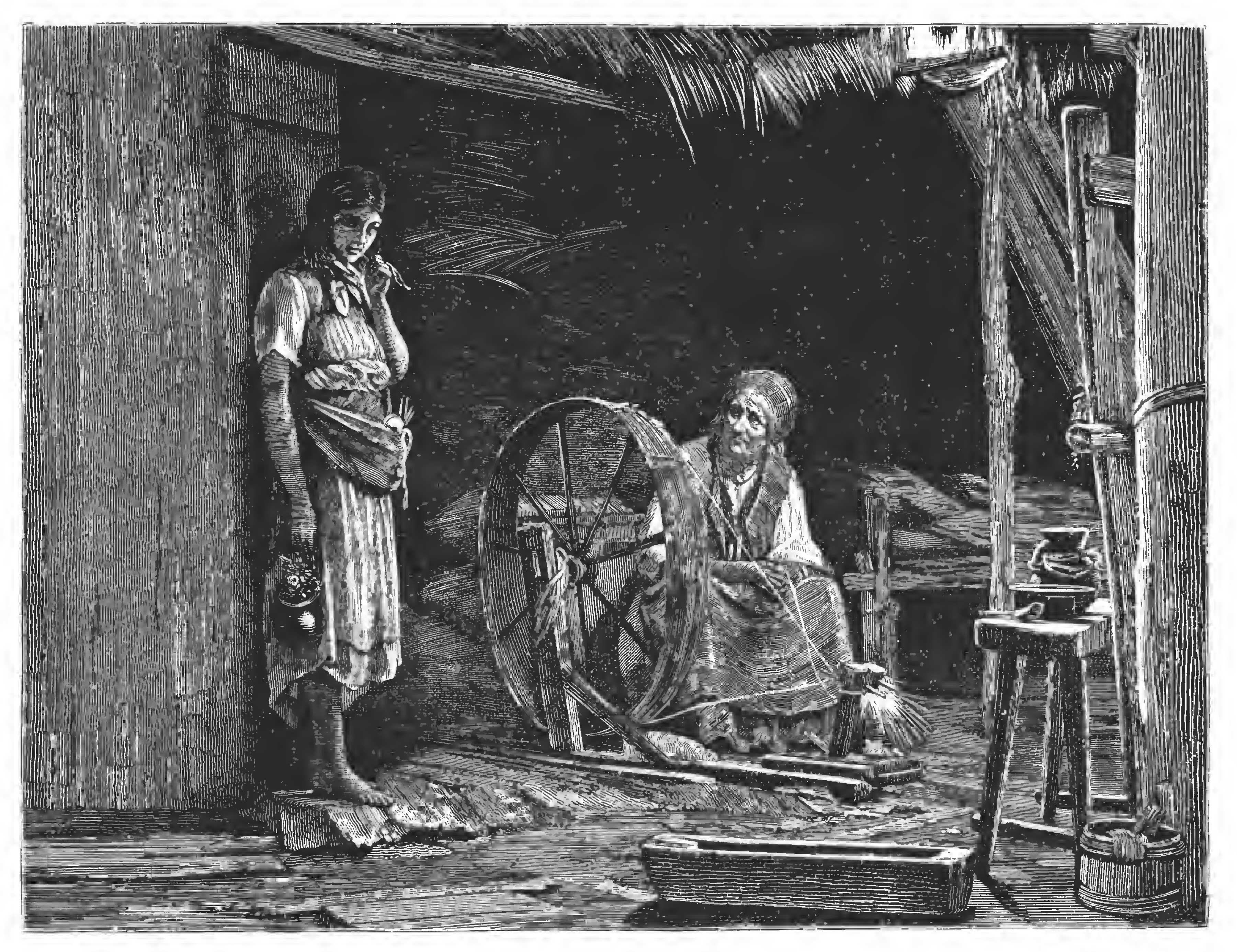
Изъ общаго зала Прохоръ Ильичъ переходилъ въ кухню, гдѣ бесѣдовалъ съ пріѣзжими мужиками, шутилъ съ работницей, а если встрѣчалъ тамъ молодую няньку съ своимъ годовалымъ крестникомъ на рукахъ, то обращался къ нему съ обычными вопросами:

— Володя! гдѣ у тебя носикъ?

Мальчикъ показывалъ.

— А гдѣ крестикъ? Молодецъ!.. цалуй руку!

При этомъ Бирюковъ, словно нечаянно, затрогивалъ

Весенняя выставка въ СПБ. Императорской Академіи Художествъ 1879 г. „Выговоръ“. Картина Лемоха, грав. Пуцъ.

Весенняя выставка въ СПБ. Императорской Академіи Художествъ 1879 г. „Маленькая нянька“.
Картина **Корзухина.** Рис. на деревѣ самъ авторъ, грав. Пуцъ—Шюблеръ.

няньку, которая, покатываясь со смѣху, говорила.

— Чего ты до сихъ поръ не женишься, домовой этакой?

— Вы чьи? обращался Прохоръ Ильичъ къ сидѣвшимъ за ужиномъ извощикамъ, не обращая вниманія на слова няньки.

— Калуцкіе... веземъ ряду.

— По чемъ съ пуда?

— По двадцати копѣекъ.

— Дешевенько по нынѣшнимъ кормамъ, не грѣхъ взять и тридцать.

Иногда въ числѣ пріѣзжихъ мужиковъ Бирюковъ встрѣчалъ своихъ односельцевъ, которые доставляли ему подробныя свѣденія о родномъ Полтевѣ и также письма отъ его отца, отличавшіеся изысканною вѣжливостію вслѣдствіе именно того, что Бирюковъ „вышелъ въ люди." „Письмо ваше, прелюбезнѣйшій сынъ мой, Прохоръ Ильичъ (писалъ причетникъ) со вложеніемъ синей ассигнаціи, я получилъ и премного благодарю, что изъ послѣдняго удѣляете своему алчущему отцу. Щедро дающій впереди всѣхъ шествуетъ въ рай, а скупой прежде всѣхъ огню предается; вы не похожи на старшихъ моихъ сыновей, кои не токмо не помогаютъ своему родителю, но даже не удостоиваютъ его своими письмами. Не берите съ нихъ примѣръ и не забывайте усерднаго богомольца вашего предъ Престоломъ Вышняго. Извѣщаю васъ, что въ селѣ Частомъ діакона Василія лишили духовнаго званія за буянство и я, желая поступить на его мѣсто, нарочито изготовилъ привѣтственную рѣчь нашему благочинному въ день его ангела, дабы онъ разрѣшилъ мнѣ забрать въ Частомъ у прихожанъ заручное одобреніе. Вотъ моя рѣчь:

О, пастырь и отецъ драгой
Мы ставимъ должнымъ то предметомъ
Предстать чтобъ нынѣ предъ тобой.
Отъ гроба Возсіявши свѣтомъ
Да оградитъ утѣхой вѣчной
Твоихъ теченье, пастырь, лѣтъ.
Единъ твой взоръ радостотворный
Меня живитъ и грѣетъ
И совершеннымъ дѣетъ.

Но имянинникъ не внялъ моему гласу и по причинѣ моихъ преклонныхъ лѣтъ велѣлъ сдавать мѣсто дочери. Все сіе я приписываю смотрѣнію Божію и думаю сложить съ себя санъ причетника".

Какую бы однако гнетущую скуку не испытывалъ Бирюковъ, онъ никогда не рѣшался посѣтить ни театра, ни цирка, ни клуба. Всѣ общественныя увеселительныя мѣста замѣняла ему торговая баня, помѣщавшаяся на берегу рѣки, за кафедральнымъ соборомъ, и куда онъ ходилъ каждую субботу около пяти часовъ вечера. Не смотря на большое стеченіе народа и на непроглядные клубы пара, присутствіе Бирюкова въ банѣ дѣлалось тотчасъ замѣтнымъ: онъ или поднималъ споръ изъ за вѣника, или громче всѣхъ кричалъ, чтобы поддавали пару, а то лежа на полкѣ разсказывалъ анекдоты, въ родѣ слѣдующаго:

— Одинъ офицеръ шелъ по улицѣ въ калошахъ. Его увидалъ генералъ и крикнулъ: Эй! калоши! на гауптвахту! Офицеръ пришелъ на гауптвахту, оставилъ тамъ калоши и пошелъ себѣ домой.

Раздавался громкій смѣхъ посѣтителей.

— Прохоръ Ильичъ! отчего у купца Бровкина случился пожаръ?

— Теперь полиція дозналась отчего, острилъ Бирюковъ: пламя выкинуло изъ колодца...

Прародительскій костюмъ посѣтителей ни мало не стѣснялъ Бирюкова въ опредѣленіи сословія, званія и даже чина многихъ изъ нихъ.

— Эй, ты крупа, подвинься, говорилъ онъ солдату, помѣщаясь на лавкѣ: батюшка! вамъ не нужна шайка?

— Свободна! Извольте....

— Вы съ бариномъ пріѣхали? спрашивалъ Бирюковъ незнакомаго лакея, который намыливалъ себѣ голову.

— Нѣтъ, съ одной барыней.

— А баринъ гдѣ?

— Они поѣхали въ Москву собакамъ уши подрѣзывать.

— Для чего же это?

— Такая, изволите видѣть, порода, чтобы злѣе были... у насъ воровство несказанное, доложу вамъ.

— Онъ бы дома отрѣзалъ уши...

— Дома, сударь, не могутъ. Взялся разъ за это дѣло здѣшній цирюльникъ, да отхватилъ по самую кость.... наутро собака ноги протянула: а заплачена была полтораста рублей...

Изъ бани Прохоръ Ильичъ возвращался домой по главной губернской улицѣ, держа подъ мышкой вѣникъ и у каждой лавки раскланиваясь съ купцами, которые поздравляли его съ „легкимъ паромъ."

IV.

Было зимнее утро. Бирюковъ, одѣтый попраздничному, сидѣлъ съ своимъ пріятелемъ — сельскимъ дворникомъ за завтракомъ въ домѣ своего отца, куда онъ прибылъ по вызову своихъ родственниковъ, нашедшихъ ему невѣсту, „красоту которой, какъ писалъ Полтевскій причетникъ, ни страсть не разрушаетъ, ни недугъ погубляетъ: сія отроковица всегда можетъ угодить своему мужу, понеже кичливости убѣгаетъ, дому прилежитъ и обладаетъ изряднымъ имѣніемъ, недавно доставшимся ей по духовному завѣщанію отъ тетки." Убѣленный сѣдинами и уже сложившій съ себя „причетническій санъ" авторъ этого посланія сидѣлъ съ клюкою въ рукахъ на дубовой скамейкѣ близъ стола, за которымъ пировали гости. По избѣ носился чадъ по случаю блиновъ, затѣянныхъ сестрою Прохора Ильича, сдѣлавшеюся послѣ смерти матери полной хозяйкой въ родительскомъ домѣ. Прасковья Ильинишна (такъ звали ее) съ раскраснѣвшимся лицомъ и засученными по-локоть рукавами то и дѣло сновала отъ стола къ печи и обратно, держа въ рукѣ тарелку съ блинами и усердно подчуя гостей:

— Да кушайте, братецъ! куманекъ! выпей водочки-то... ахъ Господи! въ кои-то вѣки, да церемонитесь...

— Родимый братецъ, пожалуйте... Ермилъ Петровичъ! ну-те-ко... Эй! что ты стоишь? обратилась вдругъ Прасковья Ильинишна къ своему мужу, Полтевскому причетнику, стоявшему у двери: аль не слышишь? дѣвка кричитъ... возьми на руки!

Молодой причетникъ безпрекословно исполнилъ приказаніе своей жены и сталъ на прежнее мѣсто, не спуская глазъ съ пировавшихъ гостей, бесѣда которыхъ, повидимому, поглощала все его вниманіе.

— А что ты думаешь? утирая губы полотенцемъ обращаясь къ своему пріятелю говорилъ Прохоръ Ильичъ: пожалуй, эта штука ничего...

— Да вотъ какъ я вамъ скажу, подхватилъ дворникъ: два раза будетъ хорошо... Вся причина, расположитесь на власть Божію. Ужъ ежели вамъ назначено жениться на эфтой самой барышнѣ, своей участи не минете... На все Божіе произволеніе. Вотъ хоть бы про себя сказать: думалъ-ли я снимать землю на аренду али буду съ тестемъ судиться? И въ помышленіи не было... У всякаго, Прохоръ Ильичъ, своя планида. Такъ ли, Илья Дмитричъ? отнесся дворникъ къ маститому старцу.

— Точная правда, отвѣчалъ послѣдній: у всякаго свой предѣлъ, его же не прейдеши... Что жъ, Прохоръ Ильичъ? подобострастно глядя на возлюбленнаго сына, продолжалъ старецъ: когда нибудь не миновать и сочетаться законнымъ бракомъ... вѣдь вамъ уже скоро исполнится тридцать пять лѣтъ... И такъ-то болтаться, порожнякомъ, хорошаго не много...

— Да вѣдь, тятенька! Отчего я болтаюсь? возразилъ Прохоръ Ильичъ, отправляя въ ротъ блинъ: — оттого, что до сего времени не было, невѣсты подходящей: встрѣчалась дѣвушка и съ приличнымъ состояніемъ, и молоденькая, но была слишкомъ бойка, вертлява... Она бы собрала домокъ въ желудовую чашечку... а то была собой

красива, но бѣдна и къ хозяйству не пріучена; либо всѣмъ взяла, но получила нынѣшнее образованіе, а ужъ это, по моему, хуже всего!..

— Кто про это говоритъ, согласился причетникъ: эти образованныя охо-хо-х-о-о!,. не приведи Богъ!..

— Ты ей слово, а она двадцать, сказалъ Бирюковъ.

— И пошла потѣха! подхватилъ дворникъ.

— А какъ я-то рада! вынимая изъ печи блинъ, воскликнула Прасковья Ильинишна: братецъ будетъ жить недалеко... Кажись, и во снѣ такого счастія не увидишь... Куманекъ! братецъ! да кушайте... вотъ еще горяченькихъ... Я такъ-то своему мужу говорю: наше дѣло бѣдное, все что нибудь на голые зубы перепадетъ: соломки, хоботья....

— Эхъ, глупая! Ну, что ты мелешь? возразилъ Илья Дмитричъ: вѣдь имѣніе-то будетъ женино...

— А братецъ будетъ главнымъ распорядителемъ, бойко подхватила молодая причетница.

— Постой, сестра! грозно проговорилъ Прохоръ: въ своемъ ты умѣ или нѣтъ? Не ты ли говорила, что невѣста сама во всякую малость входитъ?

— Эко братецъ! все таки... Ну-те-ко горяченькихъ... Куманекъ! прошу покорно...

— Вотъ что! будетъ толковать объ эфтомъ! перебилъ дворникъ: ваше дѣло родное—какъ нибудь разберетесь... А вы думайте, какъ бы дѣльце-то сладить... вѣдь имѣнье—особливо къ нему руки приложить—золотое дно!...

— Однако съ Богомъ! Нечего время терять! сказалъ Прохоръ Ильичъ, вылѣзая изъ за стола: лошади поданы?

— Готовы братецъ... давно у крыльца стоятъ! объявила Прасковья Ильинишна: кучера я накормила и водки поднесла... Милый братецъ! вамъ не угодно ли надушиться? У меня есть богатѣйшая пачуля... отъ покойной храмостроительницы осталась...

Прохоръ Ильичъ, замѣтно недовольный будущими видами на него сестры, не захотѣлъ воспользоваться пачулей, онъ молча взялъ свою шапку и, подошедши къ отцу, выразилъ желаніе принять благословеніе; вслѣдствіе чего старикъ осторожно снялъ съ божнички икону и, держа ее надъ сыномъ, проговорилъ сквозь слезы:

— Ну, милый сынъ, дай Богъ тебѣ счастливаго успѣха! вотъ,—кабы жива была мать, она бы порадовалась.

Путники, одѣтые по дорожному, вышли на крыльцо, у котораго стояла пара лошадей, запряженныхъ въ просторныя сани, окрашенныя синей краской и покрытыя домотканымъ, разноцвѣтнымъ ковромъ. Прасковья Ильинишна стояла на послѣдней ступенькѣ лѣстницы и приговаривала:

— Дорогой братецъ! Главное на счетъ имѣнія-то будьте осмотрительнѣе... да велите безпремѣнно караулить, а то все раскрадутъ... Какъ старуха скончалась, то все волокутъ волокомъ,—такъ и тащутъ что ни попало... Говорятъ, ставни у оконъ и тѣ начали отдирать... ужъ такой народъ сталъ безсовѣстный!...

— Эхъ, миловидныя! крикнулъ кучеръ, взмахнувъ кнутомъ, и лошади поскакали во всю прыть.

Деревня Карасевка, куда направились путники, находилась въ пятнадцати верстахъ отъ Полтева и состояла изъ домовъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, изъ которыхъ многіе собственноручно обрабатывали землю, ничѣмъ не отличаясь по своему умственному развитію отъ мужиковъ; тѣмъ не менѣе въ ихъ образѣ жизни сохранялись нѣкоторые слѣды барства; хотя ихъ жилища были покрыты соломою, а въ осеннее время по примѣру крестьянскихъ избъ, заваливались кругомъ толстымъ слоемъ навоза;—но всѣ онѣ были съ подъѣздами, балкончиками или террасками, на которыхъ въ погожіе лѣтніе вечера, помѣщики, возвратившись съ полевыхъ работъ, пили чай; ихъ комнаты, несмотря на то, что въ нихъ можно было встрѣтить и земледѣльческія орудія и ткацкіе станки, сбрую и даже сидящихъ въ плетушкахъ домашнихъ птицъ, носили названіе гостиной, залы, столовой, дѣвичьей и передней — такъ что, въ каждомъ домѣ Карасевскаго помѣщика зачастую происходилъ хозяйственный разговоръ въ такомъ родѣ:

— Гдѣ это кричитъ гусь?

— Въ столовой, папа!..

— Принесите-ко мнѣ изъ кабинета цѣпъ!...

— Вы-бы загнали индѣекъ въ залу, а щенковъ въ гостиную; а то произойдетъ такая катавасія, самъ чортъ не разберетъ...

Какъ ни скудны были матерьяльныя средства карасевскихъ помѣщиковъ, но всѣ они безъ исключенія по возможности, старались удовлетворить своей, унаслѣдованной отъ предковъ страсти къ охотѣ; не говоря о ружьяхъ, кинжалахъ, капканахъ и разныхъ другихъ снарядахъ для ловли птицъ и звѣрей, у каждаго изъ нихъ была охотничья верховая лошадь и двѣ-три борзыя или гончія собаки. Любимыми занятіями карасевскихъ помѣщиковъ въ досужее время были: картежная игра въ „подкаретную“, замѣнявшая „штосъ“, пѣтушьи бои, собачья травля, игра въ „орлянку“, мѣна лошадьми, ружьями, ошейниками, нагайками и т. п. Большая часть изъ нихъ были страстные любители церковнаго пѣнія, а нѣкоторые находили удовольствіе ходить съ причетниками по приходу и распѣвать съ ними праздничные тропари. Книги и газеты составляли большую рѣдкость въ Карасевкѣ; въ весьма значительной степени ихъ замѣняли сплетни, которыя спеціально разносила по всѣмъ домамъ владѣлица пяти десятинъ Акулина Савишна Кочкина, извѣстная подъ названіемъ „Карасевской газеты“. Она ежедневно сообщала новыя, хотя бы самыя незначительныя извѣстія, въ родѣ того, напримѣръ, что у Пастуховыхъ недавно перекрасили старое платье, а у Сивовыхъ распаривали вчерашній чай... Нерѣдко Карасевская газета получала за свои пересуды внушительныя предостереженія и даже надолго закрывалась, съ воспрещеніемъ не только „выходить въ свѣтъ“, но и—за порогъ своего дома.

Около одиннадцати часовъ утра Бирюковъ и дворникъ подъѣхали къ небольшому дому, который вровень съ крышей заваленъ былъ соломой и походилъ на ригу. Увидавъ на крыльцѣ бабу съ глинянымъ тазомъ въ рукахъ, дворникъ спросилъ:

— Дома барышня?

— На скотномъ дворѣ, телятъ поятъ.

— Ну, вотъ что: поди доложи имъ, Воробьевскій молъ дворникъ желаетъ видѣть насчетъ лѣсу... Хотѣлъ поторговать у нихъ дубнячекъ...

— Лѣсъ онѣ не продаютъ, сказала баба: тутъ пріѣзжалъ городской голова, тоже хотѣлъ купить... только барышня говоритъ: я съ лѣсомъ ни за что не разстанусь.

— Экая оказія! взмахнувъ руками произнесъ дворникъ: вотъ незадача-то! А я было нарочно за этимъ... Ну, вотъ какое дѣло, тетенька... подь-ко сюда поближе; слышь, скажи барышнѣ (дворникъ понизилъ голосъ): женихъ молъ пріѣхалъ... понимаешь?

— Слушаю... Понимаю...

— Вотъ они!.. скажи: изъ губерніи... благородный... Чуешь аль нѣтъ?

— Понимаю... да вы пожалуйте покелева въ хоромы, а я добѣгу...

— Ну, ступай скорѣй, вылѣзая изъ саней, сказалъ дворникъ: Прохоръ Ильичъ! пожалуйте!.. Я вѣдь тутъ сколько разовъ бывалъ... люди простые...

Гости вошли въ переднюю, сняли съ себя тулупы и занялись своимъ туалетомъ.

— Ужь и хозяйка! расчесывая волосы передъ осколкомъ зеркала, вправленнымъ въ стойку окна, говорилъ дворникъ: слышали аль нѣтъ? сама телятъ поитъ... Она не токмо что: сама молотитъ съ мужиками... Схватитъ цѣпъ и начнетъ тюкать... мужики только со смѣху покатываются... Обнаковенно—сиротка! отъ родителевъ пяти годочковъ осталась... а тетка-то не баловала...

— Вотъ посмотримъ, вымолвилъ Бирюковъ, расхаживая изъ угла въ уголъ, при чемъ сапоги его издавали пронзительный скрипъ: только вотъ что, другъ; уговоръ лучше денегъ: сидѣть я тутъ долго не буду... Мнѣ надо спѣшить на службу...

Дверь отворилась и на порогѣ показалась маленькаго роста, худенькая дѣвушка лѣтъ 22, одѣтая въ затасканную шубку на заячьемъ мѣху, въ валенкахъ, съ ключами въ рукѣ.

— Многолѣтняго здравія, барышня! воскликнулъ дворникъ, съ размаху подавая хозяйкѣ свою руку съ растопыренными пальцами: все ли себѣ живы здоровы? А мы къ вамъ,—не взыщите, запросто... Это вотъ Полтевскаго причетника сынокъ,—служитъ въ палатѣ... Ихній тятенька неоднократно бывали у васъ съ поздравленіями... Христа славили...

— Знаю, онъ лѣчилъ мою тетушку, проговорила дѣвушка и, пожавъ руку Бирюкову, добавила: очень пріятно познакомиться... Прошу покорно въ залъ...

Гости величественно вступили въ просторную комнату, окна которой заставлены были исполинскими бутылями съ уксусомъ и наливкой. Хозяйка на время куда то скрылась. Въ ожиданіи ея появленія, пріятели разсматривали образа, стѣны, потолокъ, дотрогивались до мебели, какъ бы желая испытать ея прочность и по временамъ шепотомъ обмѣнивались замѣчаніями.

— Охъ, Господи помилуй! со вздохомъ восклицалъ дворникъ, глядя въ окно: погодка поиспортилась! Вы, Прохоръ Ильичъ, добавлялъ онъ шепотомъ: вся сила—не робѣйте! вы человѣкъ губернскій, а она деревенская...

— Ну, вотъ еще! заложивъ за спину руки отвѣчалъ Бирюковъ и принимался ходить по залѣ, немилосердно скрипя сапогами.

Изъ сосѣдней комнаты вышла хозяйка, но уже въ свѣтломъ ситцевомъ платьѣ съ увѣсистымъ шиньономъ на затылкѣ и предложила гостямъ присѣсть, помѣстившись сама на старинномъ диванѣ, спинка котораго была украшена вырѣзанными змѣями съ позлащенными головками и жалами—въ видѣ стрѣлъ.

— А у васъ недавно случилось несчастіе, Лизавета Петровна? началъ дворникъ.

— Да! Тетушка померла... Мнѣ ее очень жаль... Она была такая добрая... А какъ ей не хотѣлось умирать!..

— Не хотѣлось? съ изумленіемъ спросилъ дворникъ.

— Только и твердила: какъ бы мнѣ пожить до весны... Когда пріѣхалъ священникъ соборовать ее, она такъ испугалась, потеряла почти всякое сознаніе. Въ послѣднюю ночь она слышитъ—кто-то стучится подъ окномъ и посылаетъ бабу отперегь дверь. Баба вышла на улицу—никого нѣтъ...

— Ай, ай, ай! Тссъ! Что такое значитъ?..

— Конечно, ей померещилось... у ней слухъ былъ разстроенъ. Докторъ сказывалъ, параличъ ударилъ ее въ правое ухо...

— Боже мой! Боже мой! воскликнулъ дворникъ, качая головою: ну да вѣдь и въ годочкахъ были! Небойсь, лѣтъ 70 прожили на свѣтѣ.

— Безъ двухъ семьдесятъ.

— Теперь, стало быть, вы полной хозяюшкой въ домѣ. Однимъ-то вамъ, небойсь, и трудненько...

— Да я и при тетушкѣ одна всѣмъ хозяйствомъ заправляла: мнѣ къ этому не привыкать стать...

— Позвольте спросить однако, вставилъ Бирюковъ, играя бронзовой цѣпочкой на своемъ жилетѣ: сколько у васъ всей земли?

— Десятинъ около полутораста, не считая неудобной и подъ живымъ урочищемъ...

— Такъ! Бирюковъ постучалъ ногою объ полъ: вамъ бы, Лизавета Петровна, знаете — что я посовѣтовалъ? Устроить здѣсь, вотъ противъ вашего дома, лавочку, или кабачекъ... То есть пошла бы торговля... великолѣпная... потому селеніе большое и частый проѣздъ...

— Да ужъ мнѣ сколько разъ говорили объ этомъ! подхватила хозяйка: дѣйствительно—кабакъ здѣсь выстроить превосходно... мѣсто бойкое! но мнѣ время не позволяетъ заниматься этимъ...

— Ужъ одно къ одному, Прохоръ Ильичъ, подхватилъ дворникъ: и кабакъ и лавку—все вмѣстѣ: оно ходчѣй-бы пошло... тутъ одни дворяне, къ примѣру, задавили-бы... Потому до городу далече—а кабакъ въ семи верстахъ. Теперь ежели купить для лавки много-много, всего-на̀всего, положимъ рублей на полтораста; вся тутъ и затѣя! Ситчику подешевле, чайку порасхожѣе, рыбки—остаточковъ, охвосточковъ...

— Это дѣйствительно: лавка и кабакъ здѣсь могли бы приносить хорошій доходъ; сказала хозяйка, приподнимаясь съ мѣста: господа! прикажите чаю?

— Очень вамъ благодаренъ, сказалъ Бирюковъ, глядя на часы: мы, признаться, изъ дома прямо отъ чаю выѣхали. Однако не пора-ли намъ?..

— Ну, водки не хотите-ли?

— Я не употребляю... Извините...

— А мнѣ, барышня, хотѣлось поговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ, сказалъ вдругъ дворникъ...

Бирюковъ раскланялся съ хозяйкой и вышелъ постоять въ сѣни.

— Вотъ, Лизавета Петровна, вполголоса началъ дворникъ, указывая рукой по направленію въ двери, за которой скрылся Прохоръ Ильичъ: изволили видѣть—человѣка?..

— Ну, что же? съ усмѣшкой спросила хозяйка.

— Нѣтъ, вы не смѣйтесь... Я вамъ добра желаю: человѣкъ, я вамъ скажу, хорошій, степенный, какъ красная дѣвица. Хозяинъ на рѣдкость, капиталецъ есть... Одно слово: дай Богъ часъ!

— Я васъ совсѣмъ не понимаю, краснѣя, проговорила дѣвушка.

— Чего-жъ тутъ не понимать? Обнаковенное дѣло—честнымъ пиркомъ да и за свадебку... Вамъ пора и пристроиться...

— Но вѣдь я его мало знаю...

— Его всѣ знаютъ! Спросите малаго ребенка и тотъ вамъ скажетъ, какой человѣкъ... вонъ какая статья! А ужъ хозяинъ—толковать нечего! Этакихъ хозяевъ, кажись, и на свѣтѣ нѣтъ... Слышали, какъ онъ давеча загнулъ на счетъ торговли-то? Въ ёмъ ума страсть! Вы одно возьмите въ разсчетъ: шестнадцать лѣтъ служитъ чиновникомъ; а дурака на службѣ станутъ ли держать съ этолько... дуракъ капиталу не наживетъ?

— А какъ великъ у него капиталъ?

— Тысченки три найдется... Да это что! Человѣкъ дорогъ! Вы только скажите: противенъ онъ вамъ?

— Нѣтъ... ничего...

— Ну, больше ничего и не надо... Позвольте какъ нибудь пріѣхать къ вамъ въ другой разъ...

Въ это время въ залъ торопливо вошла пожилая, испитая барыня въ черномъ платкѣ и старинной измятой шляпкѣ. Это была „Карасевская газета"—Акулина Савишна Кочкина.

— Я къ вамъ, Лизавета Петровна, цалуя хозяйку проговорила она: занимала у васъ коленкоръ... но не помню, черный или синій...

— До пріятнаго свиданія, отвѣшивая поклонъ сказалъ дворникъ и вышелъ.

— Ну, матушка, разсказывайте, кто это къ вамъ пріѣзжалъ? заговорила Кочкина, усаживаясь съ хозяйкой на диванѣ: признайтесь, кто этотъ мужчина, довольно интересный, котораго сейчасъ встрѣтила я въ передней?

— Это одинъ служащій...

— Знаю, знаю! Я отъ вашей Акулины уже слышала... Пріѣзжалъ свататься? Такъ? Что? Небойсь ужь подстрѣлилъ подъ лѣвое крылышко?

— Послушайте, Акулина Савишна, а вы его хорошо разсмотрѣли?

Весна. Ориг. рисунокъ Н. Каразина, грав. Пуцъ.

— Я не разсмотрю... Господь съ вами!..

— Ну, скажите по правдѣ, нравится вамъ?

— Ахъ, матушки мои! Этакой интересный мужчина да чтобы не нравился: настоящій пижончикъ!.,

Не прошло четверти часа, какъ въ домъ невѣсты начали стекаться всѣ сосѣдки—помѣщицы и ихъ дочери, благодаря извѣстію о пріѣздѣ жениха, распространенному „Карасевской газетой“.

Весной, на красную горку, Прохоръ Ильичъ и женился на Лизаветѣ Петровнѣ. Онъ бросилъ службу и навсегда переселился въ Карасевку, гдѣ немедленно приступилъ къ постройкѣ мелочной лавки и кабака.

Какъ и слѣдовало ожидать, Бирюковъ сдѣлался образцовымъ хозяиномъ. Съ ранняго утра до темной ночи на ногахъ. Въ лѣтнее время онъ слѣдилъ за полевыми работами: не дѣлаютъ-ли мужики „огрѣховъ“—во время пахапья, равномѣрно ли разбрасываютъ навозъ, чисто ли жнутъ и косятъ; не мало хлопотъ доставляли ему потрава хлѣба, неисполненіе рабочими извѣстныхъ условій найма, взыскиваніе съ крестьянъ долговъ и разбирательства съ ними у мировыхъ судей. Зимой Бирюковъ, занесенный съ головы до ногъ мякиной, неотлучно стоялъ въ ригѣ среди оглушительнаго гроханья барабановъ, крика рабочихъ и до того увлекался хозяйствомъ, что его жена принуждена была неоднократно обращаться къ нему съ приглашеніемъ идти домой обѣдать.—„Свой глазъ—алмазъ“—говорилъ онъ, „пельзя“!

Мелочная лавка и кабакъ въ короткое время успѣли привлечь къ себѣ массу покупателей, отъ которыхъ передъ наступленіемъ каждаго годового праздника буквально не было отбою, такъ что Прохоръ Ильичъ долженъ былъ самъ стоять за стойкой и отпускать товаръ, съ помощію двухъ приказчиковъ.

— Ты что берешь? спрашивалъ онъ мужика, стоявшаго позади толпы.

— Что стóитъ селедка?

— Положь-ко ее на мѣсто! Не твоимъ губамъ ѣсть... Она духовая... Эй! дайте ему попроще селедку...

— Прохоръ Ильичъ! почемъ хомутина?

— Какую возьмешь! Свиной — цѣна, кониной — другая... Не рой, не рой, тетка, серьги-то... за нихъ денежки плочены... Вы что тамъ забились? Подите кто нибудь за прилавокъ... чаю отвѣсьте...

— Батюшка, Прохоръ Ильичъ!.. будь отецъ родной: отпусти мучицы, другой день безъ хлѣба сидимъ... Осенью безпремѣнно отдамъ...

— Знаемъ мы васъ, голубчиковъ! Ты мнѣ что́ сказалъ, какъ я тебя просилъ паръ взметать?

— Ну, ей же Богу вспашу... вотъ какъ: двѣ подводы еще справлю, такъ ужь быть!..

— Слышишь, Панфилъ? Тебѣ за теленка приходится пять съ полтиной... вѣдь, небойсь, къ празднику то будешь что нибудь брать?

— Нѣтъ, Прохоръ Ильичъ... мнѣ подани надо заплатить...

— Чудакъ ты какой! Аль у тебя рукъ нѣтъ? У меня же заработаешь... Пожалуй, я тогда помогну тебѣ...

— Эхъ, была не была! такъ и быть—отпусти винца полведерки, стало быть... Солонинки фунтиковъ десятокъ... крупицъ...

— Деготьку, небойсь, надо, сольцы, мыла, папушки, керасину, добавлялъ Бирюковъ.

Иногда въ лавку приходила сама хозяйка.

— Ты что-жь смотришь, Прохоръ Ильичъ, на Платоновскихъ мужиковъ? говорила она: вѣдь отъ нихъ скоро житья не будетъ... лошадей своихъ опять запустили въ лугъ...

— Сказалъ, завтра ѣду къ мировому!..

— Ты только завтраками кормишь, а я изъ силъ выбилась: сейчасъ цѣлыхъ восемь лошадей загнала...

— Ну, ладно, ладно! Нельзя же мнѣ торговлю бросить...

Всѣ удивлялись и завидовали дѣламъ Бирюкова, говоря: „вотъ подижъ-ты! изъ грязи, да вышелъ въ князи... При своемъ дѣлѣ, значитъ“.

Н. Успенскій.

Численное равновѣсіе животныхъ въ борьбѣ за существованіе.

Статья Алекс. Фед. Брандта.

(Окончаніе).

Несомнѣнное увеличеніе непосредственно наблюдается у животныхъ *домашнихъ*; но и этотъ фактъ только повидимому противорѣчитъ закону общаго численннаго status quo въ борьбѣ за существованіе. Человѣкъ, по праву сильнаго, распоряжается остальнымъ животнымъ міромъ, безпощадно истребляетъ всѣхъ дикихъ животныхъ, однихъ потому, что они для него полезны, какъ пища или пушной товаръ, другихъ же напротивъ того, потому, что для него вредны; далѣе онъ не только ловитъ и убиваетъ животныхъ, но вырубкою лѣсовъ лишаетъ ихъ также естественныхъ условій жизни и возможности размноженія. Разводимыя человѣкомъ прирученныя животныя, не смотря на многочисленность породъ, не могутъ искупить всего разнообразія угасающихъ дикихъ видовъ и все болѣе и болѣе налагаютъ на природу печать безотраднаго однообразія. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что животныя прирученныя замѣщаютъ собою тѣ вакансіи или незанятыя мѣста, которыя образуются въ природѣ по мѣрѣ убыли дикихъ: одно и тоже пространство, находившееся до того времени подъ лѣсомъ и прокармливавшее оленей и кабановъ, будучи превращено въ лугъ, прокармливаетъ уже стада коровъ и овецъ. Далѣе и для домашнихъ животныхъ существуетъ своя численная норма, и норма эта опредѣляется главнымъ образомъ количествомъ кормовыхъ веществъ, вырабатываемыхъ сельскимъ хозяиномъ. Ради собственной же выгоды, человѣкъ всячески облегчаетъ этимъ животнымъ борьбу за существованіе, освобождаетъ ихъ отъ необходимости, особенно въ зимнее время, съ трудомъ пріискивать себѣ кормъ, охраняетъ ихъ отъ хищныхъ животныхъ, температурныхъ невзгодъ и болѣзней. Этимъ онъ поощряетъ ихъ плодовитость и вызываетъ увеличеніе числа головъ; но за то онъ же самъ вступаетъ въ права хищниковъ и разныхъ враждебныхъ размноженію условій, ибо для собственнаго прокормленія періодически истребляетъ весь избытокъ головъ. Такимъ образомъ число этихъ головъ постоянно балансируетъ около средней нормы, опредѣляемой, какъ я уже сказалъ, количествомъ кормовыхъ веществъ. Все это весьма просто и понятно. Законовъ природы человѣкъ, конечно, не въ состояніи измѣнить; онъ лишь можетъ придать проявленіямъ ихъ, такъ сказать, другую физіономію, другое направленіе, подобно тому какъ нельзя прекратить вполнѣ теченія рѣки, но возможно отвести ея воды въ другое русло.

Кромѣ животныхъ домашнихъ, человѣкъ печется, хотя и противъ собственной воли, о размноженіи и нѣкоторыхъ другихъ, какъ-то извѣстныхъ обитающихъ въ домахъ насѣкомыхъ, крысахъ, мышахъ и воробьяхъ Эти животныя повсюду слѣдуютъ за человѣкомъ, гдѣ бы онъ ни поселился, сопутствуя ему даже, конечно, за исключеніемъ воробьевъ, и въ далекихъ странствованіяхъ черезъ океаны. Эти истинные, непрошенные, *сотрапезники* человѣка пользуются не только его пищей, но и кровомъ; при чемъ одни только воробьи посильно отплачиваютъ за гостепріимство тѣмъ, что занимаются очисткою полей и садовъ отъ вредныхъ насѣкомыхъ. Относительно условій жизни для этихъ сотрапезниковъ человѣка слѣдовало бы повторить съ немногими измѣненіями тоже самое, что̀ только что сказано о домашнихъ животныхъ. Подобно послѣднимъ, и они находятъ заклятаго врага, укрощающаго ихъ стремленіе къ размноженію въ лицѣ того же своего невольнаго покровителя и нѣкоторыхъ его домочадцевъ, какъ-то кошекъ, собакъ-крысоловокъ, ежей. Впрочемъ, какъ конкурренты на одну и туже пищу, они и межъ собою ведутъ борьбу за существованіе; при чемъ порою не обходится и безъ кровавой расправы, особенно между различными мышиными и крысьими породами. Однако, все это уже слишкомъ извѣстно каждому: — почти что не стоило бы и упоминать.

Попытаемся теперь разобрать вопросъ о томъ, примѣнимы ли результаты, добытые нами для животныхъ вообще, къ высшему ихъ представителю—человѣку. Будучи щедро надѣленъ природою, если не превосходствомъ физической силы, за то ловкостью и умственными способностями, человѣкъ обращаетъ въ свою пользу дары природы и располагаетъ совершенно исключительными средствами для предохраненія себя отъ всевозможныхъ невзгодъ и опасностей; поэтому, казалось бы, численное увеличеніе его не должно встрѣчать существенныхъ преградъ. Однако, на повѣрку предположеніе это оказывается крайне ошибочнымъ.

Что народонаселеніе нашей планеты вообще возрастаетъ, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Такъ извѣстно, что народонаселеніе Сѣверо-американскихъ штатовъ удвоивается черезъ двадцатьпять лѣтъ. Опредѣляя численность этаго народонаселенія всего только въ тридцать милліоновъ, (его насчитывается по новѣйшимъ источникамъ уже около сорока), оказалось бы, что при указанномъ прогрессивномъ увеличеніи черезъ 657 лѣтъ народонаселеніе возрасло бы на столько, что вся поверхность земнаго шара, какъ суша, такъ и вода, могла бы быть уставлена людьми, при чемъ на каждый квадратный ярдъ, т. е. безъ малаго квадратный аршинъ, приходилось бы по четыре человѣка *). Не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ разсчетъ не даетъ вѣрнаго представленія ни о фактическомъ приращеніи, ни даже о плодовитости человѣка, ибо населеніе Соединенныхъ штатовъ по преимуществу наплывное, увеличивающееся на счетъ переселенцевъ; но такъ какъ эти переселенцы гдѣ нибудь да нарождаются, то изъ этого разсчета всетаки ясно стремленіе человѣка переполнить собою раньше или позже всю удобообитаемую землю.

Такимъ образомъ и человѣкъ не размножается пропорціонально средней своей плодовитости, а причины этого явленія какъ и въ животномъ мірѣ, кроются въ необходимости вести борьбу за существованіе, въ которой и онъ, не смотря на свое умственное превосходство, далеко не всегда остается побѣдителемъ.

Особеннымъ ожесточеніемъ отличается борьба, которая всюду и вездѣ ведется человѣкомъ съ себѣ подобными изъ за хлѣба насущнаго, конечно, не только въ смыслѣ пищи, но и крова, одѣянія и предметовъ роскоши, ставшими для него потребностью. Въ цивилизованномъ обществѣ, характеризующемся раздѣленіемъ труда между его членами, всѣ эти блага пріобрѣтаются большею частью не непосредственно, а въ силу соглашенія, выработаннаго практикою и узаконеніями, путемъ обмѣна на драгоцѣнные металлы или соотвѣтствующіе имъ знаки. Эти-то цѣнности и стараются перебивать другъ у друга большею частью взаимными услугами (вознагражденіе за трудъ), порою же и насильственнымъ, грубымъ или утонченнымъ захватомъ. Денежный знакъ, это новое, чуждое животнымъ, вставное звено общежитія, въ сущности нисколько не измѣняетъ борьбы за существованіе. Борьба эта лишь вливается въ нѣсколько иныя внѣшнія формы, превращаясь главнымъ образомъ въ стремленіе къ заработку и наживѣ: какъ причины, такъ и послѣдствія ея остаются одинаковыми. На этихъ то послѣдствіяхъ, на сколько они касаются вопроса о численномъ размноженіи людей я и позволю себѣ остановить вниманіе **).

Рабочій классъ,—говоритъ *Адамъ Смитъ* (Smith),—не можетъ добиться задѣльной платы выше того размѣра, котораго только что хватаетъ на пропитаніе рабочей семьи. Въ случаѣ, еслибъ плата стояла выше, то наступило бы размноженіе рабочаго населенія, „ибо всякая порода размножается пропорціонально средствамъ пропитанія"; но слѣдствіемъ усиленнаго размноженія въ свою очередь явилось бы увеличенное предложеніе рабочихъ рукъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пониженіе задѣльной платы ***). Въ случаѣ же еслибъ плата стояла ниже нормы, необходимой для пропитанія семьи, то рабочее населеніе, напротивъ того, должно бы было сократиться, „ибо ни одна порода не въ состояніи перешагнуть мѣры наличныхъ средствъ пропитанія"; сокращеніе же это должно бы совершиться чрезъ вымираніе. Борьба людей за удержаніе занимаемаго ими мѣста происходитъ во всѣхъ классахъ цивилизованнаго нашего общества, а въ низшемъ классѣ народонаселенія она ведется даже на жизнь и смерть.—Указанія на борьбу за существованіе, встрѣчающіяся у *Адама Смита* лишь по поводу ученія о задѣльной платѣ, становятся основною мыслью всего сочиненія *Мальтуса*. Въ сочиненіи этомъ, появившемся впервые въ 1798 году, уже все ученіе о народонаселеніи разсматривается съ соотвѣтственной точки зрѣнія. При всей простотѣ затронутаго нами соціальнаго вопроса, о немъ прежде высказывались иногда любопытныя сужденія. Возьмемъ, для примѣра, извѣстный фактъ сильной смертности въ раннихъ возрастахъ, при которой едва и половина всѣхъ рождающихся дѣтей достигаетъ двадцатилѣтняго возраста. Лѣтъ сто тому назадъ,—сообщаетъ *Кнаппъ*,—главный предшественникъ *Мальтуса*, берлинскій ученый *Зисмильхъ*, размышляя о причинѣ этаго страшнаго истребленія человѣческихъ существъ, пришелъ къ рѣшенію, что Богъ призываетъ къ себѣ столь рано половину всѣхъ рождающихся дѣтей, дабы коварный свѣтъ не помрачилъ ихъ разсудка. *Мальтусъ*, напротивъ того, выразился такъ: кого ближніе не въ состояніи прокормить, или же въ чьемъ трудѣ общество не нуждается, тотъ на землѣ излишенъ; природа отсылаетъ его обратно и сама же приводитъ въ исполненіе это свое приказаніе.—Значительная доля зла, кроющагося въ человѣческомъ обществѣ,—разсуждаетъ далѣе *Мальтусъ*,—сводится къ общему стремленію всѣхъ созданій размножиться за предѣлы наличныхъ средствъ пропитанія. Стремленіе же всѣхъ организмовъ къ размноженію до того сильно, что еслибъ существовалъ одинъ только укропъ, то вскорѣ вся земля была бы покрыта этимъ растеніемъ, или же еслибъ существовали одни только англичане, то и они вскорѣ наполнили бы собою землю. На дѣлѣ же, благодаря борьбѣ изъ за пищи, размноженію какъ растеній, такъ и животныхъ, положены опредѣленныя границы. Хотя человѣкъ, въ противоположность остальнымъ организмамъ, и въ состояніи взвѣшивать съ разумною предусмотрительностью послѣдствія своихъ начинаній, тѣмъ не менѣе слишкомъ часто не обращаетъ должнаго вниманія на предостереженіе не обзаводиться семьею раньше матеріальнаго ея обезпеченія. Результатомъ такаго размноженія племени, несообразнаго со средствами пропитанія, является дурной уходъ за семьею и смертность. Съ другой стороны, внемля этимъ предостереженіямъ и откладывая основаніе семьи, человѣкъ не достигаетъ своего природнаго назначенія. Гнетъ принужденія становится для него источникомъ страданій, къ тому же онъ легко дѣлается также жертвою еще большихъ злополучій, идущихъ по пятамъ порочной жизни.—Безграничное размноженіе народонаселенія тормозится разнообразными препятствіями. Препятствія эти отчасти, такъ сказать, предупредительныя отчасти же карательныя. Къ первымъ относятся какъ правила нравственности, ограничивающія естественные порывы человѣка, такъ и распущенность нравовъ, отчуждающая эти порывы отъ природной ихъ цѣли; ко вторымъ же относится все бѣдствіе, сопутствующее нуждѣ и влекущее за собою исцѣляющій процессъ смертности. Такъ наводитъ насъ *Мальтусъ* на слѣды борьбы за существованіе въ предѣлахъ человѣческаго общества, борьбы, являющейся результатомъ животной организаціи человѣка. Для читателей, предпочитающихъ, подобно ему самому, вычурное незатѣйливому, онъ присовокупилъ звучащія очень учено выраженія: народонаселеніе стремится размножиться въ геометрической прогрессіи, между тѣмъ какъ средства къ существованію возрастаютъ лишь въ прогрессіи ариѳметической, несогласіе угрожающее постоянно переполненіемъ страны жителями и всѣми послѣдствіями этого переполненія. Было бы нисколько незаслуженною честью для автора, если бъ кто захотѣлъ принять эти выраженія въ буквальномъ, математическомъ смыслѣ.

Замѣчательно, что разбираемый нами съ зоологической точки зрѣнія основный соціальный вопросъ отчасти уже занималъ знаменитыхъ философовъ древности *Платона и Аристотеля* *).

Познакомимся въ нѣсколькихъ словахъ съ основными ихъ воззрѣніями.

Въ переполненіи страны населеніемъ оба философа усматривали источникъ порчи нравовъ и правительственныхъ недуговъ; ибо при переполненіи трудно услѣдить за всей массой гражданъ, не возможно хорошее ихъ воспитаніе и образованіе, не возможенъ и строгій надзоръ за ними со стороны администраціи. Поэтому гражданъ не должно быть свыше того числа, которое потребно для самосохраненія государства. *Каждый изъ этихъ гражданъ долженъ бы имѣть свой земельный надѣлъ, достаточный для приличнаго его существованія. А для того, чтобы воспрепятствовать послѣдующему нарушенію этого первоначальнаго распредѣленія земли, оба философа требовали, какъ самый важный государственный законъ, ограниченія числа дѣтей. Число гражданъ въ благоустроенномъ государствѣ должно бы оставаться постоянно одинаковымъ. Весь нарождающійся излишекъ ихъ долженъ бы подлежать или умерщвленію или же выселенію въ колоніи.*

Обязательное дѣтоубійство, какъ одна изъ основъ „идеальнаго государства"! Не попраніе ли это современнаго христіанскаго представленія о первѣйшемъ правѣ каждой человѣческой личности, ея правѣ на существованіе? Конечно, да; однако, предстань передъ нами сама природа подъ видомъ разумнаго существа, она несомнѣнно заговорила бы тою же рѣчью, какъ и *Платонъ* съ *Аристотелемъ*. Каждому животному она опредѣлила извѣстный численный максимумъ особей, а весь постоянно нарождающійся громадный избытокъ безпощадно обрекаетъ на смерть. Такимъ то образомъ она испокон вѣка, съ самаго начала появленія на лицѣ земномъ организмовъ узаконила для нихъ мѣру, подобную той, которую предлагаютъ для человѣческой общины древніе философы.— Тутъ къ слову можно припомнить, что въ наше время дѣтоубійство явленіе очень обыкновенное въ странахъ, едва прокармливающихъ чрезмѣрно густое населеніе. Въ Японіи, какъ полагаютъ, дѣтоубійство поощрялось свыше, ради предупрежденія дальнѣйшаго приращенія жителей. Точно также и въ извѣстныхъ провинціяхъ Китая, гдѣ населеніе достигло крайняго предѣла, несоразмѣрнаго съ производительностью страны, умерщвленіе новорожденныхъ, особенно младенцевъ женскаго пола, не только весьма распространено, но и не считается предосудительнымъ. Этотъ печальный фактъ почти не требуетъ и объясненія: гдѣ на собственную плоть и кровь не подымается рука злосчастныхъ нищихъ родителей, тамъ сама природа путемъ голода, всякихъ лишеній и болѣзней произноситъ свой жестокій смертный приговоръ.

*) *Дарвина*. Происхожденіе человѣка и половой подборъ Гл. 4.

) **Knapp, G. F. Darwin und die Socialwissenschaften. Vortrag gehalten am 11 Januar 1872 in einem Verein für Studirende aller Facultäten zu Leipzig. Hildebrand's Jahrbücher für National-Oekonomie und Statistik 1872.

***) Положеніе это, будучи справедливо въ принципѣ, тѣмъ не менѣе не исключаетъ улучшенія быта многочисленныхъ рабочихъ на практикѣ.

*) **Teichmüller, G.** Ueber die Frauenemancipation. Dorpat 1877. с. 28.

Переходъ черезъ рѣку. Ориг. рисунокъ А. Кившенко, грав. Б. Пуцъ.

Охота съ гепардами на антилопъ. Рис. И. Бунгартъ, грав. О. Роттъ.

Поднебесная Имперія, правда, отличается отъ большинства другихъ странъ строгою замкнутостью, недопускающей свободнаго сношенія съ внѣшнимъ, пограничнымъ міромъ. Хотя въ послѣдніе годы и установился слабый токъ эмиграціи, по преимуществу въ Америку; но китайскіе выходцы, такъ называемые *кули*, попадаютъ большею частью въ рабство къ наглымъ эксплуататорамъ, а потому не могутъ существенно содѣйствовать приращенію Китайской націи. Совершенно иные результаты даетъ, конечно, эмиграція изъ другихъ, особенно западноевропейскихъ странъ: она является источникомъ продолжительнаго приращенія людей. Народонаселеніе, уже переполнившее собою какую бы то нибыло страну, можетъ быть уподоблено дереву, истощившему окружающую почву: дальнѣйшій ростъ его уже не возможенъ, но за то отводки, будучи пересажены на дѣвственную почву, въ короткое время разрастаются въ цѣлыя деревья.

Однако, и истощившее окружающую почву дерево можетъ пріобрѣсти новую силу роста, если запуститъ свои корни въ новый, непочатый еще слой почвы или же если въ почву эту вводятся извнѣ новыя питательныя вещества. Такъ и въ метрополіи, какъ бы она ни казалась населенной сверхъ мѣры при открытіи новыхъ источниковъ народнаго богатства, возможно и дальнѣйшее приращеніе жителей. Эти новые источники бываютъ столь разнообразны, что всѣхъ не перечтешь, и я назову лишь нѣкоторые изъ нихъ. Сюда относятся усовершенствованные способы обработки земли, при которыхъ возвышается производительность прежнихъ пашней, а также становится выгоднымъ воздѣлываніе иныхъ пустопорожнихъ пространствъ, считавшихся прежде вполнѣ неудобными. Далѣе сюда же относятся болѣе раціональные пріемы скотоводства, а еще въ большей мѣрѣ совершенно новыя отрасли промышленности, обусловливающія собою усиленный запросъ на рабочія руки. При повышеніи общаго благосостоянія страны, при накопленіи въ немъ большаго количества цѣнностей, даже недостатокъ въ необходимѣйшихъ предметахъ потребленія легко пополняется путемъ обмѣна съ другими странами, какъ это показываетъ примѣръ Великобританіи. Не стану рисовать этой картины подробнѣе уже потому, что не считаю себя компетентнымъ въ области политико-экономическихъ наукъ. Но вотъ другой вопросъ, нечуждый области зоологіи, хотя покуда еще вполнѣ гадательный: какая окончательная судьба ожидаетъ постоянно возрастающій человѣческій родъ? *Вѣчнымъ* пребываніе его на землѣ, вѣдь, считаться не можетъ уже потому, что и существованію нашей планеты когда нибудь, въ неизмѣримо далекомъ будущемъ, предстоитъ конецъ. Раньше наступленія этой катастрофы геологи пророчатъ такое состояніе земли, въ которомъ поверхность ея, подобно лунѣ, превратится въ безводную и безвоздушную пустыню, вслѣдствіе химическаго и механическаго поглощенія земною корою кислорода, углекислоты и воды. *) Въ этотъ періодъ времени существованіе не только человѣка, но и вообще какихъ бы то ни было организмовъ, не мыслимо. Однако, намъ нечего забѣгать такъ далеко впередъ за милліоны лѣтъ, въ грядущія геологическія эпохи. Будемъ придерживаться эпохи современной съ ея фауною. Такъ какъ уже многія первобытныя фауны съ постепенною послѣдовательностью смѣнили одна другую, то, судя по аналогіи, вполнѣ мыслимо, что и современной вмѣстѣ съ стоящемъ во главѣ ея высшимъ представителемъ Homo sapiens, по терминологіи *Линнея*, когда нибудь да суждено погибнуть. При этомъ возможно, что гибель эта подготовляется самимъ же человѣкомъ. Она могла бы наступить тогда, когда первоначальное естественное равновѣсіе между организмами будетъ нарушено человѣкомъ до того предѣла, что силъ природы не хватитъ для его возстановленія. Что станется съ человѣческимъ родомъ въ томъ, сравнительно съ геологическими періодами, недалекомъ будущемъ, когда народонаселеніе всѣхъ удобообитаемыхъ странъ нашей небольшой планеты достигнетъ такой же густоты, какой оно уже достигло въ наиболѣе заселенныхъ мѣстностяхъ современнаго Китая, или же дойдетъ до еще большихъ предѣловъ? Какой бы просторъ ни представлялся въ настоящее время колонизаціи, она тѣмъ не менѣе лишь мѣра палліативная, обезпечивающая размноженіе только до извѣстнаго срока, впредь еще на столѣтія и тысячелѣтія, но не на всегда. Точно также одно лишь палліативное значеніе, не болѣе, можетъ быть приписываемо и всякимъ усовершенствованіямъ въ области сельскаго хозяйства и промышленности, хотя бы они и дошли наконецъ до фабричнаго, искусственнаго приготовленія питательныхъ веществъ, о которомъ мечтаетъ современная химія; въ *отдаленнѣйшей* перспективѣ передъ воображеніемъ мыслителя все же мелькаютъ по четыре человѣка на каждый квадратный ярдъ земной поверхности и всѣ ужасы поголовной гибели человѣческаго рода. Катастрофа эта, очевидно, только и можетъ быть предупреждена заблаговременной установкой численной нормы, опредѣленнаго и неизмѣннаго комплекта народонаселенія. Отдаленные наши потомки вынуждены будутъ изыскать подходящія мѣры къ достиженію этаго численнаго равновѣсія. Прибѣгнутъ ли они при этомъ къ безчеловѣчному средству, предложенному древними философами и уже теперь отчасти практикуемому китайцами, или же къ тому времени физіологія научитъ людей по произволу регулировать число рожденій? Было бы весьма странно, еслибъ мы захотѣли вдаться тутъ ближе въ разборъ подобныхъ, болѣе чѣмъ темныхъ вопросовъ.

Борьба за существованіе, мы это видѣли, ведется животными главнѣйшимъ образомъ изъ-за пищи. Задавая себѣ вопросъ объ источникѣ пищи, мы легко убѣждаемся въ томъ, что всѣ безъ изъятія животныя заимствуютъ питательныя вещества кромѣ части воды и соли, изъ растительнаго царства. Дѣло въ томъ, что одни лишь растенія, силою своего организма, усвоиваютъ неорганическія вещества почвы и атмосферы и перерабатываютъ ихъ въ соединенія органическія. На счетъ этихъ то растительныхъ органическихъ соединеній и питаются всѣ животныя, одни (травоядныя) непосредственно, другія же (плотоядныя) косвенно. На самомъ дѣлѣ, левъ, пожирая газель, тѣмъ самымъ потребляетъ вещества, образовавшіяся изъ растительной пищи—травы и листьевъ, а хищная птица, поѣдая, положимъ, землеройку, точно также заимствуетъ пищу въ сущности изъ растительнаго царства: землеройка, правда, сама питается животною пищею, насѣкомыми, но зато послѣднія или прямо травоядны или кормятся другими, травоядными насѣкомыми. Какъ бы длиненъ ни былъ рядъ хищниковъ, поѣдающихъ по очереди другъ друга, всегда на низшей ступени восходящей лѣстницы животныхъ, по которой послѣдовательно странствуетъ органическое вещество, стоятъ животныя, питающіяся растительными веществами. Отсюда проистекаетъ, что *борьба между животными изъ за пропитанія ведется ради обладанія органическимъ веществомъ*, накопляемымъ растеніями.

Вещество это необходимо животнымъ прежде всего для поддержанія продолжающагося безпрерывно въ теченіи всей жизни частичнаго обновленія ихъ организма, а также какъ горючій матеріалъ для поддержанія необходимой температуры тѣла и совершенія механической работы. Накопляясь въ избыткѣ, это же вещество обусловливаетъ собою *ростъ*, съ одной стороны всего животнаго, а съ другой лишь извѣстныхъ его клѣточекъ, преобразовывающихся въ яйца или живыхъ дѣтенышей. Составляя первоначально неотъемлемую часть материнскаго организма, эти продукты размноженія впослѣдствіи выдѣляются, ведутъ самостоятельную жизнь и являются при этомъ уже новыми, самостоятельными центрами притяженія того же органическаго вещества. Такимъ образомъ *размноженіе животнаго есть ничто иное, какъ* (происходящій, конечно, въ борьбѣ за существованіе) *захватъ органическаго вещества* въ количествѣ, превышающемъ личныя потребности этого животнаго. Если это вѣрно, то размноженіе животныхъ въ борьбѣ за существованіе можетъ быть разсматриваемо какъ частный случай однаго изъ самыхъ основныхъ явленій природы—*круговорота вещества*.

Герметическій акварій представляетъ собою ничто иное, какъ сколокъ съ самой природы, міръ въ миніатюрѣ. На самомъ дѣлѣ, вся наша планета, вмѣстѣ съ ея сушею, водою и воздушной оболочкой составляетъ точно также замкнутое цѣлое, въ которомъ происходятъ рѣшительно тѣже самыя явленія круговороты вещества между организмами. Для того, чтобы сходство „мірка Либиха“ съ открытою природою бросалось еще болѣе въ глаза, вы можете усложнить его устройствомъ въ немъ островка съ сухопутными растеніями и животными.—Надъ герметическимъ акваріемъ легко сдѣлать рядъ опытовъ, разнообразя такъ или иначе его животное и растительное населеніе. Посадите, въ него, на примѣръ, пару прѣсноводныхъ улитокъ. При этомъ вы будете имѣть случай наблюдать за ихъ размноженіемъ. Улитки эти отложатъ на листахъ и стебляхъ растеній, а иногда и на стѣнкахъ акварія, продолговатыя, стекловидно-прозрачныя слизистыя массы, въ которыя какъ бы вкраплены многочисленныя очень мелкія яички. Сквозь стѣнки акварія, при помощи лупы, вы услѣдите за многими фазисами дальнѣйшаго развитія этихъ яичекъ; причемъ вниманіе невольно остановится на поразительномъ феноменѣ вращательныхъ движеній зародыша внутри яйцевой скорлупы и на самомъ вылупленіи молодыхъ улитокъ изъ яйца. Новорожденныя, крошечныя животныя кормятся первоначально тѣмъ слизистымъ комкомъ, которымъ материнскій организмъ обволакиваетъ яйца при ихъ кладкѣ. Нѣсколько позже эта пища ихъ уже болѣе не удовлетворяетъ и они расползываются по всему акварію, съ тѣмъ, чтобы приняться за объѣданіе растеній. По мѣрѣ роста молодыхъ улитокъ возрастаетъ и ихъ прожорливость, такъ что со дня на день захватывается ими все большее и большее количество выработаннаго растеніями органическаго вещества. Выдѣляемые улитками пометъ и углекислота, хотя и поощряютъ растенія къ усиленному росту, но ростъ этотъ не можетъ поспѣвать за возрастающими столь быстро потребностями улитокъ, которыя къ тому же не щадятъ листовыхъ почекъ и молодыхъ побѣговъ. Поэтому, по мѣрѣ увеличенія запроса улитокъ на пищу, количество растеній все уменьшается да уменьшается. Вскорѣ остающихся растеній уже становится недостаточно для разложенія всего количества углекислоты, выдѣляемаго улитками: газъ этотъ накопляется свыше надлежащей мѣры, а въ кислородѣ оказывается недостатокъ. Исходъ, предстоящій обитателямъ вашего акварія, опредѣлить теперь уже не трудно: чрезмѣрный

*) Zittel, K. Aus der Urzeit. Bilder aus der Schöpfungsgeschichte. München 1878. c. 18. (Составляетъ 8 томъ сборника Die Naturkrafte. Книга эта переведена на русскій языкъ проф. Иностранцевымъ.)

односторонній захватъ ими вещества и нарушеніе правильнаго его круговорота поведетъ къ гибели какъ самыхъ улитокъ, такъ и растеній: все это превратится въ гніющую массу. Но отъ васъ зависѣло спасти вашъ миніатюрный мірокъ. Стоило бы только во̀время предупредить чрезмѣрный захватъ размножающимися улитками вещества, помѣщеніемъ въ акваріи піявки или другаго враждебнаго улиткамъ животнаго. Этимъ новымъ конкуррентомъ на неизмѣнное количество органическаго вещества умѣрялось бы число улитокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и количество захватываемаго ими вещества. Цѣною многочисленныхъ жертвъ, не иначе, искупалось бы улитками существованіе не только ихъ собственнаго племени, но и всего мірка.—Явленія совершенно аналогичныя съ только что описанными разыгрываются и въ открытой природѣ. Потрудитесь тутъ припомнить сказанное мною въ началѣ статьи о чрезмѣрномъ развитіи вортицеллинъ въ обыкновенномъ комнатномъ акваріѣ и о послѣдствіи этаго развитія, припомните далѣе повѣствованіе мореплавателей о водвореніи сначала козъ, а потомъ собакъ на необитаемомъ островѣ. Изъ этихъ примѣровъ точно также проистекаетъ, что стремленіе животныхъ къ размноженію въ борьбѣ за существованіе сводится, очевидно, на стремленіе ихъ къ захвату органическаго вещества. Поочередный захватъ животными вещества ведетъ къ правильному его круговороту въ природѣ лишь при одномъ условіи, а именно при опредѣленномъ численномъ соотношеніи между различными конкуррентами на это вещество. Численное же равновѣсіе въ животномъ мірѣ, безъ котораго самое существованіе организмовъ было бы невозможно, регулируется борьбою за существованіе. Оно явленіе на столько же цѣлесообразное, какъ и роковое. Да послужитъ этотъ выводъ новымъ подтвержденіемъ той истины, что во всей природѣ отъ вѣка вѣковъ неразрывно между собою связаны: *цѣлесообразность* и *необходимость*.

Къ рисункамъ.

Выговоръ.

(Картина Лемоха).

Милое личико дѣвушки имѣетъ очень сконфуженный видъ. Она отвернулась въ сторону, грызетъ соломенку своими бѣлыми зубами и ужъ дѣлать нечего, не скроешь, начудесила и всѣ отговорки ни къ чему не повели. Вчера нарядилась въ новый сарафанъ, красный платочекъ, пошла въ хороводъ да очень ужъ далеко отбилась.... Старушка-мать видно очень строго ей выговариваетъ... Въ пѣснѣ говорится:

Я жила-была у матушки, любимое дитя,
Не пускала меня матушка и на улицу гулять.
Ужъ какъ хочется младешенькѣ въ зелены сады ходить!
Я ведерочки возьму сама по воду пойду....
Чѣмъ мнѣ по воду идти, лучше къ милому зайти;
Мой ли онъ кудрявый радъ—воротички отворялъ,
Воротички отворялъ за бѣлы руки принималъ....
Почерпнула какъ воды да раздумалася
Какъ домой-то мнѣ придти, какъ мнѣ матушкѣ сказать?
Скажу гуси прилетали, скажу сѣренькіе
Скажу воду сомущали, скажу свѣженькую.
Я стояла на рѣкѣ, на крутомъ берегу,
Все то я тамъ дожидалась—устоялась бы вода.
Батюшка родимый не повѣрилъ тому,
Матушка родная забранилась—припечалилася....

Не повѣрили ей и стоитъ она теперь, не знаетъ что ужъ и сказать, прислонилась тонкимъ, стройнымъ станомъ къ стѣнкѣ. Пришла раздѣлка.... отвѣтить пришлось....

Маленькая нянька.

(картина Корзухина).

Дѣти въ рабочей, крестьянской семьѣ рано начинаютъ быть полезны, даже необходимы. Въ такіе годы, когда мальчику богатой семьи едва ли еще не подвязываютъ салфетку на шею, когда, онъ даже и понятія не имѣетъ изъ чего дѣлается хлѣбъ, который онъ кушаетъ, крестьянскій мальчикъ уже бодро шагаетъ по кочкамъ голыми ножонками за бороной, ѣздитъ въ „ночное“ за лошадьми съ мальчиками постарше или нанимается пастушкомъ и съ длиннымъ кнутомъ въ рукѣ. съ вѣнкомъ полевыхъ цвѣтовъ на волосатой головенкѣ важно выступаетъ за коровами, рядомъ съ вѣрнымъ, лохматымъ псомъ, который понуривъ голову, высунувъ красный языкъ—взглядываетъ съ выраженіемъ привязанности на своего маленькаго товарища и тихонько помахиваетъ хвостомъ.

Стоитъ въ рабочее страдное время, когда большіе въ полѣ или на сѣнокосахъ—стоитъ войти въ пустую деревню, чтобы увидѣть копающихся въ пескѣ и соломѣ крошекъ, около которыхъ сидятъ дѣвчоночки не многимъ ихъ постарше и наблюдаютъ за братишками и сестренками, которые ихъ такъ и зовутъ „няня.“ Отгоняютъ „няни“ собаку или козла, которые подходятъ близко и тѣмъ пугаютъ крошекъ, иногда няни стремительно схватываютъ съ дороги этихъ крошекъ поперегъ тѣла, приводя ихъ въ самое неудобное въ свѣтѣ положеніе, и съ усиліемъ тащутъ—когда черезъ деревню, гремя бубенцами и колоколомъ, протащится усталая ямская пара, съ спящимъ на ситцевой подушкѣ, въ соломѣ телѣги судебнымъ слѣдователемъ. Иногда въ лѣсу на тропинкѣ вы встрѣтите маленькую умницу-дѣвочку уже съ серьезнымъ и озабоченнымъ какимъ то выраженіемъ въ дѣтскомъ личикѣ, которая тащитъ кувшины и чашки съ обѣдомъ на дальнюю, лѣсную пожню отцу и матери. Нашъ художникъ именно изобразилъ „маленькую няньку.“ Жаркій день и всѣ ушли изъ дому и она осталась одна и работаетъ и качаетъ своего маленькаго братишку.

Духи весны.

(къ рисунку Н. Каразина).

Въ свѣжей зелени весенней
Запестрѣлися цвѣты,
Ярко съ неба голубаго,
Смотритъ солнце съ высоты.

Все обсыпано цвѣтами
И деревья и поля —
Словно дышетъ полной грудью
Обновленная земля.

Не повѣрить, что недавно
Здѣсь же, средь лѣсовъ, долинъ,
Лишь мятели грозно пѣли
Да крутился снѣгъ одинъ....

Тучки носятся воздушны
Какъ предъутренніе сны,
Занорхали межъ цвѣтами
Духи свѣтлые весны.

Мчатся маленькіе духи,
Паутинкой гнѣзда вьютъ,
Сонъ цвѣтовъ они лелѣютъ,
Росу утреннюю пьютъ.

И алѣе пышутъ розы,
Ярче въ полѣ васильки
И несется въ жаркій полдень
Ароматъ сильнѣй съ рѣки.

А когда луна восходитъ,
Средь тѣней и тишины,
Духи радостно играютъ
Въ свѣтѣ трепетномъ луны.

Красный макъ для нихъ пылаетъ,
Мальвы томно вслѣдъ глядятъ,
И красавицы ночныя
Отряхаютъ свой нарядъ.

Легкій паръ съ рѣки несется,
Озаренъ насквозь луной,
И купаются въ туманахъ
Духи рѣзвою толпой.

И неслышной жизнью ночи
Весь живетъ онъ, темный садъ—
Быстро съ грезами и снами
Духи рѣзвые летятъ...

Н. Б—въ.

Переходъ черезъ рѣку.

(рисунокъ Кившенко).

Только что снѣга растаютъ и вода сбѣжитъ съ горъ, какъ непомѣрно вздувается и наша маленькая рѣчка и кичливо несетъ свои волны между высокими берегами, отражая въ себѣ частыя селенія и высокія церкви. Тяжелые паромы, скрипя въ уключинахъ и шумно хлопая своими толстыми, плетеными изъ прутьевъ, канатами по водѣ, то и дѣло перетаскиваютъ со стороны на сторону тяжелые воза, забрызганные грязью тарантасы и усталыя взмыленныя тройки, которыя такъ жадно припадаютъ къ ведрамъ, когда ямщики, пользуясь пріостановкой, обливаютъ разогрѣвшіяся оси, горячія головы коней и поятъ коней вволю. На берегу между тѣмъ набираются новые обозы и новые проѣзжіе, которые въ ожиданіи перевоза, нѣтъ нѣтъ да и поддержутъ весьма бойкую коммерцію высокаго, съ синей вывѣской, постоялаго двора съ распивочной. Вечера такіе сырые еще и холодные, что поневолѣ пропустить стаканъ обозчикъ или побалуется чайкомъ. Лодки такъ и снуютъ съ берега до берега. Но не долго такъ бурлитъ и величается наша рѣчка. Вода опадаетъ быстро. Въ маѣ паромъ все меньше и меньше задѣваетъ полосу рѣки, наконецъ совсѣмъ останавливается и вытягивается на песокъ. Переѣзжаютъ на этомъ мѣстѣ въ бродъ, дѣлаютъ мостки, а когда дѣло къ іюлю, то и мостки разнимаются на разныя надобности и люди переходятъ просто съ камня на камни, которыми усѣяно дно рѣчки въ большомъ изобиліи. И слѣдовъ нѣтъ прежней грозной быстрины. Бѣлоголовые мальчуганы нацѣпили булавокъ на шнурки и мирно удятъ мелкую плотву, глядясь въ быструю, чистую воду, въ которой рѣзво и бойко, изрѣдка поблескивая на жаркомъ солнцѣ серебристыми спинками плаваетъ рыба, плескаясь и пуская мелкіе, тонкіе круги по водѣ.

Охота съ гепардами въ Индіи.

Гепарды или охотничьи леопарды по своей физической организаціи представляютъ нѣчто среднее между семействомъ кошекъ и собакъ и потому имъ очень правильно присвоено латинское названіе Cynailurus, т. е. собака-кошка. Смѣшанные признаки обѣихъ породъ замѣчаются у нихъ и въ формѣ головы, хвоста и лапъ, и въ устройствѣ зубовъ и въ образованіи мѣха, фонъ котораго у гепарда свѣтло-желтый съ разбросанными по немъ черными и бурыми пятнами. Длина его туловища равняется обыкновенно 3-мъ футамъ, а длина хвоста 2-мъ дюймамъ. Гепардъ водится въ Азіи и въ Африкѣ; въ Азіи онъ называется чита или титшахъ (Cynailurus jubatus), а въ Африкѣ у арабовъ фаххадъ (Cynailurus guttatus).

Общее выраженіе у гепарда кошачье но въ глазахъ его можно подмѣтить собачье добродушіе, которое и оказывается при ближайшемъ съ нимъ ознакомленіи. Пойманный въ тенета и лишенный природной свободы, гепардъ скоро привыкаетъ къ человѣку и неволя бываетъ для него, какъ кажется, не слишкомъ тягостна, такъ какъ привязанный самой тонкой бичевкой, онъ никогда не подумаетъ перервать ее и убѣжать въ свои родныя степи. Пища гепардовъ, живущихъ на свободѣ, состоитъ главнымъ образомъ изъ газелей и антилопъ и гепардъ, какъ чисто степное животное, вынужденъ добывать себѣ пищу не столько силой сколько ловкостью и проворствомъ. Гепардъ бѣгаетъ не быстро и устаетъ очень скоро а потому поймать антилопу на бѣгу ему рѣшительно невозможно, но за то онъ быстро овладѣваетъ ею, пуская въ дѣло свою врожденную хитрость и лукавство. Такая врожденная способность гепарда къ охотѣ за антилопами была издавна подмѣчена туземцами, которые ею и воспользовались. Теперь во всей Остъ-Индіи гепардъ дрессируется для охоты и считается прекраснымъ помощникомъ. Персидскимъ шахамъ въ старину привозили гепардовъ изъ Аравіи и они держали ихъ въ особыхъ помѣщеніяхъ вмѣстѣ съ своими охотничьими собаками. Іосифъ Барборо видѣлъ еще въ 1474 г. у одного армянскаго князька сто гепардовъ, употреблявшихся для охоты, у индійскихъ властителей гепарды всегда составляли необходимую принадлежность ихъ охотничьей свиты.

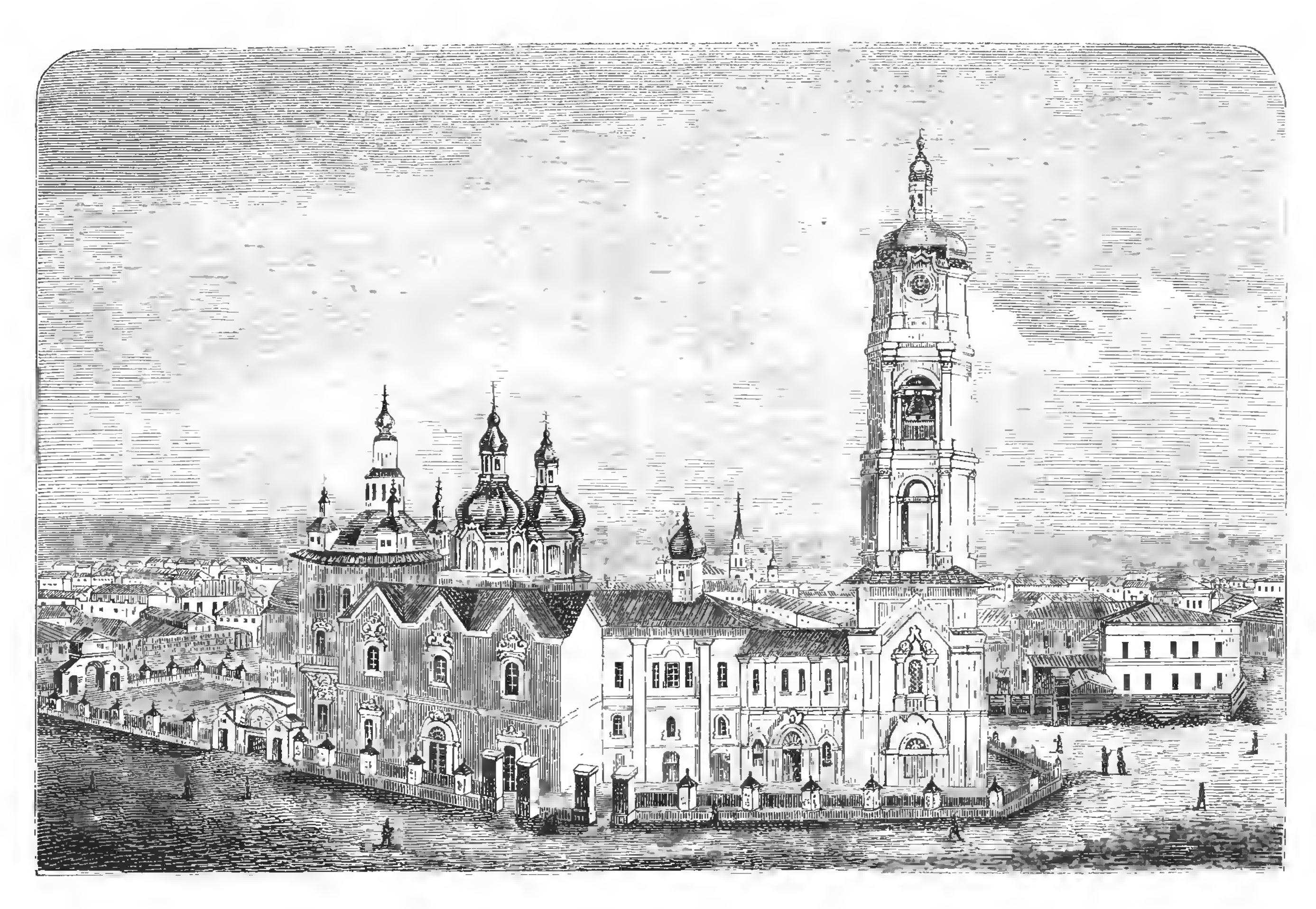
Отправляясь съ гепардомъ на охоту, надѣваютъ на него кожаный колпакъ, закрывающій ему глаза и сажаютъ его на легкую двухколесную повозку или позади себя на лошадь. Затѣмъ доѣхавъ до мѣстности, гдѣ обыкновенно водятся антилопы, охотники стараются подъѣхать къ ихъ стаду какъ можно ближе. Тогда вожаки стаскиваютъ гепарда съ повозки, снимаютъ съ него колпакъ и жестами и тихими одобреніями стараются обратить его вниманіе на близкую добычу. (Этотъ моментъ охоты и изображенъ на нашемъ рисункѣ.) Въ гепардѣ тотчасъ же просыпаются его природные инстинкты; непримѣтно и неслышно подкрадывается онъ къ стаду и въ нѣсколько мгновеній овладѣваетъ избранной жертвой. Тогда вожаки подбѣгаютъ къ нему, отгоняютъ его отъ плавающей въ крови антилопы и надѣваютъ на него снова колпакъ, давъ ему за всѣ труды чашку крови и кусокъ мяса. Антилопу тутъ же дорѣзываютъ, потрошатъ и общество отправляется далѣе на поиски новой добычи.

Городъ Ирбитъ.

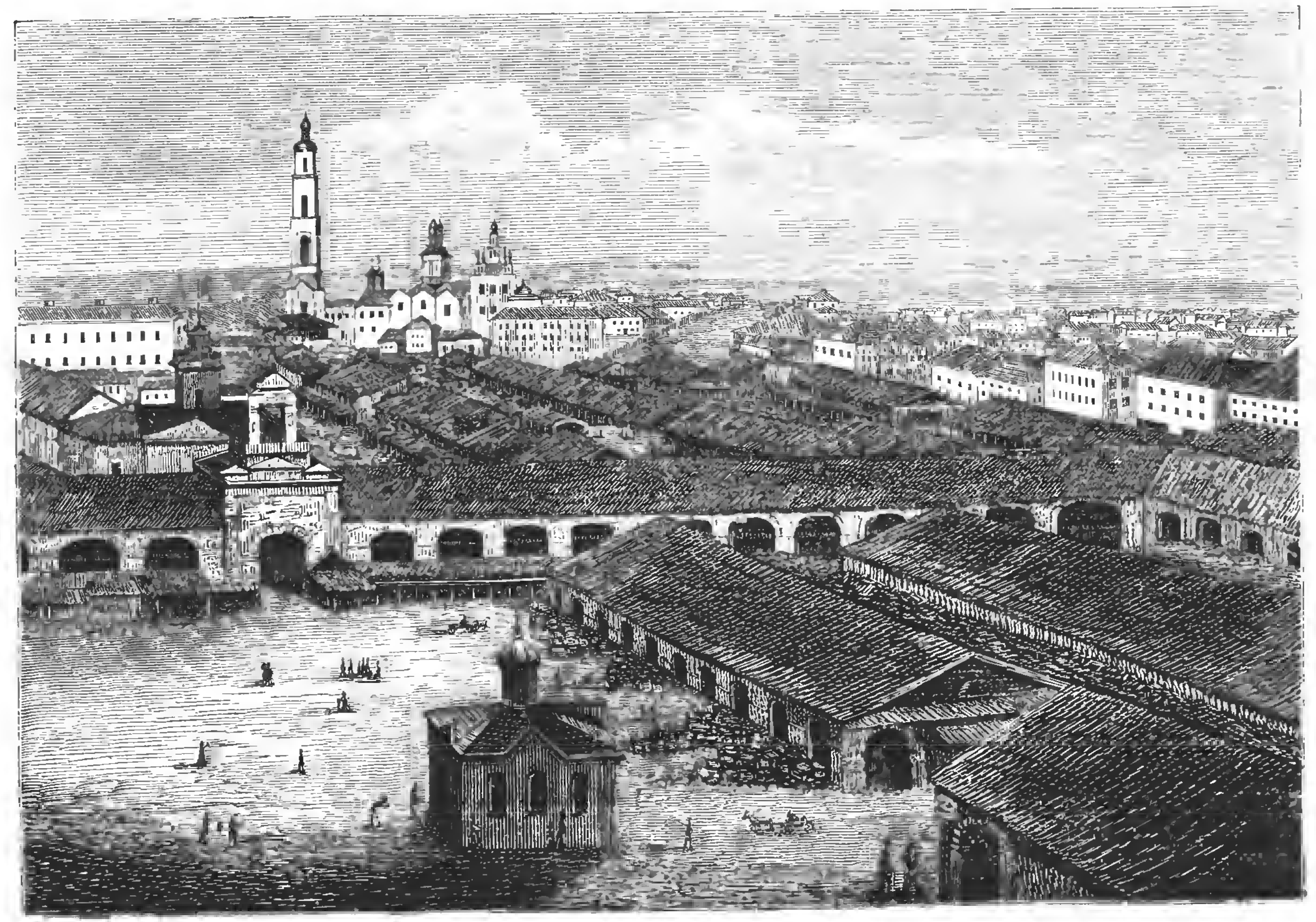
Нынѣшняя весна ознаменовывается для насъ страшными общественными бѣдствіями: пожаръ слѣдуетъ за пожаромъ и огонь безпощадно обращаетъ въ пепелъ цѣлые города; города значительные и богатые, имѣющі е громадную будущность торговую или промышленную. Такъ обращенъ въ пепелъ Оренбургъ, Ирбитъ и Уральскъ. Особенно уничтоженіе пожаромъ Ирбита, должно чувствительно отозваться на нашей сибирской торговлѣ, такъ какъ Ирбитъ уже болѣе 200 лѣтъ сохраняетъ въ ней важное значеніе и оказываетъ громадное вліяніе на торговыя дѣла не только Россіи и Сибири, но и значительной части Азіи и даже Европы. Такое вліяніе Ирбита давно упрочилось и укрѣпилось совершенно самостоятельно разными благопріятными этому условіями не смотря на то, что это вліяніе очень не нравилось другимъ сибирскимъ городамъ и даже такіе администраторы какими были Щербатовъ и Сперанскій задумывали не разъ перенести ирбитскую ярмарку на болѣе удобное мѣсто и предлагали для этой цѣли: одинъ Екатеринбургъ, а другой Тюмень. Но не смотря на всѣ эти проэкты Ирбитъ удержалъ за собою ярмарку, такъ какъ его быстрое развитіе и огромные совершаемые здѣсь торговые обороты краснорѣчивѣе всѣхъ проэктовъ убѣждали правительство, что ярмарка была дѣйствительно на мѣстѣ. Вообще вся историческая судьба этого отдаленнаго городка очень любопытна такъ какъ представляетъ собою примѣръ совершенно самостоятельнаго развитія торговаго центра безъ всякаго посторонняго вмѣшательства и помощи. Конечно такому обстоятельству главнымъ образомъ способствовало географическое положеніе Ирбита.

Ирбитъ лежитъ въ восточной части Пермской губерніи въ 150 верстахъ отъ европейской границы и въ 603 отъ Перми, при рѣкахъ Ирбитѣ и Имцѣ. Мѣстность Ирбита становится извѣстною еще въ первой половинѣ XVII вѣка когда на берегахъ Имцы жили татары. Въ 1628 году здѣсь открыли первую желѣзную руду и это важное открытіе дало новую жизнь этому до той поры пустынному краю. Вѣроятно, около этого же времени началось здѣсь поселеніе русскихъ крестьянъ, а около 1635 года Ирбитъ уже составлялъ правильную слободу состоявшую изъ 33-хъ семей. Существуетъ преданіе, что еще за долго до утвержденія ярмарки на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ стоитъ нынѣ городъ существовалъ торговый съѣздъ (по татарски ирыбъ) на которомъ происходила мѣна различныхъ произведеній между татарами и финскими народностями прикамскаго края. Это слово „ирыбъ", какъ утверждаютъ дало названіе слободѣ, а впослѣдствіи и городу. Мало по малу мѣстный торжокъ преобразовался въ ярмарку до того значительную, что Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, видя въ ней средство сближенія съ Сибирью, указомъ около 1643 года далъ ей нѣкоторыя льготы, а въ 1687 г. въ царствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичей она получила окончательное утвержденіе правительства. Со второй же половины 17-го вѣка Ирбитская ярмарка стала главнымъ мѣстомъ закупки хлѣба и вообще всѣхъ товаровъ привозимыхъ въ Сибирь. Кромѣ сибирскихъ и бухарскихъ товаровъ сюда стали доставлять и китайскіе для вывоза въ Россію. Столь быстрому развитію здѣшней торговли способствовало во первыхъ то, что какъ самый Ирбитъ такъ и сосѣднія селенія были окружены еще дѣвственными дремучими лѣсами, богатыми разнаго рода пушнымъ звѣремъ и особенно соболями. Кромѣ того Ирбитская слобода находилась на половинѣ перваго русскаго—сибирскаго торговаго пути, что давало русскому купечеству возможность вести торговлю не вдаваясь въ глубь Сибири и не тратя для того лишняго времени и лишнихъ денегъ. Первое поселеніе Ирбитской слободы, по примѣру прочихъ сибирскихъ поселеній было окружено палисадомъ съ двумя воротами изъ которыхъ одни были со стороны верхотурской, а другіе со стороны Тобольской дороги. Ворота эти ночью запирались, а впослѣдствіи когда ярмарка получила достаточное развитіе, то при нихъ находилась днемъ и ночью особенная стража для собиранія установленной пошлины съ провозимыхъ товаровъ. Мѣра эта конечно была вызвана не напрасно; торговля на ярмаркѣ принимала громадные размѣры и пріѣздъ сюда купцовъ съ каждымъ годомъ увеличивался. Такъ Академикъ Гмелинъ, посѣтившій ярмарку въ 1734 году описываетъ ее уже какъ замѣчательную по многолюдству и оживленности. „При самомъ въѣздѣ въ слободу, говоритъ онъ, уже можно было видѣть, что тутъ должно происходить нѣчто необыкновенное; улицы до такой степени были полны народомъ, лошадьми, санями и всякаго рода товарами, что едва можно было проѣхать; вездѣ шумъ, движенье; это были предвѣстники наступающей ярмарки". Появленіе шаекъ Пугачева взволновало весь Ирбитскій край: во многихъ селеніяхъ испуганные жители встрѣчали свирѣпаго самозванца съ хлѣбомъ, солю и колокольнымъ звономъ, но населеніе Ирбита осталось вѣрнымъ законному порядку и рѣшилось защищать свою жизнь и собственность до послѣдней капли крови. Счастье благопріятствовало храбрымъ ирбитцамъ и имъ удалось не только отстоять свою слободу, но освободить и сосѣднія, уже захваченныя мятежниками. По усмиреніи Пугачевщины Государыня достойно вознаградила заслуги Ирбитцевъ и именнымъ указомъ 3-го февраля 1775 г. слобода Ирбитъ была утверждена городомъ, который и вошелъ въ 1781 г. въ число уѣздныхъ городовъ учрежденной тогда Пермской губерніи. Юный городъ, благодаря покровительству и милостямъ императрицы, быстро росъ, развивался и обстраивался. Съ сороковыхъ годовъ, съ развитіемъ въ Сибири частной золотопромышленности, Ирбитская ярмарка стала давать еще болѣе блистательные результаты. Такъ въ 1869 г. цифра ярмарочнаго оборота равнялась 37,524,000, а въ 1877 она достигла уже 46,212,900 руб. Нынѣ Ирбитская ярмарка бываетъ ежегодно съ 1-го февраля по 1-е марта и трудно себѣ представить, какъ этотъ мѣсяцъ преобразовываетъ всю жизнь тихаго, отдаленнаго городка: въ это время Ирбитъ принимаетъ видъ настоящаго муравейника; вездѣ шумъ и движеніе; пустые дома быстро наполняются жильцами, гостинницы кишатъ торговымъ людомъ, является очень приличный театръ, а въ ярмарочномъ пассажѣ ежедневно гремитъ музыка и толпятся массы народа. Пріѣзжіе купцы, занимаясь своими торговыми дѣлами и оборотами иногда вспоминаютъ и объ обогащающемъ ихъ городкѣ и поднимаютъ вопросы объ его благоустройствѣ и украшеніи; такъ въ 1875 году въ средѣ купечества возникла мысль о сооруженіи въ Ирбитѣ памятника Императрицѣ Екатеринѣ II, столь много способствовавшей развитію созданнаго ею городка. Это предложеніе было принято единогласно; закладка совершилась въ томъ же году, но почему замедлилось дальнѣйшее выполненіе этого проекта — неизвѣстно. Въ учебныхъ заведеніяхъ нѣтъ недостатка въ Ирбитѣ и кромѣ того при одномъ изъ нихъ находится очень порядочная библіотека, доступная длѣ всѣхъ желающихъ ею пользоваться. Вообще во всѣхъ посѣщавшихъ Ирбитъ до послѣдняго пожара, онъ оставлялъ очень пріятное впечатлѣніе чистенькаго, дѣятельнаго городка и вотъ всѣ надежды на его дальнѣйшее преуспѣяніе погребены теперь подъ пепломъ и подъ обгорѣвшими развалинами. Лишь одна ярмарка можетъ обновить Ирбитъ и только его громадное торговое значеніе можетъ сохранить его отъ полнѣйшаго упадка и запустѣнія.

(Продолженіе на стр. 417, 418, 419 и 420.)

Пожаръ въ Ирбитѣ. Богоявленскій соборъ въ Ирбитѣ. Съ фотогр. грав. Э. Шмидтъ.

Пожаръ въ Ирбитѣ. Гостинный дворъ и главныя части города. Съ фотогр. грав. Э. Шмидтъ.

Политическое обозрѣніе.

Ожиданіе пріѣзда князя въ Болгарію.—Англичане въ Африкѣ.—Затрудненія въ Индіи.—О Панамскомъ каналѣ.

Для Болгаріи, мало по малу, наступаетъ уже время нормальнаго существованія организованнаго государства. Изъ Софіи сообщаютъ, что тамъ теперь заняты организаціей почетнаго конвоя для князя Александра I. Какъ слышно, конвой этотъ будетъ состоять изъ пятидесяти всадниковъ,—нѣчто въ родѣ лейбъ-гвардіи князя, и пятидесяти человѣкъ пѣхоты, которые будутъ нести караульную службу во дворцѣ. Такъ какъ прибытія князя ожидаютъ въ концѣ мая, то окончаніемъ этого дѣла очень спѣшатъ. Другое дѣло, озабочивающее мѣстную администрацію и столь же неотложное, какъ и первое, это—устройство подходящей резиденціи для князя. Предполагается выстроить дворецъ, который, по возможности, удовлетворялъ бы требованіямъ князя. На сооруженіе этаго дворца назначено пока 250 тысячъ франковъ и начаты переговоры съ однимъ берлинскимъ архитекторомъ, которому, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ поручена постройка зданія. Но, какъ постройку эту не возможно окончить раньше 1880 года, то рѣшено возвести на соборной площади временный дворецъ, къ сооруженію котораго уже приступлено. Само собою разумѣется, что вопросъ объ образованіи министерства, согласно съ требованіями конституціи, можетъ быть разрѣшенъ только по прибытіи князя. Это не мѣшаетъ, однако же, наиболѣе выдающимся членамъ распущеннаго національнаго собранія заниматься заблаговременно этимъ вопросомъ и по рукамъ ходятъ уже различные списки министровъ. Въ томъ спискѣ, который, какъ полагаютъ, имѣетъ наиболѣе вѣроятія быть принятымъ княземъ, стоятъ имена Балабанова, Цанкова, Экономова, Петрова и Иващенко. По свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Константинополя, князь Лобановъ-Ростовскій уже озаботился разрѣшеніемъ вопроса объ этикетѣ, всегда играющемъ важную роль при пріемѣ вассаловъ въ Константинополѣ. Князь Александръ, согласно съ стариннымъ обычаемъ, которому подчинялись, въ свое время, князья Милошъ, Михаилъ и Миланъ сербскіе, а также и Карлъ румынскій, отправится въ столицу Турціи, чтобы лично получить изъ рукъ султана бератъ, утверждающій его на княжескомъ престолѣ. Такъ какъ вассалъ не можетъ явиться предъ султаномъ въ мундирѣ иностранной арміи, а между тѣмъ новый болгарскій князь едва ли пожелаетъ надѣть турецкій мундиръ, то рѣшено, что *князь болгарскій явится на первую аудіенцію въ Ильдизъ-кіоскъ въ статской одеждѣ европейскаго покрои, но въ фескѣ*. Такимъ образомъ всѣ щекотливые вопросы будутъ разрѣшены удовлетворительно для обѣихъ сторонъ.

Въ Правительственномъ Вѣстникѣ напечатана слѣдующая депеша изъ Ливадіи отъ 4-го мая: сегодня, въ 11 часовъ утра, прибывшая вчера вечеромъ болгарская депутація вручила князю болгарскому актъ его избранія на болгарскій княжескій престолъ. Въ 12 часовъ Его Свѣтлость, во главѣ депутаціи, былъ принятъ Государемъ Императоромъ и при этомъ обратился къ Его Величеству съ слѣдующими словами на французскомъ языкѣ: „Принявъ отъ представителей болгарскаго народа актъ моего избранія, считаю первою священною обязанностью, во главѣ болгарской депутаціи, принести благодарность Вашему Императорскому Величеству, какъ освободителю нашего народа,“ члены депутаціи были приглашены къ Высочайшему обѣденному столу и предъ тѣмъ имѣли счастіе быть представленными Государынѣ Императрицѣ. Болгарскую депутацію составляютъ слѣдующія лица: митрополитъ Варно-преславскій Симеонъ, бывшій филиппопольскій вице-губернаторъ Бурмовъ, докторъ Каракаловскій, предсѣдатель апелляціоннаго суда въ Софіи Стоиловъ, виддинскій землевладѣлецъ Гатчу-Цаковъ и мулла изъ Шумлы, Хаджи-эфенди. 6-го мая князь болгарскій выѣхалъ за границу.

Событія на мысѣ Доброй Надежды подвигаются медленно. Нынѣ было двинувшіеся впередъ британскіе вожди теперь сдѣлались чрезвычайно осторожны; вмѣсто того, чтобы идти, какъ прежде, четырьмя слабыми колоннами, армія ихъ наступаетъ тремя сильными отрядами. Генералъ Криллокъ двигается отъ Нижней Туджелы съ 500 чел. кавалеріи, 6-ю пѣхотными полками, 2-мя тысячами туземцевъ и 14-ю пушками; въ то же время генералъ Ньюджетъ направляется отъ Верхней Туджелы съ конной бригадой, подъ начальствомъ генерала Маршаля, съ 4-мя пѣхотными полками и 16-ю пушками. Пирсонъ, который также какъ и Вудъ, произведенъ въ генералы, получилъ подкрѣпленіе изъ 500 ч. кавалеріи, двухъ пѣхотныхъ полковъ и 6 пушекъ. Въ виду сосредоточенія на берегахъ Туджелы столь значительныхъ силъ, вигн начинаютъ высказывать желаніе видѣть скорое заключеніе мира и уже раздумываются вопросы объ условіяхъ, которыя британское правительство считаетъ возможнымъ предложить съ своей стороны. Согласно сдѣланному недавно лордомъ Кадагономъ въ парламентѣ сообщенію, сэру Бартль-Фрэру посланы, на всякій случай, инструкціи, предписывающіе ему *не требовать территоріальныхъ уступокъ*. Предписаніе это, однако, повидимому, условно и, весьма возможно, что уступка будетъ потребована; депеша, посланная изъ министерства колоній, говоритъ слѣдующее: „Вамъ въ особенности, вмѣняется въ обязанность имѣть въ виду, что правительство ея величества не одобритъ дальнѣйшаго расширенія его отвѣтственности въ Южной Африкѣ, *безъ специальнаго его на то разрѣшенія* и что оно желаетъ возможно скорѣйшаго окончанія происходящихъ въ настоящее время военныхъ дѣйствій, насколько то совмѣстно съ безопасностью колоній и съ честью нашего оружія въ зулусскомъ вопросѣ.“

Мы думаемъ, что „специальныя разрѣшенія правительства ея величества“ на подобные предметы даются безъ особыхъ затрудненій, не смотря на все его „нежеланіе“ расширеній!.. Недавно опубликованная депеша лорда Чельмсфорда бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на тѣ трудности, съ которыми приходилось бороться британской арміи. Чельмсфордъ высчитываетъ, что въ каждый дневной переходъ никакъ нельзя сдѣлать болѣе 11-ти британскихъ миль, при этомъ, войскамъ приходится двигаться безъ палатокъ и единственнымъ прикрытіемъ на ночь имъ служатъ шерстяныя одѣяла. Что же касается численности арміи зулусовъ, то въ началѣ войны ея предполагали около 40 тысячъ человѣкъ. Потери ихъ убитыми высчитываютъ въ слѣдующихъ размѣрахъ: въ сраженіи при Рорксъ-Дрефосѣ—1,200 ч., при Цэндуэлѣ—2,500 ч., при Генiезане—450 ч., при Кэмбулкѣ—500 ч., при Гингиловѣ—1,200 ч., т. е., въ общей сложности—5,750 ч., умершихъ отъ болѣзней и отъ ранъ, то цифра эта достигаетъ 650 ч., такимъ образомъ согласно британскимъ вычисленіямъ, армія Сетевайо равняется въ настоящее время 33-мъ тысячамъ съ небольшимъ. Едва-ли, однако, этотъ разсчетъ правиленъ, такъ какъ есть указанія, что зулусскій король началъ свою оборонительную войну съ арміей численностью до 70-ти тысячъ человѣкъ.

Лорду Биконсфильду приходится сосредоточивать значительное количество войскъ еще и въ другомъ пунктѣ. Мы уже говорили о разладѣ съ Бирмой. Нынѣ изъ Калькутты сообщаютъ, что король бирманскій обнаруживаетъ рѣшительное намѣреніе прервать отношенія съ Британіей; агенты его разсѣяны по всей британской Бирманіи, гдѣ они, всѣми мѣрами, стараются возмутить населеніе. Въ Рангунѣ эммисары ходили по городу и при звукахъ тамтама возвѣщали, что всѣ подданные короля Шеэбана должны возвратиться въ Верхнюю Бирманію, иначе многочисленныя бѣдствія разразятся надъ ихъ семействами. Словамъ этимъ придаютъ тотъ смыслъ, что монархъ „бѣлаго слона“ обезглавитъ родственниковъ всѣхъ тѣхъ, кто не возвратится въ его государство. Король, въ своей прокламаціи, объявляетъ, что заплатитъ за проѣздъ каждаго бирманца, возвращающагося въ Мандалай. Говорятъ, что прокламація подѣйствовала—пароходы, поднимающіеся по Иррадвади, изъ Рангуна въ Мандалай, переполнены пассажирами-бирманцами. Индійское правительство держится оборонительнаго положенія, заявивъ, что будетъ уважать бирманскую независимость до тѣхъ поръ, пока король бирманскій будетъ уважать „британскія права на Нижнюю Бирманію“. Въ ожиданіи грядущихъ событій, на бирманскихъ границахъ продолжаютъ группировать войска. Двѣ большія военныя станціи, Тоэтміо, на западѣ Иравадди, и Тунго, на востокъ отъ Ситтанга, поставлены на военное положеніе и, сверхъ того, войска разставлены во всѣхъ пунктахъ, гдѣ можно ожидать возстаній въ случаѣ войны съ Бирманіей.

Въ Парижѣ открылись, подъ предсѣдательствомъ Лессепса, засѣданія международной конференціи, собравшейся для составленія проекта прорытія Панамскаго перешейка и проведенія тамъ канала между двумя океанами.

Рѣшеніе шашечной задачи № 7.

Бѣлыя.	Черныя.
съ 4 на 7	съ 25 на 4
„ 16 „ 20	„ 23 „ 16
„ 31 „ 22	„ 26 „ 19
„ 24 „ 15	„ 19 „ 12
„ 13 „ 10	„ 5 „ 14
„ 6 „ 11	„ 14 „ 7
„ 17 „ 21	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи получены: Спб., отъ гг.: Ф. Геннингъ, А. Сабаева, Г. Курикова, Г. Сыр—ва, В. Бросоловича, В. Перминова, Раструбова, С. Строганова, П. Зан, А. Мамырева, В. Игнатьева, А. Нельгренъ, Шустова, П. Ц., Лашева, Т. Колчиной; Москва, отъ гг: А. Кирилова, И. Васильева. И. Орлова, А. Арсеньева, В. Гульшина, В. Звавина, Савѣлева, Петрова.

Рѣшеніе шахматной задачи № 11.

Бѣлыя.	Черныя.
1) B 3 — B 6	1) D 4 — D 5
2) B 6 — D 6 †	2) D 5 — E 4
3) A 3 — F 3 †	3) E 5 — F 3
4) E 2 — D 3 ††	

Рѣшеніе ребуса въ № 16 „Нивы.“

Личикомъ гладокъ, да дѣлами гадокъ.

Рѣшеніе задачи ходъ короля въ № 15 «Нивы».

Прости! Не номни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья,—
Не номни бурь, не номни слезъ,
Не номни ревности угрозъ!
Но дни, когда любви свѣтило
Надъ нами ласково всходило
И бодро мы свершали путь—
Благослови и не забудь!

Н. Некрасовъ.

Вѣрное рѣшеніе этой задачи получено: **Спб.** отъ Гг. В. П. Якн., Н. Варламова, А. Базарова, К. Лінина, П. Ц., Лашева, Герстфельда, Н. Бутягина, Базарова; **Москва:** отъ г. Зѣвакина, Юрасова, Свѣткова, Елина, Ханъ-Агова.

Рѣшеніе алгебраической задачи въ № 19 „Нивы".

Гарнизонъ состоялъ изъ 1,800 чел. и каждый получалъ 2½ фунта хлѣба.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи получены: С.-Петербургъ, отъ гг.: Збоева, П. Ц., Я. Ф., А. Орлова, А. Д—на, Зборовскаго, К. Семенова, Н. Бутягина, А. Устинова; **Москва,** отъ гг.: Зевина, В. Зѣвакина, Н. Полева, Румянцева, Елина.

Вновь поступило въ пользу погорѣвшихъ г. Оренбурга:

Отъ А. С. въ Парвѣ 2 р. Т. А. 10 р. Кн. Н. И. Мышецкой 5 р.—Итого 17 р., а всего съ прежде поступившими 94 р.

Заявленіе.

Контора журнала „Нива" покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые внесли деньги только за **первое полугодіе,** поторопиться возобновленіемъ подписки на **второе полугодіе.**— Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг подписчики потеряютъ право на полученіе премій, слѣдуемыхъ гг. годовымъ подписчикамъ.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СКЛАДЪ
ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ

ГЕРМАНЪ ГЕССЕ,

С.-ПЕТЕРБУРГЪ Большая Садовая, № 16, уголъ Толмазова переулка.

Новѣйшая патентованная семейная машина . . . . 55 руб
Эта машина съ замыкающимся ящикомъ . . . . 60 руб.
Съ ручнымъ и ножнымъ ходомъ. . . . . . . 65 руб.
Ручныя машины: Германія: Руб. 25.—Со всѣми аппар.: Руб. 28.—Преціоза: Руб. 32.—Саксонія Руб. 35.—Саксонія Регія: Руб. 38 и пр.
Богатѣйшій выборъ машинъ для бѣлошвеекъ и всѣхъ ремесленныхъ занятій. Прейсъ-Куранты безплатно.

ручательство на нѣсколько лѣтъ.

Заказы гг. иногородныхъ исполняются скоро и въ точности и взимается за каждую тысячу верстъ разстоянія отъ СПБ. 2 р. 50 к., за ножныя машины и за ручныя по почтѣ 2 руб. № 127 2—2

Складъ машинныхъ принадлежностей всѣхъ системъ.

КУССИНО-КАСТОРОВОЕ МАСЛО.

вѣрнѣйшее средство отъ ленточной глисты, приготовляетъ спеціально аптека магистра фармаціи Карпинскаго въ Варшавѣ Электоральная ул., № 35 Цѣна одного пріема, съ объясненіемъ употребленія 3. рубля, съ пересылкою по почтѣ 3 рубля 50 к.

В. Карпинскій.

СКЛАДЪ ЧЕШСКАГО ХРУСТАЛЯ
ГРАФА ГАРРАХА.

С.-Петербургъ, Большая Морская, № 36.

рекомендуетъ **ШАРЫ** для садовъ,

разныхъ цвѣтовъ и величинъ по **чрезвычайно** дешевымъ цѣнамъ. Также дешевую хрустальную посуду для дачъ.

Вновь получены **ИРИСЪ СТАНЬКИ-ВАНЬКИ** съ русскими поговорками въ громадномъ выборѣ.

№ 118. СОХРАНЕНІЕ 3—3

ПРОТИВЪ МОЛИ.

Единственное радикальное средство сохранить шубы и прочія мѣховыя и шерстяныя вещи противъ моли, есть нами вновь изобрѣтенные герметическіе резиновые мѣшки. Продаются по рѣшительнымъ умѣреннымъ цѣнамъ въ

СКЛАДѢ РЕЗИНОВЫХЪ ТОВАРОВЪ,

ТОВАРИЩЕСТВА РУССКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНУФАКТУРЫ
КОНСТАНТИНА МАЛЬМА,
Большая Морская, д. № 36.
Возлѣ магазина Штанге. По воскресеньямъ складъ закрытъ.

ПЧЕЛОВОДСТВО—САМОУЧИТЕЛЬ.

Свящ. Тул. губ., Ефремовскаго уѣзда, с. Лобанова Ал. Ив. Успенскаго.

Новая книга, писанная тою рукою, какая слишкомъ 30 лѣтъ работала на пчельникѣ. Рекомендуется для школъ, въ видахъ распространенія упавшаго у насъ знанія водить пчелъ, самымъ дешевымъ, простымъ и выгоднымъ способомъ, въ крестьянскомъ быту.—Цѣна 40 к. книги у автора. Для школъ на 10 экз. 10% скидки. При выпискѣ 1 кн. прилагаютъ 4 к. марки. № 151—1.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ
КАРЛЪ БАУХЪ.

БОЛЬШАЯ МОРСКАЯ д. МАЛАХОВА. № 17.

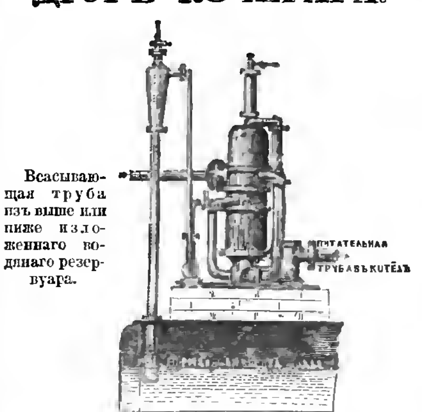
Пломбированіе, вставленіе зубовъ и цѣлыхъ челюстей по самой новѣйшей методѣ.
№ 151 1—1

ВЛАДѢЛЬЦАМЪ
ПАРОВЫХЪ КОТЛОВЪ

доставляю патентованный автоматическій аппаратъ „ДРУГЪ КОЧЕГАРА" для питанія паровыхъ котловъ водою.

№ 152 (ПАТЕНТЪ ЯГНА). 3—1

ДРУГЪ КОЧЕГАРА.

съ ручательствомъ превосходнѣйшаго дѣйствія при значительной экономіи топлива, равномѣрнаго давленія пара, сбереженіи паровиковъ, предостереженіе отъ взрыва паровика и т. д. Благодаря усовершенствованіямъ, автоматическій аппаратъ дѣйствуетъ при затруднительнѣйшихъ условіяхъ и можетъ быть установленъ **одинъ аппаратъ для единовременнаго питанія нѣсколькихъ паровиковъ** какъ это свидѣтельствуютъ различные гг. заводчики, у которыхъ эти аппараты уже установлены нѣсколько времени.

С. Г. Конфельдъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
большая Московская № 6.

Prospectus über
KURERFOLGE
nach **Loh-Steinbacher' scher Naturheilmethode versende** nebst Badeschrift. gratis.
№ 150 **Dr. Loh. Wilhelmsbad-Cannstatt,** Deutschland. 2—1

Гостиница Hôtel d'Angleterre въ Берлинѣ.

Давно извѣстное заведеніе, мѣстоположеніе отличное, самыя умѣренныя цѣны. № 125 20—3

НОВѢЙШІЯ МОЛОТИЛКИ
по системѣ **ВЕЙЛА,**
СЪ ЧИСТИЛЬЩИКОМЪ И БЕЗЪ ОНАГО.
дешевле всѣхъ прежнихъ конструкцій.

Одноконныя до 4-хъ конныхъ и ручныя съ новѣйшими значительными улучшеніями, предлагаетъ на нынѣшній сезонъ по **чрезвычайно дешевымъ цѣнамъ** и на самыхъ выгодныхъ условіяхъ платежа.
Доставка франкирована на всякую станцію желѣзныхъ дорогъ.
Ищутъ агентовъ. Торговцамъ дѣлаютъ уступки.

Морицъ Вейлъ младш. Машинно-строительный заводчикъ въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

Первый вводитель штифтовой молотилки.

Moriz Weil jun. Maschin.-Fabrikant Frankfurt a M, Heiligkreuzg. 12. 14,
№ 30 16 & 16a Landwirthschafts-Vereinshalle. 10—4

С-Петербургская Химическая Лабораторія удостоена на Парижской Всемірной
№ 149 **Выставкѣ 1878 года большой серебряной медали.** 1—1

УКРѢПИТЕЛЬНЫЯ СРЕДСТВА ДЛЯ ВОЛОСЪ.
съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія

ХИННАЯ вода, флаконъ 60 к. помада 30 и 60 коп. | **ТОНИЧЕСКАЯ** вода, флаконъ 60 коп. помада 50 коп.

Филодоръ, для уничтоженія перхоти, флак. 50 коп.

Предостереженіе противъ подражаній,

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи и копирующія наружный видъ произведеній ея.

Обращать вниманіе при покупкѣ на точность фирмы:

«С.-Петербургская Химическая Лабораторія».

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ: 1) **Невскій проспектъ,** домъ Католической церкви № 32. 2) **Невскій проспектъ,** у Аничкина моста д. № 66. 3) **Вознесенскій проспектъ,** уголъ Казанской улицы, д. Шредера № 18—54.
Кромѣ вышеозначенныхъ магазиновъ, **всѣ прочіе,** имѣющіе **вывѣски** сходные съ вывѣскою С.-Петерб. Химич. Лабораторіи, **не принадлежатъ ей.**

X годъ | годъ X

№ 22 | 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40).

Выданъ 28 Мая 1879 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Сергѣй Васильевичъ Максимовъ.

Помѣщая портретъ нашего путешественника по Россіи и этнографа С. В. Максимова, пользуемся здѣсь случаемъ сказать о немъ нѣсколько подробнѣе, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ свѣденій объ немъ не появлялось въ нашей печати.

С. В. родился въ 1831 году въ Костромской губ. въ посадѣ Парфентьевѣ (Кологривскаго уѣзда), гдѣ отецъ его былъ почтмейстеромъ. Учиться началъ въ народномъ посадскомъ училищѣ. Въ 1850 г. поступилъ въ Московскій университетъ, откуда черезъ два года перешелъ въ петербургскую медико-хирургическую академію. Тутъ онъ попробовалъ, въ подспорье къ скуднымъ средствамъ существованія, заняться литературой, избравъ темою для работъ картины изъ крестьянскаго и мѣщанскаго быта, памятныя съ дѣтскихъ лѣтъ во время житья въ отдаленномъ и глухомъ лѣсномъ городкѣ, замѣчательномъ впрочемъ тѣмъ, что окольные жители—народъ преимущественно занятый отхожими промыслами разнородныхъ видовъ и весьма

С. В. Максимовъ. Рис. Бухбиндеръ, грав. Б. Пузъ.

предпріимчивый. Очерки эти, изъ которыхъ первый (какъ и всѣ послѣдующіе—этнографическаго характера) появился въ 1854 году,—печатались въ библіотекѣ для чтенія. Четвертый изъ нихъ обратилъ на себя вниманіе И. С. Тургенева, который пригласилъ юношу, очень обласкалъ и своимъ обычно-теплымъ и ласковымъ привѣтомъ поощрилъ на столько, что тотъ рѣшился продолжать. Лѣтомъ 1855 года молодой авторъ успѣлъ на собственныя средства походить пѣшкомъ по губерніи Владимірской, по всѣмъ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ живутъ извѣстные богомазы и офени, выдти на Волгу и въ Нижній для ознакомленія тѣмъ же путемъ близкихъ сношеній съ народомъ, на ярмаркѣ, и пробраться въ трущобы Вятской губерніи. Результаты этихъ походовъ и поѣздокъ напечатаны въ видѣ очерковъ въ Библіотекѣ для Чтенія и изданы уже гораздо позднѣе (въ 1871 году) отдѣльнымъ изданіемъ въ двухъ томахъ съ заглавіемъ „Лѣсная глушь".

Морское Министерство

въ 1855 году задумало снарядить экспедицію на русскія моря и важнѣйшія рѣки для изученія быта прирѣчныхъ и приморскихъ жителей и для того были приглашены: для описанія Волги — А. Н. Островскій, А. А. Потѣхинъ и А. Ф. Писемскій, для описанія Днѣпра и Днѣстра—А. С. Афанасьевъ-Чужбинскій, Дона—Филиповъ и Урала—М. Л. Михайловъ. С. В. предложили поѣздку на Бѣлое море, но онъ имѣлъ возможность, сверхъ програмы, сдѣлать поѣздку на Ледовитый океанъ и на рѣку Печору. Это было въ 1856 году, въ слѣдующемъ онъ началъ печатать отчеты въ видѣ очерковъ, по обязательству, въ Морскомъ Сборникѣ, и затѣмъ отчасти въ Библіотекѣ для Чтенія и въ начавшемся тогда новомъ журналѣ „Сынъ Отечества.“ Очерки эти составили два тома, которые подъ общимъ заглавіемъ „Годъ на сѣверѣ“ изданы были Д. Е. Кожанчиковымъ въ 1859 году. Въ 1861 году, по представленію отдѣленія этнографіи, удостоено это географическимъ обществомъ малой золотой медали; въ 1865 г. авторъ издалъ это сочиненіе вторымъ изданіемъ, а въ 1871 г.—третьимъ. Въ 1865 же году авторъ имѣлъ возможность издать новое свое сочиненіе „На Востокѣ,“ вышедшее вторымъ изданіемъ въ 1871 году вмѣстѣ съ другимъ и новымъ сочиненіемъ въ трехъ томахъ „Сибирь и Каторга.“ Оба послѣднія сочиненія были результатомъ поѣздокъ и наблюденій автора на вновь пріобрѣтенномъ Амурѣ и на старыхъ мѣстахъ ссыльныхъ сибирскихъ поселеній и каторги. На эти работы ушло два года и произведены они на суммы также морскаго министерства, въ органѣ котораго они первоначально и печатались, исключая „Сибири и Каторги“, что по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ не могло быть напечатано своевременно въ Морскомъ Сборникѣ и явиться въ печати ранѣе 1869 года, сначала въ Вѣстникѣ Европы („Несчастные“), потомъ въ Отечественныхъ Запискахъ („Виноватые и Обвиненные“).

Еще до поѣздки въ Сибирь, авторъ успѣлъ посѣтить пять черноземныхъ губерній для изученія быта исключительно земледѣльцевъ.

По возвращеніи изъ Сибири Морское Министерство устроило третью командировку для изученія природы и жителей прибрежьевъ Каспійскаго моря и рѣки Урала, въ которую С. В. и отправился въ 1862 году. Значительная половина этихъ наблюденій напечатана въ Русскомъ Словѣ и Отечественныхъ Запискахъ (въ послѣдствіи въ журналѣ „Семья и Школа“), такъ какъ въ то время, когда изготовлялись авторомъ отчетныя статьи, неоффиціальный литературный отдѣлъ въ Морскомъ Сборникѣ былъ уничтоженъ. Въ настоящее время эти работы приготовляетъ авторъ для отдѣльнаго изданія.

Въ 1865 году Товарищество Общественной Пользы, задумавшее изданіе книгъ и брошюръ для чтенія народа на пожертвованныя суммы, пригласило С. В. въ редакторы. Не смотря на трудность исполненія, за отсутствіемъ руководящихъ пріемовъ почина, удалось издать около восемнадцати брошюръ, въ числѣ которыхъ половина принадлежитъ редактору и многіе выдержали по нѣсколько изданій (О Русской землѣ, О русскихъ людяхъ, Дремучіе лѣса, Русскія степи, Русскія горы и кавказскіе горцы, и проч.). Позднѣе авторъ продолжалъ эти работы въ томъ же направленіи на публичныхъ чтеніяхъ для народа по приглашенію коммиссій: военно-учебныхъ заведеній (Соляного городка) и постоянной (Министерства Народнаго Просвѣщенія).

Въ 1868 году, географическое общество, снарядившее эспедицію въ западный край, избрало С. В. въ члены ея, назначивъ для изслѣдованія сѣверо-западный край и ограничивъ изслѣдованія этнографической стороны быта бѣлоруссовъ и опредѣленія границъ этаго малоизвѣстнаго и забытаго племени восточныхъ славянъ. С. В. успѣлъ въ эту послѣднюю свою поѣздку произвести наблюденія въ 7-ми губерніяхъ (Псковской, Смоленской, Могилевской, Витебской, Виленской, Гродненской и Минской), и часть изслѣдованій помѣстить въ сборникѣ „Древняя и Новая Россія.“ Нѣкоторыя наблюденія вошли отчасти въ новое задуманное авторомъ обширное сочиненіе, которому придалъ онъ заглавіе „Бродячая Русь“ и первая часть котораго („Бродячая Русь Христа ради“) сначала помѣщавшаяся въ Отечеств. Запискахъ вышла отдѣльнымъ большимъ томомъ въ 1877 году. Въ настоящее время авторъ занятъ обработкою статей, приготовленіемъ описаній и разсказовъ для новаго роскошно-иллюстрированнаго изданія М. О. Вольфа „Живописная Россія.“

„Забытое слово.“

Разсказъ Г. Шталя.

I.

Было уже за полночь. Изъ широко раскрытыхъ, освѣщенныхъ оконъ палаццо слышались веселые звуки танцовальной музыки. Подхваченные тихимъ ночнымъ вѣтеркомъ, эти звуки неслись далѣе, внизъ, къ спокойной зеркальной поверхности Генуэзскаго залива. Хороша была эта теплая южная ночь, пропитанная благоуханіемъ магноліи и померанца! Неподвижно стояло все вокругъ, залитое мягкимъ луннымъ свѣтомъ, разсыпавшимся серебристыми искорками въ каскадѣ фонтана, бившаго на террасѣ дворца, и въ струистыхъ теченіяхъ широко раскинувшагося залива, а на верху, какъ сказочный замокъ, выступалъ на фонѣ темной зелени, итальянскій палаццо, съ своей галлереей, уставленной мраморными статуями. Сквозь окна виднѣлось внутреннее убранство дворца, въ староитальянскомъ вкусѣ. Нѣжный рисунокъ росписныхъ плафоновъ гармонировалъ съ золоченой бронзой, съ темными картинами въ богатыхъ рамахъ, ярко блестѣвшихъ при освѣщеніи восковыхъ свѣчей, которыя горѣли въ изящныхъ хрустальныхъ венеціанскихъ люстрахъ. По временамъ мелькали танцующія пары, ихъ смѣняли отдыхающія; эти подходили къ открытымъ окнамъ и жадно вдыхали ароматическій ночной воздухъ.

Отъ величественнаго портала палаццо, прямо къ морю, спускалась, уступами, широкая мраморная лѣстница.

Во дворцѣ все было въ движеніи; здѣсь же, въ саду— полное безмолвіе. Но, вотъ у фонтана показался кто-то. То былъ молодой человѣкъ въ бальномъ костюмѣ. Не смотря на статское платье, въ немъ можно было сразу узнать военнаго, на что, впрочемъ, указывала и бутоньерка фрака. Бѣлокурые волосы на головѣ и бородѣ, благородство правильныхъ чертъ прекраснаго лица говорили о венеціанскомъ происхожденіи незнакомца. Онъ казался въ сильно возбужденномъ состояніи и, повидимому, не могъ сдерживать волновавшаго его чувства, которое вырывалось наружу въ отрывистыхъ, страстныхъ фразахъ.

— Джэнъ, шепталъ онъ, Джэнъ!.. Я только что смотрѣлъ въ эти чудные, влажные глаза... Они говорили мнѣ, что любятъ меня... я вижу, я знаю, что ты любишь меня, Джэнъ!“...

За нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, онъ носился съ красавицей по заламъ замка, подъ звуки увлекательнаго вальса... Оба забыли все окружающее, оба, въ этотъ чудный мигъ, принадлежали другъ другу... Онъ успѣлъ шепнуть ей краткую мольбу—подарить ему одну, одну минуту свиданія, теперь, сейчасъ же, въ этомъ саду, залитомъ голубымъ сіяніемъ...

Развѣ онъ могъ думать о комъ нибудь другомъ, видѣть что либо иное, кромѣ нея?.. А между тѣмъ, за нимъ слѣдили.

Въ углу залы стояла небольшая группа—три человѣка. Взгляды всѣхъ троихъ были направлены, съ однимъ и тѣмъ же выраженіемъ явной непріязни, прямо, въ упоръ, на нашего героя. Одинъ изъ глядѣвшихъ—членъ знатной генуэзской фамиліи—былъ извѣстенъ въ обществѣ какъ претендентъ на руку красавицы Джэнъ Тейлоръ; рядомъ съ нимъ—банкиръ и консулъ, у котораго служилъ нашъ герой, молодой отставной офицеръ Евгеній Фарини. Банкира очень безпокоило и сердило, что его кассиръ ухаживалъ за красивѣйшей дѣвушкой Генуи и, очевидно, пользовался ея вниманіемъ; въ головѣ дѣльца непріятно перепутывалось что-то объ ухаживающихъ кассирахъ и кассахъ... Третьимъ въ группѣ былъ товарищъ Евгенія по конторѣ; блѣдное лицо его выражало злобу и ненависть. Онъ завидовалъ Фарини; онъ желалъ быть на его мѣстѣ...

И вотъ, теперь далеко были отъ Евгенія и балъ, и золоченыя залы, и веселая, праздничная толпа. Онъ стоялъ и ждалъ въ тишинѣ теплой, свѣтлой ночи... Вскорѣ, на ступеняхъ лѣстницы показался легкій, бѣлый обликъ дѣвушки. Лунный свѣтъ упалъ прямо на нее и,

будто, выхватилъ изъ тѣни граціозный образъ. Евгеній бросился къ ней.

Кто съумѣетъ передать несравненныя, упоительныя минуты первой любви!..

На слѣдующее утро работа шла обыденнымъ порядкомъ въ банкирской конторѣ. Палаццо, въ которомъ помѣщался банкъ, было однимъ изъ грандіознѣйшихъ зданій города. У роскошнаго подъѣзда важно расхаживалъ швейцаръ, въ яркомъ костюмѣ, съ широкой перевязью чрезъ плечо, въ трехъугольной шляпѣ и съ большой булавой въ рукахъ. Сквозь широко открытыя ворота двора виднѣлся садъ, куда выходили ряды оконъ пріемныхъ залъ и канцеляріи. Изъ первой залы, богато раззолоченой и покрытой бронзой, дверь вела въ большую, просторную комнату. Здѣсь собралась большая группа молодежи. Молодые люди сошлись сюда, повидимому, не для занятій, а скорѣе, для праздной болтовни, судя по оживленному разговору, приправленному выразительной, итальянской жестикуляціей. Впрочемъ, говорили не очень громко, потому что по обѣ стороны залы были рабочіе кабинеты начальствующихъ лицъ. Въ первомъ помѣщался главный кассиръ — нашъ вчерашній знакомый, Евгеній Фарини; въ его комнатѣ, около бюро, стояла монументальная, артистической работы, кованаго желѣза, касса.

Въ это утро занятія не шли въ голову молодому человѣку. По его блѣдному лицу и какому-то глубоко-сосредоточенному выраженію глазъ было видно, что мысли его далеки отсюда. Рѣзкій контрастъ представляла аристократическая, благородная фигура Фарини съ конторской обстановкой, окружавшей его, съ самымъ характеромъ занятій, къ которымъ онъ былъ прикованъ необходимостью. Евгеній только недавно поступилъ въ контору, куда спустился изъ другой сферы. Прежде онъ служилъ во флотѣ. Хорошее происхожденіе и протекція обезпечивали ему блестящую карьеру, но, къ несчастію, во время блокады одной приморской крѣпости, онъ былъ раненъ, пулю нельзя было вынуть и ему пришлось отказаться отъ военной службы. Онъ, однако, не тотчасъ снялъ мундиръ, такъ какъ пришлось, въ продолженіи нѣкотораго времени, пріискивать себѣ другое положеніе. До окончательной отставки, благодаря покровительству любившаго его начальника, Фарини продолжалъ посѣщать высшее общество и здѣсь-то онъ и встрѣтилъ миссъ Джэнъ Тэйлоръ, дочь богатаго британца. Богатая, красивая дѣвушка была окружена толпою поклонниковъ. Въ свѣтѣ, впрочемъ, почему-то ходилъ слухъ, что она не родная дочь богача а что-то въ родѣ пріемыша, или падчерицы. Многихъ, конечно, интересовалъ, при этомъ, вопросъ о томъ—насколько были солидны ея отношенія къ приданому; но отъ сдержаннаго, холодно-вѣжливаго Джонъ Булля ничего нельзя было провѣдать.

Евгеній полюбилъ Джэнъ почти съ первой встрѣчи, беззавѣтно отдавшись страсти, всецѣло охватившей всю душу, все существо его. То была тяжелая пора его жизни. Рана въ колѣнѣ, сильно дававшая себя чувствовать, вынудила, наконецъ, молодаго офицера рѣшиться покинуть морскую службу. А между тѣмъ онъ любилъ эту службу, любилъ боевую жизнь на морѣ, борьбу съ врагомъ и съ стихіями, дальнія путешествія, безграничный просторъ моря; онъ свыкся и съ честолюбивыми надеждами, сулившими ему такъ многое въ будущемъ. Мысль о необходимости отставки, о хлопотахъ, исканіи новаго рода жизни, и развившаяся страсть къ красавицѣ Джэнъ, все это, вмѣстѣ подавляющимъ образомъ дѣйствовало на его нервную, впечатлительную натуру. Онъ самъ хорошо сознавалъ, что теперь, ему нельзя было и думать о сближеніи съ молодой дѣвушкой. Но—чѣмъ больше препятствій видѣлъ онъ между собою и ею, тѣмъ упорнѣе. сильнѣе росло въ немъ чувство, чѣмъ менѣе, казалось, онъ могъ имѣть надежды, тѣмъ живѣе становилась въ немъ эта надежда!

Евгенію было предложено вступить кассиромъ въ одинъ изъ значительнѣйшихъ банкирскихъ домовъ Генуи. Это скромное положеніе не помѣшало, однако, ему посѣщать общество, къ которому онъ принадлежалъ; напротивъ, онъ началъ выѣзжать еще больше и чаще—это было единственнымъ средствомъ видѣться съ Джэнъ. Съ своими новыми товарищами молодой, элегантный офицеръ не могъ сойдтись—воспитаніе и среда слишкомъ раздѣляли ихъ; съ другой стороны, общественное положеніе Фарини, его свѣтскія отношенія, на первыхъ же порахъ, возбудили зависть сослуживцевъ, никогда не видавшихъ общества, привыкшихъ проводить время въ трактирахъ и остеріяхъ второй руки. Канцелярская молодежь скоро отстранилась отъ него. Сначала, однако, все ограничивалось ледяною холодностію, въ которой высказывалось офицеру простое нерасположеніе. Но—это было только сначала. Скоро въ конторѣ узнали, что Евгеній, осмѣливающійся бывать въ высшемъ свѣтѣ, ухаживаетъ тамъ за одной изъ первыхъ красавицъ, да еще—богатой невѣстой и—что еще обиднѣе—нравится ей! Этого уже нельзя было легко переварить. Непріязнь приняла острый характеръ. Начались пересуды, сплетни, клеветы, высказывались, чуть не въ слухъ, замѣчанія, въ родѣ того, что свѣтскія удовольствія, положеніе счастливаго поклонника требуютъ большихъ расходовъ, а между тѣмъ у Фарини состоянія нѣтъ... Злѣйшимъ врагомъ молодаго человѣка явился занимавшій одну изъ главныхъ должностей въ консульствѣ и банкѣ, Робертъ Керри. И—не даромъ. Завистливый по природѣ, никогда не переносившій успѣха другаго, Керри, теперь, имѣлъ особенный поводъ быть недовольнымъ. Онъ былъ уязвленъ до глубины души: ему самому нравилась Джэнъ, но счастливый соперникъ перешелъ дорогу! Отмстить, уничтожить ненавистнаго! вотъ что бушевало въ сердцѣ генуэзца. Керри пошелъ прямо къ цѣли. Сперва тонкими намеками, а потомъ, уже въ болѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ, началъ онъ наводить банкира на подозрѣнія въ честности кассира, цѣлости кассы. Инсинуаціи не могли не привести къ тому, чего желалъ клеветникъ. Честный, открытый, добрый Евгеній, незнакомый до сихъ поръ съ недовѣріемъ, съ какими бы то ни было подозрѣніями, привыкшій къ уваженію, которымъ пользовался въ кругу своихъ прежнихъ товарищей—морскихъ офицеровъ—долго не замѣчалъ того, что творилось въ конторѣ и не видѣлъ раскинутыхъ вокругъ него сѣтей интриги.

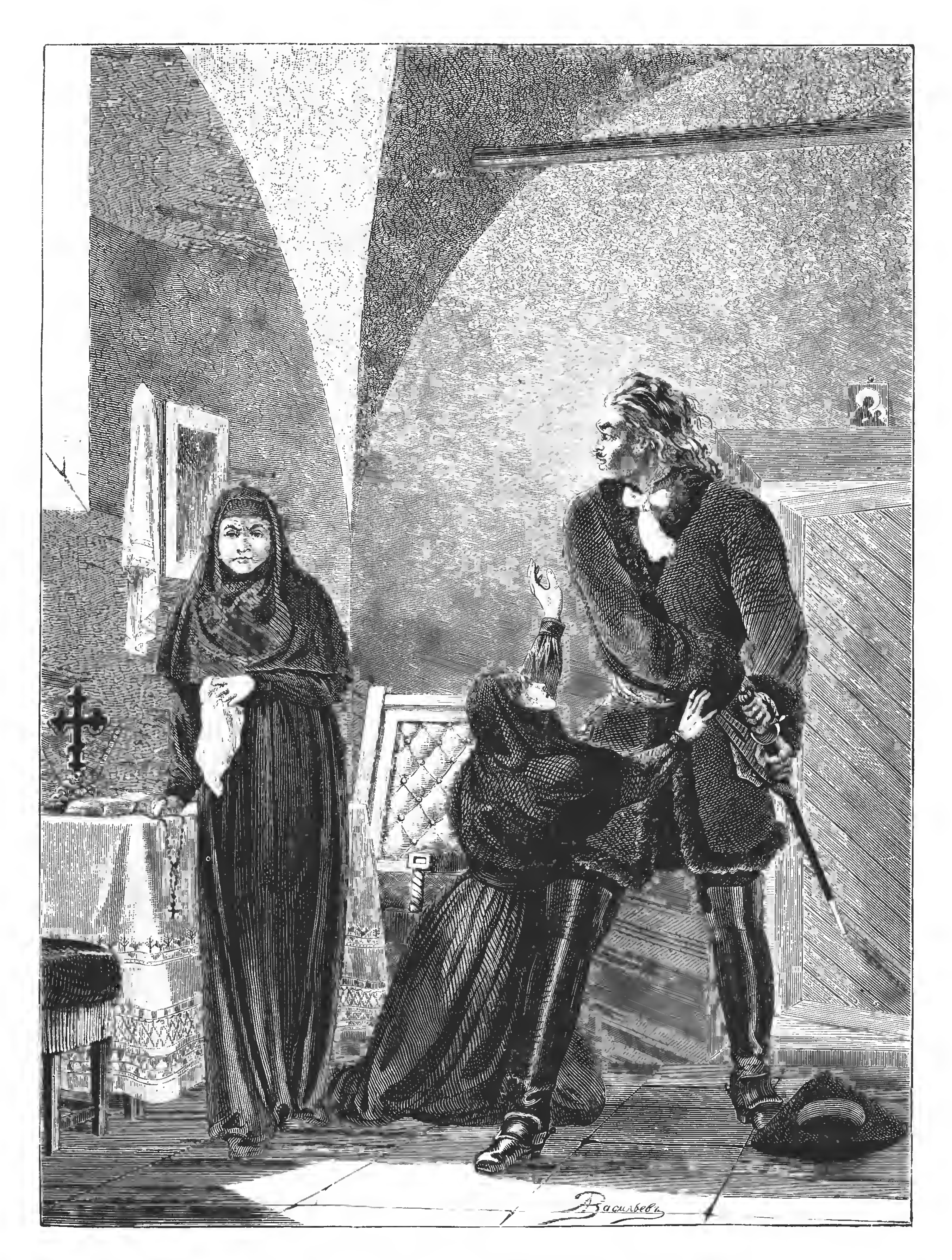
Съ нѣкоторыхъ поръ, однако, ему стало казаться отчасти странною какая-то перемѣна къ нему въ банкирѣ. Всегда ласковый, предупредительный,—теперь онъ сталъ, будто, сухъ съ нимъ. Что это могло значить?

Только въ этотъ день, только сегодня, зародилось, наконецъ, въ немъ подозрѣніе.

Его комната приходилась прямо противъ кабинета консула и такъ какъ двери оставались постоянно открытыми, то онъ могъ видѣть все, что тамъ происходило. Онъ увидѣлъ, какъ вошелъ Керри и между нимъ и хозяиномъ начался какой-то разговоръ. Хотя Евгеній не слышалъ—и не слушалъ—словъ, но представлявшаяся ему сцена была полна значенія для него. Банкиръ глубоко сидѣлъ въ богатомъ креслѣ; низко наклонившись къ нему, своимъ рѣзко очерченнымъ, мефистофелевскимъ профилемъ, стоялъ Робертъ и, казалось, говорилъ что-то убѣдительное, отъ времени до времени указывая рукой по направленію къ кассѣ. Неясное, но тяжелое чувство овладѣло Евгеніемъ. Ему почему-то сразу сдѣлалось понятно, что тутъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, стоитъ предатель... Мысль объ опасности раздражила и безъ того натянутыя нервы молодаго человѣка, стѣсненной груди надо было воздуха. Онъ всталъ съ своего мѣста и подошелъ къ окну, которое было расположено такъ,

Весенняя выставка въ СПБ. Академіи Художествъ 1879 г. „Ледяной домъ“, 1741 г.
Картина профессора Якоби, съ фотогр. на деревѣ Лаптева, грав. Б. Пуцъ.

Петръ I въ келліи царевны Софіи. Рисунокъ А. Васильева, грав. Рашевскій.

что его не было видно изъ кабинета консула.

Робертъ воспользовался этой благопріятной минутой.

— Взгляните, синьоръ, какъ любовь заставляетъ вашего кассира забывать свои обязанности, сказалъ онъ, касса открыта, а онъ пропалъ куда-то.

Консулъ, злобно взглянувъ по направленію кассы и не произнеся ни слова, вышелъ во внутренніе апартаменты. Когда Керри проходилъ обратно—Евгеній давно уже былъ на своемъ мѣстѣ, спокойно и прямо взглянули его прекрасные, голубые глаза въ лицо клеветника. Остановившійся, было, на порогѣ комнаты, Робертъ не выдержалъ взгляда честнаго человѣка—безъ поклона, безъ словъ повернулся онъ и исчезъ.

Тяжелая борьба выпала на долю Джэнъ и Евгенія. Положеніе молодой дѣвушки могло сдѣлаться особенно труднымъ еще по одному обстоятельству, которое ей было неизвѣстно. Она, дѣйствительно, была не родною дочерью Тэйлора, а его падчерицею. Когда онъ женился на ея матери и она еще была ребенкомъ—Тэйлоръ пожелалъ воспитать дѣвочку въ той мысли, что онъ ея родной отецъ. Съ теченіемъ времени, увидѣвъ какою поразительною красавицею стала Джэнъ, онъ окончательно принялъ это намѣреніе. Окруженная попеченіями отца, ничего не жалѣвшаго для нея и давшаго ей блестящее образованіе, игравшая въ домѣ роль хозяйки, свободная въ своихъ невинныхъ, дѣвическихъ удовольствіяхъ, Джэнъ до сихъ поръ вела беззаботную, веселую жизнь. Ея вѣчно лазоревое небо ни разу еще не омрачалось ни одной тучкой.

Но теперь онѣ откуда то начали надвигаться и заволакивать это ясное небо.

Тэйлоръ былъ богатъ, но ему не доставало прочныхъ общественныхъ связей и онъ задумалъ утвердить свое положеніе блестящимъ свѣтскимъ бракомъ своей пріемной дочери. Ко времени, когда начинается нашъ разсказъ, онъ уже былъ близокъ къ своей цѣли: за Джэнъ сильно сталъ ухаживать одинъ генуэзскій аристократъ, графъ Козенце. Богачъ съ удовольствіемъ уже ожидалъ предложенія, какъ вдругъ онъ замѣтилъ склонность Джэнъ къ молодому морскому офицеру. Ему, какъ опытному человѣку, сдѣлались понятны и нѣжная блѣдность, разливщаяся по прелестному личику красавицы, и томный взглядъ большихъ глазъ, и тихая мечтательность, смѣнившая привычную веселость дѣвушки. Съ едва сдерживаемымъ гнѣвомъ увидѣлъ онъ холодное равнодушіе, которое дочь, при каждой встрѣчѣ, ясно выказывала графу.

Въ вечеръ одного изъ дней, вскорѣ послѣ бала, Джэнъ сидѣла одна, въ своемъ будуарѣ. Молодая дѣвушка казалась погруженною въ глубокое раздумье. Она мечтала. Передъ нею открылся новый міръ, очарованный міръ любви, въ который она перенеслась съ любимымъ человѣкомъ. Картины счастья, одна радостнѣе другой, смѣнялись въ ея воображеніи. Что могло помѣшать этимъ картинамъ сдѣлаться дѣйствительностью? Она—полная госпожа своего сердца, она совершенно свободна въ своемъ выборѣ. На дняхъ она попроситъ отца пригласить Евгенія.

Какъ-то особенно хороша была она въ тотъ вечеръ. Улыбка блаженства озаряла матовое, оттѣненное роскошными волосами лицо, глаза горѣли чуднымъ блескомъ. Бархатное платье какъ будто обливало ея стройный станъ. Артистическая обстановка будуара съ его рѣзными шкапами, готической мебелью и картинами, служила изящной рамкой антично-прекрасной фигурѣ красавицы.

Полулежа въ креслѣ, съ высокой, скульптурной спинкой, Джэнъ продолжала мечтать. Ей рисовалось будущее—тихій, безмятежный рай... жизненный путь рука объ руку съ Евгеніемъ... Однако, до сихъ поръ, онъ не только не дѣлалъ предложенія, но даже не былъ въ ея домѣ! Но—скоро, скоро онъ войдетъ въ этотъ домъ. И Джэнъ мысленно назначала день и самый часъ его пріѣзда, пріема, она воображала себѣ сцену встрѣчи...

— Синьора, раздался внезапно около нея голосъ камеристки—синьоръ проситъ васъ сойдти внизъ. Пріѣхало семейство графа Козенце.

Имя это заставило похолодѣть Джэнъ. Она съ неудовольствіемъ вспомнила о графѣ, повсюду преслѣдовавшемъ ее своимъ ухаживаніемъ. Молодая дѣвушка почувствовала всю невозможность оторваться отъ овладѣвшаго ею міра грезъ, гдѣ ей было такъ хорошо, гдѣ она была такъ счастлива...

— Попроси батюшку извинить меня—я не могу сойдти сегодня.

Горничная остановилась предъ своею барышней въ недоумѣніи, она не рѣшалась сойдти съ этимъ отвѣтомъ, зная вспыльчивость своего господина.

— Иди и скажи, что я приказала, съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ повторила Джэнъ. Ей было досадно, что мѣшали помечтать.

Вскорѣ въ комнату быстрыми, нервными шагами, вошелъ Тэйлоръ. Его лицо отчасти напоминавшее обыкновенный типъ американскаго янки, выражало сильное раздраженіе. Въ прежнія времена, дочь рѣдко видѣла отца такимъ, какимъ онъ, въ этотъ разъ, вошелъ къ ней. Онъ почти всегда былъ съ нею ласковъ, нерѣдко нѣженъ.

— Ты не хочешь сойдти, Джэнъ, спросилъ онъ дрожавшимъ отъ гнѣва голосомъ.

— Прошу васъ, папа—позвольте мнѣ сегодня остаться у себя, спокойно, и не перемѣняя своей удобной позы, отвѣтила Джэнъ.

Отвѣтъ дѣвушки окончательно вывелъ Тэйлора изъ себя. Въ эту минуту онъ увидѣлъ, что подозрѣнія его превратились въ яркую дѣйствительность—дочь не хочетъ видѣть графа, она любитъ морскаго офицера. Злыя, безсердечныя слова сорвались съ его языка и полились неудержимымъ, бѣшенымъ потокомъ. Впервые почувствовала Джэнъ, что предъ нею стоитъ тотъ, кто держитъ въ своихъ рукахъ судьбу ея. Она поняла теперь только какъ ошибалась, считая себя свободной.

Безжалостный, разсвирѣпѣвшій человѣкъ нанесъ ей послѣдній ударъ. „Ты, почти закричалъ онъ, должна узнать, что ты не родная дочь моя, а дочь матери твоей отъ перваго брака, что на мнѣ не лежитъ никакихъ обязанностей относительно тебя. Я не хочу и не допускаю твоего брака съ этимъ морскимъ офицеромъ, въ противномъ случаѣ—я лишаю тебя наслѣдства, отнимаю все, чѣмъ ты до сихъ поръ пользовалась въ моемъ домѣ!“

— Я... я не могу... папа,—я... не свободна, мое сердце... отдано... произнесла дѣвушка разбитымъ, едва слышнымъ голосомъ.

— Ты не свободна?! Бери назадъ свои слова, и если завтра ты не перемѣнишь намѣренія—я уничтожу тебя. Тэйлоръ задыхался, онъ не могъ больше говорить и вышелъ, съ шумомъ захлопнувъ дверь за собой.

Прошло нѣсколько недѣль, грозовыя тучи все больше и больше сгущались надъ влюбленными, какъ будто злой рокъ опредѣлилъ, что они должны быть разлучены, что и любовь ихъ и мечты должны быть разбиты. Они условились видаться еще чаще прежняго и лишь эти встрѣчи, поддерживали ихъ силы для начавшейся борьбы. Евгенію приходилось теперь выносить всю тяжесть мелкой зависти товарищей. Одни не могли простить ему его происхожденія, другіе—его успѣховъ въ свѣтѣ, третьи—благосклонности „богатой невѣсты.“ Керри искалъ случая сблизиться съ молодой миссъ. Ему надо было, во что бы то ни стало, повредить Евгенію въ глазахъ Тэйлора. На одномъ вечерѣ онъ подошелъ къ нему—хотя богатому британцу и не нравились ни личность генуэзскаго Яго, ни его общество, но онъ, не безъ удовольствія, выслушалъ нѣсколько ядовитыхъ словъ о Евгеніѣ, который, вблизи отъ нихъ, о чемъ-то живо говорилъ съ Джэнъ. Впрочемъ, Тэйлоръ, едва удостоивъ Керри отвѣтомъ, очень скоро повернулъ ему спину и Керри, думавшій этимъ средствомъ проложить себѣ путь въ домъ Джэнъ,—понялъ, что онъ только поработалъ въ пользу

другаго, болѣе желаемаго зятя; злой человѣкъ утѣшился мыслью, что сдѣлалъ хоть сколько нибудь вреда ненавистному Евгенію. Отказавшись отъ своихъ надеждъ занять здѣсь мѣсто молодаго офицера, онъ, съ большею энергіей, чѣмъ прежде, принялся дѣйствовать противъ него въ банкѣ. Сначала ему, однако, было не такъ легко возстановить хозяина, какъ это удалось съ подчиненными. Но, наконецъ, и банкиръ поддался ежедневнымъ навѣтамъ, клеветамъ, намекамъ, направленнымъ на самую чувствительную струну всякаго банкира—цѣлость кассы. Смѣлость Роберта дошла до того, что онъ, какъ-то позволилъ себѣ уже прямо самому Фарини сдѣлать намекъ на то, что свѣтъ и его удовольствія несовмѣстны съ положеніемъ кассира, что они требуютъ много расходовъ, вводятъ въ долги и.... Евгеній не далъ ему кончить, какъ тигръ бросившись на говорившаго. Неизвѣстно, чѣмъ разыгралась бы эта сцена если бы не вмѣшались посторонніе. Тяжело было Евгенію дышать въ этой атмосферѣ и окружавшей его непріязни. Онъ страдалъ и тѣломъ и душей. Разшатанныя нервы доводили его до страннаго, угнетеннаго состоянія, мысли начинали путаться въ головѣ...

На балу, данномъ княгиней Ч., куда Евгеній пріѣхалъ прямо послѣ долгой и усидчивой работы надъ цифрами, Джэнъ замѣтила, что въ этотъ вечеръ лицо его носило особенный отпечатокъ тяжелыхъ нравственныхъ страданій. Сердце ея сжалось. Она не выдержала и едва успѣла уйдти изъ залы въ одну изъ опустѣвшихъ гостинныхъ, чтобы скрыть отъ любопытныхъ глазъ двѣ крупныя слезы, медленно скатившіяся по ея щекамъ.

— А, вы плачете! послышался рѣзкій шопотъ Роберта Керри, незамѣтно подошедшаго къ ней. Вы плачете—да, какъ же и не горевать о молодомъ героѣ, котораго вѣроятно, скоро, отправятъ въ сумасшедшій домъ!..

Этого уже было слишкомъ. Изъ груди дѣвушки вырвался болѣзненный крикъ, какъ надломленный цвѣтокъ, безжизненно склонился ея граціозный станъ—она лишилась чувствъ. Но, въ ту минуту, когда Керри уже протянулъ свои руки, чтобы схватить ее,—между ними стояла мужественная фигура Евгенія, теперь, казалось, совершенно оправившагося отъ минутнаго нервнаго разстройства.

— Прочь отсюда! негромко, но рѣшительно произнесъ онъ.

Оба теперь стояли лицомъ къ лицу, какъ въ древности, враги, поднявъ забрала; оба, на мгновеніе, смѣрили другъ друга горѣвшими гнѣвомъ и ненавистью глазами. Во взглядѣ Евгенія выражалось негодованіе честнаго человѣка, взглядъ же его соперника говорилъ о злобѣ придавленной змѣи и однако змѣя была раздражена и ужалила бы, еслибы Джэнъ, въ эту минуту, не очнулась отъ обморока и комнату не наполнили бы гости. Дѣвушку окружили и Евгеній удалился.

Керри не потерялъ своего вечера даромъ. Онъ съумѣлъ отмстить Джэнъ и своему сопернику, съумѣлъ нанести имъ скрытый, но вѣрный ударъ.

Первымъ его движеніемъ послѣ сцены, при которой читатели присутствовали въ предшествующей главѣ, было найдти Тэйлора, отправившагося уже къ себѣ домой. Съ обычнымъ своимъ искусствомъ объяснилъ онъ „нѣжному“ отцу значеніе обморока, и далъ ему понять, что сердцемъ и рукой его дочери хочетъ завладѣть человѣкъ, близкій къ помѣшательству! Онъ, Робертъ Керри, уже не разъ замѣчалъ проявленія этаго ужаснаго недуга въ молодомъ кассирѣ, недуга, еще не вполнѣ развившагося, но съ каждымъ днемъ усиливающагося. Скоро, конечно, не останется уже никакихъ сомнѣній....

Послѣ перваго объясненія своего съ дочерью, Тэйлоръ больше не церемонился съ нею. Нѣкогда вѣжливое, ласковое обращеніе съ молодой дѣвушкой, смѣнила теперь какая-то разнузданная, не останавливающаяся почти ни предъ какими выраженіями, грубость. Одна мысль о томъ, что „капризная склонность дѣвчонки, обязанной ему всѣмъ,“ могла бы помѣшать ему достичь прочнаго и почетнаго положенія въ томъ кругу, къ которому давно уже стремились всѣ честолюбивыя мечты его, одна мысль эта приводила его въ неописанный гнѣвъ. Слова Керри имѣли желаемое дѣйствіе. На другой же день Тэйлоръ вошелъ въ комнату дочери, еще не оправившейся отъ вчерашняго потрясенія. Суровымъ тономъ повторилъ онъ ей свое требованіе, сначала, какъ бы, стараясь сдерживаться, но это продолжалось не долго. Робкій отвѣтъ снова вывелъ его изъ себя и произошла одна изъ прежнихъ дикихъ сценъ съ криками и обморокомъ. Джэнъ слегла въ тотъ же день. Изнурительная нервная лихорадка на цѣлый мѣсяцъ избавила ее отъ повторенія подобныхъ объясненій.

Невыносима была Евгенію разлука съ любимой дѣвушкой. У обоихъ была отнята возможность писать другъ къ другу. Строго выдержанная прислуга передавала своему господину письма барышни къ офицеру, ему же подавались и записки Евгенія и только разъ успѣла Джэнъ упросить сидѣлку, которая доставила молодому человѣку нѣсколько строчекъ знакомаго, милаго почерка.

Но, не скоро суждено ему было увидѣть снова ту, которая написала, слабымъ и торопливымъ почеркомъ, строки, въ которыя вложила всю любовь, все страданіе своей наболѣвшей души. Джэнъ не принадлежала къ числу сильныхъ натуръ, созданныхъ для борьбы, всегда готовыхъ къ бою, гдѣ онѣ чувствуютъ себя въ своей сферѣ. Воспитанная въ царственной роскоши, въ полномъ невѣденіи суровой, будничной жизни, которую могла видѣть только изъ оконъ своихъ богатыхъ комнатъ, она была прелестный, нѣжный, но слабый цвѣтокъ, который легко могъ сломить первый порывъ вѣтра. Не ей, разбитой физически и нравственно, не ей было противиться деспотической волѣ тиранившаго ее „благодѣтеля“—пріемнаго отца, рѣшившагося, во что бы то ни стало, добиться своей цѣли. Всякая воля, всякое желаніе въ несчастной дѣвушкѣ были сломлены, уничтожены. Тэйлоръ взялъ блѣдную, маленькую ручку полуживой Джэнъ и вложилъ ее въ руку графа Козенце.....

(Окончаніе въ слѣд. №).

Ужасная гостья *).

(Изъ разсказовъ о желтой лихорадкѣ).

I.

„Мэри Мэкей“.

Это была очень грустная исторія. „Мэри Мэкей“—громадный, въ 2000 тоннъ, пароходъ стоялъ на якорѣ въ гавани Нью-Орлеана. Пароходъ только три дня тому спустился по Миссисипи съ незначительнымъ грузомъ. Собственникъ парохода, очевидно сберегая уголь, поторопился направить его въ С. Луисъ, даже не успѣвъ запастись достаточно обратнымъ грузомъ.

Если бы онъ зналъ что ангелъ-истребитель—страшная желтая лихорадка охватила огромную столицу юга и свирѣпствуетъ тамъ. Если бы онъ зналъ что тысячи и десятки тысячъ гражданъ несчастнаго города бѣгутъ изъ него, объятые ужасомъ, ѣдутъ въ экипажахъ, на судахъ, на лодкахъ, на всѣхъ пароходахъ Нью-Орлеана искать въ Сѣверныхъ штатахъ спасенія. Если бы онъ зналъ, что его „Мэри Мэкей“ была бы переполнена пассажирами и багажемъ, стоило ей простоять въ Нью-Орлеанской гавани только одинъ день.

*) Интересно и поучительно сравнить недавнее появленіе у насъ „чумы“ и ужасныя, мало извѣстныя въ европейской печати, обстоятельства шествія по Южной Америкѣ желтой лихорадки, о которой газеты въ свое время сообщили лишь отрывочныя свѣдѣнія.

Однако дѣло было именно такъ. Нью-Орлеанъ, гордый, аристократическій царь Юга уже нѣсколько дней былъ жертвою желтой лихорадки. Откуда показался ужасный желтый призракъ? Принесся ли онъ съ бурями изъ Луизіаны? Или это среди болотъ Миссисипи—этой тинистой, мутной Миссисипи народился страшный призракъ? Или зародились эти смертные ужасы въ сточныхъ ямахъ, среди зловоній и разложеній громаднаго города? Кто можетъ это знать.

Причинъ никто не знаетъ. За то бѣдствіе царитъ открыто и разрушительно по домамъ и улицамъ. Цѣлыми сотнями ежедневно вырываетъ желтая смерть людей у жизни. Сотни людей, которые еще вчера были счастливы и здоровы, нынѣ уже лежали въ страшныхъ корчахъ и въ бреду, и ихъ отравленное дыханіе насыщало атмосферу и распространяло заразу. Сотни валялись обезображенными трупами, желто-лимоннаго цвѣта, по улицамъ, площадямъ, по квартирамъ и гробовщики работали день и ночь свою печальную работу и могильщики рыли безъ устали послѣднія, тѣсныя людскія жилища. Лавки были закрыты; улицы пусты, какъ бы образуя одно широкое кладбище. Страшная, безнадежная болѣзнь! Какъ удавъ она сжала весь городъ своимъ смертоноснымъ кольцомъ, таясь въ домахъ, таясь въ деревьяхъ, таясь въ клоакахъ даже въ постеляхъ жилыхъ комнатъ. Ее разыскивали, чтобы задушить, чтобы уничтожить въ самомъ зародышѣ, но кому удавалось открыть ея присутствіе тотъ уже не оставался въ живыхъ. Сопротивленіе ея силѣ было невозможно. Даже самыя стихіи, казалось, возстали противъ человѣка. Бури, которыя могли бы прогнать эту заразу, невидимо носившуюся въ облакахъ надъ городомъ—не появлялись. Ни малѣйшаго вѣтерка не было. Черныя тучи, которыя иногда далеко обнимали горизонтъ до самыхъ далекихъ горъ и которыя могли бы очистить воздухъ дождемъ не приближались къ городу; жара стояла тропическая, невыносимая. Будь одинъ прохладный день и зараза была бы удалена или подавлена. Но прохлада не появлялась и воздухъ оставался душнымъ, тяжелымъ, ядовитымъ. Дни проходили безъ капли дождя, безъ малѣйшаго дуновенія вѣтра. Казалось сами стихіи соединились враждой противъ несчастнаго города, и заручившись такими могущественными союзниками, свирѣпствовала среди людей ужасная лихорадка.

Противъ нея не оставалось другаго средства какъ только бѣгство. Прочь изъ этаго логовища заразы—прочь изъ болотъ, этихъ гнѣздилищъ болѣзни! Въ страшной тревогѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ, почти помѣшанные отъ страха и неувѣренные что въ этотъ же моментъ или черезъ нѣсколько минутъ они будутъ захвачены и умерщвлены чудовищемъ, стояли тысячи людей у доковъ, и ожидали пароходовъ, чтобы покинуть зараженный городъ. Здѣсь толпились негры въ лохмотьяхъ, плантаторы съ ихъ семействами, купцы, солдаты, красивыя женщины и дѣвушки—но кто же могъ ручаться, что даже здѣсь, среди этихъ рядовъ уже не ходила невидимо зараза и не намѣчала своей жертвы? Въ смертельномъ страхѣ одинъ смотрѣлъ за другимъ и старался слѣдить за своими сосѣдями не отражается ли во взорахъ послѣдняго какого нибудь явнаго симптома страшной болѣзни, болѣзни, которая съ ужасающею быстротою прекращала жизнь самую цвѣтущую, полную силъ и здоровья.

И ужасъ царилъ не только въ этомъ городѣ но во всей прибрежной области Миссисипи. Онъ охватывалъ жителей южныхъ штатовъ всего американскаго юга съ его милліонными населеніями. Эпидемія лихорадки повела за собой эпидемію страха. Каждый штатъ, каждый городъ, каждый горожанинъ охранялъ себя какъ только могъ.

„Мэри Мэкей" также бросила якорь у противуположнаго берега могущественной рѣки. Капитанъ Ике Дрэнъ былъ слишкомъ остороженъ, чтобы направить свое прекрасное судно прямо въ чумную гавань и идти на встрѣчу опустошающей болѣзни. Однѣ лодки были спущены и безпрерывно двигались взадъ и впередъ отъ парохода къ доку и обратно, переправляя на судно пассажировъ и товары. Какъ тѣснился весь этотъ бѣдный людъ, чтобы только завоевать себѣ мѣстечко въ лодкѣ! Какъ онъ рвался впередъ, какъ будто спины уже жгли огненные языки всепожирающаго пламени; какой слышался вопль и съ какимъ изступленіемъ пробивали себѣ дорогу—особенно первые ряды, состоявшіе изъ женщинъ и дѣтей. Женщины подвергались особенной опасности если бы они остались въ зараженномъ городѣ, такъ какъ изъ нихъ рѣдко кто избѣгалъ смерти, заразившись лихорадкой.

Капитанъ Ике стоялъ на сходнѣ, имѣя съ боку доктора и осматривалъ каждаго изъ входящихъ пассажировъ однаго за другимъ. Капитанъ Ике хорошо зналъ кого избрать, кого нѣтъ. На его глазахъ прошла уже третья эпидемія; казалось что онъ былъ неуязвимъ для лихорадки. Онъ видѣлъ много разъ какъ около него люди умирали какъ мухи и сотни ихъ были погребены его руками. Онъ зналъ достаточно болѣзнь, чтобы умѣть различить ея таинственные знаки и его пытливый взглядъ не пропускалъ ни одного у кого хотя бы они уже тлѣлись въ жилахъ. Какой ужасный досмотръ! Здѣсь дѣло рѣшалось о жизни или смерти пассажира и это каждый хорошо зналъ и потому содрогался подходя къ осмотру. „Проходи, проходи", „назадъ" и опять „проходи"—такъ раздавалась однозвучная команда не допускающая возраженій. Случалось так же что бѣдняки, отмѣченные несомнѣнными признаками желтой смерти по нѣсколько разъ добирались до лодки а другіе изъ нихъ бросались капитану въ ноги и обнимая его колѣна, умоляли взять ихъ на судно, но ихъ мольбы были напрасны.

„Мэри Мэкей" наконецъ была переполнена человѣческимъ грузомъ. Якорь поднятъ и пароходъ началъ плаваніе, вверхъ по рѣкѣ, направляясь къ сѣверу, чтобы скорѣе выйдти изъ области эпидеміи. Но болѣзнь шла быстрѣе нежели паровое судно, принужденное медленно лавировать по изгибамъ Миссисипи; болѣзнь шла такъ быстро что достигла уже Гренады, Виксбурга и Мемфиса—но и капитанъ Ике слишкомъ былъ остороженъ чтобы войти съ своимъ судномъ въ какую нибудь гавань рѣки. Съ удвоенною скоростью проходилъ онъ мимо этихъ зараженныхъ мѣстностей и матросы своими длинными, тяжелыми веслами отталкивали каждую лодку, которая поджидала пароходъ на дорогѣ, чтобы пересадить на „Мэри Мэкей" свой человѣческій грузъ—кучку бѣглецовъ. Опять здѣсь повторялись напрасныя мольбы, упреки и проклятія. Капитанъ оставался непреклоннымъ, какъ бы сознавая, что только такою безжалостною твердостью онъ можетъ охранить жизнь собственныхъ пассажировъ и обезпечить ее нѣкоторымъ образомъ хотя спасеніе отъ желтой лихорадки было въ дѣйствительности не въ его власти. Отъ нея никто не могъ считать себя застрахованнымъ и даже самое бѣгство, которое считалось пассажирами вѣрнѣйшимъ средствомъ избѣгнуть заразы, иногда вело вѣрнѣе всего къ смерти.

Пароходъ медленно поднимался все выше и выше по необозримой широкой рѣкѣ, которая хотя здѣсь и омывала штаты Миссисипи и Лузіанны но была совершенно пустынна. Торговля, промышленность, сношенія всякаго рода, даже самая жизнь какъ бы исчезли и одни пустые, пассажирскіе пароходы пробѣгали иногда въ отдаленіи, обгоняя „Мэри Мэкей." „Мэри Мэкей" плылъ одинокій и казалось объ немъ уже всѣ забыли какъ о трупѣ. Но отчего какъ о трупѣ? развѣ оно не спѣшитъ къ безопасному сѣверу. Это вѣрно, что онъ на дорогѣ къ спасенію но состояніе духа пассажировъ не представляетъ ничего хорошаго; они всѣ сидѣли печально; или молчаливо и боязливо ходили по палубѣ. Напрасно капитанъ Ике дѣлалъ все возможное, чтобы разогнать это грустное настроеніе, которое замѣчалось повсюду—на палубѣ и въ каютахъ. Пассажиры не пили, не ѣли. Это было грустное плаваніе, столь же грустное, какъ и окружающая природа; рѣка, широкая какъ озеро,— глубокая какъ море— съ мутными, грязными волнами. Вдали желтая, низкая полоса—это рядъ плотинъ. Еще далѣе темная полоса, это верхушки лѣса. Тамъ и сямъ днемъ столбы дыма, ночью огни. Не означаетъ ли это присутствіе жилищъ? присутствіе людей? Безъ сомнѣнія. Но столбы дыма поднимаются отъ сожиганія бочекъ со смолой, чтобы очистить только воздухъ и не допустить вторженія болѣзни, а огни зажигались у тѣхъ домовъ, которые уже посѣтила и обезлюдила страшная гостья.

Но чѣмъ объяснить это тяжелое угнетенное состояніе духа пассажировъ? Вотъ благополучно доѣхали и до Виксбурга, и пароходъ полнымъ ходомъ промчался мимо зачумленнаго города. Капитанъ Ике Дренъ стоялъ у руля и пассажиры съ ужасомъ смотрѣли на городъ надъ которымъ казалось носилась сама зараза въ видѣ красноватожелтыхъ густыхъ облаковъ. Въ эту минуту вышелъ изъ трюма докторъ и позвалъ капитана въ нижнюю каюту.

Минуту спустя уже распространилась вѣсть, что на пароходѣ „Мэри Мэкей" обнаружилась желтая лихорадка.

Одна женщина разрѣшилась отъ бремени. Ребенокъ родился весь желтый. Изъ чрева матери онъ уже вышелъ трупомъ. Трудно описать ужасъ пассажировъ, экипажа и самаго капитана. Желтая смерть стояла во очію. Только одного ребенка можно было заколотить въ гробъ и перевезти на материкъ— страхъ зараженія, воздухъ, міазмы, оставались на кораблѣ и искали новой пищи, новыхъ жертвъ....

Гробъ былъ наскоро сколоченъ и крошечный дѣтскій трупъ упокоился въ немъ на вѣки. Лодку спустили и четыре дюжихъ матроса отплыли съ гробомъ къ дальнему берегу.

Они не вернулись обратно. Высадившись на землю они оставили лодку на произволъ волнъ и убѣжали дальше въ глубь страны, спасаясь отъ общаго врага, отъ желтой лихорадки. Но что же стало съ кораблемъ? Ужасъ и лихорадка всецѣло владѣла имъ и свирѣпствовала среди пассажировъ. Первою жертвою сдѣлалась мать несчастнаго ребенка и лишь только успѣли сколотить для нея гробъ—какъ уже потребовался другой для новаго мертвеца. Всякая помощь была напрасна; не помогало ни окуриванье, ни сожиганье смолы. Не было больше ни самообладанія, ни подчиненія. Капитанъ стоялъ по прежнему у руля и направилъ корабль къ берегу, но распоряжаться людьми было уже не въ его власти. Пассажиры были самовластными хозяевами судна. Всѣ они, и мущины и женщины, принуждали капитана плыть дальше и дальше. Они уже не умаливали его, не просили, но съ бѣшенствомъ протягивали ему кулаки и грозили револьверами. Всѣ кричали: дальше отъ земли, дальше! Но желтая лихорадка дѣлала свое дѣло по прежнему, не смотря на отдаленность зачумленнаго материка. Половина пассажировъ уже заразилась ею у другихъ и во взглядѣ

У дверей будуара. Картина О. Эрдмана, рис. и грав. на деревѣ Е. Гернерь.

и въ слабой походкѣ ясно выражалась, что они не уйдутъ изъ числа жертвъ. Не доходя до Мемфиса, этаго города мертвыхъ, на противуположномъ берегу, открылась мѣстность удобная для высадки. До этого пункта на всѣ предложенія высадиться капитану отвѣчали угрозами и револьверами, но теперь болѣе благоразумные взяли верхъ и высадка была рѣшена.

— Приставайте, приставайте! кричали теперь пассажиры. Всѣ кто былъ здоровъ приготовились сойти съ судна. Ближе и ближе подходилъ пароходъ. Но вдругъ раздается трескъ въ нижней подводной части; пароходъ клонится на бокъ и садится на мель.... Всѣ, какія были, лодки тотчасъ же спустили на воду; тогда бросились въ нихъ какъ попало и безъ счета. Была тихая лунная ночь; волны не колыхались, но не смотря на это первая лодка чуть не погрузилась въ воду, слишкомъ обремененная своимъ живымъ грузомъ. При невообразимомъ адскомъ шумѣ, лодка отчаливала за лодкой и высадившіеся пассажиры располагались на берегу какъ могли и искали убѣжища подъ деревьями вѣковаго лѣса, не зная ожидать ли спасенія или смерти. Одни больные остались на прибрежьи; тамъ они лежали въ лихорадочномъ бреду; бились и кричали — для нихъ не было больше помощи.

Капитанъ все еще стоялъ на палубѣ у руля. Онъ остался послѣднимъ,—лодки уплыли; пароходъ лежалъ на мели. Онъ смутно видѣлъ лишь берегъ да темный лѣсъ—и не замѣчалъ мутной, легкой желтизны, которая болѣе и болѣе появлялась въ его глазахъ. Но вотъ онъ хочетъ отойти отъ руля. Напрасный трудъ—силы ему измѣняютъ и онъ падаетъ тутъ же на мѣстѣ. Не онъ, не пассажиры, а желтая лихорадка теперь хозяйничаетъ на пароходѣ. И лежитъ большое темное судно среди волнъ, озаренныхъ тихимъ, луннымъ свѣтомъ и надъ всѣмъ этимъ витаетъ всеистребляющій ангелъ желтой лихорадки. Ночь проходитъ за ночью, день за днемъ; наконецъ появляется помощь изъ Мемфиса. Маленькій пароходъ, исполняющій обязанности прибрежнаго дозора, замѣчаетъ затонувшее судно и приближается къ мѣсту несчастія. Но онъ пришелъ слишкомъ поздно. Все было кончено. Никого не осталось въ живыхъ...

II.
Томъ Турней.

Была темная ночь. Въ двадцати миляхъ ниже Мемфиса, съ противоположнаго берега Миссисипи переправлялась лодка, управляемая двумя рыбаками. Въ ней былъ лишь одинъ сѣдокъ. Эти три лица вѣроятно имѣли основательную причину для молчанія а также той осторожности и тишины, съ которыми они двигали своими веслами. Ничто не освѣщало имъ путь, даже фонаря не было на лодкѣ и при встрѣчѣ съ пароходомъ ихъ утлое суденышко рисковало быть опрокинутымъ и пущеннымъ ко дну.

Молодой человѣкъ ѣхалъ изъ Новаго Орлеана и направлялся въ Мемфисъ. Гребцы его знали хорошо... знали, что онъ назывался Томъ Турней и что онъ былъ репортеромъ газеты „Герольдъ". Онъ ѣхалъ навѣстить свою молодую, любимую жену. Мемфисъ не былъ еще опустошаемъ жестокою, ужасною эпидеміей, когда онъ оставилъ жену и свой домикъ, чтобы поселиться въ Новомъ Орлеанѣ и замѣстить тамъ собою своихъ товарищей по профессіи. Эти товарищи были похищены Желтою Смертью и Томъ Турней проводилъ цѣлые длинные дни и ночи въ телеграфномъ бюро, посылая въ Нью-Іоркъ безконечные списки умершихъ или составляя отчеты о тѣхъ ужасныхъ сценахъ смерти, пожаровъ, грабежей и голода, которыя происходили въ Новомъ Орлеанѣ, еще недавно гордомъ властителѣ Миссисипи.

Лишь наканунѣ онъ получилъ извѣстіе, что лихорадка пронеслась чрезъ плантаціи, болота и рисовыя поля штата Миссисипи, дошла до Тенесси и опустошила Мемфисъ, его родной, дорогой Мемфисъ.

Какъ самъ онъ до сихъ поръ не сдѣлался добычей заразы, постоянно слѣдовавшей за нимъ по пятамъ, онъ не могъ дать себѣ отчета. Но теперь онъ былъ доволенъ и счастливъ, такъ какъ вмѣсто того, чтобы находиться въ зачумленномъ, чужомъ городѣ, онъ теперь приближается къ родному, любимому мѣсту. Вотъ передъ нимъ лежитъ Мемфисъ, загороженный, замкнутый для всякаго посторонняго, столь же крѣпко оберегаемый какъ городъ, къ которому приближается непріятель. Никто не смѣлъ и не могъ проникнуть въ него. Стражи стерегли его со стороны рѣки и каждаго пловца, подъѣзжающаго къ городу, встрѣчали съ револьверами. Это былъ карантинъ, учрежденный противъ желтой лихорадки, противъ коварнаго, тайнаго врага и граждане думали не допустить до себя эпидеміи—силою оружія!

Но эта предосторожность была слишкомъ поздняя. Тогда уже закрыли ворота, когда лихорадка успѣла проникнуть въ городъ и мало по малу начала избирать себѣ жертвы. Сначала одну, потомъ двѣ, потомъ двадцать, потомъ тысячи! Она свирѣпствовала жесточайшимъ образомъ и обратила половину Мемфиса въ одно обширное кладбище. Пощады не было никому. Напрасно горѣли смоляныя бочки днемъ и ночью и яркіе красные клубы дыма высоко поднимались къ небу. Но эти клубы дыма, уносясь въ высь, не уносили съ собой міазмы. Напрасно городъ былъ строго охраняемъ извнѣ, и даже необходимые припасы, привозимые изъ окрестныхъ мѣстностей, подвергались дезинфекціи. Всѣ эти мѣры не уничтожали зла, такъ какъ оно гнѣздилось здѣсь—въ болотахъ и стоячихъ водахъ, окружающихъ Мемфисъ. Въ этотъ-то городъ нужно было найти доступъ Тому Турнею. Добраться до него обыкновеннымъ путемъ уже было невозможно. Онъ зналъ, что входъ въ него былъ закрытъ и лишь время отъ времени показывались печальныя, черныя, досчатыя повозки, тихо ѣхавшіе на кладбище, лежащее одною своею частью на окраинѣ города, чтобы тамъ оставить свою ужасную кладь. Только съ этого кладбища могла быть единственная возможность проникнуть въ городъ. Одна низкая стѣна окружала это жилище мертвыхъ, гдѣ десятокъ странно укутанныхъ людей, работали при свѣтѣ смоляныхъ факеловъ; вынимали гробы изъ повозокъ и опускали ихъ въ огромную, общую могилу. Одинъ гробъ слѣдовалъ за другимъ; одна повозка опоражнивалась за другою и опять каждая изъ нихъ быстро ѣхала въ городъ за новой, подобной же кладью!

Томъ Турней сидѣлъ на свѣжемъ могильномъ холмѣ, прячась и стараясь быть незамѣченнымъ могильщиками! Лоскутомъ, вырваннымъ изъ платья, онъ укуталъ себѣ лицо такъ, какъ оно было укутано у людей, принявшихъ на себя печальную обязанность погребать умершихъ. Куча гробовъ лѣжала здѣсь, грубо сколоченныхъ изъ толстыхъ досокъ. Черный крестъ, намазанный дегтемъ служилъ имъ всѣмъ единственнымъ украшеніемъ. На оконечности каждаго гроба можно было прочесть имя несчастнаго, погубленнаго „желтою смертью". Повозки уѣзжали и пріѣзжали; печальному кортежу не видѣлось конца...

Томъ Турней присутствовалъ при всей этой грустной церемоніи. Сердце его сильно билось. Имена несчастныхъ жертвъ трудно было разобрать при колеблющемся свѣтѣ факела, хотя онъ старался, не жалѣя зрѣнія, прочитать эти неясныя надписи. Кто знаетъ, можетъ быть въ одномъ изъ этихъ гробовъ сокрытъ его хорошій знакомый, другъ или даже—нѣтъ, это невозможно... Она такъ молода и прекрасна. Но почему ему не убѣдиться—жива она или нѣтъ. Пустыя повозки, привезшія гробы, стоятъ тутъ же. Что ему до зловонія, которымъ онѣ пропитаны, зловонія, способнаго подѣйствовать на какія угодно нервы, что ему до опасности — пасть жертвою желтой лихорадки. Быстро созрѣла у него рѣшимость и онъ моментально вскочилъ въ повозку. Нѣсколько минутъ спустя эта повозка уже быстро приближалась къ городу. Томъ Турней былъ внѣ опасности.

Желтая лихорадка достигла въ Мемфисѣ высшей степени развитія. Ежедневно погибали сотни жертвъ отъ страшной эпидеміи. Весь городъ какъ будто вымеръ—превратился въ одно громадное кладбище. Двѣ трети населенія покинули Мемфисъ и только бѣдняки, старые и больные остались въ городѣ вѣрною добычей страшной болѣзни. Дома были заколочены, улицы пусты. Передъ многими домами горѣли фонарики—знакъ, что они опустошены смертью. Часто такихъ фонариковъ горѣло въ домѣ нѣсколько а изъ оконъ висѣли черные и красные платки. Лавки также были закрыты и днемъ, такъ какъ ихъ хозяева или выселились или умерли.

Страшная зараза! Тайно и коварно поражаетъ она въ нѣсколько часовъ самую цвѣтущую юность. Легкое недомоганіе, часъ спустя лихорадка, потомъ жесточайшій бредъ, потомъ—желтая смерть. На перекресткахъ улицъ, въ скверахъ, въ домахъ, находятъ трупы, искривленные судорогами и закоченѣлые. Въ домахъ, въ которыхъ утромъ обитали десятки жителей, часто вечеромъ насчитывались только трупы. Въ съѣстныхъ припасахъ чувствовался недостатокъ. Мясо быстро портилось въ зараженной, въ высшей степени испорченной атмосферѣ и принимало черный цвѣтъ. Голодъ господствовалъ повсюду. Негры съ воплями просили хлѣба, больные, врачи, умирающіе—просили жизни. Страшный вопль исходилъ изъ домовъ. Впрочемъ онъ продолжался недолго; вскорѣ все стихало и вотъ безстрашные, самоотверженные люди приходили съ гробами, заколачивали ихъ и быстро увозили на кладбище.

Ночью повсюду полная тишина. Лишь укутанные врачи и повозки съ трупами пробираются по улицамъ да издалека слышится иногда свистокъ поѣзда желѣзной дороги, который на всѣхъ парахъ, какъ будто спасаясь отъ погони фурій, спѣшитъ, минуя станцію, промелькнуть мимо зачумленнаго города.

Таковъ былъ городъ, въ которомъ очутился Томъ Турней. Недѣлю назадъ онъ оставилъ Мемфисъ прекраснымъ, веселымъ и цвѣтущимъ—а каковъ онъ теперь... Его первымъ дѣломъ было бѣжать къ своему домику. Дрожа, онъ проходилъ одну улицу за другою... Здѣсь крики и стоны, тамъ видѣнъ трупъ. Дома были закрыты, многіе изъ нихъ заколочены и забиты досками. Смоляные факелы горѣли на углахъ, такъ что улицы напоминали собою погребальные катафалки. Но вотъ и Грей-стриттъ, его родная улица—№ 2, 4—6. Вотъ и его маленькій, мрачный домикъ, погруженный въ полнѣйшую темноту. Онъ взбѣжалъ по шести ступенькамъ и началъ дергать и рвать колокольчикъ. Никакого отзыва. Отъ удара кулака въ окно стекла разлетѣлись въ дребезги и однимъ прыжкомъ онъ очутился въ своемъ жилищѣ. Онъ осматривалъ его при дрожащемъ свѣтѣ горящихъ на улицѣ смоляныхъ бочекъ. Повсюду было пусто. Мать, жена и дитя исчезли. На внутренней сто-

ронѣ входной двери была приклеена записка. Она содержала лишь нѣсколько словъ:

„Мы въ лагерѣ О'Доннери. Слѣдуй за нами".

Слава Тебѣ Боже! Они живы! Но гдѣ же этотъ лагерь О'Доннери? Никогда прежде я объ этомъ не слыхивалъ. Онъ бѣгомъ пустился по пустымъ улицамъ. Начинало свѣтать и передъ ратушей ему встрѣтилась толпа оборванныхъ негровъ съ воплемъ просившихъ хлѣба. Гдѣ лагерь О'Доннери? закричалъ онъ имъ, но они не обратили на него никакого вниманія. Онъ пошелъ далѣе и встрѣтилъ одного врача, который и сообщилъ ему нѣкоторыя свѣдѣнія.

— Вы хотите найти тамъ жену вашу? едва ли она теперь тамъ. Болѣзнь появилась и въ лагерѣ. Двѣ женщины умерли а другія перебрались въ лагерь Жое Вилльямса.

— Извѣстны ли вамъ имена этихъ двухъ умершихъ женщинъ?

— Нѣтъ, но Вилльямсъ, капитанъ черной милиціи, можетъ вамъ ихъ сообщить.

Томъ Турней пошелъ далѣе, вонъ изъ города. Онъ себя чувствовалъ не хорошо. Воздухъ былъ такъ удушливъ, тяжелъ, полонъ міазмовъ! Онъ былъ радъ выбраться изъ этого города труповъ. Лагерь Жое Вильямса? лагерь О,Доннери? Гдѣ найти ихъ? На удачу онъ направился къ возвышенностямъ, лежащимъ частью въ городѣ, частью за городомъ. Но тамъ не было никого. къ кому бы можно было обратиться съ вопросомъ. Кто былъ здоровъ и могъ владѣть ногами, тотъ конечно уже покинулъ городъ. Изъ сорокатысячнаго населенія осталось въ городѣ лишь восемь тысячъ негровъ, больныхъ и представителей медицинскаго персонала. На улицахъ не видно было ни души. Томъ бѣгалъ долго и напрасно, наконецъ онъ увидѣлъ передъ собой человѣка. Какъ радъ онъ былъ, что въ городѣ труповъ нашелъ хоть одно живое существо!

— Можете ли вы мнѣ указать дорогу въ лагерь О'Доннери?

Незнакомецъ поднялъ глаза; взоръ его былъ туманный, болѣзненный. „Не ходите тамъ, проговорилъ онъ тихимъ голосомъ; тамъ болѣзвь, тамъ желтая лихорадка.

— Мнѣ нужно быть тамъ. Гдѣ этотъ лагерь?

— Если такъ, пойдемте вмѣстѣ. Я иду въ лагерь Жое Вилльямса. Тамъ моя жена съ ребятишками. Мнѣ хочется ихъ видѣть. Видите ли, тамъ на возвышенности тоже появляется болѣзнь, но тамъ нѣтъ ни одного негра и потому она дѣйствуетъ не такъ сильно. Намъ прислали тысячу палатокъ изъ Вашингтона и теперь въ нихъ живутъ наши жены и семейства.

Томъ перебилъ его рѣчь. „Ведите меня въ лагерь. Гдѣ помѣщены женщины изъ лагеря О'Доннери?

— Онѣ теперь въ лагерѣ Жое Вилльямса. Онѣ всѣ тамъ.

— Всѣ? Можетъ быть ты знаешь Сюзи Турней? Скажи мнѣ скорѣе...

— Нѣтъ не знаю. Но если вы хотите знать живы они или нѣтъ—вотъ списокъ вчерашній и позавчерашній...

При этомъ незнакомецъ подалъ Тому газету съ приложеніемъ списковъ.

— Читайте. Списокъ порядкомъ длиненъ, не правда ли? Знаете-ли почему мы устроили этотъ лагерь? Тамъ воздухъ очень хорошъ. Капитанъ Камеронъ съ своей гвардейской ротой изъ Блюффъ Сити тамъ распоряжается и смотритъ чтобы не пускали туда проклятыхъ негровъ. Пищи тамъ вдоволь и...

Но Томъ не обращалъ вниманія на своего собесѣдника, ни на его отрывистую рѣчь, ни на его слабѣющую походку. Онъ просматривалъ списокъ умершихъ сначала бѣгло, а потомъ прочитывая по одиночкѣ каждое имя. Сюзи Турней тамъ не было—не было и его ребенка.

Теперь онъ вздохнулъ свободно. Видите ли, сказалъ незнакомецъ, тамъ на верху, лагерь Жое Вильямса, а милей дальше О'Доннери. Однако не можете ли вы дать мнѣ вашу руку? Знаете ли, что... мнѣ очень дурно.

Томъ поддерживалъ незнакомца, но послѣдній едва тащился нетвердыми шагами.

— Знаете ли что, началъ онъ опять, посмотрите мнѣ въ глаза. Замѣтно ли въ нихъ что нибудь? замѣтно-ли? скажите. Я не въ силахъ идти дальше. Оставьте меня здѣсь и запишите себѣ на память мое имя: меня зовутъ Флоренсъ Зантеръ. Скажите тамъ капитану, чтобы онъ... четыре... человѣка...

Дальше говорить онъ былъ не въ силахъ. Томъ зналъ и предвидѣлъ, что для несчастнаго все кончено. Одинокій, объятый ужасомъ, пошелъ онъ далѣе и на этотъ разъ дошелъ до цѣли. Передъ нимъ былъ лагерь Жое Вилльямса. Двѣнадцать рядовъ палатокъ были разставлены гвардейцами въ самомъ строгомъ военномъ порядкѣ. Часовые пропустили его черезъ цѣпь и начали опрыскивать его платье карболовой кислотой.

— Гдѣ вашъ капитанъ?

— Въ палаткѣ № 1.

Томъ Турней вошелъ въ палатку.

— Капитанъ, можете ли мнѣ что нибудь сказать о моей женѣ? Гдѣ она?

Капитанъ началъ справляться въ спискѣ именъ, но искомаго имени не было.

— Она была у О'Доннери. Куда переселили бывшихъ тамъ женщинъ?

— Я знаю что она была тамъ, отвѣчалъ капитанъ, но здѣсь она не находится. Должно быть она отправилась на сѣверъ или...

— Постойте, капитанъ! Дайте мнѣ пару людей изъ вашей роты и отпустите ихъ со мной къ О'Доннери?

Минуты двѣ спустя Томъ уже шелъ по дорогѣ въ лагерь. Лагерь былъ совершенно оставленъ. Солдаты занимались погребеніемъ послѣднихъ труповъ. Томъ ходилъ отъ палатки къ палаткѣ. Онѣ были всѣ пусты; въ нихъ оставлено было лишь платье, кровати, посуда и разныя вещи. Вдругъ онъ невольно испустилъ крикъ—крикъ одновременно и боли и радости. Онъ отыскалъ палатку Сюзи Турней и здѣсь у дверей палатки виднѣлась записочка—записочка адресованная ему:

„Тому Турнею. Я знала, что ты придешь, Томъ. Я не могла болѣе ожидать тебя. Ребенокъ захворалъ и потомъ у насъ нужно удалиться. Иди по дорогѣ къ Холли Спрингъ, куда мы тотчасъ отправляемся. Цѣлую тебя. Богъ да сохранитъ тебя. Сюзи".

Томъ былъ внѣ себя отъ радости и первою мыслью его было тотчасъ же отправиться на поиски Холли Спринга.

Холли Спрингъ лежалъ отсюда въ тридцати миляхъ. Тамъ ли онѣ еще? На запискѣ не было совсѣмъ выставлено числа. Онъ поцѣловалъ записку и пошелъ дальше.

— Ни души не было видно въ поляхъ. Селенья были покинуты жителями. На хлопчатныхъ плантаціяхъ висѣли бѣлоснѣжные хлопья совершенно зрѣлые и готовые къ обработкѣ. Но не было рукъ для сбора: рабочіе разбѣжались.

Томъ не чувствовалъ утомленія. Нѣтъ. Да и что значатъ для того день и ночь, голодъ, жажда и усталость, кто ищетъ свою любимую, дорогую жену? Томъ шелъ все дальше и дальше. Насталъ полдень, насталъ и вечеръ. Видя около себя повсюду безлюдье и опустошеніе, Томъ ничему не удивлялся и ни на что не роптал. Онъ искалъ лишь свою Сюзи. Вечеръ. Идти ли далѣе? Этотъ вопросъ предстоялъ его разрѣшенію; онъ не усталъ, но ему казалось, что ноги его тяжелы какъ свинецъ. Онъ сознавалъ, что ему нужно отдохнуть, но все таки не здѣсь, среди пустынныхъ полей. Онъ осмотрѣлся кругомъ. Впереди его, по дорогѣ виднѣлся слабый, туманный огонекъ. Тамъ онъ рѣшился попытать счастья. Тамъ онъ увидѣлъ домъ, выходящій на улицу.

Когда онъ подошелъ ближе, то замѣтилъ близь фонаря бѣлый полотняный мѣшечекъ, прикрѣпленный камешкомъ къ углу дома. Онъ поднялъ вверхъ фонарь. Въ мѣшечкѣ лежала записка: „Дорогой Томъ, не иди дальше. Мы всѣ здѣсь. Сюзи Турней".

Изъ груди Тома вылетѣлъ крикъ, но это былъ крикъ радости и этому крику кто-то вторилъ въ дверяхъ дома. Еще минута и Томъ увидѣлъ жену.

Всѣ были на лицо: всѣ были живы и здоровы: жена, мать, ребенокъ! Весело смѣясь, ласкала Сусанна дитя и осыпала его поцѣлуями. Страшная лихорадка была забыта, ребенокъ хотя еще казался слабъ, но видимо поправлялся и Томъ Турней былъ по прежнему счастливъ. Желтый призракъ пронесся мимо...

St. P. Z. Э. Гессе Вартегъ.

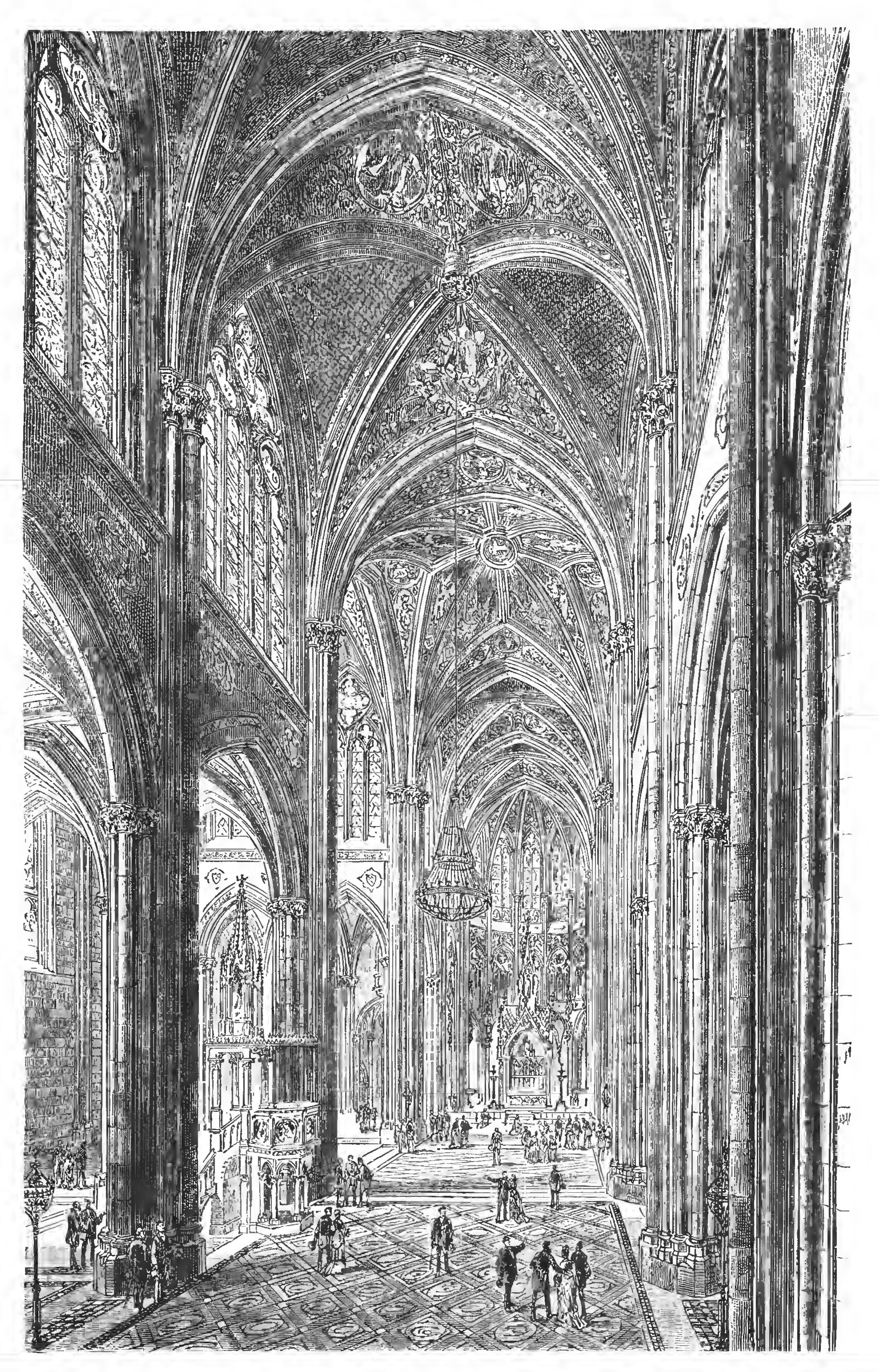
Къ рисункамъ.

Ледяной домъ.

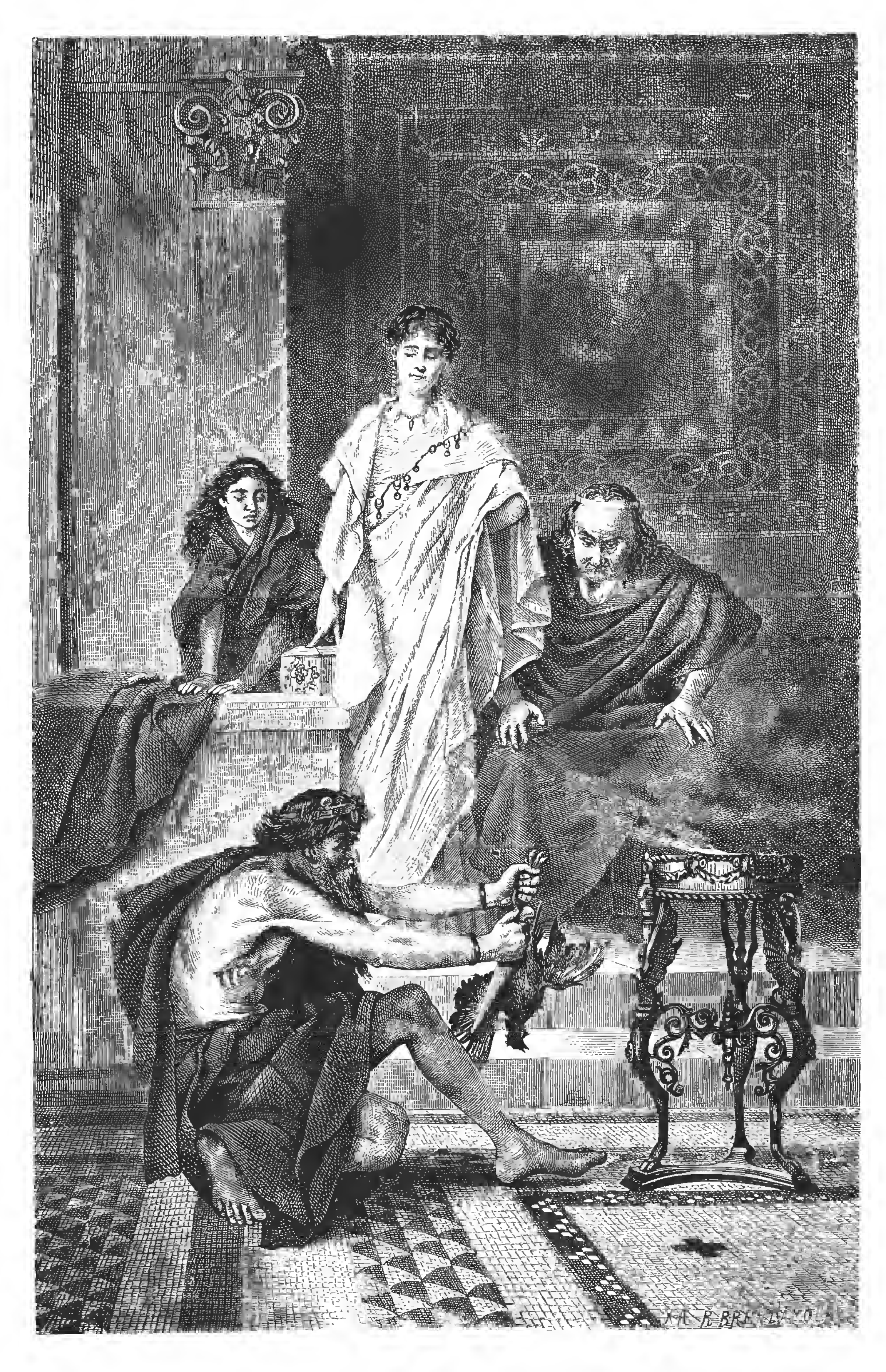
(съ картины Якоби).

Картина профессора В. П. Якоби, „Ледяной домъ," занимавшая одно изъ видныхъ мѣстъ на всемірной парижской выставкѣ 1878 года, является роскошной иллюстраціей къ извѣстному, нѣсколько устарѣвшему, роману Лажечникова того-же названія. Якоби посвятилъ себя спеціально разработкѣ сюжетовъ изъ царствованія Анны Іоановны, и въ средѣ другихъ его картинъ: „Шуты императрицы," „Совѣтъ министровъ,"—картина, часть которой помѣщена въ этомъ № „*Нивы*", занимаетъ едва-ли не первое мѣсто.

Ледяной домъ, выстроенный въ Петербургѣ на Невѣ, зимою 1740 года, по мысли Артемія Петровича Волынскаго, въ утѣху скучавшей императрицѣ, — чуть-ли не единственная въ мірѣ постройка всѣхъ вѣковъ и національностей, матеріаломъ для которой служилъ такой непрочный матеріалъ какъ вода. Только необычайной суровостью зимы того года и можно было обусловить возникновеніе ледянаго дворца: это было чудо искусства, чудо, слава котораго разнеслась по всей Европѣ, и благодаря дошедшимъ до насъ рисункамъ и описаніямъ, сохранилась и до сихъ поръ. Рисунки еще не такъ давно были перепечатаны въ *Русской Старинѣ*, и мы отсылаемъ лицъ интересующихся ими къ этому изданію, а сами приведемъ описаніе ледянаго дома изъ любопытной книги Крафта—„современника ледовитыхъ затѣй,"книги, носящей удивительно длинное заглавіе: „Подлинное и обстоятельное описаніе построеннаго въ Санктпетербургѣ, въ Генварѣ 1740 года. Ледянаго Дома и всѣхъ находившихся въ немъ домовыхъ вещей и уборовъ, съ приложенными притомъ гравированными фигурами, также и нѣкоторыми примѣчаніями о бывшей въ 1740 году во всей Европѣ жестокой стужѣ, сочиненное для охотниковъ до натуральной науки черезъ

Внутренній видъ вновь освященнаго храма (Votivkirche) въ Вѣнѣ. Рис. Мартенъ грав. Гальбергеръ.

Предсказатель (Гаруспиксъ), въ древнемъ Римѣ. Картина Блешфильда, грав. Бренд'Амуръ.

Георга Волфганга Крафта, С.-Петербургской Императорской Академии наукъ Члена и физики Профессора."

Крафтъ такимъ образомъ описываетъ устройство дома: „Чистый ледъ вырубали правильными квадратными плитами, ровняли циркулемъ и линейкой, и затѣмъ, украсивъ ледяными же архитектурными орнаментами, клали одну плиту на другую, связывая ихъ водой, тотчасъ-же замерзавшей послѣ поливки на 30° морозѣ. Здание, вытянутое поперегъ Невы, имѣло вполнѣ видъ жилаго дома,—съ пилястрами, фронтономъ, дверями, косяками, окнами, въ которыхъ рамы и стекла были сдѣланы изъ тонкаго прозрачнаго льда. Вокругъ крыши обѣгала рѣшетчатая галлерея искусно отлитыхъ статуй; статуи же стояли и у входа, куда вела лѣстница въ три ступени. Фасадъ имѣлъ шесть оконъ и подъѣздъ—въ длину онъ простирался на 8 саженъ, вышины былъ три сажени, ширины—двѣ. Передъ домомъ стояло шесть ледяныхъ точеныхъ пушекъ на ледяныхъ лафетахъ и колесахъ, и двѣ мортиры. Изъ пушекъ и мортиръ стрѣляли обыкновеннымъ порохомъ и ядрами и ихъ не разрывало. Возлѣ же дома стояли ледяные дельфины, выбрасывающие ночью изъ открытыхъ пастей горящую нефть. Тутъ же стоялъ ледяной слонъ въ настоящую величину, и спускавшій изъ хобота днемъ воду, ночью нефть на 24 фута вверхъ. Сверхъ того онъ могъ кричать, для чего въ немъ сидѣлъ человѣкъ съ трубою. По бокамъ дома стояли пирамиды съ окнами, черезъ которыя показывали зрителямъ фигуры, размалеванныя на стѣнкахъ осмиугольнаго, вращавшагося бумажнаго фонаря, освѣщеннаго изнутри. На лѣвой сторонѣ дома стояла баня (тоже ледяная), которую нѣсколько разъ топили и въ которой парились. Внутреннее устройство дома было еще интереснѣе: *все безъ исключенія* было приготовлено изо льда. „Въ одномъ изъ покоевъ, пишетъ Крафтъ, на одной половинѣ стоялъ уборный столъ, на которомъ находилось зеркало, нѣсколько шандаловъ со свѣчами, которыя, по ночамъ, будучи нефтью намазаны, горѣли, карманные часы и всякая посуда, а на стѣнѣ висѣло зеркало. На другой половинѣ видны были: преизрядная кровать съ завѣсомъ, постелью, подушками и одѣяломъ, двои туфли, два колпака, тубаретъ и рѣзной работы комель, въ которомъ лежащія ледяныя дрова, нефтью намазанныя, многократно горѣли. Въ другомъ покоѣ, по лѣвую руку, стоялъ столъ, а на немъ лежали столовые часы, въ которыхъ находящіяся колеса, сквозь свѣтлый ледъ видны были. Сверхъ сего на столѣ, въ разныхъ мѣстахъ, лежали для играния проморожденныя карты. Подлѣ стола, по обѣимъ сторонамъ, стояли рѣзной работы два долгіе стула, а въ углахъ двѣ статуи. По правую руку стоялъ рѣзной угольный поставецъ съ разными небольшими фигурами, а внутри онаго стояла точеная посуда, стаканы, рюмки и блюда съ кушеньями. Всѣ оныя вещи изо льду сдѣланы и приличными натуральными красками выкрашены были."

Въ этомъ чудѣ строительнаго искусства была, какъ извѣстно, отпразднована свадьба Голицына и Бужениновой—придворныхъ шута и шутихи. Обстановка свадебной процессіи была чисто-фантастическая: въ ней участвовалъ весь дворъ, сама императрица, гвардія, представители всевозможныхъ національностей, населявшихъ Россію,—всѣ въ своихъ костюмахъ и экипажахъ, нерѣдко театральныхъ, нелѣпыхъ. Тутъ ѣхали остяки на оленяхъ, хохлы на волахъ, финны на коротенькихъ лошадкахъ, камчадалы на собакахъ, калмыки на верблюдахъ, новгородцы на козлахъ, татары на свиньяхъ и т. д.,—150 разноплеменныхъ паръ, каждая въ своемъ народномъ костюмѣ, на отличной парѣ животныхъ, въ различныхъ саняхъ и салазкахъ. Все это блеяло, мычало, ревѣло, ржало, лаяло, звонило бубенцами и двигалось по городу. Молодые сидѣли въ клѣткѣ на слонѣ, одѣтые въ драгоцѣнныя одежды. Свадебный обѣдъ, приготовленный на 303 куверта, былъ устроенъ въ манежѣ Бирона. Во время стола явился поэтъ — пресловутый Василій Кирилловичъ Третьяковскій, пропозшій черезъ весь манежъ по песку въ бѣломъ французскомъ кафтанѣ, съ бумагой на головѣ къ ногамъ императрицы и прочелъ съ большимъ трудомъ (его только что передъ тѣмъ избилъ палкой Волынскій) написанное по случаю праздника стихотвореніе, начинавшееся такъ:

> Торжествуйте вси Россійски народы:
> У насъ идутъ златые годы!
> Воспріимемъ съ радости полные стаканы,
> Восплещемъ громко и руками,
> Заскачемъ весело ногами.

На ночь отвезли молодыхъ въ ледяной домъ, высадили изъ клѣтки и отвели съ подобающею честью въ спальню.

Моментъ изображенный на картинѣ Якоби—приходъ новой шутовской компаніи на утро къ молодымъ, почти замерзшимъ, отупѣвшимъ за эту ужасную ночь....

Петръ I въ келліи царевны Софіи.

(Къ рисунку А. Васильева).

Въ „дѣяніяхъ Петра Великаго" Голикова говорится, что и по заключеніи въ монастырь царевны Софіи Алексѣевны, она не оставила своихъ прежнихъ отношеній, хотя бдительность и постоянное, неуклонное вниманіе къ ходу дѣла со стороны молодаго Царя устраняли всѣ могшія быть послѣдствія такихъ сношеній.

Понятно, какъ такія попытки огорчали и раздражали пылкаго Петра, мѣшая въ нѣкоторой степени его дальнѣйшимъ предначертаніямъ. Царь явился однажды къ сестрѣ лично и послѣ долгаго, надо думать весьма оживленнаго и искренняго разговора, повидимому убѣдился вполнѣ, что царевна оставила свои замыслы. При этомъ разговорѣ Софья Алексѣевна плакала въ присутствіи державнаго брата и Царь былъ ея рѣчами растроганъ, также прослезился и изрекъ сестрѣ полное и безповоротное прощеніе и забвеніе прошлаго.

Выходя изъ кельи, онъ замѣтилъ ожидавшему его Лефорту, что царевна „имѣетъ разумъ великій" и что онъ сожалѣетъ, что ея неспокойное сердце увлекаетъ ее на пагубные пути.

Однако и послѣ этаго свиданія до Царя продолжали доходить свѣденія, противорѣчившія раскаянію и обѣщаніямъ царевны. Желая узнать обстоятельно отъ нея лично насколько справедливы получаемыя имъ донесенія, Царь самъ пріѣзжаетъ въ монастырь.

Голиковъ, разсказывающій эту сцену, говоритъ, что молодой Государь вошелъ въ келью съ сверкающими гнѣвомъ очами и заговорилъ прямо о новыхъ, явно обнаруженныхъ дѣйствіяхъ царевны. „Непризнательность, непокорность толикая съ ѣдкостью отвѣтовъ ея, выводятъ Монарха изъ терпѣнія и въ крайней запальчивости берется онъ за мечь свой. Въ сіе мгновеніе служившая при царевнѣ дѣвушка бросается къ ногамъ Государевымъ и вопіетъ: „что творишь Государь!"; помолчавъ недолго, Царь вновь прощаетъ сестру.

Дѣвушка, которую Петръ тутъ же благодаритъ за ея поступокъ, по смерти царевны постриглась въ томъ же монастырѣ и наречена Евфросиніей, скончалась въ глубокой старости и по свидѣтельству Голикова, всѣмъ разсказывала описанный случай. „Нѣкіе, которые сами сіе слышанное отъ нее разсказываютъ другимъ, еще живы понынѣ и могъ бы я наименовать ихъ, но нѣтъ на то ихъ воли," прибавляетъ авторъ „Дѣяній." Это сказаніе и послужило темою для рисунка нашего молодаго художника.

У дверей будуара.

(Картина Отто Эрдмана).

Современные художники часто почерпаютъ сюжеты для своихъ картинъ изъ быта и нравовъ XVIII вѣка и не только въ картинахъ историческихъ, гдѣ они являются конечно по праву, но и въ произведеніяхъ бытовой живописи. Бытовыя картины этого рода являются иногда весьма удачно воспроизводящими эту внутреннюю жизнь давно позабытаго общества. Художники конечно при этомъ не упускаютъ случая блеснуть эффектомъ красокъ при изображеніи атласа и бархата, роскошной обстановки и богатыхъ костюмовъ того времени, но главное достоинство подобныхъ картинъ, какъ напримѣръ и картины Отто Эрдмана, рисунокъ которой мы помѣщаемъ, состоитъ въ вѣрности изображеннаго типа, въ удачномъ воспроизведеніи давно прошедшей эпохи. Такъ живо и удачно схваченъ на картинѣ Эрдмана типъ петиметра конца прошлаго столѣтія. Онъ явился съ утреннимъ визитомъ, вѣроятно къ какой нибудь знаменитой красавицѣ и потому въ полномъ вооруженіи—съ букетомъ и раздушеной записочкой. Утренніе визиты были въ то время въ большой модѣ—пропустить визитъ было преступленіемъ—и столько было людей общества, которые слѣдуя модѣ и строгимъ правиламъ общежитія все утро проводили у дверей разныхъ будуаровъ, а вечеромъ толпились въ извѣстныхъ салонахъ. Къ подобному типу принадлежитъ и красивый, молодой петиметръ изображенный Эрдманомъ. Онъ конечно добивается доклада и конечно старается задобрить—хотя кажется нѣсколько преувеличенно — хорошенькую камеристку, передавая ей свое раздушенное письмецо. Онъ знаетъ по опыту, что много зависитъ отъ нея—отъ ея воли—открыть ему доступъ въ будуаръ или не пустить далѣе дверей святилища.

Обѣтная церковь (Votivkirche) въ Вѣнѣ.

Празднованіе серебряной свадьбы австрійской императорской четы, между прочимъ ознаменовалось освященіемъ въ Вѣнѣ новой великолѣпной церкви, которой дано названіе обѣтной (Votivkirche) такъ какъ она сооружена въ память счастливаго спасенія Императора отъ угрожавшей ему опасности при покушеніи на его жизнь 18 февраля 1853 года. Прекрасная, грандіозная мысль этой постройки уже возникла спустя нѣсколько дней послѣ событія и нашла себѣ горячаго сторонника въ лицѣ покойнаго Эргерцога Максимиліана, бывшаго впослѣдствіи Императоромъ мексиканскимъ. Отъ мысли тотчасъ же перешли къ дѣлу и открыли всеобщую подписку для образованія достаточной суммы на покрытіе расходовъ по задуманному предпріятію, которая и дала блестящіе результаты; частныхъ пожертвованій поступило болѣе чѣмъ на 2 милліона флориновъ (*), а городъ Вѣна кромѣ того пожертвовала еще 150,000 флориновъ на сооруженіе двухъ стрѣльчатыхъ башенъ надъ главнымъ, входнымъ порталомъ. Въ тоже время объявлена была премія за лучшій архитектурный проектъ задуманнаго храма и не смотря на множество конкуррентовъ, премія эта была присуж-

(*) Флоринъ равняется на наши деньги 52 коп.

дена единогласно архитектору Гейнриху Ферстелю. Гейнрихъ Ферстель вѣнскій урожденецъ (род. 7 іюня 1828 г.) получилъ художественное образованіе въ вѣнской Академіи искусствъ и считается нынѣ однимъ изъ лучшихъ представителей той архитектурной школы, которая поставила своей задачей дать новую жизнь готическому стилю, не нарушая его традиціонныхъ началъ и вмѣстѣ съ тѣмъ примѣняясь къ извѣстнымъ условіямъ настоящаго времени. Само собою разумѣется, что для успѣшнаго выполненія подобной задачи кромѣ глубокаго изученія давно отжившаго готическаго искусства требуется еще много таланта, чтобы воскресить его, придавъ ему новыя, свѣжія, жизненныя силы. Какъ оказывается, Гейнрихъ Ферстель съумѣлъ вполнѣ сладить съ трудностями этой задачи и его новый храмъ, при всѣхъ своихъ готическихъ достоинствахъ, совершенно удовлетворяетъ вкусу и художественнымъ воззрѣніямъ современнаго человѣка. Дѣло въ томъ, что здѣсь суровые, мрачные контуры готики смягчены и сглажены; во всѣхъ частяхъ соблюдена красота и пріятность формы и художникъ умѣлъ соединить всѣ прелести лучшихъ образцевъ готической архитектуры въ одно гармоническое стройное цѣлое.

Храмъ былъ заложенъ 24 апрѣля 1854 года, а освященъ лишь 24 апрѣля 1879 г.; самая же постройка тянулась цѣлыя 23 года. Продолжительность ея вполнѣ объясняется тѣми громадными задачами живописи и скульптуры которые слѣдовало выполнить въ новомъ храмѣ; такъ наружныя украшенія храма требовали очень тонкой и продолжительной лѣпки, а обѣ переднія башни вышиною въ 300 футовъ каждая покрыты сверху до низу самой мелкой скульптурной работой, изображающей цвѣты и почки искусно перевиты и составляющіе одинъ неразрывный узоръ. Стоимость всей постройки простирается до 4-хъ милліоновъ гульденовъ. Длина всего зданія равняется 285 фут. а ширина вмѣстѣ съ боковыми капелами 96 футамъ.

Кромѣ другихъ цѣнныхъ украшеній новый храмъ уже обладаетъ однимъ древнимъ историческимъ памятникомъ; это богато украшенный рельефными фигурами, монументъ графа Никласа Сальма одного изъ героевъ, защищавшихъ Вѣну въ 1529 году отъ орды турокъ подъ предводительствомъ Султана Солимана II. Памятникъ этотъ, воздвигнутый храброму воину Карломъ V и Фердинандомъ I прежде находился въ церкви монастыря св. Доротеи, а послѣ закрытія былъ перенесенъ въ фамильное имѣніе Сальмовъ близь Брюна и наконецъ по ходатайству Вѣнскаго археологическаго общества ему отведено мѣсто въ новомъ обѣтномъ храмѣ.

Птицегадатели (Haruspices) въ древнемъ Римѣ.

Большую роль играло въ древнемъ Римѣ птицегаданіе. Авгуры были чиновники, люди съ большимъ вѣсомъ и значеніемъ; ихъ смиренно слушали и ихъ рѣшенія не допускали возраженій. Они предрекали судьбу какъ государства, такъ и частныхъ лицъ, руководясь полетомъ, крикомъ или способомъ принятія корма птицъ, которые нарочно содержались въ авгуріяхъ и кормились особыми прислужниками на счетъ государства. Съ авгурами совѣщались передъ войной, даже передъ сраженіемъ. Нѣкоторые изъ авгуровъ кромѣ того носили званіе гаруспиксовъ, которые отгадывали судьбу по виду трепетанія принесенныхъ въ жертву животныхъ. Сцена изображенная на нашемъ рисункѣ происходитъ въ атріумѣ римскаго дома. Гаруспиксъ готовится вскрыть убитаго пѣтуха въ то время какъ старикъ-хозяинъ ждетъ съ замираніемъ сердца, что скажетъ предсказатель ему и его дочери. Дѣвушка, вѣроятно невѣста, внимательно смотритъ, желая узнать, сулитъ ей счастье или горе предстоящее замужество.

Мудрѣйшими изъ авгуровъ почитались этрусскіе жрецы. Первыя предсказанія дѣлались по походкѣ и по страданіямъ умирающей жертвы и если она умирала не скоро, предзнаменованія были неблагопріятны. Предсказанія дѣлались тоже и по направленію пламени: если оно поднималось пирамидально, то и предвѣщало благополучіе; важнѣйшія пророчества выводились изъ большей или меньшей величины печени; чѣмъ она была больше, тѣмъ счастливѣе было предзнаменованіе. Основателемъ науки волхвованія въ Римѣ считается нѣкто Тегесъ, передавшій свои знанія этрусскимъ жрецамъ, которые и сохранили ихъ въ священныхъ книгахъ. Обычай призывать предсказателей передъ заключеніемъ брака былъ всеобщимъ и сохранялся весьма долго (auspices nuptiarum). Поэты часто смѣялись надъ этими шарлатанами. При Константинѣ изаконъ 357 годаук азывалъ па зло отъ ложной науки авгуровъ и гадателей. Авгуры имѣли особыя собранія и составляли замкнутый классъ. Эти собранія происходили въ храмахъ (противъ Капитолія); авгурское искусство было тайной для непосвященныхъ и обязывались клятвой не открывать его. Предсказанія посредствомъ птицъ входили прежде всего въ авгурскую науку; но ужасная запутанность правилъ и кромѣ того трудность разведенія птицъ въ большихъ городахъ рано заставили покинуть птицегаданіе, которое уже при Цицеронѣ мало практиковалось.

Альфредъ Круппъ.

Отецъ А. Круппа нѣкогда устроилъ небольшой машинный заводъ, подъ которымъ земли было нѣсколько сотъ саженъ. Теперь подъ заводомъ этимъ земли почти 300 десятинъ, въ заводѣ работаетъ до 300 паровыхъ машинъ, изъ которыхъ большая въ тысячу лошадиныхъ силъ, 70 паровыхъ молотовъ, 900 машинныхъ приборовъ, 560 плавильныхъ и калильныхъ печей и болѣе 200000 плавильныхъ горновъ. Обработывается сырое желѣзо; придаютъ ему законченную форму и тонкую отдѣлку. Отецъ Круппа съ двумя только подмастерьями стоялъ у горна — теперь въ нѣсколькихъ гигантскихъ мастерскихъ размѣщено до 7000 работниковъ, и бывали случаи что число рабочихъ доходило до 11,000. Для рабочихъ построены по одному образцу сотни отдѣльныхъ домиковъ, и каждый окруженъ садикомъ. Фабрика образуетъ цѣлую колонію съ сотнями семействъ, церковью, школами, своей желѣзной дорогой—настоящее государство съ неисчислимыми средствами, начало которому положилъ нѣкогда Фридрихъ Круппъ, жившій въ скромномъ домикѣ съ женой и ребенкомъ около мастерской,—сынъ же его Альфредъ, такъ счастливо расширившій дѣло, живетъ въ великолѣпной виллѣ.

Отецъ Альфреда понималъ, что литой стали предстоитъ блестящая будущность. Всѣ его способности и усилія были направлены къ тому, чтобы дать надлежащее развитіе производству этаго металла и образовать новую отрасль промышленности. Усиленнымъ трудомъ и замѣчательнымъ знаніемъ дѣла онъ довелъ фабрику до значительной степени процвѣтанія. Сынъ его Альфредъ въ это время пріобрѣталъ заграницей богатыя познанія по предмету той же спеціальности. Онъ родился на фабрикѣ въ 1812 году и выросъ въ мірѣ паровыхъ машинъ и желѣза, въ которомъ ему было предназначено играть такую значительную роль. Въ 1848 году онъ принялъ фирму отца, ставъ владѣльцемъ дѣла и съ этихъ поръ начинается развитіе фабрики.

Главной работой было усовершенствованіе литой стали для такихъ цѣлей, для которыхъ бронза и желѣзо не удовлетворительны. Главное вниманіе было обращено на оружіе. Еще при отцѣ Круппа выливали колоссальныя колоды изъ стали, и пробовали выдалбливать въ нихъ дула для орудій: въ 1846 году для опыта были доставлены стальныя литыя пушки различнымъ государствамъ и хотя опытъ совершенно удался въ Ганноверѣ и Брауншвейгѣ, однако нововведеніе это должно было выдержать долголѣтнюю борьбу съ застарѣлыми предразсудками.

На фабрикѣ устроена выставка пушекъ, моделей и фотографій всѣхъ работъ, изготовленныхъ въ мастерскихъ заведенія. Выставка представляетъ развитіе новѣйшаго артиллерійскаго оружія, насколько этому способствовалъ Круппъ: интересно происхожденіе литой стальной пушки, ея первообразъ, всѣ ея системы, формы и примѣненія. Тутъ находится орудіе, составляющее эру въ исторіи стальнаго производства. Это то орудіе, которое въ 1859 г. Лудовикъ Наполеонъ направилъ противъ Австрійцевъ и которымъ была пріобрѣтена независимость Италіи. Съ тѣхъ поръ поняли значеніе стальной пушки, которая послѣ 3000 выстрѣловъ нисколько не повреждается, тогда какъ бронзовое дуло, послѣ 800 выстрѣловъ уже негодно къ употребленію—Пруссія обратила на это особенное вниманіе. Въ настоящее время Круппъ считается поставщикомъ и усовершенствователемъ прусской артиллеріи, и за свои заслуги награжденъ чиномъ Дѣйствительнаго Коммерціи Совѣтника.

Крупповскія пушки пріобрѣли громадное значеніе въ современныхъ войнахъ. Мастерскія неутомимо работаютъ надъ улучшеніемъ матерьяла и смертоноснаго оружія, производство котораго уже давно достигло невѣроятныхъ размѣровъ. На первой Лондонской выставкѣ общее вниманіе обращалъ на себя стальной блокъ вѣсомъ въ 135 пуд., и въ 1867 году въ Парижѣ такой же блокъ вѣсомъ въ 2400 пудовъ. На послѣдней парижской выставкѣ поставлена чудовищная пушка, дуло которой вѣситъ 3000 пудовъ съ 1100 фунтовымъ зарядомъ. Чрезвычайно употребительны патентованныя 7-ми футовыя пушки, стрѣляющія изъ-за панцыря и годныя въ особенности для осадъ; онѣ представляютъ полнѣйшую безопасность для людей, и сбитыя непріятельскимъ огнемъ, легко могутъ быть замѣнены новыми приспособленнымъ къ тому приборомъ.

Заведеніе Круппа образцовое по великолѣпію устройства и осмысленности всѣхъ частей его. Прежде никто не допускался во внутрь и завѣдывающіе производствомъ знали работы только своего района, теперь всѣ техники имѣютъ свободный доступъ. Круппъ лично наблюдаетъ за всѣмъ. Текущія дѣла и работы въ колоніяхъ приведены въ строгій порядокъ: собственная пожарная команда прекрасно организована; точно также предусмотрѣны всѣ способы для умственнаго развлеченія рабочихъ и ихъ семействъ по праздничнымъ днямъ.

Какихъ грандіозныхъ размѣровъ достигаетъ производство завода Круппа можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ: въ стале-литейномъ заводѣ заняты 8500 чел. рабочихъ, 290 паровыхъ котловъ и столько же паровыхъ машинъ, въ совокупности въ 11000 силъ. 77 паровыхъ молотовъ отъ 1000 до 2000 центнеровъ (отъ 3000—6000 пуд.). Ежемѣсячно выходятъ изъ завода до 300 орудій разныхъ калибровъ; съ 1847 года приготовлено болѣе 15,000 орудій. Ежедневно идетъ до 1800 тоннъ (10800 пуд.) каменнаго угля: въ мастерскихъ постоянно горитъ 21000 газовыхъ рожковъ. Желѣзный путь почти въ 600 килом. длиною (60 верстъ) развозитъ на 24 локомотивахъ и 700 вагонахъ сво-

ихъ по сосѣднимъ желѣзнодорожнымъ станціямъ произведенія завода, который имѣетъ въ своемъ распоряженіи 44 телеграфныя станціи. Новый плацъ для стрѣльбы въ цѣль въ 18 верстъ длиною. Въ рудникахъ и на горномъ заводѣ работаютъ 5300 чел. добывая каменный уголь. Копи въ Сѣверной Испаніи доставляютъ ежегодно 200,000 тоннъ желѣзной руды (12 милл. пудовъ) которые перевозятся по пяти линіямъ желѣзныхъ дорогъ принадлежащимъ фирмѣ. Рудокоповъ 700 человѣкъ. Круппъ самъ выказываетъ большую заботливость и вниманіе къ своимъ рабочимъ и ихъ семьямъ. Въ 3278 домахъ для рабочихъ фирмы живутъ 16209 чел. Въ 22 магазинахъ завода всевозможныя вещи продаются по самой пониженной цѣнѣ рабочимъ.

Пекарни завода ежедневно производятъ до 200000 кило хлѣба (12500 пуд.). Хлѣбъ доставляется черезъ собственныхъ агентовъ изъ Одессы. Дѣти рабочихъ учатся въ 4 школахъ завода, техническихъ училищахъ и женскихъ школахъ.

Стихотворенія.

I.

Дождь сквозь солнце.

Дождя серебрянная капли
Сверкали въ трепетныхъ листахъ,
Сверкалъ, весь въ капляхъ, воздухъ синій,
Колеблясь въ радужныхъ лучахъ.

Благоуханная прохлада
Плыла широко. Здѣсь и тамъ
Стряхая съ крыльевъ капли, птички
Зашевелились по кустамъ.

Все зажужжало, зашумѣло,
Зазеленѣло, зацвѣло
И изъ янтарной тучки солнце
Какъ обновленное взошло.

Н. Б—въ.

II.

Въ иномъ мірѣ.

Голубые глаза у малютки моей
Ихъ свѣтлѣе, прекраснѣе нѣтъ.
Тихъ и кротокъ ихъ взглядъ, словно лунныхъ лучей
Полуночный, лазоревый свѣтъ.

А вчера поутру въ бѣлый гробикъ легла
Вся въ цвѣтахъ... Ярко свѣчи горятъ,
Ярко солнце блеститъ и она весела,
Лишь не свѣтитъ потухнувшій взглядъ.

Но чему же въ гробу улыбалась она?
Херувимы ли звукомъ рѣчей
Пробудили ее отъ тревожнаго сна
Колыхаясь въ сіяньи лучей?...

К. В.

Политическое обозрѣніе.

Австро-турецкая конвенція.—Австрійскія войска.—Зарождающееся несогласіе.—Англійскія и французскія газеты.

Конвенція между Турціей и Австро-Венгріей окончательно заключена и мы считаемъ своею обязанностью ознакомить читателя съ ея главными основаніями. Управленіе Босніей и Герцеговиной предоставляется Австріи, но Австрійское правительство не будетъ оказывать препятствія къ оставленію на прежнихъ мѣстахъ нынѣшнихъ чиновниковъ, обладающихъ необходимыми качествами для надлежащаго отправленія ввѣренныхъ имъ должностей. Въ случаѣ назначенія новыхъ должностныхъ лицъ, *Австрійское правительство отдаетъ предпочтеніе уроженцамъ занятыхъ провинцій* (мусульманамъ или христіанамъ?). Лицамъ, проживающимъ въ Босніи или Герцеговинѣ, или имѣющимъ тамъ временное пребываніе, предоставляется свобода вѣроисповѣданія и богослуженія. Всякое враждебное дѣйствіе противъ мусульманъ, противъ ихъ собственности или вѣры будетъ строго наказываемо. Вообще, согласно конвенціи, Австрійскимъ властямъ вмѣняется въ особую обязанность строгое охраненіе интересовъ мусульманскаго населенія провинцій. Имя Султана будетъ, по прежнему, упоминаться въ публичныхъ молитвахъ мусульманъ. Поднятію оттоманскаго флага на минаретахъ, насколько то установлено обычаемъ, не будетъ оказываемо никакого препятствія. *Доходы Босніи и Герцеговины употребляются исключительно на удовлетвореніе потребностей означенныхъ провинцій*, на ихъ управленіе и на признанныя необходимымъ улучшенія. Оттоманскіе денежные знаки (?) пользуются, по прежнему, свободнымъ обращеніемъ въ Босніи и Герцеговинѣ. Высокая Порта сохраняетъ за собою право распоряжаться своими оружейными складами, военными матерьялами и другими принадлежащими оттоманскому правительству предметами, находящимися въ крѣпостяхъ или гарнизонахъ. *Что касается новобазарскаго санджака*, то, въ отношеніи этого вопроса оба правительства пришли къ слѣдующему соглашенію, составляющему также часть настоящей конвенціи. По условію, Австрійское правительство обязывается сдѣлать Портѣ предварительное сообщеніе о времени, когда войска Императора вступятъ въ санджакъ. Во избѣжаніе всякихъ безполезныхъ проволочекъ, правительства обязаны снабдить, теперь же, подлежащія власти необходимыми полномочіями относительно содержанія и размѣщенія императорскихъ войскъ и прочихъ подробностей. Всѣ расходы по этому предмету, понятно, отнесены на счетъ Австро Венгріи. Присутствіе австрійскихъ войскъ въ санджакѣ *„не должно нисколько стѣснять оттоманскихъ судебныхъ, административныхъ и финансовыхъ властей, которыя, по прежнему, дѣйствуютъ подъ исключительнымъ и непосредственнымъ надзоромъ высокой Порты.“ Высокая Порта не имѣетъ права содержать иррегулярныхъ войскъ на всемъ пространствѣ санджака.* Согласно особому приложенію къ этой конвенціи, австро-венгерское правительство, сохраняя за собою всѣ выговоренныя права, намѣрено, однако, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, ограничиться занятіемъ только трехъ пунктовъ, расположенныхъ на Лимѣ, *между границами Сербіи и Черногоріи*: Прибоя, Преполья и Бѣлополья. Число войскъ, предназначенныхъ для ихъ занятія, въ настоящее время, не превыситъ 4—5 тысячъ человѣкъ. Замѣтимъ, кстати, что конвенція начинается слѣдующими словами: „Австро-Венгерское и Турецкое правительства признали необходимымъ придти къ соглашенію относительно подробностей указанной въ 25 ст. Берлинскаго договора оккупаціи, *не касаясь верховныхъ правъ его императорскаго величества Султана на эти обѣ провинціи.*“

Мы, конечно, можемъ не очень интересоваться вопросомъ о томъ, насколько его величество Султанъ долженъ быть доволенъ, что всѣ его „верховныя права на эти обѣ провинціи“ сведены теперь на право „совершенно безпрепятственно“ подымать флагъ на вершинахъ одинокихъ минаретовъ, но въ правѣ полюбопытствовать—*надолго ли австрійскія войска останутся на границѣ между Черногоріей и Сербіей?* Мы сильно подозрѣваемъ, что войска эти едва ли уйдутъ оттуда когда либо. Остается только надѣяться, что этотъ искуственно вколоченный въ сердце славянской земли клинъ будетъ непрочно вбитъ...

Все, что мы видимъ изъ происходящаго на Балканскомъ полуостровѣ могло произойдти въ силу того трогательнаго согласія и единодушія, которое до сихъ поръ соединяло такъ тѣсно западныя державы противъ истинныхъ и единственныхъ выполнителей исторической задачи, противъ насъ, русскихъ. Но, повидимому, это согласіе не столь уже твердо и едва ли можетъ Британія долѣе пользоваться имъ для своихъ плановъ и видовъ, какъ пользовалась еще недавно. Мы уже не разъ обращали вниманіе нашихъ читателей на признаки нѣкоторой неприязненности, обнаруживающейся между Британіей и Франціей. Стоитъ только бросить взглядъ на французскія газеты и —мы увидимъ рѣзко выражающееся недовольство политикой С.-Джемскаго кабинета, въ особенности по поводу египетскихъ дѣлъ. Первымъ открылъ кампанію серьезный „Journal des Débats“. Вслѣдъ за нимъ заговорилъ органъ Гамбетты. Это уже признакъ такого рода, который нельзя не признать весьма характернымъ: вспомнимъ еще недавнее сближеніе между принцемъ Уэльскимъ и бывшимъ диктаторомъ Франціи! Теперь его газета тотчасъ же помѣстила задорную статью противъ Британіи. По поводу замѣчанія, сдѣланнаго одной лондонской газетой о томъ, что *„на отношенія между Британіей и Франціей набѣжало облако“*, „Rép. Française“ говоритъ, что это только отчасти справедливо. „Не облако, продолжаетъ „R. F.“, омрачаетъ доброе согласіе между двумя сторонами, а чувство недовѣрія, порожденное событіями послѣднихъ мѣсяцевъ и закравшееся между двумя націями, созданными, чтобы жить въ согласіи между собою и имѣющихъ много причинъ, чтобы откинувъ всякое соревнованіе и проникнувшись взаимнымъ довѣріемъ, дружно стремиться къ одной и той же цѣли... Но такъ или иначе недовѣріе закралось въ отношенія между Франціей и Англіей. Британія неоднократно заявляла, что между французскими и британскими интересами отнюдь не можетъ существовать антагонизма, такъ какъ обѣ страны вращаются въ сферѣ, представляющей достаточно простора для обѣихъ. Между тѣмъ Франція была непріятно затронута британской политикой сначала у береговъ Сиріи (въ Кипрѣ), затѣмъ въ Египтѣ и наконецъ въ Греціи. „Если въ основѣ этаго образа дѣйствій Британіи лежитъ лишь недоста-

(Продолженіе на стр. 437, 438, 439 и 440).

точно ясное пониманіе требованій британской внѣшней политики, такъ заканчиваетъ „République Française" свою статью:— то мы объ этомъ отъ души сожалѣемъ не столько ради самихъ себя, сколько ради нашихъ сосѣдей, которымъ не слѣдовало бы забывать, что у нихъ не такъ много друзей, чтобы они могли позволить себѣ такую роскошь, какъ принесеніе въ жертву хоть одного изъ этихъ друзей. Если же въ этомъ образѣ дѣйствій сказывается сознательный разсчетъ, то дѣло принимаетъ болѣе серьезный оборотъ и *Франція можетъ отплатить за это весьма ощутительнымъ образомъ.* „Journal des Débats", въ послѣднемъ своемъ номерѣ, вторитъ обвиненіямъ, высказаннымъ въ „République Française", и рѣзко возстаетъ противъ британской политики. Изъ этаго тона республиканской прессы видно, что *въ руководящихъ сферахъ французскаго общества существуетъ сильное неудовольствіе противъ Британіи.* Но въ настоящее время едва ли можно допустить, чтобы неудовольствіе это повлекло за собою какія либо серьезныя усложненія между Лондономъ и Парижемъ; вѣроятно все дѣло ограничится болѣе или менѣе энергичнымъ обмѣномъ депешъ, такъ какъ для британскихъ государственныхъ людей въ настоящую минуту ничто не можетъ быть такъ мало желательно, какъ вызывать серьезное столкновеніе съ Франціей.

Разныя извѣстія.

Происхожденіе петролея (нефти). До послѣдняго времени полагали, что петролей продуктъ дистилляціи въ большихъ залежахъ угля. Петролей, который находятъ въ Пенсильваніи близъ громадныхъ залежей угля, какъ бы подтверждалъ это мнѣніе. Недавно однако А. Телльнеръ въ Нью-Іоркѣ опровергнулъ такое воззрѣніе на происхожденіе петролея. Онъ утверждаетъ, что петролей не есть продуктъ процесса дестилляціи въ залежахъ угля, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ углемъ, а что онъ продуктъ процесса ассимиляціи коралловъ. Телльнеръ объясняетъ это такъ: вслѣдствіе громадной тяжести и сильнаго давленія со всѣхъ сторонъ, говоритъ онъ, клѣточки коралловъ были сплюснуты и масло вышло такимъ образомъ наружу. Поэтому нужно полагать, что миріады этихъ маленькихъ, похожихъ на инфузоріи существъ были главнѣйшимъ источникомъ свѣта въ одинъ изъ первыхъ періодовъ образованія нашей планеты. Плоскіе коралловые утесы девонской формаціи (ихъ 122 по мнѣнію профессора Овена) состоятъ изъ 121 вида, содержащихъ масло. Народъ называетъ ихъ „Honeycomb Rock" т. е. „ячейковатыми утесами," такъ какъ ихъ строеніе похоже на ячейки. Эти наслоенія больше распространены, чѣмъ каменноугольныя залежи. Въ сѣверной Америкѣ кораллы, содержащіе масло, нерѣдко показываются надъ поверхностью земли, напр. близъ Смольсъ-Крита въ Тенесси, близъ Вилльямсвилля, въ Пеннъ-Іанѣ въ штатѣ Нью-Іоркъ, въ окрестностяхъ Идаго-Спрингса, въ Колорадо и многихъ другихъ мѣстахъ. Въ Монморанси, Канадѣ, Ватертоунѣ и Нью-Іоркѣ масло сочится прозрачными каплями изъ окаменѣлыхъ коралловъ. Вслѣдствіе колебаній земной поверхности и давленія сосѣднихъ наслоеній, клѣточки содержащихъ масло коралловъ были разрушены и уничтожены. Масло проникло въ находившійся подъ кораллами песчаникъ, который насытился имъ, какъ губка; но онъ не могъ удержать его и оно проникло въ известнякъ. Петролей обыкновенно и находится въ песчаникѣ и известнякѣ. Въ рѣдкихъ только случаяхъ онъ поднимается подъ давленіемъ воды или газовъ въ верхніе слои. Такимъ образомъ петролей не есть продуктъ суши или животныхъ живущихъ на ней, а продуктъ моря и морскихъ животныхъ. По научнымъ даннымъ можно заключить, что онъ встрѣчается въ огромномъ количествѣ на поверхности и внутри земной коры въ газообразномъ и жидкомъ, мягкомъ и твердомъ видѣ. Какъ газъ, онъ поддерживаетъ священные огни въ Баку; Фредонія, городъ въ штатѣ Нью-Іоркъ освѣщается такимъ же газомъ; какой-то купецъ въ Пеннъ-Ганѣ употребляетъ его для отопленія своего помѣщенія. Этотъ газъ образуется при сильномъ нагрѣваніи петролея внутри земли. Всѣмъ извѣстно, что петролей встрѣчается въ жидкомъ видѣ въ Европѣ, Америкѣ и Азіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ прозраченъ какъ вода, близъ Титвилля въ Огейо онъ темнозеленаго цвѣта, близъ Кеннскилленъ въ Западной Канадѣ онъ густъ какъ деготь, такой же видъ имѣетъ онъ и близъ Вентуры въ Калифорніи. Такъ называемый асфальтъ ничто иное какъ сгущенный петролей, жидкія частицы котораго перешли въ воздухъ. Лѣтомъ онъ обыкновенно мягокъ и склизокъ, такъ что индійцы въ Западномъ Колорадо употребляютъ его для ловли медвѣдей, которые, попавъ въ него, уже не могутъ высвободиться. Зимою же онъ дѣлается твердымъ какъ камень. Разсказываютъ, что много лѣтъ тому назадъ бедуины нашли близъ Мертваго моря твердый асфальтъ, покрытый рисунками и надписями; этимъ доказывается, что асфальтъ можетъ отвердѣть и на болѣе продолжительное время. Во многихъ мѣстахъ Виргиніи, Колорадо и Ута асфальтъ также твердъ какъ уголь, а поверхность излома гладкая съ блескомъ. Даже извѣстный антрацитъ не происходитъ отъ каменнаго угля, а есть не что иное, какъ превращенные силою жара содержащіе масло кораллы. Лучше всего доказывается

Альфредъ Круппъ. Рис. и грав. Кольбе.

это слоями кораллов въ силурійской формаціи въ Восточной Канадѣ, гдѣ, какъ это ясно видно, уже образовался антрацитъ въ клѣточкахъ кораллов.

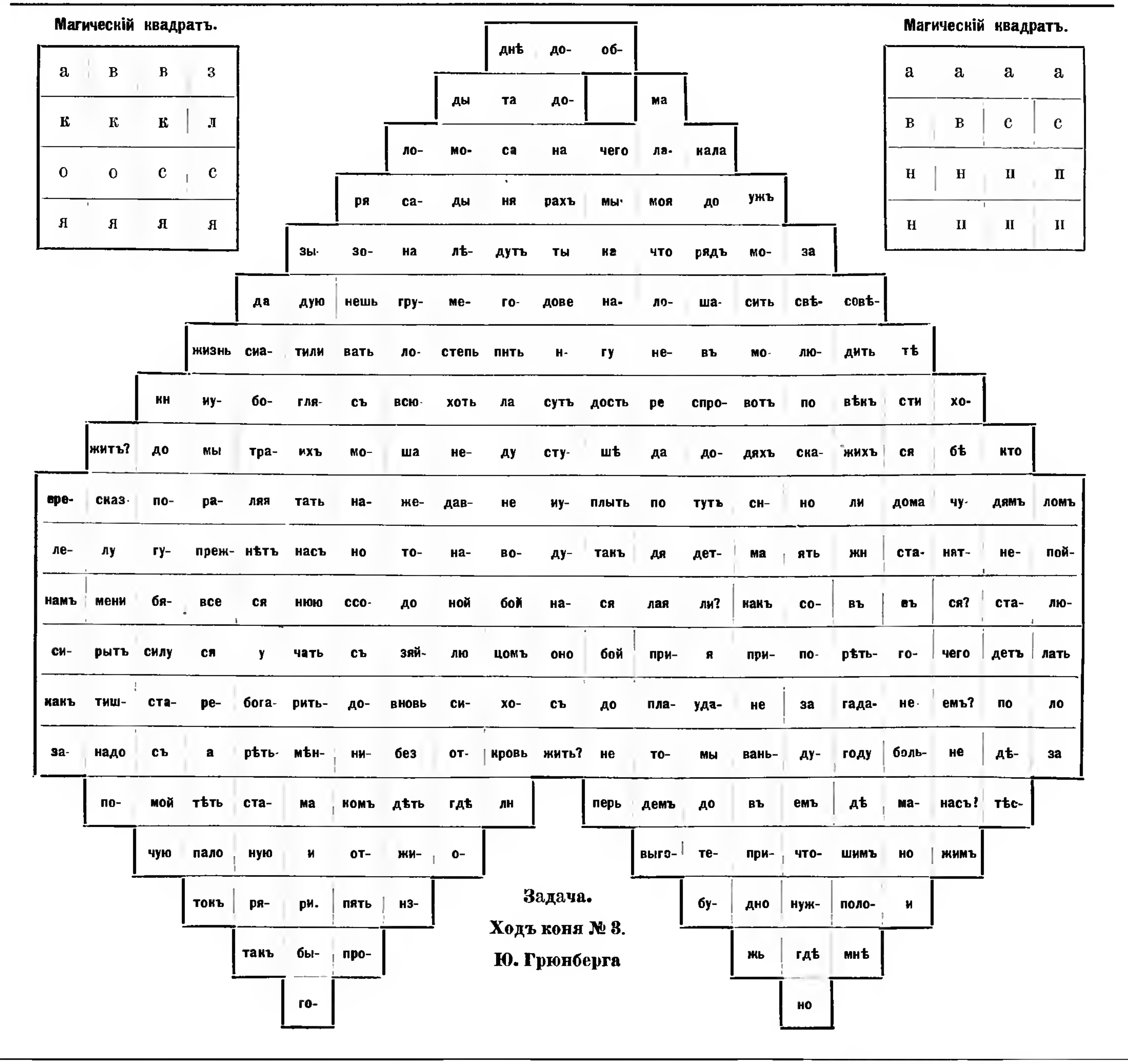
На родинѣ Шекспира, въ Стратфордѣ на Эвонѣ, происходили 12 апрѣля и въ слѣдующіе дни празднества въ память 300-тъ-пятидесятилѣтней годовщины рожденія великаго англійскаго драматурга. Празднованіе дня рожденія Шекспира сопровождалось, какъ и всегда, представленіемъ его пьесъ, народнымъ гуляньемъ, танцами, иллюминаціей, фейерверкомъ и посѣщеніемъ его дома и шекспировскаго музея. Для представленій, начавшихся „Гамлетомъ," устроенъ новый, весьма изящный театръ.

Погоня библіофиловъ за рѣдкими старинными изданіями и высокія цѣны платимыя за старинныя книги не разъ вызывали уже болѣе или менѣе удачные опыты поддѣлокъ. Поддѣлки эти ограничивались прежде по большей части подражаніями рукописнымъ сочиненіямъ и представляли собою единичные случаи, но теперь, если только вѣрить англійскимъ газетамъ, въ Лондонѣ существуетъ цѣлая типографія, печатающая поддѣлки подъ старинныя книги и гг. библіофиламъ и библіотекарямъ предстоитъ удвоить свою внимательность и осторожность при покупкѣ такъ называемыхъ „рѣдкихъ" изданій. Одному шотландскому баронету предложено было однимъ „нуждающимся ученымъ" пріобрѣсти книгу, исреходившую будто бы изъ рода въ родъ: „ученый рѣшился продать ее только въ виду крайней нужды въ деньгахъ" Оказалось, что книга эта одна изъ самыхъ рѣдкихъ инкунабулъ, а именно венеціанское изданіе Декамерона Бокаччіо 1471 года. Баронетъ зналъ толкъ въ книгахъ и убѣдясь въ томъ, что имѣетъ предъ собою рѣдкость, заплатилъ за нее „ученому" тысячу рублей. Немедленно приглашены были другіе любители порадоваться на покупку, но, вмѣсто того, чтобы завидовать счастію своего пріятеля, они оказались встревоженными и смущенными. Оказалось, что двое изъ нихъ при такихъ же обстоятельствахъ пріобрѣли за такую же сумму точно такіе же экземпляры; поддѣлка была такъ искусна, что въ ней удалось убѣдиться лишь при сличеніи съ несомнѣнно подлиннымъ экземпляромъ одной большой публичной библіотеки.

Зеленыя устрицы, вредная поддѣлка ихъ и ея распознаваніе. Зеленыя устрицы высоко цѣнятся любителями за ихъ тучность, нѣжность и вкусную сочность. Для развитія въ нихъ этихъ качествъ обыкновенныя мелкія устрицы сѣверной Франціи, тотчасъ по уловѣ ихъ, подвергаются особому содержанію, доколѣ, вслѣдствіе ожиренія, не пріобрѣтутъ зелено-сѣроватаго оттѣнка, почти исключительно замѣтнаго въ бронхіальныхъ ихъ листочкахъ.

Изъ поддѣлокъ, вообще не придающихъ устрицамъ упомянутыхъ качествъ, кромѣ зеленаго цвѣта, особеннаго вниманія заслуживаетъ подкраска этихъ моллюсковъ посредствомъ пропитыванія ихъ растворомъ мѣдной соли. Употребленіе въ пищу такихъ устрицъ, даже не въ большомъ количествѣ, производитъ опасные припадки мѣднаго отравленія, сильную боль подъ ложечкой, тошноту, рвоту, поносъ, упадокъ силъ, обморочное состояніе и т. д.

Поэтому при выборѣ устрицъ должно быть весьма внимательнымъ и осторожнымъ, избѣгать такихъ, которыя представляютъ зеленый цвѣтъ, и болѣе или менѣе окрашены во всѣхъ своихъ частяхъ. Для вѣрнѣйшаго-же опредѣленія подкраски мѣдью нужно взять какую-либо подозрительную устрицу, слить съ нея всю ея воду, вылить на нее ложку уксусу, воткнуть въ нее иголку, и оставить все на нѣсколько часовъ. Затѣмъ вынуть иголку, и если на ней окажется красноватый налетъ,— знакъ, что устрица обманная и ядовитая.

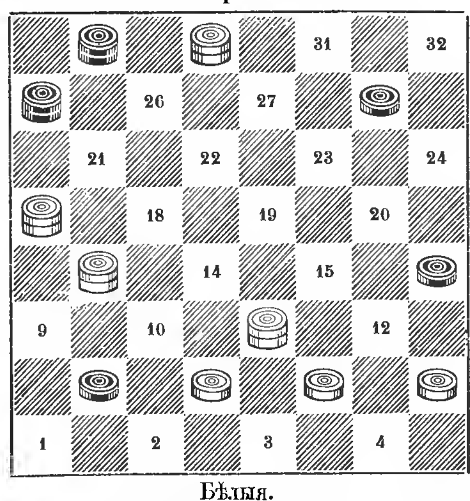
Задача.
Ходъ коня № 3.
Ю. Грюнберга

Задачи магическихъ квадратовъ съ буквами.

Изъ помѣщенныхъ въ двухъ квадратахъ 16 буквъ, составить 4 слова, которые можно было бы читать съ верху въ низъ, съ лѣва на право и имѣли бы одинаковое значеніе.

Шашечная задача № 8.

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ всѣхъ черныхъ. Какими ходами?

Алгебраическая задача.

Число состоитъ изъ трехъ цифръ. Если первую цифру этого числа раздѣлить на вторую, или если изъ первой цифры вычесть вторую—то получатся равныя между собою величины (т. е. *частное* равно *разности*), если же вторую цифру помножить на третью, или сложить съ нею, то опять получатся равныя между собою величины (т. е. *произведеніе* равно *суммѣ*).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Спб. Подп. Н—у. Указанная вами газета ошибается. У насъ въ этомъ году были только два—Грибоѣдовъ и В. В. Крестовскій, кромѣ того въ десятилѣтнее существованіе журнала даны портреты уже всѣхъ самыхъ значительныхъ писателей и повторять ихъ, какъ дѣлаютъ иные, мы не находимъ возможнымъ.

Спб. М. Ѳ. Си—ртѣ.

На утренней зарѣ *держи руки въ карманѣ*...

Въ который карманъ вы кладете обѣ руки?

Кременчугъ М. К—му. „Если конторѣ не составитъ труда, то прошу оную исправить стихи мои"—пишете вы. Контора „Нивы" не занимается исправленіемъ стиховъ.

Оренбургъ. Л. М—ву. Это очень хорошая манера, когда авторъ сообщаетъ подробно, что онъ живетъ „2-й части, 1-го квартала" въ такомъ-то домѣ и былъ прежде секретаремъ. Свѣдѣнія эти довольно интересны, но стихи къ сожалѣнію неудачны.

Заявленіе.

Контора журнала „Нива" покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые внесли деньги только за **первое полугодіе,** потор-питься возобновленіемъ подписки на **второе полугодіе.**— Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг подписчики потеряютъ право на полученіе премій, слѣдуемыхъ гг. годовымъ подписчикамъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ „MAGASIN ÉTRANGER"
Иностран. магаз. В. Морская, д. № 30

ДЛЯ ХОЗЯЕКЪ

!!! НОВОСТЬ !!!

АМЕРИКАНСКАЯ, МЕХАНИЧЕСКАЯ

!ЧУДО-ПРАЧКА!

Это уютная, прочная, устройства самаго несложнаго, машинка для стирки бѣлья, кладъ въ каждомъ хозяйствѣ, - она не портитъ, а предохраняетъ бѣлье отъ порчи; дѣлаетъ большую экономію времени и труда и что требовало сильныхъ рукъ и трехдневныхъ трудовъ, можно легко сдѣлать въ одинъ день. Самый неопытный, даже дитя, можетъ ею дѣйствовать, и ни одна домашняя вещь не вознаградитъ такъ щедро покупателя, не принесетъ какую громадную пользу и такой лихвенный процентъ, какъ предлагаемая испытанная американская прачешная машина. Ц. 16 р. иногородн. съ перес. 20 р., въ Азіатскую Россію 22 р.

механическія

!! ВЫЖИМАЛКИ !!

необходимость во всякомъ хозяйствѣ, сохраняютъ бѣлье, превосходны для батиста, кружевъ и занавѣсей и такъ ускоряютъ сушку, что можно гладить сейчасъ послѣ стирки; цѣна 22 руб., за пересылку чрезъ транспорт. контору платится по доставкѣ въ городахъ, гдѣ находится отд. трансп. конт

!!!СКОРОВАРКИ!!!

въ нѣсколько минутъ вскипятить воду, молоко, сливки. Цѣна 2 р. 50 к., серебряныя 5 р., съ перес. 3 р. и 5 р. 50 к.

!!! МАШИНКИ !!!

рубить мясо въ нѣсколько минутъ въ самыя мелкія волокна. Цѣна 7 р. 50 к. и дороже.

АМЕРИКАНСКІЕ КАРМАННЫЕ ВѢСЫ

съ цифрами безъ гирь, которыми можно мгновенно провѣрить пѣвій вѣсъ до 12 и 20 фунтовъ. Цѣна 2 р. и 2 р. 50 к., иногородн. съ пересылк. 2 р. 50 к. и 3 р. вѣсы для кухни съ чашкой и тоже безъ гирь до 12 фунт. цѣна 2 р. 25 к. съ перес. 3 р. 50 к.

!!! КАРМАННЫЯ КУХНИ !!!

новаго превосходнаго устройства, спиртовая лампочка съ таганчикомъ въ футлярѣ; цѣна 2 р., иногородн. съ перес. 2 р. 50 к.

!!!НОВОСТЬ ИЗЪ АМЕРИКИ!!!

Ковшики изъ кокосоваго орѣха съ ручкою. Ц. 75 коп., иногор. съ пересылк. 1 р. 25 к.

МЕХАНИЧЕСКІЕ

!!!ПРОБОЧНИКИ!!!

которыми можно вытащить безъ малѣйшаго труда самыя тугія пробки. Ц. 1 р. 50 к. 2 р. 50 к. и 3 р., иног. съ пер. 2, 3, и 3 р. 50 к.

!!НОЖИ для ХЛѢБА!!

Цѣна 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 75 к.

НОЖИ ДЛЯ САРДИНОКЪ

которыми всякія жестянки разрѣзываются какъ бумага, не портятъ консервы и сохраняется въ цѣлости масло, цѣна 75 коп. и 1 р. иногородн. съ пер. 1 25 и 1 р 50 к.

ВСЕОБЩІЙ ИНСТРУМЕНТЪ,

содержащій болѣе 12-тя разныхъ домашнихъ инструментовъ, я. т.: молотокъ, отвертка, клещи, ключъ для винтовъ и пр. Цѣна 4 р. 50 к. иногор. съ перес. 5 р.

!!! ВѢЧНЫЯ ТОЧИЛА !!!

на которыхъ можно точить ножи столовые, всякіе инструменты, ножницы, топоры и пр. Цѣна 40 к. Иногороднымъ съ перес. 1 р.

!!! НОВОСТЬ !

Розетки для свѣчей съ которыми свѣчи стеариновыя и восковыя, не капаютъ, даже если совершенно наклонены, или на ходу. Цѣна 1 р. 50 к. за дюж. съ перес. 2 руб.

ПАРИЖСКІЯ МЫШЕЛОВКИ,

которыми можно выловить мышей до послѣдней. Цѣна 25 коп. штука, для иногородн. съ перес. за 2 штуки 1 р.

ПОРОШОКЪ для МѢДИ

чиститъ скоро и отлично мѣдные самовары, мельхіоръ и проч. предметы изъ полированныхъ металловъ. Серебритъ для чистки накладнаго серебра и порошокъ для стали Цѣна 20 к. за пачку для иногор. съ пер. 3 пачки 1 р.

!!! КРЫСЕЛОВКИ !!!

отличнаго устройства цѣна 1 р. 50 к. Иногородн. съ перес. 2 р.

!!! НОВОСТЬ !!!

Кольца для салфетокъ съ пружиной, которымъ можно придерживать салфетки во кругъ шеи цѣна 75 коп., съ перес. иногороднымъ 1 руб.

!!! СТЕЛЬКИ !!!

входящія въ самую узкую обувь; цѣна 50 коп. 1 р. и 1 р. 25 коп. иногородн. съ пересылкою 1 р. 1 р. 50 к. 1 р. 75 коп.

По громадной разнообразности товаровъ и постоянно мѣняющихся новостей управленіе магазина прейсъ-курантовъ составить не можетъ. Требованія иногородныхъ съ приложеніемъ деньгами исполняются немедленно. Адресовать: въ „MAGASIN ÉTRANGER", иностранный магазинъ, въ Большой Морской, домъ № 30, въ С.-Петербургѣ.

ГАЛЬМАНИНЪ.

Послѣ многочисленныхъ опытовъ, мнѣ удалось составить счастливую смѣсь (Гальманинъ), предотвращающую совершенно прѣніе частей тѣла, въ особенности же прѣніе ножныхъ пальцевъ. Въ короткое время средство это сдѣлалось извѣстнымъ во всемъ краѣ. **Въ составъ его входятъ средства совершенно безвредныя; онъ не задерживаетъ потъ, но поглощаетъ его, образуя мелкіе микроскопическіе кристаллы;** eти-то качества и даютъ ему преимущество надъ средствами до сихъ поръ употребляемыми въ Германіи и Франціи.

Гальманинъ своимъ дѣйствіемъ, осушая части тѣла, прѣніе ихъ дѣлаетъ невозможнымъ; по сему лицамъ, принужденнымъ много ходить, средство мною изобрѣтенное можетъ оказать величайшую услугу. Довольно натереть Гальманиномъ разъ въ нѣсколько дней прѣющія части, помощью ваты, полотна или кисточки, чтобъ избѣгнуть тѣхъ непріятныхъ послѣдствій, какимъ бываютъ подвержены лица, принужденныя долго ходить въ лѣтніе, жаркіе дни.

Ручаясь вполнѣ за дѣйствительность изобрѣтеннаго мною Гальманина что подтверждаютъ многочисленные опыты варшавскихъ врачей, **смѣю обратить вниманіе публики, дабы она остерегалась подлоговъ и покупала Гальманинъ только въ коробочкахъ, снабженныхъ моею фирмою.**

СВИДѢТЕЛЬСТВА.

Изобрѣтенный господиномъ владѣльцемъ аптеки, магистромъ фармаціи Карпинскимъ Гальманинъ, отличается преимущественно своимъ совершенно хорошимъ вліяніемъ противъ прѣнія ножныхъ пальцевъ и вполнѣ достигаетъ своей цѣли.

Докторъ *Халубинскій*, б. профессоръ терапевтической клиники въ Варшавѣ.
Докторъ *Глищинскій*, б. профессоръ гинекологіи въ Варшавѣ.
Докторъ *Коницъ*.

Симъ удостовѣряю, что въ моей практикѣ очень часто употребляю Гальманинъ (Galmanin) порошокъ, изобрѣтенія г. магистра фармаціи, Викентія Карпинскаго, служащій къ предупрежденію прѣнія между пальцами ногъ, совершенною пользою; посему рекомендую его лицамъ, принужденнымъ много ходить, если при этомъ ноги ихъ подтвергаются потѣнію.

Профессоръ хирургич. клиники императорскаго варш. универс., докторъ *Гиршгольтъ*.

Склады Гальманина находятся во всѣхъ аптекахъ, а также у дрогистовъ въ значительнѣйшихъ городахъ Европы. Главное депо въ моей аптекѣ въ Варшавѣ. Большая коробочка Гальманина 50 к.; меньшая коробочка 30 к.

В. Карпинскій.

Магистръ фармаціи, владѣл. аптеки въ Варшавѣ, ул. Електоральная № 25 (новый).

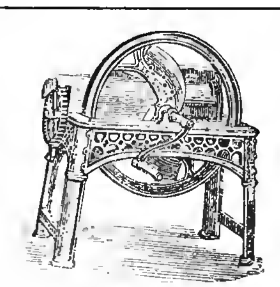
Концертный вокзалъ

„ОЗЕРКИ"

КОНЦЕРТЫ ЕЖЕДНЕВНО, подъ управленіемъ капельмейстера г. Флиге, начало въ 7½ часовъ. Цѣна за входъ 50 коп. АБОНЕМЕНТЪ 30 билетовъ по 25 коп.

Ресторанъ: обѣды, фриштики, ужины и à la carte во всякое время.

№ 159 1—1 **Эд. и Ю. Ломачъ.**

Соломорѣзки, вѣялки, молотилки и земледѣльческія орудія, насосы для глубокихъ колодцевъ, всякаго рода всасывающіе и нагнетательные насосы для дома, сада и конюшенъ, калифорнійскіе насосы для фабрикъ, пожарныя трубы и принадлежности предлагаетъ со склада

ТОВАРИЩЕСТВО

БУКГАРТЪ И УРЛАУБЪ.

С.-Петербургъ, Вас. островъ, 1-я линія № 14.

Москва, Мясницкая, домъ Сытова. № 158 1—1

Иллюстрированные каталоги по востребованію.

М. МОРГЕНШТЕРНЪ.

Большая Морская д. Лауфферта № 27.

ДЕПО АМЕРИКАНСКИХЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ

всѣхъ системъ, какъ-то: Зингера А отъ 50 до 60 р., Гау 50—60 р., Гровера и Бекера 65—85 р., Виллера и Вильсона 45—75 р., и друг. для семействъ и мастерскихъ 45 руб.

Спеціальныя машины для портныхъ, сапожниковъ, сѣдельник., каретник. и пр. отъ 60—250 р.

Вязательныя машины новѣйшихъ и лучшихъ конструкцій.

Большой выборъ ручныхъ машинъ всѣхъ системъ: Зингера отъ 38 до 45 р., Гау, 30—35 р. Гровера и Бекера 45—65 р., Гамильтонъ 35—43 р., Линкольнъ 28 р., Вашингтонъ 32 р., Литле, Ванцеръ 25 р. Реванія 35 р., Экспрессъ 15 р.

Письменная гарантія отъ 2 до 6-ти лѣтъ. Обученіе въ помѣщеніи или на дому безплатно; починка машинъ всѣхъ системъ; большой выборъ швейныхъ принадлежностей какъ то: иголокъ, катушекъ, питокъ, шелку и проч. по самымъ дешевымъ цѣнамъ.

Для Гг иногородныхъ покупателей принимаю ручательство за хорошую доставку машинъ, за упаковку ничего не считается. № 123 2—2

Н. Ф. КЮНЪ

извѣщаетъ почтеннѣйшихъ своихъ заказчиковъ, что немедленное исполненіе требованій, при большомъ скопленіи оныхъ, невозможно, и потому проситъ желающихъ имѣть его краски для малярнаго производства, дѣлать свои заказы заблаговременно. Прейсъ-Курантъ красокъ съ 50 образцами высылается безплатно. Казанская № 38.

С.-Петербургъ.

№ 157 3—1 **Н. Ф. КЮНЪ.**

КАВКАЗСКІЕ ДУХИ

Аида, Аллахъ-Верды, Гіацинтъ, Душистый Горошекъ, Свѣжее Сѣно, Тамара, Фіалка и друг. запахи.

Лотъ **25** коп., флаконы въ 45 коп. 65 коп. и 1 руб. рекомендуетъ Магазинъ **А-ла-Реноме** Невскій пр. № 3, близь Адмиралтейской площади.

№ 154

Перемѣщена изъ дома Лихачева № 58, кв. 13 рядомъ въ д. Графа Менгдена № 56, кв. 15, въ бель-этажѣ. № 156

ОБЩАЯ ПОЛЬЗА

УКАЗЫВАЕТЪ мѣста, квартиры дачи мебл. комн

СТАВИТЪ на прокатъ музык. инстр., мемель, и пр.

ПРОДАЖА имѣній, домовъ, дачъ и проч.

ПОКУПАЕТЪ / **ПРОДАЕТЪ** разн. вещи, золото, серебро бронзу, картины, платья, мебель и прочее.

ПРИНИМАЕТЪ на продажу на выгодныхъ условіяхъ.

ПРЕДОСТАВЛЕНІЕ денегъ подъ дома имѣній и векс.

Для отвѣтовъ прошу прилагать по 2 марки по мѣстности.

Дворян. Спб. купецъ Влад. Ив. де МАКЕ.

Невскій, д. № 56, кв. 15, входъ съ улицы, гдѣ въ частный ломбардъ въ бель-этажѣ.

КУМЫСЪ

ИЗЪ КОРОВЬЯГО МОЛОКА

за приготовленія котораго на

Парижской Всемірной Выставкѣ

1878 г. получена **Медаль.**

Въ настоящее время приготовляется въ Петербургѣ подъ наблюденіемъ Маг. Фарм. Э. Торей (съ разрѣш С.-Петерб. Врач. Упр.).

Продажа; Вас. Остр. на углу ср. прос. Загиб. пер. д. 29/10 кв. 36.

Цѣна за больш. шамп. б. 35 к. (без. стекл.)
„ „ ½ „ „ 20 к. „

Для покупателей количествомъ не менѣе 12 бут. и для пьющихъ цѣлый сезонъ, дѣлается уступка.

Въ магазинѣ книгъ

М. И. ПОПОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

МАЛАЯ САДОВАЯ, № 2.

поступила въ продажу

НОВАЯ КНИГА

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.

Романъ-хроника

Всеволода Соловьева.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ ИМПЕРАТОРА

ПЕТРА II.

Цѣна 1 руб. 75 коп.

СЪ ПЕРЕС. 2 р.

№ 142 3 3

При этомъ № для гг. иногор. подп. прилаг. 1) прейсъ-курантъ отъ чайн. маг. О. Корещенко въ Москвѣ. 2) объявл. отъ ред. газ. „Новости" въ С. Б.

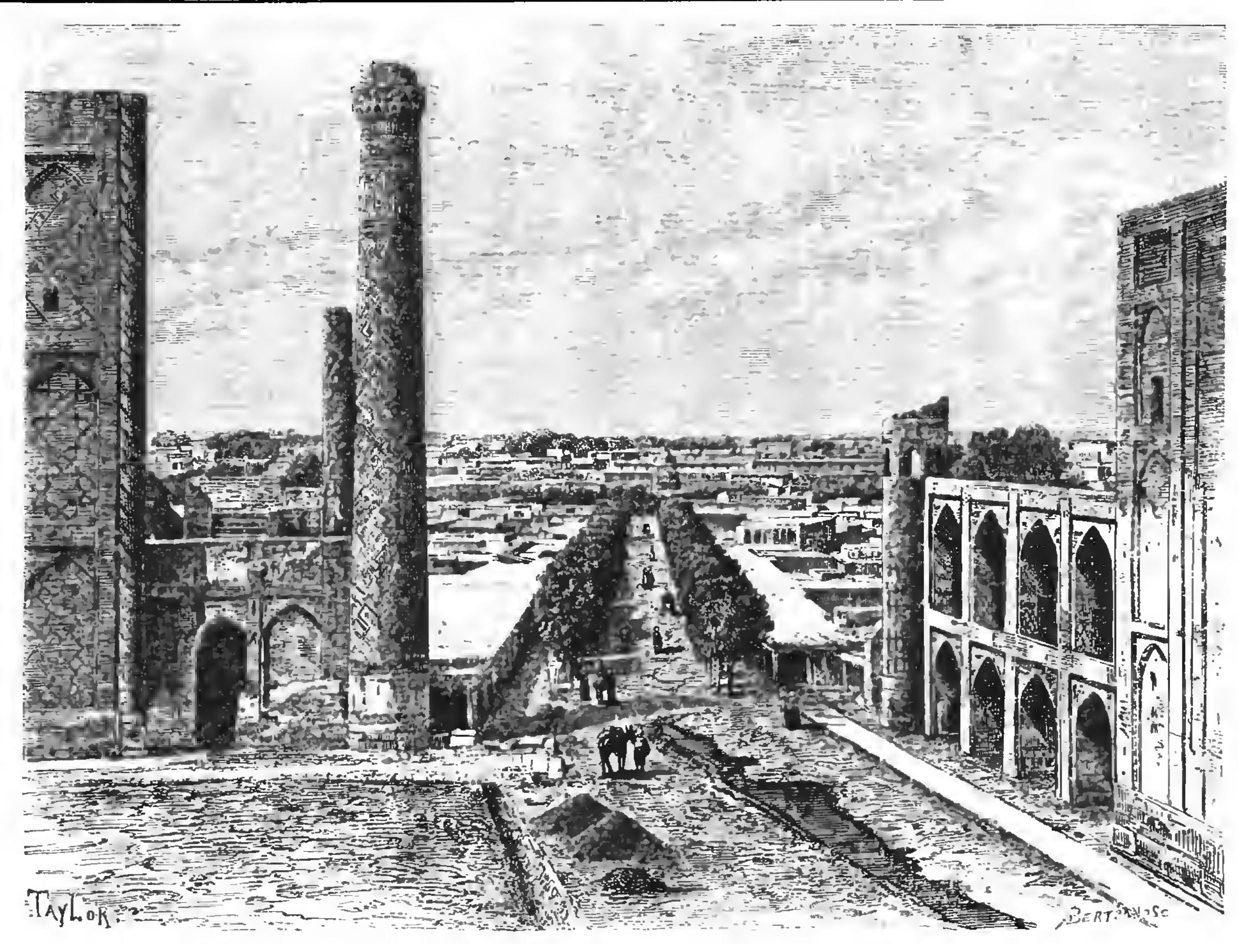

X годъ | годъ X

№ 23 | 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 модн рис.)
Выданъ 4 Іюня 1879 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40). Цѣна этого № „Нивы" 20 к. съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за ІЮНЬ съ 28 рисунками и отдѣльный листъ съ 26 чертеж. выкроекъ въ натуральн величин., съ 59 рис. рукод. раб. и множество иниціальныхъ буквъ.

1. Видъ города Самарканда съ Ригистанской площади. Рис. Тайлоръ, грав. Бертранъ.

Въ средней Азіи.

(Изъ записокъ русскаго путешественника).

— Не правда-ли таксыръ? [1]) грустно смотрѣть теперь на этотъ край?... А вѣдь не то было въ славныя времена Тура, Заида, Афросіаба, Рустема, Тимура и другихъ великихъ людей!... Видно Аллахъ разгнѣвался на родъ человѣческій за грѣхи,— за то, что не съумѣлъ сохранить въ чистотѣ истинную вѣру, завѣщанную Магометомъ.... Разгнѣвался Аллахъ и наслалъ на насъ грѣшныхъ всевозможныя бѣды. Отъ славныхъ могущественныхъ государствъ что осталось?... одни лишь воспоминанія. Что теперь эти богатые, красивые, многолюдные города?... громадныя и безобразныя развалины; только по нѣкоторымъ полуразрушеннымъ дворцамъ, медрессе [2]) и мечетямъ можно еще судить, — какія великія зданія воздвигали наши предки. Кишлаки [3]), сады и поля теперь безплодныя, песчаныя степи. А съ людьми что стало?... и выговорить страшно. Нѣтъ уже болѣе знаменитыхъ батырей, непобѣдимыхъ эмировъ, хановъ, бековъ—остались одни торгаши, готовые продать вѣру, честь, семью и родину! Страсть къ наживѣ такъ обуяла, что за какіе нибудь 120 руб. продали священный коранъ, писанный третьимъ калифомъ Османомъ....

Такъ говорилъ ученый мулла Хайрулла Юнусовъ, сопровождавшій меня изъ Ташкента въ Самаркандъ. По всей вѣроятности эти грустныя думы были навѣяны голою степью, которую мы пересѣкали. Погода стояла жаркая; ни малѣйшаго вѣтерка, ни однаго облачка на темно-синемъ небѣ, ни однаго кустарника, подъ тѣнью котораго можно бы было пріютиться отъ палящихъ лучей іюньскаго солнца; взглянешь на право, на лѣво назадъ или впередъ—повсюду одно и то же—песокъ, песокъ и песокъ. Къ этому еще мелкая пыль, густыми облаками несущаяся изъ подъ колесъ тарантаса и изъ подъ копытъ тройки бойкихъ степняковъ, быстро уносившихъ насъ по ровной, какъ скатерть дорогѣ. И мнѣ сердце жгла какою то неопредѣленною тоскою безотрадная картина, раскинувшаяся передъ нами. Желая какъ нибудь разсѣять тяжелое впечатлѣніе, я обратился къ муллѣ съ вопросомъ:

— Неужели вы увѣрены, что эта степь была когда нибудь населена и имѣла такой видъ?

— Прочтите Тимури-Табарихъ-наме и другія древнія писанія, послушайте старожиловъ и вы увидите.... отвѣтилъ мулла. Люди свѣдущіе говорятъ, что прежде соловьи перелетали съ дерева на дерево отъ самой священной Бухары до Ташкента. Ясно, вся страна была покрыта зеленью и люди пользовались всѣми земными благами, которыхъ потомъ ихъ лишилъ за грѣхи Аллахъ. Настали тяжелыя времена: одна война смѣнялась другою, населеніе гибло, земли пустѣли и страна стала пустыней... Одинъ Тимуръ—сколько пролилъ онъ человѣческой крови!...“

Облако пыли ворвалось нъ тарантасъ и обдало насъ бѣлымъ порошкомъ. Мулла закашлялся и замолчалъ. Когда облако разсѣялось, я снова принялся распрашивать почтеннаго ученаго, сильно меня заинтересовавшаго. Я еще мало былъ знакомъ съ Туркестанскимъ краемъ и въ особенности съ его исторіею.

— Какіе же памятники оставилъ послѣ себя Тамерланъ?

— Вотъ скоро будетъ одинъ, отвѣтилъ мулла. Тимуръ много хорошаго уничтожилъ,—да много и сдѣлалъ, чтобы слава о немъ перешла на долгіе вѣка изъ рода въ родъ.... И по дорогѣ услышите о немъ, а больше всего въ Самаркандѣ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ г. Джюзака [4]) или Ключеваго укрѣпленія, какъ его называютъ русскіе, тянутся высокіе холмы, которые образуютъ широкое ущелье Джеланъ-Ата, получившее свое названіе отъ рѣчки, когда-то многоводной, но теперь очень мелкой. По этому ущелью, усыпанному мелкимъ булыжникомъ и пескомъ, пролегаетъ почтовая дорога; одиннадцать разъ приходится переѣзжать въ бродъ черезъ рѣчку или, вѣрнѣе сказать, горный ручей Джеланъ-Ата. Почти у самаго входа въ ущелье, по обѣимъ сторонамъ дороги возвышаются двѣ громадныя скалы: лѣвая, нѣсколько наклонвая, покрытая сплошною массою мха и низкорослаго кустарника, правая же отвѣсная и голая скала. (Рис. 5) это ворота Тимура.

— Вотъ первый свидѣтель величія Тимурленга [5]), заговорилъ мой мулла.

Мы остановили ямщика, вылѣзли изъ тарантаса и подошли къ правой скалѣ. Мулла разсказалъ слѣдующее:

— Эти двѣ скалы называются Тамерлановыми воротами. Этимъ самымъ ущельемъ великій завоеватель проходилъ со своими несмѣтными полчищами, намѣреваясь наказать Китай, не хотѣвшій признать его ханомъ всего міра. Несмотря на добрые совѣты Кушбеги Кымары, Тимуръ выступилъ въ 743 [6]) году геджры изъ Кыныгеля. Но его мечтамъ не суждено было исполниться: у самыхъ предѣловъ Китая смерть постигла Эмира и его вѣрнаго Кушбеги. Погибъ могущественный повелитель Средней Азіи, Индіи и другихъ странъ, и царство распалось на мелкія Ханства. Правда, послѣ него царствовали великіе ханы, но Туркестанъ лишился уже навсегда единства и скоро дошелъ до того жалкаго положенія, въ которомъ онъ теперь.... Не одного Тимура пропускали эти ворота: много хановъ прошли здѣсь со своими войсками, тысячи людей пали подъ этими скалами, въ ужасныхъ, кровопролитныхъ сраженіяхъ. Вонъ на скалѣ два отшлифованныхъ камня! Видите, еще сохранились на нихъ надписи,—на одномъ персидская, на другомъ арабская. Надписи гласятъ: одна о пораженіи, нанесенномъ Эмиромъ Бухарскимъ Абдулла-Ханомъ Китай-Кипчакамъ, — пало столько, что вся рѣка окрасилась кровью. Другая надпись говоритъ о великой побѣдѣ, одержанной надъ монголами Улугъ-Бекомъ [1]). Черезъ эти ворота совершилось переселеніе калмыковъ и киргизъ.“

Задумавшись, стоялъ я передъ массивною скалою и смотрѣлъ на ея темные бока, изрытые глубокими трещинами, на надпись, напоминавшую страшныя событія, и на единственныхъ обитателей Тамерлановыхъ воротъ—грифовъ, гнѣздившихся въ трещинахъ скалы и рѣзкимъ крикомъ нарушавшихъ мертвую тишину мрачнаго ущелья. Мы поѣхали дальше по направленію къ Самарканду.

Однообразная степь кончилась, когда мы въѣхали въ долину Зарявшана. Все разомъ измѣнилось. Пустыни какъ не бывало: потянулись сады, поля, засѣянныя рисомъ, пшеницей, кукурузой, огороды съ низенькими глиняными заборами, арыки, тянувшіяся прямыми свѣтлыми лентами по разнымъ направленіямъ; отъ тала, карагачей, тута, урюковъ и другихъ деревьевъ вѣяло свѣжею зеленью и пріятною прохладою. Забывъ усталость, пыль, жару, мы упивались великолѣпнымъ воздухомъ и зрѣлищемъ. Близость большаго города была замѣтна. Вотъ мы доѣхали до быстраго Зарявшана, — священнаго Нила Средней Азіи, оплодотворяющаго всю Міанкальскую долину. Далеко по притокамъ и арыкамъ разносится его драгоцѣнная влага, питающая цѣлую страну. Хотя рѣка быстра и широка, черезъ нее переправляются однако въ бродъ. Насъ и вещи наши переместили на высокія арбы и мы почти вплавь двинулись къ другому берегу; за нами, подъ громкій крикъ ямщика, послѣдовалъ и тарантасъ. Все завертѣлось, задвигалось вокругъ насъ; то мнѣ казалось, что мы кружимся на одномъ мѣстѣ, то каждую секунду я ожидалъ, что лошади ослабѣютъ и насъ далеко занесетъ сильнымъ теченіемъ. Но, благодаря ловкости арбакеша (проводника) мы преодолѣли всѣ трудности, проплыли мимо двухъ гигантскихъ сводовъ, которые оказались остатками моста (рис. 2) постройки Абдула-Хана—взобрались на крутой противуположный берегъ и проѣхали городскую стѣну, глиняную, не ровную, мѣстами почти совсѣмъ обрушившуюся.

Тогда нашимъ глазамъ предсталъ во всей красотѣ Самаркандъ,—древняя столица Туркестана. Общій видъ города весьма оригиналенъ. (Рис. 1).

Изъ массы садовъ, низкихъ глиняныхъ стѣнъ, плоскихъ крышъ изъ камыша и земли, рѣзко выдѣляются высокіе минареты, башни, мечети, медрессе, — все древнія постройки прежнихъ Эмировъ, хотя и полуразрушенныя, но величественныя; узкія, кривыя улицы, темные базары подъ сводами, низенькія, крошечныя лавченки—все это весьма своеобразно. Когда-то Самаркандъ славился своими постройками, но теперь немного осталось отъ минувшей славы: непогоды, землетрясенія, невѣжество и апатія съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе разрушаютъ остатки мавританской архитектуры. Штукатурка отпадаетъ, разноцвѣтные изразцы трескаются, сваливаются въ большія груды и покрываются пылью и мусоромъ. За то съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе выростаетъ европейскій городъ: проводятся прямыя улицы, глиняныя лачуги замѣняются стройными кирпичными домами, бульвары тянутся по обѣимъ сторонамъ улицъ, пруды очищаются, садики красиво планируются. Базаръ, сожженный во время войны съ бухарцами, выстроенъ заново, лучше, чище и просторнѣе прежняго; на главной улицѣ виднѣется изящная церковь, во имя св. великомученика Георгія Побѣдоносца; кругомъ большой цитадели оставлена широкая эспланада для обстрѣливанія города; самая же цитадель совершенно перестроена русскими. Не далеко отъ церкви возвышается по серединѣ площади скромный бѣлый памятникъ надъ могилою офицеровъ и солдатъ, убитыхъ, во время осады Самаркандской цитадели, (рис. 3) возмутившимися беками шахрисябскимъ, уратюбинскимъ и другими. Здѣсь погребены: поручики Лепехинъ, Служенко и Губинъ. Около самой цитадели стоитъ другой, еще болѣе скромный памятникъ (крестъ на мраморной плитѣ) надъ могилою И. А. Хлудова, погибшаго въ то же время.

[1]) Таксыръ—господинъ.
[2]) Медрессе—училище.
[3]) Кишлакъ—осѣдлое поселеніе, зимовка у кочевниковъ.
[4]) Слово Джюзакъ значитъ адъ, — такъ называютъ городъ туземцы вслѣдствіе сильныхъ лихорадокъ въ немъ свирѣпствующихъ.
[5]) Тимуръ ленгъ хромой Тамерланъ; народъ назвалъ его хромымъ послѣ того, какъ онъ на одной байгѣ, т. е. скачкѣ, переломилъ себѣ ногу, свалившись вмѣстѣ съ лошадью
[6]) По мусульманскому лѣтосчисленію.

[1]) Улугъ-Бекъ былъ однимъ изъ лучшихъ военноначальниковъ при Тамерланѣ.

Заговоривъ объ этихъ памятникахъ, считаю не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о защитѣ цитадели.

30-го мая 1868 г., до 25 тыс. Шахрисябцевъ подъ предводительствомъ Джура-Бека и Баба-Бека, 15 т. Китай-Кипчаковъ во главѣ которыхъ былъ Адиль-Дахта и 15 т. Ургутцевъ, Пенджакендцевъ, и Самаркандцевъ подъ начальствомъ Гуссейнъ-Бека, Абдулъ-Гафаръ-Бека и Омаръ-Бека, ворвались въ Самаркандъ и осадили цитадель (рис. 4) въ которой заперся комендантъ Самаркандскій, маіоръ баронъ фонъ-Штемпель. съ отрядомъ въ 752 человѣка, при двухъ русскихъ орудіяхъ и 24 отбитыхъ до этого у бухарцевъ. Дѣятельными помощниками маіора въ защитѣ были подполковникъ Назаровъ и войсковой старшина Сѣровъ. Безъ труда овладѣвъ городомъ и сплошною стѣвою оцѣпивъ цитадель. непріятель въ теченіе десяти дней, непрерывно днемъ и ночью, тревожилъ слабый отрядъ защитниковъ. Чуть не каждый часъ приходилось нашимъ героямъ то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, то въ нѣсколькихъ мѣстахъ разомъ отражать приступы громадныхъ скопищъ мусульманъ; нѣсколько разъ непріятелю удавалось даже ворваться въ цитадель, но каждый разъ отъ дружнаго натиска защитниковъ, онъ былъ обращенъ въ бѣгство. Бухарцы еще потому были смѣлѣе, что хорошо знали численность гарнизона и, не смотря на это, гарнизонъ успѣвалъ совершать удачныя вылазки и въ свою очередь часто безпокоить непріятельское войско Насколько было безвыходно положеніе защитниковъ, можно судить изъ словъ самого барона Штемпеля: „Видя, что въ теченіе двухъ дней выбыло у насъ изъ строя около двухъ сотъ человѣкъ и что подобная убыль можетъ продолжаться и въ послѣдующіе дни, становилось ясно, что удержать всѣ стѣны цитадели можно было бы лишь дня два, не болѣе; затѣмъ непріятель ворвется, такъ какъ не хватило бы людей для обороны всѣхъ опасныхъ мѣстъ. По этому рѣшено было мною: когда истощатся всѣ усилія для обороны стѣнъ и непріятель ворвется въ цитадель, то всѣмъ собираться въ Эмировскій дворецъ обороняться до послѣдней крайности, а въ случаѣ прорыва и туда непріятеля, взорвать порохъ и снаряды.“ Но не два дня, а цѣлыхъ десять дней продержались герои; 8-го іюня ихъ выручилъ, наконецъ, генералъ Кауфманъ. Геройскія войска наши вездѣ, гдѣ бы ни были, одинаково—честь и гордость родины...

На слѣдующій день послѣ моего пріѣзда я поспѣшилъ посѣтить гробницу Тамерлана, называемую Гуръ-Эмиръ. (Рис. 6). Подобно всѣмъ памятникамъ тамерлановской эпохи, мечеть эта построена въ изящномъ мавританскомъ стилѣ. Гуръ-Эмиръ находится въ южной части города, правѣе Бухарскихъ воротъ, имѣетъ два минарета въ 80 футовъ вышины и два купола (одинъ большой, другой поменьше) ярко-бирюзоваго цвѣта. Хотя зданіе сильно пострадало отъ времени, но еще довольно много сохранились искусная лѣпная работа, разноцвѣтные изразцовые кирпичи и древнія куфическія надписи. Дворъ, ведущій къ этому святилищу магометанъ, весь вымощенъ квадратными, жжеными кирпичами. Съ правой стороны мечети продѣлано большое, украшенное рѣзьбою изъ карагачеваго (чернаго) дерева, окно, изъ котораго виднѣется значекъ Тамерлана. Вступивъ во внутренность храма, взорамъ посѣтителя представляется большое четыреугольное помѣщеніе, изъ котораго идетъ темный корридоръ съ дверями, ведущими въ нѣсколько маленькихъ комнатъ, предназначенныхъ для муллъ; въ эти комнатки свѣтъ проникаетъ только черезъ небольшія окошки, вдѣланные въ потолокъ. Въ концѣ корридора находится обширное, свѣтлое помѣщеніе, въ которомъ покоится прахъ знаменитаго Тимура. Надъ могилою лежитъ черный камень, почитаемый мусульманами святынею, на которомъ вырѣзаны молитвы и имена предковъ Тимура. Тамъ же похоронено нѣсколько приближенныхъ Эмира. Въ прежнее время могильный камень былъ окруженъ изящною, рѣзною, мраморною рѣшеткою, отъ которой сохранился только небольшой кусокъ. Нынѣ, по приказанію генералъ-губернатора, рѣшетка эта реставрирована. Въ боковыхъ часовенкахъ погребены жены грознаго Эмира и члены его семьи. Недалеко отъ Гуръ-Эмира возвышается мечеть Рахватъ, построенная Тимуромъ въ память святаго Хозрети-Рахватъ. (Рис. 7.)

Въ тотъ же день, руководимый муллою, я посѣтилъ мечеть, воздвигнутую Тимуромъ надъ могилою святаго Кутубъ-Чардагюма, дворецъ Кугъ-Ташъ и Медрессе-Ханымъ. Въ особенности послѣднія два зданія достойны вниманія. Дворецъ Эмира Кугъ-Ташъ (нынѣ въ немъ русскій госпиталь) расположенъ внутри цитадели. Названіе свое дворецъ получилъ отъ сѣраго камня, находящагося въ одномъ изъ его внутреннихъ дворовъ, подъ крытой деревянной галлереей. Камень имѣетъ $1\frac{3}{4}$ аршина ширины и $4\frac{1}{2}$ аршина длины, противъ него вставленъ въ стѣну другой камень (на которомъ вырѣзано имя Шейха-Ахмеда) формою своею очень похожій на гусиное яйцо, а по сторонамъ его виднѣются на стѣнѣ двѣ каменныя доски, исписанныя молитвами изъ корана.

Издалека пріѣзжаютъ благочестивые Ходжи (прямые потомки Магомета) для поклоненія Кугъ-Ташу. По преданію онъ привезенъ изъ Китая. Около камня передъ небольшою площадкою стоялъ тронъ Тимура, на которомъ Эмиръ возсѣдалъ въ дни суда и расправы.

Въ сѣверной части Самарканда возвышается Медрессе-Ханымъ. Издали можно видѣть его три башни и многочисленные куполы. Зданіе это сооружено старшею женою Тамерлана. Чтобы войти въ него, нужно подняться на 90 футовъ по большой каменной лѣстницѣ, затѣмъ пройти длинный корридоръ, оканчивающійся рѣзною дверью, исписанною изрѣченіями. Внутри храма находятся комнаты: одна для муллъ, три для совершенія пяти намазовъ, одна со сводами — пріемная, устланная коврами, и одна темная, въ которой, какъ утверждаютъ фанатики муллы, покоится прахъ святаго Шахъ-Зинды (живаго Царя). Изъ послѣдней постоянно раздается странный, неопредѣленный шумъ, похожій на журчанье ручейка. Шумъ производится вѣтромъ, дующимъ въ раковину, находящуюся въ глубинѣ комнаты; но мусульмане объясняютъ это иначе: они говорятъ, что покоящійся въ этой комнатѣ святой Шахъ-Зинда живетъ и по настоящее время и скрывается тамъ въ ожиданіи конца міра и что именно онъ производитъ этотъ шумъ.

Хотя и очень усталый, но весьма довольный видѣннымъ и слышаннымъ, вернулся я въ гостинницу, оставивъ на слѣдующій день дальнѣйшій осмотръ достопримѣчательностей Самарканда.

Н. Стремоуховъ.

„Забытое слово“

Разсказъ Г. Шталя.

(Окончаніе).

Безконечные, томительные дни тянулись для Евгенія. Ни строчки отъ нея и ни слова не могъ онъ переслать ей. Шпіоны, окружавшіе ее, слѣдили зорко. Съ утра до поздней ночи жилъ онъ мучительно-нервнымъ ожиданіемъ. переходя отъ надежды къ отчаянію. Проходилъ день, наступалъ другой—и опять испытывалъ онъ всю лихорадку обманутыхъ надеждъ и ожиданій, а тамъ снова предстояла та же Сизифова работа. Монотонныя кассирскія занятія, эти цифры, цифры и цифры, сдѣлались для него невыносимы. А между тѣмъ, за нимъ слѣдили. Товарищи и Керри подсматривали за каждымъ шагомъ, за каждымъ жестомъ измученнаго человѣка. Все подмѣченное перетолковывалось, объяснялось въ желаемомъ смыслѣ. Его разстроенный видъ, его нервныя движенія доставляли обильную пищу сплетнямъ въ конторѣ. Какъ-то разъ онъ сдѣлалъ ошибку въ счетѣ. Робертъ поспѣшилъ немедленно сообщить объ этомъ банкиру.

Шесть недѣль прошло уже съ тѣхъ поръ, что Евгеній не видѣлъ Джэнъ. Наступилъ день, когда дѣвушка была формально обручена съ другимъ. Молодой человѣкъ снова за своимъ бюро, за столбцами цифръ и опять—съ тоской и мученіемъ онъ и отчаивается, и вновь надѣется. Сегодня—ему, почему-то, еще тяжелѣе, еще невыносимѣе. Точно камень въ головѣ и сердцѣ. Едва могъ онъ досидѣть до конца занятій. Наконецъ пришелъ часъ, когда хоть отъ этой пытки можно было отдѣлаться. Надо было запирать кассу.

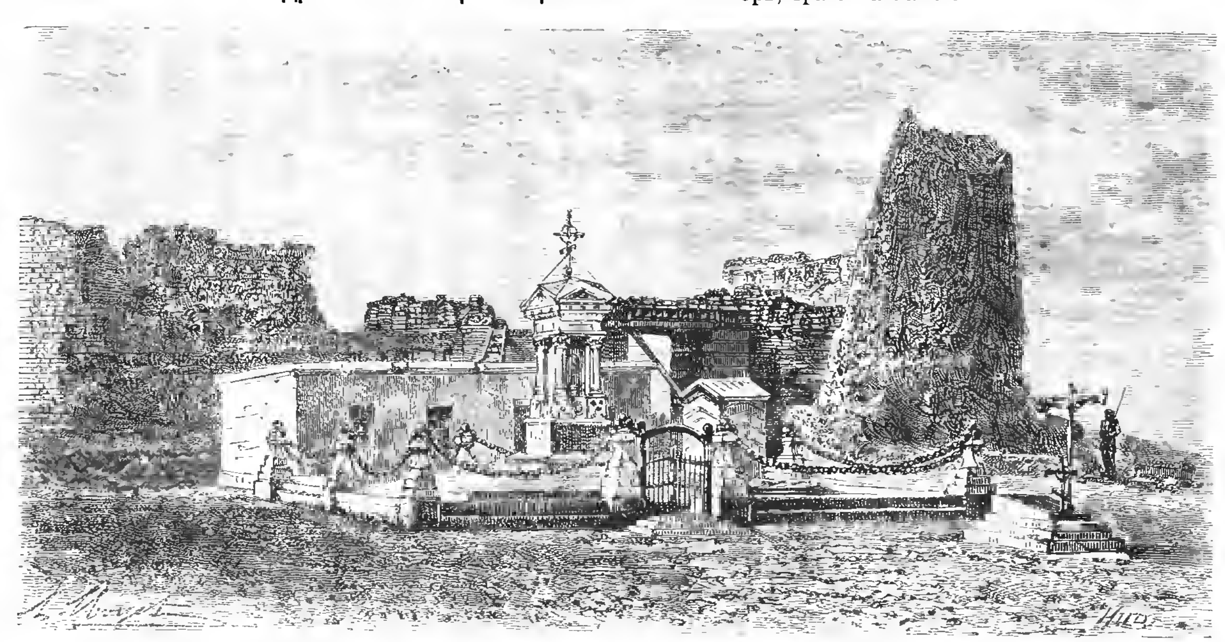
Сегодня — опять никакого извѣстія отъ нея! Его тусклые глаза смотрѣли, не видя, куда-то прямо впередъ; нѣсколько минутъ еще, какъ деревянный сидѣлъ онъ на своемъ мѣстѣ. Наконецъ—рѣшился встать и запереть кассу.

Читателю, можетъ быть извѣстно, что сложный механизмъ большихъ денежныхъ шкафовъ британской фабрикаціи устроенъ такимъ образомъ, что пружины замка обозначены нѣсколькими металлическими буквами; кассиръ, желая запереть замокъ, можетъ располагать пружины, каждый разъ, по своему усмотрѣнію, составляя изъ буквъ какое-нибудь слово, которое знаетъ только одинъ онъ. Только зная это слово и можно отпереть кассу.

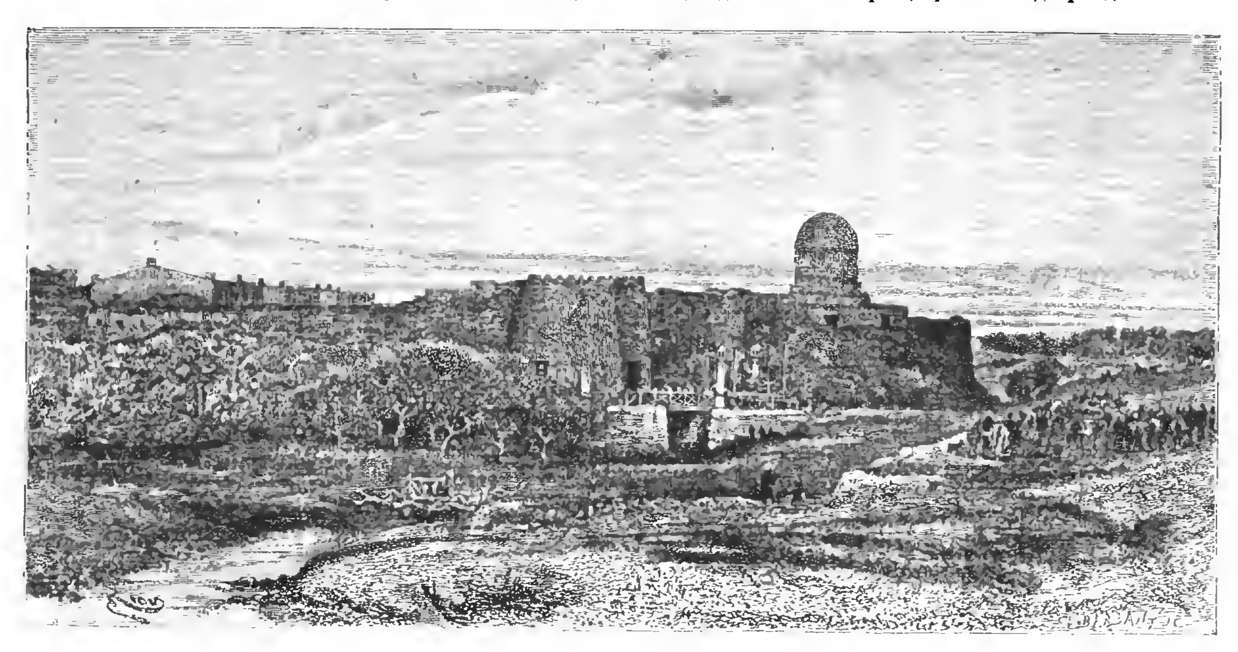
Въ ту минуту, когда Евгеній располагалъ уже пружины замка,—въ комнату, неожиданно, быстро вошла какая-то пожилая женщина, и, положивъ на бюро письмо, также быстро и неожиданно вышла. Молодой человѣкъ еще не опомнился; онъ держалъ руку на тяжелой дверцѣ шкафа и машинально составлялъ слово.

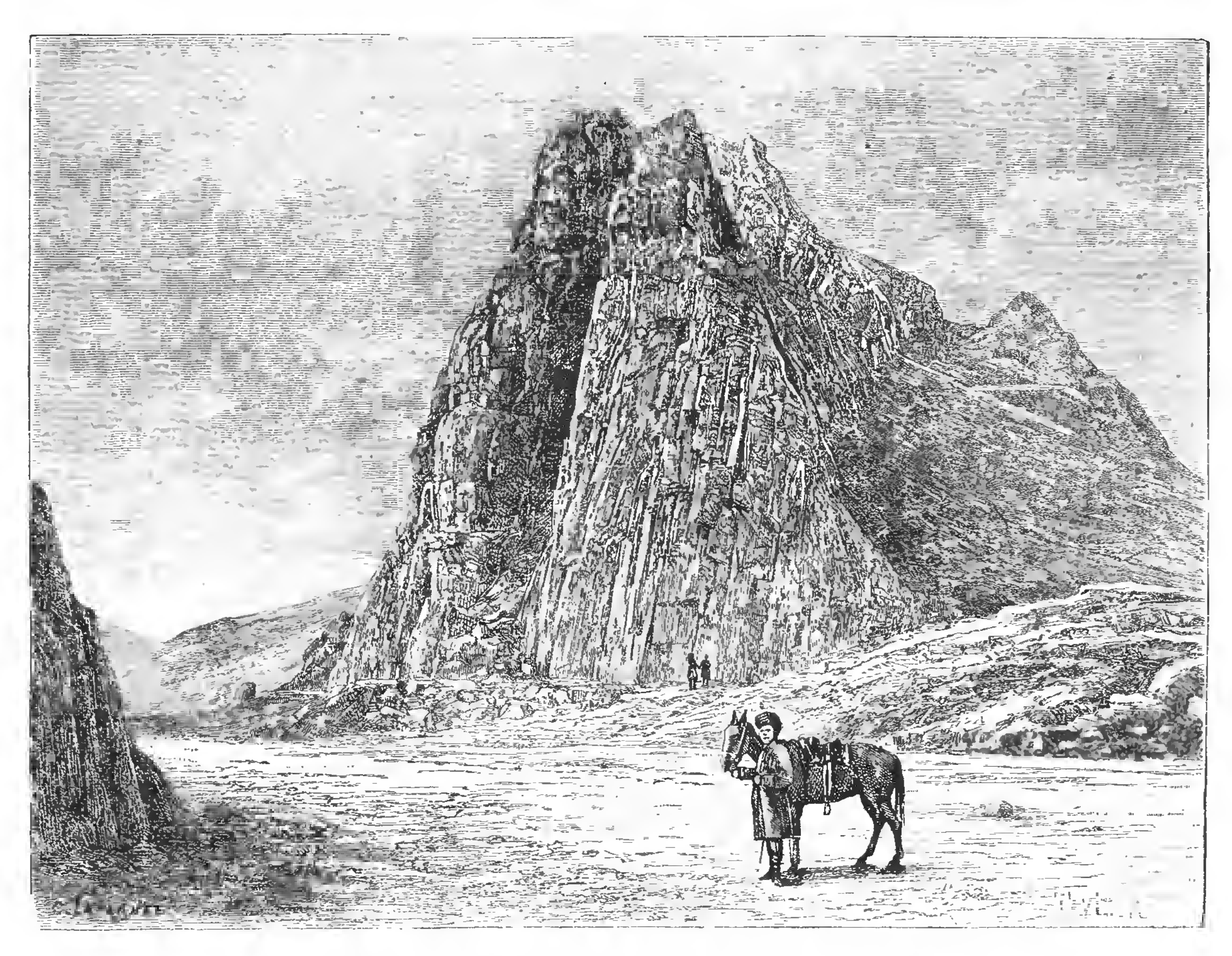
2. Древній мостъ на рѣкѣ Зарявшанѣ. Рис. Тайлоръ, грав. Лаплантъ.

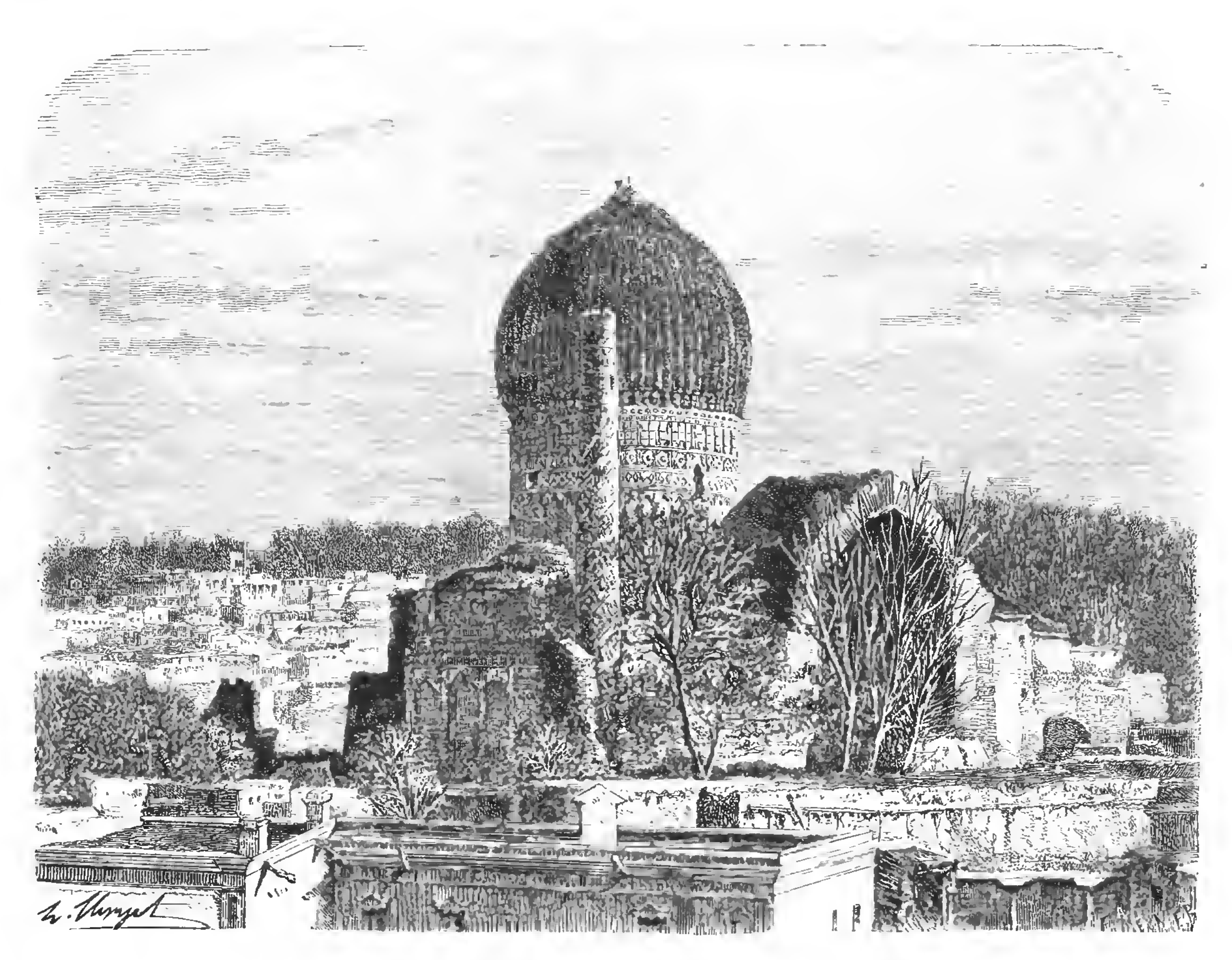
3. Памятникъ надъ могилами русскихъ близь Самаркандской цитадели. Рис. Клерже, грав. Гильдебрандтъ.

4. Ворота Самаркандской цитадели. Рис. Ріу, грав. Гильдебрандтъ.

5. **Тамерлановы ворота близъ г. Самарканда.** Рис. Тайлоръ, грав. Лаплантъ.

6. **Тамерланова гробница (Гуръ Эмиръ).** Рис. Клержс, грав. Монье.

Одного взгляда было ему достаточно, чтобы узнать любимый почеркъ. Онъ бросился къ запискѣ—въ ней была всего одна строчка.... „Все кончено—я отдана ему. Мнѣ только осталось умереть. Твоя навѣки“...

— Потеряна! простоналъ Евгеній и, безъ чувствъ, упалъ на полъ.

А дверца шкафа, предоставленная самой себѣ, съ шумомъ захлопнулась и плотно прикрыла дѣла и суммы банка и консульства.

Евгеній, привезенный уже поздно вечеромъ — домой однимъ изъ слугъ при конторѣ, провелъ безсонную, горячечную ночь—бредъ и галлюцинаціи почти не оставляли его; когда же наступали краткія минуты реакціи и онъ приходилъ въ себя — имъ овладѣвало одно безумное желаніе—знать—что теперь съ Джэнъ, но, больше всего,—видѣть, видѣть ее! Горячечное состояніе, однако, скоро брало свое и снова работало распаленное воображеніе. Будто ясновидящій, угадывалъ онъ, видѣлъ онъ все, что происходило.... Ярко освѣщенный домъ, у подъѣзда останавливается одна карета за другой. Оттуда выходятъ разодѣтые гости. Слышны звуки оркестра. Вотъ—Джэнъ. Блѣдная, неподвижная какъ мраморное изваяніе, она, повидимому, не слышитъ привѣтствій этой праздничной толпы, которая окружаетъ ее. Но—чаша переполнилась, ее душатъ рыданія. Она и успѣла какъ-то выбѣжать изъ биткомъ набитой, шумной залы и запереться въ своемъ укромномъ будуарѣ; здѣсь, молодая дѣвушка дала полную волю слезамъ. О! какъ бы она убѣжала теперь изъ этаго ненавистнаго дома!... Чу!—какая-то карета медленно ѣдетъ мимо, не уйдти ли, не сѣсть ли въ нее, и уѣхать къ нему....

Еслибы она знала, что эта самая карета везла безчувственнаго Евгенія!

Изъ залы донеслись плавные аккорды полонеза. Какая-то горячая рука взяла ее холодную ручку. Дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу. Сразу, ясно, очевидно представился Джэнъ весь ужасъ новаго, невыносимаго положенія. Чувство отвращенія къ ненавистному браку, негодованія противъ себя самой за данное, хотя и вынужденно, слово наполнили все существо несчастной дѣвушки. Но — въ ней не было силъ сопротивляться тому, что ей казалось роковымъ.

Какъ истуканъ, пошла она, куда ей указали—въ ослѣпительно-освѣщенную залу, гдѣ гремѣла музыка и весело двигалась блестящая толпа приглашенныхъ.

На слѣдующій день былъ праздникъ. Обыкновенно въ такіе дни въ конторѣ не занимались а приходили иногда только тѣ изъ служащихъ, которые имѣли особое, неотложное дѣло.

Утромъ послѣ тяжелой ночи, Евгеній, поддерживаемый нервнымъ возбужденіемъ, всталъ и, повинуясь привычкѣ, пошелъ въ контору. Онъ забылъ о праздникѣ, забылъ обо всемъ. Онъ двигался какъ автоматъ.

Въ конторѣ было пусто и тихо, Евгеній вошелъ въ свой кабинетъ. Медленно обвелъ онъ глазами вокругъ себя, будто не узнавъ сразу—гдѣ онъ. На столѣ лежалъ конвертъ отъ записки Джэнъ, шкапъ стоялъ, какъ всегда, на своемъ мѣстѣ, сіяя своими желѣзными украшеніями какъ блестящею броней. Молодой человѣкъ подошелъ съ намѣреніемъ отпереть—и вдругъ остановился: *онъ забылъ слово!* Напрасно дѣлалъ онъ усилія надъ своею ослабѣвшею памятью—слово не приходило. Безсмысленно смотрѣлъ онъ теперь на изукрашенное желѣзо кассы, на замысловатый замокъ—отпереть могъ только тотъ, кто расположилъ буквы этого замка, иначе приходилось ломать кассу. Ему припомнилось въ эту минуту, что британецъ—мастеръ, по порученію самаго хозяина, на дняхъ уѣхалъ въ Лондонъ и возвратится не скоро.

Однако, надо-же найдти секретъ, секретъ, извѣстный ему! Но—это оказалось выше его силъ. Тщетно напрягалъ онъ мысли, старался сосредоточиться—ничего не помогало. Овладѣвшее имъ раздраженіе выражалось въ безпорядочныхъ, порывистыхъ движеніяхъ. Онъ то, въ какой-то дикой, слѣпой злобѣ, метался по комнатѣ, то подбѣгалъ къ шкафу и начиналъ изо всѣхъ силъ трясти массивную дверцу; затѣмъ, торопливо сѣлъ къ своему бюро и сталъ писать первыя попавшіяся слова.

— Это слово.... буквы, безсвязно повторялъ онъ.

Ему захотѣлось вдругъ закричать изо всѣхъ силъ, закричать на весь домъ, на весь міръ, и онъ, какъ безумный, бросился изъ конторы на улицу.

— Стойте, стойте. куда вы такъ бѣжите? громко спросилъ какой то голосъ и чья-то рука схватила его за плечо.

Предъ молодымъ человѣкомъ стоялъ, заграждая ему путь, знакомый докторъ, лечившій его рану и отъ души полюбившій Евгенія.

Несчастный не узнавалъ пріятеля. Съ минуту онъ молча смотрѣлъ на него помутившимися глазами.

— Помогите, помогите мнѣ, заговорилъ онъ вдругъ,—слово! только это слово!...

Опытный врачъ сейчасъ же понялъ, что, вслѣдствіе какихъ-то неизвѣстныхъ ему причинъ, нервная система Евгенія чрезвычайно сильно потрясена и что необходимо серьезное леченіе. Онъ рѣшился немедленно принять необходимыя мѣры и—чрезъ часъ молодой страдалецъ былъ уже помѣщенъ въ лечебницѣ душевныхъ болѣзней.

Первымъ дѣломъ Роберта, на слѣдующій день, было донести банкиру, что въ кабинетѣ кассира странный безпорядокъ, самаго кассира нѣтъ, шкафъ запертъ. Тотчасъ же послали на квартиру къ Евгенію, хозяйка отвѣчала, что наканунѣ вечеромъ видѣла жильца только на минуту. Онъ, съ какимъ-то другимъ уѣхалъ—куда, ей неизвѣстно (докторъ, вѣроятно, не успѣлъ ей сказать ни слова).

— Птичка вылетѣла изъ клѣтки, г. консулъ, съ злобной усмѣшкой произнесъ Робертъ, когда въ кассу вошелъ банкиръ, держа въ рукахъ крупный счетъ, по которому надо было произвести уплату.

Консулъ, далеко не такой злой и подозрительный, какимъ былъ, постоянно надоѣдавшій ему своими сплетнями, Керри, бросилъ на говорившаго взглядъ, въ которомъ ясно можно было прочесть выраженіе досады.

— Чему вы радуетесь? Этого я не ожидалъ отъ васъ. Я еще не имѣю никакихъ подозрѣній, сухо возразилъ онъ Роберту.

Но тотъ хотѣлъ достигнуть своей цѣли и достигъ ея. Послѣ всевозможныхъ розысковъ въ банкѣ, въ квартирѣ Евгенія, розысковъ, не приведшихъ ни къ какимъ результатамъ, въ главной мѣстной газетѣ появилось извѣщеніе о бѣжавшемъ кассирѣ. Шкафъ рѣшено было не трогать до возвращенія мастера.

Графиня Козенца сидѣла одна въ своемъ богатомъ будуарѣ. Тѣ, кто еще не много времени тому назадъ, любовались красавицей Джэнъ Тайлоръ, съ трудомъ узнали бы теперь ее въ этой блѣдной, осунувшейся женщинѣ. Исхудавшее, но еще прекрасное, лицо носило явные слѣды тяжелыхъ душевныхъ страданій. Что оставалось ей впереди! Всѣ блага, которыми судьба краситъ жизнь людей—молодость, богатство, блескъ положенія—все это потеряло значеніе для нея. Жизнь была разбита, роскошь не могла веселить ее—она и не замѣчала ея, а высокое положеніе далъ ей нелюбимый человѣкъ, силой навязанный ей въ мужья. Къ нему она питала непобѣдимое, нервное отвращеніе и едва могла переносить его присутствіе. Джэнъ сознавала, что продолжать такое существованіе она не въ состояніи; но, избѣгая всякаго сближенія съ мужемъ, твердо рѣшилась остаться вѣрною женою ему—она была слишкомъ чест-

на, чтобы обманывать. Съ такими-то чувствами она должна была выполнять свѣтскія обязанности высокородной графини Козенца, постоянно выѣзжать, принимать у себя, должна была „блистать по заказу", по желанію мужа.

Умомъ и сердцемъ она принадлежала Евгенію; на немъ одномъ была всецѣло сосредоточена ея мысль. Но и тутъ она находила мало утѣшенія, - эта мысль о любимомъ человѣкѣ была отравлена сознаніемъ, что онъ потерянъ для нея по ея же собственной винѣ. Зачѣмъ она покорилась, зачѣмъ она уступила несправедливымъ требованіямъ? Отчего у нея не хватило рѣшимости завоевать себѣ счастіе?.. Тяжко было ей сознавать это.

Она сидѣла погруженная въ воспоминаніе о тѣхъ немногихъ счастливыхъ минутахъ, которыя удавалось ей урывкомъ проводить съ нимъ. Передъ молодой женщиной стоялъ тотъ самый маленькій столикъ изъ ея прежняго, дѣвичьяго будуара, за которымъ, не разъ, оба они разговаривали, склонясь другъ къ другу и на которомъ она, обыкновенно, писала ему свои коротенькія, но полныя любви письма. Теперь она поставила сюда роскошно изукрашенный ящичекъ. Въ немъ было все, чѣмъ она дорожила больше всего на свѣтѣ: вотъ цвѣты, бѣдные, завядшіе цвѣты—это онъ далъ ихъ ей на разныхъ балахъ; а вотъ—его письма: въ нихъ иногда всего на всего два, три слова, но сколько сказано въ этихъ дорогихъ ей словахъ! Чувство „прошлаго" охватило ее, на минуту она жила, она дышала этимъ прошлымъ... невыносимо было ей пробудиться, оглянуться вокругъ себя, увидѣть дѣйствительность. Горько заплакала она надъ своими бѣдными цвѣтами, надъ письмами любимаго человѣка.

Въ эту минуту дверь съ шумомъ растворилась и въ комнату торопливо вошелъ Тэйлоръ.

— Джэнъ, прямо началъ онъ, ты должна меня поблагодарить и поблагодарить хорошенько! Знаешь ли, отъ какого человѣка я тебя избавилъ? Представь себѣ—онъ, нѣсколько дней назадъ, бѣжалъ и, говорятъ, съ большой суммой денегъ—касса банкира заперта и ее никакъ не могутъ отпереть!

Джэнъ вытянулась во весь ростъ, но зашаталась и, какъ скошенная, упала къ ногамъ Тэйлора.

— Папа́, папа́—пощади! вырвалось у нея, пощади!..

— Я тебѣ говорю, что онъ бѣжалъ, бѣжалъ съ деньгами!

— Это... это... невозможно... едва могла она произнести голосомъ, прерывавшимся рыданіями.

Въ будуаръ неожиданно вошелъ графъ. Сцена, очевидно, шокировала аристократа. Онъ почти со злобой взглянулъ на человѣка, который устроилъ ее у него въ домѣ. Съ первыхъ же дней замужества, Козенца далъ понять Тэйлору, что не желалъ видѣть въ немъ родственника и терпѣлъ его у себя по необходимости. Теперь ему представлялся случай отдѣлаться отъ тестя и онъ поспѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ.

— Прошу васъ выдти отсюда, сухо сказалъ онъ ему, вы уже не пользуетесь никакою властью надъ вашею дочерью—она моя жена. Надѣюсь, что вы болѣе не побезпокоитесь пріѣзжать сюда.

Тэйлоръ теперь только убѣдился, что разсчетъ его оказался невѣрнымъ—знатное родство не повело ни къ чему, сіятельный зять отказывался ввести его въ тотъ кругъ, куда давно влекло его затаенное тщеславіе. Генуэзская аристократія не долюбливала купцовъ по нѣкоторымъ особымъ причинамъ. Многіе изъ дворянъ разорились и дворцы, въ теченіе столѣтій принадлежавшіе древнимъ, гордымъ родамъ, перешли въ руки разбогатѣвшихъ торговцевъ.

Жестокія слова, произнесенныя мужемъ, обида, нанесенная отцу, болѣзненно отозвались въ доброй, преданной душѣ Джэнъ, припадокъ усилился и пришлось послать за докторомъ. Молодая женщина не имѣла довѣрія къ модному эскулапу мѣстной haute volée и пожелала видѣть опытнаго, серьезнаго врача, постоянно лечившаго въ домѣ Тэйлора. Но, прежде всякихъ лекарствъ, прежде всего—ей надо было узнать—и, какъ можно скорѣе, скорѣе!—вѣрно ли то ужасное извѣстіе, которое такъ безжалостно было ей сообщено отцемъ.

Чрезъ полчаса къ графинѣ вошелъ ея личный адвокатъ. Къ сожалѣнію, онъ не зналъ еще ничего положительнаго и, не смотря на все желаніе, могъ только показать ея сіятельству печатное заявленіе банкира. Пересиливъ себя, Джэнъ бросила бѣглый взглядъ на газету и сердцемъ угадала злую руку Роберта Керри.

Юриста смѣнилъ докторъ, тотъ пожилой, добрый докторъ, котораго она ждала. Осторожно, деликатно, почти съ отеческою нѣжностью приступилъ искусный психіатръ къ своей діагностикѣ. Молодая женщина сразу увидѣла, что врачъ ищетъ истинную причину болѣзни, что пришелъ лечить не тѣло, а ея измученную душу. Сердце ея было слишкомъ полно горечью, ей надо было облегчить себя, высказать свое горе кому нибудь, кто съумѣетъ понять и утѣшить. И она разсказала ему всю грустную исторію своей любви.

— И это ложь, ложь! страстно воскликнула она, дойдя, въ заключеніе своего разсказа, до переданнаго ей извѣстія о побѣгѣ Евгенія, это ложь! Клянусь, что онъ честный человѣкъ, клянусь!..

— Вы правы, графиня,—это ложь! сказалъ докторъ, все время безмолвно слушавшій горячую, порывистую рѣчь Джэнъ. Я знаю, что это не правда. Случай свелъ меня съ нимъ въ тотъ день, когда вы были потеряны для него и его разсудокъ помрачился. Но—тутъ есть еще что-то непонятное. Онъ постоянно повторялъ одно слово—признаться, я забылъ, никакъ не могу вспомнить этого слова. Онъ повторялъ его съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ.

Одна мысль, неожиданно, поразила Джэнъ. На нее точно снизошло откровеніе.

— Боже мой! вскрикнула она, я догадываюсь—онъ не можетъ отпереть шкафа!...

Оба на минуту замолчали.

— Гдѣ онъ? я должна его видѣть.

— Евгеній—въ сумасшедшемъ домѣ.

Рано утромъ на слѣдующій день, тихо отворилась калитка палаццо Козенца и изъ нея осторожно озираясь кругомъ, вышла Джэнъ, одѣтая вся въ черномъ. Хотя молодой женщинѣ и нечего было бояться въ этотъ ранній часъ, на улицѣ, безъ того, по обыкновенію пустынной, не было ни души,—но она была въ странномъ волненіи; ей впервые приходилось выдти совершенно одной на улицу, смѣшаться съ толпой, а между тѣмъ—страстное желаніе увидѣть, наконецъ, любимаго человѣка, оставленнаго всѣми, брошеннаго въ сумасшедшій домъ—неудержимо влекло ее впередъ. Ея колебанія продолжались недолго и чрезъ минуту, она уже рѣшительно и быстро шла по улицѣ. Но вотъ, къ счастью, фіакръ. Джэнъ поспѣшно вскочила въ экипажъ. Невольно защемило ея сердце, когда пришлось сказать—куда надо везти ее! Вскорѣ, по выѣздѣ за городъ, вдали, точно изъ земли, выдвинулось громадное красное зданіе, обнесенное высокими стѣнами. Безчисленныя, рѣшетчатыя окна были отворены только въ верхней части, какъ въ темницахъ. Невыносимо подавляющее впечатлѣніе произвелъ на молодую женщину этотъ мрачный домъ скорби; но, она старалась быть твердой и подавила душившія ее слезы, она знала, что наступила минута, отъ которой зависѣло счастіе всей ея жизни, что если Богъ не послалъ бы ей силъ, поддерживающихъ вѣрующихъ и приносящихъ исцѣленіе страждущимъ—она навсегда потеряла бы того, для кого пріѣхала сюда. Когда фіакръ остановился у воротъ — Джэнъ совершенно уже владѣла собой.

У входа она увидѣла нѣсколькихъ служителей; при-

вышіе довольно небрежно относиться къ массѣ посѣтителей, большинство которыхъ посѣщало домъ изъ любопытства, они, однако, на этотъ разъ вѣжливо встрѣтили даму, благородная осанка которой внушила имъ невольное уваженіе. Джэнъ проводили къ директору; когда же она назвала ему имя своего доктора,—онъ не только предложилъ ей тотчасъ же навѣстить больнаго, но, на ея просьбы, разрѣшилъ войдти къ нему одной.

Минуту спустя, молодая женщина стояла передъ дверью комнаты, отведенной Евгенію... Какъ ни крѣпилась она, но ей надо было теперь собраться съ духомъ. Съ чисто женскимъ инстинктомъ приготовилась Джэнъ къ дѣлу спасенія любимаго человѣка, котораго поклялась себѣ возвратить къ жизни, къ свѣту. На ней было то самое платье, въ которомъ онъ видѣлъ ее въ первый разъ, поверхъ она накинула, тоже знакомый ему, свѣтлоголубой китайскій платокъ, напитанный сильными восточными ароматами.

Тихо отворила она дверь и безмолвно остановилась на порогѣ...

Евгеній полулежалъ на оттоманѣ, одной рукой онъ поддерживалъ голову, другая безпомощно свѣсилась съ дивана. Джэнъ вошла очень осторожно, но онъ, все таки, услышалъ легкій шелестъ ея платья и приподнялся съ своего мѣста.

Поразительно былъ хорошъ Евгеній, въ эту минуту, не смотря на больничную одежду, не смотря на алебастровую блѣдность лица, на которое безпорядочными прядями ниспадала волна золотистыхъ волосъ. Молча, съ полуоткрытымъ ртомъ, уставился онъ на вошедшую; въ его глазахъ, однако, не было ничего страшнаго, это не былъ взглядъ сумасшедшаго, а скорѣе—лунатика, или же человѣка, вглядывающагося въ какой нибудь миражъ, созданный галлюцинаціей. Онъ сложилъ руки и продолжалъ смотрѣть на Джэнъ какъ будто съ безмолвной мольбой.

Молодая женщина приблизилась къ нему.

— Евгеній... произнесла она, съ глубокой нѣжностью въ голосѣ.

Больной, со вниманіемъ, прислушался къ голосу, онъ будто припоминалъ теперь знакомые звуки, хотя, очевидно не узнавалъ говорившую. Она положила руку ему на голову. Онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и остался неподвиженъ, какъ подъ вліяніемъ какой-то высшей силы, которой надо повиноваться, которая спасаетъ и избавляетъ...

Но, это продолжалось недолго. Снова овладѣлъ имъ мрачный духъ безумія... Онъ сдѣлался безпокойнымъ, отвернулся отъ молодой женщины, уставившись въ полъ и бросая на нее только отрывистые, недовольные взгляды исподлобья; ноги судорожно двигались. Больной дышалъ тяжело и прерывисто, какъ бы силясь и желая сказать что-то. Джэнъ невыносимо было смотрѣть на страданія его, ясно выражавшіяся въ исказившемся лицѣ, въ стиснутыхъ зубахъ.

— Я не могу вспомнить... вспомнить не могу... съ чрезвычайнымъ усиліемъ проговорилъ онъ наконецъ.

И онъ началъ повторять эти слова, однимъ и тѣмъ же голосомъ, однимъ и тѣмъ же тономъ, безконечное число разъ, будто забывъ о присутствіи посторонняго. Нѣсколько минутъ—минутъ, показавшихся Джэнъ цѣлыми годами—Евгеній молчалъ и, повидимому, немного успокоился. Молодая женщина поняла, что должна дѣйствовать рѣшительно. Она сѣла рядомъ съ нимъ и, крѣпко обнявъ его, незамѣтно набросила ему на руку конецъ голубаго платка.

— Голубой! произнесъ онъ и, приподнявъ платокъ, приложилъ его къ лицу. Сильные духи заставили его вздрогнуть, какъ въ началѣ этой сцены.

— Джэнъ.... у нея былъ такой платокъ.... продолжалъ онъ какъ во снѣ.

— Развѣ ты меня не знаешь, Евгеній, милый? спросила Джэнъ, голосомъ, полнымъ безграничной, безпредѣльной любви. Онъ снова взглянулъ на нее, снова, и съ болѣе глубокимъ, чѣмъ прежде, вниманіемъ, прислушиваясь къ мелодическому звуку нѣкогда любимаго голоса.

Въ эту минуту показались какъ бы искра разсудка въ его глазахъ.

— Ты—ангелъ—помоги, о! помоги мнѣ!...

Джэнъ предстояла серьезная борьба съ помутившимъ разумомъ. Въ Евгеніи то вспыхивали проблески мысли, то снова угасали и онъ опять впадалъ въ безсознательную тревогу сумасшедшаго, или отвѣчалъ ей безсмысленнымъ повтореніемъ одной и той же угрозы, или оставался безсмысленнымъ.

Вдругъ, больной неожиданно упалъ передъ ней на колѣни.

— Я забылъ слово, я забылъ слово!—помоги мнѣ, помоги мнѣ! снова громко произнесъ онъ.

Молодая женщина заставила его подняться. Опустившись на диванъ и положивъ голову къ ней на колѣни, онъ нѣсколько времени оставался совершенно неподвиженъ. Джэнъ воспользовалась этой минутой. Она начала разсказывать исторію ихъ любви, ясно замѣчая, какъ мало по малу съ развитіемъ разсказа Евгеній напрягалъ вниманіе, какъ очевидно онъ, слѣдилъ за каждымъ ея словомъ, припоминая, какъ имъ овладѣвало, все сильнѣе и сильнѣе, волненіе, какъ свѣтъ, болѣе и болѣе проникалъ въ омраченный разсудокъ. По минутамъ, она останавливалась, боясь слишкомъ утомлять его еще слишкомъ слабую мысль. Наконецъ, она дошла до того дня, когда послала ему записку о томъ, что она помолвлена за другаго.

Любовь открыла и самой ей глаза, она сама поняла, она теперь знала какъ все случилось.

— Что же произошло тогда? почти повелительнымъ тономъ спросила она, прямо, въ упоръ, глядя ему въ глаза и крѣпко прижимая его къ себѣ. Она сознавала, что въ ту минуту мракъ, окружавшій Евгенія, долженъ разсѣяться, что божественная искра должна снова загорѣться въ человѣкѣ, котораго любила она больше всего на свѣтѣ.

— Я забылъ слово—не могу отпереть шкафъ—помоги мнѣ! умоляющимъ голосомъ произнесъ Евгеній.

— Ты получилъ письмо Джэнъ, ты лишился, лишился, лишился ея—Евгеній—скажи слово, слово!

— Четыре слога, въ глубокомъ раздумьи проговорилъ онъ, приложивъ руку ко лбу.

Прошла минута молчанія. Джэнъ затаила дыханіе....

— *Потеряна! Потеряна!* громко воскликнулъ Евгеній и безъ чувствъ упалъ къ ногамъ молодой женщины.

Обморокъ былъ очень силенъ. Евгенія, съ помощью слугъ, осторожно перенесли на кровать. Джэнъ рѣшилась не оставлять больнаго до тѣхъ поръ, пока не убѣдится въ исходѣ припадка. Она хорошо понимала, что поступая такимъ образомъ, не могла болѣе возвратиться въ палаццо Козенца, но послѣ изцѣленія Евгенія, ея главное желаніе было—разводъ съ человѣкомъ, за котораго ее выдали противъ воли.

Безчувственное состояніе больнаго вскорѣ смѣнялось глубокимъ, здоровымъ сномъ, о чемъ ясно говорило ровное дыханіе и румянецъ. Чрезъ нѣсколько часовъ ожиданія, онъ, наконецъ, раскрылъ глаза. При первомъ же взглядѣ, Джэнъ поняла, что онъ спасенъ и тутъ же, у постели, опустилась на колѣни, съ горячей молитвой благодарности къ Богу.

— Ты теперь узнаешь меня, Евгеній? спросила она голосомъ, дрожавшимъ отъ слезъ радости.

— Джэнъ... слабо произнесъ онъ... моя Джэнъ!

— Да, твоя, твоя на всегда, Джэнъ!... Ты теперь знаешь все, милый, и знаешь слово „*потеряна*“ но, все ужасное прошло, и Джэнъ для тебя уже не потеряна, а она твоя, твоя навсегда.

Евгеній хотѣлъ приподняться, но не могъ—онъ сдѣлалъ движеніе рукой.

Утро въ перистилѣ (на женской половинѣ) въ древне-греческомъ богатомъ домѣ. Рис. Климтъ, грав. Кнезебергъ.
Изъ книги Фалька „Hellas & Rom“.

— Вотъ, тутъ, на часовой цѣпочкѣ, виситъ ключъ отъ кассы, Джэнъ.

И онъ, въ нѣсколькихъ словахъ, объяснилъ ей какъ надо отпереть.

Изъ дома умалишенныхъ, Джэнъ прямо поѣхала къ отцу; Тэйлоръ былъ у себя въ кабинетѣ. Онъ сильно осунулся и постарѣлъ за это время. Не смотря на чувства, волновавшія молодую женщину, пріѣхавшую къ отцу, съ цѣлью, во что бы ни стало, завоевать свою свободу, свое счастіе, она сразу замѣтила перемѣну въ немъ. Она хорошо понимала причину. Разбитыя надежды не проходятъ даромъ никому, а въ честолюбивомъ негоціантѣ еще горѣло страшное желаніе отомстить графу Козенца за оскорбленіе. Онъ съ удовольствіемъ выслушалъ разсказъ дочери, которая давала ему средство отплатить ненавистному зятю. Теперь только заговорили въ Тэйлорѣ „отеческія“ чувства къ женщинѣ, которую онъ заставилъ страдать такъ много. Вопросъ о разводѣ былъ рѣшенъ немедленно.

Наступили наконецъ и для Джэнъ счастливые часы. Но—ей оставалось еще одно дѣло—ей оставалось возстановить честь Евгенія. Было еще довольно рано, когда ея экипажъ подъѣхалъ къ зданію банка. Изъ служащихъ, въ канцелярію собрались еще очень не многіе; Робертъ Керри, однако, уже пришелъ и въ эту минуту былъ въ кабинетѣ Евгенія. Вѣроятно здѣсь онъ наслаждался своимъ торжествомъ: прошло уже нѣсколько дней, что графиня оставила домъ своего мужа; но, конечно, Робертъ узналъ объ этомъ однимъ изъ первыхъ и не преминулъ набросить тѣнь на молодую женщину.

Понятно, что генуэзецъ былъ въ самомъ пріятномъ настроеніи духа.

Въ комнату неожиданно вошла Джэнъ. Молодая женщина невольно поблѣднѣла, ея прекрасные глаза загорѣлись огнемъ негодованія. Она прямо подошла къ столу, у другаго конца котораго стоялъ, нѣсколько озадаченный этимъ появленіемъ Керри.

— Гдѣ Евгеній? спросила она.

— Вамъ, графиня, это должно быть извѣстно лучше всякаго другаго, отвѣтилъ съ злымъ смѣхомъ Робертъ, и, конечно, не сомнѣваетесь, что съ того дня, какъ вы оставили домъ вашего мужа, вся Генуя убѣждена, что вы дѣйствовали за одно съ бѣжавшимъ кассиромъ, что его вина—ваша вина; а судъ сдѣлаетъ остальное.

— Что вы называете виною Евгенія? спросила Джэнъ твердымъ голосомъ.

— Онъ, какъ по всему видно, бѣжалъ, захвативъ съ собой цѣнности, ввѣренныя ему.

— Вы въ этомъ убѣдились и увѣрены?

— Вполнѣ и совершенно.

— Да? Теперь, скажите мнѣ,—какое наказаніе, по вашему, слѣдуетъ за это преступленіе?

— О—одно изъ тягчайшихъ. Если его поймаютъ, то присудятъ къ пожизненному....

— Довольно, негодяй! крикнула Джэнъ, будучи не въ силахъ болѣе выносить,—какого же наказанія заслужилъ тотъ, кто, клеветами, низкою ложью, довелъ до сумасшедшаго дома человѣка, которому онъ не достоинъ развязать ремня у сапога? Чѣмъ бы отвѣтили вы предъ Божескимъ и людскимъ судомъ за-это преступленіе? А представьте себѣ, что у меня въ рукахъ ключъ и что я знаю слово, при помощи котораго отопру шкафъ и очищу имя человѣка, очерненнаго вами, низкій клеветникъ?

Какъ тигръ бросился Робертъ на молодую женщину и схватилъ ее за руки; въ первую минуту, неожиданность происшедшаго, боль—смутили Джэнъ, но, отчаяніе придало ей силы, она быстро освободилась отъ Керри, выбѣжала изъ комнаты и успѣла захлопнуть за собой дверь, ключъ которой моментально повернула въ замкѣ. Робертъ остался запертымъ въ кабинетѣ кассира.

Молодая женщина прямо направилась къ банкиру.

Этотъ послѣдній, часто видавшій графиню въ свѣтѣ, зналъ ее очень хорошо, онъ вѣжливо всталъ, но, не произнося ни слова, смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, очевидно не понимая причины ея посѣщенія.

Слезы душили Джэнъ, но она овладѣла собой.

— Ключъ со мной.... я знаю *слово*, сказала она прерывающимся голосомъ,—онъ забылъ тогда это слово.

— Гдѣ же онъ?

— Въ сумасшедшемъ домѣ. Она закрыла лицо руками и дала волю рыданіямъ. Это облегчило ея стѣсненную грудь.

— Разскажите мнѣ все—бѣдная, бѣдная графиня!... произнесъ, быть можетъ въ первый разъ въ своей жизни, растроганный консулъ.

Кратко передала она банкиру все, что произошло.

— А теперь,—я должна при васъ отпереть шкафъ. при васъ должна я возстановить честь Евгенія, при васъ и въ присутствіи того, который виновенъ во всѣхъ несчастіяхъ его.

Намъ остается досказать немногое.

Когда банкиръ и графиня Козенца вошли въ кабинетъ кассира, банкиръ принудилъ Роберта остаться, не смотря на все желаніе того уйдти, чтобы не видѣть радости Джэнъ.

Молодая женщина немедленно, при помощи слова „*потеряна*“ отперла шкафъ. Всѣ цѣнныя бумаги и золото оказались въ цѣлости. Консулъ тотчасъ же уволилъ Керри изъ банка. Говорить ли о томъ, что Джэнъ сдѣлалась женой Евгенія? Послѣ долгаго путешествія, продолжавшагося цѣлый годъ, молодая, прекрасная парочка возвратилась въ Геную, къ отцу—Тэйлору.

Передъ ними теперь длинный, счастливый путь.

Уличная пѣвица.

Разсказъ К. Риделя.

I.

Лѣтъ около пятидесяти тому назадъ, одинъ нѣмецкій музыкантъ, Бернгардъ Виллингеръ, жилъ съ дочерью своей Бертой въ двухъ комнаткахъ втораго этажа довольно неприглядпаго дома въ Карнабской улицѣ, близъ Гольдъ-сквэра, въ Лондонѣ. Сперва въ маленькой квартирѣ замѣтны были слѣды нѣкотораго комфорта; музыкантъ, уже нѣсколько лѣтъ жившій въ Англіи, имѣлъ довольно занятій и зарабатывалъ порядочно. Но вотъ уже девять мѣсяцевъ, какъ онъ лежалъ больной; одна сторона его тѣла была совсѣмъ разбита параличемъ; онъ принужденъ былъ отказаться отъ своего мѣста въ оркестрѣ королевскаго театра, гдѣ игралъ вторую скрипку. Вслѣдствіе этого, въ двухъ комнаткахъ, хотя и содержимыхъ въ безукоризненной чистотѣ, бросались однако въ глаза большіе пробѣлы—во время долгой и неизлѣчимой болѣзни хозяина пришлось понемногу продавать многія принадлежности меблировки. Тяжело было иногда бѣдному больному отдавать то, къ чему онъ такъ привыкъ, чтобы добыть насущный хлѣбъ и дорогія, но къ несчастію безполезныя лекарства, которыя прописывалъ ему докторъ. Дирижеръ оркестра, въ которомъ участвовалъ Виллингеръ, добродушнѣйшій итальянецъ, по имени Спаньолетти, устроилъ, правда, подписку въ пользу больнаго, и передалъ деньги Бертѣ. Дѣвушка съ благодарностью приняла ихъ потихоньку, чтобы объ этомъ не зналъ отецъ, потому что тотъ былъ такъ же гордъ, какъ и бѣденъ и, не смотря на крайнюю нужду, отказался бы отъ нихъ. Но съ тѣхъ поръ прошло довольно времени; театръ былъ закрытъ. Открытіе его должно было послѣдовать не ранѣе начала сезона, въ февралѣ или мартѣ, а теперь всѣ члены оркестра разъѣхались кто куда. У отца съ дочерью не было ни копѣйки денегъ. продавать было нечего, что имѣло бы какую нибудь цѣнность или могло бы считаться лишнимъ.

Пара старыхъ деревянныхъ стульевъ, простой столъ, кровать, на которой лежалъ больной, и старая висѣвшая на стѣнѣ гитара—вотъ все, что составляло убранство одной изъ комнатъ. Хорошенькая кровать, стоявшая прежде въ первой комнатѣ и принадлежавшая дѣвушкѣ, была продана двѣ уже недѣли тому назадъ. Берта сдѣлала это потихоньку отъ отца, чтобы на вырученныя деньги купить что нибудь съѣстное и

заплатить за квартиру. Съ тѣхъ поръ дѣвушка спала на голомъ полу.

Страдалецъ лежалъ на узкой, жалкой складной кровати, подъ однимъ изношеннымъ сѣрымъ толстымъ шлафрокомъ. Подлѣ его стояла дочь, стараясь поджарить передъ едва тлѣвшей чугункой ломтики хлѣба, единственную пищу, остававшуюся имъ обоимъ. Печальную картину составила бы эта группа въ „Альбомѣ нищеты“, для страницъ котораго даетъ такой обильный матеріалъ колоссальный Лондонъ, великолѣпнѣйшая и громаднѣйшая столица земнаго шара.

Конечно, Бертѣ простительно было: она стала падать духомъ въ такомъ тяжеломъ положеніи, имѣя для отца кромѣ поджареннаго хлѣба, только чашку жидкаго чаю—послѣднее что у нея оставалось—она не могла больше выдержать. До сихъ поръ она бодро несла тяжелую ношу жизни, но тутъ она своими нѣжными маленькими руками закрыла глаза и горько заплакала:

— Ахъ, Берта, милая, простоналъ больной слабымъ, грустнымъ голосомъ, что это тебя такъ огорчаетъ сегодня?

— Ничего... ничего папа, отвѣчала она, подавляя горе, и украдкой отирая слезы; и она подошла къ его постели.

— Я слышалъ—ты плакала?

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, милый папа! ты... тебѣ показалось!

— Гм! Хорошо если такъ! пробормоталъ онъ.—Хотѣлось бы мнѣ этому вѣрить—можетъ быть и во снѣ. Который часъ, дитя?—Да, я и позабылъ, вѣдь наши часы уже давно проданы. Да, да, я теперь помню, я самъ позволилъ тебѣ—на прошлой недѣлѣ, не правда ли? во вторникъ?

— Да, въ прошлый вторникъ, прошептала она, и отвернулась въ сторону и чуть слышно проговорила: Боже мой, это было почти уже два мѣсяца тому! Бѣдный папа! Когда-то у него была такая память! Совсѣмъ она измѣняетъ ему!

— Какой славный чай, сокровище мое! проговорилъ больной, выпивъ чашку, которую держала Берта. Но гдѣ же масло къ хлѣбу? Или ты, дитя мое, сварила, можетъ быть яицъ?

— Я... я не могла... женщина, которая намъ ихъ возитъ, не пришла сегодня: ты знаешь, здѣсь близко нѣтъ рынка, а мнѣ не хотѣлось долго оставлять тебя одного.

На самомъ-то дѣлѣ торговка отказалась больше вѣрить въ долгъ; также и другіе торговцы въ околоткѣ.

— Ну, ничего, моя милочка, ничего, сказалъ бѣдный больной; я знаю, ты уже приготовила бы что нибудь, еслибы было можно. Мнѣ больно только, зачѣмъ я спросилъ тебя объ этомъ. Сколько я дѣлаю тебѣ хлопотъ... трудно тебѣ со мной, дитя мое. Я знаю.

— Не говори такъ, папа, дорогой. Какъ это можно такъ говорить? Заботиться о тебѣ, облегчать твои страданія, эта только радость и осталась мнѣ еще на землѣ.

— Знаю, знаю, дитя. Я увѣренъ въ этомъ, моя дорогая, моя единственная отрада, единственное утѣшеніе!

И бѣдный, беспомощный страдалецъ залился слезами.

— Папа, папа! не плачь; у меня сердце разрывается когда я вижу твои слезы! дрожавшимъ отъ волненія голосомъ умоляла дѣвушка.

— Мнѣ еще нѣтъ сорока лѣтъ, продолжалъ онъ, тщетно стараясь не разбитой параличемъ рукой обтереть слезы, которыя быстрѣе и быстрѣе текли по его блѣднымъ, исхудалымъ щекамъ, мнѣ еще нѣтъ сорока лѣтъ, а смерть ужь такъ близка. Да, я знаю, я понимаю это—вѣдь я ужь на половину умеръ—о, зачѣмъ не совсѣмъ. Единственная скорбь, какую я чувствую, покидая эту жизнь, это, что я долженъ разстаться съ тобою, дитя!

— Папа, папа, не разрывай моего сердца! рыдала Берта.

— Но я долженъ, радость моя, говорить объ этомъ. Никогда я не говорилъ такъ прямо, но теперь я чувствую, конецъ мой близокъ.

Послѣ этихъ грустныхъ словъ, онъ, въ полномъ изнеможеніи, опрокинулъ голову на подушку и закрылъ глаза.

Онъ говорилъ правду. Ни разу до этой минуты онъ не высказывалъ такъ рѣшительно, что убѣжденъ въ близости смерти; бѣдная дѣвушка все еще утѣшала себя надеждой на его выздоровленіе. И какія слова онъ сказалъ! Но все же она чувствовала, что не должна поддаваться отчаянію. Отецъ ея долженъ былъ умереть, когда истощатся послѣднія силы его, но она не допуститъ, чтобы голодъ похитилъ послѣднее дыханіе этой слабой жизни. Она должна подумать о завтрашнемъ днѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ, пока она раздумывала что бы сдѣлать, мысли ея опять были прерваны дрожащимъ голосомъ отца.

— Милое дитя мое, мнѣ бы хотѣлось уснуть; сядь къ фортепіано, спой мнѣ тотъ чудесный романсъ Вебера, который я такъ люблю; пѣніе успокоитъ и усыпитъ меня.

— Ахъ, папа, ты забылъ, нашего фортепіано уже нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Ахъ да, правда. Я забылъ. Нужда, горькая нужда! Его нѣтъ! Но у тебя еще гитара матери; съ ней ты вѣдь еще не разсталась? Помни, что я запретилъ тебѣ когда бы то ни было дѣлать это. Нѣтъ, я вижу, вотъ она на своемъ старомъ мѣстѣ!

— О папа, я скорѣе умерла бы съ голоду, только не разсталась бы съ этой послѣдней памятью, что осталась намъ отъ моей дорогой матери, съ послѣднимъ воспоминаніемъ о миломъ прошломъ, когда мы были такъ счастливы! сказала Берта, снимая со стѣны гитару.

— Спой тотъ романсъ, который я переложилъ на слова прекрасной пьесы Байрона „Farewell“.

Она играла и пѣла съ такимъ чувствомъ и увлеченіемъ, звуки лились такъ ясно и вдохновенно, что лицо больнаго какъ бы преобразилось отъ блаженства. Когда замирали послѣднія ноты, когда струны тихо, точно отъ легкаго дуновенія вѣтра, едва слышно прозвучали послѣднимъ грустнымъ аккордомъ, онъ уснулъ, словно убаюканный неземными звуками.

И Берта осторожно положила гитару и долго съ любовью смотрѣла на лицо спящаго. Потомъ опустилась на стулъ и стала раздумывать какъ достать хлѣба на завтрашній день. Мрачны были ея мысли! Она сидѣла такъ, въ полной безнадежности; глаза ея печально упали на лежавшую подлѣ гитару.

Ее нельзя продать; приказаніе отца, всегда бывшее для нея закономъ—и ея собственныя чувства дѣлали такую жертву невозможной. Но нельзя ли извлечь изъ нея пользу *другимъ* образомъ? Да, конечно!..

Этаго ей никогда прежде не приходило въ голову; но эта мысль казалась ей невыразимо тягостной, унизительной; она старалась прогнать ее отъ себя. Но неотвязчивая мысль возвращалась снова и снова, и, наконецъ, молодая дѣвушка, послѣ долгой борьбы съ собою, рѣшается разъ по крайней мѣрѣ привести ее въ исполненіе. Хотя такой поступокъ былъ для нея лично въ высшей степени непріятенъ и могъ унизить ее, казалось ей, въ глазахъ всѣхъ, но въ немъ не было ничего безчестнаго. И она рѣшилась исполнить свою мысль не далѣе какъ сегодня же вечеромъ.

Что же это было? Она хотѣла взять свою гитару и пойти въ какую нибудь изъ ближайшихъ тихихъ, респектабельныхъ улицъ, въ одну изъ такихъ улицъ, гдѣ стоятъ старомодные аристократическіе дома. Тамъ она думала пропѣть нѣсколько своихъ старыхъ нѣмецкихъ пѣсенекъ, въ надеждѣ что Провидѣніе пошлетъ ей отзвукъ въ сострадательныхъ сердцахъ, которыя помогутъ ей.

Въ эти часы отецъ ея обыкновенно засыпалъ и она знала, что въ случаѣ еслибы онъ проснулся, то навѣрное подумалъ бы, что она пошла купить чего нибудь на завтра.

Да и надо было рѣшиться—другаго исхода не было.

Немногія маленькія приготовленія были скоро окончены. По обыкновенію, она придвинула къ кровати отца одинъ изъ стульевъ, и поставила на него чашку съ чаемъ. Послѣ этого она тихо поцѣловала отца въ лобъ и мысленно молила Бога помочь ей и о выздоровленіи больнаго. Затѣмъ надѣла платочекъ и мантилью, скрывъ подъ нею свою гитару, осторожно заперла снаружи дверь, и быстро спустилась по ступенькамъ лѣстницы на улицу.

II.

Молодая дѣвушка направилась прежде всего въ ту часть Реджентстрита, которая выходитъ на Портлэндъ-плесъ; она шла нѣсколько времени по этой спокойной, застроенной дворцами улицѣ, разсчитывая что здѣсь, среди такого множества богатыхъ людей, всего скорѣе достигнетъ цѣли. Но громадные размѣры домовъ пугали ее и, кромѣ того, ни въ одномъ изъ всѣхъ этихъ мрачныхъ, высокихъ оконъ не видно было ни огонька; окна были закутаны толстыми драпировками, это заставило ее избрать не такую роскошную, болѣе привѣтливую улицу. Наконецъ она намѣтила нѣсколько домовъ, и рѣшилась попробовать счастья.

Въ одномъ изъ домовъ окна бель-этажа были освѣщены; свѣтъ шелъ изъ пріемныхъ комнатъ. Она почти рѣшилась здѣсь на первый опытъ, какъ почтенный пожилой человѣкъ въ ливреѣ, съ корзиной устрицъ въ рукахъ, вошелъ въ домъ—видно было, что онъ принадлежитъ къ его обитателямъ.

Солидныя манеры и серьезное, но добродушное лицо этаго человѣка понравились ей, и это укрѣпило ея рѣшимость. Мы разсказываемъ истинное происшествіе, можемъ точно назвать домъ. Это былъ домъ на Большой Портлэндъ-Стритъ, носящій въ настоящее время № „91“.

Улица была въ эту минуту необыкновенно тиха. Ни души не было видно когда Берта подняла гитару и стала передъ домомъ, около тротуара. Отцу ея очень понравился импровизированный аккомпаниментъ на гитарѣ къ романсу, который Берта пѣла передъ уходомъ, и она рѣшилась начать съ него. Сердце молодой дѣвушки сильно билось, когда она взяла первые аккорды, однако она скоро овладѣла собой и запѣла. О, еслибы она могла подозрѣвать, кто въ эту минуту всталъ изъ-за роскошнаго обѣда и внимательно слушалъ ее за драпировкой однаго изъ освѣщенныхъ оконъ, голосъ ея навѣрное бы задрожалъ тогда!

Когда она окончила первый куплетъ романса, то увидѣла вокругъ себя толпу человѣкъ въ двѣнадцать или четырнадцать, и къ своей неописанной радости нѣкоторые кидали ей серебряныя монеты. Она замѣтила также, что одно изъ оконъ, передъ которыми она стояла, немножко пріотворилось, конечно чтобы ее пѣніе лучше было слышно въ комнатахъ. Это дало ей новую надежду.

Мысль объ отцѣ одушевляла бѣдную дѣвушку; нервное состояніе ея совершенно прошло, и она пропѣла остальныя части романса съ такой силой и съ такимъ глубокимъ чувствомъ, что теперь уже значительно увеличившійся кругъ слушателей

положительно осыпалъ ея серебряными и мѣдными монетами. Не подозрѣвала она, что эта минута рѣшала судьбу ея и ея отца.

Дверь дома № 91 отворилась и благообразной наружности лакей подошелъ къ пѣвицѣ, прося ее войти въ домъ, такъ какъ господинъ его желаетъ съ ней переговорить.

Къ немалому огорченію слушателей, надѣявшихся услышать по крайней мѣрѣ еще хоть одну пѣсню, послѣдовала пѣвица за своимъ провожатымъ. Ее ввели въ одну изъ заднихъ комнатъ, гдѣ она увидѣла двухъ господъ, очевидно ожидавшихъ ее тутъ.

Одинъ изъ нихъ былъ довольно коренастый, сѣдоватый, живой человѣкъ; онъ былъ изящно, но не модно одѣтъ. Другой былъ выше его ростомъ и одѣтъ весь въ черное по послѣдней модѣ. Онъ былъ поразительно худощавъ; его блѣдное лице съ вы-

Берта, поблагодаривъ наклоненіемъ головы, сѣла, положивъ гитару рядомъ, на столикъ. Затѣмъ отвѣчала:

— Сэръ, я случайно зашла въ эту улицу. Я ничего не знала ни объ васъ, ни объ вашемъ домѣ; если я своимъ пѣніемъ обезпокоила васъ...

— Гм! молчите, дѣвушка! Развѣ я сейчасъ не говорилъ совсѣмъ противоположное? Я только спрашиваю васъ въ самомъ ли дѣлѣ вы не знали кто здѣсь живетъ?

— Увѣряю васъ, не знала, сэръ! Мнѣ кажется даже я никогда въ жизни не бывала прежде на этой улицѣ.

— Гм! вы не англичанка?

— Мать моя была англичанка, а отецъ мой нѣмецъ?

— Гм! вы учились пѣть?

— Да, сэръ.

Смерть Валленштейна. Картина профес. Пилоти, грав. Ивановъ.

дающимися скулами, впалыми щеками и римскимъ носомъ имѣло меланхолическое, какое-то идеальное выраженіе. Глаза были необыкновенно ясны, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выглядѣлъ такъ, какъ будто ему не долго предназначено быть жильцомъ на этомъ свѣтѣ.

— Гм., промычалъ маленькій господинъ, пристально вглядываясь черезъ свои золотые очки въ Берту, и взявъ изъ большой серебряной табакерки здоровую щепотку табаку—гм! садитесь, прошу.

Онъ говорилъ по англійски и продолжалъ на томъ же языкѣ:

— Вы удивительно хорошо поете и у васъ приличныя манеры. И что вамъ вздумалось съ такимъ голосомъ пѣть на улицѣ? А главное, что побудило васъ выказывать свой талантъ именно передъ этимъ домомъ? Ге! Гм!

— Кто давалъ вамъ уроки?

— Мой отецъ, сэръ.

— Онъ настоящій музыкантъ?

— Да, сэръ, онъ учитель музыки, на скрипкѣ и на фортепіано.

— Гм! а вы играете на фортепіано?

— Я—да—осмѣлюсь сказать, сэръ.

— Вотъ инструментъ; вы насъ очень обяжете, если сыграете что нибудь.

Маленькій господинъ открылъ при этихъ словахъ великолѣпный Бродвудовскій рояль, выдвинулъ табуретъ и, вѣжливо движеніемъ руки пригласилъ Берту садиться.

— Боже мой, чѣмъ это кончится? шептала она сама себѣ, въ то время какъ пальцы ея скользили по клавишамъ ве-

ликолѣпнаго инструмента, и она взяла вступительные аккорды Веберовскаго „Къ танцамъ“.

Она долго играла и все Веберовскія сочиненія. Отецъ серьезно и усердно занимался ея музыкальнымъ образованіемъ. Когда она побѣдила трудности всякаго рода классическихъ упражненій, любимымъ ея композиторомъ сталъ Карлъ-Марія Веберъ. Она знала наизусть почти всѣ его сочиненія и играла ихъ такъ, какъ они того заслуживаютъ.

Никогда въ жизни не дотрогивались ея руки до такого роскошнаго инструмента. Это было совершенство, на сколько оно доступно для человѣка. Чистота и звучность тона не оставляли желать ничего лучшаго. Бродвуды считались въ то время знаменитѣйшими фортепьянными фабрикантами, а этотъ инструментъ, по особеннымъ причинамъ, былъ сдѣланъ спеціально, съ величайшимъ тщаніемъ, и присланъ всего нѣ колько недѣль назадъ. Чудесный инструментъ воодушевлялъ молодую дѣвушку; она совсѣмъ забылась и играла и играла, переходя отъ одной темы къ другой и все изъ композицій Вебера. Казалось, окружающее для нее не существовало, она вся отдалась очарованію плѣнительвыхъ мелодій и чудесныхъ звуковъ, извлекаемыхъ ея быстрыми пальчиками. Наконецъ вспомнивъ вдругъ объ ужасной дѣйствительности, о бѣдномъ больномъ отцѣ, она снова возвратилась къ любимой его мелодіи и исполнила ее такъ, что вызвала въ лицѣ маленькаго страннаго господина несомнѣнные признаки удивленія. Почтенный джентльменъ не въ состояніи былъ далѣе сдерживать своего восторга и воскликнулъ по англійски своимъ гнусливымъ голосомъ, прежде чѣмъ „уличная пѣвица“ окончила пѣніе:

— Вы хорошо поете, вы хорошо играете—вы музыкантша—вы понимаете чудесно свое дѣло. Ну такъ вотъ, я сэръ Георгъ Смортъ, музыкальный директоръ Ковентгарденскаго театра. Если вы можете представить мнѣ доказательства, что вы респектабельная молодая особа, и захотите воспользоваться моимъ покровительствомъ и руководствомъ, то я займусь вами и вы проложите себѣ хорошую дорогу!

Бѣдняжка была совсѣмъ ошеломлена этимъ предложеніемъ. Осуществленіе его должно было избавить ихъ отъ нужды, осчастливить, дать имъ благосостояніе, даже можетъ быть возвратить здоровье ея дорогому отцу. Она едва вѣрила, что все это не одинъ прекрасный сонъ.

Но что же дѣлалъ все это время другой господинъ, тотъ господинъ съ римскимъ носомъ и ясными сверкающими глазами на блѣдномъ лицѣ?

Онъ сидѣлъ у камина, наблюдая происходившее, но не говоря ни слова. Однако, теперь и онъ поднялся медленно, повидимому съ нѣкоторымъ трудомъ, и, на ломаномъ англійскомъ языкѣ, съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, обратился къ Бертѣ:

— Вашъ отецъ нѣмецъ?

Молодая дѣвушка сейчасъ же увидѣла, что съ ней говоритъ ея соотечественникъ и отвѣчала по нѣмецки:

— Да, сударь.

— Васъ училъ музыкѣ только вашъ отецъ? продолжалъ спрашивать господинъ.

— Только онъ, сударь.

— Онъ училъ васъ и пѣнію и музыкѣ?

— Да, сударь.

Любимцы дома. Рис. Гольмъ, грав. Яхиръ.

— У васъ никогда не было другаго учителя?
— Никогда, только для гитары: играть на гитарѣ учила меня моя бѣдная мать.
— Играете вы еще на какомъ нибудь инструментѣ?
— Немного на скрипкѣ, но очень мало. Мой отецъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы я занялась этимъ инструментомъ, чтобы пріучить ухо къ вѣрному тону.
— А, хорошо! Сколько вамъ лѣтъ?
— Мнѣ двадцать два года.
— Давно вы поете на улицахъ?
— Сегодня въ первый разъ, сударь, страшно покраснѣвъ и опустивъ длинныя рѣсницы, сказала тихо дѣвушка.
— О! Осмѣлюсь спросить, что побудило васъ къ такому поступку?
— Мой бѣдный отецъ лежитъ безъ движенія, онъ разбитъ параличемъ. У насъ нѣтъ денегъ. Я сдѣлала это безъ его вѣдома. О право ничего, только отъ этого.
— Гдѣ вы живете?
— Въ Карнабской улицѣ, близь Гольденъ-сквэра.
— Ваше имя?
— Берта Виллингеръ.
— Виллингеръ! Какъ зовутъ вашего отца? Скажите скорѣе, прошу васъ!
Этотъ вопросъ онъ произнесъ нетерпѣливо и съ большимъ волненіемъ.
— Его зовутъ Бернгардъ Виллингеръ.
— Боже мой! Это онъ, навѣрное онъ, мой старый другъ, котораго я не видѣлъ столько лѣтъ. Онъ скрипачъ?
— Да, сударь! Онъ игралъ въ оркестрѣ королевскаго театра, пока его не постигла эта тяжкая болѣзнь.
— Да, это онъ! Это онъ! Сэръ Джорджъ, обратился онъ на англійскомъ языкѣ къ музыкальному директору, отецъ этой миссъ мой соотечественникъ, мой старинный другъ, котораго я нѣсколько лѣтъ назадъ потерялъ изъ вида. Первый мой долгъ помочь достойному человѣку, который вмѣстѣ съ тѣмъ и превосходный музыкантъ, точно также я беру на себя заботу о будущности его милой дочери.
— Гм! Очень хорошо—очень хорошо! прогнусилъ англичанинъ. Все что я могу сдѣлать для обоихъ, я сдѣлаю съ величайшимъ удовольствіемъ.
— Нѣтъ, нѣтъ! Примите мою благодарность, но нѣтъ! Скажите мнѣ подробнѣе вашъ адресъ, дитя мое; завтра утромъ я навѣщу вашего отца.
Берта назвала номеръ дома, гдѣ они жили.
— Успокойтесь, теперь, милое дитя, и вѣрьте, что вы нашли во мнѣ вѣрнаго друга, который никогда васъ не оставитъ, продолжалъ незнакомецъ. Я найду средства немедленно избавить вашего отца отъ нужды и вамъ также не придется больше пѣть передъ окнами. А пока возьмите это и не жалѣйте издержекъ, сдѣлайте все, что нужно для вашего отца.
Онъ положилъ въ руку дѣвушки кошелекъ, въ которомъ послѣ оказалось золото...
— Ахъ; сударь, сказала бѣдная Берта, едва бывшая въ состояніи говорить, не найти мнѣ словъ выразить вамъ мою благодарность?
— Не говорите объ этомъ, дитя, прошу васъ.
— Доставьте мнѣ по крайней мѣрѣ счастіе сказать моему отцу имя такого великодушнаго друга!
— Не думайте объ этомъ. Завтра, когда я его увижу, вы узнаете мое имя.
— Гм! О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! перебилъ его по англійски маленькій человѣкъ, повидимому понимавшій, но не умѣвшій свободно объясняться по нѣмецки. Пусть они сегодня же узнаютъ имя своего благодѣтеля. Имя этого господина, моя милая—Карлъ-Марія фонъ-Веберъ!

* * *

Наша исторія окончена. Однако, читатели вѣроятно съ удовольствіемъ услышатъ, что благодаря вліянію и помощи безсмертнаго творца „Фрейшюца“ и „Оберона“—а также поддержкѣ сэра Георга Сморта—Берта Виллингеръ скоро заняла выдающееся положеніе въ музыкальномъ мірѣ. Она пріобрѣла себѣ большую извѣстность, какъ концертная пѣвица. Отецъ имѣлъ счастіе видѣть ся торжество. Онъ жилъ еще довольно долго, и умеръ, окруженный всевозможнымъ комфортомъ, какой только могли ему доставить любовь и забота дочери. Но гораздо раньше его, даже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ описанной нами исторіи, 5-го іюня 1826 года отошелъ въ вѣчность его благородный другъ, геніальный германскій композиторъ, котораго произведеніями восхищается весь образованный міръ. Этотъ маленькій разсказъ и посвящается памяти Карла-Маріи Вебера.

Къ рисункамъ

Утро въ перистилѣ *).

Помѣщенный здѣсь рисунокъ изображаетъ утреннія сцены на женской половинѣ богатаго дома въ древней Греціи. Новѣйшія изслѣдованія и изученіе уже дошли до той степени, что можно возстановить съ достаточною полнотою черты домашней жизни древнихъ грековъ, ихъ одеждъ, утвари и развлеченій.

Греческая скульптура, доставляя намъ высокое эстетическое наслажденіе, служитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и богатымъ матеріаломъ для ознакомленія съ чертами быта древнихъ грековъ. Одухотворенный мраморъ статуй, барельефовъ какъ бы возстановляетъ предъ нами давно исчезнувшій міръ, изящный міръ классической красоты, граціи, величія. Неуловимое и несравненное достоинство греческаго пластическаго искусства заключается именно въ томъ, что оно воспроизводило жизнь, все прекрасное безъ аффектаціи, съ чрезвычайной простотой и вмѣстѣ изяществомъ. Отъ того, между прочимъ, оно и является достовѣрнымъ источникомъ, изъ котораго можно черпать бытовыя и историческія указанія о томъ отдаленномъ времени.

Согласно мнѣнію многихъ ученыхъ, цвѣтъ волосъ у древнѣйшихъ грековъ былъ преимущественно темно-бѣлокурый и каштановый, и только позднѣе, вслѣдствіе смѣшенія съ другими народами, въ особенности Востока, сначала въ колоніяхъ, а затѣмъ уже и въ метрополіи усиливается черный оттѣнокъ волосъ. Особенной красотой славились беотянки, уступавшія, однако, пальму первенства прелестнымъ (по отзывамъ современниковъ) дочерямъ Ѳивъ, которыя считались первыми красавицами Греціи. Изъ сравненія воззрѣній на красоту и ея условія можно видѣть, что воззрѣнія эти почти нисколько и ни въ чемъ не отличаются отъ нашихъ.

Костюмъ древнихъ грековъ и гречанокъ былъ весьма простъ. Онъ состоялъ, главнымъ образомъ, изъ двухъ частей—нижняго платья, называвшагося „хитономъ“ и верхняго—„гиматіономъ.“ Первый служилъ какъ бы рубашкой, второй—плащемъ; хитонъ и гиматіонъ—ничто иное какъ большіе, четыреугольные куски матеріи, различной ширины и длины. Начнемъ съ мужскаго хитона. Четыреугольный кусокъ матеріи, имѣвшій до полутора аршина ширины и вдвое—длины, складывался пополамъ, вдоль, какъ листъ бумаги, и надѣвался, съ лѣва на право, такъ, что одна половина прикрывала спину, другая облегала человѣка спереди; съ лѣвой стороны хитона продѣлывалось отверстіе для руки, а правая оставалась совершенно открытою и не сшивалась, закрѣпляясь лишь у плеча застежкой, аграфомъ. Это, такъ сказать,—первобытный видъ хитона; съ теченіемъ времени, онъ, конечно, видоизмѣнялся. Такъ, впослѣдствіи, часть правой открытой стороны сшивалась, или же къ нему придѣлывались рукава, короткіе, прикрывавшіе руку до локтя, или же болѣе длинные, спускавшіеся ниже; иногда же правая сторона открывалась до бедра, оставляя правую руку и часть груди совершенно обнаженными; въ этомъ случаѣ хитонъ измѣнялъ свое наименованіе и назывался „эксомисомъ,“ служа, преимущественно, одѣяніемъ рабовъ, рабочихъ, мастеровъ и друг., искавшихъ болѣе свободы въ костюмѣ при работахъ.

Вулканъ изображается часто въ эксомисѣ. Хитонъ иногда подпоясывался; тогда онъ короче, заканчиваясь, всего чаще, у колѣнъ. Его носили обыкновенно, охотники, путешественники, такъ какъ, понятно,—онъ удобнѣе на ходу, въ движеніи. Хитонъ женскій почти тотъ же, что и мужской, съ тою разницею, что онъ былъ и шире, и длиннѣе. Падая до самыхъ ступней ногъ, онъ облегалъ станъ женщины безчисленными складками; часто, однако, женскій хитонъ былъ гораздо длиннѣе всей фигуры, тогда онъ приподнимался, подпоясывался—и при этомъ верхняя часть его образовывала родъ какъ бы кофты, ниспадавшей поверхъ пояса. Артемида, въ охотничьемъ одѣяніи, изображалась въ хитонѣ до колѣнъ, какъ его, обыкновенно, носили спартанскія дѣвушки. Ниспадавшая чрезъ поясъ кофта, о которой мы только что говорили, пріобрѣла со временемъ значеніе особаго украшенія и называлась тогда „кольпосомъ;“ другою украшающею частью хитона служилъ „диплодіонъ“—кусокъ матеріи, падавшій съ самыхъ плечъ на грудь и поясъ.

„Гиматіонъ,“ т. е. плащъ, надѣвался слѣдующимъ образомъ: одинъ конецъ его набрасывался на лѣвое плечо, затѣмъ, другой проводился подъ правую руку и закидывался опять на то же лѣвое плечо, за которымъ спускался на спину. Понятно, что этотъ способъ, такъ сказать элементарный, могъ видоизмѣняться. То же самое и у женщинъ. Согласно общему и строго соблюдавшемуся обычаю, греческая „дама“ никогда не могла выходить изъ дому безъ гиматіона. Дома же она носила одинъ хитонъ. Гречанки умѣли съ особеннымъ искусствомъ и граціею носить свой плащъ, влагая въ способъ ношенія и долю кокетства. Нерѣдко онѣ совершенно закутывались въ гиматіонъ, прикрывая даже часть лица, какъ напримѣръ видно изъ статуй и барельефовъ, изображающихъ ѳивянокъ и танагріянокъ. Лѣтомъ гиматіономъ служила родъ шали изъ легкой матеріи (въ этомъ видѣ онъ назывался „калиптрой,“ а также и „пеплумомъ“).

Въ Аѳинахъ, послѣ персидскихъ войнъ, вошли въ моду бо-

*) Галлерея.

лѣе короткія спартанскія одѣянія, а съ ними и короткій, древне-ѳессалійскій плащъ „хламида,“ застегивавшійся только у шеи простымъ аграфомъ. Всѣ эти одежды, по большей части и преимущественно изготовлялись изъ шерстяныхъ матерій, различнаго достоинства и тонкости, позднѣе—появился и шелкъ. Время, послѣдовавшее за персидскими войнами, повидимому, составило эпоху въ греческихъ модахъ—до этаго. одѣяніе было, относительно проще, но затѣмъ, вскорѣ, появилися пестрыя матеріи и шитье, весьма разнообразное и богатое. Гиматіоны и хитоны или были расшиты узорами, или же шились изъ матерій, въ одну краску, въ одинъ общій тонъ—голубой, фіолетовый, красный, пурпуровый; танагріянки предпочитали розовый цвѣтъ.

Греки прикрывали голову преимущественно, только въ пути; путешественники, всадники носили, обыкновенно, войлочную шляпу, съ тульей и болѣе или менѣе большими полями, загибавшимися иногда книзу, иногда кверху; у моряковъ она имѣла странную форму, безъ краевъ, нѣсколько напоминавшую разрѣзанное пополамъ яйцо. Изъ женскихъ головныхъ уборовъ—наиболѣе извѣстна шляпа танагріянокъ—съ плоскими, круглыми полями и острой тульей; эта шляпа была всегда различныхъ цвѣтовъ — напр. голубая, съ краснымъ или золотымъ краемъ. Волосами своими древніе греки занимались много. Въ большой модѣ была завивка, даже—и въ Спартѣ, гдѣ особенно изящно убирали голову (въ соотвѣтствіи со всѣмъ остальнымъ, конечно) предъ сраженіемъ. Въ Спартѣ, мальчикамъ гладко стригли волосы, которые допускалось носить только въ юношествѣ, въ Аѳинахъ же, наоборотъ, юноши остригали себѣ волосы и приносили ихъ съ особенными церемоніями, въ жертву какому нибудь божеству; длинную же прическу носили уже въ болѣе возмужаломъ возрастѣ. Борода составляла особое украшеніе. Прическа женщинъ была гораздо разнообразнѣе мужской, она видоизмѣнялась смотря потому, оставалась ли гречанка дома, или шла въ гости, въ храмъ, на общественный праздникъ, а также смотря по времени, мѣсту, положенію женщины и состояла изъ переплетенныхъ косъ, собранныхъ на затылкѣ, или на темени, или же въ пучокъ—сзади головы, иногда же вмѣсто косы, волосы раздѣленные посерединѣ проборомъ, спускались по бокамъ красивыми локонами.

Дома мужчина не носилъ обуви, которую надѣвалъ только тогда, когда выходилъ; являясь куда нибудь, онъ оставлялъ ее у порога и входилъ босой. Однако, нельзя утверждать, чтобы это было положительнымъ правиломъ тогдашняго общежитія. Самъ Сократъ, ходившій, подобно бѣдному классу, босымъ даже и зимой—однажды, отправляясь въ гости, купилъ себѣ пару прекрасныхъ сандалій. Согласно мнѣнію знатоковъ греческой древности, и въ то время благопристойность требовала, чтобы нога была обута. Обувь была чрезвычайно разнообразна, начиная отъ простой сандаліи и до высокаго сапога всадника. Кромѣ перваго вида обуви, женщины носили башмаки различныхъ формъ и цвѣтовъ; ѳиванки, напримѣръ, носили башмаки краснаго цвѣта, у танагріянокъ было въ обыкновеніи ходить въ башмакахъ желтаго цвѣта, съ красными подошвами.

Смерть Валленштейна.

(Картина Пилотти).

Личность Валленштейна—одна изъ самыхъ загадочныхъ историческихъ личностей и жизнь его полная тревогъ, славы и величія, окончившаяся такъ трагически—сама по себѣ богатая тема для представленія какъ въ словѣ такъ и въ живописи. Помѣщая снимокъ съ картины Пилоти „Смерть Валленштейна“, мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ знаменитомъ полководцѣ XVI вѣка. Венцеславъ Вальдштейнъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Валленштейна, родился въ Богеміи, 14-го сентября 1583 года и происходилъ отъ протестантской фамиліи. Уже въ юности онъ отличался буйнымъ, неукротимымъ характеромъ и побывавъ въ университетахъ Альтдорфа и Падуи началъ вести жизнь смѣлаго авантюриста, принимая участіе въ каждой войнѣ и выказывая при этомъ замѣчательныя военныя способности. Такъ въ 1606 году онъ участвовалъ въ походѣ противъ турокъ, а въ 1607 противъ Венгріи—начальствовалъ цѣлымъ отрядомъ въ войскахъ Фердинанда герцога Штирійскаго (впослѣдствіи императора). Но самая широкая дѣятельность открылась для него съ началомъ такъ называемой тридцатилѣтней войны; еще въ 1615 году Валленштейнъ сдѣлалъ предложеніе императору Фердинанду II сформировать на свой собственный счетъ сорокатысячную армію съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ этой арміи и чтобы ему предоставлено было право содержать свое войско контрибуціями съ захваченныхъ непріятельскихъ земель. Императоръ очень былъ радъ такому предложенію и Валленштейнъ получилъ просимыя полномочія и вскорѣ цѣлымъ рядомъ побѣдъ доказалъ свои высокія военныя дарованія. Разбивъ Датчанъ при Оснабрюкѣ и Мюнстерѣ, онъ одержалъ при Дессау побѣду надъ Мансфельдомъ и захвативъ Мекленбургъ, Бранденбургъ, Голштинію, Померанію, вынудилъ Христіана IV принять условія любекскаго трактата (1629 г.). Теперь могуществу императора казалось не было предѣловъ; австрійскія войска занимали весь сѣверъ и востокъ Германіи; католическая лига господствовала на югѣ и западѣ, партія протестантовъ была на краю гибели. Но среди этихъ успѣховъ, Валленштейна вдругъ отрѣшили отъ командованія и отняли отъ него пожалованную ему Мекленбургію. Эта неожиданная опала была вызвана его враждебными отношеніями ко многимъ германскимъ князьямъ, которые и уговорили Императора на Регенсбургскомъ сеймѣ отрѣшить Валленштейна отъ командованія имперскими войсками. Валленштейнъ удалился на покой въ свои обширныя владѣнія, но бездѣйствіе его продолжалось не долго. Протестантская партія снова начала брать перевѣсъ, предводимая такимъ героемъ какимъ былъ шведскій король Густавъ Адольфъ. Императоръ поневолѣ долженъ былъ унизиться передъ Валленштейномъ и просить его снова принять командованіе арміей. Заручившись самыми широкими полномочіями, двинулся новый генералиссимусъ въ Богемію, взялъ Прагу, заставилъ Густава Адольфа очистить Баварію и преслѣдуя его по Саксоніи, сразился съ нимъ при Люценѣ. Въ этомъ сраженіи Шведы потеряли своего любимаго короля и его смерть разстроила всѣ планы протестантской партіи. Но и надъ Валленштейномъ уже собирались грозовыя тучи: продолжительное упорство, постоянное невниманіе къ императорскимъ повелѣніямъ и самые двухсмысленные поступки въ отношеніи къ непріятелю, убѣждали все болѣе и болѣе Императора въ справедливости тѣхъ слуховъ, которые давно ходили въ Германіи, что Валленштейнъ измѣнникъ, что онъ ведетъ тайныя сношенія со шведами и намѣревается овладѣть Богеміей. Честолюбіе Валленштейна дѣйствительно не имѣло границъ; съ своимъ астрологомъ Сени онъ цѣлые дни и ночи совѣтовался со звѣздами и по ихъ счастливымъ предсказаніямъ въ немъ росла вѣра въ свою великую будущность. Это настроеніе Валленштейна прекрасно обрисовано Шиллеромъ въ той сценѣ его знаменитой драматической поэмы, въ которой Валленштейнъ убѣждаетъ Макса Пикколомини сдѣлаться его сообщникомъ по заговору и говоритъ ему:

Присяга? Долгъ? Кому?
Скажи мнѣ: кто ты? Развѣ ты свободенъ
Въ своихъ поступкахъ также какъ и я?
Коль ты измѣнишь Цесарю—такъ что же?
Ты правъ тогда! Измѣна та *моя*,
Не можешь быть ты самъ себѣ владыкой—
Ты *мой* слуга, *меня* обязанъ слушать,
Я цесарь твой—и твой законъ во мнѣ!
Что если бы великій шаръ земной
Оставилъ вдругъ завѣтную дорогу
И новою пустился бы стезей,
Производя межъ солнцами тревогу,
Ужели бъ ты не слѣдовалъ за нимъ? *)

Дѣйствительно ли былъ Валленштейнъ измѣнникъ или нѣтъ—это осталось исторической тайной, но убѣжденіе въ этомъ Императора Фердинанда было такъ сильно, что онъ не колеблясь, тайнымъ рескриптомъ объявилъ Валленштейна государственнымъ преступникомъ и предоставилъ каждому право убить его какъ измѣнника. Приговоръ былъ исполненъ 25-го февраля 1635 года; Валленштейнъ погибъ въ Егерѣ отъ руки убійцы—капитана Деверукса. У Шиллера убійство происходитъ за сценой, но поэтъ полно, живо и образно представилъ приготовленія убійцъ къ ихъ ужасному дѣлу и зритель невольно содрогается, когда они уже подходятъ къ дверямъ спальни, предъ которыми разыгрывается кровавая борьба:

Слуга. (Поспѣшно входитъ).
Кто, кто шумѣть здѣсь смѣетъ?
Молчите! тише! герцогъ почиваетъ.

Деверуксъ. (Громовымъ, ужаснымъ голосомъ).
Казнь, казнь измѣннику!..

Слуга. (Кричитъ).
Убійцы! Помогите!

Буттлеръ. Деверуксъ —
Отправь его!

Слуга. (Пронзенный Деверуксомъ, падаетъ).
Творецъ!..

Буттлеръ. Ломайте двери!

(Черезъ трупъ идутъ въ галлерею. Слышно какъ вдали падаютъ двѣ двери одна за другою. Глухой шумъ. Стукъ оружія. Затѣмъ настаетъ мертвая тишина).

Художникъ однако досказалъ то, чего не нашелъ нужнымъ досказать поэтъ. На картинѣ Пилотти представленъ тотъ моментъ, когда астрологъ Сени въ тревогѣ за князя, входитъ въ его опочивальню и въ ужасѣ видитъ только трупъ. Шиллеръ съ глубокимъ, тонкимъ художественнымъ пониманіемъ, не выводитъ на сцену картины смерти, да это и не нужно, ибо по ужасу окружающихъ, волненію охватившему лагерь—зритель получаетъ уже достаточное впечатлѣніе.

*) «Смерть Валленштейна». Москва. Перев. Берга.

Любимцы дома.

Миловидная, ласковая дѣвочка и умный съ самой серьезной мордочкой мопсикъ—настоящіе любимцы дома. Никто въ домѣ не пройдетъ мимо не поласкавъ и не поболтавъ съ дѣвочкой и не потрепавъ мопсика. Любимыя балованной дѣвочкой игрушки, куклы все къ ея услугамъ. Когда мать или отецъ ѣдутъ въ городъ, всегда привозятъ что нибудь своей милой маленькой шалуньѣ, которая такъ привыкла къ этому, что надуваетъ губки если ей ничего не привозятъ. Любимые балованнымъ мопсикомъ кусочки сахару и косточки всегда предлагаются ему въ изобиліи. И они очень дружны между собою. Вотъ они сидятъ въ окнѣ, обрамленномъ зеленью винограднпка—рѣдкій примѣръ счастья и довольства на землѣ.

Глобусъ-Теллурій.

День смѣняется почью и чередуются времена года, вслѣдствіе двоякаго обращенія земнаго шара: суточнаго на оси и годоваго вокругъ солнца. Для нагляднаго объясненія этихъ явленій, обыкновенно употребляется приборъ „теллурій“. Вокругъ центральнаго свѣта (свѣчи съ рефлекторомъ), посредствомъ часоваго механизма или просто рукой приводится въ движеніе маленькій земной глобусъ, ось котораго во всѣхъ точкахъ орбиты постоянно остается параллельной самой себѣ; вслѣдствіе ея параллельности попеременно освѣщено сильнѣе то сѣверное полушаріе, то южное. На маленькомъ глобусѣ, плохо освѣщенномъ свѣчей, всѣ перемѣны въ освѣщеніи видны недостаточно ясно, и только очень отдаленно напоминаютъ дѣйствительныя явленія, каковы онѣ въ природѣ, на самомъ дѣлѣ. Гораздо яснѣе, отчетливѣе и ближе къ дѣйствительности представитъ эти явленія предлагаемое наглядное пособіе *глобусъ-теллурій*.

Глобусъ-теллурій употребляется при *прямомъ солнечномъ освѣщеніи* (см. рис. 1). Ось глобуса находится въ плоскости мѣстнаго меридіана и составляетъ съ горизонтомъ уголъ равный широтѣ мѣста (С.-Петербургъ 60°), т. е. она установлена *параллельно* земной оси. Доска АБ горизонтальна. Если глобусъ не слишкомъ большихъ размѣровъ, то достаточно положить доску на столъ приблизительно горизонтальный, не повѣряя горизонтальности посредствомъ уровня *).

Солнечные лучи освѣщаютъ всегда половину шара, какихъ бы онъ ни былъ размѣровъ: какъ половину планеты, такъ и маленькаго глобуса. Сравнивая при солнечномъ освѣщеніи два глобуса съ параллельными осями, весьма легко убѣдиться, что тѣнь и свѣтъ на соотвѣтственныхъ полушаріяхъ обоихъ шаровъ распредѣлены одинаково. Отсюда слѣдуетъ, что глобусъ, если его ось установлена *параллельно* земной оси, будетъ освѣщенъ солнцемъ *подобно земному шару*; линія, разграничивающая свѣтлое полушаріе отъ темнаго, пересѣчетъ на глобусѣ всѣ круги совершенно такъ же, какъ и въ дѣйствительности на земномъ шарѣ, *въ этотъ день*.

Если, кромѣ того, глобусъ обращенъ къ солнцу той же стороной, какъ и земной шаръ, то онъ изобразитъ освѣщеніе нашей планеты не только для *дня*, но и для *момента дня*. Мѣстность, для которой установленъ глобусъ (С.-Петербургъ напр.), въ этомъ случаѣ занимаетъ высшую точку глобуса, т. е. находится въ плоскости мѣстнаго меридіана (см. рис.). Тогда къ солнцу будутъ обращены соотвѣтственные меридіаны глобуса и земнаго шара, и освѣщенное полушаріе въ *дѣйствительности* имѣетъ день, а темное—ночь.

Наблюдая установленный такимъ образомъ глобусъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, можно замѣтить, что свѣтораздѣльная линія перемѣщается, причемъ западныя страны выходятъ изъ тѣни, а восточныя входятъ въ тѣнь. Въ первыхъ въ этотъ моментъ солнце *дѣйствительно* восходитъ, во вторыхъ—заходитъ.

Предлагаемое наглядное пособіе конечно не исключаетъ употребленія болѣе сложныхъ приборовъ съ искуственнымъ солнцемъ, потому что пользоваться глобусомъ-теллуріемъ можно только днемъ и притомъ въ ясную погоду. Другое неудобство состоитъ въ томъ, что потребуется цѣлый годъ времени, чтобы прослѣдить полный кругъ явленій, которыя совершаются на земномъ шарѣ въ годичный періодъ. За то никакой другой приборъ не дастъ о явленіяхъ понятія болѣе вѣрнаго. Глобусъ-теллурій совершаетъ съ землей двоякое обращеніе, освѣщенъ дѣйствительнымъ солнцемъ и, постоянно представляя точное подобіе земнаго шара, позволяетъ слѣдить за землей, такъ сказать, шагъ за шагомъ.

На рисункѣ 1 изображенъ глобусъ, освѣщенный солнцемъ въ равноденствіе (9-го марта и 11-го сентября). Свѣтораздѣльная линія проходитъ въ эти дни черезъ оба полюса и разсѣкаетъ всѣ параллели ровно пополамъ. При суточномъ обращеніи всѣ мѣстности безъ исключенія столько же времени находятся въ свѣту какъ и въ тѣни: день повсемѣстно равенъ ночи.

Въ дни солнцестояній зимняго и лѣтняго (декабря 11-го и іюня 9-го) глобусъ-теллурій при той же установкѣ освѣщенъ солнцемъ иначе. Свѣтораздѣльная линія касается теперь обоихъ полярныхъ круговъ. Въ день зимняго солнцестоянія (рис. 2) около-полярныя страны нашего полушарія погружены въ мракъ и не выходятъ изъ тѣни: въ полярныхъ странахъ солнце вовсе не восходитъ. Прочія мѣстности сѣвернаго полушарія имѣютъ самый короткій день, и чѣмъ ближе мѣстность къ полюсу, тѣмъ короче тамъ день. На параллели С.-Петербурга солнце свѣтитъ очень не долго; большая часть сутокъ приходится на долю ночи.

Въ день лѣтняго солнцестоянія (рис. 3), на оборотъ: сѣверныя полярныя страны не могутъ уйти отъ свѣта: тамъ солнце свѣтитъ даже въ полночь. Въ С.-Петербургѣ день теперь продолжается столько же часовъ, сколько въ день зимняго солнцестоянія солнце скрывалось за горизонтомъ.

Въ южномъ полушаріи явленія совершаются въ томъ же порядкѣ, но южное полушаріе чередуется съ сѣвернымъ: когда у насъ длинные дни, въ южномъ полушаріи столь же длинныя ночи и на оборотъ (см. рисунки).

Слѣдуетъ замѣтить, что свѣтораздѣльная линія видна отчетливо только въ томъ случаѣ, когда на глобусъ не падаетъ слишкомъ много свѣта, отраженнаго отъ стѣнъ, потолка и пола комнаты. Этотъ разсѣянный свѣтъ необходимо устранить, опуская сторы на лишнихъ окнахъ.

И. Вавиловъ.

*) Ось приводится въ плоскость меридіана посредствомъ компаса. Линія *СЮ* должна совпадать съ мѣстной полуденной линіей, т. е. имѣть направленіе отъ сѣвера къ югу.

Слѣдуетъ помнить что магнитная стрѣлка показываетъ на сѣверъ не повсемѣстно, а только на прямой линіи между Архангельскомъ и Астраханью (приблизительно). Западнѣе этой линіи стрѣлка отклонена на Западъ, а восточнѣе -на Востокъ. Въ С.-Петербургѣ западное отклоненіе около 4°.

Ось и всѣ металлическія части сдѣланы изъ латуни, потому что желѣзо отклоняетъ стрѣлку.

Политическое обозрѣніе.

Выступленіе нашихъ войскъ.—Князь Вогоридесъ.—Лейярдъ.—Конвенція.—Несогласія съ Франціей.

Выступленіе нашихъ войскъ съ Балканскаго полуострова быстро подвигается впередъ. Еще немного дней и Болгарское княжество пойдетъ на своихъ ногахъ“. Съ пріѣздомъ князя будетъ немедленно сформировано министерство; пока называютъ слѣдующихъ членовъ перваго болгарскаго кабинета: портфель юстиціи, какъ предполагаютъ, будетъ врученъ Грекову, финансовъ—Натоничу, общественныхъ работъ — Валовичу, внутреннихъ дѣлъ—Каравелову.

Новый порядокъ вещей уже осуществляется и въ Румеліи. Генералъ-губернаторъ уже прибылъ на мѣсто. На границѣ, съ княземъ Вогоридесомъ, однако, случилось небольшое, но весьма характеристическое происшествіе. Когда князь вступилъ на почву ввѣренной ему провинціи, его встрѣтила, по заведенному порядку, депутація отъ населенія; но депутаты, увидѣвъ своего правителя въ *фескѣ*, тотчасъ же, какъ одинъ человѣкъ, повернулись, съ намѣреніемъ удалиться и оставить, такимъ образомъ, генералъ-губернатора безъ привѣтствія. Князь нашелся—снявъ съ головы символъ турецкой власти, онъ въѣхалъ въ городъ *въ болгарской шапкѣ*. Излишне говорить о томъ, насколько трудно положеніе Вогоридеса. Какъ выйдетъ онъ изъ него, въ какую сторону поведетъ онъ Румелію? Будетъ ли онъ „Алеко-Пашей“ на британо-австрійской подкладкѣ, или вспомнитъ, что онъ природный болгаринъ и доставитъ Румеліи возможность играть въ будущемъ рѣшеніи болгарскаго вопроса роль, значительнѣе той, какую ей отводятъ теперь? Пока—грядущее темно...

Не во всемъ и не всегда оно темно. Давно уже предвидѣли и понимали всѣ и каждый—къ чему вела Турцію британская протекція; всѣмъ было ясно, что оттоманскую имперію ожидаетъ полная зависимость отъ великодушной Британіи; задумывались только надъ вопросомъ о той формѣ, въ какую Биконсфильдъ облечетъ эту зависимость. Для заправленія общимъ теченіемъ дѣлъ въ Портѣ никакой формы не потребовалось—сэръ Лейардъ и „дружественные“ совѣты оказались вполнѣ достаточными, но—для соприкасающейся съ нашими предѣлами Малой Азіи надо было придумать что нибудь иное, и—вотъ, въ прошломъ году появилась особая конвенція между Портой и Биконсфильдомъ, въ силу которой Великобританія установила и надъ этою частью Турецкой имперіи „протекторатъ“. Въ скоромъ времени онъ, повидимому, пріобрѣтетъ конкретную форму. Изъ Лондона сообщаютъ, *что нынѣшній британскій посланникъ при нашемъ дворѣ, лордъ Дофференъ, назначается генералъ-губернаторомъ Малой Азіи*. Вѣрно ли газетное извѣстіе или нѣтъ относительно лорда Дофферена, онъ ли будетъ назначенъ, или другой—дѣло въ томъ, что генералъ-губернатора ожидаетъ тамъ уже цѣлый сонмъ британскихъ же пособниковъ.

Посланный въ Малую Азію генеральнымъ консуломъ, *полковникъ Уильямсъ получилъ себѣ въ помощники, въ видѣ консуловъ и вице-консуловъ, британскихъ офицеровъ генеральнаго штаба* (?), которымъ поручено было собрать на мѣстѣ всѣ данныя, необходимыя для обусловленной въ конвенціи улучшенной администраціи. Сводъ всѣхъ этихъ свѣдѣній и выработанная на основаніи ихъ административная система привели торійское министерство къ мысли о необходимости назначенія генералъ-губернатора. Неправда ли — просто и убѣди-

(Продолженіе на стр. 457, 458, 459 и 460.)

тельно! Ни одна изъ державъ не высказалась противъ конвенціи, а потому дѣло лорда Биконсфильда легко и будемъ ждать новыхъ „реформъ“, столь же несложныхъ и столь же „полезныхъ“ для Оттоманской имперіи...

Безпрепятственно уладилъ британскій премьеръ дѣла и въ Авганистанѣ. Согласно новѣйшимъ подробнымъ свѣдѣніямъ, сущность мирнаго договора, заключеннаго между маіоромъ Каваньяри и Якубъ-Ханомъ, состоитъ въ слѣдующемъ: 1) *Эмиръ, въ иностранной своей политикѣ будетъ руководиться совѣтами Британіи,* британское правительство будетъ оказывать ему поддержку въ случаѣ нападенія извнѣ (!); 2) въ Кабулѣ будетъ назначенъ британскій резидентъ, при которомъ будетъ состоять *подобающая свита*; онъ пользуется правомъ посылать въ случаѣ надобности британскихъ агентовъ на границы Авганистана; эмиру тоже предоставляется посылать своихъ агентовъ въ Индію; 3) Якубъ-Ханъ гарантируетъ британскимъ агентамъ, находящимся въ его владѣніяхъ, какъ личную безопасность, такъ и надлежащій почетъ. Но — это еще не все: въ особомъ соглашеніи, заключенномъ на время одного года, выговорены различныя льготы для торговли. Изъ Кабула, чрезъ Курумскую долину, проводится телеграфъ. Территорія, занятая въ настоящее время британскими войсками, возвращается эмиру, за исключеніемъ долинъ Курума, Пишина и Сиби; долины остаются во власти Британіи, которая, однако, уплачиваетъ эмиру излишекъ доходовъ, остающійся за покрытіемъ всѣхъ расходовъ по управленію этихъ областей. Британскому правительству предоставляется право надзора за Хайберскимъ и Макнійскимъ горными проходами, а также право слѣдить за сношеніями и ограждать независимость племенъ, живущихъ въ мѣстности по сосѣдству съ этими проходами. Эмиръ получаетъ отъ британскаго правительства ежегодную субсидію въ шесть лаковъ рупій, но полученіе этой субсидіи обусловлено строгимъ выполненіемъ конвенціи. Войска экспедиціоннаго корпуса уже отступаютъ въ предѣлы британо-индійской территоріи.

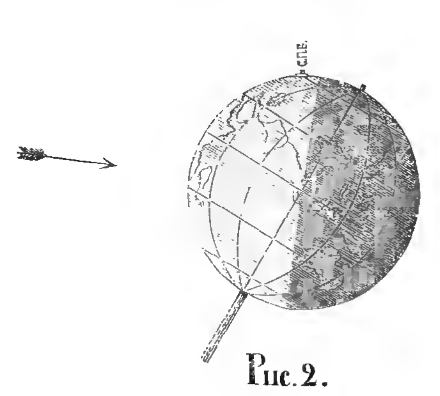
Не такъ гладко идетъ у правительства ея Величества съ Франціей. Въ прошлый разъ мы сказали нѣсколько словъ по этому поводу, теперь добавимъ, что *охлажденіе въ сношеніяхъ между обѣими державами не подлежитъ болѣе сомнѣнію.* Французская *оффиціальная печать выражается еще рѣшительнѣе и рѣзче прежняго,* „Если Британія не обратитъ больше вниманія на интересы Франціи, то, говоритъ она, правительство послѣдней воспользуется своею полною свободою дѣйствій для удовлетворенія интересовъ своего государства.“ Французскіе дипломаты съ своей стороны жалуются на то, что во всѣхъ вопросахъ Востока они встрѣчаютъ себѣ сильную оппозицію британскаго правительства. Въ недавнее время такая оппозиція оказалась по греческому вопросу, въ египетскихъ дѣлахъ, въ затрудненіяхъ въ Сиріи и въ вопросѣ о турецкихъ финансахъ. Такъ, по греческому вопросу—британскій посланникъ въ Константинополѣ, сэръ Лэйардъ, враждебнѣе относится къ грекамъ, нежели самъ министръ иностранныхъ дѣлъ, маркизъ Салисбэри и поддерживаетъ партію военнаго министра Османа-Паши. Въ Египтѣ, британскій генеральный консулъ Вивіанъ тайно поддерживаетъ хедива, котораго сдѣлалъ могущественнѣе прежняго. Въ противовѣсъ Вивіану, Французское правительство назначило въ Каиръ другаго генеральнаго консула—Трику, хорошо знакомаго съ Востокомъ. По свѣдѣніямъ, приходящимъ изъ Парижа, тамъ уже раздаются голоса, требующіе, *чтобы Франція прекратила свои сентиментальныя жалобы и начала бы дѣйствовать рѣшительнѣе.*

По нашему убѣжденію—все это—„буря въ стаканѣ воды“ и окончится „объясненіями и увѣреніями.“ Ни та, ни другая сторона не захочетъ, конечно, воевать.

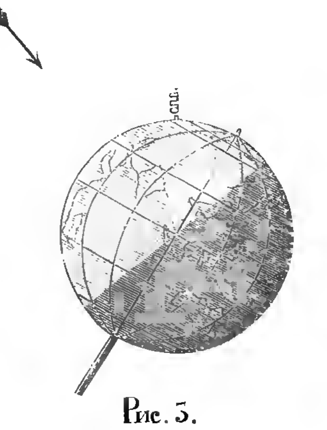

Рис. 1.

Глобусъ-теллурій освѣщенный солнцемъ.
Равноденствіе. Полдень въ С.-Петербургѣ.

Рис. 2.

Лѣтнее солнцестояніе.
Полдень въ С.-Петербургѣ.

Рис. 3.

Зимнее солнцестояніе.
Полдень въ С.-Петербургѣ.

Разныя извѣстія.

Какъ приготовляется кураре. Американскій корреспондентъ газеты „Temps“ сообщаетъ, что одинъ изъ профессоровъ узналъ отъ индійцевъ тайну составленія растительнаго яда curare. Въ Европѣ онъ извѣстенъ по имени; индійцы постоянно обмакиваютъ въ него кончикъ ихъ стрѣлъ, отправляясь на охоту или на войну. Одинъ уколъ этой стрѣлы причиняетъ смерть. Знаменитый французскій ученый Клодъ Бернаръ зналъ и описалъ дѣйствіе этаго яда: curare убиваетъ человѣка и всякое животное, парализуя члены, но оставляя неприкосновенными чувствительные нервы, такъ что человѣкъ присутствуетъ, такъ сказать, при своей собственной смерти. По словамъ Клода Бернара, не существуетъ никакаго физическаго страданія, которое могло бы сравняться по силѣ съ тѣми мученіями, какія испытываетъ отравленный, хотя по наружности онъ повидимому и не страдаетъ и умираетъ безъ крика и конвульсій. Вотъ какъ составляютъ curare: толкутъ вмѣстѣ кору strychnos и coculus, затѣмъ варятъ этотъ порошокъ въ водѣ, прибавляя туда листья одного ароиднаго растенія, луносѣмянника и 4-хъ различныхъ ниперасейныхъ растеній. Въ концѣ-концовъ получается нѣчто въ родѣ коричневаго тѣста, которое сохраняется безконечно долгое время. Достаточно ввести въ тѣло человѣка, посредствомъ укола, нѣсколько миллиграмовъ curare, чтобы онъ умеръ черезъ нѣсколько минутъ.

Леченіе перемежающейся лихорадки. Въ одномъ изъ очередныхъ засѣданій Общества кавказскихъ врачей д-ръ Чиколевъ сообщилъ свои наблюденія и замѣтки *о леченіи перемежающейся лихорадки.* Въ ряду терапевтическихъ мѣръ, предпринимаемыхъ противъ затяжныхъ случаевъ перемежающейся лихорадки, развивающихся въ сырыхъ, болотистыхъ и чрезвычайно измѣнчивой температуры мѣстностяхъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія *совмѣстное употребленіе хинина съ салициловою кислотою.* Замѣчено, что такая смѣсь дѣйствуетъ весьма благопріятно въ тѣхъ случаяхъ лихорадки, которые не поддавались леченію только однимъ хининомъ. Средства эти обыкновенно даются въ количествѣ IV—V гр. на пріемъ, три или четыре раза въ сутки. При катарральныхъ страданіяхъ желудка, столь частомъ явленіи при лихорадочныхъ болѣзняхъ, къ означеннымъ веществамъ прибавлялась еще сода, въ такомъ же количествѣ.

Въ случаяхъ перемежающейся лихорадки, соединенныхъ съ истощеніемъ, малокровіемъ, завалами печени и селезенки, весьма полезно, вмѣстѣ съ совмѣстнымъ употребленіемъ хинина съ салициловою кислотою, назначать желѣзо и мышьякъ.

Открытіе самородныхъ красокъ и фарфоровой глины въ Тверской губерніи. Въ „Тверск. Губ. Вѣд.“ сообщаютъ, что близъ Зубцова, на берегу Волги, въ имѣніи баронессы фонъ-Вимпфенъ, Полежаево, открыто подъ небольшимъ слоемъ земли и щебня мѣсторожденіе самородныхъ красокъ и фарфоровой глины. Ближе къ поверхности залегаетъ слой красной краски, затѣмъ идутъ слои бѣлой, желтой и черной, раздѣляемые другъ отъ друга пластомъ, въ четверть аршина, бѣлаго песку, пригоднаго для изготовленія стекла. Еще глубже лежитъ фарфоровая глина. Площадь, занимаемая этими мѣсторожденіями, равняется 2,400 саж. Самородныя краски оказались безъ малѣйшей примѣси песку и земли и нисколько не хуже заграничныхъ, а фарфоровая глина—превосходнаго качества. Кромѣ красокъ и глины на томъ же участкѣ найденъ мраморъ цвѣтовъ синяго и бѣлаго съ розовыми жилами.

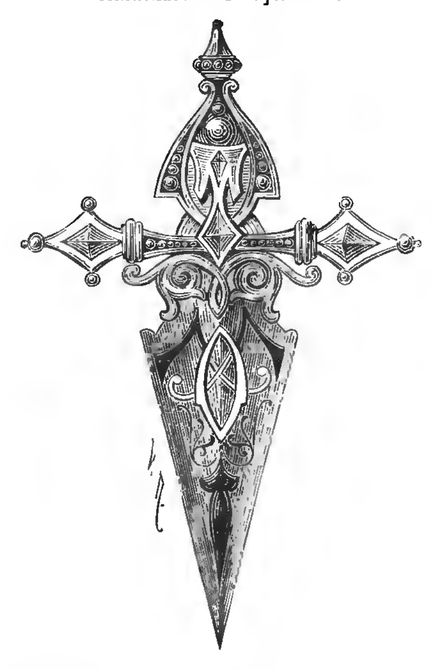
Полезность муравьевъ. Плодоводы мантуанской провинціи имѣютъ обыкновеніе весною каждаго года закладывать муравьиныя

кучи у комля всякаго масличнаго дерева: они убѣждены, что въ томъ году деревья ихъ будутъ спасены отъ разнаго рода насѣкомыхъ и останутся здоровыми. До сихъ поръ еще распространено ошибочное мнѣніе, будто-бы муравьи причиняютъ хилость и смерть фруктовымъ деревьямъ и поѣдаютъ плоды; а между тѣмъ многими, въ особенности Рацебургомъ, давно доказано, что муравьи уничтожаютъ личинокъ и куколокъ другихъ насѣкомыхъ, что они никогда не трогаютъ свѣжихъ плодовъ, а лакомятся лишь такими, которыя уже надклеваны птицею или треснули. Рацебургъ говоритъ, что можно было-бы отвратить много вреда, если-бы не раззоряли муравьиныхъ колоній, если бы былъ запрещенъ сборъ личинокъ ихъ и если бы, напротивъ, были закладываемы муравьиныя гнѣзда.

Въ Мадридѣ при церкви св. Павла образовалось общество изъ художниковъ и архитекторовъ, цѣлью котораго будетъ изученіе древнѣйшей живописи религіознаго содержанія. Основаніемъ къ учрежденію этого общества послужило то обстоятельство, что во многихъ склепахъ католическихъ монастырей найдено множество произведеній драгоцѣннѣйшей живописи древнѣйшихъ мастеровъ.

Американцы, чтобы убѣдиться въ томъ, что лошадямъ дѣйствительно дается все предназначенное имъ количество корма, умудрились дѣлать, какъ бы вы думали, что? Они примѣшиваютъ къ овсу извѣстное количество камешковъ. Лошади оставляютъ ихъ въ сторонѣ а хозяину стоитъ только пересчитать оставшіеся въ кормушкахъ камешки, чтобъ убѣдиться вся ли порція овса всыпана была лошадямъ.

Кинжалъ съ буквами.

Въ этомъ кинжалѣ помѣщено нѣсколько буквъ, составляющихъ имя одного героя классической древности.

Рѣшеніе задачи слоговъ въ № 20 „Нивы“.

Глинка Жизн за Царя

Георгіевск
Ленау
Институт
Нассау
Кундуз
Аяччіо
Жарков
Изабелла
Зулу
Насос
Златоуст
Адріатичес ое
Центавр
Аристотел
Россини
Ян-Ушмовец

Кутузовъ Аустерлиц

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: Спб., отъ гг.: Гаммера, Лапина, Прosоловича, Фохта, Николаевой, Навацкаго, Дрешернъ, Чистовича, Матятина, Моровова, Жукова, Шнаара, Матюшкина, Рейвике, Лядова, В. К. К., Ратманова; **Москва**, отъ гг. Сафонова, Богуславскаго, Коновалова, Зѣвакина, Совѣтова, Живаго, Львова; **Вязники** — Строгонова; **Курскъ** — Золотарева, Вѣльскаго; **Якобштатъ**—Соколовскаго; **Кіевъ**—Тычина; **Житоміръ** — Лвтошинскаго; **Кишиневъ** — Богатнова. **Екатеринославль**, Реккебо; **Козловъ**, Логановскаго.

Рѣшеніе ребуса въ № 18 „Нивы“.

Реформы настоящаго царствованія приносятъ несомнѣнную пользу.

Рѣшеніе шахматной задачи № 12.

Бѣлые.		Черные.	
1) D 2—D 1		1) H 1—G 2	
2) E 1—D 2		2) G 2—H 1	(a)
3) D 1—H 1 † †			
	(a)	2) G 2—G 3	
3) D 1—F 3 † †			

Вновь поступило въ пользу погорѣвшихъ г. Оренбурга:

Отъ свящ. Кирилова въ г. Коротоякахъ 15 руб., Хмѣлевой въ Казани 5 р., Прокофьева въ Шуѣ 70 коп. и Фирсова въ с. Сергіевскомъ 1 р.,—итого 21 р. 70 к., а всего съ прежде поступившими 115 р. 70 к.

Призывъ къ пожертвованіямъ въ пользу погорѣльцевъ г. Оренбурга.

На основаніи Высочайшаго разрѣшенія, объявленнаго въ № 88 „Правит. Вѣстника“, при конторѣ редакціи журнала „Нива“ открытъ пріемъ денежныхъ пожертвованій въ пользу пострадавшихъ отъ пожаровъ. Фамиліи жертвователей, съ обозначеніемъ высланныхъ ими суммъ, будутъ немедленно помѣщаться въ ближайшихъ №№ „Нивы“.

Издатель **А. Марксъ.**

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Г. Начальнику О. уѣзда Р. Препровожденное вами при отношеніи стихотвореніе, при всемъ нашемъ величайшемъ сочувствіи къ мысли его вызвавшей, не можемъ помѣстить (такъ какъ оно уже разъ напечатано вами). Таковое дѣйствіе было бы перепечаткою.

Москва. Н. В. М—ой. Очень милый и искренній тонъ, но этаго одного мало—нуженъ талантъ.

Усмань. С—ву. Мы очень вамъ благодарны, что вы дозволяете намъ выслать гонораръ хоть почтовыми марками. Но пока ни одной марки нельзя дать за то, что вами доставлено.

Спб. А. К—ой. Если вы дѣйствительно посѣщаете курсы, какъ же вы не знаете, что „встрѣпѣнулось“ черезъ *ѣ* не пишется.

Спб. Е. И Фр. Въ вишневой рощѣ *трель заводитъ*

Съ утра до ночи соловой....

Однако, долго же онъ заводитъ!

Не будутъ напечатаны стихи: Гг. Ф. Морозова, М. Л—ха, П. Симонова, В. Соколова, П. Цв—ова, Розенкранца, Б. Донскаго, Гвоздева, Агнивцева, М. Сибирцева, В. Иванова, Варя—цына, А. Гу—на, И. Розаева, А. Бѣш ова, Г. Чиж—на, В. К—а, В. Ден—сова, В. Бурн—аго, С. Щеп—ва, В. Л., В Лю—а, Ф Т—ва, П Воробьева, А. Немер—скаго, И. Шторре, А. Крох—а, Л. Свя—ва, А. Без—ва, К. Матуса, С. Аркан—скаго, С. Смоль—ова, Д. Кир—скаго, М. М И—ва, О—ва, Н. Маслова, Пер—ниа, В. Г., А. Син—они, П. Дронтона, Л. Щер—ины, Н. Балаб—хи, В. Ѳомичева, А Сол—ва, П. Кубан—аго, П. Канда—ова, Е. Гусева, П. Крон—а, В. Глаг—а, А. Андр—ва, В. Бѣлеп—аго, А. Алектор—а, В. Зар—а, Б. Зуб—ина и Конст. Иван—ва.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые внесли деньги только за **первое полугодіе**, поторопиться возобновленіемъ подписки на **второе полугодіе**.— Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг подписчики потеряютъ право на полученіе премій, слѣдуемыхъ гг. годовымъ подписчикамъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Опечатка: Въ первыхъ оттискахъ № 22-го, около 500 экз.. въ магическомъ квадратѣ на правой сторонѣ, по ошибкѣ наборщика, были помѣщены буквы: а а а в д д е е е е н н н л р р, а слѣдуетъ а а а а в в с с н н н н н н н.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф Бергъ**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Объявленія въ «Нивѣ»

Такъ какъ „**Нива**“ самое распространенное изданіе въ Россіи, то и **объявленія**, помѣщаемыя въ ней, равно какъ и приложенные прейсъ-куранты и т. п. получаютъ самое обширное распространеніе. Цѣна за объявленія весьма скромная, именно 25 коп. за строку въ 4-ю долю страницы. При высокомъ качествѣ бумаги „Нивы“ и чистотѣ печати, даже самыя мелкія объявленія обращаютъ на себя вниманіе, тѣмъ болѣе что журналъ не уничтожается, какъ ежедневныя газеты, а сохраняется и объявленія читаются въ теченіи года. Въ сравненіи съ заграничными иллюстрированными изданіями, печатающимися въ такомъ же количествѣ экземпляровъ какъ „Нива“, цѣна за объявленія на половину дешевле.

КУССИНО-КАСТОРОВОЕ МАСЛО.

вѣрнѣйшее средство отъ ленточной глисты, приготовляетъ спеціально аптека магистра фармаціи Карпинскаго въ Варшавѣ Электоральная ул., № 35 Цѣна одного пріема, съ объясненіемъ употребленія 3. рубля, съ пересылкою по почтѣ 3 рубля 50 к.

В. Карпинсиій.

Гостиница Hôtel d'Angleterre въ Берлинѣ.

Давно извѣстиое заведеніе, мѣстоположеніе отличное, самыя умѣренныя цѣны. № 125 20—4

МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ

1 РУБ.

Безъ пересылки

и СГУЩЕННОЕ МОЛОКО НЕСТЛЕ.

75 К.

ГЛАВНОЕ ДЕПО для оптовой и розничной продажи въ С.-Петербургѣ у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ въ зданіи Воспитательнаго дома по Казанской ул. № 3**, Магазинъ № 7, а также у **Штоль и Шмидтъ** —въ **Спб. Химической Лабораторіи**,—въ **Русскомъ Обществѣ Торговли Аптекарскими Товарами** и во всѣхъ москательныхъ торговляхъ и аптекахъ Россійской имперіи.

Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель*

Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ Александра Венцеля ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.

№ 51 26—6 **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія).**

С. Г. Конфельдъ.

ГЛАВНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЪ ЗАВОДОВЪ Г. ПАУКША

въ **Ландсбергѣ** на Вартѣ (въ Германіи) и **Эшеръ Выссъ и К°** въ **Цюрихѣ** и **Лисдорфѣ** близъ **Вѣны** и **Равенсбургѣ** (Германія).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

БОЛЬШАЯ МОСКОВСКАЯ № 6.

принимаетъ доставку и становитъ на мѣсто съ ручательствомъ: **трубчатые паровики патента Паукша и Фрейндъ**, паровики другихъ конструкцій, желѣзныя дымовыя трубы, постоянныя и судовыя паровыя машины новѣйшихъ конструкцій, пароходовъ и инструментальныя машины, машины для писчебумажнаго производства и различные аппараты для онаго, водяныя колеса, турбины, насосы, трансмиссіи, устройства винокуренныхъ заводовъ, мукомольныхъ мельницъ, лѣсопильныхъ заводовъ, паровыхъ прачешныхъ, паровое отопленіе и т. д. Многочисленные отзывы о произведенныхъ устройствахъ всегда къ услугамъ желающихъ видѣть оные. № 126 3—2

ДЕГТЯРНЫЯ КАПСЮЛИ ИЗЪ ОЧИЩЕННАГО НОРВЕЖСКАГО ДЕГТЯ

ПРИГОТОВЛЕННЫЯ МОСКОВСКИМЪ АПТЕКАРЕМЪ Я. ГИРШФЕЛЬДЪ.

Несообразная дорогая цѣна извѣстныхъ французскихъ капсюлей Гюйо побудила меня заняться производствомъ ихъ и такъ какъ понятно въ приготовленіи этихъ капсюлей никакого секрета нѣтъ, и онѣ кромѣ чистѣйшаго дегтя, ничего другого содержать не должны, то и, предлагая мои безукоризненно выработанныя капсюли

НА 40% ДЕШЕВЛЕ ФРАНЦУЗСКИХЪ,

разсчитываю на благоразумный взглядъ гг. врачей и публики, въ настоящемъ случаѣ не имѣющихъ уже никакого повода поддерживать заграничное производство русскими деньгами.

Цѣна стклянки въ 60 капсюлей 60 к. Мѣста продажи: всѣ аптеки и аптекарскіе магазины въ Россіи. Аптекарямъ и торговцамъ большая скидка; а требованія ихъ прошу адресовать въ главное Депо моихъ капсюлей въ запасномъ аптечномъ маг.

Р. КЁЛЕРЪ и К°, въ Москвѣ на Никольской.

Гг. иногородные розничные покупатели могутъ также обращаться въ мою Лубянскую аптеку, прилагая деньги на пересылку, соразмѣрно требованію,

10—6 *Я. ГИРШФЕЛЬДЪ.*

№ 163 **МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ** 6—2

ГУСТАВА ЛИСТЪ ВЪ МОСКВѢ.

по Сергіевской набережной собств. домъ и по Мясницкой возлѣ почтамта.

учрежденный въ 1863 году,

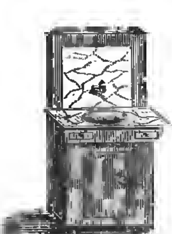
ИЗГОТОВЛЯЕТЪ СПЕЦІАЛЬНО ВСЯКАГО РОДА

ПОЖАРНЫЯ ТРУБЫ

ДЛЯ ГОРОДОВЪ. ЗЕМСТВЪ. ФАБРИКЪ И ДОМОВЪ

ежегодное производство 2000 штукъ.

Иллюстрированные прейсъ-куранты безвозмездно

И. Э. МИЛЬКЪ

бол. Морской

№ 39

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

ДЕСЯТИЧНЫЕ ВѢСЫ.

Умывальники, ватеркловеты, ванны, купальныя души, биде, насосы, садовая мебель, дѣтскія коляски, желѣзныя кровати, аппараты для стирки бѣлья, мясорубки, вѣнскіе спиртовые кофейники, мельницы для кофе и перца, утюги, ножи, ножницы, пробочники, желѣзн. эмалир. кухонн. посуда и разные предметы для хозяйства и для кухни. № 13

КОНЦЕРТНЫЙ ВОКЗАЛЪ „ОЗЕРКИ“.

КОНЦЕРТЫ ежедневно подъ управленіемъ капельмейстера г-на Г. ФЛИГЕ, начало въ 7½ часовъ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ 6½ часовъ. Цѣна за входъ 50 коп. Абонементъ въ 30 билетовъ, по 25 копѣекъ.

РЕСТОРАНЪ: обѣды, завтраки и ужины à la Carte во всякое время. Въ «Озерки» отходятъ слѣдующіе поѣзды: 4 ч. 30 м. дня, 5 ч., 5 ч. 30 м., 6 ч. 40 м., 7 ч. 40 м. и 9 часовъ вечера. Изъ «Озерковъ»: 6 ч. 45 м., 8 ч., 9 ч., 10 ч. 36 м. и 11 ч. 30 м. Цѣны мѣстамъ: I-й классъ 40 к., II-й кл. 25 коп., и III-й кл. 15 коп.

1. № 167 **Эд. и Ю. Ломачъ.**

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЯ И ПОЛЕЗНЫЯ ЗАНЯТІЯ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

ФОТОКОПИРОВАТЕЛЬ

Домашній фотографическій аппаратъ для снятія сколько угодно копій съ фотогр. картъ рисунковъ и пр. При *солнцѣ* каждый снимокъ получается въ 5 минутъ. Цѣна аппарата, съ приложеніемъ 12 великолѣпныхъ фотогр. картъ и образцовъ копій сдѣланныхъ этимъ аппар., 2 р. 50 к., съ пересылкою 4 р. Гг. иногородные могутъ выписывать какія угодно изящныя фотогр. карт. всѣхъ знаменитостей, писателей, актеровъ, актрисъ и видовъ Петербурга и окрестностей по 1 р. за дюжину и 6 р. за сотню съ пересылкою.

АППАРАТЪ ДЛЯ РИСОВАНІЯ.

посредствомъ котораго всякій можетъ копировать всевозможныя рисунки, гравюры, акварели и пр. Цѣна съ приложеніемъ **новаго способа умноженія** посредствомъ сложенія 1 р. съ перес. 2 р. Адр.: Въ Бюро объявленій І. Зегимеля, Невскій пр. № 4, въ Петербургѣ. № 143 1—1

НОВѢЙШІЯ МОЛОТИЛКИ

по системѣ **ВЕЙЛА**,

СЪ ЧИСТИЛЬЩИКОМЪ И БЕЗЪ ОНАГО.

дешевле всѣхъ прежнихъ конструкцій.

Одноконныя до 4-хъ конныхъ и ручныя съ **новѣйшими значительными улучшеніями**, предлагаетъ на нынѣшній сезонъ по **чрезвычайно дешевымъ** цѣнамъ и на самыхъ выгодныхъ условіяхъ платежа.

Доставка франкирована на всякую станцію желѣзныхъ дорогъ.

Ищутъ агентовъ. Торговцамъ дѣлаютъ уступки.

Морицъ Вейлъ младш. Машинно-строительный заводчикъ въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

Первый вводитель штифтовой молотилки.

Moriz Weil jun. **Maschin.-Fabrikant Frankfurt a M**, Heiligkreuzg. 12. 14, № 30 16 & 16a Landwirthschafts-Vereinshalle. 10—5

въ „MAGASIN ÉTRANGER“

Иностранномъ магазинѣ, Б. Морс., д. № 30.

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ
самыхъ превосходныхъ англійскихъ

РЫБОЛОВНЫХЪ
ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ

Все, что выдѣлывается самаго отличнаго въ новѣйшихъ фабрикахъ и мастерскихъ Англіи. Въ «Нивѣ» № 19 подробнѣе опубликовано.

!!! ГИМНАСТИКА !!!

Полный гимнастическій приборъ изъ 4 штукъ: трапецъ, кольцы, лѣстница и начель отъ 10 р., иногор. съ перес. 13 р.

ПАЛАТКИ

разборныя въ небольшую пачку. Всякихъ размѣровъ: № 1, 2 арш. внизу, вышиною 2 арш., цѣна 15 р.; № 2 3½ арш внизу, вышина 3 арш., цѣна 25 р.; № 3, 4½ арш. внизу, вышина 3½ арш. до крыши 50 р.; съ дубовымъ приборомъ № 1 20 р.; № 2, 35 р. и № 3. 65 р. За пересылку по транспортной конторѣ плата по доставкѣ.

РАЗБОРНЫЯ

БЕСѢДКИ

очень удобнаго устройства, для дачъ самое нужное и полезное. Цѣна 35 р. вышина до крыши 2 арш., ширина и длина 2½ арш. Вышина 2¾ арш. длина и ширина 3½ арш. Цѣна 75 р.

!!! ВЕЛОСИПЕДЫ !!!

для всякаго возраста, желѣзн., отличной работы. Цѣна отъ 12, 18, 20, 25 р. и дор.

! ДОРОЖНЫЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ !
ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ

!!! САКВОЯЖИ !!!

вѣнской работы. Саквояжи съ приборами для туалета, дорожныя сумки.

!!! ЗАМШЕВЫЯ !!!
ТАШКИ ДЛЯ ЗОЛОТА.

особеннаго устройства. Несессеры, корзинки для провизіи, готовыя и на заказъ.

ПОРТМОНЕ ВЪ ВИДѢ ПУШКИ.

металлическіе, изъ мельхіора. Цѣна 1 р. и 2 р., иногородн. съ пересылк. 1 р. 50 к. и 2 р. 50 к.

!!! НОВОСТЬ !!!

портмоне «chemin de fer» съ отдѣленіями для всякой монеты.

АМЕРИКАНСКІЕ ПЛЕДЫ.

самаго превосходн. достоинства, прочные, теплые и легкіе.

!!! ПРАКТИЧНО !!!

мѣшечки изъ кокосов. шелка очень прочные всегда чистые и красивые, отъ 1 р. до 4 р., для дороги и для купанья.

!!! ДОРОЖНЫЯ ФЛЯЖКИ !!!
оплетенныя и обшитыя.

СКЛАДНЫЕ КУБКИ МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ
и плоскіе карманные стаканы.

!!! РЕМНИ ДОРОЖНЫЕ !!!

для пледа, отъ 75 к. до 3 р. Также особеннаго новаго, очень практичнаго устройства. Ц. 75 к.

!!!ДОРОЖНАЯ ПОСТЕЛЬ!!!

соединяющая сидѣнья въ вагонѣ. такъ что можно спать удобно.

!!! ХАМАКИ ДЛЯ ОТДЫХА !!!

Индійская висячая постель, самое покойное и самое пріятное ложе, которое только придумать возможно. Ц. отъ 5 р. за пеньковыя, съ пер. иногор. 6 р. 50 к., за индійскія изъ кокосоваго шелка безъ узловъ 8 р., съ пер. 9 р. 50 к., но больше 10 р., съ пер. 12 р.

!!! ЛѢТНІЯ САМЫЯ ЛЕГКІЯ ПЛАТЬЯ !!!

мужскіе парижскіе люстриновые пиджаки, цѣна отъ 5 р. Настоящіе англійскіе костюмы изъ самаго легкаго свѣтлаго полотна, пиджаки и брюки изъ сѣраго холста, отличнаго покроя, ц. 15 р.

САМЫЯ ЛЕГОНЬКІЯ ЛѢТНІЯ ФУРАЖКИ.

Цѣна 75 к. и 1 р. Иногород. съ перес. 1 руб. 50 коп.

ЛѢТНІЯ ЛЕГКІЯ ШЛЯПЫ.

Шляпы изъ бѣлаго альпага и особенной матеріи, также изъ кокосовыхъ волоконъ волоса и проч. Ц. 3 р. и 5 р.

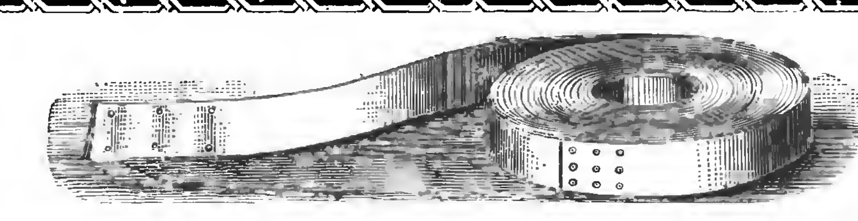
ТРОСТИ

въ большомъ выборѣ. особенно красивыя.

!!! НОВОСТЬ !!!

булавки для шарфовъ, рѣзн. головка бульдога. Ц. 1 р. 50 к. Иногор. съ перес. 2 р.

Адресовать: въ «MAGASIN ÉTRANGER», иностранномъ магазинѣ, въ Большой Морской, домъ № 30, въ С.-Петербургѣ.

СКЛАДЪ
ЛУЧШИХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ

КОЖАНЫХЪ МАШИННЫХЪ РЕМНЕЙ,

ПРОЧНѢЕ ВСѢХЪ ДРУГИХЪ РЕМНЕЙ

И ВМѢСТѢ ДЕШЕВЛЕ,

АМЕРИКАНСКИХЪ ГАЕЧНЫХЪ КЛЮЧЕЙ, ТОПОРИКОВЪ
и ГВОЗДОДЕРОВЪ, у

Г. М. ХУТТОНЪ и К°,

С.-Петербургъ, Малая Морская, № 14.

Москва, Большая Лубянка, д. Мазуриной.

Нижегородская ярмарка, въ зданіи Каменнаго Театра.

№ 170 Прейсъ-курантъ безплатно. 3—1

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ

оптовый складъ спеціально жирово-смазочныхъ издѣлій В. П. Ганнеманна, по Вознесенскому проспекту № 15,45 рекомендуетъ:

Мазь для смазки деревянныхъ и желѣзныхъ осей по 2 р. 50 к. за пудъ.

Мазь для смазки зубчатыхъ колесъ и простыхъ колесъ 3 р. 65 к. за пудъ.

Масло для смазки машинъ всякаго рода по 6 руб. за пудъ, въ бочкахъ вѣсомъ около 10 пуд.—Количество менѣе 10 пуд. цѣна 25 коп. за пудъ и дороже. Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

№ 134 1

Prospectus über

KURERFOLGE

nach Loh-Steinbacher'scher Naturheilmethode versende nebst Badeschrift gratis

DR. LOH. WILHELMSBAD-CANNSTATT,
Deutschland.

№ 150 2—2

!! НОВОСТЬ !!

ВАЗЕЛИНЪ американскій отъ
РЕВМАТИЗМА, ПРОСТУДЫ, КАШЛЯ и т. д.

по описанію, сіе превосходное средство одобрено СПБ. Медиц. Департам.

ЗА ФЛАКОНЪ 50 коп.

Гг. Торговцамъ 20 проц. скидки.

ВѢНСКІЙ КОФЕ

для прибавленія къ кофе для улучшенія онаго.

Цѣна за фунтъ . . . . . 35 к.
» » пудъ . . . . . 13 р.

Заказы иногор. исполняются немедленно но не менѣе какъ на 3 р.

магазинъ благовонныхъ и косметическихъ товаровъ.
Литейная, домъ Роставцева, № 32.

№ 157 3—2

Н. Ф. КЮНЪ

извѣщаетъ почтеннѣйшихъ своихъ заказчиковъ, что немедленное исполненіе требованій, при большомъ скопленіи оныхъ, невозможно, и потому проситъ желающихъ имѣть его краски для малярнаго производства, дѣлать свои заказы заблаговременно. Прейсъ-Курантъ красокъ съ 50 образцами высылается безплатно. Казанская № 38.

С.-Петербургъ. Н. Ф. КЮНЪ.

РИСОВАНІЕ. № 165

Камераобскура для рисованія съ натуры 1 р., съ перес. 2 р. Молодой рисовальщикъ, рисованіе по клѣткамъ съ натуры и рисунковъ, 2 р., съ перес. 3 р. въ маг. „Забава и Дѣло", Литейная, д. № 57. 1—1

ВЫШЛА ІЮНЬСКАЯ КНИЖКА **«СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ».**

СОДЕРЖАНІЕ: Померойтское аббатство. **мистрисъ Генри Вудъ.** Розасъ, **Густава Эмара,** (окончаніе). — Замогильная месть, **Бернара Дерона.**— Исторія одного письма.—Выходъ Александра Поццони.

Кромѣ романа, оконченнаго въ этой книгѣ, въ нынѣшнемъ году окончено еще четыре: **ПЯТНАДЦАТИЛѢТНІЙ КАПИТАНЪ,** Жюля Верна: **СЫНЪ КОРАЛІИ,** Альбера Дельпи; **ТАЙНЫЙ БРАКЪ,** герцога де-Помара; **ДВОЮРОДНАЯ ПЛЕМЯННИЦА,** Ф. Робинзона.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ большаго формата, выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца, и составляющихъ въ годъ около **пяти тысячъ** страницъ, безъ доставки—**десять руб. пятьдесятъ коп.,** съ доставкою въ С.-Петербургѣ—**одиннадцать рублей;** для иногородныхъ подписчиковъ—**двѣнадцать.** руб.

Подписка принимается **исключительно** на имя издательницы Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ редакціи журнала „Собраніе Романовъ", въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается. Выдаются всѣ вышедшія книги съ № 1.

При редакціи открыта книжная торговля, высылаются всѣ книги, публикованныя въ газетахъ, и принимается подписка на всѣ періодическія изданія. **Каталоги высылаются безплатно.** № 169

При этомъ № для гг. иногородн. подписч. (за исключен. Московскихъ) прилагается прейсъ-курантъ отъ чайнаго магазина К. Е. Кисилева въ Москвѣ.

Дозволено цензурою СПБ. 31 Мая 1879 г. [illegible] № 10.

X годъ — годъ X

№ 24 — 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40).

Выданъ 11 Іюня 1879 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій.

29 (15) мая, по словамъ англійскихъ газетъ телеграфъ принесъ въ Лондонъ, произведшее сильное впечатлѣніе, извѣстіе объ отозваніи нашего полномочнаго посла въ Лондонѣ гр. Шувалова и замѣщеніи этаго высокаго и важнаго поста кн. Лобановымъ-Ростовскимъ, бывшимъ доселѣ посломъ въ Константинополѣ. Извѣстіе это однако оффиціально еще не подтвердилось и князь занимаетъ пока прежнее мѣсто.

Князь Алексѣй Борисовичъ принадлежитъ къ одной изъ древнѣйшихъ и знатнѣйшихъ русскихъ фамилій, ведущей происхожденіе свое отъ удѣльныхъ князей Ростовскихъ: Онъ родился въ 1826 г. и воспитывался въ Александровскомъ Лицеѣ, откуда выпущенъ былъ первымъ ученикомъ въ 1844 г. Поступивъ прямо въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и пробывъ въ немъ около 2-хъ лѣтъ, былъ командированъ въ 1847 году временно исправлять должность секретаря посольства въ Парижѣ. Тогдашній нашъ повѣренный въ дѣлахъ при дворѣ Людовика Филиппа, г. Киселевъ полюбилъ однако молодаго сотрудника своего и удержалъ его гораздо долѣе, чѣмъ предполагало Министерство и ему такимъ образомъ привелось присутствовать при паденіи іюльской монархіи и быть близкимъ свидѣтелемъ знаменательныхъ событій, совершавшихся тогда во Франціи. Князь вернулся въ Петербургъ лишь въ 1849 г. Пробывъ и на этотъ разъ не долго въ Министерствѣ, онъ былъ въ 1851 г. назначенъ вторымъ секретаремъ миссіи въ Берлинѣ. До конца Крымской войны, князь оставался въ Берлинѣ сперва вторымъ а потомъ первымъ Секретаремъ и занимался подъ руководствомъ одного изъ самыхъ блестящихъ и даровитѣйшихъ нашихъ представителей Барона А. Ѳ. Будберга.

Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій. Русскій полномочный посолъ въ Константинополѣ. Рис. и грав. Пуцъ.

Когда, въ 1857 г. нужно было возстановить нашу миссію въ Константинополѣ и престарѣлый А. П. Бутеневъ былъ посланъ чрезвычайнымъ Посланникомъ, князь былъ уже настолько извѣстенъ Министерству, что ему данъ былъ постъ Совѣтника вновь сформированной миссіи, не смотря на то,

что предшествовавшая дѣятельность не могла ознакомить его съ дѣлами нашими въ Турціи. Ему сказано было даже, что онъ будетъ ближайшимъ преемникомъ Бутенева. При Бутеневѣ князь сразу же сталъ играть весьма значительную роль и на самомъ дѣлѣ почти управлять всѣми дѣлами миссіи подъ руководствомъ своего опытнаго начальника. Въ 1859 г. Бутеневъ былъ уволенъ и въ томъ же году Князь Лобановъ, 33-хъ лѣтъ отъ роду (небывалый почти примѣръ) назначенъ былъ на его мѣсто чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ.

Положеніе молодаго представителя нашего въ Константинополѣ было блестящее: отличаемый Султаномъ Абдулъ-Меджидомъ, князь пользовался большимъ почетомъ у тогдашнихъ корифеевъ Турецкой дипломатіи Решида, Али и Фуада пашей. Въ служебномъ кругу изящная и дѣльная редакція дипломатическихъ документовъ Русскаго Посланника пользовалась, между прочимъ, тогда большою извѣстностью.

Нѣкоторое начавшееся вскорѣ разногласіе съ Министерствомъ а также и семейныя дѣла заставили князя оставить свой постъ. Въ началѣ 1863 г. онъ уѣхалъ въ отпускъ, а затѣмъ подалъ въ отставку, и поселился на время на Югѣ Франціи.

Вернувшись въ 1866 г. въ Россію, Алексѣй Борисовичъ исрешелъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и былъ назначенъ въ слѣдующемъ году Орловскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Пробывъ 10 мѣсяцевъ въ провинціи и ознакомившись съ нашею администраціею, князь призванъ былъ на постъ Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ, на которомъ и оставался почти 12 лѣтъ. 18 апрѣля 1878 г. Государю Императору благоугодно было вновь пригласить князя принять Константинопольскій постъ съ званіемъ чрезвычайнаго и полномочнаго посла. Назначеніе это было встрѣчено Портою и иностранными державами весьма радушно.

Прибывъ на знакомые ему уже берега Босфора 2 мая, князь Лобановъ вступилъ тотчасъ же въ переговоры съ Портою касательно очищенія Турками крѣпостей Шумлы, Варны и Батума, на основаніи условій С.-Стефанскаго договора. Переговоры эти были остановлены вслѣдствіе созванія конгресса въ Берлинѣ. 27 января этаго года князь Лобановъ, послѣ долгихъ и далеко не легкихъ переговоровъ съ Портою, добился подписанія окончательнаго трактата съ Турціею, которымъ разрѣшались всѣ наши требованія, предъявленныя Портѣ представителями нашими въ С.-Стефано и которыя были обойдены молчаніемъ въ Берлинскомъ трактатѣ.

Въ Средней Азіи *).

(Изъ записокъ русскаго путешественника).

Однажды, выйдя погулять, я очутился на обширномъ ташкентскомъ выгонѣ. Сзади меня была русская часть столицы Туркестанскаго края; на право среди густой зелени красовался домъ генералъ-губернатора (рис. 3), а на лѣво на небольшомъ холмѣ далеко растянулась ташкентская цитадель (рис. 4). Солнце только что взошло и косыми лучами уже набросило красноватый отблескъ на верхушки деревьевъ и яркими полосками скользнуло по крышамъ русскаго Ташкента [1]). Легкій вѣтерокъ навѣвалъ пріятную прохладу и разносилъ упоительный ароматъ цвѣтовъ. Утро было восхитительное. Съ наслажденіемъ вдыхая здоровый весенній воздухъ, я углубился въ созерцаніе окружавшей меня панорамы. Постепенно перенесся я въ воображеніи къ памятнымъ для каждаго туркестанца 1864 и 1865 годамъ. Грозно стояли до этаго времени высокія городскія стѣны Ташкента съ многочисленными башнями и бойницами, окруженныя глубокими рвами. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь расположенъ русскій городъ, небольшими группами были разбросаны невысокія деревья и мелкіе кустарники. Но появился Черняевъ и все измѣнилось. Пали грозныя стѣны, присмирѣлъ мусульманскій фанатизмъ и Ташкентъ изъ сильной крѣпости превратился уже въ мирный торговый городъ; рядомъ съ цитаделью и городомъ азіатскими быстро поднялись на гладкой долинѣ русскія сооруженія.

Но вотъ ко мнѣ кто-то подошелъ. Я увидѣлъ передъ собою знакомаго ташкентскаго торговца, Хамутъ-Ходжу. Это былъ видный мужчина съ длинною черною бородою и вѣчно улыбающимся лицемъ. Онъ считался фактотумомъ всѣхъ русскихъ —зналъ все и вся. Кое-какъ болтая по-русски, онъ постоянно толкался между нашими.

Хамутъ-Ходжа опустился около меня на свои пятки,—обыкновенный способъ сидѣнія у туземцевъ. Вообще туземцы большіе охотники поболтать.

— Задумался я о томъ, началъ я, что было здѣсь нѣсколько лѣтъ назадъ, какія битвы происходили и чѣмъ все окончилось.

— Якши, купъ якши! [2]) подтвердилъ Хамутъ, важно кивнувъ головою.—Ты думалъ о Джандаралѣ [3]). Хорошій былъ человѣкъ, у! хорошій! Если бы всѣ и мусульмане-то были такіе, такъ лучшаго и желать нечего [4]).

— Какъ же ты догадался, что я вспоминалъ о Михаилѣ Григорьевичѣ?

— Хамутъ все знаетъ. Не трудно догадаться. Лучше тебѣ скажу: какъ только попадешь вотъ на это самое мѣсто, такъ и вспомнишь о немъ.

— Почему это?

— А вотъ я тебѣ все скажу.

Съ этими словами онъ придвинулся ко мнѣ и началъ.

— Какъ теперь помню: сраженіе кончилось, городъ былъ взятъ и наши ташкентцы вышли къ нему, именно на этомъ самомъ мѣстѣ, съ покорностью, блѣдные, дрожатъ отъ страха, низко опустили головы... Ты самъ знаешь, какіе порядки у насъ, когда кто побѣдитъ: ужь кого тамъ пощадятъ, особенно вождей... Наши аксакалы [1]) думали, что всѣхъ накажутъ за то, что много русскихъ погибло при взятіи Ташкента... Другой на мѣстѣ генералъ пожалуй сдѣлалъ бы имъ что нибудь дурное... Вскрикнули „Аманъ“ [2]) и упали наши на землю, закрыли головы руками и ждали своей участи... И что же? Черняевъ нагнулся, поднялъ ихъ и ласково, какъ простой человѣкъ, принялся объяснять: „что онъ не думаетъ ихъ казнить. что если они сдѣлали много вреда, за то теперь вѣрностью Акъ-Падшѣ [3]) могутъ загладить прежнюю вину и не только не будутъ считаться врагами, но могутъ сдѣлаться друзьями русскихъ, что война кончилась и насталъ миръ“... и долго говорилъ онъ, и все такъ ровно. тихо. Намъ показалось, что не человѣкъ говоритъ, не привыкли мы къ этому. Бывало попадешь въ бѣду и не подумаешь идти къ своимъ кази [4]), аксакаламъ, курбашамъ [5]) и другимъ—безъ подарка къ нимъ и не смѣй сунуться. А придешь къ нему, скажешь всю правду—сейчасъ выручитъ и после не пожалѣетъ... За все это непремѣнно—хоть онъ и кяфиръ—будетъ онъ награжденъ небомъ... ученые люди и тѣ даже это предсказываютъ... Спроси любаго ташкентца, который знавалъ генерала и всякій тоже скажетъ... Вонъ тамъ не далеко отъ крѣпости, между деревьями домишко!.. Низенькій, слѣпленъ изъ глины. съ земляной крышей, поросла она травой и мохомъ, съ двумя окошечками—это вотъ и есть его домъ. Какъ заняли Ташкентъ, тутъ жилъ Черняевъ. Не правда-ли? Чужеземецъ и не повѣритъ, что это было жилище перваго нашего губернатора, побѣдителя храбраго Алимъ-Кули. У насъ развѣ только мердекеры [6]) такъ живутъ... Прежде было просто.... Да знаешь. Спроси у любаго изъ нашихъ, чего тебѣ объ генералѣ не разскажутъ. И какъ его наши до сихъ поръ почитаютъ—ой какъ почитаютъ и помнятъ!..

Разсказщикъ, по мѣрѣ того какъ говорилъ, болѣе и болѣе воодушевлялся, искреннее чувство слышно было въ его голосѣ, глаза блестѣли.

— А знаешь ли, почему здѣсь крѣпость стоитъ? снова началъ онъ протягивая руку по направленію къ цитадели и, не дожидаясь моего отвѣта, продолжалъ: „Сейчасъ скажу... Русскіе—прехитрый народъ! Взяли Ташкентъ, видятъ—туземцевъ много: когда взбунтуются не скоро справишься съ ними... Вотъ и придумали въ сторонкѣ выстроить свою урду [7]), свой городъ. Потомъ порѣшили между собою—какъ что не ладно, сейчасъ всѣмъ въ урду прятаться. Хотя никому не велѣно говорить—это великій секретъ, а мы все таки всѣ знали. Разъ имъ чуть было не пришлось спасаться, да на ихъ счастье только страхомъ и отдѣлались...

— Скажи мнѣ, Хамутъ, спросилъ я, отчего теперь у васъ не строятъ болѣе такихъ великолѣпныхъ зданій, какими мнѣ недавно пришлось любоваться въ Самаркандѣ?

— Какія же это?

— Да вотъ напримѣръ Гуръ-Эмиръ, Шах-Зинде, Ширъ-Даръ, Улугъ-Бекъ, Тилля-Кари и многія другія.

— Да что, отвѣтилъ торговецъ, свободныхъ рукъ нѣтъ. да и работниковъ такихъ искусныхъ не найдешь больше въ Туркестанѣ; главное—нѣтъ ни Тимура, ни Абдулла-хана, нѣтъ тѣхъ знаменитыхъ эмировъ, о которыхъ теперь поютъ только въ пѣсняхъ. Такія дѣла дѣлаютъ только великіе люди. Мы,

*) Въ нынѣшнемъ году будутъ продолжаться изслѣдованія направленія желѣзной дороги, которая соединитъ Оренбургъ, а слѣдовательно и всю Европейскую Россію съ Самаркандомъ, а можетъ быть и съ Аму-Дарьею. Въ минувшемъ году ученая экспедиція, производящая изысканія, опредѣлила направленіе будущей желѣзной дороги отъ Оренбурга до береговъ Сыръ-Дарьи, именно до станціи Каратугай. Въ нынѣшнемъ году изслѣдованія будутъ произведены отъ Кара-Тугая по берегу Сыра, пересѣкутъ разливы Кара-Узяка, пройдутъ на Туркестанъ, Чикментъ, Ташкентъ, Чуназъ и Самаркандъ. Далѣе предполагается обслѣдовать направленіе будущей желѣзной дороги въ Гиссарскихъ горахъ, изслѣдовать степень судоходности Аму-Дарьи отъ Хазретъ-Имама (противъ Куляба) до Петро-Александровска и, наконецъ, обрекогносцировать старое русло Яны-Дарьи въ степи Кязылъ-Кумъ. Все это и въ связи съ атрекской экспедиціей Лазарева, недавно предпринятой, обращаетъ общее вниманіе на наши Среднеазіатскія владѣнія.

[1]) Городъ Ташкентъ дѣлится на двѣ части - русскую и туземную.

[2]) Хорошо, очень хорошо!

[3]) Джандаралъ—генералъ.

[4]) Для облегченія разсказа я счелъ лучшимъ передать правильнымъ языкомъ неграмматическую рѣчь Хамутъ-Ходжи.

[1]) Аксакалъ—старшина, отъ словъ: акъ—бѣлый, сакалъ—борода.

[2]) Аманъ—пощади, здравствуй.

[3]) Акъ-Падша—Бѣлый Царь.

[4]) Кази—судья.

[5]) Курбаша—начальникъ полиціи.

[6]) Мердекеръ—поденщикъ.

[7]) Урда—крѣпость.

мусульмане, на красоту храма мало обращаемъ вниманія: вамъ нужно, чтобы строевіе—старинное ли, новое-ли—имѣло значеніе религіозное. По этому то у насъ почитаются только тѣ зданія, къ которымъ народъ стекается для поклоненія, напримѣръ: Гуръ-Эмиръ, Кукъ-Ташъ, Шахъ-Зинде...

— У васъ развѣ не уважаютъ всѣхъ мечетей и медрессе, перебилъ я его.

— Нѣтъ! И мечети, и медрессе уважаются; не всѣ—а тѣ, что строены въ память какихъ нибудь святыхъ или надъ могилами святыхъ. Ну! мечеть Ширъ-Даръ (рис 1) уважается—построена она Ялунтаръ-Бекомъ въ 638 году [1]) геджры надъ могилою святаго имама Доздагума; но остальныя медрессе—Улугъ-Бекъ и мечеть Тилля-Кари далеко уступаютъ. Они не имѣютъ той святости, хоть и построены извѣстными ханами: мечеть Улугъ-Бекъ (рис. 2) или Мирза, какъ всѣ называютъ, построена Улугъ-Бекомъ въ 742 году геджры, а медрессе Тилля-Кари—Ялантушъ-Бекомъ въ 598 году.

— Святынь у насъ очень много; почти нѣтъ такаго города, который не имѣлъ бы одного или нѣсколькихъ святыхъ. Все таки главныя, послѣ священной Бухары и славнаго Самарканда—городъ Туркестанъ; его пожалуй даже выше остальныхъ почитаютъ... Ты тамъ видѣлъ громадную мечеть Хазретъ-Имамъ или Азретъ-Имамъ? Тысячи идутъ туда богомольцевъ, поклониться праху великаго имама [2]) Хазрети-Ходжа-Ахмедъ-Ядави; всю жизнь свою творилъ добрыя дѣла этотъ имамъ и разными чудесами поддерживалъ истинную вѣру Магомета на землѣ. Я думаю, ты помнишь, какъ отчаянно бились коканцы съ русскими, послѣ того какъ взяли Туркестанъ. Когда палъ этотъ городъ, дуваны и календеры [3]) разсыпались по всему кокандскому ханству и начали проповѣдывать священную войну противъ кяфировъ [4]), дерзнувшихъ посягнуть на неприкосновенность мусульманской святыни; и коканцы вооружились поголовно и война разгорѣлась съ новой силой. Ваше еще счастье, что послали Черняева...

— Ты жалѣешь, что русскіе прогнали вашихъ хановъ и бековъ?.. Можетъ быть вамъ хотѣлось бы скорѣе вернуть законныхъ владѣтелей?

— Спаси насъ Аллахъ! съ ужасомъ воскликнулъ ташкентецъ. Теперь наврядъ найдешь такого человѣка, который хотѣлъ бы этого... Нѣтъ, нѣтъ! мы вѣрные подданные великаго Акъ-Падши! Теперь мы живемъ свободно, спокойно, жизнь и имущества наши безопасны. А что было прежде? дрожью задрожишь. какъ вспомнишь... Сами беки—и тѣ не могли ручаться за свою жизнь; кто сильнѣе былъ, тотъ и правъ. Сегодня, напримѣръ, ты богатъ и счастливъ, а завтра тебѣ, ни за что, ни про что, какъ барану, горло перерѣжутъ.

И Хамутъ-Ходжа пустился въ длинныя разсужденія о прежнихъ порядкахъ.

— Еще одинъ вопросъ, почтенный Хамутъ. Объясни мнѣ,—что такое таджикъ и сартъ? Кажется, между ними нѣтъ разницы?

— Пожалуй. Въ здѣшнемъ краѣ много разныхъ племенъ; самые многочисленные изъ нихъ—Киргизское, Узбекское и Таджикское. Говорятъ, что таджики происходятъ отъ Ирани [5]); Аллахъ ихъ вѣдаетъ—это дѣло ученыхъ. Я знаю, что я таджикъ, а отъ кого мы происходимъ—мнѣ и въ голову не приходило. А что такое сартъ, могу тебѣ объяснить. Слово „сартъ" значитъ—неизвѣстный человѣкъ; мы же понимаемъ городскаго жителя или торговаго человѣка. Сартовскаго племени нѣтъ; такое названіе придумали русскіе, когда этаго слова „сартъ" не понимали. Весь Ташкентъ населенъ большею частью таджиками—русскіе же прозвали насъ сартами.

— Ты женатъ? спросилъ я своего собѣсѣдника.

— Какъ же! у меня двѣ жены, отвѣтилъ Хамутъ-Ходжа, добродушно улыбаясь.

— А сколько лѣтъ твоимъ женамъ?

— Одной двадцать, а другой тринадцать,

— Такая молодая! воскликнулъ я удивленно.

— У насъ бываютъ и моложе...

— И что же? Твои жены наряжаются только дома, а на улицѣ, какъ и другія женщины, ходятъ закутанными съ ногъ до головы.

— Какъ же иначе? съ недоумѣвающимъ видомъ спросилъ торговецъ. Дома наши женщины щеголяютъ въ красивыхъ нбогатыхъ нарядахъ (рис. 5) на улицѣ же требуется самая простая одежда. Фаренджи [1]) онѣ набрасываютъ на голову, длинныя рукава закидываютъ назадъ и связываютъ вмѣстѣ у самыхъ пятокъ; лице закрываютъ чернымъ чачбау [2]) замужнія, дѣвицамъ же дозволяется употреблять бѣлую кисею.

— Это я знаю, отвѣтилъ я. Ты кажется достаточно ознакомился съ русскими обычаями, насмотрѣлся какою свободою пользуются женщины у русскихъ; тебѣ и слѣдовало бы поступать по ихъ примѣру; ты и самъ расхваливаешь наши порядки... Дозволь своимъ женамъ ходить съ открытыми лицами, не держи ихъ въ заперти—другіе сдѣлаютъ тоже, и увидишь какая хорошая жизнь начнется у васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Это невозможно! оживленно возразилъ Хамутъ. Всѣ наши меня на смѣхъ поднимутъ. Магометъ прямо сказалъ: женщина создана только, чтобы повиноваться во всемъ своему мужу, быть ему вѣрною рабою. И онъ не ошибся: дай только имъ свободу, такъ самъ не радъ будешь. Ваши женщины умнѣе—онѣ иначе сотворены,—иному мужчинѣ не уступятъ; любая изъ нихъ можетъ быть кушбеги [3]). Наши же—куклы, ничего не понимаютъ: хороши пока заперты. Позволь имъ открыться—весь родъ человѣческій погубятъ; непремѣнно погубятъ. Коранъ—великая книга и Магометъ—о! онъ зналъ, что дозволить и что запретить... Предопредѣленія Аллаха не измѣнишь! торжественно заключилъ таджикъ.

Сколько я ни спорилъ, сколько ни старался доказать несправедливость такихъ понятій,—все было напрасно; Хамутъ-Ходжа продолжалъ настаивать на своемъ. Споръ о религіи ему, повидимому, сильно не нравился, такъ какъ онъ вдругъ заявилъ:

— Хорошій ты человѣкъ, а все же кяфиръ, и не можешь понять мудраго закона Магомета... Лучше не будемъ спорить, тамыръ... Однако мы заговорились; посмотри, солнце высоко. Становится ужъ жарко! Пора и по домамъ. Прощай!

И мы расталпсь.

Н Стремоуховъ.

¹) По мусульманскому лѣтосчисленію.
²) Имамъ—духовный санъ.
³) Дуваны—соотвѣтствуютъ дервишамъ въ Турціи.
Календеры—люди, не признающіе ни рода, ни племени; небольшими обществами скитаются они съ мѣста на мѣсто, распѣваютъ разныя молитвы и выпрашиваютъ милостыню. Имущество у нихъ общее. Они отличаются фанатизмомъ.
⁴) Кяфиръ—невѣрный.
⁵) Ирани—персіяне.

¹) Фаренджи—женскій халатъ.
²) Чачбау—сѣтка изъ конскаго волоса.
³) Кушбеги—великій визирь или первый министръ.

Монастырская питомица.

Быль XVII вѣка.

Историческій разсказъ М. Романова.

I.

Въ кельѣ матери Александры, игуменьи московскаго Вознесенскаго монастыря, было великое смятеніе. Собравшіяся въ этой кельѣ старицы и монахини узнали, что, по желанію царицы Марьи Ильиничны, игуменья должна была благословить и отдать въ замужество живущую въ монастырѣ дѣвицу Татьяну за государынина крестоваго дьячка.

— Какая честь то намъ! говорила игуменья Александра,—стало быть насъ помнитъ царица, своими царскими милостями чествуетъ... Ну, слушайте, что дальше то мнѣ повѣдала царицына посланная: государыня, видите ли, приказывала: сама изволитъ смотрѣть невѣсту своего жалованнаго дьячка и для того пришлютъ отъ двора женщину и проведетъ она Татьяну мимо государыни; а будетъ въ то время государыня въ царь-Борисовой палатѣ. Ну что, матери, скажете?

Послѣ нѣкотораго молчанія изъ среды слушательницъ поднялась высокая, сухощавая монахиня и низко поклонившись Александрѣ, тихо проговорила:

— Правда матушка—дорога намъ велика государыни милость. Только у Тани нашей ровно вѣдь ничего нѣту приданаго, а я кой что слышала отъ той бѣлицы-то посланной,—женихъ, вишь ты, не прочь и отъ денегъ, коли монастырь что пожалуетъ... Твоя матушка воля, сама разсуди—я свое сказала.

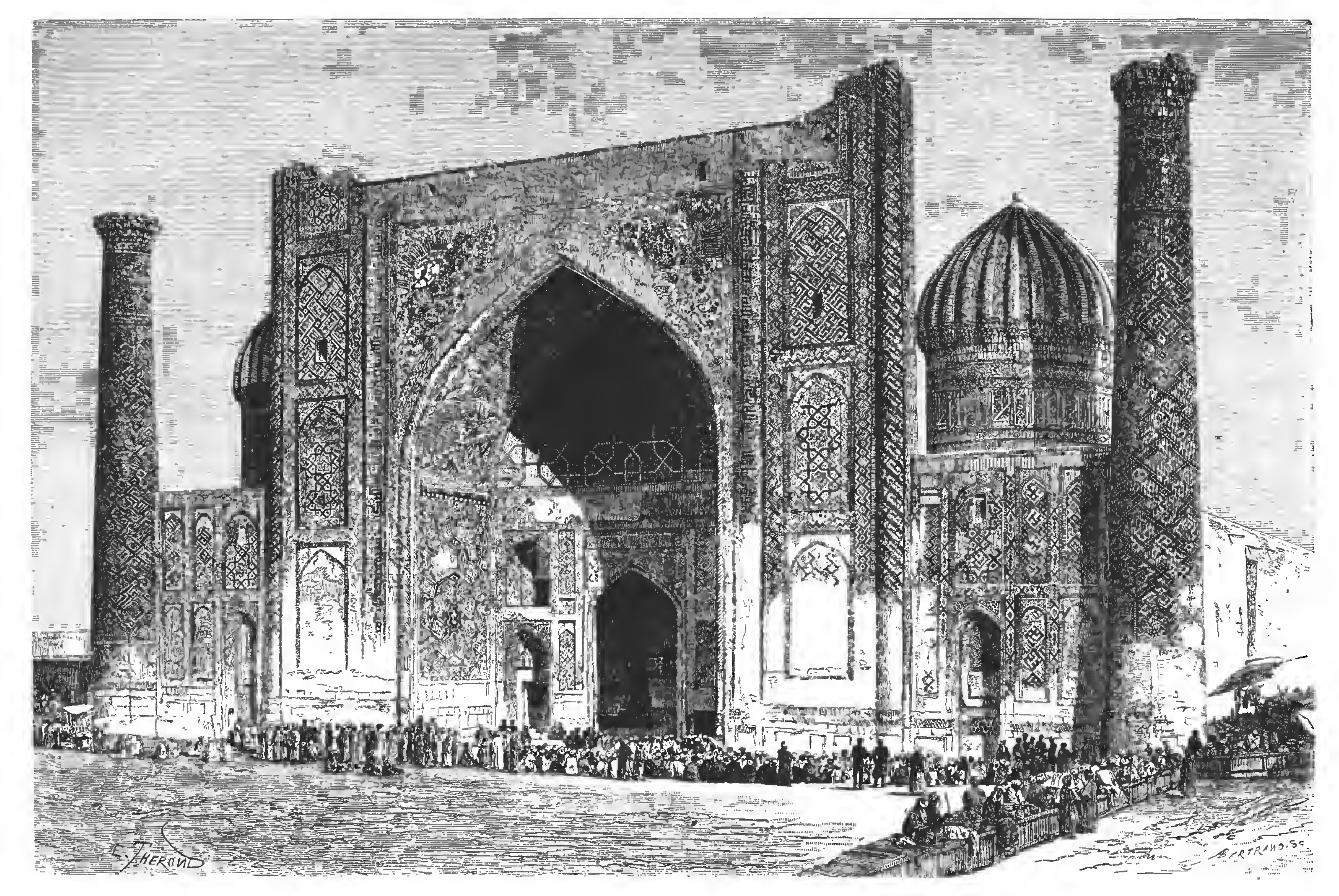
— Нѣтъ, Катерина, не дѣло это. Та вдова Авдотья, что въ кельѣ у тебя проживаетъ, да и со сватомъ жениховымъ, были у меня и все это я имъ сказывала. У нихъ для смотринъ невѣстѣ и платье ужъ готово, а прочее приданое все—государыня пожалуетъ.

— Доброе дѣло, дай Богъ здоровья государынѣ, негромко заговорили монахини.

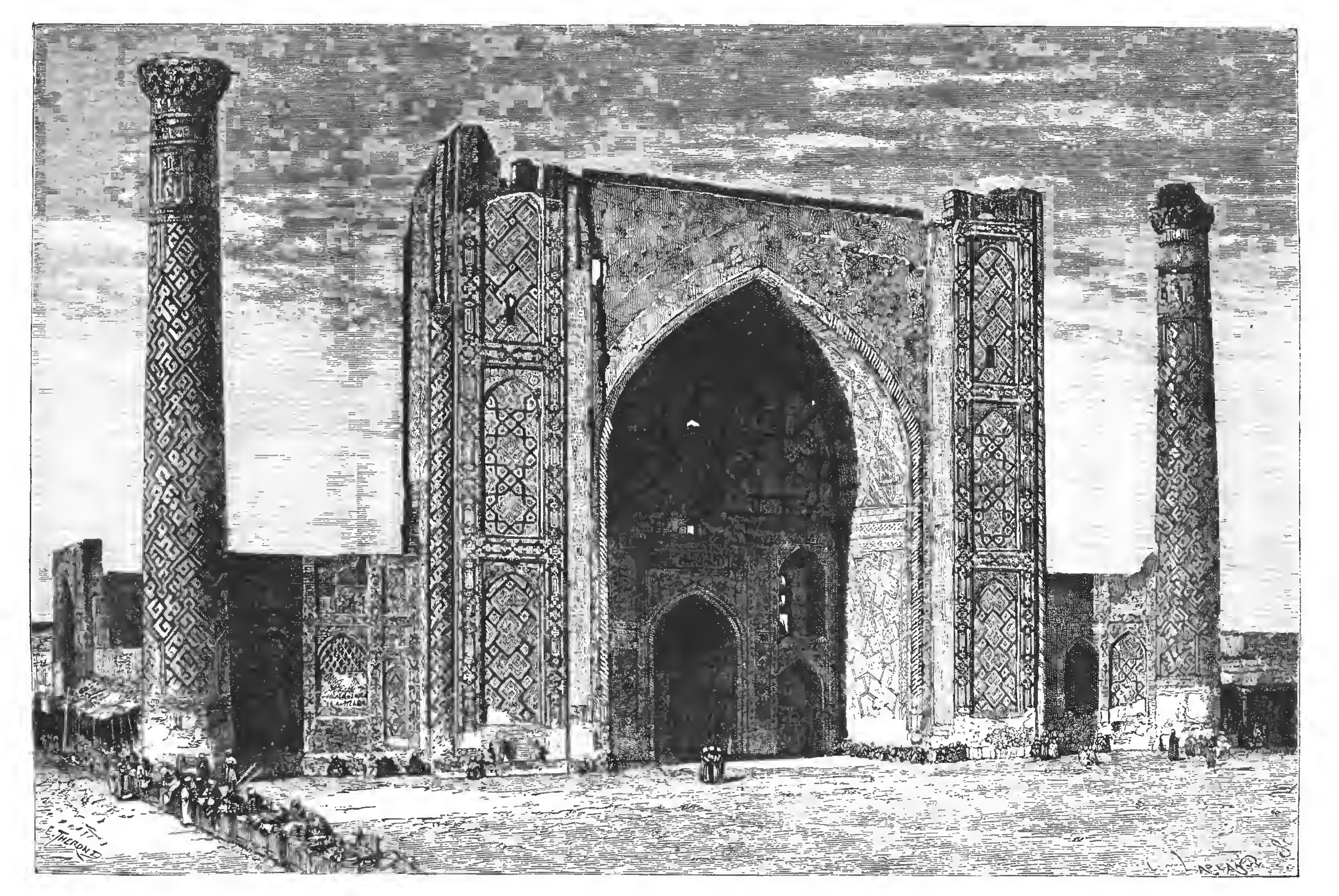
Но старица Катерина опять поднялась и сказала рѣшительно.

А все же благослови мнѣ, матушка, слово мол ить—оповѣстить бы теперь же самоё то Таню—вѣдь е , все же, это дѣло.

— Сдѣлаемъ и это, отвѣтила игуменья. Я в. . по-

1). Мечеть Ширъ-Даръ въ Самаркандѣ. Рис. Теронъ, грав. Бертранъ.

2). **Мечеть Улугъ-Бекъ въ Самаркандѣ.** Рис. Теронъ, грав. Лаплантъ.

звала пообдуматься вмѣстѣ. Какъ тамъ ни говори, а мы нашу сиротку, которую призрѣли, такъ отпустить не должны—монастырь нашъ, слава Богу, можетъ ее не оставить.

Я сказала сватамъ, что принесли къ намъ царскую грамату—невѣста, молъ, сиротка, безъ роду безъ племени, у ограды у нашей подобрана, и что у ней и въ мысляхъ нѣтъ замужъ выходить и приданаго ей взять неоткуда. Надо было и обычай соблюсти. Люблю я Таню, какъ родную дочь; Господь посылаетъ ей такое счастье—милость царскую, все же дадимъ, что можемъ.

— Мы Таню не обидимъ, рѣшили старицы.—Государыня милостью насъ взыскала —ничего не пожалѣемъ мы для нашей невѣсты.

Такъ окончилось совѣщаніе; монахини, довольныя, разошлись по своимъ кельямъ, толкуя о предстоящемъ событіи.

— Нынче того и гляди государыня пожалуетъ, говорили однѣ.

— Еще можетъ и не одинъ разъ, предполагали другія. Катерина, выходя изъ кельи послѣднею, на минуту пріостановилась и сдѣлала движеніе подойти къ игуменьѣ, но какъ бы сообразивъ что то, грустно усмѣхнувшись, пошла къ двери.

Выйдя на большой монастырскій дворъ, Катерина глубоко вдохнула въ себя свѣжій воздухъ и неслышными шагами направилась къ противуположной сторонѣ, гдѣ была ея келья. Ея стройная, медленно двигавшаяся, высокая фигура, вся въ черномъ, съ блѣднымъ, не молодымъ уже, но все еще красивымъ лицомъ, и блестящими черными глазами, въ сумеркахъ яснаго вечера казалась какимъ то фантастическимъ видѣніемъ.

Прежде чѣмъ войти въ келью, Катерина осмотрѣлась кругомъ, взглянула на небо, еще разъ вдохнула въ себя струю свѣжаго воздуха. Она колебалась — войти ли ей къ себѣ, или пойти къ Танѣ и сообщить, что ее ожидало. Она выбрала бы послѣднее, еслибъ не была увѣрена, что мать Александра позоветъ Таню и сама все ей скажетъ.

Какъ ни хорошъ былъ вечеръ, какъ ни жаль было Катеринѣ разстаться съ теплымъ, пріятнымъ воздухомъ и запереться въ душной комнатѣ, все же надо было войти и она нехотя отворила дверь.

При свѣтѣ ярко-горѣвшей лампады, она увидала сидѣвшую на лавкѣ, полную, не старую еще женщину, которая дремала.

— Вотъ и ты матушка, сказала она, протирая глаза. Я тебя поджидала, поджидала да и соснула, да вотъ ужь опять почитай часъ сижу, скучно!

— А чего ждать? Дѣломъ бы какимъ занялась—время то и скоротала бы, сухо сказала инокиня.

Вдова Авдотья, къ которой относились эти слова, зорко взглянула на Катерину. Губы ея какъ то передернуло, видимо она собиралась сказать что нибудь рѣзкое, но сдержалась.

— Полно, матушка, корить то меня, вотъ скоро уѣду домой—вспомянешь. Да еще какъ вспомянешь-то, протянула она и громко разсмѣялась.

Что то непріятное прозвучало въ ея смѣхѣ, такъ что инокиня даже вздрогнула.

— Тьфу срамница! чего на весь монастырь гогочешь!

— Эхъ вы постницы, постницы! Нѣтъ, по мнѣ еслибъ такая жизнь, что и рта не разинуть — да я бы и дня не выжила, убѣжала бы. Вотъ я все дивлюсь, какъ это Таня то у васъ терпитъ. Ея вѣдь тоже дѣвичье дѣло — посмѣяться хочется.

Инокиня вспыхнула.

— Что тебѣ Таня далась? она тебѣ не пара!—она тутъ выросла не въ смѣхѣ да кощунствѣ—ея судьба иная...

— Какая же иная? Вотъ какъ мы ее высватаемъ, такъ тогда и поминай ее какъ звали! конечно ужь больше къ вамъ не заглянетъ!

— Что объ этомъ толковать. Иди съ Богомъ въ свою горенку, молвила болѣе мягкимъ тономъ Катерина, сознавая что этотъ разговоръ до добра не доведетъ.

— Нѣтъ, я выйду освѣжусь маленько а ты не жди матушка, ложись съ Богомъ, я тихонько приду, сказала Авдотья.

— Ладно, молвила Катерина.

Авдотья поспѣшно накинула тѣлогрѣю и вышла изъ комнаты. Увидавъ прижавшуюся къ стѣнѣ фигуру, она подошла и тихо спросила.

— Ты это Фролушка?

— Я тетенька, отвѣтилъ звучный молодой голосъ.

— Тише, нишкни! Скажи Ивану—все наладилось. Въ кельѣ у игуменьи собирался вишь на совѣтъ весь монастырь по нашему дѣлу; говорили что наградятъ.

— По что тетенька, имъ ее награждать? Не родня она имъ какая. Безъ того она мнѣ такъ полюбилась! Безъ нея мнѣ хоть въ воду... Мнѣ такъ... мнѣ денегъ не нужно...

— Какой выискался! Поди ты! Поглядѣла бы, какъ это ты безъ денегъ свадьбу то съиграешь? А жить чѣмъ? Я что ли васъ съ Танькой кормить стану? Да и съ чего ты взялъ это представлять? Развѣ затѣмъ я хлопочу, да вотъ вторую недѣлю въ заперти проживаю? Ты думаешь я задаромъ хвосты то треплю? Ему вишь полюбилась, денегъ не нужно... а мнѣ какое дѣло! Ты думаешь легкое это дѣло? Еще вотъ того и гляди въ бѣду попадешь. А Ивашку забылъ... или онъ тоже даромъ грамоту царскую писалъ?.. Мало ли чего! Я вонъ Дарью насилу уговорила, чтобъ за невѣстой со своимъ платьемъ пріѣхала будто къ царицѣ везти... она тоже свое за это спроситъ небось!.. Ты знай Фролка, что если я взялась, такъ обдѣлаю дѣло; за то, попомни: я себя провести не дамъ...

— Да что ты тетенька, дѣлай какъ хочешь, только боюсь я, ой какъ боюсь! Да, грѣхъ это, поди—большой!

— А ну те убирайся, ишь! Боишься—такъ бы и говорилъ, другаго жениха я не найду что-ли Танькѣ.

— Нѣтъ, тетенька ради Христа не сердись, я это такъ только...

— То то, смотри! проговорила, умилостивясь, Авдотья. Теперь не ходи сюда, да скажи Ивану, что скоро жду.

И Фролъ ловко перелѣзъ черезъ стѣну, а Авдотья, медленно и осторожно оглядываясь, пошла въ келью Катерины.

II.

Отпустивъ монахинь, игуменья стала было на молитву, но ей было не по себѣ. Въ мысляхъ все путалось. „Надо Таню позвать—не могу и молиться“ рѣшила она и позвала прислужницу.

— Сходи къ Танѣ и скажи, чтобъ пришла ко мнѣ—поговорить надо.

Маленькая сѣдая старушка Александра волновалась и охала, ходя по кельѣ въ ожиданіи своей питомицы.

Александра души не чаяла въ Танѣ.

Правда что та была всеобщая любимица, но старушка игуменья сама и нашла ее у порога монастырской церкви, зимою, 12 января, въ самый сильный морозъ. Какъ испугалась она тогда, изумилась и обрадовалась, съ какимъ торжествомъ внесла свою находку въ церковь и тутъ же велѣла окрестить дѣвочку. Годы проходили—Таня выростала всѣмъ на утѣху. Сперва, какъ забава, она переходила съ руки на руки, потомъ стали ее учить чтенію духовныхъ книгъ, рукодѣлью. Въ этомъ опять весь монастырь принималъ участіе. Таня училась прилежно; наставницы поощряли ее, оспаривая другъ у друга.

Ее рѣдко когда видѣли задумчивой; и въ свои двадцать лѣтъ дѣвушка съ темнорусыми волосами, свѣжимъ румянцемъ на нѣжныхъ щекахъ и веселыми карими глазами была настоящимъ ребенкомъ, къ рѣзвости и ласкамъ котораго привыкъ весь монастырь.

И какъ же горячо всѣ ее любили! Отчего же теперь

всѣ, кому былъ предложенъ вопросъ о ея зауужествѣ, такъ скоро и безповоротно согласились на это, не подумавъ даже, рада ли еще она сама будетъ своему счастью? Имъ всѣмъ и въ умъ не приходило, чтобы могло случиться противное—вѣдь *сама царица* жениха сватаетъ!.. Ей, бѣдной дѣвушкѣ—царевича что ли было дожидаться! Въ монастырѣ всѣ ужь давно рѣшили, что не быть ей монахиней.

Повидимому, тамошняя жизнь текла мирно и дружно, подъ управленіемъ достойной и всѣми любимой игуменьи Александры, по у всѣхъ одинаковая была мысль удалить отъ этой жизни во что бы то ни стало Таню, не допустить ее до постриженія.

Таня знала это, но вообще рѣдко думала о своей будущей судьбѣ, такъ какъ настоящее было ей дорого и пріятно. Разумѣется, съ ней никто ни о чемъ подобномъ не заговаривалъ да это и не считалось нужнымъ до поры до времени. И вдругъ, такъ неожиданно, сама великая царица, которая, пріѣзжая иногда въ монастырь, ласкала дѣвочку и привозила ей подарки, вдругъ сама царица выбрала ей жениха... Тутъ и разговаривать нечего—конечно, за приданымъ ужь не постоятъ. Монахини богатыя и для Тани что матери родныя. Теперь имъ только снаряжать да радоваться—вѣдь гдѣ жь имъ, въ монастырѣ то живучи, ей сыскать жениха.

Въ этотъ вечеръ Таня сидѣла у себя въ комнатѣ передъ открытымъ сундучкомъ и любовалась своими богатствами: тутъ были и ленточки разныхъ цвѣтовъ и сережки и колечки, каждое въ особой коробочкѣ. Было и ожерелье жемчужное, пояски шелковые, красный съ золотомъ, другой синій, затѣйно расшитый. На днѣ сундука подъ множествомъ мелкихъ вещицъ, на которыя разбѣгались глаза — разныя ткани, атласъ червчатый, сукно лазоревое... и конца, казалось, нѣту сокровищамъ... Но Танѣ въ первый разъ въ жизни было скучно. Сегодня она одна любуется всѣмъ этимъ надареннымъ ей богатствомъ, а то часа не проходило, что бы то матушка Пелагея, то матушка Ирина, или кто другой не присутствовали въ ея комнаткѣ, чаще же всѣхъ заходила къ ней Катерина.

А сегодня вотъ никто не пришелъ.

— Ужь не пойдти ли мнѣ самой, подумала Таня, но сейчасъ же и вспомнила, что игуменья всѣхъ монахинь позвала къ себѣ еще за вечерней, а туда пойдти въ это время, она не посмѣла.

— Ахъ какъ скучно, скучно! хоть спать ложись! подумала она и будто обрадовалась мысли, быстро вскочила, захлопнула сундучекъ и принялась раздѣваться.

— Ахъ, да что жь это я, аль рехнулась, Богу-то забыла помолиться. Ну вотъ, быть бѣдѣ, стрясется она надо мною... ахъ я окаянная! И краска покрыла молодое личико и даже слезы выступили на глазахъ.

— Что жь это будетъ со мною? Молиться? да вѣдь не замолить мнѣ—куда-ужь! сбѣгать развѣ къ матушкѣ Александрѣ да повиниться, авось отмолитъ...

Таня быстро накинула опять платье и бросилась къ двери, забывъ, что у матушки Александры было собраніе. Но на встрѣчу ей, за дверью, послышались торопливые шаги.

Таня отворила дверь и очутилась лицомъ къ лицу съ посланной отъ игуменьи Акулей.

— Иди, родимая, тебя игуменья къ себѣ зоветъ.

— Вотъ, вотъ—ужь будетъ бѣда, подумала Таня.

— Иду, иду, я ужь давно собралась, поспѣшно пробормотала она и вмѣстѣ съ Акулей, даже придерживаясь за нее рукой, почти бѣгомъ пустилась на зовъ благодѣтельницы.

Передъ самой дверью она остановилась—у ней стукнуло сердце. Какъ виноватая, робко она отворила дверь и едва ступивъ нѣсколько шаговъ, опустилась на колѣни и прерывистымъ голосомъ проговорила:

— Ты все знаешь, матушка... я и сама къ тебѣ спѣшила... виновата... помолись за меня!

И она заплакала.

Игуменья вопросительно съ тревогой посмотрѣла на нее.

— Что ты? или ты спала ужь? Зачѣмъ же тогда Акуля тебя разбудила? экая вѣдь неразумная. Ступай, ложись опять, Акуля, закричала она, отведи ее назадъ!

Теперь Таня посмотрѣла на игуменью во всѣ глаза, быстро поднялась съ полу, подошла къ игуменьѣ и поцѣловала ей руку.

— Нѣтъ, матушка, не спала, что тебѣ?

— Такъ что же ты пустое-то болтаешь?! въ чемъ ты виновата? строго спросила ее Александра.

Таня все еще со слезами на глазахъ разсказала ей о томъ, что ложась спать забыла помолиться Богу.

Игуменья улыбнулась и притянувъ ее къ себѣ, поцѣловала въ голову.

— Ну уйми же, уйми свои слезки, ладно, помолюсь! Сядь-ко вотъ поближе.

Таня сѣла и смиренно сложила руки.

Игуменья затруднилась. Ей, въ ея санѣ, какъ-то непригоже вдругъ показалось вести разговоры о такомъ вопросѣ. Однако она надумалась и, перебирая четки въ рукахъ, заговорила.

— Ты, Танюшка, думала ли когда, какъ впередъ жить будешь?

— Нѣтъ, простодушно отвѣтила Таня.

— А ты не спѣши, ровно сорока—я говорю, думала ли: не вѣкъ тебѣ жить въ монастырѣ?

— А гдѣ жь мнѣ жить, матушка? испуганно спросила Таня, и потомъ, подумавъ, прибавила опечаленнымъ тономъ:

— Гдѣ велишь, тамъ и буду жить, матушка.

— Да не то, глупая! вотъ поди сговори съ ней. Я говорю, пора подумать о замужествѣ тебѣ, не монахиней же будешь. Коль не монахиней, такъ надо замужъ.

— Отчего-жь мнѣ не быть монахиней, матушка, мнѣ тутъ хорошо: буду себѣ жить здѣсь съ вами.

— Все хорошо, да я говорю, что этому нельзя быть, надо тебѣ о замужествѣ подумать.

— Что-жь мнѣ думать, матушка—ваша воля.

— А-а-ахъ, зѣвнула она громко и перекрестила ротъ. Баловница ужь забыла про свой грѣхъ, въ которомъ шла повиниться за минуту передъ тѣмъ, забыла наказанье, могущее ее постигнуть. Она передала свое горе въ надежныя руки—чего же еще? Теперь можно спать спокойно.

— Ахъ ты, Господи, да что ты Таня притворяешься что ли, или ужь тебя упредить успѣли, говори, чего-жь это ты?

Тонъ, которымъ были сказаны эти слова, заставилъ Таню очнуться.

— Матушка, прости Христа ради, я все въ толкъ не возьму, чего ты отъ меня желаешь. Ты вѣдь прислала за мной Акулю по дѣлу, сказала она, какъ бы припоминая все разомъ и умиленно глядя на игуменью, бросилась цѣловать ея руки.

Игуменья перекрестилась и сказала нѣсколько торжественно:

— Благовѣрная царица тебѣ жениха сватаетъ!.. и жалуетъ тебя приданымъ.

У матери Александры нѣсколько дрожалъ голосъ и по доброму лицу ея бѣжали слезы.

Таня стояла передъ нею и недоумѣвала.

Она ничего не имѣла противъ замужества, къ тому жь теперь еще даже не знала, что рѣшеніе было уже принято и потому спокойно отнеслась къ извѣстію. Первый ея вопросъ былъ:

— Что жь ты ужь жениха-то видѣла, матушка?

Этотъ простой до нельзя вопросъ до того озадачилъ игуменью (какъ вѣроятно озадачилъ бы и всѣхъ присутствовавшихъ на совѣщаніи) что долго не могла она справиться съ собою, чтобы сказать „нѣтъ“.

— Чего же ты такъ меня перепугала, я подумала, меня ужь сговорили. Да какъ же это? прежнимъ своимъ

безпечнымъ тономъ спросила дѣвушка. Можетъ не понравится мнѣ онъ—женихъ-то.

— Какъ? царскій-то женихъ да не понравится—вотъ сказала!

— Да что же, матушка, коли онъ, може, уродъ какой... може я ему не понравлюсь!.. А то мнѣ и тебѣ не понравится... тебя вотъ почитать не станетъ и мало-ли что—тогда какъ же?

— Ну, вона, что надумала. Вѣдь эдакъ по твоимъ рѣчамъ и отказать ему легкое дѣло, а этого и думать нельзя—завтра же нужно отвѣтъ.

— Завтра же отвѣтъ... и не видали... и отказать нельзя... Господи помилуй! что-жь это? да вѣдь эдакъ вы меня за медвѣдя отдать можете!.. испуганно вскрикнула Таня.

— Молчи, молчи, что ты! безумная! Ишь кричитъ, точно рѣжутъ ее. Что ты? Уймись, перестань!

А Таня пуще и пуще заговорила.

— Вотъ я правду думала, ужъ не пройдетъ мнѣ даромъ, что помолиться то я нонѣ забыла; вотъ она бѣда-то! вотъ загубила я свою душеньку!..

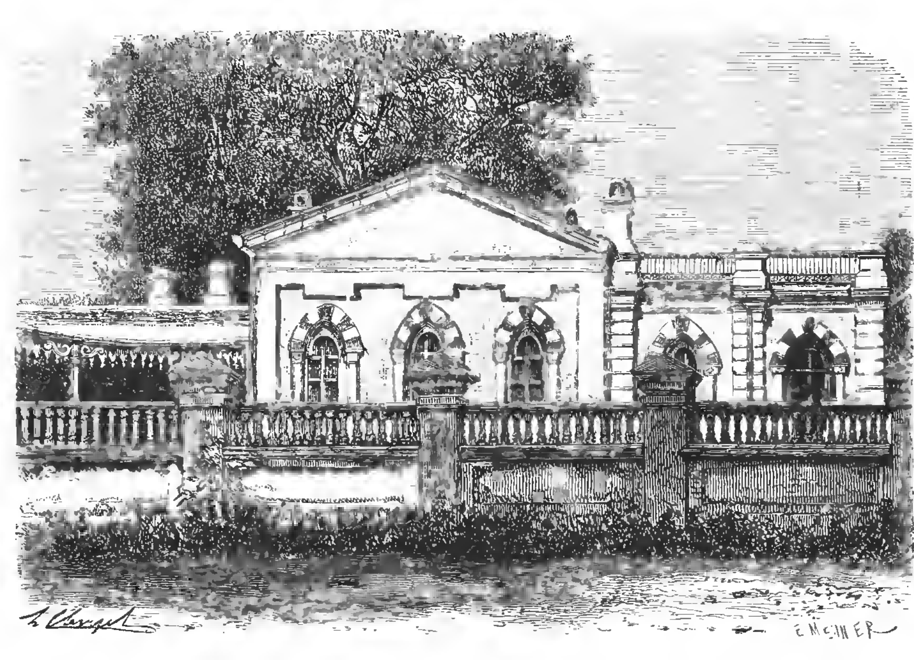
— Поди, Танечка, лягъ, успокойся, никакой бѣды нѣтъ! Я за тебя помолюсь, и жениха увидишь... и все устроится и волю царицыну соблюдемъ и счастье твое. Ничего не видя что убиваться! Отказать нельзя, да вѣдь можетъ и женихъ хорошій. Изъ за чего царицѣ на насъ гнѣваться: мы ея вѣрныя рабы и богомолицы и ты сама знаешь, она всегда милостива къ намъ. Ну поди же усни, дѣтка, растроганнымъ голосомъ проговорила игуменья и перекрестила Таню.

— Послѣ утрени зайдешь ко мнѣ, потолкуемъ. Богъ съ тобой, будь умница, утро вечера мудренѣе. Спи спокойно.

Она поцѣловала Таню и кликнула Акулю.

— Поди да побудь съ нею, пока не уляжется.

Таня, взволнованная, блѣдная, въ сопровожденіи Акули, пошла къ себѣ. Баловница всего монастыря никогда и въ мысли не имѣла, чтобы ее рѣшились выдать замужъ противъ ея воли.

3). Домъ генералъ-губернатора въ Ташкентѣ. Рис. Клерже, грав. Менье.

III.

Возвратившись въ келью, бѣлица не нашла въ ней Катерины. Она оглядѣла всѣ углы и промолвила:

— Эхъ ты постница, еще не угомонилась! ну да пойду себѣ, лягу.

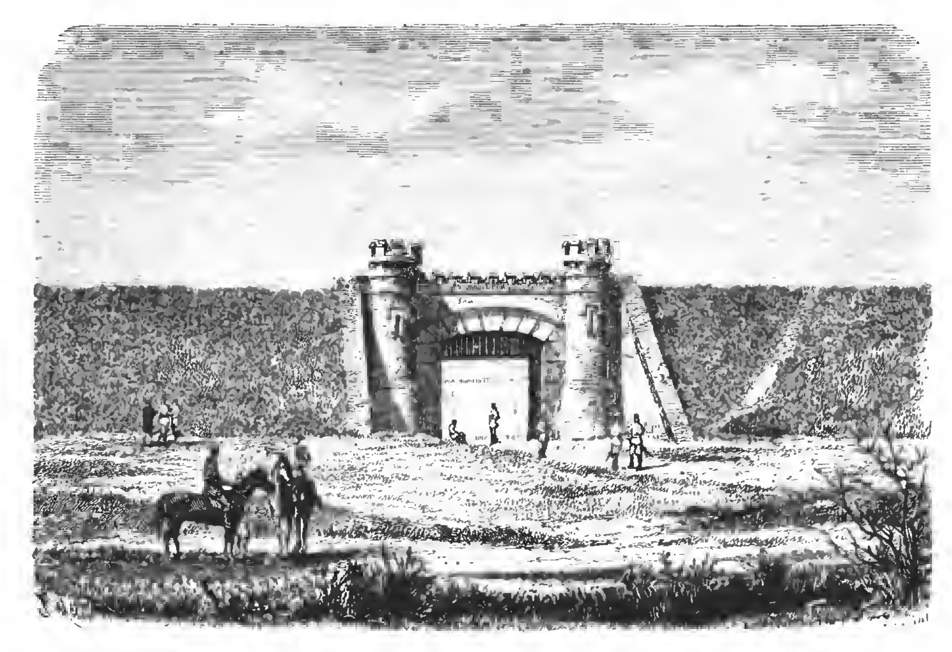
Она пробралась въ свою комнату, отдѣленную отъ кельи высокой перегородкой.

— Кажись дѣло-то выгорѣло! только-бъ этотъ Фролка проклятый не подгадилъ—втюрился, вишь ты, въ невѣсту. А ужь тутъ мало пути! Женимъ мы его, а онъ потомъ и скажетъ: „ничего де мнѣ не надо, лишь бы была Таня“. Нѣтъ, это дѣло надо повернуть. Фролку провесть не трудно, надо только умѣючи взяться. Онъ нуженъ покуда устроится, а тамъ женихомъ-то пусть лучше Ивашка запишется, это-то вѣрнѣе будетъ.

— Оно правда, опаски больше, да и невѣстѣ то врядъ ли онъ понравится... Да больно это нужно!.. еще лучше какъ поскорѣй мы ее спровадимъ—надоѣстъ вѣдь! Хорошо—скоро дадутъ приданое, а если нѣтъ, что тогда? Ну да вѣдь не впервые и не то дѣлывали. Намъ Фролку-то только бы показать, коли потребуютъ. Однако—покуда царица то не пріѣхала, надо дѣлать, а то матери къ ней какъ разъ съ поклономъ отправятся. Вишь вѣдь счастья то имъ привалило!..“

Авдотья расхохоталась.

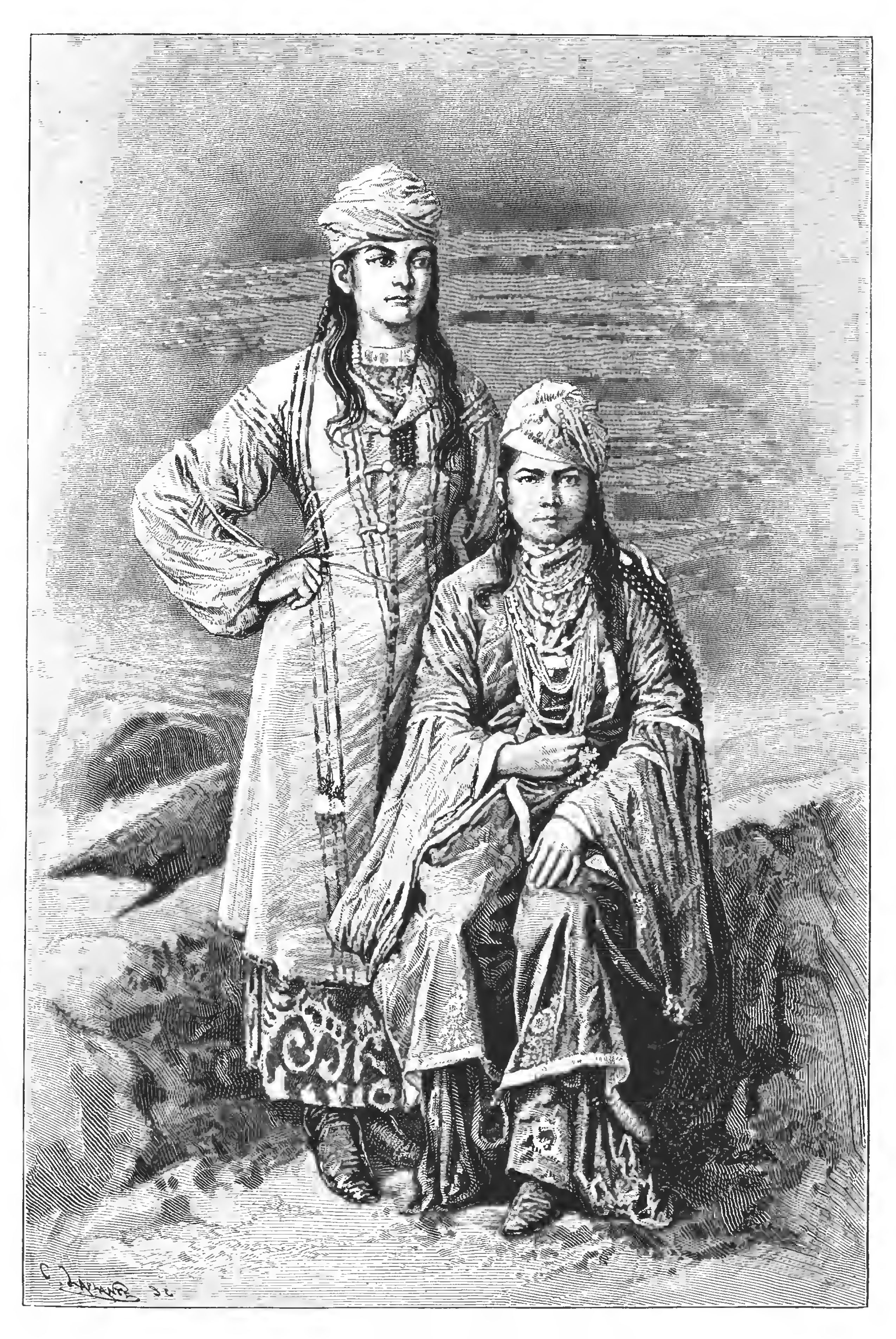
— И вѣдь случилось же мнѣ на эдакое ихъ счастье въ монастырь навѣдаться! И впрямь видно Богъ молитву-то любитъ... Такъ бы Танькѣ то и просидѣть вѣкъ въ дѣвкахъ!..

4). Русскія укрѣпленія въ Ташкентѣ. Рис. Барклай, грав. Лаплантъ.

Катерина, по уходѣ бѣлицы, нѣсколько минутъ походила по комнатѣ, подошла къ постели, хотѣла улечься, но не могла.

— Нѣтъ, загубятъ ее лиходѣи, тяжело вздыхая проговорила она, чуетъ сердце мое что-то недоброе. О, Господи! и я то не могу ничего сдѣлать. Противъ царицы

5). **Таджикскія и Сартскія женщины.** Рис. Вустъ, грав. Лаплантъ.

идти... не можно. Не нравится мнѣ эта сваха—что ни говори, никакой вотъ вѣры въ нее нѣту. Глядитъ это все украдкою да еще тайкомъ выспрашиваетъ Акулю про Таню и что здѣсь дѣется и говорится, и какіе порядки... Не глядѣла бы на нее! Хотѣла сказать матушкѣ-игуменьѣ и заговорила—да она все одно говоритъ: подозрительна де я не въ мѣру. Хоть бы матушка царица пріѣхала, поскорѣе бы развѣдать. Еще успѣю, только чтой-то ноетъ сердце, словно передъ бѣдою! Милая, Танюшка, что то съ тобой будетъ! заливаясь слезами, выговорила Катерина. Вся надежда на милость Божію. Таня! словно ангелъ—Господь не дастъ злодѣямъ ее въ обиду, а злодѣи они, чуетъ сердце мое. Катерина подумала еще немного и въ нерѣшительности громко сказала себѣ:

— Пойти къ ней поговорить, можетъ ей самой что нибудь Богъ вложитъ въ душу, сама придумаетъ что.

Когда Таня, въ сопровожденіи Акули, вошла въ свою горницу, едва держась на ногахъ, Катерина уже сидѣла на лавкѣ и поджидала ее. Она нисколько не удивилась, не найдя Тани, потому что знала, гдѣ она должна быть теперь и тревожно ждала ея возвращенія.

— Иди ты Акуля, слабымъ голосомъ сказала Таня, скажи что здѣсь матушка Катерина останется.

— Да что ты, родимая, аль тебѣ занездоровилось, съ худоскрываемымъ любопытствомъ спросила Акуля.

— Да, голова чтой-то кружится. Матушка и послала тебя проводить, думала не дойду я одна то...

— Слышу, слышу, сказала Акуля, зорко поглядывая на нее и какъ бы стараясь изучить всякое движеніе ея лица.

Оставшись вдвоемъ съ Катериной, Таня судорожно зарыдала.

— Что ты, что ты? говори! бросившись къ ней, начала Катерина.

— Замужъ!.. замужъ... и отказать нельзя!.. Хорошъ-ли, худъ-ли, милъ-ли, противенъ-ли—одно. Чай ужь слышала. Вы порѣшили, меня и спрашивать не хотѣли. Царица, говорятъ, сама... охъ! да ей то что! И есть ей нужда помнить обо мнѣ... Охъ, лучше-бъ не видала я всѣхъ и подарковъ, и ласкъ...

— Полно, полно безумная, что ты, развѣ такъ можно говорить, неравно услышатъ...

— И ты матушка тоже. Пришла пособить мнѣ, такъ говори скорѣе.

— Что ты отвѣтила игуменьѣ? перебила ее Катерина, говори скорѣй—что отвѣтила?

Таня потерла себѣ лобъ рукой и, припомнивъ что было, разсказала.

Катерина радостно вскрикнула.

— Ну вотъ, слава Богу! Я такъ и знала, что не нужно ничего—Господь тебя надоумилъ. Посмотримъ жениха то, все и обсудимъ. Коли ужъ никому не любъ будетъ, и сама царица не захочетъ. Не бойся дитя, я вызовусь, пойду къ ней, сама упаду въ ноги.... А то вишь тебя моя звѣздочка, чуть что не сговорили. Вотъ онъ молодой-то умокъ—прытче десяти старыхъ. Толковали а подумалъ бы кто: „а дай-ка, дескать, посмотримъ, что еще за человѣкъ такой!“

Катерина даже улыбнулась и была совершенно довольна находчивостью Тани.

Таня же, ободренная ласками и увѣреннымъ тономъ Катерины, скоро заснула.

Инокиня долго сидѣла у ея постели и любовалась ея милымъ, дѣтски-спокойнымъ, спящимъ лицомъ.

Наконецъ она поднялась, и наклонившись надъ Таней, съ нѣжностью поцѣловала ее въ щеку и тихонько вышла изъ комнаты.

IV.

Мать Александра сама не могла надивиться: какъ это она упустила такое важное дѣло—повидать жениха.

Теперь, когда ужъ сама Таня навела ее на эту мысль, она рѣшила, ни мало не медля, сказать объ этомъ Авдотьѣ, посланной отъ государыни, тѣмъ болѣе, что Авдотья, какъ довѣренное лицо и очевидно, хорошо знающая всѣ дворскіе порядки, можетъ ее еще и научить какъ поступить въ этомъ дѣлѣ. Правда, Катерина сказываетъ ей про эту бѣлицу, что она-де лукавая, да сумнительная, ну да вѣдь Танѣ не съ нею жить. Коли государыня ей довѣряетъ, такъ значитъ того достойна.

Навернулась было мысль у матери Александры: отчего это государыня ее бы самоё не потребовала къ себѣ оповѣстить о своемъ желаніи, но опять таки подумала, что па все, про все свои порядки и обычаи—тоже вотъ и смотрины, вишь, она во дворцѣ велитъ, значитъ такъ и надо: „А что Катерина то сказываетъ, думала Александра, это тоже конечно... но только глупа она, вотъ что! Что же она полагаетъ, мы всѣ зла что-ли Танѣ желаемъ. Видитъ вѣдь нашу любовь къ ней,—молчала бы да радовалась...

Да... я ужъ запримѣтила, какъ Катерина только еще въ монастырь пришла: дѣвочка-то ей словно бы не чужая, ну да я не распрашивала—Господь съ ней!“

Теперь вотъ боится только напрасно — кому же и вѣрить какъ не Государынѣ.

На другой день, возвратившись отъ утрени, игуменья послала Акулю за Авдотьей.

Та нашла ее въ саду и передала приказаніе, наскоро сообщивъ все, что успѣла подмѣтить и подслушать вчера вечеромъ: она была вѣрной и надежной сообщницей Авдотьи.

Попавъ какимъ-то путемъ въ царскій дворъ, Авдотья была опредѣлена мастерицей, въ свѣтличную государынину палату, но годъ спустя за какую-то провинность изгнана оттуда. Только это время не прошло для нея даромъ. Она узнала во дворцѣ не только всѣ ходы и выходы и не только малѣйшіе обычаи повседневной, комнатной жизни царицы но и особый кругъ ея занятій, которымъ отдавалось также не мало времени. Все это она или сама подмѣчала, или случайно узнавала изъ разсказовъ разныхъ людей, болѣе или менѣе близко стоящихъ къ этой жизни. Она полагала, что все это ей когда нибудь да пригодится и ничего не оставляла безъ вниманія. На сторонѣ она сходилась, по большей части, съ людьми самаго низкаго разбора, съ которыми вмѣстѣ и изобрѣтала постоянно всякаго рода кляузы на своихъ товарокъ. Авдотья была даже разъ свидѣтельницей противъ одной изъ товарокъ, ею же оговоренной въ томъ, что та будто „шептала“ про царицу „непригожія“ рѣчи. Дѣло это разыгралось было такъ, что хотѣли уже пытать и обвиняемую и свидѣтельницу, но на ихъ счастье кто-то заявилъ, что у обвиняемой падучая болѣзнь: дѣло такъ и затихло. И много разнаго „воровства“ случилось за время ея пребыванія во дворцѣ. Ее прогнали.

Ивашка, о которомъ она вспоминала—былъ Иванъ Девуля, ея другъ и учитель; съ нимъ она обдѣлывала много разнаго рода дѣлишекъ, о которыхъ она сама нерѣдко вспоминала и хвасталась передъ своими. Разумѣется, она никому не говорила, въ чемъ заключались эти такъ называемыя „дѣлишки“, изъ страха, вѣроятно, поплатиться за нихъ, но обращикъ ея продѣлокъ—сватовство Тани.

Принявъ торжественный видъ, Авдотья смѣло вошла въ келью. Поклонившись Александрѣ и подойдя подъ благословеніе, она свободно и не спѣша сѣла на указанное ей мѣсто.

Видя, что игуменья затрудняется начать разговоръ, она сейчасъ же нашлась и спросила, хорошо ли она почивала, все ли здорово и какой отвѣтъ государынѣ дать надумала?

— Ахъ, матушка, Господь видитъ—трудное дѣло намъ задала царица. Таня то еще молодешенька.

— Какое молода, матушка—двадцать-то лѣтъ! Что это!

— Оно такъ—да она вѣдь у насъ не въ міру—тамъ

у васъ совсѣмъ иное дѣло! Ужь право не знаю... И государыню то не такъ давно я видѣла и она мнѣ хоть бы словечко объ этомъ.

Авдотья мяла конецъ шейнаго платка и, пристально уставившись на игуменью сказала:

— Хотя и обидно, матушка, а вижу, что ты мнѣ не вѣришь. Благослови меня коли выѣхать. А вернется государыня, ты къ ней съѣздишь и доложишь. А тѣмъ временемъ я бы тебѣ знаешь что сказала...

— Нѣтъ; нѣтъ, прости родимая, что ты! Я вѣрю, вѣрю! торопливо заговорила игуменья.

— Да ничего,—не буду я тебя обносить передъ государыней. Дѣлай, какъ Богъ тебѣ велитъ...

Игуменья еще колебалась и хоть очень боялась огорчить царицу, да боялась и поспѣшить дѣломъ, или лучше просто не вѣрила она Авдотьѣ. Надо было употребить послѣднее, сильное средство, чтобы разсѣять всѣ сомнѣнья.

Авдотья это поняла тотчасъ. Она наклонилась немного впередъ и тише обыкновеннаго сказала:

— Я было думала, матушка, хоть это и не по обычаю, чтобы эти смотрины здѣсь въ монастырѣ были еще до царицы. У насъ вѣдь государыня всегда ужъ сама дѣлаетъ смотрины. Любитъ награждать своихъ вѣрныхъ слугъ, а крестницъ да питомицъ, вѣдомо тебѣ, у ней великое множество; намедни калмычку одну сговорили, тоже за дьяка. Да что говорить—наша государыня милостивая, а много добра творитъ. Потѣхами совсѣмъ не займается; въ теремѣ то, почитай ни шутихи, ни дуры никакой не осталось—совсѣмъ этого дѣла не любитъ. Сама разбираетъ ежедень челобитныя и рѣшенья правитъ. Э-эхъ, дѣло то тоже ея не легкое, продолжала разглагольствовать Авдотья, замѣчая, что мать игуменья умиляется. Утро то все государыня занята своими хозяйскими дѣлами: въ мастерскія палаты навѣдается, и сама руководствуетъ. Запасы ей приносять—отбираетъ, приказываетъ при себѣ что кроить, иное жалуетъ кому, иное неимущимъ отдаетъ, или въ продажу. А ужъ праздники... объ нихъ нечего и сказывать, какъ ихъ великая государыня проводитъ—лучше это тебѣ матушка извѣстно.

— Что ужь и говорить, миленькая моя, восторженно и со слезами на глазахъ, отвѣтила старушка, никогда мнѣ не забыть праздника Свѣтлаго Воскресенья—такое это ликованіе, какъ царица къ намъ христосоваться жалуетъ со своими чадами да домочадцами...

Авдотьѣ однако начала надоѣдать эта бесѣда. Она достигла, чего желала и пора было кончить. Ей досадно было, что она переговорила лишнее относительно смотринъ—дѣло обошлось бы и безъ этого опаснаго шага.

— Уйти бы теперь поскорѣй, да и вся недолга, можетъ и забыла бы она совсѣмъ про это, подумалось ей. „Ишь уши-то развѣсила" усмѣхнулась внутренно Авдотья.

Но игуменья не развѣсила уши, а крѣпко ухватилась за ея предложеніе:—оно какъ разъ совпадало съ ея намѣреніемъ. Авдотья вдругъ заторопилась.

— Ну матушка боюсь я утомить тебя, ты человѣкъ не молодой, усердный—службу выстояла—не изволишь ли зайти ужо,—благослови въ путь. Ты временемъ пообдумаешь, а тамъ и царица пожалуетъ...

Авдотья встала уходить.

Александра едва опомнилась отъ такого внезапнаго поворота.

— Да ты никакъ и вправду собралась. Поживи-ка, полно, здѣсь. Я какъ тебя послушала, такъ все теперь поняла—все порѣшимъ, къ пріѣзду государыни. Только ужь не забудь обѣщанія то жениха показать, это у меня и раньше еще на умѣ было. Пусть въ воскресенье къ обѣдни приходитъ.

Авдотья, не возражала, „сама испортила, сама и поправлю" сказала она себѣ.

(Продолженіе будетъ).

Стихотворенія.

Изъ Гафиза.

I.

Если листъ летитъ на землю
Поздней осенью глухой
Не печалься: все проснется
Съ первой вешнею грозой.

Подъ ковромъ холоднымъ снѣга
Пусть цвѣты покойно спятъ,—
Не печалься: лѣтомъ жаркимъ
Снова розы заблестятъ.

Пусть судьба сулитъ несчастья,
Будетъ счастье впереди,
Не печалься и смѣлѣе
Въ даль угрюмую гляди!

II.

Голосъ, тихій какъ дыханье,
Говоритъ мнѣ съ высоты:
„О, не вѣрь, что эти пѣсни
Плодъ земной твоей мечты:—"

„На цвѣтахъ, подъ сѣнью рая,
„Въ дивныхъ кущахъ голубыхъ,
„Ткань узорная блистаетъ
„Этихъ пѣсенъ золотыхъ!.."

П. Гнѣдичъ.

Золотая свадьба Германскаго Императора.

Празднованіе золотой свадьбы Императора Вильгельма являясь радостнымъ и счастливымъ событіемъ для всей Германіи, не можетъ быть въ тоже время и нами пройдена молчаніемъ тѣмъ болѣе, что нашъ царствующій Домъ состоитъ въ самыхъ близкихъ, родственныхъ связяхъ съ гогенцоллернской династіей и маститый Императоръ всегда чрезвычайно сочувственно относится ко всѣмъ благимъ начинаніямъ и великимъ политическимъ цѣлямъ своего вѣнценоснаго племянника—нашего возлюбленнаго Государя.

Одиннадцатаго числа іюня текущаго года по новому стилю минуетъ ровно полвѣка съ тѣхъ поръ какъ Императоръ Вильгельмъ сочетался бракомъ съ Императрицей Августой и этотъ сердечный, полный согласія и любви союзъ благословился полувѣковымъ невозмутимымъ счастіемъ царственной четы и полувѣковымъ благоденствіемъ ихъ вѣрныхъ подданныхъ. Пользуясь поводомъ празднованія золотой свадьбы Императора, нѣмецкая печать вспоминаетъ и о давно прошедшемъ времени, а именно о 1829 годѣ, когда совершилось бракосочетаніе Принца Вильгельма съ Принцесою Августою и изъ этихъ то воспоминаній и мы извлекаемъ нѣкоторыя подробности, не лишенныя интереса и для русскихъ читателей. Въ 1827 г. принцъ Карлъ Прусскій вступилъ въ бракъ съ Принцессой Маріей, сестрой Августы и это событіе послужило къ неожиданному сближенію Принцессы Августы съ Вильгельмомъ. Тогда Принцъ Вильгельмъ былъ, по описанію старика Гагерна въ письмѣ его къ Штейну, стройный молодой человѣкъ, съ величественною, благородною наружностью и выраженіе его лица носило на себѣ отпечатокъ рыцарской прямоты и благородства. Его обращеніе обаятельно дѣйствовало на окружающихъ—оно было въ высшей степени вѣжливое, свѣтское, полное достоинства. Красота же и высокія качества Принцессы Августы уже были давно оцѣнены на ея родинѣ: маститый Гете посвятилъ ей одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній и неудивительно, что по прибытіи въ Берлинъ она сдѣлалась предметомъ общей любви и уваженія и каждый радовался близости такого удачнаго, многообѣщающаго союза.

Свадьба лишь только задумывалась, какъ 6 іюня 1829 года, прибылъ въ Берлинъ Императоръ Николай Павловичъ вмѣстѣ съ Императрицей изъ Варшавы, гдѣ передъ тѣмъ происходило торжество коронаціи. Это прибытіе столь близко-родственныхъ и дорогихъ гостей ускорило предполагавшееся бракосочетаніе и король Вильгельмъ III въ угоду своей любимой дочери, русской Императрицы, рѣшился отпраздновать свадьбу немедленно и по его вызову высокопареченная невѣста тотчасъ же прибыла изъ Веймара въ Берлинъ, а 8 іюня, приходившагося тогда въ Духовъ день, весь дворъ уже отправился въ Потсдамъ, чтобы

встрѣтить родителей невѣсты Гросгерцога Карла Фридриха и его супруги бывшей Великой Княгини Маріи Павловны. Черезъ день т. е. 10 іюня высоконареченная невѣста уже совершала свой торжественный въѣздъ въ столицу. Представители всѣхъ гильдій и цѣховъ, конные и пѣшіе, учавствовали въ кортежѣ; войска стояли шпалерами. Все берлинское населеніе высыпало на улицы (въ Берлинѣ считалось уже тогда до 220,000 жителей) и оглашало воздухъ криками неподдѣльнаго, искренняго восторга.

Въ четвергъ 11 іюня въ 7 часовъ вечера совершился обрядъ вѣнчанія въ старой капеллѣ королевскаго замка. Корона была возложена на юную невѣсту Кронпринцессой Елисаветой и укрѣплена въ прядяхъ роскошныхъ волосъ Русской Императрицей и родительницей невѣсты Гросгерцогиней Саксенъ-Веймарской. Затѣмъ молодые направились къ алтарю: это было блестящее, величественное шествіе, въ которомъ принимали участіе Императоръ и Императрица всероссійскіе, король Прусскій, два наслѣдника престоловъ (русскій и прусскій) и большое число германскихъ владѣтельныхъ герцоговъ, съ ихъ супругами, наслѣдными принцами и другими членами царственныхъ семей. Служеніе торжественно совершалъ епископъ Еилертъ и моментъ обмѣниванія колецъ возвѣщенъ былъ столицѣ семьюдесятью двумя пушечными выстрѣлами. Послѣ бракосочетанія, по приглашенію гофмаршала, всѣ гости перешли въ бѣлую залу, гдѣ былъ приготовленъ роскошный ужинъ. Царскій столъ былъ сервированъ въ рыцарской залѣ подъ балдахиномъ трона; средину его заняли молодые; съ боку новобрачной предназначено было мѣсто для русскаго Императора, а русская Императрица помѣстилась съ боку своего брата Вильгельма. Два генералъ-лейтенанта-фонъ Раухъ и фонъ Мюффлингъ прислуживали за столомъ. Когда же король принялъ бокалъ отъ Оберщенка графа Еглоффштейна и провозгласилъ тостъ за здоровье молодыхъ, то этотъ тостъ вызвалъ долгія и шумныя привѣтствія за всѣми другими пятью столами.

Послѣ ужина весь дворъ вмѣстѣ съ гостями снова перешелъ въ бѣлую залу; монархи помѣстились на возвышеніи трона и король далъ знакъ начать танцы. Первымъ танцемъ по обычаю долженъ былъ быть такъ называемый факельный танецъ (Fackeltanz), постоянно исполнявшійся при каждомъ бракосочетаніи кого либо изъ членовъ прусской королевской фамиліи. Шествіе открывалъ оберъ-гофмаршалъ графъ Гольцъ а за нимъ слѣдовали попарно, по старшинству, сановники и другіе чины двора. Новобрачнымъ предшествовали министры, несшіе факелы. Въ этомъ своеобразномъ полонезѣ участвовали всѣ коронованныя особы и между прочимъ Императоръ Николай Павловичъ и Императрица Александра Феодоровна.

По окончаніи факельнаго танца въ парадной залѣ происходила особенная церемонія: оберъ-гофмейстерина фонъ Яговъ надѣляла каждаго гостя кусочкомъ такъ называемой подвязки новобрачной (Strumpfband der Braut) какъ это было въ обычаѣ древняго бранденбургскаго дома; въ настоящемъ случаѣ традиціонную подвязку новобрачной замѣняло нѣсколько аршинъ шелковой ленты, кусочекъ которой и получалъ на память каждый присутствующій. Послѣ этаго Принцесса сняла съ себя корону, которая торжественно, подъ прикрытіемъ военнаго конвоя была унесена въ комнату, гдѣ хранятся царскія драгоцѣнности.

Берлинъ раздѣлялъ радость двора; весь городъ горѣлъ огнями; на королевскомъ театрѣ шло торжественное представленіе, текстъ котораго сочиненъ барономъ Ламоттомъ Фуке, авторомъ „Ундины“, а музыка композиторомъ Марксомъ. Увеселенія слѣдовали за увеселеніями; такъ, Спонтини поставилъ по этому случаю новую оперу свою „Агнеса фонъ-Гогенштауфенъ“ съ текстомъ Раупаха; между прочимъ былъ данъ публичный балъ въ оперномъ театрѣ, на который русская императрица и принцесса Августа явились въ русскомъ, народномъ костюмѣ.

Въ нынѣшнемъ же году 30-го мая (11-го іюня), съ среды, весь Берлинъ, до самыхъ отдаленныхъ предмѣстій, былъ разукрашенъ флагами, гирляндами, вѣнками съ золотыми блестками изъ листвы и еловыхъ вѣтвей. По всѣмъ улицамъ двигались толпы. У императорскаго дворца уже съ ранняго утра была густая масса народа. Погода стояла превосходная.

Въ 12 часовъ пополудни громъ пушекъ возвѣстилъ о состоявшемся благословеніи императорской четы по случаю золотой свадьбы. При вступленіи въ часовню, императорская чета была встрѣчена духовенствомъ. Императоръ Вильгельмъ и императрица взошли на приготовленное возвышеніе. Придворный проповѣдникъ Кегель совершилъ благословеніе.

Вечеромъ императорская чета возвратилась изъ замка въ императорскій дворецъ. Императоръ и императрица сидѣли въ коляскѣ, запряженной шестеркою и ѣхавшей шагомъ; толпы народа провожали ихъ величества на всемъ пути неумолкавшими восторженными кликами.

На улицахъ, ведущихъ ко дворцу, до ночи, были многочисленныя толпы народа. Почти всѣ имѣли василекъ въ петличкѣ сюртука. Газеты выпустили праздничные нумера со статьями и стихотвореніями, привѣтствующими императорскую чету. Утромъ, въ 9 часовъ, хоръ изъ 2,000 пѣвцовъ пропѣлъ на площади гимны, религіозные и свѣтскіе. Въ арміи множество производствъ и роздано много наградъ; обширная амнистія объявлена осужденнымъ по политическимъ преступленіямъ.

31-го мая въ четвергъ, указами, помѣченными числомъ этого торжественнаго дня, было помиловано болѣе 600 человѣкъ, между прочимъ, и значительное число осужденныхъ за оскорбленіе величества. За этимъ послѣдовало значительное число дальнѣйшихъ актовъ о помилованіи, причемъ общее число помилованныхъ простирается до 800 человѣкъ.

31-го же мая, въ полдень, императоръ Вильгельмъ принялъ ихъ высочества великихъ князей Алексѣя Александровича и Михаила Николаевича. Потомъ императоръ далъ аудіенцію русской депутаціи, состоявшей изъ генералъ-майора Курлова, полковника Обера, полковника Шипова и поручика Шарскаго.

Золотая свадьба Германской Императорской четы. Императоръ Вильгельмъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Отчаянный прыжокъ.

Не видитъ бѣдное животное никакого спасенія; рога трубятъ, огромные псы несутся за нимъ въ догонку. Припомните чудные стихи Майкова:

...въ рощѣ трепетный олень
Врагомъ невидимымъ гонимый.
Олень бѣжитъ по ребрамъ горъ
И съ горъ кидается стрѣлою
Въ туманы дремлющихъ озеръ,
Осеребреные луною...

Такіе большіе, красивые олени водятся теперь въ Шотландіи. Лорды и охотники высшаго общества въ Британіи не знаютъ высшаго удовольствія какъ охота на оленей въ горной Шотландіи. Вслѣдствіе опасной конкурренціи австралійской и американской шерсти съ шотландскою, овцеводство въ этой странѣ постепенно сокращалось, становясь неприбыльнымъ и наконецъ совсѣмъ уничтожилось. Богатые владѣльцы выслали въ Америку или Австралію своихъ пастуховъ и овцеводовъ и рѣшили завести въ своихъ владѣніяхъ великолѣпныя охоты, право на которыя можно бы было предоставлять страстнымъ и богатымъ охотникамъ за баснословныя суммы, такъ сказать въ аренду, на извѣстныхъ условіяхъ. Въ концѣ Іюля обыкновенно, когда кончится періодъ спариванія оленей, начинается сезонъ охоты на нихъ. Условіе необходимо поставляемое, чтобы не стрѣлять и не гонять молоденькихъ оленей и самокъ а охотиться исключительно за матерыми самцами. Только тогда, когда тщательно отдѣлены въ загоны всѣ молодые олени и самки, только тогда допускаетъ владѣлецъ имѣнія охотниковъ. Выпускаются своры великолѣпнѣйшихъ рослыхъ, кровныхъ собакъ, такъ называемыхъ „летучихъ“ или пастушьихъ, выпускаютъ оленя и начинается травля. Эти собаки съ такою горячностью и увлеченіемъ предаются преслѣдованію, что вцѣпившись въ оленя, забываютъ все на свѣтѣ и ихъ трудно уже бываетъ оторвать отъ него, какъ видно напр. на нашемъ рисункѣ, гдѣ горячая собака и погибаетъ съ оленемъ въ озерѣ. Въ смертномъ страхѣ несется олень по горамъ и скаламъ и находитъ смерть тамъ, гдѣ думаетъ найти спасеніе.

Золотая свадьба Германской Императорской четы. Императрица Августа пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Золото въ древности.

Много прошло до того времени, когда, вслѣдствіе возрастающей культуры и установившихся международныхъ сношеній, явилась потребность въ извѣстныхъ мѣрилахъ для опредѣленія цѣнности всѣхъ необходимыхъ для человѣка предметовъ—золото же въ соединеніи съ разноцвѣтными драгоцѣнными каменьями служило уже не только какъ украшеніе человѣческаго тѣла, но и какъ матеріалъ для разнаго рода сосудовъ и домашней утвари. Скоро люди убѣдились въ прекрасныхъ качествахъ этаго металла, удивлялись прелести и прочности его блеска, непомрачаемаго ржавчиной, удивлялись его мягкости и гибкости—качествамъ, дающимъ ему преимущество передъ другими металлами для выдѣлки разныхъ предметовъ роскоши и домашняго употребленія.

Какъ извѣстно, азіатскіе народы предавались, подъ вліяніемъ богатой природы и обезсиливающаго тѣло климата, самой безумной роскоши. Вавилоняне и финикіяне поддерживали эту страсть: они привозили азіатамъ не только произведенія своего искусства и своей промышленности, стоявшихъ на высокой ступени развитія, но и предметы роскоши изъ самыхъ отдаленныхъ странъ. Золото и золотой песокъ вавилоняне привозили изъ Индіи — Эльдорадо древняго міра. Съ этимъ изобиліемъ золота въ Индіи тѣсно связаны разные чудесные разсказы, о добывающихъ напримѣръ, золото муравьяхъ. Золото находили въ пустынѣ Гоби. По близости, въ горахъ Малаго Тибета, жили, по словамъ Геродота, сѣверные Индусы, привозившіе золото въ Бактру, откуда вавилоняне отправляли его къ себѣ на родину. Это племя принадлежало къ самымъ воинственнымъ изъ всѣхъ индусскихъ и отваживалось по этому отбивать золото у большихъ муравьевъ, добывавшихъ его, по мнѣнію древнихъ, изъ земли. Вотъ что говоритъ Геродотъ объ этомъ преданіи. „Въ пустынѣ, на границахъ которой живутъ сѣверные индусы, находятся муравьи, видомъ похожіе на нашихъ, живутъ они также въ муравейникахъ; но ростомъ они больше подходятъ къ лисицамъ и отличаются необыкновенной ловкостью и быстротой. Они отыскиваютъ скрытое въ пескѣ золото, которое сѣверные индусы похищаютъ у нихъ. При этомъ употребляется слѣдующая хитрость. Связываютъ трехъ верблюдовъ, изъ которыхъ средній самка. Дѣтенышъ этой самки оставляется дома. До полудня, когда муравьи еще отдыхаютъ въ глубинѣ земли, чтобы укрыться отъ невыносимаго зноя, индусы бросаются на муравейники, похищаютъ золото и, сѣвъ на своихъ верблюдовъ, обращаются въ бѣгство, потому что муравьи въ глубинѣ земли чуютъ похитителей. Вслѣдствіе этого послѣдніе стараются уйти какъ можно дальше, пока еще не всѣ муравьи собрались. Особенно полезна при такомъ бѣгствѣ самка, которая, желая какъ можно скорѣе вернуться къ своему дѣтенышу, мчится съ необыкновенной быстротой, увлекая за собою и остальныхъ двухъ верблюдовъ. Такъ разсказываютъ объ этомъ персы,“ прибавляетъ Геродотъ и тутъ же сообщаетъ, что такое ужасное насѣкомое находилось въ звѣринцѣ персидскаго царя.

Многіе ученые даже новѣйшаго времени вѣрили въ существованіе такихъ добывающихъ золото муравьевъ, но аргументы приводимые ими въ пользу справедливости этого преданія, весьма шатки. Объясненіе барона Вельтгейма, по всей вѣроятности, ближе къ истинѣ, чѣмъ всѣ остальныя. Онъ говоритъ, что индусы распространяли разные чудовищные разсказы объ

огромныхъ, очень опасныхъ муравьяхъ. Желая напугать промышленниковъ и разбойниковъ, которые, безъ всякаго сомнѣнія, устремились бы въ пустыню Гоби для добыванія золота.

Поводъ къ разсказамъ о такихъ животныхъ дали, вѣроятно, туземныя лисицы, шкуры которыхъ употреблялись для собиранія золотаго песка. Съ этою цѣлью индусы ловили и содержали этихъ животныхъ въ большомъ количествѣ. Муравейники же разбросанные по пустынѣ были ничто иное какъ кучки очищеннаго отъ золота песку.

Древніе индусы, какъ мужчины такъ и женщины, очень любили золото, изъ котораго они умѣли дѣлать разные предметы. Ноги и руки они украшали золотыми обручами, не рѣдко покрытыми драгоцѣнными каменьями и колокольчиками. Перстни, кажется, изобрѣтеніе индусовъ; въ первое время однако они должно быть были только средствомъ для сохраненія нѣжныхъ, стройныхъ пальцевъ. До сихъ поръ еще считаютъ индусы маленькую стройную руку первымъ условіемъ красоты. Шею они украшали золотыми цѣпочками и золотыми змѣйками. Къ поясу они часто прикрѣпляли золотые бубенчики, которые звенѣли при малѣйшемъ движеніи.

Преимущественно вавилоняне поддерживали въ персахъ страсть къ роскоши, которою они впослѣдствіи такъ славились. Нужно удивляться развращающему нравы изобилію припасовъ и драгоцѣнныхъ произведеній изъ всѣхъ частей государства, имѣвшихся при персидскомъ дворѣ, множеству золота и серебра въ кускахъ, которые брали по мѣрѣ надобности. По словамъ Геродота въ царскую сокровищницу, назначенную для личныхъ расходовъ царя, поступало ежегодно золота и серебра на 14,500 талантовъ, или 20 милліоновъ рублей на наши деньги. Подарки, раздаваемые царемъ своимъ любимцамъ, состояли не въ чеканномъ золотѣ а въ кускахъ золота, золотыхъ сосудахъ или драгоцѣнныхъ почетныхъ платьяхъ, въ которыя были вплетены золотыя нити. Особенной роскошью отличался дворъ царя Дарія Кодомана. Каждый воинъ десятитысячнаго отряда, называвшагося „безсмертнымъ“ носилъ ожерелье изъ чистаго золота и богатѣйшую одежду, на рукавахъ блестѣли драгоцѣнные каменья. Карета, въ которой Дарій ѣздилъ, поддерживалась двумя истуканами изъ чистаго золота; на срединѣ усыпаннаго драгоцѣнными каменьями дышла находились двѣ золотыя статуи, изображавшія войну и миръ, и надъ ними простиралъ свои крылья сдѣланный изъ того же металла орелъ.

Золота и серебра, доставшагося Александру Македонскому во дворцѣ Дарія, было приблизительно на 120,000 талантовъ или 130 милліоновъ рублей на наши деньги. Понадобилось 3,000 верблюдовъ и множество муловъ—чтобы увезти ихъ.

Безумная роскошь царствовала и при лидійскомъ дворѣ, въ особенности при послѣднемъ царѣ Крезѣ, извѣстномъ своею бесѣдою съ греческимъ мудрецомъ Солономъ.

Вслѣдствіе изобилія золота въ Лидіи, ея жители достигли большаго совершенства въ его обработкѣ. Это доказываютъ цѣнные подарки, которые Крезъ заказалъ для дельфійскаго оракула. Эти подарки показывались въ Дельфахъ еще во времена Геродота и отличались, по его словамъ, замѣчательнымъ изяществомъ работы. Они состояли изъ 117 тяжелыхъ золотыхъ плитокъ, золотаго льва, имѣвшаго около 560-ти фунтовъ вѣсу, двухъ большихъ чарокъ, четырехъ серебряныхъ большихъ сосудовъ въ видѣ бочекъ, двухъ большихъ леекъ, одной изъ золота, другой изъ серебра, золотой статуи въ три аршина вышиною, и множества другихъ драгоцѣнныхъ предметовъ. По словамъ Геродота, въ Лидіи впервые употреблялись золотыя и серебряныя монеты при сношеніяхъ съ другими народами, на основаніи чего можно заключить о ихъ обширной торговлѣ.

Трудолюбивые мореплаватели—финикіяне также какъ и вавилоняне доставляли всѣмъ народамъ золото и предметы роскоши, сдѣланные изъ него. Особенно много вывозили они его въ Палестину, и такимъ образомъ увеличивали роскошь у евреевъ и не мало способствовали развращенію ихъ нравовъ. Не даромъ упрекали пророки финикіянъ въ томъ, что, благодаря имъ, золото сильно упало въ цѣнѣ.

Всѣмъ извѣстно какимъ великолѣпіемъ отличался іерусалимскій храмъ, построенный финикійскими зодчими.

Финикіяне мастерски изготовляли одежду съ сотканными изъ золотыхъ нитей фигурами. Роскошное облаченіе первосвященника было произведеніе финикійскаго мастера. Но такія роскошныя одѣянія назначались не только для священниковъ, но и для богатыхъ частныхъ лицъ. Богатыя женщины Іерусалима носили ихъ по преимуществу. Платье опоясывалось обыкновенно блестящимъ поясомъ изъ золотой ткани. Другія украшенія, какъ-то; золотыя кольца, перстни, ожерелья и т. п. употреблялись и еврейками. Но всѣ сокровища, вся роскошь, царствовавшая въ домахъ изнѣженныхъ богатыхъ евреевъ, всѣ драгоцѣнности, находившіяся въ храмѣ и сокровищницѣ царей исчезли при политическомъ упадкѣ государства. Чужеземные завоеватели овладѣли сокровищами, также какъ отняли у народа и его свободу, и его самостоятельность.

Уже въ глубокой древности финикіяне снабжали грековъ издѣліями изъ золота. Азіатская роскошь скоро привилась въ Греціи; въ особенности старались гречанки возвысить свою природную красоту, подобно восточнымъ женщинамъ, разными блестящими золотыми украшеніями. Божественная Юнона является къ Зевсу въ богатыхъ украшеніяхъ, чтобы лучше плѣнить его и обмануть; она укрѣпляетъ платье на груди золотыми застежками и надѣваетъ блестящее ожерелье.

Съ возрастаніемъ культуры, страсть къ богатству и роскоши увеличивалась между греками. Прирожденное грекамъ пониманіе прекраснаго, ихъ способности ко всѣмъ родамъ искусствъ, скоро сдѣлали ихъ независимыми отъ чужеземцевъ; ихъ успѣхи въ самостоятельной обработкѣ благородныхъ металловъ были такъ велики, что ихъ золотые и серебряные предметы роскоши сдѣлались впослѣдствіи образцами для римскихъ художниковъ.

У грековъ вошли въ употребленіе золотыя монеты. Ихъ чеканили изъ лучшаго золота. Количество золота относилось къ серебру въ этихъ монетахъ какъ 10:1, при Платонѣ какъ 12:1. Получавшіяся при посредствѣ малоазіатскихъ грековъ дорогія восточныя платья были въ большомъ употребленіи въ Греціи. Богатые и знатные люди облачались въ нихъ, но и актеры на сценѣ, и нерѣдко служили они также украшеніемъ для статуй боговъ и богинь.

Этотъ обычай перешелъ и къ римлянамъ, подражателямъ греческаго искусства.

Наибольшая роскошь царствовала въ Римѣ при императорахъ. Одѣянія римлянокъ того времени блистало золотомъ. Массивныя золотыя серьги сверкали въ ушахъ, такіе же браслеты и застежки украшали руки и ноги, пальцы были покрыты дорогими кольцами и золотой поясъ придерживалъ роскошное, прозрачное платье. Въ первыя времена республики, когда римскіе нравы еще отличались простотой, золотомъ мало дорожили и мало знали его, такъ что съ трудомъ собрали 1000 фунтовъ контрибуціи, наложенной галлами, угрожавшими самостоятельности Рима. Золотыя монеты были то же еще неизвѣстны, онѣ появились только во время второй пунической войны. Но съ распространеніемъ римскаго могущества въ Азіи и послѣ знакомства съ греками, цѣна золота возвысилась. Золото сдѣлалось цѣлью, къ которой всѣ стремились и вмѣсто того, чтобы быть источникомъ добродѣтели и счастья, оно стало источникомъ самыхъ возмутительныхъ преступленій и пороковъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что нигдѣ могущество и вліяніе золота не имѣло болѣе роковыхъ послѣдствій, чѣмъ въ Римѣ. Чистое золото досталось недостойнымъ, его настоящее, могущественное значеніе не было понято. Оно послужило въ Римѣ къ развитію чувственности и мотовства и имѣло самыя ужасныя, пагубныя послѣдствія.

Приговоръ Верховнаго Уголовнаго Суда, состоявшійся мая 25 дня 1879 года, по дѣлу о коллежскомъ секретарѣ Александрѣ Константиновѣ Соловьевѣ *), 33-хъ лѣтъ, обвиняемомъ въ государственныхъ преступленіяхъ.

Во время обычной утренней прогулки Государя Императора, 2-го апрѣля сего года, въ десятомъ часу утра, когда Его Императорское Величество, обогнувъ зданіе гвардейскаго штаба, изволилъ продолжать Свой путь вдоль этаго зданія по направленію къ Дворцовой площади, шедшій на встрѣчу Государю Императору человѣкъ, находясь на разстояніи около двѣнадцати шаговъ, быстро вынулъ изъ кармана револьверъ и, прицѣлившись въ Его Величество, далъ первый выстрѣлъ и затѣмъ еще сдѣлалъ три выстрѣла въ Государя Императора. Всевышній Промыселъ спасъ драгоцѣнную для Россіи жизнь ея Монарха. Злоумышленникъ былъ задержанъ, первоначально скрылъ свое настоящее имя, но вскорѣ потомъ назвалъ себя Соловьевымъ. При слѣдствіи подтвердилось, что онъ отставной коллежскій секретарь, Александръ Константиновъ Соловьевъ. По производствѣ установленнымъ порядкомъ предварительнаго слѣдствія, Соловьевъ преданъ суду Верховнаго Уголовнаго Суда по обвиненію въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 241 и 249 уложенія о наказаніяхъ, именно въ принадлежности къ такъ-называемой соціально-революціонной партіи, въ духѣ которой совершилъ преступное покушеніе на жизнь Священной Особы Государя Императора. На судебномъ слѣдствіи виновность подсудимаго въ совершеніи означеннаго злодѣйскаго покушенія съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ подтвердилась вполнѣ собственными его показаніями, выслушаннымъ Судомъ показаніемъ очевидца преступленія, пристава 1-го участка Адмиралтейской части Зиновьева и предъявленными Суду вещественными доказательствами. Что же касается до обвиненія подсудимаго Соловьева въ принадлежности къ преступному сообществу, стремящемуся къ ниспроверженію путемъ насиль-

*) Хотя подсудимый Соловьевъ и назвалъ себя, при допросѣ на судебномъ слѣдствіи, дворяниномъ, но изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній видно, что отецъ его, Константинъ Соловьевъ, изъ солдатскихъ дѣтей, произведенъ въ чинъ коллежскаго регистратора 13-го февраля 1845 года, со старшинствомъ съ 24-го августа 1844 г., почему, на основаніи 3 п. 52 ст., 1 п. 502 ст. и 26 п. 506 ст. т. IX свод. зак., изд. 1876 г., Александръ Соловьевъ, пріобрѣвшій чиномъ коллежскаго секретаря личное почетное гражданство, по происхожденію, какъ сынъ личнаго дворянина, принадлежалъ къ почетному гражданству.

ственнаго переворота существующаго въ Россіи государственнаго и общественнаго строя, то хотя подсудимый и не отрицаетъ, что принадлежитъ къ соціально-революціонной партіи, но скрывая свои личныя и непосредственныя связи съ членами этой партіи, заявилъ Верховному Суду, что въ умыслѣ и сдѣланномъ покушеніи на жизнь Священной Особы Государя Императора не подчинялся никакому вліянію и соучастниковъ не имѣлъ. Между тѣмъ на судебномъ слѣдствіи, изъ показаній выслушанныхъ Судомъ свидѣтелей: брата подсудимаго Николая и сестры его Ольги Соловьевыхъ, Анны Дерфельдтъ, Николая и Марьи Богдановичей, и даже изъ показаній самаго подсудимаго несомнѣнно обнаруживается, что онъ имѣлъ постоянныя сношенія съ лицами, принадлежащими къ названной партіи, получалъ отъ нихъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ текущаго года довольно большія для него деньги, имѣлъ въ своихъ рукахъ значительное количество экземпляровъ печатаемыхъ сими преступниками сочиненій возмутительнаго содержанія и помогалъ имъ въ распространеніи этихъ изданій немедленно по ихъ изготовленіи.

Какъ въ самомъ способѣ его злодѣйскаго покушенія на жизнь Священной Особы Государя Императора, такъ и въ отсутствіи признаковъ какого либо раскаянія, подсудимый Соловьевъ выказалъ особую злую волю въ осуществленіи стремленій того сообщества, къ которому онъ принадлежалъ. Въ виду сего, признавая его, Соловьева, виновнымъ въ томъ, что онъ, принадлежа къ преступному сообществу, стремящемуся къ ниспроверженію путемъ насильственнаго переворота существующаго въ Россіи государственнаго и общественнаго строя, 2-го апрѣля 1879 года, въ десятомъ часу утра, въ С.-Петербургѣ, съ намѣреніемъ заранѣе обдуманнымъ, посягая на жизнь Священной Особы Государя Императора, произвелъ въ Его Императорское Величество нѣсколько выстрѣловъ изъ револьвера, и имѣя въ виду, что по закону: на основаніи ст. 241 уложенія о наказаніяхъ, всякое злоумышленіе и преступное дѣйствіе противъ жизни Государя Императора подвергаетъ виновнаго въ томъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни, на основаніи ст. 249 уложенія о наказаніяхъ, за умыселъ ниспровергнуть Правительство во всемъ государствѣ или въ нѣкоторой онаго части, или же перемѣнить образъ правленія, всѣ, какъ главные въ томъ виновные, такъ и сообщники ихъ, подговорщики, подстрекатели, пособники, попустители и укрыватели, а также недонесшіе о преступленіи, подвергаются лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни, и на основаніи ст. 17 п. 1 и ст. 18 уложенія о наказаніяхъ, виды смертной казни опредѣляются судомъ въ приговорѣ его,—

Верховный Уголовный Судъ *опредѣляетъ*:

подсудимаго отставнаго коллежскаго секретаря Александра Константинова Соловьева, на основаніи статей 241, 249, 17 п. 1, 18 уложенія о наказаніяхъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни чрезъ повѣшеніе.

Судъ и казнь государственнаго преступника Соловьева.

О судѣ надъ Соловьевымъ и о казни послѣдовавшей надъ нимъ очевидцы передаютъ слѣдующія любопытныя подробности:

Верховный уголовный судъ происходилъ въ залѣ квартиры коменданта С.-Петербургской крѣпости. Въ этомъ же самомъ залѣ—залѣ мрачныхъ, обидныхъ русскому сердцу воспоминаній—13 лѣтъ тому назадъ судился и Каракозовъ.

Ровно въ 11 часовъ утра раздалось традиціонное „судъ идетъ“. Всѣ встали. Предсѣдатель, главноуправляющій II отдѣленіемъ собственной канцеляріи Его Величества, князь С. Н. Урусовъ шелъ впереди. Почтенный семидесятилѣтній старецъ, сухощавый, небольшаго роста, полный и жизни, и дѣятельности, одинъ изъ нашихъ замѣчательныхъ государственныхъ сановниковъ, онъ по праву могъ занять мѣсто предсѣдателя на этомъ судѣ. За нимъ слѣдовали не менѣе извѣстные государственные сановники.

Засѣданіе верховнаго суда открылось.

— Судебный приставъ введите подсудимаго.

Всѣ глаза, все вниманіе устремились на двери, откуда долженъ былъ выйдти подсудимый. Онъ показался черезъ нѣсколько минутъ. Съ первой секунды, съ перваго взгляда онъ произвелъ тяжелое отталкивающее впечатлѣніе. Невольное негодованіе поднялось въ глубинѣ души каждаго.

Ни тѣни раскаянія, ни тѣни сомнѣнія. Онъ вошелъ твердою поступью, нѣсколько ускореннымъ, но рѣшительнымъ шагомъ и, быстро вступивъ въ келью скамьи подсудимыхъ, рѣзко повернулся, сѣлъ и скрестивъ руки, отодвинулся назадъ къ спинкѣ скамьи.

Это человѣкъ скорѣе высокаго, нежели средняго роста, говорятъ „Спб. Вѣд.“ Ему 33 года, но онъ кажется моложавѣе своихъ лѣтъ. Контуръ головы и лица странный, черты рѣзкія. Шапка волосъ, каштановаго цвѣта, волосъ жесткихъ и густыхъ, подималась надо лбомъ. Изъ подъ этой шапки волосъ выдвигается продолговатое, худощавое лицо. Его прямой, узкій лобъ, длинный, острый, прямой, тонкій носъ, острый, поросшій рѣдкою небольшою бородкою подбородокъ, густыя, широкія брови и большіе густые усы, все вмѣстѣ производило бы довольно пріятное, хотя и странное, необыденное впечатлѣніе, если бы не узкія тонкія губы и не сѣрые, съ какимъ-то страннымъ отливомъ, изъ подлобья выставляющіеся глаза, обрисовывающіе тупость, въ связи съ какимъ-то стихійнымъ упрямствомъ. Тонкій, худощавый въ тальѣ, онъ былъ одѣтъ въ приличный суконный съ темнокоричневымъ отливомъ сюртукъ и чистое бѣлье.

28 мая говоритъ „Нов. Вр.“ въ 10 часовъ утра, на Смоленскомъ полѣ былъ приведенъ въ исполненіе приговоръ, постановленный 25 мая верховнымъ уголовнымъ судомъ надъ государственнымъ преступникомъ Александромъ Соловьевымъ. Съ самаго ранняго утра густая масса народа обложила обширное поле, со стороны Средняго проспекта Васильевскаго острова. Прибывшіе ранѣе взгромоздились на находящіяся здѣсь постройки и торчащія рядомъ каменныя стѣны. Для присутствованія при совершеніи казни отъ войскъ петербургскаго военнаго округа было назначено по одному батальону отъ полковъ лейбъ-гвардіи измайловскаго, гренадерскаго, егерскаго и финляндскаго и два эскадрона отъ лейбъ-гвардіи своднаго казачьяго полка. Войска уже въ 8½ часовъ стояли развернутымъ фронтомъ на дорогѣ, примыкающей къ полю и составляющей продолженіе Большаго проспекта. Кромѣ корреспондента русскихъ газетъ были допущены въ кругъ, спеціальный корреспондентъ „Figaro“ и „Monde Illustrè“ г. Дикъ де-Лонле. Ровно въ 9 часовъ утра прибылъ командовавшій войсками генералъ Брокъ. Объѣхавъ рядъ батальоновъ, онъ скомандовалъ движеніе, по направленію къ эшафоту, вокругъ котораго войска и построились въ каре. Самый эшафотъ, воздвигнутый на серединѣ Смоленскаго поля,—состоялъ изъ деревяннаго помоста, длиною 4, шириною 2½ сажени. Помостъ обрамленъ рѣшеткою изъ желѣзныхъ прутьевъ. Къ этому мѣсту приложенъ входъ на помостъ, небольшая лѣстница съ четырьмя ступеньками. Къ серединѣ продольныхъ стѣнокъ помоста прикрѣплены двѣ деревянныя стойки вышиною въ 2½ сажени, вверху соединенныя поперечною перекладиною. Къ этимъ стойкамъ прикрѣплена веревка, не особенно толстая. Концы веревки, продѣтые чрезъ кольца, приложенные къ поперечной перекладинѣ, оканчиваются двумя круглыми петлями. Въ шагахъ двухъ за висѣлицею, вблизи задняго края помоста, въ средину небольшаго круглаго возвышенія вдѣланъ такъ-называемый позорный столбъ. Наконецъ, неизбѣжную принадлежность эшафота для совершенія казни чрезъ повѣшеніе составляетъ скамейка, на которую окончательно вводится преступникъ. Помостъ, висѣлица, позорный столбъ, ступеньки и скамейка окрашены въ черный цвѣтъ. Непосредственно за помостомъ находился заранѣе приготовленный простой черный гробъ. Въ 9½ часовъ на мѣсто казни прибыли: исполнявшій обязанности генералъ-прокурора въ верховномъ уголовномъ судѣ, министръ юстиціи статсъ-секретарь Д. Н. Набоковъ, прокуроръ судебной палаты дѣйств. ст. сов. А. А. Лопухинъ, товарищъ прокурора судебной палаты, ст. сов. К. И. Поскочинъ, оберъ-прокуроръ сената дѣйств. ст. сов. А. В. Бѣлостоцкій, градоначальникъ и комендантъ города, свиты Его Величества генералъ-маіоры: Зуровъ и Адельсонъ. Въ 9 час. 50 мин. показалась колесница съ преступникомъ. Впереди ѣхала въ двухъ колоннахъ сотня лейбъ-гвардіи казачьяго атаманскаго полка, а за нею рота лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка. Колесница, запряженная парою лошадей—обыкновенная русская телѣга, съ задней стороны которой имѣется лѣстница. Поперегъ установлена скамейка, съ приложенными къ спинкѣ четырьмя желѣзными прутьями. Соловьевъ сидѣлъ на скамейкѣ, спиною къ лошадямъ, причемъ руки его были прикрѣплены къ прутьямъ ремнями. На немъ было платье, въ которое обыкновенно одѣваютъ арестантовъ, принадлежащихъ къ привиллегированному сословію, именно черный сюртукъ изъ толстаго солдатскаго сукна, черная фуражка безъ козырька. На груди у него висѣла большая черная доска, на которой были начертаны бѣлыми буквами слова—„государственный преступникъ“. Едва остановилась колесница, къ Соловьеву быстро подошелъ палачъ, назначенный для совершенія казни. На немъ была надѣта красная рубаха, а поверхъ ея черный жилетъ съ золотою цѣпью отъ часовъ. Подойдя къ Соловьеву, онъ сталъ быстро отвязывать ремни и затѣмъ помогъ ему сойдти съ колесницы. Соловьевъ, сопровождаемый палачемъ, твердою поступью вступилъ на эшафотъ и съ тѣмъ же, какъ казалось, самообладаніемъ, поднялся еще нѣсколько ступенекъ и занялъ мѣсто у позорнаго столба съ завязанными назади руками. Палачъ сталъ рядомъ правѣе его, а у самаго помоста находились два его помощника. Раздалась команда—„на караулъ,“ палачъ снялъ съ Соловьева шапку, офицеры и всѣ служащія лица гражданскаго вѣдомства, бывшія въ мундирахъ, подняли руки подъ козырекъ. Въ это время оберъ-прокуроръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бѣлостоцкій, громкимъ голосомъ читалъ подробную резолюціи верховнаго уголовнаго суда. Во время чтенія этой резолюціи, осужденный, сохраняя, видимо, наружное спокойствіе неоднократно озирался вокругъ. Какъ только окончилось чтеніе приговора, къ эшафоту приблизился священникъ, въ траурной рясѣ, съ распятіемъ въ рукахъ. Сильно взволнованный, едва держась на ногахъ, приблизился служитель церкви къ Соловьеву, но послѣдній киваніемъ головы заявилъ, что не желаетъ принять напутствія, произнося не особенно громко—„не хочу, не хочу“. Когда священникъ, убѣдясь, что его послѣдняя христіанская услуга отвергнута, отошелъ и легкимъ

наклоненіемъ головы, какъ бы закрѣплялъ мысленно творимую имъ молитву, Соловьевъ довольно низко поклонился ему. Наступилъ послѣдній моментъ. Хоръ изъ барабанщиковъ, бывшихъ при каждомъ батальонѣ, заигралъ учащенную дробь. Ровно въ 10 часовъ утра, на Соловьева, спустившагося нѣсколько ступенекъ отъ позорнаго столба, была надѣта палачемъ длинная бѣлая рубашка, голова покрыта капюшономъ и длинные рукава, обмотанные вокругъ тѣла, были перевязаны спереди. Процессъ введенія осужденнаго на роковую скамейку, накинутіе петли, скрѣпленіе ея, и затѣмъ выбитіе изъ-подъ ногъ скамейки—было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ. Въ 10 часовъ 22 минуты, гробъ былъ внесенъ на эшафотъ, трупъ казненнаго палачемъ и его помощниками снятъ съ висѣлицы и уложенъ въ гробъ. Въ это время подошелъ командированный на мѣсто казни полицейскій врачъ и удостовѣрившись въ послѣдовавшей смерти, доложилъ о томъ министру юстиціи. Вслѣдъ затѣмъ гробъ былъ заколоченъ, уложенъ на подъѣхавшую одноконную телѣгу и отправленъ для погребенія.

Библіографія.

О самовоспитаніи умственномъ, физическомъ и нравственномъ. Совѣты юношамъ, вступающимъ въ жизнь и желающимъ серьезно подготовиться къ научной и общественной дѣятельности. Сочиненіе Дж. Ст. Блекки, профес. при Эдинбургскомъ университетѣ. Переводъ съ 11-го англ. изд. У. Паульсона. Изданіе К. Риккера въ С.-Петербургѣ 1879 г.

Несмотря на то, что англійская педагогическая литература богата сочиненіями, какъ серьозно научными, такъ и популярными, тѣмъ не менѣе вышеназванная книга и тамъ отвѣчаетъ далеко распространенной потребности, какъ видно изъ большаго количества экземпляровъ, въ которомъ она разошлась. У насъ же, при бѣдности педагогической литературы, эта книга пріобрѣтаетъ еще гораздо больше цѣны.

Въ отдѣлѣ о „воспитаніи мышленія“ авторъ является наиболѣе самостоятельнымъ. Нѣсколькими мѣткими словами онъ опредѣляетъ значеніе логики и метафизики въ этомъ отношеніи. Слова, которыми авторъ заканчиваетъ это разсужденіе, способны до нѣкоторой степени познакомить насъ съ его личнымъ воззрѣніемъ. „И такъ изучайте и метафизику; только не думайте, что вопросы ея могутъ быть рѣшены на школьной скамьѣ. Нѣтъ, вопросы эти рѣшаются лишь долгимъ *опытомъ* трудной человѣческой жизни; и счастливъ тотъ, кто разрѣшилъ ихъ себѣ такъ или иначе, и, съ теплою вѣрою въ найденную имъ истину, можетъ засыпать спокойно“. Стоитъ молодому человѣку задуматься надъ тѣми доводами, которыми авторъ предостерегаетъ отъ слишкомъ ранняго специализированія дѣятельности и относящагося сюда чтенія. Эти доводы вытекаютъ изъ его широкаго взгляда на человѣческую личность и человѣческую дѣятельность: и въ той и въ другой онъ ставитъ выше всего общечеловѣческую сторону, общечеловѣческія черты.—Въ отдѣлѣ о „нравственномъ самовоспитаніи“ авторъ, между прочимъ, предостерегаетъ молодыхъ людей отъ той „узости взгляда,“ которая побуждаетъ насъ отворачиваться отъ человѣка уже потому только, что онъ принадлежитъ къ извѣстному классу, къ извѣстной корпораціи, несочувственнымъ намъ. Онъ напоминаетъ объ евангельскомъ правилѣ: „Всѣхъ почитайте!“ и прибавляетъ: „Но слѣдовать этому совѣту вы можете не иначе, какъ пытаясь узнать людей; не узнаете же вы никого до тѣхъ поръ, пока не подмѣтите окомъ „браса“ лучшія его качества.“ Здѣсь не мѣсто вдаваться въ болѣе подробный разборъ книги. Повторяемъ: ее можно рекомендовать юношеству. Цѣна ея—75 коп.—общедоступная. Авторъ, врагъ излишней книжности, постарался быть по возможности краткимъ. Имя переводчика ручается за достоинство перевода.

Политическое обозрѣніе.

Феска Вогоридеса.—Положеніе дѣлъ въ Румеліи.—Британія и зулусы.—Этна и Панамскій каналъ.—3-й восточный заемъ.

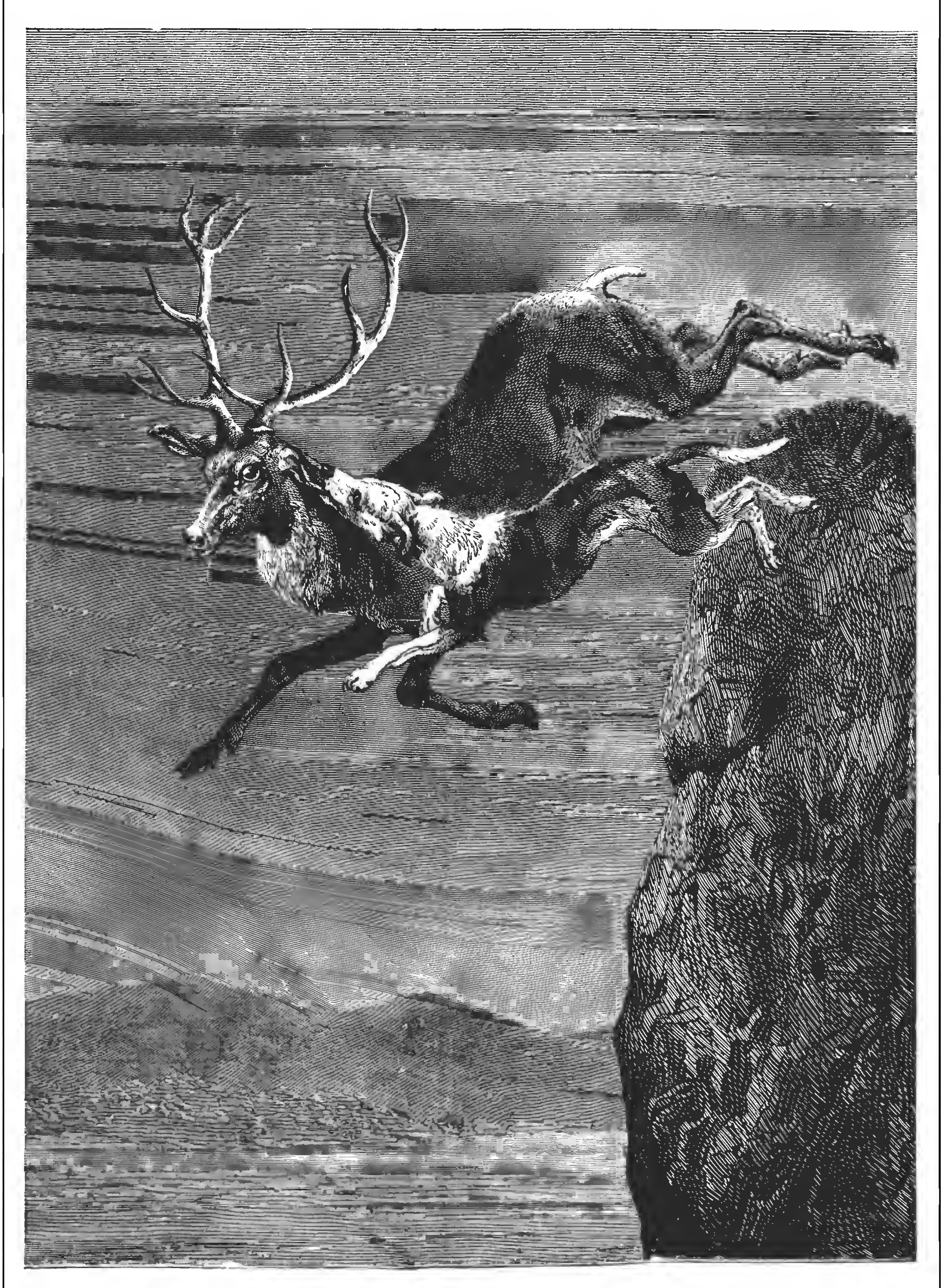
Разсказанная нами въ прошлый разъ исторія съ феской, которую князь Вогоридесъ, при въѣздѣ своемъ въ Филиппополь, замѣнилъ болгарской шапкой, приняла размѣры политическаго событія. По словамъ „международнаго агентства,“ „Порта обратилась къ державамъ съ циркулярнымъ заявленіемъ о томъ, что Алеко-Паша, нося болгарскую шапку, дѣйствуетъ наперекоръ оттоманскому правительству; тѣмъ не менѣе, *правительство е. в. Султана* не приметъ, пока, никакихъ дальнѣйшихъ мѣръ, но сначала *дождется полнаго очищенія Румеліи русскими войсками* (!), а потомъ уже обратится къ Алеко-Пашѣ съ окончательнымъ требованіемъ; если же онъ откажется его выполнить, *то Порта предложитъ державамъ смѣнить Алеко-Пашу и займетъ Балканы* (!). Согласно другимъ источникамъ, изъ Константинополя сообщаютъ, что положеніе генералъ-губернатора Румеліи считалось одно время дѣйствительно поколебленнымъ. Султанъ, какъ передаютъ, обратился къ Хейреддину-Пашѣ съ упреками за то, что онъ не съумѣлъ въ свое время добиться согласія державъ на назначеніе генералъ-губернаторомъ Рустема-Паши, такъ какъ отъ этаго паши можно было ожидать „болѣе правильнаго образа дѣйствій, чѣмъ отъ Вогоридеса.“ Увѣряютъ, будто послѣдній, предъ своимъ отъѣздомъ въ Филиппополь формально обязался возвратиться въ столицу, еслибы появленіе въ фескѣ возбудило безпорядки среди тамошняго населенія. По мнѣнію султана — „въ этомъ случаѣ онъ, уѣхавъ назадъ въ Стамбулъ, могъ вернуться въ Румелію подъ охраною турецкихъ войскъ.“ Это „мнѣніе“ едва ли нуждается въ коментаріяхъ, если только султанъ, въ самомъ дѣлѣ, высказывалъ что либо подобное, въ виду того, что между державами установилось нѣчто въ родѣ соглашенія о недопущеніи турецкихъ войскъ въ импровизированную провинцію. Порта недовольна не одной болгарской шапкой, но—и пренебреженіемъ, оказаннымъ Вогоридесомъ къ турецкому флагу, а также назначеніями, сдѣланными генералъ-губернаторомъ. Управленіе составлено изъ слѣдующихъ лицъ: генеральный секретарь—Керстовичъ (Гавиль-Эфенди), управляющіе: юстиціи—Кешьековъ, военнымъ вѣдомствомъ генералъ Виталисъ, финансами— Шмидтъ, земледѣлія, торговли и общественныхъ работъ — Вилькевичъ, народнаго просвѣщенія—Гречевъ. Читатели могутъ видѣть, что почти всѣ—болгары. На присланное Вогоридесу Портой внушеніе по поводу этихъ назначеній, онъ отвѣтилъ, что только въ средѣ болгарской интеллигенціи нашелъ людей, пригодныхъ къ занятію руководящихъ постовъ, при назначеніи же на административныя должности, будетъ обращено вниманіе и на магометанъ. Не всѣ лица управленія понравились и населенію. Вотъ что, напримѣръ, произошло по поводу Виталиса. Вслѣдствіе назначенія его начальникомъ восточно-румелійской милиціи и жандарменіи и съ производствомъ его въ чинъ генерала, исправлявшій до сихъ поръ должность начальника милиціи полковникъ Кесяковъ, былъ отозванъ по телеграфу княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ въ Софію. Болгарская партія дѣйствія, къ которой принадлежитъ Кесяковъ, немедленно устроила демонстрацію противъ Виталиса. 18-го и 19-го мая, въ болгарской школѣ происходили сходки, на которыхъ была составлена на имя бывшаго русскаго губернатора Столыпина петиція. Экзархъ и другія вліятельныя лица не допустили, однако, до уличныхъ безпорядковъ.

Генералъ Обручевъ, прибывшій 20-го, пригласилъ на слѣдующій день Экзарха, бургомистра и нѣкоторыхъ другихъ именитыхъ гражданъ и категорически объяснилъ имъ, что всякія демонстраціи противъ генералъ-маіора Виталиса будутъ безполезны, такъ какъ Россія намѣрена настоять на выполненіи берлинскаго трактата. Заявленіе это было сдѣлано въ присутствіи Виталиса, который былъ приглашенъ на совѣщательныя собранія, происходившія утромъ и послѣ полудня. При этомъ Экзархъ сдѣлалъ нѣчто въ родѣ допроса новому командиру милиціи, допроса, заключавшагося, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ: 1) приглашалъ ли онъ турецкихъ офицеровъ на службу въ восточно-румелійскую милицію, и 2) дѣйствительно ли онъ потребовалъ отъ Реуфа-Паши турецкихъ офицеровъ для усмиренія волненія между магометанами Татаръ-Базарджикскаго округа? Недоразумѣніе разъяснилось вполнѣ генераломъ Столыпинымъ, отвѣтившимъ, что не генералъ Виталисъ, а онъ самъ—согласно берлинскому трактату,—потребовалъ у Реуфа для румелійской милиціи двухъ турецкихъ офицеровъ владѣющихъ болгарскимъ языкомъ и что онъ же приглашалъ турецкихъ офицеровъ для усмиренія Базарджикскаго волненія, желая сохранить спокойствіе въ странѣ. Завязавшіеся послѣ этого переговоры между Виталисомъ и болгарскими депутатами о замѣщеніи офицерскихъ должностей въ жандармеріи и милиціи закончились соглашеніемъ между обѣими сторонами о томъ, что вмѣсто начальника генеральнаго штаба, генералъ Виталисъ будетъ имѣть при себѣ только начальника канцеляріи болгарскаго происхожденія, а также—что ему будетъ переданъ списокъ кандидатовъ на офицерскія должности, который онъ приметъ къ свѣдѣнію.

Вообще, положеніе дѣлъ въ Румеліи таково, что едва ли можно предполагать порядокъ прочно установленнымъ. Согласно свѣдѣніямъ и корреспонденціямъ съ самыхъ мѣстъ,—спокойствіе, которое восточно-румелійскіе болгары обнаруживаютъ въ настоящую минуту—условное. При малѣйшей попыткѣ осуществить постановленія берлинскаго трактата относительно занятія Балканскихъ проходовъ оттоманскими войсками и дѣйствительнаго отдѣленія провинціи отъ Болгаріи, неминуемо, какъ пишутъ оттуда, вспыхнетъ общее возстаніе, подавить которое будетъ не легко.

Война Британіи съ зулусами не только, повидимому, не близится къ окончанію но—разгорается. Насколько уже серьезнѣе теперь британское правительство относится къ Сетевайо, видно изъ того, что противъ него Биконсфильдъ отправилъ ге-

(Продолженіе на стр. 477, 478, 479 и 480).

Отчаянный прыжокъ. Съ картины Лендсира, грав. Бренд'Амуръ.

роя арміи ея величества, генерала сэра Гарнета Уользелея. Что же касается Сетевайо, то, согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, онъ рѣшился оставить партизанскій образъ веденія войны и собралъ своихъ воиновъ въ укрѣпленный лагерь, гдѣ намѣренъ защищаться до послѣдней капли крови. Избранный имъ для лагеря пунктъ находится у сліянія рр. Чернаго и Бѣлаго Умволоси. Съ тыла, армія зулусовъ будетъ защищена чрезвычайно высокими горами, а съ фронта—болотами. Существуетъ мнѣніе, что этотъ способъ облегчилъ бы дѣло британцамъ, которымъ, напротивъ, партизанская борьба съ храбрымъ королемъ, создавала громадныя трудности и что, при подобной войнѣ, они скорѣе добьются окончанія кампаніи.

Телеграфъ принесъ извѣстіе объ изверженіи Этны. Въ настоящее время, какъ сообщаютъ, оно уже приняло значительные размѣры. Кратеръ выбрасываетъ громадныя массы пепла, застилающія солнечный свѣтъ въ окрестностяхъ горы. Въ Мессинѣ выпалъ сильный дождь изъ пепла, устлавшій всю мѣстность до Реджіо. Вблизи Рандаццо открылись три новые кратера; лава течетъ съ большою быстротою къ городу Франкавилла.

Въ „Moniteur Universel" пишутъ, что собравшійся въ Парижѣ конгрессъ для обсужденія вопроса о прорытіи Панамскаго перешейка (мы въ свое время сообщали объ этомъ конгрессѣ), рѣшилъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ—перешеекъ будетъ прорытъ—каналъ предполагается направить изъ Симонскаго залива въ Панамскую бухту. Расходы по предпріятію опредѣляются въ 1070 милліоновъ франковъ.

Подписка на Высочайше разрѣшенный у насъ 3-й восточный 5% -заемъ въ 300 милліоновъ, произведенная въ теченіи трехъ дней 24, 25 и 26-го мая сего года, дала блестящіе результаты, именно: всего заявлено требованій на 744.305,700 р.

Разныя извѣстія.

Объ излеченіи дифтерита. По поводу сильнаго развитія дифтерита въ Полтавской губерніи въ послѣднее время, всякое средство, рекомендуемое къ его излеченію, должно быть принято во вниманіе. Въ оффиціальной „Meckl. Anzeiger" предлагается одно весьма простое и, какъ удостовѣряетъ газета, дѣйствительное средство. Это нетролей (нефть). Маленькая дочка одного мекленбургскаго землевладѣльца заболѣла дифтеритомъ. Принятыя по совѣту врача мѣры не привели ни къ какому результату. Предполагая, что страданія происходятъ отъ какихъ-нибудь живыхъ микроскопическихъ существъ и что нетролей уничтожитъ ихъ, прибѣгнули къ этому средству. И послѣ полосканья горла петролеемъ дѣвочка получила немедленное облегченіе и вмѣстѣ съ полосканьемъ отдѣлилось отъ горла какое-то бѣловатое вещество. Черезъ нѣсколько дней заболѣла служанка и петролей испробованъ снова съ такимъ-же успѣхомъ. Средство это въ окрестностяхъ, близь этого же мѣста, помогло весьма многимъ. Послѣ втираній наружныхъ на горлѣ и полосканій петролеемъ больные получали немедленное облегченіе. Въ статьѣ говорится далѣе, что индійцы съ давняго времени считаютъ въ подобныхъ случаяхъ петролей весьма цѣлительнымъ средствомъ и что американскіе солдаты еще въ 1791 году съ пользою прибѣгали къ втираніямъ петролеемъ при ревматизмѣ и кромѣ того употребляли его какъ слабительное.

Въ сентябрѣ Лессепсъ поѣдетъ на Панамскій перешеекъ для принятія на себя руководства надъ работами по прорытію канала между Атлантическимъ и Тихимъ океанами. Въ скоромъ времени послѣдуетъ публичное приглашеніе ко всѣмъ капиталистамъ принять участіе въ предпріятіи.

Торговля невольниками. Изъ Тангера въ „Echo d'Oran" пишутъ: „Продажа невольниковъ все усиливается; причиной тому положеніе, въ которомъ находится Марокко. Многіе мавры обѣднѣли и стараются избавиться отъ лишнихъ людей, содержаніе коихъ обходится дорого. На прошедшей недѣлѣ болѣе тридцати негровъ были проданы съ аукціона: между ними были рабы всѣхъ возрастовъ и половъ. Какъ всегда, дѣти, и въ особенности молодыя дѣвушки, продавались дороже. По времена перемѣнились! Экземпляры, продававшіеся нѣкогда по тысячѣ и по двѣ, шли за 400. Человѣческое мясо значительно понизилось въ цѣнѣ. Мы видѣли негровъ, продававшихся по смѣшной цѣнѣ въ 80 франковъ, а между тѣмъ, это были красивые и здоровые люди, которые могли исполнять всякую работу. Что прикажете дѣлать? Цѣна денегъ повышается, а цѣна рабовъ соразмѣрно съ тѣмъ понижается".

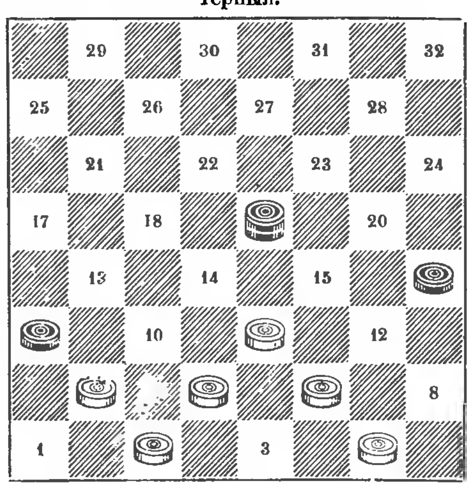
Продажа города съ аукціона. Такія вещи возможны, конечно, только въ Америкѣ. Судебные пристава конфисковали и теперь продаютъ съ публичнаго торга, городъ Альтону, въ Пенсильваніи. „New York Herald" сообщаетъ объ этомъ событіи и предвѣщаетъ туже судьбу нѣкоторымъ другимъ американскимъ городамъ. Имущества города Альтоны будутъ продаваться съ молотка, вмѣстѣ съ грудою старыхъ дождевыхъ зонтиковъ и шелковою юбкой, покрытой заплатками. Продажа городскихъ имуществъ производится за неплатежъ въ казну старыхъ недоимокъ.

18-го (30-го) мая ужасный ураганъ свирѣпствовалъ въ Соединенныхъ Штатахъ и произвелъ повсюду страшныя опустошенія. Корреспондентъ „Times" сообщаетъ объ этомъ изъ Филадельфіи слѣдующія подробности:

Въ пятницу вечеромъ свирѣпый циклонъ пронесся черезъ восточный Канзасъ, убилъ до 50 человѣкъ, искалѣчилъ до 100 человѣкъ и разорилъ множество жилищъ. Ураганъ направлялся съ запада на востокъ. Наиболѣе пострадалъ Коунти, вдоль желѣзной дороги компаніи Тихаго океана, въ 90 миляхъ къ западу отъ восточной границы Канзаса. Въ Ирвингѣ погибло 12 человѣкъ и ранено 40; почти весь городъ разрушенъ. Въ Дельфосѣ—убито 15 человѣкъ; во Франкфуртѣ—убито 8 и ранено 13; въ Блю-Сирингѣ—3 убитыхъ; въ Белонтѣ—3; въ Фультонѣ—9 человѣкъ. Желѣзнодорожный мостъ черезъ Блю-Риверъ сорванъ. Циклонъ имѣлъ форму чернаго воронкообразнаго облака, пробѣгающаго надъ землей со скоростью 60—100 англійскихъ миль въ часъ. Путь, по которому онъ проходилъ, былъ шириной отъ 900 до 2.100 футовъ и его ясно можно было видѣть—на этомъ пространствѣ каждое дерево и каждый домъ были разрушены.

Шашечная задача № 9.

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и выигрываютъ. Какими ходами?

Задача слоговъ.

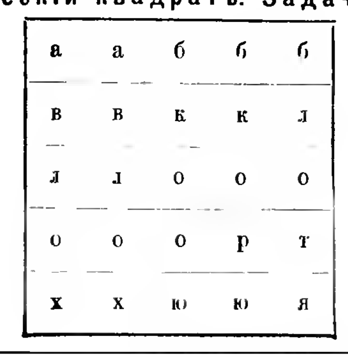
Д. А. Золотарева-Бѣльскаго.

Изъ нижеслѣдующихъ 44 слоговъ составить 15 словъ, которыхъ начальныя буквы, если читать ихъ сверху внизъ, составятъ имя царствующаго лица, а послѣднія буквы словъ, составятъ одно изъ его замѣчательныхъ дѣяній:

А, а, а, ва, вел, вер, во, вод, ги, гви, да, дес, ер, жі, зуб, ин, ко, ко, кор, ла, лакъ, ле, ло, лов, мар, мо, мус, не, но, о, о, о, о, ре, ред, рел, ри, роб, ры, са, ска, ти, три, чаг.

1. Названіе иностраннаго вина.
2. Названіе краски.
3. Фамилія извѣстнаго русскаго генерала.
4. Знаменитый художникъ.
4. Фамилія дѣйствующаго лица въ одной извѣстной русской комедіи.
6. Названіе озера въ Европѣ, замѣчательнаго своими удушливыми испареніями.
7. Снарядъ употребляемый въ рыболовствѣ.
8. Горы въ Азіи.
9. Губернскій городъ.
10. Одинъ изъ снарядовъ употребляемый для разматыванія пряжи.
11. Названіе шерстяной ткани.
12. Названіе птицы.
13. Самая простая машина, придуманная до Р. Х.
14. Городъ Херсонской губерніи.
15. Имя историческаго лица.

Магическій квадратъ. Задача № 3.

а	а	б	б	б
в	в	к	к	л
л	л	о	о	о
о	о	о	р	т
х	х	ю	ю	я

Вновь поступило въ пользу погорѣльцевъ г. Оренбурга:

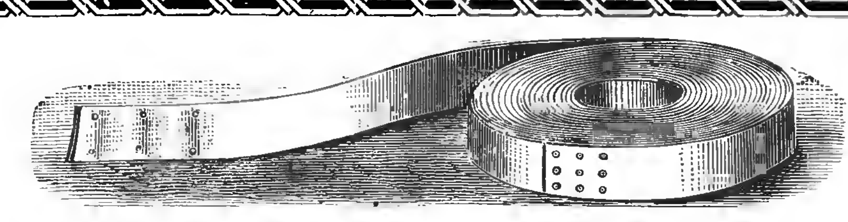
Отъ гг. Кайкова въ Симбирскѣ 80 к., Пагурскаго въ с. Тучковѣ 10 р., Пѣшкова во Владимірѣ 2 р., N. N. во Владимірѣ 1 р., Б. въ Ржевѣ 5 р., Безналова въ Новозыбковѣ 3 р и неизвѣстнаго въ Моршанскѣ 25 р.; итого 46 р. 80 к.; и всего съ прежде поступившими 162 р. 50 к.

Заявленіе.

Контора журнала „Нива" покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые внесли деньги только за **первое полугодіе**, поторопиться возобновленіемъ подписки на **второе полугодіе**.— Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на полученіе премій, слѣдуемыхъ гг. годовымъ подписчикамъ.

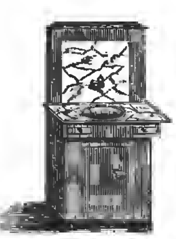
Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

СКЛАДЪ
ЛУЧШИХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ
КОЖАНЫХЪ МАШИННЫХЪ РЕМНЕЙ,
ПРОЧНѢЕ ВСѢХЪ ДРУГИХЪ РЕМНЕЙ
И ВМѢСТѢ ДЕШЕВЛЕ,
АМЕРИКАНСКИХЪ ГАЕЧНЫХЪ КЛЮЧЕЙ, ТОПОРИКОВЪ
и ГВОЗДОДЕРОВЪ, у

Г. М. ХУТТОНЪ и Ко,
С.-Петербургъ, Малая Морская, № 14.
Москва, Большая Лубянка, д. Мазуриной.
Нижегородская ярмарка, въ зданіи Каменнаго Театра.
№ 170 Прейсъ-курантъ безплатно. 3—2

И. Э. МИЛЬКЪ
бол. Морской
№ 39
въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
ДЕСЯТИЧНЫЕ ВѢСЫ.
Умывальники, ватерклозеты, ванны, купальныя души, биде, насосы, садовая мебель, дѣтскія коляски, желѣзныя кровати, аппараты для стирки бѣлья, мясорубки, вѣнскіе спиртовые кофейники, мельницы для кофе и перца, утюги, ножи, ножницы, пробочники, желѣзн. эмалир. кухонн. посуда и разные предметы для хозяйства и для кухни.
№ 113

Гостиница Hôtel d'Angleterre въ Берлинѣ.
Давно извѣстное заведеніе, мѣстоположеніе отличное, самыя умѣренныя цѣны. № 125 20—5

№ 157 3—3
Н. Ф. КЮНЪ
извѣщаетъ почтеннѣйшихъ своихъ заказчиковъ, что немедленное исполненіе требованій, при большомъ скопленіи оныхъ, невозможно, и потому проситъ желающихъ имѣть его краски для маляриаго производства, дѣлать свои заказы заблаговременно. Прейсъ-Курантъ красокъ съ 50 образцами высылается безплатно. Казанская № 38.
С.-Петербургъ. **Н. Ф. КЮНЪ.**

ДЕГТЯРНЫЯ КАПСЮЛИ ИЗЪ ОЧИЩЕННАГО НОРВЕЖСКАГО ДЕГТЯ
ПРИГОТОВЛЕННЫЯ МОСКОВСКИМЪ АПТЕКАРЕМЪ Я. ГИРШФЕЛЬДЪ.
Несообразная дорогая цѣна извѣстныхъ французскихъ капсюлей Гюйо побудила меня заняться производствомъ ихъ и такъ какъ понятно въ приготовленіи этихъ капсюлей никакого секрета нѣтъ, и онѣ кромѣ чистѣйшаго догди, ничего другого содержать не должны, то я, предлагая мои безукоризненно выработанные капсюли
НА 40% ДЕШЕВЛЕ ФРАНЦУЗСКИХЪ,
разсчитывая на благоразумный взглядъ гг. врачей и публики, въ настоящемъ случаѣ не имѣющихъ уже никакого повода поддерживать заграничное производство русскими деньгами.
Цѣна стклянки въ 60 капсюлей 60 к. Мѣста продажи: всѣ аптеки и аптекарскіе магазины въ Россіи. Аптекарямъ и торговцамъ большая скидка; а требованія ихъ прошу адресовать въ главное Депо моихъ капсюлей въ запасномъ аптечномъ маг.
Р. КЁЛЕРЪ и Ко, въ Москвѣ на Никольской.
Гг. иногородные розничные покупатели могутъ также обращаться въ мою Лубянскую аптеку, прилагая деньги на пересылку, соразмѣрно требованію.
10—6 *Я. ГИРШФЕЛЬДЪ.*

ДЛЯ ИЗВѢСТНОЙ
ТЕХНИЧЕСКОЙ КОНТОРЫ
ВЪ РОССІИ,
которой спеціальность, между прочимъ, устраивать мукомольныя мельницы съ новѣйшимъ приспособленіемъ, требуются способные агенты для Харькова, Елизаветграда, Тифлиса, Сарепты, Одессы и Полтавы просятъ, желающихъ прислать свои адреса въ редакцію „Нива" подъ лит. О. К. съ обозначеніемъ ихъ дѣятельности до сихъ поръ. № 180 1

КАЛЛИГРАФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО, рисованіе **ПЛАНОВЪ**, монограммъ (вензелей), меню, — каллиграфическія копіи—дипломовъ, прошеній, писемъ и пр. и пр., на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ, также художественное выполненіе адресовъ, описаній и т. п. Исполняется точно и изящно, по Казанской ул., д. № 8, кв. 30. Просятъ съ заказами приходить утромъ отъ 8—10 и пополудни отъ 4—6 часовъ.
№ 177 3—1

Изданіе А. Ф. Маркса въ Спб.
Большая Морская, д. № 9.
КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ, историч. повѣсть *Вс. С. Соловьева.* Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи и въ развитіи своемъ представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ 20 рисунками художника *И. С. Панова*, и гравиров. лучшими мастерами. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к., для подп. „Нивы" 1879 г. 1 р. 80 к., съ перес. 2 р.

ВОЗДУШНЫЕ ШАРЫ,
монгольфьеры (бумажные) съ описаніемъ по 50 к., 75 к., 1 р., 1 к. 50 к. (за пересылку 1 до 6 штукъ 1 р) въ магазинѣ „**ЗАБАВА и ДѢЛО**".
№ 174. *Литейная д. № 57.* 1—1.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ МАШИНЫ:
МОЛОТИЛКИ, очень производительныя, одноконныя 275 р., двуконныя 330 и 360 руб., вѣялки и сортировки, механическія **ЗЕРНОСУШИЛКИ**, изобр. В. Аккерманомъ, мукомольныя **МЕЛЬНИЦЫ**, на ручную, конную и паровую силу, паровыя машины, десятичные вѣсы и т. п. имѣются постоянно въ складѣ при механическомъ заводѣ.
В. АККЕРМАНА
С.-Петербургъ, Пески, Большая Болотная д. № 6.
Контора по Греческому пр., д. № 21.
Иллюстрированные прейсъ-куранты высылаются по требованію. № 176—3.

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ.
уничтожающій веснушки, красноту лица, лишаи, родимыя пятна и пр.
СПОСОБЪ УПОТРЕБЛЕНІЯ.
Натереть вечеромъ лицо или какую другую часть тѣла **оппо помадою** или кремомъ, потомъ взять губку или полотенце, обмочить его **бальзамомъ** и натирать означенныя мѣста. На слѣдующее утро уже замѣтно, какъ тѣло принимаетъ бѣлый цвѣтъ и дѣлается чрезвычайно нѣжнымъ. Выходя на свѣжій воздухъ, снова натираютъ означенныя мѣста **бальзамомъ** и **ПУДРЯТЪ** дабы предохранить нѣжность тѣла отъ вліянія воздуха.
Березовый бальзамъ съ перес. 2 р.
Оппо помада » » » 50 к.
Вѣрно дѣйствующія медицинскія мыла: отъ угрей, загара к золотухи. Каждый кусокъ съ пересылкою 50 к.
Депо Косметическихъ Лабораторій А. Штейнбергъ, Невскій просп. д. № 25.
№ 175—1.

ИЗДАНІЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ МАСТЕРСКОЙ УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ И ИГРЪ. ТРОИЦКІЙ ПЕР. Д. № 11. СМ. ПОДРОБНОСТИ ОБЪЯВЛЕНІЯ ВЪ № 21.

БУМАЖНЫЙ ЯСТРЕБЪ.
Дюжина 3 руб., упаковка 40 к., перес. за 8 фунтовъ.
Иногородн. высылаются только дюжинами.
1 экз. съ подробн. наставлен. 40 к.
ВСЛѢДСТВІЕ ПОДДѢЛКИ
просимъ обращать вниманіе на напечат. фирму: «Большой выборъ учебныхъ пособій игръ и занятій.
6—1 № 178

ВНОВЬ ИЗОБРѢТЕННЫЕ СОЛНЕЧНЫЕ КАРМАННЫЕ ЧАСЫ. «Регуляторъ часовъ», которымъ можно: 1) опредѣлять всегда вѣрно время во всякой мѣстности, 2) повѣрять обыкновенные часы, 3) измѣрять углы въ натурѣ, 4) снимать мѣстность на планъ, 5) отводить участки въ натурѣ съ плана и 6) опредѣлять страны свѣта.—Полезенъ и удобенъ каждому въ особенности въ степяхъ, въ сельскомъ хозяйствѣ, въ дорогахъ, мореплаваніяхъ, походахъ, охотѣ и т. п. Съ печатнымъ наставленіемъ. Привиллегированъ. Цѣны съ пересылкою 2 р.; съ остановкою 2 р. 50 к; съ ходомъ на агатѣ 3 р. такой же больщій 4 р. посеребреный 5 р. позолоченный 6 р. При выпискѣ единовременно на 20 руб. дѣлаются уступка 5%, на 50 руб. 10%, на 100 руб. 15% на 200 руб. 20%. Адресъ: въ г. Вытегру, Олонецкой губ. Іосифу Андреевичу Милевскому.
№ 179 1

Дозволено цензурою СПБ. 7 Іюня 1879 г. № 10.

X годъ | годъ X
№ 25 | 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 модн. рис.)
Выданъ 18 Іюня 1879 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Въ Средней Азіи.

(Изъ записокъ русскаго путешественника).

(Окончаніе *).

III.

Воспоминанія о Туркестанскомъ краѣ, кромѣ громкаго имени М. Г. Черняева, тѣсно связаны съ воспоминаніями и объ Александрѣ Константиновичѣ Абрамовѣ; говоря объ одномъ, нельзя умолчать о другомъ.

Александръ Константиновичъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ водворенія русскаго владычества въ Средней Азіи. Неустанно, въ теченіи семнадцати лѣтъ трудился онъ надъ утвержденіемъ и дальнѣйшимъ распространеніемъ нашего вліянія во вновь пріобрѣтенныхъ владѣніяхъ; и теперь онъ продолжаетъ съ тѣмъ же умѣньемъ и усердіемъ,—нужно прибавить и съ большимъ успѣхомъ,—стремиться къ той же цѣли.

Въ 1862 году, во время осады Кокандской крѣпости Пишпекъ, впервые произносится имя Александра Константиновича: 14-го октября подъ управленіемъ поручика Сибирской пѣшей батарейной батареи Абрамова, пускались въ крѣпость навѣсныя ракеты. И на первыхъ же порахъ судьба строго отнеслась къ молодому артиллеристу. Отъ выстрѣла пишпекской мортиры вдругъ взорвало нашъ пороховой погребокъ; дѣйствіе взрыва было ужасно,—нѣсколько труповъ нашихъ людей выброшены за батареи, нѣсколько офицеровъ и нижнихъ чиновъ были ранены, контужены и засыпаны землею; въ числѣ контуженыхъ находился и поручикъ Абрамовъ. Это несчастное событіе вѣроятно на всю жизнь останется памятнымъ нашему туркестанскому герою;—еще до сихъ поръ ему приходится оберегать свою голову маленькою черною шапочкою отъ вѣтра, сырости, угара. Подъ руководствомъ подполковника Колпаковскаго *) прошли первые опыты Александра Константиновича на военномъ поприщѣ. Уже въ 1865 году юный артиллеристъ, въ чинѣ Штабсъ-Капитана, получаетъ отдѣльныя порученія, которыя и исполняетъ съ блестящимъ успѣхомъ. Предводительствуя маленькимъ отрядомъ, при двухъ конныхъ орудіяхъ, онъ обезоруживаетъ крѣпость Чиназъ, успокоиваетъ ея жителей и уничтожаетъ переправу на р. Сыръ-Дарьѣ. Вслѣдъ за этимъ, командуя штурмовою

Генералъ-лейтенантъ А. К. Абрамовъ. Рис. Ронжа, грав. Гильдебрандтъ.

*) См. №№ 23 и 24, 1879.

*) Нынѣ Генералъ-Лейтенанта.

колонною, Штабсъ-Капитанъ Абрамовъ оказываетъ Генералу Черняеву дѣятельное содѣйствіе при взятіи города Ташкента. Овладѣвая однимъ барбетомъ за другимъ, уничтожая баррикаду за баррикадой, заклепывая орудія и обращая въ бѣгство отчаянно защищавшихся Ташкентцевъ, Абрамовъ побѣдоносно врывается въ городъ. Въ своемъ рапортѣ отъ 7-го іюля того года М. Г. Черняевъ указываетъ между прочимъ на Абрамова, какъ на особенно отличившагося храбростью и распорядительностью.

Въ слѣдующемъ 1866 году, въ маѣ мѣсяцѣ происходило извѣстное сраженіе на урочищѣ Ирджарѣ. Во главѣ небольшой колонны капитанъ Абрамовъ съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ и искусствомъ производитъ наступленіе; ни учащенный артиллерійскій и ружейный огонь непріятеля, ни его завалы, не могли помѣшать стройному движенію штурмовой колонны. Все дѣлалось какъ на ученьѣ. Черезъ какіе нибудь полчаса, наша пѣхота уже была на завалахъ и билась съ бухарскими артиллеристами, а наша артиллерія была уже впереди заваловъ и картечью поражала новыя массы, пытавшіяся остановить наступавшихъ.

Въ 1867 году, въ чинѣ подполковника, Абрамовъ командуетъ Джизакскимъ отрядомъ, подъ Яны-Курганомъ обращаетъ въ бѣгство въ нѣсколько десятковъ разъ сильнѣйшую туркменскую конницу и съ незначительными силами принуждаетъ къ поспѣшному отступленію Бухарскаго начальника Шукуръ-Бека, имѣвшаго по крайней мѣрѣ двадцать тысячъ войска. Затѣмъ въ продолженіи всей нашей войны съ Бухарскимъ Эмиромъ, Саидъ-Музаффаръ-Богадуръ-Ханомъ, произведенный въ полковники, находясь во главѣ передового отряда, то неутомимо тревожитъ непріятеля, то усмиряетъ непокорныхъ, то преслѣдуетъ шайки грабителей, вторгавшіяся во вновь покоренныя нами страны, и въ тоже время безостановочно подвигается впередъ, вслѣдъ за отступавшимъ Эмиромъ.

Въ 1868 году палъ древнѣйшій и знаменитѣйшій городъ Средней Азіи, гордый своею историческою славою, центръ мусульманства—Самаркандъ. Утромъ 1 мая, въ виду бухарскаго лагеря показались русскія колонны, готовыя аттаковать неприступную позицію, на которой укрѣпились бухарцы. Передъ ними былъ разлившійся быстрый Зарявшанъ, почти непроходимый весною; за рѣкою поднимались крутые склоны Чупанъ-Ата, покрытые густыми массами непріятеля. Но несмотря на неприступность позиціи, высоты Чупанъ-Ата были взяты штурмомъ; разстроенный непріятель бѣжалъ и Самаркандскіе жители, не впустивъ къ себѣ разбитыхъ бухарцевъ, отворили городскія ворота нашимъ храбрымъ войскамъ. Успѣшному окончанію этаго боя болѣе всего содѣйствовалъ полковникъ Абрамовъ, командовавшій передовою линіею.

Насколько дорожатъ средне-азіятцы Самаркандомъ, заключающимъ въ себѣ много мусульманскихъ святынь, можно судить изъ словъ, произнесенныхъ со слезами на глазахъ самимъ Эмиромъ. Получивъ извѣстіе о пораженіи своей арміи и о потерѣ Самарканда, Музаффаръ воскликнулъ: „Лучше бы Аллахъ лишилъ меня жизни!“

12-го мая того же года послѣ упорнаго боя въ садахъ и на улицахъ города Ургута, А. К. уничтожаетъ армію Гуссейнъ-Бека и овладѣваетъ крѣпостью, до того времени считавшеюся неприступною. А 2 іюня полковникъ принимаетъ дѣятельное участіе въ битвѣ на Зарыбулакскихъ высотахъ, гдѣ 6 тысячъ пѣхоты, при 14 легкихъ орудіяхъ и 15 тысячъ конницы подъ начальствомъ Ходжи-Бека и Османъ-Бека не выдержали дружнаго натиска нашихъ войскъ и были разсѣяны въ разныя стороны.

По заключеніи 23 іюня 1868 года мира съ Бухарою, А. К. Абрамовъ, въ чинѣ Генералъ-маіора, былъ назначенъ начальникомъ Зарявшанскаго округа.

Не легко было вводить благоустройство, новые порядки въ самомъ крайнемъ уголкѣ нашихъ средне-азіатскихъ владѣній, среди фанатическаго и враждебно къ намъ расположеннаго населенія, вблизи одного изъ самыхъ сильныхъ независимыхъ ханствъ. Новое управленіе пришлось вводить тотчасъ-же по окончаніи военныхъ дѣйствій, когда умы не успѣли еще успокоиться, когда малѣйшая ошибка могла повести за собою самыя пагубныя послѣдствія.

На долю Генерала Абрамова пала задача далеко не легкая. И не взирая на это, изъ всѣхъ затрудненій и опасностей онъ вышелъ со славою и вполнѣ оправдалъ оказанное ему довѣріе.

Ласковымъ обращеніемъ, постоянно ровною справедливостью А. К. скоро заслужилъ расположеніе туземцевъ. Послѣдніе не могли не замѣтить разницы между безпорядочнымъ жестокимъ произволомъ своихъ прежнихъ повелителей и въ высшей степени гуманнымъ правленіемъ кяфира *). Рѣзкій переходъ отъ страха за жизнь и имущество къ полнѣйшей безопасности былъ причиною того, что фанатическое населеніе забыло свою ненависть къ завоевателямъ и искренно полюбило новаго своего губернатора. Въ этомъ мнѣ пришлось убѣдиться на дѣлѣ во время моего пребыванія въ Самаркандѣ. Я самъ видѣлъ съ какою охотою шли туземцы къ генералу Абрамову, съ какою увѣренностью въ его правый судъ стекались они къ нему для рѣшенія разныхъ споровъ. Въ нѣсколько лѣтъ богатый Зарявшанскій округъ принялъ совершенно другой видъ; онъ вырвался изъ подъ ига азіатскаго застоя и зажилъ новою, спокойною и счастливою жизнію. Теперь и не узнать города Самарканда; на немъ болѣе всего отразилось благотворное вліяніе новаго управленія: понемногу кривые закоулки замѣняются прямыми, широкими улицами и тѣнистыми бульварами, число правильныхъ и прочныхъ построекъ съ каждымъ годомъ увеличивается, большіе базары освобождаются отъ плѣсени и грязи, которыя въ нихъ царствовали прежде и т. д.

*) Кяфиръ—невѣрный.

Съ неменьшимъ успѣхомъ дѣйствовалъ А. К. какъ политикъ. Основательно изучивъ характеръ средне-азіятцевъ, онъ съумѣлъ укрѣпить наши отношенія къ Бухарскому Эмиру. Вѣроломный Саидъ-Музаффаръ, испытавъ во многихъ случаяхъ твердость генерала Абрамова, принужденъ былъ отказаться отъ прежняго образа дѣйствій; онъ понялъ, что съ новымъ сосѣдомъ шутить нельзя и что противорѣчить ему опасно. Присмирѣлъ грозный повелитель Бухары, почувствовавъ строгую руку русскихъ, и покорно принялся исполнять требованія ихъ представителя на Зарявшанѣ.

Я никогда не забуду перваго моего свиданія съ Музаффаромъ; первыми его словами были: „какъ поживаетъ генералъ Абрамовъ? по прежнему-ли онъ къ намъ благосклоненъ?“ Когда же я сталъ спрашивать его мнѣнія по многимъ вопросамъ, оставшимся неразрѣшенными, то Эмиръ отвѣтилъ: „во всемъ я совершенно согласенъ съ генераломъ Абрамовымъ.“

Нынѣ дѣятельность А. К. перенесена въ другую часть нашихъ средне-азіятскихъ владѣній. Недавно завоевано ханство Коканское и обращено въ Ферганскую область. Понадобился опытный администраторъ—и выборъ палъ на генералъ-маіора Абрамова, вскорѣ произведеннаго въ генералъ-лейтенанты. Введя благоустройство въ одномъ краѣ, генералъ Абрамовъ приступилъ теперь ко введенію правильнаго управленія въ другомъ;—безъ сомнѣнія ему удастся довести это дѣло до конца и въ Ферганѣ также, какъ на Зарявшанѣ. Намъ остается только порадоваться, что довѣріе пало на достойнаго, и пожелать А. К. лучшаго успѣха и всякаго счастья въ новомъ мѣстѣ его служенія.

Между городами Ассаке и Андиджаномъ, на большомъ пространствѣ тянется равнина, всплошную покрытая мелкимъ, бѣлымъ пескомъ; не говоря уже о деревьяхъ—ни кусточка, ни травки не видать въ этой безводной степи. Въ особенности лѣтомъ труденъ переходъ черезъ нее: удушливымъ жаромъ пышетъ на васъ со всѣхъ сторонъ, и отъ солнечныхъ лучей, и отъ горячаго вѣтра, и отъ накаленнаго песку (рис. 4). Переѣздъ изъ Ассаке въ Андиджанъ сильно напоминаетъ Бухарскія степи, съ тою только разницею, что въ послѣднихъ мнѣ пришлось испытать сильнѣйшій песчаный буранъ,—что гораздо хуже нашихъ снѣжныхъ мятелей, тогда какъ переѣздъ черезъ коканскіе кумы *) совершился весьма благополучно. Степь предстала предо мною, это громадное песчаное море. Все пространство до самаго горизонта—рядъ безчисленныхъ холмиковъ, горячія песчаныя волны, отдѣленныя одна отъ другой небольшими лощинками. Дороги положительно не видно;—нашъ проводникъ находилъ ее по оттиснувшимся на пескѣ слѣдамъ лошадей, ишаковъ **), верблюдовъ и людей.

— Теперь, когда тихо, дорогу еще не трудно найти, заговорилъ со мною одинъ изъ моихъ спутниковъ, татаринъ-торговецъ, а когда вѣтеръ—всѣ эти слѣды заметаются.“

— Какъ же находятъ тогда дорогу? спросилъ я.

— Не знаю какъ вамъ объяснить.... и татаринъ широко развелъ руками.

Это секретъ туземцевъ. Удивительнѣе всего — они рѣдко сбиваются съ пути. Здѣсь эти пески называютъ „ходячими“ песками. Бываетъ же это такъ: какъ только поднимается вѣтеръ, песокъ приходитъ въ движеніе; сперва онъ тихо стелется по землѣ, потомъ понемногу поднимается выше и выше, и наконецъ густыми громадными столбами,—то взвивается вверхъ, то быстро переносится съ одного мѣста на другое. Тогда происходитъ нѣчто удивительное, волшебное: тамъ, гдѣ теперь высятся холмы, образуются глубокія лощины, а на мѣсто полянокъ, которыми мы ѣдемъ, появляются высокія холмы; точно злые духи, на зло людямъ, адскую игру затѣваютъ... Часто заноситъ этими песками цѣлые караваны, да такъ, что и слѣдовъ никакихъ не сыщешь. Такими песчаными степями Средняя Азія очень богата.

А вотъ и другая картина. По дорогѣ изъ Маргелана въ укрѣпленный городокъ Учъ, между отрогами Кашгаръ-Даванскаго хребта есть прелестная Шахимарданская долина. Со всѣхъ сторонъ она окружена горами, мѣстами покрытыми лишь мхомъ и кустами высокой травы. По этой долинѣ, перебѣгая по круглымъ булыжникамъ, протекаетъ горный ручей Шахимарданъ; красиво разбросанныя группы деревьевъ дополняютъ картину. Къ этой мѣстности приходятъ большія толпы богомольцевъ для поклоненія гробницѣ Али, мужа Фатимы—дочери Магомета (рис. 3). Гробница признается чуть ли не первою святынею во всей Средней Азіи; она находится въ глубинѣ большой пещеры. Разсказываютъ, что Али, или, какъ его называютъ, Шахимарданъ т. е. „царь мужей,“ въ концѣ своихъ странствованій оста-

*) Кумъ—песокъ.

**) Ишакъ—оселъ.

новился въ этой долинѣ, вошелъ для отдыха въ пещеру и больше не возвращался. Поэтому полагаютъ, что въ пещерѣ на всегда поселился духъ мусульманскаго святаго и что онъ показывается лишь изрѣдка въ полномъ вооруженіи и на конѣ, только для исцѣленія слѣпыхъ, въ большомъ количествѣ стекающихся сюда. Надъ пещерою построена высокая мечеть, а вокругъ мечети разведенъ великолѣпный садъ. Еще до сихъ поръ остается неразрѣшеннымъ вопросъ о томъ, гдѣ именно покоится прахъ Алія, такъ какъ могилъ его насчитываютъ до пяти.

Недалеко отъ Шахимардана расположенъ въ гористой мѣстности укрѣпленный городокъ Учъ. По своему виду онъ ничѣмъ не отличается отъ прочихъ средне-азіятскихъ городовъ (рис. 5); за то въ его стѣнахъ сохраняется великая мусульманская святыня, а именно тронъ царя Соломона. Внѣшній видъ трона не представляетъ ничего замѣчательнаго: онъ сдѣланъ изъ карагачеваго дерева и украшенъ грубою рѣзьбою; когда-то, какъ утверждаютъ мусульманскіе ученые, онъ былъ осыпанъ драгоцѣнными каменьями, но отъ этихъ каменьевъ теперь ничего не осталось. По преданію тронъ Соломона занесенъ въ кокандское ханство сильнѣйшимъ вѣтромъ. Какъ объ этомъ тронѣ, такъ и о тронѣ жены Соломона, прекрасной Балкысъ, существуютъ очень поэтическія сказанія. **Н. Стремоуховъ.**

Монастырская питомица.

Быль XVII вѣка.

Историческій разсказъ **М. Романова.**

(Продолженіе).

V.

Изъ монастыря Авдотья направилась прямо за Москву-рѣку въ одну изъ отдаленныхъ слободъ, вошла въ деревянный, покосившійся домъ и калитка на ржавыхъ петляхъ съ визгомъ захлопнулась за нею.

Отъ этого звука дрожь пробѣжала по ней—ей припомнилась та ужасная минута, когда ее привели къ дознанію по учиненному ею доносу. Ее заперли въ темную коморку, стращали пыткой—приходилось каяться въ своемъ злоязычіи. Звукъ затворявшейся калитки теперь напомнилъ ей звукъ ржавыхъ петель приказной избы, куда ее запирали.

Авдотья вошла на дворъ, заросшій травою.

На встрѣчу ей на крыльцо вышелъ человѣкъ съ короткою сѣдоватою бородою, краснымъ, загорѣлымъ лицомъ и мускулистыми обнаженными руками.

— Вотъ она, кукушка! Экъ тебя носитъ; затѣяла пустяки, да и умничаетъ. Видно противъ святости-то ничего не подѣлаешь! Выгнали, сказывай, выгнали? Ха, ха, ха—такъ и зналъ, не въ свои сани разсѣлась...

— Тьфу, зубоскалъ окаянный, сдѣлаю я все одна и Фролку повѣнчаю; думаешь безъ тебя попа не сыщемъ? Гдѣ Фролъ? дома?

— А гдѣ-жъ ему быть?

Авдотья скоро помирилась съ сообщникомъ своимъ и передала ему свой планъ устранить Фрола, и самому Ивану Девулѣ заступить его мѣсто.

— И говорить не смѣй! За васъ да на дыбу попасть! Этому не бывать! И что тебѣ? Любы они другъ дружкѣ, или нѣтъ—намъ свое, имъ свое. Еще такъ то лучше и намъ спокойнѣе.

— Такъ зови сюда Фролку.

Племянникъ Авдотьи, Фролъ Савинъ, красивый парень лѣтъ двадцати двухъ, пришелъ на зовъ Ивана и бросивъ взглядъ на тетку, старался прочесть на ея лицѣ съ какими она вѣстями.

— Для васъ, лѣшихъ, старайся вотъ, а какъ еще отблагодарите?

— Ужели же и вправду ты смастерила?

— Смотри же Фролка, коли обманешь али сдуришь, да меня не послушаешь, такъ ужъ такая тебѣ бѣда будетъ, берегись! Въ воскресенье готовься, приходи да не потайно, а прямо въ церковь.

— Ой, что ты! вскричалъ Фролъ, не помня себя отъ радости. Но вдругъ лицо его омрачилось и онъ тихо проговорилъ:

— Лучше бы добрымъ-то порядкомъ высватать Таню... Тетенька, ты со мной неладно сдѣлала! Нечестно мы это дѣлаемъ и радости моей какъ и нѣту!

— Это еще что! Рехнулся ты? Перестанешь ты на меня таращить глаза, закричала она, не то убирайся совсѣмъ! Ну тебя!

Иванъ хохоталъ, держась за бока.

— Да ты сама что ли съ ней подъ вѣнецъ-то пойдешь?

— Знамо, коли-бъ была мужикомъ, такъ съ вами бы толковать не стала, а то вишь изъ-за такого пустяковаго дѣла троихъ въ подговорѣ держи!

— Тетенька, лучше пообождать да съ тятенькой поговорить, не убьетъ, коли придти; бить будетъ—стерплю, а ужъ потомъ и сватать Танюшку.

— Поди, поди, онъ те посватаетъ дубьемъ. А, да ну те, провались! Дѣлай какъ знаешь. Вправду сказать, чего я то этимъ связалась, брошу все!

И Авдотья въ сильномъ гнѣвѣ, съ проклятіями выскочила въ другую комнату.

— Да говори же, тетенька, догналъ ее Фролъ, что нужно, сдѣлаю, чего-жь бранишься-то. Ты говоришь, въ церковь придти, а дальше что?

Авдотья утихла, воротилась и начала разсказывать, какъ успѣла заворожить игуменью рѣчами про царицу и что та потребовала непремѣнно, чтобы женихъ пришелъ показаться прежде, чѣмъ отпустить невѣсту къ государынѣ. Что она, Авдотья, очень боится, чтобъ старуха сама не захотѣла сопровождать невѣсту въ царь Борисову палату.

— Тогда все пропало, пояснила она,—укрыться не успѣемъ—схватятъ.

— Куды-жь, тетенька, укрываться послѣ? Хорошо тебѣ, или Ивану укрыться, а мнѣ куда? Нѣтъ, что ни говори, дѣло страшное! Обманъ царицынымъ словомъ—шуточное дѣло!

— Ахъ ты баба, баба! вспылила опять Авдотья, ничего-то ровно ты не смыслишь. Коли дурнемъ не будешь? Ужли думаешь, монахини захотятъ твоей погибели, когда мужемъ Татьянинымъ будешь. Онѣ и жаловаться-то не станутъ, коли-бъ успѣли мы все скорѣе обдѣлать только.

— Такъ разсказала бы, какъ же все это будетъ.

— А вотъ слушай, я тебѣ буду сказывать: придешь ты, принарядившись, въ храмъ и встань ты у лѣваго клироса; послѣ обѣдни можетъ тебя позовутъ къ игуменьѣ, такъ умѣй обойтись, заслужить, чтобы полюбила. Увидишь можетъ невѣсту, а можетъ и нѣтъ, да вѣдь ее ты видѣлъ, такъ чего же еще. А тамъ денька черезъ два можно и Дашку... за невѣстой. Ты, Девуля, ее подговори, чтобъ не спятилась.

— Ладно обвѣнчаемъ у Кузьмы Демьяна, отвѣтилъ Иванъ.

— А ты, ступай, добывай себѣ хорошую одежу, займи хоть, да чтобъ все ладно было, распорядилась Авдотья, обращаясь къ Фролу.

— Ладно, проговорилъ онъ, въ раздумьи, выходя изъ коморки.

— Такъ ты говоришь, что денегъ монастырки много ей дадутъ? спросилъ Иванъ.

— Не обидятъ! Акулька все знаетъ.

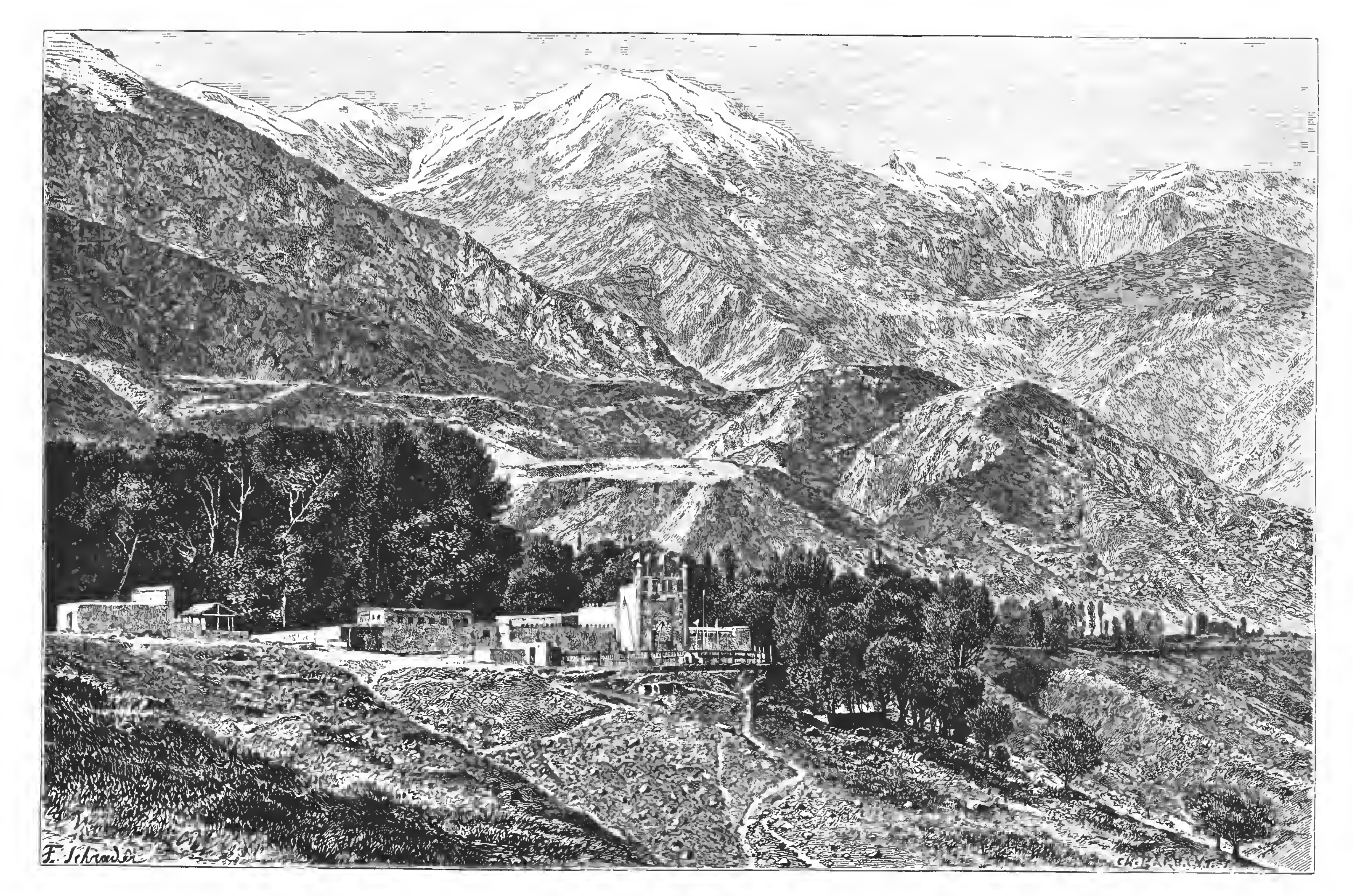
— Смотри, чтобъ было изъ-за чего... Чтобъ Фролка твой не надулъ...

— Небось, онъ у меня въ рукахъ. Смерть боится колдовства; припугну этимъ его—все наше будетъ.

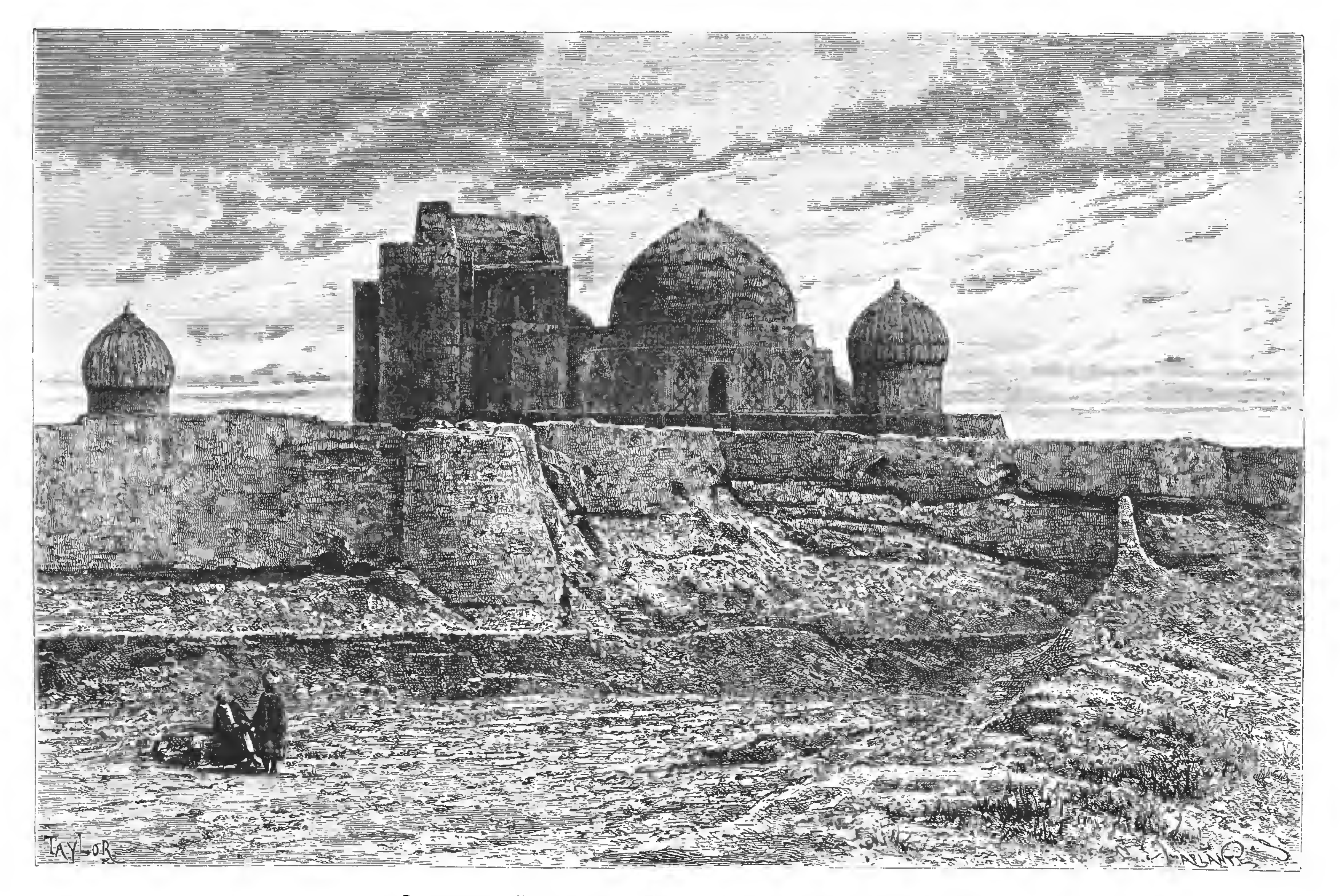
— Осердятся, и недадутъ ни алтына...

— А Таньку то имъ небось не жалко? Какъ кому, а Катеринѣ она таки сродни... эдакъ съ ней нянчится...

— Эй, не попадись, внушительно сказалъ Иванъ.

2. Гробница Али въ Шахимарданѣ (Коканъ). Рис. Шрадеръ, грав. Барбанъ.

3. **Видъ мечети Хазрета въ г. Туркестанѣ.** Рис. Тайлоръ, грав. Лаплантъ.

— Не каркай—что тебѣ все „не попадись, да не попадись“; вѣдь попадусь я, такъ тебѣ не то что персидскими товарами промышлять, а можетъ еще хуже меня придется—не бойсь я объ тебѣ не промолчу.

VI.

Супруга царя Алексѣя Михайловича, Марья Ильинична, два дня уже какъ возвратилась изъ своей послѣдней поѣздки въ вотчину свою, село Измайлово.

Проснувшись раннимъ утромъ, она не спѣшила звать къ себѣ очередную комнатную боярыню, которая всегда должна была находиться вблизи опочивальни.

Царицѣ не хотѣлось еще разставаться съ теплой постелью, было пріятно понѣжиться и перебирать въ мысляхъ все видѣнное во время поѣздки; вотчинныя дѣла не мало ее занимали. Марья Ильинична любила и охотно предавалась заботамъ о сельскомъ хозяйствѣ и каждый успѣхъ, въ той или другой части этаго хозяйства, радовалъ и веселилъ ее. Между тѣмъ изъ оконъ доносилось движеніе и благовѣстъ и волей неволей приходилось вставать съ постели — день былъ праздничный, воскресный. Въ такіе дни царица по обыкновенію выходила въ соборъ къ обѣднѣ и часто вмѣстѣ съ своимъ супругомъ.

Она знала, что въ сосѣдней комнатѣ давно уже дожидалась ея пробужденія кравчая *) боярыня Анна Михайловна Вельяминова. Вельяминова пользовалась особеннымъ довѣріемъ и расположеніемъ царицы и она позвала ее.

— Анна Михайловна войди ко мнѣ: здѣсь ты?

— Государыня заспаться изволила сегодня, проговорила Вельяминова, входя въ опочивальню. А Государь изволилъ прислать освѣдомиться о здоровьи и хорошо ли государыня почивала; посланный давно дожидается.

— Да, да Анна Михайловна ужь и сама знаю, я потороплюсь—не задержу государя. Поди, скажи слава Богу здорова, выйду не помедля.

Передавъ приказаніе царицы, Анна Михайловна возвратилась въ сопровожденіи двухъ „комнатныхъ“ женщинъ, которыя внесли съ собою полный уборъ и съ помощью ихъ царица торопливо принялась одѣваться.

Приготовляясь къ выходу въ церковь, царица сверхъ праздничнаго платья надѣла еще лѣтникъ, или „опашницу“, богато вышитую шелками и золотомъ по бѣлому атласу, на голову уборъ, называемый убрусомъ, тоже весь расшитый шелкомъ, сербромъ и золотомъ.

— Не забыла ли ты Анна Михайловна кого-нибудь, какъ разсылала за гостями? спросила Марья Ильинична.

— Нѣтъ, какъ можно, государыня!.. Всѣхъ пазвано сорокъ человѣкъ, какъ ты приказывала.

— Давно, давно ужь я ихъ всѣхъ не видала. А какъ у насъ тутъ?

— Завтра, если дозволишь, докладъ представлю, отвѣтила кравчая.

Едва успѣла царица окончить одѣванье, какъ пришли доложить ей, что государь выходитъ.

Государыня, встрѣтивъ супруга, въ сопровожденіи своей свиты, дожидавшагося ее въ Святыхъ сѣняхъ, вышла на Красное крыльцо и направилась въ соборъ; тамъ она всегда становилась за „запоною“ **), для того чтобы не быть видимою народу.

Обычай этотъ соблюдался такъ строго и самимъ народомъ, что никто даже помыслить не смѣлъ взглянуть на царицу и царевенъ: народъ благоговѣлъ передъ ними. Хотя Царь Алексѣй Михайловичъ лично давно уже былъ не за такое исключительное обособленіе своей супруги и царевенъ и самъ мало по малу способствовалъ уничтоженію стародавнихъ порядковъ, но Марья Ильинична не слишкомъ охотно привыкала къ нововведеніямъ государя — ея застѣнчивый отъ природы характеръ не поддавался имъ. Она интересовалась всѣми парадными церемоніями, царскими выходами и пріемами, но предпочитала любоваться ими невидимо; также и столы царскіе, болѣе или менѣе торжественные, совершались безъ ея присутствія. Въ ея палатахъ былъ свой особый міръ, міръ женскій исключительно; у ней тоже бывали тамъ свои пиры и праздники.

*) Завѣдующая всѣми хозяйственными распоряженіями

**) Родъ полога, изъ сукна или бархата.

Служба въ Успенскомъ Соборѣ, въ присутствіи патріарха Никона, была очень длинна, но царица не тяготилась; она, какъ всегда, усердно и горячо молилась.

По окончаніи богослуженія патріархъ поднесъ царицѣ просфору и благословилъ царственную чету.

Государь изъ собора проводилъ царицу до самыхъ ея покоевъ и тутъ съ ней простился, такъ какъ никогда не бывалъ за ея столомъ во время торжественныхъ пріемовъ; въ обыкновенные же дни они часто обѣдали вмѣстѣ, иногда и съ дѣтьми.

Въ этотъ день къ столу царицы были приглашены ея родственницы, многія боярыни, игуменьи и наиболѣе почетныя инокини трехъ главныхъ московскихъ монастырей: Вознесенскаго, Новодѣвичьяго и Алексѣевскаго.

Столъ былъ накрытъ въ царицыной Золотой Палатѣ.

Боярыни съѣзжались одна за другой. Тутъ кромѣ Милославскихъ были: Шереметьева, Морозова, княгиня Одоевская, Троекурова и многія другія боярыни именитыхъ родовъ.

Наконецъ явились и старицы-монахини, вошла и игуменья Александра, въ сопровожденіи Катерины.

Катерина съ блѣднымъ лицомъ и нервно сжатыми губами, вошла какъ-то смутно глядя передъ собою. Александра очевидно была взволнована, у ней даже слегка тряслась голова.

Принадлежа по происхожденію къ одной изъ лучшихъ боярскихъ фамилій и будучи настоятельницей самаго высокочтимаго московскаго монастыря, Александра повсюду, гдѣ ни появлялась, встрѣчала большое уваженіе и почетъ. Едва успѣвала она отвѣчать на привѣтствія, которыми осыпали ее старыя и молодыя боярыни. Но на этотъ разъ доброе лицо старушки не освѣщалось улыбкой и привѣтливостью, къ которымъ всѣ такъ привыкли. Что-же случилось?

Еще вчера съ большими хлопотами отпустила она Таню изъ монастыря къ Государынѣ.

Весь остальной день прошелъ въ тревогѣ—Таня не возвращалась.

За Таней пріѣзжала какая-то, довольно сановитая, женщина, назвавшаяся женою окольничьяго Скворцовою. Она привезла съ собою, для Тани, хорошее платье и просила не мѣшкая одѣваться.

Таня совсѣмъ растерялась, плакала и умоляла игуменью не отпускать ее одну. Катерина вызвалась было проводить Таню, но Скворцова отклонила это, сказавъ, что смотрины не такое дѣло, гдѣ было бы умѣстно присутствіе монахини.

Послѣ этаго онѣ заставили Таню одѣться и ѣхать. Все было сдѣлано такъ скоро, что и планъ предварительныхъ смотринъ жениха не былъ выполненъ. Авдотья и Дарья Скворцова увѣряли, будто царица вернувшись изъ поѣздки неожиданно пожелала ускорить дѣло и назначила день пріѣзда невѣсты.

Пришелъ вечеръ — Тани нѣту. Хватились Авдотьи, спросить что это значитъ—но Авдотья скрылась изъ монастыря.

Недоумѣвающіе возгласы и перешептыванія мало по малу превратились въ настоящее горе: нѣкоторыя плакали, другія только вздыхали и крестились. Катерину никто не видалъ цѣлый день; она и изъ кельи не выходила.

Игуменья призывала къ себѣ, поочередно и всѣхъ вмѣстѣ монахинь, упрекала себя въ неосторожности, ломала руки и плакала.

— Писать, писать челобитную—невѣдомо откуда пришли эти воры! говорили всѣ въ голосъ.

— Что-жь мы писать-то будемъ? чѣмъ себя то выправимъ, отчаянно спрашиваетъ Александра.

Опустили головы и замолчали. Но нѣсколько времени спустя все же таки принялись за составленіе челобитной. Писанье не ладилось. Бились, бились и пошли за Катериной.

Долго та идти не соглашалась, а какъ отворила наконецъ дверь—никто ее и узнать не могъ, такъ она измѣнилась: глаза впали, губы помертвѣли и судорожно были стиснуты.

Когда ей сообщили, что за ней прислала игуменья, она немедленно отправилась къ ней; всѣ съ какимъ-то особеннымъ почтеніемъ разступились передъ нею.

Александра, усталая и измученная, со слезами бросилась къ ней и схватила ее за руки.

— Садись, пиши челобитную, ты грамотѣйка, пиши все какъ было...

— Что писать-то? кому? какъ бы удивляясь и широко открывая глаза, говорила Катерина.

— Царицѣ пиши, царю... ты умѣешь.

— Нечего мнѣ писать—тихо выговорила Катерина,—я все это знала раньше, я сказывала... не хотѣли меня слушать... чего ужь теперь ..

Она поднялась съ лавки и, шатаясь, тихо вышла изъ кельи.

Всѣ были ошеломлены, рѣшили обойдтись безъ нея, но челобитной все таки написать не съумѣли.

Въ эту ночь въ монастырѣ никто не спалъ. Утромъ пришло приглашеніе къ царицыному столу матери Александрѣ и Катеринѣ. Имъ было тяжело собираться, но ѣхать нужно—отказываться нельзя отъ царскаго приглашенія. Мать Александра пользовалась у царицы большимъ почетомъ. Марья Ильинична допускала ее къ своей рукѣ не иначе, какъ предварительно поцѣловавъ ея старческую руку.

Появившись на порогѣ Золотой Палаты царица ласково окинула взглядомъ собраніе.

— Матушка Александра, очень я рада тебя видѣть! выговорила она, прежде всѣхъ относясь къ игуменьѣ и подходя къ ней.

— Здравствуй, государыня, какъ Богъ милуетъ? Мы всѣ твои богомолицы просили Господа, чтобы ты благополучно къ намъ возвратилась. Слава Богу, слава Богу, ты опять съ нами! говорила дрожащимъ голосомъ Александра.

Марья Ильинична еще ласковѣе, еще сердечнѣе взглянула въ лицо старушки и изумилась, видя ее такой грустной и даже осунувшейся.

— Да не больна-ли ты матушка, чтой-то у тебя какое лицо? Можетъ ты потревожилась для меня... скажи, ради Бога...

— Нѣтъ, государыня, не безпокойся напрасно. Мнѣ и безъ того тебя надо было видѣть непремѣнно, о дѣлѣ переговорить...

— О дѣлѣ? перебила царица,—всякое твое дѣло, матушка, къ сердцу прійму и всякую твою просьбу, по мѣрѣ силы своей, исполню... Пожалуй-ка ты ко мнѣ завтра поутру, да пораньше... на досугѣ то и потолкуемъ... а нынче—милости прошу, откушать чѣмъ Богъ послалъ... нынче я и дѣлъ никакихъ не вѣдаю...

И царица, ласково улыбнувшись игуменьѣ, отошла отъ нея. Александра грустно вздохнула и посмотрѣла на Катерину. Та не проронила ни однаго слова и теперь стояла, едва держась на ногахъ. Она знала нерѣшительный характеръ игуменьи и понимала невозможность самой заговорить съ государыней, особенно когда та прямо объявила свое желаніе отложить дѣло до завтра.

— „Завтра! завтра! Боже мой, что-то будетъ съ Таней?!“ отчаянно шептала бѣдная Катерина и казалось ей, что она никогда не доживетъ до этаго завтра, и все, что было вокругъ нея, представлялось ей какимъ-то мучительнымъ сномъ. Ей хотѣлось бѣжать, слезы душили ее; но она оставалась неподвижной и, будто окаменѣвъ, безсмысленно смотрѣла прямо передъ собою, никого не видя...

Отойдя отъ игуменьи, царица обратилась къ боярынямъ, которыя начали подходить къ ея рукѣ; съ мачихой своей Аксиньей Ивановной Милославской она поцѣловалась и обнялась.

Царица помѣстилась за особымъ столомъ, какъ это тогда было принято. Около царицы, съ краю другаго стола, сѣлъ священникъ, духовникъ ея, по другую сторону—игуменья Александра.

Духовникъ совершилъ возношеніе хлѣба, послѣ чего всѣ усѣлись на заранѣе распредѣленныя мѣста.

Хотя между приглашенными были только родственницы и близкія къ царицѣ боярыни, но и тутъ можно было замѣтить иногда недружелюбные взгляды, бросаемые нѣкоторыми на своихъ сосѣдокъ.

Мѣста за столомъ распредѣлялись по разрядамъ, по старшинству мѣстъ, занимаемыхъ мужьями боярынь и это распредѣленіе служило источникомъ неудовольствій и зависти.

Мало по малу все это однако улеглось. Медъ и романея, подаваемыя за столомъ, возъимѣли свое дѣйствіе: языки развязались. Сдержаннѣе прочихъ были только нѣкоторыя, болѣе или менѣе ревностныя поборницы древняго благочестія, въ томъ числѣ извѣстная своимъ мужествомъ боярыня Ѳедосья Прокофьевна Морозова, которая впослѣдствіи жестоко пострадала за свою приверженность къ старымъ обычаямъ. Теперь она молчаливо сидѣла на своемъ мѣстѣ: мысли ея были далеки отъ этаго пиршества. Царица очень уважала ее и любила бесѣдовать съ нею наединѣ и кажется эти бесѣды не оставались безъ вліянія на душу царицы, иначе бы Морозова не была удалена отъ двора по приказу Государя.

Между тѣмъ Александра тщетно работала надъ собою, чтобъ подавить горькое чувство—обѣдъ ей казался безконечно-длиннымъ. Нельзя было однако не пересилить себя и не принять никакого участія въ бесѣдѣ съ царицею, которая всячески старалась разсѣять ея видимо дурное расположеніе духа.

— Скоро привезутъ изъ вотчины много и овощей, и плода садоваго, я сама отберу и пришлю вамъ, сказала Марья Ильинична, обращаясь къ старицамъ игуменьямъ. Нынче какія яблоки!.. увидите сами.

— Благодаримъ государыня на твоей ласкѣ да привѣтѣ, отвѣтила за всѣхъ Александра, не заслужили мы...

— За меня Богу то только молитесь? шутя и улыбаясь, молвила царица.

— У тебя есть государыня кому молиться: сирые и убогіе, что ты призрѣваешь, да неимущіе, что ты кормишь—за кого-жь имъ и молиться-то какъ не за тебя? А какъ здоровье, матушка ты наша, государынь-царевенъ?

— Здоровы. Онѣ тоже были со мною. И какъ ужъ рады были деревенскому-то приволью: нельзя было изъ саду выжить, особенно Софьюшку. Онѣ сами тамъ и малину собирали и за цвѣтами хаживали. Такія то ли стали смуглыя да рослыя—не узнать. Теперь вотъ все имъ новое шьется—столь выросли...

И царица принялась распрашивать всѣхъ боярынь объ ихъ дѣтяхъ, объ ихъ дѣлахъ, хозяйствѣ въ ихъ подмосковныхъ селахъ и деревняхъ. Разговоръ завязался и переходилъ отъ предмета къ предмету.

— Ты что подѣлываешь Анна Семеновна? Нѣтъ ли какихъ у тебя новостей? разскажи намъ, обратилась Марья Ильинична къ Троекуровой.

— Да вотъ государыня на дняхъ мнѣ привели двухъ дѣвочекъ сиротокъ изъ евреекъ. Приняла я ихъ покуда, можетъ ты государыня пожелаешь ими заняться, сказала Троекурова, а не то пожалуй окрещу ихъ да возьму на свое попеченіе, какъ ты изволишь.

— Нѣтъ, Анна Семеновна, ты мнѣ ихъ передай. Гдѣ онѣ у тебя? Ты знаешь—у меня же теперь мало крестницъ осталось. Самоѣдку Марьюшку скоро думаю высватать, а тогда только и остается при мнѣ что Наталья еврейка, да Степанида калмычка.

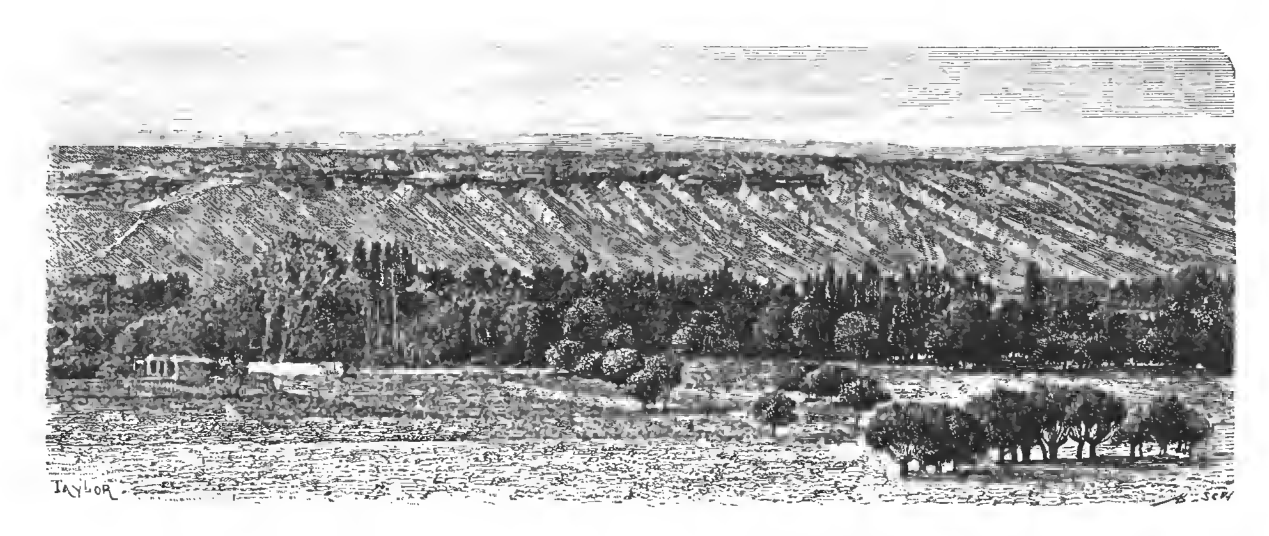
— Какъ велишь государыня, сама тебѣ привезу. Дѣвочки хорошія: одной лѣтъ двѣнадцать, а другая еще малолѣточекъ—шесть годочковъ не болѣ.

— Да кстати насчетъ Марьицы-то: я назначила ей въ приданое небольшую вотчинку, да деньгами что можно, ну уборы тамъ разные, полотна тоже получитъ а жениха ей пріискать не доспѣла. Вотъ коли у кого на дѣла опустивъ глаза, погруженная въ какую-то полудремоту, и даже ничего не слыхала изъ того, что говорилось.

Катерина не могла больше вынести. Она рѣшилась забыть свое положеніе, забыть всѣ приличія...

— Государыня!.. проговорила она дрожащимъ голосомъ приподнимаясь съ своего мѣста.

Но царица ее не слышала,—она оживленно говорила

4. Движущіеся пески въ Коканской степи близь Андижана. Рис. Тайлоръ, грав. Барбанъ.

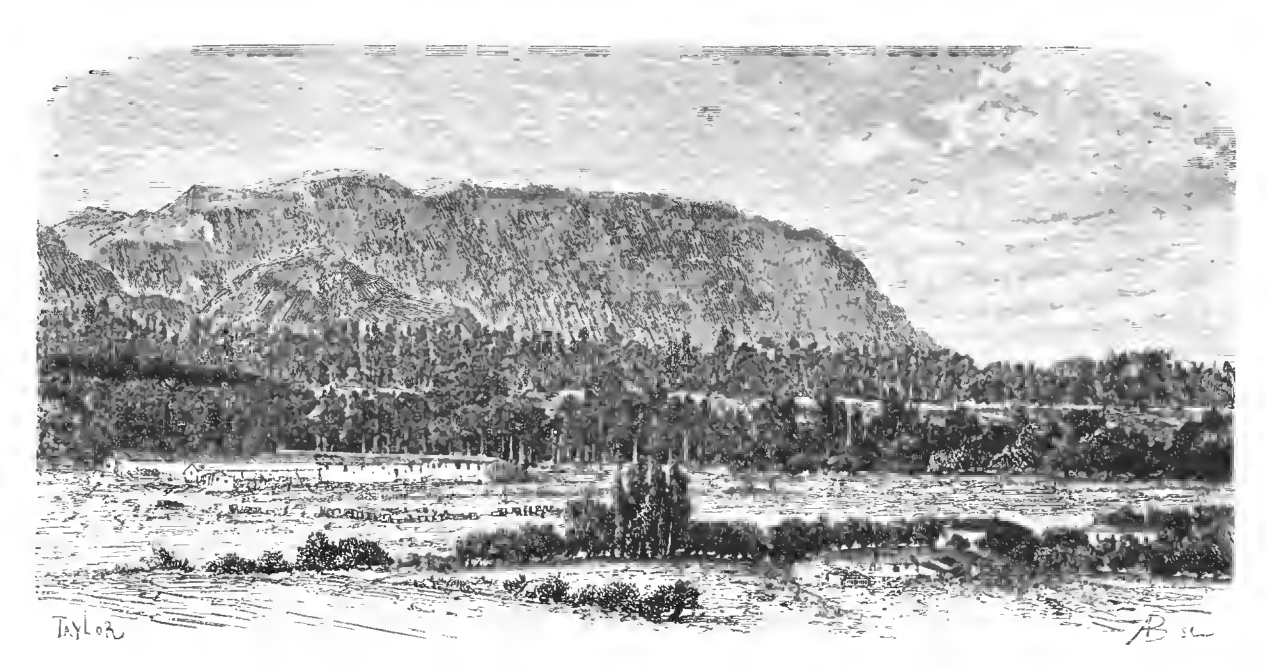
примѣтѣ парень дѣльный да смирный найдется, можно бы и свадьбу послѣ поста сыграть.

— Да у меня и женихъ есть, весело сказала Троекурова, моего мужа крестникъ. Сама государыня досмотришь, а по моему Алеша пригоденъ. Онъ мѣсто въ приказѣ царскомъ имѣетъ и его тамъ начальники любятъ, онъ и награды получаетъ за свою толковитость, противу другихъ не въ примѣръ.

При этомъ разговорѣ Катерина вдругъ встрепенулась что-то Троекуровой. Сидѣвшія рядомъ съ Катериной покосились на нее, удивляясь дерзости, съ которою она вздумала говорить царицѣ—и несчастная монахиня должна была замолчать и подавляла рыданія, готовыя вырваться изъ ея измученной груди.

— Ты меня боярыня всегда выручаешь, говорила между тѣмъ царица обращаясь къ Троекуровой, спасибо! Все то ты знаешь, все у тебя найдется.

Прочія боярыни, услышавъ похвалу Троекуровой, не-

5. Русская стоянка въ укрѣпленіи Учъ (Коканъ). Рис. Тайлоръ, грав. Барбанъ.

и даже краска залила ея блѣдныя щеки. Она такъ и впилась глазами въ игуменью, которая сидѣла отъ нея черезъ весь столъ.

— „Ну вотъ, ну вотъ бы теперь... вѣдь и рѣчь то ведется самая подходящая... что-жь она! Господи! неужто такъ ничего и не скажетъ?!“...

Она старалась уловить взглядъ игуменьи; но та сн- множко покосились на нее; но разговоръ, перейдя на эту почву, сталъ уже для всѣхъ интереснымъ. Устройство дворскихъ дѣлъ всегда занимало тогдашнее замкнутое женское общество ужь потому одному, что путемъ этаго устройства многимъ удавалось проводить свое вліяніе на царицу. Вызовъ Троекуровой возбудилъ во многихъ непріязненное чувство: уже не въ первый разъ она

Признаніе. Картина Бейшлага, грав. Кнезингъ.

заступала дорогу другимъ, оказывая услуги государынѣ.

— Дослышался я, государыня, заговорилъ духовникъ Марьи Ильиничны, что скоро будетъ отпускъ войскъ на Польшу и будто слушать тебѣ, государынѣ, литургію въ Успенскомъ Соборѣ открыто.

— Государя воля, чтобы я не пряталась отъ народа. Государь говоритъ, что этотъ старый обычай долѣе терпѣть не станетъ, тихо сказала царица, опустивъ глаза.

Обѣдъ наконецъ кончился.

Катерина, подойдя къ игуменьѣ, умоляла ее поговорить съ царицей немедля; но какъ ни искала случая мать Александра обратить на себя вниманіе царицы—ей не удалось этого сдѣлать и она вмѣстѣ съ Катериной, отговорившись нездоровьемъ, собралась домой.

Усѣвшись въ колымагу, Катерина сквозь слезы проговорила:

— Что-же это, матушка, дѣлать то мы будемъ?

Игуменья точно будто не слыхала ея словъ, молчала и не шевелилась.

Катерина подождала съ минуту и снова обратилась къ ней.

— Благослови матушка мнѣ идти сегодня вечеромъ къ царицѣ: пойду, я къ ней, все повѣдаю. Надо же—и скорѣе... охъ Таня, Таня! простонала она.

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ—какъ такъ? отвѣтила Александра, выходя изъ оцѣпенѣнія, овладѣвшаго ею. Вотъ, пріѣдемъ домой, ты напиши челобитную и съ нею я завтра утромъ прибуду къ царицѣ.

— Утромъ... о, Господи! Господи милостивый!

VII.

Былъ девятый часъ утра: монахини расходились отъ ранней обѣдни. Очень немногія изъ нихъ казались спокойными, большею частью онѣ смотрѣли тревожно и недоумѣвающе по направленію къ кельѣ игуменьи. Оттуда полчаса тому назадъ прибѣжала въ церковь Акуля; всѣ видѣли какъ она поспѣшно, не дождавшись окончанія службы, подошла къ матери Александрѣ и что то ей доложила. Всѣ видѣли какъ игуменья перемѣнилась въ лицѣ, сжала судорожно въ рукахъ четки и, въ необычайномъ волненіи, крестясь, вышла за Акулей, которая бѣгомъ пустилась, черезъ монастырскій дворъ, обратно.

Инокини насилу дождались конца обѣдни, такъ хотѣлось имъ узнать что случилось. Одна Катерина, ни мало не колеблясь, рѣшительно пошла вслѣдъ за игуменьей.

Дрожащей рукой отворила она дверь кельи и остановилась въ изумленіи. Тамъ была Таня и какой то неизвѣстный человѣкъ, который стоялъ опустивъ голову и мялъ въ рукахъ шапку.

Александра взволнованная и тяжело дыша сидѣла на лавкѣ, а Таня, рыдая и заливаясь слезами, стояла на колѣняхъ у ея ногъ и что то разсказывала.

Всѣ были такъ растеряны, что не замѣтили какъ Катерина ступила въ комнату; только ея тихій вопросъ: „что съ тобою дитятко?“ заставилъ Таню содрогнуться. Она вскочила на ноги и съ воплемъ бросилась на шею Катерины.

— Матушка, матушка... я обвѣнчана вотъ съ этимъ... васъ обманули!.. прерывающимся голосомъ объяснила она, указывая рукою на Фрола.

Катерина вздрогнула и зорко взглянула на него, а онъ подъ этимъ взглядомъ еще ниже нагнулъ голову и едва слышно пробормоталъ:

— Ради Христа простите! Не чаялъ, что отдадите за меня бездомнаго, а Таня такъ то мнѣ полюбилась... Тутъ и тетка Авдотья... ну и вышелъ это обманъ... Матушка! пойду хоть въ кабалу къ вамъ, милостивица! Простите!

При этихъ словахъ Фролъ упалъ на колѣни и земно поклонился.

— Простите! прости меня и ты Таня!

— Ахъ ты озорная голова! да какъ это ты! Погоди вотъ, велю работниковъ призвать, они тебѣ покажутъ дорогу! крикнула разгнѣванная Александра. Отвѣтишь ты за свое воровство... я къ царицѣ сама дойду—ея именемъ какъ посмѣлъ ты? Иди, иди отсюда!.. Отъ честнаго храма Божія!

Катерина не сводила глазъ съ Тани. Ее поразило выраженіе страшнаго испуга на ея лицѣ при послѣднихъ словахъ игуменьи.

Замѣтивъ, что Таня едва стоитъ на ногахъ, Катерина встала, подошла къ ней, бережно посадила на лавку и наклонясь сказала.

— Не бойся дитятко—уладится, мы тебя не выдадимъ.

— Ахъ матушка, матушка! жалобно зашептала Таня.

— Что-жь ты, уйдешь! гнѣвно обратилась Катерина къ Фролу.

Но тотъ переминался съ ноги на ногу и въ смущеніи мялъ шапку.

— Поди Катерина, вели позвать сторожей, шепнула ей мать Александра.

Но Таня съ крикомъ бросилась къ Катеринѣ и загородила ей дорогу.

— Нѣтъ! нѣтъ оставьте—какъ насъ развѣнчать? Мы вѣнчаны передъ Богомъ. Силою онъ взялъ меня, все же мужъ онъ мой. Простите вы его!

— Да какъ же это возможно? въ умѣ ли ты? Что про монастырь говорить станутъ.

— Да вѣдь вы же сами хотѣли меня, чуть не силкомъ замужъ выдать—а кабы была правда, что царица послала его?

— Какъ! что ты Таня? что съ тобою—али тебя околдовали?

Таня тянула за руку Фрола и просила, чтобъ выслушали его.

— Разскажи матушкѣ, разскажи, кто всему виненъ, она проститъ...

Чрезъ полчаса всѣ четверо сидѣли въ той же самой кельѣ, но уже были спокойнѣе. Старицы внимательно слушали разсказъ Тани и ея мужа, появленіе котораго привело ихъ сначала въ такой гнѣвъ и смущеніе.

Таня разсказала, какъ вмѣсто того, чтобы везти ее, по условію въ царь-Борисову палату, она была привезена въ церковь Кузьмы-Демьяна, гдѣ дожидался ихъ Фролъ вмѣстѣ съ Иваномъ Девулей и Авдотьей: все было готово, не было еще только священника.

— Да какъ же ты ихъ послушала, не вдогадъ что ли что тебя обманывали? спросила Катерина.

Таня зардѣлась и опустила глаза.

— Я и то имъ сказывала, что такъ дѣлать зазорно, все имъ сказывала я, матушка Катерина...

— Ну, а они что?

— Да что? Авдотья пригрозила мнѣ, говоритъ: изведу и тебя и его коли проговоришься.

— Да что жь *его* то, вѣдь онъ чай съ ними за одно.

— Ахъ нѣтъ, гдѣ за одно? онъ тоже ихъ отговаривалъ: все сказывалъ какъ и я: лучше бъ, говоритъ, безъ воровства придти да сватать.

— Такъ что-жь?

— Да они и слышать не хотѣли: „жди, говорятъ, такъ за тебя сейчасъ и выдали.“

— Зачѣмъ же не жаловалась ты священнику? Не сталъ бы онъ вѣнчать.

— А очень ужь онъ просилъ меня, нерѣшительно и еще больше краснѣя и указывая на Фрола, пробормотала Таня. Жалко было его сгубить, а всѣ говорили, я его этимъ сгубить могу совсѣмъ.

— Да тебѣ то что его жалѣть? спросила Катерина, пытливо вглядываясь въ лицо Тани.

— Да какъ ни какъ, а все же таки жалко стало, улыбаясь и бросая тихонько взглядъ на мужа, сказала Таня.

— Да вотъ матушка, все ужь какъ есть скажу я те-

бѣ, встрепенувшись продолжала она—какъ вошла я въ церковь, ничего еще не знаю, что такое, а Авдотья и кажетъ мнѣ на него „вотъ, говоритъ, женихъ твой“ мнѣ такъ то жутко стало, матушка, свѣту не взвидѣла, и не помню, что со мной было, и его даже не разглядѣла. Только потомъ очнулѣла и плачу, плачу а онъ стоитъ и держитъ меня за руку. „Не бойся, говоритъ, прости ты меня! Они обвѣнчать насъ хотятъ, да я ихъ слушать не хочу; вижу, что не ладно такъ то. Хочешь сейчасъ тебя провожу въ монастырь? Знаю, говоритъ, не захотятъ тебя мнѣ отдать, да что дѣлать! Пропадетъ тогда моя головушка, потому тебя лишуся, а ты мнѣ милѣе и свѣту небеснаго.“

Какъ сказалъ онъ это—ахъ, матушка, вѣришь—такъ я испугалась и сама не знаю что со мной... Страшно таково стало, какъ молъ уйду я отъ него, вѣдь не увижу тогда его больше... А онъ стоитъ и смотритъ въ глаза такъ то хорошо да ласково. Повѣрила я ему ровно родному... и я, матушка... я согласилась обвѣнчаться...

Таня едва выговорила послѣднія слова, не выдержала и зарыдала...

— Ахъ, прости ты меня, прости меня, твердила она, прильнувъ губами къ рукѣ Александры.

— Полно, полно Танюшка, не плачь, сама едва сдерживая слезы, сказала игуменья,—за что тебя обвинять, мы сами кругомъ виноваты!

Обѣимъ монахинямъ такой исходъ показался еще довольно благополучнымъ, такъ онѣ были измучены въ послѣдніе два дня.

Александра поцѣловала свою питомицу, отерла ей слезы и взявъ образъ Божьей Матери, благословила новобрачныхъ.

— Ну сказывай, кто ты такой? обратилась игуменья къ Фролу.

Фрола ободрилъ ласковый тонъ, которымъ были сказаны эти слова.

— Я Фролъ Савинъ, купеческій сынъ, смѣло поднявъ голову, произнесъ онъ.

— Что то не вѣрится—купцы законъ соблюдаютъ и обычай; не сталъ бы невѣсту воровать, кабы сынъ былъ купеческій.

Александра опять нахмурилась и сомнительно покачала головою.

Фролъ окончательно оторопѣлъ, такъ что сколько Таня ни кивала ему головою, сколько ни ободряла взглядомъ, онъ не могъ продолжать говорить.

Тогда Таня сама рѣшилась вывести его изъ затрудненія.

— Матушка, ему тяжело признаться... онъ бѣглый, матушка.

Тѣнь пробѣжала по лицу Катерины, а игуменья даже вскрикнула:

— Ну этого еще не доставало! Мать Пресвятая Богородица! Бѣглый! ахъ, ты Господи милостивый!

— Чего-жь ты сразу не говорила?.. А я еще ихъ благословлять вздумала! Да его можетъ завтра схватятъ, въ кандалы закуютъ!..

(Продолженіе будетъ).

Паганини и деревянный башмакъ.

Разсказъ Б. Ставенова.

Утромъ 14-го декабря 1832 года, въ Парижѣ, почтовая карета остановилась передъ домомъ № 9 на Вандомской улицѣ. Кондукторъ сошелъ съ козелъ, позвонилъ у воротъ небольшаго, хорошенькаго домика и отдалъ открывшему двери портье довольно тяжелый ящикъ, сказавши: „это господину Паганини!“

— Хорошо, отвѣтилъ портье и захлопнулъ ворота, давъ прежде кондуктору нѣсколько су за труды. Затѣмъ онъ пошелъ въ свое подвальное помѣщеніе.

— Ахъ—ящикъ! такимъ восклицаніемъ встрѣтила его Нисета. Вѣрно для меня отъ моего Іосифа.

Нисета была бѣдная родственница портье, выписавная имъ изъ провинціи въ Парижъ, послѣ смерти ея родителей. Ей минуло едва 18 лѣтъ,—это была простая, добрая и веселая дѣвушка. А Іосифъ, отъ котораго она ожидала посылки—ея женихъ. Онъ былъ двумя или тремя годами старше Нисеты, и въ глухой деревнѣ прилежно работалъ въ своемъ маленькомъ садикѣ, который и доставлялъ ему средства къ жизни. У Іосифа было предположеніе прежде обзавестись небольшимъ хозяйствомъ, отстроить домъ и потомъ ввести въ этотъ домъ къ себѣ Нисету хозяйкой.

Но планы Іосифа не могли скоро осуществиться. Маленькій садикъ и выгоды приносилъ маленькія, а тутъ еще къ несчастію за послѣдніе два года были все неурожаи.

Однако это не пугало еще молодыхъ людей.

— Не на этотъ годъ, такъ на будущій, думали они.

— Будутъ же у насъ когда нибудь деньги на обзаведеніе. Не слѣдуетъ только отчаяваться!

И дѣйствительно они не отчаявались. Напротивъ, переписывались еженедѣльно и если у Іосифа особенно удавался виноградъ или яблоки, онъ непремѣнно посылалъ невѣстѣ.

Не было ничего удивительнаго, если Нисета подумала, что ящикъ для нея, тѣмъ болѣе, что какъ сказано, это было передъ новымъ годомъ, а во Франціи водится обычай дарить въ это время своимъ знакомымъ и друзьямъ, въ особенности невѣстѣ, деревянный башмачекъ, который наполняютъ фруктами, или чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ.

Нисета поспѣшно выхватила ящикъ изъ рукъ портье и хотѣла уже его открыть, не дождавшись отвѣта на вопросъ, но увидѣла, что онъ адресованъ не ей.

— Ахъ—это вовсе не мнѣ! сказала она грустно. Это г-ну Паганини.

— Которому ты можешь и отнести посылку, отвѣтилъ портье; мнѣ вовсе не хочется увидѣть лишній разъ это вѣчно угрюмое лицо.

Въ началѣ 1832 года, Паганини поселился въ Парижѣ, по окончаніи своего кругосвѣтнаго путешествія. Царь скрипачей жилъ въ полномъ уединеніи со своею скрипкою и не смотря на постоянныя просьбы, никакъ не хотѣлъ играть въ обществѣ. Замкнутость и отчужденіе Паганини были слѣдствіемъ сильнаго нервнаго разстройства; никто кромѣ Нисеты не могъ его развеселить. Она пользовалась расположеніемъ того, съ кѣмъ безуспѣшно старались сблизиться великіе и сильные міра сего.

Взявъ ящикъ изъ рукъ дѣвушки, Паганини осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ.

— Странно! проговорилъ онъ.

— Посылка по городской почтѣ.

— Отъ кого бы это могло быть и что въ ней такое, кажется у меня никого нѣтъ изъ близкихъ людей въ Парижѣ.

Онъ съ любопытствомъ сталъ открывать ящикъ и вынулъ оттуда пакетъ около двухъ футовъ длиною, обернутый въ толстую бумагу. Онъ торопливо снимаетъ обертку, но что же это такое? Еще одна бумага, затѣмъ еще одна, еще и еще! Каждая изъ покрывающихъ посылку бумагъ была тщательно запечатана и носила надпись „г. Паганини.“

Наконецъ развернувши до десяти бумагъ, великій артистъ вынулъ пустой, деревянный башмакъ самой грубой работы.

Паганини поблѣднѣлъ отъ досады за нанесенное ему оскорбленіе, и въ порывѣ гнѣва хотѣлъ швырнуть башмакъ въ горящій каминъ. Однако вскорѣ онъ успокоился—улыбнулся и положилъ башмакъ въ ящикъ.

Затѣмъ онъ плотно заперъ двери и началъ играть на скрипкѣ. О башмакѣ, повидимому, онъ совсѣмъ забылъ и на его лицѣ ничего нельзя было прочесть.

Когда вечеромъ Нисета принесла ужинъ Паганини, то она была неузнаваема. Ея всегда смѣющееся личико было печально, а розовыя губки съ трудомъ выговаривали самыя необходимыя слова.

Паганини замѣтилъ перемѣну и ласково ее спросилъ:

— Ты такъ печальна, дитя мое! Что съ тобою случилось? Открой мнѣ причину твоего горя и если только можно, я охотно помогу тебѣ.

— Ахъ! отвѣтила Нисета, вынимая изъ кармана письмо, полученное ею. Мнѣ помочь нельзя, это письмо разрушило всѣ мои надежды. Я очень несчастна!

— И неужели несчастіе такъ велико, что даже такой другъ какъ я, не можетъ тебѣ помочь. Ты утромъ была такъ весела, когда приносила мнѣ ящикъ.

— Да, но теперь мнѣ не до веселья; представьте себѣ г-нъ Паганини, мой женихъ долженъ идти въ солдаты.

— Но онъ можетъ нанять кого нибудь вмѣсто себя.

— Да, еслибы былъ богатъ. А теперь тѣмъ болѣе—носятся слухи что скоро война; трудно найти замѣстителя пожалуй и за пятьсотъ франковъ. Откуда взять столько денегъ.

— Только-то, отвѣтилъ Паганини, которому вдругъ пришла мысль въ голову. „Не печалься, эту сумму я тебѣ доставлю, а

Пѣснь любви XIII вѣка.

Ориг. рисунокъ Н. А. Богданова. грав. Б. Пунъ.

Пѣснь любви XIII вѣка.

(миннезингера Христіана фонъ Гамле).

Вся роща чарующихъ звуковъ полна,
Цвѣтущій рождается май,
Проснувшись отъ долгаго, зимняго сна
Природа прекрасна какъ рай.

* * *

Но мы забываемъ и нѣгу полей,
И первыхъ цвѣтовъ ароматъ,
Когда, словно грезы младенческихъ дней.
Насъ чистыя дѣвы улыбкой своей
И лаской любви подарятъ.

* * *

Блаженства нисходитъ на насъ обаянье
Когда ихъ коралловыхъ губокъ лобзанье
Мы жадно и трепетно пьемъ;
Когда обнаженныя руки прекрасныя
Сжимаютъ насъ въ ночи безсонныя, ясныя—
Горитъ наше сердце огнемъ.

* * *

Въ комъ злобы нѣтъ мрачной и мщенья слѣпого
О женщинѣ тотъ не промолвитъ дурного,
И самыя даже ея заблужденья
Въ глазахъ его будутъ достойны забвенья.

* * *

Незримо, неслышно любовь разгорается,
Съ ней въ жизнь нашу счастье и радость вливается,
Печаль исчезаетъ какъ дымъ
Предъ женской улыбкой, манящей и нѣжной;
Душа наша рвется въ тревогѣ мятежной
Навстрѣчу глазамъ огневымъ.

* * *

Такъ славьте жъ немолчно созданье прекрасное—
Какъ вешнее утро плѣнительно-ясное,
Земной воплощенье мечты!..
Но врядъ ли всѣ нѣжныя арфы созвучія,
Но врядъ ли всѣ звонкія пѣсни могучія
Достойны такой красоты?!...

Вс. Соловьевъ.

Весенняя выставка въ СПБ. Императорской Академіи Художествъ. „Бабушка и внучка“.
Съ картины Корзухина. Рис. на деревѣ Зиновьевъ, грав. Рашевскій.

ты напиши своему жениху, чтобы онъ поискалъ кого нибудь вмѣсто себя."

— О Боже!.. Возможно ли это?.. Іосифъ не уйдетъ?.. Вы не шутите это?

— Развѣ можно такъ шутить: даю тебѣ слово, что твой Іосифъ не будетъ солдатомъ и не уйдетъ на войну.

Счастливая Нисета упала на колѣни передъ своимъ избавителемъ, заливаясь благодарными слезами.

Паганини поднялъ ее и проговорилъ: не придавай такого значенія простой. дружеской услугѣ.

Затѣмъ великій артистъ затворился у себя въ спальнѣ и цѣлую недѣлю его никто не видѣлъ. Домашніе слыхали, какъ онъ по цѣлымъ днямъ усердно строгалъ и пилилъ, точно его комната была столярная мастерская. Пытались было подсмотрѣть въ замочную скважину, но это ни къ чему не привело, такъ какъ дверь была плотно закрыта.

Чѣмъ же таинственнымъ занимался великій маэстро?

Паганини раньше былъ инструментальнымъ мастеромъ и собственноручно дѣлалъ свои первыя скрипки. Теперь ему вздумалось изъ присланнаго башмака сдѣлать скрипку, которая могла бы конкурировать съ дорогими скрипками Амати.

22 декабря новая скрипка была готова. Паганини объявилъ, что 25-го онъ дастъ концертъ, на который однако выдалъ только 100 билетовъ по 20 франковъ. Въ этомъ концертѣ онъ обѣщалъ сыграть пять пьесъ на скрипкѣ Амати и пять піэсъ на деревянномъ башмакѣ.

Какъ было уже сказано, царь скрипачей давно не игралъ передъ публикой, а потому желающихъ слышать его удивительную игру было очень много. Притомъ же онъ обѣщалъ *играть на деревянномъ башмакѣ*.

Знатнѣйшія и богатѣйшія лица осаждали Паганини просьбами пустить ихъ на концертъ: но онъ остался непреклоненъ и больше ста билетовъ не разрѣшалъ выдать.

Во время концерта, послѣ игры на скрипкѣ Амати, Паганини взялъ инструментъ имъ изготовленный и извлекъ изъ него удивительные звуки.

То была фантазія, передававшая тоску разставанья, мученья разлуки, надежду на свиданіе и восторгъ снова встрѣтившихся...

Слушатели были очарованы силою звуковъ, извлеченныхъ Паганини изъ деревяннаго башмака; восторгамъ и рукоплесканіямъ не было конца.

На слѣдующій день, Паганини подарилъ сдѣланный имъ инструментъ Нисетѣ и сказалъ: „Вотъ тебѣ капиталъ, чтобы избавить твоего Іосифа отъ военной службы.

Молодая дѣвушка въ недоумѣніи смотрѣла, то на скрипку, то на артиста, который наслаждившись ея замѣшательствомъ, сказалъ ей, смѣясь:

— Да, да Нисета, этой скрипкой ты можешь выкупить своего Іосифа!

— Этой скрипкой?

— Или вѣрнѣе деньгами, вырученными отъ продажи этой скрипки.

И дѣйствительно въ тотъ же самый день дѣвушкѣ предлагали большія деньги за скрипку и она продала ее за 600 франковъ.

Въ восторгѣ, принесла она эти деньги къ Паганини въ передникѣ.

— Вотъ видишь, невѣрующая, вотъ твоему горю и конецъ, сказалъ ей Паганини. За пятьсотъ франковъ ты найдешь замѣстителя своему жениху, а на остальные устроишь свое хозяйство. Вспоминайте иногда съ мужемъ того, кто вамъ изъ деревяннаго башмака высыпалъ шестьсотъ франковъ.

Спустя нѣсколько недѣль молодые люди со слезами радости цѣловали руки своего благодѣтеля.

А деревянный башмакъ съ богатымъ сыномъ Альбіона отправился въ Англію, гдѣ и находится до сихъ поръ въ музеѣ лорда Честера.

Стихотвореніе

Вопросы.

(Изъ А. Грюна).

Въ ночь когда на синемъ сводѣ
Блещетъ звѣздъ несмѣтный рой,
Ты, мудрецъ, мнѣ мѣсто первой
И послѣдней звѣздъ открой.

Иль когда взволнуетъ, вспѣнитъ
Гладь морскую вѣтеръ, шквалъ,
Укажи тогда гдѣ первый
Гдѣ послѣдній мчится валъ.

И когда твоя наука
Такъ сильна, узнай ты часъ
Какъ полюбитъ сердце въ первый
И когда въ послѣдній разъ.

П. Быковъ

Роса.

Статья И. Вавилова.

Въ жаркій день вамъ подали стаканъ холодной воды. Стѣнки стакана подернуты легкимъ матовымъ налётомъ или *потомъ*, какъ его обыкновенно называютъ; налётъ мало по малу превращается въ множество мелкихъ отдѣльныхъ капелекъ; капельки ростутъ, сливаются и наконецъ стекаютъ струйками.

Постараемся добраться до причины этаго явленія. Внимательное наблюденіе, нѣсколько несложныхъ опытовъ дадутъ намъ ключъ къ пониманію другаго явленія, имѣющаго громадное значеніе въ великомъ механизмѣ природы.

Откуда взялась вода на наружной поверхности стакана? Конечно она не проникла сквозь стѣнки. Стало быть вода осѣла извнѣ, изъ воздуха.

Отчего при соприкосновеніи съ теплымъ воздухомъ покрываются пóтомъ только холодные предметы: бутылка, принесенная изъ погреба, оконныя стекла, стѣны и потолокъ вагона и т. п. Отчего потъ не осаждается на стаканѣ съ комнатной водой или съ теплымъ чаемъ?

Только опытъ и наблюденіе даютъ отвѣтъ на эти вопросы.

Вода изъ незакупореннаго сосуда исчезаетъ, бѣлье, полы сохнутъ—все это очень общеизвѣстно. Теперь мы знаемъ, что вода превращается въ невидимый паръ, который смѣшивается съ воздухомъ, не нарушая его прозрачности. Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка *Дальтонъ* первый изслѣдовалъ свойства пара, и съ тѣхъ поръ накопилось много работъ по этому предмету. Теплый воздухъ можетъ содержать больше пара чѣмъ холодный, тѣмъ больше чѣмъ онъ теплѣе, но и для очень нагрѣтаго воздуха существуетъ предѣльное количество, которымъ воздухъ *насыщается*, т. е. при которомъ онъ достигаетъ наибольшей влажности. При низкой температурѣ для насыщенія достаточно небольшаго количества пара; при высокой—пара требуется больше. Насыщенный воздухъ, если нагрѣется, можетъ принять еще нѣкоторое количество пара, но при охлажденіи эта прибавка вновь выдѣлится въ капельно-жидкомъ видѣ. Воздухъ можетъ быть *влаженъ*, и въ то же время содержать не слишкомъ много пара; наоборотъ онъ можетъ быть *сухъ*, когда въ немъ пара значительно больше. Все зависитъ отъ температуры воздуха. Въ жаркій лѣтній день воздухъ намъ не кажется сырымъ, хотя содержитъ много водяныхъ паровъ: при своей высокой температурѣ, онъ могъ бы содержать еще больше пара. Вечеромъ, когда станетъ прохладнѣе, тотъ же воздухъ мы называемъ сырымъ. Дѣйствительно онъ сталъ *влажнѣе*: теперь на волосахъ, платьѣ влажность ощущается явственно.

Нѣсколько несложныхъ наблюденій и опытовъ обстоятельнѣе познакомятъ насъ съ этими явленіями.

Передъ нами запотѣлый стаканъ. Вытремъ стѣнки и онѣ скоро опять покроются пóтомъ. Теплый комнатный воздухъ, прикасаясь къ стѣнкамъ, охлаждается, и не можетъ уже содержать прежняго количества пара; онъ сталъ не только *влажнѣе*, но вполнѣ *насыщенъ* паромъ, и даже часть пара обращается въ воду, которая снова испарится, какъ только стѣнки согрѣются до комнатной температуры.

Видоизмѣнимъ опытъ такъ. Нальемъ въ стаканъ не холодную а обыкновенную комнатную воду, и будемъ ее постепенно охлаждать, подбавляя кусочками ледъ. Нѣкоторое время стекло остается прозрачнымъ, но наконецъ наступаетъ моментъ, когда появляется паръ, какъ и въ предъидущемъ опытѣ. Повторяя опытъ въ различные дни и въ различные часы дня, и опредѣляя термометромъ температуру воды въ моментъ появленія пота, мы убѣдимся, что вода не всегда одинаково холодна: въ теплую погоду паръ показывается довольно скоро; въ холодную онъ осаждается только при низкой температурѣ. Въ первомъ случаѣ въ воздухѣ много паровъ, а избытокъ оказывается раньше.

Заглянемъ въ кухню. Надъ кострюлей подымается теплый воздухъ, обильный паромъ, встрѣчаетъ менѣе нагрѣтый комнатный воздухъ, охлаждается и выдѣляетъ изъ себя часть пара, которая превращается въ *туманъ*. Туманъ, какъ и паръ на стаканѣ, тоже состоитъ изъ мелкихъ водяныхъ капелекъ и въ избыткѣ комнатнаго воздуха скоро становится опять невидимымъ паромъ. Подобный туманъ мы замѣчаемъ при дыханіи на морозномъ воздухѣ, при притокѣ холоднаго воздуха въ комнату извнѣ и во многихъ другихъ случаяхъ. Причина всегда одна и таже: охлаждается воздухъ и часть пара становится водой.

Охлажденіе воздуха и превращеніе пара въ водяныя капли въ громадныхъ размѣрахъ совершается на поверхности земнаго шара. Происходитъ превращеніе среди массы воздуха—тогда явленіе называютъ *туманомъ*: происходитъ на поверхности холодныхъ предметовъ, какъ на стѣнкахъ стакана,—тогда бы-

ваетъ *роса*. Остановимъ наше вниманіе на процессѣ образованія росы.

Роса знакома всякому: дачники бранятъ ее, промочивъ обувь на поздней прогулкѣ; косецъ радъ росѣ какъ доброму помощнику; художникъ восторгается сверканіемъ свѣжихъ водяныхъ капель при первыхъ лучахъ восходящаго солнца... По дѣйствительно-ли роса и паръ на стаканѣ явленія тождественныя? Однаго сходства мало, надо доказать, что оба явленія только частные случаи того закона природы, который при извѣстныхъ условіяхъ проявляется постоянно и неизмѣнно. Необходимо доказать, что роса осадилась на землѣ, растеніяхъ, на крышѣ именно по причинѣ охлажденія воздуха, который не можетъ уже удержать весь свой паръ, и потому часть пара снова обращается въ воду.

Повторимъ нашъ опытъ на открытомъ воздухѣ при закатѣ солнца, и въ моментъ появленія пота на стѣнкахъ стакана, замѣтимъ сколько градусовъ показываетъ термометръ, погруженный въ воду. Если догадка о происхожденіи росы вѣрна, то первые признаки росы на травѣ или на землѣ должны появиться въ тотъ моментъ, когда термометръ, помѣщенный близь земли, будетъ показывать столько же градусовъ, какъ при нашемъ опытѣ. Такъ дѣйствительно и случится, сколько бы разъ мы не повторяли опытъ. Роса слѣдовательно не падаетъ съ неба, не поднимается изъ земли, какъ думали прежде, а образуется совершенно подобно поту на стаканѣ, при соприкосновеніи воздуха съ охлажденными земными предметами.

Нашъ опытъ однако не болѣе чѣмъ первый шагъ къ объясненію росы. Роса образуется при охлажденіи воздуха,—это несомнѣнно; но отчего же охлаждается воздухъ? Только что порѣшили мы съ однимъ вопросомъ, какъ возникаетъ другой. Такова ужь участь естествоиспытателя!

Дѣло кажется просто: солнце закатилось, не грѣетъ: какъ же воздуху не охладиться? Пытливый умъ не можетъ удовлетвориться такимъ отвѣтомъ. Куда же дѣвается земная теплота?

Прежде чѣмъ отвѣтить на вопросъ, необходимо полнѣе уяснить себѣ условія, при которыхъ образуется роса. Обратимся къ наблюденію.

По наблюденіямъ Уэльса (Wells) въ *облачную* ночь термометръ показываетъ почти одинаковую температуру какъ у самой земной поверхности, такъ и на значительной высотѣ. Въ *ясную* ночь иначе. Близь почвы и въ травѣ воздухъ гораздо холоднѣе, чѣмъ на нѣсколько футовъ выше; разница иногда доходитъ до десяти градусовъ, но обыкновенно не столь значительна. Роса рѣдко появляется въ короткія и теплыя лѣтнія ночи; наоборотъ почти постоянно осенью и весной. Чѣмъ яснѣе ночь тѣмъ обильнѣе роса: если небо пасмурно, росы не бываетъ. Подъ навѣсами, покрышками, вѣтвистыми деревьями съ густой листвой всѣ предметы остаются сухи, но на верхней сторонѣ всякаго рода покрововъ роса осаждается обильно. Сильный вѣтеръ препятствуетъ образованію росы.

Очевидно ясность неба способствуетъ охлажденію земли и воздуха. Но почему же въ ясную погоду земля охлаждается сильнѣе чѣмъ въ пасмурную? Почему ясное небо быстро отнимаетъ теплоту у земли, а пасмурное не обладаетъ этимъ свойствомъ?

Опытами доказано, что всѣ нагрѣтые предметы посылаютъ изъ себя теплые лучи во всѣ стороны и неизбѣжно охлаждаются, если не получаютъ новаго тепла, взамѣнъ утраченнаго. Ночное охлажденіе земли заслуживаетъ особеннаго вниманія. Земля нагрѣвается исключительно солнцемъ. Правда, она, какъ полагаютъ нѣкоторые, на извѣстной глубинѣ находится въ расплавленномъ состояніи, но высокая температура земнаго ядра не проникаетъ до земной поверхности, сквозь толстую земную кору. Нашъ ближайшій сосѣдъ—луна тоже не грѣетъ землю: лунные лучи имѣютъ лишь едва опредѣлимую, ничтожную теплоту. Отъ солнца земля получаетъ громадное количество тепла, столь громадное, что, по вычисленію Пулье, тепла получаемаго землей въ теченіе года достаточно, чтобы растопить слой льда саженъ въ пятнадцать толщиною, если бы онъ покрывалъ весь земной шаръ. Но земля не можетъ удержать теплоту. Всѣ земные предметы: растенія, вода, камни, подобно нагрѣтой печи, испускаютъ теплоту лучами во всѣ стороны; она уходитъ за предѣлы атмосферы въ безконечное пространство и навсегда утрачивается для земли. Въ ясную ночь лучи не встрѣчаютъ на своемъ пути ничего, что отразило бы ихъ обратно на землю. Вотъ послѣдствія лучеиспусканія въ ясную ночь: не получая тепла взамѣнъ утраченнаго, всѣ предметы неизбѣжно охлаждаются, вскорѣ оказываются холоднѣе воздуха, и на нихъ осаждается роса. Камни, дерево, вообще худые проводники тепла, охлаждаются быстрѣе чѣмъ хорошіе проводники—металлы. Прежде всего показывается роса на листьяхъ, и именно на шероховатыхъ и матовыхъ раньше чѣмъ на блестящихъ; затѣмъ покрываются росой камни, голая земля; затѣмъ металлы. Часто металлы всю ночь остаются сухи, хотя кругомъ все покрыто росой. Охлаждается и воздухъ, но гораздо медленнѣе. Термометры, помѣщенные на разной высотѣ, показываютъ постепенное пониженіе температуры съ высоты трехъ аршинъ почти до земной поверхности, но близь самой почвы термометръ вдругъ встрѣчаетъ слой воздуха вершка въ четыре глубиной, сильно охлажденный и одинаковой температуры во всей своей толщѣ. Вся земля какъ бы одѣта холодной оболочкой, которая входитъ во всѣ неровности почвы, спускается по отлогостямъ, въ промежутки между стеблями травы, покрываетъ вѣтви и листья деревъ, крыши и навѣсы, но не проникаетъ даже подъ самые легкіе покровы, какъ напримѣръ подъ листъ бумаги, которымъ иногда прикрываютъ на ночь весенніе сѣянцы. Въ этомъ слоѣ и образуется роса. Ранней весной и осенью, въ такъ называемые *утренники*, трава и крыши подернуты бѣлой пеленой; это замерзла роса, хотя въ дѣйствительности мороза не было, т. е воздухъ охладился ниже точки замерзанія только близь самой поверхности; фута на два выше термометръ показываетъ нѣсколько градусовъ тепла. Прикройте молодые всходы на вашей клумбѣ хоть самымъ легкимъ покровомъ; этаго уже достаточно, чтобы предохранить воздухъ, окружающій растенія отъ чрезмѣрнаго охлажденія, и онѣ не пострадаютъ. Нѣтъ надобности кутать ихъ со всѣхъ сторонъ: достаточно устроить легкій навѣсъ на подпоркахъ, все равно на высокихъ или на низкихъ. Какъ бы высоко ни лежала покрышка, она все таки защититъ отъ холода. Даже при прохожденіи надъ головой облака, температура травы тотчасъ повышается и снова падаетъ, какъ только облако удалится. Въ пасмурную ночь облака какъ одежда грѣютъ землю. Понятно, почему нѣтъ росы подъ покрышками и облаками и почему она обильна въ ясныя ночи: покрышка, облако возвращаютъ часть тепла, которое безъ нихъ безвозвратно исчезло бы въ безпредѣльномъ пространствѣ. Вотъ почему ясность неба имѣетъ огромное значеніе для образованія росы. Въ ясную ночь земная теплота безпрепятственно уносится въ пространство; чѣмъ больше видно яснаго неба въ данной поверхности, тѣмъ обильнѣе на ней осаждается роса. При ясномъ небѣ воздухъ, приходя въ соприкосновеніе съ сильно охлажденными предметами, тоже охлаждается, становится тяжелѣе, опускается и уступаетъ мѣсто болѣе нагрѣтому: съ этимъ случается тоже самое и т. д. и т. д., образуются воздушные токи, вслѣдствіе которыхъ поверхность земли покрывается той холодной воздушной оболочкой, о которой было упомянуто выше. Значеніе вѣтра тоже понятно: сильный вѣтеръ перемѣшиваетъ воздухъ и препятствуетъ образованію холоднаго слоя, слѣдовательно вѣтеръ не сушитъ росу, а въ вѣтеръ росы вовсе не осаждается.

Итакъ явленіе росы вполнѣ объяснено. Повторимъ вкратцѣ наши выводы.

Ночное лучеиспусканіе теплоты понижаетъ температуру земли; оно усиливается въ ясную ночь и ослабѣваетъ въ пасмурную. Всякаго рода покровъ препятствуетъ потерѣ тепла. Охлажденный воздухъ, подобно жидкости, стекаетъ на поверхность земли и образуетъ холодный слой; если температура слоя понизилась настолько, что содержащіеся въ воздухѣ пары не только вполнѣ его насыщаютъ, но даже еще оказываются въ избыткѣ,—тогда осаждается роса и иногда появляется туманъ.

Ночное охлажденіе земли было бы еще значительнѣе, если бы часть тепла не задерживалась атмосферой. Англійскій ученый *Тиндаль* доказалъ опытами, что чистый воздухъ, лишенный паровъ и пахучихъ веществъ, почти не задерживаетъ теплоты и не нагрѣвается. Но въ атмосферѣ всегда есть пары; они-то и задерживаютъ теплоту. Атмосфера, слѣдовательно, предохраняетъ землю отъ чрезмѣрнаго холода; безъ атмосферы, и главное безъ водяныхъ паровъ, примѣшанныхъ къ ней, ночи были бы гораздо холоднѣе.

Какую пользу приноситъ роса населенію нашей планеты?

Въ продолжительныя засухи роса доставляетъ растеніямъ немного влаги и помогаетъ имъ перенести тяжелое время до лучшихъ дней, но этимъ значеніе росы не ограничивается.

Превращаясь въ паръ, вода поглощаетъ очень много тепла, и наоборотъ, паръ превращаясь въ воду, возвращаетъ поглощенную теплоту воздуху, и вообще окружающимъ предметамъ. Вода испаряется при всякой температурѣ; на очагѣ испаряется быстро или, какъ говорятъ, *выкипаетъ*; изъ незакупоренной посудины, изъ мокраго бѣлья, съ пола испаряется медленнѣе. Какъ въ первомъ такъ и въ другихъ случаяхъ, количество теплоты, поглощенной водой при превращеніи въ паръ, неизмѣнно одно и то же, все равно нагрѣлась ли вода топливомъ или отняла теплоту отъ воздуха и окружающихъ предметовъ. Если воздухъ насыщенъ парами, испареніе прекращается вовсе. Пока грѣетъ солнце, обращается въ паръ вода морей, озеръ, рѣкъ; всѣ мокрые предметы сохнутъ, и при этомъ поглощается громадное количество теплоты. Поглощенная паромъ теплота не пропадетъ для земли. Когда наступитъ ночное лучеиспусканіе тепла, водяные пары осаждаются въ видѣ росы или тумана, и вся поглощенная теплота теперь освобождается. Кромѣ того подъ холодной воздушной оболочкой, насыщенной паромъ, прекращается испареніе; сочныя растенія сохраняютъ тепло, которое теряли бы, испаряя свою воду. Ночное лучеиспусканіе уноситъ земную теплоту, а роса пополняетъ расходъ тепла, умѣряетъ потерю и замедляетъ охлажденіе. Никакая жизнь не была бы возможна на нашей планетѣ, если бы ночной холодъ не умѣрялся благодѣтельной росой. Удалите изъ атмосферы водяные пары только на одну ночь, говоритъ Тиндаль, и всѣ растенія погибнутъ отъ ночнаго мороза. Теплота полей и садовъ улетитъ въ безконечное пространство, все оцѣпенѣетъ отъ жестокой стужи и восходящему солнцу предстанетъ печальная картина смерти и разрушенія.

Къ рисункамъ.

Признаніе.

Недавно только (въ № 22-мъ) мы помѣстили рисунокъ произведенія Эрдмана, который беретъ иногда сюжеты изъ жизни XVIII вѣка для своихъ бытовыхъ картинъ. Роскошная обстановка, атласъ, бархатъ, богатые, красивые костюмы того времени даютъ художнику много возможности блеснуть мастерствомъ въ изображеніи всего этого. Извѣстный Бейшлагъ, также взялъ для своей картины сцену изъ XVIII в. Молодая, прелестная дѣвушка прибѣжала изъ парка, взволнованная, раскраснѣвшаяся и прерывающимся голосомъ, тихонько сообщаетъ своей матери великую новость, наполняющую счастьемъ влюбленное сердце. Она ужъ давно видѣла... ей казалось... и вотъ сегодня... онъ такой милый, такъ уменъ, конечно нѣтъ никого лучше его, она по крайней мѣрѣ никого не знаетъ... Мать съ серьезнымъ, озабоченнымъ выраженіемъ, съ нѣжностью глядитъ на свою любимицу—опытность, знаніе жизни заставляютъ ее тревожно думать: будетъ ли счастлива ея дѣвочка...

А тамъ вдали въ паркѣ, чертя тростью по песку дорожки, тоже въ волненіи, дожидается развязки дѣла, рѣшающаго его судьбу на всю жизнь, юноша и поглядываетъ озабоченно на двери, гдѣ скрылась стройная фигура дѣвушки и мелькнуло ея богатое, пышное платье.

Р. Бейшлагъ, германскій художникъ, пользующійся извѣстностью. авторъ нѣсколькихъ весьма замѣтныхъ картинъ, первоначальное художественное образованіе получилъ въ Мюнхенѣ, затѣмъ долго жилъ въ Парижѣ и былъ въ Римѣ. Онъ уроженецъ г. Риса.

Бабушка и внучка.

Картина А. Корзухина.

На выставкахъ послѣднихъ годовъ нельзя не замѣтить постепеннаго исчезновенія иностранныхъ сюжетовъ и положительнаго, значительнаго поворота къ изученію и изображенію нашей русской дѣйствительности. Явленіе конечно чрезвычайно утѣшительное. Нельзя также не замѣтить надъ молодыми жанристами какого-то тяготѣнія окружающей ихъ петербургской жизни. Блѣдное чухонское небо и окрестная природа, съ своими болотами, тусклыми днями и некрасивымъ типомъ населенія. Нѣкоторые словно боятся нарисовать изъ русской жизни что нибудь красивое—это будетъ „слащаво“ „невѣрно“—русская жизнь будто скучна, груба и т. п. И этотъ скучный, тусклый колоритъ лежитъ иногда такъ на картинѣ, что не понимаешь наслажденія выписывать такъ тщательно все это. Мы говоримъ конечно вообще, ибо есть весьма блестящія исключенія. но думаемъ что съ этимъ можно согласиться.

Несомнѣнно талантливый и замѣчательно „правдивый“ если можно такъ выразиться, молодой художникъ А. И. Корзухинъ, не чуждъ въ нѣкоторой степени этой такъ сказать „тусклости“. Но много жизни, и часто теплоты чувства останавливаютъ на его работахъ вниманіе.

А. И. Корзухинъ былъ изъ числа тѣхъ тринадцати программистовъ, которые, имѣя въ средѣ своей напр. К. Маковскаго, Крамскаго, Лемоха—вышли изъ Академіи (о чемъ говорилось у насъ въ „Нивѣ“ въ біографическомъ очеркѣ К. Е. Маковскаго) и образовали, нынѣ распавшуюся. извѣстную художественную артель. Первая картина, за которую А. И. получилъ 2-ю золотую медаль была „Пьяный домохозяинъ“. Затѣмъ болѣе извѣстны его: „Возвращеніе съ ярмарки“, „Изъ гостей“, „Прощаніе“, „Исповѣдь“. На послѣдней выставкѣ была его очень милая вещь „Дѣти въ лѣсу“ и между прочимъ „Бабушка и внучка“, рисунокъ которой мы тенерь помѣщаемъ.

Нашалившая, курчавая дѣвочка, съ неудовольствіемъ слушаетъ ворчанье старушки-бабушки и ждетъ только минуты, когда та кончитъ свой выговоръ, чтобы бѣжать съ своей куклой и опять приняться за игры и шалости. Она не очень-то боится своей баловницы-бабушки. Все это прекрасно сдѣлано и замѣтная серьезность, съ которою художникъ всегда относится къ своей работѣ, производитъ выгодное впечатлѣніе.

Птица-Носорогъ.

Въ тропическихъ странахъ Азіи и Африки есть чрезвычайно оригинальная порода птицъ, называемыхъ птица-носороговъ или клюворогъ (Bucerotes) и которая принадлежитъ къ долгоклювымъ лазящимъ птицамъ въ родѣ Тукановъ, Токосовъ и т. п. Въ Новомъ Свѣтѣ она исключительно водится только въ тропическихъ странахъ Южной Америки. Это самая оригинальная изъ лазящихъ птицъ; ее называютъ также двуносая (Rinoceros bicornis). Длина тѣла четыре фута (изъ которыхъ 10 дюймовъ надо отбросить на огромный уродливый клювъ). Въ Южной Индіи, на островахъ Индійскаго Океана она встрѣчается въ горныхъ лѣсахъ иногда на высотѣ 5000 ф. надъ поверхностью моря. Надо бы думать, что тяжесть ея безобразнаго нароста и клюва должна ее очень обременять. Однако при ближайшемъ изслѣдованіи оказывается, что огромный наростъ этотъ состоитъ не изъ сплошной костяной массы, а изъ сотообразныхъ ячеекъ и развивается вполнѣ въ такія размѣры только къ старости птицы. Наростъ этотъ страннымъ образомъ служитъ только какъ-бы для резонанса при рѣдкихъ отрывистыхъ и далеко раздающихся, рѣзкихъ крикахъ птицы. Клювъ съ глубокими въ немъ бороздами также отличается значительною легкостью и крѣпостью. У вновь вылупившихся птенцовъ наростъ и клювъ самыхъ обыкновенныхъ размѣровъ—наростъ этотъ едва обозначается. Изображенная на нашемъ рисункѣ именно уже совсѣмъ почтенная, въ лѣтахъ, задумчивая птица. Цвѣтъ перьевъ блестяще черный съ бѣлыми пятнами кругомъ шеи, на концахъ крыльевъ и хвоста. Верхняя часть клюва и наростъ краснаго цвѣта, переходящаго въ желто-восковой. Въ нижней части клювъ наоборотъ—желтый, переходящій къ красному на краяхъ и темно-коричневый въ концѣ клюва. Не смотря на такое неуклюжее прибавленіе къ головѣ, птица-носорогъ отличается большою ловкостью; питается только плодами и насѣкомыми. Гнѣздится она въ дуплахъ деревьевъ, гдѣ самецъ устраиваетъ гнѣздо и кормитъ самку плодами, пока та сидитъ въ гнѣздѣ. Яицъ кладетъ она отъ 5 до 6.

Политическое обозрѣніе.

Австрійцы въ Босніи.—Румелія.—Греческій вопросъ.—Въ Болгаріи.—Восстаніе въ Африкѣ.

Состоится ли занятіе Новаго-Базара Австрійцами безъ новаго столкновенія войскъ императора съ населеніемъ, или надо ожидать возобновленія борьбы?—Вотъ вопросъ, который, повидимому, теперь на очереди. Австро-венгерское правительство, очевидно, намѣрено воспользоваться правомъ, предоставленнымъ ему конвенціей. По крайней мѣрѣ, въ виду противурѣчивыхъ слуховъ, возникшихъ относительно этаго предмета, одна вѣнская газета напечатала слѣдующую замѣтку:

„Мы можемъ сообщить изъ вѣрнаго источника, что къ занятію Новаго-Базара будетъ приступлено немедленно и что въ занятіи линіи Лома, если оно состоится, не будетъ участвовать значительнаго числа войскъ. Само собою разумѣется, что конвенція была заключена съ тою цѣлію, чтобы выполнить ее, но нѣтъ настоятельной нужды торопиться выполненіемъ. Положеніе дѣлъ въ настоящемъ случаѣ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, какое было передъ вступленіемъ нашихъ войскъ въ Боснію. Въ то время всякое промедленіе съ нашей стороны могло усилить анархію въ Босніи и Герцеговинѣ и тѣмъ самымъ усложнить разрѣшеніе задачи, выпавшей на долю нашихъ войскъ; отсрочка же занятія Новаго-Базара не можетъ имѣть тѣхъ же послѣдствій, такъ какъ анархія тамъ не только не усиливается, но утихаетъ. Возстановленіе власти Порты надъ арнаутами устранило необходимость приступить къ немедленному занятію Новаго-Базара.“

Въ то же время, австро-венгерскій посланникъ при Портѣ, графъ Зичи просилъ, въ недавней аудіенціи, у султана сдѣлать надлежащія распоряженія для обезоруженія албанцевъ и босняковъ въ Новомъ-Базарѣ. Того же обезоруженія просилъ онъ и въ нотѣ, министру иностранныхъ дѣлъ. Турецкія-же власти сообщаютъ изъ Митровицъ, что такое обезоруженіе можетъ быть произведено не иначе, какъ съ большими затрудненіями. Въ Вѣнѣ считаютъ необходимымъ обезоруженіе не только жителей Новаго-Базара, но и всей Албаніи.

Сомнительно, чтобы Порта выполнила въ точности это желаніе... Что касается другаго вопроса, 1-го вопроса „замѣны фески болгарской шапкой“—то, если, съ одной стороны, сообщаютъ, что Порта намѣрена возбудить дипломатическую переписку и прибѣгнуть къ серьезнымъ мѣрамъ, о которыхъ мы уже писали, то—съ другой, утверждаютъ, что впечатлѣніе, произведенное этимъ „incident“ нѣсколько уже начинаетъ ослабѣвать. Такъ, газета „Вакитъ,“ въ патріотизмѣ которой невозможно сомнѣваться, говоритъ, между прочимъ: „Мы повторяемъ, что вопросъ о фескѣ или о болгарской шапкѣ лишенъ серьезнаго значенія. Европа требуетъ отъ Алеко-Паши реформы и хорошаго управленія, а не мнѣнія его о шапочномъ дѣлѣ.“ Согласно частнымъ свѣдѣніямъ, взаимныя отношенія международной восточно-румелійской коммисіи и генералъ-губернатора опредѣлены, по предложенію Россіи, такимъ образомъ: комисія будетъ наблюдать за примѣненіемъ органическаго устава и высказывать предварительныя мнѣнія по всѣмъ вопросамъ, находящимся въ связи съ уставомъ. *Генералъ-губернаторъ не будетъ имѣть права призывать турецкія войска безъ согласія комисіи.* Рѣшенія, принятыя въ комисіи безусловнымъ большинствомъ голосовъ, будутъ имѣть обязательный характеръ для генералъ-губернаторовъ. Выборъ чиновниковъ будетъ происходить подъ отвѣтственностью генералъ-губернатора. Наконецъ, чтобы, на этотъ разъ покончить съ вопросами,

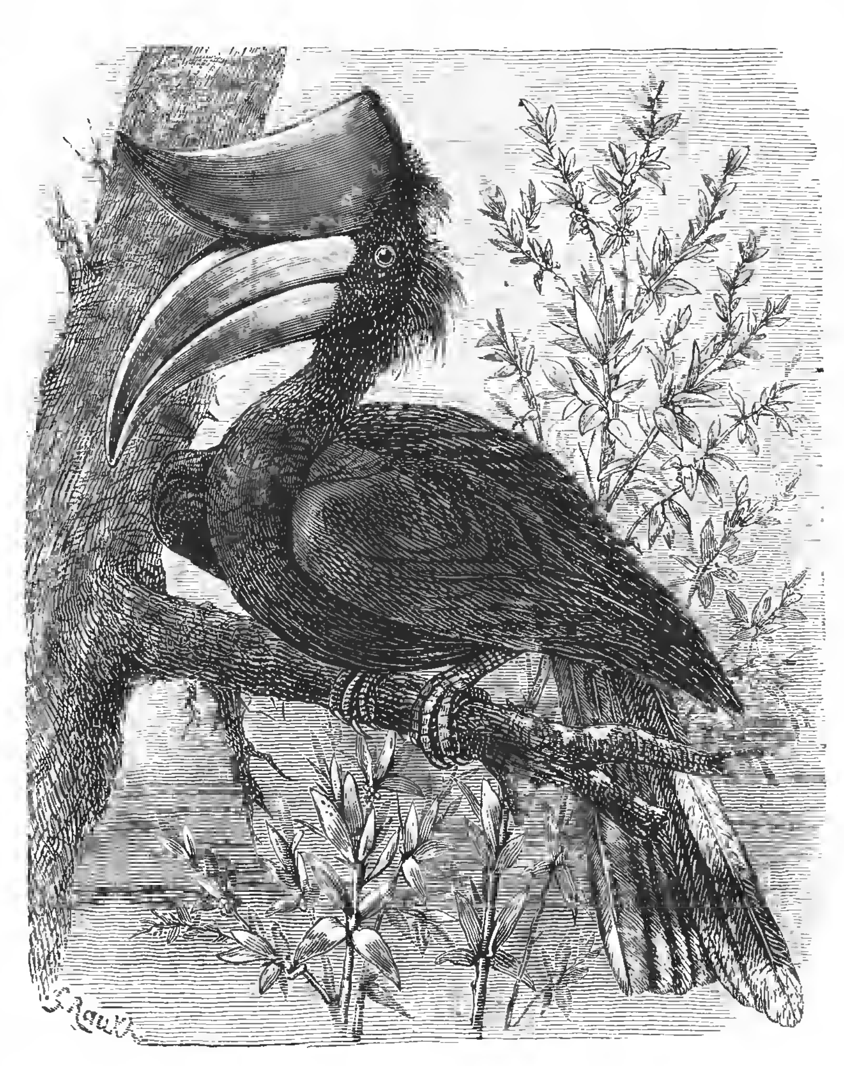
(Продолженіе на стр. 497, 498, 499 и 500).

скажемъ еще объ одномъ—о безконечномъ „греческомъ вопросѣ.“ Переговоры объ установленіи греческой границы рѣшено вести въ Константинополѣ, куда Аѳинскій кабинетъ отправилъ уполномоченными Кондуріотиса и Браилоса, предписавъ имъ держаться въ точности берлинскаго протокола. Французское правительство продолжаетъ оказывать поддержку Эллинскимъ требованіямъ. Британское же стоитъ на сторонѣ Порты. Недавно оно посовѣтывало Аѳинскому кабинету воздержаться отъ всякаго рода воинственныхъ дѣйствій. Изъ Лондона сообщаютъ, что сэру Лейарду категорически предписано не настаивать у Порты на уступкѣ города Янины Греціи. Лордъ Биконсфильдъ опасается компромитировать протекторатъ Британіи надъ Малой Азіей, если Британія будетъ содѣйствовать новому сокращенію предѣловъ Турціи. Въ виду подобнаго „согласія“ между державами—можно-ли ожидать скораго окончанія турецко-греческаго спора?

Заканчивая нашу плодотворную дѣятельность въ Болгаріи, мы обогатили княжество еще однимъ полезнымъ учрежденіемъ. Недавно въ Софіи, въ присутствіи князя Дондукова-Корсакова, послѣдовало открытіе болгарскаго національнаго банка, съ капиталомъ приблизительно 800 тысячъ рублей; директоромъ назначенъ одинъ французъ, (!) бывшій въ русской службѣ. Въ болгарской миліціи состоятъ въ настоящее время 90 русскихъ офицеровъ и 160 кадровыхъ нижнихъ чиновъ. Около четвертой части ихъ, какъ полагаютъ, останутся на постоянной службѣ. Недавно сдѣлано распоряженіе о производствѣ новаго набора; всѣ люди, прослужившіе годъ, будутъ уволены въ отпускъ; общее же число войскъ будетъ уменьшено на одну треть (?) Княжество обогатилось двумя новыми округами, которые, впрочемъ, согласно трактату, и должны были войти въ его предѣлы. Мы говоримъ объ округахъ Трнъ и Бресникъ, занятыхъ до сихъ поръ сербскими войсками. Часть жителей, сербской народности, не желала присоединенія къ Болгарскому княжеству и даже обращалось съ петиціей въ международную комисію. Но князь Дондуковъ-Корсаковъ настоялъ на выполненіи постановленій берлинскаго трактата и на этихъ дняхъ, князь Миланъ повелѣлъ очистить округа. 29-го мая туда вступили русскія войска, а управленіе передано болгарскимъ чиновникамъ. Печальны подобныя столкновенія между славянами...

Въ Берлинѣ отпраздновано торжество золотой свадьбы императора Вильгельма и его супруги Августы. Подробности объ этомъ читатель найдетъ въ № 24 Нивы, гдѣ помѣщены и портреты Императора и Императрицы.

Телеграфъ принесъ извѣстіе о возстаніи въ Алжирѣ. До сихъ поръ ясно еще нельзя понять ни характера этаго событія, ни его причинъ, до такой степени разнорѣчиво все, что передается о немъ изъ различныхъ источниковъ. Театръ мятежа — плоскогорье Оресъ—находится въ основаніи трехугольника, образуемаго Батною (въ 90 километрахъ на юго-западъ отъ Константины). Бискрою—на югѣ и аниомъ (источникомъ) Кенкслою—на востокъ. Первоначально, возстаніе вспыхнуло въ КайдатѣАмаръ-Кадду, гдѣ во главѣ стоялъ Мустафа-Бенъ-Бахтарзи. 31-го мая этотъ кади былъ умерщвленъ вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ слугъ. Племя было выведено изъ терпѣнія его жестокостью и, говорятъ, онъ былъ убитъ сыномъ одного человѣка, котораго, не задолго предъ тѣмъ, онъ велѣлъ наказать батогами за то, что тотъ осмѣлился сопротивляться несправедливому требованію. Газетѣ же "Globe" телеграфируютъ изъ Батны, что движеніе было возбуждено проповѣдями фанатика, принадлежащаго къ религіозному ордену книановъ и выдающаго себя за шерифа (т. е. потомка пророка); пока возмутились два племени и при этомъ мятежъ непосредственно направленъ противъ туземныхъ предводителей, обвиняющихся въ нарушеніи Корана „за то, что дѣйствуютъ за одно съ невѣрными“. Та же газета увѣряетъ, что, согласно полученнымъ ею свѣдѣніямъ, *не только въ Алжирѣ, но и въ Тунисѣ и Марокко существуетъ броженіе и вспыхнули безпорядки.* О событіяхъ на театрѣ возмущенія сообщаютъ изъ Константины: „племя уледъабди находится въ полномъ возстаніи, многіе вожди этаго племени умерщвлены. Въ Батну прибыли войска (3 тысячи человѣкъ, при двухъ баттареяхъ), мѣстное населеніе требуетъ оружія“; затѣмъ, изъ Парижа телеграфируютъ, что возмущеніе усиливается; военныя дѣйствія до сихъ поръ еще не начались, такъ какъ войска сильно пострадали во время похода; оффиціальныхъ свѣдѣній не имѣется; инсургенты угрожаютъ Батнѣ.

Птица-Носорогъ.

Въ Лондонѣ, 7-го (18-го) іюня, вечеромъ, получено извѣстіе изъ Капской колоніи, что *принцъ Луи-Наполеонъ убитъ; тѣло его найдено.* Сидней отправился въ Чизльгерстъ, чтобы извѣстить объ этомъ бывшую императрицу Евгенію.

Принцъ, отправившись съ нѣсколькими офицерами на небольшую рекогносцировку, вмѣстѣ съ ними, сошелъ съ лошади и, будучи застигнутъ зулусами, заколотъ копьемъ. Убиты также двое солдатъ; остальные спаслись бѣгствомъ.

Рѣшеніе шашечной задачи № 8.

Бѣлыя.			Черныя.		
Съ №	8	на 12	Съ №	29	на 8
„ „	30	„ 23	„ „	28	„ 19
„ „	11	„ 24	„ „	25	„ 4
„ „	24	„ 15	„ „	19	„ 12
„ „	13	„ 10	„ „	5	„ 14
„ „	6	„ 11	„ „	14	„ 7
„ „	17	„ 3			

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: С.-Петербургъ, отъ гг.: Лашева, Геннинга, Мамырева, Колесова, Сабаева, Нельгренъ, Перминова, Раструбова, Лсунамме, Булычева; **Москва,** отъ гг.: Петрова, Зѣвакина, Слѣпышевой, Соловьева, Бѣлоногова, Кирилова, Пыпина, Гурьева, Козырева, Савельева, Бабушкина, Гульшина, Васильева, Арсеньева; **Кіевъ**—Сы—гова, **Кронштадтъ—Гуляева, Безрукова;** ст. **Богатое**—Карейша, **Ниж. Новгородъ**—Ястребова, **Игуменъ—Розенгауза, Стародубъ**—Бѣльскаго, ст. **Полѣневка**—Пилипгука, **Воронежъ**—Попова, **Ново Александровскъ—Танѣева.**

Рѣшеніе алгебраической задачи въ № 22 „Нивы“.

$$\frac{x}{y} = x - y. \text{ I}, \quad yz = y + z \text{ II},$$

$$yz - y = z \quad y\,(z-1) = z \text{ III}$$

$$yz - z = y \quad z\,(y-1) = y \text{ IV}$$

$$\text{III. IV. } yz\,(z-1)\,(y-1) = z\,y$$

$$(z-1)\,(y-1) = 1$$

$(z-1)$ и $(y-1)$ могутъ быть равны только 1 или (-1) чтобы произведеніе было $=1$. Если они $= -1$ то $z=y=0$, а тогда и $(x)=0$ и не будетъ числа, значитъ $(z-1)$ и $(y-1)=1$ т. е. $y=z=2$, а подставляя это въ I уравн. имѣемъ $x=4$

искомое число 422

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: С.-Петербургъ, отъ гг.: Анисимова, Лившица, Нечаева, Левицкаго—Стещенко, Ѳеоктистова, Шмидта, Эненберга, Булычева, Киселева, Леунамме, Мамырева; **Москва,** отъ гг.: Корешкова, Зѣвакина, Муравьева, Ипина, Гурьева; **Тамбовъ**—Астрова; **Елисаветградъ**—Рофе; **Пинскъ**—Эшмана, **Пенза**—Н. Н—а, **Ковровъ**—Пиге, **Холмъ**—Киричинскаго.

Безсмертная партія.

Ниже помѣщенная партія, извѣстная подъ названіемъ „безсмертной“ сыграна была Андерсеномъ противъ Кисерицкаго въ первомъ Лондонскомъ турнирѣ въ 1851 г. Лондонскій „Field“, а затѣмъ Парижскій „Stratégie“ празднуя память этаго знаменитаго игрока, обнародовали эту игру и мы, имѣя въ виду ознакомить любителей шахматной игры съ этой замѣчательной игрой помѣщаемъ ее.

Бѣлые: Андерсенъ. Черные: Кисерицкаго.

	Бѣлые.	Черные.		Бѣлые.	Черные.
1	e 2—e 4	e 7—e 5	13	h 4—h 5	Ф g 6—g 5
2	f 2—f 4	e 5—f 4	14	Ф d 1—f 3	К f 6—g 8
3	С f 1—c 4	Ф d 8—h 4†	15	С e 1—f 4	Ф g 5—f 6
4	Кр c 1—f 1	b 7—b 5	16	К b 1—c 3	С f 8—c 5[3])
5	С c 4—b 5	К g 8—f 6	17	К c 3—d 5	Ф f 6—b 2
6	К g 1—f 3	Ф h 4—h 6[1])	18	С f 4—d 6[4])	Ф b 2—a 1:†
7	d 2—d 3	К f 6—h 5	19	Кр f 1—e 2	С c 5—g 1:
8	К f 3—h 4	Ф h 6—g 5	20	e 4—e 5[5])	К b 8—a 6
9	К h 4—f 5	c 7—c 6[2])	21	К f 5—g 7†	Кр e 8—d 8
10	Л h 1—g 1	c 6—b 5:	22	Ф f 3—f 6†	К g 8—f 6
11	g 2—g 4	К h 5—f 6	23	С d 6—e 7†	Маттъ[6])
12	h 2—h 4	Ф g 5—g 6			

Примѣчанія:

[1]) Обыкновенно бываетъ въ данномъ случаѣ Ф h 4—h 5, ходъ же въ текстѣ имѣетъ намѣреніе открыть поле коню на h 5.

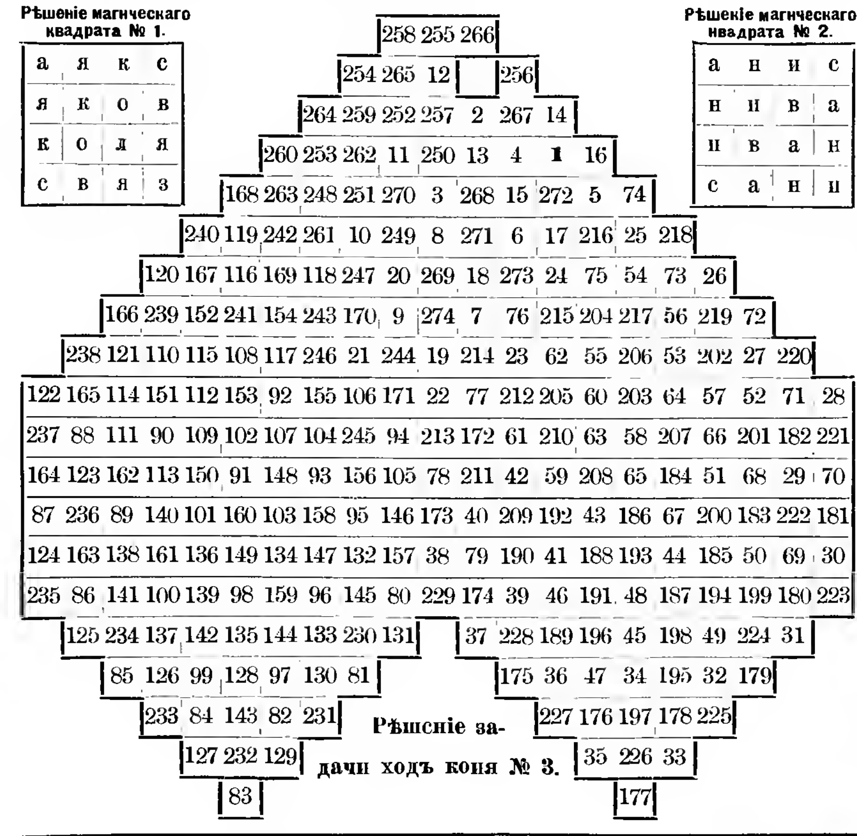
[2]) Послѣ этаго хода слѣдуетъ удивительная комбинація, едва ли когда встрѣчавшаяся въ какой либо игрѣ, тѣмъ болѣе въ турнирахъ.

[3]) Послѣ С c 8—b 7 можно ходомъ Ф f 3—g 3 безвыходно притѣснить.

[4]) Ходъ чудесный, если черные бьютъ коня, то въ 4 хода—матъ

[5]) Въ два хода угрожаетъ быть матъ

[6]) Тремя малыми фигурами - матъ тогда, какъ черныя имѣютъ полное число на доскѣ. Полагаемъ что ни одна игра Морфія или Лабурдона не противостанетъ этой мастерски веденной игрѣ.

Рѣшеніе магическаго квадрата № 1.

а	я	к	с
я	к	о	в
к	о	л	я
с	в	я	з

Рѣшеніе магическаго квадрата № 2.

а	н	и	с
н	и	в	а
и	в	а	н
с	а	н	и

Рѣшеніе задачи ходъ коня № 3.

258 255 266
254 265 12 256
264 259 252 257 2 267 14
260 253 262 11 250 13 4 1 16
168 263 248 251 270 3 268 15 272 5 74
240 119 242 261 10 249 8 271 6 17 216 25 218
120 167 116 169 118 247 20 269 18 273 24 75 54 73 26
166 239 152 241 154 243 170 9 274 7 76 215 204 217 56 219 72
238 121 110 115 108 117 246 21 244 19 214 23 62 55 206 53 202 27 220
122 165 114 151 112 153 92 155 106 171 22 77 212 205 60 203 64 57 52 71 28
237 88 111 90 109 102 107 104 245 94 213 172 61 210 63 58 207 66 201 182 221
164 123 162 113 150 91 148 93 156 105 78 211 42 59 208 65 184 51 68 29 70
87 236 89 140 101 160 103 158 95 146 173 40 209 192 43 186 67 200 183 222 181
124 163 138 161 136 149 134 147 132 157 38 79 190 41 188 193 44 185 50 69 30
235 86 141 100 139 98 159 96 145 80 229 174 39 46 191 48 187 194 199 180 223
125 234 137 142 135 144 133 230 131 — 37 228 189 196 45 198 49 224 31
85 126 99 128 97 130 81 — 175 36 47 34 195 32 179
233 84 143 82 231 — 227 176 197 178 225
127 232 129 — 35 226 33
83 — 177

До чего ты моя молодость
Довела меня, домыкала —
Что ужъ шагу ступить не куда!
Въ свѣтѣ бѣломъ стало тѣсно мнѣ,

Что-жь теперь съ тобой, удалая,
Пригадаемъ мы придумаемъ?
Въ чужихъ людяхъ вѣкъ домаять ли?
Сидя дома ли состарѣться?

По людямъ ходить, за море плыть —
Надо кровь опять горячую —
Надо силу, силу прежнюю
Надо волю безотмѣнную!—

А у насъ съ тобой давно ихъ нѣтъ
Мы, гуляя, все потратили —
Молодую жизнь до времени
Какъ попало такъ и прожили!

Сидѣть дома, корпѣть, старѣться,
Съ старикомъ отцомъ вновь ссориться,
Работать съ женой, хозяйничать,
Ребятишкамъ сказки сказывать!

Хоть не такъ оно;—не выгодно —
Но положимъ, дѣлать нечего—
Въ непогоду не до плаванья,
За большимъ въ нуждѣ не гонятся.

Но вотъ тутъ скажи - какъ придется —
По душѣ спросить по совѣсти —
Кто пойдетъ за насъ, гдѣ будемъ жить?
Гдѣ пабытокъ мой зарытъ лежитъ!

Куда глянешь, всюду наша степь!
На горахъ лѣса, сады, дома! —
На днѣ моря груды золота—
Облака идутъ, нарядъ несутъ!...

А. Кольцовъ.

Вѣрныя рѣшенія задачи ходъ коня № 3 прислано: **Спб.** отъ г. Леунамме. **Москва** отъ г. Коновалова

Вѣрныя рѣшенія магическихъ квадратовъ прислано: **Спб.** отъ гг. Леунамме, Геннинга, Киселева; **Москва**—Гурьева; **Царское село**—Ку—ова; **Подольскъ**—Молчанова, **Игуменъ**—Розенгаузена.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Угличъ Тыр—ву. И двухъ рублей не стоитъ.
Стек—ій. «Изъ Шиллера»—не будетъ напечатано
Уфа Аг—шеву.

Не вы ль Европу изумляли
И на копья возносили ихъ дѣтей..

Судите сами—хорошо ли выходитъ.
Почт. вагонъ М. С. Не можетъ быть помѣщено.

Х. Семенову, Н. А. Бечаснову въ **С.-Петербургѣ**; Н. Н. Полеву въ **Москвѣ**; А. П. Вогатенкову въ **Казани**; Н. Астрову въ **Тамбовѣ**. Присланныя вами задачи будутъ помѣщены въ ближайшихъ №№.

Заявленіе.

Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. подписчиковъ, которые внесли деньги только за **первое полугодіе**, поторопиться возобновленіемъ подписки на **второе полугодіе**. — Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг подписчики потеряютъ право на полученіе премій, слѣдуемыхъ гг. годовымъ подписчикамъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками за типографскіе расходы.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

№ 181 8—1

ВЫШЛО НОВОЕ ИЗДАНІЕ

ДВАДЦАТЬ МѢСЯЦЕВЪ ВЪ ДѢЙСТВУЮЩЕЙ АРМІИ

(1878—1879)

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ ГАЗЕТЫ „ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ“ ОТЪ ЕЯ ОФИЦІАЛЬНАГО КОРРЕСПОНДЕНТА, ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ УЛАНСКАГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛКА ШТАБСЪ-РОТМИСТРА

Всеволода Крестовскаго

изданіе исправленное и дополненное, въ двухъ томахъ (1.348 страницъ), съ планами, картами и справочнымъ указателемъ именъ и фамилій.

СОДЕРЖАНІЕ I ТОМА: Санитарная и хирургическая части въ арміи.—Гулевые полки.—Военная жизнь въ Кишиневѣ.—Канунъ и объявленіе войны.—Пребываніе Государя Императора въ Кишиневѣ.—Красный крестъ.—Болгарское ополченіе.—Занятіе Барбошскаго моста.—Дѣйствія въ Браиловѣ.—Отъ Унгеней до Плоештовъ.—Болгарское знамя.—Минныя загражденія.—Кавалерія на Дунаѣ.—Взрывъ турецкаго броненосца.—Пріѣздъ Государя Императора къ арміи.—Пребываніе Его въ Бухарестѣ и Плоештахъ.—Переправа у Галаца и занятіе Мачина.—Окончательныя загражденія Дуная. Приготовленія къ главной переправѣ.—Переправа у Зимницы.—Дѣятельность врачей на переправѣ.—Пребываніе главныхъ квартиръ въ Зимницѣ.—Зимница и Систовъ.—Занятіе Тырнова.—Занятіе Сельви, Ловчи и Плевны.—Занятіе Шипкинскаго перевала.—Взятіе Никополя.—Первое сраженіе подъ Плевной.—Второе сраженіе подъ Плевной.—Выѣздъ главной квартиры изъ Тырнова —Систово-зимницкая паника.—Дѣйствія забалканскаго отряда генерала Гурко.

СОДЕРЖАНІЕ II ТОМА: Главная квартира въ Чаушкѣ-Махалѣ.—Пріѣздъ Государя Императора въ Горный-Студень.—Битвы на Шибкѣ.—Подробности о битвахъ первыхъ трехъ дней на Шибкѣ.—Третья Плевна.—Подъ Плевной до пріѣзда генерала Тотлебена.—Дѣйствія кавалеріи за Видомъ.—Дѣйствія Сельви-ловчинскихъ партизановъ.—Преступленія въ арміи.—День на Великокняжеской батареѣ —Бой подъ Горнымъ-Дубнякомъ и Телишемъ.—Сдача Телиша и плѣнные въ Боготѣ.—Дальнѣйшія дѣйствія на путяхъ сообщеній Османа.—Взятіе перваго гребня Зеленыхъ горъ и жизнь въ траншеяхъ.—Взятіе Врацы.—Нижнедунайскій, рущукскій, елененскій и шипкинскій отряды.—Подъ Плевной.—Дѣйствія отдѣльнаго западнаго отряда генерала Гурко.—Паденіе Плевны, бой за Видомъ 28-го ноября.—Сдача Османа.—Государь Императоръ въ Плевнѣ.—Османъ и плѣнные паши въ Боготѣ —Отъѣздъ Государя Императора изъ арміи.—Переходъ черезъ Траянъ.—Въ долинѣ Розъ.—Отъ Карлова до Чирпана.—Переправа черезъ Марицу у Іени-Магале до Адріанополя.—Адріаноль.—Отъ Адріанополя до моря Эгейскаго.—Набѣгъ генерала Струкова.—Набѣгъ на Гюмурджину.—Миръ.—Свиданіе Великаго Князя съ Султаномъ. Прощальный смотръ Великаго Князя.

За два тома цѣна 6 рублей.

На пересылку прилагаются деньги по почтовому тарифу за пять фунтовъ и сверхъ того 20 к. за укупорку. Книгопродавцамъ дѣлается обычная уступка.

Лица, обращающіяся съ требованіями непосредственно въ складъ изданія, за пересылку и укупорку ничего не платятъ.

Складъ изданія въ конторѣ редакціи газеты „Правительственный Вѣстникъ“, въ С.-Петербургѣ.

Изданіе А. Ф. Маркса въ Спб.

Большая Морская, д. № 9.

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть **Н. Казина**, съ 39 рисунками автора, большой томъ in 8—всего 304 стр. Цѣна **2 руб.**, съ пересылкой **2 руб. 30 к.** Подписчики „Нивы“ за пересылку не платятъ.

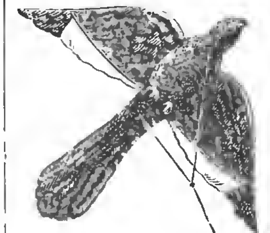
Повѣсть эта яркими красками рисуетъ жизнь Туркестанскаго края; достоинства ея достаточно доказываются уже тѣмъ, что повѣсть эта переведена на нѣмецкій, французскій и англійскій языки. Нынѣ вышедшее второе изданіе заключаетъ въ себѣ 36 рисунковъ; оно гораздо богаче и лучше, чѣмъ уже распроданное первое изданіе этой повѣсти.

ГИГРОМЕТРЪ
Патентованный
изобрѣтенный профессоромъ Клинкерфусомъ приспособленный для предусмотрѣнія погоды.

Столовый гигрометръ	15	марокъ.
Дорожный »	20	»
Оконный »	25	»
Стѣнной »	30	»
Станціонный »	30	»

У ВИЛЬГЕЛЬМА ЛАМБРЕХТА въ Геттингенѣ (Германія).
№ 186 3—1

УСТРОЕННОЕ имѣніе съ полнымъ хозяйствомъ, 350 дес., отъ ст. Любань 15 верстъ, продается. Максимиліановскій пер., 15, кв. 17. № 185 1

ИЗДАНІЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ МАСТЕРСКОЙ УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ И ИГРЪ. ТРОИЦКІЙ ПЕР. Д. № 11. СМ. ПОДРОБНОСТИ ОБЪЯВЛЕНІЯ ВЪ № 21.

БУМАЖНЫЙ ЯСТРЕБЪ.

Дюжина **3 руб.**, упаковка **40 к.**, перес. за **8 фунтовъ.**
Иногородн. высылаются только дюжинами.
1 экз. съ подробн. наставлен, 40 к.
ВСЛѢДСТВІЕ ПОДДѢЛКИ просимъ обращать вниманіе на напечат. фирму: «Большой выборъ учебныхъ пособій игръ и занятій.
6—2 № 178

Для внутреннихъ губерній Имперіи требуются при хорошей коммисіи хорошіе агенты (преимущественно изъ купцовъ) для товара уже извѣстнаго черезъ объявителя его въ Россіи три года, весьма распространеннаго полезнаго и общеупотребительнаго. Желающихъ просятъ обрат. письмен. въ администрацію газеты «St. Petersburger Herold'» sub Lit W. X. 100.
№ 182 1

Требуются для Харькова, Елисаветрада, Тифлиса, Сарепты, Одессы и Полтавы для хорошаго введенiя въ Россіи очень производительнаго машиностроительнаго заграничнаго завода, спеціальность котораго между прочимъ устройство мельницъ съ новѣйшими приспособленіями, способные агенты, и просятъ желающихъ свои адресы съ обозначеніемъ ихъ прежней дѣятельности прислать въ скоромъ времени.

Инженеру С. Г. Конфельду, въ С.-Петербургъ, большая Московская, домъ Оржевскаго № 6. № 184 2—1

При этомъ № для гг. иногородн. подписч. прилагается прейсъ-курантъ отъ чайнаго магазина Александра Шлякова въ СПБ.

X годъ | годъ X

№ 26 | 1879

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 моди. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40).

Выданъ 25 Іюня 1879 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

А. А. Потѣхинъ.

Романистъ и драматургъ, Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ, авторъ недавно оконченнаго въ „Вѣстникѣ Европы“ большаго романа „Молодые побѣги“—родился 1-го іюля 1829 г. въ г. Кинешмѣ, Костромской губерніи. Отецъ его, небогатый, мелкопомѣстный дворянинъ, около 40 лѣтъ сряду занималъ въ Кинешмѣ должность уѣзднаго казначея.

Учился А. А. въ Костромской гимназіи и въ Ярославскомъ Демидовскомъ Лицеѣ, въ тотъ періодъ, когда онъ былъ преобразованъ въ камерально-юридическій факультетъ, и гдѣ, въ то время, въ числѣ профессоровъ, былъ напримѣръ, извѣстный К. Д. Ушинскій. Первый литературный опытъ А. А. былъ этнографическій очеркъ „*Путь по Волгѣ*“, напечатанный въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1851 года. Первая беллетристическая статья, напечатанная въ журналѣ: „*Забавы и удовольствія въ городкѣ*“, была помѣщена въ „Современникѣ“ 1852 года. Въ томъ же году въ „Москвитянинѣ“ была его повѣсть изъ крестьянскаго быта—„*Титъ Софроновъ Козонокъ*“. Написанная почти одновременно съ

А. А. Потѣхинъ. Съ фотогр. грав. Б. Пунъ.

нею другая повѣсть, изъ народнаго же быта, не была въ то время пропущена цензурою и могла явиться только въ шестидесятыхъ годахъ въ „Библіотекѣ для чтенія“, подъ заглавіемъ „*Бурмистръ*“.

Въ 1853 году напечатано въ „Москвитянинѣ“ первое драматическое произведеніе А. А.—„*Судъ людской—не Божій*“, появившееся на сценѣ въ Петербургѣ и въ Москвѣ въ 1854 году. Въ этомъ же 1854 году написаны двѣ драмы: „*Чужое добро въ прокъ не идетъ*“ и „*Хоть шуба овечья да душа человѣчья*“. Первая изъ нихъ шла на сценѣ въ Петербургѣ и въ Москвѣ въ 1855 году и имѣла большой успѣхъ. Роль Михайлы въ этой драмѣ была, если не первая, то одна изъ первыхъ бытовыхъ ролей, въ которыхъ вполнѣ выразился разносторонній, могучій талантъ Мартынова, практиковавшійся до тѣхъ поръ преимущественно въ водевиляхъ и считавшійся только буффомъ. Драма „Хоть шуба овечья да душа человѣчья“ не была пропущена цензурою на сцену и явилась только чрезъ 12 лѣтъ послѣ напечатанія. Комедія „*Мишура*“ была

пропущена на сцену через 4 года (1858 г. напечатана, въ 1862 г.— представлена); „*Отрѣзанный ломоть*“ запрещенъ послѣ 15 представленій въ С.-Петербургѣ и 10—въ Москвѣ; „*Вакантное мѣсто*“ до сихъ поръ не пропущено на сцену. Комедія „*Въ мутной водѣ*“ и „*Выгодное предпріятіе*“ сняты съ афиши при полныхъ сборахъ и не возобновляются: такова же судьба и всѣхъ прочихъ драматическихъ произведеній, не запрещенныхъ цензурою. Перечисляемъ романы А. А. Потѣхина: „Крестьянка“, („Москвитянинъ“ 1854 г.), „Крушинскій“ („Библіотека для чтенія“ 1855 г.), „Бѣдные дворяне“ („Библіотека для чтенія“ 1859 г.). Цѣлая серія разсказовъ изъ крестьянской жизни была помѣщена въ „Вѣстникѣ Европы“ съ 1874 г.: „Хэй-дѣвка“, „Хворая“, „На-міру“, „Около денегъ“, и наконецъ только что оконченъ романъ „Молодые побѣги“. Кромѣ того появился рядъ разсказовъ А. А. для дѣтей подъ названіемъ „Крестьянскія дѣти“.

Нельзя сказать, чтобы критика наша не занималась произведеніями А. А. Можно насчитать много статей, въ которыхъ трактовалось (въ особенности по поводу его драматическихъ произведеній) объ особенностяхъ его таланта и произведеній. Его „Крушинскій“, затѣмъ „Мишура“ имѣли въ свое время значительный успѣхъ. Что же касается его послѣдняго романа „Молодые побѣги“, то глубокое знаніе народной жизни, честное и вѣрное отношеніе къ данной дѣйствительности, точность изображенія, мѣткость, съ которою схвачены нѣкоторые типы и кромѣ того несомнѣнная смѣлость въ настоящее смутное время касаться такихъ щекотливыхъ предметовъ—все это придаетъ новому произведенію г. Потѣхина несомнѣнное и большое значеніе правдивой и высоко талантливой картины современной жизни. Что касается другихъ его произведеній и значенія его таланта вообще, то конечно въ цѣли этой замѣтки не можетъ входить критическое обозрѣніе дѣятельности этого писателя.

Монастырская питомица

Быль XVII вѣка.

Историческій разсказъ **М. Романова.**

(Продолженіе).

Катерина тяжело дышала, глаза ея сверкали, она была неузнаваема. Ужъ не похожа была она на ту сановитую монахиню, которая обыкновенно всегда такъ истово, спокойно и величаво стояла на клиросѣ и пѣла каноны,—теперь она была похожа на злую колдунью, готовую броситься и задушить ненавистное ей существо, укравшее ея сокровище.

— Откуда же это бѣжалъ то ты? задыхаясь, едва слышно прошептала она.

— Отъ тятеньки, тоже тихимъ голосомъ отвѣтилъ Фролъ. Онъ меня избилъ совсѣмъ, а я ей Богу неповиненъ ничѣмъ передъ нимъ. Его почиталъ я и теперь почитаю, только идти домой боюся. У насъ всѣмъ достается отъ него—больно сердитъ. Съ годъ тому будетъ—изъ за того, что опоздалъ домой, билъ меня такъ, что еле живъ остался. Я и убѣгъ...

Лицо Катерины, послѣ этого объясненія немного просвѣтлѣло и она начала разспрашивать Фрола объ его семействѣ и о томъ какъ онъ рѣшился все бросить, оставить и мать, которая, по его словамъ, души въ немъ не чаяла.

— Не могъ, не стерпѣлъ, послѣ и самъ не радъ былъ. Такую нужду терпѣлъ,—и вспомнить страшно; иной день хлѣба куска во рту не было. Да и страху что натерпѣлся, чтобы родитель не розыскалъ—ужъ не ждалъ пощады! Вотъ я и попалъ къ Авдотьѣ съ Девулей, а она мнѣ теткой приходится. Давно слыхалъ я, что находилась она при мастерской царской палаты, а потомъ будто прогнали ее, а тамъ ужъ изъ родни никто и не видалъ ее больше. Сама назвалась и про наше родство сказывала, взяла меня къ себѣ, ругала всѣхъ родныхъ, а меня все хвалила, хорошо, говоритъ, что ты убѣжалъ—не дался въ обиду. Пожилъ у нихъ я недолго, понялъ и самъ, что это за люди, да ужъ уйти то отъ нихъ какъ было, потому не привыкъ я жить одинъ то. Къ отцу вернуться—не смѣлъ.

— Что-жь имъ то было держать тебя безъ всякаго дѣла.

— Сперва я и самъ не зналъ что буду дѣлать. Они толковали, что мѣсто сыщутъ или торговать станутъ такъ я имъ буду нуженъ, только все ничего не было. А какія рѣчи они про между собой держали—того я не вѣдалъ. Надумали они женить меня, невѣсту, говорить, тебѣ побогаче. Я думалъ это они такъ зря толкуютъ—смѣялся.

— Да что имъ то было, будешь ты богатъ ли, бѣденъ ли? спросила Александра.

— Девуля говорилъ, съ деньгами можно торговлю вести персидскими товарами. Учить меня ладился какъ дѣло орудовать. Ѣхать надумалъ въ чужія земли товары покупать, а тебя, говоритъ, въ Москвѣ оставлю торговать.

— Ты имъ и вѣрилъ?

— Вѣрилъ и не вѣрилъ... Да вѣдь я и не собирался жениться, а разъ Авдотья повела меня въ монастырь къ обѣдни да и показала въ церкви вотъ Таню. „Хочешь—говоритъ жениться на эдакой.“ Таня мнѣ такъ то ли приглянулась съ перваго же разу, да и въ умъ не пришло бы присвататься куда мнѣ такой невѣсты-де добиться. А Авдотья все больше да больше стала наступать, я и говорю: „Что-жь, говорю, тетка, чѣмъ тебѣ меня только все подзадоривать, а ты лучше и впрямь сосватай.“ А она и почала захаживать въ монастырь да потомъ и на житье перебралась—все затѣмъ же...

— А не грѣхъ тебѣ было эко воровское дѣло дѣлать? строго перебила его Катерина.

— Не кори ужъ ты его матушка—вступилась Таня. Опутанъ человѣкъ, говорю тебѣ, чего тутъ! Извѣстно.

— Не слѣдъ и тебѣ вступаться, пусть самъ сказываетъ все ужь...

— Да вотъ не имѣлъ я и въ мысляхъ, что отдадите за меня Таню, а безъ Тани жить я не могъ; она мнѣ и во снѣ и на яву все мерещилась. Приворожила меня что ли тетка Авдотья, а вотъ нонѣ грозится, что отобьетъ ее отъ меня инымъ какимъ зельемъ, чтобъ разлюбила... Я и боюсь, чтобъ она, и впрямь не сбила бы.

Тутъ игуменья ужъ начала успокоивать Фрола, такъ онъ вѣрилъ и боялся, что Авдотья не проститъ ему.

Рѣшено было, что на время Фролъ и Таня останутся въ монастырѣ; но надо еще было пріискать средство на всегда отдѣлаться отъ непрошенныхъ покровителей молодыхъ.

Преслѣдовать ихъ значило преслѣдовать и Фрола, доносить на нихъ—доносить и на Фрола, а этимъ погубить и Таню, потому что успокоенная теперь и ободренная ласкою своихъ благодѣтельницъ, она разцвѣла и и видимо была совершенно счастлива. Оставалось посовѣтоваться съ царицей, которая была уже предупреждена Александрой, и объяснить ей все дѣло.

Матери Александрѣ предстояло еще устроить примиреніе сына съ отцомъ, а это, судя по словамъ Фрола, было очень трудной задачей, за которую прежде всего и рѣшено было взяться.

VIII.

Савва Максимычъ, отецъ Фрола, занималъ со своимъ семействомъ обширный домъ на Пречистенкѣ.

Семья его состояла изъ жены и четырехъ дочерей уже на возрастѣ. Домъ былъ—полная чаша, но тяжелый характеръ хозяина дѣлалъ его какой то пустыней. Савва Максимычъ былъ крутъ и недоступенъ для домашнихъ, что было причиною постояннаго отчужденія его отъ семьи. Но не только домашніе—жена и дѣти—боялись его и чужіе, не зная, что за внѣшней грубостью скрывается въ немъ много добраго. Люди, которые рѣшались подступиться къ нему—попросить совѣта, или помощи, всегда находили у него и то и другое. Онъ умѣлъ

и ободрить и заохотить къ дѣлу кто только хотѣлъ его слушать; но съ сыномъ своимъ обходиться не умѣлъ. Онъ слишкомъ большія надежды возлагалъ на него, какъ на единственнаго своего наслѣдника и не спускалъ ему ни единой самомалѣйшей вины. Онъ довелъ несчастнаго Фрола до того, что тотъ наконецъ бѣжалъ изъ отцовскаго дома.

Старикъ поднялъ бурю. Онъ загонялъ и жену и дочерей, и работниковъ, и работницъ: всѣмъ досталось. Сперва онъ клялъ сына и обѣщался переломать ему ребра, затѣмъ притихъ а когда окончательно убѣдился, что сынишко не воротится, жалѣлъ его и грустилъ о немъ.

Цѣлый годъ прошелъ съ того дня, какъ ушелъ изъ дому Фролушка - нѣтъ о немъ ни слуху, ни духу—не на большую же дорогу пошелъ онъ?.. Горько, горько старику — не на то готовилъ онъ сына!

И часто никѣмъ не подмѣченныя слезы скатывались по его, еще свѣжему, теперь поблѣднѣвшему лицу и на сѣдую, по поясъ, бороду. Никто не видалъ этихъ слезъ, никто не зналъ чего стоила Саввѣ Максимычу разлука съ сыномъ. Но ни одной жалобы не вырвалось изъ его устъ, ни одного вздоха; напротивъ онъ не приказалъ при себѣ и поминать про Фрола. Конечно, еслибъ онъ лучше зналъ своего сына, понялъ бы, что рано или поздно онъ вернется, что онъ не можетъ не вернуться,—но онъ судилъ о немъ по себѣ и ошибался.

Савва Максимычъ былъ дома одинъ, когда ему сказали, что его спрашиваетъ, по дѣлу, игуменья Вознесенскаго монастыря.

Онъ поспѣшилъ встрѣтить почетную гостью на крыльцѣ.

— Не взыщи матушка, что домашніе не выходатъ къ тебѣ, скоро придутъ отъ обѣдни, никого нѣту дома.

— Да я, по правдѣ сказать, дѣло до тебя имѣю; и ладно что одинъ—безъ помѣхи будетъ.

Подумалъ Савва Максимычъ: денегъ поди пріѣхала просить на монастырь, или на бѣдныхъ... Не дать нельзя — обидится, и мало дать тоже нельзя, такъ и выйдетъ тягость, э-эхъ!

Замѣтивъ, что Савинъ старается превозмочь какое то тягостное чувство, Александра нашла, что лучше всего приступить къ дѣлу прямо.

— Я пріѣхала къ тебѣ Савва Максимычъ, на счетъ сына твоего поговорить.

Савва Максимычъ встрепенулся и навострилъ уши, но не желая показать, что обрадовался, нахмурилъ брови и, тяжело вздохнувъ, произнесъ:

— Да, матушка, былъ у меня сынъ, а теперь однѣ дочки остались.

— Что ты? или отъ сына отрекаешься? Не грѣши! виноватъ онъ передъ тобою, а ты все же его прости по Божьему, вотъ что! произнесла Александра.

Глаза старика загорѣлись и онъ жадно впился ими въ лицо игуменьи. Онъ упрямо хотѣлъ скрыть свою радость и все силился казаться суровымъ.

— Что-жъ ты мнѣ скажешь, Савва Максимычъ?

— Ничего я не понимаю, чего же мнѣ сказывать? Благодаримъ на томъ матушка, что объ насъ грѣшныхъ заботу имѣешь, а только нѣтъ ли тутъ какого обману? чѣмъ это Фролка могъ заслужить такую твою милость?

— Обманъ есть, и большой обманъ, только иной! Я тебѣ все по ряду повѣдаю.

— Не напроказилъ ли онъ чего еще въ монастырѣ? подумалъ старикъ.

Игуменья подробно передала ему всю исторію своей питомицы, выгораживая, сколько могла, Фролку.

Неожиданнымъ и крайне непріятнымъ извѣстіемъ для Саввы Максимыча было извѣстіе о женитьбѣ сына. Александра даже испугалась, взглянувъ на него.

Савва Максимычъ вскочилъ съ лавки. Кулаки его сжались, голова затряслась и съ минуту онъ не могъ выговорить ни слова.

— Да ты успокойся, Господь съ тобой, уговаривала она,—выслушай ты меня.

— Какъ смѣлъ онъ безъ отцовскаго позволенья и благословенья! Какой онъ мнѣ сынъ теперь—убѣжалъ! женился. И ты еще матушка заступаешься, хорошо это? Нѣтъ этого я не снесу! Гдѣ онъ? гдѣ? Что же это такое? О, Господи, Господи милостивый!

— Ну, коли такъ, прости Савва Максимычъ. Твой сынъ насъ обидѣлъ, мы ему чужіе да и то прощаемъ— а ты сына не хочешь простить, дѣлай какъ знаешь. Сейчасъ я ѣду къ царицѣ просить за него, неужели-жь ты будешь противъ роднаго сына?

Эта рѣчь произвела свое дѣйствіе. Савва Максимычъ тяжело вздохнулъ и опустилъ голову.

— Прости, матушка, меня старика, не покинь. Тяжела для отца такая вѣсть, да я тебя послушаю что ты будешь мнѣ сказывать. Вѣдь онъ у меня одинъ сынъ— каково мнѣ, забылъ онъ Бога и мать, и отца. Этакое ли не горе?

— Слава Богу еще, батюшка, такъ то кончилось, Богъ спасъ сына твоего, возблагодари его Милосердаго! Слушай.

Александра разсказала ему про Таню, назвала ее своей милой, дорогой питомицей и Савва Максимычъ немного успокоился, но только не много. Оскорбленное отцовское самолюбіе не давало ему покоя. У него горѣла злоба на людей, опутавшихъ его дѣтище. Что съ ними то сдѣлать? Оставить ихъ безнаказанными онъ ни за что бы не согласился. Но что дѣлать съ ними? въ чемъ обвинить ихъ? Не въ чемъ, рѣшительно не въ чемъ, если не хочетъ онъ запутать и сына.

— Коли прощаешь Фрола, сказала Александра, завтра онъ придетъ къ вамъ вмѣстѣ съ женою. Она будетъ тебѣ хорошей дочерью, въ этомъ тебѣ я порукой — сама ее воспитала, каждый помыслъ ея мнѣ извѣстенъ. Это дитя Божье—всѣ въ монастырѣ ее такъ и называли. А что ужь было у насъ, какъ ее увезли такъ и не разсказать—стонъ стоялъ по монастырю. Наградили ее довольно, за тобой дѣло: прими сынка да устрой его къ дѣлу у себя, или какъ гдѣ.

Покуда мать Александра говорила старику эти утѣшительныя слова, онъ ходилъ по горницѣ, стараясь утишить свое волненіе и наконецъ не выдержалъ, поклонился ей до земли и воскликнулъ:

— Ну, матушка, спасибо тебѣ, ты мнѣ сына воротила, ужъ не чаялъ я и видѣть то его болѣ. Все сдѣлаю какъ прикажешь и его опредѣлю, только вразуми ты его, чтобы отца слушалъ. Крутенекъ я нравомъ, что дѣлать— боюсь, невѣстушку напугаю на первыхъ порахъ. Пусть ужь они поживутъ своимъ домкомъ покуда, а я имъ все хозяйство устрою. Въ прикащики запишу, пусть торгуетъ на отчетѣ, только ты ужь хорошенько пригрози! Пусть идетъ завтра и съ женой вмѣстѣ.

Мать Александра, добившись чего хотѣла, собралась уѣзжать. Ей надо было поспѣть еще во дворецъ.

Между тѣмъ воротилась отъ обѣдни семья Саввы Максимыча и онъ сообщилъ женѣ радостную вѣсть, что Фролъ отыскался, что онъ женился и завтра придетъ къ нимъ со своей молодой хозяюшкой.

Старуха Саввы Максимыча словно обезумѣла отъ радости: она цѣловала руки Александры, провожая ее до самой кареты, и все повторяла.

— Матушка, Господь тебя прислалъ, какъ мнѣ и молиться то за тебя?

IX.

Отпустивъ гостей и оставшись одна, царица вспомнила слова Александры и задумалась.

Что хотѣла сообщить ей игуменья? Она была не въ себѣ во все время обѣда, видно что нибудь важное случилось. „Зачѣмъ это я не распросила ее тотчасъ!“ думала Марья Ильинична.

На утро она даже ужь съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ стала поджидать пріѣзда уважаемой ею игуменьи.

Не бойся. Картина А. Дифенбаха, грав. Бренд'Амуръ.

СПБ. весенняя выставка 1879 г. „Кто тамъ“? Картина В. М. Максимова, рис. самъ авторъ на деревѣ, грав. Флюгель.

Царица все утро провела въ кругу своихъ дѣтей и теперь маленькая царевна еще сидѣла у ней на колѣняхъ; двѣ другія царевны, постарше, сидѣли тутъ же и занимались рукодѣльемъ.

Софьѣ было тогда лѣтъ шесть. Она была любимицей матери; за ея острый, живой умъ и мѣткія замѣчанія ей прощалось все, что было непривлекательнаго въ ея характерѣ. Хорошенькая, умная царевна любила властвовать надъ сестрами, но и тѣ терпѣливо сносили ея выходки; она умѣла привлечь къ себѣ когда хотѣла, умѣла получить отъ матери и отца все чего желала сама, или ея сестры; государь тоже очень любилъ дочь за умъ и находчивость.

Вельяминова пришла съ докладомъ, но царица на этотъ разъ слушала ее немного разсѣянно и торопила. Поэтому она только изрѣдка перебивала рѣчь докладчицы своими распоряженіями, изъ которыхъ можно было заключить какая она была хорошая хозяйка.

— А что большой покровъ въ Алексѣевскій монастырь приготовили?

— Да, дошили, государыня, только не отосланъ еще.

— И не надо. Я сама отвезу, давно не была тамъ.

— Матушка, если ты поѣдешь въ монастырь—возьми меня съ собой, ласкаясь къ Марьѣ Ильиничнѣ, сказала Софья.

— Зачѣмъ тебѣ?

— Тамъ монахини меня любятъ, такія добрыя да ласковыя.

— Хорошо дитятко поѣду, возьму тебя.

Царевна Татьяна бросила на Софью просительный взглядъ, который та сейчасъ же поняла и прибавила.

— Матушка, а сестры тоже поѣдутъ съ нами?

Марья Ильинична вмѣсто отвѣта поцѣловала дочь и выразительно поглядѣла на Вельяминову.

Та слегка улыбнулась и одобрительно покачала головой. Она не долюбливала Софью, которая досаждала ей тѣмъ, что постоянно почти присутствуя при докладахъ, часто вмѣшивалась въ ея разговоръ съ царицей.

— Золотая моя, добрая! тихонько прошептала Марья Ильинична.

Въ эту минуту доложили о пріѣздѣ игуменьи Александры.

Царица встрепенулась и попросила Вельяминову увести дочерей.

Софья крѣпче прижалась къ матери и Марья Ильинична оставила ее у себя на колѣняхъ.

Поздоровавшись съ царицей, Александра обратилась къ Софьѣ и перекрестила ее; Марья Ильинична заставила ее поцѣловать игуменьѣ руку и потомъ радушно усадивъ ее, какъ можно покойнѣе, обратилась прямо ко вчерашнему разговору.

— Разскажи свое дѣло, матушка, можетъ я и помогу.

— Вчера я пріѣзжала къ тебѣ, государыня, у меня одно было на умѣ, сегодня—другое. На дняхъ такое горе у насъ приключилось: воспитомицу нашу украли, да еще твоимъ государынинымъ словомъ—и повѣнчали. А сегодня поутру пришла она съ мужемъ въ монастырь... тутъ кажись бы и наказать вора то ея, а выходитъ нѣтъ. Вотъ я и пріѣхала государыня съ тѣмъ дѣломъ тебѣ поклониться.

— Да, матушка, хорошо ты это и сдѣлала... наказать нужно. Разскажи мнѣ все какъ было, а тамъ посылай челобитную—до царя доведемъ. Патріарха я ужь сама берусь, уговорю разрѣшилъ бы свадьбу эту нарушить, встревоженно сказала царица.

— Нѣтъ, государыня, дѣло это не хорошее, да главный то тутъ мужъ Татьянинъ—парень то ладный онъ и изъ хорошей семьи. Виноваты кто его окрутилъ да сбилъ съ пути. Онъ молодъ еще, неразуменъ—вотъ и попалъ, а Танѣ онъ еще и хорошимъ мужемъ будетъ. Я и отца его видѣла, человѣкъ хорошій—и тоже сына простилъ.

— Такъ надо по тѣхъ, что затѣяли дѣло, сказала царица.

— Нѣтъ, матушка государыня, тоже надо помиловать и ихъ а то Фролу не миновать злой участи. Что тогда съ Таней будетъ?

— Не бойся, она не будетъ его женою.

— Охъ да это то еще хуже.

— Какъ же? я не понимаю.

— Да она, дурочка, его вишь ты полюбила.

Царица хотѣла что то сказать, но смолчала и покраснѣла.

— Знаю, государыня, подумала ты что Таня сама пошла на эту продѣлку,—нѣтъ—вѣрно нѣтъ! Я Таню свою знаю. Да и тогда чего было имъ писать эту грамоту, чтобы насъ обмануть. Согласись сама Таня—взяли бы да и уѣхали.

— А приданое?... нерѣшительно и смущаясь еще больше, молвила царица.

— Нѣтъ, не обижай ее государыня! Нѣтъ, нѣтъ—она не такая! горячо заступилась Александра. Еслибъ ты видѣла ее, когда мы отпускали ее отъ себя, еслибъ слышала какъ она умоляла, чтобы кто нибудь изъ монастыря проводилъ ее, не подумала бы этого, государыня. Знаю что говорю.

Царица съ удивленіемъ слушала Александру и въ толкъ насилу брала, что сталось такое со старушкой: въ умѣ-ли она? Такое дѣло случилось, а она какъ ни въ чемъ не бывало и проситъ сама еще о томъ, чтобъ простить воровъ, которые ея именемъ шутить вздумали.

— Да возможное ли это дѣло матушка, простить? какъ бы они чего хуже не надѣлали.

Игуменья призадумалась и сама было ужь убѣдилась въ несообразности своего ходатайства, но вдругъ вспомнила опять Таню и съ новымъ жаромъ начала упрашивать Марью Ильиничну не давать дѣлу огласки и хода.

— Что мнѣ дѣлать—право не знаю, сказала царица и доброе, ласковое лице ея омрачилось.

Софья, все время внимательно слушавшая разговоръ, подняла свою бѣлокурую головку и спросила:

— Матушка, а насъ не украдутъ у тебя?

Царица взглянула на Александру.

— Ну вотъ слышишь, что она сказала? И это правда—какъ оставлять такія дѣла... Матушка подумай, чего просишь.

Александра замолчала и заплакала.

Марья Ильинична съ искреннимъ чувствомъ смотрѣла на старческія слезы и ей стало невыносимо жаль Александру.

— Ну инъ будь по твоему! съ трудомъ пересиливая неудовольствіе, проговорила она. Молись только матушка, чтобъ изъ этого чего не вышло.

Александра ушла отъ царицы далеко не успокоенная. Она не могла подавить въ себѣ чувства страха и отвѣтственности за будущія дѣянія Девули и Авдотьи, по ея же просьбѣ остающихся свободными.

X.

Между тѣмъ Девуля и Авдотья напрасно ждали возвращенія новобрачныхъ и къ вечеру начали уже побаиваться: они впервые замѣтили, что чуть ли не съиграли глупую роль.

Разумъ подсказывалъ, что нечего опасаться доноса,—такъ какъ они убѣдились уже, что Таня въ ладу съ мужемъ—за то весь ихъ планъ насчетъ обогащенія чужимъ добромъ могъ рушиться безвозвратно. Этого то они ни какъ не ожидали.

Былъ совсѣмъ поздній вечеръ. Пріятели сидѣли при тускломъ свѣтѣ восковаго огарка и грязная коморка казалась еще темнѣе. Прежде хоть свѣтлыя мечты замѣняли недостатокъ освѣщенія—теперь и того не было.

Они успѣли въ теченіи дня, нѣсколько разъ переругаться между собою и ужь Авдотья дала себѣ слово вцѣпиться своему другу въ бороду, если онъ позволитъ себѣ еще разъ насмѣхаться надъ нею.

Вдругъ въ окошко кто то тихонько постучался три раза.

Авдотья бросилась къ двери, узнавъ обычный стукъ, часто посѣщавшей ихъ Акули.

Та вбѣжала, едва переводя духъ и кинулась на лавку.

— Ну тетенька, что-жь вы теперича это надѣлали? Они вѣдь у насъ, къ вамъ слышь ты и не сбираются, пеняйте на себя.

Акуля разсказала все по порядку и часть разговора подслушаннаго ею у дверей.

Все это обезкуражило Авдотью въ первую минуту, но она была рада хоть тому, что ихъ не собираются преслѣдовать; остальное она надѣялась еще поправить своею находчивостью.

— Ну что-жь, тужить не буду—мнѣ ужь и Фролкино дармоѣдство надоѣло, а тутъ еще двоихъ кормить приходилось, злобно сказала она. А я своего не потеряю, теперь имъ мѣшать не стану—пусть разживаются, тогда мнѣ же за труды заплатятъ.

— Говорилъ я тебѣ не путное затѣваешь! крикнулъ неожиданно и во все горло Иванъ, такъ что послушница вся затряслась и перекрестилась.

— Дура ты безтолковая—вотъ что! прибавилъ онъ для большагo вразумленія.

Авдотья не стерпѣла и слово за слово дошло до того, что они другъ въ друга таки вцѣпились.

Акуля, увидѣвъ это, выскользнула изъ комнаты и пустилась бѣжать домой.

Мать Александра продолжала между тѣмъ хлопотать и устраивать свою любимицу.

Появленіе Тани наполнило весь монастырь радостью, которую каждая изъ инокинь старалась выразить по своему. Танѣ надарили, по этому случаю, столько денегъ и всякаго добра, что ихъ было бы довольно и не для одной невѣсты, поэтому приданое ея вышло на славу и ей оставалось только благодарить своихъ воспитательницъ да жить припѣваючи.

И Таня дѣйствительно была счастлива. Она рѣшительно была дитя Божье — для нее и несчастье въ счастье превратилось.

Старикъ отецъ Фрола полюбилъ невѣстку, далъ мѣсто сыну при своемъ торговомъ дѣлѣ и даже выказалъ къ нему большое довѣріе, но на житье ихъ къ себѣ не принялъ, ради тѣхъ соображеній, о которыхъ говорилъ матери Александрѣ.

Прошло больше полугода со дня свадьбы, надѣлавшей столько шуму въ монастырѣ; Таня почти не разлучалась съ мужемъ и жила съ нимъ душа въ душу. Но вотъ однажды случилось Фролу по порученію отца уѣхать изъ Москвы недѣли на три.

Таня безъ него заскучала и недѣлю спустя собралась въ монастырь, расчитывая остаться тамъ до пріѣзда мужа.

Вдругъ неожиданно, въ этотъ день, явилась къ ней совсѣмъ почти забытая уже ею Авдотья. Войдя съ самымъ вкрадчивымъ и смиреннымъ видомъ въ горницу и поцѣловавшись съ Таней, которая совершенно растерялась отъ изумленія, ужасно испугалась и не знала чему приписать это появленіе.

Ей живо представились тѣ дни, которые она провела въ сообществѣ съ нею и тотъ ужасъ и отвращеніе, которые внушала ей вся обстановка грязнаго домишка въ Замоскворѣчьи. Припомнилось и то, что ужь чего, чего не насулила имъ Авдотья, если они только попробуютъ отъ нея отдѣлаться—и порчу то, и чуть ли даже не отраву.

Въ тотъ вѣкъ, полный всякихъ предразсудковъ, подобный страхъ былъ очень серьезное дѣло. Отъ самаго послѣдняго дворишка въ московскомъ государствѣ до дворца царскаго все было проникнуто этимъ страхомъ. И чѣмъ больше, чѣмъ значительнѣе было лицо, тѣмъ больше оно возбуждало зависти и ненависти со стороны окружающихъ и тѣмъ больше приходилось остерегаться всякихъ козней явныхъ или тайныхъ.

На сколько крѣпко вкоренилось это въ умахъ тогдашнихъ людей показываетъ то, что даже государи не были избавлены отъ общей паники. Вслѣдствіе этого невольно создались многія мелочныя предосторожности даже въ самыхъ неважныхъ дѣлахъ повседневной жизни во дворцѣ царскомъ.

Подозрительность доходила до того, что ни одно кушанье, ни одно питье не доходило до царскихъ особъ безъ того, чтобъ не было перепробовано почти всѣми придворными чинами, по мѣрѣ прохожденія черезъ ихъ руки. Всякая отрава зельемъ или кореньемъ тѣсно связывалась въ умахъ людей съ колдовствомъ или волшебствомъ и вотъ почему колдуньи и бабы-ворожеи такъ преслѣдовались въ тѣ времена и считались общественнымъ зломъ. Чтобы какъ можно болѣе нравственно укрѣпить людей, окружающихъ царственныхъ особъ, въ клятвенныхъ записяхъ существовали даже особыя статьи, по которымъ каждый изъ придворныхъ чиновъ присягалъ отдѣльно: „ни въ чемъ государя не испортити и зелья и коренья лихова въ его хоромахъ и въ палатахъ и индѣ нигдѣ не положити...“

Такое настроеніе умовъ породило шпіонство и ябедничество, такъ что даже предательство перестало считаться порокомъ и самое пустое, ничтожное слово или дѣло могло навлечь подозрѣніе и служить къ гибели и раззоренію иногда совершенно неповинныхъ людей.

Когда прошла первая минута страха, Таня сообразила, что лучше будетъ, если она останется въ ладу со своей гостьей, да та и сама ничѣмъ не подавала повода къ дурному пріему.

— Ну что, красавица, каково поживаете съ Фроломъ Саввичемъ. Вишь вѣдь не худо устроились то, говорила Авдотья, оглядываясь вокругъ себя и примѣчая во всемъ довольство.

— Ну, очень рада, и сама не чаяла, что такое вамъ счастье наворожила, съ намѣреніемъ подчеркивая слова говорила Авдотья.

— Ничего, живемъ слава Богу! отвѣтила Таня. Благодареніе Господу—Батюшкѣ. А то бы и не то вышло, не то готовили...

Авдотью передернуло.

— Стало ты ни во что душенька ставишь мои всѣ хлопоты? язвительно замѣтила она, но спохватилась и перемѣнила тонъ.

— Я вѣдь все для Фролушки старалась. Ему ужь ты такъ полюбилась — онъ мнѣ все же племянникъ. Ну, вижу, парень хорошій да бѣднехонекъ—зазнамо за него не отдадутъ, взяла да и сдѣлала какъ съумѣла: не худо вышло матушка, не худо!

— Нѣтъ, напрасно. Лучше было бы со спросомъ, а не безъ спросу дѣло это вершить, вспыхнувъ отвѣтила Таня, вспомнивъ все оскорбленіе, нанесенное ей этой женщиной.

Гостья обидѣлась и начала собираться домой, но добрая отъ природы Таня не допустила ее уйти, а почти ласково усадила и стала угощать.

Авдотья разговорилась и съумѣла расположить въ свою пользу неопытную, простодушную Таню. Та съ дѣтской довѣрчивостью отвѣчала на всѣ вопросы, ловко подготовленные заранѣе. Авдотьѣ надо было узнать—на что она можетъ разсчитывать и она этого добилась: Фролъ вовсе и не думалъ о ней.

„Ничего не подѣлаешь—добромъ отъ нихъ ничего не добьешься, придется пугнуть, дѣлать нечего!“

И съ этими мыслями она простилась съ Таней самымъ нѣжнымъ образомъ, обѣщавъ какъ нибудь снова зайти къ ней. А Таня тутъ же подумала:

„Совсѣмъ она не такая злая колдунья, какой мнѣ съ перепугу показалась.“

(Окончаніе въ слѣд. №)

Въ вагонѣ.

Разсказъ Н. П—аго.

Въ дамской комнатѣ, на одной изъ станцій *** желѣзной дороги было еще пусто. Утро только началось и до перваго поѣзда оставалось часа два свободнаго времени. Лакей, убиравшій эту комнату, сметая пыль съ окна, увидалъ нѣсколько искалѣченныхъ папиросъ да двѣ-три спички, вѣроятно забытыя какою нибудь пассажиркою. Эта находка пришлась ему по вкусу; молодой малый съ наслажденіемъ закурилъ, затянулся ароматнымъ дымомъ и бросивъ щетку да вѣничекъ изъ разноцвѣтныхъ перьевъ, которыми приводилъ въ порядокъ дамскую уборную, растянулся на диванѣ самымъ комфортабельнымъ образомъ, ворча сквозь зубы: „Чортъ знаетъ что за жизнь!.. всю ночь не уснешь съ этими поѣздами, а тутъ вотъ чѣмъ свѣтъ иди убирать вокзалъ... Сонъ такъ и клонитъ“.

Выкуривъ папироски, малый зѣвнулъ, потянулся и заснулъ богатырскимъ сномъ. Ему грезился ярко освѣщенный трактиръ съ билліардомъ; обыгравъ всѣхъ своихъ партнеровъ, онъ только что протянулъ руку, чтобы собрать выигранную имъ груду денегъ, какъ грубый толчокъ разбудилъ его, а сердитый голосъ закричалъ:

— Ты опять залѣзъ сюда дрыхнуть! Ну если какая-нибудь барыня-корреспондентъ увидитъ твою неумытую рожу въ дамскомъ отдѣленіи, да еще съ грязными ногами на диванѣ!.. Попадешь тогда на газетные столбцы, да получишь головомой отъ дорожнаго начальства!...

Между тѣмъ говоръ, шаги и хлопанье дверьми становились оживленнѣе; вездѣ сновали служащіе, сторожа, жандармы, кондукторы и прочія желѣзнодорожныя личности. Появилось много и постороннихъ, но они тотчасъ же скрывались послѣ фразъ, переброшенныхъ ими съ кѣмъ нибудь изъ служащихъ:

— Скоро-ли пойдетъ пассажирскій поѣздъ?...

— Поѣздъ пойдетъ черезъ полчаса, но постороннихъ никого не сажаютъ: мѣста заняты солдатами.

— Охъ!.. Чтобъ васъ разорвало!.. Прицѣпили бы еще вагонъ, или сажали бы хоть въ товарные!.. Ѣхать крайность, а тутъ вотъ сиди у моря...

— Ничего не подѣлаешь! мѣстовъ нѣтъ, а въ товарный не полагается... флегматически возражали имъ.

Пассажиры охаютъ, волнуются, бранятся, но убѣдясь что дѣйствительно „ничего не подѣлаешь“, уходятъ съ весьма недовольными физіономіями.

Являются толпами солдаты въ шинеляхъ, ранцы за спинами, гремя ружьями, громко разговаривая и съ беззаботнымъ видомъ, возвращаясь съ войны домой. Вокзалъ кишитъ народомъ; между солдатскими шинелями и желѣзнодорожной одеждой, мелькаютъ дамскія шляпки и тащатся шлейфы, подметая окурки папиросъ, обрывки мочалъ, комки грязи, отвалившіеся отъ сапогъ, чѣмъ даютъ солдатамъ случай острить на счетъ моды, которую барыни переняли у вѣдьмы съ хвостомъ. Только что молодой малый въ дамской комнатѣ успѣлъ вымести полъ и собравъ свои щетки, вѣники и тряпки намѣревался уйдти, какъ дверь распахнулась и вошла молодая дѣвушка съ свѣжимъ, веселымъ лицомъ, одѣтая въ хорошенькое платье, сверхъ котораго была надѣта щегольская шубка. Эта дѣвушка ѣхала изъ Москвы; путь ей предстоялъ не близкій, а средства были не велики, поэтому она взяла билетъ только до второй станціи, гдѣ у ней былъ знакомый начальникъ станціи, надѣясь что онъ дастъ ей даровой билетъ, что, какъ извѣстно, случается.

— Не знаете ли вы, гдѣ начальникъ станціи, спросила она торопливымъ, озабоченнымъ тономъ.

— Не знаю... неохотно отвѣчалъ малый, проходя мимо.

— Пожалуйста, позовите Александра Петровича: скажите ему, что его знакомая здѣсь и желаетъ съ нимъ видѣться, просила дѣвушка. Служащій осмотрѣлъ ее съ ногъ до головы и уже открылъ ротъ, чтобы отказать, но попавшій въ его руки гривенникъ перемѣнилъ его намѣреніе.

Пробормотавъ: „сейчасъ доложу“, онъ вышелъ изъ комнаты.

Оставшись одна, молодая особа подошла къ зеркалу, поправила волосы и въ ожиданіи начальника станціи усѣлась на диванъ, напѣвая что-то. Прошло минутъ пять и дѣвушка ужъ начала выказывать признаки нетерпѣнія, какъ дверь отворилась и вошелъ пожилой господинъ, съ пріятнымъ лицомъ и бородой весьма почтенныхъ размѣровъ: увидавъ хорошенькую дѣвицу, начальникъ станціи очень любезно раскланялся.

— Здравствуйте Александръ Петровичъ, устремилась она на встрѣчу вошедшему, протягивая ему руку.

— Мое почтеніе Любовь Терентьевна!.. Какъ поживаете, что подѣлываете?.. Все хорошѣете! пожимая протянутую ему ручку, говорилъ начальникъ станціи.

— А я къ вамъ съ просьбой, милый Александръ Петровичъ... Нѣтъ ли для меня мѣстечка... начала она.

Онъ замахалъ руками: „ни единаго“.

— Какъ же быть?.. Мнѣ необходимо сегодня ѣхать... я получила телеграмму отъ мамаши, чтобы немедленно отправляться домой... понимаете: немедленно!.. вѣрно дѣло очень спѣшное и важное, иначе мамаша не захотѣла бы мнѣ дѣлать лишній расходъ на дорогу.

Начальникъ станціи поднялъ брови, пожалъ плечами и какъ-то безпомощно засунулъ руки въ карманы.

— Ничего не могу.... ничего положительно.... увѣряю васъ, отвѣчалъ онъ.

— Нельзя ли къ солдатскому поѣзду прицѣпить хоть одинъ вагонъ для пассажировъ... предложила Любовь Терентьевна.

— Нельзя-съ... никакъ нельзя-съ!.. получила она отвѣтъ.

Лицо дѣвушки омрачилось, но послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, опять оживилось: ей пришла въ голову такая выдумка, что она заранѣе была почти увѣрена въ успѣхѣ.

— Я придумала прекрасное средство, сказала она.— Послѣ этаго поѣзда, пойдетъ товарный, я видѣла, что онъ совсѣмъ готовъ... Какой въ немъ товаръ?..

— На немъ разный грузъ: на переднихъ платформахъ дрова, доски, а въ крытыхъ вагонахъ красный товаръ отправляютъ на ярмарки...

— Отлично!.. Голубчикъ Александръ Петровичъ! посадите меня на тюки съ ситцами... Никто вѣдь не узнаетъ.

Сначала начальникъ станціи рѣшительно отказалъ, но Любовь Терентьевна такъ неотступно и такъ мило просила, что онъ, поклонникъ прекраснаго пола, не устоялъ противъ ея очаровательной улыбки и пожатія руки.

— Пожалуй... Для васъ только... Но Бога ради никому ни полслова... Я могу подвергнуться отвѣтственности... я прикажу кондуктору высадить васъ не доѣзжая *** станціи, а тамъ вѣдь до васъ всего двѣ версты: однако предупреждаю васъ, что тамъ ни дивановъ и никакихъ удобствъ вы не найдете, между тюками вамъ будетъ тѣсно... Смотрите, не раскайтесь...

Любовь Терентьевна засмѣялась: „Ничего, я не старуха, спина не заболитъ и безъ дивановъ какъ нибудь доѣду“...

— Ну такъ пойдемте: надо васъ усадить заранѣе...

— Ахъ какъ я вамъ благодарна... Какой вы славный, право... говорила барышня совсѣмъ растаявшему селадону, проходя по платформѣ, гдѣ ужъ толкались солдаты, готовясь садиться въ вагоны.

Александръ Петровичъ подозвалъ кондуктора и что-то

Въ оперѣ въ 1792 г. Картина Мюллера, грав. Панпемакеръ сынъ

шепталъ ему, указывая на товарный поѣздъ: кондукторъ улыбался и кивалъ головой, посматривая на хорошенькій товаръ, который ему поручали.

Пожавъ въ послѣдній разъ руку услужливому начальнику станціи, Любовь Терентьевна послѣдовала за кондукторомъ, а селадонъ возвратился къ своей должности.

Товарный поѣздъ готовъ къ отъѣзду; изъ трубы локомотива валитъ клубами черный дымъ и далеко темной лентой стелется по воздуху. На платформѣ стукъ, говоръ и перекличка стрѣлочниковъ съ кондукторами затихаетъ. Раздается свистъ вырывающагося пара, звонокъ, пыхтѣнье локомотива и кондуктора становятся по мѣстамъ. Одинъ изъ кондукторовъ, передъ отъѣздомъ, что-то долго бесѣдовалъ съ стрѣлочникомъ и оба вертѣлись около послѣдняго вагона, безпокойно озираясь, причемъ особенно внимательно осматривали и пробовали цѣпь соединяющую вагоны. Наружность обоихъ была отталкивающая, а выраженіе глазъ было наглое и непріятное. Должно быть пріятели остались довольны своими наблюденіями, потому что двусмысленно усмѣхнувшись, стрѣлочникъ сказалъ:

— Цѣпь здоровая... авось не лопнетъ до мѣста... причемъ подмигнулъ въ сторону стоявшаго на платформѣ начальника станціи, который хотя и слышалъ эту фразу, но не обратилъ вниманія, размышляя о встрѣчѣ съ хорошенькой пассажиркой и о томъ, какъ бы кто не узналъ о допущенномъ имъ безпорядкѣ.

Скоро поѣздъ, выбрасывая паръ и дымъ, медленно вышелъ со станціи и скрылся вдали.

Въ послѣднемъ вагонѣ на разобранныхъ тюкахъ, въ небольшомъ свободномъ мѣстѣ сидѣла, поджавши ноги, знакомая Александра Петровича, держа въ рукахъ небольшой сакъ-вояжъ, составлявшій всю ея поклажу. Ей было не слишкомъ комфортабельно, однако она покорилась необходимости и только выпросила у кондуктора позволенія открыть крошечное оконце, чтобы не задохнуться отъ спертаго воздуха, пропитаннаго запахомъ свѣжей краски и рогожъ, которыми были увязаны тюки. Любовь Терентьевна была провинціалка и только съ годъ тому назадъ какъ пріѣхала въ Москву, погостить къ теткѣ. Сначала все столичное ее удивляло и радовало, но постепенно она не только свыклась съ шумомъ и суетней большаго города, а еще стала скучать и все чаще представлялся ея воображенію, въ самомъ привлекательномъ видѣ, мирный и сонный городокъ, гдѣ прошло ея счастливое дѣтство. Теперь она рада была приглашенію матери и ѣхала домой, заранѣе обдумывая, какъ ее встрѣтятъ и какъ удивятся всѣмъ ея разсказамъ о Москвѣ.

Отецъ ея занималъ скромное мѣсто почтмейстера въ одномъ уѣздномъ городѣ, хоть жалованье получалъ и маленькое, но при дешевизнѣ уѣздной жизни и привычкѣ къ экономіи для него было достаточно, тѣмъ болѣе что его семейство состояло изъ жены да дочери, которую онъ даже имѣлъ возможность на три года для окончанія воспитанія отдать въ пансіонъ. Любочка по выходѣ изъ пансіона, семнадцатилѣтней барышней-невѣстой съ хорошенькимъ личикомъ и всѣми качествами ума и души, чтобы со временемъ сдѣлаться утѣхой и счастьемъ будущаго мужа, привлекла всѣ холостыя и вдовьи сердца уѣзднаго города. Но Любочка начиталась романовъ и искала героя, такаго, какаго въ уѣздномъ захолустьѣ трудно встрѣтить, поэтому она неотступно просила мать съ отцемъ отпустить ее въ Москву къ теткѣ. Пробывъ почти годъ у тетки, Любочка пришла къ печальному убѣжденію, что столичные герои для бѣдной дѣвушки недоступны, что въ женщинѣ они ищутъ не умъ, не красоту, а приданое; что выйдти замужъ въ Москвѣ еще труднѣе чѣмъ въ родномъ городкѣ. Размышляя обо всемъ этомъ, она была почти увѣрена, что дѣло, по которому ее вызывали домой, просто—женихъ, понравившійся родителямъ, и если о немъ въ телеграммѣ не упоминали, то это потому, что ей готовили сюрпризъ. При этой мысли она улыбнулась и вспомнила одинъ эпизодъ изъ своего прежняго житья-бытья. Передъ ней молодой человѣкъ атлетическаго роста, силы и сложенія богатырскаго, съ красивой, но нахальной физіономіей. Это сынъ помѣщика, выключенный за неблаговидные дѣлишки изъ университета, служившій потомъ въ военной службѣ, но выгнанный и оттуда. Пріѣхавъ въ уѣздный городъ, онъ познакомился съ отцемъ Любочки и понравился какъ ей, такъ и всему семейству, гдѣ еще ничего не знали о его прежнихъ похожденіяхъ. Когда дѣло дошло до сватовства, пріѣхалъ его отецъ и всѣми силами старался уладить свадьбу, вѣроятно надѣясь на пословицу: „женится — перемѣнится". Константинъ Николаевичъ, посѣщая домъ почтмейстера, велъ себя прилично; полагая партію для себя выгодной, онъ надѣялся на порядочное приданое; Любочка была единственная дочь, старики слыли за достаточныхъ и кромѣ того, что лежало въ сундукѣ и было недоступно для любопытныхъ городскихъ сплетницъ, обладали собственнымъ домомъ, въ которомъ помѣщалась почтовая контора, а въ другой половинѣ питейное заведеніе; это сплошь да рядомъ встрѣчается въ уѣздѣ. Вверху городская дума а внизу трактиръ, чтобы послѣ крѣпкихъ думъ о городскомъ благоустройствѣ, легко было бы подкрѣпить ослабѣвшія силы думскихъ дѣятелей. Константинъ Николаевичъ, стараясь угождать какъ невѣстѣ, такъ и родителямъ, цѣлый день бѣгалъ по порученіямъ будущихъ тестя съ тещей, либо услуживалъ невѣстѣ: то шерсть моталъ, то скамейку подъ ноги приносилъ, то собачку выпускалъ гулять, то любимому коту—Васькѣ подъ шейкой щекоталъ, то чистилъ клѣтку канарейки... однимъ словомъ обѣщалъ для Любочки мужа подъ башмакомъ, а для ея родителей зятя—тряпку...—Однако роль эта скоро надоѣла нашему трактирному герою и онъ не выдержалъ ее, не смотря на строгую угрозу отца лишить его наслѣдства если онъ упуститъ выгодную партію.

(Окончаніе въ слѣд. №).

О свѣтеніи растеній.

Статья А. О. Фесенко.

Въ наукѣ давно уже была наблюдаема способность нѣкоторыхъ животныхъ и растеній издавать свѣтъ, тѣмъ не менѣе, до настоящаго времени далеко еще не уяснено значеніе подобнаго явленія. Человѣческому уму представляется непонятнымъ—почему подобною способностью могутъ обладать лишь немногія животныя и растенія, почему масса остальныхъ организмовъ совершенно лишена этой способности. Чѣмъ обусловлено подобное явленіе и какое оно имѣетъ значеніе въ жизни свѣтящихся организмовъ? Въ настоящемъ очеркѣ мы постараемся представить описаніе нѣкоторыхъ несомнѣнныхъ фактовъ проявленія свѣта растительными организмами, не входя въ разсмотрѣніе причинъ подобнаго, въ высшей степени интересснаго. явленія природы. Древность не оставила намъ почти никакихъ свидѣтельствъ относительно свѣтенія растеній, наградивъ за то крайне невѣроятными разсказами о сіяніи около головъ людей, о свѣтеніи глазъ, ушей животныхъ и т. п.

Плиній, напр., упоминаетъ о свѣтеніи языка у одной рыбы и глазъ у кошки и волка. Онъ подробно разсказываетъ, какъ онъ, однажды, вокругъ головы спящаго Сервія Тулія, когда этотъ послѣдній былъ еще мальчикомъ, ясно видѣлъ сіяніе, что, какъ замѣчаетъ онъ, вполнѣ было прилично его сану. У многихъ писателей среднихъ вѣковъ мы встрѣчаемъ преимущественно описаніе свѣтенія животными организмами или ихъ отдѣльными частями и лишь изрѣдка указанія на способность проявленія свѣта растительными организмами.

У одного средневѣковаго писателя встрѣчаемъ мы описаніе растенія, которое во многихъ мѣстахъ Европы было отыскиваемо по ночамъ любителями философскаго камня и универсальныхъ средствъ отъ всевозможныхъ болѣзней. Это растеніе, по словамъ того же писателя, днемъ ничѣмъ не отличалось отъ массы другихъ растеній его окружавшихъ, ночью же блестѣло подобно „небесной звѣздѣ". Счастливецъ, нашедшій та-

кое растеніе, не долженъ былъ его однако вырывать—такое дѣйствіе неминуемо влекло за собою мгновенную смерть дерзкаго смѣльчака... онъ долженъ былъ лишь замѣтить растеніе настолько, чтобы легко могъ найти его на слѣдующее утро. Съ разсвѣтомъ надо было взять щенка, отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ растенію, привязать щенка веревкою къ стеблю и, отойдя въ сторону, манить къ себѣ животное, пока щенокъ не бросится и не вырветъ съ корнемъ растеніе. Вслѣдъ за симъ щенокъ будто бы мгновенно умираетъ... Закопать его надо съ особенною торжественностью, вырванное же растеніе взять съ собою и пользоваться имъ при леченіи отъ всякихъ недуговъ.

Такое вѣрованіе въ чудесность свѣтящагося растенія, вѣрованіе, переходившее отъ одного поколѣнія къ другому, мало по малу, подъ вліяніемъ науки, потеряло значеніе и превратилось лишь въ сказку временъ прошедшихъ. Возможность же издавать свѣтъ растительными тѣлами признавалась и теперь признается многими наблюдателями и учеными. Если ночью идти по лѣсу, богатому такъ называемыми *„гнилушками“*, то легко можно убѣдиться въ возможности издаванія свѣта этими остатками растительныхъ организмовъ. Кромѣ свѣтенія гнилушекъ иногда, какъ увѣряютъ нѣкоторые, можно замѣтить свѣтеніе живыхъ растеній, что подмѣтить не такъ легко, хотя и не невозможно, судя по свидѣтельству многихъ авторитетовъ науки, какъ напримѣръ Линнея, Фриза и др.

Свѣтеніе гнилушекъ едва ли не самое распространенное и извѣстное явленіе свѣтенія. Необходимое условіе для ихъ свѣтенія—извѣстная степень влажности воздуха. Гнилушки, брошенныя въ воду, не теряютъ способности свѣтить. При опытахъ Мэйериха онѣ продолжали издавать свѣтъ въ продолженіи 24 часовъ; будучи же погружены въ масло, свѣтились около 12 часовъ; въ спиртѣ же и въ эфирѣ—около 10—12 минутъ; въ различныхъ кислотахъ значительно менѣе. Въ атмосферѣ азота онѣ свѣтились среднимъ числомъ отъ 12 до 24 часовъ, на открытомъ же воздухѣ продолжали издавать непрерывно свѣтъ въ продолженіи 6—9 дней. Углекислота дѣйствовала на нихъ отрицательно—въ ней онѣ свѣтились не болѣе 20 секундъ. При дѣйствіи высокой температуры (65° Р.) или при погруженіи гнилушекъ въ горячую воду, свѣтеніе быстро прекращалось.

Нѣкоторые наблюдатели утверждаютъ, что не только гніющая древесина нѣкоторыхъ растеній обладаетъ способностью издавать свѣтъ, но напримѣръ и разлагающіеся персики, гніющіе листья дуба, картофель, проросшій въ погребахъ, или подвергшійся медленному гніенію. Такъ, одинъ офицеръ въ Страсбургѣ, при ревизіи казармъ въ январѣ 1790 года, замѣтилъ въ окнахъ свѣтъ въ то время, когда его не должно было быть. Войдя въ помѣщеніе, гдѣ спали солдаты, онъ замѣтилъ, что свѣтъ исходилъ изъ корзины, помѣщавшейся въ углу комнаты и наполненной остатками ужина. Подойдя ближе къ корзинѣ, онъ замѣтилъ, что свѣтъ исходилъ изъ плоскостей разрѣзовъ брошенныхъ совершенно гнилыхъ картофелинъ. Дѣлая новые разрѣзы картофелинъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ получалъ новыя плоскости свѣтенія. Свѣтеніе, отъ изрѣзанной въ куски картофелины, было по его слоямъ настолько сильно, что можно было свободно читать.

Марціусъ въ своемъ „Путешествіи въ Бразилію“ весьма подробно описываетъ свѣтеніе млечнаго сока у Euphorbia phosphorea. Однажды, вечеромъ, онъ нечаянно обрѣзалъ вѣтви у названнаго растенія и къ удивленію своему замѣтилъ, что выходившій изъ надрѣзовъ млечный сокъ въ темнотѣ издавалъ свѣтъ, который былъ „сильнѣе свѣта гнилушекъ и слабѣе свѣта, пылающаго вокругъ цвѣтовъ Diptamnus“ *).

Свѣтеніе живыхъ растительныхъ организмовъ, описываемое нѣкоторыми наблюдателями, заключается въ томъ, что нѣкоторыя части растенія въ продолженіи ночи издаютъ или постоянный, непрерывный свѣтъ, или прерывающійся и снова появляющійся на нѣсколько мгновеній, на подобіе искръ, или съ быстротою молніи вспыхивающій.

Постоянное свѣтеніе было наблюдаемо многими учеными и относительно нѣкоторыхъ организмовъ можетъ считаться вполнѣ доказаннымъ, какъ напримѣръ нѣкоторыхъ грибовъ. Ботаники утверждаютъ, что нѣкоторые виды Agaricus (печерица) и Rhizomorpha издаютъ по ночамъ очень яркій свѣтъ. Замѣчательно, что различные виды *Agaricus* издаютъ свѣтъ неодинаковой окраски, такъ Agaricus olarius—блѣдный, золотисто-желтый (въ Провансѣ), Agaricus Gardneri—блѣдно-оранжевый (въ Бразиліи), Agaricus igneus—пепельный (на о. Амбоинѣ), Agaricus noctilucens—бѣлый (на Манилѣ).

Свѣтеніе у Agaricus olearius замѣчается не только въ шляпкѣ гриба, но и въ стержнѣ, при чемъ свѣтъ, по замѣчанію *Фабра*, походитъ на фосфорическій. Способность издавать свѣтъ наблюдалась у несорваннаго, растущаго гриба, у сорваннаго же свѣтеніе тотчасъ прекращалось, также оно прекращалось и въ атмосферѣ водорода, углекислоты и въ безвоздушномъ пространствѣ. Свѣтеніе у этаго гриба, по изслѣдованіямъ вышеназваннаго ученаго, проявлялось съ одинаковою силою какъ въ воздухѣ, такъ и подъ водою, содержавшею достаточно воздуха. Пониженіе температуры воздуха уменьшало свѣтеніе; при температурахъ 8, 10° Ц. оно достигало своего максимума.

При наблюденіи надъ этимъ грибомъ Фабръ нашелъ, что въ періодъ свѣтенія, онъ выдѣляетъ углекислоты значительно болѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда не свѣтитъ. Свою работу Фабръ заключаетъ слѣдующими словами: „свѣтеніе обусловливается дыхательною дѣятельностью гриба, подобно тому какъ и самонагрѣваніе частей цвѣтка во время свѣтенія явнобрачныхъ, особенно у Aroideae (Arum maculatum) также какъ и нагрѣваніе, есть результатъ горѣнія, медленнаго самосохраненія, подъ вліяніемъ поглощеннаго изъ нихъ атмосфернаго воздуха (кислорода), который представляетъ необходимое условіе при всякомъ горѣніи.

Подобнаго же рода свѣтеніе, хотя не столь тщательно изслѣдованное, наблюдалось и у нѣкоторыхъ другихъ растеній, какъ явно- такъ и тайно-брачныхъ.

Такъ, одинъ мохъ Schistostega osmundacea, растущій въ гротахъ и въ различныхъ ущельяхъ, издаетъ прекрасный, изумрудно-зеленый свѣтъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи, въ простомъ народѣ, до настоящаго времени сохранилось повѣрье, что подъ этимъ свѣтящимся мхомъ хранятся сокровища, которыя, если ихъ взять въ руки, тотчасъ же превращаются въ обыкновенные камни. Подобнаго же рода повѣрье связано и съ другимъ мхомъ (Fissidens taxifolius), у котораго свѣтится не только стебель, но и листья.

Мильде наблюдалъ свѣтеніе зародышей папоротниковъ и листьевъ Alnium punctatum, когда на нихъ долгое время находились капли воды. Эти наблюденія однако были поверхностны и требуютъ провѣрки. Слѣдуетъ упомянуть еще о непрерывномъ свѣтеніи по ночамъ нѣкоторыхъ явнобрачныхъ растеній. Здѣсь мы также имѣемъ дѣло лишь съ краткими указаніями на существующій фактъ, совершенно, однако, научно неизслѣдованный. Такъ, напримѣръ, герцогъ Букингамскій, въ одну бурную ночь 14-го сентября 1835 г., наблюдалъ у *Oenothera* macrocarpa великолѣпный фосфорическій свѣтъ, который исходилъ изъ листьевъ и изъ цвѣтовъ, при этомъ, какъ говоритъ онъ, „оно продолжалось довольно долго“. Хаггенъ въ горахъ Швейцаріи, встрѣтилъ массу свѣтящихся цвѣтовъ растенія Matricaria inodora. „Несомнѣнность явленія была такъ ясна, говоритъ Haggen, „что у меня не могло даже зародиться сомнѣнія“.

Другаго рода свѣтеніе растеній, такъ сказать мерцающее—то появляющееся, то исчезающее—еще болѣе поразительное, еще болѣе странное явленіе, въ дѣйствительности котораго также не можетъ быть сомнѣнія. Открытіе этаго явленія въ жизни растеній принадлежитъ женщинѣ, а именно дочери знаменитаго натуралиста *Елисаветъ Линней*. Однажды, въ 1762 г. въ теплый іюльскій вечеръ, она замѣтила въ оранжереѣ своего отца, что огненно-желтые цвѣты *Tropaeolum majus* издавали, по временамъ, сіяніе вспыхивающее какъ маленькія молніи. Въ волненіи она прибѣжала къ отцу и разсказала ему, что видѣла. Отецъ ея былъ пораженъ этимъ явленіемъ, но объявилъ, что онъ ея разсказу не вѣритъ, такъ какъ, ничего подобнаго не читалъ и не видѣлъ, а потому и не повѣритъ, пока лично не убѣдится своими глазами. Вскорѣ, однако, натуралистъ дѣйствительно убѣдился въ истинѣ словъ дочери и какъ невѣроятнымъ ни казалось ему явленіе, которое онъ видѣлъ своими глазами, онъ долженъ однако былъ признать его реальность. Его дочь подробно описала это явленіе въ одномъ своемъ сочиненіи, озаглавленномъ: "Ueber das Leuchten der indianischen Kresse."—Изъ этаго сочиненія мы узнаемъ, что въ теплые вечера въ іюлѣ мѣсяцѣ цвѣты *Tropaeolum majus* представляютъ на своей внѣшней поверхности массу то появляющихся, то исчезающихъ искръ. „То вдругъ одно мѣстечко заблещетъ,“ пишетъ Е. Линней, „то вдругъ потухнетъ, то снова засвѣтится, то снова исчезнетъ...“ „При этомъ, продолжаетъ она далѣе, я замѣтила, что если упорно и долго смотрѣть на эти цвѣты, они какъ будто неохотно свѣтятъ.“ Этому послѣднему наблюденію отецъ ея окончательно отказался вѣрить, такъ какъ лично при изученіи явленія, ничего подобнаго не замѣчалъ.

Описанное явленіе у Tropaeolum majus въ глазахъ многихъ ботаниковъ казалось крайне невѣроятною вещью, „фантазіею женскаго, празднаго ума“. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыми послѣдующими учеными подобныя молніеобразныя искры были наблюдаемы не только у этаго растенія, но и у нѣкоторыхъ другихъ. Такъ Хаггенъ наблюдалъ такое явленіе въ продолженіи 5 лѣтъ не только у Tropaeolum majus, но и у растеній: Calendula officinalis, *Lilium bulbiferum*, *Tagetes patula*, *Tagetes erecta* и очень слабое у *Helianthus annus*, лепестки цвѣтовъ котораго огненнаго цвѣта. При этомъ наблюдатель замѣчаетъ, что огненная, пунцовая окраска лепестковъ для подобнаго рода явленія необходимое условіе. Такія моментальныя искры у всѣхъ выше названныхъ растеній, исходили изъ цвѣточныхъ лепестковъ, въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ, въ продолженіи получаса и всегда при захожденіи солнца, когда воздухъ очень сухъ. Въ дождливую погоду подобнаго рода явленіе никогда не удавалось видѣть. Нѣкоторые же наблюдатели утверждаютъ, что появленіе искръ, по крайней мѣрѣ у *Tropaeolum majus*, было тѣмъ значительнѣе, чѣмъ хуже погода на другой день.

*) Если поднести вечеромъ, въ особенности послѣ теплаго и тихаго дня, зажженную спичку къ цвѣтамъ вышеназваннаго растенія, то они мгновенно окружаются огненною атмосферою, что происходитъ отъ легко воспламеняющагося эфирнаго масла, выдѣляемаго этимъ растеніемъ.

Гротъ Нептуна въ Тиволи близь Рима. Съ фотогр. грав. Цейне.

Ежъ въ борьбѣ съ гадюкой. Рис. и грав. Шпехть.

Причину подобнаго свѣтенія растеній Хаггенъ приписывалъ электричеству, которое развивалось вслѣдствіе прикосновенія цвѣточной пыли къ тѣмъ мѣстамъ лепестковъ, изъ которыхъ онъ видѣлъ появленіе искръ. Эта туманная теорія совершенно отвергалась многими тогдашними учеными, старавшимися замѣнить ее новой, столь-же однако невѣроятной, какъ и отвергаемая ими. Такъ Вильке, зная, что иногда при сильномъ и внезапномъ раздробленіи стекла въ окнахъ, появлялись замѣтныя искры, утверждалъ, что и въ данномъ случаѣ, можетъ быть, сильная солнечная теплота производитъ разрывъ растительныхъ волоконъ, вслѣдствіе чего и появляются искры.

Послѣ изслѣдованій названныхъ мною ученыхъ изрѣдка встрѣчаются въ печати кой какія замѣтки относительно свѣтенія растеній вообще. Такъ *Теме* въ 1799 году 19 іюня, гуляя въ полѣ съ однимъ изъ своихъ друзей, замѣтилъ у мака восточнаго (Papaver orientale) etwas Flammenähnliches. (Teme T VI).

Въ 1832 году Гринъ утверждалъ, что съ своими друзьями въ продолженіи 3-хъ вечеровъ въ маѣ мѣсяцѣ, наблюдалъ свѣтеніе мака восточнаго (Papaver orientale).

Въ Шотландіи Джонсонъ наблюдалъ у туберозы (Polyanthemum tuberosa), какъ изъ ея бѣлыхъ цвѣтовъ непрерывно выскакивали искры; при этомъ цвѣты издавали отвратительный запахъ.

Всѣ эти наблюденія, сдѣланныя случайно, мимоходомъ, далеко не убѣдительны и даже кажутся невѣроятными; казалось вѣрить всѣмъ этимъ фактамъ нѣтъ никакой возможности и скорѣе подобнаго рода явленія надо было приписать не цвѣтамъ, а патологическому состоянію глазъ наблюдателей,—словомъ, это ни что иное, какъ обманъ чувства зрѣнія, обманъ столь странный и поразительный, что наблюдатели не въ силахъ были отдать себѣ яснаго и вѣрнаго отчета... Такаго взгляда относительно проявленія искръ живыми растеніями долгое время держался извѣстный ботаникъ Фризъ.

Не смотря на свое долговременное занятіе растительными организмами, ему ни разу не приходилось встрѣчать ничего подобнаго до лѣта 1858, когда онъ неожиданно замѣтилъ искры, вылетавшія изъ лепестковъ мака восточнаго, совершенно случайно поставленнаго въ его комнату. Въ первый моментъ причину явленія онъ приписалъ патологическому состоянію своихъ глазъ, не смотря на то, что наблюдалъ около часу. Приписывая это явленіе обману зрѣнія и чтобы окончательно убѣдиться въ этомъ, онъ рѣшилъ на слѣдующій вечеръ пригласить къ себѣ однаго изъ своихъ друзей, предварительно ни слова не говоря о явленіи. Каково-же было его удивленіе когда гость нечаянно заглянувъ въ темную комнату, гдѣ стоялъ восточный макъ, въ изумленіи воскликнулъ:

— Цвѣтокъ свѣтится!!

Услыхавъ это, Фризъ тѣмъ не менѣе не былъ еще вполнѣ увѣренъ. Въ слѣдующіе вечера его посѣтили около 20 различныхъ лицъ, которыя всѣ, безъ исключенія, утверждали, что цвѣты дѣйствительно издаютъ блескъ, на подобіе мелкихъ искръ.

Этотъ случай, съ извѣстнымъ въ наукѣ ботаникомъ, болѣе чѣмъ всѣ остальныя предшествовавшія наблюденія, заставляетъ допустить возможность свѣтенія растительныхъ организмовъ. Наблюденія Фриза становятся еще болѣе правдоподобными въ виду того, что, какъ намъ извѣстно, процессы окисленія, совершающіеся въ каждомъ организмѣ, способны вызвать не только образованіе теплоты, но и свѣта, какъ это вполнѣ доказано у животныхъ. Если растенія поглощаютъ кислородъ, если въ ихъ организмѣ совершаются процессы окисленія, результатомъ которыхъ бываетъ образованіе теплоты, отчего-же результатомъ тѣхъ-же самыхъ процессовъ окисленія не можетъ быть и образованіе свѣта? Правда, проявленіе свѣта можетъ зависѣть отъ электричества, въ такомъ случаѣ, можно допустить, что причина образованія свѣта растеніями заключается не въ процессахъ окисленія, совершающихся въ организмѣ, но въ электричествѣ, присутствіе котораго въ растительныхъ тѣлахъ отрицать нельзя.

Этому однако противорѣчатъ положительныя наблюденія надъ животными организмами, у которыхъ проявленіе свѣта, какъ и проявленіе теплоты, являются результатомъ окисленія ихъ организма. Если же процессы окисленія въ животномъ организмѣ способны вызвать образованіе свѣта, отчего-же они не могутъ вызвать подобнаго-же явленія и въ растительномъ царствѣ, гдѣ точно также совершаются процессы окисленія подъ вліяніемъ вдыхаемаго кислорода?

Причину такаго явленія наука еще не разъяснила, тѣмъ не менѣе она признала реальность факта.

Къ рисункамъ.

Не бойся.

„Только первый шагъ труденъ" говоритъ извѣстная французская пословица. Плутовская улыбка, съ которой обращается старшая изъ двухъ деревенскихъ дѣвочекъ къ своей сестренкѣ—сестренка сѣла на нее какъ на лошадку, и съ ней она собирается перейти въ бродъ мелкій лѣсной ручей. „Ты трусишка", кажется говоритъ эта лукавая улыбка, „развѣ не видишь, какъ весело наша собачка ступаетъ по водѣ, которая не покрываетъ даже ея короткихъ ногъ? А ты тамъ, хочешь, чтобы тебя пристыдила простая собака. Держись крѣпко за мою шею, а я не выпущу твоихъ ножекъ и храбрѣй впередъ! Мы будемъ на той сторонѣ ручья, будемъ собирать красную землянику и голубыя незабудки, которыя растутъ на томъ берегу въ лѣсу. Малютка сморщила личико и какъ будто собирается заплакать, но не успѣетъ она опомниться, какъ трудный путь уже пройденъ, а за собираніемъ ягодъ и голубыхъ цвѣтковъ, позабыть будетъ всякій страхъ.

Кто тамъ?

(Картина В. Максимова).

То что въ предъидущемъ № „Нивы" мы говорили по поводу картины г. Корзухина, по нашему мнѣнію отчасти примѣнимо и къ другому талантливому молодому художнику В. М. Максимову, первую золотую медаль свою получившему въ 1864 году за небольшую картину „Больное дитя". Интересно было бы прослѣдить, какими разнообразными, часто тернистыми, путями идутъ наши художники, пока дойдутъ до возможности слѣдовать своему призванію.

В. М. Максимовъ, уроженецъ Новоладожскаго уѣзда (Петербургской губерніи) сынъ государственнаго крестьянина Максимова. Учиться началъ онъ въ школѣ, образованной при Николаевскомъ мужскомъ монастырѣ игуменомъ Аполлосомъ, который очень объ этой школѣ заботился и бывши самъ въ міру купеческаго званія, у знакомыхъ купцовъ пристраивалъ кончившихъ ученіе мальчиковъ и вообще потомъ о нихъ заботился. Въ монастырѣ проживалъ нѣкто генералъ Башуцкій, любитель-акварелистъ, у котораго смѣтливый мальчикъ, служа ему, присмотрѣлся къ краскамъ и рисованью и въ душѣ его возгорѣлось желаніе также рисовать. Отецъ Аполлосъ самъ былъ художникъ въ душѣ, устроилъ при монастырѣ прекрасный хоръ, въ которомъ пѣвчимъ состоялъ и В. М. Максимовъ. По совѣту игумена, отецъ и послалъ маленькаго сына въ Петербургъ въ ученье иконописи и у одного изъ иконописцевъ В. М. пробылъ до 1861 года, когда поступилъ въ Академію Художествъ, гдѣ, какъ сказано, золотую медаль получилъ уже въ 1864 г. За другую картину „Сказочница" онъ получилъ первую премію Общества Поощренія Художествъ. Изъ картинъ его, въ послѣднее время обратившихъ на себя вниманіе, укажемъ на „Раздѣлъ", затѣмъ „Кто тамъ", рисунокъ которой мы помѣщаемъ—бывшей на весенней Академической выставкѣ настоящаго года.

Молодая, красивая женщина, оставшаяся совершенно одна въ избѣ и боясь темной ночью вора или недобраго человѣка, однако довольно храбро, повидимому, готова встрѣтить непрошеннаго гостя.

Въ оперѣ 1792 года.

(Къ картинѣ Мюллера).

Опера во Франціи при монархіи не имѣла совсѣмъ тѣхъ достоинствъ музыкальной драмы, которыя отъ нея требуются въ наше время. Франція той эпохи не отличалась особеннымъ музыкальнымъ чувствомъ. Опера не должна была, по тогдашнимъ воззрѣніямъ, увлекать и трогать зрителя своими музыкальными красотами—но восхищать его богатствомъ постановки, множествомъ превращеній и великолѣпіемъ вводныхъ и часто нейдущихъ къ дѣлу танцевъ. „Опера—это очаровательное мѣсто наслажденія, говоритъ одинъ современный писатель (Дюфренн), въ ней совершается цѣлый рядъ всевозможныхъ превращеній; вы, не сходя съ мѣста, путешествуете по всему земному шару; съ каждой перемѣной декораціи вы видите передъ собою то страну боговъ, то страну очаровательныхъ фей". Дѣйствительно, весь Олимпъ, всѣ вымыслы языческой миѳологіи являлись зрителямъ воочію и роскошь подобныхъ представленій поглощала громадныя суммы. Но вскорѣ мрачная эпоха революціи наложила и на оперу свою тяжелую, кровавую руку; артисты сдѣлались волей-неволей единомышленниками конвента и должны были способствовать своими талантами къ возбужденію патріотизма и къ распространенію между народомъ новыхъ, революціонныхъ принциповъ. Опера пользовалась особеннымъ покровительствомъ конвента и администрація общественныхъ учрежденій снабжала ее въ изобиліи декораціями, машинами, костюмами и другими принадлежностями, необходимыми для сцены. Опера революціонной эпохи конкурируетъ въ принципахъ съ театромъ республики. Въ ней идутъ спектакли пропитанные къ общему тяжелому настроенію, которые часто прерывались пѣніемъ „ça ira"—революціонной пѣсни, положенной на музыку Люлли. Въ то время опера дѣйствительно электризировала сердца, особенно въ торжественной піесѣ „Жертвоприношеніе отечеству", которая сопровождалась самой роскошной обстановкой, а увлекающее пѣніе подхватывалось самими зрителями. Не на одномъ ли изъ подобныхъ патріотическихъ представленій присутствуетъ эта стройная, по модѣ одѣтая дѣвушка, представленная на прилагаемой нами картинкѣ.

Гротъ Нептуна въ Тиволи близъ Рима.

Тиволи безспорно одна изъ прелестнѣйшихъ окрестностей Рима. Красоты здѣшней природы, воспѣтыя еще Гораціемъ, Катулломъ и Проперціемъ, до сихъ поръ очаровываютъ каждаго, кому удается видѣть эти шумные водопады, эти таинственные гроты и живописныя долины.

Тиволи—древній Тибуръ, древнѣе Сицеліонъ, былъ основанъ еще въ эпоху предшествовавшую взятію Трои. Дальнѣйшая его исторія не богата событіями; со времени нашествія на Италію Галловъ Тибуръ перешелъ на сторону варваровъ-завоевателей и заключилъ съ ними договоръ, обезпечивавшій его на будущее время отъ ихъ грабежей и набѣговъ. Галлы, согласно договору, дѣйствительно болѣе не безпокоили Тибура, но за то Римляне не могли простить ему преступнаго союза и начали съ нимъ постоянную, жестокую борьбу, окончившуюся лишь въ 352 году до нашей эры. Тогда оба народа заключили миръ и Тибуръ снова былъ принятъ въ семью римскихъ городовъ.

Благодаря своему живописному мѣстоположенію и здоровому, горному воздуху, Тибуръ рано составилъ себѣ извѣстность и началъ считаться мѣстностью по преимуществу пригодною для возстановленія разстроеннаго здоровья римскихъ богачей и сибаритовъ. Мало по малу здѣсь воздвиглись великолѣпныя виллы, которыхъ развалины до сихъ поръ даютъ ясное представленіе объ ихъ изяществѣ и роскоши. Виллы большею частью двухъэтажныя; внизу помѣщенія (ergastulum), гдѣ многочисленные рабы занимались различными ремеслами; вверху же обиталъ самъ владѣлецъ. Одна изъ подобныхъ виллъ принадлежала Меценату и была до того обширна, что пересѣкала Тибурскую дорогу и раздѣлялась подземнымъ ходомъ, тянувшимся подъ дорогою; ходъ этотъ освѣщался окнами, устроенными въ верхней части свода. На этой виллѣ часто гостилъ Горацій у своего покровителя и друга и „бесѣдовалъ съ своей музой“ здѣсь же воспѣвалъ Проперцій свою Цинтію, златокудрую дѣву Тибура. Одинъ лишь Марціалъ скептически относился къ качествамъ мѣстнаго климата.“ Никто не избѣжитъ судьбы, говоритъ онъ, если смерть придетъ за кѣмъ изъ насъ, то отыщетъ и въ Тибурѣ.“ По вѣроятно не всѣ богатые и знатные Римляне были согласны съ мнѣніемъ поэта и громадныя виллы продолжали воздвигаться какъ въ самомъ Тибурѣ, такъ и въ его окрестностяхъ. На самой дорогѣ къ Риму построена была знаменитая вилла Адріана, замѣчательная тѣмъ, что на пространствѣ десяти миль были соединены здѣсь всѣ лучшіе памятники и достопримѣчательности Греціи и Египта. Здѣсь Адріанъ воздвигнулъ лицей, академію, Пританей, храмъ стоиковъ, Наумахію и кромѣ того здѣсь же помѣщалась—библіотека, императорскій дворецъ, казармы преторіанцевъ и множество другихъ изящныхъ построекъ. Ото всего этаго остались лишь жалкія развалины, но и изъ этаго мусора извлекаются иногда драгоцѣнные остатки древности; изъ этой же исторической почвы были извлечены Венера Медицейская и Антиной.

Нынѣшній Тиволи имѣетъ до 7,000 жителей; онъ расположенъ на возвышенностяхъ, составляющихъ продолженіе апеннинской цѣпи. Около самаго города уже видны живописные развалины храма Сивиллы, Весты, Геркулеса, виллъ Катула и д'Эсте. Въ послѣдней, по преданію, проводилъ счастливые годы молодости Тассъ влюбленный въ Элеонору, воспѣвая мѣстныя красоты природы въ своихъ чудныхъ строфахъ о фантастическихъ садахъ Армиды. Эти волшебныя картины и теперь еще можно здѣсь видѣть въ дѣйствительности; съ самой вершины скалъ, гдѣ среди зелени извиваются узкія и холмистыя улицы нынѣшняго Тиволи, спадаетъ въ долину цѣлый рядъ каскадовъ самыхъ разнообразныхъ по величинѣ и формѣ; иные изъ нихъ шумно падаютъ широкой водяной массой, тогда какъ другіе льются узкой струей и пробираются между скалъ серебристой лентой. Главный водопадъ низвергается съ высоты не менѣе 50 саженъ и оглушающій шумъ его паденія далеко разносится по долинѣ. Пробираясь среди ручейковъ, можно спуститься къ верховьямъ каскадовъ, а оттуда проникнуть въ два глубокіе грота, образовавшіеся въ скалахъ дѣйствіемъ воды, откуда открывается очаровательный видъ на рѣку. Одинъ изъ этихъ гротовъ, видимый на прилагаемомъ нами рисункѣ, носитъ названіе грота Нептуна. Названіе дано очень удачно этой мрачной, висящей надъ бездной пещерѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ водопадами и это таинственное убѣжище представляется дѣйствительно подходящимъ обиталищемъ миѳическому богу водъ.

Борьба ежа съ гадюкою.

Городскіе жители конечно мало знакомы съ ежомъ, съ этимъ обитателемъ захолустій, убѣгающимъ отъ людей и живущимъ одиноко въ норахъ никому не вѣдомыхъ и трудно доступныхъ. Между тѣмъ это звѣрокъ самый обыкновенный въ Европѣ и частью въ Азіи, живущій и въ равнинахъ и на возвышенностяхъ даже на высотѣ 8.000 футовъ надъ уровнемъ моря. У насъ на Руси водится онъ въ изобиліи и его размноженію способствуетъ еще то обстоятельство, что онъ не истребляется людьми и кромѣ того враждебныя ему животныя не нуждаются въ пищѣ и потому оставляютъ этаго звѣрька въ покоѣ, въ его удобномъ и укромномъ логовищѣ, устраиваемомъ имъ обыкновенно фута на два ниже поверхности земли. Матерьялъ для постройки этаго гнѣзда состоящій изъ соломы, сѣна, листьевъ и мха, ежъ притаскиваетъ на спинѣ очень страннымъ способомъ; онъ валяется въ кучѣ листьевъ до тѣхъ поръ пока не нанижетъ порядочнаго количества ихъ на свои иглы и тогда уже съ этимъ грузомъ направляется къ своему подземному жилищу. Съ наступленіемъ перваго осенняго мороза ежъ уходитъ въ свое гнѣздо и проводитъ тамъ всю зиму до самаго марта въ глубокой, непробудной спячкѣ.

Главную пищу ежа составляютъ насѣкомыя, но не довольствуясь этой малопитательной пищей онъ преслѣдуетъ всякое мелкое млекопитающееся, всякую маленькую птичку, а что касается до низшихъ животныхъ, то имъ онъ не даетъ ни малѣйшей пощады. Такъ онъ истребляетъ миріады кузнечиковъ, сверчковъ, кухонныхъ тараканов, майскихъ и навозныхъ жуковъ, дождевыхъ червей, слизней, полевыхъ и лѣсныхъ мышей. По гдѣ онъ выказываетъ себя настоящемъ героемъ, то это въ борьбѣ со змѣями, такъ какъ всѣ виды послѣднихъ, будь то мѣдяница, гадюка или ужъ—составляютъ для него лакомое блюдо.

Однажды, говоритъ, Ленцъ. я пустилъ огромную ядовитую гадюку въ ящикъ ежа въ то время, когда онъ мирно кормилъ своихъ дѣтенышей. Ежъ скоро замѣтилъ ея присутствіе, поднялся съ своей постели, безстрашно подошелъ, обнюхалъ всю растянувшуюся змѣю отъ хвоста до головы и особенно долго оставался въ созерцаніи ея пасти. Гадюка начала шипѣть и нѣсколько разъ ужалила его въ морду и губы. Не смущаясь такимъ пріемомъ и какъ будто смѣясь надъ безсиліемъ змѣи, ежъ, не отступая ни на шагъ, сталъ облизывать ужаленныя мѣста и получилъ новую рану въ высунутый языкъ. Но и это его не испугало; онъ продолжалъ спокойно обнюхивать шипѣвшую и злобно огрызавшуюся змѣю, трогалъ ее даже языкомъ но не кусалъ. Наконецъ онъ быстро схватилъ въ ротъ ея голову, раздробилъ ее вмѣстѣ съ ядовитыми зубами и желѣзами, а тѣло съѣлъ до половины.“ Но по словамъ Ленца ежъ этимъ не ограничился; онъ кормилъ мясомъ змѣи своихъ дѣтенышей и кромѣ того пожралъ еще четырехъ новорожденныхъ гадюкъ безъ всякаго вреда своему здоровью. На ранахъ его не образовалось никакой опухоли и вообще не замѣчалось на немъ никакихъ слѣдовъ отъ ужаленія ядовитой змѣи. Одинъ отъ моментовъ подобной борьбы ежа съ гадюкою и представленъ на прилагаемомъ нами рисункѣ. Замѣчательно, что ежъ, будучи теплокровнымъ животнымъ, можетъ такъ безнаказанно переносить змѣиный ядъ, который дѣйствуетъ столь губительно на всѣ другіе организмы, разлагая кровь и причиняя быструю смерть. У ежа дѣйствительно желудокъ исключительный; такъ онъ можетъ безопасно проглатывать шпанскихъ мухъ, которые будучи введены въ желудокъ другаго животнаго неминуемо произвели бы тамъ воспаленія и причинили бы смерть.

Гдѣ нельзя взять силою, тамъ смѣтливый звѣрокъ беретъ хитростію; такъ при крайней опасности—при встрѣчѣ напримѣръ съ собакой или лисицей, онъ свертывается въ клубокъ и представляетъ изъ себя колючій, состоящій изъ однѣхъ иглъ шаръ, имѣющій лишь одно незначительное углубленіе ведущее къ животу и въ которомъ прячетъ онъ морду, ноги и короткій хвостикъ, плотно прижатые другъ къ другу. Но хитрость эта не всегда удается, особенно съ лукавой лисицей; послѣдняя толкаетъ ежа въ воду и тотъ съ испугу развертывается и конечно погибаетъ.

Даже послѣ своей смерти ежъ не перестаетъ быть полезнымъ человѣку; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ разныя бродячіе племена какъ напримѣръ Цыгане, употребляютъ его въ пищу и даже находятъ очень вкуснымъ. Для приготовленія этаго блюда употребляется ими совершенно своеобразный способъ; ежа, предназначеннаго къ съѣденію, обмазываютъ толстымъ слоемъ хорошо промятой, липкой глины и въ этомъ видѣ жарятъ на огнѣ новорачивая время отъ времени. Когда же слой глины совершенно высохъ и сдѣлался твердымъ, то жаркое снимаютъ съ огня, даютъ ему остынуть и затѣмъ отдѣляютъ верхнюю корку, а вмѣстѣ съ ней и всѣ иглы, завязшіе въ глинѣ. Римляне употребляли иглистую шкуру ежа вмѣсто чесалокъ а также для наведенія ворса на шерстяныя ткани и потому ежовыя шкуры составляли въ древности предметъ обширной и прибыльной торговли.

Въ Гонолулу.

(Сандвичевы острова).

Изъ всѣхъ острововъ Полинезіи архипелагъ Сандвичевъ или Гавайскій особенно выдѣляется по своему геологическому строенію и здѣсь натуралисту не предстоитъ большаго труда прослѣдить весь процессъ образованія этихъ возвышенностей и острововъ. Вулканическая почва подвержена частымъ колебаніямъ и нѣкоторыя изъ подобныхъ землетрясеній остались въ памяти туземцевъ какъ страшныя, опустошительныя бѣдствія.

Группа Сандвичевыхъ острововъ въ первый разъ встрѣчается на картахъ испанскаго моряка Донъ-Жуана Гаэтано, открывшаго ихъ въ 1555 году и назвавшаго „островами садовъ“, Si Giardini. Открытіе это было впослѣдствіи забыто и Кукъ

считается до сихъ поръ первымъ мореплавателемъ, посѣтившимъ этотъ архипелагъ въ 1778 году, которому онъ далъ названіе Сандвичевыхъ острововъ, въ честь Сандвиго, перваго лорда тогдашняго англійскаго адмиралтейства.

Сандвичевъ архипелагъ состоитъ изъ восьми большихъ острововъ и многихъ малыхъ, представляющихъ большею частью голые, необитаемые утесы, на которые слетаются лишь морскія птицы. Особенно пустынны и обожжены солнцемъ западные острова, гдѣ обыкновенно дожди бываютъ рѣже и гдѣ тянутся громадные кряжи голыхъ, обожженныхъ скалъ и долинъ, покрытыхъ толстымъ слоемъ отвердѣвшей лавы. Впрочемъ, при всѣхъ разностяхъ температуры, на всѣхъ островахъ круглый годъ стоятъ тропическія жары, о которыхъ европейцу очень трудно составить себѣ понятіе; зимы нѣтъ и въ поминѣ; деревья вѣчно зелены, растенія всегда въ цвѣту; солнце никогда не отказываетъ ни въ теплѣ, ни въ свѣтѣ.

Гонолулу, главный городъ архипелага, въ послѣднія 50 лѣтъ достигъ значительнаго развитія. Основанный на берегу моря среди пустынной мѣстности, вся растительность которой ограничивалась нѣсколькими кокосовыми деревьями, онъ быстро обстроился и населился, благодаря своей отличной гавани, лучшей во всемъ архипелагѣ. Въ этой обширной и глубокой гавани перебываетъ въ годъ до 800 судовъ преимущественно китоловныхъ, находящихъ здѣсь безопасное убѣжище, послѣ лавированья среди подводныхъ скалъ и рифовъ.

Развитію Гонолулу способствовало еще то обстоятельство, что онъ отстоитъ лишь на 760 морскихъ миль отъ Санъ-Франциско и почти на такое же разстояніе отъ Америки и Японіи и потому естественно сдѣлался сборищемъ китоловныхъ судовъ всѣхъ націй и мѣстомъ обмѣна европейскихъ товаровъ на туземныя произведенія.

Уже при вступленіи въ городъ встрѣчаются самыя крайнія контрасты; около домовъ выстроенныхъ по европейски, украшенныхъ гардинами и окруженныхъ садами и плантаціями, тѣснятся жалкіе шалаши туземцевъ, построенные изъ бамбука, съ крышами сбитыми изъ листьевъ пандана и въ то время какъ европейцы, спокойно размѣстясь на верандахъ своихъ домовъ, курятъ благовонныя сигары, туземцы въ лохмотьяхъ сидятъ группами около своихъ низенькихъ жилищъ и передаютъ другъ другу свою классическую трубочку. Минуя пристань, гдѣ толпится громадная масса матросовъ всѣхъ націй и царитъ вавилонское смѣшеніе языковъ и вступая въ улицы города, путешественникъ убѣждается, что онъ подъ тропиками, среди людей совершенно не похожихъ на него ни по понятіямъ, ни по образу жизни. Здѣшніе жители называютъ себя конакамо (конакъ значитъ человѣкъ)—рослые, красивые, съ благороднымъ, открытымъ выраженіемъ лица до сихъ поръ остаются они дѣтьми природы, напоминая во многомъ первобытное состояніе человѣчества. Покровительствуемые благодатнымъ климатомъ, они избѣгаютъ тяжелой обязательной работы, такъ что очень трудно найдти рабочихъ между туземцами. Если же они и наймутся иногда, то очень скоро оставляютъ предпринятую работу и потому здѣшніе поденщики состоятъ преимущественно изъ китайцевъ. Къ одному лишь мореплаванію конаки чувствуютъ большое влеченіе и охотно поступаютъ матросами на купеческіе корабли. Вообще они страстные любители моря и превосходные пловцы; вооружась одной узкой доской съ крикомъ восторга бросаются они въ бушующія волны во время бѣшенаго прибоя ихъ къ скалистому берегу и выдѣлываютъ въ плаваніи чудеса ловкости и искусства; то ныряютъ и долго остаются подъ водою, то увлекаемые теченіемъ, свободно плывутъ стоя или сидя на своей дощечкѣ и вдругъ исчезая въ волнахъ, снова выплываютъ на далекомъ разстояніи. Умѣнье плавать здѣсь имѣетъ и практическія цѣли; все бѣдное населеніе питается простымъ, первобытнымъ способомъ, и ныряя около береговъ, добываетъ себѣ въ пищу разнаго рода моллюсковъ и краббовъ. Кромѣ плаванья туземцы страстно любятъ верховую ѣзду; на улицахъ Гонолулу съ ранняго утра встрѣчаются цѣлыя кавалькады мущинъ и женщинъ, несущіяся во всю прыть на своихъ быстрыхъ чилійскихъ или калифорнскихъ лошадкахъ, за городъ и выражающіе при этомъ свой восторгъ пронзительными криками и громкимъ смѣхомъ.

Сандвичевы острова находятся теперь подъ покровительствомъ Соединенныхъ Штатовъ и управляются королемъ Калакуайя I (съ 1874 года), однимъ изъ потомковъ великаго Камегамеги (1789—1819) объединившаго подъ своею властью всѣ острова и мало по малу уничтожившаго ихъ феодальныхъ владѣльцевъ, постоянно враждовавшихъ другъ съ другомъ. Уже при его сынѣ Лигалиго явились сюда протестантскіе миссіонеры а потомъ и католическіе, просвѣтившіе дикарей свѣтомъ христіанской религіи, такъ что нынѣ три племени протестанты, а остальные католики. Введенный Камегамегой I неограниченно-монархическій образъ правленія, при его второмъ сынѣ (въ 1840 году) преобразился въ конституціонный, съ учрежденіемъ министерствъ по европейскому образцу. Парламентъ здѣсь состоитъ изъ верхней палаты съ 30-ю пожизненными членами и изъ нижней, куда члены избираются на два года, а число ихъ не должно превышать сорока двухъ.

Политическое обозрѣніе.

Уступка Сербской территоріи. Соглашеніе Британіи съ Франціей. Египетскій вопросъ. Смерть принца Наполеона.

Когда мы сообщали о томъ, что Сербія уступила Болгаріи два округа, значительная часть жителей которыхъ не желала этой уступки, мы думали, что этимъ все дѣло улажено, но теперь оказывается, что мы ошиблись... Желали бы мы не ошибаться въ этомъ случаѣ!.. Въ пользу Болгарскаго княжества отрѣзываютъ, или имѣютъ намѣреніе отрѣзать значительный (какъ пишутъ) участокъ земли отъ сербскаго округа Зайчара. Сербское правительство настаиваетъ на возстановленіи старой границы, которая, въ свое время, была проведена начальникомъ русскаго штаба Коцебу и утверждена султанскимъ гатти-шерифомъ 1833 года. Князь Миланъ посылалъ для улаженія спора подполковника Джурича. Вѣроятно, Джуричу не удалось сдѣлать ничего, такъ какъ телеграфъ принесъ извѣстіе, будто Сербія обратилась къ великимъ державамъ съ просьбою разрѣшить этотъ споръ при посредствѣ международной коммисіи. Если мы прибавимъ сюда еще другое, сообщенное по телеграфу же свѣдѣніе, что сербское правительство отказалось послать своего представителя для привѣтствованія князя Болгарскаго при его въѣздѣ въ Софію—то принуждены будемъ сказать, что будущее славянства на Балканскомъ полуостровѣ рисуется намъ далеко не въ радужныхъ краскахъ... Зачѣмъ славяне слушаютъ враговъ своихъ, зачѣмъ не обращаются они къ той странѣ, отъ которой получили право на жизнь? Мы никогда не повѣримъ, чтобы они встрѣтили тамъ какое либо пристрастіе—оно не мыслимо, потому что шло бы въ разрѣзъ съ традиціоннымъ образомъ дѣйствій нашихъ по отношенію къ созданнымъ нами славянскимъ государствамъ, не мыслимо, потому что не будемъ мы же разрушать то, чему поработали и кровью своею, и великими денежными пожертвованіями.

Князь Дондуковъ-Корсаковъ уже распростился съ Болгаріей. Въ сочувственныхъ проводахъ, устроенныхъ князю Болгарами, высказано много искренней, теплой благодарности императорскому комисару, тактъ и искусство котораго много сдѣлали на пользу молодаго княжества. Теперь, болгары пойдутъ одни, безъ непосредственныхъ попечителей, по широкому пути, открытому предъ ними. Пожелаемъ же имъ прежде и болѣе всего не замыкаться въ узкій „патріотизмъ“, ограничивающійся предѣлами княжества, пожелаемъ имъ не забывать, что они—члены великой славянской семьи. Тогда не будетъ возникать „сербско-болгарскихъ пограничныхъ споровъ“!

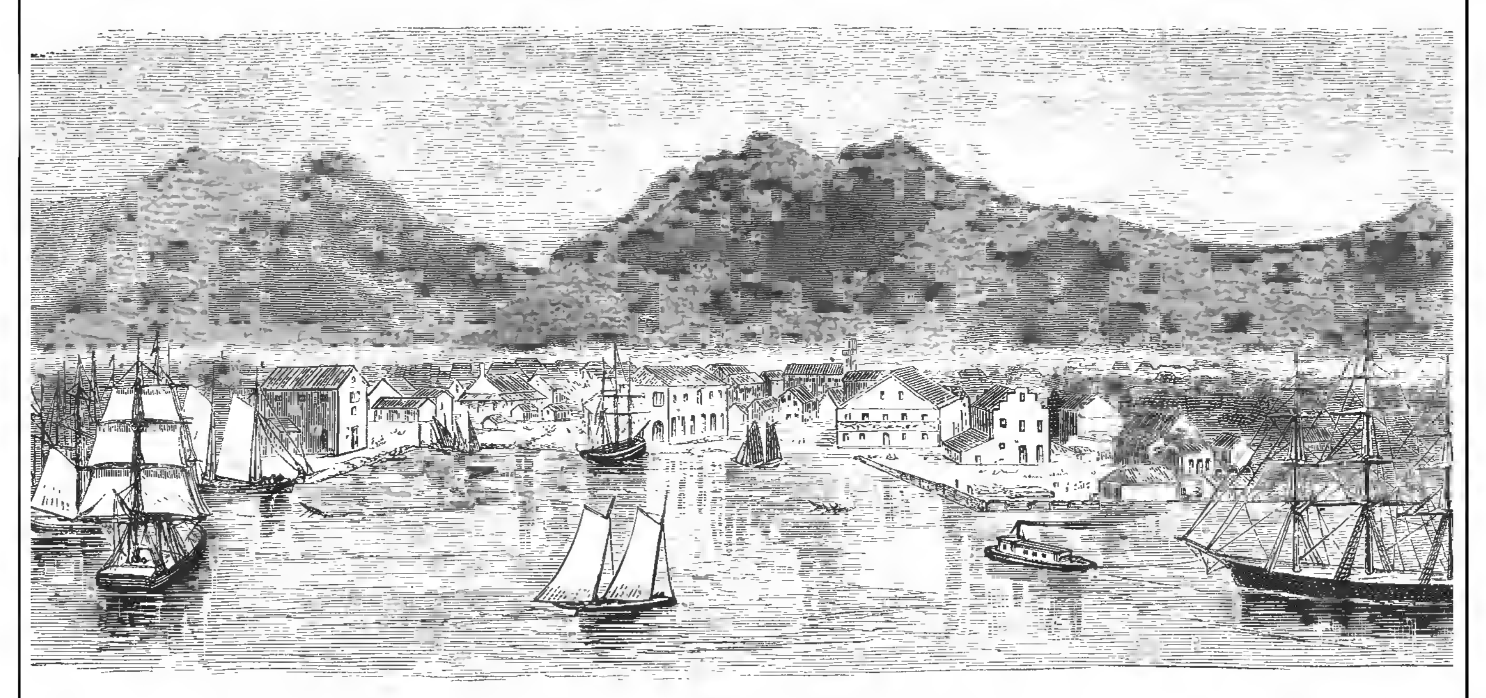
Британія и Франція, повидимому, съумѣли свой споръ привести къ мирному окончанію и теперь уже идутъ рука объ руку въ Египетскомъ вопросѣ, поселившемъ, было, между ними разногласіе. Примиреніе это объясняютъ слѣдующимъ образомъ. Надо знать, что хедивъ „задѣлъ интересы“ едва ли не всѣхъ державъ Европы, т. е. говоря проще, надѣлалъ долговъ во всѣхъ почти европейскихъ государствахъ. Между прочимъ, онъ много задолжалъ своимъ нѣмецкимъ поставщикамъ, вѣрившимъ своему царственному заказчику. Однако, оказалось, что они довѣрились весьма неосмотрительно—царственный заказчикъ, подъ разными предлогами, не заплатилъ должные имъ милліоны и въ дѣло вмѣшался желѣзный канцлеръ, который вездѣ и всюду является умѣлымъ и энергическимъ защитникомъ интересовъ германскихъ подданныхъ. Онъ прямо объявилъ хедиву, что прибѣгнетъ къ силѣ и началъ уже приводить угрозу въ исполненіе.

Британія и Франція, дѣйствовавшія противъ вице-короля въ послѣднее время и разрозненно, и довольно слабо, внезапно проявили, въ свою очередь, необыкновенную энергію и прямо потребовали отъ хедива отреченія отъ престола въ пользу его сына Тевфика. Нѣкоторые видятъ, почему-то, въ этомъ указаніе на то, что въ Лондонѣ и Парижѣ хотятъ подорвать значеніе вмѣшательства Германіи въ дѣла Египта, и, съ этою цѣлью, обратились, сообща, съ такимъ требованіемъ, которое идетъ гораздо далѣе заявленія германскаго канцлера. Представителямъ Британіи и Франціи посланы инструкціи, предписывающія имъ предоставить хедиву выборъ между добровольнымъ отреченіемъ, причемъ ему будетъ обезпечена пенсія и покровительство этихъ державъ, и—между принудительнымъ отрѣшеніемъ Портою, при непосредственномъ вмѣшательствѣ державъ. Хедивъ, какъ передаютъ, сначала просилъ 24 часа времени для того, чтобы онъ могъ заложить свои драгоцѣнности у туземныхъ банкировъ, съ цѣлью удовлетворенія тѣхъ кредиторовъ, претензіи которыхъ признаны законными въ судебномъ порядкѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ объявилъ, что какъ скоро Ротшильдъ уплатитъ взносы по займу, заключенному подъ залогъ государственныхъ земель, онъ, хедивъ, удовлетворитъ и остальныхъ кредиторовъ и тогда отречется въ пользу своего сына.

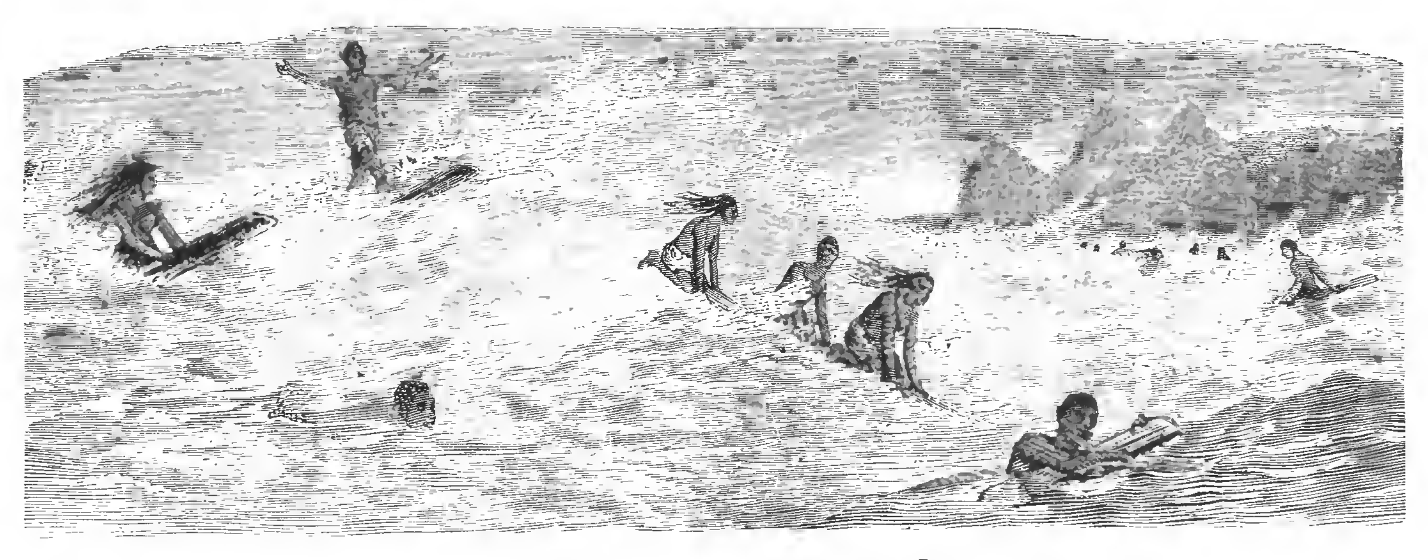
(Продолженіе на стр. 517, 518, 519 и 520).

Впослѣдствіи, однако, Измаилъ-Паша перемѣнилъ свое рѣшеніе, отказавшись отречься и предложивъ консуламъ Британіи и Франціи обратиться къ султану. Согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, Германія и Австрія присоединились къ требованію Британіи и Франціи.

Смерть молодаго принца Луи-Наполеона, безвременно погибшаго въ глухомъ углу Африки, произвела, какъ и слѣдовало ожидать, глубокое впечатлѣніе во Франціи. Республиканцы прямо уже разсчитываютъ на распаденіе бонапартистской партіи. Но члены этой послѣдней энергически опровергаютъ возможность чего либо подобнаго, объявивъ, что у погибшаго принца, главы бонапартистовъ, есть преемникъ, назначенный имъ по духовному завѣщанію, составленному предъ отплытіемъ въ Африку. Преемникъ этотъ—принцъ Викторъ-Наполеонъ, сынъ принца Жерома-Наполеона и принцессы Клотильды Савойской. Многіе, сомнѣваются, чтобы принцъ Жеромъ отказался отъ роли главы и представителя Наполеоновской традиціи во Франціи. Въ этомъ-то и видятъ серьезную опасность для партіи, большинство которой давно отвернулось отъ кузена покойнаго императора, не обладающаго, дѣйствительно, качествами человѣка, могущаго служить, такъ сказать „знаменемъ.“ Полагаютъ, что, въ случаѣ, если принцъ Жеромъ пожелалъ бы играть эту роль,—большинство „разошлось бы“ по другимъ политическимъ партіямъ и претендентъ остался бы при незначительномъ числѣ приверженцевъ. Въ числѣ ихъ, конечно, не было бы извѣстнаго „enfant terrible“ бонапартистовъ,—Поль-де-Кассаньяка, ненавидящаго Жерома. Недавно, Кассаньякъ произвелъ довольно крупный скандалъ въ засѣданіи палаты депутатовъ. 16-го іюня палата должна была приступить къ обсужденію законопроекта Ферри о свободѣ преподаванія. Кассаньякъ выступилъ первымъ въ числѣ ораторовъ, намѣревавшихся говорить о законопроектѣ и въ самомъ же началѣ своей рѣчи сдѣлалъ нѣсколько рѣзкихъ замѣчаній относительно министра народнаго просвѣщенія. Президентъ Гамбетта остановилъ его, когда же тотъ продолжалъ въ прежнемъ тонѣ и духѣ и задѣлъ уже правительство во всемъ его составѣ,—Гамбетта предложилъ палатѣ подвергнуть его выговору, съ удаленіемъ изъ залы засѣданій на три дня; лѣвая сторона встрѣтила это предложеніе рукоплесканіями, но друзья Кассаньяка ожесточились до такой степени, что вскочили съ своихъ мѣстъ—произошла встрѣча сторонъ, едва не превратившаяся въ рукопашную. Гамбетта надѣлъ шляпу и закрылъ засѣданіе на одинъ часъ. Но если послѣ перерыва рукопашной не послѣдовало, за то неугомонный бонапартистскій депутатъ позволилъ себѣ необычайную дерзость послѣ того, какъ Гамбетта объявилъ ему, что онъ удаляется изъ залы на три дня, онъ крикнулъ, что кабинетъ состоитъ изъ „негодяевъ“ и отказался выйти, къ чему его, однако, уже принудили Руэръ и его отецъ, убѣдившіе, затѣмъ, Гамбетту не давать дальнѣйшаго хода этой исторіи, которая могла бы окончиться очень не хорошо для невоздержнаго защитника имперіи. Говорятъ, что въ средѣ республиканскаго большинства возникло намѣреніе предложить измѣненія въ парламентскомъ уставѣ, въ смыслѣ усиленія строгости наказаній за нарушеніе приличія во время засѣданій въ законодательныхъ палатахъ, предполагается замѣнить трехдневное удаленіе—удаленіемъ на цѣлый мѣсяцъ, а въ случаѣ повторенія поступка—удаленіемъ до конца сессіи. Законопроектъ Ферри разсматривался только на другой день. 19-го числа собирался въ Версали конгрессъ (соединенные сенатъ и палата депутатовъ для пересмотра и измѣненія статей конституціи), которому предстояло рѣшить вопросъ о возвращеніи палатъ изъ Версаля въ Парижъ. Вопросъ рѣшенъ положительно. Палаты, какъ передаютъ, возвратятся въ началѣ ноября.

Гавань и городъ Гонолулу (Сандвичевы острова).

Игры туземцевъ съ волною, во время буруна. Гонолулу.

РЕБУСЪ.

Ё СЪ
ТУЛА КИ ЛО Р БИЛ

АЛГЕБРАИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА.

Названіе острова пишется тремя буквами. Если вмѣсто этихъ буквъ взять числа, указывающія мѣста занимаемыя этими буквами въ русскомъ алфавитѣ, то сумма квадратовъ трехъ этихъ чиселъ, уменьшенная на 237 и обратится въ число, обозначающее годъ основанія Руси; сумма квадратовъ двухъ послѣднихъ чиселъ будетъ равняться двузначному числу, котораго сумма цифръ и разность цифръ порознь равняются единицѣ.—Узнать названіе этого острова, если извѣстно, что число, указывающее въ алфавитѣ мѣсто послѣдней изъ этихъ трехъ буквъ, менѣе каждаго изъ двухъ предъидущихъ чиселъ.

Заявленіе.

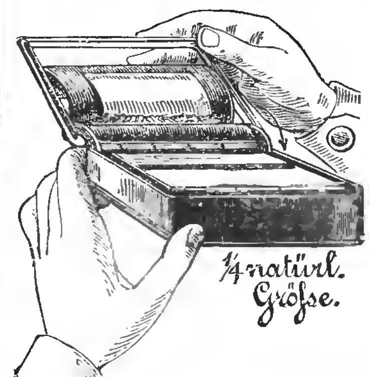
Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. подписчиковъ, которые внесли деньги только за **первое полугодіе**, поторопиться возобновленіемъ подписки на **второе полугодіе**.—Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг подписчики потеряютъ право на полученіе премій, слѣдуемыхъ гг. годовымъ подписчикамъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками за типографскіе расходы.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

№ 181 8—2

ВЫШЛО НОВОЕ ИЗДАНІЕ

ДВАДЦАТЬ МѢСЯЦЕВЪ ВЪ ДѢЙСТВУЮЩЕЙ АРМІИ

(1878—1879)

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ ГАЗЕТЫ „ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ" ОТЪ ЕЯ ОФИЦІАЛЬНАГО КОРРЕСПОНДЕНТА, ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ УЛАНСКАГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛКА ШТАБСЪ-РОТМИСТРА

Всеволода Крестовскаго

изданіе исправленное и дополненное, въ двухъ томахъ (1.348 страницъ), съ планами, картами и справочнымъ указателемъ именъ и фамилій.

СОДЕРЖАНІЕ I ТОМА: Санитарная и хирургическая части въ арміи.—Гулевые полки.—Военная жизнь въ Кишиневѣ.—Канунъ и объявленіе войны.—Пребываніе Государя Императора въ Кишиневѣ.—Красный крестъ.—Болгарское ополченіе.—Занятіе Барбошскаго моста.—Дѣйствія въ Браиловѣ.—Отъ Унгеней до Плоештовъ.—Болгарское знамя.—Минныя загражденія.—Кавалерія на Дунаѣ.—Взрывъ турецкаго броненосца.—Пріѣздъ Государя Императора къ арміи.—Пребываніе Его въ Бухарестѣ и Плоештахъ.—Переправа у Галаца и занятіе Мачина.—Окончательныя загражденія Дуная.—Приготовленія къ главной переправѣ.—Переправа у Зимницы.—Дѣятельность врачей на переправѣ.—Пребываніе главныхъ квартиръ въ Зимницѣ.—Зимница и Систовъ.—Занятіе Тырнова.—Занятіе Сельви, Ловчи и Плевны.—Занятіе Шипкинскаго перевала.—Взятіе Никополя.—Первое сраженіе подъ Плевной.—Второе сраженіе подъ Плевной.—Выѣздъ главной квартиры изъ Тырнова.—Систово-зимницкая паника.—Дѣйствія забалканскаго отряда генерала Гурко.

СОДЕРЖАНІЕ II ТОМА: Главная квартира въ Чаушкѣ-Махалѣ.—Пріѣздъ Государя Императора въ Горный-Студень.—Битвы на Шибкѣ.—Подробности о битвахъ первыхъ трехъ дней на Шибкѣ.—Третья Плевна.—Подъ Плевной до пріѣзда генерала Тотлебена.—Дѣйствія кавалеріи за Видомъ.—Дѣйствія сельви-ловчинскихъ партизановъ.—Преступленія въ арміи.—День на Великокняжеской батареѣ.—Бой подъ Горнымъ-Дубнякомъ и Телишемъ.—Сдача Телиша и плѣнные въ Боготѣ.—Дальнѣйшія дѣйствія на путяхъ сообщеній Османа.—Взятіе перваго гребня Зеленыхъ горъ и жизнь въ траншеяхъ.—Взятіе Врацы.—Нижнедунайскій, рущукскій, еленинскій и шипкинскій отряды.—Подъ Плевной.—Дѣйствія отдѣльнаго западнаго отряда генерала Гурко.—Паденіе Плевны, бой за Видомъ 28-го ноября.—Сдача Османа.—Государь Императоръ въ Плевнѣ.—Османъ и плѣнные паши въ Боготѣ.—Отъѣздъ Государя Императора изъ арміи.—Переходъ черезъ Траянъ.—Въ долинѣ Розъ.—Отъ Карлова до Чирпана.—Переправа черезъ Марицу у Іени-Магале до Адріанополя.—Адріаноль.—Отъ Адріанополя до моря Эгейскаго.—Набѣгъ генерала Струкова.—Набѣгъ на Гюмурджину.—Миръ.—Свиданіе Великаго Князя съ Султаномъ. Прощальный смотръ Великаго Князя.

За два тома цѣна 6 рублей.

На пересылку прилагаются деньги по почтовому тарифу за пять фунтовъ и сверхъ того 20 к. за укупорку. Книгопродавцамъ дѣлается обычная уступка.

Лица, обращающіяся съ требованіями непосредственно въ складъ изданія, за пересылку и укупорку ничего не платятъ.

Складъ изданія въ конторѣ редакціи газеты „Правительственный Вѣстникъ", въ С.-Петербургѣ.

С. Г. Конфельдъ.

ГЛАВНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЗАВОДОВЪ Г. ПАУКША

въ **Ландсбергѣ** на Вартѣ (въ Германіи) и **Эшеръ Выссъ и К°** въ **Цюрихѣ** и **Лисдорфѣ** близъ **Вѣны** и **Равенсбургѣ** (Германія).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

БОЛЬШАЯ МОСКОВСКАЯ № 6.

принимаетъ доставку и становитъ на мѣсто съ ручательствомъ: **трубчатые паровики патента Паукша и Фрейндъ**, паровики другихъ конструкцій, желѣзныя дымовыя трубы, постоянныя и судовыя паровыя машины новѣйшихъ конструкцій, пароходовъ и инструментальныя машины, машины для писчебумажнаго производства и различные аппараты для онаго, водяныя колеса, турбины, насосы, трансмиссіи, устройства винокуренныхъ заводовъ, мукомольныхъ мельницъ, лѣсопильныхъ заводовъ, паровыхъ прачешныхъ, паровое отопленіе и т. д. Многочисленные отзывы о произведенныхъ устройствахъ всегда къ услугамъ желающихъ видѣть оные. № 126 3—3

ДЕГТЯРНЫЯ КАПСЮЛИ ИЗЪ ОЧИЩЕННАГО НОРВЕЖСКАГО ДЕГТЯ

ПРИГОТОВЛЕННЫЯ МОСКОВСКИМЪ АПТЕКАРЕМЪ **Я. ГИРШФЕЛЬДЪ.**

Несообразно дорогая цѣна извѣстныхъ французскихъ капсюлей Гюйо побудила меня заняться производствомъ ихъ и такъ какъ понятно въ приготовленіи этихъ капсюлей никакого секрета нѣтъ и онѣ кромѣ чистѣйшаго дегтя, ничего другого содержать не должны, то я, предлагая мои безукоризненно выработанныя капсюли

НА 40% ДЕШЕВЛЕ ФРАНЦУЗСКИХЪ.

разсчитывая на благоразумный взглядъ гг. врачей и публики, въ настоящемъ случаѣ не имѣющихъ уже никакого повода поддерживать заграничное производство русскими деньгами.

Цѣна стклянки въ 60 капсюлей 60 к. Мѣста продажи: всѣ аптеки и аптекарскіе магазины въ Россіи. Аптекарямъ и торговцамъ большая скидка; а требованія ихъ прошу адресовать въ главное Депо моихъ капсюлей въ запасномъ аптечномъ маг.

Р. КЁЛЕРЪ и К°, въ Москвѣ на Никольской.

Гг. иногородные розничные покупатели могутъ также обращаться въ мою Лубянскую аптеку, прилагая деньги на пересылку, соразмѣрно требованію.

10—8 *Я. ГИРШФЕЛЬДЪ.*

БУМАЖНЫЙ ЯСТРЕБЪ.

Дюжина **3 руб.**, упаковка **40 к.**, перес. за **8 фунтовъ**.

Иногородн. высылаются только дюжинами.

1 экз. съ подробн. наставлен, 40 к.

ВСЛѢДСТВІЕ ПОДДѢЛКИ

просимъ обращать вниманіе на напечат фирму: «Большой выборъ учебныхъ пособій игръ и занятій». № 178

6—3

ГИГРОМЕТРЪ

Патентованный

изобрѣтенный профессоромъ Клинкерфюсомъ приспособленный для предусмотрѣнія погоды.

Столовый гигрометръ	15 марокъ.	
Дорожный	» 20	»
Оконный	» 25	»
Стѣнной	» 30	»
Станціонный	» 30	»

У ВИЛЬГЕЛЬМА ЛАМБРЕХТА

въ Геттингенѣ (Германія).

№ 186 3—2

ГОСТИННИЦА

HOTEL D'ANGLETERRE

ВЪ БЕРЛИНѢ.

Давно извѣстное заведеніе, мѣстоположеніе отличное, самыя умѣренныя цѣны. № 125 20—7

въ **„MAGASIN ÉTRANGER"**

Иностранномъ магазинѣ, Б. Морс., д. № 30.

!!! ДЛЯ ЛѢТА !!!

самые легкіе мужскіе

КОСТЮМЫ

изъ коломинки, ц. 7 р., иногор. съ пересылкой 8 р. Легкіе пиджаки изъ люстрина ц. 6 р., иногор, съ перес. 7 р. Костюмы изъ самаго легкаго желтаго полотна, ц. 15 р., иногор. съ перес. 16 р. Мѣрка и юг.: ростъ, кругъ таліи и кругъ тѣла подъ мышкой.

самые легонькіе и красивые

!!! ФУРАЖКИ !!!

изъ альпага, небѣл. холста и димикатона, ц. 1 р., иногор. съ перес. 1 р. 25 к.

!!! НОВОСТЬ !!!

фуражка-шляпа, названная:

!!! «КАБУЛЪ» !!!

очень красиваго фасона, изъ небѣл полотна, самой новой моды, каждому къ лицу, ц. 2 р. 50 к., иногор. съ перес. 3 р.

!!! ДЛЯ КУПАНЬЯ !!!

дамскіе костюмы, готовые и на заказъ, ц. 15 р., иногор. съ перес. 16 р.

ТУФЛИ ПЛЕТЕНЫЕ

для купанья мужскіе, дамскіе и дѣтскіе, ц. 50 к. иногор. съ перес. 75 к.

ТУФЛИ

изъ кокосоваго шелка, очень удобные для дачъ, особенно въ сырые и свѣжіе вечера, ц. 3 р., иногор. съ пер. 3 р. 50 к.

АНТИ-МУСТИКЪ

(ANTI-MOUSTICAIRE)

газ. сѣтки отъ комаровъ, ц. 1 р., иног. съ перес. 1 р. 50 к.

!!! ХАМАКИ !!!

самая пріятная, самая покойная, для полнаго отдыха самая необходимая, а для наслажденія лѣтнимъ воздухомъ

!!! САМАЯ УДОБНАЯ ПОСТЕЛЬ !!!

висячая постель рекомендуется страдающимъ легкими. Цѣна хамака изъ небѣленой пеньковой бичевки, на которую не дѣйствуетъ сырая погода ц. 5 р., карманные въ футлярѣ и съ крючками 7 р., хамаки изъ самой крѣпкой бичевки 8 р., изящные изъ кокосоваго шелка 8 и 10 р. и побольше 12 р., съ бахромой 18 р. иногородн. прибавляютъ за перес. 1 р.

!!! НЕОБХОДИМОСТЬ !!!

особенно для дамъ и для особъ не сильнаго тѣлосложенія, маленькіе переносные коврики для ногъ, изъ кокосоваго шелка отъ вечерней сырости ц. 5 р. иногор. съ пересылк. 6 р.

ГИМНАСТИКА

для дѣтей; 4 шт. трапецъ, кольца, лѣстница и качели изъ кокосоваго шелка, цѣна 10 р. иногор. съ перес. 13 р.

ГИМНАСТИКА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ

изъ кокосоваго шелка и пеньковыхъ веревокъ отличной работы восемь штукъ ц. каждой 6 р., иногор. съ перес. 7 р. за 4 шт. перес. 2 р. за 8 шт. 3 р.

!!! РЫБОЛОВНЫЕ !!!

принадлежности въ громадномъ выборѣ, произведенія первѣйшихъ фабрикъ и мастерскихъ Англіи, самое лучшее, что только выдѣлывается. Подробности съ цѣнами въ «Нивѣ» № 11-мъ.

ЛѢТНІЕ ЗОНТИКИ

«Promenade» съ длинными палками изъ желтаго кембрика ц. 2 р., на подкладкѣ 2 р. 50 к., изъ альпага 3 р. 50 к. и небѣленаго шелка 6 р. иног. за перес. 1 р.

ЗОНТИКИ

мужскіе свѣтлые изъ небѣленаго шелку ц. 6 р. иногор. съ перес. 7 р

ВѢЕРА

изъ дерева „ирисъ" имѣющіе нѣжный и пріятный запахъ фіалки. Запахъ этотъ никогда не теряется, ц. 2 р. 50 к., рѣзные 6 р. иногородн. съ перес. 50 к. дороже.

!!! НОВОСТЬ СЕЗОНА !!!

Вѣера, отдѣланные какъ изъ листьевъ въ разныхъ неопредѣленныхъ цвѣтахъ, цѣна 2 р. 50 к., изящной отдѣлки съ пушкомъ 6 р. 50 к., иногор за перес. 50 к. **Вѣера** пальмовый листъ самый легкій и удобный вѣеръ-не складной, съ отдѣлкой 50 к. иног. съ перес. 1 р., простые ц. 10 к. иног. съ перес. за 3 штуки 1 р.

!! НОВОСТЬ !!

булавки для шарфовъ, головка собачка мордашки или бульдога ц. 75 к. иногор. съ перес. 1 р.

Адресовать: въ «MAGASIN ÉTRANGER» Иностранный магазинъ, въ Большой Морской, домъ № 30, въ С.-Петербургѣ.

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П.Б. Б. Морск. д, № 9.

МИЛЬТОНЪ

ПОТЕРЯННЫЙ и ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

Съ картинами **ГУСТАВА ДОРЭ.**

Пер. **А. Шульговской.** ИЗДАНІЕ IN FOLIO. съ подстрочнымъ Англійск. текстомъ.

ЦѢНА:
въ прост. кал. перепл. 25 р.
съ пер. въ ящикѣ . 30 р.
въ красив. пол-шагр. п. съ зол. обр. въ футлярѣ . 30 р.
съ пер. въ ящикѣ . 35 р.

Изданіе *классическихъ авторовъ* въ роскошномъ видѣ есть дань уваженія къ ихъ безсмертнымъ именамъ. Такая роскошно изданная книга, служа украшеніемъ салона, постоянно возобновляетъ въ памяти прекрасные, неутратившіе своей прелести въ теченіи вѣковъ страницы.

Предпринимая это изданіе, издатель не жалѣлъ ни труда ни времени, чтобы придать знаменитому творенію *Мильтона*, соединенному съ превосходными рисунками Густава Доре, то изящество и роскошь, какую имѣютъ подобныя изданія за границей.

Цѣна этого изданія, по сравненію съ подобными роскошными, заграничными изданіями, очень дешева.

Для **подарковъ** это изданіе, по своему *красивому* и очень *богатому переплету*, исполненному по рис. художн. *И. Панова*, будетъ весьма *удобно*.

„НИВА" иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія.

Каждый годъ „НИВЫ" заключаетъ въ себѣ 20—25 повѣстей, нѣсколько большихъ романовъ, до 200 статей по всѣмъ отраслямъ наукъ, исскуствъ, современной жизни и пр., и отъ **300** до **900** рисунковъ. Помѣщенныя въ каждомъ томѣ повѣсти въ отдѣльной продажѣ стоили бы болѣе **20** руб. Каждый покупатель тома „НИВЫ" за прошлые годы, имѣетъ право на полученіе всѣхъ къ нимъ приложенныхъ безплатныхъ премій. Такъ покупатель „НИВЫ" **1875 г.** получаетъ два большихъ эстампа; 1) **СМЕРТЬ ЮЛІЯ ЦЕЗАРЯ,** картина профес. **Пилоти;** 2) **МАДОНА СЕВИЛЬСКАЯ,** картина **Мурильо;** покупатель „НИВЫ" **1876** г.—большую олеографію **СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА,** рис. **Е. Велэ,** печат. красками въ 20 тоновъ. Картина эта по исполненію весьма близка къ оригиналу. Покупатель „НИВЫ" **1877** г. получаетъ: 1) **СЕМЬЯ РЫБАКА,** сцена изъ жизни у Неаполитанскаго залива, картина **Ф. Келлера** и 2) **ТАРАНТЕЛЛА,** картина его-же. Покупатель „НИВЫ" **1878** г. получаетъ 2 печат. красками картины 1) **БОЯРИНЪ БОРИСЪ ГОДУНОВЪ и КУДЕСНИКИ,** предсказывающіе ему царствованіе. 1) **ЦАРЬ БОРИСЪ и ЕГО ДѢТИ, ѲЕОДОРЪ и КСЕНІЯ,** картины **А. Кившенко.** Покупатель „НИВЫ" **1879 г.** получаетъ 2 печат. красками картины 1) **ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ въ МАЛОРОССІЙСКОЙ ДЕРЕВНѢ** и 2) **МИНИНЪ на КРЕМЛЕВСКОЙ ПЛОЩАДИ, въ НИЖНЕМЪ НОВГОРОДѢ,** призывающій народъ къ пожертвованіямъ на государственныя нужды, картины профес. **К. Е. Маковскаго.** Эти двѣ картины **К. Е. Маковскаго** по превосходному исполненію превосходятъ всѣ до сихъ поръ выданныя нами преміи Всѣ картины высылаются покупателямъ „НИВЫ" хорошо упакованныя, на деревянной скалкѣ **совершенно безплатно.**

ЦѢНА КАЖДАГО ТОМА «НИВЫ».				
Годъ.	Брошюрованнаго.	Въ простомъ переплетѣ.	Въ каленк. переп. съ золот. тиснен.	За пересылку.
1870	6 руб.	6 р. 75 к.	7 р. 50 к.	1 руб.
1871	4 руб.	4 р. 75 к.	5 р. 50 к.	1 руб.
1872	4 руб.	4 р. 75 к.	5 р. 50 к.	1 руб.
1873	5 руб.	5 р. 75 к.	6 р. 50 к.	1 руб.
1874	5 руб.	5 р. 75 к.	6 р. 50 к.	1 руб.
1875	4 руб.	4 р. 75 к.	5 р. 50 к.	1 р. 50 к.
1876	4 руб.	4 р. 75 к.	5 р. 50 к.	1 р. 50 к.
1877	5 руб.	5 р. 75 к.	6 р. 50 к.	1 р. 50 к.
1878	4 руб.	4 р. 75 к.	5 р. 50 к.	1 р. 50 к.
1879	4 руб.	4 р. 75 к.	5 р. 50 к.	1 р. 50 к.

Пріобрѣтающіе „НИВУ" за пять лѣтъ **1875, 1876, 1877, 1878** и **1879** разомъ получаютъ **25%** уступки (но только съ книгъ, а не съ переплета или пересылки), такъ что эти пять томовъ будутъ стоить съ перес. брошюров. **15** р. съ перес. **22 р. 50 к.** (вмѣсто **27 р. 50 к.**), а въ простомъ перепл. **18 р. 75 к.** съ перес. **26 р. 25 к.** (вмѣсто **31 р. 25 к.**) и въ коленк. перепл. **22 р. 50 к.** съ перес. **30 р.** (вмѣсто **35 р.**). Эта коллекція (пять томовъ **1875, 1876, 1877, 1878** и **1879**) составляетъ весьма не дорогой и великолѣпный **подарокъ для елки.** Для библіотекъ, учебныхъ заведеній, институтовъ, пріютовъ и проч. желающихъ пріобрѣсти **всѣ десять томовъ „НИВЫ" 1870—1879 г.** дѣлается также значительная уступка, т. е. брошюров. **34** р. съ перес. **46 р. 50 к.** (вмѣсто **56 р. 50 к.**), въ простомъ перепл. **41 р. 50 к.** съ перес. **54 р.** (вмѣсто **64 р.**), въ каленк. перепл. **49** р. съ перес. **61 р. 50 к.** (вмѣсто **71 р. 50 к.**). — Для желающихъ пріобрѣсти отдѣльно томъ „НИВЫ", цѣна означена въ вышепомѣщенной таблицѣ.

Изданія А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.

Большая Морская, д. № 9.

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть **Н. Н. Каразина, съ 39 рисун. автора. Изданіе 2-е.** Повѣсть эта яркими красками рисуетъ жизнь Туркестанскаго края; достоинства ея достаточно доказываются уже тѣмъ, что первое изданіе было распродано, въ короткое время и что она переведена на нѣмецкій, французскій и англійскій языки. Цѣна 2 р. съ перес. 2 р. 30 к. подписчики „Нивы" за перес. не платятъ.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ, историч. повѣсть **Вс. С. Соловьева.** Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи и въ развитіи своемъ представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ **20 рисунками** художника **И. С. Панова.** Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 руб. 30 коп., для подписчиковъ „Нивы" 1 р. 80 к. съ перес. 2 р.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ, романъ въ двухъ част. **Н. Каразина съ 20 рисунками автора,** печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ знакомитъ читателя съ Туркестанскимъ краемъ и переведенъ на нѣм. и англійс. языки, что достаточно говорить въ его пользу. Ц. 2 руб. съ перес. 2 р. 30 к. Для подписч. „Нивы" 1 р. 80 к. съ пересылкой 2 руб.

МОСКВА И ТВЕРЬ, историч. повѣсть **В. И. Кельсіева,** съ рисуп. **Панова.** Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.; для подписч. „Нивы" 1 р. 30 к. съ перес. 1 р. 50 к.

ПРИ ПЕТРѢ, историч. повѣсть **В. И. Кельсіева** съ рисунками **Панова** и **Коверзнева.** Эта интересная повѣсть изображаетъ Петровское время на Руси. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к., для подписч. „Нивы" 75 к. съ перес. 1 руб.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Всеволода Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ"), 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к. съ пер. 1 р. 50 к. для подписч. „Нивы" 75 к. съ перес. 1 руб.

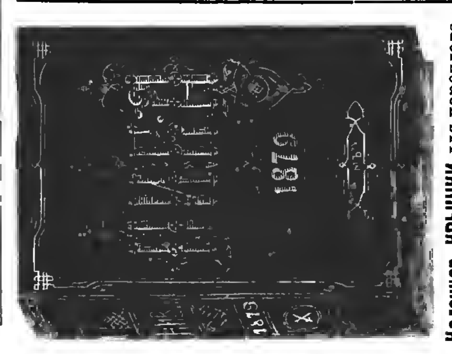
БОГЪ ВЪ ПОМОЩЬ!.. Романъ **Э. Вернера.** Перев. съ нѣм. Цѣна 1 р. съ пересылкой 1 руб. 25 коп., для подписчиковъ „Нивы" 75 к, съ пересылкой 1 руб.

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА, Романъ **Шпильгагена,** Съ портретомъ и біографіею автора, Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписч. „Нивы" 80 к. съ перес. 1 р.

СЕМЬЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВЪ. Историч. повѣсть времени Екатерины II. **П. Петрова** и **В. Клюшникова.** Ц. 1 р. для подписч. „Нивы" 75 коп., съ перес. 1 руб.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Романъ **Марлитта.** Перев. съ нѣмецкаго. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкой 1 руб. 75 коп. для подписч. „Нивы" 1 руб. 25 коп. съ перес. 1 руб. 50 коп.

КУМЫСЪ, его физіологическое и терапевтическое дѣйствіе. Доктора **Штальберга.** Цѣна 60 коп., съ пересылкою 75 коп.

Каленкор. КРЫШКИ для переплета „НИВЫ". Съ золот. тисн. 1879 и также 1880 гг. по вышепоказанному образцу 1 руб., съ пересылкою 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплесть „НИВУ" въ такую каленкоровую крышку.

Также имѣются крышки для „**Нивы**" прежнихъ лѣтъ, т. е. отъ 1870 по 1878 годъ по той же цѣнѣ.

Дозволено цензурою 12 Декабря 1879 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** Въ СПБ. Больш. Морская, № 9. Тип. **В. Веллинга, Англійскій пр., № 10.**